

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ С.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ С

1905

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1905

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1905 г.

	СТРАН.
I. Смертный грѣхъ. Повѣсть. XXVI—XXX. (Продолженіе). Графа Е. А. Саласа	5
II. Изъ прошлаго. Глава вторая. V—XI. (Продолженіе). П. П. Гяндича	27
III. Сказки жизни. (Изъ жизни московскаго купечества). Отецъ и дочь. Ек. I. Уманецъ	54
IV. Изъ воспоминаній оренбургскаго старожила. П. П. Жакмона . .	71
V. Изъ записокъ дьякона Иванова. Сообщилъ А. А. Алфеевъ . . .	89
VI. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. VI—VIII. (Продолженіе). Н. И. Фалѣева	103
VII. Н. И. Костомаровъ въ ссылкѣ. П. Л. Юдина	136
Иллюстрація: Домъ, бывшій Прудентова, въ Саратовѣ, гдѣ жилъ Н. И. Костомаровъ.	
VIII. Курьезы крѣпостного времени. (Изъ записной книжки). П. П. Мочульскаго	154
IX. Къ биографіи композитора Алябѣева. Сообщилъ А. В. Безродный.	166
X. Воспоминанія княгини Радзивилль. I—III. В. А. Тимирязева . .	171
XI. Дуэль Пушкина съ Дантесомъ. Гл. II. П. Е. Щеголева	196
XII. Годы смуты и борьбы. Историческія параллели. Гл. II. Б. Б. Глинскаго	212
Иллюстрація: Факсимиле акта, разорваннаго императрицей Анной Ивановной 20-го августа 1730 года.	
XIII. Въ защиту убѣжища имени А. С. Пушкина въ Одессѣ. Ф. И. Мирониченко	244
XIV. Иностранцы о Россіи. В. Т.	252
XV. Въ царствѣ Монтезумы. I—III. Г. А. Деволлана	285
Иллюстраціи: 1) Мексиканскій наѣздникъ. — 2) Европейская дама и двѣ индианки. — 3) Какъ добывается пулъке. — 4) Барельефъ, изображающій пытку Гуатемоза. — 5) Начало улицы Санъ-Франциско. — 6) Мексиканскіе рабчиче-восильщики. — 7) Календарный камень. — 8) и 9) Музей.	
XVI. Критика и библиографія	308
1) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Варсукова. Книга девятнадцатая. Спб. 1905. Б. Глинскаго. — 2) Профессоръ И. Х. Озеровъ. Экономическая Россія и ея финансовая политика на исходѣ XIX и въ началѣ XX вѣка. Съ 72-мя диаграммами. Изданіе Горшкова. М. 1905. Бега. — 3) Сигизмундъ Либровичъ. Петръ Великій и женщины. Спб. 1905. А. Фаресова. — 4) Въ защиту слова. Сборникъ. Спб. 1905. Я. Ав—ва. — 5) А. К. Вороздинъ. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ II, выпускъ I. Спб. 1905. Ал. Сл. — 6) Третій Римъ. Повѣсть К. А. Калитина. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905. Б. Г.—7) Анатолій Александровъ. Объ основныхъ мотивахъ, возрѣваніяхъ и идеалахъ въ произведеніяхъ русской словесности. (Автовая рѣчь въ Рижской Ломоносовской женской гимназій). Рига. 1905. Алд—ра Сл.—8) Le Chevalier Barberint chez le Tsar Ivan le Terrible, par N. Tcharykow.	
(Смъ слѣд. стран.).	

Société d'histoire diplomatique. Paris. 1904. Берг.—9) И. Абрамовъ. «Царь Максимилианъ». Святочная комедія. Спб. 1904. А. Я.—10) А. С. Парамоновъ. О законодательствѣ Анны Иоанновны. Опыт систематическаго изложенія. Спб. 1904. М. Л.—11) Живая Старина. Периодическое изданіе отдѣленія этнографіи императорскаго Русскаго географическаго общества. Подъ редакцію В. И. Ламянскаго. Годъ XIV. Выпуски I и II. Спб. 1905. П. Д.—12) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ тридцать четвертый. Тифлисъ. 1904. П. Д.—13) Кавказъ. Рача, Горійскій уездъ, горы Осетія, Пшаветія, Хевсуретія и Сванетія. «Путевыя замѣтки» графини Уваровой. Часть III. Москва. 1904. А. хаханова.—14) Фюстель де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Переводъ подъ редакціей профессора И. М. Гревса. Т. II. Германское вторженіе и конецъ имперіи. (Научно-историческая бібліотека). Спб. 1904. N. N.—15) Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка. Перевелъ М. П. Литвиновъ. Томъ III. Съ 73-мя иллюстраціями. Спб. 1904. Е. М. В.—16) Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Составила Т. Богдановичъ. Съ многочисленными (?) иллюстраціями и приложеніемъ текста японской конституціи. Спб. 1905. А. Я.—17) Архимандритъ Месропъ теръ-Мовсесянъ. Раскопки развалинъ церкви св. Григорія близъ Эчмиадзина. Спб. 1904. И. Александрова.—18) Michał Rawicz-Witalowski. Kłodawa i jej okolice pod względem historyczno-ludoznawczym. W. 1904. Г. А. Воробьева.—19) К. Г. Воблый. Основы марксизма и берштейнианства. Варшава. 1904. N. N.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 337

1) Маркграфиня Матильда Тосканская.—2) Эпизоды новеллъ Боккачіо.—3) Легендарный и настоящій Вернардень де Сенъ-Пьеръ.—4) Соціалисты въ Европѣ.—5) Берлинское посольство Андру Вайта.—6) За кулисами турецкаго двора.—7) Смерть Марселя Шюба, Эжена Гильома и Жюля Верна.

XVIII. Смѣсь 364

1) Спасокаменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ.—2) Археологическое общество.—3) Общество любителей древней письменности.—4) Общество любителей естествознанія.—5) Предстояція изданія петербургскаго дворянства.

XIX. Некрологи 372

1) Анучинъ, Е. Н.—2) Боткинъ, Ф. В.—3) Громбчевскій, В. Д.—4) Гулевичъ, М. В.—5) Карышевъ, Н. А.—6) Нечаевъ, Н. А.—7) Опатовичъ, М. I.—8) Пothлицынъ, А. Л.—9) Савицкій, К. А.—10) Ходинъ, А. В.—11) Флоровскій, С. Н.

XX. Замѣтки и поправки 380

1) Легенда объ уходѣ мощей. м. и. Успенскаго.—2) Къ статьѣ «Первые шаги». Е. Польмова.

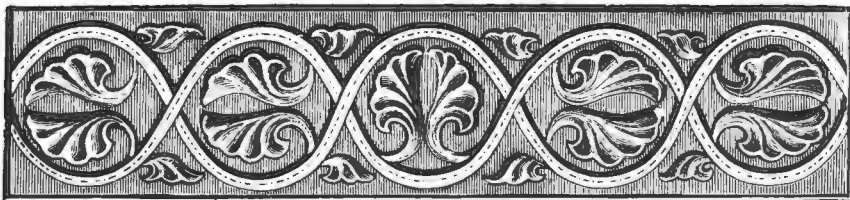
XXI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Портретъ Николая Ивановича Костомарова.—2) Посланица короля-солнца (Marie Petit). Историческій романъ. Лео Кларети. (Переводъ съ французскаго). (Продолженіе). VII—IX.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ.

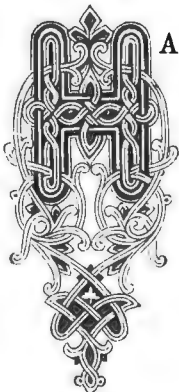
ДОВВ. ЦЕНЗ. 21 МАРТА 1905 Г. СПБ.

СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ ¹⁾.

Повѣсть.

—
XXVI.

А УТРО въ домѣ была смута.

Ларинъ, Андрей и Ишимова сходили съ ума, и никому изъ нихъ не приходило на умъ, что Маряша просто уѣхала къ матери. А тогда что же?!

Андрей и Софья Алексѣевна ничего не понимали и были въ полномъ оцѣпенѣннн отъ ужаса. Ларинъ понималъ причину происшествія, но не зналъ то же, что именно случилось... на что рѣшилась дѣвушка.

Волковъ сразу убѣдился, что молчать нельзя. Изъ жалости нельзя было медлить, такъ какъ, повидимому, господа были близки къ помѣшательству.

Старикъ собрался тотчасъ сказать всю правду, не смотря на свою божбу Маряшѣ.

Но въ то время, когда Волковъ уже собрался итти къ Ларину все объяснить и сознаться въ своемъ участіи и помощи, во дворѣ появился мужикъ сосѣдней деревни и приказалъ доложить барину, что онъ къ нему «съ посыломъ».

— Отъ кого?—спросили люди.

— Отъ барышни вашинской. Она проѣзжала у насъ на зорькѣ и меня послала сюда въ Ларинское сказать, что ѣдетъ въ монастырь.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 771.

То же самое повторилъ мужикъ и самому Ларину.

Послѣ смуты и отчаянія безумная радость охватила всѣхъ, отъ господъ до дворовыхъ.

Но вскорѣ же радость Алексѣя Андреевича смѣнилась снова, если не тревогой и отчаяніемъ, то суровостью и видимо сдерживаемымъ гнѣвомъ.

Ишимова и Андрей радовались, но недоумѣвали и спрашивали:

— Зачѣмъ? Вдругъ? И не сказавшись? На телѣгѣ? Тайкомъ, ночью?..

Съ тѣмъ же недоумѣніемъ обращались они и къ Ларину.

Онъ не стерпѣлъ и наконецъ объяснилъ:

— У насъ вышла ссора. Я погорячился. Маряша тоже озлобилась на меня. И вотъ сдуру и со зла учинила побѣгъ. Напугала зря всѣхъ на смерть... Но все же я скажу, что такъ поступать нельзя. Я не позволю никому такъ со мной обращаться. Я все-таки баринъ.

При этомъ Ларинъ, блѣдный отъ волненія или гнѣва, дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Не позволишь? Баринъ ты?... изумилась Ишимова.—Что ты, Алеша, спятилъ что ли?

— Молчи! Ты дура, шалая ты!...—вскрикнулъ вдругъ Ларинъ и бросился изъ комнаты вонъ.

— Что съ нимъ? Что такое?—вымолвила вдова, совершенно пораженная.

Андрей ничего не отвѣтилъ. Бѣгство сестры объяснило ему, въ чемъ заключалась ссора между нею и Ларинымъ. Она всегда говорила брату, что въ случаѣ бѣды убѣжить къ матери.

Алексѣй Андреевичъ, уйдя, почти убѣжавъ къ себѣ, заперся на ключъ, чтобы избавить себя отъ возможности новаго объясненія съ двоюродной сестрой или съ Андреемъ. И весь день не показался онъ.

Онъ боролся самъ съ собой, со своимъ гнѣвомъ, который охватилъ его при извѣстїи, что Маряша такъ рѣшительно поступила и самовольно уѣхала.

— Самовольство!—подумалъ онъ, потомъ сказалъ вслухъ, а затѣмъ продолжалъ теперь повторять безъ конца и мысленно и вслухъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боролся со стыдомъ, который тоже обуялъ его, какъ бы какой внезапный страхъ, которому причины нѣтъ, а побороть который нельзя.

Причина стыда, конечно, была, но онъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ передъ собой.

Стыдъ предъ дѣвушкой, которой пришлось бѣжать и спасаться, стыдъ и предъ Ишимовой съ Андреемъ, которые вскорѣ узнаютъ, какъ вздумалъ онъ вдругъ поступить съ Маряшей.

А гнѣвъ, необузданный, бурный, страстный, покрывалъ этотъ стыдъ.

— Какъ посмѣла она самовольно бѣжать? Вѣдь она моя крѣпостная предъ закономъ?—мысленно воскликнулъ Ларинъ, но тотчасъ выговорилъ въ отвѣтъ себѣ:

— Должно быть, ты и впрямь ума рѣшился.

И весь день просидѣлъ у себя Ларинъ, бѣсясь, стихая по временамъ и снова разгораясь.

Въ его нравственномъ состояніи было что-то болѣзненное, такъ какъ его гнѣвъ и злоба на любимую имъ дѣвушку были прямо странны и неестественны.

Или же избалованный матерью съ рожденья «баричъ», привыкшій, чтобы все творилось кругомъ по его прихоти, какъ «по щучьему велѣнію», теперь сказался въ немъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, потому что и прихоть была крупнѣе.

Ларинъ не вышелъ ни обѣдать, ни ужинать, приказавъ среди дня принести кой-что поѣсть къ себѣ въ кабинетъ.

Софья Алексѣевна и Андрей сѣли за столъ одни, продолжая недоумѣвать и ожидая, что будетъ дальше.

Однако, сидя у себя взаперти, Ларинъ приказалъ своему камердинеру Павлу дѣятельно заняться «сыскомъ» и узнать, какъ бѣжала Маряша, во всѣхъ подробностяхъ.

На другое утро Павелъ доложилъ, что Маремьяна Андреевна уѣхала около полуночи, пройдя садъ пѣшкомъ, и доѣхала на крестьянской телѣгѣ. Мужикъ, отвозившій ее, уже вернулся обратно, но, вѣроятно, «обученъ» ею, такъ какъ отлыниваетъ и ничего не говорить.

Ларинъ снова вспыхнулъ.

— Сюда его! Тащи сюда!—вскрикнулъ онъ.—Онъ у меня заговорить.

Видъ барина заставилъ Павла броситься со всѣхъ ногъ исполнять приказаніе.

Черезъ полчаса барину доложили, что мужика Сидорку привели съ деревни, и онъ ждетъ на дворѣ.

Ларинъ вскочилъ съ мѣста и пошелъ въ прихожую.

Когда старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ вошелъ съ крыльца въ прихожую, Ларинъ крикнулъ:

— Ты отвозилъ барышню въ пустынь?

Сидорка, не произнеся ни слова, повалился въ ноги.

— Говори. Не валяйся... Ты отвозилъ?

— Виноватъ, Алексѣй Андреевичъ.

— Тебя барышня сама выбрала и приказала себя везти?

— Самая она.

— Отчего она тебя выбрала? Ты безконный. Ты взялъ Никифорову лошаденку. Знала тебя Маремьяна Андреевна... близко, хорошо?

— Знала.

— Близко?

— Не могу знать.

— Говаривала съ тобой допрежде того?

— Говаривала.

— Когда? По какому случаю?

— А по этому самому... Я сказываль—дорогу знаю, а все-таки захочеть «онъ»—запутаетъ насъ, и будемъ плутать. А все же доѣхали, слава Богу.

Ларинъ сначала не поняль отвѣта, но, сообразивъ чрезъ мгновение, крикнулъ:

— Чурбанъ деревянный, идолъ! Не то я спрашиваю. Сама ба-рышня приказала тебѣ закладать, или другой кто отъ нея при-шелъ?

Сидорка видимо смутился и колебался. Онъ разѣваль ротъ, собирался что-то выговорить и молчалъ.

— Сказывай или сейчасъ!..—крикнулъ Ларинъ на весь домъ. И тотчасъ спросиль себя: «Что? сейчасъ? Что можно съ этимъ дуракомъ сдѣлать? Только велѣтъ пороть. Эка невидаль для него!»

— Сказывай: кто приходиль? кто приказываль?

— Кронидъ Захарычъ,—выговориль мужикъ черезъ силу.

— Кронидъ...—чуть не прошепталъ Алексѣй Андреевичъ отъ внезапнаго прилива гнѣва.

И наступила тишина въ прихожей.

— Хорошо. Ступай...

И, обернувшись къ людямъ, Алексѣй Андреевичъ прибавиль, задыхаясь:

— Позвать Кронида сюда. Да двухъ конюховъ... розогъ...

Ларинъ прошелъ къ себѣ, а трое дворовыхъ людей бросились, почти шарахнулись, какъ отъ испуга, изъ передней во дворъ.

— Сѣчь! Кронида Захарыча?! Его за всю жисть не сѣкали. Самъ старый баринъ пальцемъ никогда не тронулъ,—не говорили, а мысленно восклицали дворовые.

Удивительная вѣсть быстро распространилась по дому.

Андрей, узнавъ одинъ изъ первыхъ, взволновался и бросился къ Ишимовой, прося со слезами на глазахъ заступиться.

— Еще бы! Да и вѣрить не хочу... Сейчасъ, сейчасъ!—воскликнула она.

И Софья Алексѣевна быстро и рѣшительно отправилась въ кабинетъ Ларина. Войдя, она остановилась среди комнаты, скрестила руки на груди и выговорила отчасти рѣзко.

— Алеша, что ты чудишь? Что съ тобой? Вѣдь и понять нельзя ничего. Злишься, что Маряша, не сказавшись, уѣхала? Она не ма-хонькая. Стало быть, такъ нужно было. На что же тутъ злиться? Ну, что же ты молчишь? Подари словечкомъ.

— Не мѣшайся не въ свое дѣло, — глухо произнесъ Ларинъ. — Не учи другихъ, а прежде сама обучись.

— Ты, говорятъ, хочешь Кронида Захарыча наказывать со зла за то, что онъ добылъ телѣгу. Правда это или наврали?

— Не твое это дѣло. Слышишь?

— Не мое? Конечно, не мое, но когда люди, белены объѣвшись, швыряются, такъ ихъ связываютъ... А промежъ насъ, дворянъ, словами уговариваютъ. А вѣдь ты беленный. Говори мнѣ, правда ли, что пошли за Волковымъ, и что ты его сѣчь собрался?

— Запорю, а не то, что сѣчь буду. Запорю...—вскрикнулъ Ларинъ, наступая на вдовушку. — А кто путаться въ мои дѣла будетъ, тоже розогъ отвѣдаетъ.

— Что? что? что?..—произнесла Ишимова изумленная.

— То! то! то!—прокричалъ Алексѣй Андреевичъ.

— Ты это про меня?.. Да что же ты? Очумѣлъ совсѣмъ? Или ты всегда дуракъ былъ, да умнымъ прикидывался?

— Уходи, уходи! Не доводи меня до бѣды, до срама...

— Нѣтъ, не уйду просто, Алексѣй Андреевичъ Ларинъ,—дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ произнесла Ишимова. — Не уйду, а уѣду. И никогда больше сюда не приѣду.

— И хорошее дѣло...

— Ни я, ни Андрей ноги къ тебѣ не поставимъ никогда.

— Андрей? Это еще что!.. Андрей мой крѣпостной.

— Вотъ какъ? Стало быть, и это у тебя со зла изъ головы выскочило?.. Андрей Пашинъ вольноотпускной, а не крѣпостной.

Ларинъ дѣйствительно отъ всего совершившагося забылъ про подписанную наканунѣ бумагу. Онъ вспомнилъ, махнулъ рукой, повернулся спиной къ двоюродной сестрѣ и вышелъ въ двери спальни.

— Беленной! беленной! — крикнула ему въ догонку молодая женщина.

Она вернулась къ себѣ взволнованная, со слезами гнѣва на глазахъ и на вопросъ Андрея выговорила пылко:

— Собирайся. Уѣзжаемъ мы. Онъ рехнулся. И ноги нашей здѣсь не будетъ, покуда онъ не попроситъ прощенія.

XXVII.

Едва только Ишимова вышла отъ Ларина, какъ къ нему явился камердинеръ Павелъ и доложилъ, что старикъ Зиновеи проситъ его повидать.

— Не время. Пускай придетъ въ другой день,—рѣзко отозвался Алексѣй Андреевичъ.

Павелъ вышелъ, но вскорѣ снова вернулся и слегка рѣзко заявилъ:

— Зиновей Зиновеичъ очень просить. Говорить, Христа ради допустите. Говорить, безотлагательное дѣло до васъ. Потомъ, говорить, поздно будетъ.

Ларинъ вспыхнулъ снова.

— Гони его вонъ! Сговорились что ли сегодня всѣ?.. Гони!..

Павель поглядѣлъ смѣло барину въ лицо и скорчилъ недовольную рожу. Будучи любимцемъ Ларина, онъ позволялъ себѣ многое, а недовольство свое бариномъ высказывалъ иногда, не стѣняясь.

— Убирайся!—вскрикнулъ Ларинъ, видя, что лакей собирается ослушаться.

— Ваша воля... Вы разгнѣваны. Оно точно... Да при чемъ же тутъ Зиновей Зиновеичъ? Не его вина. А дѣло его изъ-за этого пропадай.

— Да какое дѣло?

— Не знаю... Говорить: безъ отлагательства нужно мнѣ видѣть Алексѣя Андреевича. Богомъ просить.

— Ахъ, мучители, черти!—вскрикнулъ Ларинъ.—Ну, зови!

Черезъ минуты двѣ рослый и красивый старикъ былъ въ кабинетѣ и, какъ всегда, поклонившись прежде всего съ порога въ поясъ, шагнулъ впередъ, чтобы поцѣловать ручку барина.

— Ладно, ладно. Не надо. Говори, что тебѣ?—нетерпѣливо произнесъ Ларинъ и махнулъ рукой, какъ бы отстраняясь.

— Къ вамъ, Алексѣй Андреевичъ.

— Вижу. Глупая повадка—всегда этакъ начинать. Вижу. Что тебѣ?

— Было дѣло, свое дѣло. А, придя сюда, я мое дѣло отложилъ и приду съ нимъ опосля. Оно не спѣшное. А напелъ я здѣсь чужое дѣло, спѣшное. И вотъ съ нимъ къ вамъ.

— Ни чорта не понимаю. Говори толкомъ. Чего тебѣ?

— Вы изволите собираться наказывать Кронида Захарыча? Мнѣ сейчасъ здѣсь это сказали.

— Ну?!—удивился Ларинъ.

— Не извольте этого дѣлать. Пораздумайте. Я вамъ это, я, Зиновей вашъ старый, говорю. Кронида Захарыча ни вашъ родитель, ни дѣдушка ни разу не трогали. Пораздумайте...

— Да какъ ты смѣешь, старый хрычъ, со мной такія рѣчи вести?—вскрикнулъ Ларинъ.—Въ совѣтчика себя поставилъ! Вонъ отсюда!

— Алексѣй Андреевичъ, дорогой, безцѣнный, послушайте меня, старика. Сами потомъ...—началъ старикъ.

— Вонъ! Или я тебя сейчасъ велю разложить подъ розги прежде Кронида. Слышишь! Вонъ!

Старикъ пощипъ головой, но не двигался. Ларинъ порывисто подошелъ къ Зиновею, взялъ его за плечо и, повернувъ къ дверямъ, вытолкнулъ кулакомъ въ шею.

Старикъ, очутившись въ другой комнатѣ, едва сдержался на ногахъ отъ сильнаго толчка. Лицо его сразу измѣнилось отъ волненія.

— Кабы зналъ ты, что творишь! — слегка задохнувшись, шепнулъ онъ.

Затѣмъ Зиновой, поникнувъ головой, прошелъ всѣ комнаты и направился прямо къ Волкову.

Кронидъ Захарычъ былъ въ дверяхъ своей комнаты. Ему только что сказали, чтобы онъ по приказу барина собирался идти на конюшню. Завидя Зиновея, онъ угрюмо вымолвилъ:

— Чего это? Пришелъ радоваться что ли?

— Богъ съ тобой, Кронидъ Захарычъ! — съ чувствомъ произнесъ Зиновой. — Я со своимъ дѣломъ къ барину пришелъ, а узнавъ, что приключилось, пошелъ къ нему не о своемъ, а о твоёмъ дѣлѣ, слово сказать.

— О моемъ?..

— Да, объ этомъ вотъ... о его затѣѣ тебя на старости лѣтъ обижать такъ, какъ никогда съ тобой не бывало.

— Объ этомъ барину докладывалъ? ты?..

— Да. И ничего не добился. Въ шею получилъ. Злобенъ онъ, какъ рѣдко бывалъ. Что дѣлать! Покорися.

— Да я и такъ... Что же? Господская его воля, — заговорилъ Волковъ отчасти грустнымъ голосомъ. — На то мы и холопы у господъ, чтобы насъ учить... Но за что? Вотъ что, Зиновой Зиновеичъ. За что учить? Ты знаешь, что я тремъ господамъ баринамъ служилъ и николи ни въ чемъ не провинился. Андрей Петровичъ меня разъ было, знаешь, обнималъ и цѣловалъ. Не на Свѣтлый праздникъ христосовался. Петръ Петровичъ меня съ собой около своей постельки сажалъ и въ карты играть обучалъ... Алексѣя Андреевича самого я, знаешь, небось, помнишь хорошо, и изъ пруда вытащилъ, куда другіе всѣ кричали да швырялись.

— Помню, знаю, знаю! — воскликнулъ Зиновой, и слезы показались въ глазахъ старика. — Враждовали мы съ тобой всю жизнь, оттого я про это не говаривалъ тебѣ никогда. А вотъ тебѣ Богъ!.. Повѣришь ли, Кронидъ Захарычъ? И прежде и теперь вотъ... Теперь я всякій день на молитвѣ утренней и вечерней поминаю тебя за здравіе. Не будь тебя тогда, — Алеша... Алексѣй то-ись Андреевичъ, утопъ бы безпремѣнно. Барыня Екатерина Семеновна съ той поры мнѣ сотни разовъ говаривала: «не злобствуй, Зиновой, на Крониду, не враждуй. Онъ Алешеньку спасъ». Я и хотѣлъ всегда съ тобой на мировую пойти, на дружество даже шелъ. Да ты самъ, помни, всегда отъ меня отмахивался. И всегда у тебя злое слово было. Всегда сказывалъ: «Чего, молъ, разсахарился? Отойди. Намъ, молъ, съ тобой вовѣки не ужиться». Помнишь?

— Правда твоя, — тихо отозвался Волковъ. — Что дѣлать! Была такая причина, что я тебя страсть не долюбивалъ. Все мое нутро

изъ-за тебя переворачивалось. Что дѣлать! Дьявольскъ искушалъ меня или... или...

И Волковъ смолкъ, не зная, какъ выразиться, не зная, говорить ли объ этомъ прошломъ, давнишнемъ, темномъ, «кое и назвать-то не знаешь какъ»,—мысленно добавилъ онъ.

Но если бы Волковъ и собрался продолжать рѣчь, то не могъ бы, такъ какъ при его послѣднихъ словахъ Зиновой вдругъ двинулся и быстро выговорилъ:

— Ну, что старое помянуть?.. Все оное далече... А вотъ я къ тому пришелъ къ тебѣ, чтобы пояснить. Покорися, не обижайся, не злобися... Воля барская. А я просилъ за тебя... И самъ получилъ взашей, чего тоже, знаешь, николи отъ Алексѣя Андреевича не видывалъ. Да еще пригрозился онъ меня напередъ тебя разложить, что я не въ свое дѣло путаюсь.

— Тебя? Подъ розги? Ну, стало, что же толковать? Стало, онъ и впрямь совсѣмъ не въ себѣ...

И, будто рѣшивъ мудреный вопросъ или разъяснивъ загадку, Волковъ спокойно двинулся изъ своей комнаты.

— Куда?—спросилъ Зиновой, идя за нимъ.

— На конюшню, какъ всегда,—отвѣтилъ Волковъ.—Сначала сказывали ребята, что въ прихожей велѣно. И самъ баринъ придетъ. Нѣтъ, гдѣ тебѣ? Какъ парнишекъ, да бабъ, да пьяницъ, такъ и меня. Въ томъ же денникѣ, гдѣ сбруя вѣшается. Видно, дожилъ до того, что сравнялся со всякимъ щенкомъ, поваренкомъ.

Дѣйствительно послѣднее обстоятельство тоже немало повліяло обиднымъ образомъ на старика двороваго. Когда онъ узналъ, что баринъ, разгнѣвавшись, приказалъ его наказывать розгами, онъ встрепенулся нравственно. За всю его жизнь подобнаго съ нимъ не приключилось при трехъ баринахъ, которымъ онъ служилъ. Онъ былъ исключеніемъ среди дворни и, конечно, гордился тѣмъ, что избѣгъ наказанія смолоду и до шестидесяти лѣтъ. Не наказаніе самое было позоромъ, а отсутствіе его было доказательствомъ вѣрной службы, усердной и безупречной.

Когда Волковъ узналъ, что, судя по словамъ барина, велѣно принести розги въ прихожую, и что баринъ какъ бы желаетъ самъ присутствовать при наказаніи, старый холопъ понялъ и почувствовалъ, что все-таки его бѣда еще полъ-бѣды. Онъ все-таки исключеніе. Его не пошлютъ на конюшню, куда шли всѣ дворовые. Въ прихожей уже лѣтъ двадцать никого не наказывали. Самъ Волковъ смутно помнилъ, кого именно и за что при покойномъ баринѣ Андреѣ Петровичѣ высѣкли въ самомъ барскомъ домѣ.

Оказалось, что баринъ обмолвился или послѣ уже одумался и захотѣлъ сравнять его со всѣми другими холопами, приказавъ наказывать тамъ же, гдѣ наказывали всѣхъ, даже бабъ.

Когда Волковъ пришелъ на конюшню, кучера и конюха поснимали шапки, такъ какъ старикъ послѣ барина былъ первымъ ли-

цомъ въ Ларинскомъ. Андрей Андреевичъ и тотъ считался меньше Волкова.

— Здорово, братцы... тихо произнесъ старикъ.—Вотъ до чего дожилъ! Къ вамъ, подь розги...

— И какъ же это, Кронидъ Захарычъ, попритчилось?—почтительно спросилъ старшій кучеръ, уже тоже старикъ.

— Виновать... точно... Изъ-за Маремьяны Андреевны. Но, вѣстимо, простить могъ. Что жъ, его на то барская воля.

— Слѣдъ было простить... Баринъ воленъ и миловать. Безвинная это вина. Не ты, а барышня виновата!.. раздалися голоса нѣсколькихъ человекъ.

Волковъ вошелъ въ конюшню и двинулся къ тому большому деннику, гдѣ прежде когда-то стоялъ кровный рысакъ покойнаго Ларина, но гдѣ уже давно, какъ въ свободномъ мѣстѣ, вѣшали простую обиходную сбрую и вмѣстѣ съ тѣмъ наказывали провинившихся.

— Не обождаютъ ли, Кронидъ Захарычъ? Помѣшкать малость?—спросилъ одинъ конюхъ, рослый парень, на обязанности котораго лежало наказаніе.

Случалось не разъ, что виноватый уже въ конюшнѣ узнавалъ о прощеніи и помилованіи.

— Безпремѣнно надо помѣшкать,—заявили еще двое.

— Нѣтъ, не хочу,—твердо, но отчасти грустно выговорилъ Волковъ.—Дѣло не въ самой поркѣ. Вы же меня не заперете по злобѣ какой. Знаю, только побалуется. Одинъ видъ покажете. Дѣло въ барскомъ рѣшеніи. И прикажи онъ меня вотъ сейчасъ не трогать—я все-таки въ обидѣ останусь. Одна утѣха, что онъ баринъ мой, и его на все барская воля, коей намъ Богъ велитъ послушаніе безропотное оказывать.

Войдя въ денникъ, Волковъ снялъ нижнее платье и легъ на широкую лавку, стоявшую уже посрединѣ.

— Сколько указано?—спросилъ рослый парень, становясь на свое мѣсто съ длиннымъ пучкомъ въ рукѣ.

— Ничего не сказалъ сторяча,—отозвался Волковъ.—Клади два, а то три.

— Эвось! Вы еще скажи — поль-ста... отозвался старшій кучеръ.—Буде и одного десятка. Вѣдь одинъ это примѣръ!

— Да, одинъ примѣръ... сиповато проговорилъ вдругъ Волковъ.—А вотъ... вотъ буду поротый! Не былъ вотъ, а буду вотъ...

И слезы полились по лицу лежащаго старика.

Началось наказаніе и легкій свистъ легкихъ ударовъ.

Но старикъ плакалъ, и не отъ боли.

Ему чудилось, что его жизнь раскололась пополамъ. Была одна... а теперь пойдетъ другая.

— Барская воля, барская воля,—причиталъ онъ, будто утѣшая себя, но горькое чувство все усиливалось на сердцѣ.

Долго этотъ день былъ памятенъ и самому барину и крѣпостнымъ обывателямъ.

За однѣ сутки въ Ларинскомъ произошло столько неожиданнаго и важнаго, сколько не бывало за года. И все происшедшее было вызвано припадкомъ самовольства барскаго. Ларинъ былъ прямымъ виновникомъ всего, но зато на немъ все и отозвалось. Пылъ его скоро прошелъ, стихъ, но выраженіе дворовыхъ: «остыть-то—остылъ, а настряпанное-то нельзя разстряпать», переходило изъ устъ въ уста.

Для самого Ларина побѣгъ Маряши былъ уже не главнымъ происшествіемъ, даже былъ простымъ дѣломъ. Попросить у дѣвушки прощенье,—думалъ Ларинъ,—и она все забудетъ. Не разлюбить же она его за его дикое предложеніе въ пылу страсти, годами сдерживаемой, а затѣмъ нелѣпую угрозу, которая ее испугала и заставила спастись изъ дома.

Было нѣчто болѣе важное. Энергичная Соня оскорбилась сильнѣе, чѣмъ Маряша, хотя за пустяки, за рѣзкое слово. И такъ какъ двоюродная сестра была притка и быстра на дѣло такъ же, какъ и на слово, то послѣ неожиданной стычки съ Алексѣемъ Андреевичемъ она тотчасъ же исполнила то, что сказала въ минуту вспышки.

— У меня мое слово—одно, а не десятокъ,—говорила она часто, и теперь она доказала это.

Черезъ два часа послѣ стычки съ двоюроднымъ братомъ, котораго она любила, Ишимова уже съѣхала со двора усадьбы, взявъ съ собой молчавшаго, будто оробѣвшаго Андрея.

Чѣмъ кончится ссора съ сестрой,—Ларинъ не зналъ.

Наконецъ двѣ мелочи, два пустяка смущали Алексѣя Андреевича, вѣрнѣе, были страшно досадны ему... Онъ стыдился ихъ, раскаивался и дорого бы далъ, чтобъ все оказалось вдругъ сновидѣніемъ, а не явью.

Первое было наказаніе Волкова, котораго высѣкли на конюшнѣ. Высѣкли сравнительно легко. Но впечатлѣніе на дворню было такое, какъ если бы Кронидъ Захарыча заporоли на смерть. Въ лицѣ и въ глазахъ своего любимца Павла и въ лицахъ другихъ дворовыхъ людей Ларинъ видѣлъ или читалъ одно и то же странное и новое выраженіе: какое-то неприязненное недоумѣніе. Они рѣшили всѣ твердо, что баринъ поступилъ «неправедно», а онъ самъ чувствовалъ и зналъ, что поступилъ дурно, явнѣе, чѣмъ кто либо изъ нихъ.

Второе, что смущало, стыдило и неотступно преслѣдовало Алексѣя Андреевича, была мысль, что онъ поднялъ руку на старика Зиновья. Если бы ему прежде кто либо предсказалъ подобное, онъ не повѣрилъ бы. По счастью, про это никто не зналъ. Но самъ-то онъ, Зиновей, знаетъ.

И Ларинъ, оставшись вдругъ одинъ въ усадьбѣ, мучился раскаяніемъ.

XXVIII.

Яковъ Антоновичъ Мордвинъ, генераль и ветеранъ трехъ кампаній, одной еще при императрицѣ Елисаветѣ и двухъ уже въ царствованіе Екатерины, жилъ въ Москвѣ по мѣсту служенія, но собственно по роду служебныхъ занятій почти на покоѣ. Онъ былъ провіантмейстерскимъ товарищемъ.

Пожилой, а не старый, не годами, а видомъ и наружностью, Яковъ Антоновичъ былъ и остался холостякомъ, жилъ одинокій, но не сдѣлался брюзгой, сварливымъ и брюзжащимъ на всѣхъ и на все, въ особенности на молодежь и на новые порядки... Таковы были тѣ изъ его сверстниковъ; бывшихъ однополчанъ, которые тоже остались старыми холостяками, какъ онъ.

Генераль Мордвинъ напротивъ былъ бодрый, почти веселый старикъ и крайне добрый и снисходительный ко всѣмъ. Всякій генераль, по обычаю времени, считалъ долгомъ быть важнымъ, почти недоступнымъ, строгимъ судьей всего, что до него собственно не касалось, руководителемъ общественнаго мнѣнія, строгимъ рѣшителемъ дѣлъ и судебъ своей среды. Мордвинъ наоборотъ былъ простъ и ласковъ со всѣми безъ различія званія и положенія. Часто удивлялъ онъ своихъ братьевъ-дворянъ своимъ поведеніемъ со всякой мелкотой. Такое отношеніе къ людямъ-мелкотѣ стали называть новымъ словомъ, пришедшимъ изъ вновь присоединеннаго края: «панибратство».

Генераль обращался со всѣми «за панибрата», не боясь уронить свое званіе, значеніе и чинъ.

Зато же и любили въ Москвѣ Мордвина всѣ равно, всѣ, кто только его зналъ. А кто его не зналъ?

И вездѣ онъ былъ извѣстенъ, не какъ «генераль Мордвинъ», а какъ «Яковъ Антоновичъ».

Въ одномъ Гостиномъ дворѣ, не только въ дворянскомъ собраніи или на гуляньѣ «подъ Новинскимъ» Мордвину не было проходу отъ доброжелателей.

— Хоть куда не показывайся. Не наздравствуешься направо да налево. Разъ двѣсти-триста въ день скажешь: «Слава Богу. А вы какъ?» Бѣда!—шутить генераль.

Но въ сущности сердечный Яковъ Антоновичъ внутренно радовался и гордился всеобщей пріязнью и всеобщимъ уваженіемъ.

Имѣя достаточное состояніе и сравнительно большое жалованье, Мордвинъ, при своемъ скромномъ и простомъ образѣ жизни безъ всякихъ излишествъ, могъ тратить очень много на то, на что другіе тратили очень мало или совсѣмъ ничего не тратили: на милостыню.

У Мордвина, богомольнаго и набожнаго, бывавшаго всякій день въ церкви почти на всѣхъ службахъ, былъ особый обычай. Онъ

бывалъ въ своемъ приходѣ только по воскресеньямъ и изрѣдка по субботамъ у всенощной. А за недѣлю онъ ежедневно ходилъ по разнымъ московскимъ церквамъ, иногда очень далеко отъ своего дома, даже изрѣдка бывалъ въ храмахъ Замоскворѣчья.

И это дѣлалось не зря, не ради «праздношатанія», а съ цѣлью.

А цѣль заключалась въ томъ, чтобы раздавать милостыню на папертяхъ, всегда переполненныхъ нищими, блаженными и всякой голытьбой.

Жизнь Мордвина проходила однообразно и заурядно, одиночество дѣлало ее безцвѣтной, безрадостной, но онъ будто не видѣлъ, не сознавалъ этой пустоты духовной и оставался бодръ и радостенъ.

Только изрѣдка уныніе нападало на него, и являлся вопросъ: почему нѣтъ у него семьи? Теперь могли бы быть уже внуки. И грустное раздумье стараго холостяка кончалось всегда смѣшливымъ восклицаніемъ.

— Эка хватился! Надо было вчера объ этомъ подумать и завтра не откладывать. А теперь поздно. И завтракать уже нельзя.

Въ молодости Мордвинъ имѣлъ много друзей и близкихъ людей, но всѣ они съ теченіемъ времени какъ-то «разсыпались», по его выраженію, «мелкимъ бисеромъ». И теперь не оставалось никого. Единственные близкіе теперь были Ларинъ и Пашины.

Мордвинъ еще очень молодымъ человѣкомъ познакомился и подружился съ сверстникомъ Ларинымъ, и случайная встрѣча повела къ крѣпкой дружбѣ. Онъ сталъ часто прѣзжать къ Андрею Петровичу и гостить у него. На его глазахъ, какъ говорится, явилось и новое поколѣніе въ Ларинскомъ, родился «наслѣдникъ» Алексѣй, родились и побочныя дѣти Андрей и Маремьяна. Другъ Ларина сталъ другомъ и той, которая была душою Ларина. Яковъ Антоновичъ, будучи въ хорошихъ, благопріятельскихъ отношеніяхъ съ Екатериной Семеновной, сталъ близкимъ, ближайшимъ другомъ Пашы. Когда родилась дѣвочка, то по заранѣе заключенному условію Мордвинъ былъ извѣщенъ о событіи и прѣхалъ изъ Кіева, гдѣ находился по службѣ, исключительно ради крестинъ Маряши.

Теперь крестница его стала красавицей дѣвицей, и Мордвинъ, всегда охранявшій всячески свое холостячество и одиночество, не боялся звать крестницу къ себѣ. Онъ даже все чаще подумывалъ, что Маряша дастъ ему сразу то, что онъ «проморгалъ» за свою жизнь. Онъ выдастъ дѣвушку замужъ, и у него явится семья, будутъ и внуки, дѣти духовной его дочери.

За послѣднее свое пребываніе въ Ларинскомъ онъ особенно настаивалъ и звалъ Маряшу къ себѣ, тѣмъ паче, что замѣтилъ, къ какой бѣдѣ влечетъ ее Ларинъ.

— Охъ, какъ себя любитъ Алексѣй!—съ досадою говорилъ онъ мысленно.

Если Яковъ Антоновичъ послѣ смерти своего друга Андрея Петровича ѣздилъ въ Ларинское, то это было не ради его сына, а ради его побочной дочери.

Мордвинъ относился всегда къ Алексѣю Андреевичу такъ же, какъ и его законный отецъ, ни дружелюбно, ни непріязненно, а ласково равнодушно. Со смерти друга Ларина онъ сталъ, однако, относиться къ Ларину-сыну нѣсколько дружелюбнѣе, старался скорѣе сблизиться съ нимъ больше, не только отдаляться. На это была причина особаго свойства—его любовь къ Пашинымъ, которые остались послѣ смерти отца и все еще оставались крѣпостными молодого помѣщика. Это тревожило Мордвина и побуждало быть къ нимъ поближе, какъ бы наблюдать за ихъ неестественнымъ положеніемъ. Мордвинъ опасался или предвидѣлъ то же, что и Волковъ, то же, что и вся дворня Ларинскаго.

«Что станется съ Андреемъ и Маряшей, если Алексѣй Андреевичъ женится, и заведется барыня хозяйка съ злымъ нравомъ, своевольная и кругая? Пашины для нея будутъ тѣми же крѣпостными, чьими бы по рожденію ни причитались».

Въ послѣдній свой пріѣздъ въ Ларинское Яковъ Антоновичъ былъ озадаченъ новостью.

Положеніе Андрея выяснялось, и къ лучшему. Всегда любившая его страстно съ дѣтства, Ишимова, овдовѣвъ, вернулась къ прежней привязанности. Это дѣлало Андрея свободнымъ и богатымъ и счастливымъ на всю жизнь.

Наоборотъ новость, касавшаяся Маряши, смутила Мордвина, испугала и теперь преслѣдовала и тревожила. Онъ давно, какъ и Волковъ, замѣчалъ странную дружбу Ларина и Маряши, дружбу черезчуръ нѣжную, но увѣрялъ себя, что преувеличиваетъ, или надѣялся, что со временемъ совсѣмъ пройдетъ то, что вызвано лишь скучной, замкнутой и однообразной жизнью въ глухой деревнѣ.

Теперь Мордвинъ увидѣлъ, что обстоятельства приняли грозный характеръ. Чувство молодыхъ людей окрѣпло и усилилось уже настолько, что исхода не было.

Былъ одинъ исходъ—бракъ.

А это было страшно сложнымъ дѣломъ.

Ишимова и Андрей, повѣнчавшись, могли еще ускользнуть отъ ока властей духовныхъ и гражданскихъ. Они были не по закону, а по естеству двоюродные сестра и братъ. Послѣ брака любимца государыни, графа Григорія Орлова, съ двоюродной сестрой Зиновьевой на такіе браки смотрѣли совсѣмъ иначе, будто опасались преслѣдовать, чтобы не возбуждать ропота и не давать повода ссылаться на бракъ бывшаго фаворита.

— Алексѣй же и Маряша заправскіе братъ и сестра—родные!—думалъ Мордвинъ и прибавлялъ:—предъ людьми... предъ всѣми кромѣ меня.

XXIX.

По странному стеченію обстоятельствъ, рано утромъ душнаго городского дня, когда Яковъ Антоновичъ, сидя у окна, думалъ именно о своей крестницѣ, о любви молодыхъ людей, бѣдовой, незаконной и о томъ, что предстоитъ имъ, а равно и ему самому въ этомъ мудреномъ и бѣдовомъ приключеніи,— у подъѣзда его дома остановилась дорожная колымага. Изъ нея вышелъ пріѣзжій. Это былъ Алексѣй Андреевичъ.

Генералъ Мордвинъ оторопѣлъ и испугался настолько, что, желая встать, не могъ двинуться. Ноги будто отнялись. Ему пришла, невѣдомо почему, мысль, что случилось нѣчто худое съ ней, съ его крестницей.

Быстро оправившись, Мордвинъ двинулся къ пріѣзжему со словами:

— Здорова? Слава Богу? Маряша... здорова?

— Слава Богу!—удивляясь отозвался Ларинъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу!—началъ креститься Яковъ Антоновичъ.—Напугалъ ты меня. Радъ, радъ. Иди, поцѣлуемся... А ужъ какъ напугалъ!

Расцѣловавшись съ Ларинымъ, старикъ снова, однако, спросилъ:

— Здорова, стало быть? И все слава Богу? Стало быть, ты по какому дѣлу прибылъ въ Москву?

— По дѣлу, Яковъ Антоновичъ. Сразу собрался.

Ларинъ дѣйствительно собрался въ Москву внезапно и утромъ еще не зналъ, что выѣдетъ вечеромъ. Положеніе его стало нравственно невыносимымъ, отчасти отъ скуки въ совершенно опустѣломъ домѣ, а отчасти отъ преслѣдовавшаго его раскаянія и стыда.

Къ тому же надо было, конечно, рѣшить дѣло скорѣе. Онъ предвидѣлъ, что покуда не повидаетъ Мордвина и не объяснится съ нимъ по совѣту матери Маріанны, ея дочь не покинетъ монастыря и не вернется, въ особенности теперь, узнавъ, что брата нѣтъ болѣе въ Ларинскомъ.

На разспросы генерала Мордвина о Маряшѣ, Андреѣ и Ишимовой Алексѣй Андреевичъ отвѣчалъ сдержанно и, какъ показалось старику, сбивчиво. Случилось это потому, что Ларину не хотѣлось сказать, что Маряша у матери, а сестра съ женихомъ выѣхали неожиданно послѣ ссоры.

Однако въ концѣ концовъ Ларинъ признался, что домъ его пустъ, но объяснилъ все происшедшее, конечно, иначе. Маряша, по его словамъ, просто поѣхала къ матери погостить на время, чтобы не оставаться одной въ домѣ, а сестра съ Андреемъ поѣхали въ Тулу начинать хлопотать о своемъ вѣнчаніи.

Наконецъ, собравшись съ духомъ, Ларинъ приступилъ къ главному и объяснилъ причину своего пріѣзда въ Москву.

— Павла Тимоѣевна послала меня,— сказалъ онъ.—Посоветовала ѣхать къ вамъ и просить рѣшить наше съ Маряшей дѣло.

— Какое дѣло?—спросилъ Мордвинъ, дѣлая видъ, что удивленъ.

— Вы знаете, Яковъ Антоновичъ. Подумайте, догадаетесь.

— Нечего думать, Алеша. Ни до чего я не додумуюсь. Какое можетъ быть у тебя дѣло съ Маряшей? Одно развѣ: отпустить ее на волю?

— Вы знаете, что мы давно любимъ другъ друга, съ ранняго нашего дѣтства.

— Вѣстимо. Ну, что же изъ этого?—холодно произнесъ Мордвинъ.

— Изъ этого, Яковъ Антоновичъ, выходитъ, что мы, несмотря ни на что, хотимъ бракосочетаться.

— Безумный ты, стало быть. Знаешь самъ, что это противозаконно. Братъ на сестрѣ по крови, коли не по закону, жениться не можетъ.

— Я это много разъ и отъ всѣхъ слышалъ, но...

И Ларинъ смолкъ. Послѣ паузы и въ виду молчанія упрямаго и отчасти гнѣвнаго со стороны старика онъ снова заговорилъ.

— Теперь дѣло совсѣмъ иначе обстоитъ... Я былъ у Павлы Тимоѣевны и все ей рассказалъ.

— Павлѣ Тимоѣевнѣ? Все рассказалъ?—съ неподдѣльнымъ удивленіемъ выговорилъ Мордвинъ.

— Да-съ.

— И что же она?

— Она сначала, конечно, удивилась... Но потомъ сейчасъ же... Я и не ожидалъ... Сейчасъ же сказала, что это хорошее дѣло и что...

— Хорошее дѣло!—воскликнулъ старикъ.

— Да-съ, она сказала, что со своей стороны ничего худого въ этомъ бракѣ не видитъ.

— Что ты, Алеша, балуешься что ли, или просто лжешь?

— Вотъ предъ Богомъ божусь, Яковъ Антоновичъ. Я самъ не ожидалъ такового, самъ былъ непостижимо удивленъ... Я думалъ, да и Маряша думала, что Павла Тимоѣевна будетъ страшно встревожена, что даже отъ такой вѣсти захвораетъ. А она меня расцѣловала.

— Павла Тимоѣевна? Мать Маріанна? — воскликнулъ Мордвинъ.—Ну, тогда... тогда... тогда я не знаю, что и подумать... Что она законы не знаетъ, какъ женщинѣ и полагается ихъ не знать, то вѣдь она все-таки человѣческіе-то законы или Божескія заповѣди знаетъ. Она знаетъ, что у Маряши, ея дочери, и у тебя, сына Екатерины Семеновны, отецъ-то одинъ и тотъ же. Что же тутъ сказать? Очумѣли вы всѣ тамъ въ вашей труппѣ, ей-Богу, очумѣли!—вскрикнулъ старикъ, все болѣе разгораясь.—Одинъ соби-

рается жениться на сестрѣ родной, другая, дѣвушка разумница и богобоязная, на это тоже идетъ. А мать родная, да еще монахиня, на этокое столпотвореніе вавилонское, къ примѣру сказать... свое согласіе изъявляетъ. Ну, что же, дѣйствуйте... оголтѣлые! Но потомъ по волосамъ не плачьте... голову-то снявши.

Наступило молчаніе. Ларинъ собирался заговорить и сказать главное: поводъ и причину его пріѣзда въ Москву. Но онъ выжидалъ, чтобы дать возможность старику высказаться прежде, чѣмъ онъ узнаетъ «самое диковинное», а именно то обстоятельство, что именно онъ, Мордвинъ, по словамъ Павлы Тимоѣевны, долженъ все разрѣшить и наладить. А какъ—онъ одинъ это знаетъ.

И Ларинъ ждалъ, не заговорить ли старикъ объ этомъ, не скажетъ ли самъ: «дѣло это въ моихъ рукахъ».

Но Яковъ Антоновичъ былъ видно далеко отъ этой мысли, ибо помолчавъ закачалъ отчаянно головой и снова заговорилъ раздражительно.

— Сами люди въ огонь лѣзутъ... справиться, не жжетъ ли онъ. Послушай вотъ... И я этокое дѣлалъ, когда маленькимъ былъ. Всѣ мнѣ всегда сказывали зимами... и нянюшка, и дядьки, и родители, и чужіе... «Яша, не отморозь носа! Яша, не отморозь уха!» Вотъ мнѣ и стало любопытно. Что это за финтъ такой? Отморозить себѣ ухо или носъ? Загвоздка! Дай, попробую. И вотъ однажды въ здоровый морозина у меня заципало носъ... Щиплетъ да щиплетъ. Дядька Еремѣичъ говоритъ: «Барчукъ, у тебя носъ-то бѣлый. Потри-ко-сь его». Я себѣ говорю: ладно, увидимъ. Еремѣичъ паки пристаётъ: «Барчукъ, носъ отморозилъ!» Я пощупалъ. Носъ, какъ носъ! И на своемъ мѣстѣ! Холодень малость только, да щиплетъ... Ну, вотъ пощипало, пощипало и прошло... И сталъ носъ теплый, теплый, будто на него чехоль мѣховый надѣли... А вернулся домой, да какъ вошелъ въ тепло... Батюшки свѣты! Свѣтики мои! На стѣны прыгаю... И реву, реву бѣлугой. Потомъ три мѣсяца, до весны, въ комнатахъ сидѣлъ... Носъ дулей, а на дулѣ чехоль настоящій, тряпочки съ гусинымъ жиромъ, на подвязушкахъ за затылкомъ связанныя. Чисто собака въ намордникѣ. Вотъ и попробовалъ, что такое «отморозишь»! Теперь точію знаю...

Мордвинъ рассказалъ все серьезно, даже не ухмыльнувшись, и прибавилъ:

— Вотъ и ты... вотъ и вы съ Маряшей хотите узнать, что такое противъ законовъ и заповѣдей итти... противъ властей и противъ Бога. Вотъ и обморозитесь, или обожжетесь. Да не такъ, какъ я. У меня изъ носа изряднаго, прямого съ горбинкой, осталась на всю жизнь дуля или картофелина, совѣмъ разбухшая. А съ вами будетъ кой-что почище. Вы пропадете пропадомъ. Что жъ?! Дѣйствуйте... оголтѣлые!..

И такъ какъ Мордвинъ снова замолчалъ, угрюмый и видимо разгнѣванный, то Ларинъ не рѣшился заговорить о главномъ. Сильное волненіе сразу охватило его. Онъ уже не вѣрилъ въ то, во что вѣрилъ прежде, и въ Ларинскомъ и ѣдучи въ Москву.

— «Павла Тимоѣевна ошиблась! Онъ ничего не можетъ. Отъ него ничего не зависитъ. А то бы заговорилъ самъ»,—думалось ему.

И не рѣшаясь, не зная, какъ начать говорить, Алексѣй Андреевичъ выговорилъ вдругъ, какъ если бы выстрѣлилъ.

— Яковъ Антоновичъ, не гнѣвайтесь,—лучше помогите намъ. Маряша—ваша дочь духовная. Сами вы это всегда говорите. Помогите.

— Да развѣ я могу помочь? Будь я архіерей, будь я хоть сама царица наша матушка Екатерина Алексѣевна, то и тогда я не могъ бы помочь. Ума ты рѣшился, Алеша.

— Вы можете помочь и все уладить.

— Белены ты объѣлся. Что измыслилъ!

— Это... Яковъ Антоновичъ... это не я измыслилъ. Это не я... это...

И Ларинъ, будто поперхнувшись, выговорилъ:

— Это сказала мнѣ Павла Тимоѣевна!

Мордвинъ привскочилъ на своемъ креслѣ и, страшно вытаращивъ глаза на Ларина, молчалъ, очевидно пораженный услышаннымъ.

— Да, Павла Тимоѣевна сказала. Она мнѣ велѣла ѣхать къ вамъ, все вамъ сказать и просить намъ помочь.

— Павла Тимоѣевна?!—вымолвилъ наконецъ старикъ едва слышно...

— Да-съ... что вы все можете устроить, если пожелаете. Если вы пожелаете, то намъ и вѣнчаться можно будетъ. Вы такое слово знаете, крѣпкое. Вотъ, какъ въ сказкахъ сказывается,—грустно усмѣхнулся Ларинъ.—Такое слово, отъ котораго земля разверзается и двери съ лѣстницей объявляются въ какое серебряное или золотое царство, гдѣ кладъ лежитъ или царевна сидитъ... Вотъ это-то слово вы и знаете.

— Про тебя!—вскрикнулъ Мордвинъ.

— Про наше дѣло, какъ уладить наше вѣнчанье.

— Да вѣдь только однимъ путемъ...—тихо, будто боязливо вымолвилъ Мордвинъ:—только однимъ... А это-то ты самъ... это-то... Да нельзя это-то. Есть у меня слово такое для тебя... Да вѣдь это камень за пазухой на тебя. Вотъ это что... Понялъ?

— Простите, ничего не понимаю,—отозвался Ларинъ.

— И не можешь... не можешь понять!—взволнованно вскрикнулъ старикъ.—Нельзя понять... Кабы понялъ, кабы зналъ, то никогда бы ко мнѣ за такимъ словомъ не поѣхалъ. Ни за что!...

— Не понимаю, Яковъ Антоновичъ.

— Поѣхалъ бы ты ко мнѣ изъ Ларинскаго съ такой просьбой: «Благодѣтель, молъ, Яковъ Антоновичъ, будьте милостивы, отрубите мнѣ голову»?.. Ну, положимъ, не голову, ибо то смерть. А срубите, молъ, мнѣ руку или обѣ руки, затѣмъ, чтобы жениться на Маряшѣ. Пошелъ бы ты на этакое?..

— Изъ-за Маряши? Изъ-за брака? Вѣстимо, пошелъ бы.

— Лжешь! Неправду сказываешь!—крикнулъ старикъ.

— Нѣтъ, вотъ вамъ Богъ, Яковъ Антоновичъ! Божусь, что изъ-за Маряши я на всякое готовъ, на всякое мученіе и истязательство. Вѣстимо, чтобы послѣ этого живому остаться и здоровому.

Наступило снова молчаніе. И на этотъ разъ Мордвинъ былъ болѣе взволнованъ, чѣмъ Ларинъ.

— Стало быть, по совѣту Павлы Тимоѳеевны доставать мнѣ изъ-за пазухи камень, здоровый голышъ, и бить тебя въ лобъ? Такъ вѣдь выходитъ, Алеша?—спросилъ онъ наконецъ.

— Повидимости, да. Теперь и я понимаю кой-что,—глухо проговорилъ Алексѣй Андреевичъ.—Да, Павла Тимоѳеевна сказала одно слово, мнѣ теперь понятное, а прежде непонятное. Она мнѣ сказала ѣхать къ вамъ и бодриться, смѣлости набираться. Стало быть... и вы и она одно сказываете. Все можетъ наладиться, но со страхомъ, съ чѣмъ-то худымъ. А съ чѣмъ? Что такое? Я и ума не приложу.

Ларинъ замолчалъ, ожидая, что скажетъ Мордвинъ, но старикъ сидѣлъ, опустивъ голову, и былъ теперь уже не взволнованъ и не разгнѣванъ, а будто угнетенъ, будто отчасти растерянъ или пришибленъ.

Много прошло времени, прежде чѣмъ Яковъ Антоновичъ заговорилъ. Но онъ сказалъ тихимъ голосомъ, какимъ-то покорнымъ голосомъ.

— Что же? Она мать родная... Она же и женщина чуть не святая около насъ, грѣшныхъ... Маряша мнѣ тоже, что родная дочь... Тебя жалко... Но вѣдь ты самъ просишь, ты просишь... Магъ Маріанна не отсовѣтываетъ и посылаетъ ко мнѣ, чтобы я все это распуталъ. Ну, что же, ладно... Но вотъ что, Алеша, голубчикъ...

И послѣ паузы старикъ прибавилъ:

— Вотъ что... Дай срокъ, дай мнѣ опомниться и одуматься, Богу помолиться и мыслями раскинуть. Спѣшить въ этакихъ дѣлахъ—страшно. Дай срокъ. Я поразмыслю, поразсужу и завтра тебѣ скажу... Или же услышишь ты отъ меня, что я ничего не могу для тебя, или же услышишь такое, такое... Ну, да вотъ увидимъ, что Богъ мнѣ на душу положить.

XXX.

Прошло, однако, двое сутокъ, что Ларинъ былъ въ Москвѣ, а старикъ, съ утра до вечера бесѣдуя съ нимъ обо всякихъ дѣлахъ и мелочахъ, не сказалъ ни слова о главномъ. На вопросъ Ларина на другой же день послѣ ихъ разговора, что онъ скажетъ, Мордвинъ отвѣчалъ:

— Обожди, обождемъ. Не могу, духу не хватаетъ, да и не знаю еще, что сказать. Можетъ быть, въ концѣ концовъ я тебя обратно къ Павлѣ Тимоѣевнѣ отправлю... Что она на меня киваетъ? На меня валить обузу? Пускай на себя беретъ. Монахиня она? Ей будто не по сану этакое. Правда. Но я-то... меня-то за что же?.. Ну, да вотъ увидимъ. Обожди.

Между тѣмъ старикъ былъ оба дня, хотя и разговорчивѣе, но видимо озабоченъ и даже угнетенъ.

Задача предстояла ему тяжелая.

Онъ себѣ задавалъ кучу вопросовъ, на которые не зналъ, какъ отвѣчать. Онъ себя даже спрашивалъ, имѣетъ ли онъ право сказать «свое слово», впутываться въ чужое дѣло. Подобаешь ли ему ради памяти покойнаго друга, предъ памятью покойной Лариной въ особенности, итти на рѣшеніе сугубо щекотливаго дѣла. Да, наконецъ, что скажетъ самъ Алексѣй Андреевичъ, когда узнаетъ это все разрѣшающее «слово»?

Не лучше ли, не достойнѣе ли смолчать?

А счастье и благополучіе любящихся? Судьба молодого человѣка, котораго онъ любитъ, но не особенно горячо, ему еще болѣе или менѣе безразлична. А Маряша, счастье всей ея жизни—иное дѣло. Ради нея надо рѣшаться.

А если послѣ того, какъ онъ свое слово скажетъ, самъ Ларинъ испугается и пойдетъ напопятную? Онъ говоритъ, что дастъ сейчасъ руку на отсѣченіе ради своей любви. Это такъ сказывается. Языкъ болтаетъ: онъ безъ костей. Да и кому какъ? Можетъ, для Ларина руку дать отрубить было бы легче, чѣмъ та жертва, которую ему придется принести послѣ рокового объясненія.

— Мудрено, распрямудрено,—говорилъ себѣ Мордвинъ.—Но главное—хорошо ли покойныхъ и ихъ память затрогивать?

Наконецъ, послѣ всякихъ размышленій и спора съ самимъ собой Мордвинъ приходилъ все къ тому же заключенію или вопросу.

— Зачѣмъ она сама, Павла Тимоѣевна, на себя не возьметъ? Зачѣмъ меня въ это впутывать?

На третьи сутки старикъ, смущаясь, объявилъ Ларину.

— Голубчикъ, ничего я не могу. Уволь. Измучился и ничего отъ самого себя не добился.

Алексѣй Андреевичъ былъ сраженъ. Онъ надѣялся..

— Помилосердуйте,—проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Я измучился. Послѣднее время я было ожилъ, въ ожиданіи, что вы

меня выручите. И вотъ опять тѣ же мученія начнутся. Будьте милосерды.

Мордвинъ молча развелъ руками, грустно и безпомощно.

— Да вы мнѣ хоть поясните чтонибудь. Я вѣдь не знаю и не понимаю ничего. Поясните, почему и какимъ образомъ вы можете мнѣ помочь.

— Голубчикъ, можно только одно,—воскликнулъ старикъ:—или все тебѣ пояснить или ничего не говорить. Середины тутъ нѣтъ.

— Почему вы сначала хотѣли мнѣ помочь, а теперь рѣшили, что не можете?

— Не могу... Думалъ и додумался... Боюсь...

— Бойтесь? Чего?

— Ну, на вотъ... скажу,—рѣшительно и рѣзко произнесъ Мордвинъ.—Ты можешь жениться на Маряшѣ. И это не будетъ противно законамъ. Но если тебѣ сказать, почему это такъ, ты... тебѣ это будетъ ножъ въ сердце. Отъ этого ножа у тебя вся твоя любовь къ Маряшѣ пропадетъ вмигъ.

— Никогда. Это невозможно...—воскликнулъ Ларинъ.—Рѣжьте, какъ сказываєте, ножемъ, Яковъ Антоновичъ. Рѣжьте, но не мучьте, не пытайте. Вѣдь правду говорятъ, что лучше смерть, чѣмъ пытка безконечная. Ну, хотите, я вамъ самъ скажу, что мнѣ вздумалось уже здѣсь въ Москвѣ послѣ нашего перваго разговора. Если это такъ... если я догадался, то... то скажу: что же дѣлать? Видно, такъ Богъ велѣлъ. Грустно подумать, но мнѣ утѣшеніе будетъ моя будущая счастливая жизнь съ Маряшей. Сказать вамъ мое измышленіе?

— Ну, ну, говори... Вѣрно, вздоръ какой надумалъ, — отчасти робко отвѣтилъ Мордвинъ.

— Мы... Маряша и я...—тоже робко заговорилъ Алексѣй Андреевичъ... мы—не родня.

Мордвинъ двинулся, будто встрепенувшись отъ этого слова, и, опустивъ голову, опустивъ глаза, молчалъ.

— Скажите: правда? правда? Мы—не родня?

— Ты думаешь... ты измыслилъ, что Маряша не дочь твоего родителя,—странно произнесъ Мордвинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... не это! И вы знаете, что не это. Зачѣмъ вы лицедействуете, Яковъ Антоновичъ? Я по лицу вашему вижу, что я вѣрно догадался... скажите одно то словечко: да, молъ... Повторите мои слова: не родня, молъ...

— Не родня,—глухо проговорилъ старикъ.

И наступило молчаніе, тяжелое, угнетавшее обоихъ равно.

Ларинъ заговорилъ первый. Слезы были у него на глазахъ.

— Что дѣлать! Обидно... кровная обида... Вотъ ужъ можно сказать — кровная. Правду вы сказывали, что это ножъ въ сердце. Узнать въ мои годы, что кого такъ любилъ и уважалъ, тебѣ чу-

кой человѣкъ! Не токмо самый близкій — отецъ, родитель... а совсѣмъ чужой.

Между тѣмъ Мордвинъ, сильно взволнованный, зорко глядѣлъ на молодого человѣка и сидѣлъ, будто насторожившись, будто ожидая чего-то еще горшаго, сугубо важнѣйшаго. И онъ не ошибся. Когда Ларинъ, поглядѣвъ на него смущеннымъ взоромъ, собрался говорить, Мордвинъ поднялъ на него руку, какъ бы заслоняясь ладонью, и быстро произнесъ:

— Больше не выспрашивай. Больше ничего не скажу.

— Какъ можно, Яковъ Антоновичъ?.. Долженъ же я знать... Я только объ одномъ этомъ спрошу. И будьте милостивы до конца. Кто онъ? Скажите: кто мой родитель?

Старикъ молчалъ.

— Бога ради, скажите! Онъ померъ вѣдь?..

Старикъ помоталъ головой, не поднимая глазъ на молодого человѣка.

— Живъ! Онъ живъ?!

— Да, живъ.

— Стало быть, не князь?.. не Кириллинъ отецъ?..

— Охъ, что ты...—ахнулъ Мордвинъ, и это подозрѣніе, высказанное Ларинымъ, будто поразило почему-то старика. Черезъ мгновенье онъ снова произнесъ, какъ бы себѣ самому.

— Князь... О Господи!.. Вотъ... вотъ хватилъ?..

Между тѣмъ Ларинъ сильно заволновался вдругъ, измѣнился въ лицѣ и слегка блѣдный выкрикнулъ хрипавато отъ чувства, стиснувшаго горло.

— Яковъ Антоновичъ!.. Яковъ Антоновичъ!.. Не вы?..

— Что?—вскрикнулъ Мордвинъ.—Я?.. Что ты! Я? я?.. Да ты очумѣлъ! Ты чортъ знаетъ, что...

И спохватившись онъ выговорилъ спокойнѣе:

— Богъ съ тобой, Алеша! Чего это такъ, зря, бухать этакія слова? Я всегда уважалъ и любилъ покойницу Екатерину Семеновну, но... но развѣ этакое могло приключиться при нашей дружбѣ съ твоимъ батюшкою?.. Христосъ съ тобой!..

И вдругъ, улыбнувшись будто противъ воли, старикъ прибавилъ:

— Ну те совсѣмъ! Чумной, ей-Богу!..

Невольная улыбка на лицѣ Мордвина явилась по простой причинѣ. Ему вспомнилась покойная Ларина, ея внѣшность, ея паразитическая неказистость, «дурнорожіе несравненное и безпримѣрное», какъ выражались когда-то всѣ знакомые... И хорошо, ясно и точно возстановивъ предъ памятью образъ Екатерины Семеновны, Мордвинъ не могъ не улыбнуться тому, что заподозрѣлъ молодой человѣкъ, не сознававшій никогда или позабывшій внѣшность своей матери.

Но улыбка старика была мгновенной и веселой тѣнью, скользнувшей по лицу. Онъ снова тревожно глядѣлъ предъ собой.

— Скажите, Яковъ Антоновичъ, скажите, не мучьте! — заговорилъ Ларинъ.—Вы же знаете.

— Ничего не знаю,—отозвался Мордвинъ, но въ голосѣ чело-
вѣка, никогда въ жизни на солгавшаго, ясно сказалась смущен-
ная ложь.

— Если Павла Тимоѣевна это знала, то, стало быть, и батюшка...
и Андрей Петровичъ...—взволнованно поправился Ларинъ...—и онъ
зналъ. Стало быть, и вы знаете, какъ первый другъ. Ну, вотъ и
не томите.

Мордвинъ молчалъ.

— Вѣдь главное, самое горестное вы ужъ сказали. А что же
мнѣ до того—кто этотъ челоѣкъ? Богъ съ нимъ! А, можетъ, онъ
теперь захочетъ сказаться мнѣ, если я къ нему самъ первый пойду?
И будетъ у меня отецъ на совѣтѣ? Не такъ ли?..

Мордвинъ продолжалъ молчать.

— Вѣдь вы сказываете, онъ живъ?—снова спросилъ Алексѣй
Андреевичъ.

— Живъ, живъ. И будетъ съ тебя... Не пытай. Не скажу... То
бишь, не знаю!—спохватился старикъ.—Знать не знаю и не зналъ,
кто онъ таковъ.

— Ахъ, Яковъ Антоновичъ, простодушный вы челоѣкъ! Го-
ворите: не знаете, кто онъ таковъ, и никогда не знали. А говорите:
живъ, живъ...

— Говорили мнѣ, и я повторяю...

— Когда говорили? Тогда еще при жизни матушки или теперь,
недавно?..

— Недавно...—протянулъ Мордвинъ нерѣшительно.

— Сказали вамъ: такой-то, молъ, имя рекъ, здравствуетъ?

— Ну, да, ну, да.

— А почему же вы знаете, что онъ самый, имя рекъ, и есть
мой... мой родитель?

— Полно ты... Путаешь всякое... нетерпѣливо произнесъ Мор-
двинъ, уже начиная сердиться.

— Не я путаю, Яковъ Антоновичъ. Вы путаете, собираясь на
старости лѣтъ начать лгать и обманывать.

Алексѣй Андреевичъ произнесъ это грустно и уткнулъ лицо въ
ладони.

Черезъ нѣсколько минутъ молчанія Ларинъ спросилъ:

— Такъ не хотите? Не скажете?

— Ни за что! Убей, не скажу!—рѣшительно и какъ-то отчаянно
воскликнулъ Мордвинъ, будго окончательно надумался и рѣшилъ
этотъ вопросъ.

Графъ Е. А. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО ¹⁾.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Школа.

V.

О МБРЪ того, какъ подвигались ученики въ своихъ занятіяхъ, и переходили изъ класса въ классъ, ряды ихъ рѣдѣли. Купцы находили, что ужъ пора ихъ сыновьямъ становиться за прилавокъ; плохо учившіеся князьки и дѣти болѣе состоятельныхъ родителей стали подумывать о кавалерійскомъ училищѣ, и съ легкимъ сердцемъ мѣняли перо на мечъ. Превращеніе совершалось съ необывальной быстротой, и вчерашній гимназистъ назавтра гремѣлъ палашемъ, а годика черезъ два, когда его товарищи еще корпѣли за Гораціемъ, уже въ офицерскихъ эполетахъ и съ порѣдѣвшими на макушкѣ волосами сидѣлъ въ первомъ ряду балета.

Отъ шестидесяти человѣкъ, бывшихъ въ младшемъ отдѣленіи, едва осталась одна треть. Скука была та же томительная, то же бессмысленное хожденіе въ классъ, то-же механическое чтеніе Цицерона, Virgiliya, Гомера, безъ всякаго отношенія къ самимъ авторамъ читаемыхъ произведеній. Но разница, сравнительно съ прежнимъ временемъ, была все же большая. Впереди мерещился

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 802.

свѣтъ, пребываніе въ мертвомъ домѣ подходило къ концу: еще годъ, два,—и прокисшая атмосфера, зараженная чехами, нѣмцами, семинаристами и отчасти соотечественниками,—должна была смѣниться на свободный воздухъ высшаго учебнаго заведенія.

Но кто же къ чему готовился? Знали ли учителя, классные наставники, сами ученики и ихъ родители, къ какой профессіи кто имѣеть призваніе? Кажется, никто и ни къ чему призванія не имѣлъ. Большинство предполагало итти на юридическій факультетъ: меньше дѣла. Нѣкоторые съ этической точки зрѣнія возставали противъ юриспруденціи.

— Но неужели вы думаете, что я буду юристомъ?—возражалъ на это иной ученикъ.—Мнѣ нуженъ университетскій дипломъ, который растворитъ мнѣ всюду двери. Это крупная ступень для карьеры и больше ничего. А за самую эту *alma mater* я гроша мѣднаго не дамъ.

Другіе говорили неопредѣленно: если удастся попасть въ «путей сообщеніе», — тогда будемъ инженерами. Иные намѣтили себѣ медицинскую профессію, не предполагая, что, кончивъ и здѣсь курсъ, они все-же докторами не будутъ. Наконецъ были такіе, что шли въ филологи, посвящая себя ученой карьерѣ. Никого не смущало то обстоятельство, что большинство изъ тѣхъ предметовъ, которыми ихъ занимала гимназія, не имѣли никакого отношенія къ ихъ будущей спеціальности: у всѣхъ въ головѣ было одно: «чортъ съ ними,—лишь бы кончить».

Прежняго страха и отвращенія учителя уже не внушали. Въ классъ шли, какъ на барщину, — и относились къ наставникамъ съ легкимъ презрѣніемъ и гадливостью. Учитель, не знавшій русскаго языка, на которомъ преподавалъ, и требовавшій отъ мальчиковъ глубочайшаго знанія тонкостей греческаго языка, конечно, внушалъ къ себѣ пренебрежительное отношеніе. Ясно было, что девять десятыхъ нашихъ менторовъ—чиновники, которыхъ загнала на службу голодуха. Они не любили ни преподаванія, ни насъ. Они были тупы, потому что могли двигаться только по административной лѣстницѣ педагогическаго поприща, и *pia desideria* каждою были мечтанія о директорскомъ мѣстѣ. Авторевъ они не понимали, красоту ихъ не чувствовали, и передать намъ ничего не могли. Думая, что все дѣло въ объясненіяхъ, что такое «цѣйгма» и «литотесь», они старались поражать насъ мнимою ученостью, копошась въ глубинахъ извилистыхъ, запутанныхъ оборотовъ. Это была самая гнусная вивисекція иногда величайшихъ поэтическихъ образцовъ. Результатъ такого преподаванія былъ ясный. Никто изъ моихъ товарищей не зналъ ни одного латинскаго и греческаго автора, хотя могъ свободно *à livre ouvert* читать любого. Я думаю, большинство не знало содержанія Одиссеи и Илиады, потому что никогда ихъ не читали, хотя два года обѣ эти поэмы не выпускались въ классѣ изъ нашихъ рукъ.

Были учителя, которыхъ любили. Они уважали насъ, мы — ихъ. Они, какъ и мы, скептически относились къ пришлымъ придунайскимъ педагогамъ и не вѣрили, что тѣ освѣжаютъ педагогическое дѣло. Но такихъ педагоговъ было немного. Они не рѣшались говорить открыто, побаиваясь и оглядываясь по сторонамъ, хотя были и такіе, что смѣло говорили, что думали, прибавляя:

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.

Они понимали, какъ тѣсны были рамки программы, какъ мало юношамъ тѣхъ знаній, что они слышатъ съ этихъ потертыхъ каедръ. Давали переводить изъ классиковъ сперва двадцать, потомъ тридцать, потомъ пятьдесятъ строкъ. Но намъ было все равно — сколько, мы готовы были штудировать и двѣсти и пятьсотъ, потому что никто не готовился, и переводилъ, по шестилѣтней привычкѣ, не зная того, что было пятью строками выше, и что будетъ страницей дальше. Поэтому времени было много.

Изъ «фундаментальной» библіотеки выдавали книги неохотно, находя, что не время читать. Впрочемъ, учитель исторіи всегда съ удовольствіемъ подписывалъ мнѣ билетъ о выдачѣ книги, — и такимъ путемъ удалось прочесть мнѣ Костомарова, Забѣлина, Аѳанасьева — еще въ пятомъ классѣ. Библиотекаръ, выдавая мнѣ «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», замѣтилъ, что я, вѣроятно, обращаю вниманіе на пикантныя мѣста этого сочиненія; и тутъ только я узналъ, что у Аѳанасьева есть пикантныя мѣста. Но «Исторію умственного развитія Европы» Дрэпера мнѣ не выдавали. Опять таки, это была, вѣроятно, специальная точка зрѣнія мѣстнаго начальства. Я знаю, что въ московскихъ гимназіяхъ ученикамъ третьяго класса въ видѣ награды при переходѣ въ четвертый классъ выдавались сочиненія Грановскаго.

Покончивъ съ Вундтомъ, Дарвиномъ, Брѣмомъ, и даже одолѣвъ философію Гамильтона въ разработкѣ Стюарта Милля, я счелъ себя почтеннымъ мыслителемъ. На скопившіеся у меня десять рублей я купилъ у букиниста экземпляръ «Войны и мира» — большое первое изданіе, уже сдѣлавшееся тогда библиографическою рѣдкостью, и съ необычайной жадностью проглотилъ всю философскую сторону романа, которая такъ не нравилась всѣмъ. Я долго былъ подъ впечатлѣніемъ того, что міровыя событія есть результатъ суммы воли множества единицъ. Потомъ мы сообща читали «Исторіи религій», «Исторіи всемірной литературы», романы Достоевскаго, и какіе-то романы, печатавшіеся въ «Петербургскомъ Листкѣ». Видя, что отъ фундаментальной библіотеки мало пользы, я абонировался въ ближайшей частной библіотекѣ и принялся за чтеніе всего, что мнѣ попадалось на глаза и, казалось, имѣло како нибудь интересъ. Моя мать просила меня объ одномъ: не читать Поль-де-Кока. По старой памяти, она считала его самымъ развратнѣйшимъ изъ авторовъ. Мое сумбурное чтеніе отчасти было при-

ведено въ порядокъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Орестъ Миллеръ объявилъ рядъ лекцій по новѣйшей русской литературѣ, которыя онъ намѣревался прочесть въ клубѣ художниковъ.

Я тотчасъ же записался на всѣ десять лекцій. Гимназисту-шестикласснику было лестно послушать лекціи университетскаго профессора. Вдобавокъ я считалъ себя «отставшимъ» отъ новѣйшаго періода литературы. Я досталъ программу лекцій,—гимназическія занятія полетѣли къ чорту,—и принялся готовиться къ слушанію профессора. Пробѣлы оказались огромными. Изъ Гончарова я былъ знакомъ только съ «Обломовымъ», котораго мнѣ подарила года за два до этого мать. Приходилось залпомъ одолѣть «Обыкновенную исторію» и «Обрывъ», только для первыхъ двухъ лекцій. Я до того волновался, что заболѣлъ чѣмъ-то въ родѣ брюшного тифа, отъ котораго старый пріятель отца, профессоръ Бессеръ, лѣчилъ меня бисмутомъ и нуксвомикой,—три недѣли пролежалъ въ постели, не попалъ на лекцію объ «Обыкновенной исторіи»—и чуть не плакалъ. Зато, въ теченіе этихъ трехъ недѣль, я прочелъ «Бѣсовъ», «Мертвый домъ», «Тысячу душъ», «Взбаламученное море», «Въ лѣсахъ» — все перепугалъ въ головѣ, еще слабой отъ недавней лихорадки, но все же явился на лекціи въ клубъ, прежде чѣмъ пришелъ въ гимназію.

Успѣхъ Миллеръ имѣлъ колоссальный. Не только большой залъ клуба художниковъ, но и малый, примыкавшій къ нему подъ прямымъ угломъ, былъ переполненъ молодежью. Гимназическихъ мундировъ было очень мало: изъ нашей гимназіи были всего только двое. Барышни—и стриженныя, и длинноволосыя, и неряшливыя, и кокетливыя, съ тетрадкама и безъ тетрадокъ, студенты, военные, журналисты, мамыши съ дочками, какіе-то сѣденькіе старички съ слезящимися глазами—все это тѣсною толпою наполняло свѣтлыя залы съ лѣпными потолками и съ пестрыми каразинскими панно въ нишахъ оконъ. Самъ лекторъ, маленькій плѣшивый чловѣчекъ въ очкахъ, читалъ пѣвучимъ фальцетомъ, иногда склоняя голову на бокъ,—и не знаю, чѣмъ собственно увлекалъ своихъ слушателей. Недавно я пересмотрѣлъ его лекціи, выпедшія потомъ отдѣльнымъ изданіемъ: это все общія мѣста, изложенныя довольно блѣдноватымъ языкомъ, съ тенденціей, притянутой за волосы. Какъ у многихъ нашихъ профессоровъ и ученыхъ, у Миллера была страсть къ перегородкамъ, отдѣленіямъ и ярлычкамъ. Литература представлялась ему чѣмъ-то въ родѣ аптечнаго склада, гдѣ въ ящикахъ, шкапахъ и банкахъ находятся всевозможныя снадобья. Каждое вновь полученное зелье тотчасъ же получаетъ свой ярлычекъ и становится на извѣстную полку. Если же подходящаго ярлычка въ готовности не оказывалось, то ученый мужъ не давалъ себѣ труда внести въ свои списки новое наименованіе, а просто отметалъ его въ сторону, находя его излишнимъ, такъ какъ и мѣста-то

ему въ его лавочкѣ не имѣется, и отдѣла-то такого подходящаго для него нѣтъ. Нечего и говорить, что такая система имѣетъ свои удобства, особенно въ аптекахъ. Но когда ее примѣняютъ къ произведеніямъ искусства, создаютъ рубрики для опредѣленія сущности таланта живописца или писателя, всегда получается затхлая канцелярская роспись.

Но въ то время общество такъ жаждало хоть какого нибудь свѣта, хоть какой нибудь систематизаціи послѣ того хаоса, который крутился въ головахъ молодежи послѣдніе годы. То переставали вѣрить, что Пушкинъ великъ, то переставали вѣрить его критикамъ. То рукоплескали Тургеневу, то со смѣхомъ вышучивали его на всѣхъ углахъ и перекресткахъ. Отъ Достоевскаго одни какъ-то пугливо жались въ сторону, другіе видѣли въ немъ чуть ли не мессію. Левъ Толстой оставался въ тѣни съ своими яснополянскими журналами, а «Война и миръ» казалась невозможно длинной вещью—чѣмъ-то въ родѣ Теккереевскаго романа. Щедринъ и Некрасовъ были, съ одной стороны, кумирами читающей публики, а съ другой—ихъ громили, какъ кулаковъ-капиталистовъ, и одному ставили въ вину ордена и чины, а другому—безпросыпную игру въ карты. Понятно, что каждое слово, могущее разсѣять эту путаницу, готовы были ловить, какъ манну небесную, и въ этомъ, главнѣйшимъ образомъ, и слѣдуетъ искать разгадку успѣха лекцій Миллера.

Миллеръ ничего не освѣтилъ, ничего въ сущности не сказалъ. Его этическая точка зрѣнія, съ которой онъ подходилъ даже къ индѣйскимъ божествамъ въ своей диссертации, и тутъ, на лекціяхъ о Гончаровѣ и Достоевскомъ, заставила его глядѣть на все подъ угломъ, и даже подъ довольно тупымъ. Въ лирикѣ Фета онъ такъ-таки дальше «безпредметнаго щебетанія» ничего и не видѣлъ; Лѣсковъ, или по-тогдашнему Стебницкій, для него былъ выморочнымъ талантомъ, остановившимся на «Демикотоновой книгѣ Туберозова», такъ какъ послѣ нея пустился въ «литературу доносительную». Но, во всякомъ случаѣ, лекторъ какъ ни какъ слѣпилъ и связалъ между собою литературныя произведенія, «послѣгоголевскаго періода». Ни Толстой, ни Тургеневъ, ни Островскій не вошли въ составъ этого курса. О первыхъ двухъ онъ читалъ отдѣльные курсы, а «драматургію» не касался. Невзыскательные слушатели и за то немногое, что давалъ имъ лекторъ, были благодарны, и апплодировали ему такъ же неистово, какъ апплодируютъ теперь только излюбленнымъ тенорамъ.

Но главнѣйшей заслугой этихъ публичныхъ лекцій было то, что вся масса слушателей готовилась къ нимъ. Я помню, какъ ни въ одной библіотекѣ нельзя было найти тѣхъ авторовъ, которымъ посвящалась ближайшая лекція. Современныхъ беллетристовъ прочли запоемъ въ такой массѣ, какъ никогда ихъ не читали ни

до, ни послѣ. Лекціи читались два раза въ недѣлю въ теченіе пяти недѣль,—весь постъ, кромѣ первой и послѣдней недѣль. Несмотря на тропическую жару, всѣ терпѣливо высиживали полтора часа, а во время десятиминутнаго перерыва оживленно мѣнялись мнѣніями. Жажда живого знанія такъ и свѣтилась на всѣхъ лицахъ.

VI.

Здѣсь я не буду пока касаться ни тѣхъ типовъ учителей, которые прошли передо мной въ теченіе восьмилѣтняго пребыванія въ гимназіи, ни самой системы преподаванія каждаго изъ нихъ: это можетъ составить отдѣльный самостоятельный очеркъ.

Насъ не учили ничему дурному, но не учили и ничему хорошему. Нравственныя правила ограничивались знаніемъ катихизиса, еще въ третьемъ и четвертомъ классѣ. Мы знали, что нельзя убивать, прелюбодѣйствовать, красть. Мы не крали, не убивали; прелюбодѣйствовали очень немногіе; но мы лгали, обманывали учителей. Мы не покровительствовали младшимъ, хотя и не тиранили ихъ, какъ это практикуется въ закрытыхъ заведеніяхъ. Мы не думали о любви къ ближнимъ, потому что на этотъ счетъ никогда и никто съ нами не говорилъ. Нравственное начало каждый изъ насъ почерпалъ только въ своихъ семьяхъ; вопросы нравственности, долга и любви совершенно не входили въ программу гимназическаго образованія.

Часто воспитатель, учитель или инспекторъ говорилъ: вы должны сдѣлать то-то или то-то. Но почему мы должны были сдѣлать—этого никто не зналъ. Когда инспекторъ въ старшихъ классахъ говорилъ: побрейтесь, вы на папашу похожи, — всѣ брились, потому что понимали, что это форма. Но когда учитель математики говорилъ филологу: если вы не будете свободно рѣшать тригонометрическихъ задачъ, вы останетесь на второй годъ,—или не получите аттестата зрѣлости,—тогда филологъ становился «тупикъ». Это было такъ же тупо и непонятно для него, какъ если бы подмастерью часовыхъ дѣлъ мастера сказали:

— Да, вы хорошо знаете свое дѣло, но не имѣете права открыть часовой магазинъ, потому что не умѣете печь хлѣба и шить сапогъ.

И бывало такъ, что юноша, лишенный способностей къ одной какой нибудь отрасли знанія, иногда оказывался въ безвыходномъ положеніи: онъ принужденъ былъ покинуть учебное заведеніе и не итти дальше по всѣмъ предметамъ, потому что плохъ былъ по одному. Я, выдержавши однажды переводный экзаменъ по всѣмъ предметамъ, не выдержалъ по одному латинскому (насъ принималъ ноый учитель, вскорѣ впрочемъ посаженный въ сумасшедшій домъ и тамъ умершій). Получивъ отъ него на переэк-

заменокѣ двойку, я принужденъ былъ выйти изъ гимназіи, мѣсяцъ брать приватные уроки, и потомъ, у него же выдержавъ экзаменъ, снова былъ принятъ.

Бывали случаи еще болѣе дикіе. Мальчикъ, пробывшій въ гимназіи десять лѣтъ (бывали случаи двѣнадцатилѣтняго пребыванія), оказывался недостойнымъ аттестата зрѣлости. Спрашивается: что же раньше смотрѣли учителя, переводя изъ класса въ классъ такое козлице? А между тѣмъ у всѣхъ на глазахъ бывали такіе случаи.

По выходѣ изъ гимназіи, совершались иногда престранныя обстоятельства. Мальчикъ, превосходно учившійся въ гимназіи, бывшій на счету однимъ изъ лучшихъ учениковъ, оказывался настолько неподготовленнымъ къ слушанію университетскихъ лекцій, что, несмотря на искреннее желаніе, не могъ пойти дальше перваго курса. Наоборотъ ничѣмъ рѣзко не выдававшійся юноша вдругъ оказался преуспѣвшимъ въ предметахъ, о которыхъ въ гимназіи и не слыхивали, и дѣлался по нимъ специалистомъ. Изъ кружка моихъ бывшихъ товарищей такимъ образомъ вышелъ, напримѣръ, блестящій, хорошо извѣстный Европѣ египтологъ; одинъ изъ моихъ соклассниковъ—профессоръ зоологіи; другой—профессоръ хирургіи; вышло пять или шесть инженеровъ,—все специальности, для которыхъ классики ничего существеннаго дать не могли. Въ учителя и юристы пошли сравнительно немногіе, да и тѣ свою ученую степень, кажется, завершили только директорствомъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Гимназія не развила въ насъ горячаго отношенія къ знанію. Мы были если не холодны, то только теплы, вопреки предостереженію апостола. Что можетъ быть хуже этой теплоты! Мы совершенно равнодушно относились ко всему, и въ политическомъ отношеніи замѣчалась та же индифферентность. Повидимому, конецъ шестидесятыхъ, начало семидесятыхъ годовъ, разгаръ той бѣсовщины, которую съ такой титанической мощью умѣлъ воплотить въ своемъ романѣ Достоевскій,—долженъ былъ бы оставить въ молодыхъ умахъ слѣды. Но большинство не хотѣло ничего видѣть, точно жило на другой планетѣ. Вопросъ о всеобщей воинской повинности, заставшій меня въ четвертомъ классѣ, какъ теперь помню, возбудилъ говору всего дня на два.

— Шесть мѣсяцевъ по окончаніи ученья,—объ этомъ и говорить-то не стоитъ!

Нечаевскій процессъ, долго тамъ и тутъ дававшій свои отзвуки, отразился тѣмъ, что одного изъ братьевъ нашихъ учениковъ сослали въ Сибирь. Когда у брата спрашивали объ этомъ, онъ равнодушно отвѣчалъ:

— Не всё ли ему равно? Онъ даже съ удовольствіемъ поѣхалъ.

Одинъ изъ сыновей нашего непосредственнаго начальника даже былъ повѣшенъ: вотъ насколько близко иногда касалась насъ про-

паганда. Но въ большинствѣ семей была тишь да гладь. Тихій, бюрократическій омутъ ничѣмъ не возмущался: давались домашніе спектакли, пѣли, танцовали, влюблялись, сдавали экзамены. Иногда старшіе братья пропадали и всплывали гдѣ нибудь далеко. Старушки волновались, крестились, служили молебны, но всё шло своимъ чередомъ.

Мы смотрѣли другъ на друга, не какъ на товарищѣй юности, на товарищѣй будущей совмѣстной жизни, а просто, какъ на случайно встрѣтившихся пассажировъ на пароходѣ, который долженъ совершить восьмилѣтнее плаваніе. Мы собираясь пѣли «Gaudeamus», но очень скептически произносили слова:

Vivat academia,
Vivant professores!—

такъ какъ не желали особаго долгоденствія ни своей гимназіи, ни ея руководителямъ. У всѣхъ была мысль одна: развязаться скорѣе съ сѣро-голубыми стѣнами и уйти въ жизнь.

Мнѣ доводилось и читать и слышать о томъ, какъ и какіе издавались рукописные журналы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всегда указываютъ авторы на одно изъ двухъ: или учителя русской словесности одобряютъ попытки юныхъ авторовъ и способствуютъ дальнѣйшему ихъ развитію, или напротивъ того, журналъ уничтожается, какъ явленіе крайне вредное, отвлекающее учениковъ отъ занятій и способствующее нежелательному броженію умовъ. У насъ тоже выходилъ журналъ—въ теченіе двухъ лѣтъ—и никому изъ насъ и въ голову не приходило представить на судъ учителей наши писанія. Журналъ этотъ не составлялъ никакой тайны, свободно обращался въ семьяхъ учениковъ и въ классахъ, быть можетъ, и начальство о немъ знало, но никогда ни единымъ звукомъ объ этомъ никто не обмолвился.

Журналъ этотъ не носилъ никакого опредѣленнаго названія, и выходилъ ежемѣсячно тетрадами иногда довольно объемистыми—въ триста и болѣе страницъ. Редакторъ былъ очередной, каждый мѣсяць новый. Онъ заботился о подборѣ статей, которыя доставлялись начисто переписанными самимъ авторомъ. Редакторъ нумеровалъ ихъ, составлялъ оглавленіе, брошюровалъ, и въ такомъ видѣ журналъ выходилъ въ свѣтъ. Читали по очереди, не задерживая у себя на дому тетрадь болѣе, чѣмъ на одинъ вечеръ. Когда журналъ обходилъ всѣхъ, онъ оставался въ собственность редактора.

Въ журналѣ преобладала поэзія и беллетристика. Послѣдняя нерѣдко носила нѣсколько сатирической характеръ, и являлась памфлетами на товарищѣй, которые относились къ этому весьма добродушно. Стихи были неровнаго достоинства, но многіе изъ нихъ, особенно переводы, года черезъ два-три попали на страницы настоящихъ журналовъ, да и рассказы впослѣдствіи тоже появи-

лись въ печати. Отдѣлъ критики процвѣталъ; критиковали произведенія своего кружка, отнюдь не касаясь литературы вообще. Только одинъ вопросъ, занимавшій журналистику семидесятихъ годовъ, волновалъ и насъ,—вопросъ въ сущности довольно праздный—о медіумизмѣ. Вспомните, что это былъ разгаръ полемики между Бутлеровымъ, Менделѣевымъ, Вагнеромъ и Аксаковымъ. Среди насъ былъ маленькій кружокъ, занимавшійся спеціально качаніемъ столовъ и разговорами съ душами аеонскихъ иноковъ и какихъ-то Эльвъ, бывшихъ баядерками въ Агрѣ и не чуждавшихся сосѣдства съ почтенными монахами. Если не ошибаюсь, кое-кто ѣздилъ къ А. Н. Аксакову и отъ него получалъ свѣтъ истины.

Былъ еще отдѣлъ—музыкальной критики, которую вело лицо, вполнѣдствіи издававшее въ Петербургѣ свой спеціальнй музыкальнй журналъ. Но вообще по музыкѣ мы были плохи,—въ гимназіи, кромѣ посредственнаго хора пѣвчихъ, никакихъ вокально-инструментальныхъ занятій не было.

Журналъ, какъ я сказалъ уже, просуществовалъ два года,—и вышло всего, вѣроятно, номеровъ пятнадцать. Онъ долженъ былъ кое у кого сохраниться. Къ сожалѣнію, экземпляры, вышедшіе подъ моимъ редакторствомъ, безвозвратно утрачены.

VII.

Вообще искусствомъ молодежь занималась мало, хотя я не могу сказать, чтобъ имъ не интересовались. Рисованіе при мнѣ было поставлено убійственно. Какой-то подслѣповатый старикъ, отъ котораго всегда отзывало водкой, въ форменномъ сюртукѣ контролировалъ въ младшихъ классахъ рисованіе кубиковъ, крестиковъ, палочекъ и литографированныхъ ландшафтовъ, изображавшихъ необычайно кудрявыя деревья, камни, похожіе на спящихъ медвѣдей, и медвѣдей, похожихъ на камни. Пробовали рисовать съ натуры: т.-е. ставили какой-то листовннй орнаментъ, гипсовую статую челоѡка со снятой кожей и протянутой рукой, и сѣрую въ яблокахъ лошадку изъ папье-маше. Самъ учитель плохо объяснялъ кое-что изъ перспективы и ничего не умѣлъ показать. Съ третьяго класса рисованіе безслѣдно пропало. Это не помѣшало тому, чтобъ нѣсколько гимназистовъ уже въ пятомъ классѣ взяли за масляныя краски и съ усердіемъ занялись пейзажной живописью, лѣтомъ—на натурѣ, зимою—съ оригиналовъ. Дядя одного изъ учениковъ былъ художникъ, ежегодно выставявшій свои картины на академической выставкѣ, и вотъ отъ него-то черезъ племянника и стала развиваться страсть къ масляной живописи. Я тоже съ упорствомъ занялся ею, и въ одну зиму скопировалъ больше тридцати вещей, отъ чего, конечно, классики нѣсколько пострадали.

Мой дядя, жившій когда-то съ нами, показалъ мнѣ тогда всѣ приемы работы акварелью, но я никогда не любилъ этого способа живописи. Тѣмъ не менѣе, благодаря дядѣ, я настолько пристрастился къ живописи, что съ 1866 года до сего дня не пропустилъ ни одной выставки. Онъ выучилъ меня смотрѣть картины. Помню, какъ онъ свелъ меня къ Полицейскому мосту, гдѣ въ бельэтажѣ, на тогдашней постоянной выставкѣ, показывалась «Княжна Тараканова» Флавицкаго, производившая необычайный фуроръ въ публикѣ своимъ мелодраматизмомъ чисто брюлловскаго пошиба. Дядя былъ восхищенъ этимъ произведеніемъ, чему, вѣроятно, немало способствовало его личное знакомство съ Флавицкимъ и совмѣстныя сѣтованія о томъ, что талантъ его затертъ, и что такая великая (!!) вещь, какъ «Христіане въ Римскомъ циркѣ», оказалась забраккованной академіей, т.-е. въ томъ отношеніи, что художнику не дали званія, на которое онъ рассчитывалъ. Тутъ же у Полицейскаго моста стояли двѣ безусловно оригинальныя композиціи Айвазовскаго: «Хаосъ» и «Потопъ», «Хаосъ» безконечно выше второй картины, испорченной множествомъ плохо написанныхъ человѣческихъ фигурокъ. «Потопъ» скорѣе эскизъ грандіозной картины въ стилѣ Делороса, чѣмъ марина. Мы долго стояли, открывши ротъ передъ этими вещами. Дядя видѣлъ въ нихъ даже то, о чемъ художникъ и не думалъ. Онъ, на примѣръ, видѣлъ, какъ воздухъ отдѣляется отъ воды, чего я и до сего дня не могу разсмотрѣть въ «Хаосѣ».

Но, кромѣ двоихъ-троихъ учениковъ, выставокъ никто не посѣщалъ, даже я сомнѣваюсь, чтобъ сами-то учителя ходили на выставки. Театры тоже мало посѣщались, а если кто бывалъ тамъ постоянно, то по абонементу въ итальянской оперѣ или у французовъ въ Михайловскомъ театрѣ, конечно, тоже во дни абонементовъ. Считалось шикомъ, въ четвертомъ или пятомъ классѣ, поговорить о Лагранжъ-Белькуръ, о Паска, которые тогда гремѣли, о Тамберликѣ, о Патти, о Луккѣ, о Нильсонѣ. Всѣ эти звѣзды ссоединились тогда въ Петербургѣ, и петербуржцы считали себя обязанными слушать и восхищаться ими.

Я никогда не понималъ музыки, никогда не игралъ ни на одномъ инструментѣ, несмотря на то, что мать очень любила оперу. Мнѣ всегда казался страннымъ этотъ родъ искусства. Люди, живущіе и выражающіе свои ощущенія только однимъ пѣніемъ, въ концѣ концовъ доводили меня до неистовства, особенно въ такихъ операхъ, гдѣ либретто казалось болѣе или менѣе соответствующимъ обыкновеннымъ человѣческимъ характерамъ и страстямъ. Со второго акта нервы мои напрягались до изнеможенія. Я удивлялся, какъ нѣсколько тысячъ человѣкъ могутъ спокойно выносить такое рѣзкое вибрированіе воздушныхъ волнъ такое адское колебаніе барабанной перепонки. И раздраженіе это

настолько усиливалось, что съ третьяго акта я принужденъ былъ покидать театральную залу. Съ возрастомъ это обостреніе звуковыхъ впечатлѣній значительно стало тупѣе. Я могу безъ боли заставить себя просидѣть въ оперѣ до конца, въ особенности не на правой сторонѣ, гдѣ помѣщаются духовые инструменты. Изъ аванложи, черезъ запертую дверь, я уже съ удовольствіемъ слушаю пѣніе, а далекое пѣніе на открытомъ воздухѣ, особенно на озерѣ, доставляетъ мнѣ прямо наслажденіе. Громкая же музыка вблизи до такой же степени мнѣ нестерпима, какъ визгъ пробки по стеклу, или свистъ паровоза возлѣ самаго уха. Доктора объясняли мнѣ это просто обостренной чувствительностью слухового аппарата и излишней нервностью. А одинъ медикъ-профессоръ (теперь покойный) даже сказалъ:

— Нервы у женщинъ грубѣе, чѣмъ у мужчинъ, поэтому среди нихъ больше любителей музыки. Зато хорошій поваръ всегда обгонитъ во вкусовыхъ ощущеніяхъ лучшую кухарку, такъ какъ женскій языкъ не способенъ на ощущенія тончайшихъ вкусовыхъ градацій.

VIII.

Зато меня «отъ молодыхъ ногтей» тянуло къ драмѣ. Тѣ скудные карманныя деньги, что водились у четырнадцатилѣтняго мальчика, нерѣдко цѣликомъ шли на театръ. Въ тѣ блаженные времена мѣсто за креслами стоило семьдесятъ пять копеекъ, и поэтому, истративши цѣлковый, можно было съ чрезвычайнымъ комфортомъ посмотрѣть любой спектакль. Если же нельзя было произвести столь расточительныхъ расходовъ, то я предпочиталъ «верхотурѣ», — т.-е. балкону и галлерей, — оркестръ, куда за полтинникъ можно было всегда проникнуть, облачившись въ черный сюртукъ и бѣлый галстукъ. Видна была оттуда только авансцена, да и артисты видны были только по колѣна, но зато безусловно можно было видѣть мельчайшія детали мимики и даже слышать, какъ исполнители переговариваются другъ съ другомъ.

Разумѣется, первыя театральныя представленія, показанныя мнѣ отцомъ, были балаганы и цирки. На масленицѣ меня непременно укутывали въ тулупчикъ и везли на Адмиралтейскую площадь, гдѣ на мѣстѣ нынѣшняго Александровскаго сада стоялъ рядъ цестрыхъ балагановъ, и между ними цервенствовалъ Бергъ. Изъ года въ годъ у него давалась итальянская пантомима, съ неизбѣжнымъ арлекиномъ, пьерро, коломбиной, чертями, бенгальскимъ огнемъ и превращеніями. Поставлена эта пантомима у Берга была превосходно, декорация онъ выписывалъ изъ-за границы, а превращенія были настолько удачны, что имъ могла бы позавидовать и казенная сцена.

Въ «настоящій» театръ меня отецъ повезъ очень рано—лѣтъ четырехъ. И случилось это, какъ теперь помню, экспромптомъ. Управляющій тѣмъ домомъ, гдѣ помѣщалось министерство, былъ какой-то толстый бѣлокурый господинъ лѣтъ пятидесяти, гладко бритый, всегда вѣжливо стоявшій у притолоки въ кабинетѣ отца, когда приходилъ съ докладомъ. Разъ зимою онъ сказалъ отцу:

— Хоть бы вы сынку вашему балетъ показали. Вотъ сегодня идетъ «Робертъ и Бертрамъ»—очень занятно. Пожалуйте, а я васъ посажу,—сочту за честь.

Мать воспротивилась: говорила, что такихъ маленькихъ ребятъ въ кресла не возять, но отецъ все-таки меня повезъ. Въ коридорѣ насъ встрѣтилъ знакомый управляющій—въ штиблетахъ и красномъ жилетѣ: оказалось, онъ былъ старшимъ капельдинеромъ. Большой театръ—этотъ прелестнѣйшій изъ европейскихъ театровъ, поразилъ меня блескомъ и великолѣпиемъ, а гроза въ первомъ актѣ такъ напугала меня, что я спрятался въ жилетъ къ отцу, и онъ принужденъ былъ меня увести въ коридоръ. Но со второго акта все пошло благополучно, и мы просидѣли чуть не до конца.

Второй мой выѣздъ въ театръ—въ Александринскій, былъ менѣе удаченъ: я больше помню его по разговорамъ матери. Ее внезапно пригласили знакомые на новую пьесу Николая Потѣхина—«Быль молодцу не въ укоръ». Оставить меня дома было не на кого, и потому я очутился въ ложѣ бельэтажа. Черезъ часъ мнѣ невыносимо захотѣлось спать, и я, къ соблазну публики, расположилъ свою голову на барьерѣ, обтянутомъ малиновымъ манчестеромъ. Тогда меня переложили вглубь ложи, и я сладко проспалъ весь спектакль на мягкихъ салопахъ двухъ сибирячекъ, о которыхъ я говорилъ выше, и которыя никогда не отдавали верхняго платья капельдинерамъ изъ боязни воровъ и пожара. Но въ послѣднемъ актѣ меня мать разбудила, и сказала «смотри-ка, что дѣлается на сценѣ». Помню мое изумленіе: вмѣсто скучныхъ комнатъ былъ изображенъ иллюминированный павловскій садъ, и на открытой эстрадѣ вокзала дирижировалъ оркестромъ Штраусъ. Старушки находили, что Штраусъ очень похожъ.

Гораздо болѣе ясно я помню представленіе «Грозы». Особенно помню автора, выходившаго на вызовы публики въ армякѣ, такъ что я даже спрашивалъ:

— Мама, онъ приказчикъ?

На это мать отвѣчала:

— Нѣтъ, онъ только такъ костюмированъ.

До сихъ поръ я помню темно-коричневое платье Снѣтковой, которая изображала Катерину, и зловѣщую фигуру Линской. Остальное какъ-то путается въ туманѣ. Сила таланта всегда останется силой—и поразить одинаково и взрослога и ребенка. Это особенно рѣзко сказалося вотъ на чемъ. Разъ взяли меня въ театръ, мнѣ

было ужъ лѣтъ десять, и весь спектакль остался у меня въ памяти въ смутныхъ чертахъ. Но въ одноактной комедіи, шедшей въ концѣ спектакля, старикъ-еврей поразилъ меня своей мимикой, фигурой, лицомъ, гримомъ. Прошло тридцать пять лѣтъ, а его вижу, какъ сейчасъ, могу зачертать его степенную благородную фигуру карандашемъ. Занимаясь какъ-то въ архивѣ дирекціи, я припомнилъ это впечатлѣніе, а такъ какъ спектакль этотъ былъ связанъ съ однимъ семейнымъ событіемъ, то найти афишу этого дня оказалось весьма нетрудно. Пьеса называлась «Одно слово министру», а актеръ, поразившій меня, былъ Самойловъ.

Впослѣдствіи я Самойлова видѣлъ множество разъ—во всѣхъ роляхъ, что онъ игралъ въ послѣднее десятилѣтіе своей рано кончившейся сценической дѣятельности, и внѣшніе облики его фигуръ неизгладимо запечатлѣлись въ моей памяти. Каждый разъ, когда онъ выходилъ на сцену, казалось, что это выходитъ не актеръ, а кто-то, случайно забредшій на сцену съ улицы, пришедшій сюда не затѣмъ, чтобъ доложить публикѣ свою роль, а по своему дѣлу. Самойловъ часто былъ нетвердъ въ роли, чѣмъ приводилъ въ смятеніе авторовъ, не обладалъ глубокимъ трагизмомъ, а героическіе типы совсѣмъ у него не выходили. Но это былъ артистъ такихъ жизненныхъ деталей, такой правды въ будничной жанровой комедіи, что равнаго ему въ этой сферѣ мнѣ никогда не доводилось видѣть.

Реализмъ Самойлова особенно рѣзко выдавался уже потому, что на сценѣ тогда царилъ жесточайшая условность. Пять-шесть декораций, изображавшихъ роскошную бѣлую залу, роскошную красную гостиную, «мѣщанскій» павильонъ, «бѣдную» комнату и просто «водевильный» павильонъ, чередовались одна за другой для всѣхъ пьесъ. «Горе отъ ума», «Самозванецъ», «Людовикъ XI» — все это не стѣсняясь ютилось въ общихъ декорацияхъ. Вдоль авансцены неизбѣжно ставился съ одной стороны диванъ, а съ другой два стула и столикъ, покрытый грошевой скатертью. Освѣщеніе шло только снизу, отъ рампы, и потому столы и стулья давали густыя тѣни на стѣнахъ, а иногда на лицахъ артистовъ. О какойнибудь вѣрности изображаемой эпохѣ никогда и рѣчи не было. Лиза ходила въ «Горѣ отъ ума» въ кисейномъ платьицѣ съ кринолиномъ. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ впервые на сценѣ явилось ситцевое платье: Читау, играя Дуню въ пьесѣ «Не въ свои сани», осмѣлилась гладко причесаться и кисею замѣнить ситцемъ, чѣмъ привела въ немалое изумленіе товарищей. «Горе отъ ума» потому не ставилось въ костюмахъ 1822-го года, что боялись «смѣшного» впечатлѣнія. У насъ драматическіе артисты настолько не умѣли носить костюмовъ, что даже Гончаровъ и тотъ склонялся къ необходимости выпускать гостей Фамусова въ современныхъ намъ платьяхъ, дабы не были они похожи на «бѣглецовъ съ Апраксина рынка». Это выраженіе

весьма точно передастъ впечатлѣніе, производимое «гостями» и «придворными» на сценѣ Александринскаго театра вплоть до конца семидесятихъ годовъ. Только въ послѣднія двадцать лѣтъ, особенно при А. А. Потѣхинѣ двинулась впередъ режиссерская сторона дѣла. Даже въ «Ревизорѣ», гдѣ ужъ поневолѣ чиновниковъ пришлось облекать въ соотвѣтствующую форму, и тамъ Хлестаковъ имѣлъ обыкновеніе одѣваться въ современное модное платье, да и городничиха съ дочкой выходили одѣтыми по послѣднему журналу.

IX.

Я засталъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ блестящую плеяду артистовъ. Правда, Мартыновъ уже былъ въ могилѣ, Брошель и Сибѣтковой тамъ уже не было, но Самойловъ и Павелъ Васильевъ были въ полной силѣ. Сосницкій еще иногда появлялся на сценѣ, и иногда еще съ большимъ подъемомъ игралъ Сквозника. Изъ молодежи восходящими звѣздами блестяли Сазоновъ и Монаховъ, но, къ сожалѣнію, ихъ заѣдала оперетка, культивируемая режиссеромъ Яблочкинѣмъ. На вторыхъ роляхъ являлись такіе почтенные артисты, какъ Зубровъ, Степановъ, Каратыгинъ. Талантъ Линской не подлежалъ сомнѣнію, и горе было только въ томъ, что не было хорошей драматической артистки. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ появилась молоденькая Яблочкина, но года черезъ четыре пропала безслѣдно.

Никакой системы при веденіи репертуара не соблюдалось. Сегодня шелъ «Шейлокъ», завтра «Орфей въ аду», послѣзавтра— «Доходное мѣсто». Былъ бы сборъ, а Шекспиръ ли, Оффенбахъ— все равно. Случайное появленіе въ драматическомъ театрѣ Лядовой круто поворотило все теченіе репертуара къ опереткѣ, и когда Лядова внезапно умерла, то начальство стало усердно подыскивать ей преемницъ въ лицѣ Кронебергъ, Чернявской, Кольцовой и т. д. Да и то сказать: гораздо легче было ставить оперетку, чѣмъ серьезную драму. «Прекрасная Елена» имѣла огромный успѣхъ, а Пушкинскій «Годуновъ» торжественно и жестоко провалился, несмотря на «роскошную» постановку. Впрочемъ роскошь постановки тогда полагалась въ декорацияхъ и костюмахъ, а отнюдь не въ хорошей сценической игре: до такой роскоши не доходили. Да и декоративно-буффорная роскошь была условна. Это были первыя серьезныя экскурсіи въ область отечественной археологіи.

Проваль «Годунова»—очень скорбная страница въ лѣтописяхъ нашего театра. Я помню, какъ я, пятнадцатилѣтній мальчикъ, наизусть выучившій пушкинскую трагедію, съ какимъ-то священнымъ трепетомъ ждалъ поднятія занавѣса въ Маріинскомъ театрѣ при первомъ представленіи. Да и публика была настроена не менѣе ажижированно, чѣмъ на первомъ представленіи «Елены». Четырьмя

годами ранѣе дирекція сдѣлала блестящій опытъ—поставила «Смерть Грознаго» графа А. К. Толстого, а черезъ годъ—«Василису» Островскаго. Успѣхъ этихъ пьесъ окрылилъ режиссерское управление. Но забыли одно: «Грознымъ» руководилъ самъ графъ Толстой, а мы знаемъ по его «Проекту постановки», какъ серьезно относился онъ къ каждой детали, какого требовалъ настроенія каждой сцены, какъ разъяснялъ каждому артисту характеръ изображаемой роли. Островскій уже однимъ превосходнымъ чтеніемъ пьесы могъ уяснить половину дѣлу. «Годуновъ» же всецѣло былъ сданъ на руки режиссерскаго управленія—и результатъ получился въ высшей степени печальный.

Драма была раздѣлена совершенно произвольно на дѣйствія и картины. Роли были заучены не твердо, исполненіе было шаткое и валкое. Леонидовъ, игравшій Бориса, придавалъ ему окраску мелодраматическаго злодѣя, и всю роль подвывалъ глухимъ голосомъ. Изъ патріарха, превращеннаго афишей въ «Стараго боярина», Бурдинъ сдѣлалъ комическое лицо. Григорьевъ, изображавшій Пимена, вмѣсто—

...безбожную предательницу мамку,
сказалъ—

безбожную предательницу-кормилицу.

Самойловъ далъ блестящій внѣшній обликъ Отрепьева, но тоже не выучилъ стиховъ, и такъ какъ фонтанъ заглушалъ его слова, и суфлера онъ не слышалъ, то и говорилъ про Марину:

...Я готовъ сражаться съ Годуновымъ,
Или съ придворнымъ іезуитомъ,
Только не съ ней... Что она здѣсь путала?
Вы слышали?.. Путаешь, путаешь...

Я не могу привести, конечно, дословно, что говорилъ артистъ, но помню общій хохотъ. Единственнымъ вызовомъ во всей пьесѣ была почтена только эта сцена, хотя исполнительница Марины была жестока опикана.

Если вы просмотрите рецензіи того времени, васъ удивитъ указаніе на то, что каждая новая пьеса Островскаго не только не имѣла успѣха, но доказывала поднѣйшее изсякновеніе его таланта. «Горячее сердце», «Лѣсъ», «Поздняя любовь»—все это, по мнѣнію критики, знаменовало, что авторъ «исписался». Автора упрекали въ томъ, что онъ повторяется, что онъ не достаточно глубоко анализируетъ, что въ его типахъ нѣтъ «свѣтлыхъ лучей»—въ родѣ Жадова, Катерины. Иные критики называли «Лѣсъ»—мертворожденнымъ дѣтищемъ. Если бъ они знали, что онъ тридцать лѣтъ не будетъ сходитъ съ репертуара всѣхъ русскихъ театровъ!

Самъ Островскій, подсмѣиваясь надъ критиками, говорилъ мнѣ въ послѣдствіи:

— Вѣдь это смѣшно: поставишь пьесу, они ее обругаютъ. Пройдетъ два года—новую ставишь, новую ругаютъ, а старую то хвалятъ: вотъ, говорятъ, была пьеса, не чета этой: и талантливо, и наблюдательно, и то, и это...

Говорятъ, что за два года до смерти Островскій хотѣлъ продать свои права на получение авторскаго гонорара въ провинціи навсегда (т.-е. на пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти) за десять тысячъ рублей. Зналъ ли почтенный Александръ Николаевичъ, что черезъ пятнадцать лѣтъ провинціальныя театры будутъ его на слѣдникамъ выдавать болѣе десяти тысячъ ежегодно!..

Не успѣхъ новыхъ пьесъ Островскаго во вторую половину его дѣятельности слѣдуетъ приписать небрежной постановкѣ и слабости исполненія. Исполненіе всегда было значительно ниже текста. Пока Линскія, Садовскіе и Мартыновы играли его героевъ,—пьесы были талантливы. Когда же заиграли Бурдины, Нильскіе и Громовы,—пьесы стали слабы. У насъ зритель и критикъ никогда не отличаетъ автора отъ исполнителя. Я помню, какъ расхвалили пьесу «Не все коту масленица»—далеко не первоклассное произведеніе Островскаго, но расхвалили потому, что ее чудесно сыграли Стрѣльская, Яблочкина и Виноградовъ. То же было позднѣе съ комедіей (скорѣе водевилемъ)—«Правда хорошо, а счастье лучше». Савина, Читау, Виноградовъ, Сазоновъ, Варламовъ отлично играли, пьеса оказалась талантливой. А «Сердце не камень» не задалась исполнителямъ—значить, пьеса дрянъ. Но болѣе всего въ семидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ губилъ репутацію Островскаго Бурдинъ, которому Александръ Николаевичъ, какъ всѣмъ извѣстно, съ несравненнымъ великодушіемъ отдавалъ на растерзаніе лучшія роли. Островскій необычайно добродушно рассказывалъ, какъ, проваливши «Лѣсъ»,—гдѣ Бурдинъ игралъ Несчастливцева,—онъ при общемъ шиканѣ вышелъ за кулисы и, обнимая автора, перефразировалъ извѣстную латинскую поговорку:

— Ну, я сдѣлалъ, что могъ,—кто можетъ лучше, пусть попробуетъ!

Пьесы Тургенева тогда совсѣмъ не шли: ихъ находили несценичными. Вѣрнѣе, онѣ не находили соотвѣтственныхъ исполнителей. Онѣ были слишкомъ тонки для публики, которая привыкла къ грубому трафарету, и привыкла болѣе смотрѣть, чѣмъ слушать. Когда въ концѣ семидесятыхъ годовъ съ успѣхомъ прошелъ «Мѣсяцъ въ деревнѣ»,—публика обрадовалась: значить, и Тургенева можно давать на сценѣ! Удивился даже самъ Тургеневъ,—онъ наивно вѣрилъ въ то, что онъ не можетъ писать для сцены.

Уровень литературности пьесъ былъ очень слабъ. Давали, напримеръ, пьесу «Наташа, или Волжскіе разбойники», передѣлан-

ную изъ извѣстной баллады Пушкина. Это была удивительная белиберда съ пѣніемъ, плясками, разбойничьей ватагой. Иногда спектакль состоялъ изъ пяти водевилей. «Иголкинъ, купецъ новгородскій», «Русскій человѣкъ добро помнитъ»—считались пьесами назидательными и, конечно, гораздо болѣе сценичными, чѣмъ тургеневскія пьесы. Шекспира было некому играть: трагическихъ актеровъ не было. Впрочемъ Самойловъ брался и за Гамлета, и за Лира, и за Шейлока, но ни одна изъ этихъ попытокъ успѣхомъ не увѣнчалась, и Шекспиръ цѣлыми пятилѣтіями не появлялся на сценѣ. Шиллеръ тоже казался по шестидесятымъ годамъ устарѣвшимъ. О Лессингѣ, Гёте, Кальдеронѣ, Лопе де Вега—и не заикались. Каскадное правленіе Наполеона III, породившее рабби Оффенбаха, по утрамъ молившагося передъ скиніей, а днемъ учившаго хористокъ пѣть «Дзинъ-ла-ла!», очень печально отразилось на судьбахъ нашего театра. Опереточное иго надолго отодвинуло самостоятельное развитіе русскаго репертуара. Мутный потокъ этого наводненія залилъ всю Европу. Съ большимъ трудомъ приходилось Островскимъ бороться съ этимъ теченіемъ и отвоевывать себѣ законное мѣсто. Образцовая сцена обратилась въ буффъ, и серьезныя артистки запрыгали въ трико по сценѣ. Въ печати очень мало голосовъ раздавалось противъ такого репертуара. Популярныя рецензенты съ одинаковымъ вкусомъ сообщали о томъ, какъ игралъ Павелъ Васильевъ Торцова, и какъ Марковецкій пѣлъ Менелая. Если и раздавались голоса противъ, то они тонули въ общемъ хорѣ одобреній и восхищеній.

Въ числѣ загородныхъ театриковъ, привлекавшихъ въ ту пору публику, былъ Ораніенбаумскій театръ, куда, живя лѣтомъ въ его окрестностяхъ, мнѣ частенько доводилось заглядывать. Положеніе Ораніенбаума между Кронштадтомъ и Петергофомъ много способствовало процвѣтанію его театра. Здѣсь нерѣдко гастролировали петербургскіе актеры, и иногда появлялся даже Самойловъ. Здѣсь же являлись молодые актеры, которымъ въ будущемъ суждено было занять первостепенное мѣсто на театральномъ небосклонѣ. Особенно памятно мнѣ появленіе одного дебютанта. Послѣ довольно плохо сыгранной «Фру-Фру», которую изображала Ольга Козловская, вдругъ въ водевилѣ выкатилось на сцену что-то невѣроятно несуразное. Это былъ еще молодой человѣкъ, толстый, большой, съ открытымъ, необычайно добродушнымъ лицомъ. Въ немъ было что-то стихійное, совершенно неподходящее къ сценическимъ требованіямъ. Я помню, какъ вся публика покатила со смѣха при видѣ его, а онъ разставилъ свои ноги и тоже началъ улыбаться. Когда онъ заговорилъ,—его голосъ наполнилъ весь театръ, и смѣхъ всё росъ и росъ. Не могу забыть какого-то мичмана, который си-

дѣлъ въ ложѣ, схватившись за виски, и не смѣялся, а рыдалъ надъ барьеромъ.

— Что это за мастодонтъ? откуда? — спросилъ, отирая выступившій отъ смѣха слезы, покойный Плещевъ у сосѣда моряка.

— А это молодой совсѣмъ мальчикъ—Варламовъ: онъ игралъ у насъ въ Кронштадтѣ. Богатыя данныя.

— Да ужъ на что богаче!

И когда я теперь смотрю, тридцать пять лѣтъ спустя, на этого почтеннаго артиста, мнѣ кажется, что я переносусь въ далекую пору: конечно, онъ отяжелѣлъ, постарѣлъ, но та же живая струя комизма бьетъ въ немъ попрежнему,—и даже больше прежняго.

Х.

Припоминая рядъ образовъ и типовъ, прошедшихъ передъ мною въ теченіе первыхъ лѣтъ моей жизни, далекой отъ литературнаго и художественнаго міра, вращавшейся въ средѣ чиновничьей и помѣщичьей, «въ средѣ бюрократіи и рантьеровъ», какъ выражались посѣтители моего бѣднаго дяди, я невольно долженъ отмѣтить одно обстоятельство.

Каждый разъ, когда впослѣдствіи, уже за себя выступивъ на беллетристическомъ поприщѣ, я позволялъ себѣ брать данное лицо близко къ натурѣ, не обобщалъ его, а прямо фотографировалъ, что такъ свойственно особенно начинающимъ авторамъ,—я получалъ отъ критиковъ рѣзкія осужденія въ утрировкѣ. Передо мной, какъ живые, стояли типы, знакомые мнѣ съ ранняго моего дѣтства. Списать ихъ, какъ портретъ, не представлялось много труда. И вотъ строгая критика неукоснительно упрекала меня въ излишнихъ краскахъ, въ томъ, что я выдумываю глупыхъ людей и силюсь ихъ ставить въ глупое положеніе. А между тѣмъ какъ живописецъ никогда не дойдетъ по яркости красокъ до той силы, какая чувствуется въ натурѣ, такъ и писатель сколько ни утрируй, сколько ни фантазируй, никогда не сравнится по странности самыхъ, повидимому, неестественныхъ сочетаній съ живою дѣйствительностью. Попробуйте въ любомъ романѣ рассказать о томъ, какъ безграмотная истеричная крестьянка обнаружила стратегическія способности, стала во главѣ войскъ, дала нѣсколько удачныхъ сраженій, короновала короля, и за это была сожжена на площади,—и вамъ скажутъ, что это глупѣе приключеній Рокомболя. Да затѣмъ итти такъ далеко? Не Іоанна д'Аркъ, а наша дѣвица Дурова—развѣ это не романическій маскарадъ? Развѣ вѣкъ Нерона—не фантастичнѣе всѣхъ восточныхъ сказокъ? Развѣ изобрѣтенія Эдиссона—не превзошли фантазіи Жюль-Верна и Робиды, къ которымъ глубокомысленные критики относились, какъ къ «глупой сказкѣ»?

Говорятъ, наша русская жизнь сѣра, что мы всё урегулированы и приведены къ одному утвержденному образцу, что страсти и порывы намъ чужды, что дальше скучныхъ будней мы не идемъ. Тургеневъ съ своей мягкой спокойной манерой письма и тихимъ задумчивымъ колоритомъ, Гончаровъ съ своей спячкой и лѣнью внесли въ нашу литературу цѣлую галерею живыхъ людей, но одностороннихъ, страдающихъ тихо и молча, радующихся жизнью какъ-то подъ сурдинку. Въ нихъ, въ этихъ герояхъ, нѣтъ ни Стеньки Разина, ни Пугачева, ни Самозванца, ни Лермонтова, громаднаго «жадную толпу, стоящую у трона», ни ёры-забияки Давыдова, тѣхъ чертъ удали, беззавѣтности, дѣйствій очертя голову, которыя составляютъ одну изъ рѣзкихъ чертъ нашего національнаго характера.

Я вспоминаю рядъ близкихъ, родныхъ мнѣ фигуръ изъ эпохи дѣтства и отрочества. Вотъ вамъ рядъ набросковъ, цѣликомъ фотографированныхъ съ натуры.

Пьянство въ низшихъ классахъ нашло давно бытописателей. Начиная съ Левитова, Рѣшетникова и прочихъ представителей «трезвой правды» и кончая пьяной великой правдой Мармеладова, — мы видѣли въ литературѣ рядъ удручающихъ картинъ безпробуднаго, отчаяннаго, доходящаго до полнаго паденія пьянства. Но пьянство болѣе интеллигентныхъ слоевъ общества обѣгается беллетристами. Какъ будто тамъ его, какъ страшнаго бича, не бываетъ, какъ будто оно не губить людей въ такой же мѣрѣ, съ еще большей жестокостью, чѣмъ среди чернорабочаго люда.

Картина, когда дюжие дворники усаживаютъ пьяную бьющуюся въ ихъ рукахъ бабу на извозчика, приправляя свои тычки крѣпкою бранью, — отвратительна. Къ этому отвращенію примѣшивается щемящее чувство безконечной жалости и состраданія къ ребенку, что плачетъ, держась за разорванное платье матери, она — вся въ крови, съ разбитымъ лицомъ, воя лежитъ поперекъ дрожекъ, а городской говоритъ: «проходите, господа, проходите!»

Но представьте себѣ такую картинку. Столовая въ стилѣ Генриха Второго. Лампа ярко горитъ и заливаєтъ свѣтомъ голландскую скатерть, серебряный чайникъ, вымытыя салфеточки. У стола сидятъ двѣ барышни и ихъ братъ, студентъ. Ихъ отецъ генераль, безпокойно ходитъ большими шагами по столовой. Всѣ встревожены, возбуждены.

— Что не нашли? — спрашиваетъ генераль вошедшаго денщика.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! Кобылкинъ побѣжалъ опять.

— Когда же она вышла?

— Да съ двухъ часовъ, — отвѣчаетъ дочь. — Поѣхала въ Гостиный дворъ, потомъ отпустила лошадь, сказала, что придетъ домой.

Генераль беретъ за голову.

Наконецъ денщикъ докладываетъ:

— Ведутъ генеральшу, ваше превосходительство.

Два солдата ведутъ жену генерала, еще не старую, красивую женщину. Она совершенно пьяна. Она напилась въ простомъ кабакѣ неподалеку отъ дома. Она и хохочетъ, и плачетъ. Дѣти кидаются къ ней навстрѣчу.

— Мамочка, мамочка, опять вы?..

— Пошли къ чорту! — говоритъ она, и повертываясь показываетъ синякъ на щекѣ и разорванный рукавъ.

— Упираются, нейдутъ, — говоритъ въ свое оправданіе денщикъ. — Вдругъ какъ рванулась изъ рукъ — ну, и треснуло по шву.

Генеральшу укладываютъ въ постель. Долго слышатся ея пьяное бормотанье и ругань. Дѣти плачутъ, мужъ воздѣваетъ руки кверху и говоритъ:

— Чѣмъ прогнѣвилъ я тебя, о Господи, что ты посылаешь на меня таковыя испытанія?..

Онъ сколько разъ собиралъ лучшихъ докторовъ, силился притти къ убѣжденію, что жена ненормальна, но они находили ея умственные способности совершенно правильными, а просто она страдаетъ наслѣдственнымъ алкоголизмомъ, — и средствъ отъ этого нѣтъ.

Она пропадаетъ разъ или два въ мѣсяцъ, иногда на нѣсколько часовъ, иногда на сутки. Одѣтая въ самое старое потертое платье, закутанная въ платочекъ, она пьетъ въ грязныхъ трактирахъ, пьетъ простую водку. Мужъ проситъ ее:

— Пей дома, запишись на замокъ и пей... Но пойми, хоть ради дѣтей, что это невозможно...

Генералъ посѣдѣлъ преждевременно. Дѣти дрожатъ за каждый день, за каждый часъ. Это ея наслѣдіе отъ дѣда, который въ екатерининскую эпоху считался первымъ питухомъ Петербурга.

Другая сцена — тоже изъ воспоминаній ранняго дѣтства. Въ комнату жены прокрадывается на ципочкахъ мужъ. Онъ тихонько обливаетъ ее спящую бензиномъ и хочетъ поджечь. Она просыпается, съ ужасомъ вскакиваетъ и бѣжитъ отъ него съ крикомъ. Онъ гонится за ней съ ножомъ...

Гдѣ, вы думаете, происходитъ дѣло? Въ средѣ мелкихъ ремесленниковъ? Какая причина этого ужаснаго покушенія? Ревность? Ничего подобнаго.

Онъ — человекъ немалого чина, миллионеръ. Старшему сыну уже тридцать лѣтъ. Онъ просто пилъ безъ просыпа цѣлую недѣлю у себя въ комнатѣ, и въ концѣ концовъ рѣшилъ, что необходимо покончить съ женою. Ему не удалось. Онъ взбѣсился, ушелъ изъ дома. Его къ вечеру безчувственно пьянаго приводятъ домой. Оберъ-полицеймейстеръ лично приѣзжаетъ къ супругѣ, соболѣзнуетъ и проситъ по возможности удерживать его дома.

— Распоряженіе по полиціи отдано,—говоритъ онъ.—Что бы съ нимъ ни случилось на улицѣ, онъ немедленно будетъ къ каретѣ доставленъ домой.

Но проходитъ періодъ запоя, и опять этотъ человѣкъ нормальный, пріятно играетъ въ карты, показывается иногда въ клубахъ. Нѣсколько разъ онъ допивался до чертиковъ, и когда они начинали носиться вокругъ него, онъ успокаивался, ему дѣлалось легче.

— Ничего,—говаривалъ онъ тогда женѣ,—не безпокойся, мнѣ лучше. «Они» меня не безпокоятъ. Только когда очень лѣзутъ на меня, я стряхиваю ихъ на полъ.

И въ доказательство онъ смахивалъ съ плеча жены двухъ-трехъ, что возились возлѣ ея уха.

Я зналъ трехъ барышень-алкоголичекъ. Отецъ ихъ былъ человѣкъ очень богатый, умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Онѣ какъ-то засидѣлись въ дѣвцахъ. Были онѣ погодки; старшей было лѣтъ двадцать семь. Мать была женщина слабохарактерная, распустившая ихъ. Не знаю, какъ дошли онѣ до постоянного пьянства, но пили онѣ исключительно допель-кюмель. У нихъ на туалетѣ стояли большіе флаконы, въ которыхъ держатъ хинную воду, или одеколонъ. Они всегда до верха были наполнены кюмелемъ, и барышни съ утра прикладывались къ нимъ прямо изъ горлышка. Молоденькая, разухабистая горничная, прислуживающая имъ, была тоже пьяна съ ранняго утра, и развѣ только одна мать не замѣчала этого непробуднаго пьянства. Когда двѣ изъ нихъ вышли замужъ, одна стала пить вмѣстѣ съ мужемъ, веселымъ ротмистромъ. Другая попалась въ руки человѣка крутого. Увидя, что дѣло плохо, и жена не перестаетъ пить, онъ ее высѣкъ собственноручно и сказалъ, что если она не исправится, то въ слѣдующій разъ позоветъ для экзекуціи дворниковъ. Это помогло, и хотя она и пила, но несравненно меньше.

Случаи эти отнюдь не единичные и не представляютъ собою какой нибудь особенной ненормальности. Они повторяются всюду и составляютъ величайшее бѣдствіе въ семьяхъ.

XI.

Самодурство, присущее нашей широкой натурѣ, до сихъ поръ не искоренилось и проявляется во всемъ блескѣ первобытной татарской природы. У меня на глазахъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ помѣщики позволяли себѣ (далеко не въ пьяномъ видѣ) такія выходки, которыя достойны были бы не людямъ, слышавшимъ въ университетѣ лекціи, а боярамъ старой Руси. Въ шестидесятыхъ годахъ среди помѣщиковъ еще были шуты, правда, не въ колпакахъ и не съ бубенцами, а часто мелкопомѣстные сосѣди, родствен-

ники, представители мѣстнаго духовенства. Шутки эти подчасъ были возмутительны. Напоить попа и начать палить ему бороду, а потомъ дать ему за это десять рублей было самымъ излюбленнымъ дѣломъ. Нерѣдко пьяный дьяконъ плясалъ въ хороводѣ, а потомъ его качали дѣвки и нарочно роняли, а помѣщики, сидя на крыльцѣ, подпѣвали и приговаривали:

— Такъ его, такъ его!

Иногда дѣло оканчивалось очень печально. Такъ было съ однимъ дьякономъ, котораго мертвецки пьянаго вырядилъ помѣщикъ въ саванъ, привязалъ ему руки къ палкѣ, такъ что онъ могъ держать ихъ, только растопыря въ обѣ стороны, словно хотѣлъ кого обнять, затѣмъ уложилъ его въ сани, свезъ на погостъ и бросилъ среди могилъ.

«Шутка» эта при всей ея пошлости была и жестока: стояла первая недѣля поста, еще всюду лежалъ снѣгъ, и морозъ былъ значительный. Разгоряченный, пьяный старикъ, пролежавъ на снѣгу съ часъ, очнулся. Придя въ себя, онъ постепенно понялъ, что съ нимъ сдѣлали. Кричать онъ не могъ, такъ какъ ротъ его былъ заткнутъ,—онъ могъ только мычать. Съ большимъ трудомъ, безъ помощи рукъ, поднялся онъ во весь свой огромный ростъ и съ воемъ, пошатываясь и покачиваясь съ распростертыми руками, сталъ бродить по кладбищу. Сторожъ, котораго онъ добудился, стуча въ окно, хватилъ его съ перепугу чѣмъ-то по головѣ, такъ что тотъ свалился замертво на крылечкѣ.

Только утромъ дьякона, всего въ крови, перенесли домой. Онъ былъ въ бреду и никого не узнавалъ. Когда доложили обо всемъ этомъ помѣщику, онъ первымъ дѣломъ жестоко выдралъ кладбищенскаго сторожа за суевѣріе.

— Неужели ты не понимаешь, что привидѣніи нѣтъ?—допрашивалъ его помѣщикъ.—Неужели нельзя догадаться, что это простая шутка? Ты бы еще съ топоромъ на отца дьякона кинулся.

— Да кабы былъ подъ рукой топоръ, я бы и топоромъ,—сознался сторожъ.

Черезъ недѣлю дьяконъ умеръ. Помѣщикъ долго возился съ архіереями и консисторіей. Сторожа сослали. Семьѣ дьякона поставилъ помѣщикъ новую избу да далъ тысячу рублей. Кромѣ того, воздвигнулъ ему на кладбищѣ памятникъ, гдѣ золотомъ по мрамору значилось: «такой-то дѣаконъ, злодѣйски убіенный».

Отецъ этого помѣщика, одинъ разъ, разсердившись за что-то на попа во время всенощной, прогналъ его изъ алтаря, надѣлъ самъ его облаченіе и закончилъ службу. Въ виду того, что онъ былъ отставной майоръ съ регаліями, доведено было о случившемся до свѣдѣнія императора Николая. Приказано было постричь его въ монашество и по подлежащемъ испытаніи рукоположить въ священники. Но майоръ немедленно допилъ до бѣлой горячки, и высочайшаго повелѣнія нельзя было привести въ исполненіе.

Самодурство тѣсно граничило съ пьянствомъ, и отнюдь не считалось сосѣдями за признакъ ненормальности. Въ одной изъ сосѣднихъ губерній у помѣщика-милліонера управляющій дѣлалъ доклады не иначе, какъ въ намордникѣ, такъ какъ любилъ очень много говорить. Онъ объяснялся при докладѣ мимикой и подавалъ начисто написанные доклады. А этотъ управляющій былъ агрономъ съ ученой степенью. Ему говорили:

— Какъ же вы, почтеннѣйшій, выносите такое униженіе, вѣдь вы не крѣпостной?

Онъ отвѣчалъ:

— Помилуите, вѣдь они—добрѣйшей души человекъ. Только чудаковаты. Ради смѣху, когда были со мной въ Москвѣ, заѣхали на Тверской къ шорнику и заказали по мѣркѣ намордникъ, чтобъ говорилъ я меньше. А я, дѣйствительно, словоохотливъ. А потомъ, какъ вернулись, прихожу я съ первымъ докладомъ, а они собственноручно надѣваютъ мнѣ намордникъ и говорятъ камердинеру: пожалуйста, Порфирій, не пускать его ко мнѣ безъ намордника. Прихожу на другой день. Порфирій стоитъ у дверей: извините, — говоритъ, — не могу пропустить, вы не въ порядкѣ, — а самъ намордникъ въ рукахъ держитъ и ухмыляется. Ну, а теперь я привыкъ, даже чувствую удобство жестами говорить, — гораздо скорѣе всѣ дѣла кончаемъ.

Не надо забывать, что эпизодъ этотъ относится не къ дореформенной, а къ послѣреформенной эпохѣ. Сосѣди находили очень милой и забавной шутку съ намордникомъ, а агрономъ купилъ въ послѣдствіи у своего хозяина заводъ, стоящій свыше двухсотъ тысячъ, придя за десять лѣтъ до этого въ однихъ клѣтчатыхъ панталонахъ и съ благословеніемъ старушки-матери, жившей просвирней въ сосѣднемъ городѣ.

Жестокости крѣпостного права порой облекались въ утонченную форму и, прикрывая распутство, пьянство и развратъ, не возбуждали никакого негодованія, такъ какъ прикрывались вопросами искусства. Въ прежнее время домашніе гаремы назывались театрами, и крѣпостной балетъ являлся публичнымъ домомъ для друзей и сосѣдей. Но иначе обстояло дѣло въ тѣхъ помѣщичьихъ домахъ, гдѣ суровая женская рука держала, повидимому, очень строго знамя нравственности и благопристойности.

Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ былъ домъ богатѣйшей помѣщицы, у которой сынъ былъ художникъ. Ѳздилъ онъ учиться въ Петербургъ, научился очень немногому, былъ совершенно бездаренъ, носилъ эспаньолку, какую въ сороковыхъ годахъ изобрѣли французы, и ежедневно завивался бараномъ. Онъ былъ единственнымъ наследникомъ матери, которая воспитывала его настолько строго, что не давала ему съ дѣтства мяса, дабы не горячилась кровь. Когда онъ поѣхалъ въ Петербургъ, мать взяла

съ него клятву, что онъ останется дѣвственникомъ. Онъ съ лукавствомъ рассказывалъ:

— Я поклялся, что останусь такимъ же чистымъ, какимъ тогда былъ.

И сдержалъ слово. А онъ началъ свои подвиги въ дѣвичьей съ четырнадцати лѣтъ, и одна дѣвушка, забеременѣвъ отъ него, утопилась въ прудѣ, изъ боязни своей барыни.

Когда онъ вернулся чрезъ три года съ помятой фивіономіей, мать была въ восторгѣ отъ его таланта. Онъ получилъ отъ нея заказъ: расписать всю ихъ церковь, при чемъ она ему платила по пяти тысячъ за образъ. Онъ принялся за распятіе, для чего вѣшалъ подвѣзаннаго за веревки младшаго садовника на крестѣ, въ саду, противъ окна своей мастерской. Не говоря о томъ, что два раза съ нимъ дѣлался обморокъ, и его еле могли привести въ чувство, онъ страшно мучился отъ мухъ и пчелъ, жалившихъ его обнаженное тѣло. Онъ въ ногахъ ползалъ у барина и барыни, прося поставить возлѣ него когонибудь съ вѣткой, чтобъ отгонять насѣкомыхъ.

Но барыня возразила:

— Вспомни, подлецъ, что Господь испыталъ на крестѣ. Ты радъ быть долженъ, что подобіе Его представляешь. Чѣмъ больше страданій ты выразишь на лицѣ, тѣмъ легче барину писать. Не умрешь отъ мухъ.

Садовникъ началъ прикидываться больнымъ. Это взбѣсило художника. Онъ придумалъ ему самое адское наказаніе; распявъ его, онъ вытеръ ему тѣло водой съ медомъ, и когда насѣкомыя его облѣпили, увѣрялъ, что теперь онъ добился нужной экспрессіи лица.

Покончивъ съ «Распятіемъ», онъ выбралъ темой притчу о семи спящихъ дѣвахъ. Его мать любила особенно эту притчу, и постоянно приводила ее, какъ величайшій тезисъ нашей жизни. Въ избраніи этой темы она видѣла со стороны сына вниманіе и любовь къ себѣ. Она одобрила эскизъ, — и не догадалась только объ одномъ: что ему нужно четырнадцать натурщицъ. Онъ весьма тщательно ихъ выбралъ, объяснивъ матери, что всякая фигура въ греческомъ одѣяніи пишется сперва нагою, и въ доказательство показалъ рафаэлевскіе эскизы, гдѣ Форнарина изображена была для всѣхъ мадоннъ безо всякой одежды, а драпировки были накинута въ послѣдствіи. Старуха согласилась, что такъ и должно быть, и старалась только объ одномъ, чтобы отъ цѣломудренныхъ дѣвъ вѣяло чистотою. Всѣ выбранныя поселились тутъ же въ дѣвичьей и сперва позировали передъ художникомъ по одной, а потомъ группами, а такъ какъ картина писалась при ночномъ освѣщеніи, и лица освѣщались только слабымъ пламенемъ масляныхъ свѣтильниковъ, то бѣдный художникъ изучалъ свѣтотѣни до глу-

бокой ночи, и на утро являлся на поклонъ къ мамашѣ измученный и блѣдный.

Вскорѣ мать умерла. Онъ построилъ колоссальную мастерскую съ верхнимъ свѣтомъ, выписавъ изъ Италіи себѣ холстъ въ три сажени ширины, и принялся за картину, которую не кончилъ, но писалъ нѣсколько лѣтъ. Сюжетомъ онъ взялъ: муки христіанъ на аренѣ цирка въ эпоху цезарей, при чемъ хотѣлъ изобразить самыя муки. Несчастныя дѣвочки подростки, набранныя имъ изъ разныхъ имѣній (у него было 2.500 душъ), переносили жесточайшія мученія, такъ какъ онъ ежедневно старался вызвать въ комъ нибудь «экспрессию». Самъ онъ одѣвался Нерономъ и въ пурпурной тогѣ возлежалъ, окруженный своими вакханками. Специально выписанные изъ Москвы театральные портные и портнихи спили въѣмъ римскіе и греческіе костюмы. Матеріи выписывались самыя дорогія, всѣ котурны и пояса были украшены камнями. Вскорѣ у него сдѣлалась водяная,—его свезли куда-то за границу, и онъ умеръ передъ самой «волей». Къ чести его надо сказать, что всѣ его натурщицы получили приданое—не менѣе трехсотъ рублей каждая, а его любимица Аннушка, унаслѣдовавшая семьдесятъ тысячъ, впоследствии была женою землемѣра и въ укрономъ шкапу хранила великолѣпный нарядъ Поппеи.

Иногда самодурство помѣщиковъ сказывалось въ необыкновенномъ стремленіи къ усовершенствованію сельскаго хозяйства. Одинъ выписалъ изъ Англіи такія сельскохозяйственныя машины, что ихъ нельзя было провезти по деревенскимъ дорогамъ: ни одинъ мостъ не выдерживалъ ихъ тяжести, и владѣльцу пришлось поставить новыхъ восемь мостовъ для доставки парового плуга. Онъ напустилъ столько копоти въ своемъ уѣздѣ, точно построилъ фабричный городокъ. При каждомъ паровомъ двигателѣ былъ свой англичанинъ или американецъ; они почему-то враждовали другъ съ другомъ и подкупали рабочихъ, чтобъ тѣ взаимно портили машины. Но главное затрудненіе сказывалось въ томъ, что уголь, которымъ топили паровики, нигдѣ въ губерніи нельзя было достать, и его привозили откуда-то издалека, такъ что онъ обходился вдесятеро дороже.

Вспоминаю еще одного графа. Воротился онъ изъ Парижа, женатый на какой-то опереточной дивѣ, женщиной не дурной, но совершенно необразованной. Онъ принужденъ былъ, благодаря этому браку, безвыѣздно жить въ деревнѣ. Домъ у нихъ былъ огромный каменный и напоминалъ собой колоссальный ящикъ. Чтобы чѣмъ нибудь скрасить жизнь въ глуши, новобрачные придумали обратить этотъ домъ въ средневѣковой замокъ. Выписали французскаго архитектора, занимавшаго въ Реймскомъ университетѣ какую-то высшую должность, и онъ съ большимъ вкусомъ пристроилъ къ ящику множество башенъ, эспланадъ, галлерей и подъемныхъ мо-

стовъ. У вѣзда въ замокъ были поставлены мортиры; въ двѣнадцать часовъ стрѣляла пушка; къ обѣду созывали въ огромный гонгъ, помѣщенный на угловой башнѣ, слышимый въ тихую погоду верстъ за пятнадцать. Была выстроена маленькая «chapelle», и красивый капелланъ совершалъ тамъ мессы; всѣ слуги были одѣты въ средневѣковые костюмы, дворовыя дѣвки переодѣты въ пажи, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ихъ беременности. Всѣ сношенія съ крестьянами и сосѣдями совершались черезъ герольдовъ, залитыхъ золотомъ и одѣтыхъ въ бархатъ съ изображеніемъ французскихъ лилій. Ѣздили эти герольды съ трубачами и развозили грамоты, которыя писалъ специально содержавшійся для этого каллиграфъ-художникъ. Хозяинъ и хозяйка выѣзжали на соколиную охоту съ огромной свитой, и графиня ѣхала на мулѣ, не въ сѣдлѣ, а въ какой-то корзинѣ. Въ семь лѣтъ они прожили огромное состояніе; потомъ, одевѣвъ и выйдя замужъ за какого-то драгуна, графиня открыла меблированныя комнаты въ Кирпичномъ переулкѣ, въ Петербургѣ, но ей ихъ почему-то запретили.

Еще припоминается мнѣ одна помѣщица, которую, когда я только отчасти, съ одной стороны, попробовалъ вывести на сцену, всѣ критики признали карикатурой. Это была маленькая старушка въ резиновыхъ калошахъ и макинтошѣ, не выпускавшая изъ рукъ револьвера и державшая въ страхъ всю губернію. Она не стѣсняясь, начиная съ губернатора и кончая архіереємъ, такъ отчитывала всѣхъ, что при видѣ ея встрѣчные сворачивали съ дороги, а становой, соскакивая изъ своей телѣжки, улепетывалъ въ лѣсъ. Она всѣмъ говорила «ты», хотя была еще нестара, всего лѣтъ пятидесяти пяти. Брови у нея были черныя и нависшія, глаза горѣли, какъ угли. На нее жаловались, присылали ей выговоры, но подѣлать съ ней ничего не могли. По своему имѣнію она ѣздила въ карафашкѣ и сама правила, а въ губернской городъ влетала на четверикѣ огромныхъ степныхъ коней и въ вѣнской маленькой коляскѣ. Со звономъ она останавливалась у губернаторскаго дома, не раздѣваясь шла въ пріемную, садилась въ кресла и, не справляясь, пріемный часъ или нѣтъ, говорила:

— Желаю генерала видѣть.

— Ихъ превосходительство почиваютъ.

— Разбудите, скажите: не терпящее отлагательства дѣло, касающееся вѣренной имъ губерніи.

Заспанный губернаторъ сердито выходилъ къ ней и, не подавая руки, спрашивалъ:

— Чѣмъ могу служить, сударыня?

— А ты, батюшка, сперва поздоровайся со старухой,—говорила она,—а потомъ спрашивай. Дѣло въ томъ, что у тебя мошенниковъ много среди чиновья развелось. Изволь-ка распорядиться да уволить. Не уволить,—прямо въ Петербургъ къ министру поѣду.

И она не постѣснилась бы поѣхать. Разъ, когда очень важный сенаторъ, прїѣхавъ на ревизію, не выходилъ къ ней въ прїемную болѣе двухъ часовъ; она послала ему третью карточку и сказала, что ей ѣздить больше некогда. Сановникъ выскочилъ къ ней разъяренный и распушилъ ее во всю, а потомъ спросилъ:

— Что вамъ угодно? Зачѣмъ вы хотѣли меня видѣть?

— Да я, батюшка, кабы знала, что ты такой хамъ, тебя бы и не потревожила,-- сказала она, повернулась и сердито вышла изъ комнаты.

Кончила она печально. Ее подстрѣлили, когда она ѣхала въ своей карафашкѣ въ сумеркахъ возлѣ оврага. Думали, что съ ней много денегъ, а оказалось двадцать рублей съ копейками.

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СКАЗКИ ЖИЗНИ.

I.

Отецъ и дочь.

(Изъ жизни московскаго купечества).

I.

ВЪХАЛА къ Троицѣ въ Сергіевскую лавру и, едва не опоздавъ на поѣздъ, вскочила въ вагонъ 3-го класса послѣ второго звонка. Со времени открытія мощей преподобнаго Серафима Саровскаго обычный наплывъ богомольцевъ къ обители Сергія Преподобнаго сталъ замѣтно уменьшаться. И на этотъ разъ народу въ вагонѣ было мало, тѣмъ менѣе, что стоялъ іюль—самый разгаръ рабочей поры.

Я сѣла на первое попавшееся мѣсто и очутилась противъ двухъ женщинъ. То, что сидѣла у окна, была еще молода, лѣтъ тридцати пяти и очень моложава со своимъ румянымъ, широкимъ лицомъ и веселыми карими глазами. Собесѣдница ея, совсѣмъ древняя, худощавая старушка, съ котомкой за плечами и въ бѣломъ ситцевомъ платкѣ на головѣ, внимательно слушала ее. Это были, повидимому, двѣ старыя знакомыя, только что случайно встрѣтившіяся.

Поѣздъ тронулся, и круглолицая женщина продолжала свой разговоръ:

— «Такъ вотъ, милая ты моя, не думала я, не гадала и попала въ невѣсты... Какъ разъ на мой день ангела, на Адриана и Наталью, дѣло-то вышло. Жили мы тогда на Большой Никитской улицѣ; домъ у насъ свой былъ каменный, съ садомъ, двухъэтажный. Внизу столовая была, моя комната, дѣвичья и кухня, а вверху зало, гостиная, кабинетъ папаша и ихъ спальня съ маленькой.

«А во дворѣ стоялъ отдѣльный кирпичный флигель, который мы называли заводомъ. На этомъ заводѣ у насъ работало человѣкъ двадцать молодцовъ, кромѣ приказчика да конторщика. Теперь такіе заводы ужъ повывелись, а тогда къ намъ каждый день привозили нѣсколько десятковъ тысячъ куриныхъ яицъ; молодцы ихъ осторожно разбивали, отдѣляли бѣлокъ отъ желтка, сливали въ огромныя бутылки и отправляли на кожевенные заводы. Въ то время яйцами дубили и чистили кожу, особенно перчаточную, и папаша на этомъ дѣлѣ хорошія деньги наживалъ.

«Папаша противъ компаніи никогда устоять не могъ, чтобъ лишнюю рюмочку не выпить. На Адриана и Наталью, потому какъ я единственная дочка была, у насъ всегда съ утра въ залѣ столы съ угощеньемъ были приготовлены; икру боченками выписывали, и рыбу разную копченую намъ прямо изъ Астрахани присылали. И такъ было заведено, кто хочешь приходи, пей и ѣшь, папаша со всякимъ чокнется и выпьетъ.

«Я со своими тремя подружками внизу, въ столовой пировала; отъ залы-то далеко, ничего не слышно, мы и ну бѣситься. Ужъ и плясала же я въ тотъ день! До того плясала, что даже и на ногахъ стоять не могла».

Разсказчица засмѣялась и довърчиво взглянула на меня. Ободренная этимъ, и присѣла поближе къ окну и улыbnулась ей, какъ знакомой.

— «Пришла къ намъ, дѣвицамъ, Агаша,— продолжала она,— такъ не то сваха, не то приживалка, толстая, маленькая и ужъ старая; пришла это и говорить:

— «Вы бы, дѣвушки, къ гостямъ-то вышли: однихъ жениховъ набралось до пропасти,—а сама такъ и шатается.

«Я на языкѣ бойка была и отвѣчаю:

— «Ты, видно, Агаша, ужъ всѣхъ насъ «пропила» съ ними; ложись-ка лучше на диванъ да усни до ужина. А мы еще не напѣлись, не нагулялись,—чего намъ о женихахъ-то думать?»

«Да и правду, мнѣ въ тотъ день шестнадцать лѣтъ только исполнилось, и подруги мои тоже всѣ были молоденькія.

«Было это подъ вечеръ, такъ часу въ седьмомъ. Самая любимая моя подружка, Лиза, собралась уходить: ей еще на другія именины надо было попасть. Накинула я на голову платочекъ и вышла проводить ее за ворота. Проводила это немножко по улицѣ

и иду себѣ тихонько домой. Ворота у насъ были рѣзныя, желѣзныя и заборъ такой же. Вдругъ я вижу: у калитки какой-то человѣкъ стоитъ и черезъ заборъ на нашъ домъ смотритъ. Высокій такой, худощавый; поверхъ синей рубашки пиджакъ на немъ надѣтъ старый и брюки, вижу, старыя, а лицо молодое. Все это я мигомъ разглядѣла и ужъ вхожу въ калитку-то, а онъ смотритъ на меня и спрашиваетъ:

— «Не этотъ ли будетъ домъ Никанора Силыча Шахова?»

— «Этотъ,—отвѣчаю.—А вамъ что надо?»

— «Да велѣли мнѣ Никаноръ Силычъ нынче вечеромъ прийти къ нимъ. А вы не дочка ли ихъ будете?»

— «Дочка,—отвѣчаю.—А вы почему меня знаете?»

— «Папаша вашъ мнѣ о васъ говорили, я и подумалъ, не вы ли, молъ, дочка-то будете.

— «Что же это папаша могли вамъ обо мнѣ говорить?—удивилась я и думаю себѣ: и со всякими-то оборванцами папаша знаетса и тоже въ домъ къ себѣ пускаетъ!

«Онъ молчитъ, мнетса на мѣстѣ и глаза боится поднять.

— «Ну, что же вы?—говорю.—Пойдемте, я васъ проведу къ папашѣ. Вы, вѣрно, насчетъ работы,—только наврядъ ли папаша разговаривать съ вами станеть: у насъ нынче именины, и онъ выпивши.

«Я пошла впередъ черезъ палисадникъ, а онъ за мной. Вошли въ залу. Папаша, какъ увидалъ его, такъ къ нему навстрѣчу и кричить:

— «А! Андрей Васильевичъ! другъ сердечный! Что, ужъ никакъ познакомился съ невѣстой-то? Молодчина! Иди, выпьемъ. Натаня, подноси ему мадеры!»

— «Что вы, папаша?—говорю,—это ваше дѣло подносить.

«А онъ меня за руку тянетъ къ столу и кричить:

— «Подноси, тебѣ говорятъ, и сама пей, потому какъ это твой женихъ!

«Тутъ всѣ мужчины обступили насъ, смѣются и галдятъ.

— «Выпить, выпить надо за здоровье именинницы!

«Ну, думаю себѣ, съ пьяными развѣ сговоришься?—взяла, налила двѣ большущихъ рюмки мадеры, одну подала Андрею Васильевичу, а другую такъ залпомъ сама и хлопнула, да и убѣжала въ гостиную. Тамъ маменька съ дамами сидѣла, я къ ней и говорю:

— «Ужъ и осрамилъ же меня папаша! Тамъ какой-то оборванецъ къ нему пришелъ, а онъ велѣлъ мнѣ съ нимъ вино пить, да еще женихомъ его называетъ...

«Только что вымолвила, гляжу, а оборванецъ-то идетъ ко мнѣ и, что бы вы думали, милыя мои, садится около меня въ кресло! Я вскочила да къ окну, на стулъ, и онъ за мной. Глаза-то еще

не смѣеть поднять, а щеки-то отъ вина ужъ разгорѣлись и языкъ развязался.

— «Меня Никаноръ Силычъ къ вамъ послали,—говорить этакъ робкимъ голосомъ.—И напрасно вы въ окошко смотрите, подарите меня вашимъ прекраснымъ взглядомъ, потому какъ вашъ папаша хотятъ васъ за меня замужъ выдать.

«Ну, ей-Богу, кажется, кабы тутъ не гости да не маменька, такъ бы и закатила ему по шеѣ! Однако, сдержалась, взглянула на него этакъ съ глубокимъ презрѣніемъ и спрашиваю:

— «Послѣ моей рюмки вы сколько рюмокъ еще выпили?»

— «Ни одной.

— «А! значить, дома клюкнули...

— «Клянусь Богомъ, въ ротъ не бралъ. Вы спросите папашу, это ихъ слова, а коли вамъ не угодно, я противъ вашей воли не пойду.

— «Чего вы стоите, какъ столбъ? Садитесь вонъ туда, подальше,—говорю ему вполголоса, чтобъ маменька не услышала,—и будемъ разговоры разговаривать. Слушайте: коли вамъ папаша чтонибудь этакое несурзное сказалъ, такъ онъ, вѣрно, выпивши былъ. Неужто я лучше васъ-то жениха не найду? Да и что вы за фигура такая? У насъ молодцы на заводѣ лучше васъ... Да я скорѣе въ монастырь пойду. Да я васъ совѣмъ даже презираю...

«Говорю это не то въ шутку, не то всерьезъ, а сама сбоку на него посматриваю и замѣчаю, что онъ ничего себѣ: такъ бѣлобрысенькій, а глаза большіе, голубые и добрые.

«Его даже въ жаръ бросило отъ моего разговора, и отвѣтить мнѣ ничего не можетъ. Тутъ маменька подошла къ намъ, пригласила его къ столу, гдѣ фрукты стояли, а мнѣ подмигнула: неприлично, молъ, дѣвицѣ съ кавалеромъ разговаривать. Я убѣжала къ себѣ въ комнату, заперла за собой дверь, бросилась на кровать и ну плакать. Ко мнѣ подруги стучатся, а я притаилась, плачу—разливаюсь, да такъ и уснула.

«Ужъ не знаю, долго ли я спала, только слышу: кто-то ко мнѣ въ двери ломится. Я съ испугу даже взвизгнула.

— «Натаня, иди ужинать!—кричитъ папаша.—Чего завалилась? Женихъ дожидается.

— «Сейчасъ иду,—отвѣчаю.

«Вытерла наскоро лицо мокрымъ полотенцемъ и поднялась наверхъ. Тутъ ужъ столы накрыты, какъ слѣдуетъ, къ ужину, и гости всѣ сидятъ и закусываютъ. Въ углу два офиціанта изъ купеческаго клуба стоятъ. Папаша опять меня за руку взялъ и велѣлъ сѣсть. Съ просонокъ-то я не сразу разглядѣла, что очутилась рядышкомъ съ моимъ «нареченнымъ», шутъ бы его побралъ...

— «Ну-ка, Наталья Никаноровна, дочь моя единственная и наследница,—говорилъ мнѣ папаша съ другого конца стола,—по

старинному обычаю, обноси всѣхъ гостей кушаньемъ да начинай-то съ жениха.

«Законфузилась тутъ я вовсе, лицо раскраснѣлось, встала,— стулъ такъ и отлетѣлъ на два аршина,—взяла блюдо съ рыбой заливною да «жениху»-то чуть не въ самую морду и сунула. Онъ началъ тамъ что-то вилкой ковырять, а у самого руки такъ и дрожать. Взяла я ложку, отворотила ему на тарелку четверть блюда и пошла съ папашиного конца обносить».

Все это купеческая дочка рассказывала намъ съ краснорѣчивыми юмористическими жестами и игрою своихъ красивыхъ глазъ. Я невольно представила себѣ, какъ интересна она должна была быть въ шестнадцать лѣтъ.

«Поѣли рыбу. Я сижу, отвернувшись отъ своего сосѣда, и жду, когда официанты индюшекъ подадутъ.

— «Что же ты, Натаня, свое дѣло забыла, а?—опять кричить папаша.—Обноси, дочка, гостей, обноси!

«Схватила я блюдо съ индюшками и опять сунула «жениху». Тутъ ужъ онъ самъ взялъ себѣ кусокъ, только салфетку на полъ уронилъ. Вернулась я на свое мѣсто, смотрю, салфетка все на полу лежитъ. «Э, думаю себѣ, все равно срамиться-то, и салфетку ему подниму!» Около самыхъ его ногъ она лежала. Нагнулась, вижу, сапоги-то у него рваные-рваные и пальцы видны, такъ и хлопаютъ... Ей-Богу!»

Рассказчица выразительно взглянула на меня и старушку, какъ бы желая убѣдить, что у ея жениха дѣйствительно изъ сапогъ выглядывали пальцы.

— Ну, ну, продолжайте,—попросила я,—это интересно...

— Чего ужъ тутъ хорошаго!—засмѣялась она.—Самое-то интересное это, какъ мы съ нимъ жить начали.

— Значить, васъ таки выдали за него?—изумилась я, предполагая, что ея рассказъ есть не болѣе, какъ одинъ изъ эпизодовъ сватовства, такъ принятаго среди купечества.

— Кабы выдали, такъ это бы еще ничего, а то сама вышла... Вотъ слушайте.

«За индюшками до того всѣ перепилися и папаша въ томъ числѣ, что я мигнула официантамъ, чтобы они, вѣсто меня, подавали мороженое. Мой «женихъ» ничего не пилъ, кромѣ фруктового квасу, а ужъ квасу эгого самаго столько выпилъ, что я и не знаю. Что-то такое онъ мнѣ говорилъ, да я такая сердитая была, что даже смотрѣть на него не хотѣла и только все мой стулъ подальше отъ него отодвигала. Какъ начали изъ-за стола вставать, такъ я бокомъ, бокомъ да въ двери. Сбѣжала скоренько съ лѣстницы и у себя заперлася».

II.

«Проснулась утромъ, гляжу на себя—одѣтая лежу. Это, видно, я съ вечера-то такъ уморилась, что прилегла, да до утра и проспала. Стала я припоминать, будто сонъ какой-то нехорошій видѣла, и вспомнила весь ужинъ. «Э, думаю себѣ, пустяки. Не можетъ того быть, чтобъ папаша всерьезъ мнѣ такого жениха отыскалъ; онъ ужъ, поди, и забылъ, что вчера было». Переодѣла я именинное платье, умылась, причесалась, Богу помолилась и пошла въ столовую.

«Папаша ужъ сидѣлъ у самовара, съ маменькой чай пилъ. Онъ каждый день въ пять часовъ вставалъ и рѣдко даже къ чаю приходилъ, все больше на заводѣ пилъ или съ приказчиками въ трактирѣ, а тутъ, видно, съ похмелья голова болѣла и на заводъ не пошелъ.

— «Ну, что, Натаня, какъ тебѣ женихъ понравился?—спросилъ онъ хмуро, какъ только я сѣла.

«Взглянула я на него, взглянула на маменьку, вижу: лицо у ней удивленное, и молчу.

— «Ты не смотри, что онъ плохо одѣтъ,—продолжаетъ папаша,— въ сыновья возьмемъ, одѣнемъ первый сортъ и капиталу тысячь десять или тамъ сколько на обзаведенье дадимъ. Вонъ Агаша такъ та очень даже его одобряетъ. Родители у него не всѣмъ вышли—это точно, я слыхалъ: оба выпиваютъ, да вѣдь тебѣ не за родителей выходить.

— «Да ты это взаправду, Никаноръ Силычъ, али шутишь?—робко спросила маменька.—Я полагала, это ты вчера съ пьяныхъ глазъ такую пулю-то отлилъ...

— «Какія тамъ шутки! Дѣло говорю,—перебилъ онъ ее.

— «За что же ты дѣвку-то губишь? Вонъ Василій Ивановичъ сватался и родня богатая и торговлю хорошую имѣетъ, такъ ты и слышать не хотѣлъ...

— «Молчать!—гаркнулъ онъ.—Не разговаривать! Какъ захочу, такъ дѣлу и быть. Колосовъ парень хорошій, мы изъ него чело-вѣка сдѣлаемъ, а на родню намъ наплевать.

«Тутъ я выскочила изъ-за стола, даже чашку опрокинула да въ ноги папашѣ, какъ грохнусь:

— «Папашенька, миленькій, не отдавайте! Пожалуйте мои годы дѣвичьи, слезы горячія...

— «Встань, Натаня, чего валяешься,— слышу надъ собой слова папаша, и голосъ у него ужъ будто помягче сталъ.— Не сейчасъ свадьбу играть. Познакомьтесь, поговориге; ты, вѣдь, мастерица очки-то втирать, знаю. У меня на заводѣ, среди молодцевъ только и слышно про тебя: «король-дѣвка».

— «Ужъ лучше, папаша, за котораго нибудь изъ молодцовъ меня отдайте, чѣмъ за него—говорю я.

— «Дура такъ дура и есть!—отвѣтилъ онъ и поднялъ меня съ полу.—Нашла съ кѣмъ сравнить. Отецъ Андрея, какъ ни какъ, третьей гильдіи купецъ, а сына при нашемъ капиталѣ мы и въ первую произведемъ. Главное, понравился онъ мнѣ—и больше никакихъ. Дай-ка картузъ, пойду, посмотрю, какъ они тамъ безъ меня, на заводѣ.

«Только что онъ вышелъ, какъ къ намъ вкатилась Агаша. Она ночевала у насъ и, должно быть, подслушивала у дверей. Маменька напустилась на нее:

— «Благодарю покорно, Агаея Прохоровна, одолжила! Что же ты хуже-то не нашла? Тоже купецъ! Которые на Болотѣ гнилыми яблоками торгуютъ, такъ и тѣ лучше. Дочь-то у меня одна, хоть бы ты то подумала, безстыдница старая?..

— «Матушка, Прасковья Васильевна,—начала умасливать Агаша медовымъ голосомъ,—ты на меня не сердчай, а на человѣка поближе взгляни. А что яблоками на Болотѣ торгуетъ, такъ этимъ брезговать нечего, какое ни на есть, все-жъ таки дѣло.

«Маменька это такъ, къ слову, про Болото-то поманула, а вышло, какъ разъ въ самую точку попала.

— «Ахъ, такъ онъ и вправду на Болотѣ яблоками торгуетъ?—ахнула я.

— «Да, милушка, ну, только не гнилыми,—отвѣчаетъ (и хоть бы, дрянъ этакая, посовѣстилась!)—Чѣмъ же, говорить, на Болотѣ торговля зазорна? Сейчасъ купилъ партію фруктовъ, сейчасъ и продалъ съ барышомъ мелкимъ торговцамъ; дѣло чистое. Глядишь, до позднихъ обѣденъ оборотъ готовъ, и въ карманѣ чистыя денежки. Такъ-то, красавица. И иные прочіе, даже очень большіе купцы Болотомъ не брезгуютъ. Вы, можетъ, думаете съ маменькой, что я изъ-за какихъ интересовъ стараюсь, такъ эго вы напрасно. Андрей Васильевичъ голъ, какъ соколъ, съ него ничего не возьмешь, а вотъ Никаноръ Силычъ, я знаю, услуги мои не забудетъ, потому женихъ-то ужъ больно хорошъ.

— «Да что это ты, Агаша, въ насмѣшку что ли говоришь?—разсердилась на нее мамаша.—Али ты поглупѣла на старости лѣтъ? Ужъ и женихъ, нечего сказать! Родители пьяницы, самъ оборванный да еще и гнилыми яблоками торгуетъ...

— «Да не гнилыми, матушка, — заступилась за оборванца Агаша, — а что родителями онъ не вышелъ, такъ вѣдь это отъ Бога, самъ-то Андрей ничего въ ротъ не беретъ. Никаноръ Силычъ съ умомъ человѣкъ, сама знаешь, неужто онъ захотѣлъ бы свое сокровище за негодящаго отдать?

«Долго мы такъ съ ней говорили, да ни до чего не договорились. Папаша былъ человѣкъ нрава крутого, старинный купецъ, маменьку ни въ чемъ не слушалъ, все дѣлалъ по-своему. Вотъ

въ Маломъ театрѣ ужъ очень похоже такихъ купцовъ актеры представляютъ.

— «Ну, думаю себѣ, пропала моя головушка! Отдадутъ меня за немилаго, за постыдаго, отцвѣтеть моя краса дѣвичья, какъ былиночка... И фамилію-то нашли хорошую—Колосовъ. Вотъ ужъ, прости Господи, настоящій колосъ въ голодный годъ...

«Однако, я не очень ужъ сокрушалась, все-таки мнѣ было интересно, что-то будетъ.

«Сталь онъ къ намъ ходить и все въ томъ же старенькомъ пиджачишкѣ. Бывало, придетъ, сядетъ около меня, вертитъ мнѣ машинку, когда шью, и молчитъ. Я и такъ и этакъ навожу его на разговоръ, а онъ только смотритъ на меня и улыбается. И такъ я стала къ нему привыкать, что ежели дня три онъ не придетъ, такъ мнѣ ужъ и скучно.

— «Ну, а подарочки-то какіе ни на есть носилъ?—поинтересовалась старушка.—Жениху безъ этого нельзя.

— «Какъ же, носилъ, — засмѣялась Наталья Никаноровна.— Принесетъ, бывало, со своего Болота яблоко большущее этакое и румяное; мы его тутъ же пополамъ и съѣдимъ. Много мнѣ папаша всегда фруктовъ дорогихъ привозилъ изъ хорошихъ магазиновъ, только, ужъ шутъ его знаетъ, почему мнѣ тѣ яблоки слаще были...

«Мѣсяца съ два такъ шло дѣло. Маменька ужъ отдала въ Никитскій монастырь монашенкамъ шить мнѣ бѣлье, папаша заказалъ во французскомъ магазинѣ нѣсколько платьевъ и шубу бархатную у Бѣлкина на Кузнецкомъ, купилъ чайное серебро. Вижу я, что ничего подѣлать не могу; противъ власти родительской грѣхъ итти, и стала я въ то время очень много Богу молиться. Я и къ Иверской Божіей Матери ходила, и къ Трифону-угоднику, и къ Пантелеймону, и въ кремлевскую часовню Спасителя. А когда я, бывало, помолюсь, мнѣ ужъ и не страшно моей судьбы.

«Хотя папаша и рѣшилъ, что возьметъ моего будущаго мужа къ себѣ въ домъ, а все же надо было посмотрѣть и его домъ. Вотъ какъ-то разъ, въ воскресенье, онъ поѣхалъ съ маменькой къ родителямъ жениха. Вернулись они скоро; папаша, ничего не говоря, прошелъ въ контору, а маменька начала рассказывать: «Насилу, говорить, домъ-то разыскали: маленькій, деревянный, на бокъ покосился. Вошли въ сѣнцы, дверь въ горницу отворена; его мать встрѣтила насъ, а «самого» и Андрея дома не было. Мать высокая да худая и носъ красный; сынъ-то въ нее, только носъ у него еще не покраснѣлъ. Кофею предложила, да мы отказались. Гдѣ ужъ тутъ кофеи распивать, въ горенкѣ-то и не повернешься. Кровать двухспальная стоитъ, ситцевымъ одѣяломъ прикрыта, подушки кумачевыя безъ наволочекъ, столъ простой и четыре старыхъ стула, а въ углу сундучишко, такъ небольшой.

Черезъ сѣни каморочка видна, и тамъ на ящикахъ тоже постель грязная-разгрязная и тряпки какія-то валяются. Это, должно быть, мальчикъ тамъ спитъ, который у нихъ на посылкахъ».

— «Повѣрите ли, милыя мои, постель-то грязная потомъ женихова оказалась...—пояснила намъ веселая рассказчица и продолжала:

— «Я все разсмотрѣла, — говорить маменька, — да только хорошаго-то ничего не видала. Охъ, ты, горькая моя доченька, — заплакала она, — и за что, про что отецъ тебя губить!

— «Э, маменька, ничего! — утѣшаю ее. — Вѣдь Андрей-то Васильевичъ съ нами жить будетъ, а у насъ всего много.

— «Да что ты, Наталья, — удивилась маменька, — то ревѣла-ревѣла, а теперь, стало, ничего? Или ты влюбилась въ твоего красавца писанаго?

— «Да онъ, говорю, маменька, очень даже недуренъ и такой ласковый, услужливый. Вчера еще говорить мнѣ: «Если васъ не отдадутъ за меня, Наталья Никаноровна, такъ я жизни себя лишу. Краше и добрѣ васъ, говорить, на свѣтѣ нѣтъ. Знаю, что васъ не стою, а только безъ васъ я пропаду».

— «Мямля онъ, вотъ что.

— «Онъ мямля, говорю, а я ужъ бойка черезъ край — какъ нибудь сживемся. Что бѣденъ-то онъ, — экая бѣда какая. Слезы-то и черезъ золото льются, и потомъ папаша насъ не оставитъ, а тамъ видно будетъ.

«Для черезъ два послѣ того пришелъ къ намъ Андрей Васильевичъ. Я какъ взглянула на него, такъ и ахнула: пиджакъ на немъ новый, сапоги новые и при часахъ. Лицо-то и то у него какое-то новое сдѣлалось, — подстригся онъ, что ли, только сразу сталъ красивѣе и веселѣе.

— «Это, говорить, вашъ папаша меня облагодѣтельствовалъ. Хочу, говорить, чтобъ у моей дочки женихъ былъ по модѣ, а то надо мной всѣ смѣются. А я, Наталья Никаноровна, очень эти благодѣянія чувствую и по гробъ жизни не забуду.

«Въ этотъ вечеръ мы оба были веселые и до полночи играли въ дурачки. Какъ оставить меня дурочкой, такъ и ну конфузиться да извиняться.

«Тутъ скоро назначили обрученье. Папаша задалъ пиръ горой. Купечества съѣхалось полъ-Москвы. Поблагословили насъ иконой Иверской Вожьей Матери, и папаша тысячу рублей мнѣ подарилъ. Заставили насъ за ужиномъ цѣловаться, а Андрей Васильевичъ и цѣловаться-то не умѣлъ вовсе: покраснѣлъ, какъ ракъ, и ждетъ, когда я его поцѣлую. Потѣха да и только. Ужъ гости-то смѣялись, смѣялись»...

III.

«Былъ у папаши одинъ пріятель, промотавшійся купецъ, Петръ Кузьмичъ—его звали; дрянной такой человѣкъ, кутила, все деньги у него занималъ безъ отдачи, и такую имѣлъ надъ нимъ силу, что, что тотъ ни скажетъ, то папаша и сдѣлаетъ. Маменька его терпѣть не могла, потому что онъ папашу на всякія невыгодныя сдѣлки подговаривалъ, и папаша черезъ это терялъ большія тысячи.

«У Петра Кузьмича сынъ былъ, Николай, красавецъ собою, но только и мотъ, какихъ мало. Онъ ходилъ къ папашѣ по какимъ-то дѣламъ и всегда мнѣ конфеты носилъ, но я никакого вниманія на него не обращала, потому что жизнь онъ велъ нехорошую и выпивалъ сильно.

«Недѣли не прошло послѣ обрученья, какъ папаша вдругъ пережѣнился къ Андрею: то хотѣлъ въ контору его къ себѣ взять, а то ужъ и дома онъ сдѣлался ему въ тягость. Мы съ маменькой только удивлялись и подумали, что это, вѣрно, Петръ Кузьмичъ его отговариваетъ. Маменька-то и рада, чтобъ моя свадьба разстроилась, а мнѣ-то ужъ будто и жалко Андрея.

«Вотъ разъ вернулся папаша домой выпивши. Мы съ Андреемъ чай пили. Было это вечеромъ. Папаша все время къ нему спиной сидѣлъ, а когда Андрей ушелъ, онъ обернулся ко мнѣ и говоритъ:

— «Ты вотъ что, Натаня, не очень ужъ шибко съ этимъ оборванцемъ дѣла-то двигай. И почище жениха тебѣ найдемъ. Вонъ Петра Кузьмича сынъ старшій, Николай, къ тебѣ сватается, — не Колосову чета.

«Я такъ и обомлѣла. Набралась храбрости и говорю:

— «Да что же это такое, папаша? Поблагословили иконой, кольцами обручили, все честь-честью, и вдругъ женихъ не годится. Какъ я послѣ этакого сраму людямъ въ глаза-то буду смотрѣть?»

— «А мнѣ, думаешь, легко людямъ въ глаза смотрѣть, когда меня всѣ корятъ?—загорячился онъ.—Молодцы на заводѣ и тѣ смѣются промежъ себя, что хозяинъ, моль, единственной своей дочери и наслѣдницѣ съ улицы жениха привелъ. Нынче въ трактирѣ чай пилъ, такъ знакомые купцы съ поздравленьемъ лѣзутъ, съ «болотнымъ женихомъ» поздравляютъ. Срамъ одинъ!...

— «А мы съ маменькой, говорю, развѣ не говорили вамъ, когда еще время было, что женихъ плохъ, что всѣ смѣяться станутъ, да вы насъ слушать не хотѣли? А теперь ужъ поздно, папаша. Вонъ она виситъ, икона Иверской-то Божьей Матери, вы же поблагословили, а послѣ благословенья рушить свадьбу грѣхъ.

— «Молчать!—гаркнулъ онъ.—Тогда хотѣлъ, теперь не желаю, и больше никакихъ.

«Но, видно, и во мнѣ папашиной крови было немало. Вспыхнула я, какъ зарево, и отгрѣзала:

— «Ужъ коли одинъ разъ осрамили меня—во второй не позволю. Какъ себѣ хотите, а я ни за кого не пойду, кромѣ какъ за Андрея.

«Папаша всталъ было со стула, да какъ услышалъ эти слова, такъ и присѣлъ. Лицо у него кровью налилось, губы побѣлѣли, и голосъ сдѣлался, словно чужой и хриплый, когда онъ сказалъ:

— «А!.. Такъ ты вотъ какъ... Отцу родному перечить... Дѣвченка! Не быть же тебѣ за Андрюшкой, помни мое слово.

— «Быть...—прошептала я.

— «Такъ нѣтъ же тебѣ моего родительскаго благословенья! И денегъ ни гроша не дамъ. Живи, какъ хочешь, торгуй съ нимъ на Болотѣ.

— «Что жъ! И буду,—говорю.

— «А родительскаго проклятья не боишься, Натаня?—прохрипѣлъ онъ и злобно таково поглядѣлъ мнѣ въ глаза.

— Охъ, боюсь, папаша,— отвѣчаю я и заплакала. — Нѣтъ на свѣтѣ тяжеле родительскаго проклятья, да только васъ до этого Господь не допуститъ. Вонъ она, Иверская-то Царица Небесная, виситъ... Вашу же волю я исполнила, когда согласилась быть женою Андрея; моего тутъ желанья не было, меня никто не спросилъ, любъ онъ мнѣ, или не любъ. А теперь васъ дурные люди сбиваютъ, вотъ вы и распатались: нынче такъ, а завтра этакъ. Сами же постоянно говорите: «давши слово крѣпись, а не давши держись». Вы Андрея одѣли, обули, обласкали, а теперь за ворота..

«Сыплю это, милыя мои, словами, какъ горохомъ, и откуда что берется.

— «Дура!—крикнулъ папаша, плюнулъ, ушелъ изъ комнаты и дверью за собой хлопнулъ.

«Маменька сидѣла ни жива, ни мертва. Очень она боялась папашу и, кажется, во всю жизнь не сказала ему поперечнаго слова, а тутъ вдругъ слышитъ, что я съ нимъ зубъ за зубъ.

— «Ты это, Натаня, серьезно говорила-то?—спросила она меня робко.

— «Конечно, отвѣчаю, серьезно, маменька. Развѣ я смѣю съ папашей шутить, когда онъ сердитый? Вы видали, ему стыдно стало, оттого онъ и ушелъ. Пускай онъ свое слово жѣняетъ, а я своего не измѣню. Когда просватали, я Андрея не знала, плакала, просила не отдавать, ну, а теперь мнѣ его пуще отца съ матерью жалко...

«И заплакала я тутъ горько: себя ли жалѣючи, Андрея ли, ужъ не пойму.

«Ну, началась у насъ въ домѣ война. На другой день послѣ этого разговора папаша ходилъ темнѣе тучи и со мной ни слова.

Еще рано утромъ я спосылала Агашу къ Андрею, сказать, чтобъ не приходилъ вечеромъ, а пришелъ бы днемъ, когда папаша на заводѣ. Пришелъ онъ, и я все ему рассказала. Испугался, даже поблѣднѣлъ весь, но я его успокоила, только просила, какъ можно, поторопиться со свадьбой, какъ бы хуже чего не вышло. И такъ я въ этотъ день хорошо съ нимъ говорила, что просто сама себя дивилась. Все была душой-дѣвченкой, а тутъ сразу поумнѣла.

«Маменьку я совсѣмъ съ ногъ сбила: отецъ и слышать не хочетъ о свадьбѣ, а я себя подвѣчное платье заказываю, и подаренная тысяча рублей у меня въ рукахъ такъ и таетъ.

«Свадьбу мы назначили въ ноябрѣ, передъ Филипповками. Дома всѣ ходили, какъ сонныя мухи; маменька вздыхала и крестилась; отецъ ужъ вовсе пересталъ приходиться пить съ нами чай. По всему видно было, что ему не въ моготу: все къ ранней обѣднѣ ходилъ, сгорбился весь, и лицо стало сѣрое, а держалъ онъ себя такъ, будто ничего не видитъ и не понимаетъ, что такое готовится.

«Когда всего три денечка осталось до свадьбы, пришла я къ нему въ кабинетъ; вижу, лежитъ на диванѣ. Стала я около него на колѣни и говорю тихимъ такимъ, ласковымъ голосомъ.

— «Папаша, благословите меня на бракъ, не сердитесь...

«Онъ отвернулся къ стѣнкѣ.

— «Папаша, я еще такая молодая, жизни впереди много, я безъ вашего благословенія буду несчастная... Благословите, папаша.

— «Уйди, у меня голова болитъ,—проговорилъ онъ.

— «А у меня душа болитъ, папаша... Благословите свою дочь единственную. Денегъ вашихъ мнѣ не надо, я работать могу, какънибудь проживу, а безъ благословенья родительскаго трудно жить.

— Уйди, говорятъ!—крикнулъ онъ сердито.

«И я ушла. Что же мнѣ было дѣлать? Всю ночь я не спала. На утро папаша остался дома; маменька сказала мнѣ, что онъ нездоровъ. Поднялась я къ нему и опять просила благословенья; онъ опять не хотѣлъ меня слушать.

«Андрей забѣгалъ раза по три на дню, все спрашивалъ:

— «Ну, что, благословилъ?»

— «Нѣтъ,—отвѣчала я со слезами.

«Наканунѣ вѣнца папаша сказался нездоровымъ и остался въ постели: это онъ нарочно, чтобъ не быть на свадьбѣ. Я всю ночь на колѣняхъ съ горячими слезами вымаливала у него благословенья, и маменька уговаривала его, и Агаша, никого не послушала.

«Андрей, глядя на меня, измучился. Онъ все боялся, что отецъ въ послѣдній день, въ послѣдній часъ, не допуститъ вѣнчаться съ нимъ, что я не приѣду въ церковь.

«Ужъ карета съ шаферомъ стояла у крыльца, когда я въ подвѣчномъ нарядѣ еще разъ пошла къ отцу, часа два валялась у него въ ногахъ. Нѣтъ, такъ и не благословилъ!..

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1906 г., т. с.

5

«Поѣхали мы въ церковь, и тутъ подѣзжая я вспомнила, какъ одна странница говорила мнѣ:

— «Когда поѣдешь къ вѣнцу, то помолись поусерднѣе тому образу, который во внутренней паперти надъ церковными дверями виситъ, и какое чувство ты тогда къ жениху почувствуешь, такое у тебя на всю жизнь и останется».

«Вошла я на паперть, смотрю, надъ дверями виситъ такъ небольшая икона Спаса Нерукотворнаго. Упала я тутъ на колѣни, залилась слезами и стала горячо молиться, чтобы Отецъ Небесный благословилъ меня замѣсто отца земного, былъ мнѣ заступникомъ въ моей новой жизни, подкрѣпилъ меня. И чувствую я, что вдругъ такъ радостно сдѣлалось у меня на душѣ, и такъ жалко стало Андрея, что я ужъ не о себѣ, а о немъ плакала... Правду сказала та странница: сколько я ни жила съ Андреемъ, всю жизнь мнѣ его жалко было.

«Провожатые и народъ остановились вокругъ, не идутъ дальше. Слышу, вздыхаютъ, охаютъ. Опомнилась я, поднялась, и шаферъ подъ руку ввелъ меня въ церковь. Тутъ встрѣтилъ меня Андрей, бѣлѣе полотна и весь дрожить. Ужъ очень я запоздала, и онъ испугался, что я не прѣйду. Милый онъ мнѣ такой показался въ эту минуту. Вытерла я слезы, улыбнулась ему и спокойно пошла къ алтарю.

«Обвѣнчали насъ, вернулись мы домой; отецъ и не показался. Гостей было немного, человекъ десять, пировали до вечера, а на заводѣ отецъ велѣлъ въ этотъ день работать, какъ будто никакой свадьбы и не было, и никому изъ молодцовъ не позволилъ насъ поздравлять».

III.

«На другой день мы съ Андреемъ визиты дѣлали родитѣ, а на третій у меня въ кошелекѣ осталось всего 18 копеекъ.

— «Ну, Андрюша, говорю, какъ же мы теперь съ тобой жить будемъ?—а сама смѣюсь.—Папаша кормить насъ не отказывается, а денегъ, вѣдь, не дастъ.

— «Будемъ работать,—говоритъ и цѣлуетъ меня.

— «Да ты что умѣешь?

— «Ничего.

— «Вотъ такъ работникъ!—хохочу.—А я, знаешь, что умѣю? Саночки игрушечныя дѣлать. Пойду, попрошу у маменьки рубль на матеріалъ, сходимъ мы съ тобой на Никольскую, купимъ лубка и палочекъ да благословясь и примемся за работу. На Никольской же въ складѣ игрушекъ, я знаю, по гривеннику за такія саночки даютъ, вотъ мы съ тобой и разбогатѣемъ.

«Отправились на Никольскую, купили матеріалу, на обратномъ пути зашли къ Иверской и принялись за работу. У него сначала

дѣло не ладилось, а потомъ ничего. Дѣлаемъ себѣ саночки и поемъ, заливаемся, поемъ и цѣлуемся. И такъ хорошо намъ было, что все ни по чемъ. Это, видно, молодость въ насъ играла,—мнѣ 16 лѣтъ было, а ему 22 года,—въ эту пору всему смѣшесья и радуешься.

«Папашинъ кабинетъ, какъ разъ, надъ нашей комнатою приходился. Какъ мы запоемъ во весь голосъ, ему слышно, онъ и начнетъ швырять объ полъ, что ни попало. Тутъ и посуда и стулья, все летѣло вдребезги. А самъ такъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ и топалъ ногами, что у насъ потолокъ дрожаль.

«Наработали мы двадцать штукъ саночекъ, снесли въ складъ, получили 2 рубля; одинъ маменькѣ отдали, на другой опять купили матеріалу.

«Прошло такъ мѣсяца съ два. Въ одномъ домѣ съ отцомъ жили и ни разу его въ глаза не видали. Обѣдъ и ужинъ маменька въ нашу комнату посылала, чай тоже у себя пили. Сказывала мнѣ маменька, что отецъ съ нею обо мнѣ разговоръ имѣлъ, что если, молъ, я передъ нимъ повинюся, такъ онъ мнѣ денегъ дастъ на торговлю. Только въ чемъ же мнѣ было виниться? Онъ меня кровно обидѣлъ тѣмъ, что благословенья не далъ на бракъ, который самъ же устроилъ, и поправить это уже ничѣмъ невозможно. Быть можетъ, думаю себѣ, и всю жизнь изъ-за этого несчастна буду; такая ужъ, видно, моя доля. Такъ и не повинилась.

«И стали мы съ Андрюшей до поздней ночи саночки дѣлать, а все больше полтинника въ день не выработывали. Руки у насъ всѣ въ крови были, потому что лубокъ надо мять пальцами, а мы ничего—поемъ и цѣлуемся. Намъ все хотѣлось прикопить денегъ, уйти изъ дому и свою лавочку игрупечную открыть.

«Начали мы тутъ задумываться, какъ намъ жизнь свою устроить. Знакомство у меня было большое, но когда узнали всѣ, что папаша ничего за мной не далъ и сердитъ на меня, всѣ насъ сторониться начали. Маменька и рада бы мнѣ помочь, да не могла; папаша сталъ очень скупо давать ей на хозяйство съ тѣхъ поръ, какъ я замужъ вышла.

— «Охъ, голубушки вы мои,—со вздохомъ продолжала рассказчица,—вотъ Богъ-то меня и наказалъ за то, что надъ Андреемъ смѣялась! На Болотѣ-то, вѣдь, и самой торговать довелось. Встану это я, бывало, въ четыре часа, онъ еще спитъ, и черезъ всю Москву бѣгу на Болото. Куплю яблоковъ или грушъ на десять копеекъ,—на двадцать продамъ. А ужъ, если на рубль куплю, такъ не меньше трехъ выручу. Однако, по дорогѣ домой всю свою выручку растрочу: то Андрюшѣ папирось дорогихъ куплю, то галстукъ, то еще что нибудь.

«Ну, вижу, что такъ ничего не скопишь, и надумала я пойти попросить въ томъ складѣ, гдѣ мы продавали саночки, товару рублей на полтораста въ кредитъ и завести свою торговлю, хоть

въ открытой лавочкѣ. Такъ и сдѣлала. Товару мнѣ отпустили въ домъ, наняли мы съ Андрюшей ларекъ на Никольской и начали торговать.

«Зима была, и я съ непривычки все зябла, особенно когда морозу градусовъ двадцать, а Андрюша все бѣгалъ въ трактиръ чай пить, чтобъ погрѣться. Бывало, покупатели смотрятъ на меня и дивятся: ларекъ маленькій, плохенькій, повернуться въ немъ негдѣ, я стою и торгую дешевыми игрушками, а на мнѣ шубка бархатная, съ собольимъ воротникомъ.

«И такъ у меня ходко пошло, что Андрюша только и зналъ, за товаромъ въ складъ ходилъ. Полгода не прошло, а я ужъ и долгъ уплатила и даже сама стала мелкимъ разносчикамъ игрушки въ кредитъ отпускать.

«Въ скорости мы отъ папаши съѣхали, сняли себѣ квартиру въ одну комнату, съ кухней, во дворѣ, недалеко отъ ларька. Къ концу года мы ужъ перешли въ закрытую маленькую лавочку, и торговля еще лучше пошла, особенно передъ Рождествомъ и Пасхой; даже въ провинцію игрушки цѣлыми ящиками отправляли.

«Тутъ у меня дочка родилась, и я долго хворала. Андрюша безъ меня сталъ торговать, но когда я выздоровѣла и пришла въ лавку, много безпорядку нашла и мало денегъ, а главное, смотрю, за прилавкомъ вмѣстѣ съ Андрюшей сидитъ Николай, сынъ Петра Кузьмича. Удивилась я, откуда такая дружба взялась, но ничего не сказала.

«Однако, Николай все чаще да чаще сталъ въ лавку къ намъ захаживать и за мной такъ и увивается. Я видъ дѣлаю, будто не замѣчаю, а Андрюша хмурится. Ему въ то время приходилось много въ лавкѣ сидѣть, потому что я раза три-четыре въ день на квартиру бѣгала дѣвочку грудью покормить. И стала я замѣчать, что отъ Андрюши будто виномъ пахнетъ. А разъ днемъ, въ будни, онъ что же сдѣлалъ: взялъ, заперъ лавку да гдѣ-то и пропалъ часа два. Вѣдь такъ можно всю торговлю уронить. Обидно мнѣ стало; я же для него стараюсь, а онъ такія штуки устраиваетъ. Начала съ дѣвочкой въ лавкѣ сидѣть.

«Мы тогда ужъ во многихъ складахъ въ кредитъ брали товаръ, подъ векселя и два раза въ годъ расплачивались. Деньги Андрюша всегда самъ относилъ. Разъ приходитъ ко мнѣ приказчикъ изъ склада и проситъ уплатить по векселю сто рублей, а Андрюша еще мѣсяцъ тому назадъ сказалъ мнѣ, что по этому счету уплатилъ. Тутъ я ужъ всерьезъ испугалась. Въ эту минуту, какъ разъ, онъ въ лавку входитъ. Увидалъ приказчика и покраснѣлъ весь. Я слова не сказала, вынула изъ выручки сто рублей и отдала, а вексель разорвала. Когда остались мы одни, я и спрашиваю:

— «Куда же это ты, Андрюша, деньги-то дѣлъ?»

«Молчить, въ полъ смотреть.

— «Скажи ужъ лучше по совѣсти, говорю, а то я всю вѣру въ тебя потеряю.

«Молчить.

— «Ну, говорю, я знаю: съ Николаемъ прокутили. Скажи ты своему пріятелю Николаю, чтобъ онъ больше въ лавку ко мнѣ ни ногой. Слышишь? А по счетамъ я сама платить буду.

«Въ первый разъ это я такъ на него разсердилась. Онъ ушелъ и до вечера домой не возвращался. Пока я его ждала, мнѣ жалко его было, а когда онъ вернулся выпивши, мнѣ такъ стало обидно, что я заплакала. «Господи, думаю себѣ, значить по родителямъ пошелъ; такой же пьявица будетъ, какъ и они».

IV.

«Ну, и началось тутъ мое горюшко. День ото дня пошло все хуже да хуже. Авдюша изъ дому пропадаетъ, а Николая изъ лавки не выживешь. Это онъ-то и спаивалъ Андрюшу и даже самъ мнѣ въ томъ признался.

— «Если,—говорить,—вы меня любить будете, такъ я сейчасъ могу Андрея на прежнюю линію вернуть, а не хотите меня любить, такъ проститесь съ вашимъ мужемъ.

— «Ну, не подлый ли человекъ? Ужъ онъ Андрюшу по всѣмъ притонамъ началъ таскать. А мнѣ все жъ таки мужа жалко было, такъ хорошо мы жили, и вдругъ, такая бѣда стряслась. Ни слезы мои, ни уговоры, ничего не помогало. Бывало, сижу всю ночь напролетъ, глазъ не смыкаяючи, все жду его, а утромъ надо лавку отпирать, за товаромъ въ складъ ѣхать. Вижу, одной не справится, и наняла я мальчика. Сама торгую, а мальчика посылаю по трактирамъ Андрюшу искать. Вернется онъ домой, лицо виноватое, иной разъ даже плачетъ, прощенья просить, и я плачу; потомъ завалится спать до вечера, а придетъ вечеръ, не успѣю я оглянуться,—его ужъ опять нѣтъ до утра.

— «У папаша я въ то время совсѣмъ бывать перестала; очень ужъ стыдно было, все боялась, что онъ корить меня станетъ моимъ мужемъ, а мнѣ нечѣмъ и защититься. Къ маменькѣ иной разъ забѣгу, но про свое горе молчу. Агаша часто ходила ко мнѣ и видѣла всѣ наши дѣла.

«Какъ-то разъ Андрюша два дня пропадалъ. Истосковалась я вся, извелась. Пришла ко мнѣ монашенка знакомая, я и говорю ей:

— «Сестра Александра, дай мнѣ твое одѣяніе и книжку сборную на одинъ часъ времени.

«Она дала. Я переодѣлась монашенкой, оставила за себя мальчика и пошла по трактирамъ Андрюшу искать; такъ-то войти совѣстно, многіе кушцы меня знали, ну, а въ монашескомъ одѣя-

ни я совсѣмъ на себя не похожа стала. Помню, вхожу въ одинъ трактиръ съ книжкой въ рукахъ, иду между столиками, низко кланяюсь и прошу смиреннымъ голосомъ: «Помогите, благодѣтели, на построение обители Черниговской Царицы Небесной»... Говорю этакъ нараспѣвъ, а глазами-то такъ и выискиваю моего Андриюшу. Одинъ купецъ знакомый перекрестился и мнѣ копейку положилъ. До сихъ поръ у меня та копейка цѣла...

«Не нашла я въ тотъ разъ Андрея. Онъ три дня въ участкѣ сидѣлъ за буйство на улицѣ. Вотъ оно, вино-то, что дѣлаетъ! Трезвый-то онъ смиренный такой былъ, воды не замутить, слова лишняго не скажетъ, а тутъ ужъ буяннить началъ. И отчаянность же на меня напала, такая отчаянность, что мнѣ все тринь-трава.. Нѣту, кажется, въ Москвѣ того вертепа, гдѣ бы я его не искала.

«Былъ тогда неподалеку отъ старыхъ рядовъ трактиръ, «Голубокъ» назывался, и слава про него нехорошая шла. Приходитъ какъ-то ко мнѣ Агаша и говорить:

— «А твой-то въ «Голубкѣ» засѣдаетъ; я мимо шла, въ окошко видѣла: сидитъ и съ какой-то барышней винцомъ угощается.

«Загорѣлась у меня душа.

— «Пойдемъ, говорю, со мной сейчасъ, Агаша, въ «Голубокъ». Я ему тамъ при всемъ народѣ глаза выпарапаю.

«Она меня и такъ и этакъ отговаривать, а я слышать ничего не хочу, сказала—пойдемъ и пойдемъ.

«Бросила лавку, бѣгу чуть не бѣгомъ по улицѣ. Поднялись съ Агашей по лѣстницѣ въ трактиръ, слышу: машина играетъ въ залѣ, я—туда. Гостей много, а все же среди нихъ я сразу Андриюшу увидѣла: сидитъ у окошка и противъ него барышня намазанная, а Николая нѣтъ. Выбрала я себѣ столикъ наискось отъ него, велѣла чаю подать, а сама глазъ съ него не спускаю. Онъ кричить:

— «Половой, рюмочку!

«И я:

— «Половой, рюмочку!

«Онъ—«мерзавчика», и я—«мерзавчика», онъ—«колокольчика», и я—«колокольчика».

«Агаша сидитъ подлѣ меня ни жива ни мертва, за руку меня дергаетъ, а я хоть бы что. Всѣ кругомъ на насъ смотрятъ, можетъ, кто и призналъ меня.

«Голова у меня отъ вина закружилась, думала, вотъ-вотъ упаду со стула, да встрѣтилась глазами съ Андриюшей и опомнилась. Я говорить-то ужъ не могу, а только махнула ему рукой: уходи, молъ, отсюда. Какъ сквозь туманъ, вижу, лицо у него поблѣднѣло, и приподнялся онъ, потомъ за голову схватился, бросилъ свою барышню, ни слова ей не сказавши, да скорѣй, скорѣй къ двери.

«Агаша меня подь руку взяла, и ужь не помню, какъ я съ лѣстницы спустилась. Андрюша ждалъ насъ у подьѣзда. Хотѣла я его выругать и въ рожу дать хорошенько; ужь руку подняла, и вдругъ.—Господи-Батюшка—не вижу Андрюши и ничего не вижу... Онъ извозчика кликнулъ, посадилъ меня и повезъ домой. Приѣхали—ничего не вижу, а не хмельная, все до капельки помню. Побѣжалъ Андрюша за докторомъ. Тотъ меня и стукалъ и слушалъ, капли какія-то прописалъ и велѣлъ въ постель лечь.

— «Это,—говорить,—у васъ временный параличъ глазныхъ нервовъ. Дня черезъ три все пройдетъ, только принимайте капли и не вставайте съ постели.

«А какой тамъ нервный параличъ? Просто по-нашему, по-простому, куриная слѣпота. Водки я отродясь въ ротъ не брала, а тутъ сразу чуть не бутылку выпила, ну, и измучилась немало, вотъ отъ этого, должно быть, и приключилось.

«Цѣлыхъ десять дней, матушки вы мои, я слѣпая была; на одиннадцатый проснулась утромъ—и все вижу. Все то время, что я хворала, Андрюша отъ меня не отлучался и такой былъ добрый да ласковый, что я такъ стараго вспоминать и не стала. И пить онъ бросилъ: съ полгода я его хмельнымъ не видала.

«Въ ту пору мы въ Нижнемъ на ярмаркѣ сняли лавку, и такъ хорошо у насъ торговля шла, что просто люди завидовали. Съ товаромъ Андрюша ѣздилъ, а я въ Москвѣ управлялась. Дѣло вели больше въ кредитъ и только къ концу ярмарки расплачивались; къ расчету я сама приѣзжала, потому что все-таки боязно мнѣ было большія деньги Андрюшѣ довѣрять.

«Въ эту осень, о которой я вамъ рассказать хочу, Андрюша поѣхалъ на ярмарку съ большой партией товара. Письмо мнѣ оттуда прислалъ, что все, молъ, славу Богу, и покупатели крупные на товаръ есть. Мнѣ бы радоваться, а у меня сердце такъ вотъ и болитъ, такъ и болитъ; мѣста себѣ не нахожу. Такъ вотъ весь день все бы и плакала, словно сердце бѣду чуюло. Не вытерпѣла я, послала за Агашей, чтобы съ дѣвочкой осталась, мигомъ собралась и поѣхала въ Нижній.

«Приѣзжаю это подь вечеръ. Вышла съ вокзала, извозчики всѣ знакомые, тотъ кричитъ: «Наталья Никаноровна, я свезу»,—другой: «Наталья Никаноровна, со мной пожалуйста». Просто не знаю, на комъ и ѣхать. Только смотрю: надъ городомъ будто зарево и дымъ.

— «Гдѣ горитъ?—спрашиваю.

— «А, должно быть, на ярмаркѣ,—отвѣчаетъ кто-то.—Сейчасъ только дымъ показался.

«Вскочила я въ первую пролетку и кричу:

— «Гони на ярмарку!

«Бду, вѣдь не близко отъ станціи-то, и все плачу, сама не знаю отчего; сердце такъ вотъ и тоскуетъ. Только это подьѣзжаю.

къ тому ряду, гдѣ наша лавка, а тутъ ужъ цѣлый переулочекъ выгорѣлъ. Пожарные, крикъ, шумъ,—ничего не разберешь. Насилу пробралась я къ лавкѣ; изъ нея дымъ такъ и валитъ, а приказчикъ Леонтій,—старичка одного мы на ярмарочное время нанявали,—изъ окошка книги и счета выбрасываетъ да прямо въ воду.

— «Гдѣ Андрей Васильевичъ?»—кричу ему.

«Выскочилъ онъ наружу, въ дыму задыхается, вымолвить слова не можетъ, а руками показываетъ: не знаю, молъ.

«Пожарные прочь меня гонять, водой обливаютъ, а я какъ-то ужъ между ними проскочила и въ лавку къ кассѣ, чтобъ хоть деньги-то спасти и векселя. Вытащила я ящикъ изъ кассы, хочу бѣжать, потому что ужъ черезъ досчатую крышу красные языки показались, да вдругъ слышу: стонетъ кто-то за прилавкомъ, на полу. Нагнулась, Господи, мой Андрюша лежитъ, а подъ нимъ ужъ полъ загорается.

«Бросила я тутъ кассу, схватила его подъ руки и волочу къ двери. Еще бы вотъ одна минутка, и придавило бы насъ обоихъ... Какъ сквозь сонъ слышу, кричатъ съ улицы:

— «Женщина, женщина тамъ!

«А я и понять не могу, что это обо мнѣ кричатъ. Тащу его, на ящики натыкаюсь и двери не могу найти; она, видно, за мной захлопнулась. Наконецъ, выломалъ кто-то дверь снаружи, и что потомъ было, я ужъ и не помню, только знаю, что я куда-то упала, и сейчасъ же крыша надъ лавкой рухнула»...

Веселые глаза Натальи Никаноровны вдругъ затуманились, и по ея свѣжимъ щекамъ покатались крупныя слезы.

— «Не могу вспомнить этого безъ слезъ,—извиняющимся голосомъ проговорила она, вытирая ихъ.

— «А товаръ-то, милая, такъ и погорѣлъ?»—спросила старушка.

— «Чудная ты, бабушка, о товарѣ спрашиваешь,—съ укоромъ отвѣтила она.—Ты про человѣка спроси, а товаръ чтѣ, и разговорю не стѣдить!..

— «А что развѣ онъ сильно ожогся?

— «Нѣтъ, ожоговъ не было,—отвѣтила она,—а только простудился очень на пожарѣ. Холодно, вѣдь, было, сентябрь мѣсяцъ. Насъ обоихъ, какъ вытащили изъ лавки безъ чувствъ, такъ и положили въ сторонкѣ на панели; сколько мы тамъ пролежали, неизвѣстно, можетъ, часъ и больше. Я дня три прохворала и поправилась, а онъ два мѣсяца въ больницѣ пролежалъ.

— «Чѣмъ же хворалъ-то?»—спросила старушка.

— «Всѣмъ. Все болѣло,—грустно отвѣчала она.—Раньше-то кутежами себя испортилъ, а послѣ пожара скоротечная чахотка открылась.

— «Значить, померъ?

— «Померъ...

— «Охъ, горемычная!—простонала старушка.—Что же ты послѣ него къ родителямъ, поди, вернулась?»

— «Нѣтъ, зачѣмъ же? Звалъ меня папаша, много разъ звалъ, самъ прѣзжалъ за мною, да не пошла. Когда я билась, какъ рыба объ ледъ, онъ меня знать не хотѣлъ, Андрюшу на порогъ съ себѣ не пускалъ, благословенія родительскаго не далъ, а теперъ ужъ поздно».

Подвижное лицо рассказчицы до неузнаваемости измѣнилось. Веселая улыбка, блескъ въ глазахъ, юмористическія складочки губъ—все исчезло, и передо мною было лицо страдающей женщины лѣтъ за сорокъ.

— Послушайте,—сказала я ей:—а вѣдь вы его сильно любили.

— Ахъ, что вы, сударыня!—выразила она съ горькой улыбкой.—Какая же это любовь? Жалко было... всю жизнь жалко.

— Да жалость-то эта самая женская и есть настоящая любовь.

— Нѣтъ, не похоже. Любовь это вотъ, какъ моя подруга Лиза сейчасъ живетъ. На рысакахъ съ мужемъ катается, да по театрамъ, къ Яру, въ разныя тамъ границы, одѣвается у мадамъ Минангуа; долговъ тысячъ на сто надѣлали, родители платить не успѣваютъ. А у насъ какая же любовь? На Болотѣ торговала, да по трактирамъ бѣгала, да въ больницѣ день и ночь два мѣсяца ходила за нимъ. Смѣшно даже—любовь! Жалость,—только и всего.

Поѣздъ замедлилъ ходъ. Натѣво вдали заблестѣли главы Успенскаго Троицкаго собора и высокій шпиль колокольни. Потомъ отчетливо сталъ выступать и весь древній историческій монастырь, который помимо своей святыни дорогъ русскому сердцу еще и воспоминаніемъ о двухъ воинственныхъ инокахъ: Пересвѣтѣ и Ослябѣ, покинувшихъ монастырь для защиты родины.

Всѣ въ вагонѣ встали, начали набожно креститься. Я глядѣла на Наталью Никаноровну. Ея лицо уже не казалось старымъ; выраженіе глубокой, умиленной вѣры свѣтилось на немъ, и улыбка ея была почти веселая, когда она сказала мнѣ, прощаясь:

— Ну, не обезсудьте на моей болтовнѣ. Все-таки веселѣе было ѣхать...

Ек. I. Уманецъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОРЕНБУРГСКАГО СТАРОЖИЛА.

Въ 1845 году скончался отецъ мой, титулярный совѣтникъ, Петръ Львовичъ Жакмонъ, бывшій преподавателемъ французскаго языка въ 3-ей С.-Петербургской гимназiи и въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (переименованной впоследствии въ Николаевское кавалерійское училище). Мать моя осталась въ Петербургѣ почти безъ средствъ къ жизни и стала хлопотать о назначеніи ея на службу въ одинъ изъ институтовъ вѣдомства императрицы Маріи.

Хлопоты моей матери увѣнчались успѣхомъ, и въ 1849 году она была назначена начальницей Оренбургскаго дѣвичьяго училища II-го разряда. Въ это время я былъ ученикомъ IV класса 3-ей С.-Петербургской гимназiи. Осенью я заболѣлъ коклюшемъ, который вскорѣ перешелъ и къ сестрѣ моей. Болѣзнь моя и сестры задержала насъ въ Петербургѣ болѣе чѣмъ на мѣсяць, и только въ декабрѣ того же 1849 года мать, забравши насъ съ собою, могла предпринять путешествіе въ далекую восточную окраину—въ Оренбургъ.

Въ тѣ времена не было еще въ Россіи никакихъ желѣзныхъ дорогъ, кромѣ Царскосельской, и потому пришлось ѣхать изъ Петербурга на почтовыхъ. Переѣздъ изъ Петербурга въ Оренбургъ мы совершили въ шестнадцать дней...

Въ это время Оренбургъ уже былъ административнымъ центромъ обширнаго Оренбургскаго края; это былъ небольшой городъ,

окруженный высокимъ землянымъ валомъ со рвомъ и четырьмя желѣзными воротами, которыя на ночь запирались на замокъ. У каждыхъ воротъ стоялъ военный караулъ, а углавныхъ воротъ— Сакмарскихъ, былъ офицерскій постъ, потому что здѣсь же въ каменномъ зданіи помѣщалось до 300 человѣкъ арестантовъ военно-исправительной роты. Такъ какъ ключи отъ воротъ были у караульнаго начальника, то въ ночное время прїѣзжающіе впускались только съ его разрѣшенія въ городъ. Послѣ пробитія вечерней зари часовые на постахъ перекликались протяжнымъ «слушай», и ихъ въ шутку называли царскими пѣтухами. Число жителей не превышало въ Оренбургѣ, вмѣстѣ съ войсками, 12 тысячъ человѣкъ. Военнымъ губернаторомъ былъ генералъ отъ инфантеріи Владимиръ Аванасьевичъ Обручевъ. Это былъ служака въ полномъ смыслѣ слова и вмѣстѣ съ тѣмъ предобрый человѣкъ, который любилъ распекаать подчиненныхъ, но никому не дѣлалъ вреда по службѣ. Единственнымъ его недостаткомъ была скупость, доходившая почти до скардености по отношенію къ казенному интересу. Во время управленія губерніей Обручевъ сберегъ до милліона казенныхъ денегъ и отослалъ ихъ въ Петербургъ. За эту экономію онъ не получилъ никакой награды, а на эти деньги— не припомню, для какого полка—были выстроены въ Петербургѣ новыя казармы, тогда какъ казенныя учрежденія, существовавшія въ то время въ Оренбургѣ, имѣли очень плохія помѣщенія и были очень стѣснены въ денежныхъ средствахъ. Но излюбленными дѣтищами В. А. Обручева были возникшіе по его инициативѣ институтъ и Неплюевскій кадетскій корпусъ. Рассказывали, что однажды В. А. Обручевъ жестоко распекалъ инженернаго офицера за то, что въ оборонительной казармѣ линейнаго батальона дымилъ печь. Когда Обручевъ накричался вдосталь, то полковникъ, завѣдывавшій инженерною частью, доложилъ ему, что печь эту строилъ другой офицеръ, находившійся въ командировкѣ въ степи. Тогда Обручевъ, обратившись къ офицеру, сказалъ ему въ утѣшеніе: «Ну, все равно, мой любезнѣйшій, это пригодится въ другой разъ». Онъ полагалъ, что всѣ инженеры большіе любители казенной конейки, хотя и самъ служилъ въ молодости въ инженеряхъ. По прїѣздѣ въ Оренбургъ, мать моя прямо съ дороги вступила въ отправленіе своихъ обязанностей. Но, Боже мой, что представлялъ собою институтъ!

Ученицы, числомъ до 40, были почти всѣ грубыя, невоспитанныя казачки, говорившія на о и употреблявшія часто въ разговорѣ неприличныя слова. Притомъ всѣ онѣ были немытыя, грязныя, и у многихъ изъ нихъ на бѣлѣхъ и въ волосахъ водилось множество насѣкомыхъ. У нѣкоторыхъ тѣло было покрыто чесоткою и даже злокачественными нарывами. А потому прежде всего потребовался чисто физическій трудъ привести воспитанницъ въ благо-

образный видъ. Нужно было намазывать имъ головы мазью, истребляющей насѣкомыхъ, заставлятъ горничныхъ расчесывать имъ спутавшіеся волосы, приучить ихъ къ употребленію мыла и зубныхъ щетокъ, о которыхъ онѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія въ своихъ станицахъ и форпостахъ. Труднѣе было отучить ихъ отъ употребленія непристойныхъ словъ и выраженій. Религіозно нравственное ихъ воспитаніе потребовало особаго вниманія. Многія изъ нихъ не только не знали ни одной молитвы, но не умѣли даже сложить пальцевъ для крестнаго знаменія. Другія же, воспитанныя сектантками, въ особенности принадлежавшія къ раскольничьей сектѣ безпоповщины, читали молитвы наизусть, искажая не только слова, но и самый смыслъ молитвъ.

Хозяйство института было организовано на началахъ мелочной экономіи сбереженія дровъ и мыла тѣмъ же В. А. Обручевымъ. Когда мать моя только что вступила въ отправленіе своей обязанности начальницы, въ институтѣ были заведены слѣдующіе порядки: обѣдъ и ужинъ готовился для двѣнадцати на кухнѣ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса, потомъ подогрѣвался на плитѣ институтской кухни; бѣлье институтокъ стиралось въ прачечной кадетскаго корпуса и потомъ мокрое привозилось въ прачечную института, гдѣ синилось, гладилося и крахмалилось.

Домовая церковь института была очень бѣдна. Иконъ было мало, облаченіе только одно, которое священникъ надѣвалъ по воскреснымъ днямъ и въ двенадцатые праздники. Церковь была такъ устроена, что та часть ея, гдѣ находился алтарь, закрывалась складными дверями, и когда затворялись двери, церковь обращалась въ рукодѣльный и рисовальный классъ. Платья, передники, пелеринны и бѣлье для институтокъ были сшиты изъ самаго грубаго и плохого матеріала, пріобрѣтеннаго у мѣстныхъ торговцевъ по дешевымъ цѣнамъ. Все письменоводство и вся отчетность какъ по учебному дѣлу, такъ равно и по хозяйству, велись въ канцеляріи кадетскаго корпуса. Такъ же неудовлетворительна была поставка учебнаго дѣла. Въ видахъ экономіи только одинъ или два преподавателя изъ числа учителей кадетскаго корпуса были приглашены для преподаванія въ институтѣ, остальные, въ особенности учителя рисованія, чистописанія и пѣнія, были лица, не имѣвшія класснаго чина и занимавшія учительскія мѣста въ школахъ оренбургскихъ военныхъ кантонистовъ, народъ запойный и малограмотный, пропускавшій въ учебномъ году много уроковъ. В. А. Обручевъ любилъ нанимать учителей, числомъ побольше, цѣною подешевле.

Матери моей предстояла тяжелая задача измѣнить весь строй учебной и экономической жизни института; понятно, она не могла вдругъ совершить этихъ реформъ. Немало трудовъ потребовало устройство и украшеніе домовою церкви института. Для благолѣпія

храма нужно было создать изъ дѣвиць стройный церковный хоръ, и мать моя обратилась въ императорскую капеллу съ просьбою выслать ей опытнаго регента, которому исходатайствовала чрезъ принца Ольденбургскаго приличное жалованье.

Съ В. А. Обручевымъ бывали подчасъ и курьезы. Такъ однажды, пріѣхавъ въ институтъ на первый урокъ, онъ тихонько подкрался къ класснымъ дверямъ и, приложивъ ухо къ скважинѣ, сталъ слушать объясненіе учителя исторіи. Классовскій, преподававшій исторію, читалъ лекцію о Семирамидѣ и описывалъ въ слишкомъ яркихъ краскахъ сады Семирамиды и волшебныя празднества этой царицы. В. А. Обручевъ слушалъ, слушалъ и наконецъ не вытерпѣлъ и, влетѣвъ бомбой въ классъ, почти вскрикнулъ:

— Хорошо же вы преподаете!

Послѣ этого онъ увелъ учителя въ рекреаціонный залъ, разнесъ его въ пухъ и прахъ и, давъ ему надлежащую инструкцію, какъ и что онъ долженъ говорить о Семирамидѣ, приказалъ ему прочесть на другой день лекцію о томъ же предметѣ въ томъ же классѣ въ его присутствіи. Когда все было исполнено по его желанію, онъ подалъ при всѣхъ руку Классовскому и поблагодарилъ его за преподаваніе.

Въ тѣ времена Оренбургъ былъ ссыльнымъ городомъ, и въ немъ насчитывалось нѣсколько сотенъ ссыльныхъ поляковъ знатнѣйшихъ польскихъ фамилій. Потоцкіе, Чарторижскіе, Станкевичи, Ромишевскіе, Ростковскіе, Обинскіе, Сираковскіе и другіе— всѣ они были разжалованы въ царствованіе императора Николая Павловича и сосланы рядовыми въ оренбургскіе линейные баталіоны и несли строевую службу наравнѣ съ прочими нижними чинами, только ночевали не въ казармахъ, а на своихъ квартирахъ, что, впрочемъ, дозволялось имъ частнымъ образомъ съ разрѣшенія баталіонныхъ и ротныхъ командировъ или тайнымъ образомъ за плату съ позволенія фельдфебелей, наживавшихъ отъ нихъ большія деньги.

За ссыльными поляками былъ учрежденъ секретный надзоръ. Однажды донесли В. А. Обручеву, что въ мѣстномъ костелѣ по вечерамъ виденъ огонь, и что тамъ собираются на тайныя сходки ссыльные поляки. Получивъ это донесеніе, В. А. Обручевъ въ сопровожденіи плацъ-майора Халецкаго и полицеймейстера, раненаго война, полковника Демостико, нагрянулъ внезапно вечеромъ къ костелу и, замѣтивъ въ немъ свѣтъ, тотчасъ потребовалъ ксендза Зеленка и приказалъ ему отворить костелъ. Когда вошли во внутренность его, то въ немъ никого не оказалось, и В. А. Обручеву пришлось извиняться передъ ксендзомъ Зеленкомъ за свою излишнюю поспѣшность: не трудно было убѣдиться въ томъ, что свѣтъ въ церкви происходилъ отъ лучей заходящаго солнца, ударявшаго прямо въ разноцвѣтныя стекла оконъ алтаря.

Но недолго В. А. Обручевъ управлялъ Оренбургскимъ краемъ. Генераль-адъютантъ В. А. Перовскій тяжело заболѣлъ въ Петербургѣ, и когда императоръ Николай Павловичъ, навѣстивъ больного, спросилъ его, что онъ можетъ для него сдѣлать, то Василій Алексѣевичъ отвѣчалъ, что онъ желалъ бы, чтобы его хоронили оренбургскіе казаки.

В. А. Перовскій выздоровѣлъ. Вскорѣ послѣ того, въ 1852 году, В. А. Обручевъ былъ переведенъ въ генераль-аудиторіатъ, а генераль-адъютантъ В. А. Перовскій былъ назначенъ оренбургскимъ и самарскимъ генераль-губернаторомъ. При немъ сформированъ огромный штатъ чиновниковъ особыхъ порученій, адъютантовъ и состоящихъ въ его распоряженіи гвардейскихъ офицеровъ. Съ этого момента въ Оренбургѣ образуется множество новыхъ военныхъ и гражданскихъ учреждений и условія жизни существенно измѣняются. Оренбургъ получилъ тогда наименованіе маленькаго уголка Петербурга.

Во второй свой пріѣздъ въ Оренбургъ В. А. Перовскій и больной не измѣнилъ своей любви къ роскоши и свѣтской жизни и все еще оставался большимъ русскимъ бариномъ. Его шутя сравнивали съ французскимъ королемъ Людовикомъ XIV, и у него на закатѣ дней была своя Madame de Maintenon въ лицѣ супруги одного изъ приближенныхъ.

Имѣя въ своемъ распоряженіи безконтрольную сумму башкирскаго капитала, состоявшаго изъ нѣсколькихъ милліоновъ рублей, и полъ-милліона рублей, отпускаемыхъ ежегодно на угощеніе киргизовъ и на пріемъ хивинскихъ и бухарскихъ посланниковъ, В. А. Перовскій самъ для себя не пользовался ни одною копейкою этихъ денегъ, но употреблялъ ихъ на устройство баловъ, пиршествъ и празднествъ для поддержанія престижа своей власти. Такъ, напримѣръ, за мѣсяцъ или за два передъ этими балами всѣмъ молодымъ дамамъ свиты В. А. Перовскаго высылались богатая дорогія матеріи и цѣлыя готовые платья, привозимыя изъ Парижа специально для этой цѣли командированнымъ туда фельдъегеремъ. На обѣдахъ и ужинахъ подавались раритеты въ родѣ малины и клубники въ зимніе мѣсяцы, а на каждомъ дамскомъ приборѣ лежалъ прелестный букетъ рѣдкихъ цвѣтовъ, выписываемыхъ изъ Петербурга. Ежедневно для мужского персонала свиты В. А. Перовскаго поварь-французъ готовилъ обѣдъ изъ 4 блюдъ на 30 персонъ съ винами и шампанскимъ лучшей марки, и всѣ чиновники особыхъ порученій, адъютанты и состоявшіе въ распоряженіи В. А. Перовскаго гвардейскіе офицеры пользовались круглый годъ этими обѣдами бесплатно. Самъ В. А. Перовскій изрѣдка появлялся въ этой столовой на нѣсколько минутъ, чтобы спросить своихъ гостей, довольны ли они его поваромъ и винами, которыя имъ подаются на столъ. Пошутивъ милостиво съ кѣмъ нибудь изъ своихъ знатныхъ

гостей (въ числѣ которыхъ былъ ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, князь Ибрагимъ Чингизъ, сынъ послѣдняго киргизскаго хана Джангера), онъ спѣшилъ удалиться въ свои покои.

Сравнивая В. А. Перовскаго съ королемъ Людовикомъ XIV, я долженъ сказать, что въ его свитѣ состоявшей изъ блестящихъ и титулованныхъ гвардейскихъ офицеровъ, были весьма полезные администраторы, а также и талантливые литераторы, художники и живописцы. Къ числу выдающихся администраторовъ принадлежали: правитель генераль-губернаторской канцеляріи Кудрявцевъ, дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Христофоръ Христофоровичъ Рейтернъ. Ихъ двоихъ называли временщиками, такъ какъ В. А. Перовскій по болѣзни своей не могъ заниматься дѣлами, и вся военная администрація края была въ рукахъ полковника Рейтерна, а гражданскими дѣлами управлялъ безконтрольно правитель канцеляріи Кудрявцевъ. Эти всесильные люди держали въ строгомъ повиновеніи все населеніе обширнаго Оренбургскаго края, занимавшаго въ тѣ времена пространство, равное территоріи всей Франціи. Бывшаго при В. А. Обручевѣ начальника штаба Фонтонъ де Верраіона смѣнилъ при В. А. Перовскомъ генераль-майоръ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, добродушнѣйшій человѣкъ, который изнемогалъ подъ тяжестью своего тучнаго тѣла; онъ любилъ цѣлый день лежать на локоткахъ на письменномъ столѣ своего кабинета и почитывать журналы и газеты, заимствуя изъ нихъ темы для разсказовъ своимъ знакомымъ. Про И. И. Бутурлина разсказывали, что онъ однажды отправился дѣлать визиты въ новый годъ и, когда уже сѣлъ въ крытыя сани, вспомнилъ вдругъ, что забылъ взять съ собою визитныя карточки. Денщикъ сунулъ въ карманъ карточки, и генераль поѣхалъ съ визитами. Случилось такъ, что они никого не заставали дома, и денщикъ сыпалъ щедро карточки направо и налево. Когда они наконецъ подѣхали къ послѣднему дому, которымъ оканчивались ихъ визиты, денщикъ спросилъ Ивана Ивановича, которую карточку онъ прикажетъ отдать— съ однимъ или съ двумя загнутыми уголками. Тогда И. И. Бутурлинъ полюбопытствовалъ взглянуть, какія карточки раздавалъ его денщикъ, и взялъ ихъ у него изъ рукъ. И, о ужасъ! оказалось, что денщикъ собралъ всѣ визитныя карточки тѣхъ лицъ, которыя были на праздникахъ у Ивана Ивановича, и раздавалъ ихъ по вдохновенію, какая ему скорѣе попадала подъ руки. И. И. Бутурлинъ не поѣхалъ въ другой разъ съ визитами, а извинившись передъ знакомыми въ томъ quiproquo, которое надѣлалъ его денщикъ, долго хохоталъ отъ души и разсказалъ объ этой продѣлкѣ своимъ знакомымъ, которые тоже въ свою очередь много смѣялись. Впрочемъ, случай этотъ имѣлъ и свою хорошую сторону: многія лица, питавшія съ давнихъ поръ другъ къ другу вражду, поѣхали отдавать неожиданно сдѣланные имъ визиты и примирились.

При В. А. Перовскомъ находился художникъ и карикатуристъ Грановскій, членъ географическаго общества Небольсинъ, составившій подробное историко-географическое изслѣдованіе Оренбургскаго края, полковникъ генеральнаго штаба И. Ф. Бларамбергъ, составившій для военно-топографическаго отдѣла самую подробную карту Оренбургскаго края и принадлежащей къ ней части Киргизской степи. Но душою общества былъ родной племянникъ В. А. Перовскаго — Александръ Михайловичъ Жемчужниковъ. Ни одно празднество и ни одна холостая пирушка не обходились безъ него и безъ сосланнаго въ Оренбургъ князя Трубецкаго, дочь котораго, знаменитая красавица, вышла въ послѣдствіи замужъ за посланника, графа Морни. А. М. Жемчужниковъ отличался остроуміемъ, рѣдкою находчивостію и неистощимою веселостію. Игрою личныхъ мускуловъ онъ измѣнялъ совершенно черты своего лица и изображалъ съ поразительнымъ сходствомъ всѣхъ своихъ университетскихъ профессоровъ. Мало того, разговаривая съ вами, онъ моментально усваивалъ вашъ обликъ, манеру, движенія, звукъ голоса, такъ что вы могли вдругъ видѣть передъ собою своего двойника. При этомъ онъ былъ еще поэтъ-юмористъ, и въ обществѣ его нельзя было соскучиться. Онъ числился на государственной службѣ въ пограничной комиссіи по управленію Оренбургскими киргизами, но не особенно ревностно занимался письмоводствомъ. Однажды дядя его, В. А. Перовскій, призвалъ его къ себѣ и сдѣлалъ ему строгій выговоръ за небрежное отношеніе къ службѣ. А. М. Жемчужниковъ выслушалъ терпѣливо дядюшкинъ репримандъ, но когда В. А. Перовскій заговорилъ съ нимъ уже въ болѣе примиренномъ тонѣ, то онъ въ видѣ извиненія сказалъ:

— Сжальтесь же надо мною, топ осле! Какъ же я буду заниматься, когда у насъ въ пограничной комиссіи нѣтъ перьевъ?

— Какъ нѣтъ перьевъ?—удивился В. А. Перовскій.

— Такъ точно: госпожа Гроховская надѣла ихъ всѣ себѣ на голову.

А какъ разъ наканунѣ былъ балъ у В. А. Перовскаго, и почтенная старушка, вдова полковника, Гроховская, имѣла на головѣ презабѣшливый уборъ, состоявшій весь изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, бывшихъ въ то время въ модѣ. Услыхавъ такое оправданіе своего повѣсы племянника, В. А. Перовскій расхохотался, и долго раздавался его смѣхъ, а виновникъ этой веселости, А. М. Жемчужниковъ, продолжалъ стоять передъ дядюшкой съ самымъ серьезнымъ лицомъ, какъ будто изрекъ неопровержимую истину.

Въ другой разъ съ А. М. Жемчужниковымъ былъ слѣдующій случай. Онъ жилъ на главной улицѣ г. Оренбурга, называемой Большою, въ третьемъ этажѣ, а подъ нимъ въ бельэтажѣ жилъ богатый землевладѣлецъ, камеръ-юнкеръ Александръ Петровичъ Загряжскій. Александръ Петровичъ слылъ большимъ чудакомъ. Ари-

стократъ jusq'au bout des ongles, родовитый дворянинъ, имѣвшій большія связи въ Петербургѣ, онъ былъ владѣльцемъ Каноникольской дачи, заключавшей въ себѣ мѣдиплавильный заводъ и 120.000 десятинъ подъ мачтовымъ и строевымъ лѣсомъ. Имѣя сильную поддержку въ Петербургѣ, онъ чудилъ у себя въ заводѣ, и всѣ его барскія затѣи сходили ему съ рукъ. Однажды, проживая у себя въ имѣннѣи, онъ отправился ко всеобщей; ему показалось, что молодой заводскій священникъ не такъ держитъ кадило. Недолго думая, онъ вошелъ въ алтарь, взялъ кадило изъ рукъ священника и самъ сталъ кадить передъ иконами, приговаривая: «вотъ, батюшка, какъ надо кадить, вотъ какъ. Я вижу, что вы еще очень неопытны, и мнѣ приходится васъ учить».

Итакъ въ одномъ домѣ съ этимъ оригиналомъ, А. П. Загряжскимъ, жилъ А. М. Жемчужниковъ... Какъ-то на Рождество ему пришла фантазія устроить у себя елку, на которую собралась у него вся jeunesse dorée свиты В. А. Перовскаго, а также сосланные въ то время и разжалованные въ рядовые оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ поэтъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ и князь Трубецкой, похитившій знаменитую красавицу того времени Ж—скую. Посреди залы на большомъ столѣ была водружена елка со множествомъ горѣвшихъ на ней восковыхъ свѣчей, а вмѣсто конфетъ и лакомствъ были привѣшены къ вѣткамъ полубутылки лучшаго шампанскаго по числу приглашенныхъ, а у подножія елки на большомъ столѣ была сервирована роскошная закуска изъ свѣжей икры, уральскаго балыка и всѣхъ возможныхъ гастрономическихъ раритетовъ, съ цѣлой батареей водокъ, коньяковъ и всякихъ винъ. Молодежь пила, ѣла, веселилась, цѣла и плясала вокругъ елки и подняла, конечно, страшный шумъ, который обезпокоилъ жильца бельэтажа, А. П. Загряжскаго. Недолго думая, этотъ большой баринъ прислалъ своего камердинера сказать А. М. Жемчужникову, что у него голова разболѣлась отъ шума, и что онъ приказываетъ тотчасъ же всѣмъ разойтись по домамъ. Тогда, извинившись передъ гостями, А. М. Жемчужниковъ попросилъ всѣхъ удалиться, обѣщая, что наавтра всѣ опять соберутся и повеселятся еще болѣе, чѣмъ сегодня.

Едва гости вышли на улицу, А. М. Жемчужниковъ спустился на площадку парадной лѣстницы, установилъ на ней мишень для стрѣльбы и, зарядивъ пару пистолетовъ, принялся стрѣлять изъ нихъ въ цѣль. Бацъ! бацъ!—гремѣлъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, и эта непрерывная канонада способна была разогнать даже самый сильный сонъ человѣка съ самыми крѣпкими нервами. Услыхавъ эту пальбу, А. П. Загряжскій перепугался не на шутку и, вскочивъ съ постели, накинувъ на себя бархатный плафрокъ, выскочилъ на лѣстницу.

— *Cher ami, cessez de grace*,—вопилъ онъ жалобнымъ голо-
сомъ.—*J'ai diablement peur de cette canonnade*,—умолялъ онъ, обни-
мая дружески А. М. Жемчужникова.

— *Je regrette infiniment de ne pouvoir me rendre à vos vœux*,—
извинялся въ свою очередь А. М. Жемчужниковъ,—но по вашей
просьбѣ я принужденъ былъ *de mettre à la porte tous mes amis*, и
всѣ они вызвали меня на дуэль. Завтра я долженъ по очереди
стрѣляться съ тридцатью моими лучшими пріятелями, и такъ какъ
я не хочу быть убитымъ, то я рѣшилъ до самаго утра упраж-
няться въ стрѣльбѣ и клянусь вамъ, что я дорого продамъ свою
жизнь.

— *Mais écoutez donc, cher ami*. Ну, хотите, я завтра утромъ
надѣваю фракъ и ѣду извиняться передъ вашими друзьями?

— Это не поможетъ. *Ils ont soif de mon sang*,—и послѣ этихъ
словъ А. М. Жемчужниковъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ въ
мишень и попалъ прямо въ центръ.

А. П. Загряжскій въ отчаяніи зажалъ уши.

— *Vous me ferez mourir!*—вскричалъ онъ.—Ну, вотъ что: мы
завтра утромъ ѣдемъ съ вами къ вашимъ друзьямъ, а вечеромъ я
васъ приглашаю вмѣстѣ съ ними ко мнѣ поужинать, *et j'ai dans
ma cave un vieux vin français*, отъ котораго ваши гости языкъ
проглотятъ.

— Ну, такъ и быть, только для васъ, Александръ Петровичъ,—
согласился А. М. Жемчужниковъ, и на слѣдующій вечеръ состоя-
лась у А. П. Загряжскаго феноменальная и грандіозная выпивка.

Разставаясь со своими излюбленными дѣтищами: Оренбург-
скимъ Неплюевскимъ кадетскимъ корпусомъ и Оренбургскимъ дѣ-
вичьимъ институтомъ, В. А. Обручевъ плакалъ искренними сле-
зами, и учащіяся дѣти провожали его тоже съ плачемъ, такъ какъ
онъ въ своемъ губернаторскомъ домѣ устраивалъ для нихъ еже-
мѣсячно балы и празднества и каждое воскресенье присылалъ
конфеты институткамъ и кадетамъ.

В. А. Перовскій наоборотъ не любилъ корпуса и института,
потому что эти два учебныя заведенія были созданиемъ В. А.
Обручева. Помню, какъ-то одинъ разъ В. А. Перовскій прислалъ
по 25 рублей въ корпусъ и институтъ на устройство елки для
учащихся, но къ себѣ никогда не приглашалъ дѣтей и вообще
относился очень индифферентно къ оренбургскимъ учебнымъ за-
веденіямъ.

Со дня вступленія моей матери въ должность начальницы
прошло незамѣтно шесть лѣтъ, и въ маѣ мѣсяцѣ 1854 года былъ
сдѣланъ первый выпускъ дѣвицъ изъ института. На актѣ, устроен-
номъ по окончаніи экзаменовъ, В. А. Перовскій отказался присут-
ствовать, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе. Онъ страдалъ
сильными припадками удушья. Но всѣ начальники отдѣльныхъ

частей, наказный атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска, графъ Илья Андреевичъ Толстой, командующій башкирскимъ войскомъ генераль-лейтенантъ Николай Васильевичъ Балкашинъ, директоръ Оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса генераль-майоръ Шиловъ, а также дворянство, должностное купечество, родители и родственники выпускныхъ дѣвицъ присутствовали на актѣ. Всѣ выпускныя дѣвицы были одѣты въ легкія бѣлыя платья, и наружность ихъ настолько измѣнилась къ лучшему, что въ нихъ нельзя было узнать прежнихъ грубыхъ оренбургскихъ и уральскихъ казачекъ. Манеры, походка, все измѣнилось къ лучшему. Всѣ онѣ умѣли поддержать салонный разговоръ на французскомъ языкѣ и могли читать *à livre ouvert* французскія и нѣмецкія книги. Цѣлый рядъ руководѣльныхъ работъ и прекрасно исполненныхъ карандашемъ и красками рисунковъ свидѣтельствовалъ о томъ, что природныя ихъ таланты развивались подѣ благотворнымъ вліяніемъ умѣлыхъ наставницъ и наставниковъ. Въ концертномъ отдѣленіи акта были исполнены на двухъ роляхъ въ восемь рукъ цѣлыя отрывки ихъ оперъ: Глинка, Мейербера, Россини и Гуно. Хоры и солистки отличались прекрасными свѣжими голосами и знаніемъ музыки. А нѣсколько дѣвицъ отличились талантомъ декламации и прочитали передъ собравшимися гостями отрывки изъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Грибоѣдова. Родители и родственники благодарили со слезами на глазахъ начальницу и весь учительскій персоналъ за очевидные успѣхи своихъ дочерей.

Блестящіе результаты перваго выпуска Оренбургскаго дѣвичьяго училища произвели весьма отрадное впечатлѣніе на оренбургское общество, и съ наступленіемъ учебнаго 1854—1855 года уже вмѣсто 40 воспитанницъ насчитывалось съ вновь поступившими болѣе 80. Хотя это учебное заведеніе при стараніяхъ моей матери, начальницы института, подверглось многимъ существеннымъ измѣненіямъ, но все-таки оставалось желать многого и очень многого, чтобы поставить его на твердую ногу. Теперь обѣды и ужины готовились не на кухнѣ Неплюевского кадетскаго корпуса, а на своей институтской кухнѣ. Точно также и бѣлье мылось въ своей прачешной. Для поставки мяса былъ тоже свой контрагентъ, и ежедневно всѣ съѣстные припасы осматривались начальницею при совмѣстномъ наблюденіи институтскаго врача. Хозяйствомъ института завѣдывала не супруга эконома кадетскаго корпуса, какъ это было при В. А. Обручевѣ, а была своя экономка, жившая въ институтѣ. Также точно была опредѣлена особая лазаретная дама для наблюденія за лазаретомъ. Но на все это требовались деньги, которыхъ въ наличности не было, такъ какъ штаты этого учебнаго заведенія оставались прежніе, утвержденные еще при В. А. Обручевѣ, когда въ дѣвичьемъ училищѣ насчитывалось не болѣе 40 дѣвицъ. Самое помѣщеніе института требовало расширенія, и вотъ стали приторго-

вывать сосѣднее мѣсто, чтобы на немъ воздвигнуть такое же другое двухъэтажное зданіе, которое можно было бы соединить подъ одно съ прежнимъ, выстроеннымъ В. А. Обручевымъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ моею матерью овладѣло сильное и неудержимое желаніе упредить въ обширномъ Оренбургскомъ краѣ существованіе института—этого единственнаго расадника женскаго образованія, такъ какъ въ тѣ времена не было не только женской гимназіи и прогимназіи въ Оренбургѣ, но не существовало даже и участковыхъ школъ, и только дѣвочки-сиротки обучались грамотѣ старушками въ пріютѣ св. Ольги. Но какъ добиться желаемыхъ реформъ? Писать въ Петербургъ, представлять проэктъ и планы? Все это прекрасно, но для этого нужно ждать годы и годы.

А потому моя мать рѣшилась просить отпуска въ С.-Петербургъ и здѣсь лично ходатайствовать у императрицы Александры Ѳеодоровны о всѣхъ нуждахъ института. Въ отвѣтъ на просьбу мать моя получила разрѣшеніе воспользоваться отпускомъ съ 1-го іюля 1855 года. Она тотчасъ же собралась и пустилась въ путь. Въ то время судоходство по Волгѣ не процвѣтало, и пароходы тащили за собой по большей части баржи, перевозившія значительные грузы, но пассажирское движеніе совершалось неправильно, и приходилось сидѣть на пристаняхъ по двое сутокъ, ожидая пассажирскаго парохода. Поэтому моя мать рѣшилась ѣхать до Москвы на почтовыхъ, а изъ Москвы въ С.-Петербургъ по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Главнымъ начальникомъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства императрицы Маріи былъ его высочество принцъ Ольденбургскій. Къ нему-то по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ и послѣшила заявиться моя мать, намѣтившая себѣ программу неотложныхъ реформъ въ Оренбургскомъ дѣвичьемъ училищѣ. Принцъ принялъ мою мать очень любезно и общалъ многое, но изъ словъ его высочества мать моя поняла, что желаемыя реформы могутъ затянуться или будутъ отложены въ долгій ящикъ, и потому рѣшилась обратиться съ докладомъ лично къ вдовствующей императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Въ числѣ знакомыхъ моей матери находились въ то время въ Петербургѣ: графиня Булгари, дочь которой, Софія Яковлевна Веригина, была за мужемъ за генералъ-квартирмейстеромъ Александромъ Ивановичемъ Веригинымъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ и членомъ государственнаго совѣта), генеральша Пистолькорсъ и madame d'André, супруга дѣйствительнаго статскаго совѣтника d'André и близкая родственница семейства графовъ Разумовскихъ, и князь Николай Голицынъ, генералъ-майоръ генеральнаго штаба.

Но никто изъ этихъ лицъ не могъ доставить моей матери случая представиться императрицѣ, которая въ это время по слабости здоровья избѣгала всѣхъ аудіенцій и представленій, такъ какъ ея величеству былъ предписанъ врачами абсолютный покой. По сча-

стію, мать моя была дружна съ madame Эллисъ, статсъ-дамой государыни, пользовавшейся особымъ довѣріемъ императрицы. Мать моя вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ отправилась въ Царское Село, гдѣ проживала г-жа Эллисъ при государынѣ, и эта добрая и сердечная особа устроила все дѣло матери такъ успѣшно, что императрица Александра Теодоровна согласилась принять мою мать тотчасъ же по возвращеніи своемъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ сентября.

Съ чувствомъ неизъяснимой радости и тревоги ожидала моя мать счастливаго дня, въ который ей предстояло свидѣться съ императрицей. Въ тотъ годъ сентябрь стоялъ великолѣпный въ Петербургѣ, и хотя уже наступили свѣжіе дни, но они были солнечные и ясные. Наконецъ пришелъ этотъ ожидаемый и желанный день. Г-жа Эллисъ была такъ добра и такъ любезна, что заѣхала за моей матерью, и онѣ вмѣстѣ сѣли въ карету и отправились въ Зимній дворецъ, куда уже переѣхала на осень передъ отъѣздомъ за границу вдовствующая императрица Александра Теодоровна. Оставивъ мать въ одной изъ пріемныхъ комнатъ, г-жа Эллисъ поспѣшила на собственную половину ея величества, и, спустя нѣсколько минутъ, вернулась со словами:

— Venez donc, chère m-me Jacquemond: l'Impératrice, vous invite.

— Я не знаю, — рассказывала мнѣ послѣ мать, — какъ выразить то неизъяснимое радостное чувство, которое я испытала, услыхавъ слова милой и доброй Эллисъ. Я пошла ускоренной походкой, и мнѣ казалось въ эти минуты, что ангелы несутъ меня на крыльяхъ. Прошло уже шесть лѣтъ съ того времени, какъ я передъ отъѣздомъ въ Оренбургъ имѣла счастье представляться государынѣ императрицѣ, и съ той поры многое измѣнилось.

Когда моя мать вошла въ комнату императрицы, государыня полулежала на кушеткѣ. Ея величество, будучи въ траурѣ, была въ черномъ шелковомъ платьѣ, отдѣланномъ французскими кружевами съ большимъ вкусомъ и необыкновенно изящно, при чемъ кружевной воротничекъ былъ прикрѣпленъ къ платью брилліантовою брошью тончайшей французской работы. На столикѣ возлѣ императрицы лежала вверхъ крышками недочитанная французская книга, а рядомъ стоялъ стаканъ съ водой съ запахомъ fleurs d'oranges. Государыня была очень нервна и любила имѣть всегда при себѣ успокоительное питье. Увидя мою мать, государыня слегка приподнялась на кушеткѣ и, протянувъ впередъ правую руку, слѣдующимъ образомъ привѣтствовала мою мать:

— Bonjour, madame Jacquemond, je suis bien aise de vous voir en bonne santé.

Мать схватила руку императрицы и крѣпко прижала ее къ губамъ, а государыня поцѣловала мать въ лобъ и изволила повторить свое привѣтствіе:

— Bonjour, chère madame Jacquemond,—сопровождая эти слова обворожительною улыбкою.

— Attendez! Vous avez été chez moi il y a quelques années de cela avant votre départ pour Orenbourg, n'est ce pas? (Я припоминаю. Вы были у меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ передъ нашимъ отъѣздомъ въ Оренбургъ. Не правда ли?)

— Oui, Votre Majesté. (Да, ваше величество).

— Mais comme vous êtes changée depuis! Vous avez des cheveux blancs. (Но какъ вы измѣнились! У васъ есть уже сѣдые волосы).

— Votre Majesté quand on a passé six ans à Orenbourg, il est bien permis d'avoir les cheveux blancs. (Ваше величество, проживши шесть лѣтъ въ Оренбургѣ, легко и посѣдѣть).

— Oui, oui! chacun a sa part de chagrin dans ce bas monde, et pour moi aussi j'ai eu mes tristes jours. Depuis la mort de mon cher Nicolas je suis toujours souffrante et il y a encore cette guerre qui fait notre désespoir. (Да, у каждаго есть своя доля печали въ этой жизни, и вотъ у меня тоже свое горе. Со дня смерти моего дорогого Николая я постоянно больна, да еще эта несчастная война приводитъ насъ въ отчаянье).

— Votre Majesté, le souvenir de notre adoré monarque est gravé dans nos mémoires et permettez moi à cette occasion d'obtenir la plus grande grace que je puisse ambitionner pour mon établissement, c'est que notre institut soit surnomme Nicolaevsky en mémoire de votre auguste époux feu l'Empereur Nicolas. (Ваше величество! память о нашемъ возлюбленномъ монархѣ глубоко запечатлѣна въ нашей памяти, и позвольте мнѣ кстати просить о величайшей милости, какая только можетъ быть оказана нашему учебному заведенію: милость эта состоитъ въ томъ, чтобы нашъ институтъ въ память въ Бозѣ почившаго супруга вашего императора Николая I-го назывался Николаевскимъ).

— Madame Jacquemond, vos paroles me font grand plaisir, et je vous prie de croire que c'est accordé d'avance. Vous avez peut être encore quelque chose à me demander. Mettez donc le tout sur mon agenda. (Г-жа Жакмонъ, ваши слова доставляютъ мнѣ большое удовольствіе, и прошу васъ вѣрить, что желаніе ваше будетъ исполнено. Быть можетъ, у васъ есть ко мнѣ еще какая нибудь просьба. Запишите все въ мою памятную книжку).

Съ этими словами императрица подала моей матери книжечку въ синемъ бархатномъ переплетѣ съ золотымъ аграфомъ, въ которую мать моя вписала въ нѣсколькихъ словахъ то, о чемъ уже предварительно переговорила съ принцемъ Ольденбургскимъ. Императрица милостиво приняла изъ рукъ матери свою записную книжку.

— C'est bien, je ferai mon possible pour que vous soyez contente,—сказала государыня. (Хорошо, я все сдѣлаю, что только можно, и надѣюсь, что вы будете довольны).

— Mais plus je vous regarde, plus je vous trouve changée. Vous n'êtes pas vieille et cependant vous avez déjà les cheveux blancs. (Но чѣмъ больше я на васъ смотрю, тѣмъ болѣе нахожу, что вы измѣнились. Вамъ еще немного лѣтъ, а у васъ есть уже сѣдые волосы).

— C'est que j'ai eu des moments bien difficiles à passer, Votre Majesté. (Мнѣ пришлось пережить очень тяжелыя минуты, ваше величество).

— Courage, courage! et vous trouverez toujours en moi appui et soutien et ma plus vive sympathie. (Мужайтесь, мужайтесь, и вы найдете во мнѣ всегда поддержку и самое живое сочувствіе).

— Oh, Votre Majesté, je n'oublierai pas vos bontés pour moi jusqu'à mon dernier soupir. (О! ваше величество, я до моего послѣдняго вздоха не забуду вашихъ милостей).

— Vous passerez n'est ce pas quelque temps à Pétersbourg, et j'espère que je vous reverrai. (Не правда ли, вы проведете еще нѣкоторое время въ Петербургѣ, и я надѣюсь еще съ вами видѣться).

— La saison est avancée, et je compte partir bientôt, Votre Majesté, tant que les routes sont praticables dans notre contrée. (Такъ какъ наступаетъ конецъ осени, то я разсчитываю скоро уѣхать, ваше величество, пока дороги еще не испортились).

— Vraiment! Ainsi adieu, et que Dieu vous bénisse. (Въ самомъ дѣлѣ! Ну, такъ простимся, и да благословитъ васъ Богъ).

— Bénissez moi, Votre Majesté. (Благословите меня, ваше величество).

— Je vous bénis et je vous embrasse de tout mon coeur. (Я васъ благословляю и обнимаю отъ всего сердца),—сказала императрица, и въ то время какъ мать поцѣловала руку у ея величества, государыня поцѣловала мою мать въ щеку.

Когда мать моя уже уходила, императрица повторила нѣсколько разъ:

— Adieu, adieu, chère m-me Jaquemond (прощайте, прощайте, любезная г-жа Жакмонъ),—и мать снова оборачивалась лицомъ къ императрицѣ, дѣлая глубокіе поклоны, какіе принято дѣлать при представленіи къ высочайшему двору.

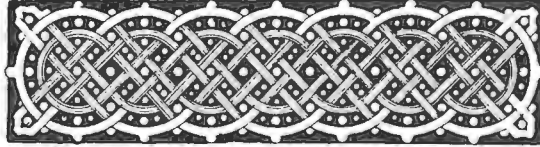
— Это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ часовъ моей жизни,—говаривала часто моя мать.

Осенью того же 1855 года по возвращеніи моей матери въ Оренбургъ была получена радостная вѣсть о томъ, что государь императоръ Александръ Николаевичъ высочайше повелѣтъ соизволилъ переименовать Оренбургское дѣвичье училище въ Оренбургскій Николаевскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, и вмѣстѣ съ симъ были утверждены новые штаты этого учебнаго заведенія, а также составлена смѣта и ассигнованъ расходъ на увеличеніе зданія, и

хозяйство Николаевского института было совершенно отдѣлено отъ хозяйства Оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса.

Въ концѣ того же 1855 года мать моя получила весьма лестный рескриптъ отъ государыни императрицы Александры Θεодоровны и брилліантовый фермуаръ съ большимъ въ серединѣ изумрудомъ изъ собственнаго кабинета ея величества. Въмѣсто фермуара, если бы мать моя желала получить его цѣнность, назначено было пять тысячъ рублей серебромъ. Къ несчастью, эта фамильная драгоценность погибла вмѣстѣ со всѣмъ моимъ имуществомъ во время страшнаго пожара, случившагося въ Оренбургѣ 16-го апрѣля 1879 года. Прошло три года, и матери моей не стало: она скончалась въ Оренбургѣ 17 февраля 1858 года, но память о ней жива до сихъ поръ среди ея бывшихъ ученицъ.

П. П. Жакмонъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ДЪЯКОНА ИВАНОВА ¹⁾,

I.

Аудіенція митрополиту Серафиму въ Павловскѣ 1828 года 8-го іюля.

ВРЕОСВЯЩЕННЫЙ митрополитъ Серафимъ 8-го іюля, вслѣдствіе повелѣнія императрицы Маріи Ѳеодоровны, отправился въ 10-мъ часу въ г. Павловскъ и послѣ литургіи въ 12-мъ часу былъ введенъ въ гостиную къ ея императорскому величеству, гдѣ, по обычному взаимномъ руки цѣлованіи, государыня, посадивъ первосвященника, говорила ему слѣдующее: «государь императоръ при настоящей войнѣ съ турками подвергаетъ себя величайшей опасности, а потому прошу васъ, какъ первосвященника церкви, вмѣстѣ со мною нынѣ же написать его величеству, чтобы онъ для блага Россіи и царственнаго дома себя поберегалъ и не вдавался бы въ такія опасности, какъ случилось при Браиловѣ».

Между тѣмъ приведены были, а другія и принесены, малолѣтнія дѣти государя императора и великаго князя на благословеніе маститому старцу-митрополиту, который ихъ высочества и благословилъ, но великій князь Константинъ Николаевичъ такъ впѣпился въ брилліантовые на персяхъ висящіе панагію и крестъ у владыки, что съ трудомъ и слезами отняли его отъ оныхъ. Затѣмъ вскорѣ бумага къ императору была приготовлена и митрополитомъ тутъ же подписана. Простаясь съ императрицей, онъ слѣдовалъ въ столовую, гдѣ приготовленъ былъ для его высокопреосвященства отличный фриштыкъ, и потомъ отправился въ лавру, куда и прибылъ съ діакономъ Прохоромъ въ 4-мъ часу.

¹⁾ Въ январской книгѣ напечатанъ отрывокъ изъ записной тетради діакона Прохора Иванова о событіи 14-го декабря 1825 г. Помѣщаемъ еще одинъ отрывокъ, касающійся также митрополита Серафима.

II.

Встрѣча государя императора Николая I-го въ С.-Петербургѣ по возвращеніи его изъ арміи въ 1828 году.

Государь императоръ изволилъ прибыть 14-го октября въ столицу неожиданно и прямо въ Зимній дворецъ къ дражайшей своей родительницѣ, какъ день ея величества рожденія, которая тогда была одержима болѣзнію. На другой день 15-го октября собрались всѣ знатныя особы, а также члены святѣйшаго синода и прочее знатное духовенство въ 11 часовъ въ Казанскій соборъ и ожидали государя.

Въ половинѣ 12 часа государь съ государыней соизволилъ пріѣхать къ Казанскому собору къ сѣвернымъ дверямъ. Духовенство выстроилось у колоннадъ на рундукъ церковномъ. По выходѣ государя изъ коляски и по входѣ на рундукъ, преосвященный митрополитъ Серафимъ, оградивъ его крестомъ, велегласно возгласилъ: «Благословенъ грядый во имя Господне», и потомъ поднесъ оный къ цѣлованію. Когда же первосвяитель облобызалъ десницу помазанника Божія, а государь поцѣловалъ руку архипастыря, тогда маститый старецъ, взглянувъ на монарха, заплакалъ и, перекрестясь, излилъ свои чувства трогательными и простыми словами такъ: «Слава тебѣ, Создателю, что видимъ государя и отца нашего, толико разъ и для насъ подвергавшагося опасностямъ, здрава нынѣ къ намъ возвратившагося. Слава Тебѣ, Богу, благодѣтелю нашему, во вѣки вѣковъ». Симъ простымъ привѣтствіемъ многіе были тронуты до слезъ.

Послѣ многолѣтія высочайшему дому и воинству, первосвяитель, принявъ отъ діакона икону въ серебропозлащенной ризѣ святителя Николая, оцѣнилъ ею монарха, который, помолясь, приложился къ иконѣ, принялъ ее и отдалъ дежурному генералу. Митрополитъ, взявши крестъ, поднесъ его императрицѣ; члены синода подходили къ ихъ величествамъ съ поздравленіемъ. Государь императоръ, въ предшествіи первосвяителя, шествовалъ съ государыней прикладываться къ иконѣ Казанской Богоматери. Потомъ все духовенство сопровождало ихъ на колоннады и становилось въ линіи. Здѣсь митрополитъ оградилъ ихъ величества крестомъ, а народъ, собравшійся въ великомъ множествѣ, привѣтствовалъ громгласно монарха, крича: «ура! ура! ура!»...

Послѣ того митрополитъ, возвратясь въ соборъ, совершилъ съ колѣнопреклоненіемъ и звономъ благодарственное Господу Богу молебствіе о благополучномъ возвращеніи государя.

III.

Благодарность государю императору отъ святѣйшаго синода за обращеніе грекоуніатъ и рѣчь 1839 года, 2-го апрѣля.

По равосланнымъ повѣсткамъ собрались въ 11 часовъ всѣ знатныя обоего пола особы въ Зимній дворецъ, а члены святѣйшаго синода—митрополиты: новгородскій Серафимъ, кievскій Филаретъ, московскій Филаретъ, грузинскій Іона и другіе—въ большую придворную церковь, гдѣ духовникъ государя Музовскій служилъ пасхальные часы.

Въ 40 минутъ 12-го ихъ императорскія величества, государь императоръ и государыня императрица, съ ихъ высочествами Константиномъ Николаевичемъ, Михаиломъ Павловичемъ, великими княжнами Маріей, Ольгой и Александрой Николаевнами, соизволили войти въ церковь, стать на свое мѣсто и слушать литургію.

По окончаніи многолѣтія митрополитъ Серафимъ, въ бархатной фіолетовой мантіи, шествовалъ изъ алтаря кожными дверями, подерживаемый діакономъ Прохоромъ; помолившись Спасителю и Богоматери, принявъ отъ сопровождающаго діакона икону Спасителя въ серебропозлащенной ризѣ и подойдя съ оною къ государю императору, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Удостойте, благочестивѣйшій государь, принять сей подносимый мною вашему величеству отъ всего сословія святѣйшаго синода образъ Христа Спасителя, яко нѣкій священный памятникъ того великаго и въ церковныхъ лѣтописяхъ безпримѣрнаго событія, какое нынѣ въ благословенное царствованіе ваше совершилось,—событія возвращенія въ нѣдра православныя церкви чадъ ея, нашихъ же единоплеменныхъ братій, насиліемъ въ прошедшія несчастныя для нихъ и для насъ времена изъ матернихъ ея объятій исторженныхъ. Поелику же событіе сего ихъ возвращенія къ ней совершилось безъ всякаго принужденія, а было со стороны ихъ совершенно добровольное, искреннее и усердное, то посему оно для церкви Христовой есть истинно весьма радостно, для отечества вождѣлѣнно и для нихъ самихъ, для спокойствія совѣсти ихъ, что они по особенной благодати Божіей паки сдѣлались нынѣ православновѣрующими, должно быть особенно утѣшительно и спасительно.

«Слава событія сего, поистинѣ весьма чуднаго, принадлежитъ Господу Богу, ибо «Онъ единъ есть творяй чудеса», но мы смѣемъ сказать, что по немъ она принадлежитъ и тебѣ, помазанниче Его. Ибо Онъ, Онъ за живую вѣру твою въ Него и за твое благочестіе избралъ тебя въ орудіе сего истинно великаго дѣла своего.

«Да возрадуется убо днесь душа твоя о Господѣ Бозѣ! Мы же, сорадуясь тебѣ, молимъ и никогда молить Его со всею святою церковію не престанемъ, да сохранишь Онъ Тебя, яко зѣницу ока,

для блага ея и для блага Россіи, толико тобою любимыя и толико тебя, яко истиннаго отца своего, всею душою и всѣмъ сердцемъ своимъ любящія»...

Потомъ митрополитъ осѣнилъ государя иконою, который, помолвившись, приложился, принялъ и, отдавъ генералу, сказалъ высокопреосвященнѣйшему:

— Благодарю Бога, я весьма радъ сему столь важному для святыя церкви событію.

Митрополитъ еще присовокупилъ: «При семъ честь имѣю всеподданнѣйше принести вашему императорскому величеству благодарность за пожалованіе меня златымъ алмазами осыпаннымъ посяхомъ».

Государь отвѣтствовалъ: «Прошу удостоить своимъ благосклоннымъ принятіемъ онаго, какъ знака всегдашняго моего къ вамъ отличнаго благоволенія».

За симъ первосвятитель поздравилъ съ праздникомъ и ея императорское величество и, поклонясь ихъ императорскимъ высочествамъ, сталъ о лѣвый клиросъ, къ каедрѣ. За митрополитомъ подходили къ государю съ благодарностью и поздравленіемъ всѣ другіе члены синода, при чемъ государыня императрица благоволила говорить съ однимъ только митрополитомъ новгородскимъ Серафимомъ.

Ихъ императорскія величества съ ихъ высочествами, помолясь Господу и поклонясь духовенству, изволили шествовать изъ церкви во внутренніе апартаменты, а іерархи, разоблачась, въ началѣ второго часа всѣ отправились въ лавру къ митрополиту...

IV.

Празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея бракосочетанія ихъ императорскихъ величествъ 1-го іюля 1842 года.

Въ 11 часовъ собрались въ Петергофскій дворецъ всѣ особы обоюго пола, а въ половинѣ 12 часа высочайшая фамилія соизволила шествовать въ церковь въ слѣдующемъ порядкѣ: государыня императрица съ братомъ своимъ, королемъ прусскимъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV; государь императоръ съ принцессою нидерландскою Амалією, сестрою государыни императрицы, и пр. Духовникъ государя совершилъ литургію.

По отпустѣ митрополитъ Серафимъ шествовалъ, поддерживаемый двумя діаконами, на средину церкви для совершенія молебна. Помолвившись и обратясь къ ихъ величествамъ, онъ поклонился имъ со всѣмъ духовнымъ сонмомъ.

Государь во время шествія первосвятителя на молебенъ изволил замѣтить слабость его и, во время двуххорнаго пѣнія «Тебе Бога хвалимъ», повелѣлъ протодіакону Чистякову принести изъ

алтаря для него кресла, и когда оныя поставлены были, то митрополитъ на оныя сѣсть не согласился. Когда же монархъ чрезъ діакона Прохора мановеніемъ руки сдѣлалъ знакъ, чтобы митрополитъ сѣлъ, то маститый старецъ сказалъ:

— Повелѣніе монарха есть повелѣніе святое,—вотъ теперъ я и сяду.

И такимъ образомъ сидѣлъ въ креслахъ до отпуста. Трогательная картина! Всѣ стояли, одинъ только сидѣлъ старецъ-митрополитъ.

По совершеніи молебна первосвятитель поднесъ крестъ государю императору, говоря:

— Имѣю счастье принести отъ всея Россійскія церкви всеподданнѣйшее вашему величеству поздравленіе со днемъ рожденія дражайшей вашей супруги и съ двадцатипятилѣтіемъ вашего бракосочетанія.

Государь, приложившись ко кресту, отвѣчалъ:

— Покорнѣйше благодарю, какъ ваше здоровье?

— Самое старческое,—отвѣчалъ митрополитъ.

Потомъ принялъ отъ протодіакона икону Спасителя, которая во время молебна была на престолѣ, и кругомъ коей изображены святые: Николай, Александръ, Константинъ, Николай Кочанный и Михаилъ, осѣнилъ оною государя, говоря:

— Въ благословеніе двадцатипятилѣтняго вашего императорскаго величества супружества; на семь образъ изображены всѣ ангелы принцевъ вашихъ, и ангель хранитель да будетъ руководствовать ихъ къ благочестивому и христіанскому житію на утѣшеніе ваше.

Сказавъ это, вручилъ оную монарху, которую, по цѣлованіи, принялъ отъ монарха генераль. Послѣ того государь цѣловалъ руку восьмидесятилѣтняго старца, а митрополитъ цѣловалъ взаимно десницу императора. Затѣмъ первосвятитель поднесъ крестъ къ цѣлованію государыни съ привѣтствіемъ и, принявши отъ протодіакона икону Богоматери Казанской, осѣнилъ оною императрицу. Государыня, помолясь, приложилась къ иконѣ, приняла ее, а митрополитъ, поддерживая оную рукою и указывая на лица, кругомъ Богоматери изображенныя,—Маріи, Ольги и Александры, говорилъ:

— Вотъ тутъ изображены ангелы вашихъ любезнѣйшихъ дочерей, и ангель хранитель, охраняющій выну, да утвердитъ и укрѣпитъ ихъ при Заступницѣ Божіей Матери въ вѣрѣ и благочестіи на радость вашу...

Между тѣмъ монархъ снова обратился къ первосвятителю Серафиму съ семи словами:

— Позвольте снова принести вамъ низжайшую мою благодарность за ваши труды и усердіе и прошу благословить меня въ столь достопамятный деньъ жизни моея.

Митрополитъ благословилъ императора рукою, говоря:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Государь, поцѣловавъ руку старца, продолжалъ:

— Вы вполне скрасили наше сегодняшнее торжество, и вы, не взирая на слабость своего здоровья, рѣшились сдѣлать намъ такую честь своимъ посѣщеніемъ и благословили насъ. Вы, я думаю, устали?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Не токмо не усталъ, но желалъ бы быть сегодня у вашего императорскаго величества.

Государь на это сказалъ:

— Покорнѣйше прошу, я очень радъ, если вамъ не будетъ въ тягость, потому что вамъ нужно будетъ итти чрезъ садъ въ мои комнаты, такъ какъ противъ церкви покои всѣ заняты.

Послѣ того августѣйшая фамилія изволила шествовать изъ церкви во внутренніе апартаменты, первосвяtitель же разоблачался...

Вскорѣ митрополитъ Серафимъ, въ предшествіи графа Протасова и въ сопровожденіи архимандрита Аарона и діакона Прохора, шествовалъ чрезъ садъ къ государю императору, гдѣ въ парадныхъ апартаментахъ встрѣтили его графъ Паскевичъ, князь Волконскій и князь Меншиковъ, а предъ гостиной встрѣтилъ его самъ государь со словами:

— Пожаловать покорнѣйше прошу дорогого гостя,—и взявши, вмѣсто Аарона, митрополита подъ руку, ввелъ его въ кабинетъ и, поставивъ кресла, присовокупилъ:—прошу садиться, мнѣ давно желательно было побесѣдовать съ вами одинъ на одинъ.

Діаконъ Прохоръ, принявши у первосвяtitеля трость, удалился въ залъ къ генералитету. Чрезъ 32 минуты дверь изъ кабинета отворилась, и государь, стоя въ оныхъ, изволилъ сказать:

— Прохоръ, поиди сюда: митрополитъ собирается итти, проводи его.

По приходѣ діакона въ кабинетъ маститый старецъ окруженъ былъ всею августѣйшею фамиліею. Государь, обратясь къ митрополиту, сказалъ:

— Вотъ вамъ рекомендую короля прусскаго.

Старецъ, подойдя къ королю, говорилъ:

— Позвольте, ваше королевское величество, съ вами поздороваться,—и, принявши руку короля, цѣловалъ оную, а король взаимно цѣловалъ руку митрополита, который потомъ присовокупилъ:

— Позвольте, ваше королевское величество, съ вами уже и поцѣловаться.

И тутъ митрополитъ троекратно поцѣловался съ королемъ, поздравя его съ торжествомъ. Послѣ того государыня приняла у первосвяtitеля благословеніе и съ королемъ изволила уйти въ

свои апартаменты. Государь же, взявъ митрополита подъ руку, сказалъ:

— Теперь позвольте мнѣ васъ и проводить, что я поставляю себѣ за удовольствіе; я вполнѣ надѣюсь на промыслъ Божій и на ваши усердныя молитвы, которыя всюду руководили меня ко благу.

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Да и мнѣ остается теперь одно: обращаться къ Богу, и можете видѣть, что отъ преданности моей и чувствъ къ вашему императорскому величеству и всему вашему августѣйшему семейству у меня даже голось пресѣкается.

Государь продолжалъ:

— Во всемъ этомъ я совершенно увѣренъ.

Митрополитъ, видя, что государь ведетъ его подъ руку, остановился и сказалъ:

— Сдѣлайте великую милость, ваше императорское величество,— болѣе меня не провожайте, иначе я не пойду.

Тогда государь остановился, говоря:

— Извольте, я останусь; впрочемъ вы меня своимъ посѣщеніемъ, а тѣмъ болѣе, что вы были сомолитвенникомъ при бракѣ нашемъ,— тронули меня до слезъ... Простите, ваше преосвященство, благодарю васъ покорнѣйше за посѣщеніе.

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Извините, ваше императорское величество, что я васъ, можетъ быть, и обезпокоилъ, но увѣряю васъ, что я послѣдній разъ посѣщаю васъ.

И это была правда...

По выходѣ изъ дворца митрополитъ, сѣвши съ архимандритомъ и діакономъ въ линейку, отправился въ лавру...

V.

Митрополитъ Серафимъ и императоръ Николай I въ Новгородѣ въ 1836 году.

Высокопреосвященный митрополитъ Серафимъ, іюля 29-го, въ 9-ть часовъ и 45 минутъ утра, шествовалъ въ лаврскій Троицкій Александровскій соборъ съ звономъ, гдѣ прикладывался къ престолу, мѣстнымъ иконамъ и мощамъ, благословилъ намѣстника и братію и отправился въ дормезъ, заложеномъ въ четыре лошади, въ Новгородъ. Въ коляскѣ сѣли правитель дѣлъ Сусловъ и діакономъ Прохоръ; въ третьемъ экипажѣ — прислуга, всего на одиннадцати лошадяхъ. На другой день, въ одиннадцать съ половиною часовъ, владыка былъ встрѣченъ у Новгородской заставы экономомъ, игуменомъ деревяницкимъ Ефремомъ, съ новой заложеной въ четыре лошади каретой. Первосвятитель Серафимъ остановился и, сѣвши

въ предложенную карету, слѣдовалъ съ звономъ къ Софійскому собору, гдѣ и встрѣченъ былъ духовенствомъ съ бархатной малиновой мантией, прикладывался къ престолу, мѣстнымъ иконамъ и ко всѣмъ мощамъ. Митрополитъ, приложась, слѣдовалъ со славою въ домъ свой, благословляя весь народъ, собравшійся въ великомъ множествѣ... На другой день, въ 10 и 11 часовъ, владыка принималъ все новгородское духовенство, дворянство и гражданъ съ хлѣбомъ и солью.

Въ воскресенье, 2-го августа, въ часъ по полудни, высокопреосвященный митрополитъ отправился въ двухъ экипажахъ въ знаменитый Юрьевъ монастырь, гдѣ у собора встрѣченъ былъ настоятелемъ онаго, архимандритомъ Фотіемъ, и братією, со крестомъ, святою водою и съ великимъ звономъ. Въ продолженіе ектеніи митрополитъ приложился къ престолу, иконамъ и мощамъ преподобнаго Θεоктиста. По многолѣтіи, которое было одному преосвященному, владыка благословилъ всю братію и сдѣлалъ имъ архипастырское наставленіе. Изъ собора онъ шествовалъ чрезъ настоятельскія кельи въ теплую Всемиловѣвѣйшаго Спаса церковь; здѣсь монастырскіе пѣвчіе пѣли разные духовные гимны, стоя въ нижней церкви. Потомъ митрополитъ сопровожденъ былъ и въ нижнюю Неопалимая Купины церковь. Здѣсь, съ правой стороны алтаря, устроенъ склепъ, а въ немъ три изъ дикаго камня отлично устроенныя мѣста. Настоятель, подведя маститаго старца къ мѣстамъ симъ, сказалъ:

— Вотъ тебѣ, владыко, вѣчное мѣсто, другое мѣ, а третье благодѣтельница обители, графинѣ ¹⁾.

Митрополитъ долгое время погруженъ былъ въ задумчивость, стоя въ ономъ склепѣ, и, обратясь къ настоятелю, сказалъ:

— Должно готовиться.

И потомъ слѣдовалъ чрезъ садъ въ лѣтній для него устроенный корпусъ, съ Серафимовскою церковью.

Въ тотъ же вечеръ онъ осматривалъ всю обитель. И между прочимъ къ графинѣ обратился съ остротою:

— Графиня, вѣдь вы монастырь-то испортили!

Она же, конфузаясь, отвѣтствовала: «Чѣмъ же?»

— Изъ бѣднѣйшей обители вы устроили лавру,—говорилъ митрополитъ...

Въ воскресенье, 9-го августа, митрополитъ Серафимъ встрѣчалъ государя. Въ этотъ день, въ 10 часовъ утра, государь императоръ изволилъ прибыть въ Новгородъ съ генералъ-адъютантомъ Клейнмихелемъ. Между тѣмъ присланъ былъ отъ Бенкендорфа полковникъ Шварцъ съ вопросомъ преосвященному, угодно ли ему пускать народъ въ соборъ, или нѣтъ. Митрополитъ согласился на

¹⁾ Графиня А. А. Орлова-Чесменская.

первое. Благовѣсть въ соборѣ начать со времени прибытія императора въ городъ, т.е. въ 10 часовъ.

Митрополитъ, въ половинѣ 11 часа, облачился въ саккоеъ французской парчи съ бархатными цвѣтами, омофоръ и палицу возложилъ жемчужные, а папагію Димитрія Сѣченова, митру жемчужную. Разостланы по всему собору ковры, и ожидали императора въ соборъ.

Государь въ 12 съ половиною часовъ, при звонѣ всѣхъ церковей города, изволилъ прибыть къ Софійскому собору и выйти изъ экипажа. Первосвятитель со всѣмъ духовенствомъ, стоя на рундукѣ церковномъ, осѣнилъ крестомъ императора, говоря: «Благословенъ грядый во имя Господне», поднесъ крестъ къ цѣлованію... По прекращеніи звона митрополитъ говорилъ слѣдующую рѣчь:

«Благочестивѣйшій государь!

«И такъ желаніе сердца нашего далъ есть намъ Господь! Се зримъ мы, и блаженны очи наши! Се зримъ мы пресвѣтлое лице твое, яко лице ангела Божія, или паче лице самого Христа Господа, коего носишь ты образъ на землѣ, и который, яко царь вселенны, самъ благоволилъ устроить все, да царствуешь ты надъ нами!

«Живо представляя себѣ волю твою, благочестивѣйшій государь, отеческую любовь къ намъ, твое правосудіе, твое неусыпное о насъ попеченіе, твое мудрое о всемъ промышленіе, коими водворилъ ты и утвердилъ въ любезномъ отечествѣ нашемъ миръ, спокойствіе, тишину и благоденствіе,—мы непрестанно радуемся и веселимся, глаголюще въ сердцахъ своихъ образъ великій царственными доблестями души твоей. Но сія радость для любящихъ славу царствія твоего и благоговѣющихъ предъ величіемъ онымъ сердецъ нашихъ была еще какъ бы неполная. Они зывали здѣсь: Господи, покажи намъ отца отечества, покажи намъ его самого, дабы могли мы насладиться лицезрѣніемъ его и изліять предъ Нимъ радостныя и благодарныя чувствованія наши—и довлѣетъ намъ! Нынѣ услышалъ Господь моленія наши: Онъ показалъ намъ тебя, царь и отецъ нашъ, и мы счастливы! Радость наша исполнилась.

«Что жъ сотворимъ теперь, счастливые древняго града обитатели! Внидемъ въ святилище сіе, и со почивающими въ немъ праведниками вознесемъ ко престолу Всевышняго молитвы и моленія наши, да милость Его и истина хранятъ выну, яко зѣницу ока, благочестивѣйшаго государя нашего, августѣйшую супругу его, наслѣдника, надежду нашу, со всею высочайшею фамиліею, и да низліетъ Онъ на любезнѣйшее отечество наше всѣ благословенія свои, небесныя и земныя, ко славѣ всесвятаго имени Своего».

По исполненіи того, оградивъ императора крестомъ, съ коимъ говорилъ рѣчь, предшествовалъ по красному сукну во храмъ, съ звономъ... Митрополитъ, принявъ вынесенную изъ алтаря икону

въ серебropозлащенной рамкѣ святителя Николая, оградилъ оною императора съ приличнымъ привѣтствіемъ. Государь, помолившись иконѣ, приложился, принялъ оную и отдалъ генералу.

Послѣ того государь изволилъ сказать митрополиту:

— Теперь позвольте мнѣ приложиться къ иконамъ и мощамъ.

И митрополитъ, съ крестомъ въ рукахъ, предшествовалъ императору къ иконамъ двумъ и къ святителю Никитѣ. Здѣсь владыка предложилъ государю, чтобы онъ соблаговолилъ пожаловать въ алтарь, гдѣ маститый старецъ у престола принесъ поклоненіемъ всеподданиѣйшую благодарность за пожалованный за годъ предъ тѣмъ въ сей соборъ въ 18.000 рублей серебряный престолъ отъ высочайшихъ щедротъ. Государь взаимно благодарилъ многократно митрополита за попеченіе и возобновленіе сего древняго храма, присовокупивъ:

— Мнѣ весьма пріятно и утѣшительно сіе.

Потомъ слѣдовали къ мощамъ: св. Мстиславу, Владимиру, Аннѣ, Теодору и Іоанну, и опять возвратились въ соборъ.

Первосвятитель, обратившись къ государю, просилъ удостоить его своимъ посѣщеніемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ испросилъ у государя позволенія разоблачиться. Императоръ на все это соизволилъ отозваться:

— Съ особеннымъ удовольствіемъ на все готовъ.

По возложеніи митрополитомъ бархатной мантии вмѣстѣ съ епископомъ, который былъ въ мантии, предшествовали императору въ домъ, и былъ звонъ. Въ передней комнатѣ митрополитъ, отдавши посохъ и снявши мантию, встрѣтилъ монарха съ поклоненіемъ и сопроводилъ въ гостиную, гдѣ и угостилъ его величество бургонскимъ виномъ и шампанскимъ, поднося оное самъ. Императоръ взаимно подносилъ и митрополиту, и предложенъ былъ пирогъ и стерлядь.

Въ 1 часъ и 30 минутъ монархъ вышелъ отъ владыки, и въ залѣ, обратясь къ нему, сказалъ:

— Покорнѣйше прошу меня болѣе не провожать, потому что и то весьма васъ утрудилъ.

Митрополитъ, повинуваясь волѣ государя, остался въ залѣ; въ передней комнатѣ пѣвчіе пѣли тропарь на выходъ: «Спаси Господи», но императоръ и ихъ остановилъ, и въ 2 часа, при звонѣ, отправился въ Бронницы.

Примѣчаніе. Заблаговременно былъ составленъ церемоніаль для встрѣчи государя, и оный митрополитомъ утвержденъ. Для завтрака стерлядь по волѣ ея сіятельства была привезена въ 32 часа нарочнымъ изъ Петербурга, и оную готовилъ поваръ ея же сіятельства графини Орловой.

VI.

Болѣзнь, кончина и погребеніе митрополита Серафима.

Болѣзненный и слабый отъ природы, митрополитъ Серафимъ, въ 1831 году, октября 6-го, простудился во время молебствія на Царицыномъ лугу, по случаю взятія Варшавы, и съ того времени ревматическая болѣзнь начала мало-по-малу усиливаться у него. Въ 1837 году явилась на ногѣ рожа, которую игуменъ Ааронъ уничтожилъ; потомъ вскорѣ на ногѣ образовалась опухоль и сдѣлался такой ломъ, что митрополитъ не въ состояніи былъ ходить; но тотъ же Ааронъ чрезъ бросаніе крови изъ ногъ и эту боль уничтожилъ. Съ того времени первосвятитель постоянно ходилъ съ деревянною буковою клюкою, и всегда его слабило, безпокоила мокрота и бессонница, но игуменъ пользовалъ его большею частью сонными каплями, отъ коихъ иногда болѣзненный старецъ спалъ сряду по 15 часовъ.

Въ 1839 году, митрополиту Серафиму одинъ раскольникъ причинилъ сильное болѣзненное потрясеніе чрезъ заушеніе преосвященнаго по щекѣ. Именно, 11-го августа, что было пятокъ поста Пресвятыя Богородицы, преосвященный митрополитъ, приготовивъ бумагу, по слабости своего здоровья, объ увольненіи себя отъ нѣкоторыхъ дѣлъ, съ предоставленіемъ ихъ викарію, и одѣвшись, по обычаю, въ рясу, клобукъ, возложилъ панагію, крестъ и ордена, намѣреваясь отправиться къ синодальному оберъ-прокурору для подачи оной и въ синодъ для присутствованія тамъ.

Вышелъ онъ въ 11-мъ часу утра изъ зала въ часовую комнату, гдѣ въ самыхъ дверяхъ остановленъ былъ, какъ это и всегда бывало, просителями. Между тѣмъ, неизвѣстный челоуѣкъ, одѣтый въ синій поношенный армякъ, съ необыкновенными усами, съ звѣрскимъ, блѣднымъ лицомъ, съ выстриженною маковкою, повидимому, лѣтъ 50-ти, небольшого роста, ожидалъ митрополита еще съ 8 часовъ утра въ прихожей. Услышавъ архипастыря, онъ стремглавъ вбѣжалъ въ часовую и, ничего не говоря, ударилъ правою рукою въ лѣвую щеку высокопреосвященнаго такъ сильно, что онъ могъ бы упасть, если бы слуга его не поддержалъ. Маститый и болѣзненный старецъ, закрывъ лицо правою рукою и прислонясь къ дверямъ, взглянувъ на распятіе, на стѣнѣ находящееся, перекрестился и введенъ былъ обратно въ залъ. Очувствовавшись, онъ произнесъ:

— Не вѣдятъ бо, что творять. Господи, прости имъ согрѣшенія ихъ.

Потомъ испилъ холодной воды и чрезъ 20 минутъ, помолившись Господу, сотворивъ обычную молитву, отправился къ оберъ-прокурору и въ синодъ. Слѣдуя мимо изверга, окруженнаго стражею въ прихожей, владыка не обратилъ на него никакого внима-

нія и ни с чемъ не спросилъ. Злодѣй въ ту же минуту по удареніи былъ связанъ и преданъ въ полицію, на спросъ коей отвѣчалъ:

— Я родомъ изъ Іерусалима, отецъ мой—Авраамъ, имя—рабъ Божій; крещу христіанъ; пришелъ драться не съ митрополитомъ, а съ антихристомъ, и чрезъ то получить Царство Небесное; чрезъ удареніе же рука моя, подобно святителю Николѣ, освятилась.

При немъ оказались двѣ банки жестяныя: одна для ѣды, а другая для питья, два креста и образъ раскольническій. Но какое были опредѣлено сему извергу наказаніе, и куда онъ отправленъ, это осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

Въ 1841 году, митрополитъ почувствовалъ въ ногахъ тупость, а потомъ, въ ноябрѣ, и зрѣніе измѣнилось, и читать уже ничего не могъ, а наконецъ и память ослабѣла, родныхъ и близкихъ только въ лицо узнавалъ, но дѣлами ежедневно занимался до дня кончины; въ нихъ иногда находилъ и бессмыслицу, но писалъ мало и по линейкѣ.

Судилъ всегда съ разсудкомъ. Синодъ послѣдній разъ посѣтилъ 29-го мая 1842 года, и прогуливаться любилъ въ экипажѣ и всегда съ собесѣдниками. Исповѣдывался по постамъ, а пріобщался ежемѣсячно и всегда въ крестовой церкви. Вещи всѣ заблаговременно были расписаны, и деньги по богоугоднымъ заведеніямъ разосланы.

За недѣлю до смерти, 10-го января 1843 года, было у него, по случаю посвященія Леонида, епископа старорусскаго, именитое и послѣднее собраніе, гдѣ было 10 святителей, два оберъ-священника, 12 архимандритовъ и чины святѣйшаго синода. Со всѣми владыка разговаривалъ съ улыбкою, и, какъ нѣсколько минутъ ожидали рязанскаго архіепископа къ обѣду, онъ графу Протасову сказалъ еще и остроу:

— Семеро одного не ждуть, извольте садиться кушать.

За день до смерти о. Ааронъ дѣлалъ ему ванну. 16-го января, митрополитъ занимался дѣлами 3 часа, обѣдалъ и по обычаю отдыхалъ, потомъ пилъ чай, слушалъ всенощное, сидѣлъ съ г. Мальцевымъ, и хотя мало, но ужиналъ. Въ 12-мъ часу ночи легъ спать, во 2-мъ часу кашлялъ и бродилъ. Но, какъ съ того часа келейные ничего болѣе не слыхали, въ девять часовъ утра находятъ его спящимъ вѣчнымъ сномъ, руки были сложены крестообразно, уста и лицо закрыто, совершенно охладѣвшее тѣло было покрыто одѣяломъ, и, по увѣренію врача, незабвенный Серафимъ скончался отъ изнуренія физическихъ силъ и удара...

Днемъ кончины владыки было воскресенье 17-го января, а чрезъ семь дней, въ воскресенье, 24-го января, первосвятитель былъ погребенъ въ церкви Сошествія Св. Духа, Александро-Невскаго собора.

Въ 12 часовъ, 24-го января, предъ окончаніемъ литургіи, восемь іерарховъ ¹⁾ облачились въ полныя траурныя облаченія. Духовенство поставлено были въ шесть линий; въ лаврѣ и во всей столицѣ началъ былъ обычный перезвонъ. Святители, принявши посохи, слѣдовали ко гробу и, ставши на свои мѣста, начали отпѣваніе священническое.

Государь императоръ съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ изволили присутствіемъ своимъ почтить память заслуженнаго іерарха, имѣвшаго счастье 16 лѣтъ предъ симъ совершить священный обрядъ миропомазанія его императорскаго величества на царство. За августѣйшими особами и вокругъ, по всей церкви, стояло блестящее собраніе государственныхъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ сановниковъ.

Со слезами любви и горести священнодѣйствовалъ маститый членъ святѣйшаго синода, митрополитъ (бывшій грузинскій) Іона... Торжественность обряда, сопровождаемаго скорбнымъ и вмѣстѣ сладостнымъ пѣніемъ, траурныя служебныя ризы, оміамъ, несущійся къ сводамъ храма, пламенѣющіе свѣтильники въ рукахъ всѣхъ присутствующихъ и общее на лицахъ благоговѣніе представляли величественный видъ.

Когда же настала минута послѣдняго цѣлованія, митрополитъ, приложась къ евангелію и простясь съ іерархомъ (Серафимомъ), благословилъ и потомъ Евангеліе поднесъ государю, который, приложась къ оному, воздалъ честь усопшему святителю. Сердца зрителей исполнились невыразимаго умиленія. Послѣ того и ихъ высочества прикладывались къ Евангелію и отдавали честь умершему; за ними святители и всѣ священнодѣйствовавшіе спѣшили проститься съ возлюбленнымъ о Господѣ архипастыремъ, цѣлуя у него крестъ, Евангеліе и руку... Мантия и покровъ были съ умершаго сняты. Митрополитъ Іона, поднявшись на катафалкъ, умиленно принявъ воздухъ, помолясь, покрылъ онымъ лицо умершаго іерарха, преклонилъ главу, рыдая, простился съ другомъ своимъ... Гробовая доска, принесенная діаконами, сокрыла усопшаго отъ взора, и мастеръ завинтилъ крышку гроба.

Архимандриты приняли гробъ и несли, въ сопровожденіи государя императора, при пѣніи: «Святый Боже», къ могилѣ, устроеной въ Духовской церкви предъ образомъ Спасителя, у царскихъ вратъ; и земные останки святителя, по окропленіи св. водою, были опущены архимандритами въ могилу, что было въ два часа попо-

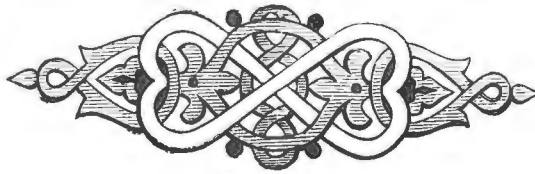
¹⁾ Митрополитъ Іона; Никаноръ, архіепископъ варшавскій; Гавріиль, архіепископъ рязанскій; Іосифъ, архіепископъ виленскій; Венедиктъ, архіепископъ олонекскій; Афанасій, епископъ винницкій; Іустинъ, епископъ ревельскій; Леонидъ, епископъ старорусскій.

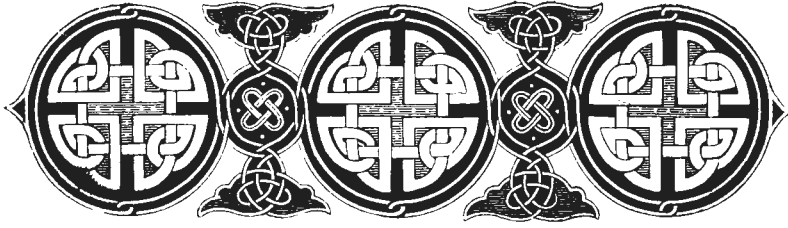
лудни, и съ послѣднею литією раздалось послѣднее пѣніе: «Вѣчная память». Звонъ, какъ въ лаврѣ, такъ и по всей столицѣ, продолжался до получаса, и тѣмъ самымъ была отдана послѣдняя честь почившему іерарху...

Потомъ митрополитъ принялъ отъ архимандрита Аарона землю, троекратно посыпалъ на гробъ и, заливаясь слезами, поднесъ лопаточку съ землею государю и ихъ высочествомъ. Монархъ двинулся къ могилѣ, посыпалъ на гробъ съ скорбью, слезами и съ поклоненіемъ, и удалился... Духовенство же, совершивъ литію, разоблачилось.

Вѣчная память тебѣ, твердый подвижникъ вѣры православной, неуклонный блюститель Господней истины въ словесномъ стадѣ Христовомъ!.. Отечественная церковь, вознося теплыя о тебѣ молитвы къ Небесному Подвигоположнику добрыхъ пастырей, навѣки сохранить глубокое благодарное воспоминаніе о твоихъ незабвенныхъ заслугахъ...

Сообщилъ А. А. Алфеевъ.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи Николая I)¹).

VI.

Изъ-за танца.

I.

ПРЕСТАВНОЙ титулярный совѣтникъ Александровъ справлялъ свои именины.

Было много приглашенныхъ гостей, были танцы подъ небольшою оркестръ нанятыхъ музыкантовъ. Веселились такъ, какъ только могли веселиться люди николаевского времени, довольные, обеспеченные, не думающіе о завтрашнемъ днѣ.

Старики сидѣли за карточными столами и играли въ карты, молодежь танцевала...

Было уже близко къ полночи. Гдѣ-то далеко гремѣли посудю, откуда-то неся аппетитный запахъ жаренаго. А въ залѣ громыхали музыкальные инструменты, заливались скрипки, смѣшиваясь со стукомъ каблуковъ мужчинъ и съ шелестомъ платьевъ женщинъ...

Танцевали мазурку... Въ наше упадочное время даже нельзя себѣ составить надлежащаго представленія о томъ, что предста-

¹) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 904.

вляла собою мазурка того времени, особенно въ 30-хъ годахъ, послѣ умиротворенія Польши: ее танцовали всѣ—зеленая молодежь, взрослые, солидные люди, сѣдые старцы, бабушки. Нѣкоторые составляли себѣ карьеру мазуркою, другіе такимъ образомъ входили въ аристократическое общество, а всѣ вообще при первыхъ возбуждающихъ звукахъ танца подпрыгивали со своихъ мѣстъ и уносились въ область этихъ взбудораживающихъ звуковъ, этой безумной, увлекающей пляски...

Были спеціалисты этого танца, которые бывали способны предаваться мазуркѣ нѣсколько часовъ подъ рядъ, и безъ усталы, съ воодушевленіемъ, съ горящими глазами они летали по залѣ, не видя ничего по сторонамъ, сминая и сшибая на своемъ пути все препятствующее. И такихъ спеціалистовъ было очень много изъ людей, перешедшихъ 35-ти-лѣтній возрастъ. Въ мазуркѣ по преимуществу отличались военные, гремящіе своими шпорами, которыя иногда могли сражать трепетныя женскія сердца. Мазурка и шпоры въ рукахъ умѣлаго и ловкаго человѣка стоили не меньше, чѣмъ въ наше время стоятъ всякіе другіе таланты; надо было только умѣть ими пользоваться...

Полевой инженеръ, подполковникъ Шаронъ, принадлежалъ къ числу этихъ спеціалистовъ по мазуркѣ: она вывела его въ люди, дала ему положеніе въ обществѣ и привлекла къ нему немало дамскихъ сердець, особенно такихъ, которыя уже успѣли устать отъ 30 — 40 лѣтней работы. И Шаронъ, несмотря на свой 36-ти-лѣтній возрастъ, танцовалъ, какъ юноша, дѣлая такіа замысловатыя фигуры, что на его танецъ собирались изъ сосѣднихъ комнатъ зрители, бросавшіе ради него карты.

Поэтому не странно, что на балу у отставнаго титулярнаго со-вѣтника Александрова, куда былъ приглашенъ и Шаронъ, мазурка затянулась до полуночи. Всѣ уже изнемогли, дамы, помахивая вѣерами, сидѣли съ утомленными лицами по стѣнамъ, кавалеры обмѣнивались съ ними остротами, шутками, и только одинъ Шаронъ со своею дамой, да еще какой-то начинающій подпоручикъ летали, какъ безумные, по залѣ.

Музыканты тоже измучились, и часто въ оркестрѣ то затихали скрипки, то умолкали трубы, и только одинъ барабанъ продолжалъ добросовѣстно колотиться въ тактъ каблукамъ Шарона и его сотрудника—подпоручика...

Утомленнымъ парамъ надоѣло уже смотрѣть на подвиги Шарона, на одобренія старичковъ, вылѣзшихъ изъ карточной комнаты. Послышался ропотъ...

Одинъ изъ танцоровъ, адъютантъ Гогель, ревнующій къ славѣ Шарона, выждалъ, когда Шаронъ пролеталъ мимо него. Тогда онъ наклонился къ своей дамѣ и громко проговорилъ:

— Подполковникъ Шаронъ намъ протанцуетъ сейчасъ мателотъ! Онъ—мастеръ...

Шаронъ ясно разслышалъ эту брошенную ему фразу, тѣмъ болѣе, что барабанъ въ этотъ моментъ пожелалъ передохнуть. Шаронъ обернулся, поглядѣлъ на Гогеля и продолжалъ танцовать... Онъ круто повернулъ свою даму, всталъ на одно колѣно... и дама его уже сидѣла на стулѣ, обмахиваясь вѣеромъ. Подпоручикъ продолжалъ то же самое. И оркестръ радостно смолкъ... Мазурка къ общему удовольствію кончилась...

Шаронъ, красный и потный, подошелъ къ Гогелю и остановился передъ нимъ.

— Виноватъ, штабсъ-капитанъ!—сказалъ онъ.—Это вы сейчасъ изволили сказать на мой счетъ что-то въ родѣ того, что я протанцую какой-то танецъ?

— Да,—отозвался Гогель,—я сказалъ, что вы протанцуете намъ мателотъ!..

— Это что значитъ?—спросилъ онъ.—Я не знаю, что это за танецъ... мателотъ!..

Гогель улыбнулся и многозначительно посмотрѣлъ на свою даму, которая съ интересомъ слушала, что говорятъ офицеры.

— Мателотъ?—спросилъ Гогель.—Это танецъ, очень трудный для исполненія. Его обыкновенно танцуютъ матросы на палубахъ... Трудный танецъ...

Шаронъ сердито блеснулъ глазами и осмотрѣлся вокругъ. А Гогель и его дама улыбались и ждали, что отвѣтитъ Шаронъ.

— Я полагаю, что вы умышленно сказали это, чтобы я слышалъ... Такъ я понимаю?

— Я сказалъ, чтобы сказать, и больше ни для чего. Какъ вамъ будетъ угодно...

— Мнѣ кажется,—началъ волнуясь Шаронъ,—я думаю, что вашъ матросскій танецъ не приличенъ для офицера... Такъ что вы, вѣроятно, хотѣли меня оскорбить этими словами?

— Это зависитъ отъ взгляда на вещи!—отвѣтилъ Гогель.—Повторяю: какъ вамъ будетъ угодно; сказалъ я, чтобы сказать, и больше ничего отвѣтить вамъ не имѣю...

Шаронъ вспыхнулъ, сдѣлалъ какое-то неопредѣленное движеніе въ сторону. Гогель замѣтилъ, что въ глазахъ Шарона сверкнула искорка гнѣва, что его руки нервно сжались.

— Не потрудитесь ли вы мнѣ объяснить все это,—проговорилъ Шаронъ.—Не угодно ли вамъ выйти со мной въ сосѣднюю комнату... Мы тамъ объяснимся...

— Съ удовольствіемъ, подполковникъ,—отвѣчалъ Гогель,—только не сейчасъ... Съ вашего разрѣшенія, не сейчасъ... Позвольте отложить до болѣе удобнаго времени?..

— Хорошо!—сказалъ Шаронъ и отошелъ отъ Гогеля, громко стуча шпорами.

Скоро накрыли ужинъ. Гогель со своею дамою сѣлъ за столъ. Они весело болтали, смѣялись. У Гогеля иногда подкагивало къ сердцу безпокойство, но онъ прогонялъ его.

— А гдѣ же нашъ мазуристъ?—спросилъ Гогель у своего сосѣда, офицера.

— Онъ не сталъ дожидаться ужина и уѣхалъ,—отвѣтилъ тотъ.— Я его видѣлъ на лѣстницѣ. Онъ торопился... Что у васъ съ нимъ произошло?

— Ничего!—сказалъ Гогель и продолжалъ болтать со своею дамою...

II.

Гогель провелъ послѣ бала безсонную и безпокойную ночь. Онъ зналъ, что Шаронъ уѣхалъ потому, что чувствовалъ себя обиженнымъ обращеніемъ Гогеля. Всѣ гости остались ужинать. Сначала никто не обратилъ вниманія на отсутствіе Шарона, но когда хозяйева стали пить за здоровье гостей, самъ Александровъ обнаружилъ его отсутствіе...

Гогель ничего не сказалъ, когда стали всѣ спрашивать о причинѣ внезапнаго отъѣзда Шарона, не сказалъ и его сосѣдъ по столу.

И, только придя домой, Гогель понялъ, что онъ велъ себя недостойно, по-мальчишески, что онъ оскорбилъ Шарона и оскорбилъ безъ всякой нужды и причины...

Онъ сталъ думать о возможныхъ послѣдствіяхъ вчерашней исторіи на балу, онъ вспомнилъ обиженное, сердитое лицо Шарона, звукъ его голоса... И ему стало яснымъ, что послѣдствія всего этого происшествія могутъ быть неисчислимы...

Надо ѣхать объясняться... Но что можетъ сказать Гогель, во всемъ виноватый, самъ вызвавшій исторію? Разумѣется, ничего, кромѣ извиненія. Но ѣхать съ извиненіемъ было и тяжело, и неприятно, и стыдно. Могли найти себѣ почву различные слухи, сплетни, позорящія доброе имя и честь Гогеля. Нельзя было извиняться при свидѣтеляхъ, такъ какъ при такихъ условіяхъ надо было признать себя виновнымъ; нельзя было объясняться и безъ свидѣтелей, такъ какъ Шаронъ могъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и рассказывать вездѣ объ извиненіи въ извращенномъ видѣ...

И ночь послѣ бала была для Гогеля безпокойна и мучительна...

Однако, надо же было прійти къ чему нибудь окончательному, и это рѣшеніе не могло медлить, оно должно было появиться какъ можно скорѣе, до наступленія утра, когда Гогелю придется уже приводить свое намѣреніе въ исполненіе...

— На что рѣшиться? что предпринять?—спрашивалъ онъ себя, лежа въ постели съ открытыми глазами и потирая лобъ.— Не надо

было такъ много пить... Оттого-то я и не могу придумать ничего...
Надо же на чтонибудь рѣшиться...

Потомъ Гогель поднялся съ кровати, одѣлся и сталъ ходить по комнатѣ...

Онъ придумалъ написать Шарону письмо, разбудить прислугу и сейчасъ же послать ее къ Шарону съ письмомъ. Онъ уже сѣлъ было за столъ и написалъ обращеніе. Но черезъ минуту всталъ и снова сталъ ходить по комнатѣ...

А время все шло и шло... Близилося утро, горланили пѣтухи, на кухнѣ просыпались люди, рѣшеніе должно было уже созрѣть. Но его все еще не было...

Онъ подумалъ о своей дамѣ, которую онъ занималъ весь вечеръ, и ему стало опять стыдно... Все произошло только ради того, что Гогелю захотѣлось порисоваться передъ своей дамой, показать ей, что онъ не уважаетъ этого подполковника, который такъ ловко танцуетъ мазурку... И онъ нарочно выждалъ моментъ, когда замѣчаніе его—нелѣпое и неостроумное—могло быть услышано Шарономъ...

И теперь эта самая дама почиваетъ спокойнымъ сномъ утомленнаго человѣка, а онъ долженъ томиться, выдумывать и искать выхода изъ непріятнаго положенія...

— На что рѣшиться? что предпринять? что?—повторялъ онъ безпокойно...

Совсѣмъ уже разсвѣло... И когда свѣтъ проникъ черезъ занавѣску окна, все происшедшее показалось Гогелю еще болѣе нелѣпымъ и мальчишескимъ. И ему страстно захотѣлось исправить, загладить свою ошибку...

— Ъхать, ѣхать надо... извиняться!—заговорилъ онъ.—Чего бы мнѣ это ни стоило, но я поѣду... Глупое положеніе, глупая выходка... Шаронъ, вѣроятно, смѣется надо мной...

Онъ одѣлся и вышелъ на улицу. Еще горѣли фонари, и желтоватый дискъ луны выглядывалъ изъ-за облачковъ, обвѣсившихъ небо. Онъ позвалъ извозчика, сѣлъ и поѣхалъ...

III.

Надо было ѣхать въ инженерное училище, гдѣ служилъ Шаронъ, и тамъ узнать его адресъ. Къ счастью, его квартира помещалась въ томъ же самомъ домѣ. Онъ позвонился...

Ему отворили и сказали, что барина нѣтъ дома, что онъ еще не возвращался со службы, просили подождать. Онъ снялъ шинель и вошелъ въ комнаты.

Его оставили одного. Гогель долго ходилъ по залу, поджидая хозяина, и въ головѣ его бродили разныя мысли... Наступилъ уже день, а вмѣстѣ съ нимъ къ Гогелю вернулось то настроеніе, которое

было у него вчера на балу. Прїѣздъ для принесенія извиненія сталъ уже казаться ему трусливымъ рѣшеніемъ, на которое Шаронъ могъ посмотрѣть, какъ на боязнь возможныхъ неприятныхъ послѣдствій...

Онъ представилъ, какъ войдетъ въ комнату Шаронъ, какъ онъ сдѣластъ удивленное и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворенное лицо, съ какимъ выраженіемъ онъ приметъ извиненіе и какъ снисходительно, по-штабъ-офицерски, съ гримасой на кругломъ лицѣ, попроситъ садиться... И Гогелю показалось, что онъ продолжаетъ дѣлать глупости, но уже нѣсколько иного, некрасиваго характера...

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты. Лакей напомнилъ ему, что баринъ скоро вернется, что черезъ нѣсколько минутъ онъ можетъ прійти... Но Гогель не слушалъ его и торопливо надѣвалъ шинель.

— Какъ прикажете доложить о васъ?—спросилъ его лакей, когда онъ вышелъ на подѣздъ.—Баринъ всегда приказываютъ спрашивать, кто бываетъ у нихъ...

Гогель не отвѣчалъ, сѣлъ въ поджидающій его экипажъ и поѣхалъ домой.

— Глупо, глупо!—восклидалъ онъ по дорогѣ.—Все это ужасно глупо и пошло!..

Возчикъ принималъ эти слова на свой счетъ и часто оборачивался назадъ съ молчаливымъ вопросомъ...

Гогель, вернувшись домой, повалился на кровать и незамѣтно для себя заснулъ...

Проснулся онъ отъ какого-то разговора, происходившаго въ его комнатѣ.

— А баринъ-то, знать, уснули... я ихъ сейчасъ разбужу... Присядьте тутъ!

Гогель открылъ глаза и увидалъ надъ собою лицо его стараго лакея, Пахома, а неподалеку массивную фигуру Шарона. Гогель быстро поднялся и сталъ смотрѣть прямо въ лицо Шарона, на которомъ, однако, ничего не могъ прочесть.

— Я догадался, что вы изволили быть у меня!—проговорилъ Шаронъ.—А потому я счелъ нужнымъ прїѣхать къ вамъ... у васъ есть ко мнѣ дѣло!..

Гогель всталъ. Онъ не ожидалъ прїѣзда Шарона, не зналъ его цѣли и поэтому злился.

— Чѣмъ могу служить, подполковникъ?—дерзко и вызывающе спросилъ Гогель.

Шаронъ окинулъ его недоумѣвающимъ взглядомъ и развелъ руками; на лбу у него образовалась морщинка, которая мгновенно измѣнила выраженіе его лица.

— Повторяю, что я догадался, что вы были у меня. И такъ какъ я зналъ, что мы должны объясниться по поводу вчерашняго, то полагаалъ, что вы прїѣжали ко мнѣ съ этою именно цѣлью...

Вы меня не застали дома, и вотъ я явился къ вамъ... Конечно, мы придемъ...

— Извините, подполковникъ,—прервалъ его Гогель,—я прѣзжалъ къ вамъ вовсе не за объясненіями или извиненіями... Я прѣзжалъ сказать вамъ, что я не считаю себя виновнымъ передъ вами... я прѣзжалъ только за этимъ...

— Ну, да, да... я понимаю... Вотъ мы сейчасъ и выяснимъ наши отношенія... Вчера вы сказали мнѣ, что я въ обществѣ порядочныхъ людей протанцую матросскій танецъ...

— Да, я сказалъ и нисколько въ этомъ не раскаиваюсь. Вы можете просить отъ меня удовлетворенія. Я сказалъ вчера вамъ въ обществѣ порядочныхъ людей, сказалъ громко и ясно, такъ что очень многіе слышали эти слова...

— Что вы говорите?—съ неподдѣльнымъ удивленіемъ переспросилъ его Шаронъ.

— Я не понимаю цѣли вашего прѣзда,—продолжалъ Гогель, все повышая и повышая голосъ.—Если вы обижены, вы можете прислать ко мнѣ вашихъ секундантовъ. Если же мои обидныя слова показались вамъ не обидными, то вы напрасно трудились прѣзжать ко мнѣ. Какая была цѣль вашего прѣзда? Объясните, пожалуйста!..

Послѣднія слова Гогель произнесъ съ дѣланымъ пренебреженіемъ, не спуская глазъ съ Шарона. И онъ замѣтилъ, что сказанныя имъ слова покоробили Шарона.

— Понимаю, понимаю!—проговорилъ Шаронъ.—Вамъ хочется перевести дѣло на другую почву... Понимаю... Что жъ, я ничего не имѣю и противъ этого...

— Очень радъ, что вы не заставляете меня объяснить вамъ еще разъ. Теперь мой прѣздъ вамъ становится понятнымъ, надѣюсь?—усмѣхнулся Гогель.

— Разумѣется... — протянулъ Шаронъ.—Я понималъ это до сихъ поръ иначе. Извольте. Мы разрѣшимъ нашъ споръ на пистолетахъ...

— На которыхъ я очень плохо дѣйствую! — вставилъ Гогель, какъ бы про себя.

— Это не бѣда, — заявилъ Шаронъ, — вы легко выйдете изъ этого положенія. Я предлагаю принять разстояніе не болѣе 8-ми шаговъ. Кромѣ того, мы примемъ одновременность выстрѣловъ. При такихъ условіяхъ наши шансы сравняются, и ваше искусство значенія имѣть не будетъ... Вы согласны на все это?

— Ваши условія приняты, подполковникъ,—отвѣтилъ Гогель.— Вопросъ о времени?..

— Время? Сегодня у насъ 23 января. Позвольте назначить поединокъ на завтра...

— Когда вамъ будетъ угодно, — равнодушно вымолвилъ Гогель. — Надѣюсь, что мы обойдемся безъ секундантовъ, или вы, быть можетъ, пожелаете?..

— Безъ секундантовъ спокойнѣе и удобнѣе! — согласился Шаронъ. — А пистолеты?

— Пистолеты будутъ привезены мною на мѣсто поединка, — сказалъ Гогель. — У меня отличные пистолеты... Можете быть спокойны...

Шаронъ поклонился и направился къ двери. Онъ взялся за ручку двери и сказалъ:

— У насъ нѣтъ секундантовъ, насъ некому примирять. Поэтому, можетъ быть, вы не будете въ претензіи, если я предложу вамъ помириться. Вы принесете мнѣ извиненіе, я его съ удовольствіемъ приму, и не надо будетъ этой непріятной для меня дуэли. Не подумайте, что я боюсь дуэли... Нѣтъ, но мнѣ просто не хочется подвергать себя и васъ опасности. Что вы мнѣ на это скажете?

Гогель съ улыбкой выслушалъ Шарона и небрежно замѣтилъ сквозь зубы:

— Если вамъ не хочется подвергать опасности меня, то я прошу васъ объ этомъ не беспокоиться; что же касается васъ, то вы легко можете не подвергать себя этой опасности... Больше мнѣ вамъ нечего сказать на это...

Шаронъ вышелъ...

IV.

Было 24-е января 1836 года. Гогель приказалъ своему крѣпостному человѣку Пахому запрягать лошадей.

— Я поѣду въ саняхъ, — сказалъ онъ, — а денщикъ Василій въ крытой повозкѣ. Прикажи ему собираться, и чтобы закладывали поскорѣй... Ступай!..

Къ 8-ми часамъ утра лошади были поданы къ подѣзду. Прислуга строила догадки относительно цѣли поѣздки: все совершалось такъ быстро, такъ исключительно по своей обстановкѣ, что угадать эту цѣль не представлялось возможнымъ.

Лакей стоялъ подлѣ саней и глубокомысленно молчалъ, кучеръ высказывалъ предположеніе, что Гогель ѣдетъ по начальству за выговоромъ. И только, когда вышелъ денщикъ Василій и объявилъ, что они ѣдутъ съ барининомъ на Крестовскій островъ, что баринъ приказалъ достать изъ комода ящикъ съ пистолетами, только тогда все объяснилось. Прислуга перестала разговаривать...

Денщикъ усѣлся въ крытую повозку. Скоро вышелъ Гогель, сѣлъ въ сани, лошади тронулись. Лакей, пожимаясь отъ холода, вбѣжалъ въ домъ.

Миновалъ городъ, миновали зданія, потянулись поля, огороды, пустыри. Впереди въ дымчатомъ туманѣ чернѣлъ лѣсокъ, а въ сторонѣ заледенѣлый берегъ залива утопалъ въ мутной дали утренняго сумрака...

Повозки остановились около лѣса. Гогель вышелъ изъ саней и приказалъ денщику и кучеру оставаться при лошадахъ до тѣхъ поръ, пока они не услышатъ зова. Тогда денщикъ долженъ былъ итти въ лѣсъ и тамъ уже получить распоряженія.

Минуты черезъ двѣ послѣ прїѣзда Гогеля къ лѣсу подлетѣла пара красивыхъ лошадей въ модной запряжкѣ. Изъ саней выскочилъ Шаронъ и отдалъ Гогелю честь...

Противники направились къ лѣсу и скоро скрылись за деревьями. Кучера и денщикъ молча ожидали развязки, и имъ не хотѣлось говорить.

Гогель выбралъ мѣсто въ лѣсу, гдѣ не было сугробовъ снѣга, молчаливо зарядилъ пистолеты и подалъ ихъ Шарону. Тотъ взялъ одинъ изъ нихъ также молча.

— Мы становимся на мѣста!—воскликнулъ Гогель.—Не угодно ли вамъ занять мѣсто...

Шаронъ сталъ осматривать пистолетъ, вертѣтъ его въ рукахъ. Ему хотѣлось заговорить съ Гогелемъ, указать ему, что дѣло можетъ кончиться вполнѣ благополучно для нихъ обоихъ, что достаточно только одного слова извиненія, и все разрѣшится отлично.

Но Гогель сосредоточенно, не подавая Шарону ни малѣйшей надежды на миролюбивое разрѣшеніе ссоры, провѣрялъ отмѣренныя шаги, ввводилъ курокъ...

— Послушайте, — проговорилъ наконецъ Шаронъ неровнымъ голосомъ,—послушайте, сейчасъ мы будемъ стрѣляться... У насъ такое разстояніе, на которомъ трудно промахнуться. И я считаю своимъ долгомъ, послѣднимъ долгомъ предложить вамъ миръ на самыхъ выгодныхъ для васъ условіяхъ... Угодно вамъ меня выслушать?

— Съ моей стороны полное вниманіе! — отозвался Гогель съ неудовольствіемъ.

— Я предлагаю заключить миръ,—продолжалъ Шаронъ.—Вы принесете мнѣ извиненіе при свидѣтеляхъ... Эти свидѣтели будутъ выбраны съ вашего согласія, вы даже можете назначить мнѣ тѣхъ или другихъ лицъ... И я съ радостью приму ваше извиненіе...

И вмѣсто отвѣта Гогель еще разъ осмотрѣлъ свой пистолетъ и крикнулъ:

— Можно ли начинать, подполковникъ? Готовы ли вы? Осмотрѣли ли вы пистолетъ?

Шаронъ пожалъ плечами и всталъ на свое мѣсто... Началась дуэль...

Оба противника спокойно подняли пистолеты, прищурили глаза и стали цѣлиться...

Что-то щелкнуло, но выстрѣла не послѣдовало... Шаронъ опустил свой пистолетъ...

— У меня осѣчка, — сказалъ Шаронъ. — Выстрѣлъ за вами, штабсъ-капитанъ!..

— Поправьте свой пистолетъ, — горячо проговорилъ Гогель, — вы должны поправить его. Мы не заключали условія считать осѣчку за выстрѣлъ... Я не стану стрѣлять...

— Нельзя иначе считать, — возразилъ Шаронъ, — осѣчка всегда считалась за выстрѣлъ. Я не стану поправлять пистолета... Стрѣляйте, я готовъ...

— Нѣтъ и нѣтъ!.. при такихъ условіяхъ нѣтъ поединка, а есть убійство... И я не желаю быть вашимъ убійцей... Поправьте пистолетъ... скорѣе...

Шаронъ опять пожалъ плечами и медленно сталъ сыпать порохъ на полку...

— Теперь можно продолжать!.. — произнесъ Шаронъ. — Пистолетъ исправенъ...

Опять поднялись пистолеты въ рукахъ противниковъ, опять прищурились глаза...

И почти одновременно раздалась два выстрѣла... Гогель почувствовалъ, какъ мимо его лѣваго уха пролетѣла пуля Шарона и ударилась гдѣ-то сзади въ дерево...

Шаронъ сидѣлъ на снѣгу и платкомъ перевязывалъ себѣ шею... Сочилась темная кровь и капала на бѣлую пелену снѣга...

— Пуля-то...—проговорилъ Шаронъ:—застряла, шельма... вотъ тутъ... у лопатки... въ шею попала... а сзади застряла... засѣла...

Въ деревьяхъ мелькнуло испуганное лицо денщика Гогеля. Онъ подбѣжалъ къ сидящему Шарону и хотѣлъ приподнять его... Гогель отстранилъ денщика и протянулъ Шарону руку. Шаронъ въ свою очередь подаль ему лѣвую руку и прошепталъ:

— Извините, правая-то вся въ крови... испачкался... Все конечно между нами? да?

Гогель молчаливо опустил на снѣгъ. Глаза его странно мигали и щурились...

— Простите, простите, я не хотѣлъ этого... нечаянно... я хотѣлъ просить извиненія... Не сердитесь... Все это такъ какъ-то неожиданно и непріятно...

— Я не сержусь... пустяки... ѣхать надо... все пройдетъ, пройдетъ...

Гогель съ денщикомъ подняли Шарона и повели его къ санямъ. Шаронъ легъ на дно повозки, на красивый коверъ, и закрылъ глаза.

— Поѣзжайте сію же минуту, — приказалъ Гогель кучерамъ, — скорѣе: ты, Василій, отправляйся къ моему доктору... знаешь, гдѣ

онъ живеть?.. А ты поѣзжай къ домашнему врачу своего барина... Его квартиру знаешь? Живо... А мы поѣдемъ домой, къ подполковнику... Впрочемъ, ты, Василій, пойдешь со мной, ты будешь править лошадью... Маршъ!..

Кучера быстро уѣхали, а повозка, въ которой лежалъ Шаронъ, медленно поплыла по снѣжному морю, покачиваясь по сугробамъ...

Гогель, наклонившись надъ Шарономъ, поправлялъ повязку и поддерживалъ его голову.

Шаронъ лежалъ безъ чувствъ... Изрѣдка онъ стоналъ, и тогда Гогель страдалъ невыносимо и проклиналъ балъ, свою горячность, свой нравъ...

Тихо подъѣхала повозка къ дому Шарона. Денщикъ позвонился у подъѣзда... Вышелъ лакей, и всѣ трое понесли Шарона въ домъ. Тамъ уже собрались доктора...

Когда пуля была извлечена, Шаронъ открылъ глаза, увидалъ рядомъ съ собою Гогеля и пожалъ ему руку тихимъ пожатіемъ большого человѣка.

Въ тотъ же день Шаронъ подписалъ рапортъ по начальству, гдѣ онъ объявлялъ о происшедшей дуэли съ Гогелемъ, а на слѣдующій день состоялось распоряженіе объ арестованіи Гогеля на гауптвахтѣ и о домашнемъ арестованіи Шарона, который нуждался въ лѣченіи и спокойствіи...

А тамъ началось слѣдствіе... Рана безпокоила Шарона, и онъ долго еще числился больнымъ; по крайней мѣрѣ, высочайшая конфирмація по дѣлу застала его въ постели...

Разумѣется, надежда на выздоровленіе была полная, и впоследствии Шаронъ еще съ бѣльшимъ успѣхомъ танцевалъ свою любимую мазурку.

Начальство не особенно снисходительно отнеслось къ происшедшему случаю. Какъ бы то ни было, но во всей этой исторіи между прочимъ страдала и дисциплина, такъ какъ дрались люди разныхъ чиновъ, разныхъ служебныхъ положеній. Поэтому генералъ Бистромъ высказалъ мнѣніе, что Гогеля надлежало бы перевести изъ гвардіи въ армію и посадить въ крѣпость на два мѣсяца.

Главный судъ не сошелся во взглядахъ съ Бистромомъ и предложилъ примѣнить къ обоимъ виновнымъ одну и ту же мѣру наказанія: посадить того и другого въ крѣпость на три мѣсяца, а Гогеля, кромѣ того, перевести въ армію.

Въ апрѣлѣ 1836 года состоялась высочайшая резолюція, согласная съ мнѣніемъ главнаго суда.

VII.

Вызовъ городничаго.

I.

Когда спрашивали отставного корнета Змѣва, почему онъ ушелъ со службы, то онъ обыкновенно отвѣчалъ съ презрительною миною на лицѣ:

— Хотѣлъ бы я знать, какъ называются тѣ людишки, которые позволяютъ себѣ оставаться теперь на военной службѣ. Я началъ свою службу, когда еще было живо воспоминаніе о французсахъ, когда въ русскомъ обществѣ свободный духъ и воля вѣяли отовсюду, когда военное сословіе шло впереди вѣка и открывало глаза непросвѣщенному русскому народу. Я служилъ, когда въ государствѣ признавалось за каждымъ право человѣка, когда великій монархъ съ высоты трона провозглашалъ великія истины... Теперь остались служить только одни карьеристы, службисты, непросвѣщенные аристократы, маменькины сынки, неумные, неразвитые, не понимающіе запросовъ народа и цѣли военной службы... Я не могъ оставаться на службѣ, когда кругомъ сталъ царить хаосъ и развратъ!..

Говорилъ Змѣвъ съ патетическими интонаціями въ голосѣ, съ гордой усмѣшкой, съ сильной жестикуляціей, хватая слушателя за скюртку. Змѣвъ былъ «либералъ и не умѣренный», по крайней мѣрѣ, такъ величали его въ городѣ Умани, гдѣ онъ временно поселился на жительство и гдѣ уже успѣлъ со всѣми перессориться...

Однако, если бы можно было заглянуть въ его указъ объ отставкѣ, то мы легко натолкнулись бы на другое объясненіе причины ухода Змѣва со службы: тамъ значилось, что Змѣвъ уволенъ въ отставку «по домашнимъ обстоятельствамъ», а вѣрнѣе за постоянное пьянство, «нерадѣніе и неспособность къ кавалерійской службѣ». За Змѣвымъ числились и боевыя заслуги: онъ участвовалъ въ кампаніи 1828 года, но никакихъ знаковъ отличія за нее не получилъ, что Змѣвъ объяснялъ паденіемъ нравовъ и честности у военнаго начальства, а также и интригами, которыя обыкновенно ведутся противъ талантливыхъ и выдающихся людей, къ каковымъ относилъ себя и Змѣвъ.

Какъ бы тамъ ни было, но отставной корнетъ Змѣвъ проживалъ въ Умани и занимался тѣмъ, что ссорился со всѣми жителями города, если только они имѣли или могли имѣть какое либо значеніе въ городѣ.

Самымъ отчаяннымъ врагомъ Змѣва былъ прежде всего городничій, отставной полковникъ Анатѣенко; затѣмъ содержательница

театра, старая нѣмка Шитлеръ; мѣстное офицерство, мѣстные купцы и чиновники.

Городничій Анатѣенко былъ ничѣмъ не хуже и не лучше всѣхъ другихъ городничихъ того времени: онъ бралъ такъ же, какъ и другіе, такъ же слѣдилъ за порядкомъ, такъ же обиралъ состоятельныхъ и несостоятельныхъ людей безъ различія пола, возраста и состоянія; въ Умани, какъ и во всѣхъ остальныхъ богоспасаемыхъ городахъ, процвѣтали грабежи, разбои, убійства, насилія, и поэтому Умань не была исключеніемъ изъ общаго правила; уманскіе обыватели, какъ и вообще обыватели въ Россійской имперіи, предавались своимъ любимымъ занятіямъ и удовольствіямъ, и городничій не мѣшалъ никому веселиться по способностямъ и по карману: важно было, чтобы они не забывали градолюбителя, а все остальное должно было приложиться само собою.

Были такіе чудаки и простаки, которые мѣшали градоправителю служить его службу. Если такими чудаками являлись окрестные мужики или другіе люди, не понимающіе въ трудахъ городского благоустройства и благочинія, то градоначальникъ быстро умѣлъ воздѣйствовать на нихъ, и они превращались въ людей, понимающихъ всѣ тонкости правленія. Но если такими чудаками являлись лица въ родѣ Змѣева, то градоначальникъ не зналъ, что съ ними дѣлать: они совали свои носы во все и безъ всякаго приглашенія, высмѣивали и градоначальника, и его сотрудниковъ, писали на нихъ стихи и сатиры, подавали доносы и бевыменные пасквили, старались во всемъ и вездѣ напортить ему, подсмѣяться, выразить презрѣніе. И такихъ чудаковъ ненавидѣлъ Анатѣенко.

Второй заклятый врагъ Змѣева, содержательница мѣстнаго театра — старая, толстая нѣмка Шитлеръ, вызывала къ себѣ у Змѣева злобу по другимъ основаніямъ. Змѣевъ былъ гусаромъ, и всѣ гусарскіе инстинкты были свойственны ему въ большой мѣрѣ: онъ любилъ женщинъ и актрисъ въ особенности, поэтому всегда онъ находился въ обществѣ актрисъ, носилъ имъ подарки, ужиналъ съ ними и былъ театральнымъ завсегдатаемъ.

Старуха Шитлеръ имѣла основаніе питать къ Змѣеву ненависть и считать его своимъ злѣйшимъ врагомъ. Когда въ ея присутствіи вспоминалось имя Змѣева, она дѣлала уморительную гримасу и произносила съ отвращеніемъ:

— О-о!.. онъ, этотъ Змѣевъ—такой неуютный человѣкъ, такой неуютный!..

Дѣло въ томъ, что Змѣевъ былъ всегда другомъ актрисъ и сторонникомъ ихъ. Актрисы обожали его, такъ какъ достаточно было имъ пожаловаться Змѣеву на старую скрягу Шитлеръ, и онъ тотчасъ же шелъ къ ней въ кассу и начиналъ ее поносить отборными ругательствами. А кругомъ стояла публика и аплодировала Змѣеву. Не разъ Шитлеръ пробовала жаловаться на Змѣева, но

ничего не выходило, такъ какъ градоначальникъ и самъ воздерживался отъ разговоровъ съ Змѣевымъ, да къ тому же у Шитлеръ никогда не было нужныхъ свидѣтелей, хотя, по ея словамъ, около кассы въ то время стояла толпа людей, которые должны были слышать, какъ бранился Змѣевъ.

Случалось, что Шитлеръ не отдавала актрисамъ жалованья или задерживала его. Тогда Змѣевъ дѣйствовалъ на Шитлеръ убѣжденіями, ругательствами, а наконецъ и «вломленіемъ въ кассу и изъятіемъ изъ оной денегъ». А старая нѣмка больше всего на свѣтѣ любила деньги, и разставалась съ ними она всегда неохотно, чуть ли не съ плачемъ.

Наконецъ, Змѣевъ ходилъ за кулисы, содѣйствовалъ актрисамъ въ ихъ взаимныхъ интригахъ, шикалъ и апплодировалъ, кому и какъ хотѣлъ, не отдавая въ своихъ поступкахъ отчета никому изъ властей. Нерѣдко онъ одинъ проваливалъ спектакли, проваливалъ новыхъ актеровъ и актрисъ. Для этого онъ собиралъ буйную клаку, которая послушно, ради личныхъ симпатій къ Змѣеву, шла на что угодно. И часто въ театрѣ поднимался такой шумъ и крикъ, что поневолѣ приходилось опускать занавѣсъ или отмѣнять спектакль.

Все это вліяло на сборы, тѣмъ болѣе, что публика никогда не могла быть увѣрена, что представленіе состоится, что ему не помѣшаетъ клака Змѣева.

Таковы были причины вражды Змѣева съ содержательницею театра, которыя впоследствии отозвались на судьбѣ Змѣева роковымъ образомъ.

Были у Змѣева и другіе враги, но эти относились уже къ числу малозамѣтныхъ людей, которымъ Змѣевъ мѣшалъ или обманывать, или грабить: къ такимъ относились купцы, будочники, нѣкоторые изъ актеровъ и т. п.

Словомъ, Змѣевъ проживалъ въ Умани безъ всякаго дѣла и только враждовалъ.

Разумѣется, его враги за глаза ругали его, называли выгнаннымъ пьяницею, но въ глаза относились съ почтеніемъ, которое стояло на границѣ съ боязнью.

Осенью 1830 года у Змѣева вышла маленькая непріятность съ городничимъ, которая, впрочемъ, обошлась благополучно. Дѣло въ томъ, что однажды, проходя утромъ по базару, Змѣевъ остановился въ недоумѣніи: противъ него на колѣняхъ стоялъ мужиченко и дикимъ голосомъ вылъ что-то. Змѣевъ хотѣлъ посторониться и отойти, но мужиченко схватилъ его за полы и не пускалъ.

— Кормилецъ, не допусти, не допусти, — кричалъ мужиченко, кланяясь въ ноги, — отняли, родимый, отняли, все отняли... кумѣ въ подарокъ привезъ, а они отняли... Заступись...

— Что отняли?—спрашивалъ Змѣевъ, въ недоумѣніи глядя на мужика.—Говори толкомъ...

— Поросенка, кормилецъ, отняли... Приѣхалъ я это на базаръ, торговать, значитъ, а въ телѣгу подъ самый низъ положилъ поросенка, вчера только зарѣзали... А пришла это городничихина стряпуха съ будочникомъ, я имъ и того, и другого, а будочникъ полѣзъ подъ рогожку и вытащилъ оттелѣ моего поросенка... Кумѣ я его везъ, родименькій, кумѣ.. Кума у меня тутъ проживаетъ... Именинница она сегодня... Какъ я къ ей безъ поросенка пойду?... Ваньку она у меня крестила, никакъ безъ поросенка нельзя... Помоги, кормилецъ... Возьми, что хочешь, только помоги... Потому какъ долженъ я кумѣ поросенка на сегодня предоставить... Защити, сдѣлай милость, ваше благородіе...

— Пойдемъ!—гаркнулъ Змѣевъ и пошелъ за стряпухой и будочникомъ, сопровождаемый огромною толпою народа; онъ шелъ быстро, и мужиченко едва поспѣвалъ за нимъ.

Скоро они нагнали будочника, и Змѣевъ собственноручно извлекъ изъ куля злосчастнаго поросенка и бережно передалъ его мужиченкѣ. Тотъ снова упалъ на колѣни. Будочникъ вздумалъ было противорѣчить Змѣеву, но одинъ легкій ударъ кулака Змѣева повергъ его на землю при общемъ дружномъ хохотѣ толпы...

Городничій вспылилъ гнѣвомъ и хотѣлъ возбудить противъ Змѣева преслѣдованіе за противодѣйствіе властямъ, но вспомнилъ, что «это можетъ повлечь для виновнаго тяжелое наказаніе», и ограничился тѣмъ, что призвалъ Змѣева къ себѣ и прочелъ ему нотацію.

Змѣевъ выслушалъ эту нотацію, сохраняя на своемъ лицѣ серьезность, а когда городничій кончилъ, онъ всталъ и проговорилъ:

— Я думалъ, что городничіе у насъ умнѣе... Эхъ, вы... градограбители!..

И вышелъ... Конечно, если бы все это произошло въ присутствіи свидѣтелей, то городничій Анатѣенко непременно привлекъ бы Змѣева къ суду. Но замѣчаніе было сдѣлано съ глаза на глазъ и «лично къ городничему не относилось».

Во всякомъ случаѣ Змѣевъ портилъ много крови своимъ врагамъ, и всѣ ждали только случая, когда Змѣевъ настолько зарвется, что на него можно будетъ наложить крѣпкую узду. Но пока такого случая не представлялось, и Змѣевъ торжествовалъ...

II.

Между Змѣевымъ и актрисой Воеводской существовали теплыя, дружескія отношенія. Онъ бывалъ у нея совсѣмъ запросто, въ театрѣ неистово аплодировалъ ей, дома увивался за ней и, какъ человѣкъ небогатый, пользовался ея угощеніемъ, не считая этого за что нибудь позорное для себя, такъ какъ за угощеніе оплачи-

валъ ей апплодисментами, оваціями, на устройство которыхъ онъ былъ мастеръ, и другими невещественными услугами. И всѣ понимали, что между Змѣевымъ и Воеводской существуютъ прочныя, дружескія отношенія, что за свою пріятельницу Змѣевъ пойдетъ на все.

Въ концѣ сентября 1830 года, однажды вечеромъ, когда Змѣевъ нѣжно игралъ волосами Воеводской, сидя рядомъ съ нею на софѣ, Воеводская замѣтила:

— Слышалъ? Завтра дебютъ новой актрисы... Она поступаетъ на мои роли... И если ея дебютъ сойдеть хорошо, то мнѣ придется уѣхать отсюда...

— Почему же непременно уѣхать, ангелъ мой?—спросилъ Змѣевъ.—Намъ съ тобою здѣсь очень хорошо, и намъ некуда и не зачѣмъ уѣзжать...

— Ты ничего не понимаешь!—сердито воскликнула Воеводская и освободилась изъ объятій Змѣева.—Да, вѣдь, если она займетъ мое амплуа, что же я буду дѣлать? Я должна буду перейти на вторыя роли, получать гроши... Ее непременно надо провалить...

— Чего же тутъ особеннаго?—сказалъ спокойно Змѣевъ.—Нечего даже волноваться. Мало ли я провалилъ на своемъ вѣку актеровъ и актрисъ! Провалю и эту... Чего волноваться!..

— Да, да... Но эта новая—молодая, красивая... Трудно будетъ, говорить, у нея талантъ...

— Провалимъ и съ талантомъ,—продолжалъ Змѣевъ.—Это мнѣ ничего не стоитъ...

Змѣевъ ушелъ отъ Воеводской раньше времени и прямо отправился въ театръ. Онъ вошелъ въ кассу, подошелъ къ старухѣ Шитлеръ и заявилъ:

— По-моему, эту новую актрису надо выгнать. Попомните мое слово, я вамъ всегда добра желаю... Выгоните, и все будетъ хорошо, а не то пропадете вмѣстѣ съ театромъ...

Шитлеръ испуганно поглядѣла на Змѣева и громко позвала мужа изъ комнаты.

— Мнѣ все равно, я только предупреждаю, чтобы вы потомъ не обижались на меня. Попомните: завтра дебютъ, а послѣзавтра—нѣсколько труповъ. Попомните и, пока не поздно, отмѣните этотъ дебютъ и прогоните вашего новаго урода въ женской юбкѣ...

И съ этими словами Змѣевъ повернулся и вышелъ. Шитлеръ закричала громче, и на крикъ ея пришелъ мужъ. Они долго объяснялись по-нѣмецки, а старая Шитлеръ говорила и плакала. Нѣмецъ хмурился и пожималъ плечами...

Змѣевъ отправился дѣйствовать и составлять клаку. На этотъ разъ требовалось особенное искусство, такъ какъ завтрашній спектакль долженъ совершенно провалиться, а дебютантка — умереть отъ стыда и больше не появляться на сценѣ.

Прежде всего онъ пошелъ по старымъ знакомымъ клакерамъ, которые не разъ уже выручали Змѣева изъ бѣды. Ихъ было много, но они были уже извѣстны, надо было навербовать какъ можно больше новыхъ, чтобы въ театрѣ былъ настоящій содомъ.

Змѣевъ отдалъ распоряженіе своимъ пріятелямъ, указалъ, кому изъ нихъ вооружиться свистками, кому гдѣ сѣсть и когда свистать. Отъ нихъ онъ отправился дальше.

Змѣевъ пришелъ въ офицерское собраніе, объяснилъ тамъ цѣль своего прихода и скоро заручился согласіемъ многихъ молодыхъ офицеровъ. Побезобразничать отъ скуки жизни въ глуши набралось много молодежи, которая и выразила Змѣеву полную готовность поддержать его въ провалѣ новой актрисы.

Оттуда онъ направился было къ дирижеру оркестра, который игралъ въ театрѣ, и хотѣлъ привлечь и его къ участию въ дѣлѣ. Дирижеръ пріятельствовалъ и со Змѣевымъ, и съ Воеводской и, вѣроятно, не прочь былъ бы оказать услугу товарищамъ.

По дорогѣ къ дирижеру Змѣевъ встрѣтилъ отставного поручика Баласопуло, вспомнилъ, что у него огромное знакомство въ городѣ, и поэтому предложилъ ему принять участіе въ завтрашней исторіи.

Поручику Баласопуло понравилась мысль Змѣева, и онъ далъ слово прійти въ театръ со знакомыми и свистать новой актрисѣ.

— Ну, вотъ и отлично,—сказалъ Змѣевъ,—такой скандалъ устроимъ, что навѣки помнятъ будутъ. Мы имъ покажемъ, носъ-то утремъ... Такъ дозавтра...

Змѣевъ пошелъ дальше и встрѣтилъ дирижера у самаго выхода изъ квартиры. Тотъ торопился въ театръ. Змѣевъ просилъ дирижера настроить музыкантовъ и подсвистывать публикѣ. Дирижеръ расхохотался и спросилъ, кто участвуетъ въ клакѣ. Змѣевъ назвалъ.

— Какъ?—изумился дирижеръ.—Ты пригласилъ Баласопуло? Да вѣдь онъ продастъ тебя, за что хочешь, вѣдь его наша Шитлериха за билетъ купить можетъ. Эхъ, ты... словно ты его не знаешь!.. Угораздило тебя сказать ему...

Змѣевъ вспомнилъ, что Баласопуло былъ на дурномъ счету у людей, симпатизирующихъ Змѣеву, и на хорошемъ у его враговъ. Но дѣлать было уже нечего, и Змѣевъ виновато почесывалъ въ затылкѣ. Дирижеръ ушелъ, а Змѣевъ все еще стоялъ посреди улицы и раздумывалъ, пока наконецъ не вспомнилъ, что имъ еще не все сдѣлано къ завтрашнему дню.

III.

Въ театрѣ было темно, неуютно, вѣяло холодомъ и пустотою. Публика собиралась рано, задолго до начала представленія, но огней не зажигали до опредѣленнаго часа.

Потомъ зажгли огни, послышался звукъ настраиваемыхъ инструментовъ, около кассы толпился народъ, и содержательница едва успѣвала удовлетворять публику.

Вотъ въ узкое окошечко кассы просунулась внушительная рука Змѣва.

— Кресло перваго ряда!—проговорилъ Змѣвъ.—Хочу смотрѣть, какъ будутъ гибнуть нѣмецкіе предприниматели... Кресло перваго ряда!..

Шитлеръ увидала Змѣва, услышала его голосъ, посторонилась отъ протянутой руки.

— Кресло перваго ряда за полтора рубля ассигнаціями!— повторилъ Змѣвъ.

— Всѣ продали, нѣтъ кресла, осталась одинъ райъ!—боязливо произнесла старуха.

— Для корнета въ отставку должно быть отставлено кресло,—засмѣялся Змѣвъ.—Ну же, кресло перваго ряда... Хочу смотрѣть, какъ будутъ погибать супруги Шитлеръ...

— Нѣту, всѣ проданы, ничего не осталось... только райъ есть... райкъ...

— Не вмѣстно русскому офицеру сидѣть въ рай; подать мнѣ сюда за полтора рубля кресло перваго ряда!—продолжалъ кричать Змѣвъ, и было видно, что онъ сегодня способенъ на многое: отъ него пахло водкой, голосъ сипѣлъ, и лицо было красно.—Давай кресло, старуха, иначе... Знаешь меня? Безъ билета войду, какъ лакей знаменитой актрисы Воеводской... Поэтому лучше получай мои полтора рубля.

Изъ кассы просунулся красный билетикъ. Змѣвъ подаль деньги и отошелъ.

— Давно бы такъ,—проговорилъ онъ,—и ужъ будетъ же сегодня нѣмецкая гибель намъ на славу и новой артисткѣ въ поношеніе!..

Змѣвъ вошелъ въ театръ и прямо направился къ уборнымъ. Сторожъ загородилъ, было, ему дорогу, но, взглянувъ въ лицо Змѣва, посторонился и пропустилъ его.

За кулисами его встрѣтила возбужденная Воеводская: она волновалась, боялась, что провалъ не выйдетъ, что новая актриса можетъ проявить дарованіе, можетъ понравиться публикѣ, плѣнить своими роскошными туалетами. Змѣвъ добродушно и снисходительно слушалъ ее и, когда она кончила, замѣтилъ:

— Пусть она съ неба звѣзду поймаетъ, и то провалится!.. Не такихъ видывали, и ничего: все сходило... Сойдетъ и теперь...

Конечно, если бы Змѣвъ зналъ, что въ то время происходило у театра, онъ потерялъ бы много своей увѣренности, но онъ думалъ, что все идетъ согласно съ его предположеніями, и потому продолжалъ успокаивать Воеводскую...

А между тѣмъ городничій, въ сопровожденіи Баласопуло, подошелъ къ театру и поставилъ при входѣ двухъ солдатъ съ ружьями. Это были старые солдаты, отставные служаки—надежда

и вѣрный оплотъ Анаѣнки. Они вытянулись и встали въ положеніе неподвижныхъ изваяній, готовыхъ по первому призыву броситься, куда прикажутъ...

А въ театрѣ уже шумѣла публика, настраивались инструменты, слышался стукъ за сценой, освѣщали рампу...

Ровно въ 7 часовъ раздался маршъ, и въ театральное зало изъ-за кулисъ вышелъ Змѣевъ подъ руку съ Воеводской. Они сѣли въ первый рядъ... Змѣевъ осмотрѣлся и замѣтилъ неподалеку отъ себя городничаго Анаѣнку.

— Смотрите,—громко проговорилъ онъ, наклоняясь къ Воеводской,—градограбитель припожаловалъ... Онъ тоже свистать будетъ сегодня...

Сосѣди улыгнулись, и тѣмъ самымъ одобрили Змѣева къ дальнѣйшему. Онъ не замедлил воспользоваться произведеннымъ эффектомъ и еще громче продолжалъ:

— Сегодня нашъ градограбитель пришелъ смотрѣть, какъ честные люди будутъ высказывать свое порицаніе непризнаннымъ талантамъ нѣмецкаго издѣлія... Вишь, градограбитель танцовать хочетъ... Чего это онъ вертится?... Музыканты, играй градограбителю барыню... Жарьте барыню... Барыню, дирижеръ!..

Дирижеръ услышалъ это и мотнулъ въ знакъ согласія головой Змѣеву.

Анаѣнко не могъ не обратить вниманія на Змѣева. Онъ услышалъ его громкій голосъ и направился къ Змѣеву съ таинственнымъ видомъ:

— Здѣсь театр!—громко и наставительно произнесъ Анаѣнко, обращаясь къ Змѣеву.

— Неужели?—съ недоумѣніемъ спросилъ Змѣевъ. — Вотъ никогда бы не могъ подумать, что это театр... Я думалъ, увидя васъ, что я нахожусь на конюшнѣ... Право...

Кругомъ раздался громкій смѣхъ. Анаѣнко покраснѣлъ и пробормоталъ:

— Во всякомъ случаѣ прошу не забывать, что вы въ театрѣ!—и сѣлъ на сосѣднее кресло.

— Гм... вотъ задача-то!..—продолжалъ Змѣевъ.—Теперь я легко могу забыть... все будетъ казаться, что я на конюшнѣ...

Оркестръ замолкъ, и занавѣсъ заколыхался, чтобы черезъ секунду взлетѣть.

— Тсс...—раздалось около Змѣева.—Тсс... Начинаютъ... Не шумите... тсс...

— Тсс...—отвѣтилъ Змѣевъ обрадованно.—Тсс!.. тсс... тсс... тише!..

Анаѣнко сверкнулъ на него глазами и что-то сказать, но Змѣевъ обернулся къ нему лицомъ, уморительно сжалъ губы и сказалъ:

— Тсс... градоначальникъ! Тсс... тсс... Вы мѣшаете слушать... Тсс...

Анатѣнко махнулъ рукою и устремилъ взоры на сцену, гдѣ уже появились актеры...

Змѣевъ смотрѣлъ довольно спокойно на сцену, пока не появилась на ней новая актриса. Едва лишь она вошла, какъ Змѣевъ повернулся къ Воеводской и сказалъ ей громко:

— Смотрите: у нея что-то бѣлбегъ... одѣться не успѣла... завязка какая-то болтается... Этакъ можно потерять какую нибудь принадлежность туалета...

Это замѣчаніе услышалъ Анатѣнко, услышала и актриса, которая не могла уже чувствовать себя спокойно и все время оглядывала себя.

Городничій что-то шепнулъ Змѣеву. Тотъ воспользовался этимъ и, наклонясь къ Анатѣнкѣ, сталъ говорить ему:

— Какъ? вы не видите ея завязку? Вонъ, вонъ изъ-подъ юбки тащится... Видите?..

— Вижу! — отвѣтилъ городничій, чтобы только отвязаться отъ Змѣева.

— Ну, вотъ я и спокоенъ,—сказалъ Змѣевъ:—самъ городничій увидалъ... А это развѣ порядокъ? Вѣдь она еще не успѣла одѣться... Тсс... тсс...

И въ театрѣ этотъ тихій звукъ «тсс...» пробѣжалъ, какъ электрическая искра. Свистъ послышался и сверху и снизу, а черезъ мгновеніе онъ уже несся по партеру, отдавался въ ложахъ и замиралъ на сценѣ. Артисты хотѣли было продолжать говорить, но свистъ все усиливался и усиливался... Змѣевъ сидѣлъ и улыбался, но самъ не свистѣлъ...

Артистка-дебютантка поблѣднѣла, зашаталась и упала... Воеводская торжествовала...

Опустили занавѣсъ, а свистъ все еще не унимался, и Змѣевъ потиралъ руки...

IV.

Городничій всталъ съ своего мѣста и, задыхаясь отъ гнѣва, заговорилъ:

— Господинъ отставной корнетъ, это вы начали свистать! Вы первый... да-съ!..

— Это я свистѣлъ городничему, который думалъ, что въ театрѣ можно разговаривать... Театръ не конюшня... въ театрѣ можно смотрѣть, какъ проваливаются актрисы...

— Потрудитесь сейчасъ же оставить театръ... сію же минуту... Требую отъ васъ этого по званію моему градоначальника... Потрудитесь оставить театръ...

— Такъ, такъ! А если бы я сталъ кричать «браво», меня тоже вы попросили бы изъ театра? да? Почему же въ театрѣ можно кричать «браво» и нельзя кричать «тсс...»? Тсс...

И снова со всѣхъ сторонъ поднялся забытый звукъ: свистѣли одни верхи...

— Ну, развѣ я свищу?—засмѣялся Змѣевъ.—Эхъ, городничій, и для чего вы на свѣтѣ существуете, скажите, пожалуйста... Ни-чего-то вы не понимаете...

— Сейчасъ же оставьте театр!—крикнулъ городничій.—Ступайте вонъ отсюда!..

Змѣевъ отступилъ на шагъ, оглядѣлъ городничаго съ головы до ногъ и отвѣтилъ:

— Меня? вонъ? меня? отставного корнета вонъ? Ахъ, ты, градо-грабитель... Стрѣляться!..

Около Змѣева образовалась толпа, которая съ любопытствомъ слѣдила за происходившимъ въ театрѣ. У входа столпились будочники и ждали мановенія градоначальнической руки, которая, однако, не поднималась надлежащимъ образомъ. Анатѣнко могъ, конечно, давно уже приказать взять Змѣева подъ стражу, но ему не хотѣлось уйти отсюда публично осмѣяннымъ... И красный, взволнованный онъ стоялъ передъ Змѣевымъ...

— Меня выводить?—кричалъ Змѣевъ.—Стрѣляться... на писто-летахъ... стрѣляться!..

Анатѣнко развелъ руками, беспомощно оглянулся и хотѣлъ уйти.

— Стой!—еще громче крикнулъ Змѣевъ.—Теперь я имѣю право требовать удовлетворенія. Мы оба — офицеры, оба — благородные... Благородный долженъ платить за оскорбленіе... Гдѣ ваши секунданты? Давайте секундантовъ!..

Змѣевъ измѣнился въ лицѣ: онъ могъ всего ждать, но никогда не думалъ, что его посмѣетъ выводить городничій. Хмель вышелъ у него изъ головы...

— Господинъ Анатѣнко, я говорю совершенно серьезно и требую удовлетворенія!..

Городничій понялъ, что наступилъ послѣдній моментъ. Онъ махнулъ рукою, и передъ нимъ всталъ солдатъ съ ружьемъ.

— Если вы сейчасъ же не оставите театра, я возьму васъ подъ стражу!—грозно сказалъ городничій и хотѣлъ незамѣтно уйти.

— Стойте, господинъ майоръ, — прежнимъ тономъ произнесъ Змѣевъ:—я васъ спрашиваю: способны ли вы дать мнѣ удовлетво-реніе, какъ порядочный человѣкъ, какъ офицеръ? Только одни не-годяи и неблагородные отказываются отъ дуэли, и въ такихъ слу-чаяхъ ихъ въ глаза называютъ не городничими, а подлецами... Даете удовлетвореніе или нѣтъ?

— Я васъ беру подъ стражу, арестовываю!—пролепеталъ Ана-тѣнко.

— Такъ вотъ ты каковъ! — крикнулъ Змѣевъ на всю залу. — Конечно, ты не можешь никого оскорбить, потому что ты — неблагородное животное... Ну, такъ я прикажу съ тобой стрѣляться моему лакею... Пашка!..

Откуда-то изъ глубины театра послышался голосъ: «Здѣсь я!»

— Будь другомъ, удовлетвори за меня городничаго, измарай руки! Ну, берите меня подъ арестъ и ведите, куда хотите!..

Змѣевъ пошелъ впередъ, солдатъ съ ружьемъ двинулся за нимъ, и скоро въ залѣ воцарилось спокойствіе. Публика со смѣхомъ обсуждала происшествіе, и всѣ были рады, что городничаго публично изругали... Воеводская торжествовала, ея соперница была сражена безвозвратно... На сцену вышелъ какой-то субъектъ и провозгласилъ, что вмѣсто объявленной пойдетъ другая пьеса, и что желающіе могутъ получить обратно деньги...

И скоро театръ опустѣлъ. Около кассы была давка, и старуха Шитлеръ со слезами выдавала публикѣ обратно деньги...

Городничій стоялъ въ углу зала и тихо говорилъ съ поручикомъ Баласопуло.

— Конечно, вы не можете драться съ нимъ: онъ васъ можетъ убить... Надо жаловаться...

— Но вѣдь онъ меня оскорбилъ при всемъ залѣ, — возражалъ городничій: — всѣ слышали, всѣ знаютъ объ этомъ... Какъ на меня теперь смотрѣть будутъ?..

— Тогда деритесь съ нимъ, и онъ васъ можетъ убить, или вы лишитесь мѣста... Городничій — и будетъ драться на дуэли... Что начальство можетъ сказать?..

— Да онъ, пожалуй, теперь и не захочетъ драться со мной: онъ сказалъ своему лакею Пашкѣ... Что же я буду дѣлать?.. Научите меня...

— Не знаю, ничего не знаю, и не мое это дѣло! — сказалъ Баласопуло и ушелъ.

Городничій отправился домой въ отвратительномъ настроеніи. Онъ долго обдумывалъ свое положеніе и пришелъ къ тому заключенію, что лучше быть городничимъ, чѣмъ просто отставнымъ майоромъ, что на мнѣніе людей можно и не обратить вниманія, что люди обязаны оказывать градоначальнику знаки внѣшняго уваженія, что обыкновенно уважаютъ людей съ положеніемъ... И сѣлъ писать рапортъ по начальству...

V.

Змѣевъ, несмотря на то, что числился въ отставкѣ, былъ преданъ военному суду.

Судъ за вызовъ городничаго на поединокъ приговорилъ его къ лишенію чиновъ и дворянства. Однако, высшее начальство не признало въ данномъ случаѣ вызова на поединокъ и посмотрѣло

на дѣло проще: по его мнѣнію, здѣсь было только пьяное поведеніе, буйство и неповиновеніе властямъ. Поэтому было предложено выдержать Змѣева на гауптвахтѣ въ крѣпости въ теченіе шести мѣсяцевъ и занести это наказаніе въ его указъ объ отставкѣ.

Николай I подтвердилъ это мнѣніе 4-го іюня 1831 года.

Змѣевъ отсидѣлъ въ крѣпости и уже болѣе не возвращался въ Умань.

Благоразумный городничій не потерялъ должности и довѣрія начальства и до самой смерти пользовался «внѣшними знаками уваженія».

— Поди-ка, угадай: уважаютъ тебя внутри или нѣтъ!—говаривалъ онъ обыкновенно и, пожалуй, былъ правъ.

Объ актрисѣ Воеводской не сохранилось для насъ никакихъ слѣдовъ, и дальнѣйшая ея судьба на сценическомъ поприщѣ остается неизвѣстной.

VIII.

«Худой ѣздокъ».

I.

Манежная ѣзда кончилась рано, и офицеры уже расходились по домамъ.

Прапорщикъ Залѣсскій стоялъ около своей лошади и гладилъ ее рукою. Красивый конь храпѣлъ и искоса поглядывалъ на хозяина. Рядомъ суетился конюхъ.

Офицерская ѣзда въ манежѣ всегда доставляла Залѣсскому нѣсколько непріятныхъ минутъ: онъ былъ плохой ѣздокъ, и это неумѣнне обращаться съ лошадью и управлять ею было самымъ большимъ его мѣстомъ. По своей предшествовавшей службѣ онъ былъ пѣхотинцемъ. Съ пѣхотою онъ принималъ участіе въ войнахъ, имѣлъ знакъ отличія военнаго ордена и въ кавалерію попалъ случайно уже послѣ войны.

И его пѣхотная жилка сказывалась во всемъ: въ неумѣлой, неловкой посадкѣ, въ растерянности передъ конемъ, въ особеннаго рода непріятномъ чувствѣ, которое охватывало его, когда приходилось ему взбираться на коня.

Все это тяготило его. И теперь, поглаживая коня, онъ просто выжидалъ, когда выйдутъ изъ манежа офицеры. Ему было неловко, стыдно. Штабъ-офицеръ, присутствовавшій на верховой ѣздѣ, сдѣлалъ ему сегодня нѣсколько замѣчаній и въ такой формѣ, какая только и могла практиковаться у людей, больше бывающихъ въ

обществѣ лошадей, нежели себѣ подобныхъ. Замѣчанія эти были грубы, невѣжливы...

Конечно, на нихъ можно было бы не обращать вниманія, тѣмъ болѣе, что штабъ-офицеръ, какъ говорили въ полку, прямой потомокъ Чингисхана, что свою службу онъ началъ при Павлѣ Петровичѣ, что съ людьми онъ никогда не водился, и предпочиталъ цѣлыми днями просиживать въ конюшнѣ. Но эти замѣчанія отдавались во время ѣзды офицеровъ, эти замѣчанія высказывались вслухъ, громовымъ голосомъ, при товарищахъ и сослуживцахъ Залѣскаго. Онъ не могъ не видѣть усмѣшекъ по своему адресу, онъ злили и раздражали его. И чѣмъ больше сыпалось на него замѣчаній, тѣмъ хуже ѣдилъ Залѣскій.

Лошадь горячилась и подъ вліяніемъ окриковъ штабъ-офицера, и подъ неумѣлыми руками наѣзника.

— Углы!.. берите углы, прапорщикъ!.. — кричалъ штабъ-офицеръ.—Углы надо брать!..

Щелкнулъ бичъ. Лошади подняли головы, насторожились... Конь Залѣскаго взмахнулъ гривой... И вдругъ со стѣны сорвался и упалъ жестяной стаканъ, служившій для скопленія влаги со стѣнъ. Стаканъ сорвался и упалъ, и холодная жидкость обдала и всадника, и коня. Конь испугался, пригнулъ уши и понесъ на середину манежа...

Раздался окрикъ штабъ-офицера, громкій смѣхъ офицеровъ, шопотъ конюховъ...

А лошадь все еще продолжала крутиться, и Залѣскій не зналъ, что съ нею дѣлать...

Ударъ бича образумилъ коня. Но Залѣскій былъ уже совершенно сконфуженъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія пытки...

Ѣзда кончилась, и офицеры стали расходиться по домамъ, а Залѣскій стоялъ около своей лошади и гладилъ ее рукою...

Онъ ждалъ, когда разойдутся офицеры. Чтобы выиграть время, онъ отдавалъ конюху различныя распоряженія. Конюхъ почтительно ихъ выслушивалъ...

— Худой ѣздокъ: ему на палочкѣ верхомъ ѣздить было бы въ пору!..—улышалъ онъ сзади себя.

Не оборачиваясь, онъ узналъ голосъ поручика Гена...

Кровь отлила у него отъ головы. Онъ закусилъ губу, но ничего не отвѣтилъ и продолжалъ говорить съ конюхомъ. Говорилъ онъ нескладно, длинно и по глазамъ конюха видѣлъ, что тотъ ждетъ, когда освободитъ его офицеръ...

Манежъ опустѣлъ. Слышалось лошадиное ржанье, говоръ конюховъ... Въ манежѣ никого уже не оставалось...

Залѣскій отошелъ отъ конюха и направился къ выходу. У манежныхъ дверей еще стояли офицеры. Онъ вернулся, прошелъ конюшни, переждалъ...

Потомъ тихо, въ раздумѣ, онъ направился къ дому...

— Что дѣлать?—говорилъ онъ себѣ.—Купить другую, смирную лошадь? Засмѣютъ. Уйти изъ кавалеріи? Уберутъ куда нибудь далеко... Что дѣлать?

А въ ухахъ все еще звучала глупая насмѣшка поручика Гена. Она грызла его, раздражала. Онъ шелъ нахмурившись и не замѣчалъ окружающаго...

— Худой ѣздокъ! худой ѣздокъ!..—раздавалось въ его ухахъ.— Да, худой, и ничего противъ этого не скажешь... Худой ѣздокъ! Надо учиться, учиться... верхомъ на палочкѣ...

Онъ пришелъ домой и не раздвѣваясь легъ на диванъ, а въ ухахъ стояла насмѣшка.

II.

Прошла недѣля. Утромъ 15-го сентября 1833 года Залѣсскій сидѣлъ у окна и глядѣлъ на улицу. Моросилъ мелкій осенній дождь, на улицахъ было грязно и холодно...

Онъ видѣлъ, какъ мимо прошли возвращающіеся караулы, какъ въ одномъ изъ нихъ весело промаршировалъ поручикъ Генъ.

— Генъ долженъ пройти домой мимо моей квартиры!—подумалъ Залѣсскій.—Я ему отомщу...

И, несмотря на холодъ и дождь, онъ растворилъ окно и сталъ дожидать Гена.

Черезъ нѣсколько минутъ на троттуарѣ онъ замѣтилъ фигуру Гена. Тотъ шелъ, напѣвая подъ носъ и разсѣянно помахивая саблей.

Генъ приблизился къ дому, увидѣлъ въ окнѣ Залѣскаго и не могъ скрыть своей улыбки. Онъ отдалъ честь и прошелъ мимо.

И эта улыбка, и это отданіе чести вывели Залѣскаго изъ себя. Онъ высунулся изъ окна и громко, чтобы слышалъ Генъ, проговорилъ, какъ бы обращаясь къ кому-то въ комнату, взволнованнымъ и раздраженнымъ голосомъ:

— Они всѣ хвастуны!.. А какъ до дѣла дойдетъ, такъ ихъ прячутъ подальше!..

Генъ обернулся и остановился. Потомъ онъ подошелъ къ раскрытому окну...

— Что вы изволите говорить?—спросилъ Генъ съ вѣжливой улыбкой у Залѣскаго.

— Я говорю насчетъ хвастуновъ!—отвѣтилъ Залѣсскій, и краска залила его лицо.—Есть такіе непріятные люди, которыхъ обыкновенно называютъ хвастунами...

— Это я понимаю,—проговорилъ Генъ.— А что вы еще сказали, кромѣ этого?

— А еще я сказалъ, что этихъ хвастуновъ обыкновенно никуда не пускаютъ. Они занимаются только своимъ хвастовствомъ

и ничѣмъ другимъ. Какъ дойдетъ дѣло до того, что нужно когонибудь послать на отвѣтственное дѣло, такъ ихъ прячуть...

— Я что-то васъ не могу понять!—произнесъ Генъ.—Про какихъ хвастуновъ вы говорите?

Залѣскій разсмѣялся дѣланно громко и весело, и у него это не вышло.

— Далеко ходить не надо, — отвѣтилъ Залѣскій. — Возьмемъ хотя бы нашъ полкъ: потребовалось начальству послать въ Павловскъ образцовую конную команду. Выбрали самыхъ лучшихъ и послали на смотръ и на образецъ, а кое-кого и позабыли...

— А-а... вы про это, а я васъ сначала не понялъ, — сказалъ Генъ и пошелъ дальше...

Залѣскій закрылъ окно и легъ на диванъ, довольный происшедшимъ разговоромъ.

Не прошло и четверти часа, какъ въ комнату кто-то постучался, и этотъ стукъ былъ торопливый, смѣлый и требовательный.

— Войдите!—сказалъ Залѣскій и увидалъ передъ собою Гена; онъ былъ взволнованъ, говорилъ громко и не могъ стоять на мѣстѣ.

— Извините за беспокойство!—проговорилъ онъ.—Я давеча не совсѣмъ ясно понялъ, что вы изволили сказать. Теперь мнѣ хочется узнать, какъ я долженъ отнестись къ вашимъ словамъ. Про кого это вы изволили намекать?

—Насчетъ хвастуновъ, которыхъ прячуть отъ важныхъ и отвѣтственныхъ дѣлъ?

— Да, именно... Кто же эти хвастуны? Вы кого имѣли въ виду, говоря это?

— Никого, кромѣ хвастуновъ! — засмѣялся Залѣскій. — Хвастуны бываютъ разные!..

— Надѣюсь, что, говоря о хвастунахъ, вы не имѣли въ виду меня? Не правда ли?

— Имѣлъ и именно только васъ одного!—невозмутимо проговорилъ Залѣскій.

— Какъ?!—прошепталъ Генъ, отступая назадъ.—Такъ вы сказали это на мой счетъ?

— На вашъ, на вашъ!—продолжалъ прежнимъ тономъ Залѣскій.—На чей же еще можно?..

— Кто же вамъ далъ на это право, милостивый государь!—крикнулъ Генъ.

— Вы, вы сами, не менѣе милостивый государь! Никто другой, какъ вы...

— Это неправда, неправда... Вы не смѣете мнѣ говорить такъ, не смѣете... не позволю!..

— Вы мнѣ уже позволили и сами дали право!—спокойно возразилъ Залѣскій.—Если вы потрудитесь припомнить, на прошлой

недѣлѣ въ манежѣ вы первый безъ всякаго съ моей стороны повода изволили войти въ оцѣнку моего искусства ѣздить верхомъ... Быть можетъ, и васъ не назначили въ образцовую конную команду именно потому, что вы умѣете, какъ и я, ѣздить верхомъ на палочкѣ...

— Это наглость, дерзость!..—крикнулъ Генъ, и его круглое тѣло заколыхалось отъ охватившаго его гнѣва.—Я не позволю такъ обращаться со мной!.. Слышите?

— Слышу! Я не буду спрашивать васъ о позволеніи, но на дерзость и наглость всегда сумѣю отвѣтить и дерзостью, и наглостью. Для этого особаго искусства не требуется.

— Мальчишка... прапорщикъ... смѣетъ претендовать. Я васъ проучу, наглецъ!..

Генъ быстро повернулся и вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Залѣскій снова легъ на диванъ. Онъ чувствовалъ себя отщепеннымъ, ему нравилось его обращеніе съ Геномъ, его невозмутимое хладнокровіе.

— Гренадеръ!—крикнулъ онъ своему денщику.—Иди за обѣдомъ и принеси вина!..

Въ сосѣдней комнатѣ послышалось движеніе, и заспанный голосъ отвѣтилъ изъ-за стѣны.

— Слушаюсь! Сейчасъ... Какого вина-то?..

III.

Еще не успѣлъ вернуться денщикъ съ обѣдомъ, какъ въ двери снова раздался сильный стукъ. Залѣскій вздрогнулъ отъ этого стука и на этотъ разъ уже спокойно спросилъ:

— Кто тамъ? Я не могу принять... я не одѣтъ... Извините, не могу...

Но, несмотря на это, дверь все-таки отворилась. На порогѣ показался Генъ.

— Послѣ того, что мы тутъ выслушали другъ отъ друга, обычныя правила вѣжливости не имѣютъ уже по отношенію къ намъ силы!..—проговорилъ Генъ.

— Мнѣ кажется, они должны бы имѣть еще большую силу!—воскликнулъ Залѣскій сердито.

— Какъ бы тамъ ни было, я уже нарушилъ ихъ и не считаю нужнымъ извиняться... Я пришелъ по важному дѣлу, которое не можетъ ждать ни одной минуты...

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана шароваръ два пистолета и положилъ ихъ на столъ передъ Залѣскимъ. Тотъ брезгливо посмотрѣлъ на нихъ.

Генъ замѣтилъ этотъ взглядъ и истолковалъ его по-своему: онъ засмѣялся.

— Кто оскорбляетъ, тотъ долженъ страдать. Можетъ быть, вы боитесь пистолетовъ такъ же, какъ и лошадей. Въ такомъ случаѣ укажите оружіе, которое васъ не пугало бы такъ.

— Неужели, поручикъ, вы до сихъ поръ никогда не слышали, что противники передъ дуэлью должны относиться вѣжливо, чѣмъ въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни?—спросилъ Залѣскій.—Это правила азбуки дуэлей. Вы должны ихъ знать...

— Бросьте этотъ тонъ, я пришелъ не за наставленіями и не за совѣтами. Отвѣчайте прямо: угодно вамъ дать мнѣ удовлетвореніе?

— Ничего не имѣю противъ вашего законнаго желанія: я оскорблялъ васъ!..

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь слѣдовать за мною.. У васъ есть возраженія?

— Сейчасъ драться?—удивился Залѣскій!—Но у меня нѣтъ секунданта, да и у васъ...

— Я не нуждаюсь ни въ чьемъ содѣйствіи.. Впрочемъ, если вамъ угодно, я готовъ отложить дуэль до времени приисканія вами секунданта... Но предупреждаю, что я не буду никого утруждать своею просьбою, а тѣмъ болѣе подставлять подъ отвѣтственность постороннихъ нашему взаимному дѣлу людей.. Рѣшайте, какъ вамъ будетъ угодно!..

Залѣскій прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и проговорилъ спокойно:

— Хорошо!.. Я готовъ итти съ вами на поединокъ и безъ свидѣтелей... Гдѣ прикажете?

— Я васъ жду... Мы пойдемъ одновременно... Я знаю одно очень удобное мѣсто!

Залѣскій молча отправился одѣваться въ сосѣдную комнату. Генъ сталъ ходить по комнатѣ, пощипывая свои усы.

Въ прихожей послышался звукъ шаговъ, и въ комнату вошелъ денщикъ Залѣскаго. Въ рукахъ у него была салфетка, тарелка, ножъ и вилка. Онъ увидалъ у своего барина гостя, съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на него и спросилъ:

— Ваше благородіе, прикажете на двѣ персоны накрывать? Тогда надо за тарелками сходить: нашихъ не хватитъ... Я къ собѣдскому денщику схожу...

Залѣскій за стѣною задвигался. Генъ покраснѣлъ и отрывисто сказалъ:

— Я не буду обѣдать... дуракъ, скотина!..—и отошелъ къ окну недовольный...

Денщикъ простодушно ухмыльнулся и сталъ накрывать на «одну персону».

Потомъ вышелъ Залѣскій, уже готовый къ отходу. Денщикъ увидалъ его и спросилъ:

— А какъ же обѣдъ? Простынетъ вѣдь, у насъ печку сегодня не топили!..

— Не разговаривать! — крикнулъ на него Залѣсскій. — Давай одѣваться... шинель!..

Генъ и Залѣсскій ушли... Денщикъ долго смотрѣлъ на накрытый столъ, потомъ сходилъ на кухню, принесъ оттуда откупоренную бутылку вина, поставилъ ее на столъ... Истоиво перекрестившись на икону, онъ крикнулъ и сѣлъ за столъ.

— Все равно простынетъ! — проговорилъ онъ вслухъ и принялся ѣсть...

IV.

— Мы еще не уговорились относительно условій поединка! — сказалъ Залѣсскій, отойдя отъ дома. — Мы должны выяснитъ этотъ вопросъ...

— Я на все заранѣе согласенъ! — отвѣтилъ сумрачно Генъ. — Съ моей стороны будутъ только два условія: разстояніе... я слишкомъ оскорбленъ, чтобы шутить, чтобы окончить дѣло пустяками... Я предлагаю разстояніе въ пять шаговъ!..

— Но вѣдь это вѣрная смерть или рана! — возразилъ Залѣсскій. — Пять шаговъ!..

— Другого разстоянія я не признаю, — продолжалъ Генъ. — Только при этомъ условіи мы можемъ помириться... Пять шаговъ, и ничего больше...

— Мнѣ приходится съ вами согласиться, хотя такое разстояніе рѣдко принимается дуэлистами. И если вы этого такъ хотите, мнѣ остается съ вами согласиться. Вы еще изволили сказать, что вы мнѣ предложите еще одно условіе?..

— Да, — отвѣтилъ Генъ, — я предлагаю вамъ считать осѣчку за выстрѣлъ... Вамъ, какъ вызванному, принадлежитъ первый выстрѣлъ... Оставьте же за мной право считать осѣчку выстрѣломъ... При пяти шагахъ разстоянія я могу разсчитывать на вашу любезность...

— Ничего не имѣю! Хотя, конечно, можетъ случиться, что мой первый выстрѣлъ и не дастъ ничего другого, кромѣ осѣчки, но такой случай можетъ произойти и съ вами... Словомъ, я согласенъ на оба предложенныя вами условія!..

Противники замолчали и продолжали быстро итти по улицамъ города.

— Я вамъ долженъ сказать, — началъ Генъ, — что при отсутствіи секундантовъ намъ придется подавать команду одинъ для другого... Значитъ, для васъ команда подается мною, для меня (если я останусь живъ или не буду раненъ до изнеможенія) — вами...

Они уже миновали городскую черту. Впереди желтѣло снятое поле, подъ ногами торчали колючіе остатки снятаго овса... Еще

дальше сибѣли низкіе кусты, за которыми тянулись болота, гдѣ въ эту пору года обыкновенно бродили охотники...

— Мы дойдемъ до тѣхъ болотъ!—показалъ Генъ.—Теперь тамъ никого нѣтъ, не помѣшаютъ намъ... Все-таки надо взять экипажъ... на всякій случай...

— Здѣсь мы ничего не достанемъ... городъ уже далеко сзади насъ!—проговорилъ Залѣскій, оборачиваясь назадъ и останавливаясь.

— Идемте же... Все равно... не надо экипажа... Не надо!—здумчиво произнесъ Генъ, продолжая подвигаться впередъ.

Они шли по сырой мягкой травѣ, которая ложилась и утопала подъ ногами. Кусты встрѣчались уже чаще, попадались кочки...

— Болота уже близко теперь...—про себя произнесъ Генъ и ощупалъ въ карманахъ пистолеты.—Близко, близко... сейчасъ придемъ...

Они остановились среди пушистыхъ кочекъ... Города уже не было видно: онъ весь закрылся сѣткою частаго, мелкаго дождя.

— Пришли!—сказалъ громко Генъ.—Мы можемъ начинать... Вотъ это мое мѣсто!..

Потомъ онъ зарядилъ пистолеты, взялъ ихъ въ обѣ руки и спряталъ за спину.

— Изъ правой руки, или изъ лѣвой? Изъ какой желаете?..—спросилъ онъ...

— Все равно,—отвѣтилъ Залѣскій.—Позвольте изъ лѣвой!.. Все равно...

Генъ подаль ему пистолетъ. Залѣскій подошелъ вплотную къ Гену повернувшись лицомъ въ другую отъ него сторону. И, громко считая шаги, онъ сдѣлалъ пять шаговъ, остановился и обернулся лицомъ къ Гену. Тотъ стоялъ блѣдный...

— Я считаю!—воскликнулъ Генъ.—Разъ, два, три... Стрѣлять!..

Залѣскій потянулъ курокъ, онъ не двигался, потянулъ еще разъ и еще...

— Стрѣляйте же!.. — нетерпѣливо вскрикнулъ Генъ, сжимая пальцами пистолетъ.

— У меня не взведенъ курокъ,—отвѣтилъ Залѣскій.—Я напрасно нажималъ его... Теперь выстрѣлъ вашъ... Я считаю... Цѣльтесть!..

— Это не по правиламъ,—заспорилъ Генъ.—По условію, мы считаемъ за выстрѣлъ осѣчку, а у васъ не было осѣчки... Потрудитесь взвести курокъ, я буду опять считать...

Залѣскій кивнулъ головою, взвелъ курокъ... Генъ громко считалъ...

— Стрѣлять!—крикнулъ онъ, и отвѣтомъ на его команду былъ выстрѣлъ...

Генъ инстинктивно схватился свободною лѣвою рукою за правую сторону груди...

Залѣсскій поглядѣлъ на него: онъ увидаль, какъ Генъ повернулся назадъ, какъ онъ выронилъ изъ руки пистолеть и упаль безъ чувствъ на траву.

Онъ подбѣжалъ къ противнику. Тотъ не шевелился. Онъ потрясъ его за плечо, взялъ за руку. Генъ попрежнему лежалъ и не подавалъ признаковъ жизни.

У Залѣсскаго закружилась голова. Онъ не зналъ, что дѣлать, куда итти...

Поднявшись съ земли, онъ отошелъ отъ Гена и медленно направился къ городу. И чѣмъ дальше онъ отходилъ отъ мѣста дуэли, тѣмъ скорѣе переступаль онъ ногами... Замелькали дома, показались улицы, проѣхала пролетка.

Залѣсскій подбѣжалъ къ пролеткѣ и махнулъ извозчику рукою, потомъ онъ сѣлъ и поѣхаль... И тутъ только онъ понялъ, что надо позвать доктора...

— Къ доктору, къ доктору!.. — шепталъ онъ, поднимаясь съ сидѣнья.—Къ доктору!..

Извозчикъ ѣхаль тихо... Залѣсскій выпрыгнулъ изъ пролетки, упаль на мостовую и опрометью пустился вдоль улицы... Прохожіе съ недоумѣніемъ останавливались...

— Залѣсскій, куда ты? что съ тобой?—услыхаль Залѣсскій, и чья-то рука остановила его.

Залѣсскій увидаль молодого офицера, прапорщика Рама, который стоялъ рядомъ.

— Доктора... убилъ Гена... Доктора... скорѣе туда... на болота... Доктора!..

И побѣжалъ дальше, какъ безумный. Рамъ повернулъ назадъ, взялъ извозчика и поѣхаль къ доктору на квартиру. Доктора не было дома. Онъ поѣхаль по адресу, куда ушелъ докторъ, и когда онъ подѣзжалъ туда, то видѣлъ, какъ Залѣсскій въ сопровожденіи доктора и фельдшера на казенной подводѣ торопился къ заставѣ. Лица всѣхъ были сосредоточенны и серьезны...

V.

По кочкамъ ѣхала казенная подвода. Она то нагибалась въ одну сторону, то утопала въ болотѣ. Не прекращался сѣрый дождь...

— Гдѣ же вы стрѣлялись? — спрашиваль уже въ сотый разъ докторъ Залѣскаго.

— Тутъ, тутъ, на болотѣ... тутъ еще кусты такіе!—бормоталь Залѣсскій.—Онъ привелъ меня, я не знаю... Тамъ были кусты... такіе кусты...

— Здѣсь вездѣ кусты!—недовольно ворчалъ докторъ.—Мы уже давно блуждаемъ тутъ... И вы все не можете показать намъ мѣсто... Онъ можетъ изойти кровью...

— Не знаю!.. не знаю... забылъ!.. Тутъ гдѣ-то, близко... Я все забылъ... въ кустахъ...

И подвода блуждала по кочкамъ. Огромное пространство болотъ уходило далеко за горизонтъ, и Залѣскій не могъ указать мѣста дуэли.

— Вы успокойтесь!—говорилъ докторъ.—Успокойтесь и вспомните!.. Нечего раньше времени волноваться.. Ну, куда вы пошли изъ города? Вспомните!..

Залѣскій показывалъ на кусты, къ нимъ подъѣзжала подвода, но Гена не было тамъ.

— Быть можетъ, онъ ушелъ уже отсюда... въ городъ?—спросилъ докторъ.

Залѣскій поглядѣлъ на него безумнымъ взглядомъ и не отвѣтилъ ничего.

— Стой!—крикнулъ докторъ возницѣ.—Этакъ мы ничего не найдемъ... Вылѣзайте, нечего мучить лошадь. Стой!.. выходите, пойдете пѣшкомъ...

Докторъ помогъ Залѣскому выйти. Тотъ шатался, какъ пьяный, и что-то бормоталъ про себя. Они пошли вдвоемъ. Залѣскій шелъ безучастно по слѣдамъ доктора...

И вдругъ Залѣскій крикнулъ. Это былъ визгливый, страшный крикъ, отъ котораго у доктора поднялись дыбомъ волосы. Докторъ обернулся: Залѣскій смотрѣлъ въ сторону и показывалъ на что-то руками...

— Повернулся!..—кричалъ Залѣскій.—Повернулся самъ... онъ упалъ не такъ. Смотрите!

Докторъ увидалъ Гена. Онъ лежалъ на спинѣ, разбросавъ руки въ стороны, и глаза его были обращены къ небу...

Залѣскій остановился, докторъ подбѣжалъ къ Гену, позвалъ фельдшера...

Залѣскій стоялъ неподвижно, и только когда докторъ, разстегнувъ мундиръ Гена и взявъ у фельдшера длинную, тонкую палочку, сталъ ковырять въ ранѣ Гена, Залѣскій бросился къ Гену, упалъ на колѣни и въ ужасѣ прижалъ пальцы рукъ къ губамъ.

— Ну, что? что? Живъ? Будетъ жить? а? Докторъ, скажите же мнѣ!—лепеталъ Залѣскій.

Докторъ поднялся съ земли и, опустивъ глаза къ землѣ, тихо сказалъ фельдшеру:

— Убери-ка зондъ!.. Не надо перевязки... Убери бинты: онъ умеръ уже!..

— Уме-е-ръ?!.. умеръ?.. Докторъ, дайте, я самъ сдѣлаю ему перевязку!—закричалъ Залѣскій, отнимая у фельдшера свертокъ.— Я самъ все сдѣлаю... Дайте!..

— Оставайся тутъ до пріѣзда властей!—сказалъ докторъ фельдшеру.— А мы съ прапорщикомъ поѣдемъ домой... Пойдемте, Залѣскій, отсюда!..

Залѣсскій не слышалъ доктора: онъ стоялъ надъ Геномъ и не могъ оторваться отъ безмысленнаго, молчаливаго взгляда убитаго... Докторъ крѣпко взялъ Залѣскаго за руку и повелъ его къ подводѣ. Тотъ пошелъ и все время оборачивался назадъ...

VI.

— Теперь вамъ надо явиться къ начальству и объявить о томъ, что случилось,—сказалъ докторъ Залѣсскому, когда тотъ пришелъ немного въ себя.—Сейчасъ мы подъѣдемъ къ квартирѣ эскадронаго командира, полковника Лифлянда, и вы доложите ему...

— Хорошо, я все доложу,—сказалъ Залѣсскій и, наклонивъ голову, заплакалъ.

— Стыдитесь, офицеръ... перестаньте...—успокаивалъ докторъ.— Держитесь спокойнѣе...

Подвода остановилась. Залѣсскій выскочилъ и быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ. Навстрѣчу къ нему вышелъ Лифляндъ.

— Что съ вами? на васъ лица нѣтъ!—спросилъ онъ Залѣскаго, предчувствуя что-то неприятное.—Говорите скорѣе... Что случилось?

— Полковникъ... я убилъ на дуэли поручика Гена!—черезъ силу выговорилъ Залѣсскій.

— Позвольте ваше оружіе,—спокойно проговорилъ въ отвѣтъ Лифляндъ,—и отправляйтесь подъ арестъ...

Судъ, который въ началѣ 30-хъ годовъ пользовался правомъ назначать только такія наказанія, которыя были установлены въ давно обветшалыхъ и непримѣняющихся законахъ, назначилъ Залѣсскому наказаніе довольно категорическое: «повѣсить».

Въ докладѣ, представленномъ государю по поводу этой дуэли, было указано, что подсудимый можетъ надѣяться на снисхожденіе въ виду своихъ боевыхъ заслугъ. Было представлено, что Залѣсскій принималъ участіе въ походахъ противъ Польши въ отрядѣ Бистрома, что при взятіи Варшавы имъ было получено въ голову три сабельныхъ удара, что онъ—кавалеръ ордена, выдаваемого за храбрость.

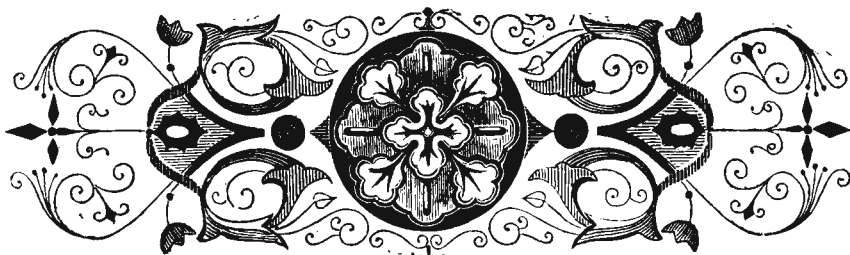
Всѣ эти уменьшающія вину обстоятельства были приняты во вниманіе, и 11-го января 1834 года Николай I положилъ на докладѣ такую конфирмацію:

«Единственно во уваженіе прежней отличной службы продержать годъ въ казематѣ, перевести тѣмъ же чиномъ въ драгунскій полкъ».

Это наказаніе должно быть отнесено къ числу наиболѣе сильныхъ и тяжкихъ, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что поединокъ окончился смертью одного изъ дуэлистовъ. «Переводъ тѣмъ же чиномъ въ драгунскій полкъ», т.-е. изъ гвардіи въ армію, влекъ за собою лишеніе для виновнаго преимуществъ службы въ гвардіи.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Н. И. КОСТОМАРОВЪ ВЪ ССЫЛКѢ.

I.

ЕДЬМОГО апрѣля минетъ двадцать лѣтъ со дня кончины нашего извѣстнаго историка-идеалиста Николая Ивановича Костомарова. За это время было много разбросано въ повременной печати и отдѣльныхъ изданіяхъ статей и біографическихъ свѣдѣній о немъ, тѣмъ не менѣе личность его, какъ писателя, особенно же какъ чело-вѣка, далеко еще не вполнѣ выяснена и охарактеризо-вана, а о служебной его дѣятельности совсѣмъ нѣтъ никакихъ въ печати данныхъ. Сущствующая автобіо-графія Н. И. не только не восполняетъ этого пробѣла, но напротивъ, какъ мы уже замѣтили¹⁾, съ пристра-стіемъ освѣщаетъ нѣкоторые факты изъ его трудовой жизни.

Большинство статей объ историкѣ основано на вос-поминаніяхъ и разсказахъ людей, близко знавшихъ его и такъ или иначе имѣвшихъ съ нимъ сношенія, что, однако, не всегда можетъ дать вѣрное сужденіе и правильную оцѣнку, такъ какъ однимъ онъ казался такимъ, для другихъ онъ представлялся въ иномъ свѣтѣ, при другой обстановкѣ, въ лучшемъ или худшемъ положеніи. Данныхъ положительныхъ, документальныхъ, основан-ныхъ на рукописныхъ и архивныхъ матеріалахъ, сообщалось о его жизни немного.

¹⁾ Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1903 г., XI, стр. 562—564.

Причина тому, должно быть, та, что при существующей у нас канцелярской рутинѣ невозможно, особенно въ провинціи, добыть необходимые матеріалы, съ одной стороны, благодаря трудности доступа въ архивы, а съ другой—вслѣдствіе крайне небрежнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ. Въ большинствѣ случаевъ завѣдуютъ провинціальными архивами люди безъ всякой научной подготовки и съ очень поверхностнымъ знаніемъ отечественной исторіи и литературы. При сортировкѣ накопившихся за извѣстный промежутокъ времени дѣлъ, лица эти, въ угоду своему начальству (дабы въ архивѣ чисто было) и ради собственнаго облегченія, стараются сбыть изъ архивохранилища побольше нужнаго и ненужнаго «хлама», уничтожая переписку безъ всякой системы и соображенія и часто даже въ противность существующимъ на этотъ случай узаконеніямъ и министерскимъ циркулярамъ.

За послѣдніе два года я приложилъ всѣ старанія и надѣялся собрать по возможности всѣ свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ Костомарова въ Саратовѣ, въ такъ называемой имъ «ссылкѣ», которую онъ бичуетъ въ своей автобіографіи; но, увы, нѣкоторыхъ данныхъ никакъ нельзя было добыть, отчасти вслѣдствіе того, что немногіе изъ саратовскихъ старожиловъ, по какимъ-то страннымъ убѣжденіямъ, подѣлились со мной своими воспоминаніями о Н. И—чѣ; что же касается тамошняго архива губернскаго правленія (гдѣ Костомаровъ служилъ все время ссылки), то послѣдній, оказывается, не избѣгнулъ общей участи провинціальныхъ архивовъ, сбывающихъ важные документы на обертку татарамъ, почему въ архивѣ «онаго правленія» о Н. И—чѣ не сохранилось почти ничего. Самое интересное дѣло 1849 г. о назначеніи его въ Саратовѣ на службу, помѣченное къ храненію, исчезло неизвѣстно куда; дѣла же объ отпускахъ, о перемѣщеніи съ одной должности на другую, объ отставкѣ и, наконецъ, даже формулярный о его службѣ списокъ уничтожены. Только по какому-то непонятному наитію сохранена переписка о взысканіи Костомаровымъ съ купчихи Ковалевой 1.000 рублей.

При такомъ положеніи, конечно, довольно затруднительно возстановить въ полномъ видѣ служебную дѣятельность Н. И—ча въ Саратовѣ. Чтобы хоть сколько нибудь пополнить этотъ пробѣлъ, мнѣ приходилось разыскивать необходимыя данныя по описямъ дѣлъ уничтоженныхъ, настольнымъ реестрамъ и по сохранившимся входящимъ и исходящимъ журналамъ. Да не посѣтуютъ на меня поэтому читатели, если добытыя свѣдѣнія нѣсколько скудны, сухи и мало даютъ картиннаго описанія; зато они безусловно вѣрны. Я собралъ все, что можно было собрать о покойномъ историкѣ. И думаю, что даже при неполнотѣ собранное можетъ имѣть значеніе въ его біографіи.

Какъ извѣстно, прибылъ Н. И. въ Саратовъ 24 іюня 1848 года, въ самое убійственное лѣтнее время, когда въ городѣ, по обыкновенію, стоитъ нестерпимая жара, а улицы утопаютъ въ пыли и зловоніи. Кругомъ ни кустика, ни деревца, гдѣ бы утомленный за трудовой день житель могъ освѣжиться и отдохнуть. Нынѣшняго сада «Липки» въ ту пору еще не существовало. Въ городѣ не было ни одного общественнаго садика, не говоря уже о какой либо растительности вокругъ зданій и домовъ горожанъ. О мостовыхъ тогда не имѣли понятія. На улицахъ и дворахъ сплошь и рядомъ встрѣчались кучи мусора и навоза. Будучи къ тому же расположенъ на мѣстности низменной, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, лишь съ одной—открытой къ Волгѣ и перерѣзанной оврагами и ручейками съ болотными испареніями, Саратовъ издавна славится своимъ нездоровымъ климатомъ, гдѣ чаще всего свирѣпствуютъ перемежающаяся лихорадка, тифозная горячка и катарральныя болѣзни легкихъ¹⁾. Если теперь, при болѣе или менѣе благоустроенномъ состояніи, когда въ немъ есть и тротуары, и мостовыя—каменные, асфальтовые и даже «мраморныя», водопроводъ, электрическое освѣщеніе и... санитарная комиссія, городъ не можетъ похвастаться чистотой, здоровьемъ и опрятностью, то можно судить, въ какомъ положеніи находился онъ 50 лѣтъ назадъ. Несмотря уже на 70-ти-лѣтнее существованіе въ немъ губернскихъ учрежденій²⁾, съ соотвѣтствующими благотворительными и учебными заведеніями, Саратовъ того времени имѣлъ видъ большого уѣзднаго города, насчитывающаго около 25 тысячъ жителей. Не даромъ же Грибоѣдовъ называлъ его «глушью» въ своей безсмертной комедіи. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, лѣтомъ этого года тамъ хозяйничала злая гостья—холера, и городъ представлялъ собой «унылое печальное жилище». Неудивительно поэтому; что Саратовъ не понравился Костомарову, и онъ пренебрежительно отозвался о немъ въ автобіографіи, проклиная эту свою «ссылку». Какъ рассказываетъ архиваріусъ тамошняго окружнаго суда В. А. Никольскій, ему противны были и городскія постройки и даже самая мѣстность, гдѣ разбросалась «житница Поволжья».

— Чортъ знаетъ, что такое!—ворчалъ онъ, пробродивши нѣсколько дней подъ рядъ въ 40-градусную жару по пыльнымъ и душнымъ улицамъ въ поискахъ подходящей квартиры.—Нѣтъ ни одного кустика около дома.

Онъ привыкъ видѣть въ Кіевѣ и Харьковѣ зданія, утопающія въ зелени, а тутъ

¹⁾ Дѣло Саратовск. губернскаго правленія «О санитарномъ осмотрѣ г. Саратова», 1880 г., № 56.

²⁾ Саратовское намѣстничество открыто 12 декабря 1780 г.

Нема садочка коло хаты,
Нема съ кѣмъ тихо размовляты,
И никогосінько нема...

Послѣ долгихъ скитаній, наконецъ, взоръ его примѣтилъ въ концѣ города, на углу Константиновской и Ильинской улицъ ¹⁾, маленькій, невзрачный, одноэтажный домишко, надъ которымъ густо и широко раскинулась одинокая ветла, точно навѣсомъ застилая отъ лучей солнца убогое жилище.

— Вотъ хатка!—обрадовался онъ.—Точь въ точь, какъ на Украинѣ.

Во что бы то ни стало рѣшилъ онъ нанять непрезентабельный флигелекъ, напоминавшій ему любимую Хохландію.

Домъ принадлежалъ всѣмъ извѣстному въ городѣ Николаю Димитріевичу Прудентову, безсмѣнному архивариусу мѣстной духовной консисторіи, служившему въ послѣдней со дня открытія въ 1828 г. Саратовско-Царицынской епархіи и только года три назадъ скончавшемуся.

Черезъ низенькую калитку вошелъ Костомаровъ во дворъ. Дѣло было подъ вечеръ. Хозяинъ дома, послѣ обѣденнаго отдыха, благодушествовалъ за чайкомъ среди широкаго двора, поросшаго бурьяномъ и лебедой.

— Не сдадите ли мнѣ вашъ домикъ подъ постой?—послѣ обычныхъ разспросовъ обратился къ нему Н. И.—чѣ.

Прудентова удивило такое предложеніе прилично одѣтаго господина «съ нѣсколькими странными манерами», по виду, однако, большого барина.

— Вамъ домъ мой, пожалуй, будетъ малъ—всего четыре комнаты,—замѣтилъ онъ ему.—Вы лучше поищите бы въ городѣ?

Костомаровъ сталъ объяснять хозяину, зачѣмъ ему нужна именно эта квартира вдали отъ городского шума, чтобы никто не мѣшалъ его занятіямъ.

— А вы гдѣ изволите служить?—предложилъ Прудентовъ обычный всѣхъ саратовскихъ домовладѣльцевъ при наймѣ квартиры вопросъ.

Н. И.—чѣ удовлетворилъ его любопытство. Хозяинъ былъ человѣкъ словоохотливый и любознательный. Слово за слово, дальше, больше, они разговорились. Костомарову было пріятно узнать, что Прудентовъ завѣдуетъ консисторскимъ архивомъ, человѣкъ бывалый и знаетъ кое-что изъ прошлаго мѣстнаго края. Впослѣдствіи онъ оказалъ Н. И.—чу большія услуги при собираніи матеріаловъ для «Бунта Стеньки Разина» ²⁾.

¹⁾ Теперь эта мѣстность является центральной въ Саратовѣ, съ большимъ оживленіемъ; по обѣимъ улицамъ ходитъ трамвай конножелезной дороги.

²⁾ Для Саратова Прудентовъ былъ такою своего рода исторической личностью, что послѣ его смерти мѣстныя газеты посвятили ему пространные некрологи.

Кажется, рублей за пять въ мѣсяцъ (въ то время квартиры въ Саратовѣ, особенно на окраинахъ, были дешевы) договорились они, и Костомаровъ на другой же день переселился къ Прудентову.

Жилъ онъ у него до самаго отъѣзда изъ Саратова. Разстались они большими пріятелями. На прощаніи Н. И. подарилъ любезному хозяину енотовую шинель съ своего «писательскаго плеча», и Прудентовъ такъ былъ счастливъ и доволенъ этимъ подаркомъ, что до самой смерти не разставался съ нимъ. Многие старожилы саратовскіе еще живо помнятъ, какъ отставной дряхлый архивариусъ, уже полуослѣпшій, важно шествовалъ по городу въ своей «костомаркѣ» (какъ онъ звалъ ее), съ Владимиромъ на шеѣ и въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Знакомые не разъ подшучивали надъ нимъ:

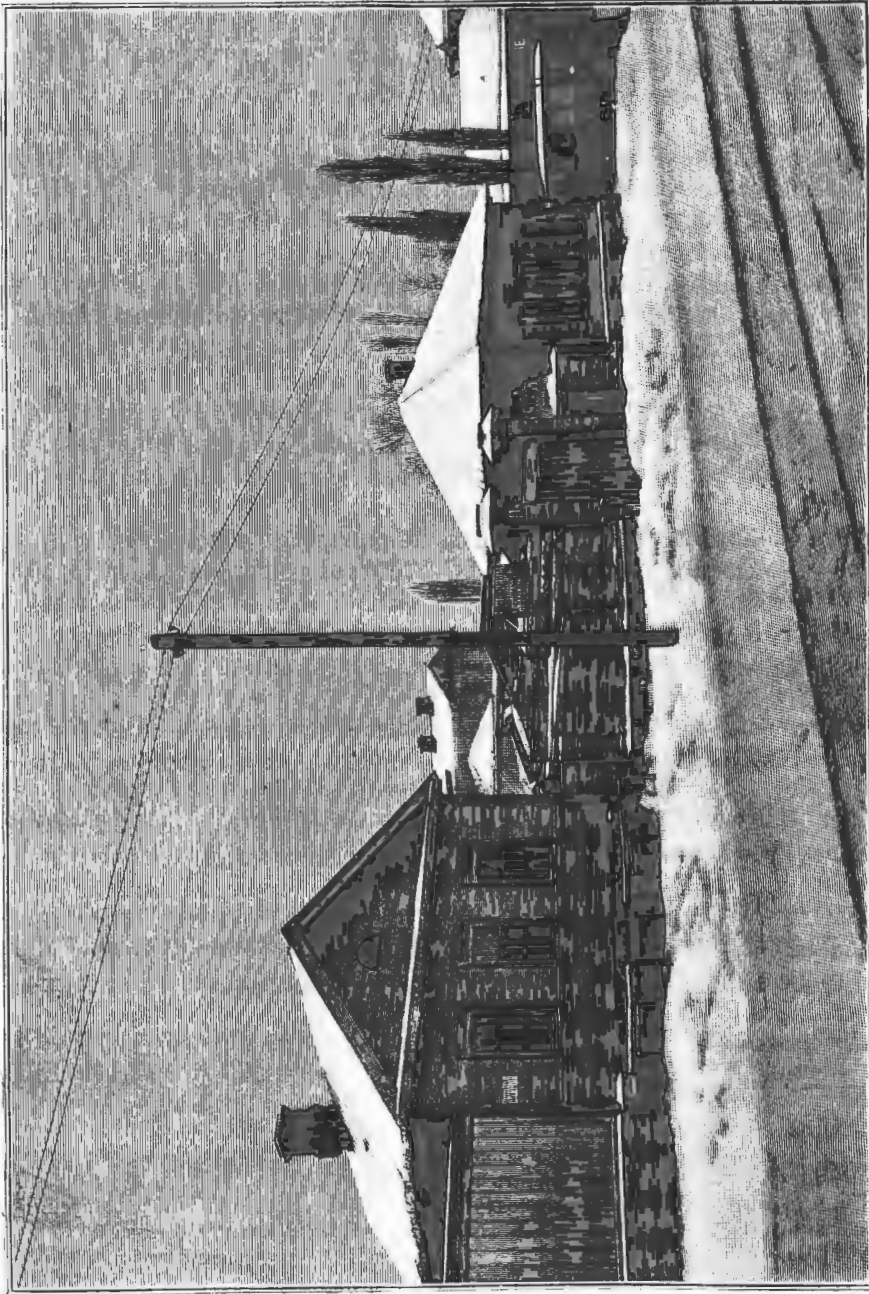
— Пора бы вамъ, Николай Димитріевичъ, завести новую шубу, а эта, чать, скоро развалится.

— Ничего!—успокоительно отвѣчалъ старикъ.—На мой вѣкъ хватитъ. Вы только поймите,—уже въ болѣе возвышенномъ тонѣ продолжалъ онъ:—вѣдь это—подарокъ знаменитаго русскаго историка!...

Прудентовъ гордился тѣмъ, что у него жилъ Н. И. Костомаровъ.

Домъ его, № 37, перешедшій теперь въ третьи руки, сохранился еще почти въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при Н. И. Костомаровѣ, но уже не тотъ... Знаменитой тѣнистой ветлы, подъ скрипъ которой въ зимніе вечера историкъ создалъ, можетъ быть, не одну занимательную картину прошлаго, нѣтъ. Она давно срублена, и прахъ ея буйный вѣтеръ унесъ въ бездны небеснаго моря. Въ угловомъ домѣ, гдѣ жилъ Н. И., помѣщается нынѣ «прачечная Бухъ», какъ указываетъ надпись; на самомъ углу дома красуется нарисованный на картонѣ красный горшокъ, показывающій, что здѣсь продается молоко. Въ томъ же флигелѣ, черезъ ворота, гдѣ помѣщался Прудентовъ, живутъ бондари, и широкая вывѣска ихъ прибита на покосившемся заборѣ. Нынѣшній владѣлецъ дома, торговецъ лѣсомъ, Ивановъ, обратилъ дворъ въ лѣсной складъ. Громадныя жерди и бондарныя принадлежности, вмѣсто ветлы, возвышаются надъ домомъ у задней стѣны внутренняго забора...

В. А. Никольскій рассказывалъ мнѣ слѣдующее. Послѣ 50 лѣтъ службы, за слабостью зрѣнія, его уволили изъ консисторіи въ отставку. Какъ-то вскорѣ послѣ того пріѣхалъ въ Саратовъ оберъ-прокуроръ свѣтѣйшаго синода, К. П. Побѣдоносцевъ. Прудентовъ отправился къ нему и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Оберъ-прокуроръ удивился его свѣжей памяти. Онъ зналъ и могъ найти въ архивѣ любую переписку скорѣе, чѣмъ зрячій архивариусъ. К. П.—чѣ приказалъ секретарю: «Не смѣйте увольнять до конца жизни этого старца. Найдите источники на его жалованье, и пусть онъ служитъ въ консисторіи сверхъ штата. Такими людьми надо дорожить!».

Домъ, бывший Прудентова, въ Саратовѣ, гдѣ жилъ Н. И. Костомаровъ.
(Надъво хозяйскій флигель, направо квартира Костомарова).

II.

Н. И. Костомаровъ былъ доставленъ въ Саратовъ подъ при-
смотромъ жандармскаго офицера, съ учрежденіемъ за нимъ и тамъ
«строжайшаго надзора». Вслѣдствіе письма графа Орлова ¹⁾, гу-
бернаторъ М. Л. Кожевниковъ принялъ его болѣе, чѣмъ «милос-
тивно». «На первыхъ порахъ, — рассказываетъ бывшій служащій
канцеляріи саратовскаго губернатора, а впоследствии учитель кре-
стовоздвиженскаго приходскаго училища въ Саратовѣ, Ѳеодоръ Ива-
новичъ Безручковъ (нынѣ умершій), — судя по аттестату и чину,
Н. И. — чу дали мѣсто завѣдующаго казначейской частью въ канцеля-
ріи губернатора ²⁾; но вскорѣ принуждены были его смѣнить, такъ
какъ къ канцелярской работѣ онъ оказался совершенно не спосо-
бенъ. Сидитъ бывало надъ разными требовательными вѣдомостями,
считаетъ, считаетъ, все у него выходитъ не такъ. Вскочитъ со
стула, выбѣжитъ, размахивая руками и качая головой, изъ ком-
наты на дворъ; потомъ, какъ помѣшанный, ударится вдоль по улицѣ,
только волоса развѣваются. А мальчишки за нимъ. Остановится
онъ и начнетъ шутить и играть съ ними, иногда одаря ихъ день-
гами и конфетами. Странный былъ человѣкъ! Говорять, это про-
исходило съ нимъ потому, что онъ сильно тосковалъ по своей не-
вѣстѣ, которую сильно любилъ, но которая измѣнила ему, когда
его посадили въ Петропавловскую крѣпость, и вышла за другого
замужъ» ³⁾.

Несмотря на то, что по высочайшему повелѣнію онъ былъ
отправленъ на службу въ Саратовъ съ тѣмъ, чтобы дать ему тамъ
должность, «но никакъ не по ученой части», губернское правленіе,
тѣмъ не менѣе, неизвѣстно для какой цѣли, скорѣе по обычной
канцелярской привычкѣ, вскорѣ по пріѣздѣ его туда, сдѣлало за-
просъ попечителю Кіевскаго учебнаго округа, не имѣется ли со
стороны послѣдняго препятствій къ опредѣленію Н. И. Костомаро-
ва на службу въ Саратовской губерніи ⁴⁾. Попечитель отвѣтилъ
25-го ноября 1848 года, за № 6418, «съ препровожденіемъ послуж-
ного списка бывшаго адъюнкта университета св. Владимира». Бу-
мага была получена въ Саратовѣ 3-го января; но губернское пра-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1903 года, XI, 563.

²⁾ За достоверность этихъ свѣдѣній не ручаюсь, такъ какъ подтвержденія
указанному назначенію я не нашелъ въ архивныхъ дѣлахъ, хотя, по ниже при-
водимымъ даннымъ, можно предполагать, что Н. И. Костомаровъ первое время
дѣйствительно занималъ какую-то должность въ канцеляріи губернатора.

³⁾ Очевидно, дѣло идетъ объ Ал. Л. Крагельской, вышедшей замужъ за Ки-
селя, на которой, когда она овдовѣла, Н. И. женился въ 1875 году 68 лѣтъ
отъ роду.

⁴⁾ Изъ дѣла Саратовскаго губернскаго архива за 1849 годъ, № 33, пропав-
шаго безслѣдно.

вленіе, по какимъ-то соображеніямъ, лишь спустя мѣсяць (14-го февраля, подъ № 1692), сообщило о томъ въ канцелярію губернатора. Тѣмъ временемъ, М. Л. Кожевниковъ, наскучивъ ожиданіемъ, сдѣлалъ «предложеніе, согласно которому Н. И. Костомаровъ 14-го же февраля былъ опредѣленъ переводчикомъ губернскаго правленія»¹⁾.

Служебная карьера стала Н. И.—чу улыбаться. Губернаторъ, видимо, къ нему благоволилъ, да и обстоятельства слагались въ его пользу. Не прошло и десяти дней послѣ того,—освободилась еще должность. Заболѣлъ редакторъ «Губернскихъ Вѣдомостей» (онъ же начальникъ газетнаго стола) Жуковъ. Губернское правленіе, по требованію губернатора, поручило 23-го февраля исправленіе ея Н. И. Костомарову. Вскорѣ Жуковъ подалъ въ отставку. Тогда (31-го марта, за № 6081) было сдѣлано представленіе въ инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства объ утвержденіи редакторомъ «Вѣдомостей» Н. И.—ча, не лишая его и должности переводчика. 23-го іюня получился въ Саратовѣ объ этомъ назначеніи высочайшій приказъ²⁾.

Но, увы, нашъ историкъ не оправдалъ ожиданій губернскаго начальства. Не говоря уже о томъ, что онъ былъ плохой служака-канцеляристъ, ибо еще не приобрѣлъ «навыка» къ дѣлу, а тамъ, какъ ни какъ, нужна была особая сноровка, но онъ оказался и плохимъ редакторомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что мелочная канцелярская работа по должности начальника газетнаго стола ему была не по нутру. Онъ тяготился ею, тяготился всѣми этими отношеніями и предложеніями «отъ такого-то числа», «за такимъ-то номеромъ» и разными сыскными статьями, печатавшимися и рассылавшимися въ громадномъ количествѣ при «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», хотя ихъ никто не читалъ даже изъ самыхъ заядлыхъ канцеляристовъ, ибо въ статьяхъ этихъ ни на грошъ не было толка. Онъ только забивали голову начальнику газетнаго стола и отнимали у него массу времени, которое онъ могъ бы съ большой пользой употребить на другое болѣе интересное и живое дѣло. Не удивительно поэтому, если Н. И. Костомаровъ, насколько возможно, подъ разными предлогами уклонялся отъ исполненія этихъ обязанностей. Но страннымъ является то, что онъ, публицистъ, историкъ и собиратель старины, также халатно относился и къ обязанностямъ редактора «неофициальной части» «Вѣдомостей», дѣла все-таки болѣе или менѣе живого, освѣжающаго, дающаго толчекъ къ умственному развитію народа. Онъ не заботился ни о развитіи ихъ, ни о внѣшности, мало думалъ и

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Изъ уничтоженнаго дѣла губернскаго архива за 1849 годъ, № 343.

о внутреннемъ содержаніи; самъ ничего не писалъ ¹⁾ и не старался привлечь къ участию въ нихъ мѣстные литературныя силы, отчего за время его редакторства «Вѣдомости» не отличались обиліемъ матеріала, интересностью и новизной, хотя, нельзя не сказать при этомъ, недостатка, какъ въ дѣльныхъ сотрудникахъ, такъ и въ матеріалахъ для «Вѣдомостей» въ то время не было. А препятствовать ему въ усовершенствованіи губернскаго органа, или стѣснять его издательскую работу—врядъ ли кто могъ, судя по тому широкому праву, которое было предоставлено тѣмъ же губернаторомъ М. Л. Кожевниковымъ за годъ передъ нимъ покинувшему должность редактора А. Ф. Леопольдову ²⁾, старавшемуся привлечь въ число сотрудниковъ сельскихъ священниковъ, учителей и другихъ корреспондентовъ изъ губерніи и получившему за редактированіе «Вѣдомостей» высочайшую награду.

Какъ указываютъ архивныя документы ³⁾, Н. И. Костомаровъ «не рѣдко не являлся въ губернское правленіе для занятій, отзываясь болѣзнью, отчего дѣлопроизводство газетнаго стола, по предмету своему не терпящее ни малѣйшаго промедленія, отправлялось не съ надлежащею быстротой». Вслѣдствіе этого, постановленіемъ правленія 20-го октября 1849 года «производство по должности мачальника газетнаго стола для успѣшнаго исполненія» было поручено помощнику старшаго секретаря губернскаго правленія Эрихову, а Н. И. Костомаровъ «оставленъ при исправленіи должности редактора «Губернскихъ Вѣдомостей», что и было имъ обоемъ своевременно объявлено съ тѣмъ, чтобы первый сдалъ послѣд-

¹⁾ Въ словарь Брокгауза (полут. 31, стр. 403) указывается, что «запрещеніе печатать его сочиненія было отмѣнено въ 1856 году». Неизвѣстно, о какомъ запрещеніи идетъ рѣчь. Разъ онъ былъ допущенъ къ должности редактора «Губернскихъ Вѣдомостей», то уже тѣмъ самымъ снимался съ него запретъ, ибо, какъ редакторъ, онъ не могъ не писать по обязанности своей для изданія.

²⁾ Пользуюсь случаемъ добавить и исправить нѣкоторыя неточности въ прежнихъ біографическихъ статьяхъ о Леопольдовѣ, на основаніи вновь отысканныхъ, въ дѣлѣ Саратовскаго губернскаго архива за 1850 годъ, № 342, данныхъ. До сихъ поръ годъ рожденія А. Ф. считался 1800-й. Въ аттестатѣ же, выданномъ ему изъ губернскаго правленія 3-го августа 1848 года, показано ему 46 лѣтъ. Значитъ, онъ родился въ 1802 году; въ Московскій университетъ по отдѣленію словесныхъ наукъ поступилъ 3-го сентября 1823 года; за отличныя успѣхи, при поведеніи примѣрномъ, по опредѣленію университетскаго совѣта удостоенъ степени кандидата словесныхъ наукъ 3-го іюля 1826 года; поступилъ на службу въ штатъ саратовской городской полиціи 16-го января 1831 года, переведенъ къ исправленію должности столоначальника камерныхъ дѣлъ въ отдѣленіе питейнаго сбора саратовской казенной палаты 3-го марта того же года; съ 28-го марта 1845 года состоялъ редакторомъ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», уволенъ отъ этой должности 24-го апрѣля 1847 года, а 15-го февраля 1848 года уволенъ отъ службы съ чиномъ титулярнаго совѣтника. За отличную службу по должности редактора и члена-корреспондента статистическаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ 21-го декабря 1845 года пожалованъ 200 рубл.

³⁾ Дѣло Саратовскаго губернскаго архива за 1850 годъ, № 342.

нему на законномъ основаніи по описи всѣ дѣла и книги газетнаго стола». «Но Костомаровъ (говорится въ журналѣ губернскаго правленія 31-го марта 1850 года, № 2422) сдачи сей до сихъ поръ не произвелъ. Между тѣмъ у него и за симъ составленіе «Вѣдомостей», а у Эрихова производство дѣлъ газетнаго стола, идетъ неуспѣшно, у перваго по тѣмъ же причинамъ, что онъ рѣдко является въ правленіе, а у послѣдняго потому, что онъ имѣетъ и безъ того, по прямой своей обязанности, многосложное производство по ревизіонному столу», почему губернское правленіе признало необходимымъ передать обязанности этихъ чиновниковъ другому лицу.

Какъ разъ, въ началѣ 1850 года, бывшій редакторъ «Вѣдомостей» Леопольдовъ покинулъ должность управляющаго дубовской конной дороги, гдѣ у него вышли непріятности съ акціонерами общества и служащими, и вернулся въ Саратовъ. 28-го марта онъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его вновь редакторомъ «Губернскихъ Вѣдомостей». Такъ какъ прежняя служба его была хорошо извѣстна, то губернское начальство, не задумываясь, на третій же день постановило «передать ему» эту должность ¹⁾, оставивъ Н. И. Костомарова «при его занятіяхъ по должности переводчика, подтвердивъ ему о каждодневной явкѣ въ правленіе» ²⁾.

Этимъ дѣломъ, однако, не кончилось. Прошло не больше года; Леопольдовъ перевелся ³⁾ во вновь учрежденную Самарскую губернію младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ Волховскомъ. На освободившуюся послѣ него должность былъ назначенъ губернской секретарь Подъяпольскій. Но послѣдній вскорѣ тоже получилъ новое назначеніе, такъ что губернскому правленію пришлось снова распредѣлять обязанности по изданію «Вѣдомостей» между Эриховымъ и Костомаровымъ. На этотъ разъ Н. И. завѣдывалъ «неофициальной частью» не больше двухъ мѣсяцевъ: 6-го іюля явился новый претендентъ, бывшій столоначальникъ Саратовской палаты гражданскаго суда, губернской секретарь Палимсестовъ, семинаристъ, ничѣмъ не проявившій своей служебной и литературной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе губернское правленіе рѣшило ввѣрить ему исправленіе обѣихъ должностей ⁴⁾, кото-

¹⁾ Утвержденъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ 6-го мая 1850 года, за № 1691, подтвержденнымъ высочайшимъ приказомъ 6-го ноября.

²⁾ Впослѣдствіи (3-го сентября этого же года за № 3620) саратовская казенная палата запрашивала губернское правленіе: «выбылъ ли предмѣстникъ г. Леопольдова, бывшій редакторъ Костомаровъ, или состоитъ на службѣ въ губернскомъ правленіи?» По исходящему журналу 19-го октября, № 21431, видно, что правленіе «увѣдомило» палату, но, въ чемъ состояло это увѣдомленіе, за уничтоженіемъ дѣла № 1063 узнать невозможно.

³⁾ По предписанію министра внутреннихъ дѣлъ 15-го апрѣля 1851 года.

⁴⁾ Дѣло Саратовскаго губернскаго архива, 1851 г., № 526.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1906 г., т. с.

рыя онъ исполнялъ (неизвѣстно только, насколько успѣшно) до своей отставки 7-го іюля 1856 года¹⁾, когда редакторское кресло, наконецъ, было передано появившемуся на саратовскомъ горизонтѣ человѣку съ литературнымъ именемъ, Д. Л. Мордовцеву, занимавшему одновременно и должность секретаря мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета²⁾, и «Губернскія Вѣдомости» снова стали подниматься и привлекать къ себѣ публику, такъ какъ Даниилъ Лукичъ немало помѣщалъ въ нихъ своихъ статей не только по исторіи и этнографіи мѣстнаго края, но и публицистическаго содержания.

При Костомаровѣ неуспѣхъ «Вѣдомостей» можно объяснить, пожалуй, еще его нѣсколько эгоистическими побужденіями, неумѣніемъ привлекать къ себѣ людей и той странностью въ его поступкахъ и движеніяхъ, которая часто проявлялась у него, помимо его воли.

Одинъ изъ современниковъ Н. И—ча, бывший директоръ саратовской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Михаилъ Алексѣевичъ Лакомте³⁾, такъ рисуетъ его характеръ (въ письмѣ ко мнѣ, отъ 5-го декабря 1904 года, изъ Мурома, гдѣ онъ живетъ въ отставкѣ):

«Николая Ивановича засталъ я уже въ Саратовѣ⁴⁾, куда онъ былъ сосланъ за свои сепаратистскія стремленія. Весьма тяжелыя обстоятельства, надо думать, отразились нервностью на его лицѣ, которое постоянно подергивалось. Любезностью, готовностью помочь, на примѣръ, молодому педагогу, начинающему учителю, совѣтомъ, какоюнибудь книгою, нашъ историкъ не отличался. Напротивъ, тогда еще мало знающій, мало начитанный, я не встрѣтилъ въ Н. И — чѣ готовности подѣлиться со мною своими знаніями, дать мнѣ указанія по части преподаванія исторіи⁵⁾, какой либо полезный совѣтъ. Онъ отказалъ мнѣ даже въ прочтеніи дотолѣ мнѣ неизвѣстной «Исторіи XVIII столѣтія» Шлоссера. А ме-

¹⁾ Тамъ же, 1856 г., № 320.

²⁾ Записки Лакомте въ «Трудахъ Саратовской ученой архивной комиссіи», 1903 г., вып. 23, стр. 2.

³⁾ Г. Лакомте—воспитанникъ С.-Петербургскаго главнаго педагогическаго института, человѣкъ просвѣщенный и самъ писатель. О его служебной и литературной дѣятельности я надѣюсь рассказать впоследствии при описаніи Саратовской гимназіи.

⁴⁾ По прибытіи въ Саратовъ въ августѣ 1855 года на должность старшаго учителя исторіи.

⁵⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ, хранящихся въ Саратовской ученой архивной комиссіи, г. Лакомте, на примѣръ, рассказываетъ: «Въ гимназіи я преподавалъ (въ 1855 г.) всеобщую исторію по учебнику Зуева (изложеніе исключительно фактическое, сухое, факты мало связаны между собою) и русскую исторію по учебнику Устрялова (изложеніе цвѣтистое, но мало знакомящее даже съ самыми фактами и совсѣмъ ихъ не уясняющее)».

жду тѣмъ самъ готовъ былъ дѣлать мнѣ упреки за незнаніе даже нѣкоторыхъ спеціальностей по исторіи».

Идеально настроенный, съ высокими стремленіями, но нервный, онъ сторонился окружающей его среды сослуживцевъ такъ же, видимо, какъ и его предмѣстникъ Леопольдовъ, ибо чиновники того времени были завзятыми крючкотворами и взяточниками съ низкимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, мало чѣмъ интересовавшіеся, кромѣ службы и выпивки. Они въ свою очередь платили ему тѣмъ же презрѣніемъ и избѣгали съ нимъ знакомства вслѣдствіе его странностей. «Всѣ его считали сумасшедшимъ»,— говоритъ учитель Безручковъ.

Должно быть, Н. И. и дѣйствительно обрѣтался нѣсколько не въ нормальномъ состояніи и требовалъ серьезнаго лѣченія. Въ началѣ 1852 года онъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи ему отпуска для поправленія здоровья, и, благодаря еще неутратившемуся къ нему благоволенію со стороны губернатора Кожевникова, хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. «Согласно послѣдовавшаго соизволенія его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича, изъявленнаго въ предложеніи начальника губерніи 11-го іюня за № 892, и по неимѣнію со стороны губернскаго правленія препятствій», переводчикъ Костомаровъ уволенъ «на три мѣсяца въ городъ Ялту, Таврической губерніи, для пользованія морскими водами», въ чемъ выданъ «ему надлежащій паспортъ 12-го іюня 1852 года»¹⁾.

Отпускъ этотъ, видимо, разрѣшили ему безъ сохраненія содержанія, потому что въ апрѣлѣ 1856 года онъ возбуждалъ ходатайство о выдачѣ ему жалованья за іюнь 1852 года (такъ какъ не полностью воспользовался этимъ мѣсяцемъ), и хотя переписка съ казенной палатой тянулась почти полгода, но все-таки (12-го октября) было сдѣлано распоряженіе объ удовлетвореніи его просьбы²⁾.

1) Уничтоженное дѣло 1852 г., № 489. Какъ объ отпускѣ этомъ, такъ и о предыдущихъ служебныхъ недоразумѣніяхъ Костомаровъ ни единымъ словомъ не обмолвился въ своей автобіографіи. Въ словарѣ Брокгауза (полут. 31, стр. 403) отмѣчается, что въ 1856 г. снятъ съ него надзоръ. Профессоръ Е. Бобровъ въ статьѣ «Эпизодъ изъ жизни Костомарова» («Русская Старина» 1904 г., III, 612) идетъ въ этомъ случаѣ еще дальше и описываетъ, будто саратовскій полицеймейстеръ потребовалъ (въ 1855 г.) къ себѣ Костомарова на смотръ, какъ поднадзорнаго, и надѣлалъ ему дерзостей, а губернаторъ Игнатьевъ просилъ у Н. И.—ча за полицеймейстера извиненія, предложивъ ему принять на себя (sic) должность дѣлопроизводителя (?) статистическаго комитета. Во-первыхъ, согласно указанному соизволенію, съ Костомарова долженъ былъ быть снятъ надзоръ, во-вторыхъ, какъ чиновникъ губернскаго правленія, онъ не подлежалъ явѣ въ полицію на смотръ, и, въ-третьихъ, дѣлопроизводителемъ статистическаго комитета онъ никогда не состоялъ, да таковой должности и не существовало, а былъ секретарь комитета.

2) Уничтоженное дѣло 1856 г., № 179.

Въ августѣ 1855 года онъ вновь просится въ 28-ми-дневный отпускъ, но прошеніе его было «оставлено безъ послѣдствій»¹⁾. Только по вторичной просьбѣ, поданной 17-го ноября, губернское правленіе разрѣшило ему двухмѣсячную поѣздку (очевидно, въ Петербургъ), выдавъ 28-го числа паспортъ за № 20029²⁾.

Отдохнувши, освѣжившись, набравшись силъ, Н. И. нѣсколько аккуратнѣе сталъ исполнять свои служебныя обязанности, такъ что губернаторъ А. Д. Игнатъевъ³⁾ рѣшился поручить ему исправленіе должности помощника старшаго секретаря губернскаго правленія⁴⁾, помимо должности переводчика. Обязанности эти несъ онъ до 20-го мая 1857 года, когда по «предложенію начальника губерніи» ему разрѣшили четырехмѣсячный отпускъ для поѣздки за границу. На время его отсутствія исполненіе обязанности помощника секретаря было возложено на титулярнаго совѣтника Кудрявцева. Но когда 6-го ноября Н. И. возвратился въ Саратовъ, его оставили только переводчикомъ⁵⁾.

Г. Мякотинъ въ словарѣ Брокгауза (полут. 31, стр. 403) увѣряетъ, однако, что послѣ этой поѣздки Н. И. «принималъ участіе въ качествѣ дѣлопроизводителя губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ, въ подготовкѣ крестьянской реформы». Въ дѣйствительности же этого не могло быть потому, что въ то время онъ былъ занятъ хлопотами «о допущеніи его къ преподаванію русскихъ древностей» въ Казанскомъ университетѣ, подавши о томъ 6-го декабря 1857 года прошеніе⁶⁾, для чего въ маѣ слѣдующаго года взялъ изъ губернскаго правленія копию съ формулярнаго списка⁷⁾, а въ іюнѣ уѣхалъ на два мѣсяца въ Петербургъ⁸⁾.

По возвращеніи 1-го сентября въ Саратовъ, Н. И. прожилъ тамъ лишь одну зиму, а весной, 25-го апрѣля, вышелъ въ отставку⁹⁾.

На нѣкоторое время съѣздивъ въ Петербургъ, вернулся оттуда и въ сентябрѣ окончательно покинулъ ненавистный ему Саратовъ, куда больше никогда не заглядывалъ.

¹⁾ Уничтоженное дѣло 1855 г., № 394.

²⁾ Тоже, № 536.

³⁾ Тайн. сов. Игнатъевъ (1854—1861) смѣнилъ Кожевникова, пробывшаго саратовскимъ губернаторомъ съ 1846 по 1854 годъ.

⁴⁾ Одинъ изъ старожилонъ саратовскихъ В. А. Никольскій увѣряетъ, что Н. И. выдвинулся при производствѣ въ 1853 г. слѣдствія сенаторомъ Дурново объ истязаніи православнаго ребенка евреями въ качествѣ эксперта, доказавши исторически отсутствіе ритуальнаго убійства у евреевъ, что будто бы и подняло его въ глазахъ губернскаго начальства.

⁵⁾ Уничтоженное дѣло губернскаго архива, 1857 г. № 1007.

⁶⁾ «Русская Старина», 1903, III, 604.

⁷⁾ Выдано 23-го мая за № 11150 (уничтоженное дѣло 1858 г., № 312).

⁸⁾ Уничтоженное дѣло 1858 г., № 410. Отпускной паспортъ выданъ 30-го іюня.

⁹⁾ Уничтоженное дѣло 1859 г., № 162. Прошеніе объ отставкѣ подаво 22-го апрѣля, 25-го числа объ увольненіи его «припечатано» въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», а 27-го выданъ аттестатъ за № 6354.

Жизнь и служба его тамъ не дали ему ничего, кромѣ огорченій. Какъ прибылъ онъ туда въ чинѣ коллежскаго ассесора, такъ и уѣхалъ оттуда, по прослуженіи десяти лѣтъ, съ тѣмъ же чиномъ, не получивши никакихъ наградъ и отличій.

III.

Кромѣ Чернышевскаго, учительствовавшаго въ тамошней гимназій съ 1851 по 1854 годъ, почти съ самаго пріѣзда Н. И — ча въ Саратовъ, въ числѣ близкихъ его друзей были учителя гимназій: Е. А. Бѣловъ (небезызвѣстный историкъ и сотрудникъ «Современника») и В. Г. Варенцовъ (скончавшійся въ Сициліи), и врачъ С. О. Стефани. «Всѣ эти лица,—говоритъ Лакомте,—составляли между собой, сколько мнѣ извѣстно, довольно тѣсный кружокъ». Позднѣе Костомаровъ пріобрѣлъ хорошихъ знакомыхъ въ лицѣ Даніила Лукича и Анны Никифоровны Мордовцевыхъ, уроженцевъ любимой имъ Малороссіи, съ которыми у него было много общаго и воспоминаній о пережитомъ. Н. И. былъ частымъ ихъ посѣтителемъ.

Съ А. Н. Мордовцевой Костомаровъ занимался собираніемъ пѣсенъ Саратовскаго края. А въ 1859 году Даніилъ Лукичъ издалъ въ Саратовѣ «Малорусскій литературный сборникъ» съ своими и Костомарова произведеніями¹⁾.

Цѣль изданія послѣдняго, судя по длинному (въ 27 стр.) предисловію, написанному Д. Л. Мордовцевымъ (съ помѣткой: Спб., 1854, октября 10), была распространить и сберечь малорусскій языкъ.

Въ «Сборникѣ» помѣщено 18 стихотвореній Д. Л. Мордовцева, подъ общимъ названіемъ «Казаки и море, стихотворные отрывки изъ исторіи морскихъ походовъ запорожскаго казачества въ началѣ XVII вѣка», занимающіе 95 страницъ книги обыкновеннаго формата (въ 16 стр.). Его же—«Опытъ переложенія украинскихъ повѣстей Гоголя на малорусское нарѣчіе», гдѣ, однако, переведена лишь одна повѣсть «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала», и, наконецъ, «Четыре варианта малорусскихъ сказокъ», собранныхъ его братомъ въ Донской области.

Перу Н. И—ча въ «Сборникѣ» принадлежатъ стихотворенія (на стр. 131—149): «Братъ за сестрою» (Иванъ да Марья—*viola tricolor*), написанное имъ въ Саратовѣ въ 1848 году, темой для котораго послужила слышанная имъ въ Кіевѣ народная пѣсня того же

¹⁾ Сборникъ этотъ теперь составляетъ библиографическую рѣдкость и многимъ неизвѣстенъ. Экземпляръ этого сборника, даже не разрѣзанный, я нашелъ въ Саратовѣ у управляющаго отдѣленіемъ магазина «Новаго Времени», В. А. Малоземова.

названія (приведенная на стр. 234—235), «Ластивка», «Зірка» (оба написаны въ 1849 г.) и «Погибель Ерусалима» (1852 г.).

Остальныя произведенія Костомарова представляютъ собой «Народныя пѣсни (числомъ 202), собранныя съ западной части Волынской губерніи въ 1844 году», хотя изъ подстрочныхъ примѣчаній видно, что нѣкоторыя изъ нихъ историкъ записалъ въ другихъ областяхъ Малороссіи, напримѣръ, двѣ въ Полтавской губерніи, двѣ въ Харьковской, три червонорусскія, одна кievская.

Воспроизводя сказанія со словъ народа, Костомаровъ, однако, не всегда остается вѣренъ народнымъ преданіямъ и иногда встрѣчающіяся въ пѣсняхъ имена героев замѣняетъ другими, по своему усмотрѣнію, или, какъ онъ пишетъ, согласно историческимъ фактамъ. Такъ въ сказаніи «Битва подъ Берестечкомъ» онъ, вмѣсто казака Нечая, вставилъ Богдана Хмельницкаго потому только, что казаки во главѣ съ послѣднимъ дрались тутъ съ поляками, предводительствуемыми королемъ Яномъ-Казимиромъ. Историкъ, видимо, не хочетъ понять, что казаки не всегда воспѣваютъ гетмановъ и атамановъ. И въ этомъ сказаніи отнюдь нельзя предполагать, что дѣло идетъ о гетманѣ Хмельницкомъ, но именно о героѣ казакѣ Нечаѣ, котораго оплакиваетъ на Украинѣ любимая жена.

Красивыя пѣсни и легенды о казачьихъ подвигахъ распространены не въ одной только Малороссіи. Ихъ много и на Волгѣ и на Уралѣ, не менѣе древнихъ, чѣмъ украинскія. Имя Нечая извѣстно давно среди яцкихъ (теперь уральскихъ) казаковъ. Покойный оренбургскій историографъ П. И. Рычковъ въ «Топографіи Оренбургской губерніи» (изд. 1887, стр. 286), между прочимъ, рассказываетъ о походѣ на Хиву 500 казаковъ съ Яика, подъ предводительствомъ «нѣкоего Нечая». Но когда былъ этотъ походъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ достовѣрныхъ данныхъ нѣтъ, какъ неизвѣстно и то, какого происхожденія былъ этотъ предводитель. Правда, А. Хребтовъ ¹⁾ называетъ его «атаманомъ» и считаетъ его набѣгъ вторымъ походомъ яцкихъ казаковъ на Хиву ²⁾. Но все эти предположенія сбивчивы и мало доказательны ³⁾.

¹⁾ См. Хивинскій походъ, 1873, стр. 17.

²⁾ По мнѣнію генераль-майора Хорошкина (Повесть «Ургенчъ»), первымъ походомъ ихъ былъ набѣгъ въ количествѣ 1.000 человекъ, совершенный на пограничный хивинскій городъ Ургенчъ.

³⁾ Подполковникъ А. И. Никольскій въ «Исторіи казачьихъ войскъ» (см. «Столѣтіе военнаго министерства» 1902, т. XI, ч. I, стр. 81) даетъ еще болѣе курьезныя свѣдѣнія: «Послѣ разгрома въ 1577 г. воровскихъ казаковъ на Волгѣ, часть ихъ съ атаманомъ Нечаемъ (?), уйдя въ Каспійское море, высадилась на сѣверномъ берегу его и утвердилась на р. Яикѣ. А въ 1602 г. шайка, подъ предводительствомъ Нечая, ограбила въ Хивинскомъ ханствѣ городъ Ургенчъ».

IV.

Въ жизни замѣчательнаго человѣка каждая мелочь, всякій на первый взглядъ незначительный фактъ можетъ имѣть большое значеніе, чтобы помочь уясненію его побужденій, дѣяній, его характера и жизненной обстановки. Поэтому при описаніи ссылки Костомарова нельзя не коснуться его матеріальнаго положенія, дабы судить, чѣмъ и какъ онъ существовалъ, каковы были его средства, не нуждался ли онъ, ибо литературнаго заработка въ то время, вслѣдствіе запрещенія печатать его произведенія, онъ не имѣлъ, а уроковъ давать не могъ, если уже ему была воспрещена педагогическая дѣятельность. Оставалось одно жалованіе, но послѣднее по должности переводчика—около 300 рублей въ годъ, конечно, далеко не могло обезпечить Н. И—чу, да еще вдвоемъ съ матерью, безбѣднаго существованія. А между тѣмъ, мы видимъ, онъ не только жилъ хорошо, принималъ гостей, но даже часто пользовался отпусками въ Петербургъ, въ Крымъ, за границу, на что надо было денегъ немало. Очевидно, дополненіемъ къ скромнымъ чиновничьимъ ресурсамъ онъ получалъ доходъ съ воронежскаго имѣнія и, должно быть, въ столь солидныхъ размѣрахъ, что у него были даже лежалыя деньженки, которыя онъ пускалъ въ оборотъ. На это указываетъ сохранившееся въ архивѣ губернскаго правленія дѣло (1866 г., № 111) «О взысканіи коллежскимъ ассессоромъ Костомаровымъ съ купеческой жены Пелагеи Макаровны Ковалевой 1.000 рублей серебромъ по закладной», довольно интересное, особенно въ смыслѣ канцелярской волокиты того времени и отношеній къ Костомарову губернской администраціи, послѣ его отъѣзда изъ Саратова.

Деньги эти ссудилъ онъ Ковалевой 23-го сентября 1854 года¹⁾ «изъ узаконенныхъ процентовъ» на одинъ годъ подъ залогъ двороваго мѣста съ каменнымъ двухъэтажнымъ домомъ и надворнымъ строеніемъ во 2-й части города, по Воздвиженской улицѣ, въ 237 кварталѣ подъ № 11, и сада близъ Саратова на такъ называемомъ Омутскомъ оврагѣ въ 3 дес. 160 кв. саж., заключавшаго въ себѣ 500 плодовыхъ деревьевъ и полдесятины дикорастущаго лѣса. Какъ видно по собственноручнымъ его на закладной распискамъ, Ковалева въ теченіе пяти лѣтъ аккуратно платила ему проценты впередъ за годъ, почему Н. И. изъ года въ годъ отсрочивалъ уплату долга. Послѣдній взносъ отмѣченъ съ 23-го сентября 1859 г. по 23-е сентября 1860 года²⁾. Послѣ отъѣзда его изъ Саратова уплата процентовъ прекратилась. Ковалева умерла,

¹⁾ Значить, когда онъ занималъ должность переводчика.

²⁾ По этому можно судить, что до сентября 1859 г. Костомаровъ оставался еще въ Саратовѣ.

а наслѣдники ея—мужъ и двѣ дочери, отзывались незнаемъ, что имущество заложено. Это заставило Н. И. предъявить къ нимъ искъ въ Саратовской палатѣ гражданскаго суда¹⁾. 16-го іюля 1862 г. дѣло было рѣшено. На основаніи 30 и 32 стт. 2 ч. т. X, палата присудила въ пользу Костомарова, помимо капитальнаго долга, употребленныя по взысканію издержки²⁾ и «законные» проценты съ 23-го сентября 1860 года.

Составивъ на имя наслѣдниковъ повѣстку, палата отослала ее, вмѣстѣ съ закладной, въ «градскую» полицію для врученія по принадлежности. Два раза квартальный надзиратель Казакевичъ требовалъ мужа Ковалевой и дочь, крестьянку Языкову, къ себѣ. Но они явились только 15-го февраля слѣдующаго года, потребовавъ отъ надзирателя предъявленіе имъ закладной, такъ какъ имъ неизвѣстно о существованіи за Ковалевой долга. Цѣль этого требованія была, конечно, та, чтобы, насколько возможно, оттянуть уплату денегъ. И надзиратель, несмотря на то, что его обязанность, какъ чиновника полиціи, исполнять приказъ суда, не вдаваясь въ правильность рѣшенія послѣдняго, обратился за разъясненіями къ приставу. Тотъ, видимо, также былъ не зѣло свѣдуецъ въ законахъ, что адресовался къ полицеймейстеру. Переписка затянулась на цѣлыхъ два года.

Тѣмъ временемъ, не получая столь долго «удовлетворенія», Костомаровъ обратился къ губернатору князю Щербатову съ жалобой «на медленность въ производствѣ взысканія денегъ и въ описи и продажѣ имѣнія Ковалевой». Полиція оправдывалась тѣмъ, что дѣло останавливается исполненіемъ за отлучкой изъ Саратова одной изъ наслѣдницъ, которой «слѣдуетъ предъявить закладную». Только по настоянію вице-губернатора 31-го марта 1865 г. наслѣдники были разысканы, и имъ вручена повѣстка на опись имѣнія. Положенный закономъ срокъ для составленія послѣдней оканчивался 31-го августа. Приставу Благосвѣтлову строго-настрою, особымъ указомъ, было предписано понаблюдать за этимъ, а иначе съ него «будетъ взыскано по закону». И все-таки опись при цѣновщикѣ, архитекторѣ и стороннихъ людяхъ была составлена лишь черезъ три мѣсяца послѣ того—22-го ноября; послана же изъ полиціи въ губернское правленіе 21-го декабря, получена послѣднимъ 14-го февраля, а заслушана 4-го марта. Такъ медленно шествовала канцелярская волокита. Пять мѣсяцевъ наводились справки въ полицейскихъ частяхъ, городской думѣ и магистратѣ, квартирной

¹⁾ Въ прошеніи онъ говорилъ, чтобы заложенное имѣніе до окончанія дѣла оставить во владѣніи наслѣдниковъ по описи съ подпискою о сохраненіи его въ цѣлости и исправности, ибо самъ онъ принять оное не можетъ, «по невозможности управлять имъ изъ другого мѣста».

²⁾ «Четверть процентныхъ денегъ 2 р. 50 к., на публикаціи 4 р. 51¹/₂ к. и за бумагу 1 р. 20 к.».

комиссіи и уѣздномъ судѣ, не имѣется ли на имѣніи Ковалевой какихъ либо взысканій.

Н. И.—чь, наскучивъ ожиданіемъ, снова, 28-го февраля 1866 г., отправилъ изъ Петербурга письмо князю Щербатову ¹⁾.

«Ваше сіятельство

«князь Владиміръ Алексѣевичъ.

«Въ прошломъ 1865 году я имѣлъ честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство объ оказаніи милостиваго вниманія къ скорѣйшему окончанію дѣла о взысканіи съ наслѣдниковъ купчихи Ковалевой слѣдующаго мнѣ по закладной Долга. Ваше Сіятельство почтили меня лестнымъ отвѣтомъ. Но такъ какъ до сихъ поръ я не получилъ законнаго удовлетворенія, то я имѣю честь вновь обратиться съ покорнѣйшей просьбою къ Вашему Сіятельству: благоволите приказать ускорить продажу заложеннаго дома и сада и изъ вырученныхъ денегъ слѣдующую мнѣ по закону сумму доставить по назначенію.

«Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и совершенной преданности имѣю честь пребыть

«вашего сіятельства

«покорный слуга

«Николай Костомаровъ».

Отвѣтнымъ письмомъ 17-го марта губернаторъ успокоилъ историка, что за долгъ его описанъ домъ, оцѣненный, какъ приносящій дохода 270 р., въ 2.700 р., и на 12-е мая назначены торги.

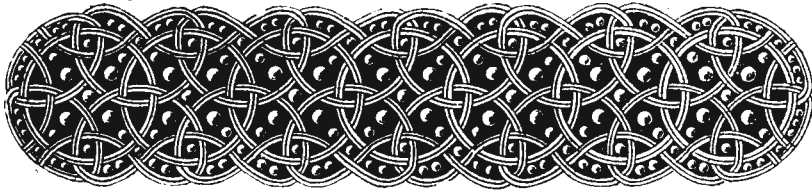
Но на послѣдніе никто не явился. Не оказалось охотниковъ сдѣлать покупки и на переторжкѣ 17-го мая, почему, вслѣдствіе прошенія Костомарова (9-го іюля), домъ, согласно ст. 2149, т. X, ч. 2, былъ переданъ ему «въ полное удовлетвореніе долга», а судебная палата выдала на него данную.

Конечно, это имущество для Н. И.—ча, жившаго за нѣсколько сотъ верстъ, было большой обузой. Онъ хотѣлъ его какъ нибудь сбыть. Вскорѣ нашелся покупатель титулярный совѣтникъ Градаревъ, и въ февралѣ 1867 г. онъ развязался съ домою и долгомъ. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, за какую сумму былъ купленъ домъ ²⁾.

П. Л. Юдинъ.

¹⁾ Приводится съ сохраненіемъ правоисанія подлинника. Въ то время Н. И. (уже въ чинѣ коллежскаго совѣтника) жилъ на Васильевскомъ островѣ, по 9-й линіи, въ домѣ Комарова у кадетскаго корпуса.

²⁾ Какъ о томъ свидѣтельствуетъ профессоръ Бобровъ (въ «Русской Старинѣ», 1904 г., III, 613).

КУРЬЕЗЫ КРѢПОСТНОГО ВРЕМЕНИ.

(Изъ записной книжки).

ВРИБЛИЖАЕТСЯ пятидесятилѣтіе со дня освобожденія крестьянъ, этой великой эпохи въ жизни Россіи, когда, по выраженію поэта Некрасова, разорвалась цѣпь народная и однимъ концомъ ударила по барину, а другимъ по мужику. Чтобы отгнѣнить колоссальное значеніе событія 19-го февраля 1861 года въ виду приближающагося полустолѣтія со времени этого знаменательнаго для Россіи дня, мы намѣрены сообщить здѣсь нѣсколько характерныхъ чертъ изъ помѣщичьяго быта крѣпостного времени, которыя были собраны нами лично на мѣстѣ, тщательно провѣрены посредствомъ опроса многихъ мѣстныхъ жителей и своевременно внесены въ записную книжку.

Съ 1881 по 1898 годъ прошлаго столѣтія я состоялъ на службѣ въ Орловской губерніи, въ должности инспектора народныхъ училищъ, завѣдывая училищами Малоархангельскаго, Елецкаго и Карачевскаго уѣздовъ. Въ одномъ изъ этихъ уѣздовъ, именно—Малоархангельскомъ, во время своихъ многолѣтнихъ странствованій по школамъ, я и натолкнулся на удивительные факты изъ помѣщичьяго быта крѣпостного времени, поразившіе меня своею оригинальностью. Располагая теперь по выходѣ въ отставку свободнымъ временемъ, я извлекъ ихъ изъ своей записной книжки и предлагаю вниманію читателя въ томъ убѣжденіи, что они прибавятъ нѣсколько новыхъ штриховъ къ общеизвѣстной картинѣ быта и нравовъ помѣщиковъ дореформеннаго періода.

I.

Мысль Доброй Надежды.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, во время одной изъ поѣздокъ по училищамъ, меня застигла въ пути ужасная снѣжная мятель, и я два дня просидѣлъ въ церковной сторожкѣ. Какъ сторожку, такъ и все село занесло до трубъ снѣгомъ. На третій день, когда меня снаружи откопали, я потребовалъ волостныхъ лошадей и, съ трудомъ поднявшись на двухсаженную высоту, сѣлъ въ сани и поѣхалъ. Не только какой либо дороги, но и самаго села не было видно. Ѣхать пришлось только шагомъ. Я рассчитывалъ на сытыхъ лошадокъ и на опытность кучера: онъ былъ мѣстный крестьянинъ и при томъ волостной почтарь. Онъ увѣрялъ, что и безъ дороги знаетъ, куда ѣхать. Тѣмъ не менѣе къ вечеру мы сбились съ пути, и намъ грозила опасность провести ночь среди безбрежнаго снѣжнаго моря и быть занесенными снѣгомъ, такъ какъ мятель, хотя и въ слабой степени, еще продолжалась. Я убѣдилъ возницу дать полную свободу лошадямъ, и онъ тотчасъ, подъ прямымъ угломъ, повернули налѣво и бодро пошли, увязая по брюхо въ снѣгу. Начало темнѣть. Черезъ полчаса мы явственно услышали лай собакъ и ощутили запахъ дыма. Мужичокъ съ восторгомъ вскрикнулъ: «баринъ, а вѣдь это жильѣ!» Лай собакъ становился все ближе и ближе и, наконецъ, послышался совсѣмъ близко. Запахъ дыма также показывалъ, что здѣсь жильѣ, но, сколько мы ни напрягали зрѣнія, никакого жилья различить не могли. На другой день это объяснилось: вся деревня была занесена снѣгомъ, и мы наканунѣ ѣхали по крышамъ домовъ. Съ трудомъ былъ отысканъ староста деревни, который и привелъ нашихъ лошадей къ избѣ, въ которой я долженъ былъ переночевать. Въ избѣ оказалось 17 душъ жителей и посрединѣ на соломѣ овца съ ягненкомъ. Къ счастью, нашелся самоваръ, который старуха-хозяйка быстро раздула и шипящимъ поставила на столъ. Согрѣвшись чайкомъ, я завелъ разговоръ.

— Какъ ваша деревня называется?—спросилъ я.

— Мысль Доброй Надежды,—отвѣчалъ староста.

— Какъ?..

— Мысль Доброй Надежды.

— Такъ и пишется?

— Такъ и пишется,—отвѣчалъ староста.

— Кто же такъ называлъ ее?—спросилъ я.

— Это изстари, батюшка,—вмѣшалась старуха.—Мы, вишь, были барскіе, крѣпостные. Отецъ альбо дѣдъ нашего барина, доподлинно не знаю, далъ нашей деревнѣ это прозвище, такъ оно по сей день и осталось.

Впослѣдствіи, по наведеннымъ мною справкамъ, оказалось, что деревня эта дѣйствительно такъ именуется по всѣмъ документамъ и находится на южной границѣ уѣзда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Малоархангельскій уѣздъ вдается угломъ въ Щигровскій уѣздъ, Курской губерніи. Это послѣднее обстоятельство и породило, вѣроятно, идею дать этой мѣстности названіе «Мыса Доброй Надежды».

II.

Царица Корсунская.

Въ сѣверной части того же уѣзда, граничащей съ Новосильскимъ уѣздомъ, Тульской губерніи, находится село Корсунское, въ которомъ въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія жилъ предводитель дворянства Малоархангельскаго уѣзда, глубоко уважаемый мною Владимиръ Владимировичъ Вельяминовъ-Зерновъ, впослѣдствіи бывший попечителемъ Киевскаго учебнаго округа и только недавно скончавшійся. При первомъ моемъ посѣщеніи этого села Владимиръ Владимировичъ, съ присущей ему любезностью, познакомилъ меня съ своимъ хозяйствомъ, чуднымъ паркомъ, богатой библіотекой, рѣдкой коллекціей восточныхъ монетъ и наконецъ повелъ меня въ церковь, находящуюся недалеко отъ усадьбы, на возвышеніи. Церковь каменная, изящной архитектуры, окрашена въ бѣлую и красную краски, крыша и купола бѣлые такъ же, какъ и на всѣхъ зданіяхъ усадьбы, что дѣлаетъ иллюзію, будто среди лѣта на нихъ лежитъ снѣгъ. Внутренность церкви производитъ не менѣе пріятное впечатлѣніе. Въ ней имѣется старинная икона Корсунской Божіей Матери, глубоко чтимая мѣстными жителями. Вокругъ церкви—красивая ограда, въ одномъ углу которой Владимиръ Владимировичъ построилъ великолѣпную часовню надъ могилой единственной своей дочери, умершей отъ чахотки. Въ настоящее время въ этой часовнѣ нашелъ свое успокоеніе и онъ самъ, оставивши по себѣ неизгладимую память, какъ ученый ориенталистъ, археологъ, нумизматъ и рѣдкой сердечной доброты человѣкъ. Миръ праху его!.

При выходѣ изъ церкви чрезъ южныя двери, съ возвышенной площадки мнѣ бросилось въ глаза слѣдующее: отъ самой церкви, по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей на конецъ села, торчали изъ земли широкіе пни срубленныхъ деревьевъ, симметрично расположенные въ равномъ разстояніи одинъ отъ другого. Они ясно указывали, что здѣсь когда-то была чудная аллея.

— Куда вела эта аллея?—спросилъ я.

— Въ другую усадьбу на концѣ села,—отвѣтилъ мнѣ В. В.,— въ которой жила когда-то, еще въ крѣпостное время, знаменитая помѣщица Р. Впрочемъ, по фамиліи никто никогда ея не назы-

валь, а она извѣстна была во всей Орловской и Тульской губерніяхъ подъ именемъ «Царицы Корсунской».

— За что же она приобрѣла такой громкій титулъ?

— На нашъ взглядъ, это была просто полусумасшедшая женщина, страдавшая, очевидно, маніей велпчія. Она окружила себя придворнымъ штатомъ: у нея были свои камергеры, камеръюнкеры, камерпажи, шталмейстеры, статсъ-секретари, фрейлины и проч. Для всѣхъ ихъ она изобрѣла особые мундиры и платья, обшитые золотыми и серебряными галунами. Она выслушивала доклады и клала резолюціи, подписывая только одно свое имя, казнила и миловала, награждала чинами, окладами и однимъ мановеніемъ руки лишала всѣхъ милостей и ссылала на хутора. Всѣ ея распоряженія объявлялись не иначе, какъ письменно, чрезъ придворную канцелярію. Она рѣдко показывалась предъ своими крѣпостными. Видѣть ее могли только придворные чины, а для постороннихъ свиданіе съ нею было обставлено большими формальностями. Нужно было для этого подать заявленіе въ канцелярію, выждать день доклада статсъ-секретаря и наконецъ получить формальное увѣдомленіе, что въ такой-то день и часъ просителю назначена аудіенція. Такая процедура была обязательна не только для крѣпостныхъ, но безусловно для всѣхъ. Приемъ она дѣлала не иначе, какъ въ залѣ, возсѣдая на тронѣ, окруженная придворнымъ штатомъ. При приемѣ былъ установленъ опредѣленный этикетъ, который тоже былъ обязателенъ для всѣхъ. Въ праздники камергеры и камеръюнкеры несли ее на тронѣ по аллеѣ въ церковь, гдѣ она, сидя, слушала богослуженіе и потомъ такимъ же способомъ возвращалась обратно. Выѣздъ ея также обставленъ былъ торжественностію. Лицо, которое она намѣрена была удостоить своимъ посѣщеніемъ, увѣдомлялось объ этомъ заблаговременно. Ъхала она въ громадномъ дормезѣ, въ который впрягалась шестерка лошадей съ фореиторомъ. Сзади стояли камерпажи, а камергеры и камеръюнкеры сопровождали поѣздъ верхомъ на лошадяхъ.

У нея была своя полиція, находившаяся подъ начальствомъ полицеймейстера, наблюдавшаго за порядкомъ какъ въ усадьбѣ, такъ и въ имѣніи. Было и своеобразное войско, однообразно обмундированное и вооруженное ружьями. Часовые день и ночь окружали всю усадьбу, стояли при вѣздѣ, по всѣмъ аллеямъ парка, при входѣ въ домъ и въ самомъ домѣ, сохраняя при этомъ удивительную дисциплину. Впрочемъ поддержаніе образцовой дисциплины, а равно и содержаніе самаго войска владѣлицѣ не стоило ни заботъ, ни матеріальныхъ расходовъ, такъ какъ всѣ солдаты были деревянные. Впослѣдствіи, когда слава ея померкла, наслѣдники ея, вступивъ во владѣніе имѣніемъ, дѣлую зиму топили печи въ домѣ солдатами.

Госпожа Р. любила иногда давать пиры, которые отличались необыкновенною пышностію. Какъ домъ, такъ и паркъ тогда

освѣщались à giorno: горѣли люстры, фонари, шкалики, факелы и даже смоляныя бочки. При въѣздѣ въ усадьбу росли два большихъ дерева, изъ которыхъ на одномъ помѣщался оркестръ музыкантовъ, а на другомъ—хоръ пѣвцовъ. Каждаго гостя они встрѣчали и провожали пѣніемъ и музыкой. Угощеніе богатствомъ и разнообразіемъ кушаньевъ и напитковъ, конечно, вполне соответствовало блестящей обстановкѣ.

Но все въ сей юдоли плача непостоянно. Послѣдніе дни своей жизни царица Корсунская провела въ крайнемъ униженіи и даже нищетѣ. Наслѣдники добились признанія ея ненормальною, овладѣли ея имѣніемъ, выгнали ее изъ усадьбы и даже не позаботились объ ея пропитаніи. Она поселилась въ крестьянской избѣ и питалась лепешками, которыя приносили ей сердобольныя крестьянскія бабы. Смерть ея прошла незамѣченною.

Разсказъ этотъ, слышанный мною отъ уважаемаго Вл. Вл., подтвердилъ и мѣстный старикъ-священникъ, жившій тогда на покой и вскорѣ умершій.

Въ одно изъ послѣдующихъ своихъ посѣщеній села Корсунскаго я уже не видѣлъ пней, напоминавшихъ объ аллеѣ къ церкви. Крестьяне выкорчевали ихъ и употребили на топливо. Усадьба, перешедши отъ наслѣдниковъ сначала къ какому-то становому, а въ послѣднее время къ одному изъ ростовщиковъ, имѣетъ теперь невзрачный, захудалый видъ. Такимъ образомъ изгладились всѣ слѣды прежняго величія. Sic transit gloria mundi!..

III.

Фиктивные нѣмцы.

Въ одинъ изъ самыхъ скверныхъ ноябрьскихъ дней, когда сверху идетъ то снѣгъ, то дождь, въ воздухѣ сырая мгла, а внизу подъ колесами жидкая каша, представляющая на видъ смѣсь чернилъ съ солью, я въѣзжалъ по широкой улицѣ въ богатое село Дросково, находящееся въ самомъ центрѣ Малоархангельскаго уѣзда. Несмотря, однакожъ, на скверную погоду и ужасный путь, на улицѣ находилось много крестьянскихъ телѣгъ, что меня немало удивило. Вскорѣ я узналъ, что въ волостномъ правленіи идетъ наборъ повобранцевъ, для чего сюда пріѣхало все уѣздное присутствіе по воинской повинности.

Исполнивши утромъ свои служебныя обязанности, я отправился вечеромъ къ извѣстной Дормидонихѣ, у которой обыкновенно останавливается вся пріѣзжая интеллигенція, и здѣсь нашелъ председателя и нѣсколько членовъ воинскаго присутствія. Въ пріятной бесѣдѣ за чашемъ зашла рѣчь о трудности набора, и предводитель дворянства В. В. предложилъ вопросъ: «Вы никогда не присутство-

вали во время набора?» — Я отвѣтилъ: «никогда». — «Пожалуйте завтра въ волостное правленіе и составите себѣ понятіе». Я обѣщалъ и на другой день около двухъ часовъ дня поѣхалъ въ волостное правленіе.

Возлѣ волостного правленія — громадная толпа волнующагося народа. Идетъ общій говоръ, въ которомъ ничего не разберешь. Бабы воютъ. Въ коридорѣ и залѣ — страшная давка. Я едва пробираюсь сквозь толпу и послѣ громадныхъ усилій наконецъ достигаю присутствія. Мнѣ предложили стулъ, и я усѣлся съ намѣреніемъ всецѣло отдаться наблюденію. Въ воздухѣ очень мало кислорода, а больше углекислоты, амміака и ѣдкаго запаха человеческого пота. Впереди стоятъ нѣсколько парней, въ чемъ мать родила. Докторъ каждого осматриваетъ, ставитъ подѣ мѣрку роста, измѣряетъ грудь, даетъ свое заключеніе, а присутствіе постановляетъ свое рѣшеніе. Такъ проходитъ одна деревня за другой. На нѣкоторыхъ лицахъ отражается напряженное ожиданіе, на другихъ — тупое равнодушіе. Волнуются наибольше тѣ, которые стоятъ позади — родители и родственники новобранцевъ.

При однообразіи впечатлѣній и душномъ воздухѣ я чрезъ часъ началъ было уже терять интересъ къ окружающему. Предсѣдатель вновь громкимъ голосомъ сказалъ: деревня такая-то. Къ сожалѣнію, я забылъ названіе ея.

— Староста здѣсь?

— Здѣсь.

— Сколько твоихъ?

— Пять.

Староста поставилъ въ рядъ предѣ присутствіемъ пять деревенскихъ молодцовъ съ характерными русскими лицами, волосы на головахъ прямые, въ скобку, съ проборомъ по срединѣ. Однимъ словомъ, если бы кому нибудь вздумалось переодѣть ихъ въ турецкіе или шотландскіе костюмы, забросить въ Австралію или на Сандвичевы острова или смѣшать въ интернаціональной толпѣ Парижской выставки, то по типичнымъ русскимъ лицамъ вы вездѣ тотчасъ же узнали бы въ нихъ своихъ земляковъ — великороссійскихъ крестьянъ.

Предсѣдатель приступаетъ къ перекличкѣ.

— Иванъ Ивановъ Кохъ.

— Я.

— Сидоръ Карповъ Шмидтъ.

— Здѣсь.

— Антонъ Егоровъ Гертнеръ.

— Здѣсь.

Присутствіе едва удерживается отъ смѣха.

— Григорій Петровъ Шварцъ.

— Я.

— Кузьма Прокофьевъ Шульцъ.

— Я.

Присутствіе наконецъ раздражается хохотомъ. Предсѣдатель, обращаясь къ парнямъ, спрашиваетъ: скажите, кто васъ подѣлалъ нѣмцами?

— Это, ваше превосходительство, — отвѣтилъ за нихъ староста, — еще отецъ нашего барина, въ крѣпостное время, далъ такія фамиліи. У насъ во всей деревнѣ другихъ фамилій и нѣтъ, все нѣмецкія.

Предсѣдатель спрашиваетъ Коха: что же, твой отецъ былъ поварь?

— Нѣ, дѣдъ.

Спрашиваетъ Шмидта: а твой былъ кузнецъ?

— Да, и я кузнецъ.

Гертнера: а твой былъ садовникъ?

— Такъ точно.

Это оригинальное открытіе, что въ Орловской губерніи оказалась цѣлая деревня номинальныхъ нѣмцевъ, развлекло присутствіе среди скучной работы и доставило всѣмъ большое удовольствіе. По окончаніи засѣданія только разговора было объ этомъ забавномъ случаѣ. Разговоръ закончился восклицаніемъ: странныя фантазіи бывали у помѣщиковъ въ крѣпостное время!..

IV.

Ночной мировой посредникъ.

Извѣстно, что предъ эмансипаціей многіе помѣщики, опасаясь народнаго движенія, старались свои усадьбы обратить въ маленькія крѣпости и строили дома, по возможности, неприступные. Но никто, вѣроятно, не додумался до такой оригинальной постройки, какую придумалъ одинъ изъ малоархангельскихъ помѣщиковъ — г. К. Онъ построилъ домъ со входа одноэтажный, по срединѣ двухъэтажный, а съ задней стороны трехъэтажный. Второй этажъ равнялся $\frac{2}{3}$, а третій этажъ $\frac{1}{3}$ перваго этажа. Чтобы попасть во второй этажъ, нужно было изъ перваго этажа по веревочной лѣстницѣ подняться на крышу и войти въ дверь втораго этажа, то же самое нужно было продѣлать, чтобы попасть въ дверь третьяго этажа, въ которомъ находилась спальня владѣльца.

Домъ былъ каменный, съ прочными запорами, и владѣлецъ на третьемъ этажѣ, въ своей спальнѣ, считалъ себя въ совершенной безопасности. Вѣроятно, съ тою же цѣлю, чтобы въ случаѣ опасности не быть застигнутымъ врасплохъ, онъ приучилъ себя ночь обращать въ день, а день въ ночь. Въ 9 часовъ вечера онъ пилъ чай, въ 12 часовъ ночи завтракалъ, въ 6 часовъ утра обѣдалъ, потомъ опять пилъ чай и въ 10 часовъ утра ложился спать и

спалъ до 8 часовъ вечера. Предъ завтракомъ и предъ обѣдомъ онъ осматривалъ хозяйство, поля, занимался дѣлами и чтеніемъ, которое очень любилъ, а иногда ѣздилъ и къ сосѣдямъ. Если принять во вниманіе, что въ деревняхъ обыкновенно рано ложатся спать, то посѣщеніе такой ночной птицы было, вѣроятно, для сосѣдей не особенно пріятно. Ѣздилъ онъ не иначе, какъ лежа въ особо приспособленномъ, крытомъ, рессорномъ экипажѣ и читая книгу при свѣтѣ фонаря. Ѣхалъ всегда шагомъ. Дорогъ онъ терпѣть не могъ, а всегда приказывалъ кучеру ѣхать прямо. Для этого онъ предъ поѣздкой смотрѣлъ на подробную карту уѣзда, проводилъ прямую линію между своей усадьбой и той деревней, куда намѣренъ былъ ѣхать, и долго разъяснялъ кучеру, черезъ какія деревни и хутора прошла линія. Само собою разумѣется, что рѣдкое путешествіе его обходилось безъ приключеній. Экипажъ его часто опрокидывался, леталъ въ овраги, откуда крестьяне съ большими усилиями его вытаскивали, но это отнюдь не могло поколебать твердаго убѣжденія г. К., что прямая линія короче кривой. Впрочемъ ѣздилъ онъ самъ рѣдко, а больше сосѣди любили его посѣщать, такъ какъ онъ былъ радушный, веселый и остроумный хозяинъ. Гостей онъ сытно угощалъ, знакомилъ съ своей библиотекой, показывалъ имъ хозяйство, конный заводъ, какъ онъ его называлъ. Въ конномъ заводѣ у него было 60 жеребцовъ.

— А сколько же у васъ матокъ?—спрашивали его гости.

— Ни одной. Я кобылъ не признаю,—былъ отвѣтъ этого оригинала.

Наступила великая реформа освобожденія крестьянъ. Многовѣковые владѣльцы крѣпостныхъ рабовъ, къ удивленію нашему, оказались совершенно не знающими духа и характера русскаго народа. Достаточно было одного того, что инициатива реформы исходила отъ верховной власти, отъ царя-помазанника Божія, чтобы русскій народъ благоговѣнно принялъ реформу, съ благодарнымъ чувствомъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и мирно перешелъ къ новымъ условіямъ жизни. Опасенія помѣщиковъ насчетъ народнаго движенія не оправдались, и построенныя ими крѣпости остались только нѣмыми свидѣтелями ихъ непониманія русскаго народа.

Когда опасность миновала, герой нашего разсказа помѣщикъ К. оказался настолько храбрымъ, что вмѣсто того, чтобы спастись отъ народной толпы по веревочнымъ лѣстницамъ въ третій этажъ, рѣшилъ войти въ самый центръ ея, проникнуться ея интересами и принять на себя опеку надъ нею. Со всѣми своими странностями и неестественными привычками онъ вдругъ оказался въ роли мирового посредника. И вотъ разсказываютъ, что этотъ оригинальный мировой посредникъ всѣ функціи своей власти отправлялъ ночью, именно: ѣздилъ по уѣзду въ своемъ знаменитомъ экипажѣ,

разбиралъ крестьянскія дѣла, созывалъ сонные сходы, которыя, конечно, соглашались на всѣ его предложенія, и т. п. Вѣроятно, потому, что съ сонными сходами было легче имѣть дѣло, чѣмъ съ бодрствующими, онъ сдѣлалъ много полезныхъ мѣропріятій и оставилъ по себѣ хорошую память. Но вопросъ—какъ онъ могъ участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ, и въ какіе часы въ теченіе сутокъ онъ являлся къ губернатору и къ предводителю дворянства, въ чемъ, конечно, представлялась иногда необходимость,—остался для меня не рѣшеннымъ.

V.

Семирамидовы сады.

Когда въ обществѣ укрѣпилось убѣжденіе, что эмансипація въ недалекомъ будущемъ будетъ объявлена, что въ высшихъ сферахъ это вопросъ, уже рѣшенный, помѣщика Г. начали тревожить такіе же страхи въ виду предполагавшихся народныхъ волненій, какіе тревожили описаннаго нами выше мирового посредника К. Для безопасности своей и своей семьи онъ сочинилъ проектъ сооруженія грандіозныхъ укрѣпленій, который и осуществилъ на практикѣ руками тѣхъ же рабовъ, противъ которыхъ они созидались. Онъ порѣшилъ всю свою усадьбу окружить двумя каменными стѣнами саженной высоты, а промежутки между стѣнами наполнить до верху землей и на верху развести сады. Когда это было осуществлено на дѣлѣ, разведенные между стѣнами сады казались издали растущими въ воздухѣ, почему и получили отъ сосѣдей названіе «Семирамидовыхъ садовъ» по имени вавилонской царицы Семирамиды, устроившей, какъ извѣстно, воздушные сады. Проникнуть въ усадьбу г. Г. можно было только однимъ путемъ—черезъ двойныя ворота громадной величины, которыя день и ночь были на запорѣ, а надъ ними висѣлъ большой колоколъ. Всякій новоприбывшій долженъ былъ звонить въ этотъ колоколъ, объ немъ наводили справки въ маленькое отверстіе въ воротахъ, потомъ слѣдовалъ докладъ хозяину, отъ котораго получалось разрѣшеніе на пропускъ, и только тогда растворялись ворота, и гость вѣзжалъ въ усадьбу.

Отдѣливши себя громадными стѣнами и крѣпкими запорами отъ остального міра, г. Г., по всей вѣроятности, спокойно ожидалъ реформы, будучи увѣренъ въ своей безопасности и въ томъ, что ровное теченіе его жизни ничѣмъ не будетъ нарушено. Но, какъ увидимъ ниже, надежды его не вполне оправдались.

Раздалось наконецъ великое слово Царя-Освободителя, реформа прошла тихо и благополучно, опасности для помѣщиковъ никакой не оказалось, и сооруженныя ими крѣпости даже на ихъ взглядѣ

потеряли свой смыслъ. Но ни каменные стѣны, ни крѣпкіе запоры, ни Семирамидовы сады, ничто не могло помѣшать либеральному духу проникнуть въ самую усадьбу г. Г., въ среду его дворовыхъ. У него издавна былъ заведенъ обычай, чтобы всякій дворовый, проходя мимо его кабинета, обращеннаго окнами къ надворнымъ постройкамъ, снималъ шапку, не обращая вниманія на то, присутствуетъ ли помѣщикъ въ кабинетѣ, или нѣтъ. И вдругъ теперь онъ замѣтилъ, что даже въ то время, когда онъ находился въ кабинетѣ, нѣкоторые изъ дворовыхъ проходили мимо кабинета, не снимая шапки. Это его взорвало. Онъ началъ кричать, ругаться, по привычкѣ началъ грозить запоротъ на конюшнѣ, но чѣмъ больше онъ ожесточался, тѣмъ либеральный духъ захватывалъ большій и большій районъ на его дворѣ, перейдя изъ кухни въ людскую, изъ людской на скотный дворъ, а изъ скотнаго двора въ конюшню. Терпѣніе его наконецъ истощилось. Возмущенный до послѣдней степени такимъ явнымъ непочтеніемъ къ себѣ дворовыхъ, онъ сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ къ мировому посреднику съ жалобой на нихъ и съ просьбой принять соотвѣтствующія мѣры. Мировой посредникъ спокойно выслушалъ его и далъ ему очень остроумный совѣтъ. «Этому горю очень легко помочь,—сказалъ онъ.—Я вамъ совѣтую въ окнѣ вашего кабинета повѣсить икону, и тогда всѣ дворовые опять будутъ снимать шапки, проходя мимо». Этотъ совѣтъ, какъ видно, очень понравился г. Г. и успокоилъ его. Возвратившись домой, онъ тотчасъ же привелъ его въ исполненіе, т.-е. повѣсилъ въ окнѣ кабинета икону. И дѣйствительно теперь дворовые, проходя мимо кабинета, опять начали снимать шапки и даже больше—начали креститься и кланяться.

VI.

Двуногіе кони.

Помѣщикъ Н. былъ не заурядный деспотъ по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Кромѣ страшныхъ экзекуцій и истязаній, въ разнообразіи которыхъ онъ былъ удивительно изобрѣтателенъ, онъ оставилъ по себѣ печальную память главнымъ образомъ тѣмъ, что ѣздилъ на своихъ крѣпостныхъ. Для этого онъ сшилъ имъ особо приспособленные хомуты, впрягалъ ихъ въ экипажъ шестерку и больше, сажалъ на козлы кучера съ хлыстомъ и такимъ образомъ ѣздилъ въ церковь и къ сосѣдямъ. Появленіе его навело панику на толпу. Когда же онъ былъ въ расположеніи духа, то предавался своеобразнымъ развлеченіямъ, напримѣръ, приказывалъ положить поперекъ глубокаго и широкаго рва тонкое бревно и объявлялъ, что кто перейдетъ по бревну на другую сторону, тотъ получитъ рубль, а кто свалится въ ровъ, тому будетъ всыпано извѣстное количество розогъ. Кромѣ крѣпостныхъ и дво-

ровыхъ, этому испытанію почти всегда подвергался и мѣстный священникъ, которому г. Н. съ особымъ наслажденіемъ отпускалъ розги, когда онъ сваливался въ ровъ. Унижать человѣческое достоинство мѣстнаго священника доставляло, какъ видно, особое удовольствіе г-ну Н. Онъ иногда призывалъ его къ себѣ, связывалъ ему назади руки, приклеивалъ какую нибудь крупную ассигнацію къ стѣнѣ на высотѣ сажени и заставлялъ его подпрыгнуть и языкомъ слизать ассигнацію. Бѣдный священникъ долженъ былъ прыгать до тѣхъ поръ, пока не достигалъ цѣли. Добытая такимъ способомъ ассигнація едва ли могла удовлетворить его за возмутительное издѣвательство и физическое истязаніе. Рассказываютъ, что съ этимъ же священникомъ онъ продѣлалъ еще такую штуку: въ Пасхальную ночь онъ заставилъ его взлѣзть на высокое дерево, а самъ усѣлся подъ деревомъ съ револьверомъ въ рукахъ и объявилъ священнику, что онъ убьетъ его наповалъ, если только онъ вздумаетъ слѣзть съ дерева. Такъ всю ночь, до 8 часовъ утра, священникъ и просидѣлъ на деревѣ. А въ это время въ церкви шелъ непрерывный звонъ, и собравшаяся народная толпа напрасно ожидала своего пастыря, чтобы встрѣтить Свѣтлый праздникъ и получить освященіе принесенныхъ куличей.

Молва о жестокихъ и возмутительныхъ поступкахъ помѣщика Н. достигла наконецъ высшихъ властей. Надъ нимъ были наряжены слѣдствіе и судъ, которые раскрыли цѣлый рядъ преступленій. Въ концѣ концовъ онъ былъ лишенъ правъ состоянія и посаженъ въ тюрьму, гдѣ, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ, и умеръ.

VII.

Пѣтухи въ бочкѣ.

Помѣщикъ К. былъ наоборотъ симпатичнѣйшій и добродушнѣйшій человѣкъ. Онъ дожилъ до почтенной старости холостякомъ въ своемъ имѣніи, очень рѣдко выѣзжая изъ него и не принимая никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ. Между тѣмъ при своей представительности и умѣ (мы знали его лично) онъ, несомнѣнно, могъ бы играть видную роль въ уѣздѣ. Но двѣ причины мѣшали его общественной дѣятельности и привязывали его къ своей усадьбѣ: во-первыхъ, несмотря на громадную комплекцію, онъ страшно боялся простуды, во-вторыхъ, имѣлъ одну странность—могъ спать только при абсолютной тишинѣ. Малѣйшій шорохъ, тихое движеніе часового маятника даже въ отдаленной комнатѣ, щелканье соловья на концѣ сада, даже шаги проходящаго мимо усадьбы человѣка,—все это лишало его сна. Лай же собаки, крикъ пѣтуха и проѣзжающая телѣга не только будили его отъ крѣпкаго сна, но и приводили въ испугъ. Вслѣдствіе этого у него былъ заведенъ такой порядокъ: съ вечера всѣ часы въ домѣ оста-

навливались, собаки запирались въ отдаленный подвалъ, пѣтухи ловились и бросались въ бочку, а вокругъ усадьбы ставились караульные, которые должны были строго слѣдить за тѣмъ, чтобы въ воздухѣ не кричали птицы, а по землѣ никто не смѣлъ ни пройти, ни проѣхать мимо усадьбы. Кошекъ, которыя, какъ извѣстно, любятъ давать ночные концерты на крышахъ, строжайше было запрещено держать въ усадьбѣ. Только принявши все эти предосторожности, помѣщикъ К. почивалъ мирнымъ, безмятежнымъ сномъ, будучи завернутъ въ одѣяло, застегивавшееся на пуговицы отъ головы до пятокъ. Само собою разумѣется, что при такой несчастной привычкѣ онъ нигдѣ не могъ спать, какъ только въ своей усадьбѣ, почему и избѣгалъ продолжительныхъ выѣздовъ изъ дому.

На другой день, когда владѣлецъ просыпался, жизнь въ усадьбѣ опять вступала въ свои права. Часы въ домѣ приводились въ движеніе, собаки выпускались изъ подвала, несчастные пѣтухи, лишенные въ теченіе всей ночи вольныхъ движеній и общества куръ, получали свободу и право кричать кукареку, соловьямъ разрѣшалось пѣть нескончаемую пѣсню любви, воронамъ каркать, а караульнымъ итти спать. Но проходилъ день, наступалъ вечеръ, и въ усадьбѣ снова начиналась ловля собакъ и пѣтуховъ. На нашъ взглядъ это представляется скучнымъ и, кажется, было бы гораздо проще, для собственнаго спокойствія, собакъ раздарить сосѣдямъ, а пѣтуховъ зарѣзать и съѣсть, но г. К., какъ видно, былъ любителемъ тѣхъ и другихъ и держалъ ихъ въ довольно большомъ количествѣ.

Приведенные факты ясно опредѣляютъ то разстояніе, которое русское общество, въ своемъ поступательномъ движеніи, сдѣлало за минувшіе четыре съ лишнимъ десятка лѣтъ въ умственномъ и культурномъ отношеніяхъ. Въ этотъ сравнительно короткій промежутокъ времени понятія и нравы въ русскомъ обществѣ радикально измѣнились. Кому теперь придутъ въ голову такія причуды, такіе дикіе поступки, какіе описаны нами выше? Они теперь не возможны, не мыслимы. Оглядываясь въ прошлое, въ туманную мглу дореформеннаго періода, окидывая мысленнымъ взоромъ картину тогдашнихъ провинціальныхъ нравовъ и общественныхъ отношеній, намъ теперь остается только удивляться тому, что приведенные факты могли быть въ дѣйствительности. Само собою разумѣется, что этимъ крупнымъ шагомъ въ своемъ саморазвитіи русское общество въ значительной степени обязано великой реформѣ 19-го февраля 1861 года, совершенно измѣнившей взаимныя отношенія между помѣщиками и крестьянами и пробудившей общественную самодѣятельность.

П. Н. Мочульскій.

КЪ БІОГРАФІИ КОМПОЗИТОРА АЛЯБЬЕВА.

ВЪ ЧИСЛУ русскихъ композиторовъ, мелодіи которыхъ близки къ духу русской народной музыки, принадлежитъ Александръ Александровичъ Алябьевъ. Особеннымъ успѣхомъ пользовались и пользуются и нынѣ его романсы. Изъ нихъ особенно извѣстны «Я пережилъ мои желанья», «Вечеромъ въ румяну зарю», «Соловей» и др. «Соловья» исполняли такія извѣстныя пѣвицы, какъ Віардо, Патти и др., а для игры на роялѣ его блестяще переложилъ Листъ. Въ имѣющихся у насъ біографическихъ свѣдѣніяхъ объ Алябьевѣ вкрались нѣкоторыя неточности и недомолвки. Въ книгѣ «Біографіи композиторовъ съ IV—XX вѣкъ» онъ показанъ родившимся въ 1787 г. и умершимъ въ 1851 г., а въ сочиненіяхъ: Березовскаго «Русская музыка» и Перепелицына «Исторія музыки въ Россіи»,—онъ показанъ родившимся въ 1802 году, а умершимъ въ 1852 году. Относительно причины высылки его въ Сибирь въ этихъ сочиненіяхъ показано: 1) въ «Біографіи композиторовъ»—что онъ въ молодости служилъ въ военной службѣ и, будучи отъ природы неспокойнаго и очень вспыльчиваго характера, попалъ въ одну непріятную исторію и былъ сосланъ въ Тобольскъ, откуда впоследствии былъ возвращенъ и жилъ до самой своей смерти (въ 1851 году) въ Москвѣ; 2) у Перепелицына—«что непріятности по службѣ заставили его оставить Петербургъ и по-

селиться въ Москвѣ»; 3) у Березовскаго—что онъ «служилъ въ молодости въ военной службѣ, но вслѣдствіе несчастнаго случая, причиной котораго была его чрезмѣрная заносчивость, былъ разжалованъ и сосланъ въ Сибирь, откуда возвратившись жилъ въ Москвѣ». Къ выясненію обстоятельствъ, послужившихъ причиной ссылки Алябьева въ Сибирь, можетъ служить слѣдующая выписка изъ дѣла, хранящагося въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ, въ которомъ имѣются между прочимъ и нѣкоторыя біографическія данныя о немъ. Какъ видно изъ формулярнаго о службѣ его списка, Алябьевъ происходилъ изъ дворянъ; вступилъ на службу въ бергъ-коллегію унтеръ-шахтмейстеромъ 16-го апрѣля 1801 года (слѣдовательно не могъ родиться въ 1802 году, какъ это показано у Перепелицына и Березовскаго); въ 1804 году былъ переведенъ въ бергъ-контору, а 14 іюня 1812 года поступилъ въ 3-й Украинскій казачій полкъ корнетомъ. Затѣмъ онъ послѣдовательно служилъ въ Иркутскомъ и Ахтырскомъ гусарскихъ полкахъ и въ лейбъ-гвардіи конно-егерскомъ полку, откуда 14 ноября 1823 года уволенъ отъ службы, за раню, съ чиномъ подполковника, мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада. Алябьевъ съ 1812 до 1815 года былъ во многихъ сраженіяхъ съ французами, между прочимъ подъ Лейпцигомъ, и за отличіе въ этихъ сраженіяхъ произведенъ 23-го февраля 1814 года въ поручики. Обстоятельства, послужившія основаніемъ къ ссылкѣ Алябьева въ Сибирь, были слѣдующія: 27 февраля 1825 года московскому земскому суду было дано знать полиціею, что воронежскій помѣщикъ, Тимоѳей Времева, въ 9-ти верстахъ отъ г. Москвы, въ селеніи Чертановѣ, скоропостижно скончался. Произведеннымъ дознаніемъ, а затѣмъ и слѣдствіемъ было обнаружено, что Времева пріѣзжалъ, вмѣстѣ со своимъ знакомымъ и сосѣдомъ по имѣнію Калугинымъ, въ Москву, съ цѣлью заложить свое имѣніе въ опекунскомъ совѣтѣ. 21 февраля, въ день именинъ Времева, въ числѣ другихъ знакомыхъ былъ у него и Алябьевъ, а 24 февраля, по приглашенію Алябьева, Времева вмѣстѣ съ Калугинымъ пріѣхалъ къ нему обѣдать. Кромѣ нихъ, были въ этотъ день у Алябьева его знакомые: майоръ Давыдовъ и камеръ-юнкеръ Шатиловъ, а вечеромъ, по приглашенію Алябьева, пріѣхалъ и отставной майоръ Глѣбовъ. Послѣ обѣда, сопровождаемаго обильнымъ угощеніемъ виномъ, они сошли изъ верхняго этажа дома въ нижній, гдѣ угощеніе винами продолжалось, а когда пріѣхалъ Глѣбовъ,—началась картежная игра въ банкъ, который металъ Глѣбовъ. Времева вначалѣ былъ въ выигрышѣ 380 рублей, но затѣмъ сталъ проигрывать и, когда за нимъ было уже записано на столѣ около 100.000 рублей, взялъ щетку, стеръ этотъ выигрышъ и сказалъ: «я не Синельниковъ, обыгрывать себя не позволю». На эти слова Алябьевъ подошелъ къ нему и ударилъ его два раза до крови по лицу, послѣ чего, по обмытіи слѣдовъ

крови, Времевь былъ увезенъ Калугинымъ домой, а на другой день уѣхалъ съ нимъ въ село Чертаново, гдѣ 27-го февраля скорпостижно скончался. Произведеннымъ вскрытіемъ его трупа выяснилось, что онъ умеръ вслѣдствіе разрыва селезенки отъ наружнаго насилія, произведшаго затѣмъ апоплектичскій ударъ. Алябьевъ, Глѣбовъ, Шатиловъ, Калугинъ и Давыдовъ вовсе отрицали даже то обстоятельство, что въ этотъ день была у Алябева картежная игра, но это, а равно и нанесеніе Времеву Алябьевымъ побоевъ, подтвердили: 1) дворовые люди Алябева—Александръ и Андрей Чуркины и Михаилъ Козыревъ, бывшіе свидѣтелями самой игры и нанесенія побоевъ; 2) люди Времева: Андрей Ивановъ и дворецкій Фирсовъ, слышавшіе отъ людей Алябева о нанесеніи ихъ господину во время картежной игры побоевъ и видѣвшіе по возвращеніи своего барина домой на рубашкѣ его слѣды крови, при чемъ Времевь говорилъ имъ, что онъ былъ очень обиженъ въ домѣ Алябева, и 3) самъ Калугинъ при вторичномъ своемъ допросѣ. О результатахъ предварительнаго разслѣдованія управляющей министерствомъ внутреннихъ дѣлъ доводилъ до свѣдѣнія государя императора, слѣдствіемъ чего была собственноручная высочайшая резолюція: «Внести въ комитетъ министровъ, дабы строгое вниманіе было обращено на сіе гнусное происшествіе, для открытія виновныхъ и должнаго примѣра надъ оными, какъ надъ безсовѣстными игроками». Комитетомъ министровъ было приказано употребить дѣятельнѣйшія мѣры къ скорѣйшему окончанію слѣдствія и рѣшить дѣло во всѣхъ инстанціяхъ безъ очереди и немедленно.

Дѣло это затѣмъ разсматривалось въ разныхъ судебныхъ инстанціяхъ и получило окончательное разрѣшеніе въ государственномъ совѣтѣ. Мнѣніе государственнаго совѣта по своему глубоко вѣрному взгляду на преступность обыгрыванія въ карты представляется крайне интереснымъ, почему мы и приводимъ его цѣликомъ въ той части, которая относилась къ подсудимымъ Алябеву, Шатилову, Калугину и Глѣбову. «Государственный совѣтъ нашелъ, что въ дѣлѣ семь заключаются два главныя преступленія: 1) азартная картежная игра и произведенные чрезъ нее побои Времеву, 2) причиненіе ему смерти, послѣдовавшей на третій день послѣ означенныхъ побоевъ. Первое изъ сихъ преступленій не подвержено никакому сомнѣнію. Оно доказывается показаніями не только губернскаго секретаря Калугина и дворовыхъ Алябева людей Чуркиныхъ, яко свидѣтелей игры и побоевъ, но и показаніями трехъ человекъ Времева, что онъ по возвращеніи отъ Алябева, раздѣваясь, проговаривалъ, что въ домѣ Алябева обиженъ, и что они видѣли у его рубашки манжеты и рукава окровавленные, а на лицѣ ссадины и царапины. Показанія сіи не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что у Алябева была картежная запрещенная

игра, которой цѣлю было обыграть Времева, а послѣдствіемъ— случившееся съ нимъ происшествіе. Достоверность сей цѣли подкрѣпляется призывомъ Глѣбова, который, какъ будто нечаянно, пріѣхалъ въ вечеру къ Алябѣву и металъ банкъ, а Времевъ и всѣ прочіе, бывъ пьяны, безъ фраговъ и жилетовъ, въ однихъ шлафрокахъ, словомъ въ видѣ развращенномъ, тутъ же съ нимъ играли въ карты. Законы хотя и не поставляютъ картежной азартной игры за одно съ грабительствомъ, однакожъ въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ I-мъ с.-петербургскому военному губернатору 11-го іюли 1801 г., признано зло сіе вреднѣйшимъ въ своихъ послѣдствіяхъ, нежели самое открытое грабительство, коего оно есть благовидная отрасль. Тяжкіе же кровавые побои безоружному человѣку, среди скопища игроковъ въ томъ домѣ, гдѣ онъ былъ принятъ гостемъ, не могутъ быть признаны простою дракою, составляющею обоюдное насиліе. Оно должно причислено быть къ преступленію, подобному и близкому къ разбою. Второе преступленіе (смерть): въ дѣлѣ нѣтъ точныхъ доказательствъ, чтобы смерть Времеву дѣйствительно послѣдовала отъ побоевъ, но есть, однако же, основаніе къ подозрѣнію, что отъ побоевъ, Времеву причиненныхъ, смерть ему ускорила. Сіе подтверждается свидѣтельствомъ 7-ми медицинскихъ чиновниковъ, что разрывъ селезенки отъ наружнаго насилія произвелъ апоплектический ударъ.

«Государственный совѣтъ, сообразивъ сіи преступленія, кои сами по себѣ, разрушая дворянское достоинство, по свойству своему не могутъ быть покрыты манифестомъ 22-го августа 1826 г., мнѣніемъ полагаетъ, учинить вообще по дѣлу сему слѣдующее:

«1) Случай смерти Времева предать суду Божию, а о Давыдовѣ, за смертью его, сужденіе оставить.

«2) Подполковника Алябѣва, майора Глѣбова, въ званіи камеръ-юнкера титулярнаго совѣтника Шатилова и губернскаго секретаря Калугина, лишивъ знаковъ отличія, чиновъ и дворянства, какъ людей, вредныхъ для общества, сослать на жительство: Алябѣва, Шатилова и Калугина въ сибирскіе города, а Глѣбова въ уваженіе прежней его службы—въ одинъ изъ отдаленныхъ великороссійскихъ городовъ, возложивъ на наслѣдниковъ ихъ имѣнія обязанность доставлять имъ содержаніе и, сверхъ того, Алябѣва, обращающаго на себя сильное подозрѣніе въ ускореніи побоями смерти Времеву, предать церковному покаянію на время, какое определено будетъ мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ.

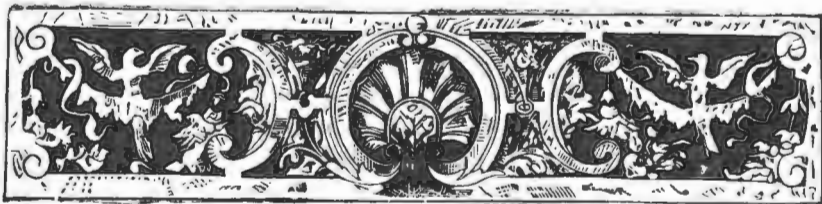
«3) Дворовымъ людямъ покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алябѣва, находившимся въ услуженіи у сына его, подсудимаго Алябѣва, Александру и Андрею Чуркинымъ и Михайлѣ Козыреву, которыхъ въ настоящемъ дѣлѣ нельзя признавать доносителями на него, но токмо очевидными свидѣтелями происшествія,

кои по закону были спрошены, не могли сокрыть онаго, въ огра-
жденіе ихъ отъ какого либо преслѣдованія наслѣдниковъ Алябьева,
поручить особенному покровительству московскаго военнаго гене-
ралъ-губернатора».

На такомъ мнѣніи государственнаго совѣта 1-го декабря
1827 г. послѣдовала собственноручная его императорскаго величе-
ства резолюція: «Быть по сему».

Сообщилъ А. В. Безродный.

ВОСПОМИНАНІЯ КНЯГИНИ РАДЗИВИЛЛЪ.

ВЪ ЛОНДОНѢ недавно изданы воспоминанія княгини Екатерины Радзивиллъ ¹⁾. Съ первой строки предисловія къ своей книгѣ авторъ скромно говоритъ, что ея «литературный трудъ не что иное, какъ простое описаніе того, что она видѣла, и характеристика тѣхъ людей, которыхъ она встрѣчала». Княгиня не имѣетъ намѣренія писать свои мемуары для выясненія того или другого историческаго событія, а только набрасываетъ впечатлѣнія, вынесенныя ею, при посѣщеніи различныхъ европейскихъ странъ. Поэтому воспоминанія княгини Радзивиллъ сразу поставлены авторомъ на подобающее имъ мѣсто простого разсказа обо всемъ, что она видѣла и слышала въ своей жизни, преимущественно проведенной въ Берлинѣ и Петербургѣ. Любопытныя картины берлинскаго и петербургскаго свѣтскаго общества за послѣднія тридцать лѣтъ XIX вѣка быстро смѣняются одна другою, какъ въ блестящемъ калейдоскопѣ. Мѣткія характеристики историческихъ личностей слѣдуютъ одна за другой и знакомятъ читателя съ главными дѣйствующими лицами той человѣческой драмы, которая разыгрывалась постепенно предъ ея глазами. Княгиня Радзивиллъ оканчиваетъ свои воспоминанія смертью жены германскаго императора Фридриха, обѣщая продолжать свои довольно любопытныя записки.

¹⁾ My recollections, by princess Catherine Radziwill. London. 1904.

Конечно, для русскихъ читателей всего интереснѣе то, что княгиня Радзивиллъ говоритъ о Россіи и Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что она признаетъ себя за русскую и даже русскаго императора называетъ своимъ царемъ. На этомъ основаніи, сокративъ по возможности ея разсказъ о годахъ, проведенныхъ ею въ Берлинѣ, мы подробно передадимъ ея русскія впечатлѣнія. Не лишне прибавить къ настоящему краткому предисловію, что книга княгини Радзивиллъ пользуется настолько значительнымъ успѣхомъ въ Лондонѣ, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она вышла уже третьимъ изданіемъ. Извѣстный Стэдъ отзывается о ней въ своемъ «Review of Review's» слѣдующимъ образомъ: «Воспоминанія княгини Радзивиллъ представляютъ одну изъ самыхъ пріятныхъ и очаровательныхъ книгъ этого рода, когда либо написанныхъ на англійскомъ языкѣ. Эта книга отличается французскимъ умомъ и стилемъ и славянскимъ романическимъ воображеніемъ; каждая ея страница въ высшей степени интересна».

I.

Княгиня Радзивиллъ — полька по отцу и русская по матери. Впрочемъ, ея отецъ, князь Адамъ Ржевусскій, былъ на русской службѣ и всю жизнь провелъ въ Россіи. Онъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 года, въ которой былъ раненъ, и по возвращеніи съ войны женился на извѣстной г-жѣ Жеребцовой, урожденной княжнѣ Лопухиной, фавориткѣ императора Александра I. Несмотря на то, что она была старше своего второго мужа на двадцать два года, ихъ бракъ былъ очень счастливый, и Ржевусскій былъ обязанъ женѣ своей блестящей карьерой. При императорѣ Николаѣ онъ былъ генераль-адъютантомъ и исполнялъ нѣсколько важныхъ порученій. Послѣ смерти своей жены онъ женился на дочери министра юстиціи Дашкова, и 30-го марта 1858 года у нея родилась дочь Екатерина, будущая княгиня Радзивиллъ. Во время Крымской войны онъ былъ назначенъ петербургскимъ генераль-губернаторомъ, но не долго занималъ этотъ постъ, такъ какъ, въ сущности, со смертью императора Николая окончилась его карьера. Александръ II, по словамъ княгини Радзивиллъ, не любилъ ея отца, и хотя онъ игралъ выдающуюся роль во время усмиренія польскаго возстанія 1863 года, но вскорѣ послѣ вышелъ въ отставку. Побудительной причиной къ этому, повидимому, служило слѣдующее обстоятельство, рассказанное его дочерью. Послѣ польскаго возстанія русскимъ правительствомъ были приняты крутыя мѣры противъ поляковъ, и нѣкоторые изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ юга Россіи, подъ главенствомъ графа Ржевусскаго, подали адресъ государю, прося его о

милости. Александръ II былъ очень недоволенъ вмѣшательствомъ въ это дѣло Ржевусскаго и, принявъ депутацію въ Зимнемъ дворцѣ, взялъ графа за руку, подвелъ къ окну и, указывая на Петропавловскую крѣпость, грозно сказалъ: «Ржевусскій, видишь это?» По увѣренію княгини Радзивилль, ея отецъ громко отвѣтилъ: «Вижу, ваше величество, это усыпальница царей». Императоръ отвернулся и въ продолженіе долгаго времени не разговаривалъ съ Ржевусскимъ.

Въ это время графъ былъ уже женатъ въ третій разъ, такъ какъ мать княгини Радзивилль умерла чрезъ пять дней послѣ рожденія дочери. О третьей женѣ своего отца она вовсе не говоритъ, а упоминаетъ только, что ея отецъ вслѣдствіе своего третьяго брака разсорился съ бабушкой. Вообще о графѣ Ржевусскомъ она отзывается, какъ о человѣкѣ замѣчательномъ во всѣхъ отношеніяхъ, и чрезвычайно сожалѣетъ, что онъ сжегъ предъ смертью свои мемуары, которые пролили бы новый свѣтъ на эпоху царствованія Николая I. «Мой отецъ,—говоритъ княгиня Радзивилль,—былъ не только умный человѣкъ, но рыцарь безъ страха и упрека, не способный ни на какую подлость, храбрый и готовый помочь всѣмъ слабымъ и угнетеннымъ. Я никогда не видывала человѣка добрѣе его, но онъ былъ очень гордый и не сдержанный на слова, такъ что многіе его не любили и говорили о немъ: «Ржевусскій готовъ пожать руку всякому, но онъ это дѣлаетъ такъ чертовски странно, что невольно думаешь, не хочетъ ли онъ послѣ этого умыть руки. Трудно было встрѣтить человѣка, разговоръ котораго былъ бы пріятнѣе и основанъ на всестороннемъ знаніи. Однимъ словомъ, это былъ очаровательный и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ».

О своей матери, которой вовсе не знала, княгиня Радзивилль отзывается только, какъ о первоклассной красавицѣ. Точно также она мало говоритъ о своей бабушкѣ, Елисаветѣ Васильевнѣ Дашковой, урожденной Пашковой. «Моя бабушка,—говоритъ княгиня,—жила до преклоннаго возраста и была настоящей святой. Когда она умерла въ Рязани, то все городское населеніе проводило ее до могилы, а бѣдные принесли на ея гробъ купленный по подпискѣ вѣнокъ съ надписью, которую мы впослѣдствіи начертали на ея памятникѣ: «Прими ее, Господи, какъ она принимала всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ». Моя бабушка не могла оправиться отъ удара, нанесеннаго ей смертью дочери, и продолжала жить, только утѣшая другихъ въ горѣ. Я никогда не видѣла менѣе эгоистичной личности. Я любила ее, быть можетъ, болѣе, чѣмъ она думала, такъ какъ она была суроваго нрава, и я всегда болѣе или менѣе ее боялась, но до настоящей минуты, несмотря на множество пережитыхъ мною огорченій, ея смерть остается для меня самымъ острымъ горемъ».

Воспоминанія княгини объ ея дѣтствѣ довольно скудны. Одно изъ нихъ относится до польскаго мятежа, во время котораго ея

отецъ, не извѣстно почему, бралъ съ собою въ Польшу все свое семейство. Въ это время умеръ отъ судорогъ ея маленькій братъ, на бивакахъ въ палаткѣ, и когда его схоронили, то въ присутствіи сестры проходившіе плѣнные поляки кричали ея отцу, что Богъ его наказалъ за измѣну родинѣ. Одинъ изъ казаковъ, бывшихъ при этомъ, ударилъ нагайкой говорившаго. Эта сцена принадлежитъ къ одному изъ первыхъ сильныхъ впечатлѣній пятилѣтняго ребенка. «Лично я не чувствую,—говоритъ княгиня Радзивиллъ,—никакой симпатіи къ польскимъ стремленіямъ. Татарская ли кровь со стороны матери совершенно ступевала во мнѣ польскую кровь, или, можетъ быть, независимость, составлявшая черту характера малороссовъ, къ которымъ принадлежала семья отца, создали непродолимую преграду между мною и поляками. Я не понимаю ихъ, и мнѣ особенно отвратительна ихъ манера вмѣшивать религію въ политику. Я совершенно русская по идеямъ, мнѣніямъ и привязанностямъ; я люблю мою родину съ страстною преданностью и не желала бы принадлежать къ какой либо другой національности».

По окончаніи польскаго мятежа Ржевусскій вернулся въ Петербургъ съ своимъ семействомъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ничего не случилось замѣчательнаго, что запечатлѣлось бы въ памяти ребенка, кромѣ неоднократнаго путешествія въ Парижъ къ сестрамъ отца. Старшая изъ нихъ была замужемъ за французскимъ писателемъ Жюлемъ Лакруа, братомъ извѣстнаго бібліофила Жакоба. Ея салонъ въ то время считался однимъ изъ извѣстнѣйшихъ въ Парижѣ, и въ немъ можно было встрѣтить самыхъ красивыхъ женщинъ не только Франціи, но и всей Европы. Въ юности г-жа Лакруа была замѣчательной красавицей и сохранила до старости слѣды своей красоты. Она страстно любила общество и была недовольна, если не видѣла въ день, по крайней мѣрѣ, двадцать различныхъ личностей, и на ея прекрасныхъ обѣдахъ можно было встрѣтить представителей лучшаго общества. Въ продолженіе тридцати лѣтъ г-жа Лакруа деспотически царствовала надъ извѣстнымъ кружкомъ свѣтскаго Парижа, и вообще была типомъ аристократки XVIII вѣка. Кромѣ того, она не только знала всѣхъ замѣчательныхъ французовъ и французенокъ того времени, но помнила также Александра I, Наполеона, Бурбоновъ эпохи реставраціи, Луи-Филиппа и Наполеона III, уже не говоря о замѣчательныхъ иностранцахъ, бывавшихъ въ Парижѣ, начиная съ княгини Ливенъ и кончая Маццини. Переживъ осаду Парижа и комуну, она умерла въ глубокой старости въ 1885 году.

Совершенно иной женщиной была ея сестра, вдова великаго романиста Бальзака, знаменитая графиня Ганска. Обыкновенно поклонники Бальзака приписываютъ ей лишь одну славу—внушить къ себѣ любовь этого замѣчательнаго чловѣка, но ея племянница увѣряетъ, что Бальзакъ былъ ей обязанъ развитіемъ своего генія,

и она была причастна къ многимъ изъ его сочиненій. Такъ, на-
примѣръ, романъ «*Modeste Mignon*» написанъ всецѣло рукою гра-
финя Ганска; и, кромѣ того, въ другихъ лучшихъ произведеніяхъ
Бальзака, по словамъ княгини Радзивилль, обнаруживается ея
вліяніе. Живя съ своимъ первымъ мужемъ въ глубинѣ Россіи,
графиня, какъ извѣстно, начала свое знакомство съ Бальзакомъ
заглазно, посредствомъ писемъ, которыя впоследствии были напе-
чатаны, а потомъ увидала его впервые въ Женевѣ, гдѣ онъ влю-
бился до безумія въ ея умъ и красоту. Семнадцать лѣтъ продол-
жалась, по словамъ Бальзака, «эта прекрасная сердечная драма».
Въ концѣ концовъ, графиня Ганска, овдовѣвъ, вышла замужъ за
Бальзака, несмотря на интриги и недовольство ея семейства, ко-
торое было убѣждено, что французскій писатель ухаживаетъ за
знатной полькой только изъ-за ея громаднаго состоянія. «Эта борьба
окончилась тѣмъ,—говоритъ княгиня Радзивилль,—что моя тетка
принесла въ жертву своей любви принадлежавшее ей богатство,
отдавъ его своей дочери, графинѣ Мнишекъ». Шестъ мѣсяцевъ
спустя послѣ свадьбы, Бальзакъ умеръ, и его жена осталась вто-
рично вдовою, подъ гнетомъ его безконечныхъ долговъ. Въ про-
долженіе тридцати лѣтъ, по словамъ княгини, она съ достоинствомъ
поддерживала честь имени Бальзака, но никогда не говорила о
томъ, какимъ великимъ ударомъ была для нея его смерть. Такимъ
образомъ княгиня Радзивилль, отзываясь въ самыхъ сочувствен-
ныхъ выраженіяхъ о романической исторіи Бальзака, не упоми-
наетъ ни однимъ словомъ объ ея печальномъ концѣ. Всѣ біографы
Бальзака съ сожалѣніемъ упоминаютъ, что онъ не нашелъ ожи-
даемаго счастья въ своемъ кратковременномъ бракѣ и умеръ, почти
всѣми покинутый. Друзья Бальзака, въ томъ числѣ Викторъ Гюго,
даже намекаютъ, что въ то время, когда онъ умиралъ, его жена
вела новую переписку съ другимъ французскимъ писателемъ. На-
сколько это справедливо—трудно сказать, но княгиня Радзивилль
обходитъ это обстоятельство молчаніемъ.

Во всякомъ случаѣ, она высоко ставитъ г-жу Бальзакъ и увѣ-
ряетъ, что послѣ смерти ея второго мужа она вела самую при-
мѣрную жизнь, не покидая его дома, устроеннаго имъ предъ свадь-
бой. Довольствуясь немногочисленнымъ избраннымъ обществомъ,
г-жа Бальзакъ поддерживала дружескія отношенія преимуще-
ственно съ живописцемъ Жигу и разстригой патеромъ аббатомъ
Констаномъ. Она была горячей французской патриоткой, ненави-
дѣла Наполеона III и отличалась пламенными республиканскими,
даже социалистическими идеями. Однако это не мѣшало ей
помнить о своемъ аристократическомъ происхожденіи, и когда во
время коммуны къ ней ворвался предводитель одной народной
банды и грубо заговорилъ съ нею, не снимая шапки и называя
ее гражданкой, то г-жа Бальзакъ съ большимъ достоинствомъ

сказала: «Снимите шапку, я не привыкла, чтобы со мною говорили съ покрытой головой; притомъ я слишкомъ стара, чтобы меня называли гражданкой; называйте меня просто сударыней». Коммунаръ былъ до того изумленъ, что поспѣшно повиновался и съ многочисленными извиненіями удалился. Братъ г-жи Бальзакъ очень любилъ подсмѣиваться надъ ней по поводу этого анекдота и постоянно ее спрашивалъ, что бы она сдѣлала, если бы коммунаръ ея не послушался. «Я бы сшибла съ него шапку,—отвѣчала она:—я ни за что не позволила бы этому грубіяну быть со мною дерзкимъ». Вообще княгиня Радзивиллъ отзывается о г-жѣ Бальзакъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ. «Она много занималась моимъ воспитаніемъ,—говоритъ она,—и я обязана ей всѣмъ, что есть во мнѣ хорошаго; она научила меня той силѣ сопротивленія, которою я обладаю. Если бы не ея примѣръ и не ея уроки, то я, по всей вѣроятности, была бы инымъ существомъ, быть можетъ, и лучшимъ, но во всякомъ случаѣ слабѣйшимъ. Она внушила мнѣ, что обстоятельства могутъ сломать человѣческое существо, но никогда не надо позволять имъ его согнуть, когда дѣло касается жизненнаго принципа».

Съ самаго дѣтства княгиня Радзивиллъ привыкла слышать отъ отца о современныхъ политическихъ событіяхъ, и поэтому въ ея воспоминаніяхъ она естественно говоритъ о многомъ съ чужихъ словъ, а не по личнымъ впечатлѣніямъ. Такъ, она съ глубокимъ уваженіемъ и любовью отзывается объ императорѣ Николаѣ, который умеръ, когда ея еще не было на свѣтѣ. По ея словамъ, не было другой исторической личности, которая такъ оклеветана врагами, какъ онъ. «Въ сущности,—говоритъ она,—это былъ одинъ изъ самыхъ благородныхъ и великодушныхъ людей на свѣтѣ; его обожали всѣ, имѣвшие съ нимъ какое либо сношеніе». Авторъ обѣщаетъ посвятить другое свое сочиненіе исключительно придворной жизни въ царствованіе Николая, съ цѣлью показать, что императоръ былъ совершенно иной человѣкъ, чѣмъ многіе полагали. Въ доказательство же его доброты княгиня Радзивиллъ приводитъ одно событіе изъ жизни своего отца, который пользовался милостями императора. Послѣ усмиренія польскаго мятежа Николай Павловичъ приказалъ отвезти въ Москву знамена возмутившихся польскихъ полковъ съ надписью, что они принадлежали измѣнникамъ. Узнавъ объ этомъ намѣреніи государя, Ржевусскій, тогда еще молодой человѣкъ, написалъ ему краснорѣчивое письмо, въ которомъ умолялъ императора не запятнать своей славы постыдной местию. Въ концѣ этого письма онъ говорилъ: «Je supplie Votre Majesté de se souvenir qu'il est parfois préférable pour un souverain d'avoir sur son front une tâche de sang qu'une tâche de boue». На эту смѣлую выходку своего подданнаго Николай Павловичъ не разгнѣвался, а возвратилъ письмо Ржевусскаго его

женѣ съ надписью: «Je vous renvoie la lettre de votre mari, Madame; comme souverain je devrais punir, comme ami, je veux oublier».

Точно также ея мѣніе объ Александрѣ II основано болѣе на чужихъ словахъ, чѣмъ на собственныхъ воспоминаніяхъ, хотя впоследствии она имѣла случай лично звать императора. Первую же его характеристику она примѣшиваетъ къ своимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ. Къ числу дѣтскихъ ея впечатлѣній относится рассказъ о покушеніи Каракозова на жизнь Александра II, о чемъ однажды за обѣдомъ у ея отца сообщилъ адмиралъ Гейденъ, большой другъ графа Ржевускаго. Передавая слова графа Гейдена, княгиня Радзивиллъ ошибается въ одной подробности: она говоритъ, что государь предъ этимъ покушеніемъ гулялъ въ Лѣтнемъ саду съ своей дочерью Маріей Александровной, тогда какъ въ дѣйствительности его сопровождали племянникъ, герцогъ Николай Лейхтенбергскій, и племянница Марія Баденская. «Покушеніе Каракозова,—говоритъ княгиня Радзивиллъ,—было началомъ нигилизма и анархизма, и потому не слѣдуетъ смотрѣть на его поступокъ, какъ на изолированное явленіе политическаго фанатизма. Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ, было громадное, и оно потрясло всю націю, но не въ томъ отношеніи, какъ полагали власти. Въ то время въ Россіи наступила эпоха великихъ реформъ, которыя, однако, были приняты слишкомъ поспѣшно и безъ надлежащаго подготовленія. Александръ II произвелъ нѣчто въ родѣ революціи, походившей на перевороты Петра Великаго, но онъ не былъ одаренъ политической прозорливостью и не понялъ, что за подобными мѣропріятіями слѣдуетъ разочарованіе. Хотя онъ былъ воспитанъ въ такъ называемыхъ либеральныхъ идеяхъ, но въ сердцѣ онъ былъ достойнымъ наслѣдникомъ своего отца. Какъ бы то ни было, принятія имъ реформы произвели по всей Россіи такой энтузіазмъ, какого еще никогда не было видно. Впечатлительныя русскія массы вышли изъ себя отъ радости и полагали, что сейчасъ же наступитъ блаженная эра. Царь сдѣлался въ ихъ глазахъ полубогомъ, и неудивительно, что онъ считалъ свою популярность вѣчною. Но, по несчастію, русскій народъ не можетъ ждать, и когда года стали проходить, а реформы, восторженно встрѣченныя, не принесли ожидаемыхъ благъ, то всѣ стали роптать—одни, находя совершенныя реформы недостаточными, а другіе, считая ихъ слишкомъ широкими. Естественно, что императоръ былъ разочарованъ, чѣмъ воспользовались окружавшіе его, чтобы все повернуть назадъ. Подъ ихъ влияніемъ онъ сдѣлалъ роковую ошибку и избралъ путь колебанія и нерѣшительности».

Осенью 1866 года состоялась свадьба наслѣдника съ принцессой Дагмарой Датской, и княгиню Радзивиллъ, въ то время восьмилѣтнюю дѣвочку, возили смотрѣть на торжественный вѣздъ принцессы въ Петербургъ. Дѣвочка впервые видѣла такую блестящую

церемонію, и потому она произвела на нее такое сильное впечатлѣніе, что ребенокъ всю ночь не спалъ. «Рѣдко бываетъ,—говоритъ княгиня Радзивиллъ,—чтобы иностранную принцессу встрѣчали съ такимъ энтузіазмомъ, какъ новую великую княгиню, которая съ первой минуты появленія въ Россіи завоевала всѣ сердца. Ея улыбка и прелестная манера кланяться народу тотчасъ утвердили ея популярность, которая со временемъ не только не уменьшилась, но съ каждымъ днемъ увеличивалась. Императрица Марія Теодоровна въ настоящее время самая популярная женщина въ Россіи; она прославилась своей добротой и самыми благородными качествами сердца и ума, такъ что ее обожаютъ даже тѣ, кто никогда ее не видалъ. «Вскорѣ послѣ этого событія Ржевусскій покинулъ Петербургъ и поселился на постоянное жительство въ деревнѣ, за исключеніемъ двухъ или трехъ зимнихъ мѣсяцевъ, проводимыхъ имъ въ Петербургѣ со времени русско-турецкой войны до своей смерти. Маленькая дѣвочка быстро росла, и ея воспитаніе было очень серьезное. Послѣ франко-германской войны она посѣтила Парижъ, когда еще были свѣжи слѣды ужаснаго времени осады и междоусобія. Большую часть своего времени молодая дѣвушка проводила у своей тетки, г-жи Бальзакъ, и на нее произвели большое впечатлѣніе политическіе разговоры, которые она слышала въ ея салонѣ. Въ то время большинство французовъ полагало, что снова наступитъ монархія, но Тьеръ, по выраженію княгини Радзивиллъ, «зналъ свое дѣло туго и такъ искусно повелъ его, что республика во Франціи была утверждена, по всей вѣроятности, навсегда».

Возвратясь въ Россію весной 1873 года, молодая дѣвушка, пятнадцати лѣтъ съ половиной, была помолвлена за князя Радзивилла. «Какъ устроилось это дѣло,—говоритъ она въ своихъ воспоминаніяхъ,—я рѣшительно не знаю, но это была работа моего отца и моего деверя. Я часто удивляюсь, что мой отецъ, такъ нѣжно меня любившій, былъ причастенъ къ такому поспѣшному дѣлу. По всей вѣроятности, его тревожило желаніе устроить меня до своей смерти. Къ тому же его, вѣроятно, подкупило блестящее положеніе моего жениха». Вскорѣ послѣ этой помолвки государь съ государыней проѣзжали мимо Кіева, и было рѣшено представить молодую дѣвушку царственной четѣ. Это представленіе состоялось на станціи желѣзной дороги, и будущая княгиня Радзивиллъ очень боялась появиться въ такой несмѣтной толпѣ. Ее успокоила старая графиня Блудова, бывшая впоследствии ея большимъ другомъ. «Императоръ,—говоритъ княгиня,—первый вошелъ въ комнату съ присущими ему достоинствомъ и граціей. Александръ II въ то время еще не отличался подозрительностью послѣднихъ лѣтъ и былъ чрезвычайно любезнымъ и красивымъ мужчиной. Онъ обратился къ моему отцу съ нѣсколькими приѣтливими словами и, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: «Какъ она походитъ на

мать». Императрица была уже поражена той болѣзною, которая унесла ее въ могилу. Княгиня Радзивилль никогда болѣе ее не видала, но навсегда сохранила память объ ея нѣжномъ, тихомъ голосѣ. Черезъ нѣсколько минутъ державная чета прошла въ вагонъ.

Этотъ эпизодъ представленія имѣлъ довольно странный результатъ. Неизвѣстно почему, Ржевусскій не сказалъ императору о помолвкѣ его дочери, и когда государь объ этомъ узналъ, то приказалъ Адлербергу написать графу очень рѣзкое письмо. Княгиня Радзивилль слышала впоследствии, что императоръ былъ недоволенъ этимъ бракомъ богатой русской наслѣдницы съ иностранцемъ. Во всякомъ случаѣ, ея свадьба произошла 26-го октября того же года въ скромной сельской православной церкви, находившейся въ помѣстьѣ ея отца. Послѣ свадьбы молодые поѣхали въ Петербургъ съ визитомъ къ бабушкѣ, а затѣмъ отправились въ Берлинъ, гдѣ для княгини Радзивилль началась новая жизнь.

II.

О своемъ мужѣ княгиня Радзивилль не говоритъ ни слова во всѣхъ своихъ воспоминаніяхъ, исключая того, что онъ поѣхалъ туда-то, пріѣхалъ оттуда-то, захворалъ, выздоровѣлъ и т. д. Такимъ образомъ она не знакомитъ насъ съ его характеромъ, качествами, общественнымъ положеніемъ и даже его племемъ. Последнее мы узнаемъ отъ критика англійскаго литературнаго журнала «Academy»; по его словамъ, Екатерина Ржевусская вышла замужъ за князя Адама-Карла-Вильгельма Радзивилла «*du premier gameau, de la première branche, de la première ligne*». Впрочемъ о семействѣ своего мужа княгиня Радзивилль распространяется очень подробно. Оно состояло по ея пріѣздѣ въ Берлинъ изъ матери мужа, его трехъ сестеръ, двухъ братьевъ и тетки съ дѣтьми. Всѣ они жили вмѣстѣ въ старинномъ Радзивилловскомъ дворцѣ, который впоследствии былъ проданъ германскому правительству для министерства иностранныхъ дѣлъ и канцлера. Упомянувъ о родственникахъ своего мужа, княгиня прежде всего останавливается на его бабушкѣ, принцессѣ Луизѣ Прусской, племянницѣ Фридриха Великаго, для которой и былъ купленъ этотъ семейный домъ. Одна изъ ея дочерей была знаменитая красавица Элиза Радзивилль, въ которую до безумія влюбился императоръ Вильгельмъ, когда онъ былъ еще принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ. Княгиня Радзивилль нѣсколько исправляетъ легенду объ этой любви: обыкновенно рассказываютъ, что несчастная молодая дѣвушка сдѣлалась жертвой государственныхъ причинъ и умерла съ горя, оттого что тогдашній король Фридрихъ-Вильгельмъ III не позволилъ сыну жениться на ней. «Въ сущности,—говоритъ княгиня Радзивилль,—

единственной жертвой этого романа былъ принцъ Вильгельмъ, который до сумасшествія любилъ свою двоюродную сестру, не столько привязанную къ нему изъ любви, какъ изъ семейныхъ расчетовъ. Когда ихъ бракъ былъ разстроенъ, то она скоро въ этомъ утѣшилась и была уже помолвлена съ австрійскимъ аристократомъ, какъ неожиданно умерла отъ чахотки. Напротивъ, Вильгельмъ во всю жизнь не забывалъ своей первой любви, и портретъ Элизы Радзивиллъ всегда стоялъ на его письменномъ столѣ до самой его смерти. Поэтому онъ смотрѣлъ на ея семейство другими глазами, чѣмъ на остальной свѣтъ».

Главой Радзивилловской семьи тогда была мать мужа княгини: она происходила изъ австрійской семьи знаменитаго рода Клари-Альдрингенъ и была добрейшая женщина, но не одаренная большими способностями. Зато жена старшаго его брата, одного изъ любимѣйшихъ генералъ-адъютантовъ Вильгельма, отличалась необыкновеннымъ умомъ и была во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной женщиной въ Европѣ. Такъ отзывается княгиня Радзивиллъ о свекрови и золовкѣ, къ которымъ она питала нѣжныя чувства, особенно къ послѣдней, урожденной дѣвицѣ де-Кастеланъ, французекѣ, племянницѣ знаменитаго Талейрана. Ея салонъ въ Берлинѣ былъ очень вліятельнымъ и въ продолженіе многихъ лѣтъ считался однимъ изъ первыхъ. При жизни императрицы Августы она пользовалась исключительнымъ положеніемъ, и до сихъ поръ имѣетъ громадное вліяніе при дворѣ и въ обществѣ. Благодаря отчасти этимъ отношеніямъ, а также въ виду старыхъ семейныхъ связей, семейство Радзивилловъ находилось въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ императорскимъ семействомъ. Императрица Августа посѣщала раза два въ мѣсяцъ Радзивилловскій дворецъ запросто, по вечерамъ, и столько же разъ въ недѣлю она приглашала семью Радзивиллъ къ себѣ во дворецъ на простые вечера. Ежедневно вся семья обѣдала вмѣстѣ и проводила вечеръ у престарѣлой родоначальницы, такъ какъ вообще Радзивиллы отличались строгой патріархальностью.

На первомъ же семейномъ обѣдѣ княгиня Радзивиллъ имѣла удовольствіе познакомиться съ знаменитымъ фельдмаршаломъ Мольтке, старымъ другомъ семьи. «Великій полководецъ,—говоритъ она,—произвелъ на меня большое впечатлѣніе, хотя, по правдѣ сказать, я смотрѣла на него сначала съ испугомъ. Но добрый старикъ былъ очень снисходителенъ ко мнѣ, и узнавъ, что я ни слова не говорила по-нѣмецки, любезно разговаривалъ со мною на французскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ очень хорошо. Мольтке былъ извѣстенъ всѣмъ за молчаливаго человѣка, но со мною онъ, какъ въ то время, такъ и впослѣдствіи, былъ чрезвычайно разговорчивъ». «Черезъ нѣсколько дней юная княгиня подверглась еще большому испытанію. Свекровь повезла ее во дворецъ для пред-

ставленія императрицѣ. Она особенно боялась этого свиданія, такъ какъ была увѣрена, что императрица заговорить съ нею по-нѣмецки. Въ назначенный часъ онѣ отправились въ скромный дворецъ, занимаемый въ то время старымъ государемъ, и княгиня была очень удивлена и разочарована невзрачной обстановкой, которая совершенно противорѣчила блеску русскихъ дворцовъ. Въ то время императрица Августа достигла зрѣлаго возраста шестидесяти одного года и казалась еще старше отъ привычки одѣваться чрезвычайно молодо. На ней было блѣдно-палевое платье съ кружевами и слегка открытымъ воротомъ. На ея шеѣ красовалось великолѣпное жемчужное ожерелье, которое казалось неопытнымъ глазамъ княгини надѣтымъ совершенно некстати. На ея головѣ былъ парикъ съ множествомъ локоновъ и такого цвѣта, что невольно всякій убѣждался въ неподлинности ея волосъ. На парикѣ возвышалась какая-то чудовищная постройка изъ кружевъ и розовыхъ лентъ. Повидимому, это должно было изображать чепецъ, но нисколько не походило на него. Этотъ странный нарядъ производилъ довольно неблагоприятное впечатлѣніе, но императрица приняла княгиню самымъ любезнымъ образомъ, хотя извѣстно, что она была несимпатичной особой. Главнымъ образомъ ей въ этомъ препятствовала чрезвычайная аффектація. Ея голосъ былъ неприятный, и она такъ странно шевелила своими пальцами, что дѣйствовала на нервы. Она поцѣловала молодую женщину и сразу начала говорить по-французски о добродѣтеляхъ ея новаго семейства, общая ей въ будущемъ много хорошаго. «Конечно, я слушала ее,—говоритъ княгиня,—не смѣя открыть рта, и все удивлялась про себя не ея словамъ, а ея голосу и манерамъ. Она говорила со мною ровно четверть часа, точно повторяя заученный урокъ, а потомъ, обернувшись къ моей золовкѣ, которая была съ нами, завела свѣтскій разговоръ. Вскорѣ императрица насъ отпустила, очень граціозно и съ достоинствомъ сдѣлавъ намъ книксенъ».

Не успѣла княгиня представиться императрицѣ и другимъ особамъ императорской семьи, какъ неожиданно умерла въ Дрезденѣ вдова покойнаго короля Фридриха-Вильгельма IV, и при дворѣ былъ наложенъ трауръ. Поэтому наступившіе рождественскіе праздники отличались чрезвычайно мрачнымъ характеромъ, благодаря трауру, не снимаемому въ Пруссіи даже въ праздники. 26-го декабря императрица пріѣхала въ Радзивилловскій дворецъ съ дочерью, великой герцогиней Баденской, и привезла съ собой громадный мѣшокъ съ подарками. «Этихъ подарковъ всѣ очень боялись,—говоритъ княгиня,—потому что нельзя было себѣ вообразить что нибудь уродливѣе тѣхъ вещей, какія дарила императрица. Мой мужъ и его двоюродные братья сочинили по этому случаю веселую пѣснь на французскомъ языкѣ, припѣвъ который былъ слѣдующій:

«Un vilain, vilain, vilain cadeau de la Reine;
«Un vilain, vilain, vilain cadeau de la Reine».

Въ означенное Рождество я въ первый разъ удостоилась милости и помню, что мнѣ достался какой-то чудовищный термометръ изъ зеленой бронзы, представлявшій берлинскій памятникъ «Побѣды», который самъ по себѣ достаточно уродливъ. По несчастію, я никогда не могла избавиться отъ этой некрасивой вещи; куда бы я ни ѣздила, она всюду слѣдовала за мной. По странной судьбѣ, ее не удавалось ни потерять, ни сломать, а пожертвовать на какой нибудь базаръ было невозможно. Даже теперь я каждый день ожидаю, что этотъ несчастный термометръ окажется въ одномъ изъ моихъ сундуковъ». Въ еще болѣе неловкомъ положеніи находилась свекровь княгини, благодаря подобному рождественскому подарку: императрица поднесла ей столъ съ бѣлой фаянсовой доской, которую собственноручно украсила декальманіей. Этотъ столъ далеко не былъ красивъ, и его постоянно ставили въ задній уголъ одной изъ комнатъ Радзивилловскаго дворца, исключая тѣхъ дней, когда пріѣзжала императрица. Уже прошло два года со дня, когда онъ былъ подаренъ, и всѣ полагали, что наконецъ можно освободиться отъ противнаго стола, пожертвовавъ его на базаръ. Поэтому, обождавъ, когда императрица посѣтитъ базаръ, было рѣшено отправить туда столъ. По несчастію, на другой день императоръ отправился на базаръ, и почему-то ему понравился злополучный столикъ. Напрасно несчастные продавцы отговаривали императора отъ покупки, но онъ настоялъ на своемъ и велѣлъ отправить столъ во дворецъ для подарка императрицѣ. Однако дѣло обошлось благополучно, и Августа или не узнала своего подарка или желала выказать рѣдкое милосердіе, но только она никогда не упоминала объ этомъ случаѣ».

Прошло три мѣсяца послѣ пріѣзда молодыхъ въ Берлинъ, прежде чѣмъ княгиня Радзивиллъ увидала впервые императора, потому что онъ въ это время былъ боленъ и не выходилъ изъ своей комнаты. Наконецъ на Рождествѣ она встрѣтилась съ старымъ государемъ на придворномъ концертѣ. Онъ приказалъ ея мужу представить се себѣ и принялъ княгиню самымъ любезнымъ и предупредительнымъ образомъ. Вильгельмъ былъ, по ея словамъ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государей XIX столѣтія. Не отличаясь особыми качествами, онъ, благодаря своему сознанию долга, достигъ большихъ результатовъ, чѣмъ Фридрихъ Великій со всѣмъ его геніемъ. «Величайшимъ качествомъ императора, — говоритъ княгиня Радзивиллъ, — было отсутствіе всякаго самолюбія. Когда интересы глубоко любимаго имъ отечества требовали того, онъ готовъ былъ жертвовать своими личными чувствами или предпочтеніемъ. По природѣ онъ былъ солдатъ, исполнѣ преданный принципъ авторитета; онъ глубоко сознавалъ свои обязанности и вѣрилъ, что судьба предназначила его къ ихъ исполненію. Онъ былъ исполнѣ

преданъ своему долгу къ Богу, но въ отношеніи другихъ признавалъ себя ихъ повелителемъ, о чемъ всегда имъ напоминалъ. Но онъ исполнялъ это съ такимъ тактомъ, что нельзя было на него обижаться. Такъ, однажды, случилось со мною маленькое обстоятельство, лучше всего рисующее характеръ перваго германскаго императора. Какъ-то, на придворномъ балѣ я замѣшкалась въ столовой, разговаривая съ адъютантомъ императора, графомъ Гольцемъ, и Вильгельмъ, подойдя, началъ подшучивать надо мною, хотя Гольцу уже было шестьдесятъ лѣтъ. Графъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы ускользнуть изъ комнаты, и я осталась одна съ императоромъ. Послѣ продолжительной бесѣды онъ вдругъ остановился и засмѣялся. «Намъ лучше вернуться въ залу, — сказалъ онъ, — а то вашъ мужъ, пожалуй, меня прервуетъ». Онъ предложилъ мнѣ руку и повелъ въ балный залъ. Дойдя до дверей, онъ снова остановился, опустил мою руку съ какимъ-то шутивымъ замѣчаніемъ, и въ отвѣтъ на мой низкій придворный поклонъ онъ поклонился, выпрямился во весь ростъ и первый вошелъ въ залъ, продолжая разговоръ. Конечно, было бы въ высшей степени неприличнымъ войти въ комнату подъ руку съ маленькой дѣвочкой, такъ какъ мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, но я сомнѣваюсь, чтобы кто нибудь сдѣлалъ это такъ добродушно».

Переходя отъ характеристики Вильгельма, какъ частнаго человека, къ изображенію его, какъ государя, княгиня Радзивилль замѣчаетъ, что вообще публика не понимала его политическаго самолюбія. Онъ стремился быть единственнымъ и полнымъ повелителемъ какъ можно большаго количества германскихъ земель. Поэтому въ глубинѣ своего сердца онъ скорѣе предпочелъ бы сдѣлаться королемъ великой Пруссіи, чѣмъ императоромъ страны, въ которой было нѣсколько государей. Вообще до самой своей смерти онъ предпочиталъ старый королевскій титулъ новому императорскому, вопреки стараніямъ императрицы и наслѣднаго принца, настаивавшихъ на употребленіи высшаго титула. Однажды, по словамъ княгини Радзивилль, на балу у военнаго министра, генерала фонъ-Камекэ, Вильгельмъ подошелъ къ ней и, разговаривая о погодѣ (это было въ началѣ марта), сказалъ, что въ то утро «королева» принесла ему съ прогулки въ придворномъ саду нѣсколько фіалокъ. Стоявшій возлѣ наслѣдный принцъ поспѣшилъ прибавить: «Да, императрица мнѣ объ этомъ говорила». На это государь преспокойно отвѣтилъ: «Когда же ты видѣлъ королеву?» Всѣ полагаютъ, что старый Вильгельмъ не заботился о политикѣ и всецѣло предоставилъ ее Бисмарку. Но это не совсѣмъ справедливо, и княгиня Радзивилль увѣряетъ, что императору нравилось, когда съ нимъ совѣтовались по всякому вопросу, и даже часто онъ не соглашался съ Бисмаркомъ. Онъ считалъ армию своимъ излюблен-

нымъ вопросамъ и относительно нея настаивалъ на своихъ собственныхъ взглядахъ, но когда дѣло шло объ общей политикѣ, то онъ предоставлялъ ее Бисмарку и не допускалъ вмѣшиваться въ нее ни своей женѣ, ни наслѣдному принцу.

Никто не могъ упрекнуть императора и императрицу въ негостеприимствѣ; они очень любили принимать, и почти каждый вечеръ у нихъ бывали гости. Эти домашніе вечера назывались *les soirées de la Bonbonnière*, потому что происходили въ комнатѣ, называвшейся *Bonbonnière* и находившейся на половинѣ великой княгини Баденской. Обыкновенно на нихъ присутствовало отъ 5-ти до 6-ти человекъ. Императрица сидѣла за однимъ круглымъ столомъ, а императоръ, приходившій обыкновенно довольно поздно, — за другимъ. Угощеніе состояло изъ чая, кѣсовъ, мороженого, постоянно одного сорта, и печеныхъ каштановъ, которые было очень трудно ѣсть, потому что по этикету не слѣдовало снимать перчатокъ. Ея величество обыкновенно занималась какимъ нибудь женскимъ рукодѣліемъ и поддерживала общій разговоръ всегда на французскомъ языкѣ. Кромѣ этихъ маленькихъ придворныхъ вечеровъ, бывали большіе балы въ большомъ Вѣломъ залѣ стараго дворца — три или четыре въ году. На нихъ присутствовало все общество, имѣющее доступъ ко двору. Эти официальные балы начинались вальсомъ, за нимъ слѣдовала торжественная кадрили, въ которой участвовали наслѣдный принцъ съ женой, и только послѣ начиналось общее веселье. Въ 12-ть часовъ подавался ужинъ въ различныхъ комнатахъ, куда камергерами допускались лишь лица, назначенныя по строгой табели о рангахъ. «Конечно, на этихъ ужинахъ, по словамъ княгини Радзивиллъ, была толкотня, которую, однако, нельзя сравнить съ сутолокой, происходившей на придворныхъ балахъ въ Петербургѣ».

Сверхъ этихъ официальныхъ баловъ, давался одинъ балъ въ году въ собственномъ дворцѣ императора, на которомъ присутствовало лишь избранное высшее общество. Циклъ придворныхъ развлеченій заключался параднымъ обѣдомъ, на который приглашались всѣ посланники, и куртагомъ, куда допускались представители различныхъ классовъ общества. На послѣднія собранія не посылались приглашенія, и всякій, имѣвшій пріѣздъ ко двору, долженъ былъ являться изъ опасенія, чтобы его имя не вычеркнули изъ списка. На куртагѣ участвовали члены парламента и берлинскаго муниципалитета. Однажды на подобномъ приемѣ императоръ, несмотря на свою обычную любезность, забылся до того, что сказалъ одному депутату, подавшему голосъ противъ важнаго военнаго закона: «Не для чего вамъ было являться къ своему государю послѣ того, какъ вы выказали враждебность къ его политикѣ». Надо упомянуть еще объ императорскихъ четвергахъ, которые заключались въ концертахъ, даваемыхъ въ великомъ посту

для избраннаго общества. Всѣ гости сидѣли за большими столами на заранѣ назначенныхъ мѣстахъ. Тутъ они слушали все однихъ и тѣхъ же музыкантовъ, разговаривали и ужинали. Вообще, по словамъ княгини Радзивилль, ничего не могло быть скучнѣе этихъ вечеровъ, ужинъ на которыхъ подавался всегда по одному опредѣленному мени: холодная дососина съ майонезомъ, холодная курпца и мороженое. Злые языки увѣряли, что въ началѣ зимы заготавливали большую бочку майонеза и изъ нея черпали необходимыя порціи. Какъ любила императорская семья угощать, такъ не прочь была и сама посѣщать иностранныхъ пословъ, министровъ и аристократовъ, которые устраивали въ ея честь балы и обѣды. На святой недѣлѣ оканчивался берлинскій сезонъ, и императрица уѣзжала въ Кобленцъ или Баденъ-Баденъ, а императоръ, оставаясь въ городѣ для военныхъ смотровъ, почти ежедневно обѣдалъ у своихъ многочисленныхъ пріятелей. Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ обыкновенно уѣзжалъ въ Эмсъ, а въ августѣ возвращался съ императрицей въ Потсдамъ, гдѣ они постоянно принимали тѣхъ придворныхъ, которые оставались въ городѣ.

Исчерпавъ всѣ имѣвшіяся у нея свѣдѣнія объ императорѣ, императрицѣ, а также ихъ дворѣ, княгиня Радзивилль останавливается на наследномъ принцѣ и принцессѣ, будущихъ императорѣ Фридрихѣ III и императрицѣ Викторіи. Она отзывается о нихъ съ самымъ горячимъ сочувствіемъ, и нѣтъ тѣхъ похвалъ, которыхъ она имъ не расточаетъ. Подобно отцу, Фридрихъ былъ всецѣло преданъ своему отечеству, но его отецъ болѣе сознавалъ величіе короны, сынъ же скорѣе заботился о томъ, кто ее носилъ. Воспитанные въ различныя эпохи, они находились подъ впечатлѣніемъ различныхъ событій и людей. Такъ, Вильгельмъ видѣлъ Наполеона и расчлененіе Пруссіи, а Фридрихъ—Лассала и унижательныя событія 1848 года. Подъ этими различными впечатлѣніями сложились и ихъ различныя мнѣнія. Отецъ думалъ только о солдатахъ и средствахъ возстановить величіе своей родины, а сынъ помышлялъ лишь о тѣхъ идеяхъ которыя приносили пользу его ближнимъ. «Воспитанный въ либеральныхъ идеяхъ своей матери,—говоритъ княгиня Радзивилль,—онъ ставилъ челоуѣчество выше національностей и индивидуальностей. Онъ не былъ упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, но отличался гогенцоллернской настойчивостью; преданный своей женѣ, онъ взялъ своимъ образцемъ ея отца и такъ же, какъ онъ, былъ вѣрнымъ слугою конституціи. Трудно было найти челоуѣка болѣе благороднаго и хорошаго, чѣмъ Фридрихъ; разговаривая съ нимъ, невольно всякій становился лучше и забывалъ мелочи и зло, присуція такъ называемому обществу. Его умъ отличался благородствомъ, его натура была искренняя, а сердце было доброе. Онъ никогда не измѣнялъ своему долгу, хотя знавалъ разочарованіе и непріятности; его существованіе было

всѣмъ геройское, притомъ у него было очень мало недостатковъ, и то такихъ, которые въ другомъ человѣкѣ считались бы достоинствами. Почтительный сынъ, прекрасный мужъ и отецъ, преданный другъ и во всѣхъ отношеніяхъ хорошій человѣкъ, онъ былъ бы отличнымъ государемъ, если бы судьбѣ было угодно продлить его жизнь».

Многіе оспаривали его политическія способности, но, по словамъ княгини Радзивиллъ, одно можно утвердительно сказать, что онъ не гордился, какъ его отецъ, своимъ высокимъ призваніемъ и не отличался блескомъ своего сана, но у него такой здравый смыслъ, который могъ его вывести изъ всякаго затруднительнаго положенія. Приученный къ терпѣнію ожиданіемъ престола въ продолженіе многихъ лѣтъ и обладая благодарной натурой, онъ навѣрно не удалилъ бы князя Бисмарка, пока общественное мнѣніе было за него. Онъ посвятилъ бы свою обширную опытность въ общественныхъ дѣлахъ не только на службу своей родинѣ, но и вообще всему свѣту. До своего трехмѣсячнаго царствованія Фридрихъ, даже во время регентства, не имѣлъ большого вліянія на политическія дѣла, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при возглашеніи имперіи, онъ выказалъ себя лучшимъ политикомъ, чѣмъ старикъ Вильгельмъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что всѣ германскіе короли и принцы стояли гораздо ниже, чѣмъ императоръ, и княгиня Радзивиллъ приводитъ по этому случаю любопытный анекдотъ. На завтракѣ у графини Шлейнитцъ, княгинѣ пришлось сидѣть рядомъ съ Фридрихомъ, только что возвратившимся изъ Мюнхена послѣ трагической смерти короля Людвига. Разговоръ случайно коснулся до учрежденія германской имперіи, и Фридрихъ сказалъ княгинѣ по-французски слѣдующія замѣчательныя слова, которыя онъ произнесъ нарочно очень медленно, зная всю важность ихъ значенія: «Les princes allemands devraient toujours se souvenir qu'ils ne sont que les pairs de l'empire, p—a—i—r—s, vous me comprenez?»

Наслѣдную принцессу княгиня Радзивиллъ не только любила и уважала, но ея обожаніе простиралось до безконечности. Говорить о ней, по словамъ княгини, какое-то святотатство. «Въ то утро, когда она умерла,—замѣчаетъ княгиня,—я написала о ней нѣсколько страницъ и выразила тогда все, что у меня было на сердцѣ. Я не могу ничего прибавить къ этому очерку, написанному среди горя, обуревавшаго мое сердце. Она была болѣе, чѣмъ женщина; она была выше человѣческаго существа, какъ доброта выше злобы, а добродѣтель—выше порока. Я считаю святотатствомъ выяснитъ все, что она перестрадала, все, что она вытерпѣла въ своей жизни. Я не могу говорить объ императрицѣ, такъ какъ невольно это возбуждаетъ во мнѣ тысячи ощущеній, которыя я считала уже исчезнувшими изъ моего сердца. Я не въ со-

Стоянии написать исторію ея благородной жизни и все, что бы я ни сказала, только дастъ ложную идею объ этой совершенной во всѣхъ отношеніяхъ женщицѣ, которой никогда не понимали при ея жизни. Поэтому я только расскажу о ней то, что необходимо для полноты разказа, о тѣхъ годахъ, въ продолженіе которыхъ она играла такую важную роль въ свѣтѣ. Быть можетъ, эти подробности дадутъ понятіе о ея великолѣпномъ характерѣ, хотя онѣ никогда не представляютъ ее въ тѣхъ краскахъ, какъ она того заслуживала бы. Эта императрица никогда не забывала, что она была женщиной, одаренной женской нѣжностью, женской привлекательностью и женской добротой. Я даже не считаю себя достойной молиться за нее, а надѣюсь, что она молится за меня на небесахъ, гдѣ, конечно, она—одно изъ лучезарныхъ свѣтилъ».

III.

Среди замѣчательныхъ личностей двухъ императоровъ и двухъ императрицъ, величаво возвышалась колоссальная фигура Бисмарка. Когда княгиня Радзивилль поселилась въ Берлинѣ, то культуркампфъ былъ въ самомъ разгарѣ. Семейство ея мужа составляло центръ католическихъ враговъ желѣзнаго канцлера, который, по ея словамъ, «въ борьбѣ не надѣвалъ бѣлыхъ перчатокъ» и не жалѣлъ своихъ враговъ. Онъ тѣмъ болѣе былъ раздраженъ противъ Радзивилловъ, что золовка княгини была въ близкихъ отношеніяхъ съ французскимъ посланникомъ, виконтомъ Гонто-Бирономъ, который также считался фаворитомъ императрицы. Сначала Бисмаркъ не обращалъ вниманія на эти придворныя интриги, но когда клерикальная борьба начала обостряться, особенно въ рейхстагѣ, то онъ сталъ «мрачнымъ, нетерпѣливымъ и тиранническимъ въ отношеніи, какъ онъ выражался, «la politique en jurons», но съ теченіемъ времени старыи императоръ вышелъ изъ терпѣнія и положилъ конецъ вмѣшательству своей жены въ клерикальныя дѣла. Впрочемъ, эти отношенія Бисмарка къ семьѣ Радзивилль не мѣшали княгинѣ поддерживать съ нимъ хорошія отношенія и питать къ нему глубокое уваженіе. Однако, впоследствии княгиня пыталась открыть оппозиціонный салонъ противъ желѣзнаго канцлера, но, конечно, не по религіозному вопросу, а по случаю анти-русской политики Бисмарка и также его вражды противъ наследнаго принца и его жены. Она отзывалась о жестокой, мстительной натурѣ Бисмарка далеко не сочувственно и съ видимымъ недовольствомъ рассказываетъ, въ какихъ натянутыхъ отношеніяхъ онъ находился съ наследнымъ принцемъ и его женою: «Однажды князь Бисмаркъ пріѣхалъ поздравить наследную принцессу съ днемъ ея рожденія, и она тотчасъ, оставивъ кружокъ дамъ, подошла къ нему. Я не слышала, что она говорила, но они довольно долго бесѣдовали безъ

особенной холодности или напряженности, хотя, очевидно, ему было не ловко, и онъ нервно мялъ свои перчатки. Какъ только наследная принцесса отошла отъ него, то подошелъ ей мужъ, и въ Бисмаркѣ произошла замѣчательная перемена: онъ выпрямился; на лицѣ его исчезло всякое выраженіе неловкости, и онъ смотрѣлъ своему собесѣднику прямо въ лицо съ нахальнымъ выраженіемъ и даже раза два заставлялъ принца повторять его слова. Однимъ словомъ, онъ вполне разыгрывалъ роль повелителя своего будущаго императора». Совершенно иначе онъ обращался со старымъ императоромъ, и княгиня Радзивиллъ передаетъ, что она никогда не забудетъ, какую любовь и уваженіе выражало лицо Бисмарка къ старому государю во время разговора съ нимъ на новогоднемъ приѣмѣ. Очевидно было по его глазамъ, что онъ питалъ самое восторженное чувство, на какое только былъ способенъ человѣкъ къ другому, благодаря которому онъ возвысился надъ всѣми германцами.

Странно сказать, что желѣзный канцлеръ, какъ человѣкъ, былъ чрезвычайно добръ, а, какъ мужъ и отецъ, положительно поражалъ своей пѣжностью. По словамъ княгини Радзивиллъ, онъ былъ созданъ для семейной жизни и, несмотря на его презрѣніе вообще къ человѣчеству, онъ былъ добрымъ другомъ въ отношеніи тѣхъ, кого любилъ. Нельзя было себѣ представить болѣе счастливой жизни, чѣмъ ту, которую онъ велъ дома. Его жена, не отличавшаяся блестящими способностями, обладала замѣчательнымъ тактомъ и была такъ предана мужу, что окружала его всевозможнымъ вниманіемъ. Для нея онъ былъ не человѣкъ, а совершенство, и она считала себя женою Бисмарка, а не германскаго канцлера, съ которымъ она могла имѣть не всегда одинаковыя мнѣнія. По словамъ княгини Радзивиллъ, нельзя было найти на свѣтѣ лучшей для него жены, «съ любовью подававшей ему халатъ и туфли».

Вообще берлинское общество было въ то время исключительное, и, кромѣ наследной принцессы, никто не думалъ допускать въ общество представителей средняго сословія. Императрица Августа позволяла себѣ покровительствовать представителямъ литературы, науки и искусствъ, но дѣлала это такъ, что еще рѣже выставляла различіе, которое она видѣла между ними и своимъ избраннымъ обществомъ. Напротивъ, принцесса Викторія впервые ввела между артистами, журналистами, профессорами и литераторами полное равенство съ лицами, такъ называемыми *Hoffahige*. На маленькіе вечера, даваемые принцессой, собирались вокругъ чайнаго стола Момзенъ, Гельмгольцъ, Дюбуа-Рэймонъ, Ранке, Рудольфъ и журналистъ Пауль Линдау. Она разговаривала съ ними о научныхъ предметахъ, составлявшихъ ихъ специальность, и всѣми силами старалась выставить ихъ съ самой привлекательной стороны. Конечно, первое мѣсто въ берлинскомъ высшемъ обществѣ занимали

иностранные послы. Всего замѣчательнѣе среди нихъ, по словамъ княгини Радзивилль, былъ лордъ Одо Россель, впоследствии лордъ Амтгилль, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дипломатовъ по уму, такту и вообще политическимъ способностямъ. Онъ былъ такъ ловокъ, что въ одно и то же время сохранялъ хорошія отношенія съ Бисмаркомъ и былъ близкимъ другомъ наслѣднаго принца и принцессы. Лэди Россель была также во всѣхъ отношеніяхъ его достойной помощницей, и до сихъ поръ въ Берлинѣ сохраняется память объ ея роскошномъ и гостепріимномъ домѣ. «Я увѣрена,— говоритъ княгиня,— что, если бы лордъ Амтгилль былъ живъ въ 1888 году, то многія событія, сопровождавшія болѣзнь и смерть императора Фридриха, никогда не произошли бы». Русскій посланникъ, баронъ Убри, «маленькій пріятный человѣчекъ», послѣ трагической смерти его жены, утонувшей во время купанья, рѣдко показывался въ обществѣ. О другихъ же европейскихъ посланникахъ, кромѣ французскихъ, виконта Гонто-Бирона и графа Сень-Валье,— нечего упоминать. Первый изъ нихъ съ замѣчательнымъ тактомъ сдѣлалъ французское посольство уважаемымъ послѣ войны, а второй былъ однимъ изъ величайшихъ друзей княгини Радзивилль, которая не только была дружна съ нимъ въ Берлинѣ, но даже навѣщала его каждую осень въ его помѣсть въ департаментъ Эны. Что же касается до его дипломатическихъ способностей, то она увѣряетъ, что во Франціи никогда не было такого искуснаго дипломата, какъ онъ. О представителяхъ и представительницахъ берлинскаго аристократическаго общества, княгиня отзывалась очень лестно, но лишь перебираетъ ихъ по фамиліямъ, не приводя о нихъ никакихъ интересныхъ подробностей; она только утверждаетъ, что ни при одномъ дворѣ не было столько красивыхъ женщинъ, какъ при нѣмецкомъ.

Въ 1875 году императоръ Александръ II посѣтилъ Вильгельма и провелъ въ Берлинѣ нѣсколько дней. Онъ почти ежегодно дѣлалъ этотъ визитъ по дорогѣ въ Эмсъ, куда ѣздилъ лѣчиться. Въ томъ же году осенью въ Варшавѣ происходили большіе маневры въ присутствіи императора, и мужъ княгини Радзивилль былъ посланъ туда въ качествѣ военнаго агента. Это обстоятельство доказываетъ, что онъ находился на военной службѣ и былъ однимъ изъ близкихъ лицъ къ старику Вильгельму. Жена сопровождала князя, и, по ея словамъ, она присутствовала въ Варшавѣ на одномъ изъ блестящихъ торжествъ, когда либо видѣнныхъ ею во всю ея жизнь. Это былъ балъ, данный въ честь государя графомъ Коцебу, варшавскимъ генераль-губернаторомъ, и отличавшійся сказочнымъ блескомъ и роскошью «Тысячи и одной ночи». Около этого времени въ Россіи началось знаменитое движеніе въ пользу славянскихъ провинцій, приведшее къ послѣдней русско-турецкой войнѣ. Въ самомъ ея разгарѣ княгиня Радзи-

виллъ посѣтила Москву и провела нѣкоторое время въ своемъ помѣстьѣ на берегахъ Волги. Ей пришлось быть въ Троицко-Сергіевской лаврѣ въ тотъ день, когда благословляли знамя добровольцевъ, данное имъ московскими славянофилами. «Я никогда не забуду,—говоритъ княгиня,—тотъ единодушный радостный крикъ, вырвавшійся изъ груди тысячной толпы, жертвовавшей свои послѣдніе гроши на общее дѣло. Въ означенную минуту душа русскаго народа выразилась вся въ этомъ увлекательномъ энтузіазмѣ, но не политическое и не личное чувство обнаруживалось въ крикахъ и слезахъ этой толпы, а подъемъ религиозныхъ убѣжденій, какъ во времена крестовыхъ походовъ».

Въ апрѣлѣ 1877 г. началась русско-турецкая война, о которой княгиня Радзивиллъ упоминаетъ только вкратцѣ, и лишь одинъ эпизодъ, рассказываемый ею о борьбѣ на Шипкѣ, заслуживаетъ вниманія. Въ одинъ изъ памятныхъ шипкинскихъ дней, генералъ Раевскій совѣщался съ своими геройскими помощниками о томъ, какъ перетащить артиллерійскія орудія чрезъ горный перевалъ, когда ему неожиданно доложили, что его желаютъ видѣть нѣсколько солдатъ. Онъ приказалъ ихъ впустить и съ удивленіемъ узналъ отъ нихъ, что всѣ солдаты просятъ позволенія перенести орудія на своихъ плечахъ. Сначала онъ отказалъ имъ въ этой просьбѣ, но одинъ старый унтеръ-офицеръ вышелъ впередъ и произнесъ: «Не мѣшай намъ, батюшка, мы, вѣдь, идемъ спасать своихъ братьшекъ и какъ нибудь справимся». «И, дѣйствительно, солдатики справились», говорилъ Раевскій отцу княгини. Этотъ эпизодъ борьбы, полной подобнаго же геройства, объясняетъ то глубокое разочарованіе, которое обляло всю русскую армію, когда не была достигнута цѣль войны, и когда, добравшись до Санъ-Стефано, откуда были видны минареты св. Софіи, войскамъ сказали, что преданіе старины не исполнится, и они не войдутъ въ главный храмъ православной вѣры. «Въ эту минуту,—увѣряетъ княгиня Радзивиллъ,—русскій солдатъ потерялъ вѣру въ своихъ руководителей, и съ этого времени нигилизмъ и анархизмъ стали чѣмъ-то возможнымъ, а легенда, вѣками поддерживавшая націю, разсѣялась прахомъ. Было бы лучше пожертвовать тѣми выгодами, которыя Россія впослѣдствіи приобрѣла, а занять хоть на нѣсколько дней Константинополь русскими солдатами».

Результатъ неудачнаго окончанія русско-турецкой войны былъ еще печальнѣе. Въ іюнѣ мѣсяцѣ тотчасъ послѣ покушенія Нобелинга на жизнь Вильгельма былъ открытъ международный конгрессъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Европѣ дипломатовъ. Княгиня Радзивиллъ близко съ ними познакомилась и даетъ довольно любопытныя характеристики главнѣйшихъ изъ нихъ. Первое мѣсто она отводитъ лорду Биконсфильду. «Конечно, противъ Дизраэли,—говоритъ она,—я имѣла предубѣжденіе, какъ русская; онъ

казался мнѣ осуществленіемъ всего, что есть на свѣтѣ дурного, злого и пагубнаго. Я ненавидѣла его, какъ выскочку и человѣка, бросившаго перчатку моей родинѣ и унижившаго ее, но когда я его встрѣтила, то всѣ мои предрасудки растаяли, какъ снѣгъ подъ лучами солнца. Болѣе привлекательнаго человѣка, чѣмъ лордъ Биконсфильдъ, никогда не существовало на свѣтѣ. Когда съ нимъ познакомишься, то понимаешь его успѣхи и причину ихъ. Онъ обладалъ тѣми величайшими чарами, которыми обладаютъ люди, довѣряющіе самимъ себѣ. Онъ вѣрилъ, что имѣетъ силы достигнуть того, чего онъ желаетъ въ данную минуту. Лордъ Биконсфильдъ, какъ свѣтскій человѣкъ, не имѣлъ себѣ равнаго; для слушателя его разговоръ былъ неисчерпаемымъ источникомъ удовольствія. Онъ очень сухо высказывалъ самыя смѣшныя вещи, и, зная прекрасно свѣтъ, онъ никогда не произносилъ ни одного слова некстати. Онъ старательно изучилъ державныхъ особъ и женщинъ и потому былъ убѣжденъ, что онѣ въ состояніи проглотить неограниченное количество лести, если только ее преподнести съ необходимымъ тактомъ. Онъ любилъ возражать людямъ, чтобы доставить имъ удовольствіе быть увѣренными, что имъ удалось его убѣдить. Однажды, какая-то барыня замѣтила ему: «Однако я была права». — «Любезная сударыня, — отвѣчалъ Биконсфильдъ, — вы никогда не можете быть иначе, какъ правы». Онъ очень любилъ устранивать то, что называется *сoup d'état*, и никогда не былъ такъ доволенъ, какъ въ то время, когда Европа узнала о его тайномъ соглашеніи съ Россіей относительно Батума и съ Турціей относительно Кипра. Я помню, что именно въ этотъ вечеръ видѣла его у графини Кароли, жены австрійскаго посланника. Всѣ сосредоточивали свое вниманіе на дипломатѣ, сыгравшемъ ловкую продѣлку съ своими товарищами, и смотрѣли на него съ негодованіемъ и даже бѣшенствомъ. Онъ же, напротивъ, ходилъ спокойно между ними съ выраженіемъ сфинкса на лицѣ. Я его спросила, о чемъ онъ думалъ, онъ отвѣчалъ: «Я ни о чемъ не думаю: я наслаждаюсь». Потомъ онъ поспѣшно прибавилъ, какъ будто боясь, что сказалъ лишнее: «Я надѣюсь, что и вы наслаждаетесь». На берлинскомъ конгрессѣ я начала мою дружбу съ Биконсфильдомъ, которая поддерживалась потомъ нѣсколькими письмами. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ предсказалъ мнѣ будущую мою судьбу, и нѣкоторыя изъ этихъ предсказаній сбылись».

Естественно, что своимъ блескомъ лордъ Биконсфильдъ затмевалъ лорда Солсбэри, который еще не занималъ того высокаго положенія, какъ впоследствии. Онъ былъ тогда безмолвнымъ наблюдателемъ всего происходившаго вокругъ и чрезвычайно любезнымъ, пріятнымъ человѣкомъ. Его сопровождала жена, и тогда-то княгиня Радзивилль вступила съ ними въ дружескія отношенія,

которыя впоследствии поддерживала неоднократно посѣщеніями ихъ въ Гатфильдѣ. Что касается до графа Андраши, то, по ея словамъ, онъ всего болѣе поражалъ тѣмъ, что сдѣлался первымъ министромъ того самаго императора, который приговорилъ его къ смертной казни. Однако она полагаетъ, что онъ не былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ и не отличался широкими воззрѣніями, но все-таки былъ ловкимъ политикомъ и умѣлъ искусно выходить изъ всякаго затрудненія. «Россія играла плачевную роль на конгрессѣ,—говоритъ княгиня:—старый князь Горчаковъ настоялъ на своемъ участіи въ немъ, благодаря своему чрезмѣрному самолюбію, но по старческой слабости онъ, конечно, уступалъ всѣмъ умнымъ людямъ, окружавшимъ его. Его товарищъ, графъ Шуваловъ, находился подъ тяжелымъ ударомъ, нанесеннымъ ему ловкостью англійскаго правительства. Онъ смутно чувствовалъ, что его провели, за что на него будетъ негодовать его отечество. Онъ былъ блестящимъ, умнымъ человѣкомъ, но, по несчастію, считалъ свой умъ достаточнымъ для состязанія съ лордомъ Биконсфильдомъ. Онъ воображалъ, что, побудивъ Англію согласиться на присоединеніе Батума къ Россіи, онъ одержалъ большой успѣхъ, тогда какъ, въ сущности, его ловко обманулъ хитрый еврей. Понявъ это, онъ осовѣлъ и не сталъ такъ бойко дѣйствовать, какъ при другихъ обстоятельствахъ; онъ предугадывалъ, что съ этого момента соотечественники будутъ на него глядѣть подозрительно; и дѣйствительно послѣ конгресса его судьба померкла».

Конгрессъ продолжался мѣсяцъ, но его интересъ былъ исчерпанъ съ того момента, какъ открылись тайныя соглашенія Россіи съ Англіей и Англии съ Турціей. По остроумному выраженію княгини Радзивиллъ, «конгрессъ сталъ больше ничѣмъ, какъ только фарсомъ». Въ результатѣ онъ принесъ для всѣхъ униженіе, кромѣ Англии и Германіи. Съ общественной точки зрѣнія, конгрессъ былъ живымъ колейдоскопомъ національностей, убѣжденій, лицъ, обычаевъ, надеждъ и разочарованій. Интересной фигурой на конгрессѣ былъ знаменитый англійскій корреспондентъ Бловицъ, который наслаждался своей популярностью не менѣе самого лорда Биконсфильда. Онъ твердо былъ убѣжденъ, что въ его рукахъ находилась судьба Европы, и забавно было видѣть, какъ онъ изловчался присутствовать вездѣ, гдѣ было что нибудь интересное. Никто его не любилъ, и даже нѣкоторые боялись, но среди враждебной ему толпы онъ сновалъ взадъ и впередъ съ полнымъ достоинствомъ. Хотя берлинскій конгрессъ не такъ много танцевалъ, какъ вѣнскій, но все-таки достаточно прибѣгалъ къ различнымъ развлеченіямъ. Одинъ только Бисмаркъ нигдѣ не показывался и, сидя въ своемъ кабинетѣ, размышлялъ о послѣдствіяхъ трактата, который

онъ не одобрялъ, а санкціонировалъ. По словамъ княгини Радзивилль, онъ отгадывалъ, что этотъ конгрессъ будетъ источникомъ разрыва трехъ императоровъ, и все-таки восточный вопросъ ничуть не будетъ исчерпанъ. «Такъ окончился печальной памяти берлинскій конгрессъ,—прибавляетъ она:—онъ не принесъ съ собою мира, а только роздыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣялъ сѣмена будущихъ неудовольствій и недоразумѣній». Каждый вздохнулъ свободнѣе только, когда покинулъ Берлинъ. Въ это время старикъ Вильгельмъ лежалъ больной, и только по выздоровленіи онъ велъ съ княгиней Радзивилль продолжительную политическую бесѣду, что не было въ его обычаѣ. По его словамъ, онъ предпочелъ бы меньшую Болгарію, но подъ русскимъ влияніемъ, и его очень пугало освобожденіе евреевъ въ Румыніи. Онъ прибавилъ, что во время конгресса съ нимъ никто не совѣтовался, и наслѣдный принцъ дѣлалъ все по-своему; «князь Бисмаркъ считалъ это лучше», прибавилъ онъ въ концѣ разговора.

Но Вильгельмъ несправедливо приписывалъ наслѣдному принцу господство во время его регентства, такъ какъ Бисмаркъ болѣе чѣмъ когда дѣлалъ все, что хотѣлъ, Фридриху же не дозволялось ни во что вмѣшиваться, и въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ онъ игралъ самую незначительную роль. Когда же Вильгельмъ поправился и снова сосредоточилъ всю власть въ своихъ рукахъ, то дѣла пошли по-старому, и всѣ слухи о томъ, что Фридрихъ будетъ назначенъ намѣстникомъ императора,—не осуществились. Первой политической мѣрой Бисмарка, вызванной покушеніемъ Нобелинга, былъ жестокій законъ противъ социалистовъ, во время обсуждения котораго въ рейхстагѣ присутствовала княгиня Радзивилль. Она рассказываетъ чудеса про краснорѣчивую рѣчь, сказанную по этому случаю Бебелемъ. «Никогда,—говоритъ она,—старинное зданіе не оглашалось такими полными чувства возгласами, какъ въ этотъ моментъ. Всякій невольно былъ тронутъ воззваніемъ старика къ чувству справедливости и человѣколюбію всей германской націи, умоляя ее не дѣлать отщепенцами тысячи своихъ дѣтей, и не возможно было не признавать силы аргументовъ, выходящихъ изъ устъ Бебеля. Онъ говорилъ о бѣдности, нищетѣ и злѣ, какъ человѣкъ, близко ихъ знавшій. На этотъ разъ онъ превзошелъ самого себя и дѣйствительно сдѣлалъ все, что только было возможно для приданія характера ужаса и позора новому закону. Но, конечно, все было тщетно, и законъ прошелъ».

Въ слѣдующемъ году Вильгельмъ праздновалъ свою золотую свадьбу, и княгиня признается, что она рѣдко видѣла такую скучную церемонію, какъ религиозное торжество по этому случаю. Повидимому, это было мнѣніе не одной княгини, такъ какъ ей пришлось услышать позади себя выраженіе нетерпѣнія по тому же поводу.

Она обернулась, и къ величайшему удивленію увидѣла Бисмарка, стоявшаго подлѣ нея. Онъ ей улыбнулся, извинился за свои слова и вступилъ съ нею въ длинный разговоръ, казавшійся очень скандальнымъ всѣмъ присутствующимъ. По случаю этого праздника императрица и оберъ-церемоніймейстеръ, графъ Стильфридъ, выработали новыя правила придворнаго этикета, сдѣлавшія цѣлую революцію среди юныхъ отраслей аристократіи. Въ сущности, княгиня Радзивиллъ полагаетъ, что эти правила были очень благоразумны, но молодежь, и въ томъ числѣ мужъ княгини, были чрезвычайно недовольны тѣмъ, что его съ женою пригласили на золотую свадьбу только въ Бѣлую залу, а не въ часовню. Въ знакъ своей досады, онъ вернулъ назадъ императорское приглашеніе, что очень огорчило княгиню, такъ какъ она сдѣлала новое платье именно для этого торжества. Императоръ, узнавъ объ этой бурѣ въ стаканѣ воды, приказалъ допустить Радзивилловъ на всѣ торжества, и такимъ образомъ предоставилъ возможность княгинѣ надѣть новое платье и побесѣдовать съ Бисмаркомъ, что ей рѣдко удавалось.

Князь и княгиня съ дѣтьми ѣздили ежегодно въ Петербургъ, чтобы навѣстить ея отца. Эти поѣздки, по ея словамъ, въ концѣ царствованія Александра II становились все тяжелѣе и печальнѣе, благодаря мрачному виду Петербурга, въ которомъ всюду царило тревожное безпокойство. Золотое время александровскихъ реформъ прошло, и какъ-то невольно чувствовалось что-то недоброе. «Мой отецъ,—разсказываетъ княгиня Радзивиллъ,—часто говорилъ мнѣ о любопытныхъ словахъ Николая I, который за нѣсколько дней до своей смерти предсказывалъ, что если его сынъ предприметъ желаемыя реформы, то онъ не умретъ спокойно въ своей постели, а умретъ отъ ножа убійцы. Эти слова вскорѣ исполнились; но во время рокового событія 1-го марта 1881 года княгиня не находилась въ Петербургѣ, и все, что она разсказываетъ по этому поводу, основано на письмахъ отца, человѣка близко стоявшаго ко двору. Несмотря на послѣднее обстоятельство, въ ея разсказѣ многое—не точно. Напримѣръ, она повторяетъ избитую легенду о томъ, что въ день своей смерти Александръ II подписалъ конституцію, тогда какъ Татищевъ въ своей біографіи Александра II говоритъ, что авторъ тогдашнихъ законопроектовъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, былъ противъ всякой конституціи, какъ чуждой русскому народу, и земскаго собора, какъ не соответствующаго нынѣшнимъ понятіямъ, а предполагалъ образовать лишь подготовительныя комиссіи для выработки законныхъ мѣропріятій съ участіемъ представителей земства и городовъ. Точно также не справедливы ея сообщенія, будто послѣ страшной катастрофы, поразившей царя-мученика, онъ сказалъ великому князю Михаилу Николаевичу, подоспѣвшему на мѣсто катастрофы: «Вези меня во дво-

рець, я хочу умереть тамъ». Какъ извѣстно, въ это время государь находился безъ сознанія.

Лѣто этого рокового года княгиня по случаю болѣзни мужа провела вмѣстѣ съ нимъ въ тепломъ климатѣ сначала въ Италиі, а потомъ въ Корфу и Константинополѣ. Въ октябрѣ они отправились въ Петербургъ, гдѣ оставались у бабушки ихъ дѣти, и впервые княгинѣ пришлось провести зиму въ русской столицѣ.

В. Тимирязевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДУЭЛЬ ПУШКИНА СЪ ДАНТЕСОМЪ¹⁾.

II.

Бароны Людвигъ Геккеренъ и Жоржъ Дантесъ.

IV.

Объясненія, данныя Геккереномъ графу Нессельроде.—Геккеренъ приподымаетъ покровъ тайны и призываетъ къ отвѣту жену Пушкина.—Схема обвиненій, выдвинутыхъ друзьями Пушкина противъ Геккерена, и его возраженія.

ВЪ ОБЪЯСНЕНІЯХЪ своихъ, представленныхъ 30-го января 1837 года нидерландскому двору, баронъ Геккеренъ ограничивается сухимъ изложеніемъ фактовъ, хорошо извѣстныхъ даже лицамъ, не близко прикосновеннымъ къ обстоятельствамъ печальной дуэли. Онъ даетъ, такъ сказать, официальную версію разсказа о причинахъ и поводахъ дуэли, тщательно избѣгая оглашать факты и событія, интимные и закулисные. «Дантесъ, дѣйствительно, ухаживалъ за Пушкиной, но эта связь никогда не переходила въ преступную... Всему виной рокъ, да еще африканскій характеръ Пушкина. Онъ, Геккеренъ, совсѣмъ не причемъ въ этомъ дѣлѣ», — вотъ официальная схема, идущая со стороны Геккереновъ. Другая официальная схема идетъ со стороны друзей Пушкина: этой схемой друзья поэта рассчитываютъ оградить память поэта и честь его семьи, и ихъ версія тоже не касается

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 178 и 944.

интимныхъ происшествій и оставляетъ нѣкоторые эпизоды совершенно не разъясненными, такъ сказать, ирраціональными. «Дантесъ, дѣйствительно, ухаживалъ за Пушкиной, но эта связь никогда не переходила въ преступную, и честь жены поэта выше всякихъ подозрѣній... Она сама рассказала мужу объ ухаживаніяхъ за ней Дантеса. А старый Геккеренъ нашептывалъ ей о томъ, что его сынъ сгораетъ отъ любви къ ней, старый Геккеренъ игралъ роль сводника въ этомъ дѣлѣ... Объ этомъ мужу она сама сказала, когда пришлось объясняться»,— вотъ версія, выставленная друзьями Пушкина. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что источникомъ фактической части этой версіи являются показанія Натальи Николаевны Пушкиной. Въ упомянутомъ выше письмѣ Николая Павловича къ Михаилу Павловичу отъ 3-го февраля 1837 года эта версія находитъ точное изложеніе. «Геккеренъ самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ, бывъ во всемъ совершенно невинна»,— писалъ Николай Павловичъ.

Понятно, баронъ Геккеренъ былъ освѣдомленъ о сущности обвиненій, предъявляемыхъ къ нему и къ его пріемному сыну. Мы уже видѣли, что его положеніе въ свѣтѣ, въ обществѣ стало невозможнымъ. Дворъ относился къ нему совершенно отрицательно. Вопросъ объ отставкѣ былъ рѣшенъ. Его фонды у себя на родинѣ тоже пали. И такое положеніе дѣлъ опредѣлилось уже въ теченіе февраля мѣсяца. Перваго марта онъ обратился съ откровенными объясненіями къ графу Нессельроде. Онъ самъ—нужно думать—сознавалъ, что никакія уже объясненія не помогутъ и не принесутъ практической пользы лично ему. Поэтому его письмо пріобрѣтаетъ для насъ особенный интересъ. Оставляя въ сторонѣ ту официальную версію, которую онъ изложилъ въ письмѣ къ барону Верстолку, баронъ Геккеренъ приподнимаетъ завѣсу и сообщаетъ новыя и неожиданныя подробности. Геккеренъ начинаетъ свое письмо съ изложенія мотивовъ, заставляющихъ его обращаться къ графу Нессельроде.

«Неофициально.

1-го (13) марта 1837 г.

«Многоуважаемый графъ!

«Послѣ событія, роковой исходъ котораго я оплакиваю болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, я не предполагалъ, что долженъ буду обратиться къ вамъ съ письмомъ, подобнымъ настоящему. Но разъ я вижу, что вынужденъ сдѣлать это, у меня мужества хватитъ. Честь моя, и какъ частнаго человѣка, и какъ члена общества, оскорблена, и я не замедлю дать вамъ нѣкоторыя объясненія.

«Когда послѣ кончины Пушкина мой сынъ былъ арестованъ, какъ совершившій уголовное преступленіе, предусмотрѣнное закономъ, чувства самой элементарной порядочности не допускали меня бывать въ обществѣ. Такое поведеніе, вполне естественное при данныхъ обстоятельствахъ, было невѣрно истолковано; его сочли за молчаливое признаніе какой-то вины, которую я будто бы чувствовалъ за собою во всемъ совершившемся. Многоуважаемый графъ! Моя совѣсть смѣло заявляетъ, что я ни на одну минуту не переставалъ поступать такъ, какъ должно, и ваше сіятельство раздѣлите это убѣжденіе, если пожелаете удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ своего вниманія. Итакъ, общество не нашло бы неприличнымъ, если бы я при подобныхъ обстоятельствахъ сталъ принимать участіе во всѣхъ его развлеченияхъ, посѣщалъ всѣ балы, привлекалъ бы на себя всеобщее вниманіе и тѣмъ поддерживалъ живость воспоминаній, еще не успѣвшихъ улечься.

«Значитъ, меня упрекаютъ въ томъ, за что должны были бы, казалось, чувствовать признательность.

«Единственнымъ моимъ отвѣтомъ на подобныя инсинуаціи могло бы быть появленіе снова въ обществѣ. Я заставилъ бы умолкнуть въ себѣ голосъ крови; я сумѣлъ бы не отдаться во власть своему семейному горю и тревогамъ. Вооруженный сознаниемъ исполненнаго долга, я явился бы, чтобы лично отражать нападки, на которыя мнѣ нельзя долѣе отвѣчать презрѣніемъ, хотя онѣ порождены лишь праздноствіемъ или недоброжелательствомъ, отъ котораго меня могло бы избавить мое прошлое во время столь долгаго пребыванія въ столицѣ.

«Но клевета могла дойти до свѣдѣнія государя; она могла поселить на мой счетъ нѣкоторыя сомнѣнія въ умѣ августѣйшаго монарха; боязнь этого оправдываетъ объясненія, которыми я хочу, отразить обвиненія, павшія на меня».

Геккеренъ переходитъ къ разбору обвиненій, выставленныхъ противъ него, къ разбору версіи, поддерживаемой друзьями поэта и идущей отъ его жены. Но и тутъ Геккеренъ не считаетъ возможнымъ рассказать правдиво все то, что было, дѣлаетъ лишь намеки и останавливается лишь на выясненіи своей роли во всемъ этомъ дѣлѣ. Обвиняютъ его въ томъ, что онъ старался сводить своего сына съ Натальей Николаевной Пушкиной. «Она раскрыла мужу, — сообщалъ князь Вяземскій Михаилу Павловичу, — все поведеніе молодого и стараго Геккереновъ по отношенію къ ней; послѣдній старался склонить ее измѣнить своему долгу и толкнуть ее въ пропасть». Со словъ жены Пушкинъ писалъ Геккерену: «Подобно старой развратницѣ, вы караулили мою жену по всѣмъ угламъ, чтобы говорить ей о вашемъ сынѣ; и когда, больной любовнаго болѣзнью, онъ сидѣлъ дома за лѣкарствами, вы говорили, что онъ умираетъ отъ любви къ ней, вы ей бормотали: «верните мнѣ моего

сына». Геккеренъ не отрицаетъ факта частыхъ своихъ бесѣдъ съ женой поэта, но даетъ ему неожиданное объясненіе.

Въ виду крайней важности свидѣтельства Геккерена, позволяемъ себѣ привести эту часть письма въ подлинникѣ.

«C'est ici que je vins que j'ai besoin de me commander à moi-même pour retracer les accusations dont je me suis vu l'objet.

«J'aurais encouragé les assiduités de mon fils auprès de m-me de Pouchkin. C'est à madame Pouchkin elle-même que j'en appelle à cet égard. Qu'elle soit interpellée sous la foi du serment, et l'on verra tomber cette accusation. C'est d'elle qu'on apprendra tout ce que je lui ai dit si souvent *pour lui faire reconnaître l'abîme au devant duquel elle marchait*. Si elle n'est pas retenue par quelques considérations d'amour propre, elle dira, que dans mes entretiens avec elle j'ai poussé la franchise jusqu'à me servir d'expressions qui devaient la blesser, mais aussi lui ouvrir les yeux: je l'espérais du moins.

«Si l'aveu de m-me de Pouchkin me manquait, j'invoquerais le témoignage de deux personnes, de deux dames de la plus haute distinction qui furent les confidants de toutes mes inquiétudes et aux quelles je rendais compte jour par jour de *tous mes efforts pour rompre cette funeste liaison*.

«Dira-t-on enfin, que je devais user de mon autorité sur mon fils? M-me de Pouchkin pourrait encore fournir une réponse péremptoire à ce sujet en reproduisant une lettre que j'ai erigé de mon fils, lettre à elle adressée et par laquelle il déclarait renoncer à poursuivre toutes prétentions sur elle. Et le porteur de cette lettre ce fut moi-même qui la remis en mains propres. M-me de Pouchkin s'en est servie auprès de son mari et de sa famille, comme preuve, qu'elle n'avait jamais complètement oublié ses devoirs.

«Итакъ, я долженъ положиться только на самого себя, чтобы опровергнуть клевету, предметомъ которой я сдѣлался.

«Я якобы подстрекалъ моего сына къ ухаживаніямъ за г-жею Пушкиной. Обращаюсь къ ней самой по этому поводу. Пусть она покажетъ подъ присягой, что ей извѣстно, и обвиненіе падетъ само собой.

«Она сама сможетъ засвидѣтельствовать, сколько разъ предостерегалъ я ее отъ пронасти, въ которую она летѣла, она скажетъ, что въ своихъ разговорахъ съ нею я доводилъ свою откровенность до выраженій, которыя должны были ее оскорбить, но вмѣстѣ съ тѣмъ и открыть ей глаза; по крайней мѣрѣ, я на это надѣялся.

«Если г-жа Пушкина откажетъ мнѣ въ своемъ признаніи, то я обращусь къ свидѣтельству двухъ особъ, двухъ дамъ, высокопоставленныхъ и бывшихъ повѣренными всѣхъ моихъ тревогъ, которымъ я день за днемъ давалъ отчетъ во всѣхъ моихъ усиліяхъ порвать эту несчастную связь (*pour rompre cette funeste liaison*).

«Мнѣ возразятъ, что я долженъ бы былъ повліять на сына? Г-жа Пушкина и на это могла бы дать удовлетворительный отвѣтъ, воспроизведя письмо, которое я потребовалъ отъ сына,—письмо, адресованное къ ней, въ которомъ онъ заявлялъ, что отказывается отъ какихъ бы то ни было видовъ на нее. Письмо отнесъ я самъ и вручилъ его въ собственныя руки. Г-жа Пушкина воспользовалась имъ, чтобы доказать мужу и роднѣ, что она никогда не забывала вполнѣ своихъ обязанностей».

Геккеренъ раскрываетъ тайны, приподымаетъ уголокъ завѣсы. Онъ возлагаетъ отвѣтственность на Наталью Николаевну, онъ не щадитъ ея. Въ нѣсколько неопредѣленныхъ выраженіяхъ онъ утверждаетъ существованіе «несчастной связи» (*funeste liaison*). Кажется, послѣднее выраженіе не допускаетъ сомнѣній въ матеріальномъ характерѣ этой связи. Для насъ не ясна фраза Геккерена: «доводилъ свою откровенность до выраженій, которыя должны были ее оскорбить, но вмѣстѣ съ тѣмъ и открытъ ей глаза». Дѣло представляется такъ, что не столько Дантесъ былъ влюбленъ въ нее, сколько она въ него. И по рассказамъ друзей Пушкина выходитъ, что Наталья Николаевна даже послѣ разговоровъ и объясненій съ мужемъ не могла оторваться отъ увлекательнаго Дантеса: ее тянула къ нему неодолимая, сладкая сила. Вспомнимъ, что князь П. А. Вяземскій сообщалъ великому князю Михаилу Павловичу о «легкомысліи и вѣтрености» Натальи Николаевны: онъ писалъ, что «она должна была бы удалиться отъ свѣта, но у нея не хватило характера, и она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до свадьбы: тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности». Но правдивъ ли князь Вяземскій, изображая почти воздушными штрихами отношенія Натальи Николаевны къ Дантесу, и не приписываетъ ли онъ ей такую безпечность и непослѣдовательность, какой въ дѣйствительности не бываетъ? Но вѣдь вокругъ ея мужа собиралась гроза, и она не могла не чувствовать ея приближенія, и... все же ее тянула къ Жоржу Дантесу неодолимая и сладкая сила.

Геккеренъ какъ будто и не обвиняетъ Пушкину, онъ только переноситъ центръ тяжести всего дѣла на нее. «Спросите ее подъ присягой, пусть она скажетъ, пусть она покажетъ письмо»,—говоритъ Геккеренъ. По содержанію письма можно сдѣлать лишь два предположенія.

Или Геккеренъ—правъ: ему, дѣйствительно, не въ моготу стало, и онъ рѣшилъ приподнять завѣсу съ интимныхъ происшествій, привлекая этими признаніями къ отвѣтственности новое лицо, да притомъ еще и женщину. Если Геккеренъ говорилъ правду, то и тогда онъ совершалъ дѣяніе, съ нравственной точки зрѣнія осуждаемое. Была дуэль, былъ убитъ человѣкъ. Въ дѣлѣ замѣшана женщина. Не

принято, чтобы лица, призванные къ отвѣту, называли ея имя. Они не должны называть ее: къ этому обязываютъ и правила условной порядочности, и долгъ благородства.

Или Геккеренъ—не правъ въ своихъ утверженіяхъ. Тогда его дѣяніе—мерзко и отвратительно. Видя, что онъ скандализованъ и потерялъ свою репутацію, онъ считаетъ возможнымъ не щадить другихъ и вводить клевету на женщину.

Мы стоимъ передъ этими двумя предположеніями. Какое выбрать: правъ или не правъ Геккеренъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могла дать Наталья Николаевна Пушкина. «Спросите ее, и пусть она скажетъ!» Ея не спросили.

А въ комиссіи военного суда, судившей Дантеса и Данваса, аудиторъ 13 класса Масловъ, обязанный слѣдить за правильностью процесса, подалъ 14 февраля рапортъ. «По лежащей на мнѣ обязанности,—доносить аудиторъ комиссіи,—я по обстоятельствамъ означеннаго дѣла считалъ бы неизлишнимъ потребовать чрезъ с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера отъ жены камергера Пушкина объясненіе... о поведеніи гг. Геккереновъ въ отношеніи обращенія ихъ съ Пушкиной». Комиссія постановила не допрашивать Пушкину, «дабы безъ причины не оскорбить» ея¹⁾.

Итакъ, Пушкина не была спрошена. Но вѣдь Геккеренъ въ своемъ письмѣ не ограничился голословной ссылкой на нее. Онъ привелъ факты, существующіе и требующіе того или иного разъясненія. Онъ упомянулъ о письмѣ, которымъ будто бы Пушкина воспользовалась для доказательства своей невинности, онъ упомянулъ о двухъ дамахъ, которымъ онъ давалъ ежедневный отчетъ о своихъ попыткахъ разорвать преступную связь.

Покончивъ съ обвиненіями въ подстрекательствѣ, Геккеренъ переходитъ къ разбору обвиненія его въ составленіи анонимныхъ писемъ.

«Есть и еще оскорбленіе, относительно котораго, вѣроятно, никто не думаетъ, чтобы я снизошелъ до оправданій, а потому егѣ никто и не нанесъ мнѣ прямо, однако примѣшали мое имя и къ другой подлости—анонимнымъ письмамъ!

«Въ чьихъ же интересахъ можно было бы прибѣгнуть къ этому оружію, оружію самаго низкаго изъ преступниковъ, отравителя? Въ интересахъ моего сына, или г. Пушкина, или его жены? Я краснѣю отъ сознанія одной необходимости ставить такіе вопросы. Кого же задѣли, кромѣ того, эти инсинуаціи, нелѣпныя и подлыя вмѣстѣ? Молодого человѣка, который обвиняется въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи, и о которомъ я далъ себѣ слово молчать, такъ какъ его участь зависитъ отъ милосердія монарха.

¹⁾ Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военносудное дѣло 1837 г. Спб. 1900 г., стр. 76—78.

«Мой сынъ, значитъ, тоже могъ бы быть авторомъ этихъ писемъ? Спрошу еще разъ: съ какою цѣлью? Развѣ для того, чтобы добиться большаго успѣха у г-жи Пушкиной, для того, чтобы заставить ее броситься въ его объятія, не оставивъ ей другого исхода, какъ погибнуть въ глазахъ свѣта и отвергнутой мужемъ? Но подобное предположеніе плохо вяжется съ тѣмъ высоко-нравственнымъ чувствомъ, которое заставило моего сына закабалить себя на всю жизнь, чтобы спасти репутацію любимой женщины. Или онъ хотѣлъ вызвать тѣмъ поединокъ, надѣясь на благоприятный исходъ? Но три мѣсяца тому назадъ онъ рисковалъ тѣмъ же, однако, будучи далекъ отъ подобной мысли, онъ предпочелъ безвозвратно себя связать съ единственной цѣлью—не компрометировать г-жу Пушкину; я не думаю, чтобы можно было дойти до отрицанія личной его храбрости; ему суждено было дать тому печальное доказательство».

Геккерену остается еще объяснить, почему пошелъ на дуэль не онъ, а его сынъ.

«Я покончилъ съ этимъ чудовищнымъ собраніемъ гнусностей, которымъ не удалось отнять у меня мужества отвѣтить на все. Мнѣ остается, графъ, только доказать, что дуэль не могла не состояться».

«Изъ уваженія къ могилѣ я не хочу давать оцѣнку письма, которое я получилъ отъ г. Пушкина; если бы я представилъ его содержаніе, то было бы видно, какъ онъ, съ одной стороны, приписываетъ мнѣ позорное потворство, а съ другой—запрещаетъ мнѣ дѣлать родительскія внушенія его женѣ; можно пожелать, ради памяти Пушкина, чтобы это письмо не существовало. Могъ ли я оставить его безъ отвѣта или спуститься на уровень подобнаго посланія? Повторяю, что дуэль была неизбежна. Теперь, кто же долженъ былъ быть противникомъ г. Пушкина? Если я самъ, то, какъ побѣдитель, я обезщечивалъ своего сына; злословіе распространило бы повсюду, что я самъ вызвался, что уже разъ я улаживалъ дѣло, въ которомъ сынъ мой обнаружилъ недостатокъ мужества; если же я былъ бы жертвою, то мой сынъ не замедлил бы отмстить мою смерть, и его жена осталась бы безъ опоры. Я это понималъ, а онъ просилъ у меня, какъ доказательства моей любви, позволенія заступить мое мѣсто. Каждый порядочный человѣкъ былъ бы вполне убѣжденъ въ роковой необходимости этой встрѣчи».

Геккеренъ заканчиваетъ свое письмо просьбой о разслѣдованіи дѣла.

«Кончаю, графъ, мое письмо, и такъ уже слишкомъ длинное. Если все то, что я изложилъ вашему сіятельству, недостаточно, чтобы выставить всю презрѣнность взведенныхъ на меня обвиненій, я соглашаюсь, вручивъ мои отзывныя грамоты, остаться въ странѣ, какъ частный человѣкъ, и все мое поведеніе поставить въ зависимость отъ результата слѣдствія, просить о назначеніи котораго

прямо въ моихъ интересахъ. Не обладая собственными средствами, я безъ жалобъ оставляю почетный и выгодный постъ. Хотя моя будущность и не обезпечена, я ничего не требую, я не надѣюсь ни на что, но я не могу добровольно согласиться на потерю уваженія монарха, передъ которымъ я такъ долго имѣлъ счастье быть представителемъ интересовъ моего государя и моей страны. Единственно съ этою цѣлью я рѣшился обратиться къ вамъ съ этимъ письмомъ.

«Я не имѣю правъ на благоволеніе его императорскаго величества, хотя я и получалъ тому доказательства, исполнившія меня признательностью, но совѣсть моя мнѣ говоритъ, что я никогда не переставалъ быть достойнымъ его уваженія; въ этомъ все мое честолюбіе; оно велико, конечно, но я осмѣливаюсь сказать, что все мое поведеніе всегда его оправдывало, и я осмѣливаюсь надѣяться, многоуважаемый графъ, что вы соблаговолите довести его до свѣдѣнія государя.

«Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашимъ почтительнымъ и покорнымъ слугой.

«Баронъ де-Геккеренъ».

Не сочли нужнымъ удовлетворить Геккерена и привлечь къ слѣдствію по дѣлу. Даже изъ тѣхъ документовъ, которые онъ представилъ графу Нессельроду, далеко не всѣ были представлены въ военную комиссію.

V.

Переписка родныхъ Дантеса о немъ и о его дѣлѣ во время слѣдствія.—«Дантесъ при своемъ характерѣ и не могъ бы поступить иначе».—Высылка Дантеса за границу.

Родные Дантеса жили въ 1837 году въ Сульцѣ. Здѣсь были отецъ его Конрадъ, братъ Альфонсъ, сестра Нанина. Первые извѣстія о дуэли Жоржа Дантеса съ Пушкинымъ они прочли въ газетахъ. Геккеренъ собрался написать имъ не такъ скоро. Болѣе подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія они получили отъ д'Аршіака. Братъ Дантеса, Альфонсъ, нарочно отправился изъ Эльзаса въ Парижъ съ спеціальной задачей повидать д'Аршіака. Письмо Геккерена было получено въ Сульцѣ 4—5 марта (н. ст.). Затѣмъ до отъѣзда Геккереновъ изъ Россіи родственники обмѣнялись нѣсколькими письмами. Эти письма въ настоящее время находятся въ нашемъ распоряженіи, и мы считаемъ небезынтереснымъ познакомить читателя съ ихъ содержаніемъ. Они обрисовываютъ строй и настроеніе семьи Дантесовъ, характеризуютъ отношеніе Дантесовъ къ Геккерену и, наконецъ, заключаютъ ту санкцію,

которую вынесла семья Дантесу. Въ узкомъ себялюбіи благополучной семьи, всѣ эти Дантесы, совѣмъ не стави въ вину своему родственнику его поведеніе, считаютъ долгомъ поддержать настроеніе родныхъ въ Петербургѣ. Въ наивности своего эгоизма они готовы представлять Пушкина чуть ли не самоубійцей.

Первое письмо Геккерена въ Сульцъ неизвѣстно. Мы имѣемъ лишь отвѣтъ на него отца Дантеса 6-го марта 1837 г. (н. ст.). Онъ писалъ Геккерену:

«Дорогой баронъ, ваше письмо совершенно успокоило насъ за участь Жоржа. Объ этомъ печальномъ происшествіи возвѣстили всѣ газеты, весь городъ зналъ о немъ, одинъ я оставался въ невѣдѣніи. Не далѣе, какъ вчера, письмо m-me Igène возвѣстило о приѣздѣ г. д'Аршіака въ Парижъ и о томъ, что рана Жоржа не такъ опасна, какъ о ней мнѣ сообщали. Всѣ газеты выказываютъ расположеніе моему сыну, объявляя г. Пушкина зачинщикомъ; «Journal des Débats» утверждаетъ даже, что клевета и анонимныя письма вынудили г. Пушкина на такой поступокъ, приведшій его къ гибели ¹⁾. Жоржъ, мой дорогой баронъ, поступилъ такъ, какъ должно; зная его характеръ и его сердце, я удивился бы тому, если бы онъ поступилъ иначе... Нѣтъ, вы не могли бы дѣйствовать иначе, и я приглашаю васъ, дорогой баронъ, быть бодрымъ. Это несчастное происшествіе не могло не случиться, рано или поздно, и я благодарю Провидѣніе, покровительствовавшее Жоржу. Мои дѣти и я обнимаемъ васъ, а также Жоржа и его жену. Сообщайте намъ новости о бѣдномъ Жоржѣ».

21-го марта Навина Дантесъ писала изъ Сульца барону Геккерену: «Альфонсъ съ вечера 10-го — въ Парижѣ, но онъ могъ видѣть д'Аршіака только въ понедѣльникъ 12-го; послѣдній отправлялся за новостями изъ Петербурга; оказалось, что Жоржъ разжалованъ въ рядовые. Д'Аршіакъ находитъ, что это пустяки, но мнѣ кажется, что это чрезмѣрно. Вѣдь зачѣмъ же наконецъ подвергать наказанію, когда всѣ согласно одобряютъ его поведеніе: понятно, что онъ не могъ дѣйствовать иначе. Но если, къ несчастію для него, онъ былъ бы русскимъ подданнымъ, то его карьера была бы потеряна. Русскіе, проводящіе зиму въ Баденѣ, произносятъ похвальные рѣчи въ честь своего поэта. Но, что васъ должно успо-

¹⁾ Въ «Journal des Débats» (3 Mars 1837) появилась одна изъ лучшихъ заграничныхъ статей о Пушкинѣ, принадлежащая перу его знакомаго Лене-Веймара. О причинахъ дуэли авторъ не распространяется. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: «Les propos calomnieux et les lettres anonymes qui ont tué tout de gens de coeur avant Pouschkine, et qui en tueront encore après lui, ont aussi causé sa mort à l'âge, où il s'appretait par le travail à un grand oeuvre à l'histoire de Pierre le Grand. Nous laisserons dans le silence et dans l'oubli qu'il a demandé lui-même en mourant, les motifs qui l'ont porté à l'acte violent qui a terminé sa vie, car il se croyait l'offensé et il s'était fait l'agresser»...

коить въ этомъ печальномъ дѣлѣ, такъ это увѣренность, что всѣ благомыслящіе люди не находятъ вины за Жоржемъ. Но все-таки я буду болѣе спокойна лишь тогда, когда вы будете внѣ Россіи. Признаюсь, я опасюсь единственно того, не будете ли вы тосковать, покидая Россію».

Въ отвѣтъ на эти письма баронъ Геккеренъ 29-го марта отправилъ г-жѣ Дантесъ успокоительное посланіе. Онъ выступилъ въ немъ рѣшительнымъ сторонникомъ Панглоссовой системы: «все къ лучшему въ этомъ мірѣ». Пушкинъ оказывался у него безумцемъ, которому надоѣла жизнь, и который рѣшился покончить съ собой, избравъ для этого руку Дантеса. Чудовищность такой постановки вопроса бросаетъ яркій свѣтъ на нравственную личность Геккерена, а все письмо заключаетъ прелюбопытныя черты для его характеристики. Приведемъ его цѣликомъ:

«Ваши послѣднія письма, моя дорогая Наниа, очень меня обрадовали тѣмъ, что успокоили насъ совершенно относительно тревоги, перенесенной вами до полученія моего перваго письма; письмо же вашего отца меня просто осчастливило; я и не ожидалъ ничего другого отъ его прямого образа мыслей и его благороднаго и возвышеннаго характера; иначе поступить мы и не могли; Жоржу не въ чемъ себя упрекнуть; его противникомъ былъ безумецъ, вызвавшій его безъ всякаго разумнаго повода; ему просто жизнь надоѣла, и онъ рѣшился на самоубійство, избравъ руку Жоржа орудіемъ для своего переселенія въ иной міръ. Вы легко поймете, что послѣ подобнаго событія я не могу оставаться въ Россіи и просилъ позволенія, которое мнѣ и было дано, уѣхать изъ С.-Петербурга; рассчитываю выѣхать въ скоромъ времени, жду только приѣзда моего преемника; Жоржъ также оставляетъ русскую службу и вмѣстѣ съ женой явится прямо въ Сульцъ, а я ѣду сперва въ Голландію, гдѣ мнѣ надо устроить кое-какія дѣла, а потомъ къ вамъ; вы видите, что нѣтъ худа безъ добра: мы увидимся раньше, чѣмъ могли надѣяться; я не знаю, какой постъ мнѣ предвѣщаютъ, но все равно мы будемъ ближе другъ къ другу и сможемъ чаще видѣться. Какъ только я получу назначеніе, Жоржъ приѣдетъ ко мнѣ съ женой. Они оба совсѣмъ здоровы; вашъ братъ совершенно оправился отъ раны: поведеніе его жены было безукоризненно при данныхъ обстоятельствахъ; она ухаживала за нимъ съ самой нѣжной заботливостью и радуется возможности покинуть страну, гдѣ уже счастливой быть не можетъ. Что меня касается, то я также очень доволенъ, мнѣ и безъ того надоѣла страна, гдѣ я разстроилъ свое здоровье, и, приближаясь къ старости, я радъ поселиться въ болѣе тепломъ климатѣ и всецѣло посвятить себя своей новой семьѣ; если Catherine будетъ умницей, то подаритъ насъ маленькимъ Жоржемъ, который утѣшитъ насъ во всѣхъ пережитыхъ тревоженіяхъ. Какъ только день нашего отъѣзда бу-

детъ назначенъ, мы васъ извѣстимъ. А пока шлемъ вамъ всѣ трое тысячу привѣтствій и просимъ васъ совершенно успокоиться на нашъ счетъ».

Мы знаемъ, что въ дѣйствительности дѣла Геккерена сложились совсѣмъ плохо. 19-го марта (1-го апрѣля) въ сопровожденіи жандармскаго унтеръ-офицера былъ вывезенъ изъ Петербурга Дантесъ. Самъ Геккеренъ былъ, по его просьбѣ, отозванъ, но онъ получилъ отпускъ и не получилъ новаго назначенія. Совсѣмъ въ иномъ тонѣ писалъ онъ 23-го марта (5-го апрѣля) одному изъ Геккереновъ, Генриху въ Соксбекъ.

«Ужъ давно, мой милый Генрихъ, долженъ былъ я вамъ написать, но я былъ не въ состояніи взять перо въ руки, чтобы заговорить съ вами о роковомъ событіи, происшедшемъ въ моемъ домѣ; ни Жоржъ, ни я были тутъ ни причемъ; все это свалилось мнѣ, какъ снѣгъ на голову; все, что было въ человѣческихъ силахъ, было сдѣлано, чтобы избѣжать, не нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ правилъ чести, дуэли; въ концѣ концовъ пришлось прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ; изъ газетъ вы могли узнать объ ея исходѣ. На другой же день я писалъ королю, чтобы онъ разрѣшилъ мнѣ оставить Россію, потому что я не желалъ оставаться въ Петербургѣ послѣ этой катастрофы; отвѣтъ его величества былъ вполне удовлетворителенъ; король даетъ мнѣ отпускъ, это все, чего я желалъ, и я ѣду черезъ нѣсколько дней; я продалъ всю свою обстановку, такъ какъ ни подъ какимъ видомъ не соглашусь когда либо вернуться сюда; хотя вообще мнѣ отдаютъ дань справедливости, но мнѣ пришлось бы бороться съ цѣлой партіей, главой которой покойный былъ; борьба съ нею отравила бы со временемъ все мое существованіе; вслѣдъ за этимъ письмомъ явлюсь и я и лично расскажу вамъ все подробно; одно могу сказать, что если бы мнѣ пришлось дѣйствовать опять съ начала, я поступилъ бы точно также. Передайте мой привѣтъ Everdine; я ей не пишу, такъ какъ не стоитъ говорить съ ней о дѣлѣ, о которомъ мнѣ такъ тяжело вспоминать. Жоржъ больше не на русской службѣ; онъ уже уѣхалъ; я отправляю его вмѣстѣ съ женой къ его отцу, гдѣ онъ обождетъ новаго моего назначенія»...

Одновременно съ этимъ письмомъ, въ этотъ же день Геккеренъ сообщалъ Нанинѣ Дантесъ въ Сульцъ: «Это—послѣднее письмо, которое я вамъ пишу отсюда. Для того, чтобы васъ совершенно успокоить, я скажу вамъ, что я очень радъ; прежде всего мое здоровье не могло бы слишкомъ долго сопротивляться пребыванію въ этой странѣ. Событіе, которое удаляетъ меня въ настоящее время отсюда, нѣсколько ускорило мой отъѣздъ—вотъ 'и все. Жоржъ уже уѣхалъ; онъ покинулъ насъ пять дней тому назадъ, это было немного рѣзко, какъ и все въ этой странѣ, но онъ чувствуетъ себя хорошо; мы имѣли отъ него извѣстія съ дороги, онъ сообщаетъ намъ,

что ждетъ насъ въ Кенигсбергѣ. Катерина и я отправляемся черезъ нѣсколько дней... Мы поѣдемъ медленно: дорога ужасна, а Катерина нуждается въ предосторожностяхъ. Разжалованіе въ солдаты, о которомъ сообщилъ вамъ д'Аршіакъ, не имѣетъ никакого значенія, это—проформа. Такъ какъ дуэль запрещена, то необходима кара. Но всякій честный человѣкъ пойметъ, что Жоржъ не могъ поступить иначе».

VI.

Баронъ Геккеренъ послѣ отъѣзда Жоржа Дантеса. — Положеніе Е. Н. Дантесъ, урожденной Гончаровой. — Ея отношенія къ Россіи, Пушкинымъ и Дантесу. — Отъѣздъ Геккерена изъ Петербурга. — Высочайше пожалованная табакерка.

Баронъ Геккеренъ и m-me Дантесъ проводили своего Жоржа 19-го марта (ст. ст.). Геккеренъ спѣшно распродалъ свои позитки и ждалъ только своего замѣстителя, чтобы уѣхать. Мы уже видѣли, какъ натянуты были его отношенія къ петербургскому обществу. Онъ приписывалъ все это «проискамъ» партіи, главой которой былъ покойный Пушкинъ. Послѣ отъѣзда Дантеса Геккеренъ съ своей невѣсткой пробыли въ Петербургѣ безъ двухъ дней двѣ недѣли. За это время Геккеренъ успѣлъ послать своему приемному сыну три письма. Первое онъ отправилъ сейчасъ же послѣ отправленія Дантеса. Это письмо прибавляетъ еще нѣсколько черточекъ для обрисовки положенія Геккереновъ въ Петербургѣ, указываетъ на трогательную заботливость старика о своемъ приемномъ сынѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ нѣкоторые намеки на то, что отношенія Геккерена и Дантеса не были особенно дружественными и не отличались взаимнымъ довѣріемъ. Геккеренъ жалуется въ письмѣ на то, что Дантесъ не платилъ ему желаннымъ довѣріемъ. Вотъ что писалъ Геккеренъ:

«Я пишу тебѣ только пару словъ, милый мой Жоржъ; судя по способу, которымъ тебя выслали, ты легко поймешь мою сдержанность; разъ твоя жена и я еще здѣсь, надо соблюдать осторожность, дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось много пострадать во время твоего ужаснаго путешествія,—тебѣ, больному, съ двумя открытыми ранами; позволили ли, или, вѣрнѣе, дали ли тебѣ время въ дорогѣ, чтобы перевязать раны? Не думаю, и сильно безпокоюсь о томъ; береги себя въ ожиданіи насъ и, если хочешь, поѣзжай въ Кенигсбергъ, тамъ тебѣ будетъ лучше, чѣмъ въ Тильзитѣ. Не называю тебѣ лицъ, которыя оказываютъ намъ вниманіе, чтобы ихъ не компрометировать, такъ какъ рѣшительно мы подвергаемся нападкамъ партіи, которая начинаетъ обнаруживаться, и нѣкоторые органы которой возбуждаютъ преслѣдованіе противъ насъ. Ты знаешь, о комъ я говорю; могу тебѣ сказать, что мужъ и жена¹⁾

¹⁾ Не идетъ ли тутъ рѣчь о графѣ и графинѣ Нессельроде?

относятся къ намъ безукоризненно, ухаживаютъ за нами, какъ родные, даже больше того,—какъ друзья. Какъ только прибудеть Геверсъ, мы уѣдемъ. Все же пройдетъ недѣли двѣ прежде, чѣмъ мы будемъ съ тобой, если ты не останешься въ Тильзитѣ; оставь намъ на почтѣ вѣсточку о твоёмъ здоровьѣ. Во всякомъ случаѣ, вотъ паспортъ Баранта съ прусской визой. Твоей женѣ сегодня лучше, но докторъ не позволяетъ ей встать; она должна пролежать еще два дня, чтобы не вызвать выкидыша; была минута въ эту ночь, когда его опасались. Она очень мила, кротка и послушна и очень благоразумна. Каждую почту я буду тебя извѣщать о состояніи ея здоровья. Положись на меня, я позабочусь о ней. Прощай; Баранты очень тебѣ кланяются, они прекрасно относятся къ твоей женѣ; отъ души обнимаю тебя; до скорого свиданія. Старуха Загряжская умерла вчера вечеромъ. М-ле Л., тетка, сварливая и упрямая личность; но я употребилъ въ дѣло свой авторитетъ и запретилъ твоей женѣ проводить цѣлые дни за письмами къ ней, лишь бы удовлетворить ея любопытство, потому что ея заботы и расположеніе—только одно притворство. Сейчасъ выходитъ докторъ отъ твоей жены и говоритъ, что все идетъ хорошо... Офицеръ Г. (Г.) хотѣлъ меня видѣть; Боже мой, Жоржъ, что за дѣло оставилъ ты мнѣ въ наслѣдство! А все недостатокъ довѣрія съ твоей стороны. Не скрою отъ тебя, меня огорчило это до глубины души; не думалъ я, что заслужилъ отъ тебя такое отношеніе».

Нѣсколько словъ этого письма переносятъ наше вниманіе къ третьему лицу въ семьѣ Геккереновъ—къ Катеринѣ Николаевнѣ, урожденной Гончаровой. До сихъ поръ мы говорили о Геккеренѣ и Дантесѣ, но каковы были переживанія жены Дантеса? «Она очень мила, кротка, послушна и очень благоразумна»,— характеризуетъ ее Геккеренъ. Мы знаемъ, что до свадьбы она была безумно влюблена въ Дантеса. Съ свадьбой порвались ея связи и съ семьей Гончаровыхъ, и съ домомъ Пушкина... «Она радуется возможности покинуть страну, гдѣ уже счастливой быть не можетъ», писалъ о ней Геккеренъ. Новая семья завладѣла всѣми ея интересами. Въ трагедіи, разыгравшейся на ея глазахъ, всѣ ея симпатіи были на сторонѣ мужа. Мы можемъ привести одно замѣчательное письмо, написанное Катериной Дантесъ мужу, 20-го марта, на другой день послѣ его отъѣзда. Для освѣщенія ея отношеній къ мужу, ея отношеній къ свѣту и къ обществу намъ не нужно уже никакихъ матеріаловъ. Оно замѣчательно искренне. Катерина Николаевна писала мужу:

«Не могу пропустить почту и не написать тебѣ хоть нѣсколько словъ, мой добрый и дорогой другъ. Я очень огорчена твоимъ отъѣздомъ, не могу привыкнутьъ къ мысли, что не увижу тебя двѣ недѣли; считаю часы и минуты, которые осталось мнѣ провести въ этомъ проклятомъ Петербургѣ; я хотѣла бы быть уже далеко

отсюда. Жестоко было отнять такъ у меня тебя, мое сердце; теперь тебя заставляютъ трястись по этимъ ужаснымъ дорогамъ, всѣ кости можно на нихъ переломать; надѣюсь, что хоть въ Тильзитѣ ты отдохнешь, какъ слѣдуетъ; ради Бога, береги свою руку; я боюсь, какъ бы ей не повредило путешествіе. Вчера, послѣ твоего отъѣзда, графиня Строганова оставалась еще нѣсколько времени съ нами; какъ всегда, она была добра и нѣжна со мной; заставила меня раздѣться, снять корсетъ и надѣть капотъ; потомъ меня уложили на диванъ и послали за Раухомъ, который прописалъ мнѣ какую-то гадость и велѣлъ сегодня еще не вставать, чтобы побережь маленькаго: какъ и подобаешь почтенному и любящему сыну, онъ сильно капризничаетъ, оттого что у него отняли его обожаемаго папашу; все-таки сегодня я чувствую себя совѣсмъ хорошо, но не встану съ дивана и не двинусь изъ дому; баронъ окружаетъ меня всевозможнымъ вниманіемъ, и вчера мы весь вечеръ смѣялись и болтали. Графъ меня вчера навѣстилъ; я нахожу, что онъ дѣйствительно сильно опустился; онъ въ отчаяніи отъ всего случившагося съ тобой и возмущенъ до бѣшенства глупымъ поведеніемъ моей тетушки и не сдѣлалъ ни шага къ сближенію съ ней; я ему сказала, что думаю даже, что это было бы и бесполезно. Вчера тетка мнѣ написала пару словъ, чтобы узнать о моемъ здоровьѣ и сказать мнѣ, что мысленно она была со мною; она будетъ теперь въ большомъ затрудненіи: такъ какъ мнѣ запретили подниматься на ея ужасную лѣстницу, я у нея быть не могу, а она, разумѣется, сюда не придетъ; но, зная, что мнѣ нездоровится, и что я въ горѣ по случаю твоего отъѣзда, у нея не хватить духу признаться въ обществѣ, что не видится со мной; мнѣ чрезвычайно любопытно посмотрѣть, какъ она поступитъ; я думаю, что ограничится ежедневными письмами, чтобы справляться о моемъ здоровьѣ. *Idalie*¹⁾ приходила вчера на минуту съ мужемъ; она въ отчаяніи, что не простилась съ тобой; говорить, что въ этомъ виновата Бетанкуръ: въ то время, когда она собиралась итти къ намъ, онъ ей сказалъ, что ужъ будетъ поздно, что ты, по всей вѣроятности, уѣхалъ; она не могла утѣшиться и плакала, какъ безумная. М-не Загряжская умерла въ день твоего отъѣзда, въ семь часовъ вечера.

«Одна горничная (русская) восторгается твоимъ умомъ и всей твоей особой, говоритъ, что тебѣ равнаго она не встрѣчала во всю свою жизнь и что никогда не забудетъ, какъ ты пришелъ ей похвастаться своей фигурой въ сюртукѣ²⁾. Не знаю, разберешь ли ты мои каракули, во всякомъ случаѣ, немного потерялъ бы, если бы и не разобралъ, не могу сообщить тебѣ ничего интереснаго; един-

¹⁾ *Idalie* — Идалия Полетика.

²⁾ Дантесъ, дѣйствительно, былъ побѣдитель женщинъ!

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1906 г., т. с.

ственную вещь, которую я хочу, чтобы ты зналъ ее, въ чемъ ты уже вполне увѣренъ, это—то, что тебя крѣпко, крѣпко люблю, и что въ одномъ тебѣ все мое счастье, только въ тебѣ, тебѣ одномъ, мой маленькій 8-г Jean-Baptiste. Цѣлую тебя отъ всего сердца такъ же крѣпко, какъ люблю. Прощай, мой добрый, мой дорогой другъ; съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда смогу обнять тебя лично».

И Геккеренъ, и Катерина Николаевна ошиблись въ своихъ расчетахъ на сына. 19-го октября (н. ст.) 1837 года, когда она была въ Сульцѣ, у нея родилась дочка Матильда-Евгенія¹⁾.

Второе письмо Геккерена отъ 24-го марта (5-го апрѣля) къ Дантесу не лишено интереса. «Мы заняты по горло приготовленіями къ отъѣзду,—писалъ между прочимъ Геккеренъ,—сейчасъ упаковываютъ мебель. Я хочу быть совершенно готовымъ, когда пріѣдетъ Геверсъ; нѣтъ никакихъ отъ него извѣстій, нѣтъ никого изъ Гааги. ...Здѣсь тоже нѣтъ ничего новаго для меня, то же молчаніе и никакого отвѣта. Я оставляю за собой право распоряжаться моимъ поведеніемъ независимо отъ того, какъ на него посмотрятъ послѣ моего отъѣзда. Нельзя же видѣть дурное въ томъ, что я хочу оправдать себя въ то время, какъ упорно не желаютъ сказать мнѣ, что нельзя сдѣлать никакого упрека, потому что я ни о чемъ больше не прошу».

Почти передъ самымъ отъѣздомъ Геккеренъ отправилъ третье письмо Жоржу: «Два слова, мой возлюбленный Жоржъ! Пріѣхалъ Геверсъ. Я жду только прощальной аудіенціи, чтобы отправиться; еще немного терпѣнія, и мы свидимся. Письма, привезенныя Геверсомъ, не даютъ мнѣ надежды на новое мѣсто. Я ничего не сказалъ объ этомъ твоей женѣ, чтобы не огорчать ея. Я полонъ бодрости и самоотверженія, и отъ тебя я жду того же. Останемся вмѣстѣ, и мы будемъ еще счастливы... Твоя жена чувствовала себя очень хорошо утромъ и жаловалась только на голову... Докторъ увѣрилъ меня, что путешествіе не будетъ для нея вредно, но я беру съ собой до Берлина горничную. Строгановъ написалъ мнѣ великолѣпное письмо, мнѣ и тебѣ»...

Пріѣхалъ замѣститель Геккерена, Геверсъ, назначенный повѣреннымъ въ дѣлахъ, но Геккеренъ не добился прощальной аудіенціи. Государь отказался принять его. «На другой день послѣ моего пріѣзда, — сообщалъ 3-го апрѣля Геверсъ министру Верстоку, — баронъ Геккеренъ ходатайствовалъ о прощальной аудіенціи у царской фамилии, но государь передалъ черезъ Нессельроде, что онъ желаетъ избѣжать объясненій, которыя могутъ быть только тягостными. Онъ предпочелъ не видѣть г. Геккерена и приказалъ

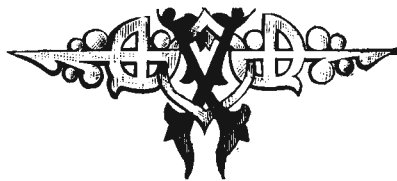
¹⁾ Она вышла замужъ 15-го мая 1861 года за генерала (général de division français) Жана-Луи Мельтмана. Она умерла въ 1893 году.

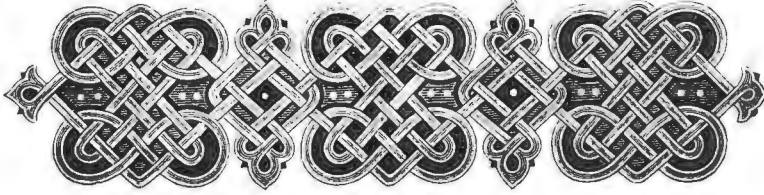
по этому случаю пожаловать, какъ доказательство своего благоволенія, брилліантовую табакерку, украшенную портретомъ его величества. Не имѣя съ этого мгновенія никакихъ препятствій къ отправленію, г. Геккеренъ закончилъ необходимыя приготовленія къ отъѣзду и выѣхалъ въ Гаагу третьяго дня днемъ, сдавъ мнѣ архивъ и бумаги посольства».

Сохранились архивныя свѣдѣнія о пожалованіи подарка. 30-го марта 1837 года графъ Нессельроде сообщилъ князю Волконскому, министру двора, о томъ, что «государь императоръ всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ отъѣзжающему отсюда нидерландскому посланнику барону Геккерену золотую украшенную брилліантами табакерку съ портретомъ его величества въ 12.000 рублей». 31-го марта табакерка была доставлена графу Нессельроде, и очевидно въ тотъ же день или утромъ 1-го апрѣля была имъ вручена Геккерену. 1-го апрѣля баронъ Геккеренъ выѣхалъ изъ Петербурга.

Покинувъ Петербургъ и Россію, Геккеренъ не переставалъ интересоваться петербургскими разговорами. По крайней мѣрѣ, мы можемъ привести слѣдующую выписку изъ письма Геверса къ Геккерену, написаннаго въ отвѣтъ послѣднему 15-го мая 1837 года: «Здѣсь, господинъ баронъ, нѣтъ ничего новаго помимо того, о чемъ я писалъ вамъ раньше. Въ обществѣ не спрашиваютъ о смерти Пушкина. Съ перваго дня моего пріѣзда я избѣгалъ и прерывалъ всякій разговоръ по этому предмету; вражда общества, исчерпавъ весь свой ядъ, наконецъ стихла. Императоръ принялъ меня нѣсколько дней тому назадъ въ частной аудіенціи; все, что касалось до этого дѣла, было тщательно избѣгаемо».

П. Е. Щеголевъ.

ГОДЫ СМУТЫ И БОРЬБЫ ¹⁾.

Историческія параллели.

II.

Народные бунты и конституціонныя вѣянія.

ГУЩАЯ мрачныя краски для характеристики личности великаго преобразователя Россіи и всего дѣла его реформы, Н. И. Костомаровъ въ монографіи «Петръ Великій» ²⁾ говоритъ: «Петру помогло болѣе всего его самодержавіе, унаслѣдованное имъ отъ предковъ. Онъ создаетъ войско и флотъ, хотя для этого требуется безчисленное множество человѣческихъ жертвъ и плодовъ многолѣтняго народнаго труда, — все приносится народомъ для этой цѣли, хотя собственно народъ этого ясно не понимаетъ и потому не желаетъ; все приносится оттого, что такъ хочетъ царь. Налагаются неимовѣрные налоги, высылаются на войну и на тяжелыя работы сотни тысячъ молодого здороваго поколѣнія для того, чтобъ уже не возвратиться домой. Народъ разоряется, нищаетъ, зато Россія пріобрѣтаетъ моря, расширяются предѣлы государства, организуется войско, способное мѣряться съ сосѣдями. Русскіе издавна привыкли къ своимъ стариннымъ приемамъ жизни, они ненавидѣли все иноземное; погруженные въ свое внѣшнее бла-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 978.

²⁾ «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», выпущенъ шестой, изд. 1878 г.

гочестіе, они оказывали отвращеніе къ наукамъ. Самодержавный царь заставляеть ихъ одѣваться по-иноземному, учиться иноземнымъ знаніямъ, пренебрегать своими дѣдовскими обычаями, и, такъ сказать, плевать на то, что прежде имѣло для всѣхъ ореолъ святости. И русскіе пересиливаютъ себя, повинуются, потому что такъ хочеть ихъ самодержавный государь». Въ этой картинѣ, нарисованной далеко нелюбящей рукой, чрезвычайно, однако, мѣтко и вѣрно выдвинута художникомъ-историкомъ волевая сторона дѣятельности великаго реформатора: она явилась тѣмъ живымъ насосомъ, который энергично выкачивалъ изъ страны и народа ихъ силу, способности и мощь, въ интересахъ государственности, ея крѣпости и военной обороны; въ этихъ-то интересахъ вся страна была залита кровью и наполнена борьбою, при чемъ эта борьба шла не изъ вѣдръ народныхъ къ подножію престола, а въ обратномъ направленіи. Поэтому, если утвержденіе профессора С. Ѳ. Платонова ¹⁾, что «реформы Петра по своему существу и результатамъ не были переворотомъ; Петръ не былъ «царемъ революціонеромъ», какъ его иногда любятъ называть»,—и можетъ быть признано справедливымъ, то только съ оговоркою: настоящей революціи дѣйствительно не было въ смыслѣ кореннаго видоизмѣненія конструкціи старо-московскихъ государственныхъ учреждений и ихъ содержанія или народной экономики, но способы осуществленія тѣхъ или иныхъ предначертаній были несомнѣнно революціоннаго характера и свойства; однако страна была такъ обезсилена волевымъ напряженіемъ дѣятельности верховной власти, что рѣшительно не имѣла силъ для какой либо сложной и серьезной активной оппозиціи начинаніямъ этой власти, хотя самимъ начинаніямъ въ большинствѣ случаевъ и въ большей своей части положительно не сочувствовала. Поэтому въ царствованіе Петра I, послѣ устраненія Софіи Алексѣевны отъ власти, не встрѣчается какого либо широкаго народнаго движенія съ характеромъ общегосударственной смуты, которое бы серьезно грозило политическимъ и социальнo-экономическимъ основамъ государственнаго уклада, какъ это было, напримѣръ, въ смутную эпоху или въ дни возстанія Разина, хотя поводовъ и побудительныхъ причинъ для такого движенія было немало. Впрочемъ, въ интересахъ полноты картины русскихъ «годовъ смуты и борьбы» необходимо отмѣтить «злой» бунтъ башкиръ въ 1708 году, возстаніе казака Булавина и стрѣлецкія смуты.

Башкирскій бунтъ, разыгравшійся въ 1708 году и окончательно исчерпанный правительствомъ Петра только черезъ три года, относится къ категоріи тѣхъ издавна знакомыхъ Россіи возстаній азіатскихъ кочевниковъ, которые были крѣпко захвачены русскою

¹⁾ Лекціи по русской исторіи.

государственностью и къ ней приобщены. Эти хищники Азии медленно отходили передъ напоромъ на нихъ московскихъ людей въ глубь родины Тамерлана, съ боемъ и борьбою уступая свои дѣятельныя пастбища подъ распашку великорусской сохи и бороны. Эти въ свое время два лучшихъ орудія отечественной военно-земледѣльческой колонизаціонной системы на востокъ были неизмѣнными спутниками окровавленнаго меча, который прокладывалъ имъ дорогу и, такъ сказать, сдабривалъ человѣческой кровью ту почву, по которой впослѣдствіи пролегли великорусскія борозды съ тучными на нихъ посѣвами и обильною жатвою. Эта борьба кочевого азиатскаго начала съ культурно-земледѣльческимъ, доставшаяся московской Руси по наслѣдству отъ очень глубокаго времени, перешла и въ новѣйшій періодъ нашей исторіи, омрачила, между прочимъ, страницы царствованій Петра I и Екатерины II, проникла даже въ XIX вѣкъ, и на нашей памяти какъ бы напомнила о себѣ мгновенной, но яркой вспышкой Андижанскаго возстанія. Всѣ эти инородческіе бунты и движенія на востокъ, то болѣе, то менѣе напряженные и длительные, имѣютъ свою особую, поучительную и сложную исторію, послѣднее слово которой еще далеко не сказано, и которой, быть можетъ, еще придется громко и грозно прозвучать, когда наступитъ моментъ новаго движенія народовъ опять съ востока на западъ, которое пророчески предсказываютъ нѣкоторые наши публицисты, какъ, на примѣръ, покойный Владимиръ Соловьевъ, и въ возможность котораго въ видѣ «желтой опасности» вѣрятъ такія выдающіеся политическіе дѣятели Западной Европы, какъ германскій императоръ Вильгельмъ II. Башкирскій бунтъ обошелся Россіи недешево: всего въ Казанскихъ и Уральскихъ уѣздахъ было пожжено и разорено селъ и деревень 303, людей погибло и отведено въ плѣнъ 12.705 человѣкъ.

Но не успѣло правительство Петра I справиться съ башкирами, какъ вниманіе его было приковано снова къ берегамъ тихаго Дона, гдѣ объявился въ миниатюрѣ второй Разинъ, во образѣ бахмутскаго атамана изъ трехъизбенскихъ казаковъ, Кондратій Булавинъ. Возстаніе послѣдняго нѣсколько запоздало во времени, а разыгрался оно одновременно съ Астраханскимъ бунтомъ 1705 г., и совпади оно съ разгаромъ башкирскаго бунта,—оно могло бы принять несомнѣнно очень широкіе размѣры, пожалуй, превзошло бы по интенсивности кровавый разгулъ Стеньки Разина и приблизилось бы по значенію и характеру къ кровавой бойнѣ Пугачева.

Астраханскій бунтъ вспыхнулъ на почвѣ оппозиціи новшествами и реформамъ Петра I, былъ подогрѣтъ и раздутъ раскольниками и остатками стрѣльцкихъ людей и окутанъ атмосферою сплетни и нелѣпныхъ вымысловъ. Въ основу этого момента русской смуты не было заложено глубокихъ социальныхъ и экономи-

ческих импульсовъ, въ немъ не было мало-мальски правильно организованнаго военнаго начала, онъ не выставилъ рѣзко и ясно опредѣленныхъ требованій и не выдѣлилъ изъ себя настоящаго героя и вожака, который бы сумѣлъ дать ему движеніе и направленіе. Поэтому, хотя въ Астраханскомъ бунтѣ 1705 г. до нѣкоторой степени и сконцентрировались отрицательныя вѣянія тогдашней русской дѣйствительности, но эта концентрація явилась очень слабою и недостаточно притягательною для прочихъ элементовъ возможной окраинной оппозиціи. Всего лучше соображенія къ проявленію недовольства выразились въ словахъ одной стрѣльчичи, такъ формулировавшей свои жалобы ¹⁾: «Стрѣльцовъ всѣхъ разорили, разослали съ Москвы, а въ мірѣ стали тягости, пришли службы, велятъ носить нѣмецкое платье, а при прежнихъ царяхъ этого ничего не бывало; стрѣльцовъ разорили, платье перемѣнили, и тягости въ мірѣ стали потому, что на Москвѣ перемѣнный государь: какъ царица Наталья Кирилловна родила царевну, и въ то же время боярыня или боярышня родила сына, и того взяли къ царицѣ». Когда астраханскіе бунтари убили воеводу Ржевскаго и на мѣсто его избрали трехъ своихъ ставленниковъ, въ числѣ которыхъ одинъ былъ раскольникъ, то послѣдними была издана грамота (прокламація) къ народу, гдѣ говорилось ²⁾: «Стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую и за бранобритіе, и за нѣмецкое платье, и за табакъ, и что къ церквамъ насъ и нашихъ женъ и дѣтей въ русскомъ старомъ платьѣ не пуцали, а которые въ церковь Божію ходили, и у того платье обрѣзывали и отъ церквей Божіихъ отлучали и выбивали вонъ, и всякое ругательство намъ и женамъ нашимъ, и дѣтямъ чинили воеводы и начальныя люди, и болваннымъ кумирскимъ богамъ они, воеводы, начальныя люди, поклонялись и насъ кланяются заставляли. И мы за вѣру христіанскую стали и чинить того, что болванамъ кланяются, не хотѣли. И они, воеводы и начальныя люди, по карауламъ хотѣли у караульныхъ служилыхъ людей ружья отобрать, а у иныхъ отобрали и хотѣли насъ побить до смерти; а мы у начальныхъ людей въ домахъ вынули кумирскихъ боговъ. Да въ прошломъ 1704 году на насъ брали банныхъ денегъ по рублю, да съ насъ же велѣно брать съ погребовъ со всякой сажени по гривнѣ, да у насъ же хлѣбное жалованье безъ указа отняли. И мы о томъ многое время терпѣли, и, посовѣтовавъ между собою, мы, чтобъ намъ вѣры христіанской не отбыть и болваннымъ кумирскимъ богамъ не поклоняться, и напрасно смертію душою съ женами и дѣтьми вѣчно не умереть и за то, что стала намъ быть тягость великая, и мы, того не могучи терпѣть и вѣры христіанской от-

¹⁾ С. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшаго времени», т. XV.

²⁾ Тамъ же.

быть, противъ ихъ противились и воеводу Тимоѳея Ржевскаго и изъ начальныхъ людей иныхъ убили до смерти, а иныхъ посадили за карауль. Да намъ же вѣдомо чинится отъ купецкихъ и отъ иныхъ всякихъ чиновъ людей, что въ Казани и въ иныхъ городахъ поставлены нѣмцы по два и по три человекъ на дворы и тамошнимъ жителямъ, и женамъ ихъ, и дѣтямъ чинили утѣсненія и ругательство».

Эта обстоятельная прокламація, составленная «временнымъ правительствомъ» г. Астрахани, удачно формулируетъ мотивы тогдашняго народнаго недовольства и отлично характеризуетъ мракъ въ понятіяхъ тогдашнихъ русскихъ людей—поклонниковъ старины. Мотивомъ для активнаго проявленія этого неудовольствія служили: высокій размѣръ податнаго обложенія, введеніе новыхъ налоговъ, произволъ и корысть административныхъ властей, посягательство на свободу держанія оружія, насилія надъ женами и дѣтьми, брѣдобритіе, указы Петра о русскомъ платьѣ, куреніе табака и, наконецъ, доступъ иностранцевъ къ правительственнымъ должностямъ. Элементъ иноземный, проникшій въ русскую жизнь подъ усиленнымъ покровительствомъ и по санкціи царя, признается, какъ преступленіе противъ вѣры, а наличность въ домахъ у властей болванокъ для натягиванія на нихъ париковъ, принимается, какъ стремленіе распространить въ населеніи язычество. Если прибавить сюда еще тѣ бабьи домыслы о подложности царя, то становится понятнымъ, что, за исключеніемъ ропота противъ тяжести обложенія и кое-какихъ соображеній религіознаго свойства, въ побудительныхъ причинахъ къ астраханскому бунту ничего не было серьезнаго и угрожающаго правительству Петра I. И дѣйствительно, астраханская смута успѣха не имѣла, ее не умѣли организовать, а потому ни Донъ ни кочевые инородцы къ ней не пристали, и правительственнымъ войскамъ не составило особаго труда погасить пожаръ въ самомъ началѣ его возникновенія, не дать ему перекинуться въ опасные центры или пасть на какуюнибудь горючую почву. Исторія астраханскаго бунта любопытна главнымъ образомъ, какъ подтвержденіе рѣчей, сказанныхъ на прощаніе посланцу кн. Голицына объ участіи въ мѣстныхъ окраинныхъ смутахъ раскольниковъ, о чемъ упомянуто въ предыдущемъ очеркѣ настоящихъ «параллелей». Кромѣ того, здѣсь въ дѣло смуты, кромѣ мотивовъ церковнаго свойства, вносится элементъ противодѣйствія цивилизаторской программѣ царя-реформатора со стороны представителей мрака и застоя, которые систематически сѣютъ на окраинахъ начало смуты и создаютъ силою напряженной фантазіи нелѣпныя легенды и сказанія, въ основу коихъ полагаются ненависть къ боярству, любовь къ самозванчинѣ и вѣковое стремленіе къ вольностямъ, въ противовѣсъ суровой государственности съ ея налогами, податями и жертвами на дѣло воен-

ной обороны страны. Поэтому старая гвѣзда этой вольности и ея представителей въ лицѣ казачества—Донъ и Запорожская сѣчь, надолго становятся, по причинѣ укоренившейся тутъ психологической атмосферы, удобными и благопріятными аренами для всякихъ народныхъ смутныхъ движеній, готовыхъ по всякому поводу разразиться именно на защиту своихъ былыхъ вольностей, тѣсно переплетенныхъ съ тѣмъ національныхъ и религіозныхъ преданій. Булавинскій бунтъ, вспыхнувшій вскорѣ послѣ астраханскихъ и башкирскихъ событій, былъ моментомъ, знаменательнымъ именно въ психологическомъ отношеніи, гдѣ восточная окраина—Донъ, и западная—Запорожская сѣчь, попытались сойтись въ стремленіи къ отпору надвинувшейся на нихъ петровской государственности.

Булавинъ, поднимая Донъ и Сѣчь противъ московскаго правительства вообще и противъ личности Петра въ частности, имѣлъ въ основѣ своего возстанія стремленіе къ расширенію области казачества, т.-е. прежде всего тенденцію аграрную и территоріальную. Послѣ того, какъ выступившій противъ него князь Долгорукій былъ убитъ, а Булавинъ былъ провозглашенъ войскомъ донскимъ атаманомъ всѣхъ областныхъ рѣкъ, онъ издалъ приказъ: въ церкви за царя не молиться, мотивируя и свое распоряженіе и свое возстаніе тѣмъ, что поднялъ его за всѣхъ маломочныхъ людей, за благочестіе, за преданія седми соборовъ, за старую истинную вѣру, за то, что царь перевелъ истинную вѣру въ своемъ царствѣ, бреетъ бороды и тайные уды у мужчинъ и женщинъ. Поэтому онъ убѣждалъ всѣхъ русскихъ людей отложиться отъ царя и признать надъ собою власть турецкаго султана. Такая нѣсколько путанная и туманная программа, гдѣ было смѣшано въ одну кучу слишкомъ много разнородныхъ мотивовъ, и гдѣ реальные интересы населенія слишкомъ слабо были формулированы, не могла сдѣлаться очень ужъ популярною и захватывающею; кромѣ того, войско Запорожской сѣчи не особенно энергично отозвалось на призывъ второго Разина, а Астраханскій край и инородцы были еще слишкомъ подъ впечатлѣніемъ своего пораженія петровскими войсками; наконецъ, сама личность новаго героя-повстанца не содержала въ себѣ яркихъ чертъ характерности и волевого размаха. Эти данныя не позволили Булавинскому бунту разгорѣться быстро и широко; съ другой же стороны, реформированное Петромъ, регулярное войско уже получило такую организацію, что отъ правительства не потребовалось экстраординарнаго напряженія силъ, чтобы справиться съ неорганизованными мятежными полчищами Кондратія Булавина. Его дружины скоро потерпѣли пораженіе, а самъ герой возстанія печально кончилъ жизнь самоубійствомъ, не оставивъ по себѣ какой либо прочной памяти въ народныхъ преданіяхъ и поэтическихъ сказаніяхъ. Самъ по себѣ этотъ мятежъ ни по качеству, ни по количеству входившихъ въ него силъ, ни по широтѣ

и опредѣленности революціонной программы, ни по размѣру охваченной имъ территоріи не былъ въ сущности особенно сложнымъ и серьезнымъ социальнымъ явленіемъ, и если Петръ Великій и былъ имъ сильно обезпокоенъ, такъ что собирался даже лично прибыть на мѣсто военныхъ дѣйствій, то это потому, что мятежъ, во-первыхъ, разыгрался въ то именно время, когда силы правительства и страны были направлены на борьбу со шведами за политическое и міровое значеніе Россіи, и, во-вторыхъ, потому, что бунтъ Булавина являлъ несомнѣнное доказательство прочности той оппозиціи реформамъ, которая преслѣдовала царя, донимая его безостановочно и во внутреннихъ государственныхъ дѣлахъ, и въ крайнихъ вопросахъ, и даже въ домашнемъ дворцовомъ и придворномъ быту. Эта оппозиція тяготѣла мрачнымъ кошмаромъ надъ всѣми годами царствованія Петра, вызывая необходимость казней, проявленія жестокости и пролитія потоковъ крови; стрѣлецкіе мятежи и крутое ихъ подавленіе не могли изгладиться изъ памяти Преобразователя, побуждая его быть постоянно на стражѣ своихъ реформъ и въ ожиданіи всегдашней возможности мятежныхъ вспышекъ со стороны противниковъ реформъ въ той или иной области русской жизни.

Когда Петру минулъ 21 годъ, и онъ вступилъ въ совершеннолѣтіе, пройдя передъ тѣмъ суровую школу замысловъ противъ своей особы со стороны сестры-правительницы, онъ рѣшилъ категорически кончить съ этимъ періодомъ женскаго регентства. Какъ извѣстно, многіе друзья ея и военачальники изъ стрѣльцовъ, ея сторонники, были казнены имъ, а онъ писалъ брату-соправителю: «Теперь, государь-братецъ, настаетъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царство править самимъ, понеже пришли есмы въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрицѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ... Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ». Петръ смель Софію и ея главныхъ единомышленниковъ, но въ полную силу власти вошелъ не сразу, и его самодержавіе въ молодомъ періодѣ жизни было скорѣе фиктивное, ибо въ сущности дѣлами государства правили ближайшія къ нему лица—патріархъ и мать, царица Наталія. Несмотря на это, въ обществѣ, состоявшемъ преимущественно изъ сторонниковъ былой старины, таилось постоянно несочувствіе къ личности молодого государя, его склонностямъ, образу мыслей и дѣйствій, результатомъ чего былъ заговоръ на его жизнь со стороны Соковнина, Пушкина и Циклера. Въ этомъ заговорѣ не крылось какихъ либо глубокихъ соображеній о народоправіи или объ ограниченіи прерогативъ верховной власти: это было ско-

рѣе чисто партійное тяготеніе къ личности и программѣ государственнаго управленія Софіи. Такими же мотивами было проникнуто стрѣлцкое возстаніе въ бытность Петра за границу, когда все тѣ же партизаны стариннаго уклада сдѣлали попытку партійной революціи, имѣя въ своей программѣ дѣйствій исключительно ненависть къ бытовой новизнѣ и ея верховному покровителю. Оба стрѣлцкихъ заговора и возстанія (1689 и 1698 годовъ) были подавлены Петромъ съ неимоверною жестокостью, и онъ отвѣтилъ на нихъ настоящимъ терроромъ, такъ что надъ всею Москвою стоялъ какъ бы теплый кровавый паръ, поднявшійся отъ убитыхъ и замученныхъ тѣлъ враговъ царя и его реформаторской дѣятельности. Осенніе дни 1698 года напомнили Россіи дни Грознаго царя, когда тоже революціонный терроръ шелъ сверху внизъ, не встрѣчая на этомъ низу ни противодѣйствія, ни отпора; любопытно, что Петръ, какъ бы въ оправданіе своей террористической программы, съ гнѣвомъ закричалъ на патріарха, явившагося къ нему съ иконой для «утоленія крови». «Къ чему эта икона? развѣ твое дѣло приходитъ сюда? Убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свои обязанности и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ!» Эта отвѣдь патріарху очень характерна: защита интересовъ народныхъ, по толкованію Петра, есть дѣло богоугодное и есть обязанность самодержца, во имя которой онъ властенъ въ животѣ и крови своихъ ближайшихъ подчиненныхъ и сотрудниковъ. Понятія Петра Великаго о его верховныхъ правахъ и обязанностяхъ были чрезвычайно высоки, и, ставя самодержавную свою власть на абсолютную недостижимую высоту, онъ всею своею жизнью и своими дѣлами вмѣстѣ съ тѣмъ показывалъ, что эти абсолютныя права неизмѣнно связаны и съ страшною нравственною отвѣтственностью и съ громаднымъ трудовымъ бременемъ обязанностей, которое онъ неустанно и несъ на плечахъ во все свое царствованіе.

Іоаннъ Грозный обосновывалъ неограниченность своей власти исключительно религіозными мотивами; власть, ему данная, по его толкованіямъ, отъ Бога и божественнаго происхожденія. Петръ Великій по тому же предмету выразилъ свои взгляды въ Воинскомъ Уставѣ, въ Духовномъ Регламентѣ и въ сочиненіи Теофана Прокоповича «Правда воли монаршей», гдѣ, совпадая съ своимъ Грознымъ предкомъ во взглядѣ на божественность неограниченной царской власти, вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ нужнымъ дать и научное теоретическое толкованіе и обоснованіе происхожденію этой власти. «Духъ святой,—по толкованію Прокоповича,—научая подданныхъ совершеннаго царемъ своимъ повиновенію, показываетъ, что власть царя весьма въ повелѣніяхъ и дѣяніяхъ своихъ свободна есть и ничьему истязанію о дѣлахъ своихъ не надлежитъ», и «никто же не имѣетъ вла-

сти истязати царя о дѣлахъ его и вопрошати его, что твориши». Поставивъ самодержавную власть на абсолютную высоту съ отвѣтомъ за дѣянія только передъ Богомъ и безъ права подчиненныхъ вопрошати ее, «что твориши», Петръ рѣшительно разорвалъ съ преданіями московской исторической старины: элементъ народосоветія и отвѣтственности передъ коллективнымъ лицомъ всей земли, даже въ идеѣ или потенці ихъ, рѣшительно упраздняется, и голосъ земли при немъ совершенно смолкаетъ, какъ коллективный собирательный голосъ всего народа или его отдѣльныхъ широкихъ классовыхъ группъ.

Но если Петръ поставилъ точку къ народосоветію, то рядомъ съ этимъ онъ далъ широкое движеніе подачѣ себѣ отдѣльныхъ записокъ съ разсужденіями о государственномъ строительствѣ и управленіи. Въ трудахъ П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформы Петра Великаго» и Н. П. Павлова-Сильванскаго «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго» представленъ и подвергнутъ критическому разбору рядъ записокъ по сему предмету, обнимающихъ собою разнообразныя отрасли государственной жизни, съ указаніемъ необходимыхъ здѣсь реформъ, сообразованныхъ по большей части съ образцами государственныхъ учрежденій Западной Европы, при чемъ оба изслѣдователя отмѣчаютъ и тѣ нѣкоторыя начала, которыя дѣйствительно въ подходящихъ случаяхъ императоръ почерпалъ изъ указаній опыта европейской жизни для своего государственнаго строительства. Разсмотрѣніе всѣхъ извѣстныхъ «меморіаловъ», «предложеній» и «прожектвъ» приводитъ П. Н. Милюкова къ выводу о воздѣйствіи «доносителей» на ходъ правительственныхъ реформъ. «Фактъ воздѣйствія не чуждъ и предыдущему времени,—говоритъ почтенный изслѣдователь¹⁾,—но только послѣ 1710 года совѣты, подаваемые правительству, перестаютъ мало-по-малу быть отрывочными и случайными, и мы присутствуемъ при коллективномъ обсужденіи «доносителями» однихъ и тѣхъ же назрѣвшихъ, поставленныхъ обстоятельствами времени вопросовъ, отвѣты на которые все болѣе и болѣе выясняютъ и готовятъ самыя существенныя мѣропріятія новой государственной организаціи». Такого рода форма участія представителей общества и народа въ развитіи государственной жизни страны замѣняетъ въ глазахъ Петра необходимость въ быломъ народосоветіи и даетъ ему дѣйствительную возможность болѣе или менѣе обстоятельно ознакомиться съ тѣми законодательными нормами, которыя выработалъ опытъ болѣе культурныхъ народовъ. Эти меморіалы и донесенія толкуютъ только о средствахъ и способахъ государственнаго управленія и конструкціи тѣхъ или иныхъ учрежденій, но никоимъ образомъ не проявляютъ склоп-

¹⁾ П. Милюковъ. «Государственное хозяйство въ Россіи», стр. 384.

ности къ критикѣ основныхъ устоевъ Россійской имперіи, гдѣ неизбежно опредѣлена и установлена форма нашего государственнаго строя. Поэтому ни въ одной изъ опубликованныхъ до сихъ поръ записокъ нѣтъ ни разу рѣчи о какой либо необходимости ограничить эту форму и раздробить ее въ той или иной формѣ между представителями государственности и общественности. И развѣ только въ извѣстной книгѣ Посошкова «О скудости и богатствѣ», рядомъ съ апологіей самодержавія—«онъ, нашъ государь, подобенъ Богу», а потому онъ всесовершенный самодержецъ и, какъ таковой, «можетъ сотворити все, еже восхоцетъ»,—допускается и даже какъ бы рекумендуется начало народосовѣтія при составленіи новаго уложенія и освидѣтельствваніи его «самымъ вольнымъ голосомъ». Впрочемъ, по сему предмету у Посошкова какъ будто не сложилось твердаго убѣжденія, и онъ, стремясь создать порядокъ въ Россіи, рекомундуетъ въ 1704 году царю въ запискѣ: «Доношеніе о исправленіи всѣхъ неисправъ», нынѣ впервые опубликованной г. Павловымъ-Сильванскимъ въ статьѣ «Новыя извѣстія о Посошковѣ»¹⁾,—созданіе диктаторской власти рядомъ съ царской. Этотъ избранный царемъ диктаторъ долженъ быть облеченъ неограниченными полномочіями и притомъ назначенъ изъ числа людей, власть имѣющихъ, «чтобъ ему никто изъ великихъ людей противенъ не былъ, но и духовнаго чина на его бѣ волю склонялись». Если при извѣстной натяжкѣ, въ обоихъ случаяхъ совѣтовъ Посошкова—и относительно «народосовѣтія» и касательно «диктатуры», можно, пожалуй, усматривать какіе-то намеки на стремленіе къ ограниченію монархической власти, то, разсматривая остальные записки современниковъ Петра и знакомясь съ организаціей тогдашнихъ государственныхъ установленій, нигдѣ нельзя найти въ томъ же направленіи попытокъ и реальныхъ шаговъ. Царствованія Великаго Преобразователя никакія конституціонныя вѣянія не коснулись, и очередь ихъ наступила немедленно при приближеніи послѣднихъ часовъ его жизни, когда его могучій духъ еще боролся съ браннымъ тѣломъ, и когда въ другомъ концѣ дворца, вокругъ осиротѣлаго императорскаго трона, начала сгущаться атмосфера происковъ, интригъ и личныхъ партійныхъ вождедѣній.

Какъ уже было говорено въ главѣ первой настоящихъ очерковъ, Петръ I измѣнилъ кореннымъ образомъ законъ о престолонаслѣдіи, поставивъ его въ исключительную зависимость отъ своей самодержавной воли, но выразить эту волю какимъ нибудь актомъ завѣщанія ему не удалось, и такимъ образомъ вопросъ о русскомъ

¹⁾ «Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ», т. IX (1904 г.), кн. 3.

престолѣ сталъ въ зависимости отъ явленій случайныхъ. Судьба обширной монархіи съ далеко еще неукрѣпленными и небезопасными границами, гдѣ въ каждую данную минуту могли или вспыхнуть тѣ или инья волненія, или куда свободно могли вторгнуться полчища непріятелей, была отдана во власть тѣхъ, кто ближе всего стоялъ къ престолу, и кто могъ располагать для завладѣнія этимъ престоломъ необходимыми матеріальными средствами и легчайшею возможностью. Благо государства и народа было брошено въ руки произвола, и послѣдній не запоздалъ принести губительные плоды. Петръ оставилъ послѣ себя жену, съ которой нѣкогда состоялъ въ внѣбрачной гражданской связи, по крови иностранку, женщину темнаго происхожденія и съ репутаціей «супруги Цезаря», двухъ внѣбрачныхъ отъ нея дочерей, Анну и Елисавету, и малолѣтняго внука Петра Алексѣевича, сына несчастнаго, загубленнаго царевича Алексѣя Петровича.

При былыхъ московскихъ порядкахъ не могло возникнуть и вопроса, кому надлежитъ вступить на престолъ и хотя бы номинально числиться правителемъ страны: народный голосъ именемъ земскаго собора, собраннаго въ той или иной формѣ, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, произнесъ бы свое слово, которое, какъ бы его ни разсматривать, было бы юридической и верховной санкціей со стороны страны и народа. Несомнѣнно, этотъ голосъ былъ бы поданъ за малолѣтняго Петра Алексѣевича, а фактическая власть вручена регентству и опецѣ, составленной изъ представителей духовной и государственной власти, представителей царствующаго дома и дворцовой среды. Такія регентства бывали уже на Руси, и почерпнуть примѣръ изъ прошлаго не представило бы труда, но воля или, подъ угломъ зрѣнія юридическихъ понятій, произволъ Петра породилъ и развитіе этого произвола съ заключительнымъ здѣсь финаломъ въ актѣ захвата власти. И захватъ этотъ совершается при содѣйствіи нѣсколькихъ вліятельныхъ вельможъ, преслѣдующихъ въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ цѣли личнаго благополучія, а также гвардіи, склоненной къ тому, между прочимъ, щедрыми подарками и деньгами. Послѣдняя съ этого момента и въ теченіе цѣлаго столѣтія, т.-е. съ 1725 по 1825 годъ, становится главною вершительницею судебъ Русскаго царства, возводя на престолъ тѣхъ или иныхъ искателей его, низлагая былыхъ своихъ ставленниковъ и даже въ одномъ случаѣ, какъ это будетъ видно далѣе, устанавливая самую форму правленія.

Не успѣлъ Петръ Великій испустить послѣдняго дыханія, какъ на ступеньки осиротѣлаго престола поспѣшно вступила его жена, въ корнѣ разрушивъ этимъ шагомъ тѣ основанія, на коихъ земскій соборъ 1613 года вручилъ дому Романовыхъ російскій скипетръ и державу. Петръ I отсѣкъ отъ довѣреннаго его предкамъ самодержавія элементъ народосовѣтія, а супруга его внесла сюда еще элементъ

иноземщины, обезнаціоналивъ такимъ образомъ идею московской неограниченной власти. Послѣднимъ актомъ было оказано волѣ народной полное пренебреженіе, и юридическую пропасть, созданную въ началѣ XVIII вѣка между престоломъ и народомъ, преемница Петра расширила еще болѣе. Съ момента всгупленія Екатерины I на престолъ опорой самодержавія становится исключительно бюрократія, придворная знать и «любимцы, гвардія, гвардейцы, гвардіонцы», при пассивномъ отношеніи къ нему народа, роль котораго сводится съ того времени къ исключительному и безмольному повиновенію, что онъ неукоснительно и дѣлаетъ вплоть до Пугачевской смуты, когда откуда-то изъ очень глубокихъ нѣдръ народного духа какъ бы вырвался долго затаенный скорбный и грозный вопль, потрясшій всю Русскую землю кровавымъ терроромъ. Этотъ вопль пронесся по всей странѣ, заставилъ поблѣднѣть и задрожать верховную власть, потрясъ окровавленный уже къ тому времени престолъ и разрѣшился въ концѣ, безъ реальныхъ политическихъ результатовъ, горючими слезами, въ морѣ которыхъ затонуло снова народное горе и воля его. Но о пугачевщинѣ рѣчь впереди, а теперь надлежитъ посмотрѣть, что же внесли съ собою въ русскую государственную жизнь тѣ элементы, которые явились рѣшающими въ ходѣ внутреннихъ событий отечественной жизни, и провозвѣстниками какихъ началъ будущаго соціального и политическаго строя имъ суждено было сдѣлаться.

При кончинѣ Петра, нѣкоторые представители старинной аристократіи съ кн. Д. М. Голицынымъ во главѣ подали свой голосъ за возведеніе на престолъ Петра Алексѣевича, а за малолѣтствомъ его поручить правленіе императрицѣ Екатеринѣ вмѣстѣ съ сенатомъ, и въ этомъ мнѣніи тогдашній французскій посолъ Кампредонъ не безъ основанія усматривалъ тенденцію къ ограниченію монархической власти въ пользу управленія коллегіального или иначе конституціоннаго, образецъ которому почерпался изъ началъ тогдашняго шведскаго государственнаго управленія, знатокомъ и проводникомъ коихъ въ русскую жизнь явился главнымъ образомъ иностранецъ Фикъ. По порученію еще покойнаго императора, послѣдній немало поработалъ при выработкѣ архитектуры нашихъ государственныхъ учреждений, ихъ констркціи и дѣловаго кругооборота. Фикъ служилъ въ камеръ-коллегіи подъ начальствомъ кн. Голицына, пользовался его расположеніемъ и часто проводилъ у него долгіе вечера въ бесѣдахъ по вопросамъ религіи и политики, въ теченіе которыхъ несомнѣнно и успѣлъ внушить старому князю идеи шведской политической свободы, которыя Голицынъ и попытался въ нѣкоторой степени дважды осуществить практически: при вступленіи на престолъ Екатерины I и при приглашеніи Анны Иоанновны на російскій престолъ.

Но Голицынъ былъ по своему происхожденію и родовымъ связямъ представителемъ аристократическаго начала, опаснаго такимъ

случайнымъ людямъ, какъ Меншиковъ и прочіе птенцы осиротѣлаго гнѣзда Петрова. Хотя въ существѣ его предложеній лежали далеко не московскія начала былого государственнаго уклада, а гораздо болѣе либеральныя, заимствованныя изъ послѣдняго слова европейскаго государственнаго права, однако его политическая программа могла въ конечномъ своемъ результатѣ повернуть вверхъ дномъ весь реформаторскій прогрессивный періодъ царствованія Петра. И вотъ воспитанники, фавориты послѣдняго, рѣзко ополчаются противъ программы Голицына и, оперевшись на гвардію, провозглашаютъ Екатерину императрицей и самодержицей со всѣми правами ея покойнаго мужа-императора. Опровергая доводы Голицына относительно совмѣстнаго правленія Екатерины и сената въ годы несовершеннолѣтія Петра Алексѣевича, хитрый Толстой отъ имени партіи Меншикова говорилъ ему ¹⁾, что осуществленіе проекта Голицына «произведетъ междоусобную войну, которой вы (т.-е. Голицынъ, Долгорукій, Репнинъ и др.) хотите избѣжать, потому что въ Россіи нѣтъ закона, который бы опредѣлялъ время совершеннолѣтія государей: какъ только великій князь будетъ объявленъ императоромъ, то часть шляхетства и большая часть подлаго народа стануть на его сторонѣ, не обращая никакого вниманія на регентство. При настоящихъ обстоятельствахъ Россійская имперія нуждается въ государѣ мужественномъ, твердомъ въ дѣлахъ государственныхъ, который бы умѣлъ поддержать значеніе и славу, пріобрѣтенныя продолжительными трудами императора, и который бы въ то же время отличался милосердіемъ для содѣланія народа счастливымъ и преданнымъ правительству; всѣ требуемыя качества соединены въ императрицѣ: она пріобрѣла искусство царствовать отъ своего супруга, который повѣрялъ ей самыя важныя тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушіе и свою любовь къ народу, которому доставила безконечныя блага вообще и въ частности, никогда не сдѣлавши никому зла; притомъ права ея подтверждаются торжественною коронаціею, присягою, данною всѣми подданными по этому случаю, и манифестомъ императора, возвѣщавшимъ о коронаціи».

Слова Толстого, по свидѣтельству современниковъ ²⁾, находили сильное отзвучіе въ одномъ углу залы, гдѣ собрались гвардейскіе офицеры; никто изъ приверженцевъ великаго князя Петра не рѣшился спросить, зачѣмъ тутъ офицеры, а приверженцы Екатерины знали — зачѣмъ. Раздались барабаны — и присутствовавшіе узнали, что

¹⁾ С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», кн. IV.

²⁾ Переговоры съ офицерами гвардіи со стороны Екатерины и ея сторонниковъ уже были закончены въ этотъ день. Они дали ей клятву вѣрности, и, какъ бы въ награду за это, имъ было ассигновано не выданное за 16 мѣсяцевъ жалованье, а солдатамъ подъ ихъ командою по 30 р. на человѣка. Б. Г.

около дворца стоятъ оба гвардейскіе полка, т.-е. преображенцы и семеновцы. Репнинъ рѣшился спросить: «Кто осмѣлился провести ихъ сюда безъ моего вѣдома? развѣ я не фельдмаршалъ?»—«Я велѣлъ прійти имъ сюда, по волѣ императрицы, которой всякій подданный долженъ повиноваться, не исключая и тебя», отвѣчалъ Бутурлинъ. Членамъ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ нашептывали: «Вѣдь вы подписали смертный приговоръ царевичу». Сильные споры продолжались до 4-хъ часовъ утра; наконецъ князь Репнинъ, боявшійся, какъ говорятъ, усиленія враждебной ему фамиліи Голицыныхъ, объявилъ, что онъ согласенъ съ Толстымъ: надобно возвести на престолъ Екатерину безъ всякаго ограниченія, пусть властвуетъ, какъ властвовалъ супругъ ея. Тутъ и канцлеръ Головкинъ, молчавшій до сего времени, объявилъ, что онъ того же мнѣнія; за нимъ всѣ присутствовавшіе—кто волею, кто неволею, объявили, что согласны. Генераль-адмиралъ Апраксинъ, какъ старшій сенаторъ, велѣлъ позвать кабинетъ-секретаря Макарова, и спросилъ, нѣтъ ли какого завѣщанія или распоряженія государя насчетъ преемника. «Ничего нѣтъ»,—отвѣчалъ Макаровъ. Тогда Апраксинъ объявилъ, что, въ силу коронаціи императрицы и присяги, данной ей всѣми чинами имперіи, сенатъ провозглашаетъ ее императрицею и самодержицею со всѣми правами, какими пользовался супругъ ея. Составили актъ, который и былъ подписанъ всѣми сенаторами и другими сановниками.

Покончивши это трудное дѣло, вельможи отправились въ комнату умирающаго. Когда Петръ испустилъ духъ, они снова возвратились на прежнее мѣсто. Черезъ нѣсколько времени явилась туда и Екатерина съ герцогомъ Голштинскимъ¹⁾; обливаясь слезами, она обратилась къ сенаторамъ съ трогательною рѣчью, поручала имъ все свое семейство, особенно герцога Голштинскаго, въ надеждѣ, что они будутъ оказывать ему такую же любовь, какую удостоивалъ его покойный императоръ, и выполнять волю послѣдняго относительно брака герцога на царевнѣ. Когда она кончила свою рѣчь, генераль-адмиралъ Апраксинъ бросается передъ нею на колѣни и объявляетъ ей рѣшеніе сената; зала оглашается кликами присутствующихъ; на улицѣ раздаются восклицанія гвардіи.

Манифестъ о вступленіи на престолъ Екатерины былъ изданъ отъ имени сената, синода и генералитета, которые согласно приказали объявить въ народѣ о воцареніи Екатерины I-й. «Манифестъ этотъ заключалъ въ себѣ нарушеніе основныхъ законовъ Петра Великаго, которыми не указанъ случай согласнаго приказа двухъ верховныхъ коллегій и совершенно произвольной группы высшихъ военныхъ служилыхъ людей, — замѣчаетъ профессоръ

¹⁾ Женихъ Анны Петровны.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1905 г., т. с.

Д. А. Корсаковъ въ своемъ «историческомъ этюдѣ», посвященномъ воцаренію Анны Іоанновны ¹⁾.—Сенатъ не облеченъ былъ правомъ избирать государя-Россіи по кончинѣ безнаслѣдственнаго государя; тѣмъ менѣе могъ претендовать на это право синодъ, изолированный Петромъ Великимъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла «гражданскія»; генералитетъ не имѣлъ при Петрѣ никакого политическаго значенія и былъ просто официальнымъ терминомъ для обозначенія совокупности генераловъ. Между тѣмъ это нарушение имѣло громадныя послѣдствія: оно послужило прецедентомъ избранія государя произвольной группой высшихъ должностныхъ лицъ, по усмотрѣнію». Профессоръ Д. А. Корсаковъ освѣтилъ вопросъ юридически правильно: съ момента восшествія на престолъ Екатерины I русское самодержавіе, освящаемое и санкціонируемое до толѣ волею народною, перестаетъ быть проявленіемъ этой воли и становится явленіемъ бюрократическаго порядка, подтвержденнаго и укрѣпленнаго барабанною дробью гвардейскихъ полковъ. Какъ отнесся народъ къ избранію Екатерины, неизвѣстно; понятно, онъ принужденъ былъ присягнуть, и только нѣкоторые голоса раскольниковъ и простолюдиновъ такъ охарактеризовали событіе: «недостаточно дѣло женщинѣ быть на царствѣ, она же иноземка», и «если женщина царемъ, то пусть и крестъ цѣлуютъ женщины». Конечно, самодержавіе преемницы Петра явилось юридической фикціей, и фактически вся власть и верховная воля сосредоточилась, по выраженію графа Панина, высказанному въ его запискѣ Екатеринѣ II, въ «злосключительномъ интервалѣ между государемъ и правительствомъ», которое и наполнилъ собою «полудержавный властелинъ» Меншиковъ. Е. Щепкина въ только что вышедшемъ 1-мъ выпускѣ своихъ «Чтеній по исторіи Россіи въ осьмнадцатомъ вѣкѣ» ²⁾ опредѣляетъ ходъ дальнѣйшихъ смутныхъ правительственныхъ событій въ томъ смыслѣ, что Россіи стало надолго грозить правленіе фаворита надменнаго, несдержаннаго выскочки, алчнаго безъ предѣловъ. Такого положенія дѣлъ не могли вынести и люди его партіи, выслужившіеся вмѣстѣ съ нимъ, благодаря реформѣ; генераль-прокуроръ Ягужинскій отказался служить на посылкахъ у фаворита. Происходили рѣзкія стычки и въ сенатѣ, и въ коллегіяхъ, и даже во дворцѣ. Всѣ чувствовали, что необходимо учрежденіе съ политическими задачами, искали выхода изъ невыносимаго положенія и нашли его въ рекомендованномъ Петру учрежденіи. Чтобы не подчиниться одному, главари генералитета (т.е. командиры всего служилаго шляхетства) согласились на томъ, чтобы сплотиться въ одну выс-

¹⁾ «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны». Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Казань. 1880.

²⁾ Е. Щепкина. «Чтенія по исторіи Россіи въ осьмнадцатомъ вѣкѣ. Выпускъ I. Государственный строй. Слб. 1905.

шую коллегію. Судя по изслѣдованнымъ документамъ, главной дѣйствующей пружиной служилъ хитрый, оборотливый и крайне энергичный графъ П. А. Толстой. Онъ сносился съ особенно выдѣлявшимися лицами, представителями главныхъ отраслей администраціи, ѣздилъ, уговаривалъ, смягчалъ протесты и своимъ уклончивымъ краснорѣчіемъ обошелъ самого Меншикова. Князь согласился сформировать учрежденіе. Что говорила представительница власти, пока неизвѣстно; во всякомъ случаѣ она утвердила его охотно.

Учрежденіемъ этимъ явился верховный тайный совѣтъ, который именовъ и властью самодержавія и сталъ править Россіей, на основахъ и по программѣ олигархической формы правленія. Семь олигарховъ захватили въ свои руки судьбу Россіи, стали плотно стѣною между престоломъ и народомъ, свели на нѣтъ значеніе петровскаго сената и въ такой юридической комбинаціи нашли выходъ своимъ индивидуальнымъ страстямъ и вождедѣніямъ. Г-жа Щепкина такъ освѣщаетъ и излагаетъ ходъ событій. «Именно указъ 8 февраля 1726 года объявилъ, что дѣйствительные тайные совѣтники всѣ собираются въ сенатъ, но за важностью другихъ своихъ заботъ они не могутъ заниматься исключительно сенатскими дѣлами, и вотъ ради общаго блага императрица выдѣлила ихъ въ свой особый совѣтъ. Предполагалось, что онъ будетъ всегда дѣйствовать въ присутствіи самой императрицы и явится ближайшимъ истолкователемъ ея воли. Любопытно, что въ текстѣ своей присяги инициаторы нашли удобнымъ не именовать Екатерину I-ю самодержицей, и присягали не только ей, но и государству. Проживавшіе въ Петербургѣ иностранные послы пришли въ силу этого къ единодушному заключенію, что члены совѣта сразу провели существенное ограниченіе верховной власти. Вскорѣ члены совѣта представили императрицѣ «мнѣніе не въ указъ», гдѣ подробно излагали планъ своихъ дѣйствій; она приняла его. По словамъ именного указа, въ совѣтѣ «все дѣлается именемъ ея величества»: всѣ рапорты и доношенія подаются на ея имя, но, тѣмъ не менѣе, совѣтъ принимаетъ на себя «генеральное управленіе и надзираніе надъ всѣми коллегіями» и т. д., въ силу этого онъ становился на положеніе политическаго руководителя страны, только какъ бы сливаясь съ личностью императрицы. «Надо отдать ему справедливость,—замѣчаетъ г-жа Щепкина,—совѣтъ работалъ много и съ нѣкоторой системой; онъ присматривался ко всѣмъ сторонамъ народной и общественной жизни. Правда, на первыхъ порахъ онъ такъ ревниво и хлопотливо старался завладѣть всѣми важнѣйшими дѣлами, чтобы ни одна нить администраціи не миновала его рукъ. Что касается сената, то его немедленно же находятъ нужнымъ лишить титула правительствующій и приказываютъ именоваться высокимъ».

Олигархическая форма государственнаго управленiя была дѣйстви-тельно чрезвычайно удобною и плотною завѣсою, которая скрывала отъ взоровъ народныхъ все происходившее на сценѣ домашнихъ дворцовыхъ дѣйствiй. Эта историческая завѣса въ тѣ или иные моменты нашей государственной жизни XVIII вѣка падала не одинъ разъ, и это случалось каждый разъ, если не на пользу и счастье зрителей изъ народа, то, во всякомъ случаѣ, въ интересахъ общественной нравственности. Любители скандальныхъ хроникъ найдутъ въ интересныхъ работахъ польскаго писателя К. Валишевскаго именно материалъ для такихъ хроникъ, почерпнутый изъ русской государственной жизни XVIII столѣтiя. Работы эти суть: «Le roman d'une impératrice. Catherine II de Russie, d'après ses mémoires, sa correspondance et les documents inédits des archives de l'Etat», «Autour d'un trône. Catherine II de Russie», «Pierre le Grand» и «L'héritage de Pierre le Grand. Règne des femmes. Gouvernement des favoris 1725 — 1741». Всѣ эти труды талантливаго польскаго писателя, изданные на французскомъ языкѣ въ Парижѣ, въ яркихъ краскахъ и образахъ рисуютъ намъ придворную русскую жизнь XVIII столѣтiя и съ удивительною умѣlostью воспроизводятъ длинную галлерей живыхъ портретовъ дѣйствующихъ лицъ царствованiя Петра I, Петра II, Петра III, двухъ Екатерины, двухъ Анны и Елисаветы среди умѣло нарисованной распущенной бытовой обстановки того времени.

Екатерина вступила во владѣнiе наслѣдiемъ своего державнаго супруга въ очень зрѣломъ возрастѣ, а прежняя жизнь преждевременно наложила на нее печать дряхлости съ сопутствующими послѣдней болѣзнями и ослабленiемъ всего распатаннаго организма. Недалекiй ея конецъ былъ неизбеженъ, а слѣдствiемъ сего снова ставился на очередь вопросъ о русскомъ престолонаслѣдiи. Въ виду того, что народъ отъ рѣшенiя этого вопроса былъ устраненъ, вся сила тяжести его была положена во власть тѣхъ, кто здѣсь былъ наиболѣе заинтересованъ. Оставалось придумать такую юридическую комбинацiю, которая могла бы удовлетворить наибольшей совокупности личныхъ придворныхъ и государственныхъ интересовъ. Отсюда — предосудительный планъ брачнаго союза 11-лѣтняго Петра Алексѣевича съ его теткою, Елисаветою Петровною; но при всей распущенности нравовъ тогдашняго двора такая форма не могла быть принята: препятствiемъ были выставлены формальные статьи каноническаго права. Вслѣдъ за симъ Меншиковъ, въ цѣляхъ сохранить положенiе своему дому, выдвигаетъ на сцену новую комбинацiю: онъ проектируетъ обрученiе малолѣтняго царевича съ своею взрослою дочерью, и Екатерина утверждаетъ этотъ проектъ. Обрученiе приводится въ исполненiе, и, кромѣ того, сочи-

няется духовное завѣщаніе отъ имени больной императрицы, которымъ радикально измѣняется избирательная идея русскаго престолонаслѣдія, установленная Петромъ, въ пользу семейно-наслѣдственной. Духовное завѣщаніе Екатерины было составлено изъ 15-ти пунктовъ, главнѣйшіе изъ которыхъ были слѣдующіе: 1) великій князь Петръ Алексѣевичъ имѣеть быть сукцессоромъ; 2) а именно со всѣми правами и прерогативами, какъ мы онымъ владѣли; 3) до ... лѣтъ не имѣеть за юностью въ правительство вступать; 4) во время малолѣтства имѣютъ администрацію нести наши обѣ цесаревны, герцогъ и прочіе члены верховнаго совѣта, которой обще изъ 9 персонъ состоятъ имѣеть; 5) и симъ имѣть полную власть правительствующаго самодержавнаго государя, токмо опредѣленія о сукцессіи ни въ чемъ не отгнѣять; 6) множествомъ голосовъ вершать всегда, и никто одинъ повелѣвать не имѣеть и не можетъ; 7) великій князь имѣеть въ совѣтѣ присутствовать, а по окончаніи администраціи ни отъ кого отвѣта не требовать; 8) ежели великій князь безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣеть по немъ цесаревна Анна съ своими десцендентами, по ней цесаревна Елисавета и десценденты, а потомъ великая княжна и ея десценденты наслѣдовать, однакоже мужеска пола наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ. Однакожъ никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который не греческаго закона, или кто уже другую корону имѣеть, и т. д.

Екатерина скончалась 6-го мая 1727 года, и на другой день въ Зимній дворецъ собрались вся царская фамилія, члены верховнаго тайнаго совѣта, синода, сената, генералитетъ, а на площади передъ дворцемъ были выстроены гвардейскіе полки. Весь декорумъ былъ Меншиковымъ соблюденъ, завѣщаніе прочитано, принято къ исполненію, и русскіе скипетръ и держава номинально вручены 11-лѣтнему внуку Петра съ сохраненіемъ фактической власти за Меншиковымъ и верховниками, которые и явились истинными правителями русскаго народа, внѣ его вѣдома, желанія и одобренія. Гвардія привѣтствовала новаго императора криками: «вивать!».

Въ сущности говоря, все совершилось къ наилучшему: права юнаго государя съ юридической стороны были безспорны, бюрократія получала необходимое удовлетвореніе, интересы царской фамиліи не были нарушены, а народъ... все равно его никто не спрашивалъ, никто имъ не интересовался, и съ его мнѣніемъ принципиально было покончено еще при Петрѣ I. Протеста неоткуда было ожидать, и заинтересованныя стороны не находили нужнымъ принимать какихъ либо мѣръ предосторожности, ибо права новаго государя осуществлялись, во-первыхъ, по духовному завѣщанію, во-вторыхъ, по наслѣдству и, въ-третьихъ, по избранію.

Послѣдующія событія общеизвѣстны въ смыслѣ довольно скоро наступившей перетасовки фаворитовъ и временщиковъ — гибель

Меншиковыхъ, наступленіе всевластія Долгорукихъ, вторичная помолвка Петра II съ представительницею послѣдняго рода, его оргіи, истощеніе и скорая смерть, все это событія, не останавливающія вниманія изслѣдователя въ интересахъ настоящихъ «историческихъ параллелей»; жизнь страны и народа слагались изо дня въ день, хотя все, сверху до низа, было въ полномъ безпорядкѣ. Верховный тайный совѣтъ, окончательно отлившійся въ замкнутую аристократическую олигархію, не имѣлъ въ своей программѣ дѣйствій ясно сознанный и осуществляемой тенденціи; въ сущности среди членовъ этого совѣта рабочею силою былъ одинъ иностранецъ Остерманъ, который въ своемъ лицѣ воплощалъ такимъ образомъ идею русской руководящей власти.

Смерть 14-ти-лѣтняго Петра II, послѣдовавшая въ ночь съ 18-го на 19-е января 1730 года, поставила снова на очередь вопросъ о русскомъ престолонаслѣдіи и самодержавіи, вопросъ, который получилъ чрезвычайно любопытную постановку, развитіе, и заключеніе, на которыхъ и необходимо остановиться, какъ на знаменательной страницѣ изъ исторій русскихъ «конституціонныхъ вѣяній».

Престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова не могъ оставаться вакантнымъ, и Россія могла явиться въ такомъ случаѣ ареною страшныхъ потрясеній, а потому съ вопросомъ о его замѣщеніи надо было торопиться. Мужская линія дома Романовыхъ изсякла, оставался довольно длинный списокъ женщинъ-претендентокъ, кандидатура каждой изъ которыхъ была болѣе чѣмъ проблематична и не подтверждена никакимъ серьезнымъ юридическимъ актомъ, если не считать за таковой духовнаго завѣщанія Екатерины I, состряпаннаго въ свое время Меншиковымъ въ интересахъ своего дома и дававшего выходъ, и довольно удачный и законный, изъ трудныхъ и смутныхъ обстоятельствъ. Но Меншиковъ былъ не у власти и далеко въ изгнаніи, а аристократическая олигархія верховниковъ, свободная отъ давленія на нихъ былого «баловня фортуны» и гвардейскаго барабаннаго боя подъ окнами мѣста собранія и совѣщанія, не пожелала признать правильности этого документа, какъ документа незаконнаго, вышедшаго изъ рукъ случайной иноземки, властною волею Петра извлеченной изъ низменныхъ слоевъ чужестраннаго народа. Возражая противъ законности ея завѣщанія, князь Дм. Голицынъ, членъ верховнаго совѣта, отозвался въ рѣзкой формѣ о личности той, чья подпись возвела на престолъ Петра II; еще рѣзче отозвался онъ о правахъ ея внѣбрачныхъ дочерей, которыя вслѣдъ за скончавшимся юнымъ государемъ стояли по волѣ матери въ первой очереди кандидатокъ на престолъ. Заклейменная бранною кличкою, ни Анна, ни Елисавета Петровна не встрѣтили среди прочихъ верховниковъ нужнаго имъ адвоката, и ихъ кандидатуры были похоронены. Князья Долгорукіе сдѣлали попытку провести фальсифицированное и апокрифическое завѣщаніе Петра II

въ пользу своей нареченной невѣсты, княжны Долгорукой, но тотъ же Голицынъ, возвысивъ громко голосъ съ укоромъ Долгорукимъ, объявилъ его подложнымъ, и авторамъ завѣщанія осталось только сконфуженно опустить головы. Покончивъ съ представителями петровской линіи, Голицынъ указалъ на права трехъ дочерей брата Петра Великаго, Ивана Алексѣевича, и изъ числа сихъ послѣднихъ на вдовую герцогиню курляндскую Анну Іоанновну, какъ на женщину умную и способную, по его мнѣнію, занять вакантный російскій престолъ. Указаніе Дмитрія Михайловича Голицына дало выходъ изъ труднаго положенія, и вопросъ объ Аннѣ Іоанновнѣ былъ рѣшенъ благополучно, рѣшенъ, правда, чисто бюрократическимъ путемъ, внѣ всякихъ соображеній съ ходомъ бывшихъ смутныхъ событій 1613 года и внѣ всякихъ соображеній о будущности имперіи. Но у Голицына было не только подготовлено конкретное и реальное рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи, онъ подготовилъ и ту юридическую формулу, въ которую, по его мнѣнію, надлежало облечь приглашеніе герцогини курляндской на російское царство. Что подъ вліяніемъ Фика имъ было предложено въ 1725 году, и что тогда казалось неосуществимымъ, стало нынѣ близкимъ и возможнымъ къ осуществленію. Исчерпавъ вопросъ о престолонаслѣдіи, князь Голицынъ высказалъ и свою затаенную излюбленную мысль: «надо бы намъ себя полегчить,—сказалъ онъ собранію,—такъ полегчить, чтобы волю прибавить. Надобно, написавъ, послать къ ея величеству пункты». Слово было сказано, и завѣтный Рубиконъ перейденъ: сановникъ призналъ необходимость ограничить самодержавіе въ пользу верховнаго совѣта и провести притомъ это ограниченіе формальнымъ законодательнымъ актомъ отреченія новоизбранной государыни отъ своихъ неограниченныхъ правъ. Когда предложеніе Голицына было принято, пункты составлены и посланы Аннѣ, то Фикъ, бывший въ то время въ Петербургѣ, громко заявилъ: «Имперія Россійская нынѣ стала сестрица Швеціи и Польшѣ», и «что россияне нынѣ умы, понеже не будутъ имѣть фаворитовъ такихъ, какъ были Меншиковъ и Долгорукій». Указывая на предстоящее родство русской формы государственнаго правленія со шведскою и польскою, Фикъ имѣлъ въ виду, что эта форма будетъ именно конституціонною и притомъ съ аристократическимъ характеромъ.

Здѣсь воспроизводится въ видѣ приложенія подлинный актъ «кондицій» (стр. 238—239), на которыхъ Анна Іоанновна должна была принять державу російскую, за ея подписью и со слѣдами разрыва этой грамоты, о чемъ будетъ рѣчь впереди. Сейчасъ же полезно указать лишь самые пункты кондицій. Они сводятся къ слѣдующимъ и гласятъ: «Безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія (общаемся):

1) Ни съ кѣмъ войны не вчинять; 2) миру не заключать; 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податями не

отягощать; 4) въ знатныя чины, какъ въ статскіе, такъ и военныя, сухопутныя и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять; гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ верховнаго тайнаго совѣта; 5) у шляхетства живота и имѣнія безъ суда не отымать; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) въ придворныя чины какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ безъ совѣту верховнаго тайнаго совѣта не производить; 8) государственныя доходы въ расходъ не употреблять, и всѣхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать, а буде сего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны».

П. Н. Милюковъ¹⁾, на основаніи трудовъ шведскаго историка Терне, сопоставилъ «кондиціи» Анны Іоанновны съ соответственными статьями шведскихъ государственныхъ актовъ: «Формы правленія» 1720 года и «Королевской присяги Фридриха I», относящейся къ тому же году, и пришелъ къ заключенію, «что верховный совѣтъ выбралъ изъ шведскихъ установленій только то, что непосредственно опредѣляло долю участія государственнаго совѣта въ верховной власти. Участіе риксдага, т.-е. государственныхъ словій, совершенно оставлено въ сторонѣ».

Составивъ «кондиціи», Голицынъ внесъ на обсужденіе верховнаго совѣта и проектъ новаго государственнаго устройства, проектъ, который долженъ былъ быть опубликованъ послѣ принятія и подписанія Анною предложенныхъ ей пунктовъ. Содержаніе проекта было слѣдующее.

1. Императрица лично и безконтрольно распоряжается только своими карманными деньгами (размѣры которыхъ опредѣляются въ 500 тысячъ рублей ежегодно). Она начальствуетъ только надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для ея личной охраны и карауловъ во дворцѣ.

2. Верховная власть принадлежитъ императрицѣ вмѣстѣ съ верховнымъ совѣтомъ, который состоитъ изъ 11—12 чиновъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ (императрица имѣетъ въ совѣтѣ только два, по другимъ свѣдѣніямъ, три голоса. Иностранцы, за исключеніемъ Остермана, въ члены совѣта не допускаются). Совѣтъ вѣдаетъ важнѣйшія дѣла по иностранной политикѣ: войну, миръ, договоры; онъ же назначаетъ на всѣ должности и начальствуетъ надъ всѣми войсками (къ числу которыхъ прибавляются два новыхъ гвардейскихъ полка). По другому, болѣе точному извѣстію, войсками начальствуютъ два фельдмаршала, отдающіе отчетъ совѣту. Для финансовъ избирается верховнымъ совѣтомъ государственный казначей, который долженъ отдавать совѣту самый точный отчетъ о мельчайшихъ государственныхъ расходахъ.

¹⁾ П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Спб. 1903 г.

3. Сенатъ, изъ 30—36 членовъ, предварительно разсматриваетъ дѣла, вносимыя въ совѣтъ, а также представляетъ высшую судебную инстанцію.

4. Палата низшаго шляхетства, изъ 200 членовъ, охраняетъ права этого сословія, въ случаѣ нарушенія ихъ совѣтомъ. (Всякій знатный шляхтичъ, уличенный въ преступленіи, наказывается по законамъ, но наказаніе не распространяется на его семейство).

5. Палата городскихъ представителей, по два отъ cadaго города, вѣдаетъ торговыя дѣла и интересы простого народа.

Соглашаясь съ прочими изслѣдователями (Перне, проф. Д. Корсаковымъ), анализировавшими «кондиціи» и проектъ государственнаго управления, составленные княземъ Голицынымъ, въ томъ, что оба акта носили на себѣ въ цѣломъ аристократическій отпечатокъ, П. Н. Милюковъ говоритъ: «Всего этого нельзя не признавать, и при всемъ томъ можно утверждать, что проектъ Голицына не только не имѣлъ своекорыстно-личнаго характера, но не имѣлъ даже своекорыстно-сословнаго. На всемъ проектѣ лежитъ отпечатокъ теоретизирующей и идеализирующей политической мысли; этотъ отпечатокъ скрывалъ, и, можетъ быть, отъ самого автора, реальную узость того сословнаго принципа, на которомъ проектъ былъ построенъ. Среди ожесточенной борьбы реальныхъ интересовъ и политическихъ теорій, какую вызвали попытки верховниковъ, этотъ проектъ быстро заклеименъ былъ кличкой олигархическо-тираническаго. Но когда, задолго до событій, давнихъ возможность попытаться осуществить его, кн. Голицынъ обдумывалъ свою политическую теорію, навѣрное она представлялась ему весьма радикальной сравнительно съ окружавшею его дѣйствительностью. Эту-то разницу между условіями теоретической разработки и условіями практическаго осуществленія надо имѣть въ виду при историческомъ объясненіи цѣлей князя Голицына».

Когда князь Голицынъ выступилъ со своими предложеніями конституціонныхъ «кондицій», то собраніе встрѣтило это предложеніе отчасти съ недоумѣніемъ, отчасти и съ явнымъ несочувствіемъ, и автору «кондицій» стоило немало труда создать для своего предложенія благоприятное рѣшеніе. Такъ или иначе, но пункты были утверждены и посланы въ Митаву на подписаніе герцогинѣ курляндской. Пока «кондиціи» путешествовали изъ Москвы въ Курляндію, вотъ что происходило въ первопрестольной¹⁾.

По случаю предполагавшагося бракосочетанія Петра II, въ Москвѣ собралось въ январѣ 1730 года все, что было вліятельнаго

¹⁾ П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Верховники и шляхетство, гл. IV.

и выдающагося въ Россіи. Здѣсь были члены сената и синода, генералитетъ съ третьимъ фельдмаршаломъ, княземъ Трубецкимъ, во главѣ, не введеннымъ въ верховный совѣтъ, а потому обиженнымъ и фрондирующимъ, многіе изъ представителей шляхетства гвардейскаго, армейскаго и даже отставнаго и почти вся столичная бюрократія въ лицѣ ея высшихъ руководителей. Изъ состава тогдашняго генералитета въ числѣ 170 человекъ налицо было 87, а шляхетство было представлено 2.000 человеками, изъ коихъ болѣе 1.000 принимало самое живое и активное участіе въ обсужденіи вопроса первѣйшей государственной важности. Когда содержаніе кондицій стало общеизвѣстнымъ, то въ интеллигенціи рѣзко обозначилось два теченія по сему вопросу. Одна часть ея была принципиально несогласна съ верховниками, желая «старое, отъ прародителей воспріятное государства правило удержать непремѣнно». Другая, притомъ болѣе многочисленная и болѣе вліятельная, готова была признать пользу реформы, но была обижена тѣмъ, что ея мнѣнія не спросили. «Передѣлывать составъ государства» въ небольшомъ кружкѣ значило, какъ она полагала, брать на себя слишкомъ большую отвѣтственность. «И хотя бы они препозное нѣчто усмотрѣли, однакожь скрывать то передъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщать — неприятно то и смрадно пахнетъ», рассуждали, по свидѣтельству Теофана Прокоповича, ближайшаго участника тогдашнихъ событій, московскіе конституціоналисты изъ генералитета и шляхетства. Защитники неограниченной монархіи видѣли въ «кондиціяхъ» раздѣлъ власти между восемью лицами, вызванный «несытымъ лакомствомъ и властолюбіемъ верховниковъ», въ результатѣ какового раздѣла они предсказывали междоусобныя войны, возвращеніе Россіи въ тотъ «скарденый» видъ, который она имѣла, «когда на многая княженія расторжена бѣдствовала», всеобщую анархію, рѣзню и т. д. Съ другой стороны, люди, сочувствовавшіе Голицыну въ принципѣ и признававшіе необходимость конституціонной формы правленія, не находили въ проектѣ верховниковъ необходимыхъ гарантій законности. «Кто намъ поручится, — спрашивали они, — что со временемъ, вмѣсто одного государя, не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтѣ, и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства? У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руководиться совѣтъ; если его члены станутъ сами издавать законы, то они во всякое время могутъ ихъ уничтожить».

Отмѣтивъ это мнѣніе, г. Милюковъ замѣчаетъ, что оно «прямо указывало на самый существенный пробѣлъ въ проектѣ Голицына, отмѣченный и новѣйшимъ историкомъ (Іерне). Дѣло въ томъ, что не только въ «пунктахъ», но и въ полномъ проектѣ Голицына вопросъ о конституціонныхъ гарантіяхъ и объ организаціи законодательной власти оставался совершенно обойденнымъ; между тѣмъ

соответственныя постановленія существовали, конечно, въ шведскихъ источникахъ голицынскаго трактата».

Возражая противъ права совѣта на законодательную власть въ будущемъ, конституціонная партія оспаривала его право на учредительскую власть въ настоящемъ. Она полагала, что новое государственное устройство должно быть выработано особеннымъ учредительнымъ собраніемъ, болѣе широкимъ, чѣмъ совѣтъ, по социальному составу. Законодательная власть, по мнѣнію тогдашнихъ московскихъ конституціоналистовъ, не должна быть монополіей какой либо правящей корпораціи, а достояніемъ «общенароднаго» правительства. Однако, говоря объ общенародныхъ интересахъ, никто изъ говорившихъ не имѣлъ въ виду дѣйствительнаго народа, интересовъ всей страны, а подразумѣвалъ или интересы шляхетства, или служилаго класса и помѣстнаго дворянства. «Заговоривъ объ общенародныхъ гарантіяхъ, это шляхетство кончило выработкой проекта дворянскихъ льготъ. Интересы же другихъ сословій занимали московское шляхетство едва ли въ большей степени, чѣмъ кн. Голицына», — резюмируетъ тогдашне настроеніе умовъ П. Н. Милуковъ.

Любопытно отмѣтить, что, стоя передъ явленіемъ громадной исторической важности, никто изъ участниковъ тогдашнихъ событій не далъ себѣ труда вспомнить о старинной формѣ, выработанной Русскою землею, для рѣшенія вопросовъ кореннаго государственнаго значенія—о земскихъ соборахъ, гдѣ какъ ни какъ, а раздавался властный голосъ всего народа. Эта юридическая формула была какъ бы забыта, ея никто не вспоминалъ, и ее старательно обходили молчаніемъ. Трудно было бы объяснить это явленіе короткостью исторической памяти или невѣжествомъ по части историческихъ фактовъ. Вѣдь не прошло еще и полныхъ 150 лѣтъ, какъ среди тѣхъ же кремлевскихъ стѣнъ Москвы русскій народъ, удовлетворяя своимъ рѣшеніемъ всѣ классовые интересы и устанавливая архитектуру государственнаго строительства Русской земли, сумѣлъ выйти съ честью изъ смутныхъ обстоятельствъ, облекшихъ родину. Ни верховники, ни шляхетство, ни прочіе представители тогдашней интеллигенціи, однако, объ этомъ важномъ моментѣ отечественной исторіи не вспомнили, и никто не высказался за необходимость въ дни наступившей новой исторической смуты созыва земскаго собора, предпочитая разобраться въ нуждахъ современности или путемъ теоретическихъ построеній, или при помощи примѣровъ изъ политической жизни сосѣдей, или, наконецъ, на основахъ вѣры въ фактическую силу сдѣланнаго уже бюрократіей и шляхетствомъ захвата власти, минуя санкцію народа по представительству отъ всей земли. Бюрократическо-шляхетскій режимъ, установленный Петромъ I, уже успѣлъ пустить глубокіе корни и наложить на общественную мысль мертвенный отпечатокъ

рутины, боязливости и ограниченности. Печать бюрократизма при такихъ условіяхъ жизни по необходимости легла и на идею того самодержавія, которое обсуждалось въ смутные дни 1730 г., и на порядокъ самаго его обсужденія; живое нѣкогда историческое установленіе превращалось поэтому въ нѣчто механическое, бездушное, далекое отъ народа и его истинныхъ нуждъ и идеаловъ. Самодержавіе и бюрократія становилась какъ бы синонимами, понятіями одного порядка, взаимно дополняющими и зависимыми другъ отъ друга.

По указаніямъ г. Милюкова, на основаніи свидѣтельства Теофана Прокоповича, въ ночныхъ собраніяхъ шляхетства дѣло не ограничилось одними теоретическими разсужденіями. Московскіе кружки рѣшились дѣйствовать и въ этомъ случаѣ опять раздѣлились на два лагеря. Принципіальные противники проекта верховниковъ склонялись къ «дерзкому» рѣшенію: «на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто свое соберутся, напасть внезапно оружною рукою и, если не похотятъ отстать умысловъ своихъ, смерти всѣхъ предать». Сторонники ограниченія царской власти предпочитали «другое мнѣніе—кроткое»: явиться въ верховный совѣтъ и убѣдить верховниковъ—«призвать ихъ въ свое дружество» и дѣйствовать сообща. Но первое мнѣніе казалось многимъ слишкомъ «лютымъ и удачи неизвѣстной», другое, напротивъ, слишкомъ «слабымъ и недѣйствительнымъ»; время проходило въ разговорахъ, и «все ихъ дѣйствіе день по дню знатно простывало». Верховный совѣтъ тоже не оставался въ бездѣйствіи. Верховники были «не безъ страха, когда не знали они, какъ дремливо было противниковъ дѣйствіе; но когда сіе узнали, показывали себя грозныхъ и яростныхъ. Нарочно отъ нихъ разсѣвали слухъ о страшныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ: и что мятежныя ихъ сонмища верховному совѣту гораздо вѣдомы; и что непокойныя оныя головы судятся, яко непріатели отечества, и скоро пошлется — и уже послано—ловить ихъ за арестъ; и что дурно они на множество свое уповаютъ, понеже въ числѣ верховныхъ и главные полководцы обрѣтаются; и что никому изъ нихъ утаиться и избѣжать бѣды нельзя, понеже немногіе пойманные покажутъ на пыткахъ и прочихъ, и явится, кто каковой казни достойны будутъ». Такъ изображаетъ тогдашнюю картину дѣйствій Теофанъ Прокоповичъ. Верховники, слѣдовательно, оказывали давленіе на консервативную партію страхомъ террора, что же касается отколовшихся отъ нихъ конституціоналистовъ изъ шляхетства, то ихъ старались привлечь на свою сторону убѣжденіями и обѣщаніями, что вопросъ о новомъ государственномъ устройствѣ будетъ переданъ на обсужденіе «всѣхъ чиновъ», какъ только получено будетъ извѣстіе о согласіи новой императрицы на посланныхъ къ ней «кондиціи». Пока же эти «кондиціи» еще не прибыли, совѣтъ верховниковъ обсуждалъ изложенный выше конституціонный проектъ

кн. Голицына, а шляхетскія группы составляли свои проекты, которые и скрѣпляла каждая группа порознь большимъ или меньшимъ числомъ подписей.

Получивъ столь выгодное, а еще болѣе неожиданное предложеніе, какъ занятіе русскаго престола, о чемъ ей, при наличности дочерей Петра, и сниться во снѣ не могло, бѣдная курляндская вдова, конечно, послѣшила выразить свое согласіе на всѣ кондиціи, каковы бы онѣ ни были, и тѣмъ болѣе, что къ тому же времени приспѣло изъ Москвы и конфиденціальное сообщеніе отъ представителей консервативной партіи, что «страшенъ только сонъ, а милостивъ Богъ», и что съ «кондиціями» нетрудно будетъ, при удобномъ случаѣ, покончить, ибо онѣ не «отъ всего народу» привезены. 3-го февраля 1730 года высшимъ чинамъ было объявлено, что Анна Иоанновна приняла престолъ на предложенныхъ условіяхъ, которыя и были сообщены тутъ же собравшимся, какъ актъ, юридически оформленный ея подписью. Послѣ этого былъ подписанъ «благодарственный» протоколъ собранія, хотя тутъ же кто-то не преминулъ замѣтить: «не вѣдаю, да и весьма чуждусь, отъ чего пришло на мысль государынѣ такъ писать». Заискивая передъ конституціоналистами шляхетской партіи, верховники дѣлали видъ, что охотно принимаютъ ихъ проектъ «для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія», на дѣлѣ же никоимъ образомъ не имѣли въ виду дѣлиться съ кѣмъ либо своею будущею властію. Неудовольствіе противъ верховниковъ росло, и ко времени прибытія въ Москву Анны Иоанновны это неудовольствіе перешло уже въ активную оппозицію. Сама императрица, минуя «пункты кондицій», стала проявлять самодержавную волю, дѣлая внѣ своей ограниченной компетенціи назначенія по войскамъ и упорно отказываясь присутствовать на засѣданіяхъ верховнаго тайнаго совѣта; въ такой личной самостоятельности ее особенно поддержалъ отказъ Преображенскаго полка присягать въ формѣ, выработанной совѣтомъ и для послѣдняго удобной. Все складывалось къ тому, чтобы «затѣйка» верховнаго совѣта потерпѣла фiasco, при чемъ инициатива этого фiasco исходила не отъ самой Анны, а изъ рядовъ шляхетства; такимъ образомъ впервые вполнѣ реальные шаги къ установленію въ Россіи конституціи, не считая за таковой шагъ переговоровъ съ Владиславомъ въ эпоху Смутнаго времени, при приглашеніи его на русское царство, не дали практическихъ результатовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не вызвали ни съ какой стороны кровавыхъ слѣдствій и кровавой борьбы. Верховники, задумавъ замѣнить самодержавіе аристократическою конституціонною формою правленія, не имѣли въ своемъ распоряженіи средствъ и способовъ, чтобы силою поддержать свои планы, шляхетство же, не выработавъ опредѣленнаго конкретнаго плана государственнаго переустройства, зато имѣло за собою военную организацію и единственную въ тогдашнемъ государствѣ силу, которую и противопоставило олигархическимъ тенденціямъ совѣта.

Помеже полоче псмаѣщаго бѣа (повше)
Желанид иеросейишо иарад, Мы попуе
стаулами вепреставитишаго Ареха
дѣтии го влнотю Гдѣ Петра Второго
Императора Исамодержца Всеросійишо
Нше Гдѣ везитишаго Гдѣ Пломанина
Императореши Всеросійеши пресподу
Восприли, ислѣдчя бѣ естотинномъ
Заповѣ прудителѣ по свое таини
вбравомъ ивѣти намрени Иселод,
Дѣбѣ, соное вночи, впрославенид бѣ
снѣго сѣмьки и вблгополчид пѣго нше
Гдѣ Стаа рдствѣ впривѣх нашихъ Поу
иныхъ слѣхита мола. Пѣго ради
иѣ наймрѣп иише вббщаемся, бѣ
Наи Владнѣишо лѣе поппеніе. (отпараніе
вдѣть Нотоліе всодресоніи, Нѣго
праинемъ ивспомѣснѣмъ разпротуа
нѣниі прѣославныхъ нашихъ Пѣры. Грѣе
шо Гдѣ исполдннчя, Пѣго ради поприд
ти нѣрѣны росіеишнй, вѣ прѣвѣсто
вѣдѣ лѣдъ сѣизнѣ ивѣстѣпаты, инаиб
Дѣиша Ни присѣвѣ итѣсѣв ннѣго ивѣ
прѣзлѣтѣ и еще вббщаемся, бѣ
Пѣго ради ивѣстѣ ивблгополчид пѣго
Гдѣ Стаа вбблнхъ солдѣтѣишнй, вѣстоишнй,
Пѣго ради ии нѣтѣ бѣе угрѣдѣннѣишнй
вѣрходннѣишнй таиннѣишнй солдѣтѣишнй. вѣсомъ прѣ
2 члѣ

Факсимиле акта, разорванного императрицей
(Воспроизведено из «Исторія император

всегда содержать, и в каком то Переходном
тайного совета согласия. 1. Ничего
войны не начинать. 2. Мир не начинать
запа, 3. Встречать наших Подданных
и Царскими иными Податями не брать
щити. 4. Извощать земли. Канцелярии
цие, Платить Иностранцы Схотобники
и морские выше Полночных раята
не фалодать, Ни же извощать
долом и иного неопределять, и в
ипротем двинать быть подвезе
нием беролого тайного совета
5. Ушляхста сядата и митинд
всегда не начинать. 6. Востанки
и дереди не фалодать. 7. Впридо
рива земли на и ривихъ, Платить
земледь безсодать церковно тайного
содать и произозити. 8. Извоща
ния доходы, вросходь неопределять
дествъ стврикхъ свои подданы в
ной спеси мити содержать; а в
се посылу обещани не исполн
дередь. То лишиена вду порони
рвеси
исной посылу обещани
вс безвек
ного извоща
содать
Анна

Анной Ивановной 20-го августа 1730 года.
ской главной квартиры» В. В. Квадри).

Сторонники консервативной партіи въ данномъ случаѣ поработали основательно, вслѣдствіе чего 800 человекъ шляхетства, явившись во дворецъ, просили императрицу сначала о разсмотрѣніи поданныхъ ими совѣту проектовъ и оставленныхъ послѣднимъ безъ разсмотрѣнія, а потомъ гвардія, выдѣлившись особо, била челомъ о принятіи Анною Іоанновною въ свои руки російскихъ скипетра и державы безъ всякихъ кондицій и ограниченій. «Государыня, мы, вѣрные рабы вашего величества, — восклицали гвардейскіе офицеры, — вѣрно служили вашимъ предшественникамъ и готовы пожертвовать жизнью на службѣ вашему величеству; но мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ. Повелите, и мы сложимъ къ вашимъ ногамъ ихъ головы». Вслѣдъ за симъ и шляхетство, съ своей стороны, подало челобитную, которую и прочелъ князь Антиохъ Кантемиръ. Здѣсь категорически было сказано, что мы, нижеподписавшіеся представители шляхетства¹⁾, «всепокорнѣйше просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвалныя предки имѣли, а присланные къ вашему императорскому величеству отъ верховнаго совѣта и подписанные нашего величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнѣйше ваше императорское величество просимъ, чтобъ соизволили сочинить вмѣсто верховнаго совѣта и высокаго сената одинъ правительствующій сенатъ, какъ при его величествѣ, блаженной памяти дядѣ вашего императорскаго величества Петръ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною; также нынѣ въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный правительствующій сенатъ и въ губернаторы, и въ президенты повелѣно бѣ было шляхетству выбирать баллотированьемъ, какъ то при дядѣ вашего величества, его императорскомъ величествѣ Петръ Первомъ, установлено было; и при томъ всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по вашему всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущихъ временъ нынѣ установить».

Заключительная сцена протекла такъ: «пополудни въ четвертомъ часу къ ея императорскому величеству призванъ статскій совѣтникъ г. Масловъ (одинъ изъ правителей дѣлъ верховнаго тайнаго совѣта), и приказано ему подписанные отъ ея императорскаго величества собственною рукою пункты и письмо принести къ ея величеству отъ господъ министровъ (чиновъ верховнаго тайнаго совѣта) поднесены. И тѣ пункты ея величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, изодрать».

Такимъ образомъ широкой и долго обдуманной планъ князя Голицына потерпѣлъ крушеніе, и вещественнымъ памятникомъ этого плана остался лишь разорванный Анною документъ, нынѣ хранящійся

¹⁾ «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны». Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Казань. 1880.

въ государственномъ архивѣ. Документъ этотъ былъ уже дважды воспроизведенъ въ нашей литературѣ—въ первый разъ П. Н. Милюковымъ въ его книгѣ «Изъ исторіи русской интеллигенціи» и потомъ въ недавно вышедшемъ роскошномъ изданіи подъ редакцію В. В. Квадри «Исторія главной императорской квартиры». Въ интересахъ обширнаго круга читателей «Историческаго Вѣстника», разорванныя «кондиціи» Анны Іоанновны прилагаются и къ настоящимъ очеркамъ, въ уменьшенномъ видѣ, сообразно формату журнала.

Скорбя о постигшей его неудачѣ, старикъ князь Д. М. Голицынъ говорилъ въ тотъ вечеръ въ кругу своихъ друзей:

— Пиръ былъ готовъ, но гости были недостойны его. Я знаю, что я буду его жертвою! Такъ и быть, я пострадаю за отечество; я близокъ къ концу моего жизненнаго поприща, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы долѣе меня.

Изъ всего хода дѣла усматривается, что самодержавіе обязано собственно гвардіи сохраненіемъ своей неприкосновенности, вотъ почему Анна ласкаетъ гвардію, учреждаетъ новые гвардейскіе полки, какъ бы памятуя, что долгъ платежомъ красенъ. Что касается шляхетства и дворянства вообще, то ихъ сословные и тѣмъ болѣе общегосударственные интересы соблюдаются въ послѣдующіе годы далеко не всегда и не во всемъ. Государыня дѣйствительно уничтожила тайный верховный совѣтъ, возстановила прежнее значеніе сената, какъ того просили дворяне, она уничтожила ненавистный законъ Петра о единокровіи и учредила шляхетскій корпусъ, но прошеніе дворянства объ участіи въ избраніи администраціи осталось невыполненнымъ. Поэтому, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ С. О. Платоновъ¹⁾, «вся политика Анны не только не дворянская, но даже не національная. Боясь русской знати, поднесшей ей пункты,—говоритъ почтенный ученый,—подвергая ее гоненіямъ и даже униженію, опасаясь, съ другой стороны, политическихъ движеній среди шляхетства и помня, что въ Голштиніи есть родной внукъ Петра Великаго (будущій Петръ III), котораго Анна въ гнѣвѣ звала «чортушкой въ Голштиніи», и который могъ стать знаменемъ движенія противъ нея,—Анна не нашла лучшаго для себя выхода, какъ организовать свое правительство изъ нѣмцевъ. Это обстоятельство, вызванное неумѣньемъ найти себѣ опору въ своемъ народѣ, въ той или другой его части, привело къ печальнымъ результатамъ. Правленіе Анны—печальная эпоха въ русской жизни XVIII вѣка, время временщиковъ, чуждыхъ Россіи. Находясь подъ влияніемъ своихъ любимцевъ, Анна не оставила по себѣ доброй памяти ни государственной дѣятельностью, ни личною жизнью. Первая сводилась къ удовлетворенію эгоистическихъ стремленій нѣсколькихъ лицъ, вторая отмѣчена странностями, рядомъ расточительныхъ празднествъ,

¹⁾ «Лекціи по русской исторіи» профессора С. О. Платонова, Спб., 1904.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1905 г., т. с.

16

грубыми нравами при дворѣ, блестящими, но жестокими затѣями въ родѣ ледяного дома. Съ первыхъ же минутъ самодержавной власти началось возвышеніе иностранцевъ и опалы на Русскую землю».

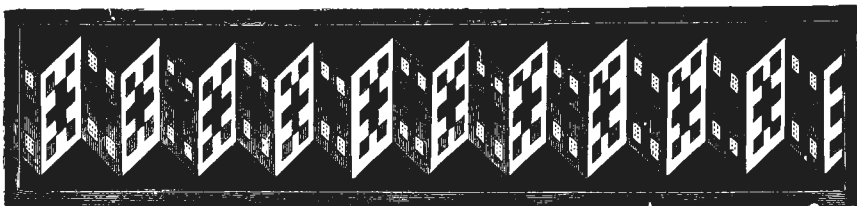
Мы не послѣдуемъ за черту историческаго занавѣса, снова падающаго въ данный моментъ передъ читателями. Въ нѣкоторыхъ цитированныхъ выше спеціальныхъ трудахъ они найдутъ изложеніе событій этого печальнаго и постыднаго для русскаго самолюбія царствованія бывшей Курляндской герцогини, русской по крови, но иноземки по привычкамъ, симпатіямъ и боязни всякаго проявленія русскаго духа, русской идеи и русской силы. На зарѣ ея царствованія русская жизнь замутилась силою историческихъ событій, и такой же мутной оставалась она до конца ея правленія. Самодержавіе Анны, оставаясь бюрократическимъ и съ опорой исключительно въ чиновничествѣ и гвардіи, стало уже совершенно чуждо народу, ибо окончательно потеряло всякій національный характеръ, національное значеніе, которое было ему обязательно предписано, какъ непремѣнное условіе его утвержденія, со стороны земскаго собора 1613 года. Такимъ бюрократическимъ и ненаціональнымъ оно осталось на очень долгіе годы и для всѣхъ послѣдовавшихъ эпохъ; нѣкоторый просвѣтъ тутъ наблюдается съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы Петровны, но затѣмъ этотъ разсвѣтъ окончательно снова гаснетъ.

Сухая революція, учиненная гвардейскими батальонами въ пользу дочери Петра Великаго, гибель Иоанна Антоновича, появленіе въ Россіи «чортушки изъ Голштиніи», бракъ его съ Екатериною Алексѣевою и пр. и пр. извѣстныя изъ официальной исторіи Россіи событія—все это были явленія, хотя и очень крупной государственной важности, но не отразившіяся болѣе или менѣе ярко и сильно на положительномъ развитіи жизненныхъ народныхъ силъ страны. Жизнь этого народа, въ ея бытовыхъ и культурныхъ проявленіяхъ, продолжала слагаться и проявляться внѣ непосредственной связи съ представителями верховной власти, съ одной стороны, а, съ другой, не выставляла съ своей стороны какой либо сильной оппозиціи или противоборства тому, что совершалось въ Петербургѣ и въ бюрократическихъ сферахъ. Со времени Булавинскаго бунта и въ теченіе длиннаго періода до царствованія Екатерины, мы не встрѣчаемся ни съ однимъ моментомъ широкаго народнаго движенія съ соціально-политической окраской на немъ. Мѣстами въ закрѣпощенномъ крестьянствѣ вспыхиваютъ то тамъ, то здѣсь спеціальныя бунты, вызванныя гнетомъ помѣщичьей власти и экономической нуждой, и въ цѣляхъ болѣе правильнаго, свободнаго и сытаго существованія. Эти бунты вспыхиваютъ стихійно, безъ опредѣленной программы и подавляются всякій разъ военною силою, въ интересахъ помѣщичьей власти. Закрѣпощеніе народа, расхищеніе народнаго и государственнаго богатства идутъ быстрыми шагами, но

въ народѣ этомъ не хватаетъ какъ будто силъ для широко-организованной активной борьбы. Онъ протестуетъ мгновениями, и эти мгновенныя вспышки такъ же быстро погашаются, какъ имъ суждено было вспыхнуть. Большого кроваваго пожара нигдѣ за тотъ историческій періодъ не наблюдается, и жизнь народная протекаетъ мутно и сѣро, въ кабалѣ и въ жертвахъ, то на пользу помѣщичьяго благополучія, то на пользу и силу государственной власти, то въ интересахъ военной обороны и расширенія границъ имперіи.

Б. Глинскій.

ВЪ ЗАЩИТУ УБѢЖИЩА ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА ВЪ ОДЕССѢ¹⁾.

ПОЛУЧНОЕ убѣжище имени А. С. Пушкина, созданное по инициативѣ редактора «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкаго, снова сдѣлалось предметомъ клеветы, на этотъ разъ, со стороны бывшаго издателя «Луча», г. Окрейца.

Такъ какъ учрежденіе это еще недавно было дорого мнѣ по своей идеѣ, и такъ какъ авторъ избралъ объектомъ своего злоязычія меня, какъ лицо, которому было ввѣрено ближайшее завѣдываніе этимъ учрежденіемъ, мою жену, въ теченіе 4-хъ лѣтъ безвозмездно раздѣлявшую мой трудъ, и учредителя убѣжища В. В. Навроцкаго, то поэтому, во имя справедливости, я считаю себя обязаннымъ отвѣтить г. Окрейцу. Оставляя за собою право доказать ему судебнымъ порядкомъ, что онъ клеветникъ, я пока ограничиваюсь краткимъ изложеніемъ фактической стороны дѣла.

Въ декабрѣ 1898 года, на обѣдѣ по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея «Одесскаго Листка» у редактора его, В. В. Навроцкаго, явилась мысль ознаменовать юбилей своей газеты добрымъ дѣломъ—устройствомъ убѣжища для тружениковъ печати: наборщиковъ, печатниковъ, для лицъ, причастныхъ къ литературному труду, и вообще для утратившихъ трудоспособность тружениковъ пера и печатнаго станка. Инициаторъ тутъ же вручилъ председателю «Общества вспомошествованія литераторамъ и ученымъ», одесскому городскому головѣ, П. А. Зеленому, три тысячи рублей. Благая

¹⁾ Отвѣтъ на статью г. Окрейца, напечатанную въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1905 года.

мысль встрѣтила единодушное сочувствіе присутствовавшихъ, и по предложенію П. А. Зеленаго здѣсь же, за обѣдомъ, было собрано около 8 тысячъ рублей. Вслѣдъ затѣмъ В. В. Навроцкій принялъ на себя обязанность довести дѣло до конца, литературнымъ обществомъ была избрана строительная комиссія, и, спустя два года, Одесса украсилась зданіемъ убѣжища имени А. С. Пушкина съ народными при немъ аудиторіей и школой. На призывъ В. В. Навроцкаго пожертвованія полились, можно сказать, рѣкой, и по мѣрѣ поступленія средствъ создавалось зданіе учрежденія. Городъ, съ своей стороны, отнесся сочувственно и сперва безплатно отвелъ для этой цѣли участокъ городской земли, а затѣмъ ассигновалъ ежегодную субсидію въ 5 тысячъ рублей. Недостовавшія средства для окончанія дѣла В. В. Навроцкій находилъ устройствомъ лотерей-аллегри, спектаклей, баловъ, загородныхъ гуляній, концертовъ и т. п.

Отчеты о поступавшихъ пожертвованіяхъ отъ гражданъ города Одессы и другихъ городовъ и по устройству благотворительныхъ развлеченій регулярно печатались въ «Одесскомъ Листкѣ». Ко времени окончанія постройки зданія и его оборудованія поступило всѣхъ суммъ около 80 тысячъ рублей. Убѣжище 18-го марта 1901 года было открыто, имѣя долгъ до 26 тысячъ рублей.

Литературное общество, не обладая средствами на содержаніе убѣжища, по предложенію В. В. Навроцкаго, предоставило ему въ теченіе четырехъ лѣтъ ближайшія заботы о судьбѣ учрежденія. Въ этотъ періодъ времени г. Навроцкій не переставалъ заботиться о своемъ дѣтищѣ, и, благодаря его энергіи, долгъ не только былъ погашенъ, но явилась возможность содержать убѣжище съ просвѣтительными учрежденіями.

Хотя я не принималъ участія въ постройкѣ убѣжища, но могу сказать, что отчеты по этой постройкѣ со всѣми оправдательными документами, по выплатѣ долга, были своевременно представлены правленію одесскаго общества вспомошествованія литераторамъ и ученымъ, были рассмотрѣны ревизіонной комиссіей, избранной для этой цѣли, а 10-го мая 1903 года учредитель убѣжища окончательно передалъ его въ вѣдѣніе названнаго общества. В. В. Навроцкій принялъ обязанности предсѣдателя распорядительнаго комитета, избраннаго изъ среды членовъ общества для завѣдыванія учрежденіемъ и изысканія средствъ къ существованію. Такъ продолжалось до мая 1904 г., когда среди членовъ комитета произошелъ расколъ: В. В. Навроцкій отказался отъ предсѣдательства въ комитетѣ, а вслѣдъ за нимъ «въ отставку» подали и другіе члены. Избранъ былъ новый составъ комитета. Въ этомъ же году вслѣдствіе чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ войной, городъ уменьшилъ субсидію до 3 тысячъ рублей, и въ то же время г. Навроцкій прекратилъ въ своей газетѣ приемъ пожертвованій на усиленіе

средствъ убѣжища взамѣнъ праздничныхъ визитовъ, дававшихъ до 2 тысячъ рублей и служившихъ крупнымъ подспорьемъ. Пожертвованіямъ этимъ, пасхальнымъ и новогоднимъ, г. Навроцкій далъ другое назначеніе: въ пользу семействъ запасныхъ воиновъ на Дальнемъ Востокѣ. Содержаніе убѣжища съ числомъ отъ 16 до 20 пансіонеровъ и просвѣтительныхъ при немъ учрежденій обходилось около 8 тысячъ рублей. Съ уменьшеніемъ же городской субсидіи и съ отказомъ г. Навроцкаго отъ участія въ дѣлахъ учрежденія, дальнѣйшая судьба его была крайне неопредѣленна.

Я не буду касаться причинъ, повлекшихъ за собой такое слѣдствіе, такъ какъ этихъ причинъ слишкомъ много, и онѣ такъ разнообразны, но къ прискорбію долженъ констатировать тотъ фактъ, что осуществленная В. В. Навроцкимъ въ этомъ дѣлѣ идея общественной самодѣятельности часто встрѣчала противодѣйствіе со стороны лицъ, сводившихъ съ нимъ личные счеты. вмѣсто дружной совмѣстной работы, направленной къ упроченію судьбы учрежденія, встрѣчались антагонизмъ, личная неприязнь, подспудная борьба...

Въ октябрѣ 1904 г. я и жена моя отказались отъ дальнѣйшаго завѣдыванія убѣжищемъ, а въ декабрѣ оставили стѣны его.

О своей дѣятельности и объ отношеніи къ дѣлу моей жены судить не берусь, хвалить или порицать предоставляю другимъ, но не могу обойти молчаніемъ адресъ, которымъ меня удостоили послѣ моего ухода изъ убѣжища труженики пера и печати, въ томъ числѣ и авторъ клеветы, г. Окрейцъ. Пусть читатели по достоинству оцѣнятъ нравственный обликъ этого «литератора». Я же думаю, что мысли и чувства, выраженные «благодарными» пансіонерами въ дословно приводимомъ адресѣ, свободны отъ всякихъ подозрѣній, отъ какого бы то ни было вліянія на ихъ совѣсть.

«Федору Ивановичу Мирошниченко, завѣдывающему «Убѣжищемъ тружениковъ печати съ просвѣтительными учрежденіями имени А. С. Пушкина.

(Отъ пансіонеровъ).

«Милостивый государь, глубокоуважаемый Федоръ Ивановичъ!

«Четырехлѣтняя плодотворная дѣятельность ваша по завѣдыванію «Убѣжищемъ имени А. С. Пушкина для немощныхъ тружениковъ печати и пера», въ которое вы вложили всю свою душу и энергію для процвѣтанія его на благо призрѣваемыхъ, заставляетъ насъ выразить вамъ, Федоръ Ивановичъ, нашу глубокую признательность за ваши труды и заботы о немощныхъ. Ваше теплое участіе и истинно-дружескія отношенія къ намъ, а тѣмъ болѣе радѣніе къ дѣлу, довѣренному вамъ, заслуживаютъ не простого нашего «спасибо», какъ лицъ, веѣмъ вами довольныхъ, а кое-чего

лучшаго, что можетъ быть дано только Богомъ въ награду за всѣ ваши труды на благо и преуспѣяніе перваго въ Россіи учрежденія для лицъ, прикосновенныхъ къ литературѣ и печати. Споспѣшествуя по мѣрѣ своихъ силъ и возможности его благосостоянію, вы неуспѣшно стремились къ достиженію образцоваго порядка въ учрежденіи, заботились о здоровой пищѣ для пансіонеровъ, спокойствіи ихъ, чистотѣ, опрятности, удобствахъ и всемъ томъ, что ласкаетъ глазъ, окружая насъ теплымъ участіемъ и облегчая наши недуги. Намъ всѣмъ отлично извѣстно, что вы горячо содѣйствовали просвѣтительнымъ цѣлямъ, съ которыми тѣсно связано это убѣжище. Заслуги эти уже достаточно оцѣнены тѣми ревнителями просвѣщенія, которые вѣдаютъ его. Нынѣ, разставаясь съ вами, по независящимъ отъ насъ и васъ самихъ обстоятельствамъ, мы не можемъ не выразить вамъ своего глубокаго сожалѣнія и скорби, что дорогое вамъ дѣло, которымъ вы завѣдывали со дня его основанія въ теченіе четырехъ лѣтъ, благодаря вашему уходу, кончается для насъ грустно, ибо другого такого душевнаго человѣка, горячо преданнаго дѣлу, едва ли можно найти и поставить на ваше мѣсто съ такою же пользой для учрежденія. Поэтому позвольте вамъ, глубокоуважаемый Ѳедоръ Ивановичъ, горячо пожать на прощаніе вашу честную руку и горячо благодарить васъ за все содѣянное вами въ пользу призрѣваемыхъ. Пусть эти строки послужатъ вамъ залогомъ нашей искренней признательности за всѣ о насъ заботы и попеченія и напоминаютъ вамъ о томъ, что въ дѣлѣ прошлаго процвѣтанія «Убѣжища немощныхъ труженниковъ пера и печати» есть значительная капля и вашего меда.

«Одесса» 21-го ноября 1904 года.

«Искренно благодарные пансіонеры:

«Бывшій редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», заграничный корреспондентъ «Новаго Времени» и сотрудникъ многихъ журналовъ и газетъ Николай Ардалионовичъ Поповъ.

«Бывшій редакторъ «Родины», «Новаго Времени» и секретарь редакціи «Наблюдатель», Францъ Викентьевичъ Домбровский.

«Бывшій редакторъ-издатель многихъ изданій С. С. Окрейцаъ.

«Бывшій сотрудникъ «Русскаго Міра» Юрій Бахтинъ.

«М. Скороходовъ. Николай Михайловъ. Степанъ Наумовъ (наборщикъ). Первый инвалидъ М. С. Поляковъ. И. С. Петенко (словолитчикъ). Коллежскій ассессоръ первый сотрудникъ «Одесскаго Листка» А. М. Бесѣдовскій».

Какъ совмѣстить тѣ, повидимому, прочувствованныя и искреннія строки, которыя дышатъ благодарностью и признательностью, какъ совмѣстить ихъ со статьей г. Окрейца? Въ адресѣ г. Окрейца въиолнѣ присоединяется къ своимъ товарищамъ, о чемъ свидѣ-

тельствуетъ его подпись (я думаю, силой или какимъ либо другимъ подобнымъ путемъ нельзя заставить г. Окрейца подписать адресъ), онъ доволенъ наравнѣ съ прочими пансіонерами и режимомъ, дававшимъ возможность спокойно жить въ тихомъ пристанищѣ усталыхъ тружениковъ литературной нивы; онъ понимаетъ, для чего существуютъ просвѣтительныя учрежденія при убѣжищѣ, указываетъ на то, что и «моя капля меда» въ дѣлѣ прошлаго процвѣтанія не осталась незамѣченной...

Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ взгляды г. Окрейца на задачи убѣжища, на его организацію, на дѣятельность тѣхъ людей, которые взяли на себя обязанности по учрежденію во имя высокой идеи, кореннымъ образомъ мѣняются. Г. Окрейцъ находитъ уже, что «уставъ жестокой... для тюрьмы, для арестнаго дома онъ былъ бы подходящій»... «Регламентъ жизни въ убѣжищѣ до самыхъ послѣднихъ дней былъ очень суровымъ». Г. Окрейцъ, повидимому, не хочетъ понять, что покойная жизнь въ общежитіи, подъ одной кровлей котораго собрались люди различнаго воспитанія, характеровъ и умственнаго кругозора, можетъ быть достигнута путемъ извѣстнаго режима; онъ не хочетъ сознать, что жизнь въ подобнаго рода учрежденіяхъ должна подчиняться установленному порядку; не признаетъ онъ также принципа, въ силу котораго обитатели убѣжища должны поступаться своими личными удобствами ради удобствъ другихъ; онъ умышленно игнорируетъ бюджетъ учрежденія, говоритъ о систематической якобы голодухѣ, тогда какъ имѣющіяся у меня письменныя заявленія пансіонеровъ Н. Попова, И. Петенко, И. Дѣлля, П. Александрова, Ф. Домбровскаго, Н. Михайлова, Г. Бахтина и др. — свидѣлствуютъ, что столъ учрежденія не оставлялъ желать лучшаго. Отчеты по хозяйственнымъ расходамъ моей жены представлялись въ комиссію каждый мѣсяцъ въ видѣ счетовъ изъ магазиновъ¹⁾. О манерѣ дѣлежа провізіи возразить нечего: это такъ низко, что начинать оправдываться значить безконечно унижаться. Всегда найдутся порядочные люди, которые дѣйствительно присутствовали при разсылкѣ порцій. Но къ чему эти дразги, сплетни, кому онѣ нужны, и кто можетъ этому повѣрить? Кстати, жена моя сама просила нѣсколько разъ комитетъ и другихъ лицъ внезапно являться къ обѣду, чтобы посмотрѣть, какъ питаютъ пансіонеровъ.

Я оставилъ убѣжище по собственному побужденію, а не былъ устраненъ комитетомъ, какъ увѣряетъ г. Окрейцъ.

Одной изъ ближайшихъ причинъ моего отказа были ненормальныя, по моему мнѣнію, условія, въ которыхъ учрежденіе находилось, въ особенности въ послѣднее время, и полное равно-

¹⁾ Отчеты о приходахъ и расходахъ суммъ убѣжища за 1901, 1902 и 1903 гг. посланы въ редакцію «Историческаго Вѣстника».

душіе къ судьбѣ его со стороны лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлахъ учрежденія. Отсутствие руководящаго начала, необходимаго во всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ общественномъ, вынудило меня сложить обязанности. Неся нравственную отвѣтственность передъ обществомъ за внутреннюю жизнь учрежденія, за дѣятельность народной аудиторіи, я, при отсутствіи необходимыхъ, опредѣленныхъ полномочій, при отсутствіи, повторяю, руководящихъ началъ, долженствующихъ объединить дѣятельность убѣжища и просвѣтительныхъ при немъ учреждений, счелъ необходимымъ сложить оружіе послѣ четырехлѣтней упорной борьбы за осуществленіе идеи, лежавшей, по моему мнѣнію, въ основѣ дѣла. Убѣжище, какъ мнѣ казалось, предназначалось для лицъ, причастныхъ къ литературѣ и печатному станку. Мнѣ казалось, что правомъ общественнаго призрѣнія будутъ пользоваться лица, дѣйствительно нуждающіяся, и для такихъ лицъ «убѣжище» должно быть той тихой пристанью, гдѣ обезсиленные житейской борьбой труженики найдутъ физическій и душевный покой. Къ сожалѣнію, четырехлѣтній опытъ существованія убѣжища показалъ мнѣ, что подъ гостепріимную кровлю общежитія тружениковъ печати попадали такіе элементы, которые и по своимъ нравственнымъ качествамъ и по своимъ матеріальнымъ условіямъ не имѣли права на общественную благотворительность. Къ числу такихъ лицъ, какъ я думаю, принадлежитъ и г. Окрейцъ, котораго не могла удовлетворять жизнь въ убѣжищѣ, какъ человѣка съ большими прихотями, удовлетвореніе которыхъ не входило и не можетъ входить въ задачи убѣжища.

Не касаясь задачъ народной и воскресной школъ при убѣжищѣ, я считалъ задачами аудиторіи, находившейся въ моемъ вѣдѣніи,—воспитаніе народныхъ массъ въ духѣ преданности святой православной вѣрѣ, церкви и интересамъ родины.

Въ то же время функціи аудиторіи служили матеріальнымъ подспорьемъ учрежденію.

Г. Окрейцъ находитъ несомнѣстимымъ завѣдываніе убѣжищемъ и управленіе ремесленнымъ учрежденіемъ.

Если г. Окрейцъ счелъ возможнымъ промѣнять полицейскій мундиръ мелкаго провинціальнаго чиновника на «литературный трудъ», то что зазорнаго онъ видитъ въ такомъ совмѣстительствѣ?..

Мнѣ кажется, что честнымъ оставаться слѣдуетъ и мелкому полицейскому чиновнику и человѣку, посвятившему себя служенію печатному слову. Г. Окрейцъ, повидимому, другого возрѣнія на этотъ предметъ. Чѣмъ же, однако, объяснить такую желчность г. Окрейца, съ которою онъ обрушивается на учрежденіе, гостепріимно принявшее его, помня завѣты Великаго Учителя?.. Но мы, можетъ быть, найдемъ объясненіе этой желчности въ томъ, что, какъ извѣстно, жертвователями на содержаніе убѣжища немощ-

ныхъ труженниковъ печати были, между прочимъ, и евреи, откликнувшіеся на доброе дѣло, и такимъ образомъ знаменитому по своимъ гуманнымъ взглядамъ издателю «Луча» на склонѣ дней своихъ пришлось не морщась пить воду изъ того колодца, въ который онъ всю свою жизнь плевалъ!..

Мнѣ, конечно, нѣтъ никакого дѣла до убѣжденій г. Окрейца, но зачѣмъ же быть такъ постыдно-двуличнымъ, чтобы сегодня курить оиміамъ, а завтра вылить ушатъ грязи на лицъ, передъ которыми онъ разсыпался въ похвалахъ, на лицъ, которыя въ сознаніи святости своего дѣла окружили его заботами?

Возвращаясь къ ламентациямъ г. Окрейца, можно думать, что онъ, прослышавъ объ убѣжищѣ, ѣхалъ въ Одессу и думалъ, вѣроятно, что уставъ убѣжища близко подходитъ къ жизни любого отеля, гдѣ потребности и привычки каждаго обитателя безпрекословно удовлетворяются, гдѣ режимъ создаетъ себѣ каждый. Что же онъ тамъ нашелъ? Отвѣчу его словами: «и планъ убѣжища, и уставъ для него сочиняли люди, очевидно, непричастные къ литературѣ, не знающіе литераторовъ и ихъ потребностей».

Какія же, спрашивается, особыя потребности могутъ быть у непретенціозныхъ литераторовъ, кромѣ тѣхъ, какія удовлетворялись убѣжищемъ, предоставляющимъ своимъ пансіонерамъ роскошныя свѣтлыя отдѣльныя комнаты, обставленныя всѣмъ необходимымъ: безусловно хорошимъ столомъ, стиркой бѣлья, прислугой, библіотекой и полной свободой распоряжаться временемъ по своему усмотрѣнію. Единственно, что требовалось режимомъ учрежденія—своевременно являться къ чаепитію, завтраку и обѣду; но и эти требованія часто игнорировались прихотливыми пансіонерами.

Г. Окрейцъ забываетъ, что общественное учрежденіе не можетъ дать всѣхъ тѣхъ условій жизни, къ какимъ, можетъ быть, привыкъ онъ, живя на личныя средства.

Убѣжище труженниковъ печати, оборудованное и содержимое на пожертвованія общества, не имѣетъ цѣлью удовлетворять широкимъ прихотямъ людей, привыкшихъ къ особымъ условіямъ жизни; оно, какъ и всякое благотворительное учрежденіе, ставитъ себѣ задачей—дать своимъ пансіонерамъ самое необходимое, соображаясь со своими средствами. Не въ обиду другимъ пансіонерамъ скажу я, что г. Окрейцъ съ своими претензіями напоминаетъ мнѣ того профессиональнаго попрошайку-нищаго, которому вы въ назойливо протянутую руку подали пятакъ, и онъ, посмотрѣвъ внимательно на монету и убѣдившись, что она не фальшивая, все-таки остался недоволенъ и вслѣдъ вамъ выругался площадной бранью за то, вѣроятно, что вы не дали ему двугривеннаго!.. Если г. Окрейцъ такъ непостояненъ, то можно думать, что онъ не замедлитъ нынѣшнему смотрителю учрежденія выразить въ

адресъ свою признательность и благосклонное вниманіе за истинно-отеческія попеченія и доброе отношеніе съ тѣмъ, чтобы снова разразиться ложью, поражающей тѣмъ, что она выходитъ изъ устъ «старого писателя, не покладавшаго пера въ теченіе 40 лѣтъ» (не хочу думать—на служеніе инсинуаціи). Заканчивая свой отвѣтъ г. Окрейцу, я скажу, что не намѣренъ полемизировать съ нимъ, замѣчу только, что я съ горечью въ сердцѣ оставилъ близкое мнѣ дѣло, такъ какъ самъ былъ въ теченіе 27-ми лѣтъ скромнымъ газетнымъ труженикомъ.

Ө. И. Мирошниченко.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Конецъ швейцарскаго похода Суворова.—Берлинскій конгрессъ и его участники.

ВЪ КОНЦѢ прошлаго года вышелъ въ Парижѣ новый трудъ Эдуарда Гашо: «Походъ въ Гельвецію» ¹⁾, отрывокъ изъ котораго уже ранѣе былъ напечатанъ въ «Nouvelle Revue» и приведенъ нами въ июльской книгѣ «Историческаго Вѣстника», въ отдѣлѣ «Иностранцы о Россіи», подъ заглавіемъ: «Отвага русскихъ въ Швейцаріи въ 1799 году». Этотъ отрывокъ представлялъ рассказъ о первой части Суворовскаго похода въ Швейцарію: переходъ русскихъ войскъ чрезъ Сень-Готаръ, взятіе Чортова моста, занятіе Альторфа и спускъ въ Муттенскую долину съ вершинъ Кюнцигъ-Кульма подъ распѣваемую самимъ Суворовымъ пѣснь: «Что съ дѣвушкой сдѣлалось, что съ красной случилось?» Этотъ послѣдній переходъ изумляетъ всѣхъ историковъ, какъ современныхъ, такъ и новѣйшихъ своею смѣлостью и неустрашимостью, и до сихъ поръ на многихъ картахъ Швейцаріи надъ горной тропинкой, пройденной русскими войсками, сохранилась надпись: «Путь Суворова въ 1799-мъ году». Одинъ изъ французскихъ противниковъ Суворова, смѣлый генералъ Лекурбъ, не считалъ эту тропинку въ числѣ военныхъ путей сообщенія. Что же касается до Гашо, то онъ не знаетъ достаточно лестныхъ выраженій для восхваленія отваги Суворова, выказанной имъ въ этомъ дѣлѣ. Вообще этотъ писатель, несмотря на очевидное пристрастіе къ своимъ соотечественникамъ, особенно къ Массенѣ, ко-

¹⁾ La Campagne d'Helvetie (1779), par Edouard Gachot. Paris. 1904.

того онъ выставляетъ великимъ героемъ швейцарскаго похода, и замѣтное лицепріятіе къ австрійцамъ, относится къ Суворову и русскимъ войскамъ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ, хотя старается вездѣ, гдѣ возможно, упрекнуть ихъ въ дикости и варварствѣ. Такимъ образомъ общій выводъ изъ его историческаго труда, основаннаго на внимательномъ изученіи маршрутовъ обѣихъ армій и всѣхъ подробностей изслѣдуемаго имъ похода, приводитъ Гапо къ невольному признанію, что Суворовскій походъ въ Швейцарію, хотя по обстоятельствамъ и окончившійся несчастливо, былъ славной страницей въ его непобѣдимой до тѣхъ поръ военной карьерѣ. Надо признаться, что книга Гапо заслуживаетъ полнаго вниманія относительно историческихъ матеріаловъ. До сихъ поръ французскіе историки, касаясь этого событія, основывались главнымъ образомъ на донесеніяхъ Рейнвальда, Шерэна, Удино и Сюэ, которые, какъ оказывается теперь, передавали большею частью невѣрныя и несправедливыя свѣдѣнія. Гапо не только удалось разыскать заслуживающія полнаго довѣрія показанія своихъ соотечественниковъ, современниковъ швейцарскаго похода, но даже писать въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Петербургѣ и Лондонѣ копии донесеній коалиціонныхъ генераловъ. Кромѣ того, Гапо пользовался богатымъ архивомъ бумагъ, оставшихся послѣ Массены. «Наконецъ,—говоритъ онъ въ примѣчаніи къ своему труду,—я въ теченіе трехъ лѣтъ лично посѣщалъ Швейцарію и шагъ за шагомъ прослѣдилъ описанныя военныя дѣйствія. Я не только собралъ, насколько было возможно, документы, составилъ самыя подробнѣйшіе планы мѣстностей и снялъ фотографическіе виды самыхъ мельчайшихъ уголковъ страны, но всячески далъ себѣ возможность составить полное представленіе о той Швейцаріи, которую прошелъ Суворовъ во время своего памятнаго похода изъ Айроля въ Куръ».

Такъ какъ большая часть новой книги Гапо посвящена военнымъ дѣйствіямъ французовъ въ Швейцаріи въ 1799-мъ году, между прочимъ побѣдѣ Массены надъ Корсаковымъ при Цюрихѣ, и первоначальному движенію Суворова въ альпійской горной странѣ, то намъ приходится остановиться лишь на разсказѣ французскаго автора о концѣ швейцарскаго похода Суворова. Очутившись въ Муттенской долинѣ, онъ остановился въ женскомъ монастырѣ францисканскаго ордена, раскинувъ вокругъ свои войска лагерьмъ. Здѣсь онъ узналъ окончательно о разбитіи на голову Корсакова и отступленіи австрійцевъ, которые такимъ образомъ выдали голову Суворова французамъ. Его положеніе съ маленькой, истомленной арміей было самое безнадежное и отчаянное. Созвавъ въ большомъ залѣ монастыря военный совѣтъ, на которомъ присутствовали всѣ русскіе генералы, въ томъ числѣ Розенбергъ и Милорадовичъ, Суворовъ запретилъ явиться австрійскому генералу Ауфенбергу, чтобы наказать австрій-

цевъ за измѣну. По словамъ Гашо, совѣту предстояло разрѣшить четыре вопроса: 1) атаковать ли Швицъ, гдѣ, повидимому, находилась главная квартира Массены, 2) возвратиться ли въ Альторфъ и, разбивъ Лекурба, достигнуть Рейна, 3) двинуться ли быстрымъ натискомъ на Энзидельнъ и разрѣзать на двѣ части республиканскую армію, стоявшую между Базелемъ и Гримзалеми, 4) устремиться ли на Гларисъ и, соединившись съ остатками австрійцевъ, спуститься на Саргансъ? Наканувъ Суворовъ, по естественному чувству самолюбія, хотѣлъ непременно избрать первый путь, съ цѣлью выбить французовъ изъ Швица, но теперь, здраво обсудивъ этотъ планъ, онъ понялъ всю его неисполнимость, такъ какъ Массена, котораго онъ прежде называлъ «якобинцемъ безъ всякихъ талантовъ», могъ окончательно разбить русскихъ. Поэтому на военномъ совѣтѣ Суворовъ самъ опровергалъ это немыслимое предпріятіе и даже сказалъ: «Со времени Прута русская армія никогда не находилась въ такомъ опасномъ положеніи».

Отказавшись такимъ образомъ отъ движенія на Швицъ, пришлось отвергнуть и планъ возвращенія въ Альторфъ, такъ какъ Лекурбъ могъ съ той стороны закрыть русскимъ дорогу. Великій князь Константинъ Павловичъ высказался за путь на Энзидельнъ, и нѣкоторые генералы согласились съ нимъ, но Суворовъ воспротивился, доказывая, что гораздо лучше послѣдній планъ, т.-е. перейти черезъ Брагель и взять Гларисъ, разбивъ предварительно французскаго генерала Молитора. Черезъ эту двойную операцію русскіе соединились бы съ австрійскимъ генераломъ Линкеномъ, и такимъ образомъ образовалась бы новая австро-русская армія на берегахъ Линта. Далѣе Суворовъ, намѣреваясь достигнуть Базеля ранѣе зимы, хотѣлъ скорымъ маршемъ направиться въ Саргансъ. Хотя Гашо увѣряетъ, что эти расчеты далеко не обнаруживали въ Суворовѣ хорошаго стратега, какъ доказали послѣдующія событія, но всѣ русскіе генералы согласились на этотъ планъ. Онъ тотчасъ сталъ приводиться въ исполненіе, и Суворовъ на военномъ же совѣтѣ продиктовалъ диспозицію войскамъ.

Вотъ какъ Гашо описываетъ знаменитый совѣтъ, пропуская одну крупную его подробность, выразившуюся въ рѣчи маститаго фельдмаршала. Напротивъ, русскіе историки, подробно описывая совѣтъ, останавливаются главнымъ образомъ на этой рѣчи, въ которой Суворовъ, краснорѣчиво описывая отчаянное положеніе русскихъ, воскликнулъ: «Помощи ждаты неоткуда, надежда только на Бога да на величайшее самоотверженіе войскъ, вами предводимыхъ; только въ этомъ и спасеніе. Спасите честь Россіи и ея государя! Спасите его сына». Съ этими словами Суворовъ въ слезахъ упалъ на колѣни предъ великимъ княземъ. Вслѣдъ за рѣчью маститаго фельдмаршала говорилъ Дерфельденъ, и клялся именемъ Бога, что всѣ русскіе, какъ одинъ человѣкъ, будутъ стоять за

своего стараго полководца. Затѣмъ было приступлено къ военному совѣту, который и окончился уже извѣстнымъ намъ рѣшеніемъ. На другой день оно было приведено въ исполненіе, и впереди были двинуты австрійцы, чтобы дать имъ возможность возстановить свою военную честь. За ними пошелъ Багратіонъ, а 30-го сентября и самъ Суворовъ покинулъ францисканскій монастырь.

Австрійцы, подъ начальствомъ Ауфенберга, вскорѣ столкнулись съ французами и, сбивъ ихъ съ горы Брагель, спустились вслѣдъ за ними въ Клентальскую долину, гдѣ на слѣдующее утро ихъ такъ стѣснилъ генераль Молиторъ, и на его предложеніе сдаться Ауфенбергъ вступилъ въ переговоры. Однако подоспѣлъ во время Багратіонъ и прямо бросился въ штыки. Онъ опрокинулъ Молитора на узкую тропинку, тянущуюся вдоль берега озера. Принужденные этой неожиданной и смѣлой атакой отступить на Швицъ, французы пришли въ смятеніе, благодаря тому, что въ ихъ рядахъ было много новобранцевъ. Только энергія Мортъе, какъ увѣряетъ Гашо, спасла французовъ отъ окончательнаго пораженія. Это сраженіе стоило французамъ до 140 убитыхъ, 241 раненыхъ и значительнаго числа плѣнныхъ. На слѣдующее утро Багратіонъ принялъ новыя мѣры къ дальнѣйшему нападенію на французовъ, и въ его рядахъ появился Суворовъ, который одобрилъ всѣ его мѣры и объявилъ, что надо пробиться къ Гларису, чего бы это ни стоило. Багратіонъ обѣщаль исполнить его желаніе и сразу повелъ свои войска въ атаку. Французы, атакованные съ одной стороны Багратіономъ, а съ другой—Дерфельденомъ, послѣ упорнаго боя были выбиты изъ Нетстала и отступили къ Нефельсу. Пять или шесть разъ эта послѣдняя деревня переходила изъ рукъ въ руки, и наконецъ была занята русскими. Однако въ это время Багратіонъ получилъ приказаніе отъ Суворова отступить къ Нетсталу, гдѣ уже были сосредоточены войска Дерфельдена. Онъ совершилъ это движеніе спокойно и въ полномъ порядкѣ, но Гашо, пользуясь отступленіемъ русскихъ, называетъ это сраженіе Нетстальской побѣдой французовъ.

Пока одна половина русскихъ войскъ прокладывала себѣ, такимъ образомъ, выходъ изъ Муттенской долины, ея аррьергардъ, дождавшись прибытія отставшаго отряда и остальныхъ व्यюковъ, усилился до 7.000 человекъ. Тогда начальникъ аррьергарда, Розенбергъ, рѣшилъ двинуться впередъ. Пять разъ его останавливали французы, но, наконецъ, по словамъ Гашо, «московскіе вельможи царя, геройскіе воины, сражавшіеся за религію и монархію, одержали верхъ надъ юными двадцатилѣтними плебеями, которые бились за свободу». Французы дрогнули и побѣжали, по удостовѣренію русскихъ историковъ; Розенбергъ преслѣдовалъ ихъ до самаго Швица и Брунена. Впрочемъ Муттентальское сраженіе описывается различно французами и русскими. Первые, въ томъ числѣ и Гашо, говорятъ

о немъ подъ сурдинкой и видятъ въ немъ только кровавую сѣчу, окончившуюся отступленіемъ русскихъ. Напротивъ, Милютинъ и Петрушевскій считаютъ эту битву однимъ изъ самыхъ блестящихъ подвиговъ русскаго оружія въ Швейцаріи. Дѣйствительно, дѣло кончилось отступленіемъ русскихъ, но на другой день послѣ битвы и по приказанію Суворова, въ виду необходимости соединенія всѣхъ русскихъ силъ. Розенбергъ даже и тутъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ послалъ сказать въ Швицъ, чтобы заготовили хлѣба, мяса и вина на 12.000 русскихъ, которые вскорѣ должны занять городъ. Это, конечно, дошло до свѣдѣнія французовъ, и самъ Массена, явившійся во французскую армію, прождалъ атаки русскихъ до самаго вечера. Обманувъ такимъ образомъ французовъ, Розенбергъ выступилъ съ утра и, перейдя чрезъ гору Брагель, совершенно избѣгнулъ врага. Этотъ переходъ, однако, былъ чрезвычайно утомителенъ, и когда войска Розенберга прибыли къ Гларису, то представляли самое отчаянное зрѣлище, какъ и вся собравшаяся тамъ маленькая армія Суворова. Его солдаты были голодные, оборванные, босые, а офицеры и генералы не многимъ отличались отъ нихъ: на примѣръ, генераль Ребиндеръ былъ принужденъ ходить въ сапогахъ безъ подошвъ. Но Суворовскихъ героевъ ожидала еще худшая судьба.

Въ Гларисѣ состоялся послѣдній военный совѣтъ Суворова въ Швейцаріи: ему ничего болѣе не оставалось, какъ отступить. Отступить же Суворовъ могъ не иначе, какъ только съ честью. Теперь окончательно не было никакой надежды на австрійцевъ, главныя силы которыхъ удалились безъ всякой причины изъ Швейцаріи. У Суворова было только пять тысячъ человекъ войска, и то въ самомъ печальномъ положеніи, а предъ нимъ стоялъ Массена съ съ тридцатью-тысячной свѣжей, энергичной арміей. «Со стороны Суворова было иллюзіей,—говоритъ Гашо,—надѣяться на храбрость и выносливость своихъ солдатъ. Самые старые изъ нихъ, выведенные изъ терпѣнія, начинали роптать. Въ случаѣ принужденія ихъ къ дальнѣйшему походу, они могли взбунтоваться и отказаться отъ повиновенія. Даже офицеры, подвергнутые въ послѣднія двѣ недѣли ужаснымъ испытаніямъ, теряли свое довѣріе къ любимому военачальнику и не знали, какъ сдерживать солдатъ. Это отчаянное положеніе побуждало генераловъ быть, какъ можно, осторожниже и требовать отступленія. Противъ этого рѣшенія всячески возставалъ Суворовъ и запрещалъ вспоминать въ своемъ присутствіи это проклятое слово. «Можно двинуться еще на Валенштадтъ,—говорилъ онъ,—авось, мы встрѣтимъ у Сенъ-Галлена Корсакова или австрійцевъ». На это великій князь Константинъ Павловичъ возразилъ: «Лучше пойдемъ на Иланцъ и Куръ, гдѣ насъ можетъ встрѣтить австрійскій корпусъ Линкена». Но Суворовъ настаивалъ на своемъ, говоря: «Я предпочитаю пер-

вое движеніе, потому что это все-таки наступательный шагъ, къ которому русскіе привыкли въ Италіи. Господа, не забывайте, что маневрировать не значитъ бѣжать». Однако, для маститаго героя пришли тяжелые дни, и, по выраженію Гашо, «великій князь Константинъ уничтожилъ всѣ иллюзіи старика съ ослабѣвшими мозгами послѣ тяжелаго, утомительнаго похода»: всѣ собравшіеся на военный совѣтъ генералы рѣшили отвергнуть планы, предложенные маститымъ полководцемъ. Было постановлено въ ту же ночь отправиться въ Иланць чрезъ Эльмъ. «Однако, въ эту критическую минуту,—говоритъ Гашо,—старикъ показалъ всю свою мощь: онъ приложился къ иконамъ и помолился св. Георгію Побѣдоносцу, потомъ спокойно позвалъ своихъ адъютантовъ и роздалъ имъ приказанія отступать въ полномъ порядкѣ. При этомъ онъ выказывалъ всѣ свои стратегическіе таланты и удивительную прозорливость».

Багратиону было поручено вслѣдъ за отступающей арміей уничтожить мосты, истребить дороги и сжечь весь оставшійся багажъ. Но ему пришлось на прощанье еще бороться съ французами, которые отгадали отступленіе русскихъ. Генераль Молиторъ повелъ три раза атаку на русскій арьергардъ, но ничего не могъ сдѣлать съ мужественными русскими воинами, которые громко говорили: «Надо побѣдить или умереть: вѣдь дѣло идетъ о спасеніи брата русскаго царя». «Багратионъ находился,—разсказываетъ Гашо,—среди своихъ гренадеровъ. Онъ шелъ пѣшкомъ, какъ простой солдатъ. Видя нападеніе французовъ, онъ схватилъ ружье и стрѣлялъ. Однимъ жестомъ онъ придавалъ храбрость своимъ солдатамъ, а громкимъ голосомъ поощрялъ ихъ на рукопашный бой. Если враги пріостанавливали свои преслѣдованія, то любимецъ русскаго царя начиналъ пѣть какую нибудь казацкую пѣсню, и солдаты, страдавшіе отъ голода и лихорадки, также пѣли, согласно обычному мужеству сѣверянъ». Наконецъ арьергардъ получилъ приказаніе Суворова присоединиться къ главнымъ силамъ, что и было исполнено въ Эльмѣ. Войска Суворова двинулись въ путь ночью. Впереди шелъ Милорадовичъ, а за нимъ Розенбергъ и Дерфельденъ. Австрійцы же Ауфенберга удалились двумя днями раньше. Гашо увѣряетъ, что съ самаго начала русскіе солдаты не хотѣли итти по приказанію офицеровъ, а отставали позади и занимались грабежемъ, такъ что съ трудомъ «кнутъ и желѣзная палка» возстановили дисциплину. Конечно, этотъ фактъ ни на чемъ не основанъ и не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. Въ сущности же русскіе солдаты, узнавъ объ отступленіи, шли, понуря голову, мрачные, недовольные. Въ Эльмѣ сосредоточилась вся маленькая армія Суворова и тамъ произошла неожиданная паника, благодаря французамъ, пытавшимся отрѣзать пути отступавшимъ. Уже поздно, около 12 часовъ ночи, раздалась пушечные

выстрѣлы французской артиллеріи; у русскихъ же не было ни одного тяжелаго орудія, такъ какъ, не имѣя возможности тащить пушки на горы, они зарывали ихъ въ землю. Въ это время Суворовъ и великій князь Константинъ уже легли спать, а потому, наскоро одѣвшись, поспѣшили удалиться изъ селенія: такъ великъ былъ общій испугъ. Въ окрестностяхъ Эльма они нашли себѣ убѣжище въ хижинѣ пастуха, гдѣ и оставались до утра. Мало-по-малу пальба французскихъ орудій и русскихъ ружей прекратилась.

На слѣдующее утро предъ русскими предстали уступы Альповъ, среди которыхъ видѣлся исполинскій Рингенкопфъ или Паниксъ. Черезъ эту крутую гору имъ необходимо было совершить двойной переходъ: сначала приходилось карабкаться на вершину, а потомъ спуститься въ долину. Трудность этого перехода увеличивалась отъ напавшаго за ночь снѣга, въ которомъ утопали ноги несчастныхъ солдатъ. Суворовъ съ великимъ княземъ и проводникомъ Гаммой миновалъ Сермскій мостъ и углубился въ ущелье, по которому уже двигались солдаты Милорадовича. Вся армія медленно слѣдовала за ними по непроходимой грязи и рыхлому снѣгу. Часто солдаты останавливались, не имѣя возможности итти дальше въ своей изорванной, валившейся съ ногъ обуви, но офицеры громко повторяли приказаніе фельдмаршала: «надо во что бы то ни стало достигнуть Паникса». Но спускъ съ Рингенкопфа былъ еще страшнѣе; послѣ сильной мятели наступилъ морозъ; вѣтеръ сдулъ снѣгъ со склоновъ горъ, и приходилось пробираться по скользкимъ крутизнамъ, съ которыхъ многіе изъ несчастныхъ солдатъ скатывались въ бездну. Во все это время въ тылу раздавалась канонада французовъ, слѣдовавшихъ за русскими шагъ за шагомъ. Въ самомъ опасномъ мѣстѣ горнаго прохода Паникса русскіе потеряли дорогу, и только Милорадовичъ, благодаря какому-то горному жителю, указавшему на узкую тропинку, могъ спасти ихъ отъ вѣрной гибели. Наконецъ, послѣ долгихъ геройскихъ усилій, остатки арміи Суворова достигли деревни Паникса. Но, несмотря на всѣ страданія, перенесенныя солдатами, первое ихъ слово было: «А гдѣ батюшка Суворовъ?» Онъ уже дошелъ съ великимъ княземъ до пасторскаго дома въ Паниксѣ и, увидѣвъ издали свси войска, хотя въ ужасномъ видѣ и небольшомъ числѣ, пришелъ въ себя, обрадовался, сталъ смѣяться, пѣть и составлять планы о новомъ наступленіи на враговъ. Теперь Суворовъ находился въ долинѣ Рейна близъ Иланца, гдѣ уже были австрійцы Ауфенберга и Линкена. Главнокомандующій, соединившись съ австрійцами, встрѣтилъ ихъ самымъ нелюбезнымъ образомъ. Линкenu онъ издали закричалъ: «Генераль Линкенъ, сколько ваши солдаты могутъ всадить на штыкъ враговъ? мои—до шести». Австрійскій генераль понялъ сарказмъ, заключавшійся въ словахъ фельдмаршала, и отвѣчалъ: «Я прошу, ваша свѣтлость, быть увѣреннымъ,

что мои солдаты дѣлають все, что возможно». Этотъ отвѣтъ понравился старику, и, бросившись на шею къ австрійскому генералу, онъ расцѣловаль его, забывъ, что наканунѣ онъ называль его измѣнникомъ.

Собравъ мало-по-малу въ Иланцѣ и Курѣ, благодаря усиліямъ Багратиона, командовавшаго аррьергардомъ, всѣ оставшіяся русскія силы, около 5.000 человекъ, Суворовъ 1-го октября расположилъ ихъ лагеремъ въ Фельдкирхѣ. Такимъ образомъ былъ оконченъ его знаменитый швейцарскій походъ. «Въ моихъ глазахъ,—говоритъ Гашо,—переходъ русскихъ чрезъ Паниксъ составляетъ такой военный подвигъ, котораго не могъ превзойти ни Александръ, ни Ганнибалъ, ни Цезарь. Поведеніе Суворова, заставившаго свои уставшія, голодныя войска перейти высокія, скалистыя горы, должно было увеличить его популярность не среди его полковъ, подвергнутыхъ такимъ испытаніямъ, а въ Петербургѣ. Правда, тамъ не считали, сколько людей и лошадей стоило русскимъ исполненіе подобнаго движенія, которое изумило даже самого Массену». Вообще французы, несмотря на то, что они не долюбивали Суворова, какъ побѣдителя ихъ войскъ въ Италіи и сумѣвшаго уйти отъ устроенной ими западни въ Швейцаріи, отдавали и отдають до сихъ поръ справедливость маститому старцу въ его доблестяхъ. Только австрійцы позволяли себѣ порицать его дѣйствія въ нахальныхъ выраженіяхъ: «якобы непобѣдимый варваръ погубилъ половину своей арміи и отступилъ со стыдомъ и яростью въ сердцѣ». Напротивъ, Растопчинъ въ письмѣ къ Суворову писалъ: «Въ Вѣнѣ ваше послѣднее чудесное дѣло удостоиваютъ названіемъ *une belle retraite*; если бы они умѣли такъ отступать, то давно завоевали бы всю вселенную». Самъ Суворовъ избѣгалъ произносить слово «отступление», и въ хранившемся въ Туринскомъ архивѣ и найденномъ Гашо письмѣ маститаго полководца къ Сардинскому королю онъ писалъ: «Чтобы достигнуть въ самый краткій срокъ моей цѣли соединиться съ корпусами Корсакова и австрійскимъ, я рѣшился перейти чрезъ часть Альпійскихъ горъ, и 24-го сентября мнѣ посчастливилось напасть на непріятельскіе отряды, расположенные на Сенъ-Готардѣ, и смѣлымъ натискомъ ихъ опрокинуть. На другой день я овладѣлъ Чортовымъ мостомъ и вступилъ съ своей арміей въ Альторфъ, откуда направился черезъ горы въ Муттенталь, гдѣ генераль Розенбергъ одержалъ побѣду надъ частью французской арміи Массены, прибывшей изъ Швица, тогда какъ генераль Дерфельденъ разбилъ французовъ Молитора близъ Глариса. Въ этихъ сраженіяхъ мы взяли около двухъ тысячъ триста плѣнныхъ. Такимъ образомъ я проложилъ прямой путь къ Линкену и теперь нахожусь въ Фельдкирхенѣ». Этимъ Суворовъ старался прикрыть неудачу швейцарскаго похода, который, въ сущности, былъ семнадцати-

дневной героической эпопеей. Рыцарски настроенный Павелъ отдалъ Суворову полную справедливость въ его великомъ подвигѣ и писалъ въ своемъ рескриптѣ: «Побѣждая всюду и во всю жизнь нашу враговъ отечества, не доставало вамъ одного рода славы—преодолѣть и самую природу; но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ». Павелъ пожаловалъ Суворову титулъ генералиссимуса, сказавъ притомъ Растопчину, что другому было бы этой награды много, а Суворову—мало, вслѣдствіе чего приказалъ приступить къ работамъ статуи въ честь его. Еще и теперь, по словамъ Петрушевскаго, существуетъ въ Швейцаріи между горными жителями легенда о томъ, что въ Альпійскихъ ущельяхъ появляется тѣнь сѣдого старика съ огненными глазами, осматривающими мѣста, обогранныя русской кровью. Тотъ же почтенный историкъ, признавая за швейцарскимъ походомъ Суворова многіе недостатки и ошибки, считаетъ, что «неудачная швейцарская кампанія до того внушительна и грандіозна, что поражаетъ воображеніе. Она есть вѣнецъ военнаго поприща Суворова, крайнее выраженіе его военной теоріи. Онъ тутъ сдѣлалъ все, на что способна человѣческая воля. Если весь ходъ и особенно результатъ этого феноменальнаго предпріятія можетъ привести къ вопросу или къ замѣчанію критика, то никакъ не въ томъ смыслѣ, что Суворову не удалось одолѣть Массену и выгнать французовъ изъ Швейцаріи; вопросъ складывается совсѣмъ иначе, именно—какимъ образомъ самъ Суворовъ выбрался съ театра войны, пожертвовавъ меньше, чѣмъ третьей долей своей арміи, тогда какъ вся она, вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ, должна была остаться въ рукахъ французовъ, на что твердо надѣялся и Массена».

Въ Фельдкирхѣ Суворовъ составилъ проектъ о возвращеніи союзныхъ войскъ въ Швейцарію чрезъ Альтстедтенъ, о переходѣ чрезъ Сенгаленъ и о достиженіи Тура. Потомъ онъ измѣнилъ этотъ планъ и хотѣлъ только, перейдя Рейнъ, обойти Констанцское озеро вмѣстѣ съ эрцъ-герцогомъ Карломъ и Корсаковымъ. По случаю этихъ противорѣчивыхъ намѣреній Гашо позволяетъ себѣ послѣднее саркастическое выраженіе относительно Суворова: «Русскіе генералы спрашивали себя, не совсѣмъ ли помрачился умъ старца, видя, что онъ сначала приказываетъ усталымъ войскамъ форсированный маршъ, а чрезъ часъ предписываетъ имъ отдыхъ и ожиданіе». Чрезъ мѣсяць Суворовъ перевелъ русскую армію въ Линдау, гдѣ явился къ нему Корсаковъ. Старый герой встрѣтилъ побѣжденнаго генерала словами: «Адда, Требія, Нови—родныя сестры, а Цюрихъ?» Потомъ онъ сдѣлалъ презрительную гримасу и, схвативъ эспантонъ сталъ дѣлать имъ приемы, язвительно спрашивая Корсакова: «Какъ вы дѣлали Массенѣ на караулъ—такъ или этакъ?» Потомъ онъ, молча, повелъ Корсакова въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. Что между ними произошло—никому неизвѣстно,

но Корсаковъ вышелъ разстроенный и быстро уѣхалъ. Впрочемъ, Суворовъ всю вину Цюрихскаго пораженія и неудачи своего швейцарскаго похода возлагалъ не на Корсакова, а на эрцъ-герцога Карла и австрійцевъ. «Корсаковъ болѣе несчастливъ, чѣмъ виновенъ,—говорилъ онъ:—50.000 австрійцевъ шагу не сдѣлали, чтобы его поддержать,—вотъ гдѣ виновные. Они хотѣли его погубить, они думали погубить меня, но Суворовъ на нихъ... (крѣпкое слово)».

Изъ Линдау Суворовъ перенесъ свою главную квартиру въ Аугсбургъ, и тутъ былъ конецъ не только его послѣдней Суворовской кампаніи, но и всего боевого поприща послѣ десяти походовъ. 2-го декабря онъ получилъ приказаніе вернуться съ войсками въ Россію. Но прежде чѣмъ семидесятилѣтній маститый старецъ очутился на родинѣ, его постигла жестокая и несправедливая опала, подѣ ударами которой онъ и скончался въ Петербургѣ 6-го мая 1800 года.

— Берлинскій конгрессъ и его участники. Военныя дѣйствія Россіи на Дальнемъ Востокѣ вызвали въ иностранной литературѣ появленіе различныхъ статей, прямо или косвенно относящихся до Россіи, ея прошедшей политики и результатовъ послѣдней. Между прочимъ, во второй октябрьской и первой ноябрьской книгахъ «Revue des deux mondes»¹⁾ помѣщены воспоминанія графа Шарля де-Муи, перваго секретаря французскаго посольства на Берлинскомъ конгрессѣ, созванномъ, согласно ядовитому замѣчанію «честнаго маклера», Бисмарка, по желанію Россіи, «такъ какъ она, съ военной точки зрѣнія, не чувствовала себя сильной продолжать войну въ случаѣ военныхъ дѣйствій со стороны Англии и Австріи, изъ чего упустила случай занять Константинополь». Зная «симпатіи» къ Россіи Бисмарка, игравшаго первую роль на этомъ конгрессѣ и измѣннически поступившаго съ Россіей, а также его мнѣніе о ея представителяхъ, тѣмъ болѣе интересно познакомиться со взглядами французскаго дипломата, какъ на злополучный конгрессъ, такъ и на его русскихъ участниковъ.

Авторъ начинаетъ статью съ замѣчанія, что между строго официальнымъ предметомъ конгресса и его широкимъ размахомъ, узкой программой его совѣщаній и мѣстомъ, которое онъ занималъ въ послѣдніе годы XIX вѣка, дѣйствительно существуетъ очевидная несоразмѣрность. «Созванный исключительно для пересмотра конвенціи, заключенной въ Санъ-Стефано 3-го марта 1878 года между Россіей и Турціей и строго придерживавшійся своихъ границъ, почему онъ,—говоритъ Муи,—имѣетъ такой престижъ и вліяніе, несмотря на многочисленныя нарушенія договора? Это былъ не болѣе,

¹⁾ Souvenirs d'un diplomate.—Recit et portraits du congrès de Berlin; par comte Charles de-Moui. «Revue des deux mondes». 15 Octobre, 1 Novembre 1904.

какъ ограниченный эпизодъ, а сдѣлался перворазряднымъ актомъ. Онъ довольствовался лишь разграниченіемъ нѣсколькихъ территорій, а оказалъ дѣйствіе и невольно взялъ на себя отвѣтственность, съ виду не подходящую ни къ его спеціальной цѣли, ни къ тому, что онъ сдѣлалъ. Онъ былъ, если можно такъ выразиться, подобно актеру, ограниченная роль котораго, въ дѣйствительности,—центръ драмы, обозначающій конецъ одного періода и начало другого».

Де-Муи объясняетъ эту гипотезу тѣмъ, что за официальнымъ предметомъ конгресса скрывалось болѣе важное для Европы обстоятельство. Ея положеніе въ тотъ моментъ, когда собирался конгрессъ, совокупность обстоятельствъ, сдѣлавшихъ его почти неизбежнымъ,— все заставляетъ разсматривать его, такъ сказать, какъ предусмотрѣннаго агента политической эволюціи, совершившейся вѣдь его и которая просто производилась и продолжалась подъ его сѣнью. Неудивительно, что этотъ конгрессъ остается выдающимся днемъ въ дипломатическихъ анналахъ конца XIX вѣка, и косвенно, не сознавая этого, онъ съ такою силою и такъ долго вліялъ на европейскія дѣла. «Придется признать,—говоритъ Муи,— что, несмотря на свои колебанія и противорѣчія, конгрессъ былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, и мотивы его величія окажутся логическими по своей современности».

При этомъ французскій дипломатъ указываетъ на общее положеніе державъ въ то время, когда онѣ рѣшились на Берлинскую манифестацію. Послѣ двадцатилѣтняго періода, отмѣченнаго тремя большими войнами 1859, 1866, 1870 г.г. и, наконецъ, борьбою 1877—1878 г.г., международныя отношенія оказались чувствительно испорченными и омраченными столькими насильственными столкновеніями, скрытымъ антагонизмомъ удовлетворенныхъ или обманутыхъ честолюбій. Но что еще болѣе увеличивало смятеніе—это вторженіе въ дипломатію научныхъ идей и современныхъ теорій. Послѣ столькихъ матеріальныхъ и моральныхъ перипетій всѣ дошли до поворота пути. Общественное мнѣніе и дворы, не отдавая себѣ отчета въ важности момента, инстинктивно почувствовали себя «окруженными туманомъ въ гибельномъ проходѣ». Всѣ спрашивали себя: будетъ ли принадлежать будущность подозрительнымъ гегемоніямъ или бесплодному уединенію? Всѣ витали среди неопредѣленныхъ перспективъ, желая встрѣтить хотя немного болѣе свѣта и безопасности, предупредить новыя потрясенія и спасти предвидѣнные переходы, если не воплѣнны опредѣленными актами, споры о которыхъ возбудили бы безконечныя затрудненія, то, по крайней мѣрѣ, примирительными переговорами и предслѣдованіемъ общаго интереса. Всѣ стремились по одному направленію. Тройственный союзъ на другой день франко-прусской войны былъ лишь довольно сомнительнымъ средствомъ, или, скорѣе, формулой, чѣмъ залогомъ; притомъ другія государства оставались ему чуждыми, да и существовалъ онъ

только въ памяти, какъ устарѣвшій фактъ. Такимъ образомъ державы старались отыскать и вывести на сцену условную личность, которую всегда называли «Европа». Турецкій вопросъ послужилъ случаемъ сгруппироваться вмѣстѣ, чтобы всѣ державы могли возобновить европейскій концертъ, осторожно откладывая грозные вопросы, и этотъ конгрессъ поэтому разомъ отвѣчалъ на мирные виды и необходимость времени. Чтобы всѣ державы были такъ согласны между собою и пожелали придать своему совѣщанію такой же исключительно-внушительный характеръ, какъ Вѣнскому и Парижскому конгрессамъ, созданнымъ ими одинъ—для передѣлки карты свѣта, другой для—организациі результатовъ продолжительной войны, въ которую всѣ большія государства болѣе или менѣе были вовлечены,—надо было, имъ, можетъ быть, смутно, но неотразимо почувствовать новое положеніе дѣлъ. Этотъ конгрессъ могъ бы долго оставаться неосуществимымъ, отвлеченнымъ предположеніемъ, если бы не случилось турецкой войны. Такимъ образомъ, онъ обезпечивалъ каждой державѣ выгоды, которыхъ она добивалась».

Конечно, на немъ первенствующую роль играла Германія, и де-Муи признаетъ, что Бисмаркъ торжествовалъ вдвойнѣ—лично за себя и за свою націю. «Европа никогда не оспаривала его побѣды 1877 года,—говоритъ дипломатъ,—тогда какъ русскіе успѣхи она подвергла строгому контролю и этимъ удостовѣрила, насколько меньше она страшилась петербургскаго кабинета, чѣмъ берлинскаго». Это удовлетворяло не только злопамятство Бисмарка относительно Горчакова, но еще давало ему возможность добиться благопріятныхъ результатовъ намѣченныхъ имъ будущихъ проектовъ. Уже давно желѣзный канцлеръ мечталъ о замѣнѣ неопредѣленнаго тройственнаго союза трехъ императоровъ интимнымъ и опредѣленнымъ союзомъ съ Австро-Венгріей, намѣреваясь отвлечь австрійскій кабинетъ отъ германскихъ дѣлъ и толкая его къ славянскимъ землямъ. Россія была главнымъ препятствіемъ этому плану. Англія же, страшно злобствующая на Россію за прогрессъ ея вліянія на Балканахъ, охотно способствовала бы расширенію австрійскихъ владѣній по ту сторону Дуная. По этому поводу Бисмаркъ и графъ Андраши вели съ лондонскимъ кабинетомъ переговоры, основанные на присоединеніи къ монархіи Габсбурговъ обѣихъ славянскихъ провинцій: Босніи и Герцоговины. Это соглашеніе состоялось между тремя государствами. Такъ говоритъ де-Муи; Бисмаркъ же увѣрялъ, что Австрія получила ихъ, не благодаря конгрессу, а вслѣдствіе тайныхъ переговоровъ, веденныхъ Россіей съ Австріей, согласно которымъ первая обѣщала послѣдней обѣ эти провинціи, если австрійскій кабинетъ будетъ соблюдать нейтралитетъ во время русско-турецкой войны.

Интрига Бисмарка была, какъ нельзя болѣе по сердцу Англіи, видѣвшей въ этомъ неудачу панславистскихъ стремленій петербург-

скаго кабинета, Австріи—потому, что расширеніе территоріи благопріятствовало ея честолюбію на Востокъ, и Германіи—такъ какъ ей было выгодно оказать услугу своему будущему союзнику, направляя его на тотъ путь, куда она хотѣла его вовлечь. Совокупность всѣхъ этихъ расчетовъ дѣлала Берлинскій конгрессъ очень пріятнымъ для Бисмарка, Австріи и Англій. Австрія такъ высоко цѣнила ожидаемыя выгоды, что даже ранѣ Санъ-Стефанской конвенціи, лишь только неудачи Турціи были несомнѣнны, взяла на себя инициативу въ февралѣ 1878 года предложить европейскимъ дворамъ созваніе ихъ уполномоченныхъ въ Берлинѣ. Англія выказывала предъ Россіей воинственное настроеніе посылкой своего флота въ Мраморное море, а затѣмъ своими энергичными порицаніями статей Санъ-Стефанскаго договора, и потому она не могла требовать первая содѣйствія Европы, не выказавъ боязни за свои силы. Благодаря свойственной ей склонности къ подпольной политикѣ, она устроила свои дѣлишки еще до начала конгресса, уговоривъ Турцію уступить ей по отдѣльной конвенціи управленіе островомъ Кипромъ. Она обдѣлала это дѣльце, по словамъ де-Муи, такъ таинственно, что о немъ даже не было вопроса въ совѣщаніи, и только одинъ изъ близкихъ лицъ лорда Биконсфильда изъ своихъ расчетовъ сообщилъ объ этомъ французскому дипломату въ простомъ разговорѣ. «Я даже помню,—говоритъ Муи,—что, когда я передалъ это официальное объявленіе, сдѣланное подъ видомъ безразличнаго разговора, то Ваддингтонъ воскликнулъ: «Это не возможно!» Я долженъ сказать, что этотъ окольный пріемъ удѣмлять насъ о столь важномъ фактѣ былъ не очень корректенъ. Россія оставалась тоже нѣма, потому ли, что она объ этомъ ничего не знала, или скромно воздерживалась въ виду какихъ нибудь серіозныхъ выгодъ. Что касается другихъ дворовъ, то прежде всего они хотѣли избѣжать инцидента. Такимъ образомъ Англія запаслась драгоценнымъ залогомъ—территоріей сосѣдней съ Египтомъ и дорогой въ Индію,—тайное присоединеніе котораго было даже обинякомъ освящено молчаніемъ державнаго собранія».

Что касается участія Франціи на Берлинскомъ конгрессѣ, то оно, по словамъ де-Муи, было для нея довольно тяжелымъ и щекотливымъ, въ виду того, что въ 1856 году на Парижскомъ конгрессѣ она занимала первенствующую роль, которая въ 1878 году перешла къ другимъ, да еще вдобавокъ къ Германіи. Кромѣ того, воспоминанія объ англо-турецкомъ союзѣ въ Крыму и настоящіе интересы, заставлявшіе Францію оберегать Россію, ставили первую въ еще болѣе непріятное положеніе. Авторъ, проведя нѣсколько дней въ Парижѣ по пріѣздѣ изъ Константинополя передъ отправленіемъ на Берлинскій конгрессъ, замѣтилъ у парижской публики какое-то непріятное чувство и смутное колебаніе. Впрочемъ, поразмысливъ, онъ успокоился, и это впечатлѣніе улеглось. Правительство, палата и обще-

ственное мнѣніе взяли верхъ надъ безплодной печалью, и посмотрѣли на дѣло иначе. «Для Франціи важнѣе всего было,—говорить де-Муи,—выйти изъ одиночества, которое съ 1871 года препятствовало ея политикѣ и становилось опаснымъ. Для нея было необходимо не заператься въ бездѣйствіи, которое охотно отнесли бы къ отчаянію, даже безсилію, а съ скромнымъ и твердымъ достоинствомъ показать на обширной сценѣ довѣряющую себѣ Францію, заботившуюся о своихъ традиціяхъ и занявшую вѣковое мѣсто въ европейскомъ совѣтѣ. Весь нашъ интересъ заключался, напротивъ, въ томъ, чтобы засвидѣтельствовать нашу живучесть своимъ присутвіемъ и появиться на конгрессѣ, какъ державѣ-руководительницѣ, составной части коллективной власти, рѣшившейся на поддержку своего законнаго вліянія; въ этомъ была истинная французская политика. Что же касается до трудности изворачиваться между Россіей и Турціей, то эти трудности были лишь внѣшнія. И та и другая могли требовать отъ насъ въ данныхъ обстоятельствахъ лишь наличную благосклонность. Впрочемъ, мы дѣйствовали въ этомъ случаѣ такъ же, какъ во время кампаніи».

Авторъ умалчиваетъ, что со времени отставки министра иностранныхъ дѣлъ Деказа настроеніе французской дипломатіи измѣнилось, и новый министръ Ваддингтонъ, тяготѣвшій къ Англіи, перенесъ свою симпатію даже на Германію, «какъ бы позабывъ, по выраженію Татищева, оказанную ей въ 1877 году Россіей существенную услугу. Французскіе комиссары, слѣдуя получаемымъ изъ Парижа инструкціямъ, держали болѣе сторону турокъ противъ христіанъ или румынъ и грековъ противъ славянъ».

Италія, по словамъ Муи, относилась къ конгрессу такъ же, какъ и Франція,—безкорыстно. Татищевъ же говоритъ, что одна Италія подавала голосъ въ пользу славянъ заодно съ русскими.

Положеніе Россіи и Порты было на конгрессѣ иное, чѣмъ другихъ державъ, такъ какъ «имъ обѣимъ предстояло принести жертвы». Турція знала, что вмѣшательство европейскихъ державъ всегда чего нибудь ей стоитъ, такъ какъ онѣ постоянно преслѣдуютъ свои интересы, а не ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ она понимала, что ей не остается другого средства для противодѣйствія Санъ-Стефанскому договору. Одинъ только конгрессъ могъ уменьшить ея несчастія и вернуть ей на Балканахъ и въ Азіи часть потерянныхъ земель. Хотя Турціи предстояло дорого заплатить за это, но ей было нужно получить эту часть, а главное избѣжать окончательнаго улаженія дѣлъ наединѣ съ побѣдительницей.

Россія, оказавшись лицомъ къ лицу съ неистовой «ненавистью англійской оппозиціи и замѣчательнымъ недовольствомъ другихъ кабинетовъ, увидѣла себя въ положеніи выбирать любое — или предпринять явно неравную борьбу или уступить многія изъ своихъ побѣдъ». Впрочемъ, французскій дипломатъ оговаривается,

что Россія никогда не надѣялась сохранить всё условія конвенціи, признанныя только «предварительными», и весь вопросъ для нея заключался въ удержаніи большинства изъ нихъ. Затѣмъ, для нея было менѣе тягостно уступить единогласію дворовъ, чѣмъ требованіямъ лондонскаго кабинета. Она льстила себя надеждой, что собраніе будетъ безпристрастнѣе и доброжелательнѣе, чѣмъ «Foreign-Office».

Державы скрывали свои сокровенные планы и рѣшили быть осторожными, а потому всё согласились касаться на конгрессѣ исключительно русско-турецкихъ вопросовъ. Эта осторожность дошла до того, что, какъ только побѣда Россіи надъ Турціей стала несомнѣнной, то Англія и Россія, «на доброжелательныхъ глазахъ Германіи и Австро-Венгріи», уже почти высказали свои требованія, сначала смутно, а затѣмъ понемногу яснѣе. Для предупрежденія сомнѣній Бисмаркъ въ своей знаменитой рѣчи 27-го февраля 1878 года начерталъ планъ поведенія державъ на конгрессѣ и самъ, прикинувшись скромнымъ, что ему ничего не стоило и освобождало отъ отвѣтственности, не вредя никакимъ изъ его плановъ, назвалъ себя «не посредникомъ, не наставникомъ, а честнымъ маклеромъ между заинтересованными сторонами». Что же касается до общей идеи, то онъ прямо объяснилъ, что она резюмируется въ утвержденіи владычества державъ, во всеобщемъ желаніи продолжительнаго, прочнаго мира и въ рѣшеніи не касаться ничего, кромѣ русско-турецкаго вопроса.

Нѣмцы были чрезвычайно возбуждены и оживлены въ ожиданіи предстоявшаго конгресса. На берлинскихъ улицахъ, особенно прилежавшихъ къ Радзивилловскому дворцу, предназначенному для совѣщаній конгресса, толпился народъ. Какъ извѣстно, это оживленное настроеніе было омрачено покушеніемъ на жизнь императора Вильгельма. Внутри Радзивилловскаго дворца шли приготовленія. Главный залъ предназначался для совѣщаній, а сосѣдніе съ нимъ малые залы были предоставлены для отдѣльныхъ переговоровъ, канцелярій и проч. Несмотря на то, что было немало рабты по устройству помѣщенія, все было сдѣлано ко времени, и только комнаты Бисмарка еще не были въ порядкѣ. Канцлеръ лично наблюдалъ за устройствомъ помѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ организовалъ канцелярію, управленіе которой поручилъ Радовицу, германскому посланнику въ Греціи. «Этотъ чистокровный дипломатъ,—говоритъ де-Муи,—сынъ прежняго министра Прусской монархіи, во всѣхъ отношеніяхъ былъ достоинъ назначеннаго поста. Отличавшійся не только своей дѣятельностью, но и силою ума, онъ сформировался подъ руководствомъ Бисмарка, подмѣтившаго его рѣдкія качества. Въ 1875 году онъ поручилъ Радовицу «тайнственную миссію къ петербургскому кабинету, которая такъ взволновала Францію». Авторъ очевидно говоритъ о намѣреніи Бисмарка добиться дружественнаго

нейтралитета Россіи въ случаѣ возобновленія враждебныхъ дѣйствій между Германіей и Франціей, за что Бисмаркъ сулилъ Россіи содѣйствіе всѣмъ ея видамъ на Востокѣ. Эта щекотливая миссія дѣйствительно была поручена Радовицу, котораго Бисмаркъ считалъ очень способнымъ дипломатомъ. Впрочемъ, по словамъ Татищева, внушенія его остались безъ отголоска. Радовицу дали понять, что русскій дворъ не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, и на Востокѣ, какъ на Западѣ, желаетъ лишь одного: мира и соблюденія территоріальныхъ status quo, съ возможнымъ лишь облегченіемъ бѣдственной участи христіанскихъ подданныхъ султана. Радовицъ свободно говорилъ на французскомъ, англійскомъ и русскомъ языкахъ и привлекалъ всѣхъ своей пріятливостью, живымъ разговоромъ и свѣтскими манерами. Редакція протокола была поручена де-Муи, по предварительному соглашенію Бисмарка съ французскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что дипломатическимъ языкомъ былъ французскій, и къ тому же первый секретарь французскаго посольства былъ опытенъ въ этого рода работахъ, такъ какъ въ предыдущемъ году состоялъ секретаремъ на Константинопольской конференціи. Въ сущности главная причина этого выбора крылась въ томъ, что въ это время Бисмаркъ любезничалъ съ французами.

Обязанности Радовица не касались графа Муи; у перваго были свои помощники, выбранные изъ чиновниковъ Бисмарка: Бушъ, начальникъ отдѣленія, котораго онъ цѣнилъ за техническія познанія и добросовѣстную работу; баронъ Гольштейнъ, самый близкій и усердный сотрудникъ канцлера; графъ Гербертъ Бисмаркъ, недавно умершій сынъ канцлера, и странная личность Лотаръ Бюхеръ, сдѣлавшійся однимъ изъ адептовъ политики канцлера послѣ того, какъ онъ былъ сторонникомъ теоріи социалистовъ.

Бисмаркъ былъ особенно любезенъ съ графомъ де-Муи, хотя до тѣхъ поръ его совѣмъ не зналъ. Послѣдній справедливо относилъ эту любезность не лично къ себѣ, а къ своему посту, такъ какъ канцлеръ уже заранѣе пришелъ къ полному соглашенію съ Ваддингтономъ. Чтобы отмѣтить это предпочтеніе, Бисмаркъ, какъ только перебрался на свою половину въ Радзивилловскій дворецъ, немедленно чрезъ своего сына пригласилъ графа де-Муи къ себѣ на обѣдъ, хотя французскій дипломатъ еще не былъ ему представленъ. Это вниманіе очень польстило Ваддингтону и обрадовало его. Секретарь былъ принятъ канцлеромъ чрезвычайно любезно, и за семейнымъ обѣдомъ, въ обществѣ жены, дѣтей и Радовица, Бисмаркъ велъ интимную бесѣду о различныхъ предметахъ: объ исторіи, философіи и проч. Все это перемѣшивалось различными политическими замѣчаніями, быстро переходя съ одного предмета разговора на другой. По-французски Бисмаркъ говорилъ медленно, но свободно, колеблясь на томъ или другомъ выраженіи, особенно

когда судилъ о людяхъ и событіяхъ слишкомъ свободно, а иногда даже иронически. Впрочемъ, по словамъ француза, если Бисмаркъ и подыскивалъ слова, то лишь для того, чтобы болѣе мѣтко пустить стрѣлу; и всегда находилъ острое и мѣткое выраженіе. Въ разговоръ онъ вставлялъ жалобу на утомленіе находится у власти и выражалъ желаніе поскорѣе выйти въ отставку и предаться сельской жизни и охотѣ. Затѣмъ онъ довольно долго говорилъ о русско-турецкомъ вопросѣ и не преминулъ ругнуть русскихъ. Между прочимъ онъ сказалъ: «Они должны были бы избрать любое—или уже до конца довести свою идею и войти въ Константинополь, такъ какъ они могли это сдѣлать въ продолженіе восьми дней, или уже тогда не быть такими требовательными къ Турціи и не вызывать такимъ образомъ вмѣшательства Европы. Въ дѣлѣ дорога минута: надо ее ловить». «Это недоброжелательное замѣчаніе,—говоритъ графъ Муи,—относилось къ Горчакову». Затѣмъ Бисмаркъ продолжалъ бесѣдовать то о своихъ будущихъ коллегахъ, то о своихъ ежедневныхъ работахъ. Жена и дочь окружали его самымъ заботливымъ вниманіемъ, а въ почтительномъ обращеніи съ нимъ его сыновей ничего не было робкаго, и Бисмаркъ ничѣмъ не выказывалъ предъ ними своего авторитета, а обращался съ ними очень мягко. Только въ одной фразѣ онъ намекнулъ на свой авторитетъ отца семейства, когда старшій сынъ коснулся вопроса о тещахъ. «Что до меня,—сказалъ Бисмаркъ со смѣхомъ,—то я всегда прекрасно уживался съ моей тещей, правда, не первые годы, но съ тѣхъ поръ она поняла, и миръ былъ полный». Разговоръ все время велся весело, и только, когда графъ де-Муи сталъ прощаться, лицо Бисмарка вдругъ сдѣлалось серіозно, и онъ принялся расхваливать французскихъ уполномоченныхъ: графа Сенъ-Валье и Ваддингтона, котораго впервые видѣлъ утромъ. Затѣмъ, выпрямившись во весь ростъ, онъ произнесъ: «Я радъ, что вы первый были моимъ гостемъ въ этомъ домѣ, и не отъ меня будетъ зависѣть, если когда нибудь съ Франціей случится что нибудь непріятное».

Члены конгресса уже всѣ собрались въ Берлинѣ и въ частныхъ свиданіяхъ разрабатывали предстоящіе вопросы. При каждой миссіи находилось множество чиновниковъ, и графъ Муи называетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, на примѣръ, правителя кабинета Биконсфильда, Монтэгью Карри, теперешняго пэра Англіи, начальниковъ отдѣленій при вѣнскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ — Тешенберга и Шведеля, итальянца Куртопасси, будущаго посланника въ Аѳинахъ, Эрбетта, будущаго французскаго посланника въ Берлинѣ, и генераловъ Симмонса, Анучина и Бобрикова, барона Жомини и Нелидова, теперешняго посланника въ Парижѣ. Всѣ они не должны были присутствовать на засѣданіяхъ, но каждый изъ нихъ содѣйствовалъ уполномоченному своей страны.

Французскій дипломатъ даетъ живыя характеристики всѣхъ представителей державъ на конгрессѣ, и прежде чѣмъ говорить о немъ

самомъ, приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Графъ де-Муи начинается съ Бисмарка, какъ съ перваго залѣвалы этого европейскаго концерта. Сначала французъ сомнѣвался, что высокомерный, суровый характеръ и грубоватая солдафонская паружность Бисмарка подойдутъ къ роли президента конгресса. Но натура нѣмецкаго канцлера оказалась столь сложной и хранила въ себѣ нестоимый источникъ ресурсовъ для всѣхъ положеній и моментовъ. Какъ въ интимномъ разговорѣ его языкъ вдругъ становился оригинальнымъ, веселымъ и разнообразнымъ, такъ и его дипломатическія способности, въ сущности не гибкія, становились, когда надо, вкрадчивыми и предупредительными. Онъ велъ споры такъ же хорошо, какъ и разговоры съ своими коллегами. Искренно говоритъ или льститъ французскій дипломатъ, очарованный приѣмомъ Бисмарка, но онъ находитъ, что желѣзный канцлеръ никогда не былъ болѣе всего самимъ собою, какъ на президентскомъ креслѣ. «Видя его такимъ твердымъ и живымъ,—говоритъ Муи,—чувствовалось полное развитіе его разнообразныхъ качествъ—неукротимой энергіи, а также изученной ловкости. Онъ превосходно сочеталъ ихъ на этомъ миролюбивомъ посту, величіе котораго увѣнчивало все его воинственное существованіе, и это внутреннее самодовольство отражалось на его улыбающемся лицѣ и въ спокойной осанкѣ. Эти счастливыя данныя, какъ нельзя болѣе согласовались съ его интересами, которыхъ онъ никогда не терялъ изъ виду. «Когда у меня что нибудь требуютъ,—сказалъ онъ однажды графу де-Муи,—то я сначала смотрю, что мнѣ предложить». При этомъ, чтобы лучше выразить свою мысль, онъ протянулъ руки на равной вышинѣ, какъ тарелки вѣсовъ. «Конгрессъ,—говоритъ графъ Муи,—далъ ему это равновѣсіе. Неутомимость нѣмецкаго канцлера была необычайная, и когда редакторы протоколовъ, а иногда и уполномоченные державъ, просили у него маленькую передышку, то онъ не хотѣлъ и слышать о ней, говоря: «Повѣрьте мнѣ, работа никогда не убивала людей». И онъ говорилъ это самымъ веселымъ тономъ, какъ человекъ, увѣренный въ своихъ физическихъ и нравственныхъ силахъ, видѣвшій только одно—свою цѣль. Благодаря этой энергіи, конгрессъ былъ оконченъ въ 30 дней.

Его помощники—князь Гогенлоэ и Бюловъ, хотя физически нисколько на него не походили, но преданностью дѣлу они не отличались отъ него. Первый былъ худой, холодный, съ угловатою наружностью, съ впалыми, но расширенными глазами, носомъ въ родѣ орлинаго клюва и съ мрачной улыбкой. Говорилъ онъ сухо и кратко. Второй—Бюловъ, государственный секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, напоминалъ своимъ полнымъ, бритымъ лицомъ, длинными сѣдыми, вьющимися волосами и благодушнымъ взглядомъ—священнослужителя. Подъ этой наружностью, по словамъ французскаго дипломата, скрывался очень опытный

дѣятель. Это—тотъ Бюловъ, который по порученію императора Вильгельма первый поздравилъ русскаго посланника Убри послѣ взятія Плевны съ побѣдой, которую императоръ мѣтко назвалъ «счастливымъ для всѣхъ событіемъ».

Совершенною противоположностью имъ былъ министръ Австріи—графъ Андраши, съ своими черными страстными глазами, сверкавшими изъ-подъ очень дугообразныхъ бровей, вьющимися волосами, волною падавшими на лобъ, съ усами, приподнятыми на нѣсколько утомленномъ отъ бурной жизни лицѣ. Не менѣе наружности выдѣлялся и его ярко-красный мундиръ съ золотыми шнурами, и все въ общемъ дѣлало его похожимъ не на дипломата, а на пылкаго искателя приключеній или героическаго полководца. Впрочемъ, властное выраженіе его взгляда и ловкое краснорѣчіе дѣлали его, по словамъ графа де-Муи, истиннымъ главою правительства. Отъ природы онъ былъ пылкимъ и страстнымъ, но на конгрессѣ онъ свысока и опредѣленно относился къ крупнымъ дѣламъ, рѣшеніе которыхъ преслѣдовалъ съ рѣзкой настойчивостью. Его непринужденность казалась иногда странной, но нервное краснорѣчіе и вкрадчивый разговоръ прекрасно согласовались съ его судьбой, полной случайностей, прошедшими испытаніями и настоящимъ высокимъ положеніемъ. Онъ самъ любилъ вспоминать о превратностяхъ своей судьбы, и когда однажды кто-то сдѣлалъ ему лестное замѣчаніе о висѣвшемъ на его шеѣ орденѣ Золотого Руна, то онъ отвѣтилъ: «Да, безъ сомнѣнія, но было время, когда мое изображеніе носило другое ожерелье». Этимъ отвѣтомъ графъ Андраши напомнилъ, что въ 1848 году онъ былъ заочно приговоренъ къ казни чрезъ повѣшеніе, какъ инсургентъ, что и было исполнено надъ его изображеніемъ. Несмотря на всѣ свои странности, графъ Андраши былъ моднымъ человѣкомъ во всѣхъ салонахъ. Его коллегами были баронъ Гаймерлэ и графъ Кароли, австрійскій посланникъ въ Берлинѣ, устраивавшій у себя великолѣпные приемы, что придавало австрійской миссіи много блеска.

Что касается до французскихъ представителей, то ихъ «порядочно критиковали», и графъ Муи отчасти признаетъ это справедливымъ, говоря, что вновь назначенный министръ Ваддингтонъ не принадлежалъ къ дипломатамъ. Впрочемъ, не отрицая его привязанности къ англичанамъ, такъ какъ Ваддингтонъ былъ англійскаго происхожденія,—графъ Муи замѣчаетъ, что министръ отличался французскимъ патріотизмомъ. Дипломатическіе недочеты Ваддингтона прикрывалъ своими познаніями его близкій другъ, руководитель и помощникъ, французскій посланникъ въ Берлинѣ, блестящій графъ Сентъ-Валье, который очаровательнымъ и гибкимъ умомъ смягчалъ свое нѣсколько высокомерное обращеніе. Французской миссіей, по словамъ де-Муи, руководилъ собственно

графъ Сень-Валье, и во все время конгресса онъ былъ самымъ неусыпнымъ посредникомъ, хотя страшно страдалъ отъ скирра въ желудкѣ, отъ котораго онъ умеръ, нѣсколько лѣтъ спустя. Третій уполномоченный, Дебре, уже въ теченіе 12-ти лѣтъ состоявшій во главѣ политическихъ дѣлъ, былъ самымъ трудолюбивымъ помощникомъ, и когда дѣло шло о результатахъ совѣщаній, то онъ былъ главнымъ редакторомъ специальной комиссіи, и проектъ, приготовленный имъ, съ малыми измѣненіями сдѣлался официальнымъ текстомъ Берлинскаго трактата.

Итальянскими представителями были графъ Корти, министръ иностранныхъ дѣлъ, и графъ Лонэ, посланникъ въ Берлинѣ, «благоразумный, образованный и любезный человѣкъ, очень усердный, но нѣсколько боязливый, слишкомъ переполнявшій недомолвками и оговорками свою многорѣчивость». Графъ Корти сосредоточивалъ въ себѣ весь авторитетъ итальянской миссіи. Это былъ умный человѣкъ, основательно знавшій свое ремесло, и достойный ученикъ своего бывшего начальника Кавура. Его наружность была далеко не блестящей. Курносый, съ маленькими пропигательными глазами, онъ былъ бы не привлекателенъ, если бы не его благородныя манеры, дружелюбное обращеніе и особенно пылъ и оригинальность его разговора, рѣзкаго и поучительнаго, заставляшіе забывать о его физическихъ недостаткахъ. Не будучи ораторомъ, онъ не говорилъ на совѣщаніяхъ, но вставлялъ кстати свои практическія и остроумныя замѣчанія всегда въ убѣдительной формѣ. Въ интимныхъ кругахъ онъ развѣтывался и высказывалъ свои тонкія и всегда справедливыя замѣчанія, и ничто не могло ускользнуть отъ его провицательнаго взгляда. Его совѣты считались полезными, а самъ онъ—прозорливымъ, и его всѣ слушали охотно и съ выгодой для себя».

Представителей Порты графъ Муи находитъ неудачными. Турція вмѣсто того, чтобы поручить свои интересы кому нибудь изъ крупныхъ турецкихъ сановниковъ, передала дѣло второстепеннымъ агентамъ, которые по многимъ причинамъ не могли добиться вліянія на конгрессѣ. Одинъ изъ нихъ, Каратеодори-паша, былъ греческой національности и религіи; другой—Мехметъ-Али—по происхожденію пруссакъ и ренегатъ; третій—Садулахъ—незначительная личность. Виною всему, по мнѣнію французскаго дипломата, была «турецкая психологія, странный расчетъ». Въ Константинополѣ не хотѣли, чтобы какой нибудь знаменитый послѣдователь ислама былъ поставленъ въ положеніе вести переговоры, которые, хотя и дѣлая менѣе тяжкими статьи Санъ-Стефанскаго договора, все-таки утверждали ущербъ владѣнію и господству султана. Султанъ предпочиталъ сложить отвѣтственность на «райевъ» и льстилъ себя тѣмъ, что христіанскіе дворы примутъ это назначеніе, какъ актъ снисхожденія. «Дворы знали,—говоритъ графъ Муи,—

что въ Стамбулѣ хрістіане занимаютъ подчиненное положеніе, и что дѣйствительное управленіе дѣлами принадлежитъ мусульманамъ». Хотя Каратеодори-паша былъ высокообразованный человѣкъ, съ симпатичнымъ характеромъ, и къ тому же заслуженный дипломатъ и писатель, но все-таки онъ «временной министръ и паша по обстоятельствамъ». Поэтому, несмотря на свои рѣдкія качества и всѣ усилія, онъ не могъ воздѣйствовать на высокое собраніе. Обладая достаточнымъ тактомъ, онъ не могъ не почувствовать трудности своей роли: ему не хватало авторитета. Безусловно преданный своему властелину, онъ, однако, не пользовался его полнымъ довѣріемъ, и хотя его коллеги относились къ нему съ уваженіемъ, цѣня его заслуги, но такъ какъ каждый изъ нихъ былъ занятъ своими интересами, а не жалобами Турціи, то на него смотрѣли, какъ на подчиненнаго, назначеннаго разрѣшить неблагодарную задачу и заранѣе предназначеннаго къ опалѣ.

Порта еще болѣе перехитрила, назначивъ Мехмета-Али, генерала, родившагося въ Пруссіи. «Можетъ быть,—говоритъ графъ де-Муи,—что опять-таки это было ея нежеланіе посылать представителемъ турка; во всякомъ случаѣ, она плохо поняла конгрессъ, а главное Бисмарка. На Мехмета-Али смотрѣли, какъ на авантюриста, когда-то сбѣжавшаго изъ прусскаго флота. Его присутствіе возмущало Бисмарка, видѣвшаго въ немъ «берлинскаго мальчишку, прикрывшагося званіемъ маршала». «Итакъ,—говорилъ Бисмаркъ съ запальчивостью,—я принужденъ помѣстить, какъ это я дѣлаю по отношенію всѣхъ уполномоченныхъ, нѣмецкаго чиновника бокъ-о-бокъ съ нѣмецкимъ дезертиромъ и ренегатомъ!» Но дѣлать было нечего, и Бисмаркъ сдался, хотя все-таки принялъ Мехмета-Али очень холодно и высокоумно. Подобный пріемъ Бисмарка французскій дипломатъ признаетъ слишкомъ строгимъ, такъ какъ, въ сущности, Мехметъ-Али покинулъ Германію почти ребенкомъ, отличался во многихъ битвахъ и даже получилъ нѣкоторое литературное и философское образованіе, и хотя султанъ ошибся, сдѣлавъ изъ него дипломата, но былъ совершенно правъ, довѣряя его преданности и храбрости.

Послѣ Бисмарка главными лицами конгресса, безъ сомнѣнія, Муи считаетъ уполномоченныхъ русскаго и англійскаго дворовъ, помимо того, что они были спорящими сторонами, но еще потому, что они занимали первенствующія мѣста въ дипломатіи. Ихъ характеристики онъ начинаетъ съ Англій.

Дизраэли, или графъ Биконсфильдъ, какъ онъ сталъ называться, сдѣлавшись перомъ Англій, писатель, ораторъ и глава партіи, когда-то былъ красавцемъ. Теперь же, на Берлинскомъ конгрессѣ, онъ уже явился морщинистымъ, желтымъ старикомъ, хотя сохранилъ правильныя черты лица, хитрый характеръ и силу воли. Онъ былъ высокаго роста, худой, слегка сгорбленный, съ

длинными вьющимися волосами и остроконечной бородкой, очень напоминавшими его семитическое происхождение; тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Муи, его лицо было очень англійское и казалось бы даже флегматичнымъ, если бы живость взгляда и насмѣшливое выраженіе губъ не свидѣтельствовали о силѣ его мысли, всегда юной и дѣятельной. Онъ опирался одной рукой на палку, а другой—на руку секретаря. Привѣтствія присутствующихъ онъ принималъ съ достоинствомъ свѣтскаго человѣка, облеченнаго властью. Биконсфильдъ явился въ Берлинъ, окруженный двойнымъ престижемъ: знаменитости и перваго министра Англій. Здѣсь онъ велъ жизнь уединенную, отдавая все время работѣ, присутствуя на всѣхъ засѣданіяхъ и, какъ онъ сказалъ французскому дипломату: «сверхъ того, я управляю Англійей». Въ обыденной жизни онъ не былъ ни величественнымъ, ни угрюмымъ: его манеры были просты, а разговоръ любезный и привѣтливый; вообще онъ не выражалъ никакого тщеславія. Рѣчи онъ говорилъ, стоя, ни на кого не смотря, иногда устремивъ глаза въ даль, иногда опустивъ ихъ, «какъ бы сосредоточивая на внутреннемъ созерцаніи».

Его помощникъ Солсбери, впоследствии такъ долго управлявшій дѣлами Англій, былъ, по словамъ Муи, «одинъ изъ тѣхъ вельможъ-правителей, которые своими личными достоинствами приносятъ пользу родинѣ». Наружностью и разговоромъ онъ походилъ скорѣе на философа и мечтателя, чѣмъ на государственнаго человѣка: его лицо было задумчиво и благородно, а душа—возвышенна и религіозна. Его политика, хотя и сентиментальная, тѣмъ не менѣе была односторонней и упорной. То онъ дѣлался патетическимъ, то снова оставался холоднымъ, согласно точкѣ зрѣнія его правительства, а его «симпатіи къ угнетеннымъ» всегда подчинялись британскимъ интересамъ, «уравновѣшивавшимъ его температуру». Его коллеги это хорошо знали, и однажды Муи подмѣтилъ на ихъ лицахъ неопредѣленную улыбку, когда Солсбери, желая отвлечь отъ русскаго вліянія одно племя, названіе котораго онъ едва зналъ, принялся описывать мнимыя страданія этого племени съ такимъ воодушевленіемъ, какъ будто рѣчь шла о націи, повергнутой въ трауръ. Точно также, ради британскихъ интересовъ, онъ, не сморгнувъ глазомъ, перемѣстилъ множество христіанскихъ націй, именно македонянъ и часть Болгаріи, подъ скипетръ султана. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ лорду Биконсфильду, онъ все-таки дѣйствовалъ, какъ министръ, раздѣлявшій отвѣтственность власти и управленія партіей. Въ этомъ качествѣ онъ велъ съ Бисмаркомъ и Андраши тайные переговоры, подготовившіе конгрессъ, и даже взялъ на себя инициативу дружныхъ мѣропріятій между лондонскимъ, берлинскимъ и вѣнскимъ кабинетами.

Третій представитель Англій, лордъ Рѣссель, посланникъ въ Берлинъ, «служилъ счастливымъ дополненіемъ первыхъ двухъ».

Это былъ, по словамъ графа де-Муи, умный человѣкъ, свободный отъ предубѣжденій и системы, довольный всѣмъ и отличавшійся непринужденнымъ, веселымъ обращеніемъ. Въ обществѣ онъ говорилъ много, на совѣщаніяхъ же очень мало. Много способствовали его успѣху прежнія связи въ Берлинѣ и лэди Рёссель, устраивавшая у себя блестящіе приемы.

Касаясь представителей русской миссіи, французскій дипломатъ говоритъ, что Россія, угрожаемая временной коалиціей нѣмецкаго, англійскаго и австро-венгерскаго дворовъ и потому рѣшившаяся отстаивать каждый свой шагъ, хотѣла придать своей миссіи какъ можно болѣе престижа и предоставить себѣ по возможности прочныя ресурсы. Она прислала уполномоченныхъ въ лицѣ князя Горчакова и графа Шувалова, который тогда слылъ за наперсника царя. Съ ними находились русскій посланникъ въ Германіи Убри, и множество опытныхъ совѣтниковъ.

«Восьмидесятилѣтній и больной Горчаковъ,—говоритъ Муи,—отважился пуститься въ такой дальній путь, въ виду упорной борьбы, желая до послѣдняго часа своей жизни защищать дѣло своего царя и страны. Дѣйствительно, онъ служилъ ей столько же своимъ опытомъ, какъ и мужествомъ, чему также способствовали и чувства уваженія, внушаемыя его годами и положеніемъ. Еще и теперь у меня предъ глазами корректная осанка его фигуры, немного сгорбленной, но живой, его подвижное, хитрое лицо, совершенно выбритое, его взглядъ, блестявшій сквозь очки, тонкія губы, благообразная фізіономія и утонченное, изящное обращеніе, придававшее ему сходство со стариннымъ государственнымъ сановникомъ XVIII вѣка. Отъ послѣдняго онъ заимствовалъ искусственную привлекательность, изящныя манеры, можетъ быть, предразсудки, но никто не зналъ лучше его, что изъ нихъ взять, что оставить, а также политическія системы, современныя или прежнія намѣренія различныхъ дворовъ славянскаго или европейскаго міра. Я не скажу, что онъ былъ совершенно такимъ же на Берлинскомъ конгрессѣ, какъ въ прежніе долгіе годы, когда, приобщенный ко всѣмъ намѣреніямъ царствованія, онъ такъ хорошо ихъ исполнялъ, благодаря своему утонченному искусству, осторожности, смѣлости, своей политикѣ двуличнаго нейтралитета и своей хитрой риторикѣ. Но онъ сохранилъ свою прозорливую проницательность, упорную волю и прежнюю пылкость. Эта пылкость стала немного язвительной, почти лихорадочной, и нѣкоторыя лица его въ этомъ упрекали. Князь Бисмаркъ, который ничего не спускалъ своему сопернику, часто злорадствовалъ надъ его нервною, которую онъ называлъ «старческимъ гнѣвомъ» или «капризомъ старой женщины». Эти выраженія, безъ сомнѣнія, преувеличены, но правда, что князь Горчаковъ иногда казался нетерпѣливымъ и возбужденнымъ, такъ что бывали случаи, когда онъ въ раздражительности

бросалъ среди стола свой пожъ для разрѣзыванія бумаги и вообще выказывалъ свое недовольство съ желчнымъ гнѣвомъ, изумлявшимъ и тревожившимъ спокойное и осторожное собраніе. Одни приписывали эту обидчивость патриотической печали министра, разочарованнаго въ своихъ надеждахъ; другіе, менѣе доброжелательные, утверждали, что его самолюбіе было затронуто блестящимъ торжествомъ князя Бисмарка и въ особенности довѣріемъ, какимъ почтилъ императоръ Александръ графа Шувалова. Относительно этихъ различныхъ вопросовъ, я думаю, они не ошиблись: было очевидно, что онъ страдалъ, слушая, какъ ежедневно оспариваютъ и ощутительно убавляютъ успѣхи, достигнутые русскими; кромѣ того, онъ питалъ старое злопамятство къ нѣмецкому коллегѣ; наконецъ, онъ привыкъ къ исключительному расположенію своего властелина, и успѣхъ графа Шувалова въ Петербургѣ не могъ ему нравиться».

Графъ де-Муи, вѣроятно, въ память прежней симпатіи Горчакова къ Франціи довольно лестно охарактеризовалъ его, особенно, если сравнить слова Бисмарка, «что въ самомъ дѣлѣ Горчаковъ вовсе не уменъ, какъ политическій дѣятель. Онъ дѣйствовалъ одинъ за послѣдніе четыре года, приготовляясь къ войнѣ съ Турціей, и нельзя сказать, чтобы онъ обнаружилъ особенную ловкость, вызвавъ ее. Отношенія къ Австріи и даже къ Румыніи были обдѣланы неискусно. Что дѣлалъ онъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Бухарестѣ? Старый фатъ былъ больше занятъ прекраснымъ поломъ, чѣмъ дѣломъ».

О второмъ нашемъ уполномоченномъ, графѣ Шуваловѣ, французскій дипломатъ отзывался не менѣе лестно, говоря, что въ Берлинѣ онъ былъ «*persona grata*» и дѣйствительно соединялъ въ себѣ «совокупность плѣнительныхъ и основательныхъ качествъ». «Высокаго роста,—говоритъ Муи,—прекрасно сложенный, съ благородными чертами лица, онъ съ виду казался молодежавымъ, несмотря на сѣдые усы и свои шестьдесятъ лѣтъ. Его манеры были самыя изящныя и любезныя, какія только можно видѣть. Кромѣ того, онъ былъ осторожнымъ дипломатомъ и если не очень свѣдущимъ, то, по крайней мѣрѣ, находившимся въ курсѣ дѣлъ, а также опытнымъ въ искусствѣ представлять ихъ. Онъ оспаривалъ ихъ съ непринужденнымъ краснорѣчіемъ и привлекательной изворотливостью. Энергично защищая свое дѣло и соглашаясь лишь на необходимыя жертвы, онъ добивался мирныхъ сдѣлокъ и мило принималъ ихъ, дѣйствуя такъ, по причинѣ своего миролюбиваго характера или, вѣрнѣе, по высшему распоряженію. Онъ умѣлъ скрывать свою досаду и облегчалъ общую работу миролюбивыми сдѣлками и смягченіемъ выраженій, а также зналъ, какъ придать своимъ уступкамъ видъ дружеской снисходительности къ мнѣнію собранія. Иногда его поведеніе сбивало съ толку Горчакова, ко-

торый, однако, не смѣлъ ему возражать, подозрѣвая, можетъ быть, какое нибудь тайное желаніе царя, но при этомъ онъ испытывалъ досаду, угадываемую Бисмаркомъ и доставлявшую послѣднему наслажденіе. Милое отношеніе графа Шувалова простиралось даже на редакцію протоколовъ. «Такъ, однажды, утромъ онъ, противъ своего обыкновенія, прислалъ мнѣ,—говоритъ Муи,—написанную собственноручно одну изъ своихъ рѣчей, которую я уже съ своей стороны резюмировалъ, согласно моей отмѣткѣ. Когда я прочиталъ ему мой текстъ, онъ отвѣтилъ мнѣ лишь тѣмъ, что разорвалъ свой автографъ».

Третьяго представителя Россіи, Убри, французскій дипломатъ называетъ «хитрымъ и здравомыслящимъ совѣтникомъ, имѣвшимъ большее вліяніе на гармонію и тактику русскаго посольства, чѣмъ это предполагали». «Малорослый и тучный,—говоритъ де-Муи,—Убри отличался жизнерадостнымъ нравомъ и любилъ вести веселую жизнь. вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря долгой карьерѣ, онъ былъ свѣдущимъ человѣкомъ и съ большимъ тактомъ маневрировалъ между Горчаковымъ и графомъ Шуваловымъ». Онъ умѣлъ правиться и первому и второму, какъ своей осмотрительностью и уступчивостью, такъ и осторожными предостереженіями. Члены конгресса были довольны его приемами и прославившимся столомъ, а также традиционнымъ вистомъ и непринужденной клубной болтовней.

Кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ представителей Россіи, графъ де-Муи упоминаетъ еще о главномъ помощникѣ Горчакова, извѣстномъ баронѣ Жомини, о которомъ Бисмаркъ говорилъ, что онъ сочиняетъ большинство депешъ Горчакова, а не самъ канцлеръ. По словамъ французскаго дипломата, всѣ члены совѣщанія очень сожалѣли, что Жомини не былъ уполномоченъ присутствовать на совѣщаніяхъ, и находили, что онъ былъ достоинъ этой чести. Вокругъ него собирались всѣ лучшіе умы, и де-Муи, «никогда не забудетъ его лица строгаго мыслителя, глубоко выразительной улыбки, томныхъ глазъ, въ которыхъ мелькала молнія, и поучительныхъ и чарующихъ рѣчей».

Наконецъ наступило 13-е іюня новаго стиля, день торжественнаго открытія конгресса, и къ Радзивилловскому дворцу потянулись въ открытыхъ экипажахъ уполномоченные державъ, въ блестящихъ мундирахъ и разукрашенные орденами. Толпы народа стояли вплоть до самой рѣшетки дворца. Въ сѣняхъ уполномоченныхъ встрѣчалъ Радовицъ. Князя Горчакова внесли въ первый этажъ въ креслѣ, такъ какъ онъ самъ не могъ подниматься по лѣстницѣ. Бисмаркъ принялъ всѣхъ представителей державъ при входѣ въ первый залъ и проводилъ ихъ въ залъ совѣщаній, гдѣ посрединѣ стоялъ большой столъ, расположенный въ формѣ подковы и покрытый коричневымъ сукномъ. Для членовъ конгресса были приготовлены одинаковыя кресла съ высокими спин-

ками. На обоихъ концахъ стола предполагалось помѣстить секретарей, и для нихъ предназначались стулья. Еще наканунѣ Бисмаркъ, занимавшійся мельчайшими подробностями конгресса, самъ назначилъ мѣста для уполномоченныхъ всѣхъ державъ, въ азбучномъ порядкѣ. Креселъ всего было десять по одной линіи, а потому президентское кресло не пришлось въ центрѣ стола, и Радовицъ съ Муи обратили вниманіе Бисмарка на эту неправильность. Но въ отвѣтъ канцлеръ весело замѣтилъ: «Ничего, я буду немного справа, но въ данный моментъ я нѣсколько склоняюсь въ эту сторону». Слѣва отъ него сѣли пятеро изъ коллегъ, а справа четверо; остальные члены расположились на двухъ изгибахъ стола. Средина залы оставалась свободной, а на ея противоположной сторонѣ находился столъ для книгъ, документовъ и географическихъ картъ.

Прежде чѣмъ открылось совѣщаніе, графъ Андраши быстро набросалъ карандашемъ нѣсколько фразъ, съ предложеніемъ уполномоченнымъ обратиться прежде всего къ императору Вильгельму съ пожеланіемъ скораго выздоровленія. Затѣмъ, согласно обычаю, Бисмарку было предложено предсѣдательство, и допущена канцелярія, послѣ чего всѣ заняли свои мѣста, кромѣ самого Бисмарка, стоя говорившаго свою торжественную рѣчь, въ которой онъ благодарилъ всѣхъ собравшихся. Во второй рѣчи онъ пояснилъ причину, по которой собрался конгрессъ. Въ ней онъ сказалъ, «что Санъ-Стефанскій договоръ, будучи въ состояніи во многихъ пунктахъ измѣнить положеніе вещей, установленныхъ предыдущими конвенціями, «долженъ быть» подвергнутъ свободному обсужденію кабинетовъ, подписавшихся подъ актами 1856 и 1871 годовъ, чтобы съ общаго согласія и на основаніи новыхъ ручательствъ обезпечить миръ, въ которомъ такъ нуждается Европа». «Безъ сомнѣнія, что это утвержденіе правъ державъ,—говоритъ французскій дипломатъ,—и обсужденіе всѣхъ измѣненій трактатовъ, подписанныхъ ими, было превосходно и совершенно умѣстно, но могло показаться довольно страннымъ, что все это было высказано, какъ безусловная истина, тѣмъ же самымъ человѣкомъ, который, ни съ кѣмъ не посоветовавшись, послѣдовательно измѣнилъ положеніе Даніи, обезпеченное лондонскимъ трактатомъ, Германскаго союза, Австріи и Франціи—вѣнскимъ трактатомъ».

Выяснивъ предметъ ихъ обсужденій, присутствовавшіе обязались хранить свои совѣщанія въ тайнѣ. Затѣмъ, назначивъ на первую очередь болгарскій вопросъ, уполномоченные уже хотѣли расходиться, какъ непредвидѣнный инцидентъ втравилъ въ ссору двухъ представителей державъ—Россіи и Англіи. «Хотѣлъ ли Биконсфильдъ сразу показать антагонизмъ обѣихъ державъ,—говоритъ де-Муи,—или скорѣе добивался удовлетворить свое британское недовѣріе, но онъ потребовалъ, чтобы русскія войска, стоявшія у

Босфора, безотлагательно были удалены». На это предложеніе, высказанное запальчиво и въ неосторожныхъ выраженіяхъ съ ссылкой на случайность опаснаго конфликта и на возможность неожиданнаго занятія русскими Константинополя, уполномоченные Россіи отвѣтили съ «справедливою рѣзкостью». Бисмаркъ положилъ конецъ этой ссорѣ, оборвавъ Биконсфильда замѣчаніемъ, что этотъ вопросъ не подлежитъ обсужденію на общемъ совѣщаніи, а потому оба уполномоченные могутъ разрѣшить его въ частныхъ переговорахъ, и если имъ не удастся прійти къ соглашенію, тогда только конгрессъ выступитъ примирителемъ. Авторитетъ Бисмарка на конгрессѣ былъ такъ великъ, что Биконсфильдъ болѣе не пытался поднимать этого вопроса во все время, пока длилось совѣщаніе.

Затѣмъ совѣщанія были отложены на три дня.

Такимъ образомъ отношенія Россіи и Англіи уже съ перваго шага обострились. Остальные уполномоченные, считая необходимымъ предотвратить въ будущемъ подобныя недоразумѣнія и бесполезные споры, рѣшили воспользоваться тремя днями перерыва для болѣе ближайшаго ознакомленія между собою и переговоровъ. По словамъ французскаго дипломата, отношенія всѣхъ коллегъ къ русскому и англійскому уполномоченнымъ, были самыя деликатныя. Приходилось разомъ имѣть въ виду британскія требованія и обидчивость русскихъ представителей. Для достиженія въ этомъ успѣха не надо было допускать, чтобы совѣщаніе походило на арену для поединка или на трибуналъ. Споры между двумя противниками не должны были производиться открыто, равно нельзя было допустить, чтобы Россія была вызвана на судъ Европы. Нейтральнымъ державамъ удалось избѣжать этого двойнаго подводнаго камня, хотя имъ тѣмъ болѣе было трудно лавировать, что съ перваго же совѣщанія отношенія лондонскаго и петербургскаго кабинетовъ были слишкомъ очевидно обострены точно такъ же, какъ и отношенія нѣмецкаго и русскаго канцлера—Бисмарка и Горчакова. Но если благоразуміе тѣхъ и другихъ, а также профессиональная изворотливость дипломатовъ и сравнивали эти шероховатости, то политика недоувѣрія и противорѣчія дѣлала эту задачу не изъ легкихъ, а высокое положеніе и характеръ представителей Россіи и Англіи еще болѣе усложняли трудность соглашенія между ними.

22 іюня конгрессъ приступилъ къ самому трудному дѣлу—болгарскому вопросу, который, несмотря на отдѣльные переговоры, все еще не могъ уладиться особенно относительно опредѣленія границъ. «Правда,—говоритъ Муи,—что въ принципѣ уже давно было рѣшено распадѣніе Санъ-Стефанской Болгаріи, но такъ какъ для Россіи, хотя и принявшей заранѣе проектъ, это было большой и горестной потерей, то державы рѣшили представить вопросъ въ любезной формѣ и съ такими же комментаріями. Конгрессъ былъ изумленъ, когда лордъ Солсбери послѣ того, какъ не призналъ

статьи Санъ-Стефанскаго договора, представилъ новую комбинацію, въ видѣ доброжелательной уступки, сдѣланной петербургскому кабинету, чтобы, по его выраженію, «не совершенно уничтожить результаты войны». Эти почти ироническія слова, сказанныя, чтобы сильнѣе отмѣтить неудачу русскихъ,—говорить де-Муи,—не могли не вызвать обиды у русскихъ уполномоченныхъ. Графъ Шуваловъ тотчасъ же объявилъ, что онъ не можетъ принять этихъ словъ, и что его правительство «явилось на конгрессъ для согласованія Санъ-Стефанскаго договора съ общими интересами Европы, а не для того, конечно, чтобы уничтожить результаты своихъ побѣдъ». Благодаря этому приключенію, уполномоченные были возбуждены и недовольны: графъ Шуваловъ сдѣлался высококѣрнымъ, а Солсбэри смущеннымъ. Пришлось снова вмѣшаться Бисмарку, который предложилъ продолжать разсмотрѣніе дальнѣйшихъ вопросовъ, и англійскіе уполномоченные, понявъ, что они попались впросакъ, потребовали отсрочки преній. Только чрезъ пять дней и послѣ многочисленныхъ переговоровъ наединѣ противники пришли къ соглашенію. Это соглашеніе обрадовало конгрессъ, но въ свою очередь Турція сдѣлала свои замѣчанія. Впрочемъ, положеніе турецкихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ было незавидное, и когда Каратеодори-паша представилъ свои замѣчанія въ самыхъ ясныхъ, опредѣленныхъ выраженіяхъ, то совѣщаніе вовсе не обратило на нихъ вниманія, заранѣе зная, что Турція всегда будетъ принуждена принять какія бы то ни было рѣшенія Европы. Несмотря на то, что рѣчь турецкаго уполномоченнаго была энергичная, но французскій дипломатъ замѣтилъ на лицѣ однихъ улыбку, на лицѣ другихъ—нетерпѣніе. Бисмарка же она просто раздражала, и онъ смотрѣлъ на нее, какъ на «утомительный вводный эпизодъ».

Хотя съ болгарскимъ вопросомъ и было покончено, но графъ Шуваловъ и Солсбэри не сложили своего оружія и продолжали стычки: одну, по словамъ графа Муи,—почти неизбѣжную, по поводу занятія русскими войсками Болгаріи, другую—относительно порядка избранія болгарскаго князя. Первый вопросъ, по словамъ Муи, уладилъ графъ Сенъ-Валье; Россія потребовала двухгодичный срокъ для удаленія своихъ войскъ и съ трудомъ согласилась сократить срокъ пребыванія войскъ въ княжествѣ на девять мѣсяцевъ, а въ Румелии—на шесть. Графъ Шуваловъ велъ борьбу упорно и сдался лишь при послѣдней крайности. Это происходило въ отсутствіи Горчакова, котораго, по словамъ Муи, эта англійская требовательность, конечно, раздражила бы. Когда коснулись вопроса объ избраніи князя болгарскаго, который, по мнѣнію всѣхъ державъ, долженъ былъ избираться народомъ, а затѣмъ утверждаться Портой съ одобренія державъ, Солсбэри не преминулъ вставить ехидное замѣчаніе съ разными ораторскими уловками. Это было для всѣхъ столь неожиданно, что представители державъ, уже

нѣсколько утомленные совѣщаніемъ, сразу очнулись: тѣ же самые уполномоченные, которые сначала скучали, слушая англійскіе намеки, мало-по-малу увлеклись и подняли продолжительныя пренія. Солсбери сумѣлъ возбудить подозрѣніе во всѣхъ относительно намѣреній Россіи. Онъ требовалъ, чтобы соглашеніе державъ основывалось на простомъ большинствѣ, явно опасаясь русской obstructi. Пренія затянулись, и Бисмаркъ тщетно старался обратить это обсужденіе въ чисто академическое. Только рѣчь графа Шувалова, торжественно заявившаго, что Болгарія никогда не сдѣлается «придаткомъ Россіи», положила конецъ спорамъ.

Князь Горчаковъ не присутствовалъ на послѣднихъ совѣщаніяхъ, посвященныхъ Болгаріи, «оттого ли, что его здоровье требовало отдыха,—говоритъ Муи,—а, можетъ быть, предвидя податливость своего коллеги, онъ не хотѣлъ присоединиться къ рѣшенію, которое уничтожало часть плодовъ его политики». Но, какъ бы ни была велика досада, онъ не могъ долѣе оставаться въ тѣни и своимъ устраненіемъ какъ бы порицать снисходительность графа Шувалова, разрѣшенную императоромъ. Кромѣ того, ему было важно не оставлять долѣе главной роли своему помощнику и съ достоинствомъ поддержать свои права, поэтому его возвращеніе на дипломатическую сцену было въ одно и то же время необходимо и щекотливо. Но онъ вышелъ изъ этого затрудненія съ присутствіемъ ему искусствомъ. Любезно принявъ поздравленія съ выздоровленіемъ, онъ съ достоинствомъ произнесъ миролюбивую и очень уравновѣшенную рѣчь, хотя нѣсколько старомоднаго стиля. Въ высокопарныхъ выраженіяхъ и съ величественной медленностью, какъ главный представитель, одобряющій своего сотрудника, которому онъ предоставилъ инициативу во время своего отсутствія, и теперь ее утверждающій своимъ высшимъ авторитетомъ, онъ подтвердилъ, что Россія преслѣдуетъ одну цѣль—спокойствіе Балканскаго полуострова, посредствомъ коллективной дѣятельности христіанскихъ дворовъ. «Она надѣется, — сказалъ онъ, — что если она принесла лавры, то конгрессъ превратитъ ихъ въ оливковыя вѣтви». Эта рѣчь, по словамъ де-Муи, возбудила такую симпатію къ Россіи, что даже всегда хладнокровный Биконсфильдъ поспѣшилъ признать мудрость и краснорѣчіе оратора и сталъ увѣрять Россію въ расположеніи къ ней Англии. Уполномоченные были такъ сильно этимъ взволнованы, что самъ Бисмаркъ считалъ долгомъ выказать волненіе, и горячо поздравилъ обоихъ героевъ, оставившихъ въ сторонѣ второстепенные вопросы, чтобы покровительствовать только всеобщему миру. «Иногда умиленіе,—говоритъ графъ де-Муи, намекая на неискренность державъ,—есть форма дипломатіи».

Послѣ этого уполномоченные почувствовали себя легче. Въ это время въ Берлинѣ балы смѣнялись празднествами, офиціальными

и интимными пріемами, и дипломатическій сезонъ былъ особенно блестящій. Бисмаркъ нигдѣ не показывался на балахъ такъ же, какъ и Биконсфильдъ съ Горчаковымъ, которыхъ удерживали старость и болѣзнь. Зато остальные члены конгресса, даже турецкіе, а также секретари и журналисты, ежевечерне встрѣчались у посланниковъ, соперничавшихъ въ роскоши и предупредительности. Такимъ образомъ члены конгресса отдыхали въ обществѣ нѣмецкихъ и иностранныхъ дамъ, официальная сдержанность замѣнялась непринужденностью, особенно относительно легкаго разговора, хотя,—оговаривается Муи,—дипломатическая нотка сохранялась во всей своей силѣ, и никто изъ присутствующихъ не говорилъ того, что онъ хотѣлъ бы сказать. Несмотря на то, что Бисмаркъ и не бывалъ на этихъ собраніяхъ, но все-таки онъ зналъ, что на нихъ происходило и говорилось, отъ своихъ приближенныхъ, и это его очень веселило. Тѣмъ не менѣе онъ не былъ намѣренъ затягивать надолго конгресса, благодаря развлеченіямъ, и старался поскорѣе съ нимъ покончить. На очереди стоялъ вопросъ о Босніи и Герцоговинѣ, который скоро былъ рѣшенъ всеми уполномоченными въ пользу австро-венгерскаго правительства, и краснорѣчивая рѣчь Каратеодори-паши въ защиту правъ Турціи осталась безъ послѣдствій. «Порта,—замѣтилъ Бисмаркъ,—принявъ условія Санъ-Стефанскаго договора, не можетъ оспаривать ни одной статьи этого договора».

Сербскихъ делегатовъ не допустили до совѣщанія, и вопросъ о Сербіи былъ рѣшенъ державами въ пользу ея независимости, подѣ условіемъ введенія въ нее полноправности, какъ гражданской, такъ и политической. Черногорцы тоже не были допущены до совѣщанія и высказывали свое горькое неудовольствіе лишь внѣ конгресса, который они считали своимъ врагомъ, хотя, замѣчаетъ Муи, они получили земельное приращеніе и независимость.

Черезъ нѣсколько времени очередь дошла до румынскаго вопроса, и делегаты Румыніи добились разрѣшенія посѣтить конгрессъ и выразить ему свои желанія. Въ виду того, что и ранѣе было дано такое же разрѣшеніе грекамъ, румынскихъ делегатовъ допустили, но обсужденіе вопросовъ, касающихся Румыніи, происходило въ ихъ отсутствіи. Французскій дипломатъ какъ бы упрекаетъ Россію за предъявленныя ею требованія на Бессарабію, говоря, что извѣстно, какъ Румынія помогала Россіи во время войны, а русскій кабинетъ все-таки желалъ, чтобы она отдала часть Бессарабіи, отторгнутой у нея по парижскому трактату. Прямой интересъ уполномоченныхъ не касался этого вопроса, и они, по словамъ Муи, прежде всего не хотѣли нанести оскорбленія царю, а вмѣстѣ съ тѣмъ стремились избѣгать бурныхъ столкновеній, вслѣдствіе чего выслушавъ жалобы румынскихъ делегатовъ, они не обратили на нихъ вниманія, и едва они удалились, какъ Бессарабія была уже отдана Россіи. Взаимнѣ ея русскіе уступили Румыніи Добруджу.

Что касается Греціи, то сначала уполномоченные державъ, по словамъ де-Муи, были настоящими «филэллинами», и даже безъ всякаго спора рѣшили допустить греческихъ делегатовъ выразить желаніе ихъ правительства. Особенно лордъ Солсбери старался поддерживать грековъ; онъ даже самъ просилъ, чтобы делегатовъ допускали въ совѣщаніе каждый разъ, когда дѣло касалось народонаселеній ихъ расы. Муи думаетъ, что, предлагая Греціи это удовлетвореніе, Солсбери старался лишь отдалить ее отъ Россіи. Несмотря на поддержку англійскихъ уполномоченныхъ и Ваддингтона, конгрессъ утвердилъ лишь статьи Санъ-Стефанскаго договора о строгомъ примѣненіи къ острову Криту органическаго устава 1868 года и, не упомяная о Эссалии и Эпирѣ, выговоренныя въ ихъ пользу преобразованія и улучшенія распространилъ на всѣ области Европейской Турціи. Кромѣ того, онъ предложилъ посредничество державъ между Турціей и Греціей по вопросу «исправленія границъ».

Вопросъ о вознагражденіи Россіи за военныя издержки ставилъ втупикъ членовъ конгресса, такъ какъ турецкая казна была совершенно пуста, правительство же лишено кредита. Поэтому, когда былъ поднятъ этотъ вопросъ, то на лицахъ всѣхъ присутствующихъ, по словамъ Муи, выражалась нѣкоторая тревога и вмѣстѣ съ тѣмъ ироническое любопытство. Солсбери, выразивъ общее мнѣніе собранія, злорадно хотѣлъ угадать, «какими средствами его русскіе коллеги надѣялись заставить Турцію привести въ исполненіе неосуществимую статью».

Графъ Шуваловъ былъ очевидно раздраженъ злораднымъ тономъ англичанина и плачевными заявленіями Каратеодори-паши о невозможности Порты принять на себя обязательство, которое она не можетъ исполнить. Онъ настаивалъ на этомъ обязательствѣ, взятомъ на себя Портой, и рѣзкимъ тономъ сказалъ турецкому уполномоченному: «впрочемъ Турція должна была разсчитать свои средства, прежде чѣмъ начать войну». Однако французскіе и англійскіе уполномоченные были немного встревожены этимъ вопросомъ о русскомъ вознагражденіи, предполагая, что Россія обратитъ его въ территориальныя уступки. Но русскіе уполномоченные успокоили ихъ обѣщаніемъ не замѣщать денежнаго вознагражденія территориальными уступками и признали преимущественное право на удовлетвореніе займодавцевъ Порты, ссудившихъ ее деньгами до заключенія мира.

Послѣдній вопросъ на Берлинскомъ конгрессѣ касался азіатскихъ дѣлъ, но хотя ихъ было много, однако державы не очень беспокоились о нихъ, тѣмъ болѣе, что къ концу конгресса всѣ уже утомились и желали скораго окончанія. Англія и Австрія достигли своей главной цѣли. Горчаковъ, какъ министръ, ревниво оберегающій достоинство своего государя, взялъ на себя инициативу тѣхъ жертвъ, на которыя онъ долженъ былъ согласиться.

Онъ сказалъ, что царь, въ виду окончанія безкорыстнымъ актомъ великой борьбы за миръ, согласился отказаться отъ части своихъ побѣдъ въ Азіи, какъ Эрзерума, Баязета, долины Алашкертской, и обратитъ Батумъ въ порто-франко; онъ удерживаетъ лишь Ардаганъ и Карсъ. Такимъ образомъ Турція возвратила себѣ обширныя территоріи; Англія не упорствовала, а собраніе выразило свою радость, и по убѣжденію или безъ него, но признало, что обязано такимъ окончаніемъ конгресса единственно великодушію царя и, поздравивъ съ этимъ князя Горчакова, тотчасъ же утвердило сдѣлки.

Во время конгресса Биконсфильдъ пользовался такимъ авторитетомъ и предупредительностью Бисмарка, что, несмотря на законность французскаго языка, какъ дипломатическаго, англичанинъ говорилъ свои рѣчи и замѣчанія по-англійски. Бисмаркъ же, любезничавшій съ Британіей, не только этому не препятствовалъ, а даже самъ отвѣчалъ Биконсфильду по-англійски.

Графъ Шуваловъ, по словамъ Муи, обладалъ такимъ даромъ краснорѣчія, что однажды на совѣщаніи, въ концѣ преній онъ съ трогательнымъ видомъ сталъ взывать къ чувствамъ слушателей, возбуждая ихъ удивленіе героической битвой, съ цѣлью предложить имъ преобразовать Шипку въ «славное кладбище, навсегда нейтрализованное». «Въ дѣйствительности же это былъ стратегическій вопросъ,—говоритъ Муи,—но ораторъ облекъ свою мысль въ столь безкорыстную и трогательную форму и такъ защищалъ себя отъ другого намѣренія, кромѣ уваженія къ праху мертвыхъ, что сопротивление турецкаго уполномоченнаго казалось сначала почти неприличнымъ. Уполномоченные уже наполовину были увлечены такимъ прекраснымъ краснорѣчіемъ, когда вдругъ догадались и спохватились. Поразмысливъ, они ограничились выраженіемъ симпатіи, оставивъ въ неопредѣленности проектъ, съ такимъ искусствомъ и краснорѣчіемъ представленный графомъ Шуваловымъ.

Подъ конецъ конгресса князь Горчаковъ искусно и ловко возбудилъ чисто теоретическій, хотя не лишенный практическаго смысла вопросъ. Онъ заявилъ, что необходимо гарантировать новый трактатъ, такъ какъ были постановлены гарантіи для прежнихъ. Это заявленіе поставило втупикъ всѣхъ уполномоченныхъ, потому что никто изъ нихъ не хотѣлъ брать на себя военную гарантію трактата. Одинъ Бисмаркъ не потерялъ присутствія духа и выручилъ всѣхъ своихъ коллегъ, произнесъ торжественную рѣчь, хотя, по словамъ графа де-Муи, далеко не логичную и не основательную. Онъ прямо заявилъ, что ни одно государство не обязано военной силой защищать исполненіе договора, такъ какъ всѣ полагаются на международное право. «Къ тому же,—прибавилъ онъ,—конгрессъ можетъ создать только дѣло человѣческихъ рукъ, подлежащее, какъ все на свѣтѣ, колебаніямъ обстоятельствъ». Собраніе обрадовалось подобному выходу изъ затруднительнаго положе-

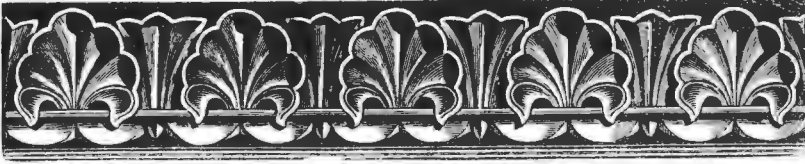
ніа и рѣшило даже не упоминать въ трактатѣ о гарантіяхъ. «Несмотря на это,—говорить де-Муи, —я видѣлъ ясно по лицамъ уполномоченныхъ, что они были недовольны этимъ эпизодомъ, который ясно доказывалъ, какъ того и хотѣлъ Горчаковъ, что рѣшеніе конгресса не имѣетъ большого нравственнаго значенія».

Наконецъ, 13 іюля 1878 года, ровно чрезъ мѣсяцъ послѣ открытія конгресса, у Радзивилловскаго дворца снова толпились берлинцы, на этотъ разъ ожидая закрытія конгресса. Въ залѣ совѣщаній собравшіеся члены конгресса поздравляли другъ друга съ миролюбивымъ окончаніемъ дѣлъ. Затѣмъ уполномоченные приступили къ подписанію трактата и приложенію печати на экземплярѣ оригинала, предназначеннаго каждой державѣ. Согласно обычаю, текстъ былъ печатный, а не рукописный. Радовицъ и графъ де-Муи засвидѣтельствовали подписи, и всѣ члены конгресса въ послѣдній разъ заняли свои мѣста вокругъ стола. Графъ Андраши поблагодарилъ Бисмарка отъ имени всѣхъ коллегъ «за мудрое и энергичное руководство работами». Бисмаркъ съ своей стороны благодарилъ собраніе, пересыпая свою рѣчь громкими фразами, говоря, что «памятная эпоха конгресса останется неизгладимой въ его воспоминаніяхъ», упоминалъ о «благодѣяніяхъ мира, обезпеченнаго въ предѣлахъ возможнаго», прибавляя, что «исторія отдастъ справедливость ихъ намѣреніямъ», что «согласіе будетъ продолжительно», и что «конгрессъ вполнѣ оказалъ услугу Европѣ». Затѣмъ онъ объявилъ о закрытіи конгресса.

«Изъ всѣхъ присутствующихъ на Берлинскомъ конгрессѣ,—говорить Муи,—торжествовалъ Бисмаркъ, тѣмъ болѣе, что эта побѣда ему ничего не стоила». Бисмарка уже нѣтъ, а торжество мира въ Европѣ за счетъ русскихъ пережило его; но долго ли оно просуществуетъ,—покажетъ, можетъ быть, очень близкое будущее.

В. Т.

ВЪ ЦАРСТВѢ МОНТЕЗУМЫ.

I.

АМЫЙ удобный путь въ Мексику идетъ черезъ Сѣверо-Американскіе Штаты. Путь изъ С.-Назара (St-Nazaire) слишкомъ продолжителенъ (17 дней, въ морѣ), тогда какъ, если вы возьмете одинъ изъ быстроходовъ Нѣмецкаго Ллойда или другихъ компаній, то въ пять сутокъ можно сдѣлать переходъ черезъ океанъ, а изъ Нью-Йорка можно по желѣзной дорогѣ проѣхать въ пять сутокъ до Мексики. Конечно, поѣздка лѣтомъ черезъ Соединенные Штаты очень утомительна и непріятна. Вагоны накаливаются отъ жары до того, что не знаешь, куда дѣваться отъ духоты, и все время холодными примочками стараешься избавиться отъ солнечнаго удара. Новый Орлеанъ, въ которомъ мы остановились на короткое время, чтобы переправиться на другой берегъ, былъ уже знакомъ. Я посѣтилъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ самый разгаръ президентскихъ выборовъ, когда всѣ были поглощены ими.

Тогда въ кофейняхъ и гостиницахъ приходили ежеминутно телеграммы о выборахъ. Югъ, а также Новый Орлеанъ былъ за Брайяна. Даже въ театрѣ во время антрактовъ со сцены читались телеграммы, и это чтеніе сопровождалось рукоплесканіями и взвизгиваніями, свойственными американцамъ. Въ гостиницѣ стоялъ неумолкаемый гулъ и шумъ до самаго утра. Прошло шесть лѣтъ, и Макъ-Кинлей, сраженный рукою убійцы, нашелъ вѣчное успокоеніе.

Что есть интереснаго въ Новомъ Орлеанѣ? Уже приближаясь къ нему, вы чувствуете ласкающее дыханіе юга на этомъ сочномъ

пейзажъ съ кусочками дѣвственной преріи, съ болотами, съ сахарными и рисовыми плантаціями, съ жилищами, окруженными широкими верандами. Какъ ни стремительна энергія янки, но и она здѣсь поддается общей лѣни. Часы и дни текутъ медленнѣе, и весь темпъ жизни здѣсь медленнѣе, лѣнивѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Въ самомъ городѣ уличная жизнь, французскій говоръ, столики передъ кафе, уличная толпа — все какъ будто напоминаетъ далекую Францію, но только озаренную знойнымъ солнцемъ юга. Здѣсь преобладаютъ креолы, потомки французовъ съ примѣсю туземной крови, изнѣженные и лѣнивые, какъ ихъ создало болѣе жгучее солнце и болѣе жгучая кровь. Улицы здѣсь грязны, и, какъ мнѣ говорилъ нашъ консулъ, дренажъ невозможенъ изъ-за зыбкой почвы.

Туристу есть, впрочемъ, что посмотреть въ Новомъ Орлеанѣ. Вотъ хотя бы хлопковую биржу и домъ (Cotton Exchange and House), весь изъ гранита и похожій на партенсъ съ великолѣпною залюю. На берегу, гдѣ разгружаютъ хлопокъ, кипитъ работа. Соединенные Штаты производятъ десять милліоновъ тюковъ хлопка, и каждый тюкъ стоитъ 5—8 долларовъ. Шесть милліоновъ и болѣе перерабатывается американскими фабриками, остальное продается за границу и въ томъ числѣ въ Россію, которая покупала тогда одинъ милліонъ тюковъ. Онъ идетъ въ дополненіе къ нашему средне-азиатскому хлопку. Затѣмъ Новый Орлеанъ является складочнымъ пунктомъ для риса и сахара. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ русскихъ судовъ, и хлопокъ, предназначенный въ Россію, привозится на французскихъ судахъ, которыя идутъ изъ Бордо съ виномъ и обратно берутъ хлопокъ для Россіи.

Можно еще посмотреть ту часть города, въ которой живутъ состоятельные люди. Красивые дома, дворцы, дачи окружены чудными парками и садами съ роскошною тропическою растительностью. Очень красивъ паркъ (Audubon park) съ вѣковыми деревьями и съ знаменитымъ мѣстомъ для поединковъ, которые въ прежнее время были не рѣдкостью.

Послѣ Нового Орлеана насъ опять заперли въ душный вагонъ, и затѣмъ многіе часы—въ жарѣи и ыли. Поселенія попадаютъ все рѣже и рѣже. Техасъ со своими широкими пространствами, съ лихими наѣздниками, которые показываются на станціяхъ, вызываетъ въ нашей памяти рассказы Майнъ-Рида. Весь Техасъ, скажу кстати, покрытъ курганами давно исчезнувшихъ народовъ.

Чѣмъ ближе къ мексиканской границѣ, тѣмъ разительнѣе контрастъ съ странюю безпокойныхъ, нервныхъ и дѣловыхъ янки. Одноэтажные адобе (дома изъ битой глины), какая-то сонливость и спокойствіе, свойственныя югу, женщины въ кружевныхъ мантиліяхъ или съ шальями (ребозо), мексиканцы въ остроконечныхъ войлочныхъ и соломенныхъ шляпахъ и въ узкомъ, тѣсно облегаю-

Мексиканскій наѣзникъ.

щемъ костюмъ—все показываетъ, что вы попали въ другой міръ. Національный костюмъ очень красивъ и дорогъ. Этотъ костюмъ (чарро) еще носится въ настоящее время въ Саламанкѣ (Испаніи) и состоитъ изъ курточки, тѣсно облегающей талію, и узкихъ панталонъ, также расшитыхъ золотомъ и серебромъ. Остроконечная шляпа стоитъ иногда очень дорого изъ-за шитья золотомъ или серебромъ, которое отличается большимъ разнообразіемъ. Бѣдные, конечно, довольствуются соломенными шляпами въ нѣсколько копеекъ. Убранство лошади и сѣдла, очень похожее на наше козачье, отличается у богатыхъ мексиканцевъ большою роскошью. Этотъ костюмъ принятъ для сельской полиціи, rurales, которые на своихъ красивыхъ лошадкахъ представляютъ довольно живописное зрѣлище.

Меня удивило, что такъ рѣдко видишь здѣсь испанскій плащъ.

Его видишь только на патерахъ, которые надѣваютъ его поверхъ рясы¹⁾. Католицизмъ, хотя вся страна католическая, не пользуется правами государственной религіи, и конгрегаціи, если и существуютъ, то владѣютъ собственностью не подъ своимъ именемъ, а разныхъ подставныхъ лицъ. Совершившаяся конфискація имущества духовенства еще въ памяти у всѣхъ и послужила къ обогащенію многихъ лицъ.

Вмѣсто испанскаго плаща туземцы, т. е. индѣйцы, носятъ на плечахъ зарape, или шерстяныя одѣяла всякихъ цвѣтовъ, но преимущественно красныя. Индѣйцы или заворачиваются въ одѣяло, или носятъ его на подобіе епитрахили, просовывая голову въ отверстіе, сдѣланное въ серединѣ зарape. Женщины изъ простого класса обыкновенно заворачиваются въ ребозо, или длинную шаль, а иногда, какъ это бываетъ въ Японіи, матери съ помощью ребозо привязываютъ къ спинѣ своего младенца.

Дополненіемъ къ картинѣ туземной жизни является терпѣливый осель (biggo), навьюченный до послѣдней возможности домашнимъ скарбомъ или товаромъ, а иногда поверхъ всѣхъ тяжести сидитъ женщина съ ребенкомъ, точно на стулѣ, спустивши ноги на шею осла.

Говоря о туземномъ костюмѣ, не надо забывать, что бѣдные туземцы щеголяютъ только разнообразіемъ рубищъ и грязью. Мѣшокъ изъ-подъ зерна иногда является роскошью, и костюмъ состоитъ большею частью изъ мозаики всякихъ тряпокъ, грязныхъ до неузнаваемости.

Ріо-Гранде является гранью между Мексикой и Соединенными Штатами. Прежде Техасъ, Калифорнія и Новая Мексика принадлежали Мексикѣ, но послѣ побѣдоносной войны въ 1847 году, когда

¹⁾ Патерамъ запрещено показываться на улицѣ въ рясахъ, и вотъ они придумали испанскими плащами прикрывать рясу.

американскія войска вошли въ столицу Мексики, американцы не забыли себя и отобрали у сосѣда хорошій кусокъ земли, оставивъ ему на сѣверѣ бесплодную пустыню. Нѣтъ ничего безотраднѣе этой мѣстности, которая тянется отъ пограничнаго города Ciudad de Porfirio Diaz къ югу на большое разстояніе. Самый гордишко про-

Европейская дама и двѣ индіанки.

изводитъ жалкое впечатлѣніе, и затѣмъ на сотни верстѣ ровная мѣстность, покрытая чахлыми травами, кустарниками и уродливыми заморенными кактусами. Пыль проникаетъ во всѣ щели вагона. Безъ обильнаго орошенія тутъ немислимо земледѣліе, и только возможно скотоводство.

Чѣмъ дальше мы подвигаемся къ югу, тѣмъ больше кактусовъ, и затѣмъ, гдѣ только имѣется вода, тамъ появляются пальмы и магей (taguеu) изъ породы агавъ, изъ которыхъ мексиканцы до-

бываютъ свой любимыи напитокъ пульке. Надо сказать, что агавы бываютъ разныхъ породъ. Изъ магея (*maguey* или *agave salmeana atrovireus*) мексиканцы добываютъ сахаристый сокъ, который послѣ броженія похожъ на сидръ. Выпитый въ значительномъ количествѣ, онъ производитъ опьяненіе. Этотъ напитокъ пульке (*pulque*) добывается слѣдующимъ образомъ. Когда растеніе начинаетъ цвѣсти, то изъ середины вырастаетъ цвѣтъ, который срѣзаютъ до самаго основанія. Такимъ образомъ въ срединѣ растенія образуется нѣчто въ родѣ чаши, въ которую стекаетъ весь сокъ магея. Растеніе послѣ этого умираетъ. Сокъ собирается самымъ примитивнымъ образомъ посредствомъ тыквенной бутылки, снабженной на обоихъ концахъ маленькою металлическою трубкою. Одинъ конецъ вставляютъ въ растеніе, а другой конецъ рабочій беретъ себѣ въ ротъ и дыханіемъ выкачиваетъ воздухъ изъ тыквенной бутылки и наполняетъ ее сокомъ. Затѣмъ сокъ собирается въ чаны, гдѣ ему даютъ бродить, и потомъ разсылается по всей Мексикѣ, которая потребляетъ пульке въ громадномъ количествѣ. Растеніе, какъ я сказалъ раньше, погибаетъ, но на смѣну ему есть насажденіе слѣдующаго года, а отъ отростковъ идутъ новыя растенія. Изъ листьевъ магея туземцы кроютъ крыши и изъ этихъ же листьевъ добываютъ волокно, изъ котораго готовятъ веревки, мѣшки и т. д. Во времена ацтековъ колючки на концахъ растенія употреблялись ими вмѣсто булавокъ и иголокъ. Туземцы пользуются и корнями растенія и готовятъ изъ нихъ очень вкусную и питательную пищу.

Изъ другой разновидности агавы мексиканцы готовятъ водку. Изъ агавъ этого сорта нельзя получить пульке, такъ какъ сокъ недостаточно сладокъ и обилень, и потому изъ него готовятъ мескаль, или водку. Срѣзавъ листья, оставляютъ стволъ и сердцевину и варятъ ихъ въ печкѣ, прессуютъ и изъ сока послѣ броженія химическимъ путемъ готовятъ спиртъ.

Въ Юкатавѣ водится другой родъ агавъ (*hepsequen*), изъ котораго выдѣлываютъ трость, канаты и холстъ.

Торреонъ кажется, по своему внѣшнему виду, забытымъ Богомъ и людьми городомъ, но, какъ мнѣ говорили, это не такъ на самомъ дѣлѣ, потому что онъ, благодаря обилію американскихъ капиталовъ, сильно обстраивается и скоро сдѣлается важнымъ коммерческимъ центромъ.

Изъ Торреона мы поднимаемся все выше и выше и въ Зака-текасѣ (*Zacatecas*) достигаемъ 8.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Постройки города и вся мѣстность окрашена въ красновато-коричневый цвѣтъ. Надъ городомъ возвышается гора оригинальнаго вида, похожая на широкую спину буйвола, отчего она и прозывается *bufa* или буйволъ. На вершинѣ горы находится церковь *Madonna de los Remedios*, къ которой паломники ползутъ на колѣняхъ.

Какъ добывается пульке.

Закатекасъ славится своими серебряными рудниками и издѣліями изъ красной глины.

Послѣ Закатекаса начинается спускъ. Городъ Aguas Calientes, или Горячія Воды, является полнымъ контрастомъ съ мрачнымъ Закатекасомъ, лишеннымъ всякой растительности. Агуасъ-Калиентесъ утопаетъ весь въ садахъ, и вы чувствуете присутствіе благодатныхъ тропиковъ. Пассажиры выбѣгаютъ на каждой станціи и закупаютъ массу тропическихъ фруктовъ, а въ особенности сочныя манго, которыя какъ разъ поспѣли въ это время. Надо сказать, что въ Мексикѣ нѣтъ мѣсяца, когда нѣтъ фруктовъ и цвѣтовъ, и во все время года имѣется крупная клубника. Американцы тоже покупаютъ нарасхватъ у туземцевъ разноцвѣтныя зарапе и ребозо. Иногда они покупаютъ эти вещи прямо съ плеча, что не совсѣмъ пріятно въ виду нечистоплотности туземцевъ.

II.

Широкое плоскогоріе, въ которомъ находится столица Мексики, поднято на 8.000 футовъ и болѣе надъ уровнемъ моря и окружено со всѣхъ сторонъ горами. Самая большая длина—71 миля; ширина—45 миль. Въ центральной части 810 кв. миль, одна шестая которой занята озерами, которыхъ шесть. Самое большое озеро Текскоко находится въ центрѣ долины. На одномъ концѣ плоскогорія находятся два покрытыхъ снѣгомъ вулкана: Попокатепетль 17.540 ф. и Икстасиуатль 16.076 ф. Попокатепетль не имѣлъ серьезныхъ изверженій въ прошломъ столѣтіи, и теперь американцы эксплуатируютъ сѣрные залежи въ серединѣ кратера, который иногда дымитъ.

Геологи предполагаютъ, что мексиканское плоскогоріе было когда-то кратеромъ громаднаго вулкана, потому что горныя породы по краямъ этого плоскогорія—застывшая лава. Въ давнишнія времена вслѣдствіе сильныхъ сеисмическихъ потрясеній это плоскогоріе поднялось изъ всей окружающей страны. И затѣмъ, когда начались историческія времена и прекратились громадныя потрясенія, плоскогоріе отъ дождей и горныхъ потоковъ обратилось въ озерное и болотистое пространство. Во времена ацтековъ городъ Тенохтитланъ (теперешнее Мексико) былъ похожъ на Венецію съ безчисленными каналами. Затѣмъ уже во времена испанцевъ до нашихъ дней происходитъ постоянное осушеніе долины, и отъ громаднаго воднаго пространства осталась только одна шестая часть подъ озерами, но до сихъ поръ грунтъ, на которомъ построенъ Мексико, болотистый и зыбкій, какъ у насъ въ Петербургѣ, чего, право, нельзя было бы ожидать отъ города, построеннаго на 8.000 ф. надъ уровнемъ моря. Въ долинѣ Мексики (такъ мы будемъ называть мексиканское плоскогоріе) во время прихода Кортеса существовало

Барельеф, изображающий пытку Гуагемока

три государства: Мексико, Текскуко и Тлакопанъ—послѣднее было республикой. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ Мексикѣ произошло такое же переселеніе народовъ, какъ и въ Европѣ, и народы двигались съ сѣвера на югъ.

Такъ толтеки пришли въ долину Мексики въ 1048 г. по Р. Х., чичимеки въ 1170 г., нагуальтеки въ 1178, аконгуасы и адтеки въ 1196 году. Толтеки ввели культуру маиса и хлопка, построили города, дороги и въ особенности пирамиды, которыя и теперь возбуждаютъ удивленіе. У нихъ была письменность, іероглифы, которыя сохранились на многихъ памятникахъ, календарь и знаніе архитектуры. Откуда пришли эти народы, такъ, вѣроятно, и останется нерѣшеннымъ вопросомъ. Пришли ли они изъ Азіи, или это остатки народовъ, населявшихъ когда-то погибшую Атлантиду. Католическіе патеры въ своемъ фанатическомъ рвеніи уничтожили всякіе слѣды прежней культуры: рукописи, памятники и изваянія, а что сохранилось отъ погрома, недостаточно для пониманія письменныхъ знаковъ древнихъ обитателей Мексики. Остается еще одно—посредствомъ сравнительнаго языкознанія изучить мексиканскіе языки, которыхъ очень много, съ довольно выработанною грамматикою и найти связь между европейскими или азіатскими языками. Всѣ эти языки—не мертвые языки, а живые, на которыхъ говорятъ туземцы во многихъ мѣстахъ Мексики. Смотритель музея Леонъ составилъ карту, въ которой показаны области, занимаемыя этими языками, и передалъ на нѣкоторыхъ языкахъ Молитву Господню.

Онъ соединилъ существующіе нынѣ въ Мексикѣ языки въ 17 группъ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ группахъ больше 20 языковъ. По его мнѣнію, филологи сведутъ всѣ эти языки къ тремъ основнымъ языкамъ: нахуатль (на сѣверѣ), отоми (въ центрѣ), мая (на югѣ и въ Центральной Америкѣ). Очень интересны сходныя слова у отоми и въ китайскомъ языкѣ²⁾.

¹⁾ 1) юма, 2) чочонеанская, 3) пима, 4) серіанская, 5) атанаская, 6) тоньоанская, 7) маратиннианская, 8) нахуатль, 9) коахультекая, 10) отоми, 11) матлалзинская, 12) зоке-миксеанская, 13) тотонакская, 14) чананекская, 15) тараскская, 16) мистеко-запотекская, 17) мая-кичеанская группы.

2)	китайскій яз.	отомн	китайскій яз	отомн
я	нго	нга	ни	нун
онь	на	на	докторъ	дэн
счастье	би	ги	старый	ко
великій	та	да	сынъ	дзи
дѣлать	цо	ца	чортъ	куа
покупать	май	ме	перестать	па

Кромѣ этого, можетъ быть, случайнаго сходства словъ, существуетъ сходство въ чертахъ лица. У отоми смуглыя съ монгольскимъ типомъ лица. Ихъ имя означаетъ бродячіе. Хотя они принадлежатъ къ покорнымъ индѣйцамъ (mansos), адтеки превираютъ ихъ.

Заклѹчить изъ этого, что нѣкоторые мексиканскія народности переселились изъ Азіи въ Мексику черезъ Беринговъ проливъ, было бы довольно смѣло. Но есть нѣкоторые факты, которые говорятъ въ пользу этого предположенія. Возьмемъ, на примѣръ, лѣтосчисленіе, знаки зодіака, которые у китайцевъ и у ацтековъ означаются животными. У китайцевъ существуетъ будто бы извѣстіе, что въ V столѣтіи нѣсколько буддійскихъ монаховъ отправи-

Начало улицы Санъ-Франциско.

лись въ Мексику. Археологическія находки дали много вещей изъ нефрита, который находится въ Китаѣ. Существуетъ много сходныхъ обычаевъ у обоихъ народовъ, какъ, на примѣръ, подвязываніе на спиной дѣтей у японокъ и мексиканокъ, дождевые плащи изъ соломы и многое другое. Что такое путешествіе не было невозможностью, мы видимъ изъ того, что всѣ предметы, выброшенные въ китайскомъ морѣ, теченіемъ уносятся вдоль Алеутскихъ острововъ къ Аляскѣ и къ Британской Колумбіи. Тамъ же найдены многія китайскія джонки.

Есть ученые, которые хотять найти связь между Мексикой и древнимъ міромъ черезъ исчезнувшую Атлантиду и позднѣе, когда въ Европѣ восторжествовало христіанство. Они находятъ нѣчто

сходное въ религиі ацтековъ, которая представляетъ собою странную смѣсь высокихъ истинъ и кровавыхъ обрядовъ (человѣческихъ жертвоприношеній). Они признавали одного Бога, могущественнаго отца и господина вселенной. Станнымъ образомъ этотъ богъ назывался Теотль (deus, θεός). Храмы назывались теокалли. Но у него есть помощники, кровожадные боги, требовавшіе чело-вѣческихъ жертвъ. Также странно, что ацтеки сохранили отъ толтековъ преданіе о свѣтломъ, прекрасномъ богѣ, который явился въ Мексику, отъ 400—800 годовъ послѣ Р. Х. и научилъ ихъ земледѣлію, письму и живописи. Но другіе боги были его врагами, и онъ, какъ прибылъ изъ-за моря, такъ и уѣхалъ тѣмъ же путемъ. Прощаясь съ своими послѣдователями, онъ обѣщаль, что онъ и его потомки опять вернуться въ эту страну. Кто онъ былъ, и откуда онъ явился? Ацтеки сохранили описаніе этого странника. По преданію онъ былъ высокъ, немолодъ, кожа у него была бѣлая, борода и волосы черные. Плащъ его былъ покрытъ крестами. Испанцы, когда прибыли въ страну, нашли вмѣстѣ съ дикими языческими обрядами, обряды, напоминающіе христіанство, крещеніе, исповѣдь, милосердіе къ сирымъ и убогимъ. Въ особенности поразительно, что символъ креста былъ извѣстенъ туземцамъ до прихода Кортеса. На островѣ Козумель близъ Юкатана было нѣсколько крестовъ, и въ Юкатанѣ былъ каменный крестъ, о которомъ ацтеки говорили, что изъ-за океана придетъ народъ съ знаменемъ креста. Очень интересно, что у толтековъ до прихода испанцевъ въ Чолулѣ былъ храмъ, посвященный Святому Кресту. Около Тулансинго въ скалѣ высѣченъ крестъ съ разными надписями. Въ Оахакѣ тоже съ незапамятныхъ временъ поклонялись кресту. Индѣйцы, которые были спрошены объ этомъ испанцами, отвѣчали, что кто-то славнѣе солнца умеръ на крестѣ.

Нѣкоторые предполагаютъ, что пришелецъ, котораго ацтеки возвели въ боги Квецалкоатль, былъ никто иной, какъ св. Брендъ, ирландскій епископъ, названный мореплавателемъ, жившій въ VI столѣтіи. Онъ дѣйствительно, какъ говоритъ хроника, отправился за море, а куда—неизвѣстно, и пробылъ въ отсутствіи 7 лѣтъ. Когда онъ вторично предпринялъ путешествіе, то противный вѣтеръ заставилъ его вернуться, и онъ умеръ въ Ирландіи въ 575 году. Другіе говорятъ, что пришелецъ былъ св. Тома.

Монтезума въ своей рѣчи Кортесу сказалъ, что правители ацтековъ ведутъ свое начало отъ родоначальника, который вернулся опять въ свою родину, оставивъ въ Мексикѣ своихъ вассаловъ. Когда онъ послѣ продолжительнаго отсутствія опять вернулся въ Мексику, то нашелъ, что его послѣдователи, или вассалы, переженились съ туземными женщинами, обзавелись семействами, основали города, и когда онъ хотѣлъ ихъ взять туда, откуда онъ прибылъ, то они отказались послѣдовать за нимъ и не хотѣли

Мексиканскіе рабочіе носильщико.

признать его своимъ правителемъ. И онъ тогда покинулъ страну. Мы всегда думали, сказалъ Монтезума, что его потомки навѣрно придутъ сюда, чтобы подчинить эту страну или требовать насъ, какъ своихъ вассаловъ. (*Historia de Nueva Espana Hernan Cortez ed Lorenzana*, p. 81, 196).

Есть преданіе у масвъ, что Кукулканъ, бывшій въ Чиченицѣ (красная земля), отправился въ Мексику и тамъ получилъ названіе Квепалкоатль, и ему поклонялись, какъ богу.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела долина Мексики, когда Кортесъ увидѣлъ ее въ первый разъ послѣ утомительнаго пути черезъ горы. Цвѣтущая долина съ озерами и садами, обиліе цвѣтовъ, до которыхъ были такіе охотники ацтеки, рощи изъ кедровъ, кипарисовъ, смоковницъ и дубовъ, и среди этого рая, точно Венеція, окруженная водою, столица Тенехтитланъ. Вдали, какъ два сторожа, стояли покрытые снѣгомъ вулканы. Три недѣли понадобились Кортесу, чтобы обойти кругомъ долины, и не прошло 75 дней, какъ онъ перешелъ черезъ горы, какъ всѣ эти цвѣтушіе города и села обратились въ дымящія груды развалинъ. И что за перемѣна въ климатическомъ отношеніи! Кипарисовыя рощи исчезли, и знойное тропическое солнце проникаетъ во всѣ закоулки долины.

О цивилизаціи ацтековъ можно судить изъ письма Кортеса императору Карлу V (Гумбольдтъ. Новая Испанія, стр. 317), въ которомъ Кортесъ описываетъ столицу. Площади въ этомъ городѣ такъ обширны, какъ двѣ Саламанки, и окружены колоннадами, вмѣщая 60.000 душъ, производящихъ торгъ разными товарами, живностью, ювелирными издѣліями изъ золота, серебра, изъ кости, изъ раковинъ, изъ камней и перьевъ. Затѣмъ Кортесъ перечисляетъ всѣхъ птицъ, которыя продаются на базарѣ, лечебныя травы, фрукты, овощи, медъ отъ пчелъ, сахарный сокъ изъ тростника и изъ магея, различныя ткани, шелкъ, краски для живописцевъ, кожи всякихъ цвѣтовъ, сосуды разныхъ видовъ и т. п. Торгъ, или, вѣрнѣе, мѣновая торговля, совершается въ большомъ порядкѣ. На площади очень красивое зданіе, въ которомъ засѣдаютъ десять лицъ или судей, которые слѣдятъ за правильностью торговли, и на площади постоянно среди толпы есть надсмотрщики, которые наблюдаютъ, чтобы не было обмана. Онъ даетъ описаніе города во время завоеванія. Громадный храмъ въ видѣ усѣченной пирамиды, на мѣстѣ котораго теперь стоитъ соборъ, занималъ площадь въ 1.200 кв. футовъ. Тамъ нашли громадный календарный камень и жертвенный камень, которые теперь находятся въ музеѣ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ зданій былъ складъ череповъ, которыхъ во время появленія испанцевъ было 24.000. Въ храмѣ и пристройкахъ жило около 7.000 жрецовъ.

Кортесъ нашелъ у ацтековъ организованное государство, правительство, законы и систему воспитанія. Король былъ вмѣстѣ

съ тѣмъ главнымъ жрецомъ. Провинціи управлялись воеводами. Ацтеки были свободны, рабами были военноплѣнные. Земледѣліе было на высокой степени развитія, и остались слѣды оросительныхъ сооружений. О промыслахъ мы знаемъ изъ отчета Кортеса. Ацтеки занимались астрономіею, хирургіею, медициною, ботаникою, зоологіею. Въ архивахъ ацтекскихъ государей сохранились рукописи и рисунки красками, но, къ сожалѣнію, католическіе патеры уничтожили эти драгоценныя памятники старины. Первый архіепископъ Мексики, Донъ-Хуанъ де Зумарага, велѣлъ собрать рукописи со всей страны и сжечь ихъ на площади. То же было сдѣлано и въ другихъ городахъ. Только случайно уцѣлѣло нѣсколько кодексовъ, но ключъ для разбора ихъ потерянъ.

Кортесъ, войдя въ городъ Теночтитланъ, теперь Мексико, былъ принятъ Монтезумою, какъ другъ, и поселился съ 7.000 человекъ въ замкѣ князя Аксаякатль. Монтезума былъ жестоко наказанъ за свое довѣріе къ чужеземцамъ и сдѣлался плѣнникомъ въ собственномъ дворцѣ. Но этого было мало, и во время отсутствія Кортеса изъ столицы, его замѣститель, Педро де Альварадо, вызвалъ своими жестокостями неудовольствіе туземцевъ. Последнею каплею, переполнившю терпѣніе мексиканцевъ, была рѣзня 20 мая. Въ этотъ день около 3.000 зрителей присутствовало при священныхъ пляскахъ въ храмѣ. Занявъ всѣ выходы теокалли вооруженной силой, Альварадо со своими воинами напалъ на беззащитную толпу, и началась поголовная рѣзня обезумѣвшихъ отъ страха мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Когда бойня кончилась, испанцы начали грабить мертвыхъ и отбирать драгоценности, которымъ туземцы украсились по случаю праздника. Въ это время на нихъ напала громадная толпа туземцевъ, услышавшихъ о рѣзни паломниковъ, и испанцы должны были отступить передъ превосходною силою непріятели. Вернувшись въ столицу, Кортесъ нашелъ своихъ земляковъ въ осадѣ и долженъ былъ раздѣлить съ ними ихъ печальную участь. 27 іюня, потерявъ надежду на спасеніе, Кортесъ попросилъ Монтезуму уговорить народъ прекратить военныя дѣйствія, но храбрый Гуатемокъ, родственникъ короля, увѣщевалъ своихъ послѣдователей не слушаться, и Монтезума¹⁾, сраженный камнемъ въ голову, былъ первой жертвой возстанія и умеръ въ возрастѣ 52 лѣтъ, процарствовавъ 19 лѣтъ. Положеніе осажденныхъ испанцевъ было столь отчаянное, что они задумали покинуть столицу. Всѣ приготовления были сдѣланы, и въ темную и дождливую ночь испанцы начали отступленіе по дорогѣ въ Такубу. Ихъ было вмѣстѣ съ союзниками около 8.000 человекъ. Первый ровъ былъ счастливо перейденъ, и солдаты, охранявшіе его,

¹⁾ Монтезума по-испански, по-ацтекски назывался Мотезумой, или, вѣрнѣе, Мотекузоמוю.

Календарный камень.

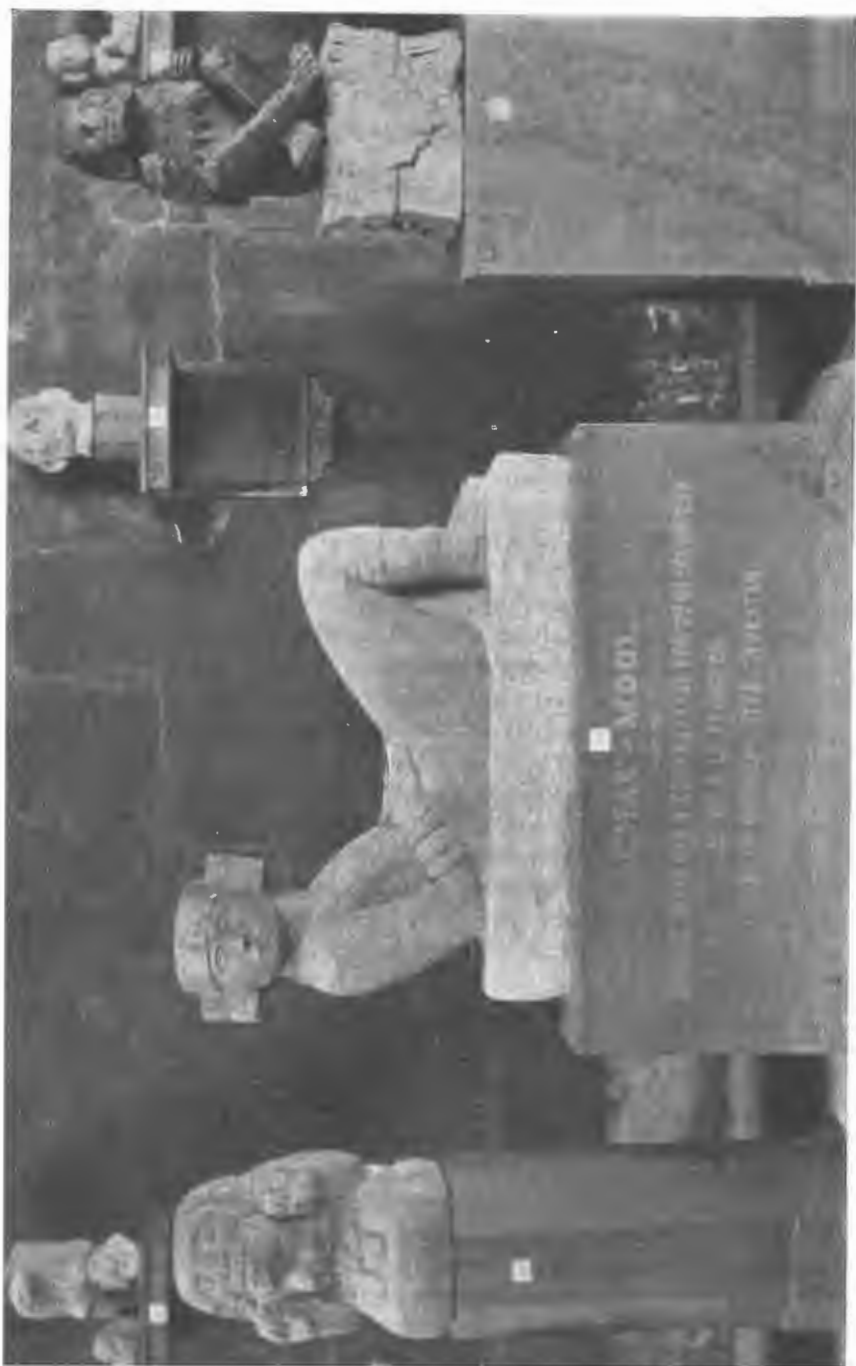
Музей.

были обезоружены, но жрецы, услышавшіе шумъ, подняли тревогу, и жители, пробужденные трубными звуками, барабанами, поспѣшили къ мѣсту происшествія. Въ одно мгновеніе испанцы были окружены туземцами. Началось поголовное избиеніе. Ровъ былъ такъ наполненъ трупами, что отступившіе испанцы переходили черезъ него, какъ посуху. У третьяго рва Альварадо очутился одинъ, окруженный врагами. Воткнувъ пику въ середину рва, онъ ловкимъ прыжкомъ перемахнулъ на другую сторону рва, и индѣйцы, изумленные этимъ сверхъестественнымъ подвигомъ, пали ницъ и, по выраженію лѣтописца, скушали земли. И теперь это мѣсто называется мостомъ Альварадо, хотя въ настоящее время въ этомъ скверѣ нѣтъ ни рва, ни моста. Въ Попотлѣ, близъ Такубы, показываютъ громадное дерево, названное деревомъ грустной ночи (*Arbole del Noche Triste*), подъ которымъ Кортесъ провелъ ночь съ немногими сподвижниками, горючими слезами оплакивая свое пораженіе. Въ слѣдующемъ году онъ явился съ громаднымъ союзнымъ войскомъ и взялъ городъ послѣ 75-ти-дневной осады. Гауतेмокъ былъ взятъ въ плѣнъ, и городъ былъ преданъ разрушенію и разграбленію. Желая узнать, гдѣ Гуатемокъ скрылъ сокровища аптекарскихъ государей, Кортесъ велѣлъ пытать его на медленномъ огнѣ, но Гуатемокъ не выдалъ своей тайны; уцѣлѣвшія сокровища и понынѣ покоятся на днѣ какого нибудь озера.

Послѣ трехсотлѣтняго владычества испанцевъ въ странѣ началось освободительное движеніе. Первый сигналъ къ возстанію далъ патеръ Хидальго въ 1810 году.

На ночь 15 сентября онъ долженъ былъ зазвонить въ колоколъ, и 300 человекъ съ знаменемъ Гваделупской Божіей Матери двинулись подъ его предводительствомъ въ походъ. Испанцы сначала потерпѣли пораженіе, но потомъ счастье измѣнило Хидальго, и онъ вмѣстѣ съ своими послѣдователями былъ преданъ казни въ 1811 году. Только послѣ долгихъ усилій Мексика въ 1821 году добилась независимости. Началась эра *provinciamento*, т.-е. военныхъ возстаній, которыхъ насчитываютъ 300, и постоянная смѣна диктаторовъ. Затѣмъ самыми крупными событіями въ мексиканской исторіи можно назвать вмѣшательство державъ при Наполеонѣ III, кратковременное царствованіе Максимиліана и его трагическую кончину. Столица сдалась 21 іюня 1867 года генералу Діазу, и президентъ Хуаресъ вошелъ туда 26 іюня.

Въ 1876 году генераль Діазъ былъ избранъ президентомъ и остается имъ понынѣ. Въ его управленіе страна наконецъ отдохнула отъ кровавыхъ неурядицъ и междоусобій, и подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ мира и спокойствія началась эра матеріальнаго благоустройства и процвѣтанія.

Музей.

III.

Первыя впечатлѣнія.

Широкія и довольно чистыя улицы, старинныя церкви, запущенныя зданія съ замѣчательно изящными, скульптурными украшениями, новомодные дома въ американскомъ вкусѣ и мексиканскіе одноэтажные дома съ плоскими крышами, съ дворикомъ (патио) посерединѣ или съ садикомъ и фонтаномъ, грязная толпа въ рубищахъ—вотъ что бросается въ глаза прїѣзжему. Еще одно—обиліе великихъ людей, я разумѣю: на площадяхъ и проспектахъ въ видѣ статуй въ человѣческой ростъ. Эти статуи въ широкихъ аллеяхъ производятъ странное, если не сказать, комическое впечатлѣніе. Исключеніемъ является красивый памятникъ Гуатемоку, столь пострадавшему отъ алчности Кортеса. На другой площади императоръ Карлъ IV на своей тяжеловѣсной лошади, или, какъ сказалъ одинъ русскій, на ломовикѣ, напоминаетъ испанское владычество. Каменные, монументальныя скамьи, устроенныя, какъ говорятъ, во времена Максимилиана, всегда заняты толпою грязныхъ оборванцевъ, и потому «чистая публика», какъ у насъ принято говорить, держится подалеже отъ этихъ рассадниковъ нежелательныхъ насѣкомыхъ. И то сказать, здѣшняя публика не любитъ ходить и предпочитаетъ ѣздить въ экипажахъ. Но если вы не очень брезгливы и мало-мальски художникъ, то увидите картины, достойныя кисти Мурильо. Что за живописныя группы индѣйцевъ, точно фигуры изъ обожженной глины, съ одѣяломъ на плечахъ, несущіе на головѣ глиняные горшки или пирамиды разныхъ сладостей и засахаренныхъ фруктовъ! Рядомъ женщины въ ребозо, въ коротенькихъ юбкахъ или въ рубищахъ, на босу ногу, нищіе, несмотря на свои лохмотья, счастливые и грѣющіеся на солнцѣ. И всему виною чудный климатъ. Здѣшній босякъ съ мѣшкомъ изъ-подъ зерна шествуетъ гордый и счастливый среди элегантной публики. Много ли ему нужно? На пропитаніе нѣсколько сентавовъ, выспаться можно въ саду на скамейкахъ. А посмотрите, какъ онъ утонченно вѣжливъ, какъ онъ граціозно цѣлуетъ руку у какой нибудь босячки, въ такихъ же живописныхъ рубищахъ, какъ и онъ. Туземныя женщины здѣсь, когда очень молоды, бываютъ иногда миловидны, но старыя съ распущенными или растрепанными волосами похожи на вѣдьмъ съ Лысой горы. Надо сказать правду, что простой народъ вездѣ интереснѣе, характернѣе, живописнѣе, чѣмъ образованный классъ, который очень мало отличается отъ такихъ же образованныхъ классовъ въ Европѣ и Америкѣ. Дамы здѣсь щеголяютъ въ creations de Paris или мѣстныхъ модистокъ, предпочитая шляпы повѣйшаго фасона живописной

мантильѣ, которую онѣ накидываютъ на голову только утромъ, когда идутъ въ церковь.

Рабочій людъ здѣсь, къ сожалѣнію, очень часто играетъ роль вьючнаго животнаго, и вы очень часто увидите рабочаго, несущаго на своей спинѣ громадныя ящики, цѣлый горшечный магазинъ, уголь, дрова, мебель; здѣсь перевозка съ квартиры на квартиру производится людьми.

Все это рядомъ съ электрическими вагонами, которые идутъ во всѣ направленія. Ну, и достается отъ нихъ бѣднымъ индѣйцамъ. Не проходитъ дня безъ жертвъ, и больше всего попадаютъ темныя люди изъ деревни.

Я совершенно забылъ сказать объ одной изъ особенностей мексиканской жизни, о похоронныхъ электрическихъ вагонахъ, на которыхъ увозятъ покойниковъ къ ихъ послѣдному жилищу. Это дѣлается въ виду того, что кладбище находится очень далеко отъ города. Мексиканцы безъ церемоніи ставятъ гробъ въ электрической вагонъ, провожающіе помѣщаются въ слѣдующемъ вагонѣ, и дѣло кончено. Электрическіе вагоны для богатыхъ убираются иногда трауромъ, но все же это то же самое, что и для бѣдныхъ, и можно сказать, что смерть равняетъ всѣхъ въ Мексикѣ.

Уличная жизнь начинается рано. Съ пѣніемъ птицъ начинается громыханіе электрическихъ вагоновъ, свитки на всѣхъ фабрикахъ, колокольный звонъ и крики разносчиковъ. И что за разнообразіе въ этихъ крикахъ и товарахъ, предлагаемыхъ покупателю. Все можете получить отъ угля до самыхъ разнообразныхъ фруктовъ. Тутъ и солонина, масло, пирожки горячіе, апельсины, ананасы маленькими ломтиками, кокосовое молоко, тортилья (tortilla), т.-е. блинчики изъ маиса, составляющіе національное кушанье мексиканцевъ, разныя яства, щедро приправленные перцемъ, медъ и всякія сладости. И все это за нѣсколько копеекъ для самаго бѣднѣйшаго (пеона) рабочаго. Интересна картина базара въ утреннюю пору. Индѣйцы приходятъ туда издалека со своими продуктами, и они ни за что не откажутся отъ утомительной прогулки въ столицу. Вы можете на поль-дорогѣ предложить ему хорошую цѣну за его продукты, но онъ вамъ отвѣтитъ: что же я понесу въ Мексику, если я вамъ продамъ свой товаръ? И онъ съ своей точки зрѣнія правъ. Помимо усталости прогулка въ столицу представляетъ для него даровой праздникъ съ однимъ или болѣе стаканомъ пульке въ знакомомъ трактирѣ и со всею суетою и разнообразіемъ базарной жизни.

Но вернемся опять къ базару. Въ Мексикѣ цвѣты цвѣтутъ круглый годъ и отличаются такимъ же разнообразіемъ и дешевизной, какъ фрукты и овощи. Въ сущности здѣсь нѣтъ зимы. Деревья всегда зелены; когда наши сѣверныя породы обнажаются отъ листьевъ, тогда рельефише выступаютъ вѣчно зеленныя, тропическія растенія. Въ домахъ, правда, холодновато, такъ какъ ни

въ одномъ мексиканскомъ домѣ вы не найдете печей. Туземцы говорятъ, что при разрѣженномъ воздухѣ пере мѣна температуры, т.-е. переходъ изъ нагрѣтой комнаты на улицу, особенно гибельна, и можно очень легко схватить воспаленіе легкихъ. И вотъ изъ холоднаго дома идешь погрѣться на солнечную сторону улицы, и тамъ иногда бываетъ очень жарко. Мексиканцы обыкновенно въ шутку говорятъ, что у нихъ нѣтъ климата, а есть только сторона на солнцѣ и въ тѣни.

Туристы, когда прѣзжаютъ въ городъ, набрасываются, кромѣ фруктовъ и цвѣтовъ, на разныя туземныя издѣлія изъ тисненой кожи, изящныя филиграновыя работы, на красивыя вышивки, кружева и тончайшія паутины изъ полотна, на драгоценныя опалы и старинныя вещи. Хотя американцы увозятъ цѣлые вагоны изъ Мексики, но для собирателя древностей все же найдется уголокъ съ рѣдкими картинами, рѣзными работами изъ дерева и вышивками. Всякій прѣзжіій въ Мексику заражается страстью собирать древности и проводить цѣлые дни у старьевщиковъ и въ закладныхъ домахъ, которые, какъ и лоттерея, являются характерными учрежденіями въ Мексикѣ.

Существуетъ правительственная лоттерея и американской компаніи. Билеты продаются въ мѣняльныхъ лавкахъ и мальчишками на улицѣ, которые назойливо предлагаютъ вамъ попробовать счастья.

Что касается закладныхъ домовъ, то существуетъ такъ называемое Monte de Piedad, гдѣ можно заложить все, что угодно, отъ самой ничтожной тряпки до драгоценныхъ камней. Капиталъ въ 300.000 долларовъ на это учрежденіе, поставленное на широкую ногу, былъ пожертвованъ благотворителемъ донъ-Педро Ромеро Терреросъ, графомъ де Регла, и Monte de Piedad дѣйствуетъ съ 1776 года. Процентъ согласно волѣ жертвователя очень маленькій, и дѣлаются всѣ облегченія для выкупа вещей.

Ломбардъ имѣетъ отдѣленія во всѣхъ частяхъ города, но, кромѣ этого, есть много ссудныхъ кассъ, которыя всѣ процвѣтаютъ. Въ минуту жизни трудную мексиканецъ, когда онъ хочетъ пойти на бой быковъ или выпить пулъке, несетъ свою или краденую вещь въ это благодѣтельное учрежденіе. Бой быковъ, уже знакомый мнѣ по Испаніи, является главнымъ воскреснымъ и праздничнымъ зрѣлищемъ мексиканцевъ.

Днемъ мексиканскія дамы очень мало выходятъ на улицу. Если вы увидите дамъ, то это большею частью иностранки и преимущественно американки.

Мексиканская дама предпочитаетъ сидѣть дома и смотрѣть изъ рѣшетчатаго окна на прохожихъ. Для этого не нужно дѣлать особеннаго туалета. Мужчины, какъ въ Испаніи, прохаживаются подъ окнами, и у каждой молодой дѣвушки есть свой novio, который объясняется съ своей возлюбленной одними взглядами до тѣхъ поръ, когда отецъ позволитъ ему посѣщать домъ въ качествѣ жениха. Много, конечно, измѣнилось вслѣдствіе присутствія многочисленной американской колоніи, которая вноситъ новыя начала въ мексиканскую жизнь,

Вечеромъ весь мексиканскій бомондъ ѣдетъ въ Чапультепекъ. Экипажи за экипажами тянутся длинной вереницей по пыльному шоссе, окаймленному эвкалиптусами и вѣковыми кипарисами. По прибытіи въ Чапультепекъ, гдѣ играетъ музыка, это уже похоже на похоронное шествіе, такъ какъ экипажи должны двигаться шагомъ. Обратный путь по улицѣ Санъ-Франциско происходитъ въ томъ же похоронномъ порядкѣ. На тротуарѣ стоитъ толпа мужчинъ, которые разглядываютъ, насколько это возможно при темнотѣ, неясные силуэты прекрасныхъ дамъ.

Экипажи являются необходимою для мексиканской дамы. Мексиканская семья предпочитаетъ недоѣдать или отказаться отъ другихъ удобствъ, но экипажъ нужно имѣть, и нигдѣ нѣтъ такихъ красивыхъ выѣздовъ, какъ въ Мексикѣ.

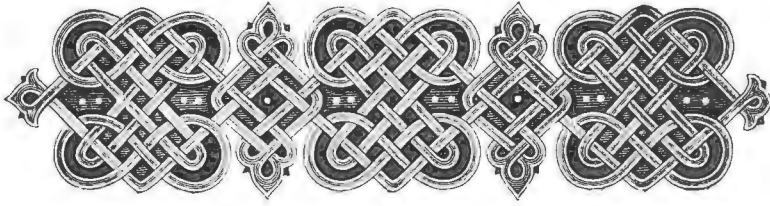
Изъ достопримѣчательностей города особенно интересенъ музей съ ацтекскими древностями, которыхъ сохранилось, къ сожалѣнію, очень мало, потому что въ прежнее время идола и колоссальныя изваянія шли на другія постройки. Все собранное теперь въ музей найдено при работахъ по канализаціи города. Узнавъ, что американцы охотно покупаютъ ацтекскія древности, туземцы начали фабриковать ихъ въ большомъ количествѣ.

Гвоздемъ музея является знаменитый календарный камень и жертвенникъ. Преданіе говоритъ, что первая пара этихъ камней была доставлена изъ каменоломни въ Койоканѣ, но что мостъ рухнулъ подъ этою тяжестью, и камни затонули въ пучинѣ озера. Другая пара, нынѣ находящаяся въ музей, была доставлена на валикахъ, при помощи 5.000 индѣйцевъ. При церемоніи освященія было принесено въ жертву 700 человекъ. Рассказываютъ, что юноши, убранные въ цвѣтахъ, съ пѣснями шли къ храму. Тамъ жрецъ каменнымъ ножомъ вырѣзалъ изъ груди сердце и клалъ его въ углубленіе жертвеннаго камня. Въ этомъ музей хранится ужасная статуя бога войны и другихъ боговъ. Въ другомъ отдѣленіи музея стоитъ золотая карета императора Максимилиана и дорожная карета его противника Хуареса. Тамъ же серебряный сервизъ несчастнаго императора и очень простая койка, на которой умеръ Хуаресъ. Въ витринахъ сохраняются вещи Хидальго, перваго борца за независимость Мексики, и другихъ героевъ, а также вещи императора Итурбиде ¹⁾, захотѣвшаго водворить монархію въ Мексикѣ. **Григорій Деволланъ.**

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Итурбиде (род. 1783 г.) провозглашенъ императоромъ 22 мая 1822 г. (66 голосовъ противъ 15) и коронованъ подъ именемъ Августина I-го.

6-го декабря 1822 г. республика была провозглашена въ Веракрузѣ генераломъ Санта Анна. Вся страна признала республику, только Мексико остался вѣренъ императору. Итурбиде созвалъ конгрессъ и предложилъ отречься отъ престола, но конгрессъ, признавъ избраніе его незаконнымъ, присудилъ его къ ссылкѣ. Онъ уѣхалъ въ Лондонъ. Въ это время его признали измѣнникомъ отечества и заочно присудили къ смерти. Не подозрѣвая этого, Итурбиде возвращается на родину, его арестуютъ и разстрѣливаютъ по указу парламента 19 іюля 1824 года.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга девятнадцатая. Спб. 1905.

БШИРНОЕ историко-литературное изслѣдованіе Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» подвигается годъ за годомъ впередъ и постепенно вводитъ читателей въ кругъ событій отечественной жизни, на коихъ время еще не успѣло наложить густого слоя исторической плѣсени, и отъ которыхъ вѣтъ дыханіемъ пореформенной исторической новизны. Нововышедшая XIX книга неутомимаго русскаго дѣтописца съ большою полнотою и отчетливостію воскрешаетъ «дни минувшіе и рѣчи», которымъ суждено было наполнить собою 1862 годъ, когда освѣженная великими реформами Александра II русская дѣйствительность пришла въ острое броженіе, когда отовсюду создались для правительства немалыя осложненія, и когда со стороны разнообразныхъ общественныхъ силъ были предъявлены запросы относительно предстоящаго политическаго курса: идти ли русской жизни вслѣдъ по бюрократическому руслу, проложенному предшествовавшей николаевской эпохой, или ей развиваться въ новыхъ границахъ, сообразованныхъ съ требованіями времени и реформированнаго общаго порядка вещей. Такимъ образомъ на протяженіи чтенія всей интересной и поучительной книги г. Барсукова передъ читателями рѣзко обрисовываются двѣ силы — государственность и общественность, порою гармонично сливающіяся въ общихъ интересахъ русской жизни, порою категорически расходящіяся, то замиряющіяся, то борющіяся; при этомъ авторъ въ чрезвычайно удачномъ подборѣ фактовъ и литературно-общественныхъ явленій сумѣлъ какъ бы разложить эти силы на ихъ составныя части, или

Элементы, являющіеся какъ бы провозвѣстниками тѣхъ политическихъ фракцій, наличность и мобилизацію которыхъ внимательный и безпристрастный наблюдатель нынѣшней современности легко можетъ отмѣтить и въ наши дни. Отсюда полная своевременность появленія работы ученаго автора, ея историческая поучительность и назидательность, которая всякому читателю, къ какому бы классу или направленію онъ ни принадлежалъ, доставятъ обильную пищу для размышленій и много поводовъ для аналогіи съ тѣмъ, что мы переживаемъ въ настоящее время. Конечно, слѣдя по главамъ за ходомъ излагаемыхъ г. Барсуковымъ событій, нельзя допускать навязчивость мысли и вездѣ искать сравненій и сопоставленій во что бы то ни стало; надо брать совокупность фактовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а въ другихъ ихъ изолированность, надо брать отдѣльные характеры выведенныхъ и дѣйствующихъ лицъ, ихъ программы, ихъ дѣла и рѣчи, надо умѣть различать починъ верховной власти и выполненіе ея предначертаній со стороны органовъ исполнительныхъ; кромѣ того, и что очень важно, необходимо не терять исторической перспективы и не забывать, что прошлое, которое съ такою полнотою и картинностью воскрешаетъ изъ-подъ пера г. Барсукова, отдѣлено отъ настоящаго сорокалѣтнимъ слишкомъ періодомъ времени, въ теченіе котораго въ покорность «общему закону» многое видоизмѣнилось и отлилось въ иныя формы, въ иныя краски.

Повѣствованіе г. Барсукова вводитъ читателей съ первой страницы въ атмосферу русской общественности 1862 года, гдѣ мы становимся лицомъ къ лицу съ тогдашними главнѣйшими тенденціями въ ихъ отношеніяхъ къ пореформенному строю, съ тенденціями консервативными и либеральными, при чемъ знакомимся и съ образомъ мыслей, содержаніемъ рѣчей и печатныхъ работъ выдающихся представителей этихъ тенденцій. Передъ читателями проходитъ длинный рядъ столь знакомыхъ намъ изъ изученія «эпохи великихъ реформъ» дѣятелей тогдашняго времени: Н. Безобразовъ, графъ В. Орловъ-Давыдовъ, Б. Чернявъ, И. Тургеневъ, А. Герценъ, И. Аксаковъ, М. Катковъ, П. Валуевъ, Д. Толстой и др. Мнѣнія ихъ по тѣмъ или инымъ вопросамъ отечественной жизни обстоятельно изложены авторомъ «Жизни и трудовъ М. П. Ногодина», и читателю съ большою обстоятельностью вырисовывается та общественная атмосфера, которая охватила въ тотъ приснопамятный годъ русскую жизнь какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ провинціи; сюда же имъ присоединены и тѣ вѣянія, которыя шли къ намъ изъ-за границы со стороны организовавшейся уже къ тому времени и укрѣпившейся революціонной партіи, съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ во главѣ. Излагая достаточно полно и безпристрастно голоса всѣхъ общественныхъ группъ по самымъ насущнымъ и очереднымъ вопросамъ тогдашней современности, г. Барсуковъ ставитъ во главѣ всѣхъ этихъ голосовъ и голосъ самого правительства. Мы знакомимся изъ его повѣствованія съ рѣчами къ дворянству Александра II, съ различными мнѣніями и записками высшихъ чиновныхъ сферъ нашей служебной іерархіи, а также съ мнѣніями служителей церкви. Надо отдать автору полную справедливость—онъ удивительно умѣло скомпоновалъ весь имѣвшійся въ его распоряженіи богатый печатный и неизданный до сихъ поръ матеріалъ, и картина общественной и государственной жизни вышла у него полною, колоритною, нарисованною, хотя и

детальными, но рѣзкими чертами. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ этой исторіи тѣ моменты, которые посвящены вопросамъ польскому, университетскому, цензурному и судебному. Въ краткой рецензійи вѣтъ возможности даже въ сжатомъ видѣ изложить весь тотъ богатый матеріалъ, который вложенъ въ обрисовку развитія этихъ вопросовъ, и озираясь на дѣйствительность нашихъ дней и сопоставляя все, что въ настоящее время переживаетъ русское общество, съ тѣмъ, что оно переживало 42 года тому назадъ, невольно удивляешься повторности многихъ явленій и тому богатому опыту, который наше прошедшее, и при томъ столь сравнительно недавнее, намъ даетъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что XIX томъ труда г. Барсукова во многихъ отношеніяхъ является какъ бы справочнымъ пособіемъ при изученіи нашей бурной современности и для разрѣшенія и освѣщенія многихъ вопросовъ, которые стоятъ нынѣ на очереди. Не говоря уже про факты крупнаго общественнаго и государственнаго значенія, даже въ относительныхъ мелочахъ и деталяхъ эта параллель заслуживаетъ вниманія. Взять, хотя бы, напримѣръ, уральскія дѣла по вопросу о развитіи и правильной хозяйственной эксплуатаціи тамошнихъ природныхъ богатствъ. И съ этой относительно спеціальной стороны дѣла, читатели, знакомясь въ обстоятельномъ описаніи путешествія Погодина на Уралъ, сдѣланномъ авторомъ, съ удивленіемъ узнаютъ, что многіе вопросы, близко интересовавшіе ученаго московскаго дѣятеля, и нынѣ стоятъ далеко не разрѣшенными, какъ, напримѣръ, вопросъ о знаменитой Павдинской дачѣ. И до сихъ поръ этотъ богатый край, какъ и сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, далеко еще не приобщенъ сносными дорогами къ прочимъ русскимъ областямъ, и до сихъ поръ его обширныя богатства все еще лежатъ втуне, и промышленная заря далеко еще не освѣтила его глухой и сѣрой жизни. И вотъ оказывается изъ изслѣдованій г. Барсукова, что вопросъ о Павдѣ, въ наши дни немногу получающій свое движеніе, занималъ собою когда-то и Погодина, правильно одѣйвишаго все его значеніе для промышленнаго развитія нашего отечества.

Мы нынѣ все открываемъ Америки, забывъ, что она давно открыта, и вотъ г. Барсуковъ съ старыми документами въ рукахъ разоблачаетъ наше невѣжество и доказываетъ, какъ обильно опытомъ наше прошлое, и сколько поучительнаго, при ближайшемъ и добросовѣстномъ знакомствѣ, можно въ немъ найти. Рецензируя вѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ равныхъ томовъ труда о Погодинѣ на страницахъ «Историческаго Вѣстника», авторъ настоящей рецензійи высказывалъ какъ-то опасеніе за настроеніе г. Барсукова, когда онъ приблизится къ эпохѣ шестидесятыхъ годовъ. Ученый изслѣдователь не оправдалъ опасеній рецензента и его ожиданій: онъ остался тѣмъ опытнымъ лѣтописцемъ, который, взирая на бурную современность, не бросаетъ ей гордаго и злобнаго вызова, но, оставаясь при своихъ сокровенныхъ и неизмѣнныхъ убѣжденіяхъ, лишь умѣло и умно выставляетъ ей въ назиданіе то, что имъ трудолюбиво извлечено изъ лѣтописей былой жизни. Будемъ же съ признательностью къ почтенному нашему историку ожидать появленія его слѣдующаго тома «Погодина», и отъ души пожелаемъ ему найти необходимыя къ его изданію средства. Его призывъ, поставленный однимъ изъ эпи-

графовъ книги: «цари и вельможи! покровительствуйте музамъ: онѣ благодарны», не остается гласомъ вопіющаго въ пустынь, и мы видимъ, что на изданіе томовъ новѣйшей лѣтописи русской жизни отъ времени до времени находятя дѣйствительно просвѣщенные люди, которые отзываются на призывъ автора и по тому или иному поводу даютъ ему возможность подвигать доброе начатое имъ дѣло до конца. Значить, вѣра въ отзывчивость русскихъ людей не обманула г. Барсукова, и остается лишь пожелать, чтобы эта отзывчивость сопутствовала ему вплоть до окончанія его монументальнаго труда. Это будетъ настоящимъ добрымъ и полезнымъ дѣломъ, и въ интересахъ русскаго просвѣщенія и въ награду тому, кто этому просвѣщенію такъ плодотворно и неутомимо служитъ.

Б. Глинскій.

Профессоръ И. Х. Озеровъ. Экономическая Россія и ея финансовая политика на исходѣ XIX и въ началѣ XX вѣка. Съ 72-мя діаграммами. Изданіе Горшкова. М. 1905.

Профессоръ Озеровъ въ своемъ новомъ трудѣ задается цѣлью свести къ нѣкоторому единству нашу экономическую и финансовую политику послѣдняго времени. Запасшись огромнымъ статистическимъ матеріаломъ, почерпнутымъ имъ изъ официальныхъ источниковъ или же у вполне компетентныхъ статистиковъ, онъ прослѣживаетъ ее шагъ за шагомъ, указываетъ нѣкоторые существенные недостатки въ ея проведеніи и вскрываетъ всѣ темныя стороны промышленнаго развитія Россіи.

Самая интереснѣйшая глава въ книгѣ—это первая, посвященная характеристикѣ положенія нашего сельскаго населенія. Правда, она носитъ временами нѣсколько невеселый колоритъ, но въ этомъ виновать не авторъ, а тѣ цифры, которыми онъ подтверждаетъ каждое свое предположеніе, и которыя, слѣдовательно, даютъ для этого достаточно основаній. Эти же цифры способствуютъ также образованію у читателя общаго вѣрнаго впечатлѣнія.

Основные выводы изъ этой главы сводятся къ такимъ положеніямъ. Наше сельское населеніе не обезпечено хлѣбомъ; сельскохозяйственная техника мало развита; населеніе мало питается, чтò влечетъ за собою его малосиліе; численность скота по отношенію къ землѣ и хозяйству постепенно уменьшается, вслѣдствіе чего понижаются и средства населенія по эксплуатаціи земли; вмѣстѣ съ этимъ же замѣчается и уменьшеніе рабочей конной силы, увеличивается число безлошадныхъ хозяйствъ; кромѣ того, недоимочность сельскаго населенія достигаетъ чрезвычайно крупныхъ размѣровъ, чтò безусловно показываетъ на разстроенное экономическое положеніе всей нашей деревни.

Касаясь вопроса о мобилизаціи земельной собственности, профессоръ Озеровъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что главная масса отчужденной за послѣдніе годы дворянствомъ земельной площади перешла въ руки земледѣльческаго крестьянства, при чемъ средній сложный годовой процентъ наростанія площади крестьянской частновладѣльческой земли въ среднемъ за 25 лѣтъ (съ 1875 года по 1900 годъ) составляетъ—5,43%, а средній годовой процентъ

убыли дворянскаго землевладѣнія (также въ среднемъ за 25 лѣтъ)—1,12⁰/_о. Но, несмотря на такой ростъ крестьянскаго землевладѣнія, обезпеченіе землею, по мнѣнію автора, сокращается, и крестьяне страдаютъ отъ малоземелья: въ то время какъ крестьянское надѣльное и частное землевладѣніе увеличилось съ 1875 года приблизительно на 24⁰/_о, численность мужскаго населенія возросла за то же время на 48⁰/_о, почему и понизился размѣръ обезпеченія населенія собственными землями.

Жизненные условія сельскохозяйственныхъ рабочихъ также останавливаютъ вниманіе автора. Онъ наглядно описываетъ ужасающую обстановку, среди которой имъ приходится работать, касается заработной платы, питанія, жилищнаго вопроса и сельскохозяйственнаго отхода; попутно же задѣваетъ и не выдерживающій критики вопросъ о привлеченіи на сельскія работы китайцевъ, о чемъ такъ много говорилось въ нѣкоторыхъ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе основной главы труда профессора Озерова. Въ остальной части книги онъ развѣнчиваетъ, и надо отдать справедливость, очень удачно весь механизмъ нашей экономической политики.

Указавъ, что всѣ усилія наши были направлены исключительно на созданіе крупной промышленности, которую искусственно выращивали высокимъ тарифомъ, казенными заказами и промышленными ссудами, авторъ ярко подчеркиваетъ, что эта промышленность, конечно, не могла пустить корней и пошла на убыль, и теперь ее приходится опять искусственно поддерживать. Главная же причина захирѣнія промышленности—малая покупательная способность населенія и игнорированіе развитія его производительныхъ силъ.

Будучи сторонникомъ умѣреннаго протекціонизма,—перевода Россіи изъ стадіи натуральнаго хозяйства въ денежное,—введенія въ ней золотой валюты и выкупа желѣзныхъ дорогъ въ казну,—авторъ разсматриваемой нами книги естественно не можетъ обойти молчаніемъ ни одно болѣе или менѣе важное финансовое мѣропріятіе; онъ очень подробно останавливается на желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, вывозной полптикѣ, мѣрахъ удержанія золота въ странѣ, сахарной нормировкѣ, брусельской конвенціи и ея послѣдствіяхъ, кооперативномъ принципѣ и проч. Говоря обо всѣхъ этихъ вопросахъ, профессоръ Озеровъ раскрываетъ нѣсколько финансовыхъ шероховатостей, стремясь во-время побудить къ уврачеванію замѣтныхъ ранъ для того, чтобы смѣллыя реформы послѣдняго времени могли принести гораздо большую пользу.

Въ общемъ же на наше финансовое положеніе авторъ смотритъ съ твердой вѣрой и въ окончательномъ своемъ résumé отмѣчаетъ нашу боевую финансовую готовность для войны, правда, признавая, что она создана цѣной большого напряженія силъ.

Безусловно, эта новая работа профессора Озерова, сложившаяся отчасти изъ обзорнѣй русской экономической жизни, которая онъ велъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ, представляетъ собою цѣнное, цѣльное изслѣдованіе и сообщаетъ читателю много интереснаго и поучительнаго. Книга, несмотря на серьезность своей темы, написана очень живо и иллюстрирована массой наглядныхъ діаграммъ. Всего.

Сигизмундъ Либровичъ. Петръ Великій и женщины. Спб. 1905.

Въ книгѣ г. Либровича обстоятельно сгруппированы свѣдѣнія объ отношеніяхъ Петра Великаго къ женщинамъ: къ первой его женѣ Евдокіи Лопухиной и любовницамъ Аннѣ Монсъ, маріенбургской плѣнницѣ Мартѣ Скавронской (будущей императрицѣ подъ именемъ Екатерины), Маріи Гамильтонъ и другимъ придворнымъ фрейлинамъ, съ которыми Петръ вступалъ въ mimoлетныя связи, называя ихъ «корцвейльвортами». Кромѣ того, авторомъ разсказана исторія теремнаго затворничества русской женщины до Петра и его нововведеній, начиная съ ассамблей, замѣны московскаго женскаго платья нѣмецкимъ, запрещенія общихъ бань и кончая установленіемъ для женщины свободнаго выбора мужей и даже развода съ ними.

Такимъ образомъ, книга г. Либровича обнимаетъ и частную интимную жизнь Петра Великаго, и его общественную дѣятельность по «женскому вопросу».

Свѣтлыя взгляды Петра Великаго на женщину не оправдались въ его личной жизни, и нерѣдко онъ былъ подавленъ горькими разочарованіями въ тѣхъ женщинахъ, которыя владѣли его душой.

Онъ считалъ современную ему женщину за существо гораздо лучшее, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Не только всѣ иностранцы (Олеарій, Герберштейнъ, Корбъ, Крижаничъ) свидѣтельствуютъ одно показное благочестіе дочетровской женщины, но и наши историки: Щербатовъ, Костомаровъ («Очерки домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа»), Шашковъ («Исторія русской женщины») и др., говорятъ о пьянствѣ и тайномъ развратѣ теремныхъ затворницъ. Даже положительный тишъ женщины проявлялся въ томъ, что она знала, «какъ муку сѣять, квашню претворити и замѣсити, и хлѣбъ ваяти и печи, ѣству мясную, и рыбную, и всякіе пироги, и всякіе блины, и всякія каши, и кисели, и всякіе приспѣхи печи и варити»; знакома была съ часословомъ и псалтиремъ, съ тріодями цвѣтною и постною, съ октоихомъ, мнѣнею, служебникомъ и тому подобными премудростями.

Такой женщиной была и первая жена Петра Великаго Евдокія Θεодоровна Лопухина. Между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ г. Либровичъ, «наглядѣвшись на свободную жизнь иностранцевъ въ Нѣмецкой слободѣ, жизнь, такъ рѣзко отлпчающуюся отъ теремной замкнутости московскихъ боярышень, Петръ не могъ довольствоваться одною красотою своей супруги. Пылкая, страстная натура царевича, очевидно, тогда уже искала въ женщинѣ, если не знанія, то, по крайней мѣрѣ, ума, между тѣмъ какъ Евдокія Θεодоровна Лопухина, судя по отзывамъ современниковъ, не отличалась умомъ. Не глупая, но бездарная, кроткая, но ревнивая, дородная и цвѣтущая, но не особенно красивая, она была скучна, невѣжественна и не терпѣла иностранцевъ. О какомъ либо образованіи ея, о какихъ либо свѣдѣніяхъ, о способности сочувствовать обширнымъ планамъ царя-преобразователя—у нея не могло быть и рѣчи».

Разлюбивъ эту сторонницу московской старины, Петръ отправилъ ее въ Суздальскій монастырь, въ которомъ она утѣшилась майоромъ Глѣбовымъ, посаженнымъ потомъ за связь съ царицей на колѣ. Не находя въ русскихъ

боярышняхъ веселости, свѣтскости и бойкости ума, Петръ сблизился съ дочерью виноторговца въ Нѣмецкой слободѣ, кокетливой, съ наружнымъ лоскомъ нѣмкой, Анною Монсъ, но и эта измѣнила ему, вступивъ въ связь съ польскимъ посланникомъ Кенигсекомъ. Полуиностранка Марія Гамильтонъ, приглянувшаяся Петру, измѣнила ему съ денщикомъ Орловымъ, за что была казнена, а голова ея положена въ спиртъ на храненіе. Самая прочная связь у Петра была съ маріенбургской плѣнницей, которая при принятіи православія крещена Екатериной и впоследствии коронована русской императрицей. Но и эта иностранка измѣнила ему съ камергеромъ Виллимомъ Монсомъ, отрубленную голову котораго Петръ приказалъ положить въ спиртъ и поставить въ кабинетъ императрицы. Онъ хотѣлъ наказать и Екатерину, но Толстой и Остерманъ остановили разгнѣваннаго монарха тѣмъ, что если Екатерину постигнетъ безславная смерть, то безславіе это падеть и на дочерей государя, ни въ чемъ неповинныхъ великихъ князей, и бѣдныя дѣвушки не найдутъ жениховъ (Мордовцевъ: Матрена Балкъ, стр. 54).

Такимъ образомъ и богобоязненные, забытые и чуждавшіяся мужского общества русскія женщины, воспитанныя по Домострою, и эмансипированныя иностранки не дали безоблачнаго и осмысленнаго счастья Петру Великому. Это объясняется очень просто тѣмъ, что на долю свободы выпадаетъ столько же несчастья, сколько и на долю рабства, если въ первомъ случаѣ люди воспитываются на свободѣ, но безъ нравственныхъ устоевъ жизни. Наибольшимъ счастьемъ Петръ пользовался съ Екатериной, потому что эта свободолюбивая шведка старалась въ то же время быть другомъ и товарищемъ своему мужу.

Изъ массы историческихъ источниковъ объ отношеніяхъ царственныхъ супруговъ г. Либровичъ справедливо выводитъ заключеніе о томъ, что «Екатерина старалась думать обо всемъ, какъ думалъ Петръ, интересоваться тѣмъ, чѣмъ интересовался Петръ, любить то, что онъ любилъ, шутить надъ тѣмъ, надъ чѣмъ онъ шутилъ, и ненавидѣть то, что онъ ненавидѣлъ. У Екатерины не осталось самобытной личности: до такой степени она подчинила себя во всемъ волѣ Петра. Очень возможно, что другому человѣку такая безличная женщина скоро бы разонравилась; Петръ же, напротивъ, именно эту-то черту цѣнилъ въ Екатеринѣ очень высоко. Впрочемъ, несомнѣнно, Екатерина заслужила себѣ любовь царя еще и своимъ замѣчательнымъ здоровьемъ, позволявшимъ ей выносить даже невгоды походной жизни. Екатерина являлась участницею трудовъ своего супруга въ турецкую и персидскую войну; она же охотно принимала участіе во всякихъ шуткахъ и попойкахъ, устраиваемыхъ Петромъ, она, какъ говорить преданье, соотвѣтственно готовила царю кушанье, коптила окорока и колбасы и буквально во всемъ умѣла подладить свою природу къ совершенно исключительной личности царя-преобразователя». Намъ кажется, что если впоследствии она измѣнила царю, то болѣе вѣроятія, что эта измѣна была дѣломъ несчастнаго случая, а не хроническимъ и сознательнымъ предательствомъ.

Всѣшки гнѣва Петра Великаго на любимыхъ имъ женщинъ объясняются его разочарованіемъ въ нихъ. Его взглядъ на женщинъ былъ идеальный, несмотря на рядъ противорѣчивыхъ въ его жизни случаевъ.

Когда Ягужинскій, страдавшій отъ капризовъ своей психондрической жены, не рѣшался развестись съ нею, считая это дѣло противнымъ совѣсти и религіи, Петръ, какъ рассказываетъ Бассевичъ, началъ убѣждать его, что «Богъ установилъ бракъ для облегченія человѣка въ горестяхъ и превратностяхъ жизни, и что дурное супружество прямо противно волѣ Божіей, а потому столько же справедливо, сколько и полезно расторгнуть его, продолжать же его крайне опасно для спасенія души». Щербатовъ рассказываетъ, что Петръ, видя, что законъ запрещаетъ князю Никитѣ Репнину, вступить въ четвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метрессу, а дѣтей его, подъ именемъ Репниныхъ, призналъ благородными. Также князь Ив. Трубецкой имѣлъ любовницу и отъ нея сына, котораго именовали Бецкимъ, и который еще при Петрѣ почтенъ былъ благороднымъ.

Неудивительно поэтому, что Петру были доступны любовныя отношенія въ возвышенномъ смыслѣ; но жизнь давала ему либо рабынь, либо эмансипированныхъ, но безъ нравственныхъ усюевъ женщинъ...

Историкъ Мордовцевъ держится того же взгляда на любовныя дѣла Петра Великаго. По его мнѣнію, «первая любовь царя—къ Аннѣ Монсъ, и его послѣдняя привязанность—къ Екатеринѣ, напротивъ, доказываютъ, что этотъ человѣкъ, если любилъ кого истинно, то ужъ любилъ навсегда и постоянно, какъ онъ любилъ свое дѣло и Россію».

Большинство, однако, историковъ склонны объяснять романы Петра Великаго такъ же, какъ и г. Либровичъ, тѣмъ, что, «подчиняя женщинамъ лишь свое тѣло, Петръ оставался все же бодрымъ по отношенію къ нимъ духомъ, оставался сильнымъ характеромъ и не давалъ себя увлечь страстямъ. Ни одна изъ красавицъ, которымъ суждено было служить временнымъ развлеченіемъ царя и «успокоеніемъ» для его горячей крови,—не только не играла видной роли въ государственной жизни Россіи при Петрѣ, но даже не могла гордиться тѣмъ, что имѣла какое либо непосредственное вліяніе на царя». Здѣсь справедливо только то, что вліяніе женщинъ не отражалось на политикѣ Петра... Это правда, но весь его характеръ несомнѣнно страдалъ невыносимо и тогда, когда онъ казнилъ своихъ любовницъ, и тогда, когда прощалъ и любилъ ихъ... Его романы нельзя обсуждать по внѣшнимъ увллкамъ, но необходимъ болѣе глубокій и психологическій анализъ. Безъ этого анализа возможенъ только грубый и поверхностный отзывъ г. Семевского, который говоритъ, что «сильное и здоровое тѣло Петра любило, хотя и временныя, но частыя отлмѣны»... Петру Великому, какъ мы видимъ изъ его жизни и реформъ, былъ доступенъ идеалъ свободной и нравственной женщины. А «дурное супружество, по его мнѣнію, прямо противно волѣ Божіей и крайне опасно для спасенія души».

А. Фаресовъ.

Въ защиту слова. Сборникъ. Спб. 1905.

Если книга въ нѣсколько дней исчезаетъ съ книжнаго рынка, и требуется новое ея изданіе, значитъ, она затрагиваетъ какія-то такія стороны жизни, мимо которыхъ нельзя пройти равнодушно. И совершенно нѣтъ надобности,

чтобы эта книга давала чтонибудь совсѣмъ новое, небывалое, — и старая истина, повторенная еще и еще разъ, но повторенная съ убѣжденіемъ и притомъ въ нужный моментъ, представляетъ такой положительный фактъ, съ которымъ приходится считаться. Такимъ именно фактомъ является сборникъ «Въ защиту слова». Въ немъ мы находимъ 35 статей и стихотвореній, принадлежащихъ тридцати пяти лицамъ; казалось бы, можно было ожидать разногласицы, утомительныхъ повтореній и однообразнаго припѣва на старую, очень старую тему о свободѣ слова. Но ничего подобнаго читатель не встрѣтитъ въ этой книгѣ. Мы, конечно, не станемъ говорить о талантливости собранныхъ здѣсь литературныхъ «бездѣлушекъ», которыя, по справедливости, должны быть признаны крупнымъ общественнымъ дѣломъ; за ихъ талантливость ручаются имена ихъ авторовъ, достаточно извѣстныхъ въ нашей публицистикѣ. Укажемъ только на отличительную особенность всего сборника. Эта особенность — бодрое чувство, съ яркимъ, какъ обложка книги, сознаніемъ, что побѣда останется за истиной, что побѣда эта не далека... Да, въ прошломъ — мракъ, въ прошломъ тоска безвыходности — «застѣнокъ», гдѣ, какъ говоритъ г. Пѣшеховъ, «убиваютъ мысль и калѣчатъ слово», слово писателя; а быть писателемъ значитъ, «что каждая написанная строчка, прежде чѣмъ появиться на свѣтъ, можетъ быть уничтожена или исковеркана» (стр. 7). Эти слова получаютъ для читателя вполне реальный смыслъ, когда онъ просмотритъ сборникъ.

Всѣ статьи въ одинъ голосъ говорятъ, что не было у насъ слова для выраженія свободной, независимой мысли; было «рабій языкъ», были цѣпи «подцензурности» и «безцензурности», рядомъ съ административно-бюрократическимъ «усмотрѣніемъ»... Это, можетъ быть, странно звучитъ для непосвященныхъ: какъ это цѣпи «безцензурности»? что это такое? Для лицъ, болѣе освѣдомленныхъ, это достаточно ясно, и вотъ какъ ярко характеризуетъ подобное положеніе К. К. Арсеньевъ: «отдавая предпочтеніе безцензурности предъ подцензурностью, мы, конечно, далеки отъ мысли, чтобы настоящее положеніе нашихъ безцензурныхъ изданій было скольконибудь удовлетворительно. Въдъ изъ того, что тюремное заключеніе переносится легче каторжной работы, еще не слѣдуетъ, что тюрьма — нормальное мѣстопробываніе для нормальнаго человека» (стр. 32). И весь сборникъ ясно, рядомъ вопіющихъ фактовъ (напримѣръ, статья П. И. Вларамберга — «Цензура въ музыкѣ») свидѣтельствуетъ, что не было у насъ въ печати правдиваго слова и не могло быть; были попытки, были ухищренія; было со стороны литераторовъ писаніе между строкъ, а со стороны общества такое же чтеніе, на которое бесплодно тратились душевныя силы (статьи Н. А. Рубакина, А. В. Петрицева); а цензура тѣмъ временемъ, отыскивая опасные факты, которые было, разумѣется, необходимо устранить изъ сферы обсужденія печати, доходила мало-по-малу до «Геркулесовыхъ столбовъ»: «Такъ, когда въ 1889 году въ русской прессѣ появилось извѣстіе о происшедшемъ въ Цюрихѣ взрывѣ динамитной бомбы, разглашеніе въ печати такихъ извѣстій было признано «неудобнымъ» и на будущее время воспрещено» (статья В. А. Мякотина, стр. 103). Предметами «государственной важности», во имя которой рассылались по редакціямъ запретительные

циркуляры, считались, напимѣрь, такіе факты, какъ усыновленіе какого-то Романа Игнатьевой, сообщеніе именъ фаворитовъ на скачкахъ и т. п. (статья В. Я. Богучарскаго, стр. 149). Словомъ, въ прошломъ положеніе русскаго слова тягостно, почти невыносимо, но будущее его, конечно, «лучезарно», по словамъ Вл. Г. Короленка. Прекрасно выражаетъ ту же мысль въ своемъ стихотвореніи О. Н. Чюмина (стр. 37):

Но цѣль распадется—ты смѣло воспрянешь,
И—сильное правдой, любовью, добромъ—
Съ зарею надъ міромъ побѣдно ты грянешь,
Какъ Божій ликующій громъ!

И этотъ бодрый мотивъ звучитъ на протяженіи всего сборника. Только страничка, принадлежащая перу г. Н. Гарина, вноситъ нѣкоторый диссонансъ въ этотъ законченный по своей полнотѣ аккордъ непоколебимой надежды на свѣтлое будущее и протеста противъ минувшаго безвременья. Замѣтка эта представляется намъ отзвукомъ прежнихъ сумрачныхъ настроеній: «Не знаю, какъ кого, а меня охватило тяжелое, прямо тягостное чувство,—говоритъ авторъ, — когда я въѣзжалъ въ Россію изъ Европы». Здѣсь, на родинѣ, нѣтъ настоящей жизни—здѣсь «придушенная жизнь». «Ахъ, какъ скучно, какъ больно, какъ жалко этой безцѣльно уносящейся жизни... Привыкну, опять втянусь въ эту жизнь, и, можетъ быть, не будетъ она казаться тюрьмой, ужасомъ... И еще тоскливѣе отъ этого сознанія» (стр. 147). Несомнѣнно, это мотивъ недавняго, но безвозвратно ушедшаго прошлаго, и въ томъ порукѣ стремленія людей, издавшихъ сборникъ, и его усилѣхъ въ публикѣ...

И одно только не такъ въ этомъ сборникѣ, не такое онъ носитъ заглавіе: не въ защиту слова онъ писанъ, не за слово только звучитъ въ немъ борьба; нѣтъ, это борьба за жизнь, это сборникъ въ защиту самыхъ разнообразныхъ проявленій ея, защита человѣческой личности. Если кто не согласится съ этимъ, пусть перечтетъ хотя бы статьи Вл. Г. Короленка («О свободѣ печати»), Ф. А. Щербины («Подъ цензурой»), В. І. Дмитріевой («Первая корреспонденція—изъ воспомнаній учительницы»), Н. И. Коробки («Вредныя буквы») и другихъ; пусть вслушается внимательно во внутренній смыслъ мелодіи, пусть отыщетъ ея лейтмотивъ, и онъ согласится, что этотъ сборникъ, по справедливости, долженъ носить заглавіе «Въ защиту жизни». Я. Ав—въ.

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Деятнадцатый вѣкъ. Томъ II, выпускъ I. Спб. 1905.

Первый выпускъ второго тома «Литературныхъ характеристикъ» профессора А. К. Бороздина посвященъ главнымъ представителямъ западничества и славянофильства. Здѣсь помѣщены статьи: о Вѣлинскомъ, Чернышевскомъ, Добролюбовѣ, Писаревѣ и Аннолонѣ Григорьевѣ; о Герценѣ, Грановскомъ, Кавелинѣ; о семьѣ Аксаковыхъ; о Курѣвскомъ, Хомяковѣ, Николаѣ Давилев-

скомъ. Говоря о вліяніи Бѣлинскаго на послѣдующую критику, А. К. Бороздинъ отмѣчаетъ, что между «органической» критикой Аполлона Григорьева и публицистической критикой Чернышевскаго и Добролюбова, въ сущности, не было принципиальной противоположности: и та, и другая, равно какъ и реалистическая критика Писарева, восходили къ исторической критикѣ Бѣлинскаго, который умѣлъ находить высшую гармонію между эстетическими и общественными требованіями. «Мѣрки честности, правдивости, добра,—говоритъ А. К. Бороздинъ,—примѣняемая Добролюбовымъ и Чернышевскимъ къ литературнымъ произведеніямъ, или понятія общечеловѣческой солидарности и даже истины, добра и красоты, признаваемая Писаревымъ, логически должны быть признаны тѣми самыми идеалами, о которыхъ такъ туманно говорить Григорьевъ». Чрезвычайно интересна и жива характеристика Грановскаго. Пользуясь воспоминаніями слушателей Грановскаго, А. К. Бороздинъ изображаетъ ту атмосферу взаимнаго пониманія, которая установилась между Грановскимъ и его аудиторіей съ самаго начала его профессорской дѣятельности; обаятельное впечатлѣніе лекцій Грановскаго А. К. Бороздинъ объясняетъ его широкими гуманитарными взглядами, сосредоточенной силой его изложенія, умѣньемъ гармонически сочетать научныя требованія, предъявляемые къ исторіи, съ художественными. Половину книги А. К. Бороздина занимаетъ изслѣдованіе объ Аксаковыхъ. Наиболѣе подробно останавливается авторъ на младшемъ представителѣ этого литературнаго семейства, Иванѣ Сергѣевичѣ (ему посвящено болѣе 100 страницъ). А. К. Бороздинъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за его служебной и литературной дѣятельностью и показываетъ, какъ складывались и развивались его общественные взгляды. Передъ нами встаетъ во весь ростъ фигура боевого публициста, горячаго общественнаго дѣятеля, неутомимо воевавшего и въ печати, и въ жизни съ всеумерщвляющей бюрократіей. Рѣзкая отвѣдь его по адресу министерства внутреннихъ дѣлъ, имѣвшего безтактность въ официальномъ «предостереженіи» упрекнуть Аксакова въ недостаткѣ «истиннаго патріотизма», представляетъ не только историческій интересъ. Пятнадцать лѣтъ назадъ С. А. Венгеровъ въ своемъ «Критико-біографическомъ словарѣ» не могъ привести этой статьи, даже въ выдержкахъ, по цензурнымъ условіямъ. Очень интересно напечатанное А. К. Бороздинымъ письмо Аксакова къ одному изъ членовъ студенческаго кружка, настроеннаго въ славянофильскомъ духѣ. Письмо это относится къ началу восьмидесятыхъ годовъ. Въ немъ Аксаковъ выясняетъ разницу между славянофильствомъ и народничествомъ. «Славянофильство,—говоритъ Аксаковъ,—не мыслится внѣ религіозной почвы, внѣ христіанскаго идеала. Народники стоятъ на почвѣ позитивизма, сворачивая то въ матеріализмъ, то въ какой-то особаго рода нелѣпый мистицизмъ... Тотъ же Успенскій, котораго вы похвалили за его дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ замѣчательное сочиненіе «Власть земли»,—какъ отнесся онъ къ движенію добровольцевъ въ Сербію, къ рѣчи Достоевскаго на Пушкинскомъ юбилей? Говоря про юбилей, онъ выразился, что въ немъ было что-то «сербское», пояснивъ тутъ же, что этотъ эпитетъ есть ругательный, предлагаемый пмъ къ безмысленному, стадному воодушевленію какой-то безмысленной фикціей и т. д. Въ такихъ выходкахъ—обратная сторона медали или на-

родническаго направленія». Свою терпимость по отношенію къ народническому направленію Аксаковъ объясняетъ его временной полезностью: «возводя народъ въ объектъ изученія, оно можетъ привести къ тому, что изучающіе, если не всё, то многіе, сами выучатся у народа добру-разуму». Въ статьѣ о Данилевскомъ, заключительной статьѣ книги, А. К. Бороздинъ дѣлаетъ общую характеристику славянофильскаго ученія. По мнѣнію А. К. Бороздина, славянофильство нельзя смѣшивать «съ разными другими націоналистическими теченіями, которыя въ большинствѣ отличаются весьма несимпатичными чертами эгоистической исключительности». А. К. Бороздинъ не признаетъ никакой связи между славянофильствомъ и націонализмомъ, даже генетической. Онъ вооружается противъ мнѣнія Владимира Соловьева, что славянофильство, черезъ Н. Я. Данилевскаго и К. Н. Леонтьева, нашло свою историческую Немезиду въ катковщинѣ, и выродилось въ самое узкое ретроградство и человѣконенавистничество. Данилевскаго А. К. Бороздинъ считаетъ націоналистомъ, неправильно отнесеннымъ къ славянофиламъ; онъ называетъ Данилевскаго «славянофиломъ особаго типа». Въ данномъ случаѣ трудно согласиться съ уважаемымъ авторомъ; Данилевскаго сами славянофилы признавали своимъ, и такой несомнѣнный славянофилъ, какъ Страховъ, превозносилъ его книгу до небесъ. Какъ это ни печально для славянофильства, но «самобытная» теорія Данилевскаго, катковщина и націонализмъ явилась его логическимъ слѣдствіемъ.

Разнообразная по содержанію, живая и продуманная книга А. К. Бороздина, несомнѣнно, встрѣтитъ сочувствіе въ широкомъ кругу читателей.

Ал. Ол.

Третій Римъ. Повѣсть К. А. Калитина. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905.

Содержаніе повѣсти только что скончавшагося К. А. Калитина несложно: молодой офицеръ, ѣдущій въ дѣйствующую армію на Дальній Востокъ, останавливается на сутки въ Москвѣ у одного своего стараго знакомаго, бѣгло знакомится съ первопрестольной въ ея историческомъ, археологическомъ прошломъ и ея социальномъ настоящемъ, успѣваетъ увлечься женой этого знакомаго, получить ея взаимность и послѣ первой же страницы быстро развернувагося романа, въ чадѣ любви и неиспользованнаго въ полной мѣрѣ блаженства, уѣзжаетъ туда, куда зоветъ его долгъ службы и кровавой сѣчи. Значеніе повѣсти не зъ завязкѣ и развязкѣ ея, не въ ходѣ суточныхъ событій, а въ выведенныхъ типахъ москвичей, съ которыми судьба случайно соединила героя, ихъ діалогахъ и томъ психологическомъ настроеніи, которое окружаетъ и дѣйствующихъ лицъ и читателей на всемъ протяженіи небольшого повѣствованія.

Г. Калитинъ—человѣкъ насквозь русскій съ его глубокою любовью къ историческому прошлому своего народа и съ вѣрою въ его великое будущее: для него вопросъ существенный: какъ сложится будущее русскаго народа—быть ли ему «прихвостнемъ» въ народахъ или «третьимъ и послѣднимъ Римомъ». На

этотъ вопросъ живыя лица повѣсти опредѣленнаго отвѣта не даютъ— послѣдній только мерещится, только просвѣчиваетъ въ томъ протестующемъ воплѣ души, который вырывается у москвича Яхонтова среди священныхъ реликвій исторической Москвы. Яхонтовъ—этотъ больной, надломленный и исковерканный жизнью, интеллигентный москвичъ, не содержитъ въ себѣ активныхъ силъ для противодѣйствія надвинувшемуся на Россію соціальному и политическому мраку. Онъ—типъ испугавшагося и жаждущаго современнаго россиянина, потерявшій точку внутренней опоры и жаждущій ее найти въ далекомъ историческомъ прошломъ своего народа. Это прошлое, по его мнѣнію, какъ бы хранится въ археологическихъ памятникахъ первопрестольной, нынѣ загрязненной и оскверненной всѣми тѣми соціальными напластованіями, черезъ которыя это прошлое пока только слабо просвѣчиваетъ, но которому суждено въ обновленномъ видѣ воплотиться въ славное историческое будущее. Это будущее почерпается имъ главнымъ образомъ изъ религиозныхъ началъ жизни, обрѣтающихся нынѣ подъ спудомъ, но долженствующихъ современемъ согрѣть и освѣтить всю Россію. Въ порывѣ экстаза Яхонтовъ по этому предмету пророчествуетъ: «Все оживетъ, все опять будетъ съ нами, преображенное, живое, поющее. Церкви эти поднимутся въ небо, и съ колоколами,— какъ говоритъ Чеховская дѣвочка,— и небеса сойдутъ на землю, какъ новый «Іерусалимъ небесный». «Новыя небеса и земля» будутъ... Слышишь? Не только небеса, но и земля, наша вѣчная, родная мать-земля... Нашъ Христосъ не сбросилъ свое челоуѣчество, какъ ненужную ветوشь, Онъ преобразилъ его, возвелъ въ божество... Помнишь эти послѣднія, таинственные и чудныя слова на Тайной вечерѣ: «теперь уже не буду больше пить отъ этого винограднаго плода до того дня, пока не буду пить съ вами новое вино въ царствѣ Отца Моего»... И помнишь наши пасхальные стихи: «придите, будемъ пить нитье новое, не отъ неплоднаго камня, а созданное чудомъ?»... Нашъ народъ проще и глубже всѣхъ понялъ это чудо, эту великую тайну... Вотъ почему и свѣтлый праздникъ у насъ свѣтлѣе, чѣмъ у другихъ. Вотъ почему Достоевскій вѣрилъ, что второе пришествіе будетъ въ Россіи. И вотъ о чемъ намъ говорятъ эти колокола, эти золоченыя маковки, этотъ мужикъ, который перекрестился».

Авторъ «Третьяго Яма» несомнѣнно глубоко проникнуть началами публицистической проповѣди Достоевскаго и вѣроу въ мессіаниззмъ русскаго народа. Подобно творцу «Братьевъ Карамазовыхъ», онъ съ особенною брезгливостью относится къ интеллигенціи, усматривая въ ней или развинченныя типы или представителей той инородческой Россіи, которые, по его убѣжденію, враждебны основнымъ устоямъ нашей жизни и употребляютъ всѣ силы къ шатанію и сокрушенію этихъ устоевъ. Особеннымъ нерасположеніемъ проникнута ея повѣсть— въ діалогахъ Яхонтова—къ еврейству, которое, какъ въ томъ онъ увѣренъ, и что онъ громко исповѣдуетъ, тлетворно дѣйствуетъ на все окружающее посредствомъ печатнаго слова. «Пойми, насъ обманываютъ!— восклицаетъ Яхонтовъ.— Мы имъ чужіе, они смѣются надъ нами, они плюютъ намъ въ глаза... Они стравливаютъ насъ, какъ котятъ... Они раздуваютъ каждую нашу неурядицу: имъ больше всего не хочется, чтобы мы въ чемъ нибудь согласились. Купечеству они подмигиваютъ на дворянскія привилегіи; передъ

обществомъ они не знаютъ, какъ опозорить то же самое русское купечество. Они не спускаютъ ему ни одного недостатка, ни одного промаха. «То ли, молъ, дѣло, если бы насъ на ихъ мѣсто». Наша молодежь... но, Боже мой! чего съ ней нельзя сдѣлать? Посмотри, какими растерянными ходятъ русскіе студенты. Увѣрены и тверды среди нихъ только евреи и вообще ивородцы; эти знаютъ, что хотятъ. А у нашихъ бѣднягъ, у каждаго—такой комъ въ головѣ сваялся... Тутъ и нищешанство, и толстовство, и марксизмъ, и социализмъ, и просто—«наплевать на все»... Литература имъ не поддержка. Да и можно ли отъ нея ожидать чего нибудь, когда она въ лапахъ того же Шельмензона? Наша читающая публика тоже еще младенческая: ее, куда хочешь, туда и погонишь».

Повѣсть «Третій Римъ» въ цѣломъ своемъ составѣ скорѣе всего психолого-публицистическій очеркъ или памфлетъ, гдѣ основная идея ярко націоналистическая съ развѣтвленіями ея въ сторону обличительной полемики по адресу всего, что такъ или иначе, по мнѣнію автора, тормозитъ развитіе русскаго націонализма и является ему враждебнымъ. Этимъ враждебнымъ покоишій Калитинъ считалъ, какъ это отмѣчено уже выше, тлетворное вліяніе на всѣ отрасли нашей жизни воинствующаго еврейства, къ которому поэтому онъ и относился съ непріязнью и враждою.

Беллетристическая форма, въ которую облеченъ публицистическій очеркъ «Третій Римъ», набросана легкими и красивыми штрихами, гдѣ читатели найдутъ и бѣглость очертаній и сочность карандаша. Въ авторѣ проглядывалъ несомнѣнный свѣжій и оригинальный талантъ, но художникъ-беллетристъ въ немъ боролся съ публицистомъ-моралистомъ, на исключительной національной подкладкѣ, и только время могло опредѣлить, на какомъ изъ этихъ литературныхъ амилуа ему суждено остановиться, и гдѣ въ полной мѣрѣ развить свои недюжинныя природныя силы. Кромѣ «Третьяго Рима», какъ кажется, покоишій Калитинъ не оставилъ по себѣ какого либо болѣе или менѣе цѣльнаго и крупнаго литературнаго наслѣдія. Онъ вышелъ поздно на путь журналиста, но этотъ путь оказался слишкомъ краткимъ и съ неожиданно-скорымъ и трагическимъ финаломъ.

В. Г.

Анатолій Александровъ. Объ основныхъ мотивахъ, воззрѣніяхъ и идеалахъ въ произведеніяхъ русскаго словесности. (Актовая рѣчь въ Рижской Ломоносовской женской гимназіи). Рига. 1905.

Крохотная брошюрка г. Александрова (всего 16 стр. 8^о) представляетъ собой нѣчто вдохновенное и чрезвычайно глубокомысленное. Сей рижскій педагогъ дѣлаетъ необыкновенныя открытія. Напримѣръ, оказывается, что Ломоносовъ обладалъ даромъ предвидѣнія. Подумайте только: онъ предсказалъ войну съ Японіей! Мы не шутимъ; это изображено на 10 стр. брошюрки г. Александрова. Предсказаніе о событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ находится въ слѣдующихъ стихахъ Ломоносова:

Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простираты!
Мы знаемъ щедротъ твоихъ поставимъ,

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1906 г., т. с.

21

Гдѣ солнца вѣсодѣ, и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутятся,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ манджуръ...

«Въ этихъ словахъ, — глубокомысленно замѣчаетъ авторъ, — вызванныхъ реальнымъ проникновеніемъ въ суть предмета, слышится уже что-то пророческое, что-то касающееся даже прямо нашихъ дней и теперешнихъ событій въ Маньчжуріи». Мало того: Ломоносовъ предсказалъ и основаніе Томскаго университета! А именно онъ сказалъ:

Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ.

Кажется, ясно? Подлинно, иной разъ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Можно только поздравить то учебное заведеніе, гдѣ преподаетъ г. Александровъ.

Соотвѣтственно содержанию и тонъ у г. Александрова какой-то вдохновенный. Онъ горячится и бьетъ себя въ перси по поводу самыхъ обыкновенныхъ вещей. Рѣчь г. Александрова изобилуетъ поэтическими сравненіями, олицетвореніями и прочими стилистическими украшеніями. «Своеобразны и любопытны судьбы нашей словесности, какъ любопытны и своеобразны судьбы течения и роста всей нашей духовной жизни, судьбы самой исторіи нашей», — такъ начинается г. Александровъ свою брошюру. Эта мелодическая фраза такъ понравилась автору, что онъ черезъ страницу повторилъ ее всю цѣликомъ, въ видѣ припѣва: «да, поистинѣ своеобразны и любопытны судьбы нашей словесности, какъ любопытны и своеобразны» и пр.

Все то, что говорить г. Александровъ, — общеизвѣстно; витиеватое изложеніе ничего не уясняетъ, а только затемняетъ предметъ. Спрашивается: для чего г. Александровъ опубликовалъ свою рѣчь во всеобщее свѣдѣніе?

Ал—дръ Сл.

Le Chevalier Barberini chez le Tsar Ivan le Terrible, par N. Tcharukow. Société d'histoire diplomatique. Paris. 1904.

Изящно изданная небольшая книга г. Чарыкова связана съ именемъ Рафаэля Барберини, въ настоящее время совсѣмъ забытымъ. А между тѣмъ въ свое время этотъ иностранецъ совершилъ путешествіе по Русской землѣ иностранно описалъ нѣкоторыя стороны ея жизни.

Свѣдѣнія о Рафаэлѣ Барберини очень скудны.

Онъ происходилъ изъ знатной римской фамиліи, особенно возвеличившейся въ первой половинѣ XVII вѣка, когда одинъ изъ представителей ея — Маффео Барберини, вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Урбана VIII (1623—1644). Этому первосвященнику Рафаэль приходился роднымъ дядею.

Въ русской исторіи имя Рафаэля впервые встрѣчается во второй половинѣ XVI вѣка. Занимаясь на родинѣ торговыми дѣлами, онъ естественно интересовался состояніемъ нашей торговли, и съ цѣлью ознакомиться съ ней ближе совершилъ путешествіе въ «Московію».

Изъ Антверпена, черезъ Амстердамъ, Вестфалію, Любекъ, Мекленбургъ, Померанію, Данцигъ, Кенигсбергъ, Ригу, Ревель, Нарву, Новгородъ, Торжокъ и Тверь, онъ въ качествѣ «частнаго человѣка» прибылъ въ Москву въ ноябрѣ 1564 года и тотчасъ же, благодаря привезенному отъ англійской королевы Елизаветы рекомендательному письму, былъ допущенъ до царя.

Иванъ Грозный принялъ путешественника очень благосклонно. По словамъ самого Барберини, онъ былъ позванъ въ Кремль на обѣдъ вмѣстѣ съ иностранными посланниками. Царь самъ указалъ ему мѣсто за столомъ, и раньше, чѣмъ дать знакъ боярамъ садиться, посадилъ рядомъ съ нимъ до двадцати служилыхъ людей изъ нѣмецкихъ дворянъ.

Въ Россіи Рафаэль пробылъ недолго, и по возвращеніи домой, отчасти по желанію графа Нубарола и главнымъ образомъ по настойчивой просьбѣ кардинала Амеліо, подробно описалъ свое путешествіе.

Изложено это «Путешествіе» въ видѣ письма къ отцу и въ подлинникѣ начинается словами: «*Onorando Padre!*» Рукопись его (на итальянскомъ языкѣ) до сихъ поръ хранится въ Римѣ въ Барберинской библиотекѣ, подъ заглавіемъ: «*Relazione di Moscovia. scritta da Raffaello Barberino al conte di Nubarola. Anversa li 16 ottobre, 1565.*», а точный списокъ съ рукописи находится въ Румянцевскомъ музеѣ.

Въ печати «Путешествіе» въ первый разъ появилось на итальянскомъ языкѣ въ 1658 году въ Витербо, въ изданіи Николая Барберини, который къ тексту Рафаэля присоединилъ еще различныя свѣдѣнія о Россіи, извлеченныя изъ богатыхъ матеріаловъ Барберинской библиотеки. Затѣмъ оно издавалось уже неоднократно и на разныхъ языкахъ. На русскомъ же языкѣ оно впервые было напечатано В. И. Любичъ-Романовичемъ въ 1842 году въ «Сынѣ Отечества» подъ заглавіемъ «Путешествіе въ Московію Рафаэля Барберини въ 1565 году» (см. «С. От.», т. III и IV, № 6, стр. 3—16, и № 7, стр. 3—50), а черезъ годъ (въ 1843 г.) тотъ же переводъ вышелъ въ отдѣльномъ изданіи подъ заголовкомъ: «Сказанія иностранцевъ о Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ».

Г. Чарыкову, достаточно уже извѣстному изслѣдователю въ области сношеній иностранцевъ съ Россіею въ XVI и XVII вѣкахъ, удалось разыскать карту, сдѣланную Барберини къ своему путешествію. Карта эта нигдѣ напечатана не была, и это дало поводъ почтенному изслѣдователю собрать разбросанный по разнымъ архивамъ и изданіямъ матеріалъ о путешествіи Рафаэля и издать его вмѣстѣ съ цѣнной картою. Намѣченную задачу г. Чарыковъ выполнилъ очень тщательно. Книга его изобилуетъ массой историческихъ датъ, а приложенный къ ней фототипическій снимокъ съ карты даетъ наглядное представленіе о подлинникѣ.

Появленіе труда г. Чарыкова на русскомъ языкѣ было бы очень желательно.

Въ заключеніе своей рецензіи замѣтимъ, что «Путешествіе въ Московію» Барберини, конечно, гораздо одностороннѣе «Путешествія» Олеарія. И это вполне понятно. Барберини своей поѣздкой преслѣдовалъ слишкомъ узкую цѣль — собрать свѣдѣнія о нашей торговлѣ, а потому въ его рассказѣ ей и уделено первое мѣсто; но, безусловно, въ описаніи его есть и болѣе цѣнный матеріалъ.

Вере.

21*

И. Абрамовъ. «Царь Максимилианъ». Святочная комедія.
Спб. 1904.

«Кумедія» «Царь Максимилианъ» представляет собой очень интересный образец современного народного творчества. Она записана г. Абрамовымъ въ мѣстечкѣ Воронежѣ, Глуховского уѣзда, Черниговской губерніи, жители котораго, по его мнѣнію, заимствовали его отъ пришлыхъ рабочихъ одного сосѣдняго заводскаго поселенія. Это подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что населеніе Воронежа говоритъ по-малорусски, а «кумедія» разыгрывается на немного испорченномъ великорусскомъ языкѣ; во-вторыхъ, тѣмъ, что «кумедія» имѣетъ нѣсколько вариантовъ, свидѣтельствующихъ о ея распространенности (она напечатана въ «Этнографическомъ Обзорѣніи» 1891, 1896 и 1898 г.г.). Героями комедіи являются царь Максимилианъ, его сынъ Адольфъ, Брамбеусъ палачъ, Максимка-кузнецъ, Скороходъ, Дѣвица, два богатыря, гробокопатель старикъ Марко, Черный Арапъ, Змѣй-уланъ, Аника-воинъ, Смерть въ образѣ старухи, король Мамай и нѣкоторые другіе. Главное содержаніе пьесы посвящено отношеніямъ Максимилиана къ Адольфу. Пока послѣдній «по Волгѣ катался, съ разбойниками занимался», его отецъ женился во второй разъ, взявъ себѣ жену съ «кумирической вѣрой». «Кумедія» начинается возвращеніемъ Адольфа, поющаго довольно испорченное стихотвореніе Е. П. Гребенки: «Казакъ на чужбинѣ». Затѣмъ появляется Максимилианъ. Онъ гнѣвается на сына за долгую отлучку и предлагаетъ ему владѣть всѣмъ царствомъ, но подъ условіемъ поклоненія «кумирическимъ богамъ». Сынъ отказывается, а отецъ призываетъ Максимку-кузнеца, чтобы тотъ заковалъ непокорнаго сына въ цѣпи. Адольфъ остается твердымъ и не хочетъ разстаться съ христіанскою вѣрою. Тогда царь призываетъ Брамбеуса-палача, который и отрубаетъ голову Адольфу. Здѣсь симпатіи неизвѣстнаго автора всецѣло принадлежатъ непокорному сыну, пострадавшему за правое дѣло. Это видно хотя бы изъ постука палача, который послѣ совершенія казни говоритъ:

Подъ зеленой, зеленой ракикой
Лежалъ царскій сынъ, убитый,
По-надъ желтыми песками
Протекала кровь ручьями.
Ухъ, ты, ржавое желѣзо,
Пронзи мое ретивое сердце
За невинную душу!..

И съ этими словами онъ убиваетъ себя. Царь приказываетъ призвать гробокопателя Марка, и когда тотъ является, между ними начинается слѣдующій юмористическій разговоръ: «Здравствую, царь!» — «Здравствуй, здравствуй, старикъ!» — «На что требуете?» — «А вотъ сослужи мнѣ службу». — «Съ вашу дружбу?.. Посуньтесь, царе, я возлѣ васъ сяду, буду дружбу дружить». — «Кто тебѣ говоритъ дружбу? А вотъ уברי сына Адольфа и рыцаря». — «Гдѣ же онъ?» — «А вонъ, лежать». — «Вѣжкать?» — «Воротись, воротись, старикъ! Куда ты побѣжалъ?» — «Вы говорите — бѣжкать». — «Я тебѣ говорю — лежать!» —

«Кто жъ это зарѣзалъ вашего сына, и за что?»— «Да это его зарѣзали за его непослушаніе».— «Вачите, царе, съ малыхъ лѣтъ корми, корми его, а онъ подрастетъ и не слушаетъ отца. И у меня есть такой сыночекъ, чтó не слушаетъ отца...»— «Убирай, убирай ихъ скорѣе, чтобы они не лежали!»—Этимъ заканчивается главное дѣйствіе комедіи; далѣе слѣдуютъ частные эпизоды, пристегнутые къ нему совершенно искусственно: напримѣръ, борьба двухъ богатѣйшихъ, поспорившихъ изъ-за дѣвицы, юмористическое лѣченіе ихъ «лѣкаремъ, нѣмецкимъ аптекаремъ»; побѣда Аники-воина надъ Чернымъ Арапомъ и Зыбемъ-уланомъ; пляска жида; появленіе казака, царя Мамаю и цыгана и др. Оканчивается комедія возвѣщеніемъ царя Максимилиана о томъ, что «звѣзда съ неба упала и осіяла весь бѣлый свѣтъ».

Такимъ образомъ, по своему содержанію она не представляетъ чегонибудь цѣльнаго, такъ какъ состоитъ изъ цѣлаго ряда небольшихъ дѣйствій, совершенно произвольныхъ и не вытекающихъ одно изъ другого. Самая тема и нѣкоторыя детали позволяютъ догадываться, что неизвѣстный авторъ ея находился подъ сильнымъ вліяніемъ переводныхъ рыцарскихъ романовъ, до сихъ поръ пользующихся популярностью среди низшихъ слоевъ городского населенія. Кое-что заимствовалъ онъ и у нашихъ поэтовъ; такъ онъ заставляетъ своихъ героев пѣть нѣсколько испорченныхъ, извѣстныхъ въ народѣ пѣсни, въ родѣ «Не слышно шума городского», «Казакъ на чужбинѣ», «Я въ темницу удалюсь изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ», «Хожу я, гляжу я безмолвно на черную шаль» и др. Въ заключеніе упомянемъ, что къ тексту комедіи приложено письмо одного жителя мѣстечки Воронежа, въ которомъ тотъ описываетъ костюмы дѣйствующихъ лицъ.

А. Я.

А. С. Парамоновъ. О законодательствѣ Анны Іоанновны. Опытъ систематическаго изложенія. Спб. 1904.

Книга эта подтверждаетъ замѣчаніе автора о «малой развитости силы умственной у большинства» и еще болѣе малую «развитость» знаній. Почтенный авторъ не случайный, анонимный компиляторъ; онъ много потрудился надъ своимъ опытомъ, издалъ его на хорошей бумагѣ, съ двумя портретами, указалъ свои источники и съ гордостью, повидимому, подписалъ свое имя. Онъ—только жертва общей у насъ неосвѣдомленности по русской исторіи. Изложивъ въ первой части историческій очеркъ царствованія Анны Іоанновны, г. Парамоновъ съ симпатичной откровенностью признается, что въ составленіи его пользовался «преимущественно»: 1) записками Манштейна, изд. 1810 г., и 2) сочиненіемъ А. Вейдемейера: «Обзоръ главнѣйшихъ событій въ Россіи отъ Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны», изд. 1848 г.; кромѣ того, онъ ссылается на старый учебникъ исторіи Устрялова. Мы допускаемъ, что люди, интересующіеся русской исторіей времени Анны Іоанновны, могутъ не звать о многихъ прекрасныхъ монографіяхъ, касающихся различныхъ сторонъ ея царствованія, но рѣшительно не понимаемъ, какъ неосвѣдомленность ихъ можетъ простираться до того, что они не знаютъ ни исторіи

Соловьева, ни популярных очерковъ Костомарова. Во второй части своей книги почтенный авторъ пользуется единственно полнымъ собраніемъ законовъ, предполагая, что не вошедшіе въ это собраніе указы или «сгорѣли въ пожарахъ, или не отысканы», и опять не подозреваетъ, что опись такихъ указовъ давно напечатана П. Барановымъ, а часть ихъ за 1731—1734 гг. издана въ бумагахъ кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны (Сборн. Имп. Русск. истор. общ., томы 104, 106, 108, 111). Авторъ много разсуждаетъ по философіи исторія о «геніальностяхъ», которыя «просвѣчиваются и производятъ великое», и по теоріи права («лицо физическое или юридическое, въ которомъ проявляется высшая власть государства, получаетъ свое юридическое начало въ управленіи со дня вступленія»). По поводу извѣстнаго термина XVIII вѣка «подлые люди» (т. е. низшіе классы) онъ разсуждаетъ, что законодательство мало уважало личность гражданъ, и что въ этомъ выраженіи сказалась «infamia, основанная на обычаяхъ и «дикость понятій», хотя «дикость понятій» въ этомъ случаѣ относится не къ Аннѣ Іоанновнѣ, а къ нашему времени, если судить о немъ по разсматриваемой книгѣ. Вслѣдствіе такихъ недоразумѣній авторъ недостаточно исполнилъ свою задачу «вникать въ самую сущность каждаго учрежденія» и недостаточно наглядно показалъ намъ, какъ при разсмотрѣніи «отжившей законодательной эпохи» надо «дѣлать анатомію надъ омертвѣвшими вѣтвями, или, сказать, листками, отпавшими отъ живого организма».

Н. Л.

Живая Старина. Періодическое изданіе отдѣленія этнографіи Императорскаго Русскаго географическаго общества. Подъ редакціею В. И. Ламанскаго. Годъ XIV. Выпуски I и II. Спб. 1905.

Журналъ «Живая Старина» издается уже четырнадцатый годъ. За время изданія, благодаря редактору академику В. И. Ламанскому, журналъ напечаталъ массу цѣнныхъ этнографическихъ трудовъ и приобрѣлъ извѣстность одного изъ лучшихъ нашихъ этнографическихъ изданій. Въ названной книжкѣ журнала, главнымъ образомъ, обращаетъ на себя вниманіе статья Д. Зеленина: «Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи». Въ этой статьѣ присловья (прозвища жителей городовъ и деревень) авторомъ сгруппированы по особенностямъ говора и особенностямъ быта жителей. Въ заключеніе авторъ скромно говоритъ: «Въ своей настоящей статьѣ мы не исчерпали всего того, что можетъ извлечь этнографъ изъ изученія великорусскихъ народныхъ присловій. Мы и не задавались здѣсь такой задачей, а хотѣли намѣтить только главные пункты, которые должны обратить вниманіе изслѣдователей на этотъ забытый родъ народной поэзіи».

Кромѣ того, въ названной книжкѣ журнала помѣщены записи народнаго творчества: изъ этихъ работъ должны упомянуть трудъ того же Д. Зеленина: «Изъ быта и поэзіи крестьянъ Новгородской губерніи (по матеріаламъ изъ бумагъ В. А. Воскресенскаго)», затѣмъ загадки, записанныя В. Н. Добровольскимъ, и, наконецъ, записи свадебныхъ обрядовъ въ Орловской, Вологодской и Новгородской губерніяхъ.

П. Д.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ тридцать четвертый. Тифлисъ. 1904.

Книга начинается трудомъ Е. С. Такайшвили: «Описаніе рукописей библіотеки общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія». (продолженіе; начало труда было помѣщено въ 31-мъ выпускѣ «Сборника»). Здѣсь подробно описаны рукописи подъ №№ 88—129.

Затѣмъ помѣщены труды М. Г. Дканашвили—«Гори и его окрестности», Ф. С. Яновича—«Очерки Карсской области» и Н. Ширакуни—«Зангезурскій уѣздъ Елисаветпольской губерніи», гдѣ сообщаются описанія мѣстностей и исторія края.

Въ книгѣ помѣщены также записи легендъ, преданій, сказокъ, заговоровъ, пословицъ, поговорокъ и тому подобнаго народнаго творчества кавказскаго населенія. Интересны легенды, записанныя Е. З. Барановымъ въ Терской области о ласточкѣ, воробѣй и о 6 растеніяхъ.

Мы очень небогаты мѣстными изслѣдованіями какъ въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, такъ и другихъ отношеніяхъ, и потому появленію подобныхъ книгъ нельзя не порадоваться. П. Д.

Кавказъ. Рача, Горійскій уѣздъ, горы Осетіи, Пшаветія, Хевсуретія и Сванетія. «Путевыя замѣтки» графини Уваровой. Часть III. Москва. 1904.

Въ этомъ году появилась въ печати третья часть «Путевыхъ замѣтокъ» графини Уваровой, посвященныхъ Кавказу. Эта часть обнимаетъ Рачу, Горійскій уѣздъ, Осетію, Пшаветію, Хевсуретію и Сванетію. вмѣстѣ съ I и II частями «Путевыхъ замѣтокъ», заключающими въ себѣ обзоръ поѣздки по Сѣверному Кавказу, Эриванской губерніи, Абхазіи, Аджаріи, Шавшетіи и Псковскому участку, третья часть поѣздокъ графини Уваровой почти исчерпываетъ всѣ наши археологическія свѣдѣнія о Грузіи и прилегающихъ къ ней провинціяхъ. Авторъ описываетъ свое путешествіе въ формѣ дневника и заноситъ на его страницы все, что имѣетъ печать исторической старины. Живописныя картины «дивнаго и далекаго края» сопровождаютъ ученое описаніе деталей разрушенныхъ храмовъ и замковъ Грузіи, оживляютъ сухой перечень предметовъ изъ могильниковъ и акрополей Осетіи, опредѣляютъ географическое положеніе изслѣдуемыхъ памятниковъ. Созерцаніе причудливыхъ ущелій и широкихъ низинъ съ богатою зеленью на берегу шумящаго потока, величественныхъ ледниковъ и сторожевыхъ скалъ возвышаетъ автора до поэтическаго вдохновенія. Рядъ такихъ художественныхъ описаній и сообщаетъ «Путевымъ замѣткамъ» интересъ для болѣе широкаго круга читателей и въ особенности для тѣхъ, которые намѣреваются посѣтить Кавказъ. Въ книгахъ графини Уваровой найдутъ они всѣ полезныя для путешествія указанія и совѣты. Попутно авторъ высказываетъ мысли о современномъ бытѣ, о грядущей судьбѣ кавказскихъ

народностей, отмѣчаетъ ихъ нравы, останавливается на ихъ обычаяхъ, относясь съ теплою симпатіей и глубокимъ пониманіемъ къ ихъ вѣрованіямъ и унаслѣдованнымъ традиціямъ. Одно мѣсто изъ «Путевыхъ замѣтокъ» заслуживаетъ нашего вниманія: «Мнѣ всегда кажется,—говоритъ графиня,—что воспитаніе, даваемое нами кавказскому населенію, только уродуетъ его: изъ мягкаго, отъ природы учтиваго и полнаго благородныхъ стремленій горца мы въ нашихъ школахъ обращаемъ его въ какого-то грубаго, дерзкаго сорванца, отнимаемъ у него все чистое, благородное, честное и прививаемъ къ нему все наше дурное, несимпатичное и въ нашемъ отечествѣ, а тѣмъ болѣе непримѣнимое и совершенно ненужное этимъ вольнымъ сынамъ дивнаго Кавказа» (стр. 163). Любовь къ старинѣ, тонкое пониманіе красотъ природы, неизмѣнное сочувствіе народу, среди котораго автору приходится совершать путешествіе, вѣютъ надъ всѣми произведеніями почтенной изслѣдовательницы, согрѣваютъ ея «Замѣтки» теплымъ лучемъ солнца, среди недружелюбнаго и часто несправедливаго хора отзывовъ о кавказскихъ народностяхъ. Такъ и въ выдержанный тонъ никогда не измѣняютъ автору, и если мы находимъ въ «Путевыхъ замѣткахъ» рискованныя утвержденія въ родѣ того, что «хевсурсы—не грузины», то это объясняется незнакомствомъ графини съ грузинскими нарѣчіями и еще болѣе слабой разработкой грузинской группы языковъ, въ чемъ, конечно, автора «Замѣтокъ» не приходится винить. Изложеніе графини иллюстрируется 18 таблицами, воспроизводящими виды, памятники и типы Кавказа.

А. Хахановъ.

Фюстель де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Переводъ подъ редакціей профессора И. М. Гревса. Т. II. Германское вторженіе и конецъ имперіи. (Научно-историческая бібліотека). Спб. 1904.

За предѣлами своей родины Фюстель де-Куланжъ извѣстенъ широкой публикѣ главнымъ образомъ, какъ авторъ «Гражданской общины античнаго міра». Эта книга дѣйствительно представляетъ собою классическое произведеніе, заслужившее вниманіе всего образованнаго міра и въ высокой степени поучительное во всѣхъ смыслахъ. Одна она уже даетъ Фюстелю де-Куланжу право на самое почетное мѣсто въ ряду наиболѣе видныхъ представителей исторической науки и литературы. Справедливо говорить по этому поводу нашъ извѣстный историкъ П. Г. Виноградовъ: «Съ тремя именами связано представительство Франціи въ современной исторической наукѣ: «Жизнь Іисуса» Ренава, «Происхожденіе современной Франціи» Тэна и «Гражданская община античнаго міра» Фюстеля де-Куланжа извѣстны болѣе или менѣе всѣмъ образованнымъ людямъ. Успѣхъ послѣдней книги, можетъ быть, наиболѣе достоинъ замѣчанія. Она стоитъ вдали отъ жгучихъ вопросовъ настоящаго и, тѣмъ не менѣе, вызвала интересъ среди обширной публики и существенно повліяла на ея взгляды. Тайна такого успѣха не во внѣшнихъ достоинствахъ только; изящество, ясность изложенія, стройность аргументаціи сами по себѣ недостаточны для того, чтобы объяснить эту выходящую изъ ряда и весьма прочную популяриность: преимуще-

щества формы тѣсно связаны въ данномъ случаѣ съ богатствомъ содержанія» (см. статью Виноградова въ «Русской Мысли» за 1890 годъ въ № 1-мъ, подъ заглавіемъ: «Фюстель де-Куланжъ. Итоги и приемы его ученой работы») ¹⁾. Въ отзывѣ L'Institut de France по поводу присужденія въ 1891 году большой двух-годовой премии «дѣлу Фюстеля де-Куланжа» о томъ же первомъ научномъ трудѣ Фюстеля читаемъ: «Эго—только одна книга въ 500 стр., а между тѣмъ въ ней воскресаетъ античный міръ въ его цѣломъ, отъ таинственныхъ зародышей семьи и общественнаго союза до того момента, когда законы Рима и религія Христа создали единое отечество изъ столькихъ враждебныхъ государствъ и разрозненныхъ вѣрованій»... «Вліяніе, обваруженное «Гражданскою общиною древняго міра» на ученыхъ изслѣдователей нашего времени, даже за предѣлами Франціи,—неоспоримо: она открыла наконецъ для изученія древности настоящую дорогу, она показала, такъ сказать, какова душа античной жизни». Всѣ болѣе или менѣе образованные люди знаютъ, насколько все это справедливо, и врядъ ли найдется мало-мальски образованный человѣкъ и въ Россіи, который бы не зналъ, что «мало такихъ прекрасныхъ книгъ, какъ «Древняя гражданская община» (отзывъ Турнье).

Но не въ одной «Гражданской общинѣ античнаго міра» громадное значеніе Фюстеля де-Куланжа, какъ замѣчательнаго историка. Болѣе,—если уже этотъ первый плодъ научнаго творчества знаменитаго французскаго историка имѣетъ такое значеніе, если уже эта небольшая сравнительно книга, трактующая лишь античный міръ, какъ нѣчто въ самомъ себѣ замкнутое и самодовлѣющее, даетъ образованному человѣку нѣчто въ высокой степени полезное, расширяющее умственный кругозоръ, возбуждающее работу мысли,—то цѣлый рядъ другихъ работъ Фюстеля де-Куланжа и главнымъ образомъ трудъ его жизни, въ настоящее время переводимый на русскій языкъ подъ редакціей такого знатока и поклонника его, какъ И. М. Гревсъ, представляетъ собою памятникъ, можно сказать, гениальнаго историческаго творчества, вводящій въ очаровательный міръ замѣчательно тонкой работы мысли, замѣчательно тонкаго анализа, замѣчательно стройной и научной конструкціи, бросающій яркій свѣтъ на самые животрепещущіе вопросы исторической науки, возбуждающій въ читателѣ самую энергичную критическую работу, наполняющій душу его глубокимъ чувствомъ наслажденія и, наконецъ, въ высокой степени поучительный не только по своему специальному содержанію и по специальнымъ результатамъ, но и по общеисторическимъ приемамъ анализа и синтеза, по общесоціологическимъ результатамъ и по своему глубоко научному духу, чуждому и ученой мелочности и ученаго неумѣнія хоть сколько нибудь осмыслить специальное изслѣдованіе

¹⁾ Считаемо нелишнимъ для широкой публики указать тутъ нѣсколько статей, изъ которыхъ можно познакомиться съ научной физіономіей Фюстеля де-Куланжа: Гиро, «Фюстель де-Куланжъ», М., 1898 г. (дѣльная книга); И. М. Гревсъ, «Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія», т. I, стр. XVI, 22—28, 604—607, его же статья въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1886 годъ, № 11—12; его же статья въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгаузъ-Ефрона, въ полутомѣ 72; Дубровскій—статья о Фюстелѣ де-Куланжѣ въ «Вѣстникѣ и Библиотекѣ Самообразованія» за 1903 годъ, № 41.

по тому или иному вопросу далекаго проплаго. А между тѣмъ, кромѣ «Гражданской общины античнаго міра», ни одна изъ работъ Фюстеля де-Куланжа не извѣстна широкой публикѣ ни въ Европѣ, ни у насъ и даже не переведена до сихъ поръ ни на одинъ иностранный языкъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что въ своихъ работахъ, посвященныхъ средневѣковой Европѣ, Фюстель де-Куланжъ сразу сталъ на такую точку зрѣнія, которая должна была вызвать противъ него озлобленіе историковъ особенно въ Германіи, и согласиться съ которой не могли ученые изслѣдователи тѣхъ же вопросовъ, которыми интересуется Фюстель, уже потому, что она сводила къ положительному нулю все, что было сдѣлано ими, и чѣмъ они гордились, какъ неоспоримымъ результатомъ ихъ научной работы. Когда эта точка зрѣнія впервые была формулирована въ самомъ общемъ и догматическомъ видѣ въ 1872 г. въ статьѣ, напечатанной Фюстелемъ де-Куланжемъ въ «Revue des Deux Mondes», то никто изъ ученыхъ не хотѣлъ вѣрить, что это — не шутка: до такой степени казалось всѣмъ нелѣпнымъ отвергать то, что въ нѣмецкой наукѣ, претендовавшей на гегемонію, считалось разъ навсегда рѣшеннымъ и никакого сомнѣнія не возбуждающимъ. А отвергалъ Фюстель де-Куланжъ вотъ что. «Германское вторженіе, — писалъ онъ, — не можетъ быть названо завоеваніемъ: самое большое, если можно признать его замѣною одной власти другою; прежній политическій порядокъ продолжаетъ жить при новыхъ государяхъ. Произошла не рѣзкая революція, а только нѣкоторое ускореніе эволюціи явленій, зародившихся уже давно. Въ Римской имперіи государство истощалось все больше и больше съ каждымъ днемъ на глазахъ у возвышавшейся аристократіи; германское вторженіе было только новою, лишнею, можетъ быть, самою могущественною причиною быстрого прогресса уже далеко зашедшаго разложенія». Такимъ образомъ всѣмъ становилось яснымъ, что Фюстель де-Куланжъ доискивается происхожденія феодализма гдѣ-то внѣ Германіи. Это шло въ разрѣзъ съ утвержденіями господствующей исторической школы, во главѣ которой стояли такіе авторитетные представители исторической школы, какъ Вайтцъ и Ротъ. Какъ первыя статьи Фюстеля въ 1872—1873 году, посвященные одной лишь голой формулировкѣ этого основного положенія, такъ и капитальный трудъ его объ общественномъ строѣ древней Франціи, опирающійся на цѣлый рядъ блестящихъ доказательствъ документальнаго и критическаго характера въ пользу этого именно основного положенія, вызвало противъ себя рѣзкую оппозицію среди особенно нѣмецкаго ученаго міра, до сихъ поръ во многихъ случаяхъ не умѣющаго безпристрастно оцѣнить все громадное значеніе блестящаго французскаго историка. Конечно, существуютъ и другія причины, почему главный трудъ Фюстеля де-Куланжа такъ мало извѣстенъ широкой публикѣ. Во всякомъ случаѣ, что касается русской читающей публики, хотя сколько нибудь интересующейся серьезными историческими вопросами и хотя сколько нибудь не чуждой западно-европейской образованности, то она въ настоящее время, благодаря переводу его на русскій языкъ, получаетъ возможность черпать изъ него все, что въ немъ есть замѣчательнаго и поучительнаго. Къ сожалѣнію, переводится онъ ужасно медленно: съ 1901 года до сихъ поръ переведены лишь I и II томы. Правда, зато переводъ сдѣланъ очень тщательно, съ любовью

и съ замѣчательнымъ уваженіемъ и къ автору и къ его работѣ, но и въ этомъ случаѣ все-таки нельзя не пожалѣть о медленности, съ какою онъ выходитъ въ свѣтъ.

Когда переводъ «Общественнаго строя древней Франціи» будетъ законченъ, то мы будемъ имѣть на русскомъ языкѣ одно изъ такихъ историческихъ пособій, которое безспорно будетъ обязательно изучаться и учащеюся молодежью и просто образованными людьми, и безъ знакомства съ которымъ мы уже не будемъ имѣть возможности представить себѣ ни одного исторически образованнаго человѣка — и особенно преподавателей исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, хотя и отличающихся часто не только незнаніемъ Фюстеля де-Куланжа, но и самыхъ популярныхъ вещей чисто русскаго издѣлія. Но уже и теперь, когда переведены 1-й и 2-й томы, передъ нами Фюстель де-Куланжъ во весь ростъ. Особенно это слѣдуетъ сказать о 2-мъ томѣ, съ котораго, по справедливому замѣчанію редактора перевода, «расцвѣтаютъ въ полной силѣ замѣчательныя внутреннія качества крупнаго произведенія знаменитаго историка».

Наша рецензія разрослась противъ нашего желанія. Многого мы не сказали изъ того, что хотѣлось бы сказать. Можетъ быть, слѣдовало бы даже дать краткое изложеніе лежащаго передъ нами тома, чтобы выяснить основную руководящую мысль Фюстеля. Но мы думаемъ, что для всякаго, кто прочтаетъ трудъ Фюстеля де-Куланжа, все въ немъ будетъ ясно и понятно и безъ всякаго толкованія: настолько мастерски, просто и ясно написанъ онъ. Правда, если бы мы писали специальную критическую рецензію, то мы несомнѣнно постарались бы показать всѣ недостатки исторической работы Фюстеля де-Куланжа и выяснить тѣ пункты, по которымъ согласиться съ нимъ невозможно. Но намъ лишь хотѣлось въ самыхъ общихъ чертахъ указать вообще на значеніе Фюстеля де-Куланжа, чтобы рекомендовать читателю его основную работу, чтобы возбудить въ немъ хоть маленькое желаніе познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ историческимъ трудомъ: о своихъ непосредственныхъ и реальныхъ достоинствахъ онъ скажетъ самъ всякому интересующемуся цвдумчивому читателю. Когда переводъ будетъ уже законченъ, мы дадимъ болѣе обстоятельное обозрѣніе его съ сильной критикой въ другомъ мѣстѣ.

Н. Н.

Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка. Перевелъ М. П. Литвиновъ. Томъ III. Съ 73 иллюстраціями. Спб. 1904.

Третій томъ объемистаго труда Грегоровіуса охватываетъ періодъ времени въ двѣсти лѣтъ: отъ провозглашенія Карла Великаго императоромъ до смерти Оттона III. Это время — одна изъ самыхъ мрачныхъ и печальныхъ страницъ въ исторіи вѣчнаго города. Въ политическомъ отношеніи Римъ былъ опутанъ сѣтью интригъ и преступленій, посредствомъ которыхъ папы, императоры, короли и мѣстная знать отстаивали свои интересы. Само папство, которое отбрасывало на вѣчный городъ отблескъ своей славы, святости и могущества, въ

описываемый періодъ, за рѣдкими исключеніями, дѣлается ареной ничтожныхъ карьеристовъ, развратныхъ юношей и, по преданію, даже женщинъ. Въ культурномъ отношеніи это темнѣйшій періодъ средневѣковья, на смѣну которому долженъ прійти вѣкъ схоластики.

Въ книгѣ Грегоровіуса находимъ бѣглое, мимоходомъ брошенное замѣчаніе, что культурное состояніе той или другой эпохи и ея людей наиболѣе рельефно характеризуется способами, «которыми награждаются доблести и караются преступленія». Присматриваясь съ этой точки зрѣнія къ Риму IX—X вѣковъ, находимъ удивительныя картины. Весь уголовный кодексъ средневѣковья, читаемъ у Грегоровіуса, представляетъ поразительное смѣшеніе самаго грубаго варварства и ангельской кротости. Надо думать, что употребленіе той или другой системы наказанія всецѣло зависѣло отъ степени власти и богатства лицъ, пострадавшихъ при преступленіи. Приговоры, произнесенные безъ всякаго давленія на судей, карали преимущественно епитиміей, состоявшей въ посѣщеніи какого нибудь святаго мѣста. Для этого епископъ выдавалъ преступнику нѣчто въ родѣ современнаго проходного свидѣтельства, въ которомъ удостовѣрялось преступленіе, и точно указывались свойства и продолжительность путешествія. Съ такимъ удостовѣреніемъ преступникъ «путешествовалъ, какъ съ настоящимъ паспортомъ, выданнымъ начальствомъ, и по пути предъявлялъ его аббатамъ и епископамъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, по которымъ ему доводилось проходить. Благодаря такому письму епископа, виѣстѣ и отлучающему и рекомендательному, преступникъ повсюду пользовался гостепріимствомъ и могъ безъ всякихъ заботъ слѣдовать отъ одного этапа къ другому вплоть до назначенной ему конечной цѣли путешествія. Отъ этой «ангельской кротости» гигантскій шагъ къ судьбѣ наказуемыхъ государственныхъ преступниковъ, вѣрнѣе, личныхъ и политическихъ враговъ и противниковъ, лицъ, поднятыхъ въ данный моментъ судьбой на высоту. Страшный соборъ—*Synodus horrenda*—въ 897 году производилъ судъ надъ умершимъ папой Формозомъ. Его трупъ, пролежавшій нѣсколько мѣсяцевъ въ могилѣ, въ парадномъ папскомъ одѣяніи былъ посаженъ въ залъ суда. Послѣ рѣчей представителя папы Стефаны, самого папы и защитника умершаго Формоза, онъ былъ отлученъ отъ церкви и безъ папскаго облаченія, съ отрубленными тремя пальцами правой руки протащенъ по улицамъ Рима и брошенъ въ Тибръ. Въ этой типичной для эпохи картинѣ нѣтъ лишь одного весьма употребительнаго аксессуара наказанія: покрытаго паршами осла. На немъ голый, сидя лицомъ къ хвосту и держа послѣдній, съ привѣшеннымъ къ нему колокольчикомъ, вмѣсто поводя, развѣзжалъ по Риму мятежный префектъ Петръ, изувѣченный антипапа Филагата и многіе другіе. Несмотря на ничтожный культурный и идейный интересъ описываемой эпохи, рассказъ о ней Грегоровіуса читается съ большимъ интересомъ. Уступая многимъ широтой своего взгляда и умѣніемъ вставлять историческія картины въ рамки соціологическихъ схемъ, нашъ авторъ является однимъ изъ немногихъ страстно любящихъ предметъ своего изслѣдованія историковъ. Любовь Грегоровіуса къ Риму сказывается двояко: какъ нѣмецъ, онъ съ рѣдкой добросовѣстностью заноситъ въ свою исторію каждую мелочь, касающуюся великаго города; какъ авторъ многихъ поэтическихъ произведеній, въ

качествѣ поэта, влюбленнаго въ Римъ, нашъ историкъ, освѣщая прошлое вѣчнаго города своимъ крупнымъ художественнымъ талантомъ, оживляетъ картины минувшаго и показываетъ читателямъ удивительные по своей рельефности и жизненности образы дѣятелей средневѣковаго Рима. Современные римляне сумѣли оцѣнить трудъ Грегоровіуса и отблагодарить его за любовь къ ихъ городу. Общинный совѣтъ Рима издалъ на общественный счетъ всѣ девять томовъ разбираемаго сочиненія и избралъ автора почетнымъ гражданиномъ этого города.

Е. М. В.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Составила Т. Богдановичъ. Съ многочисленными (?) иллюстраціями и приложеніемъ текста японской конституціи. Спб. 1905.

Авторъ познакомился съ новѣйшей литературой о Японіи, главнымъ образомъ, англійской и нѣмецкой, обладаетъ умѣньемъ рассказывать литературно и живо, и вся книга производитъ такое же благопріятное впечатлѣніе, какъ и другая его работа подобнаго же характера, появившаяся четыре года тому назадъ: «Современный Китай. Элементы застоя и прогресса въ китайской жизни». Въ ряду появившихся въ послѣднее время многочисленныхъ популярныхъ книжекъ, посвященныхъ изученію Китая, книга г-жи Богдановичъ выгодно выдѣлилась, какъ добросовѣстно составленная и живо изложенная компиляція. Первоначально она появилась на страницахъ «Міра Божьяго», затѣмъ въ значительной обработкѣ и съ дополненіями вышла отдѣльнымъ изданіемъ. Книга вызвала цѣлый рядъ благопріятныхъ отзывовъ, и точно такое же впечатлѣніе производитъ и новая книга—о Японіи. Въ своемъ введеніи Т. Богдановичъ говоритъ, что въ подавляющемъ большинствѣ европейскіе туристы не знаютъ, не понимаютъ и не «хотятъ понять» настоящей обликъ страны и ея населенія: въ этомъ отношеніи болѣе вѣрные взгляды были высказаны русскими—капитаномъ Головинымъ и Гончаровымъ, которые такъ или иначе «понимали» характеръ Японіи. Это объясняется невозможностью составить апіорнымъ путемъ общую психологію японскаго народа, и не даромъ одинъ англичанинъ, проживающій нѣсколько лѣтъ среди японцевъ, говорилъ: «если вы пробьете въ Японіи шесть недѣль—вы все понимаете; черезъ шесть мѣсяцевъ вы начинаете сомнѣваться, черезъ шесть лѣтъ вы ни въ чемъ не увѣрены»... А потому, по мнѣнію автора, общая характеристика будетъ болѣе или менѣе вѣрной лишь послѣ близкаго знакомства съ современной политикой и экономической жизнью страны и уровнемъ ея умственной культуры. По книгѣ Т. Богдановичъ сдѣлать это не трудно, такъ какъ при живомъ изложеніи въ ней много матеріала. Книга распадается на четыре части: «Природныя условія Японіи», «Исторія Японіи до переворота», «Эпоха тревоги» и «Современное положеніе Японіи». Болѣе интересными отдѣлами послѣдней части можно назвать слѣдующія: «Государственный строй», «Промышленныя предіриятія правительства», «Рабочій вопросъ», «Народное образованіе», «Положеніе женщины». Въ нихъ предъ читателемъ пройдетъ яркая картина положительныхъ сторонъ японской жизни, какъ результатъ конституціи. Отдѣлъ искусства, литературы и періо-

дической прессы вышелъ довольно слабымъ. Цѣнные свѣдѣнія приводятся въ приложеніи: это—«таблицы подневныхъ заработковъ японскихъ рабочихъ». Рисунки набросаны случайно, не особенно многочисленны (около 25) и не всѣ исполнены удовлетворительно. А. Я.

Архимандритъ Месропъ теръ-Мовсесянъ. Раскопки развалинъ церкви св. Григорія близъ Эчмиадзина. Спб. 1904.

Описанію раскопокъ развалинъ церкви св. Григорія, произведенныхъ архим. Хачикомъ Дадьяномъ, авторъ предпосылаетъ краткую исторію постройки церкви, о которой существуетъ довольно богатая литература. На основаніи свидѣтельствъ Себеоса, Моисея Кагакантиваца, Өомы Арцруни, католикоса Іоанна, Стефана Асотка, Самуила Анійскаго, Мхитара Айриванскаго и др., церковь просвѣтителя Арменіи, св. Григорія, была построена католикосомъ Нерсесомъ III, приблизительно въ 645—660 годахъ. Нерсесъ III извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Нерсеса-Строителя, такъ какъ по его мысли въ Арменіи было построено много церквей, а между ними и великолѣпная церковь св. Григорія близъ Эчмиадзина. Въ первоначальномъ видѣ церковь простояла недолго и вскорѣ была разрушена; время разрушенія не извѣстно, такъ какъ ни у одного изъ историковъ ничего не упоминается объ этомъ событіи. Относительно причинъ разрушенія церкви авторъ склоненъ думать, что оно произошло вслѣдствіе одного изъ землетрясеній, которыя довольно часты въ Арменіи. Насколько великолѣпна была церковь, видно изъ тѣхъ похвалъ, которыя расточаютъ ей армянскіе историки; такъ, о храмѣ встрѣчаются такія выраженія: «высокій, съ чудными украшеніями, достойный славы Божіей (Себеосъ)», «храмъ великій, чудный» (Іоаннъ католикосъ) и др. Авторъ склоненъ буквально принимать подобныя выраженія, но намъ они кажутся нѣсколько преувеличенными: безъ сомнѣнія, такъ говорить можетъ заставить только мѣстный патріотизмъ, или же это—стереотипныя выраженія.

Интересно, между прочимъ, прослѣдить, какъ возникла мысль о производствѣ раскопокъ развалинъ церкви. Остатки Нерсесова строенія давно уже лежали на дворѣ Эчмиадзинской духовной академіи въ видѣ четырехъ большихъ капителей. На нихъ никто не обращалъ вниманія, было даже позабыто, кѣмъ и для какой цѣли были привезены капители. Въ 1890 г. ученый Іосифъ Стржиговскій, пріѣхавшій въ Эчмиадзинъ для изученія на мѣстѣ памятниковъ армяно-византійскаго искусства, впервые обратилъ вниманіе на капители и описалъ ихъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, при чемъ вѣрно опредѣлилъ ихъ принадлежность къ церкви св. Григорія. Это возбудило интересъ къ остаткамъ кавказской старины, и авторъ разсматриваемаго труда самъ сталъ производить раскопки, но не докончилъ дѣла, которымъ занялся о. Хачикъ Дадьянъ, продолжающій его и до настоящего времени.

Были открыты: а) планъ всей церкви; в) алтарь съ каменной ракой въ его передней части; с) четыре капители; а) четыре барельефа огромныхъ птицъ, служившіе капителями цплововъ; е) фрагментъ мозаичнаго креста; в) солнечные часы съ армянской надписью и много надписей внутри церкви на стѣнахъ на

армянскомъ, греческомъ, сирійскомъ и др. языкахъ. Кромѣ церкви, произведены были раскопки патриаршаго дома, занимающаго вдвое болѣе мѣста, чѣмъ сама церковь.

Самому описанію раскопокъ авторъ посвящаетъ немного мѣста въ книгѣ—всего около десяти страницъ; послѣдняя же часть ея занята описаніемъ другихъ 18 церквей Арменіи.

Въ концѣ книги приложено двадцать фототипій, изъ нихъ 13 относятся къ описанію церкви св. Григорія, а остальные воспроизводятъ различныя старинныя армянскія церкви, и по нимъ можно сдѣлать вѣрное представленіе о недостающихъ частяхъ раскопокъ. Кромѣ того, въ самомъ текстѣ дано нѣсколько небольшихъ автотипій—снимки съ орнаментовъ и надписей.

И. Александровъ.

Michał Rawicz-Witanowski. Kłodawa i jej okolice pod względem historyczno-ludoznawczym. W. 1904.

Разбирая эту книжку, одинъ польскій критикъ писалъ: «есть у насъ труженики пера, которыхъ рѣдко удостоиваютъ своимъ вниманіемъ обозрѣватели текущихъ научныхъ и литературныхъ новинокъ. Кто напишетъ новеллу или какую нибудь посредственную повѣсть, тотъ обратитъ на себя вниманіе, если же поставитъ на сцену какую нибудь пьесу, хотя бы одноактную, объ немъ сразу начинаютъ говорить. Но если какой нибудь трудолюбивый муравей посвятитъ цѣлые годы собиранію историческихъ матеріаловъ, вложитъ въ свое занятіе массу времени и труда,—получаетъ въ награду чаще всего молчаніе». Г. Равичъ-Витановскій, авторъ монографіи «Клодава и ея окрестности», не новичекъ въ исторической литературѣ. О его монографіи Ленчицы (Краковъ, 1900 г.) мы дали въ свое время отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1900 г., кн. X, 336—338). Кромѣ нея, имъ написаны: «Dawny powiat Checiński», «Lud wsi Stradomia pod Częstochową», «Historja miast i mieszczań w krajach dawnego państwa Polskiego», «Grobowiec ostatniego z Zawiszów Czarnych», «Ks. Augustyn Kordecki», «Żywot bł. Bogumita». Описаніе Клодавы г. Витановскій началъ историческимъ очеркомъ города, принадлежавшаго нѣкогда къ числу самыхъ выдающихся городовъ Рѣчи Посполитой Польской. Клодава, какъ и всѣ королевскіе города, пользовалась особеннымъ покровительствомъ польскихъ государей, доказательствомъ чего служатъ дарованные ей многочисленные привилеи. Изложивъ исторію Клодавы, авторъ далъ подробное описаніе всѣхъ историческихъ памятниковъ ея и учреждений (костеловъ, ратуши, войтовства, школъ, больницы). Въ сочиненіи г. Витановскаго видно цѣлую Клодаву—дома, въ костелѣ и въ школѣ, въ судѣ и въ радѣ, видно, какъ она веселилась, одѣвалась и какъ трудилась, что дѣлала и во что вѣрила, какіе имѣла предразсудки и суевѣрія, гаданія, заговоры и лѣкарства, пѣсни и думы, какія преданія, пословицы, поговорки, присловья и загадки. Даже о мѣстномъ говорѣ не забылъ добросовѣстный авторъ, приложивъ очень любопытный словарь мѣстныхъ народныхъ словъ и выраженій. Текстъ книги

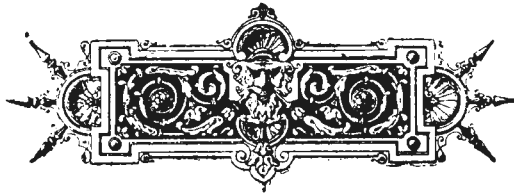
сопровождать многочисленныя иллюстраціи г. Я. Ольшевскаго. Важнѣйшіе документы, относящіеся къ исторіи Клодавы, помѣщены авторомъ въ копіяхъ въ концѣ сочиненія.

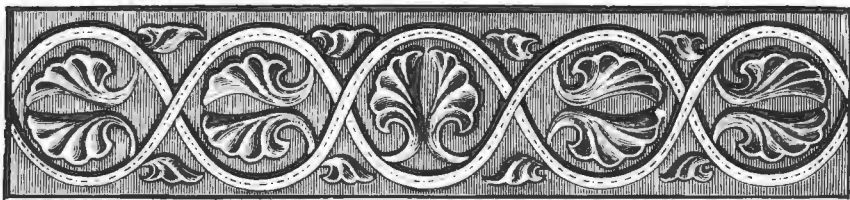
Г. А. Воробьевъ.

К. Г. Воблый. Основы марксизма и берштейнианства. Варшава. 1904.

Одною изъ характерныхъ особенностей нашего времени является та страсть, которая на языкѣ нѣкоторыхъ людей называется «бумагомараніемъ». Страсть эта очень многихъ едва даже грамотныхъ людей заставляетъ во что бы то ни стало напечатать хоть что нибудь, хотя бы даже нѣчто до смѣшного пустое и ненужное. Многие, правда, посмѣются, иные не обратятъ никакого ровно вниманія, но зато имя автора будетъ напечатано, зато онъ можетъ назвать себя какъ бы представителемъ печати или чѣмъ либо въ этомъ родѣ. Именно такое впечатлѣніе производитъ г. Воблый своей жалкой брошюрой. Кому она нужна, эта тощая и по содержанію и по внѣшнему виду книжка? Неужели авторъ воображаетъ, что громкое заглавіе можетъ кому либо вскружить голову? Неужели онъ считаетъ себя компетентнымъ судить о марксизмѣ? Судя по брошюрѣ, онъ едва ли даже когда либо читалъ Маркса. А если и читалъ, тѣмъ хуже: мало, стало быть, понялъ. Само собою понятно, что о столь ничтожной вещи, какъ данная брошюра, не стоило бы даже писать и двухъ словъ. Но мы дѣлаемъ это единственно съ цѣлью предупредить читателя, чтобы онъ не соблазнился широковѣщательнымъ заглавіемъ и не тратилъ времени на прочтеніе книжки, которая, вѣроятно, заставила не разъ покраснѣть за автора наборщика, принужденнаго затрачивать свой во всякомъ случаѣ болѣе почтенный трудъ на такіе пустяки, какъ стряпаніе г. Воблаго.

Н. Н.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

МАРКГРАФИНЯ Матильда Тосканская. Въ настоящее время, когда поднятъ вопросъ о католическихъ церковныхъ дѣлахъ и папскихъ доходахъ, очень кстати англійская писательница, мистриссъ Гудди, написала подробное изслѣдованіе ¹⁾ о графинѣ Матильдѣ Тосканской, которая была въ XI вѣкѣ основательницей большей части папскихъ церковныхъ владѣній. Нельзя сказать, чтобы книга г-жи Гудди была написана съ особымъ талантомъ, и чтобы она отличалась историческимъ или философскимъ значеніемъ, но во всякомъ случаѣ «великая графиня», какъ называли Матильду ея современники, обрисована авторомъ довольно живо и представляетъ вполне популярную фигуру этой замѣчательной личности. Впрочемъ истиннымъ средоточіемъ той эпохи была не Матильда, а монахъ Гильдебрандъ, сдѣлавшійся папой Григоріемъ VII; она же во всѣхъ отношеніяхъ служила ему помощницей. Дочь маркграфа Бонифація Тосканскаго, Матильда, родилась въ 1046 году, и, говорятъ, что, благодаря интригамъ католической церкви, ее почти насильно выдали замужъ за Готфрида Горбатаго, герцога Лотарингскаго, но этотъ бракъ былъ только номинальный. Готфридъ, обвинянный заглазно, только черезъ четыре года явился въ Италію, и по нѣкоторымъ извѣстіямъ вовсе не видался съ женою, а по другимъ очень недолго жилъ съ нею и разведясь вернулся въ свое герцогство, гдѣ сдѣлался сторонникомъ императора Генриха IV. Графиня же Матильда стала пламенной союзницей папы Григорія VII и его неразлучнымъ другомъ, всюду слѣдуя за нимъ и раздѣляя всѣ грозившія ему опасности. Впрочемъ она была участницей также и блестящихъ

¹⁾ Matilda, Countess of Tuscany, by Mrs. Mary E. Huddy. London. 1905.
«истор. вѣстн.» апрѣль, 1905 г., т. с.

моментовъ его жизни, какъ, напримѣръ, Каносскаго свиданія съ императоромъ Генрихомъ IV. Это жестокое униженіе свѣтской власти слѣдовало за попыткой убить Григорія VII и замѣнить его другимъ папой. Чувствуя свою громадную силу, папа послалъ Генриху гордый вызовъ, требуя, чтобы онъ явился къ нему и просилъ прощенія за всѣ нанесенныя оскорбленія. «Если, — писалъ папа, — императоръ не явится къ 23 января 1077 года и не попроситъ прощенія, то его корона будетъ передана другому лицу». Въ то время Генрихъ находился на своей родинѣ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а потому рѣшился просить прощенія у Григорія VII. Это памятное странствованіе пѣшкомъ зимою чрезъ Сень-Бернаръ необыкновенно живо описано г-жею Гудди. «Нѣсколько разъ императоръ и его маленькая свита подвергались опасности быть занесенными снѣгомъ, — рассказываетъ г-жа Гудди. — Нѣсколько разъ они проходили по такимъ скользкимъ тропинкамъ, что едва не упали въ бездну. Положеніе императора было тѣмъ ужаснѣе, что съ нимъ была императрица, да еще съ ребенкомъ. Когда они достигли вершины Сень-Бернарскаго прохода, то императрицу съ ребенкомъ пришлось закутать въ шубы и на веревкахъ спустить по крутизнамъ, а для императора — выбить ступени во льду для болѣе безопаснаго спуска». Невозможно описать всѣхъ страданій и лишеній, перенесенныхъ путниками, и удивительно, что они остались живы послѣ подобныхъ тяжкихъ испытаній. За физическими тревоженіями наступили нравственные униженія. Папа поѣхалъ навстрѣчу Генриху въ Тоскану и ждалъ его въ замкѣ маркграфини, въ Каносѣ. Достигнувъ замка, императоръ одинъ былъ допущенъ во внутренній дворъ, а его жена и свита оставались на вѣнцѣ. Его принудили снять съ себя всѣ эмблемы императорской власти, и онъ не только положилъ на землю свою корону, но скинулъ даже свою обычную одежду и остался въ одной бѣлой рубашкѣ. Въ такомъ видѣ онъ смиренно дождался, пока папа его допуститъ на свои глаза. «Наступила ночь, — говоритъ мистриссъ Гудди, — и блѣдная луна освѣтила несчастную фигуру императора, стоявшаго на дворѣ съ глазами, устремленными на окно комнаты, въ которой находился папа. Ежеминутно онъ ожидалъ, что его позоветъ папа Григорій, но каждая минута, каждый часъ приносили съ собою разочарованіе. Тщетно надѣялся онъ, что наступитъ моментъ освобожденія. При каждомъ звукѣ шаговъ его надежда вспыхивала и снова замирала, когда водворялась безмятежная тишина. Три дня онъ оставался одинъ во дворѣ, одинъ съ своими мрачными думами. Онъ не ѣлъ и не пилъ съ утра до вечера и съ вечера до утра». Только по истеченіи третьяго дня Генриха впустили въ замокъ. Онъ бросился на колѣни и громко воскликнулъ: «Прости меня, святой отецъ, прости меня!» — Григорій былъ тронутъ до слезъ и произнесъ: «Довольно! довольно!» — И онъ поднялъ императора, обѣщая снять съ него проклятіе, если онъ перемѣнитъ свою нечестивую жизнь. Такъ окончилось знаменитое Каносское свиданіе, которое съ тѣхъ поръ сдѣлалось символическимъ выраженіемъ униженія свѣтской власти предъ церковью. Въ томъ же году или, по другимъ источникамъ, чрезъ два года графиня Матильда торжественно отреклась въ пользу папы и церкви отъ всѣхъ своихъ свѣтскихъ владѣній, которыя достигли громаднаго размѣра

послѣ смерти всѣхъ ея родственниковъ мужского колѣна. Ей принадлежали не только Тоскана, но Реджіо, Модена, Парма, Феррара, Сполето, Камерино и часть Ломбардіи. До самой смерти Григорія VII она продолжала оказывать ему всевозможныя содѣйствія и даже послѣ него упорно боролась съ Генрихомъ IV-мъ, который старался отмстить ей за свое Каносское униженіе. Благодаря интригамъ маркграфини, сынъ Генриха IV, Конрадъ, былъ провозглашенъ королемъ Ломбардіи, а въ 1110 году она признала императоромъ Генриха V. Наконецъ она удалилась въ Бенедиктинскій монастырь въ Полиронѣ, гдѣ и умерла въ 1115 году, оплакиваемая современниками, которые признавали въ ней женщину необыкновенныхъ способностей и умственной культуры. Послѣ смерти Матильды ея громадное наслѣдство, оставленное церкви, было предметомъ долгихъ распрей между императорами и церковью.

— Эпилоги новеллъ Боккачіо. Судя по новелламъ Боккачіо, нравственно-распущенное итальянское общество XIV вѣка ничѣмъ не сдерживалось въ своемъ развратѣ, и любовныя интриги съ дѣвушками и замужними женщинами оканчивались для мужчинъ благополучно. Между тѣмъ теперь, благодаря нѣкоторымъ документамъ, извлеченнымъ Е. Родоканачи изъ старинныхъ архивовъ, помѣстившимъ по этому поводу краткую статейку ¹⁾ въ «Journal des Débats», стало извѣстнымъ, что не такъ-то легко сходили съ рукъ прелюбодѣянія и совращенія съ пути истиннаго не только замужнихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, но даже вдовъ. Въ 1355 году подеста Флоренціи (т.-е. городской голова) обнародовалъ длинное постановленіе, что мужчина, увезшій или уговорившій дѣвственницу покинуть кровь отца, брата или дяди, а также сманившій замужнюю женщину покинуть домъ мужа или соблазвившій ее на любовную связь,—подвергается уплатѣ пени въ пятьсотъ ливровъ и обязуется возратить женщину въ ея семью. Такая же пеня полагалась и за соблазнъ «честной вдовы». Денежная пеня увеличивалась, если женщина до тѣхъ поръ отличалась безукоризненнымъ поведеніемъ или принадлежала къ избранному обществу; напротивъ, если она происходила изъ средняго круга, то пеня была не выше ста ливровъ; когда же вопросъ касался служанки, то пеня не превышала двадцати пяти ливровъ, и то, если мужчина прибѣгалъ къ насилію. Подобный законъ далеко не былъ лишнимъ въ ту разнузданную эпоху, когда высшій классъ общества злоупотреблялъ предоставленной ему властью и смѣло нарушалъ мирную супружескую жизнь. Такъ въ 1344 году нѣкій Бернардо ди Николо делла Тоза, личность, происходившая изъ «самыхъ высокопоставленныхъ семействъ», подставивъ къ окну лѣстницу и выломавъ его, забрался въ помѣщеніе Салимбене и набросился на его жену, Діану, съ цѣлю овладѣть ею. Когда она стала сопротивляться, то онъ сначала ударилъ ее нѣсколько разъ, а затѣмъ сталъ даже угрожать ножомъ, пока она не сдалась. Лишь только чрезъ три года, т.-е. въ 1347 году, поступила жалоба на Тозу, настолько великъ былъ страхъ предъ высшимъ лицомъ. Затѣмъ подеста былъ принужденъ назначить особаго чиновника, на обязанности котораго было слѣ-

¹⁾ L'Épilogue des contes de Boccace, par E. Rodocanachi. «Journal des Débats. Revue hebdomadaire». 17 Février 1906.

дить за развратной аристократіей, «обуздывать спесь вышнихъ и препятствовать достойнымъ порицанію поступкамъ, какіе они учиняли ежедневно относительно народа». Однако и эта мѣра не помѣшала продолжаться насиліямъ. Тогда появилось постановленіе подесты, относящееся не только къ вышнимъ лицамъ, но и ко всѣмъ вообще. Между прочимъ вѣкій Нугіо Трибальдучи съ «дьявольскими видами» пробрался въ жилище Франчески, жены Джакомо Бендали и совратилъ ее съ пути истиннаго, за что долженъ былъ уплатить пеню въ двѣ тысячи ливровъ. Изъ этого видно, что «чиновникъ» подесты по своему усмотрѣнію округлялъ сумму пени. Вообще важность преступленія находилась въ зависимости отъ денежнаго положенія виновнаго, а потому по усмотрѣнію чиновника проступку придавали большую или меньшую важность. Напримѣръ, Джіованни Мартино, соблазвившій Франческу, жену Бенаджіо, «лестными словами и обѣщаніями», совершилъ съ нею прелюбодѣяніе, «вопреки статуту и волѣ мужа» (послѣднее всегда отмѣчалось), за что былъ присужденъ лишь къ 250 ливрамъ. Джіованни Бертоли ди Кошполи, разломавъ дверь дома Симоне, во время его отсутствія пробрался къ самому ложу спавшей жены, Бартоломеи, и достигъ бы своей цѣли, если бы ея крики не привлекли вниманія прислуги; за его постушокъ онъ также заплатилъ незначительную пеню въ сто ливровъ. Очень часто пени приходилось платить женщинамъ, какъ, напри- мѣръ, доннѣ Маргаритѣ, «женщинѣ честной, хотя и прелюбодѣйкѣ». Она была приговорена къ уплатѣ семисотъ ливровъ за то, что «много и много разъ» совершала прелюбодѣяніе съ однимъ республиканскимъ солдатомъ. Другая женщина, бывшая «подругой и любовницей» Лоренца Бальдини, заплатила полторы тысячи ливровъ. Повидимому, эти пени были всегда односторонними; когда доказано, что женщина—зачинщица, то пени платила она одна, мужчина же не подвергался наказанію. Иногда обвинителемъ являлся мужъ, и если онъ ошибался, то расходы по судьбищу уплачивалъ онъ. Случалось, что жалобы подавались со стороны женъ, какъ было съ женою Мони ди Фаелла, Крестой, которую Санція, дочь Бартоли и жена Бачелли, обвиняла въ томъ, что часто видѣла ее вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Первую приговорили уплатить пятьсотъ ливровъ. Иногда бывали осложненія, какъ въ дѣлѣ нѣкой донны Катарини, жены Лоренцо, пригласившей къ себѣ для переговоровъ нѣкоего Антоніо, который увлекся и забылся какъ разъ, когда явился мужъ. Послѣдній заперъ его въ комнатѣ и продержалъ тамъ цѣлый день, требуя, чтобы онъ подписалъ расписку въ томъ, что взялъ у него двѣсти флориновъ золотомъ; въ случаѣ отказа онъ угрожалъ ему смертію. Антоніо былъ принужденъ исполнить требованіе, но потомъ подалъ жалобу на Катарину и ея мужа, и оба должны были уплатить ему по пятисотъ ливровъ каждый. Иногда «чиновникъ» подесты самъ возбуждалъ какое нибудь дѣло, помимо обиженныхъ мужа или жены. Однажды онъ потребовалъ тысячу ливровъ съ какой-то Агнези за то, что въ отсутствіе своего мужа она принимала у себя нѣкоего Пупарди и даже дозволила увезти себя въ Ломбардію. На этотъ разъ и Пупарди долженъ былъ уплатить такую же сумму. Въ томъ же 1401 году, богатомъ подобнаго рода обвиненіями, ложными или сираведливыми, Антоніо Сандри вошелъ въ домъ Піетро Бинди и уговорилъ его жену Лазіу отправиться съ

нимъ, а такъ какъ она кормила грудью ребенка, то онъ взялъ и его. Пиетро сталъ требовать обратно свою жену, но Сандри упорно ея не возвращалъ; однако первому удалось добиться, чтобы Сандри принудили уплатить ему тысячу ливровъ. Вообще въ Италиі прелюбодѣяніе наказывалось денежной пеней. Первые римскіе статуты 1363 года предписывали уплачивать за прелюбодѣяніе въ размѣрѣ трехсотъ ливровъ для разночинцевъ, въ пятьсотъ—для кавалеровъ, въ тысячу—для бароновъ и незаконныхъ сыновей бароновъ. Давность преступленія считалась два мѣсяца, и жалобу подавать могъ только мужъ, отецъ, сынъ или двоюродный братъ виновной. Въ Луккѣ и почти повсюду наказаніе налагалось денежное. Тѣмъ не менѣе въ Феррарѣ женщинѣ прелюбодѣйкѣ угрожалъ костеръ, если только мужъ не вступался за нее, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ обязаться взять ее къ себѣ. Мужъ же, даже прелюбодѣй, могъ послѣ третьяго предупрежденія убить обманувшую его жену. Извѣстны случаи, когда мужа пользовались этимъ правомъ ранѣе опредѣленнаго срока, какъ было съ Франческо ди Римини и Паризини.

— Легендарный и настоящій Бернардень де Сень-Пьеръ. Немного извѣстныхъ писателей всего свѣта были окружены такой обманчивой легендой, какъ авторъ «Поля и Виргиніи». На основаніи его сочиненій и многочисленныхъ старинныхъ біографій, онъ представлялся чловѣкомъ мягкимъ, нѣжнымъ, чувствительнымъ, страстнымъ любителемъ природы и добрымъ семьяниномъ. Народное воображеніе представляло его согласно популярнымъ иллюстраціямъ добродушнымъ старцемъ, сидящимъ предъ сельской хижиной, держа въ рукахъ платокъ, которымъ онъ утиралъ слезы восторга при видѣ чудесъ природы. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, историческая критика дала его поклонникамъ совершенно иной типъ. Это былъ, напротивъ, старикъ упрямый, нервный, самолюбивый, попрошайка, узорный утопистъ, ложный ученый и постоянный ухаживатель за женщинами, которыя были донелзя преданы ему. Такимъ онъ предсталъ въ книгѣ г-жи Арведъ Баринъ, и этотъ новый портретъ вполне подтвердили недавно вышедшія его письма ¹⁾ къ Фелиситѣ Дидо и только что появившаяся его подробная біографія ²⁾ Мориса Суріо. Впрочемъ до сихъ поръ еще находятся сторонники легендарнаго Бернардена де Сень-Пьера, и въ этомъ отношеніи замѣчательна анонимная статья ³⁾ въ «Academy». Что касается до фактической стороны его жизни, то какъ его поклонники, такъ и критики совершенно согласны другъ съ другомъ. Онъ родился въ 1737 году въ Гаврѣ, въ провинціальномъ полуаристократическомъ семействѣ, которое имѣло ничѣмъ не доказанное притязаніе происходить отъ знаменитаго Эсташа де Сень-Пьера, изъ Калэ. Съ дѣтства Бернардень выказывалъ любовь къ природѣ и въ саду своего отца строилъ себѣ хижину изъ сучьевъ, чтобы вести жизнь схимника. Прочитавъ «Робинсона Крузо», онъ еще болѣе пристрастился къ природѣ и странствіямъ, создавъ себѣ мысленно искусственную Аркадію.

¹⁾ Amour de philosophe, par Ruinat de Gournier. Paris. 1905.

²⁾ Bernardin de Saint-Pierre d'après ses manuscrits, par Maurice Souriau. Paris. 1905.

³⁾ Bernardin de Saint-Pierre. «The Academy». 4 March 1905.

Юношей онъ жаждалъ военнаго мундира и участвовалъ въ германской войнѣ, но поссорился съ начальствомъ и отправился на Мальту, гдѣ также счастье ему не улыбнулось. Тутъ онъ задумалъ поступить на службу къ императрицѣ Екатериинѣ и осуществить въ Россіи свои планы усовершенствованія человѣчества. Тогда ему было двадцать пять лѣтъ, и онъ отличался замѣчательной красотой. Его долгое путешествіе чрезъ Голландію, Любекъ и Польшу было полно приключеній. Особенно въ Польшѣ, гдѣ онъ пробылъ два года, жизнь Бернардена де Сэнъ-Пьера отличалась любовными похождениями. Въ Варшавѣ онъ сдѣлался любовникомъ богатой польской княгини и, только разставаясь съ ней послѣ великолѣпныхъ банкетовъ и баловъ на утренней зарѣ, мечталъ объ Аркадіи. Достигнувъ Петербурга, онъ былъ любезно принятъ Екатериной, но ее скорѣе позабавили, чѣмъ серьезно заняли его проекты о нравственной и гуманитарной колоніи на берегахъ Каспійскаго моря: снова не повезло ему счастье, и онъ вернулся во Францію, гдѣ желалъ, во что бы то ни стало, достать выгодное, казенное мѣсто. Въ ожиданіи осуществленія своего желанія онъ занялся описаніемъ своихъ путешествій. Вскорѣ онъ получилъ назначеніе на островъ св. Маврикія, въ качествѣ гражданскаго инженера, такъ какъ въ юности учился инженерному искусству. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія на этомъ южномъ островѣ, онъ вернулся въ Парижъ попрежнему бѣднякомъ. Занимаясь литературой, онъ познакомился съ энциклопедистами и сдѣлался другомъ Жанъ-Жака Руссо. Наконецъ, много лѣтъ спустя, онъ напечаталъ свою маленькую сентиментальную и гениальную повѣсть: «Поль и Виргинія». Ему тогда было пятьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ приобрѣлъ славу одного изъ замѣчательнѣйшихъ писателей своего времени. Всѣ, начиная отъ королевы Маріи-Антуанеты до послѣдней горничной, были въ восторгѣ отъ его произведенія. Даже Наполеонъ, встрѣтивъ его впоследствии, сказалъ: «Г. Бернарденъ, вы должны бы писать новыхъ «Поль и Виржини» каждые шесть мѣсяцевъ». Пятидесяти шести лѣтъ отъ роду онъ женился на дочери своего типографа, а послѣ ея смерти семнадцатилѣтняя дѣвица Дезирэ де Пельноръ сочла себя счастливой выйти замужъ за шестидесятилѣтняго старика. «Я старое дерево, — писалъ онъ въ то время, — но на моихъ сучьяхъ зеленые листья». Онъ умеръ въ 1814 году, оставивъ послѣ себя восемь объемистыхъ книгъ и еще болѣе рукописей, часть которыхъ теперь напечатана, благодаря энергическимъ трудамъ Гурнье и Суріо. Теперь настала для Бернардена трезвая исторія. Относительно происхожденія легенды о немъ всего болѣе виноватъ Эмэ Мартэнъ, который послѣ смерти Бернардена де Сэнъ-Пьера женился на его вдовѣ. Этотъ Мартэнъ издалъ его сочиненія и написалъ его біографію, не обращая никакого вниманія на истину, а идеализируя его произведенія и жизнь, какъ ему хотѣлось. Самое важное открытіе Мориса Суріо касается до текста сочиненій Бернардена де Сэнъ-Пьера. Подлинными оказались только тѣ книги, которыя были изданы при жизни Бернардена, а всѣ остальные, и въ томъ числѣ «*Harmonies de la nature*», передѣланы и искажены Мартэномъ, который также превратилъ его вольтерьянскую драму «*Empsacé*» въ какую-то нелѣпую пастушескую поэмку. Несмотря на то, что Морисъ Суріо старается доказать, что Бернарденъ не былъ такимъ дурнымъ человѣкомъ, какъ его выставляютъ въ

последнее время критики, но онъ ничѣмъ не можетъ возстановить его по справедливости уничтоженнаго научнаго значенія. За нимъ поэтому останется только слава автора маленькой идеалистической сентиментальной повѣсти. Въ этомъ отношеніи его англійскій панегиристъ совершенно правъ, говоря, что Бернардегъ де Сень-Пьеръ будетъ вѣчно считаться великимъ авторомъ маленькой книги, однимъ изъ реформаторовъ французскаго языка и предвозвѣстникомъ Шатобриана, Альфреда де Мюссэ, Леконта де Лилля и Пьера Лоти.

— Соціалисты въ Европѣ. Въ послѣдніе годы социализмъ достигъ большого значенія и очень распространился въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, а именно въ Германіи, Франціи, Бельгіи и Италіи. Американскій публицистъ, Франкъ Вандерлипъ, близко изучилъ на мѣстѣ каждый изъ этихъ отдѣловъ социалистовъ и напечаталъ въ американскомъ журналѣ «Scribner's Magazine» ¹⁾ очеркъ ихъ современнаго положенія. Самое передовое политическое значеніе приобрѣли социалисты въ Германіи, гдѣ они отличаются главнымъ образомъ единствомъ; ихъ партія строго дисциплинирована и придерживается одной опредѣленной программы. Воля большинства руководитъ всѣми и каждымъ. Быть можетъ, не справедливо называть эту партію въ Германіи социаль-демократической, потому что многіе изъ ея членовъ были бы извѣстны въ другихъ странахъ подъ названіемъ либераловъ, но дѣйствительно социаль-демократы первоначально составляли партію, созданную коммунистическими манифестами Карла Маркса и Фридриха Энгеля, которые проповѣдывали, что сырой матеріалъ труда долженъ принадлежать обществу, и справедливое распредѣленіе его можетъ быть достигнуто только коммунистическимъ распредѣленіемъ коллективной работы. Тридцать лѣтъ тому назадъ, Либкнехтъ и Бебель соединили рабочіе союзы въ одну политическую партію социаль-демократовъ, которая необыкновенно развилась съ усиленіемъ промышленности въ городахъ. Ихъ естественнымъ противникомъ были аграріи, земля которыхъ лишалась дешевыхъ работниковъ, благодаря городской промышленности. Но, несмотря на жестокія преслѣдованія правительства Бисмарка и юнкерской партіи, социаль-демократы постепенно и мирнымъ путемъ избирательной агитаціи приобрѣтали все болѣе и болѣе голосовъ. На послѣднихъ германскихъ выборахъ изъ всѣхъ девяти милліоновъ съ половиной избирателей почти треть принадлежала къ социаль-демократамъ. Въ результатѣ аграрная партія потеряла 30% голосовъ, а ихъ противники, напротивъ, приобрѣли 43%. Такимъ образомъ, въ теченіе послѣднихъ 18-ти лѣтъ, число социальныхъ депутатовъ постоянно возросло, начиная съ одного представителя ихъ партіи въ 1871 году. Въ настоящее время почти въ каждомъ большомъ городѣ Германіи и въ каждомъ промышленномъ центрѣ большинство избирателей на ихъ сторонѣ, и если бы въ рейхстагѣ царило правильное распредѣленіе представительства, то социаль-демократы имѣли бы большинство голосовъ. Надо припомнить, что, согласно еще существующему бисмарковскому законодательству, германское министерство отвѣтственно не рейхстагу, а императору, и его удаленіе не зависитъ отъ необорительной подачи

¹⁾ The Progress of socialisme, by Frank Vanderlip. Scribner's Magazine. February. 1905.

голосовъ депутатами. Кромѣ того, первоначально одинъ депутатъ назначался на десять тысячъ обитателей, и эта цифра представителей осталась прежней до сихъ поръ, хотя населеніе увеличилось отъ 40 до 58 миллионъ. Поэтому одинъ изъ членовъ рейхстага представляетъ 183.076 голосовъ, а другой только 9.551. Увеличеніе народонаселенія оказывается исключительно въ городахъ, гдѣ черпаютъ главныя свои силы социаль-демократы. Очевидно, что несправедливость избирательной системы всего болѣе откликается на нихъ. Впрочемъ, правительственная партія увѣряетъ, что она поддерживаетъ такую явную несправедливость лишь изъ опасенія, что большинство перейдетъ къ столь опасной партіи, какъ социаль-демократы. Хотя они и составляютъ третью часть всѣхъ избирателей, но въ рейхстагѣ ихъ всего 81 человекъ на общее число 331 члена, тогда какъ по точному подсчету имъ слѣдовало бы имѣть 125 членскихъ мѣстъ, слѣдовательно, быть въ большинствѣ. Еще несправедливѣе система, преобладающая въ прусскомъ ландстагѣ, которую Бисмаркъ называлъ «самой несчастной изъ избирательныхъ системъ». Естественно, что социаль-демократы, увеличивая постоянно свою силу, въ то же время составляютъ партію протеста и политическаго недовольства. Однако, несмотря на это, они не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія сдѣлать революцію. Они довольствуются тѣмъ, что критикуютъ правительство и рассчитываютъ на мирный ростъ ихъ партіи. Въ политическомъ отношеніи ихъ цѣль и программа ничуть не революціонныя, и не обѣщаютъ ни малѣйшаго вреда Германіи. Они стоятъ за конституцію и за гарантію конституціонныхъ правъ личности. Они поддерживаютъ здравую финансовую систему, дозволяющую экономическій прогрессъ и свободную торговлю. Они желаютъ мира, справедливой избирательной системы, ответственности министерствъ предъ рейхсратомъ, правильнаго распределенія налоговъ, введенія подоходной подати, гуманныхъ законовъ, сокращенія срока военной службы и уменьшенія военныхъ расходовъ. Глава германскихъ социалистовъ, знаменитый Бебель, приравнивается часто къ папѣ по безусловному повиновенію, съ которымъ относится къ нему вся его партія. Даже придворные считаютъ его страстнымъ поклонникомъ Германіи, хотя въ то же время непоколебимымъ врагомъ привилегій. Онъ вообще отличается умѣренными взглядами и хладнокровіемъ, хотя часто и увлекается необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Онъ обладаетъ громаднымъ талантомъ организаціи, и его преданность народу не знаетъ границъ. Образцовая дисциплина социаль-демократовъ достигаетъ величайшихъ размѣровъ, и рѣшенію общаго конгресса партій безусловно всѣ повинуются, хотя, конечно, эти рѣшенія касаются только принципиальныхъ вопросовъ, въ отношеніи же мѣстныхъ дѣлъ царитъ полная свобода. Что касается до рабочей партіи, то она всецѣло входитъ въ составъ социалистской, и послѣдней приносятъ большую пользу рабочіе синдикаты и кооперативныя общества, но, несмотря на это, въ числѣ депутатовъ-социалистовъ въ рейхстагѣ нѣтъ ни одного рабочаго, а половина ихъ состоитъ изъ журналистовъ. Поразительный ростъ этой партіи возбуждаетъ опасеніе правительственныхъ и другихъ депутатовъ, поэтому въ послѣдніе годы они всячески стараются переманить на свою сторону рабочихъ, издавая законы въ пользу послѣднихъ. Напримѣръ, въ этомъ направленіи навѣяны законы, изданные

правительствомъ съ прямымъ социалистическимъ пошибомъ, но ихъ цѣль нимало не достигнута, и социалисты, пользуясь новыми законами, нимало не переходятъ на сторону правительства. Французскіе социалисты далеко не ходятъ на германскихъ ни образцовой дисциплиной, ни единствомъ. Французы разбиты на различныя воюющія другъ съ другомъ группы. Въ настоящее время такихъ группъ существуютъ двѣ большія и шесть малыхъ. Главная цѣль революціонныхъ социалистовъ состоитъ въ достиженіи того основного факта, чтобы богатые платили пенсіи рабочимъ, тогда какъ въ Германіи основа пенсіоннаго законодательства заключается въ участіи самихъ рабочихъ. Напротивъ, партія французскихъ социалистовъ держится болѣе умѣренныхъ правилъ. Въ національной политикѣ они поддерживаютъ радикальное правительство и достигли значительнаго вліянія въ палатѣ. Замѣчательно, что они приобрѣли и большое вліяніе на муниципалитетъ, такъ что во многихъ большихъ городахъ Франціи муниципальные совѣты находятся въ ихъ рукахъ. Относительно Бельгіи можно сказать, что социализмъ — одинъ изъ главнѣйшихъ политическихъ элементовъ. Конечно, всего болѣе онъ распространенъ въ городахъ, но въ послѣднее время социалисты начали сильно пропагандировать свои идеи въ деревняхъ. Бельгійскому социализму въ особенности помогаютъ быстро развивающіяся кооперативныя общества, которыхъ во всей странѣ до 2.000 съ миллиономъ потребителей. Около седьмой части всего населенія Бельгіи присоединилось къ этимъ благоденствующимъ, благодаря прекрасному внутреннему распредѣленію и учрежденію. Главное мѣсто между ними занимаетъ «народный домъ» въ Брюсселѣ, гдѣ имѣются всевозможныя кооперативныя и потребительныя отдѣленія; кромѣ возможности имѣть тутъ по дешевой цѣнѣ всевозможные товары и предметы необходимости, при учрежденіи находятся еще страховые фонды, доктора, бібліотека, театръ и т. д. Кооперативное начало такъ распространено въ Бельгіи, что даже въ маленькихъ деревняхъ имѣются подобныя учрежденія для покупки и продажи различныхъ предметовъ. Въ настоящее время бельгійская социалистическая партія руководитъ пятьюстами тысячами голосами и, благодаря своей связи съ кооперативными учрежденіями, имѣетъ въ своемъ распоряженіи большіе капиталы, чѣмъ всякаѣ другая политическая партія. Въ палатѣ социальныхъ депутатовъ находится 35, тогда какъ либераловъ 34, но зато клерикалы преобладаютъ: ихъ 97. Главной политической цѣлью социалистовъ служить достиженіе всеобщей подачи голосовъ, но самую замѣчательную и своеобразную черту бельгійскихъ социалистовъ составляетъ стремленіе къ высшей культурѣ и художественнымъ идеямъ. Въ этомъ отношеніи они отличаются страстью устраивать торжественныя публичныя шествія, напоминающія средневѣковыя церемоніи. Такимъ образомъ, странно сказать, но рабочій классъ поддерживаетъ историческіе обычаи. Кромѣ общей подачи голосовъ, въ политическую программу социалистовъ входятъ уничтоженіе арміи и католической церкви, введеніе общинной свободы, равенство всѣхъ классовъ и половъ, общая децентрализація и учрежденіе республики. Главнымъ противникомъ и врагомъ бельгійскихъ социалистовъ являются клерикалы, но въ послѣдніе годы борьба съ ними социалистовъ дѣлается все усѣбнѣе и усѣбнѣе. Наконецъ, въ Италіи социалисты имѣютъ

значительную политическую силу съ революціоннымъ отгѣнкомъ. Они требуютъ: всеобщую подачу голосовъ для обоихъ половъ, свободу организаци и собраній, равенство религій, національную милицію вмѣсто постоянной арміи, нейтральность правительства въ спорахъ капитала и труда, болѣе гуманные уголовные законы, націонализацію желѣзныхъ дорогъ и рудъ, обязательное образованіе пенсіи старымъ рабочимъ, установленіе министерства труда и платежъ депутатамъ, а также чинамъ мѣстныхъ совѣтовъ. Въ послѣдніе десять лѣтъ итальянскіе социалисты сильно умножились. Что касается до другихъ европейскихъ странъ, то въ нихъ социализмъ политически развитъ только въ Австріи, хотя въ незначительныхъ размѣрахъ, и въ Англии, но не въ политическомъ, а въ муниципальномъ отношеніи. Въ австрійскомъ рейхсратѣ только 11 социалистовъ, но это происходитъ отъ неправильной избирательной системы, такъ какъ, въ сущности, въ распоряженіи социалистической партіи до милліона голосовъ. Естественно, что всѣ австрійскіе социалисты—антисемиты, такъ какъ евреи забрали въ руки все землевладѣніе страны. Говорятъ, что два еврея владѣютъ одной четвертью венгерской земли, а Рогшильды имѣютъ въ своихъ рукахъ около трети Богеміи. Австрійскіе евреи до того преслѣдуютъ социалистовъ, что добились законнаго ихъ удаленія въ томъ случаѣ, когда рабочіе подозрѣваются въ принадлежности къ ихъ партіи. Мы уже сказали, что въ Англии социализмъ почти не имѣетъ политическаго значенія, и въ парламентѣ социалистовъ находится только двое, въ томъ числѣ Джонъ Борнсъ считается, по своимъ убѣжденіямъ, скорѣе радикальнымъ либераломъ, но въ муниципальномъ отношеніи рабочіе голоса играютъ значительную роль, и предводители рабочаго движенія занимаютъ много мѣстъ въ муниципальных совѣтахъ. Въ Швейцаріи, Голландіи и въ Скандинавіи очень мало распространены социалисты, и то лишь въ Швеціи, притомъ въ парламентѣ находится только одинъ депутатъ ихъ партіи. Зато въ Даніи чрезвычайно развито кооперативное молочное хозяйство. Датчане такъ ловко и умѣло распространили кооперативныя учрежденія, что въ ихъ рукахъ находятся $\frac{4}{5}$ всей молочной промышленности. Вообще, по увѣренію американскаго публициста, составившаго этотъ любопытный очеркъ, большинство социалистовъ въ Европѣ отличаются здравыми экономическими понятіями, держатся умѣренныхъ политическихъ идей и проповѣдуютъ справедливую этику, такъ что, въ сущности, они не социалисты, а настоящіе либералы. Что касается до истинныхъ, крайнихъ социалистовъ, то ихъ вездѣ только меньшинство. Одинъ изъ главныхъ враговъ социализма въ Европѣ—вражда расъ. Такъ, въ одной Австріи различныхъ борющихся между собою расъ—девять. Главные изъ нихъ: чехи, нѣмцы, венгерцы, поляки и всевозможные славяне. До сихъ поръ всего ожесточеннѣе ведется борьба поляковъ, даже зависящихъ отъ Германской имперіи. Несмотря на всѣ старанія пруссаковъ, а теперь германцевъ, они никакъ не могутъ овладѣть свои польскія провинціи. Они поселили тамъ около 50.000 нѣмцевъ, но это ни къ чему не ведетъ: поляки такъ преслѣдуютъ новыхъ поселенцевъ, что они готовы отказаться отъ данной имъ земли за небольшую плату. Этой правильно организованной системой возвращенія польской земли въ руки поляковъ завѣдуетъ громаднѣйшій союзъ земельныхъ банковъ. Такимъ образомъ

составился непримиримый антагонизмъ между германцами и поляками, и рано или поздно борьба приведетъ къ окончательной катастрофѣ. Говоря о европейской расовой борьбѣ, американецъ Вандерлипъ съ особой гордостью ссылается на единство американской расы, но онъ забываетъ, что и въ настоящее время, а еще болѣе въ будущемъ, грозить ей опасностью, какъ пришлый элементъ, такъ и вопросъ о неграхъ.

— Берлинское посольство Андрю Вайта. На-дняхъ выйдетъ въ Нью-Йоркѣ автобіографія бывшего американскаго посланника въ С.-Петербургѣ, Андрю Вайта, и въ этомъ объемистомъ двухтомномъ трудѣ будетъ заключаться подробное описаніе его политической, педагогической, ученой и дипломатической жизни. Но прежде появленія этой интересной книги, авторъ напечаталъ въ трехъ послѣднихъ нумерахъ «Century Magazine» значительный отрывокъ изъ нея ¹⁾, подъ названіемъ: «Главы изъ дипломатической жизни». Эти главы посвящены его посольской дѣятельности въ Берлинѣ, и въ особенности интересна послѣдняя глава подъ заглавіемъ «Впечатлѣнія, произведенныя германскимъ императоромъ». По возвращеніи Вайта изъ С.-Петербурга въ Америку, онъ былъ назначенъ посломъ въ Берлинъ, и, снова прибывъ въ Европу, представился 12-го іюня 1897 года императору Вильгельму II. Онъ уже ранѣе зналъ императора во время своего пребыванія въ Берлинѣ въ качествѣ уполномоченнаго министра, восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Тогда Вильгельмъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ, и, несмотря на свою дипломатическую опытность, американецъ нѣсколько опасался, чтобы церемониальная сторона приѣма не была измѣнена во многихъ отношеніяхъ. На повѣрку оказалось, что императоръ просто, любезенъ и добръ. Ни одинъ изъ собесѣдниковъ не произнесъ торжественной официальной рѣчи, а оба они говорили о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, особенно о перемѣнахъ, происшедшихъ въ Берлинѣ во время долгаго отсутствія Вайта. Онъ упомянулъ о замѣчательномъ улучшеніи Берлина; на это императоръ замѣтилъ, что поразительный ростъ современныхъ городовъ врядъ ли принесъ имъ пользу. Американецъ возразилъ, что онъ имѣлъ въ виду архитектурное улучшеніе города, такъ какъ въ его первое пребываніе въ Берлинѣ, сорокъ лѣтъ назадъ, всѣ зданія были кирпичныя, а теперь они превратились въ изящныя архитектурныя каменные постройки. Затѣмъ разговоръ незамѣтно перешелъ на музыку, которою императоръ очень интересовался. По окончаніи приѣма у императора, посоль представился императрицѣ, о которой онъ отзывался съ большой похвалой. «Надо прежде всего замѣтить,—говорить онъ,— что теперешняя императрица нарушила несчастное проклятіе, тяготѣвшее на вѣщценосныхъ женщинахъ Гогенцоллернскаго дома, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Королева Елисавета, жена Фридриха-Вильгельма IV, императрица Августа и жена Фридриха III, одинаково пользовались нелюбовью народа; но теперешняя императрица совершенно измѣнила отношенія къ ней общества и народа. Вѣроятно, это происходитъ отъ ея преданности мужу и дѣтямъ, отчего она не занимается ни политическими,

¹⁾ Chapters from My Diplomatic Life: Embassy at Berlin, by Andrew D. White. «Century Magazine». December-January-February. 1905.

ни религиозными вопросами. Для нея ничего не существует на свѣтѣ, кромѣ ея семейства». Въ числѣ остальныхъ официальныхъ визитовъ замѣчательнѣе всего было его посѣщеніе князя Гогенлоэ, который, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, былъ тогда еще канцлеромъ имперіи. Его умъ сохранялъ всю свою свѣжесть, и въ первое свиданіе съ американцемъ онъ остроумно замѣтилъ, что главный грѣхъ германцевъ заключался въ зависти, и это удивительно подтверждало выраженіе Тацита. Вообще Гогенлоэ казался сумрачнымъ, но когда говорилъ, то его рѣчь отличалась замѣчательной мѣткостью. Вайтъ упоминаетъ, что однажды при немъ онъ говорилъ о прорытіи важнаго для Германіи канала, и одинъ изъ его собесѣдниковъ замѣтилъ: «Вы встрѣтите тяжелую преграду биллю, касающемуся этого канала». На это престарѣлый канцлеръ отвѣчалъ: «Такъ мы поступимъ съ этой преградой, какъ Моисей со скалою: мы ударимъ по ней жезломъ и получимъ воду для нашего канала». Настоящій преемникъ Гогенлоэ, графъ Бюловъ, былъ тогда только что назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и чрезвычайно походилъ на своего отца, занимавшаго ту же должность. Вайтъ и Бюловъ очень подружились, и ихъ отношенія во все время пребыванія американскаго посла въ Берлинѣ были до того тѣсны, что нѣмцы бранили Бюлова, а американцы Вайта за излишнюю податливость другъ другу. Но, по увѣренію Вайта, каждый старался о благѣ своей родины, а вмѣстѣ съ тѣмъ о сохраненіи мира. Главной чертой Бюлова былъ, и есть до сихъ поръ, контрастъ, существующій между нимъ и великимъ его предшественникомъ, Бисмаркомъ. Бюловъ во всѣхъ отношеніяхъ иной человѣкъ; онъ, по словамъ Вайта, спокойный, умѣренный, краснорѣчивый, отчасти юмористичный, но не злой и не увлекающійся человѣкъ. Бисмаркъ поражалъ своихъ противниковъ, какъ обухомъ, Бюловъ сражать ихъ болѣе мягкимъ, но не менѣе дѣйствительнымъ оружіемъ. Часто гуляя въ берлинскомъ зоологическомъ саду, Вайтъ встрѣчалъ Бюлова по пути въ парламентъ. Онъ всегда находилъ время остановиться и поговорить съ нимъ о томъ или другомъ интересномъ вопросѣ. Однажды американецъ выразилъ свое удивленіе, что министръ былъ такъ хладнокровенъ во время парламентскихъ преній. Онъ на это отвѣчалъ: «Мнѣ одинъ старикъ далъ добрый совѣтъ, и я ему слѣдую: «Не торопитесь, сказалъ онъ, и никогда не теряйте терпѣнія». Критики Бюлова находятъ его не государственнымъ человѣкомъ, а только дипломатомъ, но это, по мнѣнію Вайта, совершенно несправедливо, и если Бюловъ дѣйствительно не Ришельё, не Питтъ и не Кавуръ, то въ настоящее время для Германіи и не требуется подобный геній. «Ей нуженъ теперь человѣкъ, который умѣлъ бы поддерживать шущенную въ ходъ государственную машину, — говоритъ Вайтъ. — Для подобной работы трудно подыскать лучшаго дѣятеля, чѣмъ теперешній канцлеръ, и его избраніе императоромъ доказываетъ, что внукъ наслѣдовалъ у дѣда искусство находить для каждаго дѣла подходящаго человѣка». Вайтъ оставался въ Берлинѣ въ качествѣ американскаго посланника шесть лѣтъ, въ продолженіе которыхъ не случилось ничего замѣчательнаго въ политическомъ мірѣ, кромѣ испано-американской войны, смерти жены императора Фридриха и двухъ національныхъ германскихъ торжествъ, по случаю двадцатипятилѣтія царствованія престарѣлаго саксонскаго короля и совершеннолѣтія

наслѣднаго принца. Во время испано-американской войны положеніе посла было довольно критическое, такъ какъ, кромѣ правительства, большинство Германіи стояло за испанское меньшинство. Даже такіе люди, какъ Момзень, бывшій всю жизнь другомъ Америки, отвернулись отъ Соединенныхъ Штатовъ, считая, что они измѣнили своимъ кореннымъ принципамъ независимости и свободы. Это обстоятельство особенно огорчало Вайта, который всегда былъ другомъ великаго нѣмецкаго историка, всѣми силами старался уговорить Момзена измѣнить свое мнѣніе объ американцахъ. «Вы должны дать болѣе времени молодой націи», — говорилъ онъ. — «Полно вамъ приводить въ оправданіе дѣтство страны, — отвѣчалъ Момзень: — вы имѣли достаточно времени; вѣдь вамъ минуло уже триста лѣтъ». Момзень сдѣлался врагомъ Америки не только въ разговорахъ, но даже написалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ статью о ней. Но, прежде чѣмъ напечатать, послалъ ее на просмотръ къ Вайту. Прочитавъ статью, американецъ отвѣчалъ, что ему нечего возражать на подобную критику, что конечное торжество Американскихъ Штатовъ и освобожденіе испанскихъ острововъ въ Вестъ-Индіи докажутъ справедливость американцевъ, которымъ въ глубинѣ сердца Момзень болѣе сочувствуетъ, чѣмъ ихъ врагамъ. Этотъ отвѣтъ такъ подѣйствовалъ на великаго историка, что его статья не появилась въ печати, и впослѣдствіи онъ сталъ обращаться съ Вайтомъ попрежнему, а предъ отъѣздомъ послѣдняго въ Америку, на прощальномъ обѣдѣ въ честь его, Момзень привѣтствовалъ американца самымъ дружескимъ образомъ. По случаю смерти императрицы Викторіи, о которой Вайтъ отзывался съ большимъ сочувствіемъ, онъ приводитъ нѣсколько разговоровъ съ нею, между прочимъ объ отношеніяхъ Англіи и Америки, сдѣлавшихся за послѣднее время очень дружественными. При этомъ американецъ замѣтилъ: «Я съ удивленіемъ вспоминаю теперь о томъ, что меня воспитывали ненавистникомъ Георга III». Императрица улыбнулась и отвѣтила: «Это очень не справедливо, тѣмъ болѣе, что меня воспитывали въ глубокомъ уваженіи къ памяти Вашингтона». Другой разъ Вайтъ выразилъ надежду, что нѣкогда Германія, Англія и Соединенные Штаты будутъ союзниками, охраняющими миръ всего свѣта. Въ отвѣтъ императрица воскликнула: «Давай Богъ, но вы забываете Японію». Замѣчательной чертой торжества, саксонскаго и берлинскаго, было присутствіе престарѣлаго австрійскаго императора, Франца-Иосифа, который, по словамъ Вайта, несмотря на свою популярность, одинъ изъ самыхъ несчастныхъ государей въ Европѣ. «Францъ-Иосифъ, — говоритъ американецъ, — безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ тому числу европейскихъ государей, которые въ настоящее время — образецъ людей, работающихъ и много работающихъ въ пользу своихъ странъ. Хотя я — ярый республиканецъ, но долженъ сознаться, что историческіе уроки XVIII и XIX столѣтія принудили европейскихъ монарховъ разумно и старательно исполнять свои обязанности, чего нельзя сказать о прежнихъ бессмысленныхъ и лѣнивыхъ Бурбонахъ, Габсбургахъ и т. д. Замѣчательно, что это можно сказать только о царствующихъ государяхъ, которые вполне доказываютъ дарвиновскую систему — выживанія приспособленнѣйшихъ. Такъ не подлежитъ сомнѣнію, что теперешніе претенденты: принцъ Викторъ-Наполеонъ, герцогъ Орлеанскій и

донъ-Карлосъ, совершенно неспособны быть государями». Во время своего пребывания въ Берлинѣ, Вайтъ присутствовалъ еще на замѣчательномъ историческомъ празднествѣ—на двухсотлѣтнемъ юбилеѣ берлинской академіи наукъ. Оно такъ поразило своей торжественностью вообще всѣхъ американцевъ, что одинъ американскій профессоръ сказалъ Вайту: «Я американецъ, и я республиканецъ, но, когда я нахожусь въ монархическомъ государствѣ, то люблю, чтобы подобныя годовщины справлялись со всевозможнымъ великолѣпіемъ». Вайтъ передалъ эти слова Вильгельму, и тотъ со смѣхомъ сказалъ: «Уже если человѣку суждено быть монархомъ, такъ и пусть онъ будетъ монархомъ въ полномъ смыслѣ слова. Донъ Педро Бразильскій старался быть чѣмъ-то инымъ и не сдобровалъ». Наконецъ, въ 1902 году, Андрю Вайту минуло семьдесятъ лѣтъ, и онъ рѣшился выйти въ отставку. Написавъ объ этомъ начальству, онъ простился съ императоромъ и всѣмъ берлинскимъ обществомъ, которое дало въ честь его прощальный блестящій банкетъ. 5-го декабря того же года онъ уѣхалъ изъ Берлина и съ тѣхъ поръ живетъ въ Америкѣ. Послѣднюю статью изъ своихъ германскихъ воспоминаній американскій посланникъ посвящаетъ исключительно императору Вильгельму II. Со времени удаленія Бисмарка, Вильгельмъ сталъ очень непопуляренъ въ Америкѣ, но дальнѣйшая его дѣятельность примирила ихъ съ императоромъ, и въ этомъ отношеніи не малое значеніе имѣлъ Вайтъ, который питаетъ къ нему самое глубокое уваженіе. «Его положеніе въ современной исторіи, — говоритъ Вайтъ, — опредѣляется эволюціей индивидуальнаго и національнаго характера германской расы. Гогенцоллерны пережили всѣхъ Гогенштауфеновъ, Габсбурговъ, Виттельсбаховъ и Гвельфовъ, какъ самая способнѣйшая раса. Она дала свѣту много сильныхъ типовъ и особенно прославилась великимъ курфирстомъ Фридрихомъ II и Вильгельмомъ I. Главнымъ образомъ, подъ руководствомъ этихъ великихъ людей, Германія изъ смѣшанной массы воиновъ, мыслителей и труженниковъ, угнетаемыхъ междоусобіями и враждой сосѣдей, сдѣлалась великой державой въ военномъ отношеніи, въ искусствѣ, наукѣ и литературѣ, а также стала охранителемъ цивилизаціи и естественной союзницей каждой страны, которая стремится къ содѣйствию человѣческаго развитія. Государь, стоящій теперь во главѣ ея,—человѣкъ оригинальный, изучившій великихъ людей прошедшаго, храбрый, но любящій миръ, вѣрящій въ идеалы, но держащійся крѣпко реального мира и который, по всей вѣроятности, начертитъ свое имя на спискѣ великихъ людей, обезпечившихъ прогрессъ человѣчества». Главныя черты характера Вильгельма — рѣшительность, энергія, любовь къ путешествіямъ и страсть къ многорѣчивости. Доказательство перваго качества было дано имъ съ самаго начала царствованія опалой Бисмарка, возбудившей многочисленныя укоры и упреки не только въ Германіи, но и во всемъ свѣтѣ. Напротивъ, Вайтъ старается доказать, что Вильгельмъ, до вступленія на престолъ обожавшій Бисмарка, прогналъ его по необходимости, не желая сдѣлаться при желѣзномъ канцлерѣ *roi fainéant* и прекрасно зная, что никогда Бисмаркъ не позволитъ ему независимо управлять государствомъ. Что касается до энергіи императора, то въ ней никогда никто не сомнѣвался, и это качество въ немъ Вайтъ признаетъ заслуживающимъ всякихъ похвалъ. Пристрастіе Вильгельма

къ путешествіямъ возбудило появленіе многихъ эпиграммъ, изъ которыхъ всего остроумнѣе вошедшее въ поговорку выраженіе: Вильгельмъ I былъ «*der greise kaiser*», Фридрихъ III «*der weise kaiser*», а Вильгельмъ «*der reisekaiser*». Несмотря на это, американецъ находитъ, что императоръ въ этомъ отношеніи viola правъ, и его странствія по бѣлу свѣту, подобно Гаруну Аль-Рашиду, приносятъ какъ ему, такъ и государству значительную пользу. Одинаково Вайтъ не признаетъ ошибочной многогѣчivosti императора, несмотря на ея крайности. Особенно поразило американца разнообразіе дѣятельности Вильгельма. Нѣтъ предмета, которымъ онъ не занимался бы; такъ онъ посвящаетъ свои досуги серьезной музыкѣ и театру, преимущественно историческому. Однажды онъ сказалъ Вайту: «Театръ долженъ быть не только важнымъ факторомъ воспитанія и развитія нравственности, но выразителемъ красоты, изящества и высшаго искусства. Онъ обязанъ намъ представлять идеалы, а не грустныя картины прошедшаго или настоящаго». Очень интересны также взгляды Вильгельма на воспитаніе, о которыхъ онъ часто бесѣдовалъ съ американскимъ посланникомъ. Отстаивая классическое воспитаніе, онъ, однако, возставалъ противъ педантизма и находилъ необходимымъ распространеніе физическаго развитія молодежи. Одна изъ главныхъ заботъ императора — улучшеніе и украшеніе столицы, хотя нельзя признать, вопреки мнѣнію американца, чтобы они всегда отличались изящнымъ вкусомъ. Относительно литературы Вайтъ говоритъ, что Вильгельмъ жадно читаетъ всѣ замѣчательныя новыя книги, и посвящаетъ чтенію часы, назначенные для охоты. Въ отношеніи его государственной дѣятельности онъ всего болѣе отличается здравымъ смысломъ и знаніемъ людей. Одинъ опытный парламентскій дѣлецъ говорилъ о немъ Вайту: «Невозможно сопротивляться Вильгельму; онъ слишкомъ хорошо знаетъ Германію и слишкомъ ее любить, чтобы наконецъ не добиться осуществленія своихъ намѣреній». Конечно, Вильгельмъ не образцовый конституціонный правитель и далеко не преданъ парламентской системѣ, но, по словамъ Вайта, опасность грозитъ Германіи не со стороны нарушенія конституціи императоромъ и правительствомъ, а совершенно съ противоположной стороны. Этимъ кончаетъ Вайтъ свою разностороннюю характеристику нынѣшняго германскаго императора.

— За кулисами турецкаго двора. Незвѣстный авторъ, подписавшійся: «Yrcam», помѣстилъ въ послѣднихъ нумерахъ «*La Revue*» цѣлую галерею ¹⁾ портретовъ приближенныхъ турецкаго султана съ нимъ самимъ во главѣ. Авторъ не поскупился на краски, описывая турецкій дворъ или, вѣрнѣе, закулисную жизнь султана, и представилъ такую картину придворныхъ нравовъ, что можно удивляться, какъ еще существуетъ Турція. Свои портреты онъ начинаетъ съ султана Абдуль-Гамида-Хана-Эль-Шази, или, какъ его называютъ турки, Побѣдоносца, Тѣни Бога на землѣ, Халифа Ислама, — и безпощадно его громитъ. Онъ говоритъ, что у султана нѣтъ ни друзей ни поклонниковъ, и ему расточаютъ похвалы одинаково, какъ и проклятія, а

¹⁾ «*Dans les coulisses de la cour turque*», par Yrcam. «*La Revue*». 15 Fevrier — 1 Mars 1906.

исторія строго его осудить за то, что онъ залилъ себя кровью, часто совсѣмъ неповинно. Призвая за нимъ умъ, онъ находитъ въ немъ все-таки болѣе хитрости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ пороки пришедшей въ упадокъ расы и червоточной Византіи, благодаря которымъ Абдуль-Гамидъ держитъ въ страхѣ цѣлый народъ, преклоняющійся предъ его эфемернымъ могуществомъ, изъ страха мести. Всѣ его ненавидятъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ боятся и служатъ ему, благодаря его умѣнью пользоваться ихъ страстями и способности создавать въ душѣ мусульманина, когда-то сильной и честной, особую лживость, присущую его царствованію. Кромѣ всевозможныхъ золъ, которыя Абдуль-Гамидъ принесъ Турціи, онъ еще навсегда развратилъ совѣсть цѣлаго народа и подъ своимъ владычествомъ сдѣлалъ его презрѣнной націей. Среди окружающихъ его людей онъ умѣетъ найти способныхъ исполнителей своихъ злосчастныхъ намѣреній и дѣлать изъ нихъ послушное орудіе, которымъ онъ управляетъ съ замѣчательнымъ знаніемъ человеческой души, возбуждая въ нихъ всевозможныя низкія страсти. Рѣдкій изъ приближенныхъ не понимаетъ самого султана, но по привычкѣ, порочности или подлости всѣ ему служатъ съ замѣчательнымъ послушаніемъ. Изъ приближенныхъ Абдула-Гамида авторъ рисуетъ прежде всѣхъ Тахсина-пашу, перваго султанскаго секретаря, бывшаго сначала главнымъ секретаремъ каравансарая, какъ называютъ турки морское министерство. Послѣ смерти прежняго секретаря, Суеріи-паши, умершаго отъ отравы въ 1894 году, Абдуль-Гамидъ сдѣлалъ секретаремъ Тахсина-пашу, со страхомъ вступившаго въ Ильдизъ-Кіоскъ, откуда онъ очень рѣдко выходитъ. Въ то время, какъ придворные осыпали его поздравленіями, шпионили за нимъ и добивались его расположенія, онъ дрожалъ отъ страха, ожидая грозившихъ ему опасностей. Еще теперь, несмотря на всѣ почести и отличія, онъ не можетъ отдѣлаться отъ этого ужаса. Его авторитетъ и вліяніе очень велики, но онъ пользуется ими въ рѣдкихъ случаяхъ. Тахсинъ-паша могъ бы нажать громадное состояніе, имѣя для того немало случаевъ, но онъ предпочиталъ предоставлять это своимъ подчиненнымъ, которые забирали себѣ львиную долю, отдавая ему остатки. Каждый разъ, какъ автору статьи приходилось видѣть Тахсина-пашу, то онъ внушалъ къ себѣ скорѣе жалость. Усталыя черты лица и зеленоватый цвѣтъ кожи выдаютъ его тревожную жизнь, чрезмѣрныя волненія и бессонныя ночи, потому что султанъ призываетъ его къ себѣ во всякое время дня и ночи, то диктуя ему приказы, то истязая его оскорбленіями и не оставляя его ни минуты въ покоѣ. Безъ разрѣшенія онъ не имѣетъ права даже посѣщать своей жены, которая живетъ у дворцовыхъ воротъ, а позволенія султана не легко добиться. «Однажды, когда я ему жаловался на одного министра, который хотѣлъ выманить у меня крупную сумму денегъ,—говоритъ авторъ,—то онъ мнѣ серьезно отвѣтилъ:—«Если этотъ человѣкъ забралъ себѣ въ голову нажать въ этомъ дѣлѣ, то никто не можетъ ему воспрепятствовать».—«А султанъ?»—спросилъ я.—«Султанъ не станетъ беспокоиться о своихъ министрахъ»,—отвѣтилъ онъ и прибавилъ въ заключеніе:—«какая страна!» Нѣсколько времени спустя, я узналъ, что онъ покровительствовалъ этому министру и дѣлилъ съ нимъ бакшишъ». Въ другомъ случаѣ вопросъ шелъ о важныхъ переговорахъ, которые

было необходимо вести лично съ султаномъ одному иностранцу, безъ посредничества Тахсина-пашы, и послѣдній довольно наивно отвѣтилъ: «Напишите моему повелителю по-французски, что вы хотите сообщить, запечатйте и будьте увѣрены, что я ему вручу письмо». Дѣйствительно, чрезъ два часа онъ принесъ отвѣтъ. Его кабинетъ переполненъ газетами и старыми бумагами, которыя онъ бросаетъ на полъ, подъ столомъ, гдѣ, однако, онъ живо находитъ ихъ, когда явится слуга султана, весь въ черномъ, какъ одѣваются всѣ турецкіе чиновники, и, низко отвѣсивъ поклонъ, скажетъ: «Нашъ повелитель васъ ожидаетъ». При этихъ словахъ всѣ присутствующіе встаютъ, какъ одинъ, и кланяются, а Тахсинъ-паша, взявъ бумаги, плетется за слугою до покоевъ султана, который заставляетъ его стоять предъ дверью по нѣсколькимъ часамъ. «Въ сущности,—говоритъ авторъ,—Тахсинъ-паша не хуже другихъ, но его узкій умъ навсегда сохранитъ къ нему расположеніе султана, такъ какъ Абдуль-Гамиду не найти болѣе послушнаго и покорнаго секретаря. Султанъ осыпаетъ его орденами и титулами, платитъ ему хорошее жалованье и награждаетъ его значительными подарками. Это не мѣшаетъ Тахсину-пашѣ брать круглыя суммы со всѣхъ рассматриваемыхъ во дворцѣ дѣлъ, которыя онъ подаетъ на одобреніе султана, а также и съ тѣхъ лицъ, которыя являются хлопотать о милостяхъ или подавать жалобы; авторъ статьи самъ слышалъ, какъ офицеры грубо оскорбляли перваго секретаря и угрожали разорвать его на части, если онъ не окажетъ правосудія. Второй приближенный султана, первый камергеръ, Хаджи-Али-паша, немногимъ лучше перваго. Онъ уже старикъ, принадлежитъ къ прежней школѣ, и авторъ считаетъ его скорѣе честнымъ человекомъ, конечно, относительно. Цѣлые дни онъ проводитъ, сидя потурецки въ креслѣ предъ маленькимъ столикомъ, на которомъ можетъ помѣститься лишь чернильница, пепельница и чашка кофе. Его стѣсняють воротникъ и галстухъ, а потому онъ принимаетъ всѣхъ въ ночной рубашкѣ и безъ сапогъ. Хаджи-Али-паша говоритъ мало, и обыкновенно на его долю выпадаетъ принимать патріарховъ различныхъ общинъ, которыхъ онъ умѣетъ примирять. Старые чиновники прибѣгаютъ къ его помощи, благодаря его удивительной памяти. Говоря о Тахсинѣ-пашѣ и Иззетѣ-пашѣ, второмъ камергерѣ и второмъ секретарѣ, о которомъ будетъ рѣчь впереди, старый камергеръ отзывается неодобрительно и сожалеетъ, что представилъ ихъ султану, такъ какъ они стараются поколебать его авторитетъ. Хаджи-Али-паша не образованъ и предпочитаетъ вести дѣла съ простымъ народомъ, который, по его мнѣнію, имѣетъ больше добрыхъ чувствъ и признательнѣе. Несмотря на свою простоту, онъ прекрасно умѣетъ руководить придворными интриганъ и беретъ свою долю съ крупныхъ дѣлъ. У него кругленькое состояніе, которое ежедневно увеличивается. Его слова иногда имѣютъ болѣе болѣе авторитетъ, чѣмъ перваго секретаря, такъ какъ при случаѣ онъ знаетъ, какую взять дорогу. Что касается до Иззета-паши, то, по описанію автора, это очень непривлекательная личность, безъ стыда и чести, настоящій типъ сирійца, способнаго внушить и исполнить всевозможныя подлости. Это—злѣйшій врагъ Абдуль-Гамида, мечтающій объ одномъ, какъ бы смѣстить султана, занять его мѣсто и проглотить всю Турцію, лишь бы удовлетворить свое

ненасытное корыстолюбіе. Его прозвали «маленькимъ султаномъ» вслѣдствіе того, что иногда онъ дѣлаетъ все по своему желанію. Иззетъ-паша—судья въ смѣшанномъ судѣ, гдѣ открыто продаетъ приговоры и не задумается при случаѣ продать и Турцію. Онъ былъ высланъ въ Сирію за то, что присудилъ султана уплатить долги Мурада II-го, но смуты въ Арменіи дали ему случай возвратиться въ Константинополь. Здѣсь онъ добился, чтобы Абдуль-Гамиду передали одинъ его проектъ, который понравился султану, и Иззетъ-паша попалъ во вторые камергеры. Прекрасно изучивъ своего властелина, онъ умѣетъ удовлетворять его страсти. Онъ былъ самымъ пылкимъ подстрекателемъ избіенія армянъ и чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ положенія, когда христіанская кровь заливала долины Арменіи. Этотъ кровавый періодъ былъ для него золотымъ временемъ. Маленькій, смуглый, невзрачный, живой, похожій на хищную птицу, онъ очень хорошо говоритъ по-французски и арабски, но жестокость его взгляда пугала автора. Когда Турція была въ опасности, онъ безъ зазубнія совѣсти продавалъ все, что ему попадалось подъ руки: милости султана, мѣста и ордена; этимъ онъ положилъ основаніе своему состоянію. Затѣмъ онъ впалъ въ немилость, но удержалъ деньги, что помогло ему возвратиться ко двору и до сихъ поръ держаться на своемъ мѣстѣ. Однако, въ виду будущихъ немилостей, онъ предусмотрительно отправилъ свое состояніе въ Европу, а сына послалъ во Францію съ важными документами. Окончивъ ученіе во Франціи, сынъ сталъ скучать при Константинопольскомъ дворѣ, и отецъ посовѣтовалъ ему снастись бѣгствомъ, предварительно все приготовивъ къ отъѣзду. Когда тотъ уже былъ на французскомъ кораблѣ и въ полной безопасности, то Иззетъ-паша отправился къ султану, бросился къ его ногамъ, умоляя задержать сына и возвратить его назадъ. Абдуль-Гамидъ понялъ, что его провели, но ничего не сказалъ, когда же, нѣсколько времени спустя, Иззетъ-паша попросилъ у него какой-то милости, то онъ отказалъ ему. Тогда Иззетъ прикинулся больнымъ и заперся у себя. Султанъ остерегался его и послалъ къ нему множество врачей подъ видомъ лѣченія больного и ожидалъ, что алчность заставитъ его выйти. Абдуль-Гамидъ глубоко его презираетъ, но не хочетъ отправить такъ скоро «въ рай», въ виду того, что онъ—одинъ изъ самыхъ способныхъ людей при дворѣ. Говорятъ, что онъ получилъ крупный бакшишъ, около 4 милліоновъ франковъ, отъ нѣмецкихъ, англійскихъ, американскихъ и итальянскихъ верфей, добившихся отъ султана крупнаго заказа. Теперь онъ душа финансовой комиссіи, которой предстоитъ наблюдать за выгодами турецкой казны, но онъ заботится болѣе о собственныхъ выгодахъ, и кто желаетъ одолжить Турціи денегъ, тотъ долженъ сначала дать ему бакшишъ. Когда парижскіе капиталисты предложили Турціи сто милліоновъ, то Иззетъ-паша отвѣтилъ, что Турція не имѣетъ болѣе надобности прибѣгать къ заграничнымъ займамъ, и по примѣру Россіи, Японіи и Англій, она будетъ теперь устраивать внутрѣнній 4% заемъ. Все это будто произошло оттого, что Иззету-пашѣ не дали заранѣе бакшиша. «Это вампиръ Турціи, — скажутъ вамъ честные турки, — замѣчаетъ авторъ: — и его смерть освободитъ насъ отъ замѣчательной гадины». Всѣ его презираютъ за цинизмъ и низость. Онъ окружаетъ себя шпионами, и между прочимъ всѣ его посредники—армяне или сирійцы—христіане,

выбранные имъ самимъ, по своему подобію. Такой же второй секретарь и камергеръ султана — Рагибъ-паша. Онъ представляетъ собою феноменъ среди турокъ, обладая сразу всѣми качествами великихъ людей: въ одно и то же время онъ государственный человѣкъ, промышленникъ, купецъ, а главное патриотъ, что рѣдко бываетъ среди турецкихъ придворныхъ. Онъ вполне преданъ султану, который можетъ рассчитывать на него при всѣхъ обстоятельствахъ. Рагибъ-паша знаетъ свои качества, но не тщеславится ими, остается откровеннымъ до грубости и самъ любитъ честныхъ и прямыхъ людей. Онъ не фанатикъ и довѣряетъ всѣмъ людямъ, заслуживающимъ уваженія, невзирая на ихъ религію. Онъ не добивается милостей султана и въ продолженіе тридцати лѣтъ получаетъ 575 франковъ въ мѣсяць, а напой сдѣлалъ его самъ султанъ, безъ всякихъ съ его стороны просьбъ. Его братья занимаются торговлей, и онъ вступилъ съ ними въ товарищество, пользуясь страхомъ, который онъ внушаетъ, чтобы дать ходъ ихъ дѣлу. У него теперь множество очень богатыхъ рудниковъ, которые онъ разрабатываетъ, добывая съ нихъ 2 или 3 милліона в годъ. Онъ также сдѣлалъ блестящія дѣла съ недвижимостями, и теперь ему принадлежатъ самые лучшіе дома въ Константинополѣ. вмѣсто того, чтобы заниматься интригами, онъ проводитъ свое время въ Перѣ, гдѣ находится его контора, и занимается дѣлами. Это — единственный турокъ, по мнѣнію автора, который повялъ, что надо заниматься торговыми дѣлами и разбогатѣть, чтобы превзойти христіанскихъ паразитовъ, которые извлекаютъ всевозможныя выгоды изъ турокъ. Его рудники хрома самые богатые въ свѣтѣ, и при томъ онъ превосходно ими управляетъ. При дворѣ его боятся, зная, что онъ до смерти останется отважнымъ и убьетъ всякаго, кто попробуетъ ему вредить. Онъ глубоко презираетъ придворныя партіи и врагъ всѣхъ несчастныхъ сдѣлокъ, которыя правительство вело съ оттоманскимъ банкомъ или частными лицами, благодаря вмѣшательству Иззета-паши и его единомышленниковъ, хотя его не всегда слушаются. Его соперники принуждены давать ему долю изъ сдѣлокъ, чтобы избѣжать его вмѣшательства, и хотя онъ не алченъ, но все же любить деньги, впрочемъ тратя ихъ благоразумно. Онъ отличается отъ другихъ турокъ тѣмъ, что не беретъ мелкаго бакшиша, и какъ ни расхваливаетъ сначала авторъ этого патриота, но приходитъ къ тому же, что и Рагибъ-паша беретъ взятки, только крупныя. Въ одинъ прекрасный день, желая избавиться отъ братьевъ, чтобы вести дѣло одному, онъ добился у султана ихъ изгнанія. Этотъ паша получилъ образованіе и прекрасно знаетъ французскій, англійскій, турецкій, греческій языки и пишетъ на нихъ въ совершенствѣ. Когда вопросъ зашелъ о преобразованіи флота, предложенномъ Иззетъ-пашею, которому предстояло сорвать порядочный кушъ, Рагибъ-паша былъ противъ того, и, выйдя изъ себя, ударилъ кулакомъ по столу, за которымъ сидѣлъ султанъ. Другого бы на его мѣстѣ за это казнили, его же только выгнали. Впрочемъ онъ не былъ этимъ огорченъ и принялся за свои торговыя дѣла. Онъ — единственный камергеръ, который имѣетъ право жить, какъ онъ хочетъ, въ Перѣ, заниматься торговлей и дѣлать, что хочетъ. Во время Рамазана онъ приказываетъ подавать себя кушать днемъ и не обращаетъ вниманія на шіюновъ, которые слѣдятъ за нимъ, но на разстояніи, такъ какъ онъ убилъ

изъ нихъ двоихъ среди бѣлаго дня. Онъ носитьъ подъ жилетомъ цѣлый арсеналъ револьверовъ и кинжаловъ и не снимаетъ ихъ, даже отправляясь во дворецъ. Когда султанъ, желая выразить ему свое благоволеніе, хотѣлъ женить его на женщинахъ, сначала принадлежавшихъ ему, то Рагибъ-паша ничего на это не сказалъ, но, для избѣжанія этой чести, онъ женился въ двадцать четыре часа и заставилъ жениться братьевъ на всѣхъ молодыхъ дѣвушкахъ одной знакомой семьи. Рагибу-пашѣ шестьдесятъ лѣтъ, но онъ прекрасно сохранился и, по мнѣнію автора, единственный человѣкъ, способный хорошо управлять Турціей, хотя едва ли за это онъ возьмется. Камергеръ Фэкъ-Бей, сынъ Лутфи-Ага, прежняго любимаго слуги султана, грубаго и необразованнаго человѣка, отъ котораго онъ отличается нѣкоторымъ образованіемъ; онъ даже знаетъ французскій языкъ. Фэкъ-Бей былъ прекрасный помощникъ отца во взиманіи «башкиша», который старикъ Лутфи-Ага любилъ получать. Онъ служилъ отцу посредникомъ и даже приводилъ кліентовъ, которые хлопотали относительно концессій, назначеній на высшія должности и орденовъ. Въ то время какъ сыну вручали условную сумму, отецъ скрывался за портьерой и заботливо считалъ деньги. Очень часто онъ дергалъ сына за полу одежды, чтобы заставить его перефрантить стертую монету или обратить вниманіе на неправильный расчетъ. Послѣ смерти отца, онъ наслѣдовалъ расположеніе султана и продолжалъ собирать бакшишъ. Въ крупныхъ дѣлахъ, смотря по обстоятельствамъ, онъ бываетъ то другомъ, то врагомъ Тахсина-паши и Иззетъ-паши и держитъ цѣлый штатъ шпионовъ. Многіе сановники обязаны ему своимъ положеніемъ, которое онъ имъ устраивалъ за деньги, какъ, напримѣръ, знаменитый Селимъ-Меламѣ, министръ горныхъ и лѣсныхъ дѣлъ, заплатившій ему за это 17.000 ливровъ. У него есть и немало друзей, благодаря тому, что хотя онъ беретъ бакшишъ, но всегда исполняетъ обѣщанное. Четвертый изъ камергеровъ, Арифъ-Бей, — человѣкъ очень любезный и говорящій по-французски; онъ тоже умѣетъ извлекать выгоды изъ своего положенія, обдѣлывая различныя дѣла. Множество менѣе значительныхъ камергеровъ, окружающихъ султана, проводятъ свое время, подстерегая минуту, когда султанъ находится въ хорошемъ настроеніи, чтобы добиться отъ него милостей, которыя они продаютъ тѣмъ, кто больше имъ за нихъ заплатитъ. Всѣ они устраиваютъ козни и шпионятъ, доставляя этимъ большое удовольствіе султану, который счастливъ, видя ихъ грызущимися между собою. Онъ даже возбуждаетъ своихъ придворныхъ другъ противъ друга, съ цѣлью держать ихъ всегда во враждебныхъ отношеніяхъ между собою, чтобы они не могли совместно свергнуть его. Онъ на нихъ сердится, поноситъ ихъ, иногда осыпаетъ милостями и ласками, а главное держитъ ихъ обѣщаніями. Время отъ времени онъ бросаетъ имъ кость въ видѣ какой нибудь концессіи, давая надежду, что въ слѣдующій разъ они получатъ лучше. Хотя они страшно ненавидятъ другъ друга, но живо примиряются, когда имѣется въ виду выгодный бакшишъ, и дѣляютъ добычу довольно честно, хотя постоянно называютъ другъ друга ворами и прочими нелестными названіями. Вообще въ Ильдизъ-Кіоскѣ не стѣсняются въ выраженіяхъ даже наиболѣе просвѣщенные турки. «Когда у нихъ попросишь содѣйствія въ какомъ нибудь дѣлѣ, — говоритъ авторъ статьи: — то они немедленно

отвѣтять: «Что ты за это дашь?» Если дѣло подходящее, то они соглашаются и достигаютъ успѣха, иначе даютъ совѣтъ обратиться къ тому изъ своихъ коллегъ, который въ милости у султана, или говорятъ: «Намъ также надо его купить». Въ дѣйствительности же власть въ ихъ рукахъ, потому что они держатъ въ страхѣ министровъ и чиновниковъ, впрочемъ рѣдко имъ не повиновющихся, заставляя ихъ плясать подъ свою дудку и сообщая имъ свои предписанія чрезъ посредничество слугъ, на словахъ. Всѣ они обязаны жить около дворца и не могутъ удалиться изъ своихъ кварталовъ безъ приказанія султана, который почти никогда не разрѣшаетъ имъ уѣзжать, даже на дачу. Авторъ статьи видѣлъ, какъ въ теченіе цѣлаго сезона часами стояли экипажи, ожидая Тахсина-пашу на станціи или у спуска на пароходъ, отправляющійся въ дачную мѣстность, гдѣ первый секретарь купилъ очень красивое имѣніе и отослалъ туда свою семью. Онъ ни разу не получилъ разрѣшенія туда поѣхать и даже не зналъ своего новаго дома. Иззетъ-паша былъ счастливѣе его и посѣтилъ свою дачу на Принцевыхъ островахъ два или три раза, оставаясь тамъ только по одному часу. Кое-кому изъ камергеровъ изрѣдка удавалось добиться разрѣшенія. Конечно, во все время пути они были окружены шпионами, слѣдовавшими по ихъ пятамъ и сообщавшими депешами о малѣйшемъ ихъ шагѣ. Зато султанъ очень снисходительно относится къ ихъ воровству и знаетъ о малѣйшемъ полученномъ ими бакшишѣ, такъ какъ часто они сами доносятъ на своихъ соперниковъ, чтобы ихъ обвинить, а для себя добиться вознагражденія. Онъ дозволяетъ имъ воровать изъ расчета, что они будутъ къ нему привязаны, пока есть надежда нажитья, служа ему. Одинъ Иззетъ-паша становится для него опасенъ, благодаря своему двадцатипятимилліонному состоянію. Онъ такую же сумму уже прожилъ, окружая себя необычайной роскошью и не отказывая себѣ ни въ чемъ. Онъ подъ сурдинку выражаетъ желаніе отдохнуть въ какомъ нибудь уголкѣ Европы, но говоритъ объ этомъ осторожно, чтобы не узналъ султанъ. Онъ съ удовольствіемъ бы убѣжалъ изъ Турціи, чувствуя, что веревка слишкомъ натянута, и въ одинъ прекрасный день она можетъ лопнуть. Теперь между первымъ секретаремъ и Иззетомъ-пашею идетъ страшная борьба; другіе придворные выжидаютъ ея окончанія, чтобы подобрать добычу противниковъ. Султанъ прекрасно знаетъ, что Тахсинъ-паша навиваетъ у него на службѣ не болѣе трехъ, четырехъ милліоновъ франковъ, но не уважаетъ его за это. Тахсину-пашѣ и Иззету-пашѣ обыкновенно поручается навѣщать отъ имени султана министровъ и другихъ крупныхъ чиновниковъ, во время ихъ болѣзни. Иззетъ идетъ лишь тогда, когда есть надежда на выздоровленіе больного, но если онъ навѣрно умретъ, то отправляется Тахсинъ. Когда объ этомъ извѣщаютъ газеты, то каждый турокъ вамъ скажетъ: «Такъ какъ туда пошелъ первый секретарь, то вы можете быть увѣрены, что больной умретъ». Когда злосчастный морской министръ, Гассанъ-паша, обиравшій цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ свое вѣдомство, заболѣлъ и боролся со смертію, султанъ прислалъ къ нему Иззета-пашу. Гассанъ, имѣвшій противъ него злобу за одно крупное дѣло, которое онъ у него отнялъ, сказалъ ему однажды: «зачѣмъ Богъ заставляеть меня такъ страдать, прежде чѣмъ призвать къ себѣ? Я, однако, не сдѣлалъ въ жизни

много зла, и если я воровалъ, то чтобы сдѣлать удовольствіе моему властелину». Это былъ намекъ, что султанъ заставлялъ его воровать и дѣлиться съ нимъ. Иззетъ ушелъ, хлопнувъ дверью, и сообщилъ обо всемъ султану, который его больше не посылалъ. По словамъ автора, за послѣдніе два года самые крупныя бакшиши взяли Иззетъ и Тахсинъ-паши, которые надѣются еще много получить, если султанъ дастъ имъ жизнь. Послѣ вышеупомянутыхъ камергеровъ слѣдуютъ другія близкія къ султану придворныя лица, и первымъ изъ нихъ считается великій внучекъ Абдуль-Гами-Ага, хранитель двери блаженства, т.-е. просто смотритель за гаремными красавицами, которыя, кстати, по мнѣнію автора, хотя и принадлежатъ къ прекрасной кавказской расѣ, но при обладаніи красивыми формами, прекраснымъ цвѣтомъ кожи, прелестными глазами и волосами, ихъ ротъ и скулы оставляютъ желать многого. При этомъ ихъ умственное развитіе на такомъ низкомъ уровнѣ, что султанъ можетъ восторгаться лишь ихъ тѣломъ. Въ гаремѣ ихъ цѣлыя сотни, и онѣ ведутъ чисто животную жизнь, проводя день въ гамакѣ, который расслабляетъ кожу, и въ заботахъ о своей красотѣ. Обыкновенно онѣ не умѣютъ ни читать ни писать. Абдуль-Гами-Ага не только за ними досматриваетъ, но и приобретаетъ новыхъ женъ султану. Собственно онъ, по мнѣнію автора, человекъ и не очень дурной, даже образованный, что рѣдко бываетъ среди турокъ. Ему щедро платитъ султанъ и осыпаетъ его подарками, которые послѣ его смерти переходятъ опять къ султану, какъ къ законному наследнику вообще послѣ всѣхъ внуковъ. Великій внучекъ очень вліятельный человекъ и, пользуясь своей властью, устраиваетъ судьбу лицъ, которыя ему выгодны. Онъ покровительствуетъ многимъ лицамъ и вмѣшивается почти во всѣ крупныя вопросы двора, такъ какъ султанъ ему вполне довѣряетъ. Вообще великіе внуки всегда пользовались большой властью при дворѣ, и въ молодости Абдуль-Гамидъ далъ такую волю одному изъ нихъ, Бехраму-Ага, что онъ даже назначалъ министровъ и маршаловъ. Онъ умеръ жертвой женскихъ интригъ. Его преемники, хотя не имѣли его смѣлости, но все-таки сохранили за собою власть. Всѣ они занимаются различными кознями и шпионствомъ, вмѣшиваются въ то, что до нихъ не касается, и вымогаютъ бакшиши, чтобы покупать себѣ лошадей и драгоценности. Затѣмъ авторъ далъ портретъ Исметъ-Бея, смотрителя за одеждой султана, молочнаго брата Абдуль-Гамида. Въ Турціи молочное родство считается столь же близкимъ, какъ и кровное, и Абдуль-Гамидъ очень любитъ Исметъ-Бея. Послѣдній только и занятъ, что своимъ властелиномъ, и среди турокъ считается неподкупнымъ; онъ не добивается никакихъ милостей, довольствуясь жалованіемъ и подарками, которые ему дѣлаетъ султанъ, но если бы только хотѣлъ, то имѣлъ бы значительное состояніе. У него очень красивыя дочери и сынъ, Фехимъ-паша, о которомъ много говорятъ. Ему едва 35 лѣтъ, и хотя онъ никогда даже не прикасался къ ружью, но уже маршалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—ужасъ всего города. Окруженный сбирами, которымъ платитъ султанъ, какъ тайной полиціи, онъ вымогаетъ деньги, грабитъ и убиваетъ турецкихъ подданныхъ. Султанъ не только ему все разрѣшаетъ, но даже даетъ деньги безъ счета. Онъ устраиваетъ при дворѣ крупныя козни, и, благодаря ему, попали въ немилость маршалъ Фуадъ-паша и зять султана, Кемал-

лединъ-паша. Онъ распоряжается во всѣхъ министерствахъ, возвышаетъ голосъ съ револьверомъ въ рукахъ даже въ государственномъ совѣтѣ, вырываетъ у другихъ добычу, воруетъ деньги вездѣ, гдѣ возможно, похищаетъ молодыхъ дѣвушекъ и вообще нарушаетъ народное спокойствіе. Когда скандалъ становится уже очень великъ, то султанъ запрещаетъ ему проходить черезъ нѣкоторые кварталы въ продолженіе нѣсколькихъ дней, но въ то же время не измѣняетъ къ нему расположенія, потому что Фехимъ-паша умѣетъ изобрѣсти въ оправданіе какой нибудь воображаемый заговоръ. Если когда нибудь турки и возмутятся, то виновникомъ будетъ Фехимъ-паша. Среди окружающихъ Абдуль-Гамида лицъ есть немало подобныхъ субъектовъ, но они обыкновенно кончаютъ жизнь лѣтъ черезъ шесть или семь насильственной смертью, по приказанію султана. Если и Фехимъ-паша кончитъ такъ, то султану придется имѣть дѣло съ Исметъ-пашею, который любитъ своего негодяя сына и вмѣшивается въ дѣло, когда опасность становится велика. Послѣ смотрителя за одеждой слѣдуетъ Тахиръ-паша, личный тѣлохранитель султана. Онъ спитъ въ одной комнатѣ съ султаномъ и оберегаетъ его. Родомъ онъ—албанецъ. Султанъ не даетъ ему разбогатѣть и никогда не разрѣшаетъ ни одной концессіи, говоря, что если онъ разбогатѣетъ, то будетъ его врагомъ, какъ другіе. Поэтому у него лишь столько денегъ, чтобы имѣть возможность существовать. Другая личность, близкая къ султану—духовное лицо, Шейхъ-Ебуль-Худа. Не извѣстно, какъ эта личность попала во дворецъ и добилась громаднаго вліянія на султана, которому онъ разъясняетъ сны и предсказываетъ будущее. Онъ добрался въ Константинополь пѣшкомъ изъ глубины Месопотаміи, выпрашивая милостыню. Вѣроятно, онъ родомъ халдеецъ, такъ какъ основательно знаетъ астрологію, и его гороскопы доставляютъ большое удовольствіе султану, который приписываетъ имъ важное значеніе; это ему не мѣшаетъ выгонять его, когда онъ ошибается. Шейхъ-Ебуль-Худа—настоящій типъ араба пустыни. Онъ ходитъ въ религиозномъ одѣяніи съ тюрбаномъ на головѣ, благодаря чему еще сильнѣе выдѣляются его энергичныя, бронзовые черты лица. Онъ живетъ вблизи дворца въ жилищѣ, которое служитъ монастыремъ, и гдѣ происходятъ мусульманскія религиозныя службы. Его страшно ненавидятъ придворные, но онъ умѣетъ надъ ними господствовать; онъ дѣятельно занимается политикой и служитъ посредникомъ между султаномъ и арабами. Хотя онъ менѣе образованъ, чѣмъ его страшный врагъ, Иззетъ-паша, которому онъ часто наноситъ серьезные удары, но болѣе ловокъ. Онъ увѣренъ въ своей силѣ, такъ какъ никто болѣе его не вліяетъ на умъ султана, благодаря знанію тайныхъ наукъ. Но, тѣмъ не менѣе, его домъ окруженъ шпионами, и его враги, Иззетъ-паша и многіе другіе, желаютъ отъ него избавиться. Впрочемъ, имъ не добиться успѣха, такъ какъ должность его наслѣдственная, а у него есть сынъ, способный его преемникъ. Двери его дома всегда открыты для земляковъ, которые проживаютъ у него по нѣсколькимъ мѣсяцевъ съ своими семьями и слугами. Кварталь, гдѣ онъ живетъ, представляетъ настоящій уголокъ Аравіи, благодаря пребыванію у него чистокровныхъ бедуиновъ и арабскому языку. Послѣ него, какъ лицо, имѣющее значеніе при турецкомъ дворѣ, слѣдуетъ Черкесъ-Мехмедъ-паша, личный адъютантъ

султана, и самый жестокий из типов Ильдизь-Кюска. Этот человек приехал с Кавказа с транспортом женщин, предназначенных для гарема и которыми он воспользовался, чтобы попасть в турецкую полицию, откуда можно добиться различных вышних положений. Будучи второклассным полицейским во время избения 1896 года, он убил столько армян, что о нем заговорили. Увидев его однажды, султан сразу понял, что это за человек. Назначенный в чин капитана в отряд тюльханителей, он, по предположению автора, должно быть, немало убил людей, если через пять лет был произведен в дивизионные генералы и добился полного доверия султана. Будучи еще бригадным, он однажды влетел, как ураган, к первому секретарю и сказал ему, устремив на него свирепый взгляд и сжимая кулаки: «Берегись, я тебя разрублю на кусочки, если мнѣ не будет ордена завтра же». На другой день он получил орден. Попасться в руки Черкесъ-Мехмедъ-пашѣ очень неприятно, а это бывает не редко, так как при турецком дворе не редки случаи, когда царедворцы заводят драки. Когда султан узнает об этом, то сначала смеется себѣ в бороду, а затѣм дает распоряженіе разнять драчунов и в утѣшеніе посылает им по маленькому кошелечку с золотом. Случается, что ссоры бывают в его присутствіи, как было между Изетомъ-пашею и Кіазимомъ-Беемъ, бывшим вторым секретарем султана, а в настоящее время состоящим турецким посланником в Бухарестѣ. Дело шло о рѣзвѣ; Изетъ подстрекалъ султана дать приказ вести рѣзню, тогда как Кіазимъ-Бей, болѣе человеклобивый, а главное, патриотъ, склонялъ султана къ милосердію. Когда Изетъ вспылил, онъ наградил его самыми отборными турецкими эпитетами и бросился на него. Султан велѣл разнять их и отослать Кіазима-Бея за границу, оставив у себя Изета-пашу. Когда Черкесу-Мехмеду-пашѣ приходится разнимать драчунов, онъ дает им от имени султана одну или двѣ затрецины,—и порядокъ восстанавливается. В его вѣдѣніи находится тайная полиція, и онъ по этому случаю вытягивает у султана значительныя суммы и требует всякаго рода концессій. Онъ питаетъ страсть къ рудамъ и имѣетъ болѣе пятидесяти разрѣшеній разрабатывать ихъ, но никогда ему не удастся получить окончательной концессіи. Каждую пятницу онъ присутствуетъ при церемоніи Селамлика, и его можно видѣть шагающим по террасѣ, предназначенной для иностранцевъ, гдѣ онъ наблюдаетъ за всѣмъ. Султанъ посылаетъ его раздавать милостыни богомольцамъ или толпѣ невольныхъ, которыхъ онъ всегда заставляетъ кричать: «Да здравствуетъ султанъ!» Чиновники его боятся, такъ какъ его появленіе не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Последняя, приведенная авторомъ личность—Нишанъ-Еффенди, переводчикъ султана и цензоръ иностранной прессы, самая непривлекательная личность. Это—армянинъ самой подозрительной репутаціи, со всѣми низкими склонностями турецкаго царедворца—шпіонъ, измѣнникъ и развратникъ. Половину дня онъ проводитъ, толкаясь у дверей дворца, а затѣмъ перечитываетъ французскія, нѣмецкія и англійскія газеты и передаетъ султану, что говорится о немъ или Турціи. Но этого ему недостаточно, и онъ слѣдитъ еще за иностранными корреспондентами, живущими в Константинополь. Онъ

пробуетъ прежде всего завлечь ихъ къ себѣ, чтобы обмануть или чтобы вырвать отъ нихъ обѣщаніе не писать враждебныхъ Турціи или султану статей, обѣщая имъ отъ его имени милости и ордена. «Приходите ко мнѣ ежедневно за новостями, — говоритъ онъ имъ: — я вамъ ихъ расскажу чистосердечно. Не довѣряйте ложнымъ сообщеніямъ, которыя вы можете собрать въ городѣ, если захотите знать правду, я вамъ скажу ее всю». Виѣстѣ съ тѣмъ онъ не дурной собесѣдникъ и владѣетъ достаточно хорошо французскимъ, англійскимъ и нѣмецкимъ языками, притомъ очень хитрый, умѣетъ обольщать и рассказываетъ анекдоты изъ турецкой исторіи. Онъ старается подкупать иностранныхъ корреспондентовъ, чтобы они писали благоприятныя для Турціи извѣстія. Во время ареста маршала Фуада-паши онъ указалъ султану на одного французскаго корреспондента, какъ сообщника Фуада, а султанъ повѣрилъ и послалъ жалобу французскому посланнику. Во время посѣщенія Константинополя Мунесюлли и Сарой Бернаръ, Нишанъ-Еффенди страшно портилъ текстъ классическихъ авторовъ. Кромѣ того, онъ запретилъ продавать французскіе журналы, въ которыхъ дурно отзывались о Турціи и султанѣ. Турецкое посольство въ Парижѣ должно ежедневно сообщать ему телеграммой враждебныя статьи о султанѣ, и, по его приказанію, Блестящая Порта обратилась къ французскому посланнику съ просьбою останавливать на французской почтѣ неблагоприятныя для Турціи газеты. Такъ «Matin» недавно подверглась подобному запрещенію, благодаря Констану, котораго султанъ просилъ оказать этимъ «личную услугу». Нишанъ-Еффенди заставляетъ султана выплачивать крупныя суммы на содержаніе шпионовъ, и особенно для подкупа европейской прессы. Всѣ эти деньги онъ удерживаетъ себѣ и, сверхъ того, получаетъ 4.000 франковъ въ мѣсяцъ за сохраненіе жизни султана. Онъ хитро борется съ Изетомъ-пашею и другими камергерами, предъ которыми, хотя пресмыкается, но при первомъ удобномъ случаѣ доноситъ на нихъ. Прекрасно освѣдомленный обо всѣхъ козняхъ придворныхъ, онъ всегда переходитъ на сторону сильныхъ, чтобы укрыться отъ ударовъ противниковъ. Когда газеты вовсе не говорятъ о Турціи, то онъ самъ вдохновляетъ ихъ писать противъ султана. Незвѣстный авторъ, очевидно, близко знакомый съ турецкими сановниками, оканчиваетъ статью словами: «Мы далеки отъ эпохи, когда посланникъ, аккредитованный при Портѣ, писалъ своему правительству въ началѣ XVIII вѣка, послѣ того, какъ ему удалось подкупить великаго визиря: «Я только-что забросилъ въ нѣдра Турціи зародышъ зла, который ее убьетъ!» Эти зародыши отравили всю націю, и Турція умираетъ отъ бакшишей болѣе, чѣмъ отъ другого зла. Примѣру двора послѣдовали и министерства; авторъ обѣщаетъ дать такую же прелестную картинку правительства Блестящей Порты.

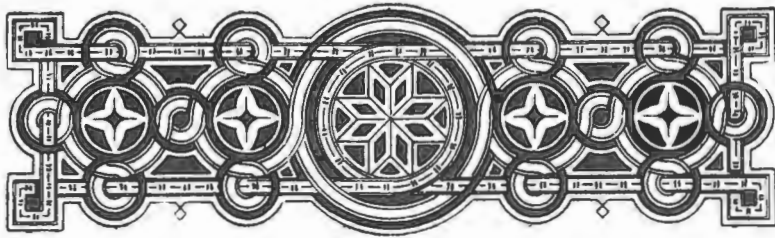
— Смерть Марселя Швоба, Эжена Гильома и Жюля Верна. Въ концѣ февраля умеръ въ Парижѣ извѣстный французскій романистъ и публицистъ, Марсель Швобъ, человѣкъ очень талантливый и способный. Онъ умеръ сравнительно въ молодомъ возрастѣ—37 лѣтъ, и его оплакиваютъ одинаково какъ во Франціи, такъ и въ Англии. Отличаясь прекраснымъ знаніемъ французскаго языка и литературы, онъ въ то же время отлично говорилъ и писалъ по-англійски, а также глубоко изучилъ англійскихъ старыхъ и новыхъ авто-

ровъ. Онъ былъ сыномъ замѣчательнаго республиканскаго журналиста, основателя газеты «Phare de la Loire», и получилъ воспитаніе въ Шартрской школѣ. Его литературная карьера обнимаетъ не болѣе десяти послѣднихъ лѣтъ, и онъ началъ писать въ «Echo de Paris», гдѣ помѣстилъ: «Vie imaginaire» и «Le roi en masque d'og». Совершеннѣйшій стилистъ современной эпохи, онъ походилъ своимъ талантомъ на Анатоля Франса, но далеко не приобрѣлъ его популярности, потому что нѣсколько лѣтъ тому назадъ пересталъ писать въ газетахъ, изъ боязни популярности, которую онъ признавалъ самымъ вреднымъ элементомъ для писателя, дорожившаго самоуваженіемъ. Поэтому онъ скромно жилъ на уединенномъ островѣ Сенъ-Луи, недалеко отъ Парижа, и тамъ разъ въ недѣлю принималъ своихъ близкихъ друзей. Въ своихъ рассказахъ и повѣстяхъ онъ былъ настоящимъ поэтомъ, придерживаясь фантастическихъ и мистическихъ предметовъ. Кромѣ того, онъ глубоко изучилъ французскую литературу, и въ особенности былъ страстнымъ изслѣдователемъ стариннаго поэта Франсуа Валлона, о которомъ онъ собирался написать подробную, основательную біографію. Незадолго до смерти онъ былъ приглашенъ въ школу высшихъ социальныхъ наукъ прочесть рядъ лекцій о своихъ любимыхъ писателяхъ стараго времени. Онъ также чрезвычайно любилъ народныя легенды и написалъ художественныя поэтическія повѣсти: «Le coeur double», «La porte de rêve» и «La lampe de Psyché». Преждевременная смерть въ самомъ расцвѣтѣ таланта прекратила литературную дѣятельность этого замѣчательнаго писателя. Въ надгробной рѣчи, произнесенной при его погребеніи, Альфредъ Круазэ сказалъ: «Онъ не былъ специалистомъ, а скорѣе его специальностью было все, касающееся человѣка. Хотя онъ близко изучилъ Валлона, но столь же близко былъ знакомъ и съ другими французскими авторами, знаніе которыхъ было его замѣчательной чертой». Марсель Швобъ отличался не только знаніемъ родной литературы, но былъ также знатокомъ англійскихъ языка и литературы. Другъ Стивенсона и Генлэя, переводчикъ Шекспира и сотрудникъ англійскихъ журналовъ, онъ одинаково говорилъ, писалъ и думалъ не только по-французски, но и по-англійски. Въ послѣдніе годы онъ перевелъ для Сарры Бернаръ Гамлета, который и давался ею въ Парижѣ и Лондонѣ, а недавно окончилъ для нея же переводъ «Макбета». Его смерть — серьезная литературная потеря для обѣихъ странъ.

Недавно французская академія потеряла одного изъ своихъ замѣчательныхъ членовъ, Эженя Гильома, талантливаго скульптора и художественнаго писателя. Это былъ настоящій гуманистъ XIX вѣка, отличавшійся глубокимъ знаніемъ философіи и эстетики. Гильомъ родился въ Монбарѣ въ 1822 году и былъ ученикомъ Прадье. Въ избранной имъ специальности онъ прославилъ себя многочисленными трудами, но былъ столь же замѣчательнымъ писателемъ, какъ и скульпторомъ. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ былъ директоромъ французской академіи въ Римѣ, долго состоялъ профессоромъ эстетики во французской коллегіи и въ 1898 году былъ удостоенъ званія члена французской академіи, т.-е. безсмертнаго. Его талантъ скульптора проявился въ многочисленныхъ бюстахъ: Тьера, донъ-Педро, Рамо и многихъ другихъ; въ статуяхъ — Орфея, Анакреона, Гракховъ и т. д. Въ литературѣ же онъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ «Les Ruines de Palmyre», «Le Panthéon d'Agrippa», «Dante consi-

déré comme artiste», «Michel-Ange», «L'art et la nature» и «L'art et la matière». Во всѣхъ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ отличался замѣчательной классической культурой. «Я много изучалъ классиковъ,—писалъ онъ,—и навсегда сохранилъ любовь къ нимъ; я имъ одолженъ всѣмъ, что во мнѣ есть хорошаго. Онъ умеръ въ Римѣ, возлѣ любимой имъ виллы Медичи, на восемьдесятъ третьемъ году жизни.

«Жюль Верна не стало!» — эти слова разнеслись по всему свѣту 12-го марта. Печально содрогнулся отъ этого извѣстія и старъ и младъ: первый, благодаря воспоминаніямъ юности, зачитывавшійся произведеніями автора «Вокругъ свѣта въ 80 дней», а послѣдній, сожальѣя о любимомъ чтеніи ста томовъ «Необыкновенныхъ путешествій». Въ первое время появленія научныхъ и географическихъ романовъ Жюль Верна они жадно читались всѣми возрастами, и только въ послѣднее время, ежегодно обогащавшееся двумя новыми книгами, его популярность немного устарѣла, и кругъ его читателей ограничился молодежью... Во всякомъ случаѣ его имя долго не забудется въ литературѣ и педагогикѣ, такъ какъ никто не служилъ культурѣ и просвѣщенію болѣе, чѣмъ этотъ семидесятисемилѣтній писатель. Его занимательные романы въ то же время приносили читателямъ громадную пользу, знакомя ихъ съ наукой въ самомъ обширномъ и разнообразномъ ея значеніи. Жюль Вернъ родился въ Нантѣ въ 1827 году и началъ свою жизнь адвокатомъ, но потомъ предался литературѣ и дебютировалъ въ качествѣ драматурга. Однако въ этомъ отношеніи онъ не имѣлъ успѣха, хотя сотрудничалъ съ такими популярными авторами, какъ Сарду и Денери. Въ 1861 году онъ случайно напечаталъ въ извѣстномъ журналѣ Гетцеля «Le magasin d'éducation et de recreation» свой романъ-путешествіе: «Пять недѣль на воздушномъ шарѣ». Успѣхъ его оригинальнаго произведенія былъ удивительный, и съ тѣхъ поръ въ продолженіе 44 лѣтъ его «Необыкновенныя путешествія» правильно каждый мѣсяцъ появлялись въ означенномъ журналѣ, а потомъ они выходили въ безчисленныхъ отдѣльныхъ изданіяхъ. Дальнѣйшая его жизнь была вся сосредоточена въ писаніи этихъ любопытныхъ и для всѣхъ интересныхъ популярно-научныхъ романовъ, которые онъ писалъ въ своемъ скромномъ жилищѣ въ городѣ Амьенѣ. Изъ числа его произведеній назовемъ только главнѣйшія: «Вокругъ свѣта въ 80 дней», «Дѣти капитана Гранта», «Тайственный островъ», «Мишель Строговъ» и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ романовъ передѣланы въ пьесы и давались во всемъ свѣтѣ съ необычайнымъ успѣхомъ, особенно «80 дней вокругъ свѣта», «Дѣти капитана Гранта» и «Мишель Строговъ». Секретарь парижской академіи Патенъ такъ отзывался о книгахъ Жюль Верна: «Оригинальныя, научныя свѣдѣнія въ формѣ интересныхъ рассказовъ замѣняютъ въ нихъ обычныя чудеса сказокъ; прочтя романы Жюль Верна, выносишь сознаніе приобрѣтенныхъ свѣдѣній и желаніе познакомиться ближе съ научными истинами». Въ послѣднее время Жюль Вернъ постепенно терялъ зрѣніе, но все-таки продолжалъ до послѣдней минуты жизни диктовать свои романы. Говорятъ, что у него накоплено неизданныхъ сочиненій еще на шесть томовъ. Онъ умеръ отъ паралича, быстро распространившагося по всему тѣлу.

С М Ъ С Ъ.

КАСОКАМЕННЫЙ монастырь на Кубенскомъ озерѣ. О печальномъ состояніи этого памятника г. Шергинъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Близъ села Устья на Кубенскомъ озерѣ находится маленькій островокъ, менѣе одной десятины, называемый Каменнымъ, который представляетъ безопасное убѣжище въ случаѣ бури. Съ XIII вѣка на немъ находится монастырь, давшій много просвѣтителей окрестному краю, распространителей христіанства, какъ Діонисій Глушицкій, Пахомій Святолуцкій, Александръ Куштскій и Евѣимій Самженскій, служившіе много лѣтъ украшеніемъ братіи, пока сами не сдѣлались основателями новыхъ обителей. Но всѣхъ болѣе прославилъ монастырь преподобный Іоасафъ, сынъ владѣтельнаго князя Заозерскаго, одного изъ потомковъ св. Феодора Ростиславича Чернаго, князя смоленскаго и ярославскаго. Вотъ чтѣ говоритъ преданіе объ основаніи обители на Каменномъ. 6 августа 1260 года здѣсь обрѣлъ себѣ спасеніе отъ бури князь Глѣбъ Васильковичъ и въ благодарность Богу за свое спасеніе построилъ храмъ Спаса Преображенія. Отправившись отсюда, онъ приказалъ прорыть каналы на рѣкахъ Сухонѣ и Вологдѣ и тѣмъ положилъ начало улучшенію водныхъ путей. Въ настоящее время Каменный производитъ тяжелое впечатлѣніе. Главный храмъ три года уже закрытъ, ибо своды его угрожаютъ паденіемъ. А между тѣмъ онъ выстроенъ около 500 лѣтъ назадъ. Немало причиняла и до сихъ поръ держитъ въ тревогѣ обитателей Каменнаго грозная стихія: этотъ крохотный островокъ открытъ со всѣхъ сторонъ дѣйствію вѣтровъ. Въ 1833 году напоромъ льда вытѣснило изъ воды и забросило на крышу трехэтажнаго братскаго корпуса огромный камень, вѣсомъ

болѣе 500 пудовъ. Въ 1837 году льдомъ выбило стекла въ третьемъ этажѣ того же корпуса. Но самый грозный ударъ стихій обрушился на обитель три года назадъ, когда, казалось, отъ обители останутся лишь слѣды разрушенія. Заторы льда достигли небывалой высоты. Огромныя льдины со зловѣщею силой бросало на крышу главнаго храма. Дрогнули вѣсковые своды, образовались трещины.

Археологическое общество. Подъ предѣдательствомъ графа И. И. Толстого состоялось очередное общее собраніе членовъ императорскаго русскаго археологическаго общества. Почтена вставаніемъ память скончавшихся членовъ общества: Н. Ѳ. Дубровина, А. В. Комарова, И. П. Хрущева, Н. М. Мартынова и А. Н. Пыпина. Выслушаны доклады: Я. И. Смирнова «О вновь найденныхъ рисункахъ кievскихъ памятниковъ въ 1651 году» и академика Н. П. Кондакова «Памятники русско-византійской эмали изъ Радомысльскаго уѣзда», при чемъ демонстрировались рисунки и найденныя крестьяниномъ села Каменнаго Вора вещи изъ клада, открытаго въ апрѣлѣ текущаго года. Рисунки кievскихъ памятниковъ 1651 года, о которыхъ сообщилъ Я. И. Смирновъ, хранятся въ библиотекѣ академіи художествъ и, представляя собою копіи оригиналовъ, принадлежащихъ князю Явѣшѣ Радзивиллу, имѣютъ значительный археологическій интересъ. Кромѣ старинныхъ кievскихъ зданій (Софійскій соборъ, Печерскій монастырь и Кievская академія Петра Могилы), среди нихъ находится изображеніе Ярослава Мудраго и его семейства. Демонстрированныя Н. П. Кондаковымъ вещи (двѣ гривны и вѣнчикъ) служатъ важнымъ указаніемъ, насколько высока была въ своемъ развитіи промышленность домонгольской Руси. Найденныя вещи сдѣланы несомнѣнно русскими мастерами, при чемъ однимъ изъ доказательствъ этого предположенія можетъ служить неправильная орфографія греческихъ словъ. Несмотря на то, что вещи эти находились въ землѣ около 700 лѣтъ (зарыты, по всей вѣроятности, при нашествіи татаръ), онѣ изумительно сохранились, въ особенности одна гривна съ эмалевыми изображеніями Деисуса и свв. Бориса и Глѣба. На состоявшихся затѣмъ выборахъ представителями общества на областномъ археологическомъ съѣздѣ въ городѣ Владимирѣ, имѣющемъ быть въ іюнѣ 1905 года, избраны: Д. В. Айналовъ и Н. В. Султановъ; въ число дѣйствительныхъ членовъ: Г. Ѳ. Зенгеръ, Н. И. Приваловъ и С. В. Смоленскій; въ медальную комиссію: предѣдатель Н. П. Кондаковъ, членами Н. В. Покровскій, Я. И. Смирновъ, А. И. Соболевскій и баронъ В. Р. Розень.

Общество любителей древней письменности. Подъ предѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева состоялось общее собраніе. Передъ началомъ засѣданія предѣдателемъ было предложено почтить вставаніемъ память почившаго почетнаго члена А. Н. Пыпина и членовъ-корреспондентовъ И. П. Хрущева и А. П. Бахрушина, послѣ чего секретарь прочелъ краткій очеркъ дѣятельности почившихъ по отношенію къ обществу. Первое сообщеніе: «Стихи покаянны и бесѣдны по сборникамъ XVI и XVII вв.» принадлежитъ С. В. Смоленскому; референтъ указалъ, что впервые сборникъ такихъ стиховъ появляется въ нашихъ пѣвческихъ «Стихиряхъ» во второй половинѣ XVI в., въ пору большого подъема русской композиціи, вслѣдствіе надобности новыхъ службъ святымъ, канонизо-

ваннымъ на соборахъ 1547 и 1549 гг.; стихи эти написаны на церковно-славянскіе прозаическіе тексты и распѣтые по знаменной, крюковой нотацин, почему не имѣютъ ничего общаго съ народными духовными стихами. Стихи XVI в. исключительно аскетическіе. Сборники XVI в., въ которыхъ «стихи» расположены въ порядкѣ восьми церковныхъ гласовъ, были живы до церковной реформы при патріархѣ Никонѣ; въ это время вторженіе хорового пѣнія, кievскихъ кантовъ и наконецъ расколъ вызвали сочиненіе многихъ новыхъ «стиховъ», забвеніе многихъ старыхъ и раздвоеніе изложенія ихъ въ пѣвчихъ книгахъ. У старообрядцевъ удержалась форма отдѣльной книги для стиховъ, а въ господствующей церкви они сдѣлались случайными и безсистемными статьями въ пѣвческихъ рукописяхъ. У старообрядцевъ «стихи» живы до сихъ поръ въ ихъ скитскомъ и домашнемъ пѣніи, но репертуаръ ихъ дополнился сочиненіемъ многихъ куплетныхъ стиховъ плохого достоинства; теперь даже появились нотные сборники «стиховъ умиленныхъ». У монаховъ-никоніанъ скоро вымерли аскетическіе стихи, ихъ замѣнили стихи историческіе, частью же, особенно въ кругу молодежи монастырской, сатирическіе, а въ кругу пѣвчихъ даже увеселительные. Къ XIX в. стихи болѣе серьезные исчезли совершенно, а стихи менѣе серьезные выродились въ рядъ куплетныхъ сочиненій съ хоровою музыкой. Второ-сообщеніе «Объ источникахъ поученій Климента Словенскаго» было прочитано Н. Л. Туницкимъ. По изслѣдованіямъ референта, поученія Климента раздѣляются: 1) на слова похвальные и 2) на проповѣди съ преобладаніемъ нравственно-поучительнаго содержанія; первыя по формѣ находятся въ зависимости отъ византійскихъ образцовъ, а по содержанію представляютъ своеобразную обработку евангельскихъ, апокрифическихъ и житійныхъ сказаній, причѣмъ догматическія положенія заимствованы изъ Богословія Іоанна Дамаскина. Краткія поучительныя слова, приспособленныя вообще къ памяти всякаго святаго или апостола, напоминаютъ гомилии западной церкви для новообращенныхъ христіанъ, и замѣчаемая связь поученій Климента съ 3-мъ отрывкомъ Фрейзингенской рукописи и съ древне-нѣмецкими и древне-чешскими исповѣдными формулами не случайна: она обусловливается общностью матеріала, входившаго въ западныя гомиліары и въ formula sacrae confessionis. Въ своихъ поученіяхъ Климентъ самостоятельно выбиралъ изъ разныхъ источниковъ матеріалъ и комбиниравалъ его, а не пользовался греческими словами или компиляціями.

Общество любителей естествознанія. I. Въ засѣданіи географическаго отдѣленія студентъ Б. П. Кащенко сдѣлалъ сообщеніе о своей научной экскурсіи въ область рѣки Ветлуги. Цѣлью его поѣздки было собрать возможно болѣе подробныя научныя свѣдѣнія объ этомъ малонаселенномъ и почти еще не изслѣдованномъ мѣстѣ Нижегородской губерніи. Въ своемъ сообщеніи онъ описалъ, какъ вообще картины этого уголка, такъ и его населеніе. Эта часть Нижегородской губерніи покрыта дѣвственнымъ строевымъ лѣсомъ, почти исключительно принадлежащимъ казнѣ. Мѣстность населена настолько рѣдко, что докладчику приходилось прѣзжать по 30—40 верстѣ, не встрѣчая ни одного человѣческаго жилья. Только изрѣдка попадаются поселки лѣсниковъ, состоящіе изъ двухъ-четырехъ домиковъ, которые здѣсь называютъ кордонами. От-

существованіе населенія, конечно, вездѣ сказывается въ этой мѣстности и прежде всего на дорогахъ. По словамъ г. Каценка, во многихъ мѣстахъ, особенно около озеръ и болотъ, существуютъ довольно сносныя дороги, по которымъ можно безъ особеннаго риска ѣхать въ тарантасѣ. Что же касается тропинокъ, то ихъ здѣсь почти не существуетъ, а если и есть, то по нимъ, особенно послѣ дождя, совершенно нельзя итти: нога вязнетъ по самое колѣно. Для своихъ обходовъ и мѣстные лѣсники придумали особаго рода «тропинки», называемыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лавами: въ вязкую болотистую почву вбиваютъ по двѣ небольшія сваи и къ нимъ приколачиваютъ перекладину; на эту перекладину кладутъ вдоль немного струганныя сверху жерди; такимъ образомъ получается нѣчто въ родѣ мостка, который иногда тянется на нѣсколько верстъ. Въ сухую погоду по лавамъ ходить очень хорошо. Но зато, когда пойдутъ дожди, и уровень воды станетъ выше перекладины, жерди всплываютъ, и по нимъ совершенно нельзя итти. Мрачный, угрюмый лѣсъ наложилъ свою печать и на единственныхъ своихъ разумныхъ обитателей—лѣсниковъ. Это все суровый, неразговорчивый и, повидимому, совершенно отрѣзанный отъ всего міра народъ. Почти всѣ лѣсники живутъ одиноко, потому что матеріальная необезпеченность ихъ положенія не позволяетъ обзавестись семьей. Если же нѣкоторые изъ нихъ и рѣшаются на такой рискованный шагъ, то почти никогда не выходятъ изъ долга у своихъ сосѣдей. Небольшимъ подспорьемъ къ недостаточному казенному жалованью является охота. Однако, за послѣднее время этотъ промыселъ сильно сократился, потому что, по послѣднимъ охотничьимъ законамъ, лѣсникамъ не разрѣшается имѣть дробовыхъ ружей, а только пулевыя берданки и притомъ только стараго образца. Результатомъ такого запрещенія было то, что лѣсники лишены возможности охотиться за дикими птицами и мелкимъ пушнымъ звѣремъ. Однако, все же еще есть за чѣмъ поохотиться. Фауна этого уголка Нижегородской губерніи довольно разнообразна и богата представителями разныхъ породъ пернатыхъ и четвероногихъ. Здѣсь водятся еще многіе изъ звѣрей, которые по всей остальной полосѣ Средней Россіи давно уже повымерли или находятся на пути къ вымиранію. Къ нимъ можно отнести дикихъ оленей и лосей. Послѣдніе еще недавно водились здѣсь цѣлыми стадами, и еще въ прошломъ году, по словамъ сопровождавшаго докладчика лѣсничаго, здѣсь видѣли стаю «скотины» въ 40 съ лишнимъ головъ, изъ которыхъ было убито 17. Кромѣ охоты, лѣсники занимаются также и рыбною ловлей въ многочисленныхъ озерахъ и прудахъ. Они ловятъ ее на удочку и особенными приборами, на подобіе нашихъ вершей, въ которыя весной рыба набивается въ полномъ смыслѣ слова биткомъ. Г. Каценко описалъ также нѣсколько изслѣдованныхъ имъ въ той мѣстности озеръ. Затѣмъ была прочтена работа профессора Н. И. Андрусова, посвященная исторіи происхожденія Босфора и Дарданельскаго пролива. Узкій, похожій на рѣку, достигающій въ ширину только 30 килом., при 1.000 съ лишнимъ длины, Босфоръ уже давно привлекалъ къ себѣ умы ученыхъ географовъ, какъ древняго, такъ и новаго времени. О происхожденіи этого загадочнаго пролива мы находимъ массу болѣе или менѣе фантастическихъ гипотезъ еще у древнихъ писателей. Съ разсмотрѣніемъ этихъ гипотезъ и начинается свою работу профессоръ

Андрусовъ. Самыя первыя гипотезы, основанныя на народныхъ преданіяхъ доисторическаго времени, считаютъ причиной образованія Босфора—прорывъ Чернаго моря въ Средиземное, на что, повидимому, указываетъ и не глубокое дно пролива и указаніе древнихъ, что нѣкогда Черное море было только большимъ соленымъ озеромъ, на подобіе Каспійскаго. Древніе самоэракійцы рассказываютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ находится ихъ островъ, нѣкогда была сплошная суша, соединявшая Грецію съ Малою Азіей. Но вотъ за грѣхи людей боги послали ужасный потопъ, который затопилъ всю землю. Спасаясь отъ него, еще не успѣвшіе утонуть жители шли все выше и выше, пока не достигли острова Самоэракіи. Здѣсь, по повелѣнію боговъ, воды остановились, и самоэракійцы остались живы. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ остановились воды, они поставили каменные жертвенники и постоянно приносили жертвы въ память избавленія отъ потопа. Развалины этихъ жертвенниковъ и сейчасъ остались на островѣ. Эта гипотеза, благодаря своей простотѣ, нашла себѣ массу послѣдователей и получила широкое развитіе. Всѣ послѣдующіе ученые повторяли ее съ разными варіаціями. Однако, по вычисленію профессора Андрусова, при проходѣ Чернаго моря черезъ проливъ, не могло быть большого наводненія около Самоэракіи. Если, какъ думаетъ проф. Андрусовъ, уровень Чернаго моря былъ выше средняго даже на 70 метровъ, что представляетъ наибольшую допустимую разницу, то все же на Самоэракіи вода не могла подняться значительно въ виду довольно значительнаго разстоянія Греціи отъ Босфора. Существуетъ и другая нѣсколько похожая на первую гипотеза: Черное и Азовское и Каспійское моря, а также земли калмыковъ и киргизовъ представляли одинъ могучій водоємъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ; отъ переполненія Чернаго моря, или, какъ начали думать позднѣе, отъ дѣйствія вулкана, значительная часть этого бассейна ушла къ югу, образовавъ новое море—Эгейское, на мѣстѣ гипотетической Эгейды. Произведенныя въ 1807 году Героде-Ламалемъ зоолого-геологическія изслѣдованія прикаспійскихъ степей, повидимому, подтвердили эту гипотезу, такъ какъ найдены были тѣ же животныя (остатки ихъ въ пескѣ), которыя и по сіе время водятся въ Черномъ и Эгейскомъ моряхъ. Что же касается вулканическаго происхожденія пролива, то за это говоритъ небольшая гора, находящаяся на одномъ изъ береговъ пролива, въ которомъ многіе ученые видятъ половину давно уже погаснувшаго вулкана. Болѣе же позднѣйшія изслѣдованія приписываютъ Босфору совершенно другое происхожденіе. По словамъ Зеймала, на мѣстѣ Эгейскаго и Мраморнаго морей существовала когда-то суша, которая и отдѣляла бассейны Чернаго моря и Средиземнаго. Вслѣдствіе вулкана или по другимъ геологическимъ переворотамъ, суша стала понижаться, и Черное море затопило Эгейду. Чтобы подтвердить эту гипотезу, необходимо доказать единство между зоологическимъ міромъ доисторической жизни Чернаго и Мраморнаго морей. Эта задача была выполнена въ прошломъ столѣтіи русскою экспедиціей. Какъ и обсуждали геологи, фауна доисторическаго времени этихъ мѣстъ оказалась совершенно тождественною въ отложеніяхъ обоихъ этихъ морей. Однако, произведенныхъ изслѣдованій еще не достаточно для того, чтобы принять окончательно какую либо изъ этихъ гипотезъ. Для этого требуется еще масса труда и геозоологическихъ наблюденій,

что при современномъ политическомъ положеніи Турціи почти немислимо. II. Въ томъ же обществѣ А. И. Воейковъ сдѣлалъ сообщеніе относительно бассейновъ Тихаго и Атлантическаго океановъ. Если бѣгло взглянуть на бассейнъ Тихаго океана, то невольно бросается въ глаза обширность его, и въ то же время незначительность въ немъ рѣкъ. Причиной этого явленія считаютъ близость горъ къ океану, которыя задерживаютъ идущія отъ него облака и не даютъ имъ орошать его внутреннія части. Особенно влияние этихъ горъ сказывается въ Америкѣ и Австраліи, гдѣ обширныя площади внутренняго материка обращены въ пустыни. Результатомъ этого является почти полное отсутствіе большихъ равнинъ и низменностей, удобныхъ для земледѣлія, которое, какъ извѣстно, считается первымъ признакомъ культурности населенія. Совершенно противоположное наблюдается въ бассейнѣ Атлантическаго океана. Достаточно только бѣгло взгляда на географическую карту, чтобы убѣдиться, что въ этомъ бассейнѣ въ избыткѣ находится все то, чего недостаетъ тихоокеанскому. Въ немъ мы находимъ массу удобныхъ для культуры низменностей, массу рѣкъ, облегчающихъ торговыя сношенія. Изрѣзанные берега сильно удлиняютъ береговую линію, доставляя этимъ большому количеству населенія заниматься морскою торговлею. Здѣсь находится житница всего міра и три главныя «поля»: «пшеничное» — на русской низменности, «кукуруза» — въ Сѣверной Америкѣ и «хлопковое» — въ Южной. Изъ этихъ мѣстъ для всего міра поставляютъ множество сырыхъ товаровъ; изъ числа всѣхъ 24 товаровъ всемірной торговли 16 приходится на бассейнъ Атлантическаго океана, изъ нихъ четыре: рожь, ячмень, кукуруза и хлопокъ — предметы первой необходимости какъ культурнаго, такъ и некультурнаго человѣка. Наконецъ, въ настоящее время стало хорошо извѣстно, что подобно же «житницей міра» могутъ сдѣлаться африканскія страны, лежація въ бассейнѣ Нигера; онѣ могутъ, благодаря своему положенію и чудному тропическому климату, совмѣстить всѣ эти культуры въ одномъ мѣстѣ. Въ Тихомъ океанѣ можетъ соперничать съ Атлантическою областью только богатѣйшій островной міръ, лежащій на юго-востокѣ отъ материка. Разсмотрѣвъ преимущества обоихъ относительно земледѣлія, г. Воейковъ выяснилъ преимущества того и другого и для промышленности, при чемъ преимущества остались опять за Атлантическимъ бассейномъ, потому что послѣдній особенно изобилуетъ такъ называемымъ «бѣлымъ углемъ» — водными стихіями. Докладчикъ перешелъ къ сравненію отдѣльныхъ частей бассейновъ съ общей точки зрѣнія ихъ пригодности для жизни человѣка. Согласно со всѣми данными географіи, наиболѣе удобными для жизни и культуры человѣка слѣдуетъ признавать страны, лежація между 53°—40°. Изъ нихъ въ Атлантическомъ бассейнѣ самыя удобныя — Американскіе Соединенные Штаты, а въ Тихомъ океанѣ — Китай, Корея и Японія. Всѣ эти страны обладаютъ неисчерпаемыми запасами каменнаго угля, вслѣдствіе чего тамъ легко можетъ привиться европейская культура. Далѣе слѣдуютъ тропическія страны до 11° южной широты. Въ бассейнѣ Атлантическаго океана слѣдуетъ отнести богатѣйшія равнины Амазонки и Ориноко, а въ тихоокеанскомъ — острова между Азіей и Австраліей. Благодаря своему климату, эти страны могли бы производить хлѣбъ въ количествѣ, почти достаточномъ для пропитанія цѣлаго земного

шара, если бы не малочисленность и не отсталость ихъ жителей, которые почти еще не знакомы съ европейскою техникою. Исключение представляетъ только островъ Ява, который поѣтому и идетъ быстрыми шагами по стопамъ европейцевъ. Несмотря на то, что население этого острова гуще населенія Бельгій и Саксоніи, оно не только не нуждается въ привозномъ хлѣбѣ, но и имѣетъ значительный избытокъ для вывоза. III. Въ слѣдующемъ засѣданіи В. А. Городцевъ сообщилъ докладъ о найденныхъ каменныхъ орудіяхъ древнѣйшихъ эпохъ, отличающихся оригинальными формами и частью приобрѣтенныхъ императорскимъ російскимъ историческимъ музеемъ. Одно изъ этихъ орудій, интересное, кромѣ своей оригинальности, также и массивностью и величиною размѣровъ, было найдено въ окрестностяхъ деревни Волотковской, Корниловской волости, Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи, при чемъ собрано также еще нѣсколько кремневыхъ полированныхъ долотъ и топоровъ. Орудіе имѣетъ форму кирки; оно сдѣлано изъ твердой кристаллической породы камня, прекрасно отполировано и отчасти орнаментировано. Вѣсъ его достигаетъ 5 фунтовъ 14 лотовъ, длина же 35 сантиметровъ. Главною особенностью орудія служить длинная рукоятка, составляющая съ нимъ одно цѣлое, и блоковидные выступы. Верхнія плоскости выступовъ украшены глубоко прочерченными крестами, а по краямъ — насѣчками. Признакъ вѣса и размѣровъ вологодскаго орудія указываетъ на самое позднее происхожденіе его въ началѣ металлическаго періода. Это могло служить знакомъ власти, при чемъ его грандіозность соотвѣтствовала силѣ и величію обладателя. Однако, признаки употребленія его въ работу не позволяютъ приписать ему такого почетнаго значенія, поѣтому остается заключить, что орудіе назначалось или для боевыхъ, или для земледѣльческихъ цѣлей, или же для тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Кромѣ небольшой коллекціи А. В. Маркова, относящейся къ началу металлическаго періода, въ Историческій музей въ текущемъ году поступило одно каменное орудіе, заслуживающее особеннаго вниманія и имѣющее видъ топора-молота, сдѣланнаго изъ сіенита. Замѣчательны условія этой находки. Археологъ Н. И. Веселовскій, производя раскопки кургана въ Кубанской области, близъ Хотажуковскаго аула, открылъ богатое женское погребеніе. При костякѣ были найдены прекрасныя золотыя вещи, стеклянныя бусы, каменная привѣска, большой бронзовый колоколь безъ языка, бронзовый кувшинъ съ массивной ручкой, оканчивающагося головой мужнины съ длинною бородой, и др., а также указанный сіенитовый топоръ, лежавшій съ правой стороны, у пояса покойницы. Всѣ эти вещи можно отнести къ самому концу бронзовой или началу желѣзной эпохи. Къ этому времени, очевидно, относится и сіенитовый топоръ. Интересно, что подъ женскимъ погребеніемъ, при которомъ найденъ топоръ, покоилось другое, болѣе древнее, скорченнаго погребеніе съ бронзовою булавкой, очень характерною для конца бронзовой и начала желѣзной эпохи.

Предстоящія изданія петербургскаго дворянства. Архивы губернскихъ дворянскихъ обществъ хранятъ въ себѣ немало историческихъ матеріаловъ, касающихся быта мелкаго помѣстнаго дворянства, дѣятельности уѣздныхъ: администраціи, суда, путей сообщенія и народнаго образованія, за время съ 1767 года. Большое историческое значеніе имѣютъ матеріалы, относящіяся до

ходатайствъ дворянства передъ высшей властью по вопросамъ общегосударственной важности, или, какъ говоритъ законъ, «касающихся мѣстныхъ нуждъ, зависящихъ отъ общихъ постановлений». Поэтому для историковъ, занимающихся разработкою вопросовъ, относящихся до двухъ послѣднихъ столѣтій, изданіе матеріаловъ дворянскихъ архивовъ является весьма важнымъ и даже существенно необходимымъ. Петербургскимъ дворянствомъ за послѣднее трехлѣтіе сдѣланъ былъ въ этомъ отношеніи большой шагъ впередъ. Архивъ дворянства приведенъ въ полный порядокъ; матеріалы архивовъ уѣздныхъ предводителей собраны въ С.-Петербургѣ и образовали собою губернской центральнй историческій архивъ дворянства; начатъ печатаніемъ систематическій каталогъ дѣлъ архива; готовится къ печати біографическій сборникъ дѣятелей дворянства и обзоръ дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ собраній дворянства. Петербургское губернское дворянское собраніе 26 января, выслушавъ докладъ гр. А. А. Бобринскаго по вопросу о дальнѣйшей разработкѣ архива, единогласно ассигновало на исполненіе предстоящихъ въ теченіе 1905—1908 годовъ работъ по разработкѣ матеріаловъ архива крупную сумму 13.420 рублей.

Составленіе изданій дворянства, выходящихъ подъ редакцію сенатора графа А. А. Бобринскаго, поручено члену археологическаго института и многихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, А. А. Миронову.

НЕКРОЛОГИ.

АНУЧИНЪ, Е. Н. 14-го февраля, въ городѣ Херсонѣ скончался въ преклонныхъ годахъ извѣстный ученый статистикъ и старѣйшій финансовый дѣятель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Евгений Николаевичъ Анучинъ. Покойный родился 22-го ноября 1831 года въ Курскѣ, въ семьѣ чиновника; первоначальное образованіе получилъ въ Орловской гимназій, а высшее на медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго университета, откуда былъ выпущенъ въ 1854 году со званіемъ лѣкаря. Вскорѣ по окончаніи курса молодой врачъ принужденъ былъ покинуть Россію и уѣхать въ Сибирь, гдѣ пробылъ до 1866 года. Къ этому времени относятся и первыя его научныя работы по статистикѣ. По возвращеніи въ Россію, Е. Н. Анучинъ сначала занимался врачебною практикою, а потомъ поступилъ на службу въ министерство финансовъ (1874) и этому вѣдомству посвятилъ всю свою жизнь. Послѣдніе годы (съ 1891 года) онъ занималъ мѣсто управляющаго херсонскою казенною палатою; ранѣе же служилъ во Владимірѣ, Полтавѣ, Самарѣ и Кіевѣ. Имя ученаго статистика Е. Н. Анучинъ приобрѣлъ своимъ фундаментальнымъ трудомъ по уголовной статистикѣ, основаннымъ на данныхъ, собранныхъ имъ въ бытность свою въ Сибири. Выпущенные имъ въ 1868 году «Матеріалы для уголовной статистики Россіи» (Тобольскъ. 1868. 8°. 1+232+1 стр.) являются чуть ли не первою серьезною монографическою работою въ Россіи въ области уголовной статистики; они даютъ массу научно разработанныхъ свѣдѣній. Это обстоятельное изслѣдованіе было переиздано вторично въ 1873 году въ третьемъ томѣ «Записокъ императорскаго географическаго общества», выпущенномъ подъ редакцію самого Е. Н. Анучина (Сиб., 1873, 8°, IV+246 стр., съ 14 картинами), и вызвало сочувственные отзывы печати (см. статью Фойницкаго въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права», 1874 г.,

№ 3; рецензію Ф. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1873 г., № 197; рецензію С. въ «Петербургской Газетѣ», 1873 г., № 42; въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», 1873 г., № 196 и др.). Изъ другихъ научныхъ работъ Е. Н. Анучина слѣдуетъ отмѣтить: 2) «Значеніе статистики, какъ науки, и международный статистическій конгрессъ» (Спб., 1872, 8°, 24 стр.); 3) «Историческій обзоръ развитія административно-полицейскихъ учрежденій въ Россіи, съ учрежденія о губерніяхъ 1775 года до послѣдняго времени, составленный по собраннымъ для комиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій матеріаламъ» (Спб., 1872, 8°, 2+IV+238 стр., отзываетъ въ «Голосѣ», 1872 г., № 177); 4) «Изъ русской уголовной статистики» (Спб., безъ обозначенія года, 8°, 68 стр., раньше напечатано въ №№ 97, 98, 99 «Сѣверной Почты»); 5) «Бюджетъ крестьянскаго двора въ Самарской губерніи» (Спб., 1881, 16°, 34 стр.); 6) «Крестьянскій дворъ въ Самарской губерніи. Докладъ императорскому русскому географическому обществу 7-го декабря 1882 года» (Спб., 1883, 8°, 51 стр.); 7) «Записи урожаявъ по селеніямъ Херсонской губерніи» (Херсонъ, съ 1898 г.) и другіе. Въ лицѣ покойнаго финансовое вѣдомство понесло крупную утрату, лишившись очень способнаго и талантливаго работника. Обладая отъ природы недюжиннымъ умомъ и будучи разносторонне образованъ, Е. Н. Анучинъ сразу же по поступленіи на службу заставилъ обратить на себя вниманіе высшаго начальства, и ему скоро стали поручаться серьезные и отвѣтственные работы. Ни одна изъ важныхъ министерскихъ работъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ широкою дѣятельностью казенныхъ палатъ, не проходила безъ участія покойнаго. Какъ при министрѣ Вышнеградскомъ, такъ и при его преемникѣ, онъ не разъ былъ вызываемъ изъ провинціи въ Петербургъ для участія въ качествѣ совѣщательнаго члена въ различныхъ комиссіяхъ. Среди лицъ, стоящихъ близко къ министерству финансовъ, покойный пользовался большою популярностью, и работы его цѣнились ими очень высоко. Какъ человекъ, Е. Н. Анучинъ отличался замѣчательною стойкостью въ своихъ убѣжденіяхъ, неподкупною честностью и невѣроятною скромностью въ обыденной жизни. До педантизма преданный службѣ, онъ весь день проводилъ въ трудѣ и до самой смерти вникалъ во всѣ мелочи текущихъ работъ. За свою многолѣтнюю службу въ министерствѣ финансовъ покойный былъ награжденъ всеми орденами до Анны первой степени включительно и золотой табакеркою.

† Боткинъ, О. В. 4-го марта въ мѣстечкѣ Везинѣ, подъ Парижемъ, скончался живописецъ Теодоръ Владимировичъ Боткинъ. Покойный родился въ Москвѣ, въ 1861 году. Послѣ окончанія университетскаго курса по юридическому факультету, онъ уѣхалъ изъ Россіи и жилъ сперва въ Италіи, а съ начала девяностыхъ годовъ поселился въ Парижѣ, лишь изрѣдка и на короткое время возвращаясь на родину. Живописи онъ учился въ Миланской академіи, затѣмъ работалъ во Флоренціи и закончилъ свое художественное образованіе въ парижской мастерской Ролля. Картины его появлялись сначала на ежегодныхъ выставкахъ «Независимыхъ», потомъ въ салонѣ Національнаго общества (такъ называемаго *Champ de Mars*; онъ состоялъ въ немъ въ качествѣ *associé*), въ нѣмецкихъ «сецессионахъ» и — если не ошибаемся — одинъ разъ онъ участвовалъ на петербургской выставкѣ «Мира Искусства». Въ Россіи его знали

мало, развѣ по слухамъ, и, по русской привычкѣ, не выдавъ его вещей, усердно за глаза бранили. Лишь около трехъ лѣтъ назадъ, когда Боткинъ былъ уже боленъ, Н. Ѳ. Селивановъ посвятилъ ему въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» тепло написанную статью. Для большинства же онъ такъ и остался какимъ-то причудливымъ декадентомъ заграничной фабрикаціи. Между тѣмъ, и какъ художникъ, и какъ человекъ, Ѳ. В. Боткинъ представлялъ далеко не заурядную личность. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10409).

† **Громбчевскій, Б. Л.** Скончавшійся астраханскій губернаторъ и наказной атаманъ астраханскаго казачьяго войска, генераль-майоръ Брониславъ Львовичъ Громбчевскій, родился въ 1855 году. По окончаніи курса въ гимназій, поступилъ юнкеромъ въ пѣхотный полкъ. Произведенный въ офицеры, онъ былъ переведенъ на службу въ Туркестанъ, въ 14-й туркестанскій линейный батальонъ; состоялъ ординарцемъ при Скобелевѣ, затѣмъ при кн. Витгенштейнѣ; участвовалъ въ Алайскомъ походѣ 1876 года и въ Самаркандскомъ 1878 года. Въ 1880 году перешелъ на службу по военно-народному управленію и былъ назначенъ помощникомъ начальника Маргеланскаго уѣзда. Занимая эту должность, Б. Л. Громбчевскій изучалъ мѣстныя нарѣчія и въ совершенствѣ овладѣлъ сартовскимъ и таджикскимъ языками. Въ 1885 году, въ качествѣ старшаго чиновника особыхъ порученій при военномъ губернаторѣ Ферганской области, Громбчевскій командированъ былъ въ Кашгаръ и на Тянь-Шань, съ цѣлью провѣрки границы съ Китаемъ; поѣздка эта дала ему возможность ознакомиться съ нѣкоторыми весьма интересными мѣстностями Кашгаріи (Хотанъ и т. п.), произвести съемку почти 1.000 верстъ пути и представить отчетъ, за который авторъ былъ награжденъ серебряною медалью отъ императорскаго русскаго географическаго общества. Въ 1886 году Громбчевскій изслѣдовалъ верховья Сыръ-Дарьи, Нарына и Сусамыра, а также Ферганскій и Александровскій хребты. Занявшись при С.-Петербургскомъ, университетѣ астрономіей, Громбчевскій въ 1888 году изслѣдовалъ Памиры, часть Гиндукуша, нѣкоторые истоки Инда, Канджуть, часть Мустага, бассейнъ Раскемъ-Дарьи и Кашгарскій хребетъ. Всего было пройдено 2.800 верстъ, по весьма мало или совсѣмъ неизслѣдованнымъ мѣстностямъ, сдѣлана маршрутная съемка 1.383 верстъ, опредѣлено 14 астрономическихъ пунктовъ и 158 высотъ барометрически, а также снято 150 фотографическихъ снимковъ, открыты залежи нефрита, изслѣдована вершина Чаркумъ и собраны весьма разнообразныя коллекціи. За экспедиціи Б. Л. Громбчевскій получилъ отъ русскаго географическаго общества золотую медаль. Въ 1889 году Громбчевскій обслѣдовалъ часть Каратегина и Дарваза, Памиры, часть Вахана и Гиндукуша, сѣверо-западный Тибетъ и Кашгарію. Съемка произведена на протяженіи 7.200 верстъ, астрономическихъ пунктовъ опредѣлено 73, барометрическихъ высотъ 351; сдѣланы многочисленныя наблюденія и собраны богатая, весьма разнообразныя коллекціи. Часть результатовъ обработана А. И. Воейковымъ и А. А. Тилло и помѣщена въ изданіяхъ императорскаго географическаго общества, энтомологическія же коллекціи обработаны А. Семеновымъ. Сводъ всѣхъ матеріаловъ, добытыхъ экспедиціями Громбчевскаго, готовился авторомъ къ печати. За послѣднюю экспедицію Б. Л. Громбчевскій произведенъ въ полков-

ники. Въ 1891 году В. Л. Громбчевскій принималъ участіе въ поѣздкѣ туркестанскаго генераль-губернатора на Памиры, а въ 1892 году, вмѣстѣ съ Іоновымъ, въ объѣздѣ Памировъ (см. Энциклопедическій словарь Брокгауза). Затѣмъ В. Л. Громбчевскій состоялъ начальникомъ Ошскаго уѣзда, Ферганской области, а потомъ генеральнымъ комиссаромъ Квантунской области. Отсюда генераль Громбчевскій назначенъ въ концѣ 1903 года астраханскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ астраханскаго казачьяго войска. Со времени пріѣзда въ Астрахань, генераль-майоръ Громбчевскій проявилъ кипучую дѣятельность на пользу края. Къ сожалѣнію, серьезная болѣзнь, постигшая генерала, принудила его выѣхать для излѣченія за границу. Астраханская городская дума своимъ постановленіемъ сочла дѣятельность В. Л. Громбчевскаго на пользу города заслуживающей особой признательности, для выраженія которой дума являлась къ генералу въ полномъ составѣ. Генераль Громбчевскій состоялъ почетнымъ мировымъ судьей города Астрахани, почетнымъ казакомъ Грачевской, Лебяжинской и Черноярской станицъ Астраханскаго казачьяго войска и почетнымъ членомъ многихъ обществъ. (Некрологъ его: «Астраханскій Вѣстникъ», 1905 г., № 181).

† **Гулевичъ, М. В.** Скончался сотрудникъ «Кіевлянина», писавшій подъ псевдонимомъ «Фудутунъ», Михаилъ Вадимовичъ Гулевичъ. Покойный родился въ 1869 году. Образование получилъ въ Псковскомъ кадетскомъ корпусѣ и 1-мъ военномъ Павловскомъ училищѣ. Въ 1895 году покойный окончилъ по 1-му разряду Николаевскую академію генеральнаго штаба и былъ назначенъ состоящимъ при Кіевскомъ военномъ округѣ. Затѣмъ М. В. Гулевичъ перешелъ на службу въ штабъ Пріамурскаго военнаго округа. За время своей службы на Дальнемъ Востокѣ покойный выполнилъ много работъ по генеральному штабу, совершилъ нѣсколько полевыхъ поѣздокъ по Манчжуріи и Корей, былъ въ продолжительной служебной командировкѣ въ Японіи и, наконецъ, участвовалъ въ китайской кампаніи 1900 года. Въ 1902 году М. В. Гулевичъ возвратился въ Кіевъ, будучи назначенъ штабъ-офицеромъ для порученій при штабѣ Кіевского военнаго округа. Съ открытіемъ русско-японской войны покойный былъ назначенъ начальникомъ штаба 72-й пѣхотной дивизіи, входящей въ составъ 6-го Сибирскаго корпуса (генерала Соболева). М. В. Гулевичъ участвовалъ въ осеннихъ бояхъ на Шахе. Покойный палъ не въ бою, а умеръ отъ пораненій, явившихся слѣдствіемъ несчастнаго случая. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1905 г., № 59).

† **Карышевъ, Н. А.** 6-го февраля скончался профессоръ Московскаго сельско-хозяйственнаго института, извѣстный экономистъ Николай Александровичъ Карышевъ. Онъ родился въ 1855 году, кончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета. До 1885 года былъ доцентомъ политической экономіи и статистики въ С.-Петербургскомъ дѣсномъ институтѣ, съ 1888 по 1891 годъ—приватъ-доцентомъ прикладной политической экономіи въ Московскомъ университетѣ, съ 1891 года профессоромъ Юрьевскаго университета, съ 1893 года профессоромъ статистики въ императорскомъ Александровскомъ лицѣ, затѣмъ профессоромъ политической экономіи въ Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ. Весной прошлаго года онъ вы-

шелъ въ отставку и жилъ въ Москвѣ. Одновременно съ профессурою служилъ по выборамъ, въ трехлѣтіе 1881—1884 годовъ былъ гласнымъ Александровскаго земства, въ 1894 году избранъ имъ вновь. Въ этомъ уѣздѣ онъ долго былъ почетнымъ мировымъ судьей, завѣдывалъ одно время 12 земскими школами, былъ организаторомъ и попечителемъ Гнѣдинскаго ремесленнаго училища, въ которомъ состоялъ одно время преподавателемъ. Покойный былъ извѣстенъ, какъ знатокъ земско-статистической литературы, на которой онъ основалъ свой главный трудъ объ арендѣ и длинный рядъ болѣе мелкихъ работъ и статей. Какъ профессоръ и человекъ, Н. А. сохранилъ среди многочисленныхъ своихъ учениковъ свѣтлую память. На его лекціи молодежь шла съ рѣдкимъ увлеченіемъ, зная, что встрѣтитъ живое слово ученаго, которому близки интересы жизни столько же, сколько и науки. Живой, съ развитымъ вкусомъ къ общественнымъ интересамъ, Н. А. искалъ приложенія своимъ богатымъ знаніямъ и эрудиціи и въ журналистикѣ. Онъ долгое время работалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Земствѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ» и во многихъ другихъ периодическихъ изданіяхъ. (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1905 г., № 41; «Кіевская Газета», 1905 г., № 40; «Приднѣпровскій Край», 1905 г., № 2416, и «Югъ», 1905 г., № 1984).

† **Нечаевъ, Н. А.** 22-го февраля скончался внезапно присяжный повѣренный, Николай Александровичъ Нечаевъ. Покойный принадлежалъ къ виднымъ общественнымъ дѣятелямъ Петербурга. Лѣтнія школьныя колоніи для петербургской неимущей дѣтвора обязаны своимъ возникновеніемъ и развитіемъ безвозмездной дѣятельности покойнаго. Пятнадцать лѣтъ назадъ онъ въ качествѣ гласнаго петербургской думы и члена комиссіи по народному образованію обратилъ вниманіе на необходимость оздоровленія малолѣтнихъ учащихся въ городскихъ школахъ доставленіемъ имъ лѣтняго отдыха и хорошаго питанія вдали отъ Петербурга. Эту идею онъ провелъ въ думѣ, выхлопоталъ незначительное ассигнованіе и основалъ первую школьную колонію въ своемъ имѣніи, близъ станціи Преображенской. Съ его легкой руки дѣло дѣтскихъ колоній развилось быстро. Любовь покойнаго къ дѣтямъ сказалась также въ его дѣятельности въ С.-Петербургскомъ фребелевскомъ обществѣ, въ которомъ онъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ вице-президентомъ. Общество при немъ значительно расширило свою дѣятельность, принявъ участіе въ организаціи общественныхъ дѣтскихъ садовъ Петербурга, основавъ собственную дѣтскую колонію и обративъ вниманіе не только на подготовку воспитательницъ, но и нянь. Н. А. Нечаевъ, богатый инициативой и энергіей, немало поработалъ и по улучшенію санитарной части С.-Петербурга. Будучи членомъ думской санитарной комиссіи, онъ въ холерные девяностые годы руководилъ приведеніемъ С.-Петербурга въ возможно лучшее санитарное состояніе, руководилъ открытіемъ нѣсколькихъ бесплатныхъ и дешевыхъ столовыхъ и аналитической лабораторіи по изслѣдованію доброкачественности пищевыхъ продуктовъ. Онъ же однимъ изъ первыхъ организовалъ доставку въ С.-Петербургъ молока съ окрестныхъ фермъ, состоявшихъ подъ врачебно-санитарнымъ надзоромъ. Еще раньше, въ 1884 году, когда закрывались высшіе врачебные курсы, Н. А. возбудилъ въ думѣ вопросъ о принятіи ихъ въ вѣдѣніе города, но добился только ежегоднаго

ассигнованія на эти курсы въ размѣрѣ 15 тысячъ рублей съ предоставленіемъ городскихъ больницъ для практическихъ занятій слушательницъ. Всегда благожелательный, покойный относился съ горячимъ сочувствіемъ и довѣрчиво ко всякому хорошему начинанію и оказывалъ свое содѣйствіе не только словомъ, но и личнымъ трудомъ. Умеръ онъ 53 лѣтъ, оставивъ по себѣ добрую память среди всѣхъ знавшихъ его. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8687, и «Новое Время», 1905 г., № 10407).

† **Опатовичъ, М. І.** 3 го марта скончалась отъ разрыва сердца скромная, но тѣмъ не менѣ выдающаяся по своей дѣятельности представительница женскаго интеллигентнаго труда, Марія Іосифовна Опатовичъ. Покойная была родомъ изъ богатой польской, обрусѣвшей семьи и получила прекрасное образованіе. Рано овдовѣвъ, она осталась, послѣ беззаботной, полной довольства жизни, почти безъ всякихъ средствъ, съ малолѣтнею дочерью. Нужно было приняться за непривычный дотолѣ трудъ. Случайно специализировавшись по статистикѣ, она обнаружила прекрасныя способности къ этого рода дѣятельности и пріобрѣла среди статистиковъ солидную репутацію своимъ строгимъ, критическимъ отношеніемъ къ работѣ. Въ теченіе послѣднихъ девяти лѣтъ г-жа Опатовичъ принимала дѣятельное участіе почти во всѣхъ главнѣйшихъ статистическихъ работахъ, производившихся за это время въ Петербургѣ—въ Всероссийской переписи центрального статистическаго комитета, въ однодневной переписи С.-Петербурга, въ разработкѣ при канцеляріи комитета министровъ матеріаловъ Забайкальской переписи члена государственнаго совѣта А. Н. Куломзина, въ составленіи XX-лѣтняго обзора русской судебной статистики въ министерствѣ юстиціи, въ работахъ по статистикѣ урожаявъ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ. Независимо отъ того она была ближайшей сотрудницей покойнаго И. П. Хруцова въ его народныхъ изданіяхъ, а въ послѣднее время принимала живое участіе въ составленіи сборника общества содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію. Обладая свѣтлымъ умомъ, большими способностями и умѣя легко приспособляться къ каждому новому дѣлу, М. І. Опатовичъ во всякомъ дѣлѣ, въ которомъ ей приходилось участвовать, невольно занимала выдающееся, часто даже руководящее положеніе. Прекрасно литературно образованная, покойная не была чужда и дѣятельности писательской: ея перу принадлежатъ нѣсколько талантливыхъ рассказовъ, напечатанныхъ въ провинціальныхъ изданіяхъ. Занимаясь серьезной научной работой, М. І., однако, не засушила своего ума и до конца дней оставалась живой, остроумной, полной обаятельнаго изящества женщиной. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1905 г., № 10418).

† **Потылицынъ, А. Л.** Въ С.-Петербургѣ 25-го февраля послѣ тяжелой болѣзни скончался одинъ изъ видныхъ представителей нашего ученаго міра, извѣстный знатокъ химіи, Алексѣй Лаврентьевичъ Потылицынъ. Покойный ученый, уроженецъ Сибири, свое среднее образованіе получилъ въ Иркутской военной прогимназій, а высшее—въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Первое время по окончаніи курса онъ, съ 1873 года, состоялъ лаборантомъ, при аналитическомъ отдѣленіи университетской химической лабораторіи, послѣ же представленія и защиты своей магистерской диссертации, озаглавленной: «О способахъ измѣ-

ренія химическаго сродства» (Спб., 1880 г.), занявъ кафедру въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Однако, въ стѣнахъ этого учебнаго заведенія А. Л. Потылицыну пришлось пробывать тогда очень недолго, такъ какъ вскорѣ его перевели на кафедру общей химіи въ Варшавскій университетъ. Тамъ онъ и защитилъ свою докторскую диссертацию: «О значеніи теплоты образованія солей при реакціяхъ двойныхъ разложеній» (Варшава, 1886 г.), вслѣдъ затѣмъ получилъ утвержденіе въ званіи ординарнаго профессора. Съ 1895 года покойный снова вернулся въ Ново-Александрійскій институтъ, но уже въ качествѣ директора этого сельско-хозяйственнаго заведенія. На научно-литературное поприще А. Л. Потылицына выступилъ очень рано. Еще въ 1872 году на страницахъ журнала «Русскаго физико-химическаго общества» была помѣщена его первая печатная статья, подъ заглавіемъ: «Опыты надъ взаимнымъ вытѣсненіемъ металловъ магnezіальной группы», вслѣдъ за которой онъ написалъ цѣлый рядъ другихъ замѣчательныхъ работъ по своей спеціальности, появлявшихся частью въ указанномъ изданіи, частью въ «Горномъ Журналѣ». Кромѣ журнальныхъ статей и диссертаций, перу А. Л. Потылицына принадлежитъ еще извѣстная книга: «Начальный курсъ химіи», увидѣвшая свѣтъ въ Варшавѣ въ 1881 году и выдержавшая уже нѣсколько изданій. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 61, и «Новое Время», 1905 г., № 10411).

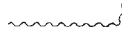
† Савицкій, К. А. Въ ночь на 1-е февраля внезапно скончался въ Пензѣ директоръ пензенскаго рисовальнаго училища, живописецъ-жанристъ Константинъ Аполлоновичъ Савицкій. Онъ родился въ Таганрогѣ въ 1844 году, образованіе получилъ въ императорской академіи художествъ, гдѣ былъ награжденъ шестью серебряными медалями, а въ 1871 году за исполненную по программѣ картину «Кайнъ и Авель» — малой золотой медалью. Съ 1871 по 1873 годъ, въ качествѣ степендіанта академіи, совершенствовался въ искусствѣ въ Парижѣ и, по возвращеніи въ Петербургъ (въ 1874 году), вступилъ въ число членовъ товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ. Нѣкоторое время К. А. былъ преподавателемъ живописи и рисованія въ училищѣ барона Штиглица въ Петербургѣ, затѣмъ въ Московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества, наконецъ, со дня основанія пензенскаго рисовальнаго училища былъ его директоромъ. Со смертью К. А. Савицкаго русское искусство потеряло одного изъ лучшихъ художниковъ-жанристовъ, произведенія котораго найдутся во всѣхъ нашихъ крупныхъ сокровищницахъ искусства: въ русскомъ музее императора Александра III («Отправка новобранцевъ на войну», «Путешественники въ Оверни»), въ Третьяковской галлерей («Ремонтъ желѣзной дороги», «Встрѣча иконы», «Панихида на кладбищѣ»), въ Радищевскомъ музее (этюды—«Досада мужика», «Осень въ лѣсу», «Крестянский дворъ»). Кромѣ того, извѣстностью пользуются его картины: «Темные люди» (у Фишера), «Поймали» (у Терещенка), «Крючникъ» (у Журавлева), «Рыбаки» (у Солдатенкова), «Споръ на межѣ» и другія. Кромѣ живописи, покойный занимался и гравированіемъ и не разъ выступалъ въ качествѣ иллюстратора, прекрасно владѣющаго рисункомъ. Въ качествѣ директора пензенскаго училища К. А. Савицкій оставилъ по себѣ прекрасную память, и какъ

опытный и талантливый руководитель, и какъ сердечный, отзывчивый человекъ. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 34; «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 42; «Кіевская Газета», 1905 г., № 39).

† Ходинъ, А. В. 23-го февраля внезапно скончался отъ паралича сердца заслуженный профессор университета св. Владимира, Андрей Васильевич Ходинъ. Покойный происходилъ изъ донскихъ казаковъ, родился въ 1847 году. Образование получилъ въ Новочеркасской гимназіи, которую окончилъ въ 1866 году съ золотой медалью. По окончаніи гимназіи поступилъ на медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, гдѣ пробылъ 3 года. Въ 1869 году перешелъ въ военно-медицинскую академію, курсъ которой окончилъ въ 1871 году со степенью врача съ отличіемъ. По окончаніи курса оставленъ былъ на три года при академіи для усовершенствованія въ наукахъ и одновременно назначенъ младшимъ ординаторомъ клиническаго военного госпиталя. Въ теченіе трехъ лѣтъ занимался въ офталмологической клиникѣ проф. Юнге. Въ 1873 году удостоенъ степени доктора медицины; въ томъ же году командированъ за границу для усовершенствованія въ избранной имъ специальности—офтальмологіи. По возвращеніи изъ-за границы въ 1877 году назначенъ ассистентомъ офталмологической клиники Михайловской клинической больницы баронета Виллье въ С.-Петербургѣ. Въ 1878 году избранъ приватъ-доцентомъ по офталмологіи въ военно-медицинской академіи. Въ 1881 году А. В. Ходинъ избранъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ офталмологіи и глазныхъ болѣзней въ университетѣ св. Владимира. Профессорская дѣятельность А. В. Ходина въ Кіевѣ продолжалась около 25-ти лѣтъ. Въ 1893 году, по выслугѣ тридцатилѣтія службы, А. В. Ходинъ прекратилъ чтеніе лекцій. Учено-литературная дѣятельность покойнаго была весьма плодотворна. Онъ—авторъ нѣсколькихъ крупныхъ трудовъ по офталмологіи и цѣлаго ряда монографій. Изъ трудовъ А. В. особенно выдаются слѣдующіе: «Нѣсколько опытовъ надъ потерей стекловиднаго тѣла», «О вліяніи интенсивности свѣта на ощущеніе цвѣтовъ и замѣчанія о положеніи спектральныхъ цвѣтовъ», «Объ ощущеніи цвѣтовъ на периферіи сѣтчатки», «Къ вопросу о бинокулярномъ смѣщеніи цвѣтовъ», «О введеніи метрическаго метода въ офталмологію», «О саркомахъ сосудистой оболочки глаза», «Объ опредѣленіи симуляціи слѣпоты и ослабленія зрѣнія», «О химической реакціи сѣтчатки и зрительнаго нерва» и др. Немало его трудовъ издано отдѣльно, напримѣръ, огромный томъ болѣе чѣмъ въ пятьдесятъ листовъ «Практической офталмологіи», руководства для студентовъ и врачей, «Офтальмоскопія и ея примѣненіе къ офталмологіи и общей медицинѣ» съ атласомъ, «Курсъ глазныхъ операцій» съ таблицами и рисунками, «Практическая офталмологія» и проч. Основанный имъ въ Кіевѣ журналъ «Вѣстникъ офталмологіи» покойный редактировалъ почти до конца своей жизни. Какъ врачъ и опытный хирургъ, Ходинъ пользовался широкой извѣстностью не только въ Кіевѣ, но и далеко по Россіи. Онъ скончался на 58 году жизни. (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1905 г., № 55; «Кіевская газета», 1905 г., № 55, и «Новое Время», 1905 г., № 10414).

† Флоровскій, С. Н. 4-го февраля въ Ярославлѣ скоропостижно скончался 44-хъ лѣтъ отъ роду врачъ Сергѣй Николаевичъ Флоровскій. С. Н. родился въ

Выборгской губ., 17-ти лѣтнимъ юношей онъ поступилъ на естественный факультетъ С.-Петербургскаго университета, а по окончаніи—въ медико-хирургическую академію. Но здѣсь ему пришлось пробыть только два года: въ 1884 году, арестованный по политическому дѣлу, онъ попадаетъ на 8 мѣсяцевъ въ Петропавловскую крѣпость, а въ 1886 году снова возвращается на родной сѣверъ, но уже недобровольно. Сосланный въ Олонецкую губернію и отбывъ срокъ ссылки, онъ въ 1890 году окончилъ академію и былъ назначенъ врачомъ въ военный полкъ въ Оренбургѣ. И снова «независящія обстоятельства», снова крѣпость и пять лѣтъ ссылки въ Степной край. Въ 1896 году кончилась ссылка: до 1902 года С. Н. оставался въ Омскѣ желѣзнодорожнымъ врачомъ, а затѣмъ переѣхалъ въ Ярославль, гдѣ и жилъ до смерти. Въ глухомъ поселкѣ Степного края, въ маленькомъ Омскѣ, въ Ярославлѣ, С. Н. игралъ видную роль въ лучшихъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ мѣстной интеллигенціи. Въ своей врачебной дѣятельности С. Н. былъ тѣмъ же демократомъ-интеллигентомъ; свои медицинскія познанія онъ несъ не къ богачамъ, платящимъ десятки рублей за «визитъ», а къ неимущимъ бѣднякамъ; и въ глухихъ углахъ, куда его забрасывала судьба, онъ былъ добрымъ гонимымъ для страждущаго населенія. Немало времени и труда отдалъ С. Н. литературной работѣ. Онъ участвовалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Степномъ Краѣ», и время его участія совпало съ лучшимъ періодомъ въ жизни этой газеты. Живя въ Ярославлѣ, С. Н. близко стоялъ къ «Сѣверному Краю» и былъ членомъ его редакціонной коллегіи. Какъ человекъ, С. Н. не забудутъ долго всѣ, кто его зналъ. Прошедши хорошую школу яркой эпохи конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, онъ до послѣдней минуты сохранилъ ясную твердость души и повсюду являлся высокимъ примѣромъ благороднаго отношенія къ жизни. (Некрологъ его: «Ярославскій Вѣстникъ», 1905 г., № 40).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Легенда объ уходѣ мощей.

Въ статьѣ С. Н. Шубинскаго: «Княгиня А. П. Волконская и ея друзья», напечатанной въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», 1904 г., сообщаются, между прочимъ, нѣкоторыя свѣдѣнія объ Егорѣ Ивановичѣ Пашковѣ. Онъ изображается здѣсь, какъ свѣтлая личность, пострадавшая отъ придворныхъ интригъ. Такъ, онъ принадлежалъ къ «компаніи, отличавшейся особенной преданностью семейству царскому и любившей все народное, русское». «Человѣкъ безукоризненной честности, онъ не только ненавидѣлъ, но презиралъ Меншикова, зная по службѣ своей въ военной коллегіи лихоимство и всѣ

злоупотребленія Меншикова по казеннымъ подрядамъ для войска». Замятанный въ дѣлѣ о самовольномъ выѣздѣ княгини А. П. Волконской изъ своей деревни, гдѣ она находилась въ ссылкѣ, Е. И., по указу императора Петра II отъ 5-го юня 1728 года, «за продерзостныя къ ней, Волконской, и къ Ивану Черкасову письма» былъ лишенъ должности члена военной коллегіи, затѣмъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Воронежъ; здѣсь пробылъ до 1734 г., послѣ чего былъ перемященъ на должность губернатора въ Астрахань, гдѣ и умеръ.

Въ дополненіе къ этой статьѣ, для характеристики Е. И. Пашкова можетъ служить хранящееся въ архивѣ святѣйшаго синода (№ 58/271) и напечатанное въ V томѣ «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія» (№ 1919) «дѣло по прошенію лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитана и государственной военной коллегіи прокурора Георгія Пашкова о небытіи въ припискѣ Успенскаго Венева монастыря, который обрѣтается въ Тульскомъ, къ Лебедянскому Троицкому монастырю».

Какъ видно изъ этого дѣла, Е. И. Пашковъ принималъ живое участіе въ судьбѣ Венева монастыря¹⁾, вѣроятно, имѣя недалеко отъ него помѣстье. По указу святѣйшаго синода, монастырь этотъ въ 1725 году былъ приписанъ къ Лебедянскому Троицкому монастырю, въ который была переведена и вся братія его; онъ опустѣлъ; даже богослуженіе въ церквахъ не совершалось. Въ виду этого Е. И. Пашковъ «съ товарищи» и подалъ въ 1727 году на имя императрицы Екатерины I прошеніе о «небытіи Венева монастыря въ припискѣ», такъ какъ «о пустотѣ того монастыря многія жалобы происходятъ, а паче раскольщики, которые въ тѣ мѣста для своихъ промысловъ пріѣзжаютъ, многихъ простолудиновъ о пустотѣ того монастыря напеканіемъ своимъ въ сумнѣніе приводятъ». Вслѣдствіе этого прошенія, святѣйшій синодъ 27-го февраля того же года постановилъ возвратитъ въ Веневъ монастырь изъ Лебедянскаго Троицкаго монастыря игумена съ братією и церковную утварь и «быть Веневу монастырю попрежнему».

Е. И. Пашковъ и погребенъ въ церкви Венева монастыря, въ нижнемъ этажѣ, въ Николаевскомъ придѣлѣ, вблизи входа, у лѣвой стороны столба. Надъ могилой его поставлена желѣзная рѣшетка и чугунная доска съ слѣдующей надписью, воспроизводимую здѣсь съ сохраненіемъ правописанія подлинника:

«1736 году апрѣля 6 дня²⁾ волею божию преставился брегадиръ иастрханской губерніи губернаторъ егоръ евановичъ пашковъ родился въ 1684 году жилъ отъ роду 52 года тезоимянитъ апрѣля 23 дня погрѣбенъ вбывшемъ веневѣ монастырѣ аныгѣ прихоцкая церковь втрапезе налѣвой сторонѣ возлѣ столба отстены зделано отрехъ сторонахъ решетка желѣзная наверху решетки положена доска чугунъная свышеписанною натписью поставилже оному ре-

¹⁾ О Веневѣ монастырѣ см. статьи: Ив. П. Сахарова въ «Московскомъ Телеграфѣ», 1831 г., VII, стр. 385—388; В. И. Шумова въ «Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1862 г., №№ 21—24; г. Харячкова въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1895 г., № 5.

²⁾ У С. Н. Шубинскаго въ упомянутой статьѣ сказано, что Е. И. Пашковъ умеръ въ Астрахани въ 1740 г. (?).

петку идоску племянникъ ево дворянской коллежской ассесоръ алѣксандръ ильинъ пашковъ въ 1797 году ноября 15 дня».

Кромѣ Е. И. Пашкова, въ той же церкви и въ томъ же придѣлѣ, за клиросами, погребены: за правымъ клиросомъ послѣдній князь смоленскій Юрій Святославовичъ († 1408 г.)¹⁾ и за лѣвымъ архіепископъ новгородскій Пименъ († 1561 г.)²⁾, почитаемые мѣстнымъ населеніемъ за святыхъ.

Въ царствованіе Екатерины II Веневъ монастырь, по отобраніи отъ него крестьянъ, пришелъ въ упадокъ и въ 1782 году былъ упраздненъ, а церковь его была обращена въ приходскую села Богоявленскаго — Венева монастыря тожь (въ 33 верстахъ отъ Тулы, вблизи большой Веневской дороги).

Въ мѣстномъ же населеніи о причинѣ упраздненія Венева монастыря передается слѣдующая легенда, въ которой дѣйствующими лицами являются Юрій Святославовичъ, архіепископъ Пименъ и Е. И. Пашковъ.

Когда былъ погребенъ въ церкви монастыря астраханскій губернаторъ, то архіепископъ Пименъ и князь Георгій явились ночью во снѣ игумену и сказали:

— Выкинь изъ церкви мерзкое тѣло!

Хотя это видѣніе повторилось на вторую и третью ночь, игумень, можетъ быть, изъ опасенія отвѣтственности передъ начальствомъ, все-таки не исполнилъ повелѣнія мѣстно чтимыхъ святыхъ.

Послѣ этого въ самую полночь на монастырской колокольнѣ раздался торжественный трезвонъ (колокола здѣсь, — кстати сказать, — весьма благозвучные); звонила невидимая рука: совершалась таинственная процессія. Пробужденные необычайнымъ трезвономъ, монахи и крестьяне окрестныхъ селеній увидѣли, что мощи архіепископа Пимена и князя Георгія, въ видѣ огненныхъ столбовъ, поднявшись отъ церкви, шествовали по направленію къ Кіеву, по «млечному пути», и когда скрылись изъ глазъ, трезвонъ затихъ. По уходѣ мощей, монастырь пришелъ въ упадокъ, и монахи изъ него разошлись по другимъ монастырямъ.

Итакъ, «любившій все народное, русское», «человѣкъ безукоризненной честности», благодаря стараніямъ котораго Веневъ монастырь въ 1727 году былъ возстановленъ, — Е. И. Пашковъ въ этой легендѣ изображается столь великимъ грѣшникомъ, что отъ тѣла его ушли изъ монастыря мощи мѣстно чтимыхъ святыхъ, вслѣдствіе чего былъ упраздненъ и самый монастырь. Не «раскольщики ли», противъ которыхъ, какъ видно изъ упомянутаго прошенія Е. И. Пашкова, онъ боролся, недовольные имъ, сочинили такую легенду? Не былъ ли Е. И. жестокъ въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ? Это также могло послужить поводомъ къ ея составленію.

М. И. Успенскій.

¹⁾ Какъ извѣстно, Юрій Святославовичъ, плѣнный красотою Іуліаніи, жены своего друга, князя Симеона Мстиславича Вяземскаго, убилъ ея, а затѣмъ, — когда не встрѣтилъ съ ея стороны взаимности, — ея. «Послѣдніе же дни жизни князя Юрія Святославича, — говоритъ И. П. Сахаровъ въ упомянутой статьѣ, — посвящены на раскаяніе и благочестивую жизнь, загладили его преступленіе въ глазахъ россиянъ и передали потомству о немъ воспоминаніе праведнаго мужа».

²⁾ Заточенъ въ Веневъ монастырь Иваномъ Грознымъ.

II.

Къ статьѣ «Первые шаги».

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1905 годъ помѣщена статья князя Щетинина «Первые шаги». Въ этой статьѣ «Брызгаловская эпоха» изображена довольно вѣрными штрихами, но студенческія волненія, которыми она закончилась, описаны настолько неправильно, что въ цѣляхъ возстановленія истины считаю необходимымъ внести слѣдующія исправленія.

Ректоромъ во время волненій 1887 года былъ уже не Н. П. Боголѣбовъ, — ректоръ по избранію и, во всякомъ случаѣ, человѣкъ умный и тактичный, — но первый ректоръ по назначенію, филологъ Г. А. Ивановъ, воплощенная безличность. Затѣмъ, студенты со сходки вовсе не были отправлены въ манежъ и Бутырки (это имѣло мѣсто, три года спустя, во время студенческихъ волненій въ мартѣ 1900 года). Но болѣе всего авторъ погрѣшилъ противъ истины въ оцѣнкѣ попечителя гр. Капниста. Въ дѣйствительности, именно гр. Капнистъ является виновникомъ того, что студенческія волненія 1887 года приняли въ Москвѣ небывалые до тѣхъ поръ размѣры.

Дѣло происходило такъ. На сходку 24-го ноября студенты явились съ цѣлью засвидѣтельствовать передъ ректоромъ свою солидарность съ Снявскимъ. Сходка собралась во дворѣ стараго университета и отправила депутатовъ къ ректору Иванову, прося его выйти къ собравшимся. Мимо студентовъ шныряли педеля, субъинспектора, явилась полиція. Но ректоръ не выходилъ. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія во дворѣ показался невзрачный на видъ старичекъ — это былъ ректоръ. Онъ сталъ приглашать студентовъ для объясненій въ актовъ залъ. Помню, сначала студенты не хотѣли входить въ зданіе, опасаясь ловушки, но ректоръ далъ честное слово, что, передавъ ему заявленія, студенты могутъ уйти совершенно свободно. Ректору повѣрили, и вошли въ актовъ залъ. Тутъ отъ лица товарищей студентъ Гофенгаузенъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «1) Снявскій, совершая свой поступокъ, явился лишь выразителемъ общестуденческаго негодованія, которое возбуждаетъ дѣятельность Брызгалова; поэтому мы просимъ ходатайствовать, гдѣ слѣдуетъ, о смягченіи участи Снявскаго. 2) Если дѣятельность Брызгалова будетъ продолжаться, то слѣдуетъ ожидать повторенія подобныхъ случаевъ, почему мы просимъ васъ сдѣлать представленіе о замѣщеніи Брызгалова другимъ лицомъ. 3) Такъ какъ отрицательныя стороны дѣятельности Брызгалова сдѣлались возможными лишь при новомъ уставѣ (т.-е. уставѣ 1884 года), то мы просимъ васъ отъ имени университета возбудить вопросъ о его пересмотрѣ».

Требованія были, какъ видно, весьма скромныя, настроеніе вполне мирное. Ректоръ въ отвѣтъ началъ тягучую рѣчь, что собственно онъ ничего сдѣлать не можетъ, но постарается, и т. п. Среди рѣчи, прервавъ ее на полусловѣ, чья-то рука отстранила ректора довольно безцеремонно. На каедрѣ показалось толстое, красное лицо графа Капниста. Крикливымъ голосомъ онъ началъ говорить, что не потерпитъ нарушенія порядка, что всѣ собравшіеся понесутъ на-

казаніе... Въ отвѣтъ раздались свистки. Графъ Капнистъ потребовалъ отъ студентовъ выдачи входныхъ билетовъ. Ему отвѣтили, что пришли въ залъ по приглашенію ректора, по его честному слову о безпріяятственности уходѣ. Вѣдннй ректоръ сконфуженно молчалъ, а попечитель не обратилъ на эти слова никакого вниманія. Въ сосѣдней съ актовымъ заломъ библиотекъ показалась полиція, она же заполняла дворъ и лѣстницу. Приходилось покориться и отдать билеты (числомъ 204). На слѣдующій день около Новаго университета снова собралась сходка, въ числѣ около 300 человекъ, имѣвшая цѣлью собрать билеты тѣхъ, которые не были на первой сходкѣ, и представить ихъ попечителю, въ знакъ своей солидарности съ бывшими на первой сходкѣ. Эта сходка была разогнана жандармами. 26-го ноября съ той же цѣлью состоялась сходка въ количествѣ до 600 человекъ около Ново-Екатерининской больницы и кончилась избіеніемъ студентовъ. 27-го ноября на сходкѣ въ университетѣ было уже болѣе 1.000 человекъ. На слѣдующій день университетъ былъ закрытъ. Вѣсти о московскихъ событіяхъ вызвали студенческія волненія почти во всѣхъ русскихъ университетахъ.

По прошествіи 17 лѣтъ, какъ участникъ описанныхъ волненій, я утверждаю, что, не будь нелѣпаго и безтактнаго вмѣшательства попечителя, волненія окончились бы скоро и мирно, и нѣсколько десятковъ молодыхъ жизней не было бы исковеркано.

Еще одна характерная подробность. Инспектора Брызгалова его начальство цѣнило очень высоко. Пріѣзжавшій изъ Петербурга, членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія Георгіевскій заявилъ, что скорѣе разгонять всѣхъ студентовъ и увольать профессоровъ, чѣмъ разстанутся съ Брызгаловымъ. Черезъ 4 или 5 мѣсяцевъ послѣ волненій 1887 года Брызгаловъ умеръ отъ какой-то болѣзни мозга. Въ Москвѣ циркулировалъ упорный слухъ, будто вскрытіе доказало, что не менѣе, чѣмъ два послѣдніе года жизни онъ былъ помѣшаннымъ. Выходки сумасшедшаго человека принимались за отличное служебное усердіе.

Е. Полѣновъ.

стоялъ изъ янычаръ. Ихъ капитанъ приблизился, чтобы принять приѣзжихъ, остановившихся на дворѣ. Бросивъ поводья солдатамъ, подошедшимъ къ лошади, Альвейръ потребовалъ главнаго секретаря консула.

Капитанъ повелъ ихъ чрезъ узкій коридоръ жилища, отворилъ маленькую, тонкую деревянную дверь, и они очутились въ скромномъ кабинетѣ съ истрепанной мебелью. Навстрѣчу къ нимъ поднялся молодой секретарь и, поздоровавшись съ ними, спросилъ ихъ о цѣли прихода.

Они выразили свое удивленіе, что миссію Фабра, повидимому, не ожидали, и никто не находился въ портѣ для необходимыхъ указаній помѣщенія и маршрута. Молодой секретарь, казалось, очень изумился и попросилъ у посѣтителей разрѣшеніе спросить у Блана, можетъ ли онъ ихъ принять.

Въ ожиданіи его возвращенія оба посланные съ любопытствомъ разсматривали комнату, въ которой находились. Желтая ткань, покрывавшая стѣны, падала полотнищами и лохмотьями. Пружины двухъ выцвѣтшихъ кресель скрипѣли, ихъ набивка исчезла, нѣсколько канцелярскихъ книгъ лежали на полу, письменный приборъ украшала пачка гусиныхъ перьевъ, а на столѣ стоялъ мѣдный ручной мойникъ.

— Не знаю, но дѣло что-то не важно идетъ для начала, и это равнодушіе не предвѣщаетъ ничего хорошаго,—сказалъ Жакъ.

— Надѣюсь, это равнодушіе невольное и совершенно случайное.

— Чѣмъ объясняютъ они это нежеланіе, если оно дѣйствительно существовало?

— Другъ Жакъ, вы молоды и еще не дальновидны; Аллаху же угодно, чтобы у меня былъ слишкомъ пронизательный взглядъ.

Они оба задумались, занятые невеселымъ размышленіемъ.

Тѣмъ временемъ къ городской заставѣ сбѣжались туземцы и принялись разсматривать расположившееся лагеремъ посольство, но удары плетки слугъ Фабра остановили ихъ любопытство.

Жанъ и Марі сидѣли въ сторонѣ на грудѣ приготовленныхъ для нихъ ковровъ и подушекъ.

Они задумались. Ими овладѣла инстинктивная и смутная боязнь, что они вступаютъ на враждебную землю, усѣянную различными кознями. Съ первыхъ же шаговъ Жанъ замѣтилъ опасность и понималъ, какія затрудненія его ожидаютъ въ будущемъ. Онъ совсѣмъ не думалъ о графѣ Ферріолѣ, рассчитывая, что посланникъ далеко, въ глубинѣ своего константинопольскаго дворца, занятъ другимъ и не заботится о корабляхъ, прибывающихъ въ Александретту. Но, сойдя на берегъ, онъ оказался, или, вѣрнѣе, опасался оказаться лицомъ къ лицу съ похитителемъ своей жены и своимъ заклятымъ врагомъ. Какъ молнія, предъ нимъ предстали всевозможныя уловки со стороны Ферріола, жаждавшаго отмщенія и разставлявшаго

ему сѣти во все время пути по странѣ, гдѣ Франція пользовалась могущественнымъ вліяніемъ, а ея представителемъ былъ онъ. По внушенію посланника, всѣ консулы страны были принуждены отказать Фабру въ своемъ содѣйствіи, а при случаѣ даже создавать ему затрудненія. Онъ печально взглянулъ на свою подругу, эту отважную женщину, сопровождавшую его чрезъ всѣ опасности, но которая, можетъ быть, сдѣлается камнемъ преткновенія въ его предпріятія. Если даже ранѣ Ферріоль не зналъ, что Фабръ путешествуетъ съ своей переодѣтой любовницей, то ему это станетъ извѣстно чрезъ его полицію; безъ сомнѣнія, такой сильный доводъ заронитъ недовѣріе къ мисси въ странѣ, преданной іезуитамъ.

По движенію лба своего друга Марі задумчиво слѣдила за теченіемъ его мыслей.

Она протянула ему руку и сказала увѣреннымъ тономъ:

— Мужайся, мой другъ! Если это—борьба, тѣмъ лучше! По крайней мѣрѣ, я рада доказать тебѣ мою любовь, раздѣляя съ тобою и отстраняя опасности, которымъ ты подвергаешься. Но въ этомъ-то и жизнь—выжидать опасность, подстергать врага, находится въ оборонительномъ положеніи и чувствовать, какъ надъ тобою царятъ угроза и неизвѣстность. Тѣмъ лучше! Твоя овернка возродилась! Вся кровь овернцевъ кипитъ въ моихъ жилахъ. Помнишь ты улицу Мазарини, гдѣ мы жили пошлой жизнью парижскаго свѣта? Ты далъ мнѣ прочитать «Комментаріи Цезаря» въ новомъ переводѣ патера Картье, желая научить меня исторіи моихъ знаменитыхъ предковъ, овернцевъ, и героизму моего пра-дѣда Верцингеторикса. Развѣ ты не думаешь, что расы хранятъ долго въ своихъ венахъ привычки предковъ, ихъ отвагу или трусость? Я чувствую, что готова на все. Чортъ возьми! мы о васъ столько же беспокоимся, графъ Ферріоль, какъ о противной дрянн.

И она разразилась громкимъ смѣхомъ. Жанъ также улыбнулся. Эта восхитительная женщина, настоящая героиня фронды предшествовавшего вѣка, развеселила и придала ему бодрости.

Въ этотъ моментъ появилась Флориза. Она смѣялась и дурачилась, ведя за руку маленькаго Пьера, съ которымъ гуляла въ кактусовой роцѣ. Они принесли нѣсколько несчастныхъ пожелтѣвшихъ и высохшихъ цвѣточковъ, а также фиги.

— Вотъ вамъ, — сказала Флориза: — вотъ вамъ, влюбленные, украсьте себя цвѣтами и кушайте фиги: это—мѣстное произведеніе. Альвейра еще нѣтъ? Нѣтъ, друзья мои, другого подобнаго посольства не найти! Такъ спать будемъ на большой дорогѣ, какъ пастухи? Надо послать описаніе всѣхъ этихъ приключеній Нинонъ де-Ланкло. Въ своей долговременной карьерѣ она никогда не мечтала о такихъ пожденіяхъ. А! наконецъ-то они!

Вдали показались приближавшіеся галопомъ два всадника, окутанные облакомъ пыли. Поровнявшись съ оградой, гдѣ паслись верблюды, они быстро соскочили съ лошадей.

— Ну, что?—спросилъ лихорадочно Жанъ Фабръ.

Жакъ принялся объяснять, что положеніе опасное: необходимо тотчасъ же собраться и скорѣе все обдумать. Немедленно оградили мѣсто конской сбруей и верблюдами, за которыми наблюдали слуги, поставленные на караулъ. Жанъ Фабръ, Марй, племянникъ Жакъ и Альвейръ заняли мѣста. Докторъ предпочелъ утѣшать Лизонъ, сидѣвшую на сѣдлѣ верблюда; она рыдала и сама хорошо не знала—почему.

Въ короткихъ словахъ Жакъ объяснилъ, что онъ видѣлъ консула Блана, извинявшагося, что не угадалъ пріѣзда посланника. Онъ слишкомъ пошло извинялся, чтобы въ этомъ не скрывалось лицемерія. Впрочемъ, онъ былъ въ отчаяніи, что не можетъ ничего сдѣлать и предпринять какихъ либо мѣръ прежде, чѣмъ придетъ распоряженіе изъ Константинополя, которое не запоздаетъ.

— Подлецъ насмѣхается надъ нами, я это понялъ сейчасъ же,—продолжалъ Жакъ.—Получивъ отъ него совѣтъ отправиться съ предупрежденіемъ къ главѣ іезуитовъ, поселившемуся въ Алеппскомъ монастырѣ, служившемъ страннопріимнымъ домомъ для иностранцевъ, мы нашли этого отца іезуита. Но это была бесполезная попытка. Всѣ эти люди предупреждены противъ насъ; имъ отданъ приказъ, и они ничего не сдѣлаютъ для насъ,—развѣ только помѣшаютъ намъ. Я съ удовольствіемъ пустилъ бы пулю въ лобъ одному изъ этихъ Тартюфовъ, если бы меня не останавливало опасеніе создать новыя затрудненія.

Онъ рассказалъ, что настоятель выразилъ боязнь принять въ своемъ монастырѣ мужчину, путешествующаго съ переодѣтой женщиной, считая это преступленіемъ по отношенію къ церкви, и никакія причины не могутъ заставить его рѣшиться на подобную сдѣлку. Даже приказъ самого французскаго короля будетъ безсиленъ, такъ какъ нужно согласіе Ватикана: имъ останется только ходатайствовать объ этой привилегіи въ Ватиканѣ.

— Въ заключеніе, мои друзья,—продолжалъ Жакъ:—всѣ двери закрывались предъ нами, какъ предъ прокаженными, и повсюду мы встрѣчали глухую ненависть, которой намъ не побѣдить. Вотъ какъ обстоятъ дѣла.

Жанъ взглянулъ на Марй. Они другъ друга поняли, и на ихъ губахъ было имя графа Ферріоля. Они видѣли, что положеніе критическое: равнодушіе чиновниковъ скрывало, или подготавливало какія нибудь хитрыя козни, можетъ быть, гибель посольства. Марй, какъ рѣшительная женщина и благоразумная совѣтчица, сказала:

— Отправимсь. Сократимъ, насколько возможно, наше пребываніе въ этой вѣроломной странѣ: колебаться нечего.

Что же имъ дѣлать? На чемъ бы они ни остановились, какой бы маршрутъ ни выбрали, все-таки надо проѣхать чрезъ Оттоманскую имперію, прежде чѣмъ достигъ персидской границы. Во

время переѣзда надо всего опасаться со стороны миссіонеровъ и чиновниковъ, подчиненныхъ вліянію константинопольскаго посланника.

— Я вижу только одно средство выйти изъ этого положенія,— сказалъ Жанъ во время совѣщанія:— намъ необходимо немедленно отдаться подъ покровительство Персіи для самообезпеченія противъ французовъ и турокъ.

Онъ изложилъ свой планъ. Дѣло состояло въ томъ, что приходилось, какъ можно скорѣе, добраться до ближайшаго и доступнаго имъ персидскаго посольства и тотчасъ же засвидѣтельствовать свое почтеніе персидскому шаху, который защититъ ихъ своимъ авторитетомъ.

Развернули карту—ближайшей резиденціей представителя шаха былъ Константинополь, городъ графа Ферріоля.

Марі гордо закинула голову, какъ бы вызывая судьбу на поединокъ:

— Мы отправимся,—сказала она.

По ея мнѣнію, турки остерегутся придираться къ французамъ, друзьямъ Персіи, а французы ничего не могутъ сдѣлать друзьямъ персидскаго посла. Что касается послѣдняго, то онъ хорошо приметъ посланника короля Людовика XIV, изъ уваженія къ обоимъ монархамъ.

Немедленно былъ отданъ приказъ складывать и нагружать кладъ,—и караванъ направился по дорогѣ къ Александреттѣ.

Жанъ уговорился съ однимъ судохозяиномъ, снимавшимся съ якоря въ Самосѣ. Черезъ нѣсколько недѣль они пріѣхали туда.

Флориза и Альвейръ остались тамъ съ большею частью клади и съ ящиками подарковъ для шаха, за которыми они присматривали. Рѣшено было отправиться въ Персію сухопутнымъ, выдавая себя за странствующихъ купцовъ. Мѣстомъ свиданія избрали Эчміадзинъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ персидской границы; они уговорились встрѣтиться тамъ и вмѣстѣ добраться до Эривани, гдѣ они будутъ въ безопасности. Флориза совѣтовала Марі не брать съ собою маленькаго Пьера и оставить мальчика у нея, гдѣ онъ подвергался меньшей опасности.

Жанъ охотно согласился на ея предложеніе, считая его благоразумнымъ; Марі же не хотѣла слышать объ этомъ и выказывала твердую рѣшимость взять мальчика съ собою. Съ ними вмѣстѣ пустились въ путь Жакъ и докторъ, послѣдовавшій за Луизонъ.

Въ Самосѣ они разстались. Тамъ никто ихъ не зналъ и не слѣдилъ; вечеромъ они ужинали въ прибрежной гостиницѣ, въ сторонѣ, позади скалъ Портъ-Вати и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главнаго города Хоры, консулъ котораго могъ бы сдѣлать имъ допросъ. Толпившіеся вокругъ стола деревенскіе ребятишки съ любопытствомъ разсматривали ихъ, выпрашивая нѣсколько

монетъ взаѣмнѣ засушенныхъ рыбъ и вѣточекъ коралловъ или предлагая отыскать, съ помощью нырянія, бросаемыя въ море монеты.

Вечеръ былъ теплый; майское солнце воспламенило хлопья фіолетоваго тумана, разсѣкаемаго на горизонтѣ вершинами горной цѣпи Ампелокса. Возлѣ нихъ обрушившіеся громадныя камни образовали цѣлую груды, слывшую въ мѣстности за развалины маяка эллинской эпохи.

Далеко, въ долину, обнаруживая кирпичную трещину, видѣлись распатавшіеся своды водопровода, и длинныя развалины античнаго театра, совершенно заросшаго низкимъ кустарникомъ.

— Прекрасная страна и поэтический вечеръ,—сказала Марі.— Какъ забываются всѣ тревоженія нашей мелочной жизни среди такихъ величественныхъ картинъ багряной природы и далекаго прошлаго! Какіе уроки для насъ въ этомъ угасшемъ, умершемъ великолѣпнѣ исчезнувшей цивилизаціи! Какое величественное уничтоженіе низкихъ расчетовъ нашего самолюбія и гордости! Какъ было бы хорошо здѣсь подѣ скромной одеждой рыбака, вдали отъ города и борьбы, среди безмятежнаго спокойствія простыхъ смертныхъ, ожидающихъ своего послѣдняго часа, восторгаясь дивными дѣлами ихъ создателя!

Это глубокое молчаніе, послѣдовавшее за различными ощущеніями и тревоженіями послѣднихъ дней, подѣйствовало на ея нервы и дало отдыхъ мыслямъ: она залилась слезами.

Въ одной изъ извилинъ горы Керки путешественниковъ ожидала бригантину, чтобы отвезти ихъ въ Константинополь. Прощаніе и отъѣздъ—печальны, какъ смерть, а потому, обнимая Альвейра и Флориву, Жанъ и Марі спрашивали себя: придется ли имъ когда нибудь снова увидѣться? Въ то время, какъ Альвейръ принялся устраивать слугъ въ Портъ-Вати и помѣщать въ надежное мѣсто поклажу, Жанъ, въ сопровожденіи Марі, сына, племянника и доктора—вѣчнаго обожателя Луизонъ — достигъ мѣста отплытія. Въ сумерки вся эта кучка людей прошла мимо величественнаго пейзажа Керки—чрезвычайно живописнаго съ его оврагами, казавшимися почти отвѣсно вытесанными между двумя стѣнами скалъ, словно каналы, съ его безпорядочно нагроможденными камнями и съ его обнаженнымъ остовомъ горы; за нимъ показалась долина, окаймленная деревьями, переплетшимися между собою, и усѣянная олеандрами, туями и прославленными виноградниками, изъ которыхъ выдѣлывается знаменитое Самосское вино.

Была уже темная ночь, когда они достигли назначеннаго мѣста, гдѣ ихъ ожидала лодка, чтобы доставить на бригантину.

Маленькій Пьеръ принялся ихъ разспрашивать, здѣсь ли тиранъ Поликрать бросилъ въ воду свой перстень, который былъ проглоченъ рыбой.

Если бы они были погружены не въ столь тяжелыя заботы, то въ знакъ памяти о Самосѣ, родинѣ Пифагора, они, безъ сомнѣнія, набрали бы золотой песокъ, а въ скромныхъ землянкахъ горшечниковъ привѣтствовали бы память древнихъ поставщиковъ всего міра, выдѣлывавшихъ здѣсь всю обиходную посуду, *vasa sacra*, которою скромно пользовался и поэтъ Гораций.

Но ими овладѣла важная забота, и на другой день они также безъ волненія проплыли мимо острова Хиоса, родины Гомера, мимо Митилень, мимо мѣстонахожденія Трои и острова Тенедоса, гдѣ Улиссъ пряталъ своихъ тяжело-вооруженныхъ пѣхотинцевъ въ прекрасныхъ набедренникахъ. Когда путешественники прибыли къ Золотому Рогу Константинополя, то ихъ единственной заботой было скрыться въ какомъ нибудь караванъ-сараѣ, увернуться отъ допросовъ любопытной полиціи и какъ можно скорѣе добраться до дворца персидскаго посланника,—и они, какъ настоящіе преступники, бросились къ бронзовому стукальцу, привѣшенному у дверей какого-то пристанища.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Жанъ Фабръ привезъ свою любовницу въ городъ, гдѣ онъ оставилъ свою жену.

VII.

Прибывъ въ Стамбуль, Марі Пёті стала снова одѣваться поженски. Въ то время, когда Жанъ отправился просить аудіенціи у персидскаго посланника и занялся обезпеченіемъ ихъ положенія и безопасности, Марі вышла утромъ изъ караванъ-сарая одна съ маленькимъ Пьеромъ. Она была счастлива, что можетъ осмотрѣть этотъ поэтическій и неопрятный городъ. Жакъ остался оберегать ларецъ, въ которомъ хранились депеши и официальныя бумаги посольства.

Въ кайкѣ, защищенномъ краснымъ балдахинномъ, Марі перешла бухту Золотого Рога. Здѣсь открывалась восхитительная панорама. Старая часть города, прислоненная къ горѣ и расположенная уступами, появилась, какъ царица Востока, въ богатой своею пестрою мантии, извивавшейся подъ золотомъ минаретовъ и куполовъ, охровыми стѣнами, озаренными солнцемъ, горячимъ, жаркимъ колоритомъ, какой принимаютъ на солнцѣ букеты желтыхъ акацій, разноцвѣтными домами, выкрашенными въ красный, коричневый, сине-сапфировый цвѣта,—подъ всѣмъ этимъ волшебнымъ отливомъ, сверкавшимъ на фонѣ лазореваго моря, какъ драгоценныя каменья на бархатѣ.

Среди кайковъ страннаго образца съ загнутыми носами, съ позолоченными бортами и съ пурпуровыми балдахинами, Марі приближалась къ устью двухъ рѣкъ-близнецовъ: Цидарисы и Барбизы, освѣжавшихъ и прохладжавшихъ прекрасное мѣсто про-

гулки — Европейскія Сладкія Воды. Предъ Марі раскидывалась панорама громадлившихся другъ надъ другомъ Семи Холмовъ, перерѣзанная величественными очертаніями Серая, Софійскаго собора, мечети Ахмеда, мечети Баязета, иззубренной безчисленными бѣлыми острыми стрѣль, куполовъ марабутскихъ храмовъ и куполообразныхъ усыпальницъ.

Совсѣмъ внизу находилась прохладная долина Ликуса съ ея благоухающими садами до маленькаго порта Кумъ-Капу и Эйюбъ съ своими двумя минаретами, а вокругъ сверкали отдаленные кварталы съ ихъ гнѣздящимися въ зелени желтыми домами и Галата съ великолѣпной вершиной ея холма, на которомъ возвышалась башня.

Съ Галатской башни открывалась живописная и широкая панорама; видъ растягивался къ Лени-Чарти и Топъ-Хане, а оттуда къ Джекхангирской мечети до Кипарисовъ Буюкъ-Мезаристана. Остроконечная, длинная и утонченная верхушка Серая прорѣзала своей гранью воды Босфора, темно-синія волны котораго, переполненные каиками и парусными судами, сливались съ глубиной Мраморнаго моря, тогда какъ длинное и узкое устье безъ дельтовыхъ наносовъ Золотога Рога, какъ смѣлая рука, проникало въ землю между холмами, покрытыми бѣлыми кубикообразными домами и лачугами изъ желтой высушенной земли. Вдали виднѣлся Скутари, весь осѣненный высокими кипарисами своихъ кладбищъ, усѣянныхъ округленными камнями, погребальными мечетями и усыпальницами съ куполами, а оттуда Енъ-Валидѣ-Джами растушевывалъ въ желтовато-коричневый цвѣтъ склоны горы Булгурлу-Кеюи.

Вдоль Босфора, вокругъ дворца Долма-Бахче, отражавшаго въ водѣ ряды своихъ высокихъ и красивыхъ оконъ и мраморный фасадъ, зеленые холмы Бешикъ-Таха и Орта Кеюи лѣниво растягивали свои тупые, запыленные склоны.

Обернувшись Марі замѣтила изъ-за Золотога Рога безвыходный лабиринтъ Византіи, теперешній Истамбулъ, который выдвигался впередъ, какъ носокъ башмака, между Босфоромъ и Мраморнымъ моремъ, гордясь своими чудесами; она видѣла Багдадскій Кіоскъ, Серай, гдѣ въ безпорядкѣ, какъ въ складочномъ мѣстѣ просѣвальщика песка, сокровища драгоцѣнныхъ камней рѣдкой величины наполняютъ вазы и маленькіе водоемы, и святую Софію съ ея четырьмя тонкими минаретами, выдающимися впередъ пятью коренастыми куполами и Баязидіе, и башню Серасъ-Кьерать, и всѣ выпуклыя мечети, Шахъ-Задѣ, Сюлейманіе, Мехмедье и Фанаръ и зубчатыя линіи гребней старыхъ стѣнъ, и находившіеся на другомъ берегу Золотога Рога, недалеко отъ Балата, холмы Кассима-Паши и Перы.

Вдали, на этихъ трехъ морскихъ рукавахъ — Золотога Рога, Босфора и Мраморнаго моря, звѣзды, сверкающей въ солнцѣ,

звѣзды о трехъ вѣтвяхъ, которая раздѣляетъ Стамбуль, Галату и Скутари,—выстроенныя на сваяхъ въ глубокомъ мѣстѣ будочки рыбаковъ образовывали черныя пятна среди гребныхъ судовъ; это были высокія лачуги, помѣщенныя на четырехъ жердяхъ въ нѣсколькихъ метрахъ надъ уровнемъ воды и сдѣланныя изъ досокъ, прикрытыхъ цыновками и кожами; оттуда рыбаки закидывали сѣти, которыя приносили имъ трепещущую вершу съ икрою, а иногда и трупы утопленниковъ.

Обезсиленная отъ безпокойнаго ожиданія и въ то же время не способная отдохнуть, Марі блуждала среди этой неожиданной и незнакомой обстановки, упиваясь новизной и грубыми впечатлѣніями. Терпѣнія и забвенія она искала въ утомленіи и развлеченіяхъ, которыхъ добивалась найти въ безконечныхъ прогулкахъ. Она предавалась мечтаніямъ подъ необъятнымъ куполомъ св. Софіи въ Истамбуль, и большой нефъ, гдѣ еще витаетъ, какъ будто, духъ Юстиніана, далъ ей странное ощущеніе подавленности, чувство, заставившее подступать къ ея глазамъ слезы. Ей нравились минареты собора, съ ихъ балконами и выкружнями, его центральный куполъ съ возвышавшимся громаднымъ полумѣсяцемъ, который замѣтенъ съ вершины Виѣнскаго Олимпа, двери съ шестью порфировыми колоннами по бокамъ, вѣшнія погребальныя усыпальницы султановъ, прилежающіе къ стѣнѣ фонтаны омовенія и перистиль, покрытый византійской мозаикой и мраморомъ.

Марі вошла въ нефъ чрезъ двое сѣней, отдѣленныхъ отъ атриума висѣвшимъ тяжелымъ ковромъ. Она была поражена необъятностью простого и величественнаго корабля, куполомъ, поддерживаемымъ четырьмя громадными арками и удлиненнымъ двумя полусферическими сводами на скрытыхъ точкахъ опоры. Соединенныя въ группы громадныя столбы, порфировыя колонны, перенесенныя изъ храма Солнца, выстроеннаго Авреліемъ въ Геліополѣ, стержни колоннъ изъ зеленой брекчіи, взятые изъ храма Эфесскаго,—представляли громадный лѣсъ изъ каменныхъ деревьевъ, числомъ сто семь—мистическая цифра Премудраго. Дневной свѣтъ падалъ широкой пеленою пыли чрезъ окна портиковъ; они были расположены другъ надъ другомъ и доходили до основанія куполовъ. Стѣны храма были покрыты золотой мозаикой; Михрабъ, Мостаба, возвышеніе для чтеца Корана представляли настоящія чудеса терпѣливаго искусства и смѣшанныхъ оттѣнковъ; пурпуроваго цвѣта толстый шнурокъ, на которомъ спускалось страусовое яйцо, шелковыя кисти, большія коренастыя бронзовыя люстры, зеленые металлическіе листы, на которыхъ золотыми буквами въ девять метровъ вышины написаны священныя изреченія, знамена, ясли Христа, Сиди Исса изъ краснаго мрамора, привезенныя изъ Виелеема, сочащаяся колонна, хладное окно, облицовка нижней части стѣны изъ фаянса и просвѣчивающагося мрамора, какъ бы

вспыхивавшихъ на солнцѣ, — все это послѣдовательно занимало праздное любопытство Марі. Она прошла, смѣшавшись съ толпою мусульманъ и женщинъ, направлявшихся на галерею гинекеи, среди кипащихъ многочисленныхъ служителей мечети: имамовъ, шейховъ, кіятибсовъ, муэзиновъ, читальщиковъ, пѣвчихъ и слугъ. Долго она разсматривала заложенную дверь, чрезъ которую, во время вторженія турокъ въ XV вѣкѣ, исчезъ совершавшій службу священникъ. Въ тотъ моментъ, когда невѣрные вошли въ соборъ, бывшій въ то время христіанскимъ, священникъ скрылся чрезъ этотъ выходъ, самъ собою задожившійся камнемъ. Онъ долженъ самъ произвольно открыться, когда Софійскій соборъ вернется къ христіанскому культу, и тогда прежній священникъ выйдетъ оттуда, чтобы окончить прерванную службу.

Марі предалась созерцанію, вознесясь на крыльяхъ вѣры къ вѣчной красотѣ, которая осуществила тамъ самое могущественнѣйшее изъ своихъ чудесъ. Марі не могла оторвать своего взора отъ громаднаго, необычайно чудеснаго, свода, на взглядъ столь легкаго, въ подробностяхъ же безконечно крѣпкаго и восхитительнаго, съ тонкими колонками, выравненными предъ таинственными портиками, съ широкими, какъ дворцы, подпорками, искусно рѣзными рѣшетками, капителями, обвитыми кудрявой листвою, со всѣхъ четырехъ сторонъ прямоугольника, съ сводами, украшенными мозаикой, тысячами опаловидныхъ лампадъ, прикрѣпленныхъ къ широкимъ обручамъ люстръ плотно, какъ банки къ тѣлу.

Она вышла, какъ въ лихорадкѣ, равнодушно относясь къ удивленнымъ взглядамъ распростертыхъ на молитвенныхъ коврикахъ марабутовъ, которые смотрѣли на нее, бормоча нараспѣвъ слова Корана. Подъ обаяніемъ этой широкой и великолѣпной поэзіи восточнаго искусства, происхождение и колыбель котораго ей предстояло найти въ Персіи, и какъ бы захваченная слишкомъ стремительной волною, она оперлась на колонну подъ цвѣтущими деревьями, служившими сѣнью досчатымъ лавочкамъ, прилежавшимъ къ чудесной мечети. Умозрѣніе этихъ лицъ, одѣтыхъ въ длинныя, расшитыя одежды, казалось, выходило изъ нѣдръ ея воспоминаній, въ которыхъ она отыскала чудеса «Тысячи и одной ночи», имѣвшей въ то время въ переводѣ большой успѣхъ въ Парижѣ. Марі уже призывала къ себѣ волшебную, раскрашенную персіянку, которая осыплетъ ее сокровищами богатства и наслажденій, волненій и неожиданностей. Вдругъ ею грубо овладѣла дѣйствительность, и Марі съ тоскою сказала себѣ:

— Персія!—но доѣду ли я до нея когда нибудь!

Въ то время какъ Фабръ трудился, чтобы обезпечить безопасность миссіи, Марі забывалась и предавалась наслажденію, чувствуя себя перенесенной настолько далеко отъ улицы Мазарини, что подумала, не находится ли она на другой планетѣ. Она остано-

валась предъ торговцемъ сластями, пальцы котораго были покрыты жиромъ, предъ простонароднымъ горшечникомъ, предъ стадомъ ослонъ, переносившихъ камни для построекъ, предъ странствующими музыкантами, потрясавшими тирсами, увѣшанными бубенчиками и лошадиными хвостами, предъ кружащимися дервишами, похожими на бѣлые, завывающіе, живые колокола, предъ сворой желтыхъ собакъ, сторожившихъ и очищавшихъ улицы, предъ прирученными голубями мечети Баязида, гдѣ на дворѣ, окруженномъ портикомъ въ видѣ крытой галереи, собирались мелкіе торговцы, народные писцы и кудесники. Она посѣтила и другія мечети: Ахмедіе, въ то время совершенно новую, Даждъ-Паша-Джами, гдѣ хранится жезлъ Моисея, Ёйюбъ, по имени носителя знамени Магомета, Сулейманіе, торжество стекольщика Ибрагима-Пьяницы и много другихъ прелестныхъ, развѣнчанныхъ византійскихъ церквей,—остатки прежнихъ знаменитыхъ монастырей: Пантепонтось, Панахрантось, Паммакаристось, Хора и двадцать другихъ.

Марі осмотрѣла дворецъ Велизарія, остатки дворца Юстиніана, зеленѣющія кладбища, бани подъ названіемъ Тысячи Одной Колонны, площадь знаменитаго Гипподрома, теперь безмолвную послѣ столькихъ суматохъ, но все еще гордившуюся своей Серпентинной колонной, на верхушкѣ которой блестѣли три змѣиныя головы изъ карбункула—образцовое произведеніе Фидіаса, и памятникомъ побѣды подъ Платеей, привезеннымъ изъ Дельфъ. Марі нравились старые кварталы съ низкими домами, выстроенными изъ досокъ, изъ швовъ которыхъ выросталъ терновикъ и ниспадалъ внизъ съ этажей, устроенныхъ выступами, поддерживаемыми изогнутыми балками; стѣны изъ песчаника безъ цемента обрамляли двери съ громадными замками; здѣсь летали сороки, а вокругъ лавочекъ торговцевъ печенымъ тѣстомъ бродили кошки; турки въ широкихъ шароварахъ, въ длинныхъ синихъ блузахъ и бурнуссахъ или фескахъ на своихъ бритыхъ головахъ шли торопливыми шагами. Шумная толпа смотрѣла на пожаръ: пылали полуразвалившіяся лачуги, и жильцы спокойно, безропотно ожидали конца того, что было предназначено судьбою; другіе зрители не шевелились, будто благословляя огонь, какъ единственнаго очистителя этихъ зловонныхъ кварталовъ.

Марі также прогуливалась вдоль романическихъ береговъ Босфора, откуда на розоватомъ горизонтѣ предъ нею открывались зубчатая стѣна и крѣпкія башни Румели-Хиссара; у ихъ подножья кружились бѣлые зимородки. Перенеся свой взоръ на другую сторону, ея глаза устремлялись вдаль, на цвѣтушіе Принцевы острова, а гораздо ближе она увидѣла башню Леандра, воздвигнутую на Босфорѣ въ память любовника жрицы Геро—Леандра, хотя онъ исполнялъ свои подвиги пловца въ Геллеспонтѣ.

На мраморной набережной, переполненной мѣднотыцами носильщиками, предъ дворцомъ Валидэ-султана, у подножія громад-

ной башни Солимана Великолѣпнаго, Марі сошла на берегъ. Она повеселѣла, радуясь, что осмотритъ съ сыномъ оживленные кварталы и кривыя улицы, изрытыя лужами. Пройдя черезъ ворота Балукъ-Базара, они остановились близъ мечети Нурри-Османіе и предъ Обожженной колонной, почернѣвшей отъ пожара, а затѣмъ достигли Фанара, или греческаго квартала, гдѣ полюбовались мечетью Розъ, и квартала Балата, гдѣ живутъ евреи. Недалеко оттуда драгоманъ высокопарными фразами зазывалъ посѣтителей мечети, показывая имъ трепетавшихъ въ водоемѣ рыбокъ, у которыхъ одна сторона была коричневая, а другая—красная. По его словамъ, это были пралправнуки рыбъ, которыхъ жарилъ въ XV вѣкѣ калугеръ. Когда ему сообщили о побѣдѣ турокъ, то онъ не хотѣлъ этому вѣрить.

— Я скорѣе повѣрю, — сказалъ онъ, — что рыбы, которыхъ я жарю, выскочатъ и поплывутъ по землѣ.

Въ тотъ же моментъ рыбы выскочили и поплыли; поэтому въ память о прадѣдовскомъ поджариваніи ихъ дѣти сохранили одну сторону подгорѣлой.

Маленькій Пьеръ этимъ очень забавлялся.

Потомъ Марі прошла вдоль улочекъ, замкнутыхъ между стѣнами изъ желтой окаменѣлой глины, на которыхъ мушараби (рѣшетчатые балкончики) выставляли свои округленія. За рѣшетками обвитыя своими льняными покрывалами спали или пѣли дѣвочки, сидя на корточкахъ. Солнце подсушило нечистоты на убитой и пыльной землѣ, надъ которой летали мухи. Тутъ и тамъ открывалось нѣчто въ родѣ подваловъ, служившихъ мастерскими или лавками: здѣсь бакалейщикъ въ тюрбанѣ и синей поношенной одеждѣ сгребалъ жирными пальцами изъ деревянной чашки вѣсовъ свѣщенный пальмовый жиръ; тамъ—пирожникъ, забравшись на свою высокую кирпичную печь, выливалъ съ ложки жидкое тѣсто въ горшокъ съ кипящимъ масломъ; далѣе у брадобрея постоянные посѣтители болтали, сидя на корточкахъ или собравшись у стѣнъ нѣкоторыхъ мечетей. Изъ гаммама выходили турки, легкіе и въ хорошемъ настроеніи, потягивая изъ тонкихъ трубокъ табачный дымъ. Въ кофейнѣ, благоухающей паромъ, исходящимъ изъ крошечныхъ чашечекъ съ кофе, спали курильщики, растянувшись на циновкахъ и вкушая сладость кейфа или гашиша; предъ марабутами, раскрашенными зеленой краской съ золотомъ, муэдзины произносили молитвы; на публичной площади собрались осторожные и мудрые турки и слушали нѣсколькихъ сказочниковъ или кочующихъ поэтовъ.

Всѣ эти люди были спокойны, молчаливы или медленно поучительно бесѣдовали съ равнодушіемъ, которое Руссо отмѣтилъ словами:

«Въ то время, какъ бѣлокожіи порядочно поволнуется и побезпокоитъ свое тѣло, чтобы сказать много словъ, турокъ на минуту

вынетъ изъ своего рта трубку, скажетъ два слова вполголоса и выдавить изъ себя изреченіе».

Марі съ сыномъ вошли подъ навѣсъ со сводами—базаръ или чарчи, и Пьера завлекли разнообразныя лавочки, распредѣленные по разрядамъ, расположенныя и собранныя вмѣстѣ, какъ временныя досчатыя строенія для игръ и товаровъ на старинныхъ большихъ ярмаркахъ. Здѣсь были продавцы благовоющихъ товаровъ, вѣсившіе въ чашкахъ изъ оливковаго дерева росный ладанъ и шафранъ; портные, которые шили мѣстныя одежды, шапочники, дѣлавшіе фески; торговцы брилліантами, старые евреи, изъ опасенія неожиданностей, державшіе свои выставочныя товары—кольца, браслеты,—нанизанными и крѣпко зажатыми между пальцами. Это была безпорядочная путаница улличекъ и закрытыхъ галлерей, окаймленныхъ лавочками, возвышавшимися надъ самой землею и очень скудными. Ихъ стѣнки были заняты ящичками съ пряностями, гроздьями висѣвшихъ предметовъ, матеріями и оружіемъ. Покупатели въ цвѣтныхъ одеждахъ оставались предъ выставкой и оживленно торговались, дѣлая при этомъ выразительныя движенія пальцами, между тѣмъ какъ купцы при каждомъ уменьшеніи цѣны корчили рожи, издавая крики отчаянія, какъ будто ихъ хотятъ ограбить.

— О, мама, какая красивая сбруя!—воскликнулъ Пьеръ.

Они находились предъ чарчи футлярщика и выдѣлывателя сафьяна, и Пьеръ широко открылъ глаза предъ сѣдлами, вышитыми золотомъ, зеркалами, украшенными блестками, кошельками съ галунами, розетками, бантами, сверкавшими переносьями уздечекъ, черезсѣдельниками, шлеями и подуздками. Возлѣ было расположено арматурой оружіе изъ дамасской стали: кинжалы, широкія сабли,—пронзающія остриемъ латы и рукоятки которыхъ украшены жемчугомъ и драгоценными каменьями,—круглый щитъ въ оправѣ съ чернью, кованыя мѣдныя блюда, мушкетъ съ древнимъ ружейнымъ замкомъ, бердышъ, которымъ, можетъ быть, размахивали воины Чингисъ-хана, дамасскіе клинки, которыми Солиманъ разрубалъ на лету изголовья изъ перьевъ.

Залюбовавшись, Марі стала оцупывать шелковистую, расшитую золотомъ, ткань; въ это время изъ лавки вышелъ переводчикъ и пригласилъ ее выпить чашку мокка, чтобы съ большимъ удобствомъ рассмотреть образцы тканей. Марі знала, что отказаться отъ предложеннаго мусульманиномъ кофе значило нанести ему большое оскорбленіе; къ тому же Пьеру очень хотѣлось войти. Они попали туда чрезъ небольшой коридоръ: его стѣны были покрыты матеріями съ отливомъ, въ которыхъ синій, красный, зеленый и бѣлый цвѣта согласовались между собою въ замысловатыхъ рисункахъ, представляющихъ розы, греческіе узоры, ромбы, ворота Мекки или вереницу верблюдовъ. Связка мѣдныхъ подхватовъ ви-

сѣла среди безпорядочно набросанныхъ тонкихъ, прозрачныхъ газовъ, нѣжныхъ и блѣдныхъ оттѣнковъ, расположенныхъ возлѣ разнообразныхъ произведеній искусствъ: чеканныхъ блюдеъ накладного серебра, поясныхъ чернильницъ и кинжаловъ въ бархатныхъ ножнахъ съ серебряными обручами.

Въ концѣ коридора находилась маленькая круглая комната, стѣны которой были украшены рѣдкими художественными бездѣлушками. Нѣсколько низкихъ, мягкихъ табуретовъ, покрытыхъ восточными матеріями, окружали низкій столъ наборной работы съ перламутровыми прокладками и съ ножками, вырѣзанными въ видѣ дверей мечети. Въ комнатѣ находилась одѣтая по-турецки дама; ее сопровождала маленькая дѣвочка, въ которой по ея милостивости и прекраснымъ глазамъ читатель узналъ бы черкешенку. Это была маленькая Аиссэ, которую г-жа Фабръ повела въ это утро на базаръ, чтобы купить для нея нѣсколько красивыхъ браслетовъ и обручей на лодыжки ногъ.

Услышавъ разговоръ переводчика, маленькая Аиссэ, съ беззаботной искренностью своихъ лѣтъ, подошла къ Пьеру и сказала ему:

— Такъ ты говоришь по-французски? Ты изъ Парижа, маленькій иностранецъ?

Маріи вздрогнула. Кто былъ предъ нею, она знала не больше, чѣмъ г-жа Фабръ подозрѣвала, кто была эта иностранка, и если бы которая нибудь изъ нихъ узнала истину, то подивилась бы необыкновенной игрѣ случая, которому было угодно соединить въ этомъ неизвѣстномъ уголкѣ одного изъ константинопольскихъ базаровъ разведенную жену марсельскаго купца, его теперешнюю любовницу и сына.

Съ врожденной способностью женщинъ къ осторожности, Маріи увидѣла опасность въ разоблаченіи своей личности. Эта турчанка, повидимому, принадлежала къ высшему обществу, и надо было, чтобы она не рассказывала о своей встрѣчѣ съ только что пріѣхавшей парижанкой, такъ какъ Фабръ долженъ хранить въ самой строгой тайнѣ свое имя, пока покровительство персидскаго шаха не защититъ его. Неожиданный, внезапный вопросъ маленькой дѣвочки, сдѣланный ею при ихъ появленіи, заставилъ Марію вздрогнуть, и, предвидя, какъ новая Іозавета, отвѣтъ Пьера, она подозвала его къ себѣ. Маленькая Аиссэ подумала, что мальчикъ испугался ея, и стала его ласково успокаивать, говоря:

— Ты принимаешь меня за маленькую мусульманскую язычницу? Ты думаешь, что я назову тебя собакой-христианиномъ? Успокойся, я — также католичка, несмотря на мой красивый нарядъ черкешенки.

Г-жа Фабръ улыбнулась на эту нескромную болтовню; она поднялась, чтобы взять маленькую Аиссэ за руку, и сказала Маріи:

— Извините, сударыня, малютку, это — юная дикарка, которая не могла воздержаться от радости при видѣ маленькаго француза.

И, обернувшись къ дѣвочкѣ, вытаращившей отъ изумленія глаза, она сказала съ нѣжной строгостью:

— Не очень-то прилично молодой дѣвушкѣ такъ разспрашивать молодыхъ людей.

Увидя, что Аиссэ колеблется, не расплакаться ли ей, она привлекла ее къ себѣ и обняла съ ласковыми словами.

Марі Пёті, не желавшая ни съ кѣмъ разговаривать и замкнувшаяся въ своемъ безмолвіи, оказалась принужденной вступить въ разговоръ:

— Какъ я сожалѣю, сударыня, что служу невольной причиной этого маленькаго огорченія; барышня такая хорошенькая и очаровательная, что беретъ жалость видѣть ея слезы. Если бы мой сынъ не былъ такъ застѣнчивъ, то сейчасъ бы отвѣтилъ вашей дочери, что мы живемъ не въ Парижѣ, и мой мужъ инженеръ въ Салоникскомъ портѣ. Мы пріѣхали сюда по дѣлу и уѣзжаемъ чрезъ нѣсколько дней, такъ какъ всегда окажется необходимость сдѣлать тѣ или другія покупки.

— Сударыня, вы слишкомъ добры, сообщивъ мнѣ подробности, о которыхъ я никогда не имѣла бы нескромности разспрашивать у васъ. Эта дѣвочка, которая мнѣ не дочь, совершила ребяческую шалость, за которую вы насъ извините, но, тѣмъ не менѣе, я счастлива, что могу перекинуться нѣсколькими французскими словами съ столь любезной соотечественницей; подобныя встрѣчи заставляютъ сожалѣть о нашей родинѣ, гдѣ онѣ чаще, чѣмъ здѣсь. Полно, пойдемъ, Аиссэ.

Она мило пожелала путешественницѣ счастливаго возвращенія, взяла изъ рукъ купца приготовленный имъ свертокъ и вышла съ дѣвочкой.

Марі принялась рыться въ мягкихъ складкахъ восточныхъ матерій, попросила показать себѣ оружіе, драгоценности, витой шнурокъ прозрачной работы съ вставленными въ него изумрудами и топазами, и, заставляя сообщать ей цѣну и происхождение вещей, разспросила продавца, кто была дама, съ которой она только что разговаривала. На это купецъ отвѣтилъ:

— Это султани-валидѣ французскаго посланника.

Марі подскочила.

— Какъ? ты увѣренъ? — спросила она купца. — Это — любовница Ферриоля, г-жа Фабръ?

— Да, клянусь Аллахомъ? Твоя милость ее знаетъ?

Любовница Жана Фабра звонко засмѣялась прямо въ лицо изумленнаго купца и сказала:

— Великъ Аллахъ! Я беру твои матеріи, купецъ; ты никогда не узнаешь, насколько твоя лавка заслуживаетъ названія «невозможныхъ встрѣчъ».

Читатель часто наблюдалъ, насколько жизнь менѣе логична въ своихъ фантазіяхъ и встрѣчахъ, чѣмъ воображеніе романиста. Если бы эта исторія была романомъ, то не преминула бы дать роль г-жѣ Фабръ, по которой она пустилась бы въ погоню за своимъ мужемъ, или ею овладѣла бы ревность къ Маріи и желаніе разрушить или помочь заговору Ферріоля, согласно расположенію духа, какой ей хотѣли бы придать. Но авторъ не допускаетъ здѣсь этой вольности, такъ какъ хочетъ отнестись съ почтеніемъ къ этой исторіи, истинной во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Онъ вынужденъ сознаться, что г-жа Фабръ болѣе не появится и не будетъ играть никакой роли въ жизни своего мужа. Кажется, что лукавый случай захотѣлъ только предоставить себѣ пикантное удовольствіе, заставивъ встрѣтиться съ безнаказанностью инкогнито этихъ двухъ женщинъ, которыя отнеслись другъ къ другу радушно и съ улыбкой, потому что онѣ не знали, кто—онѣ; если бы имъ это было извѣстно, то онѣ разорвали бы другъ друга.

VIII.

Между тѣмъ Жанъ Фабръ, закутавшись въ темный плащъ, рано утромъ отправился въ персидское посольство. Канцелярія еще не была открыта. Опасаясь, что его слишкомъ замѣтятъ, если онъ останется ожидать на дворѣ или на улицѣ, онъ вошелъ къ сосѣднему брадобрею. Лавочка послѣдняго была маленькая, прикрытая циновкой. На стѣнахъ висѣли мѣдные чашки и кувшины; возлѣ брадобрея стоялъ мальчикъ и поддерживалъ подъ подбородкомъ посѣтителя чашку отъ кувшина. Въ углу, на кирпичномъ очагѣ кипѣлъ котелъ съ кипяткомъ. То тому, то другому изъ посѣтелей мальчикъ подносилъ крошечныя чашки съ кофе, который онъ наливалъ изъ маленькаго мѣднаго кофейника съ длинной ручкой. Толстый турокъ, сидѣвшій на корточкахъ и какъ бы обрушившійся на свои пятки, читалъ вслухъ, сквозь очки, тремъ или четверемъ слушателямъ маленькую книжку, очень ветхую, въ которой рассказывалось о любовныхъ сказкахъ.

Фабръ молча выпилъ чашку кофе и возвратился въ посольство. Перваго секретаря еще не было; онъ ожидалъ его въ гостиной, сосѣдней съ кабинетомъ. На этотъ разъ онъ чувствовалъ себя въ безопасности. Онъ ожидалъ около часа, когда прислуживавшій янычаръ провелъ его въ кабинетъ секретаріата. Послѣ обычныхъ привѣтствій Фабръ наполовину объяснилъ, въ чемъ дѣло; онъ удовольствовался намекомъ на то, какъ важно для него добиться безотлагательно сегодня же утромъ аудіенціи у его превосходительства, г. посланника. При видѣ вѣрительной грамоты и печати Людовика XIV, секретарь разсыпался въ увѣреніяхъ и учтивостяхъ. Фабръ подписалъ свое требованіе аудіенціи, и секре-

тарь отнесъ его тотчасъ же въ собственныя комнаты посланника, который еще не выходилъ. Секретарь возвратился съ тѣмъ, чтобы провести къ посланнику Фабра. Онъ обратился къ нему со словами:

— Его превосходительство, г. посланникъ высокаго и могущественнѣйшаго персидскаго шаха, имѣетъ честь ожидать въ своемъ кабинетѣ ваше превосходительство, г. посланника высокаго и могущественнѣйшаго французскаго короля.

Персидскій посланникъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, круглый и благодушный, розовый и свѣжій. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на этого французскаго посланника, явившагося въ дорожной одеждѣ, безъ свиты и безъ эскорта, а потому первымъ его движеніемъ было недовѣріе. Фабръ тотчасъ же показалъ ему бумагу и приступилъ къ объясненію своего положенія.

По его словамъ, посланникъ короля Людовика XIV къ его величеству персидскому шаху, по причинамъ частнаго характера, подвергается преслѣдованію представителя Франціи при дворѣ Блестящей Порты, г. Ферріоля. Фабръ слегка коснулся ихъ взаимной вражды и представилъ дѣло скорѣе подъ видомъ политическаго соперничества. Ему было извѣстно, какъ Ферріоль хотѣлъ, чтобы король поручилъ ему вести переговоры, а онъ довѣрилъ бы одному изъ своихъ приближенныхъ лицъ.

— Ваше превосходительство знаете,—продолжалъ онъ:—вспыльчивый и жестокій характеръ этого человѣка; его надо опасаться.

— Это вѣрно; не такъ давно онъ оказалъ неуваженіе султану, не снявъ предъ нимъ своей шпаги.

— Лицомъ къ лицу я не боюсь его, но онъ прибѣгнетъ къ хитростямъ и уверткамъ.

— Есть такая персидская пословица,—сказалъ персидскій посланникъ:—«если ты знаешь, что у тебя есть врагъ, бойся своего повара».

— Онъ попробуетъ все средства, и мнѣ надо себя охранить. Но здѣсь, вдали отъ Франціи, находясь въ невозможности послать ко двору мои жалобы и обвиненія, я могу исчезнуть съ лица земли, и это едва замѣтятъ. Г. Ферріоль тотчасъ же дастъ мнѣ преемника, и узнаетъ ли когда нибудь король, что посланникъ, принятый его величествомъ персидскимъ шахомъ, не тотъ, которому онъ поручилъ эту миссію? Въ такомъ случаѣ онъ долженъ получить извѣстіе о моей смерти отъ Ферріоля, а если виновникъ въ ней послѣдній, то, безъ сомнѣнія, онъ пренебрежетъ этими мелочами.

— Позвольте мнѣ сказать вашему превосходительству, что вы находитесь въ очень непріятномъ положеніи, которое я охотно сравнилъ бы съ положеніемъ лошади подъ клыками тигра.

Жанъ Фабръ улыбнулся на этотъ образный стиль.

— Лошадь можетъ лягнуть. У меня есть одно средство найти защиту.

— Признаюсь, что я его не вижу и не подозреваю.

— Я не могу рассчитывать на покровительство Франціи, такъ какъ меня преслѣдуетъ ея здѣшній представитель. Онъ слишкомъ вліятеленъ при дворѣ Блестящей Порты, чтобы я обратился къ ней. Султану нѣтъ никакого смысла и не имѣется причины прійти мнѣ на помощь, и онъ охотно предоставитъ Ферріолю мою голову, чтобы сдѣлать ему удовольствіе. Между тѣмъ, мнѣ надо проѣхать половину Оттоманской имперіи, прежде чѣмъ достигъ персидской границы, а у меня одно лишь средство обезпечить мою безопасность—это отдать себя подъ благосклонную защиту власти его могущественнѣйшаго величества персидскаго шаха. Посланный къ нему великимъ французскимъ государемъ, я считаю себя въ чужеземной странѣ однимъ изъ его подданныхъ и прибѣгаю къ вашему превосходительству, чтобы добиться эскорта и охраннаго листа. Я могу проѣхать весь свѣтъ, защищенный этимъ двойнымъ панциремъ. Никто не посмѣетъ дотронуться до посланника французскаго государя, кромѣ Ферріоля, но я остановлю его руку, такъ какъ онъ не посмѣетъ оскорблять челоуѣка, находящагося подъ покровительствомъ вашего монарха, потому что это значило бы нанести оскорбленіе вашему государю и повредить превосходнымъ отношеніямъ, соединяющимъ Персію и Францію. Ферріоль будетъ принужденъ вспомнить, что онъ покорный слуга и повѣренный своего короля.

— Клянусь правой рукой Али, что это—очень умно обдуманное сужденіе. Поистинѣ Персія и Франція должны взаимно поздравить себя съ хорошими отношеніями, и нельзя полагать, чтобы посланникъ когда нибудь вмѣшался, съ цѣлью повредить этимъ дружественнымъ отношеніямъ, вопреки распоряженіямъ короля. Ваше превосходительство изъ страны великихъ дипломатовъ.

Посланный прибавилъ, кланяясь, что немедленно подпишетъ бумагу, обезпечивающую Фабру покровительство султана. Онъ извинился, что не располагаетъ многочисленными слугами и не можетъ дать ему болѣе шести охранителей, очень смѣлыхъ, только что пріѣхавшихъ съ послѣдней почтой изъ Персіи, и это будетъ полезнымъ случаемъ возвратитъ ихъ на родину. Разговаривая, онъ заполнилъ пергаментъ персидскими буквами и подписалъ его.

— Вотъ вамъ пропускной листъ, на немъ недостаетъ только печати его величества, чтобы его сдѣлать дѣйствительнымъ и годнымъ; это дѣло одной минуты.

— Я долженъ вамъ признаться, что буду лишь тогда спокоенъ, когда онъ будетъ въ порядкѣ.

— Я не вижу, откуда здѣсь можетъ явиться для васъ непріятность; но осторожность—мать безопасности, и я сейчасъ велю приложить восковую печать.

Онъ ударилъ въ гонгъ. Появился секретарь.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1905 г., т. с.

— Немедленно наложите печать на эту бумагу,—приказалъ ему посланникъ.

Только что секретарь исчезъ чрезъ маленькую дверь, какъ внезапно открылась большая входная дверь, и янычары, находившіеся въ прихожей, сдѣлали на караулъ, а цензмоніймейстеръ громко доложилъ: «посланникъ его величества французскаго короля».

Фабръ бросился къ своему плащу и шпагѣ.

— Ферріоль здѣсь!—сказалъ онъ живо.—Это чортъ его сюда послать. Онъ пришелъ слишкомъ рано.

— Успокойтесь, я велю сказать, чтобы поторопились съ бумагой.

Въ этотъ моментъ въ концѣ галлерей показался Ферріоль, высокобровный и съ приподнятыми усами. Когда онъ замѣтилъ Жана Фабра, въ его взглядѣ блеснула молнія злорадства; онъ замедлилъ шаги, какъ человекъ увѣренный, что захватилъ добычу, и ему болѣе нечего торопиться, и что онъ хочетъ насладиться своимъ пиромъ. Сначала онъ обратился къ персидскому посланнику со словами:

— Ваше превосходительство проститъ небезупречность моего визита, но у меня есть дѣло крайне важное.

И, указывая на Фабра, онъ продолжалъ:

— Этотъ господинъ—искатель приключеній, который путешествуетъ съ любовницей, переодѣтой по-мужски; онъ ложно выдаетъ себя за посланника его величества христіанскаго короля Франціи; это—извѣстный мнѣ заурядный марсельскій купецъ. Я очень сожалѣю, что принужденъ исполнить мой долгъ здѣсь, у васъ, но мнѣ приказываютъ это высшія выгоды короля. Жанъ Фабръ, именемъ короля, я васъ арестую.

Восточныя націи въ ту эпоху уступали во всемъ западнымъ государствамъ, особенно Франціи и Англіи, которыя держали себя по отношенію къ первымъ—хозяевами, поэтому бѣдный персидскій посланникъ былъ пристыженъ и смотрѣлъ съ тревогой на дверь, чрезъ которую первый секретарь долженъ былъ принести пропускной листъ. Что касается до Фабра, то съ перваго же слова онъ вздрогнулъ отъ оскорбленія и обнажилъ шпагу, готовый нанести ею пощечину плашмя. Его скрытый гнѣвъ прорвался наружу.

— Презрѣнный, соблазнитель женщинъ, поставщикъ преступленій, вы явились слишкомъ поздно. Здѣсь я подъ покровительствомъ его величества персидскаго шаха, который потребуетъ отчетъ у нашего короля за ваше обращеніе со мною. Вы ничего болѣе не можете сдѣлать!

Ферріоль улыбнулся съ жестокимъ состраданіемъ.

— Вы тщетно взываете къ августѣйшему покровительству, которое пришли искать сюда. Я угадалъ ваши планы и знаю, что пришелъ во время, прежде чѣмъ какая бы то ни было официаль-

ная грамота была вамъ отдана. Если у васъ есть королевская охранительная грамота, которую вы требовали, то покажите ес мнѣ. Если нѣтъ—то слишкомъ поздно, и персидскій шахъ не можетъ ни помочь узнику французскаго короля, ни освободить его.

Персидскій посланикъ не зналъ, что говорить, и ему казалось, что Ферриоль не превышаетъ своихъ правъ. Однако онъ попробовалъ застѣнчиво вмѣшаться, говоря:

— Но, сударь, мое слово...

— Слова ничего не значать,—грубо возразилъ ему Ферриоль:— и я преклоняюсь лишь предъ форменнымъ приказомъ государя, подписаннымъ и съ приложенной печатью. Вы прекрасно видите, что этотъ человекъ—въ моемъ распоряженіи.

Въ эту минуту маленькая дверь отворилась, и появился секретарь съ приказомъ, который былъ уже совсѣмъ въ порядкѣ. Фабръ сдѣлалъ прыжокъ, вырвалъ грамоту изъ рукъ изумленного секретаря и гордо возвратился къ Ферриолю, смѣривъ его съ головы до ногъ и сказавъ:

— Я васъ презираю, сударь, эта грамота была готова, и къ ней приложена печать за минуту до вашего требованія показать вамъ бумагу. Я—внѣ вашихъ ударовъ, и мы—равны. Вы знаете, что я васъ на смерть ненавижу за прошедшее зло, которое вы мнѣ причинили, и за вредъ, нанесенный моей чести. Повидимому, теперь я помѣшалъ вашему честолюбивому плану, и я очень радъ: это начало моего отмщенія.

И, размахивая своей шпагой, которой не выпускалъ изъ рукъ, онъ прибавилъ:

— Если бы въ вашей мерзкой личности я не дорожилъ уваженіемъ къ моему королю, и если бы ваше официальное званіе не охраняло вашего существованія противъ моихъ ударовъ, то я пригвоздилъ бы васъ на этомъ мѣстѣ, сударь,—это такъ же вѣрно, какъ то, что я васъ не ожидалъ здѣсь встрѣтить.

Отъ бѣшенства у Ферриоля выступила пѣна у рта; онъ также обнажилъ свою шпагу. Оба противника вызывающе посмотрѣли другъ на друга; ихъ взгляды, острые и блестящіе, какъ клинки шпаги, скрестились.

Они жаждали прибѣгнуть къ оружію, и персидскому посланику пришлось вмѣшаться всѣмъ своимъ авторитетомъ, чтобы призвать ихъ къ спокойствію и напомнить имъ о собственномъ достоинствѣ.

Жанъ Фабръ удалился, извинившись предъ его превосходительствомъ персидскимъ посланикомъ и выразивъ ему свою благодарность. Проходя предъ Ферриолемъ и надѣвая съ размашистымъ жестомъ свою треуголку, онъ гордо сказалъ:

— Къ вашимъ услугамъ, сударь.

На это Ферриоль ему отвѣтилъ:

— Мы встрѣтимся еще, и будьте увѣрены, что я васъ разыщу.

IX.

Въ пяти миляхъ отъ селенія Эчміадзина, вблизи турецкой и персидской границъ, у источниковъ Аракса и Евфрата, въ непроходимыхъ лѣсахъ Гордіевыхъ горъ — страна дика, пустынна, изрыта дождевыми потоками, скалиста и представляетъ поразительно величественную и страшную красоту. Съ запада на востокъ чрезъ эти запутанныя лѣсныя чащи только одна дорога — надо слѣдовать по крутымъ берегамъ Аракса, заключеннаго между двумя высокими стѣнами горъ, засаженныхъ соснами и кедрами. По ту сторону горныхъ гребней и макушекъ деревьевъ, растущихъ на горныхъ склонахъ, преобладаетъ равнина съ разстилающимся на ней озеромъ Ваномъ, у подножія легендарной горы Араратъ, въ туманѣ которой, предъ глазами охваченнаго воспоминаніями путешественника, какъ будто еще плаваетъ громадное очертаніе Ноева ковчега, и представляется бородатый образъ стараго Гаюга, сына Ооргома и внука Ноя.

Узкій проходъ горы Арарата—самый опасный. Араксъ кипитъ на днѣ оврага, въ который какъ бы падаютъ сосѣдніе склоны, почти отвѣсно. Тамъ царствуетъ полусвѣтъ, проникающій сквозь лѣсъ горныхъ вершинъ; иногда случается среди бѣлаго дня видѣть оттуда звѣзды,—такъ глубоко лежитъ долина. Дубы, сосны и кедры покрываютъ и унижаютъ своими старыми стволами обрывистые склоны горъ; совсѣмъ наверху солнце воспламеняетъ и заставляетъ блестѣть вѣчные ледники и снѣга.

Здѣсь дороги нѣтъ. Приходится пробираться по скалистымъ неровностямъ вдоль склона и пользоваться выравненными впадинами откосовъ, что заставляетъ дѣлать изгибы и удлиняетъ путь. Иногда путь по этой незамѣтной тропинкѣ преграждается стволами деревьевъ и вѣтвями плюща, которые приходится срубить. Время отъ времени гнилыя вѣтки дряхлыхъ деревьевъ ломаются, катятся потокомъ, увлекая за собою оторвавшіеся листья и вырванные кусты. Подъ кучей омертвѣлыхъ листьевъ слышится воровской побѣгъ бѣлокъ и мѣдяницъ, прикасающихся при этомъ къ упавшимъ сучкамъ.

Нѣсколько шаговъ пониже Араксъ катитъ свои бурныя волны, разсѣкаемыя громадными камнями его ложа, которые показываются изъ воды продыравливая его поверхность своими острокопечными верхушками, покрытыми блестящею водяной пылью и гладкимъ влажнымъ мхомъ. Теченіе ускоряется и усиливается, призываемое близкимъ паденіемъ. Внезапно ложе рѣки сильно понижается; воды стремятся водопадомъ, и на сто футовъ ниже снова принимаютъ свое прежнее теченіе. Это—не обычное паденіе рѣки, которая, встрѣтивъ пустое пространство, бросается всей массой, образуя выпуклую водяную площадь, чтобы низринуться въ нижній водоемъ среди облаковъ брызгъ, водяной пыли и капель,

искрящихся на солнцѣ, какъ драгоцѣнные каменья при исполинскомъ жонглированіи. Здѣсь водяная площадь не покидаетъ своей почвы: оба различныя устья рѣки соединяются посредствомъ длинной утесистой покатости, которая несетъ до конца тяжесть всей этой жидкой массы. Рѣка не покидаетъ своего ложа; оно только склоняется и спускается со своей тяжелой ношей до низины холмика. Волны скользятъ съ безумной быстротой вдоль этой наклонной плоскости и внизу снова принимаютъ прямое теченіе съ водоворотами и внезапными подскоками, которые ускоряютъ напоръ пріобрѣтенной быстроты. Мѣстами на покатостяхъ имъ мѣшаютъ препятствія въ видѣ обрушившихся большихъ кусковъ скаль и вѣтромъ сброшенныхъ деревьевъ въ своей оболочкѣ, почернѣвшей и блестящей, какъ шкурка толстой змѣи; ихъ вѣтви, расположившись между двумя скалами въ родѣ распорокъ, поддаются и сгибаются въ своемъ центрѣ подъ толчками водопада. Одна сосна выросла вкось, въ углѣ паденія воды, и ея жесткая листва выходитъ изъ пѣнищихся волнъ, какъ желѣзная раскрашенная пирамида. Вода реветъ и струится, спотыкается и опять поднимается, разсыпается бѣлой пѣной, течетъ ровной, плоской лентой, свѣтящейся, какъ серебряный позументъ между двумя острыми скалами, или округленнымъ валикомъ поднимается вокругъ подводнаго камня, какъ края расщелины.

Тропинка идетъ вдоль берега по верхнему плоскогорію потока; затѣмъ она склоняется въ сторону паденія воды, идетъ по отлогости вдоль горы, чтобы чрезъ мило соединиться съ нижнимъ уровнемъ рѣки; послѣдняя окружаетъ лѣсную чашу, и здѣсь приходится переходить въ бродъ. На другомъ берегу маленькая дорожка поднимается по противоположному склону горы и ведетъ въ долину, въ концѣ которой возвышаются бѣлые купола небольшого мѣстечка Эчміадзина, гдѣ скрываются армянскія красавицы съ миндалевидными глазами подъ слущенными на лицо покрывалами.

Въ самомъ горномъ проходѣ Арарата, на кособорѣ, возвышавшемся надъ потокомъ, дюжина солдатъ расположилась бивуакомъ, скрытымъ позади сосенъ. Огонь пылалъ между камнями, уложенными въ родѣ очага; кучи опавшихъ листьевъ служили ложемъ для солдатъ. Въ палаткѣ укрылся ихъ начальникъ. Этотъ начальникъ былъ не кто иной, какъ Мишель, наперсникъ графа Ферріоля.

Хотя Фабру удалось ускользнуть отъ его ненависти во время своего пребыванія въ Константинополь, но Ферріоль не отказался отъ своихъ притязаній, желанія отмстить и отъ честолюбивыхъ стремленій. Во что бы то ни стало, ему пужно было добиться посылства въ Персію, а когда сильный человекъ заберетъ себѣ въ голову мысль, то ее не легко искоренить: чѣмъ крѣпче дерево, тѣмъ тверже вонзается клинъ.

Едва онъ узналъ, какую дорогу избралъ Фабръ, подъ охраной персидскихъ солдатъ, то послалъ Мишеля устроить ловушку, благодаря которой его врагъ долженъ былъ погибнуть, а онъ овладѣть вѣрительными грамотами со всѣми бумагами, необходимыми для доступа къ персидскому шаху. Мишель получилъ приказъ придумать для мѣстныхъ жителей какой нибудь несчастный случай, въ которомъ погибъ бы Фабръ по дорогѣ, гдѣ ему предстояло проѣхать, и чтобы самъ Мишель былъ признанъ всѣми и привѣтствованъ, какъ его преемникъ. Преступленіе должно совершиться въ какой нибудь дикой, пустынной мѣстности, гдѣ бы не могло имѣться никакого доказательства насилія. Всѣ мелкія подробности и подготовленія къ исполненію плана Ферриоль предоставилъ почину своего довѣреннаго. Главная важность состояла въ самой дѣли: представиться ко двору персидскаго шаха не Фабру, а Мишелю.

Прежде всего послѣдній выждалъ отъѣзда своей жертвы, чтобы знать его маршрутъ. Были два пути: моремъ,—заходя въ Синопъ и высадившись въ Трапезонтѣ,—и сушею. Въ обоихъ случаяхъ въ Персію приходилось вѣзжать чрезъ долину Аракса и чрезъ Араратскій проходъ.

Фабръ избралъ сухопутье, какъ болѣе безопасное. Хотя моремъ путь былъ ближе, но, отправляясь на неудовлетворительномъ маленькомъ суднѣ, ничѣмъ не защищенномъ, приходилось опасаться нападенія въ открытомъ морѣ; затѣмъ отъ Трапезонта въ Эривань предвидѣлось болѣе опасныхъ переходовъ, представлявшихъ утесистые трудные проходы чрезъ Мошикскія горы, между стѣнами дикихъ дубовъ, окружавшихъ долину Куры, прежде чѣмъ достигъ Гордіевыхъ горъ у источника Евфрата, т. е. у самыхъ границъ Персіи,—почти дружественной страны.

Какъ только Мишель былъ извѣщенъ, то поспѣшилъ пуститься въ путь моремъ, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія къ нападенію. Отъ Трапезонта послѣ перехода Мошикскихъ горъ онъ долженъ былъ, по его расчету, достигъ Араратскаго прохода за три или четыре дня до прибытія каравана Фабра.

Кромѣ того, онъ принялъ мѣры, чтобы заpastись преданнымъ ему человѣкомъ въ лагерѣ непріятеля. Онъ поручилъ эту роль распутному Сюферу, тому, на котораго, если читатели помнятъ, Мишель обратилъ вниманіе своего начальника, какъ на человѣка, способнаго на всѣ безчестныя дѣла, въ тотъ день, когда совершилось между ними соглашеніе.

Сюферу поручили овладѣть довѣріемъ Фабра, втереться къ нему и устроиться около его личности, чтобы слѣдить за нимъ, подстергать его, похитить у него нужныя бумаги, нанести ему ударъ, если представится случай, и во всякомъ случаѣ явиться на назначенное мѣсто свиданія въ Араратскомъ проходѣ, чтобы извѣстить своего начальника.

Такія порученія не легко было осуществить. Жанъ Фабръ былъ слишкомъ остороженъ и догадливъ, чтобы попасться, и не было никакой вѣроятности, чтобы онъ легко привязался къ незнакомцу, который показался бы ему подозрительнымъ. Мечтать же проникнуть къ нему и завязать съ нимъ знакомство въ Константинополѣ или его окрестностяхъ было бы грубой непредусмотрительностью, такъ какъ Фабръ особенно здѣсь остерегался. Сюферъ издали слѣдовалъ за маленькимъ караваномъ, къ которому онъ присоединился по ту сторону Скутари, переодѣвшись странствующимъ поэтомъ-пѣвцомъ, съ гуслями чрезъ плечо. Онъ ѣхалъ одинъ, верхомъ, въ сапогахъ и закутавшись.

Это было зимою. Сильно снѣжило и заметало слѣды. Несчастія случались часто: то проваливались въ снѣгъ повозки, то лошади вязли въ невидимыхъ преградахъ; холодъ быть рѣзкій, покалывающій, а вѣтеръ — леденящій. Сильно спѣша, караванъ достигнулъ привала и отдохнулъ въ деревянныхъ хижинахъ, подъ кровомъ которыхъ былъ разведенъ огонь.

Прибывъ въ Исмидскій караванъ-сарай, закутанныя въ мѣха Марі и Лизонъ съ маленькимъ Пьеромъ вышли изъ саночекъ, запряженныхъ оленями, и побѣжали грѣть свои иззябнувшіе пальцы.

Сюферъ находился тамъ, и Марі сказала Жану:

— Что это за человекъ слѣдуетъ за нами?

— Бродячій пѣвецъ,—отвѣтилъ Жакъ.

— Можетъ быть, это соглядатай?

— Не похоже, но мы будемъ насторожѣ.

Послѣ завтрака въ залъ, украшенный фаянсовыми плитами, подвѣлся цѣвецъ. Тамъ собрались кочующіе торговцы, вожатые верблюдовъ и разный празднующійся людъ. Пѣвецъ бросилъ предъ собою молитвенный коврикъ и запѣлъ греческія пѣсни, подыгрывая себѣ на гусляхъ, въ мѣдной оправѣ. Слушатели его поощряли. Тогда послѣдовали арабскіе стансы, печальныя исторіи несчастныхъ браковъ, а также персидская поэзія, такъ какъ мѣстные посѣтители были смѣшанныхъ народностей.

Онъ рассказывалъ, какъ царь Бехрамъ-Горъ былъ у ногъ своей возлюбленной, красавицы Диль-Арамъ. Онъ пѣлъ ей о своей любви, а она отвѣчала ему пѣсней о собственной любви къ нему. Такъ какъ оба сердца были согласно, то и слова были таковы же, и тонъ ихъ совпадалъ, какъ отголосокъ.

Онъ говорилъ о чарахъ природы и красоты словами поэта Рудаги.

«Благоуханіе Моліанскихъ волнъ поднимается къ намъ.

«Пески Амона и его камешки скользятъ подъ ногами, словно шелкъ.

«Годы Джихуна и ихъ клокотаніе поднимается съ его свѣжестью до пояса царя».

Онъ еще рассказывалъ произведенія поэта Абу-Исхака, такъ называемаго Кизая, о «Человѣкѣ въ плащѣ» и «Граціи розъ», и ничего не могло быть слаще, какъ слышать слова:

«Роза — сокровище, сошедшее съ неба; человѣкъ среди розъ становится благороднѣе.

«Торговецъ розами, зачѣмъ продаешь ты розы за деньги?

«Что можешь ты купить на деньги твоихъ розъ, пусть онѣ даже дороже твоихъ розъ?»

Еще никогда въ поэзіи не попадалось болѣе божественнаго и восхитительнаго выраженія для воспѣванія розъ, а между тѣмъ поэтъ-пѣвецъ прочелъ другіе стихи, которые показались чудными даже послѣ первыхъ.

Въ то время, какъ онъ пѣлъ, Мари чувствовала себя захваченной этой волнующей прелестью, этимъ опьяняющимъ любовнымъ напиткомъ восточной поэзіи. Она наклонилась къ Жану и сказала ему:

— Мы очень подозрительны,—это истинный поэтъ.

— Притомъ мы уже далеко отъ Константинополя, и, безъ сомнѣнія, этотъ человѣкъ никогда тамъ не бывалъ,—отвѣтилъ Жанъ.

— Спроси его объ этомъ.

Фабръ подозвалъ пѣвца, который подбѣжалъ, съ виду заискивающій, боязливый и алчный.

— Изъ какой ты страны, что знаешь всѣ языки?—спросилъ онъ пѣвца.

— Я — родомъ изъ Нухи, съ Кавказа, по ту сторону, покрытыхъ цвѣтущими златоцвѣтниками береговъ озера Гокча; я возвращаюсь въ мою страну повидать старыхъ родителей, которыхъ я покинулъ десять лѣтъ тому назадъ, отправясь странствовать по свѣту. Я посѣтилъ большіе города Азіи, все время распѣвалъ, влача мою крылатую фантазію чрезъ великолѣпіе городовъ и природы; я нажилъ кое-какія средства и возвращаюсь на время въ свою колыбель. Поэтъ—луна, Нуха—небо; луна подымается на своемъ небѣ; поэтъ—кипарисъ, Нуха—садъ; кипарисъ возвращается въ свой садъ.

Пришлось такъ, что поэту предстояло совершать тотъ же переходъ, какъ и каравану Фабра. Сюферъ добился довѣрія своей сдержанностью; онъ скакалъ на конѣ отъ привала до привала, не ища случая возобновлять разговора, не останавливаясь и не вмѣшиваясь къ нимъ въ караванъ; то онъ опережалъ ихъ, то отставалъ. На привалахъ онъ пѣлъ и рассказывалъ. Вскорѣ онъ совершенно усыпилъ недоувѣріе къ себѣ.

Первымъ зачинщикомъ сближенія явился докторъ. Теперь онъ былъ въ самой нѣжной близости съ Лизонъ, оцѣнившей его веселый добрый нравъ и его здоровую свѣжесть. Въ то время, какъ она путешествовала вмѣстѣ съ маленькимъ Пьеромъ въ чемъ-то

въ родѣ паланкина, докторъ сдѣлался ея услужливымъ кавалеромъ. Въ своихъ широкихъ очкахъ, прикрывавшихъ его багровое лицо, и закутавшись въ бурнусъ, онъ ѣхалъ на низенькомъ волѣ возлѣ носилокъ, расточая предъ Лизонъ прелести своего ума. Во время привала для предоставленія своей Дульцинеѣ полного отдыха, онъ бралъ съ собою прогуливаться маленькаго Пьера и посвящалъ его въ тайны красотъ растительнаго и животнаго царства. То онъ отыскивалъ подъ камнемъ скорпіона и заставлялъ его выходить оттуда, а затѣмъ разсѣкалъ по частямъ; то онъ слѣдовалъ по песчанымъ слѣдамъ шакала или гіены; то искалъ на собранныхъ камняхъ тонкихъ жилокъ олова или сѣры.

Докторъ былъ счастливъ, оказывая мелкія услуги своей возлюбленной, и почувствовалъ привязанность къ ребенку, ввѣренному надзору его дамы сердца, какъ бы по закону истинной любви, не ограничивающейся любимой особой, а распространяющейся и на всѣ привязанности предмета любви.

Весна возвратилась. Въ концѣ жаркаго полдня караванъ Фабра медленно брелъ среди терновника. Лѣсная чаща изъ алоэ унизывала долину до отдаленныхъ горъ, и рощицы кактусовъ съ ихъ круглыми головами издали казались взводомъ негровъ, внезапно пришедшихъ въ движеніе во время марша. У подножія горъ скатились потоки камней, испещренныхъ металлическими блестками всѣхъ отгѣнковъ — отъ кирпично-краснаго до ярко-охроваго. Мѣстами росли деревья фисташковыя и чернильнаго орѣшка, пучки травы въ родѣ желтоватаго сухого сѣна пестрили песокъ. Воздухъ былъ удушливый, насыщенный странными, раздражающими испареніями, къ которымъ еще примѣшивалось при дуновеніи горнаго вѣтерка смертельное дыханіе растущихъ у потока деревьевъ: керцера, отравляющаго воду, въ которую онъ опуститъ свои вѣтви, и гуль-садъ-самуна, циѣтка, отравляющаго воздухъ.

Караванъ совершалъ живописный переходъ на этомъ озаренномъ солнцемъ фонѣ. Жанъ и Мари, переодѣтая по-мужски, ѣхали верхомъ на коняхъ въ красивой красной кожаной сбруѣ, расшитой золотыми нитками. Темно-рыжій конь Жака находилъ удовольствіе, перепрыгивая чрезъ терновникъ, и голубыя шелковыя кисточки шляпы его хозяина подпрыгивали, какъ большія бабочки среди жесткихъ и запыленныхъ вѣтокъ лѣсной чащи. Разукрашенные красными шерстяными лентами мулы тащили носилки Мари и ея сына — выкрашенные красной краской два паланкина, обтянутые тканью съ рисункомъ, которыми они пользовались во время дурной погоды. Три верблюда несли ихъ кладъ, а шесть солдатъ, вооруженныхъ кривыми саблями, длинными ружьями наборной работы съ перламутромъ, висѣвшими на широкомъ ремнѣ, и кинжалами у пояса, изслѣдовали глазами долину и составляли войско, охранявшее тылъ каравана.

Вдали приближалась къ каравану и увеличивалась какая-то черная точка, поднимая цѣлое облако пыли. Увидя ее, предводитель солдатъ сказалъ:

— Опять этотъ бѣднякъ, безумный поэтъ.

— Ему выпало счастье совершать свой путь съ попутчиками, — сказалъ одинъ изъ солдатъ. — Мы служимъ ему охраной.

— Безъ сомнѣнія, онъ никогда не добрался бы до своей родины, если бы не встрѣтилъ каравана, чтобы укрыться подъ его покровительство. Его не преминули бы убить и ограбить на полпути.

— Полпути! что это за страна? — спросилъ, надрываясь отъ смѣха, развеселившійся толстый солдатъ, игравшій среди товарищей роль шута.

Другіе солдаты громко расхохотались.

Сюферъ не внушалъ болѣе безпокойства даже самымъ недо-вѣрчивымъ людямъ. Его хвалили за сдержанность, за то, что онъ не пытался вмѣшиваться въ ихъ караванъ и пользовался ихъ покровительствомъ въ пути лишь на разстояніи. Солдаты находили у него большое умѣнье обращаться. Они даже начали порицать своего начальника, Фабра, за его равнодушіе къ этому бѣднягѣ, который увеличивалъ ихъ наличныя силы и услаждалъ ихъ досугъ во время длиннаго пути, найдя среди нихъ безопасность на столь опасной дорогѣ, наводненной разбойниками и краснымъ звѣремъ. Эта недо-вѣрчивость удивляла ихъ, какъ людей, привыкшихъ къ гостепріимству восточныхъ народовъ, готовыхъ держать всегда открытой свою дружбу и палатку, не только для сосѣда, но и для прохожаго.

Они одобряли доктора Робэна, когда увидѣли, что онъ подходитъ къ Сюферу. Послѣдній присоединился къ каравану и скакалъ возлѣ него, въ терновникѣ.

Толстякъ докторъ погналъ своего мула и сталъ издали подзывать Сюфера:

— Эй, послушай, цѣвецъ!

Сюферъ остановился и изобразилъ на лицѣ удивленіе чело-вѣка, которому свалилось неожиданное счастье. Онъ сошелъ съ лошади и склонился, протянувъ руки, какъ будто простираясь на землю, согласно обряду поклоненія, т.-е. прикасаясь къ землѣ семью частями тѣла: лбомъ, колѣнями, большими пальцами ногъ и рукъ. Это польстило тщеславію Робэна.

— Встань, другъ, — сказалъ онъ покровительственно, пробуя разыграть гордаго вельможу: — и поѣдемъ рядомъ.

Они отправились вмѣстѣ, и Робэнъ объяснилъ, что ему необходимо имѣть нѣсколько красивыхъ стиховъ, чтобы прочитать и подарить дамѣ своего сердца. Сюферъ придалъ лицу созерцательное, выраженіе и успокоилъ Робэна, сказавъ, что не замедлитъ найти

для него кое-что, которое подойдет къ нему, какъ воскъ. Онъ предложилъ ему нѣсколько стиховъ, сначала не понравившихся Робэну: они были или слишкомъ медоточивы или возвышенны, а нельзя же было толстуху Лизонъ сравнивать съ розою, не вселивъ въ ней мысли о насмѣлкѣ; съ другой стороны, тѣмъ болѣе не слѣдовало сравнивать ее съ исполинскими вершинами Азербенджанскихъ горъ.

— Ваша милость не пожелаетъ ли выслушать стиховъ Абу-Кадрисси?—спросилъ Сюферъ.

И онъ запѣлъ:

«Та, что овладѣла моимъ сердцемъ, сказала мнѣ съ томленіемъ: почему вы задумчивы и изнемогаете?

«Какія сахарныя уста заковали васъ въ свои цѣпи?

«Я взялъ зеркало и подалъ ей,

«Сказавъ: кто эта красавица, блистающая въ этомъ зеркалѣ?

«Томность вашего цвѣта лица—янтарь, лучше котораго нѣтъ ничего.

«Зачѣмъ ваши глаза сжигаютъ то, что привлекаютъ къ себѣ ваши прелести?

«Будь проклятъ товарищъ, который такъ скоро размягчается.

«Принесите благоухающіе цвѣты, чтобы вернуть сердце моему царю».

— Нѣтъ, нѣтъ, — возразилъ докторъ: — я не задумчивъ и не изнемогаю, благодаря Бога, и еще могу за себя постоять. Совсѣмъ ко мнѣ не подходитъ ваша исторія изнемогающаго влюбленнаго. Намъ нужно болѣе мужественной силы.

Они остановились на слѣдующемъ мадригалѣ поэта Насръ изъ Нишапура, который забавлялся нанизываніемъ жемчужинъ цозіи:

«Она походила бы на луну, если бы не ея рыжая коса.

«Она походила бы на флягу вина, если бы не ея собственный букетъ.

«Поистинѣ можно сказать, что ея щеки—само солнце.

«Если бы солнце не имѣло затменій и пятен!»

— Не разсердится ли она на эти восточныя сравненія?—замѣтилъ робко докторъ:—онѣ не кажутся мнѣ лестными.

— Господишь,—сказалъ Сюферъ:—поэтъ Насръ изъ Нишапура былъ знатокъ по части женской красоты, и если можно примѣнить хоть одно изъ его стихотвореній къ европейской женщинѣ, то это для нея—большая похвала. Впрочемъ, знайте, что солнце, луна и вино для персіянина все, что есть самое священное, а мы—почти въ Персіи.

Эти соображенія чисто мѣстнаго характера показались Робэну вѣскими, и онъ долго оставался возлѣ пѣвца, озабоченный изученіемъ на память этого экспромта. Онъ все перепуталъ, нарушилъ порядокъ словъ и помѣстилъ вино въ луну, а луну во флягу. Онъ

не захотѣлъ отважиться въ тотъ же день попробовать, какое произведутъ впечатлѣніе его стихи; ему потребовалось еще пробное повтореніе, и онъ просилъ поэта не удаляться, чтобы снова приняться за работу.

На другой день они сдѣлали привалъ въ Цилехскомъ караванъ-сараѣ. Пѣвецъ помѣстился тамъ же, не имѣя другого выбора.

Онъ побратался со стражею; солдаты нашли, что онъ добрый и веселый малый. Послѣ завтрака Марі сама попросила его прійти и пропѣть еще нѣсколько стиховъ. Онъ спѣлъ стансы Саади, заставляющіе предаваться мечтамъ послѣ того, какъ ихъ услышишь, и которые кажутся такъ прекрасны по своей простотѣ и глубокой философіи, что ихъ плѣнительный отголосокъ долго еще остается въ ушахъ. Онъ пѣлъ:

«Капля воды упала изъ облака въ море.

«Она была совсѣмъ ошеломлена, глядя на необъятное море.

«Увы!—сказала она:—что я такое въ сравненіи съ моремъ?»

«Поистинѣ, гдѣ есть море, тамъ я настоящее ничто.

«Въ то время, какъ она въ своемъ ничтожествѣ такъ размышляла,

«Устрица приняла ее въ свои нѣдра и воспитала тамъ.

«Небо успѣшно закончило дѣло и довело ее до того,

«Что она сдѣлалась знаменитой жемчужиной въ коронѣ государя».

Марі протянула свой кошелекъ пѣвцу; она любила эту поэзію, сладострастно ласкавшую ея нервы, возбужденные и раздраженные утомленіемъ и тревоженіями, перенесенными въ пути.

— Бѣдный пѣвецъ, — сказала она: — жизнь его проходитъ въ странствованіяхъ отъ ночлега до ночлега, безъ собственнаго очага, безъ друзей, среди людей всегда новыхъ и равнодушныхъ, тогда какъ онъ самъ сѣтеъ въ народъ золото своей поэзіи и пурпуръ своего сердца.

— Такимъ, а не инымъ былъ предокъ Гомеръ, имя котораго навѣрно неизвѣстно, означаетъ ли заложника или слѣпого,—сказалъ докторъ Робэнъ.—Онъ ходилъ изъ селенія въ селеніе, и пастухи бѣгали за нимъ, чтобы послушать его, въ то время какъ онъ развертывалъ передъ ними всѣ богатства своей поэзіи, которую можно сравнить съ вышивкой по золотой канвѣ. А между тѣмъ не любовныя пѣсни внушала ему муза: онъ предпочиталъ воспѣвать сраженія и военные подвиги; что бы онъ сдѣлалъ, если бы Эросъ, подобно вѣтру Ноту, вздувавшему паруса галеры, наполнилъ его сердце, какъ переполнилъ мое? Эросъ, глава хора сестеръ Касталидѣ, вдохнови поэта, который умоляетъ тебя и сейчасъ воспоетъ красоту своей дамы сердца.

И, бросивъ на Лизонъ томный взглядъ, Робэнъ запѣлъ гимнъ, Насръ изъ Нишапура. Произведенное имъ впечатлѣніе было самое

забавное; при словѣ «луна» Лизонъ поблѣднѣла; при словѣ фляга вина—она сдѣлалась ярко-красной, когда же ея щеки были приравнены къ солицу, то она поднялась, побагровѣвъ, и воскликнула:

— Онъ надо мною насмѣхается!

И звонкая пощечина опустилась на пухлую щеку доктора, какъ стая молодыхъ кузнечиковъ на посѣвы гречихи.

Эго вызвало самый шумный взрывъ хохота; докторъ же ссылался на чарующее вліяніе мѣстнаго характера, нравы восточныхъ народовъ и авторитетъ своего учителя-поэта.

Благодаря такого рода приключеніямъ, Сюферъ, не пробуждая недовѣрія, мало-по-малу втерся въ дружбу къ лицамъ, окружающимъ Фабра. Они тѣмъ менѣе подозрѣвали Сюфера, что онъ вносилъ въ свои сношенія самую предупредительную сдержанность и всегда былъ готовъ сократиться и уединиться. Онъ сопровождалъ стражу, какъ паразитъ, платя за свой паекъ пѣснями, и вскорѣ никто не обращалъ на него вниманія, какъ будто онъ представлялъ часть поклажи.

Шесть недѣль спустя, караванъ прибылъ въ долину Аракса, совсѣмъ близко къ источнику Евфрата.

Иногда на Жана нападали минуты унынія, и, бродя подъ громадными дубами, онъ обмѣнивался съ Марі разговорами, въ которыхъ высказывалъ свою глубокую озабоченность.

— Дорогая Марі,—говорилъ онъ:—не сожалѣешь ли ты, что захотѣла меня сопровождать? На какую опасность, на какую крайность я тебя повелъ? По правдѣ, я не знаю, что я долженъ сдѣлать: благодарить ли тебя за твою преданность или сожалѣть, что ты отправилась со мною?

— Недобрый другъ,—отвѣтила Марі:—зачѣмъ ты со мною такъ говоришь? Развѣ я достойна сожалѣнія? Развѣ ты слышалъ когданибудь, чтобы я выражала жалобы? Напротивъ, опасность привлекаетъ меня, и я обязана тебѣ этимъ новымъ ощущеніемъ. Но если бы даже это было такъ, то гдѣ могло быть мнѣ лучше, какъ не возлѣ тебя, и чѣмъ бы я стала безъ тебя? Я должна благодарить, что ты позволилъ мнѣ слѣдовать за тобою.

— Будущее такъ мрачно, что я дрожу за тебя,—сказалъ Жанъ.— Я повсюду вижу враговъ: Ферріоля, турокъ, соединившихся противъ насъ іезуитовъ и миссіонеровъ—столько людей, которымъ выгодно мое исчезновеніе. Тропинка честолюбія усѣяна силками.

— Какой ужасъ!—сказала Марі, смѣясь:—отгони эти мрачныя мысли, вмѣсто того, чтобы попусту предаваться отчаянію.

И она протянула ему надъ поводьемъ лошади свою руку въ перчаткѣ, которую Жанъ поцѣловалъ, сказавъ:

— Хотѣлось бы мнѣ менѣе опасаться, а между тѣмъ у меня мрачныя предчувствія. Слишкомъ много враговъ окружаетъ меня

въ этой незнакомой и вѣроломной странѣ. Я опасаюсь какой ни будь ловушки и раздумываю, что станетъ съ тобою, если со мною случится несчастіе. У тебя останется два друга въ лицѣ Жака и Альвейра, которые будутъ покровительствовать тебѣ при твоёмъ возвращеніи назадъ, но всѣ будутъ ненавидѣть за то, что ты были моими друзьями, и неизвѣстно, остановится ли преслѣдованіе на мнѣ.

Маріа заплакала, и такъ какъ Жанъ извинился за свои зловѣщія предположенія, то, овладѣвъ собою и гордо выпрямившись, она сказала:

— Нѣтъ, не извиняйся, надо все предвидѣть. Если случится несчастіе, клянусь тебѣ, что, несмотря ни на что, твоя миссія будетъ исполнена, и твой сынъ и наслѣдникъ одинъ представитъ Великому Софи грамоты, врученныя сего отцу королемъ.

Жанъ восторгался мужествомъ этой женщины, въ которой опасность удесятерила силы. Попржнему живая и веселая, она сопротивлялась усталости и, казалось, черпала мужество въ самыхъ затрудненіяхъ.

Уже два дня они ѣхали горной мѣстностью. Иногда имъ попадалось безводное плоскогорье, иногда они ѣхали подъ деревьями, то взбирался на вершины, откуда замѣчали на горизонтѣ возвышавшіяся надъ всей этой лѣсной чащей громадныя массы, высокіе гребни Камбила и Капуджика, на противоположной же сторонѣ— снѣга Алагоеца, а ближе ледники Арарата, въ пять тысячъ метровъ вышины.

Сюферъ, выдававшій себя за уроженца страны, сдѣлался имъ необходимъ. Онъ доставлялъ имъ цѣнныя справки о дорогѣ, по которой предстояло ѣхать, что увеличивало довѣріе къ нему.

Однажды Робэнъ неожиданно засталъ его сидящимъ подъ деревомъ и справлявшимся по такой подробной картѣ, какую не привычно было видѣть въ рукахъ бродячаго пѣвца. Но, какъ говорилъ еще Эней, когда услышалъ бряцаніе оружія въ чревѣ Троянскаго коня: «кого Юпитеръ захочетъ погубить, у того отнимаетъ умъ»,— съ Робэномъ случилось именно такъ: онъ объ этомъ не размыслилъ и нашелъ совершенно естественнымъ, что пѣвецъ снабженъ планами, какъ чиновникъ при посольствѣ.

Въ одно прекрасное утро караванъ расположился лагеремъ на крутыхъ берегахъ Аракса, и Сюферъ объявилъ стражникамъ, что покидаетъ ихъ. Онъ долженъ былъ слѣдовать на сѣверъ, въ сторону Какирмана, чтобы оттуда достичь по другую сторону горы дороги въ Нуху, тогда какъ они будутъ продолжать путь прямо на востокъ, по направленію къ Эривани. Узнавъ объ этомъ, Жанъ Фабръ велѣлъ его позвать къ себѣ.

— Ты насъ покидаешь, пѣвецъ?—спросилъ онъ.—Это очень досадно, такъ какъ твои указанія намъ были полезны, а твоё пѣ-

ніе услаждало насъ во время приваловъ. Скажи мнѣ только: одна ли дорога ведетъ въ Персію, и не подвергнемся ли мы опасности ошибиться на какомъ нибудь раздвоеніи дорогъ?

— Господинъ, я охотно далъ бы крюку, чтобы проводить вашу милость, если бы, приближаясь къ родинѣ, не испытывалъ вполнѣ законнаго нетерпѣнія поскорѣе обнять моихъ старыхъ родителей. Я васъ покидаю, оставивъ, по крайней мѣрѣ, на хорошемъ пути. Это соединеніе двухъ долинъ—послѣднее раздвоеніе. Вы послѣдуете по Араксу, не отступая отъ его береговъ: Эриванъ находится на этой рѣкѣ.

— Ну, такъ прощай!—сказалъ Жанъ.—Ты славный малый. Добрый тебѣ путь!

Онъ бросилъ ему полный кошелекъ золота. Сюферъ сѣлъ на лошадь, пришпорилъ ее и исчезъ среди терновника, въ противоположную сторону той, по которой отправлялся Фабръ, между тѣмъ какъ товарищи пѣвца смотрѣли ему въ слѣдъ, издали привѣтствуя его громкими восклицаніями.

Тѣмъ временемъ въ лагерь Мишеля удивлялись, отчего не ѣдетъ Сюферъ.

День и ночь тамъ сторожили часовые, сидя на вѣтвяхъ выдававшегося впередъ кедроваго дерева, которое росло вкось на берегу потока. Мишель началъ тревожиться. Однако другихъ дорогъ не было, и только если бы не непредвидѣнное опозданіе, то караванъ долженъ былъ пройти именно въ этотъ день.

Вдругъ часовой подалъ знакъ тревоги.

— Кто тамъ идетъ?—спросилъ онъ.

— Другъ.

— Лозунгъ?

— Аиссэ!

Это былъ Сюферъ, примчавшійся во всю конскую прыть; онъ тотчасъ же объявилъ:

— Вотъ они; караванъ слѣдуетъ за мною; я покинулъ ихъ у самой остроконечности Туррельской горы, которую я ихъ заставилъ обогнуть, тогда какъ самъ направился по дорогѣ наискосокъ. У нихъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно меня.

— Сколько ихъ?—спросилъ Мишель.

— Восемь крѣпкихъ мужчинъ.

— Насъ четырнадцать; насъ больше. Часть нашихъ отдѣлится и встанетъ позади этого утеса, четверо за этимъ деревомъ, а остальные будутъ застрѣльщиками. Въ нихъ будутъ стрѣлять картечью.

Среди солдатъ Мишеля Сюферъ встрѣтилъ друзей и рассказалъ имъ о своемъ путешествіи, о своей военной хитрости, о томъ, какъ онъ выдержалъ свою роль, и о довѣрчивости простаковъ.

При его разсказахъ раздавались сильные взрывы хохота, которые тотчасъ же стихли, по причинѣ раскатившагося въ горахъ

отголоска. Онъ сталъ искать въ кобурѣ сѣдла свою армянскую трубку и заявилъ, что она выпала и потеряна.

— Ну, одолжите-ка мнѣ другую, — сказалъ онъ: — такъ какъ ничего нѣтъ лучше щепотки табака, чтобы привести себя въ чувство послѣ длиннаго переѣзда.

Мишель позвалъ его въ свою палатку, и они составили планъ дѣйствій. Наступилъ вечеръ. Звѣзды сверкали на небѣ тѣмъ яркимъ блескомъ, какой бываетъ въ горныхъ странахъ при самомъ прозрачномъ воздухѣ. Серебристый дискъ луны, казалось, колебался въ фіолетовомъ пространствѣ, испещренномъ млечнымъ путемъ. Подъ этими блѣдными лучами отдаленные ледники походили на огромныя мраморныя усыпальницы, подъ которыми покоились цѣлыя народы. Никакой вѣтерокъ не колыхалъ темной листвы лѣсовъ, молчаніе которыхъ прерывалось лишь прокрадывавшимися животными и отдаленнымъ крикомъ орлановъ. Внизу, на берегу быстрое паденіе Аракса производило шуршаніе, какъ бы отъ нѣжнаго, скользящаго прикосновенія, шорохъ воды, стремившейся и разрывавшейся объ углы скалъ и о шероховатости омертвѣлыхъ сучковъ. Между скалами и обросшими мхомъ стволами деревьевъ блестѣли дула ружей часовыхъ, а повыше, на маленькой лужайкѣ, защищенной и скрытой расположенными кругообразно скалами, сидѣли на двухъ большихъ камняхъ Сюферъ и Мишель, поставивъ между колѣнами свои ружья; они изучали карты и маршрутъ, освѣщенные свѣточемъ. Тутъ и тамъ были разбросаны въ безпорядкѣ дорожные мѣшки и одѣяла; нѣсколько солдатъ спали въ ожиданіи своей очереди караулить. Ночныя птицы, прикасаясь къ вѣткамъ, издавали зловѣщіе крики, разносившіеся по пустынной долинѣ.

Тѣмъ временемъ караванъ Фабра продолжалъ свой путь; солдаты съ сожалѣніемъ вспоминали о хорошемъ настроеніи и веселости отсутствующаго пѣвца. Проходъ становился все уже и затруднительнѣе. Фабръ стянулъ ряды изъ опасенія неожиданности и запретилъ удаляться отъ средоточія шествія.

— Ну, что же это Сюферъ намъ сказалъ? — замѣтилъ Жакъ. — Онъ ошибся, и есть еще дорога, наискосокъ, которую мы могли бы взять, вмѣсто того, чтобы обходить этотъ мысъ.

Дѣйствительно, къ тропинкѣ, по которой они слѣдовали, скошеннымъ краемъ прилегала другая дорога.

Послѣ полудня солдаты подняли съ земли блестящій предметъ, поразившій ихъ взоръ. Тотчасъ же всѣ узнали его.

— Да это — трубка Сюфера!

Такое открытіе возбудило настоящій ужасъ. Сомнѣнія витали и устремлялись, какъ стая вороновъ на дубы. Жанъ Фабръ сѣдла ладъ привалъ, и изъ боязни, не оправдались ли его опасенія, послалъ впередъ развѣдчика, чтобы убѣдиться, не откроютъ ли свѣжіе слѣды недавній проѣздъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и извъ швафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные швафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1905 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

I. Богословіе.

Глаголевъ, С., проф. Изъ чтеній о религіи. Св.-Тр. Сергіева лавра. 1905. Ц. 3 р.
Голосовъ, Александръ, священникъ. Нравственныя условія со стороны человѣка для принятія откровенія. Рига. 1903. Ц. 10 к.

Ольховскій, В. Назарены въ Венгріи и Сербіи. (Къ исторіи сектантства). М. 1905. Ц. 30 к.

Толковая біблія, или комментарий на всѣ книги св. писанія Ветхаго и Новаго Завета, томъ I. Пятикнижіе Моисеево. Спб. 1904. Ц. въ пер. 3 р.

Учено-богословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ Киевской духовной академіи (1904 г.) LVII курса. Киевъ. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

II. Философія, психологія, логика.

Ивановъ, Н. И. Наука и біблія. По Веллеху. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Паульсонъ, Фридрихъ, Шопенгауэръ. Гамлетъ. Мефистофель. Три очерка изъ исторіи пессимизма. Киевъ. 1902. Ц. 1 р.

Спенсеръ, Гербертъ. Размышленія. (Reflections). Глава изъ «автобіографіи». Перевсъ англ. М. 1905. Ц. 40 к.

III. Ботаника, зоологія, минералогія, геологія, физика, химія.

Браунеръ, А. Краткій опредѣлитель пресмыкающихся и земноводныхъ Крыма и степной полосы Европейской Россіи. Одесса. 1904. Ц. 60 к.

Браунсъ, Р., д-ръ. Царство минераловъ. Описаніе главныхъ минераловъ, ихъ мѣстожденія и значеніе ихъ для промышленности. Драгоценныя камни. Спб. 1905. Ц. 2 р. 75 к.; по подп. на все сѣч. 25 р.

«истор. вѣсти», апрѣль, 1905 г., т. с.

1/25

Weiler, S. M. Радій и его свойства. Одесса. 1905. Ц. 25 к.

Грандо, Л. О питаніи животныхъ. Перев. съ Франц. М. 1905. Ц. 25 к.

* Найгородовъ, Дм. Тринадцатый стѣнной календарь петербургской весны. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Келлеръ, К., проф. Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 8 р.

Успѣхи физики. Сборникъ статей о важнѣйшихъ открытіяхъ послѣднихъ лѣтъ въ общедоступномъ изложеніи. Съ 41 рис. Одесса. 1905. Ц. 75 к.

IV. Математика, астрономія и метеорологія.

Дегтяревъ, А. И. Краткія свѣдѣнія по аналитической геометріи. Курсъ юнкерскихъ училищъ. Чугуевъ. 1904. Ц. 60 к.

Ермановъ, В. П., проф. Приближенное вычисленіе. Для среднихъ школъ и для высшихъ техническихъ училищъ. Кіевъ. 1905. Ц. 20 к.

Ивероновъ, М. А., проф. Пособіе для практическихъ занятій по геодезіи. Для студен-

товъ сельско-хозяйственныхъ и инженерныхъ институтовъ. М. 1905. Ц. 1 р.

— Съемка и нивелировка города Симферополя, исполненная студентами Константиновскаго межевого института въ 1904 г. М. 1905. Ц. 75 к.

Новицкій, А. Ф. Краткій курсъ элементарной механики. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

О'Руръ, графъ. Таблица умноженія. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

V. Словесность.

Австемно, В. Г. Злой духъ. Романъ въ 4 ч. (Сочиненія, томъ II и III). Спб. 1905. Ц. I и II ч. 1 р. 50 к.; III и IV—1 р. 50 к. Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

Беренштамъ, Владимиръ. За право! Сборникъ рассказовъ. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Вильде, Н. Стихи. Тифлисъ. 1903. Ц. 1 р. Волонская, В. I, ин. Миниатюры и эскизы. Двѣнадцать рассказовъ оригинальныхъ и переводныхъ. М. 1905. Ц. 60 к.

Гарде, Ансель. Основная мысль въ творчествѣ Генриха Ибсена. Перев. съ нѣм. Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.

Глибовъ, Леонидъ. Байки. Кіевъ. 1904. Ц. 20 к.

Гнѣдичъ, П. п. «Зима». Пьеса въ 4 дѣйств. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Грабина, А. Т. Пѣсни Веранже. Кіевъ. 1905. Ц. 25 к.

Графиня Марія. Для немногихъ. Стихотворенія. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, Д. С. Заря. Отъ мрака къ свѣту. Историческая повѣсть. М. 1905. Ц. 60 к.

Дмитріевъ-Астафьевъ, С. Д. «Вѣчныя будни». Сборникъ повѣстей и рассказовъ. М. 1905. Ц. 40 к.

Нармонъ. На двѣ Одессы. Одесса. 1904. Ц. 1 р.

Козминъ, Н. К. О переводной и оригинальной литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка въ связи съ поэзіей В. А. Жуковскаго. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Мольбъ. Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Носоротовъ, А. И. Весенній потопъ. Княжна Зоренька. Драматическія сочиненія. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Костомарова, Александра. Двѣ лиліи. Очарованный лѣсъ. Мертвые герои. Наводненіе 12 ноября 1903 года. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Лиштамберже, Анри. Рихардъ Вагнеръ, какъ поэтъ и мыслитель. Перев. съ Франц. М. 1905. Ц. 2 р.

Мазепинъ, Евгений. Два рассказа. Торговцы и фельдшеръ. Спб. 1905. Ц. 65 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Миллюонъ и другіе рассказы. М. 1904. Ц. 1 р.

*Марлинскій, А. Фрегатъ Надежда. Изд. 4-е. (Дешевая бібліотека Суворина № 25). Спб. 1905. Ц. 25 к.

Нижегородскій сборникъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Новичъ, М. (редакція). Словянскіе поэты. Спб. 1904. Ц. 45 к.

Островскій, А. Н. Полное собраніе сочиненій. Томъ VIII. Спб. 1905. Ц. по подпискѣ за 10 т. 16 р.

Плещеевъ, А. М. Стихотворенія. Изд. 4-е, доп. подъ ред. П. В. Выкова. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Плещеевъ, А. А. Въ первый разъ. Сцена въ 1 дѣйствіи. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Пругавинъ, А. С. Рассказъ и септантство въ русской народной жизни. М. 1905. Ц. 30 к.

*Пушкинъ, А. С. Сочиненія, редакція П. А. Ефремова. Томъ VIII на голландской бумагѣ. Спб. 1905. Ц. за 8 т. 60 р.

*Великіе художники, (вѣхъ жизнь, ихъ произведенія). Съ многими рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ страницахъ. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Редонъ, Шарль. Съ каторги. Записки невинноосужденнаго. Спб. 1905. Ц. 85 к.

Розенеръ, Петръ. Рассказы. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Сборникъ рассказовъ изъ русской и чужеземной жизни. Часы досуга. Подъ ред. И. П. Хруцова. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1904 г. Книга четвертая. Спб. 1905. Ц. 1 р. Свѣрцовъ-Полиловъ, Г. Т. Ядъ. Романъ изъ жизни артистовъ-любителей. Спб. 1905. Ц. 75 к.

— Боярыня Морозова. Повѣсть изъ исторіи русскаго раскола. М. 1905. Ц. 65 к.

Съдой, А. (Ал. Чеховъ). Хорошо жить на свѣтѣ!... Романъ. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Сестра бѣленькая и другіе рассказы: П. Хотымскаго, В. Савихина, Н. Телешова, М. Горькаго, М. Конопницкой и друг. Съ рис. М. 1905. Ц. 1 р.

Умановъ-Каллуновскій, В. в. Фарисен. Романъ въ 2-хъ ч. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Хейфмансъ, Герм. «Седьмая заповѣдь». Бытовая комедія въ 4-хъ д. Перев. съ нѣм. Одесса. 1904.

Щелкина-Куперникъ, Т. А. Жизнь открывается. Рассказы для дѣтей старшаго возраста. Съ рис. М. 1905. Ц. 1 р.

Эрманъ, Адольфъ, проф. Египетская грамматика. Изд. 2-е, перераб. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 2 р.

VI. Исторія.

«Анацини» передъ Портъ-Артуромъ. Изъ дневника японскаго морскаго офицера Нирутака. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга пятнадцатая. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Бельсортъ, Андре. Японское общество. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета, за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ II. Подъ ред. Г. В. Левицкаго. Юрьевъ. 1903. Ц. 4 р.

Богдановичъ, Т. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Бородинъ, М. М. Памяти финляндскаго генералъ-губернатора Николая Ивановича Вобрикова. Харьковъ. 1905. Ц. 20 к.

Бюхеръ, Карлъ. Крупные города въ прошломъ и настоящемъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Владимирскій-Будановъ, М. Ф., проф. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 4-е, доп. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Гротъ, К. Я., проф. Карпато-дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскіхъ историческихъ изученіяхъ. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Грунскій, Н. Н. Памятники и вопросы древне-славянскій письменности. Томъ I. Юрьевъ. 1904. Ц. 2 р.

Дманшвель, Гр. Эпоха великихъ реформъ. Историческія справки. Изд. 9-е, доп. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Изборникъ кievскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. Кіевъ. 1904. Ц. 2 р.

Нунцевичъ, Г. В. Исторія о Казанскомъ царствѣ, или казанскій дѣтописецъ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Лобовъ, Л. Памяти Аполлона Григорьева. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Маусутовъ, В. П., ин. Исторія Древняго Востока. Культурно-политическая и военная съ отдавленнѣйшихъ временъ до эпохи Македонскаго завоеванія. Египетъ и Финикія. Томъ I. Книжки I—IV. Спб. 1905. Ц. 6 р.

Очерки по исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ. Томъ I. Происхождение современной Германіи. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 2 р.

Павловскій, И. Фр. Къ исторіи шведской могилы. Пожертвованіе I. С. Судіонка и его духовное завѣщаніе. Очеркъ по архивнымъ даннымъ съ рисунками. Подтава. 1904. Ц. 30 к.

Памятники эоіолской письменности. I. «Изслѣдованіе Зараякоба». Исповѣдь абиссинскаго свободнаго мыслителя XVII вѣка. Изданіе текста и переводъ В. Тураева. II. Вирши царя Наода. Спб. 1904. Ц. I в.—I р., II—70 к.

Первовъ, П. Д. Изъ исторіи Геродота. Персы. Египтяне. Скины. Чтеніе для юношества и для самообразованія. М. 1905. Ц. 60 к.

Пѣтуховъ, Е. В. Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русскаго письменности. Вып. второй. IV—IX. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Письма Л. Ванъ-Бетховена. Переводъ и примѣчанія В. Д. Корганова. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Подпаловъ, Прох. Ант. Къ пятидесятилѣтію славной обороны Севастополя. Лубны. 1904. Ц. 25 к.

Рѣдинъ, Е. К. Историческіе памятники города Адули (въ Африкѣ) въ лицевыхъ рукописяхъ сочиненія Козьмы Индикоплова. Харьковъ. 1905. Ц. 35 к.

Снопинъ, В. М. Къ паденію Портъ-Артура. М. 1905. Ц. 25 к.

Стасовъ, В. В. Ник. Ник. Гё, его жизнь, произведенія и переписка. Съ 4 фототип. М. 1904. Ц. 2 р.

Сулерницкій, Л. Въ Америку съ духоворами. (Изъ записной книжки). М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Трифилевъ, Е. П. Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. Царствованіе императора Павла Перваго. Харьковъ. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Языковъ, Димитрій. Ольга Осиповна Садовская. Къ двадцатилѣтію ея артистической дѣятельности на сценѣ Малаго театра. М. 1905. Ц. 25 к.

Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскіхъ писателей. Вып. IX. М. 1905. Ц. 1 р.

VII. Географія.

Вольногорскій, П. По бѣлу свѣту. Вып. III. Амазонка — царица рѣкъ Южной Америки. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Вольманъ, Людвигъ. Политическая антропология. Изслѣдованіе о вліяніи эволюціонной теоріи на ученіе о политическомъ раз-

- вити народовъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Зеленинъ, Д.** Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятской губ. Этнографическій и историко-литературный очеркъ. Вятка. 1904. Ц. 40 к.
- «Землевѣдѣніе» — периодич. изданіе за 1904 г. Книжка I — II, III и IV. М. 1904. Ц. I и II — 3 р., III и IV по 1 р. 75 к.
- Коропчевскій, Д. А.** Прежде и теперь. Очерки домашней жизни въ старое и въ наше время. Изд. 2-е. Съ 127 рис. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Першинъ, П. И.** Дальній Востокъ и его богатства. Очеркъ очевидца. Одесса. 1904. Ц. 10 к.
- Сипягинъ, А.** Способы элементарной ориентировки по картамъ. Одесса. 1904. Ц. 30 к.

VIII. Сельское хозяйство.

- Долгихъ, І.** Экономическое значеніе и будущее мелкаго хозяйства. (Введеніе къ ученію о рентабельности скотоводственнаго хозяйства вообще и молочнаго въ частности). Рига. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Происхожденіе молочнаго жира, его измѣненія и попытки опредѣленія индивидуальности молочной секреціи. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.
- Работа коровъ въ ея историческомъ развитіи и экономическомъ значеніи. Рига. 1904. Ц. 1 р.
- Ермоловъ, А.** Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. II. Всенародная агрономія. III. Животный міръ въ воззрѣніяхъ народа. Спб. 1905. Ц. II — 3 р.; III — 2 р. 50 к.
- Женскихъ рунодѣлія.** Практ. руководство по вязанію, вышиванію, штопанью и проч. женскимъ рукодѣліямъ. Сост. П. Ф. Спб. 1905. Ц. 30 к.
- Заводская книга русскихъ рысаковъ.** Томъ XXVII. Спб. 1905. Ц. 3 р. 50 к.
- Малантаръ, Ав. А.** Общедоступное руководство по молочному хозяйству. Съ 85 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 50 к.
- Календарь садовода на 1905 г.** Составилъ В. Т. Домбровскій. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. въ пер. 40 к.
- Ниппа, А.** Руководство къ учету доходности сельско-хозяйственныхъ предприятий. Курскъ. 1905. Ц. 1 р.
- Носова, Е., и Полозова, В.** Домъ и хозяйство. Скоромный и постный столъ, съ отдѣломъ вегетарианская кухня. Подарокъ хозяйкамъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Пальгуновъ, С. А.** Стихотворенія. 4-й мѣсяць. 1904 годъ. Русско-японская война. Евпаторія. 1904. Ц. 20 к.
- *Руновъ, Н. В., д-ръ.** Комнатное цвѣтоводство. Руководство къ воздѣлыванію растений въ комнатахъ. Съ 45-ю рис. въ текстѣ. Спб. 1905 г. Ц. 75 н.
- Сидорскій, Н. В.** Воздѣлываніе кормовой свекловичицы и выращиваніе сѣмянъ ея въ своемъ хозяйствѣ. Практ. руководство для крестьянъ и мелкихъ хозяевъ. Съ 19 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 60 к.
- Цѣхановскій, М. Ю.** Историческій обзоръ свекло-сахарной промышленности (1800—1904). Кіевъ. 1904. Ц. 85 к.
- Чиринскій, Н. П.** Общее животноводство (кормленіе, разведеніе и гигиена сельско-хозяйственныхъ животныхъ). Изд. 3-е, просмотр. и доп. Съ 13 рис. въ текстѣ. Спб. 1904. Ц. 1 р. 30 к.
- Штейеръ, Л., проф.** О правильномъ уходѣ за жеребятми и лошадыми и умѣломъ разведеніи ихъ. Практическіе совѣты для мелкихъ и среднихъ хозяевъ. Съ 72 рис. М. 1904. Ц. 40 к.

IX. Технологія.

- Адамовичъ, Н. И.** Телеграфированіе безъ проводовъ въ современномъ его состояніи. Съ 40 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 60 к.
- Астровъ, А. И.** Водяныя турбины. Атласъ конструктивныхъ чертежей, исполненныхъ турбинныхъ установокъ, турбинъ и главнѣйшихъ ихъ деталей. 95 таблицъ. М. 1905. Ц. 11 р.
- Науег, М.** Туалетныя мыла высшаго сорта и ихъ производство въ Германіи, Англіи и Франціи. Съ 10 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 60 к.
- Головъ, Д.** Подводное судоходство. Исторія развитія и современное состояніе. Въ 2 частяхъ. Съ 134 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 5 р.
- Ляхницкій, М. А.** Обыкновенныя дороги. Устройство и ремонтъ шоссевыхъ, мостовыхъ и грунтовыхъ дорогъ. Изд. 4-е. Съ 18 лист. чертежей. Спб. 1905. Ц. 4 р. 50 к.
- Маевскій, Анто́нъ.** Пособіе къ изученію и проектированію подъемныхъ мостовыхъ крановъ. Спб. 1905. Ц. 4 р.
- Монаховъ, А. Д.** Тракторный станокъ въ его современномъ видѣ. М. 1905. Ц. съ атласомъ 3 р. 75 к.
- Никитинскій, Я. Я., проф.** Денатурированный спиртъ и его примѣненія для техническихъ и др. цѣлей. М. 1905. Ц. 2 р.
- Рюмины, В. В. и В. В.** Технологія воды и топлива для техническихъ училищъ и заводскихъ техникумовъ. Харьковъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Технологія строительныхъ матеріаловъ по лекціямъ проф. К. Г. Дементьева и литературнымъ источникамъ.** Кіевъ. 1904. Ц. съ атласомъ черт. 5 р.

Фрейтагъ, Фр., проф., Детали машинъ. Общедоступная справочная книжка для гг. техникувъ, инженеровъ и технич. учебн. заведеній. II. Детали машинъ для вращательнаго движенія. Пер. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 40 к.

— Общедоступная справочная книжка по уиругости и сопротивленію матеріаловъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Черепашинскій, М., проф. Водоснабженіе. Съ 225 черт. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 3 р. 20 к.

Х. Правовѣдѣніе.

Авиновъ, Н. Н. Опытъ программы систематическаго чтенія по вопросамъ земскаго самоуправленія. М. 1905. Ц. 20 к.

Вандервельдъ, Э. Экономическіе факторы алкоголизма. Алкоголизмъ и народъ. Н.-Новгородъ. 1904. Ц. 10 к.

Величко, В. Л. Русскія рѣчи. (Полное собраніе публицист. сочиненій, томъ II). Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Вернеръ, Н. А., проф. Разборъ книги В. Г. Важаева «Крестыанское тразопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европейской Россіи». М. 1905. Ц. 40 к.

Вольманъ, и. С. Программа испытаній на должность нотариуса. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Вольте, Григорій. Основныя черты желательной организаціи уѣзднаго управленія въ связи съ устройствомъ мелкой земской единицы. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Градовскій, А., проф. О свободѣ русской печати. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Гусевъ, Н. Актъ личной экономической предусмотрительности или краткое описаніе рациональныхъ способовъ самообезпеченія. Спб. 1905. Ц. 35 к.

Дѣло отставнаго профессора Казанскаго университета А. Н. Хорвагъ. Оскорбленіе на бумагѣ чести ректора университета К. В. Ворошилова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Демченко, Я. По поводу нашей смуты и высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. Кіевъ. 1905. Ц. 60 к.

Друмининъ, Н. П. Очерки крестьянской общественной жизни. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Зибень, Германъ, проф. Прогрессъ, какъ нравственная задача. Перев. съ нѣм. Кіевъ. 1903. Ц. 20 к.

Матовъ, М. Н. О церкви. М. 1905. Ц. 75 к.

— О печати. М. 1905. Ц. 30 к.

— О дворянствѣ. М. 1905. Ц. 40 к.

Мечеджи-Шапалововъ, М. В. Политическій строй Англіи, Германіи, Австро-Венгрии и др. государствъ. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Моломитиновъ, Н. В. Сборникъ рѣшеній уголовнаго, гражданскаго и общаго собранія кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената подѣлать объ акцизныхъ сборахъ. 1888—1902. Кішиневъ. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Лабутиный, Іоаннъ, свящ. Чему быть должно? Слово на новый 1905 годъ. Спб. 1905. Ц. 8 к.

Лассаль, Фердинандъ. Капиталъ и трудъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Лафаргъ, П. Суиружеская невѣрность въ прошломъ и настоящемъ. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Марисъ, Нарль. Рѣчь о свободѣ торговли, произнесенная въ публичномъ засѣданіи демократической ассоціи въ Брюсселѣ 9 января 1848 г. Перев. съ франц. Одесса. 1905. Ц. 15 к.

Мишулинъ, А. А. Вышнія причины несчастныхъ случаевъ съ рабочими на фабрикахъ и заводахъ. Кіевъ. 1905. Ц. 50 к.

Новиковъ, Александръ. Записки городского головы. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Нольде, Б. Е. Постоянно нейтральное государство. Юридическое изслѣдованіе. Спб. 1905. Ц. 3 р. 50 к.

Палтовъ, Владиміръ. «Взглядъ и вѣчто» о дворянствѣ. М. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

Петровъ, Ил. Правда въ дѣлѣ недоуміиія студентовъ Харьковскаго университета. Харьковъ. 1905. Ц. 25 к.

Познышевъ, С. В. Особенная часть русскаго уголовного права. Сравнительный очеркъ важнѣйшихъ отдѣловъ особенной части стараго и новаго уложеній. М. 1905. Ц. 2 р.

Рожковъ, Н. А. Городъ и деревни въ русской исторіи. Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи. Изд. 2-е. М. 1904. Ц. 40 к.

Святловскій, В. В. Жилищный вопросъ съ экономической точки зрѣнія. Вып. II. Городъ и государство. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Систематическій указатель къ «Журналу Министерства Юстиціи» за десять лѣтъ (1894—1904 гг.). Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Таубе, М. А., бар. Христіанство и международный миръ. М. 1905. Ц. 25 к.

Тихомировъ, Левъ. Монархическая государственность, въ 4 частяхъ. Части I и II. М. 1905. Ц. 2 р.

Филипповъ, А. Н. Лекціи по исторіи русскаго права. Часть I. Юрьевъ. 1904. Ц. 3 р.

Цергеловъ, Д. Н., ин. Письмо къ русскимъ людямъ. Спб. 1905. Ц. 5 к.

Чернышевъ, В. Упрощеніе русскаго правописанія. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Штаммлеръ, Рудольфъ. Задачи по римскому праву. Посobie при изученіи системы римскаго гражданскаго права. Перев. съ нѣм. Одесса. 1904. Ц. въ пер. 2 р.

Штиглицъ, А. Н. Рѣчь славянскимъ гостямъ. Спб. 1905. Ц. 15 к.

XI. Медицина.

Ковалевскій, П. И., проф. Душевные бо-
лѣзни. Курсъ психіатри для врачей и

юристовъ. Томъ I и II. Изд. 5-е, доп. Спб.
1905. Ц. 3 р.

Мендельсонъ, Александръ. Психотерапія алкоголизма. Спб. 1905. Ц. 30 к.
Сабининъ, А. X. Проституція. Сифились и венерическія болѣзни. Половое воздержание. Профилактика проституціи. Историко-профилактической этюдъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Снегиревъ, В. Ѳ., проф. Клиническія лекціи по женскимъ болѣзнямъ, читанныя въ 1897—1898 гг. Подъ ред. Д. Л. Чернеховскаго, сост. студ. П. Лежневъ и В. Гейнъ. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

ХII. Искусство.

Глаголинъ, Б. Почему я играю роль Орлеанской дѣвы? Спб. 1905. Ц. 50 к.

Картины Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербурѣ. Съ объяснительнымъ текстомъ А. И. Сомова. Вып. IV. Спб. 1905. Ц. по подп. на 10 вып. 75 р.

* Маргильеръ, О. Альбрехтъ Дюреръ. Критическая біографія. Великіе художники—ихъ жизнь и произведенія. Ц. 2 р.

Масловъ, А. Калики переходіе на Руси и ихъ напѣвы. Историческая справка и мелодико-технической анализъ. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Московская городская художественная галерея П. и С. Третьяковыхъ. Вып. 26. М. 1905. Ц. по подп. на 12 вып. 24 р.

Петерсонъ, О. П. Русская стенографія. Практическое руководство для школь и самообученія. Спб. 1904. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Рѣдинъ, Е. К. Преподаваніе искусствъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Къ исторіи Импер. Харьк. унив. (1805—1905). Харьковъ. 1904. Ц. 75 к.

Смоленскій, Ст. В. Панихида на темы изъ древнихъ распѣвовъ, для хора мужскихъ голосовъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

ХIII. Военное и морское дѣло.

* Кладо, Н. Л. (Прибой). Послѣ ухода второй эскадры Тихаго океана. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Цытовичъ, Н. Опытъ изслѣдованія боевого применія осадной артиллеріи. Спб. 1905. Ц. 1 р.

ХIV. Коммерческія науки.

Барацъ, С. М. Курсъ двойной бухгалтеріи. Изд. 2-е, перераб. и дополи. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Ивановъ, В. Таблицы для начисленія процентовъ по вкладамъ въ государственныя

сберегательныя кассы изъ 3,6 проц. годовыхъ на суммы отъ 1 до 1,000 рублей на каждый мѣсяць года. Новгородъ. 1904. Ц. 50 к.

ХV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги. Народныя книги.

Дондевая волшебница и другія сказки. А. Вароной, Брута, Вильденбруха, Шторма и др. Съ рис. Н. Живаго и Н. Николаевскаго. М. 1905. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.

Засодимскій, П. Вено. Изъ старинныхъ преданій. М. 1904. Ц. 25 к.

— Бруно-скиталець. Изъ старинныхъ народныхъ преданій. М. 1905. Ц. 15 к.

— Король спитъ. М. 1905. Ц. 15 к.

— Ужасное несчастье. Изъ воспоминаній рабочаго муравья. М. 1905. Ц. 10 к.

— Арфа звучала. Старинная легенда. М. 1905. Ц. 15 к.

— Ясные дни. М. 1904. Ц. 10 к.

— Ринальдово счастье. Сказка. М. 1905. Ц. 20 коп.

Квалиль, Ярославъ. Сказка про принцесу Одуванчикъ. Пѣса въ 5 д. Для дѣтей и юношества. Перев. съ чешскаго. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Ключовскій, М. Въ пользу раненыхъ. Театральная пѣса для дѣтей. Изд. 2-е. М. 1905. Ц. 35 к.

— Ожиданіе гувернантки. Театральная пѣса для дѣтей. М. 1905. Ц. 25 к.

— Нѣтъ kota въ дому—ходятъ мыши по столу. Театральная пѣса для дѣтей. Изд. 2-е. М. 1905. Ц. 35 к.

— Современное воспитаніе и новые пути. По Эльсландеру. М. 1905. Ц. 40 к.

Л. С. Демьянова уха. Театральная пѣса изъ народнаго быта. М. 1905 г. Ц. 35 к.

— Сюрпризъ. Театральная пѣса для дѣтей. М. 1905. Ц. 30 к.

— Споръ не соора. Театральная пѣса для дѣтей. М. 1905. Ц. 35 к.

— Находчивый докторъ. Театральная пѣса для дѣтей. Изд. 2-е. М. 1905. Ц. 35 к.

Либровичъ, Сигизмундъ. Гроза гимназій. Разказы для юношества. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 75 к.

— Царь въ плѣну. Историч. очеркъ. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Лонгъ, Вильямъ. Въ царствѣ птицъ. Разказы. Перев. съ англ. М. 1905. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Ольюттъ, Л. М. Подъ сиренями. Перев. съ англ. М. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

<p>Рудневъ, Я. И. Учительскіе курсы по из-
готовленію учебныхъ пособій. Спб. 1905.
Ц. 5 в.</p> <p>Roussy, A. Cours de langue française. I
partie. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р.</p> | <p>Ручъ, С. Г. Орфографическій словарь. Подъ
ред. Д. Н. Сеславина. Изд. 2-е. Спб. 1905.
Ц. 1 р.</p> <p>Фурманъ, П. Р. Саардамскій плотникъ. По-
вѣсь въ 2 ч. Спб. 1905. Ц. 75 к.</p> |
|--|--|

XVI. Справочный отдѣлъ.

<p>Альманахъ т-ва «Грифъ». М. 1905. Ц. 1 р.
30 к.</p> <p>Безгинъ, И. Г. Описание всѣхъ русскихъ
книгъ и повременныхъ изданій. Первые вы-
пуски отдѣловъ I—IX за 1708—1879 гг.
Спб. 1905. Ц. вып. 1—5 по 10 коп., 6—8
по 15 коп., 9-го 25 коп.</p> <p>Ермиловъ, Н. Железнодорожный ежегод-
никъ на 1905 г. Справочн. книга для же-
лзнодорожниковъ. Спб. 1905 г. Ц. 3 р.</p> | <p>Справочная книжка для путешественни-
ковъ. Наставленія, руководства и програм-
мы для наблюденія и собиранія коллекцій
и свѣдѣній въ путешествіяхъ. Спб. 1905.
Ц. 4 р. 50 к.</p> <p>Спутникъ наборщика. Маленькая справочн.
книжка для наборщиковъ и учениковъ.
Спб. 1905. Ц. 20 к.</p> <p>*) Изданія А. С. Суворина.</p> |
|---|--|

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. И. КОСТОМАРОВА

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Изданіе Общества для пособія нуждающимся литера-
торамъ и ученымъ Литературнаго Фонда въ восьми
большихъ книгахъ.

Цѣна по подпискѣ безъ пересылки **20 рублей**, уплачиваемыхъ въ
такомъ порядкѣ: при выдачѣ I книги уплачивается **7 рублей**, а
затѣмъ **3 р.** при выдачѣ II книги и по **2 рубля** при выдачѣ III,
IV, V, VI и VII книгъ, VIII же книга будетъ выдана бесплатно.

По выходѣ въ свѣтъ всего изданія цѣна будетъ повышена. Въ
отдѣльной продажѣ I и VII книги по **3 р. 50 к.**, II, IV, V и VI по
4 рубля, III — **2 р. 50 к.**, VIII — **4 р. 50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича,
въ С.-Петербургѣ, В. О., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается, по почтовой стоимости,
при доставкѣ книгъ.

**ОТЪ КОМИТЕТА
ПО ПЕРЕНЕСЕНІЮ ПЕТРОВСКОЙ ЦЕРКВИ
въ деревню Лѣсную.**

Въ селѣ Головенчицахъ Чаусскаго уѣзда Могилевской губерніи находится совершенно ветхая деревянная церковь, первоначально построенная по повелѣнію и на средства императора Петра I на мѣстѣ одержанной имъ 28-го сентября 1708 г. побѣды надъ шведами при деревнѣ Лѣсной Быховскаго уѣзда.

Бѣлоруссія въ то время не входила еще въ составъ Россіи, и это отразилось на судьбѣ Петровскаго храма. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ сооруженія, онъ былъ перенесенъ, въ 1748 году, по распоряженію мѣстнаго помѣщика изъ дер. Лѣсной въ село Головенчицы и обращенъ тамъ въ семейную усыпальницу.

Въ настоящее время въ с. Головенчицахъ рѣшено строить новую церковь, древній же Петровскій храмъ, по предложенію Императорской Археологической комиссіи, долженъ быть вновь перенесенъ въ деревню Лѣсную, гдѣ онъ первоначально былъ воздвигнутъ, съ полнымъ сохраненіемъ при этомъ всѣхъ первоначальныхъ архитектурныхъ формъ его.

Въ виду отказа могилевской консисторіи принять на себя исполненіе этого предложенія Археологической комиссіи, могилевскимъ губернаторомъ Н. М. Клингенбергомъ образованъ для сего особый комитетъ.

Какъ оказалось при произведенномъ комитетомъ техническомъ осмотрѣ, древній храмъ значительно обветшалъ и по перенесеніи нуждается въ новомъ фундаментѣ, новой крышѣ и новой обшивкѣ стѣнъ тесомъ; кромѣ того, во многихъ мѣстахъ необходимо замѣнить сгнившія части стѣнъ новыми, скрѣпить желѣзомъ слабые углы, обнести храмъ на новомъ мѣстѣ оградой, устроить при немъ колокольню и снабдить его необходимымъшею утварью.

По приблизительному расчету, на всѣ эти расходы потребуется не менѣе 2.000 рублей. Въ распоряженіе же комитета отпущено изъ суммъ святѣйшаго синода лишь 1.000 рублей, и никакихъ другихъ средствъ въ виду не имѣется.

Комитетъ, такимъ образомъ, поставленъ въ необходимость обратиться за содѣйствіемъ къ просвѣщеннымъ русскимъ людямъ, любящимъ родную старину, и просить ихъ прійти на помощь этому патриотическому дѣлу посильными пожертвованіями, которыя дали бы комитету возможность не только перенести древній храмъ на поле битвы, но и принять мѣры къ сохраненію его тамъ отъ быстрого разрушенія.

Пожертвованія комитетъ покорнѣе проситъ адресовать на имя председателя **Е. Р. РОМАНОВА** въ **МОГИЛЕВЪ-ГУБЕРНСКІЙ**.

Дозволено цензурою 26-го марта 1906 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

МАЙ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1905 г.

	СТРАН.
I. Смертный грѣхъ. Повѣсть. XXXI—XXXVI. (Продолженіе). Графа Е. А. Салиаса	385
II Изъ прошлаго. Глава третья. I—IV. П. П. Гнѣдича	411
III. Сказки жизни. II. Мать и дочь. Ек. I. Уманецъ	438
IV. Харьковскій погромъ въ 1872 году. П. А. Антропова	462
V. Н. Г. Чернышевскій въ Астрахани. Н. Ф. Скорикова	477
VI. «Предатель». (Изъ временъ графа Перовскаго). Я. Я. Полферова	496
VII. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. IX—X. (Продолженіе). Н. И. Фалѣва	504
VIII. Армянскій епископъ Хоренъ Степанъ. Александра Калинина	534
IX. Вновь открытое описаніе Россіи XVI вѣка. Д. Островскаго	539
X. Воспоминанія княгини Радзивилль. IV—VI. (Окончаніе). В. А. Тиширзева	545
XI. В. А. Жуковскій передъ судомъ «завистливыхъ вѣковъ». А. П. Яцимирскаго	565
XII. Изъ сѣверныхъ преданій. С. Нещина	575
XIII. Годы смуты и борьбы. Историческія параллели. Гл. III. (Продолженіе). Б. В. Глинскаго	580
XIV. Могила Карагеоргіевича. А. Хребтова	627
иллюстрація: Могила Алексѣя Карагеоргіевича въ Кишиневѣ.	
XV. Въ царствѣ Монтезумы. IV—VII. (Окончаніе). Г. А. Деволлана	631
иллюстраціи: 1) Замокъ Чапультепекъ.—2) Соборъ въ Мексикѣ.—3) Перковъ въ Пуэбло.—4) Capillo del Rosario.—5) Пирамида въ Чолулъ.—6) Пикъ Орызаба.—7) Соледадь.—8) Исполинское дерево въ Тлаколулъ.—9) Развалины въ Митлѣ.—10) Крестообразная гробница близъ Митлы.	
XVI. Критика и библиографія	658
1) Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. Е. Шильдера . Съ 450 иллюстраціями. Тома I, II, III и IV. Изданіе второе. Спб. 1905. В. Грибовскаго .—2) П. Н. Милюковъ. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. Изданіе второе, книгоиздательства М. В. Пирожкова . Спб. 1905. М. н. —3) Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разказы по архивнымъ документамъ Н. Вудича . Часть вторая. Спб. 1904. Бере .—4) Нижегородскій Сборникъ. Спб. 1905. Я. Ав—ва .—5) А. Амфитеатровъ . Литературный альбомъ. А. Ев—хова .—	

(См. слѣд. стран.)

6) Елисавета Дьяконова. Дневникъ на высшихъ женскихъ курсахъ. Дневникъ русской женщины. Спб. 1905. А. Фаресова.—7) Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Книга VI. Владимиръ. 1906. В. Руданова.—8) Труды Подольскаго церковнаго историко-археологическаго общества (бывшаго историко-статистическаго комитета). Выпускъ десятый подъ редакцией прот. Е. Свѣдлинскаго и Н. Яворскаго. Съ 12 рисунками. Каменецъ-Подольскъ. 1904. П. В. в.—9) «Старина и Новизна». Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 9. Спб. 1905. А. Б.—10) Евгенийъ Анничковъ. Литературные образы и мнѣнія. Спб. 1904. Я. Ав—ва.—11) П. Овидій Назонъ. Наука любить. *Arz amatoria*. Съ латинскаго перевелъ В. Алексѣевъ. Спб. 1904. Г.—12) Сборникъ библиографическихъ матеріаловъ для географіи, исторіи, истор. права, статистики и этнографіи Литвы, съ приложеніемъ литовскихъ и древне-прусскихъ книгъ съ 1553 по 1903 годъ. Составилъ С. Балтрамаййтисъ. Изданіе 2-е. Спб. 1904. А. Я.—13) А. В. Рыстелко. Сказаніе о двѣнадцати снахъ царя Мамера въ славяно-русской литературѣ. Одесса. 1904. А. И. Яцимирскаго.—14) В. Л. Мальмбергъ. Древне-греческія фронтоныя композиціи. Исследование въ области декоративной скульптуры. Съ 43 таблицами и 103 рис. въ текстѣ. Спб. 1904. С. Г.—та.—15) Орнаменты на памятникахъ древне-русскаго искусства. Изданіе Н. П. Сырейщикова и Д. К. Тренева. Выпускъ I. 25 таблицъ, содержащихъ 105 орнаментовъ въ краскахъ. Москва. 1904. А. И. Яцимирскаго.—16) Тира Соколовская. Микенская керамика. Форма и орнаментъ сосудовъ микенскаго типа. Съ 7-ю фотографическими таблицами и библиографическимъ указателемъ. Спб. 1904. И. Александрова.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 693

1) Новѣйшія археологическія раскопки.—2) Альбрехтъ Дюреръ.—3) Карлъ Ладенфельдъ и его жена.—4) Наполеонъ и папа.—5) Домашнія бесѣды Бисмарка.

XVIII. Смѣсь 715

1) Премія М. И. Михельсона.—2) Общество любителей древней письменности.—3) Археологическое общество.—4) Археологическое общество въ Москвѣ.—5) Географическое общество.

XIX. Некрологи 722

1) Ворнгауптъ, Ө. К.—2) Вериго, А. А.—3) Ерофеевъ, Я. А.—4) Олесницкій, М. А.—5) Струве, О. В.

XX. Замѣтки и поправки 726

Къ библиографіи сочиненій Н. А. Некрасова. (По поводу его стихотворенія «Вуря»). Е. Помомарева.

XXI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Портретъ княгини Екатерины Радзивиллъ.—2) Посланица короля-солнца (Marie Petit). Историческій романъ Лео Кларети. (Переводъ съ французскаго). X—XIII. (Продолженіе).

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РАДЗИВИЦЬ.

дозв. ценз. 22 апреля 1905 г. спб.

СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ ¹⁾.

Повѣсть.

XXXI.

ДУХОМЪ земля полнится.

Слуху не сидится на мѣстѣ, онъ бѣгаетъ, рыщетъ, и не по волѣ людской, а по своей собственной. И никому его не поймать, не остановить, не похѣрить. Онъ— что вѣтеръ пролетный: ни помѣхи, ни удержи.

Хотя Ларинъ никому въ усадьбѣ своей не сказалъ ни слова о своей предполагаемой женитьбѣ, и хотя Ишимова и Андрей, выѣхавъ изъ Ларинскаго, тоже ни словомъ не обмолвились, тѣмъ не менѣе послѣ отъѣзда барина въ Москву къ генералу Мордвину вся усадьба знала и говорила:

— Поѣхалъ къ генералу просить разрѣшенія и согласія на преступленіе заповѣди Божеской и на разрѣшеніе смертнаго грѣха.

И въ Ларинскомъ отъ зари до зари только и было разговоровъ и пересудовъ, что о предстоящемъ богопротивномъ происшествіи, котораго надо ждать вскорѣ.

Слухъ о цѣли поѣздки барина въ Москву прибѣжалъ въ усадьбу, однако, просто, хотя и необычнымъ путемъ.

Внукъ старухи Макарушкиной, пользуясь отсутствіемъ барина, уже два раза отпрашивался у Волкова въ монастырь, куда тянула его сердечная заноза въ лицѣ дѣвочки Фимки.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 5.
«истор. вѣстн.», май, 1905 г., т. с.

Волковъ отпускалъ Ваньку Безухаго и даже давалъ лошадь съ конюшни съ тѣмъ, чтобы малый къ вечеру былъ уже назадъ, и съ приказомъ привезти вѣсти о Маремьянѣ Андреевнѣ.

И, съѣздивъ второй разъ, Ванька привезъ вѣсть, что барышня не вернется изъ монастыря въ Ларинское до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ генералъ вмѣстѣ съ бариномъ, и не будетъ совсѣмъ рѣшено ея бракосочетаніе.

Ванька узналъ это отъ Фимки, которая, прислуживая Павлѣ Тимоеевнѣ, многіе ея разговоры съ дочерью подслушала.

Конечно, Ванька передалъ извѣстіе прежде всего старику, а затѣмъ уже своей бабушкѣ. Волковъ подивился, но вскорѣ же рѣшилъ, что такъ и слѣдовало ожидать давно, и разрѣшилъ оповѣстить объ этомъ всѣхъ.

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь,—разсудилъ онъ.—Пуцай тотчасъ всѣ у насъ узнаютъ и ахнутъ, что баринъ затѣялъ.

Однако Кронидъ Захарычъ повторялъ всякому.

— Ничего я не разберу. Баринъ на такой грѣхъ, именуемый смертный, пойдетъ. Что ему! Но генералъ-то, нашъ Яковъ Антоновичъ, какъ сюда замѣшался... Думаю, что онъ не пожелаетъ замѣшаться. Скажетъ Алексѣю Андреевичу: «мое дѣло сторона». А что на такое дѣло дала свое согласіе Павла Тимоеевна, то полагаю, что Фимка по молодости и глупости только путаетъ, и тутъ что нибудь да не такъ.

Однако, раздумывая о неожиданной новости, Кронидъ Захарычъ рѣшилъ побесѣдовать объ этомъ съ отцемъ Елисеємъ и съ Зиновеемъ. Первый, какъ духовное лицо, долженъ былъ знать, до какой степени страшенъ грѣхъ, который бралъ на себя молодой баринъ, губя при этомъ и барышню, его любимицу. А второй, какъ самый умный человѣкъ во всей усадьбѣ, долженъ былъ тоже сказать свое умное слово.

Прежде всего Кронидъ Захарычъ отправился на совѣщаніе къ священнику...

Отецъ Елисей ахнулъ при извѣстіи.

— Господи Іисусе... Конецъ свѣту!—сказалъ онъ.—Сколько на свѣтѣ живу, объ этакомъ не слыхивалъ. Надъсь меня Софья Алексѣевна напугала со своей затѣей грѣховной насчетъ Андрея Андреевича. А вѣдь этакое-то вотъ еще грѣшнѣе, еще погубительнѣе. Тѣ по естеству двоюродные, а нынѣ слышно, будто бы этакіе браки наказуютъ меньше. Да и во всякомъ случаѣ разно. То не строго, а то и совсѣмъ не трогаютъ. А вѣдь баринъ нашъ и Маремьяна Андреевна прямо сущіе и истинные братъ и сестра... И тутъ сущій смертный грѣхъ.

— То-то вотъ, батюшка,—заявилъ Волковъ.—Я вотъ у васъ и хотѣлъ спросить, что собственно оно означаетъ.

— Что?

— А вотъ смертельный, стало быть, грѣхъ. Что се такое?
Отецъ Елисей развелъ руками и сталъ собираться съ мыслями.
Но когда наконецъ онъ приготовился говорить и объяснить Волкову, «какое разумѣніе къ сему приложить подобаетъ», въ ту же минуту къ домику его подошла старуха Макарушкина съ внукомъ.

— Чего это она къ тебѣ, отецъ Елисей? — удивился Волковъ.

— Все то же...—махнулъ старикъ рукой.—Уже третій разъ навѣдываются...

— Насчетъ Фимки? Что же, баринъ разрѣшить.

— Вѣстимо,—отвѣтилъ священникъ.—Но лихо не въ семъ, а въ другомъ обстоятельствѣ. Вѣнчать-то нельзя.

— Какъ нельзя?—воскликнулъ Волковъ.

Священникъ не успѣлъ отвѣчать, какъ старуха, тяжело передвигаясь, вошла въ комнату вмѣстѣ съ Ванькой.

Перездоровавшись, всѣ сѣли, и на вопросъ старухи, какъ обстоитъ ея дѣло, отецъ Елисей отвѣтилъ:

— Да вотъ сейчасъ, завидя тебя, сказывалъ я Крониду Захарычу: ничего подѣлать нельзя, какъ есть ничего.

— Богъ съ тобой!—отозвалась Макарушкина.—Что я тебѣ такое когда сдѣлала? Завсегда уважала и завсегда на праздникахъ отъ меня тебѣ...

— Охъ, родная моя, — отмахнулся священникъ,—сказываю я тебѣ толкомъ. Не во мнѣ дѣло. Я всей душой готовъ, только баринъ разрѣши. Да ничего не подѣлаешь. Какъ же вѣнчать молодца, невѣдомо съ кѣмъ?

— Какъ невѣдомо?—вступился Волковъ съ удивленіемъ: — Фимку всѣ знаютъ.

— Всѣ-то, всѣ... А ты вотъ скажи, кто она такая будетъ.

— Какъ кто?

— Откудова? чья? Кто ея отецъ съ матерью?

— Не знаю.

— Ну, вотъ и я не знаю. И они вотъ не знаютъ,—показалъ священникъ на старуху и Ваньку.

— И то правда!—спохватился Волковъ, удивясь.—Чья она и взаправду? Я ее почиталъ внучкой Перепетуи.

— Она ей чужая!—сказала Макарушкина.

— А при рожденіи ея я ея и не видалъ,—продолжалъ отецъ Елисей.—Записи объ ней никакой нѣтъ. Справлялся я у благочиннаго, а тотъ мнѣ отвѣтилъ, чтобы я съ безумныхъ глазъ къ нему съ глупостями не обращался, и что я долженъ знать, кто такая дѣвчонка, коли она у насъ на селѣ находится и моего прихода душа.

— Вы ея, стало быть, не крестили?—спросилъ Кронидъ Захарычъ удивленно.

— Николи не крестилъ. Она, я говорю, у насъ въ Ларинскомъ, какъ съ неба свалившаяся. Какъ же теперь ее вѣнчать? Она, можетъ, и не Серафима. Можетъ, она и не крещеная вовсе.

— Что вы, что вы!—замахала руками старуха Макарушкина:— грѣхъ вамъ!

— Родная моя, я къ слову сказываю. Надо думать, что крещеная, а не татарка какая. Но на это нужны свидѣтельства записныя, что молъ такого-то года и мѣсяца у такихъ-то мужа съ женой вѣнчанныхъ родилось дитя мужского или женскаго полу и окрещено такимъ-то вотъ причтомъ и такой-то вотъ тебѣ церкви. А этого ничего нѣту. Сказываетъ дѣвчонка спроста, что ее зовутъ Фимкой. И правда истинная. Такъ зовутъ всѣ.. А поди, докажи, что она Серафима. Нельзя. Никакихъ записей нигдѣ нѣтъ.

— А баринъ не можетъ разрѣшить все дѣло?—спросилъ Ванька, молчавшій до тѣхъ поръ.

— Что ты, дурень!—сурово отозвался отецъ Елисей.—Баринъ есть баринъ, а не архіерей.

— Похлопочи, отецъ Елисей,—сказала Макарушкина.—Онъ у меня одинъ внукъ. Втемяшилась эта ему въ голову Фимка. Не хочетъ никакой другой. Похлопочи. Коли, говоришь, нѣту ничего писанаго, то напиши. Ты грамотѣ знаешь. Помарай перышки и выведи на бумажкѣ, что полагается.

— Эхъ, что съ тобой толковать!—обѣими руками отмахнулся священникъ.

— Однако диковинное же это дѣло!—замѣтилъ Волковъ.

Старушка, а за ней и Ванька начали глупо упрасивать священника, очевидно, не понимая вполнѣ его доводовъ. Отецъ Елисей, добродушный и кроткій, вышелъ изъ себя и погналъ ихъ вонъ.

— Уходи вы! Уходи! Лучше съ деревьями, чѣмъ съ вами, разговаривать.

XXXII.

Почти выгнавъ старуху съ внукомъ, священникъ рассказалъ Волкову, что дѣло Фимки такое, какого онъ другого на своей памяти не видалъ и не слыхалъ. У дѣвчонки, именовъ Серафимы, которая съ рожденья своего всѣмъ вѣдома и «почитается душою» на селѣ, нѣтъ ни отца, ни матери. Померли они, или нѣтъ, никому неизвѣстно, такъ какъ никто ихъ никогда не зналъ. Когда она собственно явилась на селѣ и откуда, — никто не знаетъ. Старая Перепегуя говоритъ, что ей покойный староста Авдей привелъ дѣвчонку трехъ что ли лѣтъ и приказалъ пріютить, такъ какъ она одинокая, и пригрозился «зѣло отодрать», коли она дѣвчонку не приметъ и не выходитъ, какъ слѣдуетъ. Потомъ старуха рада была сама, потому что пріемышъ оказался ей въ помощь... И

нравомъ кроткая и работница, какихъ мало, и совсѣмъ смышленная. А тамъ вскорѣ Павла Тимоѳеевна, прослышавъ про сироту у Перепетуи, стала по своей добротѣ всякія подачки ей давать да и къ себѣ раза два въ году допускала, на Пасхѣ и на Рождествѣ всегда этой Фимкѣ что изъ одежды строила. А вотъ теперъ и къ себѣ въ монастырь взяла.

— Ну, все прекрасно,—закончилъ отецъ Елисей.—А кто она такая эта самая Серафима—невѣдомо. Я ее помню на деревнѣ уже лѣтъ пять, шесть. Бывала она у меня вѣстимо на духу и у причастіа... Но я ее не крестилъ.

Волковъ подивился, но затѣмъ тотчасъ же завелъ рѣчь о томъ, зачѣмъ пришелъ, и что его болѣе занимало.

— Ну, Богъ съ ней! Какъ нибудь распутается,—сказалъ онъ.— А вотъ ты мою заботу разрѣши, что я у тебя спрашиваю.

— Что?

— Да вотъ это самое. Смертный, значить, грѣхъ—большой что ли означаетъ или превеликій грѣхъ?

— Вѣстимо, превеликій.

— Коему прощенія нѣтъ, стало быть?

— Нѣтъ, нѣтъ... Какое же прощеніе грѣху смертному, самъ ты посуди, Кронидъ Захарычъ,—важно произнесъ отецъ Елисей.

— И ихъ семь?

— Чего то-ись?..

— Семь смертныхъ грѣховъ.

— Вѣстимо. Такъ сказывается.

— А какіе они эти смертные грѣхи, отецъ Елисей?

— Да много ихъ. Всѣхъ и не перечешь... Убийство, къ прижру, богохуленіе, несоблюденіе постовъ, неуваженіе начальства или хоть и священническаго сана, самозванство...

— Самозванство?—удивился Волковъ.

— Да. Вотъ помнишь Пугачева смутителя? За то, что онъ самозванно пріялъ званіе императора Третьяго Петра, ему съ той поры возглашается анаема.

— Ну, а еще, стало быть, и бракъ между родными?

— Да, сирѣчь кровосмѣсительство. Да много ихъ: непочтеніе родителей, прелюбодѣяніе, пьянство, разбой и воровство, клятвopреступленіе, клеветничество, лихоимство, жестокосердіе...

— Что ты, что ты, отецъ Елисей!—воскликнулъ наконецъ Волковъ.—Вѣдь ихъ семь, а ты ужъ насчиталъ чуть не дюжину, коли не больше.

Отецъ Елисей удивленно поглядѣлъ въ лицо старика.

— Какъ такъ?—спросилъ онъ.—Ты про что?

— Да про то, что ты насчиталъ кучу смертныхъ грѣховъ.

— Такъ что же изъ этого?

— А ихъ семь. Сказывается: семь смертныхъ грѣховъ.

— Вѣстимо, сказывается.

— А ты насчиталъ дюжину...

Отецъ Елисей подумалъ, сообразилъ и понял. Однако онъ тряхнулъ головой, провелъ ладонью по своей густой серебряной бородѣ и вымолвилъ:

— Я тамъ не знаю... Такъ ли, этакъ ли?.. А если по-моему сосчитать всѣ семь смертныхъ грѣховъ, то ихъ дюжины двѣ будутъ.

И наступило молчаніе. Волковъ глядѣлъ на священника и думалъ:

— «Должно, я въ важныхъ дѣлахъ плохо понятливъ, потому что ничего не понимаю, что онъ говорить».

— Стало быть, смертныхъ грѣховъ не семь, а много больше?— спросилъ онъ наконецъ.

— Вѣстимо, больше. Страсть сколько! Всѣхъ не перечести!— воскликнулъ священникъ.

— Зачѣмъ же сказывается семь?

— Такъ, стало быть, полагается!— почти безпомощно развелъ руками священникъ.

Волковъ мысленно махнулъ рукой на дѣло, которое очевидно одолять разумомъ нельзя, и перешелъ къ тому вопросу, ради котораго пришелъ, къ слуху о бракѣ барина.

— Какъ ты, отецъ Елисей, это дѣло посудишь? Самъ-то ты вѣнчать ихъ станешь, или нѣтъ?

— Господь съ тобой! Я и Софью Алексѣевну просилъ меня помиловать и уволить. А этакое бракосочетаніе совершить значитъ въ разстригахъ быть. А то и того хуже. Я даже и не знаю самъ, что нашему брату, священнослужителю, за этакое полагается. Разстричь, по-моему, мало. Въ Соловецкій монастырь сослать на покаяніе съ епитимьей— тоже мало. Въ Сибирь ушлиютъ. Клеймы поставятъ на лбу...

— И полагаешь ты, что барину трудно будетъ найти гдѣ ни на есть согласнаго батюшку, который бы взялся вѣнчать? Ну, за большія деньги что ли?

— Ну, найдеть онъ. А потомъ что?— воскликнулъ отецъ Елисей.— Ну, обвѣнчаются... А дадутъ ли имъ жить вмѣстѣ и грѣховно дѣтей приживать? Наскочить начальство—и подъ судъ, подъ два суда: подъ духовный и подъ гражданственный.

— Ну, вотъ и я такъ-то разсуждаю, — заявилъ Волковъ. — Авось Богъ милостивъ, ничего этого не будетъ. Только прособирается. Онъ-то мнѣ — чужая нога. А мнѣ мою Маремьяну Андреевну жаль. Ей за что погибать?

Вернувшись отъ священника въ усадьбу, Волковъ прошелъ прямо на конюшню, велѣлъ себѣ заложить телѣжку и чрезъ четверть часа доброй рыси уже былъ на опушкѣ сосѣдняго лѣса,

гдѣ стояла изба «пустынника», какъ звали полу-шутя прежняго садовника, удалившагося жить въ одиночествѣ.

Зиновей, завидя пріѣзжаго, вышелъ навстрѣчу и былъ видимо обрадованъ гостю. Волковъ только второй разъ пріѣзжалъ къ нему. Въ первый разъ онъ побывалъ поневолѣ, посланный бариномъ, справиться о здоровьѣ Зиновея, который хворалъ, и свезти гостинцы. Кронидъ Захарычъ исполнилъ тогда порученіе холодно и сурово, видимо недружелюбно. Теперь, когда между прежними многолѣтними врагами неожиданно для обоихъ состоялось примиреніе, Волковъ пріѣхалъ въ добромъ духѣ, какъ настоящій пріятель. Оба старика, не давая себѣ отчета въ обоюдномъ настроеніи, потянулись при встрѣчѣ одинъ къ другому и расцѣловались трижды.

— Милости прошу, въ добрый часъ, — добродушно вымолвилъ Зиновей. — Давно бы пора такъ-то... Чего мы ломались, корчилисъ?.. И Богъ его вѣдаетъ...

— Что объ этомъ? Былье... нечего и поминать... — отозвался Волковъ.

Избушка Зиновея раздѣлялась на двѣ комнаты, въ первой поменьше была печка, гдѣ старикъ стряпалъ себѣ незатѣйливый обѣдъ и ужинъ, и гдѣ на лежанкѣ спалъ по зимамъ.

Если эта первая комната походила на всѣ подобныя въ любой мужицкой избѣ, то вторая имѣла совершенно иной и особый видъ.

— А хорошо вѣдъ у тебя, Зиновей Зиновеичъ, — вымолвилъ Волковъ озираясь.

— Да, этимъ только и живъ, а то бы заскучалъ, — отвѣтилъ старикъ-«пустынникъ». — Какъ бы сдается, что не одинъ. Все это человѣковъ замѣняетъ. И не скучно.

Въ комнатѣ у двухъ окошекъ на придѣланныхъ полкахъ стояли тремя рядами растенія въ большихъ и малыхъ горшкахъ. Зелени была куча, но немало и цвѣтовъ. Стѣны были покрыты картинками, конечно, безъ рамокъ и стеколъ, которыя часто дарили хозяину господу, такъ какъ знали его пристрастіе къ рисункамъ. Надъ цвѣтами висѣли клѣтки съ пѣвчими птицами разнаго рода. Кромѣ уютнаго вида, вся комната, столъ, скамьи и самый полъ бросались въ глаза своей чистотой. Не даромъ прежній садовникъ мылъ два раза въ недѣлю все, что только можно было вымыть, и даже листья своихъ растеній обтиралъ мокрой тряпкой.

Когда хозяинъ и гость усѣлись въ углу на скамьѣ, первый выговорилъ:

— Ну, что у васъ? Когда ждете барина?

— Невѣдомо. Задержался Алексѣй Андреевичъ въ Москвѣ. Да и не мудрено: дѣло у него важное. Слыхалъ ли? Какое?

— Я-то? Гдѣ же мнѣ здѣсь услыхать? Съ той поры, что мы видѣлись, когда Алексѣй Андреевичъ супротивъ тебя неправедно

поступилъ, я вѣдь не былъ у васъ, да и у меня тоже никого отъ васъ не было. Что же за дѣло такое?

— Жениться хочетъ Алексѣй Андреевичъ.

— Что ты!

— Да, жениться.

— Слава Богу, давно ему пора! Что бобылемъ жить? Да и года давно вышли. Господи, благослови.

И Зиновей оживился, большіе, еще красивые глаза его блеснули ярче.

— Погоди такъ сказывать, Зиновей Зиновеичъ, спроси прежде: на комъ? Кого онъ выбралъ по-твоему?—холодно произнесъ Волковъ.

— Кого? Городскую какую... не то изъ здѣшнихъ, изъ сосѣдей что ли.

— Изъ своихъ, родимый... изъ Ларинскихъ... Да...

— Изъ Ларинскихъ,—повторилъ Зиновей, и лицо его стало серьезнымъ.—Какъ же такъ? Кого же? У васъ и нѣтъ никого. Не мужичку же съ села. Не знаю, да и знать не могу. Непонятно.

— Догадкой возьми. Кто у насъ въ Ларинскомъ своя, да еще раскрасавица писаная?...

Зиновей шелохнулся, какъ бы получивъ легкій ударъ, и пристально приглядываясь къ лицу Волкова, выговорилъ:

— Полно! И подумать страшно... Или я съ дуру такъ?... Не понялъ, что ты сказываешь, и самъ глупое подумалъ, чего у тебя и на умѣ не было. Поясни.

— Нечего пояснять. Вѣрно догадалъ, коли испугался. Всѣ мы такъ-то перепугались.

— Кто? кто? Скажи!—воскликнулъ Зиновей.

— Та самая, что у тебя на умѣ. Дѣвица ангельская, да не про него писанная.

— Скажи Бога ради! Самъ я не назову, не могу. Ты осудишь, что этакое непотребное мнѣ втемяшилось.

— Она и есть, Зиновей Зиновеичъ.

— Да ну, говори, не нудь, говори!—отчаянно вскрикнулъ старикъ.

— Маремьяна Андреевна! Вѣстимо!

— О-охъ!—вздыхнулъ, будто простоналъ Зиновей, и, закрывъ лицо руками, тихо закачалъ головой.

И послѣдовало долгое молчаніе. Волковъ первый прервалъ его словами:

— Да, вотъ до чего дожили. Ну, что скажешь? Ты—голова умная: какъ оно по-твоему?...

Зиновей замахалъ обѣими руками и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Сразилъ ты меня, сразилъ! Лучше бы мнѣ помереть до-прежде, чѣмъ этакое видѣть. Запоздала моя смерть.

Волковъ хотѣлъ разсуждать, толковать и заставить старика высказаться подробнѣе, но Зиновей сидѣлъ, какъ пришибленный, и только отвѣчалъ одно:

— Сразилъ ты меня! Эхъ, смерть-то моя запоздала. Не видалъ бы...

И, просидѣвъ довольно долго, Волковъ ничего не добился отъ Зиновья, зато убѣдился, что старикъ пораженъ на смерть.

XXXIII.

Маряша, неожиданно пріѣхавшая когда-то въ монастырь, вѣрнѣе бѣжавшая къ матери отъ Ларина, конечно, скрыла отъ нея, что побудило ее на этотъ внезапный отъѣздъ.

И стыдъ рассказать все матери и боязнь возстановить ее противъ Ларина удержали дѣвушку. Къ тому же предлогъ пріѣзда можно было найти другой. Она объяснила, что явилась извѣстить мать, что Соня и Андрей уѣхали вмѣстѣ въ Москву, рѣшивъ свой бракъ окончательно. Затѣмъ она, конечно, спросила, дѣйствительно ли мать соглашается на ея бракъ съ Ларинымъ.

Мать Маріанна, конечно, ожидала этого вопроса съ минуты появленія дочери, тѣмъ не менѣе смутилась и отозвалась нѣсколько робко и нерѣшительно.

— Что же? Отчего мнѣ не дать своего благословенія вамъ, если Алеша все дѣло устроитъ, какъ слѣдуетъ?

— Какое дѣло?—спросила Маряша.

— Все необходимое... безъ чего не обойдется.

Этотъ отвѣтъ ничего не объяснялъ. Единственный же вопросъ, который дѣвушка могла и должна была сдѣлать, не шель съ языка.

«Вѣдь мы—родня; мы—братъ съ сестрой»,—мысленно говорила Маряша, но вымолвить вслухъ не рѣшалась. За всю ея жизнь объ этомъ не было рѣчи между нею и матерью. Пренней Павлѣ Тимоеевичу было извѣстно давно, что, когда ея дѣти подросли и стали взрослыми, то тотчасъ узнали, кто ихъ отецъ, и какое ихъ положеніе въ домѣ, но сама она съ ними никогда, ни разу не обмолвилась ни единымъ намекомъ, не только словомъ.

Однако ежедневные разговоры матери съ дочерью постоянно и невольно сводились къ важному насущному вопросу. И мать Маріанна, быть можетъ, и бессознательно проговаривалась. Въ умѣ Маряши возникло сначала лишь подозрѣніе, но вскорѣ явилось и усилилось убѣжденіе, что мать соглашается на бракъ только по одной причинѣ... Алеша и она—не родня!

Сначала Маряша испугалась этой мысли, какъ невѣроятной, чрезвычайной, страшной, хотя не отдавала себѣ отчета, почему это такъ, и что именно пугаетъ ее.

Причина была одна. Жизнь дѣвушки протекала и сложилась такъ просто и тихо, все кругомъ нея было или, по крайней мѣрѣ, ей казалось тоже такъ просто, обыкновенно, законно, легко объяснимо и легко понимаемо, что теперь отъ туманныхъ намековъ матери относительно Ларина въ дѣвушкѣ поднялась душевная буря.

Случалось ей, конечно, не разъ слышать мимоходомъ о томъ, какія бѣды и «всякія страсти» бываютъ на свѣтѣ, но все это было нравственно далеко отъ нея.

Это все тамъ, гдѣ-то, въ людяхъ. И, конечно, не въ такихъ людяхъ, каковы они всѣ въ Ларинскомъ. У нихъ этакого ничего случиться не можетъ.

Такъ думалось, даже глубоко вѣрилось ей всегда.

И вдругъ теперь оказывается, что такая же бѣда случилась, или, вѣрнѣе, была уже давно въ самомъ Ларинскомъ, около нея.

Ея собственное положеніе незаконной дочери помѣщика, живущей съ матерью и братомъ у отца въ дому, всегда казалось ей совершенно простымъ и естественнымъ. Лѣтъ до 14-ти она не знала этого, не понимала, но будто чужая, потому что, когда узнала, то не ахнула, не испугалась, но и не обрадовалась.

Не обрадовалась, потому что новаго ничего не совершилось на душѣ. Если бы ей объявили, что Андрей Петровичъ—ей совсѣмъ чужой человѣкъ, она бы болѣе изумилась. Все дѣтство, не зная, что онъ—ей родной отецъ, она отлично знала, всѣмъ существомъ своимъ чувствовала, что онъ—ей близкій, очень близкій человѣкъ. такой же близкій, любимый ею, какъ и мать, Павла Тимофеевна для всѣхъ и «Паша» для него, хотя у него тутъ законная же жена и сынъ.

Теперь невѣроятное открытіе, что Ларинъ—очевидно не сынъ Андрея Петровича, разразилось надъ дѣвушкой, какъ громъ небесный.

Когда въ ней возникло послѣ намековъ монахини лишь одно подозрѣніе, она со страхомъ приступила къ выпытыванію правды и съ надеждой, что все окажется ея глупымъ и даже грѣховнымъ измышленіемъ.

Но вскорѣ не оставалось уже никакого сомнѣнія.

Однажды мать Маріанна сказала дочери:

— Ахъ, ты, глупая голова, да развѣ я дала бы Алешѣ согласіе, если бъ не знала навѣрное, что грѣха въ этомъ бракѣ нѣтъ? А больше я тебѣ ничего не скажу. Поѣхалъ онъ въ Москву, перетолкуетъ съ Яковомъ Антонычемъ, и тогда все рѣшится. Можетъ быть, вернется и замолчитъ, ни словечка не промолвитъ тебѣ о своей любви да о вѣнчаніи, какъ бы и не бывало ничего между вами.

— Какъ такъ?!—встрепенулась Маряша.

— Да, жди! Что дѣлать, будь готова на этакое.

— Да почему же вы это думаете?..

— Испугается, да не такъ, какъ вотъ ты сейчасъ. Испугается на смерть и на попятный пойдетъ, скажетъ тебѣ: «бросилъ, молъ, нашу затѣю».

— Давай Богъ,—воскликнула вдругъ дѣвушка не сдержавшись и, какъ бы спохватясь, прибавила:—да лучше бы для него... бросить это... Мало ли дѣвицъ дворянокъ на свѣтѣ, болѣе подходящихъ?..

— Да, добрая ты душа, Маряша,—со вздохомъ сказала монахиня.—Я всегда это знала, ангель ты мой... Такъ вотъ и теперь... сказываешь: «давай Богъ», а сама бы послѣ этого начала горевать, изнываться, свой вѣкъ коротать. Что, не правда, что ль?

Маряша промолчала и подавила глубокой вздохъ.

Она теперь сама ничего не знала и не понимала.

Когда-то,—а когда именно, Маряша вспомнить не могла,—въ ней возникъ вопросъ: «Такъ ли любятся люди, которые женятся, какъ она любить Алешу?»

Разговоры съ Соней Ишимовой еще болѣе смутили ее.. Нежданное заявленіе красавца Кирилла, что онъ боготворитъ ее и хочетъ просить у Алексѣя Андреевича позволенія жениться на ней, тоже странно подѣйствовало на дѣвушку.. Она много смѣялась добродушному заявленію Кирилла, дозволила ему ради забавы итти «проситься» у Ларина, но затѣмъ, часто объ этомъ вспоминая, не смѣялась, а задумывалась. А затѣмъ, будто оправдывая какое-то смутное чувство, сказывающееся въ ней, отвѣчала себѣ самой: «Что же? Онъ не хуже меня, онъ не мужикъ, даже побольше меня: батюшка—дворянинъ, а его отецъ—князь столичный, а матери—обѣ простыя крестьянки».

Наконецъ, послѣ краткой, но бурной стычки съ Ларинымъ, послѣ которой она бѣжала, Маряша еще чаще спрашивала себя: «Любовь ли это сущая, или все это марево одно?»

Зачѣмъ же тогда выходить замужъ, да еще въ такихъ особыхъ обстоятельствахъ, на соблазнъ всѣхъ, когда этотъ человекъ ей дорогъ, ей по сердцу, но не такъ, какъ бы слѣдовало. И ей уже казалось самымъ желательнымъ: «прожить всю жизнь съ Алешей въ Ларинскомъ, будучи женой другого, ну, хоть бы того же Кирилла».

Всѣ эти соображенія смущали и опечаливали дѣвушку.

Даже еще при встрѣчѣ съ матерью она чуть не проговорила.

Когда Маряша пріѣхала, монахиня, улыбаясь, тотчасъ же спросила у дочери:

— Ну, стало, конецъ! Выходить, вы другъ безъ дружки не можете прожить на свѣтѣ.

— Алеша сказываетъ такъ-то, а я, право, хоть мѣсяцъ, а то и годъ проживу безъ него,—вырвалось у Маряши.

— Что такъ?—удивилась мать Маріанна.

Маряша объяснила, что она сама не знаетъ, почему и какъ, но, любя Алексѣя Андреевича, она могла бы и обойтись безъ замужества. Онъ хочетъ, а не она.

Узнавъ черезъ гонца, что Ларинъ рѣшился и уѣхалъ въ Москву къ Мордвину, а дочь погостить покуда у нея, монахиня, разумѣется, обрадовалась. Маряшу наоборотъ смутило извѣстіе объ отъѣздѣ Ларина.

И здѣсь, въ невозмутимой тишинѣ монастырской жизни, вопросъ, преслѣдовавшій дѣвушку за послѣднее время, сталъ являться еще сильнѣе, еще назойливѣе.

Она уже не спрашивала себя: «такъ ли, какъ слѣдуетъ», любить она Ларина? Она уже рѣшила, что не «такъ». Ей представлялось, что ея чувство положительно измѣнилось, что оно не то, какимъ было всего, быть можетъ, мѣсяцъ назадъ. Еще недавно оно было, «какъ слѣдуетъ», а теперь другое.

Однако черезъ нѣсколько дней тихой, однообразной жизни въ монастырѣ у дѣвушки стало на душѣ тоже тише. Эта жизнь была по ней. Здѣсь какъ-то не хотѣлось и думать о всякой суетѣ мірской и всякихъ человѣчкихъ передрагахъ.

— Какъ хорошо у васъ! — ежедневно восклицала Маряша въ разговорѣ съ разными монахинями.

— У насъ, извѣстно, затворное житіе, — отвѣчали ей.

Съ первыхъ же дней Маряша полюбила дѣвчонку, которая прислуживала въ кельѣ, и удивилась, узнавъ, что она тоже изъ Ларинскаго, жила на селѣ и лишь недавно взята матерью Маріанной въ монастырь. Что-то влекло Маряшу къ этой дѣвушкѣ-ребенку. Приглаживаясь къ ней внимательнѣе, она все болѣе убѣждалась въ томъ, что ей сразу бросилось въ глаза при пріѣздѣ.

И наконецъ, однажды, случайно вспомнивъ, она сказала матери:

— Матушка, что я вамъ скажу? Вы смѣяться будете.

— Ну, говори. Я давно не смѣялась.

— А смѣшного ничего нѣтъ. Правда. Коли вы приглядитесь хорошенько, то согласитесь, что моя правда. Удивительно...

— Да ну, ну... разсмѣши... своимъ удивительнымъ.

— Фимка ваша страсть похожа на брата.

— Что-о?! — проговорила мать Маріанна, будто оторопѣвъ, но не съ удивленіемъ, а почти съ испугомъ.

— Фимка, я говорю, непостижимо похожа на Андрюшу. Ей-Богу, чѣмъ больше я на нее смотрю, тѣмъ больше вижу. А глаза всеѣмъ Андрюшины.

Мать Маріанна молчала и сидѣла, будто окаменѣвъ. Женщина за всю свою жизнь ни разу не солгала, когда еще была Павлой Тимофеевной, а, ставъ монахиней, она боялась даже невольной неправды. Однажды, сидя у старухи игуменьи, она на ея вопросъ: «кажись, дождикъ пошелъ?» — поглядѣла въ окошко и отвѣтила: «и

то дождикъ, матушка игуменья». Выйдя изъ келліи на дворъ, она увидѣла, что о дождѣ и помину нѣтъ. Только небо сѣрвато. Она быстро вернулась къ игуменѣ, поклонилась ей въ ноги и выговорила съ чувствомъ: «Прости меня, грѣшную, мать игуменья. Солгала я тебѣ. Не было и нѣту дождя. Прости грѣхъ невольный».

И поступая такъ, прося прощеніе, мать Маріанна не лицедействовала и не шутила. Она смутилась. Ей и такой лжи не хотѣлось оставить на душѣ своей.

А теперь дочь задала вопросъ, на который надо было отвѣчать правду или солгать. И то и другое было невозможно.

— Что же, матушка, молчишь? Не правда моя?—улыбалась Маряша весело.

Но вдругъ она перестала улыбаться и изумляясь приглядѣлась къ лицу матери.

Мать Маріанна смущенно и испуганно озиралась кругомъ себя, будто искала чего-то...

— Что съ вами?—ахнула Маряша:—нездоровится?...

— Да... нѣтъ... да... — пробормотала монахиня и затѣмъ уже твердымъ голосомъ прибавила:—да, сразу нехорошо стало...

И это она могла сказать твердо, потому что это была правда... Отъ вопроса дочери ей стало нехорошо.

— Ты о чемъ это... о Фимкѣ?—заговорила она наконецъ.— Пожалуй, да, можетъ быть, и похожа. Мало ли какъ лица бываютъ схожи?

И монахиня перевела разговоръ на сына и Ишимову...

На другой же день Маряшѣ пришлось заняться судьбой своей новой любимицы, просить за нее мать и поставить монахиню снова въ затруднительное положеніе.

За послѣдніе два дня Фимка, прежде всегда веселая и радостная, стала задумчива и печальна.

Наконецъ Маряша нашла дѣвочку горько плачущей.

— Чего ты это реवेशь?—удивилась она.

— Горемычная я, не родиться бы... Мать родная въ утробѣ прокляла... Свѣту Божьяго не видать бы николи,—ревѣла и причитала Фимка, сама, конечно, не зная и не понимая, что съ чужого голоса повторяетъ.

— Да полно ты, глупая... Говори толкомъ...—ласково сказала Маряша, невольно усмѣхаясь дѣтскому вою Фимки.—Тарелку что ли или другое что разбила?

— Нѣтъ, не тарелку... А Иванъ... Ванюшкѣ... нашъ батька... О-охъ, горемычная я, не родиться бы да свѣтика Божія не видать... въ утробѣ матери!... снова начала выть и путать Фимка.

— Полно, дура! Слышишь! Тебѣ говорятъ, перестать! — крикнула Маряша, уже громко смѣясь.

Не сразу угомонила она дѣвчонку и заставила подробно толкомъ рассказать, въ чемъ ея горе.

Оказалось, что она и Ванька Безухій вмѣстѣ собирались проситься у барина да и у матери Маріанны итти подѣ вѣнецъ. А батюшка, отецъ Елисей, не хочетъ вѣнчать, сказываетъ, что она—воровская дѣвка, и что ея, почитай, и совсѣмъ на свѣтѣ нѣту.

— Какъ совсѣмъ на свѣтѣ нѣту?

— Нѣту, нѣту...— снова завыла Фимка.

— Кого нѣту, глупая?

— Меня нѣту, меня...

Маряша уже начала хохотать и невольно опустила на стулъ.

Видѣ дѣвчонки, ея голосъ плаксивый и съ завываньемъ, и ея искреннее горе смѣшили Маряшу и въ то же время затрогивали ея любопытство.

— Кто тебѣ это все сказалъ? Ванька?

— Иванъ... Иванъ... Отецъ Елисей сказываетъ, что онъ меня не крестилъ, а, стало быть, меня нѣту.

— Гдѣ нѣту... гдѣ?...

— Не знаю.

Нахотавшись досыта, Маряша обласкала дѣвчонку, успокоила, обѣщала, что за нее заступится сама и все устроитъ. Она снова было попробовала заставить Фимку объясниться толковѣе. Но дѣвчонка не знала ничего болѣе. «Ванька сказалъ, что отецъ Елисей сказалъ, что меня нѣту». Далѣе Фимка ничего не знала и сказать не могла.

Узнавъ, что Ванька въ монастырѣ, тайкомъ пріѣхалъ повидаться со своей возлюбленной, Маряша тотчасъ же велѣла дѣвчонкѣ его позвать.

Разумѣется, Безухій разсказалъ все, какъ слѣдуетъ, и затѣмъ бросился въ ноги Маряшѣ, прося заступиться и выхлопотать разрѣшеніе на его бракъ съ Фимкой.

— Какъ баринъ вернется изъ Москвы, сейчасъ же буду его просить,—обѣщала Маряша, и впередъ обѣщала, что все уладится.

XXXIV.

— Кто? кто?! Нельзя узнать догадкой. Вѣкъ продумай—ничего не надумаешь.

Вотъ что повторялъ и мысленно и вслухъ Алексѣй Андреевичъ, гуляя или вѣрнѣе бродя по Москвѣ до крайней усталости, до полнаго изнеможенія, такъ какъ ему не сидѣлось дома.

Отъ волненія, отъ смуты на душѣ онъ два дня подѣ рядѣ съ утра выходилъ изъ дому, не повидавшись съ старикомъ хозяиномъ. Онъ объяснилъ, что у него дѣла въ городѣ. Пообѣдавъ гдѣнибудь въ трактирѣ, онъ возвращался поздно, заявляя, что дѣла его задержали, и, посидѣвъ немного съ Мордвинымъ, поговоривъ

о всякихъ пустякахъ, уходитъ въ свою комнату, ссылаясь на усталость и на желаніе спать.

Въ дѣйствительности онъ не смыкалъ очей до полного восхода и засыпалъ часовъ въ пять утра, чтобы подняться въ девять и скрыться изъ дома.

За три дня онъ сильно измѣнился: или изнемогъ отъ волненія или измучился отъ праздношатапія, терзаемый одной мыслью, однимъ вопросомъ:

— Кто?

Да, «кто» его отецъ? Догадаться нельзя, и надо добиться правды отъ старика. Надо заставить его насильно высказаться. Такъ оставаться нельзя!

Сколько ни ломалъ себѣ голову Ларинъ, сколько ни рылся въ воспоминаніяхъ дѣтства, разсуждая и соображая, онъ не могъ «найти» и назвать того, кто могъ быть его дѣйствительнымъ отцомъ.

Только двухъ человѣкъ могъ надумать онъ, но на оба эти предположенія Мордвинъ отвѣчалъ отрицаніемъ, удивленіемъ и даже смѣхомъ.

Объ Андреѣ Петровичѣ онъ не думалъ... Даже и думать забылъ. Узнать, что этотъ человѣкъ, котораго онъ считалъ роднымъ отцомъ, оказывается ему совершенно чужимъ, — его ни на мгновенье не тронуло, не опечалило. Явилось смутное чувство, что какъ будто онъ это давно зналъ или чувствовалъ всегда, предчувствовалъ.

Что Андрей Петровичъ «чужой, а не родной отецъ», — оказывалось чѣмъ-то простымъ, естественнымъ, понятнымъ.

Вспоминая и перебирая теперь въ головѣ всякія мелочи жизни и взаимныхъ отношеній за долгіе годы дѣтства, отрочества и юности, Алексѣй убѣждался, что «оно такъ и быть должно».

Если бъ не генералъ Мордвинъ открылъ ему эту тайну, а лишь простой слухъ дошелъ до него, то, кажется, и тогда онъ повѣрилъ бы.

Было всегда что-то странное въ этомъ «отцѣ» по отношенію къ нему, ребенку и юношѣ... И вотъ теперь оно объяснилось. Непонятное и странное стало ясно, какъ день.

На третій день Ларинъ не выдержалъ и снова приступилъ къ генералу съ тѣмъ же вопросомъ.

— Что вамъ стоитъ сказать мнѣ всю правду? — заговорилъ онъ. — Я много думалъ и передумалъ и не могу понять, что васъ удерживаетъ.

— Какъ же мнѣ сказать, голубчикъ, когда я не знаю самъ? — робко отозвался старикъ.

— Не знаете?

— Вѣстимо, не знаю навѣрное.

— Побожитесь предъ Богомъ, что не знаете...

— Чего, то-есть?..

— Ахъ, Яковъ Антоновичъ! Грѣхъ вамъ такъ меня мучить виляньемъ... Ну, побожитесь, дайте клятву, что не знаете, кто мой отецъ.

Мордвинъ насунился и выговорилъ:

— Не могу.

— Не можете... То-то вотъ. Не можете побожиться, потому что знаете.

— Ну, знаю... Ну, будь по-твоему: знаю. Но сказать тебѣ это не могу.

— Почему?

— Да потому, что не могу... потому что...

И Мордвинъ смолкъ.

— Ради Создателя, хоть одно поясните! Почему именно вы не можете сказать?—воскликнулъ Ларинъ.

— Ну, хорошо... слушай. Не могу я тебѣ сказать все по той причинѣ, что оно тебѣ окажется обиднымъ. Ты не вѣсть что предполагаешь, а тутъ, можетъ быть, совсѣмъ иное. Ну, представь себѣ, что твой настоящій родитель—человѣкъ совсѣмъ простой... даже не дворянинъ, даже не... ну, совсѣмъ простой...

Ларинъ двинулся, будто встрепенулся всѣмъ тѣломъ, затѣмъ, тяжело переводя дыханіе, выговорилъ съ трудомъ:

— Понялъ... знаю... понимаю... Ну, не надо. Не говорите. Скажите только: живъ онъ?

— Живъ,—тихо отвѣтилъ Мордвинъ.

Наступило молчаніе. Алексѣй Андреевичъ сидѣлъ, опустивъ глаза въ полъ. Онъ сильно поблѣднѣлъ и прерывисто дышалъ.

— Вотъ видишь самъ, Алеша. Что хорошаго этакое говорить, этакое узнавать? Оттого я сказывать и не...

— Да я ужъ знаю... Сказали.

— Что сказали?

— Сказали: простой... не дворянинъ... А если такъ... ну, стало, торгашъ или стрекулистъ какой. А ужъ кто онъ, какъ его звать, мнѣ все едино. Ивановъ звать, Сидоромъ что ли — не все ль равно?

Переведа дыханіе, Ларинъ прибавилъ:

— Да, страшное дѣло. Не заслужилъ... За что этакое? Чѣмъ я прогнѣвалъ Господа?

И онъ закрылъ лицо руками.

Только чрезъ сутки нѣсколько успокоился молодой малый и сталъ хладнокровнѣе обдумывать все.

Обсудивъ свое положеніе со всѣхъ сторонъ и до мельчайшихъ подробностей, онъ додумался до одного очень важнаго обстоятельства.

Достаточно ли, вернувшись къ себѣ, заявить всѣмъ, что онъ не сынъ Андрея Петровича, чтобы всѣ повѣрили—и свои крѣпостные и, главное, начальство. Могутъ, конечно, подумать, что это уловка, и не хитро придуманная, шитая бѣлыми нитками. Надо доказать, что это—истинная правда. А какъ доказать? Вотъ если бы его отецъ былъ имъ разысканъ и явился бы самъ въ Ларинское и самъ объявилъ бы всю правду, а Мордвинъ ее бы подтвердилъ, то тогда, понятно, все бы сразу наладилось и окончательно устроилось, такъ какъ духовное начальство не нашло бы препятствій къ разрѣшенію брака.

Иного исхода собственно не было никакого.

И, рѣшивъ этотъ вопросъ, Алексѣй Андреевичъ снова приступилъ къ старику, разъясняя ему,—на этотъ разъ спокойно и дѣловито,—свои соображенія.

— Тутъ дѣло не въ любопытствѣ пустомъ, Яковъ Антоновичъ,—сказалъ онъ,—и не въ сердечномъ желаніи знать правду. Дѣло въ дѣлѣ самомъ, какъ его повести и къ благому концу привести. Безъ этого ничего не выйдетъ. Поймите.

Мордвинъ выслушалъ и молчалъ.

— Что же? не согласны вы развѣ со мной?—спросилъ Ларинъ холодно.

Генераль, сидѣвшій за своимъ письменнымъ столомъ за бумагами, вдругъ всталъ и, махнувъ рукой, почти отчаянно выговорилъ:

— Правда твоя... Стало быть, ужъ судьба. Стало, уже такъ надо. Ну, слушай... Не пеняй на меня... Не хотѣлось мнѣ... Ты присталъ съ ножомъ къ горлу, да и говоришь, что оно облегчитъ все дѣло... Ну, такъ изволь...

И наступило молчаніе. Старикъ будто собирался съ духомъ вымолвить роковое слово. Ларинъ, видимо волнуясь, стоялъ неподвижно, зорко глядѣлъ старику въ лицо и молчалъ...

— Стало быть, говорить всю правду матушку?... вымолвилъ Мордвинъ опять, но нѣсколько тише.—Говорить?... Ну... ну, вотъ. Твой отецъ—твой же крѣпостной, у тебя же въ Ларинскомъ живетъ, и ты его любишь. А онъ-то тебя боготворить... Ну, знаешь...

Ларинъ сильно измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ и, слегка будто пошатнувшись, опустился на ближайшее кресло...

— Господи!—глухо проговорилъ онъ.

— Не трудно вѣдь самому догадаться, Алеша... Хорошій, добрый старикъ. Рабъ крѣпостной, но съ благороднымъ, какъ бы дворянскимъ сердцемъ... Ну?!...

— Знаю... знаю... чуть слышно произнесъ Ларинъ. Затѣмъ, какъ бы собравшись съ силами, онъ выговорилъ:

— Зиновей....

«истор. вѣстн.», май, 1906 г., т. с.

Мордвинъ отвѣтилъ и что-то заговорилъ горячо, но Алексѣй Андреевичъ ничего не слышалъ. Въ ухахъ стучало и гудѣло: «Зиновей!»

Прошло дня три—Ларинъ ходилъ пораженный, разбитый...

«Правда—матушка» поразила больше, чѣмъ думалъ Мордвинъ, сильнѣе, чѣмъ самъ онъ могъ предполагать.

Недавно уже догадывался онъ, что его невѣдомый отецъ простой человѣкъ, купецъ, а, можетъ быть... да, страшно подумать—можетъ быть, крестьянинъ, стало быть, хамъ, холопъ, рабъ...

Но, ужасаясь, онъ будто утѣшалъ себя мыслию, что не станеть разыскивать этого мужика и холопа, никогда не увидитъ его въ глаза и, стало быть, и знать не будетъ. Только имя его будетъ знать. Мысль, что этотъ мужикъ — свой холопъ, обитатель Ларинскаго, ни разу не пришла ему на умъ.

— Зиновей!.

Это имя теперь звучало непрерывно въ его головѣ, отдавалось будто болью на сердцѣ, болью, въ которой и горечь обиды и жгучій срамъ передъ людьми.

«Ужъ лучше бы какой другой, невѣдомый мужикъ,—думалось ему,—а не этотъ свой... Да и изъ своихъ-то лучше бы не онъ, а другбй»...

Но объяснить себѣ этой мысли Алексѣй Андреевичъ не могъ. Вѣдь онъ всю жизнь съ ранняго дѣтства любилъ этого мужика, звалъ даже въ шутку со словъ другихъ — «нянюшкой». Стало быть, слѣдовало бы, по разуму, радоваться, что этотъ «отецъ» ужъ любимъ давно и давно, самъ любить его, Ларина. На дѣлѣ же выходило или казалось еще горше. Затѣмъ кучи вопросовъ полѣзли въ голову. И всѣ эти вопросы были собственно не нужны, не любопытны сами по себѣ, ничего не разрѣшая и не уясняя.

«Зналъ ли про все отецъ... то-есть, не отецъ, а Андрей Петровичъ, господинъ Ларинъ... Вѣроятно, зналъ...

«Знаетъ ли все самъ Зиновей? Разумѣется.

«А законъ? Если все огласить, за него ли законъ? Владѣлецъ ли онъ вотчины? Законный наслѣдникъ? Конечно».

И наконецъ поднялся и сталъ предъ разумомъ вопросъ.

А огласка и срамъ?! Вѣдь стыдно будетъ въ глаза людямъ смотрѣть. Мужикъ дворяниномъ прикинулся! Правда, мать дворянка... Но состояніе всякаго идетъ отъ отца. Женись Андрей Петровичъ на Павлѣ Тимошеевнѣ, то Андрей и Марьяша были бы дворяне. А онъ, стало быть, и Ларинъ, и Андреевичъ, и дворянинъ, и помѣщикъ, и Ларинскій душевладѣлецъ—все это выдумка, ложь, самозванство.

И срамъ, срамъ, срамъ!..

А избѣгнуть нельзя,

— Одно есть средство избѣгнуть, есть! — подсказалъ вдругъ разумъ: не жениться на Маряшѣ, бросить затѣю, пожертвовать своей любовью гонору.

Но онъ тотчасъ будто испугался этого голоса.

XXXV.

Однажды въ сумерки всѣ дворовые повскакали съ мѣстъ, всякій бросилъ свое дѣло, и всѣ высыпали на дворъ и за ворота.

На селѣ слышались колокольчикъ и бубенцы. Это могъ быть баринъ изъ Москвы, могли быть и гости изъ сосѣдей, могъ быть и приказный какой по дѣлу изъ уѣзднаго города.

— Ванька, лѣзь на дерево! — крикнулъ кто-то Безухому, первому мастеру лазать.

Ванька кинулся къ дереву, большому и развѣсистому клѣну близъ воротъ и быстро, какъ бѣлка, вскарабкался до половины дерева, откуда отлично было видно все село.

— Ну, ну, сказывай, чортъ! — нетерпѣливо кричали снизу.

— Наши! Баринъ! — крикнулъ Ванька.

— Вѣрно ли?

— Чего еще?.. И красная бородища Егорова, и Павелъ Митричъ на козлахъ, и Бѣлоножка въ корню! — крикнулъ Ванька и турманомъ соскользнулъ, точно свалился съ дерева.

Черезъ четверть часа дѣйствительно во дворъ вѣзжала дорожная карета барина. Кланяющаяся радостно дворня чуть не ахнула въ одинъ голосъ.

Съ бариномъ былъ генераль.

— Яковъ Антонычъ, Яковъ Антонычъ! — заголосили со всѣхъ сторонъ, и все бросилось бѣжать за каретой чрезъ дворъ къ подъѣзду.

Когда баринъ и генераль вышли изъ экипажа, вся дворня гулко и радостно кинулась на перебой «къ ручкѣ», при чемъ было замѣтно, что всѣ радовались не столько барину, сколько своему «золотому» Якову Антоновичу, издавна любимому.

— Ну, васъ... легче! — выговорилъ Ларинъ, осаждаемый со всѣхъ сторонъ налѣзающими и хватающими его руку.

— Здорово, здорово, олухи Царя Небеснаго! — добродушно и ласково говорилъ Мордвинъ, самъ подавая или тыча руку къ счастливымъ лицамъ.

Домъ ожилъ... Всѣ люди, обычно лѣнныя по природѣ или уже по преданію, преемственности, — забѣгали и швырялись. Даже старая Аѳимья, сѣнная, по приказу повара принести къ вечеру съ птичнаго двора два десятка яицъ, кинулась тотчасъ же, вмигъ побѣжала рысью, вмигъ прибѣжала съ яйцами въ фар

тукъ и вмигъ шлепнулась въ коридоръ, растянувшись на полу и искусно передавивъ всѣ своимъ животомъ.

— Ай, да насѣдка, коли не высидѣла, такъ выдавила!—шутили кругомъ.

Понемногу къ вечеру стало тише, первое впечатлѣніе радости проходило, но послѣ ужина господъ снова заволновались всѣ. Прислуживавшій за столомъ Кронидъ Захарычъ сообщилъ новость.

— Завтра же утромъ господа ѣдутъ въ монастырь. А затѣмъ Маремьяна Андреевна и мать Маріанна пріѣдутъ въ Ларинское. Обѣ, обѣ пріѣдутъ.

И снова всѣ были «ушки на макушкѣ». Посѣщеніе монахини, прежней Павлы Тимошеевны, которую всѣ любили и сто лѣтъ не видали, всѣхъ обрадовало, но равно и поразило. Дворяня почувяла, что это не спроста. Стало быть, «жди диковины».

А диковина, конечно, могла быть только одна—объявленіе о бракосочетаніи, и такомъ, какое не слыхано и не видано съ тѣхъ поръ, что міръ стоитъ.

Молодой баринъ показался всѣмъ какъ-то «не въ себѣ», пасмурень или угрюмъ, будто не въ мѣру озабоченнымъ чѣмъ-то, да и генераль, всегда веселый, тоже былъ сравнительно суровъ и задумчивъ.

Это было вѣрно. Причины были, конечно, разныя.

Ларинъ будто еще не могъ окончательно прійти въ себя отъ того, что свалилось ему на голову, и, будто съ просонья или же будто еще оглушенный ударомъ, двигался и мыслилъ, какъ въ чаду, будто еще не зная, не рѣшивъ окончательно, дѣйствовать ли, не отступить ли.

Разумѣется, оно только такъ казалось. Онъ рѣшился, но чувствовалъ, что беретъ на себя непосильное. Любовь къ дѣвушкѣ сильна, какъ и прежде, но жертва во имя этой любви—ужасающе жестока и страшна.

«Хуже смерти».

Мордвинъ, все видѣвшій ясно, такъ какъ прилежно наблюдалъ за молодымъ человѣкомъ, понималъ, что въ немъ началась и совершается жестокая борьба съ самимъ собой, борьба чувства съ разумомъ, или борьба любви съ себялюбіемъ.

И еще въ Москвѣ, не только въ пути, старикъ много разъ повторилъ молодому человѣку.

— Подумай, поразмысли. Не спиши. Не раскайся потомъ.

Ларинъ почти не отвѣчалъ на эти увѣщанья. Онъ не зналъ, что отвѣчать. Его любовь къ Маряшѣ была равносильна любви къ себѣ. Это теперь сказывалось ясно.

Когда теперь, уже у себя дома и накануне рѣшительнаго шага, то-есть поѣздки въ монастырь, Ларинъ сидѣлъ молчаливый, удру-

ченный, какъ бы потерявшійся, Яковъ Антоновичъ, подсѣвъ къ нему и притворясь веселымъ и безпечнымъ, ударилъ его по плечу и вымолвилъ:

— Алеша, въ послѣдній разъ, родной... Брось!..

Ларинъ не отвѣчалъ.

— Брось... выкинь изъ головы!—продолжалъ старикъ.—Дорого! Ну, что, если, помилуй Богъ, тебя заѣстъ потомъ мысль, что купилъ хорошее, да втридорога, да начнешь ты попрекать ни въ чемъ неповинную жену?..

— Нѣтъ, этого никогда не будетъ, Яковъ Антоновичъ. А себя казнить, можетъ, и буду. Правду сказали вы: хорошо, да ужъ больно дорого стѣить.

— Боюся я, Алеша, боюся. Отступись или иди безъ оглядки, а такъ нельзя...

Алексѣй Андреевичъ понурился и глубоко задумался.

Однако наутро, поднявшись нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, Ларинъ былъ заснулъ или оживленнѣе на видъ. Онъ плохо спалъ ночь, поздно заснулъ и много думалъ все о томъ же, но зато додумался, рѣшилъ вопросъ и былъ радъ. Его бодрость была лишь простое крайнее возбужденіе труса, стремительно бросающагося на то, что его устрашаетъ, но отъ чего бѣжать нѣтъ возможности.

Онъ нетерпѣливо ждалъ, когда встанетъ Мордвинъ. Едва только старикъ появился въ столовой въ шлафрокъ и въ ермолкѣ, Ларинъ, поздоровавшись, вымолвилъ.

— Яковъ Антоновичъ, слава Богу... Утро вечера мудренѣе. Я за ночь все совсѣмъ поразсудилъ, даже до всякихъ подробностей.

— Бросилъ?

— Нѣтъ, будетъ все, какъ мы говорили, но только... одна перемѣна. По-вашему, она, можетъ, и пустяковая. Ну, а для меня вся и сила въ этомъ. Я сейчасъ же послѣ свадьбы уѣду съ женой отсюда на жительство въ Москву, продамъ тамъ заглазно Ларинское и куплю вотчину въ другой губерніи и обзаведусь всѣмъ новымъ. Отсюда ни единой души изъ холоповъ не возьму. А тамъ, гдѣ я буду жить, никто и знать ничего не будетъ обо всемъ происшествіи. Развѣ не умно придумано? Скажите-ка!..

Мордвинъ молчалъ и, къ удивленію Ларина, не принялъ извѣстія, какъ молодой человекъ предполагалъ.

— Что же вы? Неужели глупо по-вашему? Все дѣло налаживается этакъ. Не будетъ кругомъ меня ротозѣевъ холоповъ, которые все знаютъ.

— Что жъ... коли это тебѣ главная помѣха, то и толковать нечего,—выговорилъ Мордвинъ.—Только думаю я, родной мой, что будетъ осѣчка. Слухомъ земля полнится... Куда ни переберись на житье, не уйдешь. Будетъ здѣсь соблазнъ... Ты отсюда уйдешь,

а онъ за тобой пойдетъ: куда ты, туда и онъ, за тобой по пятамъ... Въ лицо тебѣ будетъ молчекъ, а за спиной...

— Ну, пускай... Я этого знать не буду. А главное не буду видѣть всѣхъ здѣшнихъ, и своихъ олуховъ и дворянъ сосѣдей.

— Коли такъ... отлично. Кому что по душѣ и по нраву. Да впрочемъ я тебѣ сказывалъ уже: это все послѣднее дѣло, это все одно пустое себялюбіе.

«Себялюбіе!—подумалъ Ларинъ.—Вчужѣ хорошо такъ разсуждать».

— Стало быть, ѣдемъ сейчасъ въ монастырь и привозимъ сюда невѣсту съ матерью,—нѣсколько оживился Мордвинъ.

— Нѣтъ, Яковъ Антоновичъ, повременимъ, отложимъ. Или ступайте покуда одни, а я приѣду къ вечеру или завтра.

И, видя удивленное лицо старика, Ларинъ прибавилъ, будто отчасти смущаясь или стыдясь.

— Я хочу прежде вызвать... Зиновея Зиновеича... перетолковать съ нимъ... объясниться во всемъ...

— Это дѣло... Да, лучше прежде всего прочаго съ нимъ поведаться и побесѣдовать. Только, Алеша, ты ужъ лучше бы съѣздилъ самъ.

— Куда?

— Къ нему.

— Зачѣмъ?—удивился Ларинъ.

— Да не знаю... А такъ мнѣ сдается... лучше такъ-то... Прежде вызывалъ, какъ баринъ, своего...

Мордвинъ запнулся и прибавилъ:

— А теперь, какъ отца, посѣти самъ.

— Что жъ, пожалуй. Это не трудно и не обидно. Онъ уже не крѣпостной мой, а совсѣмъ иное... Да...

И Ларинъ задумался и нахмурился.

— Будь все же поласковѣе,—будто смущаясь, произнесъ Мордвинъ.

— Да, да...

— Пояснить я тебѣ не могу, что я чувствую. На умѣ у меня ясно, а словами сказать трудно. Думаю я, Алеша, что ему, Зиновею Зиновеичу, было бы предпочтительнѣе, если бы на то была его воля, было бы желательнѣе совсѣмъ съ тобой въ этикіе передѣлы не вступать и ни въ чемъ не объясняться, нежели услышать отъ тебя правду и самому сказаться по душѣ, да вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть, какъ оно тебѣ тяжело. Ему-то радость, а тебѣ-то тягость. Твой стыдъ, что ли, будетъ ему ножъ острый... Понялъ ли ты меня? Ты-то правъ, что стыдишься, да вѣдь и онъ не виновать. Онъ молчалъ и молчитъ. Ты же къ нему лѣзешь и требуешь: «говори, молъ». Понимаешь ли ты?...

— Да-да... протянулъ Ларинъ.

- Будь поласковѣе...
- Да ужъ какъ смогу, Яковъ Антоновичъ. Я его всегда любилъ съ рожденья, только не этакъ, вѣстимо...
- Какъ—не этакъ?
- Не этакъ, какъ теперъ требуется. А этакъ—не знаю...

XXXVI.

Такъ какъ Мордвинъ не захотѣлъ ѣхать въ монастырь одинъ, то было рѣшено, что Алексѣй Андреевичъ повидается со старикомъ, а затѣмъ они выѣдутъ или отложатъ поѣздку до слѣдующаго дня.

Сильно смущенный, двинулся Ларинъ на опушку лѣса, гдѣ жилъ «пустынникъ». Онъ не зналъ, что скажетъ, какъ объяснится, и старался даже не думать и не обдумывать впередъ это свиданіе и объясненіе.

Разумѣется, Зиновей, завидя подѣзжающаго къ избушкѣ Ларина, смутился до испуга, до сильнаго страха. Умный старикъ тотчасъ же почувалъ, что Алексѣй Андреевичъ, пріѣзжающій самъ къ нему, никогда прежде не бывавши,—дѣло не заурядное.

— «Опросить о своемъ бракѣ,—подумалъ онъ,—развѣдать про мои мысли».

Но тотчасъ же онъ самъ отвѣтилъ себѣ:

— «Полно, не за этимъ... иное!.. Господи, помилуй и оборони!.. Неужто и впрямь моя смерть запоздала?»

Старикъ встрѣтилъ барина на крылечкѣ домика, низко кланяясь, но отъ смущенія молчалъ, не зная, что сказать.

Ларинъ выскочилъ изъ телѣжки, тоже смущенный, и сказалъ коротко:

— Здравствуй, здравствуй... Вотъ я... пріѣхалъ.

Онъ вошелъ въ комнаты, оглянулся вокругъ себя и выговорилъ бодрѣе:

— У тебя, просто диво, какъ расположено все. Чисто барскія комнаты. Что это за птица такая?..

— Чижъ... чижики... отвѣтилъ старикъ.

— А это?

— Овсянка... не то трясогузка... не знаю.

— Трясогузка... Да... такъ... вишь все хвостомъ встряхиваетъ.

Не находя, что сказать, Ларинъ сѣлъ, но тотчасъ же, будто спохватясь, выговорилъ:

— Садись, Зиновей Зиновеичъ. Надо такъ... Садись.

Старикъ будто встрепенулся отъ этихъ словъ и пытливо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и боязливо, даже испуганно глядѣлъ въ лицо Ларина.

— Садись,—повторилъ этотъ ласковѣе, но, такъ какъ старикъ не двигался, а стоялъ, какъ окаменѣлый, онъ всталъ, приблизился и, положивъ руки на его плечи, нажалъ.

— Садись. Такъ надо... Сейчасъ скажу все... Я все знаю... я знаю отъ генерала...

Ларинъ замялся, не зная, что и какъ говорить, и, вдругъ вспыхнувъ, вымолвилъ едва слышно:

— Я теперь знаю, что я... не родной сынъ Андрея Петровича... А чей, я тоже знаю... Ну, вотъ...

Зиновой ахнулъ, пошатнулся назадъ, и хотя Алексѣй Андреевичъ не держалъ ужъ своихъ рукъ на его плечахъ, онъ самъ грузно опустился на лавку.

— Что же это?—испуганно произнесъ старикъ, мутными глазами глядя въ лицо молодого человѣка.

— Да, да... вотъ...

И Ларинъ не зналъ, что еще сказать. Черезъ нѣсколько мгновений смущенія и молчанія онъ сказалъ нѣсколько словъ, смысла которыхъ какъ бы самъ не понималъ, и которыя вырвались.

— Не ожидаешь... И невѣдомо, что творится. Радъ бы, да нельзя уйти...

И послѣ новой паузы, будто собравшись съ силами, будто переломивъ себя, Ларинъ заговорилъ тверже и бодрѣе.

— Я все узналъ... Такъ, видно, Богу угодно. Я не въ обидѣ. Я тебя всегда любилъ. Ты мужикъ, да что же дѣлать? Могло быть хуже... А тебя я хоть покрайности люблю, ты мнѣ не чужой по душѣ и не то, что какой другой изъ крѣпостныхъ холоповъ. Будь это Волковъ, мнѣ было бы много обиднѣе...

Между тѣмъ старикъ тоже овладѣлъ собой и, страшно волнуясь, все-таки зналъ и понималъ ясно, что происходитъ на его глазахъ.

Чадъ разсѣялся. На душѣ стало тяжелѣе, но зато въ головѣ все прояснилось.

— Не знаю, про что вы говорите,—произнесъ онъ, хотя и громко, но отчасти дрогнувшимъ голосомъ.

— Полно, полно... махнулъ рукой Алексѣй Андреевичъ.

— Поясните... Я въ толкъ не возьму, что вамъ угодно, — со всѣмъ твердо выговорилъ Зиновой.

— Полно!—почти нетерпѣливо воскликнулъ молодой человѣкъ.— Нечего отнѣкиваться... Говорю, я не въ обидѣ... Могло хуже быть. Я много разсуждалъ самъ съ собой и такъ порѣшилъ, что если я не сынъ Андрея Петровича, такъ ужъ лучше быть твоимъ, чѣмъ иначе какъ. Тебя я все-таки завсегда любилъ...

И Ларинъ, не зная, что прибавить, волнуясь и снова смущаясь, смолкъ и озирался кругомъ себя, какъ бы только ради того, чтобъ не глядѣть въ лицо старика.

— И кто же вамъ?... Господи Боже, такая сказка!... заговорилъ Зиновой. — Генералъ одинъ... или еще кто?...

— Яковъ Антоновичъ, одинъ.

— А почему же онъ можетъ такое знать? И какъ ему душенька его доволила на покойниковъ клеветать? То, что я пользовался

милостью и лаской барыни Екатерины Семеновны, какъ вѣрный рабъ, — это истинная правда... А зачѣмъ же изъ этого поклепъ взводить? Да еще такой страшнѣющій? Это его мысли однѣ, а онъ толкуетъ, да еще васъ смущаетъ. Грѣхъ это. Или его кто самого обманомъ этимъ взялъ... Откуда ему знать? Налгалъ кто, а онъ теперь съ голосу грѣшитъ и клеветчетъ. А вы вотъ...

— Ахъ, полно, Зиновей Зиновеичъ! — раздражительно воскликнулъ Ларинъ. — Одинъ человекъ все генералу пояснилъ, и даже не разъ, и писалъ въ письмахъ тоже не разъ...

— Вотъ онъ самый и есть... клеветникъ! Онъ не могъ тоже ничего вѣрнаго знать...

— А спроси прежде, кто онъ, клеветникъ-то... спроси. Батюшка... или если такъ ужъ, то не батюшка мой, а господинъ Ларинъ, Андрей Петровичъ.

— Андрей Петровичъ? — едва слышно, упавшимъ голосомъ и шепотомъ произнесъ Зиновей.

Ларинъ не отвѣтилъ... задумался, сразу будто забылъ, гдѣ онъ находится, и, опустивъ голову, осунувшись всѣмъ тѣломъ, сидѣлъ, не шелохнувшись и безсознательно разглядывая какое-то пятнышко въ доскѣ пола.

Старикъ глядѣлъ на его осунувшуюся фигуру, и что-то подступало къ его сердцу... что-то горькое...

Нѣтъ, много хуже... Будто змѣя вползла, всосалась въ его сердце и пьетъ его кровь.

— «Что же это, Господи? Что это? — думалось ему. — Какъ же такъ-то? Невѣдомо что... И не чужіе, и не родные... Знаетъ теперь, а все тотъ же. Хоть бы единое словечко. Да еще и страждетъ отъ этого. Ахъ, Зиновей, чего ты натворилъ!.. Да и она запоздала. Должна бы раньше притти».

Ларинъ пришелъ въ себя, вздохнулъ, провелъ рукой по лицу и вымолвилъ бодрѣе и уже глядя прямо въ лицо старика:

— Ну, вотъ... вотъ, стало быть, ты мнѣ батюшка... родной отецъ... И будетъ у меня до тебя просьба... Я скрывать этого не хочу. Я не стыжуся... И ты не скрывай. Спросятъ — скажешь.

— Кто же спроситъ? — робко отозвался Зиновей.

— Да кто бы ни спросилъ, прямо и говори. Я тебѣ разрѣшаю. Понимаешь?... Всякому отвѣтствуй правду... Понялъ?..

Зиновей потупился и молчалъ.

Ларинъ поднялся съ мѣста. Старикъ быстро тоже всталъ.

Молодой человекъ, улыбаясь какой-то будто не своей улыбкой, простой, всегдашней, а улыбкой дѣланной, подошелъ къ старику вплотную.

— Ну, поцѣлуемся... Будемъ... въ мирѣ и любви жить будемъ, какъ подобаетъ теперь...

Оба расцѣловались... одинъ все смущаясь, какъ-то вертись... другой перемѣнился опять въ лицѣ, слегка поблѣлѣлъ, и руки его дрожали.

— Вѣдь ты все же, поди, не захочешь перебраться ко мнѣ въ домъ, здѣсь захочешь остаться?..—странно выговорилъ Ларинъ.

— Гдѣ! гдѣ мнѣ?.. Зачѣмъ?.. Я же давно ужъ просился у васъ въ монастырь... Соизвольте...

— Все это будетъ по твоему желанію... Оно, пожалуй, вѣдь будетъ и спокойнѣе въ монастырѣ. Я тебѣ такую келью выстрою, что надиво...

— Зачѣмъ? Я и въ простомъ углу, съ другими монахами проживу...

Ларинъ двинулся уѣзжать... Зиновей, вдругъ взволновавшись сильнѣе, собрался что-то сказать... что-то особо важное... Онъ рѣшался... онъ будто переломилъ себя...

Но Ларинъ перебилъ старика.

— Трясогузка, сказываешь,—разсмѣялся онъ, глядя на клѣтку съ птицей... Диковинное прозваніе.

Черезъ минуту молодой человѣкъ уже усѣлся въ свою телѣжку и, забирая вожжи, ласково и весело произнесъ:

— Ну... добраго тебѣ, батюшка, здоровья... Буду ждать къ себѣ. Приходи, когда хочешь.

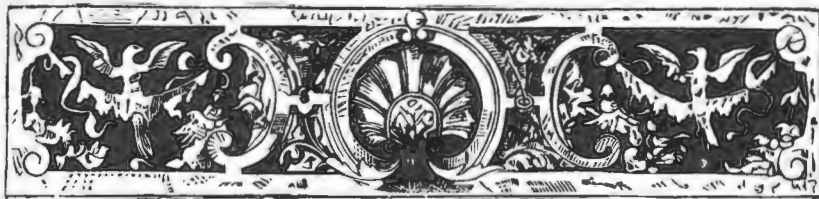
Лошадь рванула, телѣжка двинулась и застучала.

Старикъ стоялъ и глядѣлъ. Когда все скрылось изъ глазъ, онъ шевельнулся, хотѣлъ войти въ избу, но, вдругъ ослабѣвъ, опустился на ступени крыльца, сѣлъ и закрылъ лицо руками. Черезъ мгновеніе дряблый старческій плачъ огласилъ мертвую тишину опушки лѣса. Давно не плакалъ старикъ... съ тѣхъ поръ, что хоронилъ Екатерину Семеновну... Тогда было горько, горько... Но теперь много горше... Тогда была печаль, только печаль. А теперь съ печалью вмѣстѣ—обида.

Графъ Е. А. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО ¹⁾.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Академія художествъ.

I.

БУДУ говорить о дореформенной академіи художествъ, то-есть объ академіи середины семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Но тогда она намъ казалась вполне реформированной, такъ какъ, по отзывамъ старожилъ, всего какихъ нибудь десять лѣтъ до этого времени, порядки были таковы, что на лекціяхъ надо было сидѣть въ шубѣ, ибо аудиторій не топили. По крайней мѣрѣ, Эвальдъ, читавшій при мнѣ исторію всемірной литературы, не безъ юмора рассказывалъ:

— Я согрѣвался на кафедрѣ енотовой шубой, а мои слушатели — горячей любовью къ искусству.

Къ половинѣ семидесятыхъ годовъ были стянуты для чтенія лекцій лучшіе спеціалисты. Зданіе было внутри все заново перекрашено въ новую масляную краску, и сторожамъ была дана новая обмундировка.

Не знаю, кто разработывалъ программу академическаго курса, но высочайшій курьезъ заключался въ томъ, что изъ цѣлой уймы предметовъ, читавшихся намъ, не читалось одного:

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 27.

Намъ не читали объ искусствѣ!

Четыре года слушалъ я курсъ «теоретическихъ» наукъ. Мнѣ читали «Исторію искусства», «Русскую археологію», «Пластическую анатомію», «Теорію тѣней», «Зодчество и ордера», «Иконопись» и проч., и проч., но ни одинъ лекторъ никогда ни единымъ словомъ не обмолвился о томъ, что такое искусство, каковы его задачи, и что за наслѣдіе получили мы по традиціи въ стѣнахъ нашей *alma mater*.

Сидя въ теплыхъ, освѣщенныхъ газомъ аудиторіяхъ, слушая талантливое чтеніе многихъ изъ менторовъ, мы совершенно упускали изъ вида, что все читаемое намъ — побочныя статьи. А вотъ главные, проклятые вопросы, о которыхъ кричали до сипоты юноши за предѣлами аудиторій, — почему же эти вопросы не должны были явиться основой всего преподаванія? Профессора живописи касались только техники дѣла и не говорили ни о чемъ, что выходило за предѣлы совѣта:

— Ручку, ручку усильте, чтобъ рефлексикъ игралъ.

И ручку вырисовывали до мерзости, до отвращенія. Но нужно ли это было, и въ выпискѣ ли этой ручки была вся тайна искусства, — того не знали ни профессора, ни ученики.

Семидесятые годы были эпохой полнѣйшаго сумбура въ искусствѣ. Старые авторитеты шатались подъ напоромъ безпобашной критики. Брюлловъ оказывался «пухлой ничтожностью», старые портретисты XVIII вѣка, съ ихъ полными поэзіи портретами, — слащавыми и вылизанными прихвостнями аристократіи. Неоконченная картина Иванова только одна какъ будто бы и удовлетворяла всѣ вкусы, но и то критики напирали больше всего на неудовлетворительность, которую чувствовалъ отъ своей картины авторъ, разочаровавшійся въ трактовкѣ картины въ концѣ своей жизни и даже умершій не отъ холеры, а отъ этого разочарованія. Критика была во всѣ тулумбасы, провозгласивъ Перова и Владимира Маковского величайшими національными художниками. Одни кричали, что это русскіе Кнаусы, другіе говорили:

— Куда, къ чорту, Кнаусу до нихъ! Это Хогарты!

На горизонтѣ русскаго искусства только что взошли Рѣпинъ, Верещагинъ и Семирадскій. Рѣпинъ еще не высказался, какъ должно, но отъ его «Бурлаковъ» уже вѣяло иной, не перовской техникой. Верещагинъ такъ поразилъ въ 1873 году своей «Туркестанской» серіей, что никто даже не хотѣлъ замѣчать сухой, манкенной экспрессіи его лицъ. Семирадскій ослѣпилъ, залилъ блескомъ мрамора, золота, перламутра, шелковъ и атласовъ свои *nature morte* и оливковыя рощи. Черноватые портреты Крамскаго казались откровеніемъ, и ихъ какъ будто никто не хотѣлъ сравнивать съ Боровиковскимъ и Кипренскимъ. Ге уже считался «падавшимъ», хотя онъ только что создалъ «Пушкина въ Михайловскомъ».

Выставокъ иностранныхъ художниковъ тогда не было. Съ ними мы знакомились по сквернымъ ксилографическимъ политипажамъ въ иллюстраціяхъ да по фотографіямъ въ библіотекѣ академіи. О Менцелѣ, Бёклинѣ, Мессонье мы имѣли понятія самыя спутанныя. Да и профессора въ этомъ помогали:

— Посмотрите-ка у отца Каульбаха или у Пилотти...

И мы смотрѣли на отца Каульбаха, особенно на рекомендуемыя фрески берлинскаго музея, — одно изъ скучнѣйшихъ созданій нѣмецкаго живописца.

Мы чувствовали фальшь и ложь всѣхъ этихъ мнѣній, но пока не могли въ нихъ разобраться и высказать то, что понимали и чувствовали. Понимали только, когда П. П. Чистяковъ посылалъ насъ въ Эрмитажъ смотрѣть Рембрандта и Веласкеца. Тамъ у насъ было живое общеніе съ художниками.

Оговариваюсь: все, о чемъ я говорю, касается живописи; архитектуры, ваянія и гравюры я не касаюсь. Впрочемъ, по гравюрѣ былъ только всего одинъ ученикъ, да и тотъ учился рѣзать на мѣди, но никогда потомъ этимъ дѣломъ не занимался.

Итакъ, первое впечатлѣніе, сдѣланное на меня академіей, была трогательная чистота. Коридоры были выкрашены въ голубоватосѣрую краску и скупно освѣщены рожками подслѣповатаго газа. Ради украшенія, въ эти коридоры повѣшены были «программныя» скульптурныя произведенія кончающихъ ваятелей. Это были библейскіе и античныя сюжеты самаго неприхотливаго содержанія: тутъ былъ Пріамъ, умоляющій Ахиллеса возвратить тѣло Гектора; Ной, приносящій Іеговѣ жертву, Всемирный потопъ, Александръ Македонскій, Христосъ, исцѣляющій Лазаря, и прочее въ этомъ родѣ. Скульпторы должны были изъ гипса изображать волны потопа, поеву радугу и даже звѣзду, путеводившую волхвамъ. Къ сожалѣнію, маляры реставрировали столь усердно краску на этихъ произведеніяхъ искусства, что Пріаму отбили голову, Ною ухо и носъ, а у Александра Македонскаго лошадь осталась обѣ одной ногѣ.

Коридоры эти тянулись по всѣмъ этажамъ, вокругъ всего зданія. Отъ нихъ вѣяло величавой простотой кокориновскаго стиля, — въ нихъ не было ни казарменно-больничнаго характера, ни сухости казеннаго зданія. Они дѣйствительно казались преддверіемъ къ храму искусства.

Но самый храмъ помѣщался наверху, скромно пріютившись въ трехъ небольшихъ залахъ, со скамьями амфитеатромъ, душныхъ, неравномѣрно освѣщенныхъ и до того переполненныхъ, что порою ученикъ, рисовавшій съ большой гипсовой головы, помѣщался у самаго ея подножія, и главнѣйшей достопримѣчательностью его рисунка являлись двѣ огромныя ноздри, видимыя снизу, что на ху-

дожественномъ жаргонѣ обозначалось: «сидѣть въ плафонѣ». Одинъ изъ классовъ былъ проходной, и черезъ него въ теченіе двухъ часовъ сновали взадъ и впередъ сосѣди. И хотя вездѣ были положены веревочные маты, пахнувшіе смолянымъ канатомъ, но прогулки эти все-таки раздражали работавшихъ.

Въ этихъ трехъ комнатахъ сидѣли молодые люди и занимались очень страннымъ дѣломъ. Они по шершавой ватманской бумагѣ рисовали—въ одномъ классѣ съ гипсовыхъ головъ, въ другомъ—съ гипсовыхъ фигуръ, а въ третьемъ—съ голыхъ мужиковъ—ихъ изображенія чернымъ итальянскимъ карандашомъ. Не знаю, кто изобрѣлъ этотъ гнусный способъ рисованія, но скучнѣе и суше его не существуетъ приема. Еще контурные наброски, съ легкой прокладкой тѣней, или портретные смѣлые эскизы—терпимы, но при той «тушевкѣ», которая была принята въ академіи, классы рисованія превращались въ какое-то нелѣпное кустарное ремесло. Вообразите себѣ бородатаго молодого человѣка, не бездарнаго, рвущагося къ живописи, обязаннаго «конопатить» рисунокъ. Это конопаченье—верхъ тупого, глупаго препровожденія времени. Оно состояло въ томъ, что тонко очиненнымъ карандашомъ надо было зачернять тѣ зѣрна пробѣловъ, которыя образовывались отъ «тушевки» или «штриховки». Еще по носу, на щекахъ и на плечахъ фигуры—куда ни шло,—но конопатить приходилось и фонъ, чтобы получилась черная поверхность, съ извѣстной градаціей силы свѣта. Надъ этимъ фономъ двадцатилѣтніе юноши просиживали иногда по нѣскольکو часовъ. Итальянскій карандашъ, какъ я уже сказалъ,—самый возмутительный и неопытный матеріалъ для рисованія: самый острый англійскій ножъ едва беретъ его каменную толщю, съ вкрапленными кусочками какихъ-то кремней, которые зазубриваютъ ножъ и, попавшись въ остромъ концѣ карандаша, царапаютъ бумагу, давая вмѣсто черты, какъ иглой, вдавленную линію. Всѣ руки, пальцы, манжеты, рукава дѣлаются послѣ двухъ-часовой работы, какъ у трубочиста. Вода съ мыломъ не отмываетъ начисто этого угля.

Мнѣ кажется, что итальянскій карандашъ не упраздняется профессорами только изъ священной памяти къ тѣмъ мукамъ, которыя они когда-то съ нимъ испытали, во дни своей юности: «я мучился, пусть же и они помучатся». Когда однажды, уже въ фигурномъ классѣ, я спросилъ профессора Якобіа:

— А нельзя ли мнѣ сдѣлать эту фигуру акварелью, или пастелью, или масломъ въ двѣ краски, а не карандашомъ?

Онъ потрепалъ меня по плечу и сказалъ:

— Милый другъ, не заводите своихъ порядковъ, гдѣ вы должны подчиняться казеннымъ порядкамъ. Я съ вами согласенъ, что этотъ карандашный приемъ ни къ чорту не годенъ. Но если мы съ вами будемъ вводить новыя системы рисованія, то насъ попросятъ открыть свою школу, а отсюда высадятъ.

— А, можетъ быть, и другіе профессора того же мнѣнія, какъ и вы?—дерзнулъ спросить я.

— А мы объ этомъ никогда не говоримъ между собою, — сознался онъ и высморкался въ раздушенный платокъ.

Онъ старался не дотронуться до рисунка, чтобы не запахнуть. Его огромный бѣлый галстукъ, гофрированныя брыжи и бѣлый жилетъ исключали всякую возможность даже близко подходить къ академической папкѣ. При этомъ, Якобія мы считали главой оппозиціи противъ старыхъ порядковъ и крайнимъ либераломъ.

— Ну, ужъ если и онъ...—думали мы:—тогда пиши—пропало.

Второй нелѣпостью была система перевода изъ класса въ классъ. Переводили изъ 100—200 человѣкъ 10—12 лучшихъ рисунковъ, четыре раза въ годъ. Если всѣ 200 рисунковъ были плохи, все-таки первый десятокъ переводился, чтобъ очистить мѣсто. Если бы оказалось 50 рисунковъ превосходныхъ, все-таки тридцать человѣкъ остались бы попрежнему въ старомъ классѣ. Особенно обидно было тѣмъ, рисунки которыхъ непосредственно примыкали къ переводнымъ и ничѣмъ не были ихъ хуже.

Сидѣть позволялось сколько угодно въ классѣ. Бывали такіе, которые сидѣли по пяти лѣтъ въ первомъ, головномъ. И это были не бездарные люди, а напротивъ — обладавшіе несомнѣннымъ талантомъ, но только у нихъ не было таланта на «тушевку».

Посѣщеніе классовъ не контролировалось совершенно. Можно было не ходить годами и не заявлять инспектору о причинахъ.

«Преподаваніе» заключалось въ томъ, что черезъ полчаса послѣ начала приходилъ дежурный преподаватель, назначавшійся на мѣсяцъ. Въ натурномъ классѣ чаще всего назначались Шамшинъ, В. П. Верещагинъ и Виллевалдъ, весьма сомнительные рисовальщики, особенно если судить о ихъ знаніяхъ по картинамъ. Шамшинъ не стѣсняясь выставлялъ на выставкахъ свои наивно-безобразныя композиціи изъ русской исторіи, рѣшительно ни на что не похожія и служившія неисчерпаемымъ источникомъ печальныхъ улыбокъ со стороны учениковъ. Они подходили, какъ-то понурясь, какъ подходятъ къ знакомому, совершившему неожиданно преступленіе, и говорили:

— Опять согрѣшилъ старичокъ.

Но потомъ печаль уступала невольню мѣсто улыбкамъ: не улыбаясь нельзя было смотрѣть на дѣтскую мазню стараго художника.

Разумѣется, онъ популярностью не пользовался, и ему съ большою неохотой отдавали свои этюды на поправку. А онъ любилъ сѣсть на мѣсто ученика, особенно въ этюдномъ классѣ, и показывать, какъ «надо» писать. Бывали такіе упрямые юноши, которые, молча выслушавъ всѣ его совѣты, немедленно стирали тряпкой

все написанное профессоромъ и возстановляли свою прежнюю работу. Порою ему говорили дерзости, хотя въ вѣжливой формѣ. Были случаи, когда просили его «не мѣшать работать».

Виллевальдъ зналъ классическую батальную лошадь и большею частью преподавалъ въ конюшнѣ, т.-е. въ мастерской, назначенной для баталистовъ. Это былъ послѣдній изъ могиканъ—старыхъ условныхъ изобразителей парадовъ. Онъ чувствовалъ, что время его прошло, и вспоминалъ, какъ счастливѣйшій періодъ своей дѣятельности, заказы императора Николая, когда онъ лично въ академической мастерской руководилъ его работами. Онъ даже увѣковѣчилъ эти визиты государя въ двухъ прескверныхъ картинахъ.

Я не слышалъ никогда, чтобы профессора, обращаясь ко всему классу, прочли имъ хотя бы коротенькую лекцію. Они всегда шушукались съ тѣмъ или другимъ ученикомъ, или сидя сзади его, или перелѣзая на его мѣсто. Чаще практиковалось послѣднее. Преподаватель совершенно молча садился за папку и начиналъ, не говоря ни слова, проходить рисунокъ. Поправлялъ онъ, особенно съ антиковъ, чуть ли не по памяти: такъ у него навязла въ памяти всякая форма «Апоксиomenеса» или «Люція Верра». Въ классахъ гипсовыхъ фигуръ и головъ нерѣдко преподавателями назначались скульпторы, едва ли умѣвшіе рисовать. По крайней мѣрѣ, покойный Лаверецкій очень много портилъ своими поправками, и сухую манеру рисованья засушивалъ своими совѣтами еще больше.

Учились больше другъ у друга. Иногда цѣлый классъ ученикъ просяживалъ, смотря, какъ работаетъ его болѣе талантливый товарищъ. И эти два часа приносили ему больше пользы, чѣмъ поправки преподавателя.

У иныхъ профессоровъ была убійственная манера—сѣсть молча сзади какого нибудь ученика и просидѣть часъ не вставая. Большинство терялось отъ этого и портило рисунокъ. Ученикъ чувствовалъ на своей шеѣ дыханіе преподавателя, въ великомъ посту насыщенное запахомъ жаренаго лука,—чувствовалъ гипнотическій взглядъ, парализовавшій его руку, и въ концѣ концовъ удостоивался замѣчанія.

— Нехорошо.

И больше ничего. Почему нехорошо, отчего,—это была для него глубокая тайна.

Контроля надъ работой профессоровъ не было никакого. Инспекторъ, Павелъ Алексѣевичъ Черкасовъ, былъ милѣйшій человекъ, но очень таинственный художникъ. Онъ написалъ всего только одну картину—«Нева», по которой никакъ нельзя опредѣлить манеры художника, хотя она напоминала въ слабой степени Лагоріо. Онъ получилъ за эту картину академика, и ее возили за границу на всѣ международныя выставки. Черкасовъ появлялся временами,

чтобы понаблюдать за поведеніемъ въ классѣ академистовъ и академистокъ, такъ какъ въ каждомъ классѣ было по нѣскольکو молоденькихъ и миловидныхъ ученицъ. Но надо правду сказать, съ этой стороны надзора устраивать было нечего, такъ какъ даже признака на «романъ» ни у кого не было. Да и работали усердно: разговоровъ почти не было слышно, особенно при началѣ класса; только шипитъ газъ въ синихъ стеклянныхъ цилиндрахъ лампъ, слышно шуршаніе карандашей по ватманской бумагѣ да скрябанье ножа о карандашъ. Очень часто Павелъ Алексѣевичъ спрашивалъ ближайшаго академиста:

— Профессора не было?

Ему отвѣчаютъ:

— Не было.

Онъ повернется и уйдетъ.

Раза два въ годъ заходилъ конференцъ-секретарь Исѣевъ, но онъ въ преподаваніе искусствъ не мѣшался, и весь былъ полонъ хозяйственными распоряженіями по академіи, которая при немъ все время ремонтировалась и, надо правду сказать, содержалась въ самой изумительной чистотѣ.

Разъ, помню, явился ректоръ живописи, старый Ѳедоръ Ивановичъ Иорданъ. Какъ всегда, улыбающійся, розовый, гладко выбритый, сѣденькій, въ черномъ сюртукѣ, онъ вошелъ къ намъ въ классъ, посмотрѣлъ добродушными глазками вокругъ и, подойдя къ ближайшему художнику, сказалъ:

— А ну-ка, покажите!

Растерявшійся ученикъ подалъ ему Медицейскую Венеру вверхъ ногами. Иорданъ взялъ, сперва наклонился, потомъ отдалилъ рисунокъ, прищурился, но не перевернулъ его. Инспекторъ было сунулся къ нему:

— Ѳедоръ Ивановичъ, вы не такъ...

Но онъ его перебилъ:

— О, очень хорошо, знаете, очень хорошо...

Онъ поднялся на ступеньку и пошелъ тихонько по второму ярусу амфитеатра, заглядывая въ каждый рисунокъ. За нимъ шелъ нѣсколько сконфуженный профессоръ, а сзади инспекторъ.

Иногда Иорданъ останавливался, смотрѣлъ прищурясь вдаль, гдѣ должна была стоять статуя, затѣмъ смотрѣлъ на рисунокъ, повторялъ:

— Хорошо, очень хорошо!

И слѣдовалъ далѣе.

Никакихъ иныхъ контролей у насъ не было.

II.

Кромѣ этихъ классовъ, были еще классы: эскизный, костюмный и манекенный. Послѣдній классъ не имѣлъ преподавателя, и тамъ почти никто никогда не работалъ. Посрединѣ комнаты стоялъ огромный манекенъ съ необычайно дурацкимъ лицомъ. На его лысую голову напяливали неопрятный парикъ, а тѣло задрапировывали какой-то жиденькой мантией съ византійскими складками, ровными трубками, какъ макароны, лежавшими по бокамъ. Съ этихъ «драпировокъ» рисовали карандашемъ и акварелью, иногда даже масляными красками, но съ самымъ сердечнымъ отвращеніемъ. Болѣе трехъ, четырехъ человекъ туда не ходило.

Костюмный классъ былъ интереснѣе, хотя костюмы были плоховаты и не живописны. Въ какой нибудь «средневѣковой костюмъ» одѣвали Тараса или Алексѣя, — и они моментально засыпали въ данной позѣ. Полагалось въ теченіе четырехъ часовъ изобразить такую натуру, хотя бы въ видѣ легкаго наброска. Это было живое дѣло, и если бы не ставили мужиковъ въ короткихъ бархатныхъ пелеринкахъ съ позументомъ и чухонокъ, одѣтыхъ малороссіянками, такъ подобный классъ могъ бы принести несомнѣнную пользу. Что онъ былъ интересенъ, видно уже потому, что народа ходило туда много, и рисовали съ упоеніемъ, хотя хорошихъ рисунковъ я положительно не запомню.

Но, конечно, самымъ интереснымъ классомъ могъ быть классъ композиціи, если бы онъ былъ поставленъ хоть нѣсколько раціонально. Его можно было расширить и заинтересовать учениковъ, кромѣ медалей и денежныхъ премій, еще и интересомъ къ разработкѣ самыхъ широкихъ сюжетовъ, иногда непосредственно въ классѣ. Кружокъ молодыхъ художниковъ самъ долженъ былъ додумываться до этого и, собираясь частнымъ образомъ на квартирѣ одного изъ товарищей, — разрѣшалъ въ теченіе вечера общую заданную тему, обыкновенно легкую жанровую: «Больные въ аптекѣ ждутъ лѣкарства», «Студенты поютъ *Gaudeamus* въ шестомъ часу утра», «Генераль пристаеъ къ барышнѣ на улицѣ», «Мужъ выгоняеъ любовника» и т. д. Въ этихъ наброскахъ была бездна таланта и наблюдательности, которыя съ трудомъ преступали въ заданныхъ академіей программахъ.

Особенно допекалъ ими Шамшинъ и Лаверецкій. Оба любили евангельскія и библейскія темы и — по традиціи — выбирали самыя нелѣпныя. Первая тема, которая досталась мнѣ, была «Исцѣленіе разслабленнаго». По тексту, въ домѣ было такъ тѣсно, что принесшіе больного разобрали крышу и спустили его на носилкахъ. Проломавъ цѣлый день голову, какъ изобразить такую тѣсноту, я наконецъ остановился на моментѣ, когда спущенный на цыновкахъ больной заставилъ окружающихъ Христа во что бы то ни стало

раздвинуться: одинъ влѣзъ на столбъ, двое на столъ и какой-то прилавокъ,—даже самъ учитель стиснуть со всѣхъ сторонъ и едва можетъ сдѣлать шагъ, чтобъ протянуть руки къ больному. Когда я показалъ профессору первоначальный набросокъ перомъ, — онъ пришелъ въ ужасъ:

— Да это у васъ раки въ рѣшетѣ,—сказалъ онъ.

— Иначе зачѣмъ же ломать потолокъ?—возразилъ я.

— Э, полноте! Расчистите вотъ тутъ мѣсто, этихъ пятерыхъ уберите, тѣсноты никакой не надо: тѣсно было въ дверяхъ, а здѣсь просторно,—выразите на лицахъ благоговѣніе, еврейскихъ типовъ совершенно не надо: это неприлично для столь важнаго сюжета.

Еще хуже было съ Шамшинымъ.

Онъ задалъ «Воскрешеніе Лазаря». Я началъ рыться въ видахъ Палестины и нашелъ очаровательный по пятну рисунокъ древней пещеры для погребенія. Христосъ оказался у меня на трехъ ступеняхъ выше гроба и являлся силуэтомъ на яркомъ солнечномъ пейзажѣ.

— Изволите видѣть,—заговорилъ Шамшинъ, склоняя голову на бокъ,—изображать Господа Иисуса Христа темнымъ на свѣтломъ фонѣ—это съ кощунство. Вѣдь это, изволите видѣть, Богъ-съ. Почему же Онъ темный, а какой нибудь, изволите видѣть, пейзажикъ сзади—свѣтлый? На этого самаго Лазаря, который, сколь вамъ извѣстно, уже смердѣлъ, вы лучъ свѣта отъ входной двери пускаете, а Господа оставляете въ тѣни. Что это такое? Я васъ спрашиваю: что это такое?

Я молчалъ.

— А потомъ всѣ-съ эти эффекты свѣта и тѣни,—это вы оставьте пейзажистамъ. А когда вамъ данъ благородный сюжетъ, то и разрабатывайте его благородно. Нынче вотъ появилось сочиненіе духовника англійской королевы¹⁾, такъ тамъ онъ заявляетъ, что Спаситель ходилъ, изволите видѣть, въ шапочкѣ, и у него былъ плащъ съ отмѣтками, что, дескать, онъ кончилъ курсъ въ школѣ, ибо иначе онъ не могъ бы, изволите видѣть, толковать писаніе въ синагогѣ, не имѣлъ, изволите видѣть, права. Это Господь-то Богъ права не имѣлъ! Такъ вотъ, можетъ быть, вы желаете по рецепту этого духовника одѣть Спасителя? Только ужъ вы мнѣ-съ этого не показывайте,—я вашъ эскизъ подъ столъ швырну-съ. И покорнѣйше прошу васъ разъ навсегда не дѣлать библейскихъ сюжетовъ длинными вверхъ, а непремѣнно широкими поперекъ.

— Да почему же?

— Не прилично-съ.

Гораздо пріятнѣе были сюжеты К. Б. Венига. Онъ любилъ больше русскую исторію и умѣлъ выбирать темы съ движеніемъ,

¹⁾ Онъ очевидно говорилъ о книгѣ Фаррара.

сценическаго характера. Положимъ, темы были не новы, но онѣ заставляли работать и заглядывать въ археологію. Задавалъ онъ особенно часто на мотивъ изъ трагедій графа А. К. Толстого,— все-таки это было для насъ ближе и понятнѣе, чѣмъ евангельскіе и античныя сюжеты. Ахиллесъ и Гекторъ до того всѣмъ надоѣли, что «Ливонскіе выселенцы передъ царемъ Борисомъ» казались для насъ самой реальной темой.

Самыми широкими темами задавался В. И. Якобій. То онъ даетъ — «Клеопатру, ѣдущую навстрѣчу Антонію», то «Призракъ отца является Гамлету». И обыкновенно вмѣсто 10—15 эскизовъ подавалось въ такомъ случаѣ 30—40.

Въ то время академія доживала послѣднія десятилѣтія со своими конкурсными темами на золотую медаль. Полтораэта почти лѣтъ люди работали на однѣ и тѣ же темы изъ античныхъ, библейскихъ, и русско-историческихъ сюжетовъ. Изображали Харона, перевозящаго души черезъ Стиксъ, Плачъ Гектора надъ тѣломъ Патрокла, Довѣріе Александра Македонскаго къ врачу Филиппу, Саула у Аэндорской пѣищи, Многострадальнаго Іова, Іосифа, рассказывающаго сны въ темницѣ, Софью Витовтовну, срывающую поясъ съ Василья Косого, и т. д. Въ прежнее время было еще хуже. Говорятъ, что задавались въ XVIII вѣкѣ такія программы: «Изобразить фиговое дерево, надъ онымъ—городъ Санктъ-Петербургъ, а подъ онымъ—вакханалію». Но, строго говоря, такая аллегорическая композиція все же осмысленнѣе Софьи Витовтовны.

Изъ массы конкурентовъ, кончившихъ въ послѣднее пятидесятилѣтіе, мало можно отмѣтить людей, которые хорошо разрѣшили бы заданныя программы. Но все же въ циркулѣ академіи до сихъ поръ можно видѣть много прекрасныхъ для ученической кисти работъ. Такова «Дочь Іаира» Рѣпина и Полѣнова, «Саулъ»—Ге, «Довѣріе Александра»—Семирадскаго, «Софья Витовтовна»—Чистякова, «Блудный сынъ»—Харламова. Но, къ сожалѣнію, надо сказать, что совѣтъ академіи далеко не всегда угадывалъ истинный талантъ. Я помню то недовольство, которое возбудилъ среди учениковъ отказъ совѣта выдать Сурикову большую золотую медаль за «Апостола Павла передъ Агриппой». Въ композиціи этой много есть деталей большого таланта. Ученики очень любили грандіозный по композиціи эскизъ Сурикова, висѣвшій (да висящій и теперь, должно быть) въ эскизномъ классѣ—«Пиръ Валтассара». Это конечно выше всѣхъ подобныхъ композицій Рошгросса, Семирадскаго и другихъ. По мощи и силѣ, даже по колориту—это лучшая вещь всего класса. Не получилъ такъ же большой медали Манизеръ, тогда какъ его конкурентъ Кившенко за плохой «Бракъ въ Канѣ Галилейской», хотя и съ нѣкоторыми потугами, но удостоился пенсіонерства за границу. Этимъ тоже мы немало возмущались.

Новая академія начала съ того, что упразднила старый режимъ,—и слава Богу! Реформа пришла сверху. Отказъ тринад-

цати въ 1862 году писать программу и выходъ этихъ тринадцати не повелъ временно ни къ чему, и протестъ ихъ такъ и остался протестомъ, пока черезъ тридцать лѣтъ не сознали, на чьей сторонѣ была правда.

III.

Профессора Ландцерта хорошо помнить нѣсколько поколѣній докторовъ, слушавшихъ курсъ въ медицинской академіи. Его лекціи всегда носили нѣсколько фельетонный характеръ, благодаря постоянному, хотя нѣсколько нѣмецкому, остроумію, которымъ были уснащены его лекціи. Взявшись читать курсъ анатоміи для художниковъ, онъ составилъ весьма почтенную программу лекцій, по которой въ теченіе одного года онъ читалъ голову (черепъ), а въ теченіе слѣдующаго—торсъ и конечности. Читалъ онъ по вторникамъ, и лекція его тянулась съ десяти до двухъ, съ перерывомъ. Первая половина была собственно лекція, а вторая—практическія занятія, т.-е. рисованіе съ натуры анатомическихъ препаратовъ.

Ни одинъ профессоръ не посѣщался такъ усердно, какъ Ландцертъ. И не только живописцы, но и архитекторы съ неменьшимъ удовольствіемъ посѣщали эти лекціи. Онъ аккуратно приходилъ къ десяти часамъ, иногда привозя съ собою какойнибудь вновь изготовленный препаратъ изъ «свѣженькаго» трупа. Онъ никогда не садился во время лекціи и всегда читалъ стоя: то у доски изъ матоваго стекла, на которой прекрасно рисовалъ пастелью мускулы и кости, то у стола, о который иногда опирался обѣими руками. Желая всегда держать слушателей насторожѣ, онъ, какъ бы ни суха была лекція, постоянно уснащалъ ее такими подробностями, что не только улыбка, но и смѣхъ нерѣдко раздавался въ его аудиторіи. При этомъ онъ держался, какъ истый юмористъ, т.-е. самъ никогда не улыбался и былъ всегда совершенно серьезенъ. Переполняя лекціи массой таблицъ, статистическихъ данныхъ, ссылокъ и указаній, онъ въ то же время заставлялъ слушать себя съ напряженнымъ вниманіемъ.

Я называлъ его лекціи фельетонными потому, что въ нихъ всегда находили отвзвукъ всевозможныя злобы дня. Помню я, одна лекція, когда проходили черепъ, должна была быть посвященной носу. Онъ еще на предыдущей лекціи обратилъ вниманіе на необычайную важность этого органа для художника, такъ какъ это безспорно самая выдающаяся часть фізіономіи. И вотъ на слѣдующій разъ онъ такъ началъ свое чтеніе:

— Итакъ, милостивыя государыни и милостивые государи, теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ одному изъ тѣхъ органовъ человѣческаго тѣла, близкое изученіе котораго для скульптора и живописца необходимо, такъ какъ изображеніе носа, послѣ глазъ, едва ли не самая существенная черта въ портретномъ сходствѣ.

Собственно говоря, мы терпимъ присутствіе этого органа по давно уже сложившейся привычкѣ,—самъ по себѣ онъ эстетической формы не представляетъ, особенно у негровъ, финновъ и монголовъ. Но такова сила привычки: отсутствіе его на лицѣ считается крайнимъ безобразіемъ! Отсутствіе носа до вчерашняго дня обуславливалось двумя причинами: а) прирожденнымъ недостаткомъ и б) потерей этого органа отъ болѣзненныхъ причинъ. Но со вчерашняго дня прибавился третій пунктъ: в)...

Онъ сдѣлалъ передышку.

— Вы, конечно, читали вчерашнія телеграммы съ театра военныхъ дѣйствій о дѣйствіяхъ отрядовъ башибузуковъ? Поэтому мы прибавляемъ пунктъ в): нахожденіе на театрѣ войны на Балканскомъ полуостровѣ. Пунктъ этотъ долженъ быть внесенъ во всѣ учебники анатоміи не изъ празднословія, а какъ историческій фактъ...

Ландцертъ специально учился рисованію для демонстраціи студентамъ взаимнаго положенія органовъ тѣла. Онъ отлично владѣлъ пастелью, и конкуренты, кончавшіе на золотую медаль и рисовавшіе, конечно, лучше его, никогда не могли на экзаменѣ догнать его, по непривычкѣ, въ этомъ способѣ изображенія.

Иногда, какъ я уже замѣтилъ выше, онъ привозилъ съ собой препараты, приготовленные изъ труповъ. Они были великолѣпно препарированы и никогда не издавали ни малѣйшаго запаха. Онъ очень любилъ, когда съ нихъ писали акварелью, и, сидя сзади ученика, наслаждался работой.

— Посмотрите, какіе нѣжные переливы тоновъ,—говорилъ онъ:—отъ густого кармина до самаго нѣжнаго вермильонъ. А эти голубыя жилки—вѣдь это чистѣйшій кобальтъ. А посмотрите, вотъ этотъ жирокъ на вискѣ, вѣдь это хромъ съ бѣлилами. Какая чудесная, гармоническая гамма!..

Помню, какъ разъ онъ прочелъ удивительно интересную лекцію объ ощущеніяхъ зрительнаго нерва, въ параллель съ слуховыми ощущеніями. Тогда уже поднялся вопросъ о томъ, что такое гармоническій аккордъ красокъ. И вотъ, расположивъ въ нисходящей гаммѣ цвѣта спектра, Ландцертъ параллельно далъ изображеніе клавиатуры, начиная съ do и кончая si. Затѣмъ онъ бралъ доминирующій тонъ красокъ, положимъ, Рубенса, и давалъ соотвѣтственный музыкальный аккордъ, и наоборотъ—музыкальный аккордъ разрѣшалъ извѣстнымъ красочнымъ сочетаніемъ.

— Всегда,—говорилъ онъ,—когда вы задумали композицію, и васъ смущаетъ дисгармонія красокъ въ смежныхъ пятнахъ, попробуйте разрѣшить этотъ вопросъ съ помощью фортепіано: звукъ вамъ укажетъ, есть ли фальшь въ вашемъ замыслѣ.

На экзаменѣ Ландцертъ строго отдѣлялъ знанія, необходимыя художнику, отъ общаго знанія всего того, что имъ читано. Онъ былъ крайне деликатенъ и, пользуясь полнымъ незнаніемъ анатоміи

со стороны своихъ ассистентовъ, никогда не указывалъ открыто ошибокъ экзаменующихся, а старался это сдѣлать незамѣтно. Разъ, по его заданію, я изобразилъ на доскѣ углемъ восемь маленькихъ косточекъ запястья и весьма храбро сдѣлалъ соответствующую подпись наименованія подъ каждой. Такъ какъ предыдущими отвѣтами моими профессоръ былъ весьма доволенъ, то меня нѣсколько удивило, что онъ мнѣ вмѣсто 5 ставилъ 4,—и даже показалось обиднымъ. Во время перерыва онъ, ласково улыбаясь, подошелъ ко мнѣ:

— Какой странный паталогическій случай вы сегодня нарисовали на доскѣ,—сказалъ онъ:—верхній рядъ костей вы изобразили съ тыльной поверхности, а нижній—съ ладонной.

Впослѣдствіи мнѣ доводилось неразъ встрѣчаться въ обществѣ съ Федоромъ Павловичемъ, и всегда онъ оставлялъ на меня впечатлѣніе наблюдательнаго, остроумнаго человѣка. Особенно мнѣ памятна одна встрѣча: Айвазовскій давалъ обѣдъ у Контана. Послѣ обѣда, когда столы убрали, Антонъ Рубинштейнъ сѣлъ за рояль. Подъ его могучими пальцами разразилась такая буря, что, казалось, стѣны рухнуть, какъ отъ трубъ іерихонскихъ. Я присѣлъ на диванчикъ рядомъ съ Ландцертомъ. Передъ нами стоялъ пустой буковый стулъ. Отъ сотрясенія пола онъ подпрыгивалъ въ тактъ ударовъ Антона Григорьевича и, танцуя, ползъ по полу. Федоръ Павловичъ подтолкнулъ меня локтемъ.

— Орфей скалами двигалъ, а Рубинштейнъ вѣнскими стульями,—шепнулъ онъ.

Прямой противоположностью лекціямъ Ландцера были лекціи церковной исторіи протоіерея Денисова. У него въ аудиторіи всегда сидѣло счетомъ одинъ или два человѣка. Происходило это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ читалъ, строго придерживаясь текста своей собственной печатной книги, которая продавалась тутъ же, въ правленіи. Во-вторыхъ, лекція его начиналась въ половинѣ девятаго, и, какъ нарочно, въ этотъ день никакихъ иныхъ лекцій и занятій до пяти часовъ, когда начинались вечерніе классы, не было. Каково же было мнѣ, жившему на Николаевской улицѣ, вставать въ половинѣ седьмого, когда у насъ на сѣверѣ еще темно, и въ десятиградусный морозъ итти за Неву, такъ какъ въ этотъ ранній часъ ни извозчиковъ, ни трамваевъ не было. Да и вообще трамвайныя линія второго общества начали дѣйствовать только съ 1876 года, съ зимы. Прогулку эту приходилось дѣлать только для того, чтобы прослушать печатный текстъ, имѣющійся дома, и затѣмъ, въ половинѣ десятаго, снова итти на Николаевскую, чтобы къ пяти опять быть на Островѣ. Протоіерей сердился, что къ нему мало ходятъ. Я заходилъ къ нему раза два на квартиру, побесѣдовать по поводу трактовки религіозныхъ сюжетовъ и по поводу

иконописи вообще. Былъ онъ весьма любезенъ, говорилъ охотно и дѣльно, но при этомъ не пропускалъ случая замѣтить:

— А отчего я васъ на лекціяхъ не вижу?

Я что-то бормоталъ, такъ какъ въ сущности на дальность разстоянія сослаться не могъ, тѣмъ болѣе, что на лекціи исторіи искусствъ я поспѣвалъ же къ половинѣ девятаго. Наконецъ, передъ самой репетиціей, рѣшился я къ нему пойти, такъ какъ ужъ заодно мнѣ зачѣмъ-то надо было утромъ въ правленіе. Оказался я въ аудиторіи въ единственномъ числѣ. Денисовъ прочелъ мнѣ лекцію и многое прибавилъ отъ себя, помимо текста. Уходя, онъ сказалъ:

— Я не буду на экзаменѣ довольствоваться моей книгой, но буду требовать знанія всего того, что мною дополнялось. Предупреждаю!

Меня это нѣсколько смутило, я ужъ хотѣлъ отказаться отъ репетицій, но просидѣлъ ночь надъ его «исторіей» и пошелъ. Когда меня пригласили къ столу, священникъ сказалъ конференцъ-секретарю:

— Не ходятъ-съ, не ходятъ. Вотъ этотъ молодой человѣкъ совершенно не изволилъ являться ко мнѣ. Предметомъ не интересуется.

— А вотъ мы сейчасъ его слушаемъ,—заявилъ конференцъ-секретарь и предложилъ мнѣ вынуть билетъ.

Я вынулъ... вчерашнюю лекцію, и съ чистымъ сердцемъ повторилъ все слышанное.

— Везетъ вамъ!—добродушно сказалъ Денисовъ, и потомъ, обратясь къ Исѣву, прибавилъ:

— А пяти я ему не поставлю, потому что убѣжденъ, что остальное для него потемки. Берегитесь слѣдующей репетиціи!

Но на слѣдующей репетиціи мнѣ повезло еще больше. Я ни разу во второе полугодіе ни на одной лекціи не былъ, но вытащилъ билетъ о дѣятеляхъ русской церкви въ эпоху лихолѣтя. А я тогда только что готовился къ писанію своей первой (п послѣдней) исторической повѣсти «Призрачный царекъ», и Костомаровъ, Соловьевъ и митрополитъ Макарій у меня свѣжи были въ памяти. Я началъ отцу протопопу докладывать о дѣйствіяхъ Авраамія Палицына въ такихъ деталяхъ, что онъ даже усомнился:

— Это знаніе или излишняя развязность?

На слѣдующій день я явился къ нему съ книгами и заявилъ, что я человѣкъ неразвязный и на экзаменахъ далеко не счастливый, но ужъ такъ мнѣ повезло по его предмету. И потомъ, когда я принималъ въ 1881 году въ академіи присягу (я все еще тамъ числился), то онъ меня узналъ и замѣтилъ:

— Счастливецъ, какъ поживаете?

Зато лекціи археолога Прохорова, читавшаго исторію древняго русскаго искусства, посѣщались усердно, совсѣмъ не потому, что онъ хорошо читалъ, а потому, что никакихъ записокъ, книгъ и изданій по этому предмету не было. Правда, Прохоровъ намекалъ, что у него есть журналъ «Христіанскія и русскія древности», но онъ стоилъ рублей пятьдесятъ за нѣсколько лѣтъ, и никто изъ насъ такихъ денегъ платить не могъ. Посѣщались поэтому его лекціи очень усердно, хотя лекторъ онъ былъ весьма плохой. Но самый «матеріалъ», развѣшанный по стѣнамъ его аудитории на веревочкахъ, какъ сушившееся бѣлье, въ видѣ плохенькихъ литографій, изображавшихъ церкви, дома, сосуды и прочее, былъ, несмотря на несистематичность, настолько интересенъ, что ученики валили къ нему валомъ. Въ лекціяхъ его главнѣйшею оригинальностью было то, что онъ никогда не читалъ той лекціи, которая была на очереди; онъ повторялъ предыдущую и рассказывалъ содержаніе слѣдующей. На первой, вступительной, бесѣдѣ онъ объяснялъ намъ:

— Господа, предметъ, которымъ мы должны заняться въ текущемъ учебномъ году, распадается на такіе-то отдѣлы. Мы начнемъ съ вами въ слѣдующій разъ вотъ съ того-то. Эти рисунки, что вы видите здѣсь развѣшанными, и есть предметъ нашей слѣдующей лекціи. Вы увидите, что...

Затѣмъ шло подробное изложеніе слѣдующей бесѣды.

Черезъ недѣлю, войдя на кафедру и сѣвъ въ рѣзной нишѣ, онъ начиналъ:

— Прошлый разъ я вамъ говорилъ, но, чтобы вы лучше запомнили, я еще разъ повторю, что древнѣйшія свѣдѣнія...

Такъ тянулось полчаса. Въ слѣдующіе полчаса онъ говорилъ:

— Итакъ, въ будущій четвергъ мы перейдемъ съ вами уже къ изученію одежды удѣльнаго періода, вы увидите...

И онъ намъ показывалъ все, что мы должны увидѣть.

Вслѣдствіе такой системы преподаванія, къ нему можно смѣло было ходить черезъ лекцію; а такъ какъ онъ любилъ повторять и возвращаться къ тому, что было говорено ранѣе, то мнѣ удалось безъ труда составить его записки.

Лекціи его нерѣдко были переполнены самобичеваніемъ. Онъ очень любилъ каяться въ своихъ ошибкахъ.

— И самъ ошибался, — говорилъ онъ, — и другихъ сбивалъ. Весь научный матеріалъ для Шварца¹⁾ давалъ вѣдь я. Вѣдь то, что сдѣлано для театральнаго постановокъ «Смерти Іоанна Грознаго», «Рогнѣды», — все черезъ мои руки прошло, и на афишахъ вы мое имя встрѣтите невступно. Если Шварцъ былъ на высотѣ

¹⁾ Шварцъ, художникъ-рисовальщикъ, извѣстный своими иллюстраціями къ произведеніямъ гр. А. К. Толстого.

археологическихъ изысканій, то благодаря мнѣ. Если же онъ вралъ, то тоже благодаря мнѣ: я цѣликомъ на себя беру всѣ его ошибки.

Особеннымъ кошмаромъ для него была высокая горлатная шапка. Онъ не могъ себѣ простить, что въ эпоху Грознаго онъ допустилъ эти головные уборы.

— Ошибка почти на столѣтіе!—дрожащимъ голосомъ говорилъ онъ,—да, почти на цѣлое столѣтіе! При Михаилѣ... да, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ еще ихъ не было. Это достояніе царствованія тишайшаго царя Алексѣя. Только съ этой поры мы встрѣчаемъ этотъ безобразный фасонъ, иногда достигающій невѣроятной высоты. При Грозномъ же были колпаки, только колпаки и круглыя собольи шапки. У насъ никакихъ нѣтъ данныхъ на то, что тогда могли быть высокіе уборы. Я все пересмотрѣлъ и въ Москвѣ, и по монастырямъ, и по рисункамъ Олеарія и Мейерберга. Не было высокихъ шапокъ, не было! Запомните, ради Бога, запомните. Не вѣрьте Шварцу, это я его подвелъ. Mea culpa! mea! mea!

Почти такое же негодованіе возбуждали въ немъ высокіе «kozyри», воротники у бояръ.

— И козырей не было такихъ размѣровъ! Это вмѣстѣ съ горлатными шапками явилось. И въ козыряхъ я повиненъ. Но я поэтому-то и каюсъ передъ вами, что самъ свою ошибку постигъ, и васъ хочу отъ нея предостеречь.

Особенно онъ любилъ рассказывать, какъ его надували при раскопкахъ.

— Купилъ я одинъ разъ,—рассказывалъ онъ, чуть не плача и въ то же время смѣясь надъ собою,—почти полпуда серебряныхъ подвѣсокъ. И въ самомъ дѣлѣ, подвѣски были серебряныя, по крайней мѣрѣ, проба показала чудесное серебро. Ну, я и купилъ, обрадовался,—дешево, знаете. А потомъ вдругъ оказывается...

Онъ съ улыбкой оглядываетъ слушателей.

— Олово не олово, а чортъ его знаетъ, что за мервостъ. Вотъ, если хотите, господа, я вамъ подарю пригоршню на память.

И онъ несетъ къ намъ пригоршню какихъ-то овальныхъ пластиночекъ, ни на что никому негодныхъ.

— Возьмите, возьмите, не конфузьтесь,—говорилъ онъ,—это вамъ урокъ, хорошій урокъ. Будете заниматься археологіей, покупать что будете—вспомните старика Прохорова.

Такими воспоминаніями у него были переполнены всѣ бесѣды съ нами. Его не остановило отъ нихъ даже появленіе однажды на его лекцію ректора Іордана, который явился въ сопровожденіи вахтера, несшаго за нимъ кресло.

— Давно, давно къ вамъ собирался на лекцію,—сказалъ почтеннѣйшій Ѳеодоръ Ивановичъ,—я очень люблю археологію.

Онъ усѣлся въ кресло и приготовился слушать.

— Я имъ говорю о Суздальскомъ княжествѣ,—вдругъ закричалъ Прохоровъ на ухо ректору:—о Суздальскомъ, о Суздальскомъ!

— А, о Суздальскомъ?—переспросилъ спокойно ректоръ.—Продолжайте, это очень интересно.

Между тѣмъ Прохоровъ рассказывалъ о какомъ-то эпизодѣ съ какими-то горшками въ какомъ-то курганѣ, гдѣ его тоже порядочно нагрѣли. Каково же было изумленіе слушателей, когда онъ, взоидя на кафедру и значительно понизивъ голосъ, началъ говорить черезъ голову ректора:

— Господа, ректоръ совсѣмъ глухъ. Я буду продолжать вамъ рассказывать то, что началъ, — только прошу васъ не смѣяться.

И онъ преспокойно продолжалъ свои анекдоты. Видя, что бѣдный Ѳеодоръ Ивановичъ тоскливо озирается, ковыряя пальцемъ въ ухѣ,—лекторъ наконецъ надъ нимъ сжалился. Онъ снялъ съ веревки изображение фресокъ на Дмитровскомъ Владимирскомъ соборѣ и поднесъ его старику.

— Смотрите, какъ это интересно, Ѳеодоръ Ивановичъ,—закричалъ онъ:—совершенное повтореніе орнаментовъ съ церкви святого Марка въ Венеціи,—прямое доказательство, что наши зодчіе были итальянцы.

Ѳеодоръ Ивановичъ надѣлъ пенснэ и углубился въ разсмотрѣніе орнаментовъ. Такъ благополучно доведена была лекція до конца. Когда прозвенѣлъ электрическій колокольчикъ надъ дверью аудиторіи, возвѣщая конецъ занятіямъ, всѣ поднялись. Ректоръ замѣтилъ, что, очевидно, все кончено, всталъ и, улыбаясь своимъ розовымъ старческимъ лицомъ, сказалъ намъ:

— Вы, господа, счастливы, да, вы счастливы, потому что въ мое время такъ не учили ¹⁾.

Въ половинѣ девятаго начинались лекціи и А. В. Прахова, читавшаго «Исторію искусствъ». Его аудиторія всегда была полная, потому что читалъ онъ эффе́ктно, литературно, понятно, порою блестяще. Но читалъ онъ, съ такою подробностью останавливаясь на мелочахъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ не успѣвалъ пройти и трети полного курса. Специалистъ по античному міру, онъ на Египтѣ, Греціи и Римѣ просиживалъ цѣлые два года. Пріемъ его

¹⁾ Глухота нисколько не мѣшала Ѳеодору Ивановичу до послѣднихъ дней сохранить зрѣніе и твердость руки. Незадолго до смерти, уже въ глубокой старости, онъ вырѣзалъ на мѣди свой портретъ. Съ помощью лупы, онъ говоритъ, открывалъ въ гравюрахъ такіа продѣлки, которыхъ никто раньше не замѣчалъ. Такъ въ оттискахъ, представляемыхъ на конкурсъ, нѣкоторые тонкіе штрихи подрисовывались авторомъ перомъ на бумагѣ, что совершенно ускользало отъ экспертовъ совѣта. Но Ѳеодоръ Ивановичъ, какъ специалистъ своего дѣла, умѣлъ открыть «злоумышленіе». Конечно, какъ ректоръ, онъ былъ бездѣтеленъ и во всемъ полагался на конференцъ-секретаря.

изложенія былъ очень простъ: онъ первымъ дѣломъ знакомилъ студентовъ съ первоисточниками. Хотѣвшій заниматься и въ академической и въ университетской библіотекѣ могъ достать всѣ указанныя изданія и серьезно отдаться изученію.

Когда А. В. Праховъ уѣхалъ въ Кіевъ, привлеченный не столько лекторствомъ во Владимирскомъ университетѣ, сколько постройкой храма Владимира,—его мѣсто занялъ Е. П. Сабанѣевъ. Помню, какъ пришлось ему на четвертомъ курсѣ итти «галопирующимъ» аллюромъ, чтобы покончить съ курсомъ «Исторіи искусствъ». И онъ однимъ духомъ прочелъ весь періодъ, начиная съ «латинскаго» стиля и кончая мавританскимъ. Какъ архитекторъ, онъ дальше архитектуры и не шель, — и у насъ къ окончанію курса только по предмету исторіи искусствъ остался рядъ наболѣвшихъ вопросовъ.

Не могу забыть той сумятицы въ понятіяхъ, которая царила среди насъ въ то время. Объ искусствѣ XVIII вѣка у насъ были самыя извращенныя понятія. Болѣе того—профессора отзывались объ этомъ періодѣ, какъ о «барокко». Грѣзъ былъ нарицательнымъ именемъ пошлости. Мнѣ приходилось не разъ вступаться въ товарищескихъ спорахъ за этого удивительнаго художника, быть можетъ, не лишенаго слащавости, но, тѣмъ не менѣе, опередившаго намного своихъ современниковъ. Если сравнить портретистовъ второй половины восемнадцатаго столѣтія съ портретистами второй половины девятнадцатаго вѣка, то не думаю, чтобъ особенный успѣхъ былъ на сторонѣ послѣднихъ. Сто лѣтъ — огромный срокъ для искусства. Но пропорція портретистовъ Крамского и Левицкаго едва ли не является обратно пропорціональной, особенно если отбросить отъ портретовъ Крамского тенденцію.

Все движеніе эпохи Винкельмана было для насъ неясно, какъ неясно было и участіе «четырехсотъ» въ движеніи итальянскаго искусства. Мы съ невыразимой жадностью накинудись на Тэна, когда вышли его «Чтенія объ искусствѣ» въ русскомъ переводѣ Чуйка. Тутъ подсказывалось намъ то, что смутно чувствовали наши души. Особенно голландское искусство поражало насъ. Плоское ингерманландское побережье, какъ будто копія съ голландскихъ дюнъ. Много родственнаго между Амстердамомъ и Петербургомъ. Я помню, когда пароходъ несъ меня изъ Амстердама въ Заандамъ, какимъ чувствомъ чего-то родного, съ дѣтства знакомаго, вѣяло на меня съ этихъ низкихъ, зеленыхъ, тучныхъ пастбищъ Нидерландовъ. Здѣсь природа ближе къ идеалу Петра, чѣмъ въ Петербургѣ. Мнѣ всегда казалось, что Петръ почувствовалъ необычное умиленіе въ тотъ мигъ, когда увидѣлъ впервые на опаловомъ фонѣ сѣвернаго неба вращающіяся крылья голландской мельницы. Тѣмъ съ его страстно-художественнымъ порывомъ къ теплымъ, низкимъ, влажнымъ облакамъ Голландіи сыгралъ большую роль въ нашемъ

пониманіи: онъ нашелъ униссонъ въ нашихъ сердцахъ, любившихъ тотъ же сѣверъ и уныло-прекрасный просторъ свѣтловодныхъ рѣкъ. Онъ заставилъ трепетать насъ и чувствовать какую-то неясную связь съ голландцами. Я думаю, что и Тиціанъ, и Рафаэль, и Мурильо болѣе чужды намъ, сѣверянамъ, чѣмъ Рембрандтъ, ванъ-Дейкъ и всѣ эти ванъ-Гогены, Вуоверманы и Тербурги, въ которыхъ есть общая съ нами кровь.

Связь наша съ Италіей всегда была принудительной. Брюлловъ для насъ важенъ, пока не вступаетъ въ связь съ итальянщиной. Вся эта подкрашенная уличная жизнь Рима, эти фонтаны, бандиты, итальянки и неаполитанскія рыбацки, разумѣется, ложь, и совершенно для насъ ненужная. Если итальянцамъ былъ расчетъ подкрашивать уличные жанры и продавать ихъ англичанамъ по высокой цѣнѣ,—такъ это ихъ внутренній бюджетъ. Мы же являемся жалкими копистами. Намъ ненужны ни «римскіе нищіе», ни «римскія женщины, переходящія черезъ ручей», ни «бандиты». Все это, согласно модѣ, имѣло сбытъ въ свое время, но все это, къ счастью, рухнуло и унесено потокомъ времени.

Въ семидесятыхъ годахъ рѣзко сказалось наше отвращеніе отъ Италіи и поворотъ къ Германіи и Франціи. Многіе порисали письма И. Е. Рѣпина къ Стасову изъ-за границы, но какъ не хотѣли они понять, что—это эпоха, что Рѣпинъ—представитель цѣлаго поколѣнія и говорилъ то, что накопило и назрѣло въ душѣ не только его, но и цѣлаго ряда художниковъ-современниковъ?

Мы совсѣмъ не знали Испаніи. Мы знали Рибера, Зурбарана, Мурильо, Веласкеца, въ позднѣйшее время—Фортуни (да и то по слухамъ), но даже Гойя былъ намъ неизвѣстенъ. Новѣйшей Италіи, Германіи, Франціи мы не знали совершенно. Были серьезные художники, которые съ насмѣшкой говорили, что Доре—лучшій представитель французскаго искусства.

Мы не знали французовъ, не знали и нѣмцевъ, тогда уже гремѣвшихъ. Вэклингъ былъ пустымъ звукомъ. О Коро мы знали по случайному фельетону «Голоса» и не имѣли о немъ понятія. Вообще, если мы черпали кой-какія познанія, то изъ статей въ иллюстрированныхъ журналахъ, появлявшихся очень рѣдко. Объ искусствѣ говорить было скучно.

Исторіи нашей академіи мы не знали совершенно. Никто изъ профессоровъ ни единымъ звукомъ не остановилъ нашего вниманія на традиціи, которой мы невольно должны были подчиняться, какъ дѣти одной *alma mater*. Въ циркульныхъ залахъ висѣли потускнѣвшія произведенія нашихъ предшественниковъ, но никто никогда не вспоминалъ про это фамиліное кладбище. Болѣе рьяные изъ насъ покупали каталогъ, составленный А. И. Сомовымъ, и съ помощью его думали хоть что нибудь уяснить себѣ изъ того,

что представляютъ эти галереи, но при отсутствіи руководящаго начала все путалось и мѣшалось въ нашей головѣ, и мы никакъ не могли выйти изъ лабиринта.

Почему ругаютъ Брюллова? Что такое Ивановъ? Въ чемъ его сила? Почему Ѳедотовъ такъ плохо рисовалъ? Почему Шампинъ преподаетъ въ натурномъ классѣ? Почему Ге, Рѣпинъ, Полѣновъ, Семирадскій, Верещагинъ не приглашены въ преподаватели? Ге—отличный ораторъ, умный человекъ, онъ могъ бы читать лекціи. Семирадскій—несравненный техникъ для *nature morte*. Рѣпинъ и Полѣновъ—товарищи, оба таланты, оба хорошіе техники. Верещагинъ, вѣроятно, способенъ заражать и зажигать учениковъ. Почему же мы одни брошены въ сумерки на большой дорогѣ и сами должны отыскивать себѣ путь?

Намъ на это никто не отвѣчалъ. Съ каедръ не раздавалось живого слова. А. В. Праховъ говорилъ о культурѣ Египта, Прохоровъ—о тишайшемъ царѣ, Ландуртъ—о бицепсахъ и трицепсахъ, Эвальдъ—о Гончаровѣ и Сакунталѣ, Денисовъ—о пошибахъ изображеній Богородицы, Брюлловъ—объ іоническихъ колоннахъ, и никто не говорилъ о томъ, чего жаждали наши души.

Былъ еще одинъ профессоръ, совершенно бездарный живописецъ, пейзажистъ Клагесъ; онъ читалъ перспективу и теорію тѣней, или, какъ называли этотъ предметъ барышни, «исторію тѣней». У него всегда было много слушателей, и только потому, что всѣ вѣрили въ необходимость этой сухой матеріи. О, если бы явился тогда увлекательный чтецъ, который сумѣлъ бы зажечь наши сердца, какъ бы ринулись мы ему навстрѣчу!

IV.

Хотя я не могу сказать, чтобы уровень образованія среди академистовъ того времени былъ высокъ (впрочемъ среди насъ были не только студенты университета, но и кончившіе его), но по вопросамъ художественныхъ принциповъ многіе какимъ-то чутьемъ стояли гораздо выше тогдашней художественной критики. Къ фельетонамъ «Голоса», «Петербургскихъ Вѣдомостей», а позднѣе—«Новаго Времени», «Молвы» и «Порядка» прислушивались чутко. Мнѣніе критиковъ вызывало много споровъ по вопросамъ принципиальнымъ, но преподаватели наши въ этихъ спорахъ почти не участвовали, развѣ кромѣ двухъ-трехъ любившихъ поговорить. Въ спорахъ, какъ всегда, образовалось двѣ партіи—оптимистовъ и пессимистовъ, и среди нихъ выдѣлялись горячіе говоруны-вожаки, которые по преимуществу и бодались при стычкахъ.

Я не буду по многимъ причинамъ называть подлинныхъ фамилій, но, восстанавливая въ памяти тогдашніе дебаты, къ которымъ не разъ буду возвращаться ниже, назову предводителя первыхъ

просто оптимистомъ, а вторыхъ—пессимистомъ, и постараюсь нарисовать ихъ портреты.

Оптимистъ, какъ это ни странно, имѣлъ видъ геморoidalный, что, быть можетъ, приписывалось вѣчному катарру желудка, вслѣдствіе скуднаго и плохого питанія. Пессимистъ же, вопреки всякой логикѣ, несмотря на свое худосочное несимметрическое сложеніе, былъ здоровякъ и, ругаясь наповаль, сохранялъ видъ здороваго веселья. Оптимистъ былъ человѣкъ рослый, лимфатикъ, часто вздыхавшій отъ наслажденія и любившій спорить, ходя комнатѣ. Пессимистъ спорилъ всегда сидя, но очень больно билъ кулакомъ по столу и ронялъ стаканы. Глаза у него были разнокалиберные и раскосые, но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что увѣрялъ всѣхъ насчетъ необычайно широкаго кругозора, свойственнаго его взору. Оптимистъ кончилъ какую-то классическую гимназію въ Юго-Западномъ краѣ, а пессимистъ побывалъ въ университетѣ, но на что-то обидѣлся и ушелъ съ перваго курса. Были они несомнѣнно друзья и жить не могли другъ безъ друга, но, тѣмъ не менѣе, споря ежедневно, не подавали по мѣсяцамъ другъ другу руки, при чемъ пессимистъ за глаза иначе не отзывался о товарищѣ, какъ:

— «Подлецъ! ему, видишь, все хорошо! овечка, теленокъ!»

А оптимистъ вздыхая говорилъ:

— «Жалкій человѣкъ, безъ устоевъ. безъ убѣжденій»...

Стоило имъ сойтись за сосисками въ буфетѣ, въ аудиторіи передъ лекціей, въ музеѣ передъ картиной, чтобы пикированіе началось тотчасъ же.

Стоять они передъ картиной Ге «Тайная вечеря».

— Удивительно!—говоритъ оптимистъ.

— А отчего апостоловъ одиннадцать, а не двѣнадцать?—спрашиваетъ подвернувшійся товарищъ, заранѣе ослабившись.

— Одинъ нагнулся за столомъ, поправляетъ себѣ башмакъ,—серьезно возражаетъ первый:—его и не видно.

— Это вы изъ исторіи нашей академіи? Былъ ученикъ Абраамъ Миква, онъ такъ рисовалъ. Надо было изобразить фараона, гонящагося за Моисеемъ,—онъ и нарисовалъ гладкое море: «евреи, молъ, ушли, а египтяне потонули».

— Слышали это,—не остроумно.

— А Миква думалъ, что остроумно. И море онъ рисовалъ вермильйономъ съ карминомъ, потому что въ заданіи программы оно было названо Краснымъ.

Вокругъ хохоцуть.

— А все-таки Ге—мастеръ,—стоитъ на своемъ оптимистъ.

— А отчего у него контуръ началъ дребезжать?

— Манера. Въ контурѣ растрепанность есть.

— Дребезжитъ, какъ надтреснутая рюмка. Онъ въ техникѣ назадъ пошелъ.

— Да знаете ли вы, что такое техника?

— Знаю.

— Вотъ подите, какой умный! У насъ никто изъ профессоръ ея не знаетъ, а онъ знаетъ!

Опять смѣются и стравливаютъ друзей, какъ двухъ индюковъ.

— Онъ меня прошибетъ всегда своимъ лбомъ,—жалуется пессимистъ:—баранья-то кость крѣпка.

— Не говорите — и ослиная хороша,—возражаетъ оптимистъ:—вонъ Самсонъ филистимлянъ избилъ ослиной челюстью.

Но, конечно, иногда бывали споры и не шуточные. Начиналъ пессимистъ, котораго звали Степаномъ Ивановичемъ.

— Всѣ это гниль, — говорилъ онъ про академію.— Помилуйте, подхожу вчера къ Шамшину и говорю: «Какого вы мнѣнія, профессоръ, о Миллэ?» А онъ выпучилъ на меня глаза и спрашиваетъ: «о какомъ Миллэ?» — Я говорю: что работаетъ во Франціи, этотъ, который изъ крестьянскаго быта рисуетъ. Онъ пожевалъ губами и отвѣчаетъ: «со временъ Пуссена французское искусство пошло назадъ». — А вѣдь профессоръ!

— У Пуссена много достоинствъ! — замѣчаетъ глубокомысленно оптимистъ, котораго зовутъ Федоръ Ильичъ.

— А у Миллэ? Впрочемъ откуда вамъ знать Миллэ!

— Да вѣдь и вы только по гравюрамъ его знаете. И я видѣлъ его во французскихъ иллюстраціяхъ.

— Ну, вотъ вамъ: возьмите Миллэ и возьмите Перова. Что же вашъ Перовъ? А?

— У Перова тоже достоинства...

Степанъ Ивановичъ стучить кулакомъ по столу.

— Я вамъ не позволю сравнивать Перова съ Миллэ.

Федоръ Ильичъ поднимается во весь свой ростъ.

— Я не позволю указывать мнѣ, что я долженъ, и чего я не долженъ дѣлать. Я повторяю: у Пуссена и у Перова много достоинствъ.

— И у Шамшина?

— Нѣтъ, у Шамшина нѣтъ.

— То-то!

— Возьмите «то-то» назадъ. Я не позволю «то-то».

— Ну, довольно, довольно! — раздаются вокругъ голоса. — Продолжай, Степанъ Ивановичъ.

— Я веду къ тому, что у насъ мимо носа идетъ искусство. Позвольте васъ спросить: чтѣ мы знаемъ, за чѣмъ слѣдимъ? Посмотрите, что пишутъ у французовъ, у нѣмцевъ, — тамъ заря разгорается, тамъ люди живутъ, горять, шкворчатъ, а у насъ слюни распустили и салопницъ пишутъ. Тамъ японскіе рисунки изучаютъ, провѣрка всего идетъ, а мы что провѣряемъ, чтѣ мы провѣряемъ?

— Надо сперва научиться рисовать,— строго возражаетъ Федоръ Ильичъ.

— А рисовать мы не умѣемъ.

— Извините. Развѣ Брюлловъ, Ивановъ, Кипренскій, Бруни не умѣли рисовать? Развѣ Рѣпинъ не умѣеть? Чистяковъ не умѣеть?..

Степанъ Ивановичъ машетъ рукой.

— Мы съ природы копировать умѣемъ, и больше ничего. Я говорю: открыли японскаго художника Хокусайя, а мы его не знаемъ. Приѣзжаютъ изъ-за границы пенсіонеры и о такихъ именахъ говорятъ, что никто изъ насъ и не слышалъ. Вчера мнѣ о Лейблѣ рассказывали, а что такое Лейбль, — развы мы знаемъ?

Слушатели сознаются, что Лейбля не знаютъ.

— Ну-съ, а вотъ, на примѣръ, такой фактъ, что недавно величайшимъ нѣмецкимъ художникомъ признали Менцеля? А мы насчетъ Менцеля развѣ не швахъ? Зеръ швахъ. Каульбаха прокислаго знаемъ, а Менцеля не знаемъ.

— Я Менцеля знаю, — говоритъ Степанъ Ивановичъ: — онъ все больше придворные балы и парады пишетъ. Нашъ Зичи ему подражаетъ. А что Каульбахъ прокислый, — то почему же?

— Ну, да вамъ все малина! Я говорю: жизнь идетъ мимо насъ, мимо самаго носа, и мы, какъ жалкіе, тупые идіоты, ничего не знаемъ, не понимаемъ и не можемъ понять. Куда сунуться, къ кому? Художественныхъ журналовъ нѣтъ, руководящихъ статей нѣтъ, профессора дальше Пуссена ничего не видятъ, критики ставятъ Якобія въ число художниковъ-галантовъ! Да что же намъ дѣлать, господа?

— Да дѣлать-то нечего, надо пока учиться! — говоритъ Степанъ Ивановичъ.

— Ну, ты можешь, а я не могу. Вѣдь затхлостью несеть. Точно насъ на чердакъ съ непромытыми окнами заперли. Какъ вы можете жить, не видя свѣта, не чувствуя воздуха?

— Какой же исходъ? — раздавались голоса.

— Плюнуть на все, и ѣхать учиться въ Парижъ и Мюнхенъ. Да не такъ, какъ наши пенсіонеры, а всерьезъ.

— Вотъ такъ совѣтъ! А на что-жъ мы поѣдемъ, на какія средства?

— Пѣшкомъ поидемъ. Если нужны деньги — украдемъ, придушимъ когонибудь. Но поидемъ на свѣтъ.

— Какой онъ кровавый злодѣй! — сказалъ Федоръ Ильичъ.

— Это я иносказательно, — поправился Степанъ Ивановичъ. — Украсть и придушить можно аллегорически — продать наивнымъ людямъ свои художественныя произведенія.

— Гдѣ ты найдешь этихъ наивныхъ людей?

— Наввнхъ? То-есть глупыхъ? У насъ-то? Да сколько хочешь. Стоитъ захотѣть,—и предѣловъ для достиженія нѣтъ.

— Выше носа но высморкаешься,—замѣтилъ одинъ голосъ.

— Да и не надо. Вонъ смотрите, какъ за границей проводятъ лѣто студенты. Возьмутъ палку въ руки да ранецъ за спину, и на все лѣто въ горы. Съ тремя крейцерами въ карманѣ все лѣто живутъ. Я зналъ одного нѣмца-студента, онъ всю Швейцарію пѣшкомъ обошелъ и прожилъ семнадцать рублей. А у насъ всего боятся, сидятъ кикиморами въ углахъ и глазами хлопаютъ, да пасть водкой заливаютъ... Нѣтъ, чтобы встряхнуться, вздохнуть полной грудью! Мозгляки!

Федоръ Ильичъ посмотрѣлъ на него сочувственно.

— Я отчасти согласенъ съ вами,—сказалъ онъ,—и, если хотите, напишу проектъ, какъ это можно реализовать.

Онъ въ сообществѣ еще съ двумя-тремя товарищами серьезно занялся этимъ курьезнымъ проектомъ. Привожу его дословно.

Проектъ устава общества любителей свѣжаго воздуха и свободнаго искусства.

§ 1. Цѣль общества—итти къ свѣту. Цѣль чисто живописная.

§ 2. Членомъ общества можетъ быть каждый молодой художникъ, поклявшійся стремиться къ свѣту.

§ 3. Для этой надобности онъ долженъ въ теченіе полугода скопить триста рублей.

§ 4. Достигается это слѣдующимъ:

- а) онъ перестаетъ заниматься классными занятіями;
- б) работаетъ для «Пчелы», «Иллюстраціи», «Нивы» и пр. все, что только можетъ оплачиваться какимъ бы то ни было гонораромъ;
- в) пишетъ портреты съ купцовъ, дьяконовъ, чиновниковъ, — съ натуры или съ фотографій, хотя бы по 10 рублей за портретъ;
- г) пишетъ, если надо, вывѣски, расписываетъ толки, ресторанныя стѣны *al-fresco* и пр.;
- д) въ случаѣ надобности рисуетъ этикетки на папиросныя коробки, на леденцы, на плакаты и т. д.

§ 5. Взаимно члены общества доставляютъ другъ другу заказы и крѣпко держатся другъ за друга.

§ 6. Деньги вносятся на текущій счетъ одного изъ банковъ, на имя предсѣдателя и казначея общества.

Примѣчаніе. Дабы предсѣдатель и казначей не сбѣжали, или можно держать ихъ на цѣпи подъ карауломъ, или выдавать имъ чековую книжку на подпись только на общемъ собраніи.

§ 7. Когда соберется не менѣе 3.000 рублей, всѣ члены подаютъ прошеніе объ увольненіи изъ академіи, при чемъ въ прошеніяхъ главнымъ мотивомъ ухода должно быть выставлено желаніе учиться живописи.

§ 8. Всѣ въ одномъ вагонѣ направляются за границу, гдѣ и поселяются въ мансардахъ, по возможности скопомъ.

§ 9. Тамъ продолжается та же дѣятельность членовъ по писанію портретовъ съ купцовъ, кондукторовъ, трубочистовъ и прочее, но гонораръ поступаетъ цѣликомъ въ кассу общества. За исполненіемъ заказовъ слѣдитъ уполномоченный артели, дабы заказъ этотъ былъ исполненъ добросовѣстно.

§ 10. Запрещается пьянствовать, уединяться съ натурщицами, покупать и продавать безъ вѣдома предсѣдателя. Художественные матеріалы—общественные, и покупать ихъ не придется.

§ 11. Каждый художникъ, по своему желанію, но съ вѣдома товарищей, избираетъ профессора, и ежедневно положенное число часовъ работаетъ у него.

§ 12. Артель платитъ профессору за занятія изъ общественныхъ суммъ.

§ 13. Если кто либо изъ членовъ, паче чаянія, выкажетъ особенный талантъ, и заказы его будутъ оплачиваться несравненно бѣльшимъ гонораромъ, чѣмъ его товарищей,—съ общаго согласія онъ откупается отъ артели положенной суммой, а все, что имъ будетъ получено сверхъ того, предоставляется въ его безконтрольную собственность.

§ 14. Лицо, заводящее ссоры, распространяющее (чего, Боже, сохрани) клевету о товарищахъ, утаивающее заработокъ и занимающееся вообще подобными богопротивными дѣлами, — исключается изъ общества, и взносъ его погибаетъ для него безвозвратно¹⁾.

Нечего и говорить, что проектъ этотъ такъ и остался проектомъ. Хотя трое изъ насъ скопили въ полгода даже болѣе, чѣмъ по триста рублей, и хотѣли въ 1878 году ѣхать въ Парижъ, но тутъ какъ разъ подвернулась парижская выставка, испугались дороговизны. Одинъ увлекся молоденькой *ingénue* и парижскія деньги передалъ ей, а двоимъ ѣхать не было смысла.

Но вопросъ о томъ, какъ бы слѣдить за ходомъ искусства въ Европѣ, интересовалъ всѣхъ. Кто могъ, выписывалъ иностранные журналы, но такихъ было немного. Да и все это было не то, чего намъ хотѣлось. Особенно поджигалъ насъ Степанъ Ивановичъ вопросомъ о свѣтѣ.

¹⁾ Я не знаю, сохранился ли еще у кого этотъ документъ. Я помню, былъ еще такой экземпляръ у Д. А. Есипова, основателя журнала «Путь». Не знаю, къ кому теперь перешли его бумаги.

— Мы не знаемъ, что такое свѣтъ, — ораторствовалъ онъ: — у насъ на картинахъ — грязныя отвратительныя сумерки. Мы не умѣемъ писать солнца. Когда наши картины пріѣхали въ Парижъ, и ихъ поставили рядомъ съ испанцами, итальянцами и французами, — такъ все ахнуло: такая чернота.

Мы скорбѣли душой объ этомъ.

— Понимаете, отчего? — продолжалъ онъ. — У насъ въ мастерскихъ темно. Чтобъ вызвать на холстѣ должный эффектъ, мы принуждены усиливать краски. Когда же нашу зачерненную мазню вынесутъ на южное солнце, такъ, кромѣ гнусности, ничего отъ нея не останется. А у французовъ краски легонькія, прозрачныя — поютъ. Такъ мы и провалились, и сѣли въ лужу, да вѣдь какъ — въ самую жижу такъ и шлепнулись.

Оптимистъ и пессимистъ работали нерѣдко въ классѣ рядомъ.

— Что, Степанъ Ивановичъ, — спрашиваетъ оптимистъ, — пошли бы вы въ ректоры академіи?

— Нѣтъ.

— Что такъ? Жалованье хорошее. Квартира большущая.

— Нѣтъ.

— Да почему?

— Воротникъ очень жесткій у мундира съ шитьемъ. Шею, боюсь, порѣжетъ.

— Либералъ вы, Степанъ Ивановичъ. Вдругъ начальство о васъ узнаетъ?

— Да оно знаетъ. Шамшинъ совсѣмъ на меня въ обидѣ.

— Что такъ?

— Локотокъ я писалъ у Алексѣя. Онъ говоритъ, то-есть не Алексѣй, а Шамшинъ: «Что же это вы, изволите видѣть, цѣлую недѣлю дальше локтя не двигаетесь?». А я говорю: «Зато всѣмъ локтемъ локоть профессоръ такъ не напишетъ». А онъ мнѣ говоритъ: «Это, изволите видѣть, — грубость! Я пожалуюсь конференцъ-секретарю». Такой старичокъ строптивый.

— И жаловался?

— Жаловался.

— Призывали?

— Да. Конференцъ-секретарь спрашиваетъ: «что же это вы, а?» А я говорю: «ей-Богу, Петръ Ѳедоровичъ, ему такъ не написать». — Хорошо, говоритъ, но даже если это такъ, то въ глаза говорить этого нельзя, и вообще въ васъ чувствуется дурное направленіе.

— Ловко!

— Такъ мнѣ грустно, такъ мнѣ грустно стало. Я говорю: «вотъ и я чувствую дурное направленіе»... Онъ тутъ голосъ возвысилъ: «подите, говорить, вонъ», — ну, я и пошелъ.

Въ буфетѣ, поѣдая почернѣвшими ложками яйца въ смятку, они нерѣдко говорили:

— А что, Федоръ Ильичъ, если намъ повѣсится?

— Зачѣмъ?

— Да очень мы бездарны.

— Вы оставьте меня въ сторонѣ.

— Нельзя. Жалко васъ. Сидимъ четыре года, а какая польза отъ насъ кому? Ну, если не вѣшаться, такъ что нибудь другое.

— Ну, давайте другое.

— Пойдемъ тюки таскать на Калашниковскую... Впрочемъ я хилъ слишкомъ. Я лучше буду на Аничкиномъ мосту спички продавать. Все-таки больше пользы, чѣмъ здѣсь.

— А что же насчетъ вывѣсокъ? Вѣдь мы же собирались?

— Изъ моды выходятъ. Теперь на заграничный ладъ,—только однѣ буквы. Вонъ у Андреевскаго рынка пять разъ переписывали вывѣску на лавкѣ. Никакъ въ точку попасть не могутъ. Сперва написали: зѣленая лавка, потомъ — зелѣная, потомъ зеленая. А приставъ строгій такой, говорить: не допущу безграмотности, а никто въ рынкѣ понять не можетъ, въ чемъ дѣло.

Вокругъ собирается кружокъ любопытныхъ.

— Ну, господа,—говоритъ вставая пессимистъ,—иду покупать веревку,—кто со мною? Говорятъ, за компанію жидъ удавился, пойдемъ, Изаксонъ.

Изаксонъ-скульпторъ сердито отмахивается. Всѣ опять смѣются.

П. П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СКАЗКИ ЖИЗНИ ¹⁾.

II.

Мать и дочь.

I.

ОЙ ОТЕЦЪ былъ соборнымъ протоіереемъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края. Въ нашей большой семьѣ, состоявшей изъ двухъ братьевъ и трехъ сестеръ, царили миръ и согласіе. Мать нашу, умную и развитую женщину, изъ духовнаго званія, отецъ уважалъ и глубоко цѣнилъ, да и мы всѣ ее очень любили за ея доброту, снисходительность и мягкость характера.

Сестры и я окончили мѣстную гимназію, старшій братъ уже вышелъ въ офицеры, а младшій только что поступилъ въ семинарію, когда здоровье отца начало ослабѣвать. Дома въ это время оставались я да маленькій братъ, такъ какъ обѣ сестры уже вышли замужъ.

Жили мы въ большомъ достаткѣ, имѣли собственное хорошее имѣніе, близъ города, съ домомъ въ двѣнадцать комнатъ. Съ дѣтства я привыкла слышать, что красивѣе всѣхъ въ семьѣ, всегда за мной ухаживала молодежь, поэтому я была очень разборчивая невѣста. Мнѣ никто не нравился: этотъ малъ ростомъ, другой бѣ-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 54.

день, у третьяго некрасивый носъ. Словомъ, я отказала десяти женихамъ. За одиннадцатаго я чуть не вышла.

Это былъ красивый молодой человекъ Тихомірскій, окончившій курсъ въ Кіевской духовной академіи. Мы съ нимъ знали другъ друга еще дѣтьми, онъ часто гостилъ у насъ въ деревнѣ лѣтомъ. Когда ему предложили мѣсто священника въ большомъ торговомъ селѣ, онъ пріѣхалъ къ намъ и сдѣлалъ мнѣ предложеніе, въ полной увѣренности, что я ему не откажу. Я не была влюблена въ него и, не предполагая въ немъ серьезнаго чувства, отвѣтила ему, смѣясь:

— Что вы, Богъ съ вами! Чтобъ я сдѣлалась женою сельскаго священника? Да никогда! я умру со скуки въ селѣ и убѣгу отъ васъ.

Онъ измѣнился въ лицѣ и спросилъ:

— Чего же вы хотите? Чтобы я получилъ мѣсто въ городѣ?

— Ну, конечно!—необдуманно отвѣтила я.

— И тогда вы будете моей женой?

— Посмотримъ...

Онъ скрылся съ нашего горизонта чуть не на цѣлый годъ, и я о немъ забыла. Но вдругъ, онъ пріѣхалъ и, какъ только мы остались вдвоемъ, сказалъ мнѣ:

— Ну, вотъ, Татьяна Марковна, я исполнилъ ваше желаніе: я добился мѣста священника въ городѣ А. въ Сибири. Это—большой хорошій городъ, тамъ вы не будете скучать. Надѣюсь, теперь ничто между нами не стоитъ?

Тутъ я ужъ не на шутку испугалась. Вѣдь, строго говоря, я почти общала быть его женой.

— Послушайте,—сказала я,—вѣдь я тогда пошутила... Я никогда серьезно не думала объ этомъ.

— И вы могли шутить такими вещами, Татьяна Марковна?—съ упрекомъ проговорилъ Тихомірскій.—Я изъ-за васъ потерялъ цѣлый годъ, перебивался уроками, въ ожиданіи обѣщаннаго мнѣ мѣста городского священника, наконецъ, получилъ его, и вы мнѣ отказываете... Подумайте, каково мнѣ теперь. Я васъ давно люблю, и жениться на васъ было мечтою всей моей жизни. Нѣтъ, скажите, что вы и теперь шутите, что вы не такая эгоистка, какою хотите казаться.

— Простите,—сказала я,— но я твердо рѣшила не выходить замужъ за духовнаго.

Онъ долго недоумѣвающимъ взоромъ смотрѣлъ на меня и... заплакалъ, да не просто заплакалъ, а прямо зарыдалъ.

— Ну, Богъ вамъ судья, Татьяна Марковна,—прошепталъ онъ наконецъ сквозь слезы,—но такъ нельзя играть людьми. Подождите, вы еще вспомните меня и, быть можетъ, очень пожалѣете о сегодняшнемъ днѣ. Я не желаю вамъ зла, но придетъ время,

когда вы будете страдать сильнѣе, чѣмъ я теперь... Послушайте, вѣдь, вы сами дочь священника и знаете, что я для того, чтобы не потерять предлагаемаго мѣста, долженъ немедленно жениться, но я выхлопочу отсрочку, подожду еще мѣсяць, въ надеждѣ, что вы одумаетесь. Вы мнѣ тогда напишите, и я по одному вашему слову приѣду просить благословенія вашихъ родителей.

Онъ уѣхалъ. Мнѣ было стыдно и неловко передъ нимъ, и какое-то смутное предчувствіе грозящаго несчастія сжало мнѣ сердце... Хорошо еще, что ни отецъ, ни мать о его предложеніи не знали; я въ теченіе мѣсяца ничего ему не написала, и такъ этимъ дѣло и кончилось. До насъ дошли слухи, что онъ потомъ женился на дьяконовой дочери, некрасивой и бѣдной.

Время шло. Мнѣ исполнилось уже двадцать два года. Родителей сильно озабочивала моя судьба, меня же нисколько. Я жила въ такомъ довольствѣ, у насъ всегда былъ полонъ домъ гостей и въ городѣ и въ деревнѣ, и мнѣ думалось, что еще успѣю потерять свою свободу. Но, когда отецъ началъ прихварывать, а я категорически объявила ему, что за духовнаго ни за что на свѣтѣ не выйду, онъ предложилъ мнѣ съѣздить погостить къ замужней сестрѣ Манѣ въ большой губернской городъ кодъ Варшаву. Я любила разнообразіе и съ удовольствіемъ поѣхала.

II.

Мужъ сестры былъ докторъ, зарабатывалъ очень много и держалъ открытый домъ. Сразу очутилась я въ хорошемъ обществѣ и, пользуясь репутаціей богатой невѣсты, и здѣсь приобрѣла немало поклонниковъ.

Очень весело пролетѣли два мѣсяца. Я не торопилась домой, не торопилась потому, что сердце мое наконецъ заговорило властно, неудержимо. На одномъ балу я познакомилась съ правителемъ канцеляріи губернатора, Василиемъ Николаевичемъ Плавицкимъ. Съ перваго же взгляда мы почувствовали взаимное влеченіе, мы протанцовали весь вечеръ, а на слѣдующій день онъ сдѣлалъ визитъ сестрѣ. Съ этихъ поръ онъ сталъ часто бывать у насъ, мы близко узнали другъ друга и серьезно полюбили.

Василій Николаевичъ былъ красивый, высокій брюнетъ, съ бархатными черными глазами. Состоянія онъ не имѣлъ, но содержаніе для своихъ 28-ми лѣтъ получалъ хорошее. Для меня, дочери священника, хоть и благочиннаго, это была во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная партія. Когда онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я, не задумываясь и не посовѣтовавшись съ Маней, приняла его, но не потому, что это была хорошая партія, а просто потому, что искренно полюбила его. Будь онъ бѣденъ, будь сынъ священника или даже дьякона,—я и тогда бы приняла.

Мы написали моимъ роднымъ. Они, обрадованные моимъ веселымъ, счастливымъ письмомъ, прислали мнѣ свое заочное благословеніе. Сестра въ это время вынуждена была прекратить выѣзды: она ожидала второго ребенка, и я, уже въ качествѣ невѣсты, всюду показывалась вдвоемъ съ Василиемъ Николаевичемъ. Мы вмѣстѣ гуляли, вмѣстѣ бывали въ театрѣ, вмѣстѣ заказывали приданое на присланныя мнѣ мамой деньги. Онъ подарилъ мнѣ много золотыхъ вещей и непремѣнно хотѣлъ сдѣлать на свой счетъ вѣнчальное платѣе.

Люди говорятъ, что судьбы нѣтъ; я же, судя по моей личной жизни, скажу: судьба есть, и «суженаго конемъ не объѣдешь». Что человѣку на роду написано, то и будетъ, и безсиленъ онъ измѣнить что либо по своему желанію. Все то, что я пережила, похоже на сказку и, если бъ все это не случилось со мной самой, то я никогда бы не повѣрила, что это можетъ случиться.

Свадьбу мы назначили въ половинѣ января, передъ масленицей, и вдругъ за недѣлю до свадьбы сестра получила изъ дому телеграмму: отецъ скончался. Василий Николаевичъ въ это время сидѣлъ у насъ. Маня молча подала ему телеграмму; я черезъ его плечо прочла ее вмѣстѣ съ нимъ. Онъ поблѣднѣлъ и не зная, что сказать, обернулся и вопросительно взглянулъ на меня.

— Я поѣду,—проговорила я и заплакала.

— Нѣтъ, поѣду я,—сказала Маня.—Все равно никто изъ насъ къ похоронамъ не поспѣетъ, а тебѣ теперь не надо разстраиваться, да и Василию Николаевичу будетъ тяжело безъ тебя, такъ какъ свадьбу, конечно, придется отложить. Я телеграфирую старшему брату, и мы съ нимъ поѣдемъ успокоить бѣдную маму.

Она вышла изъ комнаты. Василий Николаевичъ обнялъ меня и въ первый разъ крѣпко поцѣловалъ въ губы. Онъ въ послѣдніе дни такъ торопилъ меня со свадьбой, столько глубокой нѣжности было въ его отношеніяхъ ко мнѣ, что въ эту минуту мнѣ стало жаль не себя, а его, и я отвѣтила на его поцѣлуй такимъ же горячимъ поцѣлуемъ.

— Ну, что же дѣлать?—грустно проговорила я, ласково глядя его руку.—Отложить свадьбу на полгода?

— На полгода?—воскликнулъ онъ.—О, нѣтъ, зачѣмъ же такъ надолго? Вѣдь всѣ знаютъ, что мы женихъ и невѣста; никто насъ не осудитъ, если мы обвѣнчаемся скорѣе. Теперь наступитъ великій постъ, а послѣ Пасхи, на Оминой недѣлѣ и обвѣнчаемся. Согласна, Таня?

Новый поцѣлуй закрѣпилъ эту просьбу, и я согласилась.

Сестра уѣхала, я осталась, и Василий Николаевичъ каждый день приходилъ ко мнѣ. За пять недѣль отсутствія Мани мы сблизились съ нимъ такъ, какъ при иныхъ обстоятельствахъ не сблизились бы и за пять лѣтъ. Я вполне оцѣнила и умъ и ду-

шевную доброту, и мягкость этого милого человѣка. Я очень любила моего отца, и потерять его мнѣ было тяжело, но, признаюсь, любовь ко мнѣ Василя Николаевича какъ-то ступевала мое горе по отцѣ, и порою я роптала въ душѣ на то, что смерть его случилась такъ не во время.

Сестра вернулась усталая и разстроенная. Она рассказала намъ, что мама до того убита обрушившимся на нее несчастьемъ, что начала заговариваться и очень скучаетъ одна. Она прожила съ отцомъ сорокъ лѣтъ душа въ душу и не можетъ еще проникнуться мыслью о его смерти.

— Кромѣ того, Таня, ее очень тревожитъ твоя судьба,—сказала мнѣ сестра.—Она ничего не имѣетъ противъ Василя Николаевича, но ей, конечно, было бы пріятно, если бъ твой мужъ занялъ мѣсто нашего отца, и твой отказъ на предложенія духовныхъ сильно ее огорчилъ.

Тутъ я должна была рассказать Василю Николаевичу то, что изъ деликатности хотѣла отъ него скрыть. Въ день похоронъ отца я получила изъ нашего города шесть телеграммъ съ оплаченными отбѣтами отъ шести претендентовъ на мѣсто покойнаго отца. Всѣ они просили моей руки, такъ какъ вмѣстѣ съ дочерью священника за ними укрѣплялось и мѣсто его. Само собою разумѣется, что я всѣмъ имъ отвѣтила: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы немедленно поѣхать къ мамѣ, такъ какъ она одна жила теперь въ деревнѣ, но любовь эгоистична,—мнѣ не хотѣлось уѣзжать. До свадьбы оставалось всего три недѣли, и мы съ Василиемъ Николаевичемъ тутъ же рѣшили, что на другой день послѣ нея поѣдемъ къ мамѣ и проживемъ съ ней, сколько она хочетъ; написали ей вмѣстѣ письмо, въ которомъ назначили день нашего пріѣзда.

На Страстной я говѣла, и мы всю недѣлю не видались съ Василиемъ Николаевичемъ; встрѣтились только на пасхальной заутренѣ. Это была самая счастливая заутреня въ моей жизни. Тотъ, кто черезъ нѣсколько дней долженъ былъ сдѣлаться моимъ мужемъ, тотъ, кому я на всю жизнь отдала мое сердце, стоялъ около меня, мы горячо молились, сказали другъ другу: «Христосъ воскресъ», и трижды обмѣнялись братскимъ поцѣлуемъ. Я вынула изъ кармана красное яичко и застѣнчиво сунула ему въ руку.

Никогда не забуду я этой заутрени, этой ночи, этой усердной молитвы, этихъ вдохновенныхъ минутъ, когда мнѣ казалось, что все существо мое дwoится на мірское и небесное, когда я чувствовала себя и на землѣ и на небѣ...

Праздники мы провели такъ-то умиленно-радостно, не переставая говорить о томъ, сколько хорошаго ждетъ насъ скоро, скоро, вотъ уже черезъ два дня... Я даже примѣрила разъ мое бѣлое подвѣчное платье, подарокъ Василя Николаевича, и показалась

ему. Онъ поблѣднѣлъ отъ волненія, хотѣлъ что-то сказать, но слезы затуманили его взоръ; онъ только нагнулся и поцѣловалъ мою руку. Я выбѣжала изъ комнаты радостная, смущенная...

Мы вмѣстѣ съ Маней ходили смотрѣть нашу будущую квартиру. Все въ ней было такъ уютно, красиво, согласно съ моими вкусами и желаніями, высказанными вскользь въ простомъ разговорѣ. Даже Маня была растрогана такимъ вниманіемъ.

Въ эту ночь мнѣ снились счастливые радужные сны. О, сколько разъ сожалѣла я потомъ, зачѣмъ не умерла въ эту ночь!...

III.

На слѣдующее утро я, по обыкновенію, ждала Василя Николаевича, но онъ не пришелъ. Это меня встревожило. Мы уже сѣли обѣдать, когда онъ вошелъ въ столовую. Радостная улыбка замерла на моихъ губахъ, когда я взглянула на его растерянное, измученное лицо.

— Что съ вами?—спросила Маня.

— Ничего, ничего,—отвѣтилъ онъ упавшимъ, не своимъ голосомъ.—Кушайте, послѣ обѣда я все расскажу.

И, взявъ стулъ, онъ сѣлъ около меня. Сердце во мнѣ такъ и упало. Какой ужъ тутъ обѣдъ! Зять пробовалъ было шутить, но ничего не вышло. Наконецъ, мы встали изъ-за стола, и Маня, сдѣлавъ знакъ мнѣ и Василю Николаевичу, прошла съ нами въ гостиную.

— Большое несчастіе обрушилось на меня,—сейчасъ же началъ онъ все тѣмъ же чужимъ голосомъ.—Мужъ моей единственной сестры внезапно сошелъ съ ума; она сегодня съ утреннимъ поѣздомъ привезла его сюда. Я уже помѣстилъ его въ лѣчебницу душевнобольныхъ.

— Вотъ это такъ настоящее несчастіе!—испуганно воскликнула Маня.

— Это еще не все,—глубоко вздохнувъ, продолжалъ онъ.—Сестра съ четырьмя дѣтьми осталась безъ всякихъ средствъ, а за содержаніе больного надо платить сорокъ пять рублей въ мѣсяцъ... Мать наша приѣхала вмѣстѣ съ сестрой и дѣтьми...

— И всѣ остановились у васъ?—подказала Маня.

— Да...

Онъ умолкъ, и мы молчали.

— Ну, ужъ если говорить, то все говорить,—произнесъ онъ наконецъ.—Мать и слышать не хочетъ о томъ, чтобы я теперь женился. Она говоритъ, что не выѣдетъ съ внуками изъ моей квартиры, пока я ихъ не устрою. Я вѣдь вамъ рассказывалъ, что сестра много помогала мнѣ, когда я былъ въ университетѣ, и говорить, что теперь моя очередь помочь ей при такихъ тяжелыхъ

обстоятельствахъ. Конечно, онѣ обѣ правы, и я не могу ихъ бросить, но, Боже мой, зачѣмъ это не случилось двумя днями позже!.. Хоть бы предупредили меня, подготовили... Ну, что же ты молчишь, Таня? Скажи хоть словечко,—обратился онъ ко мнѣ.

— Что же я могу сказать?—тихо проговорила я, вся дрожа.— Надо обдумать все... мнѣ трудно собраться съ мыслями... Скажи мнѣ откровенно: вѣдь твоя мать считаетъ меня неподходящей партией и не хочетъ, чтобы ты женился именно на мнѣ?

— Не хочетъ...

Въ первый разъ вспомнила я въ эту минуту слова Тихомірскаго: «придетъ время, когда вы будете страдать сильнѣе, чѣмъ я теперь»,— и они показались мнѣ пророчествомъ. Маня незамѣтно вышла изъ комнаты, и, отвѣчая на свои мысли, я проговорила:

— Ну, значить, не судьба!

Онъ встрепенулся, подошелъ ко мнѣ, опустился на колѣни и, вглядываясь въ мои глаза, зашепталъ:

— Что ты хочешь сказать этимъ, Таня? Какъ тебѣ не грѣхъ! Я не могу жить безъ тебя. Слушай, дорогая; я буду хлопотать, чтобы зятя приняли въ больницу на казенный счетъ, двухъ старшихъ племянниковъ тоже постараюсь какънибудь устроить, и тогда мнѣ будетъ легче въ денежномъ отношеніи. Мать и сестру съ маленькими дѣтьми, конечно, я не могу выгнать изъ дому, но, быть можетъ, ты согласишься жить вмѣстѣ съ ними?

— Что же это будетъ за жизнь?—мягко возразила я, глядя его шелковистые волосы.—Для тебя я соглашусь на все на свѣтѣ, мой любимый, но развѣ я не понимаю, что меня не хотятъ въ твоей семьѣ? Мы оба только измучимся.

— Но вѣдь это лишь на время, пока я не устрою ихъ, какъ слѣдуетъ.

— Ахъ!—вздохнула я,—пока взойдетъ солнце, роса глаза выѣстъ... Самъ видишь—не судьба. Иди теперь домой, ты тамъ нуженъ, а завтра приходи пораньше, можетъ, чтонибудь и придумаемъ... сегодня у меня силъ нѣтъ...

— У меня тоже,—сказалъ онъ, цѣлуя мои руки.—Господи, вѣдь это съ ума можно сойти, когда подумаешь, что послѣзавтра мы съ тобой вышли бы изъ церкви въ нашъ уютный уголокъ радостные, счастливые, а теперь тамъ слезы, крики, чемоданы!.. За что это? За что ты-то страдаешь!..

— Ну, уходи, уходи, милый,—прошептала я, вставая, потому что чувствовала, что мнѣ сейчасъ сдѣлается дурно, и я упаду.— Не думай сегодня объ этомъ. Утро вечера мудренѣе...

И я, пожавъ ему руку, пошатываясь, ушла въ спальню Мани. Когда входная дверь затворилась за Василюемъ Николаевичемъ, вся дѣланная бодрость духа покинула меня, и я съ громкими рыданіями уткнулась головой въ подушку. Сестра ласково успо-

каивала меня, зять давалъ принимать какія-то капли, а я все неудержимо плакала и хохотала, хохотала и плакала... Это была моя первая истерика. О, какъ много было ихъ у меня впоследствии!..

Добрая Маня не покидала меня ни на минуту, и когда я немножко пришла въ себя, мы начали съ ней обсуждать мое положеніе и проговорили и проплакали всю ночь.

На другое утро пришелъ Василій Николаевичъ. Я усадила его подлѣ себя въ гостиной на диванъ. Мы были вдвоемъ, и на его нѣмой вопросъ я отвѣтила:

— Вотъ къ какому рѣшенію я пришла: завтра я ѣду къ мамѣ, на сколько времени, не знаю: это видно будетъ. Но я даю тебѣ честное, благородное слово, что не обманываю тебя, не расстаюсь съ тобою навсегда. Черезъ мѣсяць, черезъ два, черезъ полгода я приѣду и поступлю телеграфисткой. Ты вѣдь знаешь, что братъ Манинаго мужа почтмейстеръ, онъ давно предлагалъ мнѣ мѣсто, но тогда не было надобности. Когда отецъ былъ живъ, я могла получить хорошее приданое, какъ сестры, но мама пишетъ, что дѣла ея сильно разстроены, и не могу же я взять у нея послѣднее... Я приѣду, буду работать, и мы съ тобой будемъ видѣться, а если Богу угодно, то и обвѣнчаемся.

— Нѣтъ, Таня, я не въ состояніи тебя теперь отпустить,—возразилъ онъ, обнимая меня.—Я знаю, что у тебя много силы воли, знаю, что ты меня не забудешь, но какой-то таинственный голосъ шепчетъ мнѣ, что ты тамъ, вдали отъ меня выйдешь замужъ.

— Десять разъ могла выйти и не вышла,—сказала я:—такъ неужели теперь, когда я тебя люблю, когда ты такъ несчастенъ, я выйду? Что ты, Господь съ тобой! Ты отъ горя не знаешь, что говоришь. Любить можно только разъ въ жизни.

Долго я его убѣждала, что это—самый лучший для насъ исходъ, что не все еще потеряно, но онъ только недовѣрчиво качалъ головой и твердилъ:

— Не ѣзжай, Таня, не оставляй меня. Сердце мое чувствуетъ, что тебя тамъ выдадутъ замужъ.

Въ концѣ концовъ, онъ взялъ съ меня слово, что я поѣду домой лишь недѣли на двѣ, попрошу у мамы позволенія переѣхать совсѣмъ къ Манѣ и поступлю на телеграфъ. Это его значительно успокоило. Вошла сестра, мы сказали ей о нашемъ рѣшеніи; она его одобрила. Тогда мы втроемъ, изо всѣхъ силъ стараясь казаться другъ передъ другомъ веселыми, принялись укладывать мои вещи.

Въ тотъ самый день и даже часъ, когда должна была состояться моя свадьба, я уѣхала...

Василій Николаевичъ провожалъ меня три станціи, хотѣлъ ѣхать и дальше, но я отговорила: слишкомъ было тяжело...

Съ дороги я послала мамѣ телеграмму, извѣщая ее о моемъ приѣздѣ. Когда я ее уже отправила, и поѣздъ тронулся, я вспомнила, что подписалась моею дѣвическою фамиліею, а вѣдь мама ничего не знала о случившемся и ожидала меня съ мужемъ. Бѣдная, что она должна была подумать и пережить, читая ее!

IV.

На нашу станцію я приѣхала на другой день подъ вечеръ. Мама выслала за мной лошадей. Старый кучеръ Никифоръ, знавшій меня съ дѣтства, такъ и застылъ отъ изумленія, увидя меня одну.

— Здравствуй, Никифоръ. Какъ здоровье мамы?—спросила я.

— Ничего, слава Богу,—отвѣтилъ старикъ, укладывая въ коляску мои вещи.—Только крѣпко скучаетъ матушка, похудала и сгорбилась. Вотъ васъ все поджидала, такъ малость пооживѣла.

Онъ видимо старался вызвать меня на откровенность, но я молча сѣла, и мы поѣхали.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда я увидала издали огоньки въ окнахъ нашего деревенскаго дома. Заслышавъ колокольчики, мама вышла на крыльцо, накинувъ на голову большой теплый платокъ. Она, не говоря ни слова, обняла меня и горько заплакала; такъ, обнявшись мы и вошли въ столовую. На столѣ кипѣлъ самоваръ. Я сняла шляпку, пальто и сѣла противъ мамы.

Со смерти отца я ее не видала, и теперь, когда она спустила съ головы платокъ, мнѣ при яркомъ свѣтѣ лампы бросилась въ глаза происшедшая въ ней перемѣна. Ея черные волосы почти совсѣмъ посѣдѣли, высокая фигура сгорбилась, въ лицѣ застыло выраженіе глубокаго горя, а въ большихъ сѣрыхъ глазахъ появилось что-то новое, незнакомое.

Мнѣ захотѣлось сказать ей что нибудь ласковое, хорошее, но спазмъ, сдавившій горло, не далъ мнѣ произнести слова. Я встала, подошла къ ней и начала цѣловать ея руки. Тутъ я увидала на столѣ, подлѣ ея чашки, мою открытую телеграмму.

— Что это значитъ, Таня?—спросила она, указывая на мою дѣвическую подпись.

Собравшись съ духомъ, я рассказала ей все, что случилось, ничего не скрывая. Она опять неутѣшно заплакала и проговорила:

— Бѣдная, бѣдная моя дѣвочка! Этого ли мы съ отцомъ ожидали для тебя?... Дочь уважаемаго протоіерея, красивая, умная, сколькимъ женихамъ отказала, а теперь отъ тебя послѣдній женихъ отказался...

— Но, мама... хотѣла я объяснить.

— Ахъ, не оправдывайся! — перебила она меня. — Я-то вѣрю тебѣ и знаю, что это не такъ, а люди развѣ этому повѣрятъ?

Вѣдь тебѣ двадцать третій годъ, теперь ужъ никто не возьметъ тебя.

— Послушай, мамочка, я еще не все тебѣ рассказала,—начала я:—ты не знаешь, на чемъ мы порѣшили. Я, вѣдь, не разошлась съ Василиемъ Николаевичемъ, я дала ему слово рано или поздно быть его женой. Отдохну здѣсь, поправлюсь, поживу съ тобою, сколько ты захочешь, а потомъ опять поѣду къ Манѣ. Мнѣ обѣщано мѣсто телеграфистки, я возьму его и буду работать. Пройдетъ какой нибудь годъ, Василий Николаевичъ устроитъ семью сестры, и мы повѣнчаемся.

Пока я это говорила, лицо мамы принимало какое-то новое для меня жесткое выраженіе, и при моихъ послѣднихъ словахъ она воскликнула почти рѣзко:

— И ты думаешь, что я тебя отпущу? Никогда этому не бывать! Чтобы ты, дѣвушка изъ хорошей духовной семьи, бѣгала по телеграфамъ, постоянно видѣлась съ человѣкомъ, который никогда не будетъ твоимъ мужемъ, о, нѣтъ! Мало ли къ чему могутъ привести эти ваши свиданія?... Я умру съ отчаянія, отецъ твой не вернется въ гробу... Нѣтъ, нѣтъ, Таня, такъ и знай, этому не бывать.

— Но, мамочка, вѣдь я же его люблю, мы помолвлены и обручены еще при жизни папы,—заплакала я.—Не могу я безъ него жить... Если бъ ты знала, если бъ ты видѣла, какъ онъ меня любитъ...

— Что дѣлать, дитя мое!—уже мягче сказала она.—Это самъ Богъ тебя наказываетъ за твою разборчивость. Развѣ ты не видишь промысла Божія въ томъ, что почти наканунѣ свадьбы скончался твой отецъ, а во второй разъ, за два дня до свадьбы, случилось это несчастье? Если бъ я еще могла дать тебѣ приданое, а то наши денежные дѣла сильно разстроены, имѣніе я продаю, даютъ за него мало, а мнѣ еще надо поставить на ноги твоего брата Ваню. Видно, нѣтъ тебѣ судьбы, моя бѣдная дѣвочка, и я такъ и умру, не устроивъ тебя. Что это на тебѣ за брошка?—спросила она вдругъ, увидя на мнѣ золотую вѣточку, украшенную брилліантами.

— Это—подарокъ жениха.

— Сними, сейчасъ же сними,—строго приказала она,—и все, что онъ тебѣ дарилъ, отошли ему.

Тутъ ужъ я не выдержала, зарыдала, съ шумомъ отодвинула стулъ и убѣжала въ мою комнату. Мама не пошла за мной, и я могла выплакаться на свободѣ.

«Господи, что же это такое?—думала я.—Что случилось съ мамой? Неужели горе такъ повліяло на нее? Она, такая добрая, умная, всегда исполнявшая малѣйшіе мои капризы, вдругъ ничего слышать не хочетъ и такъ рѣзко, такъ безжалостно разбиваетъ мое

счастье. Нѣтъ, этого не можетъ быть, Богъ дастъ, все переѣмнится, я уговорю ее, она постепенно смягчится».

Я такъ и уснула не раздѣваясь и проспала до утра. За утреннимъ чаемъ вчерашняго разговора мы не возобновляли. Мама все время говорила о томъ, какъ запутаны ея дѣла, какъ трудно ей, старухѣ, привести все въ порядокъ, и просила, чтобы я ей помогла.

Въ верстѣ отъ нашего дома находилось сельское кладбище, гдѣ похоронили отца. Я пошла помолиться на его могилкѣ. Долго, стоя на колѣняхъ, усердно молила я Бога, чтобъ Онъ помогъ мнѣ жить, вложилъ мнѣ въ душу смиреніе, терпѣніе и покорность. Поднявшись, я увидала за собою маму. Она держала въ рукахъ какую-то бумагу и, ласково взглянувъ на меня, проговорила:

— Таня, я не сказала еще тебѣ самаго главнаго. Я думала, что мнѣ и не придется этого говорить, но ты такая упорная... Ты вѣдь знаешь, какъ хорошо жила я съ вашимъ покойнымъ отцомъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, ну, такъ вотъ онъ оставилъ послѣ себя духовное завѣщаніе, или, вѣрнѣе, воззваніе къ дѣтямъ. Вотъ прочти.

И, развернувъ бумагу, мама показала мнѣ строки, написанныя и подчеркнутыя рукой покойнаго отца. Я прочла:

«Дѣти мои! Любите и почитайте старую мать вашу до послѣдняго вздоха ея. И если кто изъ васъ ослушается воли матери, тотъ будетъ трижды проклятъ мною изъ-за гроба!»...

Я выронила изъ рукъ завѣщаніе и вся задрожала. Плакать я уже не могла. Мы молча пошли домой, и каждая изъ насъ думала свою невеселую думу.

V.

Наступило лѣто, и зажили мы съ мамой въ большомъ деревенскомъ домѣ тихо, грустно, однообразно. Приходъ отца въ городъ давно уже занять былъ молодымъ священникомъ. Никто къ намъ не прїѣзжалъ, и мы нигдѣ не бывали. Заботы объ устройствѣ дѣлъ не переставали тревожить маму. Она часто говорила мнѣ:

— Чувствую я, Танюшка, что скоро умру, потому и тороплюсь выяснитъ мои денежныя дѣла. Хочу, чтобъ хоть что нибудь осталось вамъ послѣ меня. Ваня еще только во второмъ классѣ семинаріи, я ужъ не доживу до тѣхъ поръ, пока онъ окончитъ курсъ, а его надо обезпечить. Да ты вотъ еще остаешься непристроенная... Кому только могла отказать — отказала, и послѣ этой твоей исторіи никто ужъ и свататься не будетъ. Тяжело все это материнскому сердцу, Таня. Ты на меня не сердись, если тебѣ что не нравится. Васъ много, а я одна, и о каждомъ изъ васъ я должна подумать.

Когда она такъ говорила, мнѣ дѣлалось жаль ее. Она любила насъ всею душою, и, съ ея точки зрѣнія, даже относительно меня,

она была права. Но не менѣ жаль было мнѣ себя и Василю Николаевича. Онъ писалъ мнѣ такія милыя, такія ласковыя письма, что я не могла сказать ему о рѣшеніи мамы; у меня все еще оставалась надежда на то, что она уступитъ и отпуститъ меня къ сестрѣ.

На имѣніе нашелся наконецъ серьезный покупатель, сельскій богатый священникъ, о. Демьянъ, хорошо знавшій покойнаго отца. Онъ жилъ отъ насъ верстахъ въ пятнадцать, и вотъ какъ-то разъ мама просила меня съѣздить къ нему переговорить о дѣлахъ. Сама не знаю почему, но мнѣ такъ не хотѣлось ѣхать, какъ будто я предчувствовала, что со мною случится какое-то несчастье. Однако пришлось поѣхать.

У батюшки я застала за преферансомъ двухъ какихъ-то учителей духовнаго училища изъ дальняго уѣзднаго города. Я даже не обратила на нихъ вниманія, видѣла только мелькомъ, что одинъ изъ нихъ длинный, худой, черный, а другой маленькій, бѣлокурый, лысый.

Въ той же комнатѣ, гдѣ они играли, я съ о. Демьяномъ отошла къ его письменному столу, сѣла и съ часъ протолковала объ имѣніи. Онъ очень упрасивалъ меня остаться обѣдать, но я уѣхала. Когда я передавала мамѣ результаты моихъ переговоровъ съ батюшкой, она спросила:

— У о. Демьяна, вѣрно, были гости? Вѣдь онъ такой хлѣб-солъ и любитъ преферансъ.

— Да,—отвѣтила я небрежно,—были какіе-то два учителя, только я съ ними и не разговаривала.

Эта поѣздка меня утомила, я рано легла спать, и приснился мнѣ страшный сонъ. Видѣла я, будто лежу, и вдругъ длинная, черная холодная змѣя кольцомъ обвила мою правую руку и, извиваясь гибкимъ, скользкимъ тѣломъ, направила острое жало мнѣ въ сердце... У меня захватило дыханіе отъ ужаса, и я крикнула дикимъ голосомъ не то во снѣ, не то наяву:

— Мама, мама, спаси меня!

Мама черезъ комнату услышала мой крикъ и въ одной сорочкѣ, со свѣчей прибѣжала ко мнѣ.

— Что ты, Таня? Что съ тобою?—испуганно спросила она.

— Ахъ, мама,ними скорѣй змѣю съ моей руки,—проговорила я уже сознательно.—Я дышать не могу, она меня задушитъ...

— Что ты, Богъ съ тобой, Тавюша, никакой змѣи нѣтъ,—сказала она.—Это тебѣ приснилось; перекрестись и усни.

— Нѣтъ, нѣтъ, мама,—настаивала я:—она сейчасъ здѣсь была, я еще чувствую холодъ въ рукѣ. Поищи подъ кроватью.

— Да что ты малый ребенокъ, что ли, Таня?—укоризненно успокаивала она меня.—Сама видишь, что ничего нѣтъ. Господь съ тобой, спи спокойно, а я около тебя посижу.

«истор. вѣстн.», май, 1905 г., т. с.

5

Я выпила воды, но долго не могла уснуть и послѣ того нѣсколько дней была подѣ впечатлѣніемъ этого сна. А когда я стала о немъ забывать, вдругъ оба учителя пріѣхали къ намъ. Я не хотѣла было выходить, думая, что они имѣютъ съ мамой дѣловую разговоръ, но пришлось выйти, такъ какъ мама оставила ихъ обѣдать. Въ то время для меня, всецѣло поглощенной моимъ личнымъ горемъ, не существовало ни мужчинъ, ни женщинъ, и я совершенно безучастно сидѣла за столомъ; мама же, наоборотъ, была съ гостями очень любезна.

Дней черезъ пять колокольчики снова зазвенѣли у нашего подъѣзда. На этотъ разъ длинный учитель пріѣхалъ одинъ. Мама опять задержала его на цѣлый день. Вечеромъ, когда онъ уѣхалъ, я сказала ей:

— Ахъ, поскорѣй бы ужъ ты продавала имѣнье! Такъ надоѣли эти визиты.

Мама собирала со стола и, не глядя на меня, отвѣтила:

— Имѣнье я въ свое время продамъ, а визиты Ильинскаго вовсе къ имѣнью не относятся.

— Къ чему же они относятся?

— Къ тебѣ.

— Ко мнѣ?—переспросила я и такъ и опустила на стулъ отъ изумленія.

— Ну, да, къ тебѣ,—уже горячась, отвѣтила она.—Что же въ этомъ удивительнаго? Ты, пожалуйста, не воображай о себѣ слишкомъ много. Что ты такое? Принцесса что ли какая? Тотъ не хорошъ, другой не хорошъ...

— А этотъ Ильинскій, по-твоему, Бова-королевичъ?—проговорила я насмѣшливо, но сейчасъ же перемѣнила тонъ и сказала, волнуясь.—Послушай, мама, вѣдь ты меня любишь, желаешь мнѣ счастья, такъ зачѣмъ же ты хочешь погубить мою жизнь? Пожалѣй же и ты меня хоть немножко... Ты не даешь мнѣ благословенія на бракъ съ Василиемъ Николаевичемъ, отецъ меня проклянетъ съ того свѣта, если я тебя ослушаюсь, такъ за что же ты хорошишь меня заживо? Если я не буду женою Василя Николаевича, то ничѣй не буду, такъ и знай. Этого Ильинскаго я всего два раза видѣла, ни слова съ нимъ не сказала, мнѣ на него смотрѣть противно, и замужъ я за него не выйду никогда, никогда!

— А я тебѣ скажу, — крикнула она, — что къ твоему Василю Николаевичу ты перешагнешь только черезъ мой трупъ, а если Ильинскій тебѣ сдѣлаетъ предложеніе, ты выйдешь за него. Я не извергъ, я тебѣ счастья желаю и умру спокойно лишь тогда, когда буду знать, что ты пристроена.

Что же послѣ этого было возражать? Я ушла въ мою комнату, заперлась и обо всемъ, что у насъ дѣлается, откровенно написала Василю Николаевичу, прося его указаній, какъ мнѣ поступить.

Но отвѣта на это письмо, какъ и на слѣдующія, я такъ и не получила, и только позднѣе поняла—почему.

Нашу корреспонденцію отвозилъ на станцію Никифоръ. Письма я отдавала ему, а мама сдѣлала распоряженіе, чтобы все, что придетъ на мое имя или отправляется мною, отдавалось ей въ руки. Не знаю, читала она или нѣтъ мою переписку съ Василиемъ Николаевичемъ, но только съ тѣхъ поръ, какъ у насъ сталъ часто бывать Ильинскій, я отъ жениха ни строчки не получила.

А Ильинскій началъ бывать все чаще и чаще. Мама умышленно оставляла насъ вдвоемъ, но изъ этого ничего не выходило; я или упорно молчала или запиралась у себя въ комнатѣ. Я все еще надѣялась, что онъ поѣздитъ-поѣздитъ, да перестанетъ, потому что не могъ же онъ не видѣть, какъ я къ нему относилась; есть же у него, наконецъ, самолюбіе.

Разъ я сидѣла въ саду на скамейкѣ подъ старымъ, разбитымъ грозою, грушевымъ деревомъ. Онъ неожиданно подошелъ и попросилъ позволенія сѣсть около меня. Я молча посторонилась, и онъ началъ что-то такое говорить о любви.

— Послушайте, Павелъ Гавриловичъ, — серьезно сказала я ему:— зачѣмъ вы къ намъ ѣздите? Чего вы отъ меня хотите? Вы прекрасно знаете, да и всѣ кругомъ это знаютъ, что я невѣста человѣка, котораго люблю, люблю глубоко, на всю жизнь. У меня ни одного уголочка въ сердцѣ не осталось для иного чувства. Вы мнѣ не нравитесь, вы мнѣ прямо антипатичны. Можетъ быть, вы и хорошій человѣкъ, но мнѣ-то васъ не надо. Я говорю вамъ это честно, откровенно. Прошу васъ, оставьте меня. Съ вашей стороны неблагородно ѣздить къ намъ и вліять на маму. Она стара, убита горемъ, у нея какой-то пунктъ выдать меня замужъ во что бы то ни стало. Я не только не дамъ вамъ счастья, но испорчу всю вашу жизнь; откажитесь же отъ меня. Приданого у меня нѣтъ, а сердце принадлежитъ другому, такъ чего же вамъ отъ меня нужно?

Послѣднюю фразу о приданомъ я сказала съ намѣреніемъ оскорбить его, словомъ, хотъ чѣмъ нибудь оттолкнуть отъ себя. Но это не подѣйствовало, и онъ отвѣтилъ мнѣ спокойно, видимо сдерживая внутреннее волненіе:

— Я знаю, что вы меня не любите, Татьяна Марковна, знаю, что вы любите другого, но мое сердце принадлежитъ вамъ съ той минуты, какъ я увидалъ васъ у о. Демьяна. Я некрасивъ собою, бѣденъ, но душа у меня глубоко чувствуетъ, Татьяна Марковна, и я всѣми силами буду стараться заслужить вашу любовь; а пока она придетъ, я буду относиться къ вамъ, какъ нѣжный, любящій братъ. Я поставилъ цѣлью моей жизни жениться на васъ и постараюсь добиться своего.

— Какъ это благородно съ вашей стороны!—возмутилась я.— Вы хотите взять меня силой, но знайте, что у меня самой силы

воли очень много, и я всю ее употреблю на то, чтобъ не достаться вамъ, по крайней мѣрѣ, живою...

— Вы слишкомъ умны, Татьяна Марковна, чтобы лишить себя жизни, и слишкомъ религіозны для этого...

— Скажите лучше, что я слишкомъ люблю моего жениха,—перебила я его,—чтобы доставить ему это горе. О, жизнь еще велика, я еще буду съ нимъ счастлива!

— И неужели ужъ я такъ вамъ отвратителенъ, что лучше смерть, чѣмъ я?—продолжалъ онъ, какъ бы не слыша моихъ послѣднихъ словъ.

— Да, лучше,—твердо произнесла я и ушла отъ него, даже не обернувшись посмотрѣть, сидитъ онъ или пошелъ за мною.

VI.

Ничего не выиграла я этимъ разговоромъ, только, должно быть, Ильинскій передалъ его мамѣ, потому что она отобрала у меня всѣ подарки Василія Николаевича и отослала ихъ Манѣ для передачи ему. Господи, до чего трудно было мнѣ разстаться съ каждой вещью, полученной мною отъ любимаго человѣка, связанной съ воспоминаніями о нашихъ встрѣчахъ, о разговорахъ, полныхъ значенія лишь для насъ двоихъ.

Теперь одна надежда оставалась у меня на Бога, и я ежедневно молилась:

«Господи, возьми меня къ Себѣ! Сдѣлай такъ, чтобы я не досталась человѣку, котораго не люблю. Отврати отъ меня его сердце! Пошли ему другую дѣвушку, которая будетъ съ нимъ счастлива. Смилосердись надо мною, Богъ мой!»

Но какъ я ни молилась, какъ ни плакала, а Ильинскій все продолжалъ къ намъ ѣздить. Хорошо еще, что онъ хоть не ухаживалъ за мною, не говорилъ мнѣ пошлыхъ фразъ, а то я не знаю, на что я была бы способна... Какъ часто вспоминала я черную змѣю, обвившую мою руку и пробиравшуюся къ моему сердцу! Еще чаще вспоминала я Тихомірскаго, и мнѣ все казалось, что это за него Богъ меня наказываетъ. Неужели онъ тогда такъ страдалъ, какъ я теперь? Если да, то я глубоко передъ нимъ виновата.

Когда Ильинскій долго засиживался у насъ, я уходила до ужина спать, но, разумѣется, не спала; цѣлыя ночи напролетъ я проводила безъ сна въ безотрадныхъ думахъ. Нервы у меня расшатались до такой степени, что я стала похожа на тѣнь. Бывали дни, когда я ничего не могла ни ѣсть, ни пить, кромѣ нѣсколькихъ глотковъ чая, да и тотъ нерѣдко забывала. По мѣрѣ того, какъ я худѣла и блѣднѣла, и мама мѣнялась въ лицѣ и тоже дѣлалась нервной.

Наконецъ, мама приняла за меня предложеніе Ильинскаго.

Она сидѣла съ нимъ въ столовой, а я ходила изъ угла въ уголь по нашей большой неосвѣщенной гостиной и не слушала, о чемъ они говорили. Мама окликнула меня. Я остановилась въ дверяхъ. Мысли мои были очень далеко отъ окружающаго, и до меня, какъ изъ бездны, долетѣлъ голосъ мамы съ ея натянуто-радостной интонаціей:

— Ну, Таня, поздравляю тебя! Достань-ка изъ буфета наливку, выпьемъ за твое здоровье, за здоровье твоего жениха и за ваше счастье.

Я не сразу вникла въ смыслъ ея словъ, но, когда черезъ минуту я поняла ихъ и увидала, что Ильинскій подходитъ ко мнѣ, я крикнула:

— Вы,—мой женихъ, вы?! Никогда! Слышите ли, никогда! Я—ваша невѣста? Ха, ха, ха! Отойдите отъ меня... Не мучьте меня! Ну, хотите, я стану передъ вами на колѣни, буду валяться въ ногахъ, буду унижаться, цѣловать ваши руки, только оставьте, оставьте меня!.. Я васъ ненавижу, презираю за желаніе жениться на мнѣ... это безчеловѣчно... это подло... Мама!..

Но тутъ и мама, и онъ, и лампа надъ столомъ, и вся комната—все вдругъ заколебалось, потомъ заслонилось какимъ-то туманомъ, раздался чей-то крикъ, и я, какъ снопъ, упала на полъ...

Это случилось въ девять часовъ вечера, а я пришла въ себя только въ три часа ночи. Мама съ испуганнымъ, разстроеннымъ лицомъ сидѣла подлѣ меня на кровати, лампадка ясно горѣла въ углу передъ строгимъ ликомъ Спасителя, на ночномъ столикѣ стояли какіе-то пузырьки, и въ комнатѣ пахло чѣмъ-то острымъ, но пріятнымъ.

И на мгновеніе представилось мнѣ, что я—маленькая больная дѣвочка, и вотъ наша добрая, милая мама сидитъ около меня и сторожитъ мой болѣзненный сонъ. Мнѣ стало такъ хорошо, такъ уютно въ теплой постели... Я тихонько взяла мамину руку и прижала ее къ губамъ, какъ дѣлала это въ дѣтствѣ. И, должно быть, отъ сдѣланнаго движенія реальная жизнь проснулась во мнѣ, и я вдругъ вспомнила всю страшную дѣйствительность...

— Мамочка, дорогая, голубушка моя, не губи меня! — зашептала я. — Ну, не хочешь ты, чтобы я выходила за Василя Николаевича,—я не выйду, я останусь съ тобою, но зачѣмъ же выдавать меня за Ильинскаго? Я полюбила Василя Николаевича на всю жизнь и никого ужъ любить не могу... Какая я буду жена Ильинскому? Вѣдь это не жизнь будетъ, а каторга. И скажи мнѣ, мама, почему ты такъ измѣнилась? При отцѣ ты была всегда такая добрая, милая, всегда насъ такъ любила и понимала?

Мама заплакала, и въ голосѣ ея послышалась прежняя доброта, когда она заговорила:

— Охъ, Таня, неужели ты думаешь, что я хочу твоей гибели? Дитя мое, вѣрь мнѣ: стерпится — слюбится. Я твоего отца

узнала только за три дня до свадьбы и ужь, конечно, не любила, а потомъ всю душу ему отдала и теперь только о томъ и молю Бога, чтобъ поскорѣ свидѣться съ нимъ тамъ... Онъ потребуетъ у меня отчета за тебя, его любимую, балованную дочку, и, если я тебя не пристрою, то что я ему отвѣчу? Павелъ Гавриловичъ—человѣкъ хорошій, онъ любить тебя и будетъ беречь; когда ты упала въ обморокъ, онъ вѣдь плакалъ, какъ ребенокъ.

— Нѣтъ, мама, это не любовь, это эгоизмъ,—возразила я.—Не могу я скрыть отъ него, какъ я страдаю, какъ онъ мнѣ противень, а онъ все-таки настаиваетъ на своемъ. Ты взгляни на меня, мамочка: вѣдь краше въ гробъ кладутъ...

— Вижу, все вижу, — сказала она, цѣлуя меня, — но я знаю, что если ты захочешь, то сумѣешь быть счастливой. Нуждаться ты не будешь. Павелъ Гавриловичъ получаетъ маленькое содержание, но я буду вамъ помогать; другихъ дѣтей обижу, а тебѣ дамъ. Стерпится—слюбится, Таня, сама увидишь. Пойдутъ у васъ дѣти, и всѣ свои прежнія глупости ты забудешь. Ну, а теперь спи съ Богомъ, я еле на ногахъ держусь, такъ ты меня напугала.

И, какъ бы боясь расчувствоваться, уступить, она торопливо три раза перекрестила меня, поцѣловала и, утирая слезы, вышла изъ комнаты.

Не помню, скоро ли я уснула, но спала я въ эту ночь, какъ убитая, а проснулась другимъ человѣкомъ. Казалось, весь мой прежній внутренній міръ замеръ, и его замѣнила пустота, но такая страшная, такая бездонная, что я уже чувствовала себя не самой собою, а кѣмъ-то другимъ, чужимъ. Я уже не плакала, не ходила цѣлыми часами по комнатамъ или саду, не тосковала; я вся какъ будто окаменѣла, и думаю, что, если бы даже меня жестоко били, то я не чувствовала бы физической боли. Съ женихомъ я не могла сказать слова и, глядя на него во всѣ глаза, не понимала, что такое онъ мнѣ говорить.

Со свадьбой очень торопились. Она была назначена черезъ десять дней послѣ предложенія, и я положительно не сознавала, что со мной было въ эти дни. Кто-то пріѣзжалъ, кто-то благословлялъ образомъ, кто-то поздравлялъ, но кто — не знаю. Я попросила маму выписать сестру Маню, но она, вѣроятно, изъ боязни, что Маня напомнитъ мнѣ Василю Николаевича и все пережитое, отказала въ этой просьбѣ, и больше я ужь не выражала никакихъ желаній. Только, когда мама хотѣла пригласить двухъ сосѣднихъ барышень въ «подневѣстницы», чтобы онѣ одѣвали и сопровождали меня къ вѣнцу, какъ это принято въ нашемъ краѣ, я воспротивилась и возразила:

— Я иду не подъ вѣнецъ, а въ могилу... Подневѣстницы тутъ лишнія.

Маму сильно тревожило, что я ничего не ѣмъ; дѣйствительно, я не могла взять въ ротъ куска и изумляюсь только, какъ не

умерла отъ истощенія. Обмороки, болѣе продолжительные, чѣмъ первый, бывали у меня почти ежедневно. Меня все время преслѣдовала и гвоздемъ засѣла въ головѣ мысль, что свадьбы этой не будетъ, что все это только страшный сонъ, но... свадьба состоялась.

Рано утромъ, когда всѣ въ домѣ еще спали, надѣла я старое черное платье и пошла къ ранней обѣднѣ; потомъ отправилась на кладбище и отслужила панихиду на могилѣ отца. Возвращаясь домой, я, должно быть, отъ слабости упала и не могла встать. Помню, какъ сквозь сонъ, что откуда-то появился Павелъ Гавриловичъ, поднялъ меня, повелъ, и мы очутились дома.

Мама умоляла меня переодѣться, но я ни за что не согласилась. И вотъ, какъ монахиню, ссылаемую за великія прегрѣшенія въ дальній, глухой монастырь, повезли меня въ церковь... Состояніе окаменѣнія и ступѣнія сильнѣе, чѣмъ когда либо, овладѣло мною; я помнила только, что во время вѣнчанія должна сказать священнику «нѣтъ», а когда эта минута наступила, губы мои безсильно зашевелились, но съ нихъ не слетѣло ни одного звука...

VII.

Прямо изъ церкви мы на двухъ тройкахъ, съ шаферами, поѣхали въ городъ М., на квартиру, приготовленную Павломъ Гавриловичемъ; но какъ я ѣхала, съ кѣмъ—ничего не знаю: всѣ тридцать верстъ пути я была въ обморокѣ и въ М. дней десять пролежала въ постели. Доктора не могли понять моей болѣзни, да и не болѣзнь это была, а страшное нервное потрясеніе.

Разъ, прійдя въ себя, я услышала, какъ въ сосѣдней комнатѣ докторъ говорилъ Павлу Гавриловичу:

— Если бы не это состояніе столбняка, то она сошла бы съ ума. Ее надо очень беречь, потому что она и теперь только на шагъ отъ помѣшательства.

Проводивъ доктора, Павелъ Гавриловичъ вошелъ ко мнѣ и сѣлъ у моей постели.

— Ну, вотъ вы достигли вашей цѣли...—слабымъ и дрожащимъ отъ злорадства голосомъ, отвернувшись отъ него, проговорила я.— Я ваша жена. Что же, вы довольны?..

— Доволенъ,—тихо отвѣтилъ онъ.

— Вы все толковали о моей красотѣ,—посмотрите...

И, откинувъ рукавъ бѣлой ночной кофточки, я вытянула мою исхудалую, блѣдную, съ синими жилками руку.

— Для меня вы всегда красивы, потому что я васъ люблю,—проговорилъ онъ также тихо и въ первый разъ коснулся губами моей руки.

Я ее отдернула и произнесла съ негодованіемъ:

— Все вы, вы!.. Какое мнѣ дѣло до васъ, когда я-то васъ не люблю? Вы воспользовались моимъ безвыходнымъ положеніемъ, повезли къ вѣнцу, когда я была безъ сознанія... Гдѣ у васъ самолюбіе, порядочность?

— Любовь не разсуждаетъ, — возразилъ онъ. — Я постараюсь сдѣлать все возможное, чтобы вы меня полюбили.

— Никогда!

Когда я это произнесла, я невольно взглянула на него и увидела, что онъ совсѣмъ ужъ не такъ некрасивъ, какъ мнѣ казалось раньше, что неправильныя черты его смуглаго лица скрашены и смягчены добротой и нѣжностью ко мнѣ. Непріятно и стыдно стало мнѣ за мои рѣзкія слова; вѣдь онъ мужъ мнѣ, и ничего ужъ теперь не подѣлаешь.

«Господи, помоги мнѣ!—мысленно обращалась я къ Богу, оставшись одна. — Вразуми мою слабую голову и больное сердце! Помоги мнѣ жить, Господи!»

Да, поправить ничего ужъ нельзя, и если я не умерла, когда жаждала смерти, то... надо жить. Великія это слова, если вдуматься: надо жить. Жить и скрашивать жизнь другому, а не портить чужого существованія, не подчеркивать свою нелюбовь къ мужу, за таить личное горе въ сердцѣ, забыть свои стремленія, укротить свои порывы... Тяжело это, мучительно, но надо жить.

И какъ только немножко поправилась, я начала жить, какъ умѣла, какъ подсказывало мнѣ сердце. Но поправилась я далеко не вполне. Днемъ я занималась хозяйствомъ, убирала въ комнатахъ, стряпала съ прислугой на кухнѣ, старалась, чтобы все у меня было хорошо, а ночью со мной совершалось нѣчто очень странное. Въ теченіе цѣлаго полугода я каждую ночь во снѣ, сама того не сознавая и на утро ничего не помня, громко и отчетливо разговаривала съ Василиемъ Николаевичемъ. Я рассказывала цѣлые эпизоды изъ моихъ отношеній къ нему, всѣ наши прогулки вдвоемъ, мечты о совмѣстной жизни, словомъ все то, чего я никому не повѣряла.

Если бы я умышленно хотѣла отомстить за себя Павлу Гавриловичу, то и тогда не смогла бы придумать такой пытки. Оказывается, онъ по цѣлымъ ночамъ, не раздѣваясь, сидѣлъ около меня и слушалъ, слушалъ. Просыпаясь утромъ, я по его усталому лицу понимала, что онъ не смыкалъ глазъ, а за чаемъ онъ говорилъ мнѣ мягко, но съ большой горечью:

— Ну, вотъ сегодня вы съ Василиемъ Николаевичемъ были въ театрѣ, слушали Травиату... А завтра куда отправитесь?

Много дала бы я, чтобы избавиться отъ этого мучительнаго для него бреда, но ничего подѣлать съ собой не могла, потому что это выходило у меня совершенно бессознательно, и, если бы онъ не повторять моихъ же словъ, то я бы не повѣрила, что все это говорила.

Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы я получила письмо отъ Василія Николаевича. Онъ не упрекалъ меня, онъ узналъ, какъ все это случилось; онъ только жалѣлъ меня безконечно и такъ же безконечно тосковалъ. Я ему отвѣтила, и мы стали переписываться, хотя и не часто. Было бы недобросовѣстно съ моей стороны скрывать нашу переписку отъ Павла Гавриловича, поэтому я распечатанные письма моего бывшаго жениха клала на мой письменный столикъ, и онъ, вѣроятно, ихъ читалъ.

Вскорѣ я получила посылку отъ Василія Николаевича и нашла въ ней все то, что онъ мнѣ когда-то дарилъ, исключая подвѣчнаго платья. Мужу это, разумѣется, не могло быть пріятно; я всѣ вещи далеко запрятала и стала носить только бриллиантовую вѣточку.

Пріѣхала ко мнѣ погостить мама. Очень я ей обрадовалась, повеселѣла, но выраженіе нѣмого отчаянья, застывшее на моемъ лицѣ, не могло укрыться отъ нея. Какъ только мы остались съ ней вдвоемъ въ столовой, у кипящаго самовара, она сѣла напротивъ меня и долго-долго не сводила съ меня глазъ. Слезы потекли по ея сморщеннымъ щекамъ, и она проговорила, уныло качая головой:

— Не того ждала я для тебя, Таня... Видно, матери не судьи въ сердцахъ своихъ дѣтей!

— Ничего, мамочка, стерпится—слюбится,— отвѣтила я ей ея же прежними словами, но безъ всякой злобы или укора. — Это я послѣ болѣзни такъ измѣнилась. Павелъ Гавриловичъ ко мнѣ очень хорошъ. Привыкну.

Она послѣ такой долгой и утомительной поѣздки на лошадахъ пробыла у меня всего два дня, потому что ей, видимо, тяжело было на меня смотреть. Отъ меня она поѣхала къ Манѣ, и та писала мнѣ, что мама страшно измѣнилась, не спитъ цѣлыя ночи напролетъ, только обо мнѣ и говорить и раскаивается, что устроила мое замужество.

Случайно въ нашъ городокъ заѣхалъ извѣстный докторъ-психіатръ. Павелъ Гавриловичъ настоялъ на томъ, чтобы я съ нимъ посоветовалась относительно моихъ брезовъ.

— У васъ въ жизни несомнѣнно было серьезное нервное потрясеніе,— сказалъ профессоръ, осмотрѣвъ меня, — и вашъ разумъ сохранилъ ясность только потому, что въ физическомъ отношеніи у васъ очень здоровый организмъ. Изъ васъ выщелъ бы превосходный медіумъ, но такъ какъ вы не спиритка, а хорошая замужняя женщина, то вы должны призвать на помощь всю силу воли, чтобы быть здоровой.

Онъ предписалъ мнѣ строгій режимъ, продолжительныя прогулки, успокоительныя средства, и я стала дѣйствительно поправляться.

Въ это время совершенно прекратились письма отъ Василія Николаевича. Сначала я огорчалась и удивлялась, а когда Павелъ

Гавриловичъ признался мнѣ, что это онъ написалъ ему, прося прекратить нашу корреспонденцію ради моего здоровья и семейнаго спокойствія, то я рѣшила, что такъ, пожалуй, лучше. Мужъ настоялъ также на томъ, чтобы я отослала Василию Николаевичу всѣ его подарки; я это сдѣлала, но, мѣсяць спустя, посылка снова вернулась ко мнѣ. Я ея не распечатала.

Ровно черезъ два года послѣ свадьбы у меня родился сынъ. Мама опять пріѣхала, побывала у насъ недѣли три, но какъ я ни старалась доказать ей, что если счастья и нѣтъ въ моей семейной жизни, то все же я примирилась съ нею, покорилась судьбѣ и никого не виню,—она не вѣрила мнѣ. Какъ и въ первый пріѣздъ, она грустно качала головой и все твердила:

— Не того я хотѣла для тебя, Таня.. Прости меня, старуху. Теперь я вижу, что лучше было бы, если бъ ты осталась со мной, а послѣ моей смерти жила бы съ Ваней, замѣнила бы ему мать.

Еще черезъ годъ у меня родилась дочь. Къ этому времени мама устроила свои дѣла, продала имѣнье, половину вырученныхъ за него денегъ подарила мнѣ и переѣхала совсѣмъ въ нашъ городокъ. Конечно, она сдѣлала это для того, чтобъ я въ такой глуши не чувствовала себя одинокой и покинутой; я поняла это и оцѣнила. Она наняла себѣ отдѣльную маленькую квартиру и, едва переѣхавъ въ нее, заболѣла. Само собою разумѣется, что я дни и ночи проводила у нея. Ослабѣвая съ каждымъ днемъ, она не отпускала меня отъ себя ни на минуту. Почувствовавъ приближеніе смерти, она сказала мнѣ:

— Таня, можешь ли ты простить меня? Я скоро предстану предъ судомъ Всевышняго, скоро увижу твоего отца, скажи же, что ты прощаешь меня...

— Мама, я никогда и не сердилась на тебя, — успокаивала я ее.—Что дѣлать? Такъ вышло... Развѣ я не понимаю, что ты мнѣ же желала добра? Не думай объ этомъ, мама, не разстраивай себя; все это прошло, пережилось, у меня теперь дѣти, и я имѣла время убѣдиться, какой добрый человекъ Павелъ Гавриловичъ.

— Охъ, Таня, видитъ Богъ, что я хотѣла тебѣ счастья, да глаза мои не видятъ тебя счастливой, и сердце мое чувствуетъ, что не должна была такъ поступать...

Послѣднія слова ея были:

— Прости меня, Таня!

Схоронила я маму и долго тосковала. Все неотступнѣе преслѣдовала меня мысль о томъ, что, если бъ я теперь не была замужемъ за нелюбимымъ человекомъ, то могла бы выйти за Василю Николаевича. Маня часто писала мнѣ и все звала погостить къ себѣ. Мнѣ хотѣлось немножко развлечься, перемѣнить обстановку, въ которой прожила безвыѣздно почти четыре года. Я забрала дѣтей и поѣхала въ тотъ городъ, гдѣ жилъ онъ, гдѣ протекли счастливые, незабвенные дни моей дѣвической жизни...

VIII.

Сгранное овладѣло мной ощущеніе, когда я очутилась въ квартирѣ Мани. Мнѣ все чего-то недоставало, все казалось, будто я здѣсь потеряла что-то дорогое, невозвратное. Моему мальчику Васѣ было уже около двухъ лѣтъ, и онъ въ этой до мелочей знакомой мнѣ обстановкѣ производилъ на меня впечатлѣніе чужого ребенка, особенно когда онъ вскакивалъ въ гостиной на диванъ и усаживался въ тотъ уголокъ, гдѣ я часто сидѣла въ прежнія времена и разговаривала съ Василюмъ Николаевичемъ. Я сама и дѣти мои были здѣсь не на мѣстѣ, и ощущеніе потерянности долго не покидало меня.

О прошломъ мы съ Маней не говорили, и имя моего бывшего жениха не произносилось нами, однако я знала, что онъ три раза былъ у насъ, но его не приняли. Въ душѣ я была сердита за это на Маню, но высказать этого не смѣла.

И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ яснѣе я сознавала, что для того только и пріѣхала къ сестрѣ, чтобъ увидѣть Василю Николаевича. Жажда этого свиданія властно и мучительно жила въ моемъ сердцѣ, все обостряясь отъ препятствій. Только бы увидѣть его, услышать его голосъ, больше ничего не надо, посмотреть, какой онъ теперь, измѣнился ли, помнить ли меня.

Я уже начала поговаривать объ отъѣздѣ, но въ душѣ твердо рѣшила, что ни за что на свѣтѣ не уѣду, не повидавшись съ нимъ. Даже на улицѣ мы ни разу не встрѣтились, хотя такая встрѣча и не удовлетворила бы меня.

Какъ-то днемъ, послѣ завтрака, я пошла къ однимъ знакомымъ, у которыхъ бывала вмѣстѣ съ Василюмъ Николаевичемъ; они знали мою печальную повѣсть. Хозяйка дома сразу заговорила о немъ и рассказала мнѣ, что онъ почти нигдѣ, кромѣ какъ у нихъ, не бываетъ, и съ нею говоритъ исключительно обо мнѣ. Узнала я также, что семья его сестры все еще живетъ у него, а ея несчастный мужъ до сихъ поръ находится въ лѣчебницѣ душевнобольныхъ.

Не прошло и четверти часа, какъ дверь въ гостиную отворилась, и вошелъ Василю Николаевичъ... Не поздоровавшись ни съ кѣмъ изъ присутствующихъ, онъ прямо направился ко мнѣ, взялъ обѣ мои руки и, молча всматриваясь въ мое лицо, поцѣловалъ ихъ. Вся кровь прилила мнѣ къ сердцу; я не въ состояніи была вымолвить слова. И онъ молчалъ. Мы стояли другъ противъ друга блѣдые, нѣмые: онъ, глядя на меня, а я, какъ виноватая, опустивъ глаза. А когда я подняла ихъ, то увидала, что онъ замѣчательно похорошѣлъ и возмужалъ. Грустная серьезность дѣлала его милыя черты еще привлекательнѣе прежняго.

Опомнившись, я замѣтила, что мы одни въ комнатѣ; насъ, очевидно, не безъ намѣренія оставили вдвоемъ. Впослѣдствіи я

узнала, что между Василиемъ Николаевичемъ и хозяйкой дома былъ уговоръ послать за нимъ немедленно, когда бы я ни пришла.

— Скажите мнѣ одно,—произнесъ онъ наконецъ своимъ красивымъ, но прерывающимся отъ волненія голосомъ, — счастливы ли вы?

Я думала, что не смогу произнести слова отъ спазма, сдавившаго мнѣ горло, но меня оскорбилъ этотъ вопросъ. Какъ могъ онъ, какъ смѣлъ онъ думать, что я могу быть счастлива? Развѣ онъ не зналъ меня? И, набравшись силъ, я проговорила:

— Если бъ вы раньше задали мнѣ этотъ вопросъ, я отвѣтила бы вамъ, а теперь поздно...

— И не отвѣчайте,—сказалъ онъ,—если бъ даже ваше лицо и слова говорили мнѣ, что вы счастливы, то сердце мое ни на минуту не сомнѣвалось бы въ противномъ. Я неправильно спросилъ, я хочу знать только, примирились ли вы съ окружающею васъ обстановкой, можете ли вы продолжать жить такъ, какъ живете.

— Я понимаю вашъ вопросъ,—отвѣтила я съ горечью,—и опять скажу вамъ, поздно спрашивать объ этомъ. Было время, когда я, быть можетъ, сама того не сознавая, всѣмъ существомъ моимъ ждала отъ васъ помощи, но вы не протянули мнѣ руки... Зачѣмъ же теперь запоздалые вопросы? Неужели вамъ легче будетъ, если я скажу, что задыхаюсь, несмотря на то, что у меня дѣти, несмотря на то, что я четыре года замужемъ! И можетъ ли быть во мнѣ покорность судьбѣ или даже сознание исполненнаго долга, когда всю меня сломали и отдали, какъ рабыню, нелюбимому человеку?

Онъ слушалъ, низко опустивъ свою красивую голову, и не нашелся ничего возразить, только слезы заблестѣли у него на глазахъ. Я задыхалась отъ охватившаго меня волненія. Чувство острой радости отъ того, что я вижу его, говорю съ нимъ, и мука безнадежнаго отчаянья отъ того, что я теряю его навсегда, до боли сдавили мнѣ сердце, и казалось, оно вотъ-вотъ разорвется...

— Я вѣдь еще увижу васъ?—тихо произнесъ онъ.—Попросите Марію Марковну принять меня завтра. Мнѣ еще такъ много, такъ много надо вамъ сказать...

— Нѣтъ,—отвѣтила я, дѣлая надъ собою нечеловѣческое усиліе,—мы не увидимся больше... Я не могу...

Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто желая обнять меня, прижать къ груди, но опомнился и безнадежно опустилъ руки. Мы долго, минуты двѣ, безъ словъ глядѣли въ лицо другъ друга, и съ нашихъ губъ одновременно слетѣло:

— Прощайте!..

Каждый нервъ во мнѣ дрожалъ и натягивался. Я чувствовала, что если не уйду сейчасъ, то разрыдаюсь и скажу ему, что я его попрежнему, нѣтъ, сильнѣе, страстнѣе прежняго люблю...

И я ушла...

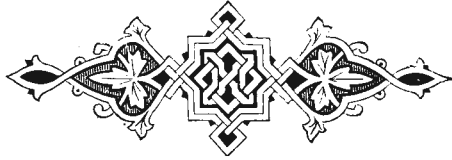
На другой день я уѣхала.

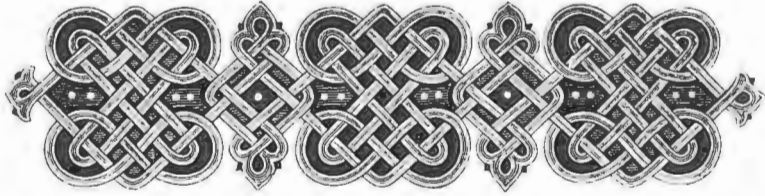
Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ. Дѣти мои подростаютъ. Василій Николаевичъ не женился. Я переписываюсь съ нимъ, рассказываю ему всѣ мелочи моей жизни, и эта переписка доставляетъ мнѣ огромное наслажденіе. Такъ мнѣ легче жить.

Быть можетъ, мы снова увидимся съ нимъ, но уже, какъ испытанные друзья, какъ братъ съ сестрою, и уже не будетъ между нами вопросовъ о счастьѣ... Но минутами и теперь я еще тоскую.

Рядъ картинъ знакомыхъ, лица дорогія
Оживаютъ снова въ тишинѣ ночной,
Сердце просить счастья, какъ во дни былые,
Лучъ надежды слабой борется со тьмой...

Ек. Уманецъ.

ХАРЬКОВСКИЙ ПОГРОМЪ ВЪ 1872 ГОДУ.

ВАННЯ теплая весна 1872 года сильно запечатлѣлась въ памяти харьковцевъ, бывшихъ свидѣтелями великой народной смуты. Очевидцы народныхъ бунтовъ не могутъ на всю жизнь отдѣлаться отъ тѣхъ тяжелыхъ впечатлѣній, которыми сопровождаются взрывы народнаго негодованія. Безсмысленныя убійства, грабежи и разгромы чужого имущества, въ большинствѣ случаевъ, безцѣльные и ничѣмъ не оправдываемые,—вотъ главныя проявленія взрывовъ бушующей черни.

Несмотря на то, что со времени погрома, очевидцемъ котораго мнѣ довелось быть, прошло 33 года,—онъ и теперь стоитъ передъ мною какимъ-то страшнымъ кошмаромъ и живо со всеми подробностями сохранился въ моей памяти.

Теплые, почти лѣтніе, дни на Пасхѣ 1872 года, какъ нельзя болѣе, располагали къ веселью и праздничному оживленію на Михайловской площади, служившей мѣстомъ народныхъ гуляній. Балаганы, карусели, качели и прочіе необходимые атрибуты всеѣхъ народныхъ гуляній, вскруживающіе и безъ того затуманенныя головы веселящагося люда, гостепріимно открывали свои двери, впуская и выпуская массы людей.

Давно жданный часъ веселья пробилъ, и народъ пестрыми толпами повалилъ на площадь.

Широкая русская натура любитъ развернуться въ праздничные дни, и часто послѣдній грошъ ставится ребромъ, чтобы только не отстать отъ своей компании, людей посмотрѣть и себя показать. Полупьяные расфранченныя рабочіе съ фабрикъ и заводовъ были

хозяевами положенія на площади, возбуждая зависть мастеровыхъ, поденщиковъ и разныхъ оборвышей безъ опредѣленныхъ занятій. Шумъ голосовъ, пискъ гармоники, отрывочные возгласы, ругань и смѣхъ—все это смѣшивалось въ одинъ гулъ праздничнаго веселья. Яркое весеннее солнце, порядочно уже припекавшее головы и спины, точно радовалось и мирволило народному веселью. Ничто не предвѣщало близости бури. Компанія рабочихъ кутили, щедро бросая деньги на затѣи; побывали въ балаганахъ и на каруселяхъ и, напившись, угощались дешевыми сластями. Съ раскраснѣвшимся и вспотѣвшимъ отъ обильно выпитаго вина лицомъ, съ наглымъ и тупымъ видомъ встрѣчали они прохожихъ, грубо толкая всѣхъ и бормоча про себя невнятную рѣчь. Изрѣдка встрѣчались на площади модныя шляпы и шляпки гувернеровъ и гувернантокъ съ дѣтьми и просто любопытныхъ, желавшихъ взглянуть на оживленную панораму гулянья, но эти лица всячески обходили средину площади съ толпившимся на ней простонародьемъ, извѣстнымъ своею грубостью.

Къ пяти часамъ дня погода испортилась—подулъ свѣжій вѣтеръ, и солнце скрылось за облаками. На площади появились новыя лица. Видъ ихъ рѣзко выдѣлялся изъ пестрой толпы. Одѣты они были въ черныя блузы, большіе сапоги и черныя шляпы съ длинными полями. Особенно выдѣлялся своимъ гордымъ и смѣлымъ видомъ красивый плотный брюнетъ, шедшій впереди. Его умное, энергичное, немного блѣдное лицо, обрамленное черною, какъ смоль, бородою, длинные прекрасные волосы, ниспадающіе волнами на плечи, придавали особенную выразительность его представительной фигурѣ. За нимъ слѣдовало нѣсколько человекъ, одѣтыхъ въ скуртуки поверхъ красныхъ рубашекъ. Вся эта кучка людей направлялась въ самую средину площади, здороваясь и заговаривая по дорогѣ со многими рабочими, повидимому, хорошо имъ знакомыми.

Чего хотятъ эти люди отъ толпы, и что общаго между ними и ея?

Для рѣшенія этого вопроса необходимо сдѣлать маленькое отступление. Время, къ которому относится нашъ рассказъ, а именно въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ Харьковѣ губернаторомъ былъ князь Крапоткинъ, впоследствии злодѣйскимъ образомъ умерщвленный. Трудно представить себѣ болѣе добраго и скромнаго труженика на трудномъ и отвѣтственномъ посту губернатора, чѣмъ тотъ, какимъ былъ покойный князь. Набожный, глубоко сосредоточенный, онъ цѣлыя обѣдни простаивалъ на колѣняхъ, и, смотря на князя, съ трудомъ вѣрилось, что у него могутъ быть злѣйшіе враги. Къ сожалѣнію, послѣднее было вѣрно. Злые языки говорили про него, что онъ жестоко сѣкъ арестантовъ, не встававшихъ съ своего мѣста при входѣ начальства и т. п. На жизнь князя Крапоткина покушались много разъ.

Дойдя до самой средины площади, гдѣ толпились кучи совѣзмъ пьяныхъ, шумно между собою спорящихъ рабочихъ, таинственные

незнакомцы, окруженные приставшими къ нимъ по дорогѣ людьми, остановились; изъ среды ихъ отдѣлился красивый молодой брюнетъ и, вставъ на опрокинутую къ верху дномъ бочку, сильно жестикулируя руками, началъ выкрикивать какую-то одному ему понятную рѣчь; въ ней часто повторялись слова: «Крапоткинъ», «произволь», «свобода», «сбѣгутъ» и т. д. Пьяная, оголтѣлая толпа все увеличивалась... Очевидно говорившій столько же привлекалъ ея вниманіе, сколько и даровыя представленія на крышахъ балагановъ. Вскорѣ вокругъ бочки съ ораторомъ образовалась значительная толпа чловѣкъ въ пятьсотъ:

— Крапоткинскіе, вишь, шибко забираютъ! Вотъ онъ, сердешный, и жалуется!—объяснялъ одинъ широкоплечій рабочій другому.

— Да, это уже извѣстное дѣло! Кому лучше насъ знать ихъ? Теперича возьми праздничное время, да и то во все суютъ свой носъ!

— Сами же виноваты,—продолжалъ первый,—зачѣмъ имъ потачку даете? Проучить давно бы пора!

— Разойдитесь! — раздался надъ самымъ ухомъ разговаривавшихъ зычный голосъ пристава Шмелева, тщетно старавшагося пробраться въ толпу.

— Разойдитесь, разойдитесь! — энергично вторили ему прочіе полицейскіе.

Въ толпѣ царилъ полный хаосъ; споръ, брань, крики—все смѣшалось въ одинъ гулъ.

Каждый хотѣлъ перекричать другихъ. Всѣ говорили, но никто не слушалъ.

— Чего же вы, олухи, смотрите?—громовымъ голосомъ кричалъ на полицейскихъ приставъ:—разогнать!..

И, желая первымъ показать примѣръ, приставъ, ухвативъ за шиворотъ двухъ дюжихъ парней, съ силою оттолкнулъ ихъ въ сторону. Его примѣру послѣдовали прочіе полицейскіе. Но въ этотъ самый моментъ съ высоты бочки раздался сильный, рѣзкій голосъ:

— Довольно намъ терпѣть. Развѣ не видите, какъ ради свѣтлаго праздника васъ колотятъ Крапоткинскіе прислѣшники?—и онъ указалъ рукой на энергичныя расталкиванія толпы полицейскими.—Братцы, не дадимъ своихъ въ обиду.

— Бей Крапоткинскихъ!—раздались голоса изъ толпы.

Точно ужаленная въ самое больное мѣсто, встрепенулась толпа. Мигомъ нѣсколько сильныхъ рукъ свалили на землю полицейскихъ, нанося имъ тяжкіе побои и увѣчья. Стоны, брань, насмѣшки, все это слилось въ одинъ невообразимый гулъ. Пользуясь общей свалкой, приставъ Шмелевъ вырвался изъ толпы и изъ всѣхъ силъ бросился бѣжать въ свою Михайловскую часть, расположенную тутъ же на площади. Видъ его былъ ужасенъ. Въ разорванномъ мундирѣ, безъ шапки, съ краснымъ искаженнымъ отъ гнѣва

лицомъ и налитыми кровью глазами, онъ походилъ на человѣка, одержимаго припадкомъ бѣлой горячки.

— Бей тревогу! — закричалъ онъ стоящему у части пожарному. — Шары и вызовъ частей! — крикнулъ онъ дежурному, стоявшему на каланчѣ.

Раздался рѣзкій звонъ пожарнаго колокола, и въ ту же минуту на каланчѣ взвились тревожные шары; пожарныя команды, стоявшія по случаю праздничнаго времени наготовѣ, уже были на своихъ мѣстахъ.

Сбросивъ съ себя пальто, приставъ Шмелевъ вскочилъ на переднюю линейку и, указывая рукой на площадь, энергично командовалъ: «Въ карьеръ на площадь!» Привыкшіе слѣпо повиноваться начальству и отлично дисциплинированныя пожарныя на этотъ разъ, несмотря на энергичное приказаніе начальства, сознавали всю опасность своего положенія.

— Ваше высокоблагородіе! Народу больно много, съ опаской нужно ѣхать! — промолвилъ чей-то робкій голосъ.

— Молчать! Я приказываю! Держи въ средину!

Пожарная команда въ полномъ составѣ крупною рысью въѣхала на площадь, но проѣхать въ средину, куда была обращена рука Шмелева, не было никакой возможности, и пожарныя держались праваго края площади.

Трудно описать невообразимую суматоху, поднявшуюся на площади, когда пожарныя вѣзались въ толпу. Какъ только началась схватка черни съ полиціей, — масса людей всѣхъ классовъ съ дѣтми поспѣшила какъ можно скорѣе убраться съ площади. Но каковъ былъ ужасъ гулявшихъ на площади людей, когда они увидѣли устремляющуюся на нихъ пожарную команду.

Началась неопикуемая паника. Одни было пытались броситься назадъ, но сзади ихъ грубо толкала впередъ толпа черни, которая только что одержала побѣду надъ полицейскими и, не удовольствовавшись одной побѣдой, рѣшилась вступить въ схватку съ пожарными. Воздухъ огласился страшными, дикими воплями несчастныхъ женщинъ и дѣтей, попадавшихъ подъ лошадей и колеса пожарныхъ трубъ. Это прибавило ярости бушующей черни. Со страшной неудержимой силой и крикомъ набросилась она на пожарныхъ, уже приготовлявшихся, по приказанію Шмелева, дѣйствовать трубами и поливать народъ водой. Въ одно мгновеніе пожарныя были окружены, стащены со своихъ мѣстъ, до полусмерти избиты и изувѣчены. Лишь немногіе изъ нихъ успѣли спастись бѣгствомъ. Отпряженные лошади, избитыя и перепуганныя, метались на площади, давя бѣгущій народъ. Приставъ Шмелевъ, видя свою неудачу, первымъ бросился спасаться бѣгствомъ и, провожаемый градомъ камней, едва успѣлъ закрыть за собою дверь части, какъ въ нее ударилъ огромныхъ размѣровъ камень. Одна лишняя секунда промедленія стоила бы ему жизни.

«истор. вѣстн.», май, 1906 г., т. о.

Площадь была неузнаваема! Во время своихъ движеній толпа опрокидывала все на своемъ пути. Такъ ларьки съ продажей съѣстныхъ припасовъ, сластей и напитковъ, бочки съ пивомъ и водкой были опрокинуты и съ величайшею жадностью расхищены голодными оборванцами. Тщетно хозяева ихъ старались спасти свое имущество. Борьба была слишкомъ неравна, и ни о какомъ сопротивленіи въ этой общей свалкѣ не могло быть и рѣчи. Крики, проклятія и брань не переставали оглашать воздухъ. Чтобы сдѣлаться болѣе грозной силой, толпѣ доставало только оружія, и вотъ она, не помня себя въ дикой ярости, съ крикомъ бросается ломать всѣ деревянныя постройки: балаганы, качели, карусели и даже стоявшіе тутъ же на площади военные гимнастическіе столбы. Едва вѣрилось собственнымъ глазамъ, когда подъ напоромъ могучей русской груди дрогнули толстѣйшіе столбы и медленно повалились на землю. Вокругъ балагановъ стояли возы, поспѣшно нагружаемые всякимъ театральнымъ скарбомъ. Тутъ же стояли убитые горемъ, разоренные хозяева съ разстроенными и перепуганными лицами. Казалось, бунтъ достигъ уже своего апогея, и чернь должна угомониться отъ произведенныхъ ею разореній и увѣчий. На дѣлѣ же оказалось—бунтъ только теперь начался.

Вызванная на пожаръ шарами вторая часть въ образцовомъ порядкѣ подѣхала къ площади. Пожарные, не видя на площади пожара, неудомѣваяще разглядывали картину разрушенія, ничего не понимая въ происходившемъ. Но это было лишь одно мгновеніе. «Бей ихъ, братцы»... раздался чей-то голосъ, и цѣлый градъ камней посыпался на ни въ чемъ неповинныя головы геройскихъ защитниковъ челоѣчества отъ алѣйшаго его врага—огня, и прежде чѣмъ они могли опомниться, израненныя и перепуганныя лошади, рвавшіяся во всѣ стороны, опрокидывали повозки и давили раненыхъ и спасающихся людей. Чернь по-своему объяснила себѣ пріѣздъ пожарныхъ и, думая, что они вызваны разгонять ее водою, встрѣтила ихъ градомъ камней. Не удовольствовавшись этимъ, толпа, вооруженная кольями и дубинами, напала на беззащитныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ людей, явившихся сюда по долгу службы, и безжалостно наносила имъ страшные, смертельные удары. Лишь немногіе и то бывшіе назади успѣли скрыться на своихъ добрыхъ коняхъ или укрыться въ ворота домовъ. Большинство же несчастныхъ пожарныхъ второй части были до полусмерти изранены и изувѣчены, оглашая воздухъ стонами.

Взрывъ народнаго негодованія былъ ужасенъ.

Казалось, вся площадь обратилась въ дикій ревущій вулканъ, изрыгающій ужасъ и смерть. Число бунтовщиковъ теперь доходило уже до трехъ тысячъ, и, казалось, все это колыхающееся море головъ вдругъ сразу зажило одной душой и головой. Единственною же объединившею всѣхъ мыслью было только отмстить полиціи

за ни въ чемъ неповинныхъ раздавленныхъ и ушибленныхъ пожарными людьми.

Покончивъ съ пожарными, чернь съ яростью устремилась на противоположную сторону площади, къ Михайловской части и съ криками: «Шмелева! Дайте намъ сюда Шмелева!» — цѣлымъ градомъ огромныхъ камней осыпала все зданіе части, въ которой скрылся приставъ.

Въ одно мгновеніе всѣ стекла части были разбиты, шары на каланчѣ изломаны. Находившіеся въ части обитатели ея съ приставомъ во главѣ моментально задними дворами поспѣшили скрыться оттуда, оставивъ на произволъ судьбы все находившееся въ зданіи казенное и свое имущество. Это не скрылось отъ наблюдавшей за всѣмъ толпы и прибавило ей еще больше дерзости. Она продолжала неистово орать: «Шмелева! Подайте намъ сюда Шмелева, и мы разойдемся!»

— Чего, братцы, ждатель?—раздался чей-то повелительный голосъ.—Впередъ за мною, мы и сами сумѣемъ взять Шмелева!

И съ этими словами нѣсколько человекъ, отдѣлившись отъ толпы, бросились къ дверямъ и воротамъ части; за ними ринулась вся остальная толпа. Въ одно мгновеніе двери и ворота части были взломаны, и толпа, взбѣжавъ по лѣстницѣ вверхъ, принялась хозяйничать въ комнатахъ части. Пристава тамъ, конечно, давно уже не было, а нѣсколько оставшихся чиновниковъ и пожарныхъ поспѣшили вскорѣ и сами скрыться, такъ какъ о какомъ либо сопротивленіи толпѣ не могло быть рѣчи. Арестанты немедленно были выпущены толпой на свободу.

Не найдя въ части цѣли и причины разгрома—пристава Шмелева, чернь всю свою ярость перенесла на принадлежащее ему имущество, уничтожая самымъ варварскимъ, беспощаднымъ образомъ все попадавшееся подъ руки. Вотъ затрещали и зазвенѣли выбитыя рамы, и вслѣдъ за ними изъ оконныхъ амбразуръ посыпалось на землю все имущество пристава: мебель, зеркала, картины, столы, стулья, платье, бѣлье, посуда и въ заключеніе разорванныя перины, осыпавшія пухомъ, точно снѣгомъ, всю грудю обломковъ. Между тѣмъ изъ оконъ другого этажа летѣли цѣлые вороха разорванныхъ дѣлъ, подхватываемые на лету и далеко уносимые сильнымъ вихремъ. Въ заключеніе всего на высокой каланчѣ надъ частью вмѣсто шаровъ взвился старый виць-мундиръ пристава.

Жалкій, печальный, но въ то же время комичный видъ представляла теперь часть съ выбитыми рамами, грудю обломковъ, осыпанныхъ пухомъ и съ потертымъ развѣвающимся отъ вѣтра виць-мундиромъ, вмѣсто шаровъ. Стоявшіе у части внизу продолжали доламывать остатки уцѣлѣвшаго имущества, разрывали на мелкіе куски бѣлье и платье и разбрасывали ихъ по площади. Далѣе на

площади виднѣлась масса откуда-то явившихся бочекъ съ водкой, раздаваемой бесплатно всѣмъ желающимъ.

— За упокой души мученицы Маріи!—возгласалъ чей-то голосъ.

— Какой Маріи?—спрашивалъ другой.

— Развѣ не видалъ, какъ дѣвочку-то съ нянькой пожарные раздавили? Вотъ отецъ-то ея, водочникъ, и выкатилъ намъ бочку на поминъ души своей дочки.

Между тѣмъ кругомъ площади, какъ это ни странно, стояло немало экипажей изъ числа пріѣхавшихъ на гулянье уже во время разгрома части. Заинтересовавшись никогда не виданнымъ зрѣлищемъ, многіе и даже дамы не уѣзжали, а, вставъ даже на козлы, съ любопытствомъ въ бинокли разсматривали дѣйствительно рѣдкую картину разгрома. Полиція на площади, конечно, отсутствовала, хотя вмѣсто нея и появились люди, очень похожіе на полицейскихъ въ статскомъ платьѣ; они усердно упрашивали всѣхъ не итти на площадь, но никого впрочемъ не приневоливали. Толпа все же росла и росла, а страсти разгорались болѣе и болѣе. Въ то время какъ одни, стоя у части, продолжали кричать: «Шмелева! подайте сюда Шмелева!»—другіе со странными криками, флагами и пѣснями ходили по площади, бросали вверхъ шапки, кричали «ура», сыпали кому-то угрозами и кого-то жестоко бранили. Словомъ сказать, неистовство толпы дошло до апогея!

II.

— Ваше сіятельство! на Михайловской площади бунтъ! Прикажете вызвать войска!—рапортовалъ губернатору представшій предъ нимъ тотчасъ послѣ своего бѣгства изъ части блѣдный и растерянный приставъ Шмелевъ.

— Что такое, бунтъ?—спросилъ удивленный и испуганный князь.

— Такъ точно, ваше сіятельство! Студенты бунтуютъ! Всѣ постройки на площади сломаны, пожарные 1-й и 2-й части перебиты, часть разграблена! Собираются грабить сосѣдніе дома!

— Какъ же вы смѣли допустить толпу до этого? Помните же, что я васъ перваго арестую и отдамъ подъ судъ, а теперь лишаю васъ званія и мѣста пристава!

— Слушаю-сь,—покорно отвѣчалъ Шмелевъ и вышелъ изъ кабинета.

Въ это время въ кабинетъ губернатора вопли полицеймейстеръ и многіе изъ военныхъ властей.

— Употреблю всѣ мѣры, но ни за что не позволю употребить противъ народа войска!—рѣшительно проговорилъ навстрѣчу вошедшимъ князь Крапоткинъ.

Состоялось небольшое совѣщаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ только что описанной нами сцены въ кабинетѣ губернатора къ площади подъѣзжала группа изъ нѣсколькихъ всадниковъ: въ нихъ легко можно было узнать жандармовъ, съ саблями наголо. Когда они приблизились къ площади, старшій изъ нихъ отдалъ какія-то приказанія, и кучка мгновенно разѣхалась по четыремъ сторонамъ площади. Это были охотники изъ жандармовъ, рѣшившіеся атаковать площадь одновременно съ четырехъ сторонъ и пробиться сквозь толпу до самой середины, гдѣ и соединиться всѣмъ вмѣстѣ. Планъ безумный и невыполнимый для нѣсколькихъ человекъ при бунтѣ трехтысячной толпы. Несмотря, однако, на свою малочисленность, жандармы храбро карьеромъ прискакали къ толпѣ и, грозно взмахнувъ сабли въ воздухъ, громко прокричали:

— Разойдись, не то засѣку!..

— Уѣзжай подобра, поздорову, несей сынъ, не то плохо будетъ!—грубо отвѣчали голоса изъ толпы, и въ ту же минуту жандармы уже врѣзались въ толпу, осыпая налѣво и направо головы бунтовщиковъ сильными ударами сабель. Увы, имъ не удалось сдѣлать и двухъ сажень. Стащенные съ лошадей и сбитые съ ногъ ударами дубинъ жандармы тщетно пытались встать на ноги, помышляя только о спасеніи, но и это было напрасно. Удары дубинъ, пересыпаемые камнями, быстро сдѣлали свое дѣло, и храбрыхъ воиновъ, какъ не бывало, а вмѣсто нихъ на землѣ лежали одни обезображенные трупы. Кое-гдѣ изъ толпы вырывались обезумѣвшія отъ боли и страха лошади и стрѣлой неслись съ площади по улицамъ, давя и сбивая съ ногъ людей. Вѣтеръ стихнулъ, наступили сумерки, а вслѣдъ за ними прекрасный тихій вечеръ и лунная ночь. Жителямъ близлежащихъ къ площади домовъ было совсѣмъ не до сна. Въ ночной тишинѣ еще болѣе зловѣщими казались бурные крики черни, и не думавшей расходиться по домамъ. Многие жители, напуганные слухами объ ожидаемыхъ грабежахъ, поспѣшно уложили все свое имущество и намѣревались уже его вывозить, но тутъ пришло запрещеніе полиціи трогаться съ мѣста.

На площади запылали костры, ярко выдѣлявшіеся на темномъ фонѣ ночи. Огромные огненные языки придавали еще болѣе зловѣщій видъ общей картинѣ разрушенія. Народъ разбился группами вокругъ костровъ съ варившимся на нихъ въ котлахъ ужиномъ и о чемъ-то между собою спорилъ. Площадь напоминала бивуакъ въ военное время. Вдругъ раздалась тревога. Это ночной обходъ солдатъ съ трубачами и барабанчиками обходилъ съ музыкой вокругъ площади, сзади нихъ двигались больничные фургоны, предназначенные для раненыхъ, которыхъ на площади было немало. Народъ помогалъ солдатамъ убирать израненныхъ и укладывать въ фургоны. Солдаты собирали при этомъ безчувственно пьяныхъ и относили въ часть, которую теперь они заняли, рас-

чистивъ предварительно отъ обломковъ мебели и камней все небольшое мѣсто предъ частью. Голоса на площади стали затихать, и, казалось, съ одолѣвшей мятежныя головы дремотой должны улечься дикія страсти и необузданныя желанія.

Такъ прошли первые день и ночь безумнаго народнаго бунта.

III.

На другой день уже съ ранняго утра площадь стала наполняться народомъ. Хотя всѣ улицы, ведущія къ площади, и были окружены полиціею, никого не пропускающей, но на дѣлѣ выходило иначе. Народъ и не думалъ итти прямыми путями, а, обходя улицы задними дворами, входилъ во дворы домовъ, стоящихъ на площади, и затѣмъ, минуя стражу, свободно выходилъ изъ воротъ на площадь. Вскорѣ, впрочемъ это было замѣчено, и дворникамъ домовъ строжайше было приказано стеречь дома и дворы и отнюдь никого не пропускать проходить чрезъ нихъ.

Однако все же толпа народа и на второй день на площади все увеличивалась. Къ ней много примыкало празднаго и любопытнаго сброда. Этому много способствовало и праздничное время пасхальной недѣли. На фабрикахъ и заводахъ не было работъ, и рабочіе естественно стремились на свои излюбленныя мѣста гулянья.

Въ полдень къ площади подѣхала карета, изъ нея вышелъ архіерей, очень уважаемый народомъ, и губернаторъ князь Крапоткинъ.

Архіерей съ свойственною ему доброю и мягкостью въ обращеніи обратился къ народу съ словомъ увѣщанія и, обѣщая народу полное прощеніе за всѣ безпорядки, приглашалъ слѣдовать за нимъ въ церковь помолиться и разойтись по домамъ. Когда вслѣдъ за архіереемъ въ карету хотѣлъ сѣсть и князь Крапоткинъ, чья-то рука грубо схватила его за воротникъ шинели, и чей-то голосъ заявилъ ему:

— Вы недостойны сидѣть рядомъ съ его преосвященствомъ, идите пѣшкомъ за его каретой!

Крайне сконфуженный и уничтоженный, шелъ бѣдный князь за каретой, выслушивая угрозы и грубости черни.

Когда, по окончаніи молебствія, толпа, высыпавъ изъ церкви, вновь устремилась на площадь, къ ней на лошади подѣхалъ губернаторъ. Онъ обратился къ народу съ рѣчью, предупреждая, что, если толпа будетъ упорствовать и не разойдется, онъ вынужденъ будетъ употребить въ дѣло силу оружія. Въ отвѣтъ на это посыпались ругательства, и губернаторъ поворотилъ лошадь, чтобы уѣхать. Стоило губернатору, однако, только повернуться спиною къ площади, какъ въ плечо его попалъ большой камень, другой камень ударилъ въ крупъ лошади, которая дико метнулась въ сторону и

понеслась вихремъ, унося съ собою сильно ушибленнаго и едва державшагося на сѣдлѣ князя. Вся его съезжившаяся фигура была во время его невольнаго бѣгства очень жалкой. Онъ былъ въ этотъ моментъ жертвою своей же собственной гуманности, исполняя долгъ гражданина, не желающаго прибѣгать къ исключительной силѣ оружія, не использовавъ другой силы—слова. Къ сожалѣнію, онъ не былъ понятъ толпой и услышанъ. Теперь не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что попытка успокоить народъ, не прибѣгая къ оружію, потерпѣла неудачу, и что единственное средство противъ разбушевавшейся силы—это противопоставить силу. Эта крайняя мѣра и была принята. Съ мрачнымъ видомъ оцѣпчивали роты солдатъ Михайловскую часть.

Между солдатами находились и такіе, которые съ недовольной миной цѣдили сквозь зубы:

— Неужели въ своихъ же будемъ стрѣлять?

Но сила дисциплины и сознаніе необходимости исполненія солдатомъ служебнаго долга дѣлали свое дѣло. На приказъ командира роты первый залпъ дать изъ холостыхъ патроновъ, второй пулями, но стрѣлять поверхъ головъ, третій, и то въ случаѣ близкаго подступа толпы къ части, дать по бунтовщикамъ и перейти въ штыки, солдаты дружно отвѣтили: «слушаемъ, ваше высокоблагородіе!»

Сдѣлали, однако, такъ.

Когда толпа стала подступать къ цѣпи солдатъ, данъ былъ первый залпъ безъ пуль. Толпа неровно лавой подалась и отступила. Но вотъ раздались голоса: «не бойтесь, стрѣляютъ холостыми!»—И толпа вновь энергично наступала на цѣпь и охраняемую ею часть. Раздался второй залпъ. Онъ тоже не сдержалъ порыва толпы, которая въ своемъ безумномъ набѣгѣ приблизилась къ самой ротѣ. Третій залпъ данъ былъ большинствомъ солдатъ также поверхъ головъ, и многіе добѣжали до самыхъ солдатъ. Но здѣсь ихъ встрѣтили въ штыки. Впереди толпы шелъ тотъ самый видный брюнетъ съ блѣднымъ лицомъ и красивой черной бородой, который первый держалъ рѣчь къ народу на площади въ первый день безпорядковъ. Ударомъ штыка въ животъ онъ былъ мгновенно убитъ. Чернь быстро отступила назадъ, унося съ собою трупъ своего убитаго предводителя. Трупъ его былъ обнаженъ до того мѣста, гдѣ зіяла небольшая рана на животѣ, положенъ на доски и съ пѣніемъ «Святый Боже» носимъ по улицамъ. Я никогда не забуду потрясающаго зрѣлища, представляемаго этимъ народнымъ шествіемъ съ трупомъ и съ заукокойнымъ пѣніемъ. Лицо убитаго было настолько красиво и замѣчательно спокойно, что, казалось, онъ не былъ мертвъ, а только спалъ, улыбаясь яркому весеннему солнцу, которое ласкало его своими лучами. Наконецъ толпа рѣшила нести трупъ къ губернатору.

Разсказывали, что, когда толпа приблизилась къ его дому, нѣсколько солдатъ и вся прислуга скрылись изъ дома, оставивъ князя съ семьей на произволь судьбы.

Толпа, никѣмъ не удерживаемая, вошла въ домъ съ трупомъ и, положивъ послѣдній у ногъ испуганнаго губернатора, произнесла:

— Радуйтесь, князь, празднику пасхи, который вы устроили народу, и разговѣйтесь! За эту жизнь, загубленную вами, вы отвѣтите своею жизнью!

Какъ извѣстно, угроза эта была приведена въ исполненіе, спустя 10 лѣтъ. Ужасъ бѣднаго князя и испугъ всей его семьи не поддавался никакому описанію.

Оставивъ трупъ въ домѣ губернатора, бушующая толпа бросилась было грабить вторую часть, но это ей не удалось. Тамъ встрѣтили ее своевременно предупрежденныя войска и разогнали. Также неудачно было нападеніе на тюрьму, изъ которой имѣли намѣреніе выпустить на волю арестантовъ. Хотѣли также ограбить оружейныя магазины, но они были забиты, а оружіе все вывезено. Паника въ городѣ была ужасная. Многіе богатые люди выѣзжали изъ города, ища временнаго убѣжища въ окрестныхъ имѣніяхъ и монастыряхъ.

За какіе нибудь два дня разъяренная рабочая чернь, вѣв себя отъ гнѣва и мести за убитыхъ солдатами товарищей, совершила много нелѣпыхъ насилій и убійствъ. Она точно искала, {на комъ бы сорвать свое негодованіе. Стоило только кому нибудь крикнуть: «смотри, держи его, вонъ, идетъ полицейскій шпіонъ!»—какъ нѣсколько полупьяныхъ рабочихъ мгновенно отдѣлялись отъ толпы, устремлялись на прохожаго, сбивали его съ ногъ, топтали и увѣчили.

Очень печально кончилось одно такое нападеніе на переодѣтаго въ статское платье квартальнаго надзирателя, котораго узнала бывшая его кухарка, крикнувшая толпѣ: «держите его, ребята, это шмелевскій помощникъ!». Ненавистное имя Шмелева, точно электрическая искра, пронизало горячія головы полупьяныхъ людей, дышавшихъ еще злобой и ненавистью къ своему обидчику.

Сотни глазъ уже искали въ толпѣ человѣка, чтобы выместить на немъ свое негодованіе за вчерашнюю давку невинныхъ людей во время народнаго веселья. Услышавъ страшныя для себя слова, надзиратель со всѣхъ ногъ бросился бѣжать. Въ догонку ему посыпался градъ камней. Нѣсколькими ударами камней ему ушибло грудь и спину. Видя свою неминуемую смерть, квартальный остановился у окна ветхаго домика одной бѣдной старушки и быстро закрылся деревяннымъ ставнемъ. Однако камнемъ ему разбило пальцы руки. Изнемогая отъ боли, квартальный, видя, что ставень—плохая защита, спиной выломалъ ветхую раму окна и вбѣжалъ въ комнату, тщетно моля о спасеніи. Домикъ казался вымершимъ, и на

его вопли отвѣта не было. Наконецъ въ темномъ коридорѣ онъ замѣтилъ маленькую дверь, толкнулъ ее, дверь подалась, а за нею оказался крошечный чуланчикъ, въ которомъ можно было запереться на засовъ. Въ этотъ моментъ толпа ворвалась уже въ домъ. Пробѣжавъ три комнаты, ломая и опрокидывая всѣ вещи, въ полутемной комнатѣ за нишей она увидѣла на сундукѣ ветхую старушку, съежившуюся и дрожащую отъ страха.

— Покажи, гдѣ ты спрятала Шмелева!—ревѣла толпа.

Но въ отвѣтъ на эти крики старуха, дико блуждая глазами, пропamкала только какія-то безсвязныя слова.

— Тащи ее съ сундука! — кричали голоса изъ толпы: — она спрятала въ немъ Шмелева!

Старуху стащили съ сундука; она упала на полъ, какъ куль. Ея глаза, вытаращенные и устремленные въ одну точку, вдругъ какъ-то затуманились и закатились, тонкія и костлявыя руки, отстранявшія отъ себя кого-то, вдругъ судорожно выпрямились вдоль туловища, и вся она вдругъ какъ-то вытянулась и такъ заостенѣла.

Старуха умерла отъ страха.

Въ это время въ домъ вбѣжали солдаты. Раздался лязгъ оружія, а за нимъ послышались удары прикладовъ. Крики, стоны и проклятія—все это слилось въ одинъ невообразимый и полный ужаса беспорядочный шумъ.

Упавшіе съ окровавленными головами силились встать на ноги, но точно подкошенные падали вновь и уже не поднимались...

Увы! Это было лишь необходимымъ и справедливымъ возмездіемъ за убійство, во имя торжества права надъ насиліемъ. Квартальнаго вытащили еле живого. Онъ долгое время послѣ полученныхъ побоевъ хворалъ, но поправился и могъ продолжать службу.

Удивительнѣе всего было признаніе самихъ рабочихъ, виновныхъ въ бунтѣ, что они противъ его благородія ничего не имѣли, а только, какъ въ тотъ часъ очень озвѣрѣвши были на Шмелева, то думали на немъ выместить свою обиду и ничего не помнили.

Еще другой крайне печальный случай произошелъ на Михайловской площади, въ домѣ, стоящемъ противъ части черезъ площадь.

Здѣсь съ нетерпѣніемъ ждали пріѣзда на праздникъ пасхи жениха одной изъ дочерей хозяина, молодого и красиваго офицера.

Радости не было предѣловъ, когда давно жданный гость наконецъ вошелъ въ домъ своей невѣсты. Ему навстрѣчу вышла вся семья. Возгласамъ и разспросамъ не было конца.

— Я радъ,—сказалъ офицеръ,—что прибылъ какъ разъ въ то время, когда болѣе всего вамъ нуженъ. Вѣдь у васъ здѣсь бунтъ, а въ такихъ случаяхъ за жизнь нельзя поручиться.

— Взгляни, взгляни сюда, — сказала офицеру его невѣста, — намъ отсюда будетъ превосходно все видно, — и повела жениха на балконъ, куда вслѣдъ за нимъ вышла вся семья.

Но въ этотъ роковой моментъ толпа мятежниковъ ринулась на часть. Солдатамъ приказано было стрѣлять, и по приказу, данному заранѣе, второй залпъ былъ сдѣланъ выше головъ толпы. Балконъ, на которомъ стояли помолвленные, приходился противъ части стрѣлковъ.

Одна изъ шальныхъ пуль угодила въ лобъ стоявшему на балконѣ офицеру, и онъ, какъ подкошенный, упалъ мертвый къ ногамъ своей невѣсты. Легко можно представить себѣ ужасъ и горе семьи, только за мигъ до того бывшей на верху счастья.

Разсказывали потомъ, что этотъ трагическій случай такъ сильно подѣйствовалъ на несчастную дѣвушку, невѣсту, что она сошла съ ума. Никогда не забуду омерзительнаго случая дикой кровавой расправы, бывшей на моихъ глазахъ.

По распоряженію полиціи, во время безпорядковъ и побоищъ на улицахъ ворота всѣхъ сосѣднихъ съ полицейской частью домовъ были закрыты накрѣпко. Во дворахъ стояли дворники, никого туда не впускавшіе. Осторожность вполне понятная, такъ какъ ходили слухи о предстоящихъ грабежахъ частныхъ имуществъ.

Вдругъ у воротъ дома Павлова, въ которомъ я жилъ, раздался съ улицы крикъ:

- Пусти, не то худо тебѣ будетъ!
- Не пуцу, — отвѣчалъ нашъ старичекъ-дворникъ.
- Пусти! — грозно повторилъ голосъ, — не то убью!
- Не пуцу! — вторично отвѣтилъ дворникъ.
- Не пустишь, старый чортъ, — голову тебѣ сорву! — снова угрожалъ чей-то грубый голосъ.

Но старикъ, вѣрный своему слову, стойко держался на своемъ посту и еще придерживалъ крѣпкій желѣзный засовъ.

Но всего въ такихъ случаяхъ не рассчитаешь!

Не прошло и минуты, какъ чья-то голова, а затѣмъ и туловище показались надъ воротами дома.

Какой-то рыжебородый незнакомецъ, въ красной рубахѣ, уже перелѣзъ чрезъ ворота дома и прыгнулъ во дворъ. Еще моментъ, и его атлетическая рука съ страшною силою впилась въ длинные сѣдые вьющіеся волосы старика. Сильнымъ движеніемъ руки онъ сначала пригнулъ голову старика къ самой землѣ, затѣмъ быстро поднялъ его вверхъ и вертѣлъ голову въ воздухъ во всѣ стороны. Дворъ огласился душу раздирающими криками: «ой, ой, ахъ! выпусти, не буду!» — молилъ дворникъ.

Отъ страшной нестерпимой боли несчастный испускалъ нечеловѣческимъ голосомъ страшные вопли. То онъ всхлипывалъ, плакалъ и стоналъ, какъ ребенокъ, то начиналъ вдругъ дико вскри-

кивать. Все было напрасно: ни мольбы, ни вопли не трогали жестокаго палача, и онъ точно наслаждался безпомощностью жертвы, упиваясь нестерпимыми страданіями несчастнаго старика. Наконецъ рука злодѣя отдѣлилась отъ головы страдальца, который обезсиленный упалъ на землю.

Въ рукѣ же злодѣя остался огромный пучокъ сѣдыхъ окровавленныхъ волосъ; съ нимъ онъ быстро скрылся въ задній дворъ дома и чрезъ низкій заборъ бѣжалъ въ сосѣдній дворъ. Такихъ отвратительныхъ кровавыхъ сценъ происходило очень много на площади и въ домахъ, прилегающихъ къ ней. Дикая, разнузданная чернь точно искала поводовъ съ кѣмънибудь расправиться «по-своему». Расправлялась же дико, жестоко и безсмысленно.

Невольно при этомъ вспоминались слова извѣстнаго писателя, графа Соллогуба, сказавшаго, что русскій бунтъ—безсмысленный бунтъ.

IV.

Наступила страшная ночь второго дня.

Не подлежало сомнѣнію, что для усмиренія бунта мѣстныхъ силъ Воронежскаго полка было недостаточно. По телеграфу были вызваны казацкіе полки, но пока-то они доѣдутъ, а у жителей усиливалось опасеніе за возможность ночныхъ нападений и грабежей имущества. Ночные патрули солдатъ съ горнистами, игравшими тревогу, не уменьшали, а усиливали панической страхъ жителей. На случай возможнаго нападенія на нашъ домъ, который стоялъ рядомъ съ частью, въ немъ было поставлено 20 часовѣкъ часовыхъ. Однако прислуга стала умолять убрать ихъ подалеже въ глубь комнатъ, такъ какъ въ народѣ высказывалось подозрѣніе, не спрятанъ ли здѣсь невѣдомо куда-то скрывшіяся приставы.

Всѣ спали не раздѣваясь и вздохнули съ облегченнымъ сердцемъ, когда на зарѣ увидѣли приближающійся къ площади кавалерійскій полкъ. Онъ медленно, но постепенно занималъ площадь, которая вскорѣ стала замѣтно пустѣть, все болѣе и болѣе охватываемая войсками.

Да и народныя страсти, очевидно, теперь совершенно уже потухли, и вспышки необузданнаго гнѣва смѣнились благоразумнымъ успокоеніемъ народныхъ массъ. Ни выстрѣловъ, ни какой рѣзни не понадобилось.

Послѣ неестественнаго нервнаго подъема силъ всегда слѣдуетъ упадокъ. Очевидно, истина эта непреложна и для цѣлыхъ народныхъ массъ, возбудимость которыхъ вообще скоропреходяща.

Немало способствовало умиротворенію возобновленіе работъ на фабрикахъ, а вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что ничто такъ не приводитъ въ спокойное, ровное и благоразумное состояніе, какъ

серьезный, разумный трудъ. Болѣе всѣхъ, конечно, былъ утомленъ и потрясенъ печальными событіями пасхальныхъ дней самъ губернаторъ. Хотя онъ и былъ награжденъ отличіемъ за усмиреніе бунта безъ участія огнестрѣльнаго оружія, тѣмъ не менѣе это не принесло ему успокоенія. Ему не давали покоя угрозы и подметныя письма. Желая отдохнуть душой и тѣломъ отъ ужасовъ пережитыхъ дней, князь Крапоткинъ, будучи человѣкомъ религіознымъ, уѣхалъ, по примѣру многихъ состоятельныхъ горожанъ, на нѣсколько дней въ сосѣдній Курижскій монастырь, расположенный въ чудной живописной мѣстности близъ Харькова. Враги и здѣсь не оставили князя въ покоѣ и стрѣляли изъ лѣсу въ его карету.

Конецъ эпопеи кровавой пасхальной харьковской недѣли не закончился однимъ только судомъ надъ виновными лицами, въ числѣ которыхъ привлеченъ былъ бывший приставъ Шмелевъ, отдавшій распоряженія, вызвавшія беспорядки и возмущеніе огромныхъ народныхъ массъ. Конецъ всего этого печальнаго событія 1872 года слѣдуетъ видѣть въ исполненіи приговора надъ губернаторомъ, нѣсколько лѣтъ спустя, убитымъ изъ револьвера при отъѣздѣ изъ театра.

Весь здѣсь описанный и достопамятный всѣмъ харьковцамъ погромъ лучше всякихъ словъ доказываетъ, что неправильно понимаемая служебная обязанность и связанные съ ними нераспорядительность и превышеніе власти одного лица влекутъ за собой гибель многихъ неповинныхъ лицъ. Отсюда приходимъ къ убѣжденію, что для предотвращенія кровавыхъ столкновеній вообще и кровавой мести въ частности важно и на низшихъ ступеняхъ административной лѣстницы имѣть людей, знающихъ дѣло, умныхъ, находчивыхъ, распорядительныхъ и гуманныхъ.

П. А. Антроповъ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ ВЪ АСТРАХАНИ.

ВЪ НОЯБРЬСКОЙ книжкѣ журнала «Русское Богатство» 1904 года Вл. Г. Короленко помѣстилъ свои воспомина- нія о Н. Г. Чернышевскомъ въ періодъ жизни послѣд- няго въ городѣ Саратовѣ. Какъ извѣстно, до этого времени, въ теченіе второй половины 80-хъ годовъ, Чернышевскій жилъ въ Астрахани. Объ этой жизни, насколько мнѣ извѣстно, появилось слишкомъ мало свѣдѣній въ русской печати. На мою долю выпала честь быть въ числѣ немногихъ знакомыхъ Николая Гавриловича въ Астрахани. Прочтя воспоминанія о немъ Вл. Г. Короленка, я постарался воскресить въ своей памяти все то, что знаю объ этомъ замѣчатель- номъ человѣкѣ, и рѣшилъ подѣлиться своими воспо- минаніями о немъ.

Вл. Г. Короленко утверждаетъ, что Н. Г., несмотря на 20 лѣтъ сибирской каторги, возвратился на родину тѣмъ же революціоне- ромъ въ области мысли, какимъ былъ и прежде. Насколько такое заключеніе справедливо, читатели могутъ судить по тѣмъ даннымъ, которыя извѣстны мнѣ о личности Н. Г. Чернышевскаго.

I.

Кто изъ насъ въ пору юности не увлекался этимъ яркимъ свѣ- точемъ человѣческой мысли? Кто съ захватывающимъ интересомъ не прочитывалъ каждой строчки его произведеній, стараясь найти въ нихъ отвѣтъ на мучительные вопросы жизни? Кто не болѣлъ

сердцемъ за потерю этого могучаго ума, вынужденнаго въ періодъ своего расцвѣта бездѣйствовать въ нѣдрахъ Сибири? Воображенію нашему рисовалась благородная, величавая фигура скованнаго Прометей въ далекомъ тѣсномъ казематѣ, обреченная на самое страшное для мыслящаго человѣка наказаніе — на бесплодное, безконечное молчаніе. Для насъ, молодыхъ и восторженныхъ натуръ, Н. Г. Чернышевскій былъ полубогъ, и, можетъ быть, потому только, что имя его произносилось съ оглядкой, а еще опаснѣе было имѣть его произведенія. Помню то благоговѣніе, съ какимъ мы прочитывали его утопическій романъ «Что дѣлать» — самое популярное, но далеко не самое лучшее его произведеніе, — и тотъ страхъ, съ которымъ мы, какъ лиходѣи, шныряли по закоулкамъ Казани, укрываясь отъ зоркаго посторонняго взгляда и собираясь въ тѣсный товарищескій кружокъ для такихъ «преступныхъ» чтеній. Его комментаріи къ Дж. Ст. Миллю мы переписывали для себя, просиживая цѣлыя ночи, за «Что дѣлать», выданный изъ «Современника», платили по 25 рублей, а за маленькіе фотографическіе портреты ихъ автора, въ которыхъ не было ничего общаго съ настоящимъ Чернышевскимъ, платили по рублю. Можно же себѣ представить, сколько употреблялось нами хитрости и усилій, чтобы не попасться на глаза учебному начальству съ этими преступными аксессуарами!..

Могъ ли я когда нибудь думать, что судьба меня наградитъ счастьемъ видѣть этого человѣка и говорить съ нимъ!.. Мы слышали, что Чернышевскій изъ ссылки былъ возвращенъ въ Астрахань, но что отъ прежняго Чернышевскаго Сибирь и каторга отняли все. Слышали, что ему попрежнему не позволено писать, и что ему оказываютъ необходимую матеріальную помощь сочувствующіе ему друзья. Впослѣдствіи далеко не всѣ эти слухи оправдались...

Осенью 1889 года я былъ назначенъ учителемъ въ Астрахань. Познакомиться съ Чернышевскимъ стало однимъ изъ самыхъ задушевныхъ моихъ желаній по пріѣздѣ на мѣсто службы. Я сталъ искать случая для этого знакомства, который къ моему счастью весьма скоро мнѣ представился. Одинъ изъ моихъ учениковъ, нѣкто Ивановъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, жилъ на квартирѣ у Чернышевскихъ: его мать служила у нихъ кухаркой. Какъ-то, справляясь съ адресами учениковъ, я узналъ объ этомъ, и съ этихъ поръ не упускалъ изъ виду случая побесѣдовать съ Ивановымъ о томъ, какъ живутъ Чернышевскіе, принимаютъ ли они къ себѣ кого нибудь, чѣмъ заняты самъ Н. Г., каковъ онъ собою и т. д. Отъ Иванова я узналъ, что Чернышевскіе живутъ только вдвоемъ: онъ и его жена — Ольга Сократовна, сыновья же ихъ на желѣзнодорожной службѣ, квартируютъ они на Почтовой улицѣ, въ домѣ Карамышева, что у нихъ иногда бываютъ и гости. Но, чтобы познакомиться съ Н. Г. и быть принятымъ въ его домѣ, необходимо пере-

нести сначала «испытаніе» самой Ольги Сократовны, выдержать надлежащую пробу, а затѣмъ уже ожидать случая быть представленнымъ и самому Н. Г.—чу. Однако, процедура испытаній по отношенію ко мнѣ была почему-то значительно упрощена. Отъ меня сначала потребовали мою фотографію, затѣмъ свѣдѣній о моемъ возрастѣ, званіи, образовательномъ цензѣ и ручательство на честное слово въ благонадежности. Послѣ этого уже О. С. назначила мнѣ день и часъ, когда я могу явиться къ ней лично.

Съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я условленнаго времени! Къ этому свиданію я готовился, какъ къ священнодѣйствию...

Пробило условленные 5 часовъ вечера, и я отправился на разрѣшенную мнѣ аудіенцію.

Квартира Чернышевскихъ помѣщалась въ правой половинѣ верхняго этажа большого каменнаго дома Карамышева. Я поднялся по каменной лѣстницѣ, устланной чистой ковровой дорожкой, и нерѣшительно позвонилъ. Звукъ рѣзко затрещавшаго электрическаго звонка сильно напугалъ меня, и я готовъ былъ уже броситься назадъ. Но въ ту же минуту за дверью послышались быстрые шаги, дверь распахнулась, и къ моему удовольствію и облегченію передо мной съ сіяющей улыбкой предсталъ мой патронъ—Саша Ивановъ. Онъ ввелъ меня въ переднюю. Изъ сосѣдней комнатъ послышался рѣзкій женскій голосъ.

— Здравствуйте, молодой человекъ! Раздѣвайтесь!—развязно обратилась ко мнѣ прилично одѣтая въ черное, не старая еще, смуглая, худощавая и чрезвычайно живая женщина, въ которой не трудно было узнать саму хозяйку, Ольгу Сократовну.

Не успѣлъ я назвать себя, какъ О. С. перебила меня:

— Знаю, знаю! Саша мнѣ все рассказалъ о васъ... Проходите!..

Я вошелъ въ небольшую чистенькую комнатку, занимаемую, вѣроятно, самой хозяйкой, такъ какъ въ комнаткѣ, кромѣ прочей мебели, стоялъ комодъ съ зеркаломъ и туалетными принадлежностями, кровать и сундукъ.

— Извините, что я съ такою настойчивостью рѣшился васъ беспокоить,—обратился я къ О. С., повторяя заученныя фразы:—мнѣ такъ давно хотѣлось видѣть Н. Г. Это, знаете ли, нашъ кумиръ...

О. С. нисколько не удивилъ мой лестный отзывъ о ея мужѣ.

— Не вы одни, а многіе добиваются знакомства съ Н. Г. Только невозможно всѣхъ допускать: онъ очень занятъ, и пришлось бы часто отрывать его отъ работы... А скажите, вы не сосланный?—рѣзко перебила она разговоръ.

— Будьте покойны!.. Вѣрьте тому, что я передавалъ вамъ черезъ Сашу...

— А, можетъ быть, поднадзорный?..

— И объ этомъ прошу не беспокоиться!..

— Я спрашиваю потому, что Н. Г. не любитъ знакомиться съ неблагонадежными людьми... Да и вообще у него мало знакомыхъ, потому что онъ занятъ постоянно...

Чернышевскій въ то время, какъ извѣстно, переводилъ съ нѣмецкаго исторію Вебера (подъ псевдонимомъ Андреева) и работалъ съ изумительной энергіей, даже по ночамъ, несмотря на свою слабость и на свои 60 лѣтъ. Работали одновременно въ его кабинетѣ два писца: одному онъ диктовалъ изъ одной главы, другому — изъ другой. Переводилъ онъ съ такой легкостью, что, слѣдя глазами за текстомъ, читалъ вслухъ по-русски, никогда почти не останавливаясь и не затрудняясь въ подборѣ выраженій... Этотъ переводъ былъ единственнымъ средствомъ его жизни. Издатель-меченатъ Солдатенковъ, которому Чернышевскій отсылалъ свои переводы для напечатанія, пересылалъ Чернышевскому въ Астрахань весьма солидныя денежныя суммы—нерѣдко по 1.000 рублей вразъ.

— Я только желалъ бы знать, О. С., могу ли я видѣть когда нибудь Н. Г.

— Приходите въ субботу. По вечерамъ онъ отдыхаетъ... А сейчасъ, пожалуй, я на минутку позову его. Николай Гавриловичъ!—крикнула она, пріотворивъ дверь въ сосѣднюю комнату,—съ тобою желаютъ познакомиться: войди на минутку!..

— Сейчасъ, матушка, сейчасъ!—послышался слабый, мягкій голосъ изъ глубины комнатъ...—Сейчасъ, я только волосы приведу въ порядокъ...

Я обомлѣлъ. Сердце у меня быстро и усиленно забилось. Въ отворенную дверь показалась тонкая, худощавая, нѣсколько сутуловатая фигура Н. Г., немного выше средняго роста, въ сѣромъ халатѣ и въ туфляхъ. Быстро подошелъ онъ ко мнѣ, протянулъ руку и сѣлъ было на кровать.

— Не здѣсь, не здѣсь,—вотъ сюда!—удержала его О. С., указывая на сундукъ:—постель изомнешь...

— Хорошо, матушка, хорошо...—и Н. Г. покорно и быстро пересѣлъ съ постели на сундукъ.

Я всматривался, между тѣмъ, въ Н. Г. Онъ какъ-то сразу поразилъ меня своей необыкновенной простотой. Встрѣтить въ немъ человѣка такого скромнаго вида я никакъ не ожидалъ. Мнѣ даже показалось, что онъ сначала сконфузился, что было, впрочемъ, весьма естественно въ его положеніи, когда его, какъ медвѣдя, вывели ко мнѣ напоказъ. Физическая слабость и болѣзненность очень замѣтно отражались на его блѣдномъ землистомъ лицѣ съ очень крупнымъ, слегка горбатымъ носомъ. Небольшая клинообразная борода съ легкой просѣдью уходила подъ воротъ халата, а длинныя густыя, ровно подстриженные волосы свѣтло-каштановаго цвѣта, безъ малѣйшихъ признаковъ сѣдины, то и дѣло спадали на широкій низкій лобъ. Но нужно было всмотрѣться въ выраженіе его

сѣрыхъ, прозрачныхъ глазъ съ нависшими верхними вѣками. Въ нихъ свѣтилось столько глубокаго, пронизательнаго, слегка насмѣшливаго ума, что только по нимъ, казалось, и можно было отличить, что передъ вами человѣкъ необыкновенный ¹⁾.

— Давно ли вы въ Астрахани?—какъ-то сразу обратился ко мнѣ Н. Г., какъ только усѣлся на сундукъ.

— Первый годъ, Н. Г.

— Привыкаете ли? Много ли у васъ знакомыхъ? Гдѣ бываете?..

Я отвѣтилъ, что больше сижу дома, знакомствъ почти еще не имѣю, а изъ общественныхъ мѣстъ былъ раза два въ засѣданіяхъ мѣстнаго Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края ²⁾.

— Ахъ, это мѣстный Пиквикскій клубъ — общество астраханскихъ ученыхъ?.. И что же, много тамъ умныхъ вещей говорятъ въ засѣданіяхъ?..

Не обращая вниманія на иронию въ словахъ Н. Г., я сообщилъ ему вкратцѣ, что зналъ о дѣлахъ общества; сказалъ, что изъ среды членовъ выдѣляются двѣ секціи — историковъ и натуралистовъ, и что теперь принимаются самыя дѣятельныя мѣры къ открытію въ Астрахани историческаго музея рѣдкостей Астраханскаго края.

— А не бываетъ ли такъ, что ученые разговоры въ засѣданіяхъ оканчиваются интересными сообщеніями о томъ, кто изъ ученыхъ мужей остался безъ столькихъ-то взятокъ наканунѣ: у насъ вѣдь здѣсь игра въ винтъ — одно изъ популярнѣйшихъ занятій мѣстныхъ ученыхъ?..

Н. Г. постепенно оживлялся и разразился веселымъ смѣхомъ.

— А относительно музея,—продолжалъ онъ:—если только вы состоите въ числѣ членовъ общества,—посоветуйте вашимъ друзьямъ обращать побольше вниманія на здѣшній вечерній базаръ: тамъ можетъ найтись немало любопытныхъ и весьма важныхъ для историческаго музея рѣдкостей. Слышно, что тамъ продаются подошвы отъ башмаковъ, которые носила сама Елисавета Петровна, и даже кто-то разыскалъ гвоздь отъ сапога Стеньки Разина, потерянный имъ, когда онъ былъ въ Астрахани. Все будетъ не лишній вкладъ въ живое дѣло исторіи... А?.. какъ вамъ кажется?

— Ну, ужъ ты, кажется, разболтался — довольно тебѣ, голубчикъ... Иди, иди, работай!—перебила его О. С.

¹⁾ Самый вѣрный портретъ Чернышевскаго—работы Климашевской, въ Астрахани, напечатанный, между прочимъ, въ «Исторіи русской словесности» Полевого. О. С. говорила только, что Н. Г. вышелъ на немъ съ недовольнымъ выраженіемъ въ лицѣ, такъ какъ она его чуть не силой заставила сняться.

²⁾ То было время (осень 1889 г.), когда Петровское общество въ Астрахани начинало вновь пробуждаться къ дѣятельности, подъ предѣдательствомъ директора реальнаго училища, В. Н. Виноградскаго. Музея при обществѣ еще не было.

— Хорошо, матушка, иду!.. Иду, матушка!—заторопился Н. Г. Онъ быстро всталъ, протянулъ мнѣ руку и скрылся за дверью.

— Ну, а вы, молодой человекъ, — обратилась ко мнѣ О. С.,— приходите къ намъ въ субботу вечеромъ: тогда больше можете поговорить съ Н. Г., а теперь уходите—у меня тоже есть дѣло...

Я простился съ О. С.

Разумѣется, это первое мимолетное свиданіе съ Н. Г. нисколько не удовлетворило меня, а лишь еще болѣе усилило во мнѣ желаніе видѣться и поговорить съ нимъ. Меня удивляло нѣсколько его чудачество и веселое ироническое настроеніе. Это чудачество, какъ я убѣдился потомъ, составляло отличительную черту въ характерѣ Н. Г. Посторонняго наблюдателя всегда озадачивала его манера находить во всемъ сначала смѣшныя стороны, и неудивительно, что многіе говорили, будто за этой особенностью у Чернышевскаго, какъ за щитомъ, скрывалось его дѣйствительное отношеніе къ явленіямъ окружающей жизни. И дѣйствительно, Н. Г. на многіе вопросы почти никогда сразу не высказывался, а болшею частію отшучивался, хотя всегда такъ ясно и остроумно, что слушатели сами могли дѣлать надлежащіе выводы. Меня же лично на первыхъ порахъ озадачила еще одна мелочь—это обращеніе О. С. съ Н. Г. и отношенія его къ ней, въ которыхъ проглядывала безусловная, почти дѣтская покорность его всѣмъ требованіямъ О. С. На первый взглядъ получалось такое впечатлѣніе, что Чернышевскій въ глазахъ О. С. представлялъ собою рабочую машину, необходимую для поддержки ихъ существованія. «Довольно тебѣ — заболтался, иди, иди, работай!» Впослѣдствіи я убѣдился въ томъ, что ни одинъ шагъ въ домашней жизни Н. Г. не дѣлался безъ вѣдома О. С. Безъ ея вѣдома Н. Г. не оставлялъ работы, не выходилъ гулять, не садился за столъ, не бралъ ложки въ руки... Словомъ, ей приходилось слѣдить за нимъ, какъ за ребенкомъ, и если бы не ея зоркій глазъ, то онъ остался бы и безъ ѣды, и безъ питья, что нерѣдко и случалось, когда О. С. не было дома. На письменномъ столѣ у него всегда стояли въ сахарницѣ кондитерскіе сухари, и мнѣ часто приходилось потомъ заставить Н. Г. съ сухарикомъ въ рукахъ, которые онъ видно очень любилъ и безпрестанно грызъ (у него былъ застарѣлый катарръ желудка). Саша мнѣ рассказывалъ, что, если О. С. не было дома, Н. Г. оставался сытъ одними сухариками. Такую безусловную покорность требованіямъ О. С. слѣдуетъ объяснять, мнѣ кажется, высоко развитымъ гуманнымъ чувствомъ Н. Г., изъ ряда выходящей добротой его и отрѣшенностью отъ всѣхъ жизненныхъ мелочей: Н. Г. былъ слишкомъ добръ для того, чтобы принести кому нибудь огорченіе, не говоря уже о близкихъ къ нему людяхъ.

II.

Съ самаго обѣда въ субботу я нетерпѣливо поглядывалъ на часы, дожидаясь назначеннаго времени. Съ большей на этотъ разъ смѣлостью поднимался я по каменной лѣстницѣ... Снова рѣзкій звонокъ, снова тѣ же быстрые шаги за дверью, та же сіяющая улыбка Саши и бойкая, развязная встрѣча О. С.

— Сюда, сюда пожалуйста, молодой человѣкъ!—позвала она меня прямо въ гостиную.

Я засталъ хозяевъ за ломбернымъ столомъ играющими въ винтъ.

— А мы вотъ по вечерамъ съ Н. Г. въ картишки играемъ... Это вмѣсто отдыха,—отвѣчая на мой нѣсколько удивленный взглядъ, объяснила мнѣ О. С.:—у Н. Г. глаза сильно устаютъ отъ работы, такъ онъ вмѣсто отдыха либо со мной въ карты, либо съ писцами въ шахматы...

Я присѣлъ къ столу на предложенный мнѣ стулъ и сталъ наблюдать за игрой.

— Понимаете ли вы что нибудь въ картахъ?—обратилась ко мнѣ О. С.

Я сообщилъ, что изъ всѣхъ игръ люблю только игру въ шахматы, но играю слабо.

— Я слышалъ, что вы очень хорошо играете въ шахматы?—спросилъ я Н. Г.

— А вотъ мы только что передъ вашимъ приходомъ кончили партію съ К. (писцомъ Н. Г.), при чемъ молодое поколѣніе чуть было не посрамило стараго...

О. С. между тѣмъ начала новую сдачу.

— Вы чѣмъ же заняты въ свободное время?—спросилъ меня Н. Г.

— Пока только чтеніемъ: безъ этого мнѣ было скучно—у меня такъ мало еще знакомыхъ...

Съ этого начался у насъ разговоръ съ Н. Г. Продолжая спрашивать меня о томъ, какое чтеніе я больше предпочитаю, онъ дѣлалъ ходы, сталъ торопиться, путаться въ игрѣ и даже крыть собственныя карты, чѣмъ вскорѣ и вывелъ изъ терпѣнія О. С.

— Довольно!.. Ты, я вижу, заговорился, — не вытерпѣла она и смѣшала карты.—Ступайте въ кабинетъ!

— Наконецъ-то! Слава Богу!—подумалъ я, уходя изъ-за стола вмѣстѣ съ Н. Г.

Кабинетъ его помѣщался въ самомъ отдаленномъ углу квартиры. Это была довольно просторная комната, всю обстановку которой составлялъ письменный столъ, заваленный бумагами и книгами, нѣсколько стульевъ, кровать и большой книжный шкафъ, биткомъ набитый толстыми внушительными переплетами.

Мы сѣли у письменнаго стола.

— Судя по вашимъ словамъ,—началь первый Н. Г., свертывая себѣ папироску, — васъ интересуеъ серьезное чтеніе и особенно чтеніе книгъ по политической экономіи. Дѣло хорошее. Изученіе политической экономіи слѣдуетъ дѣйствительно предпочитать мыслящимъ людямъ, такъ какъ она именно указываетъ наивѣрнѣйшіе пути къ достиженію человѣческаго счастья. вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло это слишкомъ серьезное и требуетъ отъ интересующагося большого труда и усилій.

Я съ восторгомъ отозвался о нашей мыслящей молодежи и подтвердилъ на основаніи своихъ наблюденій, что увлеченіе книгами политико-экономическаго характера составляетъ въ ней господствующее явленіе.

— Если только современная молодежь дѣйствительно увлекается изученіемъ политико-экономическихъ наукъ,—продолжалъ Н. Г.,—то это увлеченіе весьма похвально. Но жаль, что среди молодежи слишкомъ мало людей серьезныхъ,—громадное большинство, какъ это видно изъ опыта, дѣйствуетъ подъ обаяніемъ чувства тщеславія, изъ подражанія, почему самое увлеченіе является неискреннимъ и непродолжительнымъ...

— Кто же, какъ не молодежь, болѣе искренно чувствуетъ и болѣе честно дѣйствуетъ?—попробоваль я возразить Н. Г.—Мнѣ извѣстны случаи несомнѣннаго героизма и самопожертвованія среди представителей молодежи. — И я рассказалъ ему объ одномъ изъ своихъ знакомыхъ, только что окончившемъ университетъ, который предпочелъ выгодному свѣтскому положенію незавидную долю простого труженика на нивѣ народной въ качествѣ сельскаго учителя.

— Что же въ этомъ особеннаго?—замѣтилъ Н. Г.—Онъ поступилъ такъ, какъ ему нравится... Какой же тутъ героизмъ?..

Мнѣ невольно припомнилась прежняя проповѣдь Н. Г. объ утилитаризмѣ, когда онъ самыя лучшія движенія человѣческой души сводилъ къ «разумному» эгоизму, подчиняясь требованіямъ котораго и поступая благородно, человѣкъ дѣйствуетъ не столько для другихъ, сколько для себя, такъ какъ это доставляетъ ему удовольствіе. Вспомнилъ я также однородныя разсужденія одного изъ героевъ романа «Что дѣлать» — Лопухова, на тему о жертвахъ и героизмѣ... Въ этихъ до послѣднихъ дней жизни оставшихся взглядахъ Н. Г. нельзя было не усмотрѣть высокой души его, сохранившей (до конца вѣру въ то, что хорошо поступать не только возвышенно, но и «выгодно».

— Но, повторяю,—продолжалъ Н. Г.,—что въ этихъ похвальныхъ увлеченіяхъ молодежь руководится, конечно, благородными порывами... Молодежь всегда была отзывчивой къ общественнымъ вопросамъ; слѣдуетъ только желать, чтобы такое увлеченіе являлось всегда результатомъ честныхъ побужденій. Къ сожалѣнію, увлеченія эти часто переходятъ границы, а главное — являются резуль-

татомъ подражанія, при чемъ разсудокъ всегда подчиняется чувству тщеславія: «какъ де это я—какой нибудь мизерный студентикъ— да вдругъ сдѣлаюсь передовой личностью, главою, диктаторомъ дѣлаго общественнаго движенія!» Развѣ это не лестно?.. Поэтому-то подобныя увлеченія и не бываютъ долговременны. Припомните свое дѣтство... Когда-то вы, вѣроятно, любили прыгать верхомъ на палочкѣ и даже съ пренебреженіемъ смотрѣли на тѣхъ, кто, подобно вамъ, не умѣлъ этого дѣлать... Тутъ то же самое: увлеченіе хватается лишь до той поры, пока у будущихъ диктаторовъ вершка на два не отростетъ борода... Мы всѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ склонны увлекаться примѣрами и авторитетами. Представьте себѣ, что вашъ сослуживецъ, человѣкъ авторитетный въ вашихъ глазахъ, скажетъ при васъ: «Скучно, господа, жить!»—«Несносно!»—подхватываете вы... Или: «Наше начальство, господа, невыносимо!»—«Оно гнусно!»—вторите вы и т. д.

Въ то время свѣжей новостью были слухи о беспорядкахъ среди университетской молодежи по поводу введенія новаго устава. Я пожелалъ знать мнѣніе объ этомъ Н. Г. Къ моему удивленію, онъ съ чрезвычайной горячностью разразился нападками на студентовъ.

— Всѣ эти и подобные имъ беспорядки вызываются слишкомъ наивными, а потому плохо разсчитанными побужденіями. Проявлять подобныя протесты—безумство. Что вы скажете о шалунѣ-мальчишкѣ, который въ безсильной злобѣ на оскорбившаго его великана бѣжитъ за нимъ и старается укусить его за икры? Вѣдь великанъ каждую минуту можетъ обернуться и поднять шалуна за волосы на воздухъ!.. Беспорядки, подобныя только что случившимся, способны лишь ухудшать положеніе протестующей стороны... И прискорбно, конечно, что въ этихъ безумныхъ порывахъ молодежь всегда забываетъ то дѣло, ради котораго она идетъ въ университетъ...

— Но вѣдь часто бываетъ, Н. Г., что только путемъ этихъ протестовъ чрезъ университеты, какъ черезъ отдушину, прорывается общественное недовольство существующими порядками!..

— Развѣ это не все равно? Развѣ такіе протесты, съ наивной вѣрой въ силу ихъ, въ состояніи измѣнить что либо въ нашей живни?.. Развѣ польза, приносимая ими, въ состояніи хоть сколько нибудь оправдать приносимый ими вредъ?..

— Какъ же поступать, если легальныя пути ни къ чему не ведутъ?.. Тогда не правы ли тѣ, кто, не удовлетворяясь легальнымъ образомъ дѣйствій, создаетъ тайныя общества и прибѣгаетъ къ подпольной пропагандѣ?..

— Исторія показываетъ, что общества съ тайнымъ, въ большинствѣ съ преступнымъ образомъ дѣйствій никогда не достигали положительныхъ цѣлей... Все, что дѣлается въ темнотѣ, — либо пошло, либо пусто... Если вы днемъ, при свѣтѣ, въ состояніи, какъ

слѣдуетъ, вспахать, положимъ, 50 десятинъ земли, то что вы вспашете ночью, въ темнотѣ?.. Перепортите только землю... Серьезные, умные люди въ тайныхъ обществахъ не состоятъ... Тайные кружки и общества—это пустыя безсодержательныя скопища недоучекъ, способныхъ лишь тормозить ходъ государственной жизни. Члены этихъ кружковъ не хотятъ знать, что, вредя правительству, они вмѣстѣ съ тѣмъ вредятъ и государству... Правительства всѣхъ странъ, опирающіяся на войско и народъ, слишкомъ великодушны, если не употребляютъ по отношенію къ нимъ крайнихъ, жестокихъ мѣръ...

— Припоминается мнѣ,—продолжалъ Н. Г.,—одинъ случай съ моимъ хорошимъ знакомымъ. Дѣло было зимой. Захожу я по обыкновенію въ праздникъ къ сосѣдямъ: люди добрые, хорошіе; меня тамъ всегда ожидалъ радушный пріемъ, разговорчивый хозяинъ и вкусный обѣдъ. Хорошо. Погода стояла теплая, такъ что хозяинъ отворилъ форточки. Вдругъ въ одну форточку влетаетъ маленькая птичка—снѣгирь, и кружится по комнатѣ. Кое-какъ мы изловили ее. Хозяинъ взялъ ее въ руки и началъ гладить и ласкать... Нужно было видѣть, однако, съ какимъ озлобленіемъ эта маленькая птичка стала клевать державшую ее руку!.. Долго молча смотрѣлъ хозяинъ на озлобленную плѣвницу. Наконецъ, поднесъ ее къ лицу и говоритъ: «Глупое, жалкое, маленькое созданіе! Чего тебѣ отъ меня нужно? Зачѣмъ ты такъ неистово терзаешь меня?.. Развѣ тѣ не сознаешь, что достаточно мнѣ только руку стиснуть, и я выдавлю изъ тебя всѣ внутренности!».. Снѣгирь продолжалъ одинаково неистово клевать палецъ, такъ что оцарапалъ его до крови... Хозяинъ снова отворилъ форточку и выпустилъ птичку на свободу...

— Тайныя общества,—продолжалъ Н. Г.,—напоминаютъ мнѣ этого снѣгирия... Исторія, повторяю, показываетъ, что цивилизація двигается не тайными обществами,—нѣтъ!—ими возбуждались только мѣстныя возстанія и бунты, не приводящіе ни къ какимъ положительнымъ результатамъ... Хорошія начала привьются къ жизни и помимо тайныхъ обществъ... Мы должны быть довольны, что нашего мужика теперь не бьютъ¹⁾, какъ было прежде, а вотъ, подождите, придетъ время—онъ потребуетъ, чтобы его и не ругали... Ступайте на вечерній базаръ и посмотрите, много ли вы встрѣтите въ продажѣ лаптей. Всѣ—даже простые мужики—привыкаютъ ходить въ сапогахъ... А какъ вы станете предлагать народу, въ пользу котораго работаютъ часто тайныя общества, такія прелести, въ которыхъ путаются сами члены тайныхъ обществъ, рисуя будущій, идеальный, по ихъ мнѣнію, строй жизни?.. Прежде всего народъ не имѣетъ времени и не желаетъ слушать ваши бредни:

¹⁾ 1889 годъ.

онъ слишкомъ занять для этого... Какъ я буду философствовать съ вами, если у меня постоянно зубы болятъ?... Какъ вы заставите меня пить шампанское, если я его терпѣть не могу?.. Мало ли можно предложить хорошихъ мѣръ, но что вы подѣлаете, если васъ никто не хочетъ слушать?... Положимъ, что вы пожелали бы предложить всѣмъ астраханцамъ обязательное изученіе французскаго языка... Вещь удобоисполнимая, ничуть не невозможная: французскій языкъ, положимъ, изучать всѣ астраханцы и станутъ говорить по-французски... Но лишь попробуйте, предложите эту мысль— васъ не только сочтутъ за помѣшаннаго, васъ схватятъ, скуютъ и засадятъ въ сумасшедшій домъ... Вѣдь и при настоящемъ строѣ государственной жизни можно было бы ввести нѣкоторыя улучшения и измѣненія, на примѣръ, сократить расходы на армию и флотъ, уменьшить число регулярнаго войска... Но какъ вы сдѣлаете это, если какой нибудь Бисмаркъ вдругъ заявитъ, что выставить на границу цѣлый миллионъ солдатъ?... А мы-то чѣмъ хуже?... Мы выставимъ два!.. А что вы подѣлаете, если вдругъ на свѣтъ появится чудо, подобное Наполеону,—вѣдь надо же дать просторъ для развитія его таланта!..

Во все продолженіе этой длинной рѣчи Н. Г. постепенно переходилъ изъ серьезнаго тона въ шуточный и подъ конецъ громко расхохотался. Передо мной сидѣлъ не 60-лѣтній, немощный старикъ,—передо мной сидѣлъ веселый, живой и бойкій юноша, какимъ я видѣлъ его потомъ всегда въ небольшомъ кружкѣ знакомыхъ, приходившихъ къ нему по субботамъ. Эта черта въ характерѣ Н. Г. приковывала къ нему вниманіе всѣхъ, и когда онъ что нибудь рассказывалъ,—а рассказывалъ онъ всегда съ отѣнкомъ юмора,—у всѣхъ улыбка не сходила съ лица. Веселый дружный смѣхъ не прекращался по цѣлымъ часамъ, и въ немъ голосъ Н. Г. раздавался громче всѣхъ.

— Вы вотъ начали говорить объ арміи... А вѣдь слышали вы, конечно, что члены тайныхъ обществъ возлагаютъ надежды на пропаганду идей высшаго порядка и между правящими классами и даже среди войска?.. спросилъ я Н. Г.

Н. Г. расхохотался еще громче.

— Былъ, говорятъ, на свѣтъ одинъ котъ, который сладко пѣлъ по-соловьиному... Но много ли вы сыщете такихъ котовъ?.. Это похоже на то, какъ если бы вдругъ овцы обратились съ рѣчью къ волкамъ: «Давайте, молъ, господа волки, жить дружно,—будьте великодушны, не трогайте насъ!»... Вы знаете, что у насъ рядомъ не могутъ ужиться двѣ бабы: непременно одна желаетъ властвовать надъ другой... Была раньше попытка—прекратить раздѣленіе семействъ и позволять такое раздѣленіе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ съ разрѣшенія властей... Но, слава Богу, мысль эту вскорѣ оставили: сколько ссоръ было бы, сколько ругани, боя,

взяточничества!.. Загляните въ нашъ астраханскій клубъ: тамъ за зеленымъ полемъ сидятъ лучшіе друзья, посмотрите-ка, въ какихъ звѣрей, готовыхъ пожрать другъ друга, превращаются эти закадычные друзья за карточной игрой...

— Что же, наконецъ, можно сдѣлать, и что должны дѣлать мыслящіе люди?—спросилъ я.

— Мало ли что слѣдовало бы сдѣлать, но что вы подѣлаете, когда нельзя этого сдѣлать!.. Не дурно было бы, напримѣръ, отрѣзать половину нашей дикой Сибири и перенести ее въ Америку. Но вопросъ: кто и какъ это можетъ сдѣлать? Теперь вотъ пишутъ, что французы прорываютъ каналъ черезъ Панамскій перешеекъ ¹⁾, чтобы можно было переѣхать изъ одного океана въ другой вмѣсто нѣсколькихъ сутокъ въ нѣсколько часовъ... Это все хорошо!.. Это можно сдѣлать!.. Но сколько силъ и средствъ на это тратится! Проѣздъ изъ Европы въ Америку черезъ Атлантическій океанъ теперь свободенъ: черезъ недѣлю,—и тамъ. А представьте, что между этими странами, по самой серединѣ океана, съ сѣвера на югъ, лежали бы Гиммалаи... Какъ бы мы ихъ переѣзжали?.. Вѣдь перепрыгнуть нельзя?.. Не такъ ли?... Чтобы подвинуть жизнь впередъ, не слѣдуетъ людямъ навязывать то, въ чемъ они не видятъ пользы, и что не можетъ къ нимъ привиться... А проповѣдникамъ идей высшаго порядка не слѣдуетъ брать на себя обузу, которую они поднять не въ силахъ... Большое дѣло могутъ и должны дѣлать только большіе люди... А такіе люди рѣдки... Можетъ быть, слышали вы басню о зайчихѣ и львицѣ!.. Зайчиха, видите ли, говоритъ львицѣ: какъ это у тебя, львица, у такого большого звѣря, родится такъ мало дѣтей — всего одинъ въ годъ, тогда какъ у меня, у малаго звѣрка — нѣсколько паръ?!.. На это львица отвѣчаетъ: зато у тебя, зайчиха, — всѣ зайчата, а у меня львенки!.. Да, большое дѣло, повторяю, могутъ дѣлать только большіе люди...

— Но вѣдь, Н. Г., поверхность земли составляется не только одними Гиммалаями, а и малыми горами и пригорками!..

— Точно такъ же, какъ среди циклоповъ встрѣчаются и пигмеи... Взойдите на пригорокъ: большой ли горизонтъ откроется передъ вами?..

— Тогда что же остается дѣлать маленькимъ людямъ?..

— Не брать себѣ работы не по силамъ и не задаваться несбыточными цѣлями и надеждами... Хорошо, если бы маленькіе люди старались лишь о томъ, чтобы ихъ работа и стремленія были честны...

¹⁾ Дѣло было до открытія Панамской скандальной исторіи.

— Молодой человекъ! — раздался въ эту минуту голосъ за дверью, — пора домой... Я спать хочу... Да и тебѣ, Н. Г., пора ложиться!..

Я взглянулъ на часы. Было около 11-ти. Н. Г. проводилъ меня до двери, и мы простились.

III.

Пусть судить самъ читатель, какое впечатлѣніе могъ произвести этотъ разговоръ на восторженнаго и пылкаго юношу, какимъ я помню себя въ 20 лѣтъ... Съ тяжелымъ гнетущимъ чувствомъ вышелъ я отъ Н. Г. Долго затѣмъ находился я подъ обаяніемъ этого разговора и чувствовалъ, какъ цѣлое наслоеніе въ душѣ, съ которымъ я успѣлъ уже сродниться, болѣзненно соскабливается, и прежде такъ ревниво лелѣянный идеалъ рушится постепенно, подобно зданію, построенному на зыбкой почвѣ... Далекій внутренній голосъ все еще продолжалъ протестовать этому чувству, но та чистая безграничная вѣра въ скорое наступленіе свѣтлаго будущаго, которая составляла наше «святая святыхъ», сильно поколебалась и вновь замѣнилась жгучею борьбою сомнѣній. Копаюсь въ тайникахъ своей души, я находилъ въ себѣ достаточную дозу и того тщеславія и стремленія къ подражанію, которыя служатъ главнымъ тормазомъ въ нашей дѣятельности...

Я написалъ нѣсколько писемъ о своемъ новомъ знакомствѣ своимъ товарищамъ-однокурсникамъ и рассказалъ о нашемъ свиданіи съ Н. Г. одному изъ своихъ молодыхъ сослуживцевъ, г-ну Н., ярому революціонеру по взглядамъ, съ которымъ былъ въ большой дружбѣ. Н. чрезвычайно былъ удивленъ моимъ рассказомъ и до того волновался, что разразился цѣлымъ потокомъ упрековъ по адресу Чернышевскаго, находя въ его теперешнихъ взглядахъ явное противорѣчіе съ его же собственными, какъ философскими, такъ и политико-экономическими произведеніями. Н. ссылался на его матеріалистическій трактатъ «Антропологическій принципъ въ философіи», гдѣ Чернышевскій является ярымъ приверженцемъ крайняго матеріализма, и на его статьи объ общинѣ, гдѣ онъ отстаивалъ то положеніе, что въ развитіи общественной жизни возможны и скачки — переходы изъ одной стадіи въ другую, минуя промежуточную стадію (развитіе аграрныхъ отношеній согласно Гегелевской триадѣ), тогда какъ теперь де Чернышевскій является своего рода «постепеновцемъ». Я защищалъ Чернышевскаго, указывая на то, что это противорѣчіе лишь кажущееся, но споры наши ни къ чему не привели, и Н. выразилъ настойчивое желаніе лично увидѣть Н. Г. и поговорить съ нимъ на эту тему.

Мнѣ не стоило особеннаго труда добиться для Н. этого свиданія. О. С. къ моей просьбѣ отнеслась благосклонно, и во едину отъ субботы мы съ Н. направились къ Чернышевскимъ.

До сего времени я сожалѣю о томъ, что не былъ свидѣтелемъ разговора моего пріятеля съ Н. Г.; О. С. сидѣла со мной въ кабинетѣ Н. Г. и показывала мнѣ какія-то старинныя гравюры, пока въ сосѣдней гостиной шелъ этотъ разговоръ. Но до нашего слуха ясно доносилось, что въ гостиной идетъ жаркій споръ, и что Н. Г. сильно волнуется и возвышаетъ голосъ. Чрезвычайно чуткая ко всему, что касалось спокойствія Н. Г., О. С. быстро вскочила и вышла въ гостиную. Минуты черезъ двѣ она вернулась.

— Ну, Н. Э.,—обратилась она ко мнѣ:—если только вы будете приводить съ собой такихъ господъ, такъ у Н. Г. нервовъ не хватитъ... Вашъ пріятель непріятно дѣйствуетъ на Н. Г... Я сейчасъ прекращу ихъ споръ...

Меня крайне смутило это заявленіе, и я послѣдовалъ за О. С.

— Ничего подобнаго я никогда не писалъ и не высказывалъ!—волновался Н. Г., сильно жестикулируя.

— Будетъ тебѣ, голубчикъ... Отдохни!—обратилась она къ Н. Г.—А вы, молодой человѣкъ, идите домой!.. Н. Г.—чу вредно волноваться!..

У Н. Г. было нахмуренное потемнѣвшее лицо, какого я у него никогда не видѣлъ. Однако онъ любезно простился съ нами и проводилъ насъ до передней.

— Нѣтъ; я положительно не могу согласиться со взглядами Н. Г. на нелегальный образъ дѣйствій,—сказалъ мнѣ Н., когда мы вышли на улицу.

Я не отвѣчалъ ему, и мы молча разстались.

Вскорѣ я получилъ отвѣты на мои письма отъ товарищей. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ высказывалось удивленіе, въ другихъ упреки по адресу Чернышевскаго, измѣнившаго якобы своимъ прежнимъ взглядамъ, въ третьихъ — мнѣнія о Чернышевскомъ, какъ о безупречномъ теоретикѣ, но плохомъ практикѣ, въ четвертыхъ, наконецъ, черезчуръ рѣзкіе отзывы, доходившіе до того, что Чернышевскаго называли выжившимъ изъ ума старикомъ, у котораго Сибирь и каторга отняли все... Какъ на доказательство, ссылались на статью Чернышевскаго: «Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь»¹⁾, подъ псевдонимомъ «Старый трансформистъ», какъ слабую и неудачную вылазку противъ Дарвина, далеко не напоминающую прежняго Чернышевскаго...

Послѣ этого долго я не заглядывалъ къ Чернышевскимъ, испытывая въ душѣ раскаяніе за огорченіе, причиненное мною и моимъ пріятелемъ О. С. и Н. Г. Вскорѣ, однако, я получилъ отъ Н. Г. черезъ Сашу написанную крупнымъ разгонистымъ почеркомъ записку слѣдующаго содержанія:

¹⁾ «Русская Мысль», 1888 г., № 9.

«Прошу васъ, добрый Н. О., извинить моего молодого пріятеля Александра Иванова, плохо приготовившаго уроки къ пятницѣ; въ этомъ виноватъ я, отнявшій нынѣ у него слишкомъ много времени моими порученіями.

«Жму вашу руку. Жду васъ въ субботу. Четвергъ, 19-го января, 1889 г.

«Вашъ Н. Чернышевскій».

IV.

Нѣсколько разъ потомъ приходилось мнѣ бывать у Н. Г. по вечерамъ вмѣстѣ съ другими его знакомыми. Въ числѣ послѣднихъ были и сотрудники мѣстныхъ газетъ, и педагоги, и доктора, и акушерки, и даже коммерсанты, особенно изъ армянъ, къ которымъ почему-то благоволилъ Н. Г. Не разъ посѣщаль его и бывшій астраханскій губернаторъ, князь Л. Д. Вяземскій, который вообще очень сочувственно относился къ Н. Г., и благодаря ходатайству котораго Чернышевскому разрѣшено было вскорѣ вернуться на родину, въ Саратовъ. Однако одновременно собиралось не болѣе 3—4 посѣтителей. Обыкновенно всѣ садились за чайный столъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ и хозяйкой, при чемъ Н. Г.—ча О. С. всегда сажала рядомъ съ собой и клала передъ нимъ на столъ клеенку, такъ какъ онъ при своей крайней близорукости часто проливалъ чай. Н. Г., какъ и всегда, бывалъ въ веселомъ расположеніи духа и доставлялъ собравшимся большое удовольствіе своими разсказами. Всѣхъ посѣтителей привлекала необыкновенная простота его и радушіе, не имѣющія ничего общаго съ представленіями о немъ, какъ о человѣкѣ, который, по общему мнѣнію, могъ когда-то потрясать основы. Каждый при встрѣчѣ съ Н. Г. задавалъ себѣ вопросъ: «Да неужели этотъ, такой мягкій и добрый человѣкъ, былъ способенъ когда-то метать молніи?» Н. Г. былъ непримиримый врагъ позы. Онъ никогда никому не намекалъ о перенесенныхъ имъ страданіяхъ, и если только кто спрашивалъ его объ этомъ, онъ или утверждалъ, что никакихъ особенныхъ страданій онъ не испытывалъ, или перемѣнялъ тему разговора. Никогда не любилъ онъ также говорить о своихъ произведеніяхъ. «Да... было... писалъ...»—обыкновенно отвѣчалъ, если кто его спрашивалъ объ этомъ. И больше ничего отъ него, бывало, не дождешься. Зато съ необычайной яркостью, живостью и интересомъ многое разсказывалъ онъ изъ своихъ личныхъ воспоминаній, объ извѣстныхъ русскихъ писателяхъ и публицистахъ, или же занималъ слушателей историческими анекдотами, которыми такъ богата была его необычайная память. Большинство разсказовъ Н. Г. теперь совершенно исчезли изъ моей памяти.

О своей жизни въ Сибири Чернышевскій, какъ я уже упоминалъ, никому не разсказывалъ. Одинъ только разъ, насколько мнѣ

помнится, Н. Г. передалъ маленькій эпизодъ изъ этой жизни, и то совершенно случайно. Кто-то изъ гостей Н. Г. замѣтилъ, что умные люди отличаются обыкновенно молчаливостью. Н. Г. улыбнулся и сказалъ: «Послушайте, я вамъ расскажу объ одномъ такомъ умномъ человѣкѣ»...

«Въ Нерчинскѣ, среди ссыльныхъ, былъ одинъ господинъ, дворянинъ по рожденію и большой баринъ... Его такъ все и звали «баринъ». Никто не зналъ, за что онъ былъ сосланъ, такъ какъ онъ всехъ сторонился, держался особнякомъ и всегда молчалъ. Прибавьте къ этому надменный видъ и гордую величавую осанку. «Должно быть, необычайнаго ума человѣкѣ», думали о немъ. Ссылные часто собирались въ кружокъ и шутили. «Баринъ» всегда стоялъ въ сторонѣ и молча слушалъ. Разъ кто-то среди общаго молчанія пустилъ летучую фразу: «У Ноя было три сына—Симъ, Хамъ и Іафетъ: кто ихъ былъ отецъ?»...—«Н-о-й»,—раздалось со стороны. Все обернулись: умный человѣкъ заговорилъ, и тѣмъ сразу обнаружилъ себя... А чтобы еще помолчать!»...

Я слышалъ отъ О. С., что о своей жизни въ Сибири Н. Г. велъ подробный дневникъ, что этотъ дневникъ долженъ былъ составить главное наслѣдственное состояніе О. С. послѣ смерти Н. Г., но до сихъ поръ, какъ извѣстно, дневникъ все еще не появился въ печати. Въ своихъ воспоминаніяхъ, рассказываемыхъ бывшимъ у него посѣтителемъ, онъ касался главнымъ образомъ выдающихся представителей своей эпохи: Некрасова, Добролюбова, Тургенева, Толстого и др.

Что же касается современной литературы и ея представителей, то Н. Г. совсѣмъ почти не интересовался ею и прямо заявлялъ, что онъ теперь «не читаетъ». Изъ газетъ я видѣлъ у него только «Русскія Вѣдомости», которыя онъ называлъ «болѣе честной газетой». Изъ русскихъ писателей прежней эпохи онъ болѣе всего любилъ Гоголя, а изъ иностранныхъ Диккенса, изъ котораго часто цитировалъ на память многія комичныя сцены.

Въ это время Н. Г. былъ занятъ, помимо перевода исторіи Вебера, еще собираніемъ матеріаловъ для біографіи Добролюбова, которые помѣщены имъ на страницахъ «Русской Мысли». Добролюбовъ, бывший другъ Чернышевскаго, оставилъ въ немъ самыя свѣтлыя воспоминанія, какъ человѣкъ безукоризненно высокой нравственности, одаренный притомъ чрезвычайнымъ идейнымъ богатствомъ и рѣдкимъ критическимъ талантомъ. Н. Г. вспоминалъ о немъ не иначе, какъ съ самымъ глубокимъ благоговѣніемъ. Зато сильно недолюбливалъ онъ Л. Толстого за его послѣднія произведенія и много смѣялся надъ его попытками пахать землю, шить сапоги и класть печи. Но съ особенной рѣзкостью отзывался онъ о Г. Успенскомъ и Златовратскомъ и вообще объ идеяхъ народниковъ, считая ихъ прямо нелѣпыми.

— Идеи этого кружка лицъ,—сказаль однажды мнѣ Н. Г.,—представляютъ смѣсь дегтя не съ медомъ, который портится отъ дегтя, а съ самыми зловонными выдѣленіями отхожихъ мѣствъ... Помните, вѣроятно, мичмана Дырку, о которомъ разсказывается въ «Женитьбѣ» Гоголя... Покажутъ ему палецъ, онъ и готовъ смѣяться до-упаду... Или когда «Испанскій король» (въ «Запискахъ сумасшедшаго») кричитъ бритымъ грандамъ: «Ребята! Спасайте луну!» И всѣ, какъ угорѣлые, заматались по камнямъ и полѣзли на стѣны... Такъ и народники: они готовы приходить въ телачій восторгъ отъ одного магическаго слова «народъ»...

О Тургеневѣ, не касаясь его литературной дѣятельности, Н. Г. разсказываль, какъ о человѣкѣ крайне мнительномъ, подозрѣвавшемъ еще въ молодые годы въ себѣ неизлѣчимую болѣзнь, а потому носившемъ какіе-то гигиеническіе пояса и подтяжки и спавшемъ на гигиеническихъ постеляхъ... О Миртовѣ (авторѣ «Историческихъ писемъ») говорилъ, какъ о человѣкѣ очень ученомъ, много знающемъ, но «съ большимъ туманомъ въ головѣ»...

Слушатели всегда удивлялись необыкновенной памяти Н. Г. Какъ-то рѣчь зашла о Буланже, игравшемъ въ то время большую роль во Франціи. Н. Г., сравнивая его притязанія на диктаторство во Франціи съ исторіей Наполеона III, съ такими подробностями воспроизвелъ передъ нами событія подъ 2-е декабря 1851 года: волненія на улицахъ Парижа, работы въ типографіяхъ и тексты прокламацій, скрытую и явную борьбу представителей противныхъ партій, что передъ слушателями явилась полная интересная картина этихъ событій, представленная не менѣе ярко, чѣмъ въ знаменитой «Исторіи одного преступленія» В. Гюго. Въ другой разъ, коснувшись похода Гарибальди въ Сицилію и столкновенія его съ неаполитанскою дружиною, онъ такъ подробно передалъ топографію сѣвернаго берега Сициліи, расположеніе портовъ и поселеній, нанося чертежъ на стоявшій передъ нимъ столъ, какъ будто только наканунѣ былъ тамъ.

Н. Г. былъ человѣкъ крайне невзыскательный и экономный. Квартира Чернышевскихъ своей приличной обстановкой всецѣло обязана была О. С. Выходя изъ дома, Н. Г. никогда не садился на извозчика, несмотря ни на какую грязь, иногда такъ обильную въ Астрахани. О. С. разсказывала, что, заказывая ему новую, обыкновенно мягкую обувь, она объявляла ему цѣну ея только наполовину, иначе онъ не соглашался принимать вещь, находя ея для себя слишкомъ роскошною. Въ театрѣ я видѣлъ его только одинъ разъ, и то по даровому билету, предложенному ему актрисой Брянской, одною изъ посѣтительницъ семьи Чернышевскихъ въ Астрахани. Шла «Татьяна Рѣпина», драма Суворина. Во время антракта я встрѣтился съ нимъ въ фойе. Отъ него только что отошелъ князь Ч., изъ кавказскихъ горцевъ, сосланный въ Астрахань...

— А знаете, что мнѣ сейчасъ говорилъ князь о «Татьянѣ Рѣпиной»?.. Человѣку нервному, пожалуй, вредно ее смотрѣть!.. А вѣдь правда!.. Вотъ такъ князь!..

Это была послѣдняя моя встрѣча съ Н. Г. Лѣтомъ, въ 1889 г., былъ разрѣшенъ ему выѣздъ изъ Астрахани на родину, въ Саратовъ. Это помилованіе, какъ слышалъ я, несказанно обрадовало и взволновало Н. Г., и многіе здѣсь этой радостью и волненіемъ объясняли причину послѣдовавшей вскорѣ смерти его.

Въ концѣ августа я черезъ Сашу Иванова получилъ отъ него изъ Саратова слѣдующее дѣловое письмо:

«М. Г. Н. О!»

«Ольга Сократовна и я просимъ васъ, будьте такъ добръ, примите опять въ находящееся подъ вашимъ управленіемъ училище бывшаго ученика Сашу, жившаго у насъ. Онъ возвращается въ Астрахань, потому что въ здѣшнихъ, равныхъ вашему, училищахъ не нашлось для него мѣста.

«Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть
«вашимъ покорнѣйшимъ слугою

«Н. Чернышевскій».

«10-го августа 1889 г.».

Не задолго до отъѣзда Чернышевскихъ изъ Астрахани я попросилъ О. С. передать Н. Г., чтобы онъ оставилъ мнѣ на память свой автографъ. На другой же день я получилъ отъ нея полулистъ почтовой бумаги большого формата, на другой сторонѣ котораго мелкимъ, тѣснымъ почеркомъ, рукою Н. Г. были написаны слѣдующія строки:

«Просвѣщенные люди какого нибудь народа, имѣющаго просвѣщенныхъ людей, видятъ,—масса ихъ народа имѣетъ дурныя привычки, вредящія ей; они желаютъ добра своему народу, чувствуютъ себя обязанными дѣйствовать на пользу ему, и находятъ, что важнѣйшая причина неудовлетворительности его настоящаго положенія состоитъ въ дурныхъ привычкахъ его массы. Они чувствуютъ себя обязанными дѣйствовать для устраненія этой главной причины его страданій.

«Спрашивается теперь: какой характеръ должна имѣть та ихъ дѣятельность на пользу народа, которая, по ихъ справедливому мнѣнію, составляетъ ихъ патріотическую обязанность?»

«Масса ихъ народа имѣетъ дурныя привычки. Для его блага надобно, чтобы дурныя привычки замѣнились хорошими. Почему же она до сихъ поръ держится своихъ дурныхъ привычекъ, почему

не замѣнились онѣ у нея хорошими? Она или не знаетъ хорошаго, или не имѣетъ возможности усвоить его себѣ; чаще всего эти препятствія существуютъ вмѣстѣ. Стало быть, просвѣщенные люди, желающіе блага своему народу, должны знакомить его съ хорошимъ и заботиться о доставленіи ему средствъ приобрести это хорошее».

Автографъ этотъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми частными письмами и записками Н. Г. хранится у меня, какъ дорогое воспоминаніе.

Н. Ѳ. Скориковъ.

«ПРЕДАТЕЛЬ».

Изъ времянь графа Перовскаго ¹⁾.

I.

ГЕНЕРАЛЪ Перовскій только что вернулся изъ Башкири, гдѣ онъ любилъ отдыхать отъ своихъ дѣлъ по управленію обширнымъ Оренбургскимъ краемъ. Настроеніе въ то время, въ 30-хъ годахъ, было крайне тревожное—Хива и Бухара держали себя крайне вызывающе по отношенію къ Россіи, подбивали мирныхъ киргизовъ къ возстанію противъ «гяуровъ». И не проходило дня, чтобы не получалось извѣстія о нападеніи мятежныхъ шаекъ на русскія поселенія или торговые караваны.

Вошелъ лакей и подалъ письмо. Перовскій прочелъ и нервно зашагалъ по кабинету, устланному дорогими коврами. Черезъ полчаса онъ позвонилъ и приказалъ позвать дежурнаго адъютанта, а самъ еще разъ перечелъ письмо, бережно сложилъ и сталъ смотрѣть въ окно на Зауралье.

Ординарецъ доложилъ о приходѣ адъютанта.

— Прси. Черезъ часъ ты отправишься нарочнымъ въ Орскъ. Вошелъ адъютантъ.

¹⁾ Въ августѣ этого года умеръ въ своемъ уфимскомъ имѣніи одинъ изъ моихъ родственниковъ, полковникъ артиллеріи, Петръ Ивановичъ Сунгуровъ. Зная, что у покойнаго имѣется богатый матеріалъ о Зауральской степи, я просилъ прислать мнѣ его бумаги, что и выполнено родственниками, тѣмъ болѣе, что П. И. еще при жизни выслалъ мнѣ часть набросковъ, какъ своихъ, такъ и извѣстнаго знатока степи, губернатора Гейнса. Матеріалъ П. И. Сунгурова представлялъ для меня высокую цѣнность, такъ какъ едва ли кто, кромѣ него, такъ интересовался жизнью Оренбургскаго края и Зауральской степи. Онъ всю свою 35-ти-лѣтнюю службу провелъ на этой окраинѣ и, обладая чуткой

— У насъ, въ Орскѣ, въ крѣпостномъ батальонѣ находится полкъ Виткевичъ. Я сейчасъ получилъ отъ ученаго Гумбольдта письмо¹⁾, гдѣ онъ ходатайствуетъ о смягченіи участи этого молодого образованнаго человѣка. Я вѣрю почтенному Гумбольдту. Прикажете немедленно представить мнѣ рядового Виткевича. Черезъ 4 дня надѣюсь его видѣть здѣсь.

II.

Утро 20-го мая 1834 года. Ревъ верблюдовъ, навьючиваемыхъ послѣ ночного отдыха, безконечное блеяніе огромныхъ стадъ овецъ, гортанный говоръ киргизъ — все это сливается въ одинъ общій гулъ, тонетъ въ густой, ѣдкой солончаковой пыли, окутывающей окрестности Орска. На холмѣ сѣрымъ пятномъ вырисовывается крѣпость, а кругомъ безбрежнымъ океаномъ уходитъ утомительная своею монотонностью киргизская степь. Въ такіе моменты прихода каравановъ и стадъ скота шумъ и говоръ звучатъ какимъ-то диссонансомъ — такъ ухо отвыкло отъ всего, что нарушаетъ дрему и тишину степи. Мертво въ степи, мертво въ низенькихъ домикахъ обывателей, мертво на улицахъ... Только въ крѣпости изрѣдка прозвучитъ труба, а иногда раздастся заунывная пѣсня солдата, но это случается рѣдко: мертвая степь давитъ на грудь, и пѣсня замираетъ.

Ежедневно у подножія холма, на выбитомъ пыльномъ плацу группа людей, одѣтыхъ въ рубахи, или мундиры-фраки, или въ шинели, смотря по сезону, въ продолженіе 4—5 часовъ усердно маршируетъ, поднимая клубы пыли. Это происходитъ ученіе гарнизона крѣпости.

День 20-го мая выдался жаркій. Пыль лѣзла въ ротъ, носъ, ѣла глаза, забиралась черезъ воротъ рубашки на потное тѣло и

душой, колоссальной наблюдательностью, будучи всесторонне образованъ, не прошелъ мимо какого либо историческаго факта, не оставилъ безъ отмѣтки въ своихъ запискахъ ни одного серьезнаго момента. До сихъ поръ среди киргизовъ (П. И. служилъ болѣе 10-ти лѣтъ уѣзднымъ начальникомъ въ Тургайской области) сохранилась память о «жаксы-уѣздъ Сунгуръ», ему посвящено нѣсколько одъ мѣстныхъ поэтовъ.

Во время своей службы въ Оренбургѣ и Орскѣ П. И. собиралъ данныя о пребываніи въ этихъ городахъ опальныхъ поэтовъ: Т. Г. Шевченка, Плещеева, а также и о жизни нѣкоторыхъ ссыльныхъ поляковъ, среди которыхъ имя Виткевича окружено крайне загадочнымъ ореоломъ.

Я. П.

¹⁾ Въ запискахъ полковника П. И. Сунгурова, откуда заимствованъ данный историческій фактъ, сказано, что Гумбольдтъ лично навѣстилъ, при своемъ возвращеніи изъ Сибири, Перовскаго, но историческія даты не подтверждаютъ этого: Гумбольдтъ былъ въ Оренбургѣ въ 1829 г., а Перовскій вступилъ въ управленіе краемъ въ 1833 г. О перепискѣ Перовскаго съ Гумбольдтомъ упоминается въ запискахъ Гейнса.

Я. П.

густымъ слоемъ осѣдала тамъ. Солдаты изнемогаютъ отъ жары. Сѣдой поручикъ Сеньковъ¹⁾, вышедшій изъ рядовыхъ, свирѣпо посматривалъ на своихъ учениковъ и искалъ новаго случая «свернуть салазки», какъ онъ выражался про свой излюбленный методъ обученія солдатъ.

— Эй, ты, госпожа Польша, мечтаешь?.. Про родную сторонку изволили вспомнить... Слышь, какой артикулъ я приказалъ!..

Этотъ грубый окрикъ былъ адресованъ молодому солдату, очень стройному, съ тонкими чертами лица, не измѣненными ни сильнымъ загаромъ, ни толстымъ слоемъ пыли. Онъ машинально слушалъ команду, машинально продѣлывалъ все то, что дѣлалъ его сосѣдъ по фронту. Въ сѣрыхъ глазахъ отражалось тяжкое горе, и невольно всѣ солдаты старались выразить ему свое сочувствіе, чѣмъ еще больше бередили раны товарища.

Это былъ Виткевичъ, сосланный за участіе въ польскомъ возстаніи 1831 года.

Еще недавно въ аристократическихъ салонахъ Варшавы появлялась стройная фигура молодого офицера Виткевича. Онъ всѣхъ очаровывалъ своимъ остроуміемъ и изящными манерами. Ему пророчили блестящую карьеру и счастливую жизнь съ графиней Потоцкой, съ которой онъ былъ помолвленъ незадолго до мятежа. И вотъ, точно въ сказкѣ, онъ, блестящій офицеръ, уже третій годъ въ грязной солдатской рубахѣ, въ тяжелыхъ сапогахъ маршируетъ по пыльному плацу далекой степи, выслушивая грубые окрики поручика. Хорошо еще, что въ отношеніи его положенъ извѣстный предѣлъ въ оскорбленіи: «словесно, кромѣ матерныхъ словъ, можешь журить, но лица касаться не смѣй»,—гласилъ приказъ коменданта крѣпости.

Какъ нарочно, въ этотъ день Виткевичу было особенно тяжело. Думы одна другой безотраднѣ мучили его, сердца тоскливо сжималось, и онъ положительно отказывался понимать команду поручика.

— Эхъ... такъ бы и свернулъ салазки этому полячишкѣ,—не разъ злобно ворчалъ поручикъ, видя, какъ Виткевичъ путалъ команду и «портить фронтъ».

Со стороны крѣпости показался солдатъ, который бѣжалъ, «что есть духу», какъ приказывалъ всегда комендантъ, посылая куда либо.

— Ваше благородіе,—прерывающимся голосомъ заговорилъ запыхавшійся солдатъ, останавливаясь предъ поручикомъ, — такъ

¹⁾ Подъ команду (или, какъ тогда выражались, «на выучку») Сенькова попалъ и Т. Г. Шевченко, къ счастью, не надолго. Опальный поэтъ считаетъ эти дни самыми «смурными» въ своей ссылкѣ. Я. П.

что значить его высокородіе васъ требуютъ и поляка Виткевича... Изъ Оренбурга нарочный прїѣхалъ.

Передавъ команду фельдфебелю, поручикъ проворчалъ: «Чортъ знаетъ, что за служба, отрываютъ безъ толку, дѣлать имъ нечего... А зачѣмъ имъ этотъ полячишка?»... Потомъ громко крикнулъ:

— Виткевичъ, ишелъ къ коменданту!

Въ комнатѣ коменданта стоялъ ординарецъ графа Перовскаго, а самъ комендантъ что-то озабоченно писалъ. Когда вошелъ поручикъ, въ сопровожденіи Виткевича, комендантъ вскинулъ на нихъ глазами и, продолжая писать, отрывисто приказалъ:

— Поручикъ Сеньковъ, немедленно снарядить рядового Виткевича въ Оренбургъ... Требуется его высокопревосходительство... Виткевичъ, черезъ полчаса будь готовъ въ дорогу... Ступай...

III.

Наступило лѣто 1835 года. Генералъ Перовскій вернулся изъ Петербурга и на другой день о чемъ-то совѣщался со своими приближенными по управленію краемъ. Карты, планы, бумаги, книги грудями разбросаны на столахъ и диванахъ кабинета. Провожая гостей, графъ задумчиво переспросилъ:

— Такъ вы, господа, полагаете, что Виткевичъ можетъ выполнить?

— Это—единственный человѣкъ, ваше превосходительство, которому можно поручить такое дѣло...

Въ ту же ночь въ кабинетѣ губернатора сидѣлъ Виткевичъ, теперь уже офицеръ, и внимательно слушалъ послѣдняго. Перовскій развивалъ планъ завоеванія Хивы и Бухары, такъ какъ при независимости этихъ государствъ нельзя было и думать объ окончательномъ покореніи Киргизской орды и вообще о мирномъ процвѣтаніи Оренбургскаго края.

— Но прежде чѣмъ начать походъ,—груднымъ голосомъ говорилъ онъ, устремивъ взоръ на карту Средней Азіи,—намъ нужно знать этотъ край, куда мы думаемъ двинуть свои войска. До сихъ поръ Хива и Бухара для насъ—загадочныя страны, мы не знаемъ ихъ боевыхъ силъ, самой мѣстности, не знаемъ отношеній къ нимъ Афганистана и Персіи. Безъ этого начинать походъ государь считаетъ безуміемъ. Намъ нужны эти свѣдѣнія, и только вы можете доставить ихъ. Ваше знаніе восточныхъ языковъ, вашъ умъ и ваши военныя познанія говорятъ за то, что мой выборъ палъ на васъ не зря, и я увѣренъ, что вы оправдаете довѣріе государя.

Виткевичъ молчалъ. Предложеніе было неожиданное. Однако, врожденная страсть къ опаснымъ приключеніямъ и жажда новыхъ

впечатлѣннѣе быстро одолѣли смущеніе, исчезла нерѣшительность, и Виткевичъ твердо произнесъ:

— Постараюсь оправдать высокое довѣріе вашего превосходительства и государя. Когда прикажете выѣхать?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Благодарю васъ, Виткевичъ...

IV.

— Хусейнъ, ты готовъ?

— Готовъ.

— Подпруги хорошо подтянуль? А пистолеты захватилъ?

— Все готово.

— Ну, съ Богомъ...

Виткевичъ, одѣтый хивинцемъ, ловко вскочилъ на породистаго туркменскаго жеребца, слегка натянулъ поводья, поправилъ заткнутый за бухарскій кушакъ пистолетъ и пришпорилъ скакуна. Персъ Хусейнъ-Али, исполняющій у Виткевича роль ординарца, неизмѣннаго его товарища въ скитаніяхъ по степи, быстро вспрыгнулъ на красиваго иноходца и карьеромъ понесся вслѣдъ.

Ночь. Кругомъ разстилалась безпредѣльная ковыльная степь. Луна мелкимъ синеватымъ свѣтомъ заливала равнину, придавая ей таинственный видъ... То вдругъ казалось, что впереди обрисовываются небольшія купы деревьевъ, то какъ будто пробѣгала громадная тѣнь, то ровно блестяли серебряныя ленты рѣки, а въ сторонѣ, въ камышевыхъ заросляхъ чудился невнятный попотъ... Тишина... Ни звука... Покоемъ и нѣгой дышитъ степь, точно наслаждаясь прохладой послѣ долгаго жаркаго дня... Какъ будто все замерло и прислушивается къ какимъ-то таинственнымъ звукамъ...

Всадники держались на созвѣздіи Малой Медвѣдицы и все время молча скакали. Виткевичъ низко припалъ къ лукъ, зорко присматриваясь вдаль и ласково трепля туркмена по взмыленной шеѣ. Прошло часа три. Потянуло свѣжей стружкой воздуха, и скоро блеснула полоса воды.

— Хусейнъ, рѣка Турчукъ?

— Турчукъ.

Предъ ними развернулась долина Кабулистана.

Удачно исполнивъ порученіе относительно Хивы и Бухары, Виткевичъ пробирается теперь въ Афганистанъ, подъ видомъ купца. Много разъ онъ и Хусейнъ рисковали быть ограбленными и убитыми въ Зыбучихъ Пескахъ Усть-Урта, въ аулахъ Хивинской степи, не разъ подвергались опасности быть пойманными во время съемокъ мѣстностей и наблюденій за жизнью туземцевъ, выясненія числа войскъ и другихъ важныхъ свѣдѣній. Но всегда выручала ихъ находчивость Виткевича и его прекрасное значеніе туземныхъ

нарѣчій, въ связи съ щедрыми подачками. Теперь имъ предстояла не менѣ трудная задача—войти въ довѣріе къ властителю Кабула, Доссъ-Магомету, и проникнуть въ Персію, чтобы узнать планы этихъ государствъ, въ случаѣ похода Россіи въ Хиву.

Въ теченіе мѣсяца на улицахъ и въ чай-хане Кабула можно было встрѣтить молодого хивинскаго купца Ибрагимъ-Бея, пріѣхавшаго по торговымъ дѣламъ. Часто свой разговоръ онъ сводилъ на политику, при чемъ являлся горячимъ сторонникомъ союза Хивы съ Афганистаномъ и не разъ всенародно заявлялъ о скорѣйшей необходимости дать «проклятымъ гяурамъ» достойный отпоръ. «Поработятъ всѣхъ насъ, какъ поработили Орду, и станутъ опасными сосѣдями Кабулу».

На него обратили вниманіе, и одинъ изъ фаворитовъ Доссъ-Магомета заинтересовался богатымъ хивинцемъ, его намѣреніями завязать тѣсныя торговыя сношенія съ Кабуломъ, а когда получилъ въ подарокъ дорогой рубинъ, то приблизилъ его къ себѣ, представилъ Доссъ-Магомету, и скоро всѣ придворныя политическія тайны стали извѣстны Ибрагиму.

Какъ неожиданно Ибрагимъ-Бей явился въ Кабулѣ, такъ же внезапно исчезъ изъ него и пропалъ безслѣдно. Передавали, что видѣли его съ караваномъ, направлявшимся въ предѣлы Персіи, но на это мало обратили вниманія и скоро въ Кабулѣ забыли про молодого хивинца.

А хивинецъ Ибрагимъ, онъ же поручикъ Виткевичъ, въ это время странствовалъ по Персіи ¹⁾.

V.

Зимой 1836 года Виткевичъ вернулся изъ своихъ опасныхъ странствованій и блестяще выполнилъ «секретное порученіе». В. А. Перовскій былъ въ восторгѣ и общалъ ему флигель-адъютантскій эксельбантъ, за которымъ и командировалъ его самого. Онъ пожелалъ, чтобы Виткевичъ лично представилъ государю отчетъ о своемъ путешествіи и наглядно бы убѣдилъ въ необходимости похода на Хиву.

Въ С.-Петербургѣ Виткевичъ остановился въ одной изъ первоклассныхъ гостиницъ и усердно принялся за систематизацію своихъ свѣдѣній и плановъ. Работа приближалась къ концу, и былъ назначенъ день пріема у государя.

Наканунѣ аудіенціи, когда Виткевичъ торопился окончить схематическую карту Афганистана, въ дверь номера кто-то постучалъ.

¹⁾ По свѣдѣніямъ Сунгурова, Виткевичъ посѣтилъ сначала Бухару, Хиву, а потомъ проникъ въ Афганистанъ и Персію. По другимъ свѣдѣніямъ, Виткевичъ изъ Хивы направился въ Афганистанъ, а оттуда уже проникъ съ караваномъ въ Бухару. Я. П.

— Войдите!—крикнулъ Виткевичъ.

Вошелъ пожилой господинъ съ великосвѣтскими манерами, держа въ лѣвой рукѣ цилиндръ и перчатку.

— Панъ Виткевичъ?—тихо спросилъ вошедшій.

Виткевичъ нѣсколько секундъ присматривался къ гостю, а потомъ радостно привѣтствовалъ:

— Панъ Тышкевичъ?... Какъ я радъ, какъ счастливъ видѣть!

Встрѣтились два друга, два единомышленника, пострадавшіе за одну идею и одновременно помилованные. Полилась дружеская бесѣда. Пріятели дѣлились впечатлѣніями, ворошили прежнюю жизнь.

Виткевичъ началъ рассказывать про свои странствованія, про ту «великую услугу», которую онъ оказалъ Россіи, и не могъ не подѣлиться мечтами о будущей карьерѣ.

По мѣрѣ того, какъ онъ развивалъ нить своихъ скитаній, приводя эпизоды съ переодѣваніями, бритьемъ головы, лицо собесѣдника дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе. Наконецъ онъ не выдержалъ, вскочилъ со стула и крикнулъ:

— Стыдись, панъ Виткевичъ... Ты говоришь про свое порученіе, какъ про какой-то святой подвигъ... И это ты, который не задумался принести въ жертву свою жизнь, богатство и почетъ во имя идеи освобожденія дорогой родины отъ рабства... И вдругъ самъ же способствуешь порабощенію самостоятельныхъ государствъ. Ты, презиравшій предателей, самъ сталъ шпиономъ и предателемъ...

Проговоривъ это сдавленнымъ голосомъ, Тышкевичъ почти выбѣжалъ изъ номера.

Виткевичъ минуту остался неподвижнымъ, а потомъ схватился руками за голову и зарыдалъ. Иногда изъ груди у него вырывался стонъ, и, точно отъ боли, онъ качалъ головой и скрежеталъ зубами.

— Предатель... Да, вѣрно предатель...—шепталъ онъ.

— Такъ да будетъ же все проклято!

Виткевичъ схватилъ со стола планы, чертежи, записки и сталъ бросать въ потухающій каминъ. Скоро компата освѣтилась красноватымъ пламенемъ. Огонь жадно пожиралъ бумагу... Вотъ брошенъ планъ Хивы. Огонь сталъ перебѣгать по краямъ александрійскаго листа, потомъ охватилъ его со всѣхъ сторонъ, и черезъ мгновеніе отъ важнаго документа осталась обуглившаяся масса, которая съ легкимъ трескомъ свернулась и рассыпалась.

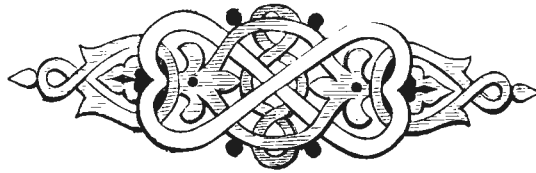
Виткевичъ вздрогнулъ, провелъ рукой по влажному лбу, подошелъ къ комоду и вынулъ изъ его ящика пистолеть.

— Прощай, надежды и мечты...—прошепталъ онъ, садясь въ кресло противъ камина.

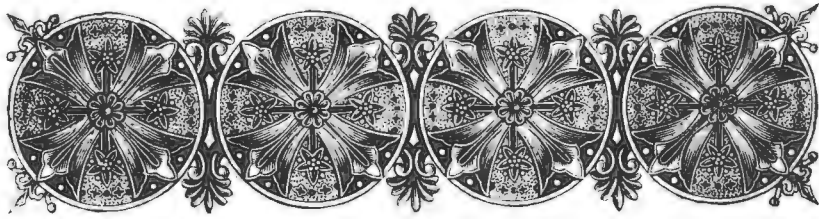
Черезъ минуту въ номерѣ раздался выстрѣлъ, гулко прокатившійся по коридору гостиницы.

Получивъ вѣсть о самоубійствѣ Виткевича ¹⁾ и о томъ, что предъ смертью онъ сжегъ всѣ записки и планы, Перовскій былъ потрясенъ. Ему жалко стало и этого образованнаго умнаго офицера и тѣхъ важныхъ свѣдѣній, имъ добытыхъ, которыя приближали къ скорому осуществленію мечту Перовскаго о походѣ на Хиву.

Я. Я. Полферовъ.

¹⁾ Официальные документы умолчали о причинѣ самоубійства Виткевича, а общество отнесло его въ разрядъ «загадочныхъ». Только у Гумбольдта, который въ своемъ трудѣ «Asie Centrale» часто упоминаетъ о Виткевичѣ и горько сожалѣетъ о безвременной кончинѣ «этого молодого умнаго изслѣдователя», есть намекъ на то, что послѣдній «въ силу своей честной природы не могъ примириться съ тою ролью, которая ему была поручена отъ русскаго правительства». Вотъ эта-то раздвоенность, вѣроятно, и привела къ роковой развязкѣ. Я. П.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи Николая I)¹⁾.

IX.

«За честь правительства».

I.

ЕЛО Диковка уже просыпалось. Далеко въ поляхъ слышалось ржанье лошадей, какіе-то неясные крики, смутно рѣзавшіе въ воздухъ, плесканье воды.

Низкорослыя избы начинали свою жизнь: просыпались люди, хлопали двери...

У колодца шель оживленный разговоръ. Разговаривали двое: солдатъ-кирасирь и мрачный хохоль. Кирасирь все время смѣялся звонко и весело, хохоль хмурился и едва-едва отвѣчалъ на вопросы солдата.

— Вы скоро вернетесь?—спрашивалъ солдатъ.—Небось, тебѣ баринъ сказывалъ?

— Не знаю я!—говорилъ хохоль, не отрываясь отъ своей работы, которою онъ былъ занятъ уже давно: онъ чинилъ рваные шаровары и неловко дѣйствовалъ иглою.

— Да, я вижу, тебѣ, Дребосенко, ни въ жисть штановъ не зашить!—смѣялся кирасирь.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 103.

— Зашью! — невозмутимо спокойно ронялъ хохоль. — Всякая баба шить умѣетъ, а я...

— Такъ баба на то и создана, чтобы шить. А ты и иголку въ рукахъ держать не умѣешь, какъ слѣдуетъ. Это ты зачѣмъ же чинить сталъ? Для красы, что ли?

— Разорвались, такъ и надо чинить. Не все въ рваномъ ходить. Баринъ и такъ ругается. «У тебя,—говоритъ,—аккуратности мало». Вотъ я и тово, чтобы они... стало быть...

— Такъ! Значитъ, въ городъ въ новыхъ штанахъ поѣдешь. А послушай, Дребосенко, правду солдаты сказываютъ, что вы съ бариномъ въ городъ жениться ѣдете?

— Жениться? Не знаю! Не слыхалъ такого ничего. Баринъ не говорилъ мнѣ такого.

— Какой же ты послѣ этого всего лакей, коли ты даже того не знаешь! Всякая баба на деревнѣ это знаетъ. Сказываютъ, что твой баринъ будто наслѣдство получилъ, а теперь и жениться надумалъ. Такъ что ли?

— Може, и такъ, только я такого не слыхивалъ. Ѣдемъ мы съ бариномъ по дѣламъ. Приѣдемъ въ городъ, явимся въ штабъ по начальству и сейчасъ, стало быть, въ деревню поѣдемъ...

— Опять къ намъ? Зачѣмъ же вамъ въ городъ-то ѣздить безъ дѣла всякаго?

— Дѣло будетъ. Безъ дѣла нельзя. Поѣдемъ отпускъ просить. Баринъ сказывалъ...

— Вотъ то-то отпускъ. Всѣ говорятъ, что вы въ отпускъ жениться ѣдете. Такъ?

— Говорятъ тебѣ, того не знаю. Не говорилъ мнѣ. А вчера и говоритъ, чтобы сегодня безпремѣнно къ утру лошади готовы были. А лошадей гдѣ взять? Теперь время такое, что всѣ казенные кони на занятіяхъ, а мужики своихъ не даютъ, потому они тоже работаютъ въ полѣ. Вотъ я и не знаю, что тутъ дѣлать.

— А своихъ-то что же не запряжете?

— Придется своихъ запрягать! — сокрушенно вздохнулъ Дребосенко и тотчасъ же поднялъ голову и прислушался.

— Чего ты? — спросилъ его кирасиръ. — Ишь башку задралъ, словно песь. Чего ты?

— Баринъ кричитъ, меня зоветъ! — невозмутимо и спокойно сказалъ Дребосенко.

— Чего жъ найдешь? Вѣдь слышишь?

— Какъ не слыжать! Да только онъ сейчасъ приставать будетъ, почему лошадей я не досталъ. А гдѣ ихъ достать въ такое время? Юнь мѣсяцъ, небось... нельзя...

Гдѣ-то близко-близко раздался окрикъ — сильный и сердитый. Окрикъ заставилъ и хохла, и кирасира вздрогнуть отъ неожиданности.

— Лошадей, каналья! Гдѣ лошади? Чортова ты кукла! Что мнѣ съ тобою дѣлать? Лошади гдѣ, я тебя спрашиваю?

Это говорилъ поручикъ Кандадѣевъ, баринъ Дребосенка. Кандадѣевъ былъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и съ трубкою въ рукахъ, Глаза его были заспаны, лицо измято, волосы растрепаны.

Кирасирь снялъ фуражку. Хохолъ лѣниво поднялся на ноги и стоялъ передъ бариномъ, скромно опустивъ глаза.

— Лошади гдѣ, каналья? — продолжалъ Кандадѣевъ. — Вѣдь я тебѣ еще вчера приказалъ, чтобы къ утру онѣ ужъ были. Гдѣ лошади?

— Въ полѣ! работаютъ онѣ. Теперь косятъ, стало быть! — отвѣтилъ Дребосенко.

И тотчасъ же почувствовалъ, что трубка больно ударилась объ его лицо.

— Дуракъ! Запорю тебя! — кричалъ Кандадѣевъ. — Запорю и сошлю! Вѣдь я же тебѣ приказалъ, коли не найдешь мужицкихъ, своихъ запрячь. Слышалъ ты это, иль нѣтъ?

— Слышалъ! Вчера съ слышалъ повечеру! — отвѣтилъ Дребосенко и, потирая щеку, пошелъ къ избамъ.

Кандадѣевъ нагналъ хохла и сильнымъ ударомъ руки сшибъ его съ ногъ.

— Съ вами, псами, иначе нельзя. Учить васъ надо, подлецовъ! Чтобъ мнѣ лошади сейчасъ были, а не то... смотри у меня. Не стану разговаривать.

Кандадѣевъ быстро пошелъ къ дому. Хохолъ сидѣлъ на землѣ и съ ужасомъ глядѣлъ на шаровары, надъ которыми онъ трудился цѣлое утро: шаровары были разорваны, и, падая на землю, онъ разорвалъ ихъ больше прежняго.

Кирасирь подошелъ къ нему и громко разсмѣялся.

— Починилъ, значитъ? Важно! — сказалъ онъ. — Теперь и въ городъ поѣзжай. Въ такихъ штанахъ ты всякому понравиться. Красавецъ-то какой!

Дребосенко вскочилъ на ноги, сердито сверкнулъ глазами и побѣжалъ на конюшню, чтобы запрягать.

Солнце уже взопло. Пѣтухи горланили безпрестанно. Эскадронная труба звучала въ воздухѣ длинными нотами и фальшивила.

— Дребосенко! Дребосенко! — кричалъ поручикъ Кандадѣевъ. — Сапоги мои гдѣ, собака?

— Зовутъ, — проговорилъ кирасирь. — Слышишь, баринъ тебя кличетъ. Сапоги давай!

Дребосенко не отвѣчалъ и молчаливо отпиралъ конюшню...

II.

Въ 10 часовъ утра Кандаѣвъ съ хохломъ сѣли въ экипажъ и поѣхали въ городъ.

Дребосенко сидѣлъ рядомъ съ бариномъ и изображалъ на своемъ лицѣ обиду.

— Вотъ погода-то какая!—говорилъ Кандаѣвъ, вздыхая полной грудью.—Хорошо тутъ въ степяхъ, хохоль. Не то, что въ городѣ или въ деревнѣ. Такъ что-ль?

Дребосенко не отвѣчалъ и сердито хмурился, поглядывая въ сторону дороги.

Кандаѣвъ расхохотался. Онъ потрогалъ хохла за рукавъ.

— Да ты никакъ сердисься, Дребосенко? Это все за утреннюю исторію?—спросилъ офицеръ весело.—Ну, это ты напрасно. Служишь ты у меня двѣнадцать почти лѣтъ и все къ моему характеру привыкнуть не можешь. Не хорошо, братъ, на барина гнѣваться. Я тебѣ не кто другой, а баринъ. Да улыбнись ты, чортова голова!

Дребосенко не отрывался отъ дороги, и, казалось, голубые цвѣточки по сторонамъ привлекали неотразимо его вниманіе своими мягкими тонами.

— Чего ты нахохлился! Дуракъ... пріѣдемъ въ городъ, я тебя въ Елисаветградъ пошлю. Понялъ ты? Въ Ели-са-вет-градъ! Кто тамъ живетъ? а? собака!

Дребосенко ухмыльнулся и исподлобья поглядѣлъ на барина, словно не вѣря ему.

— Ну, чего ты изъ себя, дуралей, обиженного корчишь?—продолжалъ Кандаѣвъ.—Мало я тебя что ли колотилъ? Вѣдь много? Такъ? А все-таки я тебя, хохла, люблю...

— Да я не про то!—сумрачно отвѣтилъ Дребосенко.—Штаны вотъ! Въ Елисаветградъ поѣду, а штаны рваные... Чинилъ-чинилъ, а тутъ мнѣ въ шею... Ну, штаны и тово...

Кандаѣвъ захохоталъ и махнулъ рукою.

Они ѣхали молча. Было жарко. Собиралась гроза. На востокѣ темнѣло, и набѣгали тучки, черныя съ мутными, бѣлесоватыми краями и съ угрожающими свѣтлыми пятнами. Лошади бѣжали и фыркали, и отмахивались хвостами. Возница спалъ и качался на облучкѣ. Было жарко и душно.

— Гроза будетъ! — тихо проговорилъ Дребосенко. — Хорошая гроза будетъ сейчасъ!

Поручикъ Кандаѣвъ не отвѣчалъ. Онъ смотрѣлъ вдаль, на скоплявшіяся на горизонтѣ угрожающія тучки, и въ его душѣ было какое-то незнакомое чувство.

— Гроза, говорю, будетъ! — повторилъ Дребосенко. — Укрыться бы надо куда нибудь!

Кандалѣевъ посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ уже погромыхивало, и для него еще яснѣе стало его пока смутное чувство. Это чувство было тревожно. Никогда онъ ничего подобнаго не испытывалъ: что-то вдругъ сразу подкатилось къ горлу, сжалось сердце, и кровь бросилась къ ногамъ.

— Плохо спалъ!—подумалъ Кандалѣевъ.—Рано всталъ, вотъ и беспокоюсь чего-то!

Онъ не хотѣлъ обращать вниманія на свое чувство, приписывалъ его внѣшнимъ и незначительнымъ причинамъ и въ то же время понималъ, что это чувство — необычайно, ново и страшно именно своею неизвѣданностью.

— Скоро ли пріѣдемъ?—сумрачно спросилъ Кандалѣевъ хохла, который успѣлъ уже задремать, отвалившись въ глубь повозки.

— Недалеко, — сказалъ Дребосенко и тотчасъ же равнодушно прибавилъ:—промочить!

— Что ты болтаешь?

— Промочить, говорю, дождь!—съ тѣмъ же равнодушіемъ повторилъ Дребосенко.

Кандалѣевъ взглянулъ на хохла, на спину возницы, на темнѣющую невдалекѣ лѣсъ.

— Не вернуться ли намъ? — тихо замѣтилъ онъ и въ то же время уличилъ себя въ трусости: онъ чего-то боялся, о чемъ-то беспокоился.

— Вернуться дальше, чѣмъ пріѣхаты!—отвѣтилъ хохоль.—Все равно промочить!

Кандалѣевъ замолчалъ, съежился и запрятался въ повозку. Ему хотѣлось разобраться въ своемъ чувствѣ, такъ неожиданно посѣтившемъ его.

Ъхалъ онъ въ городъ, гдѣ стоялъ штабъ полка, ѣхалъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ взять отпускъ, чтобы пожить на свободѣ вдали отъ полковой жизни, отъ полковыхъ товарищей и походной обстановки—въ столицѣ.

Онъ зналъ, что отпускъ ему дадутъ, что никакихъ препятствій къ тому не встрѣтится. Денежныя дѣла его шли тоже хорошо, опасаться было нечего, и все-таки что-то росло и зрѣло въ его душѣ: не то предчувствіе, не то страхъ предъ грядущимъ.

Кандалѣевъ принадлежалъ къ категоріи нервныхъ вспыльчивыхъ людей съ тонкою неуравновѣшенною психикой. Онъ вѣрилъ предчувствіямъ, былъ мнителенъ, и въ то же время отличался рѣшительностью. Въ немъ жилъ духъ противорѣчія. Для него не было наслажденія выше, чѣмъ подтронуть и поиздѣваться надъ человѣкомъ. Его считали «спорщикомъ», дерзкимъ на языкъ и либераломъ.

Въ тѣ времена николаевской придавленности личности самыя простые слова о свободѣ, о злоупотребленіяхъ администраціи, о

продажности судей въ устахъ офицера казались чѣмъ-то необыкновенно краснымъ, чуть ли не революціоннымъ. И Кандалѣвъ часто подтрунивалъ надъ сотоварищами и цеголялъ своимъ либерализмомъ.

Онъ не стѣснялся никакимъ обществомъ, даже обществомъ своихъ начальниковъ, отличавшихся страстью къ хищеніямъ и къ обворовыванію казны. Командиры полковъ въ кавалеріи наживали цѣлыя состоянія путемъ отвратительныхъ злоупотребленій, путемъ голодовокъ солдатъ, путемъ расхищенія казеннаго имущества.

И Кандалѣвъ не упустилъ случая поставить на видъ начальству, что оно воруетъ, что оно злоупотребляетъ властью.

Слова Кандалѣва не смущали никого, потому что всѣ знали его, какъ хорошаго малаго, не воздержнаго на языкъ, и только; никакихъ мѣръ другого свойства Кандалѣвъ принять не могъ, такъ какъ обнаруженіе злоупотребленій считалось доносительствомъ, а офицеръ доносами заниматься не могъ, иначе его давно бы выгнали со службы административнымъ порядкомъ.

Поэтому съ Кандалѣвымъ дружили всѣ, и когда онъ начиналъ свои обличенія, то офицеры смѣялись, махали руками и отходили прочь, заранѣе зная, что скажетъ Кандалѣвъ.

Вообще, къ словамъ и разоблаченіямъ Кандалѣва серьезно никто не относился.

Да и самъ Кандалѣвъ никогда не бралъ на себя роли проповѣдника и, обличая расхитителей и казнокрадковъ, дѣлалъ это только потому, что это ему нравилось.

Однако жизнь въ деревнѣ, въ глухомъ углу южной неблагоустроенной Россіи давала себя знать и накладывала на военное общество своеобразный отпечатокъ. Почти всѣ офицеры были холосты, много пили, играли въ карты, сплетничали и стремились перейти на службу въ болѣе или менѣе людныя мѣста.

Кандалѣвъ былъ молодъ, имѣлъ чинъ поручика и въ недалекомъ будущемъ собирался перекочевать въ центральную Россію въ одинъ изъ кирасирскихъ полковъ.

Теперь онъ ѣхалъ въ штабъ полка, чтобы получить отпускъ и отправиться въ Петербургъ, гдѣ у него были вліятельные родственники, для которыхъ ничего не стоило перевести Кандалѣва даже въ столицу.

И выѣхалъ онъ изъ деревни въ веселомъ настроеніи духа. Но потемнѣло небо, насупился и самъ Кандалѣвъ, и безпокойное чувство совершенно завладѣло имъ.

— Гроза! гроза! — прошепталъ Дребосенко, просыпаясь отъ удара грома.—Надо заѣхать въ деревушку. Вонъ она... недалеко... Эй, сворачивай!

Кандалѣвъ не протестовалъ противъ распоряженія хохла, а когда уже сталъ падать крупный дождь, и стали поблескивать мо-

лоньи, онъ даже обрадовался чернымъ закопченнымъ хатамъ, собачьему лаю, запаху дыма.

— Эге... да тамъ военная лошадь съ повозкой!—проговорилъ хохоль, вглядываясь въ сторону деревни.—Никакъ нашъ! Такъ и есть. Вонъ и солдатъ съ нимъ...

— Кто? гдѣ ты видишь?—спросилъ Кандалѣвъ, приподнимаясь въ повозкѣ.

— А вона... вона... Такъ и есть! Нашъ, нашъ. По формѣ видать. Вотъ и знакомые... Видно, тоже отъ грозы схорониться захотѣли!

Повозка запылила по извилистой проселочной дорогѣ и скоро остановилась тамъ, гдѣ стоялъ какой-то кирасирскій солдатъ.

— Ты чей? — спросилъ его Кандалѣвъ, выходя изъ повозки.

Солдатъ снялъ фуражку и громко отвѣтилъ:

— Его высокородія, штандартъ-юнкаря... то-есть... ихъ благодарія корнета Бамберга!—отвѣчилъ солдатъ.

— Бамберга? Его развѣ произвели?

— Такъ точно. Они съ производствомъ въ штабъ полка ѣдутъ. Да по дорогѣ гроза началась, вотъ мы и заѣхали переждать!

— Гдѣ же онъ, твой баринъ?

— Пожалуйте, я васъ проведу.

Кандалѣвъ радостно улыбнулся и пошелъ за кирасиромъ, который ввелъ его въ грязную избу, гдѣ за столомъ сидѣлъ корнетъ Бамбергъ и чистилъ ногти.

— Какъ я радъ тебя видѣть! — воскликнулъ Кандалѣвъ. — Поздравляю, братъ, съ производствомъ! Давно ли тебя произвели?

— Третьяго дня получили приказъ, — отвѣтилъ Бамбергъ. — Ёду представляться.

Кандалѣвъ оглядѣлъ Бамберга съ ногъ до головы и весело рассмѣялся.

— А что! Къ тебѣ офицерскія эполеты весьма и весьма идутъ. Ты мнѣ нравишься.

Бамбергъ былъ длинный, сухой нѣмецъ, и если бы мы позволили привести описаніе его вѣншности и характера, то насъ упрекнули бы въ томъ, что мы пользуемся шаблоннымъ описаніемъ и характеристикой «аккуратнаго нѣмца», живущаго въ Россіи: такъ въ немъ было все до мелочей похоже на общій типъ нѣмецкаго служаки, педанта, сухого службиста, исполнителя воли начальства.

— Я радъ, что я тебѣ нравлюсь!—отвѣтилъ Бамбергъ.

— Такъ поѣдемъ вмѣстѣ со мною. Я тоже въ штабъ полка ѣду: отпускъ хочу просить. Хочу переводиться въ Питеръ...

— Я не могу отпустить своего кучера. Мы поѣдемъ такъ, какъ пріѣхали сюда. Но я готовъ съ тобой переждать здѣсь грозу и дождь...

Кандалѣвъ еще разъ оглядѣлъ Бамберга и еще разъ сказалъ ему:

— Поздравляю отъ всей души. Желаю тебѣ блестящей карьеры.

III.

Разразилась сильная южная гроза съ ливнемъ, съ раскатами яростнаго грома, съ блестящими молніями, съ грохотомъ, словно выходявшимъ изъ-подъ земли.

А когда тучи разсѣялись, когда заблестало солнце, и воздухъ наполнился разнообразными звуками, тогда захотѣлось на этотъ воздухъ, на прохладную дорогу, гдѣ улеглась пыль, гдѣ крупныя капли дождя оставили рѣзкіе слѣды...

— Ёдемъ вмѣстѣ!—воскликнулъ Кандалѣвъ и быстро вышелъ изъ грязной избы.

За нимъ не спѣша вышелъ Бамбергъ, который жесткимъ голосомъ отдалъ распоряженія своему денщику.

-- Что это такое на тебѣ надѣто?—крикнулъ Кандалѣвъ, сидя въ повозкѣ рядомъ со своимъ Дребосенкомъ.—Вотъ такъ нарядъ! Очень красиво!

Бамбергъ оглядѣлся и недоумѣвающе перевелъ взглядъ на Кандалѣва.

— Чѣмъ тебѣ не нравится мой костюмъ?—спросилъ Бамбергъ, и въ его голосѣ послышалось нескрываемое неудовольствіе...

— Ахъ, ты, корнетъ! — продолжалъ тѣмъ же тономъ Кандалѣвъ.—Скряга ты, а не корнетъ. Ну, видаль ли ты когда нибудь, чтобы кирасирскіе корнеты, да еще только что произведенные въ первый чинъ, позволили себѣ надѣвать юнкерскія шинели?

— Въ чемъ дѣло? Я тебя совсѣмъ не понимаю!

— Ахъ, ты, скряга! Ишь взялъ и передѣлалъ юнкерскую шинель на офицерскую. Деньгу, видно, копишь. А мы всегда старье солдатамъ отдаемъ...

Бамбергъ испуганно оглянулся на стоявшихъ вокругъ кучеровъ и солдатъ и закусилъ губу.

— Ты всегда шутишь!—сказалъ Бамбергъ и попробовалъ улыбнуться, что у него вышло очень плохо.—Шутникъ какой, право...

— Плохія шутки!—не унимался Кандалѣвъ.—Такъ не по-офицерски. Кавалеристы—народъ открытый: душа нараспашку. А ты свою душу въ солдатскую шинель прячешь. Не хорошо. Вотъ погоди: пріѣдемъ въ городъ, я тебя тамъ на смѣхъ подниму.

Возница ударилъ по лошадямъ. Лошади рванулись. Кандалѣвъ качнулся всѣмъ тѣломъ назадъ и выронилъ изъ рта трубку.

— О, чтобъ тебя! — крикнулъ Кандалѣвъ и добавилъ, обращаясь къ Бамбергу:—Ты гдѣ остановишься? У нашихъ?

Бамбергъ нехотя отвѣтилъ:

— Я сдѣлалъ уже соотвѣтствующія распоряженія, чтобы мнѣ сняли тамъ квартиру.

— Запасливая нѣмчура!—засмѣялся Кандалѣвъ, но словъ его за грохотомъ повозокъ не было слышно Бамбергу.

IV.

Въ городѣ царила жизнь. И когда Кандалѣевъ въ первый разъ послѣ долгаго отсутствія изъ расположенія штаба увидалъ казенную вывѣску штаба, онъ чуть не прослезился. Все въ городѣ было такъ оживлено, такъ весело.

Городъ шумѣлъ, волновался. Сновали люди, бѣгали солдаты, кричали бабы.

И гомонъ города наполнялъ Кандалѣева чувствомъ радости и какой-то приподнятости. Утреннее состояніе прошло само собою. И онъ уже хохоталъ и трунилъ надъ мрачнымъ попрежнему Дребосенкомъ.

Повозка Кандалѣева остановилась около штаба. Дневальный отдалъ ему честь, а Кандалѣевъ повышенно громко поздоровался съ нимъ.

— Полковникъ въ штабѣ?—спросилъ Кандалѣевъ у дневального.

— Такъ точно. Сейчасъ изволили пройти туда съ господами офицерами.

Кандалѣевъ улыбнулся и побѣжалъ наверхъ въ канцелярію полка. Тамъ его охватила атмосфера полковой жизни. Слышался смѣхъ офицеровъ, грубыя шутки, анекдоты, остроты, брань по отношенію къ нижнимъ чинамъ, звонъ шпоръ, и все, все, что создавало своеобразную безшабашную обстановку тогдашняго быта, обстановку, которая никого не поражала своей неприглядностью и пустотою.

Кандалѣева встрѣтили веселыми возгласами, криками и недвусмысленными замѣчаніями; а когда узнали, что онъ пріѣхалъ хлопотать объ отпускѣ, то офицеры занялись не менѣе недвусмысленными предположеніями.

Кандалѣевъ на все отвѣчалъ тоже шутками и заразительнымъ смѣхомъ. При этомъ онъ не упустилъ случая привязаться къ штабъ-офицеру, завѣдывающему фуражомъ, и сказать ему, что скоро всѣ лошади въ полку подохнутъ, а штабъ-офицеръ лопнетъ отъ жира, скопленнаго на казенныя деньги.

Всѣ смѣялись, штабъ-офицеръ только отмахивался руками.

— Да, да, господа!—спохватился Кандалѣевъ.— Сейчасъ за мной ѣдетъ сюда новоиспеченный корнетъ Бамбергъ. Чортова кукла! Сшилъ себѣ юнкерскую шинель, да подешевле, нацѣпилъ на нее корнетскіе погоны и жалуется сюда къ начальству. Вотъ, полковникъ, образецъ скромности и бережливости, унаслѣдованныхъ отъ вашего кормленія лошадей! Господа, надо отъ него требовать выпивки! Идетъ?

Въ ту же минуту на порогѣ показался самъ Бамбергъ, и всѣ въ одинъ голосъ издали протяжное, крикливое, насмѣшливое: «а-а-а!»

Бамбергъ конфузливо отвѣчалъ на привѣтствія и краснѣлъ отъ неловкости.

Вошелъ командиръ полка. На минуту воцарилось молчаніе. А потомъ опять поднялись шутки и остроты. Между шутками Кандалѣвъ заявилъ командиру, что ему надо ѣхать въ столицу, а Бамбергъ представился.

Потомъ Бамбергъ ушелъ и, уходя, не громко сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— У меня, господа, сегодня въ два часа обѣдъ. Прошу всѣхъ пожаловать!

— Придемъ, придемъ! — отвѣтилъ Кандалѣвъ и тотчасъ же, повернувшись къ штабъ-офицеру, завѣдывавшему фуражемъ, сталъ опять приставать и подтрунивать.

Потомъ канцелярія полка опустѣла. Кандалѣвъ вспомнилъ, что онъ еще не ѣлъ, что у него нѣтъ квартиры, что на улицѣ его дожидается Дребосенко, и торопливо вышелъ изъ канцеляріи.

— Поѣзжай куда нибудь! — приказалъ Кандалѣвъ Дребосенку, понуро сидѣвшему въ повозкѣ. — Найди мнѣ, Дребосенко, квартиру! А потомъ, какъ найдешь, поѣзжай въ Елисаветградъ! По-нялъ?

— Куда же вещи дѣтъ? У насъ вонъ ихъ сколько! — отвѣтилъ Дребосенко.

— Чортъ съ ними! Впрочемъ, поѣзжай къ Васкѣ Чеботаеву! Остановишься у него, а я къ Бамбергу обѣдать пойду. Какъ сдашь вещи на квартиру Чеботаева, такъ можешь отправляться въ свой родной Елисаветградъ...

Дребосенко хотѣлъ сказать господину, что онъ тоже хочетъ ѣсть, но потомъ подумалъ немного, посмотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся Кандалѣву и сказалъ возницѣ:

— Вези меня прямо. Ничего мы съ тобой тутъ не дождемся, братъ.

V.

Бамбергъ уже успѣлъ устроиться. Небольшая комнатка у мѣщанина, снятая имъ на время, была чисто выметена, на окнахъ висѣли занавѣски, полы были выскреблены.

Бамбергъ, сидя на корточкахъ, выкладывалъ вещи изъ мѣшка и аккуратно разстаниавливалъ ихъ по столамъ, полочкамъ, и, видимо, онъ былъ очень недоволенъ, когда въ комнату вошелъ Кандалѣвъ.

— А вотъ и я! — громко сказалъ онъ, усаживаясь на стулъ. — Я себя ждать не заставляю. Ну, братъ, угощай меня своимъ обѣдомъ. Съ утра ничего не ѣлъ!

— Я еще не устроился. Я звалъ къ двумъ, а теперь... — началъ Бамбергъ.

— Ну, а я дожидаться не могу. Фу-у, усталъ какъ!...

Кандалѣвъ вытянулъ ноги и развалился. Трубка не выходила изъ его рукъ.

Бамбергъ, не обращая никакого вниманія на гостя, продолжалъ свое дѣло педантично и послѣдовательно.

Кандалѣвъ улыбаясь слѣдилъ за дѣйствіями Бамберга. И его злила чистая внѣшность нѣмца-корнета, и его чистое бѣлье, и неподвижная фізіономія его.

— Послушай, Бамбергъ,—началъ равнодушно Кандалѣвъ.— Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты себѣ перешилъ солдатскую шинель? Развѣ ты такъ бѣденъ?

— Оставь свои шутки!—строго повторилъ Бамбергъ.—Я не понимаю, что за охота приставать къ людямъ? Ты мнѣ сегодня повторяешь это уже не въ первый разъ!

— Забавно это, право! Въ полку говорятъ, что ты съ состояніемъ, что ты могъ бы жить вполне по-человѣчески, и вдругъ такое странное явленіе...

Бамбергъ сосредоточенно вынималъ и выкладывалъ на полъ книги.

— Что это за книги?—спросилъ Кандалѣвъ.—Научныя или романсы? Покажи-ка!

— Это—книги моего отца. У меня нѣсколько экземпляровъ ихъ,—процѣдилъ Бамбергъ не безъ гордости.

— Твоего отца? Что же онъ былъ писатель, твой отецъ-то?

— Онъ написалъ хорошую справочную книгу, которая очень полезна для людей.

— Ну-ка, покажи мнѣ эту самую справочную книгу, которая полезна для людей.

Кандалѣвъ съ интересомъ поднялъ книгу и сталъ разсматривать ее.

Въ то же время дверь шумно растворилась, и въ комнату вошли два офицера: Чеботаевъ и Гвоздевъ. Бамбергъ поднялся съ пола и приказалъ денщику накрывать на столъ. Офицеры заговорили всѣ разомъ, стараясь передать поскорѣе Бамбергу полковыя сплетни, новости, предположенія. Бамбергъ слушалъ и улыбался.

— Такъ это книга твоего отца?—спросилъ Кандалѣвъ, небрежно поворачивая книгу и оглядывая ее со всѣхъ сторонъ.

— Я уже тебѣ сказалъ!—отозвался Бамбергъ.

— Такъ! Я думалъ, что это ученая книга, или романъ какой. Оказывается—справочникъ по таможенѣ. Гм... интересная книга, особенно для дамъ. Не правда ли?

Бамбергъ закусилъ губу.

— Это зависитъ отъ вкуса. И справочники нужны, хотя и не для дамъ...

— А я и не предполагалъ, что твой отецъ былъ таможенный чиновникъ. Значитъ, ты богатый человѣкъ?

— Почему же это?

— Ну, вотъ—почему! Если бы у меня отецъ былъ таможенный чиновникъ, то я навѣрно былъ бы богатъ. Всѣмъ извѣстно, что эти господа дѣлають у насъ. Что говорить?!

— Я не понимаю! — заволновался Бамбергъ.—Что ты хочешь этимъ сказать?

Кандалѣвъ разсмѣялся громко и весело.

— Ты, кажется, сердисься? Не стоитъ!—успокоительно замѣтилъ онъ Бамбергу.—Ну, стоитъ ли изъ-за этого негодовать? Я говорю правду. Вотъ спроси хоть Гвоздева. И онъ тебѣ скажетъ, что на Руси нѣтъ ни одного чиновника, у котораго не было бы нѣсколькихъ тыщенокъ. Чиновникъ безъ тыщенокъ—дуракъ.

— Значить, ты полагаешь?...

— Я ничего не полагаю. Таможенные чиновники вообще—первые взяточники. И я думаю, что твой отецъ не составлялъ исключенія.

Кандалѣвъ поднялся со своего мѣста и подскочилъ къ Бамбергу.

Тотъ стоялъ неподвижно и не сводилъ глазъ съ Кандалѣва.

— Не сердись, нѣмецъ! Это — законъ природы. Отецъ чиновникъ оставляетъ своимъ дѣтямъ наслѣдство. И если онъ этого не дѣлаеть, то поступаетъ дурно, нарушаетъ товарищескія правила, подводитъ друзей.

— Замолчи! Ты не смѣешь говорить такъ! — крикнулъ Бамбергъ.—Я не велю!

— Я тебя не обижаю! Это всѣмъ извѣстно, и ничего новаго я не говорю. Да это ничего, ты не безпокойся. Не важность. Надо слѣдовать по стопамъ родителей.

Офицеры смолкли. Въ комнатѣ стало тихо, и Бамбергъ растерялся отъ неожиданности. Кандалѣвъ не смутился нисколько и продолжалъ приставать.

— Мнѣ кажется, что тебѣ не слѣдуетъ оставаться въ полку. Здѣсь ты ничего не выгадаешь!—говорилъ Кандалѣвъ.—Ступай въ чиновники. У тебя эти наклонности есть. Вонъ ты и шинель себѣ сдѣлалъ солдатскую. Скрыга ты, братъ!

Эти слова заставили Бамберга прійти въ себя.

— Замолчи, болтунъ!—сказалъ онъ.—Ты, видно, не понимаешь, что говоришь.

— Отлично понимаю! И я говорю правду. Да это ничего, вздоръ. Наше правительство въ этомъ отношеніи держитъ сторону васъ, господа. Для него вовсе не важно, что вы тамъ берете или не берете. Для него важно, чтобы вездѣ было исправно, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ...

— Не смѣй говорить о правительствѣ! Я запрещаю тебѣ!

— Дурачина ты!—спокойно промолвилъ Кандалѣвъ.—Право, дурачина! Нельзя правды сказать. Меня не удержишь. Ты—нѣм-

чура, твой отецъ тоже былъ нѣмцемъ. Жили вы на счетъ Россіи, тунеядствовали, сосали наши соки, посылали къ себѣ въ Германію русскія деньги. И васъ за это самое награждали да похваливали. Ужъ это— наше правительство! Оно къ себѣ на службу принимаетъ всякихъ побродягъ, проходимцевъ, перебѣжчиковъ...

Очевидно, сказанное Кандалѣевымъ въ устахъ его, офицера, было необыкновенно либеральнымъ. По крайней мѣрѣ, всѣ офицеры смутились и съ ужасомъ смотрѣли на Кандалѣева, который не унимался и продолжалъ ругать правительство, чиновниковъ, начальство, высказывать открыто хвалу декабристамъ, поносить нѣмецкихъ выходцевъ, которые заняли, по его словамъ, всѣ «россійскіе стулья, такъ что русскимъ остается на землѣ сидѣть».

— Молчать! Не смѣй говорить про правительство! — крикнулъ Бамбергъ.—Иначе...

— Что иначе?—спросилъ насмѣшливо Кандалѣевъ.

— Иначе... я пойду жаловаться начальству!

— Я такъ и зналъ. Ты могъ этого не говорить. Услыхалъ что нибудь, и сейчасъ шпионить...

— Молчать! — крикнулъ Бамбергъ. — Ты не смѣешь меня оскорблять!

Гвоздевъ и Чеботаевъ приняли сторону Бамберга. Поднялся шумъ. Офицеры спорили, говорили въ оправданіе чиновниковъ, возмущались словами Кандалѣева.

А тотъ стоялъ неподвижно и курилъ трубку.

— Э-эхъ, вы... сороки!—замѣтилъ онъ.—Вотъ въ царствованіе Александра были люди и были офицеры. А теперь... такъ... одно названіе только...

— Я иду съ рапортомъ!—воскликнулъ Бамбергъ.—Я не могу этого такъ оставить. Онъ оскорбилъ не столько меня и моего отца, сколько правительство. Я не могу...

— Съ рапортомъ, сирѣчь съ доносомъ! — улыбнулся Кандалѣевъ.—Вотъ, вотъ! Такъ офицеры поступаютъ всегда. Какъ что случилось, сейчасъ донось. Эхъ, ты, подьячій! Какъ тебѣ не стыдно мундиръ-то носить?..

— Замолчишь ли ты?—въ одинъ голосъ сказали офицеры.— Это—наглость!

— А вы... шпионы и сыщики... и доносчики... Вамъ бы всѣмъ по таможенному вѣдомству служить!—отвѣтилъ Кандалѣевъ и взялся за фуражку.

Онъ повертѣлъ ее въ рукахъ и пошелъ къ двери.

— Ступайте, донесите, господа офицеры! Офицеры настоящіе дерутся на дуэли, а не доносятъ! Поняли вы?

И онъ вышелъ изъ комнаты, сильно захлопнувъ дверь.

VI.

Найти Дребосенка было дѣломъ нелегкимъ. Кандалѣевъ исходилъ чуть ли не весь городъ, пока наконецъ случайно не натолкнулся на хохла, который все еще не слѣзаль съ повозки и тщетно отыскивалъ помѣщеніе.

И голодный, усталый Кандалѣевъ принялся также за поиски квартиры. Остановился онъ у знакомаго юнкера Суходольскаго. Юнкера не было дома, а потому Кандалѣевъ приказаль Дребосенку сходить въ полковой буфетъ и принести ему пищи.

Къ вечеру Кандалѣевъ заснулъ на юнкерской постели. Онъ чувствовалъ себя спокойнымъ, ничего не ждалъ и ссорѣ съ Бамбергомъ не придавалъ никакого значенія.

Однако, около восьми часовъ его разбудилъ Дребосенко. Кандалѣевъ открылъ глаза, и ему стало почему-то непріятно, когда онъ увидалъ передъ собою Чеботаева.

— Чеботаевъ!—проговорилъ Кандалѣевъ.—Ты ко мнѣ или къ Суходольскому?

— Мнѣ нужно переговорить!—отвѣтилъ тотъ.

Дребосенко вышелъ. Чеботаевъ плотно притворилъ за нимъ дверь и вернулся къ Кандалѣеву.

У Кандалѣева сильно забилося сердце.

— Что ты? что ты?—спросилъ онъ Чеботаева.—Ты отъ Бамберга?

— Я пришелъ къ тебѣ съ запискою. Вотъ она. Прочти ее и отдай мнѣ. Я ее сожгу.

Кандалѣевъ разорвалъ конвертъ и торопливо пробѣжалъ строки. Сначала онъ не понялъ ничего. Онъ перечиталъ еще разъ и только послѣ этого сказалъ:

— Хорошо! сейчасъ иду... Дай только одѣться! Записку возьми.

Чеботаевъ разорвалъ бумагу на мелкіе кусочки и тщательно спряталъ ихъ.

Въ то же время Кандалѣевъ спѣшно одѣвался и нервно пощипывалъ волосы.

Наконецъ, онъ одѣлся, взглянулъ на Чеботаева, закурилъ трубку и прошепталъ:

— Но у меня нѣтъ ихъ... Понимаешь? Нѣтъ!

— Тамъ уже приготовлены!

— Хорошо, хорошо! Я готовъ итти. Скорѣе пойдѣмъ!

На порогѣ имъ встрѣтился Дребосенко и понуро вымолвилъ:

— А въ Елисаветградъ ѣхать мнѣ, аль погодить чего отъ васъ?

— Погоди! Вмѣстѣ пойдѣмъ! Я скоро вернусь домой!

Чеботаевъ и Кандалѣевъ шли молча и не торопясь. Кандалѣевъ послушно слѣдилъ за движеніями Чеботаева.

Они шли по направленію къ мосту, за городъ, туда, гдѣ бѣлѣли бараки коннаго лазарета. И Кандадѣвъ съ любопытствомъ глядѣлъ по сторонамъ.

Скоро они дошли до густого, тѣнистаго сада и остановились.

— Здѣсь?—спросилъ Кандадѣвъ.

— Здѣсь!—отвѣтилъ Чеботаевъ.—Это—садъ военнаго поселенина. Онъ большой, широкій. Надо пройти по дорогѣ до бѣлыхъ березъ, потомъ свернуть направо и идти все прямо и прямо до изгороди. Тамъ встрѣтятся...

— Бамбергъ? Хорошо! Значить, направо? До изгороди? Пистолеты его? да?

Чеботаевъ кивнулъ головою. Кандадѣвъ протянулъ ему руку. Тотъ не принялъ ея.

Кандадѣвъ усмѣхнулся, пожалъ плечами и пошелъ въ садъ.

Дорогу найти было нетрудно. Около бѣлыхъ замѣтныхъ березъ стояла группа офицеровъ. Въ ней Кандадѣвъ различилъ Гвоздева, нѣсколькихъ юнкеровъ...

Онъ подошелъ къ нимъ и хотѣлъ заговорить. Тѣ молча показывали ему дорогу...

И Кандадѣву захотѣлось вернуться, захотѣлось не пойти къ изгороди, захотѣлось посмѣяться и подшутить надъ офицерами.

Онъ остановился было, но потомъ махнулъ рукою и насвистывая пошелъ къ изгороди. Тамъ что-то бѣлѣло. И когда онъ былъ уже около кустовъ, окружавшихъ изгородь, онъ замѣтилъ равнодушнаго, молчаливаго Бамберга.

Онъ замѣтилъ также на землѣ два бѣлыхъ платка, лежавшихъ недалеко одинъ отъ другого. На одномъ изъ нихъ лежали два пистолета.

Кандадѣвъ отмѣрилъ разстояніе между платками и осмотрѣлъ пистолеты.

— Такъ,—тихо сказалъ онъ.—Восемь шаговъ... Такъ...

Онъ взялъ одинъ пистолетъ и всталъ на позицію. Бамбергъ сталъ противъ него.

— Команда!—равнодушно и съ дѣланной холодностью проговорилъ тихо Бамбергъ.

— Хорошо! Слушать! Разъ... два... три!...

Одновременно, сливаясь въ одинъ звукъ, раздалось два выстрѣла...

Кандадѣвъ улыбнулся, охнулъ и опустился на землю, не переставая улыбаться.

— Ранены? да?

— Въ ногу! Больно... Мнѣ больно... чортъ!..

Прибѣжали люди. Кандадѣвъ не могъ разобрать, кто эти люди, зачѣмъ они здѣсь. Ему было больно, больно до слезъ, до неудержимыхъ криковъ. А когда его поднимали съ земли, онъ кричалъ, какъ ребенокъ, плакалъ и умолялъ оставить его.

Его положили на какую-то повозку. И онъ потерялъ сознание.

VII.

Когда онъ пришелъ въ себя, онъ увидаль солнце. Солнце заливало всю комнату.

И больно было глазамъ, когда они останавливались на бѣломъ, ослѣпительно чистомъ фартукѣ доктора.

Ему дали перо и заставили что-то подписать. Кандадѣвъ подписалъ, швырнулъ перо и опять забылся.

А подписанную бумагу понесли къ командиру полка. Въ этой бумагѣ значилось, что Кандадѣвъ, «придя наканунѣ къ произведенному Бамбергу, предложилъ ему попробовать пистолеты, для чего они вдвоемъ отправились за селеніе, гдѣ Кандадѣвъ взялъ пистолеть, чтобы прицѣлиться, и спустилъ курокъ ранѣе поднятія ствола, благодаря чему послѣдовалъ выстрѣлъ въ лѣвую ногу Кандадѣва выше колѣна. Послѣ сего Кандадѣвъ упалъ и переломилъ себѣ ту же ногу».

Въ тотъ же день командиръ полка получилъ докторское удостовѣреніе, въ которомъ указывалось, что «пуля разбила кость, отскочила, опустилась косвенно кнаружи и, прорѣзавъ мускулы, остановилась внизу подъ покровами».

Потомъ призвали Бамберга въ штабъ и учинили ему допросъ. И на допросѣ Бамбергъ показаль, что Кандадѣвъ ранилъ себя самъ.

Дѣло шло уже къ концу. Случай не хотѣли предавать огласкѣ. Но вдругъ въ ногѣ Кандадѣва начался процессъ злокачественнаго нагноенія съ изнурительною лихорадкою.

А тамъ скоро Кандадѣвъ умеръ.

И тотчасъ же въ окрестностяхъ заговорили, что Бамбергъ лжетъ, что Кандадѣвъ получилъ рану на дуэли.

Нарядили слѣдственную комиссію. Призвали Бамберга.

Сначала обвиняемый «запирался», но когда ему представили разительныя доказательства, онъ сказалъ:

— Да, была дуэли! И я его ранилъ. Но о причинахъ меня не спрашивайте. Это—тайна. Я не могу объявить ее. Честь моя и честь мундира русскаго, а вмѣстѣ съ ними и честь русскаго правительства замарана. И я не открою вамъ причины!

Но слѣдственная комиссію сумѣла найти истинныя причины.

Дѣло по обыкновенію тянулось два года. Когда его представили въ главный судъ, то аудиторіатъ высказался въ томъ смыслѣ, что Бамбергъ кругомъ виноватъ во всемъ и подлежитъ разжалованію въ рядовые до выслуги, но съ лишеніемъ чина и дворянскаго званія; кромѣ того, подлежитъ онъ и церковному покаянію.

Въ 1836 году Николай I конфирмоваль этотъ приговоръ (9 іюля).

Дуэль эта не прошла даромъ для Бамберга: и въ теченіе всего 1835 года онъ былъ тяжело боленъ нервнымъ разстройствомъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ имя Бамберга встрѣчалось, какъ имя одного изъ замѣтныхъ начальниковъ.

Х.

Исторія одного увлеченія.

І.

Машенька недовольно хмурилась и нервно обмахивалась платкомъ.

— Это невозможно!—говорила она.—Онъ не смѣетъ меня преслѣдовать. Вѣдь, это глупо. Понимаешь?—глу-упо... Я ему еще не жена, и приставать ко мнѣ со своими подозрѣніями онъ не имѣетъ никакого права. Такъ, Соня?

Соня — высокая блондинка, очень некрасивая дѣвушка — влюбленно глядѣла на Машеньку и жадно ловила каждое ея слово. Все, что ни говорила Машенька, было такъ необыкновенно интересно для Сони, никогда не знавшей прелестей интригъ и до сихъ поръ не имѣвшей ни одного романа.

— Такъ, такъ!—повторяла Соня, слушая Машеньку, и ей хотѣлось бы, чтобы Машенька говорила не переставая, говорила здѣсь, вдалекѣ отъ шума, отъ музыки, отъ постороннихъ разговоровъ, отъ любезностей, щедро рассыпаемыхъ Машенькѣ тамъ, въ освѣщенныхъ комнатахъ.

— Ну, хорошо!—говорила Соня.—Отлично. Ну, мы любимъ другъ друга. Ну, мы—женихъ и невѣста. Но отсюда еще ничего не слѣдуетъ. Мы каждую минуту можемъ разойтись, забыть другъ друга. Я могу выйти замужъ, за кого хочу...

— Но вы уже объявлены...—попробовала возразить Соня.

— И это тоже ничего не значить. Вспомни, сколько свадебъ въ Петербургѣ разстроилось послѣ объявленія женихомъ и невѣстой. Это ничего не значить. Но онъ ужасный человѣкъ. Не смѣю танцовать ни съ тѣмъ, ни съ другимъ...

— А про ротмистра онъ ничего не говоритъ?—полюбопытствовала Соня.

— Вотъ по поводу этого ротмистра у насъ и ссора произошла!—весело засмѣялась Машенька.—Представь себѣ: я разговариваю съ нимъ... такъ, о пустякахъ всякихъ. Вдругъ онъ... идетъ ко мнѣ. Глаза блестятъ, губы дрожать...

— Ну... ну?..

— Ну, а я не обращаю на него никакого вниманія. Пусть себѣ привыкаетъ!

Соня залилась смѣхомъ и погрозила Машенькѣ пальцемъ.

— Да. Я продолжаю говорить съ ротмистромъ. А онъ такой любезный, красивый. Пусть онъ злится. Я себѣ ничего не позволяю. Хорошо. Потомъ музыка начинаетъ играть. Ротмистръ спрашиваетъ меня, занята ли я. Я знаю, что занята, но забываю объ этомъ...

— Нарочно, конечно, забываешь? да?

-- Ну, разумѣется. А онъ уже и идетъ. Прямо ко мнѣ. Я гляжу на него такъ разсѣянно, словно забыла его лицо. Потомъ говорю: «Извините, ротмистръ, я дала слово танцевать съ нимъ!»— И показываю на Володю. Это взбѣсило Володю. Мы танцуемъ, а онъ мнѣ нотацію читаетъ, да такъ страшно. Это меня обозлило. Я бросила его и ушла сюда. Пусть себѣ позлится тамъ немного. Это полезно.

Соня сидѣла въ оцѣпенѣннн и не спускала глазъ съ хорошенькаго личика Машеньки. Она ждала, что Машенька скажетъ еще. Но Машенька задумалась, и глаза ея играли зеленоватымъ блескомъ.

— Что же теперь ты намѣрена дѣлать?—спросила послѣ молчанія Соня.

— Что дѣлать? Не знаю. Буду отучать Володю отъ припадковъ ревности, отъ сценъ. А если не отучу, тогда... Что мнѣ до него? Онъ—молодь, красивъ, богатъ. Но я еще не перестарокъ, свѣтъ не только въ одномъ немъ. Наконецъ, мнѣ еще хочется побѣситься. А онъ все серьезничаетъ, ревнуетъ. Противно даже...

Соня задумалась на минуту, потомъ подняла глаза на Машеньку и проговорила:

— А знаешь, Машенька, я его побаиваюсь. Въ немъ что-то есть. Право, есть...

— Ничего въ немъ нѣтъ. Просто ревнуетъ, какъ мавръ. Глупо даже и неосновательно.

— Да, въ немъ что-то есть. Онъ глядитъ на тебя, какъ... какъ на вещь какую-то, красивую, дорогую, его собственную вещь. Правда?

— Не знаю. Онъ мнѣ начинаетъ надоѣдать. И когда я подумаю, что начнется послѣ свадьбы, то и мнѣ становится тоже страшно. Какіе они всѣ противные!..

— А онъ? ротмистръ? Ты съ нимъ серьезно или такъ только... шутками только?

— Не знаю. Да не все ли равно? Такъ или иначе? Мнѣ съ нимъ весело. И довольно, а Володя... Не знаю, но мнѣ кажется, что послѣ сегодняшняго у насъ съ нимъ порвалось, и не свяжешь этого никогда. Ни-ког-да!

Соня недовѣрчиво улыбулась и взяла Машеньку за руку.

— Ничего. Все обойдется. Онъ тебя такъ любитъ. Помиритесь, навѣрное. Такъ?

— Не знаю, не знаю. Но я его буду мучить. Весь вечеръ буду съ ротмистромъ и за ужиномъ сяду рядомъ съ нимъ. На зло... ему... Володѣ. Пусть понимаетъ это!

Послышались шаги въ коридорѣ. Дѣвушки поднялись и стали поправляться.

На порогѣ показалась старая разодѣтая женщина и остановилась не входя.

— Я такъ и знала!—сказала она.—Ты, Машенька, не можешь безъ глупостей...

— Что, мама, случилось?—съ невиннымъ видомъ спросила Машенька.

— Ты отлично знаешь, что именно. Зачѣмъ ты ушла? Ну, зачѣмъ? Вѣдь, Владимиръ Петровичъ поставленъ тобою въ глупое положеніе. Ты поступаешь, какъ дѣвушка невоспитанная: бросила его посреди зала и убѣжала сюда. Ну, развѣ это прилично? Теперь во всемъ залѣ только и разговоровъ, что про тебя и Владимира Петровича.

— Да я же ничего не сдѣлала такого. Онъ ко мнѣ приставалъ съ... А я не хочу этого. Такъ и скажи, мама, что этого я не хочу...

— Да чего «этого-то»? Ты ведешь себя вызывающе съ этимъ ротмистромъ. А это тоже неприлично. Володя—твой женихъ. И нельзя же весь вечеръ проводить съ человѣкомъ, котораго ты видишь въ первый разъ. Это—тоже неприлично. Не хорошо.

— Онъ васъ послалъ ко мнѣ съ нотаціями? да? онъ?—спросила Машенька капризно.

— Машенька! Что ты говоришь! Опомнись!—испуганно воскликнула мать.

— Конечно, онъ. Не можетъ быть сомнѣнія. Ну, такъ передайте ему, что я съ нимъ больше не разговариваю, и танцевать съ нимъ не стану. Такъ и передайте!

— Машенька, Машенька! Вѣдь, это же—неприлично! Что скажутъ-то? Подумай!

— Пусть говорятъ, что хотятъ!..

Мать постояла у двери, растерянно поглядѣла на Машеньку и, что-то ворча себѣ подъ носъ, вышла изъ комнаты.

— Хорошо, хорошо. Я ему покажу, какъ меня ревновать. Я ему покажу. Будетъ знать!—съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства заговорила Машенька.—Я ему...

— Что ты хочешь дѣлать?—спросила Соня.

— Я знаю, что. Увидишь сама!

Она причесала голову и быстро выбѣжала въ залъ. Соня пошла за ней...

II.

Машенька остановилась около колонны и стала глазами отыскивать ротмистра.

— Вонъ онъ. Видишь?—показала Соня на группу офицеровъ.— Онъ стоитъ съ кѣмъ-то. Да это самъ—Владимиръ Петровичъ!

— Да, это они. Они стоятъ очень мирно. Пойдемъ туда.

Дѣвушки пошли по направленію къ группѣ. Отъ группы тотчасъ же отдѣлился молодой офицеръ въ гвардейской формѣ и направился къ Машенькѣ.

— Ты вернулась? ты не сердилась болѣе?—спросилъ онъ, подходя и останавливаясь около Машеньки.

— Оставьте меня въ покоѣ,—проговорила Машенька, и тотчасъ же громко сказала:—гдѣ ротмистръ Наживинъ? Вы не видали его? Наживинъ услышалъ свое имя и подошелъ къ Машенькѣ.

— Господинъ ротмистръ, пойдите со мною! Давайте вашу руку. А вы, Володя, возьмите Соню. Я хочу на воздухъ. Въ саду теперь хорошо, прохладно такъ. Идемте.

Машенька демонстративно вышла, и когда она проходила мимо рядовъ стоящихъ и сидящихъ офицеровъ и статскихъ, мимо дамъ, то всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на двѣ пары. И офицеръ, который велъ подъ руку некрасивую Соню, и котораго звали Володей, не могъ не понимать, что усмѣшки и ироническіе взгляды обращены въ его сторону и лично къ нему.

Они вышли въ садъ. Августовскій вечеръ былъ прохладенъ. По аллеямъ бродили гуляющіе. Становилось сумрачно, и темныя тѣни свользили по дорожкамъ...

Володя велъ подъ руку Соню и не отрываясь слѣдилъ за всѣми движеніями Машеньки и ротмистра, которые шли впереди и весело болтали. Итти рядомъ съ ними, непосредственно по ихъ слѣдамъ, неотступно было бы неловко, но Володя Ахлестышевъ не могъ бороться со своимъ желаніемъ и шелъ за Машенькой.

Вдругъ Соня остановилась. Володя умоляюще поглядѣлъ на нее.

— Посмотрите, что тамъ свѣтится?—сказала Соня.—Не свѣтлякъ это? Достаньте...

Володя нетерпѣливо подбѣжалъ къ мѣсту, которое указывала Соня, нагнулся.

— Свѣтляковъ въ августѣ не бываетъ!—отвѣтилъ онъ и поглядѣлъ вслѣдъ уходящимъ Машенькѣ и ротмистру.

— Развѣ не бываетъ?—спросила Соня.—Не можетъ быть. Это—свѣтлякъ. Я погляжу!

Соня сама пошла въ траву и нагнулась.

— Это—росинка!—сказала она и вернулась къ Володѣ.—Пойдемте. Гдѣ же они?

Они были уже далеко. И издали Володя видѣлъ, какъ Машенька близко-близко двигалась рядомъ съ ротмистромъ, и ея плечо касалось его плеча, и рукавъ ея рѣзко отдѣлялся на мундирѣ ротмистра.

Соня что-то рассказывала Володѣ, но онъ не слыхалъ ея словъ. Онъ, какъ безумный, глядѣлъ впередъ на удаляющуюся пару. Ему казалось, что Машенька и ротмистръ нарочно прибавили шагу, чтобы скрыться, а Соня умышленно задерживаетъ его у себя: идетъ тихо, безпрестанно замедляетъ шаги.

Вечеръ быстро темнѣетъ. Въ воздухѣ становится холодно и сыро. Темно...

— Сядемте!—говоритъ Соня и, не дожидаясь, садится на скамью.

— Теперъ сыро. Сидѣть нельзя. Можно простудиться!—отвѣчаетъ Володя и глядитъ въ аллею, гдѣ мелькаетъ платье Машеньки, мелькаетъ едва замѣтнымъ пятномъ.

— Ничего. Воздухъ отличный! И даже не сыро... Пусть Машенька погуляетъ...

Володя взглянулъ на Соню, и онъ ясно увидалъ, какъ скривились губы Сони въ некрасивую усмѣшку, усмѣшку злую и вызывающую.

Онъ хотѣлъ сказать Сонѣ что нибудь оскорбительное, хотѣлъ бросить ей въ лицо, что она—уродъ, что она—некрасива, дурно одѣвается, что онъ ненавидитъ ее.

И только могъ промолчать и равнодушно сѣсть на скамью.

Соня что-то рассказывала. А Володя сидѣлъ и молчалъ, изрѣдка взглядывая въ уходящую далеко къ рѣкѣ и къ лугу аллею стараго тѣнистаго сада.

Онъ не слушалъ Соню. У него въ головѣ росло не подозрѣнiе: онъ зналъ, что Машенька нарочно мучитъ его, что она просто кокетничаетъ съ ротмистромъ. И тѣмъ не менѣе не могъ успокоиться.

— Что же вы мнѣ не отвѣчаете?—услыхалъ онъ голосъ Сони.— Вы задумались?

— Я не слыхалъ!—отвѣтилъ онъ и прибавилъ помолчавъ:—пойдемте. Надо итти въ комнаты.

— А Машенька съ ротмистромъ какъ же?—возразила Соня.— Неловко уйти отъ нихъ. Вы знаете наше общество... Подождемте ихъ...

— Чего же ждатель мы будемъ?—спросилъ Володя и всталъ.— Чего ждатель? Надо итти.

Теперъ для него не оставалось уже сомнѣнiй, что все происходящее не есть только одна шутка, что онъ представляетъ собою необходимую мебель для Машеньки, которая теперъ съ ротмистромъ...

Онъ уже хотѣлъ крикнуть, хотѣлъ выругаться сильно и рѣзко, хотѣлъ упасть на землю и грызть этотъ песокъ, бить эти деревья, сказать обидное Сонѣ.

И вдругъ близко отъ нихъ послышался голосъ Машеньки и смѣхъ ротмистра.

— Вы тутъ сидите?—сказала насмѣшливо Машенька.—Все секретничаете? да?

Володю покорило отъ этихъ насмѣшливыхъ словъ, сказанныхъ съ расчетомъ.

Соня разсмѣялась, разсмѣялась и Машенька, и ротмистръ улыбнулся. Володя растерялся и не зналъ, что отвѣчать. И въ то же мгновеніе ему показалось, что концы волосъ на головѣ Машеньки не совсѣмъ въ порядкѣ, что щеки ея горятъ, что глаза ротмистра блестятъ необыкновенно.

Онъ рванулся было къ ротмистру, но удержался и только произнесъ:

— Мы тутъ... забыли!

И всѣ разсмѣялись этимъ простымъ словомъ.

— Бѣгите въ комнаты. Обогрѣйтесь!—вымолвила Машенька, и въ этихъ словахъ, не менѣе простыхъ, Володя понялъ намекъ, понялъ, что онъ—здѣсь, въ присутствіи ротмистра, лишній и ненужный человекъ.

— Да, я пойду!—рѣзко произнесъ онъ и повернулся.

— А ваша дама останется здѣсь?—услыхалъ онъ свади себя голосъ Машеньки.

Но онъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

III.

Въ эту ночь Володя Ахлестышевъ не спалъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и, какъ сентиментальный ребенокъ, плакалъ надъ письмами Машеньки. Изъ-за каждой строки глядѣли на него лукавые глазки дѣвушки. Они смѣялись надъ нимъ и звали къ себѣ, и обѣщали ласки, и дразнили, и вызывали.

Володя любилъ ее, любилъ и требовалъ нераздѣльности, неотъемлемости. Но этого онъ не получалъ. Надъ нимъ трунили, издѣвались, относились къ его чувству небрежливо и насмѣшливо, а это не могло ничего хорошаго обѣщать въ будущемъ.

И когда наступилъ вечеръ, и на улицѣ сталъ накрапывать мелкій дождь, онъ пошелъ къ Машенькѣ.

Послѣ вчерашняго вечера тамъ былъ еще безпорядокъ. Люди метались по комнатамъ съ тряпками, со щетками, приводили въ порядокъ комнаты, устанавливали мебель, гремѣли посудой.

Его встрѣтила мать Машеньки. Она улыбалась ему, дружески называла его Володенькой, говорила, что Машенька за послѣднее время капризничаетъ, и что на нее не стоитъ обращать вниманія.

Володя Ахлестышевъ слушалъ молчаливо и ждалъ, когда выйдетъ Машенька.

— А она ушла! Ея еще нѣтъ: пошла къ Сонѣ,—сказала мать.— Да вы посидите. Она скоро вернется, вѣроятно...

Володя остался. Мать продолжала рассказывать Володѣ о Машенькѣ, о томъ, что и въ дѣтствѣ она отличалась своими капризами, что ее часто наказывали за это, что Машенька его очень любитъ, и что надо поторопиться свадьбой.

Володя разсѣянно слушалъ и ждалъ возвращенія Машеньки.

— Вѣдь, вотъ шалунья какая! Знаетъ, небось, что вы придете, и нарочно хочетъ васъ помучить. Этакая шалунья, право!

И вдругъ Володя понялъ все. Онъ понялъ, что Машенька не шалитъ и не капризничаетъ, что она серьезно увлеклась красивымъ ротмистромъ, что она, вѣроятно, пользуется услугами Сони, какъ своей сообщницы, что теперь онѣ, вѣроятно, находятся въ обществѣ съ ротмистромъ.

Онъ понялъ, и ему стало ясно все. И онъ разсердился на свою недогадливость, на отсутствіе сообразительности, когда вопросъ стоитъ такъ просто и такъ легко разрѣшается безъ всякихъ усилій.

И Володя вспомнилъ, что въ обществѣ на Соню смотрятъ дурно, что у нея нѣтъ родителей, что она живетъ у какой-то тетки, впавшей въ дѣтство, что домъ весь въ рукахъ Сони, что тамъ отличное мѣсто для встрѣчъ съ ротмистромъ...

Володя едва не крикнулъ: открытіе было правдиво и просто.

— Что это вы, Володенька, поблѣднѣли вдругъ?—спросила его мать Машеньки.

— Мнѣ не здоровится. Я плохо спалъ. Я боленъ, кажется. Я долженъ итти. Извините.

— И Машеньки ждать не будете? Она, вѣроятно, скоро вернется. Подождали бы!

— Нѣтъ. Не здоровится мнѣ. Я пойду.

Когда онъ уходилъ, то мать Машеньки заботливо говорила ему вслѣдъ:

— Не забудьте малины напиться да укройтесь потеплѣе. Какъ рукой сниметъ!

Володя вышелъ изъ комнаты. Провожать его вышла горничная. И когда она подавала ему шинель, то онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, протянулъ ей серебряную монету и съ дрожью въ голосѣ отрывисто спросилъ ее:

— Гдѣ живетъ... барышня эта... Соня? Сонечка, кажется?

— Не могу знать!

И въ этомъ короткомъ «не могу знать» для Володи была цѣлая пытка.

— Всѣ, всѣ вмѣстѣ. Сговорились. Хорошо, хорошо. Я знаю, что дѣлать съ ними. Знаю!

На улицѣ шелъ дождь. Подмигивали фонари. Было холодно. Володя взялъ пролетку и направился къ Невскому, туда, гдѣ жилъ

ротмистръ Наживинъ. Онъ зналъ, что ротмистръ прѣхалъ въ Петербургъ ненадолго, что онъ остановился въ одной изъ гостиницъ, въ которыхъ такъ удобно принимать дамъ и знакомыхъ.

Володя быстро поднялся наверхъ и сталъ стучать въ двери номера. Ему не отворяли, но на стукъ вышелъ коридорный и заявилъ, что ротмистра нѣтъ дома, и что онъ вернется не ранѣе полуночи.

— А куда онъ поѣхалъ? давно?

— Куда—не знаю-съ! Часа въ три уѣхали отсюда они!

Володя постоялъ, потрогалъ ручку двери, помялся и рѣшительно вышелъ на улицу.

IV.

Сѣтка изъ мелкихъ едва замѣтныхъ капель дождя висѣла въ воздухѣ и наполняла его провозглой леденящей сыростью.

Но Володя не замѣчалъ дождя. Онъ бродилъ по городу, бродилъ не безцѣльно.

Онъ часто возвращался къ дому Машеньки и подолгу стоялъ противъ освѣщенныхъ оконъ дома. По его предположеніямъ, Машенька все еще не возвращалась; въ ея комнатѣ еще не было огня. Можетъ быть, она уже вернулась, можетъ быть, уже спитъ послѣ вчерашняго вечера. Но Володѣ хотѣлось именно думать такъ, что Машеньки еще нѣтъ дома, что и теперь она у Сони, у этой отвратительной Сони, можетъ быть, вмѣстѣ съ ротмистромъ.

Не можетъ быть, чтобы ротмистра не было тамъ, гдѣ была Машенька.

Сѣтка дождя висѣла. Володя чувствовалъ холодъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ руки его были горячи и горѣла голова, и чувствовалась какая-то особенная въ ней тяжесть.

Уже наступала ночь. Пѣшеходы и экипажи встрѣчались все рѣже и рѣже. Володя усталъ и съ трудомъ держался на ногахъ. Онъ въ послѣдній разъ вернулся къ дому Машеньки, поглядѣлъ на темное окно и понуро пошелъ домой.

— Все кончено! кончено!—шепталъ онъ, и ему казалось, что кровь отъ головы отливаетъ, что въ глазахъ становится темно, и всѣ предметы начинаютъ кружиться.

Онъ пришелъ домой и повалился на кровать, не зажигая огня. И долго тѣло его вздрагивало отъ рыданій.

Потомъ онъ успокоился, сѣлъ за столъ. Въ окна уже глядѣлъ разсвѣтъ. Онъ сталъ писать. И письмо его было сплошной упрекъ, сплошная жалоба.

Каждое слово его было полно особеннаго значенія для Машеньки и для него.

Приводить его цѣликомъ значило бы занимать читателя неинтереснымъ чтеніемъ, которое только и могло имѣть цѣну въ глазахъ Володи и Машеньки.

А когда письмо было готово, Володя бережно сложилъ его и задумался.

Ему стало легко, и онъ могъ улыбнуться. Онъ высказался весь въ письмѣ. Она прочтетъ и пойметъ, что была неправа, она разъяснитъ ему, что онъ тоже неправъ въ своихъ подозрѣнiяхъ, что ничего не произошло, что была маленькая размолвка, которая всегда случается между людьми, любящими другъ друга, что они объяснились, и теперь снова потечетъ старая, хорошая жизнь.

Потомъ Володя разбудилъ денщика. Тотъ долго не понималъ, чего отъ него хотятъ. И Володя долженъ былъ нѣсколько разъ повторять одно и то же. И только послѣ того, какъ денщикъ высморкался, онъ понялъ, что рано утромъ онъ долженъ итти къ Машенькѣ, отдать письмо и ждать отвѣта.

— Безъ отвѣта не возвращайся!—сказалъ Володя.—Я не спалъ всю ночь. Я боленъ!

Послѣднее Володя говорилъ на тотъ случай, если его будутъ спрашивать о состоянiи здоровья Володи.

Денщикъ повторилъ безчисленное число разъ «слушаюсь». Володя повернулся отъ него и пошелъ спать. И онъ скоро заснулъ, и на душѣ у него было легко.

V.

Володя долго спалъ. Проснулся онъ, когда уже былъ день, и сквозь стекла оконъ виднѣлась та же сѣтка дождя. Не хотѣлось вставать. Хотѣлось думать о томъ, что теперь дѣлаетъ Машенька, какъ она отнесется къ его письму, что скажетъ, что напишетъ. И вдругъ Володя ясно различилъ храпѣнье денщика.

Онъ испугался. Денщикъ или проспалъ и не ходилъ, или пришелъ и принесъ письмо. Письмо могло лежать уже здѣсь давнымъ-давно, а онъ все еще не знаетъ объ этомъ и спитъ.

— Андрей! Андрей!—крикнулъ онъ, и въ горлѣ что-то помѣшало крику.—Андрей!

Храпѣнье прекратилось вдругъ, быстро и боязливо. Денщикъ завозился за стѣной.

Отворилась дверь. Володя весь превратился въ слухъ и въ зрѣнiе.

— Чего изволите?—спросилъ Андрей, боясь, что замѣтятъ его измятое лицо.

— Письмо? что жъ ты? — выкрикнулъ растерянно Володя. — Письмо-то?

— Отдалъ-съ!

— Ну, и что же? Отвѣтъ принесъ? Гдѣ онъ? а?

— Да велѣли спервоначалу обождать, а потомъ говорятъ «ступай». Я и пошелъ...

— А отвѣтъ-то гдѣ? Вѣдь я тебя посылалъ за отвѣтомъ? Гдѣ же онъ?

— Я просилъ, да мнѣ говорятъ, что отвѣта не будетъ. Ну, я и ушелъ домой!

Володя откинулся на подушки и широко раскрылъ глаза. И онъ жалѣлъ, что проснулся, что надо страдать еще долго-долго. Сколько—кто знаетъ?

— Что жъ тамъ сказали тебѣ? Кого ты видѣлъ тамъ? Говори же! ну?..

— Прислуга выходила. Сначала сказали, что спать. Потомъ сказали, что встали. А потомъ сказали, что отвѣта не будетъ.

— Да ты-то просилъ отвѣта или ушелъ такъ, какъ дуракъ? Такъ что ли?

— Я просилъ, да не даютъ. Говорятъ «ступай». Я и пошелъ. Больше ничего!

— Вонъ! Къ чорту!—крикнулъ Володя.—Вонъ уходи! Изъ дому вонъ! Чтобъ ты ушелъ...

А за окномъ висѣла пелена дождя, покровъ мутнаго неба. Вѣтеръ качалъ обнажающіяся вѣтви деревьевъ и пѣлъ въ трубахъ невеселыя осеннія пѣсни.

— Къ чорту! Всѣхъ къ чорту!—кричалъ Володя и кусалъ подушку отъ злости.

Часы пробили два. А Володя все еще лежалъ и не хотѣлъ вставать, не хотѣлъ разсѣиваться, хотѣлъ лежать и кусать подушку.

Денщикъ ушелъ куда-то. И въ комнатахъ было тихо, словно весь домъ вымеръ, и остались только одни покойники да мыши, которыя неслышно шмыгали по полу и не стѣснялись присутствіемъ Володи.

Володя схватилъ туфлю также неслышно, размахнулся и бросилъ въ маленькаго сѣраго мышенка, трудившагося на полу.

Туфля грузно ударилась объ стѣнку, а мышенокъ юркнулъ подъ кровать. И все снова стало тихо...

VI.

— Баринъ, къ вамъ гость!

Володя приподнялся на локоть и не зналъ, что отвѣтить денщику, который съ растеряннымъ видомъ стоялъ около его постели.

— Гость, говорю. Офицеръ, ротмистръ, къ вамъ пріѣхали. Дожидаются въ столовой!

— Я сейчасъ! Проси подождать. Сейчасъ я.

Володя сталъ быстро одѣваться. А когда одѣлся и вышелъ въ столовую, передъ нимъ стоялъ ротмистръ Наживинъ, улыбался, крутилъ темлякъ сабли, сіялъ здоровьемъ и весельемъ.

— Ахъ, вы, соня!—встрѣтилъ его ротмистръ.—Спите до четырехъ часовъ! Стѣдно!

Володя не зналъ, что отвѣтить ему. А тотъ смотрѣлъ прямо ему въ лицо и смѣялся, какъ только могутъ смѣяться сытые, довольные люди.

— Я къ вамъ по дѣлу, вѣдь!—сказалъ ротмистръ.—Вотъ вамъ письмо. Приказано непременно лично вамъ доставить въ руки!

Володя вздрогнулъ и нерѣшительно взялъ конвертъ, небольшой, изящный.

— Я сейчасъ только что оттуда. Приказали непременно лично вручить. Строго...

Володя извинился, отошелъ къ окну. У него дрожали руки и замирало сердце.

Онъ разорвалъ конвертъ. Бумага едва не выпала у него изъ рукъ. Онъ прочелъ:

«Приходите кушать пирожки. Машенька».

И больше ни слова, ни одного слова. Онъ повернулъ письмо на другую сторону. Но тамъ было пусто и, кромѣ пирожковъ, ничего не было.

А ротмистръ стоялъ сзади и хохоталъ, хохоталъ весело и дружески.

Володя обернулся къ нему съ вопросомъ, съ молчаливымъ взглядомъ и ждалъ отвѣта. Въ смѣхъ ротмистра ему слышалась злая насмѣшка, неуваженіе, издѣвательство.

— Поняли?—спросилъ ротмистръ.—Марья Алексѣевна цѣлый день придумывала отвѣтъ. Пригласили всѣхъ: меня, Софью Андреевну, маму, всѣхъ, всѣхъ. И вотъ наконецъ придумали: пригласить васъ кушать пирожки!

Володя поблѣднѣлъ и опустилъ руки.

— Вы читали мое письмо?—спросилъ онъ задыхаясь.—Вы позволили себѣ читать?

— Не я позволилъ, а Марья Андреевна позволила и даже просила меня принять участіе въ примиреніи васъ. И мы нашли самымъ удобнымъ примирить васъ на почвѣ пирожковъ, до которыхъ, говорятъ, вы—большой охотникъ...

— Вы читали мое письмо? вы?

— Не только я, а всѣ мы читали. Вы отлично пишете. Марья Андреевна расплакалась даже, хотѣла ѣхать къ вамъ сама, да потомъ сказала, что вы заважничаете. И послали меня въ качествѣ гонца. Одѣвайтесь и ѣдьте ѣсть пирожки...

Володя не могъ произнести ни слова. Ему казалось, что ротмистръ смѣется надъ нимъ, какъ надъ школьникомъ, что самымъ фактомъ разглашенія интимнаго письма Машенька совершила нѣчто непоправимое, что она не смѣла показывать ему его письмо, выстраданное и выплаканное письмо сердца.

— Ступайте отсюда вонъ!—крикнулъ Володя внѣ себя.—Вонъ отсюда! Слышите?

— Что съ вами? Что вы говорите? Вѣдь, это все шутка, одна шутка!

— Вонъ отсюда! Вонъ сейчасъ же! Я не хочу васъ видѣть. Андрей!.. Ротмистръ уходитъ...

Ротмистръ пожалъ плечами, развелъ руками, покраснѣлъ и смутился.

— Прошу васъ понять, что пирожки это — шутка, что этимъ ничего не хотѣли сказать! Повѣрьте мнѣ. Васъ ждуть тамъ и просятъ...

— Офицеръ понимаетъ... онъ долженъ понимать, что надо дѣлать, когда ему говорятъ «вонъ». Вонъ, ротмистръ! Вонъ!..

— Чортъ знает!

Ротмистръ повернулся и вышелъ и услыхалъ сзади голосъ Володи:

— Негодяй... шутить смѣетъ... Подло шутить такъ... подло!..

VII.

Секунданты ротмистра Наживина пришли къ Володѣ Ахлестышеву рано утромъ на слѣдующій день.

Володя принялъ ихъ съ веселымъ видомъ и нисколько не сердился уже ни на ротмистра, ни на Машеньку, ни на некрасивую Сою. Володя за ночь успокоился совершенно. Онъ понялъ, что его страсть къ Машенькѣ миновала сама собою, что отъ нея почти уже не осталось и слѣда. И ночью, перебирая въ своей памяти отдѣльные случаи изъ исторіи своей любви къ Машенькѣ, онъ пришелъ къ заключенію, что дальше такъ итти не можетъ, что жизнь съ Машенькой въ будущемъ, въ качествѣ мужа и жены, для того и другого была бы несчастьемъ, что Машенька — пуста, вѣтрена, кокетлива, капризна...

И Володя за ночь много передумалъ, много перечувствовалъ. Онъ убѣдился, что между нимъ и Машенькой огромное несходство во всемъ: во взглядахъ, въ привычкахъ, въ образѣ мыслей. Вся исторія любви и хожденія Володи въ домъ Машеньки въ качествѣ жениха была сплошнымъ мученіемъ для него: надъ нимъ все время шутили, раздражали его самолюбіе, разжигали ревность.

— Какъ хорошо! — прошепталъ онъ, когда рѣшеніе покончить все съ Машенькой пришло и созрѣло въ прочную увѣренность. — Какъ хорошо!

Но тогда ему пришлось пожалѣть, что онъ поступилъ съ ротмистромъ неблагоприятно, безъ нужды рѣзко и дерзко, что надо было воздержаться и не говорить дерзостей. Володя не сомнѣвался, что ротмистръ пришлетъ секундантовъ.

И секунданты пришли. А когда Володя увидалъ ихъ у себя, то подумалъ:

— Вотъ расплата за всю исторію моего увлеченія!

И старался казаться изысканно любезнымъ, вѣжливымъ, предупредительнымъ.

Секунданты предлагали ему драться на шпагахъ завтра въ роцѣ на островахъ.

Володя на все соглашался.

Потомъ секунданты ушли, и Володя остался одинъ, самъ съ собою. Онъ не думалъ о завтрашнемъ днѣ: завтрашній день не былъ для него страшенъ; онъ спокойно готовился къ завтрашней дуэли. И ему хотѣлось, чтобы дуэль окончилась благополучно для обоихъ противниковъ. Ему хотѣлось также, чтобы его наказали за дуэль, и хотѣлъ только перевода изъ Петербурга.

Столица надоѣла ему своею чопорностью, своею вѣчною натянутостью и искусственностью даже въ самыхъ искреннихъ чувствахъ и восторгахъ.

Онъ не жалѣлъ о томъ, что случилось. Все это произошло неожиданно для него.

Но зато теперь онъ совершенно спокойно относился къ своему увлеченію и къ образу Машеньки.

А съ первыми лучами зари онъ вышелъ на улицу.

Вездѣ было тихо. Пахло морозомъ и свѣжестью. У заборовъ валялись старые пожелтѣвшіе листья. Осень приближалась и несла что-то новое.

Онъ вышелъ и оглянулся. И улицы, и заборы, и ясное небо теперь представлялись для него въ другомъ видѣ, нежели вчера и много дней тому назадъ. Онъ понималъ, что любовь отнимала у него самыя высокія наслажденія, отнимала у него спокойствіе и время. Каждая минута была посвящена ей, Машенькѣ. Это была напрасная жертва, напрасная трата времени.

— Мы разные люди!—рѣшилъ онъ, подѣзжая къ островамъ, надъ которыми сгустился бѣлый туманъ.— Намъ не мѣсто быть рядомъ и войти въ жизнь. Какъ хорошо!

И улыбаясь онъ расплатился съ извозчикомъ, улыбаясь поклонился секундантамъ, съ улыбкой посмотрѣлъ въ строгое лицо ротмистра и только теперь замѣтилъ, что близко лежало спокойное, словно омертвѣлое море, стальное, тихое, грязное.

Началась дуэль.

Володѣ было весело. Онъ шутя дѣлалъ выпады, шутя отбивалъ удары. И только когда почувствовалъ острую боль въ правой рукѣ, и кровь брызнула фонтаномъ, онъ вскрикнулъ и сдѣлалъ гримасу.

На этомъ окончилась дуэль. Онъ подалъ ротmistру лѣвую руку и пожалъ дружески перчатку ротмистра.

— Извиняюсь!—сказалъ Володя Ахлестышевъ.— Все по горячкѣ. Простите!

Его посадили на извозчика и повезли домой.

Къ сожалѣнію, секунданты пригласили полкового врача, стараго чиновника, который очень мало понималъ въ хирургіи, зато имѣлъ много орденовъ и славился своимъ послушаніемъ начальству и трусостью передъ сильными властями.

Онъ пришелъ къ Володѣ, сдѣлалъ ему перевязку, а потомъ отправился къ командиру полка и высказалъ предположеніе, что Ахлестышевъ дрался на дуэли.

И поднялась судебная волокита.

Но ни одинъ изъ дуэлистовъ не былъ арестованъ, а Володя долженъ былъ лежать въ постели, такъ какъ простудился, бродя подъ окнами Машеньки.

На второй день послѣ дуэли въ полдень денщикъ доложилъ Володѣ, что пріѣхала барышня и спрашиваетъ его.

— Я боленъ и принять ее не могу! — отвѣтилъ Володя и засмѣялся, словно торжествуя.

А, спустя нѣсколько часовъ, ему подали письмо отъ Машеньки.

Здѣсь рѣчь шла уже не о пирожкахъ: здѣсь говорилось о томъ, что Володя—герой, что Володя—мужчина, что Володѣ принадлежить теперь вѣрность и рука Машеньки. Въ концѣ письма высказывались пожеланіе скорѣйшаго выздоровленія и восторгъ, которымъ наполнился «весь Петербургъ», узнавъ о поступкѣ Володи.

Володя улыбнулся.

Онъ приказалъ подать себѣ чернила и перо. И лѣвою рукой, еле двигая ею, написалъ отвѣтъ.

Онъ былъ кратокъ.

«Милостивая государыня, Марья Андреевна!—писалъ Володя.— Я счастливъ, что вы и весь Петербургъ въ восторгѣ отъ моего геройства. Что же касательно руки вашей, то, къ моему глубокому сожалѣнію, я долженъ поступить, какъ рыцарь въ знаменитомъ произведеніи Шиллера и сказать вамъ: «Den Dank, Dame, begehrt ich nicht», или, въ переводѣ Жуковскаго:

Его привѣтствуютъ красавицны взгляды...

Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,

Въ лицо перчатку ей

Онъ бросилъ и сказалъ: «Не требую награды!»

Отвѣтъ былъ отнесенъ денщикомъ.

Исторія Володинаго увлеченія этимъ не кончилась. И въ октябрѣ 1853 года былъ изданъ приказъ, въ которомъ предписывалось посадить поручика Ахлестышева и ротмистра Наживина за произведенный поединокъ на гауптвахту на 30 сутокъ cadaго.

Что стало съ Машенькой?—объ этомъ ничего не говоритъ холодное архивное дѣло въ синей обложкѣ и съ казенными печатями. Не знаемъ и мы ничего.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

АРМЯНСКІЙ ЕПИСКОПЪ ХОРЕНЪ СТЕПАНЪ.

I.

АРМЯНСКІЙ епископъ Хоренъ (въ мѣрѣ Степаносъ) Степанъ оставилъ яркій слѣдъ въ исторіи культурнаго развитія своихъ соотечественниковъ. Онъ былъ выдающеюся личностью, какъ идеально краснорѣчивый проповѣдникъ, котораго вызывали въ Петербургъ для произнесенія проповѣдей въ армянской церкви, на Невскомъ проспектѣ. Своими проповѣдями онъ положительно воспламенялъ сердца слушателей. Степанъ, кромѣ того, былъ замѣчательный журналистъ-педагогъ, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ будившій свой родной народъ отъ умственной и моральной спячки, призывавшій его къ свѣту, пробуждавшій въ немъ высокіе запросы души и ума.

Окончивъ историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, Степанъ въ 1864 году основываетъ въ Тифлисѣ первый армянскій литературно-педагогическій журналъ («Армянскій Мѣръ»).

Въ этомъ журналѣ, имѣвшемъ широкую программу, трактовались вопросы не только воспитательнаго характера. Въ его беллетристическомъ отдѣлѣ красовались переводы Гете, Шиллера, Гюго, Лермонтова, Огарева и проч. Вопросамъ женскаго образованія также было отведено не послѣднее мѣсто.

Въ 1878 году Хоренъ Степанъ уже стоитъ во главѣ духовнаго и литературно-научнаго журнала «Арагатъ», а въ 1884 году онъ

опять отдается всей душой любимому педагогическому журналу «Учительская Семинарія».

«Ничто не можетъ лишить насъ, — писалъ Степанэ, — вѣры въ то, что придетъ время, хотя, можетъ быть, и нескоро, когда новое поколѣніе будетъ уже удивляться, вспоминая, какъ долго мы пренебрегали дѣломъ воспитанія, и сколько бѣдствія мы выносили по винѣ этой безпечности!... Но, принимаясь за святое дѣло воспитанія дѣтей, мы должны твердо помнить, что воспитаніе, полученное нами самими, было совершенно неудовлетворительно, и его результаты въ общемъ были печальны и несчастны, вслѣдствіе чего мы должны изыскивать средства, чтобы сдѣлать нашихъ дѣтей лучше, нежели были мы сами»¹⁾.

Такъ Степанэ формулировалъ свои взгляды на воспитаніе.

Но жизнь этого замѣчательнаго по своему уму человѣка не исчерпывается одной журнальной работой.

Закончивъ свое образованіе на богословскомъ факультетѣ заграничнаго университета (кажется, въ Мюнхенѣ), онъ принялъ монашество и со всѣмъ пыломъ своей горячей, страстной натуры отдалъ себя на служенію своему родному народу.

Въ 1875 году Хоренъ Степанэ находится въ Эчмиадзинѣ въ санѣ архимандрита, а черезъ нѣкоторое время его назначаютъ, съ оставленіемъ въ томъ же санѣ, въ Петербургъ. Здѣсь онъ дѣлается настоятелемъ армянской церкви и скоро привлекаетъ вниманіе общества своими страстными, глубоко идейными проповѣдями. Здѣсь же онъ бурно сталкивается на почвѣ общественныхъ интересовъ съ однимъ лицомъ (по національности армяниномъ), занимающимъ важный административный постъ. Это первое столкновение служитъ прологомъ всей дальнѣйшей жизни Хорена, полной грустнаго трагизма. Хоренъ, забывъ личныя удачи и высоко поднявъ знамя съ словами: «правда и только правда во всемъ», попадаетъ въ положеніе «опальнаго». И въ 1887 году верховный патріархъ Макарій, подъ очевиднымъ давленіемъ постороннихъ лицъ, ссылаетъ даровитаго Степанэ въ глухой и дикій монастырь Св. Креста, близъ заштатнаго городка Старога-Крыма. Въ этомъ безлюдномъ монастырѣ, среди суровыхъ горъ и лѣса, Хоренъ провелъ цѣлой рядъ лѣтъ—до 1894 года, когда армянскій патріархъ Мегердичъ вызвалъ его въ Эчмиадзинъ и произвелъ въ епископскій санъ.

15-го марта 1895 года Хоренъ появляется на епископской кафедрѣ въ Астрахани... Его рѣчи на армянскомъ и русскомъ языкахъ приводятъ интеллигентную публику въ восторгъ. Но незамѣтно у епископа зарождаются и враги — Хоренъ не стѣсняется говорить всѣмъ правду въ глаза и называетъ вещи ихъ прямыми

¹⁾ См. статью Ю. Веселовскаго: «Въ поискахъ разумнаго и гуманнаго воспитанія» («Вѣстникъ Знанія», 1904 г., № 4).

именами. Кличка «безпокойнаго» и «ссылнаго» даетъ врагамъ хорошее орудіе, и... 16-го сентября того же 1895 года Хоренъ оставляетъ свой любимый постъ и вновь назначается настоятелемъ безлюднаго монастыря Св. Креста.

И этотъ даровитый, образованный, свободно владѣвшій нѣсколькими языками и приводившій въ смущеніе многихъ своими откровенными и глубоко краснорѣчивыми проповѣдями, епископъ проведъ здѣсь свои послѣдніе годы.

Когда солнышко снова готово было улыбнуться Степанѣ, когда его вызвалъ патріархъ въ Эчмиадзинъ, какъ все думали, для врученія паствы, онъ въ дорогѣ простудился и неожиданно, къ великой печали лучшихъ сыновъ своего народа, скончался.

Судьбѣ было угодно, чтобы прахъ Степанѣ остался на своей родинѣ — онъ умеръ въ Тифлисѣ, въ домѣ своего родного брата, 13-го ноября 1900 года. Степанѣ, благодаря своей могучей физической организаціи, вѣроятно, пережилъ бы простуду; но незадолго предъ этимъ его по дикой дорогѣ изъ монастыря въ городъ Старый-Крымъ понесли лошади и разбили. Послѣ этого случая онъ сильно заболѣлъ.

Такъ трагически окончилъ свои земные скорбные этапы этотъ свѣтлый человѣкъ.

При нѣкоторой гибкости онъ могъ бы достигнуть высокаго общественнаго служенія. Можетъ быть, вся ошибка его жизни заключалась въ томъ, что онъ принялъ монашество.

Во всякомъ случаѣ исторія занесетъ когда нибудь это свѣтлое имя на свои скрижали...

II.

Съ этимъ интереснымъ человѣкомъ я встрѣтился одинъ разъ.

Лѣто 1896 г. я проводилъ въ маленькомъ заштатномъ городкѣ Старомъ-Крымѣ (Евдокіевскаго уѣзда). Стоялъ іюль. Однажды собралась компанія народныхъ учителей для совершенія загородныхъ прогулокъ. Охотно присоединился и я. Ближайшимъ пунктомъ прогулки мы избрали «Армянскій монастырь» (св. Креста), находящійся въ пяти верстахъ отъ города. Часть дороги пролегла густымъ, тѣнистымъ лѣсомъ, и въ прохладѣ деревьевъ мы себя чувствовали прекрасно. Среди разговоровъ, шутокъ, искреннихъ восторговъ природой, мы незамѣтно подошли къ монастырю.

Монастырь пріютился на склонѣ невысокой лѣсистой горы. Своею своеобразной средневѣковой архитектурой онъ внушаетъ большой интересъ. Построенный въ 1340 году генуэзцами, монастырь раньше представлялъ собою оживленный религіозный пунктъ, но потомъ, въ періодъ несогласій, войнъ и переселеній, онъ палъ, и съ тѣхъ поръ цѣлые вѣка стоятъ его мрачныя гигантскія стѣны и дышать въ лицо туриста могилой...

Братіи въ монастырѣ нѣтъ, а въ это время жилъ въ немъ, какъ опальный, епископъ Хоренъ Степанъ.

Осмотрѣвъ монастырскую церковь съ старинными образами, ризницей и проч., мы съ позволенія епископа зашли въ его квартиру. По ветхой деревянной лѣстницѣ прошли мы на верхъ, и здѣсь, въ длинномъ стеклянномъ коридорѣ съ старыми подгнившими полами, насъ встрѣтилъ Хоренъ, любезно улыбаясь, просто за руку здороваясь и предлагая сѣсть на стульяхъ, принесенныхъ слугою. Этотъ слуга да дьячокъ—единственные сожители епископа.

Хоренъ—высокій, представительный и красивый мужчина съ большими, черными, пронизательными глазами. Одѣтъ очень просто. Узнавъ, что мы—педагоги, онъ, повидимому, обрадовался этому обстоятельству.

— Какъ вы счастливы, что имѣете возможность воспитывать подростящее поколѣніе, сообщать ему тѣ необходимыя свѣдѣнія, которыя понадобятся ему въ жизни,—началъ епископъ:—я же лишень этого дара. Поймите, это цѣлый даръ. Я могу воспитывать только вотъ эти деревья, да и то весною, лѣтомъ, а зимой... мертвая картина здѣсь зимой... Лишь волки своимъ воемъ напоминаютъ о жизни... Да, трудно такъ жить и томиться... Вѣдь въ жизни такъ много хорошаго, такъ много прекраснаго, если она развернется предъ нами во всю свою захватывающую ширь... Работа на благо обществу даетъ высокія наслажденія... Служеніе прогрессу—долгъ каждаго изъ насъ. И горе тому, кто томится сознаниемъ невозможности внести свою лепту, свою кроху въ это дѣло, будь даже по величинѣ эта лепта—атомъ... Такой человѣкъ—истинный страдалецъ, мученикъ: его давить, его угнетаетъ мысль, что онъ лишній.

— Вотъ чего сохрани Богъ,—вздохнувъ, добавилъ епископъ.

Въ черныхъ, подернутыхъ грустью, глазахъ его играли искры. Онъ воодушевлялся, и слова, какъ жемчугъ, нанизывались въ горячую рѣчь, страстно и странно звучащую въ этомъ дикомъ углу.

Разговоръ переходилъ на различныя темы. Зашла рѣчь о социальномъ и экономическомъ положеніи духовенства, и Хоренъ съ свойственной ему справедливостью дѣлалъ самыя безпристрастныя разрѣшенія поставленныхъ нами вопросовъ. Онъ производилъ положительно чарующее впечатлѣніе.

Мы почтительно смотрѣли на этого красиваго человѣка и чувствовали всю силу, всю мощь его большой души.

...Заговорили о Ренанѣ. Степанъ пришелъ въ экстазъ. Онъ сталъ доказывать, что Ренанъ далеко не такой атеистъ, какъ о немъ принято думать. Свою мысль онъ подтвердилъ цитатами изъ богословскихъ трудовъ ученаго.

— Вы знаете, какъ Ренанъ выразился о Христѣ? Онъ сказалъ: «между Нимъ и Божествомъ нѣтъ разницы». Или еще: «и будешь Ты, то-есть Христосъ, краеугольнымъ камнемъ исторіи».

— Какое счастливое выраженіе!..—воскликнулъ Хоренъ.

Рѣчь зашла о положеніи армянъ въ Турціи, объ ужасахъ и жестокостяхъ турокъ. Степанэ пылалъ гнѣвомъ и громилъ политику европейскихъ державъ, равнодушныхъ къ судьбѣ маленькаго, но несчастнаго народа.

Въ одномъ углу коридора стоялъ длинный столъ, и на немъ были разложены получаемые епископомъ журналы и газеты на нѣсколькихъ языкахъ — русскіе, армянскіе, французскіе, нѣмецкіе и прочіе. Все это прочитывалъ епископъ въ долгіе годы своего заключенія. Здѣсь же онъ переводилъ на армянскій языкъ произведенія французскихъ и русскихъ классиковъ. Особенно любилъ епископъ переводить Л. Н. Толстого.

Нѣсколько часовъ мы провели въ обществѣ Хорена. Онъ много говорилъ, и въ каждомъ словѣ его чувствовалось глубокое томленіе, тоска по другой жизни. Видно было, какъ душа этого борца рвалась раздвинуть эти каменные, нѣмыя громады и ринуться въ жизненный бой.

Вышли изъ монастыря мы вечеромъ. Скоро насъ привялъ лѣсъ въ свои объятія. Тѣни ночи спустились въ чащу, и молчаливыя деревья грозными рядами склонились надъ нами. Было тихо и жутко... Тяжело и протяжно хохотала какая-то ночная птица, и странный голосъ ея дикимъ эхомъ носился по лѣсу. Что-то щемящее проникало въ душу, а впереди, какъ живой, стоялъ образъ несчастнаго изгнанника Хорена, и смѣлый, безстрашный голосъ его ясно звучалъ въ ушахъ.

Александръ Калининъ.

ВНОВЬ ОТКРЫТОЕ ОПИСАНИЕ РОССИИ XVI ВѢКА.

АЧАЛЬНИКОМЪ Данцигскаго архива, докторомъ Бэромъ, была найдена въ Государственномъ архивѣ въ Ганноверѣ доселѣ неизвѣстная рукопись XVI столѣтія, представляющая собою описаніе Россіи, сдѣланное бывшимъ на службѣ у Іоанна Грознаго Генрихомъ Стаденемъ. Въ Ганноверѣ эта рукопись перешла изъ г. Стаде, гдѣ хранилась въ такъ называемомъ Stader Reichsarchiv среди рукописей, собранныхъ по всей Германіи большимъ ихъ любителемъ, военнымъ комиссаромъ Густава-Адольфа, Александромъ Эрскиномъ (Erskein). Въ руки Эрскина она, по мнѣнію г. Бэра, попала послѣ штурма Праги.

Это описаніе Россіи есть докладъ, составленный Стаденемъ для германскаго императора Рудольфа II, и состоитъ изъ трехъ частей: 1) описаніе Московскаго государства со времени учрежденія опричнины до нашествія Девлетъ-Гирея, 2) планъ завоеванія Московіи и 3) жизнеописаніе самого автора доклада.

Стаденъ, по его жизнеописанію, родился въ г. Аленѣ близъ Мюнстера въ купеческой семьѣ; выгнанный изъ школы за жестокой поступокъ въ отношеніи своего товарища, онъ былъ увезенъ однимъ своимъ родственникомъ въ Ригу, бѣжалъ оттуда въ Вольмаръ, гдѣ служилъ у воеводы князя Александра Полубенскаго; затѣмъ перешелъ русскую границу и явился въ Дерптъ къ Михаилу Воронцову, который отправилъ его въ Москву, и здѣсь онъ былъ представленъ царю на переходахъ изъ церкви въ столовую палату. Царь смѣясь сказалъ ему: «къ хлѣбу гость». Этими словами онъ былъ принятъ на службу и зачисленъ въ опричнину, гдѣ встрѣ-

тилѣ другихъ нѣмцевъ: Иоганна Таубе, Элерта Краузе и доктора правъ Каспара Эльберфельта.

Докладъ свой Стаденъ начинаетъ перечисленіемъ стоявшихъ во главѣ правительства князей и бояръ и описаніемъ московскихъ приказовъ. Тамъ, рассказываетъ онъ, подьячіе писали, держа бумагу на колѣняхъ; по приказамъ лѣтомъ ходили молодые парни (Buffen) и продавали можжевеловый квасъ (slatky Mors), приготовленіе котораго онъ затѣмъ описываетъ. Передъ приказами стояли привратники, которые пропускали только тѣхъ челобитчиковъ, которые имъ давали мзду, а другихъ гнали и били батогами. Вообще лихоимство царило всюду и выражалось пословицей: рука руку моетъ, а нажитыя лихоимствомъ имѣнія оправдывались словами: Богъ далъ. Ищущихъ у царя суда и правды сажали въ тюрьмы и, если имъ нечѣмъ было откупиться, держали ихъ тамъ, пока волосы на головѣ не выростали до пупа.

Мысль объ учрежденіи опричнины Стаденъ приписываетъ царю Маріи Темрюковнѣ. Раздѣленіе опричнины отъ земщины шло такъ далеко, что, если въ земщинѣ жили родители опричника, онъ не имѣлъ права ихъ навѣщать. Привилегированное положеніе опричниковъ давало поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Многие подъ видомъ опричниковъ грабили по дорогамъ, собирали подати, а польскій отрядъ въ 800 человекъ даже занялъ Изборскъ, переодѣвшись опричниками. Когда царь ¹⁾ уѣхалъ въ Александровскую слободу, въ Москвѣ старшимъ бояриномъ остался Иванъ Петровичъ Челяднинъ, бывшій намѣстникъ въ Дерптѣ и Полоцкѣ. Послѣ него тамъ былъ князь Андрей Курбскій, а потомъ Михаилъ Воронцовъ. Этотъ обогатилъ передъ царемъ ливонцевъ, и онъ разослалъ ихъ съ женами и дѣтьми по четыремъ городамъ: въ Кострому, Владимиръ, Угличъ и Вязьму.

Пріѣхавъ изъ слободы въ Москву, царь убилъ (ermordet) Челяднина и отправился опустошать его имѣнія. Народъ былъ доведенъ до отчаянія. Составился заговоръ призвать на царство князя Владимира Андреевича, а царя съ опричниками извести. Царь о томъ ничего не зналъ и вышелъ съ войскомъ въ походъ по направленію къ литовской границѣ. Въ это время подъ Ригой были разстрѣляны нѣсколько тысячъ поляковъ. Царь, узнавъ о томъ, послалъ за гермейстеромъ Вильгельмомъ Фирстенбергомъ, и Стаденъ такъ описываетъ свиданіе ссыльнаго Фирстенберга съ царемъ:

«Великій князь сидѣлъ въ орнатѣ (Habit) съ своимъ старшимъ сыномъ. Опричные стояли передъ нимъ справа, земцы слѣва. Вильгельмъ Фирстенбергъ также въ орнатѣ стоялъ передъ великимъ княземъ. Я стоялъ недалеко отъ Фирстенберга и отъ переводчика

¹⁾ Стаденъ вездѣ называетъ Грознаго великимъ княземъ (Grossfürst), и титулъ царя въ рукописи не встрѣчается.

Каспара Виттенберга и слушалъ, правильно ли онъ переводить Великій князь всталъ и сказалъ:

— «Бывшій гермейстеръ Ливонскій, мы хотимъ тебя пожаловать и снова посадить тебя въ Ливоніи, только ты долженъ намъ обѣщать и поклясться, что ты все остальное, и Ревель, и Ригу, и Финляндію, и все, что къ твоему правленію принадлежало, снова воевать будешь. Послѣ тебя долженъ владѣть нашей отчиной до самаго моря молодой гермейстеръ Вильгельмъ Кетлеръ».

Фирстенбергъ отвѣчалъ великому князю.

— «Я того не слыхалъ и не знаю, что Ливонія до самаго моря твоя отчина».

Великій князь сказалъ на то:

— «А видѣлъ ты пожары, мечъ, смерть и убійство и какъ съ тобою всё шли изъ Ливоніи въ плѣнъ? Такъ говори же, чего ты хочешь?»

Фирстенбергъ отвѣчалъ:

— «Я присягалъ Римской имперіи и съ тѣмъ хочу жить и умереть».

Великій князь разсердился, и Фирстенбергъ былъ снова сосланъ въ Любимъ, а то бы онъ долженъ былъ сопровождать великаго князя подъ Ригу, и всё ливонцы были бы одарены деньгами и платьемъ.

Разсказывая далѣе о казняхъ въ Твери, Торжкѣ, Новгородѣ, Стаденъ говоритъ, что царь пошелъ на Псковъ и тамъ принялся за то же (*fing den Handel an gleicherweiss*). Уже половина города была разграблена, когда очередь дошла до двора, гдѣ жилъ Никола (*Micula*). Никола жилъ во Псковѣ одинокимъ, безъ жены и дѣтей, держалъ много скота, который у него цѣлую зиму стоялъ на дворѣ подъ открытымъ небомъ на навозѣ и плодился такъ хорошо, что Никола былъ богатъ. Онъ много предсказывалъ русскимъ о будущемъ. Великій князь пришелъ къ нему на дворъ. Никола началъ говорить и сказалъ великому князю:

— Довольно, ступай домой!

Великій князь послушался и пошелъ съ богатой казною и колоколами изъ Пскова въ Александровскую слободу, гдѣ сталъ строить каменную церковь, а, приѣхавъ въ Москву, казнилъ Висковатаго, про котораго Стаденъ говоритъ такъ: «былъ онъ гордъ, къ татарамъ благосклоненъ, а къ христіанамъ враждебенъ».

На Москвѣ начался голодъ. У царя въ подклѣткахъ лежало много немолоченнаго хлѣба въ соломѣ, но царь его продавать не приказывалъ. За голодомъ пришла моровая язва. Въ это время на Москвѣ жилъ арабъ съ подареннымъ царю слономъ. Арабъ показывалъ слона народу и получалъ за это много денегъ. Въ народѣ пошелъ слухъ, что язва пришла со слономъ. Араба со слономъ сослали въ село Городки. Арабъ тамъ умеръ, и царь послалъ боя-

рина убить и слона. Тотъ, исполнивъ приказъ, принесъ къ царю слоновые клыки.

На Московію, ослабленную голодомъ и язвою, напалъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей (Delvetgat Kerregain). Онъ сжегъ Москву и весь стоявшій въ царскихъ имѣніяхъ на корню хлѣбъ. Убѣгая отъ огня, Стаденъ намѣревался найти убѣжище въ одномъ погребѣ. Передъ погребомъ стояла нѣмка изъ Ливоніи и сказала ему: «Погребъ полонъ народа, и тамъ нѣтъ болѣе мѣста». «Надъ погребомъ въ сводѣ увидѣлъ я,—говоритъ онъ,—моего слугу Германа изъ Любека, растолкалъ русскихъ и прошелъ къ нему на сводъ, прогналъ русскихъ и, оставшись тамъ съ моими людьми, заперъ желѣзную дверь, которая вела изъ погреба на сводъ. Когда пожаръ окончился, въ погребѣ всѣ оказались мертвыми, и въ немъ стояла по колѣно вода».

На слѣдующій годъ Стаденъ принималъ участіе въ передовой стычкѣ съ войсками Девлетъ-Гирея и остался живъ, скатившись съ крутого берега къ Окѣ. Когда татары пришли, онъ сидѣлъ у рѣки. Къ нему подошли два рыбака, стовариваясь убить его, считая за татарина. Онъ объявилъ имъ, что служить у великаго князя и владѣть помѣстьями въ Старицѣ, и рыбаки перевезли его черезъ рѣку.

Съ уничтоженіемъ опричины Генрихъ Стаденъ, несмотря на то, что считался человѣкомъ именитымъ, писался съ вичемъ, именуясь Андреемъ Владимировичемъ, не могъ удержать за собою своихъ старицкихъ имѣній, поселился въ Рыбной слободѣ на Волгѣ и сталъ размышлять о возможности выѣхать изъ Россіи. «Der Weg ins Land ist weit und breit, aus dem Lande aber ist der Weg ganz enge», пишетъ онъ и къ примѣру рассказываетъ случай съ докторомъ Елисеємъ Бомелиемъ, какъ тотъ задумалъ бѣжать, досталъ даже отъ царя пропускъ на имя своего слуги въ Ригу, подъ предлогомъ покупки особыхъ травъ для царской аптеки, да пошелъ во Псковъ на рынокъ купить себѣ рыбы, тутъ его и узнали по бритой бородѣ да по нерусской рѣчи, заковали въ желѣзо и выслали обратно въ Москву.

У Стадена былъ знакомый Давидъ Кондинъ, служившій по сбору податей съ лопарей. Къ нему направился Стаденъ. Въ Лапландіи (вѣроятно, на Мурманѣ) онъ встрѣтилъ много иноземцевъ, голландцевъ, англичанъ и норвежцевъ изъ Бергена. Съ ними онъ перебрался въ Голландію, потомъ въ Германію, въ Швецію, жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Люцельштейнѣ у пфальцграфа Георга Юганна, и имъ былъ посланъ къ польскому королю, а затѣмъ къ императору Рудольфу.

Планъ завоеванія Россіи Стаденъ излагаетъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: онъ описываетъ вновь пріобрѣтенныя царства Казанское и Астраханское, говоритъ о народахъ, обитающихъ на

окраинахъ Московіи, перечисляетъ пути, ведущіе въ Москву изъ Крыма, Польши, Литвы и Швеціи, и останавливается на мысли о томъ, что на путяхъ, ведущихъ съ сѣвера въ Москву, нѣтъ сильно укрѣпленныхъ городовъ и монастырей, и никто оттуда нападенія не ожидаетъ. Путь этотъ идетъ отъ Печенгскаго монастыря на островъ Кильдинъ, Колу, Кандалакшу, Умбу, Кереть, Кемь, Суму, Неноксу, Онѣгу, по рѣкѣ Онѣгѣ на село Тучасово, Каргополь, богатый монастырь Кирилловъ, а отъ этого монастыря 16 миль до вновь отстраивающагося города Вологды, обнесеннаго на половинну каменною, на половину деревянною стѣною. Здѣсь каменный дворецъ, много серебра и золота, соборей и до 300 отлитыхъ въ Москвѣ пушекъ. Во время опричнины здѣсь день и ночь содержали стражу 500 стрѣльцовъ.

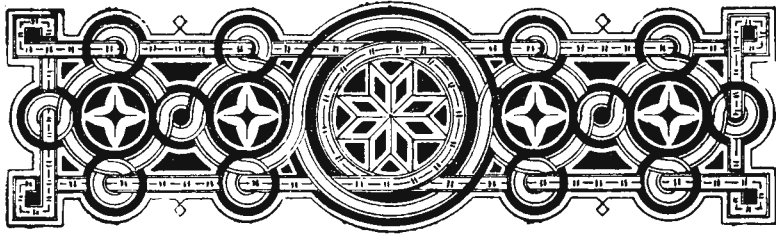
Минуя Вологду, отъ Кириллова монастыря можно перевалить въ рѣку Шексну. На Шекснѣ нѣтъ ни городовъ, ни остроговъ, и только сама рѣка запружена лѣсными неводами для ловли осетровъ къ царскому столу. При впаденіи Шексны въ Волгу село Устье, а вверхъ по Волгѣ ярмарочное мѣсто Холопій Городокъ, потомъ идутъ Угличъ, Дмитровъ, и въ 12 миляхъ отъ него Москва.

Чтобы покорить Московію, по расчету Стадена, требуется 200 хорошо снаряженныхъ кораблей, 200 пушекъ и 100.000 армія. Такъ много не ради врага, а ради удержанія въ повиновеніи покоренной страны. Флотъ можно соорудить съ помощью датскаго короля, а помогутъ также Ганза, принцъ Оранскій, Испанія и Франція. Шкиперовъ, знающихъ сѣверныя моря, легко достать въ Голландіи, Гамбургѣ и Бергенѣ. Стаденъ указываетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ поименно. Флоту съ войскомъ слѣдуетъ отплыть изъ Гамбурга, Бремена или Эмдена 1-го апрѣля и плыть прямо въ Колу, а оттуда въ Бѣлое море, оставляя въ важныхъ пунктахъ по пути гарнизоны: въ Колѣ 800 человекъ, на островѣ Кильдинѣ 500, въ Соловкахъ 500. Онѣгу слѣдуетъ занять гарнизономъ въ 1.000 человекъ и обратить этотъ городъ въ операционный базисъ для дальнѣйшаго движенія арміи внутрь страны. Движеніе это должно совершаться со всеми припасами и пушками по рѣкѣ Онѣгѣ до города Каргополя, въ которомъ должно оставить 3.000 человекъ и одну треть всего войска отрядить для осады Вологды, а остальнымъ итти на Бѣлоозеро, устье рѣки Шексны и занимать Волоколамскъ, Звенигородъ, Коломну, Коломенскій дворецъ, Дѣвичій монастырь, Троицкую лавру и Москву. Разгоряченное воображеніе Стадена заставляетъ его видѣть уже плѣнъ царя и его сыновей. «Ихъ,—пишетъ онъ,—надо привезти къ истокамъ Эльбы или Рейна, казнить въ ихъ глазахъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и тѣла ихъ спустить внизъ по рѣкѣ, чтобы ихъ видѣли всѣ въ Германіи. Потомъ царю съ сыновьями слѣдуетъ дать какое либо графство и приставить къ нимъ проповѣдника, чтобы тотъ ихъ ежедневно наставлялъ въ истинной вѣрѣ».

Стаденъ, конечно, принадлежалъ къ числу тѣхъ иноземныхъ проходимцевъ, которые, будучи приняты на службу московскимъ царемъ и щедро одарены имъ, платили ему потомъ черною неблагодарностью и старались привлечь къ себѣ вниманіе западно-европейскихъ государей составленіемъ проектовъ завоеванія Россіи и присоединенія ея къ «христіанству». Тѣмъ не менѣе рукопись Стадена представляетъ большой интересъ. Въ ней встрѣчается много интересныхъ подробностей и бытовыхъ чертъ той эпохи, приводится подробное описаніе Москвы, царскихъ дворцовъ, Александровской слободы, и нельзя не признать, что предлагаемый имъ планъ нашествія на Россію со стороны Бѣлаго моря, при всей его, можетъ быть, несбыточности, отличается оригинальностью и знаніемъ края. По этимъ соображеніямъ было бы весьма желательно изданіе у насъ этого историческаго памятника. Рукопись Стадена въ оригиналѣ содержитъ 188 страницъ in-folio. Списокъ съ нея былъ нѣкоторое время въ рукахъ покойнаго А. В. Половцева, и только смерть помѣшала ему осуществить мысль объ ея изданіи.

Д. Островскій.

ВОСПОМИНАНІЯ КНЯГИНИ РАДЗИВИЛЛЪ ¹⁾.

IV.

ОСЕЛИВШИСЯ въ Петербургѣ, княгиня Радзивиллѣ съ удовольствіемъ наконецъ очутилась среди русскаго общества, которое она признавала своимъ собственнымъ. Незадолго передъ тѣмъ ея мужъ по семейнымъ обстоятельствамъ натурализовался русскимъ подданнымъ. Конечно, первымъ дѣломъ мужа и жены было испросить аудіенцію у императора и императрицы. Въ то время Александръ III жилъ съ семействомъ въ Гатчинѣ, въ совершенномъ уединеніи, окруженный лишь небольшимъ числомъ друзей и придворныхъ; по словамъ княгини, «это уединеніе не нравилось русскимъ, хотя они нисколько не приписывали его опасеніямъ». «Государь,—прибавляетъ она,—нисколько не боялся опасности, но не любилъ общества и въ молодости, предпочитая свой домашній уголокъ шумнымъ удовольствіямъ, которымъ обыкновенно предаются молодые люди его возраста. Онъ ненавидѣлъ церемоніи и торжества, а предпочиталъ семейную жизнь въ обществѣ жены и дѣтей».

Гатчина, куда государь уединился, была бы для частнаго мѣстопробыванія идеальнымъ уголкомъ, особенно благодаря ея громадному и великолѣпному парку, подходящему на лѣсъ. Александръ III,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 171.

«истор. вѣстн.», май, 1905 г., т. с.

по словамъ княгини, чрезвычайно любилъ движеніе на чистомъ воздухѣ, и, по общему мнѣнію, поэтому именно онъ и выбралъ своимъ мѣстопробываніемъ Гатчину, но «русскіе вообще не при- выкли, чтобы государь отдалялся отъ своихъ подданныхъ, и были этимъ недовольны». Николай I и Александръ II очень любили общество и принимали во дворцѣ на широкую ногу, но Александръ III, какъ утверждаетъ княгиня Радзивилль, рѣшительно закрылъ доступъ для всѣхъ, кромѣ лицъ, окружавшихъ его, въ числѣ десяти или двѣ- надцати человѣкъ. Однако, несмотря на это, Александръ III былъ очень популяренъ въ русскомъ народѣ, и княгиня Радзивилль представляетъ очень мѣткую его характеристику въ этомъ отно- шеніи.

«Александръ III, — говоритъ она, — былъ типичнымъ русскимъ и рѣзко отличался отъ отца, имѣвшаго западныя взгляды и мнѣ- нія. Онъ не любилъ говорить на иностранныхъ языкахъ, благо- даря чему въ высшемъ обществѣ начали говорить по-русски, тогда какъ до него царили французскій и нѣмецкій языки. Онъ былъ пламеннымъ православнымъ, и единственною цѣлью его тринад- цатилѣтняго царствованія было сдѣлать Россію сильнымъ госу- дарствомъ, уважаемымъ всѣми въ Европѣ. Говорятъ, что онъ не питалъ расположенія къ нѣмцамъ; можетъ быть, это правда, но онъ никогда не поддерживалъ антигерманскаго движенія. Онъ склонился въ пользу французскаго союза не потому, что питалъ къ Франціи личное сочувствіе, но потому, что онъ твердо вѣ- рилъ, будто этотъ союзъ необходимъ для поддержанія европейскаго равновѣсія, нарушеннаго тройственнымъ союзомъ. Онъ ненави- дѣлъ политику князя Бисмарка, а его самого онъ глубоко ува- жалъ. Напротивъ, его любезность относительно Франціи происхо- дила не отъ сердца, а отъ разсудка. Надъ всѣми его качествами бралъ верхъ его удивительный здравый смыслъ, и, благодаря этому здравому смыслу, онъ дѣйствовалъ всегда въ интересахъ своей страны. Онъ нашелъ Россію въ хаотическомъ положеніи, а оста- вилъ ее послѣ своей смерти, повидимому, благоденствующей. Онъ сдѣлался популяренъ во всѣхъ слояхъ общества, и когда онъ умеръ, то на улицахъ видны были плачущія женщины и дѣти, — такъ онъ убѣдилъ весь народъ, что любилъ его, трудился для его блага и ничего не жалѣлъ, ни времени, ни силы, чтобы сдѣлать его ве- ликимъ и благоденствующимъ. Императрица Марія Ѳеодоровна со- дѣйствовала пріобрѣтенію государемъ его популярности. Трудно себѣ представить болѣе очаровательную личность, которой была въ то время и продолжаетъ быть до сихъ поръ императрица. Она го- воритъ немного, но каждое ея слово дышитъ той симпатіей, ко- торая дѣлаетъ ее популярной и любимой всѣми. Достаточно уви- дѣть ее входящей въ комнату, чтобы почувствовать къ ней теплую привязанность; невозможно противодѣйствовать очарованію ея пре-

красныхъ глазъ, столь нѣжныхъ и добрыхъ. Она всегда была ангеломъ-хранителемъ государя, престолъ котораго она раздѣляла съ такимъ достоинствомъ».

Первое представленіе княгини Радзивилль императрицѣ состоялось въ Гатчинѣ въ то самое время, когда ея мужъ былъ представленъ государю. Марія Ѳеодоровна сидѣла на диванѣ подъ портретомъ жены Николая I и пригласила княгиню сѣсть рядомъ. Она въ первый разъ разговаривала съ императрицей и была удивлена простыми манерами новой государыни. Сообщивъ подробности событія 2-го марта, Марія Ѳеодоровна продолжала разговоръ о своихъ дѣтяхъ и о книгахъ, которыя она читала, между прочимъ, о сочиненіи Тэна «Ancien régime». Черезъ двадцать минутъ она отпустила свою посѣтительницу. «На разпросы всѣхъ моихъ знакомыхъ, какое впечатлѣніе произвела на меня новая государыня,—разсказываетъ княгиня,—я могла только отвѣчать, что въ восторгѣ отъ нея. Дѣйствительно, увидѣвъ ее, никто не могъ не сдѣлаться ея преданнымъ рабомъ».

Въ это время во главѣ русскихъ министровъ находился министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Игнатъевъ, который былъ назначенъ на этотъ тяжелый постъ послѣ отставки графа Лорисъ-Меликова. Вся Европа пришла въ раздраженіе отъ этого назначенія, полагая, что Игнатъевъ будетъ дѣйствовать самымъ вызывающимъ образомъ, но европейскіе дипломаты въ этомъ ошиблись. Графъ Игнатъевъ, напротивъ, занялся внутренними дѣлами и даже хотѣлъ созвать земскій соборъ, что и вызвало его опалу. Во всякомъ случаѣ, въ ноябрѣ 1881 года онъ пользовался всемогуществомъ, и его поддерживали, по словамъ княгини Радзивилль, не только интеллигентные классы общества, но и самъ императоръ, изъ патріотическаго желанія «уничтожить нигилизмъ и возстановить спокойствіе въ странѣ». Естественно, что въ продолженіе этой зимы въ Петербургѣ не было никакихъ общественныхъ увеселеній и официальныхъ приемовъ. Это, однако, не мѣшало обществу собираться въ частныхъ домахъ, и княгиня Радзивилль съ особымъ сочувствіемъ описываетъ салонъ графини Игнатъевой, гдѣ ежевечерне встрѣчались иностранныя и русскія вліятельныя лица. «Эти вечера,—говоритъ княгиня,—были очень интересны, и врядъ ли въ Петербургѣ съ тѣхъ поръ устраивались подобныя собранія. Графиня Игнатъева отличалась умомъ, красотою и умѣньемъ любезно принимать гостей. Что же касается до ея мужа, то онъ и тогда еще считался кумиромъ славянофиловъ, какъ побѣдоносный противникъ Турціи въ Санъ-Стефано. Хотя, въ концѣ концовъ, на Берлинскомъ конгрессѣ его политика потерпѣла фiasco, но такъ какъ онъ на немъ не присутствовалъ, то избѣгнулъ непопулярности и, напротивъ, пользовался въ Россіи доброй славой. Лично я всегда очень любила графа

Игнатъева: онъ былъ однимъ изъ лучшихъ моихъ друзей, и считаю его самымъ способнымъ русскимъ государственнымъ человѣкомъ настоящаго времени; онъ имѣеть яснѣе, чѣмъ кто либо, понятія о нуждахъ и потребностяхъ своей страны и всегда поддерживаетъ знамя Россіи, чего нельзя сказать о другихъ нашихъ дипломатахъ».

Въ концѣ ноября Петербургъ былъ пораженъ покушеніемъ на жизнь генерала Черевина, занимавшаго тогда мѣсто товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Княгиня Радзивиллъ, сдѣлавшаяся впоследствии однимъ изъ самыхъ ближайшихъ друзей Черевина, подробно рассказываетъ съ его собственныхъ словъ этотъ эпизодъ. «Покусившійся на жизнь Черевина,—говоритъ она,—былъ молодой еврей, который пришелъ къ генералу съ письмомъ. Распечатывая письмо, Черевинъ замѣтилъ, что молодой человѣкъ сунулъ руку въ карманъ, откуда послышался звукъ поднимаемой собачки револьвера. Черевинъ былъ одинъ изъ самыхъ хладнокровныхъ людей на свѣтѣ, и потому онъ спокойно сказалъ: «Бросьте этотъ вздоръ; я знаю, что вы хотите сдѣлать. Отдайте мнѣ вашъ револьверъ, и я васъ отпущу». Но молодой человѣкъ вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ. Пуля попала въ сюртукъ Черевина и сплюснулась о серебряную папиросницу. Въ ту же минуту Черевинъ бросился на своего противника, и они оба упали на полъ. Чиновникъ, работавшій въ сосѣдней комнатѣ, увидавъ, что противники борются, закричалъ во все горло и убѣждалъ, не пытаясь даже оказать помощи своему начальнику. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату поспѣшили полицейскіе чиновники, такъ какъ Черевинъ былъ начальникомъ тайнаго вѣдомства полиціи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Прямымъ результатомъ этого эпизода было назначеніе Черевина главою тайной полиціи во всей имперіи, что его дѣлало въ продолженіе четырнадцати лѣтъ отвѣтственнымъ за личную безопасность государя и однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей въ Россіи».

Графъ Толстой также былъ ея большимъ пріателемъ и даже считался родственникомъ со стороны матери. Но ея бабушка и дяди, Дашковы, игравшіе значительную роль въ земствѣ, были съ нимъ на ножахъ. Это, однако, не мѣшало княгинѣ находиться въ хорошихъ отношеніяхъ съ графиней Толстой и ея дочерью; что же касается до графа, то онъ былъ съ нею всегда очень любезенъ и даже часто помогалъ ей своими совѣтами. По этой ли причинѣ или по какой другой, но она отзывалась о графѣ Толстомъ съ особеннымъ сочувствіемъ и необыкновенными похвалами. «Графъ Толстой,—говоритъ она,—былъ самымъ непопулярнымъ человѣкомъ въ Россіи. Онъ долгое время находился во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, и, по общему мнѣнію, отличался репрессивными мѣрами противъ либеральнаго духа въ университетахъ и школахъ. Александръ II былъ принужденъ уступить общественному мнѣнію, требовавшему его отставки, и графъ, пробывъ

нѣкоторое время оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, подалъ въ отставку. Вотъ этому-то челоуѣку, ненавидимому и проклинаемому почти всеми классами общества, Александръ III вручилъ судьбу имперіи въ самый критическій моментъ. Однако этотъ выборъ оказался вполне разумнымъ: графъ Толстой доказалъ, что онъ—челоуѣкъ, которому понятны потребности страны, и его вполне свободная дѣятельность не отличалась тѣмъ прежнимъ деспотическимъ духомъ, который прежде все осуждали въ немъ. Его администрація была хорошая, и до его смерти Россія пользовалась періодомъ благоденствія, котораго она долго не знала. Когда императоръ призвалъ его къ власти, то онъ такъ удивился, что долго отказывался. Черевинъ во многомъ тутъ содѣйствовалъ и уговорилъ Толстого принять министерскій постъ, какъ возлагаемую на него императоромъ патріотическую обязанность. Какъ только онъ это понялъ, то заявилъ государю, что повергаетъ свои услуги къ его стопамъ. Главное достоинство графа Толстого заключалось въ томъ, что онъ доставилъ Александру III то, чего недоставало ему въ первое время его царствованія—вѣру въ себя и въ русскій народъ. Лично я во многихъ отношеніяхъ не сочувствовала этому много оспариваемому министру, но было бы несправедливо не признавать, что съ тѣхъ поръ, какъ ему вручена была власть, правительство сдѣлалось твердымъ, чего прежде не было.

Благодаря случайности, княгиня Радзивилль приходится большею частью говорить о родственникахъ въ той части своихъ воспоминаній, которая относится до первой зимы, проведенной ею въ Петербургѣ. Въ то время въ обществѣ и народѣ много шума производилъ ея двоюродный братъ, знаменитый Скобелевъ. «Я желала бы,—говоритъ она,—описать Скобелева такъ, какъ онъ представлялся моему молодому воображенію, но я не могу подыскать словъ, достаточно краснорѣчивыхъ, чтобы изобразить его геройскую фигуру, не походившую ни на кого ни прежде ни послѣ него. Несмотря на многіе его недостатки, а ихъ было немало, онъ одинъ останется легендарной личностью въ современной русской исторіи. Ни раньше его, ни позже никто такъ вполне не олицетворялъ стремленій, надеждъ, опасеній, радости и горя русскаго народа, какъ Скобелевъ. Онъ заключалъ въ себѣ все добродѣтели и все пороки той расы, къ которой онъ принадлежалъ. Въ немъ выражалась вся Россія; его умъ былъ отраженіемъ ума его соотечественниковъ; онъ обладалъ ихъ энтузіазмомъ и ихъ вѣрой, которая давала возможность Россіи перенести столько трудностей и испытаній. Скобелевъ былъ такимъ отважнымъ, какимъ можетъ быть только русскій; онъ отличался многими дикими чертами характера, которыя составляютъ особенность русскихъ, даже высшихъ классовъ, дозволяютъ имъ переносить многое, что было бы немыслимо для болѣе цивилизованныхъ людей. Его энергичная

душа не допускала и мысли о поражени; онъ былъ Байардомъ расы, которая еще не испорчена ложной цивилизаціей подобно тому, какъ эта цивилизація уничтожила столько хорошаго и мужественнаго въ другихъ, затронутыхъ ею націяхъ».

Популярность Скобелева послѣ восточной войны и неудачнаго Берлинскаго мира достигла необыкновенной степени. Бѣлый генераль, какъ его тогда прозвали, былъ у всѣхъ на языкѣ, и онъ поддерживалъ свою добрую славу политическими рѣчами въ русскомъ народномъ духѣ, противномъ нѣмецкой политикѣ. Еще сенсационнѣе говорилъ онъ сербской депутаціи въ Парижѣ, и это привело въ негодованіе русское правительство; но чѣмъ его болѣе преслѣдовали сверху, тѣмъ сильнѣе росла къ нему любовь низовъ и всего общества. Однако, по словамъ княгини, Скобелевъ ранней весной уѣхалъ къ своему корпусу, которымъ онъ командовалъ въ Минскѣ, и былъ очень сумрачный и грустный вслѣдствіе убѣжденія, что его жизнь пропадала даромъ. Въ концѣ юня княгиня Радзивиллъ съ семействомъ переехала въ свое имѣніе, и черезъ нѣсколько недѣль она съ ужасомъ узнала о его неожиданной скоропостижной смерти въ Москвѣ. Обстоятельство этой смерти, грустно поразившей всю Россію, она не рассказываетъ, а только упоминаетъ, вопреки сложившимся легендамъ, что онъ мгновенно погибъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ «отъ роковой болѣзни, поражающей своихъ жертвъ съ неумолимою жестокостью». Вся Россія пришла въ отчаяніе отъ смерти Бѣлаго генерала, и до сихъ поръ его память сохраняется особенно въ низшихъ слояхъ народа. Княгиня рассказываетъ анекдотъ, переданный ей однимъ пріятелемъ. Проѣзжая по одному небольшому селенію, на югѣ Россіи, онъ увидѣлъ, какъ одна забѣжавшая въ селеніе собака подверглась нападенію всѣхъ мѣстныхъ собакъ. Она защищалась съ непостижимой храбростью и обратила въ бѣгство всю свору. Смотрѣвшій съ любопытствомъ на эту сцену отставной солдатъ сказалъ: «Посмотрите на эту собаку: это—настоящій Скобелевъ». Смерть Скобелева произвела на Европу, а особенно на Германію, противоположное Россіи впечатлѣніе. «Мнѣ случилось, годъ спустя послѣ московской катастрофы и нѣсколько дней послѣ смерти Гамбетты, обѣдать съ Мольтке въ Берлинѣ,—рассказываетъ княгиня,—и на мой вопросъ о его мнѣніи относительно знаменитаго французскаго государственнаго человѣка онъ отвѣчалъ: «Я съ такою же радостью узналъ о его кончинѣ, какъ о смерти Скобелева». Я никогда не забуду, какъ смутился бѣдный старый фельдмаршалъ, когда я ему сказала, что Бѣлый генераль былъ моимъ двоюроднымъ братомъ».

Въ этомъ же году княгиня лишилась своей тетки, г-жи Бальзакъ, о чемъ она отзывается, какъ о величайшемъ несчастіи, считая ее «необыкновеннымъ существомъ, которому было суждено учить всѣхъ своихъ близкихъ, какъ лучше себя вести».

Осенью она снова уѣхала въ Берлинъ, гдѣ и провела всю зиму, которая была особенно веселой по случаю празднествъ въ честь серебряной свадьбы наслѣднаго принца и принцессы. Эти торжества были ознаменованы необыкновеннымъ придворнымъ маскарадомъ. Въ присутствіи императора и императрицы, а также юбиляровъ, прошла замѣчательная процессія, изображавшая англійскую королеву Елисавету и ея дворъ. Королевой Елисаветой была графиня Удо Стольбергъ Вернигеродэ, очень походившая на представляемую ею историческую личность. Между придворными дамами и кавалерами временъ Елисаветы находилась и княгиня Радзивилль, въ богатомъ бархатномъ платьѣ, вышитомъ золотомъ. Ея кавалеромъ былъ баварскій посланникъ, графъ Лерхенфельдъ, въ богатомъ черномъ бархатномъ нарядѣ, съ настоящей испанской шпагой, одолженной ему баварскимъ регентомъ. Пройдя торжественно церемоніальнымъ шагомъ мимо державныхъ особъ, участники въ шествіи протанцовали три кадрили и затѣмъ разошлись послѣ того, какъ юная жена принца Вильгельма, одѣтая волшебницей, была ввезена на богатой колесницѣ и произнесла предъ юбилярами поздравительное стихотвореніе. Несмотря на видимое удовольствіе, доставленное наслѣдному принцу и принцессѣ, ихъ положеніе было въ то время непріятное, такъ какъ они начинали быть не въ ладахъ съ своимъ старшимъ сыномъ, котораго, очевидно, въ этихъ несогласіяхъ поддерживалъ маститый дѣдъ. Особенно наслѣдную принцессу эти обстоятельства приводили въ сильное раздраженіе, такъ какъ она не умѣла такъ осторожно и хладнокровно держать себя, какъ ея мужъ.

Въ это время княгиня Радзивилль ближе познакомилась съ принцемъ Вильгельмомъ. Онъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе своей оригинальной и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной личностью. «Онъ былъ тогда очаровательнымъ и чрезвычайно умнымъ молодымъ человѣкомъ,—говоритъ она.—Имѣя личную магнетическую силу и отличаясь блестящимъ талантомъ краснорѣчія, онъ даже въ то время умѣлъ убѣждать многихъ въ справедливости своихъ мнѣній. Несмотря на серьезный характеръ, онъ владѣлъ чисто дѣтской живостью, что не мѣшало ему, однако, отличиться здравымъ сужденіемъ. У него было мало иллюзій, но онъ не выказывалъ цинизма въ своихъ сужденіяхъ, хотя, быть можетъ, уже тайно составлялъ циничные планы на будущее. Я часто видѣлась съ нимъ въ продолженіе этой зимы, и мы почувствовали другъ къ другу большую привязанность. Онъ тогда очень любилъ общество и увеселенія и, по слухамъ, даже слишкомъ. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что онъ велъ себя безукоризненно относительно жены, которая въ то время была довольно болѣзненная, что заставляло ее жить уединенно. Добрѣйшая на свѣтѣ женщина, она вѣрила въ любовь мужа и не обращала вниманія ни на какія

сплетни. Изъ моихъ частыхъ разговоровъ съ будущимъ императоромъ всего болѣе впечатлѣнія произвели на меня его слова, сказанныя совершенно неожиданно: «Когда занимаешь извѣстное положеніе въ свѣтѣ, то надо болѣе стараться одурачивать всѣхъ, чѣмъ имѣть друзей». Я воскликнула, что это—отвратительный принципъ; на это онъ отвѣчалъ совершенно серьезно: «Вы впоследствии меня поймете». Эти слова меня чрезвычайно поразили, и на основаніи ихъ я въ тотъ же день держала пари съ однимъ русскимъ пріятелемъ, что Вильгельмъ II по восшествіи на престолъ прогонитъ Бисмарка, съ которымъ онъ тогда находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ».

V.

Въ маѣ 1883 года въ Москвѣ состоялась коронація императора Александра III. Конечно, княгиня Радзивиллъ съ мужемъ присутствовала на торжествахъ, данныхъ по этому случаю. Прежде всего она упоминаетъ о книгѣ г-жи Ваддингтонъ и находитъ, что она, хотя передаетъ довольно интересный рассказъ обо всѣхъ церемоніяхъ, но слишкомъ распространяется о нигилистахъ, которые будто бы внушали всѣмъ страхъ во время коронаціи. Напротивъ, княгиня увѣряетъ, что въ домѣ князя Долгорукова она не видала никого, кто бы крестился при вѣздѣ императора и поздравлялъ другъ друга съ благополучнымъ окончаніемъ процессіи, какъ говорила французская посланница. Вообще, г-жа Ваддингтонъ, по мнѣнію княгини Радзивиллъ, въ своихъ описаніяхъ иногда ошибается. Такъ, напримѣръ, по ея словамъ, во время бала въ старинномъ Кремлевскомъ дворцѣ всѣ русскія дамы были въ бальныхъ платьяхъ, что совершенно не подходитъ къ кокошникамъ; напротивъ, княгиня Радзивиллъ говоритъ, что онѣ были въ русскихъ платьяхъ съ придворными шлейфами и въ кокошникахъ. Въ остальномъ, книгу г-жи Ваддингтонъ княгиня очень хвалитъ и находитъ вѣрными ея записки.

Что касается до ея собственныхъ описаній московскихъ торжествъ, то въ нихъ ничего не заключается новаго или замѣчательнаго, и она лишь повторяетъ то, что было писано уже сотни разъ. О самомъ императорѣ въ день коронаціи она отзывается съ величайшимъ восторгомъ: «Это рѣшительно былъ триумфъ Александра III. Никогда прежде и послѣ онъ не являлся, окруженный такимъ величіемъ, какъ въ эту минуту. Изъ собора послѣ коронаціи онъ шелъ одинъ подъ золотымъ балдахиномъ въ громадной коронѣ русскихъ императоровъ, въ длинной мантіи, подбитой горностаемъ и держа въ одной рукѣ скипетръ, а въ другой—державу. Солнце, которое до тѣхъ поръ было затуманено облаками, неожиданно освѣтило своимъ блескомъ всю сцену, и его лучи съ необыкновенною яркостью играли на лицѣ императора; онъ положи-

тельно былъ великолѣпенъ. Его исполинская фигура, красивое лицо и достойная осанка придавали ему необычайный по своей красотѣ видъ». Церемонію же коронаціи княгиня Радзивилль не видѣла, такъ какъ находилась на трибунѣ съ наружной стороны Успенскаго собора.

Съ самой княгиней Радзивилль случилось въ Москвѣ одно скандальное обстоятельство. Въ числѣ высокихъ гостей на коронаціи былъ князь Болгарскій, котораго очень не долюбивалъ императоръ, находившійся съ нимъ лишь въ холодныхъ официальныхъ отношеніяхъ. Князь Александръ Баттенбергскій, знавшій ранѣе княгиню Радзивилль, былъ очень радъ увидѣть старую пріятельницу, которой могъ повѣдать все свои огорченія. Поэтому онъ рассказалъ ей подробно обо всѣхъ своихъ невзгодахъ и кончилъ тѣмъ, что заявилъ: «Напрасно со мною такъ обращаются, я могу, въ концѣ концовъ, сдѣлаться опаснымъ врагомъ». На возраженіе княгини, что никто за него не заступится, онъ отвѣчалъ, что рассчитываетъ на помощь Германіи. «Этотъ разговоръ,— пишетъ княгиня,— меня очень поразилъ, и я на другой день рассказала его въ письмѣ къ большому моему пріятелю, англійскому журналисту, сэру Макэнзи Воллэсу. Къ величайшему моему ужасу, въ «Times» появился пересказъ моего разговора съ княземъ Баттенбергскимъ, и къ этому было прибавлено, что корреспонденту сообщены эти свѣдѣнія одной русской дамой. Я едва не упала въ обморокъ, такъ разсердило меня это обстоятельство. Хуже всего было то, что князь Александръ полагалъ, будто я участвовала въ этой нескромности, и никогда мнѣ за нее не простилъ. Напрасно я старалась поправить дѣло, но въ сущности я была виновата и дѣйствительно не могла оправдать своего легкомысленнаго поведенія. Во всякомъ случаѣ, это былъ для меня полезный урокъ, и съ тѣхъ поръ я всегда держала языкъ за зубами».

Снова проведя лѣтніе мѣсяцы въ деревнѣ, княгиня Радзивилль переехала на зиму въ Берлинъ, гдѣ сезонъ былъ очень спокойный, въ виду придворнаго траура. Попрежнему отношенія между наслѣднымъ принцемъ и его старшимъ сыномъ были очень обострены, чему еще много способствовали вражда Бисмарка и предпочтеніе, оказываемое престарѣлымъ императоромъ внуку передъ сыномъ. Слѣдующей весной произошла довольно скандальная исторія, касавшаяся отчасти княгини Радзивилль. Великій герцогъ Гессенскій удивилъ весь свѣтъ, женившись на неизвѣстной дамѣ въ тотъ самый день, когда его дочь вѣнчалась съ принцемъ Баттенбергскимъ, въ присутствіи пріѣхавшей изъ Англійской королевы Викторіи. Послѣдняя пришла въ ужасъ отъ этого страннаго эпизода и такъ сильно подѣйствовала на великаго герцога, что онъ немедленно принудилъ свою молодую жену оставить Дармштадтъ. Такой скандалъ надѣлалъ много шума во всей Европѣ, а княгинѣ

Радзивиллъ онъ былъ тѣмъ болѣе непріятенъ, что невѣдомая никому дама оказалась ея двоюродной сестрой. Это была г-жа Колемина, внучка дяди княгини, Генриха Г'жевусскаго. Она была замужемъ за русскимъ дипломатомъ и славилась своей красотой и умомъ. Ея мужъ состоялъ при посольствѣ въ Дармштадтѣ, и ихъ бракъ былъ не изъ счастливыхъ, такъ что жена потребовала развода, послѣ котораго она вышла замужъ за великаго герцога Гессенскаго, влюбившагося въ нее по уши. «Я вовсе не знала г-жи Колеминой,—разсказываетъ княгиня Радзивиллъ,—и признаюсь, ея исторія была мнѣ очень непріятна, но я рѣшительно пришла въ ужасъ, когда англійская посланница принесла мнѣ вѣсточку отъ самой королевы Викторіи. Она просила, чтобы я написала моему отцу письмо относительно моей двоюродной сестры. Въ чемъ должно было заключаться это письмо, я не имѣю права обнаружить. Конечно, я исполнила желаніе королевы, но непріятная исторія этимъ не окончилась. Я вдругъ получила отъ г-жи Колеминой письмо, что она въ Берлинѣ и желаетъ меня видѣть. Несмотря на неудовольствие мужа, я отправилась къ ней. Она оказалась очень хорошенькой женщиной и выразила желаніе, чтобы я добилась для нея свиданія съ англійскимъ посланникомъ. Однако онъ отъ этого отказался, и я объявила Колеминой, что умываю руки въ этомъ дѣлѣ. Впослѣдствіи я узнала, что великій герцогъ заключилъ сдѣлку съ Колеминой, давъ ей титулъ баронессы Ромродъ и пенсію. Вскорѣ послѣ того она вышла замужъ за другого русскаго дипломата, съ которымъ, говорятъ, была очень счастлива. Со времени берлинскихъ свиданій я не видалась съ ней».

Лѣто этого года княгиня Радзивиллъ съ семействомъ провела въ Дьеппѣ и познакомилась съ женою Александра Дюма - сына, жившей недалеко оттуда на своей дачѣ въ Сюи. Она была русская—г-жа Нарышкина, родственница первой жены отца княгини Радзивиллъ, и познакомилась съ знаменитымъ драматургомъ, благодаря теткѣ княгини, г-жѣ Лакруа. Въ то время Нарышкина была молодой, красивой вдовой. Г-жа Лакруа была очень рада съ нею познакомиться и однажды пригласила ее на обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и Дюма. Когда Нарышкина уѣхала, то хозяйка дома спросила его, понравилась ли ему русская. Онъ на это отвѣчалъ: «*Elle me plaît, car je crois qu'elle a tous les vices*». Послѣ этого обѣда прошло нѣсколько недѣль, и г-жу Лакруа не посѣтили ни тотъ ни другая, что ее очень удивило, тѣмъ болѣе, что черезъ нѣсколько времени распространился слухъ объ ихъ свадьбѣ. Замѣчательно, что не только въ то время, но и впослѣдствіи, они никогда болѣе не бывали у г-жи Лакруа. Что касается до княгини Радзивиллъ, то когда она познакомилась съ г-жею Дюма въ Дьеппѣ, послѣдняя была уже старой и представлялась далеко не привлекательной женщиной, всегда одѣвавшейся съ ва-

мѣчательной небрежностью. Несмотря на это, она отличалась занимательнымъ разговоромъ и вообще была пріятной особой. «Самъ же Дюма,—говоритъ княгиня,—былъ однимъ изъ самыхъ очаровательныхъ парижанъ. Я не полагаю, чтобы кто либо велъ разговоръ такъ интересно, какъ онъ, хотя его бесѣда была испещрена парадоксами. Я видѣлась съ этой пріятной четой довольно часто, и однажды Дюма проводилъ меня отъ своей дачи до Дьеппа. По дорогѣ мы остановились и къ общему удивленію прохожихъ болѣе получаса разговаривали о его извѣстной пьесѣ «*Visite de poste*», которую онъ любилъ болѣе всѣхъ своихъ драматическихъ произведеній».

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ княгиня Радзивилль отправилась въ Парижъ къ своей теткѣ, не подозрѣвая, что она увидитъ ее въ послѣдній разъ, такъ какъ г-жа Лакруа умерла въ слѣдующемъ году. Такимъ образомъ, окончились родственныя связи княгини съ Парижемъ.

Начало зимы 1885 года она провела снова въ Петербургѣ. По ея словамъ, этотъ сезонъ былъ очень веселый, такъ какъ императрица любила танцевать, и поэтому не только давались балы при дворѣ, но она еще посѣщала празднества, устраиваемыя въ ея честь аристократическими семьями.

Однако, княгиня успѣла вернуться въ Берлинъ во время, къ послѣдному придворному балу, а въ посту, по обыкновенію, присутствовала на четверговыхъ концертахъ во дворцѣ. Въ это время умеръ фельдмаршалъ Мантейфель, бывший генералъ-губернаторомъ Эльзасъ-Лотарингіи, и распространился слухъ, что послѣ него займетъ это мѣсто наслѣдный принцъ, но Вильгельмъ былъ противъ этого назначенія, такъ какъ онъ не довѣрялъ англійскимъ и французскимъ симпатіямъ своего сына. Бисмаркъ, конечно, былъ очень радъ этому обстоятельству, но когда императоръ спросилъ его, не назначить ли на это мѣсто принца Вильгельма, то, несмотря на свое всегдашнее противодѣйствіе, когда касался вопросъ о передачѣ важнаго поста члену императорскаго семейства, онъ принужденъ былъ согласиться, заявивъ, что подобное назначеніе принесетъ пользу государству. Однако, когда объ этомъ узналъ наслѣдный принцъ, то онъ пришелъ въ ужасное негодованіе и объявилъ отцу, что не дозволитъ сыну воспользоваться такимъ авторитетомъ, въ которомъ ему отказывали. Вильгельмъ, хотя и съ неудовольствіемъ, но былъ принужденъ признать справедливыми эти доводы, и генералъ-губернаторомъ Эльзасъ-Лотарингіи былъ назначенъ князь Гогенлоэ. Въ свою очередь принцъ Вильгельмъ очень разсердился, но не на отца, а на мать, полагая, что она была причиной неудачи его назначенія. По увѣренію княгини Радзивилль, наслѣдная принцесса даже не знала объ этомъ обстоятельстве, и вся эта исторія только служитъ доказательствомъ,

насколько велики были интриги и соперничества при берлинскомъ дворѣ.

Около этого времени пришло неприятое недоразумѣніе между Бисмаркомъ и княгиней Радзивилль. Она дала торжественный обѣдъ въ честь новаго русскаго посланника графа, Шувалова, и между прочими гостями былъ графъ Нейппергъ, внукъ второго мужа императрицы Маріи-Луизы. Княгиня очень любила его, какъ чрезвычайно пріятнаго человѣка, но онъ принадлежалъ къ партіи католическаго центра въ рейхстагѣ и пользовался большимъ недоброжелательствомъ Бисмарка. На другой день послѣдній послалъ сказать княгинѣ Радзивилль, что правительство было очень недовольно ея приѣмомъ графа Нейпперга, особенно при Шуваловыхъ, и онъ надѣется, что она никогда болѣе этого не повторитъ. Княгиня отвѣчала, что не можетъ дозволить канцлеру вмѣшиваться въ выборъ ея гостей. «Это обстоятельство,—говоритъ она,—доказываетъ, какъ деспотически дѣйствовалъ могущественный министръ, полагавшій, что онъ имѣлъ право вліять на людей, которые, какъ я, не имѣли никакого отношенія къ политикѣ и офиціальному положенію».

Первые мѣсяцы 1886 года были ознаменованы въ Берлинѣ странной эпидеміей кори, которой заболѣли многія извѣстныя лица, между прочимъ наслѣдный принцъ. У него никогда не было этой болѣзни, а потому его нездоровье приняло серіозный характеръ. Послѣ того, какъ онъ выздоровѣлъ, его горло оказалось поражено, и это, по словамъ княгини, было началомъ его роковой болѣзни. Она сама также серіозно занемогла корью и едва не умерла. Не успѣла она выздоровѣть, какъ у ея мужа сдѣлалась перемежающаяся лихорадка, и нѣсколько недѣль онъ былъ между жизнью и смертью. Когда черезъ нѣсколько времени онъ совершенно оправился, то все семейство отправилось сначала на лѣто въ Россію, а потомъ на зиму и весну въ Каиръ. Въ іюнѣ 1887 года княгиня вернулась въ Петербургъ, гдѣ ее ожидали со всѣхъ сторонъ грустныя извѣстія. Прежде всего умеръ престарѣлый императоръ Вильгельмъ, оставившій послѣ себя память, какъ о человѣкѣ, прославившемъ цѣлый періодъ исторіи. «Прямой, добросовѣстный, правдивый и далеко не самолюбивый, онъ сохранится въ памяти всѣхъ,—говоритъ княгиня Радзивилль,—какъ человѣкъ, если самъ не великій, то совершившій великія дѣла. О немъ всѣ сожалѣли, и даже злѣйшіе враги плакали на его могилѣ».

Всего грустнѣе было то обстоятельство, что въ послѣднее время здоровье будущаго императора до того разстроилось, что онъ вступилъ на престолъ совершенно умирающимъ человѣкомъ, хотя принялся за царствованіе съ удивительной энергіей и съ необыкновенной твердостью исполнялъ свой долгъ. Княгиня Радзивилль не видѣла его ни разу послѣ его воцаренія, и только ея мужъ

поѣхалъ къ нему проститься, но ему не удалось говорить съ нимъ, и онъ видѣлъ его безмолвнымъ, молчаливымъ. Императоръ, однако, написалъ княгинѣ нѣсколько прощальныхъ словъ, которые навѣчно остались для нея драгоценнымъ воспоминаніемъ. «Горько сказать,—говоритъ она,—что тѣ несчастные три мѣсяца, которые онъ прожилъ императоромъ, были наполнены ссорами и непріятностями, благодаря Бисмарку и принцу Вильгельму». За смертію Фридриха III послѣдовала вскорѣ и кончина отца княгини Радзивилль, вызвавшая въ ея жизни большую переѣну. Благодаря имущественнымъ обстоятельствамъ, ей пришлось съ мужемъ и семействомъ окончательно поселиться въ Россіи, и они съ этой цѣлью рѣшили перебраться навсегда изъ Берлина и наняли удобное помѣщеніе въ Петербургѣ. Такимъ образомъ въ 1888 году наступила совершенная переѣна въ жизни княгини, и она возвратилась на свою родину, «которую никогда не должна бы покидать».

Въ 1890 году весь свѣтъ былъ потрясенъ извѣстіемъ о Бисмарковской отставкѣ, которую княгиня предчувствовала за нѣсколько лѣтъ до событія, благодаря увлекающимся темпераментамъ желѣзнаго канцлера и Вильгельма II. Одно изъ обстоятельствъ этого событія, по ея словамъ, не всѣмъ извѣстно, но оно придаетъ ему роковой характеръ греческой трагедіи. Увидя, что его судьба рѣшена, Бисмаркъ обратился къ прежней жертвѣ своихъ интригъ и просилъ императрицу Викторію ходатайствовать за него предъ сыномъ. «Она была женщина,—говоритъ княгиня,—и не могла не отмстить ему за все, перенесенное чрезъ него, поэтому она отвѣчала, что онъ уничтожилъ все ея вліяніе на сына, и теперь она не можетъ съ успѣхомъ вмѣшаться въ дѣло объ его отставкѣ. При этомъ она не могла не чувствовать удовольствія, что наконецъ наступила минута, когда онъ просилъ у нея что нибудь, и она должна была ему отказать». Въ тотъ же годъ проѣздомъ изъ Петербурга въ Парижъ княгиня имѣла случай увидѣть императрицу Викторію послѣ ея вдовства. Она приняла ее во время своихъ обычныхъ вечеровъ. Встрѣтились онѣ съ большимъ волненіемъ, но тотчасъ императрица, успокоившись, хладнокровно сказала: «Вы не ожидали меня встрѣтить въ такомъ положеніи?» Послѣ этого она съ улыбкой продолжала разговаривать. Она за это время совершенно посѣдѣла и казалась убитой и мрачной, но обо всемъ любезно бесѣдовала не только съ княгиней Радзивилль, но и съ бывшими у нея профессоромъ Гельмгольцемъ и его женою.

Въ слѣдующемъ году, по причинѣ нездоровья ихъ сына, князь и княгиня переѣхали на восемь мѣсяцевъ въ Джерсей, который славится особенно благотворнымъ воздухомъ. Всѣмъ такъ понравился этотъ англійскій сезонъ, что чрезъ два года княгиня Радзивилль рѣшилась доставить своей дочери лондонскій «season». Въ то время въ Англій царило либеральное министерство Гладстона.

«Я впервые увидѣла этого знаменитаго государственнаго человѣка у русскаго посланника Сталъя и его жены, — говорить княгиня, — я должна при этомъ сознаться, что была вполнѣ разочарована въ немъ. Я ожидала встрѣтить совершенно иного человѣка и сожалѣла, что онъ не былъ лордомъ Биконсфильдомъ съ его способностью очаровывать. При всемъ томъ я нашла въ мнѣніяхъ Гладстона гораздо болѣе сочувствія, чѣмъ въ его соперникѣ. У него былъ идеаль, что бываетъ очень рѣдко у современныхъ людей, и онъ серьезно стремился къ достиженію своей цѣли. Но, хотя его слова глубоко дѣйствовали на меня, его личность не была для меня пріятной. Грубо выражаясь, онъ мнѣ не нравился, и мнѣ кажется, что теперь, прочитавъ его біографію Морлэя, я гораздо болѣе люблю Гладстона, чѣмъ когда его встрѣчала лицомъ къ лицу. Кстати, я только что упомянула о мистэрѣ Морлэй, котораго встрѣчала въ обществѣ во время лондонскаго сезона. Это, во всѣхъ отношеніяхъ, очаровательный человѣкъ; я никогда не встрѣчала кого нибудь, кто разговаривалъ бы съ такимъ интересомъ. Я никогда не забуду многихъ изъ его разговоровъ».

VI.

Зима 1893—1894 гг. была послѣдняя въ царствованіе императора Александра III; она отличалась особеннымъ блескомъ, какъ относительно баловъ и празднествъ, даваемыхъ при дворѣ, такъ и въ частныхъ домахъ. Первый большой высочайшій балъ былъ, однако, отмѣненъ, по случаю нездоровья императора. «Черевинъ, — рассказываетъ княгиня Радзивиллъ, — сказалъ мнѣ, что государь неожиданно и опасно занемогъ. Мы никогда не слыхали, что его здоровье было разстроено; даже въ его семействѣ никто объ этомъ не зналъ. Когда случился первый приступъ болѣзни, оказавшейся столь роковой, то никто не хотѣлъ признавать ея важности, и всѣ называли ее инфлуенціей. Дѣло оказалось въ томъ, что онъ никогда не былъ здоровъ послѣ желѣзнодорожной катастрофы въ Боркахъ, но по природѣ онъ не любилъ жаловаться и сохранялъ въ тайнѣ, что ему нездоровилось. Вообще при русскомъ дворѣ не любятъ распространяться о болѣзни членовъ императорской семьи, и хотя выходили бюллетени, но въ нихъ говорилось лишь о лихорадочномъ состояніи императора. Когда онъ оправился, то балъ состоялся, и никто не смѣлъ обратить вниманія на изнуренную наружность бѣднаго государя. Только Черевинъ рѣшился сказать мнѣ по секрету, что положеніе государя было гораздо серьезнѣе, чѣмъ всѣ предполагали».

Въ мартѣ мѣсяцѣ княгинѣ Радзивиллъ пришлось увидѣть императора въ послѣдній разъ предъ его смертью. Это было по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Свято-Троицкой общины сестеръ мило-

сердія, на Пескахъ. Означенное благотворительное учрежденіе находилось подъ покровительствомъ царской семьи, и во главѣ общины была г-жа Абаза, сестра бывшаго министра финансовъ. Княгиня Радзивилль находилась съ ней въ дружескихъ отношеніяхъ и потому, конечно, была приглашена на торжество, происходившее въ присутствіи императора и императрицы. «При этомъ я имѣла случай,—говоритъ княгиня,—хорошенько разсмотрѣть перемѣну, происшедшую въ лицѣ императора. Правда, я видала его въ теченіе зимы нѣсколько разъ, но это бывало вечеромъ, и тогда нельзя было судить о перемѣнѣ. Теперь было свѣтлое мартовское утро, и стѣны зала, въ которомъ мы находились, были окрашены въ свѣтлую краску, а потому меня поразило истощенное выраженіе его лица. Онъ, казалось, постарѣлъ на двадцать лѣтъ; его кожа совершенно пожелтѣла, и вся его фигура замѣтно опустилась. Мнѣ почему-то казалось, что его дни сочтены, и что я видѣла его въ послѣдній разъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и заговорилъ со мною. На одинъ изъ его вопросовъ я отвѣчала, что мы скоро собираемся за границу; на это онъ замѣтилъ, что никакъ не понимаетъ, почему люди всегда ѣздятъ за границу. Я возразила, что весенній сезонъ въ Петербургѣ всегда непріятный, и прибавила, не думая о томъ, что говорила: я полагаю, что и вашему величеству принесла бы пользу поѣздка въ лучшій климатъ. На его лицѣ появилась усталая улыбка, и онъ отвѣчалъ: «Ахъ, я не могу дѣлать, что хочу».

До ноября мѣсяца княгиня Радзивилль провела этотъ годъ въ Италіи, Англии и Шотландіи. Особенно ей понравился Римъ, благодаря его природѣ и художественнымъ произведеніямъ. Она присутствовала на торжественной обѣднѣ папы Льва XIII, въ соборѣ св. Петра, а черезъ нѣсколько дней добилась у него аудіенціи. «Папа сидѣлъ на большомъ креслѣ въ маленькой часовнѣ,—разсказываетъ княгиня,—на его плечи была накинута красная мантия. Мы подошли и встали на колѣни; папа началъ тихо разспрашивать насъ о положеніи католической церкви въ Россіи. Предъ самымъ нашимъ отъѣздомъ изъ Петербурга случилось очень непріятное обстоятельство, касавшееся католической церкви въ Виленской губерніи, и петербургскій епископъ просилъ моего мужа довести это до свѣдѣнія святого отца. Я тотчасъ поняла, что этотъ предметъ разговора былъ папѣ непріятенъ; римскій дворъ находился въ это время въ переговорахъ съ русскимъ правительствомъ объ учрежденіи *modus vivendi*, что и было достигнуто, нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Было очевидно, что папа не хотѣлъ говорить о такихъ фактахъ, которые могли побудить его вмѣшаться, во что онъ не желалъ; поэтому съ тонкимъ дипломатическимъ талантомъ, которымъ папа отличался, онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и сказалъ по-французски: «Что я могу сдѣлать? Я только жалкій человѣкъ безъ средствъ и безъ друзей! Я могу

лишь молиться. Я могу лишь молиться, — прибавилъ онъ послѣ минутнаго размышленія, — всегда молиться и вѣрить. Вѣра — это все, вѣра — это мировая сила! (*La foi c'est tout, la foi c'est la force du monde!*). Я нарочно повторяю эти слова, какъ они были сказаны, потому что они звучали, какъ предостереженіе и какъ призывъ. Мой мужъ былъ глубоко ими пораженъ; я — также, но совершенно иначе, потому что они мнѣ показались совершенно неестественными, и я не полагаю, что Пій IX когда нибудь произнесъ бы ихъ».

Среди очаровательной природы Шотландіи княгиня Радзивиллъ получила письма изъ Ливадіи, изъ которыхъ узнала, что государь находится при смерти. Она тотчасъ же собралась съ своимъ семействомъ въ Россію, но по дорогѣ, въ Берлинѣ, узнала о смерти императора. «Это была громадная потеря для страны, — говоритъ она, — такъ какъ онъ управлялъ ею очень мудро, хотя недолго. Съ нимъ исчезъ важный факторъ европейской политики, и Россія потеряла немалую долю того престижа, которымъ она обладала съ тѣхъ поръ, что онъ руководилъ ея судьбой. Чрезвычайно добросовѣстный, честный, добрый, въ полномъ смыслѣ этихъ словъ, онъ умѣлъ обнаруживать твердость вмѣстѣ съ добротой и имѣлъ гораздо болѣе челоуѣколюбія и широты ума, чѣмъ въ немъ предполагали. Онъ оставилъ своему сыну страну мирную, не только по внѣшности, но и въ дѣйствительности, а горе, причиненное его смертью всей имперіи, благоденствіе которой было его первой заботой, отличалось искренностью и безыскусственностью.»

Княгиня Радзивиллъ поспѣла въ Петербургъ на похороны императора и присутствовала по два раза въ день на панихидахъ въ крѣпости.

Конецъ воспоминаній княгини Радзивиллъ весь наполненъ печальными извѣстіями о смерти замѣчательныхъ людей. Еще прежде коронаціи въ февралѣ мѣсяцѣ умеръ Черевинъ. «Съ нимъ исчезъ, — по словамъ княгини, — могущественнѣйшій челоуѣкъ въ Россіи за послѣднія тринадцать лѣтъ. Его положеніе, какъ начальника III отдѣленія и личнаго друга императора Александра III, сдѣлало его передовымъ челоуѣкомъ въ странѣ. Однако, я сомнѣваюсь, что у него былъ, хотя одинъ, врагъ. Справедливый, добросовѣстный, добрый, благородный, онъ оставилъ послѣ себя незапятнанную репутацію, и всѣ сожалѣли о немъ. Онъ былъ истинный джентльменъ и преданный другъ, котораго знать было настоящей привилегіей. Для меня его смерть послѣ нѣсколькихъ лѣтъ очень тѣсной дружбы была такимъ неожиданнымъ ударомъ, отъ котораго я не оправилась до сего дня. Кромѣ того, что я понесла личную потерю, я лишилась возможности играть роль за кулисами политической исторіи моей страны. Весь мой интересъ къ жизни исчезъ со смертью этого вѣрнаго и преданнаго друга, которому я столькимъ была обязана. Его кончина произвела на меня такое впечатлѣніе, что чрезъ нѣ-

сколько недѣль я уѣхала изъ Петербурга на итальянскія озера, во избѣжаніе петербургскихъ сплетенъ».

Лѣтомъ 1898 года скончался князь Бисмаркъ; хотя княгиня Радзивилль не была въ то время въ Германіи, но упоминаетъ нѣсколько словъ объ исчезновеніи основателя Германской имперіи. Въ слѣдующемъ году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, она видѣла въ послѣдній разъ вдовствующую императрицу Викторію, которая находилась въ Бордигерѣ, сраженная болѣзнью. «Я была поражена перемѣной, происшедшей въ ней,—разсказываетъ княгиня,—ея глаза провалились, и цвѣтъ ея лица сдѣлался сѣрый. Она казалась слабѣе, и ея видъ былъ ужасно изнуренный, однако она не признавала себя больной, а увѣряла, что лишь чувствуетъ послѣдствія паденія съ лошади. Она надѣялась, что прекрасный климатъ береговъ Средиземнаго моря возстановитъ ей здоровье. Конечно, я не смѣла ей противорѣчить, но была убѣждена, что ей было гораздо хуже, чѣмъ она сама признавала». Послѣ тяжелыхъ страданій императрица умерла въ 1901 году, и глубоко любившая ее княгиня Радзивилль должна была проститься съ нею заглазно. «Я всегда, — говоритъ она,—вижу императрицу, какъ видѣла ее въ послѣдній разъ въ Бордигерѣ: она стояла посреди комнаты гостиницы, предъ букетомъ фіалокъ на столѣ; ея маленькая, тщедушная фигура, въ глубокомъ траурѣ, имѣла какое-то отдаленное, не отъ міра сего выраженіе, которое показывается на лицѣ лишь въ тотъ періодъ жизни, когда приближается конецъ».

Съ самаго начала своей книги княгиня Радзивилль хотѣла окончить ее смертью императрицы Викторіи и отложить до второго тома разсказъ о послѣдующихъ событіяхъ, которыя привели ее къ отъѣзду въ южную Африку и знакомству съ знаменитымъ Сесилемъ Родсомъ, имѣвшимъ столь роковое вліяніе на ея судьбу. Но издатель «Воспоминаній» уприсилъ княгиню написать добавочную главу къ первому тому и посвятить ее Сесилю Родсу, его характеристикѣ и опредѣленію его личности. Хотя она чувствовала, что была послѣднимъ лицомъ, которое должно бы заняться подобнымъ дѣломъ, но все-таки исполнила желаніе издателя и много наговорила о такъ называемомъ африканскомъ Наполеонѣ, не сказавъ ни слова о своихъ отношеніяхъ къ нему и о печальной исторіи, которою они кончились. Такимъ образомъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ княгини Радзивилль приходится искать въ случайныхъ газетныхъ статьяхъ и особенно въ отзывахъ о ней близкаго ея пріятеля Стэда, прибавивъ для полноты нѣсколько отрывковъ изъ послѣдней главы ея книги.

Стэдъ познакомился съ княгиней Радзивилль въ Петербургѣ въ 1888 году, когда она окончательно поселилась въ Россіи. По ея словамъ, переселеніе ея произошло по семейнымъ обстоятельствамъ послѣ смерти ея отца, но Стэдъ увѣряетъ, что она не

добровольно переѣхала изъ Берлина, а въ сущности была изгнана оттуда княземъ Бисмаркомъ, который считалъ ее другомъ императрицы Викторіи, а слѣдовательно своимъ опаснымъ врагомъ. Кромѣ того, Стэдъ сообщаетъ, что княгиня Радзивилль написала, но на какомъ языкѣ неизвѣстно, романъ, который надѣлалъ большой шумъ, представивъ подноготную германской политики. Вообще англійскій журналистъ упоминаетъ о княгинѣ, какъ объ очаровательной свѣтской женщинѣ и замѣчательномъ политическомъ дѣятелѣ. Потомъ прошло 11 лѣтъ, и онъ совсѣмъ потерялъ ее изъ вида, но вотъ въ 1899 году онъ неожиданно получилъ отъ нея письмо изъ южной Африки съ небольшою статьей о Сесилѣ Родсѣ. Онъ напечаталъ эту статью въ «Review of Review's», и она оказалась самымъ хвалебнымъ панегирикомъ южно-африканскаго дѣятеля, котораго она сравнивала съ Цезаремъ и Петромъ Великимъ. Въ слѣдующемъ году Стэдъ въ журнальномъ обзорѣннн своего «Review» помѣстилъ отрывокъ изъ другой статьи княгини Радзивилль о томъ же Родсѣ, напечатанной въ «North American Review». На этотъ разъ, отзываясь съ такимъ же восторгомъ о первомъ министрѣ капскаго правительства, она предсказывала ему самую блестящую будущность послѣ бурской войны. Къ этой статьѣ Стэдъ прибавилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о княгинѣ Радзивилль, именно, что она развелась съ мужемъ и провела нѣкоторое время въ Южной Африкѣ, съ цѣлью присмотрѣть въ Родезіи за своимъ имуществомъ, которое ей завѣщалъ отецъ. Она вернулась въ Лондонъ незадолго до Родса, освободившагося изъ-подъ осады Кимберлея, и занялась сотрудничествомъ въ англійскихъ и американскихъ журналахъ: «Pall-Mall Gazette», «Review of the Week» и «North American Review». По его словамъ, несмотря на ея полупольское, полурусское происхождение, она писала по-англійски, какъ природная англичанка, а втянулась въ англо-африканскую политику съ такимъ энтузіазмомъ, словно она родилась на отрогахъ Столовыхъ горъ. Въ то время, когда Стэдъ писалъ эти строки, она снова собиралась въ Родезію вмѣстѣ съ своимъ сыномъ.

Во время этого вторичнаго пребыванія въ южной Африкѣ произошла роковая и таинственная исторія княгини Радзивилль: она поссорилась съ Родсомъ, и онъ отдалъ ее подъ судъ, который присудилъ княгиню къ двухлѣтнему тюремному заключенію за выдачу фальшивыхъ чековъ на имя Сесилия Родса. Сама она не упоминаетъ ни слова объ этой катастрофѣ, и потому не имѣется никакихъ подробностей, пока не выйдетъ второго тома ея воспоминаній, и то еще врядъ-ли. Такимъ образомъ мы должны довольствоваться туманными и призрачными выраженіями о ея исторіи. «Въ тѣ длинныя, скучныя мѣсяцы, которые я провела въ то время въ грустныхъ размышленіяхъ о прошедшемъ,—говоритъ княгиня,—я старалась составить себѣ справедливое мнѣніе о мистерѣ Родсѣ. Несмотря

на все зло, сдѣланное имъ мнѣ, невозможно упомянуть его имени безъ восторженнаго удивленія къ его великимъ талантамъ и необыкновеннымъ качествамъ, которые невольно заставляютъ имъ восторгаться. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ замѣчательный, но подвергался растлѣвающему вліянію южно-африканскаго климата и тамошней жизни; онъ не имѣлъ никакого понятія о вліяніи добра и зла и главнымъ образомъ подчинялся страстямъ, непреодолимой жадѣ мести и безповоротному самолюбію. При этомъ онъ былъ равнодушенъ ко всѣмъ и гордо выказывалъ это равнодушіе. Такъ, однажды, на своей южно-африканской виллѣ Гругъ-Мууръ, гдѣ Родсъ принималъ большое общество, и въ присутствіи приглашенныхъ, въ томъ числѣ меня, онъ рассказывалъ о возстаніи племени Мотабила. Вдругъ онъ что-то запямятовалъ и, обратясь къ сыну Лобенгулы, бывшаго начальника этого племени, въ то время работавшему у него простымъ поселяниномъ, спросилъ: «Скажи, въ которомъ году я убилъ твоего отца?» Благодаря этой непріятной сторонѣ его характера, онъ былъ ненавистенъ для всѣхъ».

Далѣе княгиня Радзивилль подробно разбираетъ способности Родса. По ея словамъ, онъ былъ отъ природы настоящей итальянскій кондотьеръ XV вѣка. Онъ жаждалъ только одного—власти, и стремился только къ одному—къ силѣ. Самое эгоистичное себялюбіе превышало въ немъ патріотизмъ и всѣ другія благородныя чувства. «Однако,—увѣряетъ княгиня,—виѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не было ничего мелкаго или низкаго, и онъ стремился къ общей пользѣ, если только она достигалась чрезъ него и благодаря ему. Главнымъ его недостаткомъ было то, что онъ не имѣлъ друзей и подчинялся лживымъ, невѣрнымъ людямъ. Онъ никогда не сознавалъ, что совершилъ нѣчто дурное, а постоянно восторгался всѣмъ, что дѣлалъ, что говорилъ, или думалъ. Онъ полагалъ, что никто не могъ ему сопротивляться, а тотъ, кто ему сопротивлялся, былъ его врагомъ или орудіемъ враговъ. Причина ссоры, которая произошла между нами, заключалась именно въ этомъ; онъ полагалъ, что я ему измѣнила, онъ думалъ, или скорѣе его заставили думать, что я во зло употребила знаніе фактовъ, которые могли ему повредить, и онъ не хотѣлъ признать, что, если бы я измѣнила тѣмъ, которые поручили мнѣ свою жизнь и безопасность, я была бы въ состояніи предать и его. Я должна сказать, хотя и рискую подвергнуться обвиненію въ неестественности, что онъ не такъ виновенъ въ своемъ поступкѣ относительно меня, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Въ сущности, онъ вполне довѣрился мнѣ, и его увѣрили, что я ему измѣнила. Если бы я это сдѣлала, то была бы гнуснымъ существомъ, хотя это нисколько не оправдывало бы его обвиненія противъ меня. Но онъ никого въ жизни не жалѣлъ, и этимъ отчасти извиняется то, что онъ сдѣлалъ со мной. Онъ зналъ, что я держала въ рукахъ его политическую репутацію, и онъ не

понималъ, что хотя я не могла сдѣлаться его орудиемъ и погубить тѣхъ, которые мнѣ довѣрились, но въ то же время я такъ глубоко была привязана къ нему, что не могла иначе поступать, какъ его защищать во всѣхъ его дѣйствіяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ, если бы даже онъ не былъ достоинъ защиты. Не понимая меня, онъ былъ доведенъ до послѣдней степени раздраженія и сдѣлалъ мнѣ то, чѣмъ угрожалъ, т.-е. моей гибелью».

Княгиня болѣе никогда не встрѣчалась съ нимъ; только издали видѣла его въ окнѣ незадолго до его смерти. Ей такъ было жалко видѣть этого генія, архимилліонера и колосса такимъ одинокимъ, изнеможеннымъ, что она невольно расплакалась и послала ему сказать, что она его за все прощаетъ. Эта вѣсть, повидимому, не достигла несчастнаго колосса, и княгиня говоритъ, что «вполнѣ убѣждена, будто онъ умеръ бы счастливѣе, получивъ отъ нея эту послѣднюю вѣсточку».

Такимъ образомъ княгиня Радзивилль заканчиваетъ роковую исторію ея отношеній къ Сесилію Родсу, накидывая на нее таинственную завѣсу. Что касается до истинной правды, то врядъ ли придется ея дожидаться въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ княгини.

В. Тимирязевъ.

В. А. ЖУКОВСКИЙ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ «ЗАВИСТЛИВЫХЪ ВЪКОВЪ»¹⁾.

Ы НЕ СДѢЛАЕМЪ большой ошибки, если скажемъ, что до сихъ поръ совсѣмъ не знали Жуковского, или же знали его плохо. Мы не имѣли правдивой его биографіи, потому что всѣ прежніе биографы подходили къ своей задачѣ съ заранѣе готовыми взглядами, основанными на нѣсколькихъ отзывахъ друзей поэта, на двухъ-трехъ случайныхъ поступкахъ и столь же случайныхъ стихотвореніяхъ. Не имѣли мы и поэтики Жуковского, потому что вся его «пріятно-унылая» поэзія томнаго чувства и таинственныхъ видѣній покрыта флеровой мантией меланхоліи и задумчивой мечтательности, потому что она полна жалобъ на несбывшіяся надежды и грусти по утраченномъ счастьѣ, потому что она соткана изъ мистическихъ тѣней и неясныхъ призраковъ. Вся поэзія его дышитъ тоскливою скорбью по сердечныхъ потеряхъ, благоухаетъ наивной сельской идилліей, стремится въ туманныя и вѣчно-блаженныя страны, наполняетъ міръ сказочными страхами съ сонмомъ чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ, однимъ словомъ, даетъ нѣчто незримое, невѣдомое, неуловимое. Реальнымъ и осязательнымъ остается въ ней одно на-

¹⁾ Академикъ А. Н. Веселовскій. В. А. Жуковский. Поэзія чувства и «сердечнаго воображенія». Съ приложеніемъ шести фототипій. С.-Петербургъ, 1904 г., стр. XII+546.

строение, которое затмеваетъ собой остальные стороны его поэтического творчества. Поэтому у всѣхъ біографовъ получался не живой образъ Жуковского, не живописный его портретъ или точная фотографія, а «иконописный» стереотипъ, и прежде всего—слишкомъ идеальный. Поэтому всѣ критики преклонялись предъ одной правдой настроенія, принимая ее за результатъ искренняго вдохновенія, непосредственнаго чувства, повторяя оцѣнку Жуковского, сдѣланную еще современниками поэта, и проходя мимо многихъ болѣе характерныхъ проявленій его поэзи.

Новѣйшая критика задается иными цѣлями. Она направляетъ анализъ не на одну личность поэта, а выясняетъ общественно-психологическій типъ; она заставляетъ говорить самого Жуковского фразами его писемъ, дневниковъ и стихотвореній, оставляя въ сторонѣ слишкомъ благоговѣйные отзывы прежнихъ историковъ,—и характеристика пѣвца «чувства и сердечнаго воображенія» оказывается нѣсколько отрицательной и болѣе реальной.

I.

Не нужно забывать, что Жуковский выступилъ на литературное поприще въ одинъ изъ такихъ историческихъ моментовъ, когда общественные интересы какъ будто не существуютъ и уступаютъ мѣсто совершенствованію нравственныхъ началъ «человѣка»; когда идеалы гражданина убиваются выдвинутой на главный планъ личностью; когда требованія разсудка замѣняются стремленіями сердца, когда активная дѣятельность замираетъ предъ мечтами о «человѣчествѣ». Это—эпохи затишья общественности. Представленіе о всеобщемъ прогрессѣ въ такія эпохи замыкается въ предѣлы отдѣльной личности, для которой не нужны ни широкіе политическіе горизонты, ни единодушныя общества, ни интенсивные центры; когда поэты, какъ вѣрные выразители жизни, сентиментальничаютъ и ищутъ идеала въ самихъ себѣ, въ тѣсной семьѣ и кружкѣ друзей, въ глухой деревнѣ, въ мирномъ чувствѣ, сосѣдствующемъ съ религіей. Общественное развитіе они считаютъ результатомъ личнаго, въ связи съ этимъ проповѣдуютъ тихую историческую эволюцію при условіи сохраненія устоевъ старой жизни, берегутъ ихъ, страшатся всего новаго и потому не двигаются впередъ.

Такому идеалу Жуковский былъ вѣренъ съ раннихъ лѣтъ—былъ вѣренъ и въ жизни, и въ поэзи. Но онъ остался вѣренъ ему навсегда, хотя сознательно жилъ, писалъ и руководилъ другими болѣе полувѣка. Въ этомъ консерватизмѣ и кроется его основная ошибка. Жизнь шла своимъ чередомъ, жизнь бурная, увлекавшая за собой его друзей, сверстниковъ, подростающее поколѣніе. Но время шло какъ будто мимо поэта, не оставляя на немъ никакихъ слѣдовъ, словно столѣтія, щадившія «Странствующаго Жида», и

Жуковский оставался тѣмъ же «Бѣлевскимъ обывателемъ». Всѣ успѣли опередить его, а самъ онъ, вѣрный въ любви, неизмѣнный въ дружбѣ, мечтательный въ поэзіи, существовалъ внѣ времени и его моральныхъ требованій, стоялъ особнякомъ отъ перебоя литературныхъ теченій, смѣло и властно проявлявшихъ свои права на существованіе, быстро смѣнявшихъ другъ друга отъ сентиментализма въ духѣ Карамзина и до реализма, опередившаго Западъ. Вся связь Жуковского съ этими теченіями состояла развѣ въ томъ, что, быстро переживъ увлеченіе державинскимъ псевдоклассицизмомъ и заплативъ ему дань нѣсколькими подражаніями («Майское утро» 1797 г., «Могущество, слава и благоденствіе Россіи» 1799 г.),— онъ еще на зарѣ юности всецѣло отдался во власть сентиментализма, назвалъ Карамзина своимъ учителемъ поэзіи и жизни, своимъ «евангелистомъ», а затѣмъ всю жизнь провелъ «на островахъ блаженныхъ въ ожиданіи будущаго, которое осуществило бы идеалы его прошлаго». Женственный и мягкій, склонный къ мечтательной неподвижности и всепримиряющему «миролюбію», онъ не былъ способенъ искать новыхъ путей въ жизни и поэзіи, замѣтно сторонился всякихъ новшествъ въ политикѣ и литературѣ, осуждалъ все неизвѣстное ему, даже лучшее, чѣмъ то худшее, которое было уже извѣстно. «Кто дерзаетъ на настоящее вѣрное зло для будущаго невѣрнаго блага, тотъ—злодѣй»,—вотъ его твердое убѣжденіе, и ему онъ остается вѣренъ на всю жизнь. Поэтому на всемъ пространствѣ своей долгой дѣятельности Жуковский остается тѣмъ же «чувствительникомъ», какимъ застала его пора юности. «Лебединый пращуръ», онъ сохранялъ въ себѣ ту же спокойную и въ сущности эгоистическую «чувствительность», съ которой выступилъ чуть не первыми литературными опытами («Мысли на гробницѣ» 1797 г.). Поэтому понятна и сравнительно узкая популярность его среди современнаго поколѣнія, и почти полное забвеніе въ послѣдующемъ. Его пѣсни съ ихъ «плѣнительной сладостью» не пережили поэта, какъ пророчествовалъ Пушкинъ, не донеслись къ потомкамъ въ живомъ образѣ сквозь «вѣковъ завистливую даль». Самъ Жуковский всецѣло перешелъ въ область исторіи, и настало время для суда надъ нимъ этихъ «вѣковъ», суда историка и гражданина.

Главной чертой характера Жуковского можно назвать его пассивность, безволіе, непротивленіе, душевную вялость—неизбѣжные спутники сентиментальной натуры и поэзіи. Борьбы онъ не знаетъ ни въ чемъ. Жизнь смѣло руководитъ имъ, и онъ отдается ей власти безъ душевныхъ усилій. Онъ находится въ подчиненіи у факта, предъ которымъ всегда уступаетъ: если и вѣритъ, что «время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ», то сейчасъ же прибавляетъ: «это дѣло его, а не наше», и старательно избѣгаетъ какой бы то ни было активной роли. Этой чер-

той объясняется, почему Жуковский так старательно ищетъ дружбы болѣе сильныхъ натуръ и находитъ въ нихъ опору, такъ легко жертвуетъ личнымъ счастьемъ для блага другихъ и самоотверженно склоняется къ платоническому участию въ чужомъ благоденствіи, такъ терпѣливо переноситъ собственные удары и утѣшается воспоминаніями о сердечныхъ утратахъ, такъ твердо надѣется на лучшее въ невѣдомомъ мірѣ и проходитъ мимо всего прочнаго на землѣ. Его натура не знаетъ крайностей, и «золотая середина» — лучшее опредѣленіе для всего его существа. Онъ любитъ безъ страсти, надѣется безъ рѣшимости, привязывается безъ порывовъ, мечтаетъ безъ исканій. Его радость лишена бурнаго увлеченія, тоска его никогда не доходитъ до отчаянія, доброжелательность къ людямъ не обращается въ живое пламя. Единственно, что спасаетъ его отъ пошлости въ его «умѣренныхъ желаніяхъ», какъ тогда говорили — «посредственности», это — красота общаго настроенія, изящество задумчивости. Они способны и теперь утѣшить «безмолвную печаль», привести въ раздумье «рѣзвую радость», но едва ли, «внемя имъ, вдохнетъ о славѣ младость», потому что путь къ славѣ соединенъ съ представленіемъ о подвигѣ, силѣ, самопожертвованіи, энергіи, цѣльности натуры...

Въ поэзіи Жуковскаго нѣтъ бодрящихъ мотивовъ, а въ жизни онъ былъ образцомъ «умѣренности» — «сердечъ высокихъ впечатка»: «одною скромностью желаній мы счастливы», — говоритъ онъ (1806 г.). Добрый и незлобивый, мягкій и ласковый, уступчивый и покладистый, дѣтски-вѣрующій и не безъ слезливости чувствительный, Жуковский во всемъ ставитъ на первый планъ «миролюбіе», граничащее съ безразличіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, онъ весь — «небесная душа», «воплощеніе безконечной доброты», «свѣтящійся, какъ зеркало, съ котораго исчезаетъ послѣднее дуновение», «гуманистъ сентиментальной эпохи»; съ другой — человѣкъ, всегда готовый на компромиссы. Онъ самъ замѣчаетъ въ дневникѣ, что въ немъ «два человѣка: одинъ высокій и чистый, другой мелочной и слабый» (1814 г.). И эта характеристика, освѣщенная нѣсколькими фактами, почти совѣмъ обезцѣниваетъ твердо установившееся представленіе о высокой чистотѣ поэта, о хрустальной прозрачности его души.

II.

Отсутствіе цѣльности въ Жуковскомъ и стремленіе къ «миролюбію» обезцѣниваютъ и хорошія стороны его характера. Онъ допускаетъ раздвоеніе въ личной жизни, въ увлеченіяхъ и матримониальныхъ вопросахъ, правда, на правахъ типичной для его времени «влюбленной дружбы». Андрей Тургеневъ упрекаетъ Жуковскаго въ томъ, что онъ одновременно увлекается и Анной Михайловной Со-

ковниной и Марьей Михайловной Свѣчиной: сентиментальничаетъ съ одной и думаетъ «отнять другое»—хочетъ сразу «владѣть тамъ и тамъ» (1801 г.). И впоследствии Жуковский не разъ выходитъ изъ такихъ pas-à-pas, изъ своей amitié amoureuse—или въ сторону любви, или въ сторону дружбы, смотря по обстоятельствамъ. Въ бумагахъ его замѣчается укрывательство: стихи, написанные имъ въ день своего рожденія и обращенные къ кузинѣ, онъ помѣчаетъ: «къ маменькѣ»; другое стихотвореніе къ той же Машѣ Протасовой о будущемъ совмѣстномъ житьѣ онъ помѣчаетъ: «расписка Маши Кирѣвской», на самомъ дѣлѣ въ то время еще трехлѣтней дѣвочки (1814 г.). Послѣ цѣлаго ряда неудачъ онъ женится на Елисаветѣ Рейтернѣ, которая моложе его на 40 лѣтъ; дѣлаетъ предложеніе, превозмогая застѣнчивость своего старчества, маскируя его шуткой-гротескомъ. Записанный въ московское ополченіе, онъ не участвуетъ ни въ одномъ сраженіи, не знакомится съ подробностями «кровавой свалки», лежитъ въ Вильнѣ въ горячкѣ—и получаетъ Анну второй степени вмѣстѣ съ чиномъ штабъ-капитана за отличіе подъ Бородинымъ и Краснымъ. На ряду съ задумчивой мечтательностью о вѣчно-блаженной странѣ, съ стремленіями къ небесной выси, въ немъ уживаются математическія вычисленія о возможно лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи. Въ характерѣ Жуковского замѣчаются переходы отъ беззаботнаго смѣха, пародіи и карикатуры къ тоскливой меланхоліи, загробнымъ чудовищамъ, страшнымъ привидѣніямъ— «перебой» напускного и искренняго, смѣна рефлекса и чувства, чередованіе свѣта и тѣни. И здѣсь онъ сохраняетъ за собой выходъ или къ мадригалу, или къ нравоученію; изъ «гробового престестника» онъ могъ превратиться въ «шутовскихъ дѣлъ мастера» (Вяземскій). Такія же противорѣчія окажутся и въ общественныхъ его взглядахъ. Сознывая свою слабость и «умѣренность», Жуковский говоритъ:

Орелъ летитъ отважно въ горный край,
Пчела свой медъ на скромномъ копить дугѣ.

И напрасно друзья звали его въ свой «горный край»: Жуковский былъ далекъ отъ жизни, и его поэзія не была ея отголоскомъ. Довольно рано онъ замѣчаетъ въ дневникѣ отсутствіе «способностей публичнаго человѣка» (1804 г.); на призывъ Вяземскаго не находитъ въ себѣ силъ стать «гражданскимъ пѣснопѣвцемъ» (1821 г.); позднѣе пишетъ, что онъ «въ политикѣ не судья, ибо для того нужна опытность политическая, которой я не имѣю» (1850 г.). Изъ другихъ фактовъ мы убѣдимся, что у него въ сущности не было общественныхъ взглядовъ, которые уступали болѣе широкому принципу—религіозному. Его «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», полный еще ложноклассическихъ чертъ, поддер-

живаль ожиданіе друзей, что Жуковскій создастъ впоследствии нѣчто болѣе цѣльное и грандіозное въ томъ же духѣ, но нѣсколько торжественныхъ стихотвореній, воспѣвающихъ блестящее прошлое Россіи, какъ залогъ прекраснаго настоящаго («Русская слава» 1831 г., «Бородинская годовщина» 1839 г.), не отзываются на современныя темы и тѣмъ же Вяземскимъ заклеены кличкой «шинельныхъ стиховъ». А. Тургеневъ пробуетъ оправдать поэта въ этой боязни настоящаго: «у него все для души: душа его въ въ талантѣ, и талантъ въ душѣ» (1821 г.). Но Вяземскій не удовлетворенъ оправданіемъ друга.—«У Жуковскаго все душа и все для души,—отвѣчаетъ онъ.—Но душа, свидѣтельница настоящихъ событій, видя эшафоты, которые громоздятъ для убіенія народовъ, для зарѣзанія свободы, не должна и не можетъ теряться въ идеальной Аркадіи. Шиллеръ гремѣлъ въ пользу притѣсненныхъ. Байронъ, который носится въ облакахъ, спускается на землю, чтобы грянуть негодованіемъ въ притѣснителей, и краски его романтизма сливаются часто съ красками политическими. Дѣлать теперь нечего: поэту должно искать иногда вдохновенія въ газетахъ. Прежде поэты терялись въ метафизикѣ, теперь чудесное, сей великій помощникъ поэзіи,—на землѣ».

Но Жуковскій далекъ отъ земли. Онъ грозно осуждаетъ Западъ, находящійся «въ плачевномъ состояніи», гдѣ «математически-гордый умъ гонитъ Бога съ мѣста» (1833 г.). «Мощному первенцу творенья—русскому великану», онъ противопоставляетъ полулѣвовую «мелодраму», которую сыграла Франція (1848 г.). Принимаясь за переводъ «Одиссеи», онъ желаетъ перенестись въ тотъ «потерянный эдемъ, въ которомъ во время оно дышалось такъ легко». Ему кажется гармонически очаровательнымъ шопотъ эллинскаго старца «посреди визговъ и мѣфитическаго зловонія бунтующей толпы парламентскихъ болтуновъ и ложно вдохновенныхъ поэтовъ настоящаго времени» (1849 г.). Даже больше того: по его мнѣнію, «образованность сдѣлалась плодомъ безъ зерна». Но и въ осужденіи Запада у Жуковскаго нельзя прослѣдить послѣдовательности. Въ одномъ письмѣ онъ превозноситъ «визжащую силу» Петра Великаго и видитъ богатую жатву отъ вспаханной пмъ дикой почвы Россіи (1841 г.); въ другомъ требуетъ «отгородить Россію отъ заразы китайской стѣной» и называетъ насиліемъ преобразованія Петра, могучая рука котораго бросила насъ «на дорогу намъ чуждую» (1848 г.). Жуковскій отворачивается отъ «лежащей въ конвульсіяхъ современности» и обращаетъ взоры назадъ, къ старымъ завѣтамъ. На первомъ планѣ у него одна традиція и боязнь неизвѣстнаго будущаго, хотя бы и прекраснаго. Его общественный идеалъ сводится къ мѣщанскимъ мечтаніямъ добродѣтельнаго филистера: «соблюдать божескую правду», «жить самому

и жить давать другимъ», «не говорить правды въ глаза, если она вредна», вообще избѣгать «ѣдкой дѣятельности ума человѣческаго» и т. д.—все сентенціи въ духѣ «миролюбія», философски-оппортунистическаго «тамъ и тамъ».

III.

Въ связи съ этимъ находятся и литературные вкусы Жуковского. Онъ не понимаетъ героевъ съ сильной волей, въ своихъ сюжетахъ избѣгаетъ всего мучительнаго и яснаго, предпочитая ихъ спокойному и туманному. Онъ называетъ Гейне «свободнымъ собирателемъ и провозгласителемъ всего низкаго, отвратительнаго и развратнаго», «темнымъ демономъ, насмѣшливо являющимся въ образѣ свѣтломъ, чтобы прелестью красоты заманить насъ въ свою грязную бездну». Въ его поэзіи видитъ не только «полное отсутствіе чистоты», но даже «нахальное ругательство надъ поэтической красотой», «презрѣніе всякой святости и циническое, безстыдно-дерзкое богохульство, вызовъ на буйство, на невѣріе, на угожденіе чувственности, на разнузданіе всѣхъ страстей, на отрицаніе всякой власти». Не плѣнялъ Жуковского и Байронъ, «не черпалъ онъ изъ него жизни» и «дремалъ надъ нимъ»; не постигалъ глубины Гете, переводилъ лишь болѣе слабыя его произведенія, не замѣчая лучшихъ; наконецъ, не признавалъ «противныхъ героевъ нашего времени, Онѣгиныхъ и прочихъ многихъ: это — бѣсы, вылетѣвшіе изъ грязной лужи нашего времени, зачавшіеся въ утробѣ Вертера и расплодившіеся отъ Донъ-Жуана и прочихъ героевъ Байрона». Еще болѣе прямолинейно его мнѣніе о декабристахъ— «разбойникахъ, возмутителяхъ, у которыхъ даже не видно фанатизма, а просто звѣрская жажда крови безъ всякой даже химерической цѣли»; ихъ мечты объ общемъ благѣ онъ называетъ «фальшивой свободой». И здѣсь мы встрѣчаемся съ противорѣчіями—результатомъ «миролюбія». Онъ ходатайствуетъ за нѣкоторыхъ декабристовъ, реабилитируетъ Пушкина предъ всемогущимъ шефомъ жандармовъ, и эта двойственность — результатъ не гражданскаго мужества, а отсутствія общественныхъ идеаловъ, вялости ума, безхарактерности. Вяземскій припоминаетъ, какъ Жуковский одновременно «пилъ съ Чебышевымъ и клялся Катенинымъ»; «въ первую субботу напьется съ Карамзинымъ, а въ другую съ Шишковымъ»; «какъ попрыгунья стрекоза, онъ поминутно перескакиваетъ этотъ шагъ то взадъ, то впередъ» и т. д. Противорѣчій много. Съ одной стороны, онъ считаетъ необходимымъ даровать крѣпостнымъ свободное состояніе (1806 г.); съ другой, считаетъ вреднымъ для нихъ «излишество образованія», которое отучитъ ихъ наслаждаться тѣмъ жребіемъ, «въ который помѣщены они судьбою» (1808 г.); въ письмѣ къ наслѣднику выражаетъ увѣрен-

ность, что правительство уничтожить «искусственныхъ пролетаріевъ», которыхъ само и произвело (1848 г.), хотя свободу видитъ не въ «безумномъ равенствѣ правъ», а въ «независимости каждаго на его мѣстѣ». И эти мысли далеко не случайны; это — тѣ самые «человѣческіе документы», которыхъ не замѣчали прежніе біографы, настроенные черезчуръ благоговѣйно къ Жуковскому.

Переходимъ къ поэзіи Жуковскаго — и она полна такихъ же компромиссовъ. Прежде всего, въ выборѣ оригиналовъ для перевода онъ останавливается на томъ, что подходитъ подъ его собственный кругозоръ, и передаетъ ихъ не точно, а съ передѣлками, «прикрашивая», стараясь или «превзойти» или умѣрить тонъ, выпуская то, что не соотвѣтствуетъ его личнымъ вкусамъ, не отвѣчаетъ его лейтмотиву — «сердечному воображенію». Поэтому у него вырабатывается своеобразный взглядъ на задачи переводчика: если переводъ не даетъ тѣхъ же самыхъ красотъ, что въ оригиналѣ, то долженъ дать хотя бы такое же количество красотъ — все равно, что должникъ вернетъ опредѣленную сумму мелкой монетой вмѣсто крупной. Энергичность оригинала можно вознаградить гармоніей, яркіе образы — рефлексіей, краткость — богатствомъ и т. д. Какъ оригинальный поэтъ, Жуковскій несправедливо называется наслѣдителемъ у насъ европейскаго романтизма: самое большее — если онъ былъ только «у преддверія романтизма», такъ какъ сущность послѣдняго осталась непонятою. Самое главное — у него нѣтъ народности; онъ не постигъ особенностей духовной физіономіи народа, къ ней онъ не обращался ни за широтой содержанія, ни за красотой формы. Во-вторыхъ, національная старина не идетъ у него дальше декорацій и русскихъ именъ въ родѣ руссифицированной Леноры—Свѣтланы, Милолики, Любомира, Горюна, Чернобога, Берендея, Чурилы, Ивана-Царевича или Алеши Поповича. Правъ былъ Вяземскій, когда говорилъ, что въ своей поэзіи Жуковскій «все-таки остается лебедемъ, играющимъ на свѣжемъ и чистомъ лонѣ свѣтлаго озера, а не уткой, которая полощется на грязномъ дворѣ корчмы или харчевни». Однимъ словомъ, русскую старину онъ передѣлываетъ по рыцарски-романтическому рецепту съ крикливымъ патриотическимъ освѣщеніемъ. Наконецъ, консерваторомъ оказывается Жуковскій и въ эстетическихъ вопросахъ, такъ какъ повторяетъ устарѣлыя требованія ложноклассической школы: искусство, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы «украшать природу, особенно — въ томъ, чтобы ее прятать».

Но поэзія — одинъ изъ видовъ искусства. Каковы же взгляды Жуковскаго на поэзію и ея задачи? Зная его характеръ, можно предугадать, что и здѣсь его мнѣнія не вполне ясны, расплывчаты, уныло-мечтательны и противорѣчивы. «Поэзія есть добродѣтель», — говоритъ онъ; «поэзія — счастье, то есть тишина души, надежда въ будущемъ, наслажденіе въ настоящемъ»; «поэзія есть Богъ въ

святыхъ мечтахъ земли» или «мечта истины, то-есть ея земной образъ, если только эта мечта есть святая». «Не надобно думать,— читаемъ въ другомъ мѣстѣ,— что она только забава воображенія: она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли; поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію». Поэтъ— «святыхъ добра законовъ толкователь», долженъ «любовь къ добру переливать въ сердца». Такихъ фразъ у него много, но онѣ нисколько не говорятъ объ устойчивости его убѣжденій, потому что остаются только фразами, не оправданными имъ самимъ на дѣлѣ. Приходится сомнѣваться даже въ искренности его чувства, потому что Жуковский находится подъ вліяніемъ не столько реальныхъ и глубокихъ движеній своей души, сколько идей отвлеченныхъ, происшествій воображаемыхъ. Самовнушеніе, поводъ къ умиленію, движеніе кажущееся—все это для «ложночувственника» замѣняетъ дѣйствительное чувство. Для выраженія его у поэта всегда наготовѣ «клише»: «для сердца минувшее вѣчно» повторяется у него на пространствѣ тридцати лѣтъ (1804—1833 гг.); «все въ жизни къ великому средство»—такой же стереотипъ.

IV.

Имѣетъ ли поэзія Жуковского воспитательное значеніе? И на этотъ вопросъ придется отвѣтить отрицательно. Едва ли ктонибудь обратится къ его поэзіи за разрѣшеніемъ мучительныхъ сомнѣній; едва ли ктонибудь пойдетъ на призывъ его героевъ. Впрочемъ, они никуда и не зовутъ. Они слишкомъ «миролюбивы», пассивны, блѣдны. Они не привлекаютъ и не увлекаютъ насъ. При узкомъ же общественномъ кругозорѣ поэта, при бѣдности содержанія его внутренняго міра,—поэзія Жуковского лишена разнообразія, слишкомъ индивидуальна и въ сущности эгоистична. Если «душа поэта арѣетъ страданіемъ», то эти страданія возникаютъ у него только за себя, но не за общество и не вызваны противорѣчіемъ между идеаломъ и дѣйствительностью. Съ другой стороны, его лирика туманна, неестественна, холодна, воспроизводитъ неуловимыя движенія чувства, неслышныя колебанія настроенія, а потому лишена яркихъ красокъ, во многихъ же случаяхъ — риторична. Въ этомъ виновато отсутствіе у Жуковского темперамента, опредѣленныхъ взглядовъ на идеаль, на прекрасное, которое, по его мнѣнію, недостижимо потому, что оно «здѣсь не дома». Оно является только минутами съ тѣмъ, «чтобы намъ сказаться, оживить насъ, возвысить нашу душу, но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ». Да и напрасно постигать его, такъ какъ съ познаніемъ прекраснаго связана тоска по тайно ожидаемому, грусть по невозвратному.

Нѣтъ, Жуковскій не учитель жизни ни для насъ, ни для его современниковъ, отъ которыхъ онъ отсталъ, а потому былъ одинокъ. Появленіе «Одиссеи» было «не для настоящаго времени,— писалъ Гоголь.—Ее привѣтствовали уже отходящіе люди» (1849 г.). Для унынія, мечтаній, вздоховъ, мрачныхъ привидѣній, луны и стремленій въ надзвѣздные края бываетъ свой чередъ. Настала новая пора, и человѣчество потребовало бодрости, ясности, дѣятельности, живыхъ борцовъ, солнца, счастья въ этомъ мірѣ. Жуковскій сознавалъ, что ему заказано хотя бы на мигъ разгуляться съ молодежью, что на пиру ея,

Гдѣ все кипитъ, поетъ, кружится, блещетъ,
 Неловко старику. На вашъ ужъ ладъ
 Мнѣ не поется. Лѣта измѣнили
 Мою поэзію. Она теперь,
 Какъ я, состарилась и присмирѣла...

Жуковскій чуждъ и нашему времени. Сопоставимъ два стихотворенія, оба переводныя — его «Орелъ и Голубка» (изъ Гейне) и Мерешковскаго «На птичьемъ рынкѣ» (изъ Анри Казалиса),— и найдемъ, что между нами и имъ—глубокая пропасть. Раненый орелъ не можетъ летать, съ грустью смотритъ на небо, на солнце, на дерево, подъ которымъ гуляетъ голубка съ голубкомъ. Она утѣшаетъ орла: «здѣсь все, что нужно для простаго счастья—благоуханіе и сѣнь оливы, и вечеръ золотой».

— О другъ! Повѣрь,
 Умѣренность — прямое счастье;
 Съ умѣренностью мы
 Вездѣ и всѣмъ довольны.
 — О мудрость! — прошепталъ орелъ,
 Въ себя сурово погружившись,—
 Ты разсуждаешь, какъ голубка.

Другая картина. Безпомощно опустивъ крылья, въ тупомъ отчаяннѣ смеживъ зрачки, на птичьемъ рынкѣ въ клѣткѣ тоскуетъ орелъ.

А рядомъ, мирный уголокъ,
 Гдѣ, о свободѣ не горюя,
 Съ голубкой счастливъ голубокъ,
 Цѣлуясь, нѣжась и воркуя.
 И полонъ дикой красоты,
 Порой выдастъ вворъ надменный
 Орелъ на ласки той четы
 Ничтожной, пошлой и блаженной...

Женственно-нѣжный поэтъ отошелъ въ область исторіи, и властелинами нашихъ думъ стали другіе пѣвцы — мощные, звучные, горящіе живымъ пламенемъ и зовущіе на бой.

А. И. Яцимирскій.

ИЗЪ СЪВЕРНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

ЕДАЛЕКО отъ города Вологды, въ предѣлахъ Вологодскаго уѣзда, находится озеро Кубенское. Крестьяне прибрежнаго села Кубенскаго въ царствованіе императрицы Екатерины II, прося у государыни монопольныхъ правъ на рыболовство въ озерѣ, именовали его «лужею». Эта лужа, расположенная въ открытой котловинѣ, простирается въ длину на 60 верстѣ, при ширинѣ въ 12. По побережью, особенно по лѣвому отъ Вологды, расположилось немало селеній. Черезъ эти селенія пролегаетъ нынѣ путь на г. Кирилловъ, къ святымъ обителямъ Кирилла Бѣлозерскаго и Нила Сорскаго. По этому пути не разъ ѣзжали царственные богомольцы, повелители православной Руси, начиная отъ Василія Темнаго и до Петра Великаго. Не разъ этотъ путь видѣлъ и именитыхъ изгнанниковъ, отправлявшихся на суровое монастырское заточеніе, каковы Шереметевы, Воротынскіе, князья Шуйскій и Черкасскій, митрополитъ Іоасафъ, патріархъ Никонъ и прочіе.

Проѣзжая по Кубенскому побережью, намъ удалось услышать любопытное преданіе, объясняющее происхожденіе одной глухой прибрежной деревеньки. Это преданіе, повидимому, относится къ глубокой древности, къ тѣмъ далекимъ временамъ, когда пустынные берега озера только что начинали населяться.

Вологодскій край, обильный лѣсами и нынѣ, въ прежнее время представлялъ собою сплошную, дикую тайгу. Громадныя сосны

и ели вплотную подходили къ Кубенскому озеру, обрамляя его красивой опушкой и питая снѣжной водой. Въ озеро лились полноводныя рѣки. Несмѣтное множество дикихъ звѣрей водилось въ лѣсахъ, привлекая издалика звѣролововъ. На побережьѣ стали возникать поселки. Такъ началась колонизація края. Дикари финны, жившіе въ лѣсахъ, подъ напоромъ новгородскихъ выходцевъ отходили въ глубь страны, уступая мѣсто пришельцамъ. Послѣдніе мало-по-малу завладѣли краемъ, давая свои названія городкамъ и селеніямъ. Но и новымъ насельникамъ пришлось вести упорную борьбу за обладаніе краемъ. Ватаги злыхъ людей, охочихъ до легкой наживы, рано начали тревожить богатыхъ звѣролововъ, убивая ихъ и унося ихъ добро. Близость опасности заставляла поселенцевъ быть постоянно осторожъ.

Вотъ къ этимъ-то далекимъ временамъ, вѣроятно, и относится записанное нами преданіе.

Близъ одной изъ безчисленныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Кубенское озеро, въ дремучемъ лѣсу, жилъ когда-то охотникъ Прокопій съ женою своею, со взрослою дочерью Норой и двумя дѣтьми малолѣтними. Прокопій построилъ себѣ не шалашъ звѣролова, не въ землянкѣ онъ жилъ, а въ просторной избѣ. Тугой лукъ былъ ему надежнымъ товарищемъ. Подъ облака взвивалась его перьяная стрѣла, поражая на смерть летящую птицу. Ни одинъ звѣрь, ни соболь, ни бобръ, ни лисица, ни росомаха не миновали еще его силковъ и капкановъ. Дружная свора собакъ, зоркихъ и чуткихъ, помогала Прокопію находить звѣря. Хорошо жилось здѣсь семьѣ звѣролова, и счастливъ онъ былъ; ничѣмъ не омрачались его дни. Священный дубъ его, гдѣ обиталъ великій духъ, былъ увѣшенъ множествомъ дорогихъ звѣриныхъ шкуроекъ, принесенныхъ Прокопіемъ въ жертву. Въ священной водѣ родника, холодной, какъ ледъ, и хрустально прозрачной, совершалъ онъ свои омовенія. Звонкій голосъ красавицы Норы, этой чудной наяды лѣсной, полунагой, полуодѣтой, беззаботной, какъ птичка, цѣлыми днями не смолкая звенѣлъ, пробуждая стократное эхо. Ея братья съ рожденія свыклись съ водой и, какъ выдры, подолгу плескались въ ней.

Изъ-за озера поднималось лучезарное солнце, проходило спокойно по небу и садилось за лѣсъ. Такъ проходили дни и годы: жизнь Прокопія текла неизмѣнно.

Однажды красавица Нора съ грудой одежды пошла на рѣку. Былъ чудный, ясный весенній день. Рѣчка быстро мчала въ озеро свои полныя воды. Съ звонкою пѣсней мыла Нора одежду и била по ней мокрымъ валькомъ, стоя на камнѣ. Ей вторили въ кустахъ веселыя пташки. Вдругъ послышался жалобный пискъ. Нора вздрогнула и, оставивъ валежъ, стала смотрѣть въ кусты. Изъ-за цвѣту-

цей лозы торопливо шмыгнулъ хищный копчикъ. Въ когтяхъ онъ держалъ трепетавшую птичку. Нора быстро скочила на берегъ и кинула въ хищника первый попавшійся камень. Копчикъ едва вернулся и выпустилъ жертву свою. Камнемъ упала пѣвунья въ траву, шмыгнула и скрылась изъ глазъ. Надъ ней щебеча носилась подруга ея... Грустно стало красавицѣ Норѣ. Замолкла ея звонкая пѣсня, не стучитъ больше валець,—его давно унесло игривой волной къ бурному озеру.

— Ихъ двое,—думаетъ Нора про птичекъ,—я вѣчно одна. Сердце ищетъ чего-то, по комъ-то болитъ. Не веселитъ меня больше прихода,—тоску нагоняетъ она. Здѣсь все говоритъ о любви:

«Раскрылся подснежникъ подъ лаской тепла,
Фиалка отъ вѣсныхъ дождей расцвѣла...
И ландышъ, подобный наядѣ лѣсной,
Онъ блѣденъ отъ страсти, онъ любитъ весной;
Подъ ласковой тѣнью зеленыхъ вѣтвей,
Подъ искристымъ свѣтомъ горячихъ лучей,
Надъ гладью измѣнчивой, гладью рѣчной
Дрожали кувшинки, цѣлуясь съ волной»...

Нора всюду теперь замѣчала эту истому любви, эту дивную страсть и сама трепетала. Людей, кромѣ родныхъ, она не видала. По временамъ отецъ куда-то исчезалъ,—сбывалъ свои шкурки. Потомъ вновь все шло по-старому.

Нора давненько начала задумываться.

— Зачѣмъ я живу?—думала она:—для кого пою свои пѣсни?

Такъ и теперь задумалась Нора, стоя у рѣчки. Вдругъ до чуткаго слуха ея долетѣли мѣрные удары весель. Нора торопливо положила одежду въ траву и бросилась къ рѣчкѣ въ прибрежные кусты. То, что она увидала, поразило ее. По рѣчкѣ въ легкой ладѣ плыло двѣнадцать удалыхъ молодцовъ. Притаившись въ кустахъ, Нора слышала ихъ разговоры.

— Ну, куда насъ несетъ, непутевыхъ?—ворчалъ одинъ изъ плывущихъ:—аль тетерокъ ловить собрались?...

Но могучій ударъ кулака остановилъ говорившаго.

— Покажи мнѣ, ворона, что послали намъ въ озерѣ волны?—проговорилъ ударившій. Это былъ чудный красавецъ,—впилась въ него Нора очами. Сердце страшно забилося у ней.

— Ой, услышать!—подумала Нора и замерла, прижимая свое трепетавшее сердце. Побитый пловецъ вдругъ поднялъ изъ лодки валець, валець Норы, унесенный волнами.

— Если мы поймали валець,—проговорилъ красавецъ,—то ужель не найдемъ и того, кто владѣлъ валькомъ этимъ? Здѣсь навѣрно живутъ, не упала же онъ съ неба?

— Твоя правда,—гребцы подхватили:—знаешь ты, атаманъ, гдѣ пожива!

Тутъ только Нора узнала, кто эти неожиданные гости, и быстрѣй вѣтра помчалась домой съ недоброю вѣстью.

Но не трусь былъ Прокопій,—онъ услалъ на суземъ (въ глухой лѣсъ) свою семью, а самъ торопливо вышелъ на берегъ рѣки, навстрѣчу грознымъ гостямъ.

— Покорно прошу, гостей дорогихъ!—закричалъ онъ, увидя плывущую лодку.

— Не убить ли?—спросилъ атамана одинъ изъ гребцовъ.

— Успѣемъ, сперва погостимъ,—отвѣчалъ атаманъ, и всѣ вышли на берегъ.

На славу угостилъ гостей Прокопій, чѣмъ только могъ. Между тѣмъ уже ночь наступала. Всѣ разбойники спать захотѣли. Прокопій съ собой уложилъ атамана, а другихъ—на другой половинѣ. Скоро мертвая тишь наступила. Всѣ спали, лишь не спалъ Прокопій. Безшумно онъ вышелъ изъ хаты, поднялся на вышку, вынулъ какіе-то клинья, и потолокъ его хаты мгновенно упалъ, придавивъ собою спящихъ разбойниковъ. Остался въ живыхъ одинъ атаманъ. Онъ пробудился отъ шума. Прокопій былъ уже возлѣ него.

— Какой странный сонъ видѣлъ я,—проговорилъ атаманъ:—летитъ будто бы стадо гусей высоко, высоко. Натянулъ я свой лукъ, спустилъ калену стрѣлу, и передній гусь съ шумомъ упалъ къ ногамъ моимъ. Къ добру ли это, хозяинъ?

Атаманъ хотѣлъ намекнуть Прокопію, что того ожидаетъ скорая смерть. Но не смутился Прокопій.

— Я самъ видѣлъ сонъ еще болѣе странный,—сказалъ онъ,—будто бы на лѣсную полянку спустилось стадо гордыхъ лебедей. Подсмотрѣлъ ихъ я и одной стрѣлой всѣхъ на смерть убилъ.

Догадался тогда атаманъ, что друзья его уже не живы. Гнѣвомъ сверкнули его очи черныя, вскочилъ онъ, схватилъ свою тяжелую палицу и на Прокопія кинулся...

Занималась заря. Лѣсъ въ туманѣ тонулъ. Изъ дебри лѣсной осторожно шли Нора и мать.

— Робкому смерть, храброму честь,—пѣла Нора.

Но вотъ и изба. Страшный шумъ раздается въ ней. Псы голодные яростно лаютъ и рвутся. Мать и Нора приникли къ окну и... застыли.

Какъ разъяренные львы, какъ коршуны дикіе, бьются хозяинъ и гость удалой. Сыплютъ ударъ за ударомъ. Дубовымъ стягомъ защищался Прокопій. Но вотъ и дубовый стяжекъ и тяжелая палица не устояли: въ щелы разбились они. Выхватилъ мечъ свой разбойникъ, Прокопію попался топоръ—и вновь загорѣлась борьба. Нора съ матерью въ избу вошли. Увидалъ атаманъ дочь Прокопія, удвоились силы его,—запылало въ немъ сердце ретивое. Прокопій почувствовалъ слабость.

— Помоги мнѣ, жена,—просить онъ.—Пойди, выпусти псовъ на злодѣя!

— Кто дюжъ, тотъ и мужъ,—отвѣчала жена и не двинулась съ мѣста.

Борются дальше враги. Прибѣжали изъ лѣсу дѣти Прокопія. Но вотъ оружіе вновь измѣнило. Отъ страшнаго удара о топоръ переломился у разбойника булатный мечъ, разлетѣлось у Прокопія топориче надвое. И схватились борцы безъ оружія. Оба, какъ твердая сталь, оба какъ въ землю вросли. Долго длится кровавый бой,—ужъ и солнце взопло, ужъ оно высоко, а борьба все идетъ, не кончается. Наконецъ сталъ Прокопій слабѣть, подаваться, и обратился онъ къ дочкѣ-красавицѣ:

— Ужъ ты, дочь ли моя, дочь любимая, помоги ты мнѣ,—собакъ выпусти.

Но пылаетъ лицо у красавицы, очи страстно впились въ добра молодца, и потупясь промолвила Нора:

— Кто силенъ, тотъ и батько,—ко псамъ не пойду.

Озвѣрѣлъ Прокопій отъ злости, и разомъ свалилъ онъ противника. Ахнула Нора, схватилась за сердце, а борцы уже вновь на ногахъ, снова борются.

Не въ моготу вновь стало Прокопью, увидалъ онъ дѣтей и взмолился:

— Ой, вы, дѣтки мои, дѣтки милыя, помогите мнѣ, погибаю я! Отворите дверь, пропустите псовъ!

Дѣти сразу Прокопья послушались. Вотъ и псы бѣгутъ, вотъ они въ избѣ, на разбойника яростно кинулись и загрызли красавца въ минуту.

Нора мертвою на землю прынула, какъ пѣвунья у рѣчки отъ кобчика. А Прокопій къ женѣ своей бросился и убилъ ее сразу до смерти.

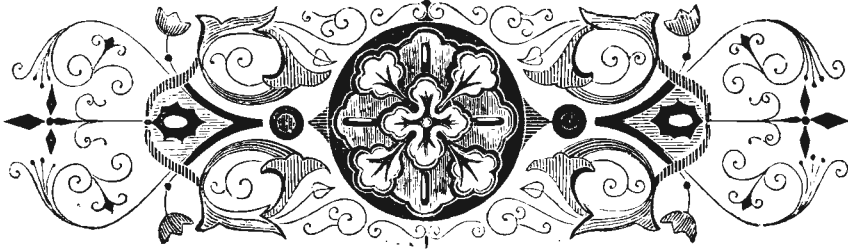
.

Стонетъ жалобно бурное озеро. Бьетъ о берегъ сѣдая волна. Ураганомъ идетъ буря по лѣсу. Пышетъ пламенемъ хата Прокопія. А онъ торопливо снаряжаетъ ладью, садится въ нее со своими дѣтьми и безшумно пускается въ даль, прочь отъ этого мѣста постылаго

Давно это было. Нѣтъ по озеру прежнихъ лѣсовъ, но на мѣстѣ Прокопьевой хаты донинѣ стоитъ деревенька, и зовется она Прокино, и преданье о звѣроловѣ Прокопѣ живетъ средь прибрежныхъ крестьянъ.

С. Непеинъ.

ГОДЫ СМУТЫ И БОРЬБЫ ¹⁾.

Историческія параллели.

III.

Народные бунты и политическіе заговоры.

ВАРСТВОВАНІЕ Елисаветы Петровны не было омрачено грозными раскатами широких народных возстаній. Сухая революція гвардейскихъ батальоновъ въ пользу дочери Петра Великаго удовлетворила національное самолюбіе русскаго народа, столь оскорбленнаго въ своемъ патріотическомъ чувствѣ и національномъ самосознаніи фаворитами изъ иностранцевъ въ предыдущую эпоху. Поэтому, хотя правительственный аппаратъ при Елисаветѣ работалъ на пользу народнаго блага достаточно вяло и беспорядочно, но онъ не вызывалъ противъ себя ни народныхъ страстей, ни поползновеній со стороны отдѣльныхъ лицъ или кружковъ къ введенію здѣсь ограничительнаго начала.

Конституціонныя вѣянія въ духѣ проекта кн. Голицына не проносились надъ престоломъ новой императрицы, и ея самодержавіе, хотя фактически и отдѣленное отъ народа плотнымъ бюрократическимъ средостѣніемъ, пребывало въ покоѣ и безопасности, хорошо охраняемое и защищаемое гвардіей, лейбъ-кампанцами и

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 212.

чиновными установлениями. Иоаннъ Антоновичъ, единственный возможный претендентъ на престолъ дома Романовыхъ по мужской линіи, былъ не опасенъ: стѣны Шлиссельбургской крѣпости были для него хорошимъ убѣжищемъ, и за ихъ толщею на несчастнаго и въ своей судьбѣ ничѣмъ неповиннаго юношу медленно, хотя систематически вѣяло дыханіемъ сначала слабоумія, а потомъ смерти. Веселой и жизнерадостной государынѣ до бѣднаго шлиссельбургскаго узника было мало дѣла, а еще менѣе той придворной и военной партіи, которымъ онъ, какъ опредѣленный представитель иноземнаго начала, былъ совершенно чуждъ. Народъ, хотя еще недавно ему присягалъ, какъ своему законному самодержцу, но тоже имъ мало интересовался, и только нелѣпо задуманный въ Москвѣ заговоръ въ пользу Іоанна Антоновича нѣсколько напомнилъ русскимъ людямъ о подневольномъ затворникѣ. Камеръ-лакей Турчаниновъ, прапорщикъ Преображенскаго полка Ивашкинъ и сержантъ Измайловскаго полка Сновидовъ рѣшили захватить и умертвить Елисавету и племянника ея, герцога голштинскаго, Петра Ѳедоровича, и возвести на престолъ свергнутаго Іоанна. Мотивами для такой новой революціи выставлялись соображенія о вѣнчаномъ рожденіи Елисаветы Петровны, а потому и о незаконности ея правъ на родительскій престолъ. Заговорщики были вскорѣ обнаружены, арестованы и послѣ обычнаго наказанія—сѣченія кнутомъ и вырѣзанія ноздрей—сосланы въ Сибирь. Заговорщики сообщниковъ не имѣли, не могли рассчитывать на чье либо широкое сочувствіе, и весь заговоръ ограничился комнатными дѣйствіями, безъ участія тутъ войска, бюрократіи и народа. Заговоръ Турчанинова возникъ и былъ раскрытъ въ 1742 г., во время коронаціоннаго пребыванія государыни въ Москвѣ. Черезъ семь лѣтъ въ той же Москвѣ былъ обнаруженъ вторичный заговоръ противъ Елисаветы, съ цѣлью возведенія на престолъ уже Петра Ѳедоровича, при содѣйствіи отчасти войска, но главнымъ образомъ черезъ посредство фабричныхъ рабочихъ и городской черни. Этотъ эпизодъ, мимоletный, совершенно несерьезный и безъ печати на немъ государственнаго порядка, любопытенъ, какъ историческій моментъ, содержащій въ себѣ отчасти зародышъ тѣхъ мотивовъ, которые черезъ полтора десятка лѣтъ оформились въ легенду, сыгравшую рѣшающую роль въ періодъ Пугачевскаго бунта. Героемъ новаго заговора противъ Елисаветы явился нѣкто, праздношатающійся и проигравшійся въ карты подпоручикъ Ширванскаго пѣхотнаго полка Іосифъ Батуринъ, рѣшившійся при помощи заговора выйти изъ затруднительнаго денежнаго положенія. Тайный бракъ Елисаветы съ Разумовскимъ былъ тою благодарною канвою, на которой къ тому времени народная фантазія уже успѣла вышить цвѣтной узоръ хитросплетенной легенды, получившей въ Москвѣ болѣе или менѣе широкое распространеніе.

Обвиненія противъ Разумовскаго проникли въ народъ ¹⁾, съ дѣлью выставить великаго князя Петра жертвою всесильнаго вельможи, который стремится погубить наслѣдника престола. Авторы слуховъ разглашали, что «Разумовскій составилъ команду изъ своихъ малороссовъ, которые губили русскихъ, что онъ вывезъ изъ дворца старинныя вещи прежнихъ царей и отослалъ къ матери, которая, въ свою очередь, отослала ихъ въ подарокъ въ Польшу: великаго князя Петра шесть разъ приводилъ къ смерти; держитъ при себѣ волшебниковъ малороссіянь (у нихъ въ Малой Россіи много волшебниковъ!), которые остудили наслѣдника съ императрицею. Начальники новой скопческой ереси тоже, съ своей точки зрѣнія, вооружились противъ Разумовскаго; сильныя выходки противъ него дѣлалъ въ своихъ писаніяхъ Кюменеровскаго полка прапорщикъ Иванъ Поповъ, толковавшій, что великій князь Петръ возлюбилъ послѣдователей стараго благочестія; при немъ не будетъ войны; у Петра будетъ сынъ также Петръ, воинъ сильный, который будетъ царствовать въ Московѣ, т.-е. въ Москвѣ, и будетъ называться князь Розгимосохъ; жена у него будетъ Елена, рожденная въ селѣ близъ моря-океана, въ сѣверной сторонѣ, изъ простаго народа. Потомства у этого Петра не будетъ, потому что Елена не будетъ съ нимъ жить по брачному обычаю и скоро умретъ, а Петръ другой жены себѣ не возьметъ, станетъ ходить по заповѣдямъ Господнимъ. Петръ будетъ и въ Иерусалимѣ, но умретъ въ Россіи. При Елисаветѣ малое число избранныхъ гонимо будетъ едва не вконецъ. Если бы первый царевичъ (Алексѣй Петровичъ) не былъ убитъ, то благочестіе господствовало бы до конца свѣта».

Такова темная легенда, ходившая въ народѣ, въ которой наблюдаются нѣкоторыя любопытныя черты. Прежде всего здѣсь замѣтенъ близкій интересъ народа къ домашней жизни царствующей семьи, нѣкоторое знакомство съ историческими фактами, память о несчастномъ Алексѣѣ и, наконецъ, участіе въ этомъ народномъ творествѣ мистическихъ элементовъ народной жизни. Скопчество уже въ концѣ сороковыхъ годовъ связываетъ свои симпатіи съ личностью Петра III и какъ бы ставитъ его патрономъ своего вѣроученія. Откуда именно скопчество почерпнуло сочувствіе къ племяннику Елисаветы Петровны, трудно установить, но думается, что здѣсь рѣшающую роль сыграла хирургическая операція, которую пришлось Петру Ѳедоровичу вынести вскорѣ послѣ своей женитьбы на Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Слухъ объ этой операціи, конечно, ничего по существу своему не имѣющей общаго съ оскотленіемъ, которое было распространено въ Россіи съ незапамятныхъ временъ, могъ легко проникнуть въ народъ, и отсюда фантастическое приоб-

¹⁾ С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. XXIII, гл. 3-я.

щеніе наслѣдника Елисаветы къ сектѣ «бѣлыхъ голубей», т.-е. скопцовъ.

II. Мельниковъ-Печерскій ¹⁾ въ своемъ повѣствованіи о видномъ представителѣ этой секты, Селивановѣ, свидѣтельствуемъ, что «бѣлые голуби» рассказываютъ и поютъ въ своихъ пѣсняхъ слѣдующее: «Отецъ-искупитель воплотился отъ Святаго Духа и родился отъ пренепорочныхъ дѣвы Елисаветы Петровны, по благовѣствованію Іоанна Богослова. Будучи предызбрана Богомъ ко святому житію, императрица Елисавета Петровна царствовала только два года. Отдавъ правленіе любимой фрейлинѣ, очень похожей на нее лицомъ, она будто бы «отложила царскія одежды, надѣла нищенское платье и пошла пѣшкомъ въ Кіевъ на богомолье». На пути, въ Орловской губерніи, познала она истинную вѣру людей божьихъ и осталась съ ними жить подъ именемъ Акулины Ивановны. Еще въ Петербургѣ будто бы родила она сына, Петра Ѳеодоровича, и отправила его въ Голштинію на воспитаніе, гдѣ, достигнувъ отроческихъ лѣтъ, сдѣлался онъ «бѣлымъ голубемъ». Возвратясь вскорѣ послѣ того въ Петербургъ, былъ онъ объявленъ наслѣдникомъ престола и женился. Супруга Петра возненавидѣла его за то, что онъ былъ «убѣленъ», и когда принялъ онъ правленіе, склонила на свою сторону нѣкоторыхъ вельможъ, которые рѣшились убить его въ Ропшѣ. Но Петръ, свѣдавъ о томъ, перемѣнился платьемъ съ караульнымъ солдатомъ, также «бѣлымъ голубемъ», и скрылся. Трое сутокъ скрываясь отъ поисковъ, онъ не пилъ, не ѣлъ, потомъ будто бы сидѣлъ въ какомъ-то каменномъ столбѣ, укрывался отъ колонистовъ, жившихъ подъ Петербургомъ, и наконецъ успѣлъ скрыться въ Москвѣ. Солдата между тѣмъ убили и похоронили въ Невской лаврѣ. Въ Москвѣ Петръ началъ свою проповѣдь «чистоты», затѣмъ ушелъ въ Орловскую губернію къ Акулинѣ Ивановнѣ, принялъ имя Кондратія Ивановича Селиванова, а ушедшій съ нимъ вмѣстѣ графъ Чернышевъ (по другимъ, князь Дашковъ) назвался Александромъ Ивановичемъ Шидовымъ. Оба они исходили всю Россію и разныя иностранныя государства, «проповѣдуя чистоту», были наконецъ взяты въ Тулѣ, наказаны въ Сосновкѣ кнудомъ и сосланы: отецъ-искупитель Петръ Ѳеодоровичъ на востокъ, въ землю Иркутскую, предчета его Шидовъ на сѣверъ, въ Ригу».

Такая скопческая легенда въ ея окончательной редакціи появилась уже послѣ извѣстнаго Ропшинскаго событія и послѣ того, какъ Екатерина II вступила на престолъ, но и въ концѣ сороковыхъ годовъ имя Петра Ѳеодоровича уже непосредственно начало связываться съ сектантствомъ, и его личностью въ простомъ народѣ начинаютъ интересоваться, какъ представителемъ царскаго дома, вокругъ котораго сгущается туманъ семейныхъ интригъ, козней и

¹⁾ «Бѣлые голуби», «Русскій Вѣстникъ», 1869 г.

дворцовыхъ происковъ, грозящихъ его правамъ на вѣнецъ и престолъ. Главнымъ виновникомъ этихъ происковъ молва называетъ Разумовскаго, самаго близкаго человѣка по семейнымъ отношеніямъ къ государынѣ, съ которыми она въ 1742 году связала свою жизнь тайными брачными узами, и народъ начинаетъ высказывать опасеніе, какъ бы ради этого избранника сердца и плоти не были принесены въ жертву и наслѣдникъ престола и даже самый престолъ. Смутное предчувствіе народа, опережая дѣйствительныя событія исторіи на цѣлыхъ 15 лѣтъ, воплощается въ легенду, куда предвходящимъ началомъ заползаетъ скопчество, истинное переплетается съ вымышленнымъ, и создается такимъ образомъ благопріятная обстановка для того или иного начинанія. Этою благопріятною обстановкою и пытается воспользоваться въ личныхъ и корыстныхъ интересахъ вышеназванный Батуриный. У него нѣтъ связей для агитаціи въ придворныхъ и бюрократическихъ кругахъ, у него нѣтъ матеріальныхъ средствъ для воздѣйствія на войска, и вотъ онъ пытается опереться на фабрично-заводскую массу и на купечество, какъ представителей нужнаго ему капитала. Заручившись сообществомъ нѣсколькихъ лицъ, онъ черезъ пикеровъ псовой придворной охоты поставляетъ въ извѣстность великаго князя, что, въ цѣляхъ защиты его особы, онъ можетъ поднять находящійся въ Москвѣ преображенскій батальонъ и лейбъ-кампанцевъ, а также всѣхъ фабричныхъ рабочихъ. «Только бы его высочество далъ намъ знатную сумму денегъ, — утверждалъ Батуриный, — то заарестуемъ весь дворецъ и Алексѣя Разумовскаго, гдѣ ни найдемъ съ его единомышленниками, всѣхъ въ мелкія части изрубимъ за то, что отъ Разумовскаго долго коронаціи нѣтъ его высочеству; а государыню до тѣхъ поръ изъ дворца не выпустимъ, пока великій князь коронованъ не будетъ».

Упомянувъ о большомъ числѣ сторонниковъ, Батуриный подразумѣвалъ здѣсь фабричныхъ рабочихъ, которые уже тогда проявляли тенденцію къ оппозиціи какъ хозяевамъ, такъ и державшимъ сторону послѣднихъ административнымъ властямъ. Особенно сильно проявлялась тогда эта тенденція среди суконщиковъ, недовольныхъ хозяевами за невыплату имъ полностью задѣльныхъ денегъ, а потому всегда готовыхъ къ проявленію бунта и своеволю, и тѣмъ болѣе, что тогдашній составъ фабричныхъ слагался изъ достаточно недисциплинированныхъ общественныхъ элементовъ — бѣглыхъ, бродягъ, нищихъ и даже преступниковъ, т.-е. тѣхъ самыхъ, кто въ свое время пополнялъ казацкую «голытьбу», всегда готовую на призывъ и къ волѣ, и къ грабежу, къ буйству и всякаго рода стихійнымъ движеніямъ, направленнымъ противъ началъ порядка, охранительной дисциплины и консервативной тишины. Указанія Батурина на эти элементы вводятъ впервые въ исторію русскихъ смуть новое и вполне опредѣленное начало — фабрично-заводскихъ

рабочихъ, которые съ того времени начинаютъ все чаще и чаще обращать на себя вниманіе всякаго рода политическихъ агитаторовъ. Послѣдніе вполне справедливо оцѣниваютъ эту народившуюся живую силу, какъ силу сокрушительную и грозную для тѣхъ, противъ кого она будетъ такъ или иначе направлена.

Батуринъ исходилъ въ своихъ дѣйствіяхъ, конечно, не изъ соображеній теоретическаго свойства, а руководимый стремленіемъ къ наживѣ. Заводя связи среди фабрикантовъ и рабочаго люда, онъ надѣялся почерпнуть отсюда нужныя ему матеріальныя средства и дѣйствительно завелъ по сему предмету необходимыя ему переговоры съ купцами, прикрываясь, конечно, государственнымъ и политическимъ флагомъ; но его переговоры успѣха не имѣли: великій князь не пожелалъ, или не дерзнулъ вступить съ нимъ даже въ переговоры, и вся эта московская денежная авантюра провалилась очень быстро. И герой замысла и его немногочисленные и случайные сообщники были арестованы, судимы и сосланы кто на вѣчное заключеніе въ Шлиссельбургъ, кто на каторгу, кто въ Сибирь на поселеніе. О Батуринскомъ заговорѣ вообще не стоило бы и говорить серьезно, если бы здѣсь не обращало на себя вниманіе нѣсколько моментовъ, съ развитіемъ и правильной формулировкой которыхъ намъ придется встрѣтиться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Уже здѣсь мы впервые знакомимся съ историческою новеллою о Петрѣ III, которая такъ ярко обрисовалась и выступила на авансцену въ исторіи Пугачевского бунта, и которая еще до того послужила какъ бы пророческимъ эпилогомъ къ вступленію Екатерины Алексѣевны на російскій престолъ; встрѣчаемся съ указаніемъ на возможную роль въ русскихъ смутахъ со стороны фабрично-заводскихъ рабочихъ, — этихъ представителей казацкой голытьбы новаго времени, и, наконецъ, видимъ снова тенденцію народа приписывать разныя драматическія, по его мнѣнію, положенія самодержцевъ винѣ приближенныхъ, которые въ народномъ воображеніи и являются вѣчно замышляющими въ той или другой формѣ, по той или иной причинѣ, противъ безопасности и свободы дѣйствій представителей царствующаго дома.

Выше было отмѣчено, что въ Елисаветинскую эпоху не наблюдается какого либо широкаго народнаго движенія, оппозиціоннаго или революціоннаго характера, тѣмъ не менѣ спеціальныя народные бунты съ опредѣленнымъ *couleur local* встрѣчаются все чаще и чаще, что объясняется, съ одной стороны, все усиливающимся крѣпостнымъ правомъ и, съ другой, развивающеюся фабрично-заводскою промышленностью, притягивающею къ себѣ значительныя народные кадры преимущественно изъ класса бывшей ка-

зацкой голытьбы, которая, съ развитіемъ и упорядоченіемъ государственности, постепенно теряетъ свой прежній военный характеръ и приобщается къ отраслямъ мирнаго народнаго труда. Извѣстный изслѣдователь крестьянскаго дѣла и крестьянскаго вопроса въ Россіи, В. И. Семевскій, говоритъ ¹⁾, что правленіе преемниковъ Петра Великаго до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II представляетъ глухую пору въ исторіи крестьянскаго вопроса и въ сферѣ законодательства: крѣпостное и посессионное права въ это время и распространяются и усиливаются, не подвергаясь никакимъ ограниченіямъ. Численность крѣпостныхъ увеличивалась посредствомъ приписки по ревизіямъ и посредствомъ пожалованія населенныхъ имѣній. По ревизіямъ, люди, не избравшіе сами опредѣленнаго образа жизни, или навсегда отдавались на фабрики, или приписывались за помѣщиками; такъ, постепенно записываемы были въ крѣпостные или посессионные (т.-е. принадлежащіе къ фабрикамъ) всѣ вольноотпущенные, непомнящіе родства, бродяги, заштатные церковные служители, сироты, незаконнорожденные, пріемыши, плѣнные и пр. При Петрѣ I, по свидѣтельству изслѣдователя, изъ одаѣхъ дворцовыхъ волостей было пожаловано въ помѣстья и вотчины болѣе 170.000 душъ (43.655 дворовъ), со смерти Петра до Екатерины II было пожаловано въ населенныхъ имѣніяхъ нѣсколько сотъ тысячъ душъ. Объ руку съ распространеніемъ крѣпостнаго права шло и утвержденіе его законодательными актами. Въ 1727 году, въ отмѣну закона Петра I, было запрещено дворовымъ поступать въ военную службу безъ согласія помѣщика. Елисавета Петровна не только подтвердила это постановленіе, но и приказала налагать суровое наказаніе на крѣпостныхъ, самовольно подавшихъ прошеніе о принятіи ихъ въ военную службу. Еще важнѣе было разрѣшеніе помѣщикамъ отправлять крѣпостныхъ въ Сибирь, въ интересахъ колонизаціи послѣдней, при чемъ помѣщикъ не только избавлялся отъ неугодившаго ему крѣпостнаго, но даже получалъ за него рекрутскую квитанцію и могъ разлучать дѣтей отъ родителей. Это развитіе крѣпостнаго права не могло, конечно, создавать юридически и нравственно нормальнаго и твердаго порядка во внутреннихъ дѣлахъ и давало болѣе или менѣе законный поводъ къ постоянному нарушенію этого порядка. Лишенные воли и стѣсненные экономическою кабалою и нравственнымъ произволомъ, крестьяне непрестанно дѣлаютъ попытки вернуть себѣ утраченную волю и скинуть давящую ихъ кабалу; въ этихъ попыткахъ верховная власть постепенно приучается усматривать потрясеніе основъ всего государственнаго строя, а потому ведетъ съ этими тщетными народными усиліями жестокою и

¹⁾ В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», т. I.

безпощадную борьбу. Борьба за крѣпостное право со стороны государственности и борьба противъ него со стороны народа и его интеллигентныхъ представителей получаетъ въ тѣхъ или иныхъ моменты нашей исторической жизни большую остроту и, требуя съ обѣихъ сторонъ большихъ жертвъ, становится въ концѣ концовъ основнымъ вопросомъ всей нашей внутренней жизни, около котораго съ теченіемъ времени группируются и всѣ остальные вопросы того же порядка, до формы государственнаго правленія включительно. Корыстный эгоизмъ заинтересованныхъ общественныхъ элементовъ приводитъ послѣдніе къ заключенію, исключительно въ цѣляхъ собственнаго благополучія, о необходимости созданія изъ крѣпостнаго права какого-то даже фундамента для самодержавія, которое, въ силу своей исторической оторванности отъ народа, проникается этимъ фальшивымъ и роковымъ убѣжденіемъ и только послѣ 19-го февраля 1861 года освобождается отъ тяготѣвшаго такъ долго надъ нимъ историческаго гипноза. Почти двухсотлѣтняя борьба на этой почвѣ принесла Россіи неисчислимый вредъ, затормозила ея правильное культурное развитіе, поглотила громадное количество жертвъ и окропила брызгами крови и потоками слезъ многія и многія страницы нашего историческаго бытія.

При Елисаветѣ Петровнѣ, кстати сказать, вознаградившей соучастниковъ и главныхъ дѣйствующихъ лицъ ея революціоннаго восшествія на престолъ пожалованіемъ имъ до 14.000 душъ крестьянъ на правахъ крѣпостнаго пользованія, борьба за и противъ крѣпостнаго права не получаетъ еще полнаго развитія, если только не считать помѣстныхъ крестьянскихъ бунтовъ, и противъ этого жестокаго института еще не раздается громкаго протестующаго голоса изъ рядовъ интеллигенціи. Таковой слышится лишь въ послѣдующую Екатерининскую эпоху, и съ нимъ вмѣстѣ въ кругъ русской социальнo-политической борьбы вводится новый элементъ въ образѣ передовыхъ представителей общества,—литературной интеллигенціи, которая какъ бы ставитъ весь русскій строй къ отвѣту, производитъ ему анализъ, признаетъ его несоотвѣтствующимъ интересамъ народа и мужественно бросаетъ ему открыто перчатку, сознательно рѣшаясь на неравную борьбу, изъ которой, однако, въ концѣ концовъ выходитъ побѣдителемъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, историческая связь (въ ея юридическомъ значеніи) между самодержавіемъ и бюрократіей значительно ослабѣваетъ, но это ослабленіе совершается лишь во второй половинѣ XIX вѣка, за сто же лѣтъ передъ тѣмъ самодержавіе усиленно укрѣпляло это право, какъ свой мнимый фундаментъ, такъ что при Елисаветѣ Петровнѣ, между прочимъ, за весь періодъ ея царствованія было всего роздано дворянству и вельможамъ до 400.000 крѣпостныхъ.

По волѣ Елисаветы наслѣдникомъ ея престола былъ объявленъ Петръ Федоровичъ, родной внукъ Петра I (п вмѣстѣ съ тѣмъ внукъ сестры Карла XII шведскаго), герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, мальчикъ, совершенно не подходящий для той высокой роли, которую ему приуготовилъ случай по капризной волѣ судьбы. Этотъ нѣмецкій принцъ явился въ общемъ ходѣ русской исторіи и специально въ развитіи самодержавія лицомъ трагическимъ, рано или поздно предназначеннымъ къ гибели, но онъ былъ нуженъ ходу событій, какъ временная, хотя и злая, необходимость, и... онъ совершилъ свое таинственное предназначеніе. Онъ покрылъ собою то звено въ самодержавной цѣпи, которое естественно выпадало со смертью Елисаветы Петровны, и исчезновеніе котораго грозило Россіи смутю въ духѣ начала XVII вѣка. Петръ III какъ бы воплотилъ въ своемъ имени всѣ элементы былой русской смуты, которая коснулась и народныхъ низовъ и самодержавнаго верха, и искупилъ эту смуту своимъ трагическимъ концомъ. Собственно говоря, по законамъ наслѣдованія, установленнымъ Екатериною I, Петръ имѣлъ большія права на русскій престолъ, нежели сама Елисавета, и послѣдняя, вступая на царство, по волѣ гвардейскихъ солдатъ, въ первый моментъ своего воцаренія не имѣла даже яснаго плана касательно династическаго будущаго. Вернувшись изъ ночного предпріятія во дворецъ, Елисавета показывается войскамъ съ Іоанномъ Антоновичемъ на рукахъ, котораго покрываетъ всенародно поцѣлуями и какъ бы даетъ тѣмъ понять, что онъ—ея единственный и прямой наслѣдникъ. Но уже черезъ три дня права Іоанна Антоновича въ официальномъ манифестѣ отвергаются, и его объявляютъ подлежащимъ отсылкѣ на родину, за границу, въ виду находженія представителя нисходящаго потомства отъ Петра Великаго по женской линіи. Хотя этотъ потомокъ по духу ничего общаго, какъ, впрочемъ и Іоаннъ Брауншвейгскій, съ Россіей не имѣетъ, не исповѣдуетъ даже православной вѣры, тѣмъ не менѣе его привозятъ въ Петербургъ и готовятъ изъ него преемника правъ его державной тетки, но лишь съ правами преемства послѣ ея смерти. Въ сущности, если уже признать права Голштинскаго дома на русскій престолъ, то по основамъ былой московской самодержавной практики Елисавета должна была быть объявлена временной регентшей съ тѣми же правами регентства, коими пользовались въ свое время Софія Алексѣевна и позднѣе Анна Леопольдовна; но дочь Петра, по волѣ гвардіи, переступаетъ черезъ права и Брауншвейгскаго и Голштинскаго домовъ, принимаетъ самостоятельно и независимо бразды правленія, а племянника и въ нѣкоторомъ родѣ законнаго наслѣдника ставитъ на второе мѣсто.

Ея увлеченіе нѣмецкимъ племянникомъ, которое она проявляетъ въ первое время по его пріѣздѣ, быстро разсѣивается и уступаетъ мѣсто сознанію угрожающей престолу дома Романовыхъ опасности.

Петръ открыто заявляетъ, что онъ «не рожденъ для Россіи, что не пригоденъ русскимъ, и русскіе ему не пригодны», и что ему суждено погибнуть въ новомъ отечествѣ. Съ теченіемъ времени ненависть къ отечеству въ немъ растетъ, и онъ со злобою говоритъ: «затащили меня въ эту проклятую Россію, гдѣ я долженъ считать себя государственнымъ арестантомъ, тогда какъ, если бы меня оставили на волѣ, то теперь бы сидѣлъ я на престолѣ цивилизованнаго народа». Да, несчастный Петръ былъ правъ: онъ былъ, дѣйствительно «государственнымъ арестантомъ», и дворецъ былъ его тюрьмою, гдѣ противъ воли на него возложена была суровая обязанность обезопасить русскій престолъ отъ возможной смуты и дать этому престолу наслѣдника и новаго самодержца, послѣ чего его личная роль царственнаго узника могла быть съ тѣмъ или инымъ концомъ считаться сыгранною. Этого требовалъ установившійся уже бюрократически-военный строй, и тутъ не къ кому было апеллировать; народъ, не призываемый никѣмъ къ разрѣшенію запутавшагося династическаго узла, молчалъ, въ тайникахъ своей души жалѣя ничѣмъ неповиннаго юношу, которому суровая судьба изготавляла горькую участь, и спѣша окружить его личность, еще при жизни тетки, мистическою тайною, приуготовляя тѣмъ изъ его имени будущее знамя всенароднаго бунта и соціально-политической смуты.

Но если Петръ оказался, по свойствамъ своей природы и личности, неподготовленнымъ для драматической борьбы во имя чуждаго ему русскаго самодержавія, то иначе сложились обстоятельства для той, которая легко могла быть вмѣстѣ съ нимъ унесена бурнымъ и мутнымъ историческимъ потокомъ. Его жена, агальтцербстская принцесса Софія-Августа-Фредерика, справилась со своимъ драматическимъ положеніемъ, выполнила свое материнское предназначеніе и вышла съ честью изъ смутныхъ обстоятельствъ, какъ женщина и какъ историческое лицо, подъ именемъ императрицы Екатерины Великой, овладѣвшая тяготѣвшими надъ нею злобами дни. Супруга Петра Ѳедоровича дала гарантію русскому престолу и династіи, создала цѣлую блестящую эпоху въ русской исторіи, укрѣпила государственное дѣло Петра Великаго и вывела наше отечество на широкую дорогу европейской жизни. Но всѣ эти дѣянія ей удалось осуществить, лишь пройдя черезъ цѣлый рядъ разнообразныхъ моментовъ внутренней борьбы и смуты, которыми и наполнилось ея царствованіе, особенно въ первый его историческій періодъ, когда ея престолъ непрестанно колебался подъ воздействием и напоромъ самыхъ сложныхъ обстоятельствъ, корни которыхъ были заложены еще въ предшествовавшую Елисаветинскую эпоху.

Вопросъ о невѣстѣ Петру Теодоровичу былъ вопросомъ большой государственной важности и крупнаго политическаго значенія. Елисавета разрѣшила его, согласно указаніямъ прусско-французской партіи и по рекомендаціи Фридриха прусскаго, указавшаго на ангальтъ-цербтскую принцессу, и свадьба скоро состоялась, хотя 17-лѣтній женихъ и 16-лѣтняя невѣста были сердцами совершенно чужды другъ другу. Для молодой новобрачной наступили въ сущности довольно тяжелые дни въ нравственномъ отношеніи и съ точки зрѣнія женской стыдливости: на нее всѣ кругомъ смотрѣли главнымъ образомъ съ точки зрѣнія династическихъ интересовъ, какъ на лицо, призванное дать русскому престолу во что бы то ни стало наслѣдника и специально для этой цѣли выписанное изъ Германіи. Человѣческое въ данномъ случаѣ отступало куда-то на задній планъ и заслонялось единою задачею, идея которой наиболѣе опредѣленно была высказана въ инструкціи, преподанной «знатной дамѣ», приставленной къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. На эту «знатную даму» — Чоглокову, было возложено наблюденіе «брачной повѣренности между обоими императорскими высочествами» и вмѣнено ей въ обязанность внушать великой княгинѣ, что она «въ нынѣшнее достоинство императорскаго высочества не въ какомъ иномъ видѣ и надѣяніи возвышена, какъ токмо дабы имперіи пожеланный наслѣдникъ и отрасль всевысочайшаго императорскаго дома получена быть могла». Инструкція была составлена послѣ того, какъ положенный Екатеринѣ девятимѣсячный срокъ для осуществленія возложенной на нее задачи не оправдался реальными результатами, хотя въ своихъ запискахъ по сему щекотливому вопросу Екатерина говоритъ ¹⁾: «Если бы великій князь желалъ быть любимымъ, то относительно меня это вовсе было не трудно: я отъ природы была склонна и привычна къ исполненію своихъ обязанностей».

Девять лѣтъ прошло въ общемъ томительномъ ожиданіи, и наконецъ, 20-го сентября 1745 г., Екатерина выполнила свой женскій долгъ передъ Россіей и дала ей наслѣдника престола. Какъ только новорожденнаго спеленали, императрица позвала своего духовника, который нарекъ ребенка именемъ Павла, и вслѣдъ за тѣмъ Елисавета приказала бабкѣ взять младенца и слѣдовать за нею. За императрицею ушли всѣ остальные лица, бывшія при родахъ, и Екатерина осталась одна. Объ ней всѣ позабыли, ее бросили больную и въ совершенно неподходящей для здоровья обстановкѣ, которая грозила даже ея жизни.

Вниманіе всѣхъ придворныхъ было сосредоточено на младенцѣ, какъ представителѣ государственнаго начала, а человѣческое ушло за предѣлы общихъ интересовъ. Много лѣтъ спустя, когда трепещущая за судьбу своего трона и за свое потомство Ека-

¹⁾ В. А. Бильбасовъ. «Исторія Екатерины Второй», т. I. Лондонъ. 1895.

терина II стояла у кровати Маріи Ѳеодоровны, въ ожиданіи ея родовъ, она не въ столь, конечно, грубой и жесткой формѣ, но тоже отмела отъ своихъ чувствъ и мыслей человѣческое и вся была охвачена лишь однимъ страстнымъ порывомъ увидѣть въ ожидаемомъ младенцѣ будущее воплощеніе своей настоящей власти. Это будущее и настоящее такъ тѣсно связаны между собою по существу общихъ государственныхъ интересовъ, что являются взаимно дополняющими, безъ всякой надобности тутъ въ посредствующихъ звеньяхъ. Есть бабушка и внукъ — и государство обезпечено властью; сынъ или племянникъ, а тѣмъ болѣе невѣстка являются даже какъ бы лишними, нарушающими гармонію суровой идеи власти. Съ рожденіемъ Павла, для Елисаветы прекращается какъ бы надобность въ Петрѣ и Екатеринѣ, какъ равно съ рожденіемъ Александра Павловича для Екатерины ея сынъ и его супруга, какъ законные и непосредственные представители власти, теряютъ положительный интересъ. Но, помимо этихъ общихъ соображеній, для Елисаветы Петровны рожденіе Павла было тѣмъ политическимъ событіемъ, которое создавало ей покой; она могла теперь откинуть страхъ за свой скипетръ и корону, и образъ несчастнаго узника въ Шлиссельбургской крѣпости переставалъ быть для нея угрожающей тѣнью. Мало того, колыбель новорожденнаго младенца даже становилась отнынѣ могучимъ въ ея рукахъ оружіемъ, которое въ каждый моментъ могло быть обращено даже противъ Голштинскаго племянника, такъ жестоко разрушившаго быллыя надежды и иллюзіи своей державной тетки.

Елисавета къ концу дней своихъ сознавала, что Петръ Ѳеодоровичъ не тотъ человѣкъ, которому можетъ быть вручена верховная власть, и что послѣдняя въ его рукахъ обратится современемъ въ горе, оскорбленіе и несчастіе для всей страны, но сдѣлать тутъ что нибудь рѣшительное она или не сумѣла, или не дерзнула. Она скончалась, и нѣмецкій принцъ, ненавидящій и презирающій Россію, становится вершителемъ ея судебъ, несмотря на полную и всѣми уже признанную умственную, нравственную и даже физическую неспособность для столь отвѣтственнаго положенія. Надъ страню снова нависаетъ туча смуты и первымъ предвѣстникомъ катастрофы является манифестъ о восшествіи новаго государя на престолъ: въ немъ не упоминается ни императрица Екатерина Алексѣевна, ни великій князь Павелъ Петровичъ. Кромѣ того, форма присяги вводитъ въ самодержавіе подновленный элементъ, какъ будто возвращающій Россію къ волевому замыслу Петра Великаго. Форма клятвеннаго обѣщанія была составлена такъ: «клянусь... его императорскому величеству... и по немъ по самодержавной его величества императорской власти и по высочайшей его волѣ избираемымъ и опредѣляемымъ наслѣдникамъ... вѣрнымъ подданнымъ быть». Это обновляемое Петровское начало въ рукахъ именно преем-

ника Елисаветы несомнѣнно могло быть источникомъ неизсякаемыхъ бѣдъ для страны и тѣмъ болѣе, что образъ дѣвицы Воронцовой въ первый же день кончины государыни открыто сталъ заслонять собою фигуру его законной супруги, съ которой онъ, на глазахъ у всѣхъ, усиленно старался быть грубымъ и дерзкимъ, явно тѣмъ показывая, что ничего общаго съ нею не имѣетъ, ни какъ мужъ, ни какъ правитель, ни какъ сторонникъ опредѣленной политической системы. И Екатеринѣ, и ея сыну грозитъ личная опасность, престолъ колеблется, на страну надвигается нѣчто страшное и невѣдомое. Все это можетъ быть предотвращено только революціоннымъ *coup d'état*, и весь вопросъ сводится лишь къ тому, когда, кѣмъ, во имя кого и при какихъ условіяхъ этотъ государственный переворотъ будетъ совершенъ. Личное поведение государя ускорило развязку всѣхъ этихъ вопросовъ.

Шестимѣсячное царствованіе Петра III можетъ быть разсматриваемо, какъ исключительное историческое недоразумѣніе, гдѣ всѣ общественные и политическіе элементы страны сразу были приведены въ броженіе, которое въ конечномъ результатѣ, по счастью, повело лишь къ катастрофѣ самого виновника этого броженія. Народныя массы до поры до времени оставались въ покоѣ, но толчокъ имъ уже былъ данъ и по инерціи воздѣйствія далъ результаты только черезъ нѣсколько лѣтъ.

Государственный механизмъ въ дни правленія совершенно неспособнаго государя не испытывалъ особенныхъ треній, и даже реформы, вводимыя въ внутреннюю жизнь страны, носили на себѣ печать цѣлесообразности. Опытныя руки, руководившія этимъ управленіемъ при его теткѣ, не ослабѣвали, и государственный корабль функционировалъ въ своемъ поступательномъ движеніи достаточно правильно, но лично Петръ сразу показалъ свое умственное банкротство, ставъ въ оппозицію къ православной церкви и національному войску, нанося имъ систематическія оскорбленія и тѣмъ явно обнаруживая непониманіе тѣхъ главныхъ устоевъ, на которыхъ держался тогдашній государственный строй. Царь оскорбилъ націю, ненавидя ее, и она, не сдерживая своего враждебнаго чувства, предпочла имѣть на этомъ престолѣ чуждую ей по крови нѣмецкую принцессу, понявшую, однако, духъ пріютившаго ее народа, нежели нѣмецкаго принца, хотя отдаленно и связаннаго историческими узами родства съ этимъ народомъ, но лишеннаго всякой способности и желанія пріобщиться къ его основнымъ историческимъ вѣрованіямъ, традиціямъ и мировымъ задачамъ. Екатерина собственно явилась соперницею своему супругу еще при жизни его державной тетки, и Елисавета, взирая съ тоскою и отчаяніемъ на своего несчастнаго племянника, прекрасно сознавала, что его головѣ не по мѣркѣ шапка Мономаха; но законъ самодержавнаго наслѣдія сдѣлалъ свое дѣло, и Петръ Феодоровичъ ока-

зался на томъ престолѣ, который глубоко презиралъ и который готовъ былъ охотно промѣнять на какой нибудь маленькій нѣмецкій тронъ. Рядомъ съ этимъ его супруга въ тотъ же періодъ вошла во вкусъ власти, теоретически охватила знаніе государственнаго управленія и оцѣнила то будущее, которое можетъ передъ ней раскрыться, если она сумѣетъ приспособиться къ тѣмъ основамъ и условіямъ, на коихъ это будущее виждется. И она умѣло приспособляется, благодаря чему создаетъ себѣ благопріятную обстановку для неминуемой предстоящей борьбы съ мужемъ за престолъ и корону. Исполдволь, но рѣшительно, бюрократія въ лицѣ своихъ главнѣйшихъ представителей, гвардія подъ руководствомъ вліятельныхъ офицеровъ, столичное духовенство и придворная знать, дѣятели дипломатическаго корпуса,—короче, всѣ элементы, на коихъ покоилось благополучіе и крѣпость верховной власти, всѣ примыкаютъ къ ней, становятся на ея сторону, и... государственный переворотъ готовъ. Но въ пользу кого по закону исторической справедливости долженъ былъ быть совершенъ этотъ переворотъ? В. И. Бильбасовъ ¹⁾ говоритъ, что воспитатель Павла Петровича, Н. И. Панинъ, всегда былъ противъ императора, нѣсколько разъ изливалъ передъ Екатериною взгляды по сему предмету, а въ іюнѣ 1762 года уже сталъ рѣшительно и опредѣленно обдумывать проектъ о низложеніи Петра III, съ предоставленіемъ престола другому лицу. По мнѣнію Панина, переворотъ долженъ быть совершенъ безъ пролитія крови, при чемъ, по устраненіи Петра отъ престола, таковой долженъ быть предоставленъ великому князю Павлу Петровичу, воспитаннику Панина, до совершеннолѣтія котораго Екатерина была бы регентшею, правительницею имперіи, какъ то было при Іоаннѣ Антоновичѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ. «Трудно сказать,—замѣчаетъ В. Бильбасовъ,—личный ли интересъ или государственныя соображенія руководили въ данномъ случаѣ Панинымъ: Екатерина-регентша также легко могла вовсе удалить отъ дѣлъ воспитателя ея сына, какъ Екатерина-самодержица приблизить къ себѣ, облечь извѣстною властью и относиться къ нему съ довѣріемъ. Во всякомъ случаѣ, Екатерина съ вниманіемъ выслушивала доводы Панина въ пользу Павла Петровича, но никогда не давала ему слова, что удовольствуется регентшею». Панинъ намѣчалъ конецъ іюля, какъ время, особенно подходящее для переворота, при чемъ имъ не были опущены безъ вниманія и детали переворота, детали, очень существенныя, могшія въ ходѣ дѣла сыграть рѣшающую роль, а именно онъ намѣтилъ, гдѣ долженъ былъ находиться его воспитанникъ во время переворота. Было рѣшено, что Павелъ Петровичъ не поѣдетъ съ матерью въ Петергофъ, а останется со своимъ воспитателемъ въ Петербургѣ, чтобы въ слу-

¹⁾ «Исторія Екатерины Второй», т. II.
«истор. вѣстн.», май, 1905 г., т. с.

чаѣ надобности сыграть ту роль, какую потребуютъ обстоятельства. «Кому ни принадлежала бы эта счастливая мысль, — говоритъ г. Вильбасовъ, — Екатеринѣ или Панину, она свидѣтельствуегь о большой предусмотрительности: въ сутолокѣ бунта, къ тому же чисто-военнаго, наслѣдникъ престола подѣ рукою, наготовѣ, могъ только содѣйствовать успѣху, между тѣмъ какъ, оставаясь въ Петергофѣ, близъ Ораніенбаума, гдѣ находился императоръ, онъ легко могъ стать серіознымъ орудіемъ въ рукахъ Петра».

Величественъ и радостенъ былъ вѣздъ Екатерины въ Петербургъ въ то время, какъ Петръ III метался между Петергофомъ, Ораніенбаумомъ и Кронштадтомъ, въ сопровожденіи небольшой свиты и въ смутномъ сознаніи, что его дѣло проиграно безповоротно. Эскортируемая конногвардейцами, окруженная гвардіей, медленно двигалась будущая «сѣверная Семирамида» по Невской перспективѣ, уже съ ранняго утра запруженной несмѣтною толпою народа. Около 9 часовъ утра 28-го іюня процессія остановилась у Казанскаго собора, куда въ сопровожденіи своей блестящей свиты и вошла Екатерина. Духовенство встрѣтило ее съ крестомъ, и послѣ краткой молитвы и провозглашенія многолѣтія государынѣ императрицѣ «самодержицѣ Екатеринѣ Второй» и государю великому князю «наслѣднику цесаревичу Павлу Петровичу» процессія двинулась къ Зимнему дворцу. Впереди шло духовенство въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, за нимъ въ парной коляскѣ сидѣла героиня дня, а на подножкахъ коляски съ одной стороны стоялъ Григорій Орловъ, а съ другой генераль-поручикъ Вильбоа; неподалеку отъ коляски ѣхали верхомъ графъ К. Разумовскій, князь Волконскій, графъ Брюсъ и другіе представители войска. Зимній дворецъ и дворцовая площадь были оцѣплены войсками и послѣ того, какъ государыня вступила во дворецъ, туда скоро прибылъ, въ сопровожденіи своего воспитателя, и Павелъ Петровичъ, котораго Екатерина немедленно и показала народу и солдатамъ. Толпа привѣтствовала наслѣдника престола крикомъ восторга и громовымъ «ура». Всѣ торопились присягнуть на вѣрность новой все-россійской самодержицѣ, которая ласковымъ обращеніемъ и щедрыми обѣщаніями спѣшила закрѣпить за собою права, доставшіяся ей относительно довольно легко. Всѣ были отъ нея въ восторгѣ, и послѣдній гвардейскій солдатъ, по словамъ г. Вильбасова, смотрѣлъ на нее, какъ на «дѣло своихъ рукъ», считалъ себя творцомъ переворота и до извѣстной степени былъ правъ: Екатерина провозглашена самодержицей, возведена на престолъ не заговоромъ нѣсколькихъ лицъ, а по общему желанію и по сильному содѣйствію всѣхъ. Эта мысль о всеобщемъ участіи въ переворотѣ и была проведена въ изданномъ по этому предмету манифестѣ, гдѣ въ заключительной части говорилось: «Таковымъ, Богу благодареніе, дѣйствіемъ престолъ Самодержавный Нашего любезнаго отече-

ства приняли Мы на Себя безъ всякаго кровопролитія, но Богъ единъ и любезное Наше отечество чрезъ избранныхъ своихъ Намъ помогали. Въ заключеніе же сего неисповѣдимаго промысла Божія Мы всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ обнадеживаемъ всемило- стивѣйше, что просить Бога не оставили денно и ночью, да помо- жетъ Намъ поднять Скипетръ въ соблюденіе нашего православнаго закона, въ укрѣпленіе и защищеніе любезнаго отечества, въ сохра- неніе правосудія, въ искорененіе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій, и да укрѣпитъ Насъ на все благое. А какъ Наше искреннее и нелицемѣрное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь Мы хотѣли быть достойны любви Нашего народа, для котораго при- знаваемъ Себя быть возведеннымъ на престолъ: то такимъ же обра- зомъ здѣсь наиторжественнѣйше общаемъ Нашимъ Император- скимъ словомъ узаконять такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство Нашего любезнаго отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка, и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость Имперіи и Нашей Самодер- жавной власти, бывшимъ нещастіемъ нѣсколько испроверженную, а прямыхъ вѣрноусердствующихъ своему отечеству вывести изъ унынія и оскорбленія. Но противу того не сумнѣваемся, что всѣ Наши вѣрноподданные клятву свою предъ Богомъ не преступятъ въ собственную свою пользу и благочестіе, почему и Мы пребу- демъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ непремѣнные На- шею высочайшею Императорскою милостію».

«Избранники» отечества, помогшіе государынѣ вступить на рус- скій престолъ, чтобы править на благо народа и чтобы вывести его «изъ унынія и оскорбленія», вскорѣ были щедро вознаграждены за счетъ этого народа. Главнѣйшимъ представителямъ бюрократіи и гвардіи, содѣйствовавшимъ перевороту, въ количествѣ 40 чело- вѣкъ, было роздано 18.000 крѣпостныхъ душъ и деньгами, подар- ками и помѣстьями на 526.000 рублей, такъ что весь переворотъ былъ оцѣненъ въ переводѣ на валюту 1.066.000 рублей. Очевидно, тутъ народному унынію и оскорбленію мѣста не должно было быть!

По вступленіи Екатерины на престолъ и по изданіи ею манифе- стовъ по сему предмету, въ Россіи случилось курьезное явленіе: съ точки зрѣнія присяги и вѣрноподданныхъ чувствъ въ госу- дарствѣ одновременно значилось три русскихъ самодержца. Одинъ былъ заточенъ въ Шлиссельбургской крѣпости и являлся отпры- скомъ Брауншвейгской фамиліи, другой представитель Голштин- скаго дома сидѣлъ подъ домашнимъ арестомъ въ Ропшинскомъ

дворцѣ и подѣ карауломъ Алексѣя Орлова и, наконецъ, третій, въ лицѣ бывшей представительницы Ангальтъ-Цербстскаго дома, издавалъ манифесты, обѣщая народу свою любовь и попеченія. Всѣ трое юридически имѣли почти одинаковыя права на волю народа, такъ какъ во всѣхъ трехъ случаяхъ именно эта воля совершенно отсутствовала, и захватъ власти было совершенъ на основаніи подлежащихъ спору документовъ и соображеній. Бюрократія и гвардія совершали отъ имени народа, подѣ флагомъ и именемъ его «избранниковъ» извѣстныя и опредѣленныя дворцовыя дѣйствія, и народу, всей странѣ въ ея совокупности, оставалось лишь быть пассивнымъ зрителемъ совершающагося и каждый разъ принимать это совершившееся закрѣпленіемъ его вѣрноподданническою присягою.

На счастье Екатерины эта тройственная комбинація самодержцевъ скоро разрѣшилась. Черезъ нѣсколько дней по объявленіи ея неограниченною правительницею изъ Ропшинскаго дворца прибыла знаменательная записка отъ Орлова, извѣщающая о трагическомъ концѣ Петра Феодоровича.

По полученіи записки, оповѣстившей о событіи, случившемся въ сущности очень кстати, былъ опубликованъ манифестъ о скоропостижной кончинѣ государя вслѣдствіе «геморроидческаго припадка». «Крестился русскій человекъ, читая этотъ манифестъ, — говоритъ г. Вильбасовъ¹⁾:—судьбы Божіи, дѣйствительно, неисповѣдимы! Бывшій императоръ испытывалъ въ послѣдніе дни столько горя, столько невзгодъ—ничего нѣтъ мудренаго, что натура слабая, болѣзненная, страдавшая уже «припадками геморроидическими», не вынесла этихъ потрясеній; въ смерти никто не воленъ—заболѣлъ и умеръ...». Несмотря на то, что печальный конецъ Петра III былъ достаточно освѣщенъ новымъ правительствомъ, смерть его произвела сильное впечатлѣніе на народное воображеніе, которое и не преминуло въ очень скоромъ времени создать и изъ этого факта и изъ трагической личности самого покойнаго императора популярную легенду, которая вскорѣ облетѣла всю Русскую землю и воплотилась въ историческомъ событіи кроваваго характера.

За выбитіемъ изъ жизненнаго строя Петра Феодоровича, въ Шлиссельбургѣ все же еще оставался въ живыхъ первый по времени кандидатъ на всероссійскій престолъ, Іоаннъ Антоновичъ, составлявшій для Екатерины, какъ нѣкогда для Елисаветы, предметъ страха и опасеній, вслѣдствіе чего для охраны его личности отъ какихъ либо посягательствъ въ сторону его освобожденія принимались мѣры особенной строгости и бдительности. Со времени Петра Великаго народъ столько уже видѣлъ всякихъ перемѣнъ правительства, при чемъ каждая перемѣна непременно возвышала

¹⁾ В. Вильбасовъ. «Исторія Екатерины Второй», томъ II.

содѣйствовавшихъ этой перемѣнѣ, создавала имъ почести и богатства, что мысль многихъ современниковъ, побуждаемая чувствомъ честолюбія, какъ-то невольно останавливалась на всегдашней возможности новой перемѣны. Фавориты Елисаветы и Екатерины были у всѣхъ на глазахъ, и судьба ихъ рождала зависть и стремленіе къ подражанію. Мотивы этой категоріи и легли въ основаніе политическаго заговора или, правильнѣе, умысла подпоручика Смоленскаго пѣхотнаго полка, Василія Яковлевича Мировича, рѣшившагося на отчаянный, безнадежный шагъ къ освобожденію Іоанна Антоновича какимъ нибудь «дешператнымъ и безразсуднымъ союзъ». Какъ нѣкогда Батуричь, такъ нынѣ малороссъ Мировичъ находился въ отчаянномъ матеріальномъ положеніи и притомъ, вдобавокъ, съ обидою въ сердцѣ на правительство за отказъ ему по дѣлу возвращенія въ его родъ конфискованныхъ нѣкогда украинскихъ имѣній. Его обращеніе по сему предмету къ гетману К. Разумовскому успѣха не имѣло, и послѣдній лишь философски ему замѣтилъ: «Мертваго изъ гроба не ворочаютъ. Ты—молодой человекъ: самъ себя прокладывай дорогу. Старайся подражать другимъ, старайся схватить фортуны за чубъ, и будешь такимъ же паномъ, какъ и другіе». Этотъ «чубъ фортуны» Мировичъ намѣтилъ въ освобожденіи Шлиссельбургскаго царственнаго узника, и мысль о немъ стала неотступно его преслѣдовать, пока случай ему не помогъ подойти вплотную къ намѣченной цѣли. Попавъ на дежурство въ Шлиссельбургскую крѣпость, Мировичъ сдѣлалъ попытку взбунтовать дежурный караулъ, арестовать коменданта и вооруженною силою вырвать Іоанна Антоновича изъ рукъ двухъ безсмѣнно приставленныхъ къ нему офицеровъ—Власьева и Чекина, которые имѣли секретный приказъ не выдавать живымъ порученную имъ таинственную и «знатную особу». Услыхавъ шумъ и понявъ, въ чемъ дѣло, офицеры-тюремщики сдѣлали свое дѣло и исполнили свой секретный долгъ. Когда Мировичъ съ огнемъ въ одной рукѣ и съ ружьемъ въ другой, въ сопровожденіи кучки солдатъ ворвался въ казематъ Іоанна Антоновича, его глазамъ представилось страшное зрѣлище: на полу, въ лужи крови валялось мертвое тѣло царственнаго юноши...

— Ахъ, вы, безсовѣстные,—воскликнулъ Мировичъ:—за что вы невинную кровь такого человека пролили?

— Какой онъ человекъ,—мы не знали,—отвѣтили Власьевъ и Чекинъ:—только то знаемъ, что онъ арестантъ. А кто надъ нимъ что сдѣлалъ, тотъ поступилъ по присяжной должности.

Отдавъ по всѣмъ правиламъ воинскаго устава почести окровавленному тѣлу, Мировичъ поцѣловалъ холодѣвшую уже руку и, обратившись къ солдатамъ, сказалъ:

— Вотъ, братцы, нашъ государь Іоаннъ Антоновичъ! Теперь мы не столь счастливы, какъ несчастны, и всѣхъ больше за то я

претерплю. Вы не виноваты—вы не видѣли, что я хотѣлъ сдѣлать. Я уже за всѣхъ васъ отвѣтствовать и всѣ мученія на себѣ сносить долженъ.

Такимъ образомъ судьба убрала съ жизненной сцены второго юридическаго соперника Екатерины II по престолу, обезопасивъ ее, казалось бы, на многіе годы отъ какихъ либо осложненій правового политическаго свойства. Но вышло иначе: именно ей, укрѣпившейся на престолѣ, возвеличенной уже и прославленной Западомъ и Востокомъ, пришлось встрѣтить грозную опасность, которая, неожиданная и для нея и для ея сподвижниковъ, выступила изъ дремучихъ лѣсовъ юго-восточной Россіи, съ береговъ двухъ великихъ бунтарскихъ рѣкъ—Дона и Волги, и, точно кровавый призракъ, хищно и съ ненавистью протянула къ ней свои разбойничьи руки. Произошло нѣчто ужасное, роковое, гдѣ, точно въ фокусѣ, сосредоточилось все смутное, что собралось на Руси за послѣднія сто слишкомъ лѣтъ, и что разлилось по лицу земли горячими потоками слезъ и крови. Народная Россія бросила страшный вызовъ Россіи полицейско-бюрократической, въ которую она именно за время Екатерины успѣла обратиться, призвала ее къ отвѣту за все сдѣланное противъ народа и престола, какъ историческаго наслѣдія дома Романовыхъ по договору 1613 года, и сдѣлала попытку заставить эту Россію омыться отъ своихъ грѣховъ въ потокахъ неповинной человѣческой крови.

«Руководство Божіе чудное и испытанное естъ!»—вскричала невольно Екатерина при первой вѣсти объ умерщвленіи Ивана Антоновича. «Провидѣніе оказало мнѣ очевидно знакъ своей милости, придавъ такой конецъ этому предпріятію»,—писала она Панину, но рядомъ съ этимъ ее охватилъ настоящій ужасъ и страхъ, когда ей пришлось ознакомиться съ текстомъ манифеста, проектированнаго Мировичемъ по случаю вступленія Іоанна III на престолъ и устраненія отъ него Екатерины II. Вотъ что здѣсь говорилось между прочимъ¹⁾: «Недолго владѣлъ престоломъ Петръ Третій, и тотъ отъ пронырства и отъ руки жены своей опоенъ смертнымъ ядомъ, по немъ же не инымъ чемъ, какъ силою обладала наслѣднымъ моимъ престоломъ самолюбная расточительница Екатерина, которая по день Нашего возшествія изъ отечества Нашего выслала на кораблѣ къ родному брату своему, къ римскому генераль-фельдмаршалу князю Фридрику-Августу, всего на двадцать на пять мѣльоновъ денегъ золота и серебра въ деле и не въ деле, и сверхъ того она чрезъ свои природныя слабості хотела взять себе въ мужья подданнаго своего Григорья Орлова съ тѣмъ, чтобъ уже изъ зло-

¹⁾ В. Вильбасовъ. Исторія Екатерины Второй, т. II.

намереннаго и вреднаго отечеству ея похода ¹⁾ и не возвратитца, за что конечно она предъ его страшнымъ судомъ неоправдаетца».

Обвиненія, здѣсь выставленныя противъ Екатерины, были для нея очень тревожнаго свойства. Ей приписывалась непосредственная вина въ смерти Петра Θεодоровича, разграбленіе государственнаго имущества и вступленіе въ незаконный бракъ съ главнымъ соучастникомъ ея восшествія на престоль. Нѣтъ надобности доказывать легендарность доводовъ въ этомъ документѣ: важны не факты, а то, что въ публикѣ по сему предмету циркулируютъ слухи, могущіе ей повредить въ общественномъ и народномъ мнѣніи и рисующіе ее, не какъ правительницу, дѣйствующую на пользу государства, а побуждаемую корыстными цѣлями, идущими въ разрѣзъ съ интересами страны и направленными противъ ея благополучія.

Дѣло о шлиссельбургскомъ бунтѣ было передано въ верховный судъ въ составѣ сената, синода, особъ первыхъ трехъ классовъ и президентовъ всѣхъ коллегій; когда же Екатерина увидала, что среди членовъ верховнаго суда нѣтъ полного единогласія во взглядѣ на политическое значеніе преступленія Миновича, она оказала, съ своей стороны, сильное давленіе на ходъ мыслей членовъ суда и добилась единогласнаго ихъ рѣшенія въ смыслѣ приговора Миновича къ смертной казни и строгаго наказанія шлиссельбургскаго гарнизона. Народъ, отвыкшій за время Елисаветы отъ казни, ужаснулся и «единогласно ахнулъ», увидѣвъ окровавленную голову поручика Смоленскаго полка въ рукахъ палача, но еще, пожалуй, онъ былъ болѣе смущенъ, что убійцамъ Іоанна Антоновича ихъ прегрѣшеніе не было поставлено въ вину, и въ официальномъ по сему предмету документѣ убійцей самодержавнаго государя былъ объявленъ все тотъ же Миновичъ. Но такой уголовно-политическій *tour de force* не вызвалъ къ себѣ сочувствія русскаго народа, и имя несчастнаго шлиссельбургскаго узника еще долго жило въ его памяти. Г. Вильбасовъ сообщаетъ на основаніи данныхъ изъ государственнаго архива, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убіенія Іоанна Антоновича, въ 1765 году, проявились сочувствія и не только къ нему, но и къ Петру III; въ 1766 году разсматривалось шесть тайныхъ дѣлъ, въ которыхъ поминалось имя Ивана Антоновича; въ 1767 году десять дѣлъ объ оскорбленіи величества, и въ томъ числѣ два по поводу Ивана III. Всѣ эти «протесты» шли главнымъ образомъ изъ провинціи, только однажды былъ открытъ заговоръ въ Москвѣ, и то въ пользу брата Іоанна Антоновича, какъ законнаго наслѣдника русскаго престола. Въ 1774 году таинственная княжна Тараканова привлекла къ себѣ симпатіи, между прочимъ, и потому, что въ ней видѣли будто сестру шлиссельбургскаго страдальца; въ 1788 году купецъ Курдиловъ выдавалъ себя за Ивана Антоно-

¹⁾ Т.-е. изъ повѣдки въ Ригу и Остзейскій край.

веча. Быть можетъ, были подобныя протесты и позже,—говорить г. Бильбасовъ, — быть можетъ, ихъ не было, — мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, никогда въ Россіи умерщвленіе Ивана Антоновича не оправдывалось русскими людьми, никогда русскіе люди не признавали надобнаго преступленія «естественнымъ», не объясняли его «печальною необходимостью», какъ то дѣлала Екатерина II и ея несамостоятельное бюрократическое правительство.

Кровь Ивана Антоновича и Мировича, а также смерть Петра III, были тѣми трагическими страницами ея царствованія, которыя заключали собою повѣсть о претендентахъ на русскій престолъ той эпохи. Таковыхъ въ наличности уже болѣе не было, и если Екатерина на время вздохнула полною грудью и съ благодарностью за попеченія о ней Провидѣнія, то этотъ вздохъ радости былъ не дологъ—его замѣнилъ крикъ ужаса передъ мрачною тѣнью Пугачева, явившагося на раскрашенномъ фонѣ ея правленія зловѣщимъ призракомъ, напоминающимъ Ропшинскіе и Шлиссельбургскіе дни.

По вступленіи на престолъ, Екатерина поставила основаніемъ своей внутренней политики доброе намѣреніе всѣхъ «подданныхъ учинити счастливыми», въ видахъ чего ей прежде всего необходимо было обновить правительственный механизмъ и приспособить его функціи къ урегулированію правильнаго хода всѣхъ сторонъ нашей жизни. На первомъ планѣ поэтому была положена задача объ узаконеніи правительственныхъ учрежденій, каковая и была намѣчена въ ея манифестѣ отъ 6-го іюня, гдѣ императрица своимъ императорскимъ словомъ торжественнѣйше обѣщала «узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло». Забота по выработкѣ такихъ установленій была возложена на графа Н. И. Панина, который уже осенью того же года представилъ государынѣ обширный проектъ реформы верховнаго правительства, состоящій изъ двухъ частей: первая объ императорскомъ совѣтѣ, вторая—о сенатѣ. Этотъ проектъ Н. И. Панина былъ самымъ тщательнымъ образомъ проработанъ императрицею, былъ отданъ на обсужденіе нѣкоторыхъ приближенныхъ, одобренъ и по поводу его даже изготовленъ манифестъ, скрѣпленный подписью Екатерины; но въ послѣднюю минуту государыня взяла свое рѣшеніе назадъ, надорвала манифестъ, и онъ выпущенъ не былъ, а проектированному совѣту не суждено было видѣть осуществленія. Значеніе проекта Панина до сихъ поръ еще не имѣетъ въ нашей литературѣ согласной оцѣнки. Нѣкоторые ученые, основываясь главнымъ образомъ на запискахъ декабриста М. А. Фонвизина, видятъ въ немъ положительный

шагъ къ ограниченію самодержавной власти¹⁾, другіе²⁾ разсматриваютъ проектъ, какъ добросовѣстную попытку по урегулированію законодательной дѣятельности правительства и по установленію нѣкотораго контроля надъ верховной властью въ этой области государственной жизни. Нѣкоторые современники, какъ изъ числа русскихъ сановниковъ, такъ и иностранныхъ дипломатовъ несомнѣнно усматривали, однако, въ немъ ограничительныя тенденціи, первыя, такъ сказать, ступени къ установленію аристократическаго правленія. Такъ, фельдцейхмейстеръ Вильбоа въ своей запискѣ на проектъ Панина говоритъ³⁾: «Не знаю, кто составитель этого обширнаго проекта, но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, такимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Вліятельные члены обязательнаго и государственнымъ закономъ установленнаго императорскаго совѣта, особенно если они обладаютъ достаточнымъ къ тому своеволіемъ, честолюбіемъ и смышленостью, весьма удобно могутъ вырости въ соправителей. По крайней мѣрѣ, если есть намѣреніе къ такому переустройству, то императорскій совѣтъ представляется первымъ къ тому шагомъ, а такое преобразование неминуемо привело бы къ разрушенію могущества и величія Россійской имперіи».

Мысли Вильбоа рисуешь, повидимому, довольно правильно дѣло: прямого ограниченія самодержавія въ проектѣ Панина нѣтъ, но зародышъ этого ограниченія въ немъ можетъ быть усмотрѣнъ, зародышъ, который, при благопріятныхъ условіяхъ, могъ развиваться въ нѣчто похожее на конституціонную форму правленія съ аристократическимъ отѣнкомъ. Въ данномъ случаѣ усматривается нѣкоторая аналогія въ порядкѣ мыслей Д. М. Голицына и Н. И. Панина: оба въ своихъ государственныхъ замыслахъ имѣли передъ собою примѣръ аристократическихъ шведскихъ установленій, оба изучили таковыя и практически, по долгу службы, и теоретически, оба сдѣлали попытки привить духъ этихъ учрежденій къ русской жизни, и оба потерѣли въ этомъ отношеніи неудачу, слѣдомъ чего остались лишь разорванные документы въ нашихъ правительственныхъ архивахъ. Голицынъ дважды пытался осуществить свои замыслы: при Екатеринѣ I и Аннѣ Иоанновнѣ, тоже и Панинъ — разъ при представленіи своего проекта верховнаго совѣта,

¹⁾ Этого мнѣнія изъ числа новѣйшихъ историковъ вполне опредѣленно держатся: В. И. Семевскій, «Историческое Обзорѣніе», т. IX, «Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка»; А. И. Браудо: «Русскій біографическій словарь», монографія Панина: «графъ Никита Ивановичъ»; В. И. Вильбасовъ: «Исторія Екатерины II».

²⁾ Н. Д. Чечулинъ: «Проектъ императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II», «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1894 г., № 3; Е. Щепкина: «Чтенія по исторіи Россіи въ осмнадцатомъ вѣкѣ».

³⁾ В. И. Вильбасовъ: «Исторія Екатерины II», т. II.

а другой разъ въ проектированной имъ запискѣ для Павла Петровича, которую онъ диктовалъ Д. И. Фонвизину, и которую ему, однако, не удалось закончить.

Какъ бы ни разсматривать проектъ Панина, подъ угломъ ли зрѣнія В. И. Бильбасова, или Н. Д. Чечулина, фактъ остается фактомъ: Екатерина не рѣшилась на шагъ, къ которому ее побуждалъ воспитатель ея сына, и онъ вторично потерпѣлъ поражение въ своемъ стремленіи отвести государынѣ второстепенное мѣсто въ политической жизни страны. Проектируя низложеніе Петра III, Панинъ считаетъ нужнымъ это сдѣлать во имя Павла; проектируя установленіе верховнаго совѣта, онъ ставитъ государыню подъ тѣнь и контроль этого учрежденія, и каждый разъ Екатерина внимательно слушаетъ своего совѣтчика и политическаго ментора, выбираетъ изъ его словъ и мыслей все ей нужное и... дѣлаетъ въ концѣ концовъ то, что идетъ объ руку лишь съ ея личными интересами и ея планами, оставаясь при этомъ не на второмъ мѣстѣ, которое ей пытаются отвести, а выступая ярко и эффектно на первый планъ. Она не допускаетъ искусственной тѣни на своемъ самодержавіи и стремится исключительно изъ собственныхъ рукъ дать подданнымъ счастье, не въ той формѣ, какъ бы того они сами хотѣли, а какъ ей самой того хочется, и что соответствуетъ сложившимся у нея личнымъ понятіямъ и просвѣтительнымъ государственнымъ и философскимъ взглядамъ. Ея самодержавіе чрезвычайно колоритно: оно не исторически-народно, съ крѣпкими и глубокими корнями въ народной жизни, но популярно и національно, съ искусственными напластованіями на немъ вмѣстѣ съ тѣмъ и декоративныхъ сторовъ западно-европейской жизни. Просвѣтительный абсолютизмъ— вотъ ея знамя, которое она крѣпко держитъ въ рукѣ, порою склоняя его въ сторону одного лишь абсолютизма, а порою, и то съ большею осторожностью,—въ сторону просвѣщенія. Но какъ только это просвѣщеніе набрасываетъ тѣнь на ея абсолютизмъ, первое всегда и рѣшительно приносится въ жертву второму, причемъ средства, пускаемые въ данномъ случаѣ въ ходъ, далеко не всегда гуманитарнаго порядка и либеральнаго характера. Слова у нея часто расходятся съ дѣломъ, а иногда за этими словами исчезаетъ даже самое дѣло, почему послѣднее иногда и гибнетъ, оставляя по себѣ лишь красивый слѣдъ въ ея манифестахъ, въ ея письмахъ и даже въ представленіи загниотизированныхъ и очарованныхъ современниковъ. Такова, между прочимъ, была судьба ея прославленнаго «Наказа» и всего дѣла созыва депутатовъ въ Москву для сочиненія проекта новаго уложенія, гдѣ правительница выше всего поставила свое доктринерство и философію, свое личное «я», подчинивъ имъ реальныя потребности страны, ея историческій опытъ, наслѣдіе старины и живую волю народа. Всѣ эти факторы жизни были ею пренебрежены, ко всему этому она отнес-

лась съ высоты своего эффектнаго абсолютизма, какъ къ чему-то ненужному, отсталому и ветхому, поставивъ превыше всего свое доктринерство, почерпнутое изъ «L'esprit des lois» Монтескье и сочиненія Беккариа «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», невзирая на то, что эти облюбованные ею мыслители даже у себя на родинѣ еще далеко не успѣли приспособить своихъ доктринъ къ мѣстной западно-европейской дѣйствительности. Но Екатеринѣ казалось, что стоитъ ей лишь чего либо пожелать, и русскій народъ проникнется этими желаніями и воплотитъ въ своей бытовой жизни то, что благоугодно ея величеству; исторіи для нея не существовало, была лишь ея просвѣщенная воля и наличность народной *tabula rasa*.

Исторія «Наказа» и ходъ работъ законодательной комиссіи не можетъ быть по существу вопроса составною частью общей темы настоящихъ очерковъ, посвященныхъ специально днямъ исторической русской смуты и борьбы; поэтому авторъ отсылаетъ интересующихся этой стороною дѣятельности Екатерины къ сочиненію проф. В. Н. Латкина: «Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи», къ работамъ проф. И. И. Дяткина: «Статьи по исторіи русскаго права», и къ статьѣ проф. В. И. Сергѣевича: «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи?», напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы», 1878 г., въ № 1. Профессоромъ же Сергѣевичемъ нынѣ опубликованъ въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго историческаго общества» (т. т. XXXII, XXXVI, XLIII, LXVIII, XCIII, CVII и CXV) обзоръ занятій Большого Совѣта, гдѣ изо дня въ день передъ читателемъ обрисовывается ходъ работъ законодательной комиссіи, при чемъ почтенный изслѣдователь этихъ занятій даетъ въ предисловіи къ томамъ «Сборника» много цѣнныхъ указаній, освѣщающихъ этотъ интересный вопросъ.

Какъ извѣстно, собранная Екатериною комиссія депутатовъ не дала практическихъ результатовъ, и главными причинами этой безрезультатности были: 1) отсутствіе подготовительныхъ работъ; 2) непрактичность и неопредѣленность виѣшной организациі дѣла и 3) практическое неумѣнье руководителей. Проф. С. О. Платоновъ идетъ еще далѣе, полагая въ своихъ неоднократно уже цитированныхъ «Лекціяхъ», что, если бы все дѣло съ виѣшной стороны и было даже организовано лучше, то все же можно было предсказать, что изъ работы комиссіи ничего не выйдетъ. «Грандіозный проектъ новаго законодательства былъ недостижимомъ утопіей, прежде всего, по количеству необходимаго для него труда,—говоритъ онъ.— Кромѣ того, нельзя было примирить либеральные принципы французской философіи съ противорѣчивыми желаніями русскаго сословія. Депутаты стояли въ этомъ отношеніи среди многихъ исключających другъ друга противоположностей, и можно ручаться, что они никогда не вышли бы изъ нихъ, какъ не могла выйти изъ нихъ и сама Екатерина». Хотя знаменитая комиссія и не дала русской жизни прямыхъ

результатовъ, но для самой Екатерины въ наказахъ депутатамъ нашелся богатый матеріалъ, который до извѣстной степени легъ въ основаніе ея дальнѣйшихъ законодательныхъ работъ и хоть нѣсколько отрезвилъ ее отъ того философскаго доктринерства, которое въ началѣ ея царствованія было ею поставлено выше реальной жизни и живой воли народа. И эта жизнь, и этотъ народъ перестали быть тѣми невидимыми иксами, которые отыскивались ею прежде въ иностранныхъ сочиненіяхъ, и которые отнынѣ стали для нея реальнымъ матеріаломъ для созданія губернскихъ учреждений и городского положенія. Ничего только изъ этихъ фактовъ она не сумѣла почерпнуть для рѣшенія лишь крестьянскаго вопроса, который именно при ней достигаетъ своей крайней сложности и остроты и направляется ею фактически въ неблагопріятномъ для интересовъ народа смыслѣ. Именно при Екатеринѣ крѣпостное право провозглашается фундаментомъ самодержавія и получаетъ свой печальный расцвѣтъ въ интересахъ бюрократіи, привилегированнаго дворянства и промышленнаго капитала, что и повело страну къ ряду жестокихъ помѣстныхъ крестьянскихъ бунтовъ и къ широкому народному возстанію подъ знаменемъ самозваннаго Петра III и во имя воли и свободы отъ помѣщичьяго гнета и бюрократическаго произвола.

Разбирая чрезвычайно обстоятельно отношенія и самой Екатерины и ея современниковъ къ крестьянскому вопросу, В. И. Семевскій ¹⁾ приходитъ къ опредѣленному выводу, что въ ея царствованіе «было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и даже для распространенія крѣпостнаго права, чѣмъ для его ограниченія», хотя тутъ же изслѣдователь и отмѣчаетъ ея несомнѣнную заслугу: она первая съ высоты престола бросила въ общество идею, что крѣпостной такой же человекъ, какъ и его господинъ, что онъ также имѣетъ право на разумное существованіе. Эта двойственность въ отношеніи къ одному изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ внутренней жизни если не прямо и непосредственно, то косвенно создавала массу осложнений, рождала противорѣчія тамъ, гдѣ ихъ можно бы было избѣгнуть, и обращала всю Россію въ такую неурегулированную стихію, въ глубинѣ и на поверхности которой всегда могли прошумѣть бури и разразиться катастрофы. Изъ числа такихъ бурь и катастрофъ прежде всего надлежитъ отмѣтить волненія помѣщичьихъ крестьянъ, принявшія настолько широкіе размѣры и серіозный характеръ, что потребовалась выработка цѣлой опредѣленной системы усмиренія крестьянъ, формулированная въ на-

¹⁾ В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», т. I.

чертанныхъ для сего спеціальныхъ правилахъ. Тотъ же г. Семевскій въ своемъ главномъ капитальномъ трудѣ по крестьянскому вопросу ¹⁾ дѣлаетъ обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ крестьянскихъ волненій въ царствованіе Екатерины и отмѣчаетъ здѣсь три періода—до пугачевщины, во время ея и послѣ нея. Въ 1762 г., по его показаніямъ, въ Великороссіи насчитывается волненій въ 10-ти помѣщичьихъ вотчинахъ (всего же волновалось до 50.000 душъ), въ 1763 г. были волненія болѣе чѣмъ въ 8-ми вотчинахъ, въ 1765 г.—въ одной, въ 1766 г.—въ 6-ти, въ 1767—1768 гг.—въ 9-ти и въ 1769 г. въ 2-хъ имѣніяхъ, и того 40 волненій въ періодъ времени съ 1762 г. по 1772 г. включительно. Здѣсь изслѣдователемъ зарегистрированы лишь извѣстныя волненія, но онъ и самъ полагаетъ, что, вѣроятно, ихъ было больше, но о нихъ въ знакомыхъ ему правительственныхъ архивахъ не осталось слѣда. Основною причиною всѣхъ этихъ волненій былъ гнетъ помѣщичьей власти, который раздражалъ крѣпостныхъ тѣмъ болѣе, что передъ ними былъ примѣръ лучшей и болѣе вольной, вольготной жизни въ лицѣ крестьянъ дворцовыхъ и государственныхъ. Ссылаясь на судьбу послѣднихъ, помѣщичьи крестьяне непрестанно ходатайствуютъ объ избавленіи отъ власти притѣсняющаго ихъ помѣщика и о припискѣ ихъ къ дворцовымъ и государевымъ волостямъ. Поэтому всякій слухъ о близкомъ освобожденіи или даже объ ограниченіи помѣщичьей власти—а поводовъ къ таковымъ слухамъ было въ царствованіе Екатерины немало—встрѣчался крестьянами съ довѣріемъ и радостью и вызывалъ среди нихъ волненія и враждебныя дѣйствія противъ помѣщичьей усадьбы и противъ хозяйскаго добра.

Разсматривая каждое волненіе порознь, г. Семевскій приходитъ къ выводу, что характеръ всѣхъ ихъ не имѣетъ особенно серіознаго значенія. «Волненіе замѣчается обыкновенно въ какойнибудь одной вотчинѣ,—говоритъ онъ,—хотя на помощь при стычкѣ съ правительственнымъ отрядомъ иногда и являются сосѣдніе помѣщичьи или дворцовые крестьяне. Правда, и правительственныя силы обыкновенно оказываются чрезвычайно ничтожными, и потому крестьянамъ не разъ удается отразить ихъ, а иногда даже взять въ плѣнъ часть отряда, но въ концѣ концовъ имъ приходится смириться. Борьба слишкомъ не равная уже потому, что крестьяне по большей части вооружены только какиминибудь вилами и дубинами. Дѣло кончается обыкновенно безъ особеннаго кровопролитія, хотя иногда и бываетъ два-три убитыхъ среди крестьянъ и нѣсколько раненыхъ изъ числа солдатъ; впрочемъ, въ трехъ случаяхъ крестьяне дорого заплатились за попытку бороться съ помѣщичьей властью: въ имѣніи Пассекъ въ 1768 г. было ранено и убито около 30-ти человѣкъ (въ этомъ случаѣ столько же раненыхъ и изъ сол-

¹⁾ В. П. Семевскій. «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», т. I.

дать, и даже капитанъ смертельно раненъ); въ 1762 г. въ имѣннѣ князей Долгоруковыхъ было убито около 20-ти крестьянъ и не менѣе того ранено; во время бойни, устроенной въ 1758 г. приказчиками Евд. Демидова, убито наповаль 30 человекъ и 33 смертельно ранены. Всего болѣе упорствовали крестьяне въ тѣхъ случаяхъ, когда они подавали прошенія императрицѣ или въ сенатъ, такъ какъ тогда они хотѣли, во что бы то ни стало, дожидаться рѣшенія на него и получить указъ, иной разъ за собственноручною подписью императрицы». Желаніе увидѣть указъ, подписанный самою императрицею, встрѣчается и въ случаяхъ волненій крестьянъ и не крѣпостныхъ. Часто въ волненіяхъ этой категоріи наблюдается, что сочувствіе и поддержка приходскаго духовенства обрѣтаются на сторонѣ крестьянъ, а не помѣщиковъ.

Послѣ распушенія законодательной комиссіи, на которую крѣпостными возлагались болѣе и менѣе широкія надежды, и послѣ того, какъ депутаты возвратились домой, въ теченіе почти трехъ лѣтъ среди крестьянъ не встрѣчается волненій. Они терпѣливо ждутъ желаннаго указа, если не о волѣ, то хоть объ облегченіи рабства. Но этотъ указъ не пришелъ, отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ не улучшились, и вотъ терпѣніе послѣднихъ лопається, а накопившееся у нихъ горькое чувство находитъ себѣ выходъ въ пугачевщинѣ, той соціально-революціонной эпопеѣ, гдѣ именно помѣщичье крестьянство играетъ выдающуюся роль. Послѣ усмиренія пугачевщины, когда революціонный пожаръ былъ потушенъ народною кровью, крѣпостные нѣсколько затихаютъ, и волненія среди нихъ наблюдаются рѣже. По приблизительному и вѣроятному подсчету г. Семевского, съ 1774 г. и по конецъ царствованія Екатерины волненія крестьянъ происходили въ 20-ти вотчинахъ, у 18-ти помѣщиковъ, при чемъ это незначительное сравнительно число объясняется памятью крестьянъ о суровой расправѣ съ ними правительства во время пугачевского бунта. И только въ царствованіе Павла Петровича мы наблюдаемъ снова и ростъ крестьянскихъ волненій и интензивный характеръ этихъ волненій.

Кромѣ волненій среди крѣпостныхъ крестьянъ, во все царствованіе Екатерины отмѣчается немало бунтовъ и среди прочихъ категорій крестьянъ—посессионныхъ, дворцовыхъ, государевыхъ, монастырскихъ и другихъ. Причинами для волненій среди этихъ категорій являются главнымъ образомъ причины экономическія, а также злоупотребленія начальствующихъ лицъ и управителей. Изучая волненія среди крестьянъ, приписанныхъ къ духовнымъ вотчинамъ, г. Семевскій отмѣчаетъ, что въ этихъ волненіяхъ при Екатеринѣ принимало участіе болѣе 100.000 душъ, т.-е. болѣе десятой части всѣхъ принадлежащихъ духовенству крестьянъ. Волненія эти, однако, не выдѣляются особенною страстностью и носятъ на себѣ довольно мирный характеръ, гдѣ дѣло рѣдко доходитъ до убійствъ. Любо-

пытно между прочимъ отмѣтить, что во время этихъ волненій по рукамъ ходилъ фальшивый манифестъ отъ имени императрицы, гдѣ было сказано: «которая земля пахотная была и луга за монастыремъ, то разверстать на себя». Но если здѣсь дѣло обходилось относительно благополучно, то иная картина представляется при изученіи волненій среди заводскихъ крестьянъ и въ особенности такихъ на Уралѣ. Здѣсь крестьяне, будучи переданы во владѣніе частныхъ лицъ (Демидовыхъ, Шувалова и др.), благодаря въ особенности злоупотребленіямъ управителей, находились почти постоянно въ возбужденномъ состояніи и въ оппозиціи къ своимъ владѣльцамъ. Волненія были вызваны ихъ ужаснымъ положеніемъ, которое всего рельефнѣе рисуется въ челобитной, поданной князю Вяземскому, командированному на Уралъ, въ цѣляхъ выясненія общихъ причинъ заводскихъ беспорядковъ. Такъ, крестьяне, приписанные къ Кыштымскому и Кислинскому заводамъ Никиты Демидова, жаловались ¹⁾, что ихъ не только заставляли трудиться болѣе, чѣмъ было нужно для отработки податей, но еще мучили и надругались надъ ними. Приказчики Демидова до того били нѣкоторыхъ батогами и кнутомъ, что у нихъ не заростали раны по нѣскольку недѣль и даже по полугоду, а въ ранахъ заводились черви. Подвергавшіеся такимъ истязаніямъ становились нерѣдко негодными къ военной службѣ и домашнимъ работамъ. Истязали крестьянъ и мучили самыми ухищренными способами, и когда измученные вздумали жаловаться, то приказчики и нарядчики Демидовскихъ вотчинъ, надѣвъ приносившимъ жалобу колодки на шею, водили ихъ и наказывали ременными кнутами. Въ челобитной крестьянъ названо 12 человекъ, засѣченныхъ приказчиками до смерти; всего же на двухъ заводахъ Демидова въ теченіе 4-хъ лѣтъ было подвергнуто разнымъ истязаніямъ 328 человекъ. Особенно рѣзко проявились волненія среди крестьянъ Демидова въ 1765 г., когда среди нихъ появился казакъ Каменщиковъ, который объявилъ, что онъ посланъ отъ государыни для разсмотрѣнія крестьянскихъ жалобъ. «Еще ранѣе, сидя подъ арестомъ въ Троицкой крѣпости, — повѣствуетъ г. Семевскій, — Каменщиковъ рассказывалъ, что императоръ Петръ III живъ и часто развѣзжаетъ по ночамъ, чтобы развѣдать объ обидахъ, причиняемыхъ народу; очевидно, подготовлялась почва для появленія самозванца. Каменщиковъ велѣлъ наказывать тѣхъ крестьянъ, которые во время волненій ходили на заводскія работы, заковалъ ихъ въ кандалы и посадилъ подъ караулъ; онъ также осматривалъ мѣста, гдѣ были похоронены крестьяне, убитые во время волненій. Отправившись съ крестьянскими челобитными въ Петербургъ, онъ былъ тамъ арестованъ; его наказали кнутомъ, вырѣзали ноздри и со-

¹⁾ В. И. Семевскій. «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», томъ II.

слали въ вѣчную каторжную работу на Нерчинскіе заводы, а изъ крестьянъ Мошенскаго острога и Борневской слободы, присутствовавшихъ при составленіи челобитной, десятый былъ битъ кнутомъ, а остальные батогами». Тѣмъ не менѣе крестьяне и вѣрить не хотѣли, будто Каменщиковъ не посланецъ самой императрицы, и будто онъ наказанъ и сосланъ. Черезъ два года произошло волненіе среди крестьянъ Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ, приписанныхъ къ заводамъ Воронцова, Чернышева и Походяшина, однимъ изъ поводовъ къ которому было то, что эти крестьяне вручили своему депутату въ законодательной комиссіи прошенія объ отчисленіи имъ отъ заводовъ и были убѣждены, что до полученія отвѣта на ихъ просьбу ходить на работу имъ не слѣдуетъ.

Положеніе заводскихъ рабочихъ и крестьянъ заводскихъ было воистину тяжелое, и официальные свидѣтельства по разслѣдованію этого положенія показываютъ, что они дѣйствительно были отданы на жертву заводчикамъ, а эти хищники «только и думаютъ что о своей выгодѣ и алчно пожираютъ все крестьянское имущество»; посредствомъ потребительныхъ лавокъ хозяева совершенно обирали крестьянъ и такъ ихъ закабаливали, что они принуждены были безсмѣнно быть у нихъ въ работѣ. Такое положеніе вещей и создавало то ужасное состояніе рабочаго и крестьянскаго уральскихъ вопросовъ, благодаря которому здѣсь непрестанно царила напряженная и наэлектризованная атмосфера, которая во всякую минуту и по всякому поводу готова была разразиться жестокою бурей. Необходимо отмѣтить, что Уралъ по сравненію съ другими частями имперіи, помимо своихъ прочихъ мѣстныхъ социальныхъ особенностей, заслуживаетъ вниманія еще въ томъ отношеніи, что тутъ раньше всего наблюдается извѣстная организованность волненій и безпорядковъ. На Уралѣ впервые рождается стачка среди рабочихъ, стачка, вполне правильно организованная, рассчитанная на психологію массы, въ цѣляхъ ея терроризированія и принудительныхъ оппозиціонныхъ дѣйствій. Конечно, стачечныя агитаціи того времени не могли ни по интензивности, ни по стройности организаціи быть сравнены съ таковыми же стачками новѣйшаго времени и въ особенности нашихъ дней, но, тѣмъ не менѣе, и тогда мы наблюдаемъ извѣстную, такъ сказать, дисциплину въ оппозиціи и противодѣйствіи начальствующимъ элементамъ; жизнь, очевидно, опредѣлила и выработала извѣстные приемы борьбы, которые оказались наиболѣе цѣлесообразными и достигающими извѣстныхъ цѣлей. Возбужденность настроенія уральскаго рабочаго класса была хорошею почвою для пугачевщины, которая и почерпала отсюда свои значительные кадры, комплектовала отсюда свои полчища и въ нѣкоторые моменты борьбы пользовалась Ураломъ, какъ своего рода базой, откуда вливались въ движеніе и живыя силы, и вспомогательныя орудія борьбы, въ видѣ

пушекъ, а также довольствіе и провіантъ. Уралъ особенно чутко прислушивался къ голосу Пугачева, съ восторгомъ принималъ его прокламаціи и преимущественно здѣшніе крестьяне и рабочіе надѣялись при его посредствѣ и помощи облегчить свое невыносимо тяжелое положеніе.

Въ составѣ народныхъ бунтовъ Екатерининской эпохи совершенно особенное мѣсто должно быть отведено московскому чумному бунту 1771 г., въ которомъ наблюдается обычное для большихъ городовъ буйство невѣжественной черни, не предупрежденное принятыми заранѣе разумными и радикальными мѣрами мѣстной администраціи, а потому разгорѣвшееся разгуломъ дикихъ страстей, съ человѣческими жертвами и съ пролитіемъ неповинной крови. Противочумныя мѣры, принятыя правительствомъ, дѣятельность врачей, мѣры санитарныя — вотъ тѣ обстоятельства, которыя, какъ и въ эпидеміяхъ новѣйшихъ временъ, оказали воздѣйствіе на настроеніе народа, и въ которыхъ народъ усматривалъ заговоръ противъ себя и своего благополучія, объясняя и освѣщая этотъ заговоръ легендами и пустыми домыслами. Та картина народнаго бунта, которая обрисовалась въ Москвѣ въ 1771 г., повторялась съ тѣми или иными видоизмѣненіями и черезъ 120 лѣтъ съ небольшимъ, когда на нашихъ уже глазахъ народъ тоже поднимался въ городахъ и селахъ противъ докторовъ и администраціи во время холерной эпидеміи. Какъ въ томъ, такъ и въ послѣдующихъ по времени аналогичныхъ случаяхъ элемента политическаго нѣтъ въ наличности: царитъ лишь глубокое невѣжество, и на его фонѣ расцвѣтаютъ болячки соціальнаго и экономическаго свойства, съ растравленіемъ этихъ болячекъ административною неумѣлостью и недобросовѣстностью. Въмѣсто врачеванія болѣзни средствами органическими, ей даютъ назрѣть, расплыться по всему тѣлу, заразить здоровыя его части и затѣмъ начинаютъ принимать крайнія мѣры ампутаціи и репрессіи, вызывающія судорожныя боли и потрясенія всего организма.

Московскій бунтъ 1771 г. былъ политъ съ одной стороны кровію митрополита Амвросія и сенатора Еропкина, а также немалого числа полицейскихъ и военныхъ чиновъ, а съ другой — кровію взбунтовавшихся жителей, коихъ убито было, напримѣръ, у Чудова монастыря 16-го сентября сто человекъ и 249 ранено, при чемъ войска стрѣляли, какъ изъ ружей, такъ и пушекъ. Конечно, въ общей суматохѣ, длившейся нѣсколько дней и въ значительной мѣрѣ обязанной нераспорядительности административной власти, немало было случаевъ грабежей, разрушенія и хищенія лавокъ и вообще всѣхъ тѣхъ дѣйствій разгулявшихся городскихъ подонковъ населенія, которые въ Петербургѣ, напримѣръ, такъ характерно дали о себѣ знать въ дни извѣстныхъ событій 10-го и 11-го января текущаго года. Орловъ, посланный Екатериною для восстановленія спокой-

ствія въ первопрестольной, при всей негосударственности своего ума, вѣрно, однако, формулировалъ, въ чемъ заключается опасная сторона не самыхъ событій, а обстановки, при которой они имѣютъ мѣсто. «Все несчастіе Москвы,—говорилъ онъ,—состоитъ въ паническомъ страхѣ, охватившемъ какъ высшіе, такъ и низшіе слои жителей, откуда проистекъ безпорядокъ и недостатокъ распорядительности».

Чумный бунтъ 1771 года былъ явленіемъ изолированнымъ, не оказавшимъ прямого и видимаго воздѣйствія на развитіе и возникновеніе прочихъ русскихъ волненій эпохи Екатерины, и счастье тогдашняго правительства, что эти волненія, сосредоточившись, главнымъ образомъ, въ восточной половинѣ имперіи, въ силу случайности, не сумѣли или не смогли проникнуть въ буйное населеніе тогдашней первопрестольной, хотя непрестанно къ ней и тяготѣли. Пугачевщина лънула, такъ сказать, мечтала о Москвѣ и видѣла въ ней тотъ государственный центръ, который, въ силу историческихъ причинъ, неминуемо станетъ оплотомъ общенароднаго возстанія противъ правительства Екатерины. Въ Москвѣ впервые шла рѣчь о незаконности правъ Екатерины II и даже Елисаветы Петровны, тамъ циркулировала легенда о Петрѣ III и его близости къ скопцамъ, тамъ же впервые громко раздался говоръ о преимущественныхъ правахъ на русскій престолъ цесаревича Павла Петровича передъ правами его матери. Такого рода разговоры происходили главнымъ образомъ среди гвардейскихъ офицеровъ, которымъ въ данномъ случаѣ не давали спать лавры братьевъ Орловыхъ. Эти разговоры принимали подчасъ довольно острый характеръ, и въ результатѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ являлись мечты о заговорахъ и даже самые эти заговоры, въ цѣляхъ возведенія на престолъ Павла Петровича и постриженія въ монастырь Екатерины.

Въ 1767 году о необходимости сверженія съ престола императрицы толкуетъ въ Москвѣ офицеръ Озеровъ съ товарищами, говорившій: «Народнаго отягощенія отвратить инымъ ничѣмъ не можно и добраго дожидаться ничего, какъ только тѣмъ, что возвести надобно на престолъ его высочество, да то моя бѣда, что не могу до него дойти». Озеровъ и товарищи его были судимы и сосланы въ Сибирь и Камчатку. Тамъ, на этой отдаленной восточной окраинѣ, находилось уже нѣсколько старыхъ политическихъ заговорщиковъ (напримѣръ, Батуринъ, Турчаниновъ и др.), которые въ 1771 году организуются въ тайное общество съ выходцемъ изъ Венгріи Беневскимъ во главѣ, взятымъ въ плѣнъ во время польскаго возстанія, и постановляютъ организовать заговоръ въ пользу Павла ¹⁾. Этому энергичному заговорщику-авантюристу удается, при содѣй-

¹⁾ «Исторія Екатерины Второй». Сочиненіе А. Брикнера. Спб. 1885.

ствіи мѣстныхъ жителей, бѣгство, которое въ сущности и было главною цѣлью общества; они производятъ въ Большерѣцкомъ острогѣ возстаніе, убиваютъ коменданта, овладѣваютъ казною, двумя пушками, военными припасами и приводятъ жителей къ присягѣ Павлу. Въ апрѣлѣ того же года заговорщики спускаются до Чекавинской гавани, здѣсь грабятъ казенный магазинъ, захватываютъ казенный галіотъ «Св. Петра» и водружаютъ на немъ знамя императора Павла I. Заговорщики наименовали себя «собранною компаніею для имени его императорскаго величества Павла Петровича» и составили объявленіе сенату, гдѣ оновѣщали, что Павелъ Петровичъ незаконно лишенъ престола, что польская разорительная война ведется единственно для пользы Понятовскаго, что отъ монастырей отняты деревни на воспитаніе незаконнорожденныхъ, что промыслы виномъ и солью являются привилегіею фаворитовъ и т. д. Конечно, изъ этой затѣи ничего не могло выйти, и она не реализовалась какими нибудь серьезными фактами, которые причинили особенныя хлопоты и непріятности правительству.

Въ 1769 году былъ раскрытъ странный заговоръ офицера Опочинина, выдававшего себя за сына Елисаветы и англійскаго короля и высказывавшаго намѣреніе схватить Екатерину, когда она поѣдетъ въ Царское Село, постричь въ монастырь, а приближенныхъ ея перебить и перестрѣлять. Въ дѣло оказался замѣшанъ и офицеръ Батюшковъ, говорившій: «Вотъ де, когда цесаревичъ вырастетъ, то вѣрно спроситъ, куда батюшку-то его дѣвали, и такъ де Богъ Орловымъ за это заплотить». Батюшковъ расхваливалъ Павла, утверждая, что «онъ уже въ лѣта приходитъ совершеннаго возраста, такъ лучше бы ему государствовать, нежели женщинѣ... государыня уже въ такихъ лѣтахъ, что пора и въ монастырь постричься, а цесаревичу де непременно приспѣваетъ время къ принятію престола» и пр.

Въ 1772 году производилось слѣдствіе по поводу слуховъ, распространявшихся въ гвардіи, гдѣ среди самыхъ нелѣпыхъ мнѣній, желаній и плановъ выдѣляется одна основная мысль о необходимости скорѣйшаго возведенія на престолъ наслѣдника. Какъ нѣкогда во время фаворитизма Разумовскаго вниманіе политикановъ обращалось на личность Петра Федоровича, такъ нынѣ близость Гр. Орлова къ Екатеринѣ даетъ поводъ и основаніе увлекаться фантастическими симпатіями къ Павлу Петровичу: Разумовскій интригуетъ противъ Петра, а Орловъ противъ Павла, очевидно, надо извести ненавистныхъ фаворитовъ и тайныхъ супруговъ, виновницъ ихъ возвышенія заключить въ монастырь, спасти наслѣдника, возвести его на престолъ и тѣмъ самымъ освободить страну отъ династическаго беззаконія, а себѣ создать обезпеченное и вліятельное положеніе въ государствѣ!

Къ чести Екатерины надо отнести, что ко всѣмъ этимъ заговорамъ и толкамъ она относится довольно снисходительно и во всѣхъ случаяхъ замѣняетъ судомъ приговоренную смертную казнь ссылкой въ Сибирь, на каторгу, заключеніемъ въ крѣпости, сѣченіемъ плетью и кнутомъ. Подводя итогъ всѣмъ этимъ явленіямъ мелкаго политическаго значенія, проф. Брикнеръ говоритъ: «Таковы были признаки неудовольствія и броженія въ средѣ военныхъ, признаки въ то же время нѣкотораго расположенія къ Павлу, ненависти къ Орлову и непріязни къ Екатеринѣ. Нельзя не замѣтить во всемъ этомъ вліянія нѣсколько разъ повторявшихся и иногда удававшихся государственныхъ переворотовъ. Недовольные своимъ положеніемъ, роптавшіе на какія нибудь правительственныя распоряженія считали бездѣлицею произвести перемѣну на престолѣ, и этимъ самымъ достигнуть для себя кое-какихъ выгодъ. Во всемъ этомъ обнаруживается сильный недостатокъ въ политическомъ образованіи массы народа. Распространяются самыя нелѣпыя слухи,—публика вѣритъ всему, рождаются самыя странныя мысли; составляются самыя опасныя политическія заговоры, но почти всегда такого рода эпизоды ограничиваются одною болтовнею; приступить къ дѣлу оказывается невозможнымъ: въ каждомъ случаѣ находятя доносчики, которые сообщаютъ, куда слѣдуетъ, о грозящей правительству опасности. Виновные наказаны, и настоящихъ революціонныхъ дѣйствій не было. Однако соперничество Павла, считавшагося многими кандидатомъ на престолъ, могло безпокоить императрицу. Толки о предстоящемъ въ ближайшемъ будущемъ воцареніи великаго князя были вызваны подобными же обстоятельствами, при какихъ Екатерина вступила на престолъ».

Соперничество съ сыномъ, или, правильнѣе, права на престолъ сына и внука стали предметомъ заботъ государыни много позже, въ конечныя годы ея царствованія, въ эпоху же семидесятихъ годовъ этотъ вопросъ не былъ еще на очереди и не пріобрѣталъ остроту и жизненность; этими свойствами отмѣченъ другой вопросъ уже характера революціоннаго, когда знаменемъ грозящей ей революціи стало имя ея покойнаго супруга Петра III. Странное дѣло и роковое недоразумѣніе: человѣкъ, бывшій при жизни столь чуждымъ по всему складу своего образа мысли, по своей природѣ и симпатіямъ къ русскому народу, сталъ по смерти тѣмъ политическимъ стягомъ, вокругъ котораго такъ охотно сплывался этотъ народъ! Какъ нѣкогда таинственная смерть царевича Дмитрія стала предметомъ легендъ и широкаго политическаго движенія, такъ черезъ двѣсти почти лѣтъ та же таинственная и внезапная кончина Петра III явилась роковымъ моментомъ въ русской жизни, когда она пришла въ бурное движеніе и подняла со дна всѣ ея политическія, соціальныя и экономическія не-

дуги. «Появленіе самозванцевъ въ Россіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ,—справедливо отмѣчаетъ проф. А. Брикнеръ ¹⁾,—не столько можетъ считаться цѣлымъ рядомъ преступленій отдѣльныхъ лицъ, сколько признакомъ общаго болѣзненнаго состоянія массъ. Весьма часто самозванцы не были вовсе первоначальными виновниками мысли разыгрывать роль претендентовъ, а дѣйствовали по внушеніямъ другихъ лицъ. Такъ... корнетъ Батюшковъ убѣдилъ Опочнина въ томъ, что послѣдній былъ сыномъ Елисаветы Петровны и англійскаго короля; мысль выдавать себя за Петра III возникла не въ головѣ Пугачева, а была внушена ему другими лицами. Появленіе самозванцевъ между малороссійскими казаками было, такъ сказать, симптомомъ обще-патологическаго состоянія этого края. Не должно думать, чтобы приверженцы мнимыхъ царевичей, царей и императоровъ вѣрили въ подлинность претендентовъ. Толпа недовольныхъ нуждалась въ вожакахъ для мятежныхъ дѣйствій. Чѣмъ многочисленнѣе были угнетенные, тѣмъ легче распространялось извѣстіе о правахъ того или другого искателя приключеній на престолъ. Появленіе самозванцевъ почти всегда находится въ самой тѣсной связи съ надеждою низшихъ классовъ народа поправить свое положеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ не было вовсе личности самозванца, которую замѣнялъ лишь слухъ о существованіи той или другой особы, права которой могли внушить мысль о бунтѣ».

Самозванщина стала со времени общей русской смуты начала XVII столѣтія явленіемъ чрезвычайно популярнымъ въ Россіи, сюда шли всѣ обиженные общими условіями жизни, всѣ недовольные требованіями суровой государственности и ея режимомъ, кому этотъ режимъ, подобно прокрустову ложу, былъ не по тѣлу и росту, и кто искалъ въ «упоеніи борьбы» исхода своимъ кипучимъ силамъ и своему волевому размаху. Экономическія условія тогдашней русской дѣйствительности, а также условія социальныя—вотъ два главнѣйшихъ фактора во всѣхъ движеніяхъ народа, дававшія имъ матеріалъ и силы; соображенія религіознаго характера придавали ему напряженность и нѣкоторую угрюмость, подобную тому религіозному настроенію, которымъ отмѣченъ тогдашній церковный расколъ; характеръ личности, становившейся во главѣ движенія, а главное знамя, подъ которымъ оно развѣтывалось, сообщали ему политическій оттѣнокъ и опредѣляли его отношенія къ государственности. Лжедмитріи были нѣкогда оплотомъ народной оппозиціи боярству и московскому государственному укладу послѣ грознаго царя, Лжепетры явились угрозою и отмщеніемъ полицейско-бюрократическому строю Екатерины и протестомъ противъ безцеремоннаго отношенія къ принципу верховной власти со сто-

¹⁾ А. Брикнеръ. Исторія Екатерины II.

роны не народомъ призванныхъ самодержцевъ. Всѣ захваты власти, учиненные ради этой власти со времени Петра Великаго, всѣ тогдашнія дворцовыя революціи не могли не отразиться на чувствѣ и настроеніи народномъ въ оскорбительномъ для него направленіи. Та власть, которую этотъ народъ съ такими жертвами и при такой драматической обстановкѣ создалъ въ 1613 году, которой онъ придалъ священный характеръ и всенародное демократическое значеніе, стала на его глазахъ объектомъ низменныхъ страстей, обогрилась невинною и ненужною кровью, потеряла свой національный смыслъ и обратилась въ оружіе, направленное противъ его интересовъ, какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ. И вотъ онъ, этотъ таинственный народъ, который столько лѣтъ молчалъ, подавленный и оскорбленный, собирается наконецъ съ силами, встаетъ во весь ростъ и испускаетъ страшный вопль, въ которомъ слышны всѣ тоны и переливы тогдашняго наболѣвшаго сердца. Пугачевщина и непосредственно съ ней связанная самозванщина XVIII вѣка—явленіе сложное, социальное-патологическое, когда всѣ язвы жизни раскрылись наружу, и къ отвѣту за эти нагноившіяся язвы были призваны всѣ тѣ, кто въ эти язвы такъ или иначе вкладывалъ свои жестокіе персты. Верховная власть, придворная знать, бюрократія и духовенство, какъ реальныя явленія извѣстнаго историческаго періода и какъ юридическіе элементы власти—всѣ были втянуты въ водоворотъ народной бури, которая, съ своей стороны, составила изъ всѣхъ тѣхъ смутныхъ началъ, о которыхъ уже такъ много говорилось въ настоящихъ очеркахъ. Крѣпостное крестьянство и фабрично-заводскій людъ, какъ элементы экономическіе, легли въ основу бури, казачество придало ей характеръ волевого разгула, расколъ и сектанство, питавшіе ее сочувствіемъ и, быть можетъ, даже матеріально, наложили на нее печать угрюмости и упорной страстности, а знамя именно опредѣленнаго самозванства санкціонировало ее, какъ подвигъ за правду и верховную истину.

Уже въ началѣ настоящей главы было указано на какое-то странное тяготѣніе нѣкоторыхъ элементовъ населенія къ личности Петра Феодоровича—онъ становится какъ бы патрономъ скопчества, народъ имъ интересуется, а послѣ его смерти въ Ропшѣ его имя обращается въ выгодное и популярное знамя для широкаго бунта, въ которомъ масса охотно принимаетъ участіе. Уже въ 1765 году солдатъ Гаврила Кремневъ въ Воронежской губерніи объявляетъ себя Петромъ III, и къ нему пристають нѣкоторые представители низшаго духовенства и дворянства; они составляютъ заговоръ—привести къ присягѣ однодворцевъ, ѣхать въ Воронежъ и оттуда послать извѣщеніе въ обѣ столицы о появленіи императора. Затѣмъ

въ Нерчинскѣ армянинъ Асланбековъ тоже объявляетъ себя Петромъ Θεодоровичемъ, что дѣлаетъ и бѣглый солдатъ Евдокимовъ, проживавшій у раскольниковъ, а также солдатъ Чернышевъ въ Изюмской провинціи. Всѣ они были своевременно арестованы, наказаны плетью и сосланы въ Сибирь. Слуху о томъ, что Петръ Θεодоровичъ живъ и скоро объявится, народъ внималъ охотно, но правительству удавалось ловить виновниковъ этихъ слуховъ и такимъ образомъ пресѣкать начало заговоровъ и извѣстнаго движенія въ самомъ ихъ возникновеніи. Борьба съ этими слухами и ихъ авторами имѣла мѣсто до пугачевщины, во время ея и даже послѣ ея усмиренія. Такъ, нѣкто Ханинъ ¹⁾ даже въ 1780 году въ низовьяхъ Волги старался распространить слухъ, что Пугачевъ живъ, что это именно онъ и есть Пугачевъ, въ которомъ народъ видѣлъ Петра III. Ханину удалось собрать вокругъ себя приверженцевъ изъ крестьянъ, сельскихъ священниковъ, рабочихъ и пр., но и это движеніе было скоро подавлено.

Лжепетры появлялись не только въ самой Россіи, но и за границу. Такъ, въ 1767 году въ Черногоріи распространился слухъ, что Петръ III живъ и скоро появится на Балканскомъ полуостровѣ, въ цѣляхъ освобожденія славянъ отъ турецкаго ига и для образованія единаго славянскаго государства. Тогда же тамъ появился Степанъ Малый, тоже называвшій себя именемъ покойнаго русскаго императора, какъ равно въ 1773 году его же имя принялъ нѣкто Зеновичъ. Иностранные Лжепетры не были страшны правительству Екатерины, такъ какъ они не встрѣчали поддержки иностранныхъ дворовъ, и изъ ихъ появленія не создавалось для Россіи какого нибудь политическаго конфликта. Эта опасность, и то только въ слабой степени и отдаленно, набѣжала въ эпизодъ съ таинственною княжною Таракановою, выдавшею себя за дочь Елизаветы Петровны, объявившею свои права на престолъ Екатерины и искавшею поддержку у иностранныхъ правительствъ. Кто такая была эта ловкая и умная авантюристка, до сихъ поръ еще не опредѣлено въ нашей исторической литературѣ, и ея родственные корни остались пока не выяснены. Во всякомъ случаѣ, она удачно нашла моментъ для своей агитации, и сочувствіе польской эмиграціи обѣщало ей нѣкоторый успѣхъ на Западѣ, гдѣ въ то время проявлялся немалый интересъ къ внутреннимъ дѣламъ нашего отечества. Ее окружили почетомъ, въ нее влюблялись, она кружила головы, и принцъ Лимбургскій писалъ ей письма съ наименованіемъ ея «Princesse Elisabeth de toutes les Russies», а сама себя она величала именемъ «Елисаветы II». Похожденія Таракановой, которую правильнѣе всего разсматривать, съ одной стороны, какъ женщину больную, что называется, психопатку, и, съ другой,

¹⁾ Д. Мордовцевъ. «Самозванцы и понизовал вольница».

какъ довольно неудачное орудіе противъ Екатерины со стороны враждебныхъ ей европейскихъ политическихъ круговъ, гдѣ главную роль играли поляки съ Радзивилломъ во главѣ. Польша въ свое время очень умѣло поддержала и провела на русскій престолъ названнаго Дмитрія, но новая попытка не была столь успѣшною: тотъ самый Алексѣй Орловъ, который оповѣстилъ Екатерину о смерти Петра III, сумѣлъ и въ данномъ случаѣ оказать государынѣ услугу, залучивъ самозванку въ Ливорно на свой корабль, арестовавъ ее здѣсь и затѣмъ доставивъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ несчастная авантюристка скоро и погибла. Если въ началѣ своей авантюры Тараканова еще могла рассчитывать на какой нибудь успѣхъ или, по крайней мѣрѣ, вниманіе къ себѣ западныхъ державъ, то во второй половинѣ своихъ походовъ надеждамъ на счастье не на чемъ было основаться. Екатерина сломала Пугачева и счастливо кончила борьбу съ турками, слѣдовательно и во внутреннихъ и во внѣшнихъ дѣлахъ за нею былъ успѣхъ и укрѣпленіе ея государственнаго и политическаго значенія. Въ подобныя моменты западно-европейскіе дѣятели, враждебные Россіи, обыкновенно слагаютъ свое оружіе, выжидая болѣе благоприятнаго для нихъ смутнаго времени и даже такъ или иначе его подготавливая. Такъ было и съ Таракановой: голоса защиты въ ея пользу не раздалось, и только извѣстная фантастическая картина Флавицкаго окружила ея личность ореоломъ эффектнаго мученичества и трагическаго конца.

Появленіе на западномъ горизонтѣ Таракановой, конечно, не могло не беспокоить Екатерину, и тѣмъ болѣе, что это появленіе совпало съ днями ея неудачной вначалѣ борьбы противъ Пугачева, когда, казалось, Россіи вновь надолго суждено стать ареною внутренней смуты и предметомъ враждебныхъ дѣйствій со стороны европейскихъ державъ. Но счастливая звѣзда императрицы и тутъ не погасла: она счастливо вышла изъ испытаній исторической судьбы и заключила собою навсегда эпоху самозванщины. Народные бунты въ послѣдующія эпохи уже обходятся безъ этого знамени, и кругъ династическихъ интересовъ не даетъ въ данномъ случаѣ для сего подходящаго матеріала.

Если Екатерина легко справлялась со всѣми политическими заговорами и народными волненіями до 1771 г., то съ этого времени народное броженіе принимаетъ столь острый характеръ и широкіе размѣры, что и для нея самой и для всего созданнаго ею государственнаго строя ставится вопросъ: быть или не быть? Этотъ роковой вопросъ поставила пугачевщина, то народное движеніе, которое по своей революціонной интензивности не имѣло примѣра въ русскомъ прошломъ, ибо даже кровавый разгулъ Разина не могъ итти съ нею въ сравненіе, не говоря уже про тѣ спеціальныя крестьянскіе и заводскіе бунты, которыми была наполнена эпоха

XVIII вѣка. Пугачевщина, хотя и получила свое названіе отъ Пугачева, но не имѣла была создана— ея генезисъ и ея составные предвходящіе элементы уже опредѣлены выше. Пугачевъ былъ случайнымъ явленіемъ, выдвинутымъ казачествомъ; около него по случайности сгруппировалось все броженіе, а потому оно и окрещено его именемъ. Самъ по себѣ Пугачевъ не былъ пригоденъ для той выдающейся роли, которую судила ему судьба — онъ не былъ героемъ à la Стенька Разинъ, компрометировалъ своею личностью народное возстаніе и погибъ никѣмъ не оплаканный, выданный своими же соучастниками, безъ памяти о себѣ, даже какъ о славномъ разбойникѣ. На него не легла печать разбойничьяго романтизма, въ немъ не было безграничной удали, широкаго волевого размаха, и онъ творилъ свое роковое дѣло злобно, мрачно, хотя послѣдовательно и согласно опредѣленной программѣ, которую продиктовала и дала ему коллективная мысль народная въ ея историческомъ развитіи. Пугачевъ былъ возмездіемъ бюрократической Россіи за всѣ ея тяжкіе грѣхи противъ народа, за ея преступленія противъ демократическаго принципа самодержавія, за обогрѣніе самодержавнаго престола неповинною кровію, за средостѣніе, установленное между народомъ и верховною властью... Царицынскій стодесятилѣтній старикъ вѣщалъ Костомарову, передавая преданія о Разинскомъ бунтѣ: «Стенька это мука мірская! это кара Божія!... Охъ! тяжкія настануть времена»... Стеньку замѣнилъ Пугачъ, и съ нимъ вмѣстѣ спустилась на Россію дѣйствительно кара Божія, и наступили на землѣ тяжкія времена.

Начальнымъ движеніемъ всей фактической пугачевщины должно считать непорядки въ яицкомъ войскѣ, гдѣ то тлѣло въ скрытомъ состояніи, то вспыхивало временами бѣглыми маленькими огнями вѣчное издавнее неудовольствіе казачества противъ регламентаціи желѣзнаго закона государственности. Въ 1772 г. Яицкій городокъ поголовно возсталъ, и потребовались дѣйствія регулярныхъ осадныхъ войскъ, чтобы сломить упорство возставшихъ и подчинить ихъ требованіямъ правительственной власти. Эту задачу выполнялъ Фрейманъ, и вскорѣ Яицкій городокъ опустѣлъ ¹⁾: часть населенія разсыпалась по степи и хуторамъ, другая была арестована и отправлена въ Оренбургъ въ слѣдственную комиссію. Число арестованныхъ было очень велико, такъ что для нихъ не нашлось мѣста въ тюрьмахъ, и ихъ пришлось разсадить по лавкамъ гостинаго и мѣноваго двора. Оставшіеся въ городѣ трепетали за свою судьбу и ежедневно ожидали, что по оговору товарищей будутъ арестованы. На всѣхъ лежала печать унынія и отчаянія, какъ вдругъ по всему Яику распространился слухъ, что въ томъ самомъ московскомъ легіонѣ, отъ

¹⁾ Пугачевъ и его сообщники. Эпизодъ изъ исторіи царствованія Екатерины II. Н. Дубровина. Спб. 1884.

службы въ которомъ казаки такъ упорно отказывались и во имя чего подняли знамя возстанія, появился Петръ III, обѣщающій защиту всѣмъ угнетеннымъ и обиженнымъ. Казаки вострепнулись, и надежда на былую казацкую волю, какъ электричество, пробѣжала по хуторамъ, степямъ и станицамъ. Первымъ такимъ объявившимся Петромъ III былъ казакъ Богомоловъ, но его полупьяная, довольно безсодержательная и безпрограммная авантюра особеннаго распространения не имѣла, и съ нею нетрудно было справиться мѣстными силами.

И вотъ въ то время, какъ власти тушили небольшой мѣстный пожаръ, по станицамъ, подъ именемъ раскольника и выходца изъ Польши, пробирался казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, бѣжавшій изъ войска, покинувшій жену и дѣтей, и торопился на Иргизъ—тогдашній притонъ бѣглыхъ, который, по словамъ Екатерины, «давно укрывательствомъ служить ворами и бѣглымъ, коимъ раскольники, тамъ скиты и монастыри заведшіе, за добродѣтель почитаютъ давать пристанище». Шатаясь нѣкоторое время въ области Иргиза, Дона, въ районѣ Поволжскихъ степей, хуторовъ и станицъ, бѣглый казакъ ищетъ сначала себѣ простого предводительства и атаманства надъ казацкими шайками и частями казацкихъ войскъ въ надеждѣ увести ихъ для разбоя на Кубань или Терекъ. Слухъ о Богомоловѣ, объ объявленіи въ яицкомъ войскѣ Петра III уже прошелъ по этимъ мѣстамъ, и вотъ насыщенный этими слухами Пугачевъ съ перваго разу точно экспромтомъ, по какому-то вдохновенію приурочиваетъ легенду къ своей личности. Бесѣдуя съ раскольникомъ-казаконъ Пановымъ, Пугачевъ, выдавши себя передъ тѣмъ за богатаго купца, сразу объявляетъ себя государемъ¹⁾:

— Я вѣдь не купецъ — я государь Петръ Ѳедоровичъ; я-то и былъ въ Царицынѣ, да Богъ меня и добрые люди сохранили, а вмѣсто меня засѣкли караульнаго солдата.

Пановъ былъ ошеломленъ:

— Какъ тебя Богъ сохранилъ,—спросилъ онъ,—и гдѣ ты такъ долго странствовалъ?

— Пришла гвардія и взяла меня подъ караулъ, да капитанъ Мосоловъ отпустилъ. Я ходилъ въ Польшѣ, Царьградѣ, былъ въ Египтѣ, а оттуда пришелъ къ вамъ на Яикъ.

Въ качествѣ бѣглаго, Пугачевъ скоро былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму, но вскорѣ бѣжалъ оттуда и объявился близъ Яицкаго городка, гдѣ настроеніе мѣстнаго люда было вполне подготовлено къ встрѣчѣ всякаго самозванца, но только обязательно подъ именемъ

¹⁾ Н. Дубровинъ. «Пугачевъ и его сообщники».

Петра III; здѣсь начинается уже его активная проповѣдь, при чемъ приемы убѣжденія пускаются въ ходъ самыя примитивныя, тѣ самыя, съ которыми мы имѣли случай ознакомиться въ 1-й части настоящихъ очерковъ, при изложеніи дѣятельности Лжесимеона. Вотъ сценка, нарисованная г. Дубровинымъ, гдѣ выступаютъ на сцену легендарныя знаки царской власти на тѣлѣ самозванныхъ самодержцевъ изъ казаковъ и народа.

— Такъ вотъ, други мои,—говорилъ Пугачевъ своимъ собесѣдникамъ,—видывали ли вы когда нибудь знаки на простыхъ людяхъ?

— Нѣтъ, надежа-государь, не видывали,—отвѣчали казаки.

— А вотъ примѣчайте, друзья мои, какъ царей узнаютъ,—говорилъ Пугачевъ, отодвигая волосы на лѣвомъ вискѣ.

Казаки замѣтили на указанномъ мѣстѣ какъ бы пятно отъ золотухи, но, какой именно знакъ, разглядѣть не могли.

— Что это тамъ, батюшка,—спрашивалъ казакъ Шигаевъ, раздвигая волосы Пугачева,—орелъ что ли?

— Нѣтъ, други мои,—отвѣчалъ Пугачевъ,—это царскій гербъ.

— Всѣ цари съ такимъ знакомъ рождаются, или это Божиимъ изволеніемъ дѣлается?

— Не ваше это дѣло, мои други, простымъ людямъ этого вѣдать не подобаетъ.

Послѣ этихъ словъ казаки всѣ какъ бы оробѣли и не посмѣли болѣе никакихъ вопросовъ ему дѣлать.

— Теперь вѣримъ,—говорили они,—и признаемъ въ васъ великаго государя Петра Ѳедоровича!

— Ну, когда признаете меня за государя, такъ общайтесь за все Яицкое войско мнѣ не измѣнять и никому въ руки живого не отдавать. Напротивъ того, и я дамъ клятву любить васъ и жаловать. Сберегите меня, дѣтушки. Если Господь допуститъ меня въ свое мѣсто (т.-е. на царство), такъ я васъ не забуду и буду жаловать, какъ первые монархи. Я самъ вижу, что вы, бѣдныя, обижены и разорены, потерпите до времени.

Вотъ онъ, наивный способъ убѣжденія: золотушные слѣды на тѣлѣ, имѣющіе государственное значеніе! Вѣра народная такимъ образомъ завоевана. Очевидно, потребность въ этой вѣрѣ страшно велика и, если она не совсѣмъ тверда, то ее стремятся непремѣнно утвердить. Дѣйствіе самовнушенія всесильно, и отсюда общественный гипнозъ, навязчивость мысли, которая охватываетъ и сковываетъ массу въ интересахъ опредѣленной идеи.

Первые группируются вокругъ новаго самозваннаго Петра III казаки, къ которымъ онъ и издаетъ манифестъ послѣ того, какъ имъ найденъ былъ письменный челоуѣкъ¹⁾, почиталинъ, способный

¹⁾ Пугачевъ былъ совершенно безграмотенъ. Онъ кое-какъ въ послѣдствіи еще могъ нацарапать свое имя. Далѣе воспроизводится одна его подпись, а также печать, которою закрѣплялись его манифесты.

составить и написать государственный актъ. Вотъ текстъ перваго манифеста, спеціально приноврвленнаго къ психологіи пока одного лишь казачества и обнимающаго ихъ вѣчныя *ria desideria* ¹⁾.

«Самодержавнаго амператора нашего, великаго государя

«Петра Ѳедаровича всероссійскаго

«і прочая, і прочая, і прочая.

«Во имяномъ моемъ указе изображено Яицкому войску: какъ вы, други мои, прежнимъ царямъ служили до капли своей до крови дѣды и атцы ваши, такъ и вы послужите за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Ѳедаровичу. Когда вы устоите за свое отечество, и ниисточить ваша слава казачья отъ ныне и до веку и у детей вашихъ, будете мною, великимъ государемъ, жалованы казаки, колмыки и татары. И которые мне, государю, амператорскому величеству Петру Ѳедаровичу, винныя были, и я, государь Петръ Ѳедаровичъ, во всехъ винахъ прощаю и жаловаю я васъ: рекою съ вершинъ и до уся и землю, и травами и денежнымъ жалованьемъ, и свиньомъ и порохомъ и хлебнымъ провіантомъ, я, великій государь амператоръ, жалую васъ Петръ Ѳедаровичъ. 1773 году сентября 17 числа.

Эта прокламація изготовлена спеціально къ потребностямъ казачества—въ ней еще не собрано все то, что необходимо было для большого возстанія, что задѣвало бы весь простой народъ за живое и что отражало бы въ себѣ его чаянія и надежды. Послѣдующіе манифесты именно охватываютъ эти чаянія и втягиваютъ въ свое содержаніе всѣ прочіе элементы именно нужные дѣлу широкой революціи. Мотивы экономическіе, соціальные, религіозные, фискальные—все то, чѣмъ болѣлъ простой народъ, постепенно вливаются въ послѣдующія прокламаціи Пугачева, удовлетворяя чувствамъ разнообразныхъ слоевъ населенія—крестьянъ помѣщичьихъ, горожанъ, раскольниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же раздувается ненависть къ помѣщичьей власти, къ власти административной, съ указаніемъ ея дефектныхъ сторонъ дѣятельности, а также къ су-

¹⁾ Какъ этотъ, такъ и послѣдующіе манифесты Пугачева заимствованы изъ сочиненія Н. Дубровина: «Пугачевъ и его сообщники».

ществующей фискальной системѣ. Средства агитаціи были правильно разчитаны на психологію массы, и злодѣйскіе листки Пугачева вездѣ, какъ искры, падали на подготовленную горючую почву, произведя вездѣ разрушительные взрывы. Вотъ два текста его манифеста.

«Божьею милостію, мы, Петръ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій

«и проч. проч. проч.

«Жалуемъ симъ именнымъ указомъ, съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ, всѣмъ негодящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностію и свободою, вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, во владѣніе землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами безъ покупки и безъ оброку и освободятъ всѣхъ прежде чинимыхъ—отъ злодѣевъ дворянъ, градскихъ мздоимцевъ и судей—крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніе въ жизни воли спасеніе душъ и спокойной въ свѣтѣ жизни, для которой мы вкусили и претерпѣли отъ предписанныхъ злодѣевъ дворянъ странствія и немалыя бѣдствія.

«А какъ нынѣ имя наше властію Всевышней десницы въ Россіи процвѣтаетъ, того ради повелѣваемъ симъ нашимъ именнымъ указомъ: кои дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, оныхъ противниковъ нашей власти, возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ своими крестьянами, по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякій можетъ восчувствовать тишину, спокойную жизнь, какъ до вѣка продолжаться будутъ».

Слѣдующій манифестъ, воспроизводя ту же тенденцію, даетъ и историческую справку, какъ вербовался народъ въ полчища самозваннаго Петра III.

«Божію милостію мы, Петръ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій

«и проч., проч., проч.

«Объявляется Березовской станицы г. атаману и всѣмъ живущимъ въ оной донского войска казакамъ и во всенародное извѣстіе.

«Довольно уже наполнена была Россія о нашемъ отъ злодѣевъ (главныхъ сенаторовъ и дворянъ) укрытіи вѣроятнымъ слухомъ, но и иностранныя государства небезызвѣстны. Не отъ чего иного бы воспослѣдовало, какъ во время царствованія нашего разсмотрѣно,

что отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ, древняго святыхъ отецъ преданія законъ христіанской совѣтъ нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того отъ ихъ зловреднаго умысла съ нѣмецкихъ обычаевъ введенъ въ Россію другой законъ и самое мерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣры какъ въ крестѣ, такъ и прочемъ неистовства, и подвергнули, кромѣ нашей монаршей власти, всю Россію себѣ въ подданство, съ наложеніемъ великихъ отягощеніевъ и доводя ее до самой крайней гибели; черезъ что, какъ яицкое, донское, волжское войско ожидали своего крайняго разоренія и истребленія, что нами во всемъ вышечриписанномъ отечески соболѣзновавъ сожалѣли и унамѣрены были отъ ихъ злодѣйскаго тиранства свободить и учинить во всей Россіи вольность, за что нечаянно лишены мы всероссійскаго престола и вмѣнены злоумышленными публикованными указами въ мертвые.

«Нынѣ же по промыслу Всевышней десницы, волею его святою, вмѣсто совѣтъ забвенія имя наше процвѣтаетъ и по прежде обязанной присягѣ, признавъ и увѣрясь въ точномъ нашемъ имени приняли и склонились подъ нашъ скипетръ и корону живущій Казанской и Оренбургской губерніи съ приписными городами и уѣздами народъ; такожь башкирскія и калмыцкія орды и поселенное по рѣкѣ Волгѣ волжское казачье войско и оказываетъ ревность и усердіе къ службѣ нашей охотно и безъ всякаго принужденія.

«Того ради за благо разсудить соизволили черезъ сей нашъ всемилостивѣйшій указъ дать знать о нашемъ шествіи съ побѣдоносной арміей, какъ означенной Березовской станицѣ, такъ и всему донскому казачьему войску, что если оно восчувствуетъ наше отеческое попеченіе и пожелаетъ вступиться за природнаго своего государя, который для общаго спокойствія и тишины претерпѣлъ великія странствія и немалыя бѣдствія, чтобы желающіе оказать ревность и усердіе для истребленія вредительныхъ обществу дворянъ, явились бы въ главную нашу армію, гдѣ и сами мы присутствуемъ, за что безъ монаршей нашей милости и на первый случай не взычетъ жалованья по 10 рублей награждены и оставлены не будете.

«А для свѣдѣнія всему донскому войску повелѣваемъ сей указъ станицы отъ станицы пересылать внизъ по теченію рѣки Дона и, списывая съ онаго копіи, для надлежащаго исполненія оставлять въ каждой станицѣ. Во свидѣтельство того, мы собственною рукою подписали и государственною нашею короною укрѣпить соизволили» ¹⁾.

¹⁾ Подъ именемъ короны подразумѣвалась прилагаемая въ лѣвомъ углу первой страницы манифеста печать, которая здѣсь и воспроизводится, означающая, какъ тогда говорили, «мерзкую харю злодѣя».

Народъ жадно внималъ манифестамъ «государя», стекался къ нему массаами и, гдѣ только возможно было, въ точности выполнялъ его высочайшую волю: вѣшалъ и убивалъ помѣщиковъ, разрушалъ и жегъ помѣщичьи усадьбы, городскія присутственныя мѣста и залилъ почти всю восточную половину имперіи моремъ крови и огня. Пугачевъ становился народнымъ и національнымъ героемъ, народнымъ самодержцемъ, который потрясалъ городами, крѣпостями и селами, собираясь перекинуть взбодораженную волну социальной и политической революціи къ стѣнамъ московскаго кремля и невскимъ берегамъ. Пародируя дворъ своей супруги, императрицы Екатерины II, Емельянъ Пугачевъ по мѣрѣ своего знанія и способностей, на основаніи слуховъ, окружалъ себя также штатами, генералами изъ числа каторжниковъ. У нея тамъ, въ Петербургѣ, были фавориты, онъ обзавелся фаворитками, которыя вербовались изъ дворянскихъ и купеческихъ дочерей и крестьянскихъ дѣвушекъ. Онъ шествовалъ, полный удачъ по окровавленной Россіи, сѣя социальную смуту и встрѣчая въ простомъ народѣ сочувствіе, покорность и даже энтузіазмъ. Его генералы командовали, особенно въ началѣ возстанія, удачно нестройными народными полчищами и наносили регулярнымъ правительственнымъ войскамъ поражение за поражениемъ. Къ его побѣдоноснымъ стопамъ склонялись крупнѣйшіе волжскіе города, надъ всей Россіей стояло зарево страшнаго кроваваго пожара, а въ воздухѣ носились дикіе крики о волѣ и свободѣ, о даровыхъ надѣлахъ и общей собственности...

Въ глазахъ народной массы Екатерина была поругана, какъ женщина, какъ жена и мать; къ ея императорской коронѣ протягивались окровавленныя руки пьянаго и безграмотнаго разбойника-казака, нагло утверждавшаго, что эта корона ею захвачена преступно, и что она должна быть возвращена ему, какъ законному самодержцу, на сторонѣ котораго любовь и сочувствіе народа, чью волю онъ именно творить и выполняетъ. Самозванный Петръ III не признаетъ Екатерину даже достойною считаться его супругою и избираетъ себѣ новую, не взирая на то, что въ дѣйствительности онъ былъ уже женатъ, но что дѣлать: такова его державная воля! Онъ выбираетъ себѣ въ жены казацкую дочь Устинью Кузнецову, вѣнчается съ нею, окружаетъ ее фрейлинами и даетъ приказъ поминать ее въ ектеніяхъ, какъ «благовѣрную императрицу». Но если онъ такъ немилостивъ къ своей бывшей петербургской супругѣ, зато къ сыну, наслѣднику своему и цесаревичу Павлу Петровичу, съ супругою Наталіей Алексѣвной онъ продолжаетъ питать нѣжныя чувства и даже во время брачнаго пира пьетъ ихъ здоровье. Пугачевъ не посягаетъ на его династическія права, милостиво признавая его своимъ правопреемникомъ!

Пугачевщина съ ея разрушительнымъ успѣхомъ вызвала въ столицѣ ужасъ и переполохъ: все пришло въ смущеніе, особенно

когда увидели первые неудачи военных дѣйствій правительственныхъ войскъ, которыя дикія орды Пугачева разбивали на голову и даже иногда привлекали на свою сторону. Вялые и многоглаголивые манифесты правительства не могли оказать воздѣйствія на народную массу—ей они ничего не говорили! Екатерина двинула противъ Пугачева всѣ лучшія тогдашнія военныя силы, напрягла всѣ силы государства на борьбу, сама собиралась прибыть на мѣсто дѣйствій и съ особеннымъ ликованіемъ и торжествомъ встрѣчала каждое извѣстіе о частичныхъ неудачахъ самозванца. Въ первое время казалось, что сопутствовавшее ей доселѣ счастье какъ будто начинаетъ отъ нея отворачиваться, и весь созданный ею и ея предшественниками общественный и государственный строй долженъ безвозвратно рухнуть въ страшную невѣдомую и темную пропасть. Но такъ было лишь въ первую половину борьбы съ Пугачевымъ: счастье снова вернулось къ своей избранницѣ, и ея просвѣщенный абсолютизмъ въ конечномъ результатѣ восторжествовалъ надъ политической анархіею. Удачи Пугачева пошли на убыль, волевое напряженіе народной массы ослабѣло, а главное—истощились матеріальные ресурсы для борьбы. Казачество порѣдѣло въ своихъ силахъ, многіе даровитые въ его составѣ погибли, а личное поведеніе Пугачева, а еще болѣе его индивидуальность начали вызывать разочарованіе: герой оказался не по толпѣ, и послѣдняя отъ него понемногу отхлынула—покинули его раскольники, въ значительной мѣрѣ содѣйствовавшіе его появленію и его популярности, покинули казаки-коноводы, разсѣялась, какъ летучій песокъ, народная толпа. Пугачевъ лично никому не могъ imponировать и, запутавшись въ пьянствѣ и любовныхъ похожденіяхъ, безъ борьбы и безъ яркаго финала, былъ выданъ своими же еще вчерашними соучастниками правительству. У него не хватило денежныхъ средствъ на подъятое его именемъ дѣло, и «пугачевцамъ» ничего не осталось другого, какъ итти съ повинною къ начальству, потому что, какъ справедливо это отмѣтилъ Д. Л. Мордовцевъ¹⁾, — «ѣсть было нечего: начался голодъ!» Экономическія условія главнымъ образомъ выдвинули и создали Пугачева, и они же его похоронили. Пугачевъ и его ближайшіе сообщники были жестоко казнены, и объ нихъ, какъ людяхъ и герояхъ эпохи, въ народѣ не сохранилось даже доброй памяти; но пугачевщина не осталась забытою и явилась навсегда назидательнымъ, хотя жестокимъ, историческимъ урокомъ. Она показала, на что способна разбушевавшаяся народная стихія, какія именно причины создаютъ эти страшныя бури, и какими общими мѣрами надлежитъ ихъ предупреждать и съ ними бороться. Пугачевщина оказалась сильна не столько людьми, какъ идеею, вскормившею и ее питавшею: тутъ пули, ядра, репрессіи и мно-

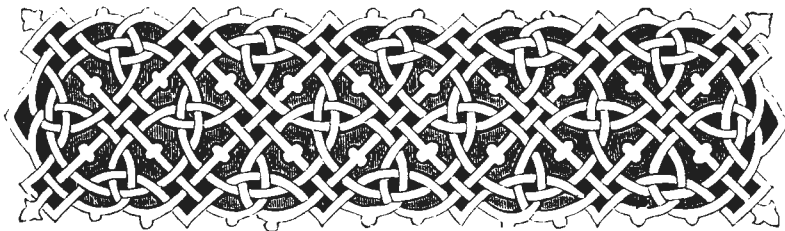
¹⁾ Д. Л. Мордовцевъ. Политическія движенія русскаго народа. Историческая монографія.

гоглаголивые манифесты на чуждомъ народу языкѣ не предупредили жестокаго хода событій и не подавили ихъ. Голодъ народный помогъ правительству Екатерины, показавъ при томъ, въ заключительномъ эпилогѣ, что театральными созывами комиссій, доктринерскими «наказами» безъ искренняго желанія пойти навстрѣчу нуждамъ народнымъ и безъ истиннаго знанія этихъ нуждъ черезъ посредство самого народа, правильнаго и мирнаго прогресса не достичь. Екатерина отчасти сознала это, вступивъ по окончаніи кровавой гражданской войны на путь реформъ, но чего нибудь существеннаго тутъ ничего не сумѣла сдѣлать, какъ не сдѣлали этого и ея ближайшіе преемники — родной сынъ и оба родныхъ внука: Александръ и Николай Павловичи.

Лишь черезъ сто почти лѣтъ та воля, которой требовали когда-то «пугачевцы», была дарована потомкамъ этихъ «пугачевцевъ», а обезпеченный хлѣбъ и сытое житіе остались задачами для послѣдующаго времени, надъ разрѣшеніемъ которыхъ это время непрестанно и трудится при наличности той или иной обстановки, того или иного настроенія, какъ ищущихъ этого хлѣба, такъ и тѣхъ, отъ кого обиліе и удешевленіе этого хлѣба зависятъ. И по мѣрѣ того, какъ забота и память послѣднихъ объ этомъ хлѣбѣ слабѣетъ, снова изъ какихъ-то глубокихъ нѣдръ народныхъ слышится зловѣщій гулъ, невольнo заставляющій къ нему прислушаться съ мыслью притомъ о бывшихъ историческихъ временахъ, когда въ такомъ же гулѣ ясно различались мольба и требованіе: хлѣба, земли и воли!

Б. Глинскій.

МОГИЛА КАРАГЕОРГІЕВИЧА.

НѢ НЕДАВНО пришлось быть въ Кишиневѣ. Между прочимъ, изъ случайнаго разговора я узналъ, что на православномъ кладбищѣ существуетъ мало кому извѣстный памятникъ, принадлежащій фамиліи Карагеоргіевичей, а погребенный здѣсь Алексѣй Черный приходится родственникомъ дядей, — нынѣшнему королю Сербіи Петру I Карагеоргіевичу.

Заинтересовавшись этимъ, я не безъ труда, при помощи мѣстнаго церковнаго служителя, среди массы полуразрушенныхъ могилъ, въ 300 шагахъ отъ церкви, отыскалъ пирамидный памятникъ, обнесенный желѣзною рѣшеткою и окруженный большими деревьями съ двухъ сторонъ, вблизи небольшой дорожки.

Въ какомъ видѣ находится памятникъ, я скажу ниже, а теперь познакомлю съ тѣмъ историческимъ матеріаломъ, который мнѣ удалось узнать при любезномъ содѣйствіи с.-петербургскаго посланника Сербіи, г. Новаковича, изъ книги на сербскомъ языкѣ г. Ненадовича¹⁾.

Въ 1814 году осенью въ Россію пріѣхалъ сербъ Карагеоргій, въ качествѣ эмигранта, со своей родины, имѣя при себѣ сына Алексѣя, который былъ самый старшій, родившійся въ 1801 году, въ деревнѣ Тополя; слѣдовательно, прибывшему мальчугану было

¹⁾ «Животъ и дѣло Карагеоргія», соч. Константина Николаевича Ненадовича Вѣна. 1883 г. Томъ I, стр. 56.

Могила Алексѣя Карагеоргіевича въ Кишиневѣ.

тогда 13 лѣтъ, когда онъ, по повелѣнію государя императора Александра I, былъ принятъ въ Пажескій корпусъ.

Пробывъ должное время въ корпусѣ, Алексѣй Черный на 18 году былъ выпущенъ въ гвардейскій полкъ въ чинѣ поручика. Судя по тому, что онъ умеръ и погребенъ въ Кишиневѣ, надо предполагать, что вся его жизнь, столь недолгая, протекла въ чудной Бессарабіи.

Женатъ онъ былъ на красавицѣ румынкѣ Маріи, единственной дочери бывшаго предводителя дворянства Николая Трокина, жившаго въ своемъ имѣніи около села Скиненъ. У нихъ былъ единственный сынъ Георгій, родившійся въ 1827 году, и вскорѣ послѣ этихъ родовъ Алексѣй лишился своей любимой жены, похороненной въ своемъ имѣніи Скиненъ. Несмотря на свой цвѣтущій молодой возрастъ, двадцатилѣтній офицеръ остался вѣренъ своей женѣ и, тоскуя по ней, умеръ въ 1830 году, хотя на памятникѣ Алексѣя Чернаго, на южной его сторонѣ указано: «умре 1831 года». Вѣроятно, надо предполагать ошибку, т.е. опечатку въ книгѣ, гдѣ вѣсто единицы поставленъ нуль, или же годъ 1831 означаетъ время постановки памятника.

Оставшійся сынъ умершаго, Георгій Алексѣевичъ, имѣлъ двухъ сыновей: Божидача и Арсенія, первый изъ нихъ считается однимъ изъ лучшихъ художниковъ Парижа, гдѣ и живетъ, а младшій, Арсеній Георгіевичъ, въ настоящее время сражается въ рядахъ нашего честнаго воинства на Дальнемъ Востокѣ, въ званіи войскового старшины въ одномъ изъ казачьихъ полковъ.

Линія Алексѣя Чернаго является старшей линіей «браншеке», нынѣ же здравствующій король происходитъ отъ потомковъ младшей линіи Карагеоргиевичей.

Перехожу теперь къ памятнику. Онъ сдѣланъ изъ простого, сѣраго и довольно мягкаго камня и состоитъ изъ двухъ частей, нижней и верхней: одна часть, нижняя, представляетъ четырехгранную призму, поставленную такимъ образомъ, что ея стороны обращены къ главнымъ частямъ горизонта, и верхней части, представляющей собою высокую четырехугольную пирамиду, но стороны ея повернуты къ нижней части памятника, находясь посрединѣ его.

Всѣ стороны, какъ нижней части—призмы, такъ и верхней—пирамиды, покрыты рѣзбой на камнѣ.

На восточной сторонѣ въ шесть строкъ высѣчена слѣдующая надпись:

«Здѣсь погребенъ сынъ
верховнаго Вожди еербій,
Гвардіи поручникъ
Алексѣй черныи, скончавшійся
на 33-го году
отъ рожденія».

Южная сторона славянскими буквами имѣетъ надпись: «умре», а въ строку: «1831 года», а подъ строкой вензелемъ инициалы: «А. Ч.».

На западной сторонѣ высѣчено всевидящее око, окруженное сіяніемъ.

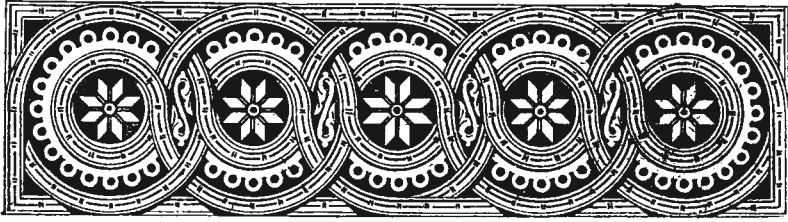
Сѣверная сторона имѣетъ складень, посрединѣ котораго изображено распятіе, а по обѣимъ сторонамъ—крестъ и распятіе.

Сѣверо-восточная сторона пирамиды изображаетъ на самомъ верху крестъ, обвитый змѣемъ, подъ нимъ черепъ и кости (символь смерти). Далѣе, подъ черепомъ изображена корона съ крестомъ на гербѣ, изображающемъ собою одноглаваго орла, окруженнаго орнаментомъ. Подъ гербомъ военная арматура: копья, знамена, пушки, на нихъ щитъ, на которомъ два скрещенныхъ ружья. Подобныя же арматуры и украшенія находятся и на всѣхъ остальныхъ сторонахъ.

Конечно, памятникъ относительно сохранился, но время уже кладетъ свой отпечатокъ, и онъ начинаетъ понемногу разрушаться, такъ, напримѣръ, верхушка его пирамиды покрыта колпакомъ изъ желѣза по той причинѣ, что верхняя часть расщеплена, и, вѣроятно, тамъ былъ крестъ, котораго теперь нѣтъ; помимо этого, нѣкоторые углы и орнаментъ отбиты. Все указываетъ, что памятникомъ никто не интересуется и о цѣлости его не заботится, а о чистотѣ и по-давно.

А. Хребтовъ.

ВЪ ЦАРСТВѢ МОНТЕЗУМЫ ¹⁾.

IV.

ВЪ ПРЕЖНЕЕ время жить въ окрестностяхъ не считалось безопаснымъ, и жившіе, напримѣръ, въ Такубаѣ старожилы рассказывали мнѣ, что мужчины не выходили въ поле безъ оружія, и въ первое время, когда стали ходить конки, то онѣ охранялись конвоемъ изъ солдатъ. Теперь все это является воспоминаніемъ прошлаго, и окрестности Мексики быстро заселяются. Повсюду видны красивыя виллы съ обширными садами. Однимъ изъ ближайшихъ предмѣстievъ можно считать Чапультепекъ, бывшую резиденцію императора Максимилиана и когда-то твердыню ацтекскихъ государей.

Чапультепекъ (гора стрекозы), повидимому, вулканическаго происхожденія, поднимается одиноко на 200 футовъ, среди обширной мексиканской равнины, среди которой затерялся громадный городъ съ его высокими колокольнями, а за нимъ вперемежку сады, поля, блистающія на солнцѣ озерки, болота, въ зеленой тинѣ которыхъ купается скотъ, правильные ряды агавъ и повсюду, куда ни взглянешь, роскошная, не знающая удержу, тропическая растительность. Все это помѣщается въ одной изъ самыхъ красивыхъ рамокъ. Налѣво возвышаются снѣжныя вер-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 285.

шины вулкановъ, тамъ Толука, въ другомъ мѣстѣ холмы Гваделупы, съ другой стороны, Такуба съ знаменитымъ деревомъ Roche triste, подъ которымъ Кортесъ провелъ печальную ночь, спасаясь отъ разъяренныхъ туземцевъ, не пожалѣвшихъ своего властителя Монтезумы. Въ тѣ времена равнина не имѣла теперешняго вида. Громадное озеро Текскоко еще не подверглось осушенію, подходило къ самому подножію Чапультепека, гдѣ находился бывшій садъ Монтезумы. Почтенные кедры и кипарисы, имѣвшіе уже почтенный возрастъ во времена Монтезумы, могли бы рассказать многое о прошломъ, когда онъ прогуливался здѣсь со своимъ гаремомъ или купался въ прудахъ.

Нѣкоторые археологи, впрочемъ, утверждаютъ, что Чапультепекъ былъ не дачей или дворцемъ предшественниковъ Монтезумы, а некрополемъ, гдѣ хоронились ацтекскіе государи. Въ 1783 году вице-король донъ Матіасъ де Гальвесъ получилъ отъ короля позволеніе ремонтировать и привести въ порядокъ дворецъ въ Чапультепекѣ, и на это было издержано 300 тысячъ долларовъ.

Онъ былъ заново отдѣланъ императоромъ Максимилианомъ. Мраморная лѣстница, мраморные львы, царственная роскошь—все полно воспоминаніями о несчастномъ императорѣ. Комнаты императрицы Шарлотты остались въ прежнемъ видѣ. Ея спальня съ шелковыми занавѣсами и съ золотыми украшеніями, столовая изъ рѣзного краснаго дерева, серебряная посуда—все осталось въ томъ видѣ, въ какомъ было при императорѣ.

Нынѣшній президентъ живетъ въ немъ только лѣтомъ, и то не всегда, предпочитая ему свой частный домъ въ одномъ изъ населенныхъ кварталовъ Мексики. Для официальныхъ пріемовъ онъ пользуется Palacio Nacional, который находится на главной площади города. Только, когда здѣсь былъ панамериканскій конгрессъ, въ Чапультепекѣ было нѣсколько празднествъ, и надо сказать, что дворецъ со своими великолѣпными залами, галлереями, мраморными террасами дѣйствительно заслуживаетъ названія дворца, и очень понятно, что Максимилианъ выбралъ его своей резиденціей. Максимилиану же обязаны устройствомъ шоссе, окаймленнаго громадными деревьями и идущаго изъ города въ Чапультепекъ. Теперь это главное мѣсто прогулки мексиканской публики, которая показываетъ при этомъ случаѣ свои красивые туалеты и элегантные экипажи.

Въ настоящее время дворецъ окруженъ обширнымъ паркомъ, среди котораго разбиты красивые цвѣтники и пруды. Большая часть дворца занята теперь высшею военною школою (кадетъ 300). Въ 1847 году кадеты защищали крѣпость съ большимъ геройствомъ, когда американцы штурмовали Чапультепекъ, и многіе пали во время штурма. Въ память этого событія воздвигнуть красивый памятникъ у подножія горы.

Замок Чапулгелекъ.

Утопающій въ садахъ Койоканъ не посѣщается обыкновенно туристами. Для васъ не интересно, что этотъ городъ, принадлежавшій «хозяевамъ волковъ», отъ толтековъ переходилъ къ другимъ народамъ, постоянно воевавшимъ другъ съ другомъ. Койоканъ игралъ большую роль во времена Кортеса. Это былъ первый европейскій городъ, построенный въ Америкѣ. Тамъ была главная квартира Кортеса послѣ его отступленія изъ столицы. Домъ Кортеса существуетъ и въ настоящее время. Тамъ онъ жилъ со своею наложницею Мариною. Въ домѣ Кортеса, какъ тѣнь, бродилъ падшій орелъ Гуатемокъ, двоюродный братъ императора. Тамъ пытали Гуатемока на медленномъ огнѣ, надѣясь добиться отъ него признанія, гдѣ спрятаны сокровища Монтезумы. Въ другомъ домѣ Кортесъ утопилъ свою жену. Домъ Кортеса теперь обращенъ въ тюрьму и кордегардію. Солидность его постройки указываетъ на его боевое значеніе. Надо вспомнить, что Кортесъ, прибывъ въ Веракрузъ, сжегъ свои корабли и двинулся на Мексику съ 400 человекъ пѣхоты и 15 лошадьми. У него было 10 полевыхъ орудій и 3 пушки. Тласкальцы, числомъ 100.000 человекъ, были его союзниками противъ ацтековъ. Построивъ бригадины на озерѣ Текскоко, онъ, какъ мы уже знаемъ, взялъ столицу послѣ 75-ти дневной осады. Послѣ штурма она обратилась въ груды дымящихся развалинъ, и нужно было перестроить ее съ основанія. Кортесъ поневолѣ долженъ былъ прожить въ Койоканѣ 20 лѣтъ. Труды его были вознаграждены сторицею, если мы только вспомнимъ, что испанцы вывели изъ Мексики отъ 1531 до 1821 года драгоценныхъ металловъ на 2.151.581.961 долларъ (болѣе 2-хъ миллиардовъ).

Въ Койоканѣ существуетъ дворецъ Альварадо въ мавританскомъ стилѣ. Онъ теперь купленъ госпожею Нотголь, извѣстною своими археологическими трудами о Мексикѣ. Соборъ въ Койоканѣ построенъ въ видѣ крѣпости, чтобы въ случаѣ нужды выдержать осаду. Окна — точно амбразуры, а въ башняхъ были поставлены пушки.

Къ сѣверу отъ столицы на разстояніи 2 миль находится соборъ Гваделупской Мадонны, величайшей святыни Мексики. Преданіе говоритъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь построенъ христіанскій храмъ, ацтеки поклонялись своей богинѣ, названной ими матерью боговъ (Тонанзинъ). Теперь тысячи паломниковъ идутъ на поклоненіе чудотворному изображенію Мадонны, которая, какъ говоритъ преданіе, появилась въ первый разъ Хуану Діего въ ослѣпительномъ сіяніи и приказала ему идти къ епископу и сказать, чтобы онъ построилъ на этомъ мѣстѣ церковь. Епископъ донъ Хуанъ Зумарага выслушалъ его благосклонно, но усомнился въ его словахъ. Хотя Мадонна нѣсколько разъ являлась Діего, но епископъ

Соборъ въ Мексикѣ.

все не вѣрилъ ему и требовалъ какого нибудь доказательства. Въ это время заболѣлъ у Діего дядя и былъ при смерти. Діего пошелъ за патеромъ, но по другой дорогѣ и опять увидѣлъ Мадонну. Повѣдавъ ей о своемъ горѣ, онъ услышалъ въ отвѣтъ, что дядя его уже выздоровѣлъ, и что онъ долженъ срѣзать цвѣты на горѣ (на которой до сихъ поръ ничего не росло) и показать ихъ только епископу. Діего завернулъ цвѣты въ индѣйскую матерію, а тамъ, гдѣ явилась Мадонна, появился цѣлебный источникъ. Когда Діего пришелъ къ епископу, чтобы показать ему цвѣты, то на индѣйской ткани отпечатлѣлось чудное изображеніе Мадонны. Епископъ помѣстилъ изображеніе Мадонны въ своей молельнѣ и велѣлъ построить церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ Мадонна въ первый разъ явилась Діего. Церковь стояла больше милліона долларовъ. Правительство конфисковало серебряныхъ украшеній и драгоценностей на 2 милліона долларовъ. Но въ настоящее время рѣшетка, отдѣляющая алтарь отъ остальной части храма, вся изъ массивнаго серебра. Изображеніе Мадонны находится подъ стекломъ. Вѣнецъ Мадонны осыпанъ драгоценными каменьями.

Гваделупская Мадонна считается покровительницею Мексики. Во время борьбы за независимость боевымъ крикомъ мексиканцевъ былъ «Гваделупа» и испанцевъ «Мадонна де-Ремедіосъ». Гваделупская Мадонна спасла мексиканцевъ отъ страшной моровой язвы въ 1736 году.

Когда ни придеши въ церковь, всегда найдешъ тамъ массу колѣнопреклоненныхъ индѣйцевъ, которые очень усердно молятся.

12-го декабря индѣйцы толпой стекаются въ Гваделупу. Огонь костровъ на площади и на сосѣднихъ горахъ, бенгальскіе огни, хлопушки, освѣщенная а *giorno* церковь—все это придаетъ празднику какой-то фантастическій характеръ. Въ празднованіи Мадонны примѣшиваются слѣды языческаго культа. Въ самомъ храмѣ индѣйцы исполняютъ старинные языческіе обряды и даже танцы символическаго характера. Католическое духовенство въ это не вмѣшивается, и соборъ въ этотъ день всецѣло принадлежитъ индѣйцамъ.

Въ Гваделупѣ имѣется еще часовня, построенная на холмѣ, съ каменной мачтой и парусами близъ самой вершины. Говорятъ, что какіе-то моряки, близкіе къ кораблекрушенію, воззвали къ Гваделупской Мадоннѣ и дали обѣтъ принести мачту съ корабля къ ея храму. Они были спасены и свято исполнили обѣтъ и на плечахъ принесли мачту изъ Веракруца въ Гваделупу.

Намъ уже давно хотѣлось посмотрѣть горячіе источники Пеньона. Всякій разъ, какъ заходитъ разговоръ о землетрясеніяхъ и вулканахъ, большинство высказываетъ мнѣніе, что нечего опа-

саться потухшихъ вулкановъ Попокатепетль и Истасиуатль, которые я имѣю удовольствіе лицезрѣть въ окна каждый день, а что опасенъ Пеньонъ. Въ доказательство приводятъ, что температура его горячихъ источниковъ повысилась за послѣднее время. На площади мы взяли конку, и наши мулы начали трусить по

Церковь въ Пуэбло.

городу. За городомъ тянется болотистая мѣстность и кусочки озера, подвергающагося осушенію. Только полотно дороги, по которому положены рельсы, возвышается среди болотъ. Пѣшеходамъ (ихъ не особенно много) надо умудриться пройти по полотну, когда нѣтъ конки, а если она васъ настигнетъ или попадетъ навстрѣчу, то остается одно—прыгать въ грязь. Все это мы узнали изъ собственнаго опыта, когда вагонъ сошелъ съ рельсовъ. Минутъ де-

саять до этого злополучнаго момента мы встрѣтили туземцевъ, которые весело и съ восторгомъ крикнули нашему кондуктору, что встрѣчная конка сошла съ рельсовъ. Перспектива сидѣть среди болота да еще въ проливной дождь была не особенно пріятная. Но вдругъ крахъ, и нашъ вагонъ соскочилъ съ рельсовъ.

Кондукторъ и всѣ пассажиры 2-го класса старались сдвинуть вагонъ, но безуспѣшно. Между тѣмъ прибылъ уже слѣдующій изъ города вагонъ, и многіе пассажиры рѣшили вернуться въ городъ, но мы остались ждать событій. Наконецъ показался встрѣчный вагонъ, и мы, шлепая по грязи, добрались до него и достигли цѣли нашего путешествія. Никогда я не видалъ болѣе унылаго мѣста. Ванны устроены очень хорошо, и въ томъ же зданіи помѣщается гостиница. Ну, ужъ и гостиница! Если не умрешь отъ простуды, то повѣсишься отъ тоски. Кругомъ какія-то бесѣдки съ претензією на изящество, тощій садикъ, и, точно сахарная голова, среди унылой равнины торчатъ Пеньонъ, который, по словамъ Гумбольдта, въ одно прекрасное утро наградитъ Мексико изверженіемъ. Но, можетъ быть, мое впечатлѣніе не совсѣмъ вѣрно, и все оттого, что пришлось насквознякъ въ холодъ ждать конки, и единственнымъ развлеченіемъ были разрозненныя американскія газеты.

Мнѣ уже давно говорили о предестяхъ Сочимилько. Экскурсія туда сопряжена съ нѣкоторыми затрудненіями, и потому туда ѣдутъ пикникомъ. Сначала ѣдешь въ электрическомъ вагонѣ, и на станціи вся компанія остановилась въ помѣстьѣ одного испанца. Здѣшнія hacienda, или помѣстья, строятся, какъ крѣпости. Это не капризъ владѣльцевъ, которымъ въ прежнее время очень часто приходилось выдерживать осаду и защищаться отъ нападенія разбойническихъ шаекъ, индѣйцевъ и всякихъ лихихъ людей.

Стѣны, выходящія на улицу или на большую дорогу, обыкновенно безъ оконъ, и единственнымъ выходомъ служатъ массивныя ворота, которыя не такъ легко сокрушить. Надъ вторымъ этажемъ, какъ вездѣ, имѣется плоская крыша, или азотея, и, проѣзжая мимо такой azotea, вы очень часто видите все семейство, смотрящее на васъ съ высоты, и рядомъ съ нимъ громаднаго пса, лающего на прохожихъ.

На этотъ разъ «асиенда» гостепрѣимно открыла свои ворота, и мы въѣхали въ широкій дворъ, въ которомъ находились жилыя постройки. Одна часть компаніи размѣстилась въ экипажѣ, другая на ослахъ и лошадяхъ.

Дорога оказалась лучше, чѣмъ я предполагалъ, и надо сказать, что рядомъ съ экипажною дорогою положены рельсы для вагоновъ, подвозящихъ продукты имѣнія.

Мы подѣхали къ каналу, и тамъ насъ ждала громадная плоскодонная лодка, вся украшенная цвѣтами и вѣтками. Какъ только мы тронулись по узкому и извилистому каналу, музыканты на-

чали наигрывать испанскія и мексиканскія пьесы. Когда заиграли вальсъ, то нашлись любители поплясать на такомъ шаткомъ основаніи.

Вся эта мѣстность названа пловучими островами, chinampas. Это было прежде, когда индѣйцы устраивали плоты и, насыпавъ ихъ землей, садили тамъ цвѣты, растенія и овощи. Когда озера

Capillo del Rosario.

подверглись осушенію, эти плоты осѣли, и цвѣты, растенія и даже громадныя деревья прикрѣпились къ болотистой почвѣ, и понемногу вся мѣстность, за исключеніемъ узкихъ каналовъ, обратилась въ цвѣтушій садъ съ роскошной растительностью. Устроитель пикника долженъ былъ крестить у одного индѣйца, который послалъ ему навстрѣчу разубранную лодку и приготовилъ пріемъ у себя въ саду. Конечно, кумъ долженъ былъ щедро заплатить за это удовольствіе. Извилистыми каналами мы наконецъ добра-

лись до настоящей мексиканской деревни. Дома большею частью покрыты тростниковыми крышами, но есть и дома на европейской ладь. Завтракъ былъ приготовленъ въ саду подъ навѣсомъ, и мы съ большимъ аппетитомъ поѣдали разныя мексиканскія блюда, индѣйку, облитую очень прyanымъ и перцованнымъ мексиканскимъ соусомъ *tortillas*—лепешки изъ маиса, переложенныя тертыми бобами. Въ винѣ тоже не было недостатка, и вдругъ всѣ были сконфужены, смущены чѣмъ-то. Какое-то странное ощущение, точно земля уходитъ изъ-подъ ногъ. Первая мысль была у каждаго: да не выпилъ ли я лишняго, или у меня солнечный ударъ? «*Temblor!*»¹⁾—вдругъ крикнули нѣкоторые, и лица замѣтно поблѣднѣли. Дѣйствительно, это было землетрясеніе, и довольно сильное, потому что деревья покачивались изъ стороны въ сторону, и вода плескалась въ прудѣ, точно хотѣла выскочить изъ береговъ.

Но не прошло и часу, какъ вся молодежь затѣяла танцы на одной изъ лужаекъ и забыла о землетрясеніи.

V.

Мексиканскими національными праздниками считаются дни 15-го и 16-го сентября. 15-го сентября, какъ вамъ уже извѣстно, патеръ Хидальго подалъ первый сигналъ къ возстанію противъ испанцевъ, ударивъ въ набатъ, въ 11 часовъ ночи, въ своей церкви, въ Долоресѣ. 16-го сентября произошло объявленіе независимости Мексики. Случайно день рожденія президента совпадаетъ съ годовщиной 15-го сентября. Въ этотъ день президентъ принимаетъ поздравленія дипломатическаго корпуса, конгресса, властей и разныхъ корпорацій.

Вечеромъ праздникъ принимаетъ національный характеръ. Несмотря на проливной дождь, десятки тысячъ людей толпятся на главной площади и на всѣхъ улицахъ, ведущихъ къ національному дворцу. Дождь не мѣшаетъ восторженному настроенію народа. По улицамъ, украшеннымъ флагами, цвѣтами, гирляндами, снуютъ праздничная толпа, которая криками: «*mueran los Gachupinos*» (смерть испанцамъ), визжаньемъ, свистками, бросаньемъ хлопучекъ изъявляетъ свой восторгъ. Чѣмъ поздиѣе, тѣмъ болѣе разыгрываются страсти разнузданной и дикой толпы. Иногда опьяненная патриотизмомъ и чрезмѣрными возліаніями толпа останавливаетъ экипажи, бросаетъ хлопучки въ лошадей, которыя въ страхѣ бросаются въ сторону. На площади пандемоніумъ всякихъ звуковъ смѣшивается съ оркестровою музыкою, которая должна развлекать публику. Иногда вся площадь приходитъ въ хаотическое движеніе, происходятъ мѣстами безпорядки, начинаются побоища, и стулья летятъ

¹⁾ Землетрясеніе.

Пирамида въ Чолулгъ.

во всё направленія. Но вотъ зачастилъ дождь, и вся площадь покрылась зонтиками, точно черными грибами.

Въ то время, когда толпа забавляется по-своему, у президента въ Національномъ дворцѣ собрался весь дипломатическій корпусъ, жены дипломатовъ и вся мексиканская знать. Но объ публики ждуть съ истерпѣніемъ 11 часовъ, и надо сказать, что контрастъ между двумя обстановками довольно разительный. Но вотъ президентъ со знаменемъ въ рукѣ выходитъ на балконъ и звонить въ колоколъ. Господи, что за зрѣлище съ балкона! Вся площадь оживаетъ и, точно одинъ человекъ, отвѣчаетъ президенту на его призывъ къ свободѣ такимъ крикомъ, котораго вы никогда не забудете.

Grito ¹⁾ (крикъ) ближайшей публики подхватывается тысячами и волною катится все дальше по городу. Къ нему примѣшиваются пушечные выстрѣлы, колокольный звонъ со всѣхъ церквей, рожки, свистки со всѣхъ фабрикъ, музыка, и вамъ кажется, что это не крикъ толпы, а нѣчто стихійное, подобное рокоту моря въ разгаръ бури. Какъ только президентъ ударилъ въ набатъ, соборъ и всѣ общественныя зданія освѣтились тысячами огней. Факельныя шествія съ музыкой, толпы оборванцевъ съ рожками шествуютъ по улицамъ и безобразничаютъ и буйствуютъ напропалую. Полиція безсильна упять безпорядокъ и благоразумно стусhevывается. Конечно, тамъ и сямъ показываются патрули конныхъ жандармовъ, и это сдерживаетъ отчасти расходившуюся публику, но всѣмъ извѣстно, что городъ въ эту ночь предоставленъ толпѣ. Пришедшіе изъ окрестностей крестьяне пируютъ до утра около зажженныхъ костровъ; нѣкоторые играютъ, другіе поютъ патріотическія пѣсни и иногда разносятъ нѣкоторые дома. И это продолжается до самаго утра.

Совсѣмъ другого характера праздникъ 1-го ноября. Въ сущности этотъ день нельзя назвать праздникомъ, такъ какъ въ этотъ день поминаютъ усопшихъ, но, какъ читатель увидитъ позднѣе, вся торжественность церковныхъ обрядовъ не мѣшаетъ народу веселиться по-своему.

Въ этотъ день католическое духовенство облачается въ трауръ, и посерединѣ церкви сооружается черный катафалкъ. Существуетъ обычай въ этотъ день посѣщать могилы родныхъ, и могилы на кладбищахъ украшены вѣнками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ памятниками сооружаются катафалки, и передъ памятниками горятъ свѣчи.

Передъ нѣкоторыми гробницами стоятъ яства и питье для усопшихъ. Но интереснѣе всего лавки, въ которыхъ наканунѣ дня усопшихъ продаются игрушечные, сдѣланные изъ сахара, гробы,

¹⁾ Такъ зовутъ этотъ вечеръ.

черепа, миниатюрные катафалки на колесикахъ, алтари и т. д. Нѣкоторые изъ гробовъ такъ устроены, что стоитъ только потянуть за веревку, и гробъ откроется самъ собою, и изъ него выскокитъ мертвецъ. Всѣ эти игрушки составляютъ блаженство дѣтшекъ. Если родители очень бѣдны, то все-таки у нихъ найдется нѣсколько сентавовъ, чтобы купить черепъ (calavera). И вотъ нѣсколько дней до 1-го ноября устраивается настоящее гуляніе. Вы видите веселыя группы, массу дѣтей около балагановъ съ разными *menemto mori*. Маленькія дѣти со смѣхомъ тащатъ повозки съ гробами. У богатыхъ дѣтей цѣлая похоронная процессія, которая заводится механическимъ путемъ. И вся эта игра со смертью не имѣетъ въ себѣ ничего мрачнаго. На площадяхъ, гдѣ продаются всѣ эти атрибуты смерти, вы видите веселую, оживленную толпу, слышите поминутно дѣтскіе голоса: «мама, купи мнѣ гробикъ или чтонибудь въ этомъ родѣ». Рядомъ съ лавками идутъ представленія маріонетокъ.

Въ самый день всѣхъ святыхъ весь городъ отправляется на кладбище въ Долоресъ. Электрическіе вагоны переполнены, элгантные экипажи, нагруженные вѣнками и крестами, тащатся по большой дорогѣ; тамъ же идутъ пѣшеходы, бѣдные индѣйцы, и несутъ на плечахъ кресты, цвѣты и провизію на цѣлый день, потому что въ сущности это пикникъ для бѣднаго и богатаго—случай провести цѣлый день за городомъ и выпить лишнее.

Самое кладбище измѣнилось и словно оживило за одну ночь. Нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы не было видно цвѣтовъ или зажженныхъ свѣчей. Вотъ у одной могилы сидитъ цѣлая семья и, доставши изъ корзины завтракъ, закусываетъ съ большимъ аппетитомъ. У нѣкоторыхъ разведенъ огонь, и на жаровнѣ варится кофе, хотя многіе предпочитаютъ ему пулке или вино. Только изрѣдка видишь унылую могилу и одну колѣнопреклоненную убитую горемъ женщину. Позавтракавъ плотно, нѣкоторые тутъ же укладываются спать.

Но кладбище не вмѣщаетъ всей публики, и вся поляна за кладбищемъ на большое разстояніе усыяна людьми, которые въ живописныхъ группахъ закусываютъ, пьютъ и смѣются. А есть и мертвецки пьяные люди, лежащіе подъ палящими лучами солнца (я нисколько не преувеличиваю), и около нихъ міриады насѣкомыхъ. Грустное, смѣшное, безобразное перемѣшивается въ такихъ странныхъ и причудливыхъ формахъ, что все это надолго остается въ вашей памяти.

Еще одинъ обычай религіознаго характера теперь больше и больше теряетъ свое прежнее значеніе. Это—такъ называемыя посады (*posada*) въ память странствія Божіей Матери и Іосифа изъ Назарета въ Виэлеемъ. Это путешествіе святого семейства продол-

жалось 9 дней. Каждый вечеръ путники приближались къ какому нибудь жилищу и просили пустить ихъ на ночлегъ. Въ мексиканскихъ домахъ, въ ознаменованіе этой просьбы святого семейства пустить на ночлегъ (posada), совершается религіозная церемонія. Нѣсколько семействъ сговариваются провести вмѣстѣ девять вечеровъ, и въ опредѣленный часъ всѣ гости собираются въ одномъ домѣ и снабжаются свѣчами. Изъ гостей и прислуги образуется процессія, во главѣ которой фигурируютъ изваянія Іосифа и Божей Матери на ослиати и надъ ними Ангелъ, указывающій имъ путь. Процессія дѣлаетъ нѣсколько обходовъ по саду и по всѣмъ коридорамъ дома и поетъ духовныя пѣсни. Затѣмъ часть гостей входитъ въ одну комнату, выходящую въ коридоръ, и тамъ запирается. Является святое семейство съ остальными гостями, и просятъ пустить ихъ на ночлегъ.

ІОСИФЪ.

Именемъ Неба прошу приюта. Жена не можетъ итти дальше.

ГОЛОСА ИЗЪ ЗАПЕРТОЙ КОМНАТЫ.

Это—не постоянный дворъ. Уходите. Вы, можетъ быть, воры. Я вамъ не вѣрю.

Въ этомъ духѣ продолжаются переговоры, пока дверь не открывается настежь. Въ комнатѣ устроенъ алтарь съ золотыми украшениями, и всѣ собравшіеся становятся на колѣни и молятся. Послѣ этого на подносѣ подаютъ маленькіе глиняные кувшины, наполненные конфетами. Каждый гость долженъ взять подарокъ, и этимъ церемонія кончается. На девятую ночь наканунѣ Рождества носятъ изображеніе младенца, и въ нѣкоторыхъ домахъ устраиваются ясли и изъ маленькихъ фигуръ разныя сцены изъ Новаго Завѣта. Иногда для дѣтей въ коридорѣ или въ патіо, дворикѣ, вѣшается громадный глиняный сосудъ (piñata), наполненный сюрпризами и конфетами. Эта «пиньята» покрыта бумажной оболочкой, изображающей воздушный шаръ, корабль или какую нибудь смѣшную человѣческую фигуру. Затѣмъ кому нибудь завязываютъ глаза, и онъ долженъ палкой разбить глиняный сосудъ. Иногда попадаетъ и зрителямъ. Послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ палка передается другому. Наконецъ кому нибудь удается сломать piñata, и тогда начинается разграбленіе того, что высыпалось изъ сосуда.

Такъ было въ прежнее патріархальное время, и этотъ обычай исполняется только въ нѣсколькихъ старинныхъ домахъ.

Въ настоящее время измѣнился самый характеръ посадки. Многіе стараются, какъ можно скорѣе, покончить съ религіозными обрядами и затѣмъ начинаютъ веселиться, то-есть танцовать, и все заканчи-

Пикъ Оризаба.

ваеся веселымъ ужиномъ. Такъ девять семействъ стовариваются, чтобы дать девять танцевальныхъ вечеровъ сряду, одинъ у г-жи М., другой у г-жи Х., и посада является лишь предлогомъ для веселыхъ сборищъ. Услышавши о томъ, что творится въ городѣ, архіепископъ запретилъ смѣшеніе религіозныхъ церемоній съ свѣтскими удовольствіями. «Хотите веселиться — веселитесь сколько угодно,—сказалъ онъ,—а не кощунствуйте».

Но это въ духѣ народа. Такъ, напримѣръ, вся страстная недѣля гораздо оживленнѣе обыкновеннаго, благодаря ярмаркамъ на нѣкоторыхъ улицахъ. «Сожженіе или повѣшеніе Іуды»—громднаго манекена изъ папье-маше, является скорѣе развлеченіемъ для толпы, чѣмъ что нибудь другое.

Существуетъ еще довольно интересный обычай въ день Іоанна Крестителя (лѣтомъ). Народъ считаетъ нужнымъ непремѣнно выкупаться въ этотъ день, и всѣ пруды или бассейны въ баняхъ переполнены купающимися. Можно вообразить себѣ, какова вода послѣ того, какъ въ ней перебивается такая толпа. Существуетъ повѣріе, что тому, кто раньше другихъ выкупается въ этотъ день, повезетъ въ этомъ году (будутъ расти волосы и т. д.), и вотъ чуть начнетъ свѣтать, какъ купальни наполняются публикой. Всѣ купальни украшены флагами, цвѣтами и вѣтками. Въ садикахъ, гдѣ устроены купальни, играетъ музыка и продается пулъке, такъ что въ этотъ день полиція занята по горло, и въ городѣ много пьяныхъ.

VI.

По дорогѣ изъ Мексико въ Пуэблу видны асіенды, точно крѣпости, кусочки озера Текскоко и монотонные ряды магея. Чистыя улицы, подернутыя древностью, красивыя церкви, унылые дворцы, дома, обложенные разноцвѣтными изразцами, обширныя площади, скверныя мостовыя, какіе-то странные мостики на серединѣ улицы, переброшенные черезъ канавы, устроенныя для стока воды,—вотъ какъ на первыхъ порахъ представилась мнѣ Пуэбла, городъ, построенный будто бы ангелами. Это—городъ, въ которомъ больше, чѣмъ въ другихъ городахъ Мексики, выразились черты стародавней Испаніи. Все широко и прочно, что было построено испанцами. Какой контрастъ съ нѣкоторыми городами съ Соединенныхъ Штатахъ: легкія, воздушныя, деревянныя постройки, утонувшія въ зелени, и такой же легкости постройки церкви. Здѣсь же все построено на вѣчныя времена, солидно, изъ камня, съ толстыми крѣпостными стѣнами. Но въ церквахъ особенно выразился геній древней Испаніи. Каждая церковь въ своемъ родѣ шедевръ. Конечно, прежде всего вы пойдете въ соборъ, весь бѣлый, изъ мрамора и золота. Скульптурныя работы, рѣзба изъ дерева, мозанка, колонны и полъ изъ пуэбланскаго разноцвѣтнаго мрамора—все это замѣчательно изящно и ве-

Соледадь.

ликолѣнно по своему богатству и вкусу. Въ соборѣ же вамъ покажутъ прекрасныя фламандскія гобелены, подаренныя будто бы собору Карломъ V. Они по своему фривольному сюжету съ богинями древней Греціи не совсѣмъ подходятъ къ обстановкѣ собора и потому хранятся отдѣльно. Рассказываютъ, что американскіе капиталисты предлагали большую сумму за нихъ, но что архіепископъ не рѣшился продать.

Еще слѣдуетъ посмотрѣть Capillo del Rosario въ церкви Санъ-Доминго. Это просто совершенство зодческаго искусства. Куполь этой часовни весь изъ золотыхъ медальоновъ и изъ скульптурныхъ изображеній святыхъ, но это обиліе золота и рѣзьбы не оскорбляетъ вашего вкуса. Напротивъ какой-то миръ нисходитъ въ вашу душу, особенно, когда вы слышите торжественныя аккорды органа и чудное церковное пѣніе.

Пуэбла—промышленный городъ; въ ней приготовляются матеріи, зарапе, глиняныя, стеклянныя, соломенные издѣлія, циновки и всякіе предметы изъ мрамора и оникса.

Въ восьми миляхъ отъ Пуэблы находится знаменитая пирамида въ Чолулѣ. Городъ Чолула имѣлъ, по словамъ Кортеса, больше 400 башенъ и считался тогда очень богатымъ и населеннымъ. Во время испанцевъ тамъ было 360 церквей, а теперь ихъ только 36 и 5.000 жителей. Мы приѣхали туда въ ярмарочный день, когда вся площадь кипѣла народомъ, и что за обиліе рублищъ и грязи! Впрочемъ такъ было и во времена Кортеса, и, что особенно характерно, Кортесъ говоритъ о нищенствѣ въ Чолулѣ, какъ о чемъ-то, похожемъ на Испанію и свидѣтельствующемъ о цивилизаціи тласкальцевъ.

Что касается пирамиды, то она, можетъ быть, прежде имѣла видъ пирамиды, но теперь это искусственно насыпанный холмъ, весь заросшій сверху до низу громадными деревьями, такъ что трудно представить себѣ, какъ это было во время завоеванія испанцевъ. Высота усѣченной пирамиды 54 метра, ширина въ основаніи 439 метровъ. Гумбольдтъ говоритъ, что есть большое сходство между Чолулской пирамидой и Сахарской пирамидой въ Египтѣ и постройками Вавилоніи. Платформа, на которой теперь стоитъ церковь *Madonna de Remedios*, занимаетъ площадь въ 4.200 кв. метровъ. Чолулская пирамида больше третьей пирамиды въ Гизѣ и вдвое больше Хеопсовой. Для сравненія можно сказать, что она занимаетъ площадь въ 4 раза болѣе, чѣмъ Вандомская площадь въ Парижѣ, и въ два раза выше Лувра. Преданіе говоритъ, что туземцы построили эту пирамиду на случай наводненія, которое затопляло всю равнину. Она могла также очень хорошо служить крѣпостью.

Совершивъ восхожденіе на пирамиду, откуда открывается широкій видъ на правильно расположенный городокъ и на ближайшія вершины, мы спустились въ городъ, гдѣ *sefe politico* просилъ насъ къ себѣ въ домъ отдохнуть и забавлялъ насъ до обѣда, показывая мѣстныя древности, разныя глиняныя фигурки и мексиканскія деньги такой формы,

VII.

Еще было совсѣмъ темно, какъ мы приѣхали на станцію, чтобы ѣхать въ Оахаку. Ѣхать такую рань куда какъ неприятно, но когда мы увидѣли порозовѣвшія отъ первыхъ солнечныхъ лучей вершины Попокатепетля и Истаснуатля, а затѣмъ черезъ часть вулканы Ориазаба и Малинци, то мы были вполнѣ вознаграждены за безпокойство.

Начиная отъ Пуэблы, дорога постоянно поднимается до 7.000 футовъ и затѣмъ спускается до самой Оахаки. По дорогѣ городокъ

Исполинское дерево въ Туль.

Теуаканъ съ цѣлебными источниками въ родѣ Виши: онъ еще стоитъ въ равнинѣ, а затѣмъ путь становится чрезвычайно живописнымъ. Желѣзная дорога проложена среди горныхъ вершинъ, разорванныхъ ручьемъ, подобно Тереку, которыя то сжимаются, то расходятся. Иногда посреди бурливой рѣки лежатъ громадные обломки скалъ, какъ будто оторванные отъ сосѣдней горы. Въ вагонъ то и дѣло входятъ вооруженные съ головы до ногъ люди. Почти у каждаго за поясомъ торчатъ револьверъ. Насъ сопровождаетъ конвой *guales*, но всѣ эти предосторожности теперь не нужны—такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ опытные люди. Было время, когда на дилижансѣ, идущій изъ Веракруца въ Мексико, нападали разбойники и обирали бѣдныхъ пассажировъ, какъ липку. Въ то время путешествіе по Мексикѣ было сопряжено съ большими неудобствами; экипажи въ дождливый сезонъ вязли въ грязи; приходилось ночевать въ лачугахъ, и если вы не захватили съ собой припасовъ, то приходилось просто голодать. Теперь есть мѣста, гдѣ вы найдете всѣ удобства, но какое же сравненіе съ добрымъ старымъ временемъ! Послушавъ добрый совѣтъ, мы захватили съ собой завтракъ, но на станціи Томаинъ въ китайскомъ ресторанѣ былъ приготовленъ очень хорошій завтракъ. И что за обиліе фруктовъ: ананасы, бананы, манго, *chico zapotes* и много другихъ, которые мы увидѣли въ первый разъ!

Приближеніе къ югу сказывается обиліемъ пальмъ и кактусовъ, которые напоминаютъ еврейскіе свѣтильники. Что касается дороги, то жена съ ужасомъ отскакивала отъ окна и въ испугѣ закрывала глаза, когда вагонъ двигался на краю пропасти. Наконецъ въ сумерки мы добрались до Оахаки (30.000 жителей). Городъ (5.000 футовъ надъ уровнемъ моря) находится въ котловинѣ и окруженъ горными возвышенностями отъ 8.000 до 9.000 футовъ высоты. Въ Оахакѣ родились Хуаресъ и генераль Діазъ. Оахака немного напоминаетъ Тифлисъ. Изъ церквей самыя интересныя: Соледадъ и Санто Доминго. Соледадъ была прежде монастыремъ, затѣмъ конфискована правительствомъ и обращена частью въ казарму. Снаружи Соледадъ, находясь на возвышенности, напоминаетъ своими массивными стѣнами крѣпость. Да она была ею въ разное время, такъ какъ воюющія партіи старались захватить ее и укрѣпиться тамъ, чтобы командовать городомъ. Церковь Санто Доминго отличается необыкновеннымъ богатствомъ, и особенно хороши изваянія купола съ серебряными и золотыми медальонами.

Конечно, намъ должны были показать музей. Въ нѣкоторыхъ фигурахъ, т.-е. въ головныхъ украшеніяхъ, въ глаза бросается сходство съ египетскими фигурами. Что касается храмовъ, то, судя по модели, которая имѣется въ музеѣ, они были въ родѣ четырехугольныхъ ящиковъ и находились на вершинѣ пирамидальной горы, по бокамъ которой шли прямыя лѣстницы. Мы осмотрѣли очень бо-

Развалины в Митле.

гатую частную коллекцію доктора Ливогурена, которая, надо сказать, гораздо богаче городского музея. Не знаю, насколько можно довѣрять доктору Ливогурену, но онъ показывалъ вещицы изъ нефрита, найденныя будто бы при раскопкахъ. Также очень интересна, если это не поддѣлка, маленькая фигурка монгола съ чубомъ и въ старинномъ китайскомъ костюмѣ. Нахожденіе вещей изъ нефрита указывало бы на сношенія аптековъ съ Китаемъ, но надо быть очень осторожнымъ, когда дѣло попадаетъ въ руки аферистовъ. Оригинальны статуэтки запотекскія съ звѣринными фізіономіями. По моему мнѣнію, это просто маски, какъ это было у японскихъ воиновъ, надѣваемые вмѣстѣ съ каской. Золотыя вещи, находимыя въ запотекскихъ гробницахъ, отличаются замѣчательною отдѣлкою. Надо вамъ сказать, что въ этой мѣстности господствовали запотеки, и языкъ запотекскій еще существуетъ въ простомъ народѣ.

Очень интересно въ субботу посмотрѣть на базаръ, когда туда стекаются съ ближайшихъ и дальнихъ мѣстъ. Туземныя женщины, украшенныя бусами, одѣты въ рубашку съ большимъ вырѣзомъ на шеѣ и на рукахъ, совѣмъ, какъ дамы въ бальномъ туалетѣ. Многія изъ нихъ сидятъ съ распущенными волосами и очень часто занимаются неаппетитнымъ дѣломъ — отыскиваніемъ насѣкомыхъ. Дѣтей онѣ носятъ, какъ японки, на спинѣ. Женщины изъ Техуантепека носятъ на головѣ уборъ, подобный итальянскому. Бѣлый костюмъ былъ бы красивъ, если бы онъ былъ чище. Но у туземцевъ трудно требовать чистоты, и, побывавъ нѣсколько минутъ въ толпѣ, непременно начнешь почесываться. Но интересно видѣть, какъ туземцы являются на базаръ со всѣмъ семействомъ. Кто изъ нихъ покупаетъ заране, женщины шелковое ребозо, а малыши получаютъ обрубокъ сахарнаго тростника, и затѣмъ все семейство, истративъ свои гроши, счастливо возвращается во-свои, и дѣти, конечно, на ходу жуютъ сахарный тростникъ. Надо замѣтить, что мужчины отличаются утонченными манерами, и самый послѣдній оборванецъ граціозно подходитъ къ ручкѣ какой нибудь коричневой женщины.

Въ штатѣ Оахака имѣются всѣ произведенія умѣреннаго и тропическаго климата (пшеница, рожь, маисъ, бобы, перецъ, рисъ, индиго, сахарный тростникъ, кофе, ваниль, табакъ, резина и т. д.). О фруктахъ нечего и говорить. Стоитъ только пойти въ городской скверъ, и тамъ бананики, апельсиновые деревья, усыпанныя плодами, пампельмусы — и никто даже не польстится на нихъ. Но, кромѣ своего тропическаго характера, Оахака является центромъ горнозаводской промышленности. Въ сосѣднихъ горахъ находятъ золото, серебро, олово, мѣдь, желѣзо. Назовемъ золотыя рудники Запотекской компаніи въ 15 миляхъ отъ города (Монтана, Аугустина). Маленькій городокъ Окотланъ, населенный большею частью американцами, окруженъ рудниками. Рудники кругомъ Оахака дѣлаютъ миллионныя обороты, и это только начало.

Крестообразная гробница близъ Митлы.

Но мы приѣхали въ Оахака собственно для того, чтобы осмотрѣть развалины Митлы, куда надо ѣхать въ экипажѣ. Губернаторъ былъ такъ любезенъ, что, кромѣ экипажа, прислалъ и конвой изъ четырехъ rurales, т.-е. сельскихъ стражниковъ, что было совсѣмъ излишне, но отказаться было трудно, и мы тронулись въ путь въ шесть часовъ утра. Дорога пыльная и ухабистая, но воздухъ чудный. Мѣстами около маленькихъ рѣкъ и кругомъ деревень попадаетъ роскошная растительность. Я люблю эти поѣздки, потому что онѣ лучше всякихъ книгъ показываютъ, какъ живетъ населеніе. Вотъ въ маленькой лужицѣ купаются дѣти; тамъ на току, укатанномъ, какъ у насъ, въ Малороссіи, молотятъ цѣпами. Арбы здѣсь, какъ въ Крыму, скрипучія, безъ признака желѣза и съ громадными деревянными колесами, тащатся тихохонько по пыльной дорогѣ. А вотъ точно сцена изъ Библии: цѣлое семейство въ пути. Отецъ идетъ пѣшкомъ, а мать, укутанная въ голубое покрывало, съ ребенкомъ на рукѣ, труситъ рядомъ на осликѣ. Еще дальше вы видите бимбалитъ, или машину для подъема воды, и очень похожую на то, что видишь въ Египтѣ. Когда подъѣзжаешь къ деревушкѣ, похожей на другія деревни тропиковѣ, изъ-подъ изгороди выскакиваютъ голые мальчишки съ собаченками, но, увидѣвъ нашихъ стражниковъ, скромно ретируются. И вотъ мы подъѣхали къ одной деревушкѣ съ изгородями изъ кактусовъ, черезъ которыя не пролѣзетъ ни звѣрь, ни человѣкъ, и остановились передъ церковью. Но не на церковь мы пришли смотрѣть, а на громаднѣйшее дерево въ мірѣ (154 ф. 2 д. кругомъ ствола при высотѣ 6 футовъ отъ земли). Говорятъ, что 24 человѣка, образуя съ протянутыми руками цѣпь, едва могутъ обнять дерево. На деревѣ красуется надпись, сдѣланная Гумбольдтомъ, и кора совсѣмъ почти покрыла эту деревянную дощечку. Рядомъ съ этимъ деревомъ стоитъ другое тоже почтенныхъ размѣровъ, но оно кажется младенцемъ въ сравненіи съ этимъ великаномъ. Сама деревня, благодаря садамъ, въ которыхъ красуются апельсиновые деревья съ нависшими плодами, бананикамъ, цвѣтамъ, бугенвиллямъ, имѣетъ какой-то праздничный видъ. По дорогѣ мы остановились, чтобы дать передохнуть лошадямъ и чтобы посмотреть на церковь въ Тлаколулѣ. Церковь по случаю праздника была убрана фонариками, и въ каждомъ углу были клѣтки съ птицами, которыя должны были славить имя Господа. На статую Спасителя надѣли какіе-то современнаго фасона штанишки.

Затѣмъ мы тронулись въ путь, который не отличается красотой. По дорогѣ валяются громадные валуны, и горы лишены всякой растительности. Гостиница въ Митлѣ находится въ центрѣ городишка, и хотя старомодная, но удобна. Комнаты запираются, какъ въ тюрьмѣ, громадными болтами, и на окнахъ вездѣ рѣшетки. Противъ ожиданія, намъ дали простой, но вкусный обѣдъ. По-

стель съ сосисками вмѣсто подушекъ тверда, какъ камень. Но это мимоходомъ. Мы прѣехали сюда не для житья, а для развалинъ, и вотому пойдемте и бросимъ на нихъ бѣглый взглядъ. Это легко, потому что развалины очень близко отъ гостиницы. Туземцы-запотеки называютъ эту мѣстность Леобеа, что по-запотекски означаетъ гробница. Тамъ будто бы искали уединенія правители въ случаѣ траура. Мѣстечко Мигитла, или Митла, означаетъ грустное мѣсто. Мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ, кто построилъ эти грандіозныя, но изящныя по своей простотѣ, зданія. Нѣкоторые ученые думаютъ, что это были толтеки, которые двинулись потомъ на югъ. По мнѣнію Чаверо, дворцы, или пантеоны, были построены въ VII или VIII столѣтіи нашей эры. Изъ одного кодекса мы знаемъ, что въ 1494 году мексиканцы или ацтеки взяли городъ приступомъ и предали его разрушенію.

Во время испанскаго владычества патеръ Мартинъ де-Валенція по дорогѣ изъ Веракруца видѣлъ городъ Миктланъ, который онъ назвалъ адомъ, и пришелъ въ изумленіе передъ великолѣпными зданіями, равныхъ которымъ нѣтъ во всей Новой Испаніи (Мексика). Между этими зданіями былъ храмъ чорту (надо думать—языческому богу), съ замѣчательными орнаментами. Двери были сдѣланы изъ трехъ камней (два по бокамъ и одинъ наверху). Была еще зала съ круглыми колоннами (высота 30 футовъ), каждая изъ одного куска и такой толщины, что два человѣка едва могли обхватить ее.

Самое обстоятельное описаніе принадлежитъ Франциску изъ Бургоа (1674 г.). Опускаемъ то, что онъ говоритъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, такъ какъ тутъ много вымысла. По его мнѣнію, въ одномъ зданіи жрецъ оставался одинъ съ идоломъ и былъ одѣтъ въ бѣлое облаченіе, а на головѣ было нѣчто въ родѣ митры. Мы уже знаемъ, что жрецъ, кремневымъ ножомъ (жельзо было имъ незнакомо) вынулъ сердце изъ груди жертвы, клалъ его въ ротъ идола.

Въ одномъ изъ зданій была усыпальница жрецовъ, въ другомъ дворецъ короли. Въ одной изъ залъ бросали трупы людей и затѣмъ замуравливали. Былъ и дворецъ, въ которомъ жилъ главный жрецъ. Всѣ эти залы, по описанію Франциска де-Бургоа, были чисты и покрыты циновками. Всѣ эти зданія, уже отчасти разрушенныя, занимали пространство въ 150.000 квадратныхъ метровъ.

Въ настоящее время дворецъ № 1 почти совершенно разрушенъ, и есть слѣды огня на стѣнахъ. Индѣйцы воспользовались развалинами и построили въ этомъ мѣстѣ свои хижины. Дворецъ № 2 также разрушенъ. Лучше всего сохранился дворецъ № 3. Онъ, какъ и другія зданія, стоитъ на возвышенности. Въ немъ сохранилась зала съ колоннами монолитами (уцѣлѣли только шесть). Кругомъ патіо идутъ маленькія комнаты. Подобно ассирійскимъ

постройкамъ, наружныя стѣны не имѣютъ оконъ. Также на стѣнахъ нѣтъ изображеній людей или животныхъ, а только весьма изящный орнаментъ, или мозаика, напоминающая рисунки на этрусскихъ вазахъ и составленная изъ камней, пригнанныхъ вмѣстѣ и образующихъ очень причудливые узоры. Отъ каждаго зданія шла монументальная лѣстница. Дворецъ № 4 обращенъ испанцами въ церковь, для которой воспользовались прежними стѣнами.

Къ сожалѣнію, сохранившіеся до сего времени іероглифы или фрески (красное на бѣломъ) помѣщаются и въ настоящее время рядомъ со стойлами для лошадей.

Большая часть этихъ зданій была разобрана мѣстными жителями. Если ктонибудь изъ индѣйцевъ нуждался въ камнѣ для постройки, то онъ безъ зазрѣнія совѣсти разрушалъ часть стѣны и бралъ то, что ему нужно. Разрушеніе не шло такъ быстро, потому что построено было такъ прочно; игра не стоила свѣчъ. Особенно хорошъ цементъ, секретъ котораго не извѣстенъ туземцамъ. Говорятъ, что идоловъ сохранилось очень мало, и только маленькіе, но объ этомъ, конечно, позаботились католическіе патеры, которые старались уничтожить всѣ слѣды язычества. Подъ дворцомъ № 2 находится крестообразная гробница, или тайникъ, въ которомъ были найдены золотыя украшенія. Чтобы попасть туда, надо ползти на-четверенькахъ.

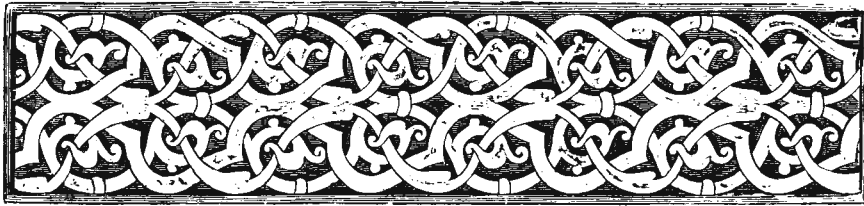
На другое утро я поѣхалъ верхомъ на гору, которая называется крѣпостью (fortalezzeo). Въ тѣ дни, когда единственнымъ оружіемъ были кремневые ножи, стрѣлы, эта крѣпость, вѣроятно, была неприступна. На ней нѣтъ почти построекъ и только два ряда широкихъ стѣнъ. Дома въ цитадели, вѣроятно, не отличались роскошью и были сдѣланы, какъ это видно, изъ земляного кирпича. У самыхъ стѣнъ сохранились громадныя глыбы для сбрасыванія на осаждающихъ. Когда я уже осмотрѣлъ цитадель, въ которой сохранились черепки отъ давно минувшихъ временъ, надъ долиной, гдѣ пріютился городъ, стоялъ еще туманъ, и онъ сталъ подниматься все выше и выше подъ жгучими лучами солнца.

Вернувшись въ Оахаку, мы отправились въ Куилапу. По дорогѣ, очень живописной и очень оживленной по случаю народнаго праздника, мы заглянули на вершину Monte Alban, на которой американскій археологъ Савиль и мексиканецъ Батресъ открыли слѣды стариннаго города, превосходящаго древностью развалины Митлы. Мѣсто, занимаемое этимъ древнимъ городомъ мистеконъ, громадное (въ 4 квадр. километра). Батресъ открылъ слѣды громаднаго храма, окруженнаго маленькими храмами. Очистить эту мѣстность отъ покрывавшей ее растительности было нелегкимъ дѣломъ. Тамъ, гдѣ стѣны оставались непокрытыми, онѣ скоро были разо-

браны поселянами, которые употребляли ихъ на изгороди и на дома. Между интересными находками былъ монолитъ, похожій на египетскіе обелиски (въ 4 метра высоты). Тамъ же были четыре кургана пирамидальной формы. Въ одномъ мѣстѣ были найдены вещи изъ нефрита. Если нѣкоторые предметы указываютъ на сношенія съ Китаемъ, то архитектурныя формы напоминаютъ Египеть. Если вѣрить ученымъ, разобравшимъ надпись на развалинахъ въ Сочикалько, то Атлантида древнихъ не была мифомъ, и громадный материкъ съ десятками миллионовъ людей былъ во время громаднаго катаклизма поглощенъ океаномъ, но объ этомъ когда нибудь послѣ, когда мы доберемся до этихъ интересныхъ развалинъ.

Григорій Деволланъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ 450 иллюстраціями. Томы I, II, III и IV. Изданіе второе, А. С. Суворина. Спб. 1905.

ВЫШЕЛЪ въ свѣтъ четвертый и послѣдній томъ второго изданія извѣстнаго труда покойнаго Шильдера: «Императоръ Александръ I». Новое изданіе отпечатано безъ перемѣнъ и не менѣе роскошно, нежели первое, въ томъ же форматѣ, съ тѣмъ же обиліемъ прекрасно исполненныхъ иллюстрацій.

Первое изданіе «Императора Александра I» разошлось безъ остатка и въ послѣдній годъ перепродавалось почти исключительно изъ частныхъ рукъ. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, который внушаетъ читателямъ загадочная личность Благословеннаго. Интересъ по отношенію къ царствованію Александра Павловича увеличивается еще болѣе въ наши дни, когда въ общественныхъ стремленіяхъ и явленіяхъ начала двадцатаго вѣка встрѣчается много чертъ, дѣлающихъ его похожимъ на начало вѣка девятнадцатаго.

Въ самомъ дѣлѣ, первое десятилѣтіе девятнадцатаго вѣка должно быть признано эпохой исторіи въ Россіи. Послѣ краткаго, но болѣе чѣмъ суроваго царствованія императора Павла на престолъ вступилъ Александръ Павловичъ. Въ запискахъ современниковъ сохранились указанія на тотъ восторгъ, который былъ вызванъ вцареніемъ молодого монарха. На улицахъ плакали отъ радости и обнимали другъ друга, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Всѣ радовались вступленію на престолъ воспитанника Лагарпа, друга просвѣщенія и свободы. Освобожденіе жертвъ тайной эспедиціи было первымъ подвигомъ молодого императора; за ними увидѣли свѣтъ Божій сотни невинныхъ стра-

дальцевъ, заключенныхъ въ Сибири, въ дальнихъ крѣпостяхъ и монастыряхъ. Затѣмъ послѣдовали указы о распечатаніи закрытыхъ типографій, о соблюденіи полицейскими границъ своей должности. Эти частичныя освободительныя мѣры являлись, однако, только ласточками грядущихъ крупныхъ государственныхъ преобразованій. Прежде всего была уничтожена тайная экспедиція. Новый государь полагать, что «всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою законовъ».

Великое начало законности, объявленное въ манифестѣ по поводу уничтоженія тайнаго судилища, естественно вызвало заботу объ упорядоченіи управленія и надзора за нимъ. Зашла рѣчь о реформѣ сената. Въ кругу приближенныхъ лицъ Александръ Павловичъ обсуждалъ проектъ жалованной грамоты русскому народу, которому предполагалось даровать неприкосновенность личности гражданина, о Habeas Corpus Actu. Среди тѣхъ же приближенныхъ впервые былъ намѣченъ планъ тѣхъ коренныхъ преобразованій, систему которыхъ впоследствии такъ широко и всесторонне развилъ Сперанскій.

Политика чувствительности втянула Россію въ неудачныя войны съ Наполеономъ; тѣмъ не менѣе, государь, будучи занятъ военными дѣлами, не покидалъ мысли перестроить, безобразное зданіе управленія имперіей. Сперанскій явился выразителемъ этихъ стремленій, онъ выработалъ цѣлый планъ государственнаго переустройства одобренный императоромъ. Въ этомъ планѣ, между прочимъ, главную роль играло народное представительство. Отъ этихъ предначертаній нужно было ожидать многого, но событія 1812 года дали дѣлу другой поворотъ. Изъ общаго плана реформъ былъ выхваченъ только одинъ государственный совѣтъ, учрежденный въ 1810 году. Свѣтлая заря, занявшаяся надъ Русскою землею, померкла. Въ душѣ Александра Павловича совершился крутой переломъ. Онъ не утратилъ вѣры въ преимущества свободныхъ учреждений, но не призналъ ихъ примѣнимыми къ Россіи. Мало того, онъ проникся ожесточеніемъ къ самому русскому человѣку и какъ бы началъ стыдиться того, что судьба призвала его царствовать надъ русскимъ народомъ. И по этой причинѣ монархъ, кроткій, мягкій, обходительный въ отношеніи иностранцевъ, сдѣлался грубымъ, жестокимъ и даже несправедливымъ по отношенію къ природнымъ русскимъ подданнымъ. Русскаго солдата, жертвовавшего жизнью ради прусскихъ симпатій и вынесшаго на своей спинѣ не только спасеніе отечества, но вмѣстѣ съ тѣмъ реставрацію Бурбоновъ и Гогенцоллерновъ, по вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ, морили голодомъ и держали какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ. Русскіе рядовые сидѣли на французскихъ гауптвахтахъ, русскіе генералы и офицеры подвергались унижительному обращенію со стороны императора въ присутствіи австрійцевъ, французовъ и англичанъ. Царь ласкалъ иностранцевъ и при всѣхъ кричалъ и грозилъ Сибирью русскимъ людямъ, преданнымъ ему съ дѣтства, какъ, на примѣръ, князю Волконскому.

Благодаря наступившему перелому, Россія въ глазахъ Александра Павловича какъ бы перестала обладать самостоятельнымъ значеніемъ. Ей предстояла новая роль охранительницы европейскаго легитимизма — роль международнаго городского, охраняющаго чуждые ему интересы. Талейраны, Меттер-

нихи, обманывая и издѣваясь надъ русскимъ императоромъ, играли вмѣстѣ съ тѣмъ на его лучшихъ чувствахъ. Александръ Павловичъ попрежнему чароваль иностранцевъ, но русскіе вызывали въ немъ одно презрѣніе. Прежнихъ друзей свѣтлой юности смѣнилъ жестокій Аракчеевъ, и на славное прошлое перваго десятилѣтія опустилась мрачная завѣса. Все это прекрасно изображено въ книгѣ Шильдера, и все заставляетъ подумать о томъ, какія причины породили подобное грустное явленіе. Видимую разгадку поведенія императора можно найти въ слѣдующихъ приводимыхъ Шильдеромъ словахъ историка отечественной войны Михайловскаго-Данилевскаго: «Сердце государя напитано свободою. Онъ первый началъ вводить въ Россіи нѣкоторое подобіе конституціонныхъ формъ, но вельможи, окружавшіе его, и помѣщики русскіе не созрѣли еще до политическихъ теорій, составляющихъ предметъ размышленія нашихъ современниковъ. Онъ не могъ сохранить привязанности къ людямъ, которые не въ состояніи оцѣнить основаній, содѣлывающихъ общества счастливыми; отъ сего происходитъ, можетъ быть, его неуваженіе къ русскимъ, предпочтеніе иностранцевъ и, что мнѣ даже страшно и думать, нѣкоторое охлажденіе къ Россіи, которая до сихъ поръ въ полной мѣрѣ монарха своего цѣнить не умѣетъ». Несомнѣнно, что въ извѣстной степени Данилевскій былъ правъ, полагая, что не всѣ современники въ равной мѣрѣ способны были оцѣнить освободительные замыслы Благословеннаго. Нужно вспомнить, что ссылка Сперанскаго явилась уступкой общественному мнѣнію, видѣвшему въ освободительныхъ планахъ государственнаго человѣка политическій прои́скъ и даже измѣну. Достаточно вспомнить рѣчи Шишкова и дѣянія Радошчина, чтобы понять основательность извѣстной доли пренебреженія Александра Павловича къ окружавшимъ его людямъ. Но вѣдь не въ тѣхъ людяхъ заключалась Россія. Если низшіе классы пребывали безгласными, несмотря на всю тягостность своего положенія, если выдвигали свои фигуры господа Шишковы, Радошчины, Аракчеевы, Державины, Беклешовы, Руничи, то наряду съ ними существовали въ Россіи Строгановы, Воронцовы, Кочубеи, Новосильцевы, Карзины, Радищевы и многіе другіе, именъ которыхъ не перечестъ.

Ошибка державнаго ученика Лагарпа заключалась въ томъ, что онъ мало зналъ родную землю и ея лучшихъ людей. И прошлое и настоящее для него сидѣлось въ цѣпи придворныхъ интригъ, дворцовыхъ переворотовъ, ви́шнемъ раболѣвіи и внутреннемъ упрямствѣ круга лицъ, отстаивавшихъ беззаконіе и насиліе подъ видомъ служенія престолу и отечеству. Это своекорыстное меньшинство Благословенный и презиралъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ нимъ считался. Отсюда, быть можетъ, возникла и его загадочная привязанность къ Аракчееву, въ которомъ разочарованный царь видѣлъ не раба-предателя, а безкорыстно преданнаго человѣка. Итакъ, преисполненный лучшихъ намѣреній монархъ томился въ тѣсномъ кругу презираемыхъ имъ людей, а тамъ за этой живой оградой томилась и тщетно рвалась къ нему сотни и тысячи благородныхъ сердецъ, понимавшихъ своего повелителя, умѣвшихъ цѣнить каждое его благожелательное слово и каждый его высокій порывъ, но они остались въ одиночествѣ, какъ въ одиночествѣ остался и державный мыслитель. Темная туча опустилась надъ Русскою землею на много лѣтъ. В. Грибовскій.

П. Н. Милюковъ. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. Изданіе второе, книгоиздательства М. В. Пирожкова. Спб. 1905.

Предъ нами второе изданіе капитальнаго труда извѣстнаго историка П. Н. Милюкова, вышедшаго въ свѣтъ впервые тринадцать лѣтъ тому назадъ (1892). Въ виду громадной важности вопроса, затронутаго авторомъ, я позволю себѣ вкратцѣ передать содержаніе этой книги, полагая, что оно, при специальности темы, далеко не всѣмъ читателямъ извѣстно.

За послѣднія десятилѣтія въ нашей исторической наукѣ появилось новое направленіе, которое ставитъ своею цѣлью изученіе матеріальной стороны историческаго процесса, изслѣдованіе прошлаго съ экономической и финансовой стороны, анализъ социальныхъ отношеній тогдашняго общества. Съ точки зрѣнія этого направленія по отношенію къ реформѣ Петра Великаго выдвигается новая задача. Раньше въ трудахъ объ этой реформѣ очень много мѣста отводилось внѣшнимъ фактамъ, идейнымъ воздѣйствіямъ западной культуры, и лишь въ самыхъ общихъ чертахъ касались экономической стороны дѣла, тогда какъ ближайшее изученіе именно экономической стороны съ несомнѣнностью указываетъ на то, что финансовыя затрудненія были главной движущей причиной реформаціонной дѣятельности Петра. Отсюда слѣдовало привести ходъ реформы въ связь съ исторіей государственнаго хозяйства Россіи, рассмотреть послѣднее въ его основныхъ чертахъ, въ его послѣдовательномъ измѣненіи и показать, въ какихъ формахъ выражалось вліяніе государственнаго хозяйства на ходъ реформы. Вотъ эту задачу и выполняетъ въ своей работѣ П. Н. Милюковъ.

Работа автора основана на изученіи громаднаго архивнаго матеріала, хранящагося въ петербургскихъ и московскихъ архивахъ. Исчерпать матеріалъ, при его почти необъятности, авторъ, конечно, не имѣлъ возможности, но во всякомъ случаѣ онъ, какъ то сообщается въ предисловіи, оставлялъ работу надъ отдѣльными категоріями документовъ только тогда, когда приходилъ къ убѣжденію, что дальнѣйшее изученіе не прибавитъ ничего существеннаго и не измѣнитъ основныхъ выводовъ, полученныхъ въ результатѣ работы.

Трудъ П. Н. Милюкова состоитъ изъ слѣдующихъ частей: вступительной главы—Основные черты государственнаго хозяйства Россіи XVII вѣка (1—79 стр.), отдѣла I—Приказное хозяйство 1682—1709 гг.: глава 2—Состояніе государственнаго хозяйства къ началу сѣверной войны (1682—1701 гг., стр. 80—122), 3—Разрушеніе приказнаго строя (1701—1709, стр. 122—183), 4—Разореніе населенія (184—218); II—Губернское хозяйство 1710—1718 гг.: глава 5—Происхожденіе губерній (219—271), 6—Организація губернскаго хозяйства 1708—1711 гг. (272—303), 7—Функционированіе губернскаго хозяйства 1710—1718 (303—382); отд. III—Коллежское хозяйство 1719—1725 гг.: глава 8—Литература проектовъ (383—437), 9—Административная и податная реформа (438—481), 10—Результаты реформы (482—525), 11—Заключеніе и четыре приложенія (стр. 551—678).

Въ послѣдней заключительной главѣ излагаются тѣ общіе выводы, къ которымъ пришелъ авторъ. Въ общемъ ходъ реформы Петра онъ устанавливаетъ

три періода: періодъ приказнаго, губернскаго и коллежскаго хозяйства. Первый періодъ, кончающійся 1709 г., былъ временемъ разрушенія стараго государственнаго порядка, второй періодъ отъ 1710 до 1718 г. характеризуется кризисомъ какъ государственнаго хозяйства, такъ и государственныхъ учрежденій, третій (съ 1719 до 1725 г.) занятъ систематической реорганизаціей государственнаго строя.

Въ первый періодъ, подъ вліяніемъ военныхъ потребностей, вызвавшихъ образованіе новой арміи и новаго флота, правительство, во-первыхъ, концентрируетъ окончательно въ одномъ учрежденіи большую часть старыхъ сборовъ, а, во-вторыхъ, начинаетъ создавать новые источники доходовъ. Сборъ и расходъ поступленій привелъ къ перестройкѣ всей системы учрежденій. По старой финансовой практикѣ изъ мѣстныхъ кассъ, куда собирались доходы, мѣстные расходы удовлетворялись обычно раньше общественныхъ, поэтому рѣшено было захватить эти поступления въ ихъ полномъ размѣрѣ и прямо изъ мѣстныхъ кассъ, минуя центральныя учрежденія, направлять на покрытие важнѣйшихъ общегосударственныхъ нуждъ. Такова была идея образованія петровскихъ губерній съ губернскими кассами, доходы которыхъ должны были идти на содержаніе арміи, расквартированной по извѣстнымъ районамъ. Естественнымъ послѣдствіемъ передачи всѣхъ сборовъ и расходовъ въ губернскія кассы было окончательное паденіе центральной администраціи.

Во второй періодъ расходы быстро возрастали, платежная способность населенія сильно истощалась, содержаніе арміи встрѣчало существенныя затрудненія (по новому порядку каждый полкъ долженъ былъ получать на свое содержаніе доходъ изъ опредѣленной губерніи; при передвиженіи полка полученіе сильно затруднялось, въ особенности тѣмъ, что деньги часто перехватывались на другія нужды); въ рѣзкой формѣ чувствовался недостатокъ центральныхъ учрежденій, а потому власть принялась за реорганизацію государственнаго строя.

Образцомъ для новыхъ учрежденій сдѣлалась Швеція. Введеніе новыхъ центральныхъ учрежденій было вызвано не недостаткомъ старыхъ, а ихъ полнымъ отсутствіемъ. Въ виду послѣдовавшей замѣны подворнаго обложенія подушнымъ, какъ болѣе удобнымъ для фискальныхъ цѣлей, дѣятельность только что введенной финансовой администраціи оказалась несогласованной съ другими учрежденіями. Получилась, наиримѣръ, такая странность: земскій комиссаръ, вѣдающій уѣздные сборы, долженъ былъ пересылать ихъ въ провинцію, а оттуда—въ центральныя учрежденія, фактически же онъ, собравъ подушную подать, передавалъ ее непосредственно въ распоряженіе полковыхъ комиссаровъ на содержаніе мѣстнаго полка, благодаря чему вмѣсто финансоваго вѣдомства онъ очутился въ зависимости отъ вѣдомства военнаго. Самъ Петръ на склонѣ дней замѣтилъ диссонансъ въ строѣ учрежденій, но ему уже не пришлось приспособлять реформу къ русскимъ условіямъ.

Въ заключеніе авторъ указываетъ на роль Петра Великаго въ государственной реформѣ. По его словамъ, «стихійно-подготовленная и коллективно-обсужденная эта реформа только изъ вторыхъ рукъ случайными обрывками проникла въ сознаніе Петра»; она «не вызвана личными планами или увлече-

ніями законодателя, какъ его флотъ или вѣмецкое платье, но она не произведена также и однимъ самобытнымъ историческимъ процессомъ; воля Петра была, конечно, необходима для ея осуществленія, но эта сторона реформы выходила изъ его кругозора и была осуществлена имъ поневолю. Факты историческаго прошлаго тоже подготавливали государственную реорганизацію, но она не вытекала изъ нихъ сама собою. Не личная инициатива и не историческіе прецеденты вызвали эту реформу, хотя тотъ и другой элементъ въ ней соединились; ее вызвали текуція потребности минуты, въ свою очередь созданныя и личной инициативой и историческими прецедентами» (стр. 545).

Нечего, конечно, говорить о томъ, что трудъ П. Н. Миллюкова является очень цѣннымъ вкладомъ въ историческую литературу. Читателя, интересующагося критической оцѣнкой, отсылаю къ рецензіямъ: Безобразова въ «Русскомъ Обзорѣніи». 1892 г., апрѣль; Сторожева—въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», 1892 г., январь; Д.—въ «Вѣстникѣ Европы», 1892 г., августъ; см. также: отвѣтъ Миллюкова—«Русская Мысль», 1892 г., сентябрь; рецензію проф. Дьяконова на «Спорные вопросы»—въ «Ж. М. Н. П.», 1893 г., ч. 288, іюль; замѣчанія г. Прѣснякова—въ Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ, 1901 г., томъ VI, книга 3, стр. 301—317. Второе издание перепечатано съ перваго безъ перемѣнъ. Съ внѣшней стороны книга издана вполне удовлетворительно.

М. К.

Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ Н. Булича. Часть вторая. Спб. 1904.

Въ одной изъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ мы дали отзывъ о первой части труда покойнаго профессора Булича, гдѣ, между прочимъ, указали на отличительную особенность его отъ исторій нашихъ университетовъ, составляющихся обыкновенно къ извѣстному юбилейному году по шаблонному трафарету и изображающихъ жизнь университета за извѣстный періодъ времени. Разсказы, собранные г. Буличемъ въ книгѣ «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», не составляютъ исторіи университета въ полномъ смыслѣ этого слова,—они даютъ лишь матеріалъ для будущаго историка его, но матеріалъ не сухой, безцвѣтный, а разносторонній, выхваченный изъ самой университетской жизни. Книга г. Булича—это книга университетскихъ преданій: о старыхъ профессорахъ, о внѣшней обстановкѣ университета и вообще о состояніи науки въ далекомъ провинціальномъ городѣ, не лишенномъ чисто восточнаго характера. Книга притомъ съ очень широкимъ размахомъ; она даетъ массу фактическихъ данныхъ, важныхъ какъ для историка университета, такъ и для всякаго изслѣдователя русской общественности.

Весь матеріалъ, разбросанный авторомъ въ восемнадцать длинныхъ главъ, укладывается въ три основныхъ рубрики: характеристики профессоровъ, обзорѣніе прошлаго университетской науки и обрисовка умственнаго и нравственнаго уровня прежней молодежи.

Во второй части книги г. Булича, которая собственно и интересуется насъ въ настоящій моментъ, говорится преимущественно о профессорахъ-иностранцахъ, приглашенныхъ въ университетъ Румовскимъ. На многихъ изъ нихъ почтенный авторъ останавливается очень долго. Такъ, онъ даетъ обстоятельную характеристику математика Каспара-Фридриха Реннера (1780—1816), зарекомендовавшего себя въ течение своего восьмилѣтняго служенія университету строгимъ ученымъ. Лекціи свои этотъ глубокообразованный профессоръ читалъ на изящномъ французскомъ языкѣ, что и привлекало къ нему слушателей; изъ его учениковъ вышли профессора Лобачевскій и Симоновъ.

Любопытенъ также и приводимый въ книгѣ пересказъ автобіографіи физика Франца-Ксаверія Броннера (1758—1850). Какъ извѣстно, Броннеръ былъ сначала хористомъ іезуитской коллегіи въ Деллингенѣ, а затѣмъ, подъ именемъ Бонифація, сдѣлался бенедиктинскимъ монахомъ и посвятилъ себя изученію физики, механики, математики и другихъ наукъ; впоследствии онъ бѣжалъ подъ именемъ Іоанна Винфрида въ Цюрихъ, былъ тамъ нотнымъ наборщикомъ, издалъ тогда же «Fischergedichte und Erzählungen» (Цюрихъ, 1787—1794, три тома) и свою трехтомную «Биографію» (1795—1797 и другое изданіе 1810); вскорѣ опять возвратился къ монастырской жизни въ Аугсбургъ, но и отсюда бѣжалъ въ Аарау, гдѣ окончательно занялся преподаваніемъ естественныхъ наукъ. Въ Россію Броннеръ прибылъ въ 1810 году и тотчасъ же поступилъ въ Казанскій университетъ; читалъ онъ теоретическую и опытную физику, устроилъ при университетѣ физическій кабинетъ, впоследствии былъ директоромъ педагогическаго института и инспекторомъ студентовъ. Подъ конецъ жизни Броннеръ вернулся въ Аарау, принялъ протестантство и былъ назначенъ правительственнымъ секретаремъ, архивариусомъ и библіотекаремъ.

Немало мѣста удѣлилъ Н. Буличъ въ своей книгѣ и другимъ лекторамъ. Упомянемъ: юриста Іоганна-Христофора Финке (1773—1814), читавшаго естественное право по-латыни, слѣдуя своему учебнику, написанному на нѣмецкомъ языкѣ; юриста же барона Егора Васильевича Врангеля (1784—1841), будущаго инспектора училища правовѣдѣнія; извѣстнаго популяризатора астрономіи профессора Іосифа-Іоганна Литтрова (1781—1840), бывшаго потомъ директоромъ вѣнской обсерваторіи, и знаменитаго терапевта Іоганна-Фридриха Эрсмана (1778—1846), который объѣхалъ въ качествѣ школьнаго врача-обозрѣвателя нѣсколько русскихъ губерній и среди своихъ спеціальныхъ трудовъ оставилъ оригинальнѣйшее сочиненіе «Schreibekunst in ihrer höchsten Vereinfachung», гдѣ предлагалъ въ видахъ экономіи времени и мѣста буквы замѣнить точками и штрихами.

Профессорамъ, назначеннымъ Румовскимъ въ послѣдніе два года жизни, Н. Буличъ отводитъ особую главу. Здѣсь идетъ рѣчь объ историкѣ Ив. Гр. Томасѣ, хирургѣ Ад. Ив. Арнольдѣ, адъютантѣ врачебнаго вѣдѣнія Іос.-Хр. Ренардѣ, технологѣ Фил. Леонт. Брейтенбахѣ, философѣ Алекс. Стен. Лубкинѣ и профессорѣ краснорѣчія Г. Н. Городчаниновѣ. Характеристика этихъ профессоровъ цѣнны уже потому, что свѣдѣнія о нихъ въ русской печати появляются чуть ли не впервые, если не считать, конечно, коротенькихъ словарныхъ замѣтокъ, и то лишь о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вотъ какой обширный біографическій матеріалъ собранъ въ книгѣ «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета». Матеріалъ этотъ, какъ мы уже замѣтили, очень разнообразенъ и занимательно интересенъ. На точность его положиться безусловно можно, такъ какъ авторъ свои рассказы основывалъ, главнымъ образомъ, на подлинныхъ документахъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгалъ къ личнымъ воспоминаніямъ о пережитомъ въ долгіе годы. Особенную же услугу оказала автору переписка профессора Яковкина съ первымъ университетскимъ попечителемъ, предназначенная профессоромъ Кондыревымъ, исполнявшимъ должность правителя канцеляріи попечителя, къ «преданію огню» и сохранившаяся въ университетскомъ архивѣ совершенно случайно.

Нѣкоторые критики обвиняютъ Н. Булича за допущеніе въ разсказахъ мелочныхъ, зачастую даже чисто интимныхъ подробностей. По нашему же мнѣнію, эти мелочи нисколько не умаляютъ достоинства книги, напротивъ онѣ помогаютъ скорѣе составить опредѣленную характеристику того или другого жреца науки и лучше понять его отношеніе къ ней.

Обозрѣніе самаго уклада университетской жизни у Н. Булича сводится къ разбору дѣятельности университетскаго совѣта, — дѣятельности, достаточно таки безплодной и временами немножко странной. Примѣромъ того, какія оригинальныя и курьезныя дѣла приходилось иногда рѣшать совѣту, можетъ служить дѣло по прошенію жены лектора татарскаго языка Хальфина, Хабибы Искандеровой, «о разныхъ притѣсненіяхъ, чинимыхъ ей мужемъ ея» (1814 г.). При разборѣ этого семейнаго эпизода, совѣтъ смахивалъ немного на магометанскую консисторію.

Суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ. Хабиба Искандерова подала въ совѣтъ прошеніе, гдѣ жаловалась, что мужъ ея послѣ семнадцатилѣтней согласной семейной жизни выгналъ ее изъ дома, предварительно забравъ къ себѣ дѣтей, все имущество и взявъ у нея же заимообразно 42 рубля. Опечаленная женщана просила о возвратѣ ей денегъ и имущества и о выдачѣ пособія на пропитаніе дѣтей или о помѣщеніи ея въ домъ мужа. Выслушавъ это прошеніе, совѣтъ опредѣлилъ препроводить его къ старшему ахуну для разбора по мухамеданскимъ законамъ. Мужъ истицы, узнавъ о такомъ опредѣленіи, съ своей стороны также обратился въ совѣтъ съ просьбою не посылать прошенія къ ахуну, такъ какъ «онъ имѣетъ съ симъ ахуномъ нѣкоторыя дѣла, касающіяся до частной его жизни, и потому почитаетъ его пристрастнымъ къ рѣшенію этого дѣла», и рекомендовалъ послать его къ указанному муллѣ другого прихода. Совѣтъ находился въ затрудненіи, недоумѣвая, какъ ему поступить, и не зная — какъ выражалось опредѣленіе — «насколько совѣту нужно вникать въ сіе и подобныя тому дѣла», а потому и предложилъ профессорамъ юридическаго отдѣленія представить по этому вопросу свое заключеніе. Профессоры Финке и баронъ Врангель прежде всего сослались на п. 9 указа 26 мая 1767 года, гласящій, что «въ дѣла, не принадлежащія до свѣтскихъ правленій, яко то въ женитбы мужей отъ живыхъ женъ и въ выходъ женъ замужъ за другихъ мужей, свѣтскимъ командамъ отнюдь не мѣшаться, а просителямъ объявлять о томъ, чтобъ они били челомъ въ надлежащихъ духовныхъ правительствахъ,

также въ партикулярныя мужей съ женами несогласія не мѣшаться, развѣ какое при томъ произойдетъ грабительство или кража». А отсюда вытекаетъ, что совѣтъ не имѣетъ права входить въ разбирательство дѣла Хальфиныхъ, или предписывать разобрать его чиновникамъ магометанскаго закона. Но, обращая вниманіе на университетскій уставъ, профессора приходили къ другому заключенію. Уставъ даетъ университету собственный судъ и расправу. «Въ случаѣ тяжбы члена или подчиненнаго университету съ какимъ нибудь частнымъ человѣкомъ или обществомъ, дѣло производится въ правленіи университета, если отвѣтчикъ къ нему принадлежитъ... Въ дѣлахъ уголовныхъ правленіе, учиня первоначальное изслѣдованіе, препровождаетъ оное куда слѣдуетъ». Въ результатѣ юристы вывели заключеніе, что правленію принадлежитъ судъ и расправа во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, къ которымъ, по ихъ мнѣнію, принадлежатъ также и дѣла по ссорамъ супружескимъ. «Университетъ,—заканчивали они,—обязанъ не лишать себя правъ, ему дарованныхъ, произвольнымъ толкованіемъ законовъ, но онъ также обязанъ слѣдовать и общимъ законамъ, касающимся сего дѣла». Въ концѣ же концовъ профессора совѣтовали представить и все дѣло и мнѣніе ихъ на разрѣшеніе попечителя.

Интересно, чѣмъ бы это дѣло окончилось, если бы несогласные супруги не явились въ совѣтъ и не объявили бы, «что происшедшій между ними раздоръ они прекращаютъ миролюбивѣмъ и общаются другъ другу оказывать должное супружеское уваженіе».

Нами выхвачено изъ книги Н. Булича лишь одно дѣло, заслушанное въ совѣтѣ, но и его, кажется, достаточно для общей обрисовки его дѣятельности. И, дѣйствительно, по прочтеніи цитируемой книги, получается впечатлѣніе, будто совѣтъ въ большинствѣ случаевъ пробавлялся разными скандальными исторійками. Не лишень, напримѣръ, извѣстной пикантности и возбужденный тамъ же вопросъ о частныхъ долгахъ профессора Германа, личности, вообще, очень любопытной, которой въ книгѣ отводится далеко не послѣднее мѣсто. У этого Германа произошло крупное столкновеніе съ профессоромъ Яковкинымъ, обвинившимъ его передъ Румовскимъ въ «лакомствѣ отъ экзаменуемыхъ».

Самой живой и наиболѣе интересной частью книги можно признать рассказы о преподаваніи профессоровъ-иностранцевъ и о нравахъ старыхъ нашихъ студентовъ. Слѣдуя шагъ за шагомъ за дневниками, которые велись нѣкоторыми изъ профессоровъ, Н. Буличъ изображаетъ наглядную картину печальнаго состоянія науки въ университетѣ и страшной распущенности молодежи. Преподаваніе у многихъ профессоровъ, за рѣдкими исключеніями, хромало очень сильно, лекціи читались кое-какъ, но скучнымъ краткимъ конспектамъ; студенты далеко не всѣ были подготовлены къ пониманію серьезныхъ предметовъ и естественно зачастую не посѣщали лекцій вовсе. Конечно, главная причина неуспѣха преподаванія заключалась въ томъ, что профессора и слушатели не понимали другъ друга, отчего часто возникали даже взаимныя жалобы. Напримѣръ, профессоръ Германъ жаловался на неравенство въ познаніяхъ у своихъ слушателей латинскаго языка, а студенты, съ своей стороны, на то, что съ трудомъ понимаютъ его лекціи. Были даже случаи, когда

профессора нанимали за себя русских лекторов и им поручали преподавание своего предмета. Чего же послѣ этого удивляться, что молодежь вовсе не занималась наукой и, чтобы убить время, предавалась попойкамъ и карточной игрѣ! Распущенность среди студентовъ была ужасная, сдерживать же ее пытались различными «законами», вырабатываемыми нѣмецкими профессорами, привыкшими къ яснымъ и точнымъ формуламъ римскаго права, которое преподавалось ими на лекціяхъ. Правила изъ «законовъ» Финке, приводимыя Н. Буличемъ, невольно вызываютъ у читателя улыбку: они слишкомъ мелочны, двусмысленны и курьезны.

Таково, приблизительно, содержаніе второго тома труда Н. Булича. Безусловно всякій историкъ русской литературы и общественности найдетъ въ немъ достаточно цѣнный матеріалъ. Не можемъ не выразить сожалѣнія, что покойному профессору не удалось довести свой трудъ до конца; онъ обрывается на 1819 году, т.-е. охватываетъ лишь первые пятнадцать лѣтъ жизни университета.

Веге.

Нижегородскій Сборникъ. Спб. 1905.

Русская литература, переживающая очень характерную «эпоху сборниковъ», обогатилась еще однимъ немаловажнымъ приобретениемъ: товарищество «Знаніе» издало новый сборникъ, чрезвычайно интересный и разнообразный по своему содержанію; весь доходъ съ изданія «поступаетъ на устройство общезжитія для учительскихъ дѣтей» при «Обществѣ взаимопомощи учащихся Нижегородской губерніи». Успѣхъ «Сборника» въ публикѣ не подлежитъ сомнѣнію; за это ручаются имена Максима Горькаго и Леонида Андреева, давшихъ для книжки нѣсколько своихъ произведеній, которыя, конечно, и являются «гвоздемъ» Сборника.

Первыя страницы посвящены А. П. Чехову; нельзя не поблагодарить издателей за мысль помѣстить небольшое письмо покойнаго писателя въ началѣ книги; это даже не письмо, а записка, въ которой А. П. Чеховъ выражаетъ согласіе принять участіе въ Сборникѣ; но записка эта лучше многихъ разсужденій рисуетъ намъ душу поэта: «Будьте добры,—пишетъ Чеховъ между прочимъ,—передать всѣмъ подписавшимся мою глубокую благодарность и согласіе. Если позволить здоровье, то разскажъ я напишу и пришлю». И вслѣдъ за этимъ мы находимъ въ книжкѣ чрезвычайно интересные «отрывки изъ воспоминаній» о Чеховѣ М. Горькаго. Эти «отрывки», несомнѣнно, должны быть приняты во вниманіе біографомъ Антона Павловича; здѣсь мы видимъ и мечты его объ идеальной постановкѣ народнаго образованія, которому Чеховъ придавалъ всегда громадное значеніе; видимъ здѣсь и глубокое сочувствіе къ людямъ, трудящимся на этомъ нелегкомъ поприщѣ: «Учитель долженъ быть артистъ, художникъ, горячо влюбленный въ свое дѣло, а у насъ—это черно-рабочій, плохо образованный человекъ, который... голоденъ, забитъ, заугавъ въ возможность потерять кусокъ хлѣба».. Сколько правды и какая горечь въ этихъ словахъ: «Такая нелѣпая, неуклюжая страна—эта наша Россія». «Въ Россіи честный человекъ—что-то въ родѣ трубочиста, которымъ няньки шу-

гаютъ маленькихъ дѣтей»... Пошлость во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ находила въ Чеховѣ строгаго судью; подѣ влияніемъ его гуманной ироніи многимъ приходилось задуматься надъ своей жизнью и дѣятельностью. Весьма характерны разговоры Чехова съ праздными посѣтителями. Не менѣе интересенъ, напримѣръ, отзывъ его о «серіозныхъ» отдѣлахъ толстыхъ журналовъ: «Вы не читайте этихъ статей. Это же дружеская литература... Ее сочиняютъ гг. Красновъ, Черновъ и Вѣловъ. Одинъ напишетъ статью, другой возразить, а третій примиряетъ противорѣчія первыхъ. Похоже, какъ будто они въ винтъ съ болваномъ играютъ»... Да, А. П. Чеховъ былъ непримиримымъ врагомъ пошлости. «И пошлость за это отомстила ему скверненькой выходкой, положивъ его трутъ—трутъ поэта—въ вагонъ «для перевозки свѣжихъ устрицъ». Сборникъ даетъ матеріалъ для біографіи и другого художника слова: Ч. Вѣтринскій помѣстилъ въ немъ статью «В. Г. Короленко въ Нижнемъ», а С. Протопоновъ— «Замѣтки о В. Г. Короленко». Самъ Короленко далъ очень интересный очеркъ «изъ дорожнаго альбома»—«Божій Городокъ»; это древнее кладбище около Арзамаса, возникшее въ одну изъ смутныхъ эпохъ, которыми такъ богата исторія нашей многострадальной Руси; съ нимъ, съ этимъ «Божьимъ Городкомъ», связаны у народа воспоминанія о давнишней борьбѣ за свободу: эти могилы, по словамъ мѣстнаго старожила, «какъ Пугачевъ ходилъ, пожалуй, уже стояли», и преданіе возводитъ ихъ возникновеніе ко времени Степана Тимоѣевича Разина, когда «совѣсть народа колебалась и смущалась», когда «въ застѣнкахъ лилась далеко не одна только виновная кровь»...

Перу М. Горькаго, кромѣ воспоминаній о Чеховѣ, принадлежатъ въ Сборникѣ еще четыре разсказа, изъ которыхъ, по нашему мнѣнію, на первый планъ нужно поставить его «Идиллію»: здѣсь ярко обрисованы типы «Филимона и Бавкиды» новѣйшаго времени: это—чета мелкихъ торгашей, промышляющихъ не только торговлей, но и ростовщичествомъ, ради своихъ дѣтей, студента и курсистки-медички; писатель на нѣсколькихъ страничкахъ въ высшей степени рельефно изображаетъ психологію этихъ супруговъ; читатель ясно видитъ ихъ души съ ихъ очень характерной религіозностью, не мѣшающей имъ брать въ закладъ чужую «благословенную икону» въ серебряной ризѣ, «рублей въ восемь цѣною»; съ ихъ эгоистической любовью къ сыну и дочери, которые, неизвѣстно еще, поблагодарятъ ли ихъ въ будущемъ за имя дѣтей ростовщика. И эти люди вовсе не злодѣи—они порожденіе всего общественнаго строя... «Идиллія, несомнѣнно, взята прямо изъ жизни, какъ взяты изъ жизни и разсказецъ «Дѣвочка», вызванный, по указанію самого М. Горькаго, разсказомъ г-жи Пустынниковой—«Дунька». Разсказъ «Вода и ея значеніе въ природѣ и жизни человѣка» напоминаетъ юмористическіе разсказы Чехова. Съ интересомъ читаются въ Сборникѣ разсказы «Мелькомъ» и «Бень-Товитъ» Л. Андреева; но его «Марсельеза» гораздо ниже по художественности. А жаль! Идея прекрасна, но вредитъ исполненіе, сбивающееся на декадентскую туманность. Нужно отмѣтить еще нѣсколько вещей въ Сборникѣ: С. Елеонскаго—«Подпасокъ», А. Петрицева—«Первый экзаменъ», рисующія драму дѣтской души: въ первомъ случаѣ—пастуха-мальчика, упустившаго стадо во владѣнія помѣщика и только самоубійствомъ спасшаго деревню отъ уплаты большого штрафа;

во второмъ—интеллигентнаго мальчика-еврея, «срѣзавшагося» на экзаменѣ, который открываетъ ребенку роковое для его жизни обстоятельство — его иудейское происхождение...

Помимо беллетристическихъ произведеній и стихотвореній, изъ которыхъ останавливаетъ на себѣ вниманіе «Памяти Чернышевскаго» г. Тана и «Смерть орла» г. П. Я., читатель найдетъ въ Сборникѣ и нѣсколько научно-популярныхъ статей и воспоминаній: П. Боборыкина—«Учитель», П. Дубовской—«Народная школа во Франціи», Н. Мировича—«Новая попытка соціально-воспитательной реформы во Франціи», Н. Бунакова—«Рано погибшій талантъ» (изъ жизни деревенскаго театра), С. Платонова—«Савва Ефимьевъ», г. Кизеветтера—«Въ ожиданіи юбилея крестьянской реформы 1861 г.» и др. Изъ этого перечня можно уже судить о характерѣ всего Сборника. Несомнѣнно, что и историкъ литературы и будущій историкъ нашего времени должны будутъ отмѣтить «Нижегородскій Сборникъ», какъ фактъ немаловажный и до извѣстной степени характерный среди другихъ явленій нашей жизни. Я. Ав—въ.

А. Амфитеатровъ. Литературный альбомъ.

За исключеніемъ ни для кого рѣшительно не интересныхъ статей: «Умеръ ли талантъ?» (IV), «Гимназическій журналъ» (VII), «О передѣлкахъ» (X), неизвѣстно зачѣмъ попавшихъ въ эту книгу, «Литературный альбомъ» читается съ удовольствіемъ. Одинъ изъ лучшихъ литературно-критическихъ этюдовъ посвященъ Максиму Горькому («Вопль» и «На двѣ»). Очень удачно нарисована картинка соннаго царства всероссійской «мѣщанской палестины», которая ничто не могло потревожить, и которое нарушилъ внезапно промчавшійся, потрясающій Вопль: вмѣсто сонныхъ грезъ и больныхъ сновъ люди увидѣли вдругъ «правду жизни» и услышали «гимны безумства храбрыхъ»... «Нарушеніе общественной тишины, безобразіе, распущенность, неуваженіе къ чужому спокойствію... Городовой!»—кричатъ самодовольные и законопачиваютъ свои уши ватой. Но поздно: «совѣсть пришла», и не укрыться отъ нея изящнымъ, богатымъ, мудрымъ и образованнымъ... Авторъ проводитъ параллель между драмой Горькаго «На двѣ» и «Лагеремъ Валленштейна» Шиллера, который вообще своимъ горячимъ соціальнымъ протестомъ напоминаетъ ему нашего «пѣвца босяковъ»... Дѣйствительно, философія обитателей Костылевской ночлежки близка и родственна вооруженному пролетариату эпохи Тридцатилѣтней войны. «Надо собственность дать человѣку, — иначе станетъ онъ рѣзать и жечь», «жилъ я на волѣ, — умру я на волѣ», «я быть человѣкомъ хочу — и не позволю себя оболванить» — развѣ эти и другія выраженія изъ пѣсенки фридляндскаго вахмистра не напоминаютъ издѣвательствъ Васки Пепла надъ Клецомъ, Сатина надъ мечтами актера о честномъ и трезвомъ трудѣ?... «Солдатъ» «Лагеря Валленштейна» это тоже «никудышникъ», «голый человѣкъ», гордый своей свободой, — его единственное достояніе: «Нѣтъ у солдата родимаго крова, нѣтъ у него своего очага; быстро его пробѣгаетъ нога мимо приманокъ жилья городского и деревенскихъ зеленыхъ

луговъ»... Но зато: «Нѣтъ воли на свѣтѣ! Владыка казнить рабовъ безотвѣтно послушныхъ: притворство, обманъ и коварство царить надъ сонмомъ людей малодушныхъ. Кто смерти безтрепетно выдержитъ взглядъ?—Одинъ онъ лишь воленъ... А кто онъ? — Солдатъ»... «Солдатъ» это звучитъ такъ же гордо, какъ и «человѣкъ»: оба они «выше сытости» и страха смерти, ибо потеряли трудовую цѣну жизни, отринули ея внѣшнія блага и красоты, данныя культурой. Г. Амфитеатровъ справедливо недоумѣваетъ, какимъ образомъ могла публика, а за нею и критика, принять Луку за типъ положительный; какимъ образомъ его «ложь во спасенье», «ложь съ благонамѣренной цѣлью» была понята такъ превратно... Лука,—говоритъ онъ,—это убѣжденный и типическій представитель цивилизаціи, сознательно примирившійся съ ея условностью: «тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ» — это про него сказано; «во что вѣришь, то и есть»,—это онъ самъ про себя сказалъ. Самъ Горькій, быть можетъ, и неожиданно для себя написалъ язвительную сатиру на этотъ пресловутый «возвышающій обманъ». Достаточно обратить вниманіе на практическія послѣдствія проповѣди Луки: если въ убійствѣ старика Костылева, гибели Васьки Пепла и Наташи Лука сыгралъ только роль случайнаго повода, то въ самоубійствѣ актера и отчаяніи Насти онъ — прямая причина. Не даромъ этотъ «проповѣдникъ» о праведной землѣ весьма недвусмысленно удираетъ при первомъ же «постороннемъ шумѣ» отъ полиціи. По поводу замѣтки о пьесѣ «На дѣѣ» нужно отмѣтить еще стремленіе автора отвергнуть несомнѣтельныя обвиненія Горькаго въ пристрастіи къ грязнымъ людямъ и картинамъ. Ничего подобнаго, какъ справедливо доказано, нѣтъ у Горькаго, который, по его собственнымъ словамъ, «никогда развратникомъ не былъ» и потому на «размазыванье амуровъ» — не мастеръ.

Послѣдняго предмета авторъ касается еще разъ въ статейкѣ «Леонидъ Андреевъ и графиня Толстая». Конечно, авторъ смѣется надъ обвиненіями молодого писателя въ «порнографіи», «безнравственности» и проч. послѣ всего, что мы читали у Золя, Мопассана, Достоевскаго, Писемскаго, Лѣскова, Салова, у самого Толстого, котораго, надо полагать, графиня читала. Л. Андреевъ вовсе не «эротоманъ», а просто писатель, отдающій дань молодому волненію въ крови, волѣ чувственности, которой онъ самъ стыдится, видя въ ней стихійное насиліе надъ человѣческой свободой. Настроеніе это свойственно далеко не одному Л. Андрееву, и вотъ чѣмъ объясняется шумный успѣхъ его среди молодежи. Лицемернымъ же проповѣдникамъ морали авторъ совѣтуетъ почаще повторять въ умѣ своемъ нравоучительный монологъ, прочитанный горничной Дориной Тартюфу. Впрочемъ, по мнѣнію автора, не одно общество виновно въ увлеченіи сценами сладострастія и ужаса, которыя «смакуетъ» Л. Андреевъ: обезволенное и обездоленное, оно неудержимо становится эгонстическимъ и эротическимъ, стремится къ «художественной жестокости».

Въ замѣткѣ «Двѣсти лѣтъ» авторъ говоритъ о томъ недоумѣніи, въ которое повергъ его слухъ о предстоящемъ (теперь уже «состоявшемся») «празднованіи» 200-лѣтія печати... Передъ глазами автора мелькаютъ печальныя тѣни... Не разъ битый и лъстивый Тредьяковскій, спившійся Ломоносовъ, пытаемый Шешковскимъ Княжнинъ, исханжившійся, лицемерный, но великій

сатирикъ Фюавизинъ, Радищевъ, «русскій Мирабо, похвавшій въ Сибирь»... Шишковъ, Голицынъ, Фотій, Магницкій, Руничъ... повѣшенный Рылѣевъ, за-
 травленный и убитый Пушкинъ, послѣдовавшій за нимъ Лермонтовъ, полу-
 безумный Гоголь, сжигающій «Мертвыя души», пострадавшій за него Турге-
 невъ; заморенный, гонимый Бѣлинскій, испношлвшійся Полевой... Бутурлин-
 скій комитетъ... Фрейгангъ, который «устааетъ марать»... Достоевскій въ
 «Мертвомъ Домѣ», Герценъ, Добролюбовъ, котораго только ранняя чахотка
 спасла отъ грозной судьбы Чернышевскаго... Рядъ талантовъ, спившихся съ
 круга отъ разлада съ жизнью, отъ безсилья приложить къ ней свои силы:
 Григорьевъ, Мей, Помяловскій, Рѣшетниковъ, Якушкинъ, Левитовъ. Далѣе—
 Гаршинъ, Надсонъ, Салтыковъ, «отлученный» Левъ Толстой, сумасшедшій
 Глѣбъ Успенскій... Что же собственно «праздновать»?... Остается одинъ лите-
 раторъ: Петръ Великій, «первый и послѣдній русскій журналистъ, имѣвшій
 возможность вполне независимо выражать общественную мысль вѣка». Этюдъ:
 «Русскій литераторъ и римскій императоръ», констатируетъ склонность г. Ме-
 режковскаго *prendre son bien, où il le trouve*, и «слабость его забывать затѣмъ
 объ источникахъ, имъ облагодѣтельствованныхъ». Оказывается, многія мѣста
 романа «Юліанъ Отступникъ» не только заимствованы, но даже дословно пе-
 реведены изъ этихъ «источниковъ». Такъ мѣсто изъ VI главы второй части о
 соборѣ взято изъ XXI главы второго тома «History of the decline and fall of the
 Roman Empire». Авторъ обвиняетъ г. Мережковскаго, кромѣ того, въ склонно-
 сти понимать историческіе факты, не какъ написано, а «какъ хочу, такъ и по-
 нимаю». «Сказка объ увертливомъ Снигирѣ и снисходительномъ Ястребѣ» еще
 разъ рисуется—теперь въ поэтическихъ образахъ—картину полного безправія,
 которое тяготѣетъ надъ русской печатью. Ничто не спасло отъ смерти бѣднаго
 Снигиря, а ужъ онъ ли не осторожно пѣлъ?!.. Въ итогъ—осталось неизвѣст-
 нымъ, кѣмъ же, въ концѣ концовъ, прожилъ вѣкъ этотъ Снигирь. «Анархи-
 стомъ? Лакеемъ? Или... только несчастнымъ, захудалымъ, самопризнающимся
 «ничего»?!

Въ заключеніе отмѣтимъ то, что является наиболѣе любопытнымъ для насъ
 въ настоящій моментъ,—въ послѣдней замѣткѣ «Альбома»: «0 декабристѣ
 Волконскомъ и романѣ «Война и миръ». Говоря о войнахъ 1800—1814 гг.,
 авторъ приводитъ безотрадныя характеристики и сцены изъ «Записокъ де-
 кабриста С. Г. Волконскаго», такъ напоминающія намъ многое, отъ чего до
 сихъ поръ намъ стыдно и больно. Конецъ «отечественной войны», какъ из-
 вѣстно, былъ очень печальный. Русскій народъ, спасшій государство отъ ги-
 бели, отъ политическаго порабощенія, освободившій цѣлую Европу отъ воен-
 наго авантюриста, «для себя самого спасъ только ненавистное крѣпостное
 право, подвигами своими только закабалилъ себя еще на 50 лѣтъ впередъ»...
 Послѣ побѣды Россіи крѣпостное право еще болѣе ожесточилось и огрубѣло,
 и 1820-е годы сплошь полны ужасами помѣщичьяго произвола. Вотъ что
 приобрѣлъ русскій народъ, спасшій «честь отечества»... А между тѣмъ всѣмъ
 было извѣстно, что «Наполеонъ, уничтоженный этими мужиками, несъ имъ
 свободу отъ крѣпостной зависимости»... Необходимы были тысячи жизней, на-
 чина съ декабристовъ и кончая Севастопольскимъ погромомъ, чтобы уничто-

жить результаты «побѣдоносной» отечественной войны. Возобновляя въ памяти все это, невольно соглашаешься съ Токвилемъ, что исторія — это картинная галлерей, въ которой очень много копій и очень мало оригиналовъ...

А. Ев—ховъ.

Елисавета Дьяконова. Дневникъ на высшихъ женскихъ курсахъ. Дневникъ русской женщины. Спб. 1905.

Оба дневника г-жи Дьяконовой касаются ея жизни на Бестужевскихъ курсахъ въ С.-Петербургѣ и затѣмъ въ Парижѣ на юридическомъ факультетѣ Сорбоннскаго университета. Если интересъ всякаго дневника заключается не столько въ изображеніи событій, сколько въ томъ, какъ авторъ переживалъ ихъ собственной душой, то дневники г-жи Дьяконовой богаты и фактическимъ матеріаломъ, и внутренней работой писательской души. Но въ какой мѣрѣ, положимъ, дневникъ Башкирцевой проникнутъ самолюбованіемъ и рисовкой, въ той же мѣрѣ «дневники» Елисаветы Дьяконовой исполнены прямоты и строгого отношенія автора къ себѣ самой.

Ея рѣзкость по отношенію другихъ выразилась только въ изображеніи лживаго и безсердечнаго характера ея матери, всячески препятствовавшей дочери учиться и ѣхать въ Петербургъ. Тѣмъ не менѣе, послѣдняя, получивъ съ курсовъ отказъ въ пріемъ, добралась до столицы и пошла въ канцелярію высшихъ женскихъ курсовъ хлопотать вновь о своемъ поступленіи на нихъ. Свой визитъ она описываетъ такъ:

«Молодой человѣкъ сидѣлъ у письменнаго стола и писалъ. Онъ весело и любовно освѣдомился, кто я такая, и узнавъ, какъ меня зовутъ, воскликнулъ: «А, это вы! Знаете ли, у насъ изъ-за васъ возникло цѣлое дѣло». Я съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.—«Дѣло въ томъ, что вы были приняты»...—«Позвольте, какъ же это?—прервала я его:—20-го числа я получила бумагу съ отказомъ».—«Вотъ именно. А между тѣмъ вы были приняты, и вамъ послана повѣстка 9-го августа. Но мы получили письмо отъ вашей матери: она перехватила эту повѣстку и написала намъ, чтобы директоръ не принималъ васъ, потому что она, вслѣдствіе разныхъ домашнихъ обстоятельствъ, запрещаетъ вамъ поступать на курсы. Тогда мы выслали вамъ бумаги обратно, съ отказомъ». Я слушала молча... мнѣ нужно было сохранить приличное спокойствіе, надо было собрать всю силу воли, чтобы на лицѣ не было замѣтно того, что происходило у меня на душѣ. А между тѣмъ... о Боже мой! Страшное негодованіе на низкій поступокъ матери, на ея безсердечіе, казалось, лишило меня способности соображать и думать. А-а! Такъ вотъ какъ! Да! вѣдь это ея манера дѣйствовать изъ-за угла, потихоньку наносить ударъ тогда, когда его меньше всего ожидаютъ. Ну, что же? Вѣдь я знаю свою мать настолько, что должна была ожидать и этого, но все-таки ударъ былъ неожиданнымъ».

Она идетъ къ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, М. Н. Капустину, и тотъ проситъ у нея позволенія самому написать ея матери о томъ, чтобы она разрѣшила дочери поступить на курсы.

— «Ваше превосходительство, я не могу жить здѣсь такъ долго; къ тому же это все равно бесполезно; въ силу разъ установившихся предразсудковъ она не сдастся ни на чьи просьбы»...—«Гм... но все-таки я напишу, а она пусть отвѣтитъ мнѣ телеграммой. Надо ждать до субботы».—«Ваше превосходительство, все равно это бесполезно,—сказала я. — Если вы не примете меня здѣсь—я уѣду въ Швейцарію, мнѣ ничего болѣе не осталось»,—говорила я, и голосъ мой зазвенѣлъ, въ немъ слышалась энергія отчаянія: я чувствовала въ себѣ силу, защищая свое право.—«О, какая же вы самостоятельная!»—удивился попечитель.—«Позвольте,—вдругъ вспомнилъ онъ.—Знаете ли, что и въ медицинскій институтъ должны поступать съ позволенія родителей; я сейчасъ покажу вамъ правила». — «Неправда, ваше превосходительство, достигшія 21 года принимаются безъ позволенія родителей»,—быстро отвѣтила я, совѣмъ забывъ, съ кѣмъ я говорю. — «Не можетъ быть, я покажу вамъ правила». Онъ вошелъ въ кабинетъ и вынесъ оттуда книжку. Въ дверяхъ стояли три господина въ синихъ фракахъ, которые вышли изъ кабинета и молча смотрѣли на эту сцену. Его превосходительство быстро прочелъ параграфъ и вдругъ заинулся: «лица, не достигшія 21 года, должны предъявлять позволеніе родителей». — «Гм... вы правы... да... до 21 года... Такой рѣдкій, исключительный случай»... Онъ былъ озадаченъ и, очевидно, самъ растерялся, не зная, что со мною дѣлать. Онъ усадилъ меня у окна въ кресло; самъ сѣлъ напротивъ. «Разскажите мнѣ, кто вы такая?» Въ краткихъ словахъ разсказала я ему о моей семьѣ. Онъ удивился: «да откуда же вы такая самостоятельная?»

— «У меня есть средства послѣ отца, и поэтому я поѣду за границу, если меня здѣсь не примутъ». — «Извините, но который вамъ годъ?»—«15-го августа мнѣ исполнится 21 годъ».—«Скажите! Каково нынѣшнее молодое поколѣніе,—обратился попечитель къ господамъ, неподвижно стоявшимъ все время у дверей.—Такъ и рвется къ образованію. Намъ, старикамъ, стыдно. Ну, хорошо; я поговорю о васъ съ министромъ; приходите завтра, постараюсь сдѣлать, что могу»...—добродушно проговорилъ попечитель, ласково беря меня за руку.—«Ваше превосходительство»... я не могла болѣе сказать ни слова, и слезы такъ и хлынули изъ глазъ.—«Ну, ну, успокойтесь, приходите завтра»,—проговорилъ онъ, провожая меня въ переднюю.

На слѣдующій день Капустинъ, принявъ ее у себя въ кабинетъ, подаль ей бумагу.

«Я удивилась, развернула бумагу; тамъ было написано: «Г-ну директору высшихъ женскихъ курсовъ. Съ согласія его сіятельства, господина министра, разрѣшаю принять въ число слушательницъ, съ помѣщеніемъ въ интернатъ». — «Такъ меня примутъ?»—радостно воскликнула я. — «Да, да, ваше желаніе мнѣ очень симпатично». — «О, ваше превосходительство, какъ я вамъ благодарна, — сказала я, и слезы невольно показались на глазахъ. — Боже мой! Какъ я вамъ благодарна! Но (я вспомнила характеръ моей мамы) извините... если моя мать напишетъ вамъ рѣзкое письмо... Вы не разсердитесь на меня и не велите исключить?»—взволнованно заговорила я. — «Ну, мало ли я получалъ въ жизни рѣзкихъ писемъ, — спокойно и добродушно отвѣтилъ прекрасный

старикъ.— Не беспокойтесь, конечно, васъ не исключать». Говоря это, онъ двигался взадъ и впередъ по комнатѣ и разбирался на столѣ, не глядя на меня, точно онъ старался не замѣчать выражений благодарности, точно онъ хотѣлъ, чтобы ктонибудь зналъ о томъ, что онъ поступилъ хорошо».

Не менѣе благородно переживаетъ она и дальнѣйшія событія, связанные съ ея поступленіемъ на курсы.

«Когда мнѣ рассказали о Капустинѣ, что онъ былъ у насъ на курсахъ, говорилъ съ директоромъ обо мнѣ и рѣшилъ писать мамѣ,—я удивилась благородному характеру и добротѣ этого человѣка. Что я ему? А между тѣмъ онъ столько для меня сдѣлалъ; онъ, человѣкъ занятый, заваленный дѣлами, хотѣлъ писать какой-то неизвѣстной ему дамѣ, мало того, что онъ меня принялъ, онъ хотѣлъ исполнѣе удовлетворить и нравственное чувство. Стою ли я всего, что онъ для меня сдѣлалъ? Въ первый разъ въ жизни встрѣчаю я такого человѣка, въ первый разъ и навѣрно въ послѣдній. Если для меня сдѣлаетъ чтонибудь человѣкъ, исполнѣе мнѣ равный, я буду ему благодарна; если такой, для котораго я чтонибудь сдѣлала,—неудивительно. Но тутъ Капустинъ и я; сравненіе невыносимо. И еще находятся люди, которые утверждаютъ, что благодарность — тяжелое чувство. Я этого не понимаю. Если бы я была обязана человѣку, исполнѣе мнѣ равному, я бы съ нетерпѣніемъ выжидала случая доказать ему свою признательность; теперь — я обязана человѣку, стоящему неизмѣримо выше меня во всѣхъ отношеніяхъ, который никогда не можетъ нуждаться во мнѣ... ну, что же остается, какъ не чувствовать благодарность, глубокую, безпредѣльную признательность, почти благоговѣніе? А могутъ развѣ быть тяжелы такіа чувства—лучшія движенія души человѣческой?»...

Дальнѣйшее пребываніе Дьяконовой на курсахъ: ея отношенія къ товаркамъ, профессорамъ, къ молодежи, къ ученымъ собраніямъ и т. д., воспроизведено ею съ необыкновенно умѣлой формулировкой самыхъ сложныхъ вопросовъ изъ русской жизни и запечатлѣно искреннимъ идеализмомъ.

Уходя съ одного шумнаго собранія, она замѣтила: «Но всѣ эти рѣчи, всѣ споры, всѣ обращенія къ молодежи наводили на мысль: къ нашей молодежи обращаются теперь съ такими же словами, съ какими обращались и десять, и двадцать лѣтъ, и тридцать тому назадъ; тѣ же слова, тѣ же идеалы... почему же, однако, обо всѣхъ этихъ прекрасныхъ идеяхъ говорятъ и до сихъ поръ, какъ будто онѣ въ жизнь не проводятся? Вѣдь прежняя молодежь, по выходѣ изъ университета, должна была бы дружно стремиться къ ихъ осуществленію? Или молодежь такъ скоро отказывается отъ юношескихъ убѣжденій по окончаніи курса? Вотъ на эту мою мысль и отвѣтилъ одинъ симпатичный ораторъ, который напомнилъ молодежи, чтобы она увлекалась этими идеями не только въ стѣнахъ заведенія, но и въ жизни проводила ихъ, не страшась страданій».

Критика уже отмѣтила въ дневникѣ Дьяконовой также благородную черту въ томъ, что большая строгость къ себѣ у нея уживается рядомъ съ большой деликатностью въ отзывѣхъ о другихъ; имена профессоровъ, которымъ она была обязана тѣми или другими сторонами своего развитія, произносятся ею съ чувствомъ неизмѣннаго уваженія; даже о дѣятеляхъ, явно не симпатичныхъ ей, она не позволяетъ себѣ на страницахъ дневника легкомысленнаго или рѣз-

каго отзыва. Подобную чергу тѣмъ пріятнѣ встрѣтити въ произведеніи молодой курсистки, что по натурѣ она была увлекающаяся и порывистая дѣвушка.

Что касается парижскаго дневника Дьяконовой, то въ немъ живо изображено французское студенчество, наши соотечественники за границей, а главное ея личный романъ безъ взаимности. На курсахъ въ Россіи она не могла увлечься вульгарными и невоспитанными типами современнаго студенчества. Кромѣ того, научныя занятія отвлекли ея чувства въ сторону отъ общественной жизни. Но чѣмъ болѣе отдалялась ея личная жизнь, тѣмъ съ большей силой она предъявила къ ней свои права, когда ей понравился въ Парижѣ докторъ Lenselet. Но и эта платоническая страсть рисуеть намъ еще болѣе благородный и мечтательный типъ дѣвушки, встрѣчающійся все рѣже и рѣже въ наше время.

Настроенная въ духѣ Татьяны изъ «Онягина», она импровизируетъ свое объясненіе съ докторомъ въ слѣдующемъ видѣ:

— «Я сказала бы ему: полюби мою родину, поидемъ вмѣстѣ работать туда.

«И мы вернулись бы въ Россію; я стала бы учить его по-русски, онъ сдалъ бы государственный экзамень, и мы поселились бы въ одной изъ деревень родной Костромской губерніи. Онъ лѣчилъ бы крестьянъ, я оказывала бы имъ юридическую помощь...

«Мы прожили бы всю жизнь и ушли бы изъ этого міра съ сознаниемъ исполненнаго долга, какъ усталые работники, заслуживающіе отдыхъ и покой... И, быть можетъ, какъ послѣднее слово счастья, смерть пришла бы къ намъ одновременно.

«А въ народѣ осталась бы добрая память о томъ, какъ иностранецъ полюбилъ русскую и покинулъ свою прекрасную Францію и пошелъ за ней въ холодъ, снѣга ея родины, утѣшать несчастныхъ и помогать имъ»...

Но мечты Дьяконовой «онародиться» вмѣстѣ съ любимымъ человѣкомъ и одухотворить общественнымъ идеаломъ свою личную жизнь разбились въ тотъ моментъ, когда Дьяконова убѣдилась, что ея герой въ отношеніи женщинъ «такой же, какъ и всѣ французы».

На самомъ нѣжномъ и сильнѣйшемъ чувствѣ были подорваны ея силы къ жизни, и она покончила съ собой самоубійствомъ. Если правъ Л. Н. Толстой, когда говоритъ, что «писатель дорогъ и нуженъ намъ только въ той мѣрѣ, въ которой онъ открываетъ намъ внутреннюю работу души», то оба дневника г-жи Дьяконовой, независимо отъ фактическаго матеріала объ умственной жизни русской молодежи, знакомятъ насъ съ оригинальной, идеалистически настроенной женской душой, полной мудрости и страданій... А. Фарсовъ.

Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга VI. Владимиръ. 1905.

Шестой томъ «Трудовъ Владимирской ученой архивной комиссіи» столь же богатъ по содержанію и такъ же прекрасно изданъ, какъ и всѣ предыдущіе ихъ томы.

Въ первомъ отдѣлѣ его, носящемъ названіе: «сообщенія», находимъ рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ наиболѣе крупными являются: «Свѣдѣнія о жизни архимандрита Переславскаго Данилова монастыря Григорія Неронова»—протоіерея А. И. Свирѣлина; «Памятники древне-русской гражданской архитектуры во Владимирской губерніи»—А. А. Потапова; «Архимандритъ Гавріиль»—А. В. Смирнова; «Художникъ Сальваторъ Тончи (матеріалы для его біографіи)»—А. В. Селиванова, и др.

Протоіерей А. И. Свирѣлинъ на основаніи, главнымъ образомъ, сырого матеріала даетъ живую характеристику одного изъ видныхъ защитниковъ раскола, «14 лѣтъ возмущавшаго миръ въ православной церкви Божіей», а, по выраженію протопона Аввакума, «главы всего раскольниковскаго скопища»,—Гавріила-Ивана Неронова, вполнѣдствіи инока и архимандрита Переславскаго Даниловскаго монастыря, Григорія, скончавшагося въ 1670 году.

Уроженецъ нынѣшней Вологодской губерніи, во крещеніи Гавріиль, а родителями прозванный Ивановъ, Нероновъ, «обученный священному писанію», 30-ти лѣтъ отъ роду былъ діакономъ и вскорѣ затѣмъ іереемъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Человѣкъ «праведной жизни», хорошій проповѣдникъ, онъ постоянно выступалъ съ обличеніями священниковъ и мірянъ; навлекалъ на себя гнѣвъ властей, отъ которыхъ долженъ былъ скрываться бѣгствомъ у своихъ «милостивцевъ». Однимъ изъ такихъ «милостивцевъ» былъ царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, чрезъ котораго Нероновъ получилъ даже вліяніе на дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ, начавшееся при патріархѣ Іосифѣ. Но, съ привлеченіемъ къ этому дѣлу кievскихъ ученыхъ и особенно съ поставленіемъ въ патріарха Никона, Нероновъ вступаетъ въ открытую борьбу противъ послѣдняго и является однимъ изъ главарей тогдашнихъ расколуучителей, за чтѣ подвергается суду собора изъ духовенства и ссылкѣ въ отдаленный Кандакскій монастырь. Тогда онъ рѣшается принять постриженіе по православному обряду въ 1656 году, какъ впервые точно устанавливаетъ А. И. Свирѣлинъ, пріобрѣтаетъ покровительство патріарха Никона, но, тѣмъ не менѣе, не перестаетъ ему «всячески дерзить», по своему «неугомонному характеру». По низложеніи Никона, старецъ Григорій (Нероновъ) обратился съ жалобой на русскихъ іерарховъ къ восточнымъ патріархамъ, въ которой описывалъ бывшія съ нимъ бѣдствія, а себя выставлялъ «неповиннымъ страдальцемъ за правду и истину»; былъ ими судимъ за «причастность къ расколу», но, благодаря раскаянію, былъ принятъ ими же въ общеніе съ православною церковью и отправленъ на испытаніе въ Переславскій Даниловскій монастырь. Черезъ годъ чернецу Григорію удается уговорить царя Алексѣя Михайловича, бывшаго въ то время въ Троицкой лаврѣ, дать согласіе на поставленіе его архимандритомъ Даниловскаго монастыря, гдѣ онъ въ 1670 году скончался и погребенъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и надпись на стѣнѣ монастырскаго собора: ...«преставился рабъ Божій обители сея архимандритъ Григорій Нероновъ».

Статья: «Памятники древне-русской гражданской архитектуры во Владимирской губерніи», извлечена изъ большого посмертнаго труда А. А. Потапова—«Очеркъ древней русской гражданской архитектуры», напечатаннаго въ XIX томѣ «Древностей. Трудовъ Московскаго археологическаго общества».

Тутъ описываются «Палаты Андрея Боголюбскаго»; «Святая врата съ палатою и церковью въ бывшемъ Горицкомъ монастырѣ въ Переславлѣ»; «Трапезныя палаты»; «Братскія кельи» въ Переславскомъ Даниловскомъ монастырѣ; кельи въ Успенскомъ монастырѣ въ городѣ Александровѣ; палаты и домъ Шумилина въ Горовцѣ и др.

А. В. Смирновъ, пользуясь неизвѣстными доселѣ рукописями и архивными матеріалами, не только восполняетъ то, что было извѣстно объ архимандритѣ Гавріилѣ (Воскресенскомъ) до перевода его въ 1852 году въ Киренскій монастырь Иркутской епархіи, но даетъ новыя свѣдѣнія и о послѣднихъ 16-ти годахъ жизни и дѣятельности архимандрита Гавріила.

Воспитанникъ Московской духовной академіи, во время прохожденія которой онъ обучалъ, между прочимъ, латинскому языку будущаго знаменитаго историка М. П. Погодина, преподаватель богословскихъ наукъ въ разныхъ семинаріяхъ, впоследствии ректоръ Орловской и Могилевской семинарій, о. Гавріилъ съ 1835 по 1840 годъ читалъ философскія науки въ Казанскомъ университетѣ, а съ 1849 по 1851 годъ—энциклопедію философскихъ наукъ. Къ этому періоду относится и развитіе его научно-литературной дѣятельности. Его «Исторія философіи» въ 6-ти частяхъ (1839 г.) по тогдашнему времени была особенно замѣчательна, такъ какъ включала въ себя и исторію философіи въ Россіи. Интересны также и достойны вниманія его — «Философія правды» (1843 г.), «Историческое описаніе Казанскаго второкласснаго Зилантова монастыря» (1833 г.), «Понятіе о церковномъ правѣ» (1844 г.) и др. ¹⁾

Переведенный «для проученія» недовольнымъ имъ начальствомъ въ 1852 году въ Киревскъ, о. Гавріилъ занялся хозяйственными дѣлами и прежде всего устройствомъ монастыря. Черезъ 10 лѣтъ по просьбѣ, обращенной къ с.-петербургскому митрополиту Исидору, бывшему когда-то ученикомъ о. Гавріила, онъ былъ переведенъ въ третьеклассный Архангельскій монастырь Владимирской епархіи и остался «очень доволенъ этимъ перемѣщеніемъ, тѣмъ болѣе, что, по ходатайству епископа владимирскаго Іустина, ему возстановлено было производство класснаго по степени магистра оклада, въ количествѣ 100 рублей 10 коп. серебромъ въ годъ». Поселившись въ Юрьевѣ, архимандритъ Гавріилъ «рѣшилъ посвятить всѣ свои досуги дѣлу народнаго образованія», открылъ, съ разрѣшенія епископа, воскресную школу для мальчиковъ и взрослыхъ; послѣдняя вскорѣ настолько расширилась, что понадобилось обширное помѣщеніе, которое и было предоставлено уѣзднымъ предводителемъ дворянства, А. А. Калачевымъ, въ его собственной квартирѣ. Захотѣлъ онъ, кромѣ того, преподавать еще въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ исторію, но разрѣшенія духовнаго начальства на то не получилъ.

Скончался архимандритъ Гавріилъ въ 1868 году уже въ Муромскомъ Спаскомъ монастырѣ, гдѣ пребывалъ съ 1867 года.

Благодаря тому, что извѣстный художникъ Сальваторъ Тончи около двухъ лѣтъ (1812—1814) прожилъ въ г. Владимірѣ (одна же изъ дочерей его, Марья

¹⁾ Подробный перечень литературныхъ работъ архимандрита Гавріила приведенъ въ концѣ статьи нашего автора.

Николаевна, полстолѣтія (1848—1890) безвыѣздно прожила въ Переславскомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ) и въ это время написала картину «Крещеніе владимирцевъ», А. В. Селивановъ считаетъ его причастнымъ къ сонму владимирскихъ дѣятелей и собралъ въ своей статьѣ изъ печатныхъ источниковъ все относящееся до времени пребыванія Тончи во Владимирѣ, его картины «Крещеніе владимирцевъ», а также и другихъ, доставшихся отъ его дочери Маріи Николаевны и находящихся во Владимирскомъ музеѣ—«Рождество Христова» и портрета С. Тончи, писаннаго имъ самимъ. При этомъ, конечно, сообщаются кое-какія данныя и изъ другихъ періодовъ жизни художника, а также и перечень его работъ.

Изъ остальныхъ статей этого наиболѣе крупнаго отдѣла шестой книжки «Трудовъ» назовемъ: «Городъ Юрьевъ Польскій (историческая замѣтка по поводу 750-лѣтія его существованія)»—М. С. Померанцева и «Петромитрополитанская церковь въ городѣ Переславль-Залѣскомъ»—священника П. В. Ильинскаго.

М. С. Померанцевъ сообщаетъ, по поводу исполнившагося въ 1902 году 750-лѣтія, вкратцѣ главныя историческія данныя изъ жизни Юрьева Польскаго, названнаго такъ отъ полей, въ отличіе отъ Юрьева Ливонскаго (Дерпта), и игравшаго очень незначительную роль въ политической исторіи древней Россіи. Свящ. П. В. Ильинскій говоритъ о церкви, основанной въ память пребыванія митрополита кіевскаго Петра въ Переславль-Залѣскомъ въ 1310-хъ годахъ, особенно расположеннымъ къ нему княземъ переславскимъ Іоанномъ Даниловичемъ, внукомъ Александра Невскаго. «Неизвѣстно, — говоритъ авторъ, — долго ли пребывалъ святитель Петръ въ Переславль; однако за это время пребыванія своего въ немъ онъ снискалъ глубокое уваженіе и искреннюю любовь гостеприимнаго переславскаго князя Іоанна Даниловича... «Уѣзжая изъ Переславля, святитель увезъ съ собою добрую память, какъ о князѣ переславскомъ, такъ и о гражданахъ его. Вещественнымъ памятникомъ такой взаимной любви служатъ оставшіяся до настоящаго времени, во-первыхъ, икона Божіей Матери, писанная самимъ святителемъ, и, во-вторыхъ, каменная церковь во имя святителя и чудотворца Петра митрополита», о которой онъ и говоритъ.

Во второмъ отдѣлѣ разсматриваемой нами книжки помѣщены «матеріалы»: 1) продолженіе «Описи дѣлъ архива Владимирскаго губернскаго правленія», а именно «дѣла канцеляріи владимирскаго губернатора» за 1797—1800 годы; среди нихъ особенно интересно и цѣнно, хотя и неоконченное, дѣло «по прошенію надворнаго совѣтника Василя Зубова о причиненныхъ ему утѣсненіяхъ со стороны умершаго роднаго брата его, графа Александра Николаевича, и племянниковъ князя Платона и графовъ Николая, Дмитрія и Валеріана Александровичей Зубовыхъ»; здѣсь приведенъ А. В. Селивановымъ полностью рядъ документовъ; 2) «Суздаль. Списокъ съ писцовой книги г. Суздаля съ 7136 (1628) по 7138 (1630) годъ», и 3) «Изъ переписки помѣщика съ крестьянами во второй половинѣ XVIII ст.». Здѣсь помѣщены найденные Д. П. Дементьевымъ въ имѣніи Кандалицева, Заводской волости, Ветлужскаго уѣзда, Костромской губерніи и хранившіеся безъ всякаго разбора въ Костром-

ской архивной комиссії до сего времени—70 документовъ: писемъ, повелѣній, приказовъ Василія Ивановича Суворова, отца генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, его супруги, управляющихъ и отписки крестьянъ своему помѣщику. Разборомъ и обнародованіемъ этого цѣннѣйшаго матеріала, проливающего много новаго свѣта на личность отца знаменитаго полководца и даже на самый тогдашній бытъ помѣщиковъ, мы обязаны Я. О. Кузнецову.

Въ заключеніе, проходя молчаніемъ отдѣлъ «хроники» и обычный ежегодный отчетъ комиссії за 1903 годъ, упомяну о приложеніи въ концѣ книги— «Портретной галлерей уроженцевъ и дѣятелей Владимирской губерніи». Эта работа ведется уже нѣсколько лѣтъ неутомимымъ А. В. Смирновымъ, и въ настоящемъ приложеніи находимъ третій выпускъ ея, въ который вошли краткія біографіи, съ перечнемъ литературныхъ работъ и портретами, слѣдующихъ владимирскихъ дѣятелей: Ф. Д. Нефедова, извѣстнаго беллетриста-народника; Н. Г. Добрынкина, В. Ц. Герцыка, М. К. Поливанова, Л. И. Сахарова, К. Ө. Надеждина, С. А. Архангельскаго, Н. А. Артлебева, мѣстнаго археолога-писателя, и архимандрита Митрофана.

Уже изъ этого краткаго обзора содержанія VI книги «Трудовъ» Владимирской архивной комиссії видно, что названная комиссія, при точнѣйшемъ отиравленіи всѣхъ функций дѣятельности, предназначавной ей правилами для архивныхъ комиссій 1885 года, представляетъ собою въ то же время рѣдкое по энергіи и производительности мѣстное историко-археологическое общество, и тѣмъ самымъ, несмотря на свое еще кратковременное существованіе (6 лѣтъ), должна быть поставлена впереди всѣхъ остальныхъ архивныхъ комиссій.

В. Рудаковъ.

Труды Подольскаго церковнаго историко-археологическаго общества (бывшаго историко-статистическаго комитета). Выпускъ десятый подъ редакціей прот. Е. Сѣцинскаго и Н. Яворовскаго. Съ 12 рисунками. Каменецъ-Подольскъ. 1904.

Преобразованное опредѣленіемъ святѣйшаго синода отъ 10-го—23-го сентября 1903 года изъ Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета, существовавшаго съ 1865 года въ Каменцѣ-Подольскѣ, Подольское церковное историко-археологическое общество издало, сохраняя счетъ трудовъ своего предшественника, десятый выпускъ своихъ трудовъ. По составу своему онъ распадается на нѣсколько отдѣльныхъ статей съ библиографіей и приложеніемъ.

Первая статья о «перяславскомъ епископѣ Гервасіи Линцевскомъ и началѣ воссоединенія униатовъ въ Западной или Польской украинѣ (1757—1769 г.г.)» С. Иваницкаго представляетъ собою цѣлую монографію, состоящую изъ предисловія (стр. 1—6), восьми главъ текста и заключенія (стр. 7—281) съ приложеніемъ неизданныхъ архивныхъ документовъ на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ.

Излагая біографію одного из главнѣйшихъ дѣятелей въ пользу воссоединенія униатовъ Польской украины, епископа Гervasія, авторъ попутно затрагиваетъ и рассказываетъ очень подробно исторію самаго дѣла и характеризуетъ положеніе православія и православныхъ въ этотъ краткій періодъ предсмертной борьбы уни съ церковью. Съ воцареніемъ Екатерины Второй, какъ извѣстно, по ходатайству архіепископа Георгія Конисскаго, русское правительство обратило свое вниманіе на забытыхъ прежде и угнетаемыхъ униатами и католиками православныхъ въ коренныхъ нашихъ приходахъ. Началось движеніе въ сторону присоединенія къ православію, получившее свое средоточіе и руководство въ Переяславской епархіи, замѣщенной въ то время епископомъ Гervasіемъ. Однако это движеніе, поддержанное какъ русскими, такъ и польскими правительствами, встрѣтило сильный отпоръ со стороны польской шляхты и неправославнаго духовенства и народа, сопровождавшійся насиліями всякаго рода. Образовалась такъ называемая барская конфедерація пановъ, на которую со своей стороны православное населеніе отвѣтило возстаніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Коливщины, избіеніемъ жидовъ, униатскихъ священниковъ, ксендзовъ, пановъ и другихъ. Въ Польшу введены были русскія войска для защиты неправославнаго населенія. Самое движеніе было понято, какъ политическая смута противъ Польскаго государства, и въ немъ были заподозрѣны епископъ Гervasій и его сподвижникъ, архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій, и оба отправлены въ Россію на покой. Это было въ 1768—1769 г.г., на описаніи которыхъ г. Иваницкій останавливается особенно подробно. Смертью епископа Гervasія, послѣдовавшею 22-го декабря 1769 года, изложеніе событій оканчивается. За этимъ слѣдуютъ краткое заключеніе и приложенія.

Вторая статья протоіерея Е. Съдинскаго посвящена описанію «исчезающаго типа деревянныхъ церквей» (стр. 393—416, съ 12 рисунками). Послѣ общаго описанія своеобразной архитектуры старинныхъ (XVII—XVIII столѣтій) деревянныхъ церквей Юго-Западнаго края, авторъ даетъ подробное описаніе семи церквей съ фотографическими снимками ихъ внѣшняго и внутренняго вида. Эта небольшая статья, составляющая первую переработку сырого матеріала, постепенно и тщательно собираемаго обществомъ, очень цѣнна въ томъ отношеніи, что способствуетъ сохраненію и использованию наукою свѣдѣній о старинной архитектурѣ южно-русскихъ церквей. Если старинное искусство и архитектура вообще выражаютъ эстетическій вкусъ народа въ разныя эпохи его исторіи, потому что они суть плоды его художественнаго творчества, и въ этомъ отношеніи очень интересны, то особенно интересны искусство и архитектура въ ихъ примѣненіи къ религіознымъ потребностямъ народа, ибо здѣсь они выражаютъ не только вкусъ, но и самый религіозный складъ своихъ творцовъ, до извѣстной степени ихъ религіозное міровоззрѣніе. Этимъ объясняется различіе въ архитектурѣ церквей Византіи и Рима, вообще востока и запада, сѣверо-восточной и юго-западной Руси.

Третья статья: «Матеріалы для исторіи цеховъ въ Подоліи», протоіерея Е. Съдинскаго (стр. 417—494), излагаетъ сначала общій очеркъ исторіи цеховъ вообще, а затѣмъ исторію цеховъ въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстеч-

кахъ Подоліи. Свѣдѣнія этой статьи весьма интересны потому, что дають понятіе о бытѣ той ремесленной среды, которая при введеніи въ Россіи магистратовъ и цеховъ сыграла немаловажную роль въ объединеніи промышленныхъ силъ страны.

Составляющая четвертую статью (стр. 495—505) «Переписка пресвященнаго Виктора Садковскаго съ княземъ Гр. Ал. Потемкинымъ объ оказаніи покровительства подольскому православному священнику, подвергнутому насилію въ 1787 году», священника В. Якубовича, — дасть иллюстрацію тяжелаго положенія православнаго духовенства въ Подоліи на примѣрѣ частнаго случая съ однимъ священникомъ.

Далѣе слѣдуютъ: «Воспоминанія объ Іосифѣ Іосифовичѣ Ролле» (къ десятилѣтію его смерти) Н. Яворовскаго и «Хронологическій списокъ трудовъ д-ра І. Ролле», Е. С. (стр. 506 — 517+517—527). Докторъ І. І. Ролле, полякъ и французъ по происхожденію, родился и всю свою жизнь до самой смерти 9-го января 1894 года прожилъ въ Подоліи, которой и посвятилъ всѣ свои силы. По образованію докторъ медицины, онъ былъ гуманнѣйшимъ и просвѣщеннѣйшимъ челоѣкомъ въ краѣ, изученію котораго съ научно-исторической и художественно-литературной точки зрѣнія онъ отдавалъ все свободное время. Результатомъ этихъ занятій явились печатные его труды, составляющіе списокъ въ 49 номеровъ.

Послѣ «библиографіи» (стр. 528—580), заканчивающей книгу, въ приложеніи помѣщена «Опись старопечатныхъ книгъ музея Подольскаго церковнаго историко-археологическаго общества», составленная протоіереемъ Е. Сѣдинскимъ. Какъ всякая опись книгохранилищъ, издаваемая въ печати для всеобщаго ознакомленія, и эта опись очень цѣнна, тѣмъ болѣе, что вообще старопечатныя книги, а въ особенности южно-русскаго изданія, имѣютъ громадное значеніе для наукъ церковной исторіи и права, такъ какъ болѣе просвѣщенная Южная Русь съ XVI столѣтія оказывала на Москву сильное вліяніе. Этому именно періоду мы обязаны между прочимъ введеніемъ въ наши богослужебные чины неpravославныхъ элементовъ. По описи видно, что въ книгохранилищѣ музея болѣе всего именно требниковъ.

П. В. В.

«Старина и Новизна». Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителѣй русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 9. Спб. 1905.

Въ настоящей книгѣ продолжается печатаніе воспоминаній князя А. М. Дондукова-Корсакова.

Русско-турецкая война застала князя въ Кіевѣ, гдѣ ему пришлось замѣстить командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа генерала Дрентельна, назначеннаго начальникомъ тыла арміи. Но уже въ срединѣ сентября 1877 года князь получилъ другое назначеніе, и телеграммой изъ С.-Петербурга былъ поставленъ во главѣ 13-го армейскаго корпуса, вмѣсто генерала Гана, уволеннаго отъ командованія. Чтобы добраться до своего корпуса, князю нужно было

проѣхать весь тылъ арміи насквозь. Поле для наблюденій представлялось огромное, и авторъ дневника занесъ на его страницы немало упущеній и недостатковъ, которые, къ несчастью, обнаружались и въ настоящую войну. Замѣчательны, между прочимъ, наблюденія автора надъ вліяніемъ войны на повышеніе общественнаго недовольства. «Равнодушіе и рутинное отношеніе, — пишетъ князь, — (на войнѣ) замѣняются болѣе критическимъ взглядомъ на дѣло. Каждый воочію видитъ недостатки существующихъ порядковъ и на себѣ испытываетъ злоупотребленія. Каждый вблизи видитъ и оцѣниваетъ начальниковъ и, къ сожалѣнію, часто весьма основательно составляетъ о нихъ самое невыгодное мнѣніе. Тутъ же проявляется и справедливое негодованіе армейскихъ труженниковъ противъ пристрастія и интриги, доставляющихъ видную роль многимъ недостойнымъ. Все это при счастливой кампаніи забывается и прикрывается успѣхомъ; но припоминается еще съ большей силой по возвращеніи домой — и накопленное неудовольствіе быстро распространяется въ обществѣ и порождаетъ то броженіе умовъ, которое проявляется послѣ каждой войны. Такое противоправительственное направленіе еще болѣе разливается потому, что каждый участвовавшій въ войнѣ испробовалъ свои нравственныя силы, привыкъ къ самодѣятельности, получилъ о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, можетъ быть, и преувеличенное понятіе, но, тѣмъ не менѣе, вызвалъ на время апатическую русскую натуру изъ свойственной ей халатности и роли автомата».

Вторая половина воспоминаній князя Дондукова-Корсакова занята краткими замѣтками о походной жизни сѣвернаго отряда и реляціями о столкновеніяхъ съ турками.

Слѣдующей изъ болѣе длинныхъ по объему статей представляется опубликованіе нѣкоторыхъ документовъ изъ семейнаго архива С. Ю. Витте. Имъ предоставлены Обществу для напечатанія 177 автографовъ замѣчательныхъ или извѣстныхъ людей. Коллекцію эту началъ собирать дѣдъ г. Витте по матери, извѣстный кавказскій дѣятель А. М. Фадѣевъ, и затѣмъ продолжалъ пополнять сынъ послѣдняго, не менѣе извѣстный военный писатель, Р. А. Фадѣевъ. Наиболѣе интересными представляются письма разныхъ лицъ къ А. М. Фадѣеву и его женѣ. Въ этой перепискѣ встрѣчаются письма Сеньковского, Полевого, извѣстнаго изъ біографіи Пушкина генерала Инзова, французскаго академика Гоммеръ-де-Гель, путешествовавшаго по Россіи въ сороковыхъ годахъ вмѣстѣ съ женою, и многихъ другихъ. Отмѣтимъ сохранившіяся въ бумагахъ г. Витте два неизданныя еще стихотворенія Измайлова и Милонова.

Къ автографамъ сдѣланы очень обстоятельныя историко-біографическія примѣчанія.

Любопытны въ 9-ой книгѣ еще и извлеченія изъ архива С. Д. Нечаева, бывшаго въ 30-хъ годахъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Своимъ обращеніемъ Нечаевъ возбудилъ противъ себя всѣхъ членовъ синода, которые при помощи А. Н. Муравьева вскорѣ и добились его удаленія отъ оберъ-прокурорскихъ обязанностей. Нечаевъ кончилъ жизнь сенаторомъ московскихъ департаментовъ сената. Письма разныхъ лицъ, преимущественно духовныхъ, напе-

чтанныя въ 9-ой книгѣ «Старины и Новизны», также снабжены обширными вводными статьями и примѣчаніями къ отдѣльнымъ мѣстамъ, составленными г.г. Н. Барецковымъ и Чечулинымъ. А. Б.

Евгеній Аничковъ. Литературные образы и мнѣнія. Спб. 1904.

Эстетика правды-справедливости, «Въ туманѣ», рассказъ Леонида Андреева, рассказы «Знанія», «На днѣ» Максима Горькаго и современная драма, Станиславъ Пшибышевскій, поэты «Скорпіона» — вотъ содержаніе «Образовъ и мнѣній» г. Евгенія Аничкова. Всѣ эти главы носятъ отпечатокъ несомнѣнной талантливости ихъ автора и его способности болѣе или менѣе разобратъся во многихъ явленіяхъ современной литературной жизни. Правда, не всегда можно согласиться съ авторомъ въ его выводахъ, не всегда убѣдителенъ методъ, которому онъ слѣдуетъ, но безусловно нужно сказать, что читатель находитъ въ книгѣ много цѣнныхъ мыслей, сопоставленій и оригинальныхъ точекъ зрѣнія.

Нѣсколько особнякомъ должна быть поставлена послѣдняя статья: «Поэты Скорпіона»; здѣсь авторъ, точно загипнотизированный блестящими формами «новой поэзіи», стремится выяснитъ сущность этого новаго направленія или, вѣрнѣе, творчества главныхъ его представителей, проходя равнодушно, будто не замѣчая, мимо уродливыхъ фактовъ и останавливаясь только на томъ, что, по его мнѣнію, особенно характеризуетъ пѣвцовъ Скорпіона. Главнымъ образомъ г. Аничковъ останавливается на произведеніяхъ гг. Брюсова, Бальмонта, Мережковскаго и г-жи Гишпіусъ. Нисколько не отрицая талантливости, даже большой талантливости всѣхъ названныхъ лицъ, мы не можемъ не сказать, что всякому серьезному критику, желающему дать справедливую оцѣнку ихъ поэтической дѣятельности, прежде всего необходимо было бы изъ пшеницы выхолотъ плевелы, не скрывая ни отъ себя, ни отъ публики, ни тѣмъ болѣе отъ самихъ «сѣятелей», что они есть, и что присутствіе ихъ недопустимо въ искусствѣ, которое должно служить общечеловѣческимъ интересамъ, а не только услажденіямъ двухъ-трехъ «посвященныхъ въ таинства» лицъ. Прежде всего, думается намъ, всякое произведеніе искусства должно быть доступно пониманію, должно выражать идею, органически связанную съ формой, въ которую воплощаетъ ее творческій замыселъ. Только такое искусство имѣетъ смыслъ, имѣетъ жизненную цѣнность; произведенія же, идея которыхъ понятна лишь авторамъ ихъ и «немногимъ», теряютъ свой смыслъ, свою жизненность и обречены на быстрое забвеніе; въ лучшемъ случаѣ, они становятся анекдотомъ, какъ пресловутый стихъ — «0, закрой свои блѣдныя ноги». Авторъ разбираемой книги совсѣмъ не касается этого вопроса, можетъ быть, потому, что онъ не нашелъ такихъ произведеній въ разбираемыхъ сборникахъ, а, можетъ быть, и потому, что ему доступны всѣ таинства «новаго искусства». Зато все дѣйствительно заслуживающее вниманія находитъ себѣ откликъ въ статьѣ г. Аничкова, и читатель невольно согласится со многими выводами критика: согласится и съ тѣмъ, что, «когда читаешь Бальмонта и Бунина, въ нихъ прежде

всего поражаетъ безудержное упоеніе жизнью и красотой»; что «они навѣвваютъ своими образами (не всѣми, а многими — прибавимъ мы) особую силу, особую жажду бытія»; согласится и съ тѣмъ, что у Брюсова «тѣ же самыя черты упоенія бытіемъ и бодрого стремленія къ жизни, присущія и его поэзіи, сказываются не такъ непосредственно»; согласится и съ тѣмъ, что «въ Мережковскомъ много рационализма, хотя скрытаго подъ пологомъ воображенія, но самому этому воображенію придающаго какой-то стальной блескъ»; что «Мережковскій—человѣкъ головной, горожанинъ и книгочей: это—поэтъ съ умомъ математика... А рядомъ съ нимъ томится и изнемогаетъ «Собраніе стиховъ» З. Гиппіусъ, въ давнишней скорби своей дошедшей теперь до какого-то оцѣпенѣнія и ужаса, которому нѣтъ исхода» (стр. 159)... Но едва ли читатель согласится съ г. Аничковымъ, что эта характерная для Бальмонта, Бунина, Брюсова «бодрость духа, сила и увлеченіе бытіемъ» есть увлеченіе, какъ выражается критикъ, «бытіемъ во всѣхъ его проявленіяхъ». Для насъ еще большой вопросъ, во всѣхъ ли проявленіяхъ берутъ они это бытіе, какъ вопросомъ остается и то, что такъ ясно г. Аничкову, но совершенно не доказано имъ въ этой его статьѣ: «Если,—говоритъ критикъ,—дѣлые отдѣлы въ родѣ «Зачарованнаго грота» въ клигахъ Бальмонта посвящены любовнымъ стихотвореніямъ, дерзко срывающимъ покровы, знойнымъ, отдающимся страсти... то и здѣсь надо видѣть, конечно (!), не эротическія грезы и вовсе не какое-то, чуть ли не болѣзненное напряженіе любовныхъ думъ. И въ этой новой (не старой ли?) стихіи Бальмонтъ ищетъ также широкаго размаха страсти только для того, чтобы взвиться въ увлеченіи жизнью до самаго трепещущаго упоенія бытіемъ, чтобы упиться имъ въ самомъ жгучемъ и бурномъ проявленіи»...

«Хочу упиться роскошнымъ тѣломъ,
Хочу одежды съ тебя сорвать!»

Такъ сказалъ бы эротоманъ, такъ скажетъ и всякій, кто желаетъ «взвиться въ увлеченіи жизнью до самаго трепещущаго упоенія бытіемъ», и даже не жизнью, а лишь однимъ изъ ея проявленій... И противъ чего протестуетъ критикъ, зачѣмъ хочетъ онъ эти стремленія поэта поставить на какой-то пьедесталъ, для насъ неясно. Если бы еще г. Аничковъ указалъ здѣсь на способъ передачи, на внѣшнюю сторону выраженія, на глубокое соотвѣтствіе любовныхъ порывовъ поэта съ напряженностью формы, мы съ нимъ согласились бы, но критикъ не это, очевидно, хочетъ сказать. Формой онъ почти не интересуется, соотвѣтствія образа съ мыслью не анализируетъ. Напримѣръ, ему не кажутся странными такіе стихи: «Впередъ, мечта, мой вѣрный вольт!... Я близъ тебя, мой кнутъ тяжелъ»... Критикъ дважды (стр. 157, 170) ссылается на это стихотвореніе Брюсова, и ему, повидимому, нисколько не странно сопоставленіе мечты и вола. Для насъ же, признаемся, это дико звучитъ: вольт—нѣчто тяжелое, неповоротливое, но вмѣстѣ сильное; это скорѣе—раздумье, и раздумье нерадостное, или неподвижная сосредоточенность, за которой скрывается энергичная дума. Впрочемъ, мы въ «тайнствахъ» новаго искусства не сильны... Для насъ недоступна, напримѣръ, красота стихотворенія, цити-

руемаго г. Аничковымъ (стр. 152): «Позабывшись, наклонившись, и незримо отъ другихъ, удивленно заглянуть, воздохнуть,—это путь для того, чтобъ возсоздать то, чего намъ въ этой жизни вплоть до смерти не видать». Къ критической дѣятельности Мережковского г. Аничковъ относится такъ же сочувственно, какъ и къ поэзии всѣхъ вообще «поэтовъ Скорпиона»: его критическія статьи автору кажутся «очень глубоко продуманными своимъ умѣньемъ оживить передъ нами образъ писателя, превосходящими почти все, что у насъ зовется за послѣднее время литературной критикой. Въ романахъ и статьяхъ и выливаются художественныя мысли Мережковского гораздо сильнѣе, чѣмъ въ его стихахъ» (стр. 166).

Эти слова звучатъ для насъ нѣсколько странно послѣ того, какъ въ первой статьѣ, помѣщенной въ книгѣ, мы прочли слѣдующія требованія, предъявляемыя г. Аничковымъ къ литературному критику: «Если на каждый новый порядокъ идей, проносащійся мимо него въ искусствѣ и жизни, онъ не можетъ отвѣтить ничѣмъ, кромѣ своего холоднаго «нѣтъ» и «да» сообразно тому, какъ относятся эти идеи къ его системѣ или его толку, тогда онъ сектантъ, маньякъ, судья, пророкъ, цензоръ, законодатель, все, что хотите, только не литературный критикъ» (стр. 56). Какъ-то все это неясно, будто занесено изъ поэзии Скорпиона: съ одной стороны, цѣнно въ критикѣ выраженіе своихъ «художественныхъ мыслей», а съ другой—нужно отрѣшеніе отъ своей «системы или толка», съ которыми, конечно, всегда тѣсно связаны и художественныя взгляды критика. Какъ быть? И это недоумѣніе тѣмъ болѣе неприятно, что статью г. Аничкова «Эстетика правды-справедливости» мы считаемъ въ высшей степени интересной, особенно тѣ ея главы, гдѣ авторъ выясняетъ роль вниманія въ эстетической эмоціи и старается показать, что теорія искусства для искусства, «золотой міръ поэзіи» возвращаетъ человѣка обратно въ «міръ дѣйствительности». Нужно бы здѣсь только подробнѣе остановиться на индивидуальности художественныхъ воспріятій; тогда бы, думается, устранилось и вышеуказанное недоразумѣніе.

Жаль, что мѣсто не позволяетъ намъ остановиться сколько нибудь подробно на другихъ статьяхъ г. Аничкова. Онѣ, безусловно, тоже представляютъ для читателя значительный интересъ, который до нѣкоторой степени нарушается крайне небрежной корректурой книги, иногда прямо искажающей смыслъ: на стр. 172, напримѣръ, напечатано «нищенствомъ», «дачи»—очевидно вмѣстѣ «нищенствомъ» и «дали». И такихъ опечатокъ очень порядочное количество.

Я. Ав—въ.

II. Овидій Назонъ. Наука любить. *Ars amatoria*. Съ латинскаго перевелъ В. Алексѣевъ. Спб. 1904.

Классическое произведеніе Овидія Назона «*Ars amatoria*» становится нынѣ доступнымъ широкому кругу русскихъ читателей, благодаря прекрасному прозаическому переводу его г. Алексѣевымъ въ изящномъ изданіи г. Суворина. Конечно, вышедшая книга не можетъ быть рекомендована для чтенія въ школьномъ возрастѣ и въ особенности въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это изда-

ніе для любителей классической литературы, которые дорожат не только содержанием, но и тѣмъ изяществомъ формы, въ которую выдающіеся писатели древности облакали свои шаловливыя произведенія. Изъ вдумчиваго чтенія эротическаго произведенія Овидія вырисовывается вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ внутренний бытъ классической старины, который въ наши дни въ произведеніяхъ многихъ нашихъ отечественныхъ писателей (напримѣръ, г. Мережковскаго, символистовъ, поэтовъ-декадентовъ и др.) какъ бы является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достойнымъ подражанія и поклоненія.

«Наука любви» дѣлится на три пѣсни. Въ первой идетъ рѣчь о «средствахъ покорить» сердца женщинъ; здѣсь даны указанія на необходимость разумнаго выбора предмета страсти, на удобныя мѣста и случаи для завязки любовныхъ интригъ, на роль курортовъ въ этомъ дѣлѣ и т. д., указаны способы войти въ сношенія съ возлюбленной черезъ прислугу, путемъ переписки и т. п., а также преподаны способы обмана бдительности ревниваго мужа. Вторая пѣсня посвящена «побѣдителямъ»; поэтъ утверждаетъ, что мало добиться успѣха, но требуется еще удержать за собою позицію; любовь капризна, женщины переменчивы, и слѣдуетъ принять немало мѣръ, чтобы ея чувства не направились въ другую сторону: поэтъ требуетъ отъ внимательнаго любовника извѣстнаго ума и образованія, богатства, а если его нѣтъ—терпѣнія и угодливости. Онъ излагаетъ цѣлый рядъ приемовъ ухаживанія за предметомъ страсти и въ заключеніе совѣтуетъ не слишкомъ увлекаться капризной молодостью, а держаться особъ зрѣлаго возраста: онѣ надежны и постоянны... Третья пѣсня посвящена прекрасному полу: имъ Овидій преподаетъ рядъ рецептовъ для «плѣненія» сильнаго пола: умѣнье наряжаться, умѣнье вести себя въ обществѣ, завлекать и удерживать при себѣ будущихъ «покорителей», способы обманывать ревнивыхъ мужей и т. п.

Къ переводу текста г. Алексѣевъ присоединилъ небольшое предисловіе, гдѣ далъ бѣглыя біографическія свѣдѣнія о поэтѣ и краткую мѣтку характеристику поэмы, а также снабдилъ нѣкоторыя мѣста примѣчаніями, преимущественно по объясненію мифовъ и собственныхъ именъ, о коихъ идетъ рѣчь въ пѣсняхъ. Г.

Сборникъ библиографическихъ матеріаловъ для географіи, исторіи, исторіи права, статистики и этнографіи Литвы, съ приложеніемъ литовскихъ и древне-прусскихъ книгъ съ 1553 по 1903 годъ. Составилъ С. Валтрамайтисъ. Изданіе 2. Спб. 1904.

Когда рецензенту приходится говорить о такихъ книгахъ, какъ сборникъ г. Валтрамайтиса, онъ незамѣтно для себя начинаетъ говорить не о самой книгѣ, а о составителѣ. Вмѣсто того, чтобы взять на себя трудъ провѣрить нѣкоторыя заглавія книгъ, найти какіе нибудь пропуски, неточности въ хронологіи и т. п., рецензентъ буквально поражается колоссальнымъ трудомъ, и притомъ единоличнымъ, и рецензія его мало-по-малу переходитъ въ шаблонную похвалу. Но противъ такого приема ничего нельзя сказать: вызванный реальными условіями, такой приемъ можно признать дѣйстви-

тельными и единственными. Стоит представить себя огромный томъ около 1.000 страницъ съ десятками тысячъ заглавій, которыя для обыкновеннаго читателя нѣмы, а для самого автора и для всякаго любящаго родную Литву говорить лучше и живѣе, чѣмъ любой талантливый ораторъ; стоитъ представить себя долгіе годы неблагодарной и упорной работы надъ книгой, которая понадобится очень немногимъ, назначеніе которой понятно лишь для специалистовъ,—и всякія попытки отнести къ книгѣ строго, всякія старанія уличить автора въ незнаніи чего нибудь важнаго или второстепеннаго, все это отойдетъ на задній планъ. Невольно рецензія переходитъ въ сплошной панегирикъ, и это ужъ такой порядокъ вещей.

Преданный своему дѣлу всѣмъ существомъ, престарѣлый С. Балтрамай-тисъ выполнилъ его слишкомъ хорошо. Лучшаго нельзя требовать отъ чловека, не получившаго спеціальнаго образованія, отъ «самоучки» въ полномъ смыслѣ этого термина. Последнее свѣдѣніе мы привели не безъ цѣли. Именно тамъ, гдѣ въ работѣ ученаго можетъ быть замѣтно отсутствіе школы, книга г. Балтрамайтиса, дѣйствительно, вызываетъ недоразумѣнія. Это—распредѣленіе ученыхъ дисциплинъ, которыя слѣдуютъ у него въ такомъ порядкѣ: физономія Литовской страны; свѣдѣнія о литовскомъ народѣ и странѣ, сообщаемыя разными путешественниками; археологическіе матеріалы, обнаруживающіе бытъ литовскаго народа съ древнихъ временъ; историческая литература, обнаруживающая извѣстія о жизни и бытѣ литовскихъ народностей съ древнѣйшихъ временъ; исторія литовскаго права; этнографія, литовскій языкъ; сельское хозяйство Литвы; исторія просвѣщенія и наукъ въ Литвѣ; очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній. Многіе изъ отдѣловъ вызываютъ недоумѣніе; порядокъ и взаимность ихъ неясны; скрывать это нельзя при всемъ уваженіи къ составителю сборника. Кромѣ того, авторъ придерживается устарѣлаго размѣщенія матеріала по княжествамъ: Рингольдъ, Гермундъ, Мивдовъ, Литаворъ, Витенесъ и т. д. (стр. 114 и дальше), и не ссылается на югославянскія и румынскія изслѣдованія, которыя касались Литвы, конечно, только вскользь и въ работахъ по общимъ вопросамъ, а не спеціально литовскимъ. Но такія именно указанія для библиографіи въ нашихъ глазахъ болѣе цѣнны потому, что каждому ученому скорѣе извѣстны работы болѣе или менѣе спеціальныя, съ заглавіями, такъ или иначе исчерывающими тему, чѣмъ тѣ свѣдѣнія, которыя разбросаны въ книгахъ и статьяхъ, трактующихъ о постороннихъ вопросахъ. Впрочемъ, наши пожеланія настолько трудны для исполненія однимъ лицомъ, что нисколько не умаляютъ достоинства прекрасной работы литовскаго ученаго.

А. Я.

А. В. Рыстенко. Сказаніе о двѣнадцати снахъ царя Мамера въ славяно-русской литературѣ. Одесса. 1904.

Небольшой рефератъ молодого ученаго, написанный по предложенію проф. В. М. Истрина, мало-по-малу разросся въ цѣлое изслѣдованіе, дающее новыя свѣдѣнія объ одномъ интересномъ памятникѣ эсхатологической литературы.

Въ виду общаго интереса «Сказанія», выразившагося въ переработкахъ его у нашихъ старообрядцевъ въ сравнительно позднее время, мы остановимся на книгѣ г. Рыстенка нѣсколько подробнѣе и напомнимъ читателямъ содержаніе памятника. Царь Шахаиша, живущій въ городѣ Ирринѣ, видитъ страшные сны и наутро призываетъ «философа и книжника» Мамера, рассказываетъ ему сны и проситъ объясненій. Мамеръ толкуетъ сны. Золотой столпъ до небесъ означаетъ злыя времена, когда на землѣ будутъ мятежи, голодъ, перемѣны въ стихіяхъ, когда бояре станутъ крамольниками, учителя станутъ учить криво. Сырое «брюховище», висящее съ неба, служитъ предсказаніемъ упадкѣ правды въ судахъ, гдѣ будетъ царить произволъ, посулы, пренебрежительное отношеніе къ бѣднымъ. Три котла, изъ которыхъ два—съ масломъ и воскомъ — кипятъ и соединяются другъ съ другомъ, а третій съ водой—не кипятъ, значать, что богатые будутъ избѣгать бѣдныхъ. Собака, лежащая на гноищѣ, и щенки, брешущіе въ ея брюхъ, говорятъ о томъ, что со временемъ дѣти станутъ умнѣе родителей, станутъ учить ихъ. Поны, упавшіе въ топкую грязь, означаютъ упадокъ благочестія среди духовенства, которое живетъ не по закону. Конь, ѣвшій траву двумя головами,—образъ несправедливыхъ судей, когда князья будутъ судить не по правдѣ. Далѣе слѣдуютъ предсказанія общаго характера. Царю снилось, что съ неба сошелъ огонь и попалилъ цѣлыя горы драгоцѣнныхъ камней, жемчуга, тканей и т. д. Это значить, что тати украдутъ у богатыхъ ихъ богатства. Ремесленникамъ принесли золото для заказа, а они не отдали золота: въ будущемъ нельзя будетъ довѣрять имущества даже друзьямъ. Три «злообразныя» женщины и три красивыя дѣвицы, гуляющія по городу, одинаково означаютъ несчастья: волхвы станутъ прельщать людей, а люди будутъ безсердечны. Наконецъ, мрачные люди съ длинными волосами и нестриженными ногтями служатъ символомъ безжалостнаго отношенія богачей къ бѣднымъ.

Такимъ образомъ, облеченное въ беллетристическую форму «Сказаніе» носило общественный характеръ и своими предсказаніями грядущихъ бѣдъ давало неясно скрытый намекъ на дѣйствительность. Этимъ и объясняются его популярность среди старинныхъ книжниковъ и вставки на злободневныя темы. Что касается происхожденія «Сказанія», то А. В. Рыстенко присоединяется къ мнѣнію своихъ предшественниковъ по работѣ, что «Сказаніе» переведено съ греческаго, хотя греческій оригиналъ неизвѣстенъ, что переводъ былъ сдѣланъ у сербовъ Далматинскаго побережья въ XIII—XIV вв., а затѣмъ перешелъ въ Россію, при чемъ въ языкѣ «Сказанія» были сдѣланы подновленія и замѣны. Татарское нашествіе давало поводъ къ мрачнымъ предсказаніямъ общаго характера, а представленіе о «восьмой тысячѣ», въ концѣ XV в., — къ переработкамъ. Въ XVII в. особенно распространяется спеціально русская «раскольничья» редакція, и это также зависѣло отъ общихъ тяжелыхъ условій. Что касается происхожденія самого «Сказанія», то изслѣдователи давно уже обратили вниманіе на сходство между нимъ и восточными сказаніями въ родѣ буддійской Панчатантры, Калилы и Димны или джатаки о царѣ Прасенаджитѣ, сны котораго толкуетъ самъ Будда. Какъ спеціально индійскій элементъ, въ дальнѣйшихъ версияхъ былъ выброшенъ рассказъ о брахманахъ,

которые толкуютъ сонъ царя въ свою пользу, говорятъ о неминуемыхъ несчастьяхъ и нелятъ принести огромную жертву. Эта подробность должна была унижить брахмановъ и такимъ образомъ обнаруживаетъ буддійскую тенденцію, а для славянъ оказывается лишней.

Работа г. Рыстенка направлена къ выясненію главнѣйшимъ образомъ русскихъ редакцій, отношенія списковъ между собой и т. д. и не касается общаго вопроса о характерѣ и происхожденіи «Сказанія»; очевидно, авторъ присоединяется къ мнѣнію академиковъ Веселовскаго и Ольденбурга. Что касается подробностей, то мы указали бы на сербскій списокъ въ Сборникѣ 1572 года, гдѣ на листахъ 60—90, 69 читается «Слово о Шакишу царю» («Гласникъ» сербскаго ученаго дружества, кв. LXX, стр. 355), и четыре русскихъ списка XVIII в., недавно поступившихъ въ нашу академію наукъ. Во-вторыхъ, приводимыя авторомъ «синонимическія выраженія» (стр. 25—27) въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно считать за слѣды разныхъ переводовъ. Въ-третьихъ, едва ли вліяніемъ богомилства слѣдуетъ объяснять переходъ «Сказанія» въ Европу (мнѣніе Веселовскаго), такъ какъ обличеніе «неправеднаго» духовенства — слишкомъ общее явленіе. Наконецъ, автору осталась неизвѣстною книга M. Gaster'a «Literatura populară română», гдѣ страницы 58—61 посвящены разсматриваемому «Сказанію».

А. И. Яцимировій.

В. Л. Мальмбергъ. Древне-греческія фронтоныя композиціи. Исслѣдованіе въ области декоративной скульптуры. Съ 43 таблицами и 103 рис. въ текстѣ. Спб. 1904.

Сочиненіе юрьевскаго профессора г. Мальмберга, хотя и представляетъ весьма солидный ученый трудъ, тѣмъ не менѣе написано очень легко и интересно по своей темѣ, относящейся къ искусству, поэтому и прочтется съ удовольствіемъ не одними учеными, но доставитъ его и диллетантамъ.

Дѣло въ томъ, что почтенный ученый даетъ въ своей книгѣ итогъ всѣмъ однороднымъ декоративнымъ изваяніямъ болѣе чѣмъ за 50 лѣтъ съ того времени, какъ нѣмецкій ученый Велькеръ разсмотрѣлъ впервые фронтоныя композиціи на основаніи данныхъ античной литературы и тѣхъ памятниковъ, очень немногочисленныхъ, по которымъ можно было обозрѣть развитіе полуторагодового, самаго замѣчательнаго въ искусствѣ декоративной пластики, періода. За эти 50 лѣтъ, которыя протекли со времени Велькера, нашли цѣлый рядъ архаическихъ украшеній фронтоновъ, на примѣръ, фронтоны храма Зевса въ Олимпіи, описанные у писателя Павсанія, и нѣсколько позднѣйшихъ, такъ что теперь греческія фронтоныя композиціи обнимаютъ собой уже болѣе 500 лѣтъ. Настоящее изслѣдованіе представляетъ расширенное изданіе работы профессора Мальмберга, представленной въ рукописи въ 1900 году подъ заглавіемъ «Фронтоныя группы въ древне-греческой пластикѣ» въ Московскій университетъ и удостоенной полной преміи имени В. П. Боткина, при чемъ введено и толкованіе фронтоновыхъ фигуръ. Однако, формально-эстетическая сторона оставлена и теперь на первомъ планѣ, но авторъ не считаетъ нужнымъ въ изложеніи своемъ слѣдовать одной и той же схемѣ въ стараніи не

слишкомъ, какъ онъ самъ говоритъ, наскучить читателю однообразіемъ. Рисунки отличаются чистотой, таблицы помѣщены въ концѣ книги такъ, что ихъ можно разсматривать, смотря одновременно текстъ, что представляетъ большое удобство для читателя. Изъ отдѣльныхъ главъ этого интереснаго сочиненія наиболѣе, конечно, интересна и разработана глава IV: «Фронтонъ Парѳенона», которые «навсегда останутся наиболѣе интересными, такъ какъ греческое искусство ни до, ни послѣ нихъ не достигало въ декоративной пластикѣ той высоты, на которой стоятъ эти изваянія». Значительное число найденныхъ послѣ лорда Эльгина (1816 г.) остатковъ, хранящихся въ Акропольскомъ музеѣ въ Афинахъ, авторъ видѣлъ дважды въ 1894 и 1903 году, хотя въ послѣднемъ году ему мѣшали заняться ими тщательнѣе служебныя занятія—роль руководителя студенческой экскурсіи, организованной императорскимъ Московскимъ университетомъ.

Однако и здѣсь авторъ отсылаетъ къ Michaelis'у—Der Parthenon, 1892 г., за итогомъ всего того, что извѣстно о Парѳенонѣ, занимается лишь послѣдними реконструкціями, предложенными различными учеными и художниками, наиримѣрь, художникомъ Шверцкомъ, о которомъ археологическая критика отзывается различно: одни (Фуртвенглеръ) называютъ композицію диллетантской, не имѣющей никакого значенія, другіе же, наиримѣрь, Зауеръ указываетъ, что «Das Ganze aber von entschiedenem Werth ist». Авторъ находитъ, что реконструкція вѣнскаго скульптора, представленная на таблицахъ XXI и XIII, рисунокъ 2, врядъ ли удовлетворитъ человѣка, знакомаго съ остатками оригинала: «на ней лежатъ отпечатокъ чего-то безсильнаго и слащаваго; головы большинства статуэтокъ малы, повороты жеманны, движеніе рукъ аффектированное, посадка головъ, бывшая въ то время просгой и естественной, у Шверцка—кетливо-пустая, бьющая на граціозность».

Шверцекъ реконструировалъ западный (а теперь восточный) фронтонъ Парѳенона и далъ объясненія въ брошюрѣ (Wien, 1896) съ приложеніемъ геліографуры, считая себя призваннымъ къ разрѣшенію подобныхъ проблемъ въ сферѣ античнаго ваянія. Его главная заслуга—доказательство, что торсъ, отнесенный Михаелисомъ къ южной сторонѣ Парѳенона, на самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ западному, что свидѣтельствуется въ пользу пониманія имъ античнаго искусства, даже по признанію его критика Фуртвенглера, по мнѣнію котораго за реконструкцію можетъ приняться только ученый, соединившись съ подходящимъ художникомъ, руководство же и отвѣтственность долженъ принять на себя археологъ.

О Г—тъ.

Орнаменты на памятникахъ древне-русскаго искусства. Изданіе Н. П. Сырейщикова и Д. К. Тренева. Выпускъ I. 25 таблицъ, содержащихъ 105 орнаментовъ въ краскахъ. Москва. 1904.

Прекрасный альбомъ снимковъ съ древне-русскихъ орнаментовъ—эмалевыхъ украшеній, золоченныхъ, оловянныхъ и чеканныхъ узоровъ, росписей красками, деревянной рѣзбы, черневыхъ и басменныхъ орнаментовъ, рукописныхъ заставокъ, питья жемчуговъ, «доличнаго» (фоновъ) иконъ и др.—

имѣть и волюнѣ научное, и практическое значеніе. Въмѣстѣ съ развитіемъ русской промышленности, естественно, увеличивается и художественная сторона ремесленного или заводскаго производства, какъ отдѣла болѣе обширной области искусства—искусства прикладнаго. Поэтому вопросъ о выборѣ оригиналовъ для орнаментаціи замѣтно получаетъ въ наше время все большее и большее значеніе. Но въ силу того, что русскіе живописцы и скульпторы относятся довольно пренебрежительно къ составленію рисунковъ для матерій, кружевъ, вышивокъ, посуды, мебели, плакатовъ, книжныхъ иллюстрацій и другихъ подѣлокъ художественной промышленности,—мастерамъ приходится прибѣгать чаще всего къ копировкѣ иностранныхъ моделей. На ряду съ западными и отчасти древне-классическими у насъ пользуются популярностью образцы восточнаго искусства—японскаго, китайскаго, отчасти индусскаго и арабскаго. Это привело къ тому, что художественная промышленность нашего времени утратила національный колоритъ и по характеру своему сдѣлалась въ сущности иноземной.

Въ то же время старинная русская художественная промышленность стояла на высотѣ, о чемъ излишне распространяться, и ея образцы служатъ намъ живымъ укоромъ въ нашемъ традиціонномъ равнодушіи ко всему родному, народному. Мы поражаемся разнообразіемъ и производствомъ стариннаго ремесленного труда и въ немъ видимъ обширное примѣненіе народной изобрѣтательности, фантази и вкуса неизвѣстныхъ мастеровъ-художниковъ даже къ самому мелкому предмету домашняго обихода, начиная съ рѣзьбы на избахъ и кончая мѣднымъ замкомъ необыкновенно причудливыхъ формъ. Такимъ образомъ получается какой-то разладъ между старымъ періодомъ въ жизни русскаго искусства, безусловно національнымъ, и новымъ, такъ или иначе интернаціональнымъ или же прямо антинаціональнымъ. Чтобы чѣмъ нибудь помочь въ этомъ теченіи, слѣдуетъ культивировать пониманіе нашей старинной художественности въ возможно широкой средѣ—въ школѣ, въ интеллигенціи, среди кустарей, крупныхъ промышленниковъ и т. д.,—и этими мѣрами наше прикладное искусство можетъ не только подняться надъ уровнемъ европейскаго, но и затмить его. Обращеніе за оригиналами къ родной старинѣ дастъ въ результатѣ приближеніе этого искусства къ жизни, а отсюда вытекаетъ самое простое разрѣшеніе всего вопроса о націонализаціи современной художественной промышленности.

Альбомъ, составленный трудами одного изъ лучшихъ знатоковъ и цѣнителей стариннаго искусства, Д. К. Тренева, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди немногочисленныхъ подобныхъ же изданій. Выборъ оригиналовъ, болѣею частью принадлежащихъ извѣстнымъ мастерамъ и снабженныхъ датами, сдѣланъ превосходно: рисунки исполнены близко къ дѣйствительности, а цѣну его (18 р.) нельзя назвать высокою, такъ какъ изготовленіе такихъ роскошныхъ изданій обходится дорого.

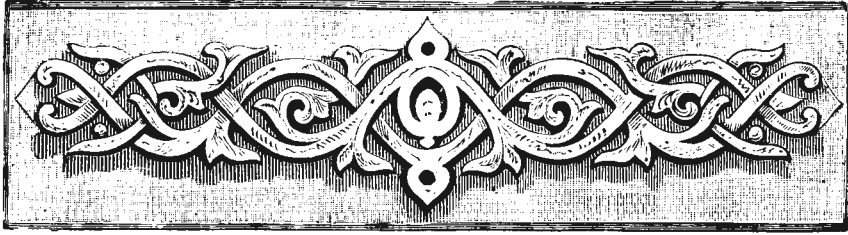
А. И. Яцимирскій.

Тира Соколовская. Микенская керамика. Форма и орнаментъ сосудовъ микенскаго типа. Съ 7-ю фототипическими таблицами и библиографическимъ указателемъ. Спб. 1904.

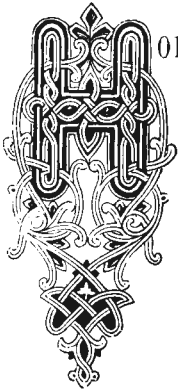
Микенскую керамику справедливо считаютъ одной изъ наиболѣе интересныхъ страницъ классическаго искусства; изученіемъ ея уже давно занимались ученые Западной Европы и посвящали ей спеціальныя труды. Въ нашей литературѣ этотъ вопросъ совершенно не былъ разработанъ, и трудъ г-жи Соколовской, члена-сотрудника археологическаго института, является первымъ русскимъ сочиненіемъ о микенской керамикѣ. Это обстоятельство значительно увеличиваетъ интересъ и къ самой книгѣ. Насколько серьезно отнесся авторъ къ своей работѣ, видно, напримѣръ, изъ того, что библиографическій указатель литературы предмета—хронологическій списокъ ученыхъ и ихъ трудовъ—занимаетъ десять страницъ мелкаго шрифта и составленъ необыкновенно полно. Многочисленныя ссылки на извѣстныхъ археологовъ, выписки изъ ихъ трудовъ, знакомство съ литературой предмета, наконецъ, правильные, построенные на серьезныхъ научныхъ данныхъ выводы автора,—все это доказываетъ безспорную компетенцію г-жи Соколовской въ данномъ вопросѣ и дѣлаетъ книгу, повторяемъ, интересной во многихъ отношеніяхъ.

Книга распадается на три части. Въ первой главѣ дается описаніе географическаго положенія Микенъ, сообщившихъ названіе цѣлой культурѣ, одною изъ отраслей которой является и керамика; далѣе передается нѣсколько историческихъ и легендарныхъ свѣдѣній объ этомъ городѣ, съ обычными ссылками на «Одиссею» и «Иліаду». Между прочимъ, авторъ довольно подробно говоритъ о шести микенскихъ гробницахъ, въ которыхъ чаще всего находили вазы. Наконецъ, слѣдуетъ сущность классификаціи вазъ по Фуртвенглеру. Вторая глава заключаетъ въ себѣ описаніе формъ сосудовъ микенскаго типа. Одною изъ распространеннѣйшихъ формъ въ микенской керамикѣ были псевдо-амфоры, шарообразной формы, съ плоскимъ дномъ въ видѣ ободка и двумя цилиндрическими горлышками, изъ которыхъ одно—фальшиво и закрыто. Псевдо-амфоры находили и близъ Сиракузъ, и въ Египтѣ, что свидѣтельствуетъ объ оживленной торговлѣ ими. Вообще, при всей спеціальности, эта часть наиболѣе интересна и важна по собраннымъ фактамъ вмѣстѣ съ обобщеніями ихъ. Последняя глава посвящена поразительно точному описанію орнаментовъ сосудовъ и ихъ классификаціи, при чемъ авторъ не разъ замѣчаетъ, что однимъ только словеснымъ пересказомъ нельзя передать всей красоты формъ и орнаментовъ, почему въ концѣ книги и приложено семь фототипическихъ таблицъ съ изображеніемъ формъ и деталей орнаментовъ наиболѣе характерныхъ сосудовъ изъ лучшихъ европейскихъ музеевъ.

И. Александровъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОБЪЯВЛЯЮЩІЯ археологическія раскопки. Одинъ путешествующій по Египту американецъ, Дэвисъ, выхлопоталъ разрѣшеніе производить раскопки въ Царской долинѣ Фивъ и безкорыстно взялъ на себя расходы по работамъ, не пользуясь даже ни малѣйшимъ ихъ результатомъ и предоставивъ всѣ найденные предметы французскому археологическому обществу, основанному, какъ извѣстно, въ Каирѣ. Во главѣ этого общества состоитъ извѣстный археологъ Масперо, который занялся этими раскопками. Онѣ оказались необыкновенно удачными, и по результату ихъ Масперо помѣстилъ въ «Journal des Débats» ¹⁾ статью, въ которой съ восторгомъ, понятнымъ истиннымъ любителямъ съдой старины, ищущимъ въ ней отвѣта на многое, онъ передаетъ свои впечатлѣнія. Эти впечатлѣнія были довольно сильныя, если принять во вниманіе; что Масперо очутился въ усыпальницѣ, гдѣ ни одна рука еще не прикасалась къ предметамъ похоронныхъ принадлежностей послѣ того, какъ ихъ трогали люди далекой эпохи и даже самъ фараонъ Аменоесъ III. По словамъ Масперо, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, что онъ работалъ надъ раскопками, это была первая усыпальница, почти не разграбленная, исключая снятыхъ драгоценностей съ муміи; къ обстановкѣ же воров даже не пригравивались. Правда, ему какъ-то попалась одна ветронутая усыпальница, но простого люда, эта же принадлежала зватному лицу — царю Іауа, отцу знаменитой царицы Тіи, жены Аменоеса III и матери Аменоеса

¹⁾ Une tombe nouvelle dans la vallée des rois Thébains, par G. Maspero. «Journal des Débats. Revue hebdomadaire», 31 Mai. 1905.

IV. Собственно усыпальница устроена неважно, и царскій архитекторъ не выказалъ при ея устройствѣ большого искусства. Онъ избралъ для нея одинъ изъ овраговъ, бороздящихъ восточные склоны холма, соединяющагося съ центральнымъ уади и находящагося довольно далеко отъ усыпальницъ четырехъ Тутмосисовъ. Тамъ онъ прорылъ около тридцати ступеней, которыя сначала идутъ подъ открытымъ небомъ, а затѣмъ углубляются въ скалу и достигаютъ очень узкой и низкой двери, откуда попадаешь не въ комнату, а скорѣе въ прямоугольную впадину, безъ всякихъ украшеній, лѣнной работы и живописи; этотъ склепъ такъ не великъ, что едва вмѣщаетъ гробницу и остальные погребальныя принадлежности. Послѣдніе египтяне, посѣтившіе ее, удаляясь засыпали весь участокъ, гдѣ находится лѣстница; кромѣ того, во время бури вода, стремясь потокомъ въ оврагъ, увлекла съ собою скатывавшіеся камни и песокъ, которые образовали такой крѣпкій слой, что едва его брала лопата. Однако г. Картэру, главному инспектору Саида, слѣдившему за работами, удалось проникнуть до первой ступени, но дальнѣйшія работы уже совершались безъ него. На лѣстницѣ валялись брошенные грабителями нѣкоторые предметы, захваченные изъ усыпальницы, какъ, на примѣръ, красивый скарабелъ изъ зеленого стекла; обломки алебастровой вазы, раскрашенное и покрытое позолотой ярмо отъ колесницы, палка съ золотымъ набалдачникомъ и толстый свитокъ папируса; пучекъ лука и сухая трава были небрежно брошены на скамью. Очевидно, воры сняли съ мумій столько драгоценностей, что это было захвачено между прочимъ. Наконецъ, 12 февраля 1905 года, вечеромъ показалась дверь усыпальницы, наполовину заваленная пылью, а 13-го утромъ ее совершенно освободили, и стѣна, закладывающая входъ, стала видна во всю вышину. Кирпичи сохранили обмазку изъ тонкой глины, сдѣланную въ день похоронъ священнымъ каменщикомъ, а печать, наложенная смотрителемъ некрополя, видна совершенно ясно, она изображаетъ лежащаго шакала и подъ нимъ три ряда узниковъ на колѣняхъ со связанными за спиной руками. Воры разобрали три ряда кирпичей, чтобы проникнуть въ усыпальницу, и черезъ это отверстіе можно было видѣть груды темныхъ предметовъ, расцвѣченныхъ золотомъ на томъ мѣстѣ, куда падалъ свѣтъ. Усыпальница была такъ переполнена вещами съ полу до потолка, что казалась совершенно нетронутой, но когда Масперо всмотрѣлся, то увидѣлъ, что здѣсь побывали древніе грабители. Большая черная съ позолотой гробница была открыта, филенки покороблены, стѣнки отдѣлились, крышка упала на бокъ, а мумія превращена въ какой-то свертокъ рваныхъ тряпокъ. Тѣмъ не менѣе вокругъ царитъ полный порядокъ, и вещи находятся на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ были положены въ день похоронъ. Между гребнемъ заложеной кирпичной стѣны и верхушкой двери — не большое пространство, но археологи пролѣзли черезъ него, хотя съ трудомъ, и очутились въ склепѣ. Въ общемъ все напоминаетъ Мехарпири и сразу подало мысль объ эпохѣ Тутмосиса IV или Аменоеса III, которая оказалась справедливой, въ чемъ они скоро убѣдились по надписямъ на различныхъ предметахъ. Открытая ими усыпальница дѣйствительно относится къ эпохѣ Аменоеса III; согласно обычаю всѣ вещи для усыпальницы приносятся въ даръ родными покойника, и на одномъ деревянномъ креслѣ въ этомъ склепѣ находилась надпись дочери Аменоеса III,

принцессы Ситаману, а на одной флягѣ надпись самого Аменофеса III, на гробницѣ же, ящичкахъ, статухукахъ, вазахъ и прочихъ предметахъ неожиданно для археологовъ представились два знаменитыя имени принцессы Тиуа и ея мужа «наслѣднаго принца, перваго друга среди друзей царя, который сдѣлалъ великимъ государя царя, божественнаго отца, любимаго своимъ господиномъ — Iауа». Это открытіе было неожиданнымъ счастьемъ для Масперо. Къ сожалѣнію, грабители, чтобы удобнѣе хозяйничать надъ муміей и въ гробницѣ, очистили отъ всѣхъ предметовъ мѣсто въ ея ногахъ и на южной сторонѣ комнаты виденъ голый полъ на два или на три квадратныхъ фута. Согласно тексту и по представленнымъ изображеніямъ статуя двойника муміи, ящики, саркофаги и всѣ принадлежности должны находиться прямо на землѣ или камнѣ, поэтому надо было, чтобы они стояли на пескѣ, но такъ какъ на могилахъ, до тѣхъ поръ открытыхъ Масперо, воры все растормошили, то трудно было опредѣлить, насколько близко исполнены правила ритуала. Здѣсь же ложе изъ песка находится въ томъ видѣ, какъ его приготовили рабочіе некрополя, и на немъ остались всѣ предметы самой непостижимо разнообразной формы. Къ стѣнѣ прислонены двѣ деревянныя убранныя тканью рамки. На ткани нарисованы контуры великаго Озириса, превращеннаго въ мумію, съ открытымъ лицомъ, съ вѣнцомъ на лбу и пустыми руками, которыя потомъ наполнялись хлѣбными зернами. Эти зерна слегка смачивались, пока не пустились ростковъ. Когда стебель доходилъ до двухъ, трехъ сантиметровъ вышины, ихъ клали плашмя, затѣмъ обворачивали все повязками. Это было какъ бы образное опредѣленіе судьбы души: какъ сѣмя, которое закапываютъ въ землю, человѣкъ — зародышъ, и съ его смертью поднимается другая жизнь, столь же свѣжая и благородная, какъ и первая. Между ложами стоитъ прислоненное къ стѣнѣ кресло изъ темнаго дерева, украшенное рельефами и золочеными надписями. Множество уасхбити, т.-е. статуэтокъ, изображавшихъ рабовъ, которые должны были отвѣчать за покойника, когда Озирисъ призываетъ его на искушительныя работы въ поляхъ Iалу Озирисова рая, украшенныя золотомъ и серебромъ, находятся въ углѣ, и Масперо рѣшилъ, что, должно быть, въ гробницѣ лежало слишкомъ много золота, если воры пренебрегли этими уасхбити. На статуэткахъ нѣтъ ни малѣйшей царапины, ящики не тронуты и если краски нѣсколько потускнѣли, то виною тому пыль, которая вѣками ложилась на нихъ; онѣ тотчасъ же оживились, когда ее слегка съ нихъ стерли. Сѣверная часть усыпальницы не такъ полна богатствъ но все-таки и тамъ ихъ много, между прочимъ кресло съ надписью имени принцессы Ситаману, дочери Аменоэса III, фигурки, ящики для уасхбити, вазы для благовоній, двадцать сортовъ различныхъ принасовъ, сосуды, наполненные благовоніями для ритуала, оружіе и въ глубинѣ противъ стѣны колесница съ дышлами, осями, колесами и ремнями; и если она вынесетъ сопротивление съ чистымъ воздухомъ, то только въ одномъ французскомъ музеѣ будетъ находиться совершенно полная колесница, готовая къ запряжкѣ, чего нѣтъ ни въ одномъ музеѣ. Только чрезъ три недѣли Iауа со всѣмъ его богатствомъ будетъ доставленъ въ Каиръ, что стоитъ немало труда для археологовъ, такъ какъ переправить всѣ эти древніе предметы очень трудно. Матеріальные расходы по пе-

реправкѣ взялъ на себя Дэвисъ, а укладываніе въ ящики и проч. — Масперо. Въ одной изъ раскрытыхъ археологами вазъ медь сохранилась совершенно жидкимъ, какъ былъ наложенъ, и даже сохранилъ свой аромать.

Другое открытіе по части археологіи относится уже не къ похороннымъ обычаямъ, а къ самому жизненному вопросу всѣхъ ѣлковъ—любви. Дѣйствительно этотъ, повидимому, не серьезный вопросъ можетъ, въ сущности, дать серьезный матеріалъ для выясненія психологіи древнихъ народовъ. На этотъ разъ пока найдено одно любовное письмо, написанное какимъ-то вавилоняниномъ за 2000 лѣтъ до Р. Х. Написавшій его—житель Сиппары, той Сиппары, что археологи отождествляютъ съ библейской Севарваніей. Влюбленного звали Гимиль Мардукъ, а его возлюбленную — Касбюнія, т.-е. «овечка»; это служить доказательствомъ, что уже въ то время было принято давать другъ другу прозвища, заимствованныя изъ царства животныхъ. Вавилоняне, оказывается, проявляли мало лиризма въ любви, и ихъ страсти не хватало шила, впрочемъ, если это письмо относилось къ очень влюбленному человѣку или къ умѣвшему письменно излагать свою страсть; онъ писалъ: «Пусть солнце Мардука дастъ тебѣ вѣчную жизнь! Я желаю знать, здорова ли ты! О! пошли ко мнѣ вѣстника, чтобы я это зналъ. Я въ Вавилонѣ, а тебя совсѣмъ не вижу. Поэтому я очень беспокоюсь. Пришли ко мнѣ вѣстника, чтобы сказать мнѣ, когда ты придешь, чтобы я обрадовался. Живи долго изъ любви ко мнѣ». Надо принять во вниманіе, что влюбленному Мардуку стоило немалого труда написать это письмо, такъ какъ для этого ему требовались глиняные кирпичи, которые онъ долженъ былъ самъ обжигать или довѣрить горшечнику.

— Альбрехтъ Дюреръ. Недавно вышло три новые труда о величайшемъ нѣмецкомъ живописцѣ, Альбрехтѣ Дюрерѣ: одинъ—на англійскомъ языкѣ и два—на нѣмецкомъ. Первый ¹⁾ представляетъ художественное, поэтическое и мистическое твореніе извѣстнаго писателя Стурджа Мура, который вовсе не намѣренъ писать біографію Дюрера, но занимается художественной критикой и говорить болѣе о самомъ себѣ, напоминая во всѣхъ отношеніяхъ извѣстнаго Рѣскина. Напротивъ, Максъ Осборнъ и неизвѣстный издатель картинъ, граверъ на мѣди и на деревѣ Дюрера, знакомятъ насъ съ отрывками изъ его писемъ, дневника, поэмъ, эстетическихъ афоризмовъ и т. д., а также съ громаднымъ сборникомъ фотографій всѣхъ его произведеній. Такимъ образомъ историческая фигура Альбрехта Дюрера, называемаго нѣмцами «княземъ артистовъ», является, благодаря послѣднимъ двумъ книгамъ ²⁾, во всемъ величій, во всей реальности и во всей своеобразности не только въ своихъ собственныхъ выраженіяхъ и впечатлѣніяхъ, но и въ своихъ личныхъ художественныхъ изображеніяхъ. Глава франкской школы живописи, или, вѣрнѣе, всей германской, родился въ Нюрембергѣ въ 1471 году и принадлежалъ къ семейству скромныхъ, богобоязненныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Несправедливо увѣряютъ,

¹⁾ Albert Durer, by T. Sturge Moore. London. 1905.

²⁾ Albrecht Durers schriftliches Vermaechtnis, von Max Osborn. Berlin. 1905. Durer: der Meisters Gemaelde. Kupferstiche und Holzschnitte in 447 Abbildungen. Stuttgart. 1904.

что онъ былъ венгерскаго происхожденія, его дѣдъ только работалъ въ Венгріи, гдѣ и женился. Эта капля иностранной крови, но не славянской, какъ увѣряетъ Муръ, объясняетъ въ нѣкоторой степени странности его характера. Въ началѣ онъ получилъ очень тщательное воспитаніе, и отецъ обучилъ его своему мастерству. Такимъ образомъ его дѣтство и юность прошли счастливо, что видно изъ его собственныхъ словъ: «Мой отецъ, — говорилъ Дюреръ, — прилагалъ большія старанія въ воспитаніи дѣтей, съ цѣлю, чтобы, хорошо обученныя, они нравились и Богу и людямъ, поэтому онъ каждый день намъ повторялъ, что мы должны любить Бога и честно поступать въ отношеніи нашихъ ближнихъ. Особенно онъ привязался ко мнѣ, потому что я прилежно учился. Сначала онъ помѣстилъ меня въ школу, но когда я научился читать и писать, то онъ взялъ меня домой и самъ сталъ учить золотыхъ дѣлъ мастерству. Хотя я и научился прилично работать, но меня увлекалъ природный вкусъ къ живописи. Когда я сознался въ этомъ отцу, то онъ пожалѣлъ, что столько потерялъ времени, обучая меня мастерству. Однако онъ согласился исполнить мое желаніе, и въ 1486 году я поступилъ ученикомъ на три года къ Михаилу Вольгемуту, одному изъ мастеровъ по живописной части въ Нюрнбергѣ. Въ это время Господь удостоилъ меня большого рвенія, такъ что я хорошо научился моему новому ремеслу, но много мнѣ пришлось вытерпѣть отъ прихвостней моего учителя, т.-е. отъ его учениковъ и помощниковъ». Какіе быстрые успѣхи Дюреръ сдѣлалъ въ своемъ мастерствѣ, или, лучше сказать, въ художествѣ, доказываетъ тѣмъ, что онъ одинаково успѣлъ въ живописи и въ гравировкѣ на деревѣ. Во время его пребыванія у Вольгемута онъ написалъ портретъ отца, находившійся въ Уффицияхъ во Флоренціи, и сдѣлалъ нѣсколько рисунковъ въ стилѣ своего учителя, которому, однако, подражалъ не вполнѣ, отличаясь большей реальностью и естественностью. «Когда я кончилъ занятія у Вольгемута, — пишетъ Дюреръ въ своей «Хроникѣ», — то отецъ отправилъ меня на четыре года путешествовать. Я выѣхалъ въ пасху 1490 года, а вернулся въ троицу 1494 года». Гдѣ собственно онъ былъ въ это время, подлежитъ постояннымъ спорамъ биографовъ, но, кромѣ Германіи и Голландіи, онъ посѣтилъ, по всей вѣроятности, и Италію. Онъ видѣлъ всѣ рейнскіе города, гдѣ процвѣталъ реализмъ фламандской школы. Въ Падуѣ онъ изучилъ фрески Мантеньи, и къ этой эпохѣ его творчества принадлежитъ складень въ Дрезденѣ, хотя нѣкоторые критики это отрицаютъ. По возвращеніи на родину онъ, по совѣту отца, женился на Агнесѣ Фрей, дочери искуснаго нюрнбергскаго механика. Она была красива и имѣла въ двѣсти флориновъ приданаго, но отравила ему всю жизнь и, по словамъ его искренняго друга Паркгеймера, ускорила его смерть. Послѣдующіе годы онъ въ художественномъ отношеніи постоянно колебался: то онъ писалъ своего великолѣпнаго Геркулеса (въ нюрнбергскомъ музеѣ), пытаясь реализовать величіе классическаго идеала, то въ своемъ мадридскомъ портретѣ подражалъ изяществу и блестящей гармоніи венеціанскихъ мастеровъ, то, какъ это было съ громадной «Pieta» (въ Мюнхенѣ), возвращался къ честному приему нюрнбергской школы. Какъ Рафаэль, Тиціанъ и Рембрандтъ, т.-е., какъ всѣ великіе искатели красоты, онъ въ каждомъ своемъ новомъ твореніи выказывалъ всю глубину сво-

его сердечнаго порыва и, повидимому, измѣнялъ свой эстетическій идеаль. Когда въ 1500 году въ Нюрембергъ прибылъ сухой и своеобразный Джакомо Барбари, то Дюреръ сталъ подражать его утонченной манерѣ и псевдо-научной системѣ, основанной на правилахъ геометріи въ изображеніи тѣла. Онъ не только подражалъ итальянскому мастеру, но даже своимъ ученикамъ, — такъ бросался онъ во всѣ стороны, чтобы достигъ усовершенствованія. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ виду временнаго прекращенія въ Нюрембергѣ моды на художниковъ, онъ вынужденъ былъ заниматься гравюрами на деревѣ. Онъ всегда стремился сдѣлаться «порядочнымъ человѣкомъ», обстоятельства же принудили его заниматься мѣщанскимъ ремесломъ, въ которомъ онъ, однако, выказывалъ гениальность. Ровно 400 лѣтъ тому назадъ, въ 1505 году случилось главное обстоятельство, освѣтившее всю его жизнь и неожиданно разогрѣвшее его сердце. Нѣмецкая колонія въ Венеціи пригласила его написать картину для ихъ маленькой церкви св. Варѳоломея. Въ теченіе двухъ лѣтъ Дюреръ оставался въ Венеціи, гдѣ онъ восторженно работалъ, и гдѣ его носили на рукахъ художники, аристократы и народъ. Его письма того времени къ другу Паркгеймеру полны безумной веселости и избытка молодости: онъ смѣется, издѣвается, по-дѣтски наслаждается тѣмъ, что носитъ французскій плащъ, и что всѣ ему говорятъ любезности. Въ первый разъ онъ сознаетъ себя великимъ художникомъ; впервые, подъ влияніемъ величественнаго искусства, онъ чувствуетъ, что его художественныя идеи словно чудомъ установились, укрѣпились. Картины, написанныя имъ въ Венеціи и въ первое время послѣ влияния Венеціи, принадлежатъ къ лучшимъ его произведеніямъ, — простымъ, прелестнымъ, граціознымъ, богатымъ германской гармоніей и итальянской граціей. Къ числу этихъ картинъ принадлежатъ «Двѣ Мадонны» (Прага), «Адамъ и Ева» (Мадридъ), «Святая Троица» (Вѣна), «Христосъ на крестѣ» (Дрезденъ) и «Молодая женщина» (Берлинъ). Онъ наивно сознается своему другу, что «въ Венеціи нѣтъ лучше моихъ «Мадоннъ», съ какою грустью онъ пишетъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ изъ Италіи: «О, какъ я буду мерзнуть у васъ тамъ, какъ мнѣ будетъ недоставать венеціанскаго солнца. Здѣсь я — господинъ, а тамъ я буду босякомъ». На возвратномъ пути онъ заѣхалъ въ Болонью и, говорятъ, видѣлся съ Рафаэлемъ, который его очень уважалъ и помѣнялся съ нимъ портретами собственной работы. Послѣ этой итальянской поѣздки слава Дюрера распространилась повсюду: императоръ Максимилианъ назначилъ его придворнымъ живописцемъ съ ежегодной пенсіей въ сто флориновъ, а Карлъ V подтвердилъ тотъ же титулъ особымъ документомъ, который еще и теперь хранится въ нюрембергскихъ архивахъ. Какъ онъ предполагалъ, такъ и случилось: его соотечественники сдѣлались еще холоднѣе, чѣмъ прежде, благодаря наступившему протестантизму. Это, однако, не мѣшало ему возстать противъ злоупотребленій католической церкви и пламенно сочувствовать реформѣ Лютера, въ пользу которой онъ ревностно высказался. Но съ другой стороны прекратились и прежде немногочисленные художественные заказы, такъ что сорока лѣтъ онъ совершенно отказался отъ живописи и почти исключительно предался граверному искусству, а также рисованію, скульптурѣ, архитектурѣ и литературѣ самаго разнообразнаго рода. Онъ рисовалъ перомъ

и карандашами; изъ этихъ произведеній особенно замѣчательны: «Головы апостоловъ», «Воскресеніе», «Страсти Господни» въ двѣнадцати листахъ. Изъ гравюръ Дюрера на мѣди, желѣзѣ и оловѣ извѣстны: «Меланхолія», «Конь смерти», «Счастье» и «Немезида» и т. д. Какъ скульпторъ, Альбрехтъ Дюреръ прославился медальонами; изъ нихъ замѣчательны: «Адамъ и Ева», «Христосъ на крестѣ» и т. д. Его архитектурныя работы состояли въ нѣсколькихъ рисункахъ, латинскомъ сочиненіи «De urbibus, arcibus, castellisque condendis et muniendis» и «Трактатъ фортификацій». Кромѣ того, онъ напечаталъ сочиненія о компасѣ и о человѣческомъ тѣлѣ. Наконецъ, онъ написалъ различныя литературныя произведенія, какъ хроники, поэмы, трактаты о перспективѣ, художественныя изслѣдованія, всевозможные отрывки, въ которыхъ выражаются серьезныя мысли и теоретическіе труды о живописи и гравюрѣ. Однако, за нѣсколько лѣтъ до смерти въ немъ какъ бы снова воскресъ великій живописецъ, и онъ предпринялъ въ 1520 году путешествіе вмѣстѣ съ своей женой по Нидерландамъ. Его повсюду встрѣчали торжественно, особенно въ Антверпенѣ и Брюгенѣ. Въ Мехельнѣ регентша, Маргарита австрийская, осыпала его всевозможными милостями, а датскій король Христіанъ III задержалъ его въ Копенгагенѣ съ цѣлю заказать свой портретъ. Возвратясь въ Германію, онъ принялся за свою величайшую картину «Четырехъ апостоловъ», также извѣстную подъ названіемъ «Четырехъ темпераментовъ» (Мюнхенъ). Онъ сообщалъ въ письмѣ еще отъ 1521 года: «Меня поразила какаятостранная болѣзнь, о которой я никогда ни отъ кого не слыхалъ». Эта странная болѣзнь оказалась чахоткой, и черезъ 7 лѣтъ онъ скончался въ своемъ родномъ городѣ на 57-мъ году жизни. Вообще всякаго рода его произведеній было такое множество, что онъ самъ насчитывалъ ихъ 1254.

— Карлъ Лиліенфельдъ и его жена. Во второй мартовской книгѣ «La Nouvelle Revue» княгиня Шаховская-Стрешнева помѣстила статью объ одной изъ невинныхъ жертвъ интригъ при дворѣ Елисаветы Петровны — Карлѣ-Густавѣ фонѣ-Лиліенфельдѣ, эстляндскомъ дворянинѣ, явившемся искать счастье при русскомъ дворѣ¹⁾. Для русскаго читателя болѣе половины статьи не представляетъ интереса, какъ уже знакомыя страницы, взятыя изъ исторіи царствованія Елисаветы Соловьева и другихъ, но нѣкоторыя подробности о Лиліенфельдѣ авторша извлекала изъ еще неизвѣстныхъ источниковъ. Карлъ-Густавъ Лиліенфельдъ принадлежалъ со стороны отца къ эстляндскимъ дворянамъ, занесеннымъ въ дворянскій списокъ Эстляндіи только въ XVII вѣкѣ. Въ 1650 году Лагеманнъ фонъ-Лиліенфельдъ приобрѣлъ имѣніе Аддиналь, гдѣ и протекло дѣтство маленькаго Карла-Густава. Со стороны матери въ немъ была примѣсь шведской крови, такъ какъ она происходила изъ шведской семьи Гиллкрона. Это была женщина, замѣчательная по уму и сердечной добротѣ, и подъ ея вліяніемъ, также имѣя примѣромъ безупречное поведеніе отца, преданнаго своимъ обязанностямъ помѣщика, Карлъ-Густавъ жилъ бы безмятежно и спокойно, если бы у него не проявился вкусъ къ приключеніямъ,

¹⁾ Charles-Gustave de Lilienfeld. Par princesse Schahovskoy-Strechneff. «La Nouvelle Revue». 15 Mars. 1905.

который увлекъ его далеко отъ родного гнѣзда. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ представителей гордой и сильной германской расы, которая еще болѣе укрѣпляется духомъ отъ безконечной борьбы съ людьми и даже съ самой суровой природой. По наружности онъ могъ служить образцомъ своего сословія и народа: высокій, бѣлокурый, съ правильными чертами строгаго лица, на которомъ отражалось выраженіе высокоумія, и голубыми холодными глазами, онъ къ тому же отличался и нравственными качествами: замѣчательной силой воли и цѣльнымъ, твердымъ характеромъ. Впрочемъ послѣднее не мѣшало ему быть нѣжнымъ и кроткимъ въ отношеніяхъ съ матерью, которая горячо возставала, когда онъ впервые задумалъ отправиться къ русскому двору, какъ дѣлали многіе изъ эстляндскихъ дворянъ. Думая успокоить его юношескій пылъ къ дѣятельности, она поручила ему заняться управленіемъ ихъ имѣніемъ «Моизамъ». Въ это время ему было двадцать лѣтъ. Онъ провелъ въ Моизамѣ три года, съ 1738 года по 1740 годъ, въ полномъ одиночествѣ, если не считать его посѣщеній Аддиналя, гдѣ жили родители. Въ осенніе вечера онъ много читалъ, чтò обогатило его пытливымъ, любящій учиться умъ. Но такое спокойствіе оказалось недолговѣчно, и со смертью матери его судьба была рѣшена. Теперь никто не могъ его болѣе удержать, такъ какъ со смертью матери никого не было ему равнаго по силѣ воли,—и онъ исполнилъ завѣтную мечту отправиться въ Петербургъ. Въ это время тамъ господствовалъ Виронъ, и молодому Лиліенфельду были даны письма къ нему, а также къ другимъ высшимъ сановникамъ изъ эстляндцевъ, между прочимъ къ барону Менгдену и гофмаршалу Лёвенвольду; покровительство послѣдняго должно было облегчить ему первые шаги къ честолюбивой карьерѣ. Но молодой человекъ, какъ и многіе чужеземцы, явившіеся въ Петербургъ въ эту эпоху, чувствовалъ какъ бы отсутствіе безопасности и ненадежность положенія Вирона. Лиліенфельдъ былъ слишкомъ предусмотрителенъ и остороженъ, чтобы изъ рукъ нелюбимаго народомъ и гвардіей регента принять какое либо назначеніе. Черезъ барона Менгдена, представившаго его своей двоюродной сестрѣ, баронессѣ Юліи Менгденъ, «игравшей роль герцогини Мальборо» относительно регентши Анны Леопольдовны, Лиліенфельдъ пошелъ ко двору послѣдней, которая была къ нему очень добра такъ же, какъ и ея мужъ, герцогъ Брауншвейгскій. Однако этотъ ничтожный дворъ, властно руководимый Юліей Менгденъ, не нравился Лиліенфельду. Видя ненадежность положенія, какъ Вирона, такъ и Анны Леопольдовны, молодой человекъ уже задумалъ возвратиться домой, когда послѣдовало паденіе Вирона. Ознакомляясь еще болѣе черезъ графа Кенигфельса, адъютанта Миниха, съ подкладкою всѣхъ интригъ и понявъ, что дворъ стремится къ пронасти, осторожный Лиліенфельдъ окончательно рѣшилъ покинуть Петербургъ и написалъ отцу, что онъ уходитъ отъ этой борьбы и возвращается домой. Но пока онъ ожидалъ отвѣта, дѣла принимали серьезный оборотъ: возлѣ Елисаветы собиралось все болѣе и болѣе сторонниковъ во главѣ съ Шетарди. По несчастію, Минихъ заболѣлъ, и мужъ Анны Леопольдовны, подзадориваемый царедворцами, воспользовавшись невозможностью фельдмаршала дѣйствовать, захотѣлъ подчинить его себѣ и всталъ самъ во главѣ дѣлъ, въ чемъ ему помогъ и Остерманъ, представившій правительницѣ

доводъ, что военный глава не можетъ управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а онъ, Остерманъ, держалъ его въ рукахъ двадцать лѣтъ. Такимъ образомъ Анна Леопольдовна съ мужемъ дѣлали все, чтобы ускорить гибель, какъ свою, такъ и младенца императора Юанна Антоновича. Но при дворѣ по-прежнему задавали шпы, несмотря на политическія осложненія и канунъ своего паденія. Хотя Лиліенфельдъ и собрался уѣхать домой, но все-таки отпавился на одинъ изъ баловъ. Это было для него роковой неосторожностью, такъ какъ онъ увидѣлъ рядомъ съ регентшей хорошенькую молодую дѣвушку, ея новую фрейлину, княжну Софью Одоевскую, сироту и наследницу значительнаго состоянія. Юлія Менгденъ представила его молоденькой фрейлинѣ; ея наивное кокетство и выразительное личико вскружили голову разсудительному и благоразумному нѣмцу, и съ этой минуты онъ уже не былъ болѣе господиномъ надъ своими чувствами. Но все-таки, несмотря на страстные чувства къ Софьѣ Одоевской, онъ не хотѣлъ отказаться отъ благоразумнаго рѣшенія вернуться на родину и никогда болѣе не возвращаться къ русскому двору, гдѣ онъ сначала мечтавъ играть видную роль. Однако опьяненіе любовью слишкомъ сильно, чтобы съ нимъ бороться даже такому разсудительному человѣку, какъ Лиліенфельдъ, и встрѣчи съ княжной Одоевской становились все чаще, благодаря Юліи Менгденъ, питавшей страсть къ интригамъ и задумавшей устроить ихъ бракъ, о чемъ она сообщила Аннѣ Леопольдовнѣ. Пока Лиліенфельдъ боролся съ самимъ собою, чтобы уѣхать въ Эстляндію, молодая дѣвушка, все чаще и чаще видѣвшая его, въ свою очередь влюбилась и, благодаря молодости, а также легкости характера, она не скрывала отъ чужихъ взоровъ своей любви. Видя, что она себя уронила въ глазахъ общества, и не имѣя возможности устоять противъ любви, Лиліенфельдъ попалъ въ ловушку, которая ему казалась неожиданнымъ счастьемъ. Между тѣмъ его назначили камергеромъ, что дѣлало его зависимымъ въ денежномъ отношеніи отъ ея семьи и создало своего рода долгъ благодарности. Это еще болѣе дѣлало невозможнымъ отступленіе. Онъ плѣнялся даже недостатками молодой дѣвушки, и для его сосредоточенной и своевольной натуры казались привлекательными ея непринужденная прелесть и простота въ разговорѣ; его не оскорбляло даже ея кокетничанье съ другими, и хотя онъ очень страдалъ, но это увеличивало его страсть. Подъ крылышкомъ Юліи Менгденъ онъ часто видѣлся наединѣ съ княжной Одоевской, и однажды во дворцѣ у него сорвалось съ языка любовное признаніе. Она выслушала Лиліенфельда съ такою радостью, что взволновала его до слезъ. Смягченный полной непринужденностью молодой наследницы, онъ въ свою очередь растрогался до слезъ и сказалъ ей: «Вы мнѣ даете все!» Затѣмъ, намекая на ея громадное состояніе, которое могло унижить его гордость, онъ добавилъ: «Это болѣе, чѣмъ я желалъ бы, и Богъ поможетъ мнѣ отплатить вамъ за это». Эти пророческія слова не поразили молодой дѣвушки, видѣвшей будущее въ розовомъ цвѣтѣ. Когда же разсказъ объ этой сценѣ достигъ его отца вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о предстоящемъ бракѣ, то старикъ въ своемъ поздравленіи какъ бы подкрѣпилъ слова сына слѣдующимъ выраженіемъ: «У тебя вѣрное сердце, и ты исполнишь относительно твоей невѣсты свой долгъ вѣрнаго рыцаря». Свадьба состоялась за недѣлю до 25 ноября

1741 года — числа, памятного для всей Россіи и рокового для молодой четы. Съ паденіемъ маленькаго императора Ивана Антоновича и правительницы одинаковая участь угрожала и всей нѣмецкой партіи, и первые подверглись грубому насилію со стороны солдатъ сузруги Менгденъ. У всѣхъ была еще надежда, что императрица разрѣшитъ развѣнчанному государю возвратиться въ Германію, а вмѣстѣ съ нимъ и его родственникамъ; никто тогда не предвидѣлъ той участи, какая ихъ ожидала. Хотя честолюбивыя мечты Лиліенфельда и рушились, но онъ все-таки былъ на седьмомъ небѣ: онъ мечталъ увезти свою молодую жену къ себѣ въ Эстляндію, по крайней мѣрѣ, на первое время послѣ переменъ царствованія. Однако онъ поддался ея капризамъ и остался въ Петербургѣ. Его положеніе пока еще не измѣнилось, несмотря на то, что онъ былъ нѣмецъ, и семейное счастье не нарушалось. Мало-помалу Софья Лиліенфельдъ оиать повела прежнее веселое и легкомысленное существованіе, наслаждаясь тѣмъ, что теперь сдѣлалась совершенно свободной относительно общественнаго мнѣнія. Она находилась въ дружбѣ съ нѣкоторыми изъ лицъ, близкихъ къ императрицѣ Елисаветѣ, какъ, наиримѣръ, съ графиней Бестужевой-Рюминой, женою гофмаршала новой императрицы, братъ котораго былъ жожакомъ русской партіи въ предыдущее царствованіе. Въ началѣ царствованія Елисаветы, какъ извѣстно, снова началась жаркая борьба партій, особенно вслѣдствіе насильственнаго удаленія Шетарди изъ Россіи, когда Лестоць усилилъ свои происки противъ враждебнаго Франціи Бестужева. Лиліенфельды не принимали никакого участія въ этихъ придворныхъ козняхъ, но все-таки близость Софьи съ Бестужевою имѣла роковыя послѣдствія для нея и мужа. Кромѣ того, молодая женщина продолжала дружбу, заслужившую неодобреніе мужа, съ Натальей Лопухиной, хотя связь послѣдней съ графомъ Левенвольдомъ, изгнаннымъ гофмаршаломъ при дворѣ Анны Леопольдовны, всѣмъ была извѣстна. Урожденная Балкъ и племянница знаменитой Монсъ, которую она напоминала своей красотой, Лопухина была живая, умная, необузданная кокетка, еще сохранившая весь блескъ своихъ прелестей въ сорокъ лѣтъ. Несмотря на горе, вызванное изгнаніемъ любимаго человѣка, она продолжала посѣщать всѣ гостинныя и празднества. Однимъ изъ ея поклонниковъ былъ маркизь Ботта, бывшій австрійскій посланникъ. Его блестящіе разговоры доставляли ему первое мѣсто въ этомъ обществѣ, хотя онъ былъ преданъ изгнанной династіи, особенно правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, при дворѣ которой онъ былъ уполномоченъ отъ своего государя со времени ея вступленія въ управленіе государствомъ. Въ этомъ обществѣ, собиравшемся у Лопухиной, Софья Лиліенфельдъ блестяла яркой звѣздой, имѣя себѣ соперницей по молодости и красотѣ княгиню Гагарину, невѣстку Бестужева. Къ своему несчастію, всѣ эти женщины были умны и умѣли мыслить, а потому не забавлялись одними лишь разговорами о пустякахъ, а иногда вели и болѣе осмысленныя бесѣды. Видя, что ихъ положеніе измѣняется къ худшему при новой императрицѣ, онѣ между собою вспоминали прежнее правленіе, сравнивали его съ настоящимъ и доходили до осужденія поступковъ Елисаветы. Такъ какъ въ этомъ маленькомъ собраніи участвовала и невѣстка Алексѣя Бестужева, то Лестоць, какъ врагъ Бестужева, обратилъ на это вни-

маніе и рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, какъ орудіемъ паденія послѣдняго. Между тѣмъ Софья Лиліенфельдъ наслаждалась въ этомъ обществѣ, не подозрѣвая, что вокругъ нея и ея предполагаемыхъ сообщницъ разставлялась ловушка. Однажды, вечеромъ въ юнѣ 1743 года сынъ Наталіи Лопухиной, гвардейскій полковникъ, находился въ увеселительномъ домѣ, гдѣ собирались его товарищи. Его сопровождалъ поручикъ лейбъ-кирасирскаго полка Бергеръ, курляндецъ, по происхожденію, какъ говоритъ Соловьевъ; по словамъ же авторши, это былъ комендантъ Соликамска, куда былъ сосланъ Лёвенвольдъ. Лопухину надо было вручить Лёвенвольду нѣкоторыя бумаги и цѣнныя вещи, избѣжавшія конфискаціи и хранившіяся у Наталіи Лопухиной. Послѣдняя осыпала вниманіемъ Бергера, разсчитывая, что онъ окажетъ ей услугу, сдѣлавшись необходимымъ посредникомъ между нею и Лёвенвольдомъ. Комендантъ былъ для нея неоцѣнимымъ агентомъ, а для сына товарищемъ по кутежамъ. Въ этотъ памятный вечеръ Лопухинъ сильно подвыпилъ и наболталъ Бергеру много всякаго вздора про Елисавету. Хитрый Бергеръ шилъ воздержно и сохранилъ всѣ умственныя способности. Посидѣвъ достаточно въ этомъ заведеніи, онъ позвалъ Лопухина къ себѣ на квартиру выпить и поговорить по душѣ. Тамъ онъ еще угостилъ Лопухина, и разговоръ продолжался о томъ же предметѣ, что прошедшее царствованіе было лучше. — «Должно быть, однако, имѣлась причина къ этой перемѣнѣ?» — пыталъ его Бергеръ. — «Причина та, что мысль о веселіи не входитъ болѣе ни къ кому въ голову. Напримѣръ, былъ я при дворѣ принцессы Анны камеръ-юнкеромъ, въ рангѣ полковничьемъ, а теперь опредѣленъ въ подполковники, и то не знаю, куда; канальи Лялинъ и Сиверсъ въ чины произведены — одинъ изъ матросовъ, а другой — изъ кофешенковъ за скверное дѣло. Государыня ѣдитъ въ Царское Село и напивается, любитъ англійское пиво и для того беретъ съ собою непотребныхъ людей... ей наслѣдницей и быть бы нельзя, потому что она не законнорожденная». Разговоръ продолжался въ томъ же духѣ, и Лопухинъ добавилъ, что отецъ писалъ матери, чтобы сынъ не искалъ никакой милости у императрицы, такъ какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ перемѣна, а потому его мать больше не ѣдитъ ко двору. Весь разговоръ Бергеръ передалъ своему другу, майору Фалькенбергу, а 15-го и 21-го іюля онъ опять старался встрѣтиться съ Лопухинымъ и повывѣдать у него подробности заговора. Но Лопухинъ не заводилъ объ этомъ разговора и только 20-го, проходя мимо дома Трубецкого, сказалъ: «Трубецкой и принцъ Гессенъ-Гомбургскій одного мнѣнія». Затѣмъ онъ принялся ихъ бранить и говорилъ, что князь Долгорукій также былъ сначала не расположенъ къ государынѣ, а теперь онъ ей преданъ, хотя у нея немного такихъ. «Нынѣшняя государыня больше любитъ простой народъ, потому что сама живетъ, какъ онъ, а большіе всѣ ея не любятъ». Княгиня Шаховская-Стрешнева приводитъ цѣликомъ весь доносъ Бергера на Лопухина по Соловьеву. Лопухинъ, какъ человѣкъ безхарактерный и безвольный, такъ струсилъ пытки, что принялся выдавать всѣхъ, начиная съ своей матери, затѣмъ перейдя на Бестужеву-Рюмину и прочихъ и представивъ маркиза Ботта подстрекателемъ, и, наконецъ, припуталъ Софью Лиліенфельдъ. Несчастная молодая женщина, веселая и нѣсколько легкомысленная, только

со дня брака съ Лиліенфельдомъ поняла, что такое счастье. Возвращаясь домой послѣ всѣхъ своихъ свѣтскихъ побѣдъ, она находила у себя настоящій семейный очагъ, влюбленнаго мужа, занятаго единственной мыслью, какъ бы охранить свою молодую жену отъ заботъ и украсить ей жизнь. Несмотря на свою молодость, Лиліенфельдъ былъ строгъ къ себѣ и другимъ, но относительно женщинъ совершенно преобразался: становился нѣженъ и мягокъ, тѣмъ болѣе, что надежда на скорое материнство Софьи дѣлало ее еще для него дороже. У него не хватало силъ порицать ее за необдуманное поведеніе и неосторожныя рѣчи. Однажды утромъ, когда Софья въ утреннемъ нарядѣ завтракала съ мужемъ, внезапно появились предъ ними сыщики Ушакова съ указомъ задержать Софью. Несмотря на ея слезы и отчаяніе мужа, ее потащили къ каретѣ, которая быстро направилась къ дому, гдѣ проживала императрица до восшествія на престоль. Несчастной Софьѣ Лиліенфельдъ не дали времени надѣть платье и повезли въ утреннемъ легкомъ газовомъ съ кружевомъ нарядѣ, выдѣлывшемъ ея беременность, лишь накинувъ на плечи плащъ. Приѣхавъ по назначенію, она была подвергнута допросу въ особой комиссіи, собранной по этому дѣлу. Угрожаемая пыткой, она призналась во всемъ, оговаривая себя и другихъ. Она передала разговоры Натальи Лопухиной съ Бестужевой-Рюминой: «Говаривали при мнѣ,—выдавала ихъ Софья,—графиня Бестужева-Рюмина и Лопухина, что ея величество непорядочно и просто живетъ, всюду безпрестанно ѣздитъ и бѣгаетъ». Говаривали: «при принцессѣ лучше намъ было, когда бы она была, можетъ быть, это сдѣлается, и когда не сдѣлается, то хотя бы ее отпустили». Софья оговорила князя Гагарина и своего мужа, но тотъ во всемъ заперся. Допросъ такъ ее истощилъ, что съ нею случилось нѣсколько обмороковъ, изъ которыхъ послѣдній былъ такъ глубокъ, что едва удалось привести ее въ себя. Это было для нея счастьемъ, такъ какъ члены тайной комиссіи, несмотря на ихъ нечеловѣческую жестокость, сжалились надъ ея страданіями и, вмѣсто того, чтобы задержать, ее отвезли къ мужу и разрѣшили остаться съ нимъ, «въ виду, какъ гласилъ протоколъ, ея болѣзненнаго состоянія». Несмотря на оговоры жены и другихъ, Лиліенфельда было невозможно обвинить, благодаря его осторожному поведенію во все время событій. Единственный упрекъ, который можно было ему сдѣлать, что онъ не помѣшалъ женѣ посѣщать различныя гостинныя и вмѣшиваться въ неосторожныя разговоры, чего никогда бы не сдѣлалъ самъ сдержанный Лиліенфельдъ. Онъ такъ глубоко страдалъ, что его крѣпкое здоровье надломилось. Онъ тревожился болѣе Софьи, отъ которой онъ тщательно скрывалъ всѣ перипетіи процесса. Она слегла послѣ перваго допроса, и ей былъ сдѣланъ еще одинъ допросъ на дому, и то со всевозможными предосторожностями. Она узнала, только три дня спустя, о начавшихся пыткахъ надъ Лопухиной, Бестужевой и прочими. Лиліенфельдъ боялся, чтобы и его жена не попала въ ужасныя руки палачей, и съ отчаянной энергіей бросился хлопотать. Все было пущено въ ходъ: связи, вліяніе, оставшееся у нѣмецкой партіи, и проч. Безпрерывное волненіе, въ которомъ онъ всегда находился, вызвало у него сильное кровохарканіе. Онъ оставался все-таки у изголовья Софьи спокойный, внимательный, занятый единственной мыслью подкрѣпить ее своей бодростью, особенно же,

чтобы успокоить ея угрызения совѣсти, которыя минутами подымались въ ней и тревожили ее до бреда. У Лиліенфельда ни разу не вырвалось упрека за совершенныя ошибки: все было ей прощено, даже невообразимая слабость, благодаря которой ихъ трагическое положеніе еще болѣе усложнилось. Необходимость все время владѣть собою, безпреставно скрывать свои тревоги, такъ какъ онъ не покидалъ больнои, подбавило еще болѣе нравственной боли, которая становилась ему не подъ силу. Тѣмъ временемъ уголовное разслѣдованіе шло своимъ порядкомъ, и пытки приходили къ концу. 18-го августа Софья Лиліенфельдъ, на этотъ разъ въ сопровожденіи мужа, снова была допрошена. Несмотря на то, что слѣдователи докладывали императрицѣ о болѣзни Софьи и ея беременности, а потому спрашивали, надо ли дѣлать ей очную ставку съ оговоренными ею, — Елисавета приказала сдѣлать очную ставку, прибавивъ: «понеже, коли они государево здоровье пренебрегли, то плутовъ и наипаче жалѣть не для чего, лучше, чтобъ и вѣкъ ихъ не слышать, нежели еще отъ нихъ плодовъ ждать». Поэтому Софью повезли въ крѣпость на очную ставку съ оговоренными. Какъ извѣстно, согласно указу Софью Лиліенфельдъ было приказано подвергнуть смертной казни, ея мужа «за нерадѣніе о томъ, что слышалъ отъ жены», лишивъ всѣхъ чиновъ, сослать въ деревню. Но потомъ императрица измѣнила свое рѣшеніе, приказала, предварительно подвергнувъ виновныхъ тѣлесному наказанію, сослать Софью Лиліенфельдъ не наказывать плетями, пока не разрѣшится отъ бремени, а только объявить, что велѣно ее высѣчь и отправить въ ссылку. 31-го августа 1741 г. приказъ императрицы былъ приведенъ въ исполненіе. Противъ зданія двѣнадцати коллегій былъ воздвигнутъ эшафотъ. Народъ переполнилъ мѣстность, гдѣ должны были слѣдовать приговоренные. Особенно Софья Лиліенфельдъ вызывала чувство жалости въ виду ея красоты, молодости и выраженія ужаса, отражавшагося на ея блѣдномъ лицѣ. Тѣлесныя наказанія надъ обвиняемыми были исполнены въ присутствіи Софьи Лиліенфельдъ. Несчастная беременная женщина переживала страшныя муки, но не могла выдержать ихъ до конца: она потеряла сознаніе. Этотъ обморокъ избавилъ ее отъ мучительнаго ожиданія. Все это время ея мужъ переживалъ тяжелыя минуты, онъ находился въ толпѣ и смотрѣлъ, какъ его хрупкая, нѣжная жена, любимая имъ до безумія, стояла у эшафота мертвенно-блѣдная и дрожа всѣмъ тѣломъ. Послѣ исполненія тѣлеснаго наказанія приговоренныхъ отвезли въ открытыя телѣгахъ за городъ, гдѣ имъ предстояло распростиаться съ родными предъ отправленіемъ въ Сибирь. Софья же Лиліенфельдъ была отправлена въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ къ ней вскорѣ присоединился и мужъ. На другой день онъ узналъ, что вмѣстѣ съ женою будетъ содержаться подъ строгимъ надзоромъ въ собственномъ домѣ, но съ запрещеніемъ выходить или принимать у себя постороннихъ. Впрочемъ, послѣ всѣхъ пережитыхъ страданій, эти условія для него были не тягостны, и онъ находилъ для себя утѣшеніе въ томъ, что могъ всецѣло посвятить себя несчастной женѣ, опрочметчиво попавшей въ такое ужасное положеніе. Хотя самъ онъ былъ боленъ, но совершенно объ этомъ не думалъ и до самозабвенія отдался уходу за женою. Онъ всѣми силами старался усыпить въ ней страхъ и успокоить ея измученное воображеніе, возбужденное видѣннымъ

ею зрѣлищемъ тѣлеснаго наказанія. Несмотря на грозноз будущее, они проводили въ этомъ насильственномъ уединеніи счастливыя мгновенія. Благодаря ласкамъ и сердечному участію мужа, Софья болѣе стойко переносила свою участь, но, несмотря на его заботы, пережитое отразилось на ея здоровьѣ, и ребенокъ явился на свѣтъ мертворожденнымъ. Секретная коммиссія между тѣмъ не дремала и обратилась къ императрицѣ съ рапортомъ, донося, что Лиліенфельдъ просилъ, какъ милости, разрѣшить ему взять съ собою жену въ Эстляндію, вмѣсто того, чтобы подвергнуть ее ссылкѣ въ Сибирь. При этомъ секретная коммиссія находила, что это опасно, въ виду близости Эстляндіи къ границѣ. Прошло три мѣсяца, прежде чѣмъ появилось рѣшеніе императрицы. Въ теченіе этого времени Лиліенфельдъ, не переставая, хлопоталъ, чтобы Софью избавили отъ предварительнаго тѣлеснаго наказанія. Онъ этого добился, однако взять ее къ себѣ въ Эстляндію не позволили, но ему разрѣшили сопутствовать ей въ Сибирь на постоянное жительство. Поведеніе Лиліенфельда тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что другіе мужья обвиненныхъ не только не были намѣрены раздѣлять съ ними участи, но даже не хлопотали о смягченіи наказанія изъ опасенія запутать въ этомъ дѣлѣ свое имя. Это чудовищное равнодушіе тѣмъ болѣе возмутительно, что ни одна изъ женщинъ, несмотря на неимовѣрныя страданія, не произнесла ни одного слова, которое принесло бы мужу вредъ. Поведеніе же Вестужева, женившася въ послѣдствіи на Анастасіи Ягужинской, дочери своей жены, еще болѣе выдвигало благородную личность Лиліенфельда. Имѣнія несчастныхъ жертвъ были отобраны; часть состоянія Софьи была передана ея брату, князю Ивану Одоевскому, который вмѣстѣ съ другими родственниками отнесся очень жестоко къ приговоренной. Лиліенфельдъ остался вѣренъ до конца своему девизу «*Treu bis in den Tod*» (вѣренъ до смерти) и, не колеблясь, отказался отъ радостей жизни и надеждъ на будущее. Единственно, что онъ просилъ у императрицы, — это разрѣшенія возвратиться въ Эстляндію, если онъ переживетъ свою жену. Мѣстомъ ссылки былъ назначенъ Якутскъ, непривѣтливый, холодный городъ, настоящее мѣсто ссылки. 29-го декабря 1744 г., когда морозъ захватывалъ дыханіе, Лиліенфельды достигли Якутска. Хотя мужъ Софьи и не былъ сосланный, но съ нимъ обращались, какъ съ преступникомъ, и даже не разрѣшали покидать жилища, служившаго ему тюрьмой. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, супруги ожидали появленія на свѣтъ второго ребенка. Напрасно Лиліенфельдъ просилъ, чтобы оказали врачебную помощь его женѣ, но для этого приходилась обращаться въ Петербургъ, иначе безъ разрѣшенія сената не имѣли права прислать врача. Какія страданія онъ пережилъ, видно изъ его словъ, написанныхъ на свободномъ листѣ Библии: «13-го марта 1745 г. Марія родилась сегодня ночью въ 3 часа. Да будетъ благословенъ Всемогущій. Благодаря его на колѣняхъ. Софья послѣ пятнадцати-часовыхъ невообразимыхъ страданій думала, что умираетъ; какое смертельное томленіе я переживалъ при ея послѣднихъ конвульсіяхъ. Безъ всякой помощи! Съ нами была одна старая Марѳа. Я держалъ, какъ ледъ, холодныя руки моей дорогой бѣдняжки, почти потерявшей сознание; первые крики ребенка привели ее въ себя»... Переживаемыя страданія все болѣе и болѣе подтачивали здоровье Лиліенфельда, и съ годами у него

развилась чахотка. Въ Якутскѣ не было ни одного врача, и болѣзнь оставалась для Лиліенфельдовъ невыясненной: его сонъ нарушался лихорадкой, ночными потами и сухимъ кашлемъ, но онъ ко всему относился равнодушно и не жаловался. Трудно было рѣшить, сожалѣлъ ли онъ о принесенной имъ въ жертву свободѣ; онъ ничѣмъ не высказывалъ невольнаго возмущенія противъ своего заключенія, которое вело его къ могилѣ. Молодой, сильный, привычный къ движенію на воздухѣ, теперь онъ былъ запертъ съ семьєю въ трехъ низенькихъ комнатахъ, гдѣ едва можно было двигаться. Конечно, онъ могъ взмѣнить свою жизнь, но его удерживала тамъ сила воли и вѣрность своему девизу. Прошло шесть лѣтъ послѣ рожденія его сына Николая, который росъ у него на глазахъ безъ всякаго образованія, и онъ опять обратился въ сенатъ, жалуясь на невозможность дать воспитаніе дѣтямъ, вслѣдствіе запрещенія имѣть книги, чернила и бумагу. Отвѣта не послѣдовало, хотя эта просьба была отправлена вмѣстѣ съ прошеніемъ объ отставкѣ полковника Шкутина, командовавшаго отрядомъ солдатъ, который получилъ отвѣтъ. Эгогъ Шкутинъ былъ человекъ добрый, сердечный и, несмотря на предписанія строго слѣдить день и ночь за Лиліенфельдами, старался по возможности относиться къ нимъ человѣколюбно. Однако эти обязанности ему опротивѣли, и онъ просилъ сенатъ объ отставкѣ. Прежде чѣмъ покинуть Сибирь, Шкутинъ хотѣлъ увѣдомить сенатъ о плачевномъ состояніи здоровья заключеннаго Лиліенфельда. Онъ сообщилъ, что узникъ страдаетъ грудной болѣзью и харкаетъ кровью. По словамъ врача Гунтера, больной чахнетъ, благодаря предписанному постановленію не выходитъ на воздухъ, а ему необходимо иногда выходить на воздухъ. Опять сенатъ ничего не отвѣчалъ. Къ больному былъ привезенъ второй врачъ, Вильгельмъ Штенеръ, который подтвердилъ, что состояніе здоровья ухудшается и уже начинается внутреннее воспаленіе. Оба врача подписали консультацію, въ которой предписывали больному единственное средство — воздухъ и упражненія. Это рѣшеніе было отправлено въ сенатъ. На этотъ разъ наконецъ послѣдовалъ отвѣтъ, но очень неутѣшительный: сенатъ предписывалъ держаться прежнихъ строгихъ правилъ; это равнялось смертельному приговору Лиліенфельда. Мученія длились долго. Сильное молодое тѣло Лиліенфельда еще три года вело борьбу со смертью. Временами ему было лучше, и Софья мечтала о выздоровленіи, но самъ больной не обманывалъ себя. Оба они вели это время какую-то странную жизнь, какъ бы находясь въ лихорадочномъ тяжеломъ сновидѣніи, въ роковомъ сознаніи предстоящей вѣчной разлуки. Оба они кротко обращались съ окружающими ихъ лицами и хлопотали о разрѣшеніи одному изъ отправившихся съ ними въ ссылку слугъ вступить въ бракъ съ сибирской крестьянкой, (сбязуясь содержать ее, хотя это было имъ въ тягость, въ виду скудныхъ средствъ. Густавъ Лиліенфельдъ скончался. Перемена времени года прошла незамѣтно въ четырехъ стѣнахъ его узкой тюрьмы. Онъ умиралъ спокойный, съ полнымъ самообладаніемъ. Положивъ голову на плечо жены, онъ наставлялъ своихъ блѣдныхъ, хилыхъ, вполнѣ необразованныхъ дѣтей, поручая имъ мать. Софья пережила это горе, и, нѣсколько лѣтъ спустя, когда вступила на престолъ Екатерина, ее возвратили изъ ссылки. Она была совершенно разбита нравственно и физи-

чески, постарѣла до неузнаваемости и не ожила отъ ласковаго пріема императрицы Екатерины; милости послѣдней едва разбудили въ ней чувство благодарности. Съ братомъ она встрѣтилась безъ волненія, не забывъ, какъ жестоко онъ съ нею поступилъ. Въ ея сердцѣ не было никакихъ другихъ стремленій, кромѣ страстнаго желанія уѣхать на родину мужа, въ тотъ домъ, гдѣ онъ родился, выросъ и возмужалъ. Наконецъ ея желаніе осуществилось, и она, уже больная, почти умирающая, переехала въ Аддиналь.

— Наполеонъ и папа. Въ исторіи Первой Французской имперіи былъ пробѣлъ касательно отношеній между Наполеономъ и папой, Пиемъ VII. Хотя труды французскихъ историковъ, графа Оссонвиля и Тейне, дали читателямъ цѣнные труды о конкордатѣ и послѣдовавшей за нимъ борьбѣ между церковью и французскимъ правительствомъ, ихъ сочиненія, какъ извѣстно, лишены документальной подкладки, особенно въ послѣднихъ ихъ частяхъ. Это произошло не по личной ихъ ошибкѣ, но благодаря дѣйствіямъ правительства Второй имперіи. Наполеонъ III полагалъ, что онъ дѣйствуетъ въ интересахъ императорской традиціи, запретивъ историкамъ пользоваться протоколами національнаго собора 1811 года. Въ «Меморіалѣ св. Елены» было опредѣленно сказано, что знаменитый изгнанникъ желалъ необнародованія его отношеній съ Римомъ, а онъ самъ продиктовалъ Монтолону свѣдѣнія объ этомъ эпизодѣ. По болѣзни императора или по другой какой причинѣ, но эти свѣдѣнія оказались очень скудными. Только о результатѣ помазанія императора папой Пиемъ VII сказано: «Всѣ европейскіе короли торопились другъ предъ другомъ признать императора и увидѣли съ удовольствіемъ эту перемѣну въ республикѣ. О похищеніи папы изъ Рима генераломъ Миолиссомъ въ 1809 году очень осторожно упомянуто, что это была непонятная комбинація судьбы, перенесшая престолъ св. Петра съ береговъ Тибра на берега Сены; Парижъ сдѣлался не только столицей великой имперіи, но и мѣстомъ пребыванія верховнаго владыки 80 милліоновъ католиковъ». Въ виду такихъ официальныхъ выраженій, Наполеонъ III нашелъ необходимымъ выказать глубокую осторожность къ документамъ, касавшимся отношеній его дяди къ папству. Поэтому большое количество ихъ было пропущено изъ казеннаго изданія «Переписки Наполеона I-го»; только недавно пропущенные документы напечатаны въ изданіи Лесестра и Бротонна. Теперь извѣстный французскій историкъ Анри Велшпнжэ первый воспользовался многочисленными документами не только о соборѣ 1811 года, но о духовной комиссіи 1809 и такъ называемомъ Фонтэнблоскомъ конкордатѣ 1813 года¹⁾. Этотъ писатель уже ранѣе занимался отдѣльными эпизодами въ исторіи Первой имперіи, именно казнью герцога Энгіенскаго, разводомъ императрицы Жозефины и положеніемъ цензуры ежедневной прессы при Наполеонѣ; поэтому онъ былъ совершенно подготовленъ къ своему новому труду, который вполне возмѣщаетъ указанный нами пробѣлъ въ исторіи. Разсказъ объ этомъ эпизодѣ авторъ начинаетъ съ переговоровъ, которые велись между Ватиканомъ и Парижемъ относительно пріѣзда Пія VII-го въ французскую столицу на коронацію императора. Папа полагалъ, что для цер-

¹⁾ Le Pape et l'Empereur (1804—1815), par Henri Welschinger. Paris. 1905.

кви будутъ самые счастливые результаты, если онъ согласится на желаніе Наполеона. Онъ такъ и поступилъ, но надо сознаться, что этотъ поступокъ былъ его первой ошибкой, которая едва ли когда нибудь могла быть исправлена. Такъ какъ этотъ фактъ совершился послѣ казни герцога Энгіенскаго, то онъ, казалось, заглаживалъ это преступленіе. Конечно, авторъ осуждаетъ его, но находитъ оправданіе папѣ. Въ то время римская церковь находилась въ очень критическомъ положеніи. Конкордатъ съ Франціей былъ въ опасности отъ борьбы Наполеона съ церковью по поводу органическихъ пунктовъ. Власть римской церкви, казалось, никогда не могла быть достигнута относительно свѣтскихъ владѣній. Въ этомъ отношеніи поѣздка папы въ Парижъ въ 1804 году общала хорошія послѣдствія. Нѣкоторыя изъ нихъ и были достигнуты. Ничто не могло настолько возстановить католическую церковь въ этомъ свободомыслящемъ городѣ, какъ появленіе стараго смиреннаго, достойнаго папы. Его популярность также возросла, благодаря оскорбительному обращенію съ нимъ Наполеона во время коронаціи, что было мсткою со стороны императора за требованіе папы вторичнаго брака Жозефины прежде коронаціи. Эгогъ съ теоретической стороны вполне правильный шагъ Пія VII не принесъ ему никакой пользы относительно духовныхъ уступокъ. Главное онъ настаивалъ на уничтоженіи гражданскаго развода, но нисколько въ этомъ не успѣлъ, и только получилъ самыя незначительныя уступки относительно правъ конгрегацій, контроля епископовъ надъ религіознымъ воспитаніемъ въ лицеяхъ, незначительное увеличеніе жалованья бѣдныхъ патеровъ и назначеніе капеллановъ въ армию. Ясно выразивъ, какъ недостаточны казались ему эти уступки, Пій VII выбылъ въ Римъ ровно сто лѣтъ тому назадъ, 4-го апрѣля 1805 года. Съ этого момента началась жестокая борьба между Ватиканомъ и императоромъ до самаго отреченія Наполеона въ 1814 году. Прежде всего папа отказался отъ расторженія брака Иеронима Бонапарта съ миссъ Патерсонъ, подозревая, что Наполеонъ на этомъ такъ настаиваетъ лишь съ цѣлью развестись впоследствии съ Жозефиной. Мало-помалу его намѣренія относительно папы ясно выразились въ странномъ посланіи изъ Дрездена въ 1807 году: «Быть можетъ, не далеко то время, когда я признаю папу только епископомъ римскимъ и приравняю его ко всѣмъ епископамъ въ моихъ государствахъ. Я не побоюсь соединить гальскую, итальянскую, германскую и польскую церкви, съ тою цѣлью, чтобы вести дѣла безъ папы». Въ концѣ концовъ французы заняли Римъ въ 1808 году, а черезъ годъ Наполеонъ присоединилъ папскія владѣнія къ Франціи на томъ основаніи, что Карлъ Великій отдалъ Римъ папѣ, какъ ленъ, и наслѣдникъ Карла Великаго возвратилъ себѣ Римъ наравнѣ со всѣми другими ленами. Въ отвѣтъ на это папа отлучилъ Наполеона отъ церкви, а Наполеонъ приказалъ своимъ войскамъ схватить «*le fou furieux*» и водворить его въ качествѣ узника въ Савонѣ. Очень эффектно описываетъ авторъ полукривую попытку Франца II и Меттерниха въ 1810 году въ пользу папы и безконечныя интриги, веденныя Наполеономъ въ Савонѣ, чтобы подчинить папу своей волѣ. Очевидно, авторъ симпатизируетъ слабой сторонѣ, хотя императоръ увѣрялъ, что царство папы не отъ міра сего, а слѣдовательно онъ естественно обязанъ подчиниться свѣтской власти во всемъ, что касается

свѣтскихъ отношеній. Несмотря на то, что Пія VII часто обвиняли въ излишней слабости, онъ выказывалъ въ Савонѣ спокойствіе, прозорливость и достоинство. Такъ же онъ велъ себя и въ началѣ 1812 года, когда Наполеонъ подъ видомъ угрозы англичанъ освободить святого отца изъ Савоны, приказалъ его перевезти чрезъ Туринъ, Шамбери и Лионъ въ Фонтенбло. Однако авторъ опровергаетъ, что въ Фонтенбло употребляли противъ него насиліе, и что онъ называлъ Наполеона «comediante». Окончательный и побѣдоносный результатъ роковой исторіи папы окончился въ 1814—1815 гг. вслѣдствіе гибели самого Наполеона.

— Домашнія бесѣды Бисмарка. Бисмарковской литературѣ предстоитъ обогатиться еще однимъ новымъ матеріаломъ — воспоминаніями барона Миттнахта, которыя въ скоромъ времени появятся въ Штуттартѣ. На этотъ разъ Бисмаркъ явится, повидимому, безъ официальной личины, а такимъ, какимъ онъ бывалъ дома, въ семейной обстановкѣ, бесѣдующимъ послѣ сытнаго обѣда о своихъ дѣлахъ, которыми онъ занимался въ теченіе дня, о своихъ заботахъ и волновавшихъ его умъ вопросахъ. Никто изъ окружающихъ Бисмарка не знаетъ его такъ близко, какъ баронъ Миттнахтъ, часто обѣдавшій въ семьѣ желѣзнаго канцлера и прислушивавшійся къ его разговорамъ съ женою, а также лично съ нимъ бесѣдовавшій. Онъ имѣлъ обыкновение каждый разъ записывать въ дневникъ всѣ разговоры и, выйдя пять лѣтъ тому назадъ въ отставку, посвятить свое время приведенію въ порядокъ этихъ воспоминаній. Скажемъ два слова о самомъ Миттнахтѣ и его отношеніи къ Бисмарку, который, хотя и былъ съ нимъ близокъ, но, по своему обыкновению, не совершенно обнаруживалъ предъ нимъ всѣ сокровенныя мысли. Миттнахтъ родился въ 1825 году въ Штуттартѣ. Въ 1861 г. онъ былъ избранъ депутатомъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ главарей консервативной партіи. Въ 1867 г. его назначили министромъ юстиціи въ Виртенбергѣ, а чрезъ три года, въ 1870 г. онъ сдѣлался первымъ министромъ, замѣстивъ Бернбуллера, и въ этомъ качествѣ велъ переговоры въ Версалѣ относительно основанія имперіи. Тамъ онъ сблизился съ Бисмаркомъ, который увлекъ его своей политикой. Съ этого времени онъ сдѣлался его вполнѣ преданнымъ сотрудникомъ относительно плана объединенія Германіи. Слишкомъ много крупныхъ событій совершилось на глазахъ Миттнахта, а потому, безъ сомнѣнія, его воспоминанія представляютъ много любопытнаго. Теперь пока появились небольшія выдержки ¹⁾ изъ этихъ воспоминаній въ двухъ нумерахъ «Journal». По его словамъ, Бисмаркъ любилъ послѣ обѣда за трубкой и пивомъ, которое подавалось въ большомъ количествѣ, непринужденно бесѣдовать, облокотившись на столъ. Въ этихъ бесѣдахъ, конечно, отражалось настроеніе канцлера, которое зависѣло отъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, въ сентябрѣ 1879 г., вскорѣ послѣ поѣздки Вильгельма въ Александрово, гдѣ онъ видѣлся съ императоромъ Александромъ II-мъ, Бисмаркъ казался очень озабоченнымъ: вѣдшая политика имперіи ставила его въ затруднительное положеніе. Россія, несмотря на плохіе финансы, продолжала вооружаться. Двадцать четыре вновь созданныя ди-

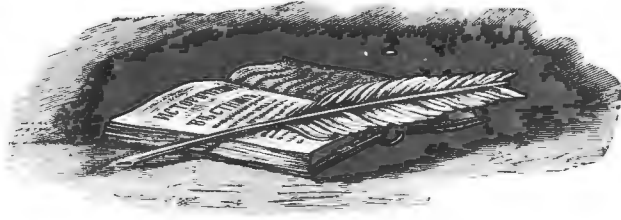
¹⁾ Les Propos de table du prince de Bismark. Le Journal. 5 6, avril 1905.

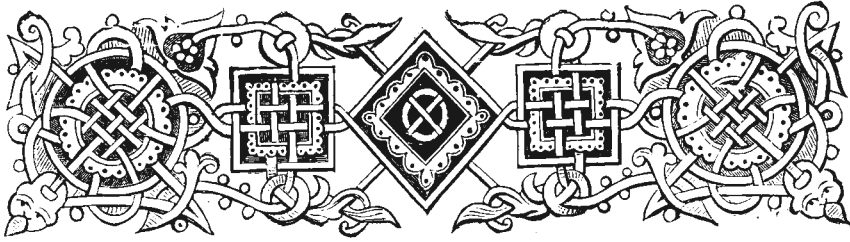
взвѣи представляли на случай войны 400.000 ч. войска, наводнившаго Польшу. Въ то же время Россія подъ сурдинку попробовала почву относительно союза съ Франціей, но неудачно; въ виду внутреннихъ неурядиць, Франція не хотѣла воевать. Тогда Россія сдѣлала ту же попытку въ Италиі, но тамъ не было войска. «Единственный другъ Германіи въ Россіи императоръ Александръ, — упомянулъ Бисмаркъ въ разговорѣ. — Однако этотъ другъ становится довольно ненадежнымъ. Онъ находится подъ вліяніемъ генераловъ и особенно Милютина, крайне опаснаго политика. Опасенія, среди которыхъ онъ живетъ, и предпринимаемыя мѣры для огражденія себя отъ покушеній принуждаютъ царя вести печальное существованіе. Онъ не осмѣливается даже переѣхать границу своихъ владѣній, такъ что императоръ Вильгельмъ принужденъ перемѣщаться и совершать поездку въ Александрово, недостойную германскаго императора... На русскихъ разсчитывать нельзя... Въ то самое время, какъ императоръ Александръ увѣрялъ въ своей дружбѣ и въ томъ, что Россія никогда не питала ненависти къ Германіи, въ Петербургѣ любезничали съ французскимъ министромъ Вадингтономъ и пытали его относительно союза Франціи съ Россіей. Если уже это такъ, — продолжалъ Бисмаркъ, — то я предпочитаю союзъ съ Австріей. Довольно съ меня высокомерія Россіи... Австрія — конституціонное государство: она любитъ миръ, тѣмъ болѣе, что она находится подъ нѣмецкими пушками. Чго мы можемъ подѣлать противъ Россіи? Впрочемъ, достаточно бросить взглядъ на карту, чтобы замѣтить безпрестанную опасность, грозящую южной Германіи, если Австрія будетъ противъ насъ. Соединивъ же наши усилія и приведя на военное положеніе силы въ два милліона человекъ, наши оба государства никого не будутъ бояться. Намъ надо сблизиться съ Австріей и заключить съ нею конвенцію, въ родѣ конституціоннаго союза, который отнынѣ вступитъ въ законную силу. Не надо допускать эту страну итти по теченію. Рано или поздно ее заберутъ въ свои руки Россія или Франція»... Нѣсколько дней спустя, Миттнахтъ опять объѣдалъ у желѣзнаго канцлера, который становился все озабоченнѣе и тревожнѣе. Онъ громилъ Россію, которая, по его словамъ, доставляла ему столько хлопотъ и затрудненій. «Императоръ Александръ дошелъ до того, что меня оскорбляетъ! Да, оскорбляетъ меня! Въ письмѣ, присланномъ на-дняхъ моему государю, въ собственноручномъ письмѣ, онъ осыпаетъ меня бранью. И то съ нимъ случается не впервые. Впрочемъ, — прибавилъ съ горечью Бисмаркъ, — государи не стѣсняются разсуждать между собою о министрахъ, какъ о простыхъ инсекторахъ государственныхъ имуществъ. Мой собственный императоръ часто присылаетъ миѣ записки, лишеныя самой обыденной учтивости... Поэтому бываютъ минуты»... Этой фразы Миттнахтъ почему-то не окончилъ, вѣроятно, выраженіе Бисмарка было нѣсколько рѣзко. Между тѣмъ сближеніе Россіи и Франціи подвигалось и въ 1883 г. канцлеръ уже болѣе не скрывалъ своей досады. Онъ жестоко сердился и однажды, въ припадкѣ гнѣва, сказалъ: «Рѣшено, что императоръ Александръ III желаетъ мира. Онъ это безпрестанно твердитъ. Это — формула. Но онъ не господинъ себѣ, онъ подчиняется вліянію окружающихъ его. А этотъ русскій генералъ, который недавно въ Парижѣ разбилъ стаканъ послѣ того, какъ выпилъ за французско-русскій союзъ, объявивъ, что: «Республика меня не стѣсняетъ! Вы только опередили насъ!» А другой генералъ, Игнатъевъ,

нѣсколько дней тому назадъ, безъ всякаго официальнаго характера, открыто отдавшій инструкціи русскому посланнику въ Константинополь? Хорошее будетъ дѣло, когда Франція сблизится съ Россіей. Онѣ никогда не найдутъ другихъ союзниковъ. Что до меня, я увѣренъ въ Итали, Австріи, и мнѣ стоитъ только подать знакъ, чтобы имѣть Испанію. Всѣ европейскіе государи прекрасно чувствуютъ, что мы — твердая поддержка монархическаго принципа, и что маленькія разногласія, возникающія между различными государствами, ничто въ сравненіи съ ужаснымъ столкновеніемъ, которое съ минуты на минуту можетъ вспыхнуть между стариннымъ порядкомъ вещей и революціей. Что касается Франціи, то никогда и ни подъ какимъ условіемъ мы не нападёмъ на нее. Еще менѣе того мы вмѣшаемся въ ея внутреннія дѣла. Я объ этомъ формально заявилъ нѣсколько времени тому назадъ, когда ко мнѣ явились повывѣдать со стороны орлеанистовъ. Но французы неизбежно кончатъ тѣмъ, что нападутъ на насъ. Они не будутъ въ состояніи помѣшать этому. Какаянибудь личность, партія отважится, въ видѣ послѣдняго средства на войну... Наша выгода избѣжать ея, во что бы то ни стало. Я всѣми силами противлюсь предположенію наслѣднаго принца проѣхать черезъ Францію на возвратномъ пути изъ Испаніи. На югѣ Франціи одинъ человекъ способенъ увлечь всю массу. Достаточно одного крика, знака... Однажды, распивая съ Миттнахтомъ бургундское вино у канцлера проснулось воспоминаніе о Наполеонѣ, и онъ сказалъ: «Я оказалъ Наполеону услугу. Когда онъ готовился къ войнѣ противъ Австріи, то выбралъ меня своимъ повѣреннымъ и поручилъ мнѣ посредничество относительно прусской поддержки. Я его отговорилъ, понявъ, что онъ затѣваетъ дѣло... Я отвѣтилъ, что мой государь никогда не приметъ этого предложенія, тѣмъ болѣе, что дѣло могло обнаружиться, и тогда онъ оказался бы въ щекотливомъ положеніи». Когда въ 1878 году отношенія между Германіей и Франціей обострились, и шли слухи о предстоящей войнѣ, Бисмаркъ былъ крайне остороженъ, въ виду того, что всякій ничтожный случай могъ послужить поводомъ къ вспышкѣ. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что опасность близка, и еще въ февралѣ 1878 года говорилъ Миттнахту: «Въ этомъ году война не вѣроятна, но ничто не обезпечиваетъ меня, что она не вспыхнетъ въ слѣдующемъ году. Французы усовершенствуютъ свое оружіе. У нихъ приобрѣтено новое ружье. Они также стараются изобрѣсть порохъ соотвѣтствующихъ качествъ, и до тайны производства котораго трудно было бы добраться». Нѣсколько дней спустя, въ Берлинъ пріѣхалъ австрійскій наслѣдный принцъ и долго бесѣдовалъ съ Бисмаркомъ относительно распространившихся упорныхъ слуховъ о войнѣ съ Франціей. Въ тотъ же вечеръ, послѣ обѣда, Бисмаркъ въ разговорѣ съ Миттнахтомъ воскликнулъ: «Мы не нападёмъ на Францію! Я повторилъ то же принцу, что повторяю всѣмъ, кто меня объ этомъ спрашиваетъ. Прежде всего нашъ государь старъ. Его намѣренія миролюбивы. Кромѣ того, начать войну по той только причинѣ, что въ данное время перевѣсъ, по видимому, на нашей сторонѣ, было бы легкомысленнымъ предиріятіемъ. Сами французы еще не знаютъ, чего стоятъ ихъ новыя ружья и мелинитъ. Благопріятныя оныты не могутъ быть полнымъ доказательствомъ». Затѣмъ Бисмаркъ

коснулся «различныхъ мнѣній, въ то время распространенныхъ относительно рѣшительныхъ мѣръ, какія слѣдовало бы предпринять въ Эльзасѣ, какъ, напримеръ, лишить эльзасцевъ избирательныхъ правъ въ рейхстагѣ, избавиться отъ Landesausschuss, подѣлить страну между сосѣдними государствами (Пруссіей, Баваріей и Баденомъ), совершенно присоединить все къ Пруссіи или, по крайней мѣрѣ, Лотарингію. Что касается до его личныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ, то онъ въ тотъ моментъ еще не имѣлъ объ этомъ окончательнаго мнѣнія. Въ принципѣ онъ былъ врагъ радикальныхъ преобразованій. Каждое государство, получившее кусочекъ Эльзасъ-Лотарингіи, въ дѣйствительности, получило бы очень обременительный подарокъ. Впрочемъ, государь былъ такъ хорошо принятъ въ Эльзасѣ во время недавняго путешествія, что противъ сердца рѣшился бы на столь суровыя мѣры. Надо дѣйствовать мягко; ничто не оправдываетъ насилій, и лучшая политика въ приобрѣтенныхъ провинціяхъ— доброжелательная». Со вступленіемъ на престолъ новаго императора Вильгельма II, Бисмаркъ сталъ тревожиться о будущемъ и о своемъ личномъ положеніи. Онъ чувствовалъ, что его авторитетъ уже не прежній, и ему предстоитъ считаться съ молодымъ императоромъ. Но главное его преслѣдовала мысль о предстоящей роли: онъ чувствовалъ, что въ Германіи какая-то перемѣна, и онъ сталъ часто жаловаться Миттнахту, что совсѣмъ не спитъ. Самыя снотворныя средства уже болѣе не дѣйствовали противъ его бессонницы, но, тѣмъ не менѣе, онъ съ утра уже сидѣлъ за рабочимъ столомъ. Онъ все хотѣлъ знать, каждое мнѣніе, каждую мысль новаго императора. «Я совѣтую моему сыну Герберту,—говорилъ онъ,— быть крайне осторожнымъ и сдержаннымъ. Я самъ соблюдаю эту осторожность. Я ожидаю... Въ тотъ вечеръ онъ былъ особенно печаленъ и не старался этого скрывать отъ Миттнахта. Онъ опять вспоминалъ прежнее время и сказалъ: «Я очень любилъ покойнаго государя. Я всегда питалъ къ нему привязанность и искреннюю признательность. Онъ былъ добрякъ. Но онъ очень перемѣнился особенно въ послѣднее время своей жизни. На мой взглядъ онъ былъ уже не тотъ. Онъ уже не такъ обращалъ вниманіе на мои прежнія мысли. Мои доклады часто ему не нравились, и онъ нерѣдко ихъ вовсе не читалъ. Когда я съ нимъ говорилъ, то онъ меня слушалъ, улыбаясь, и повторялъ: «Бисмаркъ! Бисмаркъ! Вы производите на меня впечатлѣніе жонглера съ его четырьмя шарами!» Въ одинъ февральскій день, въ 1889 году, Бисмаркъ казался особенно удрученнымъ и пасмурнымъ, возвращаясь съ аудіенціи императора. «Мы говорили о моихъ дѣлахъ, — признался онъ Миттнахту.— На мнѣ слишкомъ много обязанностей, я слишкомъ отягченъ бременемъ. Я совѣтовалъ императору раздѣлить мое наслѣдство, когда я покину власть. Не хорошо, чтобы въ одномъ человѣкѣ соединялось столько авторитета». Затѣмъ Бисмаркъ опять сталъ вспоминать прошлое. «Въ 1866 году король хотѣлъ продолжать войну противъ Австріи и добраться до Венгріи. Онъ очень желалъ взять кусокъ Богеміи, большую часть Саксоніи и Бейрутъ. Мои возраженія привели его тогда въ такое возбужденное состояніе, что онъ заплакалъ. Я самъ былъ очень взволнованъ. По счастью, вмѣшательство наслѣднаго принца привело къ благопріятному рѣшенію. Однако бѣдный

государь далъ свое окончательное согласіе лишь послѣ того, какъ объявилъ со слезами на глазахъ, что принимаетъ этотъ позорный миръ только потому, что его канцлеръ оставилъ его лицомъ къ лицу съ врагомъ, а его собственный сынъ взялъ сторону министра. Что касается до войны съ Франціей, то государь неохотно на нее согласился. Государыня тоже ему отсвѣтывала. Впечатлѣніе Эмской депеши отъ 13-го іюля 1870 года было самое унылое. Но когда я ее сократилъ, она произвела совсѣмъ другое дѣйствіе».

С М Ъ С Ъ.

ПРЕМИИ М. И. Михельсона. Отдѣленіе русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ доводитъ до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1904—1906 годовъ) назначены слѣдующія задачи на соисканіе премій М. И. Михельсона: 1) тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія; 2) германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка; 3) польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ; 4) уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ; 5) слова русскаго языка со звуками «х»; 6) финское вліяніе на лектическую сторону русскаго языка; 7) ивоземные матеріалы по терминологіи художествъ и ремеселъ въ московской Руси по памятникамъ XV, XVI и XVII столѣтій; 8) скандинавскіе элементы въ русскомъ языкѣ. Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1.000, 500 и 300 рублей. Преміи М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16-го декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не поздиѣ 1-го марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія. На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскомъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждого конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ.

Общество любителей древней письменности. 4-го февраля состоялось общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Кондакова. Первое сообщеніе

«Къ вопросу о протографѣ Толковой Пален» было сдѣлано К. К. Истоминымъ. На основаніи критики установленной классификаціи редакцій Толковой Пален референтъ сдѣлалъ выводъ, что первою редакціей нужно считать хронологическій типъ Пален, а не коломенскій толковый, и затѣмъ перешелъ къ выясненію протографа, основываясь на разсмотрѣніи хронографическихъ списковъ Толковой Пален, раздѣляющихся на двѣ категоріи: а) хронографическую и б) толковательную. Эти категоріи, по мнѣнію референта, не могутъ быть возведены другъ къ другу, а потому источникомъ ихъ долженъ быть недодешедшій до насъ протографъ Толковой Пален. Характеризуя, на основаніи разсмотрѣніи списковъ обѣихъ категорій, литературные приемы этого протографа, г. Истоминъ указалъ, что протографъ не былъ только компіляціей, но иногда въ немъ являлись и личные домыслы. Принимая все это въ соображеніе, референтъ находитъ возможнымъ возвести коломенскій типъ Пален не къ протографу, а къ категоріи хронографическаго типа. Второе сообщеніе «О неизвѣстной доселѣ риторикѣ» принадлежало Х. М. Лопареву. Эта риторика 1710 года — трудъ аеоно-иверскаго діакона Косьмы, долго проживавшаго въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ и переведшаго на греческій языкъ «Кіево-печерскій патерикъ» и «Синописисъ» Иннокентія Гизеля. Учебникъ риторики, посвященный гр. И. А. Мусину-Пушкину, составленъ Косьмой на основаніи руководства Франциска Скуфа, при чемъ для русскихъ читателей взяты примѣры изъ русской исторіи, такъ здѣсь мы находимъ между прочимъ рассказы о прибытіи греческой царицы Анны, о св. Владимирѣ, св. Борисѣ и Глѣбѣ, Батыѣ, о самозванцѣ «Дмитріи Отрепьевѣ», о діаконѣ-отступникѣ Петрѣ Артемьевѣ, объ Азовскомъ сидѣніи и т. д. Кромѣ примѣровъ, взятыхъ изъ русской исторіи, діаконъ Косьма даетъ примѣры моленій къ русскому царю объ освобожденіи греческой церкви отъ турецкаго ига, напоминающіе рѣчи Юрія Крижанчца.

Археологическое общество. I. Вновь возникшее нумизматическое отдѣленіе открыло свою ученую дѣятельность засѣданіемъ 21-го декабря. Предсѣдательствовалъ августѣйшій управляющій отдѣленіемъ, его императорское высочество великій князь Георгій Михайловичъ. Присутствовали: помощникъ августѣйшаго предсѣдателя общества, вице-президентъ императорской академіи художествъ графъ П. И. Толстой, секретарь общества В. Г. Дружининъ, профессоръ нумизматики А. К. Марковъ и другія лица. Августѣйшій управляющій отдѣленіемъ открылъ засѣданіе и привѣтствовалъ присутствующихъ съ началомъ занятій отдѣленія. Затѣмъ секретарь отдѣленія М. Г. Деммени, изложивъ вкратцѣ, что возникшая 17-го января 1904 года среди петербургскихъ нумизматовъ мысль объ учрежденіи нумизматическаго общества получила, наконецъ, осуществленіе, путемъ измѣненія устава археологическаго общества и включенія въ число его отдѣленій новаго нумизматическаго отдѣленія, сообщилъ, что его императорское высочество великій князь Георгій Михайловичъ, съ всемилостивѣйшаго соизволенія Государя Императора, изъявилъ свое согласіе на обращенную къ нему 2-го октября просьбу членовъ новаго отдѣленія принять на себя должность управляющаго отдѣленіемъ. Первое засѣданіе подъ своимъ предсѣдательствомъ августѣйшій управляющій ознаменовалъ принесеніемъ въ даръ обществу своего труда — «Монеты императрицы Екатерины I и императора

Петра II». II. На засѣданіи отдѣленія восточной археологіи, 28-го января, подъ предсѣдательствомъ профессора барона В. Р. Розена, профессоръ Б. А. Тураевъ ознакомилъ членовъ отдѣленія съ интересными вновь изслѣдованными имъ документами: рукописями на абиссинскомъ или эіопскомъ языкѣ. Рукописи эти въ большей части хранятся въ Азіатскомъ музеѣ академіи наукъ, куда пожертвованы бывшимъ агентомъ нашимъ въ Абиссиніи Орловымъ и докторомъ Коріандеромъ. Докладчикъ сообщилъ результаты своего изслѣдованія надъ тремя коллекціями, содержащими въ себѣ около 70 экземпляровъ. По времени рукописи относятся къ XVII—XIX столѣтіямъ нашей эры, но содержанію касаются: догматки, литургіи, лексикологіи и исторіографіи. Наибольшій интересъ представляютъ: переводный трактатъ церковно-историческаго характера, написанный съ удивительною для эіопскаго XVII столѣтія эрудиціею; хроника, излагающая историческія событія XIX вѣка, до 1889 года, написанная въ 1902 году и представляющая пока единственное на древне-эіопскомъ языкѣ изложеніе этихъ событій; сборники магическихъ молитвъ; служебникъ, принадлежавшій самому императору Менслику и за его печатью. Кромѣ рукописей, докторомъ Коріандеромъ пожертвовано въ академію нѣсколько любопытныхъ образчиковъ абиссинской живописи: картинъ на холстѣ, принадлежащихъ кисти придворнаго художника За-Эльса. Картины представляютъ собою священныя изображенія, за исключеніемъ одной, изображающей побѣду при Адудѣ.

Археологическое общество въ Москвѣ. I. Графиня П. С. Уварова сообщила докладъ о совершенной ею осенью истекшаго года поѣздкѣ на Кавказъ, въ виду состоявшагося постановленія общества подготовить для слѣдующихъ томовъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа» — изданіе рисунковъ финифтяныхъ иконъ и лицевыхъ рукописныхъ Евангелій, сохранившихся на Кавказѣ. Работа начата была съ Гелатскаго монастыря въ Кутаисѣ, основаннаго царемъ Давидомъ Возобновителемъ (1089 — 1125 гг.) и служившаго при Багратѣ III (1510—1548 гг.) усыпальницей грузинскаго царскаго дома. Наибольшій археологическій интересъ представляетъ икона Хухульской Божіей Матери въ видѣ складня съ поясною иконою молящейся Богоматери въ центрѣ. По преданію, изображеніе Богоматери было писано евангелистомъ Лукой и вначалѣ было богато разукрашено драгоценными камнями. Хотя сама икона съ драгоценностями значительно въ настоящее время попорчена, но главную археологическую цѣнность иконы представляетъ самъ складень съ золотымъ чеканнымъ окладомъ по всей поверхности, изукрашеннымъ рельефнымъ травянымъ орнаментомъ, который своимъ изяществомъ и крупнымъ рельефомъ указываетъ на лучшую пору развитія грузинскаго искусства, то-есть на XI и XII вѣка, что подтверждается и надписью основателя обители. Въ чеканный окладъ вставлено огромное количество перегородчатой финифти по золоту византийскаго искусства и древнѣйшая изъ всѣхъ, вѣроятно, VIII столѣтія, звѣздообразная, почти круглая, пластинка съ воспроизведеннымъ по прозрачно изумрудному фону цурпуровымъ цвѣтомъ древнѣйшаго типа Распятіемъ Спасителя. Огромное богатство представляетъ Гелатскій монастырь и по видамъ Лицевыхъ Евангелій, которыя необходимо изучить и издать въ слѣдующемъ выпускѣ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа». Изъ мингрельскихъ монастырей осмотрѣны

два: Хонскій и Мартвильскій, а изъ церквей Гурин—находящіяся въ селеніяхъ: Лихауръ и Адчи, а изъ монастырей: Шемокмедскій и Джуматскій. Въ засѣданіи демонстрированы были снимки съ иконъ. П. А. Н. Гревъ прочелъ отчетъ о командировкѣ для раскопокъ и археологическаго изслѣдованія Хазарскаго ханата въ Хасавъ-Юртовскомъ округѣ, Терской области. Докладчикъ совершилъ путешествіе отъ устья рѣки Волги до Змѣйской станицы (урочище Минаретъ или Татаръ-тупъ) и до Петровска черезъ бассейны Кумы и Терека. У Змѣйской станицы еще сохраняются очертанія бывшаго залива Каспія и громадный курганъ на горѣ и, кромѣ того, остатки подземнаго хода. Большая часть археологическихъ остатковъ этого края подвергалась и подвергается хпщенію не только со стороны низшаго класса, но и мѣстныхъ интеллигентовъ. Но, тѣмъ не менѣе, въ Хасавъ-Юртовскомъ округѣ, а также въ мѣстности между Эндери и Хасавъ-Юртомъ, сохранилось множество остатковъ старины. Замѣчательнъ курганъ около селенія Эндери, подъ названіемъ «Балтаякъ-тюбе». На холмѣ стоитъ древній арабскій памятникъ, воздвигнутый Гирей бенъ-Мухаммедъ-Али, павшему во время битвы въ 1211 году (1796 г.). По рѣкѣ Араксу раскопки были произведены только въ 6 мѣстностяхъ. Въ первой раскопкѣ, у самой рѣки, близъ Эндери, все поле было покрыто небольшими холмиками. Большая пропеденная траншея въ 1 сажень шириною и до 8 сажень длины обнаружила остатки цѣлаго городища, сожженнаго, по всей вѣроятности, княземъ Свято-славомъ при разгромѣ имъ Хозарской державы. На правомъ берегу Аракса были обнаружены 2 громадные кургана, изъ которыхъ одинъ разграбленъ. О цѣломъ курганѣ осталось преданіе, что въ немъ погребена какая-то княжна, которая убиваетъ всякаго, кто осмѣлится потревожить ея прахъ. Потому чеченцы смотрѣли со страхомъ на произведенныя докладчикомъ раскопки. Въ курганѣ оказались остатки костей лошадей, людей, куски горшковъ, досокъ дубовыхъ и прочихъ. По разбитымъ 10 костякамъ можно предпологать, что здѣсь происходило сраженіе. Особенный интересъ представлятъ 6-й курганъ, высотой 3 сажени, окружностью 138 аршинъ. Это была цѣлая интересная гора съ погребеніями въ нѣсколько ярусовъ. Въ верхнемъ погребеніи найденъ былъ женскій костякъ, лежавшій на лѣвомъ боку, сильно разбитый, въ одномъ ухѣ костяка найдена металлическая серьга, вокругъ шеи ожерелье изъ зубовъ и гнутыхъ мѣдныхъ спиралей. Подъ костякомъ каменная циклопическая постройка, еще ниже слѣды костяковъ съ 12 разбитыми горшками и камнями, окрашенными сурикомъ. Очевидно, что мѣстность эта была излюбленнымъ кочевьемъ хозарскаго племени, мѣсто которыхъ теперь заняли калмыки и горскіе евреи.

Географическое общество. I. Въ засѣданіи отдѣленія математической и физической географіи 20-го декабря П. П. Толмачевъ сообщилъ о задачахъ и организаціи экспедиціи въ совершенно неизслѣдованную область сѣверной Сибири между нижнимъ теченіемъ Енисея и Лены. Эта область, занимающая болѣе 6-ти градусовъ по широтѣ между полярнымъ кругомъ и Ледовитымъ океаномъ, нанесена на карту большею частью по разспроснымъ свѣдѣніямъ и лишь въ немногихъ мѣстахъ пересѣчена маршрутамп путешественниковъ. Послѣ великой сѣверной экспедиціи, снявшей на карту сѣверные берега Сибири при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, эту неизслѣ-

дованную область посѣтили только: въ 1843 г. А. Ф. Миддендорфъ, въ 1866 г. Лопатинъ и Ф. В. Шмидтъ, въ 1873 — 1874 гг. Чекановскій съ Мюллеромъ (по рр. Нижней Тунгускѣ и Оленеку), въ 1892 г. баронъ Э. В. Толль и, наконецъ, въ самое послѣднее время съ этнографической цѣлью г. Островскихъ. Еще 30 лѣтъ назадъ географическое общество предлагало Чекановскому изслѣдовать центральную часть разсматриваемой области, а именно бассейнъ рѣки Хатанги, но смерть даровитаго изслѣдователя помѣшала дѣлу. Нынѣ экспедиція на рѣку Хатангу снаряжена по инициативѣ академика Ф. В. Шмидта, пожертвовавшаго 5.000 рублей, къ которымъ географическое общество съ своей стороны прибавило 10.000 рублей. Во главѣ экспедиціи стоитъ геологъ И. П. Толмачевъ, который истекшимъ лѣтомъ ѣздилъ въ Туруханскій край (по нижнему теченію Енисея) собирать дополнительные къ литературнымъ даннымъ свѣдѣнія и сдѣлать нужныя заготовки припасовъ и снаряженія. Астрономомъ-геодезистомъ будетъ О. О. Баклундъ, молодой нашъ путешественникъ, выдвинувшійся своимъ участіемъ въ шницбергенской экспедиціи для градуснаго измѣренія; топографомъ—капитанъ корпуса военныхъ топографовъ Кожевниковъ; переводчикомъ и этнографомъ—интеллигентный мѣстный уроженецъ В. Н. Васильевъ. Главная цѣль экспедиціи—геологическія изслѣдованія и доставленіе матеріала для точной карты Хатанги, состоящей изъ двухъ рѣкъ, Котуя и Моньеро, между которыми находится рядъ интересныхъ, никѣмъ неизслѣдованныхъ озеръ. Только мѣстная администрація да миссіонеры имѣютъ о нихъ кое-какія свѣдѣнія. На самомъ большемъ изъ нихъ, озерѣ Исей, будетъ находиться главная квартира экспедиціи и ея метеорологическая станція (2-го разряда 1-го класса) въ завѣдываніи квартирмейстера Толстова, отличившагося въ экспедиціи барона Толля 1900—1902 гг. на яхтѣ «Заря». Другая станція, менѣе оборудованная, будетъ находиться въ завѣдываніи миссіонера о. Макарія Сулова на среднемъ теченіи рѣки Хатанги. Экспедиція должна была выйти изъ гор. Туруханска (на Енисей) на нартахъ, запряженныхъ оленями, въ первыхъ числахъ февраля. Въ мясъ и рыбѣ экспедиція не встрѣтитъ недостатка; но хлѣбъ, въ видѣ сухарей, пришлось приготовить въ Енисейскѣ и заранѣе отослать на озеро Исей. Всего впередъ отправлено до 150 пуд. груза, въ томъ числѣ лодка, способная поднять до 5-ти человекъ при 25-ти пудахъ груза, и небольшой одиночный челночокъ «Вѣтка». Съ собой экспедиція взяла всего до 50-ти пуд. груза, въ томъ числѣ 2 тендола Гильтебрандта, 2 столовыхъ и 4 карманныхъ хронометра и бусоль. Начнется плаваніе экспедиціи въ іюнѣ. Черезъ мѣсяць она рассчитываетъ, по обслѣдованіи Котуя и Моньеро и мѣста ихъ соединенія, вернуться обратно, завершивъ хронометрической рейсъ. Потомъ она отправится снова, достигнетъ въ серединѣ августа Хатангской губы, изслѣдуетъ огромную гору каменной соли, находящуюся, по слухамъ, на мысу между рр. Хатангой и Анабарой, потомъ спустится по этой послѣдней и наконецъ раздѣлится: Толмачевъ пойдетъ на Вилюю и въ Якутскъ, а остальные обратно на Исей. Такимъ образомъ къ началу зимы 1905 г. экспедиція будетъ закончена. По окончаніи сообщеній предсѣдатель, извѣстный и авторитетный полярный путешественникъ, Ѳ. Н. Чернышевъ, отъ лица всего собранія выразилъ горячія пожеланія успѣха экспедиціи. **П.** Подъ заглавіемъ «Географическій очеркъ Тобольскаго сѣвера» г. Дунинъ-Горкевичъ сдѣлалъ инте-

ресное сообщеніе въ императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ, пополнивъ въ значительной степени наши свѣдѣнія объ Азиатской Россіи. Сѣверъ Тобольской губерніи до сихъ поръ является мало изученною страной, особенно русскими, между тѣмъ какъ онъ по справедливости заслуживаетъ особаго вниманія какъ со стороны научной, такъ и практической. Сѣверная часть Тобольской губерніи заключаетъ въ себѣ два уѣзда: самый сѣверный — Березовскій и примыкающій къ его юго-восточной части Сургутскій, а также Самаровская волость Тобольскаго. Эта послѣдняя по своему географическому положенію должна была бы быть отнесена къ одному изъ двухъ вышеупомянутыхъ уѣздовъ, а не къ Тобольскому. Весь этотъ край, который докладчикъ называетъ «Тобольскимъ сѣверомъ», простирается на 14 градусовъ широты и 23 градуса долготы. Поверхность «сѣвера» представляетъ собою обширную низменность, покатую къ Ледовитому океану, за исключеніемъ небольшой части у западной границы, гдѣ она касается Уральскаго хребта и его отроговъ, до самой южной части Березовскаго края. Для того, чтобы выяснитъ себѣ характеръ и значеніе какъ осѣдлой, такъ и кочевой жизни населенія этого громаднаго пространства, «сѣверъ» можно раздѣлтъ на двѣ зоны: 1) зону полярнаго сѣвера (сѣвернѣе 74° сѣверной широты) и 2) зону высокоствольныхъ лѣсовъ (къ югу отъ 64° сѣверной широты) до южной границы этого края. Зона полярнаго сѣвера можетъ быть подраздѣлена на три области: а) область полярнаго моря, б) полярной тундры, в) смѣшанной области тундры и лѣсовъ. Воды, омывающія самую сѣверную часть пространства, составляютъ область полярнаго моря, гдѣ производится опасный промыселъ морскаго звѣря. Затѣмъ, южнѣе, приблизительно до полярнаго круга, простирается область полярной тундры, гдѣ находятся лѣтомъ кочевья инородцевъ. Параллельно съ оленеводствомъ производится здѣсь также въ небольшомъ количествѣ рыболовство. За этою областью слѣдуетъ смѣшанная область тундры и лѣсовъ, гдѣ находятся зимовья оленьихъ стадъ и передовые пункты русской осѣлости. Область эта представляетъ рядъ постепенныхъ переходовъ отъ кустарника къ болѣе совершеннымъ видамъ лѣсной растительности. Зона высокоствольныхъ лѣсовъ начинается отъ Урала; на востокъ она переходитъ за Обь на сто верстъ, именно до Ална и Назыма, обнимая бассейны этихъ рѣкъ. Затѣмъ граница, слѣдуя по рѣкѣ Агассу, подымается на сѣверо-востокъ до 62° сѣверной широты. Отсюда, по теченію рѣки Колинъ-эгана круто опускается къ югу. Въ этой дугѣ, образуемой теченіемъ рр. Агана и Колинъ-эгана, заключается Аганскій материкъ. Наконецъ, отъ этого мѣста до предѣловъ Сургутскаго уѣзда границу зоны составляетъ рѣка Вахъ, и только мѣстами она переходитъ на правую сторону этой рѣки, захвативъ ея правобережные увалы. Вся мѣстность на востокъ и сѣверъ отъ этой зоны составляетъ смѣшанную область тундры и лѣсовъ; но и здѣсь встрѣчаются мѣстности строевого лѣса, именно по р. Назыму, Лямину и притокамъ Ваха. Колоссальная водная артерія — Обь — хотя и служитъ связывающимъ звеномъ между двумя крайними пунктами Западной Сибири — Тюменью и Томскомъ, но это обстоятельство не имѣетъ для края того значенія и не вноситъ въ здѣшнюю жизнь той кипучей дѣятельности, которая наблюдается въ болѣе южной части. На всемъ протяженіи отъ Нарымской границы по Сургутскому уѣзду и

до устья Иртыша оба берега Оби однообразны и низменны, между тѣмъ какъ въ Березовскомъ уѣздѣ правый берегъ Оби на всемъ протяженіи возвышается саженъ на 15. Главное русло Оби лежитъ преимущественно около праваго берега, который нерѣдко подмывается ея водами и уменьшаетъ и безъ того маленькую территорію возвышенныхъ оазисовъ, находящихся на ея берегахъ и единственно удобныхъ для жизни. Ш. 11-го февраля состоялось подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова пятьдесятъ девятое годовое собраніе. Секретарь общества А. А. Достоевскій прочелъ отчетъ дѣятельности общества за 1904 годъ. Изъ отчета видно, что ученые экспедиціи общества, снаряженные имъ, работали: въ Большеземельской тундрѣ, въ Енисейской губ., въ Уральской и Тургайской областяхъ, на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, въ Восточной Бухарѣ и въ Шугнанѣ. Въ истекшемъ году при обществѣ образована подъ предсѣдательствомъ Ю. М. Шокальского новая постоянная комисиія— картографическая, имѣющая цѣлью переиздать карты Европейской Россіи въ 40 верстъ масштабъ. Издано обществомъ 5 томовъ «Записокъ», отдѣльный трудъ П. Ю. Шмидта «Рыбы восточныхъ морей» и нѣсколько выпусковъ «Извѣстій», а также 12 № «Метеорологическаго Вѣстника». Къ 1-му декабря 1904 г. капиталъ общества достигалъ 131.500 р. % бумагами и 87.994 р. наличными. Скорбный листъ скончавшихся членовъ общества за 1904 г. особенно великъ. Скончались такіе дѣятельные члены, какъ С. О. Макаровъ, Н. В. Латкинъ, А. Н. Пыпинъ, Н. П. Семеновъ, А. Д. Горемыкинъ и много другихъ. Почетныя награды за научные труды присуждены слѣдующимъ лицамъ. Константиновская медаль—заслуженному пастору, доктору Я. И. Гурту за совокупность его лингвистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій объ эстонскомъ племени. Отзывъ составленъ профессоромъ Гельсингфорскаго университета Карломъ Крономъ. Золотая медаль отдѣленія статистики и этнографіи—Ю. Д. Талько-Грынцевичу за труды по этнографіи и антропологию; серебряная медаль имени П. П. Семенова,—М. М. Городецкому за теоретическія работы по метеорологию, серебряная медаль имени Н. М. Пржевальскаго—А. А. Дунину-Горкевичу за совокупность работъ по географіи Тобольской губерніи, малыя золотыя медали: В. В. Марковичу, Д. А. Смирнову, Д. Н. Соколову, Я. С. Эдельштейну, Н. Е. Ончукову за сборники «Печорскія были», В. О. Струве; денежная премія имени Н. М. Пржевальскаго въ полномъ объемѣ—Н. М. Зарудному за его путешествіе въ Персію; серебряныя медали: за участіе въ экспедиціи въ Большеземельскую тундру—студентамъ: Журавскому, Григорьеву, Рудневу, Шпарбергу, а также А. А. Матисену, за сообщеніе о путешествіи въ Персію, В. Ф. Шотровскому, поручику Збойчану за сборники бѣлорусскихъ пѣсенъ и сказокъ; А. И. Бычкову, Султану Бекъ-Яшеву за содѣйствіе экспедиціи Эдельштейна въ хребетъ Петра Великаго, М. И. Куткину, В. Е. Недзвецкому, М. А. Бардашеву, Пурдашъ-Джунгарьеву и Касымъ-Ахунъ-Абдулваганову. Въ вице-предсѣдатели общества на новое четырехлѣтіе вновь избранъ единогласно П. П. Семеновъ. Также избраны: въ члены совѣта—Н. Д. Артамоновъ, С. Ѳ. Ольденбургъ; въ казначей М. Е. Огородниковъ и въ почетные члены общества Scott Robert Falcon, начальникъ британской антарктической экспедиціи 1902—1904 годовъ.

НЕКРОЛОГИ.

БОРНГАУПТЪ, О. К. † 10-го марта скончался одинъ изъ видныхъ ученыхъ и практическихъ врачей г. Кіева, сверхштатный заслуженный профессоръ университета св. Владимира по кафедрѣ госпитальной хирургіи Федоръ Карловичъ Борнгауптъ. Покойный родился въ г. Ригѣ 24-го іюня 1842 года. Отецъ его, докторъ филологіи, былъ директоромъ частнаго учебнаго заведенія, въ которомъ получилъ образованіе О. К. Борнгауптъ. Въ 1857 году поступилъ въ шестой классъ Рижской гимназіи, по окончаніи которой въ 1860 году поступилъ на медицинскій факультетъ Юрьевскаго университета. Въ 1867 году окончилъ университетъ и удостоенъ былъ степени доктора медицины. До 1870 года занимался частной практикой въ Петербургѣ, въ пмѣніи графини Строгановой въ Псковской губерніи и на золотыхъ промыслахъ въ Оренбургской губерніи. Въ 1870 году опредѣленъ былъ участковымъ врачомъ въ Верхнеуральскѣ, въ 1873 году назначенъ старшимъ врачомъ Оренбургской городской больницы. Въ 1879 году назначенъ въ распоряженіе военно-медицинскаго инспектора Кавказскаго военнаго округа. Во время кампаніи 1877—1878 годовъ исполнялъ обязанности врача въ военно-временныхъ госпиталяхъ. Во время сраженія подъ Авліаромъ находился на перевязочномъ пунктѣ. Въ 1879 году назначенъ врачомъ для командировокъ по военно-медицинскому вѣдомству съ прикомандированіемъ къ московскому военному госпиталю. Въ томъ же году прикомандированъ къ Николаевскому военному госпиталю и занимался въ хирургической клиникѣ профессора Рейера. Въ концѣ 1879 года командированъ съ ученой цѣлью за границу на два года. Въ 1881 году назначенъ младшимъ врачомъ въ 17-й пѣхотный Архангелогородскій полкъ; въ концѣ того же года перемѣщенъ младшимъ ординаторомъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ съ откомандированіемъ въ клиническій госпиталь. Въ 1882 году командированъ въ Кавказскій военный округъ и вслѣдъ

за этимъ назначенъ консультантомъ 1-го тифлисскаго военнаго госпиталя. 27-го мая 1883 года избранъ совѣтомъ университета св. Владимира экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ хирургіи съ госпитальной клинкою. Съ этого времени начинается преподавательская дѣятельность покойнаго **Θ. К. Борнгаута** въ Кіевѣ, которая продолжалась по 1903 годъ, когда за выслугой срока 30-лѣтія кафедра его была замѣщена другимъ лицомъ. Въ послѣдніе годы состоялъ товарищемъ предсѣдателя общества для борьбы съ различными болѣзнями. Покойный **Θ. К. Борнгаутъ** принадлежалъ къ числу всесторонне образованныхъ людей; онъ пользовался извѣстностью, какъ весьма свѣдущій и опытный хирургъ, а такъ жъ, какъ талантливый преподаватель. Въ послѣдніе годы онъ сильно болѣлъ, страдая разстройствомъ дыхательныхъ органовъ. Послѣ Борнгаута остался цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, которые доставили автору ихъ почетное имя въ медицинской литературѣ. (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1905 г., № 70; «Новое Время», 1905 г., № 10427, и «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 62).

† **Вериго, А. А.** 13-го марта, въ Одессѣ скончался на 67 году одинъ изъ старѣйшихъ и популярнѣйшихъ представителей Новороссійскаго университета, заслуженный профессоръ Александръ Андреевичъ Вериго. Покойный происходилъ изъ дворянъ Витебской губерніи. Среднее образованіе онъ получилъ въ с.-петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, по окончаніи котораго поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ. По окончаніи С.-Петербургскаго университета, курсъ въ которомъ А. А. проходилъ по естественному отдѣленію, почишій профессоръ перешелъ въ Михайловскую артиллерійскую академію, откуда онъ выпущенъ былъ офицеромъ. Тотчасъ же А. А. Вериго приглашенъ былъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, командировавшее его за границу для приготовленія къ ученой дѣятельности. Возвратившись изъ своей заграничной командировки, А. А. открылъ въ Новороссійскомъ университетѣ, въ качествѣ доцента, чтеніе лекцій по химической технологіи, а затѣмъ, назначенный экстраординарнымъ профессоромъ Новороссійскаго университета, перешелъ на кафедру органической химіи, которую занимать до послѣдняго времени. Въ 1896 году А. А. приглашенъ былъ бывшимъ министромъ финансовъ С. Ю. Витте для устройства въ Одессѣ центральной химической лабораторіи для нуждъ казенной продажи питей. Самъ А. А. и сталъ во главѣ этой лабораторіи. Покойному профессору принадлежитъ инициатива введенія въ Россіи употребленія денатурированнаго спирта для согрѣванія, освѣщенія и прочаго. Вопросъ о примѣненіи денатурированнаго спирта А. А. изучалъ также за границей: въ Берлинѣ, Парижѣ и Римѣ. По этому же вопросу имъ сдѣланъ былъ рядъ докладовъ, представляющихъ большую цѣнность. Публикѣ А. А. извѣстенъ своими лекціями и чтеніями, которыя онъ устраивалъ въ Одессѣ, Херсонѣ, Москвѣ. До введенія новаго университетскаго устава 1884 года А. А. дважды избирали ректоромъ Новороссійскаго университета, но онъ отказывался. Въ теченіе ряда лѣтъ покойный состоялъ деканомъ физико-математическаго факультета Новороссійскаго университета. А. А. недолгое время, послѣ покойнаго профессора В. Н. Лягина, занималъ должность предсѣдателя одесскаго отдѣленія техническаго общества. Ни одинъ вопросъ, возбуждавшійся одесскимъ

городскимъ общественнымъ самоуправленіемъ въ санитарномъ и другихъ близкихъ областяхъ, не обсуждался и не разрѣшался безъ компетентнаго содѣйствія покойнаго профессора. Поля орошенія, канализація, проведеніе воды изъ Днѣстра, устройство городской химической лабораторіи, изслѣдованіе одесскихъ лимановъ — во всемъ этомъ немало потрудился А. А. Перу покойнаго, кромѣ длинной вереницы работъ по химіи, разсѣянныхъ на страницахъ многихъ нѣмецкихъ періодическихъ изданій, принадлежали, между прочимъ, слѣдующіе цѣнные труды: «Объ азобензидѣ и продуктахъ его присоединеній» (Одесса, 1870 г.), «О сѣрѣ въ одесскомъ каменноугольномъ газѣ» (Comptes Rendus Французской академіи наукъ 1874 г.), «Изслѣдованіе объ одесскихъ соляныхъ лиманахъ» («Журналъ одесскаго бальнеологическаго общества»), «О прямыхъ присоединеніяхъ къ анилину» (Протоколы кievскаго съѣзда естествоиспытателей 1871 г.), цѣлый рядъ статей относительно водопровода въ Одессѣ и водопроводныхъ трубъ (въ мѣстныхъ газетахъ) и другихъ. Особенно крупною заслугою покойнаго является его долготѣнее кропотливое изученіе одесскихъ лимановъ. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 76; «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 61; «Новое Время», 1905 г., № 10426, и «Одесскій Листокъ», 1905 г., № 69).

† **Ерофеевъ, Ѳ. А.** Въ первыхъ числахъ марта скончался въ Ялтѣ профессоръ Томскаго университета по кафедрѣ офтальмологіи Теофиль Андреевичъ Ерофеевъ. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія, родился 23-го іюня 1843 года. Окончилъ высшее образованіе на медицинскомъ факультетѣ университета св. Владимира, послѣ чего былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорской кафедрѣ. Одно время (1873—1876 г.) онъ состоялъ ординаторомъ въ мѣстной глазной клиникѣ, а потомъ, 6-го марта 1880 года, съ успѣхомъ защитилъ въ Военно-Медицинской академіи диссертацию на степень доктора, подъ заглавіемъ: «Къ ученію о внутреглазныхъ мышцахъ человѣка». Съ 1884 года въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ исправлялъ должность ассистента при С.-Петербургской Михайловской имени баронета Вилліе клиникѣ, послѣ чего онъ занялъ кафедру въ Томскомъ университетѣ. Къ Ѳ. А. Ерофееву, какъ къ единственному окулисту на всю Сибирь, стекались больные со всѣхъ концовъ обширной Сибири. Онъ немало принесъ пользы лишенному медицинской помощи населенію этого края: имъ были организованы глазные летучіе отряды въ инородческія поселенія, и оказывалась помощь въ обширныхъ размѣрахъ мѣстному томскому населенію. Несмотря на виѣшнюю грубость, — покойный воспринимался въ бурсѣ, — Ѳ. А. Ерофеевъ былъ отзывчивымъ и чуткимъ къ чужому горю человѣкомъ. Ѳ. А. написано и напечатано нѣсколько специальныхъ работъ. (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1905 г., № 80; «Новое Время», 1905 г., № 10432).

† **Олсеничій, М. А.**, профессоръ Кіевской духовной академіи, авторъ выдающихся трудовъ по богословію и педагогикѣ. Покойный большую часть своей жизни провелъ въ стѣнахъ древняго кievскаго разсадника духовнаго просвѣщенія. Въ Кіевской академіи онъ кончилъ свое высшее образованіе. Въ ней же, послѣ успѣшной защиты магистерской диссертации подъ заглавіемъ: «Книга Екклесіастъ» (Кіевъ, 1873 г.), онъ много лѣтъ занималъ ка-

оудру нравственнаго богословія. Труды, принадлежащія покойному, составляютъ очень цѣнный вкладъ въ нашу духовно-педагогическую литературу. Особенно извѣстны слѣдующія его сочиненія: «Нравственное богословіе или христіанское ученіе о нравственности» (первое изданіе—Кіевъ, 1892 г., второе—1893 г.), «Пзъ системы христіанскаго нравоученія» (Кіевъ, 1896 г., 496 стр.), а также три курса педагогикн: полный для всѣхъ занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей (двѣ части; Кіевъ, 1887 г., второе изданіе—1895 г.), сокращенный для заведеній съ двухгодсвымъ курсомъ педагогикн (двѣ части; Кіевъ, 1887 г., второе изданіе—1895—1896 гг.) и еще болѣе краткій для женскихъ институтовъ съ годовымъ курсомъ педагогикн (Кіевъ, 1887 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 78).

† Струве, О. В. 1-го апрѣля скончался знаменитый астрономъ Отто Васильевичъ Струве, бывшій директоромъ Пулковской обсерваторіи. Онъ родился въ 1819 году и первоначальное образованіе получилъ въ Дерптѣ. Выборомъ астрономіи своею спеціальностью О. В. несомнѣнно обязанъ своему отцу Василію Яковлевичу (основателю Пулковской обсерваторіи), лекціи котораго онъ слушалъ въ Дерптскомъ (нынѣ Юрьевскомъ) университетѣ съ 1834 по 1838 годъ. На двухъ послѣднихъ курсахъ университета онъ уже былъ помощникомъ своего отца по управленію университетскою обсерваторіею. Когда же въ 1839 году была основана Пулковская обсерваторія и директоромъ ся былъ назначенъ его отецъ, О. В. Струве былъ призванъ на постъ помощника директора; ему было въ то время всего 20 лѣтъ отъ роду. Съ этого времени до 1890 года вся дѣятельность О. В. была посвящена Пулковской обсерваторіи, сначала въ качествѣ помощника директора, а съ 1862 года—въ качествѣ директора. За все это время Пулковская обсерваторія отзывалась самымъ сочувственнымъ образомъ ко всѣмъ научнымъ начинаніямъ, проявлявшимся какъ въ Россіи, такъ и за границею. Душою всѣхъ научныхъ изслѣдованій былъ О. В.; ему же наука обязана новымъ опредѣленіемъ постоянной процессіи, одной изъ основныхъ астрономическихъ величинъ, которая до послѣдняго времени принималась, какъ наиточнѣйшая въ наукѣ. Любимѣйшими наблюденіями его были измѣренія двойныхъ звѣздъ,—та область астрономіи, въ которой его отецъ занималъ первое мѣсто среди современниковъ. Слѣдуя своему отцу, онъ произвелъ многочисленныя измѣренія двойныхъ звѣздъ и открылъ болѣе 500, отличающихся весьма близкимъ положеніемъ составляющихъ свѣтилъ. Въ некрологѣ едва ли можно перечислить всѣ труды покойнаго, но необходимо отмѣтить его интересныя изслѣдованія, относящіяся до колець Сатурна, движенія солнечной системы, до строенія большого туманнаго пятна Оріона, а также до его участія во всѣхъ научно-геодезическихъ работахъ, предпринимавшихся въ Россіи. За свои труды онъ былъ награжденъ золотою медалью Лондонскаго королевскаго астрономическаго общества; эта медаль выдается только одинъ разъ въ годъ, и вслѣдствіе этого всѣ астрономы, получившіе ее, извѣстны наперечетъ. За время его директорства всѣ русскіе астрономы, бывшіе въ Пулковской обсерваторіи, встрѣчали въ лицѣ покойнаго самое искреннее расположеніе и содѣйствіе къ своимъ научнымъ работамъ, Пулковская обсерваторія была центромъ научной жизни, и туда пріѣзжали заниматься многіе

иностранные астрономы, ставшіе впоследствии знаменитыми учеными; между послѣдними извѣстный итальянскій астрономъ Спонарелли началъ свою научную дѣятельность въ Пулковѣ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ О. В. Струве организовалъ рядъ экспедицій для наблюденія прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца. Въ Пулковѣ съѣхались многіе русскіе и иностранные астрономы для выработки общихъ пріемовъ наблюденій этого рѣдкаго явленія. Въ 1889 году Пулковская обсерваторія праздновала пятидесятилѣтіе своей дѣятельности. Къ этому времени въ Пулково снова съѣхались русскіе и иностранные астрономы, и О. В. Струве могъ радоваться проявленію особеннаго уваженія всего ученаго міра къ дѣятельности Пулковской обсерваторіи, директоромъ которой онъ состоялъ. Нѣсколько юбилейныхъ работъ были посвящены какъ обсерваторіи, такъ и ему лично. Съ воцареніемъ императора Александра III среди русскихъ пробудилось сознание національнаго достоинства; оно особенно цѣнно было русскимъ астрономамъ, такъ какъ въ предшествующій періодъ русскіе астрономы отодвигались на второй планъ; иностранные ученые занимали даже кафедры въ нѣкоторыхъ русскихъ университетахъ. Отзывчивый ко всему возвышенному, О. В. проникся взглядами государя, и на открывшуюся должность вице-директора Пулковской обсерваторіи предложилъ извѣстнаго русскаго астронома, но академія наукъ баллотировкою отвергла предложеніе Струве; это такъ на него подѣйствовало, что онъ рѣшилъ выйти въ отставку. Удалившись отъ дѣлъ, онъ жилъ зимою въ Карлсруэ, а лѣтомъ въ окрестностяхъ Петербурга. До послѣднихъ дней своей жизни онъ слѣдилъ за наукою, оставаясь въ постоянныхъ сношеніяхъ со своими сыновьями: директоромъ берлинской обсерваторіи Г. О. Струве, профессоромъ астрономіи Императорскаго Харьковскаго университета Л. О. Струве и многими астрономами. О. В. Струве скончался 86 лѣтъ, оставивъ по себѣ добрую память среди русскихъ астрономовъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10446).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ бібліографіи сочиненій Н. А. Некрасова.

(По поводу его стихотворенія «Буря»).

Въ изданіяхъ: «Стихотворенія Н. А. Некрасова», 1881 г. и «Полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова», 1902 г., стихотвореніе «Буря» по-чему-то отнесено къ 1853 году, тогда какъ оно напечатано въ 1850 году («Современникъ», № 9), вмѣстѣ со стихотвореніемъ «Ты всегда хороша несравненно» (которое въ упомянутыхъ изданіяхъ, наоборотъ, отнесено къ 1847 году). «Буря» 1850 г. состояла изъ 20-ти строкъ. Но не всѣмъ, мо-

жетъ быть, извѣстно, что черезъ десять лѣтъ «Буря» была вновь напечатана (несомнѣнно, съ согласія поэта) въ небольшой книжкѣ: «Эротическія стихотворенія русскихъ поэтовъ. Собралъ Григорій Книжникъ. С.-Петербургъ. А. Смирдивъ (сынъ) и К°. 1860». Изданіе это цензуровано 31-го декабря 1859 года. «Григорій Книжникъ» — псевдонимъ извѣстнаго Григорія Геннади. На имѣющемся у меня экземплярѣ «Эротическихъ стихотвореній», на папачномъ переплетѣ, обтянутомъ темно-коричневымъ коленкоромъ, оттиснуто золотомъ слово «Любовь» и кругомъ его—орнаменты и листья плюща.

Въ этомъ сборникѣ стихотвореніе «Буря» явилось въ новомъ видѣ: вмѣсто 20-ти строкъ въ немъоказалось 49 строкъ; имя героини «Любочки-сосѣдки» тутъ отсутствуетъ; размѣръ совершенно измѣненъ, хотя нѣкоторыя выраженія 1850 г. сохранены, напримѣръ, вмѣсто: «Небо обложилось тучами кругомъ, полилъ дождь ручьями, прокатился громъ»,—въ «Бурѣ» 1860 г. читается: «Обложилось небо кругомъ, блещетъ молнія—буря и громъ!» Вмѣсто: «Въ бурю за ворота выбѣжать ей въ-диво»,—напечатано: «Въ бурю вытти ей изъ дому въ-диво» и проч. Не принадлежала ли «Буря», напечатанная въ 1860 г., къ болѣе ранней редакціи? Не первоначальная ли это форма стихотворенія? Въ «Подражаніи Шиллеру» Некрасовъ требовалъ отъ поэтическаго произведенія сжатости въ выраженіи извѣстнаго образа: «Чтобы словамъ было тѣсно, мыслямъ—просторно». Между тѣмъ, при вторичномъ появленіи «Бури» въ свѣтъ, это требованіе поэтомъ было какъ бы нарушено, если признать, что стихотвореніе заново переработано Некрасовымъ. Во всякомъ случаѣ, сравненіе двухъ вариантовъ «Бури» можетъ служить къ выясненію различныхъ, мало-извѣстныхъ сторонъ творчества поэта. Настоящая же замѣтка есть посильное приношеніе въ крайне скудную библиографію произведеній Н. А. Некрасова.

Вотъ его стихотвореніе, извлеченное изъ сборника Г. Геннади, изданнаго въ 1860 году; оно передано съ буквальной точностью.

Е. Пономаревъ.

Б У Р Я.

Не любилъ я ни грому, ни бури,
И боялся, когда по лазури,
Разрушенье и гибель тая,
Пробѣжить золотая змѣя,
Да вчера молодая сосѣдка
Мнѣ сказала: «въ саду есть бесѣдка —
Какъ стемнѣетъ, туда приходи!»
Расхотелось сердце въ груди!
Я не зналъ, какъ я ночи дождуся.
Вдругъ гляжу и повѣрить боюся:
Обложилось небо кругомъ,
Влещетъ молнія—буря и громъ!
Проклиная докучную бурю
Пуще прежняго, брови я хмурю,
И въ бесѣдку тоскую иду,
Что сосѣдки я тамъ не найду:
«Вѣдь она и робка и лѣньва —

«Въ бурю вытти ей изъ дому вѣ-диво, —
 «И не вѣрить, что счастье мое
 «Цѣлый мѣръ исходить для нее!
 «Ахъ! люби она столько же страстно,
 «Не казалась бы буря опасна,
 «Не казалась бы ночь ей темна,
 «Да настолько ли любить она?»...
 Безъ надежды иду я въ бесѣдку,
 Озираюсь—и вижу сосѣдку!
 — «Я боялся, что ты не придешь!»...
 Не хочу, да и словъ не найдешь,
 Передать эти жаркія рѣчи,
 Эту радость условенной встрѣчи...
 «Оба, другъ мой, боялися мы,
 «Но не грому, не бури, не тьмы:
 «Пусть тамъ буря реветъ нестерпимо
 «Наша туча промчалася мимо,
 «Наше счастье тихо цвѣтеть,
 «Наше сердце любовью живетъ»...

И сушиль ея мокрѣя ножки,
 И чѣмъ ярче блистали окошки,
 Озаряясь мгновеннымъ лучомъ,
 И чѣмъ больше пугаль ея громъ,
 Тѣмъ любви ея вѣра¹⁾ сильнѣе,
 Наслаждался и жилъ я полнѣе,
 И блаженной такой тишиной
 Въялъ бури пронзительный вой
 Въ эту черную ночь надо мной...

Не боюсь теперь я²⁾ грому и бури,
 И когда по туманной лазури
 Пробѣжитъ золотая змѣя,
 Не робѣю, а радуюсь я...

¹⁾ Тутъ, очевидно, опечатка, по смыслу этой и слѣдующей строки. Слѣдуетъ читать: «... любви ея вѣра сильнѣе».

²⁾ Стихъ безъ размѣра. Если допустить, что послѣ слова «я» пропущено «ни», то размѣръ восстановится, но не будетъ соответствовать остальному. Въ чемъ тутъ ошибка,—угадать невозможно. Вѣрнѣе: «не боюсь теперь грому и бури».

Развѣдчикъ вернулся; онъ объявилъ, что всадникъ долженъ былъ только что проѣхать, такъ какъ мягкая земля свѣже вскопана подковами животнаго, одна нога котораго раскована.

Какъ разъ за нѣсколько дней передъ этимъ лошадь пѣвца потеряла свою подкову.

— Проклятіе!— воскликнулъ Жакъ.— Сюферъ измѣнникъ, и насъ подстерегаютъ.

Очевидность этого ему представилась съ тою ясностью, какую могутъ дать лишь опасеніе, одиночество и нравственное обезсиліе; къ тому же мысли, какъ звѣзды, сильнѣе блестятъ въ пустынѣ. Они были ошеломлены, найдя слѣды Сюфера на своемъ пути въ ту минуту, когда всѣ рассчитывали, что онъ уже далеко: предъ ними предстала опасность. Зачѣмъ онъ ихъ обманулъ? Зачѣмъ онъ ихъ опередилъ? Какое тайное свиданіе было у него на этой дикой дорогѣ? Какая западня приготовлена имъ? Узкая тропинка, по которой они слѣдовали, попирая молодые побѣги деревьевъ, казалась имъ дорогою къ гибели, и они изслѣдовали глазами горизонтъ, полный засадъ и ловушекъ.

Жанъ Фабръ перемѣнилъ порядокъ шествія. Каждый въ свою очередь долженъ былъ итти впередъ, какъ осторожный развѣдчикъ, пробираясь между стволами деревьевъ, чтобы лучше видѣть на двѣсти шаговъ отъ каравана, не будучи виденъ самъ. Маленькій Пьеръ и Лизонъ помѣстились среди вьючныхъ верблюдовъ, какъ позади укрѣпленій. Марі была вооружена и бѣжала между Жакомъ и Жаномъ. Докторъ, охая, скромно держался позади всѣхъ.

Вдругъ прогремѣли два выстрѣла, и съ дерева, какъ масса, свалился человекъ, сидѣвшій на его вѣтвяхъ. Это былъ передовой часовой Мишеля; его замѣтилъ развѣдчикъ Фабра, и они оба выстрѣлили въ одно и то же время, но одинъ солдатъ Мишеля оказался убитымъ. При грохотѣ выстрѣловъ каждый укрылся за стволомъ дерева, выставивъ лишь дуло ружья. Внезапно разбуженные и прибѣжавшіе на шумъ двое изъ солдатъ Мишеля были убиты засвѣвшими въ засаду солдатами Фабра. Каждый подстерегалъ и стрѣлялъ; огонь становился все сильнѣе. Мишель ободрялъ своихъ солдатъ и журилъ ихъ за неловкость, между тѣмъ какъ Фабръ устраивалъ баррикаду и укрѣпленный лагерь позади повозки. Одинъ верблюдъ упалъ, съ прострѣленной лопаткой. Фабръ приказалъ покончить съ нимъ выстрѣломъ въ ухо, и его толстый трупъ послужилъ для нихъ укрѣпленіемъ. Снаряды лопались, вѣтки трещали и ломались. При видѣ этой бойни Марі сама удивлялась своему хладнокровію. Пьеръ кричалъ, а Лизонъ, бросившись на глинистую землю, полумертвая, причитывала молитвы. Робэнъ съ пистолетомъ въ рукахъ приготовлялъ ящикъ съ своими инструментами и время отъ времени стрѣлялъ, когда на нѣкоторомъ разстояніи отъ него между вѣтвей показывалась какая нибудь голова.

Борьба длилась около часа. Четверо изъ стражи Фабра оказались уже не въ состояніи сражаться; Жакъ долженъ былъ выйти изъ строя, чтобы сдѣлать перевязку: пуля задѣла его лобъ, и кровь заливала ему глаза. Когда наемные убійцы Мишеля увидѣли свое превосходство и меньшинство непріятеля, надъ которымъ они и ранѣ преобладали численностью, то, слѣдуя распоряженіямъ Сюфера, произвели обходное движеніе, съ цѣлью окружить почти уничтоженный лагерь непріятеля. Фабръ угадалъ эту уловку.

— Мы погибли,—сказалъ онъ Марі.—Лучше я покажусь, и пусть меня убьютъ.

— Не дѣлай этой подлости, мой Жанъ: ничего не пропало, пока насъ не захватили. Бумаги короля въ мѣдномъ ларцѣ?

— Да, но какую мы можемъ сохранить надежду? Ихъ трое противъ одного. Лучше сжечь эти бумаги и депеши; по крайней мѣрѣ, Ферриоль не овладѣетъ ими.

— Я надѣюсь на Провидѣніе,—сказала Марі, перекрестившись, какъ будто религія была помощью свыше всѣмъ безнадежнымъ, даже среди невѣрующихъ.

— Не шевелись,—посоветовалъ онъ Марі:—оставайся скрытой за укрѣпленіемъ.

Что касается его самого, то онъ, пробираясь отъ дерева до дерева, достигъ того мѣста, гдѣ лежалъ среди различной клади и безцѣнный ларецъ, изъ котораго онъ хотѣлъ достать и уничтожить все содержимое. Это его заставило покинуть укрѣпленіе и открыло непріятелю его присутствіе; онъ увидѣлъ себя внезапно окруженнымъ тремя людьми, которые незамѣтно подползли, прикрываясь терновникомъ и листьями; ихъ появленіе не было замѣчено. Одинъ изъ нихъ бросился на Марі Пѣти и зажалъ ей ротъ; два другихъ крѣпко связали Жана Фабра; одинъ изъ нихъ былъ Сюферъ. Жанъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва, и его губы задрожали. Онъ необдуманно принялся оскорблять измѣнника, говоря:

— Такъ вотъ ты, измѣнникъ! Довольно ли ты надъ нами потѣшился, несчастный, презрѣнный воронъ, зловѣщее карканье котораго сопровождало меня въ пути, чтобы лучше предвѣстия мнѣ и подготовить мою гибель? Господинъ и слуга стоятъ одинъ другого...

Сюферъ уже не былъ болѣе кочующимъ, беззаботнымъ пѣвцомъ: теперь онъ явился старательнымъ наемнымъ убійцей и улыбался съ невыразимой жестокостью. Онъ зарядилъ пистолетъ, сказавъ своему товарищу:

— Предупреди начальника, что звѣрь взятъ живьемъ, и пусть онъ за нимъ пришлетъ. Въ ожиданіи, дружище,—прибавилъ онъ, нахально смотря въ лицо Фабра,—ты слишкомъ много болтаешь, и я хочу всадить тебѣ въ плечо нѣсколько дюймовъ свинца, чтобы дать тебѣ болѣе жгучія заботы, чѣмъ заниматься нашей оцѣнкой.

И, произнося эти слова, Сюферъ поднялъ собачку пистолета, направивъ его въ упоръ на Фабра.

Въ то самое мгновеніе, на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, раздался выстрѣлъ, и Сюферъ со стономъ покотился на землю съ прострѣленной рукою; его пистолетъ отскочилъ и выстрѣлилъ въ воздухъ. Въ ту же минуту раздался еще выстрѣлъ, и человекъ, связавшій Марі, упалъ, убитый наповаль.

Можно было бы сказать, что здѣсь не обошлось безъ сверхъестественнаго вмѣшательства, какъ въ Гомеровскихъ сраженіяхъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики, ржанье лошадей и выстрѣлы. Изумленный Жанъ Фабръ увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ него самого Мишеля, со всѣхъ ногъ спасавшагося на своемъ конѣ и кричавшаго:

— Спасайся, кто можетъ! Намъ измѣнили! Бѣжимъ!

За ними погнались всадники, и каково было удивленіе Жана Фабра и Марі, когда они узнали въ ихъ начальникѣ—Альвейра! Дѣйствительно, его послало Провидѣніе.

Х.

Отъ Самоса, гдѣ остался Альвейръ съ кладью, до персидскихъ границъ болѣе шести миль по прямому направленію, т.-е. ѣзды отъ десяти до одиннадцати мѣсяцевъ по самой неровной и опасной дорогѣ.

Послѣ отъѣзда Жана Фабра и Марі Пётъ въ Константинополь Альвейръ и Флориза остались одни въ портѣ Вагю, и Флориза спросила его:

— А теперь что мы будемъ дѣлать?

Бригантина, увозившая посольство и его счастье, исчезла на горизонтѣ, въ заходящемъ солнцѣ, набросившемъ на небо отблескъ пурпурово-охроваго пламени. Они достигли гостиницы, гдѣ былъ прощальный ужинъ. Вечеръ былъ теплый; вѣтерокъ, колыхавшій цвѣтушіе горные кусты, наполнилъ его благоуханіемъ.

— Что мы будемъ дѣлать?—отвѣтилъ Альвейръ Флоризѣ.—Да мы отправимся въ Персію! Мы затѣмъ и пріѣхали.

— Со всѣми этими тюками?—спросила Флориза.

— Это просто прибавка къ багажу.

Онъ позвалъ хозяина гостиницы и спросилъ его, когда будетъ возможно достигнуть азіатскихъ береговъ. На другой день должно было отправиться парусное судно. Альвейръ удержалъ двухъ слугъ и на зарѣ велѣлъ отнести тюки въ Аястукскій портъ, ближайшій городъ на сушѣ. Страна, по которой приходилось пробираться, была покрыта горами и всевозможными препятствіями; это было Анатолійское плоскогоріе и горныя громады, параллельныя Анти-Тавру и Армянскому Тавру. Въ Айдинѣ Альвейръ далъ просмо-

трѣтъ свои паспорты на имена купцовъ г. и г-жи Моро и набралъ пелобольной отрядъ тѣлохранителей, который долженъ былъ сопровождать ихъ до Коніи. Первая часть пути прошла безъ препятствій. Они отправились рано утромъ; деревни отстояли довольно близко одна отъ другой; лошади еще не были разбиты на ноги, страна была великолѣпна, а погода благопріятствовала. Сарайкойскія чащи, Егердирское и Исбартское озера представляли самый чудный видъ. Въ Коніи они сдѣлали привалъ на нѣсколько недѣль, увлеченные картинностью мѣстоположенія, красотой жителей и величіемъ развалинъ древняго Иконіума. Здѣсь ихъ носильщики отказались слѣдовать далѣе. Приходилось отправляться съ уменьшеннымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ отважныхъ феллаховъ и не очень надежныхъ вожаковъ верблюдовъ. На этомъ плоскогоріи они были въ рукахъ своихъ проводниковъ, и Альвейръ болѣе не покидалъ оружія. Ежевечерне они располагались лагеремъ подъ звѣзднымъ небомъ. Носильщики заболѣли; Альвейръ охотно покинулъ бы ихъ тамъ, но Флориза сжалилась надъ ними и велѣла перевезти ихъ на верблюдахъ до Эскиля, маленькой деревеньки, расположенной уступами на берегу Тюзъ-Джольскаго озера, соленая вода и какъ бы морской воздухъ котораго чрезъ нѣсколько дней отдыха поставили ихъ на ноги. Такимъ образомъ они достигли Кайсаріи, гдѣ не задержались долго.

Пейзажи мѣнялись съ пріятнымъ разнообразіемъ: то тучныя долины съ высокой густою травою орошались ручейками стоячей воды, въ которой распложились змѣи и громадныя черепахи; то мѣстность становилась дикою, бесплодною, каменистою, и громадные куски сереброродныхъ скалъ блестѣли на солнцѣ; то маленькіе розовые цвѣточки испещряли низкую густую траву, и почва казалась разостланнымъ ковромъ.

Однажды вечеромъ они пріѣхали въ прохладную долину, орошаемую Евфратомъ. На склонахъ холмовъ, покрытыхъ душистыми травами и тысячами цвѣтовъ, вокругъ которыхъ жужжали пчелы, пастухи пасли стада. Между скалами, обросшими мхомъ, открывалась природная пещера, которую раздѣлялъ надвое журчавшій ручеекъ. Тамъ раскинули они палатки, и Флориза пришла въ восторгъ отъ красоты этого сельскаго мѣстечка, которое еще болѣе украшала ея веселая юность. Съ беззаботностью счастливой молодости она смѣялась, собирала цвѣты, и звуки ея привлекательнаго голоса соединялись съ щебетаніемъ золотистыхъ птичекъ, колыхавшихъ своимъ полетомъ вѣтви деревьевъ.

Носильщики лежали, растянувшись на землѣ между туками. Лошади и верблюды лежали неподвижно отдыхая; возлѣ кустарника горѣлъ бивачный огонь. Ни Альвейръ, ни Флориза болѣе не чувствовали усталости, и вечерняя тишина успокоила ихъ напряженные нервы. Они сѣли на гладкой скалѣ; кругомъ стрекотали сверчки.

Вышла луна, и ея золотой дискъ походилъ на широкую медаль, повѣшенную на фонѣ лазоревой ткани. Они молча любовались нѣ-которое время этой картиной одиночества, сосредоточенія и поэзіи, и ихъ мысли какъ бы по безмолвному согласію унеслись къ друзьямъ, отъ которыхъ давно они не имѣли извѣстій. Что они подѣлывали? Гдѣ были они? Могли ли они покинуть Константинополь? Найдутъ ли они ихъ на персидской границѣ? Не сообщая даже другъ другу своихъ размышлений, они оба имѣли одну и ту же мысль и слѣдовали за нею, какъ бы подѣ влияніемъ чего-то въ родѣ магнетическаго единомыслія.

Флориза прервала это молчаніе, сказавъ:

— Желаю имъ подобной мѣстности и такой же прекрасной ночи!

Какъ бы продолжая начатый разговоръ, Альвейръ тотчасъ же отвѣтилъ:

— Можетъ быть, они уже не такъ далеко отъ насъ. Если они отправились, что очень вѣроятно, чрезъ Трапезонтъ, то, безъ сомнѣнія, они расположились сегодня вечеромъ позади горъ, которыя загораживаютъ тамъ нашъ горизонтъ.

— А если Ферріоль ихъ задержалъ, помѣшалъ имъ, окружилъ ихъ или еще что нибудь хуже этого?—замѣтила Флориза.

— Жанъ Фабръ ловокъ, онъ долженъ выкарабкаться изъ его когтей.

— Ловокъ, да, но я не очень довѣряю его стойкости. По счастью, съ нимъ Марі.

— А онъ колебался взять ее съ собою.

— Это было бы крайне неразумно. У Марі голова крѣпкая, уравновѣшенная, пылка и своевольная,—сказала Флориза.—Онъ превосходный человѣкъ, но слабый; у него только скоропроходящій порывъ, минутная вспышка, и имъ быстро овладѣло бы отчаяніе, если бы возлѣ него не было Марі, чтобы его ободрить.

— Это—удивительная женщина!

— Она? Это—Мазарини въ юбкѣ. Она не знаетъ, что такое значить терять голову. У нея такое хладнокровіе, какимъ обладаютъ не многіе мужчины,—отвѣтила Флориза.

— Ты ее давно знаешь?

— Довольно сказать: я ея лучший другъ.

И такъ какъ Альвейръ ее спрашивалъ, то Флориза среди курдистанской природы охотно перенеслась къ ихъ общему дѣтству съ Марі, протекашему въ Парижѣ, въ бѣлошвейной мастерской въ улицѣ Сентъ-Онорэ, куда онѣ приходили вмѣстѣ по утрамъ въ 8 часовъ, къ болтовнѣ во время шитья, къ разговорамъ тѣхъ изъ дѣвицъ, которыя наканунѣ съ своими пріятелями танцовали у Рампоно или въ Красивой Мельницѣ, и къ вечернему возвращенію домой, когда имъ приходилось идти по улицѣ подѣ любовными взо-

рами влюбленныхъ приказчиковъ въ черной или коричневой одеждѣ, которые зарились на нихъ, слѣдовали за ними и отваживались предлагать имъ цвѣты.

— Я еще и теперѣ вижу себя тамъ,—сказала Флориза:—улица узкая, грязная, посрединѣ протекала вода ручьемъ; въ дождливые дни учтивость нашихъ обожателей выражалась въ томъ, что они переносили насъ чрезъ улицы, чтобы мы не запачкали нашихъ бѣлыхъ чулокъ, что сберегало намъ два су, которые мы отдали бы за доску для перехода черезъ грязь. Я снова вижу низкія двери лавокъ нашихъ сосѣдей: басонщика и ножовщика, камни, стертые отъ тренія колесъ, а напротивъ красивую вывѣску снабщика, изображавшую змѣю, свернувшуюся между желѣзною листовою и державшую въ зубахъ за ручку золоченную ступку; предо мною снова предстаютъ хорошенькія посѣтительницы г-жи Равно, нашей хозяйки: у насъ были комедіантки изъ французской комедіи и изъ балагановъ Сенъ-Жерменской ярмарки. Г-жа Мэльяръ была нашей постоянной заказчицей.

— Мэльяръ изъ балагана Мамаши Баронъ?

— Да, только одна и есть. Съ нею всегда случались смѣшныя исторіи. Представь себѣ: она однажды явилась, какъ всегда хорошенькая, розовенькая, еще розовѣе, чѣмъ обыкновенно, и сказала намъ при входѣ: «Я хочу васъ угостить совѣмъ свѣжей новостью. Вы знаете, что со мною вчера случилось?—Нѣтъ! Что?—Толстякъ Гонто очутился въ залѣ рядомъ съ моимъ мужемъ, котораго онъ никогда не видѣлъ, и, указывая на меня,—я играла въ «Арлекинѣ или королѣ Серандибѣ»,—спросилъ его: «Вы знаете эту бѣлокуренькую?»—Мой супругъ не тулузецъ, чтобы ничего не отвѣчать, и потому сказалъ: «какъ же мнѣ не знать, ей-Богу? Я испытывалъ въ ея объятіяхъ тысячи и тысячи наслажденій!» Гонто взглянулъ на него и, протянувъ ему руку, сказалъ: «Я то же могу сказать о себѣ». Съ тѣхъ поръ мой мужъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе! Вы больше меня будете смѣяться, когда его увидите!» И она захохотала съ своей беззаботной непринужденностью. Ахъ, хорошія были минуты!

— Не всегда должно быть воздержной!

— Воздержной? Ты можешь сказать—добродѣтельной, сравнивая насъ съ дамами современнаго высшаго круга. Мы не были такъ безпутны, какъ онѣ, и оставались вѣрны.

— Какъ же измѣнились положенія обѣихъ васъ?

— Фабръ сталъ вертѣться около Марі, приходилъ за покупками, возвращался снова, пріятно болталъ и былъ забавенъ; однимъ словомъ, они понравились другъ другу; онъ нанялъ ей квартиру, но она не хотѣла разстаться со мною. Въ то время у меня былъ одинъ богатый человѣкъ, обезпечившій мою будущность и не надождавшій мнѣ; его заключили въ тюрьму со времени появ-

ленія эдикта относительно откупщиковъ, и я утѣшалась въ своемъ вдовствѣ въ обществѣ Мари въ ея игорномъ домѣ, гдѣ явился ты, новый Персей, чтобы похитить твою Андромеду. Но кто могъ бы подумать, что наше брачное путешествіе изъ улицы Мазарини, съ береговъ Сены перенесется въ Месопотамію? Великъ Аллахъ!— какъ говорятъ здѣсь. Но къ чему поднимать эти воспоминанія? Ты спрашиваешь меня, и я болтаю безъ всякой выгоды для тебя и себя: для тебя—такъ какъ ты ничего не выиграешь отъ того, что я разоблачила мою жизнь, а для меня—потому что меня беретъ тоска, когда я подумаю, что, можетъ быть, никогда болѣе не увижу моей бѣдной Марі, такой доброй, преданной и веселой.

Съ ея длинныхъ рѣсницъ падали каплями слезы. Альвейръ выпилъ ихъ въ поцѣлуѣ прощенія, которымъ предавалъ все забвенію.

Они приближались къ деревнѣ Моцхеръ, недалеко отъ Арабкира. Они направлялись вдоль густого лѣса, по опушкѣ котораго протекалъ Евфратъ. По другой сторонѣ стѣною поднимались горы съ обрывистыми склонами. Проходъ былъ неровный, темный, каменистый и производилъ потрясающее впечатлѣніе. Флориза приблизила свою лошадь къ Альвейру и сказала, дрожа:

— Прикажи соединиться вмѣстѣ всѣмъ: эта страна ненадежна. Альвейръ засмѣялся.

— Сумасшедшая! Не такія мѣста намъ приходилось проѣзжать! Ты должна бы увлекаться ею. Уже если на что намъ жаловаться, такъ скорѣе на недостатокъ приключеній въ пути. Я перемѣнилъ сегодня утромъ фитиль въ моемъ пистолетѣ, не зажигая его съ самаго порта Ватю! Признайся, что миролюбивѣе этого нельзя быть. Это прогулка въ Сень-Клу.

Вспомнивъ о романѣ г. Фромаже, бывшемъ въ большемъ ходу во время ихъ отъѣзда изъ Парижа, Флориза улыбнулась, но ея улыбка была горькая и холодная. Женщины, какъ существа нервныя и впечатлительныя, сильнѣе предчувствуютъ, чѣмъ мужчины; онѣ—не какъ послѣдніе—грубые, тяжелые, нечуткіе, шероховатые. Въ женщинахъ есть тайное сродство съ внѣшнимъ сокровеннымъ міромъ, и онѣ сообщаются, безъ своего вѣдома, посредствомъ чуткой чувствительности своей природы съ самыми тонкими и нѣжными элементами, о которыхъ мужчина и не подозреваетъ: онѣ видятъ незримое; ихъ тонкая и нѣжная кожа соприкасается съ предостереженіями изъ другого міра, а ихъ утонченная воспримчивость имѣетъ сношенія съ откровеніями, которыя приносятъ имъ волнообразное колебаніе воздуха и неощутимое дыханіе будущаго. Онѣ обладаютъ инстинктомъ, который заставляетъ ихъ предвидѣть, предчувствовать и дѣлаетъ ихъ, какъ животныхъ, тревожными при близости опасности.

Флориза боялась. Ея сердце усиленно билось, и блѣдность согнала краску съ лица. Она предчувствовала сидящаго въ засадѣ

врага, ждала его, и когда увидѣла, то была болѣе испугана, чѣмъ изумлена и поражена. Это былъ курдь, грязно одѣтый въ выцвѣтшую красную куртку и въ линючіе синіе шаровары, съ висѣвшимъ на поясѣ оружіемъ, кинжалами и пороховницей. Онъ выскочилъ изъ кустарника и, прицѣлившись изъ пистолета, остановилъ за узду лошадь Альвейра, который тотчасъ же выстрѣлилъ въ него,—и онъ упалъ съ раздробленнымъ черепомъ. Тогда изъ-за деревьевъ вышла дикая орда; ружейные выстрѣлы уложили шесть слугъ, которые уже хотѣли спастись бѣгствомъ. Борьба была невозможна. Альвейръ стрѣлялъ, но у него не было свободной минуты, чтобы зарядить снова оружіе; два вооруженные съ ногъ до головы курда, съ кинжаломъ въ зубахъ, уносили потерявшую сознание Флоризу, остальные схватили за узды лошадей носильщиковъ. Альвейръ сдался, желая спасти свою жизнь ради спутницы, чтобы не оставить ея одинокой на произволъ потеряннаго для нихъ будущаго. Онъ далъ связать себѣ руки и послѣдовалъ за разбойниками, шумно разговаривавшими и обрадовавшимися добычѣ. Дорогой они полуоткрыли ящики и издали радостныя восклицанія, показывая другъ другу дивныя вещи, которыя Людовикъ XIV не предназначалъ имъ. Повидимому, давно уже эти разбойники не имѣли такой важной добычи, и думая, что ихъ плѣнникъ долженъ быть однимъ изъ значительныхъ купцовъ стараго свѣта и представляетъ почтенный выкупъ, они осыпали его вниманіемъ и ни въ чемъ не отказывали, исключая свободы удалиться.

Флориза также пользовалась ихъ вниманіемъ, представляя на ихъ взглядъ двойную привлекательность: задорную красоту и выкупъ по ихъ желанію. Они положили ее безъ чувствъ, со свѣсившимися ногами поперекъ верблюда, и въ такомъ видѣ парижская парочка, окруженная сорока человѣками почетной стражи, прибыла къ притону разбойниковъ.

Входъ въ него былъ незамѣтный. Приходилось пройти чрезъ болото, проникнуть сквозь низкорослую чащу и очутиться предъ пещерой, прикрытой однимъ изъ тѣхъ громадныхъ вертикально углубившихся камней, какими первые христіане укрывали входы въ катакомбы, гдѣ они справляли религиозныя службы. Громадный залъ съ куполовиднымъ сводомъ былъ освѣщенъ факелами и провѣтривался посредствомъ вытяжной трубы, устроенной на его вершинѣ. Комнаты выходили въ эту ротонду и въ коридоръ, исчезавшій въ темнотѣ. Разбойники приковали Альвейра цѣпью къ громадному кольцу, вдѣланному въ стѣну, и учтиво подали ему скамью. Они положили Флоризу на вязанку соломы въ противоположномъ концѣ залы, изъ предосторожности прикрѣпивъ ея маленькія ручки другою цѣпью; а одинъ изъ нихъ даже деликатно вылилъ ей на губы нѣсколько капель изъ серебрянаго кубка съ кипрскимъ виномъ. Она пришла въ себя, но можно угадать, какъ она была сна-

чала изумлена; затѣмъ она принялась стонать. Страхъ, огорченіе, бѣшенство смѣнялись одно другимъ. Она заливалась слезами и восклицала:

— Ахъ, Альвейръ, Альвейръ! въ какую опасность попали мы! Какая надежда на то, что мы когда нибудь изъ нея выберемся! Все кончено! Это—смерть, это—пытка, и для меня, великій Богъ, безъ сомнѣнія, будетъ что нибудь еще хуже! Всѣ эти мужчины!... Небо, зачѣмъ я не мужчина?...

— Лучше ли было бы?—сказалъ печально Альвейръ.

— Съ перваго раза мы начали неудачею! Никакой будущности! Ничего болѣе! А Марі, которая будетъ насъ ожидать? А персидскій шахъ? А наши разграбленные тюки? Рабство, позоръ, страданія! Но это ужасно! Это убійственно! Я предпочитаю смерть! Желѣзо причиняетъ мнѣ боль! Какое отчаяніе! Собаки турки! Боже мой, Боже мой! сжался надъ нами! Всѣ мои платья! что они съ ними сдѣлаютъ! Можетъ ли быть судьба сквернѣе этой? Все кончено! Вручаю душу Богу!

Флориза представляла олицетвореніе отчаянія. Эти крики не трогали курдовъ; оставивъ одного изъ нихъ часовымъ, они принялись за складываніе богатой добычи въ сосѣдній залъ, казавшійся докомъ, такъ какъ эта пещера была опрятной и кокетливо содержалась. Въ ней царствовалъ какой-то чиновничій духъ, и все было приведено въ порядокъ. Подробности, касавшіяся добычи, надзиратель записывалъ въ толстый реестръ, съ приблизительной оцѣнкой всякаго рода предметовъ.

Когда Флориза прервала свои шумные стоны и жалобы, Альвейръ попытался ее успокоить. Онъ казался хладнокровнымъ, и его отважная увѣренность удивила и успокоила его сотоварку по заключенію.

— Предположи худшее, — сказалъ онъ. — Насъ не надо слишкомъ поражать. Они насъ не убьютъ. Это не въ выгодахъ и не въ обычаяхъ такого рода людей. Они потребуютъ выкупъ и бросятъ насъ въ горахъ, чтобы мы не могли найти слѣдовъ. Дѣло только въ цѣнѣ. Г. Реньяръ, драматическій авторъ, также былъ захваченъ и отвезенъ въ Алжиръ, однако возвратился обратно, и когда мы уѣзжали, онъ преспокойно давалъ въ Французской Комедіи свои «Влюбленные безумія».

— Но Алжиръ! дорогой мой! Алжиръ—это Парижъ!—возразила Флориза.—Подумай только, гдѣ мы! У дикарей, можетъ быть, даже у людоедовъ! Они страшные! У нихъ ужасныя казни!

Ея крики удвоились.

— О, объ этомъ не беспокойся. Увѣряю тебя, что дѣло въ выкупѣ. А тогда? Гдѣ же тутъ столь громадное несчастіе? Фабръ и Марі, не вида насъ, отправятся къ персидскому шаху одни. Подарки? Ему пообѣщаютъ другіе и пришлютъ новыя. Въ жизни все устраивается.

— Увы! Марі такъ разсчитывала на обаятельную силу подарковъ! Что это за посланникъ безъ подарковъ? Уже въ Парижѣ это не важная птица, посуди, что же на востокѣ! Увы, все потеряно—и мы сами, и предпріятіе Фабра, и надежды Марі на славу, и вліяніе Франці! Неисчислимыя послѣдствія, благодаря посягательству воровъ! Я хотѣла бы умереть!

— Не дѣлай этого, а лучше разсуди, Наше присутствіе не необходимо въ Испани, клянусь тебѣ въ этомъ, и нашей жизни не угрожаетъ опасность. Чего же ты болѣе хочешь? Ты видишь, что все къ лучшему!

При этихъ словахъ Флориза разразилась нервнымъ и болѣзненнымъ хохотомъ. И было съ чего. Это «все къ лучшему», произнесенное въ бесѣдѣ двухъ заключенныхъ, остановленныхъ въ пути, ограбленныхъ, закованныхъ въ прекрасно оберегаемомъ глубокомъ погребѣ, безъ надежды на выходъ оттуда, можетъ быть, ранѣе нѣсколькихъ лѣтъ, было такой неожиданной противоположностью ихъ положенію, что становилось забавнымъ, даже несмотря на весь ужасъ.

Между тѣмъ курды продолжали складывать вещи, обмѣниваясь мыслями:

— Начальникъ еще не вернулся?

— Нѣтъ, но онъ не замѣшкается.

— Онъ былъ въ Малатіи?

— Да, по обыкновенію, передѣтый еврогеемъ, чтобы продать драгоцѣнности изъ нашей послѣдней добычи.

— Онъ будетъ доволенъ нашей работой.

— А дѣвушка красивая!

— Да пошлютъ мнѣ ее боги! Я предпочитаю имѣть возлѣ себя эту европейку, чѣмъ скорпіона.

По ихъ взглядамъ Флориза поняла смыслъ разговора и была до отчаянія испугана.

Ночь прошла безъ приключеній. Плѣнные не могли сомкнуть глазъ и обмѣнивались печальными разговорами. Подъ утро, т.-е. въ ту минуту, когда они въ этомъ плохо освѣщенномъ мракѣ могли догадаться, что вѣкъ его бѣлый день, Альвейеръ и Флориза немного поѣли пицци, поставленной наканунѣ возлѣ нихъ въ глиняной чашкѣ. Флориза глубоко вздохнула. Тогда одинъ изъ курдовъ, выпившій вина болѣе, чѣмъ надо, приблизился къ ней и хотѣлъ обратиться къ ней съ ласками. Ему помѣшали другіе курды, которые хотѣли, чтобы это было рѣшено жребіемъ. Флориза находилась въ страхѣ: тюремщики дрались, и борьба могла сдѣлаться дикой и кровопролитной, какъ вдругъ коридорный часовой закричалъ:

— Капитанъ!

Послѣдній вошелъ и стегнулъ кнутомъ своихъ не дисциплинированныхъ солдатъ, убѣжавшихъ съ воємъ, какъ собаки. Альвейеръ и Флориза не могли его хорошо разсмотрѣть въ полусвѣтѣ. На

немъ была не мусульманская одежда, а коричневый кафтанъ западныхъ купцовъ.

— Посмотримъ добычу!—сказалъ онъ.—Плѣнники тамъ!

Онъ подвинулся къ освѣщенному мѣсту, чтобы рассмотреть плѣнницу; вдругъ раздались два восклицанія:

— Флориза!

— Папрель!

Оба, казалось, такъ были поражены, какъ если бы къ ихъ ногамъ упала молнія.

— Вы—здѣсь?

— А вы?

Это казалось невообразимымъ. Флориза имѣла въ Парижѣ покровителя, денежнаго человѣка, по имени Мютта, у котораго былъ школьный товарищъ, называвшійся Папрель. Эти личности были очень извѣстны въ исторіи французскихъ національных финансовъ. Папрель участвовалъ во всѣхъ ужинахъ и прогулкахъ, устраиваемыхъ Мюттомъ для Флоризы. Со времени эдикта Кольбера, заставившаго откупщиковъ возвратить награбленное ими, оба сообщника были задержаны и посажены въ тюрьму. Ихъ заключили въ одну и ту же тюрьму, и они добились разрѣшенія играть между собою въ карты. Но они плутовали, спорили и ихъ разъединили. Папрель былъ догадливъ; онъ сумѣлъ приглубить тюремщика, указавъ ему возможность сильно увеличить свой кошелекъ и, благодаря этому, могъ убѣждать, обѣщая помѣстить на проценты сбереженія, которыя ему довѣрилъ простакъ. Прежде чѣмъ объяснить свое присутствіе въ Арабкирской пещерѣ, онъ извинился и приказалъ снять цѣпи съ плѣнныхъ. Флориза представила другъ другу обоихъ мужчинъ съ тѣмъ изяществомъ, какое она примѣняла въ своей парижской гостиной во время пріема.

— Г. Папрель, одинъ изъ друзей моего бѣднаго друга Мютта. Кавалеръ Альвейръ, мой любезный товарищъ по путешествію.

Папрель поклонился.

— Кавалеръ! Вы мнѣ оказали большую честь вашимъ посѣщеніемъ.

— Для меня это большая честь, г. Папрель.

— Называйте меня коротко капитанъ, запросто капитанъ Папреликъ: это мое прозвище.

Капитанъ былъ высокій, худой, съ ввалившимися щеками, съ носомъ въ родѣ вороньяго клюва, съ квадратной бородой, съ такими живыми глазами, какъ у хищной птицы. Онъ, казалось, былъ счастливъ, встрѣтившись съ ними, потому что потребовалъ подать стулья, столикъ и армянскаго вина.

— Чортъ возьми, думалъ ли я когда нибудь, любезная Флориза, что разоплю съ вами азіатскаго вина въ горахъ Тавра!—сказалъ онъ.—Чего только не случается! Какъ я сюда попалъ? Очень

просто! У меня во Франці было хорошее ремесло—откупщика. Прекрасное это было время! Получалось пятнадцать милліоновъ, а въ королевскую казну клалось три. Черезъ нѣсколько лѣтъ состояніе сдѣлано. Поэтому судите сами, сколько пріобрѣталось завистниковъ! Насъ во всемъ обвиняли. Дождь идетъ—откупъ виноваты; засуха—откупщики виноваты! Можно сказать, мы были причиной всѣхъ несчастій. Но, сударь, одно вѣрно, какъ то, что я съ вами теперь говорю: мы были спасителями короля! Благодаря намъ, онъ ежегодно находилъ свою маленькую кассу наполненной, не беспокоясь объ остальномъ. Мы обезпечивали ему его доходы. Затѣмъ это было наше дѣло пополнить наши расходы и предварительно вычестъ налоги. Насъ обвиняли въ преступленіи, что мы получали болѣе, чѣмъ давали, но, по совѣсти, надо же было намъ уплатить и насъ вознаградить! Кто же здѣсь терпѣлъ убытокъ? А если налоги не вносились? А на комъ лежали всѣ заботы? А когда королю не хватало доходовъ, у кого въ запасъ бывали деньги, чтобы ему одолжить, когда во всей Франці болѣе не было ни су? Я утверждаю, что мы поддерживали Францію.

— Какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго,—сказалъ со смѣхомъ Альвейръ.

— Да, сударь! Какъ? Нѣтъ, нѣтъ, что вы заставляете меня говорить! Видите ли, кавалеръ, это все литераторы и писакіи сдѣлали намъ зло. Въ моей конторѣ былъ мелкій служащій, очень скрытный, которому впоследствии покровительствовалъ епископъ Мо и пустилъ его въ ходъ. Его звали Лабрюйеръ. Онъ былъ посвященъ во всѣ подробности ходовъ нашей искусной организаціи. Кто остерегался бы его! Неблагодарный! Онъ воспользовался этимъ, чтобы разоблачить предъ всѣми тайны, не принадлежащія ему; онъ уничтожилъ тѣхъ, кто его кормилъ! Въ своей злой книгѣ, названной «Характеры», онъ вылилъ на насъ весь ядъ своей ненависти; онъ считалъ очень умнымъ написать главу «Благосостояніе». Это очень дурной поступокъ. Такъ не обращаются съ тѣми, у которыхъ просили хлѣба. Вы не помните объ этомъ? О! а я такъ взялъ ее съ собою, чтобы вспоминать, отмстить и ненавидѣть.

Онъ всталъ, взялъ съ деревяннаго столика маленькую книжку и, открывъ ее, сказалъ:

— Это мой тревникъ; онъ меня воодушевляетъ, забавляетъ и наполняетъ раскаяніемъ и сокрушеніемъ; если бы я въ послѣднемъ нуждался, то это мнѣ зачтется. Всегда хорошо принять предосторожность и не играть въ открытую. Ахъ, негодяи!

И онъ принялся читать:

«Приверженцы, — приверженцы были мы! — возбуждаютъ всѣ страсти одну послѣ другой; начинаютъ съ того, что ихъ презираютъ, по причинѣ ихъ неизвѣстности; затѣмъ имъ завидуютъ, ихъ ненавидятъ и опасаются; иногда ихъ цѣнятъ и уважаютъ; доста-

точно насмотрѣвшись на нихъ, оканчиваютъ соболѣзнованіемъ имъ». Здѣсь двадцать страницекъ въ такомъ родѣ. Другіе поютъ въ одинъ голосъ—и г. Данкуръ и г. Реньяръ. Кольберу нравилось тогда воображать, что страна была бѣдна, и всю вину взвалили на насъ, честныхъ откупщиковъ. Наши арміи потерпѣли поражение? Откупщики виноваты! У короля подагра? Откупщики виноваты! Народъ ропщетъ? Откупщики виноваты! Постыдный эдиктъ насъ обворовалъ, расхитилъ наше богатство, разорилъ насъ! Благодаря Богу, мнѣ удалось бѣжать. Черезъ Марсель я достигнулъ Смирны и попытался завести скромную торговлю европейскими произведеніями. Но, видите ли, мелкія сдѣлки не дѣло для нашего брата, дѣльца. Я завелъ въ Смирнѣ много предпріятій, которыя дали мнѣ средства, и такъ какъ я опасался, что отъ меня снова потребуютъ отчета, то переселялся все далѣе и далѣе, изъ деревни въ деревню, похищая деньги и забавляясь надъ моими простаками. Но такъ какъ нѣсколько изъ нихъ намѣревались вздуть меня палкою, то я понялъ необходимость оберечь себя въ этой странѣ, гдѣ бесполезно взывать къ отсутствующему закону. Теперь я во главѣ отряда сильныхъ и крѣпкихъ слугъ, которые исполняютъ должность надзирателей за сборами нашей страны. Они привлекаютъ фонды, которыми я управляю, и не жалуется на меня,—спросите ихъ.

— Они привлекаютъ ихъ, быть можетъ, немного грубо,—замѣтилъ Альвейръ.

— Грубо? Можно ли это сказать! Ахъ, кавалеръ, видно, что вы не знаете, какъ во Франціи производится взиманіе налоговъ! Но мои помощники—агнцы, если вы ихъ сравните съ нашими чиновниками финансовыхъ вѣдомствъ, сборщиками податей, контролерами, канцелярскими служителями и банкирами. Настоящій лѣсъ разбойниковъ—это Франція!.. Тамъ доносятъ чиновниковъ вѣрять безъ провѣрки. Дадите ли вы стаканъ вина нищему,—платите денежную пѣню, потому что этотъ нищій переодѣтый чиновникъ, который привлекаетъ васъ, какъ торговца безпошлиннымъ виномъ. Эта ветчина солоня—вы не заплатили пошлины на соль, вы тайно торгуете солью. Платите пѣню! А ихъ спесь, деспотизмъ, презрительное высокомеріе! Повѣрьте мнѣ, лучше имѣйте дѣло съ курдами, чѣмъ съ служителями фиска. Но, пока, вы знаете теперь, зачѣмъ и какъ я перевелъ въ Арабикиръ пріемную кассу моего банка. Дѣла здѣсь процвѣтаютъ, доходы—правильны, операціи, искусно руководимыя,—удачны, а правительство, не зная обо мнѣ, не можетъ меня беспокоить. Это—идеалъ банкира. Теперь о васъ. Зачѣмъ пожаловали вы сюда и попали въ число моихъ кліентовъ? Но прежде всего выпьемъ за ваше здоровье.

Онъ позвалъ:

— Кумкалехъ, принеси бутылку стараго хіоскаго вина.

Развеселившаяся Флориза, счастливая, что освободилась, теперь смѣялась. Она рассказала обо всѣхъ ихъ похожденияхъ, о посольствѣ Фабра, о козняхъ Ферріоля и о свиданіи въ Эчміадзинѣ, гдѣ должна была соединиться раздѣлившаяся миссія. Папреликъ громко хохоталъ, и изумленные курды дивились, что капитанъ былъ такъ предупредителенъ къ плѣнникамъ. Они говорили себѣ:

- Мы задержали друзей!
- Экая неловкость!
- Какъ бы они насъ не погубили!
- Не наша въ томъ вина!

Между тѣмъ Папреликъ продолжалъ бесѣду.

— Видите ли, кавалеръ, я часто посѣщалъ въ Парижѣ самыя знатныя гостиныя. Я прекрасно зналъ, что дворяне плохо уважаютъ мое низкое происхожденіе, но я наслаждался злобнымъ удовольствіемъ, видя, какъ мнѣ подло льстятъ, какъ ко мнѣ ластятся и заискиваютъ у меня, ради моего состоянія. Этотъ тайный любовникъ содержанки, Лабрюйеръ, утверждалъ, что деньги замѣняютъ дворянскіе гербы. Я не заходилъ такъ далеко, но часто мнѣ приходилось неожиданно улавливать позади себя насмѣшливыя улыбки вамъ подобныхъ, которыхъ я обогащалъ чрезъ ихъ любовницъ, и моей маленькой местию была возможность съ своей стороны презирать ихъ. Насъ считали за глупцовъ, бездѣльниковъ, скотовъ, необразованныхъ невѣждъ, безжалостныхъ, а между тѣмъ, когда король нуждался въ деньгахъ, то бралъ подъ руку г. Бернара и открыто прогуливался съ нимъ предъ всѣмъ дворомъ по дорожкамъ Версаля. Такая огласка отражалась на нашемъ сословіи и создала намъ всѣмъ молодое дворянство—денежное, единственное, у котораго была будущность. Такимъ образомъ, кавалеръ, вы не унижаете себя въ моемъ жилищѣ и можете нарушить церемоніи, которыя никуда не приведутъ, а въ особенности въ Эчміадзинѣ. По крайней мѣрѣ, вы можете сказать, что въ одинъ прекрасный день вы имѣли отмѣнное счастье встрѣтить на вашемъ пути податного откупщика, такъ какъ безъ меня, чортъ возьми, недобрались бы вы на мѣсто вашего свиданія! Ради моей старинной дружбы къ этой дамѣ и скорбныхъ воспоминаній о старомъ негодяѣ Міотто,—да хранитъ Богъ его душу и здоровье,—я считаю приятнымъ долгомъ облегчить вамъ путь. Вы меня извините, что я не удержу васъ долѣе и не предложу, какъ это слѣдовало бы, охоты на ягуаровъ или джигитовки. Но я скромнѣе и питаю отвращеніе слишкомъ показываться внѣ дома съ пышностью, блескомъ и тщеславіемъ; скромный мракъ—единственное благо, которое я цѣню, и которое мнѣ соотвѣтствуетъ. Я вамъ только отряжу моихъ трехъ лучшихъ солдатъ; они знаютъ горы и проводятъ васъ по самымъ короткимъ и надежнымъ тропинкамъ. Вы достигнете Эчміадзина гораздо ранѣе вашихъ друзей и можете спокойно ихъ

подождать. Однако, я вамъ могу дать совѣтъ отправиться навстрѣчу къ нимъ. Эта часть Арарата мало надежна, и мои молодцы послужатъ вамъ драгоцѣнной помощью. Они въ дружбѣ со всѣми ворами страны, и ихъ покровительство будетъ вамъ полезно; чтобы бродить по этой странѣ, никогда не бываетъ чрезмѣрнымъ количество спутниковъ. Ахъ, вы можете сказать, какое счастье, что вы меня встрѣтили. Вы не скажете болѣе, что въ вѣдомствѣ финансовъ нѣтъ честныхъ людей.

Взволнованная Флориза разсыпалась въ благодарностяхъ, и самъ Альвейръ на мгновеніе забылъ сословные предразсудки и пожалъ руку этому банкиру. Завтракъ былъ оживленъ, изобиленъ и веселъ. Какъ только плѣнники отдохнули и были готовы, то простились съ Папреликомъ, прося его принять на память великолѣпный кинжалъ, украшенный драгоцѣнными камнями. Ихъ трое проводниковъ навьючили тюки на животныхъ, и караванъ вновь отправился, какъ будто ничего и не случилось, кромѣ того, что они потеряли своихъ бесполезныхъ слугъ, получивъ трехъ драгоцѣнныхъ, опытныхъ и рѣшительныхъ проводниковъ. Все было къ лучшему, и одинъ разъ больше оправдалось поговорка: «нѣтъ худа безъ добра».

Дѣйствительно они пріѣхали въ Эчміадзинъ ранѣе, тогда какъ Фабръ сдѣлалъ крюкъ черезъ Константинополь.

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха Альвейръ справился о дорогѣ, странѣ и проходахъ; онъ зналъ, что Фабру необходимо надо проѣхать черезъ Араратское ущелье, и столько же вѣлѣдствіе предчувствія, какъ и изъ товарищеской заботливости ему показалось не бесполезнымъ отправиться къ нему навстрѣчу. Флориза заставила его раздѣлить съ собою свои опасенія относительно судьбы маленькаго каравана, стѣсненнаго присутствіемъ двухъ женщинъ и ребенка. Альвейръ оставилъ свою подругу въ каравансараѣ и, собравъ хорошій отрядъ тѣлохранителей поднялся по Араксу, съ цѣлю присоединиться къ прибывшимъ, если они были тамъ. Это было кстати. Онъ услышалъ ружейные выстрѣлы и велѣлъ отряду пуститься во весь опоръ. Они пріѣхали какъ разъ во-время, чтобы изувѣчить Сюфера въ минуту, благоприятную для освобожденія Марі и для того, чтобы заставить бѣжать Мишеля съ остаткомъ его солдатъ.

Послѣдовали объятія; веревки были развязаны, и они снова образовали защиту въ ожиданіи атаки. Пользуясь замѣшательствомъ, произведеннымъ въ лагерь неожиданной помощью, Сюферу удалось проскользнуть позади одной скалы. Такъ какъ одинъ изъ его товарищей, спасаясь, проѣзжалъ мимо него, то Сюферъ обратилъ на себя его вниманіе; тотъ на всемъ скаку наклонился, схватилъ его за поясъ и поднялъ на сѣдло.

Побѣдители остались господами поля сраженія. Каждый восторгался этой чудесной случайностью, которая ихъ освободила отъ вѣрной смерти. Всадники Альвейра подняли весь караванъ на ноги. Перевязывая раненыхъ и расшнуровывая лежавшую въ обморокъ Лизонъ, докторъ Робэнъ посвистывалъ съ довольнымъ видомъ.

XI.

Кассаръ-Абадъ—преlestное мѣсто для сбора охотниковъ въ двухъ миляхъ отъ Эривани. Когда устраивались облавы, то ханъ, губернаторъ провинціи, полдничалъ тамъ. Въ густой чащѣ лѣса, усѣянной пучками розъ, пряталась бесѣдка, украшенная облицовкой изъ желтаго и синяго фаянса. Воздухъ тамъ былъ насыщенъ благоуханіемъ, и глазъ, какъ бы подъ вліяніемъ ласки, успокаивался на нѣжной муравѣ. Стѣны бесѣдки омывались въ широкой площади воды, заключенной въ водоемъ изъ фіолетоваго мрамора и отражавшей бѣлый куполъ бесѣдки. Ступени спускались до самаго уровня озера, къ легкой разноцвѣтной лодкѣ. Большія деревья граничили горизонтъ и распространяли освѣжающую тѣнь на квадратную площадку съ цвѣтущими анемонами, ранункулами, жонкилями и жасминами. Вдали солнце воспламеняло ледники и серебрило волнообразныя линіи снѣговъ на горныхъ гребняхъ, окружающихъ Баязеть.

По большой дорогѣ мчался во весь опоръ всадникъ съ красивой черной бородой и остановился предъ хижиной сторожа—землянкѣ, гдѣ онъ жилъ съ женой и ребенкомъ.

Сторожъ Хамедъ издали узналъ Хани, одного изъ гонцовъ эриванскаго хана, который явился по обыкновенію предупредить его о предстоящей охотѣ, чтобы онъ могъ позаботиться о приготовленіяхъ къ ней. Какъ только тотъ приблизился, онъ поздоровался съ нимъ, говоря:

— Привѣтствую тебя, Хани! Ты приѣхалъ заказать охоту?

— Да, добрякъ Хамедъ, эчагасси, церемоніймейстеръ хана, послалъ предупредить тебя, чтобы ты все приготовилъ къ будущему новолунію, и онъ приказываетъ тебѣ приложить всѣ старанія, чтобы доставить достаточно дичи и полдника.

— Развѣ обыкновенно бываетъ недостаточно?

— Повидимому, достаточно, а только на этотъ разъ будетъ большая свита.

— Такъ, значитъ, самъ принцъ лично появится въ нашихъ краяхъ?—спросилъ онъ, весь дрожа и широко раскрывъ глаза.

— Нѣтъ, старый ястребъ, охота предложена чрезвычайному посланнику великаго западнаго короля; онъ прибылъ на-дняхъ съ многочисленной свитой, въ сопровожденіи дочери самаго французскаго короля

Тогда онъ разсказалъ о прибытіи въ Персію, въ Эривань, миссіи Фабра, который послѣ стычки въ Араратскомъ проходѣ могъ мирно продолжать путь. Посланный Людовика XIV былъ дружелюбно принятъ губернаторомъ. Его письма изъ Франціи и Константинополя вдвойнѣ обезпечивали ему дружбу и уваженіе, тѣмъ болѣе, что Марі Пёті, отказавшись отъ мужского переодѣванія, представилась, какъ посланная отъ дочерей короля съ подарками султану. Распространившійся и невѣрно перетолкованный въ городѣ слухъ вскорѣ превратилъ ее въ дочь короля. Старый ханъ тотчасъ же въ нее влюбился, и власть Марі надъ этимъ восточнымъ чиновникомъ сдѣлала для дѣла болѣе, чѣмъ многіе дипломатическіе переговоры: часто любовь мститъ политикѣ, порабощая ее своему капризу.

Нѣсколько дней спустя, въ честь Жана и Марі была устроена большая охота.

Утромъ слуга атамадулета подвелъ къ двери Жана рыжую лошадь и красавца иноходца въ богатой красной кожаной сбруѣ, вышитой золотомъ. Это былъ подарокъ хана своимъ гостямъ.

Охотничье шествіе двинулось. Во главѣ скакалъ эскадронъ кавалеристовъ въ синихъ доломанахъ и шароварахъ; затѣмъ слѣдовали верхами стрѣлки въ темныхъ курткахъ, коротенькихъ юбочкахъ, усѣянныхъ вышитыми цвѣтами, и въ свободныхъ, гибкихъ сапогахъ; на головахъ у нихъ были надѣты низкіе съ тремя султанами тюрбаны, придерживаемые широкими подбородниками, сбоку висѣла широкая сабля, за спиною были колчанъ и лукъ, а чрезъ плечо продѣтъ на ремнѣ щитъ. За ними ѣхали офицеры, или кизельбахи, въ узкихъ и длинныхъ епанчахъ, въ тюрбанахъ, подъ которыми были надѣты шлемы съ опущенными забралами, ниспадающими на шею въ видѣ вуаля изъ серебристыхъ звеньевъ. Они были въ толстыхъ полосатыхъ чулкахъ, защищенныхъ спереди бронзовыми наколѣнниками. Потомъ слѣдовали барабанщики съ легкими длинными барабанами, покрытыми алыми чехлами; послѣ нихъ ѣхалъ почетный пикетъ, составленный изъ янычаръ, который предшествовалъ Марі Пёті, въ амазонкѣ и окруженной тѣлохранителями, какъ посланицѣ французскихъ принцессъ; справа отъ нея находился старый ханъ, а слѣва Жанъ Фабръ. За ними ѣхали приглашенные, сокольники, загонщики и вся свита.

Жанъ слѣдовалъ рядомъ съ Альвейромъ и Флоризой.

— Здѣсь лучше, — сказалъ онъ: — чѣмъ въ ущельѣ Большого Арарата. Взгляните, какая роскошь и блескъ! Охоты во Франціи, быть можетъ, лучше распредѣлены, но не столь картинны.

— Я нахожу, — прибавила Флориза: — что наши придворные мундиры такъ же богаты, какъ и здѣшніе, но изящнѣе. Поистинѣ намъ не хватаетъ Арарата для задняго плана картины.

Они подозвали къ себѣ драгомана и принялись разспрашивать его объ обычаяхъ псовой охоты въ странѣ.

— Не надо говорить въ этой странѣ о псовой охотѣ,—объяснилъ онъ:—здѣсь мало охотятся съ собаками, какъ съ животными нечестивыми и проклятыми религіей Али. Для этого намъ служатъ соколы, орлы, тигры и верблюды.

— Какъ,—спросилъ Жакъ:—всѣ эти животныя ваши загонщики?

— Совершенно вѣрно, они охотятся для насъ: вы ихъ сейчасъ увидите.

— Ахъ,—воскликнула Флориза:—но ваша охота совѣмъ не спокойная, если надо ввѣряться тиграмъ и орламъ, и если это ваши друзья человѣчества. Первый разъ мнѣ говорятъ о нихъ съ такой благосклонностью.

— Нечего бояться ихъ, сударыня; эти животныя вполне приручены и превращены въ домашнихъ. Но мы начинаемъ охоту, и я вижу, что сокольники бѣгутъ на свои мѣста.

Съ своими раскрашенными розовыми лицами, какъ бы покрытыми эмалью, съ тонкими прямыми усами, сокольники были великолѣпны въ своихъ щегольскихъ курткахъ съ птицами на сжатыхъ въ кулакъ рукахъ, въ красныхъ кожаныхъ перчаткахъ, украшенныхъ драгоценными камнями, гранеными и негранеными.

Сами охотничьи птицы были принаряжены: на ихъ горлышкахъ красовались гагатовыя ожерелья, а на лапкахъ—золотыя ногавки, надѣвавшіяся для ихъ отличія.

Сокольники размѣстились вдоль опушки благоухающихъ лѣсовъ.

Они обмѣнивались криками и сигналами.

— Альвейръ,—сказала Флориза, сдерживая свою лошадь:—спроси, что означаетъ весь этотъ гамъ?

Драгоманъ объяснилъ, что это увидѣли абмелека, рѣдкую птицу, живущую близъ желѣзныхъ источниковъ и которую привлекаютъ воинскіе доспѣхи. Относительно нея существуетъ легенда, что достаточно имѣть съ собою флягу съ водою, зачерпнутой въ ея любимомъ источникѣ, чтобы абмелекъ васъ болѣе не покидалъ: онъ слѣдовалъ за водою.

— Это—драгоценная птица,—прибавилъ драгоманъ:—она въ большомъ количествѣ истребляетъ кузнечиковъ. А посмотрите: вотъ орелъ—это рѣдкое счастье, и сокольникъ, принесшій его, получаетъ сто томановъ, даже если онъ доставитъ только его голову и лапы. Это—рѣдкій азиатскій орелъ. Онъ вьетъ свое гнѣздо въ снѣгахъ, куда онъ углубляется, благодаря жару своего тѣла. Что касается дѣтенышей, выведенныхъ подъ снѣгомъ, то тѣхъ, которые не способны сами пробиться изъ-подъ своего холоднаго ложа, онъ оставляетъ задыхаться въ глубинѣ, какъ недостойныхъ себя отпрысковъ.

Посмотрите, какая прекрасная птица, какъ она паритъ,—это великолѣпное созданіе! Противъ него спускаютъ самаго грознаго сокола, изъ породы ягнятниковъ, которые чрезвычайно свирѣпы. Вы сейчасъ увидите одно изъ самыхъ потрясающихъ сраженій въ воздухѣ.

Онъ продолжалъ свои объясненія и сообщилъ, что этотъ соколъ былъ обученъ исключительно охотѣ противъ краснаго звѣря, а также противъ человѣка. Его обучаютъ сначала нападать на соломенное чучело, на голову котораго кладутъ говядину, и когда его тащатъ, она катится за нимъ. Когда сокола выпускаютъ въ чистое поле, то онъ впивается своими когтями въ голову оленя или другого животнаго и просверливаетъ ему черепъ. Онъ то же дѣлаетъ, когда его спускаютъ противъ человѣка. Однажды таврическій губернаторъ, Али-Хули-Ханъ, забавлялся, спустивъ, въ видѣ развлеченія, одного изъ соколовъ противъ своего пріятеля, и такъ какъ не очень поспѣшили отозвать сокола, то у пріятеля оказались выклеванными глаза.

Между тѣмъ соколъ-ягнятникъ принесъ абмелека и тотчасъ же снова улетѣлъ. Теперь онъ нанесъ чудовищный ударъ клювомъ по черепу обезумѣвшаго лося. Такъ какъ онъ уже причинилъ животному вредъ, то сокольникъ, чтобы его отозвать, усилилъ удары въ литавры, привѣшанныя къ сѣдельному луку. Птица вернулась и сѣла на сжатый кулакъ своего хозяина...

— Это зрѣлище имѣетъ ли счастье усладить ваши прелестные глаза, сладкіе, какъ лѣсной миндаль?—со страстью спросилъ Марі старый ханъ.

Марі и Жакъ объявили, что ихъ очень занимаетъ эта охота, совершенно для нихъ новая.

— Вы увидите лучше этого,—сказалъ ханъ.

И онъ приказалъ привести тигровъ.

Для охоты тамъ приручали леопардовъ, тигровъ и пантеръ-ящеръ. Охотникъ держалъ ихъ съ завязанными глазами въ желѣзной клѣткѣ, позади себя, на спинѣ слона. Какъ только показывалось животное, съ нихъ снимали повязку, открывали клѣтку и выпускали.

— Когда тигръ-охотникъ упустилъ свою жертву,—разсказывалъ драгоманъ:—то онъ возвращался совѣмъ пристыженный; тогда его ласкали, прощали, и онъ казался довольнымъ.

Марі восторгалась ловкостью этихъ хищниковъ, которые работали для человѣка и предоставляли всѣ средства своей природной жестокости къ его усугамъ.

— Да на вашей охотѣ не охотятся,—сказала она хану:—на ней смотрятъ. Вы ничего не дѣлаете сами для себя въ вашей странѣ? Вы не танцуете, а только смотрите, какъ танцуютъ женщины; вы не охотитесь, а смотрите, какъ охотятся для васъ животныя.

Сѣтованія красавицы Марі были приказомъ для стараго губернатора. Онъ сдѣлалъ знакъ привести верблюдовъ для выслѣживанія козъ.

Слуги привели двухъ обученныхъ верблюдовъ—одного для посланника, другого для посланницы. По указанію хана они послѣдовали верхомъ на своихъ лошадяхъ каждый за предназначеннымъ верблюдомъ, скрываясь за его боками. Верблюдъ рысцою пустился по лѣсу, и когда проходила дикая коза, онъ ее догонялъ. Не видя охотника, она довѣрчиво останавливалась. Марі выстрѣлила, и коза была ранена. Охотница восторгалась умомъ своего неуклюжаго проводника. Ученый верблюдъ выслѣживалъ дичь, пряча своего охотника до тѣхъ поръ, пока второй выстрѣлъ не клалъ на мѣстѣ несчастнаго блеющего животнаго, жертвы своего довѣрія и чужой хитрости, такъ какъ, по большей части, оно не допускало къ себѣ подходить.

Вскорѣ Карпутьскій лѣсъ въ Канахирѣ представлялъ обширное поле сѣчи. Тамъ было безумное порханіе очарованныхъ птичекъ среди пагубнаго для нихъ круженія копчиковъ и кречетовъ; перья разлетались и зацѣплялись за вѣтки, капли крови падали и катились по листьямъ, а крики муки смѣшивались съ увѣщаніями слугъ, призывомъ загонщиковъ дичи, съ звуками литавръ и цимбалъ, производя оглушительный гамъ среди взмаховъ крыльевъ, испуганнаго порханья, быстрыхъ спусканій стрѣлъ и выстрѣловъ изъ длинныхъ ружей наборной работы съ перламутровыми прокладками.

Случайно во время преслѣдованія Марі и Жакъ остались одни. Они заблудились въ густой роцѣ, наполненной благоуханіемъ марены и листьевъ лавзоніи. Жакъ скакалъ возлѣ тетки, когда они замѣтили, что они совершенно одни. Вдали слышались выстрѣлы и звуки цимбаловъ. Марі остановилась.

— Ну, что же это, мы потеряли охотниковъ?

— Я объ этомъ не сожалѣю,—сказалъ Жакъ.

— Да, но надо къ нимъ присоединиться, и сейчасъ же.

— Мы совсѣмъ близко отъ загонщиковъ, и чрезъ нѣсколько времени мы ихъ снова найдемъ. Видите, мѣсто сборища охоты на этомъ косогорѣ, напротивъ. Не хотите ли минутку подышать и отдохнуть. Отъ нашихъ лошадей паръ валить.

— Я не прочь, но только минуту,—отвѣтила Марі.

Жакъ помогъ ей сойти съ лошади, и такъ какъ она чувствовала, что онъ слишкомъ сжалъ ея талию, то выскользнула отъ него и съ равнодушнымъ видомъ побѣжала собирать розоватыя ягоды душистой кассіи.

— Какая счастливая судьба, дорогая тетя, что я остался съ вами наединѣ!

— Чѣмъ же она счастливая? Вы ошибаетесь, если думаете, что отъ этого подвинулись впередъ, лучше сорвите-ка мнѣ этотъ ане-

монъ и дайте горсть душистой травы нашимъ лошадямъ. Будьте же полезны.

— Присядемъ на секунду на этотъ мягкій цвѣточный коверъ.

— Ни-ни, красивый молодой человѣкъ,—отвѣтила Марі и сѣла на пень опрокинутого дерева.

Жакъ тотчасъ же помѣстился у ея ногъ.

На мгновеніе послѣдовало молчаніе.

— Какая прелестная мѣстность,—сказала Марі:—и какое упоительное утро! Не смотрите на меня, Жакъ, такими млбющими глазами, и поговоримъ по-хорошему.

— Хорошо вамъ говорить!—отвѣтилъ Жакъ.

— Тогда отправимтесь, племянникъ!

Но Жакъ взялъ руку Марі. Послѣдняя у него медленно ее отняла и быстро вскочила на сѣдло; они поѣхали.

— Жакъ, вы превосходный другъ,—сказала Марі съ упрекомъ:—и вы меня очень огорчаете. Зачѣмъ вы поступаете со мною такъ, чтобы заставить меня почувствовать, что мое положеніе даетъ право на ваши надежды? Вы жестоки!

— Я? Когда я готовъ отдать для васъ жизнь! Развѣ вы для меня не самое дорогое существо на свѣтѣ?

— Я васъ также люблю, но по-другому, съ доброй, искренней дружбой, какъ хотѣла бы видѣть и съ вашей стороны.

— Перестаньте быть такой милой!—отвѣтилъ Жакъ.

— Вы насмѣхаетесь,—сказала Марі.

— Зачѣмъ мнѣ насмѣхаться? Вы хорошенькая, и вы это хорошо знаете, молоды и идеально смѣлы. Никогда не было женщины болѣе желанной, чѣмъ вы.

— Бѣдный другъ, я могу быть вамъ матерью!

— Вы говорите вздоръ. Я не хочу принять этого за правду. Это кокетство. Вы старѣетесь для того, чтобы послушать, какъ я буду вамъ возражать и васъ изобличать.

— Дерзкій!..

— Да, бабушка!

— Вы несносны!

— Это хорошо, прочитайте наставленіе!

— Но мнѣ кажется, что я имѣю на это право?

— О! не ловите меня на словѣ,—сказалъ Жакъ съ печальнымъ выраженіемъ:—вы знаете, какое почтительное уваженіе питаю я къ подругѣ моего дяди.

— Почтительное,—прекрасное слово въ то время, какъ вы объясняетесь въ любви! Если бы дядя васъ услышалъ?..

— Боже мой, развѣ я думаю о дурномъ? Вы обворожительны, и развѣ моя вина, что я не могу помѣшать себѣ видѣть это и говорить вамъ объ этомъ?

— Любезности очень милыя и льстятъ женщинамъ моихъ лѣтъ.

— Вашихъ лѣтъ! Прабабушка! Что касается меня, то я не знаю, что отняли у васъ годы, но я обожаю за то, что они вамъ оставили.

— Фраза недурна. Она—ваша собственная?

— Злая, вы всегда смѣетесь, а я глубоко чувствую все, что вамъ говорю.

— Впрочемъ, что же вы хотите болѣе моей дружбы? Любезный другъ, если у васъ есть, въ чемъ я не сомнѣваюсь, немного чуткости, то вы остережетесь выражать мнѣ ваши желанія. Они были бы естественны, похвальны и, очень вѣроятно, хорошо приняты въ свѣтъ, если бы относились къ замужней женщинѣ: это было бы въ порядкѣ вещей;] вы не противны, я съ этимъ согласна и признаю, что женщина со вкусомъ очень пріятно бы устроилась съ вами; вы видите, что я сужу о васъ довольно прекрасно, и вы меня болѣе не упрекнете, что я худо отношусь къ вамъ. Да, полно, размыслите, будьте серьезны. Мы здѣсь не въ парижской гостиной, я не свѣтская женщина, не жена, нуждающаяся въ утѣшеніи, и то, что было бы вашимъ долгомъ въ Парижѣ, если бы случились такія же обстоятельства, здѣсь смѣшно и гнушно. Да, смѣшно, потому что весь вашъ подвигъ превратится въ дѣяніе одного водевильнаго племянника, который подтибрилъ любовницу своего дяди, а гнушно, потому что въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, мнѣ кажется, дѣло идетъ о слишкомъ крупныхъ интересахъ, чтобы вмѣшиваться въ нихъ глупости. Подумайте о томъ, кто мы, что вы дѣлаете, и о миссіи, которую мы должны охранять, и возвысьте немного вашу душу и мысли. Я удивляюсь, что мнѣ приходится напоминать вамъ объ этомъ, но наконецъ это, несомнѣнно, не развлеченіе людей, путешествующихъ во время лѣтняго отдыха; и не знаю, но я считаю себя взрослей и облагороженной, благодаря нашей теперешней жизни. Мнѣ кажется, получить отъ нея немного славы и имѣть возможность гордиться собою, благодаря ей, — прекрасный подвигъ. Въ этой отдаленной странѣ, гдѣ наши встрѣчаются рѣдко, и въ особенности еще рѣже они являются защищать другіе интересы, а не свои, я чувствую, какъ моему сердцу передается вся гордость моей родины, а въ моихъ венахъ бьетъ лихорадка преданности къ величію и славѣ Франціи.

Она воодушевилась: вѣтерокъ, приносившій съ собою благоуханіе цвѣтушихъ кустарниковъ, билъ ей въ лицо.

— А вы, мой жалкій другъ, говорите о своей любви,—продолжала она,—что я говорю: о своей любви,—просто о своемъ вождѣніи, о надеждѣ на удачное волокитство, объ удовлетвореніи прихоти. Если бы вы знали,—а вы видите, какъ мало я этимъ удивлена, разсержена или взволнована,—если бы вы знали, какъ все это мнѣ безразлично, въ виду сознанія высшаго долга и трудной задачи! Не чувствуете ли вы теперь здѣсь, что родина должна быть вашей

единственной госпожой: думайте о ней и защищайте ее; поберегите для нея всю вашу энергію и всю вашу любовь; имѣйте немного того пыла, который я хотѣла бы посѣять и распространить въ васъ всѣхъ, чтобы воодушевить васъ истиннымъ рвеніемъ, которое не было бы снисхожденіемъ или препровожденіемъ времени. Вы же одинъ должны и можете быть на это способны, такъ какъ для васъ одного эта жертва есть самый настоятельный долгъ. Флориза и Альвейръ не въ примѣръ другимъ и путешествуютъ для собственнаго развлеченія; Пьеръ еще такъ молодъ, что къ нему можно предъявлять одно требованіе—это жить; единственно вы обязаны жертвовать собою для нашего дѣла вполне, тѣломъ и душою; я этого требую отъ васъ. Вы предлагаете мнѣ вашу любовь,—нужно другое и болѣе того: дѣло идетъ не о волокитствѣ, а о жизни или смерти. Вы говорите: это кокетство? а я вамъ отвѣчаю: героизмъ! Вотъ видите, мы не понимаемъ другъ друга. Это продолжается; не одинъ день вы опять повторитесь.

Марі раскаялась, что была такъ жестока; она смягчила свой взглядъ, положила свою руку на руку Жака и замѣтила кротко:

— Надо было вамъ сказать это разъ навсегда, ради нашего блага.

Но если бы она выразила всю свою мысль, то скоро бы стало понятно, что она сердилась на своего вздыхателя не больше, какъ на себя, и что она боялась назойливаго чувства, которое тотъ желалъ зародить въ ней. Между Жакомъ и собою она подняла преграду столь высоко, какъ только было возможно, такъ какъ, спустивъ ее ниже, она сомнѣвалась бы съ своимъ мужествомъ, чтобы ея не переступить. Впрочемъ по природѣ она была довольно стойкой, чтобы посвятить себя всю прельстившему ее великому долгу и гордости — распространять среди народовъ незапятнанное имя Франціи; она исполняла свою роль съ той страстностью, какую вкладываютъ женщины въ то, что ихъ плѣнило: романъ умалилъ бы и унизилъ это опасное предпріятіе. Ея героизмъ возвысилъ ее—настолько вѣрна мысль; что добрыя дѣла распространяются, какъ благоуханіе, которое укрѣпляетъ и предохраняетъ.

Жакъ попробовалъ оспаривать ее, говоря, что онъ предлагалъ ей свою жизнь, свою кровь и дастъ убитъ себя ради нея, что это было вѣрно и просто, что не стоило труда говорить объ этомъ. Но если въ этомъ былъ героизмъ, то почему же эта пошлая преданность не допускаетъ волокитства или любви? Развѣ не слава для французскихъ офицеровъ, что они умѣютъ одновременно вести дѣла Марса и Венеры? Не умѣетъ ли самый мелкій солдатъ обожать свою милую и въ то же время дать себя убитъ ради своего знамени? Такимъ образомъ предлогъ былъ плохъ и нисколько не привелъ Жака въ уныніе.

— Позвольте, — сказала, полуулыбаясь, Марі, хорошенькая, свѣжая, розовая и обольстительная въ своемъ охотничьемъ на-

рядъ:—позвольте, вы смѣшиваете точки зрѣнія. Дѣло не идетъ, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ о томъ, чтобы вы дали себя убить, что было бы, конечно, ясно, просто и коротко. Военная доблесть не терпитъ такихъ усложненій, пусть она загромождаетъ голову и сердце, однако ея путь опредѣленъ. Можно сражаться и любить, но вы будете имѣть ложное мнѣніе о нашемъ положеніи, если сравните его съ положеніемъ армейскаго корпуса на полѣ сраженія, лицомъ къ лицу съ непріателемъ. Если бы мы видѣли этого непріателя! Но гдѣ онъ? Гдѣ онъ прячется? Какой тайной пружиной двигаетъ онъ? Какое переодѣваніе изобрѣтетеъ онъ? Какихъ агентовъ двинетъ онъ въ походъ противъ насъ? Онъ всемогущій, у него есть всевозможныя средства, люди, онъ—у себя, а мы подвигаемся впередъ, окруженные тайной, въ безпрестанномъ и мрачномъ подозрѣніи различныхъ препятствій и неизвѣстности. Подумайте объ этомъ: наша жизнь—сомнѣніе, которое никогда не разоруживается и которое неутомимо слѣдитъ за всѣмъ и остерегается всего и всѣхъ: нищаго, проходящаго мимо и слуги, держащаго подъ уздцы нашу лошадь. Вотъ что единственно важно въ этотъ моментъ; не забывайте объ этомъ ни на минуту и слѣдите за всѣмъ; этого достаточно, чтобы васъ занять въ настоящее время, а я объ этомъ не хочу даже думать: такъ эта мысль меня ужасаетъ.

Марі поблѣднѣла. Жакъ понялъ, насколько этотъ совѣтъ былъ серьезенъ и важенъ; онъ на этомъ прервалъ разговоръ, извинился и поспѣшилъ успокоить ея внезапную, нервную тревогу.

— Простите меня,—сказалъ онъ.—Вы правы. Я васъ люблю, вы это знаете, но безъ дурной мысли, какъ преданный другъ, который для васъ бросился бы въ опасность, и если когда нибудь потребуется вамъ помощь, моя жизнь къ вашимъ услугамъ.

Марі дала ему поцѣловать свою руку и пожала ему руку съ нѣжностью, въ которую она вложила чувство самой чистой привязанности.

— Благодарю, Жакъ, за ваши добрыя и разсудительныя слова; въ этой невѣдомой странѣ, усѣянной опасностями, большое утѣшеніе—знать, что у меня всегда будетъ поддержка и другъ, что бы ни случилось.

Они присоединились къ охотѣ.

Среди лошадей, верблюдовъ, слоновъ, несшихъ клѣтки, въ которыхъ рычали пантеры-ящеры съ повязками [на глазахъ, толпа прибыла къ кокетливой бесѣдкѣ Казаръ-Абадъ.

Сторожъ Хамедъ и гонецъ Хани были очень заняты, отдавая послѣднія распоряженія цѣлой арміи слугъ, вынимавшихъ изъ корзины припасы полдника въ большомъ залѣ, освѣжаемомъ струями воды, выбрасываемыми изъ большого водоема.

Въ то время какъ на разложенной циновкѣ каждый занималъ мѣсто предъ горами плодовъ, золотыми кувшинами съ длинными

узкими горлышками и тонкими фарфоровыми вазами, наполненными золотистым вареньемъ, Жакъ находилъ большее удовольствіе прогуливаться одинъ вокругъ этого изящнаго зданія, прятаяшагося въ апельсиновыхъ деревьяхъ, испещренныхъ золотыми точками. Онъ пустилъ лошадь шагомъ и очарованный, опьяненный этими благоухающими испареніями, вдыхалъ полной грудью чистый воздухъ и наслаждался тишиною прекраснаго дня, мечтая о Марі. Его сердце было полно счастья, въ основѣ котораго лежали пріятная грусть и та горечь, какую Лукреціи находилъ даже въ глубинѣ цвѣтовъ. Что будетъ съ этой сдерживаемой и запрещенной страстью, хранить которую въ тайнѣ и молчаніи представляло для него грустное очарованіе? Быть любимымъ Марі онъ отъ нея не требовалъ, и его судьба была жестока, потому что ему разрѣшалось повиноваться движенію своего сердца, лишь если бы сердце Марі было свободно цѣною жизни и счастья его дяди. Но все-таки эта любовь, хотя обставленная такими границами и окруженная различными затрудненіями, доставляла ему удовольствіе, успокоивала его существо, и если бы онъ проникнулъ въ глубину этого удовольствія, то, можетъ быть, тамъ оказалась бы тайная надежда на невѣдомое и полное неожиданностей будущее.

На дорожкахъ взадъ и впередъ проходили слуги въ синихъ блузахъ, неся на головахъ мѣдныя, чеканныя блюда раскачивающейся походкой тѣхъ рабовъ, какіе изображены на рельефахъ пилястръ, портикахъ и на колоннахъ въ развалинахъ Персеполиса.

Вдругъ Жакъ остановился съ удивленіемъ, спрашивая себя, не игрушка ли онъ какойнибудь галлюцинаціи. Въ толпѣ служителей, носившихъ блюда, онъ узналъ Сюфера, добровольно преобразившаго свое лицо, обривъ его; ктонибудь другой не узналъ бы его въ этой одеждѣ, но у Жака слишкомъ глубоко запечатлѣлось воспоминаніе объ этихъ живыхъ глазахъ и скверномъ лицѣ. Люди имѣютъ свою особую личную наружность, отъ которой они не могутъ избавиться даже при переряживаніи. Въ ихъ походкѣ, главныхъ замашкахъ, осанкѣ, въ способѣ держать голову и плечи, въ тысячахъ неувидимыхъ подробностей есть родъ скрытаго изображенія, которое освобождается отъ вещественныхъ элементовъ, подобно призракамъ Лукреціи, и заставляеть сразу узнавать близкаго человѣка, потеряннаго изъ вида въ продолженіе долгихъ лѣтъ.

Жакъ зналъ, что имя личности, когда его произносишь, роковымъ образомъ заставляеть вадрогнуть и обернуться того, кому оно принадлежитъ. Онъ громко позвалъ:

— Сюферъ!

Рабъ не сплеховалъ. Жакъ пустилъ впередъ лошадь и коснулся хлыстомъ плеча шпіона, сдѣлавъ ему знакъ приблизиться. Послѣдній не выразилъ ни сопротивленія, ни удивленія. Онъ рас-

простерся, какъ слуга, которому господинъ дѣлаетъ честь, отдавая приказанія, и выжидалъ.

— Встань,—закричалъ ему Жакъ:—комедія напрасна; я тебя узналъ, Сюферъ, лазутчикъ Мишеля!

Рабъ казался такъ естественно изумленнымъ и такъ просто-душно и забавно озадаченнымъ, что Жакъ не зналъ, какъ и думать. Этотъ человѣкъ сталъ произносить со страхомъ непонятныя слова на народномъ персидскомъ языкѣ и, казалось, ничего не понималъ. Взбѣшенный и раздраженный Жакъ ударилъ его хлыстомъ по лицу:

— По крайней мѣрѣ, если это Сюферъ,—думалъ Жакъ:— онъ получилъ, что заслуживаетъ. Такъ какъ онъ только рабъ, то это не вызоветъ послѣдствій.

Онъ задумчиво возвратился на дорогу, которая вела къ бѣсѣдкѣ, чтобы какъ можно скорѣе рассказать о приключеніи Жану Фабру и склонить его къ крайней осторожности, въ какомъ бы положеніи ни было дѣло.

Когда онъ приближался, то услышалъ шумъ и былъ пораженъ оживленіемъ, царствовавшимъ въ залѣ. Онъ поспѣшилъ и увидѣлъ странное зрѣлище. Среди смущенной челяди, суетившихся слугъ и безтолково кружившихся прислужниковъ, съ трудомъ пробивъ себѣ путь, онъ увидѣлъ Жана Фабра, растянувшагося на полу поперекъ опрокинутыхъ кувшиновъ, рассыпавшихся грудъ плодовъ и въ безпорядкѣ расбросанныхъ мѣдныхъ блюдъ. Онъ лежалъ съ блѣднымъ лицомъ, помутившимися, безжизненными глазами, съ слипшимися на вискахъ волосами и блѣдною кожей, лоснящейся отъ холоднаго пота, выступившаго каплями на ноздряхъ; его губы побѣлѣли. Обезумѣвшая Марі, съ развѣвавшимися волосами, стояла предъ нимъ на колѣняхъ и поддерживала ему голову одною рукою, тогда какъ другою она наливала на губы умирающаго каплями козье молоко. Флориза лежала на полу въ обморокѣ, расшнурованная на попеченіи служанокъ съ золотыми покрывалами; Альвейръ, удрученный, оживленно разговаривалъ со старымъ ханомъ, который дрожалъ отъ страха и волненія при мысли, что подозрѣнія могутъ пасть на него. Онъ защищался, сильно возражая, и опровергалъ обвиненіе, котораго никто и не произносилъ. Присутствующіе чиновники тотчасъ же образовали почетный караулъ; цѣпь солдатъ сдерживала толпу и охраняла площадку, гдѣ происходило печальное зрѣлище. Въ одномъ углу Лизонъ прикрывала своей шалью голову маленькаго Пьера, заливавшагося горячими слезами, призывая отца. Докторъ Робанъ давалъ одному офицеру распоряженіе тотчасъ же доставить ему ящикъ съ его инструментами.

На полу на скатертяхъ, обшитыхъ галунами, цвѣты, корзины съ плодами и графины съ сиропами еще ожидали предъ шелковыми подушками приглашенныхъ.

Лишь только Альвейръ увидѣлъ Жака, какъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу.

— Скорѣ идите, Жакъ. Большое несчастіе вашего дядю отравили!..

Ханъ прибавилъ съ сильнымъ жестомъ, выразившимъ страхъ, который запрещаетъ персамъ произносить слово смерти:

— Онъ отдалъ вамъ часть своей жизни!

Жакъ поблѣднѣлъ и отвѣтилъ сухимъ и яснымъ голосомъ.

— Я только что видѣлъ Сюфера; онъ здѣсь, переодѣтый кухоннымъ слугою.

— Вотъ откуда нанесенъ ударъ,—сказалъ Альвейръ.

И, не дождавшись подробностей, онъ быстро повернулся къ драгоману, приказывая ему перевести калантеру (чину въ родѣ префекта) просьбу немедленно закрыть и охранить все выходы парка.

Онъ объяснилъ, что виновный извѣстенъ и находится переодѣтымъ въ толпѣ слугъ. Разговоръ длился долго; драгоманъ съ трудомъ переводилъ фразы, которыя, благодаря волненію и поспѣшности, не легко было разобрать.

Между тѣмъ Жакъ поспѣшилъ къ тѣлу своего дяди. Марі, вся въ слезахъ, объяснила ему происшедшую драму: едва они дошли до почетныхъ мѣстъ, какъ старый ханъ пожелалъ оказать честь своимъ знатымъ гостямъ и, согласно персидскому обычаю, поднялъ свой кубокъ; слушая привѣтственныя слова главы, каждый взялъ тотъ кубокъ, что стоялъ предъ нимъ. Фабръ отвѣтилъ нѣсколькими словами, которыми увѣрилъ эриванскаго хана въ своемъ глубокомъ расположеніи; онъ обѣщалъ въ будущемъ союзъ и дружбу Персіи съ Франціей и поднесъ кубокъ къ губамъ; вдругъ онъ выскользнулъ изъ его пальцевъ; по лицу Жака разлилась блѣдность, его зубы защекали, обнаживъ десны, и онъ упалъ среди сумятицы, произведенной испуганными гостями. По всемъ этимъ признакамъ они признали дѣйствіе неумолимаго яда, названіе котораго переходило изъ устъ въ уста:

— Гулъ садъ самунъ! — цвѣтокъ, отравляющій воздухъ.

XII.

Монастырь отцовъ капуциновъ стоялъ, прислонившись къ горѣ надъ озеромъ Урмія, на самой остроконечности полуострова Шаби, на которомъ продолжаются горные уступы снѣжныхъ громадъ Акъ-Дага до самаго озера.

Въ это утро братъ прислужникъ приводилъ все въ порядокъ въ залѣ капитула. Онъ обметалъ пыль съ полированного деревяннаго стола, глянцеvитыхъ креселъ, Распятія, висѣвшаго на стѣнѣ, и съ нѣсколькихъ рамокъ съ священными изображеніями, повѣшен-

ными на гладкой выбѣленной известкою стѣнѣ, прорѣзанной тремя стрѣльчатыми окнами; чрезъ зеленоватыя стекла видѣлся великолѣпный далекій горизонтъ бѣлыхъ вершинъ Джело-Дага.

Когда прислужникъ положилъ на прежнее мѣсто толстые требники и зеленые реестры, когда онъ провѣрилъ, хорошо ли были отточены гусинья перья, есть ли чернила въ чернильницѣ, достаточно ли блестятъ половыя плиты, и все ли въ порядкѣ въ низкомъ, сводчатомъ залѣ, то, взявъ свою метелку изъ перьевъ, полотенце для пыли и лопаточку, вышелъ съ довольнымъ видомъ и отправился благодарить за это небо.

Вскорѣ послѣ этого въ глубинѣ залы отворилась дверь, и между коричневыми рядами капуциновъ прошли высшія лица и заняли почетныя мѣста. Выбритый, розовый, съ короткими сѣдыми волосами старецъ, въ фіолетовой мантии, предсѣдательствовавшій въ капитулѣ, былъ Пиду де-Сентъ-Олонъ, вавилонскій епископъ, по происхожденію французъ. Его помощники и другіе члены совѣта, черные іезуиты и коричневые капуцины съ гладко выбритыми лицами, тихо и осторожно какъ бы скользнули на свои мѣста вокругъ стола.

Тамъ были отецъ Монье, эрзерумскій іезуитъ, наканунѣ прѣхавшій верхомъ; братъ Бокларъ и еще настоятель таврическихъ капуциновъ, отецъ Рикаръ, отецъ Минэ изъ Нахичевани и нѣкоторые другіе довольно значительные представители французскихъ миссій на Востокѣ.

Когда залъ былъ полонъ, то, пока святые отцы, закусывая губы, придавали выраженіе суровости своимъ жирнымъ лицамъ, двери зала заперли, и епископъ, поднявшись, прочиталъ первыя слова «Отче Нашъ», повторенныя всѣми громко и раскатившіяся глухимъ шопотомъ подъ бѣлыми сводами. Снаружи лучезарное солнце освѣщало клумбы съ цвѣтами, разведенными общиной.

Епископъ тотчасъ же объяснилъ причину собранія. Онъ заговорилъ мягко, рѣчисто, напоминая, что роль католической миссіи состояла не только въ распространеніи и охраненіи вѣроученія церкви, но также въ согласованіи защиты ея выгодъ съ дѣломъ расширенія французскаго вліянія.

— Мы находимся здѣсь въ вихрѣ столкновеній всѣхъ честолюбій и всѣхъ алчныхъ желаній; но, несмотря ни на что, наша нація остается самой значительной и уважаемой въ этой далекой странѣ. Теперь предстоитъ случай утвердить здѣсь наше могущество, захватить въ руки важное дѣло и руководить самимъ нашей политикой. Его величество Людовикъ XIV послалъ къ Великому Софи посланника съ подарками и полномочіемъ подписать выгодный торговый договоръ. Этотъ посланникъ только что внезапно умеръ. Его мѣсто свободно. За нами дѣло захватить эту миссію, и я хочу, дорогие сыновья, посоветоваться съ вами объ этомъ важномъ дѣлѣ, о которомъ вы, впрочемъ, достаточно освѣдомлены.

Короткое молчаніе послѣдовало за его словами; казалось, что можно было разслышать въ глубинѣ ихъ сердцеъ глухую работу честолюбій и алчныхъ желаній, волновавшихъ этихъ черныхъ и коричневыхъ отцовъ. Случай препроводить къ Великому Софи подарки короля, искусно составить статьи договора и извлечь, быть можетъ, нѣкоторыя выгоды для католическаго духовенства въ Персіи и для религіознаго дѣла—значило добиться славы, самаго блестящаго будущаго, отличія у святого отца, епископскаго клобука, уваженія Ватикана и самаго скорого и вѣрнаго повышенія. Но каждый боялся выдать свои тайныя мысли, и все эти хитрецы, попустивъ вѣки, украдкой смотрѣли другъ на друга, на видъ безстрастные и равнодушныя, прикрывая тревогу своей души, горячо домогавшейся почестей, выраженіемъ полного отреченія.

Первымъ заговорилъ настоятель таврическихъ капуциновъ.

— Дорогіе братья, если душа даетъ какое нибудь право на первенство, то я охотно подчинюсь этому печальному преимуществу, чтобы дать смиренный совѣтъ жалкаго старца, преданнаго единственно поклоненію Небу. Я прежде всего восторгаюсь Провидѣніемъ и прославляю Его за то, что Оно пожелало вселить въ умъ и сердце его преосвященства, вавилонскаго епископа, такое высокое благоразуміе и такую мудрую любовь къ пользѣ нашей великой церкви, и что Оно внушило ему этотъ божественно-вдохновенный замыселъ. Да, дорогіе братья, Богъ приказываетъ нынѣ, чтобы мы еще боролись за Него и за блескъ Его имени. Вѣчныя предначертанія Провидѣнія неисповѣдимы, и Его мудрость безконечна. Было-бы нечестіемъ, презрѣніемъ къ вѣрѣ и лжеученіемъ не воспользоваться этимъ случаемъ, который породилъ мысли отправиться къ Великому Софи предписывать условія королевскаго договора, чрезъ что мы можемъ обезпечить новыя и положительныя выгоды нашему вѣроученію и благоденствію нашихъ монастырей. Что касается того, кто возьметъ въ руки это святое дѣло, предложенное намъ Богомъ, какъ можемъ мы, дорогіе братья, колебаться въ выборѣ? Его высокопреосвященство, епископъ вавилонскій, единственный среди насъ по своему благородному и чистому величію, по своему почтенному достоинству, по своей крайней осторожности и Богомъ просвѣщенному уму, можетъ взять на себя эту прекрасную и божественную миссію. Его-то, дорогіе братья, мы изберемъ и будемъ умолять принять это священное полномочіе, убѣжденные, что онъ не пожелаетъ освободиться отъ чести, которая принадлежитъ ему по праву. Однако, прибавлю, что, если онъ отказалъ бы намъ, то дѣло Господа не останется безъ подвижника, пока я живъ; никакія опасности меня не смутятъ, и я съ радостью, безстрашно подвергнусь имъ изъ любви къ Богу. Я только сожалѣю, что для меня это меньшая заслуга, чѣмъ для другого, благодаря давней привычкѣ къ климату и нравамъ страны. Живя въ продолженіе долгихъ лѣтъ въ самомъ

сердцѣ Персіи и, благодаря моему положенію, находясь въ сношеніяхъ съ чиновниками страны, для меня не будетъ славою побороть препятствія, которыя, быть можетъ, какъ непреодолимые для другихъ, увеличатъ ихъ преданность. Однако я, если вы этого потребуете, буду имѣть христіанское смиреніе, которому насъ научилъ Создатель, и безропотно покорюсь той слишкомъ легкой роли, если вы выскажете мнѣ ваше желаніе.

Братъ Боклэръ наклонился къ своему сосѣду и сказалъ:

— Признайтесь, что болѣе ловко нельзя выставить свою кандидатуру.

— Нельзя быть яснѣе этого. Но вотъ встаетъ и начнетъ говорить отецъ Монье.

Это былъ длинный, худой и блѣдный иезуитъ, съ отвисшими губами, со складками на щекахъ и съ выраженіемъ горькаго презрѣнія на лицѣ.

— Считаю долгомъ, братья, присоединить мои моленія къ вашимъ, чтобы побудить его высокопреосвященство, вавилонскаго епископа, принять на себя продолженіе миссіи, прерванной смертью г. Фабра. Никто не можетъ быть болѣе вліятельнымъ, величественнымъ и властнымъ представителемъ нашей Святой Матери Церкви, чѣмъ онъ. Однако, если Провидѣнію будетъ угодно внушить ему противоположное мнѣніе и побудить его не подвергаться въ такіе годы утомленію и опасностямъ, ужасающую картину которыхъ намъ представили, то тогда осмѣлюсь успокоить его преосвященство, преподобнаго отца, настоятеля таврическихъ капуциновъ, который только что такъ великодушно вызвался пожертвовать собою. Какъ вы слышали, нашего дорогого брата озабочиваетъ, что онъ не встрѣтитъ достаточно затрудненій, чтобы сдѣлать свое дѣло достойнымъ Бога и угоднымъ Ему. Мнѣ же, напротивъ, Богъ внушилъ необходимость сказать ему, что его совѣсть несправедливо тревожится; задача будетъ столь трудная, что онъ, можетъ быть, признаетъ ее невозможной, развѣ только явится необыкновенная помощь съ Неба. Достопочтенный орденъ капуциновъ созданъ для уединенія, одиночества и умерщвленія плоти; тамъ умѣютъ съ энергіей и мужественнымъ краснорѣчіемъ проповѣдывать противъ пороковъ вѣка. Вовлеките капуцина въ борьбу съ хитростью и лукавствомъ дипломатіи,—его, простаго и прямодушнаго, не созданнаго на увертливыя тонкости политики, и измѣрьте глубину затрудненій, съ которыми столкнутся его неопытность въ пронырствахъ и его незнаніе казуистики. Я говорю то, что Провидѣніе внушаетъ мнѣ, я говорю, что такому человѣку придется пробывать лбомъ непреодолимые препятствія, и если при успѣхѣ его слава была бы велика, то его смѣлая попытка будетъ достойна удивленія.

Братъ Боклэръ между тѣмъ продолжалъ выражать свои размышленія:

— Нельзя лучше выставить превосходства іезуита надъ капуциномъ.

— Это—ловкое и вкрадчивое приглашеніе выбирать себя.

— Это довольно ясно.

Говорили еще многіе другіе ораторы, и каждый могъ мысленно удостовѣриться, что одинъ и тотъ же законъ управляетъ человѣческимп сборищами въ академическихъ залахъ запада и въ капитулахъ уединенныхъ монастырей Леванта. Каждый защищалъ свое дѣло и требовалъ посольства для себя, прикидываясь, что требуетъ его для сосѣда.

Вавилонскій епископъ сослался на свои годы и отклонилъ честь, которую ему хотѣли предложить, довѣряя эту миссію. Тогда наступили большія затрудненія, потому что прибѣгать къ голосованію было бесполезно: каждый подалъ бы голосъ за себя. Рѣшили бросить жребій; онъ достался отцу Монье, изъ ордена іезуитовъ. Епископъ благословилъ его предъ всѣми и облекъ властью принять въ наслѣдство миссію Фабра, во славу Бога и въ пользу восточной церкви.

На его обязанности лежало вести безмолвное, подпольное наступленіе на Марі Пѣти; надо было уничтожить повсюду къ ней довѣріе, опозорить ее, пустить молву о ея дурномъ поведеніи и отлученіи отъ церкви, заставить всѣ религіозныя общины въ Испани наложить на нее запрещеніе и упрочить права церкви за счетъ гнусныхъ поступковъ и неполноправія этой ложной посланицы, которую восточные христіане имѣли нравственной обязанностью задерживать и спасти, какъ заблудшую.

Всѣ святые отцы провели день въ монастырѣ; ихъ длинныя, темныя силуэты прогуливались по бѣлымъ монастырскимъ галлерейамъ, по цвѣтущимъ дорожкамъ, по крутому берегу, погружившемуся въ озеро; вечеромъ они читали молитву на деревянныхъ скамьяхъ въ освѣщенной свѣчами трапезной, ночью же ложились спать въ кельяхъ на полу, и братъ Боклэръ сожалѣлъ о мягкомъ ложѣ своей комнаты. На другой день, на зарѣ была отслужена месса за успѣхъ миссіи отца Монье, который выѣхалъ изъ монастыря одинъ и рысцою отправился на своей маленькой кобылкѣ среди горныхъ кустарниковъ, какъ тотъ добрый монахъ, котораго ограбилъ Жиль Блазъ, бросивъ ему взамѣнъ маленькій мѣшечекъ съ образками.

XIII.

Послѣ смерти Жана Фабра Марі не колебалась относительно того, что ей предпринять. Какъ королева, которая носитъ титулъ правительницы во все время несовершеннолѣтія наслѣдника, она сообщила хану, что преемникомъ Фабра естественно былъ его сынъ, что она предполагаетъ продолжать съ нимъ начатый путь, и чтобы

онъ остерегался клеветниковъ, которые могутъ его ввести въ обманъ и выдать себя за посланныхъ французскаго короля.

Старый ханъ курилъ изъ серебрянаго кальяна, сидя на подушкахъ у прохладнаго водоема, когда его эчагасси, или церемоніймейстеръ, принесъ ему это сообщеніе. Онъ былъ раздосадованъ, такъ какъ надѣялся, что Марі, не имѣя болѣе полномочія, проведетъ нѣкоторое время возлѣ него и будетъ менѣе жестока къ его любви. Онъ тотчасъ же послалъ своего атамадулета, или перваго офицера, просить Марі, чтобы она пришла къ нему; эту просьбу сопровождали корзины съ розами и лимонными цвѣтами, а также великолѣпный рубинъ. Ханъ присоединилъ къ своему подарку еще маленькій палашь, украшенными каменьями, для Пьера.

Часъ спустя, верблюды, окруженный тѣлохранителями, остановился предъ дворцовой дверью. Согласно правиламъ церемоніала, за Марі вели двухъ лошадей, затѣмъ слѣдовали четыре пѣшіе прислужника, всадникъ, который везъ ея кувшинъ съ благовоіями, и конюхъ. Среди отряда тѣлохранителей находился еще всадникъ, который везъ бутылъ съ табакомъ.

Изъ паланкина съ красными шелковыми занавѣсами вышла Марі, вся въ черномъ. Слуги зная, какъ расположенъ къ ней ихъ господинъ, пали ницъ при ея проходѣ. Старый ханъ принялъ ее съ улыбкой, приказалъ подать цвѣты и варенья въ золотыхъ чашахъ, а затѣмъ оставить его наединѣ съ Марі.

Марі чувствовала себя сильной при эриванскомъ дворѣ, гдѣ ея красота завоевала сердца мусульманъ. Ее безумно любилъ сынъ Насхера или предсѣдателя совѣта министровъ. Старый ханъ ее обожалъ. Она рѣшилась воспользоваться всѣми этими симпатіями и начала разжигать уголья одинъ послѣ другого, не поджигая даже своего подола и прокладывая себѣ путь на крыльяхъ любви.

Она ожидала, стоя предъ старымъ ханомъ и устремивъ свои прекрасные глаза на это должностное лицо, которое она сдѣлаетъ орудіемъ своего величія. Она раскинулась на толстыхъ подушкахъ, восхитительно хорошенькая въ своемъ развѣвавшемся вуалѣ и съ слегка открытымъ воротомъ; ея талья обрисовывалась сквозь мягкую матерію; она была увѣрена въ себѣ, благодаря своимъ чарамъ, силѣ воли и неизбѣжному присутствію драгомана, который переводилъ ей зажигательное признаніе въ любви стараго хана.

Послѣдній выразилъ, въ какомъ онъ отчаяніи отъ ея рѣшенія уѣхать, и просилъ ее, не можетъ ли она отсрочить. Она была бы у него, какъ королева, онъ положилъ бы къ ея ногамъ всѣ свои сокровища, и ея жизнь была бы рядомъ наслажденій и празднествъ.

— Если вы должны уѣхать, зачѣмъ вы пріѣхали? — сказалъ ханъ. — Вы смутили голову и сердце старца, который зналъ женщинъ лишь по тѣмъ созданіямъ, которыя живутъ въ его гаремѣ; вы божественны и обольстительны, и вы явились предо мною, какъ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АПРѢЛѢ 1905 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ

№ 4-й.

І. Богословіе.

Барсукова, Зинаида. Просвѣтитель сибирскихъ стражъ, Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій. Изд. 2-е. Съ рис. Спб. 1905. Ц. 50 в.

Гиляровскій, В. М., прот. Собраніе проповѣдей. Томъ II. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ загробнаго міра. Свидѣтельства умершихъ и откровенія о загробной участи людей, по Четымъ-Минсеямъ св. Димитрія Ростовскаго. Изд. 3-е. Съ рис. Саратовъ. 1905. Ц. 25 к.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Казанской епархіи. Вып. VI. Гор. Мамадышъ и Мамадышскій уѣздъ. Казань. 1904. Ц. 2 р.

Михаиль, іером. Церковь, литература и жизнь. М. 1905. Ц. 40 к.

— Новая церковь. (Священникъ и прихожане). Спб. 1905. Ц. 30 к.

Орловъ, А. С. Сборники Златоустъ и Торжественникъ. Спб. 1905. Ц. 60 к.

О «служеніи ближнимъ» и «святотъ эгоиз-

мъ». (По поводу полемики о задачахъ монашества). Спб. 1905. Ц. 30 к.

По поводу отпаденія отъ православной церкви графа Льва Николаевича Толстого. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Преображенскій, А. В. Вопросъ о единогласномъ пѣніи въ русской церкви XVII вѣка. Историческія свѣдѣнія и шисьм. памятники. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Серебрянскій, Н. О редакціяхъ житія преподобнаго Никандра псковскаго. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Симеонъ, іером. Русская литература по вопросу о свободѣ совѣсти и правильная постановка этого вопроса. Казань. 1905. Ц. 20 к.

Тверитинъ, Александръ. О пастырскомъ служеніи. Мысли высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго. Казань. 1905. Ц. 30 к.

Фрэссине, Эдуардъ. Первый періодъ христіанства въ Японіи. Перев. съ франц. Св.-Тр. Серг. лавра. 1905. Ц. 70 к.

«Истор. вѣстн.», май, 1905 г., т. с.

1/228

II. Философія, психологія, логика.

- Бирманъ, Б.** Этическія исканія современности (къ психологіи вѣка). Одесса. 1904. Ц. 50 к.
- Вознесенскій, П. И.** Къ исторіи идеализма. Часть I. Объ источникахъ философіи Мальбранша. Спб. 1904. Ц. 60 к.
- Дязмсъ, Уильямъ.** Бесѣды съ учителями о психологіи. Перев. съ англ. Изд. 2-е. М. 1904. Ц. 50 к.
- Зиммель, Георгъ, проф.** Кантъ и современная эстетика. Фонъ-Келлесъ-Краузъ, И., проф. Музыка и экономика. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 10 к.
- Мюрхедъ, Д. X.** Основныя начала морали. Перев. съ англ. Одесса. 1905. Ц. 75 к.
- Подморъ, Франкъ.** Спиритизмъ. Историческое и критическое изслѣдованіе. Перев. съ англ. 2 тома. Спб. 1904—1905. Ц. за 2 т. 4 р.
- Фавръ, Луи.** Научный духъ и научный методъ. Перев. съ франц. Одесса. 1905. Ц. 20 к.
- Фишеръ, Кuno.** Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 5 р.
- **Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе.** Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 4 р.

III. Ботаника, зоологія, минералогія, геологія, физика, химія.

- Боніи, Б. И.** Выборъ системы работъ при разработкѣ свиты пластовъ. Спб. 1904. Ц. 75 к.
- Вальтеръ, I.** Море и его жизнь (Meereskunde). Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Извѣстія Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго сада.** Томъ IV, вып. 2—7; томъ V, вып. I. Спб. 1904—1905. Ц. кажд. вып. 60 к.
- Кочинъ, И.** Курсъ общей химіи. (Химія неорганическая и органическая). Съ 86 рис. въ текстѣ. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.
- Мостовенно, Зинаида.** Изъ жизни птицъ (біографіи птичекъ) и наблюденія за вольными птицами. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Никольскій, А. М.** Мой зоологическій садъ. Очеркъ. Съ 18 рис. въ текстѣ. М. 1905. Ц. 35 к.
- Оствальдъ, В., проф.** Школа химіи. I. Общая часть. II. Химія важнѣйшихъ элементовъ и соединений. Перев. съ нѣм. Одесса. 1905. Ц. I—60 к., II—1 р.
- Перовошиковъ, Н. М., врачъ.** О веществѣ и борьбѣ мертвыхъ тѣлъ за свою цѣлость. Казань. 1905. Ц. 30 к.
- Рихардъ, Ф., проф.** Новѣйшія электрическія явленія. Въ общедоступномъ изложеніи. Пер. съ нѣм. Съ 97 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 65 к.
- Freadwell, F. P.** Курсъ аналитической химіи. Томъ I. Качественный анализъ химіи. Перев. съ нѣм. Одесса. 1904. Ц. 2 р. 25 к.
- Цюнглинскій, М.** Докладъ о «наблюденіяхъ надъ замерзаніемъ Невы и изслѣдованіяхъ заторовъ на ней, произведенныхъ въ 1903 г. по порученію правленія спб. округа путей сообщенія». Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

IV. Математика, астрономія и метеорологія.

- Аленксѣвъ, В. Г., проф.** П. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы. Юрьевъ. 1905. Ц. 70 к.
- Бертранъ, Жозефъ.** Дифференціальное исчисленіе. Спб. 1905. Ц. 10 р.
- Гончаровъ, П. М.** Приближенныя вычисленія. Спб. 1905. Ц. 25 к.
- Ермановъ, В. П., проф.** Способъ наименьшихъ квадратовъ. Кіевъ. 1905. Ц. 20 к.
- Родныхъ, А.** Формулы по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Необходимое пособіе при прохожденіи курса средне-учебныхъ заведеній и для готовящихся къ конкурснымъ экзаменамъ. Спб. 1905. Ц. 40 к.
- Рынинъ, И.** Сборникъ задачъ по начертательной геометріи. Спб. 1905. Ц. 4 р.

V. Словесность.

- Айзманъ, Д.** Въ чужой сторонѣ. Харьковъ. 1905. Ц. 7 к.
- Бальмонтъ, И.** Литургія красоты. Стихійные гимны. М. 1905. Ц. 2 р.
- Булгановъ, С. И., проф.** Чеховъ, какъ мыслитель. Кіевъ. 1905. Ц. 20 к.
- Вандервельде, Эмиль.** Деревенскій отходъ и возвращеніе на лоно природы. Перев. съ франц. Одесса. 1904. Ц. 80 к.
- Голенищевъ-Кутузовъ, А., гр.** Сочиненія. 3 тома. Спб. 1905. Ц. 5 р.
- Дмитріева, В. I.** Вурмистерна. Драма въ 4 д. Харьковъ. 1905. Ц. 20 к.
- **Мареушка.** Рассказъ. Харьковъ. 1905. Ц. 10 к.
- Достоевскій, Ф. М.** Полное собраніе сочиненій. Изд. 6-е. Томъ XI. Дневникъ писателя за 1876 г. Спб. 1905. Ц. по подл. на 14 т. 25 р.
- «**Душа Японіи.**» Японскіе романы, повѣсти, рассказы, баллады и танки. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- ***Дюма, Александръ.** Черный тюльпанъ. Романъ. Перев. съ франц. (Новая Библиот. Суворина, № 85). Спб. 1905. Ц. 60 к.

- Елецъ, Ю. Л. Изъ монахъ скитаній. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Ибсень, Генрихъ. Строитель Сольнесъ. Драма въ 3 д. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. М. 1904. Ц. 40 к.
- Нарабчевскій, Н. П. Приподнятая завѣса. Проза и стихи. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- *Нокоревъ, И. Т. Саввущка. Повѣсть. (Дешевая Библиотека Суворина, № 363). Спб. 1905. Ц. 15 к.
- Юмическій театр. Художественный сборникъ избранныхъ пьесъ. Подъ ред. Н. В. Корецкаго. 5 томовъ. Спб. 1905. Ц. кажд. 3 р.
- Конанъ-дойль, А. Воскресшій Шерлокъ-Холмсъ. Новые мемуары извѣстнаго сыщика. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Тѣнь великаго человѣка. За городомъ. М. 1905. Ц. 1 р.
- Крепелинъ, К. Краткій очеркъ внутренняго строения животныхъ. Перев. съ нѣм. Съ 78 рис. въ текстѣ. Кіевъ. 1905. Ц. въ папкѣ 50 к.
- *Ламартинъ, К. Жанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рис. Изд. 2-е. (Дешевая Библиотека Суворина, № 100). Спб. 1905. Ц. 12 к.
- Либровичъ, Сигизмундъ. Хочу быть студентомъ! Рассказъ. Спб. 1905. Ц. 15 к.
- Лобовъ, Л. Достоевскій и его славянофильство. Спб. 1905. Ц. 25 к.
- „Лучъ“. Литературный сборникъ. М. 1905. Ц. 25 к.
- Малеинъ, А. Рукописное преданіе загадокъ Альдгелма. Спб. 1905. Ц. 2 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Сибирскіе рассказы. Томъ III. М. 1905. Ц. 1 р.
- Масаловъ, В. М. Родная чужбина, изъ путевыхъ впечатлѣній въ чешской Прагѣ, и другіе рассказы. Казань. 1904. Ц. 30 к.
- Мирбо, Октавъ. Ребенокъ. Харьковъ. 1905. Ц. 2 к.
- *Мольеръ. Тартюфъ. Комедія въ 5 актахъ. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева (Дешевая Библиотека Суворина, № 233). Спб. 1905. Ц. 15 к.
- *Мѣщанинъ въ дворянствѣ. Комедія въ 5 актахъ. Перев. В. С. Лихачева. Издъ. 2-е. (Дешев. Библ. Суворина, № 247). Спб. 1905. Ц. 25 к.
- Мясницкій, И. И. Кому — смѣхъ, кому — слезы. Юмористическіе рассказы. М. 1905. Ц. 1 р.
- Обольяниновъ, Владимиръ. Червешскіе и Обленскіе платочки. Рассказъ изъ жизни русскихъ воиновъ. Спб. 1905. Ц. 20 к.
- Островскій, А. Н. Полное собраніе сочиненій. Томъ IX. Спб. 1905. Ц. по подд. ил 10 т. 16 р.
- Покровскій, В. И. А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- М. Ю. Лермонтовъ, его жизнь и сочиненія. М. 1905. Ц. 50 к.
- А. В. Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. М. 1905. Ц. 25 к.
- Н. В. Гоголь, его жизнь и сочиненія. М. 1905. Ц. 75 к.
- Покровскій, Н. А. С. Пушкинъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. Изъ рѣчей и статей о Пушкинѣ. Изд. 2-е, доп. М. 1905. Ц. 75 к.
- *Радклифъ, Анна. Удольфскія тайны. Романъ. Перев. съ англ. Л. Гей. 2 тома. Спб. 1905. Ц. 3 р.
- Рунова, О. Утреннички и другіе рассказы. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ выдающихся иностранныхъ судебныхъ процессовъ. (Рѣчи Клерки, Лапо, Анту, Апри Роберъ, Декори и Лабори). Подъ ред. Н. Н. Карабчевскаго и М. С. Маргулиса. Спб. 1904. Ц. 50 к.
- Сборникъ товарищества „Знапіе“ за 1904 годъ. Книга пятая. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Соловьевъ, Всев. Цвѣты бездны. Романъ. 2 т. Спб. 1904 — 1905. Ц. 2 р.
- Соловьевъ, П. (Аллегро). Иней. Рисунки и стихи. Спб. 1905. Ц. 2 р.
- Табурно, І. Воспоминанія повстанца. М. 1905. Ц. 1 р.
- Танъ. Стихотворенія. Изд. 2-е, доп. Спб. 1905. Ц. 60 к.
- Тысяча одна ночь. Рассказы Шахеразады. 2 тома. М. 1905. Ц. 3 р.
- Чернышевскій, Н. Г. Что дѣлать? Романъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Чтець-декламаторъ. Сцены, рассказы, монологи и стихотворенія въ прозѣ. Часть I. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
- То же. Ч. II. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

VI. Исторія.

- Альбомъ защитниковъ Портъ-Артура. Часть II, вып. I. Спб. 1905. Ц. 75 к.
- Альбомъ портретовъ участниковъ и дѣятелей русско-японской войны. Вып. II. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Бэрнуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Ногодина. Книга девятнадцатая. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
- Бѣлявскій, Е. В. Педагогическія воспоминанія (1861—1902 гг.). М. 1905. Ц. 1 р.
- Берлинъ, П. А. Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители. (Вудущность некультурныхъ народовъ и культуртрегерствъ) европейцевъ). Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Бобринской, А., графъ. Херсонскъ Таврическій. Историческій очеркъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Бузескуль, В. Профессоръ М. М. Лунигъ, «харьковскій Грановскій». Спб. 1905. Ц. 40 к.
- Военскій, И. Императоръ Николай и Польша въ 1830 г. Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830 — 1831 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ портретомъ императора Николая I. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
- Глухаревъ, Манарій, архимандритъ. Письма. Казань. 1905. Ц. 3 р.
- Дьяконова, Елизавета. Дневникъ русской женщины. Парижъ. 1900 — 1902. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.
- Инсаровъ, Х. Г. Князь Меттернихъ, его жизнь и политическая дѣятельность. Биографическій очеркъ. Спб. 1905. Ц. 25 к.

- Клочковъ, М.** Земскіе соборы въ старину. Лѣб. 1905. Ц. 15 к.
- Луньяненко, А. М.** Кайкавское нарѣчіе. Киевъ. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
- Почаевскій сборникъ Кіевской духовной академіи молдаво-болгарской редакціи XVI вѣка со стороны своего языка. Спб. 1905. Ц. 50 к.
- Шилдеръ, Пушкинъ и Островскій въ изображеніи эпохи Смутнаго времени на Руси. Киевъ. 1904. Ц. 40 к.
- Новыя данныя для характеристикки гучульскихъ говоровъ. Киевъ. 1904. Ц. 20 к.
- Мазуренко, Н. н.** Всероссийскіе земскіе соборы. Историческій очеркъ. Спб. 1905. Ц. 15 к.
- Отчеты о застѣданіяхъ имп. общества любителей древней письменности въ 1902—1903 гг. Съ приложеніями. Спб. 1904. Ц. 80 к.
- То же, въ 1903—1904 гг. Спб. 1905. Ц. 75 к.
- Памяти проф. А. и. Кирпичникова. Сборникъ статей, некрологовъ, воспоминаній, изд. Истор.-Филолог. общ. при имп. Харьк. университетѣ. Харьковъ. 1905. Ц. 1 р. 30 к.
- Пантелъевъ, Л. Ф.** Изъ воспоминаній прошлаго. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Розановъ, С. п.** Матеріалы по исторіи русскихъ пчель. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Старина и Новизна.** Историч. сборникъ. Книга IX. Спб. 1905. Ц. 2 р.
- «Труды» Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга VI. Владимиръ губ. 1904. Ц. 2 р.
- Шепелевичъ, Л. Ю.** Памяти проф. А. И. Кирпичникова. Харьковъ. 1904. Ц. 40 к.
- * **Шилдеръ, Н. И.** Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Съ 450 иллюстраціями. Т. IV. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. за 4 т. 30 р.
- Шлезингеръ-Энштейнъ, Т.** Женщина начала XX вѣка. Перев. съ нѣм. Н. Новгороде. 1904. Ц. 20 к.
- Эндрузъ, Веньяминъ.** Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междуусобной войны 1861—62 гг. и до нашихъ дней. Перев. съ англ. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
- Юргенсъ, Ф. А.** Вѣка прошедшіе Россіи и начало XX столѣтія. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Якушкинъ, В.** Сперанскій и Арачъевъ. Спб. 1905. Ц. 15 к.

VII. Географія.

- Аловъ, В.** Корея—запретная страна. Съ 42 иллюстр. Спб. 1904. Ц. 50 к.
- Круновскій, М. А.** Олоонецкій край. Путевые очерки. Спб. 1904. Ц. 60 к.
- Моррисъ, Дж.** Молодая Японія. Перев. съ англ. Съ 27 рис. Одесса. 1905. Ц. 75 к.

VIII. Сельское хозяйство.

- Андріашевъ, А.** Руководство къ разумному пчеловодству съ прилож. календаря и таблицы пчеловодства. Съ 228 рис. въ текстѣ. Изд. 6-е, испр. и доп. Киевъ. 1905. Ц. 1 р. 20 к.
- Веберъ, В. К.** Продуктивное скотоводство. Практическое руководство къ прибыльному скотоводству. Съ 39 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
- Дедюлинъ, И. А.** Способъ опредѣленія емкости легкихъ у живой лошади. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Езерская, Л. О.** Первый международный молочный конгрессъ, организованный Бельгійскимъ Национальнымъ обществомъ молочнаго хозяйства въ Брюсселѣ въ 1903 г. Харьковъ. 1904. Ц. 50 к.
- Лебединцевъ, А.** Газовый обмѣвъ въ замкнутыхъ водоемахъ и его значеніе для рыбобоводства. Спб. 1905. Ц. 40 к.
- Нейштубе, С. Т.** Кормленіе домашнихъ животныхъ (собакъ, свиней, лошадей и рогат. скота) и птицъ (куръ, утокъ, гусей и индѣекъ) мясными и мясо-костными кормами. Спб. 1905. Ц. 30 коп.
- Фознсъ, Г.** Полный курсъ виноградарства. Перев. съ франц. Спб. 1904. Ц. 5 р. 50 к.

IX. Технологія.

- Ауэрбахъ, В. А., горн.-инж.** Прессованіе углей. Вліяніе его на качества кокса и на стоимость его производства. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
- Балдинъ, С.** Испытаніе электрическихъ машинъ. Часть I. Испытаніе машинъ постоянного тока. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
- Беннеръ, Д.** Геометрическое и инженерное черченіе. Руководство и школа для студентовъ, техникумовъ и чертежниковъ. Изд. 2-е. Текстъ и чертежи. Спб. 1905. Ц. 1 р. 60 к.
- Житковичъ, Н. А.** Монолитность бетонныхъ сооружений. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Испытаніе моста изъ бетона со спиральной арматурой системы Консидера. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 40 к.
- Колесовъ, Арнадій.** Замѣтки и совѣты стараго формовщика. Руководство для работы въ чугуно-мѣдно-литейныхъ. Съ 31 рис. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Межеричеръ, П. И.** Черченіе съ природы. Составленіе эскизовъ частей машинъ. Спб. 1905. Ц. 75 к.
- Мельниковъ, Н. П.** Писчебумажное, древесно-масленное, целлюлозное и картонное производство. 120 черт. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 7 р. 50 коп.
- Нусбаумъ, Г. X., проф.** Сырость въ домахъ, ея признаки и мѣры къ устраненію. Перев. съ нѣм. Съ 5 рис. Спб. 1905. Ц. 40 к.
- Пантелъевъ, В. П.** Химико-техническій контроль винокуреннаго производства. Ру-

ководство для инженеровъ, техникувъ, студентовъ и воспитанниковъ технич. училищъ. М. 1905. Ц. 2 р.

Проекты зданий, фасады и детали. Стилъ «Модернъ». Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Рихардъ, Ф. Новѣйшіе усѣбки въ области электричества въ общедоступно-научномъ изложеніи. Съ 97 рис. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

Рынинъ, Н. А., инж. Металлическое покрытие, его расчетъ и конструкция. Съ прилож. таблицъ для расчета металлических покрытій и чертежей некоторыхъ деталей конструкции послѣднихъ. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Steinmetz, С. Р. Теоретическія основанія электротехники сильныхъ токовъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Спутникъ техника на 1905 г. Спб. 1905. Ц. съ пер. 80 к.

Страховъ, П. С. Механизмы и трансмисси. Лекціи. Съ 167 черт. М. 1905. Ц. 4 р.

Фрейтахъ, Фр., проф. Детали машинъ. Общед. справ. книжка. Ч. III и IV. Детали машинъ для вращательнаго движенія. Спб. 1905. Ц. кажд. 40 к.

Шотлендеръ, В. В. Исторія паровоза за сто лѣтъ (1803—1903 г.). Съ 398 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 5 р.

Юингъ, проф. Паровая машина и другіе тепловые двигатели. Перев. съ англ. Кіевъ. 1904. Ц. 6 р.

Х. Правовѣдѣніе.

Александровичъ, В. О студенческой забастовкѣ. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Анненновъ, К. Система русскаго гражданскаго права. Томъ V. Права семейныя и опека. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Арнольдъ, В. Ф. Податико-экономическіе этюды. Одесса. 1904. Ц. 50 к.

Балабановъ, М. Фабричные законы. Сборникъ законовъ, распоряженій и разъясненій по вопросамъ русскаго фабричнаго законодательства. Кіевъ. 1905. Ц. 75 к.

Бугле. Эгалитаризмъ (идея равенства). Соціологическій этюдъ. Перев. съ франц. Одесса. 1904. Ц. 50 к.

Важнѣйшія узаконенія послѣдняго времени въ общедоступномъ изложеніи съ текстомъ законовъ и предметнымъ указателемъ. Сост. А. Л. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Вольненштейнъ, Ф. А., и Бобрицевъ-Пушкинъ, А. В. Пренія сторонъ въ уголовномъ процессѣ. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Вольманъ, И. С. Опека и попечительство. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Выдающіеся русскіе судебные процессы. Рѣчи защитниковъ и гражданскихъ истцовъ: П. Я. Александрова, С. А. Андреевскаго, В. И. Жуковскаго, Ф. Н. Плевако и друг. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Гальперштейнъ, И. Г. Образцы и формы дѣловыхъ бумагъ. Спб. 1903. Ц. 60 к.

Гольдшерштейнъ, Л. М. Война и очередныя задачи нашей желѣзнодорожной политики. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Джорджъ, Генри. Избранныя рѣчи и статьи. Перев. съ англ. Изд. 2-е. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Добровольскій, А. Уставъ торговый. Спб. 1904. Ц. съ пер. 3 р. 25 к.

Евреиновъ, Г. А. Реформа высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи и народное представительство. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Зайденманъ, Л. О. Порядокъ и способы обжалованія административныхъ распоряженій и постановленій. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Заустинскій, пѣдп. Когда и какъ окончится наша война съ Японіей? Изд. 2-е, испр. и доп. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Каутскій, Н. Возникновеніе рабочаго класса и образованіе ремесленныхъ цеховъ. Спб. 1905. Ц. 15 к.

— Рабочее движеніе въ средніе вѣка. (Борьба подмастерьевъ съ цеховыми мастерами). Спб. 1905. Ц. 20 к.

Нолобаевъ, В. П. Забастовки и заработная плата. Харьковъ. 1905. Ц. 10 к.

Норотневъ, Ал. Дм. Малолѣтніе и несовершеннолѣтніе преступники. Краткія историко-юридическія очерки. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Кремьянскій, Я. С. Забытые факты доброй университетской жизни. Харьковъ. 1905. Ц. 10 к.

Крестьянскій строй. Томъ I. Сборникъ статей А. А. Корнилова, А. С. Лаппо-Данилевскаго, В. И. Семевского и И. М. Страховскаго. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Леонъ, Марсель. Трудовая помощь во Франціи. Перев. съ франц. Спб. 1905. 2 р.

Лорія, А. Рабочее движеніе. Происхожденіе, формы развитія. Перев. съ итал. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Ляховецкій, Л. Д. Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебных ораторовъ: 1) Ф. Н. Плевако, 2) В. М. Пржевальскій, 3) Н. П. Шубинскій. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Мазуренно, Н. Н. Расторженіе брака и законъ 28-го мая. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Маргулесъ, М. С. Уголовное уложеніе 22 марта 1903 г. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Мордвиновъ, Н. Забытыя начала. I. Сословность. II. Откуда идетъ вражда къ нашему сословному строю. III. Представители помѣстнаго дворянства поднимаютъ голосъ въ защиту интересовъ сельскаго населенія.

IV. Земскія учрежденія. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Никоновъ, Б. П. Обвиняемый до суда. Подъ ред. Н. П. Карабчевскаго. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Общедоступный сборникъ основныхъ крестьянскихъ законовъ, подъ ред. И. М. Тютрюмова. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Осецій, Ф. И. Статки. Денежная ответственность фабрикантовъ и заводчиковъ предъ рабочими за забастовки. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Плато (фонъ), К. Г. Положенія о частныхъ обществахъ, учреждаемыхъ съ разрѣшенія министерствъ, губернаторовъ и градоначальниковъ. Рига. 1903. Ц. 8 р.

- Полный сводъ рѣшеній Гражданскаго Касац. Департамента Прав. Сената (начиная съ 1866 г.) съ подробными предметнымъ, алфавитнымъ и остаткнымъ указателями, сост. подъ ред. опытныхъ юристовъ. Полутомъ 39—47. Екатеринбургъ. 1904. Ц. кажд. полт. 1 р. 50 к.
- По-русски, по-православному. Спб. 1905. Ц. 10 к.
- Правящая Россія. Полный сборникъ свѣдѣній о правахъ и обязанностяхъ административныхъ учреждений и должностныхъ лицъ Россійской имперіи. Въ 3 частяхъ. Спб. 1905. Ц. въ пер. 6 р.
- Прусская конституція съ объясненіями, извлеченными преимущественно изъ комментарія д-ра Арндта. Перев. бар. А. Мейендорфа. Спб. 1905. Ц. 75 к.
- Рейхсбергъ, Н. Международное фабричное законодательство. Популярный очеркъ. Харьковъ. 1905. Ц. 25 к.
- Сборникъ рѣчей судебныхъ ораторовъ. Спб. 1904. Ц. 40 к.
- Слово-глаголь. Средство отъ нищихъ. Спб. 1905. Ц. 5 к.
- Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи 1903 г. Вып. III. Долги по долгосрочнымъ займамъ въ государственныхъ и частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ къ 1903 г. Подъ ред. А. К. Голубева. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Степановъ, Клавдій. Самодержавіе и представительство. М. 1905. Ц. 10 к.
- Страдомскій, Н. Ф. Города и земство. Къ вопросу объ урегулированіи ихъ взаимныхъ отношеній. Кіевъ. 1905. Ц. 40 к.
- Туганъ-Барановскій, М. Очерки изъ новейшей исторіи политической экономіи и социализма. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Теоретическія основы марксизма. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- уэббъ, В. Кооперативное движеніе въ Англіи. Перев. съ англ. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Фриштейнъ, В. Наслѣдство. По 1-й ч. X т. Спб. 1905. Ц. 50 к.
- Цертелевъ, Д. Н., ин. Письмо къ русскимъ людямъ. Спб. 1905. Ц. 5 к.
- Что такое земскій соборъ. Спб. 1905. Ц. 10 к.

XI. Медицина.

- Бурцевъ, И., д-ръ. Анатомія человѣка съ указаніемъ на микроскопическое строеніе и физиологическія свойства тканей и органовъ. Руководство для фельдшерскихъ школъ. Изд. 11-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Геймъ, проф. Половая жизнь съ точки зрѣнія естественной исторіи развитія. Рѣчь къ мужской молодежи. Со вступ. замѣткой гр. Л. Н. Толстого. М. 1903. Ц. 25 к.
- Гиршъ, А. П. Кефиръ и примѣненіе его при дѣтскихъ болѣзняхъ. Спб. 1905. Ц. 40 к.
- Клемпереръ, Г., д-ръ. Основы клинической діагностики. Перев. съ нѣм. Изд. 5-е. Съ 64 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. въ пер. 2 рубля.
- Ковалевскій, П. И., проф. Лѣченіе и излѣченіе сифилиса. Изд. 2-е, доп. Спб. 1905. Ц. 25 к.
- Люнь, М. Е., д-ръ. Словарь практическихъ медицинскихъ знаній для помощниковъ врачей. 2 части. Спб. 1904—1905. Ц. I—1 р., II—2 р.
- Лоренцъ, Г. А. Видимыя и невидимыя движенія. Съ 40 чертежами. Одесса. 1904. Ц. 50 к.
- Малисъ, Ю. Г., д-ръ. Неотложная хирургія. Краткое пособие для оказанія первой хирургической помощи. Спб. 1905. Ц. 60 к.
- Праусницъ, К., д-ръ. Современный діагнозъ холеры. Харьковъ. 1905. Ц. 60 к.
- Рачинскій, Н. И., проф. Массажъ и гимнастика при женскихъ болѣзняхъ. Изд. 2-е, испр. Спб. 1905. Ц. 1 р. 40 к.
- Рейхъ, М., д-ръ. Наставленіе для подачи помощи и для ухода при внезапныхъ наружныхъ заболѣваніяхъ и поврежденіяхъ глазъ. Для неврачей, ухаживающихъ за больными и ранеными. Спб. 1905. Ц. 30 к.
- Рыбановъ, Ѳ. Е. Гипнотизмъ и психическая зараза. Три популярныя лекціи. М. 1905. Ц. 1 р.

XII. Искусство.

- Архитектурные фасады и детали. Спб. 1904. Ц. 80 к.
- Бенуа, Александръ. Русская школа живописи. Вып. 6-й. Спб. 1905. Ц. по подл. на 10 вып. 35 р.
- Божеряновъ, И. И. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Вып. 4-й. Спб. 1904. Ц. по подл. на 8 вып. 12 р.
- Галерея Петра Великаго въ Императорской Публичной библиотекѣ. Спб. 1903. Ц. 5 р.
- Гоголь, Н. В. Невскій проспектъ. Повѣсть. Рисунки Д. Н. Кардовскаго. Спб. 1905. Ц. 25 р.
- Намцевичъ, Г. М. 40 малорусскихъ трехголосныхъ пѣсенъ. Вып. I. М. 1904. Ц. 50 к.
- Картины современныхъ художниковъ въ краскахъ. Вып. 7-й. М. 1904. Ц. по подл. на 12 вып. 12 р.
- Николевскій, В. А. Русская живопись. Историко-критическіе очерки. Спб. 1904. Ц. 6 р.
- Фольмеръ, Оттомаръ. Фотография и фототальванография. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.
- Фридендеръ, Д., и Вильпертъ, И. Учебникъ русской стенографіи по упрощенной системѣ «Штольцперей» для школы и самообученія. Рига. 1905. Ц. 1 р.

XIII. Военное и морское дѣло.

Кладо, Н. Л. (Прибой). Современная морская война. Морскія замѣтки о русско-японской войнѣ. Спб. 1905. Ц. 3 р. 50 к.

Мускатблиторъ, Ф. Битва при Лаоянѣ. Критическій очеркъ. Одесса. 1905. Ц. 30 к.

XIV. Коммерческія науки.

Вабенко, И. П. Метрологія (мѣровѣдѣніе). Руководство и справочная книга для кон-

торъ и лицъ, занимающихся торгово-промышленнымъ дѣломъ. Спб. 1905. Ц. 2 р. Бараць, С. М. Вексель. Спб. 1905. Ц. 50 к.

XV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги. Народныя книги.

Алешинъ, Вл. (псевдонимъ). Руческъ. Дѣтскій альманахъ. Разсказы, сказки, стихи, занятія, шутки и загадки. Для средняго возраста. М. 1905. Ц. въ папкѣ 50 к.

Бибинъ, А. Приятели. Разсказъ. Харьковъ. 1905. Ц. 7 к.

Вернь, Жюль. Вторая родина. Романъ. Съ рис. М. 1905. Ц. 1 р.

— Властелинъ міра. М. 1905. Ц. 65 к.

Гордѣва-Щербинская. Почитай—мы послушаемъ. Для средняго возраста. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р.

Гриновскій, А. Ф. О необходимыхъ практическихъ мѣрахъ для физическаго развитія и укрѣпленія здоровья молодого поволенія. Спб. 1905. Безплатно.

Евзлинъ, З. П. Подоженіе о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ. Правила и подробныя программы для поступленія въ коммерческія училища. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Жаринцова, Н. Объясненіе полового вопроса дѣтямъ. Письмо къ некоторымъ русскимъ родителямъ. (Часть I). Какъ все на свѣтѣ рождается. Письмо къ дѣтямъ. (Часть II). Спб. 1905. Ц. за 2 части 1 р. 10 к.

Засодимскій, П. Вл. Дѣдушкыныя разсказы и сказки. Съ рис. Изд. 3-е. М. 1905. Ц. въ пап. 1 р. 25 к.

Месновскій, Ал. Образцовый самоучитель нѣмецкаго языка. Изд. 4-е, доп. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Мещерскій, И. Народная школа и сельское хозяйство. Сборникъ статей. (1887—1904 гг.). Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

— Какъ устранивать сады при народныхъ школахъ? Съ приложен. наставленій по устройству школьныхъ пасѣкъ, шелководствъ, показательныхъ полей и дрвопосажденій. Изд. 6-е. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Михайловъ-Мучкинъ, Г. С. Совершенствованіе русской грамоты и правописанія — въ теоретическомъ обоснованіи и практическомъ рѣшеніи вопроса. Одесса. 1905. Ц. 40 к.

Немировичъ-Данченко, Василій. Страшные люди. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній приятеля). Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Нинольскій, А. М., проф. Мой зоологическій садъ. Очерки. Съ 18 рис. въ текстѣ. М. 1905. Ц. 35 к.

Петровъ, Г. С., свящ.. Не съ того конца. Разсказъ. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Рои, Христина. Обылось. Разсказъ. Переводъ свящ. Г. С. Петрова. Спб. 1905. Ц. 7 к.

Темный, Н. Обыскъ. Харьковъ. 1905. Ц. 3 к.

Толстой, Л. Н. Первая ступень. Спб. 1905. Ц. 20 к.

— Тяжелое бремя. Быль. Харьковъ. 1905. Ц. 2 коп.

Тулуповъ, Н. В., и Шестановъ, П. М. Для народнаго учителя. Идеалы народной школы. Сост. О. В. Кайданова. М. 1905. Ц. 10 к.

Фальборкъ, Г., и Чарнолуцскій, В. Настольная книга по народному образованію. Томъ III. Спб. 1905. Ц. 4 р.

XVI. Справочный отдѣлъ.

Генкель, Г. Г. Нѣмецко-русскій словарь. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Елисовъ, В. Программы и правила мужскихъ гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изд. 2-е, испр. и доп. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

— Программы и правила испытаній при поступленіи ученицъ въ женскія гимназій и прогимназій. Изд. 14-е, испр. и доп. Одесса. 1905. Ц. 40 к.

— Программы и правила реальныхъ училищъ съ прилож. послѣднихъ дополненій и разъясненій Мин. Нар. Просв. и друг. Изд. 2-е. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

— Программы и правила для испытанія лицъ, желающихъ получить званіе: а) учите-

ля уѣзднаго училища; б) домашняго учителя и учительницы; в) учителя и учительницы приходскихъ и начальныхъ училищъ. Изд. 13-е, испр. и доп. Одесса. 1904. Ц. 30 к.

Оловенниковъ, В. В. Путеводитель по кумысолѣчебнымъ мѣстамъ. М. 1905. Ц. 20 к. Развѣдчину въ Маньчуріи. (Русско-китайскій словарь). Сост. К. А. В. Изд. 2-е, испр. Спб. 1904. Ц. 40 к., въ клеенкѣ 50 к.

Ранцевъ, В. Л. Французско-русскій словарь. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Спутникъ выпускныхъ классовъ и справочная книга для поступающихъ въ высшія учебныя заведенія 1905—1906 г. Спб. 1905. Ц. въ пер. 1 рубль.

* Изданія А. С. Суворина.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“

въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ
и въ Ростовѣ на Дону

вышелъ и раздается гг. подписчикамъ

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ

сочиненія Н. К. ШИЛЬДЕРА

Императоръ Александръ I,

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

(Изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтрение перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій, печатано столь же роскошно и поступило въ продажу по той же цѣнѣ **30 рублей за четыре большихъ тома** съ 450 портретовъ, иллюстраціями и автографами.

Для удобства гг. подписчиковъ взносъ платы можетъ быть разсроченъ на слѣдующіе сроки: при полученіи перваго тома **пятнадцать рублей**, — втораго тома **пять рублей**, — третьяго тома **пять рублей** и четвертаго тома **пять рублей**. За пересылку взимается по разстоянію.

Дозволено цензурѣ 26-го апрѣля 1905 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ІЮНЬ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЮНЬ, 1905 г.

	СТРАН.
I. Смертный грѣхъ. Повѣсть. XXXVII—XLV. (Продолженіе). Графа Е. А. Салиаса	729
II. Изъ прошлаго. Глава третья. V—X. (Окончаніе). Ш. П. Гнѣдича .	770
III. Въ русскомъ «Мурано». Очеркъ. Г. Т. Сѣверцева	870
IV. На положеніи усиленной охраны. Д. М. Нехлюдова-Кайсарова . .	821
V. Пращуръ графа Льва Толстого. Графъ Петръ Андреевичъ Толстой. Н. П. Павлова-Сильванскаго	835
<p>Иллюстраціи: 1) Петръ Великій.—2) Видъ Неаполя въ началѣ XVIII столѣтія.—3) Площадь св. Марка въ Венеціи.—4) Сцена изъ придворной турецкой жизни.—5) Баронъ П. П. Шафировъ.—6) Графъ П. А. Толстой.—7) Факсимиле подписи графа П. А. Толстого.—8) Петербургъ въ началѣ XVIII столѣтія.—9) Соловецкій монастырь въ началѣ XVIII столѣтія.</p>	
VI. Воспоминанія прусскаго министра Верди-дю-Вернуа о пребываніи въ Россіи въ 1863—1865 годахъ. І. В. Ш.	871
VII. Между двухъ огней. Очерки изъ далекаго прошлаго. А. И. Лотоцкаго	895
VIII. Изъ нравовъ Павловскаго времени. Б. П. Никонова	914
IX. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. XI. (Продолженіе). Н. И. Фалѣва	933
X. Юбилей Д[ж] М. Мордовцева	944
XI. Новое изданіе Пушкина. Н. Лернера	952
XII. Новыя данныя о поэтѣ А. И. Полежаевѣ. Проф. Е. А. Боброва .	960
XIII. Село Ильинское. Н. Н. Останковича	966
<p>Иллюстраціи: 1) Общій видъ села Ильинскаго.—2) Дворецъ въ Ильинскомъ.—3) Вѣсѣдка императора Александра I въ Ильинскомъ.</p>	
XIV. Иностранцы о Россіи. В. Т.	976
XV. Критика и библіографія	1001
<p>1) Планъ государственнаго преобразованія графа М. М. Сперанскаго съ приложеніями. Изданіе «Русской Мысли». М. 1905. М. Ключкова.—2) Записки И. Д. Якушкина. Москва. 1905. Андрея Сиротинина.—3) Акты и документы, относящіяся къ исторіи Кіевской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 гг.). Томъ I (1721—1750 гг.). Часть I. Часть II. Приложенія. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Кіевъ. 1904. А. И. Яцимирскаго.—4) М. Ключковъ. Земскіе соборы въ старинѣ. Спб. 1905.—А. Кизеветтеръ. Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX вѣковъ.—В. Алексѣевъ. Народовластіе въ</p>	

(См. слѣд. стран.).

древней Руси. — Его же. Земские соборы в древней Руси. А. Фаресова. — 5) Г. Г. Савиць. Русское горное законодательство, съ разъясненіями. Часть I. Уставъ Горный (Свод. Зак. т. VII, изд. 1893) съ Продолженіемъ 1902 г., новѣйшими узаконеніями, инструкціями, распоряженіями министерствъ и опредѣленіями правительствующаго сената. Спб. 1905. Н. я.—6) К. М. Федоровъ. Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. Изданіе редакціи «Заваспійскаго Обзорнія». Асхабадъ. 1904. Ал. Сл.—7) Е. Щепкина. Чтенія по исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ. Выпускъ I. Государственный строй. Спб. 1905. м. к.—8) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Собраніе портретовъ русскихъ людей царствованія императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I (1762—1825). Художественно-историческое изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ первый, выпускъ второй. Спб. 1905. с. ш.—9) Н. П. Хитрово. Законодательные памятники XVI и XVII столѣтій, собранные Василіемъ Никитичемъ Татищевымъ и изданные академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ 1768 г. и проч. М. 1905. п. с.—10) Крестыанскій строй. Томъ I. Сборникъ статей. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. Спб. 1905. м. кючкова.—11) К. Военскій. Императоръ Николай I и Польша въ 1830 году. Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830—1831 гг. Второе исправленное и дополненное изданіе. Съ портретомъ императора Николая I. Спб. 1905. б. г.—12) А. М. Федоровъ. Земля. Романъ. Москва. 1905. А. Фаресова.—13) Описаніе всѣхъ русскихъ книгъ и поврежденныхъ изданій. Составилъ И. Г. Безявъ. Спб. 1905. п. д.—14) Н. Г. Чернышевскій. Что дѣлать? Романъ. Спб. 1905. я. ав—ва.—15) П. Соколовъ (Костромской). Въ глухой тайгѣ. Спб. 1905. А. Фаресова.—16) М. О. Суперанскій. Вытъ учащихъ въ начальныхъ школахъ Симбирской губерніи. Симбирскъ. 1905. и. Александрова.—17) И. Фр. Павловскій. Къ исторіи Шведской могилы. Пожертвованіе Г. С. Суденка и его духовное завѣщаніе. Очеркъ по архивнымъ даннымъ, съ рисунками. Полтава. 1904. и. Александрова.—18) А. Богдановъ. Изъ психологій общества (статьи 1901—1904 гг.). Спб. 1904. я. ав—ва.—19) Извѣстія штаба Кавказскаго военнаго округа. №1—2, апрѣль 1904 г. Издаются при отчетномъ отдѣленіи штаба Кавказскаго военнаго округа. Тифлясь. 1904. А. х.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1032

1) Первые завоеватели Марокко.—2) Петръ Великій въ Оксфордѣ.—3) Обѣленіе генерала Лакло.—4) Продолженіе воспоминаній графини Потоцкой.—5) Эрцъ-герцогъ Іоаннъ-Сальваторъ и принцъ Кобургскій.—6) Весенніе литературные юбилеи.—7) Смерть Штрессмайера и Лабула.

XVII. Снѣсь 1053

1) Общество любителей россійской словесности.—2) С.-Петербургское археологическое общество.—3) Географическое общество.—4) Отъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ.

XVIII. Некрологи 1056

1) Алексѣевъ, Я. Г.—2) Баранецкій, I. В.—3) Висковатовъ, П. А.—4) Дубенскій, П. Н.—5) Заварыкинъ, Ф. Н.—6) Иноземцевъ, Н. Г.—7) Куликовъ, П. П.—8) Лессаръ, П. М.—9) Менцерскій, А. С.—10) Оленицкій, М. А.—11) Сизоненко, Г. Ф.—12) Чебышевъ, В. Л.—13) Чериновъ, М. П.—14) Штукенбергъ, А. А.—15) Шульцъ, П. А.—16) Ягушкинъ, Е. И.

XIX. Замѣтки и поправки 1069

1) 0 «Надписи на мой портретъ». Н. Лернера.—2) Къ статьѣ «Могилы Карагеоргіевича». К. Г.—ова.—3) Къ курьезамъ крѣпостнаго времени. Александра потулова.—4) Отъ Редакціи.

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Портретъ графа Петра Андреевича Толстого.—2) Посланица короля-солнца (Marie Petit). Историческій романъ Лео Кларетти. (Переводъ съ французскаго). X—XV. (Окончаніе).

СОДЕРЖАНІЕ СОСТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1905 года).

	СТРАН.
Смертнѣй грѣхъ. Повѣсть. XXVI—XLV. (Продолженіе). Графа Е. А. Салиаса	5, 385, 729
Изъ прошлаго. Глава вторая и третья. (Окончаніе). П. П. Гнѣдича 27, 411,	770
Сказки жизни. I—II. Ем. И. Уманецъ	54, 438
Изъ воспоминаній оренбургскаго старожила. П. П. Жанмона	74
Изъ записокъ дьякона Иванова. Сообщилъ А. А. Алфеевъ	89
Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. VI—XI. (Продолженіе). Н. И. Фалѣева	103, 504, 933
Н. И. Костомаровъ въ ссылкѣ. П. Л. Юдина	136
Иллюстрація: Домъ, бывшій Прудентова, въ Саратовѣ, гдѣ жилъ Н. И. Костомаровъ.	
Курьезы крѣпостнаго времени. (Изъ записной книжки). П. П. Мочульскаго	154
Къ біографіи композитора Алябьева. Сообщилъ А. В. Безродный	166
Воспоминанія княгини Радзевилль. В. А. Тимирязева	171, 545
Дуэль Пушкина съ Дантесомъ. Гл. II. П. Е. Щеголева	196
Годы смуты и борьбы. Историческія параллели. Гл. II—III. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	212, 580
Иллюстрація: Факсимиле акта, разорваннаго императрицей Анной Ивановной 20-го августа 1730 года.	
Въ защиту убѣжища имени А. С. Пушкина въ Одессѣ. Ө. И. Мирошниченко	244
Иностранцы о Россіи. В. Т.	252, 976
Въ царствѣ Монтезумы. Г. А. Деволлана	285, 631
Иллюстраціи: 1) Мексиканскій наѣздникъ. — 2) Европейская дама и двѣ индианки. — 3) Какъ добывается пудле. — 4) Варельефъ, изображающій пытку Гуатемока. — 5) Начало улицы Санъ-Франциско. — 6) Мексиканскіе рабочіе-носильщики. — 7) Календарный камень. — 8) и 9) Музей. — 10) Замокъ Чапультепекъ. — 11) Соборъ въ Мексикѣ. — 12) Перковь въ Пуэбло. — 13) Capillo del Rovagio. — 14) Пирамида въ Чолулъ. — 15) Шикъ Оризаба. — 16) Соледадь. — 17) Исполинское дерево въ Туль. — 18) Развалины въ Митлъ. — 19) Крестообразная гробница близъ Мятлы.	

Харьковскій погромъ въ 1872 году. П. А. Антропова	462
Н. Г. Чернышевскій въ Астрахани. Н. О. Скоринова	477
«Предатель». (Изъ временъ графа Перовскаго). Я. Я. Полферова	496
Армянскій епископъ Хоренъ Степанъ. Александра Калинина	534
Вновь открытое описаніе Россіи XVI вѣка. Д. Островскаго	539
В. А. Жуковскій передъ судомъ «завистливыхъ вѣковъ». А. И. Яцимирскаго	565
Изъ сѣверныхъ преданій. С. Непина	575
Могила Карагеоргіевича. А. Хребтова	627
иллюстрація: Могила Алексѣя Карагеоргіевича въ Книгиневѣ.	
Въ русскомъ «Мурано». Очеркъ. Г. Т. Сѣверцева	807
На положеніи усиленной охраны. Д. М. Нехлюдова-Кайсарова	821
Пращуръ графа Льва Толстого. Графъ Петръ Андреевичъ Толстой. Н. П. Павлова-Сильванскаго	835
иллюстраціи: 1) Петръ Великій.—2) Видъ Неаполя въ началѣ XVIII столѣтія.—3) Площадь св. Марка въ Венеціи.—4) Сцена изъ придворной турецкой жизни.—5) Баронъ П. П. Шафировъ.—6) Графъ П. А. Толстой.—7) Факсимиле подписи графа П. А. Толстого.—8) Петербургъ въ началѣ XVIII столѣтія.—9) Соловецкій монастырь въ началѣ XVIII столѣтія.	
Воспомнанія прусскаго министра Верди-дю-Вернуа о пребываніи въ Россіи въ 1863—1865 годахъ. В. Ш.	871
Между двухъ огней. Очерки изъ далекаго прошлаго. А. И. Лотоцнаго	895
Изъ нравовъ Павловскаго времени. Б. П. Никонова	914
Юбилей Д. Л. Мордовцева	944
Новое изданіе Пушкина. Н. Лернера	952
Новыя данныя о поэтѣ А. И. Полежаевѣ. Проф. Е. А. Боброва	968
Село Ильинское. Н. Н. Останковича	966
иллюстраціи: 1) Общій видъ села Ильинскаго.—2) Дворецъ въ Ильинскомъ.—3) Бесѣдка императора Александра I въ Ильинскомъ.	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	308, 658, 1001

1) Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова. Книга девятнадцатая. Спб. 1905. Б. Глинскаго. — 2) Профессоръ И. Х. Озеровъ. Экономическая Россія и ея финансовая политика на исходѣ XIX и въ началѣ XX вѣка. Съ 72-мя диаграммами. Изданіе Горшкова. М. 1905. Беге. — 3) Сигизмундъ Либровичъ. Петръ Великій и женщины. Спб. 1905. А. Фаресова. — 4) Въ защиту слова. Сборникъ. Спб. 1905. Я. Ав—ва. — 5) А. К. Ворозданъ. Литературныя характеристики. Десятнадцатый вѣкъ. Томъ II, выпускъ I. Спб. 1905. Ал. Сл. — 6) Третій Рямъ. Повесть К. А. Калитина. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905. Б. Г.—7) Анатолій Александровъ. Объ основныхъ мотивахъ, возрѣніяхъ и идеалахъ въ произведеніяхъ русской словесности. (Актювая рѣчь въ Рижской Ломоносовской женской гимназіи). Рига. 1905. Ал.—ра Сл.—8) Le Chevalier Barberini chez le Tsar Ivan le Terrible, par N. Tchaïukow. Société d'histoire diplomatique. Paris. 1904. Беге.—9) И. Абрамовъ. «Царь Максимилианъ». Святочная комедія. Спб. 1904. А. я.—10) А. С. Парамоновъ. О законодательствѣ Анны Иоанновны. Опытъ систематическаго изложенія. Спб. 1904. н. л.—11) Живая Старина. Периодическое изданіе отдѣленія этнографіи императорскаго Русскаго географическаго общества. Подъ редакцію В. И. Ламанскаго. Годъ XIV. Выпуски I и II. Спб. 1905. п. д.—12) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ тридцатъ четвертый. Тифлисъ. 1904. п. д.—13) Кавказъ. Рача, Горібскій уѣздъ, горы Осетія, Шхаветія, Хевсуретія и Сванетія. «Путевыя замѣтки» графини Уваровой. Часть III. Москва. 1904. А. хаханова.—14) Фюстель де Куланжъ. Исто-

рія общественного строя древней Франціи. Переводъ подъ редакціей профессора И. М. Гревса. Т. II. Германское вторженіе и конецъ имперіи. (Научно-историческая бібліотека). Спб. 1904. М. Н.—15) Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка. Переведъ М. П. Литвиновъ. Томъ III. Съ 73-мя иллюстраціями. Спб. 1904. Е. М. В.—16) Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Составила Т. Богдановичъ. Съ многочисленными (?) иллюстраціями и приложеніемъ текста японской конституціи. Спб. 1905. А. Я.—17) Архимандритъ Месропъ теръ-Мовсесянъ. Раскопки развалинъ церкви св. Григорія близъ Эчмиадзина. Спб. 1904. И. Александрова.—18) Miśnaŭ Rawicz-Witanowski. Kłodawa i jej okolice pod względem historyczno-ludoznawczym. W. 1904. Г. А. Воробьева.—19) К. Г. Воблий. Основы марксизма и берштейнства. Варшава. 1904. М. Н.—20) Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ 450 иллюстраціями. Томы I, II, III и IV. Изданіе второе. Спб. 1905. В. Грибовскаго.—21) П. Н. Милюковъ. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. Изданіе второе, книгоиздательства М. В. Пирожкова. Спб. 1905. М. К.—22) Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ Н. Вудича. Часть вторая. Спб. 1904. Бѣга.—23) Нижегородскій Сборникъ. Спб. 1905. Я. Ав—ва.—24) А. Амфи-театровъ. Литературный альбомъ. А. Ев—хова.—25) Елисавета Дьяконова. Дневникъ на высшихъ женскихъ курсахъ. Дневникъ русской женщины. Спб. 1905. А. Фаресова.—26) Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга VI. Владимиръ. 1905. В. Руданова.—27) Труды Подольскаго церковнаго историко-археологическаго общества (бывшаго историко-статистическаго комитета). Выпускъ десятый подъ редакціей прот. Е. Свѣдннскаго и Н. Яворовскаго. Съ 12 рисунками. Каменецъ-Подольскъ. 1904. П. В. в.—28) «Старина и Новизна». Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 9. Спб. 1905. А. Б.—29) Евгенийъ Аничковъ. Литературные образы и мнѣнія. Спб. 1904. Я. Ав—ва.—30) П. Овидій Назонъ. Наука любить. Ars amatoria. Съ латинскаго переведъ В. Алексѣевъ. Спб. 1904. Г.—31) Сборникъ біографическихъ матеріаловъ для географіи, исторіи, исторіи права, статистики и этнографіи Литвы, съ приложеніемъ литовскихъ и древне-прусскихъ книгъ съ 1553 по 1903 годъ. Составилъ С. Валтрамйтисъ. Изданіе 2-е. Спб. 1904. А. Я.—32) А. В. Рыстелко. Сказаніе о двѣнадцати сваяхъ царя Мамера въ славяно-русской литературѣ. Одесса. 1904. А. И. Яцимирскаго.—33) В. Л. Мальбергъ. Древне-греческія фронтонныя композиции. Исследование въ области декоративной скульптуры. Съ 43 таблицами и 103 рис. въ текстѣ. Спб. 1904. С. Г—та.—34) Орнаменты на памятникахъ древне-русскаго искусства. Изданіе Н. П. Сырейшикова и Д. К. Тренева. Выпускъ I. 25 таблицъ, содержащихъ 105 орнаментовъ въ краскахъ. Москва. 1904. А. И. Яцимирскаго.—35) Тира Соколовская. Микенская керамика. Форма и орнаментъ сосудовъ микенскаго типа. Съ 7-ю фототипическими таблицами и біографическимъ указателемъ. Спб. 1904. И. Александрова.—36) Планъ государственнаго преобразования графа М. М. Сперанскаго съ приложеніями. Изданіе «Русской Мысли». М. 1905. М. Ключова.—2) Записки И. Д. Якушкина. Москва. 1905. Андрея Сиротинина.—3) Акты и документы, относящіеся къ исторіи Киевской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 гг.). Томъ I (1721—1750 гг.). Часть I. Часть II. Приложенія. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Киевъ. 1904. А. И. Яцимирскаго.—39) М. Ключковъ. Земскіе соборы въ старину. Спб. 1905.—А. Кизветгеръ. Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX вѣковъ.—В. Алексѣевъ. Народовластіе въ древней Руси.—Его же. Земскіе соборы въ древней Руси. А. Фаресова.—40) Г. Г. Савичъ. Русское горное законодательство, съ разъясненіями. Часть I. Уставъ Горный (Сводъ Зак. т. VII, изд. 1893) съ Продолженіемъ 1902 г., новѣйшими узаконеніями, инструкціями, распоряженіями министерствъ и опредѣленіями правительствующаго сената. Спб. 1905. М. Я.—41) К. М. Ѳедоровъ. Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. Изданіе редакціи «Закавказскаго Обозрѣнія». Асхабадъ. 1904. Ал. Сл.—42) Е. Щенкина. Чтенія по исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ. Выпускъ I. Государственный строй. Спб. 1905. М. К.—43) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Собраніе портретовъ русскихъ людей царствованія императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I (1762—1825). Художественно-историческое изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ первый, выпускъ второй. Спб. 1905. С. Ш.—44) Н. П. Хитрово. Законодательные памятники XVI и XVII столѣтій, собранные Василіемъ Никитичемъ Татищевымъ и изданные академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ 1768 г. и проч. М. 1905. П. С.—45) Крестьянскій строй. Томъ I. Сборникъ статей. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. Спб. 1905. М. Ключова.—46) К. Военскій. Императоръ Николай и Польша въ 1830 году. Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830—1831 г. Второе исправленное и дополненное изданіе. Съ портретомъ императора Нико-

*

лая I. Спб. 1905. Б. Г.—47) А. М. Федоровъ. Земля. Романъ. Москва. 1905. А. Фаресова.—48) Описание всѣхъ русскихъ книгъ и повременныхъ изданій. Составилъ И. Г. Везгинъ. Спб. 1905. П. Д.—49) Н. Г. Чернышевскій. Что дѣлать? Романъ. Спб. 1905. Я. Ав—ва.—50) П. Соколовъ. (Костромской). Въ глухой тайгѣ. Спб. 1905. А. Фаресова.—51) М. Ѳ. Суперанскій. Быть учащимъ въ начальныхъ школахъ Симбирской губерніи. Сибирскъ. 1905. М. Александрова.—52) И. Фр. Павловскій. Къ исторіи Шведской могилы. Пожертваніе I. С. Суденка и его духовное завѣщаніе. Очеркъ по архивнымъ даннымъ, съ рисунками. Подтава. 1904. М. Александрова.—53) А. Богдановъ. Изъ психологій общества (статьи 1901—1904 гг.). Спб. 1904. Я. Ав—ва.—54) Извѣстія штаба Кавказскаго военнаго округа. № 1—2, апрѣль 1904 г. Издаются при отчетномъ отдѣленіи штаба Кавказскаго военнаго округа. Тифлисъ. 1904. А. Х.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 337, 693, 1032

1) Маркграфиня Матильда Тосканская.—2) Эпизоды новеллъ Воккачио.—3) Легендарный и настоящій Вернардень де Сенъ-Пьеръ.—4) Соціалисты въ Европѣ.—5) Берлинское посольство Андрию Вайта.—6) За кулисами турецкаго двора.—7) Смерть Марсела Швоба, Эжена Гиллома и Жюлю Верна.—8) Новѣйшія археологическія раскопки.—9) Альбрехтъ Дюреръ.—10) Бартъ Лилленфельдъ и его жена.—11) Наполеонъ и папа.—12) Домашнія бесѣды Висмарка.—13) Первые завоеватели Марокко.—14) Петръ Великій въ Оксфордѣ.—15) Обѣденіе генерала Лакло.—16) Продолженіе воспоминаній графини Потондой.—17) Эрцъ-герцогъ Іоаннъ-Сальваторъ и принцъ Кобургскій.—18) Весенніе литературные юбилеи.—19) Смерть Штроссмайера и Лабуэ.

СМѢСЬ 364, 715, 1053

1) Спасокаменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ.—2) Археологическое общество.—3) Общество любителей древней письменности.—4) Общество любителей естествознанія.—5) Предстоящая изданія петербургскаго дворянства.—6) Премія М. И. Михельсона.—7) Общество любителей древней письменности.—8) Археологическое общество.—9) Археологическое общество въ Москвѣ.—10) Географическое общество.—11) Общество любителей русской словесности.—12) С.-Петербургское археологическое общество.—13) Географическое общество.—14) Отъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ.

НЕКРОЛОГИ 372, 722, 1056

1) Анучинъ, Е. Н.—2) Воткинъ, Ѳ. В.—3) Грончовскій, В. Л.—4) Гулевичъ, М. В.—5) Карышевъ, Н. А.—6) Нечаевъ, Н. А.—7) Опатовичъ, М. Г.—8) Пытылицынь, А. Л.—9) Савицкій, К. А.—10) Ходинъ, А. В.—11) Флоровскій, С. Н.—12) Ворнгауптъ, Ѳ. К.—13) Вериго, А. А.—14) Ерофеевъ, Я. А.—15) Олесницкій, М. А.—16) Струве, О. В.—17) Алексѣевъ, Я. Г.—18) Варанецкій, Г. В.—19) Висковатовъ, П. А.—20) Дубенскій, П. Н.—21) Заварыкинъ, Ѳ. Н.—22) Иноземцевъ, И. Г.—23) Куликовъ, П. П.—24) Лессаръ, П. М.—25) Мещерскій, А. С.—26) Симоненко, Г. Ѳ.—27) Чебышевъ, В. Л.—28) Черинъ, М. П.—29) Штувенбергъ, А. А.—30) Шульцъ, П. А.—31) Якушкинъ, Е. И.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 380, 726, 1069

1) Легенда объ уходѣ мощей, м. и. успенскаго.—2) Къ статьѣ «Первые шаги». Е. Польшова.—3) Къ библиографіи сочиненій Н. А. Некрасова. (По поводу его стихотворенія «Вура»). Е. Пономарева.—4) О «Надписи на мой портретъ». Н. Лернера.—5) Къ статьѣ «Могила Карагеоргиевича». К. Г—овъ.—6) Къ курьезамъ крѣпостнаго времени. Александра Потулова.—7) Отъ Редакціи.

Приложенія: 1) Портреты Н. И. Костомарова, княгини Екатерины Радзивиллъ и графа П. А. Толстого.—2) Посланица короля-солнца. (Marie Petit). Историческій романъ. Лео Кларети. (Переводъ съ французскаго). VII—XV. (Окончаніе).

ГРАФЪ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

По фотографіи Лушева, съ портрета находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.

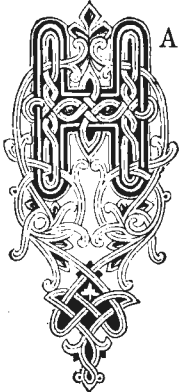
дозв. ценз. 24 мая 1905 г. спб.

СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ ¹⁾.

Повѣсть.

XXXVII.

А ДРУГОЙ ДЕНЬ около полудня генералъ и молодой человекъ уже подъѣзжали къ монастырю. Дорогой они мало разговаривали отчасти отъ жары и пыли, а отчасти и потому, что наканунѣ повздорили.

Мордвинъ, узнавъ, какъ именно молодой человекъ объяснился «со своимъ отцомъ роднымъ», попрекалъ его холодною, предполагалъ, что старикъ остался навѣрное обиженнымъ.

Ларинъ отвѣчалъ мысленно все одно и то же:

— «Хорошо все, со стороны глядя. А влѣзь-ка вотъ въ мою кожу!»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Алексѣй Андреевичъ думалъ исключительно объ одномъ, о свиданіи съ Маряшей.

Какъ они встрѣтятся? Не оскорблена ли она черезчуръ глупой стычкой, которая произошла между ними, и его глупыми словами, угрозами... Вѣдь она уѣхала не просто, она спаслась отъ него...

Мордвинъ думалъ всю дорогу о томъ, что при свиданіи съ монахиней и Маряшей не нужно говорить о томъ, что произошло, не рассуждать, не обсуждать.

«Что тутъ размазывать? Этакое!—думалъ онъ.—Всѣ мы знаемъ, въ чемъ суть. Будемъ говорить о свадьбѣ—какъ и что и когда.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 385.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1905 г., т. с.

А объ этомъ я послѣ съ Павлой Тимоѳеевнѣй одной потолкую глазъ на глазъ».

Свиданіе было, конечно, радостное. Монахиня любила давно и глубоко лучшаго друга того человѣка, который былъ для нея при жизни кумиромъ, а теперь, какъ покойникъ сталъ чѣмъ-то священнымъ, она дорожила имъ еще болѣе. Кромѣ того, съ личностью Мордвина было связано столько дорогихъ воспоминаній.

Завидя на церковномъ дворѣ экипажъ Ларина и въ немъ фигуру генерала, мать Маріанна ахнула и, какъ дѣвочка, а не пожилая женщина, побѣжала изъ комнаты навстрѣчу. Маряша побѣжала за матерью.

Расцѣловавшись молча, такъ какъ никто, казалось, не зналъ, что сказать, съ чего начать, всѣ четверо вернулись въ келью.

— Ну, вотъ, Павла Тимоѳеевна, сирѣчь матушка Маріанна,—сказалъ Мордвинъ, садясь:—вотъ и я сюда съ неба свалился!.. Не чаялъ я съ тобой такъ скоро повидаться.

— Охъ, рада я... вотъ рада-то... — тихо и съ большимъ чувствомъ выговорила монахиня.

— Спасибо, нужда заставила. Приѣхалъ вотъ Алеша и увезъ изъ Москвы. А то бы когда еще я попалъ въ ваши края. Черезъ года два, а то и три... А въ мои лѣта можно въ три дня, а то и въ три часа уѣхать на тотъ свѣтъ, вотъ какъ бѣдный Андрей Петровичъ померъ: былъ и, нѣту.

Монахиня молча отерла проступившія вдругъ слезы и махнула рукой.

Въ то же время, едва войдя въ домъ, Ларинъ, тихо, шопотомъ разговаривая съ дѣвушкой, повторялъ:

— Такъ не сердисься? Простила?.. Да? Забыла?.. Ну, спасибо, дорогая.

Ларинъ тотчасъ же заявилъ монахинѣ, что онъ приѣхалъ въ четверомѣстной каретѣ съ той надеждой, что она вмѣстѣ съ Маряшей тотчасъ же двинется къ нему въ гости.

Мать Маріанна нѣсколько удивилась и поглядѣла на генерала, какъ бы спрашивая его мнѣнія.

— Конечно,—сказалъ Мордвинъ,—мы за вами...

Монахиня подумала и отвѣтила спокойно, но рѣшительно.

— Нѣтъ, Алеша... Ночуйте здѣсь... Вечеру я съ Яковомъ Антоновичемъ потолкую... И если все въ порядкѣ, завтра мы выѣдемъ. А такъ, ничего не зная, зачѣмъ двигаться?

— Все дѣло, Павла Тимоѳеевна, рѣшено и подписано,—выговорилъ Ларинъ, улыбаясь.

— Ну, и слава Богу. А мы съ генераломъ все-таки должны ввечеру побесѣдовать. Я поѣду тогда со спокойнымъ духомъ.

— Ну, ладно, быть по сему!—воскликнулъ Мордвинъ.

Въ тотъ же день въ сумерки, послѣ обѣда, Ларинъ и Маряша отправились въ небольшой домикъ за монастырскими воротами,

гдѣ ночевали всегда прїѣзжіе гости мужчины, и принялись якобы готовить ночлегъ, т.-е. глядѣть, какъ старая монахиня Евлампія съ помощью Фимки устраивала постель, стлала свѣжее бѣлье, вытирала пыль. Но это отсутствіе изъ кельи матери Маріанны было умышленное, чтобы дать ей возможность перетолковать наединѣ съ Мордвиннымъ.

— И почему твоя матушка желаетъ говорить глазъ на глазъ,— Богъ ее вѣдаетъ,—сказалъ Ларинъ.—Полагаю, что я все уже знаю, и таиться отъ меня имъ нечего. Ну, а ты знаешь? Тебѣ мать сказала, почему наша свадьба возможна?

— Ничего я не знаю, Алеша...

— Ничего!—ахнулъ онъ.

— Вѣстимо. Что же я могу знать?—смущаясь повторила дѣвушка, зная, что она отчасти лжетъ. Ей ничего не было сказано, но она сама догадывается.

Ларинъ помолчалъ мгновение и рѣшилъ: «успѣется, послѣ».

Въ то же время Мордвинъ и монахиня тихо, угрюмо и даже отчасти печально бесѣдовали о томъ, что давно знали, но никогда не предполагали въ будущемъ заявить и огласить.

Разумѣется, мать Маріанна прежде всего пожелала узнать, какъ принялъ извѣстіе Алексѣй Андреевичъ.

— Тяжело ему, вѣстимо,—объяснилъ Мордвинъ.—Но ради Маряши, говорить, на все пойдетъ, и не на этакое, а хоть и горшее.

Послѣ переговоровъ было рѣшено обоими, что надо прежде исподволь всѣмъ открыть сущую правду, а потомъ уже объявить о бракѣ.

— А все же таки это дѣло мудреное, шумное, для людей соблазнительное, да и намъ претящее,—вздыхнувъ рѣшила монахиня.

— Вѣстимо. Да что же подѣлаешь? Иного ничего не выдумаешь,—сказалъ Мордвинъ.—А шумъ и соблазнъ, конечно, большіе.

— Я только изъ-за моей Маряши и ея благополучія на этакое подалась—тревожить покойныхъ. И грѣхъ, и стыдъ...

— Живи не такъ, какъ хочешь, а какъ Богъ велитъ,—рѣшилъ Мордвинъ.

Ввечеру, уйдя въ домикъ за монастырскими воротами, Ларинъ и Мордвинъ уже собрались ложиться спать, когда первый задалъ вопросъ старику, какъ бы сразу рѣшаясь заговорить:

— Яковъ Антоновичъ, мнѣ сдается, что Маряша ничего не знаетъ еще...

— Чего—ничего?—спросилъ Мордвинъ, не понимая.

— Ну, о Зин....—началъ Ларинъ и запнулся:—обо мнѣ, о томъ, почему нашъ бракъ возможенъ сталъ...

— Вѣстимо, не знаетъ, коли ты ей ничего не сказалъ.

— Я?.. А Павла Тимошеевна почему молчить, молчала? Было ей время все пояснить.

— Она мнѣ сказала сегодня, что на себя этого не возьметъ, что это твое дѣло.

— А вы, Яковъ Антоновичъ... не согласитесь объяснить все ей?

— Охъ, Алеша... лицедѣйство все это. Ну, изволь, скажу. Завтра, какъ прїѣдемъ домой, объясню ей все,—недовольнымъ голосомъ проговорилъ старикъ.

На другой день, рано утромъ, карета Ларина уже выѣзжала изъ монастыря. Генераль и монахиня сидѣли на первыхъ мѣстахъ, молодые люди противъ нихъ.

— Господи, благослови! Въ добрый часъ!—перекрестилась мать Маріанна.

— Съ Богомъ, матушка, съ Богомъ!—выговорила Фимка изъ-за спины старой монахини.

Алексѣй Андреевичъ увидѣлъ дѣвчонку и ахнулъ, вспомнивъ нѣчто.

Едва экипажъ двинулся, какъ онъ обратился къ монахинѣ со словами:

— Павла Тимоѣевна, напомните мнѣ, ради Создателя. Все забываю я. Сто разъ хотѣлъ я у васъ спросить кой-что объ этой вашей Фимкѣ.

— Я знаю что!—воскликнула Маряша, оживясь, и хотѣла что-то сказать, но мать Маріанна вдругъ, будто встрепенувшись, махнула на обоихъ рукой.

— Полно, полно, послѣ. До того ли теперь? Послѣ...

Всѣ замѣтили суровый, чуть не досадливый голосъ монахини, какого у нея никогда почти не бывало.

По прїѣздѣ въ Ларинское всѣ были немного утомлены отъ жары и пыли, а главное отъ качки кареты рыдвана на стоячихъ ременныхъ рессорахъ.

— Помилуй Богъ,—заявила монахиня.—Хуже качелей. По-моему чего лучше простая телѣжка. Трясетъ, да ѣдешь-то прямо. А въ этой заморской выдумкѣ—чистыя качели. Даже хуже: во всѣ стороны качаетъ...

Послѣ ужина Ларинъ, вставая изъ-за стола, тихо шепнулъ Маряшѣ.

— Пройди ко мнѣ. Надо переговорить намъ.

— Сегодня? Въ ночь?.. А завтра нельзя?—удивилась дѣвушка.

— Не все ли одно? Мнѣ хотѣлось бы сегодня,—странно, почти робко произнесъ Ларинъ.

— Изволь... отвѣтила Маряша, удивляясь и недоумѣвая. И ей пришло на умъ, что, если бы не было въ домѣ матери и Мордвина, то, быть можетъ, она побоялась бы согласиться.

Черезъ полчаса, простившись съ матерью, которая была въ постели, оглядѣвъ, все ли въ порядкѣ у нея въ комнатѣ на ночь, Маряша прошла въ кабинетъ Алексѣя Андреевича.

Онъ ходилъ изъ угла въ уголь и, едва дѣвушка вошла, выговорилъ, волнуясь.

— Дѣло, Маряша, важное дѣло. Будемъ откладывать, то никогда конца не будетъ. Сядь-ка и прислушай...

Маряша сѣла, удивляясь. Онъ сталъ предъ ней.

— Я—не сынъ родной Андрея Петровича!—рѣзко вымолвилъ онъ надъ ней.—Знаешь... ты это?..

— Догадкой... Такъ сдается мнѣ... тихо отвѣтила дѣвушка.

— Ну, вотъ. Надо, чтобъ ты знала. Ну... а какъ по-твоему? Чей я?... Скажи.

— Что?..

— Чей я сынъ, Маряша?

— Почему же мнѣ знать, Алеша?

— Мужичкій я сынъ!—почти вскрикнулъ Ларинъ.

Дѣвушка широко раскрыла свои красивые глаза, глядя на странное въ эту минуту лицо молодого человѣка, не просто суровое, а жесткое, почти злое.

— Да, мужика, а не дворянина я сынъ. Что?

Маряша изумленная молчала.

— Что же ты молчишь?..

— Удивилась, Алеша. Удивительно... Но что же? Не все ли оно равно?

Ларинъ почти желчно разсмѣялся.

— Нѣтъ, не все равно. Тебѣ, можетъ быть... а не мнѣ. Ну, а чей я, не спрашиваешь?.. Полубопытствуй. Скажу.

И такъ какъ дѣвушка молчала и сидѣла, опустивъ голову, Ларинъ отошелъ и снова началъ ходить изъ угла въ уголь. Затѣмъ онъ вдругъ остановился снова предъ ней и выговорилъ:

— Мужика, садовника, Зиновея.

— Зиновея?!—воскликнула Маряша.

— Зиновея Зиновеича Чуркина. Вотъ каковое матушка моя Екатерина Семеновна...

Алексѣй Андреевичъ будто задохнулся и не договорилъ слово, которое было на языкѣ,—слово: «начудила».

Онъ отошелъ и тяжело опустился въ кресло.

Наступило долгое молчаніе. Оба задумались глубоко.

Первымъ будто очнулся Ларинъ и произнесъ тихо и спокойнѣе.

— Ну, вотъ, Маряша... Думай, не думай—все одно... А вотъ какъ мы обвиняемся, такъ сейчасъ же отсюда вонъ. Я Ларинское продамъ. И ноги моей здѣсь не будетъ никогда. Ну, ступай. Спать пора.

И, приблизясь, онъ поцѣловался съ Маряшей какъ-то холодно, будто послѣ ссоры. Она двинулась и вышла тревожно задумчивая.

Алексѣй Андреевичъ остался около двери и стоялъ нѣсколько минутъ недвижно.

— Что же это? Она будто совсѣмъ опѣшила, узнавъ все приключеніе?—прошепталъ онъ себѣ самому.

Черезъ мгновеніе онъ выговорилъ громче:

— Что же ей?... Она-то что?.. Княжна что ли? Сама дочь простой крѣпостной крестьянки. Мой—садовникъ, а ея—кучеръ.

И еще черезъ мгновеніе онъ подумалъ уже съ грустью на сердцѣ.

«Я злюся... Да, злюся на всѣхъ, на невиноватыхъ. И выскиваю, придираюсь... Маряша просто поразила тѣмъ, что узнала. И, можетъ, даже жалбеть меня, а не гнушается»...

XXXVIII.

На утро Ларинъ съ самодовольной радостью заявилъ Мордвину, что онъ объяснился съ Маряшей самъ.

— Не хотѣлось мнѣ, да что дѣлать... Но вотъ что, Яковъ Антоновичъ: отъ этого я васъ освободилъ, а за то вы должны дружгу для меня службу сослужить.

— Что такое? Изволь,—отвѣтилъ генераль.

— Вызвать Зиновея Зиновеича и попросить его... даже хотъ приказать... Вамъ онъ чужой человѣкъ... Приказать ему повѣдать все самому здѣшнимъ всѣмъ... Мнѣ ему это говорить или приказывать не подобаеть, а вамъ совсѣмъ можно.

— Да, это—правда. Мнѣ вольготнѣе,—отвѣтилъ Мордвинъ.—Ну, что же, посылай за нимъ, а то я самъ съѣзжу къ нему.

— Нѣтъ, не годится это. Пускай онъ къ вамъ явится.

Ларинъ вышелъ въ столовую и кликнулъ кого либо изъ людей. Онъ прошелъ въ переднюю, но, едва только ступилъ за порогъ, какъ кто-то повалился ему въ ноги.

— Что? Кто такой? Чего?.. сказалъ онъ, глядя на лежащаго ничкомъ.

Проситель оказался Ванька.

— Помилосердитесь!.. Прикажите за васъ Бога молить!... выговорилъ Безухій, стоя на колѣняхъ.

— Что тебѣ? Говори! Встань, сказывай толкомъ!

Ванька поднялся на ноги и, путаясь отъ робости, заявилъ о своемъ дѣлѣ. Онъ просилъ разрѣшенія жениться «на дѣвкѣ Серафимѣ».

Не сразу узналъ и понялъ Ларинъ, что дѣло идетъ о той дѣвчонкѣ, которая служитъ Павлѣ Тимошеевнѣ, и которая когда-то поразила его «диковиннымъ» сходствомъ.

Онъ хотѣлъ отвѣтить Ванькѣ: «ладно, женись», но вдругъ выговорилъ:

— Ладно... Подумаю... Ступай.

И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ:

«Надо спросить Павлу Тимсеевну, что за диковина такая — это сходство. Не вѣсть что въ голову мнѣ забралось. Чудо-юдо, глядь, правдой сущей обернется. Отъ Андрея Петровича всего жди!»

Затѣмъ Ларинъ тотчасъ велѣлъ послать къ себѣ Волкова и объяснилъ ему, что онъ долженъ ѣхать къ Зиновею и привезти его немедленно въ Ларинское къ генералу, предупредивъ, что оно нужно по важному дѣлу.

— Скажи Зиновею... Скажи ему, что такое мое непремѣнное желаніе. Если онъ почему либо будетъ упираться, то Яковъ Антоновичъ самъ поѣдетъ къ нему. А это не приличествуетъ, чтобы баринъ, дворянинъ, да еще въ чинѣ генерала, ѣхалъ къ... крѣпостному человѣку. Понялъ? Ну, и постарайся... уломай его.

Разумѣется, Волковъ, съѣздивъ къ «пустыннику», чрезъ часъ уже былъ обратно вмѣстѣ съ нимъ.

Зиновой прямо прошелъ въ комнату Мордвина...

Онъ былъ слегка блѣденъ, глава его горѣла, а въ старыхъ стиснутыхъ губахъ было горькое выраженіе глубокой печали, даже страданія душевнаго.

Мордвинъ при видѣ вошедшаго всталъ къ нему навстрѣчу и выговорилъ мягко и ласково:

— Зиновой Зиновеичъ, пожалуй... А допрежде всего поцѣлуемся. Мы вѣдь старые знакомые и, почитай, пріятели.

Зиновой низко поклонился въ поясъ...

— Говорю, поцѣлуемся.

— Ваша воля! Какъ изволите. Ослушаться не смѣю,—отвѣтилъ старикъ.

Расцѣловавшись, Мордвинъ показалъ на кресло и выговорилъ:

— Ну-т-ко... вотъ... присядемъ и потолкуемъ о дѣлѣ.

— Нѣтъ, ужъ это... увольте...—холодно и почти гордо произнесъ Зиновой.

— Что такое? Что?—прикинулся Мордвинъ удивленнымъ. Но въ голосѣ его была фальшь. Онъ не умѣлъ притворяться.

— Увольте... Зачѣмъ намъ скоморошествовать? И безъ этого обойдемся. Приказывайте.

— Присядь. Что же стоять?

— Какъ стоялъ шесть десятковъ, почитай, при господахъ, такъ и буду стоять, покуда живъ.

— Ты теперь, Зиновой Зиновеичъ, не то же, что былъ прежде. Теперь все перемѣнилось. Алексѣй Андреевичъ тебя призналъ и признаетъ... за отца.

— Его воля... а-я то все тотъ же мужикъ, его крѣпостной...

— Онъ тебѣ на сихъ дняхъ дастъ вольноотпускную, и ты...

— Слышалъ и это я, Яковъ Антоновичъ... Но то же скажу, что нечего такъ скоморошествовать... Не нужна мнѣ вольная. Мнѣ скоро помирать... Я хочу въ монашество... А монахъ, что дворянинъ, что мужикъ—все одно...

— Ну, это ужъ твое дѣло... А я вотъ хотѣлъ съ тобой побесѣдовать... Такъ не сядешь?

— Увольте.

— Ну, стой... А я ужъ сяду... Ноги плохи.

И усѣвшись Мордвинъ заговорилъ, объясняя дѣло.

Зиновой слушалъ, опустивъ глаза въ землю. Лицо его стало безжизненно, бѣловато и такъ спокойно, что казалось лицомъ усопшаго.

Кратко объяснивъ, что желаетъ отъ него Ларинъ, желаетъ по необходимости, ради ускоренія и упрощенія положенія, Мордвинъ прибавилъ.

— Безъ этого ничего нельзя. Этого мало, что мы скажемъ. Надо, чтобы ты, ближайшій къ дѣлу человѣкъ, или главный доказчикъ, свое слово сказалъ, и по совѣсти, предъ Богомъ. Тебѣ всѣ и повѣрятъ.

— Что же я-то знаю, Яковъ Антоновичъ?—вдругъ воскликнулъ Зиновой, выпрямляясь и глядя на Мордвина чуть не свысока.— Какъ же... предъ Богомъ, по совѣсти... въ незнаемомъ дѣлѣ?

— Что ты, что ты!.. Какъ въ незнаемомъ?.. Вотъ видишь ли... Сейчасъ ты сказывалъ: не надо скоморошествовать. А развѣ это не скоморошество, да еще сугубое?.. Ты, да не знаешь, якобы... что Алеша твой сынъ? Такъ что ли?

— Не могу я этого знать такъ, чтобы клятву давать!

— Тебѣ это небось тысячи разовъ говорила покойница. Не говорила? А?

— Говорила. Но, простите, въ этакомъ случаѣ всякая... дворянка ли, баба ли простая знать ничего не можетъ, коли у нея и супругъ, и... любезный другъ!—рѣзко проговорилъ Зиновой.

— Андрей Петровичъ никогда супругомъ Екатерины Семеновны не былъ.. Ни единого дня, ни единой минуточки.

— Кто жъ это знать можетъ?..

— Я это знаю... я... И я подъ присягу пойду... Да, Зиновой Зиновеичъ, подъ присягу я пойду. А потому, что Андрей Петровичъ мнѣ предъ иконой вотъ здѣсь, въ гостиной божился... Да и не одинъ, а два раза божился... А по тому случаю это было, что я его попрекалъ, что онъ не ласковъ къ Алешѣ... И вотъ его слова: «Какъ же я буду ласковъ къ Зиновееву сыну, къ Алексѣю Чуркину? Довольно съ него и того, что онъ Ларинымъ прозывается и родовой вотчины дворянской наслѣдникъ»... Вотъ его слова.

Зиновой промолчалъ, и послѣ паузы на вопросъ Мордвина, согласенъ ли онъ съ нимъ, старикъ глухо выговорилъ вопросомъ.

— Притти, стало быть, сюда и всѣхъ здѣшнихъ оповѣстить, что я былъ любезнымъ покойницы барыни?... И будутъ спрашивать: «побожися», то и божиться?

— И на насъ ссылаться... на меня, на мать Маріанну.

- Такъ... вѣстимо. Когда это изволите приказать?..
- Да хотъ сейчасъ. Съ Кронида и начинай.
- Нѣтъ, увольте. Дайте мнѣ... дайте три денька... Я исповѣдаюсь, причащуся и тогда... Всего три дня.
- Изволь... если ты для этакого... думаешь, надо говѣть...
- Надо, надо, Яковъ Антоновичъ.
- Ну, будь по-твоему,—рѣшилъ Мордвинъ.

Зиновой низко поклонился и вышелъ. Вышелъ степенно...

Узнавъ результатъ объясненія Мордвина съ Зиновеемъ, Ларинъ былъ доволенъ. Черезъ три дня главный «доказчикъ» заговорить съ дворней, и дѣло двинется немного впередъ безъ его личного вмѣшательства. А это было особенно тяжело—самому дѣйствовать.

Къ тому же у него была новая забота. Маряша послѣ ихъ послѣдняго объясненія ходила, какъ въ воду опущенная, темнѣе ночи. Оставшись случайно съ ней наединѣ въ саду, онъ спросилъ:

— Скажи мнѣ, Маряша... Ты чудная стала... Что съ тобой?

— Какъ чудная? Почему?—кратко отозвалась дѣвушка.

— Ты перемѣнилась: озабоченная, угрюмая, будто сердитая на меня. Ты не такая была со мной прежде. Скажи, ты на меня все-таки сердце имѣешь за то, что я тогда предъ твоимъ отъѣздомъ въ монастырь погрозился. Такъ вѣдь это моя любовь къ тебѣ виною. Терпѣль долго и вдругъ не выдержалъ, распалился, началъ безумствовать. Ты должна меня простить, должна забыть... Ну, я каюсь, виноватъ... И прости.

— Я уже давно простила, Алеша. Даже и думать забыла,—удивленно отвѣтила Маряша.

— Такъ что же тогда?

-- Что!

— Что же тогда? Отчего ты этакая?.. Сердитая?

Маряша помолчала и заговорила тихо, нерѣшительно.

— Я не сердитая. Я все разсуждаю о томъ, что намъ предстоитъ, и боюсь... Очень это все мудрено. И было то мудрено, а теперь еще мудренѣе. Прежде мы опасались соблазна, говору, опасались и властей... а теперь...

— Теперь все уладилось или уладится. Все станетъ просто, законно... сказалъ Ларинъ.

— Теперь я боюсь пуще, чѣмъ прежде.

— Богъ съ тобой. Чего?

— Да тебя...

— Какъ меня?

— Тебя. Да, тебя, Алеша. Ты самъ говоришь, и я тоже скажу. Дорого тебѣ это дастся. Такъ дорого, что ты и радъ не будешь, что добылъ.

— Не я это говорю. Яковъ Антоновичъ это говоритъ. И онъ же тебя пугаетъ зря. Сказываю я тебѣ, что мы уйдемъ и продадимъ Ларинское. И все, что было, никому извѣстно не будетъ, какъ если бы и не бывало.

— Знаю. Не про то я говорю... грустно отзывалась Маряша.— Ты самъ знать будешь... Самъ будешь вспоминать, что, если бъ, молъ, я не затѣялъ всего этого, моей женитьбы, то и не узналъ бы никогда... ничего... Считалъ бы себя сыномъ Андрея Петровича... А теперь, молъ, изъ-за Маряши я все это узналъ... тяжкое, обидное.

— Неправда, неправда, Маряша,—воскликнулъ Алексѣй Андреевичъ, но въ голосѣ его былъ такой оттѣнокъ неискренности, что Маряша не повѣрила и, вздохнувъ, отвернулась. Слезы были на ея глазахъ.

— «Онъ таитъ свои истинныя мысли,—думалось ей.—А я сама... не таю ли тоже чего?»..

И этотъ вопросъ просился будто самъ, насильно. А отвѣчать на него она не могла. На сердцѣ, въ мысляхъ была одна смута. И Маряша горько заплакала.

XXXIX.

На утро въ домѣ было шумнѣе и веселѣе. Явилась личность, съ которой неизмѣнно, какъ бы по слѣдамъ за ней, приходило и оживленье. Не даромъ говорилось про нее, что она «мертвыхъ разбудить и на ноги поставить».

Приѣхала Софья Алексѣевна и съ ней Андрей.

Приѣздъ этотъ удивилъ, но, конечно, страшно обрадовалъ Ларина. Онъ признавалъ, что кругомъ виноватъ предъ двоюродной сестрой, и, конечно, согласился бы итти первымъ на мировую, но не зналъ, какъ это сдѣлать и куда писать.

Онъ бросился къ Сонѣ со словами:

— Спасибо, что простила... Я тогда ума рехнулся. И не помню, что дѣлалъ и говорилъ.

— Да, не плюй въ колодезь. Не клянись, прежде Богу помолись,—весело воскликнула молодая женщина.—Говорила вотъ, что у меня слово и дѣло вмѣстѣ идутъ. А вотъ и нѣтъ. Я вѣдь побоялась, что ноги моей у тебя, Алеша, не будетъ. А узнала, что здѣсь происходитъ, и примчалась.

И тотчасъ же женщина поразила всѣхъ объявленіемъ.

— Мы времени не теряли съ Андрюшей. Прошу любить да жаловать коллежскаго регистратора Пашина и законную жену его Софью Пашину.

Конечно, всѣ ахнули и закидали ее вопросами.

— Какъ? какъ? Да такъ! Просто, совсѣмъ просто!—отвѣтила Софья Алексѣевна, смѣясь.—Положимъ, что я малость приврала.

Андрюша покуда еще первой гильдіи купецъ, но важная особа московская, почитай, вельможа, уже зачислила его на службу въ свою канцелярію, и къ Рождеству онъ будетъ имѣть чинъ.

И Соня рассказала подробно всѣ свои похождения, хлопоты и ухищренія. Вѣнчались они подь Москвой въ храмѣ почти безъ прихода, бѣднѣйшемъ, какіе только есть на свѣтѣ. Батюшкѣ, который вѣнчалъ ее съ Андреемъ, 83 года отъ роду. Онъ имъ самъ заявилъ: «Коли меня разстригутъ, то вѣдь только на семь лѣтъ, а то и меньше. Я долѣе 90 годовъ жить не предполагаю».

За вѣнчаніе старикъ, однако, получилъ «страшныя деньги», а именно сто рублей вмѣсто слѣдуемыхъ пяти или десяти...

— Зато все въ порядкѣ! — воскликнула Софья Алексѣевна:— и записи, и бумаги, и всякія свидѣтельства. Одинъ нашъ свадебный дружка былъ изъ цыганъ, только изъ православныхъ.

— Молдаванинъ,—поправилъ жену Андрей.

— Цыганъ и молдаванинъ—все одно!—отвѣтила жена и тотчасъ закидала вопросами Ларина.

— Вы какъ? Когда вѣнчанье? Гдѣ? А новоявленный родитель твой какъ обходится?

На послѣдній вопросъ всѣ промолчали и потупились.

Тотчасъ по прїѣздѣ умная и опытная Софья Алексѣевна убѣдила брата, что слѣдуетъ съѣздить прежде всего въ губернской городъ посовѣщаться заранѣе со всякимъ начальствомъ и со всякими крючками о томъ, какъ собственно дѣйствовать. Ларинъ наотрѣзъ отказался лично срамиться въ городѣ. Было рѣшено, что поѣдетъ хлопотать Яковъ Антоновичъ.

Выѣхавъ тотчасъ же, генераль на третій день былъ уже обратно и привезъ хорошія вѣсти. Онъ повидаль много важнаго народу, начиная съ губернатора и архіерея и кончая всякими консисторскими и канцелярскими «півками». Его генеральскій чинъ много, конечно, ему помогъ.

— Все наладится, только деньги готовь,—сказаль Мордвинъ.

Затѣмъ онъ объяснилъ, что, по мнѣнію почти всѣхъ, ихъ собственное измышленіе лучше чего другого. Именно надо, чтобы всѣ въ Ларинскомъ были оповѣщены «по шесту» и знали, что Алексѣй Андреевичъ—чужой человекъ покойнику Андрею Петровичу... А главный свидѣтель, Зиновей, долженъ это какъ бы подь присягой заявить всѣмъ. А къ этому прибавятся еще, въ случаѣ чего, въ будущемъ и письма покойнаго къ генералу, тоже важное свидѣтельство.

— Одна бѣда... и если не бѣда сушая, то загвоздка,—сказаль Мордвинъ.—Одна довольно большая півка судейская мнѣ пояснила такъ: «если, говорить, господинъ Ларинъ будетъ вѣнчаться, имѣя на то право, какъ не Ларинъ, то какъ же тогда и по какому праву сохранить онъ въ своемъ владѣніи чужую вотчину?»

— Что вы?—вскрикнулъ Алексѣй Андреевичъ.

— Да, вѣрно. Это и мнѣ еще въ Москвѣ въ голову пришло,—сказалъ Мордвинъ.—Но ты успокойся. Этотъ крючкотворъ волокитскій мнѣ тоже разъяснилъ, что при твоихъ обстоятельствахъ обѣды нѣтъ. Чтобы ты лишился своихъ правъ, надо, чтобы кто нибудь началъ съ тобой тягаться. Нужна ябеда. Начальство само въ такое дѣло не вступится. Его дѣло сторона. А вотъ, если кто заявится и начнетъ тягаться съ тобой, тогда и они вступятся.

— Да кто же, кто станетъ тягаться? По какому праву?—спросилъ Ларинъ, волнуясь.

— Только тотъ или тѣ, кто наслѣдники прямые Андрея Петровича... прямые, если ты самъ не въ счетъ. Понялъ?..

— Только одна Соня.

— Ну, вотъ.

— Такъ развѣ она пойдетъ на такое?..

— Вѣстимо, нѣтъ... А вотъ ея дѣти будущія съ твоими дѣтьми будущими могутъ начать тягаться. Но это я самъ говорю. И, можетъ, я и вру. Можетъ, есть по закону давность.

— Ну, Яковъ Антоновичъ, что будетъ, когда насъ не будетъ? Это, знаете, совсѣмъ не любопытно. Я свой вѣкъ считаю, а лекачю въ могилѣ все на свѣтѣ—плевое дѣло. Вотъ, если бы я теперь съ Соней все еще былъ въ ссорѣ, надо было бы помириться, чтобы спокойнымъ быть. А она сама пріѣхала. Стало, все въ порядкѣ.

Одновременно, тотчасъ по пріѣздѣ, генералъ Мордвинъ узналъ отъ Алексѣя Андреевича, что Зиновей говѣлъ, исповѣдывался и пріобщился святыхъ тайнъ передъ тѣмъ, какъ исполнить ихъ общую просьбу. Однако, старикъ до сихъ поръ въ усадьбу не являлся, и Ларинъ уже посылалъ къ нему Крониду узнать, почему онъ мѣшкаетъ. Кронидъ нашелъ старика очень перемѣнившимся, какъ бы хворающимъ, однако не въ постели, а бродящимъ въ лѣсу около своего домика. Зиновей объяснилъ, что онъ собирается явиться въ Ларинское и исполнить все, что отъ него требуютъ, но просилъ дать ему еще нѣсколько дней приготовиться, собраться съ духомъ.

— Должно быть, не нынче, завтра,—прибавилъ Ларинъ,—онъ придетъ.

— Диковина!—замѣтилъ Яковъ Антоновичъ.—Что жъ бы ему медлить? Другой бы давно успѣшилъ прійти, все рассказать, какъ бы похвастаться.

— Какъ же такъ похвастаться?—не понялъ Ларинъ.

Генералъ спохватился, что обмолвился, и не зная, что солгать, отвѣчалъ прямо.

— Да такъ, все-таки ему въ этомъ дѣлѣ ничего обиднаго нѣтъ. Напротивъ, онъ—простой человѣкъ, а твоя матушка дворянка была. Ты извини, что я такъ объясняюсь.

Ларинъ слегка насупился отъ этихъ словъ. Было очевидно, что малѣйшее, самое легкое прикосновеніе къ большому мѣсту заставляло всего его какъ бы съеживаться.

Генераль, чтобы вывести Ларина изъ угрюмаго настроенія духа, заговорилъ снова о своей поѣздкѣ и своихъ посѣщеніяхъ разныхъ начальственныхъ лицъ. Кончивъ и помолчавъ немного, Мердвинъ произнесъ рѣшительно:

— Да, все такъ, только не надо тянуть: «взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ». Если Зиновой будетъ очень тянуть, то надобно на него понасъсть, заставить его. А то будетъ думать, да раздумывать, да вдругъ откажется.

— Какъ откажется!—воскликнулъ Алексѣй Андреевичъ.

— Откажется объясниться.

— Какъ онъ смѣетъ, я его заставлю!—взволновался Ларинъ:— все-таки же онъ мой, все-таки же онъ крѣпостной.

— Такъ-то такъ, Алеша! Крѣпостной крѣпостнымъ, а отецъ отцомъ. Вѣдь не можешь же ты пригрозиться, что отца родного будешь розгами наказывать. Да и потомъ, какъ на грѣхъ, попался нашъ старикъ совсѣмъ не такой, какъ всѣ. Онъ самъ по себѣ чудной. Повторяю, будь какой другой, то по первому слову давно бы сдѣлалъ все то, что отъ него требуютъ, а этотъ тянетъ, да еще всякое чудное придумываетъ. Хотя бы вотъ это говѣнье что это собственно такое? И понять-то нельзя!

— Вотъ и мнѣ оно кажется немного удивительнымъ,—сказалъ Ларинъ:—зачѣмъ вдругъ собрался онъ говѣть, приобщаться? Одно дѣло къ другому совсѣмъ не подходитъ.

— Вѣрно, Алеша: оно и меня смущаетъ малость, ну, да вотъ увидимъ. Впрочемъ меня одно обстоятельство еще болѣе смущаетъ, только не съ тобой бы объ этомъ надо бесѣду и всякіе разговоры вести, а съ другимъ кѣмъ.

— Что такое?—удивился Ларинъ.

— Говорю я: не съ тобой бы слѣдъ говорить, хотя дѣло касается и тебя.

— Вы меня такими загадками, Яковъ Антоновичъ, только тревожите. Ужъ лучше бы не заговаривали.

— Изволь, скажу: смущаетъ меня Маряша.

— Чѣмъ?

— Да тѣмъ, что не похожа на невѣсту. Нешто такія ходятъ невѣсты? Что ни день, она все задумчивѣе... Что съ ней по-твоему?

— Не знаю, Яковъ Антоновичъ, но предполагаю, что это все ея глупыя мысли, что привезла она еще изъ монастыря. Сказываетъ она, что якобы я большую жертву ей приношу, выдумавъ звать сюда для покаянія и всякаго объясненія Зиновея Зиновича. Думаетъ, что я потомъ буду самъ всѣхъ людей стыдиться и раскаиваться въ томъ, что надѣлалъ.

- И больше ничего по-твоему?
- Понятно, ничего. Что же еще можетъ быть?..
- Та-акъ,—протянулъ Мордвинъ и подумалъ про себя:—«вотъ, стало, и надо не съ тобой, братецъ мой, объ этомъ говорить, а съ кѣмъ другимъ».

И генераль въ тотъ же день задалъ тотъ же вопросъ Софьѣ Алексѣевнѣ, но наединѣ и прося объ ихъ объясненіи никому не сказывать.

— По-вашему Маряша грустная?—отвѣтила молодая женщина тоже вопросомъ.

- Видимое дѣло. Удивляюсь, что вы всѣ никто не видите.
- А кто же вамъ не сказалъ, ваше превосходительство, что Софья Алексѣевна, нынѣ Пашина, этого не видитъ? Я вижу лучше васъ и давно вижу.

- Какая же причина тому, тоже знаете?
- Причина?.. Маряша ходитъ да спрашиваетъ себя: любить ли она по-настоящему Алешу, или нѣтъ? И хорошо ли сдѣлала, что согласилась на бракъ?

- Она сама это сказала?—ахнулъ Мордвинъ.
- Вѣстимо, нѣтъ. Это я говорю. Я это вижу и знаю. А она, Маряша, уже не разъ на меня разсердилась за такое якобы обидное предположеніе и попросила меня больше въ другой разъ ея не обижать. Вотъ тутъ и вертись.

- А если я съ ней заговорю самъ объ этомъ?
- Избави Боже, Яковъ Антоновичъ. Разобидите. Да она впрочемъ станетъ клясться вамъ, что она обожаетъ Алешу.
- Ну, Богъ съ вами, чепушистые люди!—махнулъ рукой генераль.—Радъ бы помочь, да коли вы белену кушаете!

XL.

Дня черезъ три послѣ возвращенія генерала, едва только Волковъ проснулся, какъ былъ позванъ къ барину. Было не болѣе шести часовъ, и Волкова немало удивило, что баринъ уже на ногахъ. Ларинъ никогда не вставалъ ранѣе восьми и девяти.

Явившись, онъ нашелъ Алексѣя Андреевича суровымъ, раздраженнымъ, усталымъ. Ставъ передъ бариномъ около дивана, гдѣ тотъ сидѣлъ, Кронидъ Захарычъ увидѣлъ на диванѣ двѣ подушки, а въ растворенную дверь, ведущую въ спальню, виднѣлась постель, не смаятая, не тронутая. Очевидно, что баринъ если и поспалъ немного, то въ своемъ кабинетѣ.

Ларинъ сурово приказалъ Волкову тотчасъ же собираться.

- Ступай къ Зиновею Зиновеичу и скажи, что я больше ждать не могу и не хочу. Онъ просто тянетъ, и не вѣдомо зачѣмъ. Онъ уже давно долженъ былъ прійти сюда и нѣкое такое дѣло вамъ

всѣмъ, дворнѣ, пояснигъ. Я могъ бы обойтись безъ него, могъ бы самъ васъ созвать и вамъ все разсказать, но я хочу, чтобы онъ сказалъ. А Яковъ Антоновичъ и мать Маріанна его слова подтверждать. Такъ вотъ ступай и скажи, чтобы онъ тотчасъ былъ здѣсь. А всего лучше скажи ему, что я приказываю... ну, прошу, что ли. Скажи лучше: прошу... чтобы онъ съ тобой же сейчасъ и пріѣзжалъ. Если увидишь, что онъ по виду черезчуръ хвораетъ, дай сроку, а не хвораетъ, то пристань къ нему и вези.

Волковъ выслушалъ барина въ недоумѣніи, отправился прямо въ конюшню, а вскорѣ былъ уже на пути къ домику Зиновея.

— Чудно все это,—раздумывалъ онъ по дорогѣ:—пошли у насъ всякія чудеса. Всѣ какія-то все загадки загадываютъ.

Думая о томъ, что баринъ самъ сказалъ, намекнулъ о какомъ-то дѣлѣ, которое какъ будто зависитъ отъ старика Зиновея, Волковъ невольно сталъ вспоминать дорогой прошлое жите-бытье въ Ларинскомъ, когда Алексѣя Андреевича еще не было на свѣтѣ. Вспомнилось Волкову и то, что когда-то приходило ему на умъ, тревожило его, а иногда и возмущало, и что онъ затѣмъ считалъ своимъ глупымъ и дерзкимъ вымысломъ, и бросилъ... А теперь черезъ столько лѣтъ, хотя и неясно, туманно, но все-таки мерещилось то же самое.

Подѣхавъ къ домику Зиновея и войдя въ него, Волковъ не нашелъ старика. Выйдя снова, онъ началъ кричать и звать. Отвѣта не было. Онъ пошелъ въ глубь лѣса, продолжалъ окликать. Прошло съ полчаса, и когда онъ уже хотѣлъ возвращаться въ домикъ, чтобы дожидаться возвращенія Зиновея, старикъ показался между стволами деревьевъ медленно шагающимъ.

— Эй, Зиновея Зиновеичъ! чего же ты молчишь, не откликаешься?—крикнулъ Волковъ.

Старикъ только слегка приподнялъ опущенную голову, но, не отвѣчая ни слова, сталъ приближаться. Когда онъ былъ за нѣсколько шаговъ, Волковъ увидѣлъ огромную перемѣну въ немъ, Лицо его было блѣднымъ, сильно похудѣвшимъ, глаза живые, умные, свѣтлые, обычно полные огня, несмотря на его годы, теперь какъ будто потемнѣли и даже ввалились.

— Ой, ой! Что ты, Зиновея Зиновеичъ, хвораетъ что ли?

Старикъ отвѣтилъ не сразу и произнесъ едва слышно.

— Да, не по себѣ...

— Да, что у тебя? какая хворость?

— Не знаю, не тѣло болитъ, душою болѣю, опоздалъ я... Вотъ что, Кронидъ Захарычъ. Опоздалъ...

— Въ Ларинское? Да, тебя господа всѣ ждуть всякій день, поджидаютъ. Вѣдь ты, какъ баринъ мнѣ сказалъ, долженъ быть, чтобы что-то такое намъ, всѣмъ дворовымъ, повѣдать. Ты, небось, знаешь. А я тутъ ничего и понять не могу. Такъ чего же ты за-

паздываешь? Коли по лѣсу бродишь, то можешь и къ намъ прійти, а не можешь пѣшкомъ, могутъ тебя довести. Чего же ты запаздываешь?

— Я не про то, Кронидъ Захарычъ. Я запоздалъ помереть.

— Что такос? Не уразумѣю!

— Просто. Надо было мнѣ помереть тому, ну, хоть годъ, скажемъ, а не доживать до той поры, чтобы надо мной всякое срамительство да всякое истязательство пошло. Вотъ теперъ прожилъ болѣе, чѣмъ нужно, и попалъ въ капканъ.

— Какое! Что ты!—воскликнулъ Волковъ:—вѣдь и понять ничего нельзя.

— А вотъ пойдемъ ко мнѣ, присядемъ, я тебѣ малость поясню, а такъ на ходу трудно говорить, духъ у меня перехватываетъ.

И оба старика молча, тихо дошли до домика, а затѣмъ усѣлись въ свѣтлой и веселой комнатѣ Зиновея, полной запаховъ цвѣтовъ и тоже будто полной пѣснями и трелями его голосистыхъ пташекъ. Отдохнувъ нѣсколько мгновений, Зиновея спросилъ:

— Ты ко мнѣ за вѣстями обо мнѣ или за мной самимъ?

— Да, за тобой, Зиновея Зиновеичъ! Баринъ приказалъ такъ, что моли ты очень хворый, то узнать вѣрно, когда будешь ты у насъ. А коли ты мало-мальски можешь двигаться, то чтобы ѣхалъ со мной.

— Ради чего?

— Тебѣ лучше знать, Зиновея Зиновеичъ, а я знаю только то, что баринъ сказалъ. А сказалъ онъ, что дѣло есть у васъ какое-то, какъ я тебѣ сейчасъ говорилъ.

— Дѣло?... Да, дѣло,—прошепталъ старикъ:—дѣло... и грѣшное дѣло, дурное дѣло... Давно я все о немъ думаю и по сію пору не могу уразумѣть, что только на землѣ люди творять. Кабы еще одинъ Алексѣй Андреевичъ, то ему простибельно по молодости. На то люди и молоды, чтобы всякое несообразное творить, а потомъ съ годами раскаиваться въ томъ, что натворили. А тутъ старикъ, такой, же какъ и мы, да еще важный генералъ, умный и хорошій человѣкъ... Потомъ тоже хоть не старая, а уже и не молоденькая, да еще монахиня, тоже съ ними заодно, тоже грѣшить собралась. И вотъ они пользуются тѣмъ, что я во время не померъ, чтобы меня истязать. А что мнѣ дѣлать, я не могу надумать. Когда меня силкомъ отсюдова потащатъ и силкомъ заставить говорить, то я тогда развѣ надумаю. Вотъ ты умный человѣкъ, а мнѣ не поможешь, совѣтъ дать не сможешь.

— Какъ же могу я совѣтовать тебѣ, Зиновея Зиновеичъ, коли я ничего не понимаю, ничего не знаю, все одни какіе-то обиняки. Поясни мнѣ что нибудь, ну, тогда я, можетъ быть, и надумаю, что тебѣ посовѣтовать.

— Да что же, пожалуй, Кронидъ Захаровичъ, пожалуй, и скажу, поясню. Я объ этомъ много думалъ, но одна голова хороша, а двѣ

лучше. Я еще вчера размышлялъ, что хорошо бы повидать тебя и съ тобою потолковать. Я свою-то голову будто потерялъ. Нѣтъ ея у меня. Ну, такъ вотъ послушай. Хочетъ Алексѣй Андреевичъ жениться на Маремьянѣ Андреевнѣ. Такъ вѣдь?...

— Такъ, истинно.

— А нынѣ онъ это всѣмъ вамъ въ усадьбѣ объявилъ самолично и гласно, безъ зазора.

— Такъ, Зиновой Зиновеичъ, только никого онъ не удивилъ, потому, ты знаешь, уже давно мы всѣ замѣчали этакое. Конечно, никто не думалъ, что Алексѣй Андреевичъ пойдетъ на такое и беззаконное и грѣховное. Но вотъ идетъ.

— А можетъ ли онъ, Кронидъ Захарычъ, жениться на родной сестрѣ?

— Вѣстимо, нельзя! Говорятъ, что и его и ее подъ судъ отдадутъ, судить будутъ, и хорошо, коли въ монастыри сошлютъ, его въ монахи, а ее въ монахини, на покаяніе. А кто говоритъ, что и много хуже можетъ быть. Сошлютъ въ Сибирь, какъ за преступленіе закона, опричь грѣха смертнаго.

— Ну, такъ вотъ, Кронидъ Захарычъ, теперь прислушай. Надо было Алексѣю Андреевичу выдумать такое, чтобы этотъ бракъ не былъ ни грѣхомъ, ни беззаконіемъ. Вотъ онъ и выдумалъ. Выдумалъ себѣ въ помощь для этого дѣла выдумщика. Понимаешь, самъ выдумалъ выдумщика.

— Не понимаю, Зиновой Зиновеичъ.

— Понадобился ему человѣкъ, который бы взялся пояснить всѣмъ здѣшнимъ дворовымъ, да и на весь округъ, что Маремьяна Андреевна ему не сестра, а чужой человѣкъ.

— Это я знаю, Зиновой Зиновеичъ. Уже давно онъ этакое надумалъ, только дѣло-то это не выгораетъ. Слухъ у насъ ходитъ такой, что онъ на колѣнкахъ просилъ Павлу Тимоѣевну взять на себя нехорошее дѣло, заявить всѣмъ, что Маряша, наша барышня, что ли... я вѣдь ее, по привычкѣ старой, Маряшей зову, ну, вотъ, что барышня,—и ея дочь, да только не отъ Андрея Петровича. Ну, стало быть, она Андрею Андреевичу выходитъ чужая. Павла Тимоѣевна, или, какъ нынѣ, мать Маріанна, на это не пошла: клеветать на себя, да и на покойнаго тоже, она ни за что не согласилась.

— И хорошо сдѣлала!—воскликнулъ оживясь старикъ:—выдумаютъ на тебя мерзость какую, да еще требуютъ, чтобы ты самъ покаялся въ томъ, чего и не дѣлалъ.

— Ну, а теперь-то что же?—спросилъ Волковъ.—За тебя ухватились что ли?

— Вотъ именно, Кронидъ Захарычъ. Такъ какъ мать Маріанна ни за что не согласилась, а человѣкъ она свободный по состоянію своему монахиней, то Алексѣй Андреевичъ взялся за меня. Теперь я изволь, вишь, брать на себя такое мерзостное и

такой грѣхъ не передъ Богомъ, а передъ покойными бариномъ и барыней, въ коемъ я не виновенъ. Но я-то крѣпостной, меня можно и пристращать и наказывать люто.

Зиновей замолчалъ, а Волковъ глядѣлъ на него, широко раскрывъ глаза и изумляясь, но не его словамъ, а тому, что будто яркимъ лучемъ сверкнуло въ его собственной головѣ.

— Зиновей Зиновеичъ!—воскликнулъ онъ.

— Что ты?

— Я все сообразилъ, хоть и не говори ничего. А сообразилъ потому, что давно-давно мерещилось мнѣ этакое. Виновать я передъ тобой или не виновать, не знаю, но только теперь скажу тебѣ... Коли мы съ тобой были всегда на ножахъ, и коли тебѣ казалось, что это было изъ-за моего права или изъ-за моей зависти, что господа съ тобой ласковѣе, чѣмъ со мной... то это ты ошибался. Наше враждованіе было потому, что меня одолѣли мысли насчетъ тебя и... охъ!... сказать не хочется...

— Говори.

— Не разгнѣваешься на меня?

— Говори.

— Дѣло прошлое, давнишнее. Это были мои такія мысли... Ты не обижайся и не гнѣвайся.

— Сказывай! Въ третій разъ, Кронидъ Захарычъ, прошу.

— Да ты самъ скажи.

— Ну, самъ скажу... Мысли эти твои были обо мнѣ и о барынѣ Екатеринѣ Семеновнѣ.

— Да, истинно такъ.

— Ты это думалъ, а съ тобой и многіе другіе думали, потому только, что барыня меня всегда особо отъ всѣхъ васъ держала, была ласкова. А мирволила она мнѣ за то, что я хорошій садовникъ былъ, баловала потому, что сама любила всякіе цвѣты да всякіе плоды. А въ усадьбѣ невѣсть что выдумали, совсѣмъ неподходящее и подлое, злое, самое окаянное. Я это зналъ, да молчалъ. Не мнѣ было первому заговаривать.

— Правда, Зиновей Зиновеичъ, многіе у насъ смущались, а я, грѣшный, совсѣмъ въ полной увѣренности былъ. И только потомъ образумился я и пересталъ колобродить разумомъ.

Зиновей не отвѣчалъ, и послѣ молчанія Волковъ спросилъ:

— Такъ теперь-то что же? Развѣ теперь про это же у васъ съ бариномъ?...

— Да, Алексѣй Андреевичъ, отчаявшись, что съ матерью Маріанной ничего не подѣлаешь, надумалъ новое. Можетъ, кто нибудь у васъ же надоумилъ его, рассказалъ, какіе прежде въ усадьбѣ ходили окайанные слухи. Онъ за это и ухватился. И теперь желаетъ, чтобы я взялъ на себя несодѣянное и покаялся передъ всѣми, и пояснилъ бы всѣмъ, что онъ... Охъ, ужъ не знаю, какъ

и выговорить!... что онъ—не сынъ покойнаго барина, а коли онъ—не сынъ Андрея Петровича, то, стало быть, и не родня Маремьянѣ Андреевнѣ.

Наступило опять молчаніе. Зиновей сидѣлъ, понурившись и опутивъ голову, Волковъ глубоко задумался, вспоминалъ, передумывалъ все вспоминаемое, обсуждалъ, самъ себѣ многое доказывалъ и самъ же отрицалъ и наконецъ дошелъ до вопроса, который мысленно задалъ себѣ.

— «А генералъ? А самъ добрый и честнѣйшій Яковъ Антоновичъ, онъ какъ дѣло судить? Онъ согласенъ съ молодымъ бариномъ, онъ идетъ на то, чтобы старикъ Зиновей явился свидѣтелемъ? Если онъ на это пошелъ, то, стало быть, дѣло запутывается. Кто изъ двухъ правъ: генералъ или Зиновей? Генералъ ли идетъ на клеветничество изъ-за молодого барина, или Зиновей отрицаетъ правду? Яковъ Антоновичъ особенно никогда не любилъ Алексѣя Андреевича. А вотъ Маряшу, правда, онъ любитъ, какъ родную дочь, и ради нея можетъ согласиться быть клеветникомъ. Да клеветникъ ли онъ? Если же все правда, почему же тогда Зиновей не хочетъ сознаться?»

И, разсуждая мысленно, Волковъ вдругъ почувствовалъ, что у него сразу все затуманилось въ головѣ. Какая-то новая мысль, которая будто бы ворвалась въ голову, сразу вышибла все остальное. Эта мысль, какъ ударъ бревномъ по головѣ, была простой вопросъ: «Если все такъ, то кто же онъ, Алексѣй Андреевичъ? Онъ не Ларинъ! Онъ, стало быть, и не законный владѣлецъ душъ всей вотчины?»

И Волковъ сидѣлъ, какъ отуманенный ударомъ.

XII.

Между тѣмъ за эти дни въ Ларинскомъ рядомъ съ дѣломъ, озабочивавшимъ господъ, было другое дѣло, которое озабочивало дворовыхъ.

Ванька Безухій, обратившійся съ своей просьбой къ барину, просьбой самой простой, предполагалъ, а равно вмѣстѣ съ нимъ предполагали и всѣ дворовые, что баринъ тотчасъ же дастъ свое согласіе, какъ бывало всегда. Разрѣшеніе на бракъ во двору и на селѣ давалось Ларинымъ безъ замедленія: просьба о разрѣшеніи была простой формальностью.

На этотъ разъ баринъ, сразу согласившійся, потомъ прибавилъ, что подумаетъ. И съ этого дня дѣло кануло въ воду. Раза два и три въ день Безухій старался попасть барину на глаза и даже рѣшался вопросительно глядѣть ему въ лицо, чтобы напомнить о себѣ, но Ларинъ какъ будто не замѣчалъ дворового и только одинъ разъ, какъ бы вспомнивъ о просьбѣ молодого малаго, вдругъ нахму-

рился и отвернулся. Затѣмъ черезъ часъ, увидя его опять въ передней, онъ выговорилъ нетерпѣливо:

— Чего ты все тыкаешься изъ мѣста въ мѣсто? У всякаго свое дѣло, а у тебя никакого. Былъ бы на селѣ, хоть пахалъ бы или сѣно косилъ.

Разумѣется, Ванька отъ этихъ словъ опѣшилъ и прямо бросился къ своей бабушкѣ съ рассказомъ о приключившемся. Старуха тоже перепугалась: вмѣсто ожидаемаго веселья и праздника по поводу женитьбы внука приходилось ожидать бѣды, а по какой причинѣ—понять было невозможно.

Макарушкина настолько встревожилась, что сразу почувствовала себя почти хворой. Въ ея годы, конечно, малѣйшее волненіе сильно отражалось на старухѣ. Кромѣ того, умная старуха ни къ чему не относилась легко и поверхностно, а напротивъ глубоко обдумывала. Жизненный опытъ, накопленный за 80 или даже 90 лѣтъ при сравнительной бодрости тѣла и духа, сдѣлалъ теперь старуху, казалось, еще умнѣе, чѣмъ она была въ прежніе годы.

— Не проста это,—отвѣтила она внуку и себѣ самой, выслушавъ его рассказъ.

Долго пораздумавъ, старуха произнесла опять:

— Не проста это, не проста!

Обсудивъ все нѣсколько разъ и рѣшивъ, что баринъ не хочетъ брака ея внука съ дѣвчонкой Фимкой, а намѣренъ вмѣсто этого спровадить его на село и сдѣлать простымъ крестьяниномъ, дальновидная старуха причину всего этого, конечно, понять и объяснить не могла.

— Сколько лѣтъ ни жила я на свѣтѣ, а ничего такого никогда въ жизни не слыхала и не видала. Хоть голова тресни пополамъ, ничего понять нельзя.

Разумѣется, Макарушкина тотчасъ же порѣшила обратиться за помощью къ общему совѣтчику, помощнику и руководителю всего Ларинскаго. Пославъ внука просить къ себѣ Кронида Захарыча, она рассказала ему про выходку барина и прибавила:

— Помоги, родимый. Коли разумѣешь что, поясни. А я и ума не приложу. Чистыя чудеса! Будь онъ другого нрава, нашъ Алексѣй Андреевичъ, я бы прямо подумала, что онъ Фимку себѣ бережетъ. А онъ не таковъ, да и теперь и всякому на его мѣстѣ было бы не до того. У него одна Маремьяна Андреевна въ головѣ отъ зари до зари. Такъ вотъ скажи, какъ оно по-твоему, что тутъ надумать.

Волковъ разсмѣялся, помоталъ головой и вымолвилъ:

— Стара ты стала, Ѳекла Ивановна, и больше ничего.

— Какъ же такъ?

— Да такъ, стара ты.

— Да ну, говори, родимый, толкомъ, ради Христа. Скажи, что думаешь.

— Да думаю я, Ѳекла Ивановна, что ты по старости своей все выдумала, сама себѣ загадку задала и хочешь отгадать, а оно все чепуха твоя. А разгадывать чепуху нельзя.

— Что же по-твоему?

— По-моему ничего нѣтъ, пустое мѣсто, а тебѣ на этомъ пустомъ мѣстѣ мерещится что-то страшное. Спрашивалъ Ванька разрѣшенія, баринъ сказалъ: «хорошо, подумаю». Думать онъ, конечно, не будетъ, потому что не стоитъ того, а такъ, стало быть, слово этакое съ язычка зря соскочило. Кабы господамъ да думать о томъ, какой парень на какой дѣвкѣ хочетъ жениться, такъ этакъ вся жисть прошла бы у нихъ по-дурацки. Тогда иному барину надобно, стало быть, думать и о томъ, какую курицу къ обѣду прирѣзать, сѣрую или желтую. Все пустяки, Ѳекла Ивановна.

— А селомъ-то пригрозился Ванькѣ?—спросила старуха.

— Тоже зря, съ языка сорвалось. Онъ теперь въ какомъ положеніи? Онъ самъ не свой, самъ не знаетъ, что дѣлаетъ, да и самъ не знаетъ, что и думаетъ, совсѣмъ завертѣлся, съ ногъ сбился. И не то, что тѣломъ однимъ, а и духомъ-то какъ бы заплутался. Понимаешь ли ты? И духомъ-то онъ растерялся, самъ не знаетъ, что творить. Вонъ теперь, къ примѣру, обратился онъ съ просьбой къ Зиновею Зиновеичу, къ своему же крѣпостному. И ждетъ онъ теперь, что Зиноей придетъ сюда къ намъ въ домъ и такое будетъ пояснять всѣмъ дворовымъ, что они угорятъ. Нешто это гоже, благоприлично? Прямо какое-то безумствованіе! Вотъ по всему и видать, что онъ на мысляхъ своихъ сбился и самъ не знаетъ, что дѣлаетъ и говоритъ. А ты надсаживаешься уразумѣть, почему онъ Ваньку пригрозился на село послать. Онъ черезъ одну минуту и самъ позабылъ, что Ванькѣ сказалъ. Если теперь братъ да подбирать всякое его слово и всякое лыко вилетать, такъ и самъ съ ума сойдешь.

— Да какъ же быть, Кронидъ Захарычъ?

— Что, какъ быть?

— Да какъ намъ быть? Опять Ванькѣ просить барина?

— Опять-то просить не годно: значить приставать, и онъ можетъ разсердиться. Лучше, чтобы кто нибудь другой Алексѣю Андреевичу напомнилъ, потому что онъ просто позабылъ. Да оно и понятно: не до того ему теперь всякія глупости помнить. Я ему скажу.

— Что ты!—встрепенулась старуха:—родимый, вѣкъ буду Бога за тебя молить.

— Ну, этимъ-то обѣщаніемъ, Ѳекла Ивановна, ты меня не возьмешь,—разсмѣялся Волковъ:—что мнѣ въ этомъ?

— Какъ что? Господь съ тобой!

— Да ты сколько же молиться-то будешь, ты говоришь «вѣкъ»? А тебѣ, можетъ быть, и жить-то осталось трое сутокъ.

— Это вѣрно,—вздохнула старуха.—Ну, а все же на это воля Божья. Сказываютъ старики молодымъ, что, молъ, погоди, можетъ быть, я тебя трижды переживу. И этакъ-то бываетъ. Сколько я на вѣку-то молодыхъ пережила!

— Правда твоя, Оекла Ивановна, золотыя слова. Ну, такъ вотъ, стало быть, не тужи и себя не смущай. Я не нынѣ—завтра улучу такое время, когда Алексѣй Андреевичъ почему либо будетъ радостенъ, и пристану къ нему, чтобы сейчасъ же далъ свое согласіе. И впередъ тебѣ говорю, что онъ сейчасъ же отвѣтитъ, какъ бывало не разъ уже. «Да Христосъ съ нимъ, скажетъ, пуцай женится хоть на трехъ,—мнѣ-то какое дѣло?»

— Ну, давай-то, Господи!

Прошелъ день, затѣмъ другой день... Волковъ выбиралъ мгновеніе, когда онъ найдетъ барина въ добромъ расположеніи духа, но такового не представилось. Не только Ларинъ, но и генераль, и Маряша, и Пашины мужъ съ женой всѣ были угрюмы и видимо разстроены чѣмъ-то. И на второй день были еще болѣе сумрачны, чѣмъ на первый.

Волковъ рѣшилъ, прежде чѣмъ просить барина, похлопотать за Ваньку и заручиться содѣйствіемъ предъ матерью Маріанной, а равно у Маряши.

Когда онъ объяснилъ свою просьбу монахинѣ, она отвѣчала, что это дѣло было бы хорошее, и, по ея мнѣнію, помѣха можетъ быть лишь одна, что Фимка черезчуръ еще молода. На это Кронидъ Захарычъ замѣтилъ, что у нихъ на селѣ были случаи, что и четырнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ вѣнчали. На вопросъ Волкова, будетъ-ли имѣть что либо противъ брака Ваньки самъ Алексѣй Андреевичъ, мать Маріанна отвѣчала:

— Ему-то что же? Въ такихъ дѣлахъ господамъ рѣдко придется размышлять, самъ знаешь. Мнѣ вотъ жаль будетъ ее уволить отъ себя. Захочетъ она быть съ мужемъ, а этого нельзя въ монастырѣ-то. Придется, видно, отпустить сюда.

— Стало быть, вы собственно ничего не имѣете противъ этого?—спросилъ Волковъ.

— Совсѣмъ ничего. Нельзя мнѣ изъ своей прихоти да мѣшать ей счастью. Пускай выходитъ за него.

Волковъ немедленно обратился съ той же просьбой къ Маряшѣ, прося повліять на барина, если онъ заупрямится.

— Какъ можно!—воскликнула Маряша,—что же ему? Да я уже ему говорила. Меня Фимка просила объ этомъ еще въ монастырѣ. Матушка сначала была противъ, а теперь я ее уговорила, и она согласилась. Алексѣю Андреевичу я забыла сказать. Вотъ сейчасъ пойду и скажу. Обожди меня.

— Спасибо вамъ, барышня... У васъ своя работа.

— Мнѣ, правда, Кронидъ Захарычъ, не до того, чтобы о другихъ думать,—объяснила дѣвушка грустно.—Все мысли о своей судьбѣ. Сама согласилась противъ воли на неслыханное, трудное... путанное и, пожалуй, совсѣмъ погибельное.

И Маряша тотчасъ же вышла и отправилась на половину Ларина. Объяснивъ ему просьбу Фимки и Безухаго, она удивилась.

Ларинъ сразу насупился и сморщилъ брови.

— Я знаю давно,—угрюмо отвѣтилъ онъ,—Ванька меня просилъ самъ. Но, прежде чѣмъ разрѣшить этотъ бракъ, мнѣ нужно поговорить съ Павлой Тимошеевной.

— Матушка согласна,—отвѣтила Маряша.

— Тѣмъ лучше, а все-таки мнѣ нужно потолковать съ ней и разспросить кое о чемъ.

— О чемъ же?—еще болѣе удивилась Маряша.

— Такое это дѣло. Немножко для меня оно диковинно. Можетъ быть, я все и самъ придумалъ. Все-таки нужно мнѣ, чтобы твоя матушка разъяснила мнѣ кое-что, отвѣтила бы прямо на мои вопросы. Можетъ быть, я ее удивлю, и она меня назоветъ полоумнымъ, а, можетъ быть, я окажусь правъ.

— Я ничего, Алеша, не понимаю... совсѣмъ ничего.

— И не понимай. И не нужно тебѣ понимать. Придетъ время, поймешь, когда скажутъ. А, можетъ быть, и ничего мнѣ не скажутъ. Нечего будетъ сказать, коли окажется все моими бреднями. Да впрочемъ что же откладывать? Сейчасъ вотъ пойду къ Павлѣ Тимошеевнѣ и спрошу у нея, что мнѣ нужно.

XLII.

Войдя къ монахинѣ, Ларинъ сѣлъ и отчасти угрюмо заговорилъ:

— Я къ вамъ съ дѣломъ или пустяковымъ, или важнымъ. Вамъ извѣстно, что ваша дѣвчонка хочетъ замужъ выходить?

— Извѣстно,—отвѣтила мать Маріанна.

— А скажите мнѣ: кто она такая? откуда?

— Какъ откуда?—пролепетала женщина, будто смутясь.

Ларинъ пристально поглядѣлъ въ лицо монахини. Она будто не выдержала его взгляда и опустила глаза.

Наступило молчаніе.

— Ну, вотъ видите, Павла Тимошеевна, на мой простой вопросъ вы промолчали, а этимъ молчаніемъ прямо мнѣ на вопросъ отвѣтили. И отвѣтили положительно, какъ бы подтверждая мои тайныя мысли.

— Что ты хочешь сказать?—спросила мать Маріанна, видимо сильно смущенная.

— Извольте, повторю! Кто такая эта Фимка? Откуда она взялась?

— Съ деревни, съ твоего села Ларинскаго.

— Это вѣрно, Павла Тимоѳеевна? Но я уже спрашивалъ отца Елисаѣя, и онъ меня удивилъ. До меня дошли слухи, что онъ не рѣшается вѣнчать Фимку на томъ основаніи, что она невѣдомо откуда, при рожденіи у насъ не записана, и во всякомъ случаѣ самъ отецъ Елисаѣй никогда ея не крестилъ. Выходитъ такъ, что Фимка свалилась въ Ларинское съ облаковъ небесныхъ. Помнятъ ее здѣсь люди, кто трехъ лѣтъ, кто двухъ, кто пяти. Младенцемъ ея никто не помнитъ. Отца и матери у нея здѣсь нѣтъ, да и не было никогда. Баба Анисья, или Акулина, или Матрена, Богъ ее знаетъ, какъ ее звали, пріютила и выходила Фимку, сама не зная, откуда она. Кто-то ребенка привелъ къ ней и по приказу родителя моего... то-есть, того, кто считается моимъ родителемъ... По его приказу было бабѣ велѣно взять ребенка къ себѣ и всячески его соблюдать, ублажать и любить. А вы сами, какъ люди сказываютъ, всячески потомъ ласкали и одаривали дѣвчонку. Поэтому я у васъ теперь и спрашиваю: откуда взялась эта Фимка, которая, по всей вѣроятности, и не моя крѣпостная, можетъ, она и дворянка? Кто же знаетъ: коли она найденышъ и только пріемышъ крестьянки Ларинскаго, то она можетъ родомъ быть и принцесса какая голландская? Ну-съ, отвѣтите словечко.

Говоря, Ларинъ впервые улыбнулся, но не доброй улыбкой.

— Если вы не знаете ничего, Алексѣй Андреевичъ,—отозвалась монахиня,—то и я себѣ ничего сказать не могу. Знаю то же, что знаетъ и отецъ Елисаѣй.

— Удивляюсь, Павла Тимоѳеевна. Никогда за вами такого не бывало. За всю вашу жизнь вы ни разу не сказали неправду, а теперь вотъ стали такъ, какъ и мы, грѣшные... Простите, стали лгать.

Мать Маріанна слегка вспыхнула, понурилась и тихо выговорила:

— И рада бы не лгать, Алеша, а вѣдь приходится. Ну, скажи мнѣ: какія твои мысли, что ты надумалъ?

— Да вѣдь оно, Павла Тимоѳеевна, въ глаза кидается. Я въ первый разъ увидѣлъ Фимку, когда переѣзжалъ на лодкѣ въ монастырь. Въ первый разъ въ жизни увидѣлъ ее и подивился несказанно. Я спросилъ ее, кто она и откуда, узналъ, что она изъ Ларинскаго, моя же крѣпостная, а въ услуженіи у васъ. Вы ее взяли съ села, ни слова никому не сказавъ, и даже, извините, моего разрѣшенія не просили. Вы будто прятали ее отъ моихъ глазъ. Въ кельѣ вашей тоже я ея никогда не видалъ. И на рѣкѣ лишь случайно въ первый разъ увидѣлъ. Мнѣ некому было подать лодку, а она меня примѣтила, переѣхала и перевезла. Кабы вы это знали, то, конечно, не допустили бы, потому что она впервые въ жизни своей должна была попасться мнѣ на глаза.

— Я ея не прятала, — глухо произнесла монахиня.

— Простите, такъ сдается.

— Вы ея не искали, стало, и я не прятала.

— Павла Тимофеевна, полноте играть въ слова. Достаточно поглядѣть на Фимку, чтобы видѣть, что она портретъ Андрея Петровича и тоже истинный портретъ Андрюши. Что это значить? Вы это знали, видѣли и ее прятали.

Монахиня молчала.

— Вотъ вы на это отвѣчать не хотите. А почему вы не хотите объясниться, я, признаюсь, не пойму. Очевидно, тутъ тайна. А зачѣмъ вамъ чужое дѣло или обстоятельство тайной покрывать? Вы все знаете хорошо, лучше насъ всѣхъ. Можетъ быть даже, что вы только одна знаете, что эта дѣвчонка дочь Андрея Петровича, которая на него похожа и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно похожа и на Андрюшу. Да и понятно, она его родная сестра по отцу, а не по матери. Мать ея, конечно, не вы, и вотъ, можетъ быть, именно это обстоятельство заставляетъ васъ все скрывать. Вамъ будто обидно, если люди узнаютъ, что было время, когда Андрей Петровичъ вамъ измѣнилъ, и у него родилась дочь отъ невѣдомой жинщины.

Ларинъ смолкъ, а мать Маріанна сидѣла, понурившись, почти сторбившись, и молчала.

— Ну, стало быть, — заговорилъ черезъ мгновеніе Ларинъ, — намъ и толковать нечего. Я все разъясняю, а вы только молчите. И, стало быть, я говорю правду.

— Я не могу, Алеша, отвѣчать, потому что я навѣрно мало что знаю, — отозвалась монахиня: — Андрей Петровичъ мнѣ поручилъ привезенную имъ дѣвочку и просилъ ея озаботиться. Тогдашній староста свелъ ее на деревню и дѣйствительно отдалъ доброй старухѣ на попеченіе, а я со стороны приглядывала, чтобы дѣвчонкѣ было хорошо. Бывало не разъ, что я просила Андрея Петровича взять Фиму къ себѣ, якобы въ услуженіе, но онъ никогда этого не разрѣшалъ, желая, чтобы она оставалась на деревнѣ и была простой крестьянкой. Когда я спрашивала Андрея Петровича, кто такая эта дѣвочка, онъ отвѣчалъ мнѣ, улыбаясь:

— Брось, голубушка, не хочется мнѣ сказывать, а коли ты что думаешь или уразумѣла, то и оставь про себя, а меня не пытай.

— Да вы сами-то что уразумѣли?

— Вотъ суцая правда, Алеша. Разумѣй самъ, какъ хочешь, а я не могу утверждать ни того, ни другого: ни того, что она дочь какой либо женщины отъ Андрея Петровича, ни того, что она ему совершенно чужая. Навѣрняка я знаю одно: она на видъ маленькая да худенькая, и ей говорятъ всѣ или даютъ 15 лѣтъ, а это неправда: ей скоро двадцать будетъ.

— Ну, а ея сходство, Павла Тимофеевна, ея глаза, носъ, ротъ, даже инья ея повадки: къ примѣру, какъ она себѣ рукой по лбу проводитъ, какъ бывало постоянно Андрей Петровичъ дѣлывалъ разъ по десять за день? Это что же? Я такого сходства и подобія въ жизни не видывалъ. Вѣдь правда это? Сознайтесь, что правда?

— Да подобіе большое,— снова глухо произнесла мать Маріанна.

— Спасибо, что и съ этимъ согласились. Ну, а скажите теперь: если есть малѣйшее подозрѣніе, что крестьянка Серафима—родная дочь Андрея Петровича, а, стало быть, родная сестра по отцу вашихъ обоихъ дѣтей, то можно ли ее выдать замужъ за двороваго парня? По-вашему выходить можно, вы соглашаетесь на этотъ бракъ?

— Отчего же нельзя? — произнесла монахиня, какъ бы оживляясь и будто даже раздражаясь, чего съ ней никогда не бывало.

— Выдали ли бы вы замужъ Маряшу за мужика? Ну, за двороваго, что ли?

— Маряшу Андрей Петровичъ вмѣстѣ съ Андрюшей съ самаго рожденія любилъ и воспитывалъ, какъ своихъ законныхъ дѣтей.

— Положимъ, такъ, но все-таки между ними, вашими дѣтьми, и Фимкой никакой разницы нѣтъ, если не по ихъ житію съ дѣтства, то по ихъ происхожденію. Если ея мать была простой крестьянкой, то вѣдь и вы, Павла Тимоѣевна, дочь крѣпостного человѣка, — уже совершенно другимъ голосомъ и рѣзко произнесъ Ларинъ.

— Я это хорошо знаю и никогда не забывала, и напрасно ты, Алеша, мнѣ это вспоминаешь; и мои дѣти и ты одного происхожденія. Только у Маряши и Андрюши отецъ-то дворянинъ, а не крѣпостной. А оно лучше, чѣмъ имѣть мать дворянкой при...—монахиня заикнулась и не договорила.

Ларинъ не отвѣтилъ ни слова, и, въ свой чередъ, опустил голову и задумался. Но черезъ нѣсколько мгновеній, придя въ себя, онъ выговорилъ твердо:

— Стало быть, Павла Тимоѣевна, вы поймете мои чувства, если я вамъ скажу, что я Фимку возьму сюда, чтобы просто жить въ домѣ, ничего не дѣлая. Затѣмъ я сейчасъ же разыщу какогонибудь дьячка обучать ее грамотѣ, чтобы она могла хоть малость писать и читать. За двороваго парня я ея, конечно, никогда замужъ не отдамъ, а постараюсь со временемъ выдать ее, коли не за дворянина, то за богатаго купца. Вотъ что я, Павла Тимоѣевна, крѣпко порѣшилъ, и этому никогда пережѣны не будетъ, такъ и знайте.

— И, слава Богу, Алеша. Это мнѣ совсѣмъ по сердцу. Ты меня будто не понялъ.

— А слава Богу, такъ и аминь, — весело вымолвилъ Ларинъ, вставая.

Въ тотъ же вечеръ Волковъ, видя, что баринъ какъ будто немножко менѣе угрюмъ, вздумалъ улучшить добрую минуточку. Когда онъ заговорилъ о просьбѣ Ваньки Безухаго, Ларинъ отвѣтилъ кратко:

— Пустяки, глупыя выдумки. Никогда я не позволю Ванькѣ жениться на Серафимѣ.

Когда же Волковъ осмѣлился спросить барина, какая на то причина, и какая можетъ быть помѣха для этого брака, Ларинъ вдругъ разсердился и крикнулъ на него страшно громко, какъ бывало всегда, когда онъ пылилъ.

— Да чего ты съ ума спятилъ, что ли? Вѣдь ты въ самомъ дѣлѣ набаловался до того, что удержи нѣтъ! Какъ ты смѣешь у меня, своего барина, спрашивать про причины? Не хочу я, и конецъ! А если бы я сталъ кому объяснять, то уже, конечно, не своему крѣпостному холопу. Убирайся вонъ!

Кронидъ Захарычъ, удивленный отказомъ барина и еще болѣе удивленный тѣмъ, что тотъ вдругъ изъ-за пустяка разсердился, рѣшилъ, что надобно разъяснить дѣло, хотя бы ради простого любопытства.

«Да, пошли у насъ всякія чудеса,—подумалъ Волковъ,—и всякій-то день что нибудь новое, чудесное. Просто домъ вверхъ дномъ сталъ».

Надѣясь имѣть какое либо разъясненіе, Кронидъ Захарычъ заговорилъ на утро о томъ же съ Маряшей. Она тоже удивлялась, уже зная отказъ Ларина, но ничего не могла объяснить. Она знала только одно, что ея мать была согласна, хотя съ перваго раза тоже не хотѣла. А Алексѣй Андреевичъ теперь запретилъ всѣмъ и заикаться о бракѣ Фимы.

Послѣ этого, когда Кронидъ Захарычъ упомянулъ о горѣ влюбленной парочки, встрѣтись съ Софьей Алексѣевной, молодая женщина заговорила такъ пылко, какъ если бы дѣло касалось ея лично.

— Сумасбродство Алексѣя Андреевича! — воскликнула она. — Я ничего сама не разберу. Съ тѣхъ поръ, какъ его собственная женитьба все не налаживается, онъ совсѣмъ сталъ, какъ безумный. Швыряется изъ стороны въ сторону, будто самъ не зная, чего хочетъ, что говорить и что дѣлаетъ. Ну, вотъ, хотя бы это простое дѣло. Чего ему до того, кто женится на этой Фимкѣ, или какого двороваго человѣка будетъ она женой? А вотъ не хочетъ. Да и не только не хочетъ, а когда мы съ Маряшей вчера съ нимъ заговорили, онъ на насъ распалился, какъ бы дѣло шло о его родной, которую прочать за крѣпостного. Просто съ ума сходитъ. А мнѣ обо ихъ жаль. Моя бы воля, я бы сейчасъ ихъ повѣнчала. Я сама по себѣ знаю, Кронидъ Захарычъ, что такое полюбить человѣка, да за него не выйти. Я противъ всего пошла, самъ ты знаешь: противъ властей и противъ всякихъ предрассудковъ людскихъ. И добилась своего. А теперь, если какая бѣда съ нами приключится, то я опять-таки буду воевать со всѣми изо всѣхъ моихъ силъ. Никому не дамъ, не подчинюся, и если будетъ нужно, то отвою и себя и моего Андрюшу. Хотя бы за этимъ басурманъ пришелъ на Россію воевать, ради меня и Андрюши, то съ цѣлымъ полчищемъ буду воевать. Конечно, не осило, а воевать буду, куда

жива. И вотъ мнѣ посему Фимку и Ваньку, конечно, жалко. И я прямо скажу: всякое бы сдѣлала, чтобы можно имъ было пожениться. Но ничего нельзя. Я вижу, что Алексѣй Андреевичъ какъ-то особенно уперся, точно будто у него какія особыя свои мысли есть. Не собирайся онъ жениться на Маряшѣ, я бы знала, что заподозрѣть, а въ теперешнихъ обстоятельствахъ, обсуждая все, только можно руками развести. Есть у меня одна выдумка, да не знаю, удастся ли. Только ужъ, конечно, про это никому говорить не надо. Думается мнѣ, обождя мало, купить у Алеши сначала Ваньку, якобы въ услуженіе къ себѣ, а потомъ, спустя многое время, купить и Фимку. А будутъ они мои, я ихъ и повѣнчаю. Только боюсь, догадается онъ. Одного Ваньку продастъ, а обоихъ, и его и ее, не продастъ. Все-таки увѣрь и Фиму и Безухаго, что я буду о нихъ думать и стараться. Всѣ объ этомъ скоро позабудутъ, а я буду помнить. Сама бывши въ такомъ положеніи, я знаю, каково имъ. Богъ милостивъ, можетъ, и придетъ время, что я какънибудь ихъ счастье устрою. И еще скажу тебѣ, Кронидъ Захарычъ, но это только промежъ насъ съ тобой, это еще тайна: собирается Алеша продавать Ларинское.

— Что вы! — ахнулъ Волковъ и отчасти измѣнился въ лицѣ.

— Да, и почитай навѣрняка. Не хочетъ онъ тутъ оставаться изъ-за особаго такого обстоятельства. Жаль мнѣ, Кронидъ Захарычъ, до смерти. Все-таки Ларинское какъ бы наше всѣхъ гнѣздо. Жаль увидѣть въ чужихъ рукахъ. Я бы купила, да у меня денегъ не хватитъ.

Отпущенный Софьей Алексѣвной, Волковъ двинулся печальный, глубоко потрясенный извѣстіемъ.

— Ларинское, да не во владѣніи господъ Лариныхъ? Да что же это, Господи?—шепталь онъ на ходу.

XLIII.

Сумрачный и раздражительный отъ зари до зари, Ларинъ, наконецъ, снова призвалъ Волкова и приказалъ все то же самое: ѣхать къ Зиновею и требовать, чтобы онъ явился въ усадьбу; если же онъ откажется, то везти силою. Волковъ отвѣчалъ обычнымъ «слушаюсь», но затѣмъ, собираясь уходить, вымолвилъ:

— Вѣдь если, Алексѣй Андреевичъ, придется, какъ вы приказываете, везти его силою, то вѣдь хоть онъ и старый, да вѣдь и я старый. Онъ-то здоровѣе меня, и я съ нимъ не справлюсь.

— Возьми съ собой конюха Степана, этотъ здоровякъ троихъ такихъ, какъ Зиновея, осилить, — гнѣвно и даже злобно выговорилъ Ларинъ.

И будто въ оправданіе своего собственнаго голоса онъ прибавилъ:

— Надоѣло мнѣ, не могу больше терпѣть. Что я баринъ здѣсь или дворовый паренъ какой? Ему прямо наплевать на мои приказанія, сколько уже я жду его и какъ на огнѣ горю. Будетъ! Не пойдетъ, тащи силой. Ступай!

Волковъ точно также отправился на конюшню, велѣлъ заложить телѣжку и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ одному изъ конюховъ собираться ѣхать съ нимъ.

— Дѣло важное,—объяснилъ онъ:—по приказу барина. И смерть оно мнѣ не по душѣ. Да что дѣлать? Поѣдемъ къ Зиновею Зиновеичу, затѣмъ, что коли онъ заартачится, то тебѣ придется его тащить силою.

Двинувшись съ коннаго двора къ домику «пустынника», и Волковъ, и конюхъ не спѣшили, ѣхали тихо, какъ бы нехотя, будто обоимъ хотѣлось оттянуть время въ исполненіи непріятнаго порученія. Проѣхавъ съ полверсты, конюхъ обратился съ вопросомъ къ Волкову:

— И что все это такое, Кронидъ Захарычъ? Бають у насъ на конномъ дворѣ такое, что не вѣрится тебѣ.

— А что сказываютъ?—угрюмо спросилъ тотъ.

— Да всякое такое невѣроятное. И вотъ теперь выходитъ, какъ будто что-то диковинное и впрямь есть. Коли Зиновея Зиновеича надо силкомъ тащить, то оборачивается, какъ и баялъ народъ,—правдою.

— Да что? Что, лѣшій? Что бають?

— Да вотъ, что баринъ приказываетъ Зиновею Зиновеичу всякое такое въ усадьбѣ намъ всѣмъ оповѣстить и очень удивительное.

— Да что собственно?

— Ну, ужъ уволь, Кронидъ Захарычъ, не хочется повторять. Мало ли что молодцы врутъ? А вотъ говорю, что коли тащить его силой, то какъ будто выходитъ и правда.

Волковъ не настаивалъ и задумался. Послѣ недолгаго молчанія онъ вздохнулъ и произнесъ тихо, какъ бы себѣ самому:

— Да, вотъ, дожили! Станешь размышлять, въ головѣ трещить. Совсѣмъ даже нельзя понять того, что понимаешь.

— Да, это точно, Кронидъ Захарычъ, понять мудрено. Ужъ очень оно все тою представляется,—отвѣтилъ Степанъ:—кабы еще путанное было, такъ понять бы можно. А вѣдь все оно выходитъ, какъ на ладони, ну, стало быть, понять и нельзя.

Вдали у опушки показался домикъ Зиновея, а черезъ нѣсколько минутъ телѣжка подкатила къ нему.

Старикъ Зиновея сидѣлъ на ступенькахъ крыльца. Увидя, что Волковъ не одинъ, а съ нимъ извѣстный силачъ съ коннаго двора, старикъ, сидѣвшій понурившись, выпрямился, поднялъ голову, даже отчасти откинулъ ее назадъ и гордо отчасти, величаво взглянулъ на пріѣзжихъ. Большіе, красивые глаза старика будто вспыхнули и загорѣлись, какъ у молодого.

— Здорово, Зиновей Зиновеичъ,—смущенно произнесъ Волковъ подходя.—Вотъ опять отъ барина къ тебѣ.

— Тащить? волочить? — произнесъ Зиновей: — за загривокъ, или какъ пса какого строптиваго?

Зиновей поднялся и вошелъ въ домикъ, Волковъ послѣдовалъ за нимъ. Старикъ сѣлъ на лавку за столомъ и молчалъ. Волковъ простоялъ нѣсколько мгновений и сѣлъ съ другой стороны. Зиновей то пристально смотрѣлъ въ лицо Волкова, ничего не говоря, то опускалъ глаза, то снова поднималъ ихъ и какъ-то тревожно оглядывалъ свою комнату. Потомъ онъ снова опускалъ глаза, чтобы снова поднять ихъ, и зорко, внимательно приглядывался къ лицу Волкова, какъ если бы хотѣлъ что либо прочесть и узнать по его лицу. Въ дѣйствительности Зиновей сильно волновался и мысленно повторялъ себѣ все тотъ же вопросъ:

«Ну, такъ какъ же? Вотъ и конецъ? Какъ же?»

— Кронидъ Захарычъ!—выговорилъ онъ наконецъ рѣзко.

— Что?

— Стало, конецъ? Тащить приказали? Увозить силой? На то и Степанъ прихваченъ?

— Да, Зиновей Зиновеичъ,—отвѣтилъ Волковъ.—Да самъ ты поуди. Сколько баринъ тебя поджидаетъ! Онъ совсѣмъ изведенъ, швыряется и шарахается на всѣхъ. И всѣ у него теперь безъ вины виноваты. Поѣдемъ!

Зиновей не отвѣтилъ и продолжалъ сидѣть, глядя передъ собой прямо въ полуоткрытую дверь на крыльцо, но, казалось, не видя ничего.

Помолчавъ съ минуту, Волковъ снова спросилъ:

— Такъ какъ же, Зиновей Зиновеичъ?

И на упорное молчаніе старика онъ снова произнесъ:

— Не доводи до глупости. Ну, что хорошаго, коли этотъ медвѣдь, да еще съ моей подмогой, потащить тебя на телѣжку да будетъ держать, или придется тебя вязать по рукамъ и ногамъ? Гоже ли это?.. и смѣхъ!.. и грѣхъ. Поѣдемъ!

Зиновей молчалъ.

— Ты подумай,— снова заговорилъ Волковъ: — вѣдь не переупрямишь, не сейчасъ, такъ ввечеру, а то завтра, все равно тебя возьмутъ и свезутъ. Хоть полдюжины парней пришлютъ, а повезутъ.

Зиновей вздохнулъ глубоко и двинулъ правой рукой, какъ будто хотѣлъ перекреститься, и воздержался.

— Такъ ѣдемъ, Зиновей Зиновеичъ?

— Нѣтъ! Вотъ я какъ порѣшилъ,—твердо произнесъ старикъ.— Ступай ты назадъ и доложи Алексѣю Андреевичу, что я прошу прислать опять за мной сегодня въ вечерни. Но только просьба у меня особая. Душевная просьба! Пускай пріѣдетъ генераль. Онъ

уже у меня былъ, взыскалъ милостью своей, такъ пускай будетъ милостивъ до конца и прїѣдетъ опять. А ты прїѣзжай тоже съ нимъ, да и Степана захватите. Втроемъ, стало быть.

Волковъ удивился.

— Ужъ не пойму я. Зачѣмъ же это всѣмъ троимъ? Я къ тебѣ и одинъ могу прїѣхать. Степана я взялъ по приказу барина за тѣмъ, что если ты будешь упорствовать, чтобы онъ тебя одолѣлъ. А коли ты согласенъ, то я и одинъ прїѣду за тобой. А генералу-то ужъ и совсѣмъ не нужно.

— Ну, вотъ рассуждай, какъ хочешь, и барину докладывай, или не докладывай, твое дѣло. Но только это моя просьба, и ты долженъ, какъ добрый человѣкъ, ее уважить. Поѣдетъ ли генераль или нѣтъ, его дѣло, а ты все-таки ступай и доложи все, а въ вечерни прїѣзжайте за мной. Не захочетъ генераль ѣхать, прїѣзжай со Степаномъ, не прикажетъ и этого баринъ, прїѣзжай одинъ. И это уже будетъ послѣдній разъ. Прїѣдешь ты везти меня въ усадьбу, я ни единого словечка тебѣ не скажу. Вотъ тебѣ Богъ, вѣрно это. А коли хочешь ты, да и пожелаетъ баринъ уважить мою старикову просьбу, послѣднюю, то прїѣзжайте вы вмѣстѣ съ генераломъ. Только никакъ не ранѣе вечерни.

— Ладно, будь по-твоему. Доложу, и какъ Алексѣй Андреевичъ порѣшитъ, такъ и будетъ.

Волковъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи, а отчасти и съ опасеніемъ того, что скажетъ баринъ, очевидно ожидающій теперь появленія старика Зиновея въ домѣ, выпелъ и сѣлъ въ телѣжку.

— Что же?—спросилъ конюхъ.

— Богъ его знаетъ!

— Не ѣдетъ?

— Покуда нѣтъ.

— А баринъ-то приказалъ. Какъ бы и мнѣ въ отвѣтъ не по-пасть.

— Въ вечерни опять прїѣдемъ сюда, и тогда онъ обѣщался собраться по своей охотѣ.

— Ну, и доброе дѣло!—воскликнулъ Степанъ:—а то мнѣ нашего Зиновея Зиновеича, который меня еще махонікимъ ласкалъ, да яблоками частенько кормилъ, совсѣмъ обидно обижать. Слава тебѣ, Господи! Мнѣ, вотъ скажу, что важный генераль Яковъ Антоновичъ, что нашъ Зиновей Зиновеичъ, кажетъ, ей-ей, все одно. А тутъ вдругъ да этакъ?.. Всю жисть въ памяти этакое останется, и совѣсть бы мучила.

— Ну, ну, ладно, помолчи ужъ, — отозвался угрюмо Волковъ, снова поглощенный какой-то неотвязчивой мыслью. Онъ чувствовалъ, что даже будто усталъ за послѣдніе дни все думать да думать,

Когда онъ по прїѣздѣ направился къ дверямъ кабинета барина, то былъ нѣсколько смущенъ, ожидая взрыва гнѣва. Ларинъ при появленіи лакея сидѣлъ у стола и быстро поднялся, почти вскочилъ.

— Ну!—вскрикнулъ онъ настолько громко, что голосъ его пролетѣлъ до столовой.

— Онъ, Алексѣй Андреевичъ... онъ собирается...

— Привезъ его?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Какъ нѣтъ?—снова вскрикнулъ Ларинъ.

— Онъ собирается, просить у васъ послѣдней милости,—дозволить быть въ вечерни.

— Сегодня?

— Сегодня объ вечерню. Просить, говорить: послѣдняя его просьба. И все будетъ по вашему желанію. Просить, чтобы Яковъ Антоновичъ прїѣхалъ за нимъ и я тоже со Степаномъ—всѣ трое въ вечерню.

Ларинъ глядѣлъ на Волкова и нѣсколько мгновеній молчалъ. На лицѣ его было изумленіе и недоувѣріе.

— Что такое! Что это такое! Что же это!—повторялъ онъ какъ бы себѣ самому.

А затѣмъ прибавилъ уже Волкову:

— Въ своемъ онъ разумѣ или рѣшился? Что же это? Всеи усадьбѣ что ли ѣхать за нимъ? Цѣлымъ цугомъ не то свадебнымъ, не то похороннымъ?

Волковъ слегка двинулъ плечами и промолчалъ.

— Ну, что же? Пускай! Можетъ, потомъ и пояснитъ самъ, зачѣмъ была такая прихоть. Поди, доложи Якову Антоновичу. Онъ, конечно, поѣдетъ. А впрочемъ, я самъ дойду до него. Чудитъ старикъ. Ну, да Богъ съ нимъ! Я не долженъ на него гнѣваться. Все-таки онъ...

И вдругъ, будто подъ наплывомъ какого-то бурнаго чувства, будто поневолѣ, Ларинъ выпрямился и вымолвилъ громко и грозно, будто грозя Волкову.

— А знаешь ли ты, зачѣмъ прїѣдетъ сюда Зиновей Зиновеичъ?

Волковъ, смутившійся отъ грознаго голоса барина, задвигалъ губами и будто силился что-то сказать, но не выговорилъ ни слова.

— Онъ прїѣдетъ сюда всѣмъ вамъ, моимъ холопамъ, пояснить, что онъ—мой отецъ. Слышалъ? Онъ—мой отецъ, а не Андрей Петровичъ. Слышалъ?—закричалъ Ларинъ, какъ бы внѣ себя.

Волковъ перемѣнился въ лицѣ. Долго, годами, а за послѣднее время цѣлыми днями путался и даже мучился онъ однимъ вопросомъ. А теперь получилъ наконецъ на него утвердительный отвѣтъ, и отъ самого барина.

Ларинъ двинулся, тяжело опустился на свое кресло и произнесъ уже едва слышно:

— Ступай! Уходи!

Кронидъ Захарычъ быстро вышелъ изъ кабинета, прошелъ въ слѣдующую комнату, остановился и взялся за голову.

— Господи, помилуй!—шепнулъ онъ.

А затѣмъ, простоявъ недвижно, истуканомъ, съ полъ-минуты, снова прошепталъ:

— Да что же это? Какъ же теперь? Господи милостивый, помоги намъ, грѣшнымъ! Мнѣ, мнѣ помоги!

И онъ двинулся тихо по комнатамъ, но не къ генералу, а прямо къ себѣ. Кто-то изъ дворовыхъ, попавшись ему навстрѣчу, что-то спросилъ, но Волковъ не только не слышалъ ничего, но и не замѣтилъ его. Совершенно безсознательно, чувствуя только какой-то чадъ въ головѣ, будто угаръ, прошелъ онъ мимо дверей своей комнаты и вышелъ въ садъ.

Только черезъ часъ вернулся онъ въ домъ и казался спокойнѣе и бодрѣе, хотя лицо было печально.

XLIV.

Яковъ Антоновичъ, узнавъ отъ Ларина о просьбѣ старика, отнесся къ дѣлу не только благодушно, но даже весело:

— Что же? И поѣду,—сказалъ онъ.—Хочетъ хрычъ, благо все у него въ рукахъ, немного покуражиться надъ нами, покомандовать. Ну, и Богъ съ нимъ!

— Глупо оно,—отозвался Ларинъ.

— Да, пожалуй. Старикова прихоть, въ кой-то разъ поважничать.

— Но мой толкъ,—сказалъ Ларинъ:—это совсѣмъ къ нему не подходящее. Было время, когда онъ могъ важничать при жизни моей матушки, могъ бы даже разными прихотями и ее и Андрея Петровича ставить въ затруднительное положеніе. Однако, я знаю, никогда ничего не бывало. Да и доказательство есть, какъ скромно онъ себя вель, потому что до сихъ поръ никто ничего въ Ларинскомъ не зналъ. Только вы да Павла Тимофеевна знали все, и отъ самого Андрея Петровича, а не по слухамъ и пересудамъ въ усадьбѣ.

— Это вѣрно, Алеша. Я помню, онъ, Зиновей, бывалъ типе воды, ниже травы. Часто проживая здѣсь у твоего отца въ гостяхъ...

— Не у отца, Яковъ Антоновичъ,—улыбаясь, но при этомъ ехиднымъ голосомъ замѣтилъ Ларинъ.

— Ну, ладно, у Андрея Петровича. Такъ, говорю я, гостя подолгу здѣсь, я никогда ничего не замѣчалъ. Если бы Андрей Петровичъ мнѣ не сознался, то и я бы ничего не зналъ. Знала бы одна Павла Тимофеевна и ужъ, конечно, никогда бы не обмол-

вилась. Она и тебѣ въ монастырѣ ничего не сказала, а только отправила тебя ко мнѣ въ Москву. Ну, а вотъ теперь старику хочется поважничать.

Часа въ три на дворѣ у подѣзда стоялъ тарантасъ. Конюхъ Степанъ сидѣлъ на козлахъ, за кучера.

Когда Мордвинъ вышелъ садиться вмѣстѣ съ Волковымъ, Ларинъ тоже пришелъ на крыльцо довольный и веселый. Наконецъ-то дѣло, которое его замучило, шло къ концу.

Едва генераль сѣлъ въ тарантасъ, а Кронидъ Захарычъ влѣзъ за нимъ и вѣжливо помѣстился около него бокомъ, на кончикѣ сидѣнья, Ларинъ вдругъ вскрикнулъ:

— А что, если онъ опять не поѣдетъ?

И, прежде чѣмъ Яковъ Антоновичъ успѣлъ заговорить, Волковъ отвѣтилъ:

— Будьте спокойны, за это я голову кладу, я—порукой. Онъ такъ сказывалъ, что я уповаю вполне. Будьте спокойны, приведемъ. Черезъ полчаса будетъ здѣсь по своей волѣ.

— А коли нѣтъ!—воскликнулъ Мордвинъ,—такъ вотъ этотъ лѣшій поможетъ,—указалъ онъ на Степана.—Не смущайся, Алеша, представимъ его сейчасъ тебѣ, живого или мертваго, а представимъ.

Тарантасъ двинулся съ мѣста очень шибко, промелькнулъ въ воротахъ и чуть не вскачь помчался по деревнѣ, хотя Степанъ изо всей силы натянулъ вожжи. Цѣлой дюжины лошадей на конюшнѣ было такъ мало дѣла и работы изъ-за домохозяйства Ларина, что онѣ часто подхватывали и носили.

Сдѣлавъ небольшой крюкъ по дорогѣ къ Зиновею, такъ какъ напрямки пашней тройка не могла итти въ рядъ, тарантасъ черезъ минутъ двадцать былъ уже около домика. Яковъ Антоновичъ, не выходя изъ тарантаса, окликнулъ старика, но отвѣта не было.

— Можетъ, спать,—сказалъ онъ вылѣзая.

Волковъ вылѣзъ тоже, но остался около экипажа, а генераль одинъ прошелъ въ домикъ. Черезъ нѣсколько мгновений онъ вышелъ снова и, уже менѣе веселый, произнесъ:

— Нѣту.

— Опять бродить по лѣсу,—сказалъ Волковъ.—Извольте обождать, я пойду его искать.

— Чуденъ старикъ,—проворчалъ Мордвинъ:—вѣдь зналъ, что мы придемъ, могъ бы посидѣть. Говорить, хворааетъ, а самъ болтается.

— Я разыщу, буду кликать.

— А не найдешь?

— Какъ не найду! Каждый разъ тотчасъ же встрѣчалъ, онъ далеко не уходитъ.

Яковъ Антоновичъ вошелъ снова въ домикъ и сѣлъ. Волковъ отправился въ лѣсъ, изрѣдка окликаая старика. Сначала голосъ его раздавался вблизи домика, затѣмъ все удалялся, и наконецъ Степанъ, слѣзшій съ козелъ и обходившій лошадей, поглаживая ихъ и поправляя сбрую, слышалъ голосъ Кронида Захарыча уже очень далеко въ лѣсу, чуть не за четверть версты.

Въ ожиданіи прошло полчаса, затѣмъ прошелъ и цѣлый часъ. Мордвинъ уже раза два выходилъ на крыльцо, прислушиваясь. Когда онъ вышелъ во второй разъ и обратился къ Степану съ вопросомъ, не слыхатъ ли,—тотъ отвѣчалъ, что уже давно не слышно Волкова.

— Стало, Богъ вѣсть, куда ушелъ,—прибавилъ Степанъ,—да и напрасно. Нешто человѣкъ человѣка можетъ въ лѣсу найти. Ходилъ бы тутъ по близости да окликалъ.

Не успѣлъ еще Мордвинъ войти снова въ домикъ, какъ послышалось хрустѣніе между деревьями, и появилась медленно шагающая фигура Волкова.

— Что?—крикнулъ Мордвинъ.

Волковъ на ходу развелъ руками и крикнулъ что-то. Разслышать было нельзя, но по его фигурѣ было очевидно, что онъ возвращается, не видавши старика. Мордвинъ насупился и молчалъ. Когда Волковъ подошелъ къ самому домику, онъ вымолвилъ.

— А вѣдь дѣло плохо, Кронидъ?

Волковъ не отвѣтилъ. Лицо его было тоже пасмурно и озабочено. Онъ сталъ передъ крыльцомъ, смотрѣлъ на Мордвина и молчалъ.

— Что же, Кронидъ, провелъ онъ насъ, надулъ, подшутилъ... Да ну, говори чтонибудь.

— Ума не приложу, Яковъ Антоновичъ. Я тоже такъ-то думаю. Вѣдь нигдѣ нѣту. Я вѣдь далеко не уходилъ, больше все тутъ круги дѣлалъ, какъ лягавый какой на болотѣ, весь лѣсъ тутъ поблизости обшарилъ. Нигдѣ нѣту. Я такъ думаю, что его совсѣмъ нѣтъ.

— Удралъ?

— Ужъ и не понимаю. Коли нѣту, стало быть, какъ вы говорите. Провелъ, лисица старая. А я вотъ въ отвѣтъ за него...

Наступило молчаніе, послѣ котораго Мордвинъ вымолвилъ:

— Въ бѣгуны?... Въ его годы? Нешто это возможно? Впрочемъ, что же, онъ—бодрый старикъ. Потихоньку верстъ за сотню, другую уйдетъ. Даже въ Кіевъ уйдетъ, въ монастырь какой. А то и на Аѳонъ дойдетъ, то, бишь, доплыветъ на кораблѣ. Вотъ тебѣ и Зиновей Зиновичъ! Ловко одурачилъ. Что же дѣлать, Кронидъ?

— Ужъ и не знаю, Яковъ Антоновичъ. Обождемъ немного, можетъ, самъ придетъ. А то прикажите? Мы со Степаномъ вдвоемъ будемъ шукать и аукаться на весь лѣсъ.

— Можно, только пользы мало будетъ. Ты какъ думаешь? Онъ удралъ совсѣмъ или только хоронится отъ насъ?

— Да, что тутъ сказать, Яковъ Антоновичъ? Я его всегда встрѣчалъ неподалеку отъ домика. Правда, онъ разъ долго не откликался, но зато самъ на меня шелъ и ко мнѣ вышелъ. А теперь, можетъ, глядитъ, слышитъ, да молчитъ, стало быть, укрывается, и мы его не найдемъ. Остается одно, подослать когонибудь тайкомъ ввечеру, хоть четырехъ человѣкъ, чтобы подглядывали и, когда онъ вернется ночевать, накрыли бы его.

— Да, этакъ лучше. Коли не найдутъ, не придетъ онъ, ну, стало быть, ужъ дѣйствительно въ бѣгунахъ.

Мордвинъ влѣзъ въ тарантасъ при помощи Кронида, который самъ сѣлъ опять бочкомъ около генерала, и тарантасъ совсѣмъ тихо двинулся по дорогѣ, такъ какъ генералъ приказалъ Степану:

— Не гони, спѣшить некуда. Съ худыми вѣстями летать не надо.

И, обернувшись къ Крониду, онъ прибавилъ:

— Опѣшитъ нашъ Алексѣй Андреевичъ. Если да онъ убѣжалъ, то все наше дѣло пропало. Ты, вѣдь, знаешь, небось, хоть немножко, въ чемъ все дѣло-то.

Волковъ сразу сдѣлался сумрачнѣе и, опустивъ глаза подъ взглядомъ Мордвина, какъ если бы былъ виноватъ, проговорилъ тихо:

— Мнѣ Алексѣй Андреевичъ самъ сказалъ. Хоть онъ сказалъ и про себя, а я боюсь, Яковъ Антоновичъ, вѣру дать въ его слова.

— Да, конечно, удивительно вамъ, ларинскимъ, а только это, Кронидъ, суцая правда. А коли Алексѣй Андреевичъ хочетъ это огласить, то ты пойми—почему. Чтобы вы всѣ знали, чтобы не перечили и не осуждали его за бракъ съ Маряшей. Больше ему ничего не надо.

— Это понятно, Яковъ Антоновичъ, только само-то дѣло ужъ очень громко.

— Какъ громко?

— Да какъ же можно? Ну, какъ же во всемъ-то округѣ да узнается, что нашъ баринъ—не сынъ нашего барина? Что-то такое совсѣмъ непонятное, или же понятное, да кое уразумѣть-то нельзя.

Мордвинъ разсмѣялся.

— Такое понятное, что уразумѣть нельзя. Стало быть, кабы было оно непонятно, такъ было бы можно уразумѣть. Ну, а скажи ты мнѣ, что это у него за затѣя такая птицъ пѣвчихъ что ли онъ ловить этакъ?

— У кого то-ись? У барина?—удивился Волковъ.

— Какой тебѣ баринъ? Я тебѣ про Зиновья сказываю.

— А что же такое?

— Что, спрашиваю я тебя, у него за затѣя, что онъ на деревья вѣшаетъ красные платки? Приманка, что ли, какая для птицъ? Вѣдь онъ птицеловъ былъ.

— Не могу знать. Какая же, то-есть, приманка?

— Да красный платокъ-то на деревѣ виситъ да развѣвается.

— Гдѣ-съ?

— Да около домика.

— Я не видалъ, Яковъ Антоновичъ.

— Покуда ты бродилъ по лѣсу, я все въ окошечко поглядывалъ, хотѣлъ даже дойти поглядѣть, нѣтъ ли какой ловушки около этого платка, да позабылъ. Ты у него бывалъ, видалъ это?

— Никакъ нѣтъ, не видалъ никогда.

Между тѣмъ Степанъ снова припустилъ было лошадей, такъ какъ онѣ рвались и прыгали, требуя вожжей, Мордвинъ снова крикнулъ:

— Не гони, тебѣ говорятъ. Спѣшить некуда съ такими вѣстями, какія мы веземъ. Да и встряхиваетъ больно сильно. Ступай-ка шагомъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, когда вдали уже показалось Ларинское, Волковъ выговорилъ:

— А что же, Яковъ Антоновичъ, это за платъ виситъ такой?

— Гдѣ? какой?—спросилъ Мордвинъ.

— Да вы же сказываете, видѣли платъ красный.

— Ахъ, да! Забылъ уже.

— Что же?

— Да виситъ платокъ на деревѣ, и вѣтеркомъ его покачиваетъ.

— Чудно вѣдь это, Яковъ Антоновичъ,—заговорилъ Волковъ.— Затѣя баловническая, ребячья: разума въ ней нѣтъ никакого. Какъ же старикъ въ это время, находясь въ смущеніи и въ смятеніи, ждетъ, что мы за нимъ пріѣдемъ везти его на такое дѣло, которое ему не по душѣ, да станетъ онъ забавляться? А птицъ ловить, какъ вы сказываете, краснымъ платомъ нешто можно? Этакъ можно всякую пташку распугать, а не то, что поймать.

— Ну, такъ что же подумать? Можетъ, онъ его вымылъ да повѣсилъ сушить?

— Нѣтъ, Яковъ Антоновичъ, и это не подходящее. Знаете ли, что я вамъ осмѣлюсь доложить?

— Что?

— Поѣдемте назадъ.

— Что? Да очумѣлъ ты что ли?

— Никакъ нѣтъ. Далеко ли, полпути не отъѣхали, да и весь-то путь рукой подать. Поѣдемте, поглядимъ, что за платъ.

— Да зачѣмъ, глупая голова?

— Да ужъ и не знаю, Яковъ Антоновичъ, а хочется мнѣ похотѣть поглядѣть. Жалко, вы мнѣ тогда же не сказали. У меня та-

кія мысли есть. Хотя и удивительныя, скажи ихъ вамъ, обругаете, а все-таки мысли эти у меня застряли.

— Какія?

— Нѣтъ, ужъ увольте, а прикажите вертать.

— Изволь, упрямая голова,—только скажу: надумалъ ты глупость какую-то, да и заставляешь меня кататься.

И генералъ приказалъ Степану повернуть назадъ.

XLV.

Тарантасъ вскорѣ же былъ снова у домика. Мордвинъ и Волковъ вылѣзли, и первый, повернувъ влѣво отъ домика, прошелъ нѣсколько шаговъ и ткнулъ пальцемъ лакею:

— Ну, гляди. Вонъ туда, прямо, вонъ гдѣ видать—три березки торчатъ, лѣвѣй немного отъ нихъ. Видишь что ли?

Волковъ присмотрѣлся.

— Да, ваша правда. Платокъ бабій, красный... Только этакъ мытое не вѣшаютъ за одинъ кончикъ, просто затѣя его. А ну, пойдете къ нему поглядѣть.

— Нѣтъ ужъ, ты одинъ ступай, коли охота, а я подожду.

Волковъ двинулся, но, пройдя шага три, остановился и обернулся.

— Яковъ Антоновичъ, будьте добры, пойдете вмѣстѣ.

— Что ты съ ума сошелъ, говорятъ тебѣ!

— Дойдете, ну, что же вамъ стоять? Тутъ всего-то сотня шаговъ.

— Да зачѣмъ? Иди и гляди.

— Будьте милостивы, Яковъ Антоновичъ!

— Да что ты привередничаешь! Богъ съ тобой!—удивился генералъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, а только лучше, коли мы оба пойдѣмъ. Чувствуетъ мое сердце, что дѣло не ладно.

— Что?—вскрикнулъ Мордвинъ.

— Такъ-съ! Вспоминаячи всѣ его слова, я теперь вотъ готовъ побожиться, что платокъ этотъ онъ повѣсилъ въ тѣхъ мысляхъ, чтобы мы его запримѣтили. Вотъ какъ разъ передъ своими окошками. А вы сѣли вотъ и дѣйствительно увидѣли.

— Ну, такъ что же?

— А тоже, что, чую я, не ладно.

— Да, что не ладно-то, глухая голова?

— А вотъ пойдѣмте.

Волковъ двинулся, Мордвинъ, недоумѣвая, но смущаясь послѣдовалъ за нимъ и увидѣлъ, что старикъ-лакей крестится на ходу. Едва только оба сдѣлали шаговъ тридцать, какъ Волковъ первый остановился и вскрикнулъ:

— Вотъ оно! Господи, помилуй!

Мордвинъ быстро шагнулъ еще, обошелъ Волкова и, тоже остановившись, тоже перекрестился.

На здоровомъ сукѣ висѣла вытянувшаяся фигура старика Зиновя, какъ разъ около краснаго платка, привязаннаго на вѣткѣ. Повѣсившійся старикъ казался огромнаго роста, будто худой, но длинный. А его большая сѣдая борода придавала всему тѣлу, недвижимо вытянувшемуся въ воздухъ, какой-то особый, почти страшный видъ. Мордвинъ перекрестился еще разъ, вздохнулъ и двинулся къ дереву. За нимъ вплотную двинулся и Волковъ, творя молитву вслухъ. Когда они приблизились къ самому дереву, то оказалось, что старикъ-самоубійца висѣлъ довольно высоко отъ земли. По всей вѣроятности, онъ приготовилъ веревку на суку, самъ тоже влѣзъ на дерево, на другой сукъ пониже и, надѣвъ петлю, прыгнулъ. Отъ его вытянувшихся ногъ до земли было еще около двухъ аршинъ.

— Вонъ оно, что! Царство небесное!—произнесъ Яковъ Антоновичъ.—Предпочелъ бѣдный помереть, а не покаяться, не оглашать. Сказывалъ Алеша, не хвастунъ онъ былъ, и правда. Не только прежде, и теперь, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, не пожелалъ онъ людямъ открыть глаза. Собою пожертвовалъ, а память Екатерины Семеновны соблюлъ.

И, помолчавъ мгновеніе, генералъ выговорилъ тревожно:

— Что же теперь дѣлать?!

Этимъ вопросомъ Мордвинъ самъ себя спрашивалъ, что предпринять въ Ларинскомъ въ виду того, что главный свидѣтель на томъ свѣтѣ. Волковъ понялъ вопросъ по-своему и отвѣтилъ:

— Сейчасъ же гнать кого въ городъ, чтобы къ вечеру уже пріѣхали.

— Кто, что, чего ты?—удивился Мордвинъ.

— По начальству дать знать о мертвомъ тѣлѣ. Такъ полагается властей увѣдомлять.

— Что ты? Спятилъ! Пускай такъ полагается кому другому, а не намъ. Намъ срамиться нельзя. Пойдутъ опросы: что, и какъ, да почему? Развѣ можно? Мы должны его снять и снести въ домикъ. Зачѣмъ же онъ насъ втроемъ-то звалъ, и Степана, да и меня? Теперь-то все стало понятно.

— Да, ваша правда,—спохватился Волковъ.

И отъ волненія, несмотря на свою старость, онъ почти бѣгомъ пустился и крикнулъ Степану. Конюхъ привязалъ лошадей къ дереву, затѣмъ по приказу Мордвина разыскалъ въ домикѣ большой ножикъ, прихватилъ и топоръ. Всѣ трое подошли ближе къ тѣлу. Мордвинъ приказалъ конюху влѣзть на дерево и подрѣзать веревку, а если ножъ не возьметъ, то рубить весь сукъ.

— Мы съ вами, Яковъ Антоновичъ, не сдержимъ, — замѣтилъ Волковъ:—у насъ силы мало, упадетъ и шлепнется тѣло на землю,

да и сукомъ-то насъ по головамъ хватить. Ужь, лучше позвольте, я черезъ силу долѣзу и сдѣлаю, что нужно, а Степанъ и одинъ подхватить тѣло.

Волковъ, посаживаемый силачемъ, легко влѣзъ на первый сукъ, съ котораго очевидно прыгалъ и повѣсившійся, затѣмъ зацѣпился за слѣдующій и поднялся. Ему передали топоръ и ножикъ, но Волковъ тотчасъ же бросилъ топоръ и сталъ рѣзать веревку.

— Степанъ, будь милостивъ, изловчись,—крикнулъ онъ,—не давай шлепнуться о землю, не хорошо оно—грѣхъ. Изловчись, начнетъ падать, разставь руки и лови, обхвати, что ль.

— Будьте спокойны, Кронидъ Захарычъ,—отвѣчалъ этотъ, разставивъ руки вокругъ вытянутыхъ ногъ покойника.

И черезъ нѣсколько мгновений тѣло старика, соскользнувъ вмѣстѣ съ веревкой съ сука, очутилось въ объятіяхъ силача. А черезъ минутъ пять тотъ же Степанъ уже вносилъ тѣло въ домикъ и клалъ на лавку. Затѣмъ Мордвинъ приказалъ прежде всего снять веревку съ шеи самоубійцы и подложить подъ голову подушку.

— Ну, Кронидъ, да и ты,—какъ тебя звать: Степанъ, что ли?—мы трое теперь обязались промежъ собой. Мы должны побожиться, что болтать не будемъ. А если кто не сдержитъ божьбу, да будетъ онъ наказанъ Господомъ Богомъ. Должны мы говорить и хотя бы даже и божиться, Господь проститъ, что когда пріѣхали, то нашли старика умершимъ, вотъ тутъ на лавкѣ. А насчетъ дерева, да платка, да всего этого ни слова никогда и никому. Поняли?

— Ужь я-то, Яковъ Антоновичъ,—отвѣтилъ Волковъ,—никому за всю жистъ слова не пророню.

— Ну, а ты?—обратился Мордвинъ къ Степану.

— Какъ можно? Помилуйте! Я не махонькій. Коль скоро не приказываете, отсохни мой языкъ, коли я что кому скажу.

— Ну, вотъ! Я самъ, вѣстимо, доложу. все Алексѣю Андреевичу. Онъ долженъ знать. А больше никому. Это уже его дѣло, коли онъ самъ расскажетъ Маряшѣ или кому другому изъ своихъ. Ну, поѣдемъ. Какъ условлено, такъ вѣмъ и будемъ говорить. А вотъ что на шеѣ кое-что у покойнаго видать отъ веревки,—этого вы всѣ здѣсь въ трущобѣ и не поймете. Это только какой становой можетъ замѣтить.

Черезъ нѣсколько минутъ тарантасъ уже быстро летѣлъ по дорогѣ. Степанъ не сдерживалъ лошадей, а напротивъ подгонялъ, и путники еще не успѣли прійти вполнѣ въ себя отъ всего случившагося, какъ уже были во дворѣ усадьбы передъ подъѣздомъ. Мордвинъ быстро пошелъ на половину Ларина, но не успѣлъ пройти и столовой, какъ тотъ уже вышелъ къ нему навстрѣчу и вымолвилъ.

— Что такъ долго? Привезли?

— Пойди-ка вотъ, иди! — выговорилъ Мордвинъ и, взявъ за руку, потащилъ за собой удивленнаго Ларина въ его кабинетъ и

затѣмъ усадилъ на диванъ. На его два раза обращенный вопросъ: что вы? случилось что?—онъ ничего не отвѣтилъ. Посадивъ, онъ сѣлъ около и вымолвилъ:

— Алеша! вышло такое, чего нельзя было предвидѣть. Зиновей сюда не будетъ ни нынче, ни завтра... никогда не будетъ. Его нѣту.

— Убѣжалъ разбойникъ!

— Не обзывай разбойникомъ. Не спѣши. Не разбойникъ онъ, а жалкій человѣкъ онъ, Алеша. Не захотѣлъ онъ, бѣдняга, учинить того, что мы отъ него по нашему, скажу, малоумію требовали. Свидѣтельствовать, порочить память твоей матери не хотѣлось ему, какъ я понимаю. Вотъ онъ и порѣшилъ...

— Что?—вскрикнулъ Ларинъ.

— Порѣшилъ съ собой.

— Какъ съ собой?

— Пойми: покончилъ съ собой, повѣсилъ.

Алексѣй Андреевичъ ахнулъ, всплеснулъ руками и не отвѣтилъ ни слова.

Просидѣвъ довольно долго молча, Ларинъ произнесъ шопотомъ:

— Отецъ все-таки... Сказать можно про меня теперь, коли не передъ людьми, такъ передъ Богомъ, что отцеубійца! Заставилъ отца на старости лѣтъ себя похѣрить. Да вѣдь и на умъ не могло прійти. Всякій другой...

И Ларинъ не договорилъ.

— Да всякій другой, — подхватилъ Мордвинъ, — охотно бы явился объяснить, что баринъ, дворянинъ, помѣщикъ, его же собственный сынъ. Есть чѣмъ похвастаться. А этотъ вотъ предпочелъ на тотъ свѣтъ уйти, да еще на свою душу грѣхъ взять.

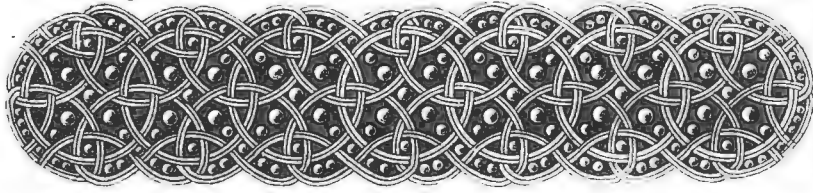
— Что же теперь? Какъ быть?—выговорилъ Ларинъ.

— Прежде всего похоронить его, а потомъ подумать, все обсудить. А покуда мой совѣтъ, конечно, никому не сказывать ничего, говорить, что просто старику померъ. За Крониду отвѣчать можно, а Степанъ тоже мнѣ побожился, что никому ни словомъ не обмолвится. Лучше, я полагаю, и тебѣ не говорить, какъ есть никому, ни Павлѣ Тимоѣевнѣ, ни Маряшѣ, ни Сонѣ съ мужемъ. Какъ есть никому, пускай будемъ знать мы трое да ты. Такъ ли?

— Конечно, Кронидъ никому ни слова не скажетъ, онъ вѣрный человѣкъ, а Степану я общаю отпустить на волю, онъ будетъ радъ, да и отсюда вонъ съ рукъ долой.

Графъ Е. А. Салиасъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО ¹⁾.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Академія художествъ.

V.

РУССКІЯ и иностранныя газеты уже года два кричали о новомъ *chef d'oeuvre*'ѣ Семирадскаго. Картина, которую онъ творилъ, называлась «Факелы Нероны». Судя по краснорѣчивымъ описаніямъ репортеровъ, картина должна была быть необыкновенно эффектной... «Вечеръ въ роскошныхъ садахъ цезаря догораеъ,—писали въ одной итальянской газетѣ.—На великолѣпную мраморную лѣстницу вынесли черные рабы скучающаго Нерона. Слева отъ него — Попея, справа — ручная тигрица. Вокругъ столпился развратный и пьяный дворъ. Въ саду, на высокихъ, увитыхъ цвѣтами столбахъ приготовлены смоляные факелы иллюминацій: христіане и христіанки, долженствующіе иллюминировать собою императорскую виллу»...

Описаніе это вызывало споры въ буфетѣ. Одни восхищались грандіозностью замысла, идейностью борьбы двухъ міровъ. Другіе—реалисты—протестовали.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 411.

— Да чортъ ихъ знаетъ, какъ у нихъ тамъ въ Римѣ было?— кричали они.—И какой былъ этотъ самый цезарь, и что это былъ за дворъ,—вѣдь никто изъ насъ его не видѣлъ?

— Тогда античной жизни и не трогать, по-вашему?—протестовали защитники темы.

— И не трогать.

— А какъ же Пилотти, Альма Тадема, Каульбахъ?

— Да вѣдь и чепушища же у нихъ. Вы Танагру видѣли въ Эрмитажѣ?

— Ну, и что же?

— Вотъ что значить антикъ.

— Позвольте... Вы узко смотрите на искусство. Это не историческій трактатъ...

— Извините, это и есть ширь...

Доходило до серьезныхъ перебранокъ еще задолго до того, какъ узнали, что картина прибудеть въ Петербургъ. Семирадскій интересовалъ всѣхъ, какъ европеецъ. Ученикъ академіи, по происхожденію полякъ, никогда по-русски не подписывавшій своихъ картинъ, уѣхавшій послѣ окончанія курса въ академіи за границу и навсегда тамъ поселившійся, онъ интересовалъ насъ, какъ западникъ, не порвавшій съ академіей внѣшней связи. Онъ еще въ академіи приобрѣлъ славу колориста, хотя была партія профессоровъ-реалистовъ, утверждавшая, что колоритъ и красочность—двѣ вещи разныя, и что Полѣновъ и Харламовъ колоритнѣе Семирадскаго. Тѣмъ не менѣе, программа на золотую медаль — «Довѣріе Александра Македонскаго къ врачу Филиппу во время болѣзни»—вышла для ученика блистательной, и Семирадскій былъ сразу отмѣченъ. Композиція дальше хорошо поставленной живой картины у него нейдетъ, но, тѣмъ не менѣе, по экспрессіи она безконечно выше всѣхъ «Грѣшницъ», «Факеловъ», «Магдалинъ» и прочихъ его позднѣйшихъ произведеній. Картина эта и посейчасъ виситъ въ циркулѣ академіи и послѣ программъ Рѣпина и Полѣнова едва ли не лучшая.

Первая крупная вещь, присланная имъ изъ-за границы и надѣлавшая шума, была «Грѣшница», написанная на мотивъ пресловутой поэмы графа Алексѣя Толстого того же названія. Въ ней сказался весь Семирадскій. Блескъ матерій, изящная красота линий, красивыя женскія лица, сверкающій колоритъ и леденящая холодность въ экспрессіяхъ лицъ. Всѣ, даже Христосъ, точно вышли сейчасъ изъ модной парикмахерской: причесаны, напомажены, завиты. Одежды чисты, какъ въ первое представленіе оперы. Да и вся картина поетъ пооперному — приподнято, условно, шаблонно. Но публика, усталая отъ грязной, чернильной живописи нашихъ жанристовъ, ринулась навстрѣчу солнцу и краскамъ. Критика встрѣтила картину неблагосклонно, но въ публикѣ ея успѣхъ былъ огромный.

— Пусть это вздоръ, пусть плоха перспектива, пусть хромаетъ анатомія, но здѣсь есть красота! — говорили въ публикѣ. — Здѣсь есть недостатки, но нѣтъ пошлости.

За «Грѣшницу» Семирадскій получилъ академика. Ему нельзя было не дать этого званія, такъ какъ въ совѣтѣ академіи едва ли кто нибудь обладалъ такой техникой, какъ молодой пенсионеръ. Отъ него стали ждать крупной вещи.

Въ 1876 году онъ прислалъ въ академію «Продавца амулетовъ» — картину, явившуюся какъ бы подготовительнымъ этюдомъ къ «Факеламъ». Детали были написаны на этомъ холстѣ изумительно, но опять таки въ немъ была та же черта, что и прежде: поражала красота общаго, особенно аксессуары. Съ аксессуаровъ глазъ переходилъ на одежды, съ одеждъ на самыя фигуры, но лицъ почти не замѣчалъ, до того они были не значительны. Но, несомнѣнно, по техникѣ онъ шелъ впередъ, и рекламы его будущей картины не казались преувеличенными.

Наконецъ, картина пріѣхала. Ее привезли въ колоссальномъ деревянномъ цилиндрѣ. Когда ее развернули, — еле она умѣстилась въ огромной античной залѣ, перегородивъ ее пополамъ. Вмѣстѣ съ ней пріѣхала и рама — великолѣпное произведеніе позолотчика, съ надписью вокругъ: *Et lux in tenebris lucet et tenebrae eam non comprehendere.*

Уже одна эта надпись изъ евангелія Іоанна указывала на предвзятую мысль художника и на тенденцію, которую онъ хотѣлъ провести въ своемъ произведеніи ¹⁾. Но, увы, претензія осталась только претензіей.

Первое впечатлѣніе было ошеломляющее. Болѣе ста фигуръ разбросаны на холстѣ. Въ отдѣльности — это масса превосходныхъ *nature morte*: мраморъ, ткани, золото, перламутръ — все это еще виртуознѣе, чѣмъ въ «Продавцѣ амулетовъ» и въ «Грѣшницѣ». Въ отдѣльности есть очаровательныя головки, хотя тѣло кажется раскрашеннымъ мраморомъ. Не вѣрится, что подъ такой кожей льется живая человѣческая кровь. Обнаженные же мужскія фигуры были написаны даже съ классной точки зрѣнія очень плохо.

Большинство изъ учениковъ кричало: вотъ наконецъ русская школа дождалась великаго произведенія, — со времени «Явленія Мессіи» не было ничего подобнаго. Годъ спустя, на парижской всемирной выставкѣ, жюри какъ бы подтвердили это мнѣніе, давъ русскому отдѣлу въ лицѣ Семирадскаго *grand prix*. Но жюри не замѣтили одного, — что ничего общаго съ русскимъ искусствомъ Семирадскій не имѣетъ. Въ результатѣ такъ оно и вышло: въ Россіи даже не нашлось покупателя на «великое произведеніе», да и за границей тоже. Ученики (конечно, съ дозволенія начальства) рѣ-

¹⁾ «И свѣтъ свѣтитъ во тьмѣ, и тьма его не объятъ». Ев. отъ Іоанна, I, 5.

шили чествовать великаго маэстро. Ему поднесли вѣнокъ, ему аплодировали, даже носили на рукахъ передъ картиной. Академическое начальство дало на слѣдующій мѣсяцъ темой для эскиза «Факелы Перона»,—и ученики старались на всѣ лады варіировать сюжетъ. Надо правду сказать, что у всѣхъ композиція была гораздо реальнѣе Семирадскаго, даже до того, что у нѣкоторыхъ напоминала по простотѣ трактовки скорѣе сожженіе кредитныхъ билетовъ на Садовой передъ банкомъ, чѣмъ аутодафе первыхъ христіанъ.

Но было меньшинство, которое, отдавая должное художнику, все же покачивало неодобрительно головами, и на чествованіи его не было. Семирадскій получилъ за картину профессора, а смѣльчаки говорили, что за этюды такихъ натурщиковъ, какъ его палачи, не поставили бы на экзаменѣ и двадцатаго номера. Они шли далѣе: оставляя въ сторонѣ холодность и безчувственность композиціи, увѣряли, что нѣтъ въ картинѣ воздушной перспективы, и что настроеніе сумерекъ рѣшительно не передано. Болѣе того: говорили, что фигуры не связаны одна съ другой, что негры съ носилками стоятъ, а тигръ на цѣпочкѣ все еще идетъ, и при этомъ напоминаетъ плохое чучело изъ мѣхового магазина. Нѣкоторые изъ этихъ мнѣній доходили до автора, и онъ однажды, обратясь къ группѣ учениковъ, сказалъ:

— Меня упрекаютъ въ томъ, что моя толпа равнодушна. Но въ этомъ была вся задача композиціи: показать полное, усталое равнодушіе толпы. Всѣ скучая ждуть, когда же кончится это неинтересное зрѣлище... Мнѣ кажется, я этого достигъ...

— И даже вполне!—раздался сзади голосъ неудачника-художника, но хорошаго кописта, пописывавшаго въ газетахъ статейки по искусству и постоянно торчавшаго среди учениковъ.

Семирадскій сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и продолжалъ:

— Потомъ говорятъ, что воздухъ у меня ужъ слишкомъ прозраченъ, что фигуры задняго плана слишкомъ рельефны. Я не принадлежу вообще къ тѣмъ художникамъ, которые любятъ завлакивать воздухъ какимъ-то молочнымъ туманомъ, но во всякомъ случаѣ скажу—надо знать и видѣть прозрачные римскіе вечера, чтобы судить о томъ, хорошо мною написанъ воздухъ, или нѣтъ...

— И знали, и видѣли,—раздался опять прежній тихій голосъ.

— Вы бывали въ Римѣ?—спросилъ, круто повернувъ къ нему голову, художникъ.

— Мое мнѣніе,—отвѣтилъ не смущаясь человѣчекъ,—что кобальтомъ задній планъ слѣдуетъ протереть.

Семирадскій слегка улыбнулся и пожалъ плечами.

— Ужъ это я вамъ предоставляю, когда вы будете писать картины,—сдержанно и вѣжливо сказалъ онъ.

— Я непременно буду протирать кобальтомъ, — подтвердилъ неутомимый оппонентъ.

Кружокъ недовольныхъ получилъ серьезное подкрѣпленіе въ лицѣ А. В. Прахова, который въ «Пчелѣ», разбирая картину, сказалъ, что она настолько торжественно граціозна и настолько лишена чувства ужаса, что ей мѣсто на занавѣсѣ опернаго театра: ее можно разглядывать въ антрактахъ съ чувствомъ истиннаго удовольствія. Рецензія эта заставила многихъ задуматься: а что, въ самомъ дѣлѣ, если весь ужасъ «Факеловъ» способенъ только вызвать чувство спокойнаго наслажденія?

Семирадскій везъ свою картину въ Россію, въ надеждѣ, что ее купитъ правительство. Цѣну онъ поставилъ по тому времени огромную—сорокъ тысячъ. Не надо забывать, что за «Мессію» Иванова заплачено было десять тысячъ—всего за двадцать лѣтъ до этого, и что рыночныя цѣны на художественныя произведенія тогда были гораздо ниже, чѣмъ теперь. Его «Грѣшница» была куплена наслѣдникомъ Александромъ Александровичемъ, а копію съ нея, въ маломъ размѣрѣ сепіей, онъ сдѣлалъ по заказу великаго князя Владимира Александровича. Теперь онъ рассчитывалъ или на государя, или на академію.

Государь былъ въ тотъ годъ озабоченъ политическими осложненіями съ Турціей, и ему было не до картинъ. Тѣмъ не менѣе, былъ назначенъ день для осмотра «Факеловъ». Семирадскій, во фракѣ съ орденами, ходилъ взволнованно по вестибюлю. Я видѣлъ, какъ сбѣжала краска съ его лица, когда раздался снизу звонокъ, и конференцъ-секретарь съ инспекторомъ рысцою бросились по лѣстницѣ. Государь пріѣхалъ съ наслѣдникомъ и съ президентомъ академіи. Въ залѣ передъ картиной гости оставались съ четверть часа. Насъ туда не пустили, и мы дожидались рядомъ, въ круглой конференцъ-залѣ. Когда распахнулись двери, и всѣ вышли, Семирадскій былъ еще блѣднѣе. Онъ какъ-то машинально шелъ за конференцъ-секретаремъ. Потомъ у насъ передавали со словъ одного профессора, будто бы государь спросилъ:

— А цѣна какая?

Ему художникъ отвѣтилъ: 40.000.

— Это недорого!—замѣтилъ Александръ Николаевичъ, и болѣе о покупкѣ вопроса не поднималось.

Семирадскій потомъ въ кружкахъ знакомыхъ говорилъ:

— Придется ждать. Теперь, передъ самой войной, въ самомъ дѣлѣ платить такія суммы даже какъ-то неудобно.

Но это было плохое утѣшеніе. Черезъ годъ медаль «grand prix», конечно, утѣшила его, а флорентинская академія заказала ему его собственный портретъ. Тѣмъ не менѣе, никто не хотѣлъ «Факеловъ». Кончилось тѣмъ, что художникъ подарилъ эту картину Кракову. Тамъ она и осталась навѣки.

VI.

Какъ это ни странно съ перваго взгляда, но между Семирадскимъ и покойнымъ Василиемъ Васильевичемъ Верещагинымъ было много общаго, хотя Верещагинъ не имѣлъ въ своемъ характерѣ ничего женственнаго, тогда какъ Семирадскій былъ именно нѣжный, благоуханный женственный талантъ. Помню, какъ одинъ изъ нашихъ профессоровъ замѣтилъ:

— Генриху Ипполитовичу надо на тамбуринахъ античныя головки писать.

Верещагинъ съ его мощными красками (я говорю о первомъ періодѣ его дѣятельности) былъ талантъ атлета, особенно въ иныхъ эскизахъ. Рисовалъ онъ гораздо правильнѣе Семирадскаго, суровѣе, грубѣе и фотографичнѣе. За колоритомъ онъ не гнался, а любилъ только показать виртуозность кисти на ослѣпительно бѣлыхъ, залитыхъ солнцемъ мраморныхъ стѣнахъ и на желтомъ пескѣ. Но въ то же время въ самомъ взглядѣ на искусство и на композицію въ обоихъ художникахъ была общая черта. Оба специализировались: одинъ—на античномъ мірѣ, другой—на жанрахъ войны. Оба тяготѣли къ грандіозному, иногда аллегорическому, любили надписи на рамахъ. Оба мало занимались экспрессіей головъ. Больше всего ихъ занимало общее пятно, одежды, аксессуары. Лица мало интересовали обоихъ, и настроеніе они старались вызвать не мимикой своихъ героевъ, а общимъ поставомъ фигуры. У художниковъ, несравненно низшихъ по дарованію, чѣмъ Верещагинъ и Семирадскій, вы найдете немало лицъ, которыя запоминаются навсегда тонкой типичностью и наблюдательностью автора. У Верещагина вы помните спину голаго мальчика-бачи, бѣлую рубашку бѣгущаго солдата, тѣнь отъ сторожей на мраморѣ стѣны дворца Тамерлана; какъ и у Семирадскаго— очаровательный торсъ танцующей среди кинжаловъ плясуньи, просвѣты черезъ оливы на мраморѣ водоемовъ, вазу съ цвѣтами на праздникѣ Посейдона,—но ни одного лица, ни одного типа.

Въ бытность мою въ академіи, какъ разъ открылась Верещагинская выставка «Индѣйской» и «Дунайской» коллекцій. Конечно, это было событіе, и мы валили на эти выставки толпами.

Верещагинъ былъ художникъ самостоятельный, совершенно не академическій, и за это особенно мы его и цѣнили. Отъ его картинъ вѣяло искусно-подобранными протоколами, но это было интересно, сильно, оригинально, близко нашему сердцу. Чувствовалась спѣшность, желаніе во что бы то ни стало написать серію картинъ, и потому являлись грубые недочеты. Картинами его далеко не всѣ остались довольны.

Помню, какъ какой-то военный кипятился передъ картиной «Панихида подъ Плевной».

— Позвольте-съ, а гдѣ же мы? Вѣдь попъ-то не одинъ былъ. Мы-то сзади стояли. Вѣдь насъ человѣкъ сорокъ было-съ. Развѣ попъ сталъ бы одинъ, самъ по себѣ служить? Такихъ случаевъ не бываетъ-съ.

— Видите, священникъ съ причетникомъ стоитъ сбоку,—тамъ, за рамой сзади, можетъ помѣститься сколько угодно офицеровъ.

— За рамой-съ? Извините, за рамой офицеровъ нельзя оставить ни въ какомъ случаѣ.

Передъ этой картиной больше всего толпился народъ; въ ней было что-то стихійное: этотъ дождь, сѣкущій обнаженные трупы павшихъ, это безконечное поле тѣлъ, среди сухого ковыля—унылый священникъ въ мрачной ризѣ и равнодушный причетникъ,—все это скомпоновано было съ огромнымъ талантомъ. Другой вопросъ былъ объ исполненіи.

П. А. Чистяковъ сказалъ мимоходомъ, что трупы ему напоминаютъ на этой картинѣ мороженую бѣлугу. Сказано это было жестковато, но справедливо. Торопливость, печать которой лежала на всѣхъ его картинахъ, сказалась и въ выпискѣ труповъ,—впечатлѣніе получалось, да не то, на которое рассчитывалъ художникъ.

Пессимистъ придирался къ другому:

— И священникъ и причетникъ съ одного натурщика писаны,—профиль-то одинъ и тотъ же. Это все, чтобъ поскорѣе...

Въ Верещагинѣ была какая-то двойственность. Съ одной стороны, онъ прямо, открыто проводилъ ту или другую идею, показывалъ правду во что бы то ни стало, съ откровенностью и смѣлостью, достойною большого таланта, съ другой—онъ подтасовывалъ факты и не стѣснялся для того, чтобы вполне выразить свою идею, отбросить все то, что ему мѣшало, хотя бы въ ущербъ истинѣ.

Я помню, особенно меня поразило это въ фотографіи съ его картины «Казнь цареубійцъ въ 1881 году». Картина эта не была допущена въ Россію и была выставлена въ Вѣнѣ. Повторяю, я видѣлъ только фотографію съ нея. Художникъ изобразилъ холодный, сѣрый день, съ крупнымъ снѣгомъ, падающимъ на широкія спины толпы, стоящей на первомъ планѣ. Между тѣмъ день казни былъ солнечный, яркій, весенній. Я хорошо его помню, потому что окно моего кабинета выходило какъ разъ на Николаевскую улицу, по которой двигалась ужасная процессія. Было такъ тепло, что у меня всю ночь была открыта форточка. Но въ семь часовъ утра, когда я еще спалъ, послышался ожесточенный стукъ въ стекло. Это мѣстный приставъ строго требовалъ, чтобы всѣ форточки были закрыты, такъ какъ черезъ двѣ часа ожидается движеніе кортежа. И если бы Верещагинъ видѣлъ ту ужасную толпу, которая валила за колесницами—простоволосую, босую, съ

лѣстницами, стульями и табуретами въ рукахъ, дабы виднѣе была имъ самая казнь, а, можетъ быть, и для того, чтобы продавать эти мѣста «интеллигентамъ»,—я думаю, онъ бы написалъ картину въ десять разъ сильнѣе.

Офицерство не было довольно «оборотной стороной медали» Дунайской коллекціи. Но Верещагинъ сдѣлалъ большое дѣло уже тѣмъ, что убилъ вылощенные и вылизанныя картины его предшественниковъ—Зауэрвейда и К°. Нѣкоторая фельетонность въ иныхъ сюжетахъ какъ будто умаляетъ важность всей коллекціи. Припомните, напримѣръ, его картину «Адъютантъ», съ эпиграфомъ: «Такъ молодъ, и столько орденовъ!»—фигура схвачена прекрасно, но лицо незначительно. Характеренъ его шпионъ въ «цивильномъ» платьѣ, но лицо въ какихъ-то кляксахъ и не идетъ дальше фотографіи. Этюдъ такихъ лицъ въ видѣ портрета, конечно, имѣлъ бы гораздо болѣе значенія.

Всѣ характеристики Верещагина, начиная со Стасова, отличаются односторонностью, какъ и самъ художникъ. Правдивѣе всѣхъ былъ въ его оцѣнкѣ Крамской, но едва ли онъ думалъ, что его частныя письма будутъ напечатаны. Опредѣлить его значеніе, мнѣ кажется, еще трудно и теперь: мы слишкомъ близко къ нему стоимъ.

Во всякомъ случаѣ, дѣятельность его рѣзко распадается на два періода: до войны 1878 года и послѣ войны. Второй періодъ носитъ на себѣ слѣды утомленія, вялости, недоконченности и черноты. Особенно отличается этимъ наполеоновская коллекція, не только не прибавившая лавровъ къ прежней репутаціи художника, но и въ значительной мѣрѣ оципавшая его дунайскій вѣнокъ. Наполеонъ художнику совершенно не удался. Положимъ, Верещагинъ никогда портретистомъ не былъ, но и по рисунку онъ неожиданно оказался слабъ, гораздо слабѣе, чѣмъ былъ прежде. А вѣдь онъ началъ свою художественную карьеру, какъ хорошій рисовальщикъ-иллюстраторъ.

У насъ до сихъ поръ среди художниковъ существуетъ крайне предвзятый и ложный взглядъ на значеніе иллюстраціи. Ее считаютъ ремесломъ, совершенно забывая ея громадное культурное значеніе. У насъ хорошихъ иллюстраторовъ очень мало, и они смотрятъ на политипажный рисунокъ, какъ на шутку. Менцеля у насъ никогда не было, даже не было Невилля. Случайные хорошіе рисунки Рѣпина, Пастернака, Васнецова и Бенуа не выкупаютъ этой бѣдности. У насъ не было даже Литценъ-Майера и Каульбаха, хотя къ первымъ близко примыкаетъ Зичи, съ своими иллюстраціями къ «Комедіи челоуѣчества». Тѣмъ дороже было появленіе въ 1868 году во французскихъ изданіяхъ типичныхъ рисунковъ Верещагина изъ его закавказскаго альбома. Не всѣ рисунки одинаковаго достоинства, многіе плохо гравированы, но

даже въ Парижѣ они были отмѣчены, какъ произведенія несомнѣннаго таланта. Къ сожалѣнію, онъ навсегда забросилъ рисованіе карандашомъ и перомъ, и весь отдался работѣ масляными красками. И чѣмъ больше онъ писалъ картинъ, тѣмъ рисунокъ становился небрежнѣе, и кляксы замѣняли правильное письмо.

Рѣпинъ въ годъ моего поступленія въ академію былъ еще пенсіонеромъ и присылалъ изъ-за границы картины на «соисканіе степеней». Конечно, степень академика онъ получилъ. Всего было прислано имъ три картины: «Садко», «Негритянка» и «Парижское кафе».

«Негритянка» была великолѣпно написанный этюдъ. «Садко» всѣмъ извѣстенъ по музею Александра III, но «Парижское кафе», я думаю, помнятъ весьма немногіе. А между тѣмъ, сколько часовъ провели ученики академіи передъ этой картиной, изучая совершенно новую для насъ тогда манеру письма. Тридцать лѣтъ тому назадъ художники у насъ не писали такую широкою, мощною кистью: еще зализанность считалась признакомъ хорошаго тона, и гладенькіе портреты Крамского были верхомъ бонтонности. Я помню ужасъ, который охватилъ цѣнителей при видѣ «Протодіакона» и «Пишемскаго» работы Рѣпина. «Прежде писали комаринымъ жаломъ, а теперь пишутъ помеломъ», — воскликнулъ одинъ критикъ. «Садко» еще примыкаетъ къ прежней школѣ (не даромъ онъ писанъ на «соисканіе степеней»), но въ «Кафе» уже ясно чувствуется новая манера.

Самый сюжетъ этой картины мало подходитъ къ направленію Рѣпина, особенно Рѣпина семидесятыхъ годовъ, бывшаго подъ вліяніемъ Стасова. Это—чисто парижскій бульварный жанръ. Два прожигателя жизни зашли вечеромъ въ кафе поужинать или выпить шери-коблеръ. Вокругъ живой гирляндой разсѣлась такая же прожигающая себя молодежь. Жизнь кипитъ ключомъ: это начало третьей республики, когда обновленная нація, сбросивъ гнетъ германской контрибуціи, зажила новой жизнью. Вдругъ старшій изъ посѣтителей, уже потертый, облѣвшій господинъ, случайно встрѣтился взглядомъ съ красивой, не первой молодости женщиной, пришедшей сюда же на свой ночной промыселъ. Онъ поблѣднѣлъ, вскочилъ и шатаясь уводитъ прочь своего товарища, съ спокойствіемъ альфонса взирающаго на былую жертву его друга. Жертва тоже не выдержала встрѣчи: она пошатнулась, и упала на ближайшій стулъ. Румяна не могутъ скрыть смертельной блѣдности ея лица. Ея грудь тяжело вздымается подъ роскошнымъ чернымъ платьемъ. Кое-кто изъ окружающихъ замѣтилъ «скандальчикъ» и повернулся въ ихъ сторону, но большинство занято своими «ковери» и «флёртомъ», и не замѣчаютъ маленькой, мимолетной драмы.

У молодого художника еще не хватило тогда техники на выражение экспрессии въ такой полнотѣ, какъ это сказалось у него въ послѣдствіи въ картинахъ «Арестъ», «Не ждали!» и другихъ. Но композиція, вечерній свѣтъ отъ лампъ, весь фонъ уже говорятъ о большомъ художникѣ. У насъ только теперь, недавно, стали на выставкахъ появляться вещи послѣдователей Рѣпина, съ тѣми же мотивами, но для насъ уже не имѣющими прелести новизны. Тогда же, повторяю, это было для насъ необычайной новинкой.

Гораздо равнодушнѣе мы были къ Садку. Навязывали намъ аллегорію: дескать, Садко—самъ художникъ, попавшій въ несродную стихію (за границу). Передъ нимъ проплываютъ красавицы-дочери морского царя,—и въ ихъ типахъ можно узнать будто бы итальянку, французенку и англичанку. Но Садко-художникъ отвернулся отъ нихъ и смотритъ вверхъ, гдѣ едва сквозитъ въ очертаніяхъ силуэтъ рябой «дѣвки-чернавки». Намъ не хотѣлось вѣрить, что это такъ. Мы не принадлежали къ «стасовскому» приходу, всегда г. Стасова читали, но никогда не восхищались. Намъ казалось, что отворачиваться отъ Франціи и Германіи намъ еще рано, и очень многому слѣдуетъ тамъ поучиться. Дѣвка-чернавка не уйдетъ, а если не научишься во-время писать, такъ и дѣвки-чернавки не напишешь.

Но блескъ живописной техники «Негритянки» задѣлъ насъ за живое. Неужели же Рѣпина не пригласятъ къ намъ преподавателемъ? Теперь, пока онъ еще молодъ, пока еще онъ самъ «ищетъ»,—и мы бы искали вслѣдъ за нимъ. Потомъ, когда онъ уже работаетъ «манеру», и ему и ученикамъ будетъ труднѣе, и уже не можетъ быть того единенія.

Но этому не суждено было совершиться въ тѣ дни. У насъ любили послѣдовательность. Двадцать лѣтъ почти пришлось ждать, пока весь старый режимъ былъ потряхнутъ, и Рѣпинъ наконецъ получилъ званіе «профессора». Зато профессора получилъ до него цѣлый рядъ какихъ-то линючихъ художниковъ, почему-то сумѣвшихъ снискать къ себѣ благоволеніе совѣта.

Учитель Рѣпина, Н. Н. Ге, къ этому времени «ушелъ къ землѣ». Академическіе порядки и ему были не по нутру, но духъ его еще чувствовался среди насъ. «Тайная вечеря» все-таки была первой вещью въ «циркулѣ конкурентовъ на соисканіе степеней». Мощь композиціи и сила письма покоряли всѣхъ, да и до сихъ поръ покоряютъ. Даже по техникѣ здѣсь Ге стоитъ несравненно выше своихъ дальнѣйшихъ произведеній. Кстати, вспоминается мнѣ слѣдующее. Заговорилъ какъ-то я объ этой картинѣ съ покойнымъ Д. В. Григоровичемъ. Онъ мнѣ вдругъ сказалъ:

— А знаете ли вы, что на Мальтѣ, въ монастырѣ Лавалетты, есть такая же картина?

— Нѣтъ, не знаю,—возразилъ я.

— Увѣряю васъ. Если когданибудь будете тамъ, посмотрите непременно.

На Мальтѣ мнѣ никогда не удалось быть, и я не знаю, правъ ли Григоровичъ. Но онъ говорилъ мнѣ объ этомъ съ большой убѣжденностью. Если онъ спуталъ чтонибудь,—тѣмъ лучше для нашего художника. Если же картина такая есть, недурно было бы установить между ними связь.

Когда Ге выставилъ на передвижной выставкѣ «Милосердіе», его почитатели впали въ уныніе. Къ этой барышнѣ въ кисейномъ платьѣ и Христу-босаяку общество было не подготовлено. Ге точно дышлою съѣздилъ по лбу критиковъ. Трепанья, выхляющія линіи контуровъ, нарисованныхъ безъ натуры, слабо написанные какими-то шафранными красками солнечные лучи, недоумѣніе на лицѣ барышни и отсутствіе духовной красоты въ нищемъ-Христѣ— все это сдѣлало то, что картина съ трескомъ провалилась. Прежняго любимца не пощадили. Публика не поняла того, что хотѣлъ сказать художникъ, а хотѣлъ онъ сказать много и много хорошаго, но онъ былъ настолько впереди и нашего общества и критиковъ, что за нимъ не поспѣли и идей его уловить не могли. Художники были болѣе правы: они ужаснулись техникѣ профессора, возмутились формой. Въ результатѣ самъ художникъ уничтожилъ картину: онъ соскоблилъ ее, и на мѣстѣ ея была написана впоследствии композиція «Что есть истина?», извѣстная своей печальной судьбой, когда ее возилъ присяжный повѣренный Ильинъ въ Америку.

Съ Ге случилась странная вещь. Первая его картина «Тайная вечеря» попала какъ разъ въ тонъ настроенія публики въ 1863 году. Отсюда ея успѣхъ. Ее начали отождествлять съ книжкой Ренана, и художника подняли на щитахъ, какъ триумфатора. Но Ге остался за границей, издали слѣдилъ за общественнымъ движеніемъ у насъ, и когда явился съ «Маріей Магдалиной» и «Моленіемъ о чашѣ», то оказался не въ переднихъ, а въ заднихъ рядахъ: его укорили въ отсталости. Самолюбиваго и энергичнаго человѣка это подняло. Его знакомство съ графомъ Л. Н. Толстымъ ускорило переворотъ, и когда онъ послѣ «Пушкина» выступилъ во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, какъ художникъ-мыслитель, то оказался вновь далеко шагнувшимъ за кругозоръ критики и публики. Онъ, такъ сказать, разбѣжался и проскочилъ мимо, не найдя точки соприкосновенія съ временно опередившей жизнью; отсюда весь его неуспѣхъ послѣднихъ лѣтъ, какъ живописца.

И у Ге есть извѣстная характерная черта, связывающая его съ Верещагинымъ. Оба были художники идеи, оба торопились высказаться, ради этого они жертвовали самымъ великимъ въ дѣлѣ изобразительныхъ (bildenden) искусствъ—формой. Ге, когда писалъ

«Оплеваніе», «Голгоѳеу» и «Распятіе», думалъ о впечатлѣніи, которое можетъ произвести на толпу композиція, онъ думалъ о толпѣ, которая, не гоняясь за красотой формы, оцѣнитъ общепонятную, простую, почти дѣтскую мораль картины. Но онъ забывалъ, что есть болѣе требовательные судьи-художники, которые потребуютъ, кромѣ разсудочности, какого бы высокаго качества ни была эта разсудочность, и внѣшнихъ формъ, могущихъ по силѣ экспрессіи занять мѣсто въ вѣчности. Быть можетъ, Ге могъ подойти гораздо ближе къ Да-Винчи, чѣмъ подошелъ, если бы свой математическій умъ не направилъ въ сторону метафизики. Иногда, какъ въ эскизѣ «Голгоѳа», какъ въ «Гудѣ послѣ поцѣлуя», у него сквозитъ чрезъ дряблыя, затрепанныя формы что-то вѣчное, великое, заставляющее содрогаться. Его карандашные наброски къ «Распятію»—великолѣпны. Головы разбойниковъ непосредственно примыкаютъ по традиціи къ головамъ Ивановскихъ рабовъ въ картинѣ «Явленіе Мессіи». Въ страдающей головѣ Христа слишкомъ много человѣческаго, но вѣдь если Христосъ страдалъ, не какъ человѣкъ, а какъ Богъ, то тогда нѣтъ и крестнаго подвига. Въ позднѣйшихъ типахъ Христа Ге утратилъ то благородство образа, которое чувствовалось въ «Тайней вечерѣ». Съ каждымъ произведеніемъ его Исусъ грубѣлъ, дѣлался проще, будничнѣе и наконецъ въ «Распятіи» и «Что есть истина?» дошелъ до типа самаго зауряднаго соціалиста. При этомъ въ его Христѣ не было народности, той народности, которая превосходно выражена, напри- мѣръ, у Эдельфельда въ его картинѣ «Христосъ и Магдалина», что находится въ Гельсингфорсскомъ національномъ музеѣ.

Ге по внутреннему содержанію былъ куда выше, чѣмъ какъ художникъ техники. Несмотря на все несовершенство исполненія, «Допросъ царевича Алексѣя»—все же одна изъ лучшихъ картинъ нашей исторической школы. «Екатерина у гроба Елисаветы»—картина, недостаточно оцѣненная. Она по технике еще слабѣе Петра, но по тонкому анализу замысла, несмотря на кукольнаго солдата, на полное отсутствіе сходства въ Екатеринѣ, несмотря на нехарактерную, тумбообразную фигуру Дашковой, все же можетъ считаться выдающейся, хотя и мало оцѣненной вещью. Наконецъ его «Пушкинъ въ Михайловскомъ», единственная въ своемъ родѣ картина, къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстная современному поколѣнію, такъ какъ находится на югѣ, въ домѣ одного коллекціонера, доступъ куда весьма затруднителен¹⁾. У насъ нѣтъ приличныхъ картинъ изъ жизни нашихъ писателей и поэтовъ. Кромѣ

¹⁾ «Пушкинъ въ Михайловскомъ» былъ купленъ на передвижной выставкѣ Н. А. Некрасовымъ. По смерти поэта, картина попала въ эстампный магазинъ, и оттуда попала въ частную коллекцію въ Харьковѣ. Тамъ она была разыскана сыномъ Ге, Николаемъ Николаевичемъ, въ 1902 году.

прекрасныхъ работъ Рѣпина и Пастернака, изображающихъ интимную жизнь графа Л. Н. Толстого (сдѣланныхъ прямо по натурѣ), мы можемъ насчитать еще съ десятокъ слабоватыхъ картинъ Волкова, Неврева, Клодта, далеко отстающихъ отъ проникновенной композиціи Ге. Эта зеленая комната, залитая лучами зимняго солнца, съ табачнымъ дымомъ, повисшимъ въ воздухѣ, съ портретомъ Байрона и статуэткой Наполеона, съ раскинутымъ чемоданомъ и брошеннымъ на полъ конвертомъ, все это проникновеніе, и проникновеніе вышшаго порядка. Пусть фигура Пушкина слаба, пусть есть недочеты въ выпискѣ фигуры Арины Пантелеймоновны, но вся картина дышитъ правдой и настроеніемъ. Мнѣ думается, что она, вернувшись въ Петербургъ или Москву, дастъ свои плоды и будетъ прообразомъ цѣлаго ряда картинъ изъ жизни нашихъ писателей и художниковъ.

Кто еще вліялъ на насъ? Викторъ Васнецовъ еще не обнаружился во всей своей силѣ, и его «Балаганъ» оставлялъ неопредѣленное впечатлѣніе. Подѣновъ, съ его женственнымъ, деликатнымъ дарованіемъ, былъ пріятенъ, гармониченъ, но въ его тогдашнихъ «Одалискахъ», «Гугеноткѣ», «Jus prima noctis» и пр. было больше чувственности, чѣмъ искренняго искусства. Перовъ скользилъ положительно безслѣдно, несмотря на увѣренія критики, что это—второй Фодотовъ. Надѣлавшія въ публикѣ столько шума картины Якобіа изъ эпохи Вирона были для насъ просто смѣшны и не отдѣлялись нами отъ конфетныхъ изображеній на коробкахъ кондитеровъ.

VII.

Тогда было принято увѣрять, что нашъ пейзажъ стоитъ на несравненной высотѣ. Во главѣ этого пейзажа ставили по какому-то странному недоразумѣнію рядъ художниковъ, не имѣвшихъ между собою рѣшительно ничего общаго: Айвазовскаго, Васильева, Шишкина, Клодта и позднѣе Куинджи.

Айвазовскій—явленіе совершенно исключительное. Имъ написана сотня превосходныхъ по настроенію и даже по техникѣ картинъ, и четыре тысячи девятьсотъ очень плохихъ. Это былъ художникъ безъ масштаба. Онъ совершенно не зналъ перспективы, и писалъ, что называется, безграмотно. Но, не зная линейной перспективы, онъ съ необычайною правдою передавалъ перспективу воздушную. Кромѣ него, едва ли найдется художникъ, который умѣлъ бы такъ передавать воздухъ между стѣнами горъ и зрителемъ, который такъ бы писалъ прозрачные утренніе туманы и штили. Легкія воздушныя кучевыя облака онъ писалъ такъ, что, несмотря на ихъ клубящуюся массу, не чувствовалось тѣхъ мазковъ, которые даютъ характеръ гипсовыхъ кучъ на картинахъ другихъ, весьма талантливыхъ художниковъ. Рисунокъ волны, быть можетъ, у него

слишкомъ однообразенъ, но въ иныхъ случаяхъ зыбь передавалась неподобно. Почти все картины написаны имъ неровно. Превосходно схваченъ тонъ мокраго, наглаженного приливами песка, а рядомъ — вмѣсто травы, какая-то зеленая стриженная шерсть. Суда его, помимо перспективы, нерѣдко страдаютъ оснасткой. Я въ этомъ не судья, но моряки не разъ говорили о неправильномъ ходѣ парусныхъ судовъ и о невозможности такъ лавировать противъ вѣтра, какъ лавируютъ его суда. Лучшими его мотивами, по-моему, слѣдуетъ назвать сѣрые влажные деньки надъ едва колышущимся сѣвернымъ моремъ. Въ южныхъ краскахъ онъ часто пересаливалъ, и солнце у него все-таки, несмотря на чисто тернеровскую смѣлость, было условнымъ и заспаннымъ. Затѣмъ, какъ я сказалъ уже, очаровательны его итальянскіе туманы и ближе къ натурѣ, чѣмъ попытки всехъ другихъ художниковъ. Я провѣрилъ въ Неаполѣ то ощущеніе розово-молочнаго воздуха, сквозь густую пелену котораго свѣтитъ утреннее золотисто-алое солнце, давая отъ предметовъ блѣдно-голубыя, длинныя тѣни. Предметы уходятъ въ молочную дымку, теряютъ контуры, и кажется, что черезъ какихъ нибудь сто сажень—конецъ міра, какое-то космическое пространство безъ границъ и предѣловъ. Но въ верхнихъ слояхъ туманъ рѣже, и присмотрѣвшійся глазъ вдругъ опредѣляетъ въ его розовомъ пухѣ, гдѣ-то наверху, слабый, какъ призракъ, контуръ огромной горы, вознесшейся надъ заливомъ: это—Везувій. Разъ поймавъ его очертанія, вы уже заставляете его проступать передъ вами, теряя его только на нѣсколько мгновеній. У Айвазовскаго въ его лучшихъ картинахъ то же: линіи горъ то пропадаютъ, то чувствуются до того неуловимо нѣжные краски этого тумана. Къ сожалѣнію, я не помню изъ нѣсколькихъ тысячъ видѣнныхъ мною картинъ Айвазовскаго восхода солнца на Босфорѣ и на Эльбрусѣ, а между тѣмъ это—лучшіе по красотѣ восходы въ Европѣ.

Ночи на картинахъ Айвазовскаго фосфоричны. Въ его отблескахъ на водѣ чувствуется отблескъ свѣта Иванова червячка, что-то таинственное, спокойное, манящее. Особенно хороши бываютъ нѣкоторые переливы свѣта, когда онъ изображаетъ лунный восходъ, когда чувствуется въ облакахъ розоватость, позолоченная по краямъ сосѣдствомъ луны.

Но зато какъ плохи его хаты, дороги, сады, строенія! Это—нерѣдко чисто дѣтскіе виды, безъ техники, безъ знанія, безъ наблюдательности. Съ природы онъ писалъ мало, больше по памяти. Его быстрота была анекдотична. Еще Новаховичъ изображалъ его летящимъ на паровозѣ мимо безконечнаго полотна и рисующаго по дорогѣ свои маринны. Дѣятельность его была исключительная. Къ пятидесяти годамъ онъ написалъ двѣ тысячи большихъ картинъ, а въ послѣднюю четверть вѣка—еще три тысячи. Всехъ же писанныхъ масломъ холстовъ и досокъ, по его собственному счету,

должно быть не менѣе двадцати тысячъ. Когда онъ праздновалъ въ 1887 году пятидесятилѣтіе своей дѣятельности, тѣмъ лицамъ, которыя поздравляли его и сочувствовали его дѣятельности, онъ написалъ въ подарокъ сто сорокъ маленькихъ маринъ, изъ которыхъ многія были превосходны. Работа эта была исполнена имъ въ двѣ недѣли, въ хмурую петербургскую погоду, въ тѣ немногіе часы, когда окна его номера давали свѣтъ въ небольшую комнату, обращенную въ мастерскую.

Однажды онъ хотѣлъ показать ученикамъ-пейзажистамъ, какъ онъ работаетъ. Ему приготовили двухаршинный холстъ, даже, кажется, нѣсколько шире. Выдавивъ на палитру нѣсколько красокъ и проведя линейкой черту горизонта, онъ началъ писать съ лѣваго угла внизъ, сразу накладывая нужные тона и сливая ихъ большой кистью. Онъ изображалъ зыбь послѣ бури. На небѣ—сѣрыя тучи. Вдали—накрененный на бокъ корабль, ближе лодка съ экипажемъ. Волны зелено-сѣрыя, прозрачныя, холодныя. Картина была кончена въ теченіе часа сорока пяти минутъ. Тутъ не было «фокуса»: большинство картинъ именно такъ писалось художникомъ. Его «Хаосъ», чтó въ музеѣ Александра III, изготовленъ въ одно утро.

Картину, написанную въ классѣ, Айвазовскій подарилъ ученикамъ, въ пользу ихъ кассы, и чрезъ нѣсколько дней ее продали за двѣ тысячи, если не за двѣ съ половиной.

Онъ имѣлъ слабость — оживлять пейзажъ фигурами. Это не скверный каламбуръ, но фигуры у него выходили дѣйствительно слабыми. Онъ по торопливости, или по привычкѣ все писать «отъ себя», изображалъ грубыхъ игрушечныхъ людей, неестественныхъ лошадей, странныхъ воловъ и овецъ. Онъ любилъ миеологическіе сюжеты, и его Нептуны, Зевсы и сирены способны возмутить самаго невзыскательнаго зрителя. Не знаю, вѣренъ ли дѣйствительности анекдотъ, слышанный мною про него, но что-то онъ похожъ на правду. Айвазовскій любилъ расписывать *al-fresco* стѣны церковей образами, конечно, болѣе изображая «Хожденіе по водамъ», «Бурю на Тиверіадскомъ озерѣ» и пр. Но однажды вздумалось будто бы ему написать Саваоѳа на фронтонѣ церкви, выходящей на площадь нѣкоего южнаго города. Поднятый туда на люлкѣ, раннимъ утромъ, профессоръ въ теченіе двухъ часовъ написалъ голову сѣдого старика съ развѣвающимся ореоломъ волосъ. Но такъ какъ въ треугольномъ фронтонѣ борода не помѣщалась, то онъ, раздвоивъ ее на обѣ стороны, волнами размѣстилъ по нижнему карнизу, закончивъ ее завитками у острыхъ угловъ фронтона. Окончивъ работу, онъ слѣзъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобы провѣрить впечатлѣніе. Ъхалъ въ это время на базаръ ногаецъ. Онъ остановилъ воловъ и тоже подошелъ къ художнику, смотря на фронтонъ съ неопишуемымъ восхищеніемъ.

— От-то маляръ, такъ маляръ!—говорилъ онъ.

— Нравится?—спросилъ польщенный профессоръ.

— Важно! Якого бѣса намалевали!...

Фронтонъ былъ тотчасъ же снова загрунтованъ.

Одно время—именно въ шестидесятыхъ годахъ—Айвазовскій вынесъ немало гоненій отъ критики. Надъ нимъ издѣвались, говорили, что онъ пишетъ подносы, смѣялись надъ его фигурами, надъ его ошибками. Какъ на грѣхъ, онъ выставялъ нелѣпо-федерическія картины въ родѣ «Взрыва монастыря Аркадіонъ», котораго онъ, конечно, не видѣлъ, или аллегорическіе холсты на тему нашей войны съ турками. Его необдуманная послѣдствіе въ этихъ аллегоріяхъ вела къ курьезнымъ ошибкамъ: напимѣръ, луна получала свѣтъ не отъ солнца, а съ другой стороны—противоположной. Но потомъ все это перемололось, и къ юбилею его все-таки всѣ сошлись на несомнѣнной истинѣ: что онъ всю жизнь былъ поэтомъ въ лучшемъ значеніи слова и искалъ въ натурѣ эту поэзію. Если бы оставить изъ двадцати тысячъ его картинъ двѣсти, онъ былъ бы больше оцѣненъ и понятъ.

Прямой противоположностью Айвазовскаго былъ Шишкинъ. Поэзія въ немъ было мало, вѣрнѣе—никакой не было. Его сосновые лѣса нарисованы съ удивительнымъ тщаніемъ, съ глубокимъ проникновеніемъ въ каждый сучекъ, но въ то же время невыразимо скучно. Въ натурѣ тишина хвойнаго лѣса—угнетающая, томительная: безъ пѣнія, безъ шума листвы, безъ зелени кустовъ; ровные высокіе стволы мачтовыхъ сосенъ, сѣропепельные, покрытые мохомъ, сказочными колоннами поднимаются кверху; здѣсь есть величіе, но величіе Дантова ада. Кажется, внизу, подъ этими деревьями бродятъ и сидятъ усталыя, замученныя души, которыя не могутъ вырваться на просторъ изъ мистическаго круга этихъ деревьевъ. Шишкинъ копировалъ природу какъ-то безсознательно, произвольно, стихійно. Въ черныхъ ржавыхъ ручьяхъ, на тропинкахъ, усѣянныхъ иглами хвои, онъ чувствовалъ себя, какъ дома. Онъ рѣдко позволялъ солнечному лучу пробиться черезъ шатеръ столѣтнихъ вѣтвей. Когда же онъ выходилъ на опушку и писалъ праздничное голубое небо,—у него получалась ровная синяя поверхность, тщательно замазанная во всѣхъ порахъ и ни съ какой стороны не похожая на воздухъ. Онъ не чувствовалъ, что небо—не сплошное голубое пространство, а безконечно разнообразное, и что однообразіе его только кажущееся. Когда онъ поѣхалъ впервые въ Крымъ,—у него опустились руки отъ приторно-слащавыхъ, но разнообразныхъ, какъ игра солнца въ мыльномъ пузырьѣ, красокъ Черноморскаго побережья. Онъ не могъ ничего уловить, ничего написать. Ему, какъ сѣверному медвѣдю, тяжело было на изумрудномъ побережьи, и онъ ушелъ наверхъ, въ горы, туда, гдѣ за вершину Ай-Петри цѣпляются сѣрыя облака, и въ дождливый день напоминаютъ собою лѣсистые склоны Елабуж-

скаго края, откуда онъ былъ родомъ. Ему надо было пойти на Аю-Дагъ,—на мохнатой спинѣ этой Медвѣдь-горы онъ нашель бы немало сродныхъ своей душѣ мотивовъ.

Рисунки его куда выше картинъ. Но и здѣсь онъ путается въ деталяхъ. И здѣсь у него эскизы стволонъ, мостиковъ, пней, про-сѣкъ. Его называютъ пѣвцомъ русскаго лѣса. Едва ли это—пѣ-вецъ потому что во всемъ имъ написанномъ нѣтъ ни капли поэзи.

Со мной вмѣстѣ была въ академіи г-жа Лагода, талантливая на-тура, умѣвшая въ пейзажѣ видѣть именно поэзію. Она вышла за-мужъ за Шишкина,—и, сама написавъ двѣ-три много общающихся вещи умерла. Ихъ короткій бракъ какъ будто пахнулъ на худож-ника свѣжей струею, въ немъ почувствовалось вѣяніе душистаго вѣтра и золотыхъ лучей. Но умерла она—и опять, до самой смерти все у него заволкло сѣрой непроглядной дымкой.

Руководителемъ пейзажнаго класса былъ тогда Михаилъ Кон-стантиновичъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ, человекъ, до того пере-полненный своими семейными неприятностями, что едва ли мог-шій всецѣло отдаться дѣлу преподаванія. Художникъ онъ былъ умный: умно вынашивалъ въ себѣ идею cadaго пейзажа, выпи-сывалъ каждый камешекъ, каждый листикъ, и умѣлъ всегда под-купить и публику и критику. Въ немъ крѣпко сидѣла нѣмецкая жилка добросовѣстности, и онъ съ удивительной тщательностью обрабатывалъ всевозможные мотивы. Онъ сумѣлъ заставить гово-рить о себѣ; онъ не былъ узкимъ специалистомъ. Работалъ онъ не спѣша, давалъ одну картину въ годъ, но зато эта картина была всегда прописью: и задумана и скопанована классически. Онъ сумѣлъ затронуть нѣкоторыя струны души зрителя не столько исполненіемъ, сколько замысломъ. Его гарантасъ, куда-то въ даль уносящійся отъ васъ, вѣялъ нѣкоторой поэзіей. Синія густыя тучи, нависшія послѣ заката солнца на западѣ, напоминали вамъ что-то родное, полузабытое. Къ сожалѣнію, писалъ онъ грузно, черно,— и теперь его пейзажи кажутся хорошо забальзамированными му-міями, высохшими, почернѣвшими, но важными и сохранившими прежнее величіе.

Талантовъ въ пейзажистахъ академія не угадывала. Лучшіе изъ нихъ расцвѣли помимо ея, а Левитанъ созрѣлъ совсѣмъ гдѣ-то въ сторонѣ, на почвѣ вовсе уже не академической. Несмотря на свое еврейское происхожденіе, онъ былъ по духу родственнымъ художнику наирусскому изъ русскихъ—Антону Павловичу Чехову. Любовь ко всему чахлому, худосочному, золотушному у обоихъ этихъ художниковъ была общая. Одинъ разъ Чеховъ сказалъ мнѣ:

— Ахъ, были бы у меня деньги, купилъ бы я у Левитана его «Деревню», сѣренькую, жалконькую, затерянную, безобразную; но такой отъ нея вѣтъ невыразимой прелестью, что оторваться не-льзя: все бы на нее смотрѣлъ да смотрѣлъ.

До той изумительной простоты и ясности мотива, до которыхъ дошелъ въ послѣднее время Левитанъ, никто не доходилъ до него, да не знаю, дойдетъ ли и послѣ. Русскіе пейзажисты вообще враги всякой условной красоты и прихорашиванія въ пейзажѣ. Кромѣ Куинджи, стоящаго совершенно особнякомъ, у художниковъ нашихъ нѣтъ исканія красоты, которое такъ чувствуется у Тернера, Коро и другихъ. Тернеръ писалъ поэмы на такіе мотивы, какъ поѣздъ желѣзной дороги. Одинъ только Диккенсъ пошелъ по тому же пути, написавъ поразительную по силѣ картину летящаго поѣзда въ «Домби и сынъ». До такой смѣлости не возвышались другіе живописцы и писатели. Но меня удивляла всегда та косность въ нашемъ пейзажистѣ, которая заставляетъ привязываться ихъ къ заѣзженнымъ, скучнымъ шаблонамъ, и не манить ихъ къ дѣйствительнымъ красотамъ.

У насъ, подъ Петербургомъ, то-есть въ какихъ нибудь суткахъ ѣзды, есть мѣста красоты не исчерпаемой. А между тѣмъ сѣверныя финскія озера какъ будто пугаютъ пейзажистовъ. Задумчивыя тихія финляндскія ночи, опаловыя, когда

Пурпуръ заката сливается съ златомъ востока,

когда въ чистой, какъ горный хрусталь, водѣ отражаются опрокинутые лѣса, камни и горы, совершенно неизвѣстны въ нашемъ искусствѣ. А шхеры Финскаго залива, которыя такъ любилъ Александръ III, куда онъ съ такой любовью уѣзжалъ съ семьей на яхтѣ, чтобъ хоть немного забыться отъ тяжелыхъ дѣлъ,—кто занялся ими? А норвежскіе фіорды, своеобразной красотѣ которыхъ нѣтъ равной? А Сайма, на тысячи квадратныхъ верстъ размавшаая на сѣверъ? Эти поселки, чистенькіе городки, игрушечныя церкви, тихіе, спокойные люди, сѣрыя ленты дорогъ, не знающихъ грязи въ самое дождливое лѣто,—все это еще достойне будущаго.

Крымъ давно надоѣлъ своими Алупками и Гурзуфами. Смотришь эти вѣчные виды побережья, и вспоминаешь татарскую грязь и вонь, уснащенную еще русскою неопрятностью,—отличительную черту нашей Ривьеры. И все пейзажисты, какъ бабочки ночью возлѣ свѣчки, носятся вокругъ одного и того же: рисуютъ Ялту съ боку, Ялту съ моря, Ялту сверху. Но никто не хочетъ знать красоту склоновъ горы Демерджи, что отдѣляетъ Судакъ отъ Алушты. Улицы Бахчисарая, кромѣ аляповатаго ханскаго дворца, не влекутъ къ себѣ изобразителей. Юсафатова долина за Бахчисараемъ, съ этими дивными типами черноглазыхъ дѣтей, привлекала ли хоть кого нибудь? Кто изъ художниковъ былъ на Кавказѣ въ большой Кабардѣ? Мнѣ довелось верхомъ ѣздить въ долинахъ Малки и Кичь-Малки, и я знаю, что за неизвѣданные мотивы

ожидаютъ тамъ художника. А устье Ріона, древняя Колхида? Это будетъ почище Ривьеры, Неаполя, Швейцаріи. И вѣдь это все наше, наше!

Я не говорю, что надо снимать непременно портреты мѣстностей: на это есть фотографіи. Но природа тамъ связана тѣсно съ нашими полумифическими представленіями и объ аргонавтахъ, и объ амазонкахъ, и о Прометѣѣ. Этотъ край ждетъ своего Бѣклина, который сумѣетъ заставить говорить камни.

У насъ съ презрѣніемъ относятся къ перспективной живописи, къ видамъ городовъ. Но и для этихъ видовъ, если писать ихъ не такъ, какъ пишутъ у насъ, раскрашивая открытыя письма, а если находить красивые закоулки, завороты, стѣны и каналы, — одинъ Петербургъ даетъ неисчерпаемый матеріалъ. Посмотрите на Зимнюю канавку, на Калининъ мостъ, на Московскую заставу, на наши мосты, на Неву, на крѣпость, на гранитные сходы къ водѣ. Все это и въ зеленую лѣтнюю ночь и въ розовое морозное снѣжное утро — красоты неисчерпаемыя для поэта-художника. Мотивъ Пушкина:

«И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла—

— еще не нашли художника на полотнѣ. Наши художники слишкомъ инертны для этого. Дворцовая набережная въ тихую таинственную лѣтнюю ночь — это призрачный сонъ. Лермонтовъ уловилъ эту красоту:

Задумчиво толпы дворцовъ вѣмьхъ
По берегамъ тѣснилися, какъ тѣни,
И въ пѣнѣ водъ гранитныхъ крылецъ ихъ
Купалися широкія ступени...

Картина очаровательная! Когда-то Страховъ возмущался ложью этого описанія, говорилъ, что дворцы не тѣсняются, а стоятъ на широкой набережной. Неправда — они тѣсно лѣплятся другъ къ другу. Онъ говорилъ, что у нихъ нѣтъ гранитныхъ крылецъ. И это неправда: къ спускамъ ведетъ много гранитныхъ лѣстницъ, и онѣ въ эпоху «боярской поры» были крыльцами, съ нихъ садились въ катера и шлюпки.

Въ самое послѣднее время Бенуа (Александръ) какъ будто всколыхнулъ сонное царство. Какъ будто почувствовалось желаніе изучать и рисовать то, что вокругъ насъ, не бѣгая за этимъ за тридевять земель. Какъ любитель XVIII вѣка, онъ облюбовалъ Екатерининскія, Петровскія и Елизаветинскія постройки. Изъ-за Ораніенбаумскихъ и Петергофскихъ перспективъ вдругъ глянулъ на насъ старый забытый стиль, и мы точно услышали шуршаніе

старыхъ фижмъ и камзоловъ. Версальскій дворецъ оказался и у насъ. Мы почувствовали забытый тактъ менуэта, пудренный парикъ пересталъ быть смѣшнымъ, а даже получилъ какъ будто ореолъ какой-то милой семейной услады. А впереди-то, впереди сколько матеріала для будущихъ поколѣній художниковъ!

Подумайте только: Петровскій Петербургъ и Петергофъ — эти «Версали на голландскій манеръ»; Ораніенбаумъ съ катальной горкой, съ голштинцами, съ повѣшенными Петромъ III крысами; Нарвскій трактъ съ императрицей, еще недавно собственноручно стиравшей свое бѣлье въ корытѣ, а теперь во главѣ войскъ вступающей въ Петербургъ; Потемкинскій дворецъ съ Дидеро, бесѣдующимъ съ той же императрицей; Гатчино съ своимъ мрачнымъ дворцомъ и снѣжной дорогой до Петербурга, по которой Павелъ, выѣхавъ наслѣдникомъ, пріѣхалъ въ столицу императоромъ... А Михайловскій замокъ съ надписью о «долготѣ дней» и съ мрачными камердинерами, пальцами вынимающими пушинки изъ стакана, который несутъ для питья государю, и приговаривающими:

— Сегодня плаваетъ, а завтра потонетъ.

Нельзя же попытки Неврева, Якобія и другихъ имъ присныхъ считать за серьезныя попытки изобразить тогдашній строй жизни. Какъ ни какъ, но писатели кое-что, по мѣрѣ силъ и способностей, старались возсоздать изъ этой эпохи. Художники же дальше Грознаго не идутъ. Пугаетъ ли ихъ сложность изученія эпохи, или что другое,—не знаю. Но и здѣсь нуженъ толчекъ со стороны дѣйствительнаго таланта. Олеографическіе «Ледяные дома» и quasi-обличительныя «Шуты Анны Іоанновны» — отнюдь не историческія картины.

VIII.

И вотъ при такихъ-то условіяхъ развивались и образовывались молодые художники. Я не могу сказать, чтобы преподаваніе велось плохо,—напротивъ, иные предметы читались даже хорошо, — но во всей академіи не было руководителя, не было фундамента для общаго направленія. Молодежь шла стадомъ, безъ вожака, вразсыпную, не видя и не чувствуя дороги. Поводыри старыхъ путей безпомощно указывали на пройденный ими путь и звали за собой продолжать его въ томъ же направленіи. Но юноши чувствовали, что ихъ дороги не туда ведутъ, что лучше заблудиться, чѣмъ итти къ какой-то неопредѣленной цѣли, въ которой чуть ли не главной прелестью была казенная квартира.

И немногіе выбирались на истинный путь: ихъ фамиліи можно назвать наперечетъ. Да и то, что дала имъ академія,—это ими болѣе или менѣе хорошо забыто. Что связываетъ суриковскую «Боярыню Морозову» съ академіей? Правда, Литовченко, профессоръ, у котораго, между прочимъ, вѣроятно, учился и Суриковъ, за

нѣсколько лѣтъ до него написалъ ту же боярыню, но, пожалуй, онъ показалъ, какъ не нужно писать историческіе сюжеты. «Ермакъ» Сурикова, какъ художника, еще болѣе далекъ отъ академіи. Какая связь Виктора Васнецова съ Шамшинымъ, официальнымъ иконописцемъ, его преподавателемъ? Это—люди съ совершенно разныхъ планетъ.

Очень взволновала насъ исторія иконописи въ московскомъ храмѣ Спасителя. Недовѣрчиво относились только къ Семирадскому, зная, что для православной церковной живописи у него нѣтъ никакихъ данныхъ. Отъ остальныхъ ждали чего-то, ждали съ нетерпѣніемъ, съ трепетомъ молодыхъ сердецъ. Но скептики охлаждали этотъ пылъ.

— Полно! что они могутъ?!

Я поѣхалъ въ Москву съ рекомендательнымъ письмомъ къ архитектору, руководившему послѣдними работами храма. Онъ дозволилъ мнѣ разсматривать его, сколько угодно. Не могу забыть того чувства стыда и горя, которое охватило меня при взглядѣ на стѣны. Тутъ не было и тѣни православія, да тутъ вообще не было ничего, кромѣ казеннаго заказа. У меня вырвалось только одно восклицаніе:

— Неужели это увѣковѣчатъ въ мозаикѣ?

Воротясь въ Петербургъ, я поѣдалъ о несчастіи товарищамъ. Многие даже не повѣрили:

— Вы преувеличиваете!

Я, кажется, былъ первый, который печатно рѣшилъ поднять говоръ противъ неудачи, постигшей храмъ. Быть можетъ, я былъ слишкомъ неостороженъ, выступивъ открыто противъ своихъ же профессоровъ. Но я шелъ на рискъ: я уже рѣшилъ все равно разстаться съ академіей.

Дѣло прошло благополучно. Потомъ, когда храмъ былъ освященъ, газеты сумѣли ударить въ набатъ о великолѣпнн живописи. Многие изъ прихожанъ этому повѣрили. Только московскіе строгіе приверженцы старой живописи сурово смотрѣли на прилизанную и приглаженную «итальянскую» живопись храма. Мнѣ когда-то Неффъ говорилъ, что образъ долженъ быть «одухотвореннымъ», что плоть святого должна быть неземная, и что даже въ изображеніи евангельскихъ сюжетовъ, при изображеніи земныхъ существъ, ихъ слѣдуетъ писать какъ бы приобщенными къ свѣту того явленія, что они созерцаютъ.

Но изъ этого, конечно, не слѣдовало, чтобы всѣ ниши и паруса храма были переполнены фотографическими копіями съ натурщиковъ: Иваны, Алексѣи и Тарасы смотрятъ съ высоты печально и грустно, говоря о немощи художниковъ-профессоровъ.

Какъ бы реакціей этой раздушенной салонной живописи явились образа Нестерова. Я помню, какъ тонкій знатокъ православной живописи и зодчества, архіепископъ казанскій Владимиръ, говорилъ мнѣ послѣ осмотра Владимирскаго храма въ Кіевѣ.

— Впервые храмъ вижу, достойно писанный. И Нестеровъ много далъ теплаго и хорошаго. Одинъ грѣхъ: очень у него святые не умыты—замарашки: все же ключевая-то водица была у нихъ. Я думаю, это больше съ досады на нѣмца Неффа художники ихъ нигилистами рисуютъ: на-те, молъ, вамъ, вотъ они у насъ какіе.

Но что архіепископъ не былъ за условную красоту и приличіе, видно изъ того, что онъ упрекалъ нѣсколько за изображеніе Варвары.

— Ужъ очень она красива: томная такая, интересная. И ангелы, что несутъ ее, тоже такіе благовоспитанные, красивые. Даже какъ-то неловко, потому что всѣ neodѣтые...

Владимирскій храмъ—поворотный пунктъ въ исторіи русской иконописи. Васнецовъ вновь связалъ допетровскій періодъ иконописи съ настоящимъ временемъ. Онъ примирилъ съ иконою русскій народъ, отвергывавшійся отъ «итальянщины». Въ Васнецовѣ явилось то провидѣніе, которое было свойственно «четыремъ стамъ» прерафаэлистамъ. Его плачущіе и смятенные серафимы—великое новое слово въ искусствѣ. Его ангелы—провозвѣстники—цѣлый новый міръ, глянувшій на землю изъ таинственныхъ сферъ невидимаго.

Мнѣ всегда казалось, что въ композиціяхъ Васнецова есть только одинъ недостатокъ: онъ слишкомъ высоко беретъ горизонтъ, особенно для сидящихъ фигуръ. Казалось бы, мы можемъ взирать на эти образы только снизу, а онъ заставляетъ насъ смотрѣть съ какихъ-то горнихъ сферъ, и сидящіе кажутся ниже насъ, гдѣ-то въ глубинѣ. Положимъ, что на древнихъ нашихъ иконахъ кресло всегда писалось съ покатымъ сидѣньемъ, точно сидящій соскальзываетъ съ него. Но едва ли эти недочеты перспективной техники слѣдуетъ повторять художнику нашихъ дней.

Поступательное движеніе русской художественной мысли огромно. Съ каждымъ годомъ горизонты искусства расширяются и дѣлаются все обширнѣе. Переоцѣнка заставила серьезно разобраться въ работѣ предыдущихъ поколѣній. Вчерашніе боги рухнули, а оплеванное и поруганное снова водружается на своихъ пьедесталахъ.

Очень трудно сказать, когда можетъ явиться у насъ настоящій вождь, который укажетъ намъ опредѣленную дорогу. Можетъ быть, это будетъ еще не скоро. Но хорошо уже то, что мы сознали дряблость и негодность многоаго. Хорошо то, что академія сама сознала свой ложный путь, остановилась и повернула на новый.

Связь съ западомъ теперь куда сильнѣе, чѣмъ четверть вѣка назадъ. Къ намъ сюда зачастую стали присылать изъ-за границы картины. Нѣсколько десятковъ рублей довольно затратить на проѣздной билетъ въ оба конца, даже до Парижа или Лондона. Фото-типія и фотогравюра, упразднивъ ксилографа, позволили непосредственно любоваться передачей въ черномъ оттискѣ точной копіи оригинала.

Къ сожалѣнію, художественные кружки разбились на приходы и злобно скалятся другъ на друга. «Передвижники», сыгравшіе такую крупную роль въ свое время, теперь пережили себя и представляютъ собою разрушенное кладбище. «Передвижники» тогда явились реакціей академическихъ порядковъ, но теперь, когда академическіе руководители состоятъ членами товарищества, вопросъ о какомъ бы то ни было протестѣ является смѣшнымъ.

«Направленія» у передвижниковъ больше нѣтъ. По старой памяти, иные силятся иллюстрировать фельетонно-общественныя темы, но на нихъ уже смотрятъ, какъ на зажившихся дѣдушекъ, которые все забыли, кромѣ пѣсенки «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ». Среди нихъ попрежнему есть такой мощный талантъ, какъ Рѣпинъ, но онъ уже не ихъ представитель, а представитель новой академіи.

Распаденіе всего круга художниковъ на безчисленное множество отдѣльныхъ кружковъ ослабляетъ первымъ дѣломъ эти кружки, а, во-вторыхъ, озлобляетъ всѣхъ другъ противъ друга. Вчерашніе друзья видятъ въ своемъ товарищѣ врага, который мѣшаетъ, который залѣзаетъ въ карманъ своему близкому. Но самое положеніе этихъ приходоѡ съ определенной окраской и огромное количество выставленныхъ на ихъ выставкахъ картинъ указываютъ на сбытъ ихъ, на потребность общества къ живописнымъ произведеніямъ.

Бывало, на академической выставкѣ выставлено номеровъ триста, да на передвижной много, если сотня. Въ совокупности, словомъ, выставлялось картинъ шестьсотъ—самое большое. Теперь ихъ является до трехъ тысячъ. То-есть, въ четверть вѣка продуктивность художниковъ выросла въ пять разъ.

Какъ ни бѣдна у насъ художественная литература, но во сколько разъ она богаче, чѣмъ въ мое академическое время! Былъ сухой «Вѣстникъ изящныхъ искусствъ», былъ «Художественный журналъ», очень мало занимавшійся искусствомъ; были скучнѣйшія книги Куглера и Любке, вотъ и все. Ни одной энциклопедіи на русскомъ языкѣ (теперь ихъ уже двѣ), ни одного серьезнаго журнала по искусству (теперь ихъ три), ни одного приличнаго изданія исторіи русской школы (опять таки ихъ два: московское—Остроуховское и петербургское—Бенуа). Наконецъ появились коллекціи нашихъ старыхъ портретовъ, появились Мейербергъ и Олеарій. А самое главное, все двинулось впередъ, все получило огласку и вышло изъ канцелярскихъ стѣнъ академіи.

Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и, быть можетъ, художники объединятся въ одномъ салонѣ, такъ какъ всѣ служатъ одной общей идеѣ, и всѣ дѣти одной матери.

Но въ ту пору давящая атмосфера пригнетала насъ; щетно мы бодрились, увѣряли другъ друга, что все благополучно. Въ

лучшемъ случаѣ, молодежь уѣзжала учиться на Западъ, но уже мало чему могла научиться, истомленная, усталая, измученная. Достигнувъ нѣкоторой извѣстности и благъ земныхъ, они не успокаивались, какъ прежде: червь глодалъ ихъ, точилъ ихъ сердце вѣчнымъ, сверлящимъ винтомъ, и потомъ, работая на свободѣ, они все же ясно сознавали:

— Не то!

Вырваться изъ заколдованнаго круга не было силы. Зловѣщія стѣны академіи давили со всѣхъ сторонъ.

На похоронахъ Достоевскаго, въ январѣ 1881 года, я шелъ въ депутаціи отъ академіи. Инспекторъ шелъ со мной рядомъ и угоривалъ посѣщать академію.

— О васъ спрашиваютъ профессора,—говорилъ онъ:—въ теченіе двухъ лѣтъ вы ничего почти не дали.

— Я не могу больше,—вырвалось у меня.

— Да, не нервничайте! Охъ, ужъ эта мнѣ молодежь! Рвутся, рвутся, а куда—и сами не знаютъ. Нѣтъ выдержки, терпѣнія. Начнутъ, какъ надо, а потомъ надоѣстъ, наскучить,—и все бросаешь. Еще есть время, опомнитесь.

— Нѣтъ,—сказалъ я ему.—Вопросъ рѣшенъ. Я уйду не сразу, не торопясь. Но остаться я не могу.

Онъ пожалъ плечами и отошелъ отъ меня.

Когда уже процессія подходила къ лаврѣ, инспекторъ подошелъ и тронулъ меня за плечо.

— Слушайте,—сказалъ онъ:—исполните одинъ мой совѣтъ. Хорошо, не ходите въ академію, но не подавайте прошенія объ уходѣ. Можетъ, вы надумаете, и будете продолжать и кончите конкурсомъ.

Я ему обѣщалъ, и годъ слишкомъ еще числился академистомъ.

IX.

Ко времени моего пребыванія въ академіи относится одно курьезное литературное предпріятіе, въ которомъ мнѣ пришлось принять косвенное участіе.

Уже съ 1877 года я началъ постепенно печататься, какъ беллетристъ, въ разныхъ изданіяхъ. Сначала я не подписывалъ своей фамиліи подъ беллетристикой, а подписывалъ только путевыя замѣтки, но покойный Ключниковъ, издававшій тогда Кругозоръ, убѣдилъ меня поставить мою полную фамилію подъ рассказомъ, названія котораго теперь не упомяну. Кромѣ того, я согрѣшилъ нѣкоей исторической повѣстью изъ эпохи Смутнаго времени, и тоже по настоянію редактора Д. И. Стахѣва подписался полной фамиліей. Вышло такъ, что я, будучи на третьемъ курсѣ академіи, уже два года печатался въ разныхъ изданіяхъ, и какъ ни скрывалъ свое соотрудничество, но вскорѣ многіе объ этомъ узнали.

«истор. вѣстн.», июнь, 1905 г., т. с.

5

Лѣтомъ 1878 года, только что получивши медаль за композицію, послѣ того, какъ поѣздка наша за границу разстроилась,—и даже мой послѣдній компаньонъ, граверъ В. В. Матэ, отказался ѣхать,—я отправился на островъ Валаамъ, съ своимъ гимназическимъ товарищемъ, Н. А. Холодковскимъ, тогда студентомъ—медикомъ, усердно переводившимъ гётевскаго «Фауста» и не выпускавшимъ его изъ рукъ даже на имперіалѣ конки, по дорогѣ въ медицинскую академію¹⁾. Тамъ, на Валаамѣ, я неожиданно встрѣтился съ пейзажистомъ Д. А. Есиновымъ, только что кончившимъ нашу академію.

Это былъ удивительно жизнерадостный хромоногій господинъ, очень любимый за свой общительный характеръ товарищами. Ходилъ онъ всегда съ палочкой, подсакивая. Любилъ очень дамскій полъ, и не прочь былъ отъ веселой выпивки, хотя пьянымъ я его никогда не видѣлъ. Онъ былъ изъ рода старыхъ ярославскихъ дворянъ, образованіе получилъ самое поверхностное, но во время пребыванія въ академіи обнаруживалъ талантъ къ пейзажу, особенно къ мутнымъ, дрожащимъ тонамъ сумерекъ. Эти поиски за тѣмъ, что теперь называется «настроеніемъ», не были поняты его непосредственнымъ начальствомъ — барономъ Клодтомъ, требовавшимъ тщательной выписки. Онъ все ему говорилъ:

— Эскизы-то ваши хороши, а картины съ нихъ вы не напишете.

И дѣйствительно, ни одной порядочной картины онъ потомъ не написалъ, потому что, когда принимался за академическія детали, у него ничего не выходило.

На Валаамѣ онъ пріѣхалъ писать этюды, но писалъ мало, ухаживалъ за какой-то богомолкой, ставилъ передъ мощами свѣчи и записывалъ на поминовеніе какихъ-то бабушекъ и дѣдушекъ. Увидя меня, онъ весь распустился отъ радости:

— А мнѣ ночью видѣніе было, collega,—сказалъ онъ:—видѣлъ васъ, и думаю, что это персть.

Я попросилъ объясниться.

— У меня сидитъ одинъ гвоздь въ головѣ, и вытащенъ онъ можетъ быть только съ вашей помощью.

— Въ чемъ же дѣло?

— Не скажу: секретъ, батюшка.

Онъ вдругъ захохоталъ.

— Хочу, знаете, поразить міръ. Всѣ рты разинуть: наши ректоры, профессора, всѣ... Есть у меня...

Онъ оглянулся во всѣ стороны, хотя въ лѣсу, кромѣ комаровъ, никого не было, онъ наклонился мнѣ совсѣмъ къ уху.

— Что же такое?—да вы разрѣшитесь.

— Комбинація.

— Чего?

¹⁾ Теперь Н. А. Холодковскій—профессоръ-зоологъ.

— Предпріятія.

— Какого?

— Грандіознаго.

— Да что именно?

— Не скажу. Видитъ Богъ, не скажу.

Но на другой день, когда мы гуляли по очаровательнымъ, полнымъ ландышей островамъ, смотрѣли на крестный ходъ, шедшій куда-то въ скитъ по лѣсной дорогѣ, онъ вдругъ опять сказалъ мнѣ:

— Я со здѣшнимъ игуменомъ о моемъ дѣлѣ бесѣдовалъ. Но никакого совѣта не получилъ. Онъ сказалъ, что это дѣло слишкомъ мірское, ничѣмъ полезнымъ онъ мнѣ быть не можетъ. Да я такъ и ожидалъ.

— Зачѣмъ же вы говорили съ нимъ, коли ожидали?

— Да уже очень почтенный человѣкъ.

На обратномъ пути пароходъ сильно трепало цѣлый день на Ладожскомъ озерѣ. Есиповъ куда-то пропалъ, и къ вечеру явился заспанный, но бодрый и веселый.

— Никогда такъ не спится, какъ во время качки,—сказалъ онъ и вдругъ прибавилъ:

— Деньги у васъ есть?

Я засмѣялся.

— Что это вы, точно изъ «Ревизора»? Какія вамъ деньги?

— Хорошія, большія, въ долгъ.

— Такихъ нѣтъ. Сто рублей есть.

— Мнѣ надо двѣ тысячи.

— Откуда я ихъ вамъ возьму?

— Если нѣтъ у васъ, можетъ, есть какойнибудь дуракъ, что дастъ.

— Сомнѣваюсь.

Онъ задумался.

— Придется въ Ярославль ѣхать,—сказалъ.—Продамъ свое наслѣдство за чечевицу, а своего добыюсь.

Признаться, вернувшись въ Петербургъ, я совсѣмъ забылъ и объ Есиповѣ и его «комбинаціи». Но однажды, ужъ осенью встрѣчаю его возбужденнаго, съ огромнымъ портфелемъ. Прыгаетъ по Невскому, какъ капитанъ Копейкинъ. Увидѣлъ меня и кричитъ:

— Де... де... денегъ досталъ.

Когда онъ торопился говорить, то заикался.

— Много?..

— М... м... много... Двѣ... двѣ... двѣ тысячи съ по... половиной.

И знаете, я откуда?

— Ну?

— Изъ... главнаго пра... правленія по дѣламъ печати... Буду жу... жу... журналъ издавать.

Онъ даже какъ-то подпрыгнулъ отъ восторга.

Подпрыгнулъ и я, но отъ другого обстоятельства: я зналъ, что онъ былъ очень тугъ насчетъ русской грамоты.

— Съ чего это васъ?

— Не боги горшки... какъ это говорится?—обжи... обжигаютъ. Увидите, что будетъ. Дайте вашъ адресъ, я къ вамъ приѣду.

Я далъ адресъ. Но при этомъ сказалъ:

— Не совѣтую. Трудное дѣло. Нужна опытность.

— Люди добрые помогутъ.

— Дожидайтесь этихъ добрыхъ людей!

Онъ схватилъ меня за плечи и тутъ же, на Невскомъ, сталъ цѣловать.

— Увидите, увидите!—говорилъ онъ.—Чортъ насъ съ вами подери, если мы не пустимъ фейерверкъ.

— Да я-то при чемъ?

— Да ужъ не отвертитесь, почтеннѣйшій. У меня на васъ надежда.

— Не надѣйтесь.

— Завтра къ вамъ приѣду.

Назавтра онъ въ самомъ дѣлѣ приѣхалъ.

— Я хочу издавать либеральный сатирическій органъ, — заявилъ онъ.

Это было уже совсѣмъ неожиданно.

— Кто же у васъ сотрудники?

— Вы.

— Какъ я? Да вы съ ума сошли! Я никогда въ сатирическихъ журналахъ не сотрудничалъ.

— Наплевать, бросьте. Будемъ издавать бичующій органъ сатиры, смѣлый, открытый. Будемъ указывать пороки, общественныя язвы.

— А цензура?

— Цензуры я не боюсь. Мнѣ... обѣ... обѣщали.

— Кто?

— Секретъ. Но мнѣ пропустятъ то, чего никому не пропустятъ. За меня хлопочетъ ге... ге... генераль одинъ.

— Что-то не вѣрится.

— Ома невѣрный. Но я вамъ говорю: вложите персты и обѣдитесь. Будетъ онъ съ ка... карикатурами.

— Рисовать кто же у васъ будетъ?

— Я буду... Иозя Карапчевскій.

— Да вѣдь Карапчевскій и вы пейзажисты?

— Ну, вотъ, велика важность! Потомъ будетъ Ми... Ми... Микѣшинъ. Одно неприятно... Платить не могу... Денегъ мало.

— Достаньте!

— Не дають, пробовалъ. Да я не унываю.

— Вижу.

Мнѣ онъ казался сумасшедшимъ. Безъ денегъ, безъ знаній, не умѣя ни писать, ни рисовать, никого не зная въ литературномъ мірѣ, онъ брался съ двумя съ половиной тысячами наслѣдства издавать необычайный органъ.

— Съ меньшимъ начинали,—говорилъ онъ.—Была бы энергія.

Отличительной чертой Есипова было то, что онъ необыкновенно скоро падалъ духомъ. Малѣйшая неудача выводила его изъ себя.

Кажется, въ ноябрѣ пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ растрепанный.

— Ужасное положеніе. Нѣтъ названія у журнала.

— Какъ нѣтъ?

— Назывался онъ прежде Маляръ. Чортъ знаетъ,—почти что штукатуръ. Мнѣ позволяютъ перемѣнить заглавіе.

— Такъ это вы «Маляръ» купили?

— Ну, конечно. Новаго бы не разрѣшили.

— Дорого дали?

— Не спрашивайте! Такой кусъ отъ себя отрѣзалъ, что не знаю, какъ дальше и быть. Вывѣски заказать не на что. На объявленія всего триста рублей.

— Это немного!

— На что меньше! Вонъ есть изданія, что по пяти тысячъ на объявленія ассигнуютъ.

— Такъ какъ же названіе?

— Думалъ назвать «Дуракъ», да, говорятъ, рѣзко и двусмысленно. Потомъ думалъ: «Юродивый»,—вѣдь юродивые царю въ глаза правду говорили, да и купчихи на такой органъ прельстятся,—да все-таки говорятъ, что нехорошо. Потомъ еще хотѣлъ я назвать «Бичъ», но опять ужъ очень жестко, да и слово не русское. Еще мнѣ посовѣтовалъ одинъ пріятель дать названіе «Впередь!»—но, говорятъ, есть въ этомъ родѣ что-то революціонное. Просто не знаю, что дѣлать! Еще посовѣтовали мнѣ дать названіе—Ночь. Но и это оказывается нецензурно: видятъ какіе-то намеки...

Онъ схватился за голову.

— Да, вы правы были: тяжелое дѣло.

Потомъ, дня черезъ два, является веселый.

— Придумалъ названье-то.

— Ну, что же?

— «Шутъ».

— Почему «Шутъ»?

— Да не почему. «Шуты» всегда при царяхъ были. Все равно, что дуракъ. Вѣдь это недурно. Я сегодня ужъ объявленіе вездѣ о «Шутѣ» послалъ. Завтра увидите.

Но назавтра я ничего не увидѣлъ.

Черезъ день пріѣзжаетъ въ отчаяніи.

— Что такое?

— Не санкціонировано названіе въ главномъ правленіи. Надо доложить министру. А безъ этого объявленій не печатають.

— Когда же это будетъ?

— Неизвѣстно. Какъ тяжело издателемъ быть!

Наконецъ и названіе разрѣшили. Появились объявленія. Повадилса ко мнѣ Есиповъ черезъ день.

— Вообразите, есть два подписчика. Одинъ прислалъ деньги изъ Царскаго Села, а съ другимъ... неприятность вы... вы... вышла.

— Что же?

— Звонить. Здѣсь, говоритъ, подписка? А у меня кухарка чухонка,—говорить: «самъ дома — пожалуйста». Дура свыше утвержденнаго образца. Я еще въ постели былъ, одѣлся, причесался. Выхожу—приличный господинъ съ усами: «извините, говоритъ, я не туда зашелъ,—мнѣ подписаться на годъ». Я прошу садиться, говорю: «Маша,—кофею не хотите ли?» Онъ поблагодарилъ, посмотрѣлъ на стѣны, а на стѣнахъ ничего у меня еще нѣтъ: стоятъ въ комнатѣ столъ и шесть стульевъ.

— Много, говоритъ, у васъ подписчиковъ? Я говорю: нѣтъ, еще не особенно много, впрочемъ вчера были, изъ Царскаго. Подали кофею: жиденькій, съ цикоріей, сахара — восемь кусковъ и одна плюшка на двоихъ. Я ему подвинулъ,—онъ говоритъ: «благодарю васъ, я уже успѣлъ дома. А вотъ не позволите ли мнѣ билетъ,—я бы вамъ и деньги за годъ»... Я и глаза выпучилъ «Билетъ? какой билетъ?» — «Обыкновенно какой — подписной!» — Тутъ я себя какъ хвачу по лбу: вообразите, билетовъ я не приготовилъ...

— Такъ какъ же теперь?

— Я ужъ вошелъ въ соглашеніе съ одной типографіей, но заѣхалъ къ вамъ, чтобъ рѣшить вопросъ: что же тамъ въ билетѣ напечатать?

Мы съ нимъ составили текстъ, и онъ, счастливый, поскакалъ заказывать книгу квитанцій.

Чухонка его, точно, была глупа невѣроятно. Она послѣ долгихъ внушеній Есипова догадалась, что онъ не Есиповъ, а «Шутъ». Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ прислугой на черной лѣстницѣ рѣшено было, что «шутъ» равносильно понятію «чортъ», и поэтому Маша, при входѣ хозяина въ кухню, лѣзла подъ столъ и шептала какія-то заклинанія. Но, тѣмъ не менѣе, она отъ него не уходила, такъ какъ, къ несказанному ея изумленію, всѣ знакомые «шута», приходившіе къ нему, съ которыхъ она снимала пальто, давали ей кто двугривенный, кто и больше.

Жилъ онъ въ Измайловскомъ полку, между первой и второй ротой, въ темной квартиркѣ перваго этажа. Онъ очень заботился, чтобъ подписчикамъ было невысоко подыматься, но не думалъ о томъ, что отъ центра города къ нему версты четыре.

— Что вы тутъ наняли?—спрашивали у него.

— Дё... дё... дешёво,—отвѣчалъ онъ:—а у меня все въ обрѣзъ.

— А кто же у васъ конторой управляетъ?

— Никто. Я-то самъ на что?

— А если вамъ отлучиться изъ дома надо?

— Съ девяти до четырехъ не буду отлучаться.

Обстановка у него была самая убогая. Два кухонныхъ стола, покрытыхъ зеленымъ сукномъ до полу, и шесть вѣнскихъ стульевъ— вотъ вся обстановка конторы. Слѣдующая комната представляла тоже два кухонныхъ стола и тоже поддюжины стульевъ. Наконецъ третья комната—постель, обыкновенная желѣзная, и вмѣсто ночного столика табуретка.

— А гдѣ вы будете печатать журналъ?—спросилъ я.

— Не рѣшилъ еще.

— Батюшка, да вѣдь 15-е декабря.

— Знаю, знаю. Дорого просять, не могу: не по средствамъ.

— Подписчики-то есть у васъ?

— Городскихъ съ десятокъ наберется да человекъ семьдесятъ иногородныхъ.

— Плохо дѣло.

— Еще впереди много времени: двѣ недѣли. Говорятъ, что въ городѣ надо рассчитывать только на розницу. Вотъ Микѣшинъ далъ мнѣ чудесный рисунокъ.

Онъ мнѣ показалъ какую-то странную аллегорію—съ мрачнымъ небомъ и расіятыми на шестахъ воронами и коршунами...

— Это что же значить?

Есиповъ вытянулъ нижнюю губу.

— Неизвѣстно! Онъ не говоритъ. Вы бы нѣсколько стишковъ подписали подъ нимъ.

— Голубчикъ, не могу.

— А, можетъ, и совсѣмъ безъ подписи? Интереснѣе. Будутъ голову ломать, что такое.

— Какъ хотите.

Время близилось къ Рождеству. Какъ и слѣдовало ожидать, Есипова вышучивали конкуренты. Подписка шла вяло. Но издатель не унывалъ. Онъ накопилъ лѣтъ за пятнадцать старыхъ карикатурныхъ журналовъ: «Journal Amusant», «Pour rire» и т. д., и, радостно похлопывая рукой по сваленной въ уголъ кучѣ, говорилъ:

— Тутъ ма... матеріала года на два.

Онъ со словаремъ Рейфа по складамъ разбиралъ подписи подъ рисунками Гревена и усердно ихъ копировалъ. Но фигуры онъ бралъ съ разныхъ рисунковъ и подпись тоже подгонялъ изъ третьяго мѣста.

— Запасъ!—говорилъ онъ—запасъ!

И такъ-таки этотъ курьезный человѣкъ, совершенно одинъ, подъ влияніемъ какого-то гипноза, рѣшился наперекоръ всему сдѣлаться журналистомъ. Его родные, знакомые, товарищи—всѣ его останавливали. Но онъ твердилъ одно:

— Увидите!

Питался онъ скудно. Колбаса, селедка съ лукомъ, яйца, сосиски, сайка, калачъ, кофе и чай, вотъ и все. Обѣдовъ не готовилось. Не на что было. Самый большой расходъ у него былъ на извозчиковъ: онъ въ два раза превышалъ и квартирные и столовые расходы. Количество подписчиковъ его не смущало; онъ не думалъ ни о чемъ: ни о конторѣ, ни о бумагѣ, ни о печати. Ходилъ по своимъ комнатамъ, громко напѣвая и вѣря въ свою судьбу.

— Мнѣ цы... цы... цыганка предсказала,—сообщалъ онъ.

Я далъ ему нѣсколько моихъ переводовъ изъ гейневской «Buch der Lieder», подходящихъ къ его «сатирическому» направленію, и этимъ думалъ покончить свое сотрудничество. Но меня интересовала судьба и журнала и его издателя.

Наконецъ прискалъ онъ типографа, Г**, человѣка энергичнаго, молодого, начинавшаго свое скромное дѣло, и кончившаго крупной фирмой. Тотъ, какъ человѣкъ опытный, далъ ему нѣсколько совѣтовъ. Рѣшили, что журналъ будетъ выходить въ видѣ огромной газетной простыни, съ большими рисунками на первомъ планѣ. Онъ засадилъ своихъ товарищей по академіи, конкурентовъ на золотыя медали, за литографскіе камни и заставилъ ихъ рисовать. Но съ перваго же раза онъ понесъ жесточайшіе удары.

Ни рисунковъ, ни текста цензура не пропустила. Номеръ 1-го января не вышелъ. Газетчики осаждали редакцію, прося въ розницу номеровъ, увѣряя, что теперь разойдется ихъ тысяча, а что будетъ черезъ недѣлю—неизвѣстно. Но издатель разводилъ руками и говорилъ:

— По не... не... независящимъ обстоятельствамъ.

Наконецъ, кастрированная, довольно безсодержательная простыня перваго номера вышла. Онъ привезъ мнѣ ее прямо изъ типографіи. Къ сожалѣнію, эти первые номера Шута, составляющіе библиографическую рѣдкость, у меня не сохранились. Помню—это было нѣчто жидковатое. Издатель хмуро кусалъ усы и говорилъ:

— Не то, не то!

Выругали журналъ въ печати довольно милостиво. Всѣ ждали, что будетъ дальше. Наступила уже среда (журналъ выходилъ по субботамъ), когда Есиповъ растрепанный, блѣдный ворвался ко мнѣ въ квартиру во время обѣда и вдругъ упалъ на колѣни. Мать перепугалась, вообразивъ, что онъ сошелъ съ ума.

— Спасите, спасите!—завопилъ онъ.

Я увелъ его къ себѣ въ комнату, налилъ ему стаканъ хереса и просилъ успокоиться.

— На всю жизнь обяжете, на всю жи... жи... жизнь,—захлебывался онъ.—Помогите! У меня второй номеръ не пропустили... Те... те... текстъ...

— Что же не пропустили?

— Да ничего не пропустили. На все крестъ. А въ субботу я долженъ выйти, иначе—крышка.

— Что же я могу?

— Напишите.

— Что?

— Все напишите. Фельетонъ, стихи, обзоръ, разсказъ—весь номеръ. Я не уйду, пока вы мнѣ не скажете—да.

Мнѣ было его жалко. Что же съ нимъ подѣлать! Я рѣшилъ, ему помочь. Вспомнилъ, что кое у кого изъ пишущихъ были юмористическіе стихи, анекдоты, замѣтки, и рѣшился обратиться къ нимъ. Обрыскалъ я полъ-Петербурга, привезъ къ девяти часамъ вечера ему кипу матеріала, а затѣмъ самъ засѣлъ, и къ тремъ часамъ ночи текстъ номера былъ готовъ. Есиповъ ликовалъ, но ликованье тянулось недолго.

Онъ самъ поѣхалъ утромъ къ цензору съ наборомъ,—увы! ни одной моей строки не было пропущено, и всѣ подписи подъ карикатурами зачеркнуты. Теперь уже Есиповъ ничего не просилъ. Онъ сидѣлъ, беспомощно разставивъ руки, и говорилъ:

— Что жъ, бѣлую бумагу выпускать.

Пришлось еще ночь не спать. Номеръ вышелъ. Но и вновь написанное прошло только на половину. Въ номерѣ явились странные пробѣлы: кусковъ бѣлой чистой бумаги было больше, чѣмъ печатной. Это рѣшило участь журнала: подписка упала, розница тоже.

— У меня на третій номеръ нѣтъ ни строки...—заявилъ издатель.—Пулю въ лобъ, и шабашъ.

Но пули онъ не пустилъ въ лобъ, и третій номеръ вышелъ. Какъ сейчасъ припоминаю эти безсонныя ночи въ его редакціи. Лампы ярко горятъ, печи топятся (квартира была съ дровами). На дворѣ трещитъ морозъ. На кухнѣ спятъ два мальчика, которыхъ прислали съ салазками изъ типографіи за огромнымъ литографскимъ камнемъ. Издатель усердно рисуетъ карандашомъ и перомъ, стоя колѣнями на сидѣннѣ стула. Когда онъ послѣ двухъ часовъ работы изнемогаетъ, его замѣняетъ его товарищъ-академистъ; а другой товарищъ еще что-то царапаетъ съ другой стороны камня. Я видѣлъ такую работу только въ Суздаль, гдѣ отецъ и два сына одновременно писали икону, при чемъ сыновья подростки водили кистями черезъ его плечо. Я въ углу подыскиваю изъ «Journal Amusant» темы, которыя «прошли» бы цензуру. Въ первой комнатѣ храпитъ какой-то юнецъ, взятый за

конторщика. Самому старшему члену редакціи 26 лѣтъ, остальнымъ 23—24. Крѣпкій кофе и чай поддерживаетъ силы. Самоваръ ставится въ пятый разъ. Наконецъ, къ четыремъ часамъ ночи мальчиковъ будятъ, они взваливаютъ на санки пудовый камень, и онъ скрипя ползетъ по снѣгу. Кильки, колбаса, селедка, опять чай. Всѣ выходятъ на морозный воздухъ. Звѣзды горятъ ярко, весь городъ спитъ, извозчиковъ нѣтъ.

— Нѣтъ, господа, вѣдь это чортъ знаетъ, что такое! — восклицаетъ одинъ.

— Да-съ,—соглашается другой.

— Какой-то желтый домъ...

— Оттѣнокъ палевый есть,—соглашаюсь я.

— Но нельзя ему не помочь...

— Нельзя...

Въ этихъ ночныхъ засѣданіяхъ въ редакціи было много жизни и молодости. Когда въ послѣдствіи журналъ сталъ на ноги, Есиповъ поѣхалъ въ собственной каретѣ, и въ художники пригласилъ профессиональных карикатуристовъ, его редакція была уже подернута налетомъ канцелярщины, скуки, явились женскія прихоти, и самъ издатель иногда съ оживленіемъ вспоминалъ первые, неудачные мѣсяцы своей журнальной карьеры. Желаніе выставить рѣзкими чертами смѣшныя стороны нашей общественной жизни парализовалось вычерками двухъ третей того, что писалось и рисовалось. Пропускались только «пикантные» мотивы, и журналъ вмѣсто общественнаго сталъ, помимо воли издателя, клубничнымъ. Иногда кое-гдѣ вдругъ проскакивало кое-что рѣзкое и бойкое, но было это рѣдко.

Нѣкоторыхъ изъ сотрудниковъ перваго года «листка» Есиповъ не зналъ не только въ лицо, но и по фамиліи. Они черезъ меня давали ему матеріалъ, а я передавалъ имъ тотъ гонораръ, который въ состояніи только былъ давать несчастный издатель. Рисовать же онъ началъ все самъ, и двѣ трети года собственноручно заполнилъ своими рисунками.

Простыня вскорѣ свернулась въ обыкновенный форматъ юмористическихъ изданій, а затѣмъ издатель рѣшился его раскрашивать. Долго я отговаривалъ его отъ этого, но онъ настоялъ на своемъ. Не знаю, предполагали ли когда нибудь подписчики, что ихъ издатель-юмористъ по цѣлымъ недѣлямъ сидитъ голодный и живетъ только крохами, что ему приносятъ газетчики за розничную продажу номеровъ. У него, по старозавѣтному русскому обычаю, стоялъ подъ кроватью деревянный сундукъ, куда онъ сыпалъ двугривенные и пятиалтынные, полученные отъ продажи. Иногда придешь къ нему, онъ говоритъ:

— А я вамъ за два разказа долженъ...

— Должны.

— Сегодня у меня денегъ много. Могу отдать.

Онъ начинаетъ расчитывать.

— Пятнадцать рублей тридцать копеекъ. Такъ?

— Должно быть.

— Еще разъ пересчитайте.

Оказывается ровно столько.

Онъ садится на корточки и вытягиваетъ изъ-подъ кровати сундукъ. Начинается отсчетъ по двугривеннымъ.

— Держите, синьоръ, пригоршни.

Чуть карманъ не лопається отъ этихъ двугривенныхъ.

— Можеть, хотите мѣдныхъ?—предлагаетъ онъ.—А ужъ бумажекъ я давно не видѣлъ. Только въ мѣняльныхъ лавкахъ, въ окнахъ посмотришь на нихъ.

Въ концѣ лѣта я рѣшилъ поѣхать на югъ. Я только что весною покончилъ съ академическими экзаменами. Прока и просвѣта отъ дальнѣйшаго пребыванія въ академіи не видѣлъ, и сталъ подумывать совсѣмъ отдаться литературѣ. Хотѣлось мнѣ освѣжиться, встряхнуться, и я поѣхалъ въ Крымъ.

Есиповъ не хотѣлъ меня отпускать.

— Куда васъ несетъ? Какъ же я безъ васъ?

— Я напишу вамъ на прощаніе пару рассказовъ.

— Нѣтъ, вы дайте слово, что будете присылать еженедѣльно.

— Даю.

Мы расцѣловались и расстались. Къ осени у него совсѣмъ уже дѣла были плохи, чего я даже не зналъ. Но не могу не припомнить одного обстоятельства, рисующаго этого «издателя».

Въ Крыму я случайно встрѣтилъ какого-то гродненскаго помѣщика, который пригласилъ меня въ морской клубъ, тамъ проигрался, занялъ у меня дозавтра денегъ и не отдалъ. У меня, за расплатой въ гостиницѣ, осталось всего двадцать рублей. Я рѣшился ѣхать въ Харьковъ, гдѣ у меня были знакомые, и пріѣхалъ туда съ тремя рублями. Но обратиться къ знакомымъ и даже остановиться у нихъ мнѣ показалось стыдно, не хотѣлось выставять себя идиотомъ въ этомъ дѣлѣ съ помѣщикомъ. На три рубля послалъ двѣ телеграммы въ редакціи съ просьбой о высылкѣ денегъ, да кстати написалъ письмо и Есипову. Въ ожиданіи результата жилъ я въ гостиницѣ, обѣдалъ у знакомыхъ; за извозчиковъ платилъ швейцаръ, и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ожидалъ я недѣльнаго счета. И въ самый послѣдній моментъ я получилъ денежный пакетъ отъ Есипова. Поступокъ этотъ очень меня тронулъ, хотя на присланную имъ сумму я могъ доѣхать только до Москвы, но тамъ у меня были родные.

Когда мы встрѣтились, онъ мнѣ только сказалъ:

— Посадили вы меня, чортъ, на діету. Какъ въ животѣ забурчить, такъ я этого гродненскаго помѣщика ругать самыми отборными выраженіями.

Конечъ Есипова былъ печаленъ. Успѣхъ, лошади, векселя, довѣрчивость, болѣзнь—въ результатѣ; черезъ шесть лѣтъ послѣ основанія журналъ, уже дававшій тысячъ десять чистаго дохода, перешелъ къ другому лицу. Но и «другое лицо» года черезъ четыре лопнуло. Есиповъ же кончилъ дни въ больницѣ чуть ли не отъ прогрессивнаго паралича.

X.

Наконецъ, чтобы покончить съ академическимъ періодомъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о началѣ моей литературной дѣятельности.

Мнѣ пришлось сразу стать въ непріятныя отношенія съ цензурой. Разсказъ «Наши педагоги», предназначавшійся для «Отечественныхъ Записокъ», былъ покойнымъ Салтыковымъ принятъ и похваленъ, но цензура отказалась пропустить на отрѣзъ, что привело въ великое негодованіе Плещеева. Первый мой сценическій опытъ, о которомъ едва ли кто нибудь знаетъ и помнить, тоже осложненъ былъ разными препятствіями.

Написалъ я для одного благотворительнаго домашняго спектакля пьесу подъ названіемъ «Дверей не заперли». Пьеса эта имѣла на домашнемъ спектаклѣ осенью 1878 года значительный успѣхъ, и своевременно канула въ Лету. Я о ней забылъ, когда совершенно неожиданно, въ посту слѣдующаго года, актеръ Алексѣевъ обратился ко мнѣ съ просьбой поставить эту пьесу въ его бенефисъ въ Александринскомъ театрѣ. Для двадцати-трехлѣтняго студента это могло показаться большимъ счастьемъ. Я, конечно, согласился, но поставилъ условіемъ одно,—чтобы отнюдь на афишѣ не было моего имени. Алексѣевъ сказалъ:

— Дѣло не въ имени, а въ пьесѣ. Дайте ваше расписаніе ролей. Савина, Сазоновъ, Нильскій? Чудесно! По рукамъ! Благодарю.

Но черезъ недѣлю онъ заявилъ:

— Я вашу пьесу передалъ Петипа. У него тоже бенефисъ, ему нужныѣ. Вамъ все равно?

— Все равно.

Петипа явился ко мнѣ съ такими переговорами.

— Такъ какъ вы настаиваете на томъ, чтобы вашей фамиліи не было, то позвольте и мнѣ, какъ бенефицианту, предложить кое-что. Во-первыхъ, нельзя ли измѣнить названіе?

— Почему?

— Да потому, что есть пьеса «У запертой двери». Слишкомъ много дверей въ одинъ сезонъ... Я думаю, знаете, какъ назвать? «Птичка въ западнѣ»?

— Какъ «Птичка въ западнѣ»? Тамъ ни птички, ни западни нѣтъ?...

— Развѣ нѣтъ? А я ужъ прошеніе подалъ въ этомъ смыслѣ, и дирекціи заявилъ, что покупаю вашу пьесу.

Я махнулъ рукой.

— Все равно, дѣлайте, что хотите.

— А потомъ, родной мой, я не могу ваше распредѣленіе ролей провести. У меня Савина играетъ Маргариту Готье, и маленькой пьесы играть не можетъ.

— Такъ какъ же?

— А у насъ есть Читау, не мать, а дочь,—она великолѣпно сыграетъ. Потомъ Сазоновъ... Мы съ нимъ... Мнѣ неудобно... Наконецъ, мнѣ самому надо играть... Нильскій тоже не то, а мы возьмемъ Варламова. Будетъ превосходно.

Впервые я попалъ на Александринскую сцену на репетиціи и спектакль. Даже никому изъ знакомыхъ я не сообщалъ о томъ, что идетъ моя пьеса. Прошла она, должно быть, гладко (я не видѣлъ), потому что участвующихъ вызвали разъ шесть. Но тутъ произошло совершенно неожиданное обстоятельство.

Въ министерской ложѣ сидѣлъ графъ Лорисъ-Меликовъ. Это было какъ разъ наканунѣ его назначенія генераль-губернаторомъ въ Харьковъ и еще за два года до «диктатуры сердца». Онъ нашель, что типъ офицера, вернушагося изъ дунайской арміи, неприличенъ, въ виду его назойливости и вранья вполпьяна. Нѣсколько военныхъ чиновъ, бывшихъ съ нимъ въ театрѣ, тоже жаловались на «сгущенныя краски». Я думалъ, что мнѣ предложить «смягчить» офицера, но вмѣсто этого приказано было снять пьесу съ репертуара. Тѣмъ не менѣе, она стала появляться въ провинціальныхъ театрахъ, Богъ вѣсть по какой рукописи и въ какомъ текстѣ...

Писалъ я вообще тогда мало, все еще не порывая связи съ академіей. Но въ 1880 году поѣхалъ я въ Малороссію и по Волгѣ и тамъ задумалъ, да и написалъ дорогой свою первую комедію «На хуторѣ».

Ее нашли крайне радикальной. Членъ комитета И. А. Маннъ выразился про нее:

— Публику можно заставить слушать такую пьесу, только поставивъ на нее пушки.

«На хуторѣ» легла подъ спудъ.

Черезъ годъ я написалъ трехактную пьесу «Женя». Изъ трехъ актовъ цензура оставила одинъ первый.

При такихъ обстоятельствахъ, нельзя сказать, чтобъ я съ особенной охотой брался за перо.

Но декабрь 1881 года рѣшилъ дѣло. «На хуторѣ» имѣла большой успѣхъ въ Москвѣ, въ частномъ театрѣ. Черезъ годъ ее пропустили и для Александринской сцены.

Это окончательно дало мнѣ поворотъ къ литературной дѣятельности. Но для этого первымъ дѣломъ надо было учиться. Начиная съ древне-индійской и персидской литературы и кончая современной европейской, приходилось штудировать все сначала, шагъ за шагомъ.

Я переѣхалъ отъ отца на отдѣльную квартиру. Я рѣшилъ писать какъ можно меньше, чтобы только не разорвать завязавшихся связей въ литературѣ. Я началъ систематически пріобрѣтеніе книгъ, и началъ прямо съ англійской литературы. Чтобы имѣть средства къ жизни, я рѣшился прибѣгнуть къ одному изъ параграфовъ того шуточного устава, текстъ котораго былъ приведенъ выше: я сталъ работать иллюстраціи для журналовъ.

Я потому остановился на этомъ средствѣ существованія, хотя смотрѣлъ на него, какъ на ремесленный заработокъ, что такая работа служила мнѣ и отдыхомъ: голова отдыхала отъ чтенія, мысли работали самостоятельно. Старую привычку къ живописи трудно было бросить: рука невольно тянулась къ карандашу. Въ то же время это позволяло не торопясь готовиться къ настоящей дѣятельности.

Я выдерживалъ характеръ. Пять лѣтъ я не писалъ пьесъ, хотя «Хуторъ» шелъ уже на всѣхъ сценахъ Россіи. Все, что я задумывалъ, казалось мнѣ скучнымъ и слабымъ. Громкій успѣхъ другихъ авторовъ меня не радовалъ, и лаврамъ ихъ я не завидовалъ. Этотъ періодъ систематическихъ работъ по иллюстраціямъ составляетъ какъ бы переходъ отъ дѣятельности художественной къ литературной.

П. Гнѣдичъ.

ВЪ РУССКОМЪ «МУРАНО».

(Очеркъ).

I.

ВЫ ШУТИТЕ, развѣ у насъ Россіи существуетъ подобнаго рода кустарный промыселъ?—спросилъ я моего собесѣдника.

— Существуетъ болѣе ста лѣтъ, но, къ сожалѣнію, не процвѣтаетъ и мало двигается впередъ... Впрочемъ, если васъ интересуеть это производство, поѣзжайте сами посмотрѣть: оно не далеко отъ Москвы, не болѣе семидесяти верстъ, но, тѣмъ не менѣе, вамъ покажется, что вы находитесь отъ нея очень далеко.

Любопытство мое было затронуто, мнѣ, хорошо знакомому съ производствомъ стеклянныхъ кустарей Мурано, въ Южной Германіи и Богеміи, было интересно посмотрѣть, какъ наши русскіе работники преуспѣваютъ въ этомъ дѣлѣ, посравнить.

— Но не стройте большихъ фантазій объ ихъ работѣ, а то разочаруетесь,—поспѣшилъ замѣтить мой собесѣдникъ.

Поѣздъ Московско-Ярославской желѣзной дороги, на которомъ я отправился на другой день рано утромъ, доставилъ меня на станцію Хотьково, находящуюся верстахъ въ пятидесяти отъ Москвы, черезъ два часа.

Желающихъ ѣхать въ уѣздъ, кромѣ меня, никого не оказалось, и немногочисленные извозчики бросились ко мнѣ, едва я показался на крыльцѣ станціи, сбивая другъ другу цѣны.

— Въ Теплово еще изволите заѣхать, а тамъ ужъ и въ Костино дальше поѣдете?— переспрашивали меня конкурирующіе возницы. Я утвердительно качнулъ головой.

— За пять рубликовъ свезу, пожалуйста. Экипажикъ у меня первый сортъ, одно слово — городской, лессоры аглицкія, патентованныя, не тряхнетъ, не кольнетъ,—суетился возница, залучая къ себѣ сѣдока.

Я согласился, и мы отправились, дрожки задрезбужали по булыжной мастовой.

— Вы, господинъ, не думайте, что все такая тряская дорога пойдетъ,—точно оправдываясь за мостовую, говорилъ Павелъ Федоровъ, оборачивая ко мнѣ свое черное лицо, не забывая въ то же время подергивать веревочныя вожжи: — это только до обители, а за нею—песочекъ, проселкомъ поѣдемъ, не тряхнетъ, точно по морю, ровнехонько, не качнетъ.

Успокоенный его завѣреніями, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ обѣщаннаго проселка.

— Може, къ «сестрамъ» завернете?—робко спросилъ Павелъ:—помолитесь, да и такъ взглянуть, церковь больно хорошу новую онѣ построили...

Я никогда не былъ въ этомъ монастырѣ и велѣлъ остановиться у воротъ.

Высоко расположенный на пригоркѣ, онъ круто спускается своими кельями и службами въ оврагъ. Вновь выстроенный храмъ красиво окаймленъ густыми кустами деревьевъ, красный кирпичъ его главъ рѣзко вырисовывается въ утренней синевѣ, тогда какъ старый соборъ, окрашенный въ мягкій розовый тонъ, сливается съ другими постройками и, подавленный новымъ, кажется значительно меньше, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ.

Изъ открытых оконъ старой церкви несся стройный аккордъ монашескаго хора. Душистая струйка ладана пахнула прямо на меня. Пройти въ самый храмъ было не легко, на паперти толпились богомольцы, преимущественно крестьяне и крестьянки съ котомками за плечами, въ сермяжныхъ кафтанахъ и лаптяхъ.

Возница сказалъ правду: почти сейчасъ же за монастыремъ булыжная мостовая окончилась, пошелъ проселокъ...

— Что жъ ты, братецъ, обѣщалъ мнѣ спокойную ѣзду?— обратился я съ укоромъ къ Павлу, когда дрожки начали прыгать «съ горки на горку» и такъ жалостно позвякивать всеми своими частями, что я каждую минуту думалъ: вотъ, вотъ разсыплются и заставятъ меня отправиться дальше пѣшкомъ. Но Павелъ на меня успокоительно поглядывалъ, увѣренно махалъ рукою и повторялъ:

— Ахъ, какой вы невѣрный, баринъ! Сказываю вамъ, что матерьялъ на экипажъ поставленъ самый лучшій, аглицкій, патентованный, а работалъ ихъ Самсонъ Антипычъ Семилѣткинъ, ма-

стеръ, лучше котораго по всей Москвѣ не сыщешь, одно слово, слилъ экипажъ.

Тѣмъ не менѣе «слитымъ» дрожкамъ трудно было бороться съ ловушками и западными земскою дороги; мое ухо среди всего этого звяканья и треска различало гармоническій стонъ металла. Вѣроятно, и Павелъ услышалъ его, потому что сейчасъ же затирукалъ лошадей, соскочилъ съ козелъ и съ увѣренностью знатока бросился къ правому переднему колесу.

— Эхъ, такъ и есть, листикъ въ лессорѣ лопнулъ,—бормоталъ извозчикъ, но, замѣтивъ мой тревожный взглядъ, сейчасъ же увѣренно сказалъ:

— Это ничего, не бѣда, маненько веревочкой посвяжу, а въ Тешлово доѣдемъ, я проволочнымъ хомутикомъ закрѣплю.

И, какъ ни въ чемъ не бывало, вскочилъ на козлы, и мы поѣхали дальше. Хотя теперь мы ѣхали и съ «опаской», какъ говорилъ Павелъ, но обѣщанной спокойной ѣзды я такъ и не дождался.

Проѣхали черезъ какую-то богатую усадьбу, со стариннымъ барскимъ домомъ, раскинутымъ «покоемъ», съ облупившеюся колоннадою, съ краснымъ желѣзнымъ куполомъ надъ двухсвѣтнымъ заломъ. Разбитый передъ домомъ цвѣтникъ далеко не соответствовалъ его величію. Зато поставленная на пригоркѣ передъ нимъ каменная церковь была несомнѣннымъ памятникомъ эпохи Растрельевскихъ на Руси построекъ.

Снова потянулись перелѣски, прерываемые кое-гдѣ полями съ рожью и овсомъ. Рожь уже колосилась.

— Далеко еще ѣхать?—вырвался у меня невольный вопросъ.

Возница встрепенулся, зачмокалъ губами и началъ дергать вожжи.

— Туточка, не далече...

Скоро наша поврежденная колесница задрезжалась по бревенчатому мостику, перекинутому черезъ ручеекъ съ высокими берегами, вдали показались деревенскія постройки.

— Во, во, и Тешлово!—обрадовался мой возница.

— Вези прямо къ кузнецу Михайлѣ Степанову,—сказалъ я Павлу, когда мы подѣхали къ Тешлову.

Опрятная, новая изба кузнеца стояла на дальнемъ концѣ деревни. На улицѣ около избы никого не было видно.

— Ей, живъ человекъ, откликнись!—крикнулъ извозчикъ въ открытое окно.

На крылечкѣ показался полный средняго роста, еще не старый по виду мужчина, въ красной кумачной рубахѣ.

— Вамъ, милостивый государь, кого требуется?—мягкимъ теплоромъ спросилъ онъ, поглаживая лѣвою рукою рыжеватую съ просѣдью бороду и пристально глядя на меня.

Я сказалъ.

— Такъ вотъ предъ вами, милостивый государь, онъ самый и стоитъ. Чѣмъ служить могу?

— Мнѣ указали на васъ, говоря, что вы можете мнѣ быть полезнымъ для осмотра кустарнаго производства въ Костинѣ.

По лицу кузнеца поплыла довольная улыбка; онъ, слегка прихрамывая, подошелъ ко мнѣ.

— Отчего не поруководить, теперь время вольготное, полевья работы отошли, а что дома занадобится, сынки справятъ, не даромъ я ихъ растилъ.

— Пожалуйте-ка въ горницу, али здѣсь, подъ яблонкой, чайку испить у насъ извольте, а тамъ вмѣстѣ поѣдемъ. Извозчикъ-то у васъ обратный?

Изъ оконъ избы выглянули женскія лица, привлеченныя нашимъ разговоромъ, на крылечко вышли два сына хозяина, одинъ лѣтъ тридцати, Иванъ, а другой подростокъ, Дмитрій, оба въ такихъ же рубашкахъ, какъ и отецъ.

Сноха послѣдняго, жена Ивана, накрыла чистою цвѣтною скатертью грубо сколоченный столикъ подъ яблоней, громыхая посудю, притащила поднось, скоро поспѣлъ надиво вычищенный самоваръ, и чаепитіе началось.

— Да вы кушайте, милостивый государь, вотъ яички, пряженцы, нынѣ только пекли,—угощалъ гостепріимный Михайло Степановъ:—можетъ, «казенки» рюмочку желаете? Про запасъ для гостей держимъ, а сами, ни-ни, слава Господу, не употребляемъ.

Я отказался отъ водки.

— Маненько лошадки вздохнуть, сѣнца похватаютъ, тогда и поѣдемъ,—говорилъ хозяинъ,—а пока не обезсудьте, дозвольте спросить: что за сумочка у васъ съ боку болтается?

Фотографическій аппаратъ былъ немедленно показанъ, и хозяинъ съ домочадцами запечатлѣнъ на пластинкѣ Кодака.

Солнце перешло полдень.

— Пожалуй, теперь и тронемся,—предложилъ кузнецъ.

Снова затрещалъ ноевъ ковчегъ, прыгая черезъ рытвинки и подымая тучи пыли изъ мягкой колеи проселка. Мѣстность, которую мы теперь проѣзжали, была красивѣе прежней. Дорога шла въ гору, солнце пекло немилосердно.

Михайло Степановъ снялъ картузь и отеръ платкомъ обильно выступившій на его лбу потъ.

— Благодать! для cadaго произрастенія теперь, опосля дождичковъ, много полезно.

— Жарко ужъ больно, Михайло Степановичъ,—пробовалъ возразить я ему.

— Нѣтъ, милостивый государь, жарко, это доподлинно, что такъ, а хлѣбушку вольготно, радуется онъ солнышку и наливается,

человѣческій глазъ радуется. Ишь какъ забралъ все поле-то,—указалъ старикъ на изумрудно-зеленую рожь, ровною, плотною стѣною тянущуюся по обѣимъ сторонамъ грунтовой дороги.—Хрестыянское сердце радуется, на нее глядя.

— Зажиточны ли мужики ваши?—спросилъ я своего спутника:— что-то постройки въ вашемъ Тешловѣ не важны?

— Ишь примѣтливый какой! Куда тутъ зажиточны, день да ночь—сутки прочь. А все отъ себя: больно темень народъ-то еще, своей пользы не видитъ. А главное лѣнь да зависть сильно мѣшаетъ.

— Зависть? Это что-то новое, Михаилъ Степановичъ, не слышалъ еще, расскажите.

Кузнецъ осанисто провелъ рукою по сѣдѣющей бородѣ, усмѣхнулся и промолвилъ:

— Доложу вамъ, господинъ милый, вотъ хоть бы со мной случай былъ. Тутъ неподалечко отъ деревни нашей копали канавки да глину изъ нихъ въ «ложикъ» около поля сваливали. Мѣстечко рядомъ допрежь того куды урожайное было, хлѣбъ ли, овесъ ли сѣй,—все въ лучшемъ видѣ выспѣетъ, а тутъ вдругъ сталъ злать—отъ мокнуть. Ему бы наливаться да зрѣть, а онъ гнить зачнетъ, да и пропадетъ совсѣмъ. Одно слово, «потнымъ» мѣсто то обозначилось. Побились годъ, другой мужички, толку нѣтъ, да въ пустырь его и оборотили. Смекнулъ это я и говорилъ: «У васъ, ребята, мѣсто такъ подъ пустыремъ ходить, смѣняемся: я вамъ клинушекъ свой дамъ, а вы «потную» землю». — «А на что она тебѣ?» — спрашиваютъ, а сами съ опаской на меня глядятъ. Скитрилъ я въ тѣ поры: «Лошадку, молъ, пустить здѣсь поровлю, пусть покормится, ишь трава-то какая жирная». Поломались, погупторили, да и попросили полторы десятки въ придачу. Что-жъ, далъ. Землю эту въ волостномъ за мной утвердили, я и началъ огородикъ налаживать. Земля черная, пречерная, сырая; ручеекъ подъ землей бѣжалъ, какъ логъ-то завалили, дѣваться ему некуда. Ну, онъ и «опотнилъ» землю-то. И повѣрите, господинъ милый, такой у меня урожай на этомъ огородѣ былъ, что и сказать не могу. Наши-то сейчасъ съ укорами ко мнѣ. «Ты, говорятъ, лошадь пускать хотѣлъ, а самъ капусты насадилъ, это развѣ порядокъ?» Зависть, извѣстно, беретъ, что сами не умѣли пользу изъ земли произвести. А все отчего? отъ темноты да отъ сѣрости нашей!—закончилъ старикъ.

Разговаривая съ нимъ, я не замѣтилъ, какъ мы добрались до высохшаго русла рѣченки. На той сторонѣ, на бугрѣ, высилась длинная заводская кирпичная труба.

— Это, что ли, Костино-то?—спросилъ я кузнеца.

— Нѣтъ еще, до села версты двѣ съ половиной осталось... а это, милостивый государь, казусное дѣло такое, что и говорить смѣшно.

И старикъ улыбнулся.

— Видите ли, дѣло-то какое. Имѣются въ Костинѣ большіе богатеи, что готовый товаръ отъ задѣльщиковъ покупаютъ и сами опосля имъ по городамъ торгуютъ. Появился въ этихъ мѣстахъ тальянецъ какой-то, сталъ къ ручной выдѣлкѣ присматриваться. Сперва-то боязно задѣльщикамъ было, что чужой человѣкъ смотритъ на ихъ работы, а потомъ привыкли. Немного спустя, онъ и шастъ къ богатеямъ.

— «Не такъ, молъ, вы работаете, бусу али другое что еще можно такъ дѣлать, а пуговицу нельзя изъ стекла лить: колется она скоро, не прочна — одно слово. У моего брата въ Тальянской землѣ пуговичное заведеніе такое устроено, на всѣ стороны, можно сказать, пуговицу готовить, и не изъ стекла, а изъ другого матерьяла. Всю фабрику строилъ я, секретъ этотъ знаю; коли желаете вмѣстѣ на это дѣло итти, вы, дескать, деньгой, а я умѣнемъ да секретомъ мильоны заработаемъ!» Показалъ пуговицу — первый сортъ, что и говорить.

Это онъ имъ сказалъ, а два брата богатеи и призадумались, поговорили, поговорили, и столковались съ тальянцемъ. Онъ имъ заводъ ставить, всѣмъ дѣломъ завѣдывать будетъ, а они денежки въ мощну класть. Може, и впрямь мильоны нажили бы, да корысть-то попугала одного изъ богачевъ. Совсѣмъ заводъ готовъ ужъ былъ, малость какая оставалась, печки додѣлать и пустить.

«Зачѣмъ,—думаетъ богачей,—буду я тальянцу такую уймащину денегъ отдавать, пуцусь-ка на хитрость».

Отослалъ онъ это тальянца въ городъ, будто бы по дѣлу, кухарченку его увела въ лѣсокъ хозяйка богача погулять, а онъ самъ шмыгъ въ комнату, гдѣ всѣ планты у тальянца были, и давай разсматривать. Занедужилосъ что ли кухаркѣ, поспѣшила она изъ лѣска домой, пришла, да какъ ахнетъ, а богачей стрекача задалъ. Поняла, зачѣмъ ее въ лѣсъ выманили, смышленная баба была, и какъ вернулся тальянецъ изъ города, сейчасъ же все ему и доложила.

Обидѣлся мастеръ, — кому ни доведись, каждый на его мѣстѣ разсердился бы, — и ушелъ отъ богача, не додѣлавъ печи и секрета своего не открывъ. Бился, бился богачей, ничего не выходитъ, никакъ заводъ пустить не можетъ. Онъ ужъ къ тальянцу снова засылалъ, нѣтъ, куда тутъ, гордъ. «Хоть, говорить, весь свой заводъ мнѣ пропозертуетъ, ни за что не пойду». И не пошелъ. Богачей ужъ изъ заграничныхъ земель мастеровъ къ себѣ вызывалъ дѣло наладить, никто не идетъ.

— Вотъ оно, дѣло какое! Хотите, зайдемъ, посмотримъ, авось пустить, богачей тутъ теперь одинъ сычемъ сидитъ,—предложилъ мой спутникъ, когда мы подѣхали къ заводу.

Я согласился и пошелъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Степановичемъ.

II.

Пустынно глядѣли обнесенныя высокимъ деревяннымъ заборомъ заводскія строенія.

На дворѣ не было ни души.

— Какъ бы не обозлился еще, коли безъ спроса пойдемъ, — нерѣшительно замѣтилъ старикъ:—зайдемте въ контору напервые.

Въ пустой конторѣ насъ встрѣтилъ молодой еще человѣкъ.

— Что нужно?—недовольно спросилъ онъ.

— Посмотрѣть вашъ заводецъ желаютъ,—отвѣтилъ мой спутникъ:—продать, наслышаны, думаете.

Брови богатея сердито сдвинулись.

— И не думалъ, дождусь своей очереди, пуцу самъ заводъ, а показывать никому не намѣренъ!—рѣзко оборвалъ онъ свою рѣчь.

На его невѣжливый отвѣтъ я рѣшительно замѣтилъ:

— Да и смотрѣть у васъ нечего, на любомъ стеклянномъ заводѣ все еще лучше можно видѣть.

Скоро неудачный заводчикъ съ его заводомъ остался далеко за нами.

— Вонъ и Костино, рукою подать, — весело проговорилъ кузнецъ, указывая на широко раскинувшееся село.

Изъ небольшихъ избышекъ, на задворкахъ его, легкимъ туманомъ стлался дымъ.

— Это и есть камушницы, гдѣ задѣльщики работаютъ, — пояснилъ мнѣ Михайлъ Степановичъ.—Знаете что, милостивый государь, пройдемте дальше, тутъ рядомъ деревня Прокшево, такимъ же дѣломъ промышляетъ, тамъ у меня дружекъ имѣется, онъ все намъ покажетъ и растолкуетъ.

Я замѣтилъ, что, недовольный отказомъ богатея показать заводъ, Михайлъ Степановичъ опасался, какъ бы и здѣсь не случилось то же самое.

— Что же, коли это все равно, поѣдемте въ Прокшево,—согласился я, и уставшіе было буцефалы потащили нашу трясучку дальше.

Перебравшись черезъ мостъ, перекинутый на рѣчкѣ, миновавъ красивый бѣлый каменный храмъ съ выкрашенными въ зеленую краску куполами, мы очутились въ сосѣдней съ селомъ Костинымъ деревнѣ Прокшевѣ. Солнце уже далеко передвинулось на небѣ, жара спадала. На деревенской улицѣ было нелюдно.

— Работаютъ, торопятся пораньше сегодня зашабашить, на-завтра праздникъ,—пояснилъ мнѣ кузнецъ.

Возница, по его указанію, повернулъ къ самому послѣднему дому, на выѣздѣ изъ деревни.

Какъ Костино, такъ равно и Прокшево производили довольно пріятное впечатлѣніе хорошо срубленными избами, изъ которыхъ многія были новыя.

— Ничего себѣ, живутъ, кормятся,—замѣтилъ мой спутникъ:—еще бы лучше жили, когда бы не были такъ темны, да безъ богатеевъ обходились.

У изгороди незатѣйливаго садика, съ неизмѣнными рябинками, кустами крыжовника и смородины, стоялъ прислонясь мужикъ; мой спутникъ сразу призналъ его.

— Матвѣй Семеновичъ, здорово, благопріятель, вотъ я къ тебѣ гостя привезъ, изъ самаго Питера пріѣхали вашей работой полюбоваться, интересъ къ ней имѣютъ. Покажи, милый, все какъ слѣдуетъ.

Въ сѣрыхъ глазахъ кустаря промелькнуло безпокойство, онъ не зналъ, что и подумать о моемъ пріѣздѣ и желаніи познакомиться съ дѣломъ.

— Отчего жъ не показать, покажу охотно, только дѣло-то наше не хитрое, да и грязное къ тому же,—медленно, растягивая, слова отвѣтилъ Матвѣй Семеновъ:—коли пожелаете, господинъ, пойдѣмте.

Недалеко отъ избы, отступая отъ жилыхъ строеній, беспорядочно толпились почернѣвшія отъ копоти и дыма небольшія срубленные изъ бревень постройки, не то бани, не то сарайчики.

— Камушницами по нашему дѣлу онѣ называются,—пояснялъ хозяинъ,—а мы сами камушниками, потому что камушекъ, бусу то-есть, раздѣлываемъ.

Внутри камушницы, покрытой ниже порога, посрединѣ стояла невысокая печка, слегка напоминающая обыкновенную «дровянку» на стекловаренныхъ заводахъ, только значительно меньше ея. Такъ же, какъ и въ ней, здѣсь были продѣланы кругомъ печки большія отверстія; сверху, на толстой проволокъ, плотно прилаженной, висѣлъ колпакъ изъ огнеупорной глины. Огонь въ этой печкѣ, скорѣе очагъ, усиливался большими мѣхами. У каждаго изъ отверстій, а ихъ было четыре, сидѣли по работнику.

— По сю сторону мои сыновья, а тамъ два племяша работаютъ,—сказалъ Матвѣй Семеновъ:—самому мнѣ невмоготу, поработалъ, довольно.

Молодые люди привѣтливо мнѣ поклонились, охотно показывая свою работу.

— Стекло цвѣтное али бѣлое получаемъ мы отъ здѣшнихъ стекловаровъ, у насъ богатеи варятъ его такъ, безъ затѣй, въ глиняныхъ горшкахъ, ложкой желѣзной сливаютъ на камень, лавой прозывается. Тутъ стекло стынетъ, трескаться начнетъ, вотъ на такіе куски.

И объяснившій парень подалъ мнѣ обломокъ синяго стекла въ дюймъ толщиною.

— Затѣмъ мы стекло это у себя здѣсь разогрѣваемъ, и когда оно поразмягчится, выдѣлывать пуговицу али что другое начнемъ. Вотъ неугодно ли посмотрѣть?

Молодой кустарь вынулъ изъ отверстія въ печкѣ желѣзный пруть, на концѣ котораго краснѣлъ прилѣпленный кусокъ стекла въ небольшой кулакъ величиною. Ловкимъ движеніемъ правой руки парень «защипнулъ» мягкое стекло особыми щипцами съ вложенною въ нихъ небольшою формочкою и началъ отщелкивать, при чемъ при каждомъ нажимѣ ручки щипцовъ блестяла стальная иголка, пробивавшая въ боку отгиснутую пару бусъ. Лѣвая рука работника въ то же время оттягивала пруть со стекломъ. Длинная, узенькая полоска стекла молочнаго цвѣта съ почти пробитыми кругленькими бусами по двѣ въ рядъ быстро скользила по желѣзному желобу въ желѣзное же ведро, гдѣ разсыпалась на части. Длина полоски не превышала полъ-аршина, стекло, намотанное на пруть, успѣвало за это время остыть и превратиться изъ мягкаго въ твердое.

— Теперь опять нужно его подогрѣвать,—проговорилъ парень и сунулъ пруть въ печку.

— А послѣ, какъ выработаемъ этой бусы достаточно, ссыплемъ въ простой холщевый мѣшокъ, тряхти его станемъ, а буса о бусу перетираться начнетъ, ровненькая да гладенькая такая выйдетъ.

Я подошелъ къ другому кустарю, сидящему напротивъ.

Послѣдній тянулъ изъ свѣтло-зеленаго стекла шейную пуговицу, тоже по двѣ въ рядъ. Выходила она довольно крупная.

— Пуговицу мы не трясемъ въ мѣшкахъ,—сказалъ хозяинъ,— а какъ сдадимъ богатеямъ, такъ они ее на такихъ противняхъ въ печку на короткое время сажаютъ, края дырокъ «затаиваютъ», чтобы нитку не рѣзали.

— Куда же товаръ вашъ идетъ?

— По всей матушкѣ Россей гуляютъ наши пуговицы да камушки,—улыбнулся хозяинъ.

— Кто же скупаетъ вашу выработку?—спросилъ я снова.

— Да наши же богатеи и берутъ. Они стекло намъ на выдѣлку даютъ, они же деньги платятъ. О прошлый годъ чтой-то былъ спросъ большой на нашъ камушекъ, такъ изъ самой Москвы покупатель къ намъ наѣзжалъ, попользовались тогда, а нынѣ опять позатихло съ нашимъ товаромъ, мало его брать стали, да и цѣны сильно скостили.

— А почему отдаете скупщикамъ?

— И говорить не приходится, почитай, что задаромъ, камушекъ за парную тысячу идетъ по десяти копеекъ, а допрежь двугривенный, а то и весь четвертакъ платили, шейную и рукавную пуговицу, вотъ что сейчасъ работается, за двадцать копеекъ отдаемъ, да и то норовятъ заплатить только по семнадцати, раньше тоже сорокъ копеекъ платили.

— Топлива меньше, чѣмъ на пятиалтынный въ день на человека, не произведешь,—жаловался одинъ изъ работавшихъ,— сиди

съ утра до ночи, жарься у печки, зимой-то передо жарко, а спина стынетъ, больше девяти гривенъ въ день не выбьешь.

— Что же еще выдѣлываете?

— Подвѣсокъ въ серьгамъ, саму серьгу, крестики, такъ кой-какую мелочь,—отозвался хозяинъ.

— Гайтанную пуговицу, татарской она еще прозывается, съ желѣзнымъ ушкомъ, — снова вмѣшался молодой кустарь, — коли любопытствуете, такъ вотъ туда неподалечку, парень ее одинъ сегодня работаетъ.

Пройдя нѣсколько камушницъ, работавшихъ все тѣ же самыя бусы и пуговицы, хозяинъ привелъ меня къ одной изъ нихъ.

Кромѣ неизмѣнной принадлежности всѣхъ подобныхъ мастерскихъ, стоявшей посрединѣ печи, направо отъ печи былъ прилаженъ небольшой очажекъ. Работавшій за нимъ парень усердно нажималъ правою ногою педаль мѣховъ, раздувая въ очажкѣ небольшое пламя. Такъ же, какъ и въ только что видѣнной мною камушницѣ, онъ мягчилъ на огнѣ кусокъ стекла лѣвою рукою, а правую на особомъ желѣзномъ крючечкѣ обматывалъ заранѣе приготовленныя проволочныя петельки этимъ стекломъ, выдѣлывая довольно ровныя между собою круглыя пуговицы со втяанными въ нихъ ушками. Готовую пуговицу онъ бросалъ въ горячую золу у стѣнки очажка, чтобы она понемногу охладилась, не лопнула отъ быстрой перемѣны воздуха, и принимался за работу другой.

Несмотря на привычную ловкость молодого кустаря, выдѣлка шла далеко не быстро. Стекло на пуговицахъ было свилеватое, пугырчатое.

— За «гайтанную» платятъ подороже,—объяснилъ Матвѣй Семеновъ: — восемь гривенъ за ординарную тысячу. Пуговица эта преимущественно на Волгу идетъ, ее татары обожаютъ, лучше всякой другой ее требуютъ, привычку къ ней имѣютъ.

Я хотѣлъ посмотреть выдѣлку другихъ подѣлокъ, но оказалось, что за отсутствіемъ на нихъ спроса ихъ временно никто не работаетъ. Осматривать примитивныя стеклянныя заводы богачеевъ не стоило, хотя на одномъ изъ нихъ выдѣлывается даже кое-какая посуда.

— Пожалуйте, господинъ, чайку ко мнѣ испить,—пригласилъ меня съ кузнецомъ хозяинъ.

Я охотно согласился и вошелъ въ чисто содержимую избу.

III.

— Промыселъ нашъ болѣе ста лѣтъ существуетъ,—разсказывалъ бывшій задѣльщикъ, когда мы сѣли пить чай,—въ Костиинѣ семействъ пятнадцать имъ занимается, да у насъ въ Прокшевѣ съ десятокъ имъ кормится.

— Отчего же вы не выработываете другихъ вещей, не совершенствуете этого?

— И то надо слава Богу сказать, давно ли и такъ-то научились работать, не болѣе лѣтъ съ десятокъ, а допрежь того никакихъ щипцовъ, машинокъ, формочекъ нами и не знавано.

— Кто же васъ научилъ работать съ машинками?

— Да видятъ наши богатеи-скупщики, что дѣло на уронъ идетъ, ужъ больно наша выдѣлка низка, надумали въ чужіе края съѣздить, посмотрѣть, какъ тамъ работаютъ. Надумали, взяли человѣчка два изъ задѣльщиковъ и поѣхали въ Венецію, тамъ въ селѣ Муранскомъ все это дѣло производится.

Смотрятъ, нюхаютъ, а до настоящаго толку все дойти не могутъ, языка ихняго не смыслятъ. Рѣшили толковаго человѣчка нанять, который по-нашему и по-ихнему понималъ бы и говорилъ. Нашли, удобнѣе стало, а все до самой сути муранцы нашихъ-то не допускаютъ. Что тутъ дѣлать, пошли на выдумки. Купцами обозначились: «мы, дескать, пріѣхали изъ Рассеи вашъ товаръ покупать, пожалуйста, покажите намъ, какъ и что».

Ну, на это венеційцы польстились, показали, а наши задѣльщики умомъ раскинули, мозгами шевелятъ, мерекуютъ, уши растопырили, глаза уставили, а послѣ вечеромъ и говорятъ богатеямъ:

— Все въ понятіе наше, молъ, ввели.

Ввели, такъ ввели. Распрощались наши съ муранцами, коекакого товару у нихъ купили, а затѣмъ черезъ человѣчка того-то, что говорилъ съ ними, купили у мастера щипцы и формочки коекакія, семьдесятъ пять цѣлковыхъ за нихъ пожертвовали, и домой собрались.

Здѣсь это, дома-то, сейчасъ сообразили, по образцу такіе же щипцы заказали, печечки, что тамъ видѣли, задѣльщики наши посложили и пошли работать.

Допрежь того печку сложить, чтобы мало-мальски дѣйствовала, меньше четвертнаго билета и не думали, а тутъ каждый самъ себя сложить, а то за рубль цѣлковый любой парень ему соорудить.

— Ну, а потомъ не ѣздили больше за границу? — полюбопытствовалъ я.

— Нѣ, больше не бывали, — добродушно отозвался хозяинъ, — а надобно бѣ, много чего разузнали бы еще.

Я подивился косности богатыхъ скупщиковъ, даже ради своихъ барышей не интересующихся совершенствованіемъ этого промысла.

— Что имъ хлопотать? — махнувъ рукой, продолжалъ Матвѣй Семеновъ, когда я замѣтилъ ему объ этомъ: — деньги и безъ того кучей къ нимъ сыплются.

Долго еще проговорили мы объ единственномъ въ Россіи кустарномъ стеклянномъ промыслѣ, несмотря на близость крупнаго торговаго центра, безпомощно влачащаго свое существованіе.

Припомнились мнѣ деревни Шварцвальда и Тироля, гдѣ этотъ промыселъ не только кормить тысячи народа, но даетъ имъ возможность дѣлать даже сбереженія, не говоря уже о самой жизни, о которой русскій кустарь не можетъ и мечтать. Напримѣръ, всѣ стеклянныя лампочки для электрическаго освѣщенія накаливаніемъ—производство кустарей, да мало ли чего еще другого.

— Вы бы пробовали выработать что либо другое изъ стекла,—замѣтилъ я кустарю.

— Охотно бы, господинъ, взялись за другую выдѣлку, дѣло намъ сподручное, сызмальства все около печи находимся, да не знаемъ, какъ приступить, образцовъ нѣтъ, указать некому.

Мнѣ вспомнились серебряные кустари села Краснаго на Волгѣ. Долго находились они въ кабалѣ у скупщиковъ-богатеевъ, ставившихъ имъ невозможныя цѣны на матеріалъ и жизненные припасы, которые они отпускали кустарямъ вмѣсто денегъ изъ своихъ лавокъ. Прimitивныя приемы выработки, отсутствіе образцовъ, кредита подъ товаръ, однимъ словомъ точка въ точку то же самое, что и здѣсь. Но въ Красномъ вотъ уже три года какъ устроена министерствомъ финансовъ ремесленная школа, открыты ссудныя операціи денегъ подъ выработанныя вещи, найденъ сбытъ помимо мѣстныхъ кулаковъ, а здѣсь, рядомъ съ Москвою, ничего подобнаго и въ поминѣ нѣтъ. Странное невниманіе земства!

Въ Москвѣ мнѣ еще больше пришлось убѣдиться въ этомъ.

У Никитскихъ воротъ существуетъ кустарный музей московскаго земства, при немъ имѣется и продажа произведеній кустарнаго промысла. Я отыскалъ нарочно его, зашелъ туда и спросилъ продавщицу:

— Нѣтъ ли у васъ стеклянныхъ произведеній костинскихъ кустарей?

Она изумленно на меня взглянула, повидимому, вопросъ мой былъ ей совершенно непонятенъ.

— Я, право, не знаю, никогда не слышала про нихъ, позвольте, я спрошу старшаго приказчика. Однако, и старшій приказчикъ оказался совершенно незнакомымъ съ работами села Костина и деревни Прокшева.

— Позвольте, вспомнилъ, бывають у насъ дугныя бусы оттуда, да и то къ Рождеству для елочныхъ украшеній, — отвѣтилъ онъ мнѣ послѣ минутной запинки.

Вотъ и близость къ Москвѣ, и пресловутое раченіе о благахъ нашего русскаго кустаря!

Обратно дорога моя лежала черезъ село Озерецкое.

Село Озерецкое красиво разбросано на невысокихъ холмахъ. Въ немъ волостное правленіе, церковь постройки конца XVIII столѣтія, много домовъ въ два этажа. Повсюду тѣнистые садики, въ нихъ видѣются покрытыя бѣло-розовою пеленою цвѣта яблони, вишневья и грушевыя деревья.

Быль уже шестой часъ, когда мы прибыли сюда.

— Отсюда вы поѣдете одни,—сказаль мнѣ Михаилъ Степановичъ,—мнѣ до дому здѣсь недалеко, можетъ быть, и подвезетъ кто изъ своихъ деревенскихъ.

На прощанье я предложилъ кузнецу напиться со мною чая и закусить.

Въ довольно чистомъ трактирѣ, въ который мы съ нимъ зашли, никого изъ посѣтителей не было.

Во второмъ этажѣ, на большомъ балконѣ воссѣдалъ только самъ хозяинъ, мѣстный торговецъ, вмѣстѣ съ фабрикантомъ пряжи, фабрика котораго виднѣлась неподалеку отъ села.

Я познакомился съ ними.

— Васъ интересуеть пуговичное производство? — обратился ко мнѣ съ вопросомъ фабрикантъ.

— Очень, но, къ сожалѣнію, кустарное производство ихъ значительно отстало отъ требованій рынка, по моему мнѣнію.

Собесѣдники мои переглянулись.

— Вотъ и вы успѣли это замѣтить, — снова сказалъ фабрикантъ.—Задумали тутъ кое-кто изъ скупщиковъ заводъ построить, да дѣло не вышло. Слышали, можетъ быть?

Трактирщикъ засмѣялся.

— Не только слышаль, а даже самъ былъ на этомъ заводѣ,—отвѣтилъ я и разсказаль, какъ насъ приняли на заводѣ.

— Отъ него станется,—сказаль фабрикантъ,—а знаете, итальянецъ, что отъ него ушелъ, сошелся со мною и двумя другими лицами, такой же заводъ у самой станціи строимъ. Вотъ какой товаръ дѣлать будемъ, и онъ передалъ мнѣ нѣсколько бумажекъ съ нашитыми на нихъ прекрасно сдѣланными шейными пуговицами.

— Изъ шпата сдѣланы, сперва его въ печкахъ варять, а потомъ и отливають пуговицы, секретъ у итальянца существуетъ. Первый заводъ въ Россіи будетъ, есть одинъ въ Одессѣ, да только простыя бѣлыя пуговицы дѣлаеть, другихъ не можетъ. Изъ-за границы теперъ этотъ товаръ къ намъ идетъ, а наша пуговица куда дешевле иностранной обойдется. Барышъ все же хорошій будетъ.

Я распротился съ моими собесѣдниками и кузнецомъ, отправившимся во-свояси на подводѣ знакомаго мужика. Солнце уже зашло, легкая дымка сумерекъ тихо спускалась на землю, когда я

добрался до Хотькова. Несмотря на вечеръ, все же было еще душно, у открытаго буфета пили пиво какіе-то два господина.

Я подошелъ и тоже спросилъ бутылку пива. Разговорчивый содержатель буфета спросилъ, откуда я ѣду. Я отвѣчалъ.

Подозрительно внимательнымъ взглядомъ окинулъ онъ всю мою фигуру.

— Странно! ѣхать куда-то, трястись по скверной дорогѣ ради того, чтобы посмотрѣть, какъ работаютъ пуговицы въ какой-то деревнѣ. А, можетъ быть, гдѣ нибудь въ Египтѣ что ли ихъ работаютъ еще лучше, отчего же не изволите ѣхать туда? Позвольте, господинъ, вамъ не повѣрить, чтобы ради такой, можно сказать, бездѣлицы, какъ пуговица незначительная, и цѣна-то ей грошъ, вы прибыли къ намъ сюда,—что нибудь другое тутъ есть!

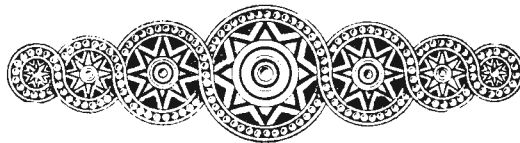
И буфетчикъ, таинственно подмигнувъ мнѣ глазомъ, усмѣхнулся.

Возражать ему не стоило, вѣдь и въ немъ чувствовалось недовѣріе къ своему русскому дѣлу, та «темнота», о которой говорилъ умный кузнецъ.

Пора, несомнѣнно пора московскому земству прійти на помощь къ этому единственному въ Россіи стеклянному кустарному производству, дать возможность кустарямъ совершенствоваться въ своей работѣ, предоставить имъ образцы ходового на рынокъ товара, указать новые пути и рынки сбыта, устроить кредитъ подъ выработанный товаръ.

Все это вольетъ новую струю въ это гнущее кустарное производство, избавитъ кустарей отъ зависимости скупщиковъ-богачевъ, улучшитъ ихъ бытъ и въ то же самое время дастъ возможность потребителямъ получать товаръ гораздо дешевле, чѣмъ изъ пресловутаго Мурано, Тироля и южной Германіи. Для этого необходимо только побольше вниманія со стороны земцевъ.

Г. Т. Сѣверцевъ.

НА ПОЛОЖЕНІИ УСИЛЕННОЙ ОХРАНЫ.

ВЪ МАѢ мѣсяцѣ 1879 года, русско-турецкая война хотя фактически и окончилась печальнымъ перемиріемъ въ Санъ-Стефано, но военное положеніе въ Россіи еще не было отмѣнено. Кромѣ того, въ Саратовѣ съ открытія навигаціи Волги и безъ того всегда дѣйствовало, почти непрерывно, по сіе время, положеніе объ усиленной охранѣ, во время котораго проступки гражданъ, по нарушенію порядка на улицахъ, тишины и спокойствія, караются судомъ сословныхъ представителей или военнымъ, смотря по поступку и преступленію. Пишущему эти строки, съ нѣсколькими товарищами, едва не пришлось испытать на себѣ удовольствіе быть судимымъ такимъ судомъ по самому пустому поводу и даже, можетъ быть, заслужить и смертную казнь.

Обычай справлять маевки у насъ на Руси широко распространенъ, и весь май народъ подъ разными предлогами устраиваетъ себѣ, смотря по средствамъ, болѣе или менѣе шумные праздники на открытомъ воздухѣ, преимущественно за городомъ. Саратовъ бѣденъ ближайшими хорошими окрестностями, и потому въ немъ принято больше гулять или въ центрѣ города, на городскомъ бульварѣ, до 12 часовъ ночи, а послѣ въ городскихъ же, увеселительныхъ садахъ, гдѣ, конечно, процвѣтали кафе-шантанная удовольствія,—до разсвѣта, особенно въ приволжскомъ вокзалѣ Барыкина. Кто былъ свободенъ утромъ и имѣлъ на то средства, время и нѣкоторую долю храбрости, тѣ обыкновенно отправлялись, какъ жаръ спадетъ, часа въ 4 или 5 дня, вверхъ по Волгѣ, верстъ за 7, на

Зеленый островъ и тамъ маевничали до ночи. Къ вечеру, часовъ въ 10 и 11-ть, когда собственно можно бываетъ весной и лѣтомъ показываться и гулять по саратовскимъ улицамъ, веселыя компании возвращаются въ городъ и прямо съ лодокъ, въ большиствѣ случаевъ, попадаютъ въ приволжскій вокзалъ Барыкина. Тамъ къ этому времени уже собирается «весь Саратовъ» отъ мала до велика и наслаждается пѣніемъ шансонетокъ, игрой отличнаго всегда струннаго и духового оркестровъ, зрѣлищемъ «работы» акробатовъ на головокружильной высотѣ, летающихъ «мухъ», изъ этихъ дамъ, по проволокаѣ, а кто побогаче—и опереткой. Но главная притягательная сила къ этому «вокзалу», устроенному на высокихъ столбахъ надъ берегомъ красавицы Волги, заключается въ необыкновенно красивой панорамѣ, открывающейся съ платформъ вокзала на эту рѣку и безконечную ея даль. Зданіе самого вокзала съ буфетами, кабинетами, концертными залами и лѣтнимъ театромъ построено на самомъ краю крутого и высокаго, праваго берега Волги. Отъ зданія въ сторону рѣки устроены три ряда широкихъ платформъ, длиною около ста саженъ, при чемъ крайняя платформа выступаетъ далеко къ рѣкѣ и возвышается надъ нею, на мачтахъ, саженъ на 20. Между платформами устроены кабинеты, павильоны и кіоски съ «сладкими буфетами» и водами, и съ земли растутъ деревья, вершины которыхъ скрываютъ кабинеты въ тѣни отъ взора любопытныхъ. Вотъ съ крайней-то платформы и открывается чудный, чарующій видъ на оживленную даль рѣки, по которой и внизъ и вверхъ снуютъ постоянно, свистя и шумя колесами, разнообразныя пароходы, и быстро, неслышно скользятъ по всѣмъ направленіямъ лодки и мелкія суденышки. На нихъ то тамъ, то тутъ мелькаютъ разноцвѣтные фонари, иногда вспыхиваетъ «брильянтовый» фейерверкъ и слышатся пѣсни, смѣхъ и говоръ. Извѣстная бурлацкая пѣсня: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», слышится сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ и почти не смолкаетъ до глубокой ночи. Громадное пространство пристани, заваленной бунтами всевозможныхъ товаровъ и грузовъ, буквально кишитъ людьми, идущими на стоящіе у пристани пароходы, или несущими на нихъ товары крючниками, встрѣчающимися съ обратной волной людей, идущихъ и несущихъ грузы и пожитки съ прибывшихъ пароходовъ, шумно выпускающихъ облака бѣлаго пара. Волга у Саратова шириной въ обыкновенное время около 7 верстъ, а въ разливъ въ маѣ—іюнѣ до 30, такъ что низкій ея, лѣвый берегъ далеко, далеко затопленъ водой, а если смотрѣть направо, внизъ по рѣкѣ, то вода сливается съ горизонтомъ, какъ море. Впечатлѣніе безбрежнаго моря испытываютъ и катающіеся въ разливъ по Волгѣ, выѣхавъ на середину рѣки. Особенно, конечно, красива она бываетъ въ лунную, мягкую майскую ночь, когда вода «не шелокнетъ», и по рѣкѣ пробѣгаютъ правильныя волны, и

бываетъ легкое волненіе только отъ пароходовъ. Безъ нихъ вода— «какъ зеркало», и по немъ скользятъ, какъ черныя чайки, по всѣмъ направленіямъ безчисленныя лодки, полныя веселой, жизнерадостной публикой. Любоваться на эту картину, какъ только смеркается, саратовцы приходятъ въ вокзалъ Барыкина или на стоящіе у берега, отдыхающіе пароходы и сидятъ по цѣлымъ часамъ, не будучи въ силахъ оторвать глазъ отъ картины, которая никогда не бываетъ одинакова и скучна. До самаго разсвѣта, обыкновенно, публика не покидаетъ берега, пароходовъ, гостепріимныхъ своей дешевизной и бесплатностью на нихъ входа и вокзаловъ, изъ которыхъ главнымъ образомъ привлекаетъ тысячи зрителей всѣхъ возрастовъ—Барыкинскій.

Всю программу подобныхъ майскихъ удовольствій нами, группой молодежи, «будущихъ» студентовъ и вольнослушателей изъ лицъ «свободныхъ профессій», рѣшено было выполнить по случаю пріѣзда въ Саратовъ «дѣйствительныхъ» студентовъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Ежегодно на вакаціи въ Саратовъ съѣзжается со всѣхъ концовъ Россіи много учащейся молодежи изъ всѣхъ почти высшихъ нашихъ учебныхъ заведеній. Больше всего, конечно, пріѣзжало къ намъ студентовъ Московскаго и Казанскаго университетовъ и путейцевъ—на практику по дорожнымъ и водянымъ сооруженіямъ. Насъ съ пріѣхавшими, въ концѣ мая набиралось, мало-мальски между собой знакомыхъ и подходящихъ другъ къ другу по міровоззрѣнію, или, какъ тогда говорили, имѣющихъ между собою «сродство субстанцій»,— до 100 человекъ. Вотъ и рѣшено было устроить всеобщій грандіозный пикникъ на 101 кувертъ, назначивъ сборище... въ центрѣ города среди бѣла дня, въ 5 часовъ, на бульварѣ, окаймлявшемъ съ трехъ сторонъ каѳедральный соборъ. Послѣдній построенъ въ формѣ куба и своей бѣлой, красивой громадой и колоннами на портикахъ, какъ у Исакіевскаго, напоминаетъ нѣсколько храмъ Юпитера. Городской же садъ или бульваръ, съ прекрасными окружными боковыми липовыми аллеями, обязанъ своимъ существованіемъ на бесплодной городской площади фантазіи и щедрости бывшаго, въ началѣ прошлаго столѣтія, городского головы Масленникова. Онъ приказалъ привезти изъ своего фруктоваго сада, въ нѣсколько десятковъ десятинъ съ тремя прудами, оранжереями и виноградомъ по верандѣ, за 12 верстъ отъ города отстоящаго, по десятку возовъ подъ каждое дерево и насадилъ таки липы. Нужно сказать, что каждая сторона бульвара не менѣе 300, даже 400 сажень, и липы сажались прямо громадными. Какихъ денегъ это стоило тогдашнему меру, если считать еще скверы, бесѣдки, цвѣтники и прочее прекрасное убранство сада, объ этомъ исторія умалчиваетъ. Но всякому станетъ понятно, что Масленникову не трудно было пожертвовать родному городу еще при своей жизни

не одну сотню тысячъ, владѣя монополіею рыбныхъ тоней по Волгѣ отъ Саратова сначала до Астрахани, а потомъ до Царицына—до 1860 года. А въ тоняхъ тогда попадалось рыбы видимо, невидимо, въ верстовые и двухверстовые невода! Осетры въ пудъ и болѣе были не рѣдкость, а бѣлуги въ 60—70 пудовъ тоже попадались, иногда бывали и въ 80 пудовъ. Въ 1851 году, рассказывалъ одинъ старикъ, такая бѣлуга умчала рыбака на снасти, которую онъ осматривалъ ночью подъ Царицыномъ, къ утру въ Астрахань. Онъ веревки не выпустилъ и замеръ съ ней, вытянувшись въ лодкѣ, изъ которой его полуживого вынули рыбаки подъ Астраханью, гдѣ поймали и убили уже всплывшее на поверхность, измученное и израненное рѣчное чудовище, давшее до 30 пудовъ, и тогда очень цѣнной, икры.

Мы стали собираться къ назначенному часу въ главномъ цвѣтникѣ, расположенномъ въ той части сада, которая выходитъ къ... первой городской полицейской части и гауптвахтѣ. Одѣтые, въ большинствѣ, въ красныя кумачевыя или цвѣтныя шелковыя рубашки, подпоясанныя широкими кожаными и шелковыми съ кистями поясами, въ высокихъ сапогахъ, но въ шляпахъ и даже многіе въ форменныхъ фуражкахъ, мы сразу обратили на себя всеобщее вниманіе. Знакомыя барышни, которыхъ мы хотѣли было пригласить, какъ всегда, покататься съ нами по Волгѣ на лодкѣ,—отказались ѣхать и поспѣшили отъ насъ скрыться, а публика, видя, что наша шумная толпа все растетъ и растетъ, мало-по-малу покинула цвѣтникъ, и онъ опустѣлъ. Увидавъ, что мы остались одни, мы рѣшили тотчасъ же отправиться на Волгу и ѣхать кататься и на Зеленый островъ пить чай. Наше шествіе пугало всѣхъ, отъ насъ сторонились, но мы шли веселыми группами, ничего не замѣчали, засыпали вопросами пріѣзжихъ, «какъ и что»,—и намъ не мѣшали. Быстро спустившись съ бульвара подъ гору Барыкинскаго взвоза, мы по набережной повернули налѣво къ самолетской конторкѣ, къ караулкѣ всеобщаго пріятеля, лодочника-татарина Мирая. Его должны помнить всѣ учившіеся въ Саратовѣ до 1880 года, особенно гимназисты и реалисты. Они находили въ немъ всегда защитника и покровителя, а подчасъ и спасителя ихъ жизни. Несмотря на строжайшія запрещенія, угрозы, даже «мѣры» часто крутыя, Мирай всегда безпрепятственно давалъ намъ лодки во всякую погоду и за самую низкую плату, не выше 5 копеекъ съ человѣка. Не любилъ онъ только формы и форменныхъ фуражекъ, и, увидя ихъ, замѣчалъ съ укоризной: «бачка, бачка, зачѣмъ кипки надѣвалъ, не надоѣлъ развѣ?—возьми мой малахай, право, возьми». И мы съ восторгомъ оставляли у него свои кепи, какъ тогда носили, и надѣвали шапки и фуражки или соломенные плетенки, которыхъ у Мирая для насъ былъ всегда запасъ. Большой запасъ у него былъ для насъ и всякой снѣди, кромѣ водки, которой Мирай

не пилъ и не любилъ, но «старшихъ», возвращавшихся поздно ночью навеселѣ или совсѣмъ пьяными, всегда клалъ у себя подъ лодками или въ шалапахъ на берегу, вытрезвлялъ, поилъ чаемъ и квасомъ и утромъ отпускалъ домой или просто въ классъ трезвыми и чистенькими. Какъ ни старалось начальство накрывать Мирая съ поличнымъ, но, кажется, ни разу не накрыло, и онъ такъ умеръ лодочникомъ. Много, до сотни, было у него лодокъ, и, подъ которой спрятанъ «виновный», отыскать было очень трудно. На видъ суровый и угрюмый Мирай былъ добрякъ необыкновенный къ намъ, ученикамъ, и чаще отпускалъ намъ лодки на выборъ даромъ, чѣмъ бралъ съ насъ пятиалтынные и двугривинные. «Мирай, нѣтъ денегъ, а кататься хочется, дашь лодку?» — «Бери, бачка, послѣ отдай, не забудь». И никто не забывалъ отдать «лодочный» долгъ Мираю, котораго всѣ любили и уважали. Онъ немало прямо спасъ мальчишескихъ нашихъ жизней, но отъ медали всегда отказывался, а были и серьезные случаи спасенія. Волга, особенно осенью, очень капризна и изъ тихой вдругъ становится бурной и покрывается быстро высокими волнами съ бѣлыми гребнями при низовомъ вѣтрѣ. А онъ поднимается вдругъ, среди тихаго, безоблачнаго, кажется, дня, и только опытные волгари узнаютъ предстоящій шквалъ. Но если взрослые люди никогда не слушаютъ совѣтовъ и предостереженій, то тѣмъ меньше слушались мы Мирая, когда онъ не совѣтовалъ намъ ѣздить и говорить:

— Бачка, не ѣзди, бѣляки будутъ.

А на бѣлякахъ-то, то-есть на высокихъ пѣнистыхъ гребняхъ волнъ, около сажени высотой, особенно пріятно кататься и нырять въ зеленую бездну и опять подниматься на гребень и получать удары пѣны и воды отъ «девятаго» вала. Но нужно имѣть при этомъ большую силу и опытность грести веслами и править рулемъ. Мы видѣли, какъ катаются на валахъ изъ-подъ колесъ пароходовъ или на волнахъ взрослые люди, и сами лѣзли подъ колеса пароходовъ и пускались кататься въ бурю, что, конечно, было строжайше запрещено. Вотъ тутъ-то и не дремалъ Мирай и на своей утлой, не взятой никѣмъ, лодченкѣ съ подростками-татарчатами, его сыновьями, развѣзжалъ по Волгѣ въ бурю, какъ въ тихую погоду, и выводилъ наши полузалитыя лодки къ берегу. Если опасность была очень серьезна, онъ бывало даже слова не проронить и не замѣтить ничего, а если такъ себѣ простая пѣнистая ванна, то только головой покачаетъ и скажетъ укоризненно:

— А, яй, бачка, ну, какъ къ мамкѣ мокрый домой пойдешь, шабашъ пачканный, мокрый.

30-го августа 1876 года, я съ двумя товарищами и двумя моими учениками поѣхалъ вмѣсто обѣдни, куда отпустили учениковъ моихъ и меня, покататься на лодкѣ — ѣсть арбузъ на песчаные острова противъ Саратова. Былъ чудный августовскій день, совер-

иенно безоблачный, и мы мигомъ переѣхали Волгу, какъ по зеркалу. Но не успѣли мы съѣсть и половины арбуза, какъ поднялся низовой вѣтеръ, и поднялась рябь. Мы знали, что это начало бури, бросились въ лодку и пустились еще не отдохнувшіе въ обратный путь. Валы били насъ въ лѣвый бортъ все сильнѣе и сильнѣе... Появились бѣляки и пѣна ихъ, а иногда и брызги воды попадали въ лодку и обливали насъ, гребцовъ, и обезумѣвшихъ отъ страха мальчугановъ 9-ти и 11-ти лѣтъ. Мы завернули ихъ въ свои шинели, успокоили и положили на дно лодки, а сами стали грести уже не поперекъ Волги, что стало невозможнымъ отъ разыгравшихся уже во всю, высокихъ, зловѣщихъ волнъ, а вверхъ противъ теченія, отдавшись волѣ Божьей... Мы гребли, выбиваясь изъ силъ, вверхъ, насъ къ тому же гналъ и вѣтеръ, и Саратовъ постепенно оставался сзади, а мы выбирались на просторъ коренной Волги къ затону на самый стрежень рѣки, гдѣ бушевали волны еще больше, и гдѣ намъ угрожала серьезная опасность быть опрокинутыми пальной волной и утонуть. Мы трусили не на шутку, стали править наискось къ исадамъ, гдѣ были рыбацьи садки, и кричать, но за шумомъ волнъ и бури нашихъ охрипшихъ голосовъ не было слышно, а весла не слушались нашихъ усталыхъ рукъ. Да и лодка все чаще и чаще взлетала на высокіе гребни волнъ такъ высоко, что весла не доставали до воды и безпомощно болтались въ воздухѣ. Рулевой побагровѣлъ, налегая на руль, а мы съ товарищемъ молчали, стараясь не глядѣть другъ на друга и на свертокъ шинелей на днѣ лодки... Къ счастью, мальчики не сознавали опасности и заснули... Потерявъ уже почти надежду увидать опять родныхъ, мы бросили было грести, какъ вдругъ слышимъ знакомый голосъ Мирая:

— Гребите, гребите, крѣпче, бачка, сейчасъ догоню, возьму!

Нельзя описать нашей радости. Мы схватились за весла, удачно и быстро повернули лодку на гребнѣ носомъ противъ волнъ, по теченію, и почти столкнулись носъ съ носомъ съ Мираевой завозней. Какъ онъ на ней догналъ насъ, не знаю, но мы въ одно мгновеніе перепрыгнули къ нему на нее и перетащили проснувшихся мальчугановъ. Они собрались было плакать, но сознали, что это уже поздно, и перестали. Лодку Мирай бросилъ среди бушевавшихъ и рвавшихъ ее волнъ, и поймалъ ли послѣ, не знаю. Онъ не взялъ ни денегъ, ни благодарностей нашихъ слушать не хотѣлъ, ни о лодкѣ намъ не поминалъ, а все тужилъ, какъ мы по городу днемъ въ такомъ видѣ пойдемъ, и свои халаты намъ предлагалъ.

Многихъ изъ учениковъ «до полочки» онъ или кормилъ недѣлями, или ссужалъ деньгами, безъ процентовъ, никогда не спрашивая долга. Говорили, что за нѣкоторыхъ бѣдняковъ онъ даже платилъ за ученіе и ихъ одѣвалъ, но это была Мираева тайна, и ея доподлинно никто не зналъ и не спрашивалъ о ней. Да онъ бы

и не сказалъ, какъ ничего и никогда не говорилъ о насъ нашему начальству.

Къ нашему другу Мираю и направились мы, всё «сто одинъ» человекъ, чѣмъ несказанно удивили невозмутимаго мусульманина, ставшаго было уже на молитву на коврижъ, разостланномъ прямо на береговомъ пескѣ около его шалаша. Давъ ему окончить намазъ, мы приступили къ Мираю съ требованіемъ лучшихъ 20-ти лодокъ до утра. Тотъ было не хотѣлъ давать такое количество, но, видя наше веселое, приподнятое настроеніе, улыбнулся, махнулъ на берегъ рукой и сказалъ только:

— Будь твоя дѣло, бери, бачка, катайся.

Мы выбрали лучшія лодки, размѣстились въ нихъ по возможности въ одноцвѣтныхъ рубашкахъ, при чемъ много лодокъ оказалось на подборъ съ гребцами въ кумачевыхъ косовороткахъ. Чувствуя себя ушкуйниками или понизовой вольницей, мы съ пѣснями «Дубинушка» и «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» вылетѣли быстро на средину рѣки. Тамъ, на обширномъ, гладкомъ, зеркальномъ просторѣ Волги, спавшей подъ серебристымъ сіяніемъ полной луны, отражавшейся широкимъ, бѣгущимъ за лодкой столбомъ, было уже множество лодокъ съ катавшейся молодежью обоого пола и всѣхъ возрастовъ. И въ обычное время первое наше обыкновеніе было обогнать всякую лодку, а тутъ мы рѣшили осмотрѣть всѣ лодки, на которыхъ были барышни, чтобы узнать, нѣтъ ли среди нихъ отказавшихся ѣхать съ нами. Раздалась команда «навались», и лодки наши стрѣлой понеслись по разнымъ направленіямъ въ догонку тѣхъ, на которыхъ «что-то бѣлѣло»... Какъ ни старались уйти отъ насъ лодки съ барышнями, кавалеры которыхъ хотѣли скрыть ихъ лица, но мы «отрѣзали лодкамъ ихъ носъ», то-есть, пересѣкали дорогу и, проѣзжая подъ ихъ носомъ, сразу зажигали нѣсколько восковыхъ или бенгальскихъ спичекъ. Средѣ катающихся началась понятная паника, а съ одной лодки, на которой оказались знакомые гребцы и знакомыя изъ отказавшихся двѣ барышни, послѣднія, правда, у берега спрыгнули въ воду и чуть не утонули. Гребцамъ ихъ пришлось бросить лодку, перебраться на нашу и утекать до «чортовой маны» вверхъ на островъ. Тамъ скоро собралась вся наша флотилія, и компанія весело, за чаемъ и «первымъ» ромомъ рассказывала другъ другу про свои подвиги и открытія при осмотрѣ лодокъ. Много сокровенныхъ и неожиданныхъ тайнъ было открыто нами въ этотъ вечеръ. У многихъ изъ насъ спала завѣса съ глазъ, при открытіи очевиднаго обмана, лицемѣрія и невѣрности «той», которую любилъ чистымъ юношескимъ сердцемъ кто нибудь изъ прозрѣвшихъ товарищей. «Она» каталась вдвоемъ, поздно вечеромъ, «съ другимъ»... Сваривъ традиционную уху изъ стерлядей и напившись чая, мы тронулись, значительно повеселѣвшіе, въ обратный путь и быстро до-

стигли Мираевской пристани. Онъ уже слышалъ о случаѣ съ барышнями и ждалъ насъ съ трепетомъ на берегу. Мы сдали ему лодки и остатки провизіи, щедро, «по-большому» уже расплатились рублями за лодки и направились въ вокзалъ Барыкина. Туда насъ не хотѣли было пускать, но, узнавъ среди нашей толпы многихъ постоянныхъ и даже почетныхъ «сезонныхъ» своихъ посѣтителей, впустили и какъ разъ къ началу концертно-шансонетнаго отдѣленія. Болѣе шустрые изъ насъ заняли первые ряды скамеекъ передъ самой эстрадой въ концертномъ залѣ, переполненномъ избранной саратовской публикой. Она съ нетерпѣніемъ ожидала выхода извѣстной «русской шансонетки», выходявшей пѣть въ бальномъ длинномъ платьѣ, не мѣшавшемъ ей дѣлать подобающія тексту пѣсни тѣлодвиженія и показывать подвязки и dessous... Не успѣла она пропѣть половины бравурной шансонетки и показать море кружевъ, чѣмъ привела публику въ ярый восторгъ, какъ въ первомъ ряду поднялся студентъ-путеецъ, Васька (Сергіевскій), и обратился съ громкою рѣчью къ остолбенѣвшей публикѣ. Шансонетная дива замерла на полусловѣ второго куплета, а Васька громко ораторствовалъ:

— Леди и джентльмены! Если бы у васъ не были вмѣсто головъ тыквы, вы не пришли бы слушать грязныя шансонетки и смотрѣть на еще болѣе грязныя юбки г-жи Петровской.

Ему, конечно, не дали продолжать, потому что полиція немедленно устремилась его «честью вывести», но мы ее предупредили, отѣснили полицію и увели Ваську совсѣмъ изъ вокзала. Публика сильно взволновалась, но всѣ знали Ваську, знали его связи въ административномъ мірѣ и дали намъ уйти спокойно. Ужинъ нашъ на 101 кувертъ у Барыкина не состоялся, и мы рѣшили его устроить въ другомъ саду, Эрмитажѣ, помѣстившемся неподалеку отъ собора, въ центрѣ города и рядомъ съ Александровскимъ ремесленнымъ училищемъ. Въ саду шла оперетка, которая при появленіи нашемъ наскоро закончилась, и публика и артисты изъ сада поспѣшили скрыться. Но мы не были ни пьяны, ни дерзки, а только были веселы весельемъ юности и сознаніемъ первыхъ минутъ своего свободнаго гражданства. Тогда мы не знали и не сознавали еще его тяжелой и обидной фикціи...

Меня товарищи выбрали распорядителемъ ужина и банкета, и мнѣ съ нѣсколькими помощниками едва удалось уломать ресторатора, хорошо многихъ изъ насъ знавшаго, сервировать для насъ ужинъ на 101 кувертъ. Перепуганнаго буфетчика смягчила сотенная бумажка, врученная въ видѣ задатка за ужинъ, который оказался невообразимо сквернымъ. Сообразительный хозяинъ, кажется, г. Карнѣевъ, приказалъ сбыть намъ все залежавшееся у него на кухнѣ, оставшееся и даже несвѣжее. Зато водки подали въ волю. Нѣкоторые мои юные товарищи, еще не набравшіеся опыта въ

употребленіи спиртныхъ напитковъ и бравировавшіе тѣмъ, что могутъ «пить» не стѣсняясь, какъ взрослые, выпили лишнее и захмелѣли. Ужинъ прошелъ шумно, но не весело. Большинство было трезво и чувствовало себя очень скверно среди пьяныхъ и не сдержанныхъ товарищей, у которыхъ оказалось на языкѣ совѣтъ не то, что мы думали и предполагали по своей наивности и по ихъ проповѣдямъ, когда они были трезвы. Получалось впечатлѣніе простой попойки или кутежа, въ которомъ незамѣтно, падкіе на даровщину, приняли дѣятельное участіе и садовые завсегдаги, оставшіеся съ нами безъ приглашенія, конечно. Видя, что кутежъ принимаетъ нежелательный характеръ и видъ, мы, распорядители, поспѣшили расплатиться за ужинъ, объявили его законченнымъ и пригласили товарищей итти по домамъ. Большинство послушалось и шумной, веселой, но не пьяной толпой направилось къ выходу. Захмелѣвшіе и пьяные, не желавшіе разставаться съ оплаченнымъ и даровымъ виномъ, остались его допивать въ саду.

Высыпавъ на городскую «соборную» площадь, гдѣ, какъ я уже сказалъ, направо неуклюже возвышалась каланча первой полицейской части, а рядомъ съ ней помѣщалась гауптвахта съ военными патрулями,—мы заплѣли пѣсни... Пѣли, конечно, кто въ лѣсъ, кто по дрова и во все молодое, здоровое волжское горло.

Кто не пѣлъ, тотъ громко спорилъ между собой не только на темы «высшаго государственнаго порядка», какъ любилъ выражаться И. А. Вышнеградскій, но даже о томъ, въ какую сторону ему нужно и ближе итти домой.

Конечно, передъ нашимъ носомъ тотчасъ же выросли угловой постовой, караульщикъ и два конныхъ стражника; они засвистали всѣ трелью своихъ свистковъ на всю площадь, а городской сталъ просить насъ честью «разойтись».

Мы и сами этого хотѣли, но не могли сговориться, кому съ кѣмъ и куда итти, а тѣмъ временемъ какъ-то случилось, что немного выпившій лишнее Енька (Манжинъ) ловкимъ движеніемъ руки вдвинулъ свистокъ въ ротъ караульщика, прося его не свистать, а другіе двое стащили съ лошадей стражниковъ. Они сидѣли высоко на лошадяхъ, и съ ними такъ нашли неудобнымъ разговаривать, считая, что всѣ люди должны быть на землѣ въ равныхъ условіяхъ, какъ того требовалъ тогдашній девизъ нашихъ горячихъ не въ мѣру головъ. Не успѣли мы «мирно» переговорить съ гражданскими блюстителями порядка, какъ на шумъ и свистки ихъ, бѣглымъ шагомъ отъ Нѣмецкой улицы, слѣва, подошелъ полувзводъ военнаго патруля съ ружьями и такой же полувзводъ прибѣжалъ съ военной гауптвахты... Насъ быстро окружили желѣзнымъ кольцомъ, но въ немъ почему-то оказались очень немногіе изъ нашей компаніи, а главарей—никого. Они и большинство болѣе сообразительныхъ товарищей вступили въ борьбу съ солда-

тами, схватились за стволы наклоненныхъ «на перевѣсъ» ружей ловкимъ движеніемъ лицъ, учившихся въ школѣ гимнастикѣ и фехтованію, отстранили отъ себя направленный штыкъ и... проскочили за кругъ. Добѣжать до тротуара и стать на немъ въ качествѣ «зрителей» для нихъ было дѣломъ одной минуты. Большинство же предпочло за лучшее быстро и безслѣдно скрыться, никѣмъ, впрочемъ, не преслѣдуемое. Попробовали было на тротуарѣ проскользнуть и мы, распорядители, совершенно трезвые участники товарищескаго кутежа, но намъ скрестившіеся передъ носомъ штыки преградили дорогу, и мы остались подъ конвоемъ патруля. вмѣстѣ съ нами оказались и Васька и Енька, довольно сильно подвыпившіе и ругавшіеся на несправедливость ареста и грубость солдатъ, «легонько» прикладами направившихъ насъ по дорогѣ въ участокъ. Всѣхъ насъ, арестованныхъ, оказалось человекъ 10, извѣстныхъ полиціи лицъ, и насъ привели въ управленіе первой части, помѣщавшееся тогда на углу Константиновской и Пріютской улицъ, въ низу. Дежурный помощникъ пристава переписалъ наши фамиліи, удивился, что среди нихъ находится моя и Сергѣевского, и послалъ за частнымъ приставомъ (г. Артоболовскимъ). Послѣдній явился заспаннымъ и сердитымъ, что его разбудили въ три часа ночи, но одѣтый въ полную форму и при оружіи. Мы были знакомы съ нимъ ранѣе, и онъ попросилъ меня въ кабинетъ объяснить, какъ все это случилось, что мы попали подъ арестъ, да еще военнаго патруля. Онъ мнѣ далъ понять, что проступокъ нашъ въ военное время и въ городѣ, находящемся на положеніи усиленной охраны, очень серьезень, и что онъ не въ силахъ предотвратить печальныя его для насъ послѣдствія. Я старался объяснить ему дѣло просто, какъ оно было, и онъ былъ почти склоненъ согласиться не давать хода составленному уже на насъ протоколу, какъ все испортили два неожиданныхъ обстоятельства. Непомѣстившіеся въ кордегардіи товарищи, а съ ними и Васька, вышли на улицу и сѣли на лавочку подъ самымъ окномъ кабинета пристава и стали громко выражать свои о немъ смѣлыя мнѣнія. Васька громко кричалъ ему въ окно, что онъ на насъ хочетъ отличиться и получить крестъ или денежную награду... и т. под. Приставъ вспылилъ, попросилъ унять моихъ товарищей и сказалъ, что доложить все начальнику полиціи, а какъ рѣшить губернаторъ, мнѣ сообщать, если разрѣшатъ насъ освободить, и сталъ собираться ѣхать съ докладомъ. Въ это время къ нему вошелъ помощникъ и сообщилъ, что взводный унтеръ-офицеръ показываетъ, что мы отнимали у солдатъ ружья и ими же оказали патрулю вооруженное сопротивленіе. Приставъ привскочилъ, видимо, отъ радости съ кресла и сухо замѣтилъ:

— Видите, г. Кайсаровъ: я тутъ ни при чемъ. Все зависитъ отъ военныхъ властей, и я свой протоколъ пошлю коменданту

гарнизона,—и далъ приказаніе помощнику заканчивать писаніе протокола...

Я поспѣшилъ въ кордегардію къ солдатикамъ, стоящимъ и сидѣвшимъ въ усталыхъ позахъ и съ безучастными лицами, и окликнулъ ихъ.

— Солдаты! Христоролюбивое русское воинство, опомнитесь, что вы дѣлаете?! Хотите сгубить напрасно и себя и насъ. Вашъ взводный показываетъ, что мы у васъ отняли ружья и ими васъ же били! Да развѣ возможно отнять ружье у солдата, у часового, на посту, при исполненіи имъ военной обязанности? Да развѣ можетъ тогда солдатъ-часовой отдать его? А если отдалъ, то онъ подлежитъ, по военному времени и закону, такому же наказанію, какъ тотъ, кто отнялъ у него силой ружье. Если за это разстрѣляютъ насъ, то не меньшему, навѣрное, наказанію подвергнетесь и вы съ нами. Припомните хорошенько все происшедшее этой ночью у насъ съ вами и скажите по совѣсти, что ружей мы у васъ не отнимали, а вы ихъ не отдавали и отдавать, будучи на часахъ, не могли...

Солдатики встрепенулись, оживились, сообразили о грозившей имъ опасности и строгой карѣ и не подтвердили показаній своего взводнаго, категорически, какъ одинъ, заявивъ, что за ружье студенты и «господа» хватались, но отнимать не отнимали и пришли въ участокъ «добровольно».

Хотя такой конецъ протокола приставу и не понравился, но онъ считалъ его законченнымъ, а насъ объявилъ арестованными до распоряженія высшаго начальства. Совѣмъ разсвѣло, было 5 часовъ утра, обѣщавшаго звонный майскій день...

На улицахъ начиналось движеніе. Съ минуты на минуту могли пройти мимо и увидеть насъ знакомые, возвращавшіеся изъ поѣздки на острова или прогулки въ Барыкинскій вокзалъ, гдѣ принято бывать до разсвѣта и дышать прохладой. Съ 7 часовъ утра солнце уже начинаетъ жечь, и все прячется въ Саратовѣ до 5 часовъ вечера отъ его немилосерднаго звоя... Наши подвыпившіе товарищи отрезвились, когда я сообщилъ имъ содержаніе полицейскаго протокола и серьезность взводимаго на насъ преступленія. Рѣшено было опять просить пристава какъ нибудь смягчить нашу незавидную участь, становившуюся уже невыносимой. Голова болѣла, и хотѣлось спать, а сердце сжималось отъ ужасной будущности...

Приставъ долго не соглашался на наши просьбы, наконецъ посоветовалъ мнѣ съѣздить къ начальнику военныхъ карауловъ и попросить не давать хода его рапорту о столкновеніи нашемъ съ военнымъ патрулемъ № 11-й минувшей ночью.

— Даю вамъ слово, г. Кайсаровъ, что если вы привезете мнѣ увѣдомленіе полковника, что онъ не будетъ доводить дѣло до

военнаго министра, я тоже положу сегодняшній протоколъ подъ сукно. Можете ѣхать. Отпускаю васъ на честное слово, а ваши товарищи останутся заложниками до вашего возвращенія. Не опаздывайте: въ 8 часовъ я долженъ ѣхать съ рапортомъ.

Я не заставилъ повторять себѣ этого совѣта, обѣщавшаго намъ якорь спасенія, вскочилъ на перваго извозчика и погналъ его, что было мочи, въ казармы за городъ, торопясь застать еще въ городѣ начальника караула. Имѣя много знакомыхъ среди военныхъ по ихъ клубу и по попыткѣ поступить волонтеромъ на войну, я рассчитывалъ, что начальникъ караула окажется знакомымъ, войдетъ въ наше положеніе и окажетъ возможное содѣйствіе. Я не ошибся. Доскакалъ до казармъ, стоявшихъ около вокзала тогда еще Тамбовско-Саратовской желѣзной дороги, я какъ разъ во время. Офицеры караульнаго батальона только что встали, пили чай и еще не были даже совсѣмъ одѣты, когда я попросилъ вѣстового доложить о себѣ, справившись, что начальникъ караула хорошо мнѣ знакомый полковникъ (Индрикъ). Онъ любилъ съ напускной строгостью сдѣлать за какую нибудь форменную мелочь выговоръ вольноопредѣляющемуся и, напугавъ его, спросить:

— А что у меня въ батальонѣ строго?

— Строго, ваше высокоблагородіе! — отвѣчаетъ напуганный юноша.

— А чего больше: строгости или справедливости?

— Строгости больше, ваше высокоблагородіе, простите...

— Ну, угадалъ, и иди съ Богомъ,—танцуй,—добавить бывало полковникъ, уже улыбаясь. Его всѣ очень любили.

Его-то мнѣ послала судьба на выручку, и я поспѣшилъ передать вѣстовому мою визитную карточку. Тотчасъ же меня позвали въ дежурную, гдѣ офицеры разсыпались въ извиненіяхъ, что они не одѣты.

Полковникъ вышелъ изъ своего «кабинета» за ширмами, тоже безъ мундира отъ жары, и воскликнулъ, протягивая руку:

— Князь, вы какими судьбами и зачѣмъ у насъ въ станѣ?

Онъ и многіе мои знакомые шутя звали меня тогда княземъ, зная, что у меня имѣлись такіе родственники, и что я могъ бы, при большихъ средствахъ, выхлопотать себѣ дипломъ на этотъ титулъ моихъ предковъ.

Я наскоро объяснилъ удивленному полковнику, въ чемъ состояло наше столкновеніе и вооруженное сопротивленіе военному патрулю № 11-й его караульнаго батальона, и просилъ избавить меня и моихъ товарищей отъ труда его же батальону насъ разстрѣливать. Послѣднее я уже считалъ неизбѣжнымъ возмездіемъ за нашъ «запротоколенный» поступокъ и, сознаюсь, чувствовалъ себя очень скверно.

Видя мой обезкураженный видъ и признавая, что дѣло пахнетъ скверно, полковникъ сталъ серьезенъ и громко обратился къ смолкнувшимъ и тоже серьезнымъ офицерамъ.

— Господа, слышали ли вы что нибудь о столкновеніи сегодня ночью патруля № 11-й съ обывателями г. Саратова на соборной площади и объ оказанномъ патрулю обывателями вооруженномъ сопротивленіи отнятыми у того же патруля ружьями?

Гробовое молчаніе было отвѣтомъ на вопросъ полковника, передъ которымъ всѣ офицеры почтительно встали съ своихъ мѣстъ.

— Не слышали? — переспросилъ онъ.

— Не слышали, ничего не знаемъ, не слышали! — раздалось на этотъ разъ сразу нѣсколько голосовъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ обширной комнатѣ.

— Позвать взводнаго унтеръ-офицера, водившаго патруль № 11-й! — строго и громко приказалъ полковникъ.

Унтеръ-офицеръ явился, вытянулся въ струнку и обомлѣлъ отъ удивленія, увидя меня среди офицеровъ.

— Докладывалъ ты что нибудь рапортомъ, возвратясь со смѣны сегодня ночью изъ города? — спросилъ его строго полковникъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ дрожащій отъ страха за свой проступокъ солдатъ. — Не успѣлъ и не посмѣлъ будить ваше высокоблагородіе...

— Господа офицеры, и вамъ никакого доклада не было, и я ничего не слышалъ. Самъ онъ сознается, что ничего не докладывалъ, стало быть, и докладывать серьезнаго нечего было... иначе старый нашъ служака, Ивановъ, доложилъ бы...

— Такъ вѣдь, Ивановъ? — обратился полковникъ къ стоявшему на вытяжку и смекнувшему дѣло Иванову.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! — отчеканилъ повеселѣвшій солдатъ.

— Ну, такъ и запишемъ, — проговорилъ полковникъ, видимо, тоже съ облегченнымъ сердцемъ. Его тоже начинала тревожить серьезность «преступленія» и его роль судьи.

— Пишите, адъютантъ, г. Кайсарову удостовѣреніе, что начальники караула никакого рапорта о столкновеніи военнаго патруля № 11, ночью такого-то (30) мая, съ обывателями такими-то не поступало, и ничего о томъ неизвѣстно до часу смѣны караула, который уже насталъ, и мы смѣняемся, — весело добавилъ полковникъ. — Слышите музыку, г. Кайсаровъ? — это идетъ и входитъ въ ворота казармъ смѣнный батальонъ.

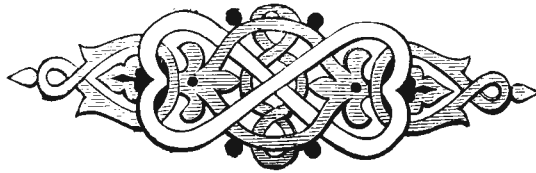
Поблагодаривъ полковника, простившись съ офицерами и получивъ желанное форменное удостовѣреніе нашей невиновности противъ военнаго патруля, я сталъ гнать извозчика обратно въ часть еще быстрѣе, обѣщая ему на чай 3 рубля. Товарищи всѣ высы-

пали меня встрѣчать на улицу, но разговаривать было некогда, я показалъ имъ бумагу и побѣжалъ въ кабинетъ пристава съ своей индульгенціей. Приставъ былъ уже въ бѣлыхъ перчаткахъ и нервно ходилъ по кабинету. Взявъ у меня бумагу, онъ быстро пробѣжалъ ее, положилъ за бортъ мундира, протянулъ мнѣ руку въ перчаткѣ и сухо сказалъ:

— Радъ, что я могу не докладывать о вашемъ дѣлѣ. Прощайте!

Я откланялся и, не помня себя отъ радости, вышелъ сообщить товарищамъ желанную вѣсть о нашемъ совершенномъ освобожденіи. Тѣ обрадовались не меньше меня, и мы рѣшили отправиться на Волгу купаться, а затѣмъ поѣхали на Зеленый островъ отдохнуть и выспаться.

Д. Нехлюдовъ-Кайсаровъ.

ПРАЩУРЪ ГРАФА ЛЬВА ТОЛСТОГО.

Графъ Петръ Андреевичъ Толстой.

ВЕЛИКІЙ писатель Русской земли», какъ назвалъ Л. Н. Толстого Тургеневъ, сталъ въ послѣднее время великимъ писателемъ европейскимъ, и у французовъ, отличающихся чуткой и смѣлой отзывчивостью, недавно возникъ проектъ поставить Толстому при жизни его памятникъ въ столицѣ европейской культуры, въ Парижѣ. Если мысль о памятникѣ Льву Толстому возникла недавно, то уже долгое время изучается біографія его, какъ писателя, исключительнаго по своему значенію. Будущій историкъ литературы будетъ подавленъ множествомъ извѣстій о жизни графа Льва Николаевича; найдетъ онъ нѣкоторые матеріалы и для первой главы его біографіи, выясняющей загадочную связь великаго писателя съ его родомъ, съ длиннымъ рядомъ его предковъ, въ которыхъ очень трудно или вовсе нельзя уловить хотя бы слабыя черты его генія.

Отецъ и дѣдъ графа Льва Николаевича извѣстны по роману «Война и миръ». Дѣдъ его—это старый, добрый и простодушный графъ Илья Андреевичъ Ростовъ, памятный всѣмъ въ яркихъ картинахъ помѣщичьей жизни, съ охотами, святочными вечерами, съ «графскими вистами и бостонами, за которыми онъ, распуская всѣмъ на видъ карты, давалъ себя каждый день на сотни обыгрывать сосѣдямъ», и какъ почтенный членъ московскаго англійскаго клуба, гдѣ онъ устраивалъ въ честь героя, князя Багратіона, великолѣпный парадный обѣдъ съ свѣжею земляникой зимою и съ

исполинской стерлядью. Давъ ему вымышленную фамилию Ростова, Л. Н. Толстой сохранилъ его имя и отчество: графъ Илья Андреевичъ. Воспроизведя типичныя черты его личности, художникъ изъ жизни его взялъ, однако, только то, что соответствовало его характеру.

Добродушный графъ Илья Андреевичъ, всегда составлявшій свое мнѣнiе по рѣчамъ другихъ и никогда не умѣвшій разобратъ въ плутняхъ своего управляющаго Митеньки, попалъ подъ конецъ жизни въ совершенно несвойственную ему обстановку, когда назначенъ былъ въ 1815 году губернаторомъ въ Казань. Здѣсь онъ оказался безпомощнымъ передъ плутнями десятковъ «Митенекъ»—приказныхъ дѣльцовъ, и не прошло пяти лѣтъ, какъ въ Казань назначена была сенаторская ревизія, раскрывшая вопіющія злоупотребленія въ губерніи; сенатскимъ указомъ 25-го февраля 1820 года графъ Илья Андреевичъ Толстой былъ отрѣшенъ отъ должности и въ томъ же году скончался.

Въ романѣ развязка приходитъ иначе: старый графъ Ростовъ для поправленія своихъ дѣлъ выходитъ изъ предводителей дворянства, потому что должность эта была сопряжена съ большими расходами, ѣдетъ въ Петербургъ искать мѣста, ничего не находитъ и вскорѣ затѣмъ умираетъ въ Москвѣ въ 1813 году. Онъ долгое время, «какъ въ огромныхъ тенетахъ, ходилъ въ своихъ дѣлахъ, стараясь не вѣрить тому, что запутался, и съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе запутываясь». Въ 1812 году, пожаръ Москвы, смерть на войнѣ сына Пети, отчаяніе дочери Наташи—все это ударъ за ударомъ падаетъ на голову стараго графа. «Онъ, казалось, не понималъ и чувствовалъ себя не въ силахъ понять значеніе всѣхъ этихъ событій и, нравственно согнувъ свою старую голову, какъ будто ожидалъ и просилъ новыхъ ударовъ, которые бы его прикончили». Дѣла его приходятъ въ полное разстройство естественно и безъ оупущеннаго Толстымъ случайнаго эпизода съ неудачнымъ губернаторствомъ, но графъ Илья Андреевичъ Ростовъ такъ же, какъ и графъ Илья Андреевичъ Толстой, «неожиданно» умираетъ, «именно въ то время, когда дѣла графа такъ запутались, что нельзя было себѣ представить, чѣмъ все это кончится, если продолжится еще годъ».

Такъ же, какъ дѣдъ графа Л. Н. Толстого, хорошо извѣстенъ по роману «Война и миръ» его отецъ, графъ Николай Ильичъ, изображенный въ лицѣ молодого графа Николая Ростова. Прямо изъ жизни взять его характеръ и нѣкоторыя данныя его біографіи, какъ, напримѣръ, женитьба на богатой княжнѣ Маріи Волконской (Болконской) и жизнь въ отставкѣ въ имѣніи жены. Но біографія и этого героя романа не вполне соответствуетъ біографіи его историческаго прообраза. Авторъ разбилъ біографію своего отца на двѣ части и позднѣйшіе эпизоды отнесъ къ Николаю Ростову, а эпизоды изъ его ранней молодости къ мальчику Петѣ.

По роману, графъ Николай Ростовъ служитъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку и участвуетъ въ кампаніи 1808—1807 годовъ. Въ дѣйствительности же отецъ графа Л. Н. Толстого, Николай Ильичъ, такъ же, какъ и Петя, поступилъ на военную службу гораздо позже, въ 1812 году, и при томъ, совершенно, какъ Петя, подъ вліяніемъ патріотическаго воодушевленія отечественной войны,

Петръ Великій.

Съ портрета, принадлежащаго великому князю Николаю Николаевичу.

зачисленъ былъ въ гусарскій Иркутскій полкъ 15-ти-лѣтнимъ мальчикомъ.

Кромѣ отца и дѣда графа Л. Толстого, мы знаемъ также хорошо родного брата его дѣда, а именно графа Ѳедора Андреевича Толстого, извѣстнаго историкамъ своимъ замѣчательнымъ собраніемъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Онъ былъ однимъ годомъ моложе своего брата, графа Ильи Андреевича (родился въ 1758 г.), и умеръ на 82-мъ году жизни, 11-го апрѣля 1849 года.

Графъ Ѳедоръ Андреевичъ былъ женатъ на единственной дочери богатаго купца-старовѣра, С. А. Дурасовой; домъ его въ Москвѣ былъ богато убранъ бронзою и фарфоромъ; своими обѣдами и балами онъ славился на всю Москву. Широкой жизнью и непрактичностью онъ, подобно своему брату, совершенно разстроилъ состояніе своей жены и въ 1830 году долженъ былъ продать свое собраніе рукописей въ Публичную бібліотеку за 150.000 рублей, изъ которыхъ не получилъ ни копейки, такъ какъ деньги были переведены за долги въ опекунскій совѣтъ. Онъ страстно увлекался собираніемъ рукописей и книгъ и издавалъ ихъ описанія, хотя самъ въ составленіи каталоговъ не принималъ участія. Въ благожелательныхъ отношеніяхъ его къ археографу Строеву, описывавшему его собранія, личность графа рисуется въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ.

Очень мало извѣстенъ прадѣдъ графа Л. Толстого, графъ Андрей Ивановичъ, умершій въ 1803 году. Мы имѣемъ о немъ, къ сожалѣнію, лишь два-три отрывочныхъ свѣдѣнія. Какъ и многіе другіе члены рода Толстыхъ, онъ дожилъ до глубокой старости и, родившись при Петрѣ Великомъ (въ 1721 году), умеръ въ царствованіе Александра I, 82-хъ лѣтъ (30-го іюня 1803 года). Между прочимъ, онъ былъ депутатомъ отъ суздальскаго дворянства въ Екатерининской комиссіи 1767 г., но ничѣмъ не выдѣлился изъ ея рядовыхъ членовъ; затѣмъ до 1774 года служилъ президентомъ главнаго магистрата.

Отъ этого графа Андрея Ивановича уже недалекъ переходъ къ виднѣйшему представителю рода Толстыхъ въ древнее время, а именно къ извѣстному дѣятелю Петровскаго времени, Петру Андреевичу, первому графу Толстому (съ 1724 года). Графъ Андрей Ивановичъ, прадѣдъ графа Л. Н. Толстого, былъ внукомъ этого Петра Толстого. Л. Н. Толстого отдѣляютъ отъ Петра Толстого, какъ видно изъ прилагаемаго маленькаго родословія, четыре поколѣнія; Л. Н. Толстой родился, сто лѣтъ спустя послѣ его смерти.

Родъ Толстыхъ ведетъ свое начало отъ полулегендарнаго Индроса, выѣхавшаго въ Черниговъ «изъ нѣмецкой земли» (вѣрнѣе, изъ Литвы), и отъ его потомка, Андрея Харитоновича, переселившагося изъ Чернигова при великомъ князѣ Іоаннѣ III. Въ слѣдующемъ XVI вѣкѣ, вѣкѣ Іоанна Грознаго, Толстые оставались въ тѣни, и лишь при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ нѣсколько выдвинулся одинъ изъ представителей этого рода, Василиій Ивановичъ Толстой, по прозванію Шарпъ, въ преклонныхъ годахъ дослужившійся до чина окольногочаго (назначенъ окольнымъ чинъ въ 1646 или въ 1647 году и умеръ въ 1649 году). Сынъ его Андрей Васильевичъ (отецъ графа Петра Толстого) также получилъ чинъ окольногочаго въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны (1682 г.) и умеръ въ этомъ званіи (въ 1690 г.), не получивъ высшаго чина

Видъ Неаполя въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ гравюры, сдѣланной съ картины М. Верне, (Изъ собрания П. Я. Дашкова).

боярина. Оба они, ничѣмъ не выдаваясь изъ рядовыхъ воеводъ, столбняковъ и окольныхихъ, служили на воеводствахъ и при дворѣ, участвуя въ торжественныхъ выходахъ и богомольныхъ походахъ царей. Андрей Васильевичъ въ 1665 году отличился мужественной обороной Чернигова отъ казаковъ во время возстанія гетмана Брюховецкаго.

Первымъ, наиболѣе выдающимся дѣятелемъ изъ рода Толстыхъ былъ его сынъ, графъ Петръ Андреевичъ, отъ котораго происходитъ нѣсколько замѣчательныхъ представителей рода. Кромѣ стоящаго внѣ ряда графа Льва Николаевича, изъ нихъ наиболѣе извѣстны: поэтъ графъ Алексѣй Константиновичъ, затѣмъ художникъ, авторъ замѣчательныхъ медалей на отечественную войну, графъ Федоръ Петровичъ, и министръ графъ Дмитрій Андреевичъ.

Графы Толстые.

(Счетъ поколѣній отъ Индроса, XIV вѣка).

15. Петръ Андреевичъ (умеръ въ 1729 г.).
 16. Иванъ Петровичъ (умеръ въ 1728 г.).
 17. Андрей Ивановичъ (родился въ 1721 г., умеръ въ 1803 г.).

18. Петръ Андреевичъ.		18. Илья Андреевичъ, казанскій губернаторъ, родился въ 1757 г., умеръ въ 1820 г.	18. Федоръ Андреевичъ, владѣлецъ собранія рукописей, родился въ 1758 г., умеръ въ 1849 году.
	19. Федоръ Петровичъ, художникъ, медальеръ, родился въ 1783 году, умеръ въ 1873 г.	19. Константинъ Петровичъ.	19. Николай Ильичъ, подполковникъ, родился въ 1797 г., умеръ въ 1837 году.
		20. Алексѣй Константиновичъ, поэтъ, род. въ 1817 г., умеръ въ 1875 г.	20. Левъ Николаевичъ, родился 28-го августа 1828 г.

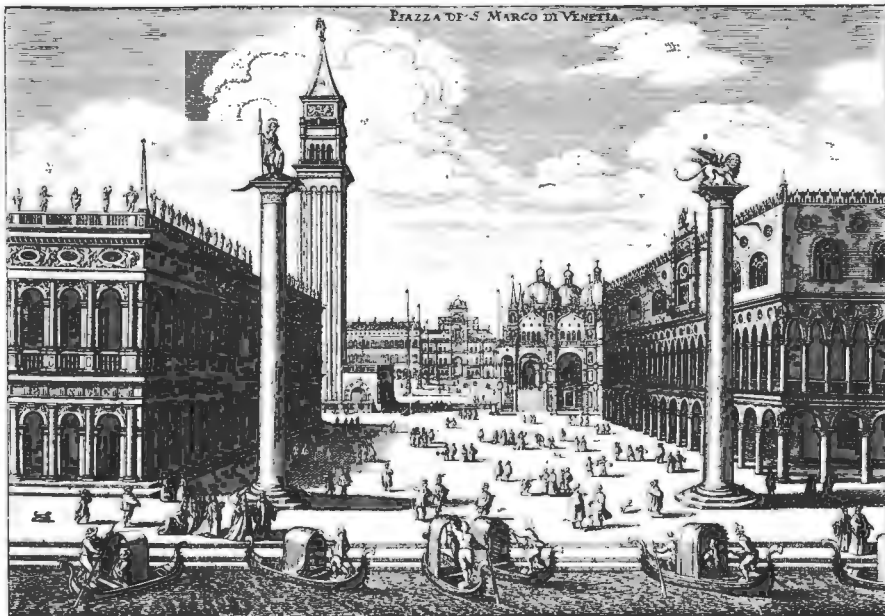
Иванъ Петровичъ (ум. въ 1728 г.) былъ женатъ на княжнѣ Прасковѣ Ивановнѣ Троекуровой и имѣлъ пять сыновей и три дочери. Графское достоинство, котораго они лишились послѣ ссылки отца въ Соловки въ 1727 г., возвращено имъ было указомъ 26-го мая 1760 г.

Отъ третьяго сына его, Федора Ивановича (17), происходитъ въ пятомъ колѣнѣ (20) графъ Дмитрій Андреевичъ, министръ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ (умеръ 25-го апрѣля 1889 г.).

Отъ пятаго сына Ивана Петровича, Петра Ивановича (17), происходятъ графъ Николай Александровичъ (19), оберъ-гофмаршалъ императора Александра I, (умеръ 9-го декабря 1816 г.), и графъ Петръ Александровичъ (19), извѣстный посолъ при дворѣ Наполеона (умеръ 28-го сентября 1844 г.).

I.

Въ Петровской эпохѣ, которая выдвинула графа Петра Андреевича Толстого, много жизни, движенія и яркихъ красокъ: новые голландскіе костюмы, изломанный языкъ съ иноземными словами, беспорядокъ строящагося города, кипучая работа на верфяхъ, частыя шумныя торжества съ пушечной пальбою и фейерверками, по случаю спуска галеръ или побѣдъ надъ шведами, ассамблеи съ нѣмецкими танцами и попойками, кровавыя пытки и казни, послѣ которыхъ на площадяхъ города Санктъ-Петербурха оставались неубранными отрубленные головы и тѣла колесованныхъ. На

Площадь св. Марка въ Венеціи.

Съ гравюры XVIII столѣтія. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

этомъ фонѣ—героическая фигура Петра Великаго и съ нимъ компанія его знаменитыхъ дѣльцовъ,—пестрая компанія, въ которой рядомъ съ родовитыми князьями и боярами много людей темнаго происхожденія. Сильные характеры и необузданные, грубые нравы, подъ внѣшнимъ лоскомъ княжескихъ и графскихъ титуловъ, богато расшитыхъ мундировъ, бритыхъ по-нѣмецки лицъ, пышныхъ париковъ. Между ними не разъ происходятъ бурныя ссоры, оканчивающіяся бранью и дракой, даже въ высшемъ присутственномъ мѣстѣ—сенатѣ; у нихъ много грѣховъ на душѣ по части казнокрад-

«истор. вѣстн.», июнь, 1906 г., т. с.

8

ства и грубыхъ насилій. Только Петръ могъ управлять этими людьми, просто, дружески держась съ ними и всегда подавляя ихъ своею несокрушимо властною волею.

Въ полубогданномъ освѣщеніи эпохи герои петровскаго времени запечатлѣны всѣ своими особыми, рѣзкими чертами. Здѣсь, на первомъ планѣ—Меншиковъ, сначала любимецъ Петра, Алексапка, потомъ гордый свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ, олицетворенный честолюбецъ, попавшій «въ князи изъ грязи»; здѣсь князь-кесарь Ромодановскій, беспощадный въ розыскахъ тайной канцелярии, рвеніе котораго Петръ останавливалъ словами: «звѣрь, долго ли тебѣ кровь пить»; среди нихъ—князь Яковъ Долгоруковъ, рыцарски благородный, безстрашный совѣтникъ царя, всегда говорящій ему правду въ лицо, и фельдцейхмейстеръ Брюсъ, ученѣйшій нѣмецъ, не то ученый, не то чернокнижникъ; и рядомъ съ ними хитрый Петръ Толстой, — олицетвореніе тонкаго ума и коварства, своего рода театральный «злодѣй» драмы петровскаго царствованія.

Въ анекдотическихъ разсказахъ изъ петровскаго времени графъ Петръ Андреевичъ всегда рисуется человѣкомъ умнымъ и въ высшей степени коварнымъ, не останавливающимся даже предъ убійствомъ для достиженія своихъ цѣлей. Хорошо извѣстны изъ одного такого разсказа слова Петра Великаго къ Толстому: «Голова, голова, кабы ты не такъ умна была, давно бы я огрубить тебя велѣлъ». По другому разсказу, Петръ говорилъ о Толстомъ, что «онъ очень способный человѣкъ, но, ведя съ нимъ дѣло, надо держать за пазухой камень, чтобы выбить ему зубы, если онъ вздумаетъ укусить». Одинъ изъ современниковъ также характеризовалъ Петра Толстого и его брата Ивана, какъ людей, «въ умѣ зѣло острыхъ и великаго пронырства и мрачнаго зла въ тайнѣ исполненныхъ».

Въ молодости Толстой дѣятельно участвовалъ въ подготовкѣ стрѣлецкаго бунта 1682 г., направленного противъ малолѣтняго Петра, и хотя онъ вскорѣ, черезъ 3—4 года, перешелъ на сторону Петра, но дѣло это наложило на него несмываемое пятно на всю жизнь. Въ трехдневныхъ убійствахъ 15—17 мая онъ не участвовалъ, но отвѣтственность за нихъ падала и на него, такъ какъ онъ подготовилъ бунтъ стрѣльцовъ на тайныхъ ночныхъ совѣщаніяхъ съ стрѣleckими головами въ домѣ своего покровителя, боярина Ивана Милославскаго. Утромъ въ день бунта онъ вмѣстѣ съ племянникомъ Милославскаго проскакалъ по Стрѣлцкой слободѣ, крича, что Нарышкины задушили царевича Іоанна Алексѣевича, и этимъ ложнымъ извѣстіемъ побудилъ стрѣльцовъ толпою идти въ Кремль противъ Нарышкиныхъ и всѣхъ сторонниковъ Петра. Это участіе въ бунтѣ и близость къ Милославскому, главному дѣятелю заговора, никогда не могли быть забыты и, много лѣтъ спустя,

ставили Толстого въ неловкое положеніе передъ Петромъ, который во всѣхъ своихъ врагахъ видѣлъ «сѣмя Ивана Милославскаго». Андрей Нартовъ, извѣстный токарь Петра Великаго, рассказываетъ, какъ Петръ напомнилъ Толстому объ этомъ старомъ дѣлѣ на одной вечеринкѣ, устроенной корабельными мастерами. Когда послѣ обѣда гости слишкомъ подвеселились, Толстой, «уклоняясь отъ хмеля, сѣлъ противъ камелька и притворился пьянымъ, дремлющимъ, шаталъ головою и снялъ съ себя парикъ; въ самомъ же дѣлѣ подслушивалъ рѣчи, которыя другіе подгулявшіе откровенно государю говорили. Государь, похаживая взадъ и впередъ и увидя плѣшивую голову сидѣвшаго на стулѣ хитреца, подошелъ къ нему, ударилъ ладонью слегка по голому темени раза два и сказалъ:

— «Притворство, господинъ Толстой.

«Послѣ, оборотясь къ предстоявшимъ, говорилъ: «Эта голова ходила прежде за иною головою (Милославскаго), повисла,—боюсь, чтобъ не свалилась съ плечъ».

«А притворщикъ, очнувшись, взглянувъ на государя, отвѣтствовалъ тотчасъ: «Не опасайтесь, ваше величество, она вамъ вѣрна и на мнѣ тверда; что было прежде—не то послѣ, теперь и впредь».

— «Видите,—сказалъ государь,—онъ притворился, а не пьянъ. Поднести ему стакана три добраго флина (грѣтое пиво съ коньякомъ и лимоннымъ сокомъ), такъ онъ поравняется съ нами и будетъ также сорочить» ¹⁾.

Особенно строго осуждали Толстого за его участіе въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича, за то, что онъ обманомъ выманилъ его изъ заграничнаго убѣжища, Неаполя, гдѣ онъ скрывался отъ гнѣва отца, привезъ въ Россію и велъ весь розыскъ, окончившійся смертью царевича. Недоброжелатели Толстого прибавляли, что онъ, въ угоду мачехѣ Алексѣя Петровича, Екатерины, намѣренно велъ дѣло къ его гибели. Они взвели на него тяжкое обвиненіе въ убійствѣ царевича и составили подложное письмо, въ которомъ отъ имени одного изъ соучастниковъ Толстого (Румянцева) заявлялось, что онъ задушилъ Алексѣя Петровича подушками въ казематѣ крѣпости. Какъ отголосокъ этихъ обвиненій, въ родѣ Толстыхъ сохранилось преданіе, что царевичъ въ мукахъ пытки проклялъ Толстого и весь родъ его до 25-го колѣна, и что вслѣдствіе этого въ каждомъ поколѣніи наряду съ выдающимися людьми рождаются безумные и слабоумные. При жизни Толстого въ народѣ прямо обвиняли его въ убійствѣ царевича и говорили, что

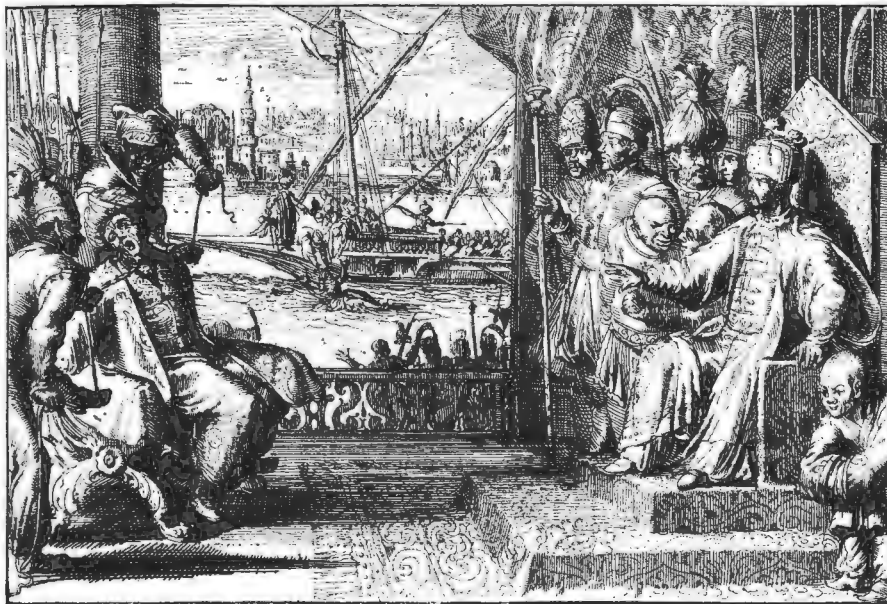
¹⁾ Повидимому, другой, болѣе извѣстный рассказъ, записанный Порошинымъ со словъ графа Н. И. Панина въ 1764 г. («случалось, когда Петръ Великій въ компаніи подвеселится, а Толстой тутъ, то государь, свявши съ него парикъ и колотя его по плѣши, говорилъ: голова, голова» и пр.), представляетъ собою лишь позднѣйшій вариантъ цитированнаго разсказа Андрея Нартова, болѣе правдоподобнаго.

кара за это падеть на весь его родъ. Въ неизданномъ подметномъ письмѣ 1726 г. находимъ слѣдующую угрозу, обращенную къ племяннику Толстого (Петру Михайловичу): «царевичева смерть вамъ съ дядею и со всѣмъ родомъ отомстится». Неизвѣстный авторъ этого письма припомнилъ и другое преступное дѣло Толстого, участіе въ стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 г.: «а дядѣ твоему полно и девяностова году (т.-е. 6190 отъ сотворенія міра, или 1682), какъ онъ стрѣльцовъ посылалъ царя и царицу убить, и то ему прошло, не повѣшенъ. Царевичу онъ же сдѣлалъ убійство; дважды своровалъ, а въ третье не задается».

Обвиненія эти и проклятія не были вполнѣ заслуженными. Хотя, уговаривая въ Неаполѣ царевича вернуться въ Россію, Толстой и покривилъ душою, но все же онъ въ то время не могъ ожидать, что самой жизни царевича грозитъ опасность. И дѣйствительно, первый московскій розыскъ (до марта 1718 г.) окончился благополучно, и Петръ готовъ былъ исполнить то, о чемъ Алексѣй Петровичъ условился съ Толстымъ при возвращеніи въ Россію. Дѣло приняло трагическій для царевича оборотъ лишь во время второго, петербургскаго розыска, послѣ слишкомъ откровенныхъ показаній его фаворитки Евфросиньи. Есть даже извѣстіе, что Толстой въ это время осторожно заступался предъ Петромъ I за царевича Алексѣя. Нартонъ рассказываетъ, что, когда Петръ I, разсуждая объ этомъ дѣлѣ, сказалъ: «всему виною бородачи, старцы и попы», то Толстой замѣтилъ: «кающемуся и повинующемуся (т.-е. царевичу) милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуха». Въ государственномъ архивѣ сохранились, однако, письма Толстого къ Екатеринѣ по дѣлу Алексѣя Петровича, которыя рисуютъ его отношеніе къ этому дѣлу въ очень неблаговидномъ свѣтѣ и показываютъ, что онъ изъ угодливости не только передъ Петромъ I, но и передъ Екатериною, способенъ былъ на нѣчто, подобное тому, въ чемъ его обвиняютъ. Уговоривъ царевича и выѣхавъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Неаполя, Толстой «съ первой почты» отъ этого города спѣшитъ увѣдомить объ этомъ Екатерину I и униженно просить у нея награды: «Симъ моимъ всеподданнѣйшимъ дерзаю вашему величеству донести, что государь царевичъ Алексѣй Петровичъ, оставя противности, намѣрился въ Санктъ-Питербурхъ ѣхать и уже изъ Неаполя сего нижеписаннаго числа (14 октября 1717 г.) выѣхалъ... Свидѣтельствуюся, государыня, живымъ Богомъ, что со всякою прилежною вѣрностью неусыпно трудился привести оное дѣло къ доброму окончанію, что съ помощію Всемогущаго и сдѣлалось. Того ради ваше величество всенижайше прошу, благоволи, всемилостивая государыня, сей мой трудъ и вѣрность милостиво принять и его царскому величеству о мнѣ предстательствовать, дабы и его величество сію мою рабскую вѣрность благоволил милостиво принять». Эта «рабская вѣрность» была принята весьма

милостиво и Екатериной-мачехой царевича и Петромъ I. Наградой Толстому за участіе въ дѣлѣ царевича были чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, орденъ св. Андрея Первозваннаго и деревни въ Переяславскомъ уѣздѣ (Аврама Лопухина и Федора Дубровскаго).

Характеризуя коварство Толстого, его біографы, иностранные дипломаты, рассказываютъ, что, будучи посломъ въ Константинополь, онъ не задумался отравить подьячаго, который донесъ на него или хотѣлъ на него донести. Говорятъ, что передъ отъѣздомъ въ Турцію онъ получилъ громадную сумму въ 200.000 червошцевъ

Сцена изъ придворной турецкой жизни.

Съ гравюры начала XVIII столѣтія. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

для подкупа турецкихъ сановниковъ и значительную часть ея присвоилъ себѣ; узнавъ же, что посольскій секретарь написалъ на него доносъ, отравилъ этого секретаря, обвинивъ въ измѣнѣ и въ секретныхъ сношеніяхъ съ визиремъ. Фактъ отравленія подьячаго подтверждается собственнымъ донесеніемъ Толстого въ посольскій приказъ, въ которомъ онъ даетъ понять, что самъ отравилъ подьячаго, давъ яду въ рюмкѣ вина, и объясняетъ, что поступилъ такъ потому, что подьячій хотѣлъ обратиться въ магометанство. Объясненіе это представляется довольно сомнительнымъ; но еще болѣе выдаетъ Толстого та форма, въ какой онъ сообщаетъ объ этомъ дѣлѣ Головину, начальнику посольскаго приказа. Съ явною цѣлью

отклонить отъ себя всякія подозрѣнія, онъ въ особомъ секретномъ донесеніи рассуждаетъ о томъ, что опасается измѣны отъ своихъ домовныхъ людей и совращенія ихъ въ басурманскую вѣру, «мало-осмысленную, но зѣло прелестную», и послѣ этого, лишь въ видѣ примѣра, рассказываетъ объ отравленіи подьячаго, якобы хотѣвшаго принять магометанство: «и у меня и прежде сего уже такое дѣло было»: подьячій Тимоеей «позналъ турецкій языкъ и, познавша сѣ турками, намѣрился было конечно быть басурманомъ, о которомъ его намѣреніи Богъ мнѣ помогъ увѣдать; и, призвавъ его къ себѣ тайно, началъ ему о томъ говорить; на которыя мои слова отозвался явно, что хочетъ быть басурманъ; которыя его слова я услышавъ, заперъ его у себя въ избѣ, гдѣ сплю, до ночи. А въ ночи онъ выпилъ рюмокъ вина, скоро умеръ, и тѣмъ Богъ сохранилъ отъ такой бѣды». Относительно возможныхъ злоупотребленій Толстого съ деньгами, бывшими въ его распоряженіи для подкуповъ, слѣдуетъ замѣтить, что злоупотребленія эти не могли быть значительны, такъ какъ правительство высылало ихъ скупо, и даже жалованье Толстому платило соболями, которые распродавались съ трудомъ (письмо Толстого 10-го января 1706 г.).

II.

Человѣкъ, на совѣсти котораго лежали такія темныя дѣла, былъ въ обхожденіи сдержанъ, учтивъ и любезенъ, выдѣлялся замѣчательной для своего времени житейской культурностью, былъ очень благочестивъ, отличался большой любознательностью, за границей усердно учился, написалъ замѣчательный дневникъ своего путешествія по Италіи и обширное описаніе Турціи, наконецъ, трудился надъ переводомъ «Метаморфозъ» Овидія съ итальянскаго языка, которымъ владѣть прекрасно¹⁾. Увлечшись одною чертою характера Толстого, его первые біографы, два иностранные дипломата, написавшіе о немъ мемуары послѣ его смерти, всю его служебную карьеру до высшей должности члена верховнаго тайнаго совѣта объясняютъ его коварствомъ и угодливостью предъ вліятельными сановниками. Они сдѣлали ту именно ошибку, которую Л. Н. Толстой считалъ обязательной для историковъ, говоря, что они, «перегибая истину,

¹⁾ Три тетради этого перевода «Метаморфозеосъ, т.-е. премѣненіе», писанныя рукою Толстого, взяты были въ синодъ для исправленій въ 1727 г. Въ Публичной бібліотекѣ хранится переводъ Метаморфозъ, петровскаго времени, неизвѣстно къмъ сдѣланный. Рукопись эта написана не почеркомъ Толстого. Переводъ въ общемъ очень тяжелый, но нѣкоторыя мѣста удачны для своего времени: «Гамо живяше лютый змій марсовъ, никому не знасмъ; успешренъ былъ весь златыми пестринами, и очи его горѣли огнемъ великимъ, а тѣло наполнено ядомъ вредительнымъ, и изъ челюстей показывались три языка, а въ челюстяхъ тремя рядами стояли смрадные зубы».

подводятъ всё дѣйствіа историческаго лица подъ одну идею, которую вложили въ это лицо». Не отрицая коварства Толстого, той «идеи», подъ которую его біографы подводятъ каждый его шагъ, я покажу, что возвышеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ не столько нѣкоторымъ темнымъ своимъ дѣламъ, сколько своему уму, усердному ученью за границею и поразительной работоспособности, ко-

Баронъ П. П. Шафировъ.

Съ портрета, находящагося въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

торою онъ отличался даже въ преклонныхъ годахъ, въ концѣ царствованія Петра.

О молодости и первой большей половинѣ его жизни, къ сожалѣнію, сохранились немногія, случайныя свѣдѣнія. Онъ родился въ 1645 году, въ годъ воцаренія Алексѣя Михайловича, и, какъ сынъ родовитаго человѣка, думнаго дворянина (Андрея Васильевича), 31-го года получилъ чинъ стольника. Въ 1682 году Толстой, какъ мы уже говорили, участвовалъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ, какъ родственникъ боярина Милославскаго по матери (родной сестрѣ Ив. Милославскаго) и какъ его «конфидентъ» (или «держальникъ»). Переходъ власти въ руки царевны Софіи послѣ этого бунта не далъ ему никакихъ выгодъ; только отецъ его, можетъ быть, за заслуги сына, былъ награжденъ чиномъ окольного. Черезъ

три года покровитель Толстыхъ, Милославскій, умеръ, и Петръ Толстой во-время удалился отъ сторонниковъ царевны, вслѣдствіе чего и не пострадалъ при ея паденіи въ 1689 году. Черезъ другого своего родственника Апраксина (будущаго графа и генераль-адмирала) Толстой сблизился съ сторонниками Петра и въ 1693 г. назначень былъ на два года воеводой въ Великій Устюгъ, гдѣ, между прочимъ, ему пришлось въ іюлѣ того же года устраивать торжественную встрѣчу, съ пушечною пальбою, двадцатилѣтнему Петру, проѣзжавшему черезъ Устюгъ въ Архангельскъ.

Въ январѣ 1697 года Толстой, въ числѣ 60 другихъ стольниковъ, получилъ повелѣніе Петра ѣхать за границу для изученія морского дѣла. Рассказываютъ, что Толстой самъ вызвался ѣхать за границу, рѣшившись пойти навстрѣчу планамъ царя-преобразователя и «доказалъ своимъ путешествіемъ, что его способности равнялись скрывавшемуся въ немъ честолюбію». Все это заключаютъ изъ того, что онъ при отправленіи за границу имѣлъ 52 года и былъ гораздо старше другихъ «молодыхъ» стольниковъ, назначенныхъ одновременно съ нимъ въ заграничную поѣздку. Но, на самомъ дѣлѣ, разница лѣтъ Толстого и его товарищей по путешествію была не такъ велика, какъ думаютъ. Если ему было 50 лѣтъ съ небольшимъ, то среди стольниковъ, отправленныхъ за границу, было нѣсколько человѣкъ 40 лѣтъ, и, повидимому, ему не было надобности напрашиваться на путешествіе, потому что Петръ отправилъ въ заграничное ученье всѣхъ придворныхъ «комнатныхъ» стольниковъ.

30-го января 1697 года Толстой получилъ изъ посольскаго приказа проѣзжую грамоту на имя дворянина Петра Андреева, посланнаго для науки воинскихъ дѣлъ; почти мѣсяцъ онъ собирался въ дорогу, и 28-го февраля выѣхалъ изъ Москвы. Путешествіе на собственныхъ лошадяхъ съ большимъ числомъ дворовыхъ совершалось крайне медленно; въ Смоленскѣ, готовясь переступить польскую границу, онъ отпустилъ домой большую часть своихъ людей, а съ собственными лошадьми разстался только въ Силезіи. Въ Вѣну онъ прибылъ почти черезъ два мѣсяца послѣ выѣзда изъ Москвы (22-го мая), прожилъ здѣсь шесть дней и, наконецъ, 11-го іюня добрался до конечной цѣли своего путешествія, Венеціи. Здѣсь онъ началъ учиться математикѣ и морскому дѣлу. Для практики мореходства взялъ себѣ мѣсто на кораблѣ и полтора мѣсяца, въ сентябрѣ и октябрѣ, плавалъ по Адриатическому морю. Проведя зиму въ Венеціи, онъ съ марта 1698 года сдѣлалъ сухопутную поѣздку по сѣверной Италіи и въ іюнѣ два морскихъ плаванія на югъ, затѣмъ вернулся въ Венецію сухимъ путемъ черезъ Римъ.

Во время своего почти двухлѣтняго путешествія Толстой велъ обстоятельный дневникъ, подробно записывая всѣ свои наблюденія.

Этотъ обширный его трудъ занимаетъ первое мѣсто среди нѣсколькихъ извѣстныхъ путевыхъ дневниковъ русскихъ людей петровскаго времени. Заграничныя впечатлѣнія Толстого живо рисуютъ намъ контрастъ между московской и западно-европейской жизнью и обрисовываютъ главныя черты его любопытной личности.

При чтеніи дневника Толстого прежде всего бросается въ глаза его религіозность и особенно его крайнее обрядовое благочестіе. Въ

Графъ П. А. Толстой.

Съ гравюры, Грачева, сдѣланной съ рисунка Аргунова.

этомъ отношеніи онъ является вполне человѣкомъ допетровской старины. Интересы церкви, вѣры, вѣроисповѣданія у него большею частью на первомъ планѣ; въ польскихъ городахъ онъ считаетъ число церквей католическихъ, униатскихъ и «благочестивой греческой вѣры», и не забываетъ отмѣтить незначительныя обрядовыя различія въ православномъ богослуженіи западнаго края. Къ католическимъ святинамъ онъ относится съ большимъ уваженіемъ; великолѣпіе храмовъ его подавляло, въ подлинности множества ре-

ликвѣй онъ не сомнѣвался; за неимѣніемъ православныхъ храмовъ, онъ молился въ римскихъ «костелахъ»; въ этой терпимости къ католичеству онъ также былъ вѣренъ традиціямъ Москвы, которая совершенно враждебно относилась только къ протестантамъ, какъ главнымъ противникамъ обрядоваго благочестія, рѣзко отличая ихъ отъ католиковъ. Но въ то же время Толстой остается твердо убѣжденнымъ въ единственной спасительности православія. Въ городѣ Борисовѣ ему показали икону Богородицы, которая находилась раньше въ православномъ монастырѣ, а затѣмъ, когда городъ Борисовъ перешелъ къ Польшѣ,—помѣщена была въ польскомъ костелѣ. «Съ этого времени,—разсказываетъ Толстой,—на иконѣ появилось черное пятно, величиною въ копейку, которое, несмотря на всѣ старанія католиковъ, не удалось закрасить, и оно все прибавляется». Проѣзжая на обратномъ пути черезъ тотъ же городъ, Толстой вновь идетъ поклониться образу Богородицы и съ наивной вѣрою замѣчаетъ: «и на томъ образѣ чернаго мѣста прибыло много съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ тотъ самый образъ, ѣхавъ съ Москвы».

Интересы церкви хотя и занимали большое мѣсто въ жизни и путешествіи Толстого, но далеко не поглощали всецѣло его вниманія. Какъ человѣкъ высшаго московскаго придворнаго круга конца XVII вѣка, онъ явился за границу нѣсколько подготовленнымъ къ ознакомленію съ свѣтской образованностью Запада. Нѣкоторыя понятія о наукахъ ему не были чужды такъ же, какъ нѣкоторыя познанія по древней исторіи, изъ польскихъ книгъ и русскихъ переводовъ. Онъ интересуется академіями, въ которыхъ «учатся высокимъ наукамъ, даже и до философіи», и устраиваются «диспуты», интересуется библіотеками и книгами древнихъ лѣтъ, венеціанскимъ «мастеромъ математики, космографіи и иныхъ тому подобныхъ наукъ». Имена Нерона «мучителя», поганскаго бога Венуса, Меркурія, Геркулеса, Ахиллеса не были чужды его слуху, когда ему называли ихъ, показывая древнія статуи; разсказывая о божницахъ поганскихъ боговъ, онъ, однако, не можетъ отрѣшиться отъ церковной точки зрѣнія и дѣлаетъ курьезное замѣчаніе о «проклятомъ Неронѣ», что онъ приносилъ жертвы поганскимъ богамъ, «и за ту свою къ нимъ любовь купно съ ними есть въ пеклѣ». Кое-что изъ того, что Толстой видѣлъ за границей, должно было быть раньше знакомо ему по картинкамъ. Разсказавъ о фокусникѣ, человѣкѣ съ двумя головами, онъ пишетъ: «а хотящему о томъ человѣкѣ подлинно вѣдать потребно смотрѣть его персоны (изображеніи), которыхъ нынѣ и въ Россіи обрѣтается немало, а ежели кто возжелаетъ его самого видѣть, тотъ бы не облѣнился въ Италію ѣхать».

Для ознакомленія съ памятниками искусства Толстой совершенно не былъ подготовленъ, но они произвели на него сильнѣй-

шее впечатлѣніе. Его поражало, конечно, болѣе всего «мастерство»: трудность работы и драгоцѣнность матеріала построекъ, разныхъ украшеній и сосудовъ въ храмахъ. Но, какъ наблюдатель умный и внимательный, Толстой вскорѣ началъ различать и чувствовать художественную красоту замѣчательнѣйшихъ памятниковъ итальянскаго искусства. Предъ знаменитымъ Миланскимъ соборомъ или картиной Рафаэля Толстой, московскій человекъ XVII вѣка, не находить словъ въ своемъ языкѣ для выраженія своихъ впечатлѣній. Слова: «предивное или преудивительное мастерство»; «див-

аша съ дошмихъ рабшнхъ въ
показаніи шаша рабшнхъ въ

внѣромъ шаша шаша

в шаша шаша рабшнхъ

и шаша шаша шаша
30. днѣ. 1777.

Паша шаша шаша.

Факсимиле подписи графа П. А. Толстого.

ная работа», «изрядная» (въ XVII вѣкѣ слово это имѣло смыслъ высшей похвалы), пестрятъ страницы его описаній. Его неудачныя усилія описать русскими словами невиданныя вещи часто производятъ комическое впечатлѣніе. Но подъ неуклюжей оболочкой выраженій чувствуется все-таки сила впечатлѣнія. Послѣ тщетной борьбы съ неподдающимся ему роднымъ языкомъ Толстой обыкновенно самъ сознается въ своемъ безсиліи и говоритъ о «такой пречудной работѣ, которой никто подробно описать не можетъ», «о которомъ мастерствѣ языкъ человѣческій и сказать подробно не можетъ». Сильное впечатлѣніе произвелъ на него Миланскій соборъ, «зѣло чудный и во всемъ свѣтѣ славный», и храмъ св. Петра въ Римѣ. О живописи онъ говоритъ сравнительно мало, но не разъ замѣчаетъ: «въ томъ монастырѣ (св. Амвросія, въ Миланѣ) видѣлъ много зѣло чудныхъ писемъ святыхъ итальянскаго живописнаго изряднаго мастерства»; или «письма въ той церкви (св. Петра) по стѣнамъ и сводамъ зѣло преудивительныя преславной итальянской живописной работы». Часто поражали его и скульптуры: «подобія человѣческія, звѣрскія, скотскія и птичьи», подобія

конскія, «вырѣзанныя изъ бѣлаго камня преудивительною работою, словно какъ живы».

Оперы въ Венеціи ему очень понравились, больше комедій; пѣніе монахинь въ Венеціи въ женскихъ монастыряхъ «таково изрядно, что на всемъ свѣтѣ такого сладкаго пѣнія и согласія нвгдѣ не обрѣтается, и таково предивно, подобно ангельскому». Органы, однако, произвели впечатлѣніе только тѣмъ, что «безмѣрно громогласны и кажется такъ отъ голосовъ тѣхъ органовъ, якобы всей церкви сотрясаются».

Въ описаніяхъ Толстого виденъ наблюдатель серьезный и внимательный. Осматривая памятники, онъ прислушивался ко всему, что ему рассказывали проводники, и записывалъ длину и ширину храма, число мраморныхъ столбовъ, стараясь дать понятіе о его размѣрахъ. Онъ читалъ при этомъ и «печатныя исторіи», къ которымъ и отсылаетъ не разъ любознательныхъ читателей. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Венеціи и научившись итальянскому языку, Толстой въ дальнѣйшихъ поѣздкахъ по Италіи подмѣчаетъ различіе нарѣчій и отличія въ обычаяхъ различныхъ мѣстностей. Будучи въ Римѣ, онъ замѣтилъ, что здѣсь говорятъ итальянскимъ языкомъ «изрядно чисто, многихъ итальянскихъ мѣстъ лучше», а въ Болоньѣ говорятъ «ниже флорентійскаго нарѣчія». Въ Неаполѣ онъ подмѣтилъ, что здѣсь «палаты жителей модою особливо, не такъ, какъ въ Италіи, въ иныхъ мѣстахъ». Въ то время, какъ въ Венеціи женщины «всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ, и ко грѣху тѣлесному весьма слабы»,—въ Неаполѣ «женскій полъ и дѣвицы имѣютъ нравы зазорные (стыдливые) и скрываются подобно московскимъ обычаямъ». Неаполь, по его наблюденіямъ, сильно отличался отъ Венеціи, и многимъ, кромѣ стыдливыхъ нравовъ женскаго пола, напомнилъ ему Москву. Такъ онъ пишетъ о неаполитанскихъ знатныхъ людяхъ, что они живутъ «не безлюдно, и за каретами ихъ, когда сами и жены ихъ ѣздятъ, ходитъ пѣшихъ людей довольно, подобно московскому обыкновенію»; даже дома въ Неаполѣ чѣмъ-то напомнили ему «московское палатное строеніе». Въ другихъ мѣстахъ онъ также изрѣдка встрѣчалъ порядки, сходные съ московскими. Въ Венеціи, у воротъ площади св. Марка, онъ увидѣлъ: «сидятъ многіе писари, подобные московскимъ подъячимъ, которые пишутъ челобитныя и иныя всякія нужды, что кому будетъ потребно».

Въ общемъ, конечно, только кое-что случайно или отдаленно напоминало ему старыя московскія порядки. Большею же частью онъ встрѣчалъ и въ Австріи и въ Италіи совершенно новыя «преудивительныя» вещи. Кромѣ храмовъ дивнаго мастерства, наполненныхъ множествомъ реликвій, драгоценностей, статуй и картинъ, его поразили ученныя академіи, театры съ предивными операми и комедіями (палаты великія округлыя съ чуланами многими въ пять

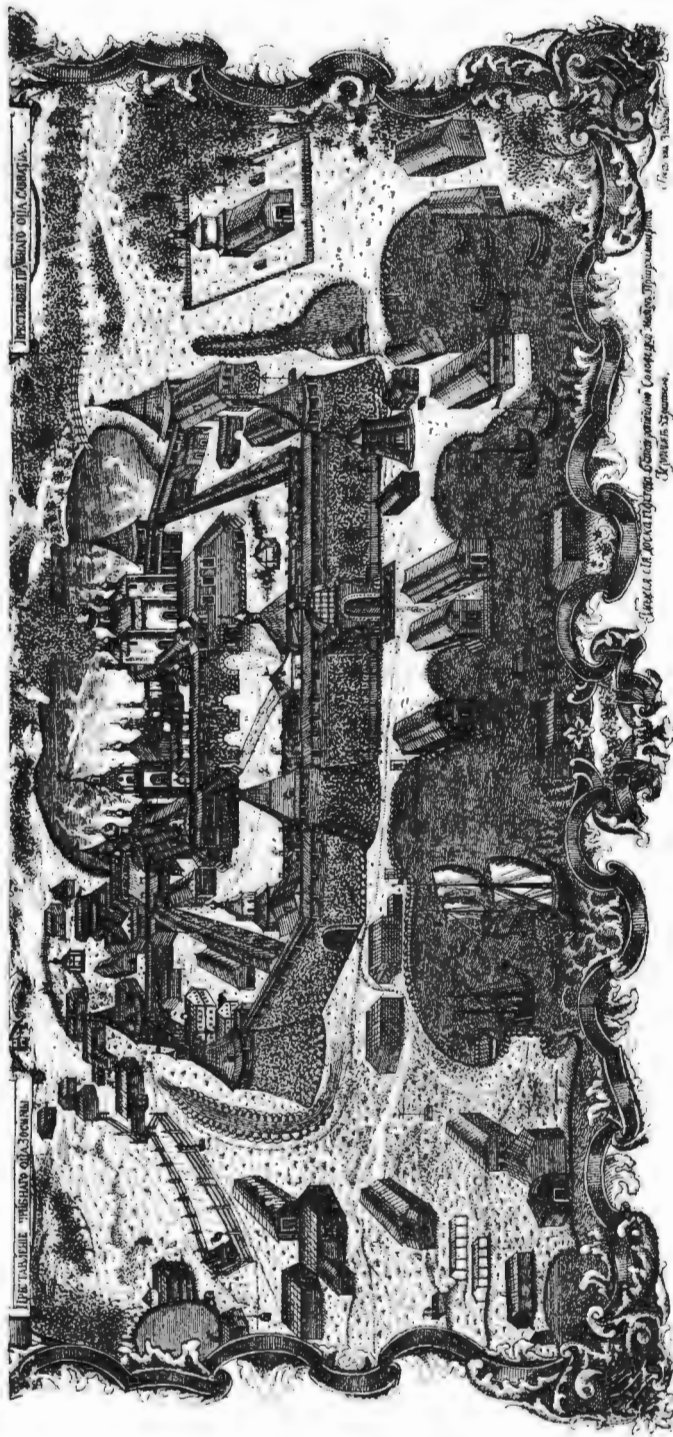
Петербургъ въ началѣ XVIII столѣтія.

См. гравюры Алексѣя Зубова.

рядовъ вверхъ), очень понравились остеріи (постоялые дома) съ чистыми комнатами и передними, съ изрядными постелями, удивили госпитали на 1.000 человекъ со многими лѣкарями, не говоря уже о «водяныхъ улицахъ» въ Венеціи и карнавалѣ, во время котораго всѣ ходятъ въ «маскарахъ, по-славянски въ харяхъ». Поражали его и нѣкоторыя частности, какъ, на примѣръ, на улицахъ Вѣны фонари, «отъ которыхъ на всю ночь по улицамъ и переулкамъ бываетъ великая свѣтлость». Обращали на себя его вниманіе и совершенно несходные съ московскими общественные порядки. Широта наблюденій его, неутомимость вниманія, несомнѣнно, замѣчательны. Онъ посѣщалъ не только соборы, академіи и театры, но и приказныя палаты и знакомился съ дѣлами суда и управленія. Онъ описываетъ, какимъ образомъ въ Венеціи всякій человекъ «по своимъ дѣламъ можетъ достигнуть свободно до самаго князя венецкаго», описываетъ судебные порядки: «въ судѣ говорятъ чинно, съ великою учтивостію, а не крикомъ». Толстой понимаетъ превосходство иноземныхъ порядковъ этого рода, но хвалитъ осторожно, не такъ, какъ разныя преудивительныя мастерства архитекторовъ и живописцевъ, и совершенно воздерживается отъ сравненій. Впослѣдствіи, когда преобразовательныя стремленія Петра вполне опредѣлились, русскіе люди начали смѣло критиковать старые московскіе порядки и составлять проекты реформъ, но Толстой писалъ свой дневникъ въ 1697 и 1698 годахъ, еще до знаменитыхъ распоряженій Петра I о бритвѣ бороды и иноземномъ платьѣ. Естественно, онъ былъ остороженъ въ вопросахъ общественнаго устройства. Сямпатіи его къ иноземнымъ порядкамъ, однако, ясны, несмотря на отсутствіе сравненій. «Венеціане,— пишетъ онъ,— люди умные, политичные и ученыхъ людей зѣло много... народъ самый трезвый, никакого человека нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь», живутъ венеціане благополучно, «всегда веселятся и ни чемъ другъ друга не зазираютъ, и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ, всякій дѣлаетъ по своей волѣ, кто что хочетъ; эта вольность въ Венеціи и всегда бываетъ, живутъ венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды, и безъ тягостныхъ податей». Здѣсь, что ни слово, то рѣзкая противоположность московской жизни, и это нѣсколько идеализированное описаніе прямо сбивается на поученіе.

Въ Италіи Толстой прожилъ годъ и четыре мѣсяца. 25-го октября 1698 года онъ получилъ предписаніе отъ боярина Ф. А. Головина возвратиться въ Россію. Онъ немедленно собрался въ путь и черезъ три мѣсяца, 27-го января 1699 года, «изъ такъ далекихъ краевъ и изъ нужнаго странствія волею Божіею возвратился въ отечество свое въ добромъ здоровьѣ».

Толстой вернулся въ Россію, совершенно увлеченный итальянской жизнью, такъ же, какъ Петръ I вернулся въ восторгѣ отъ Гол-

Соловецкій монастырь въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ гравюры Луки Зубкова. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

ландіи. Впослѣдствіи долготѣнее пребываніе въ Турціи не изгладило его воспоминаній, и онъ черезъ 15 лѣтъ такъ часто въ кругу приближенныхъ царя расхваливалъ Италію, что однажды даже за это увлеченіе былъ наказанъ; Петръ заставилъ его выпить штрафной большой кубокъ вина. Основательное знакомство съ итальянской жизнью сдѣлало его сторонникомъ преобразованій, убѣжденнымъ западникомъ такъ же, какъ большое число русскихъ людей, побывавшихъ за границей по требованію Петра. Отправленный въ Италію Петромъ съ единственной цѣлью изучать морское дѣло, онъ вернулся плохимъ морякомъ, но человѣкомъ, вполне подготовленнымъ для работъ на поприщѣ общаго преобразованія Россіи.

Для государя Толстой привезъ съ собою лестные аттестаты отъ учителей математики и морскихъ наукъ, но его морскія познанія не могли удовлетворить Петра I, который искалъ моряковъ-спеціалистовъ. Толстой же больше путешествовалъ, чѣмъ серьезно изучалъ мореплаваніе, какъ это дѣлалъ самъ государь. Къ тому же онъ совершенно не ознакомился съ судостроеніемъ, которое въ это время наиболѣе интересовало Петра I. Въ виду этого Толстой по возвращеніи въ Россію не получилъ никакого служебнаго назначенія, какъ многіе изъ его товарищей, и около трехъ лѣтъ оставался не у дѣлъ.

III.

Въ ноябрѣ 1701 года Толстой назначенъ былъ посломъ въ Турцію. Вильярдо объясняетъ это назначеніе его низкопоклонствомъ предъ начальникомъ посольскаго приказа Головинымъ и взяткою въ 2.000 червонцевъ, но едва ли Петръ не самъ выбралъ Толстого, нуждаясь въ умныхъ и ловкихъ людяхъ, и особенно имѣя въ виду его знаніе итальянскаго языка, которымъ въ то время на Востокѣ часто пользовались въ политическихъ переговорахъ. Русскій посольскій прибылъ въ Адрианополь, гдѣ тогда находился султанъ Мустафа II, 29 августа 1702 года. Въ слѣдующемъ году, когда Мустафа былъ сверженъ съ престола (22 августа 1703 года), Толстой переѣхалъ въ Константинополь ко двору новаго султана, Ахмета III. Положеніе его, перваго русскаго постояннаго посла въ Турціи, было чрезвычайно затруднительно. Мирный договоръ, заключенный въ Константинополѣ думнымъ дьякомъ Емельяномъ Украинцевымъ 3 іюля 1700 года, не могъ служить прочной опорой мира. Уступивъ подъ давленіемъ необходимости Азовъ, турки съ крайнимъ опасеніемъ смотрѣли на крѣпости (Таганрогъ и другія), которыя Петръ строилъ на Азовскомъ побережьи, и въ особенности на вновь сооруженный русскій флотъ. Привыкши издавна смотрѣть на Черное море, «какъ на домъ свой внутренній, куда нельзя пускать чужеземца», они никакъ не хотѣли допустить русскія военныя

суда до свободнаго плаванія по этому морю, и даже, съ цѣлью запретить окончательно Петровскія галеры и корабли въ Азовскомъ морѣ, предполагали засыпать Керченскій проливъ. Крымскій ханъ былъ крайне недоволенъ господствомъ русскихъ, стѣснившихъ его свободу въ степи, и настойчиво просилъ султана позволить ему начать войну въ Москву. Послы англійскій и голландскій, опасаясь развитія русской морской торговли, держали во всемъ турецкую сторону. Появленіе въ Турціи постояннаго русскаго посла еще болѣе усилило опасенія турокъ. «Мой прїѣздъ,—писалъ Толстой,—учинилъ туркамъ великое сумлѣніе; разсуждаютъ такъ: никогда отъ вѣку не бывало, чтобъ московскому послу у Порты жить, и начинаютъ имѣть великую осторожность, а паче отъ Чернаго моря, понеже морской твой караванъ безмѣрный имъ страхъ наносить... Уже я всякими мѣрами разглашаю, что я присланъ для твердѣйшаго содержанія мира, обаче не вѣрятъ, а наипаче о томъ сумнѣвается простой народъ». Особенныя опасенія внушалъ Портѣ русскій посолъ, какъ единовѣрецъ грекамъ и славянамъ, и поэтому вначалѣ турки пытались отрѣзать Толстому всякія сношенія съ христіанами и учредили за нимъ бдительный надзоръ. «На дворъ ко мнѣ,—писалъ Толстой въ апрѣлѣ 1703 года,—ни одному человѣку пройти нельзя, потому что отовсюду открытъ, и стоятъ янычары, будто для чести, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы христіане ко мнѣ не ходили; а у французскаго, англійскаго и другихъ пословъ янычары не стоятъ. Христіане и мимо воротъ моихъ пройти не смѣютъ; іерусалимскій патріархъ съ прїѣзду моего до сихъ поръ со мною не видался». Трудность положенія Толстого усиливалась еще вслѣдствіе крайней слабости султановъ и дворцовыхъ интригъ, которыя вели къ частой смѣнѣ визирей. При немъ въ 1702—1705 г.г. смѣнилось семь визирей. Едва удавалось ему посредствомъ щедрыхъ подарковъ визирю установить съ нимъ хорошія отношенія, добиться свободы ѣздить, куда надо, и видѣться съ нужными людьми, какъ этого визиря удавливали или смѣняли. Въ сентябрѣ 1704 года Толстой жаловался Головину: «вотъ уже при мнѣ шестой визирь, и этотъ хуже всѣхъ». Когда затѣмъ вскорѣ на мѣсто этого визиря былъ назначенъ новый, Толстой совсѣмъ было впалъ въ отчаяніе: «У меня,—писалъ онъ,—на визирскія перемѣны уже и смысла недостаетъ». Особенно затрудняли его эти «визирскія перемѣны» потому, что для cadaго новаго визиря нужны были новые дары: «съ подарками имъ, не знаю, что дѣлать; я съ новымъ визиремъ видѣться не буду спѣшить, потому что мнѣ къ нему въ подарокъ отослать нечего».

Не ограничиваясь обычными посольскими донесеніями Головину, Толстой послалъ ему въ началѣ 1706 года обширное описаніе береговъ Чернаго моря: «вѣдомость о поселеніяхъ по берегамъ Чернаго моря и о портахъ». Такъ какъ Толстой уже былъ извѣстенъ,

какъ авторъ описанія путешествія въ Италию, то историки Н. Поповъ и Устряловъ заинтересовались и этой его работой, хотя она, повидимому, представляетъ собою переводъ или передѣлку какой-то итальянской книги и заключаетъ въ себѣ, по словамъ Попова, лишь «сухую номенклатуру береговыхъ мѣстностей Чернаго моря», кругомъ отъ Босфора и до Босфора.

Отъ вниманія изслѣдователей ускользнула другая обширная рукопись Толстого, находящаяся среди реляцій его къ Головину, въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Эта обширная рукопись содержитъ въ себѣ обстоятельное разностороннее описаніе Турціи. Написано оно въ видѣ ряда подробныхъ отвѣтовъ на статьи наказа, даннаго Толстому при отправленіи его посломъ, объ управленіи, войскѣ, флотѣ, народномъ благосостояніи, торговлѣ въ Турціи и о различныхъ областяхъ и народахъ, подвластныхъ султану. Толстой вполне исполнилъ задачу, возложенную на него этимъ наказомъ: «будучи при султановѣ дворѣ... вывѣдать и описать тамошняго народа состояніе», и, далеко выйдя за предѣлы обычнаго статейнаго списка, далъ подробное «Описаніе состоянія народа турецкаго». Замѣчательно, какъ скоро онъ справился съ этой задачей. 29-го августа 1702 года онъ прибылъ въ Адрианополь, а черезъ годъ, 24-го августа 1703 года, его описаніе Турціи уже было доставлено въ посольскій приказъ. Источники его трудно опредѣлить, но несомнѣнно, что къ заимствованіямъ изъ книгъ и изъ рассказовъ онъ прибавилъ немало собственныхъ своихъ наблюденій, и все это изложилъ съ той же разумностью, съ той же дѣловитостью, какими отличается его описаніе Италіи. Для русскаго историка особенно любопытны его внимательныя наблюденія надъ отношеніемъ турокъ къ христіанамъ. «Подданныхъ своихъ грековъ,—писалъ Толстой,—держать въ великомъ утѣсненіи и такъ въ нихъ страхъ свой вкоренили, что греки ниже въ мысли своей противнаго къ нимъ чего имѣть смѣютъ, и заповѣдано имъ и оружіе держать, а нынѣ заповѣдали грекамъ и платье равное съ собою носить, чтобы отъ всѣхъ были знатны (т.-е. отличны), того ради повелѣли имъ носить платье худое, яко являетъ смиренія образъ. А другіе народы христіанскіе, подданные ихъ, сербы, мутьяне, волохи, арапы и прочіе, аще и тѣсноту и озлобленіе въ несносныхъ поборахъ отъ нихъ терпятъ (зане не имѣютъ ниоткуда никакія помощи), обаче страха ихъ не зѣло ужасаются, и могли бы противу ихъ ополчиться, ежели бы ощутили себѣ откуда христіанскую помощь, какъ и венгры учинили съ помощью цесаря римскаго». Описывая подробно торговлю Турціи, Толстой говоритъ о жизненномъ значеніи для нея продуктовъ земледѣлія и скотоводства, привозимыхъ съ Чернаго моря, и замѣчаетъ, что «ежели того съ Чернаго моря не будетъ, хотя одинъ годъ, оголодаетъ Константинополь».

О султанѣ (Мустафѣ II, до 1703 года) Толстой писалъ: «Салтанъ нынѣ обрѣтается въ Турецкомъ государствѣ, яко истуканъ, всѣ свои дѣла положилъ на своего крайняго визиря (который нынѣ зѣло уменъ и смысленъ); обаче держитъ салтанъ себя въ обыкновенномъ поведеніи гордостно, и поступки его происходятъ въ церемоніяхъ по древнимъ ихъ законоположеніямъ. А прилежаніе и охоту большую ни къ воинскимъ, ниже къ духовнымъ дѣламъ, ниже къ управленіямъ чиновнымъ не имѣетъ; но внутрь дому своего для забавы держитъ разныя жены, съ которыми безразлично веселится и прижилъ съ ними четыре сына. Потомъ охоту имѣетъ великую въ ловитвахъ за звѣрями, въ чемъ, глаголютъ, яко много подобится отцу, и въ различныхъ ловляхъ чинитъ великой расходъ, а казна народная вельми отягчилась такими расходу. А за дворнымъ (т.-е. придворнымъ) его министрамъ та его въ ловительствахъ забава потребна, понеже и они при томъ казну расхищать могутъ... А радѣютъ всѣ турецкіе министры больше о своемъ богатствѣ, нежели о государственномъ управленіи. И можно рещи, что нынѣ турецкіе вельможи получили по желанію своему удобное время къ собранію себѣ неисчетнаго богатства отъ расхищенія народныя казны, ибо попустилося имъ то небреженіемъ салтанскимъ». Характеръ народа Толстой описываетъ такимъ образомъ: «Состояніе народа турецкаго суть гордое, величавое и славолюбное, а паче возносятся оттого, что во время кровавыхъ войнъ союза ни съ кѣмъ для помощи себѣ не имѣютъ и не требуютъ, едина со всѣми окрестными себя христіаны и прочихъ вѣръ съ народами звѣроборствуютъ и такъ уповаютъ, что ни отъ кого не могутъ побѣждены быть... И къ междоусобному государственному смятенію народъ турецкой склоненъ, и природы строптивой; и глаголятъ о себѣ, яко суть народъ свободной, чего ради и высочайшія ихъ особы имѣютъ къ подлому народу ласкательство и склонность, не такъ отъ любленія, какъ боясь отъ нихъ бунту». Особенное вниманіе обратилъ Толстой, знавшій главные интересы Петра I, на состояніе турецкаго флота и войска. Въ сообщеніи о войскѣ любопытно описаніе помѣстной или бенефициальной системы «благородныхъ бароновъ, которые имѣютъ доходы больше иныхъ и ходятъ на войну со слугами своими на коняхъ, по своимъ вотчиннымъ доходамъ». Онъ собралъ свѣдѣнія и объ отдаленныхъ областяхъ Турціи, Ниневіи и Месопотаміи, гдѣ, — пишетъ онъ, — «сказываютъ, есть городовъ древняго строенія больше 20-ти, которые пусты отъ разоренія Тамерлана»; эти «жилища древнія нынѣ стоятъ уже пусты, и не обитаютъ въ нихъ человѣцы, токмо львы и прочіе звѣри»¹⁾).

¹⁾ Пекарскій сообщаетъ, что Толстой переводилъ съ итальянскаго языка книгу, озаглавленную въ переводѣ: «Исторія о настоящемъ управленіи Турецкой

Уставъ отъ визирскихъ перемѣнъ, Толстой въ январѣ 1706 г. обратился къ Головину съ униженной просьбою: «милости прошу, умиласердитесь надо мною, сирымъ, для любви Сына Божія и Пресвятыя Богородицы, заступите милостию своею, чтобы меня, бѣднаго, указалъ великій государь перемѣнить». Довольный дѣятельностью своего посла, Петръ I утѣшилъ его собственноручнымъ письмомъ: «Что о самой вашей персонѣ, чтобъ васъ перемѣнить, и то исполнено будетъ впредь. Нынѣ же, для Бога, не поскучите еще нѣкоторое время быть, ибо еще нужда тамъ вамъ побыть, которыхъ вашихъ трудовъ Господь Богъ не забудетъ, и мы никогда не оставимъ» (7-го марта 1706 года).

Между тѣмъ, Толстого впереди ждали еще горшія испытанія. Получивъ извѣстіе о Полтавской побѣдѣ, онъ съ присущей ему проницательностью тотчасъ же понялъ, что теперь ему едва ли удастся удержать турокъ отъ объявленія войны. Пока Петръ воевалъ со шведами, — объяснялъ онъ, — турки были спокойны за свою безопасность; теперь же они увѣрены, что Петръ, побѣдивъ шведовъ, непременно начнетъ войну противъ нихъ. Дѣйствительно, въ Турціи тотчасъ же началось движеніе за войну противъ слишкомъ усилившагося московскаго царя. Въ началѣ слѣдующаго же года враждебное Россіи теченіе возобладало. Воинственный духъ распространился въ Константинополь, и янычары начали требовать войны съ Москвою. 20-го ноября 1710 года въ торжественномъ засѣданіи дивана рѣшено было начать войну. Русскаго посла посадили въ Семибашенный замокъ. Онъ сидѣлъ въ заключеніи во время неудачнаго для Петра прутскаго похода и потомъ до заключенія въ Константинополь Шафировымъ мирнаго договора 5-го апрѣля 1712 года, всего годъ и 5 мѣсяцевъ. «Когда турки посадили меня въ заключеніе, — писалъ Толстой, — тогда домъ мой конечно разграбили и вещи всѣ растащили, малое нѣчто ко мнѣ прислали въ тюрьму, и то все перепорченное; а меня, приведши въ Семибашенную фортецію, посадили прежде подъ башню въ глубокую земляную темницу, вѣло мрачную и смрадную, изъ которой послѣднимъ, что имѣлъ, избавился, и былъ заключенъ въ одной малой избѣ 17 мѣсяцевъ, изъ того числа лежалъ боленъ отъ нестерпимаго страданія семь мѣсяцевъ, и не могъ упротить, чтобы хотя однажды прислали ко мнѣ доктора посмотришь меня, но безъ всякаго призрѣнія былъ оставленъ; и что имѣлъ, и послѣднее все иждивилъ, покупая тайно лѣкарство чрезъ многія руки; къ тому же на всякій день угрожали мученіемъ и пытками, спрашивая, кому министрамъ и сколько давалъ денегъ за содержаніе покоя».

Освобожденный изъ едикула послѣ заключенія мирнаго договора 5-го апрѣля 1712 года, Толстой отправилъ слезное про-

имперіи». Въ 1724 г. эта рукопись была передана въ синодъ для напечатанія по исправленіи, начата была печатаніемъ въ 1725 г., но не окончена.

шеніе канцлеру Головкину: «съ кровавыми слезами, припадая мысленно къ ногамъ вашимъ, молю: буди милостивый представитель всемилостивѣйшему нашему государю, чтобъ умилосердился надо мною и повелѣлъ бы меня изъ сего преисподняго тартара свободить по десятилѣтнемъ моемъ страданіи». Онъ объяснялъ, что дальнѣйшее пребываніе его въ Константинополь не можетъ быть уже полезно, потому что турки, хотя и освободили его изъ тюрьмы, но «имѣютъ къ нему великое подозрѣніе, вельми презираютъ, ниже за министра почитаютъ». Петръ немедленно отправилъ Толстому разрѣшеніе вернуться въ Россію. Но турки его не отпустили, ссылаясь на то, что Петръ не исполнилъ условій мирнаго договора, и Толстому пришлось еще разъ попасть въ Семибашенный замокъ. Переговоры съ Портою теперь велъ подканцлеръ Шафировъ, обо всемъ совѣтовавшійся съ Толстымъ и видимо высоко цѣнившій его умъ и опытъ. Переговоры кончились тѣмъ, что турки въ концѣ октября 1712 года заключили въ Семибашенный замокъ всѣхъ трехъ русскихъ пословъ: Толстого, Шафирова и Шереметева. «Посадили насъ,—писалъ онъ,—въ тюрьму едикульскую, въ которой одна башня да двѣ избы... и держатъ насъ въ такой крѣпости, что отъ вони и духу въ нѣсколько дней принуждены будемъ помереть». Пять мѣсяцевъ «морили» ихъ турки въ этой тюрьмѣ; оставшіеся живы, послы объясняли это явнымъ чудомъ Божиимъ. Освобожденные въ мартѣ 1713 года Шафировъ и Толстой возобновили переговоры, кончившіеся заключеніемъ новаго мирнаго договора въ іюнѣ 1714 года, и получили послѣ этого возможность вернуться въ Россію.

IV.

Когда Толстой послѣ 12-тилѣтняго отсутствія, въ 1714 году, вернулся въ Россію, онъ нашелъ здѣсь при дворѣ Петра I крупныя перемѣны. Столица была перенесена изъ хорошо знакомой Толстому Москвы въ новый Санктъ-Петербурхъ; Меншиковъ игралъ роль правой руки государя: Екатерина I заняла уже положеніе царицы; въ управленіи иностранными дѣлами адмирала Головина смѣнилъ канцлеръ графъ Головкинъ; много незнакомыхъ Толстому лицъ, русскихъ худородныхъ людей и иностранцевъ, окружало государя. Въ этой новой обстановкѣ онъ не потерялся и скоро занялъ видное положеніе.

Первый біографъ Толстого, Вильярдо говоритъ, что онъ по приѣздѣ въ Петербургъ занялъ важное мѣсто «въ царскомъ совѣтѣ», и объясняетъ это его происками, угодливостью предъ сильнымъ Меншиковымъ и данной Меншикову взяткой въ 20.000 рублей. Объясненіе это представляется сомнительнымъ. Если даже Толстой и старался приобрести расположеніе Меншикова, то во всякомъ

случаѣ онъ не достигъ ничего чрезъ его вліяніе. По возвращеніи въ Россію онъ занялъ только ту должность, и отнюдь не высокую, на которую имѣлъ всѣ права по своимъ способностямъ и по заслугамъ своимъ въ Константинополѣ, а именно члена совѣта по иностраннымъ дѣламъ, «тайнаго чужестранныхъ дѣлъ коллегіума». И, повидимому, Петръ I назначилъ его на эту должность самъ, помимо постороннихъ внушеній, высоко цѣня его умъ и дипломатическій опытъ. Самое появленіе Толстого въ Петербургѣ, повидимому, дало Петру поводъ для образованія этого «коллегіума» — тайнаго совѣта. Высоко цѣня коллегіальное начало управленія, Петръ не удовольствовался тѣмъ, что во главѣ иностранныхъ дѣлъ стояли уже два, пользовавшихся полнымъ его довѣріемъ, лица: канцлеръ графъ Головкинъ и подканцлеръ Шафировъ, и присоединилъ къ нимъ третье лицо — Толстого, какъ только онъ вернулся изъ Турціи. Вмѣстѣ съ Головкинымъ и Шафировымъ Толстой назывался съ 1715 года тайнымъ совѣтникомъ, «министромъ тайнаго чужестранныхъ дѣлъ коллегія». По этой должности Толстой въ 1715 году участвуетъ въ политическихъ переговорахъ по датскимъ и черногорскимъ дѣламъ. Въ 1716—1717 годахъ онъ вмѣстѣ съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ сопровождаетъ Петра въ поѣздкѣ за границу и ведетъ политическіе переговоры въ Данцигѣ, Берлинѣ, Амстердамѣ, Лондонѣ и Парижѣ.

1 іюля 1717 года Петръ въ городѣ Спа далъ Толстому крайне трудное порученіе: ѣхать въ Вѣну и затѣмъ въ Неаполь и привезти скрывавшагося тамъ, подъ покровительствомъ австрійскаго императора, царевича Алексѣя Петровича. Вильярдо, все объясняющій тонкими происками Толстого, говоритъ, что онъ самъ напросился на эту поѣздку такъ же, какъ онъ прежде, будто бы, самъ вѣзвался на путешествіе въ Италію. Едва ли, однако, Толстой самъ предлагалъ свои услуги въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ не могъ не знать, какія оно представляло чрезвычайныя трудности. Вначалѣ онъ не имѣлъ никакой надежды на успѣхъ. «Мои дѣла, — писалъ онъ изъ Австріи, — въ великомъ находятся затрудненіи. Ежели не откажется наше дитя (т.-е. Алексѣй Петровичъ) протекціи, подъ которою живетъ, никогда не помыслить ѣхать». 26-го іюля 1717 года Толстой прибылъ въ Вѣну вмѣстѣ съ капитаномъ Румянцовымъ, отыскавшимъ мѣстопробываніе царевича. Онъ передалъ просьбу царя о выдачѣ сына, но императоръ отвѣтилъ на нее рѣшительнымъ отказомъ и соглашался отпустить царевича только въ томъ случаѣ, если онъ добровольно отправится къ отцу. Австрійскимъ властямъ въ Неаполѣ, гдѣ находился царевичъ (вице-королю Дауну), предписано было содѣйствовать добровольному возвращенію царевича, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣрить его, что онъ, если не хочетъ ѣхать, можетъ безопасно оставаться во владѣніяхъ императора. Изъ этого видно, какая трудная задача выпала на долю Толстого, но ему

удалось выполнить ее вполне успешно, хотя въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ царевичемъ онъ не разъ терялъ надежду на успѣхъ своей мисси. 24-го сентября 1717 года Толстой съ Румянцовымъ прѣхали въ Неаполь и черезъ день видѣлись съ царевичемъ въ домѣ вице-короля Дауна. Царевичъ чрезвычайно испугался, воображивъ, что посланцы царя прѣхали съ цѣлю его убить. Толстой нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ нимъ и едва-едва переломилъ его «замерзѣлое упрямство», увѣривъ его, что Петръ добьется выдачи его силой оружія, и поколебавъ въ немъ увѣренность въ покровительство императора.

Съ 1718 г., послѣ окончанія дѣла царевича Алексѣя, о которомъ мы говорили выше, Толстой, дѣйствительный тайный совѣтникъ и андреевскій кавалеръ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди немногихъ лицъ, наиболѣе близкихъ къ Петру въ послѣдніе годы его царствованія. Обнаруживая богатый запасъ силъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ въ это время ведетъ множество разнообразныхъ отвѣтственныхъ дѣлъ подъ ближайшимъ наблюдениемъ самого сурово-требовательнаго Петра и дѣлаетъ нѣсколько отдаленныхъ поѣздокъ, связанныхъ въ то время съ большими физическими лишеніями. Онъ занимается розысками по дѣламъ тайной канцеляріи и одновременно дѣлами коммерцъ-коллегіи (1718 — 1721 гг.), въ качествѣ ея президента, совершаетъ въ 1719 г. поѣздку въ Берлинъ съ дипломатическимъ порученіемъ, въ 1721 г. вмѣстѣ съ Петромъ ѣдетъ въ Ригу, въ 1722 г.—въ Астрахань, въ 1723 г.—въ Москву, для устройства коронаціи Екатерины I.

Въ то же время, какъ только онъ находится въ Петербургѣ, онъ принимаетъ участіе во всѣхъ придворныхъ увеселеніяхъ, которыя такъ любилъ Петръ. Неоднократно онъ устраиваетъ у себя въ дому ассамблеи и обѣды для государя. На этихъ ассамблеяхъ ему, несмотря на нелюбовь къ вину, приходится пить, не отставая отъ гостей, пившихъ безъ мѣры. Когда Петръ замѣчалъ, что Толстой мало пьетъ, онъ заставлялъ его выпить сразу большой штрафной кубокъ вина. На вечеринкахъ Толстому приходилось участвовать и въ тѣхъ танцахъ стариковъ съ молодыми дамами, которые такъ забавляли Екатерину. Почтенные старцы, великій адмиралъ Апраксинъ, великій канцлеръ Головкинъ, Толстой и другіе, по приглашенію императора или императрицы, танцовали до того, что едва могли передвигать ноги. Обѣды и ассамблеи устраивались очень часто. Такъ, на примѣръ, въ 1718 г., 9-го декабря, Толстой принимаетъ у себя государя на ассамблеѣ, а черезъ пять дней приготовляетъ для него обѣденный столъ. Въ 1724 г., 6-го декабря, обѣдаетъ у него государь, а на слѣдующій день императрица и герцогъ голштинскій.

Голштинскій камеръюнкеръ Берхгольцъ, часто встрѣчавшій въ это время графа Толстого на вечеринкахъ, обѣдахъ, фейерверкахъ, снускахъ судовъ, записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующую живую

его характеристику и нѣкоторыя интимныя подробности изъ его жизни: «Его высочество (герцогъ Голштинскій) ѣздилъ къ тайному совѣтнику Толстому, съ которымъ познакомился еще въ Ригѣ, потому что онъ почти всюду слѣдуетъ за царемъ. Онъ человекъ пріятливый, пріятный, хорошо говорить по-итальянски¹⁾. Царь его очень любитъ. Жены у него нѣтъ²⁾, но есть любовница, содержаніе которой обходится ему весьма дорого. Онъ принялъ его высочество чрезвычайно учтиво и повелъ въ свою комнату, гдѣ они долго разговаривали съ помощью графа Пушкина, служившаго имъ переводчикомъ. Его высочество тотчасъ же обратилъ вниманіе на двѣ совершенно различныя картины, повѣшенныя въ противоположныхъ углахъ его комнаты: одна изображала кого-то изъ русскихъ святыхъ, а другая голую женщину. Тайный совѣтникъ, замѣтивъ, что герцогъ смотрѣлъ на нихъ, засмѣялся и сказалъ, что удивляется, какъ его высочество такъ скоро все замѣчаетъ, тогда какъ сотни лицъ, бывающихъ у него, вовсе не видятъ этой обнаженной фигуры, которая нарочно помѣщена у него въ темный уголъ».

Главнымъ дѣломъ Толстого въ это время, въ послѣдніе годы царствованія Петра, была канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, учрежденная первоначально для розыска по дѣлу Алексѣя Петровича и затѣмъ сохраненная въ качествѣ постоянного учрежденія. Толстой управлялъ канцеляріей на коллегиальныхъ основаніяхъ вмѣстѣ съ И. И. Бутурлинымъ и А. И. Ушаковымъ. Большая часть дѣлъ канцеляріи велась подъ бдительнымъ наблюденіемъ самого Петра, которому Толстой докладывалъ о ходѣ допросовъ съ жестокими пытками того времени. «Сего числа,—писалъ Толстой Петру,—Канбаръ Акинфіевъ пытанъ, однакожъ изъ пытки ничего не прибавилъ противъ разспросныхъ рѣчей» (21-го августа 1718 г.); о фрейлинѣ Маріи Гамильтонъ (Гамантовой), обвинявшейся въ убійствѣ своихъ дѣтей, Толстой писалъ: «дѣвка Марья вдругорядъ пытана, однакожъ въ убивствѣ ребятъ Орлова (денщика, своего любовника) очищаетъ. И надлежало бы оную и еще пытать, но зѣло изнемогла» (18-го августа 1718 г.). Петръ I иногда интересовался и мелкими дѣлами по тайной канцеляріи, какъ это видно изъ слѣдующаго письма Толстого, дающаго маленькій, жизненный штрихъ для характеристики Петра I и любопытнаго по живости и простотѣ слога, какъ бы современной: «Государь мой, Алексѣй Васильевичъ,—писалъ Толстой кабинетъ-секретарю Макарову, — третьяго дня, когда майоръ Норовъ велъ отъ васъ ко мнѣ колодниковъ, и въ то время на улицѣ увидалъ ихъ царское величество и съ ними изволилъ

¹⁾ Тутъ Берхгольдъ совершенно неосновательно замѣчаетъ о Толстомъ, что онъ «по происхожденію собственно грекъ, но давно обрусѣлъ».

²⁾ Толстой былъ женатъ, но не жилъ съ женою. Она умерла, какъ видно изъ его письма, въ 1722 г. (см. ниже).

говорить; а вчерашняго числа ввечеру изволилъ мнѣ приказать, чтобъ ихъ сего числа разспросить. Того ради, ежели у вашей милости есть объ нихъ какое вѣдѣніе, пожалуй, изволь ко мнѣ прислать, чтобъ имѣть начало, съ чего ихъ разспрашивать. Вашей милости моего государя, покорный слуга Петръ Талстой» (31-го декабря 1720 г.).

Московскій товарищъ Толстого по розыскнымъ дѣламъ, князь Ромодановскій, и затѣмъ преемникъ его по петербургской тайной канцеляріи, Андрей Ушаковъ, получили извѣстность особою кровожадною жестокостью розысковъ. О такой жестокости Толстого извѣстій не сохранилось. Крови въ застѣнкахъ, конечно, при немъ проливалось немало. Но жестокія пытки не составляли отличительной черты розысковъ тайной канцеляріи; онѣ употреблялись при всякихъ слѣдствіяхъ въ Россіи такъ же, какъ за границей; Толстой наблюдалъ пытки въ Италіи и описалъ ихъ въ своемъ путешествіи; а въ дореформенное еще время, будучи воеводой въ Устюгѣ, въ 1693 г. «разспрашивалъ съ пристрастіемъ» церковнаго татя (Москалева), давалъ ему встряски на дыбѣ, жегъ огнемъ и раскаленными клещами (акты Велико-Устюжскаго собора).

Одновременно съ тайной канцеляріей Толстой четыре года, въ 1718—1721 гг., завѣдывалъ коммерцъ-коллегіей. Указъ о назначеніи его президентомъ этой, еще только что устраивавшейся, коллегіи подписанъ былъ Петромъ 15 декабря 1717 г. въ то время, когда Толстой возвращался изъ-за границы съ царевичемъ Алексѣемъ. Въ виду той важности, какую Петръ I придавалъ дѣламъ торговли, въ назначеніи этомъ нельзя не видѣть особаго довѣрія его къ способностямъ Толстого и къ его серьезному знанію заграничной жизни. Прежде всего Толстой долженъ былъ, одновременно съ другими вновь назначенными президентами коллегій, трудиться надъ выработкой регламента, при содѣйствіи иностранца Генриха Фика. Его регламентъ былъ готовъ одинъ изъ первыхъ, 3 марта 1719 г., и, по всей вѣроятности, онъ въ значительной части составленъ былъ самимъ Толстымъ. Во всякомъ случаѣ, онъ въ 1719 г. вполне освоился съ кругомъ вѣдѣнія коммерцъ-коллегіи, какъ видно изъ его письма къ Макарову, въ которомъ онъ разъясняетъ, въ чемъ состоитъ «должность» этой коллегіи и ея отношеніе къ коллегіи мануфактуръ.

Усердно трудясь по всѣмъ поручаемымъ ему дѣламъ и хорошо изучивъ личный характеръ Петра I, его впечатлительность и суровую требовательность, Толстой постоянно опасался его гнѣва. Предвидя неудачу своихъ политическихъ переговоровъ въ Берлинѣ, куда Толстой былъ посланъ въ 1719 г., въ помощь посланнику А. Головкину, онъ искалъ заранѣе заступничества Макарова: «Въ страхѣ великомъ пребываю, чтобъ его величество не изволилъ возомнить, что сіе происходитъ отъ моей лѣности или небреженія;

свидѣтельствуяся Богомъ, что неослабно труждаюся о нашей пользѣ... И прошу васъ, государя моего, любви ради Божіей, увѣдомить меня, нѣтъ ли о мнѣ такого мнѣнія, что будто бы я нерадительно поступалъ о здѣшнихъ дѣлахъ» (29 августа, 1719 г.). Точно также во время плаванія вмѣстѣ съ Петромъ I по Волгѣ въ Астрахань, въ 1722 г., куда онъ ѣздилъ въ качествѣ начальника походной дипломатической канцеляріи государя, Толстой, отставъ отъ государева каравана и остановившись въ Саратовѣ для починки судовъ, боится, чтобъ Петръ не разгнѣвался, и проситъ Макарова доложить государю: «воистинно не за прихотми какими путь мой медлится, токмо за самую невозможностью;... воистинно трижды былъ въ страхѣ, что можно было утонуть (изъ-за поломки судовъ); къ тому же получилъ печальную вѣдомость, что жена моя умерла» (письмо 21-го іюня 1722 г., Государственный архивъ).

Въ ноябрѣ 1723 г. Толстой съ архіепископомъ Феодосіемъ Яновскимъ отправился въ Москву для приготовленій къ коронаціи Екатерины. Въ церемоніи коронованія 7 мая 1724 г. онъ состоялъ верховнымъ маршаломъ и пожалованъ былъ графскимъ титуломъ; собственноручная записка Петра 8-го мая 1724 г. гласила: «объявить тайному дѣйствительному совѣтнику Толстому наданіе графства и наслѣдникамъ его». Толстой просилъ пожаловать ему отпущенный въ казну загородный дворъ (Андрея Бѣляева) въ Москвѣ на р. Яузѣ; Петръ, 26-го мая 1724 г., на прошеніи его милостиво написалъ: «ежели намъ не будетъ потребенъ, то никому, кромѣ васъ, не отдастся».

V.

Въ день смерти Петра I Толстой вмѣстѣ съ Меншиковымъ оказалъ рѣшительное содѣйствіе избранію на престолъ императрицы Екатерины I. Онъ имѣлъ особыя личныя причины дѣйствовать въ пользу Екатерины I, такъ какъ, въ случаѣ восшествія на престолъ Петра Алексѣевича, не могъ ожидать ничего добраго отъ него, сына царевича Алексѣя. Разсказываютъ, что въ рѣшительный моментъ совѣщанія вельможъ Толстой своей смѣлой рѣчью существенно повліялъ на рѣшеніе вопроса въ пользу Екатерины.

Въ первое время по вступленіи ея на престолъ Толстой пользовался при дворѣ значительнымъ вліяніемъ. Французскій посланникъ Кампредонъ, нѣсколько преувеличивая вліяніе его въ это время, писалъ 13-го февраля 1725 года: «Толстой кажется довѣреннымъ министромъ Екатерины. Это—человѣкъ ловкій, способный, опытный. Онъ каждый вечеръ видится съ государыней. Онъ—правая рука ея. Это—умнѣйшая голова въ Россіи. Не домогаясь никакого преимущества предъ своими товарищами, онъ умѣетъ со всею ловкостью хитраго политика соединять ихъ на все, о чемъ тайно соглашается съ императрицей».

Стараніямъ Толстого приписываютъ и учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта въ февралѣ 1726 г.; онъ назначенъ былъ членомъ этого совѣта, въ числѣ шести вліятельныхъ сановниковъ. Полагаютъ, что въ учрежденіи этого совѣта Толстой видѣлъ средство ограничить самовластіе Меншикова. Но, кажется, главнымъ мотивомъ учрежденія верховнаго тайнаго совѣта явилась живо сознаваемая всѣми дѣятелями этого времени необходимость объединить дѣйствія различныхъ вѣдомствъ, бывшихъ въ управленіи вліятельныхъ вельможъ, и совмѣстно обсудить всѣ сложныя внутреннія дѣла управленія, крайнее разстройство которыхъ, въ виду народнаго неудовольствія, грозило опасностью престолу. Тотчасъ по учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта, высшіе сановники, его члены, составили записки о важнѣйшихъ дѣлахъ внутренняго управленія и объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ преобразованій Петра, и въ совѣтѣ прежде всего занялись обсужденіемъ этихъ вопросовъ, выработавъ обширный указъ Екатерины I отъ 9-го января 1727 года. Записка Толстого дала мало мыслей для программы, намѣченной въ этомъ указѣ; она выгодно отличалась отъ обширной записки Меншикова, давшей главный матеріалъ для указа, тѣмъ, что въ ней не было той рѣзкой и поверхностной критики петровскихъ учрежденій, какую позволилъ себѣ Меншиковъ тотчасъ послѣ смерти Петра I. Меншиковъ и другіе верховники рѣшительно отвергли всю областную реформу Петра; во всѣхъ его новыхъ губернскихъ учрежденіяхъ они не усмотрѣли ничего, кромѣ излишняго «умноженія правителей и канцелярій», служащаго «къ великому отягощенію штата и къ великой тягости народной», и настаивали на необходимости вернуться къ патріархальному воеводскому управленію московскаго времени. Въ противность имъ, Толстой, видимо цѣня и понимая основанія петровской реформы, не сочувствовалъ ея поспѣшной ломкѣ. Изыскивая «лѣткарство-вреду» крестьянскаго разоренія отъ непосильныхъ налоговъ, онъ въ запискѣ 30-го декабря 1726 г. предлагалъ, какъ и другіе верховники, убавить подушную подать, но взамѣнъ проектированнаго ими сокращенія штата губернскихъ учрежденій предложилъ сократить штатъ военной коллегіи, состоявшей подъ начальствомъ Меншикова. вмѣстѣ съ тѣмъ, отказавшись отъ разсмотрѣнія гражданскаго штата, Толстой выдвинулъ вопросъ о «исправленіи суда» путемъ скорѣйшаго составленія новаго уложенія. При обсужденіи этихъ вопросовъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ мнѣнія Меншикова возобладали; всѣ «вновь надѣланныя» Петромъ канцеляріи въ провинціи были отставлены, и «вся расправа и судъ положена была на воеводѣ»¹⁾. Если одною изъ цѣлей учрежденія верховнаго тайнаго

¹⁾ Однимъ изъ результатовъ обсужденія въ верховномъ тайномъ совѣтѣ этихъ вопросовъ было учрежденіе доимочной канцеляріи (13-го марта 1727 г.), президентъ которой (Плещеевъ) отдавъ былъ «подъ вышнюю дирекцію» Толстого.

совѣта было ослабленіе самовластія Меншикова, то цѣль эта не была достигнута. Свѣтлѣйшій князь посѣщаль совѣтъ только въ первое время по его учрежденіи, а затѣмъ обыкновенно крѣпилъ протоколы на дому, при чемъ черезъ секретаря совѣта сообщалъ свои поправки къ рѣшеніямъ, очень похожія на предписанія.

Въ концѣ царствованія Екатерины I, когда Меншиковъ приобрѣлъ на нее неограниченное вліяніе и «овладѣлъ,—по словамъ Дивіера,—всѣмъ верховнымъ совѣтомъ», Толстой потерялъ всякое значеніе. Онъ почти не ходилъ даже съ докладами къ императрицѣ. Сынъ его чѣмъ-то навлекъ на себя ея гнѣвъ, который отражался и на отцѣ. Если вѣрить донесеніямъ дипломатовъ (Вестфалена и Маньяна), то въ мартѣ 1727 г. Толстой рѣшился выступить открытымъ противникомъ Меншикова въ вопросѣ о бракѣ великаго князя Петра Алексѣевича съ дочерью Меншикова. Екатерина I дала уже согласіе на этотъ бракъ; цесаревна умоляла ее взять назадъ свое согласіе. Толстой пришелъ къ ней на помощь и заявилъ императрицѣ, что «скорѣе подвергнетъ жизнь свою опасности, чѣмъ станетъ спокойно дожидаться страшныхъ послѣдствій ея согласія на просьбу Меншикова». Слова Толстого, говорятъ, произвели сильное впечатлѣніе на Екатерину I; рѣчь его была записана и всѣми читалась въ кружкѣ придворныхъ. Но вторая аудіенція Меншикова окончательно рѣшила дѣло въ его пользу.

Едва ли, однако, Толстой могъ такъ неосторожно, безъ надежды на успѣхъ, дѣйствовать противъ Меншикова. Въ это время онъ былъ совершенно одинокъ среди вліятельныхъ лицъ, добровольно или поневолѣ державшихъ сторону свѣтлѣйшаго князя. Болѣзнь Екатерины I его очень обезпokoила, такъ какъ послѣ ея смерти долженъ былъ вступить на престолъ великій князь Петръ Алексѣевичъ, и онъ опасался, что царевичъ Алексѣй будетъ мстить ему изъ гроба въ лицѣ своего сына. Онъ боялся, чтобъ ему «не было припамятовано», что онъ «привезъ царевича изъ чужихъ краевъ и при томъ дѣлѣ былъ у розысковъ», боялся, что изъ суздальскаго монастыря «будетъ взята ко двору бабка великаго князя (Евдокія Θεодоровна) и станетъ мстить ему грубость его къ ней» (во время розыска). Толстой видѣлъ единственное свое спасеніе въ томъ, чтобы на престолъ взошла цесаревна Елизавета Петровна. Онъ хотѣлъ дѣйствовать, но долженъ былъ ограничиться одними разговорами. Вліятельнѣйшія лица, кромѣ герцога Голштинскаго, или не сочувствовали ему, или были слишкомъ осторожны. Толстой обращается къ малозначительнымъ дѣятелямъ второго ряда. Онъ самъ ѣдетъ къ графу Антону Дивіеру, только что вернувшемуся въ Петербургъ изъ Курляндіи, и Дивіеръ встрѣчаетъ его насмѣшливымъ замѣчаніемъ: «что тебѣ сдѣлалось? Ты отъ роду у меня не бываль». Дивіеръ сочувствуетъ Толстому, но такъ же, какъ и онъ, не имѣетъ средствъ для дѣйствія. Также безсильны и ге-

нераль Бутурлинъ, и Ушаковъ, и Скорняковъ-Писаревъ, съ которыми Толстой говоритъ откровенно, какъ съ своими старыми сослуживцами по тайной канцеляріи. Бесѣды эти дошли до свѣдѣнія Меншикова, и онъ немедленно принялъ энергичныя мѣры, а именно, искусно воспользовавшись неосторожнымъ поведеніемъ Дивіера во дворцѣ, арестовалъ его, а вслѣдъ за нимъ, по его показаніямъ, и графа Толстого и всѣхъ его немногихъ единомышленниковъ. Процессъ велся съ чрезвычайной быстротой, въ виду смертельной болѣзни Екатерины I, и былъ въ сущности одною комедіей, даже мало замаскированной. Толстого допрашивали 3-го мая, а 6-го мая, въ день смерти императрицы, состоялся указъ, подписанный ея именемъ, о лишеніи чести, чина, деревень и ссылкѣ Дивіера, Толстого, Бутурлина и Скорнякова-Писарева. Толстого пощадили, не пытали при допросѣ и не били кнутомъ передъ ссылкой, какъ Дивіера и Писарева. Въ обвинительномъ докладѣ императрицѣ, наскоро написанномъ въ два дня тотчасъ послѣ допроса, Толстому поставлено было въ вину, что онъ: 1) «ѣздилъ къ А. Дивіеру и имѣлъ разговоры о сватаньѣ великаго князя», 2) «безъ воли ея императорскаго величества желалъ и говорилъ, дабы быть наслѣдницею цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ», 3) что онъ «имѣлъ разговоръ о наслѣдствѣ» съ Бутурлинымъ, Ушаковымъ, Скорняковымъ-Писаревымъ и Дивіеромъ. При этомъ для усиленія преступности этихъ «разговоровъ» обвинители прибавили курьезное поясненіе: «и понеже онъ членъ тайнаго верховнаго совѣта, то надлежало ему о томъ говорить съ тѣми персонами, съ которыми повелѣно бы было отъ ея императорскаго величества, а не съ такими, до которыхъ не принадлежитъ».

Въ день объявленія приговора Толстой писалъ своему племяннику Борису Ивановичу: «По указу ея императорскаго величества, кавалерія и шпага съ меня сняты, и велѣно меня послать въ Соловецкій монастырь отъ крѣпости прямо сего дня; того ради, Борисъ Ивановичъ, можешь ко мнѣ пріѣхать проститься, а сынъ мой, Иванъ, я чаю, отъ печали не можетъ пріѣхать, а васъ обоихъ велѣно ко мнѣ допустить. И немедленно пришлите Малова и Яшку съ постелью, подушкой и одѣяломъ, да денегъ 200 рублей, да сто червонныхъ, также, чѣмъ питаться, и молитвенникъ, и псалтирь маленькій, и прочее, что заблагоразсудите. Да малаго Митьку я возьму съ собою, пришлите. А болѣе писать отъ горести не могу; велите кафтанъ овчинный, и болѣе не знаю, что надобно. Впрочемъ, всѣмъ моимъ отъ меня благословеніе».

6-го мая 1727 г., Толстой вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ отправленъ былъ изъ Петербурга подъ большимъ конвоемъ изъ 5-ти офицеровъ и 90 солдатъ. 18-го іюня его привезли въ Архангельскъ и отсюда въ Соловецкій монастырь. Помѣстили его не въ подземельѣ, а въ наземной тюрьмѣ, которая, однако, по темнотѣ и сы-

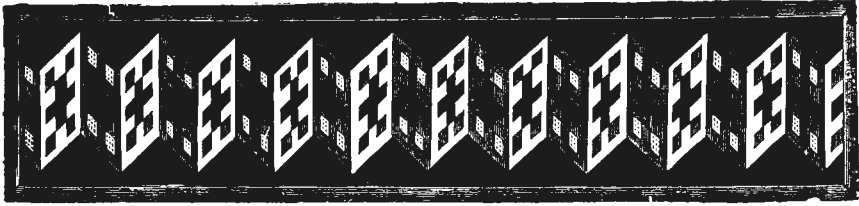
рости была немногимъ лучше «ямъ». Столъ ему отпускали съ трапезы; во время богослуженія дозволялось ходить въ оковахъ въ церковь. Входъ былъ строго воспрещенъ всѣмъ, кромѣ караульнаго офицера. Настоятель Варсонофій, въ праздникъ Петра и Павла, по случаю тезоименитства государя (Петра II) рѣшился послать въ тюрьму Толстымъ по два кубка пива и за это вскорѣ былъ вызванъ въ Петербургъ для допроса въ тайной канцеляріи. Въ другой разъ старинный пріятель Толстого, А. Измайловъ, прислалъ ему въ тюрьму поклонъ и гостинцы (хлѣбъ и лимоны); объ этомъ также начато было слѣдствіе, окончившееся ничѣмъ.

Въ Соловахъ Толстой имѣлъ несчастье пережить на нѣсколько мѣсяцевъ своего сына Ивана, товарища по заключенію. Онъ умеръ 30-го января 1729 г. (по старымъ свѣдѣніямъ 28-го февраля), 84-хъ лѣтъ, проведя въ тюрьмѣ полтора года. Погребенъ онъ въ монастырѣ на видномъ мѣстѣ, внутри ограды, предъ Преображенскимъ соборомъ, недалеко отъ могилы келаря Авраамія Палицына. На плитѣ сохранилась полуистертая надпись: «графъ Петръ»... ¹⁾.

Н. П. Павловъ-Сильванскій.

¹⁾ Общій очеркъ жизни графа П. А. Толстого былъ напечатанъ Н. А. Поповымъ въ «Древней и Новой Россіи» 1875 г., № 3, стр. 227—244. Полный текстъ «Путешествія стольника П. А. Толстого»—въ «Русскомъ Архивѣ» 1888 г., т. I и II. Лучшій обзоръ этого путешествія—въ Исторіи русской литературы А. Н. Пыпина, т. III. Краткіе очерки жизни графа П. А. Толстого составлены были вскорѣ послѣ его смерти консуломъ Видьярдо (изложенъ Н. Поповымъ въ статьѣ его, помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1860 г., № 11) и посланникомъ Вестфаленомъ («Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. 66, стр. 71—87). Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» жизнь П. А. Толстого рассказана въ статьѣ М. Назимовой: «Изъ семейной хроники Толстыхъ», 1902 г., т. XC, стр. 104—132. О дѣлѣ Толстого и Дивьера см. С. Н. Шубинскій: «Историческіе очерки и рассказы». Подробная библиографія біографіи графа П. А. Толстого приведена въ моей статьѣ въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ», издаваемомъ подъ редакціей А. А. Половцова. Кромѣ печатныхъ источниковъ, я пользовался дѣлами Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и архива государственнаго,

ВОСПОМИНАНІЯ ПРУССКАГО МИНИСТРА ВЕРДИ-ДЮ-ВЕРНУА О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ РОССІИ ВЪ 1863—1865 ГОДАХЪ.

БЫВШІЙ прусскій военный министръ I. фонъ-Верди-дю-Вернуа выступилъ недавно въ журналѣ «Deutsche Rundschau» съ воспоминаніями о своемъ пребываніи въ Россіи, которыя въ настоящее время появились отдѣльнымъ изданіемъ: «Im Hauptquartier der Russischen Armee in Polen (1863—1865). Berlin. Mittlers u. Sohns Verl. 1905, in-8°». Состоя въ 1861 г. при «историческомъ» отдѣлѣ генеральнаго штаба, капитанъ Верди получилъ отъ начальника отдѣла полковника фонъ-Оллехъ порученіе объѣздить лѣтомъ въ четыре недѣли Польшу для ближайшаго ознакомленія съ театромъ военныхъ дѣйствій польскаго мятежа 1830—1831 года, такъ какъ прусскій генеральный штабъ предполагалъ приступить къ изученію этой эпохи. Приѣхавъ въ Варшаву, Верди вынесъ убѣжденіе, что русскія военныя власти къ разѣздамъ его по Польшѣ отнесутся не особенно сочувственно, поэтому отъ путешествія въ районѣ Буга и Нарева Верди воздержался, явленія же, происходившія на его глазахъ, въ самой Варшавѣ, показались ему настолько знаменательными, что онъ счелъ нужнымъ время назначенной ему командировки посвятить Варшавѣ, такъ какъ изученіе современности, на его взглядъ, обѣщало гораздо бѣльшую пользу, чѣмъ ознакомленіе съ подробностями историческихъ событій, разыгравшихся тридцать лѣтъ тому назадъ. Въ Варшавѣ столичное населеніе, одѣтое въ трауръ, держало себя вызывающимъ образомъ; гнѣвные взоры и угрозы посылались вслѣдъ русскимъ военнымъ патрулямъ, постоянно обходившимъ бойкія улицы; на каждомъ шагѣ попадались процессіи, произво-

дившія странное впечатлѣніе, а въ костелахъ духовныя проповѣди неизмѣнно завершались распѣваніемъ революціонныхъ гимновъ.

По случаю 400-лѣтней годовщины польско-литовской уніи на бойкихъ мѣстахъ появились огромные плакаты, въ которыхъ населенію предлагалось демонстративно отпраздновать національное торжество прекращеніемъ работъ, снятіемъ траура и торжественнымъ богослуженіемъ. На ряду съ этими плакатами въ сторонкѣ ютилось маленькое объявленіе отъ русскихъ властей, предписывавшее населенію въ празднествѣ участія не принимать и демонстрацій не производить и угрожавшее ослушникамъ кароу.

Въ этотъ день на Саксонской площади размѣстились многочисленныя войска до артиллеріи включительно. Начальствующій генераль, хотя и не знакомый Верди, съ нескрываемымъ раздраженіемъ обратился къ прусскому капитану съ предложеніемъ «полюбоваться на это зрѣлище»: «Можетъ быть, хоть вы мнѣ сумѣете объяснить, кто здѣсь хозяева положенія—мы или поляки?»

Въ эти годы дѣйствительно центръ тяжести положенія именно и лежалъ въ ядовитомъ вопросѣ, какимъ задавался генераль на Саксонской площади.

Очертивъ попытки русскихъ поляковъ въ 1830—1831 году и зарубежныхъ въ 1845 и 1846 г. организовать возстаніе съ цѣлью объединенія австрійскихъ, прусскихъ и русскихъ областей въ «Великую Польшу», Верди подчеркиваетъ, что международные революціонные комитеты, созданные Маццини въ Лондонѣ въ 1858 г., дали новый толчокъ организаціи мятежной дѣятельности и въ Польшѣ, а воплощеніе ея въ возмутительные факты не заставило себя долго ждать.

1861 годъ породилъ демонстраціи, которыя по заслугамъ вызвали вооруженный отпоръ со стороны русскихъ войскъ и случаи кровопролитія. Намѣстникъ князь Горчаковъ вскорѣ покинулъ свой постъ и былъ замѣненъ престарѣлымъ генераль-адъютантомъ Сухозанетомъ. «На меня, — замѣчаетъ Верди, — Сухозанетъ уже тогда производилъ впечатлѣніе человѣка, совершенно одряхлѣвшаго, и возраставшія со дня на день трудности положенія ужъ, конечно, не пришлись ему по плечу. Связывали ли ему руки полученныя инструкціи, я доподлинно не знаю, но, несомнѣнно, русскія власти проявляли послабленія и отсутствіе энергіи, а это только подливало масло въ огонь, и мятежный духъ въ Польшѣ разливался все шире».

При этомъ внимательный наблюдатель выносилъ такое впечатлѣніе, что въ польской средѣ умами управляютъ невидимыя силы; масса шла въ поводу заправилъ и охотно повиновалась указаніямъ, получавшимся таинственными путями. Вообще же надъ всѣмъ царила необычайная атмосфера, и невольно чувствовалось: вотъ, вотъ сейчасъ разразится гроза. Безграничная уступ-

чивость правительства ежедневно давала новую пищу заносчивости населенія, правительственныя распоряженія осмѣивались, а искреннія попеченія правительства о народномъ благоденствіи падали на неблагодарную почву. Великодушный русскій царь тщетно предпринималъ мѣры, имѣвшія способствовать свободному развитію страны, тщетно обѣщались еще болѣе широкія реформы въ будущемъ—всѣ эти благожелательныя намѣренія Александра II разлетѣлись въ дымъ среди разбушевавшихся въ Польшѣ страстей, раздуваемыхъ фанатизмомъ политическихъ агитаторовъ.

О наблюденіяхъ, собранныхъ въ Варшавѣ, капитанъ Верди и представилъ въ августѣ 1861 г. подробное письменное донесеніе начальнику генеральнаго штаба фонъ-Мольтке.

I.

Съ того времени прошло уже два года, и Верди даже думать позабылъ о своемъ варшавскомъ донесеніи, отвлеченный служебными занятіями при штабѣ IV армейскаго корпуса въ г. Магдебургѣ. Въ концѣ января 1863 года Верди-дю-Вернуа совершенно неожиданно получилъ внѣ обычного служебнаго порядка лаковическую телеграмму отъ тогдашняго военнаго министра фонъ-Роона:

«Завтра въ 9 часовъ утра имѣете ко мнѣ явиться».

Поломавъ себѣ голову надъ тѣмъ, что означаетъ этотъ вызовъ, и отпрапортовавъ о полученной телеграммѣ штабному начальству, пришедшему въ такое же недоумѣніе, капитанъ отправился въ ту же ночь въ Берлинъ въ предположеніи, что ѣдетъ на нѣсколько дней, въ дѣйствительности же онъ съ Магдебургомъ распростился больше чѣмъ на два года. На слѣдующее утро въ 9 часовъ Верди былъ уже въ кабинетѣ фонъ-Роона, который сообщилъ капитану, что наканунѣ пришло извѣстіе о вспыхнувшемъ въ Русской Польшѣ вооруженномъ мятежѣ. Министръ распространился объ опасности, какую и для Пруссіи можетъ представить усиленіе въ сосѣднемъ государствѣ польской революціонной вспышки, а такъ какъ Верди еще въ 1861 году ознакомился съ броженіемъ умовъ въ Русской Польшѣ, при посѣщеніи Варшавы, то теперь военное начальство поручало капитану генеральнаго штаба Верди-дю-Вернуа опять отправиться въ Польшу для наблюденія за тѣмъ, что тамъ дѣлается.

«Мы уже снеслись съ русскимъ правительствомъ,—пояснилъ фонъ-Роонъ Верди,—о возлагаемомъ на васъ порученіи, а для устраненія могущихъ возникнуть затрудненій васъ сопровождать будетъ майоръ фонъ-Раухъ, который издавна пользуется благорасположеніемъ его высочества, намѣстника, великаго князя Константина Николаевича. Въ ожиданіи полученія отъ русскаго правительства отвѣта

ознакомьтесь съ современнымъ положеніемъ польскихъ дѣлъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и военномъ кабинетѣ».

Такъ Верди и поступилъ—въ министерствѣ его ознакомили съ политическимъ положеніемъ вопроса, а въ военномъ кабинетѣ дали подробныя свѣдѣнія о численномъ составѣ и дислокаціи русскихъ военныхъ силъ въ Польшѣ и представлявшія для него интересъ географическія и статистическія данныя, а равно военныя карты.

По свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ прусскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и военномъ кабинетѣ, открытое возстаніе, по начертаніямъ тайнаго польскаго народнаго комитета, должно было на первый разъ обнять всю Русскую Польшу. Возстаніе началось въ ночь съ 22-го на 23-е января 1863 года и охватило главнымъ образомъ губерніи, лежація на правомъ берегу Вислы, а на лѣвомъ берегу отъ Варшавской губерніи распространялось чрезъ Радомскую губернію, по направленію къ Галиціи.

Сѣверо-западная окраина королевства, прилегающая къ Пруссіи, вначалѣ была затронута революціоннымъ движеніемъ слабо. Событіе это особенно неожиданностью для русскихъ властей не явилось, но войска оказались разбросанными по всему краю мелкими отрядами и въ отношеніи командованія были плохо объединены.

Объявленнымъ по королевству призывомъ къ рекрутскому набору тайный комитетъ и рѣшилъ воспользоваться для поднятія возстанія, рассчитывая использовать для него и ту молодежь, которая подлежала воинской повинности. Общее количество русскихъ военныхъ силъ, имѣвшихся налицо въ Польшѣ, не превышало 64—75 тысячъ, что, конечно, было недостаточно для подавленія возстанія. Происшедшія вначалѣ между правительственными войсками и мятежными бандами столкновенія, по прусскимъ свѣдѣніямъ, представлялись ничтожными и дали уронъ около 400 раненыхъ и убитыхъ; цифры эти Верди проверялъ данными, собранными въ Плоцкѣ, и онѣ оказались немногимъ меньше противъ дѣйствительности; при этомъ замѣчалась непомѣрная убыль въ офицерскомъ составѣ, а объяснялось это тѣмъ, что мятежники умерщвляли офицеровъ въ открытыхъ боѣвъ.

Въ Пруссіи, въ Познани, предусмотрительно къ русской границѣ были стянуты значительныя военныя силы, а чтобы установить единство дѣйствій вдоль пограничной восточной Пруссіи вплоть до Верхней Силезіи и обезпечить спокойствіе въ польскихъ пограничныхъ округахъ, генералъ фонъ-Вердеръ былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ расположенныхъ въ названномъ районѣ войскъ, а именно I, II, V и VI армейскихъ корпусовъ. Одновременно съ этимъ прусское правительство не преминуло озаботиться совмѣстною съ русскимъ правительствомъ разработкою по тогда-

пнимъ условіямъ желательныхъ политическихъ мѣропріятій; для соотвѣтствующихъ переговоровъ въ Петербургѣ былъ командированъ генераль-адъютантъ прусскаго короля, генераль-лейтенантъ фонъ-Альвенслебенъ, пріѣздъ котораго въ Петербургъ былъ нѣсколько замедленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что около Вержболова инсurreкціонныя банды успѣли испортить полотно желѣзнодорожной линіи, и движеніе по петербурго-варшавской желѣзной дорогѣ пріостановилось на нѣсколько дней. Собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія и получивъ на расходы кредитивъ на Варшаву въ размѣрѣ 5.000 рублей, капитанъ Верди, въ сопровожденіи майора фонъ-Рауха и фельдъегеря, предоставленнаго въ ихъ распоряженіе для перевозки корреспонденціи, 4-го февраля выѣхалъ изъ Берлина по желѣзной дорогѣ въ Торнъ; отсюда они предполагали добраться до Влоцлавска, гдѣ былъ сосредоточенъ значительный русскій гарнизонъ, и прослѣдовать затѣмъ въ Варшаву тѣмъ путемъ, какой оказался бы наиболѣе безопаснымъ. По прибытіи 5-го февраля на русскую желѣзнодорожную станцію, Александрово, послѣднее оказалось занятымъ русскою пѣхотою, и туда же съ пограничныхъ таможенныхъ постовъ была стянута стража, чтобы не подвергать мелкихъ ея отрядовъ нападеніямъ болѣе многочисленныхъ бандъ. По наведеннымъ справкамъ, дальнѣйшее слѣдованіе по желѣзной дорогѣ въ Варшаву представлялось не обезпеченнымъ, такъ какъ за два дня передъ тѣмъ поѣзда, шедшіе изъ Варшавы, три раза задерживались въ пути инсургентами, при чемъ были захвачены курьеръ великаго князя намѣстника, какая-то русская дама, везшая депеши, и три офицера. На вопросъ, обращенный по телеграфу къ плоцкому губернатору, генераль-лейтенанту Семекъ, какъ безопаснѣе проѣхать адъютанту прусскаго короля съ депешами къ великому князю намѣстнику, послѣдовалъ отвѣтъ: «Ѣхать по желѣзной дорогѣ до Влоцлавска, отсюда подъ прикрытіемъ войскъ на высотѣ Добржина переправиться черезъ Вислу; здѣсь будетъ путешественниковъ ожидать казачій эскортъ для слѣдованія въ Плоцкъ. Отсюда же подъ прикрытіемъ войскъ ѣхать чрезъ Модлинъ въ Варшаву».

Въ Влоцлавскѣ путешественники встрѣтили радушный пріемъ и полное содѣйствіе у уѣзднаго начальника, полковника фонъ-Шильдеръ-Шулднера (позднѣе командовавшаго гвардейскимъ полкомъ въ Петербургѣ, а въ турецкую войну 1877 года, въ званіи начальника дивизіи, сыгравшаго блестящую роль при занятіи Никополя): «очень симпатичный, простой и скромный, онъ высказывался съ полною объективностью насчетъ разыгравшихся событій и сообщилъ намъ о нихъ немало любопытныхъ подробностей». Изъ Влоцлавска путешественники до Плоцка прослѣдовали въ сопровожденіи казачьяго эскорта, и Верди не можетъ нахвалиться донскими казаками: «неутомимые и словно сросшіеся съ своими маленькими лошадами, они дѣлаютъ съ незначительными пере-

дышками огромные переходы, къ холоду и непогодѣ относятся невозмутимо равнодушно, приказанія начальства выполняютъ съ видимымъ рвеніемъ, чрезвычайно внимательны и проявляютъ, въ чемъ могутъ, большую услужливость».

Въ Плоцкѣ путешественники получили приглашеніе остановиться у тамошняго губернатора, «крайне обходительнаго и доблестнаго генерала Семеки». Хотя въ началѣ возстанія въ Плоцкой губерніи происходили ожесточенныя стычки съ бандами, а въ Плонскѣ русскій полкъ потерялъ командира и 50 человекъ, генералъ-лейтенантъ Семека высказывалъ увѣренность, что мятежъ будетъ легко подавленъ, если правительство станетъ дѣйствовать энергично, и, прибавляеть Верди, «генералъ для выполнения этой задачи оказался вполне подходящимъ человекомъ: онъ сумѣлъ это доказать на дѣлѣ, и впоследствии, когда мятежъ разросся, его губернія наименѣе причиняла безпокойствъ правительству».

Изъ Плоцка путешественники благополучно добрались до крѣпости Ново-Георгіевска, попали здѣсь даже на офицерскій балъ и 9-го февраля прибыли наконецъ въ Варшаву. Личнымъ своимъ воспоминаніямъ и выпискамъ изъ писемъ къ женѣ Верди предпосылаетъ краткій общій очеркъ разыгравшихся въ ту пору въ Польшѣ событій.

Въ теченіе предшествовавшаго 1¹/₄ года въ Польшѣ перемѣнилось пять намѣстниковъ (Горчаковъ, Сухозанетъ, графъ Ламбертъ, графъ Лидерсъ и наконецъ великій князь Константинъ Николаевичъ), а это, конечно, не могло способствовать проведенію государственныхъ мѣропріятій въ духѣ единства.

Покушенія на жизнь графа Лидерса и великаго князя намѣстника (въ іюнѣ 1862 года) открыли эру политическихъ убійствъ, которыми ознаменовалъ свою дѣятельность тайный польскій національный комитетъ. Внутренніе раздоры въ его средѣ между крайнею демократическою партіею (красными) и клерикально-аристократическою группою (бѣлыми) постепенно оттѣснили умѣренныя элементы на задній планъ; широко развѣтвляясь, революціонная организація завладѣла вліяніемъ надъ массою и проникла во всѣ отрасли государственнаго управленія; дѣятельность комитета и его агентовъ быстро выродилась въ радикальнѣйшій терроризмъ, а проявленія преданности русскому правительству со стороны вѣрноподанныхъ поляковъ предавали послѣднихъ въ руки жандармовъ-вѣшателей, злоупотреблявшихъ веревкою и кинжаломъ.

Революціонные замыслы демократической партіи находили себѣ существенную поддержку въ средѣ духовенства. Фактъ закрытія правительствомъ нѣсколькихъ костеловъ, открыто служившихъ революціонной пропагандѣ, вызвалъ со стороны управлявшаго варшавскимъ архіепископствомъ прелата Бьялборжа демонстративное закрытіе всѣхъ католическихъ церквей; смѣнившій его Фелинскій

пытался сначала дѣйствовать въ правительственномъ духѣ, но эта попытка приводила только къ скандаламъ въ костелахъ; настоятели которыхъ агитировали заодно съ демонстрантами.

На слѣдующій же день послѣ покушенія на жизнь великаго князя намѣстника на молебствіяхъ, по случаю спасенія его жизни, разыгрались вопіющія безобразія, а, спустя двѣ недѣли и нѣсколько позднѣе, опять воспослѣдовали — не удавшіяся, впрочемъ — покушенія на убійство стоявшаго во главѣ гражданскаго управленія королевства маркиза Велепольскаго. Затѣмъ открылся длинный рядъ покушеній на должностныхъ лицъ, при чемъ пускались въ ходъ всѣ средства до отравленія включительно, а въ единичныхъ случаяхъ, когда убійцы захватывались и несли заслуженную смертную кару, тотчасъ же появлялись подпольные листки комитета, призывавшіе патріотовъ почтить панихидою «доблестныхъ героевъ-мучениковъ».

Несмотря на то, что благодушный императоръ Александръ II не только оставался вѣренъ ранѣе возвѣщеннымъ намѣреніямъ, но всѣми способами расширялъ законмѣрную дѣятельность органовъ польскаго государственнаго управленія, партія непримиримыхъ для достиженія желаннаго переворота не останавливалась предъ самыми чудовищными средствами. Въ началѣ сентября 1862 года распространились слухи о подготовляемыхъ въ Варшавѣ массовыхъ поджогахъ и новой «сицилійской вечернѣ», жертвами которой должны были сдѣлаться русскіе и нѣмцы; горючіе матеріалы заготавливались открыто, всюду разбрасывались подметныя письма, и подъ угрозой смерти всѣ собственники облагались революціоннымъ налогомъ въ размѣрѣ $\frac{1}{2}\%$ съ наличныхъ капиталовъ и 5% съ доходовъ. Въ подтвержденіе сообщаемыхъ фактовъ Верди ссылается на авторитетное изслѣдованіе о польскихъ инсургенціонныхъ движеніяхъ генераль-майора Эмиля Кнорра, опирающееся на архивные матеріалы и многочисленныя цѣнныя документы ¹⁾.

Польскій центральный комитетъ, присвоившій себѣ роль временнаго правительства, въ мартѣ 1863 г. состоялъ изъ 2 литераторовъ, 1 кандидата правъ, 1 учителя, 1 студента, 1 архитектора и 2 лицъ, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій; вскорѣ комитетъ принялъ наименованіе «національнаго правительства», выпустилъ прокламацію «къ національному войску» и учредилъ революціонные трибуналы, имѣвшіе карать провинности противъ патріотизма, сельскому же населенію за дѣятельное участіе въ мятежѣ сулилась наръзка земель изъ помѣщичьихъ имѣній въ полную собственность.

Въ началѣ возстанія заслуженный ветеранъ революціи Мѣрславскій былъ комитетомъ возведенъ въ диктаторы, но банда его

¹⁾ Emil Knorr. Die polnischen Aufstände seit 1830 in ihrem Zusammenhange mit den internationalen Umstürzbewegungen. Berlin. Mittler u. Sohn. 1880.

была разбита на голову, а самъ онъ бѣжалъ въ Краковъ, гдѣ и успокоился на болѣе безопасной агитаціи. Затѣмъ помимо комитета вслѣдствіе происковъ графа Адама Грабовскаго въ рангѣ самозваннаго диктатора очутился Лангевичъ, но и его банды 19-го марта были отгѣснены въ предѣлы Галиціи и здѣсь были разоружены австрійцами.

Такой же сумбуръ царилъ внутри пресловутаго «національнаго правительства»; въ концѣ іюня оно свелось къ 5 членамъ, которые въ сентябрѣ окончательно были вытѣснены представителями «красныхъ».

Особенное преобладаніе тутъ получили «департаментъ полиціи»; подъ начальствомъ его многочисленныя «жандармы-вѣшатели» управляли революціонное правосудіе, зарко слѣдили за столичнымъ населеніемъ и имѣли чрезъ польскихъ чиновниковъ неукоснительное наблюденіе за подготовлявшимися со стороны русскаго правительства мѣропріятіями. Съ помощію же жандармовъ-вѣшателей главнымъ образомъ и поддерживался терроръ въ польскихъ губерніяхъ. По началу революціонное движеніе народною массою было встрѣчено настолько недружелюбно, что русское правительство сочло даже нужнымъ предостеречь населеніе отъ слишкомъ крутыхъ самовольныхъ расправъ съ инсургентами. Эта благодушная снисходительность русскаго правительства на ряду съ многочисленными прокламаціями и предписаніями ржонда, воспрещавшаго населенію подъ угрозою страшныхъ каръ повиновеніе русскому правительству до уплаты податей включительно, постепенно внесла смуту въ умы мѣстнаго населенія, и оно пришло къ сознанію, что истинная власть перешла къ тайному правительству, которое властвуетъ надъ всѣмъ желѣзною и неумолимою рукою; одновременно съ этимъ монастыри превратились въ арсеналы и потайныя типографіи, изъ которыхъ выходили и широко распространялись всевозможныя летучіе листки и прокламаціи.

Весьма важную нравственную поддержку польскому мятежу оказали и западно-европейскія правительства.

Франція и Англія, къ которымъ примкнула Австрія, сочли себя въ правѣ — по противорѣчивымъ побужденіямъ — выступить въ Петербургѣ съ предстательствомъ за Польшу, впрочемъ безуспѣшно. Дипломатическое единеніе съ западными державами поставило Австрію съ нѣкоторымъ рискомъ для собственныхъ интересовъ въ необходимость мирволить зарубежному мятежу: въ Галиціи открыто велась пропаганда въ пользу инсуррекции, а Краковъ превратился въ штабъ-квартиру послѣдней.

Наоборотъ Пруссія съ самаго начала оцѣнила польское движеніе по достоинству. Воспослѣдовавшее почти герметическое закрытіе прусско-русской границы чрезъ разстановку вдоль ея четырехъ корпусовъ оказалось столько же полезнымъ для русскаго, какъ пагубнымъ для инсургентовъ.

Эти мѣропріятія—приняты ли они были по соглашенію съ Россіею или по собственному почину Пруссіи, безразлично—засвидѣтельствовали солидарность интересовъ обѣихъ восточныхъ державъ и послужили внушительнымъ намекомъ англо-французско-австрійской коалиціи на то, что всякія дальнѣйшія послѣдствія вмѣшательства въ судьбы Польши встрѣтять, пожалуй, и со стороны Пруссіи не менѣе энергичный отпоръ, чѣмъ отъ Россіи.

Командировка генераль-адъютанта фонъ-Альвенслебена въ Петербургъ возымѣла то послѣдствіе, что для поддержанія болѣе тѣсной и постоянной связи между русской арміею, имѣвшей дѣйствовать въ королевствѣ противъ мятежниковъ, и прусскими военными силами, стянутыми къ границѣ, къ обѣимъ главнымъ квартирамъ были откомандированы—съ русской стороны флигель-адъютантъ, полковникъ фонъ-Веймарнъ, въ распоряженіе генерала фонъ-Вердера въ Познань, а съ прусской стороны сначала флигель-адъютантъ, майоръ фонъ-Раухъ, а позднѣе флигель-адъютантъ, полковникъ фонъ-Трескау, въ распоряженіе великаго князя, намѣстника.

«О цѣли нашей миссіи въ Варшаву, — пишетъ Верди, — поляки дознались еще до нашего пріѣзда. Что варшавяне не могли питать къ намъ особеннаго дружелюбія, само собою понятно: на вооруженномъ возстаніи вѣдь охрана границы прусскими войсками отзывалась крайне невыгодно, такъ какъ только въ рѣдкихъ единичныхъ случаяхъ мелкими бандами удавалось изъ Пруссіи проникать въ Русскую Польшу и переправлять туда оружіе и военные припасы; наоборотъ русскимъ мы оказывали всяческое содѣйствіе, и когда малочисленные ихъ отряды, тѣснимые инсургентами, принуждены были переходить черезъ нашу границу, имъ это не только не возбранялось, но прусскіе проводники безпрепятственно ихъ направляли другими свободными путями къ мѣстамъ ихъ стоянки. Такимъ образомъ поляки прекрасно понимали, что съ прусской стороны прилагаются всѣ мѣры къ разстройству всѣхъ ихъ видовъ и намѣреній. Поэтому можно было опасаться, что тайный комитетъ перенесетъ на насъ лично враждебность и месть. Русское правительство особенно хлопотало о нашей безопасности, и мы вскорѣ убѣдились, что при всякомъ выходѣ изъ дома насъ неизмѣнно сопровождали полицейскіе агенты; отдѣлаться отъ этого эскорта мы смогли лишь путемъ настоятельныхъ просьбъ. Тогда власти насъ стали убѣждать, чтобы, вращаясь въ публикѣ, мы, по крайней мѣрѣ, одѣвались въ статское платье, но мы отклонили и это предложеніе, такъ какъ пребываніе наше въ Варшавѣ носило служебный характеръ, и мы наравнѣ съ русскими офицерами считали себя обязанными мундира не снимать. Въ концѣ концовъ эти мѣры предосторожности оказались совершенно излишними. Я, по крайней мѣрѣ, считаю своимъ долгомъ подчеркнуть тотъ фактъ, что, хотя въ польскихъ кругахъ ненависть къ Пруссіи и сказыва-

лась довольно явственно, я лично съ этой стороны ни разу не подвергся какимъ либо неприятностямъ или затрудненіямъ».

По прибытіи въ Варшаву и представленіи военному начальству майоръ фонъ-Раухъ и капитанъ фонъ-Верди неожиданно для нихъ оказались гостями русскаго правительства, которое приняло на себя ихъ содержаніе.

«9-го февраля мы уже устроились на отведенной намъ отъ казны квартирѣ, въ первомъ этажѣ «Европейской гостиницы»; состояла наша квартира изъ большой пріемной въ 3 окна, къ которой примыкала съ одной стороны комната, гдѣ помѣстился Раухъ, а въ другой, выходившей окнами во дворъ, поселился я».

Правительство въ распоряженіе прусскихъ офицеровъ предоставило придворный экипажъ и верховыхъ лошадей и вообще не жалѣло денегъ, чтобы обставить ихъ пребываніе въ Варшавѣ возможными удобствами.

О томъ, какія отсюда происходили злоупотребленія, Верди сообщаетъ подробности весьма любопытныя.

«Если мы не были приглашены куда нибудь въ гости, то обѣдали дома въ гостиницѣ. Русское правительство, принявъ на себя расходы по нашему содержанію, являлось какъ бы нашимъ хозяиномъ и, при томъ, настолько щедрымъ, что намъ неоднократно внушалось не стѣсняться и приглашать къ обѣду нашихъ добрыхъ знакомыхъ, но послѣднимъ любезнымъ предложеніемъ мы пользовались лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Позднѣе мы дознались, во что казнѣ обошлось наше пребываніе въ гостиницѣ: сумма оказалась такою, что волоса стали дыбомъ. Мы пригласили хозяина гостиницы и лично провѣрили у него, дѣйствительно ли имъ выведена такая цифра расходовъ, а превышала она, по крайней мѣрѣ, разъ въ шесть самое роскошное использованіе помѣщенія и стола. Содержатель гостиницы, въ свою очередь, удивился нашимъ недоумѣніямъ. «Съ кого же мнѣ въ теперешнее тяжелое время житья, какъ не съ казны?»—убѣждалъ онъ насъ. Послѣдствіемъ этого было то, что мы рѣшительно воспротивились жить дальше на счетъ казны. Съ тѣмъ же содержателемъ гостиницы я столкнулся насчетъ стоимости дальнѣйшаго нашего пребыванія въ гостиницѣ, и съ тѣхъ поръ плату за квартиру и столъ мы производили по божескимъ цѣнамъ, изъ собственныхъ уже средствъ».

Благодаря прежнему посѣщенію Варшавы, Верди здѣсь очутился въ кругу добрыхъ своихъ знакомыхъ. Такъ во время своего пребыванія въ Варшавѣ въ 1861 году онъ успѣлъ сблизиться съ г. фонъ-Келлеромъ, несшимъ теперь обязанности министра внутреннихъ дѣлъ королевства Польскаго. Другой его знакомый, генералъ-лейтенантъ фонъ-Минквитцъ, занималъ должность начальника штаба, а генералъ-лейтенантъ Черницкій состоялъ оберъ-квартирмейстеромъ русско-польской арміи.

При такихъ условіяхъ капитану Верди удалось безъ труда отжевать себѣ своеобразное положеніе при штабѣ намѣстника.

«Вскорѣ выяснилось,—пишетъ Верди,—что мы, пруссаки, на русское дѣло въ Польшѣ смотримъ, какъ на свое собственное. Я это высказывалъ открыто, нисколько не таясь. Съ той минуты, какъ мнѣ удалось вселить въ русскихъ товарищахъ довѣріе къ моей особѣ, они стали ко мнѣ относиться съ теплою искренностью и дружескимъ постоянствомъ, которыя составляютъ особенно привлекательное свойство русскихъ людей».

«Въ общихъ чертахъ,—продолжаетъ Верди,—служебныя функціи мои и майора фонъ-Рауха сводились къ тому, что мы обмѣнивались со штабомъ великаго князя собираемыми свѣдѣніями о военныхъ событіяхъ, вѣстиями и слухами о наличномъ состояніи и о численномъ составѣ прусскихъ и русскихъ войскъ, а равно тѣми данными, какія получались о мятежѣ, о возникавшихъ предположеніяхъ насчетъ борьбы инсурренціи съ правительствомъ и пр.; при этомъ мнѣ въ точности было указано, къ кому обращаться за полученіемъ переводовъ и списковъ съ реляцій, правительственныхъ распоряженій и пр. Я не могу не упомянуть о той откровенной любезности и превзошедшей всѣ мои надежды предупредительности, съ которыми ко мнѣ, безвѣстному капитану, относились и генералы фонъ-Минквитцъ и Черницкій и штабные адъютанты ротмистръ фонъ-Брюйнингъ и поручикъ Букаръ».

«Постепенно наши занятія вошли въ правильную колею и протекали довольно однообразно. Ежедневно, смотря по надобности, разъ или два раза въ теченіе дня, являлся я въ штабъ намѣстника, а оттуда отправлялся повсюду, гдѣ только можно было разсчитывать собрать свѣжія новости. Политическій и военный матеріалъ большею частью нами подвергался сообщая критикѣ у прусскаго генеральнаго консула, барона Рехенберга, и тутъ же обрабатывался въ форму донесеній, которыя для вѣщшей безопасности пересылались съ особымъ курьеромъ въ Торнъ, а оттуда шли почтою въ Берлинъ. Почти ежедневно баронъ Рехенбергъ назначалъ мнѣ свиданіе въ дипломатической канцеляріи намѣстника. Общность интересовъ и довѣріе, которымъ насъ здѣсь дарили, породили между служащими канцеляріи и нами непринужденную близость отношеній. Тутъ особенно кстати оказалось то обстоятельство, что директоръ канцеляріи Тенгоборскій и баронъ Рехенбергъ и раньше одновременно состояли при какомъ-то нѣмецкомъ дворѣ и тамъ сблизились. Особенно пріятныя воспоминанія сохранились у меня о графѣ Остенъ-Сакенѣ, который по уходѣ Тенгоборскаго сталъ во главѣ канцеляріи, о баронѣ Андреѣ Будбергѣ, занявшемъ впослѣдствіи постъ російскаго посланника въ Мюнхенѣ, о князѣ Сергѣѣ Голицынѣ и о Фасмерѣ, бывшемъ потомъ російскимъ генеральнымъ консуломъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ».

«То, что я узнавалъ въ дипломатической канцеляріи намѣстника, пополнялось своеобразнымъ путемъ. Особенный интересъ въ ту пору представляло своевременное ознакомленіе съ многочисленными распоряженіями и прокламаціями тайнаго комитета, которыя широко распространялись въ средѣ польскаго населенія, какія мѣры официально ни принимала русская полиція къ ихъ истребленію. Въ этихъ сообщеніяхъ комитетъ оповѣщалъ о принимаемыхъ имъ мѣрахъ, объ установленіи новыхъ налоговъ, упраздненіи повиновенія русскимъ властямъ, восхвалялъ чиновниковъ, нарушавшихъ долгъ присяги русскому правительству, и угрожалъ карами до убійства включительно вѣрноподаннымъ коллегамъ. Когда распространялась вѣсть о появленіи новаго распоряженія тайнаго комитета, мнѣ достаточно было подъ благовиднымъ предлогомъ зайти въ крупный магазинъ, а особенно въ фотографію, помѣщавшуюся насупротивъ Саксонской площади, и вскользь замѣтить, что интересно было бы ознакомиться со вновь появившеюся прокламаціей. Затѣмъ я съ полною увѣренностью могъ ожидать, что, погулявши еще съ полчаса по городу и вернувшись въ гостиницу, я уже найду у себя на письменномъ столѣ помянутую прокламацію. Само собою разумѣется, ни швейцаръ, ни лакеи, ни прочая прислуга въ гостиницѣ не знали и понять даже не могли, какъ на моемъ столѣ могли очутиться запретныя летучіе листки».

По условіямъ военно-дипломатической миссіи, на него возложенной, капитанъ Верди въ Варшавѣ вращался въ избранномъ и хорошо освѣдомленномъ о современныхъ событіяхъ обществѣ. Немедленно по пріѣздѣ представляясь великому князю намѣстнику, Верди былъ послѣднимъ обласканъ, 17-го февраля былъ уже приглашенъ на интимный вечеръ при дворѣ и тутъ представленъ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ; на слѣдующій день послѣдовало новое приглашеніе во дворецъ на большой пріемъ, а вскорѣ прусскій капитанъ сдѣлался постояннымъ и интимнымъ гостемъ на вечернихъ пріемахъ и обѣдахъ великокняжеской четы.

На интимныхъ непринужденныхъ вечерахъ у великой княгини собирался тѣсный придворный кружокъ, въ составъ котораго неизмѣнно входили управляющій дворомъ графъ Хрептовичъ съ женою оберъ-гофмейстериною, гофмейстерины графиня Комаровская и баронесса Ранцау, Тенгоборскій, лейбъ-медикъ Гауровицъ, дежурный адъютантъ, начальникъ главной квартиры, пруссаки-офицеры и «сынъ горъ» — начальникъ обѣихъ казачьихъ кубанскихъ сотенъ, султанъ Абдиль Гирехъ. «Съ послѣднимъ, — вспоминаетъ Верди, — я особенно сдружился; молчаливый, серьезный мусульманинъ, онъ пользовался полнымъ довѣріемъ великаго князя и самъ былъ безгранично преданъ намѣстнику».

«Почти всѣ вечера мы проводили въ кругу великокняжеской семьи (весною и лѣтомъ) въ Лазенковскомъ паркѣ; зимою вечера

большею частью посвящались музыкѣ, такъ какъ великій князь, обладая выдающимся музыкальнымъ талантомъ, съ особенною любовью занимался этимъ искусствомъ. Собираясь въ концертномъ залѣ, мы, конечно, обрекались на молчаніе; въ тѣхъ же случаяхъ, когда великая княгиня располагалась въ одномъ изъ боковыхъ салоновъ, около нея собиралось маленькое общество, къ музыкѣ не тяготѣвшее, и за чайнымъ столомъ или мороженымъ бесѣда нерѣдко затягивалась далеко за полночь».

Общее впечатлѣніе, какое наблюдатель выносилъ изъ отношеній между великимъ княземъ и его супругой, было таково, что великокняжеская чета ведетъ дружную и счастливую семейную жизнь. «На каждомъ шагу мы, — говоритъ онъ, — изъ собственнаго опыта убѣждались, съ какимъ самопожертвованіемъ великій князь отдается выполненію тяжелой легкой на него задачи, и съ какою трогательною заботливостью великая княгиня старается облегчить ему бремя. Во избѣжаніе недоразумѣній я тутъ же прибавлю, что великая княгиня отнюдь не вмѣшивалась съ политическія дѣла. Но въ той изводящей всѣ силы борьбѣ, на какую обреченъ былъ великій князь, невозмутимо и упорно проводя въ польскую жизнь, среди окружавшей его измѣны и неблагодарности предначертанія своего державнаго брата, великая княгиня своею заботливостью и женственнымъ любящимъ участіемъ поддерживала и ободряла своего супруга. Несмотря на тяжелый подъятый ими подвигъ, противъ великокняжеской четы въ Россіи глухо росло недоверіе и недоброежелательство. Распространеніе и продолжительность мятежа возбужденному чувству русскихъ патриотовъ представлялись искусственнымъ и преднамѣреннымъ движеніемъ, сокровенною цѣлью котораго будто бы являлось обезпечить польскую королевскую корону за великимъ княземъ и его супругою. Приходившія изъ Москвы фотографіи, изображавшія великую княгиню въ королевскомъ вѣнцѣ, вызывали негодованіе и возмущеніе во всѣхъ стоявшихъ близко къ варшавскому двору, такъ какъ эти бессмысленныя подозрѣнія ничѣмъ не обосновывались».

Позднѣе Верди возвращается къ этому же предмету и пишетъ слѣдующее: «Въ Россіи, повидимому, существуютъ вліятельные кружки, которымъ великій князь ненавистенъ по прежней дѣятельности председателя комиссіи по освобожденію крестьянъ. Единственная опора, которою онъ прочно обезпеченъ въ Польшѣ,—это братское доверіе, оказываемое намѣстнику державнымъ его братомъ. Повинуясь высочайшей волѣ, великій князь принялъ на себя тяжелую обязанность намѣстника, пожертвовавъ тѣми обычными условіями жизни, въ которыхъ чувствовалъ себя привольно. Я не устаю повторять, когда рѣчь заходитъ о продолжительности возстанія и о неудовольствіи, царящемъ по этому поводу въ Россіи, что вина за это ложится не на великаго князя, но на невыполнимость самой

задачи, ему препорученной. Дѣйствовать такъ, какъ Муравьеву на Литвѣ, для государева брата въ царствѣ Польскомъ совершенно исключалось, а мѣры кротости ни къ чему хорошему не приводили».

Прикосновенность ко двору и военному міру широко раздвинула кругъ знакомства общительнаго и свѣтскаго капитана Верди.

Дипломатическій корпусъ въ Варшавѣ въ ту пору былъ представленъ австрійскимъ генеральнымъ консуломъ, должность котораго отправляли послѣдовательно графъ Лудольфъ и баронъ Ледереръ, впослѣдствіи бывшіе посланниками въ Константинополь; особенно Верди сблизился съ великобританскимъ генеральнымъ консуломъ Вайтомъ (впослѣдствіи посланникомъ въ Константинополь). «Этотъ выдающійся дипломатъ, происходя отъ отца англичанина и матери польки, тѣсно соприкасался съ польскимъ обществомъ, а такъ какъ его острый умъ во всѣхъ новостяхъ умѣлъ распознать правду отъ лжи, то Вайтъ принадлежалъ къ немногимъ прозорливцамъ, дававшимъ обоснованную и вѣрную оцѣнку всѣмъ перипетіямъ мятежа».

Среди военныхъ Верди особенно тѣсно сблизился съ командиромъ Волинскаго гвардейскаго полка, генераломъ фонъ-Крюденеромъ, «во всѣхъ отношеніяхъ превосходнымъ человѣкомъ» (будущимъ участникомъ въ бояхъ подъ Никополемъ и Плевною). Также тепло отзывается Верди о командирѣ с.-петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка, генераль-майорѣ Карцовѣ (впослѣдствіи командовавшемъ Харьковскимъ военнымъ округомъ). Особенно дружескія отношенія поддерживалъ Верди съ флигель-адъютантомъ княземъ Эмилемъ фонъ-Сайпъ-Витгенштейномъ-Берлебургомъ, вскорѣ занявшимъ постъ августовскаго губернатора. Витгенштейнъ прославилъ себя въ Малой Азій кавалерійскимъ нападеніемъ находившейся подъ его начальствомъ казачьей дивизіи на многочисленный турецкій пѣхотный отрядъ и тогда же получилъ Георгіевскій крестъ. Долгое время проживалъ князь въ Висбаденѣ, но вѣсть о польскомъ мятежѣ привела его въ Варшаву. «Съ княземъ, умершимъ вскорѣ послѣ послѣдней русско-турецкой войны, я поддерживалъ до самаго конца его жизни очень близкія отношенія. Личность Витгенштейна была чрезвычайно самобытная. Рыцарь по духу, остроумный, занимательный собесѣдникъ, опасный для женщинъ серпецъ, князь обладалъ незауряднымъ музыкальнымъ талантомъ: кто, напримѣръ, не помнитъ въ его исполненіи Бильзе «*Berceuse du prince Emile*»? Чрезвычайно живой и энергичный Витгенштейнъ вѣчно чѣмъ нибудь увлекался: то онъ занимался прирученіемъ медвѣдей, то носился съ спиритизмомъ. Несмотря на эксцентричности, присущія его натурѣ, онъ на жизнь смотрѣлъ здраво и серьезно, что не разъ доказывалъ на дѣлѣ. Года два спустя, князь женился на первой балеринѣ варшавскаго театра, дѣвицѣ Стефанской, и повелъ очень счастливую жизнь— жена его получила титулъ баронессы Клейдорфъ».

Въ средѣ русскаго чиновничества Верди особенно часто бывалъ въ семьѣ Тенгоборскаго: «хотя жена послѣдняго, дочь миллионера левантинца, была мало образована,—она обладала выдающимся здравымъ смысломъ, чуть ли не всю Азію извѣздила на верблюдахъ и разгадывала людей гораздо быстрѣе и вѣрнѣе, чѣмъ иные изъ насъ грѣшныхъ, прошедшихъ чрезъ сложную школьную выучку; привѣтливая и веселая, дочь Тенгоборскаго вышла впоследствии за моего пріятеля Дуэ, который долгое время въ Берлинѣ, а затѣмъ въ Парижѣ занималъ постъ шведскаго посланника».

«У Пенхержевскихъ мы съ Раухомъ бывали частенько, если не были отозваны къ кому нибудь другому. Пенхержевскій несетъ обязанности на манеръ адъютанта при гофмаршалѣ; жена его, очень милая и привлекательная женщина, играетъ и поетъ превосходно; сестра Пенхержевской замужемъ за полковникомъ Сержпутовскимъ, адъютантомъ великаго князя. По этимъ уже фамиліямъ можно заключить, что и по сей часъ изъ ближайшаго антуража великокняжеской четы польскій элементъ не исключается. Правда и Пенхержевскіе и Сержпутовскіе истинно русскіе вѣрнопопданые, но именно поэтому они и подвергаются ожесточеннѣйшимъ угрозамъ со стороны польскихъ патріотовъ».

«Бывасмъ мы еще у сенатора Феншау, по происхожденію англичанина, съ семьей котораго очень сблизились».

«Въ эту же весну я познакомился съ семьей Лазаревыхъ. Мать—вдова адмирала, которому черноморскій флотъ главнымъ образомъ обязанъ своимъ возникновеніемъ. Память о Лазаревѣ по настоящее время еще живетъ не только во флотѣ, но и во всемъ русскомъ обществѣ. Старуха Лазарева временно отправляетъ обязанности оберъ-гофмейстерины (за выходомъ въ отставку графини Хрептовичъ) ¹⁾ и производитъ впечатлѣніе очень почтенной матроны; старшая дочь, Татьяна, фрейлина императрицы, 21—24 лѣтъ, обладаетъ дивными миндалевидными карими глазами, чуднымъ цвѣтомъ лица, чужда всякаго кокетства, но производитъ чарующее впечатлѣніе гармоничнымъ сочетаніемъ сердечной доброты и женственности».

«Младшая дочь, 17-лѣтняя «толстуха Анна»,—добродушнѣйшее созданіе, воплощеніе здоровья и веселья, изъ-подъ которыхъ не удержиимо пробиваются наружу прирожденныя дарованія».

¹⁾ Хрептовичей довольно неожиданно постигло злключеніе: графиня въ частномъ письмѣ къ кому-то изъ близкихъ отозвалась о великомъ князѣ и его супругѣ недоброжелательно; письмо, отправленное по почтѣ, попало въ руки къ инсургентамъ, которые не замедлили предать его гласности, хотя великокняжеская чета, освѣдомленная о происшедшемъ, продолжала попрежнему относиться милостиво къ оберъ-гофмейстеринѣ, но положеніе ея при дворѣ сдѣлалось фальшивымъ; поэтому графъ Хрептовичъ, пользовавшійся всеобщимъ расположеніемъ, вышелъ въ отставку и поселился въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ только недавно умеръ въ глубокой старости.

Вскорѣ русское общество въ Варшавѣ приумножилось новымъ сочленомъ, которому суждено было сыграть въ судьбахъ Польши очень видную, хотя и неблагодарную роль. Миссія графа Берга обозначилась съ самаго начала довольно явственно, и Верди еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 г. отмѣчаетъ:

«Особенную многозначительность приобретаетъ назначеніе бывшаго генералъ-губернатора Финляндіи, графа фонъ-Берга, помощникомъ великаго князя, намѣстника. Повидимому, графъ—вполнѣ подходящая личность для того, чтобы проявить въ дѣйствіяхъ необходимую и ни передъ чѣмъ не останавливающуюся энергію. Станетъ ли Бергъ проявлять такія дѣйствія, вопросъ иной, ибо подобный образъ дѣйствій не совмѣщается съ тѣми началами кротости и миролюбія, которыя по сей часъ составляютъ рѣшающій моментъ русской политики».

Вскорѣ графъ Бергъ довольно неожиданно для Верди обратился къ нему съ личною просьбою проводить его жену по Вислѣ до Торна. Великій князь для этого предоставлялъ въ распоряженіе графини казенный пароходъ, вооруженный 2 пушками и ракетнымъ станкомъ, при экипажѣ въ 15 человекъ и охранѣ царско-сельскихъ стрѣлковъ. Графиня, почтенная пожилая итальянка, урожденная графиня Чигохья, прибыла на пристань 19-го мая въ 5 часовъ утра, въ сопровожденіи племянника Берга, камергера барона Менгдена, директора польской лотереи. Путешествіе это, крайне скучное, совершенно было благополучно, хотя и съ большими задержками, но вызвало въ Торнѣ слухъ о томъ, будто бы изъ Польши инкогнито приѣхала великая княгиня.

По поводу этого путешествія Верди писалъ женѣ: «Вотъ такъ-то, при настоящихъ обстоятельствахъ, приходится путешествовать по Польшѣ—то опасаясь натолкнуться на инсургентовъ, то разочаровываешься въ этомъ, а потомъ неожиданно становишься свидѣтелемъ смертной казни (въ бытность Верди въ Плоцкѣ на обратномъ пути изъ Торна былъ разстрѣлянъ начальникъ инсургентской банды Подлевскій), то попадаешь на шумное празднество. Въ сущности же ты ни на минуту не обезпеченъ въ способахъ сообщенія—нашъ пароходъ и на мель садился, и путешествіе по желѣзной дорогѣ пришлось прекратить изъ-за порчи пути».

Переходя къ общественнымъ событіямъ тревожной эпохи мятежа, Верди замѣчаетъ:

«Въ общемъ мы изъ прусскихъ источниковъ и чрезъ нѣмецкія газеты гораздо скорѣе и точнѣе узнаемъ о всемъ томъ, что происходитъ въ краѣ, чѣмъ приходятъ достовѣрныя свѣдѣнія къ русскому правительству. Запозданіе вѣстей особенно изъ порубежныхъ губерній объясняется тѣмъ, что польскіе чиновники, переполняющіе правительственныя учрежденія, въ предѣлахъ возможнаго задерживаютъ доставленіе новыхъ свѣдѣній, а, съ другой стороны,

непосредственная пересылка военных донесеній по начальству, чрез нарочныхъ курьеровъ и ординарцевъ, прямо таки неосуществима вслѣдствіе повсемѣстнаго распространенія инсургентскихъ шаекъ. Такимъ образомъ о результатахъ походовъ, предпринимаемыхъ отдѣльными русскими отрядами, большею частью, свѣдѣнія въ Варшаву доходятъ, только когда отрядъ возвращается въ губернскіе города, ибо между послѣдними и Варшавою сообщенія могутъ считаться болѣе или менѣе обезпеченными».

«Волненія здѣсь не утихаютъ,—отмѣчаетъ Верди подъ 12-мъ марта 1863 года. — Впрочемъ это — далеко не послѣдняя забота. Разъ возстаніе будетъ подавлено, тутъ-то и выступитъ пуще еще затрудненіе: какіе завести порядки? Пока никто на это не умѣетъ дать опредѣленнаго отвѣта. Управлять Польшею такъ, какъ это дѣлалось доселѣ, и думать нечего. Благожелательныя намѣренія царя поляками игнорировались, и нельзя не пожалѣть отъ всего сердца великаго князя. Онъ терпитъ поражение въ неосуществимой по настоящему времени задачѣ примиренія поляковъ съ русскимъ владычествомъ. Пользующійся нынѣ гораздо большимъ вѣсомъ, чѣмъ правительство, всемогущій тайный комитетъ пускаетъ въ ходъ всѣ пружины, чтобы привлечь на свою сторону дворянскую партію, державшуюся до сихъ [поръ въ тѣни; комитетъ желаетъ этимъ увѣрить западныя державы въ единодушіи поляковъ и скрыть социалистическій характеръ истинныхъ своихъ замысловъ. И, пожалуй, комитету даже на время и удастся втереть всѣмъ очки.

«Далѣе комитетъ разсчитываетъ, что черезъ выходъ въ отставку должностныхъ лицъ, представленныхъ благонамѣренными поляками, и вся будто бы правительственная машина придетъ въ разстройство, такъ что управленіе Польшею сдѣлается для русскаго правительства невозможнымъ.

«И такія надежды комитета небезосновательны, если только не наступитъ крутое измѣненіе въ системѣ мѣропріятій, направленныхъ противъ мятежа».

«Здѣсь все по-старому, — возвращается къ тому же предмету Верди отъ 11-го мая. — Отъ времени до времени приходятъ вѣсти о стычкахъ. При слабомъ отпорѣ, какой встрѣчаетъ мятежь, поляки упорствуютъ въ продолженіи борьбы. Они утверждаютъ, будто имъ подъ рукою нашептывается изъ Парижа: «Продолжайте бороться! Вскорѣ наступитъ такой моментъ, когда мы вамъ поможемъ». И несчастные вѣрятъ въ миражъ, который, конечно, въ дѣйствительность не претворится, ибо въ случаѣ дѣйствительнаго вмѣшательства западныхъ державъ сдѣлалась бы вѣроятною обще-европейская война, а она бы вышла далеко за предѣлы того значенія, какое польскій вопросъ можетъ имѣть въ глазахъ Европы. А такъ какъ при ожесточеніи поляковъ и давленіи на нихъ, оказываемомъ демагогическими вожаками, моментъ полнаго истощенія инсургенціи еще

не наступилъ, то злосчастная эта междуособица будетъ долго еще длиться, но поляки осуществленія своихъ мечтаній не добьются, и рано или поздно несказанныя бѣдствія и невзгоды обрушатся на несчастную націю, ослѣпленную неосуществимыми идеалами. Тѣмъ не менѣе, благодаря снисходительности русскаго правительства и вялости военныхъ дѣйствій русскихъ отрядовъ, мятежники порою могли хвалиться даже незаурядно смѣлыми подвигами».

«Вернувшись изъ парка въ Лазенковскій дворецъ,—пишетъ Верди отъ 10-го іюня,—мы узнали только что дошедшую до намѣстника новость: по распоряженію революціоннаго комитета среди бѣла дня польскій банкъ или польская національная касса (названія хорошенко я не запомнилъ) ограблена на 4 милліона рублей. Грабежь этотъ произведенъ былъ при соучастіи многочисленныхъ банковскихъ своихъ служащихъ, а деньги грузились и увозились совершенно открыто. Не лишено комизма и то обстоятельство, что рота пѣхоты, стоявшая въ караулѣ для охраны банка, по приказанію банковскихъ властей приняла дѣятельное участіе въ нагрузкѣ денежной клади на возы. Правда ли это, я не знаю. Но достовѣрно, что деньги изъ банка выкрадены, и русское правительство ихъ, конечно, больше не увидитъ».

«Для характеристики здѣшнихъ распорядковъ я прибавлю сегодня еще слѣдующее,—пишетъ Верди отъ 30-го іюня.—Въ субботу мы снарядили моего лакея Генриха въ Торнъ отправить оттуда наши письма. Рехенбергъ наканунѣ еще предупреждалъ насъ, что революціонный комитетъ строжайше предписалъ обыскивать всѣхъ подозрительныхъ личностей, слѣдующихъ по желѣзной дорогѣ. Тѣмъ не менѣе Генрихъ благополучно добрался до Торна. Зато на возвратномъ пути отъ самой границы онъ испытывалъ такое впечатлѣніе, что за нимъ неукоснительно наблюдаетъ оберъ-кондукторъ. За двѣ станціи отъ Варшавы, на ходу дверь въ купе отворилась, и къ Генриху вошли двѣ личности, заявивъ ему, что должны его обыскать, такъ какъ онъ заподозрѣнъ въ провозѣ денегъ для русскаго правительства. Соль этого казуса заключается въ томъ, что разыгрывался онъ на поѣздѣ, при которомъ слѣдовала военная охрана, въ составѣ 40 человѣкъ, подъ командою офицера».

Подъ угрозами револьверомъ и кинжаломъ Генрихъ былъ обысканъ настолько тщательно, что съ него снимали даже сапоги. Тѣмъ не менѣе эмиссары комитета не обнаружили писемъ, которыя Генрихъ везъ капитану. «Здѣсь нѣтъ ничего новаго или чрезвычайнаго,—пишетъ Верди 4-го іюля.—Правда, на-дняхъ почтовый кассиръ исчезъ, похитивъ 46.000 рублей. Необычайности это не представляетъ, но квалификація подобныхъ поступковъ у насъ и здѣсь оказывается не одинаковою: поляки въ подобныхъ поступкахъ усматриваютъ патріотическое геройство, нѣмцы же для этого нашли бы другое слово».

На ряду съ дѣйствіями, направленными къ матеріальному и нравственному ущербу престижа русской правительственной власти, тайный комитетъ въ своихъ распоряженіяхъ проявлялъ вздорную мелочность. «На-дняхъ,—пишетъ Верди 9-го іюля,—состоялось распоряженіе тайнаго комитета, воспретившее полькамъ употребленіе при нарядахъ предметовъ роскоши, и сюда же отнесены кринолины. Здѣшнія щеголихи этимъ возмущены и кринолинами поступаться не пожелали. Это вызвало со стороны комитета суровое предписаніе его агентамъ неукоснительно настаивать на приведеніи въ исполненіе перваго распоряженія. Полиція этому, конечно, тѣмъ менѣе препятствовала, что скрываетъ въ своихъ рядахъ многочисленныхъ агентовъ того же комитета. Въ концѣ концовъ грубая расправа съ барынями вызвали общее негодованіе, и комитетъ оказался вынужденнымъ отмѣнить запрещеніе кринолиновъ. Впрочемъ и тутъ ржондъ сумѣлъ этотъ инцидентъ использовать въ своихъ интересахъ: ему было придано такое толкованіе, будто вся эта затѣя дѣло шпионовъ русскаго правительства и предпринята затѣмъ только, чтобы вызвать безпорядки и нареканія на комитетъ».

«Европейскія газеты опять сочинили цѣлый рядъ утокъ,—пишетъ Верди отъ 12-го августа 1863 года,—о небываломъ сраженіи при Мокшовѣ, о рѣзні въ Варшавѣ и т. д. Все это—одна сплошная ложь. А вотъ правда, что 8-го августа въ Люблинской губерніи произошла стычка, которая для русскихъ разыгралась неудачно. Изъ Ивангорода въ Люблинъ пересылался денежный транспортъ въ 200.000 рублей подъ прикрытіемъ 1 саперной роты и 1 роты мѣстнаго крѣпостнаго баталіона, при 2-хъ орудіяхъ. Въ пути отрядъ этотъ, состоявшій изъ 300 человекъ, подвергся нападенію инсургентовъ и, повидимому, послѣ 4-хъ-часового боя, разстрѣлявъ всѣ патроны, былъ уничтоженъ. Спаслось изъ русскаго отряда всего три офицера и 91 солдатъ, въ томъ числѣ всѣ офицеры и 57 солдатъ раненыхъ. Оба орудія и деньги достались инсургентамъ». Подобныя неудачи, впрочемъ, находятъ у Верди совершенно правильное истолкованіе.

«На мой взглядъ русскіе отряды слишкомъ скоро возвращаются изъ экспедицій: они ограничиваются тѣмъ, что, разбивъ банды, разсѣиваютъ ихъ, но основательно ихъ не уничтожаютъ. Благодаря этому, инсургенты чрезъ нѣсколько дней собираются опять, и та же исторія повторяется вновь только въ другой мѣстности».

Несмотря на вялость военныхъ дѣйствій съ русской стороны, польскій мятежъ, въ смыслѣ побѣдоносныхъ и громкихъ подвиговъ инсurreкціонныхъ бандъ, относится больше къ области досужихъ легендъ и польскаго бахвальства.

«Въ нѣмецкихъ газетныхъ извѣстіяхъ о пресловутыхъ пораженіяхъ, которымъ будто бы подвергаются русскія войска, нѣтъ и

слова правды,—пишетъ Верди.—Еще большую ложь плодятъ французскія и англійскія газеты. Все, что только можетъ унижить Россію и выставить ея войска какими-то варварами, выдумывается изобрѣтательными репортерами. Такимъ образомъ нарождаются на свѣтъ Божій ужасающіе и потрясающіе рассказы. Въ настоящее время имѣется уже налицо рядъ случаевъ, относительно которыхъ генеральными консульствами непреложно доказано, что ни единого слова правды въ нихъ нѣтъ. Я какъ-то довольно наивно спросилъ у Тенгоборскаго, нельзя ли заставить европейскія газеты, изобличающія несуществующее зло, печатать соответствующія опроверженія. «Пробовали мы это не разъ, но ни одна западно-европейская газета на это не реагировала. Печатаютъ онѣ то, что хочетъ слышать заграничная публика, и начни газеты печатать правду, онѣ растеряютъ своихъ подписчиковъ».

Преднамѣренность въ лживыхъ обвиненіяхъ русскаго правительства за границую шла рука объ руку съ тѣмъ пристрастіемъ, съ какимъ поляки относились и у себя дома ко всѣмъ правительственнымъ начинаніямъ.

«Я уже писалъ тебѣ третьяго дня о пасхальномъ манифестѣ, которымъ возвѣщается амнистія мятежникамъ,—пишетъ Верди 14-го апрѣля.—Едва ли есть надобность и говорить, что этотъ актъ милости и долготерпѣнія человѣколюбиваго государя не достигнетъ вовсе цѣли при томъ настроеніи, которое царитъ среди поляковъ. Напротивъ, послѣ того какъ на время праздниковъ они какъ бы молчаливо установили перемиріе, теперь они опять готовятся къ возобновленію борьбы въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ».

Русскому долготерпѣнію, однако же, пришелъ конецъ. Первымъ актомъ измѣненія прежней политики явилась отставка маркиза Велепольскаго. «Вчера,—пишетъ Верди отъ 17-го іюля 1863 г.,—маркизъ Велепольскій покинулъ здѣшніе края; этимъ сдѣланъ первый шагъ къ улучшенію здѣшнихъ обстоятельствъ. Становясь во главѣ русскаго правительства въ Польшѣ, Велепольскій провозгласилъ своею системою управлять поляками чрезъ поляковъ, т.е. замѣщать всѣ должности мѣстными уроженцами или врагами Россіи». Велепольскій, впрочемъ, дѣйствовалъ по крайнему своему разумѣнію, и, по признанію Верди, онъ былъ безусловно честный человѣкъ, который спасеніе отечества видѣлъ въ установленіи тѣснаго внутренняго единенія между поляками и русскими и съ полнымъ самоотверженіемъ всѣ свои силы посвящалъ на осуществленіе этого идеала. Но его же народъ его или не понялъ или захотѣлъ инымъ путемъ достигнуть осуществленія своихъ фантастическихъ мечтаній; благодаря этому, Велепольскій и потерпѣлъ крушеніе съ своею миссіею. По слухамъ, графу Бергу принадлежалъ починъ удаленія маркиза Велепольскаго съ его поста.

Хотя Верди и не задается желаніемъ нарисовать историческое обоснованіе и объясненіе тогдашнихъ событій, тѣмъ не менѣе, какъ

лицо, близко стоявшее къ дипломатическимъ сферамъ, онъ дастъ отзывъ болѣе или менѣе авторитетный. По мнѣнію Верди, западныя державы въ польскомъ вопросѣ отнеслись къ Россіи съ явнымъ недоброжелательствомъ и пристрастіемъ, и искусственное раздуваніе возстанія поэтому нашло обильную пищу именно за границею. Сколько бы страданія Польши въ прошломъ ни заслуживали сочувствія, въ эпоху 60-хъ годовъ, когда реформы Александра II сулили краю болѣе свѣтлую будущность, заигрываніе западныхъ державъ съ польскою революціею было большою ошибкою, а нравственная поддержка, оказанная полякамъ составляла прямо таки преступленіе.

Тѣмъ не менѣе общее несочувственное и даже враждебное настроеніе противъ Россіи сказывалось не только въ европейской прессѣ, но и въ преніяхъ европейскихъ законодательныхъ палатъ.

Вѣдь ругать и порицать другихъ чрезвычайно легко, особенно когда ссылаешься на сочувствіе угнетеннымъ и не несешь за это никакой отвѣтственности.

Польская эмиграція со всѣми ея закулисными и вѣскими связями, дѣятельность тайнаго правительства, прикрывавшая разрушительныя тенденціи патріотическимъ покровомъ, лживое возвеличеніе подвиговъ мятежниковъ и живописаніе русскихъ злодѣяній, все это немало способствовало введенію европейскаго общественнаго мнѣнія въ заблужденіе. Въ свою очередь иные государственные люди съ большимъ злорадствомъ наблюдали, какъ постепенно разрастались политическія затрудненія, сулившія непреодолимыя преграды дальнѣйшему развитію русскаго могущества, а вскорѣ возбудженіе общественнаго мнѣнія заставило и этихъ дѣятелей разыграть болѣе активную роль въ рѣзко уже обозначившемся теченіи европейской политики. Такимъ образомъ платоническое заигрываніе съ польскимъ вопросомъ привело къ первымъ политическимъ шагамъ западныхъ державъ, и онѣ довольно легкомысленно вообразили себѣ, будто въ Россіи накопилось достаточно горючихъ матеріаловъ, которые не преминутъ де разгорѣться, разъ въ Польшѣ скажется революціонное движеніе. Въ концѣ марта 1863 года воспослѣдовала первая совмѣстная «акція» Англіи, Франціи и Австріи, взывавшая въ мягкомъ тонѣ къ благожелательности царя и необходимости замиренія Польши. Тутъ для русской дипломатіи представился случай проявить искусство, и она сдѣлала это очень умѣло: съ достоинствомъ Россіи, какъ великой державы, было совершенно не совмѣстимо допустить вмѣшательство постороннихъ державъ въ свои внутреннія дѣла, но столь же мало желательнымъ представлялось изъ-за Польскаго вопроса ввязаться и въ европейскую войну, давъ державамъ рѣзкую отвѣдь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ интересахъ Россіи лежало выиграть и время: имѣя такое въ своемъ распоряженіи, можно было съ искренностью ожидать, что польское возстаніе окажется подавленнымъ.

И дѣйствительно русскій отвѣтъ на западно-европейскія ноты оказался мастерскимъ въ своей уклончивости. Прежде всего русское правительство выражало благодарность державамъ за дружественное ихъ и участливое расположеніе. Далѣе высказывалась увѣренность въ успѣхѣхъ принятыхъ уже мѣръ, направленныхъ къ успокоенію и благоденствію поляковъ, но въ возникшей на западной ея окраинѣ революціонной вспышкѣ русское правительство усматривало одно изъ частныхъ проявленій революціоннаго движенія, надвигавшагося на всю вообще Европу, а потому петербургскій кабинетъ приглашалъ державы къ совмѣстному противоборству превратнымъ вѣяніямъ и выражалъ надежду, что державы выступятъ по этому предмету съ дальнѣйшими практическими предложеніями.

Отвѣтъ на русскую ноту державы тщетно придумывали цѣлыхъ три мѣсяца, такъ какъ, ввязавшись въ польскую авантюру, онѣ и сами не давали себѣ яснаго отчета въ томъ, какіе практически осязательные результаты можетъ дать ихъ вмѣшательство.

Только въ концѣ іюня были вручены въ Петербургѣ отвѣтныя ноты, которыя развивали мелкія подробности, не соотвѣтствовавшія дѣйствительному положенію вещей. Позволительно было даже усомниться, нарочно ли игнорировалась дѣйствительность, или же державы и впрямь были такъ плохо освѣдомлены, что ея не знали. Англія требовала перемирія, другія державы признавали его желательнымъ.

Но инсургентскія банды вѣдь не представляли воюющей державы, съ которою Россіи вмѣстѣ было бы вступать въ переговоры. Далѣе западныя державы указывали въ шести пунктахъ на уступки, которыя якобы должны были удовлетворить поляковъ, хотя подлежало сомнѣнію, что подобныя уступки отнюдь не заставили бы поляковъ сложить оружіе. Въ сущности уступки эти отчасти касались такихъ дѣлъ, которыя налаживались еще до возстанія, а отчасти касались дѣлъ, подлежавшихъ урегулированію въ непродолжительномъ времени.

Выполненіе такихъ требованій со стороны Россіи поляковъ, конечно, не удовлетворило бы, такъ какъ они въ своемъ ослѣпленіи соглашались помириться и то на первое только время лишь на возстановленіи независимаго Польскаго королевства.

Полученіе этого отвѣта дало Россіи вѣское оружіе тѣмъ болѣе, что за это время исподволь были сдѣланы и подлежащія военныя приготовленія къ войнѣ. Возможность такого исхода въ Россіи вызвала повсемѣстно мощный патріотическій энтузіазмъ и рѣши-

тельное нежеланіе подаваться на какую либо уступчивость, — это было настолько внушительно, что все сообщаемое въ иностранныхъ газетахъ блѣднѣло предъ дѣйствительностью.

Сильное сочувствіемъ всей страны петербургское правительство въ концѣ іюля дало отвѣтъ на ноты. Князь Горчаковъ здѣсь высказалъ довольно ясно иностраннымъ дипломатамъ всю неу-мѣстность самой мысли о перемиріи между Россіею и мятежниками. Уступокъ, изложенныхъ въ шести пунктахъ, онъ коснулся вскользь и поставилъ державамъ на видъ, что въ первой нотѣ ихъ приглашали только къ совмѣстной борьбѣ противъ европейскихъ революціонныхъ замысловъ, но петербургскій кабинетъ отнюдь не можетъ потерпѣть, чтобъ державы предъявляли къ нему требованія касательно внутреннихъ дѣлъ Россіи.

Отвѣтъ Россіи былъ преисполненъ достоинства и вполне согласовался съ обстоятельствами, и, конечно, Россія въ этомъ отношеніи ни шага назадъ не сдѣлала бы.

На этомъ «совмѣстная акція» державъ и кончилась — европейскимъ кабинетамъ, считавшимся съ собственными внутренними дѣлами, было вовсе не до того, чтобы своими руками вынимать каштаны изъ огня для возстановленія Польши, которая и въ XVIII вѣкѣ достаточно чинила тревогъ и волненій всѣмъ европейскимъ дипломатическимъ канцеляріямъ. У Россіи теперь руки оказались развязанными, и въ ея политикѣ по отношенію къ польскому мятежу наступилъ крутой переломъ.

Яснымъ и знаменательнымъ показателемъ «новаго курса» явилась новость, о которой Верди успѣшилъ увѣдомить жену 25-го августа 1863 года.

«Самая послѣдняя новинка, — читаемъ мы здѣсь, — это, что великій князь намѣстникъ вчера поутру уѣхалъ въ Петербургъ, вызванный государемъ для личныхъ объясненій; увѣряютъ, пока будто отсутствіе его продлится не болѣе 14 дней. О грядущемъ значеніи свиданія между государемъ и намѣстникомъ я въ догадки пускаться не стану. Повидимому, достовѣрно одно: въ Петербургѣ весьма значительная партія, къ которой принадлежали и члены императорской фамиліи, жаждетъ, чтобы великій князь взялъ самъ на себя починъ и просилъ государя о временномъ освобожденіи отъ обязанностей намѣстника».

Вызовъ великаго князя и сдѣланъ затѣмъ, чтобы при личномъ свиданіи постараться уговорить его покинуть Варшаву.

«Если меня не обманываютъ примѣты, то я въ концѣ концовъ окажусь правъ, — пишетъ Верди 31 августа. — Хотя пока здѣсь и ничего не говорятъ, мнѣ кажется, что великій князь дѣйствительно покинетъ съ семьею Варшаву. На первое время это отсутствіе опредѣлится въ 6 недѣль и, тутъ же станутъ намекать, что если великій князь поправитъ здоровье, пошатнувшееся отъ чрезмѣр-

ныхъ трудовъ, вѣчныхъ заботъ и непріятностей, то онъ опять вернется на прежній постъ, такъ какъ оптимисты увѣряютъ, будто все наиболѣе неотложное за этотъ короткій срокъ будетъ уже упрядочено, благодаря энергіи Берга. Но попомни то, что я теперь тебѣ скажу: если только графъ Бергъ останется здѣсь, великій князь не то что чрезъ шесть недѣль, но и чрезъ шесть мѣсяцевъ сюда не вернется. Фонъ-Трескау полагаетъ, что, если мои опасенія насчетъ великаго князя оправдаются, то съ уходомъ его наступитъ конецъ и нашей командировкѣ. И тутъ мы расходимся во взглядахъ. Въ этомъ случаѣ наше отозваніе отсюда, на мой взглядъ, могло бы имѣть смыслъ, если бы наше назначеніе сводилось къ присутствованію на вечерахъ у великокняжеской четы. Но я до сихъ поръ воображалъ, что рѣшающимъ моментомъ для нашей командировки сюда были иныя основанія, и что мы для выполненія этой задачи служили весьма добросовѣстно; поэтому, мнѣ думается, отъѣздъ великаго князя не послужитъ поводомъ къ прекращенію нашей миссіи — вѣдь обстоятельства, ее вызвавшія, сразу не исчезнутъ».

«Вчера вечеромъ,—отмѣчаетъ Верди подь 2-мъ сентября,—фонъ Трескау получилъ приказъ явиться въ Берлинъ для представленія его величеству изустныхъ объясненій; кстати фонъ-Трескау узнаетъ въ Берлинѣ, какъ долго рѣшено насъ еще здѣсь оставить».

Въ концѣ концовъ фонъ-Трескау получилъ другое назначеніе, а Верди остался въ Варшавѣ.

Проводы великаго князя, наступившія гораздо раньше, чѣмъ это ожидалось, вызвали у Верди искреннія сожалѣнія и соболѣзнованія.

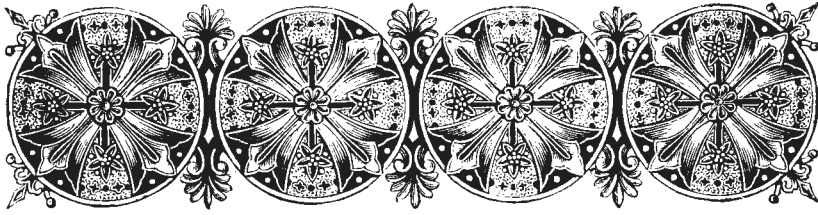
«Какая громадная разница между прибытіемъ въ Варшаву великокняжеской четы два года тому назадъ и теперешнимъ ея отъѣздомъ отсюда!»—отмѣчаетъ онъ подь 5-мъ сентября.

Тогда они были преисполнены радостнѣйшихъ упованій въ томъ, что имъ удастся осуществить великую цивилизаторскую задачу, и что чрезъ это откроются пути къ новому процвѣтанію несчастнаго народа. А теперь! тщетны оказались всѣ труды, старанія и хлопоты—все это разбилося о неосуществимость задачи, истинное значеніе которой польскій народъ, находясь подь давленіемъ террористовъ, не оцѣнилъ и преврѣлъ на свою же собственную пагубу.

В. Ш.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

МЕЖДУ ДВУХЪ ОГНЕЙ.

(Очерки изъ далекаго прошлаго).

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ вѣкъ долго еще будетъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей происшедшею въ теченіе его характерною ломкой дореформеннаго уклада русской жизни. Основною и наиболѣе характерною чертой дореформеннаго строя и господствовавшей здѣсь византійской цивилизаціи была церковность съ твердо установившимися строго-консервативными формами жизни. Съ водвореніемъ въ Россіи новой западно-европейской цивилизаціи съ ея прогрессивнымъ, свободно-самостоятельнымъ отношеніемъ къ авторитету, религіозно-церковные интересы ступшеваются предъ интересами научными, соціальными, экономическими. Со времени реформы религіи отведена была въ государственнымъ строѣ специальная область съ подчиненіемъ идеи церкви идеѣ государства. Соотвѣтственно такимъ новымъ принципамъ послѣдовательно проведены были и практическія перемѣны въ официальномъ положеніи церкви. До Петра I во главѣ русской церкви стоялъ патриархъ, по своему авторитету и власти почти равный царю; Петръ I отмѣнилъ въ Россіи патриаршество, и вмѣсто того учреждена была коллегіальная институція—святѣйшій синодъ. До Петра I духовенство владѣло обширными помѣстьями; при Петрѣ I началась и при Екатеринѣ II была окончательно осуществлена секуляризація церковныхъ земель. До Петра I много судебныхъ дѣлъ принадлежало компетенціи духовенства, со времени Петра дѣла эти отошли къ другимъ учрежде-

ніямъ. Также рѣзко отразилась реформа и на государственномъ и общественномъ положеніи духовнаго сословія. Видамъ преобразователя не соотвѣтствовала, какъ это высказано въ регламентѣ, всякая «удивляющая народъ слава», какъ, напримѣръ, слава патріарха и епископовъ. Вслѣдствіе этого санъ патріарха пародированъ былъ въ шуточныхъ торжествахъ, въ родѣ свадьбы патріарха, отпразднованной въ 1716 году съ великолѣпнымъ маскарадомъ и колокольнымъ звономъ, или, напримѣръ, въ учрежденіи цѣлаго собора пьяницъ; главою этого «сумасброднѣйшаго, всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора», имѣвшаго цѣлью «славить Бахуса питіемъ непомѣрнымъ», былъ извѣстный Зотовъ, называвшійся здѣсь «княземъ-папою» или «всешумнѣйшимъ и всешутѣйшимъ патріархомъ московскимъ, кукуйскимъ и всея Яузы»; былъ здѣсь и «конклавъ» изъ 12 «кардиналовъ», т.-е. 12 необыкновенныхъ пьяницъ и развратниковъ, со штатомъ епископовъ, архимандритовъ, «всешутѣйшихъ матерей-архіерейшъ и игуменій», съ особенными молитвами, напѣвами и облаченіями и другими подробностями, неудобными въ печати. Такимъ же отношеніемъ къ церковности вообще и къ духовенству въ частности заявило себя и все образованное русское общество даннаго времени. Еще родоначальникъ русской художественной литературы Кантемиръ отождествлялъ духовныхъ лицъ съ невѣжественными ханжами, изображая въ одной изъ своихъ сатиръ, какъ «невѣжество гордится подѣ митрой», или какъ

Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, какъ сѣмя наукъ вредно между нами.

Такой взглядъ на духовенство съ нѣкоторыми вариациями довольно устойчиво держался потомъ въ литературѣ въ теченіе всего XVIII вѣка.

Въ особенности низко въ глазахъ современнаго общества стояло рядовое приходское духовенство. Вся внѣшняя сторона его жизни, бьющіе въ глаза недостатки, матеріальная бѣдность, при неблагопріятномъ правовомъ положеніи, — не могла возвысить духовенства въ глазахъ современнаго общества. Послѣднее смотрѣло на священника въ лучшемъ случаѣ, какъ на официальнаго исполнителя обрядовъ; и въ этой официальной, взаимно-холодной атмосферѣ не было мѣста для того свободнаго, нравственнаго элемента, который долженъ составлять основу и духъ взаимныхъ отношеній между пастыремъ и паствою.

Лучше всего, повидимому, долженъ былъ относиться къ духовенству низшій классъ общества — крестьянство, въ виду того, что ихъ связывала общность безправнаго, униженнаго положенія въ государствѣ. До нѣкоторой степени это такъ и было: народъ отно-

сился къ духовенству все же лучше, чѣмъ другіе классы общества, но и здѣсь положеніе духовенства заставляло желать многого.

Юридическія отношенія между крестьянствомъ и духовенствомъ выражались въ формѣ началъ выборнаго и наслѣдственнаго, дѣйствовавшихъ не въ видѣ строго опредѣленныхъ нормъ, а больше въ формѣ измѣнчиваго обычнаго права. Епархіальная власть располагала болѣе или менѣе пригодными кандидатами для замѣщенія приходовъ лишь къ концу XVIII вѣка; до того же времени въ Великороссіи дѣйствовалъ принципъ наслѣдственности при занятіи церковныхъ мѣстъ, а въ Малороссіи выборное начало. При недостаткѣ образованныхъ кандидатовъ на священническія мѣста въ теченіе почти всего XVIII вѣка, наиболѣе раціональною формою замѣщенія ихъ является съ общей точки зрѣнія выборная форма, такъ какъ она все же представляетъ возможность какого нибудь моральнаго контроля со стороны прихода надъ выборнымъ духовенствомъ. Но практически для духовенства такое положеніе дѣла было въ высшей степени неудобно; находясь въ полной зависимости отъ громады, священникъ совершенно не былъ гарантированъ отъ произвола съ ея стороны. Насколько громада сочувствовала и относилась хорошо къ угодному ей священнику, — дѣлала, на примѣръ, складчину для хозяйственнаго обзаведенія его на новомъ мѣстѣ, а если онъ еще не былъ посвященъ, то снаряжала подводу и съ болѣе или менѣе значительнымъ пособіемъ отправляла его «промоваться на попа», — настолько же неблагорасположенно смотрѣла она на негоднаго ей священника. Вотъ, на примѣръ, случай, характеризующій отношенія громады къ такому немилому ей кандидату. Черниговскій архіерей Иродіонъ Жураковскій рукоположилъ къ одной изъ мглинскихъ церквей «философскаго ученія добре навыкшаго Іоанна Якимовича». Явившись на мѣсто, Якимовичъ потребовалъ у парохіянъ церковныхъ ключей, чтобы явить въ церкви свою ставленную грамоту. Но парохіяне такъ разсердились на присылку къ нимъ пароха безъ ихъ выбора, что ни грамоты слушать не хотѣли, ни въ церковь его не пустили. Якимовичъ отправился читать грамоту въ другую церковь, но его парохіяне, узнавъ объ этомъ, и тамъ произвели противъ него враждебную демонстрацію: «по обыкновенію ихъ мглинцанъ лисовому, — писалъ обиженный кандидатъ, — аки вепри, возгоготаша, рекуще, яко весьма Якимовича священникомъ маты соби не хоцуть, кромѣ отъ ядовитого роду якійсь изъ вышпомененныхъ дывыхъ звырій»¹⁾.

Съ другой стороны, и въ Великороссіи прихожане, привыкнувъ безучастно смотрѣть, какъ церковныя мѣста занимались на основаніи однихъ наслѣдственныхъ правъ, относились совершенно равнодушно и къ самой дѣятельности духовенства, усвоивъ ей одинъ

¹⁾ Труды Кіевской духовной академіи, 1860 г., II, 247—249.

виѣшній, обрядово-коммерческій характеръ. При такомъ отсутствіи нравственной связи между священникомъ и его приходомъ какойнибудь мелкій поводъ вызывалъ чрезвычайно обостренныя отношенія между ними. Въ имѣніи ладожскаго воеводы князя Мышецкаго священникъ Терентій Никифоровъ почему-то не понравился своимъ прихожанамъ, въ особенности двумъ изъ нихъ — Силину да Иванову, которые не разъ ругали его «всякими скверными словами». Однажды Силинъ пришелъ во дворъ къ священнику и затѣялъ драку съ его рабочимъ; на крикъ ихъ выбѣжалъ священникъ и вытолкалъ забіяку со двора. Тому такіе проходы не понравились, и онъ, захвативъ топоръ, сталъ ходить кругомъ церковнаго дома, угрожая топоромъ, швыряя въ окна полѣньями и камнями; одинъ изъ такихъ снарядовъ попалъ въ ребенка и причинилъ ему серьезную рану. Спустя нѣкоторое время, къ Никифорову пріѣхали въ гости кое-кто изъ сосѣдняго духовенства и между прочимъ братъ его, діаконъ другого погоста. Всѣ они пошли гурьбой въ гости къ мѣстному дьячку. Туда же прибыли и нѣкоторые прихожане и, не говоря худого слова, стали бить діакона «и голову ему коломъ разломали, и руки съ плечъ вышибли, и прочіе причинили смертныя побои». Священникъ Никифоровъ едва избѣжалъ той же участи. Затѣмъ однажды, когда онъ возвращался съ требы, подбѣжалъ къ нему одинъ изъ прихожанъ, схватилъ за волосы и бросилъ въ грязь вмѣстѣ со св. дарами; лишь подоспѣвшій народъ избавилъ священника отъ жестокой расправы. А между тѣмъ Силинъ поселился вблизи священническаго дома и не разъ похвалялся «онаго священника, гдѣ ни поймавъ, хуже свиньи убить». «Разсказанная нами исторія,—такъ заключаетъ свой разсказъ историкъ С.-Петербургской епархіи,—была, конечно, явленіемъ не особенно рѣдкимъ въ тогдашнее время»¹⁾.

Чѣмъ выше по своему общественному положенію стояли лица, съ которыми священнику приходилось сталкиваться въ своихъ служебныхъ и житейскихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе отношенія эти принимали тяжелый и обидный для него характеръ. Уже купецъ смотрѣлъ на священника болѣе свысока, чѣмъ крестьянинъ, и соотвѣтственно этому давалъ волю своему произволу по отношенію къ духовному лицу. Сплошь и рядомъ бывало, что явится въ церковь какойнибудь пьяный, но богатый и вліятельный купчина и, чтобы показать себя, начнетъ поучать священника, какъ онъ долженъ совершать богослуженіе, и священникъ, нуждавшійся въ его крохахъ, безропотно терпѣлъ все это²⁾. Въ богатой фактами «Исторіи московскаго епархіальнаго управленія» приводится такой характерный случай самоуправства московскаго купца. Въ 1753 году

¹⁾ Опис. Спб. епархіи, вып. VII, 36—38.

²⁾ Ibid., вып. VI, отд. I, 58.

студентъ Московской академіи, Алексѣй Некрасовъ, просилъ преосвященнаго Платона Малиновскаго опредѣлить его діакономъ къ одной изъ московскихъ церквей; для этого кандидату необходимо было заpastись «заручной» — письменнымъ согласіемъ прихожанъ принять его къ себѣ. Но одинъ изъ прихожанъ, купецъ Сергѣй Азбукинъ, составилъ партію въ пользу одного «церковника-горлана» и, когда приходскій священникъ сталъ объяснять этому купцу, что Некрасовъ — «студентъ богословіи» и, слѣдовательно, имѣетъ полное преимущество предъ неученымъ церковникомъ, то Азбукинъ далъ на это такой отвѣтъ: «я де плюю на богословію, и что намъ есть отъ богословія?». Когда Некрасовъ явился въ церковь и сталъ читать часы, то Азбукинъ попросту согналъ его съ клироса. По окончаніи литургіи священникъ началъ доказывать прихожанамъ незаконность ихъ поведенія; «тогда онъ, Азбукинъ, и прочіе партизаны, всячески поношающе, говорили, что имъ школьниковъ отнюдь не надобно, и пусть школьники идутъ въ село и учатъ тамъ деревенскихъ мужиковъ, а московскіе жители до нихъ де еще переучены, да и лучше ихъ; и ежели школьникъ впредь придетъ въ ихъ церковь, они генеральное опредѣленіе положили — метлой изъ церкви выгнать»¹⁾. Гораздо позже встрѣчаемъ еще болѣе дикій примѣръ купеческаго самоуправства надъ священникомъ. Въ 1770 году ранній священникъ никологнѣзниковской церкви шелъ къ себѣ на квартиру; купецъ Мамоновъ позвалъ его къ себѣ въ домъ и здѣсь велѣлъ людялъ своимъ надѣтъ священнику на шею желѣзную рогатку, заперъ ее висячимъ замкомъ, при чемъ ключъ взялъ къ себѣ въ карманъ, а священника въ такомъ видѣ отправилъ домой²⁾.

Не трудно судить послѣ этого, какъ долженъ былъ относиться къ духовенству высшій, образованный классъ общества. Только въ Малороссіи общественное положеніе духовенства было сравнительно высоко. Въ составъ духовенства здѣсь поступали весьма часто представители мѣстной войсковой старшины, и оно здѣсь имѣло родственныя и общественныя (по прежней службѣ) связи со значительными административными лицами; на примѣръ, о. Григорій Помаранскій, сынъ стародубскаго священника, женился въ 1743 году на племянницѣ матери графовъ Разумовскихъ, тогда какъ другая племянница ея была за новгородскимъ сотникомъ Жоравкою, у котораго императрица Елисавета крестила дочь³⁾; современные дневники нѣкоторыхъ лицъ войсковой старшины, на примѣръ, Марковича⁴⁾, Ханенка⁵⁾ и другіе, раскрываютъ намъ близкія, интимныя

¹⁾ Исторія московскаго епарх. упр., ч. II, кн. I, примѣч., 123.

²⁾ Исторія московскаго епарх. упр., ч. II, кн. 2, примѣч., стр. 52.

³⁾ Историко-статистическое опис. Черниговской епархіи, VI, 61.

⁴⁾ Дневныя записки М. Марковича, ч. II, стр. 100, 110, 164, 168, 191 и др.

⁵⁾ Дневникъ генеральнаго хоруужаго В. Ханенка, стр. 222 и др.

и сердечныя отношенія этихъ лицъ къ духовенству. Разумѣется, въ этомъ высокомъ общественномъ положеніи отдѣльныхъ личностей изъ среды духовенства долженъ былъ нѣсколько растворяться общій тонъ того презрительнаго воззрѣнія, какимъ характеризуется вообще отношеніе къ духовенству высшаго общества въ данную эпоху. Не то было въ Великороссіи. Общественное положеніе духовенства было здѣсь весьма унижительно. Всѣ иностранные мемуаристы, касавшіеся общественнаго значенія духовенства, въ одинъ голосъ говорятъ о крайней приниженности его сравнительно съ высшимъ, дворянскимъ сословіемъ, развивавшейся прогрессивно въ теченіе всего XVIII вѣка. Еще Корбъ подмѣтилъ ослабленіе въ обществѣ уваженія къ духовному чину. Уваженіе къ духовенству, говоритъ онъ, не осталось во всей силѣ; прежде во всѣхъ собраніяхъ священникамъ предоставляли первое мѣсто; теперь ихъ званіе такъ унижено, что ихъ почти не принимаютъ уже въ обществѣ¹⁾. Веберъ замѣчаетъ, что бѣлое духовенство въ Россіи пользуется не большимъ почетомъ, чѣмъ лица другихъ податныхъ сословій, наравнѣ съ которыми оно обязано нести государственныя повинности и платить въ казну разные сборы²⁾, что также отдаляло его отъ дворянскаго сословія, гордаго своимъ привилегированнымъ положеніемъ, и низводило въ разрядъ «подлыхъ» людей. По словамъ Фоккеродта, бѣлое духовенство, кромѣ протоіеревъ въ городахъ, находилось въ большомъ пренебреженіи. «Дворянинъ рѣдко посадить за столъ своего попа, и только что тотъ скажетъ послѣобѣденную молитву, его отсылаютъ къ домашней челяди»³⁾. Вообще иностранцы, привыкшіе видѣть у себя дворянство и духовенство въ тѣсной родственной связи и живомъ общеніи между собою, удивлялись разобщенности этихъ двухъ сословій, отчужденности ихъ другъ отъ друга въ Россіи. Коксъ не безъ удивленія говоритъ: «во время моего пятимѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, при постоянныхъ и почти ежедневныхъ сношеніяхъ съ русской знатью и дворянствомъ, мнѣ ни разу не случилось встрѣтить въ посѣщаемыхъ мною домахъ ни единого представителя бѣлаго духовенства, что отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣшніе приходскіе священники настолько грубы и неотесаны, что не могутъ быть допускаемы въ образованное общество»⁴⁾. Вслѣдствіе приниженности духовенства случаи поступленія дворянъ въ духовное званіе были очень рѣдки, — такъ рѣдки, что аббатъ Шаппъ не очень далекъ отъ истины, когда говоритъ, что «дворяне въ Россіи никогда не вступаютъ въ духовное званіе»⁵⁾.

1) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей російск., 1867 г., 3, IV, 250.

2) «Русскій Архивъ», 1872 г., стр. 1131.

3) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей російск., 1874 г., 2, IV, 163—164.

4) «Русская Старина», 1877 г., II, 46.

5) «Восемнадцатый Вѣкъ» Бартенева, 7, 4, 336.

«Большинство поповъ въ Россіи,—говоритъ Веберъ,—люди низкаго происхожденія, безъ связей и богатства»¹⁾. Это происхожденіе духовенства изъ низшихъ слоевъ общества еще болѣе унижало его въ общественномъ мнѣніи. Насколько было зависимо положеніе священника отъ какого нибудь помѣщика, насколько священникъ долженъ былъ заискивающе, подобострастно относиться къ нему, видно изъ цитированныхъ уже нами записокъ священника Матусевича. «Въ отношеніи къ окружающимъ помѣщикамъ,—говоритъ г. Семейскій,—сельскій священникъ находился въ весьма зависимомъ положеніи: каждый такой помѣщикъ былъ для него бариномъ (Матусевичъ такъ и называетъ ихъ въ своемъ дневникѣ), которому приходилось поклоняться для полученія всякой небольшой подачки». И это подтверждается тѣми мѣстами дневника Матусевича, гдѣ онъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Заѣхалъ, напримѣръ, Матусевичъ къ помѣщику Волкову попросить соломы, но у того были гости,—«такъ другимъ временемъ приказалъ побывать», и черезъ два дня «пожаловалъ возъ соломы». Если помѣщикъ ласково принималъ Матусевича, то онъ съ благодарностью отмѣчалъ это въ своей книжкѣ: «пошелъ къ Николаю Андреевичу въ горницу,—пишетъ Матусевичъ,—и съ приходу чашку чаю выпилъ, а потомъ рюмку водки, и посидя кушать стали; съ начала стола по колпаку водки, и по окончаніи стола изволилъ приказать пива въ бутылкахъ подать, и я выпилъ два стакана большихъ, да пожаловалъ мнѣ соломы». Или вотъ какъ Матусевичъ описываетъ пріѣздъ помѣщицы, въ имѣніи которой онъ былъ священникомъ: «въ обѣдню пріѣхала сюда ея превосходительство, генеральша Анна Ивановна Нарышкина, изволила быть въ церкви и по исшествіи изъ церкви просила къ себѣ на квартиру... Итакъ приходили. Изволила жаловать меня водкой; а въ пріѣздъ одного изъ Нарышкиныхъ «изъ вобщихъ» была куплена сайка и поднесена ему: «въ пріѣздѣ ихъ высокородія поздравляли»²⁾.

Записки Матусевича рисуютъ намъ отношенія помѣщичьяго класса къ духовенству при условіяхъ миролюбиваго настроенія той и другой стороны. Въ случаѣ же какихъ либо взаимныхъ столкновеній между ними положеніе духовенства становилось въ высшей степени плачевнымъ. Официальный документъ второй половины XVIII вѣка такъ рисуетъ намъ эти отношенія: «нѣкоторые помѣщики священно- и церковнослужителей не только побоями, но и наказаніемъ на тѣлѣ оскорбляютъ, напротивъ жъ того обиженные иные отъ свѣтскихъ командъ по просьбамъ своимъ удо-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1872 г., стр. 1447; Трегубовъ: Религіозный бытъ русскихъ, 164—167.

²⁾ «Русская Старина», 1877 г., т. XIX.

вольствія не получаютъ, а другіе по причинѣ своего неимущества отъ суднаго по формѣ процесса отрицаются»¹⁾. Для иллюстраціи такихъ отношеній приведемъ лишь нѣсколько изъ имѣющихся у насъ фактовъ. Священникъ Вологодской епархіи Іоаннъ жаловался преосвященному Павлу, что разъ, послѣ обѣдни, помѣщикъ Феодоръ Левашевъ позвалъ къ себѣ его, священника, въ домъ, избилъ его «мучительски дубиною безвинно», что въ другой разъ, именно въ праздникъ Рождества Христова, ночью, нагрянувъ въ домъ самого священника, со всею челядью, «говорилъ ему, и женѣ его, и дѣтямъ, дочерямъ дѣвкамъ, всякія скаредныя, неподобныя слова, и пѣсни пѣлъ, и неволею и нахальствомъ своимъ желалъ съ дочерьми его танцевать», что еще однажды, нагнавъ его, священника, съ дѣтьми въ полѣ, въ то время, какъ они возвращались усталые съ сѣнокоса, началъ стрѣлять въ нихъ (вѣроятно, холостыми зарядами) и стрѣлялъ до тѣхъ поръ, пока они, перепуганные, не скрылись въ ближайшемъ лѣсу²⁾. Во время пасхальнаго славленья въ с. Ковыринѣ, Вологодской епархіи, помѣщикъ Засѣцкій, зазвавъ къ себѣ въ домъ священника Михаила Викулова съ діакономъ, схватилъ священника за волосы и, вытащивъ его въ другую горницу, билъ его при содѣйствіи своихъ людей «чеканами и кистенями и топками топталъ». При осмотрѣ священника найдены были у него опухоль на головѣ и на груди и 23 раны на ногахъ; волосы на головѣ и бородѣ были вырваны. Въ такомъ положеніи и въ окровавленномъ бѣльѣ священникъ Викуловъ привезенъ былъ женою въ Вологду къ архіерею³⁾. Старицкаго уѣзда помѣщикъ, прапорщикъ Поликарповъ, принуждалъ священника вѣнчать крестьянина съ десятилѣтней дѣвочкой и за неисполненіе этого приказанія пришелъ съ людьми въ домъ его, грозясь убить; священникъ спрятался; тогда Поликарповъ велѣлъ разломать его избу, имѣніе все пограбилъ, дочь и сноху его травилъ собаками⁴⁾. Въ 1751 году серпуховскій священникъ Сергій Степановъ жаловался, что «онъ 24-го августа шелъ въ приходъ свой за 8 верстъ отъ церкви, въ сельцо Мокрое, съ дароносицею за пазухою, для приобщенія св. таинъ. Когда проходилъ черезъ поле надворнаго совѣтника, князя Ив. Пр. Вяземскаго, то оный князь верхомъ нагналъ его и билъ большою ѣзжалою конскою плетью». Священникъ побѣжалъ въ роуцъ; князь на лошади, догоняя его, продолжалъ бить; бывшіе на полѣ князя крестьяне, по приказанію его, нагнавъ священника въ той роуцѣ, били пона кулачемъ и топтунами, а потомъ тащили его, пона, за волосы черезъ поле на гумно въ сельцо князя

¹⁾ Полное собраніе законовъ, XVIII, 13286.

²⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ архива святѣйшаго синода, I, 395.

³⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ архива святѣйшаго синода, I, 396.

⁴⁾ Исторія Россіи Соловьева, книга V, т. XXI—XXV, стр. 615—616.

Пушино. Здѣсь князь слѣзъ съ лошади, «бранилъ по па матерными словами, билъ кулачьемъ и топталъ въ грудь, отъ чего дароносица выпала на землю. Князь пхнулъ ее ногой, отъ чего она рассыпалась, и выпали изъ нея св. дары, и онъ, попъ, еле живъ, отправился домой» ¹⁾).

Что касается отношенія къ духовенству всякаго рода «лицъ, власть имѣющихъ», то здѣсь, само собою разумѣется, видимъ уже полную вакханалію произвола. Насколько унижено было духовенство предъ чинами свѣтской администраціи, показываетъ дѣло священника Даниіла Автоназіева, относящееся къ первой четверти XVIII вѣка; здѣсь священникъ за то только, что осмѣлился, безъ всякой задней мысли, срисовать какіе-то астрономическіе чертежи на оборотной сторонѣ меньшиковскаго портрета, выдается, по постановленію синода, головой сильному временщику и спасается отъ жестокаго наказанія только потому, что сильный царскій фаворитъ, получивъ полное удовлетвореніе своему самолюбію, неожиданно почувствовалъ приливъ великодушныхъ чувствъ ²⁾). Болѣе или менѣе точною копіей такой картины являлись отношенія къ духовенству всякаго рода второстепенныхъ начальствъ, для которыхъ было слишкомъ обыкновеннымъ дѣломъ—взять священника подъ арестъ, продержать его нѣсколько времени подъ карауломъ, пустить въ ходъ кулачную расправу, высѣчь плетями и т. п. Епархіальные архіереи посылали неоднократныя жалобы въ свѣтѣйшій синодъ по поводу того, что «воеводы, комиссары и земскихъ дѣлъ управители не только для сборовъ, но и по челобитчиковымъ дѣламъ посылаютъ въ архіерейскія вотчины подьячихъ съ солдатами, чинятъ, какъ крестьянамъ, такъ и священнослужителямъ обиды, берутъ съ нихъ подводы, бьютъ ихъ на правейшъ, держатъ продолжительное время подъ карауломъ и разоряютъ въ конецъ» ³⁾). По смерти Петра Великаго, «когда, — говоритъ проф. Знаменскій, — тяжелая рука грознаго царя, державшая всѣхъ сильныхъ людей въ должныхъ границахъ, отнялась, эти сильные люди свободно предались своему грубому произволу и насиліямъ, потеряли всякую сдержку въ своей разнузданности, и настало безотрадное время разныхъ крупныхъ и мелкихъ временщиковъ, государственнаго безнарядья, безправія и тяжелыхъ страданій для всего слабаго и подчиненнаго люда» ⁴⁾). Приходское духовенство въ этомъ случаѣ являлось едва ли не наиболѣе, послѣ крестьянства, страдательнымъ элементомъ. Ржевскій воевода Венюковъ безнака-

¹⁾ Исторія московскаго епархіальнаго управленія, примѣч. къ II ч., I кн., стр. 197—198.

²⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ архива свѣтѣйшаго синода, т. I, 388—390.

³⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ архива свѣтѣйшаго синода, I, 321.

⁴⁾ Приходское духовенство, 80.

занно избиваетъ батогами діакона преображенской церкви Барсова; тверской полицеймейстеръ Тарховъ велитъ бить плетью понамаря Григорьева, самъ бьетъ его тростью и едва оставляетъ живымъ ¹⁾. Даже въ сравнительно гуманное время Екатерины какому нибудь звенигородскому городничему въ церкви вдругъ, напимѣрь, приходила въ голову мысль сказать свою проповѣдь; нимало не раздумывая, какъ хозяинъ, онъ тутъ же обращался къ священнику, стоявшему уже за налоемъ, со словами: «пошелъ, я самъ скажу!»— и, ставши на его мѣсто, начиналъ читать поученіе городскимъ будочникамъ, однихъ называлъ мошенниками, другихъ ставилъ въ примѣръ и т. д. ²⁾. Ярославскій исправникъ Безобразовъ, имѣвшій обыкновеніе напускаться съ кулаками на всякаго встрѣчнаго, избиваетъ священника, несмотря на то, что послѣдній выставилъ передъ нимъ, въ качествѣ защиты, дароносицу, съ которой шелъ ³⁾. Подобныя оскорбленія и издѣвательства надъ священниками позволяли себѣ лица, въ сущности не имѣвшія надъ ними даже какой нибудь тѣни власти и значенія, напимѣрь, какіе нибудь проѣзжіе офицеры, просто пользовавшіеся случаемъ для развлеченія поиздѣваться надъ беззащитнымъ человѣкомъ. Вотъ какъ, напимѣрь, жаловался въ кіево-печерское духовное правленіе священникъ с. Хотова, Андрей Капканъ. Черезъ это село проѣзжали со своей командой подпоручикъ Николай Петровъ и штыкъ-юнкеръ Михайлъ Александровъ. Зашли они въ домъ священника спросить, далеко ли до Гвоздова. Когда имъ сказали, что будетъ еще верстъ 8, то одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: «лжешь, бестія». «Попадья моя, — пишетъ жалобщикъ, — по слабости своей будучи на печи, сказала: на что и спрашуете, когда сами знаете, то они оба стали бранить, называя старою чертовкою». Хозяина въ это время не было дома. Войдя въ домъ, онъ началъ убѣждать офицеровъ, чтобы тѣ прекратили свои ругательства. Тогда «единъ съ нихъ тотчасъ вдарилъ мене, — пишетъ священникъ, — въ щоку и, схвата за волосы, повалилъ черезъ порогъ о землю навзничъ и приказалъ солдату: прійми его, солдатъ за волосы держалъ, а онъ ногами топталъ, билъ до удовольствія, солдатъ же и попадью билъ кулачемъ, а за дочерью единъ по двору гонился съ вилами, которая естлибъ не утекла, то убилъ бы или скололъ. Потомъ, какъ выбѣжали съ хаты, и я тотчасъ сѣнечныя двери затворилъ, то они командою атаковавши кругомъ хату, крича и ломая двери, гдѣ, искаая мене въ коморѣ, всю стеклянную посуду перебили; я, видя такой нечаянной смертной страхъ, схоронился на комору». Послѣ этого офи-

¹⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XXI—XXV, 615.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1869 г., 630.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1865 г., 937.

церы еще разъ возвращались къ священнику во дворъ, «чтобъ,— какъ онъ говорилъ,— убить мене на смерть, что отъ великой запальчивости, конечно, еслибъ сискали, и учинили бы» ¹⁾.

II.

Относясь къ духовенству такъ пренебрежительно, образованный классъ общества и свѣтская администрація сильно подозрѣвали его въ какихъ-то скрытыхъ властолюбивыхъ стремленіяхъ. Слишкомъ извѣстенъ взглядъ Татищева на духовенство, какъ на сословіе притязательно-властолюбивое. Взглядъ этотъ поддерживался въ русской литературѣ во все продолженіе XVIII вѣка. Такъ, Татищеву слѣдуетъ Голиковъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ касается духовенства, онъ постоянно цитируетъ Татищева. Болтинъ въ невѣжествѣ и матеріальной бѣдности духовенства видѣлъ спасеніе Россіи отъ грозившихъ ей бѣдъ клерикализма; онъ даже упрекалъ Щербатова за то, что тотъ въ своей исторіи не слѣдовалъ Татищеву. Да и Щербатовъ откровенно высказывался, что всѣ стремленія духовнаго сословія направлены лишь къ захвату господства надъ гражданскимъ обществомъ ²⁾.

Само правительство относилось къ духовенству недовѣрчиво и подозрительно. Въ царствованіе Петра I каждый священникъ при вступленіи въ свою должность давалъ присягу быть вѣрнымъ государю и обо всемъ доносить, куда слѣдуетъ ³⁾. Дѣло царевича Алексѣя, въ которомъ замѣшанъ былъ духовникъ царевича, еще болѣе усилило подозрительность царя къ духовенству. Отсюда страшныя наказанія духовенству по политическимъ доносамъ. Въ 1721 году вологодскій воевода Потемкинъ прислалъ въ преображенскій приказъ вологодскаго соборнаго протопопа и протодіакона съ отпиской, въ которой значилось, что протодіаконъ называлъ протопопа измѣнникомъ царскому величеству за то, что де онъ, протопопъ, не говоритъ въ ектеніяхъ прошенія о плавающихъ и путешествующихъ, слѣдовательно, не молитъ Бога о флотѣ, который недавно заведенъ его величествомъ. На вопросахъ протопопъ объяснилъ, что прошенія о плавающихъ онъ не говорилъ по приказанію архіерея, который, по случаю продолжавшагося нѣсколько лѣтъ сряду ненастья, замѣнилъ это прошеніе, на основаніи чиновника и требника Петра Могилы, прошеніемъ о вѣдрѣ ⁴⁾. Съ восше-

¹⁾ Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ; подробности о социальномъ положеніи приходскаго духовенства см. въ моей статьѣ «Суспільне становище білого (свѣтскаго) духовенства» въ XXI т. «Записокъ Наукового товариства імени Шевченка».

²⁾ Знаменскій. «Исторія Россійская»—въ трудахъ Кіевской духовной академіи, 1862 г., I.

³⁾ Полное собраніе законовъ, VI, 4012.

⁴⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ архива святѣйшаго синода, I, 290.

«истор. вѣстн.», июнь, 1905 г., т. с.

ствіемъ на престолъ Анны Іоанновны все духовное сословіе было заподозрѣно въ недоброжелательствѣ къ правительству и было поставлено подъ самый придирчивый надзоръ свѣтскихъ властей, которыя, чтобы оправдать это довѣріе, беспощадно подвергали духовныхъ лицъ «жестокимъ и нестерпимымъ мученіямъ и экзекуціямъ»¹⁾. Подозрительность правительства Анны Іоанновны къ духовенству яснѣ всего выразилась въ политическихъ розыскахъ по поводу неслуженія царскихъ молебновъ и панихидъ. Строгость въ отношеніи къ нарушенію чести и святости высокаторжественныхъ дней простиралась до того, что нѣкоторыя духовныя лица приговорены были къ разстриженію и тяжкимъ заточеніямъ за служеніе царскихъ молебновъ въ ризахъ не перваго, а втораго разряда. Не менѣе пришлось вытерпѣть духовенству въ то же царствованіе и изъ-за присягъ 1730 и 1731 годовъ. Не освободилось духовенство отъ опальнаго положенія въ государствѣ и при императрицѣ Елисаветѣ, на которую возлагало столько самыхъ свѣтлыхъ надеждъ. Были въ ходу и теперь страшныя розыски по поводу «слова и дѣла», неслуженія царскихъ молебновъ и панихидъ и растяжимыхъ обвиненій «въ ущербѣ царской власти». Свободнѣе вздохнуло духовенство и успокоилось отъ нелѣпыхъ политическихъ доносовъ уже послѣ закрытія Петромъ ІІІ тайной канцеляріи. Въ гуманное царствованіе Екатерины ІІ духовенство начало освобождаться отъ грозы прежнихъ политическихъ слѣдствій. Императрица много разъ высказала пренебреженіе къ такимъ политическимъ преступленіямъ, за которыя прежній политическій судъ не преминулъ бы подвергнуть виновныхъ всѣмъ ужасамъ наказаній. Вотъ, напримѣръ, одинъ фактъ, характеризующій взглядъ Екатерины ІІ на прежнія «политическія преступленія». Казанскій генераль-губернаторъ Каменскій прислалъ однажды нарочнаго въ Петербургъ съ извѣстіемъ, что одинъ дьячокъ всенародно поносилъ ея императорское величество въ кабацѣ и за то преданъ уже суду. Екатерина отвѣчала на это вѣрноподданническое донесеніе, что «никакія рѣчи дьячка для нея не важны, не слѣдовало для того тревожить курьера, и чтобы по освобожденіи виновнаго изъподъ ареста отослать его къ архіерею съ совѣтомъ сему приказать причетникамъ быть при церквахъ, а не въ кабакахъ»²⁾. Въ 1766 году, по докладу святѣйшаго синода, высочайшимъ указомъ прекращены были прежнія жестокія наказанія за опущеніе царскихъ молебновъ и панихидъ³⁾. Не повторялись уже жестокіе политическіе розыски среди духовенства и въ царствованіе Павла І, несмотря на то, что въ это время духовенство замѣшано было въ

¹⁾ Полное собраніе законовъ, XI, 8506.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1871 г., 1252.

³⁾ Полное собраніе законовъ, XVII, 12608.

крестьянскихъ возстаніяхъ. Такимъ образомъ духовенство лишь во второй половинѣ XVIII вѣка нѣсколько успѣло освободиться отъ грозной подозрительности правительства, причинившей ему столько тяжкихъ страданій ¹⁾).

Причина такого недовѣрчиваго и подозрительнаго отношенія къ духовенству заключалась въ неправильномъ пониманіи его тогдашняго состоянія и въ такомъ представленіи о его значенія и силахъ, какое вовсе не соотвѣтствовало дѣйствительности. О русскомъ духовенствѣ судили по западно-европейскому католическому духовенству и въ своихъ подозрительныхъ ожиданіяхъ прилагали къ нему ту же мѣрку. Въ Западной Европѣ подобныя историческія ситуаціи дѣйствительно случались нерѣдко и почти всегда при скольконибудь значительномъ упадкѣ религіозныхъ и церковныхъ интересовъ тамъ, какъ противовѣсь, выступала тотчасъ же болѣе или менѣе организованная, но несомнѣнная, сила,—католическое или протестантское духовенство,—которая рѣшительно объявляла войну новому направленію и столь же рѣшительно вела ее по всей линіи. У насъ было совсѣмъ иначе. Какъ мы уже видѣли, болѣе или менѣе энергическаго протеста со стороны церкви ожидали и у насъ, но послѣдующія обстоятельства обнаружили, что ожиданія эти были совершенно напрасны, и что, во всякомъ случаѣ, протестующіе элементы учтены были по болѣе высокому, чѣмъ слѣдовало, курсу. Если исключить такихъ іерарховъ-протестантовъ, какъ Теофилактъ Лопатинскій, Арсеній Мацѣевичъ, Платонъ Левшинъ, изъ которыхъ перваго и третьяго нельзя даже назвать послѣдовательными протестантами, то на всемъ протяженіи XVIII вѣка почти не видимъ со стороны духовнаго сословія серьезной зашиты прежняго порядка. Съ перваго взгляда представляется страннымъ, какимъ образомъ духовенство, дававшее въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ основное направленіе русской жизни, могло почти безъ борьбы уступить новому, противоположному направленію жизни. Это такъ было странно и неожиданно, что современники, какъ мы уже видѣли, долго подъ кажущимся спокойнымъ подчиненіемъ духовенства своей новой участи подозрѣвали скрытыя властолюбивыя его стремленія, ожидавшія лишь благопріятной минуты для своего проявленія. На самомъ дѣлѣ, конечно, духовенство не было довольно ни своимъ положеніемъ, ни своей новой служебной ролью въ государствѣ; объ этомъ особенно ясно говоритъ частная переписка между тогдашними іерархами. Но все это недовольство очень рѣдко выходило за предѣлы личныхъ изліяній наболѣвшей души другъ передъ другомъ, а въ дѣйствительности тѣ же архипастыри являлись проводниками въ жизнь все тѣхъ же новыхъ порядковъ, о которыхъ они выражались съ такимъ осужденіемъ въ личной

¹⁾ Знаменскій. Приходское духовенство.

перепискѣ. Какой либо протестъ духовенства противъ политики свѣтской власти былъ бы возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы высшія духовныя лица, стоявшія во главѣ церковнаго управления, имѣли подъ ногами прочную устойчивую почву въ видѣ сознательной поддержки рядового духовенства, многочисленною арміею разбѣянаго по всему государству. Но насколько эта многочисленная армія представляла собой какую либо сознательную и вообще активную силу, отчасти уже видно изъ предыдущаго очерка внѣшняго положенія духовенства и нравственнаго его состоянія въ данное время. Такимъ образомъ, для объясненія подозрительнаго отношенія къ духовенству остается обратиться къ разсмотрѣнію вопроса, насколько оно, не обладая въ дѣйствительности средствами для какого либо протеста противъ тогдашняго своего униженнаго положенія въ государствѣ, въ то же время обнаруживало склонность и расположеніе къ такому протесту.

XVIII вѣкъ — вѣкъ крупныхъ государственныхъ переворотовъ въ Россіи. Какую же роль въ этихъ переворотахъ играло духовенство? Была ли эта роль чисто пассивною, или сознательно активною?

Въ царствованіе преобразователя Россіи значительная доля реформы вынесена была на плечахъ высшаго духовенства въ лицѣ архіереевъ-малороссовъ. По мысли преобразователя органомъ проведенія реформы въ народъ должно было служить рядовое приходское духовенство. При этомъ правительство, возложивъ на него обязанность проводить въ народъ реформы, которымъ тотъ не сочувствовалъ, не хотѣло вникнуть въ ту коллизію отношеній, какая создавалась между духовенствомъ, облеченнымъ правительственными полномочіями, но въ то же время въ своей жизни кругомъ зависѣвшимъ отъ народа, и народомъ, принужденнымъ подчиняться правительственнымъ его полномочіямъ, но зато срывающимъ свое недовольство на духовенствѣ, какъ на наиболѣе безотвѣтномъ органѣ правительственной реформы. Рядовое духовенство исполняло свою роль пассивно, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, да и то больше въ пьяномъ видѣ, произнося «непристойныя слова» по адресу реформы и ея инициатора¹⁾, обыкновенно старательно разработанныя тайной канцеляріей въ «оскорбленіе величества». Едва ли не единственный сознательный протестъ противъ реформы въ это время видимъ въ лицѣ духовника царевича Алексѣя. Также неосновательна была подозрительность правительства по отношенію къ духовенству во время бионовщины изъ-за неприсяганія и неслуженія молебновъ. «Для насъ въ высшей степени трудно представить,—говоритъ профессоръ Знаменскій,—чтобы духовенство, и тогда уже довольно забитое и робкое, могло сознательно заявить

¹⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ архива святѣйшаго синода, I, 290—291.

свое недовольство воцареніемъ новой императрицы и при томъ въ такой открытой и рѣзкой формѣ, какъ отказъ отъ присяги на вѣрноподданство... Восшествіе на престолъ Анны Іоанновны сопровождалось такими своеобразными обстоятельствами и такой путаницей разныхъ толковъ и даже официальныхъ объявленій, что въ опасные промахи легко было попасть не только какому нибудь скромному священно-церковнослужителю, но даже архіерею¹⁾. И большею частью духовенство не присягало или вслѣдствіе этой путаницы, или же просто по недосмотру. Одинъ священникъ, напримѣръ, доносилъ, что онъ потому не служилъ молебна, что «глазами не добачаетъ», вслѣдствіе чего и не разобралъ въ табели случившагося царскаго дня²⁾.

Болѣе, повидимому, основательнымъ было подозрительное отношеніе правительства къ духовенству изъ-за участія послѣдняго въ народныхъ движеніяхъ XVIII вѣка и главнымъ образомъ въ наиболѣе крупномъ изъ такихъ движеній—пугачевщинѣ. «Если бы духовный чинъ,—писалъ въ своемъ донесеніи императрицѣ усмиритель пугачевщины, графъ Панинъ,—хотя мало инаковъ былъ, злодѣянія не возросли бы до такой степени»; онъ находилъ духовенство «погруженнымъ въ самомъ высшемъ невѣжествѣ и грубѣяньствѣ», такъ что человекъ «съ настоящимъ чувствомъ добродѣтели и хотя съ нѣкоторымъ познаніемъ должности пастыря» среди него кажется какимъ-то дивомъ³⁾. Но, увлеченный въ ходѣ событій вполне понятнымъ раздраженіемъ, графъ Панинъ едва ли правъ былъ въ своемъ обвиненіи духовенства какъ бы въ сознательно идейномъ сочувствіи самозванцу. Нужно имѣть въ виду, что пугачевское движеніе заключало въ себѣ много элементовъ, совершенно враждебныхъ господствующей церкви и ея служителямъ. Громадная масса раскольниковъ привлечена была къ возстанію обѣщаніемъ Пугачева пожаловать своихъ приверженцевъ двуперстнымъ крестомъ и бороною; другою значительною опорой самозванцу служило многочисленное инородческое населеніе восточнаго края, исповѣдовавшее магометанство и разныя религіи финскаго язычества и крайне озлобленное различными насильственными мѣрами христіанской пропаганды. Такимъ образомъ, если въ государственномъ отношеніи пугачевское движеніе опрокинулось на чиновниковъ, военныхъ властей и помѣщиковъ, то со стороны религіозной цѣлью его нападенія являлось духовенство, и трудно сказать, въ какую изъ этихъ двухъ категорій пугачевщина вносила большее опустошеніе. Въ каждомъ селеніи, куда только вторгалась толпа пугачевцевъ, прежде всего вздергивались на висѣлицу ба-

¹⁾ Приходское духовенство, 149—150.

²⁾ Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.

³⁾ «Русскій Вѣстникъ», 1849 г., VI.

ринъ и священникъ; въ городахъ первыми жертвами народной ярости были городскія власти, чиновники и опять таки священники; по официальному, далеко неполному счету погибло такимъ образомъ 237 духовныхъ лицъ. Помѣщикъ, военный, чиновникъ располагали все-таки средствами укрыться отъ пугачевцевъ; священникъ же долженъ былъ встрѣчать грозную опасность лицомъ къ лицу, совершенно незащитный. Всѣми этими условіями и можно, кажется, объяснить, почему значительная часть духовенства, не устоявъ предъ ужасами времени, встрѣчала пугачевцевъ съ крестомъ и святой водою на папертяхъ своихъ церквей и служила молебны за самозванца и его подругу. Святѣйшій синодъ объявилъ по этому поводу, что каждый священникъ лишается сана и подвергается гражданскому суду съ того самаго момента, какъ пристанетъ къ самозванцу. Такимъ образомъ за участіе въ возстаніи исключено было изъ духовнаго чина 129 человекъ; въ это число не вошли еще тѣ священники, которые приставали къ самозванцу изъ страха, а не по убѣжденію; виновныхъ послѣдней категоріи оказалось такъ много, что, напримѣръ, въ Пензѣ графъ Панинъ засталъ всѣ церкви закрытыми, такъ какъ въ городѣ не оказалось ни одного священника, не подпавшаго подъ опредѣленіе святѣйшаго синода. Сама императрица склонна была объяснить участіе духовенства въ пугачевскомъ движеніи не какими нибудь идейными мотивами, а, напротивъ, полнымъ отсутствіемъ въ немъ гражданскаго самосознанія вслѣдствіе глубокаго его невѣжества и тяжелыхъ матеріальныхъ условій. На приведенное выше сообщеніе въ письмѣ графа Панина она отвѣчала ему: «великое множество духовнаго чина, примѣченное въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находитесь, конечно, ничѣмъ поправить нельзя, окромѣ воспитаніемъ и поученіемъ, и изъ первыхъ моихъ попеченій будетъ послѣ прекращенія всѣхъ нынѣшнихъ хлопотъ учрежденіе школъ, гдѣ только возможно; но,—озабоченно замѣчаетъ она при этомъ,—тогда родится другой вопросъ объ опредѣленіи священству сходственнаго съ воспитаніемъ содержанія». «Впослѣдствіи,—говоритъ профессоръ Знаменскій,—императрица надѣляла духовенство земельными участками, заводила школы, опредѣляла штаты семинарій, но все это въ такихъ размѣрахъ, которые никакъ не соответствовали тѣмъ пышнымъ обѣщаніямъ, какія она давала въ указахъ первыхъ годовъ своего царствованія, и невольно наводятъ на мысль, что государыня-философъ считала не лишнимъ на всякій случай держать духовенство въ черномъ тѣлѣ»¹⁾. При такихъ условіяхъ, конечно, трудно было ожидать гражданскаго образа дѣйствій, основаннаго исключительно на ясно сознанныхъ нрав-

¹⁾ Знаменскій. Приходское духовенство, 483—486; П. З. «Сто лѣтъ назадъ». («Православный Собесѣдникъ», 1874 г., VI).

ственныхъ и политическихъ принципахъ, на безкорыстїи и самопожертвованїи, отъ подавленной, пребывающей въ невѣжествѣ, угнетаемой и оскорбляемой массы духовенства.

Было еще нѣсколько случаевъ сочувствїя духовныхъ лицъ разнаго рода самозванцамъ, при чемъ здѣсь также трудно было бы искать какихъ либо глубокихъ, идейныхъ причинъ такого сочувствїя. Въ началѣ XVIII вѣка прибылъ въ с. Ярославку (Черниговской епархіи) изъ-за Дѣтпра какой-то искатель приключенїй, Иванъ Миницкій, и составилъ себѣ здѣсь партїю, которая признала его царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Къ этой партїи совершенно непонятнымъ образомъ присталъ и мѣстный священникъ Гавріилъ Могила. По заранѣ условленному плану священникъ устроилъ самозванцу торжественную встрѣчу въ церкви, допустилъ его въ алтарь къ престолу, позволилъ ему давать народу для цѣлованїя крестъ и евангелїе, а самъ въ церковной службѣ поминалъ царевича Алексѣя. По выходѣ изъ церкви самозванецъ былъ схваченъ вмѣстѣ со своими сообщниками. Ярославскій священникъ Могила былъ разстриженъ и посаженъ на колъ. Трудно рѣшить, что побудило Могилу пристать къ самозванцу. По всей вѣроятности, этотъ добродушный священникъ, оставившій по себѣ искреннее сожалѣніе среди своихъ бывшихъ прихожанъ, въ простотѣ сердца дѣйствительно повѣрилъ самозванцу¹⁾. Въ такомъ же родѣ были и другіе подобные случаи.

Весьма также скомпрометировано было приходское духовенство въ глазахъ правительства своимъ участїемъ въ крестьянскихъ волненїяхъ противъ помѣщиковъ. Въ царствованїе императрицы Екатерины II не разъ возникали такія крестьянскія волненїя противъ помѣщиковъ, а еще чаще писались жалобы на притѣсненїя со стороны ихъ владѣльцевъ. Жалобы эти писались большею частью священниками, во-первыхъ, потому, что послѣдніе представляли собою единственный (не считая, конечно, самихъ помѣщиковъ) грамотный элементъ въ деревнѣ, и, во-вторыхъ, потому, что были очевидцами грубаго помѣщичьяго произвола и, какъ мы уже видѣли отчасти, страдали отъ этого произвола не менѣе, чѣмъ крестьяне. Это писанїе духовенствомъ жалобъ признавалось нарушенїемъ «отеческихъ» правъ и отношенїй помѣщиковъ къ крестьянамъ, вслѣдствїе чего святѣйшїй синодъ по предложенїю сената разослалъ въ 1767 году по всѣмъ церквамъ указы «о неподаванїи помѣщичьимъ людямъ и крестьянамъ на своихъ владѣльцевъ недозволенныхъ челобитенъ, а наипаче въ собственныя ея императорскаго величества руки, подъ страхомъ наказанїя какъ челобитчикамъ, такъ и сочинителямъ тѣхъ челобитенъ»²⁾. Но указъ этотъ

¹⁾ Описанїе Черниговской епархіи, V, 225—228, 235—236, 240; Дневныя записки Якова Марковича, II, 48.

²⁾ Полн. собр. законовъ, № 12966.

не оказывалъ того дѣйствія, какого отъ него, повидимому, ожидали. Въ 1781 году петербургскій митрополитъ донесъ синоду, что нѣкоторые священники его епархіи оказались «въ согласіи съ возмущившимися противу помѣщиковъ своихъ крестьянами, и въ писаніи, и въ прикладываніи вмѣсто ихъ къ прошеніямъ и къ вѣрительнымъ письмамъ къ просьбѣ на помѣщиковъ своихъ рукъ, за что и подвергли себя свѣтскому суду и строжайшему сужденію по законамъ».

Волненія крестьянъ противъ помѣщиковъ въ особенности усилились въ началѣ царствованія императора Павла I и охватили больше десяти губерній. Подполковникъ Поздѣевъ, у котораго взволновались крестьяне на стеклянномъ заводѣ въ Вологодской губерніи, въ письмѣ къ И. В. Лопухину выражается такимъ образомъ объ участіи духовенства въ этомъ волненіи. «Здѣсь, въ Вологдѣ,— писалъ онъ,— въ новый годъ (1797) въ соборѣ и внѣ онаго великое было, какого никогда не запомнятъ, стеченіе простого народа и поповъ, кои, т.-е. деревенскіе попы, тѣ же мужики, только что грамотные, въ ожиданіи, что читать будутъ указъ о вольности крестьянъ, и якобы соль будетъ дешевле и вино продаваться по 2 рубля за ведро,—пріѣхали слушать изъ селеній, верстъ за сто отъ Вологды отстоящихъ». Во многихъ мѣстахъ духовныя лица писали крестьянамъ прошенія на помѣщиковъ, давали имъ даже фальшивые паспорта для проѣзда съ этими прошеніями въ Петербургъ. Въ Псковской губерніи нѣсколько священниковъ явились предводителями крестьянъ въ вооруженномъ возстаніи противъ помѣщиковъ. Въ одномъ селѣ Холмскаго уѣзда крестьяне также при близкомъ участіи духовенства присягнули въ единодушномъ стояніи до смерти противъ помѣщиковъ. Въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи главными виновниками поголовнаго возстанія крестьянъ оказались трое священниковъ, которые разглашали слухи о явившемся якобы манифестѣ объ освобожденіи крестьянъ. Въ Великолуцкомъ уѣздѣ священникъ с. Оконъ «простеръ до такой степени свое неистовство, что изъявилъ неуваженіе къ особѣ государя подъ предлогомъ, что онъ еще не коронованъ». Правительство попрежнему принимало самыя серьезныя мѣры противъ участія духовенства въ подобныхъ крестьянскихъ волненіяхъ; издано было нѣсколько строгихъ указовъ, воспрещавшихъ духовенству писать и подписывать крестьянамъ ихъ жалобы на владѣльцевъ; со всѣхъ кандидатовъ на церковныя должности отбирались особыя подписки въ чтеніи и исполненіи этихъ указовъ¹⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ качествѣ стимуловъ, возбуждавшихъ духовенство къ участію въ крестьянскихъ волненіяхъ, дѣйствовали, помимо упо-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1869 г., III; Полн. собр. закон., XXI, 15, 143; XXIV, 17958; Знаменскій. Приходское духовенство, 75—76, 486.

мянутой уже личной заинтересованности въ исходѣ предпринимаемыхъ протестовъ, тѣ же причины, какія указаны императрицею Екатериною II въ отвѣтномъ письмѣ ея графу Панину, т.-е. невѣжество и матеріальная необезпеченность. Приходское духовенство, очевидно, само вѣрило во всякаго рода манифесты объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщиковъ, и такъ какъ зависимость его отъ послѣднихъ мало чѣмъ отличалась отъ зависимости самихъ крестьянъ, то, само собою понятно, что духовенство не менѣе горячо, чѣмъ крестьяне, желало скорѣйшаго осуществленія миѳическихъ манифестовъ. Но въ этомъ случаѣ наше духовенство, какъ сила всегда глубоко консервативная, съ субъективной точки зрѣнія не только не возставало противъ власти, но даже, по его глубокому убѣжденію, содѣйствовало ей въ осуществленіи желательнаго порядка, выраженаго ею въ тѣхъ же манифестахъ.

Всѣ эти внѣшнія условія, въ которыя поставлено было приходское духовенство въ XVIII вѣкѣ, естественно закрывали для него возможность здоровой нравственной жизни и положительной общественной дѣятельности. Тяжелое экономическое положеніе должно было свести всѣ помысленія его къ заботамъ о матеріальныхъ потребностяхъ жизни, а крайне унижительное социальное положеніе, въ связи съ недостаточностью образовательныхъ средствъ, должно было оказать чрезвычайно вредное вліяніе на всю его жизнь, понизить духовный его уровень—и въ смыслѣ общаго суженія его умственнаго кругозора, и нѣкоторой узости его нравственныхъ понятій. Само современное правительство сознавало такое status quo, такъ какъ, когда ему приходилось обращаться къ гражданскимъ чувствамъ духовной массы, оно вынуждено было считаться съ тѣми экономическими, социальными и образовательными условіями жизни духовенства, какія, по словамъ графа Панина, погрузили его «въ самое высшее грубіанство», такъ что личность «съ настоящимъ чувствомъ добродѣтели и хотя съ нѣкоторымъ познаніемъ должности пастыря» была здѣсь будто бы большою рѣдкостью.

А. И. Лотоцкій.

ИЗЪ НРАВОВЪ ПАВЛОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

РУДНО передать то своеобразное удовольствіе, которое испытываетъ современный читатель, погружаясь въ чтеніе нашихъ старинныхъ «органовъ прессы». Предъ нимъ воскресаютъ любопытныя и странныя черты давно минувшей жизни, возникаютъ интересныя бытовые явленія. Иной разъ бываетъ возможно составить яркую картину общественной жизни прошлаго вѣка уже по однимъ газетнымъ объявленіямъ: до такой степени характерны, своеобразны и типичны они.

Чѣмъ далѣе уходить «въ глубь вѣковъ», тѣмъ менѣе, собственно говоря, остается органовъ печати. А переваливъ назадъ за грань XIX вѣка, мы имѣемъ, въ сущности, лишь одну газету—«С.-Петербургскія Вѣдомости». Но тѣмъ интереснѣе тотъ матеріалъ, который даетъ эта единственная газета, выходившая въ свѣтъ на зарѣ нашей журналистики. Въ ней все полно оригинальной самобытности: слогъ, содержаніе, печать... Ея краткія политическія извѣстія заставляютъ невольно вспоминать о томъ времени, когда еще и въ поминѣ не было телеграфовъ, и по всей Европѣ изъ конца въ конецъ скакали курьеры, развозя съ собою самыя свѣжія извѣстія съ поразительной для нашего времени медленностью... Многочисленныя объявленія гласятъ о давнымъ-давно забытыхъ жизненныхъ условіяхъ и правоотношеніяхъ:

«Продается за излишествомъ женщина 45 лѣтъ отъ роду, знающая чесать волосы»...

«Сбѣжалъ дворовый человѣкъ»...

«Изъ дома его сятельства, князя X, ушла собака»...

Человѣкъ «сбѣжалъ», а собака «его сятельства» «ушла». Какую яркую картину былыхъ понятій рисуютъ одни эти объявленія!

Благодаря сухости и бѣдности остальныхъ отдѣловъ «Вѣдомостей», объявленія составляли самую живую и интересную часть ихъ. Но при внимательномъ чтеніи этой старинной газеты можно натолкнуться на интересныя бытовые черты и въ иныхъ ея отдѣлахъ. Напримѣръ, казалось бы, что можно найти любопытнаго въ разныхъ резолюціяхъ и казенныхъ объявленіяхъ? А между тѣмъ въ нихъ сплошь и рядомъ заключается обильный матеріалъ для исторіи общественной жизни прошлыхъ столѣтій.

Просматривая «С.-Петербургскія Вѣдомости» за 1798 и 1799 годы, я натолкнулся на цѣлый рядъ официальныхъ отвѣтовъ и объявленій на прошенія, приносимыя на высочайшее имя. Меня, юриста практика, составившаго для своихъ кліентовъ немалое количество всевозможныхъ прошеній на высочайшее имя, чрезвычайно заинтересовали эти отвѣты и объявленія. Я началъ систематически просматривать «С.-Петербургскія Вѣдомости», ища интересующія меня резолюціи, и въ концѣ концовъ собралъ довольно обильный матеріалъ, съ нѣкоторою частью котораго и хочу теперь познакомить читателей.

Заявляю для успокоенія читателей, что прежде всего я имѣю въ виду не юридическую, а лишь бытовую сторону заинтересовавшаго меня вопроса.

«С.-Петербургскія Вѣдомости», очень скупыя на мѣсто для разныхъ неофициальныхъ извѣстій, охотно отводили для описываемыхъ резолюцій довольно много мѣста и притомъ на самомъ виду— на первыхъ страницахъ. Почти въ каждомъ номерѣ газеты непосредственно за отдѣломъ распоряженій по военному вѣдомству о производствахъ въ чины (этотъ отдѣлъ занималъ самое главное и первое мѣсто въ «Вѣдомостяхъ»!) слѣдовалъ особый отдѣлъ, начинавшійся слѣдующей формулой:

«По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію отъ генераль-прокурора нижеслѣдующимъ просителямъ, приносившимъ его величеству просьбы, объявляется»... Далѣе начинался рядъ резолюцій на прошенія. Иногда эта формула видоизмѣнялась слѣдующимъ образомъ: «По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію дѣйствительный статскій совѣтникъ Брискорнъ (или тайный совѣтникъ Трошинскій) объявляетъ нижеслѣдующимъ просителямъ, что по поданнымъ на высочайшее имя прошеніямъ въ удовлетвореніи оныхъ отказано по нижеслѣдующимъ резонамъ»... Эта послѣдняя формула очень характерна въ томъ отношеніи, что она указываетъ на обычный отрицательный харак-

теръ резолюцій: слѣдуетъ замѣтить, что въ «Вѣдомостяхъ» печатались исключительно отрицательные отвѣты на всеподданныйшія прошенія, иначе говоря, отказы. Благопріятные для просителей отвѣты, очевидно, доходили до нихъ инымъ путемъ.

Прошенія подавались лично государю, или же посылались по почтѣ. Объ этомъ имѣется указаніе еще въ одной вариации вышеприводимой формулы: «просителямъ, приславшимъ по почтѣ на высочайшее имя прошенія, объявляется»...

Какой либо опредѣленной формы для всеподданныйшихъ прошеній и тогда, какъ и нынче, не существовало. Всякъ воленъ былъ писать по мѣрѣ своего разумія и своей грамотности. Вначалѣ не существовало также никакихъ ограничительныхъ и обязательныхъ условій для написанія прошенія, и лишь позднѣе послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы просители «въ прошеніяхъ своихъ при подписаніи всегда изъясняли чины свои и гдѣ служатъ и пребываніе имѣютъ, а безъ того оныя прошенія оставаться будутъ недоложенными его императорскому величеству»... И, дѣйствительно, вскорѣ послѣ того одному просителю было объявлено, что «за неизъясненіемъ имъ чина своего, гдѣ служить и находится, прошеніе его почитается за недошедшее».

Еще позднѣе, кромѣ этого формальнаго условія, было установлено и условіе ограничительное... Прежде не воспрещалось хоть десять разъ обращаться съ прошеніемъ по одному и тому же предмету, но въ описываемую эпоху было объявлено, что «всякъ, дерзнувшій по двукратной прозвѣ еще утруждать его императорское величество, имѣеть быть посаженъ въ тюрьму на мѣсяць»...

Такимъ образомъ, не только былъ установленъ предѣлъ для назойливости просителей, но и была опредѣлена карательная санкція за нарушеніе этого предѣла, и чисто-административное распоряженіе объ ограниченіи числа прошеній совершенно неожиданно получило характеръ и значеніе настоящаго уголовного закона. Невольно кидается въ глаза суровость этой кары, ничѣмъ, по существу, не вызванной, такъ какъ никакого зла или вреда, никакого нарушенія чьихъ либо правъ назойливыхъ прошенія не производили, если не считать нѣкотораго излишняго обремененія господъ «дѣйствительнаго статскаго совѣтника Брискорна» и «тайнаго совѣтника Трощинскаго»...

Существовало и еще одно ограниченіе, о которомъ не было прямого административнаго распоряженія, но постоянно напоминалось другою карательною мѣрою—несравненно легчайшею и довольно курьезною. Просители должны были воздерживаться отъ подачи пустыхъ или безтолковыхъ прошеній: такія прошенія, во-первыхъ, «яко недѣльные», возвращались «съ наддраніемъ» (очевидно, для пущаго позора!), а, во-вторыхъ, за обратную пересылку ихъ по почтѣ съ просителей взыскивались вѣсовыя деньги. Это было не-

значительное битье по карману, нѣсколько напоминающее нынѣшній кассационный залогъ, тоже имѣющій цѣлью избавить судебное мѣсто отъ вздорныхъ и пустыхъ жалобъ. Огромное количество прошеній, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно, особою дѣльностью не отличалось. Фраза: «нижеслѣдующія прозъбы, яко недѣльныя, возвращаются съ наддраніемъ», бросается въ глаза, буквально, на каждомъ шагу среди описываемыхъ резолюцій. И, конечно, еще болѣе бросается въ глаза странная разница въ карательной оцѣнкѣ «назойливости» и «недѣльности», тѣмъ болѣе, что обремененіе отъ прошеній того и другого рода было совершенно одинаковое. Повидимому, критеріемъ для такой оцѣнки служила «злая воля» просителя; но вѣдь и въ «назойливости» такая «злая воля» могла совершенно отсутствовать: проситель, подающій прошеніе во второй или въ третій разъ, вовсе не хотѣлъ оскорблять государя своей назойливостью, но былъ убѣжденъ, что первое прошеніе не дошло до самого государя, и хотѣлъ добиться, чтобы оно попало лично къ нему.

Въ резолюціяхъ разсматриваемаго періода времени (1798 — 1799 годовъ) ярко сказывается личный характеръ царствовавшего тогда императора Павла I. Ниже мы будемъ не разъ замѣчать въ отвѣтахъ на всеподданнѣйшія прошенія его рѣзкій, оригинальный слогъ, его мѣткое остроуміе... Историческія особенности той эпохи и черты царствованія Павла I сказываются также на самомъ содержаніи прошеній. Множество прошеній обнимаютъ собою такія явленія, которыя существовали только при этомъ государѣ и позднѣе совершенно прекратились и позабылись...

По своему содержанію разсматриваемыя прошенія распадаются на нѣсколько категорій. Видное мѣсто между ними занимаютъ всеподданнѣйшія прошенія чисто судебного характера: по такимъ вопросамъ, которые подлежали разрѣшенію судомъ, а не непосредственно высочайшею властью. Во многихъ прошеніяхъ просители, не требуя разсмотрѣнія своего дѣла, уже находившагося въ какой либо судебной инстанціи, просто, просили государя понудить эту инстанцію къ скорѣйшему рѣшенію дѣла, и такихъ прошеній, вызванныхъ судебной волокитой того времени, можно насчитать огромное количество.

Затѣмъ слѣдовали прошенія о какой либо матеріальной помощи: о пособіи, о пропитаніи, о принятіи въ казенные инвалидные дома и богадѣльни.

Очень многія прошенія содержатъ въ себѣ домогательства поступить на какое нибудь служебное мѣсто. Къ этимъ, такъ сказать, «служебнымъ» прошеніямъ можно причислить и прошенія о «принятіи паки на службу» (объ этомъ просили, какъ увидимъ ниже,

исключенные изъ службы воинскіе чины), о наградахъ, повышеніяхъ, арендахъ и пр.

Таковы три главнѣйшія категории всеподданнѣйшихъ прошеній того времени. Кромѣ нихъ, на высочайшее имя поступало такъ же, какъ и теперь, великое множество иныхъ прошеній, вызывавшихся къ жизни самыми разнообразными случаями. По своему содержанію они были такъ же пестры и разнообразны, какъ пестра и разнообразна сама жизнь.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ прошеній, или, вѣрнѣе, резолюцій на прошенія, которыя, какъ я упомянулъ, обратили на себя мое вниманіе.

Какъ бы ни былъ благоустроенъ судъ въ государствѣ, ему не всегда удастся избѣжать ошибокъ или хотя бы нѣкоторой слишкомъ тяжелой въ конкретныхъ случаяхъ суровости. Будучи связанъ многими формальными законами, судъ сплошь и рядомъ не можетъ приноровиться къ особенностямъ разбираемаго имъ дѣла и принужденъ бываетъ вынести слишкомъ строгій приговоръ.

Поправкою для такихъ ошибокъ и несомнѣнной и напрасной суровости судебного приговора всегда служило и служить донинѣ обращеніе къ верховной власти. Въ тѣхъ случаяхъ, когда справедливость уже не можетъ быть достигнута по суду, когда пропущены судебные сроки, пройдены все инстанціи, потерпѣвшее лицо подаетъ прошеніе на высочайшее имя...

Таково происхожденіе всеподданнѣйшихъ прошеній судебного характера, которыя донинѣ составляютъ огромный процентъ среди прошеній, приносимыхъ на высочайшее имя.

Темный народъ къ тому же сплошь и рядомъ обращается со своими судебными дѣлами къ верховной власти совершенно преждевременно, до разбора дѣла судомъ или даже игнорируя судебныя инстанціи совершенно. Не зная, куда обратиться, наши крестьяне до сихъ поръ прямо подаютъ прошеніе на высочайшее имя, хотя дѣло ихъ долженъ иной разъ разобрать уѣздный съѣздъ.

Поэтому не трудно уже а priori представить себѣ, какъ много прошеній подобнаго рода, своевременныхъ и несвоевременныхъ, правильно и неправильно подаваемыхъ, было приносимо на высочайшее имя въ тѣ времена, когда и судъ у насъ былъ болѣе чѣмъ несовершенъ, и народъ нашъ былъ гораздо темнѣе, чѣмъ теперь.

И, дѣйствительно, просматривая «С.-Петербургскія Вѣдомости», въ отдѣлѣ высочайшихъ резолюцій, то и дѣло, натыкаешься на судебныя дѣла.

Вотъ, на примѣръ, просьба «о рѣшеніи дѣлъ просителя тяжбныхъ съ разными соперниками». Вотъ прошенія: «о возвращеніи просителю имѣнія, у матери просителевой выманеннаго», «о ско-

рѣйшемъ рѣшеніи дѣла», «о понужденіи суда къ скорѣйшему разсмотрѣнію дѣла», «о немедленномъ рѣшеніи дѣла просителя въ причиненныхъ ему роднымъ братомъ обидахъ»... Далѣе, встречаемся съ «жалобой на Вологодскую уголовную палату о наказаніи просителя будто бы безъ всякой вины батожемъ», или же съ жалобой на «совѣтника N.N, въ овладѣніи имъ десятью душами бѣглецовъ»...

Огромное большинство такихъ прошеній и жалобъ оставлялись безъ разсмотрѣнія по той причинѣ, что они подавались несвоевременно и неумѣстно. Но въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ нихъ высочайшая власть все-таки входила, хотя несомнѣнно было, что просители и не думали въ свое время обращаться къ суду, а приносили прошеніе на высочайшее имя, какъ въ первую инстанцію. Такъ смѣшаны еще были въ то время понятія, и таковъ былъ безпорядокъ въ разграниченіи сферъ дѣйствія суда, администраціи и пр.

Такъ, напримѣръ, было разсмотрѣно прошеніе («прозьба») «подполковницы Свиныной, лишенной съ мужемъ своимъ обѣщаннаго содержанія отцомъ его, коего они огорчили черезъ женитьбу». И по нынѣшнимъ и по тогдашнимъ понятіямъ, супругамъ Свинынымъ слѣдовало бы обратиться въ судъ, а не къ верховной власти, но они предпочли послѣднее, совершенно игнорируя судъ, и прошеніе ихъ не было оставлено безъ разсмотрѣнія, хотя они и получили отказъ.

Точно такъ же было разсмотрѣно помимо суда прошеніе нѣкой «просительницы, которая просила взыскать съ мужа растратенное приданое». На ея прошеніе тоже послѣдовалъ отказъ, такъ какъ «оказалось, что просительница не только недвижимаго, да едва ли что и движимаго имѣнія принесла мужу своему».

Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ просителямъ рекомендовалось обращаться въ судебныя инстанціи. Имъ объявлялось, что они могутъ «искать своего удовольствія (т.-е. удовлетворенія), гдѣ слѣдуетъ, узаконеннымъ порядкомъ». То же самое гласятъ и другія подобныя резолюціи.

«Римской имперіи дворянину Ф., жалующемуся на родственниковъ жены его въ намѣреніи устроить ему гибель, предоставляется вѣдаться съ ними судомъ, узаконеннымъ порядкомъ».

Жалобчику, принесшему жалобу на «Велижскій нижній судъ въ недоставленіи ему удовлетворенія по дѣлу о крѣпостной жены его дѣвкѣ, бѣжавшей въ вотчину тайнаго совѣтника Мордвинова и вышедшей тамъ въ замужество», объявляется, «чтобы ожидать рѣшенія своего дѣла въ судебныхъ мѣстахъ».

«Женѣ сенатскаго канцеляриста Френзена, жаловавшейся на бригадиршу Щербинину въ неплатежѣ должныхъ ей 97 р. 90 к., высочайше повелѣно объявить, чтобы она вѣдалась судомъ, яко вѣрнѣйшій способъ къ полученію удовлетворенія»...

«Женѣ бывшаго стерлитамацкаго уѣзднаго казначея, порутчика Андронникова, содержащагося за преступленіе подъ стражею, просившей объ освобожденіи его, объявляется, что жребій мужа ея зависить отъ рѣшенія въ сенатѣ дѣла объ немъ, котораго просительница и долженствуетъ ожидать безмолвно».

«Просителю N.N. высочайше повелѣно вѣдаться судомъ».

«Просителю Z.Z. предоставляется самому просить о семъ сенатѣ».

«Просителю Y. предоставляется отыскивать права своего судомъ».

«Просителю X. отказывается, какъ въ дѣлѣ, до высочайшаго разсмотрѣнія не принадлежащемъ».

Въ сущности почти всѣ такія резолюціи являлись полнымъ отказомъ въ правосудіи. Тогдашніе суды были настолько плохи, что не только не могли представить собою «вѣрнѣйшаго способа къ полученію удовлетворенія», но, наоборотъ, заставляли бѣжать отъ себя, какъ можно дальше, всякаго, кто искалъ такого удовлетворенія. Недаромъ жена сенатскаго канцеляриста Френзена предпочла обратиться къ верховной власти съ просьбой взыскаъ ничтожный долгъ 97 р., чѣмъ обращаться въ судъ, гдѣ ей пришлось бы порастрасти на разнаго рода подачки, можетъ быть, еще болѣшую сумму.

Огромный процентъ среди всеподданнѣйшихъ прошеній того времени составляли прошенія о матеріальной помощи, о пособіяхъ разнаго рода.

Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, просители ходатайствовали не только о настоящемъ пособіи, о настоящей помощи, но иной разъ и просто о подачкѣ. Просили пропитанія, помощи въ крайне бѣдственномъ положеніи, но просили также и объ арендѣ, и о «пожалованіи дворовыми людьми» и т. п. Резолюціи императора Павла I на такія «прихотливыя» прошенія носятъ явный отгѣнокъ сарказма и ироніи. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что въ резолюціяхъ того времени сказывается явное стремленіе «поучать», наставлять и ставить на видъ. Въ нихъ нѣтъ ничего похожего на нынѣшнія безразличныя и спокойныя резолюціи, но чувствуется повышенный, страстный тонъ.

Напримѣръ:

«Инвалидному унтеръ-офицеру Козлову, просившему о прибавкѣ чего либо къ получаемому имъ жалованью, отказано и велѣно располагать содержаніе свое по мѣрѣ его жалованья».

«Иностранцу Визнеру, просившему денежнаго вспоможенія на предлежащій дальній путь, объявляется, что путешествовать можетъ по мѣрѣ возможности своей».

«Двумъ сестрамъ, дѣвицамъ Елисаветѣ и Катеринѣ Штерлиннымъ, просившимъ пособія въ неимуществѣ ихъ, объявляется, что имъ временное вспоможеніе уже сдѣлано, а больше ничего онѣ не заслуживаютъ»...

«Женѣ отставленнаго на инвалидное содержаніе флотскаго комиссара N.N., просившей монаршей помощи на воспитаніе дѣтей ея, отказано для того, что изъ жалованья мужа своего должна ихъ и воспитывать».

«Вдовѣ капитана Литтеръ, просившей монаршаго подкрѣпленія въ бѣдномъ ея состояніи, отказывается по маловажности службы мужа ея».

«Выключенному изъ службы капитану Ушакову, просившему о прочитаніи, объявляется, что онаго подобнымъ ему не дается» (sic).

Очень часто къ государю обращались съ всеподданнѣйшими прошеніями бѣдныя невѣсты, прося дать пособіе на выходъ въ замужество:

«Дѣвицѣ, дочери комендора Рябинина, просившей на приданое, отказано, а дѣвицѣ, дочери флотскаго комиссара Шилова, просившей такой же милости, дается знать, что она отъ щедротъ монаршихъ получить на приданое награжденіе тогда, когда представитъ, кто ея женихъ».

Другимъ дѣвицамъ, изъ которыхъ одна заявляла себя «достигнувшей двадцатилѣтняго возраста и по бѣдности своей не могущей вытти замужъ», было объявлено, чтобы онѣ «тогда испрашивали на приданое, когда будутъ женихи, представя объ нихъ свидѣтельства».

Къ государевой помощи прибѣгали также и неоплатные должники, просившіе «монаршаго вспоможенія» на уплату долговъ; прошеній такого рода можно встрѣтить довольно много. Резолюціи на нихъ почти всегда сопровождались соответствующими сентенціями:

«Мастерской (sic!) женѣ Тимоѣевой, просившей на оплату 85 рублей долгу ея, отказано, поелику, видя себя не въ состояніи заплатить, не долженствовала входить въ оный».

«Вдовамъ флота капитана Волоцкой и губернскаго регистратора Сторожевой, просившимъ на заплату долга ихъ монаршей милости, отказывается, потому что всякъ обязанъ долги свои самъ оплачивать».

«Женѣ купца Пантелеева, просившей монаршей милости на выкупъ заложенныхъ ею вещей, какъ въ прозвѣбѣ пустой, отказано».

Другой просительницѣ, «просившей о покупкѣ въ казну дома ея на уплату долговъ, отказано, поелику казна въ домѣ ея надобности не имѣетъ».

Но, несмотря на вышеприведенную сентенцію, что «всякъ обязанъ долги свои самъ оплачивать», просителямъ иной разъ все-таки выдавались пособія на этотъ щекотливый предметъ, и такимъ образомъ въ резолюціяхъ замѣчается нѣкоторая непослѣдовательность. Такъ, напримѣръ, «с.-петербургскому мѣщанину Ширяеву, просившему помощи на уплату достальнаго долгу его», было отказано и велѣно было «довольнымъ быть тѣмъ, что по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію для него уже сдѣлано». Изъ этого съ несомнѣнной ясностью вытекаетъ, что часть долга Ширяева все-таки была оплачена за него по всеподданнѣйшему его прошенію.

Нѣкоторые просители доходили даже до того, что не только просили у государя денегъ на «заплату долга», но даже дерзали просить у него займы.

Такъ, нѣкій иностранецъ Рихтеръ просилъ заимообразно 500 рублей—и получилъ отказъ.

Другой проситель ходатайствовалъ «о сдѣланіи ему на три года какой либо денежной ссуды», и тоже получилъ отказъ.

Отказано было «по ненадежности въ возвращеніи» и «витебскому мѣщанину Давидовичу, просившему заимообразно 1.000 рублей».

Многіе просители (а въ особенности просительницы) утруждали государя настолько «прихотливыми» и пустыми просьбами о подачкахъ, что нерѣдко такія просьбы возвращались «съ наддраніемъ».

Государя просили и о «пожалованіи въ какой либо губерніи 150 десятинъ земли и 5 дворовъ крестьянъ», и «о пожалованіи нѣсколькихъ дворовыхъ людей», и о «монаршей милости на постройку небольшого домика». Нѣкая просительница ходатайствовала «объ отдачѣ порозжаго мѣста между чугуннымъ заводомъ и конной гвардіи фуражнымъ сараемъ»... На ея прошеніе послѣдовала резолюція: «Отказано, какъ въ прозьбѣ пустой».

Отказано было и «бывшей ея высочества государыни великой княгини Маріи Павловны кормилицѣ Сергѣевой, просившей о монаршей помощи на поправку дома ея... поелику она, награждена будучи монаршими щедротами и содержаніемъ изобильнымъ, должна тѣмъ довольствоваться».

Къ такимъ же прошеніямъ можно отнести и довольно многочисленныя прошенія служилыхъ лицъ о наградахъ чинами, орденами, арендой и пр. и иныхъ людей, просившихъ о награжденіи за какую либо отдѣльную услугу или жаловавшихся на неполученіе награды.

Такъ, нѣкій «еврей Самуилъ Шмуль утруждалъ его императорское величество жалобой на лифляндское дворянство за то, что не получилъ отъ него должнаго за отысканіе бѣглыхъ награжденія».

Отставной придворный лакей, Мозгалевскій, просилъ «о награжденіи его класснымъ чиномъ и объ опредѣленіи его къ статскимъ дѣламъ».

Губернскій секретарь Мануеловъ просилъ «объ удовлетвореніи его за доносъ на помѣщика Харкевича»...

И лакей Мозгалевскій и губернский секретарь Мануеловъ получили свои прошенія обратно «съ надраніемъ» и со взысканіемъ въ-совыхъ денегъ.

Бывали и такіе субъекты, которые просили о награжденіи за такія свои услуги, о которыхъ уже и память всякая исчезла. Имъ отказывалось, «поелику проситель могъ искать о семъ въ то время, когда все сіе происходило».

Резолюціи на прошенія о награжденіи чинами и пр. носили сентенціозный характеръ и нерѣдко были исполнены ясно сквозившей ироніей. Такъ, «состоящему въ Бѣлицкомъ повѣтовомъ судѣ регентомъ, губернскому регистратору Серафиновскому, просившему о награжденіи его слѣдующимъ чиномъ», было объявлено, что «награжденіе чинами не выпрашивается, а дается по заслугамъ»...

Отъ этихъ послѣднихъ прошеній прямой переходъ къ прошеніямъ служебнаго характера: о поступленіи на службу, объ увольненіи съ нея, о «сравненіи въ чинахъ со сверстниками» и т. д.

Эта третья изъ разсматриваемыхъ нами категорій наиболѣе часто встрѣчающихся всеподданнѣйшихъ прошеній описываемой эпохи обнимаетъ собою, между прочимъ, и такіе случаи, которые могутъ быть подведены по своему фактическому содержанію ко второй категоріи прошеній—къ прошеніямъ о пособіяхъ и подачкахъ. Для многихъ лицъ, напримѣръ, поступленіе на какую либо «хлѣбную должность» было такимъ же «пособіемъ», какъ и полученіе аренды или щедраго дара. И, прося о принятіи ихъ на эту должность, они, въ сущности, весьма прозрачно просили о дарованіи имъ матеріальной выгоды.

Такъ, «коллежскому секретарю Алтернацкому, который просилъ объ опредѣленіи его въ Малороссійскую губернію при нижнихъ земскихъ судахъ комиссаромъ или засѣдателемъ, а если тамъ нѣтъ мѣста, то о назначеніи ему каковой либо должности въ казенныхъ имѣніяхъ съ дачею ему земли и крестьянъ», было объявлено, «что онъ многого просить, а ничего не заслуживаетъ».

«Отставному прапорщику Молодцову, просившему объ опредѣленіи его въ кievское провіантское депо», было отвѣчено, что «сія прихотливая его прозвба оставлена безъ уваженія».

Въ другихъ подобныхъ прошеніяхъ о принятіи на какую либо должность корыстный элементъ чувствуется менѣе.

Секретарь, Осипъ Печковскій, утруждалъ государя императора объ опредѣленіи его въ фискалы. На это ему было объявлено, «что просимой имъ ваканціи фискала не имѣется».

Надворный совѣтникъ Гердахъ просилъ «о препорученіи ему посредствомъ секретнаго высочайшаго указа комиссіи имѣть надзираніе надъ торговлею вообще и надъ таможняи».

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ прошеніяхъ совсѣмъ не слышится этотъ голосъ корысти, требующій теплаго мѣстечка и вкуснаго общественнаго пирога. Многіе просители ходатайствовали о честномъ служеніи, изъ одного желанія работать и упражнять свои знанія и силы. Таково, напримѣръ, прошеніе инженеръ-подполковника Фалькони, который просилъ «по знанію имъ гидравлики объ употребленіи его къ сей части».

Таковы же прошенія очень многихъ лицъ, просившихъ «объ опредѣленіи на службу» (разнаго рода). На всѣ эти прошенія слѣдовало одинъ и тотъ же неизмѣнный отвѣтъ: «объявляется, что проситель можетъ самъ записаться въ службу, куда желаетъ».

Всѣмъ извѣстно, какъ легко было военнымъ людямъ въ царствованіе Павла I лишиться чиновъ, орденовъ и попасть въ скорбный списокъ «исключенныхъ изъ службы». Малѣйшая провинность, малѣйшій недосмотръ въ казармѣ или на смотру влекли за собою гнѣвъ государя и тяжелую опалу. Изъ службы исключались и младшіе офицеры и заслуженные генералы на одинаковомъ основаніи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что на высочайшее имя въ описываемую эпоху восходило отъ этихъ исключенныхъ великое множество всеподданнѣйшихъ прошеній «о принятіи паки на службу». Резолюціи на такія прошенія мало измѣнялись въ своемъ тонѣ и въ своей формулѣ, и большинство неблагоприятныхъ для просителей резолюцій заключалось въ стереотипной фразѣ: «такому-то отказывается... по неимѣнію въ немъ надобности». Государство уже не нуждалось болѣе въ услугахъ того, кто былъ однажды исключенъ за проступокъ изъ государственной службы.

«Выключеннымъ изъ службы: майору Шлеину и другимъ (именно), просящимъ о принятіи ихъ паки въ службу, отказывается по неимѣнію въ нихъ надобности».

«Исключенному изъ службы генералъ-майору Бострему, описывающему свою невинность и просящему монаршаго благоволенія, высочайшаго соизволенія на прозъбу не послѣдовало».

Нѣкоей «вдовѣ капитана», испрашивавшей «исключенному изъ службы сыну ея монаршей милости», точно также было отказано.

Какая именно монаршая милость испрашивалась въ двухъ послѣднихъ, только что приведенныхъ прошеніяхъ, не указано, но можно предположить, что просители желали одного изъ двухъ: или принятія «паки на службу», или же (что тоже очень часто

практиковалось тогда) просили о дачѣ имъ «настоящаго абшида», т.-е. отставки, со всѣми ея обычными правами: правомъ на пенсію, на ношеніе мундира, на чинъ... Конечно, всякому исключенному было очень желательно замѣнить позорное удаленіе со службы съ волчьимъ билетомъ полученіемъ настоящей отставки, даваемой всѣмъ благонамѣреннымъ служащимъ, но, тѣмъ не менѣе, прошенія о «настоящемъ абшидѣ» обыкновенно признавались вздорными и даже «нескромными».

«Корнету Гаштовту, — читаемъ мы въ одной изъ резолюцій, — исключенному изъ полку генералъ-лейтенанта Бардакова, просившему абшидъ съ позволеніемъ носить мундиръ и съ повышеніемъ чина, объявляется, что прозьба его нескромна».

Большинству исключенныхъ изъ службы «кадетъ», поручиковъ, генераловъ и прочихъ чиновъ, «просившихъ о дачѣ настоящей отставки съ награжденіемъ чиномъ и пенсіономъ», объявлялось, что «прозьбы» ихъ вздорны, не заслуживаютъ никакого уваженія и препровождаются къ нимъ обратно съ наддраніемъ, «яко недѣльныя».

И, дѣйствительно, надо только удивляться полнѣйшей нетактичности всѣхъ этихъ кадетъ, офицеровъ и генераловъ, отставленныхъ отъ службы, какъ ни какъ — справедливо или несправедливо, но, во всякомъ случаѣ, съ порицаніемъ и взысканіемъ, и, тѣмъ не менѣе, державшихъ просить повышенія, награжденія и пенсіона...

Полною антитезой этимъ прошеніямъ о принятіи «паки» на службу является рядъ всеподданнѣйшихъ прошеній... объ исключеніи изъ службы.

Исключенные изъ военнаго званія офицеры и генералы усиленно просили принять ихъ на службу обратно, а въ это же время принятые на военную службу новобранцы, напуганные тягостью и суровостью военнаго режима, подавали прошенія о томъ, чтобы ихъ исключили изъ воинской службы. И просили не только они, но и ихъ родные — ихъ матери, жены, дѣти.

Но всѣ ихъ прошенія возвращались съ наддраніемъ. Вотъ нѣкоторыя изъ резолюцій на такія прошенія:

«Рядовымъ Замахаеву и Томилину, которые, будучи изъ церковниковъ, просили освобожденія отъ Воинской (съ заглавной буквы) повинности, объявляется, что таковыя прозьбы ихъ признаны вздорными».

«Солдаткѣ Григорьевой, просившей объ исключеніи изъ службы мужа ея», прошеніе было возвращено съ наддраніемъ.

Та же участь постигла и аналогичное прошеніе «вдовы унтеръ-офицера Балтенковой, просившей объ увольненіи отъ службы двухъ сыновей ея».

«Полковницѣ Киль, просившей объ отпущеніи ей вины въ побужденіи сына ея просить отставки» (!), было объявлено, «что прозьба ея оставлена безъ вниманія».

«Безъ вниманія» оставлялись и прошенія военныхъ лицъ, ходатайствовавшихъ о переводѣ въ другой полкъ:

«Лейбъ-казацкаго полку рядовому Милекову въ прозьбѣ о переводѣ его въ другой какой либо полкъ отказано, потому что служба вездѣ одинакова».

Особенно много такихъ прошеній подавалось въ то время, когда начались славныя побѣды Суворова въ его итальянскомъ походѣ. Нашимъ воинамъ страстно захотѣлось служить подъ его побѣдными знаменами, и на высочайшее имя стали поступать одно за другимъ всеподданнѣйшія прошенія о переводѣ или объ опредѣленіи въ «корпусъ князя итальяскаго, графа Суворова-Рымникскаго».

Резолюціи на эти прошенія, помѣщенные на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», постоянно завершаются трагикомическимъ «надраніемъ»...

Въ царствованіе Павла I Россійскіе граждане—и даже не только они, но и иностранцы, попавшіе въ Россію—были фактически почти лишены права выѣзда за границу. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ требовались сверхчеловѣческія усилія, чтобы добиться возможности легальнымъ образомъ перейти запрещенную грань между нашимъ отечествомъ и сосѣдними странами Западной Европы.

Въ высшей степени характернымъ показателемъ такого правового и бытового положенія является то обстоятельство, что весьма значительное число всеподданнѣйшихъ прошеній Павловской эпохи содержатъ въ себѣ ходатайства разныхъ лицъ—русскихъ и иностранцевъ—о выѣздѣ за границу. Нынче для этого требуется лишь взять заграничный паспортъ, тогда же нужно было подавать прошеніе на высочайшее имя.

Я, къ сожалѣнію, не могу, за неимѣніемъ въ рукахъ достаточнаго матеріала, выяснить, насколько дѣйствителенъ былъ для русской публики того времени этотъ исключительный способъ попаданія за границу. Но, во всякомъ случаѣ, всѣ резолюціи по этому предмету, печатавшіяся въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», содержатъ исключительно отказы. Иногда эти отказы были приправлены обычною для того времени сентенціозностью, какъ, напримеръ, въ слѣдующей резолюціи:

«Мѣщанкѣ Натальѣ Хотунцовой, имѣющей желаніе сходить по обѣщанію въ городъ Баръ (sic!) для поклоненія святому угоднику Николаю Чудотворцу и просившей на проходъ пашпорта, отказывается по дальности и опасности пути»...

Какъ ярко сказывается въ этой резолюціи стремленіе полицейскаго государства опекать своихъ гражданъ, заботиться о нихъ помимо ихъ самихъ, стѣсняя ихъ даже въ самыхъ добродѣтельныхъ намѣреніяхъ. И еще хорошо, если есть возможность чувство-

вать въ приведенной резолюціи нотку искренней заботы. Но въ ней, какъ мнѣ кажется, скорѣе чувствуется просто фраза, за которой скрывается истинный—совершенно иной—смыслъ резолюціи:

— Нечего ѣздить по чужимъ мѣстамъ, сиди дома, не заводи беспорядка!

Въ другихъ подобныхъ резолюціяхъ ничего не говорится ни о дальности, ни объ опасности пути, но просто содержится краткій и сухой отказъ.

«Леопольду Целлеру, мекленбургской націи студенту, въ російскомъ подданствѣ находящемуся, просившему объ увольненіи для законныхъ нуждъ въ отечество съ возвратомъ въ Россію, объявляется, что высочайшаго соизволенія на сіе не послѣдовало».

Точно также было отказано и «надворному совѣтнику Кнаппе, просившему о позволеніи ѣхать съ женою на мѣсяць въ Пруссію», и многимъ другимъ лицамъ.

Равнымъ образомъ, запрещалось пріѣзжать изъ-за границы въ Россію родственникамъ тѣхъ иностранцевъ, которые тогда находились въ Россіи.

Генріэта Делгрень просила «о дозволеніи родной ея сестрѣ пріѣхать изъ Гамбурга въ С.-Петербургъ для жительства съ нею».

Купецъ Дюлонгъ просилъ «о позволеніи женѣ и сестрѣ его, находящимся въ Любекѣ, пріѣхать къ нему въ Москву».

Всѣ эти лица получили на свои прошенія категорической отказъ.

Чрезвычайно любопытную и курьезную черту тогдашняго времени составляло изобиліе всякаго рода прожектеровъ, подносившихъ на высочайшее имя всевозможные проекты, начиная отъ разумныхъ и удобоисполнимыхъ и кончая невѣроятными по своей нелѣпости и фантастичности.

Академикъ и профессоръ Шубертъ просилъ «дозволенія поднести проектъ о новомъ штилѣ». Ему было отказано, «потому что введеніе новаго штиля съ обрядами и численіемъ церковнымъ несообразно». Вспомнимъ, кстати, что вопросъ о введеніи «новаго штиля» сохраняетъ всю свою остроту доннынѣ, и что доннынѣ введеніе его тормозится приблизительно тѣми же «резонами».

«Иностранецъ Клее» просилъ «дозволенія поднести государю императору планъ объ учрежденіи университета». Ему было объявлено, что «онъ за много поданными подобными планами принять быть не можетъ».

Другой иностранецъ, нѣкій Винцманъ, поднесъ на высочайшее имя «представленіе о замѣнѣ кофе какимъ либо російскимъ произрастеніемъ». Представленіе это было оставлено «безъ уваженія, тѣмъ паче, что произрастеніе, коимъ онъ замѣнитъ кофе предпо-

лагаеть, не наименовано». Дѣйствительно, трудно было отвѣтить иначе на такое легкомысленное «представленіе».

Немало мудрыхъ головъ того времени трудилось надъ изобрѣтеніемъ проектовъ увеличенія государственныхъ доходовъ. Большинство финансистовъ-прожектеровъ, надо думать, подносило государю достаточно фантастическіе проекты, на которые и слѣдовалъ рядъ отрицательныхъ резолюцій, иногда съ отгѣнкомъ ироніи:

«Отставному поручику, фонъ-Ремлингеру, представившему планъ для умноженія государственныхъ доходовъ, объявляется, что оный оставленъ безъ вниманія».

Оставлены были безъ вниманія и прошенія иныхъ диллетантовъ-финансистовъ, представлявшихъ «разные проекты, будто бы къ пользѣ государственной относящіяся», и «проектъ въ 8 статьяхъ объ умноженіи государственныхъ доходовъ».

Заслуживаетъ вниманія курьезный проектъ «титularнаго совѣтника, барона Беллинсгаузена» «о средствахъ избавить жителей губернскихъ и уѣздныхъ городовъ отъ корыстолюбія»... Баронъ Беллинсгаузенъ задался очень широкой цѣлью, но мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, отъ чьего корыстолюбія собирался онъ избавить «жителей губернскихъ и уѣздныхъ» (о столичныхъ не говорится!) городовъ: отъ корыстолюбія ли властей, или же отъ ихъ собственнаго корыстолюбія, чтобы властямъ было удобнѣе облагать ихъ поборами?... Относительно этого созданія баронской фантазіи соответствующая резолюція гласитъ слѣдующее: «проектъ его... яко не имѣющей должнаго основанія и не показывающей надежныхъ способовъ къ искорененію сего зла, оставленъ безъ уваженія».

Еще болѣе курьезнымъ является поднесенное Павлу I прошеніе нѣкоего «профессора физики и химіи Остена», который «пріобрѣлъ тайну дѣлать золото и изъ онаго извлекать универсальное лѣкарство», и всеподданнѣйше просилъ «для заготовленія онаго— монаршаго вспомошествованія». Счастливому изобрѣтателю, однако, было высочайше объявлено, что «онъ можетъ просить о томъ тѣхъ, кои въ истинѣ предложенія его убѣждены»...

Еще болѣе печальная участь постигла прошеніе «вдовы статскаго совѣтника Корбіевой, описывающей службу мужа и изобрѣтенную ею траву, врачующую якобы отъ сильныхъ конвульсій и апоплексической болѣзни»... Ея прошеніе было возвращено съ «надраніемъ».

Огромное множество другихъ всеподданнѣйшихъ прошеній не укладываются въ рамки какихъ либо общихъ категорій и рисуютъ собою отдѣльные случаи, иногда комическіе, иногда драматическіе и поражающіе своєю странностью съ нашею современной

точки зрѣнія. Не менѣе поражаютъ своей оригинальностью и нѣкоторыя резолюціи на нихъ. Глубокой стариной, совершенно чуждой духу нашего времени, вѣетъ отъ нихъ.

Вотъ, напримѣръ, трогательное прошеніе «о возвращеніи жениха»; какая глубокая драма скрывается за немногими строчками высочайшей резолюціи на это прошеніе:

«Дѣвицѣ ярославской,—гласить эта резолюція,—утруждавшей его императорское величество прошеніемъ о возвращеніи ей жениха, прапорщика Чудовскаго, сосланнаго на казенную иркутскую суконную фабрику за дерзости противъ своего отца, по высочайшему повелѣнію отказывается, ибо женихъ ея самъ навлекъ на себя сыновнею непокорливостью таковое наказаніе».

Вотъ печальное завершеніе, по всей вѣроятности, длинной и тягостной эпопеи «повѣреннаго купеческихъ и мѣщанскихъ обществъ Симбирской губерніи города Корсуна, просившаго объ освобожденіи ихъ отъ неумѣренныхъ полицейскихъ взысканій и прочихъ податей». Прошеніе этого наивнаго искателя защиты отъ полицейскихъ поборовъ «и прочихъ податей», поданное главѣ государства, санкціонирующему своей властью всѣ подати и налоги страны, конечно, было возвращено съ наддраніемъ.

Вотъ опять отголосокъ какой-то далекой драмы: оставлено безъ уваженія всеподданѣйшее прошеніе «о дозволеніи привезти тѣло на пути умершаго и погребеннаго сына просителя для погребенія въ Астрахани».

Загѣмъ предъ нами проходитъ рядъ курьезныхъ случаевъ.

Возвращается съ наддраніемъ прошеніе рядового с.-петербургской инвалидной команды Рамштейна, «просившаго объ увольненіи его на собственное пропитаніе». Хорошо, должно быть, жилось бѣднягамъ въ этой инвалидной командѣ, если они подавали всеподданѣйшія прошенія объ избавленіи отъ казеннаго содержанія. А ужъ, кажется, кому не лестно жить и кормиться на даровщинку!

«Порутчику Некрашевичу, доносившему, что въ Польшѣ шляхтичи, не имѣющіе на шляхетство доказательствъ, и жида питаются хлѣбопашествомъ, не платя государственныхъ податей», объявлено было, что, «такъ какъ входитъ въ сіе не его дѣло», то доносъ его «съ наддраніемъ и возвращается ему».

«Порутчику Шеншину, просившему объ отпускѣ его въ Грузію для полученія долга съ грузинскаго царевича Миріана, отказано, поелику служба не терпитъ отлучки для подобныхъ надобностей».

Царевичъ Миріанъ задолжалъ еще нѣкоторымъ лицамъ и между прочимъ «слесарныхъ дѣлъ мастеру, Шмиту». Всѣ они были, по видимому, въ большемъ недоумѣніи, какимъ путемъ взыскивать долги съ такой важной персоны, очевидно, не подсудной общими судебнымъ установленіямъ. Поручикъ Шеншинъ рѣшилъ собственными силами отобрать у Миріана свои деньги и просилъ только

отпуска въ Грузію для этой цѣли, но слесарный мастеръ Шмитъ и его коллеги по несчастію надумали требовать долги съ грузинскаго царевича чрезъ русскаго государя. Чрезчуръ смѣлая мысль ихъ—возложить на верховную власть функціи судебного пристава, однако, потерпѣла полную неудачу, и «слесарныхъ дѣлъ мастеру Шмиту, просившему о взысканіи суммы съ царевича Миріана», равно какъ и другимъ, было отвѣчено отказомъ.

Приведемъ, кстати, курьезную резолюцію на прошеніе, сущность котораго ничего курьезнаго не представляетъ.

«Вологодской губерніи крестьянину Иванову, просившему позволенія собирать на украшеніе состоящей тамъ церкви Живоначальныя Троицы, дается знать, чтобы онъ упражнялся въ работахъ, ему приличныхъ, а не ханжилъ»...

Въ этой резолюціи уже вѣ всякаго сомнѣнія чувствуется острый и ѣдкій «штиль» императора Павла I.

Многія лица, даже низшихъ общественныхъ ранговъ, безпокоили государя приглашеніями въ воспріемники къ ихъ младенцамъ. Дѣлалось это тоже посредствомъ подачи всеподданнѣйшихъ прошеній.

Одному изъ такихъ лицъ, «парикмахеру Михайлову, просившему о воспріятіи отъ купели сына его», было объявлено, что «прозьба его оставлена безъ всякаго вниманія».

То же самое было объявлено капитану Карпову, который со своей стороны тоже просилъ государя «объ удостоеніи быть воспріемникомъ новорожденнаго его сына».

Отказомъ же, и притомъ съ добавленіемъ соотвѣтствующей сентенціи было отвѣчено и на прошеніе нѣкоей «Дюфей, урожденной де-ла Фатоніеръ», которая ходатайствовала предъ государемъ «о воспріятіи изъ купели малолѣтняго сына ея, крещеннаго по обряду реформатскаго закона, и коего желала она перекрестить въ католическую вѣру». Ей было высочайше объявлено, «чтобы она помышляла болѣе о хорошемъ воспитаніи сына своего, нежели о перемѣнѣ вѣры».

Нерѣдко во всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ описываемой эпохи содержится ходатайство «о дозволеніи предстать передъ высочайшее лицо его императорскаго величества», о «дозволеніи лично предстать его величеству»... Нѣкая Протопопова просила о дозволеніи «принести лично благодарность за оказанныя ей монаршія милости». Въ отвѣтъ на это ей было дано знать, что «государь императоръ довольствуется письменно принесеннымъ ею благодареніемъ».

Во многихъ прошеніяхъ, подававшихся тогда на высочайшее имя, поражаетъ (какъ уже мы отчасти и видѣли) удивительная мелочность и ничтожность того, о чемъ просители ходатайствовали предъ верховною властью. Сплошь и рядомъ государя тревожили по совершенно пустячнымъ предметамъ, по многимъ изъ которыхъ слѣдовало обращаться, самое большее, къ какимъ либо представителямъ придворнаго вѣдомства.

Такъ, напримѣръ, нѣкая просительница ходатайствовала въ всеподданнѣйшемъ прошеніи «объ опредѣленіи ея ко дворцу въ прачки» (прошеніе это было возвращено съ наддраніемъ). Другіе просители и просительницы домогались мѣстъ истопниковъ, конюховъ, поваровъ при дворѣ его величества.

Нѣкій «шляпнаго дѣла мастеръ Фолькманъ» представилъ государю императору «работы своей три шляпы» и просилъ «о дозволеніи продолжать ему ремесло свое». Высочайше повелѣно было ему объявить, «что онъ не знаетъ, чего просить». Можно предполагать, что Фолькманъ желалъ стать придворнымъ поставщикомъ; но выразилъ свое желаніе слишкомъ туманно.

Повидимому, съ такими же просьбами обращался къ государю и «митавскій сѣдельный мастеръ Шлиденъ», который «неоднократно утруждалъ государя императора своими прозъбами», и которому было наконецъ объявлено, «чтобы онъ впредь отъ сего воздержался». Иначе его легко могла постигнуть участь нѣкоего повѣреннаго крестьянъ Вологодской губерніи Мелехина, который «за повторенную имъ недѣльную прозъбу вмѣстѣ съ сочинителемъ оной» былъ наказанъ. Наказаніе же, по всей вѣроятности, состояло, какъ мы уже видѣли, въ тюремномъ заключеніи, или, какъ это было выражено въ резолюціи на прошеніе губернскаго секретаря Секерина, въ «посаженіи за прихотливыя его желанія на хлѣбъ и на воду».

Таковы были тогда просители, и таковы были резолюціи на ихъ прошенія. Сто лѣтъ, прошедшія съ той поры и до нашего времени, принесли огромныя перемѣны въ нашу внутреннюю жизнь, въ правоотношенія и въ положеніе русскихъ людей. Перестали покупать и продавать и «жаловать» деревни съ людьми-рабами, перестали ссылать непокорныхъ дѣтей на казенныя суконныя фабрики. Мы свободно ѣздимъ за границу, и уже никто изъ ученыхъ профессоровъ не вѣритъ въ то, что можно найти тайну дѣлать золото и универсальное лѣкарство изъ него.

Но отъ многихъ печальныхъ сторонъ гражданской жизни мы не ушли и до сихъ поръ. Мы еще не ушли отъ судебныхъ ошибокъ, отъ неправильностей карательныхъ приговоровъ, обрушивающихся незаслуженною тяжестью на несчастныхъ Катюшъ

Масловыхъ... Мы не ушли еще отъ неустройствъ союза брачнаго еще не облегчили ригоризма брачныхъ узъ, создающаго иной разъ невѣроятныя по своему ужасу явленія... Мы не разсѣяли еще темноты народной, и темные люди идутъ доннѣ къ царю съ такими просьбами, разрѣшить которыя легко можетъ или судъ или низшая администрація.

И доннѣ во многихъ и многихъ случаяхъ единственнымъ прибѣжищемъ для отысканія справедливости является верховная власть. И поступаютъ на ея имя прошенія со всѣхъ концовъ Руси и о помилованіи невинно осужденнаго, и смягченіи суроваго закона, и о выдачѣ отдѣльнаго вида на жительство женѣ, истязуемой своимъ мужемъ...

И подается теперь такихъ прошеній еще больше, чѣмъ въ тѣ времена—сто лѣтъ тому назадъ. Въ 1798 году, напримѣръ, было получено на высочайшее имя 3229 прошеній. Для нашего же времени эту цифру слѣдуетъ считать болѣе, чѣмъ незначительною.

Б. Никонъ.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи Николая I)¹⁾.

ХІ.

По служебному недоразумѣнію.

І.

ПАЩЕНКО къ 28-ми годамъ жизни былъ еще только поручикомъ, но у него уже была семья: жена и четверо ребятъ. Про жену его рассказывали, что она ни въ чемъ не уступитъ мужу. А Пащенко любилъ выпить и посплетничать.

Иванову было 23 года, и онъ былъ прапорщикомъ; въ формулярѣ значилось, что онъ холостъ, образованіе получилъ домашнее, картамъ и пьянству не преданъ. Последнее всегда вызывало улыбку у тѣхъ, кому попадались эти слова изъ формуляра Иванова, тѣмъ болѣе, что Ивановъ былъ и картежникъ, и въ выпивкѣ ни въ чемъ не уступалъ мужу жены Пащенко.

Словомъ, оба офицера принадлежали къ тому огромному классу офицерства Николаевской эпохи, которое обыкновенно располагалось по труппамъ, было необразовано, грубо, спивалось и спаивало своихъ женъ.

Обычное времяпровожденіе состояло въ сплетняхъ, брани и выпивкѣ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 504.

Сплетничали, бранились и пьянствовали всѣ, кому не было лѣнь, и у кого было какое нибудь дѣло; а такъ какъ дѣла вообще было мало, то легко понять, чѣмъ занималось офицерское общество одной изъ артиллерійскихъ бригадъ, закинутыхъ волею не разсуждающаго начальства на высокій берегъ Волги по сосѣдству съ лѣсами, болотами и медвѣдями.

Никакихъ интересовъ, кромѣ интересовъ своей общины; ничего свѣжаго, кромѣ изрѣдка командируемыхъ и переводимыхъ сюда офицеровъ.

Жить всѣмъ было необыкновенно скучно и нудно. Скука заѣдала всѣхъ. И когда что нибудь необычное совершалось, общество оживлялось на нѣкоторое время.

И жизнь шла однообразно и не обѣщала измѣниться. Случаи самоубійства были не рѣдки и среди солдатъ, и среди офицеровъ. И конца не было этой сѣрой, монотонно-однообразной, безпросвѣтной жизни.

Пащенко ссорился съ женой по нѣскольку разъ въ день, колодилъ въ наказаніе дѣтей, проигрывалъ въ карты жалованье и жилъ въ долгъ и впроголодь.

И если женѣ Пащенко не случалось отобрать отъ него деньги, выигранныя имъ въ карты, то семья обрекалась на голодовку и унижительный заемъ у торговцевъ.

Ивановъ колотилъ солдатъ и часто сидѣлъ подъ арестомъ за «неумѣренное наказываніе подчиненныхъ»; другихъ особыхъ при- мѣтъ у него не было.

Къ характеристикѣ ихъ можно добавить, что Пащенко былъ толстъ и имѣлъ сиплый голосъ. Ивановъ былъ худой, но голосъ у него также сипѣлъ.

Пащенко и Ивановъ служили въ одной и той же батарее. Пащенко командовалъ двумя первыми взводами, а Ивановъ—двумя вторыми.

По службѣ они были товарищами, и это не мѣшало имъ быть на «ты» и обыгрывать другъ друга въ карты, ссориться изъ-за мелочей и браниться самыми отборными ругательствами.

И такія отношенія, которыя никого не смущали, существовали во многихъ пунктахъ нашей арміи въ николаевскую эпоху, особенно въ годы самой сильной реакціи и своевольства—въ 1830-хъ годахъ, когда всякое проявленіе самостоятельности считалось за отрицаніе дисциплины, когда всякое желаніе выйти изъ установившихся рамокъ жизни осмѣивалось всѣми, какъ нѣчто совершенно нелѣпое.

II.

Стоялъ апрѣль, теплый, ясный. Деревья уже покрывались листьями. Волга входила послѣ разлива въ свои естественные предѣлы, усмиралась, становилась спокойной.

Пащенко проснулся рано и въ самомъ скверномъ расположеніи духа, какъ обыкновенно случалось съ нимъ каждый день, за исключеніемъ развѣ праздниковъ, когда онъ просыпался съ улыбкой даже и никого не ругалъ.

А на этотъ разъ онъ разбранилъ жену, денщика, старшаго сына и всѣхъ, кого только могъ. А наругавшись онъ принялся за чтеніе приказа и за чай, который онъ всегда пилъ безъ сахара и безъ хлѣба.

Пащенко прочелъ нарядъ на службу, просмотрѣлъ какія-то невразумительныя цифры, улыбнулся при чтеніи пункта, въ которомъ значилось, что у Ефромѣева, капитана и его товарища, родилась дочь Надежда, и уже было сталъ приходиться «въ духъ», какъ вдругъ взоръ его случайно упалъ на заднюю страницу приказа.

Тамъ стояло: «Первому и второму взводу 13-й легкой батареи ученье въ манежѣ отъ 8 до 10 часовъ; третьему и четвертому отъ 10-ти до 12-ти».

— Андрей!—крикнулъ Пащенко.—Андрей, чортъ тебя возьми! Поди сюда... поди!

Въ комнату нехотя вошелъ денщикъ, держа на рукахъ самаго младшаго сына Пащенко съ соскою во рту. Онъ вошелъ и остановился у двери.

— Что жъ ты мнѣ, чортова голова, до сихъ поръ не сказалъ, что у меня ученье отъ восьми часовъ? Почему ты мнѣ ничего не сказалъ? а? Я тебя спрашиваю!

— А я почемъ знаю! Я неграмотный. Вамъ это надо знать, а не мнѣ!—проворчалъ денщикъ и тотчасъ же измѣнившимся голосомъ онъ добавилъ, поправляя соску у ребенка:—Ну, ну... не выплевывай... Мать еще не вставала. Соси...

И грязными пальцами онъ совалъ ребенку соску.

— Чортъ знает!... Ни на кого положиться нельзя. Теперь уже восемь. Когда же я попаду въ манежъ? Вѣдь надо черезъ Волгу переправляться. А-а... чтобъ васъ!...

Пащенко всталъ со стула, откинулъ приказъ и загремѣлъ чайной посудой.

— Никто не позаботится,—ворчалъ онъ, войдя въ спальню и одѣваясь,—никто. Самъ только и думай обо всемъ, никому ты не нуженъ. Жена спитъ, ничего знать не хочетъ, денщикъ дерзости говорить...

— Ну, ты... не привязывайся. За собой самъ слѣди. Ишь, самъ опоздалъ, а всѣ виноваты! — отозвалась жена и повернулась къ стѣнкѣ.

— О, чтобъ васъ!..—крикнулъ Пащенко, вышелъ изъ дома и направился къ рѣкѣ.

Онъ шелъ къ берегу и негодовалъ. Такъ онъ всегда ходилъ на службу, каждый день опаздывалъ и считалъ, что всѣ виноваты въ его опаздываніи.

Подойдя къ порому, онъ замѣтилъ смѣющихся мужиковъ. И ему стало еще больше неприятно и досадно. Почему? — онъ этого не зналъ.

— Что взводы переправились въ манежъ?—спросилъ онъ поромщика, высокаго старца съ головою и внѣшностью библейскаго патріарха.—Не видалъ?

— Какъ не видать!—отвѣтилъ тотъ спокойно и добродушно.— Давно переправились. Офицеръ ихъ переправлялъ. Солдатъ много съ имъ. Орудіевъ тоже много...

— Какой офицеръ? Не замѣтилъ?

— А обнаковенный офицеръ. Съ усами съ такими... Давно ужъ переправился...

— Всѣ четыре взвода переправились, или нѣтъ?—продолжалъ безпокойно спрашивать Пащенко, стараясь разглядѣть на противоположномъ берегу рѣки зданіе манежа.

— Ужъ сколько ихъ тамъ, того я не знаю. Только много видалъ я ихъ. Солдаты и офицеръ съ ими. Одинъ офицеръ и съ такими усами, съ густыми...

Поромъ присталъ къ берегу. Пащенко вышелъ и направился къ манежу.

III.

У манежа толпились солдаты. Лошади наполняли воздухъ звукомъ ржанья.

И чѣмъ ближе подходилъ Пащенко къ манежу, тѣмъ яснѣе онъ различалъ и солдатъ и лошадей своихъ взводовъ.

— Не можетъ быть! не можетъ быть!—повторялъ Пащенко.— Я первый, моя очередь первая... Не можетъ быть, чтобы Ивановъ осмѣлился начать ѣзду первымъ. Онъ долженъ былъ подождать меня, а не смѣть самовольно начинать ѣзду. Значить, я теперь буду ѣздить во вторую очередь... Онъ не смѣетъ. Я старше его. Не смѣетъ...

Для него не оставалось никакого сомнѣнія, что Ивановъ ввелъ своихъ людей и лошадей въ манежъ и началъ ѣзду первымъ, не дожидаясь Пащенка.

— Я ему покажу! покажу, какъ нарушать приказъ! Онъ долженъ былъ ждать меня. И я ему покажу... Если я не пришелъ бы, все равно... Онъ не смѣетъ...

Онъ уже бытъ около солдатъ. Раздалась команда. Люди вытянулись, ожидая привѣтствія. Но Пащенко, не здороваясь, крикнулъ сердито и сипло:

— Гдѣ взводные? Подать сюда взводныхъ! Взводные вперед!

Вышли солдаты и остановились передъ Пащенкомъ, готовые на все отъ начальника.

— Почему вы не на ѣздѣ? Я спрашиваю васъ: почему вы не на ѣздѣ? А? Не знаете, что очередь вашихъ взводовъ первая? Вы этого не знаете, черти?

— Такъ что позвольте доложить... — началъ было одинъ изъ взводныхъ.

— Молчать!—крикнулъ на него Пащенко.—Не разговаривать! Я спрашиваю: почему вы не въ манежѣ? Какъ вы осмѣлились нарушить приказъ по батарее? а?

— Прапорщикъ Ивановъ изволили...—началъ другой, испуганно глядя на Пащенко.

— Ты смѣешь со мною разговаривать?—засипѣлъ Пащенко.—Подъ арестъ! Я тебя отучу возражать начальству! «Прапорщикъ Ивановъ изволили»... Дуракъ!..

Долго еще ругался Пащенко, и когда взводные уже не показывали ни малѣйшаго желанія возражать, Пащенко круто повернулся и двинулся въ манежъ.

Въ манежѣ стоялъ столбъ пыли. Слышались окрики, удары бича, крѣпкія слова изъ устъ прапорщика Иванова, стоявшаго посреди манежа.

— А-а! Пащенко!...—крикнулъ Ивановъ.—Опоздалъ, братъ, ты... Что такъ? Я ужъ одну смѣну отучилъ. Это у меня вторая..

Пащенко, не подавая Иванову руки, остановился предъ нимъ и произнесъ:

— Мнѣ кажется, что законы писаны для того, чтобы ихъ исполнять. А приказъ есть законъ...

— Который тобою не исполняется!—усмѣхнулся Ивановъ.—А сіе есть непохвально!

— Прошу молчать! — разсердился Пащенко. — Прошу со мной такъ не разговаривать!

— Это еще что такое?

— А то, милостивый государь, что потрудитесь сейчасъ же убрать вашу смѣну и вывести ее изъ манежа. Моя очередь (вы это знаете изъ приказа), и я буду ѣздить. Убирайте же вашу смѣну...

— Ну, это дудки,—закачалъ головою Ивановъ.—Не спалъ бы и приходилъ бы во время, тогда и соблюдай свою очередь. Ишь тоже! Опоздалъ, а теперь и хорохорится...

— Я требую, какъ старшій, чтобы вы сейчасъ же приказали своей смѣнѣ выѣхать изъ манежа и предоставить мѣсто моимъ

взводамъ. И пока мои взводы не кончатъ ученя, до тѣхъ поръ вы не смѣете ихъ вводить въ манежъ...

— Этого не сдѣлаю я никогда и ни за что!—отвѣтилъ Ивановъ уже серьезно.

— Я буду жаловаться въ такомъ случаѣ! — строго и наставительно проворчалъ Пащенко.—Вы должны исполнить мое требованіе и выйти изъ манежа...

— Ну, ужъ это дудки! Шалишь, братъ. Не на такого напалъ! Рысью маррршъ!..

Въ манежѣ поднялся большой столбъ пыли, щелкнулъ бичъ, зафыркали лошади.

— Я повторяю еще разъ свое требованіе!—сказалъ Пащенко.—Подчинитесь!..

— Углы бери... углы...—кричалъ Ивановъ, не обращая вниманія на Пашенка.

— Въ такомъ случаѣ я знаю, что дѣлать!—угрожающе крикнулъ Пащенко и вышелъ изъ манежа, гдѣ можно было задохнуться отъ пыли.

IV.

Едва Ивановъ успѣлъ вернуться домой, какъ къ нему явился солдатъ и подалъ пакетъ. На пакетѣ значилось: «спѣшно и экстренно».

А когда пакетъ былъ разорванъ, изъ него выпалъ листъ бумаги, и на немъ было написано кратко:

«Предписываю вашему благородію за ослушаніе старшему, поручику Пащенко, отправиться подъ арестъ срокомъ на трое сутокъ безъ несенія служебныхъ обязанностей. Полковникъ Пистолькорсъ».

— Ахъ, ты, чортъ, тебя возьми!—прошепталъ Ивановъ.—Такъ ты и въ самомъ дѣлѣ жаловаться? Ну, такъ погоди. Я тебя прочу, каналью... Я тебѣ покажу, доносчику...

Онъ тотчасъ же вышелъ изъ дома и отправился къ полковнику объясняться.

Въ канцеляріи никого не было, и Ивановъ долженъ былъ пойти на квартиру бригаднаго. Бригадный Пистолькорсъ принялъ его недружелюбно и, не давая ему выговорить ни слова, напустился на него.

— Это—безпорядокъ! Это—нарушеніе всѣхъ военныхъ законовъ вмѣстѣ. Я этого не потерплю. Не слушаться старшихъ! Это невозможно! Подъ арестъ безъ разговоровъ!

— Но, полковникъ, онъ самъ опоздалъ, а на меня жалуется!—замѣтилъ Ивановъ.

— Что? Трехъ сутокъ мало? Я могу прибавить и еще, если угодно. Если старшій виноватъ, то не можетъ младшій ему указывать, а долженъ его слушаться и исполнять его приказанія... всякія приказанія. Иначе онъ идетъ на трое сутокъ подъ арестъ...

— Полковникъ, это—несправедливо же!—возразилъ Ивановъ.
— Не справедливо? Вы ищите справедливости? У насъ есть законъ. Справедливость на небесахъ, законъ на землѣ. Я васъ больше не задерживаю. Идите...

Ивановъ вышелъ, постоялъ немного на крыльцѣ и, махнувъ рукою, отправился на гауптвахту.

Трое сутокъ прошли быстро и незамѣтно. Онъ все время игралъ въ карты съ дежурными офицерами, пилъ водку и вино, такъ что разницы по существу въ его настоящемъ положеніи съ обыкновеннымъ не было.

Но зато онъ не могъ простить Пащенко его жалобу, доносъ бригадному командиру.

Отъ дежурныхъ онъ узналъ, что Пащенко рапортуется больнымъ, что у него плевритъ, что онъ не выходитъ изъ дома по приказанію доктора.

— Вотъ погодите: я ему покажу. Дайте мнѣ только отсюда выйти!

Въ полдень на третьи сутки Ивановъ былъ выпущенъ изъ-подъ ареста.

Прямо изъ гауптвахты онъ направился къ квартирѣ Пащенко. Тотъ, дѣйствительно, былъ дома и лежалъ завязанный въ постели. Кашель часто прерывалъ его голосъ.

— Я такъ и зналъ, что ты будешь сердиться! — сказалъ Пащенко, протягивая Иванову руку. — Ничего не подѣлаешь, братъ. Служба наша такая... Садись...

— Это не служба. Это чортъ знаетъ что? Это—доносъ! Ты—не офицеръ, а доносчикъ, самый обыкновенный доносчикъ, получающій отъ казны содержаніе. Понялъ?

— Ну, охота тебѣ ругаться? Какая важность, подумаешь, что подъ арестъ попалъ! Надо все испытать, все, какъ есть... Садись, садись... Нечего тамъ...

— Я пришелъ не въ гости. Я пришелъ потребовать отъ тебя объясненій...

— Какія тамъ объясненія еще! Кашель у меня сильный. Простудился очень...

— Потрудись мнѣ объяснить твой поступокъ. Я его считаю подлымъ, низкимъ и недостойнымъ званія офицера русской арміи. Понялъ теперь, что я хочу?

— Ничего не понялъ. Конечно, неприятно сидѣть подъ арестомъ. Да ничего это...

— Я не шучу, чортъ меня возьми совсѣмъ! — крикнулъ уже Ивановъ.—Я серьезно...

— Ори, сколько влѣзетъ. Никого дома нѣтъ, все равно!—спокойно отвѣтилъ Пащенко.

— А-а... Въ такомъ случаѣ я позволю себѣ считать тебя подлецомъ и негодяемъ, шпиономъ и доносчикомъ, который позволяетъ себѣ... Вообще подлець...

— Что? Повтори, повтори! -- прошепталъ Пащенко и приподнялся на постели.

— Тебѣ пріятно это слушать? Изволь, повторю. Ты—доносчикъ и подлець. Доволенъ?

-- Вонъ отсюда! Ты не смѣешь... Самъ ты подлець...

— Я требую удовлетворенія отъ тебя! — кричалъ Ивановъ.— Удовлетворенія!..

Офицеры долго еще обмѣнивались взаимными ругательствами. Ивановъ наконецъ ушелъ. Дуэль была рѣшена.

V.

— Это хорошо! Это очень хорошо!—въ сотый разъ повторялъ Ивановъ, расхаживая по комнатѣ и раздумывая о завтрашней дуэли.—Его надо проучить. Иначе нельзя!..

Но—странное дѣло—чѣмъ онъ больше раздумывалъ о дуэли, тѣмъ недѣлѣе казалась она ему, тѣмъ меньше ему нравилась мысль о поединкѣ.

— Ну, хорошо! Ну, допустимъ, что я убью его. Кому какая отъ того польза? Мнѣ?... А вѣдь у него семья, жена, куча ребятъ... Положимъ, онъ моритъ ихъ голодомъ, но...

Передъ Ивановымъ встало воспоминаніе о женѣ Пащенко, этой неряшливой, нестарой, но какой-то опустившейся женщинѣ, съ пугливо раскрытыми постоянно глазами, съ трясушимися руками, съ вульгарнымъ взглядомъ и съ мѣщанскими манерами.

Вспомнилось Иванову, какъ онъ въ первый разъ по приѣздѣ въ батарею представлялся и дѣлалъ визиты товарищамъ. Жена Пащенко встрѣтила Иванова въ одной нижней юбкѣ, потому что она такъ ходила всегда, если не присутствовали только на офицерскихъ балахъ, когда она даже декольтировалась.

Она пригласила Иванова сѣсть и тотчасъ же спросила его, не женатъ ли онъ, не собирается ли жениться, не осталось ли у него въ Москвѣ невѣсты; словомъ, она задавала ему рядъ такихъ вопросовъ, какіе Иванову было прямо-таки неловко выслушивать.

Если Ивановъ убьетъ Пащенко, его семья осиротѣетъ, и безъ Пащенко жена его превратится во что-то невозможное, грязное, распущенное, въ бывшую офицершу, своего рода типъ.

И тогда Иванову начинало казаться, что его дуэль съ Пащенкою вздорный поступокъ, мальчишество...

Это мнѣніе не оставило его даже тогда, когда онъ нанялъ извозчика и поѣхалъ дуэлировать въ рошу—условленное мѣсто для встрѣчи съ Пащенкою.

Выѣхалъ онъ уже къ вечеру на слѣдующій день послѣ объясненій съ Пащенкомъ, положилъ пистолеты въ задокъ пролетки. А когда онъ увидалъ подѣзжающаго къ роцѣ Пащенка съ завязанной шею, ему стало даже совѣстно.

Однако, что-то брало верхъ надъ разсудкомъ. И оба противника молча, сосредоточенно обдумывая что-то, двинулись безъ всякаго соглашенія въ глубь роци.

Безъ соглашенія, инстинктивно, они остановились на полянкѣ, вдали отъ опушки, гдѣ было прохладно, и гдѣ низкорослыя деревьяца зеленѣли молодой, радостной зеленью и уморительно топорщились голые сучья обгорѣвшихъ елокъ.

Они остановились. Ивановъ молча вынулъ пистолеты, осмотрѣлъ ихъ и зарядилъ.

Потомъ молча же они разобрали пистолеты, еще разъ каждый осмотрѣлъ ихъ...

— Бросимъ жребій... первый выстрѣлъ по жребію, какъ условились!—проговорилъ Пащенко, и Иванову показалось, что голосъ у Пащенка сипитъ и дрожитъ.

— Да, да, по жребію, какъ условились! — отвѣтилъ Ивановъ, вытащилъ изъ кармана платокъ, сдѣлалъ на одномъ концѣ узелокъ и предложилъ Пащенкѣ вытянуть.

— Вы стрѣляете первымъ! — проговорилъ Пащенко, вынимая пустой конецъ платка.

— Да, я стрѣляю первымъ!—отозвался Ивановъ и отошелъ отъ Пащенка на десять шаговъ.

Онъ очутился среди кустарника.

— Вамъ будетъ неловко цѣлиться! — сказалъ любезно Ивановъ. — Отойдите шаговъ на шесть назадъ. Я подойду тогда къ вамъ на шесть!

— Съ удовольствіемъ!—просипѣлъ Пащенко и отступилъ назадъ.—Теперь стрѣляйте!

Ивановъ поднялъ пистолетъ и не цѣлясь выпустилъ пулю.

Она пролетѣла стороною и завязала гдѣ-то далеко сзади Пащенка.

Пащенко обернулся, словно ища пулю, и тотчасъ обернулся къ противнику.

— Мой выстрѣлъ!—проговорилъ онъ, поднялъ пистолетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздался негромкій щелкъ.

Ивановъ нагнулся, какъ будто желая что-то поднять съ земли.

— Я — раненъ... въ ногу попалъ! — сказалъ Ивановъ и сѣлъ на землю, чтобы снять обувь.—Въ ногу, братъ, угодилъ...

Пащенко покраснѣлъ, растерялся... И опрометью подбѣжалъ къ Иванову.

— Поцѣлуемся... прости меня...—прошепталъ Пащенко и сталъ снимать съ ноги Иванова сапогъ.

И когда сапогъ былъ снятъ, а на ногѣ обнаружилась кровь, Пащенко вскрикнулъ:

— Чортъ бы ихъ дралъ!... Зачѣмъ они въ приказахъ очередь пишутъ?...

Это было и некстати, и смѣшно.

Ивановъ улыбнулся и протянулъ Пащенко руку. Противники поцѣловались.

— Я тебѣ сдѣлаю перевязку. Вѣдь я предусмотрѣлъ... полотенце съ собой захватилъ... на всякій это случай...—сказалъ Пащенко и сталъ неумѣло и неловко перевязывать Иванову ногу.

VI.

Никогда еще такъ не волновалось общественное мнѣніе артиллерійской бригады, какъ въ эти дни, когда выяснилось, что Пащенко и Ивановъ имѣли дуэль.

Истинной причинѣ поединка никто не довѣрялъ. Искали—особенно дамы—романическаго объясненія дуэли, но никто не подвѣривалъ въ этомъ виновницей госпожу Пащенко. Не вѣрили и терялись въ догадкахъ.

Сначала хотѣли было покрыть дуэль. Докторъ Созентовичъ, дѣлавшій перевязку Иванову, далъ заключеніе, что съ Ивановымъ просто произошелъ несчастный случай при разряженіи пистолета. Но доктору не повѣрили, назначили слѣдствіе.

Въ результатѣ, который обнаружился только черезъ годъ, Пащенко былъ приговоренъ за производство дуэли къ аресту на гауптвахтѣ при батареѣ на одинъ мѣсяцъ; къ Иванову, какъ младшему, отнеслись строже и нашли въ его дѣяніяхъ не только производство дуэли, но и антидисциплинарный поступокъ—неповиновеніе и оскорбленіе старшаго офицера по чину—и присудили его въ заключенію на два мѣсяца въ казематѣ крѣпости.

Для усиленія репрессіи и для успокоенія взволнованнаго общественнаго мнѣнія, къ этимъ основнымъ наказаніямъ были присоединены правопоражающіе dodatki: оба дуэлиста были переведены въ другія батареи и «обойдены» одинъ разъ при производствѣ въ чины на вакансіи.

Судъ не забылъ взыскать и съ начальства, которое, благодаря своей неосмотрительности и нераспорядительности, допустило офицеровъ до производства дуэли.

Поединокъ и опасность смерти не повліяли на супружескую жизнь господъ Пащенко: тамъ попрежнему бранились, ссорились, голодали, совершали позорные займы.

Даже болѣе: жена Пащенко не разъ упрекала мужа за то, что онъ остался живъ.

Ивановъ въ свою очередь не забывалъ хвастаться своимъ благородствомъ и ставилъ всѣхъ въ извѣстность о томъ, что онъ умышленно не дѣлился въ Пащенко, жалѣя и заботясь о его семьѣ.

— Ну, ужъ это вовсе напрасно вы такъ... — отвѣчала на это мадамъ Пащенко и, — кто знаетъ? — быть можетъ, была по-своему права.

Ивановъ и Пащенко никогда уже больше не ссорились...

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЮБИЛЕЙ Д. Л. МОРДОВЦЕВА.

КАКЪ УЖЕ читателямъ «Историческаго Вѣстника» извѣстно, въ декабрѣ минувшаго 1904 года исполнилось пятидесятилѣтiе литературной дѣятельности извѣстнаго писателя и сотрудника нашего журнала, Данила Лукича Мордовцева¹⁾. Намѣченное на январь текущаго года празднованiе его юбилея состояться не могло: русское общество было охвачено острыми впечатлѣнiями отъ извѣстныхъ событiй въ январскiе дни, и ему было не до свѣтлыхъ и веселыхъ праздниковъ, хотя бы таковыя и сопряжены были съ именами его излюбленныхъ представителей. Уступая общественному настроенiю и печально сложившимся обстоятельствамъ, организаторы юбилейнаго чествованiя нашего писателя, П. И. Вейнбергъ и Б. Б. Глинскiй, вынуждены были отложить намѣченный на 22-е января юбилейный обѣдъ Даниилу Лукичу отъ имени писателей и его земляковъ-украинцевъ до болѣе благопрiятнаго времени. Таковымъ оказался лишь апрѣль мѣсяць, когда 24-го числа въ помѣщенiи ресторана Донона и собрался тѣсный кружокъ знакомыхъ, друзей и почитателей г. Мордовцева, чтобы принести ему отъ имени разнообразныхъ общественныхъ круговъ дань уваженiя и почтенiя его заслуженнымъ и бесспорнымъ заслугамъ передъ родиной на поприщѣ литературнаго и общественнаго служенiя ей.

¹⁾ «Историческiй Вѣстникъ», 1905 г., № 2, статья Б. Глинскаго: «Литературная дѣятельность Д. Л. Мордовцева».

На обѣдъ прибыли: членъ государственнаго совѣта Н. С. Таганцевъ, профессора—А. К. Бороздинъ, Н. И. Карѣевъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, В. И. Ламанскій, редакторъ газеты «Новости»—О. К. Нотовичъ, «Стрекозы»—И. Ф. Василевскій, писатели В. А. Авенариусъ, К. И. Арабажинъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій, Б. Б. Глинскій, Я. Г. Гуревичъ, С. Ф. Годлевскій, Д. А. Линевъ-Далинъ, Л. А. Полонскій, Ф. Ф. Фидлеръ, госпожи Е. Ф. Яковлева-Каричъ, В. И. Ясевичъ-Вородаевская, предсѣдатель литературнаго фонда П. И. Вейнбергъ, предсѣдатель кассы взаимопомощи писателямъ Я. Н. Колубовскій и др., а также нѣкоторые изъ земляковъ-малороссовъ Д. Л. Мордовцева.

Прибытіе на обѣдъ виновника торжества было встрѣчено дружными апплодисментами, и каждый спѣшилъ позать руку милому старцу, который, несмотря на слабость и болѣзненность, не отказался повидаться съ своими друзьями, знакомыми и учениками по литературѣ.

Когда въ концѣ обѣда было розлито по бокаламъ шампанское, профессоръ В. И. Ламанскій, личный другъ и товарищъ по университету г. Мордовцева, предсѣдательствовавшій на обѣдѣ, открылъ рядъ привѣтствій юбиляру, вспомнивъ добрымъ словомъ начало литературной дѣятельности ихъ обоихъ и тѣ общественныя условія, при которыхъ эта дѣятельность началась. Въ томъ, что переживала Россія 50 лѣтъ тому назадъ, и что она переживаетъ нынѣ, полная аналогія, и какъ тогда все кончилось ко благу ея народа, такъ, можно надѣяться, это кончится и нынѣ. Такимъ образомъ жизненные заря и закатъ Даніила Лукича освѣщаются единымъ свѣтомъ общаго блага и счастья. Послѣ г. Ламанскаго П. И. Вейнбергъ принесъ поздравленіе юбиляру отъ литературнаго фонда, членомъ котораго Д. Л. Мордовцевъ состоитъ очень многіе годы, въ теченіе которыхъ онъ исполнялъ въ фондѣ разныя должности, отмѣчая свое служеніе на пользу литературной братіи преданностію дѣлу помощи нуждающимся литераторамъ, любовью къ послѣднимъ и заботою о ихъ благополучіи. Отъ кассы взаимопомощи литераторамъ представилась депутація, избранная на бывшемъ въ этотъ день общемъ собраніи членовъ кассы. Въ составъ депутаціи вошли: И. Ф. Василевскій, Н. Н. Волковъ, Б. Б. Глинскій, Я. Н. Колубовскій, Д. А. Линевъ. Г. Колубовскій, какъ предсѣдатель правленія кассы, отмѣтилъ дѣятельность Даніила Лукича, какъ бывшаго послѣ Г. К. Градовскаго ея предсѣдателя, при которомъ касса окончательно расширилась въ своихъ матеріальныхъ средствахъ и пріобрѣла широкое распространеніе среди писателей. Послѣ того произнесъ рѣчь г. Глинскій, сказавшій:

Глубокоуважаемый Даніилъ Лукичъ!

Озирая въ сегодняшній день весь долгій и трудный пройденный вами путь писателя, тва, невольно съ удивленіемъ и признательностію останавливаешься

на тѣй громадной и разнообразной работѣ, которая была вами такъ прекрасно выполнена за весь этотъ 50-ти-лѣтній періодъ времени. Начавъ свою литературную дѣятельность съ поэтического произведенія «Казакъ и море», написаннаго родною вамъ украинскою рѣчью, вы перешли затѣмъ къ работѣ статистическаго характера по обследованію экономической жизни Поволжья и вмѣстѣ съ тѣмъ къ обнародованію въ переработанномъ видѣ доступныхъ вамъ историческихъ матеріаловъ, почерпнутыхъ изъ богатыхъ провинціальныхъ архивовъ. Это обратило на себя вниманіе С.-Петербургскаго университета, выразившаго желаніе въ 1864 г. видѣть васъ на вакантной тогда кафедрѣ русской исторіи и сдѣлавшаго вамъ по сему предмету соответствующее предложеніе, которое вы, однако, не сочли возможнымъ принять. Почти съ первыхъ же шаговъ вашей литературной дѣятельности вы подаете громкій голосъ въ защиту широкой вѣротерпимости и въ рядѣ историко-бытовыхъ очерковъ становитесь на сторону обездоленныхъ въ тѣ годы правдою и закономъ старообрядцевъ, ихъ вѣрованій, ихъ учителей и народныхъ исконныхъ преданій. Въ настоящее время, когда сектантамъ и старообрядцамъ дарованы права свободнаго исповѣданія, и они возносятъ горячія молитвы за тѣхъ, кто въ свое время являлся ихъ адвокатомъ и представителемъ, то, конечно, въ ряду этихъ представителей они отмѣтятъ и ваше имя, какъ человѣка, который въ глухую пору ихъ безправія являлся ихъ другомъ и заступникомъ.

Вы являетесь въ нашей литературѣ первымъ историкомъ обновленной закономъ 1864 г. земской Россіи и въ своихъ работахъ по сему предмету, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ заглавіемъ «Десятилѣтіе русскаго земства», запечатлѣли навсегда имена тѣхъ земскихъ людей, кто съ неустанной энергіей полагалъ первые кирпичи для новаго историческаго зданія, именуемаго русской земщиной, и рядомъ съ этимъ заклеили того, кто ставилъ препятствія земскому строительству и въ дни призыва къ общей службѣ явилъ корысть и недобросовѣстность.

Вы же явились и первымъ историкомъ доблестнаго служенія родинѣ со стороны русской женщины, представивъ въ своихъ историческихъ трудахъ длинную галерею женскихъ историческихъ портретовъ, нарисованныхъ любящею и мастерскою рукою. Въ длинной серіи вашихъ романовъ и повѣстей, привлекившихъ къ себѣ тысячи читателей и не одного поколѣнія, вы, какъ историкъ-романистъ, никогда не стремились къ идеализаціи и прославленію героевъ и вѣлможныхъ личностей. Вашимъ собирательнымъ героемъ былъ герой-народъ, бытіе котораго вы всегда стремились изображать. Вотъ почему, быть можетъ, ни у одного изъ нашихъ писателей-беллетристовъ не отведено такъ много въ его произведеніяхъ мѣста стихійнымъ массовымъ движеніямъ народа, какъ именно у васъ, и вотъ почему вдумчивый читатель найдетъ въ вашихъ работахъ не только рельефно нарисованные, какъ говорится, «историческіе персонажи», но и усмотритъ вполнѣ наглядно обширную народную панораму, то движущуюся въ беспокойномъ волненіи, то пребывающую въ грозномъ, но внушительномъ молчаніи. Рядомъ съ работами беллетристическими вы немало подвизались и на поприщѣ публицистическомъ, воодушевленно отзываясь на важнѣйшіе вопросы дня и освящая ихъ подъ угломъ историческаго зрѣнія. Въ области вопросовъ этой категоріи вы особенно много потрудились надъ разработкою и освѣщеніемъ вопросовъ славянскаго, еврейскаго и малороссійскаго, въ особенности послѣдняго. Тутъ вы явились въ нашей литературѣ могучимъ звеномъ единенія двухъ развѣтвленій великаго славянскаго племени, внося въ ихъ взаимоотношенія не начало обычной славянской смуты и вражды, а начало любви и согласія, исторической гармоніи и равноправнаго братства.

Поэтому, провозглашая вамъ «славу», какъ русскому историкъ, романисту и публицисту, остававшемуся всегда и во всѣхъ областяхъ литературнаго слова вѣр-

нымъ служенію народному благу, предлагаю присутствующимъ дружнымъ хоромъ присоединиться и къ той «славѣ», которую сегодня провозгласяте вамъ и ваши земляки, какъ своему доблестному дѣятелю и заслуженному писателю.

Эта украинская «слава» была дѣйствительно возглашена нашему писателю его земляками, гг. Руссовымъ, Саладилловымъ, Арабажинымъ и Лотоцкимъ. Въ обстоятельныхъ рѣчахъ этихъ ораторовъ было указано на выдающуюся роль г. Мордовцева въ судьбѣ малороссійской печати и въ ея борьбѣ за равноправность, была отмѣчено его теплое задушевное отношеніе къ своимъ землякамъ, его любовь къ родной Украинѣ, ея исторіи, литературѣ, преданіямъ и народнымъ вѣрованіямъ, была высказана глубокая признательность за все имъ содѣланное въ теченіе 50 лѣтъ на пользу украинскаго народа и высказано сожалѣніе, что обстоятельства не позволяли ему отдать себя всецѣло на служеніе родному слову. Рѣчи Руссова и Лотоцкаго были произнесены по-малороссійски, рѣчь г. Арабажина, звучавшая особенною задушевностью, была сказана въ первой ея половинѣ по-русски, во второй по-украински. Ораторъ съ особенною силою подчеркнул обаятельное значеніе личности «дорогого діда», къ которому каждый молодой начинающій дѣятель литературы, невзирая на свою принадлежность къ той или иной изъ украинскихъ партій, могъ всегда смѣло итти, въ увѣренности встрѣтить поддержку, сердечное къ себѣ отношеніе, совѣтъ и помощь. П. М. Саладилловъ отъ имени благотворительнаго общества имени Тараса Григорьевича Шевченка объявилъ юбиляру, что онъ избранъ почетнымъ пожизненнымъ членомъ общества. Сказалъ также задушевное слово С. Ф. Годлевскій, отмѣтивъ въ дѣятельности Данила Лукича полное отсутствіе непріязненной тенденціозности въ его отношеніяхъ къ польской народности и его всегдашнее стремленіе внести въ взаимоотношенія обоихъ славянскихъ народовъ начала справедливости и братства. Профессоръ А. К. Бороздинъ посвятилъ свою рѣчь тому «сепаратизму», подъ знаменемъ котораго протекала литературная дѣятельность юбиляра, далъ историческое объясненіе законности этого сепаратизма, отмѣтилъ симпатичность и идеализмъ его и высказалъ убѣжденіе, что подъ знаменемъ такого сепаратизма не грѣхъ итти всякому просвѣщенному и любящему Россію человѣку.

Растроганный юбиляръ не былъ въ состояніи и въ силахъ отвѣчать на всѣ обращенія къ нему рѣчи, боясь расплакаться отъ переполнявшихъ его чувствъ, и только заявилъ съ обычной ему и столь хорошо извѣстной всѣмъ знающимъ его скромностью, что сдѣланная ораторами оцѣнка его литературной дѣятельности на самомъ дѣлѣ превышаетъ всѣ его заслуги. Послѣ рѣчей послѣдовало чтеніе главнѣйшихъ общественныхъ адресовъ, писемъ и телеграммъ.

Адресъ С.-Петербургскаго общества взаимопомощи донскихъ казаковъ:

Дорогой Данииль Лукичъ!

Тихій Донъ не разъ вдохновлялъ русскихъ поэтовъ и писателей дѣянїями своихъ сыновъ, но то были все «гости заѣзжіе, пѣвцы случайные», и историческая жизнь привольной рѣки ждала своего пѣвца, который повѣдалъ бы о ней міру.

Такимъ счастливымъ избранникомъ явились вы, дорогой Данииль Лукичъ. Родившись на берегахъ Дона, проведя подъ говоръ его тихоструйныхъ волнъ лучшіе дни юности, вы въ теченіе всей своей долгодѣтной жизни остались вѣрнымъ сыномъ далекой родины и отдали ей значительную долю своего литературнаго таланта. На протяженіи 50 лѣтъ своей славной работы вы дали рядъ талантливыхъ разсказовъ, не только исторически вѣрно рисующихъ былую жизнь Дона, но и впервые освѣтившихъ глубины сѣдой старины казачества. Каждое ваше произведеніе съ чувствомъ искренней радости и гордости привѣтствовалось донцами, и когда вы, уже будучи маститымъ писателемъ, посѣтили родныя мѣста, населеніе послѣднихъ, воодушевленное лучшими чувствами, устроило вамъ достойную встрѣчу. Въ жизни же слободы Даниловки и станицы Усть-Медвѣдицкой приѣздъ стараго донца составилъ особую эпоху.

Не одна только историческая жизнь Дона интересовала васъ. Вы до настоящаго момента чутко относитесь ко всему, что такъ или иначе касается вашей родины. Такъ, когда донцы, освѣвшіе на берегахъ Невы, сплотились въ дружную семью подъ именемъ «С.-Петербургскаго общества взаимопомощи донскихъ казаковъ», вы, Данииль Лукичъ, вошли въ эту семью однимъ изъ первыхъ и все время, несмотря на свой преклонный возрастъ, съ глубокимъ вниманіемъ относились къ интересамъ ея.

Глубоко цѣня ваши литературныя заслуги передъ далекой родиной, «С.-Петербургское общество взаимопомощи донскихъ казаковъ» проситъ васъ принять званіе почетнаго члена съ искреннимъ пожеланіемъ здравствовать многіе годы и вѣрить, что тихій Донъ не забудетъ вашей великой заслуги и занесетъ имя Даниила Лукича Мордовцева на скрижали своей исторїи.

Отъ женскаго взаимно-благотворительнаго общества:

Глубокоуважаемый Данииль Лукичъ!

Русская литература справляетъ сегодня славный праздникъ полувѣкового неустаннаго честнаго и талантливаго просвѣтительнаго труда. Принося вамъ теплыя поздравленія въ этотъ торжественный день, мы позволяемъ себѣ думать, что хоръ привѣтственныхъ голосовъ былъ бы не полонъ сегодня, если бы среди него не раздался голосъ русской женщины, историческимъ судьбамъ которой вы посвятили такъ много вашихъ силъ. Въ предисловіи къ I тому вашихъ монографій: «Русскія историческія женщины», выраженъ ясно вашъ взглядъ: «женщина, говорите вы, какою она проявляется въ исторїи,—это такой чувствительный барометръ, который прежде всего отражаетъ въ себѣ состояніе, если позволено такъ выразиться, общественной атмосферы. Каковъ характеръ и направленіе исторической эпохи,—такую является и женщина, едва ли не исключительнѣе, чѣмъ мужчина. Вотъ почему исторїя русской женщины не только пополняетъ собою исторїю вообще, но и уясняетъ ее болѣе, чѣмъ вся сумма прочихъ историческихъ матеріаловъ». Въ четырехъ книгахъ монографій вы слѣдили съ глубоко-справедливымъ и гуманнымъ чувствомъ за многовѣковыми перипетїями женскихъ судебъ, внимательно отмѣчая черты самобытной русской силы. И сила эта выясняется, насаивается и растетъ на талантливыхъ страницахъ вашихъ книгъ, примыкая непосредственно къ дилемъ живой дѣйствительности, пережитой многими изъ насъ; къ тѣмъ памятнымъ днямъ, когда неудержимый потокъ широ-

ких общественных вѣяній выразился въ страстномъ стремленіи русской женщины къ образованію и освобожденію. И вотъ нынѣ, въ знаменательные дни наступающаго возрожденія Россіи, мы, члены перваго и единственнаго въ Россіи союза женщинъ, горячо и благодарно привѣтствуемъ маститаго друга русской женщины, заронившаго во многіе умы и сердца искру теплой вѣры въ ея свѣтлое будущее».

Отъ Митавскаго русскаго общества.

Глубокочтимый Даниилъ Лукичъ!

Пятидесятилѣтній юбилей вашей литературной дѣятельности русская и украинская литературы празднуютъ въ возвышенное и знаменательное для всей Россіи время, въ дни могучаго гражданскаго подъема, освободительнаго движенія и начавшагося обновленія,—въ дни, когда вашъ юбилей долженъ необходимо принять характеръ торжества всей грамотной Россіи, ея завѣтныхъ думъ, ея живого и печатнаго слова.

Вотъ почему и мы, скромные труженики и представители Митавскаго русскаго общества, приобщаясь всей душой къ общему праздничному настроенію лучшихъ людей нашей страны и свято исповѣдуя ихъ вѣру, считаемъ своимъ гражданскимъ долгомъ и душевной потребностью, къ величественному хору окружающихъ васъ духовныхъ избранниковъ, правдивыхъ истолкователей современныхъ общихъ желаній и непоколебимыхъ стремленій нашего общества, присоединить и нашъ убѣжденный и увѣренный голосъ и нашъ едиனுшный привѣтъ.

Даниилъ Лукичъ! Какое завидное счастье на склонахъ дней своихъ видѣть предъ своими очами восходящую зарю, къ которой вся мыслящая Россія, томившаяся такъ долго въ полуночномъ мракѣ, обращаетъ свои молитвенные и надежды полные взоры! На закатѣ дней своихъ быть озареннымъ пламенно-яркой зарей восходящаго свѣтила золотой свободы,—это ли не чудный и рѣдкостный закатъ, predeterminedный вамъ судьбой?

Даниилъ Лукичъ! Вы переживаете второе «Знаменіе времени»! Почерпните же новыя силы въ несокрушимомъ могуществѣ общественнаго настроенія! Вдохновитесь трубными звуками богини Кліо, властно возвѣщающей нашему народу величайшее на землѣ благо—свободу!

Промолвите намъ вѣщее слово! Въ эти дни чуднаго вашего заката станьте и вы въ ряды чистыхъ душой учителей и пророковъ, смѣло и грозно провозвѣстившихъ намъ завѣтъ, какъ человѣку свободному, сильному и смѣлому перейти, по ученію Христа, отъ слова къ дѣлу и жить въ правдѣ и въ братскомъ единеніи, обративъ всю землю въ единую родину, благословенную вѣчнымъ миромъ и счастьемъ, согласно вложенному Богомъ въ наши сердца желанію и чаянію!

Промолвите вѣщее слово! Да будетъ оно для насъ богатымъ послѣдъ васъ наследіемъ, громкой лебединой пѣснью писателя-гражданина! Воздайте дань роднѣ и судьбѣ вашей, которая, будучи и впредъ покорна и послушна нашимъ общимъ горячимъ пожеланіямъ, да ниспослетъ вамъ новыя творческія силы.

Привѣтственныя и поздравительныя письма юбиляру прислали изъ числа писателей В. А. Амфитеатровъ, Н. Н. Карзинъ, А. С. Суворинъ, С. Н. Шубинскій и др. Поздравляя маститаго романиста, на произведеніяхъ котораго и онъ самъ въ свое время воспитывался, г. Амфитеатровъ говоритъ между прочимъ:

...«Кланяются вамъ изъ Рима земляки ваши—чубатые славяне съ барельефовъ Траяновой колонны. Эти философы много перевидѣли за 1800 лѣтъ своего каменнаго бытія и намѣрены еще видѣть много, много... Увилятъ они, конечно,—

и хочется вѣрить, что скоро!—также и всемірное торжество свѣтлыхъ человѣческихъ правъ: братства народовъ, равенства сословій и свободы личности, за которыя вы славно боролись рѣчью и перомъ цѣлые полвѣка. Подземное кипѣніе жизни поднимаетъ наверхъ нижніе пласты ея, и они становятся прекрасными, мощными горами. Воскресеніе народа есть воскресеніе народовъ. Оживуть угнетенныя племена, забытые языки, покинутыя страны, умершія народоправства. Близится, близится время, какъ ни тормозить его злыя силы, когда великороссъ, малороссъ, полякъ, еврей и всѣ народы нашей родины, равные въ правахъ гражданственности, созданные сообща завоеванною свободою, будутъ дружески жить сосѣдними вольными хатами, съ вольными голосами общаго схода. И ласково помянуть въ тѣ свѣтлые дни имена всѣхъ, кто, какъ вы, велъ своихъ современниковъ къ этому дорогому идеалу. Вести было тяжело, жутко, скорбно. Но— «чортъ возьми! да развѣ есть на свѣтѣ такое, чего бы побоялся казакъ?» Эти молодецкія слова великаго вашего земляка невольно встають въ моей памяти, когда я разсматриваю на портретѣ вашу добрую улыбку и ваши сѣдины. Ну, и великое спасибо вамъ, и исполать вамъ на бравомъ, честномъ казацествѣ!»

А. С. Суворинъ тепло и задушевно привѣтствовалъ своего стараго бывшаго сотрудника:

Милый Данило Лувиць!

Живъ Богъ, жива ваша душа послѣ такого многолѣтняго странствованія по Божьему міру. Она всегда была горячая, добрая, нѣсколько хохлацкая, талантливая, съ тѣмъ юморомъ, который такъ чудесенъ на хохлацкомъ языкѣ. Не говорю «на малорусскомъ», потому что подъ прекраснымъ солнцемъ Украйны начала рости вся Русь, а не малая только. Дай вамъ, Боже, еще прожить на этомъ свѣтѣ, чтобы увидѣть и почувствовать, что хохлацкій языкъ сталъ такъ же свободенъ въ печати, какъ былъ онъ въ думѣ, и можетъ продолжаться и рости въ литературѣ... Я не забуду, что свой первый историческій романъ вы написали по моей просьбѣ, а другому я далъ названіе «Царь и гетманъ», что вы писали въ моей газетѣ, называясь англичаниномъ, и были очень талантливымъ и симпатичнымъ англичаниномъ, вопреки репутаціи «коварнаго Альбіона». Но все же вы были прежде всего и послѣ всего даровитымъ русскимъ писателемъ, знавшимъ и русскую и малорусскую душу, и обѣ души вамъ откликались и будутъ откликаться долго и долго. Запорожью не бывать, но старая свобода никогда не умраетъ, а только обновляется, и глаза ея блестятъ ярче и свѣтлѣе. Да здравствуетъ Данило Лукичъ и въ жизни и въ своихъ произведеніяхъ!

Редакторъ «Историческаго Вѣстника» адресовалъ своему старому другу и сотруднику журнала шутливое письмо, написанное въ литературномъ стилѣ XVIII вѣка.

Пріятно любезный господинъ генераль-аншефъ отъ гисторіи!

Сколь ни горю велимъ желаніемъ въ сей радостный день съ вашей любовью побесѣдовать, однакоже, удрученный болѣзнями, не возможенъ сей чести удостоиться.

Принося вашей любви горячее, сердечное поздравленіе, желаю на предъ новую силу и всѣ небесныя, тѣлесныя, душевныя блага, дабы оными со многими иными послѣдствующими въ непремѣнномъ здравіи и благополучіи видѣть и дожить могли.

Благодарствую вамъ за вашу показанную мнѣ любовь и что вы меня въ число вашихъ пріятелей и служниковъ почитать изволите, и желаю бы чаще имѣть случаи, дабы сіе вашей любви о мнѣ воспріятое мнѣніе утвердить могли.

Крѣпко любывая старца Давіила, емь и вѣчно пребывать буду вашей любви обяванный и вѣрный секундъ-майоръ отъ гисторіи,

Сергія Шубинскій.

Редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Волховскаго Листка», «Дѣтскаго Чтенія», «Московскій литературно-художественный кружокъ», писатели: П. П. Гнѣдичъ, Н. А. Лейкинъ, А. А. Луговой, Н. И. Потапенко, прислали привѣтственные телеграммы, какъ равно отозвался на юбилей изъ Варшавы и ветеранъ русско-польскаго дѣла, В. Д. Спасовичъ, телеграфировавшій распорядителю торжественнаго обѣда П. И. Вейнбергу:

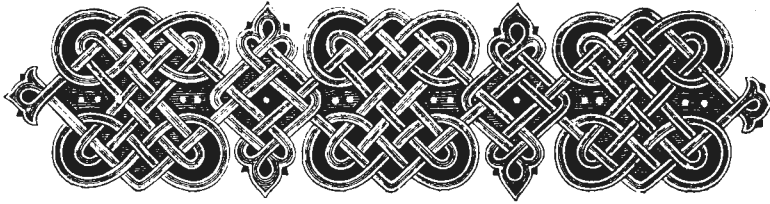
«Передайте юбиляру Данилъ Лукичу Мордовцеву мой поклонъ и признательность моихъ земляковъ-поляковъ ему, какъ украинцу-миролюбцу, за его прямое и неизмѣнно хорошее къ намъ расположеніе безъ всякой закваски, чтобы и безъ напоминанія о томъ, что было, но прошло, и что, слава Богу, не повторится. Его Украина и намъ, полякамъ, дорога. Да здравствуетъ всеславянскій миръ и братство».

Немало телеграммъ и письменныхъ привѣтствій въ стихахъ и прозѣ было получено отъ частныхъ знакомыхъ, пріятелей и поклонниковъ нашего романиста, какъ равно и отъ его земляковъ-украинцевъ изъ провинціи, въ томъ числѣ и отъ М. Л. Кропивницкаго, Ганны Барвінокъ и др.

Обѣдъ закончился стихотворнымъ экспромптомъ П. И. Вейнберга, провозгласившаго кличъ—«vivat Данилъ Лукичъ».

Праздникъ маслитаго старца, хотя и не отличался, въ связи съ извѣстными современными общественными событіями, особеннымъ многолюдствомъ, но былъ отмѣченъ трогательной задушевностью и воодушевленіемъ, гдѣ всѣ присутствовавшіе наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили сказать виновнику торжества ласковое слово съ выраженіемъ любви и признательности за его ко всѣмъ неизмѣнныя теплыя отношенія и за его плодотворную и разнообразную литературно-общественную дѣятельность. На память о юбилейномъ обѣдѣ всѣмъ присутствовавшимъ были розданы портреты г. Мордовцева съ перечнемъ всѣхъ его многочисленныхъ сочиненій, которыхъ, по подсчету его издателя П. И. Перевозникова, оказалось, написано свыше 129 убористыхъ томовъ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПУШКИНА.

(Сочинения А. С. Пушкина. Редакция П. А. Ефремова. Томы I—VIII. Издание А. С. Суворина. 1903—1905).

ВЫПУЩЕННОЕ недавно А. С. Суворинымъ подъ редакціею извѣстнаго библиографа П. А. Ефремова, въ «формулярномъ списокѣ» котораго значатся изданія Лермонтова, Полежаева, Жуковскаго, Фонвизина, Рылѣва, новое изданіе твореній Пушкина не можетъ не быть отмѣчено критикой, какъ настоящее литературное событіе. Оно—результатъ долгой работы, плодъ большой библиографической эрудиціи и богатаго техническаго опыта. Самая внѣшность изданія почтенна и внушительна: восемь большихъ томовъ, средняго формата, страницъ по 600—640 каждый, — всего не меньше 5.000 страницъ, напечатанныхъ на хорошей, плотной бумагѣ. Такое изданіе не посрамитъ даже самой изысканной библиотеки и угодитъ на избалованный вкусъ требовательнаго любителя книги. У насъ вообще, благодаря тому ли, что «въ Россіи нѣтъ денегъ», или тому, что наша публика на книги тратиться не любитъ, или вслѣдствіе обѣихъ этихъ причинъ вмѣстѣ, почти нѣтъ красивыхъ, изящныхъ изданій. Въ прошломъ году въ «Литературномъ Вѣстникѣ» кто-то жаловался, и справедливо жаловался, что, съ легкой руки «Нивы» и другихъ «семейныхъ» еженедѣльниковъ, наши классики печатаются на такой бумагѣ, что дешевымъ ихъ изданіямъ не прожить долго, и въ результатѣ публика скоро опять останется безъ книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно и непріятно читать Тургенева, Чехова, Достоевскаго, напечатанныхъ на отвратительной сѣрой бумагѣ, съ узко-обрубанными по-

лями, грязнымъ, битымъ шрифтомъ, тусклой краской, марающей пальцы. Одна внѣшность такихъ «общедоступныхъ» изданій можетъ отбить у читателя охоту братья за книгу; вкладомъ въ библиотеки эти изданія быть не могутъ. Не таково новое изданіе Пушкина, на внѣшности котораго словно лежитъ печать уваженія къ великому поэту. Не принадлежа по цѣнѣ къ числу дорогихъ, роскошныхъ изданій, *éditions de luxe*, оно и въ сравненіе не можетъ итти съ дешевыми и займетъ на книжномъ рынкѣ хорошее мѣсто.

Такое мѣсто займетъ оно и въ литературѣ. Оно—значительный шагъ впередъ и изъ всѣхъ существующихъ и завершенныхъ уже изданій Пушкина—наилучшее. Редакторъ, какъ говоритъ онъ въ предисловіи, старался «собрать все появившееся до сихъ поръ въ печати съ именемъ Пушкина, достовѣрно ему принадлежащее, и все это провѣрить, исправить и дополнить по сохранившимся рукописямъ поэта или по спискамъ, о которыхъ было извѣстно, что они сдѣланы прямо съ подлинниковъ». Нужно признать, что цѣль эта вполне достигнута П. А. Ефремовымъ. Прекрасно освѣдомленный въ довольно значительной по объему пушкинской литературѣ редакторъ въ основу своей работы положилъ дошедшія до насъ рукописи Пушкина, хранящіяся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, Императорской Публичной библиотекѣ и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, использовалъ кое-какія бумаги П. В. Анненкова и другіе матеріалы и далъ вполне обработанный текстъ произведеній поэта, въ чемъ заключается особенно трудное и щекотливое мѣсто подобныхъ изданій, и цѣлый рядъ примѣчаній, составившихъ объемистую книгу (примѣчаніями заняты весь VIII томъ). Тщательно исправивъ текстъ и провѣривъ сплошь да рядомъ неправильную у прежнихъ издателей расстановку знаковъ препинанія, г. Ефремовъ не оставилъ безъ особаго вниманія орфографію своего изданія, которую тщательно выправилъ, соблюдая и тутъ уваженіе къ великому писателю: въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя вошли въ изданные Пушкинымъ при его жизни (1829—1835 г.) шесть томовъ, сохранена орфографія *editionum principium*. Къ поэмамъ, появившимся при жизни автора въ отдѣльныхъ изданіяхъ, а также къ «Борису Годунову» и «Евгенію Онѣгину», г. Ефремовъ приложилъ точные снимки съ заглавныхъ листовъ ихъ первыхъ изданій, что вносить въ новое изданіе колоритъ пушкинской эпохи. Даже тотъ, кто не имѣетъ въ своей библиотекѣ изданія «Цыганъ» 1827 г., можетъ любоваться въ воспроизведеніи виньеткой на заглавномъ листкѣ поэмы, вызвавшей, какъ недавно довелось узнать, цѣлое «дѣло» въ III Отдѣленіи, которому очень подозрительна показалась эта виньетка; на ней изображены вѣнокъ, мечъ, хартія, разбитыя цѣпи и символъ мудрости—змѣя, выползающая изъ чаши (издатель «Всемирнаго Вѣстника» С. Сухонинъ обѣщаетъ напечатать это

«дѣло», вынырнувшее только въ наши дни на свѣтъ Божій). Украшено изданіе двумя портретами Пушкина,—офортами, снятыми съ оригиналовъ, которые признаются лучшими во всей пушкинской иконографіи и принадлежать Тропинину и Клиренскому; снимки приложены къ I и VII томамъ; оригиналы недавно фигурировали на устроенной въ Таврическомъ дворцѣ историко-художественной выставкѣ русскихъ портретовъ и дали возможность судить о прекрасномъ исполненіи приложенныхъ къ новому изданію офортовъ. Расположенъ матеріалъ, какъ водится во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, по «предметамъ»: то-есть, сперва идутъ стихи (отдѣльныя стихотворенія, поэмы, драматическія произведенія, сказки, «Евгеній Онѣгинъ»), затѣмъ—проза (романы въ прозѣ, повѣсти, журнальныя статьи, историческія работы, отрывки изъ дневника и записокъ). Предпоследній томъ отведенъ для писемъ, а послѣдній, какъ уже сказано выше, посвященъ примѣчаніямъ. Расположеніе матеріала въ хронологическомъ порядкѣ, при своей кажущейся «научности», было бы не такъ хорошо: давая возможность лучше познавать личную жизнь поэта, ходъ его мыслей, оно удовлетворяло бы лишь очень немногихъ специалистовъ и не было бы удобочитаемо, да и читателю труднѣе было бы ориентироваться въ отдѣльныхъ томахъ объемистаго изданія.

Текстъ доведенъ до возможной по цензурнымъ условіямъ полноты. Въ V томѣ «Записки» поэта напечатаны въ наиболѣ полномъ видѣ, а въ VII томѣ (стр. 544) и VIII томѣ (стр. 578—579) даны еще нѣкоторыя добавленія. Но одинъ пропускъ приходится отмѣтить. Въ V томѣ (стр. 400) г. Ефремовъ перепечаталъ замѣтки, сдѣланныя Пушкинымъ на поляхъ статьи князя П. А. Вяземскаго объ Озеровѣ, добытыя покойнымъ Л. Н. Майковымъ изъ Остафьевскаго архива и напечатанныя въ его книгѣ «Пушкинъ» (Спб., 1899 г.). Отрывочныя замѣтки эти мало понятны читателю, если онъ не знаетъ статьи Вяземскаго, или хоть тѣхъ мѣстъ, на которыя Пушкинъ сдѣлалъ замѣчанія; въ прекрасномъ изданіи, щеголяющемъ своей тщательностью и щедростью, нечего было скупиться на мѣсто и слѣдовало привести отрывки изъ статьи Вяземскаго. Тамъ же, а также въ «Примѣчаніяхъ» (т. VIII, стр. 567), г. Ефремовъ говоритъ, что не привелъ изъ той же книги Майкова замѣчаній Пушкина на произведенія Батюшкова, очень важныя, замѣтимъ, для изученія обоихъ поэтовъ, потому, что они тоже требовали пространныхъ выписокъ. Это очень недостаточное оправданіе, и опытному и умѣлому издателю можно поставить въ упрекъ, что онъ не внесъ въ свое изданіе такого замѣчательнаго сужденія Пушкина о свободѣ творчества (изъ замѣтокъ на статью Вяземскаго), какъ, напримѣръ, восклицаніе: «прекрасно!» по поводу словъ Вяземскаго, что «трагикъ не есть уголовный судья», или такое мнѣніе: «поэзія выше нравственности

или, по крайней мѣрѣ, совѣмъ иное дѣло. Господи Иисусе! Какое дѣло поэту до добродѣтели и порока? Развѣ—ихъ одна поэтическая сторона»; въ этихъ словахъ Пушкинъ изложилъ свѣтлый, свободный взглядъ истиннаго художника на искусство. Замѣчанія на стихи Батюшкова, сообщенныя Майковымъ, не менѣе интересны и совершенно иначе рисуютъ отношеніе Пушкина къ поэзіи Батюшкова, чѣмъ предполагалось раньше, на основаніи извѣстныхъ прежде, недостаточныхъ данныхъ. Въ хорошемъ изданіи такихъ пробѣловъ не должно быть; печатая записку Пушкина о денежномъ займѣ или уплатѣ процентовъ закладчику, отголоски будничныхъ дѣлъ простого смертнаго Пушкина, издатель не долженъ пропускать драгоцѣнныхъ мыслей великаго поэта Пушкина.

Есть и еще дефекты въ новомъ изданіи, которое, какъ всякое крупное дѣло, при всѣхъ его достоинствахъ, не лишено и нѣкоторыхъ недостатковъ. Мы считаемъ нелишнимъ остановить свое вниманіе на нихъ и исправить ихъ — для того, чтобы г. Ефремовъ избавилъ отъ ошибокъ слѣдующее изданіе своего труда, которому, вѣроятно, суждено будетъ явиться болѣе или менѣе скоро, а другіе издатели могли избѣгнуть ихъ. Нѣсколько ошибокъ есть въ текстѣ. Такъ, въ «Безвѣрїи» (I, 281) вмѣсто «съ усладой бытія несчастный разлучень...» надо читать: «съ отрадой бытія...»; не станемъ упоминать, конечно, о простыхъ опечаткахъ, но нельзя не отмѣтить ошибку, отражающуюся на смыслѣ стихотворенія. Въ I т., стр. 475, г. Ефремовъ вставляетъ въ одинъ стихъ лишнее слово, чѣмъ напрасно растягиваетъ стройный размѣръ стихотворенія: «въ ней чувства нѣтъ уже. Такъ легкой листь дубравъ»... и изъ пятистопнаго ямба дѣлаетъ шестистопный. Осторожно и внимательно внося въ свое изданіе строки Пушкина, г. Ефремовъ включилъ въ него весьма тяжелую и неуклюжую эпиграмму на Гнѣдича (т. I, стр. 325), въ принадлежности которой Пушкину самъ же (т. VIII, стр. 125) вполне основательно сомнѣвается. Подъ 1832 г. (т. II, стр. 306) г. Ефремовъ печатаетъ эпиграмму на А. Н. Муравьева: «Не всѣхъ бѣснующихъ людей Богъ истребилъ въ Тиверїадѣ, и изъ утопленныхъ свиней одна осталась въ Петроградѣ». Въ своихъ «Примѣчаніяхъ» (т. VIII, стр. 345) г. Ефремовъ самъ же рассказываетъ, что Пушкинъ напечаталъ въ «Современникѣ» (т. II) отрывки изъ трагедіи Муравьева «Битва при Тиверїадѣ»,—той самой трагедіи, которая вызвала включенную г. Ефремовымъ въ число произведеній Пушкина эпиграмму. Сталъ ли бы Пушкинъ печатать вещь, которая вызвала у него эпиграмму? Князь П. А. Вяземскій въ своихъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ на поляхъ втораго берлинскаго (1870 г.) изданія «Стихотвореній А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», прямо высказался: «не думаю, чтобы эта грубая эпиграмма принадлежала Пушкину» («Старина и Новизна», VIII, М., 1904, стр. 37). Но и

помимо приведенныхъ данныхъ неприкосновенность Пушкина къ этому плоскому четверостишию ясна сама собою. Слова «бѣснующихъ» не можетъ быть, такъ какъ нѣтъ глагола «бѣсновать», а есть—«бѣсноваться». Христосъ утопилъ въ Тиверіадскомъ озерѣ не людей, а свиней. Разъ свиньи утоплены, то какъ же можетъ остаться въ живыхъ одна изъ утопленныхъ? Быть авторомъ подобнаго четверостишія Пушкинъ не могъ. Набросокъ: «Любимецъ моды легкокрылой»... г. Ефремовъ считаетъ (I, 107; VIII, 271—273) посланіемъ къ О. А. Кипренскому, писавшему портретъ Пушкина; въ томъ же 1827 г., къ которому г. Ефремовъ относитъ эти стихи, написанъ портретъ поэта В. А. Тropicинимъ («Московск. Телеграфъ», 1827 г., т. XV, смѣсь, стр. 33), и утверждать навѣрное, что Пушкинъ писалъ эти строки о Кипренскомъ, нельзя. Первый стихъ одного черноваго наброска (II, 218) въ VIII томѣ (стр. 311) цитированъ неправильно: не «еще одной, великой, важной пѣсни...», а «еще одной высокой»... Выписки Пушкина изъ Четы-Миней г. Ефремовъ помѣщаетъ въ его перепискѣ (т. VII, стр. 637—638), тогда какъ умѣстнѣе было бы имъ находиться въ V томѣ, гдѣ помѣщена подходящая къ нимъ замѣтка о препод. Саввѣ Сторожевскомъ.

Напечатавъ въ VII томѣ нѣсколько новыхъ писемъ Пушкина и цѣлый рядъ архивныхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ «дѣла», которое вело о немъ III Отдѣленіе, и злополучнаго, испортившаго Пушкину немало крови «дѣла» о распространеніи стиховъ «Андрей Шенье», и подаривъ, такимъ образомъ, публику интересными новинками, г. Ефремовъ пропустилъ нѣсколько давно напечатанныхъ писемъ Пушкина и приписалъ ему два чужія письма. Одно изъ послѣднихъ (т. VII, № 447) было напечатано Н. Лернеромъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1902 г. и по изслѣдованіи почерка оказалось не пушкинскимъ. Другое (т. VII, № 340) писано Сергѣемъ Львовичемъ, отцомъ поэта, къ дочери, Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлицевой, и по ошибкѣ выдано за пушкинское Л. Н. Павлицевымъ («Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890, стр. 254). Пропущены г. Ефремовымъ слѣдующія письма Пушкина: къ Ѡ. Н. Глинкѣ, 21 ноября 1831 г., помѣщенное въ «Литературномъ Вѣстникѣ» (1904 г., I, 3), хотя онъ имѣлъ возможность внести его въ вышедшій лишь въ 1905 г. томъ своихъ «Примѣчаній», куда включилъ нѣкоторые пропущенныя въ VII томѣ письма (какъ, на примѣръ, письма къ П. А. Корсакову); нѣтъ перепечатаннаго Л. Н. Майковымъ («Пушкинъ», стр. 243—244) отрывка изъ недошедшаго до насъ письма Пушкина къ П. А. Осиповой, который приводитъ А. П. Кернъ-Маркова-Виноградская въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ (письмо писано около іюля 1825 г.). Пропущено письмо Пушкина къ Н. А. Дуровой отъ 19 января 1846 г., напечатанное въ «Русской Старинѣ» 1890 г., сентябрь, 666; это

отвѣтъ на письмо Дуровой отъ 6-го того же января; г. Ефремовъ могъ включить и его въ VIII-й томъ, но почему-то не сдѣлалъ этого. Есть и другія ошибки. Такъ, г. Ефремовъ говоритъ, что помѣщенное имъ подъ № 163 письмо Пушкина къ А. Н. Вульффу отъ 10 октября 1825 г. носить «помѣту Вульфа»: «10-го октября». Такая помѣта дѣйствительно есть на письмѣ, и мы ее видѣли (письмо хранится въ Императорской Публичной библиотекѣ), но сдѣлана она не Вульфомъ, а Пушкинымъ. Да и могъ ли бы Вульфъ помѣтить 10-мъ октября (конечно, днемъ полученія) письмо, прошедшее, судя по имѣющемуся на немъ почтовому штемпелю, черезъ Опочку 12 октября? Немало хронологическихъ погрѣшностей. Такъ, письмо къ Н. М. Языкову, изъ Москвы, отъ 21 декабря 1826 г. г. Ефремовымъ (т. VII, № 192) отнесено къ 21-му ноября; это невѣрно, потому что 21 ноября Пушкинъ не писалъ бы Языкову: «пишу изъ Москвы, куда вчера привезъ я...»; 20-го ноября Пушкина не было въ Москвѣ, куда поэтъ пріѣхалъ 20-го декабря (см. также показаніе Н. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. II, стр. 63). Письмо Пушкина къ А. Х. Бенкендорфу отъ 7-го февраля 1832 г. у г. Ефремова (т. VII, № 376) по ошибкѣ помѣчено 7-мъ января; оно—отвѣтъ на письмо шефа жандармовъ отъ 7-го февраля, на которое Пушкинъ отвѣчалъ въ тотъ же день (см. В. Брюсова, «Письма Пушкина и къ Пушкину», М., 1903 г., стр. 66). Альбомное стихотвореніе: «Что въ имени тебѣ моемъ», при жизни Пушкина печатавшееся подъ 1829 г., г. Ефремовъ (т. I, стр. 484; т. VIII, стр. 192—193) отнесъ къ 1823 г., основываясь на очень шаткомъ и сомнительномъ извѣстїи, что оно было написано Пушкинымъ графинѣ Собанской, которую поэтъ будто бы знавалъ въ Одессѣ (замѣтимъ, что г. Ефремовъ могъ съ равнымъ правомъ отнести стихотвореніе и къ другому «одесскому» году—1824); но даже если оно и написано графинѣ Собанской, то нѣтъ основаній думать, что это могло случиться только въ Одессѣ, и поэтому мѣнять пушкинскую дату. Письмо Пушкина къ А. Х. Бенкендорфу о позволеніи напечатать отдѣльной книгою свои прежде изданные стихи, заимствованное г. Ефремовымъ изъ использованнаго имъ «дѣла» III Отдѣленія, отнесено имъ къ 19 октября 1831 г., между тѣмъ какъ оно написано 27 іюля, а 19 октября Бенкендорфъ отвѣтилъ на него. Письмо къ Н. А. Дуровой, напечатанное въ VII т. подъ № 583, г. Ефремовъ относитъ къ сентябрю 1836 г.; несомнѣнно, оно относится не къ сентябрю, а къ іюню, такъ какъ представляетъ собою отвѣтъ поэта на письмо Дуровой отъ 7 іюня (оно напечатано И. Я. Шляпкинымъ въ его книгѣ: «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903 г., стр. 238—239). Печатаемая (т. VII, № 456) составленная Пушкинымъ письмо отъ имени Е. Шишковой къ графу С. С. Уварову, г. Ефремовъ помѣщаетъ его «между апрѣлемъ и августомъ» 1834 г.; это по-

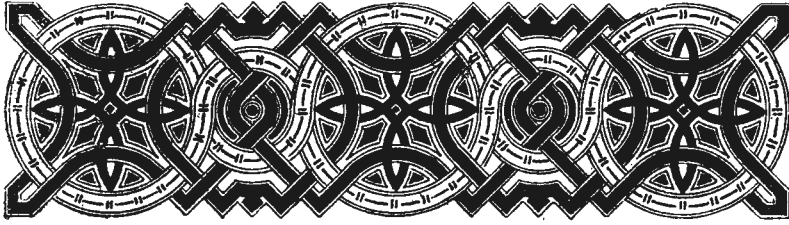
втореніе ошибки г. Шляпкина (ор. cit., 93), обозначившаго это письмо точно такъ же, тогда какъ письмо писано въ 1833 г., ранѣе 18-го августа (см. письмо къ Пушкину Н. И. Греча, рекомендовавшаго его вниманію Шишкова 13-го марта 1833 г., напечатанное П. И. Бартеневымъ, въ сборникѣ «Пушкинъ», М., 1881 г., ч. I, 19—20, и «Замѣтки о Пушкинѣ» П. Е. Щеголева, «Изв. отдѣл. русс. язык. и слов. имп. академіи наукъ», т. VIII, кн. 4, стр. 380). Письмо Пушкина изъ Полотняныхъ Заводовъ отъ августа 1834 года г. Ефремовъ (т. VII, № 491) помѣчаетъ: «передъ 25-мъ августа», тогда какъ только 25-го августа Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, отсюда проѣхалъ въ Калугу и лишь изъ Калуги пріѣхалъ въ имѣніе Гончаровыхъ (см. также Л. Н. Павлицева: «Воспоминанія о Пушкинѣ», 366—367). Черновикъ письма къ графу А. Х. Бенкендорфу, отнесенный г. Шляпкинымъ къ іюню 1835 года (Шляпкинъ: «Изъ неизданныхъ бумагъ», стр. 106), г. Ефремовъ (т. VII, № 535) помѣщаетъ послѣ 11-го октября. Надо думать, что и г. Ефремовъ, и г. Шляпкинъ ошибаются, такъ какъ въ письмѣ содержится жалоба на главный комитетъ цензуры, не отвѣтившій Пушкину на его просьбу отъ 28-го августа объ улаженіи затрудненій при представленіи рукописей въ цензуру, а 23-го сентября С. С. Уваровъ писалъ А. Н. Мордвинову, что Пушкину уже сообщенъ отвѣтъ (см. разбираемое изданіе, т. VII, стр. 606—607). Къ осени 1836 года г. Ефремовъ (т. VII, № 594) относитъ записку Пушкина къ Н. В. Путятѣ по поводу столкновенія съ Лагрена; дата эта ничѣмъ не оправдана. Письмо къ П. А. Осиповой, отмѣченное въ VII томѣ № 240, писано не въ 1829, а въ 1828 году. Какъ видно изъ него, Пушкинъ посылаетъ Осиповой и Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ по экземпляру недавно вышедшихъ (1827 и начало 1828 г.) третьей и четвертой и пятой главъ «Евгенія Онѣгина»; Осипова отмѣтила на письмѣ, что оно получено 13-го марта 1829 года, но это, повидимому, описка; посвятельная надпись на подаренномъ Пушкинымъ Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ экземплярѣ 4 и 5 главъ «Онѣгина» помѣчена 22-мъ февраля 1828 года («Русскій Вѣстникъ» 1869 года, № 11, стр. 71, стат. М. Семейскаго). Выпустить изъ типографіи первую часть «Стихотвореній Александра Пушкина» разрѣшено не 25-го мая 1829 г., а 25-го марта (т. VII, стр. 317). Письмо къ Нащокину, обозначенное въ перепискѣ поэта № 398-мъ, помѣчено 20-мъ октября 1832 года. Но изъ содержанія письма видно, что оно писано не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ возвращенія поэта въ Петербургъ изъ Москвы, откуда онъ выѣхалъ 10-го октября; въ немъ Пушкинъ говоритъ объ окончаніи перваго тома Дубровскаго, т.-е. доброй половины романа, написанной приблизительно въ началѣ декабря. Записка Пушкина на первомъ листѣ печатнаго экземпляра «Бориса Годунова» отъ 2-го января 1831 года адресована не С. Д. Полторацкому, какъ

думаетъ г. Ефремовъ (т. VII, № 305), а П. Я. Чаадаеву, на что давно указалъ М. Н. Лонгиновъ («Современникъ» 1856 года, июль, библиографическія записки, стр. 7—8). Письмо къ князю П. А. Вяземскому, помѣщенное въ VII т. подъ № 310, писано не въ январѣ 1831 года, а во второй половинѣ декабря 1830 года; оно—отвѣтъ на письмо Вяземскаго изъ Остафьева, отъ 19-го декабря.

Цѣлый томъ примѣчаній иллюстрируетъ текстъ различными историческими, біографическими и библиографическими замѣтками. Примѣчанія г. Ефремова не отличаются строгой систематичностью и научностью. Такъ, изучая текстъ произведеній поэта по вариантамъ, г. Ефремовъ иные варианты приводитъ по своему выбору, другихъ не приводитъ. Слишкомъ много мѣста отведено совершенно ненужной и недостойной памяти Пушкина полемикѣ съ П. О. Морозовымъ и нападкамъ на А. Θ. Онѣгина за то, что онъ обладаетъ (въ своемъ парижскомъ пушкинскомъ собраніи) рукописями Пушкина. Конечно, лучше было бы, если бы рукописи Пушкина не находились въ рукахъ частныхъ собирателей, а стали общимъ достояніемъ. Зато о большинствѣ примѣчаній (всѣхъ ихъ 718) надо сказать, что они очень цѣнны и интересны, прекрасно освѣщаютъ текстъ, кое въ чемъ дополняютъ его и исправляютъ немало вкрапившихся въ предыдущіе томы ошибокъ.

Но, несмотря на всѣ указанные недочеты, безъ которыхъ не можетъ обойтись такая огромная работа, и число которыхъ очень невелико въ сравненіи съ ея значительностью, изданіе г. Ефремова прекрасно. Изданіе, предпринятое фирмою «Просвѣщеніе», еще не окончено, академія наукъ еще не выпустила второго тома своего изданія (первый вышелъ въ 1899 году), и Пушкинъ, редактированный П. А. Ефремовымъ,—лучшее и самое полное собраніе твореній великаго нашего поэта. Все, что было сдѣлано по изученію вообще произведеній Пушкина, а въ особенности ихъ текста, послужило основою для новаго изданія. Въ своей полнотѣ и изяществѣ, исполненное съ трогательною любовью къ дѣлу, оно—настоящій памятникъ Пушкину,—памятникъ, который важнѣ всякой «мраморной славы» и «мѣдной хвалы». Теперь, когда пѣвецъ русской національной свободы пересталъ считаться «академическимъ» поэтомъ, когда значеніе его признано и оцѣнено по достоинству, каждое его слово цѣнится на вѣсъ золота, и малѣйшіе остатки былой эпохи, говорящіе намъ о немъ, усердно собираются и изучаются, изданіе П. А. Ефремова какъ нельзя болѣе своевременно. Желаемъ, чтобы оно украсило бібліотеку всякаго русскаго чловека.

Н. Лернеръ.

НОВЫЯ ДАННЫЯ О ПОЭТѢ А. И. ПОЛЕЖАЕВѢ.

ТО ЛѢТЪ минетъ скоро со времени рожденія А. И. Полежаева,—и до сихъ поръ у насъ еще нѣтъ удовлетворительной біографіи этого поэта, замѣчательнаго не только стихотвореніями, но и по обстоятельствамъ своей жизни. Въ рядѣ этюдовъ о Полежаевѣ¹⁾ мы старались показать ненадежность и невѣрность большинства свѣдѣній, передаваемыхъ намъ его біографами. Такое состояніе біографіи Полежаева заставляетъ обратиться къ поискамъ новыхъ фактовъ. Относительно военной службы Полежаева, то-есть второй и послѣдней половины его жизни, новыя данныя отыскиались въ дѣлахъ московскаго военнаго архива. Благодаря любезности И. И. О—аго и В. И. К—на, ознакомившись съ содержаніемъ этихъ дѣлъ и убѣдившись въ ихъ важности для біографіи Полежаева, мы намѣреваемся теперь представить читателямъ все наиболѣе существенное въ краткомъ извлеченіи.

4-го августа 1826 года А. И. Полежаевъ по высочайшему повелѣнію былъ опредѣленъ унтеръ-офицеромъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ «за стихотвореніе», какъ свидѣлствуютъ документы. При опредѣленіи на службу Полежаеву было на экипировку назначено изъ казенныхъ суммъ 160 рублей.

¹⁾ См. нашу книжку: «Изъ исторіи жизни и поэзіи А. И. Полежаева», Варшава, 1904 г., втудѣ въ «Литературѣ и просвѣщеніи въ Россіи», т. III, статью «Хроника рода Струйскихъ» въ «Русской Старинѣ» за 1903 годъ. Есть еще наша статья о Полежаевѣ въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» за 1903 годъ.

Вполнѣ подтверждается документами важное обстоятельство, извѣстное намъ ранѣе изъ разсказовъ Е. А. Комаровой-Дроздовой (см. «Изъ исторіи» етс., стр. 44), а именно, что о поэтѣ приказано было ежемѣсячно рапортовать. Сохранилось дѣло, содержащее рапорты командира Бутырскаго полка о поведеніи опальнаго поэта. Такимъ образомъ, заключенія біографовъ, будто бы государь позабылъ о Полежаевѣ, оказываются совершенно невѣрными. Всѣ мѣсячные рапорты полкового командира вплоть до іюня 1827 г., то-есть почти за годъ (за 10 мѣсяцевъ), свидѣтельствуютъ о хорошемъ поведеніи А. И. Полежаева. Только въ іюньскомъ рапортѣ командиръ полка отозвался о поэтѣ неодобрительно.

Именно въ этомъ мѣсяцѣ, въ іюнѣ 1827 г., и случилось съ А. И. Полежаевымъ большое несчастіе: онъ дезертировалъ изъ полка.

Психологія этого побѣга изъ службы біографами выяснена еще не совсѣмъ достаточно. Задумывая и совершая побѣгъ, поэтъ, несомнѣнно, находился не въ своемъ видѣ: еще до этого онъ запыль. При аудіенціи передъ зачисленіемъ Полежаева въ солдаты, государь, какъ извѣстно, разрѣшилъ поэту въ случаѣ надобности писать ему лично. Полежаевъ неоднократно писалъ государю. Достигали ли его просьбы до рукъ государя, мы не знаемъ. Дождавшись и не дождавшись отвѣта, поэтъ, разгоряченный и отуманенный многодневнымъ пьянствомъ, составилъ безумный планъ бѣжать изъ своей части и, представъ предъ государя, лично объяснить ему свое тяжелое положеніе.

Если такое объясненіе правильно, то Полежаевъ, очевидно, забывалъ двѣ вещи. Во-первыхъ, предположимъ, что ему удалось бы, избѣжавъ погони и ареста на пути, добраться до Петербурга; но какимъ же образомъ здѣсь онъ, бѣглый солдатъ, могъ добиться аудіенціи у императора? Разумѣется, онъ былъ бы немедленно схваченъ и въ видѣ арестанта препровожденъ въ свою часть. Во-вторыхъ, даже, если бы ему какимъ либо невѣроятнымъ образомъ и случилось попасть на царевы очи, то, какъ верховный командиръ своей арміи, императоръ Николай Павловичъ отнюдь не простилъ бы величайшаго нарушенія службы, оставленія знамени путемъ побѣга; несомнѣнно, такое свиданіе грозило поэту окончательною гибелью и никакъ не обѣщало ему помилованія и избавленія отъ военнаго мундира.

Какъ бы то ни было, отъ 14-го іюня 1827 г. полковой командиръ рапортовалъ, что унтеръ-офицеръ Полежаевъ скрылся. Положеніе командира было, конечно, весьма непріятное: изъ его части бѣжалъ нижній чинъ, опредѣленный по высочайшему повелѣнію и порученный его особому надзору, — лицо, о которомъ онъ обязанъ былъ подавать особый ежемѣсячный рапортъ. Вѣроятно, къ поэту въ полку стали относиться добрѣе, и присмотрѣ за нимъ ослабили: иначе побѣгъ былъ бы вещью невозможною. Поэтъ, вѣ-

роятно, сталъ пользоваться довѣріемъ—и бѣжалъ, нарушивъ это довѣріе, подводя все свое ближайшее начальство подъ крупную непріятность, какъ бѣгалъ и потомъ, на примѣръ, въ 1834 году, обманувъ довѣріе Ивана Петровича Бибикова, поручившагося за него честнымъ словомъ (см. «Изъ исторіи» etc., стр. 63).

Подвергли осмотру вещи бѣглеца, и среди нихъ его бумаги, въ которыхъ были обнаружены стихотворенія и письма.

Изъ писемъ раскрылось семейное положеніе поэта. Очевидно, въ полку ранѣе не знали о происхожденіи Полежаева. Самъ онъ, какъ мы знаемъ, не былъ охотникъ распространяться о своей семьѣ. Узнали и рапортовали, что отецъ и дядя поэта носятъ фамилію Струйскихъ, дядя—въ Петербургѣ, а отецъ—въ Тобольскѣ «подъ штрафомъ». Последнее письмо къ дядѣ было писано въ духѣ раскаянія, которое, какъ извѣстно, поэтъ приносилъ неоднократно...

Что касается стихотвореній, то ихъ, къ сожалѣнію, при рапортѣ не представили. Одни изъ нихъ были разныхъ стихотворныхъ авторовъ и только переписаны рукою Полежаева; другія были его собственнаго сочиненія, и, по суммарной оцѣнкѣ полкового командира, въ нихъ было мало смысла, а частью они были площадными и непристойными.

Путешествіе Полежаева впередъ и обратно продолжалось шесть дней. 20-го іюня рапортовали, что Полежаевъ добровольно явился изъ отлучки. Побѣгъ онъ мотивировалъ тѣмъ, что болѣзнь мѣшаетъ ему нести службу, а потому де онъ и хотѣлъ добраться до Петербурга, дабы испросить себѣ у его императорскаго величества прощенія и увольненія въ отставку.

Дорожныя его приключенія выясняются въ такомъ видѣ.

Часть полка, къ которой принадлежалъ Полежаевъ, стояла подъ Тверью, въ деревнѣ Низовкѣ. Полежаевъ удалился отсюда на разстояніе около 100 верстъ и добрался до уѣзднаго города Тверской же губерніи, Вышняго Волочка, откуда до Петербурга ему оставалось еще 336 верстъ. Возвратился онъ, кажется, по неизбѣжно средствамъ на дальнѣйшую дорогу, а, быть можетъ, еще и отъ того, что, протрезвившись на пути, онъ одумался и понялъ наконецъ весьма опасную сторону своего приключенія. На обратномъ пути извозчикъ, везшій его, посадилъ по дорогѣ еще какую-то женщину, у которой поэтъ занялъ 6 рублей 51 копейку для расплаты на постоялыхъ дворахъ.

За самовольную отлучку А. И. Полежаевъ былъ преданъ военному суду

Изъ сохранившагося аудиторіатскаго дѣла можно видѣть ходъ слѣдствія надъ поэтомъ. Семейное положеніе его, дотолѣ скрываемое имъ, раскрылось еще съ большими подробностями. Оказалось, что его отецъ по плоти есть Леонтій Николаевичъ Струйской, ра-

нѣе служившій лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, потомъ въ отставкѣ носившій чинъ губернскаго секретаря, а въ заключеніе всего сосланный въ Тобольскъ съ лишеніемъ дворянскаго достоинства за неумышленное убійство своего двороваго человѣка ¹⁾).

На слѣдствіи поэтъ опять ссылался на болѣзнь, не позволяющую ему выносить трудности военной службы. Какая это была болѣзнь, въ дѣлѣ прямо не сказано, но по нѣкоторымъ намекамъ можно догадываться, что цуес, которую молодой человѣкъ съ такимъ образомъ жизни, какъ Полежаевъ въ студенческіе годы, могъ захватить весьма легко. Въ качествѣ эксперта вызвали къ слѣдствію старшаго врача полка. Показаніе его выдержано въ весьма осторожномъ тонѣ. Надо полагать, что казалось опаснымъ давать основаніе къ удовлетворенію ходатайства Полежаева объ увольненіи отъ службы, когда онъ зачисленъ въ нее былъ по высочайшей волѣ. Однако, и медицинскій экспертъ какъ будто признавалъ болѣзнь въ Полежаевѣ, полагая весьма вѣроятнымъ, что Полежаеву въ силу его болѣзни служба можетъ казаться тяжелою.

Отговорокъ Полежаева и косвенныхъ подтвержденій врача военный судъ во вниманіе не принялъ, а призналъ его виновнымъ. По высочайшему повелѣнію, объявленному въ рапортѣ начальника главнаго штаба къ главнокомандующему отъ 1827 г. за № 2273, Полежаевъ за отлучку отъ полка, изъ коей самъ добровольно явился, былъ изъ унтеръ-офицеровъ разжалованъ въ рядовые и лишенъ дворянскаго достоинства безъ выслуги.

Изъ дѣла о награжденіи нашего поэта унтеръ-офицерскимъ званіемъ, или, собственно говоря, о возвращеніи ему такового, видно, что къ повышенію онъ былъ представленъ за боевыя отличія. Съ мая 1830 года Полежаевъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ подъ командою генераловъ барона Розена и Вельяминова (противъ извѣстнаго Кази-муллы). Особенно отличился поэтъ въ дѣлахъ 15-го, 17-го и 19-го января 1831 года, какъ сказано въ представленіи. Дѣла эти заключались въ слѣдующемъ. 15-го и 16-го января А. И. Полежаевъ участвовалъ въ слѣдованіи отряда изъ Гребенчука къ селенію Аутуръ и въ сожженіи его, въ слѣдованіи къ селенію Гельдигену (Гельденчуку); поэтъ былъ при овладѣніи имъ и его сожженіи; а 19-го января поэтъ былъ въ дѣлѣ при Кулишъ-юртѣ (это селеніе упомянуто въ представленіи, но не вошло въ формуляръ), при отраженіи непріятельскихъ скопищъ, неоднократно нападавшихъ на отрядъ, былъ при слѣдованіи къ селенію Ахто(Анто)-юрту и истребленіи его.

Высочайшимъ приказомъ отъ 29-го декабря 1831 года за отличіе противъ чеченцовъ Полежаевъ 3-го апрѣля 1832 года былъ

¹⁾ Эта исторія подробно разсказана у меня въ «Хроникѣ рода Струйскихъ».

произведенъ опять въ унтеръ-офицеры въ московскомъ пѣхотномъ полку, гдѣ онъ тогда служилъ.

Далѣе изъ дѣлъ видно, что, по прослуженіи всего 10 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ въ нижнихъ чинахъ, А. И. Полежаевъ 27-го декабря 1837 года былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ, по-тогдашнему, въ прапорщики. Тогда онъ служилъ уже въ Тарутинскомъ полку. Еще съ 26-го сентября 1837 года онъ находился въ московскомъ военномъ госпиталѣ и тамъ же 16-го января 1838 года скончался отъ легочной чахотки.

Къ біографическимъ даннымъ о поэтѣ позволяемъ себѣ приложить по имѣющемуся у насъ списку новую редакцію его стихотворенія, заключающаго въ себѣ характеристики четырехъ народовъ, англичанъ, французовъ, нѣмцевъ и русскихъ, и носящаго въ печати названіе «Четыре націи» (въ Ефремовскомъ изданіи сочиненій Полежаева, стр. 22—24). Стихотвореніе это въ свое время было весьма распространено въ рукописи. Редакція нашего списка, сдѣланнаго, какъ намъ передавали, въ свое время съ автографа поэта, сильно отличается отъ печатной и самымъ текстомъ, и заглавіемъ, и порядкомъ строфъ, и наконецъ еще тѣмъ, что въ концѣ указаны годы и мѣсто написанія пьесы.

ЧЕТЫРЕ НАРОДА.

Британскій лордъ
Отваженъ гордъ,
Онъ—властелинъ,
Онъ—вѣрный сынъ
Родной страны.
Ни короли,
Ни проискъ папъ
Коварныхъ лапъ
На смѣльчава
Не занесутъ—
И, будто Брутъ,
Онъ носитъ мечъ,
Чтобъ когти сѣчь.

Германецъ смѣлъ,
Но переспѣлъ
Въ котлѣ ума,
И, какъ чума
Окрестныхъ странъ
Самъ въ колпакѣ,
Носъ въ табакѣ,
Сидѣть готовъ,
Хоть пять вѣковъ.
За кучей книгъ,
Кусать языкъ
И проклинать
Отца и мать

За пару строкъ
Халдейскихъ словъ,
Которыхъ толкъ
Понять не могъ.

Французъ—дитя:
Онъ вамъ пути
Разрушить тронъ,
Издасть законъ;
Сегодня—царь,
А завтра—псарь,
И удивить,
И насмѣшить!

Въ Россіи...

.
А русаки —
— О дураки! —
Разинувъ ротъ,
Во весь народъ,
Кричатъ...
«Насъ бить пора!»
За то и бьютъ
И ночь, и день,
Пока не лѣнь.
Чѣмъ больше бьютъ,
Тѣмъ больше чтутъ.
А безъ побой,
Хоть волкомъ вой:
И упадетъ,
И пропадетъ!

С Рузаевка,
1827 года.

Эта редакція короче печатной; кое-гдѣ не соблюдены риѣмы; зато въ нѣкоторыхъ стихахъ варианты гораздо удачнѣе печатныхъ. Быть можетъ, это—первоначальный набросокъ стихотворенія, впоследствии переработаннаго и отдѣланнаго.

Проф. Е. А. Бобровъ.

СЕЛО ИЛЬИНСКОЕ.

МѢСТНОСТЬ къ западу отъ Москвы по своей живописности рѣзко отличается отъ восточной подмосковной. Это происходитъ отъ того, что по западной мѣстности течетъ Москва-рѣка со множествомъ рѣчекъ и ручьевъ, которые изрыли своими потоками всю эту сторону во всѣхъ направленихъ и разбили ее на множество красивыхъ уголковъ.

Имѣнiе покойнаго князя Сергiя Александровича, село Ильинское, лежитъ въ одномъ изъ такихъ типично красивыхъ уголковъ въ 18 верстахъ отъ Прѣсененской заставы.

Село и усадьба раскинулись на крутомъ лѣвомъ берегу рѣки, которая здѣсь, при поворотѣ, образуетъ дугу, обращенную къ сѣверу и округляющую къ югу обширную долину. Усадьба со своими парками окаймляетъ сѣверную часть рѣчной дуги, а село подъ тупымъ угломъ спускается вдоль сѣверо-восточной ея части. Съ сѣвера вся мѣстность опускается къ рѣкѣ террасами, обрываясь надъ ней крутымъ утесомъ.

Великолѣпный заливной лугъ, округленный рѣкой, упирается въ густой вѣковой лѣсъ.

Прелестный видъ открывается съ балкона дворца, обращеннаго къ рѣкѣ на лугъ и лѣсъ; правѣе лѣса за широкимъ лугомъ, къ западу, живописно расположена на холмѣ усадьба села Усова. Церковь и новый красивый дворецъ, недавно построенный владѣльцемъ села Усова, великимъ княземъ Сергiемъ Александровичемъ, красиво вырисовываются на фонѣ садовъ, сливающихся далѣе на западъ съ лѣсами, которые исчезаютъ за горизонтомъ.

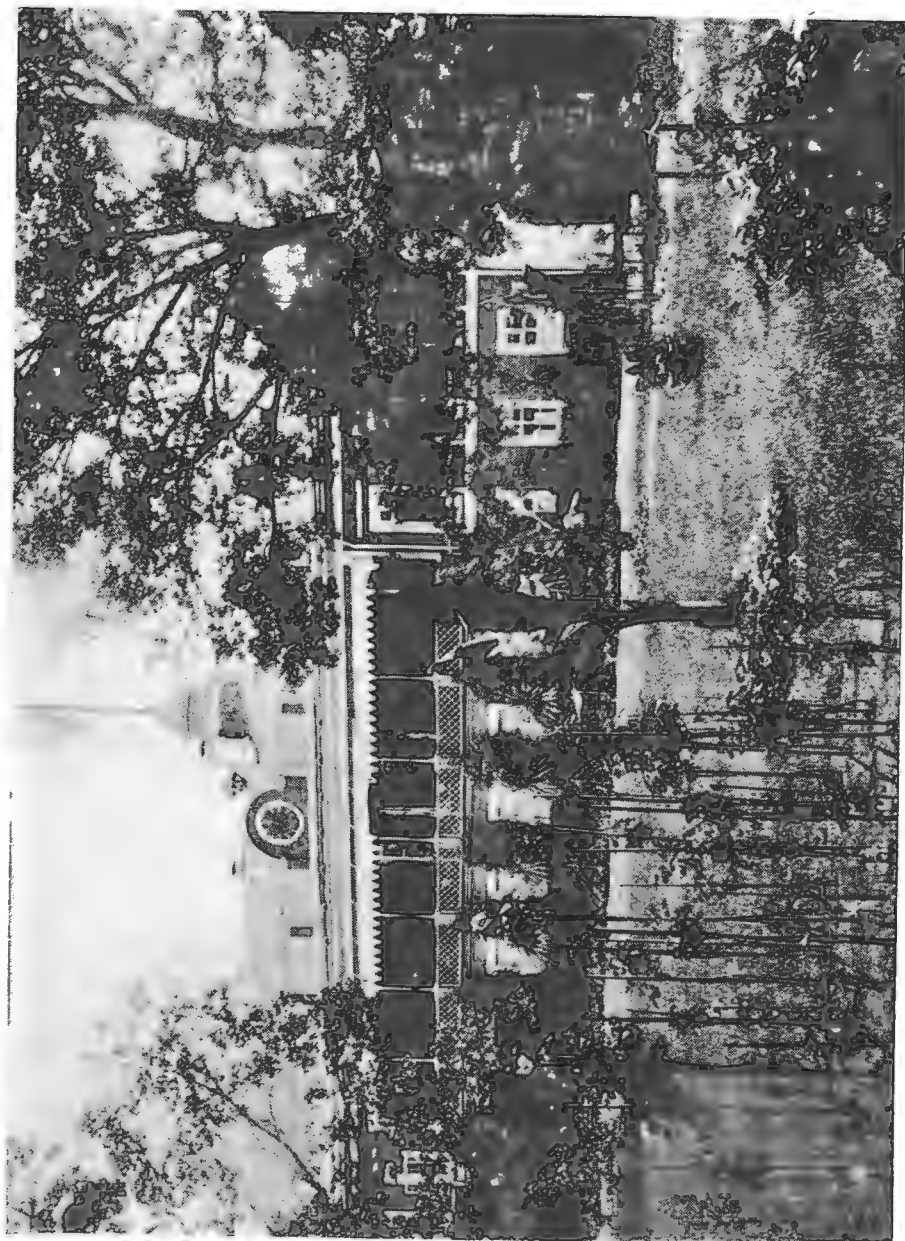
Общій видъ села Ильинскаго.

Влѣво у восточной оконечности лѣса рѣка дѣлаетъ новый поворотъ; крутой, обрывистый берегъ переходитъ на правую сторону рѣки, и тамъ верстахъ въ 2—3-хъ отъ Ильинскаго виднѣются приютившіяся по обѣимъ ея сторонамъ деревни—Луцкое и Борвиха, въ которыхъ, благодаря красивой мѣстности, хорошему воздуху и близости рѣки, нѣкоторые изъ москвичей поселяются въ настоящее время на лѣто. Позади нихъ, за уголкомъ лѣса и далѣе за полями, къ юго-востоку, бѣлѣтся церковь села Ромашкова, нѣкогда принадлежавшаго великой старицѣ Марѣ Ивановнѣ, матери царя Михаила Ѳеодоровича.

Въ дѣлахъ московскихъ архивовъ впервые село Ильинское упоминается въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича и значится дворцовымъ («въ 1616 году стольникамъ Борису и Глѣбу Морозовымъ изъ дворцоваго села Ильинскаго отданъ приселокъ Глухово со многими лугами, въ 1618 году Глѣбу Морозову отданъ другой приселокъ села Ильинскаго Луцкое»). Изъ писцовыхъ книгъ 1620 года видно, что Ильинскіе луга составляли продолженіе обширныхъ луговъ Тушинскихъ и Повшинскихъ, всегда принадлежавшихъ дворцу; на нихъ изстари паслись табуны царскихъ лошадей. Царское коннозаводство разрушилось во время смуты самозванцевъ и было очень не богато въ первые годы царствованія царя Михаила, почему Ильинскіе луга оставались пусты и были отданы Морозовымъ, какъ позднѣе и самое село было отдано В. И. Стрѣшневу.

Въ 1618 году, поляки при движеніи своемъ на Москву въ сентябрѣ занимали село Ильинское. До 1732 года въ Ильинскомъ была церковь во имя пророка Ильи, деревянная; въ этомъ же году, по полученіи высочайшаго указа, Стрѣшневъ приступилъ къ разборкѣ деревянной церкви и постройкѣ на этомъ же мѣстѣ каменной. Черезъ 8 лѣтъ церковь была готова и въ 1740 году, 9-го іюля, освящена. Колокольная же вмѣсто бывшей старой построена уже позже владѣльцемъ села, графомъ Александромъ Ивановичемъ Остерманомъ-Толстымъ.

Родъ Стрѣшневыхъ владѣлъ Ильинскимъ съ царствованія царя Михаила Ѳеодоровича до 1783 года, когда по завѣщанію послѣдняго Стрѣшнева село перешло къ его племяннику, графу Ивану Андреевичу Остерману, а по смерти его въ 1811 году—къ его внуку, Александру Ивановичу Остерману-Толстому. Дѣятельность его по устройству и украшенію имѣнія проявилась почти съ первыхъ лѣтъ вступленія его во владѣніе этимъ помѣстьемъ. Когда графъ Александръ Ивановичъ получилъ Ильинское, то въ усадьбѣ былъ небольшой садъ; мѣстность была совершенно обнажена, и только кое-гдѣ между домами росъ кустарникъ; онъ перестроилъ заново главный деревянный домъ, на каменномъ фундаментѣ, и съ балкона, обращеннаго къ рѣкѣ Москвѣ, устроилъ земляную насыпь,

Дворецъ въ Ильинскомѣ.

которая доходила до половины крутого къ ней спуска. Графа довольно часто свозили въ колясочкѣ по этому спуску. Впослѣдствіи этотъ спускъ былъ уничтоженъ для устройства въ нижнимъ этажѣ дома жилого помѣщенія. Остерманъ возвелъ почти всѣ тѣ домики, которые и теперь разбросаны по паркамъ, только названія ихъ нѣсколько измѣнены.

1) «Пойми меня» былъ названъ тогда «Пріютъ пріятелей». 2) Въ нынѣшнемъ «Пріютѣ пріятелей» была графская баня и ванная. 3) «Милovidъ» назывался «Графскимъ домомъ»; въ немъ жилъ Остерманъ. 4) «Кинь-грусть» (такъ названный при великомъ князѣ Сергіи Александровичѣ, а при государынѣ императрицѣ называвшійся «Походной канцеляріей») былъ извѣстенъ подъ именемъ «Сторожевого дома». 5) «Нечуй-горе» тоже имѣлъ другое названіе, но какое именно—старожилы не помнятъ. 6) «Библиотека» каменная имѣла названіе «Обсерваторія», вѣроятно, благодаря двумъ башнямъ: здѣсь собирались для игры въ карты и на билліардѣ. Этотъ домикъ обращенъ въ бібліотеку при покойной императрицѣ. 7) Каменные конюшни сохранились въ прежнемъ видѣ. 8) Большія оранжереи вдоль берега рѣки сохранились такъ же.

Въ 1818 году, графомъ было проведено шоссе отъ переправы черезъ Москву-рѣку до усадьбы, а черезъ ручей Егорьевскаго оврага, пересѣкавшаго шоссе, былъ построенъ каменный мостъ, по которому 29-го мая 1818 года проѣхала императрица Марія Ѳеодоровна, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на каменномъ столбѣ у моста. Въ этомъ же году графъ пристроилъ въ церкви два придѣла, во имя св. Ѳеодора и Іоанна Богослова, въ память братьевъ своей бабки, графовъ Ѳедора и Ивана Андреевичей Остермановъ, отъ которыхъ онъ унаслѣдовалъ титулъ, фамилію и имѣніе.

Въ 1828 году, вернувшись изъ-за границы, Остерманъ построилъ каменную колокольню, для коей былъ вылитъ колоколъ изъ четырехъ пушекъ, лежавшихъ дотолѣ передъ домомъ. Во время отсутствія мужа, графиня Елизавета Алексѣевна приступила къ устройству въ Ильинскомъ парка, для чего липы, дубы и проч. привозились издалека и платили за ихъ перевозку по 5 рублей ассигнаціями. Противъ бібліотеки графиня построила березовую бесѣдку.

Графъ Александръ Ивановичъ любилъ приглашать гостей въ Ильинское, которыхъ иногда собиралось очень много, такъ что всѣ дома были переполнены. Постоянными же посѣтителями были ближайшіе сосѣди, владѣльцы сель Архангельскаго, Урюпина, Петровскаго и Усова — князья Голицыны, Юсуповы и А. П. Хрущевъ.

Графъ Остерманъ-Толстой скончался 30-го января 1857 года въ Женевѣ на 87-мъ году отъ рожденія. Послѣ его смерти наслѣдникомъ его титула и фамиліи сталъ его племянникъ, князь

Бесѣдка императора Александра I въ Ильинскомъ.

Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ, затѣмъ титулъ перешелъ къ единственному сыну князя Валеріана, князю Мстиславу Голицыну.

Въ 1834 году въ Ильинскомъ прожилъ двѣ недѣли лѣтомъ поэтъ Полежаевъ, написавшій здѣсь нѣсколько стихотвореній.

Однимъ изъ управляющихъ Ильинскимъ былъ извѣстный писатель Лажечниковъ.

Послѣднимъ представителемъ крѣпостного права въ Ильинскомъ былъ князь Леонидъ Михайловичъ Голицынъ, которому Остерманъ передалъ всѣ свои имѣнія, не входившія въ майоратъ, въ томъ числѣ и Ильинское. Онъ славился добротою и отеческимъ отношеніемъ къ дворовымъ и крестьянамъ. Добрая память о немъ до сихъ поръ живетъ въ этомъ селѣ. Добротою князя крестьяне очень часто злоупотребляли. Приказчиковъ и управляющихъ же князь не долюбивалъ за ихъ эксплуатацію крестьянъ. При рѣдкой добротѣ князь былъ человѣкъ очень вспыльчивый, и провинившійся часто угощался по спинѣ палкой, хотя гнѣвъ князя скоро проходилъ; обыкновенно тотъ, кто подвергался его гнѣву, получалъ вознагражденіе. Но, прощая легкіе проступки, князь строго каралъ за проступки серьезные, которые могли имѣть дурныя послѣдствія или подавать дурной примѣръ. Въ такихъ случаяхъ провинившіеся ссылались въ южныя помѣстья князя, гдѣ баловства уже не было, и гдѣ надзоръ не только былъ строгій, но и работа была тяжелѣе и обращеніе болѣе крутое. Вообще ильинскихъ мужичковъ князь баловалъ и давалъ имъ многія льготы, чѣмъ не пользовались южныя его помѣстья, гдѣ были сосланные за провинности крестьяне.

Главный промыселъ ильинскихъ крестьянъ была торговля сѣномъ. Дошло до князя, что мужички при продажѣ сѣна плутуютъ и не чисты на руку, и вотъ, чтобы отвлечь ихъ отъ этого, князь надумалъ заинтересовать ихъ ремеслами. Для этой цѣли онъ завелъ мастерскія—столярныя, слесарныя, кузнечныя, золоченія дерева и плетенія соломы, въ которыхъ стали обучать крестьянскихъ дѣтей. Дѣло было поставлено настолько серьезно, что плоды его видны и понынѣ. Не только въ Ильинскомъ, но и въ Глуховѣ крестьяне значительно обогатились. Кромѣ этого, князь завелъ школу съ интернатомъ, въ которой дѣти обучались грамотѣ, пѣнію и даже танцамъ. Пѣніе было поставлено очень хорошо, и училъ пѣнію регентъ чудовскаго хора. Дѣти, которыя пѣли, имѣли форму и вообще пользовались преимуществомъ передъ другими. Князь ихъ даже баловалъ, угощая ихъ пирожными и всякими лакомствами, а большихъ дарилъ деньгами.

Князь, какъ и прежніе владѣльцы, любилъ принимать и угощать гостей, которыхъ у него бывало множество; но, любя угощать и веселить гостей, князь не забывалъ и своихъ крестьянъ, которыхъ тоже веселилъ и угощалъ очень часто. Старожилы до сихъ

поръ вспоминають добраго князя съ благодарностью. Когда распространился слухъ о «волѣ», князь рассчитывалъ, что его крестьяне не обрадуются, и когда узналъ отъ священника, что крестьяне ликуютъ, очень огорчился и воскликнулъ: «я не виноватъ: это они каналы!» намекая этимъ на приказчиковъ, бургомистровъ и другихъ.

По смерти князя Леонида Михайловича, въ 1860 году Ильинское перешло во владѣніе къ его вдовѣ, княгинѣ Аннѣ Матвѣевнѣ Голицыной. Вскорѣ было обнародовано положеніе о крестьянахъ, и княгиня, принявшая на себя заботу и попеченіе о крестьянахъ, хотѣла передать имъ всю землю сверхъ положенія, оставивъ себѣ лишь домъ съ паркомъ. Но избалованные крестьяне, видя, что имъ дають сверхъ положенія, вздумали требовать и паркъ. Какъ ихъ ни уговаривали и ни разъясняли всю нелѣпость ихъ требованія, крестьяне стояли на своемъ, почему дѣло было передано мировому посреднику, который и распорядился отмежевать угодыя имъ по положенію. Только тогда поняли крестьяне, чего они лишились, благодаря дерзкому своему упрямству, и оплакивали, хотя и поздно, то благодѣяніе, которое хотѣла сдѣлать имъ княгиня.

Въ 1863 году княгиня Анна Матвѣевна рѣшила продать Ильинское, и оно было куплено по повелѣнію императора Александра Николаевича удѣльнымъ вѣдомствомъ со всѣми строеніями, заведеніями, оранжереями и мебелью за 108.000 рублей (купчая совершена 2-го апрѣля 1864 года). На ремонтъ и возведеніе новыхъ построекъ въ Ильинскомъ было ассигновано 113.000 рублей. Одновременно съ этимъ было приступлено къ постройкѣ шоссе отъ Москвы до Ильинскаго, которое было важно не только для Ильинскаго, но и для всей окружающей мѣстности. Для сообщенія Ильинскаго съ противоположнымъ берегомъ былъ построенъ министерствомъ путей сообщенія черезъ Москву-рѣку у оконечности села въ 1867 году плашкотный мостъ.

27-го іюня 1864 года послѣдовалъ высочайшій указъ департаменту удѣловъ о предоставленіи въ даръ Ильинскаго государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ. 16-го августа государь императоръ въ первый разъ посѣтилъ Ильинское, гдѣ осматривалъ работы по ремонту и возведенію новыхъ построекъ, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, обѣдалъ въ главномъ домѣ и вечеромъ возвратился въ Москву. Комиссія на дополнительныя работы исчислила еще 10.000 рублей. Въ 1865 году, 18-го августа, государь вторично посѣтилъ Ильинское, чтобы осмотрѣть все сдѣланное. Государь прибылъ съ наслѣдникомъ, великими князьями Владимиромъ и Павломъ Александровичами, великими князьями Владимиромъ и Павломъ Александровичами, Михаиломъ Николаевичемъ, министромъ двора графомъ Адлербергомъ, княземъ Долгоруковымъ, графомъ Перовскимъ и дежурнымъ флигель-адъютантомъ Тучковымъ. Государь осмотрѣлъ всѣ помѣщенія, какъ во дворцѣ, такъ равно и

въ отдѣльныхъ постройкахъ, а затѣмъ церковь и паркъ, гдѣ масса крестьянъ восторженно его привѣтствовала. Всѣмъ виднымъ государь остался очень доволенъ и благодарилъ членовъ комиссіи за труды и заботы:

— «Я убѣжденъ, что моя хозяйка,—сказалъ государь,—останется такъ же довольна, какъ и я».

Вечеромъ государь уѣхалъ изъ Ильинскаго.

1-го сентября 1865 года, государь и государыня прибыли въ Ильинское на двѣ недѣли. Духовенство выходило изъ церквей съ хоругвями и св. иконами навстрѣчу ихъ величествамъ. По всему пути изъ Москвы народъ восторженно привѣтствовалъ царскую чету. Для содержанія караула въ Ильинскомъ вступила рота 1-го Екатеринославскаго гренадерскаго полка. Ихъ величества прослѣдовали прямо въ церковь, гдѣ были встрѣчены мѣстнымъ духовенствомъ. Послѣ молебствія ихъ величества обходили паркъ, подробно осматривали дворецъ и другія постройки, остались очень довольны и благодарили членовъ комиссіи по устройству имѣнія. Живя въ Ильинскомъ, ихъ величества часто гуляли по паркамъ и окрестностямъ и, встрѣчая сосѣдей-помѣщиковъ, милостиво съ ними бесѣдовали. Государыня, какъ хозяйка имѣнія, приняла на себя заботы по устройству больницы и школы для крестьянъ. 18-го сентября ихъ величества выѣхали въ Москву, откуда прослѣдовали въ Петербургъ. Въ 1866 году, 27-го мая, ихъ величества съ великими князьями снова прибыли въ Ильинское, гдѣ пробыли государь до 21-го іюня, а государыня съ дѣтьми до 3-го іюля. Въ 1867 году департаментомъ удѣловъ по высочайшему повелѣнію было куплено для полноты и красоты Ильинскаго прилегающее къ нему имѣніе Усово отъ генералъ-майора Казакова, которое по высочайшему указу тоже передано въ собственность государынѣ.

Въ 1869 году, 11-го іюня, государь и государыня опять посѣтили Ильинское, при чемъ осматривали и пріобрѣтенное имѣніе Усово. Государыня крайне поражена была бѣдностью и ветхостью храма въ Усовѣ, почему приказала сейчасъ же выдать нужную сумму на капитальный ремонтъ храма и выстроить домъ для сельскаго училища, что и было исполнено къ 1873 году. Ихъ величества на этотъ разъ прожили въ Ильинскомъ до 23-го іюля и отсюда уѣхали черезъ Кіевъ въ Крымъ. Этотъ разъ ихъ величества послѣдній разъ были въ Ильинскомъ. Ожидали ихъ пріѣзда каждый годъ, все ремонтировалось, возводились даже новыя постройки, но обстоятельства складывались такъ, что ихъ величествамъ болѣе не пришлось побывать въ подмосковной резиденціи императрицы.

22-го мая 1880 года въ Бозѣ почилъ императрица Марія Александровна, и 12 іюля 1880 года послѣдовалъ министру импера-

торскаго двора высочайшій указъ о переходѣ Ильинскаго, согласно волѣ покойной государыни, въ пожизненное владѣніе и распоряженіе государя императора.

1-го марта 1881 года въ Бозѣ почилъ государь императоръ Александръ Николаевичъ, и 12-го марта 1882 года государь императоръ Александръ Александровичъ повелѣтъ соизволилъ: имѣнія Ильинское и Усово, зачисленныя согласно духовному завѣщанію покойной государыни императрицы Маріи Александровны въ собственность его высочества великаго князя Сергія Александровича съ его нисходящимъ потомствомъ, передать изъ вѣдѣнія департамента удѣловъ въ управленіе собственной конторы августѣйшихъ дѣтей ихъ императорскихъ величествъ.

Въ этомъ имѣніи и проживалъ каждое лѣто его высочество съ супругой, въ бытность свою московскимъ генералъ-губернаторомъ

Н. Н. Останковичъ.

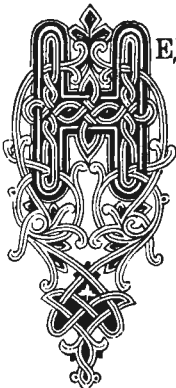

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Третій томъ архива графа К. Нессельроде.—Его письма (изъ Парижа въ 1810—1811 гг.) къ М. М. Сперанскому.—Окончаніе «Европы и французской революціи» Сореля.—Отношенія Россіи къ Франціи и Европѣ въ 1812—1815 г.г.—Празднованіе выхода послѣдняго тома тридцатилѣтняго труда Сореля.

Третій томъ архива графа К. Нессельроде.

ЕДАВНО вышло въ Парижѣ продолженіе «Писемъ и бумагъ канцлера графа Нессельроде, 1760—1850 годовъ», издаваемыхъ его внукомъ, графомъ А. Нессельроде¹⁾. Этотъ третій томъ обнимаетъ 1805—1811 гг. и раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая оканчивается въ 1809 году и заключаетъ въ себѣ переписку графа Карла Нессельроде, бывшаго канцлера, съ его отцомъ, графомъ Вильгельмомъ Нессельроде. Послѣдній жилъ тогда въ отставкѣ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, который былъ политическимъ и литературнымъ центромъ Германіи. Такимъ образомъ въ этомъ городѣ сосредоточивались всѣ новости не только Германіи, но Франціи и Голландіи, а чрезъ послѣднюю даже Англии. Источникомъ этихъ новостей служила «Франкфуртская Газета», и, естественно, графъ Вильгельмъ Нессельроде черпалъ изъ первыхъ рукъ всѣ новости и передавалъ ихъ въ письмахъ къ своему сыну. Что касается графа Карла, то онъ въ то время только что начиналъ свою дипломатическую карьеру въ качествѣ состоящаго при русскомъ посольствѣ въ Берлинѣ и въ Гаагѣ. Живя въ Берлинѣ, молодой дипломатъ счи-

¹⁾ Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760—1850. Extraits de ses archives. Par le comte A. de Nesselrode. Tome III. 1805—1811. Paris. 1905.

талъ этотъ городъ самымъ веселымъ центромъ Европы и на все смотрѣлъ съ розовой точки зрѣнія, но съ теченіемъ нѣкотораго времени онъ убѣдился, что въ Европѣ есть болѣе интересные во всѣхъ отношеніяхъ города, а потому съ удовольствіемъ переехалъ въ Гаагу, гдѣ при немъ совершилась замѣчательная перемѣна, а именно Голландія сдѣлалась королевствомъ подъ главенствомъ брата Наполеона, Людовика. Его переписка съ отцомъ особенно обширна, и издатель сокращаетъ ее въ значительной мѣрѣ, оставляя преимущественно тѣ изъ писемъ отца и сына, которыя отличаются политическимъ характеромъ, а главное ненавистью къ «корсиканскому тирану». Они оба одинаково упрекали правительства—петербургское, вѣнское и берлинское, за слабость и недостатокъ энергіи относительно французскаго императора; въ особенности сынъ обвиняетъ отца за отсутствіе достоинства и присутствіе на банкетахъ, даваемыхъ въ честь французскихъ генераловъ. Вообще ихъ переписка не представляетъ ничего интереснаго особенно для русскихъ, такъ что во всѣхъ 224-хъ страницахъ можно отыскать любопытнаго только странное мнѣніе сына о знаменитомъ англійскомъ адмиралѣ Нельсонѣ, котораго онъ обвиняетъ въ вѣчной привычкѣ упускать вражескіе флоты, «благодаря своей обычной неловкости», и слова, приводимыя отцомъ изъ разговора съ Вольтеромъ въ Манхеймѣ, въ 1752 году. Великій философъ однажды, разсуждая о безуміи своихъ соотечественниковъ, сказалъ: «Чтобы хорошенько узнать француза, надо было бы представить его себѣ въ видѣ полуобезьяны и полутигра: въ обоихъ этихъ типахъ найдешь совершенное сходство съ французскимъ».

Напротивъ того, вторая часть новаго тома писемъ графа Нессельроде отличается большимъ интересомъ; она касается переписки графа Нессельроде со Сперанскимъ во время пребыванія перваго въ Парижѣ въ 1810—1811 годахъ. Занимая официальное мѣсто совѣтника посольства при посланникѣ, князѣ Куракинѣ, Нессельроде имѣлъ отъ императора Александра тайное порученіе сообщать ему чрезъ Сперанскаго, находившагося тогда въ зенитѣ своей силы и славы, всѣ свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Парижѣ. Юный дипломатъ съ удивительнымъ искусствомъ разузнавалъ всѣ политическія тайны за деньги и хитростью, такъ что его переписка съ Сперанскимъ представляетъ любопытную картину подготовительныхъ событій къ войнѣ 1812 года. До сихъ поръ еще не было ничего подобнаго въ печати, и потому издатель переписки совершенно правъ, напечатать ее цѣликомъ. Она, такъ сказать, будетъ служить высоко любопытнымъ введеніемъ къ четвертому тому «Писемъ и бумагъ графа Нессельроде», который выйдетъ въ концѣ настоящаго года и будетъ заключать въ себѣ всѣ документы, касающіеся 1812 года.

Писемъ Нессельроде къ Сперанскому изъ Парижа всего сорокъ шесть, а по дорогѣ въ Петербургъ изъ Вѣны—одно; обнимали же они годъ и шесть мѣсяцевъ, отъ 13-го марта 1810 года до 10-го сентября 1811 года. Эти письма посылались тайно, и даже имена собственныя и названія странъ обозначались условнымъ образомъ, напримѣръ, Нессельроде называлъ въ нихъ Наполеона: «любезникомъ», «моимъ другомъ», «Терентіемъ Петровичемъ» и «Софьей Смитъ»; императора Александра—«Луизой», «Мольво» и «ученымъ»; Талейрана—«моимъ двоюроднымъ братомъ Анри», «Та», «Анной Ивановной», «нашимъ библіотекаремъ», «красавцемъ Леандромъ» и «юрисконсултомъ»; Фушэ—«Наташей», «президентомъ», «Бержиномъ»; Коленкура—«Халчинскимъ» и «собственникомъ»; Шампаньи—«миленькимъ» и «моимъ племянникомъ Сергѣемъ»; Марэ—«Дмитріемъ Петровичемъ»; австрійскаго императора—«Робертомъ»; князя Шварценберга—«Николаемъ» и «черепомъ»; князя Александра Куракина—«Андрюшей» и «горбуномъ»; Чихачева—«моимъ покровителемъ», «моимъ дядей», «добрякомъ», «слишкомъ чувствительной принцессой», «маркизомъ Тюлипаномъ»; Францію—«мраморнымъ дворцомъ» и «Лизетой»; Англію—«подагрикомъ» и «Колѣнь-Тампономъ»; Испанію—«сплетницей» и «трусихой»; Порту—«бараномъ»; нашу турецкую войну—«вашимъ братомъ»; испанскую войну—«материнской любовью»; консервативныя идеи—«методой Песталоцци»; либеральныя идеи—«англійскимъ земледѣліемъ»; Сперанскаго—«моимъ рѣзвымъ двоюроднымъ братомъ», «путешественникомъ» и «Каролиной»; бракъ Наполеона—«Карповкой», а самого себя—«танцоромъ» и «Полянскимъ».

Въ первыхъ двухъ письмахъ къ Сперанскому Нессельроде пишетъ, что онъ прилагаетъ всѣ свѣдѣнія, которыя могъ собрать о бракѣ Наполеона, за что заплатилъ 3.000 франковъ. Эта тайна, по его словамъ, такъ важна, что если ее узнаетъ французскій посолъ въ Петербургѣ, Коленкуръ, то будетъ повѣшено двое несчастныхъ, и этимъ уничтожится источникъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній. Въ этой подробной запискѣ упомянуты извѣстія о разводѣ съ Жозефиной и о посылкѣ Коленкуру приказанія окончательно добиться отвѣта на предложеніе Наполеона вступить въ бракъ съ русской великой княжной. Когда французскій посланникъ увѣдомилъ, что были затрудненія для этого брака, по причинѣ ея молодости и религіи, то Наполеонъ посовѣтовался съ кардиналомъ Фэшомъ, и, узнавъ отъ него, что духовенство и французы останутся недовольны, если невѣста императора будетъ не католичкой, онъ остановился на австрійскомъ бракѣ, и прежде всего намекнулъ объ этомъ г-жѣ Меттернихъ, а потомъ повѣрилъ дѣло Талейрану, который былъ въ пользу австрійскаго проекта такъ же, какъ Фонтанъ; напротивъ, Фушэ, Камбасересъ и Мюрать были расположены въ пользу русской невѣсты. 8-го февраля 1810 года былъ посланъ въ Вѣну итальян-

скій вице-король, сынъ императрицы Жозефины, для заключенія брачнаго контракта съ австрійской принцессой. По этому случаю особенно торжествовала семья императора, и ей удалось окончательно побѣдить семью Богарнэ, съ которыми она была всегда во враждѣ. «Среди всѣхъ этихъ интригъ и козней,—пишетъ Нессельроде,—юная императрица очень спокойна и держится съ большимъ достоинствомъ. Она ни съ кѣмъ не сближается и даже съ королевами и принцессами обращается свысока; она, повидимому, существуетъ только для императора, который, кажется, какъ пятнадцатилѣтній юноша, влюбленъ въ нее, хотя она скорѣе дурна собою, чѣмъ красива».

Съ самаго начала Нессельроде близко сошелся съ Талейраномъ и упоминаетъ, что, по его мнѣнію, русское правительство должно быть спокойно и не тревожиться относительно Франціи. Вообще Талейранъ во всемъ выражалъ сочувствіе къ Россіи, хотя и оставался министромъ Наполеона. Кромѣ того, Нессельроде продолжалъ за деньги доставать тайные документы французскаго правительства; такъ, онъ купилъ бумаги Шампаньи и герцога Кадора за шесть тысячъ франковъ. При этомъ онъ упоминалъ, что ему необходимо было бы получить отъ русскаго императора до 40.00 тысячъ франковъ на подкупъ французскихъ государственныхъ людей. Черезъ мѣсяць онъ повторяетъ то же и упоминаетъ, что вновь заплатилъ 9.000 франковъ за чрезвычайно важныя бумаги объ испанскихъ дѣлахъ. Главнымъ шпиономъ Нессельроде служилъ Талейранъ, которому въ этомъ отношеніи много помогалъ его министерскій постъ, такъ что императоръ Александръ очень къ нему благоволилъ. «Вообще мой двоюродный братъ Анри,—говоритъ Нессельроде,—постоянно совѣтуетъ намъ, какъ можно болѣе, улучшать наши финансы и армію, а для этого возможно быстрѣе покончить войну съ Турціей. Впрочемъ, всѣ благоразумные люди одобряютъ разумныя дѣйствія Россіи; только императоръ выражаетъ неудовольствіе относительно нашихъ финансовыхъ мѣропріятій, такъ какъ видитъ въ нихъ улучшеніе страны, а онъ желаетъ только ея ослабленія. По всѣмъ признакамъ, императоръ держится выжидательной системы относительно насъ, поэтому старается поддерживать наши отношенія холодно-ватыми до тѣхъ поръ, пока наступитъ минута снять маску».

Въ это время въ Парижѣ значительно увеличилось русское общество: баронъ Строгановъ, графъ Разумовскій и князь Юсуповъ замѣтно обращали на себя вниманіе, но всѣ, какъ общество, такъ и Наполеонъ, любезнѣе всего обращались съ Чичаговымъ. По словамъ Нессельроде, императоръ часто бесѣдовалъ съ нимъ. «Странно, что онъ,—замѣчаетъ молодой дипломатъ,—меньше питаетъ восторга къ Франціи, чѣмъ прежде, и въ отношеніи своего отечества онъ выражаетъ самое рѣзкое неудовольствіе; это тѣмъ болѣе странно, что че-

ловѣкъ, котораго можно упрекать за многіе недостатки по своему вѣдомству, не скрываетъ сюда относящихся критическихъ замѣчаній. Вообще, онъ не воздерживается въ отзывѣхъ противъ Россіи и позволяетъ себѣ говорить очень рѣзко. Насколько мнѣ извѣстно, Наполеонъ разговаривалъ съ нимъ объ общихъ предметахъ, и я не вижу, чтобы онъ намъ очень вредилъ, хотя близко сошелся съ Савари, но, зная, что онъ на все способенъ, я не упущу случая слѣдить за нимъ и увѣдомлять васъ обо всемъ». Въ началѣ іюня произошло паденіе Фушэ, и Нессельроде подробно описалъ это событіе. Наполеонъ упрекалъ Фушэ, что два года тому назадъ онъ распространялъ въ Европѣ слухъ о его разводѣ, тогда какъ въ то время онъ объ этомъ и не помышлялъ. «Я не хочу,—говорилъ онъ,—имѣть министра, который сегодня шаритъ въ моей постели, а завтра въ моемъ портфелѣ; и потомъ, что это за страсть покровительствовать лицамъ, которыми я не доволенъ, какъ, напримѣръ, ухаживаніе за герцогиней Шеврезъ? Я не хочу, чтобы эта женщина приближалась къ Парижу». Герцогиня Шеврезъ была статсъ-дамой императрицы; Наполеонъ ея не любилъ за ея оппозицію и кончилъ тѣмъ, что выслалъ изъ Парижа, отказывая всѣмъ ея пріятелямъ въ ея помилованіи, на томъ основаніи, что «je ne veux pas d'impertinente chez moi». Однако, главная причина увольненія Фушэ изъ министерства полиціи было участіе его въ переговорахъ съ Англіей, хотя, въ сущности, онъ врядъ ли шелъ далѣе желанія мира. Но императоръ, по словамъ Нессельроде, «сожалѣлъ, потерявъ такого полезнаго человѣка, и говорилъ, что съ удовольствіемъ повѣсилъ бы финансиста Уврара за то, что онъ посоветовалъ ему съ лучшимъ другомъ, который оказывалъ ему такія блестящія услуги и такъ заботился его безопасности». Въ концѣ концовъ, однако, Фушэ получилъ не отставку, а управленіе Римомъ. Послѣ удаленія Фушэ еще менѣе стало надежды на общій миръ. При открытіи новаго коммерческаго совѣта, императоръ сказалъ: «Я вижу, что не помирюсь съ Англіей, поэтому надо придать другое направленіе торговлѣ, именно то, какое она имѣла до открытія Америки».

Послѣ удаленія изъ министерства Талейрана и Фушэ, Нессельроде лишился большой помощи по шпіонской части и прямо сознавался, что его переписка потеряетъ свое значеніе. Что касается до вѣроятности войны между Россіей и Франціей, то, по его словамъ, она не вспыхнула бы прежде окончанія войны Франціи съ Испаніей. Въ послѣднее время Наполеонъ обращался любовно съ княземъ Куракинымъ и говорилъ сочувственно о Россіи: «Я очень доволенъ тѣмъ, какъ смотрятъ на мою свадьбу въ Петербургѣ; особенно императоръ взглянулъ на нее, какъ человѣкъ съ умомъ; послѣднее извѣстіе отъ него меня очень обрадовало: рѣшительно нѣтъ никакихъ причинъ для войны въ Европѣ». Несмотря на

это, ему не нравились извѣстія о русскихъ побѣдахъ въ Турціи, и онъ замѣчалъ «съ очевиднымъ неудовольствіемъ»: «Странно, что русскіе не могутъ перейти чрезъ Дунай: это на нихъ похоже». Императоръ продолжалъ быть очень недоволенъ Коленкуромъ и полагалъ, что его совсѣмъ въ Россіи испортили; по его словамъ, «это царедворецъ императора Александра, а не посланникъ Франціи». Онъ собирался его прогнать, но Нессельроде полагалъ, что онъ никогда этого не сдѣлаетъ, такъ какъ подобное обстоятельство не было въ интересахъ Франціи. Особенно Наполеонъ не одобрялъ нашихъ отношеній къ избранію Бернадота, но онъ до того простиралъ свою двуличность, что даже похвалилъ публично наше поведеніе въ этомъ случаѣ: «Я рѣшительно не понимаю, почему Россія не сговорила со мною насчетъ его выборовъ, если ея интересы требовали этого; я слишкомъ погрязъ въ испанскихъ дѣлахъ, чтобы сопротивляться». Что же касается до самого Бернадота, то онъ говорилъ о своемъ положеніи въ качествѣ правителя Швеціи: «У нея доходу 4 милліона золотыхъ и 15 милліоновъ долгу, проценты съ которыхъ доходятъ до 18 милліоновъ эку; если Наполеонъ позволитъ ей заплатить ея кредиторамъ, голландцамъ и генуэзцамъ мѣстными произведеніями, то я могу выпутаться изъ дѣлъ и обойтись безъ Финляндіи. Однако, если представится случай получить ее обратно, то не пропущу его, хотя не сдѣлаю ни шага къ войнѣ, потому что интересъ Швеціи главнымъ образомъ въ сохраненіи мира». Надо сознаться, — прибавляетъ Нессельроде, — что Наполеонъ обошелся довольно щедро съ Бернадотомъ; онъ далъ ему милліонъ и оставилъ ему всѣ его доходы во Франціи, даже жалованье. Несмотря на это, Бернадотъ нимало не перемѣнилъ своей оппозиціи къ императору и даже, прощаясь съ нимъ, смѣло и неосторожно сказалъ, что онъ будетъ независимымъ государемъ, имѣющимъ въ виду лишь интересы Швеціи.

Въ началѣ октября Меттернихъ отправился изъ Парижа въ Вѣну, успѣвъ, между прочимъ, помѣшать войнѣ Франціи съ Россіей. Австрійскій императоръ выдалъ за Наполеона дочь только для того, чтобы спасти свою монархію, и главнымъ дѣятелемъ этого брака былъ Меттернихъ. Онъ все устроилъ, все сварганилъ и приобрѣлъ себѣ, благодаря удачливымъ интригамъ, громадную популярность, но въ то же время онъ всевозможнымъ образомъ старался заступаться за Россію и за Пруссію, что ему и удалось, поэтому война, особенно съ Россіей, о которой во Франціи всѣ говорили въ это время, казалась отложенной, по словамъ Нессельроде, на годъ или на два. Что касается до испанскихъ дѣлъ, то, несмотря на интересъ, питаемый къ нимъ императоромъ, онъ сказалъ: «Я презираю испанскія дѣла; они внѣ моей системы». Впрочемъ онъ очень хвалилъ лорда Веллингтона за его военные

подвиги и выражался о немъ: «это—человѣкъ, котораго мнѣ не мѣшало бы имѣть: онъ хочетъ или славы или смерти». По увѣренію Нессельроде, самое большое впечатлѣніе на Наполеона въ началѣ 1811 года произвело появленіе новаго русскаго тарифа. Императоръ считалъ его первымъ шагомъ единенія Россіи съ Англіей и враждебной мѣрой противъ Франціи, тогда какъ, по словамъ Нессельроде, «тарифъ былъ ни англійскій, ни французскій, а исключительно русскій». На это во Франціи отвѣчали призывомъ рекрутствъ. «Война уже давно неизбежна,—говоритъ нашъ дипломатъ,—но не тарифъ ее причинитъ; быть можетъ, онъ ее ускоритъ. Дѣла дошли до того, что мы не избѣгнемъ войны уступками, а, напротивъ, сдѣлавъ шагъ назадъ, только тѣмъ вѣрнѣ навлечемъ ее. Необходимо лишь увеличить наши шансы и, главное, поскорѣ заключить трактатъ съ Турціей, что особенно совѣтуетъ пріятель Анри. Все, повидимому, убѣждаетъ меня, что Наполеону еще неудобно порвать отношенія съ нами, а это дозволить намъ воспользоваться для примиренія съ Турціей еще полугодомъ. На-дняхъ императоръ говорилъ долго съ Чернышевымъ и между прочимъ упоминалъ обо мнѣ очень лестнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, моя роль здѣсь окончена, и мнѣ надо уѣхать отсюда. Я нисколько не удивлюсь, если императоръ сдѣлаетъ положительную попытку освободиться отъ меня. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ такъ или иначе наконецъ отдѣлается отъ меня».

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ во Франціи произошли важныя дипломатическія перемѣны. Коленкуръ былъ вызванъ изъ Россіи, потому что, по мнѣнію Наполеона, онъ слишкомъ ухаживалъ за Александромъ и слишкомъ ему мирволил. Его замѣнилъ генералъ Лористонъ—откровенный и правдивый человѣкъ, но «отличающійся, по словамъ Нессельроде, военными манерами, а потому часто бывавшій безтактнымъ, что онъ и доказалъ своимъ поведеніемъ во время пребыванія въ Вѣнѣ, выражаясь неосторожно объ императрицѣ. Однако, все-таки, имъ были достаточно довольны. У насъ съ нимъ поладятъ, если только будутъ держать его на извѣстной ногѣ. Намъ теперь нуженъ человѣкъ, который, главное, не разжигалъ бы огня, а онъ, повидимому, на это не способенъ. Во всякомъ случаѣ, ему не надо оказывать слишкомъ большого довѣрія, которое онъ можетъ употребить во зло». Возвратившись въ Парижъ, Коленкуръ прекрасно велъ себя относительно русскіхъ, выражался объ императорѣ Александрѣ съ восторгомъ и довѣріемъ и сдѣлался преданнымъ совѣтникомъ Россіи, не изъ предательства въ отношеніи Наполеона, какъ Талейранъ или Фушэ, а изъ любви къ нему и Франціи. Онъ совѣтовалъ Россіи главное, какъ можно дольше сохранить миръ, покончить войну съ Турціей и послать въ Парижъ какого нибудь «мудраго и здравомыслящаго человѣка вмѣсто Куракина». Что касается до Лористона, то вскорѣ Наполеонъ былъ имъ точно такъ же недоволенъ, какъ его предше-

ственникомъ. «Это то же самое, какъ было съ Коленкуромъ,—сказалъ онъ Чернышеву,—Лористона также обошли; если я знаю положительно, что дѣлается въ Россіи, то изъ другихъ источниковъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ назначилъ новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Марэ, герцога Бассано. Въ сущности, не произошло никакой перемѣны, а только съ внѣшней стороны всѣ выиграли, потому что онъ обращался очень любезно и деликатно. Россіи, однако, нельзя было не сожалѣть, что герцогъ Бассано особенно покровительствовалъ полякамъ еще со временъ Варшавы, такъ какъ Талейранъ не сочувствовалъ возстановленію Польши. По слухамъ, Коленкура назначили бы министромъ иностранныхъ дѣлъ, если бы онъ въ то время находился въ Парижѣ.

Въ это время во Франціи находился князь Понятовскій, и никогда до того не было столько разговоровъ о полякахъ. Наполеонъ то обращался съ нимъ очень радушно и просилъ его сформировать двадцатитысячный отрядъ противъ Россіи, то относился къ нему холодно, благодаря его связи съ сестрой императора, Полиной. Наконецъ, его отправили изъ Парижа, и императоръ, при прощаніи, сказалъ ему, что онъ надѣется сохранить миръ, но для этого надо было хорошенько приготовиться къ войнѣ. На помощь Пруссіи для борьбы съ Россіей Франція мало рассчитывала, и императоръ говорилъ: «Пруссія хочетъ меня перехитрить, но ей это не удастся». 4-го апрѣля Наполеонъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ Куракинымъ и въ немъ намекнулъ на Нессельроде. «Вамъ не присылаютъ,—сказалъ онъ,—необходимыхъ инструкцій и полномочій; послѣдній курьеръ вамъ ничего не привезъ, и еще у васъ отнимаютъ секретаря, который могъ быть вамъ полезенъ въ этихъ переговорахъ. И въ какую минуту васъ оставляютъ въ затруднительномъ положеніи!» Узнавъ объ этомъ, Нессельроде, посоветовавшись съ посломъ, увѣдомилъ Бассано, что императоръ ошибается, и его не отзываютъ въ Россію, а онъ ѣдетъ въ Петербургъ самъ по своимъ частнымъ дѣламъ, поэтому, если императоръ находитъ, что его пребываніе въ Парижѣ полезно для дѣлъ, то онъ готовъ остаться. Однако Бассано не далъ ему никакого опредѣленнаго отвѣта. «Но,—замѣчаетъ Нессельроде,—въ странномъ вѣкѣ мы живемъ, если отъѣздъ скромнаго секретаря посольства въ свою деревню производитъ сильное впечатлѣніе на могущественныхъ государей. Среди этихъ государей, безъ сомнѣнія, самый необыкновенный на свѣтѣ—французскій императоръ. Весь его характеръ со всѣми его черными сторонами, его противорѣчіями и несообразностями выражается въ этомъ разговорѣ самымъ яснымъ образомъ. Онъ сначала хотѣлъ очень пошло выразиться о турецкой войнѣ, но увлекся и не могъ совладать съ своимъ разглагольствованіемъ. Меня увѣряютъ, что въ Рамбулье Наполеонъ былъ погруженъ въ глубокую меланхолію, отъ которой онъ отдѣ-

лывался сильными физическими упражненіями. Часто онъ былъ очень сосредоточенъ, разсѣянъ и даже впадалъ въ забытѣе; два раза онъ требовалъ обѣдъ и потомъ отказывался отъ него, говоря, что уже обѣдалъ. Наконецъ, онъ продиктовалъ одному изъ секретарей цѣлую страницу, не имѣвшую никакого смысла. Поэтому, бывали минуты, когда окружающіе его предполагали, не сошелъ ли онъ съ ума. Придворные очень беспокоились, узнавъ объ этомъ, и возбуждали вопросъ, что дѣлать, если припадки возобновятся. Черезъ нѣсколько дней Нессельроде прибавлялъ: «Императоръ такъ привыкъ къ постоянному счастью, что малѣйшее разочарованіе доводитъ его до крайности. Надвяхъ онъ такъ вышелъ изъ себя, что опрокинулъ столъ съ фаянсовой посудой. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, онъ очень успокоился, но все заставляетъ думать, что онъ вскорѣ совершенно сбѣсится; однако, такъ какъ у него сумасшествіе нравственное вслѣдствіе разстроеннаго воображенія, то его положеніе можетъ протянуться долго до открытаго умственнаго расстройства, которое поведетъ къ заключенію. Это будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, самымъ несчастнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ оно повлечетъ за собой необыкновенное волненіе въ странѣ».

Не получивъ до начала сентября отвѣта о желаніи Наполеона, чтобы Нессельроде остался въ Парижѣ, онъ уѣхалъ въ Петербургъ изъ «проклятаго Парижа», и этимъ кончается его интересная переписка съ Сперанскимъ.

Окончаніе «Европы и французской революціи» Альбера Сореля.

Двадцать лѣтъ тому назадъ французскій академикъ Сорель выпустилъ первый томъ своего колоссальнаго историческаго труда, который въ концѣ прошлаго года завершился послѣднимъ восьмымъ томомъ¹⁾. Въ сущности, эта громадная работа, состоявшая изъ безконечныхъ архивныхъ изслѣдованій, занимала его еще ранѣе десять лѣтъ, такъ что извѣстный ученый посвятилъ ей почти всю свою жизнь. «Закрывая эту книгу, — говоритъ Сорель на послѣдней заключительной страницѣ своего великаго труда, — и прощаясь съ товарищемъ моей юности, съ другомъ моихъ зрѣлыхъ лѣтъ, на созданіе котораго я употребилъ тридцать лѣтъ моего существованія, я долженъ сказать, что посвятилъ ему мою любовь къ родинѣ, мою восторженную преданность къ ея исторіи, мою нѣжность къ ея иллюзіямъ, мое сожалѣніе къ ея несчастіямъ,

¹⁾ «L'Europe et la Revolution française». Par Albert Sorel. Tome huitième. Paris. 1904.

мою гордость ея славой, мою невозмутимую вѣру въ ея судьбу». Хотя эта обширная эпопея и заключаетъ въ себѣ только дипломатическую исторію Европы, отъ 1789 до 1815 года, но можно сказать, что впервые она рассказана такъ подробно и основательно. Правда, такая исторія существуетъ, написанная нѣмецкимъ историкомъ Генрихомъ Зибелемъ, но она не окончена и доведена до эпохи консульства, а главное отличается одностороннимъ, чисто прусскимъ духомъ, тогда какъ Сорель въ самомъ началѣ своего труда ясно очерчиваетъ его безпристрастную программу, вполнѣ имъ теперь исчерпанную. «Борьба Европы съ французской революціей,—говоритъ онъ,—продолжалась почти четверть столѣтія; она началась въ Вальми, а окончилась въ Ватерлоо. Я хотѣлъ бы собрать всѣ главныя черты этой исторіи и опредѣлить всю ея суть, всѣ причины, какъ бы онѣ ни были отдалены отъ тѣхъ великихъ ударовъ, эхо которыхъ раздавалось такъ далеко. Удивительныя перипетіи этой долговременной трагедіи, обширность ея театра, занимавшаго всю Европу, безконечное число дѣйствующихъ лицъ, постоянный переходъ отъ геройскихъ сценъ къ картинамъ ужаса, патетическій интересъ эпизодовъ и, наконецъ, оглушительный шумъ конечной катастрофы, все это смущаетъ душу зрителя и не позволяетъ ему вполнѣ уяснить себѣ всю суть этой эпопеи. Однако, какъ ни кажутся странными событія, они гораздо болѣе поражаютъ своимъ внутреннимъ отношеніемъ другъ къ другу». Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ Альберъ Сорель ясно выражаетъ, что въ своей исторіи онъ не заботится представить кровавыхъ эпизодовъ, а стремится изобразить тотъ рядъ обстоятельствъ, который сдѣлалъ ихъ возможными. Такимъ образомъ онъ является не обстоятельнымъ проводникомъ на поляхъ сраженія, но руководителемъ въ дипломатическихъ кабинетахъ безконечной нити, приводящей въ движеніе арміи и совѣты дипломатовъ. Съ необыкновеннымъ умѣніемъ и прозорливостью онъ описываетъ всю сущность двадцатипятилѣтней борьбы, и когда, наконецъ, оканчиваетъ свой многотомный трудъ, то читатель вполнѣ сознаетъ, для чего и почему длилась эта борьба, по какой причинѣ она началась и отчего кончилась. Конечно, для насъ, русскихъ, всего интереснѣе отношенія, которыя имѣла Россія къ Европѣ въ эту знаменательную эпоху, и поэтому относительно послѣдняго тома колоссальной исторической работы Сореля мы точно также остановимся только на тѣхъ страницахъ, которыя касаются отношеній Наполеона и Европы къ Россіи въ послѣдніе годы великой международной борьбы, начиная съ отступленія французовъ изъ Россіи и войны 1813 г. за освобожденіе Германіи до походовъ 1814—1815 годовъ.

Вѣрно слѣдуя своей исторической программѣ, Сорель въ нѣсколькихъ словахъ очерчиваетъ военныя событія конца 1812 года и обращаетъ наибольшее вниманіе на дипломатическіе пе-

реговоры Россіи съ Турціей и Пруссіей. Послѣ роковой катастрофы великой арміи Наполеонъ послѣшно удалился въ Парижъ, а несчастные остатки его войска потянулись къ польской и прусской границамъ. Изъ всѣхъ французскихъ союзниковъ ему измѣнила первая Пруссія, и прусскій генералъ Йоркъ заключилъ съ генераломъ Дибичемъ близъ Таурогена конвенцію, въ силу которой прусскія войска безъ разрѣшенія короля объявлены были нейтральными до соответствующаго распоряженія Фридриха-Вильгельма. Съ своей стороны русскій отрядъ князя Витгенштейна перешелъ черезъ Нѣманъ и занялъ Кенигсбергъ. Съ Таурогенской конвенціи начался рядъ дипломатическихъ трактатовъ, которые мало-по-малу утвердили коалицію между Россіей и сначала Пруссіей, а потомъ Австріей. Вступивъ въ восточную Пруссію, императоръ Александръ добился своей цѣли и провозгласилъ борьбу за независимость Германіи. Въ Калишѣ былъ заключенъ «трактатъ о союзѣ, дружбѣ и довѣрїи» обѣихъ странъ. При этомъ въ манифестѣ Кутузова объявлена была національная война за свободу народовъ противъ тираніи Наполеона. Такимъ образомъ, по словамъ прусскаго фельдмаршала Гнейзенау, «если бы императоръ Александръ по отступленіи Наполеона изъ Россіи не преслѣдовалъ его и удовольствовался бы заключеніемъ съ нимъ мира, то Пруссія находилась бы подъ вліяніемъ Франціи, а Австрія не ополчилась бы противъ послѣдней. Русскому союзу мы обязаны нашей независимостью». Безпристрастная исторія подтверждаетъ мнѣніе прусскаго патриота, и императоръ Александръ является истиннымъ виновникомъ «Befreiungskriege».

Послѣ Пруссіи примкнула къ союзу съ Россіей и Австрія. Она, однако, долго колебалась и только въ началѣ 1813 года, послѣ одержанныхъ Наполеономъ двухъ побѣдъ подъ Люценомъ и Бауценомъ, а затѣмъ заключенія перемирія въ Плейшвицѣ окончательно заключила секретную конвенцію въ Рейхенбахѣ съ двумя союзниками, а также съ Англіей. Въ то же время въ Прагѣ между Наполеономъ и союзниками происходилъ мирный конгрессъ, который ни къ чему не привелъ положительному, а лишь помогъ противникамъ Наполеона выиграть время. Въ послѣдній разъ Наполеонъ одержалъ побѣду подъ Дрезденомъ, а напротивъ, въ трехдневномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ, прованномъ «битвой народовъ», союзники нанесли окончательное пораженіе Наполеону. Независимость Германіи теперь была обезпечена, и французы перешли черезъ Рейнъ, возвращаясь къ своимъ позиціямъ 1799 года, когда началась великая борьба между Европой и французской революціей. Но прежде, чѣмъ вступить на французскую территорию, союзники еще разъ согласились на открытіе мирныхъ переговоровъ въ Франкфуртѣ. Меттернихъ дѣйствовалъ здѣсь, какъ первый министръ коалиціи, и прямо упомянулъ о естественныхъ границахъ

Франці, какъ объ основѣ окончательнаго мира. Хотя эти границы не были точно опредѣлены, но подъ ними подразумѣвались Рейнъ, Альпы и Пиренеи. Однако возникло столько недоразумѣній и несообразностей въ заявленіяхъ союзниковъ и отвѣтахъ Наполеона, что франкфуртскія основы сдѣлались до невозможности спорными. Переговоры затянулись не только на послѣдніе мѣсяцы 1813 г., но и на первые 1814 г.; предварительная конференція состоялась уже не въ Франкфуртѣ, а въ Шатильонѣ, такъ какъ союзники пока перебравшись чрезъ французскую границу, и война продолжалась большими или меньшими стычками между Блюхеромъ и Наполеономъ. Какъ французы, такъ и союзники надѣялись, что военныя дѣйствія помогутъ болѣе выгодному окончанію переговоровъ. Императоръ Александръ прямо сказалъ своему уполномоченному, графу Разумовскому: «Ничѣмъ не спѣшите и дайте военнымъ обстоятельствамъ время развить результаты».

Съ каждымъ днемъ союзники все отодвигали естественныя границы Франціи, а Наполеонъ и Александръ, каждый съ своей стороны, надѣясь на счастливый результатъ войны, все отсрочивали и отсрочивали мирныя переговоры. «Александръ,—пишетъ Гарденбергъ въ своемъ дневникѣ,—хочетъ затянуть дѣло до взятія Парижа и тамъ заключить миръ». Наконецъ союзникамъ повезло въ военныхъ обстоятельствахъ, и они рѣшили, что имъ выгоднѣе не играть болѣе комедіи, а прекратить всякіе переговоры. Имъ необходимо было лишь окончательно заключить между собою торжественный актъ союза и рѣшить, кто замѣнитъ Наполеона послѣ его низверженія съ престола. Первый актъ былъ подписанъ въ Шомонѣ, и, по словамъ Меттерниха, никогда союзники не заключали столь великаго трактата. «Онъ,—говоритъ Альберъ Сорель,—руководилъ Европой до 1848 года и основалъ коалицію четырехъ, которая часто расторгалась и постоянно возстановлялась, какъ только Франція хотѣла выйти изъ назначенныхъ ей границъ. Этотъ трактатъ составлялъ актъ исполнительной власти Европы, хартію, которая была подтверждена Парижскимъ трактатомъ 1814 г. и Вѣнскимъ миромъ—1815 года». Что же касается до замѣны Наполеона, то большинство союзниковъ соглашалось въ пользу энергично интриговавшихъ Бурбоновъ, и только Александръ имѣлъ сильное предубѣжденіе противъ нихъ. Онъ болѣе всего склонялся въ пользу притязаній Бернадота на свободный французскій престолъ, а уже если приходилось выбирать короля стараго режима, то онъ былъ въ пользу Орлеановъ. Главное же онъ настаивалъ на томъ, что надо было спросить волю французскаго народа. Быть можетъ, Александръ все еще надѣялся на успѣхъ своего любимца Бернадота, но этотъ претендентъ самъ портилъ свое дѣло, интригуя со всѣхъ сторонъ и предлагая свои услуги республиканцамъ, конституціоналистамъ, Бурбонамъ и даже Наполеону. Поэтому, рѣши-

тельно ему не везло, и онъ, какъ кандидатъ въ французскіе короли, никуда не годился. Во всякомъ случаѣ, въ Парижѣ должна была рѣшиться будущая судьба Франціи.

По странной игрѣ судьбы, Александръ при вступленіи въ французскую столицу казался ея освободителемъ и возстановителемъ французской свободы, въ сущности же всѣмъ распоряжался коварный измѣнникъ Талейранъ. Онъ одинаково всѣмъ измѣнялъ, всѣхъ обманывалъ и только для одной цѣли—быть министромъ. Для этого онъ погубилъ Наполеона, сдѣлалъ королемъ Людовика XVIII, и для этого же обошелъ и склонилъ въ пользу Бурбоновъ Александра. Однимъ изъ ловкихъ средствъ, которыми онъ воспользовался для достиженія своей цѣли, было распушеніе слуха, что подъ Елисейскій дворецъ, въ которомъ предполагалъ поселиться императоръ, была подведена мина, а потому Талейранъ предложилъ ему остановиться въ его домѣ. Александръ согласился, не подозрѣвая коварной продѣлки. Ему предшествовалъ Нессельроде, тогда исполнявшій обязанность министра иностранныхъ дѣлъ, и онъ такъ описываетъ въ своихъ запискахъ это замѣчательное свиданіе: «Талейрана я засталъ за туалетомъ: онъ выскочилъ ко мнѣ полупричесанный, сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ и покрылъ всего пудрой. Потомъ онъ позвалъ своихъ заговорщиковъ: князя Дальберга, аббата Прадта и барона Луи. Я имъ сказалъ, что императоръ не имѣлъ никакой опредѣленной идеи, кромѣ той, чтобы не оставить Наполеона на французскомъ престолѣ, но онъ рѣшился составить себѣ мнѣніе, лишь выслушавъ убѣжденіе компетентныхъ людей». Когда послѣ вѣзда въ Парижъ и смотра союзныхъ войскъ въ Елисейскихъ поляхъ Александръ явился къ Талейрану, то собралъ чрезвычайный совѣтъ изъ короля прусскаго, князя Шварценберга, Талейрана, князя Дальберга, князя Лихтенштейна, графа Нессельроде, генерала Поццо-ди-Борго и трехъ представителей Бурбонской партіи. Въ своей вступительной рѣчи онъ прямо сказалъ, что единственная цѣль его союзниковъ и его самого—достиженіе прочнаго мира, и что они готовы признать регентство Маріи-Луизы, господство шведскаго наслѣдника (Бернадота), республику Бурбоновъ, словомъ сказать, всякое правительство, какое только было бы установлено самими французами. Начались пренія; большинство присутствующихъ было противъ всѣхъ кандидатовъ, кромѣ Бурбоновъ. Талейранъ въ заключеніе сказалъ: «Къ чему намъ военнаго, когда мы отвергаемъ самаго перваго изъ нихъ? Республика—невозможна; принцъ Орлеанскій или Бернадотъ—интрига; одни только Бурбоны—принципъ. Ни вы, ваше величество, ни державные союзники, ни я, которому вы приписываете большое вліяніе,—ни одинъ изъ насъ не можетъ дать Франціи короля. Какой бы то ни былъ король, онъ явился бы результатомъ интриги или насилія. Мы только сильны съ по-

мощью одного принципа, и предъ принципомъ всякая оппозиція исчезнетъ; а принципъ одинъ—законный король Людовикъ XVIII». Александръ былъ пораженъ этими доводами, но все же стоялъ за необходимость выясненія воли народа въ пользу того или другого претендента.—«Какъ я могу быть увѣренъ, что Франція желаетъ Бурбоновъ?»—произнесъ Александръ.—«Постановленіемъ сената,—отвѣчалъ Талейранъ:—я тотчасъ вамъ представлю подобное рѣшеніе».—«Вы въ этомъ увѣрены?»—спросилъ Александръ.—«Я за это отвѣчаю»,—произнесъ торжественно Талейранъ.

На другой же день онъ исполнилъ свое обѣщаніе: шестьдесятъ четыре сенатора изъ ста пятидесяти провозгласили низверженіе Наполеона, призваніе Бурбоновъ и назначеніе временнаго правительства, конечно, съ участіемъ Талейрана. Остальные сенаторы не явились на засѣданіе по нездоровью или за неимѣніемъ приглашенія. Александра, по замѣчанію Сореля, «поразило количество сенаторовъ, согласившихся на возвращеніе Бурбоновъ, тѣмъ болѣе, что часть ихъ подавала голосъ за смерть Людовика XVII». Однако Александру этого не было довольно, и онъ жаждалъ присоединенія къ сенату французской арміи. Измѣна Мармона и отреченіе Наполеона прекратили его колебанія. Онъ объявилъ, что согласенъ на воцареніе Бурбоновъ, на отдачу Наполеону острова Эльбы и на доставленіе Маріи-Луизѣ и ея сыну значительныхъ владѣній въ Италіи. «Я не питаю никакой злобы къ Наполеону,—сказалъ Александръ Коленкуру:—Наполеонъ несчастливъ, и я прощаю ему все зло, какое онъ причинилъ Россіи. Если онъ пожелаетъ принять руку, которую я протягиваю ему, то пусть онъ даже пожелуетъ въ мои владѣнія, гдѣ встрѣтитъ его великолѣпный и, что еще лучше, радушный приѣмъ. Мы подадимъ, онъ и я, приѣмъ всему міру: я — предлагая это гостепріимство, онъ — принимая его».

Такимъ образомъ дѣло было кончено: въ сущности, верхъ одержали интриги и козни Талейрана, но съ виду восторжествовалъ Александръ. Его побѣдоносныя войска дали Франціи законнаго государя; но Людовикъ XVIII нимало не признавалъ, что онъ своимъ воцареніемъ былъ обязанъ Александру и союзникамъ. Онъ полагалъ, что былъ королемъ Божьей милостью и благодаря тайнѣ своего рожденія, а потому никакія арміи, никакой сенатъ и никакіе чужестранные государи не даровали ему королевскаго достоинства, бывшаго вполнѣ неограниченнымъ. Если же онъ сопровождалъ свое воцареніе дарованіемъ конституціи, то это была его собственная воля, ничѣмъ не стѣсненная. Свиданіе Людовика XVIII съ Александромъ въ Компьенѣ было въ высшей степени оригинально и своеобразно. Сорель описываетъ это знаменательное событіе чрезвычайно характерно. «Александръ,—говоритъ онъ,—имѣлъ склонность, даже доходившую до кокетничанья, къ благодарности и

хвастался, когда ему выражали это чувство. Напротивъ, Людовикъ вообще не питалъ благодарности, а если по необыкновенному случаю раздѣлялъ это чувство, то изъ гордости скрывалъ его. Александръ обращался съ Людовикомъ, какъ съ разореннымъ претендентомъ, а Людовикъ смотрѣлъ на Александра, какъ на выскочку. Потомокъ св. Людовика считалъ въ принципѣ превосходство французской короны надъ всѣми коронами свѣта. Онъ вообще обращался со всѣми свысока и признавалъ одну свою власть вполнѣ законной. Напротивъ, Александръ говорилъ, какъ мистикъ, а обращался, какъ реалистъ. Онъ хотѣлъ, чтобы реставрація относительно него вела себя подобострастно и подчиненно. Людовикъ же считалъ, что реставрація должна быть со всѣми на достойной, гордой и независимой ногѣ. По его мнѣнію, вступивъ на престолъ, онъ возстановилъ равновѣсіе въ Европѣ. Согласно понятіямъ Людовика, его власть была право, и это право господствовало надъ силой. Но Александръ считалъ со всей Европой, что законнымъ послѣдствіемъ побѣды было раздѣленіе добычи побѣжденныхъ и пріобрѣтеніе законнымъ путемъ королевскихъ коронъ. Онъ полагалъ, что согласиться на реставрацію было то же самое, что дать Людовику XVIII вакантный престолъ, какъ саксонскій—королю прусскому, а голландскій—принцу Нассаускому. Людовикъ принялъ Александра, спасителя Европы, съ совершенно неумѣстной гордостью. Его встрѣча была донельзя холодная, даже неучтивая; онъ самъ сѣлъ въ кресло, а Александру предложилъ стулъ. Это поразило императора, имѣвшаго высокую идею о своемъ могуществѣ, объ оказанныхъ имъ одолженіяхъ королю, о своемъ великодушіи и обычной любезности. Король и императоръ не поняли другъ друга ни тогда, ни послѣ. Русскіе замѣтили болѣзненное впечатлѣніе, произведенное на Александра этимъ свиданіемъ; онъ вернулся совершенно оскорбленнымъ. Для него этотъ король былъ презрѣннымъ эмигрантомъ. Какое различіе было между Тильзитомъ и Компьеномъ, между Наполеономъ и Бурбономъ, между любезностями и цѣлованіями Наполеона, сохранившаго предъ Романовымъ, хотя и блескъ, но все же значеніе выскочки. Удивительно ли, что въ эту минуту Александръ пожалѣлъ Наполеона и упрекнулъ себя, зачѣмъ онъ поторопился посадить на престолъ Бурбоновъ?»

Дѣлать было нечего: спасителя Франціи обогли, и даже не дали ему законной доли благодарности. Людовикъ сдѣлался королемъ, Талейранъ — министромъ. Александръ былъ вполнѣ разочарованъ и поторопился покинуть Францію, только настоявъ на томъ, чтобы Франціи была дана конституція. Этимъ онъ достигъ того, что если не король, то, по крайней мѣрѣ, вся Франція была въ восторгѣ отъ него. Людовикъ XVIII даже завидовалъ его популярности и называлъ Александра «le petit roi de Paris». Хотя по

необходимости Людовикъ пригласилъ императора на торжественный обѣдъ въ Тюильри, но самъ сѣлъ на почетное мѣсто и грозно приказалъ подавать себѣ первому. Естественно, что впослѣдствіи Александръ говорилъ: «Мы, сѣверные варвары, болѣе вѣжливы у себя дома. Людовикъ XIV во время своего наибольшаго могущества не принялъ бы меня иначе; можно было бы подумать, что мнѣ возвратилъ Людовикъ XVIII утраченный престолъ. Его пріемъ произвелъ на меня такое же впечатлѣніе, какъ бы мнѣ вылили на голову ушатъ холодной воды». Къ концу пребыванія императора Александра въ Парижѣ онъ, повидимому, совершенно разошелся съ Талейраномъ, который уже самъ обращался съ нимъ не такъ подобострастно, какъ вначалѣ. Государь недолго оставался жить въ его домѣ и переѣхалъ въ Елисейскій дворецъ. Передъ отъѣздомъ онъ отказалъ Талейрану даже въ прощальной аудіенціи и отозвался о немъ чрезвычайно нелестно: «*Cet homme par sa conduite sacrifie à son ambition sa patrie et ses amis*».

Заклучивъ миръ съ Франціей въ Парижѣ, союзники отложили всеобщій окончательный мирный конгрессъ въ Вѣнѣ до октября мѣсяца. Сначала они предполагали устроить дѣло вчетверомъ, и представителями коалиціонныхъ государствъ явились Меттернихъ, Кастльръ, Гарденбергъ и Нессельроде. Александръ считалъ себя высшимъ руководителемъ конгресса и полагалъ, что все дѣло будетъ заключаться въ саксонскомъ и польскомъ вопросахъ. Саксонскій король былъ въ то же время герцогомъ Варшавскимъ и потерялъ всѣ свои владѣнія. Дѣлежъ ихъ былъ очень простъ: Саксонія отходила къ Пруссіи, а прусская Польша и все герцогство Варшавское—къ Россіи. Что касается Австріи, то, взаимно отходящей отъ нея къ Россіи Галиціи, она получала вознагражденіе въ Италіи. Однако дѣло о дѣлежѣ въ сущности оказалось не столь легкимъ: противъ русскаго проекта были одинаково всѣ три остальные союзника. Англія и Австрія противодействовали присоединенію Польши къ Россіи, а Пруссія, соглашаясь на присоединеніе къ себѣ Саксоніи, не хотѣла отдать Россіи Познань. Такимъ образомъ между союзниками начались неудовольствія и интриги. Этими обстоятельствами очень ловко воспользовался представитель Франціи, Талейранъ. Въ первое время конгресса онъ игралъ самую незначительную роль. «Всѣ его ни во что не ставили и даже явно презирали,—говорилъ нѣмецкій дипломатъ Гагернъ:—какъ часто во время празднествъ я видѣлъ его одинокимъ, всѣми заброшеннымъ, и только я и англичане разговаривали съ нимъ; даже никто не ѣздилъ къ нему съ визитомъ». Но вскорѣ дѣла совершенно измѣнились. Благодаря обстоятельствамъ и своему уму, своей ловкости, Талейранъ восторжествовалъ надъ всѣми затрудненіями. Когда въ Вѣнѣ собрались всѣ дипломаты, то союзники увидали, что неловко вести игру вчетверомъ, и потому они

пригласили шестерыхъ, прибавивъ Францію и Испанію. Съ первыхъ словъ предсѣдатель Меттернихъ на предварительныхъ засѣданіяхъ сталъ постоянно упоминать о союзникахъ, и Талейранъ на это гордо воскликнулъ: «Союзники! союзники! Противъ кого они? Не противъ же Наполеона, который на Эльбѣ, и не противъ французскаго короля, который служитъ гарантіей мира? Господа, будемъ откровенны: если здѣсь еще есть союзныя державы, то я лишній». Всѣ отвѣчали, что дѣло не въ словахъ, но Талейранъ воспользовался этимъ первымъ ударомъ, нанесеннымъ имъ противникамъ, и протестовалъ противъ названія Мюрата королемъ. Этотъ двойной протестъ, сначала противъ формы, доставилъ ему свободный доступъ на конгрессъ, а 1-го октября онъ представилъ своимъ шестерымъ товарищамъ записку, въ которой напоминалъ, что Парижскій трактатъ былъ подписанъ восьмью державами: еще Швеціей и Португаліей, и что только они одни были уполномочены участвовать на конгрессѣ, хотя бы вначалѣ для повѣрки полномочія.

Въ тотъ же день Талейранъ нахально явился къ императору Александру, который былъ очень недоволенъ его вмѣшательствомъ въ дѣла конгресса. Разговоръ между ними былъ самый странный и оригинальный: «Поговоримъ о нашихъ дѣлахъ,—сказалъ императоръ:—надо ихъ покончить».—«Это будетъ зависѣть отъ вашего величества; они будутъ скоро и счастливо окончены, если ваше величество окажете при этомъ то же благородство и величіе души, какое вы оказывали въ дѣлахъ Франціи».—«Но каждый долженъ найти въ нихъ свое удобство».—«И каждый свои права».—«Я сохраню то, что занимаю».—«Ваше величество захотите сохранить только то, что законно принадлежитъ вамъ».—«Я дѣйствую согласно съ великими державами».—«Я незнаю, считаетъ ли ваше величество Францію въ числѣ этихъ державъ?»—«Да, конечно; но если вы не хотите, чтобы каждый добивался своихъ удобствъ, то чего же вы хотите?»—«Я на первомъ мѣстѣ ставлю право, а удобства потомъ»...—«Удобства Европы—ея право».—«Эти слова не принадлежатъ вамъ, ваше величество; они вамъ чужды, и ваше сердце ихъ не признаетъ».—«Нѣтъ, я повторяю, удобства Европы—ея право».—Талейранъ тогда ударилъ головой о косякъ двери и промолвилъ: «Европа! Европа! несчастная Европа!»—Александръ же поднялъ кверху руки и произнесъ: «Лучше война, чѣмъ отказаться отъ того, что я занимаю!» Потомъ онъ рѣзко прибавилъ: «вотъ часъ спектакля!»—и онъ вышелъ изъ комнаты вѣ себя отъ гнѣва.

Несмотря на негодованіе Александра, Талейранъ настоялъ на своемъ, хотя конгрессъ и былъ отложенъ до перваго ноября, но на подготовительныя засѣданія стали приглашаться представители шести державъ. При этихъ совѣщаніяхъ Талейранъ сдѣлалъ еще рѣшительный шагъ въ пользу интересовъ Франціи и сталъ от-

крыто отстаивать слабыя стороны, т. е. мелкія итальянскія и германскія государства, а главное распинался за королей неаполитанскаго и саксонскаго, считая ихъ дѣло вопросами принципа. Онъ настаивалъ передъ представителями Англій и Австріи на томъ, чтобы король бурбонскій былъ въ Неаполѣ, король саксонскій въ Дрезденѣ, пруссаки не находились въ Саксоніи, Люксембургъ и Майнцъ, также какъ русскіе не оставались бы въ Варшавѣ. Эти принципы согласовались съ интересами Австріи и Англій, поэтому въ своихъ мнѣніяхъ Талейранъ мало-по-малу сходилъ съ Меттернихомъ и Кастльрѣ. Австріецъ говорилъ прямо: «Мы гораздо менѣе удалены отъ васъ, чѣмъ вы предполагаете. Я вамъ обещаю, что Пруссія не получитъ ни Люксембурга, ни Майнца; мы не желаемъ, чтобы Россія увеличилась чрезмѣрно; что же касается до Саксоніи, то мы сдѣлаемъ все зависящее отъ насъ для сохраненія, по крайней мѣрѣ, части ея королевства. Чувствуя себя такимъ образомъ подкрѣпленнымъ двумя державами, Талейранъ сталъ еще громче говорить о принципахъ и объ общественномъ правѣ. Даже, по его настоянію, въ объявленіе объ открытіи конгресса 1-го ноября была включена фраза: «согласно общественному праву» и т. д. Теперь Александръ I говорилъ о Талейранѣ: «Онъ уже разыгрываетъ роль министра Людовика XIV». Не будучи въ силахъ сдержать своего нетерпѣнія, онъ рѣшился дѣйствовать насильственно и передать Саксонію изъ рукъ русскихъ, у которыхъ она находилась, пруссакамъ, но изъ осторожности велѣлъ узнать у Талейрана, будетъ ли онъ противодѣйствовать этому. Талейранъ упорно отвергалъ подобный планъ, и Александръ пригласилъ его къ себѣ съ цѣлью напугать или прельстить своей обычной любезностью.

Свиданіе состоялось 22-го октября. Александръ началъ разговоръ съ фразы, въ родѣ наполеоновской: «Въ Парижѣ вы были въ пользу Польскаго королевства, какъ же теперь вы измѣнили свое мнѣніе?»—«Мое мнѣніе теперь то же самое, что и тогда. Въ Парижѣ говорили о восстановленіи всей Польши; я желалъ тогда, какъ и теперь, ея независимости. Въ настоящее время дѣло идетъ о совершенно иномъ. Теперь вопросъ зависитъ отъ опредѣленія границъ, ставящихъ Австрію и Пруссію въ безопасность».—«Имъ нечего беспокоиться; у меня двѣсти тысячъ солдатъ въ герцогствѣ Варшавскомъ; пусть попробуютъ прогнать меня оттуда. Я далъ Пруссіи Саксонію; Австрія на это согласна.—«Я не знаю, согласилась ли на это Австрія, и мнѣ трудно этому повѣрить, такъ какъ подобныя обстоятельства противорѣчатъ ея интересамъ». «Но согласіе Австріи можетъ ли сдѣлать Пруссію собственницей того, что принадлежитъ королю саксонскому?»—«Если король саксонскій не откажется отъ своего престола, то его отвезутъ въ Россію, и онъ тамъ умретъ. Вѣдь ужъ одинъ король умеръ въ Россіи. Я по-

лагаль, что Франція мнѣ чѣмъ нибудь да обязана. Вы постоянно говорите о вашихъ принципахъ, о вашемъ общественномъ правѣ, но что они для меня значатъ? Король прусскій будетъ королемъ прусскимъ и саксонскимъ, тогда какъ я буду императоромъ русскимъ и польскимъ. Уступки, которыя сдѣлаетъ мнѣ Франція въ этомъ отношеніи, заставятъ меня быть любезнымъ и къ ней во всемъ, что ее интересуетъ»... Изъ этого разговора Талейранъ ясно видѣлъ, что Пруссію нельзя отторгнуть отъ Россіи, или, лучше сказать, прусскаго короля отъ русскаго императора. Англичане и австрійцы попробовали также безуспѣшно отманить пруссаковъ. Меттернихъ написалъ Гарденбергу письмо, которое было показано Александру, и послѣдній гнѣвно призвалъ къ себѣ австрійскаго министра. По словамъ Талейрана, «между ними произошелъ разговоръ, въ которомъ онъ обращался съ этимъ министромъ съ такимъ высокомеріемъ и рѣзкостью выраженій, какія могли бы показаться чрезвычайными даже въ отношеніи его слугъ». Меттернихъ вслѣдствіе этого хотѣлъ подать въ отставку, но на этомъ Сорель оканчиваетъ свой рассказъ объ означенномъ эпизодѣ.

Судя по русскимъ источникамъ, ихъ размолвка этимъ не кончилась: Меттернихъ сказалъ при Александрѣ, что если рѣчь идетъ о возстановленіи Польши, то австрійцы сами могли бы это сдѣлать, и такое замѣчаніе императоръ назвалъ не только неумѣстнымъ и неприличнымъ, но даже сдѣланнымъ «dans un ton de revolte». Этого мало: Меттернихъ сказалъ Гарденбергу, что Александръ заботится болѣе о Польшѣ, чѣмъ о Саксоніи. Это выраженіе такъ оскорбило русскаго императора, что онъ объявилъ Францу свою рѣшимость вызвать Меттерниха на поединокъ. Австрійскій императоръ предложилъ предварительно объясниться съ министромъ чрезъ генераль-адъютанта Ожаровскаго. Меттернихъ оправдывался глухотой Гарденберга и тѣмъ, что онъ его не понималъ. Во всякомъ случаѣ этимъ дѣло кончилось, и поединокъ не состоялся, но Александръ не забылъ этой выходки австрійскаго дипломата и пересталъ бывать на балахъ и вечерахъ у него; даже встрѣчаясь съ нимъ въ обществѣ, онъ дѣлалъ видъ, что его не замѣчаетъ. Въ такомъ натянутомъ положеніи они находились до возвращенія Наполеона съ острова Эльбы. Подобное враждебное обращеніе двухъ главныхъ дѣятелей Вѣнскаго конгресса не мѣшало, однако, продолжаться въ Вѣнѣ безконечнымъ празднествамъ, баламъ, торжественнымъ обѣдамъ, каруселямъ и т. д. Принцъ де-Линь говорилъ: «Le congrès danse, mais ne marche pas», и дѣйствительно въ политическомъ отношеніи конгрессъ не шелъ впередъ. Безконечныя интриги и дипломатическія козни увеличивались съ каждымъ днемъ среди множества дипломатическихъ миссій, доходившихъ до 216. Талейранъ мало-по-малу устраивалъ себѣ передовую роль

среди всѣхъ этихъ дипломатическихъ агентовъ, защищая невинныхъ жертвъ, начиная съ короля саксонскаго. Несмотря на то, что Саксонія была фактически присоединена къ Пруссіи, Александръ все еще надѣялся миролюбиво покончить это дѣло, а потому онъ въ третій разъ позвалъ къ себѣ Талейрана и напрямикъ сказалъ ему: «Я надѣюсь, что саксонское дѣло мы покончимъ сдѣлкой между Россіей и Франціей. Каковы намѣренія вашего короля?»—«Король никогда не забудетъ оказанной вашимъ величествомъ услуги»...—«Послушайте, сговоримся: будьте любезны относительно меня въ саксонскомъ дѣлѣ, и я буду любезенъ относительно васъ въ неаполитанскомъ».—«Ваше величество знаете, что сдѣлка невозможна: между этими двумя дѣлами нѣтъ ничего равнаго; вы одинаковаго съ нами мнѣнія относительно Неаполя».—«Такъ убѣдите пруссаковъ возвратить мнѣ мое слово».—«Вашему величеству гораздо удобнѣе самому это сдѣлать».—«Какимъ образомъ?»...—«Уступивъ имъ еще что нибудь побольше изъ Польши».—«Станный способъ вы мнѣ предлагаете; вы хотите, чтобы я отнялъ у себя и отдалъ Пруссіи».

Въ концѣ концовъ Александръ видѣлъ, что съ Талейраномъ онъ ничего не подѣлаетъ добромъ, и что ему остается только или уступить, или снова дѣйствовать военнымъ путемъ. Онъ даже ясно говорилъ: «Бурбоны меня заставятъ спустить на нихъ чудовище». Съ своей стороны Талейранъ предпринялъ наступательный шагъ и издалъ «Записку о Саксоніи», въ которой намѣревался возбудить общественное мнѣніе Германіи и Англіи. Онъ, между прочимъ, говорилъ съ замѣчательнымъ предвидѣніемъ: «Полагаютъ, что въ пользу соединенія Саксоніи и Пруссіи свидѣтельствуешь то обстоятельство, что это будетъ служить преградой противъ Россіи. Но государи этихъ странъ такъ связаны между собою, что, пока они будутъ живы, имъ нечего бояться другъ друга. Что вы скажете, если ихъ наслѣдники со стороны Пруссіи увеличатъ свою территорію въ Германіи, а со стороны Россіи распространять свою имперію на счетъ Турціи?» «Это предсказаніе,—говоритъ Сорель, —вполнѣ исполнилось. Близость государей перешла отъ отцовъ къ дѣтямъ, и Пруссія не только реализировала свои мечтанія 1814 года, но достигла Германской имперіи и лишила Францію Эльзаса и Лотарингіи. Союзъ между Пруссіей и Россіей продолжался до 1878 г., когда Россія пріобрѣла себѣ часть Турціи, и тогда Пруссія нашла нужнымъ заставить Россію возвратить долю, пріобрѣтенную ею».

Обдумавъ на свободѣ свое положеніе и рѣшивъ, что война не мыслима, Александръ пошелъ на сдѣлку, для чего составилъ тайную конференцію изъ представителей четырехъ державъ. Гарденбергъ предложилъ вознаграждать саксонскаго короля за отданное имъ королевство Пруссіи рейнскими владѣніями, а Разумовскій

отъ имени царя предложилъ отдать Пруссіи Познань, а всю остальную Польшу присоединить къ Россіи. Для обсужденія этой сдѣлки было отложено засѣданіе до 2-го января. Между тѣмъ, Талейранъ не сидѣлъ, сложа руки, а въ свою очередь дѣйствовалъ чрезвычайно энергично относительно намѣреній русскихъ и пруссаковъ; англичане и австрійцы нашли невозможнымъ имъ уступить. Особенно Англія не соглашалась на водвореніе короля саксонскаго на берегахъ Рейна, а относительно русскихъ плановъ лордъ Кастльрѣ говорилъ Талейрану: «Они хотятъ намъ предписывать законъ, а Англія никому не подчиняется». Поэтому эти три державы тайнѣ заключили союзъ, по которому обязались поддерживать другъ друга, какъ мирной, такъ и военной помощью въ 150.000 человѣкъ. Это было торжествомъ Талейрана, и онъ тотчасъ написалъ Людовику XVIII: «Коалиція расторгнута, Франція болѣе не изолирована въ Европѣ. Ваше величество идетъ рука въ руку съ двумя величайшими державами». По словамъ Сореля, эта политика была разумная и традиціонная во Франціи; въ послѣдствіи ея придерживалась іюльская монархія, и всѣ обвиняли Вторую имперію въ ея нарушеніи.

Хотя переговоры между державами продолжались, но дѣла до того запутались, что, съ одной стороны, грозила война, а, съ другой, Александръ собирался уже возвратиться въ Россію, но неожиданно 22 февраля 1815 г. получено было извѣстіе объ отплытіи Наполеона съ острова Эльбы, и чрезъ нѣсколько дней онъ вступилъ въ Парижъ, снова могущественнымъ императоромъ. Это совершенно перевернуло всѣ событія въ Европѣ. Хотя Александръ немедленно получилъ отъ Наполеона тайный трактатъ между Англіей, Франціей и Австріей, забытый Людовикомъ XVIII на своемъ письменномъ столѣ во время его бѣгства изъ Парижа, но онъ великодушно простилъ своимъ союзникамъ эту измѣну и сдѣлался попрежнему руководителемъ европейской коалиціи. Сорель въ двухъ словахъ упоминаетъ объ этой неудачной попыткѣ Наполеона посорить Александра съ союзниками, но по русскимъ источникамъ имѣются подробныя свѣдѣнія о послѣдствіяхъ этого событія. Александръ призвалъ къ себѣ Меттерниха и при Штейнѣ вручилъ ему полученный документъ; когда же тотъ прочиталъ его, то онъ не далъ Меттерниху сказать ни слова. «Пока мы живы,— произнесъ онъ,— объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора». И съ этими словами онъ бросилъ бумагу въ каминъ, а потомъ прибавилъ: «Намъ еще остается окончить личную съ вами ссору. Мы оба христіане; наша святая вѣра заповѣдуетъ намъ прощать обиды. Обнимаемъ другъ друга, и пусть все будетъ предано забвенію». Такимъ образомъ послѣ трехмѣсячной распри между ними наступила навсегда самая искренняя дружба. Относительно Англіи Александръ не выказалъ большого неудовольствія по случаю тайнаго трак-

тата и написалъ Кастльрэ самое любезное письмо. Относительно только Талейрана и Франціи императоръ выразилъ рѣзкое неудовольствіе по поводу ихъ измѣны, и то лишь потому, что онъ не хотѣлъ обязывать себя въ пользу новой реставраціи Бурбоновъ. Союзники возвращались къ его прежнему принципу: «Удобства Европы — ея право». Такимъ образомъ роль Талейрана и придуманное имъ значеніе Людовика XVIII совершенно исчезли. Александру не только надоѣли Бурбоны, но даже они стали ему ненавистны, особенно послѣ ихъ гордаго и назойливаго упорствованія съ монархическими принципами. Если бы теперь король Людовикъ XVIII и былъ восстановленъ во Франціи, то Александръ полагалъ, что онъ сталъ бы подчиненнымъ королемъ русскаго императора, въ родѣ прусскаго, но во всякомъ случаѣ русскій императоръ предпочиталъ Бурбонамъ принца Орлеанскаго.

Вообще прицъ Орлеанскій сдѣлался теперь общимъ любимцемъ въ числѣ претендантовъ на французскій престолъ, такъ какъ съ возвращеніемъ Наполеона и бѣгствомъ Людовика XVIII этотъ престолъ сталъ снова вакантнымъ. Роль, которую въ 1814 г. разыгралъ Талейранъ, теперь перешла къ Фушэ, котораго не было во Франціи во время первой реставраціи. Несмотря на всю свою ловкость, Талейранъ проигралъ ставку: онъ низвергъ реставрацію, снова восстановилъ имперію и возбудилъ европейскую войну. Теперь противъ Наполеона энергично дѣйствовалъ Фушэ, хотя онъ и былъ его министромъ полиціи; въ сущности, онъ внѣшне боролся съ Бурбонами, а втайнѣ содѣйствовалъ имъ всевозможнымъ образомъ. Впрочемъ и относительно ихъ онъ дѣйствовалъ лицемерно, и ему было безразлично, кто восторжествуетъ: Наполеонъ II (такъ какъ о Наполеонѣ I не было и рѣчи въ виду его неизбежной гибели), Луи-Филиппъ или Людовикъ XVIII, — ему только необходимо одно — быть министромъ. Для полнаго успѣшнаго выполненія всѣхъ своихъ интригъ и козней ему нужна была помощь Талейрана, котораго, хотя потерялъ свою прежнюю силу, но все же приносилъ громадную пользу той партіи, которой помогалъ. Такимъ образомъ эти два интригана соглашались съ Александромъ въ томъ, что принцъ Орлеанскій былъ для французъ всего удобнѣе въ качествѣ короля. «Всѣхъ удобнѣе изъ претендентовъ принцъ Орлеанскій, — говорилъ Александръ англійскому представителю, лорду Кранкарти, замѣнившему лорда Кастльрэ: — онъ будетъ настоящимъ королемъ революціи, и полагаю, что онъ всѣхъ помирить. Онъ — французъ, онъ — Бурбонъ и мужъ представительницы Бурбоновъ; у него есть сыновья; онъ служилъ при конституціонномъ режимѣ; онъ носилъ трехцвѣтную кокарду, которую, по моему мнѣнію, никогда не надо было снимать въ Парижѣ; принцъ Орлеанскій примирить всѣ партіи».

Стодневное возстановленіе Французской имперіи ускорило развязку Вѣнскаго конгресса. Александръ для мирнаго окончанія переговоровъ рѣшился на уступки, хотя Сорель увѣряетъ, что онъ уже до возвращенія съ Эльбы Наполеона пошелъ на компромиссъ. Во всякомъ случаѣ, фактически только въ концѣ мая были заключены отдѣльные трактаты между Австріей и Россіей; Россіей и Пруссіей; между Россіей, Австріей и Пруссіей. Наконецъ 9-го іюня 1815 г. восемь державъ подписали Вѣнскій трактатъ, подъ названіемъ: «Конечный трактатъ Вѣнскаго конгресса». Король Саксонскій былъ возстановленъ на своемъ королевскомъ престолѣ, но отказался отъ Варшавскаго герцогства и уступилъ часть Саксоніи Пруссіи. Австрія возвратила себѣ округъ восточной Галиціи, уступленный Варшавскому герцогству въ 1809 году, и отказалась отъ западной Галиціи, которой она владѣла отъ 1795 по 1809 г. Пруссія отдала Россіи герцогство Варшавское, кромѣ великаго герцогства Познанскаго; она увеличила свои владѣнія шведской Помераніей, частью Саксоніи, территоріями на правомъ берегу Рейна, принадлежавшими королевству Вестфальскому, и подъ названіемъ Рейнской провинціи: Кельномъ, Бономъ и Триромъ, на лѣвомъ берегу Рейна. Пруссія и Австрія признали королевство Польни подъ властью русскаго императора, а Краковъ свободнымъ нейтральнымъ городомъ. Италия была раздѣлена между королемъ Сардинскимъ, королемъ Неаполитанскимъ и эрцъ-герцогами Тосканскимъ и Моденскимъ, эрцъ-герцогиней Маріей-Луизой, женой Наполеона, папой и Австріей. Что же касается Германіи, то тридцать четыре самостоятельныхъ государя и четыре свободныхъ города составили Германскій союзъ. Королевство Нидерландское, т.-е. Бельгія и Голландія, было отдано принцу Оранскому, съ титуломъ короля. Такимъ образомъ была окончательно размежевана Европа, чтобы на много лѣтъ оставаться въ этихъ границахъ.

Военнымъ путемъ приходилось рѣшить судьбу только Франціи, и чрезъ сто дней Наполеонъ снова былъ лишенъ престола послѣ Ватерлооскаго сраженія и отправленъ на островъ св. Елены. Будущностью Франціи попрежнему распорядились союзники, но на этотъ разъ не Александръ былъ распорядителемъ, а Веллингтонъ. Онъ уговорилъ союзниковъ и временное французское правительство, подъ главенствомъ Фушэ, возстановить вторую реставрацію. Людовикъ XVIII попрежнему вернулся, и во главѣ его министерства стали Фушэ и Талейранъ. Александръ видя, что ему не удалось провести на престолъ герцога Орлеанскаго, сталъ въ сторонѣ отъ политическихъ дѣлъ и только оказывалъ всевозможное великодушіе относительно Франціи. Союзники сначала хотѣли расчлениить эту несчастную страну, и если бы не великодушіе Александра, то ей пришлось бы очень плохо. Людовикъ XVIII, понявъ, что императоръ былъ избавителемъ Франціи, сталъ обращаться съ нимъ гораздо при-

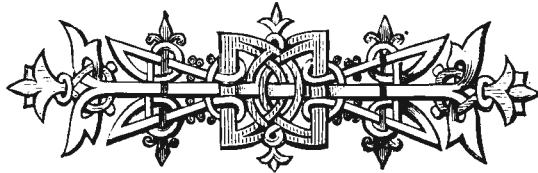
личіе, дружелюбіе и ласковіе. Поэтому и Александръ совершенно измѣнилъ свои отношенія къ нему. Александру удалось мало-по-малу защитить цѣлость Франціи отъ неумѣренныхъ требованій союзниковъ, особенно отъ немилосердныхъ притязаній Пруссіи. Дѣло дошло до того, что однажды въ его присутвіи какой-то пруссакъ дерзко выразился: «У насъ есть штыки!»... Внѣ себя отъ гнѣва Александръ закричалъ: «У меня такъ же есть штыки!»—и вышелъ изъ комнаты. Когда ему наконецъ удалось уладить французскія дѣла и, конечно, главнымъ образомъ, благодаря его посредничеству, власть Людовика XVIII вполне утвердилась—шансы Фушэ и Талейрана на управленіе страной стали уменьшаться. Черезъ короткое время ихъ власть совершенно ступсывалась, и первымъ министромъ сдѣлался герцогъ Ришелье, который, конечно, былъ рекомендованъ Людовику XVIII Александромъ. Ришелье долго находился въ Россіи, и потому французы его называли «un bon russe», но, несмотря на это, онъ оказался превосходнымъ французскимъ министромъ, старавшимся изо всѣхъ силъ, какъ можно скорѣе, спасти Францію отъ притязаній союзниковъ. Александръ дѣлалъ все, что могъ, въ этомъ отношеніи, но наконецъ объявилъ, чтобы Ришелье не ждалъ отъ него большихъ уступокъ, и показалъ ему карту, на которой были начертаны всѣ притязанія союзниковъ. «Вотъ,—сказалъ онъ,—что союзники хотѣли сдѣлать изъ Франціи. Тутъ недостаетъ только моей подписи, и я вамъ обещаю, что никогда ея не дамъ». По словамъ Сореля, «трудно было благородіе и великодушіе окончить переговоры, которые онъ велъ съ такой ловкостью и истиннымъ величіемъ».

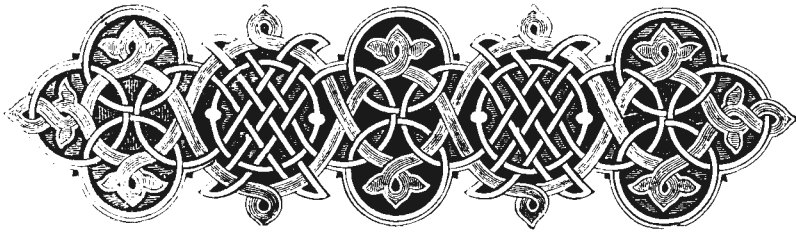
17-го октября 1815 г. Ришелье писалъ Александру: «Только скажите, ваше величество, что Франція существуетъ, и поддержите свои слова, то мы будемъ спасены». Въ концѣ своего разсказа объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи и Европѣ Сорель говоритъ: «Александръ пересоздалъ Пруссію; Ришелье назвалъ его спасителемъ Франціи; онъ намѣревался реформировать Польшу и тѣмъ закончилъ бы свои мечты. Менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Петра, познакомившаго Европу съ московскимъ царемъ среди великихъ государей, Александръ ввелъ въ Парижъ побѣдоносную русскую армію, доставилъ себѣ роль покровителя преемниковъ Людовика XIV и Фридриха Великаго, однимъ словомъ возвысилъ Россію до первенства въ Европѣ».

Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ окончанія тридцатилѣтняго труда Сореля «Европа и французская революція», какъ товарищи, ученики и поклонники ученаго академика устроили въ концѣ марта въ его честь торжественное засѣданіе свободной школы политическихъ наукъ, въ которой онъ до сихъ поръ занимаетъ кафедру дипломатической исторіи. Не только по этому случаю были произнесены привѣтственные рѣчи академикомъ Вандалемъ

барономъ Гюлэ и другими ораторами, но поднесена Сорелю медаль, выбитая въ память этого событія художникомъ Шапленомъ. Въ свою очередь, конечно, и Сорель сказалъ въ отвѣтъ прочувствованное слово. Въ числѣ присутствовавшихъ находились многіе французскіе академики, ученые, литераторы и прочіе замѣчательные современники. Вспоминая шестидесяти-трехъ-лѣтнюю жизнь Сореля, присутствующіе съ глубокимъ уваженіемъ отмѣчали тѣ ея черты, которыя обнаруживали его замѣчательную ученую и литературную дѣятельность. Родившись въ Ганфлерѣ въ 1842 г., Сорель съ юности готовился къ промышленной карьерѣ, но, по совѣту Гизо, занялся изученіемъ международнаго права, поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и былъ секретаремъ Шетарди при Турской делегаціи въ 1870 г. Въ это же время онъ дебютировалъ въ литературѣ двумя историческими романами: «La grande Falaise» и «Le docteur Egga»; затѣмъ онъ началъ карьеру историка «Дипломатической исторіей франко-германской войны» и прославилъ себя цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ историческихъ сочиненій, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ знаменитое многотомное сочиненіе: «Европа и французская революція», доставившее ему не только громкую славу, но и титулъ французскаго академика.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Планъ государственнаго преобразованія графа М. М. Сперанскаго съ приложеніями. Изданіе «Русской Мысли». М. 1905.

ВЪ ЭТОЙ книгѣ собрано нѣсколько работъ Сперанскаго, разбросанныхъ по разнымъ малодоступнымъ изданіямъ. Сюда вошли: Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ (1809 г.), или Планъ всеобщаго государственнаго образованія (стр. 1—120); Записка объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи (1803 г.) (121—229 стр.); 0 государственныхъ установленіяхъ (270—297), 0 крѣпостныхъ людяхъ (298—325), Пермское письмо къ Александру I (326—359).

Въ настоящій моментъ, когда общественная мысль занята планами коренной реформы всего нашего государственнаго строя, проектъ Сперанскаго пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе. Его «Планъ» является проектомъ, не только любопытнымъ съ исторической точки зрѣнія, имѣвшимъ то или другое значеніе въ прошломъ; нѣтъ, онъ важенъ и поучителенъ и для современности, онъ во многомъ еще можетъ служить образцомъ, которому нужно бы слѣдовать при составленіи проектовъ ближайшей реформы нашего государственнаго быта. Вкратцѣ содержаніе «Плана» таково.

По мысли Сперанскаго, «во всякомъ благоустроенномъ государствѣ» необходимы «коренные законы», покоящіеся на «началахъ неподвижныхъ и неизмѣняемыхъ, съ коими бы всѣ другіе законы могли быть соображаемы». Кто же и какъ долженъ устанавливать коренные законы? «Три силы, — пишетъ Сперанскій, — движутъ и управляютъ государствомъ: сила законодательная, испол-

нительная и судебная. Начало и источник сихъ силъ въ народѣ». «Но силы сии въ разсѣяніи мертвыя... Онѣ не производятъ ни закона, ни правъ, ни обязанностей». «Чтобы сдѣлать ихъ дѣйствующими, надлежало ихъ соединить и привести въ равновѣсіе. Соединенное дѣйствіе сихъ силъ составляетъ державную власть». Державная власть править государствомъ.

Въ древности извѣстны были три политическія системы: республиканская, феодальная и деспотическая; послѣдняя «ни мѣры, ни границъ не допускала». На западѣ республиканская система боролась съ феодальной и одерживала верхъ. Въ Россіи — то же движеніе, такое же стремленіе къ свободѣ политической, начавшееся еще съ XVII вѣка. Но раньше (до XIX вѣка) перемѣна правленія была неподготовлена и несвоевременна. А теперь? Рядъ достовѣрныхъ признаковъ говоритъ въ пользу современности. Признаки эти слѣдующіе: 1) перемѣна въ предметахъ народнаго уваженія (напримѣръ, чины, ордена уже не почитаются въ обществѣ); 2) ослабленіе власти: «если физическая власть осталась въ прежнемъ положеніи, то моральная, безъ сомнѣнія, весьма ослабѣла», тогда какъ правительство бываетъ сильнымъ, лишь опираясь на моральную силу; указанный признакъ ясно говоритъ, что «образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія»; 3) невозможность частныхъ исправленій: напримѣръ, «къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія?!» 4) всеобщее недовольство.

Итакъ, необходимо «ограничить его (самодержавіе) внутреннею и существовающею силою установлений», необходимо создать учрежденіе законодательное, мнѣнія котораго «выражали бы собой мнѣніе народное». А для того слѣдуетъ гражданамъ Россійской имперіи предоставить политическія права. Политическія права, по проекту, предоставляются только владѣльцамъ недвижимаго собственности, но всякій гражданинъ имѣетъ право покупать недвижимое имѣніе, такъ что ни для кого не закрытъ доступъ къ политическимъ правамъ. Выборы — четырехстепенные: во-первыхъ, выбирается волостная дума; депутаты волостной думы составляютъ 2) думу окружную; потомъ 3) губернская дума, а изъ депутатовъ отъ губернской думы составляется 4) государственная дума, которая вѣдаетъ законодательство и контроль надъ управленіемъ и бюджетомъ. Предложеніе и утвержденіе законовъ принадлежитъ исключительно правительству, но ни одинъ законъ не можетъ войти въ силу безъ рассмотрѣнія государственной думы.

Исполнительными органами въ государствѣ являются министерства, въ которыхъ слѣдуетъ особенно наблюдать 1) строгую отвѣтственность, 2) точность въ распредѣленіи дѣлъ между министерствами и 3) правильный внутренній распорядокъ. Для правильности и согласованія дѣятельности правительственныхъ органовъ нужно особое учрежденіе — государственный совѣтъ, «въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются»; въ немъ всякіе законы и временныя мѣры разсматриваются «въ первыхъ ихъ начертаніяхъ».

Вотъ въ общихъ чертахъ проектъ Сперанскаго. Онъ уже неоднократно печатался: у Н. И. Тургенева — «La Russie et les Russes», т. III, у Пыпина —

«Общественное движеніе при Александрѣ I» (въ отрывкахъ), у Шильдера въ его трудѣ объ Александрѣ I и въ «Историческимъ Обзорѣни» (т. X, II, 1899). Другія работы Сперанскаго тоже являются здѣсь перепечаткой. Но прежнія изданія малодоступны для широкаго круга читателей, а потому изданіе «Плана» (съ приложеніями) «Русской Мыслью» какъ нельзя лучше отвѣчаетъ требованію настоящаго момента. Издана книга вполне удовлетворительно, цѣна (1 рубль) общедоступна.

М. Ключковъ.

Записки И. Д. Якушкина. Москва. 1905.

«Война 1812 г. пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся въ Россію галловъ и съ ними двенадцать языковъ, если бы народъ попрежнему остался въ оцѣпенѣни. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. По Рязанской дорогѣ направо и налево поле было покрыто пестрой толпой, и мнѣ теперь еще помнятся слова шедшаго около меня солдата: «Ну, слава Богу, вся Россія въ походъ пошла!» Въ рядахъ даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудія; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ». Такъ начинаются записки декабриста Якушкина объ общественномъ движеніи двадцатыхъ годовъ, въ которомъ авторъ принималъ живое и дѣятельное участіе. Рѣдко встрѣчаются воспоминанія, въ которыхъ бы авторъ такъ мало останавливался на собственной особѣ. Рѣдки книги, гдѣ, минуя личныя отношенія и частныя подробности, такъ выпукло и ярко обрисовывались бы главнѣйшія черты пережитой эпохи. Въ этомъ отношеніи характерно и самое начало записокъ.

1812-й годъ дѣйствительно былъ началомъ русской общественной жизни, когда рядомъ съ государствомъ и подъ его вліяніемъ выросла новая сила — русское общество. Коротко, но рѣзко рисуются въ запискахъ этотъ и слѣдующіе годы, когда императоръ Александръ, сближенный со своимъ народомъ, какъ никогда прежде и послѣ, «пересталъ быть царемъ русскимъ и обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждого къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ въ Германіи, но былъ еще прекраснѣе въ Парижѣ, когда спасъ Францію отъ своихъ союзниковъ, которые, какъ алчные волки, готовы были на нее броситься». Свидѣтели и участники міровыхъ событій при такой огромной обстановкѣ, русскіе молодые люди не могли не вырасти. Два года сдѣлали цѣлый переворотъ въ общественной мысли и настроеніи. Это сказалось въ первую же минуту по возвращеніи въ Россію, когда, по словамъ Ө. Глинки, русскіе офицеры прошли черезъ триумфальныя ворота, на лицевой сторонѣ которыхъ было написано «Русскому храброму воинству», а на обратной: «Награда въ отечествѣ». 1-я гвардейская дивизія, въ которой служилъ Якушкинъ, была высажена у Ораніенбаума.

благодарственнаго молебствія полиція внезапно была народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагоприятное впечатлѣнiе». А потомъ подобныя впечатлѣнiя посыпались одно за другимъ, точно изъ рога изобилiя. «Закоснѣлость народа, крѣпостное состоянiе, жестокое обращенiе съ солдатами, которыхъ служба въ теченiе 25 лѣтъ почти была каторга, повсемѣстное лхонимство, грабительство и наконецъ явное неуваженiе къ человѣку вообще» — вотъ что на почвѣ заграничныхъ впечатлѣнiй создало первое тайное общество. Сперва его составляли всего шесть лицъ: Трубецкой, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы, Александръ и Никита Муравьевы, и авторъ записокъ Якушкинъ по обыкновенiю сжато, но вѣрно описываетъ всѣ стадiи развитiя общества, образованiе «Союза благоденствiя», въ самомъ уставѣ котораго авторъ отмѣчаетъ нѣкоторую ложь, такъ какъ, ставя себя задачей содѣйствовать правительству въ его благихъ намѣренiяхъ, члены общества не вѣрили въ эти намѣренiя, распаденiе Союза на Сѣверное и Южное общества, связи ихъ съ «Обществомъ соединенныхъ славянъ», словомъ все вплоть до событiй 14 декабря. Особенно интересны страницы, посвященныя исторiи заговора на живнѣ императора Александра подъ влиянiемъ слуховъ о желанiи его отторгнуть отъ Россiи нѣкоторыя земли и присоединить ихъ къ Польшѣ, если только можно длившееся всего одинъ день намѣренiе одного человѣка назвать заговоромъ. Важенъ и любопытенъ рассказъ автора записокъ о его дѣятельности, какъ помѣщика, и о намѣренiи его освободить своихъ крестьянъ, разбишемся о препятствiя, поставленныя ему министерствомъ.

Вторая часть записокъ повѣствуетъ объ одиночномъ заключенiи автора въ Петропавловской крѣпости и о судѣ надъ декабристами. Въ первой части передъ нами проходитъ галлея лицъ изъ тогдашней передовой молодежи — Фонвизинъ, Граббе, Муравьевы, Орловъ, Мухановъ, Пестель, Пушкинъ; во второй — Левашевъ, Чернышевъ, протоіерей Мысловскій и самъ императоръ Николай. Авторъ даетъ двѣ-три черточки, но читателю рисуется цѣлый образъ. Самымъ же характернымъ лицомъ въ запискахъ является самъ авторъ ихъ, хотя онъ и избѣгаетъ говорить о себѣ безъ нужды. «Врагъ исканiй», съ душою смѣлой и свободной, съ жаромъ чувства и готовностью служить родинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточно согласующiйся съ реальными условiями жизни, а въ нѣкоторыхъ своихъ воззрѣнiяхъ и оторвавшійся отъ народа, который онъ такъ любилъ, Якушкинъ былъ однимъ изъ выдавшихся представителей людей двадцатыхъ годовъ. Три приложенныя къ запискамъ портрета его, а особенно первый, въ молодости, удивительно хорошо освѣщаютъ его духовный обликъ. Въ глазахъ, устремленныхъ въ даль, свѣтится рѣшимость, быть можетъ, нѣсколько фанатическая. Видно, что человѣкъ этотъ не остановится ни передъ чѣмъ для осуществленiя того, что онъ считаетъ истинной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ глаза его слишкомъ устремлены въ даль, чтобы сообразоваться съ дѣйствительностью. Хорошая улыбка дополняетъ впечатлѣнiе.

Въ третьей части записокъ рассказывается о заключенiи автора въ одной изъ финляндскихъ крѣпостей, а потомъ о пребыванiи его на каторгѣ въ Сибири. Эта часть менѣе интересна и въ общемъ повторяетъ тѣ же факты, которые изложены и въ запискахъ другихъ декабристовъ. На поселенiи Якуш-

кинъ остался такимъ же дѣятельнымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ и раньше въ своемъ Жуковѣ. Какъ узнаемъ изъ предисловія къ запискамъ, написаннаго сыномъ автора, въ Ялуторовскѣ онъ много потрудился для образованія мѣстнаго населенія. Имъ были основаны два училища, одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ. Преподавателемъ и руководителемъ всего дѣла былъ самъ Якушкинъ. Преподавалъ онъ дѣтямъ, кромѣ обычныхъ предметовъ, и начальную алгебру и геометрію съ механикой и выпустилъ до своего отъѣзда изъ Ялуторовска 531 человѣка изъ мужского училища и 191 изъ женскаго. Въ 1856 г. онъ вернулся въ Европейскую Россію, а черезъ годъ скончался въ Москвѣ.

Двѣ первыя части записокъ были изданы уже дважды: первый разъ въ Лондонѣ, второй въ Лейпцигѣ, третья была напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 г. Теперь онѣ появляются всѣ вмѣстѣ, какъ единое цѣлое. Появляются, можно сказать, почти волюнті: всего въ пяти мѣстахъ пропущено около десяти строкъ. Для историка царствованія императора Александра I онѣ представляютъ важный матеріалъ, для любителей историческаго чтенія живую и вѣрную картину общественнаго движенія двадцатыхъ годовъ.

Андрей Сиротининъ.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 гг.). Томъ I (1721—1750 гг.). Часть I. Часть II. Приложенія. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Кіевъ. 1904.

Полное собраніе документовъ, касающихся Кіевской духовной академіи, составитъ около 20 большихъ томовъ и должно закончиться печатаніемъ въ 1915 году, когда будетъ праздноваться 300-лѣтіе существованія старѣйшаго учебнаго и просвѣтительнаго учрежденія въ Россіи. Начало этого капитальнаго изданія уже сдѣлано. Появленіе второго отдѣленія «Актовъ и документовъ» раньше перваго объясняется тѣмъ, что собраніе и изданіе матеріала за средній періодъ исторіи академіи—отъ учрежденія синода до царствованія Павла I—взялъ на себя профессоръ Н. И. Петровъ, преданный своему дѣлу, «добрый геній» мѣстнаго музея и рукописныхъ библиотекъ, образцовый работникъ и очень свѣдущій ученый. Надо думать, что скоро выйдутъ первые томы и остальныхъ отдѣленій—подъ редакцію профессора С. Голубева и доцента Ө. Титова.

Изданные въ двухъ большихъ томахъ, содержащихъ около тысячи страницъ, акты и документы представляютъ интересъ не для одной академіи. Это мартирологъ нашего учебнаго дѣла, которое всегда было только терпимо правительствомъ и должно было почти собственными силами находить средства къ существованію. Академія и вспомогательныя ея учрежденія представляли предметы споровъ между живой властью, т.-е. мѣстными митрополитами, и бюрократическимъ центральнымъ органомъ церковнаго управленія, т.-е. синодомъ съ его «Духовнымъ Регламентомъ» 1721 года и указами. Тяжесть этой зависимости увеличивалась еще тѣмъ, что митрополиты и началь-

ство академіи не могли забыть старыхъ привилегій южно-русской церкви, данныхъ польскими королями, подтвержденныхъ гетманами и русскимъ правительствомъ, и терпѣть рядъ послѣдовательныхъ ограниченій этихъ правъ. Поэтому болѣе самостоятельные и трезвые митрополиты находили въ себѣ мужество не только критиковать тѣ или инныя бюрократическія измышленія, но и возражать, протестовать противъ всего, что нарушало стародавнія права и привилегіи. Какъ извѣстно, въ концѣ концовъ побѣду одержали централистическія стремленія правительства, и учебное заведеніе не только потеряло свою фізіономію, было принижено, угнетено, но и сдѣлалось орудіемъ политики. Въ этомъ смыслѣ и интересны изданные профессоромъ Н. Петровымъ документы.

По отдѣльнымъ дѣламъ можно прослѣдить эту долгую и неравную борьбу, а отдѣльные моменты ея представляютъ глубокой и общій интересъ. Остановимся на матеріальномъ положеніи профессоровъ и бѣдныхъ воспитанниковъ академіи. Въ видѣ консольяціи они получали отъ митрополита отъ 12 рублей 50 коп. до 25 руб. въ годъ, затѣмъ—по 3 рубля въ дни ихъ именинъ или за проповѣди, добровольныя приношенія отъ болѣе богатыхъ учениковъ, доходы съ монастырей, гдѣ они были пострижены, въ общемъ — гроши, во всякомъ случаѣ иногда не больше, чѣмъ воспитанники. Послѣдніе получали отъ митрополита 25 рублей ежегодно, могли жить въ казенномъ помѣщеніи—«великой бурсы» или «малыхъ» при приходскихъ церквахъ; кромѣ того, пользовались случайными доходами, напримѣръ, за «инспекторство» надъ младшими воспитанниками, за услуги приходскимъ церквамъ, за поднесеніе гравюръ и поздравительныхъ кантъ вліятельнымъ лицамъ, за славленіе Христа на праздники и т. д. Поэтому неудивительно, что кіевобратскій монастырь и академія иногда находились въ критическомъ положеніи и прибѣгали къ сбору милостыни.

Повторяемъ, по своему содержанію «Акты и документы» очень интересны и важны. Но, насколько намъ извѣстно, продолженіе ихъ изданія является подъ большимъ сомнѣніемъ по самой обычной причинѣ—по недостатку средствъ. Прекращеніе этого цѣннаго изданія было бы тяжелымъ упрекомъ многимъ архіереямъ, получившимъ образованіе въ Кіевской академіи. Едва ли они откажутся послѣдовать примѣру архіепископа казанскаго и свіяжскаго Дмитрія (Ковальницкаго), давшего 4.000 рублей на отпечатаніе вышедшихъ пока томовъ. Если духовное вѣдомство не можетъ прійти на помощь такому прекрасному дѣлу, то поддержать его — обязанность всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ Кіевской академіи.

А. И. Яцимирскій.

М. Ключковъ. Земскіе соборы въ старину. Спб. 1905. — А. Кизеветтеръ. Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX вѣковъ.—В. Алексѣевъ. Народовластіе въ древней Руси.—Его же. Земскіе соборы въ древней Руси.

Появленіе въ настоящее время популярныхъ брошюръ о земскихъ соборахъ на Руси должно быть весьма желательнымъ въ виду всеобщихъ толковъ о народномъ представительствѣ и раздѣленія однихъ земцевъ на сторонниковъ

земскаго сбора, а другихъ на приверженцевъ европейскаго конституціонализма. Ученая литература о земскихъ соборахъ у насъ достаточно обширна. Но работы профессоровъ Латкина, Ключевскаго, Платонова, Вѣляева, Сергѣевича, Владимірскаго-Буданова, Соловьева, Щапова, Чичерина, Аксакова и т. д. мало доступны для публики. Поэтому весьма кстати появленіе о земскихъ соборахъ брошюръ, популярно и добросовѣстно составленныхъ на основаніи серьезныхъ трудовъ нашихъ ученыхъ. Изъ нихъ выгодно выдѣляется брошюра М. Ключкова, въ которой прежде всего предпосланъ обзоръ различныхъ взглядовъ на земскіе соборы русскихъ историковъ. Въ его изложеніи одни изъ историковъ (славянофилы) представляютъ земскіе соборы, какъ наиболѣе цѣнное выраженіе нашей національно-государственной идеи, — идеи о полномъ единеніи власти и земли, правительства и общества. По мнѣнію этой школы, въ земскихъ соборахъ общіе интересы нашли свое лучшее и наиболѣе справедливое осуществленіе, до чего западные сосѣди никогда не могли дорости: тамъ были несогласія, оппозиція, борьба, у насъ же — полное единство, миръ и гармонія. Правительству — сила власти, землѣ — сила мнѣнія, вѣщная правда — государству, внутренняя правда — землѣ, неограниченная власть — царю, полная свобода жизни и духа, свобода мнѣнія и слова — народу. Древнія областныя вѣча преобразовались въ земскій соборъ всея Руси, который сталъ явленіемъ не случайнымъ, но коренною жизненною основою государственнаго быта.

Къ этому мнѣнію К. Аксакова о союзѣ земли и власти примыкаютъ взгляды Павлова, Щапова и Вѣляева. Другіе историки держатся иного мнѣнія о земскихъ соборахъ. С. Соловьевъ, Чичеринъ и Костомаровъ утверждаютъ, что славянофилы въ соборахъ видятъ то, чего не было. Ни въ какомъ случаѣ нельзя настаивать, что на соборѣ высказывалась мысль народная, что соборъ былъ мнѣніемъ всея Руси: на соборахъ XVI вѣка выборныхъ изъ провинціальныхъ городовъ не было. Только въ XVII вѣкѣ соборы начинаютъ крѣпнуть на счетъ слабости правительства. Но какъ только государство вышло изъ бѣдственнаго положенія, оправилось отъ потрясеній, то уже при Алексѣѣ Михайловичѣ значеніе соборовъ начинаетъ падать. Явленіе вымирало, оставалась одна пустая форма, которую считали нужнымъ еще выполнять изъ уваженія къ обычаю предшествующаго царствованія. М. Ключковъ характеризуетъ эти соборы слѣдующими словами: «Характеръ земскихъ соборовъ остается чисто совѣщательнымъ, постановленія ихъ для правительства были необязательны. Они созывались по почину самого правительства, которое приглашало мѣстныхъ людей къ участию въ обсужденіи разныхъ вопросовъ только тогда, когда находило это нужнымъ. Мы не видимъ въ нихъ ни инструкцій представителямъ отъ избирателей, ни законодательной дѣятельности, не встрѣчаемъ даже слѣдовъ общихъ преній. Понятіе о представительствѣ всей земли было до того шатко, или, лучше сказать, оно настолько отсутствовало, что соборы обыкновенно составлялись не изъ выборныхъ отъ всего государства, а единственно изъ московскихъ чиновъ; городъ Москва замѣняетъ собою государство. Значеніе соборовъ подняла только смута, когда силою обстоятельствъ были призваны на защиту государства всѣ скрытыя лучшія силы общества. Но какъ только власть укрѣпилась, государство пришло въ норму, начинается упадокъ соборнаго устройства».

Между этими двумя взглядами на соборы существует примиряющее о них мнѣніе профессоровъ Сергѣевича, Загоскина и Латкина. Эта третья школа утверждаетъ, что на земскихъ соборахъ выборы люди не ограничивались только отвѣтомъ на предложенные имъ государемъ вопросы. Они обращались въ почтительной, по понятіямъ того времени, формѣ челобитья и съ самостоятельными заявленіями о своихъ нуждахъ (напримѣръ, на соборахъ 1621, 1642 и 1640 гг.). Отъ власти, конечно, зависѣло исполнить эти челобитья или нѣтъ, но важно было то, что общество могло обращаться къ престолу съ заявленіями о нуждахъ прямо, непосредственно, а не черезъ администрацію, не черезъ цѣлый рядъ различныхъ правительственныхъ инстанцій. Вообще, московскіе государи дѣйствовали и помимо соборовъ, но рядомъ съ этимъ они признавали что-то и за народомъ, въ силу чего и обращались иногда къ его согласію.

Авторъ разбираемой нами брошюры выдѣляетъ изъ этой послѣдней школы историковъ проф. Ключевского, который, не признавая славянофильскаго значенія за земскими соборами и въ то же время не отрицая ихъ совершенно, придаетъ имъ иное толкованіе. Онъ признаетъ за ними административно-централизующую силу для объединенія Московскаго государства (цементирующее значеніе). М. Ключковъ резюмируетъ это значеніе земскихъ соборовъ, какъ круговой поруки передъ государствомъ, слѣдующими словами: «Соборъ служилъ высшею формою поруки въ управленіи; здѣсь провинціальныя представители ручались за свой міръ, ручались за исполненіе мѣстнымъ обществомъ постановленія, принятаго властью. Особенно характерны въ этомъ отношеніи земскіе соборы XVI вѣка: на нихъ правительство имѣло дѣло не съ народными представителями въ точномъ смыслѣ этого слова, а со своими собственными агентами, и искало не полномочія или совѣта, какъ поступить, а выраженія готовности собранія поступить такъ, какъ намѣчено было властью. Это не было народнымъ представительнымъ собраніемъ, это былъ скорѣе всего административно-распорядительный уговоръ правительства съ своими органами, уговоръ, главною цѣлью котораго было обезпечить правительству точное и повсемѣстное исполненіе принятаго рѣшенія. Земскій соборъ, родившійся не изъ политической борьбы, а изъ административной нужды, восполнялъ правительству недостатокъ рукъ, а не воли или мысли».

Сдѣлавъ характеристики ученыхъ изслѣдованій о земскихъ соборахъ, а также познакомивъ и съ самыми соборами, г. Ключковъ даетъ о нихъ слѣдующее заключеніе: «Самое главное и коренное отличіе земскихъ соборовъ отъ полномочныхъ депутатовъ представительныхъ учреждений это—то, что соборы не имѣли никакихъ правъ и никакихъ полномочій. Въ созывѣ собора и въ предметахъ его вѣдѣнія рѣшающую роль игралъ психологическій моментъ, настроеніе власти, а не желаніе и права общества. Отсутствіе юридическихъ основъ учрежденія и его чисто-совѣщательное значеніе были главными причинами того, что земскіе соборы исчезли съ лица земли Русской совершенно незамѣтно, безъ всякой борьбы и протеста со стороны общества».

Горячимъ призывомъ къ лучшему будущему заканчиваетъ авторъ свой тщательно обоснованный трудъ. «Значить,— говоритъ онъ,— на земскіе со-

боры нужно смотрѣть, какъ на первоначальную, зачаточную форму народнаго представительства, въ которой народные интересы и нужды не могли найти своего полного выраженія и обезпеченія. Теперь Россія устраиваетъ свой гражданскій бытъ на началахъ всеобщей свободы и права. Это — та почва, на которой стоятъ всѣ европейскіе народы; только она можетъ дать настоящіе элементы для представительныхъ учреждений. Но для такого устройства непригодны изношенныя формы сѣдой старины. Земскіе соборы — дѣла давно минувшихъ дней: они жили и умерли, наглядно показавъ собою все свое несовершенство, а подѣ конецъ и непригодность. Теперь же, когда мы стоимъ на порогѣ новой, лучшей жизни, откуда широкая и свободная даль разстилается, и когда предѣ нашимъ умственнымъ взоромъ несутся свѣтлыя тѣни будущаго, намъ необходимо выступить на новый, болѣе широкой путь, гдѣ могли бы всѣ сыны матушки Россіи съ энергіею и радостью приняться за совмѣстную работу на пользу общества и благо государства».

Если г. Ключковымъ дѣйствительное представительство народа ожидается только въ ближайшемъ будущемъ, то въ брошюрѣ А. Кизеветтера: «Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVI — XIX вѣковъ», общественныя начала привѣтствуются и въ государственномъ строеніи старой Россіи. Авторъ прямо заявляетъ: «Участіе земскихъ силъ въ сферѣ областного управленія и въ сферѣ государственной дѣятельности есть наша несомнѣнная національная старина».

Для доказательства своего положенія о широкомъ участіи земства въ жизни страны г. Кизеветтеръ употребилъ очень удачный пріемъ, обращая вниманіе на три момента русской исторіи, отдѣленные другъ отъ друга столѣтними промежутками. Одинъ изъ этихъ моментовъ падаетъ на половину XVII столѣтія, другой — на половину XVIII столѣтія, третій — на половину XIX столѣтія.

Первый изъ нихъ ознаменовался Соборнымъ уложеніемъ 1648—1649 г. при участіи народа, несмотря на то, что это время наступило вслѣдъ за «великой разрухой». Писцовыя книги — хозяйственныя описи государства — развертываютъ полное разстройство народнаго и государственнаго быта. Но, — говоритъ г. Кизеветтеръ, — «предшествующей практикой были выработаны двѣ формы правительственнаго и общественнаго сотрудничества: подача царю мірскихъ челобитій и совѣщанія правительства съ земствомъ на земскихъ соборахъ. Мірскія челобитія являлись въ Московскомъ государствѣ, какъ въ XVI, такъ и XVII вѣкахъ, какъ до «смуты», такъ и послѣ нея, самымъ распространеннымъ и обычнымъ способомъ оглашенія общественныхъ нуждъ и желаній. Правомъ подачи такихъ челобитій пользовались всѣ классы общества до крѣпостныхъ крестьянъ включительно».

Эти челобитныя и земскій соборъ 1649 г. помогли правительству осуществить самое крупное предпріятіе вѣка — составленіе уложенія 1649 г.: «Огражденіе лица отъ административнаго произвола, упорядоченіе судебной защиты личныя и имущественныя правъ, установленіе правильнаго имущественнаго оборота, однимъ словомъ, внесеніе твердой законности въ гражданскія отношенія — вотъ тѣ новыя проблемы, на которыя указали русскіе земцы половины

XVII столѣтія, которыя отчасти были затронуты Уложеніемъ, и всестороннее развитіе которыхъ было завѣщено XVII-мъ столѣтіемъ послѣдующимъ вѣкамъ русской исторіи».

Въ XVIII вѣкѣ Екатерина II издаетъ 14 декабря 1766 г. указъ о призывѣ въ Москву избранныхъ депутатовъ отъ всѣхъ уѣздовъ и городовъ имперіи для участія въ «заготовленіи проекта новаго Уложенія». Проектъ государственнаго Уложенія не былъ составленъ комиссіей, но сама Екатерина такъ охарактеризовала значеніе комиссіи: «Комиссія Уложенія... подала мнѣ совѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ, и о чемъ пецись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась».

Такимъ образомъ Екатерининское законодательство съ участіемъ депутатовъ страны было разработано наиболѣе полно въ 60-хъ годахъ XIX вѣка, при участіи тѣхъ же народныхъ силъ въ эпоху смуты послѣ севастопольскаго разгрома. Участіе общества въ выработкѣ великой реформы 1861 г., по мнѣнію Кизеветтера, выразилось въ учрежденіи губернскихъ комитетовъ, которымъ было поручено составить первоначальные проекты преобразованія, и въ обсужденіи связанныхъ съ реформою вопросовъ на страницахъ повременной печати, которой, правда, не надолго, было разрѣшено свободно высказываться по крестьянскому дѣлу.

Трудъ свой г. Кизеветтеръ заканчиваетъ ободряющими словами и за прошлую нашу исторію, и за дальнѣйшее будущее. Онъ говоритъ: «Неизмѣнная повторяемость какихъ либо явленій всегда указываетъ на то, что они глубоко коренятся въ самой природѣ вещей. Сопоставивъ наиболѣе крупныя факты изъ практики русскаго законодательства за три послѣднія столѣтія, мы замѣтили нѣсколько удивительно устойчивыхъ чертъ, повторяющихся при самыхъ различныхъ историческихъ обстановкахъ каждый разъ, когда Россіи предстояло приступить къ серіознымъ реформамъ своего внутренняго быта. Каждый разъ эти реформы достигали удовлетворительнаго осуществленія не иначе, какъ при условіи дѣятельнаго участія общества въ разработкѣ законодательныхъ вопросовъ».

По тому же вопросу о представительствѣ изданы не менѣе интересныя брошюры В. Алексѣева: «Народовластіе въ древней Руси» и другая его же брошюра: «Земскіе соборы древней Руси», какъ бы продолженіе первой. Въ обѣихъ изъ нихъ авторъ является также сторонникомъ участія народа въ управленіи. Онъ скорбитъ за русскую исторію исключительно въ тѣ ея моменты, когда они представляли собою «монотонную, однообразную работу скиндомовъ-князей Московскаго государства и пассивную народную массу, потерявшую свою свободу и почти безмолвно влекущую положенное на нее ярмо службы и податнаго тягла».

А. Фаресовъ.

Г. Г. Савичъ. Русское горное законодательство, съ разъясненіями. Часть I. Уставъ Горный (Свод. Зак. т. VII, изд. 1893) съ Продолженіемъ 1902 г., новѣйшими узаконеніями, инструкціями, распоряженіями министерствъ и опредѣленіями правительствующаго сената. Спб. 1905.

Этотъ новый трудъ Г. Г. Савича, автора извѣстныхъ сборниковъ по различнымъ частямъ нашего законодательства ¹⁾ и редактора заканчиваемаго въ настоящее время изданіемъ «Полнаго Свода Законовъ Россійской имперіи» ²⁾, вызвалъ въ повременной печати весьма сочувственные отзывы. Официальная «Извѣстія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ», въ вѣдѣніи котораго находится горная часть, въ рецензіи на книгу Г. Г. Савича заявляютъ, что она, представляя собою «въ высшей степени цѣнный трудъ по горному законодательству», «заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны всѣхъ учреждений и лицъ, имѣющихъ отношеніе къ горнопромышленному дѣлу, для которыхъ должна быть въ числѣ настоящихъ» (№ 18, 1 мая, стр. 364). «Новое Время» высказало надежду, что «трудъ Г. Г. Савича составитъ основное руководство и настольную книгу для практическихъ дѣятелей русской горнопромышленности» (Прил. къ № 10476, 4 мая 1905 г., стр. 11). «Русскій Вѣстникъ» (майская книжка, стр. 270) замѣчаетъ, что «въ отношеніи удобства справокъ книга г. Савича заслуживаетъ всякой похвалы». Съ своей стороны, ознакомившись съ содержаніемъ этого обширнаго труда, мы не можемъ не присоединиться къ приведеннымъ отзывамъ. Дѣйствительно, рассматриваемая книга представляетъ собою полный сборникъ всѣхъ дѣйствующихъ по горной части постановленій законодательнаго и административнаго характера, систематизированныхъ умѣло рукою по отдѣламъ официальнаго изданія Устава горнаго и Продолженія къ нему 1902 г., при чемъ означенныя постановленія доведены до самаго послѣдняго времени, и позднѣйшее изъ нихъ относится къ 1 марта текущаго года. Съ исторической точки зрѣнія мы считаемъ необходимымъ отмѣтить ту особенность книги Г. Г. Савича, что въ ней официальный текстъ законовъ, инструкцій и распоряженій воспроизведенъ со ссылками на источники (цитаты), которые служатъ основаніемъ для сужденія о времени изданія отдѣльныхъ постановленій, о взаимной между ними связи и, слѣдовательно, объ историческомъ развитіи нашего дѣйствующаго горнаго законодательства. Съ другой же стороны, помѣщенные въ книгѣ подробные, на 86 страницахъ изложенные, оглавленіе и указатель (систематическій и предметный) даютъ практикѣ полную возможность быстро ориентироваться

¹⁾ Сборникъ правилъ по обезпеченію народнаго продовольствія. Вып. I—III. 1901—1903. Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселянъ внутренихъ губерній Россіи. 1903. Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ Сибири и Степнаго края. 1903. Законы объ управленіи областей Забайкальской, Амурской, Приморской и другихъ мѣстностей Дальняго Востока. 1904.

²⁾ Неофициальное изданіе книгоиздательской фирмы Д. В. Чичинадзе, въ 16 томахъ, 25 книгахъ.

роваться во всемъ этомъ матеріалѣ и находить въ немъ всю совокупность относящихся къ интересующему вопросу правилъ и распоряженій.

При такихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ книги Г. Г. Савича, напечатанной къ тому же шрифтами, болѣе крупными, по сравненію съ текстомъ официальныхъ книгъ законовъ, мы вполне раздѣляемъ высказанный въ «Новомъ Времени» взглядъ, что книга эта составитъ настольное руководство для практиковъ горнаго дѣла.

Н. Я.

К. М. Федоровъ. Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. Изданіе редакціи «Закаспійскаго Обзорнія». Асхабадъ. 1904.

Въ книжкѣ г. Федорова собраны свѣдѣнія о жизни Чернышевскаго, въ разрозненномъ видѣ появившіяся въ періодическихъ изданіяхъ, главнымъ образомъ провинціальныхъ. Особенно полезны сдѣланныя г. Федоровымъ извлеченія изъ такихъ малодоступныхъ изданій, какъ «Амурскій Край» и др. Печатные матеріалы обработаны авторомъ на основаніи личныхъ воспоминаній о Чернышевскомъ, котораго онъ зналъ въ восьмидесятыхъ годахъ, въ то время, когда Чернышевскій жилъ въ Астрахани и трудился надъ переводомъ «Всеобщей исторіи» Вебера.

Г. Федоровъ даетъ довольно полную картину дѣтства Чернышевскаго. Между прочимъ, онъ отмѣчаетъ вліяніе, какое имѣла на умственное развитіе Чернышевскаго единоутробная сестра А. Н. Пыпина, дочь его матери отъ перваго брака, Любовь Николаевна Котляревская. По словамъ А. Н. Пыпина («Мои замѣтки» въ февральской книгѣ «Вѣстника Европы» за 1905 г.), она была ровесницей Чернышевскому и любимой подругой его дѣтства. Она развѣла въ немъ страсть къ чтенію. «Сама большая любительница книгъ, — говоритъ г. Федоровъ, — она читала и для себя и для него, играла съ нимъ и этимъ увлекла его. Немудрено послѣ этого, что маленькій Чернышевскій, сильно любившій отца и мать, чувствовалъ большую привязанность и къ Любови Николаевнѣ. Онъ всегда слушалъ послѣднюю со вниманіемъ и часто разсиранивалъ ее о многомъ».

Очень интересны и поучительны приводимыя г. Федоровымъ воспоминанія учениковъ Чернышевскаго въ саратовской гимназіи. «Въ то недолгое время, которое учитель Чернышевскій пробылъ въ саратовской гимназіи, глубоко была потрясена имъ старая система воспитанія, и память о немъ навсегда сохранилась между его учениками. Учителя тѣхъ временъ тоже долго помнили молодого учителя, упрекавшаго ихъ въ жестокосердіи и неумѣніи преподавать взятаго на себя предмета. Все измѣнилось на время подъ благотворнымъ вліяніемъ этого умнаго, гуманнаго человѣка. Въ ученикахъ своихъ онъ умѣлъ развить охоту къ чтенію, постоянно прочитывая самъ различныя книги, снабжая въ то же время ими желающихъ. Уроки всегда рассказывались имъ съ такою ясностью и такъ понятно, что каждый могъ повторить ихъ, не прочитывая по книгѣ. Кромѣ своего предмета, онъ сообщалъ намъ необходимыя понятія почти о всѣхъ наукахъ. Съ какою радостью мы всегда встрѣчали этого

человѣка и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали его рѣчи, всегда тихой, нѣжной и ласковой. Въ классѣ господствовала мертвая тишина; даже самыя шаловливыя ученики затихали и напрягали слухъ, боясь проронить хотя одно слово. Особенно глубокое впечатлѣніе Чернышевскій производилъ на насъ чтеніемъ Жуковскаго, котораго онъ всегда читалъ съ необыкновеннымъ умѣніемъ и чувствомъ»...

Обозрѣвая литературную дѣятельность Чернышевскаго, г. Федоровъ останавливается на его публицистическихъ и политико-экономическихъ статьяхъ, которыя до сихъ поръ почитались опасными и не могли быть перепечатываемы. Выписки, которыя дѣлаеть г. Федоровъ, очень интересны. Характерно, напри- мѣръ, то, что въ 1859 г. въ «Современникѣ» Чернышевскій доказывалъ необходимость политической свободы; гарантіей ея, по мнѣнію Чернышевскаго, можетъ быть только участіе народа въ законодательствѣ.

Большую часть своего труда г. Федоровъ посвятилъ жизни Чернышевскаго послѣ его ареста въ 1862 году. Для иллюстраціи того впечатлѣнія, какое произвелъ на общество приговоръ надъ Чернышевскимъ, г. Федоровъ приводитъ неизданныя воспоминанія Владимира Соловьева. Эти воспоминанія показываютъ, какъ отнеслись къ осужденію Чернышевскаго завѣдомые литературные противники его. «Ясно выступаетъ, — говоритъ Владимиръ Соловьевъ, — въ моихъ отроческихъ воспоминаніяхъ одинъ лѣтній вечеръ. Мы жили недалеко отъ Москвы, на дачѣ. Невзначай послѣ обѣда пріѣхали Е. Ѳ. Коршъ и Н. X. Кетчеръ. Гости что-то рассказали отцу и собрались съ нимъ въ его обычную вечернюю прогулку. Я попросился итти съ ними, и отецъ согласился. Кетчеръ былъ мраченъ. Оказалось, что они съ Коршемъ пріѣхали передать отцу только что полученное изъ Петербурга извѣстіе о состоявшемся приговорѣ особаго сенатскаго суда, по которому Чернышевскій былъ осужденъ на каторжныя работы. Оба гостя имѣли удрученный видъ, а отецъ, взволнованный, съ покраснѣвшимъ лицомъ, говорилъ какимъ-то напряженнымъ, негодующимъ шепотомъ, время отъ времени переходившимъ въ сердитый крикъ. Коршъ и Кетчеръ были чистѣйшими людьми сороковыхъ годовъ, живыми памятниками знаменитыхъ кружковъ in der Stadt Moskau. Къ движенію шестидесятыхъ годовъ они могли относиться только враждебно и нисколько не старались смягчить этой вражды. Что касается до моего отца, то, какъ человѣкъ съ самыми положительными вѣрованіями въ области религіи и какъ убѣжденный государственникъ, онъ, конечно, былъ еще дальше отъ господствующаго настроенія шестидесятыхъ годовъ. Почему же печальная судьба Чернышевскаго, самой значительной головы въ этомъ враждебномъ и во всякомъ случаѣ чуждомъ и несочувственномъ имъ лагерѣ, такъ поразила и возмутила этихъ людей? Отчасти я могъ понять причину изъ тогдашняго же разговора, особенно изъ словъ отца. «Что же это такое? — говорилъ отецъ: — берутъ изъ общества одного изъ самыхъ видныхъ людей, писателя, который десять лѣтъ проповѣдывалъ извѣстные взгляды съ разрѣшенія цензуры, имѣлъ огромное вліяніе, велъ за собою чуть не все молодое поколѣніе, такого человѣка въ одинъ прекрасный день безъ всякаго яснаго повода берутъ, сажаютъ въ тюрьму, держатъ больше года, судятъ какимъ-то секретнымъ судомъ, и вотъ, наконецъ, общество извѣщается, что этотъ Черны-

шевскій, котораго оно знаетъ только, какъ писателя, ссылается на каторгу за политическое преступленіе, а о какомъ нибудь доказательствѣ его преступности нѣтъ и помину». Впослѣдствіи въ разныхъ возрастахъ мнѣ случалось разговаривать о Чернышевскомъ съ моимъ отцомъ, который всегда подтверждалъ свою увѣренность въ томъ, что никакого политическаго преступленія Чернышевскій не совершалъ, а былъ сосланъ за то, что его писательская, подцензурная дѣятельность найдена была опасною для общественнаго порядка». Фантастичность всѣхъ обвиненій, предъявленныхъ Чернышевскому, теперь, какъ извѣстно, окончательно установлена напечатанными въ 1904 г. въ «Новомъ Времени» замѣтками А. А. Плещеева, сына поэта А. Н. Плещеева, и И. Захарьина-Якунина.

Интересны въ воспоминаніяхъ Владимира Соловьева приводимые имъ отзывы его отца о Чернышевскомъ, съ которымъ онъ видѣлся два раза, на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ первое свиданіе (около 1859 г.). Чернышевскій очень понравился С. М. Соловьеву, а во второе свиданіе (въ 1862 г.) С. М. нашелъ въ Чернышевскомъ большую перемѣну, которую онъ объяснял установившимся идолопоклонническимъ отношеніемъ къ Чернышевскому окружавшей его литературной и общественной среды. «Я помнилъ,—говорилъ С. М. Соловьевъ,—замѣчательно умнаго и толковаго собесѣдника, скромнаго и любезнаго,—и вдругъ непогрѣшимый оракулъ, котораго можно только почтительно слушать. Совсѣмъ другой человекъ сдѣлался». Все это говорилось, впрочемъ, не въ упрекъ Чернышевскому, а въ обличеніе незрѣлости и несерьезности русскаго общества. «Ну, какой тутъ можетъ быть правильный ростъ образованности?—сердился знаменитый историкъ:—третьяго дня ты принялся за серьезное дѣло въ наукѣ или литературѣ, вчера тебя потащили на дельфійскій треножникъ: не нужно, молъ, намъ твоего умственнаго труда, давай намъ только прорицанія; а сегодня, еще не прочавшись отъ оѳііама, ты ужъ на каторгѣ: зачѣмъ прорицательствовать съ разрѣшенія предварительной цензуры!». С. М. Соловьевъ полагалъ, что Чернышевскій со временемъ отдѣлался бы отъ вреднаго дѣйствія общественнаго оѳііама и сталъ бы настоящимъ умственнымъ дѣятелемъ на пользу Россіи. Тѣмъ сильнѣе было негодованіе Соловьева на тѣхъ, кто посмѣшилъ такъ жестоко расправиться съ Чернышевскимъ: «одни испортили, другіе совсѣмъ погубили»,—говорилъ онъ. «Подлинныя выраженія, которыя я хорошо помню,—замѣчаетъ Владимиръ Соловьевъ,—были рѣзче».

Книжка заканчивается личными воспоминаніями автора о Чернышевскомъ. Любопытны сообщенія г. Ѳедорова о литературныхъ занятіяхъ Чернышевскаго въ послѣдніе годы жизни. По словамъ г. Ѳедорова, «какъ въ бытность свою въ Сибири, такъ потомъ въ Астрахани и Саратовѣ, многія написанныя Чернышевскимъ произведенія имъ уничтожались». На вопросъ, почему онъ уничтожаетъ ту или другую статью, Чернышевскій отвѣчалъ стереотипной фразой: «не нравится; слишкомъ суха и безсодержательна». Такой участи подверглись: неоконченная повѣсть «Вечера у княгини Старобѣльской», стихотвореніе «Пѣснь невѣсты царя царей (переводъ съ персидскаго)», статья «Сочетаніе оптимизма въ зоологіи». Двѣ страницы послѣдней статьи г. Ѳедорову удалось сохранить.

Снимокъ съ нихъ г. Федоровъ приложилъ къ своей книжкѣ, въ качествѣ автографа Чернышевскаго.

Не большая, но содержательная книга г. Федорова явится полезнымъ пособиемъ для будущихъ биографовъ Чернышевскаго. Дополненіемъ къ труду г. Федорова могутъ служить напечатанныя недавно въ «Вѣстникѣ Европы» воспоминанія А. Н. Пыпина.

Въ книгѣ находятся два портрета Чернышевскаго и фотографія, изображающая А. Н. Пыпина и Владимира Соловьева за шахматами.

А. Л. Ол.

Е. Щепкина. Чтенія по исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ. Выпускъ I. Государственный строй. Спб. 1905.

Авторъ «Чтеній» уже извѣстенъ въ литературѣ своей книгой: «Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до 1881 г.», которая была встрѣчена критикой очень благосклонно. Вновь вышедшая книга является первымъ выпускомъ серіи задуманныхъ авторомъ очерковъ по разнымъ сторонамъ русской жизни XVIII и XIX вѣковъ. Слѣдующіе выпуски будутъ посвящены сословному строю, школамъ, нравамъ и общественному сознанию.

Въ «Чтеніяхъ» авторъ, какъ показано въ предисловіи, не претендуетъ на новизну взглядовъ и обобщеній, онъ хочетъ лишь систематизировать литературный матеріалъ изъ монографій и отдѣльныхъ курсовъ. Это опредѣляется и ближайшей цѣлью книги—дать среднему кругу читателей полезное историческое чтеніе.

Содержаніе книги распадается на введеніе и девять главъ. Введеніе (стр. 1—26) посвящено вопросу о пространствѣ и населеніи Россіи. Оглавленіе послѣдующаго содержанія книги таково: 1-я глава—верховная власть (27—46), 2-я глава—высшая администрація въ эпоху преобразованій (47—108), 3-я глава—областные учрежденія эпохи преобразованій (108—139), 4-я глава—эпоха верховнаго тайнаго совѣта (140—157), 5-я глава—эпоха кабинета (158—167), 6-я глава—возстановленный сенатъ и конференція, 7-я глава—высшее управленіе послѣдняго періода XVIII вѣка (179—200), 8-я глава—губернскія учрежденія Екатерины II, 9-я глава—финансы въ XVIII вѣкѣ (238—263).

Не входя въ детальную критику, о книгѣ г-жи Щепкиной слѣдуетъ сказать, что она написана довольно содержательно и живо, читается съ интересомъ и вполне заслуживаетъ того, чтобы ее рекомендовать широкому кругу читателей. Если вспомнить, какъ бѣдна наша историческая литература популярными книгами, въ особенности о XVIII и XIX вѣкахъ, то остается только быть признательнымъ автору за его намѣреніе издать серію чтеній по исторіи XVIII вѣка. Несомнѣнно, что такого рода чтенія, какой представляетъ собою выпускъ первый, съ пользой прочтутся всякимъ болѣе или менѣе образованнымъ читателемъ, интересующимся русской исторіей. М. К.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Собраніе портретовъ русскихъ людей царствованія императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I (1762—1825). Художественно-историческое изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ первый, выпускъ второй. Спб. 1905.

По поводу выхода перваго выпуска «Русскихъ портретовъ XVIII и XIX столѣтій» мы уже говорили (въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника») объ этомъ замѣчательномъ изданіи великаго князя Николая Михайловича, которое, безспорно, представляетъ собою выдающееся явленіе въ нашей иконографіи. Теперь вышелъ второй выпускъ перваго тома, столь же роскошно исполненный, какъ и предыдущій. Онъ заключаетъ въ себѣ болѣе 50 портретовъ. Всѣ они воспроизведены съ оригиналовъ и воспроизведены артистически. Изъ числа ихъ особенно любопытны портреты: князей Василя Михайловича, Ивана Михайловича и Алексѣя Алексѣевича Долгорукихъ, графа Ивана Андреевича Остермана, княгинь Е. С. и М. И. Долгорукихъ, княженъ Анны, Варвары и Екатерины Гагариныхъ, П. С. Рувича, П. Я. Убри, графа М. Ю. Вельгорскаго, братьевъ Булгаковыхъ, митрополита Амвросія, графа Е. Ѳ. Комаровскаго, Ф. В. Самарина, княжны Лопухиной, С. В. Салтыкова (фаворита Екатерины II), барона Ф. К. Корфа, семейства графовъ Зубовыхъ, семейства князей Голицыныхъ, А. Л. Нарышкина, графа И. П. Кутайсова, графа П. К. Сухтелена, М. А. Нарышкиной.

Біографіи, какъ и въ первомъ выпускѣ, несмотря на краткость, даютъ всѣ главныя біографическія черты изображаемаго лица и доказываютъ, что составитель ихъ относится къ этой кропотливой работѣ въ высшей степени добросовѣстно. С. Ш.

Н. П. Хитрово. Законодательные памятники XVI и XVII столѣтій, собранные Василиемъ Никитичемъ Татищевымъ и изданные академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ 1768 г. и проч. М. 1905.

Въ предисловіи авторъ съ похвальною скромностью самъ рекомендуетъ себя читателю въ качествѣ лишь диллетанта и любителя русской древности. Книга его свидѣтельствуетъ, что онъ, дѣйствительно, диллетантъ, и притомъ плохой диллетантъ. На заглавной страницѣ онъ объявляетъ жирнымъ шрифтомъ, что печатаетъ законодательные памятники, т.-е. Судебникъ 1550 года и дополнительные къ нему указы, «уже вполне проверенными и свѣренными съ подлинными законодательными актами». Г. Хитрово, конечно, не хотѣлъ мистифицировать читателя крупнымъ научнымъ открытіемъ подлиннаго Судебника 1550 года, извѣстнаго до сихъ поръ лишь по неисправнымъ спискамъ съ большими разночтеніями. Подъ свѣркой съ «подлинными актами» онъ разумѣетъ свѣрку Миллеровскаго изданія не съ подлиннымъ Судебникомъ, не сохранившимся, и не съ древнѣйшими списками его, хранящимися въ архивахъ, а лишь съ однимъ изъ другихъ печатныхъ изданій (1819 г.). При этомъ онъ, повидимому, и не подозреваетъ, что текстъ этого Судебника и до-

полнительныхъ указовъ давно уже свѣренъ по 19 спискамъ и печатнымъ изданіямъ, въ томъ числѣ и съ изданіемъ Миллера, въ I-мъ томѣ «Актвъ историческихъ», изд. 1841 года.

Къ тексту Судебника и указовъ, съ примѣчаніями Татищева, г. Хитрово присоединяетъ біографію В. Н. Татищева и свои обширные комментарии о постепенномъ развитіи на Руси законодательства, о личности Іоанна Грознаго, о нравственномъ состояніи русскаго общества, о мѣстничествѣ, кормленіяхъ, закрѣпощеніи крестьянъ, о самозванствѣ Лжедмитрія и многихъ другихъ важныхъ предметахъ. Недостаточно любя русскую исторію, чтобы хорошенько съ нею ознакомиться, авторъ постоянно въ своихъ комментаріяхъ пользуется устарѣлыми сочиненіями. Такъ, на примѣръ, въ біографіи В. Н. Татищева, рассказывая о вѣдѣніи Анны Іоанновны, г. Хитрово пользуется единственно книгою Н. Попова, 1861 г., не зная новыхъ архивныхъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ книгѣ проф. Д. Корсакова и въ извѣстной статьѣ П. Н. Милокова; не знаетъ онъ и одного изъ основныхъ источниковъ для этой біографіи «Новыхъ извѣстій о В. Н. Татищевѣ» П. Пекарскаго (Зап. имп. акад. наукъ, 1864 г., т. IV, прилож. № 4), не говоря о многихъ другихъ. Въ примѣчаніяхъ г. Хитрово, вѣроятно, имѣя въ виду такихъ же диллетантовъ, какъ онъ самъ, подробно разъясняетъ, что «С. М. Соловьевъ главнымъ образомъ извѣстенъ по сочиненной имъ «Исторіи Россіи», которая во многомъ измѣнила взглядъ, сложившійся на историческія событія, на основаніи исторіи о Россіи (?), сочиненной Карамзинымъ, а М. П. Погодинъ тоже главнымъ образомъ извѣстенъ по сочиненной имъ «Древней русской исторіи» и проч. Свои комментарии съ примѣчаніями такого рода г. Хитрово, къ досадѣ читателя, тщательно перемѣшалъ съ умными и любопытными разсужденіями перваго нашего историка В. Н. Татищева: послѣ 60 страницъ примѣчаній Татищева слѣдуетъ 100 страницъ «общихъ очерковъ» г. Хитрово, затѣмъ опять примѣчанія Татищева и опять очерки г. Хитрово и т. д.

Точное переизданіе Миллеровскаго изданія Судебника съ примѣчаніями Татищева было бы весьма полезно, такъ какъ это изданіе 1768 г. съ трудомъ можно находить у букинистовъ. Къ сожалѣнію, г. Хитрово старался до извѣстной степени точно перепечатать только примѣчанія Татищева изъ этого изданія, а самый текстъ Судебника 1550 г. напечаталъ, «принимая въ соображеніе» другія изданія, и притомъ помѣстилъ его отдѣльно отъ примѣчаній, въ концѣ книги. Переизданіе, сдѣланное столь неопытнымъ любителемъ, непригодно ни для любителей, ни для ученыхъ. П. О.

Крестьянскій строй. Томъ I. Сборникъ статей. Изданіе кн.

П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. Спб. 1905.

Со времени великаго освободительнаго акта 1861 года творческая работа, направленная къ устроению крестьянскаго быта, до послѣдняго времени какъ бы замерла, основныя начала Положенія 19-го февраля не получили своего завершенія. Русскій народъ еще до сихъ поръ ждетъ той желанной свободы, путь къ которой былъ открытъ манифестомъ объ освобожденіи крестьянъ. Въ

последніе годы неурюстройства крестьянской жизни, повидимому, достигли своего апогея, а потому правительство признало необходимымъ изыскать мѣры къ упорядоченію крестьянскаго быта, положивъ, однако, въ основу своихъ работъ «обособленность крестьянскаго сословія и установленный въ соотвѣтствіи съ этимъ особый порядокъ управленія крестьянъ». Вышеуказанный сборникъ статей имѣетъ своей цѣлью, освѣтивъ крестьянскій вопросъ съ исторической точки зрѣнія, показать всю неправильность такой основной предпосылки. Въ сборникѣ красной нитью проходитъ мысль, что ближайшей задачей крестьянской реформы должно быть уравненіе крестьянъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ, что явится исторически справедливымъ возвратомъ правъ, отнятыхъ у крестьянъ политикою землевладѣльцевъ и московскаго правительства, и будетъ логическимъ завершеніемъ тѣхъ началъ, которыя положены въ основу крестьянской реформы 60-хъ годовъ.

Содержаніе сборника составляютъ слѣдующія статьи: А. С. Лаппо-Данилевскаго. — «Очеркъ и исторія образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи» (стр. 1—156); В. П. Семевскаго — «Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка» (157—295); А. А. Корнилова — «Крестьянская реформа 19-го февраля 1861 года» (296—370); Ив. М. Страховскаго — «Крестьянскій вопросъ въ законодательныхъ комиссіяхъ послѣ 1861 года» (371—455).

Въ своей статьѣ А. С. Лаппо-Данилевскій слѣдитъ за судьбой крестьянъ отъ самыхъ древнихъ временъ до второй половины XVIII вѣка. Здѣсь указывается, что въ древности сельское населеніе не представляло изъ себя отдѣльной сословной группы и на ряду съ гражданской свободой пользовалось и свободой политической (фактически «едва ли часто»). Но потомъ оно становится въ приниженное положеніе, а въ теченіе XV—XVIII вѣковъ «крестьяне стали все болѣе терять свою прежнюю волю», «подъ вліяніемъ землевладѣльческаго класса и благодаря политикѣ московскаго самодержавнаго правительства» (12). Въ дальнѣйшемъ авторъ подробно и обстоятельно слѣдитъ за тѣмъ процессомъ, который, развиваясь постепенно и неуклонно, обратилъ вольныхъ людей въ лицъ, крѣпкихъ земель и лицу, и который положилъ рѣзкую грань между «подлыми» и «благородными», между поработенными крестьянами и привилегированнымъ «шляхетствомъ». Этотъ процессъ разсматривается А. С. Лаппо-Данилевскимъ отдѣльно относительно двухъ крупныхъ разрядовъ крестьянскаго населенія: относительно крестьянъ, сидѣвшихъ на черныхъ земляхъ и обратившихся въ крестьянъ «государственныхъ», и крестьянъ помѣщичьихъ, превратившихся въ «крѣпостныхъ». На ряду съ юридической стороной дѣла авторъ рисуетъ и фактическое положеніе крестьянъ. Такъ, имъ очень рельефно отмѣчается политика землевладѣльцевъ и правительства — брать съ крестьянъ насколько возможно больше, слѣдуя поговоркѣ: «крестьянину не давай обрости, но стриги его, какъ овцу, догола» (89). Благодаря такой политикѣ, у русскаго правительства установилась традиціонная фискальная точка зрѣнія на крестьянъ, какъ на исключительно платежную силу государства (156).

Статья В. П. Семевскаго, по замѣчанію самого автора, представляетъ изъ себя переработку введенія къ двухтомной книгѣ «Крестьянскій вопросъ» съ

значительными дополнениями на основаніи какъ печатныхъ, такъ и нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ. Въ ней авторъ довольно подробно останавливается на исторіи освободительнаго движенія, которое, начавшись по инициативѣ отдѣльныхъ высокопросвѣщенныхъ лицъ, видѣвшихъ въ крѣпостномъ рабствѣ коренное зло Россіи, постепенно разрослось, будило общество и правительство и привело къ 19-му февраля 1861 года. Литературной новинкой въ этой статьѣ является третья глава (209—341): «Крестьянскій вопросъ въ обществахъ декабристовъ», основанная преимущественно на неизданныхъ матеріалахъ государственнаго архива. Взглядъ наиболѣе передовыхъ декабристовъ о крестьянахъ сводился къ слѣдующему: «безъ свободы нѣтъ счастья», необходимо «ополчиться всѣмъ вмѣстѣ противъ тиранства и возстановить вѣру и свободу въ Россіи»; чтобы привлечь крестьянъ къ дѣлу революціи, слѣдуетъ освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости и надѣлать землей; надѣлы должны быть значительныхъ размѣровъ, при чемъ часть помѣщичьихъ земель отходить къ крестьянамъ безвозмездно, а другая часть съ вознагражденіемъ отъ казны; крестьяне получаютъ землю въ общинное землевладѣніе. Авторъ доводитъ исторію крестьянскаго вопроса до момента, когда «чудовищное зданіе крѣпостнаго права», «плохо поддаваясь частичнымъ починкамъ, рухнуло разомъ».

А. А. Корниловъ обстоятельно излагаетъ проекты, борьбу партій и самый ходъ крестьянской реформы въ началѣ царствованія Александра I и въ общихъ чертахъ конструируетъ тотъ правовой и экономическій бытъ крестьянъ, который былъ созданъ положеніемъ 19-го февраля.

И. М. Страховскій, характеризуя реформу 1861 года, подчеркиваетъ, что «основною мыслью правовой части реформы было намѣреніе предоставить освобожденнымъ крестьянамъ всю полноту общегражданскихъ правъ», обособленность же сословнаго строя крестьянъ была лишь временной мѣрой. Однако въ дальнѣйшемъ подъ вліяніемъ реакціонныхъ силъ, вопреки логическому смыслу освободительнаго акта, временныя мѣры получили свое разрѣшеніе и развитіе (институтъ земскихъ начальниковъ, властная опека надъ крестьянами), такъ что крестьянское «вѣдомство» превратилось въ крестьянское «государство» (440) съ особымъ управленіемъ, судомъ и законодательствомъ. Ненормальность такого положенія громко заявляетъ о себѣ. Лучшій выходъ изъ него, по мнѣнію сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, урваніе крестьянъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ.

Таково въ бѣглыхъ чертахъ содержаніе сборника. Нечего, конечно, подробно говорить о томъ, что выходъ его въ свѣтъ вполнѣ отвѣчаетъ назрѣвшей потребности, а имена авторовъ статей, глубокихъ специалистовъ своего дѣла, говорятъ о содержательности и цѣнности книги. По своему изложенію статьи написаны въ общемъ популярно, а потому могутъ быть рекомендованы и широкому кругу читателей.

М. Ключковъ.

К. Военскій. Императоръ Николай и Польша въ 1830 году. Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830 — 1831 г. г. Второе, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ императора Николая I. Спб. 1905.

Воспоминанія польскаго полковника Вылежинскаго о событіяхъ 1830 года были въ свое время напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и, несомнѣнно, памятны его читателямъ. Въ настоящее время г. Военскій выпускаетъ «записки» Вылежинскаго отдѣльнымъ изданіемъ, съ разрѣшенія гр. Красинскаго, собственника рукописи, который, съ своей стороны, по предмету этого изданія адресовалъ г. Военскому любопытное письмо, гдѣ говоритъ, что онъ не можетъ не привѣтствовать всего того, что имѣетъ цѣлю установить, на началахъ права и взаимной справедливости, точки соприкосновенія между двумя славянскими народами, изъ коихъ одинъ, въ силу своего развитія и могучаго политическаго единства, представляетъ живую силу «in actu»,—другой, благодаря своимъ вѣковымъ традиціямъ и цивилизаціи моральной и духовной, всегда будетъ представлять большую «in potentia». «Въ настоящую минуту,—утверждаетъ гр. Красинскій,—когда мы стоимъ лицомъ къ лицу съ войною противъ языческаго народа, столь же смѣлаго и предприимчиваго, сколь коварнаго,—требованія христіанской морали должны воодушевить насъ во имя идеи одного общаго дѣла. И это не только въ смыслѣ отвлеченномъ, не только въ теоріи, но въ самыхъ нашихъ поступкахъ, въ глубинѣ нашихъ помысловъ». Настоящее письмо польскаго выдающагося дѣятеля является благородною попыткою къ искреннему сближенію съ Россіей на началахъ права и взаимной справедливости и къ установленію конца вѣковаго спора «славянъ между собою».

Къ запискамъ Вылежинскаго издатель приложилъ біографическій очеркъ, а также нѣсколько документовъ, имѣющихъ отношеніе, какъ къ самому тексту «Воспоминаній», такъ и вообще къ эпохѣ польской смуты 1830—1831 г. г. Къ числу таковыхъ относятся: 1) текстъ тронной рѣчи, произнесенной императоромъ Александромъ I въ день открытія перваго сейма царства Польскаго 15-го марта 1818 года. Въ этой рѣчи императоръ опредѣленно высказалъ свое убѣжденіе, что польская народность и польская конституція призваны «дать великій примѣръ Европы» въ томъ смыслѣ, что «законосвободныя установленія не суть опасная» мечта. Французская рѣчь государя приведена г. Военскимъ въ переводѣ, сдѣланномъ современникомъ и въ первые напечатанномъ въ «Россійской словесности Греча» и имѣющемъ иную редакцію, чѣмъ та, которая приведена Богдановичемъ въ его исторіи Александра I; 2) высочайшій манифестъ 12-го декабря 1830 г., обнародованный по случаю возникшаго въ Варшавѣ возстанія; 3) воззваніе императора Николая къ войскамъ и народу царства Польскаго—два документа, о которыхъ упоминаетъ и Вылежинскій; 4) реляція о свиданіи, происходившемъ между великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и польскимъ депутатомъ Валецкимъ въ Сцишковскомъ монастырѣ 23-го и 24-го ноября 1830 г.; 5) письмо Дибича къ императору Николаю отъ 31-го декабря 1830 г. о свиданіи его съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Письмо это было уже обнародовано Н. К. Шильдеромъ въ приложеніи

къ книгѣ Карновича: «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ», но только на французскомъ языкѣ. Здѣсь оно впервые воспроизведено по-русски; 6) свѣдѣнія объ организаціи и составѣ польской арміи въ 1830 году; 7) алфавитный указатель собственныхъ именъ, гдѣ читатель почерпаетъ свѣдѣнія о генералъ-и флигель-адъютантахъ Александра I и Николая I, принадлежавшихъ къ польской арміи 1815—1830 г. г.

Приложенный къ книгѣ портретъ Николая Павловича относится къ 1829 г. и представляетъ государя еще въ ту пору, когда онъ не носилъ еще усовъ. Книжка г. Военскаго издана очень изящно и продается по доступной цѣнѣ.

В. Г.

А. М. Федоровъ. Земля. Романъ. Москва. 1905.

Романъ г. Федорова преимущественно посвященъ исторіи голода въ Самарской губерніи на мрачномъ фонѣ общаго изображенія «Земли». Сочувствуя народу и его нуждамъ, авторъ не поспешилъ на вопль реальное воспроизведеніе дѣйствительности.

Въ крестьянской семьѣ онъ нашелъ забытыхъ женщинъ, то съ выдранными клочьями волосъ на головѣ, то съ искалѣченнымъ ребенкомъ на рукахъ, то съ открытымъ ропотомъ молодухи на тещу, на сноху, то съ протоколомъ урядника о томъ, какъ баба столкнула прижитаго безъ мужа ребенка въ погребъ съ ледяной водой и т. д. «Баба, гдѣ, какъ звѣри въ берлогѣ, дрались и грызлись люди»... Можно бы по-семейному раздѣлиться, но при деревенскомъ раздѣлѣ главную роль на сходѣ играетъ «четвертуха», и съ бабами обращаются такъ же, какъ съ хозяйственнымъ инвентаремъ... Можно бы жаловаться въ волостной судъ, но сама волость въ зависимости не только отъ земскаго начальника, но даже отъ простого писаря. При этихъ условіяхъ міръ заѣстъ того, кто осмѣлится на него жаловаться.

Не менѣе страдаетъ деревня и отъ собственнаго брата, разбогатѣвшаго мужика. Отъ него зависитъ все: и цѣны на хлѣбъ, и цѣны на рабочія руки. «Всѣ мелкіе торговцы у него по веревочкѣ ходятъ. Что прикажетъ, такъ тому и быть. Привезутъ мужики хлѣбъ на базаръ по низшей цѣнѣ, чѣмъ у него, онъ отворитъ ворота: «Пожалуйте!» Ссыплетъ весь хлѣбъ. Много ли его.. Вотъ и убита цѣна».

Около крупнаго міроѣда копошатся мелкіе кулаки, особенно въ голодные годы. «Не одному наживаться»... Кто наживался на заплѣсневѣлой мукѣ, кто на лошадахъ, кто на казенныхъ ордерахъ. Всѣ мрутъ отъ болѣзней и голода, но всѣ и изъ всего тянутъ свою выгоду. Умреть мужикъ въ больницѣ, и около доктора раздаются голоса:

— Какъ я его обмывала, значить...

— А я... какъ могилу копалъ...

— Они денегъ за это просятъ, — сердито пояснила сестра.

— Какъ денегъ? За что?

— Какъ я его обмывала, значить...

— А я... какъ могилу копалъ... — опять вразъ завыли оба.

Докторъ Останковъ опѣшилъ и взглянулъ на Ольгу. Она стояла блѣдная и почти со страхомъ глядѣла на стариковъ.

— Но вѣдь это ихъ сынъ... Ихъ сынъ померъ...

— Приставился!—баба опять завывала причитывая.

— Приставился,—мрачно подтвердилъ старикъ.

Останковъ покраснѣлъ отъ негодованія и, точно не вѣря себѣ, обратился сперва къ бабѣ, потомъ къ мужику:

— Такъ ты просишь денегъ за то, что обмывала сына, а ты за то, что сыну копалъ могилу?

— Какъ есть... за это, ваше благородіе.

— Но вѣдь это сынъ вашъ... сынъ...—закричалъ Останковъ, уже не сдерживаясь—Вашъ сынъ... вашъ...

— Какъ живой—вашъ былъ, а теперь Боговъ да царевъ, потому какъ земля царева...

Картина, нарисованная авторомъ, характерна для всей «Земли». Можно себѣ представить ужасъ, когда на обнищавшія и деморализованныя деревни обрушились голодъ, цынга, тифъ. Вѣдствія выхватывали многочисленныя жертвы не только изъ крестьянъ, но и изъ университетской молодежи, пріѣхавшей устраивать среди голодныхъ питательные пункты (столовые), больницы и пріюты для сиротъ умершихъ. Прежде всего на первыхъ порахъ народные доброжелатели слышали въ той же Самарской губерніи сомнѣніе въ существованіи голода. Невольно приходилось кричать:

— Да какого же вамъ еще надо голода? Чтобы люди другъ друга, что ли, ѣли? На глазахъ люди умираютъ отъ цынги, но покуда матери не ѣдятъ своихъ дѣтей, мы все еще не считаемъ это голодомъ. Все не голодъ, потому что людоедство еще не объявилось.

Но цинготныя и тифозныя заболѣванія увеличивались одновременно съ голодомъ... Овецъ, лошадей не стало у большинства крестьянъ; продовольственное дѣло, отнятое у земствъ, напоминало пьянки для мертвого... Общественныя работы выполнялись подряднымъ, а не хозяйственнымъ способомъ и ничему не помогали. Цѣлыя уѣзды представляли собою лазареты, безъ ухода и докторовъ...

«На весь Мелетинскій уѣздъ, на 20.000 больныхъ отъ голода, всего три врача, шесть студентовъ медиковъ, девять университетскихъ, три фельдшерицы и 21 сестра. А вѣдь голодныхъ ртовъ на попеченіи тысячь сто будетъ. Что тутъ подѣлаешь?»

Самыя больницы были переполнены больными, и докторамъ приходилось иногда заставить больныхъ совершенно оголенными.

«Дѣло простое, поясняютъ. Это наша больничка. Ночью стираютъ ломотья у больныхъ, а такъ какъ надѣтъ имъ нечего, закрыться тоже нечѣмъ, ихъ и оставляютъ нагими».

Тяжелыя картинки голодающаго и болящаго населенія раскрываетъ авторъ. Посѣщая избы больныхъ, докторъ Останковъ неоднократно забывалъ, что онъ врачъ: хотѣлось закрыть глаза и броситься вонъ...

Исinya блѣдныя, опухшія лица съ тупою неподвижностью глядѣли на него заплывшими глазами. Иные глаза были съ багровыми кровоподтеками, точно подбитые. Опухшія губы съ трудомъ шевелились.

Однако онъ собрался съ духомъ и подошелъ къ одному изъ больныхъ, молодому парю, которому цынга сдѣлала у челюстей туго набитые защечные мѣшки съ саломъ. Прежде чѣмъ Останковъ что нибудь сказалъ, больной, увидя доктора, неожиданно обнажилъ губы, черныя отъ прижиганія ляписомъ, съ распухшими деснами, на которыхъ вздулись кровавыя нарывы, превращая весь ротъ въ какой-то цынготный гранатъ. Зубы качались даже тогда, когда ихъ касался языкъ больного, и очевидно при слабомъ усилии могли выпасть изъ десенъ.

Изъ этого рта страшно «пахло голодомъ», и цынга глядѣла изъ своего краснаго гнѣзда.

Затѣмъ, не дожидаясь отъ Останкова предложенія, онъ обнажилъ передъ нимъ свои ноги, опухшія, одеревенѣвшія, покрытыя кровоподтеками. Онъ даже не могъ разогнуть ихъ, и въ случаѣ нужды его выносили на рукахъ. Останковъ коснулся его ноги пальцемъ, и палецъ оставилъ на тѣлѣ слѣдъ, какъ на кускѣ тѣста. Въ женскомъ отдѣленіи было то же самое. Воздухъ здѣсь былъ еще ужаснѣе. Да оно и понятно: возлѣ многихъ изъ женщинъ, какъ маленькіе слѣпые котята, шевелились грудные младенцы; нѣкоторые изъ нихъ пищали и тянулись къ материнской груди.

— Не пропадаетъ ли отъ цынги молоко?

— Да какое ужъ у нихъ молоко! Кормимъ съ рожка, — отвѣтила сестра.

Читая эти потрясающія сцены обезсиленной земли, чувствуешь, какъ она мало подготовлена къ испытаніямъ, и какъ хорошо, что большая часть романа г. Федорова, къ несомнѣнной его выгодѣ, посвящена «Землѣ», а не романическимъ ея героямъ. Какими бы либеральными взглядами авторъ ни надѣлялъ ихъ (Кургановъ, Останковъ, Ольга и другіе), они все-таки не интересны и по временамъ, какъ у большинства позднѣйшихъ романистовъ, пожалуй, глухи... Но романъ спасенъ тѣмъ, что его авторъ отдалъ все свое вниманіе живой дѣйствительности и далъ яркую картину историческаго момента изъ голодной жизни русской «Земли».

А. Фаресовъ.

Описаніе всѣхъ русскихъ книгъ и повременныхъ изданій.

Составилъ И. Г. Безгинъ. Спб. 1905.

Въ началомъ изданій И. Г. Безгина предполагается описать всѣ русскія книги и повременныя изданія гражданской печати, вышедшія съ 1708 по 1909 годъ. Все изданіе раздѣлено на 12 отдѣловъ: въ первый отдѣлъ войдутъ изданія, вышедшія съ 1708 по 1799 годъ, и въ каждый изъ слѣдующихъ отдѣловъ изданія, вышедшія за 10 лѣтъ; такъ, во второмъ отдѣлѣ: книги 1800—1809, въ третьемъ: 1810—1819 и т. д. до двѣнадцатаго отдѣла, въ который войдутъ изданія 1900—1909 годовъ. Пока вышли въ свѣтъ только одни первые выпуски каждаго отдѣла.

Въ трудѣ И. Г. Безгина, кромѣ точныхъ заглавій и описаній, нерѣдко приводится или оглавленіе изданій, или краткое содержаніе ихъ, и наконецъ даются выписки изъ отзывовъ. Все это читателю, конечно, помогаетъ болѣе и лучше знакомиться съ изданіями, чѣмъ въ неоконченномъ трудѣ С. А. Венгера: «Русскія книги, съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ» (три тома), или въ предполагавшемся трудѣ А. А. Родныхъ: «Каталогъ русскихъ книгъ за 200 лѣтъ», объявленіе и 4 пробныхъ страницы котораго были помѣщены при журналѣ «Литературный Вѣстникъ» 1902 г., въ № 5. Безъ сомнѣнія, трудъ И. Г. Безгина можетъ составить одно изъ капитальныхъ изданій, но будетъ ли онъ по силамъ одному человѣку?

Книги описываются въ алфавитномъ порядкѣ заглавій, такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ VII описано подъ № 4: «А. Х. Востоковъ. Его ученая и литературная дѣятельность. Н. П. Карелкина. Спб. 1855», и подъ № 5: «А. Я. Готовъ. Спб. (1857)». Мнѣ кажется, помнить начальныя буквы именъ и отчествъ всѣхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ людей довольно трудно и даже невозможно, и потому отыскать нѣкоторыя книги въ названномъ трудѣ И. Г. Безгина нѣсколько затруднительно; другое бы дѣло, если бы авторомъ при фамиліяхъ дѣлались хотя краткія ссылки, такъ, напримѣръ, объ этихъ книгахъ, подъ фамиліей Востокова было бы: «см. А. Х. Востоковъ (соч. Карелкина), отд. VII, вып. 1, № 4», или: «Готовъ, см. А. Я. Готовъ, отд. VII, вып. 1, № 5». Это значительно облегчило бы розыски книгъ и многихъ нашихъ библиографовъ и, легко можетъ быть, примирило бы съ порядкомъ описанія, тѣмъ болѣе, что составителемъ обѣщано въ концѣ каждаго отдѣла дать алфавитъ фамилій авторовъ, переводчиковъ, редакторовъ и т. п. лицъ и, во-вторыхъ, помѣстить заглавія изданій, по содержанію, въ систематическомъ порядкѣ. Но это можетъ быть дано только со временемъ, лишь при концѣ изданія.

Считая вышеназванный трудъ И. Г. Безгина началомъ цѣннаго и капитальнаго библиографическаго изданія, смѣю рекомендовать его любителямъ книгъ и выразить пожеланіе скорѣйшаго выхода слѣдующихъ выпусковъ.

П. Д.

Н. Г. Чернышевскій. Что дѣлать? Романъ. Спб. 1905.

Наконецъ, «секретъ полишинеля», и безъ того извѣстный всѣмъ, сталъ офиціально извѣстенъ русскому читающему обществу: разрѣшенъ и вышелъ въ свѣтъ романъ Н. Г. Чернышевскаго «Что дѣлать?» Онъ долгое время былъ запретнымъ плодомъ для публики, хотя можно было его достать и у букинистовъ, конечно, за приличную сумму, и за границей; можно было прочесть и въ старыхъ номерахъ «Современника». Вообще, до сихъ поръ сочиненія Н. Г. Чернышевскаго могли выходить (правда, далеко не всѣ) только безъ имени автора; такъ были изданы М. Н. Чернышевскимъ его «Очерки гоголевскаго періода русской литературы» (Спб., 1893, изданіе второе), «Эстетика и поэзія» (Спб., 1893), «Замѣтки о современной литературѣ 1856—1862 гг.» (Спб., 1894) и «Критическія статьи» (Спб., 1895, второе изданіе) Теперь напечатаны еще «Статьи по крестьянскому вопросу». Знаменитый романъ «Что дѣлать?»—

произведеніе совершенно особаго рода; это—романъ, но романъ насквозь публицистическій, и несомнѣнно, что многіе, не читавшіе его, будутъ разочарованы, познакомившись съ его содержаніемъ: напрасно искать въ немъ художественности, глубины психологическаго анализа, настроенія и всего того, къ чему мы такъ привыкли. Но есть въ немъ нѣчто, сыгравшее въ свое время большую роль въ русской жизни и особенно въ жизни русской молодежи. Человѣкъ, для котораго общественныя проблемы являются однимъ изъ вопросовъ его міросозерцанія, а не фельетонной злобой дня, какъ для весьма многихъ, живущихъ принципомъ «моя хата съ краю—ничего не знаю», да и знать не желаю (прибавимъ для вѣрности),—человѣкъ, говоримъ мы, близкій къ исканію социальныхъ идеаловъ, и теперь съ глубокимъ интересомъ прочтетъ этотъ романъ; онъ, пожалуй, даже не замѣтитъ отсутствія художественности; онъ вспомнитъ, что романъ этотъ—одна изъ попытокъ рѣшенія насущныхъ вопросовъ, и попытка, не представляющая собою полной утопіи, такъ какъ она уже оказала въ свое время значительное вліяніе на развитіе идей въ русскомъ обществѣ. Не даромъ же историки русской жизни и литературы, несмотря на запрещеніе имени автора, не могли обойтись безъ указаній на его дѣятельность, съ которою неразрывно связана цѣлая плеяда выдающихся именъ. Тѣмъ же, кто вадумаетъ искать въ романѣ «Что дѣлать»? занимательности содержанія и художественности исполненія, мы можемъ только сказать: «Procul este, profani!».

Я. Ав—въ.

П. Соколовъ (Костромской). Въ глухой тайгѣ. Спб. 1905.

Очеркъ г. Соколова представляетъ собою описаніе его путешествія, вмѣстѣ съ топографомъ и проводниками-рабочими, по Маринско-Чулымской тайгѣ, Томской губерніи, по рѣкѣ Чети и ея притокамъ Кандату и Чиндату, куда они направились съ цѣлью изученія и изслѣдованія природы тайги, для отысканія удобныхъ для заселенія мѣстъ и размежеванія участковъ для поселенія крестьянъ Европейской Россіи, нуждающихся и стѣсненныхъ малоземельемъ на мѣстахъ ихъ прежняго жительства.

Казенная командировка г. Соколова въ Маринско-Чулымскую тайгу, помимо общей картины таежной жизни, интересной и въ этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ, обращаетъ еще на себя вниманіе исключительными трудностями и опасностями, которыми сопровождалась командировка чиновника для разысканій въ тайгѣ участковъ и отмежеванія ихъ для новоселовъ.

Это не канцелярское изысканіе удобныхъ земель, а живой подвигъ человѣка въ необозримыхъ пространствахъ Сибири для удовлетворенія нуждъ переселенцевъ. Нужны были исключительная выносливость, молодость, любовь къ природѣ, чтобы выполнить такой трудъ среди первобытной природы Сибири.

Авторъ начинаетъ свой очеркъ опредѣленіемъ лѣсныхъ пространствъ Сибири—тайгой, замѣчая, что слово тайга не русскаго происхожденія. «Начало этого слова «тай» прибавлено ко многимъ именамъ горныхъ хребтовъ и мѣстностей Азіи, какъ, напримѣръ, Ал-тай. Но слово «тайга» не означаетъ

непремѣнно гористую мѣстность, покрытую лѣсомъ; чаще это названіе относится къ равнинѣ сѣверной Сибири». Вслѣдъ за безлѣсной тайгой на крайнемъ сѣверѣ тянется ниже тайга-равнина, покрытая кедрами, пихтами, соснами, елями и лиственницей. «Въ Европейской Россіи всѣ деревья мельче, растутъ рѣже и лѣса болѣе населены птицами и животными, тогда какъ въ «черной» тайгѣ царитъ мертвая тишина, наводящая ужасъ на непривычнаго путешественника. Это—лѣсная пустыня, трудная для прохода, благодаря громаднымъ древеснымъ заваламъ изъ упавшихъ и перегнившихъ гигантовъ-стволовъ; такіе таежные «заломы» образуютъ цѣлыя стѣны въ нѣсколько саженъ высоты, представляя непреодолимые препятствія для пѣшеходовъ». Одни «бѣльники» здѣсь обитаемы. По утверженію автора, названіе «бѣльникъ» возникло отъ преобладанія березы, которая, имѣя бѣлую кору ствола, даетъ отпечатокъ бѣлаго цвѣта на общемъ черномъ цвѣтѣ тайги. Такіе бѣльники составляютъ свѣтлые острова среди темнаго пустыннаго моря тайги; они ютятся около таежныхъ рѣчекъ и ручейковъ. Покрывая болѣе высокую и сухую мѣстность—«бугры», они представляютъ отраду и отдыхъ для путниковъ. Путь-дорогу къ заселенію и обработкѣ таежныхъ бѣльниковъ указали «заимщики»—старобрядцы, удалившіеся въ дремучую тайгу по религиознымъ причинамъ и образовавшие задолго до прихода переселенцевъ изъ Россіи такъ называемыя «заимки». «Заимка»—сибирское названіе—происходитъ отъ слова «занимать», и, дѣйствительно, кто первый изъ сибиряковъ-старожиловъ занялъ мѣсто, никому, кромѣ Бога, не принадлежащее, вдали или поблизости отъ селенія, тотъ и владѣлъ этой землей и строилъ на ней избу или просто землянку, пахалъ вокругъ пашню и пасъ скотъ.

Раскольники нашли себѣ «бѣльники» и стали въ Сибири старожилами. Теперь къ нимъ присоединяются новоселы на указанныхъ для нихъ участкахъ чиновниками министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Между коренными сибиряками и новоселами идетъ затаенная вражда. «Первые,—говоритъ г. Соколовъ,—провели здѣсь тропы, которыя могутъ быть превращены въ дороги при самыхъ малыхъ денежныхъ затратахъ, и, вырубая и выжигая лѣсъ, обращали тайгу въ пахотныя земли подъ видомъ пасѣкъ, изъ которыхъ большая часть была не что иное, какъ пахотныя избушки. Эти «самовольные переселенцы» производили подготовительную работу для законныхъ переселенцевъ, которые не замедлятъ воспользоваться приготовленными землями и путями, лишь только здѣсь будутъ объявлены участки съ разрѣшеніемъ селиться на нихъ». Между тѣмъ дороги при заселеніи—самое трудное дѣло въ первобытномъ мѣстѣ. Случалось, что участки «нарѣзались» и затѣмъ пустовали, потому что добраться до нихъ никакъ нельзя было, денегъ же для устройства дорогъ нѣтъ. Старожилы естественно негодуютъ на то, что новоселы воспользуются ихъ трудомъ при заселеніи края.

Трудно было и г. Соколову обследовать Маріинско-Чулымскую тайгу. Сначала по бѣльникамъ шла партія, а потомъ пришлось итти «черной» тайгой, мѣстами рубиться черезъ непролазныя черемушники, мѣстами путаться по «гари» или «заломамъ»; мѣстами опасаться за коней, могущихъ распоротъ себѣ брюхо среди густаго пихтача, обгорѣлыя вѣтви котораго, какъ гвозди,

впиваются и въ тѣло, и въ одежду; мѣстами голодать, пока идешь гарью и болотами глухой тайги...

Послѣ многочисленныхъ мытарствъ авторъ въ сознаниі исполненной имъ задачи говорить: «удобныя мѣста подѣ заселеніе были приблизительно намѣчены, равно какъ и будущія казенныя дачи, въ которыя должны были войти части тайги, остающіяся отъ площадей, назначенныхъ подѣ сельско-хозяйственную обработку».

А. Фаресовъ.

М. Ѳ. Суперанскій. Бытъ учащихся въ начальныхъ школахъ Симбирской губерніи. Симбирскъ. 1905.

Свою содержательную брошюру авторъ начинаетъ съ той мысли, что въ настоящіе тревожные дни, «когда рельефно обнаружилась наша культурная отсталость въ сравненіи не только съ Европой, но даже съ далекимъ азіатскимъ государствомъ»,—наше вниманіе естественно направлено на школу и ея дѣятелей, и картина получается печальная. Тяжелое положеніе учителя сдѣлалось уже общимъ мѣстомъ. Объ этомъ почти перестали писать, потому что всѣмъ надоѣли однѣ жалобы, а тѣ, кто можетъ и обязанъ сдѣлать для учителя, хранятъ молчанье въ важномъ спорѣ, и дѣло не двигается впередъ. А между тѣмъ учителю попрежнему тяжело. Въ этомъ отношеніи особенно интересны тѣ отвѣты, которые были присланы учителями на запросы симбирскаго учительскаго общества взаимной помощи. Сгруппированные очень толково г. Суперанскимъ, эти отвѣты говорятъ цифрами и въ видѣ человѣческихъ документовъ, а не фразами и пожеланіями... Оказывается, что народныя учителя получаютъ отъ 50 до 70 копеекъ въ день, то-есть меньше черно-рабочихъ, по цѣлымъ полугодіямъ совсѣмъ не получаютъ жалованья, начальства у нихъ масса, дѣла по горло, отвѣтственность большая, жаловаться некому; сельскій учитель не имѣетъ возможности ни учить своихъ дѣтей, ни лѣчить семью, ни выписывать книгъ и журналовъ—въ общемъ, положеніе «сѣятелей знанія» можно характеризовать только, какъ пассивное, и авторъ съ грустью припоминаетъ призывъ поэта, взывавшаго больше тридцати лѣтъ тому назадъ:

Гдѣ жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами?
Гдѣ жъ вы, съ полными жита кошицами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупцами,
Двиньте впередъ!

Ч. Александровъ.

И. Фр. Павловскій. Къ исторіи Шведской могилы. Пожертвованіе І. С. Судіенка и его духовное завѣщаніе. Очеркъ по архивнымъ даннымъ, съ рисунками. Полтава. 1904.

Автору очерка удалось найти въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія «Дѣло о высочайшемъ повелѣніи построить на мѣстѣ бывшаго въ 1709 году сраженія подѣ Полтавою церковь и домъ для инвалидовъ, а также и о суммѣ, пожертвованной Судіенкомъ на сей предметъ». На основаніи этого дѣла, даю-

щаго нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Шведской могилѣ, и составленъ очеркъ, являющій исторію постройки въ слѣдующемъ видѣ. Вниманіе правительства на Шведскую могилу было обращено только въ 1802 году, т.-е. почти сто лѣтъ этотъ дорогой каждому русскому памятникъ былъ предоставленъ исключительно на произволъ судьбы, или, вѣрнѣе, стихій. Впервые на него обратилъ вниманіе первый малороссійскій генераль-губернаторъ, кн. А. Б. Куракинъ, подавшій мысль служить на могилѣ павшихъ за честь и славу Россіи бойцовъ 26 іюня панихиду, а 27-го молебень. Второй генераль-губернаторъ, князь Лобановъ-Ростовскій, возбудилъ вопросъ о постройкѣ на могилѣ храма; о своей мысли онъ сообщилъ князю Куракину, бывшему въ то время уже министромъ внутреннихъ дѣлъ. вмѣстѣ съ храмомъ кн. Лобановъ намѣревался построить и домъ для инвалидовъ. Куракинъ отвѣчалъ, что государю «угодно на мѣстѣ знаменитаго сраженія устроение для инвалидовъ великаго помѣщенія». Были уже составлены планы зданій, и приступили къ постройкѣ, но отсутствіе средствъ у правительства, вслѣдствіе происходившихъ Наполеоновскихъ войнъ, заставило прекратить начавшіяся было работы. Тогда-то на помощь кн. Лобанову явился другъ его Судіенко. Онъ происходилъ изъ стараго малороссійскаго рода и управлялъ всѣми имѣніями кн. Безбородка.

Когда Судіенко узналъ, что постройка храма на могилѣ героевъ не можетъ быть приведена въ исполненіе только вслѣдствіе недостатка средствъ, онъ немедленно пожертвовалъ 50 т. рублей (1810 г.). Кн. Лобановъ увѣдомилъ министерство внутреннихъ дѣлъ о желаніи Судіенка построить церковь на Шведской могилѣ, при чемъ добавлялъ, что жертвователю ожидается единственной награды—хоть единой строки, изъявляющей монаршее благоволеніе. Въ августѣ 1811 г. Судіенко былъ удостоенъ высочайшаго рескрипта, въ которомъ императоръ объявлялъ ему благоволеніе за намѣреніе устроить памятникъ съ церковью. Находясь подъ впечатлѣніемъ этого рескрипта, Судіенко приказалъ своему душеприказчику внести еще 50 т. р. на Шведскую могилу. Черезъ годъ кн. Лобанову прислали изъ Петербурга планы храма, составленные архитекторомъ Стасовымъ, за что онъ удостоился званія академика.

Однако храмъ не строился, потому что для постройки его по смѣтѣ требовалось, по крайней мѣрѣ, втрое больше пожертвованнаго капитала. Въ это время генераль-губернаторомъ былъ уже кн. Репнинъ, который не сочувствовалъ постройкѣ храма, тянулъ дѣло и далъ въ Петербургъ совѣтъ употребить капиталъ Судіенка на постройку въ Полтавѣ кадетскаго корпуса. Но императоръ Николай I не разрѣшилъ привести въ исполненіе проектъ, и такимъ образомъ воля жертвователя не была нарушена. Капиталъ Судіенка возросъ въ это время до 200.000 р., а Репнинъ ничего не предпринималъ для постройки храма. Онъ всячески старался затормозить постройку, писалъ въ Петербургъ, что для поддержанія храма нужна будетъ правительственная субсидія. Скоро онъ придумалъ еще новый проектъ, совершенно противорѣчащій ясно выраженной волѣ Судіенка,—именно предложилъ употребить капиталъ на увеличеніе Кресто-Воздвиженскаго монастыря, а на Шведской могилѣ устроить только чугунную ограду. Но графъ Блудовъ не согласился на этотъ проектъ и предложилъ приступить къ постройкѣ. Была и третья попытка нарушить волю

жертвователя. Передъ смертью Судіенко завѣщаль гр. Завадовскому внести еще 100 т. р. на Шведскую могилу. Наслѣдникъ Судіенка, основываясь на томъ, что устные завѣщанія не имѣютъ силы, не только отказался внести эти 100 т. р., но предложилъ и прежнія пожертвованныя Судіенкомъ деньги употребить на воспитаніе дѣтей дворянъ въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ. Конечно, и эта попытка осталась безъ успѣха.

Таковы злоключенія этого капитала, такъ долго отвлекавшія его отъ ясно выраженной воли жертвователя. Очеркъ снабженъ нѣсколькими рисунками и портретами Судіенка, Куракина, Репнина. Въ концѣ приложенъ и текстъ найденныхъ документовъ.

И. Александровъ.

А. Богдановъ. Изъ психологіи общества (статьи 1901—1904 гг.). Спб. 1904.

Факты психической жизни человѣка и общества, какъ совокупности многихъ индивидуумовъ, не могутъ считаться еще вполне выясненными въ современной наукѣ; психологія далеко не кончила своего развитія, даже ея методы только еще вырабатываются. Но уже теперь достаточно твердо установлено, что почти ни одна дисциплина гуманитарныхъ знаній не можетъ игнорировать выводовъ психологіи, такъ какъ едва ли кто нибудь станетъ сомнѣваться въ могущественномъ вліяніи психики человѣка на различныя проявленія жизни общества. Исторія, право и филологія все больше и больше принимаютъ во вниманіе данныя этой науки.

Съ этой-то стороны и представляютъ интересъ статьи г. Богданова—«Изъ психологіи общества». Книга содержитъ шесть очерковъ, печатавшихся первоначально въ журналѣ «Образованіе». Первенство между ними, несомнѣнно, должно быть отдано статьѣ объ «авторитарномъ мышленіи». Здѣсь авторъ выясняетъ роль авторитета въ общественной психологіи, при чемъ совершаетъ свой обзоръ, захватывая формы и первобытной и современной, культурной жизни. Трудъ входитъ основнымъ факторомъ въ жизнь и цивилизованнаго и дикаго человѣка: сначала неорганизованный, трудъ вкорѣ, въ силу усложненія общежитія, организуется подъ высшимъ авторитетомъ старѣйшаго въ родѣ; это—патріархально-родовая организація, являющаяся простѣйшей формой авторитарныхъ отношеній, а отсюда, черезъ цѣлую цѣпь исторически-извѣстныхъ формъ, человечество доходитъ до болѣе законченной организаціи—деспотической монархіи восточнаго типа. Это уже цѣлая система все вышшающихся авторитетовъ... «и личность совершенно исчезаетъ передъ ними»; здѣсь отмѣчается авторомъ «превышеніе власти», «вмѣшательство въ частныя дѣла своихъ подчиненныхъ» и тому подобное (стр. 102), какъ обычное слѣдствіе основныхъ свойствъ этой системы. Особымъ видомъ авторитарнаго сотрудничества, но уже «добровольнаго», а не «принудительнаго», по указанію г. Богданова, являются отношенія между «идеологами» и «массой»—«героями» и «толпой». Основную характеристику «авторитарныхъ отношеній вообще составляетъ ихъ глубокий консерватизмъ», который констатируется авторомъ во многихъ проявленіяхъ жизни; такъ, въ вопросахъ религіи, несомнѣнно,

весьма важную роль играет психологія авторитарнаго мышленія: жрецы—хранители тайнъ, недоступныхъ обыкновеннымъ смертнымъ, а отсюда — подчиненіе этихъ послѣднихъ авторитету первыхъ, которые во многихъ случаяхъ и становятся организаторами жизни (стр. 123). И это положеніе вещей сохраняется непрерывно съ древнѣйшихъ временъ патріархата съ его культомъ предковъ («правильнѣе было бы сказать — культомъ прежнихъ организаторовъ», стр. 130) до нашихъ дней съ современными сложными и разнообразными религіями. Но «фетишизмъ вышшаго и таинственнаго сказывается» не только въ вопросахъ религіи, а и въ вопросахъ, напримѣръ, искусства особенно «въ представленіяхъ о талантѣ и геніи» (стр. 138). «Наоборотъ, въ мірѣ научнаго познанія роль авторитета несравненно менѣе значительна, слѣдую подчиненію гораздо меньше мѣста—и прогрессивныя тенденціи находятъ себѣ гораздо больше простора, развитіе встрѣчаетъ гораздо меньше препятствій» (107). Но наряду съ авторитарными отношеніями между людьми въ далекія времена образовались отношенія и другого рода—«анархическія» и «синтетическія»; сущность первыхъ «заключается въ томъ, что отдѣльныя группы или даже отдѣльныя лица выполняютъ свои общественно-трудовыя функціи самостоятельно, независимо» (стр. 108); тутъ уже налицо борьба, обусловленная конкуренціей, а значить—и прогрессъ, который еще сильнѣе, еще совершеннѣе проявляется при отношеніяхъ синтетическихъ: здѣсь «трудовая система организована, но безъ раздѣленія организаторовъ и исполнителей»; здѣсь дѣйствуетъ группа людей «однороднаго высокоразвитаго психическаго типа»—«нѣтъ ни вождей, ни толпы», «все сообща рѣшаютъ дѣла и выполняютъ рѣшенія». «Здѣсь прогрессивность основывается на широкомъ непрерывномъ общеніи многихъ человѣческихъ личностей, которыя хотя и однородны по высотѣ психическаго типа, но различаются, конечно, по жизненному матеріалу» (стр. 110). Вотъ эта «однородность психическаго типа» заставляетъ читателя призадуматься: а если въ жизни нѣтъ этой однородности? если это лишь теорія? Тогда, вѣдь, синтетическія отношенія, несомнѣнно, не чужды авторитарности. И это вполне естественно и даже можетъ быть исторически доказано: всегда всякое движеніе выдвигало впередъ личность какого нибудь «идеолога», былъ ли то демагогъ или реформаторъ въ той или другой области—все равно. И самъ г. Богдановъ на страницѣ 111 вноситъ какъ бы поправку въ этомъ смыслѣ въ свое положеніе о возможности однородности психическаго типа въ синтетически-организованномъ обществѣ, и на смѣну этой чисто теоретической однородности типа появляется взаимодействие между человѣкомъ массы и организаторомъ-идеологомъ. Мы полагаемъ, г. Богдановъ не станетъ отрицать, что во всякомъ синтетически-организованномъ обществѣ непременно будутъ являться люди, стоящіе по своимъ духовнымъ способностямъ надъ толпой, надъ среднимъ человѣкомъ. Во всякомъ случаѣ, въ этой части статьи есть что-то недоговоренное, не вполне ясное, и думается, что этого бы не случилось, если бы авторъ далъ нѣсколько иллюстрацій изъ исторіи, а не ограничился немногими краткими замѣтками въ концѣ нѣкоторыхъ главъ.

Что касается до другихъ статей, то въ первой изъ помѣщенныхъ въ сборникъ—«Въ полѣ зрѣнія» — мы должны отмѣтить подобный же недостатокъ:

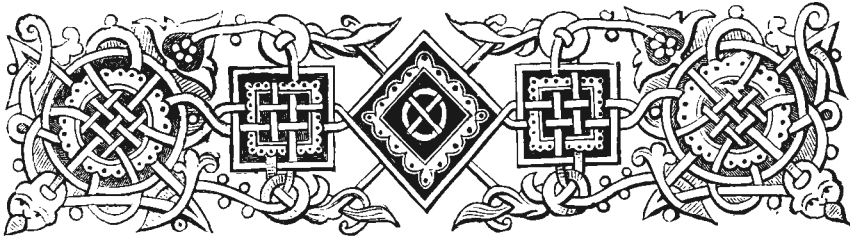
слишкомъ теоретично все высказывается — нѣтъ точныхъ историческихъ разграниченій. Читатель нерѣдко задумается, къ какому хронологическому періоду (хотя бы только приблизительно) относится тотъ или другой описываемый моментъ. «Но жизнь росла, и цѣпь растягивалась», говоритъ, на примѣръ, авторъ: «Наступило, наконецъ, время, когда она должна была порваться. Возникло нѣчто новое, это новое называлось—человѣческая личность» (стр. 5). Когда же это все-таки было? Развѣ не въ теченіе всего своего существованія человѣчество такъ или иначе борется за личность каждаго отдѣльнаго человѣка? Гораздо интереснѣе статья: «Что такое идеализмъ?» Здѣсь авторъ приходитъ къ выводу, что «идеализмъ выражаетъ побѣду въ душѣ человѣка настроеній болѣе соціальныхъ надъ менѣе соціальными», и выясняетъ «взаимную связь идей прогресса, идеализма и идеала». Двѣ послѣднія статьи, посвященные полемикѣ съ представителями современнаго идеализма, г. Булгаковымъ и отчасти г. Бердяевымъ, могли бы совсѣмъ отсутствовать въ книгѣ безъ ущерба для ея интереса.

Я. Ав—въ.

Извѣстія штаба Кавказскаго военнаго округа. № 1—2, апрѣль, 1904 г. Издаются при отчетномъ отдѣленіи штаба Кавказскаго военнаго округа. Тифлисъ. 1904.

Этого новаго тифлискаго изданія нельзя не привѣтствовать. Цѣль изданія объяснена во вступительной замѣткѣ «Отъ редакціи» (редакторъ изданія—подполковникъ Добошинскій, секретарь редакціи—штабсъ-капитанъ Шелковниковъ). «Извѣстія» издаются «для приведенія въ систему обширнаго матеріала, несекретнаго характера, собирающагося въ штабѣ Кавказскаго военнаго округа, о странахъ ближняго Востока, по преимуществу сопредѣльныхъ съ Кавказомъ». Матеріаломъ для «Извѣстій» служатъ иностранныя журналы и газеты, путевыя замѣтки лицъ, имѣвшихъ случай побывать въ странахъ ближняго Востока, и донесенія консуловъ, не имѣющія секретнаго характера. Помѣщаются въ «Извѣстіяхъ» свѣдѣнія по географіи, статистикѣ и исторіи Востока, данныя о вооруженныхъ силахъ Турціи, Персіи и Афганистана, различныя свѣдѣнія военнаго характера и политическія извѣстія, касающіяся Востока. Предполагается выпускать «Извѣстія» шесть разъ въ годъ. Въ первомъ номерѣ «Извѣстій» помѣщены слѣдующія статьи: «Младотурки, какъ политическая партія, и роль ихъ въ турецкой арміи (по турецкимъ источникамъ)»—Б. Шелковникова, «Россія и Азія въ Персидскомъ заливѣ (съ франц.)»—К. Смирнова, «Современное политическое положеніе въ южномъ Курдистанѣ и сѣверной Месопотаміи», «Хеджазская желѣзная дорога (по турецкимъ источникамъ)» — К. Смирнова, «Школьное дѣло въ Персіи», «Отзывъ пависламитской газеты объ отношеніяхъ европейскихъ государствъ къ мусульманскому Востоку»—Ш. Мирзоева и «Хроника Востока»—Б. Ш.

А. Х.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВЕРВЫЕ завоеватели Марокко. Въ третьемъ апрѣльскомъ номерѣ «Revue hebdomadaire: Journal des Débats» Жерманъ Лэфевръ-Понталисъ въ краткой статьѣ ¹⁾ сообщаетъ свѣдѣнія о первыхъ завоевателяхъ Марокко—португальцахъ. Намѣреніе предпринять экспедицію съ цѣлью завоеванія держалось въ такой строгой тайнѣ, что даже, отплывая съ Лиссабонскаго рейда въ четвергъ 25-го іюля 1415 года, король Іоаннъ I, или, какъ его прозвалъ народъ, Joān da Boa Memoria, т.-е. Іоаннъ Хорошей Памяти, находившійся во главѣ экспедиціи съ пятью инфантами, никому не открылъ этой тайны, исключая принцевъ, высшихъ морскихъ чиновъ и нѣкоторыхъ избранныхъ лицъ. Это предпріятіе надѣлало немало шума и вызвало различныя предположенія. Венеція съ беспокойствомъ и подозрѣніемъ слѣдила за приготовлениями португальцевъ и, терзаемая ревностью ко всякому соперничеству относительно торговыхъ выгодъ и пользованія моремъ, всевозможнымъ образомъ старалась проникнуть въ эту тайну. Слухи шли, что вооруженная эскадра должна присоединиться въ сѣверныхъ моряхъ къ англійской эскадрѣ и совместно совершить вторженіе во Францію, открыто подготовленное Ланкастерской династіей. Въ дѣйствительности же цѣлью экспедиціи была Цеута. Вся эта африканская область, древняя Тияжитана, по-арабски Махребъ-эль-Акса, долго принадлежавшая къ мусульманской Иберіи или Иверіи во время халифовъ Омайядовъ, затѣмъ при ихъ преемникахъ берберійской расы Альморавидахъ и Альмохадахъ, тогда оказалась отдѣленной и разъединенной отъ остатковъ мусульманскаго

¹⁾ Les premiers conquérants du Maroc, par Germain Lefèvre-Pontalis. «Journal des Débats», 14 avril 1905.

могущества, еще существовавшего въ Андалузіи. Съ конца XIII вѣка, со времени истощенія имперіи Альмохадовъ, мавританское королевство Гренады и Мароккское государство, основанное въ Фецѣ Мериномъ-Аббалахомъ, — послѣднее то соединившееся, то раздроблявшееся на соперничавшія части, — жили каждое своей собственной жизнью. Благодаря своему положенію ключа атлантическаго Босфора, къ которому она открывала доступъ, Цеута представляла богатый и могущественный сторожевой оплотъ ислама, мѣсто обмѣна европейскихъ и африканскихъ товаровъ. Параллельно ей горѣ Абилѣ на другомъ берегу традиціоннаго разрѣза находилась колоссально симметричная, пирамидальная скала Mons-Calre, какъ называли въ древности Гибралтаръ, по-арабски скала Тарика. Предусмотрительные и опытные моряки, португальцы избрали предварительной базой лучшую точку, гдѣ можно было сосредоточить средства для быстрого и вѣрнаго нападенія, и 10-го августа въ бухтѣ Альжезира, справа отъ Цеуты, на противоположной сторонѣ испанскому берегу появилась португальская «армада». Послѣ перваго и безплоднаго выхода, которому помѣшалъ неблагоприятный вѣтеръ, флотъ, состоявшій изъ 27-ми галеръ и 185 парусныхъ судовъ, снова чрезъ десять дней попытался сдѣлать нападеніе, на этотъ разъ удачно. На другой день, 21-го августа, послѣ нѣсколькихъ часовъ жестокой схватки, благодаря хорошему оружію и умѣлому имѣ владѣнію, португальцы захватили Цеуту, и въ городѣ появились ихъ знамена. Впервые послѣ вторженія мусульманъ европейская нація вступила на землю мохребовъ. Когда въ концѣ XVI вѣка Испанія завоевала на шестьдесятъ лѣтъ Португальское государство, Цеута съ другими дальнѣйшими захватами португальцевъ въ Марокко, между прочимъ Танжеромъ, подчинилась той же участи, какъ и Лиссабонъ. Только въ 1640 году, когда вступила на португальскій престолъ браганская вѣтвь, Португалия сбросила испанское иго, но кастильскій флагъ продолжалъ развѣваться на завоеваніяхъ португальскаго короля Іоанна и его сыновей. Занятіе португальцами этой мароккской стаціи должно было породить безконечныя послѣдствія для міровой исторіи. Благодаря инфанту Генриху, извѣстному подъ именемъ Генриха Мореплавателя, восточный путь къ Индѣйскому морю былъ открытъ. Участвуя въ предпріятіи отца вмѣстѣ съ братьями, имѣя соприкосновеніе съ африканскими берегами, онъ, четыре года спустя, еще болѣе ознакомился съ ними, и въ немъ проснулася жажда открыть путь въ Индѣйское море. Возвратившись изъ Цеуты, онъ основалъ въ Сагрессѣ научно-мореплавательное учрежденіе, гдѣ все время посвящалось наукѣ, и отдался своей цѣли изслѣдовать западные берега Африки. Каждую весну онъ отправлялъ на свой счетъ экспедицію. Подвигаясь отъ мыса къ мысу, отъ пролива къ проливу, она мало-помалу достигла на югѣ до тѣхъ поръ нигдѣ не посѣщаемого мыса Нунъ, который долго суевѣрные моряки считали за сверхъестественную преграду, навсегда недоступную человѣческимъ усиліямъ. Цѣлью второй экспедиціи инфанта въ 1420 году послужилъ островъ Мадера, которымъ португальцы и овладѣли. Послѣ этой удачной экспедиціи «открыватели» еще болѣе воодушевились, и за Мадерой послѣдовали Зеленый мысъ и Гвинейскій заливъ. Когда Діего Камъ, имѣя на своемъ кораблѣ нѣмецкаго космографа, Мартина Бехема, воздвигнулъ въ 1484 году колонну съ

«истор. вѣстн.», июнь, 1905 г., т. с.

20

португальскимъ знаменемъ гораздо впереди эстуарія Конго, задача была рѣшена: желаемый путь въ Индію былъ почти открытъ и обозначенъ. Но хотя принца Генриха при этомъ не было, все же его великая мысль принесла плоды. Изъ Цеуты съ береговъ Марокко подъ руководствомъ Генриха Завоевателя началось великое историческое передвиженіе, которое побудило прежде конца вѣка Діаза и Гама совершить ихъ славныя, всемірно-извѣстныя открытія.

— Петръ Великій въ Оксфордѣ. Въ журналѣ путешествія Петра Великаго за 1698 годъ отъ 8-го апрѣля записано:

«Въ 8 день. За 4 часа до полудня поѣхали въ Оксфордъ.

«Въ 9 день. Въ полночь пріѣхали домой» ¹⁾.

Этой записью исчерпывались наши свѣдѣнія о пребываніи Петра въ Оксфордѣ. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность пополнить наши свѣдѣнія, благодаря любезности извѣстнаго знатока русской исторіи, профессора Оксфордскаго университета, W. K. Morfill'я, сообщившаго намъ любопытный отрывокъ изъ письма одного современника о посѣщеніи Петромъ Великимъ Оксфорда. Авторъ письма, Уильямъ Уильямсъ, служилъ въ это время въ должности помощника хранителя Ашмолейскаго музея, въ Оксфордѣ. Письмо написано въ день отъѣзда царя изъ этого города 9-го апрѣля 1698 года. Уильямсъ писалъ слѣдующее:

«Царь былъ въ музеѣ въ субботу, онъ весьма неотесанный человекъ (а very unsmooth fellow), въ длинномъ черномъ парикѣ и довольно хорошемъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами. Онъ сильно горбится; его руки грязны и расцарапаны, какъ будто отъ чесотки. Его лицо не выбрито, хотя я не могъ разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ, все лицо, потому что его безобразный парикъ былъ огроменъ, и самъ онъ старался скрыть свое лицо. Кажется, онъ понимаетъ по-латыни и говоритъ по-французски (насколько я могъ догадываться по тѣмъ немногимъ словамъ, которыя онъ сказалъ). Его сопровождали одинъ господинъ, который очень хорошо говорилъ по-латыни, и одинъ англичанинъ, кромѣ содержателя Крестовой гостиницы, котораго царь привезъ съ собой въ своей каретѣ. Царь пріѣхалъ въ городъ около 10 часовъ вечера въ пятницу; рассказывали, что онъ выпилъ двѣ бутылки водки. Самымъ раннимъ утромъ онъ побывалъ въ книжной лавкѣ, на собраніи и въ театрѣ, а изъ музея, гдѣ онъ оставался немножко больше четверти часа, онъ отправился въ часовню св. Троицы, но видя, что онъ узнавъ, и свита его увеличилась помимо его желанія, а студенты и горожане сбѣгаются на него смотрѣть, онъ повернулъ назадъ и немедленно уѣхалъ изъ города. Это было около двѣнадцати часовъ, а теперь часъ: я не могу, поэтому, написать ни одной строчки больше изъ боязни пропустить почту».

— Объявленіе генерала Лакло. Въ Парижѣ появились двѣ книги, относящіяся до генерала Шодерло де Лакло, прославившагося главнымъ образомъ, благодаря написанному имъ роману «Liaisons dangereuses», въ которомъ онъ вывелъ самыя безнравственные типы конца XVIII вѣка. Ходячее мнѣніе, что авторы рисуютъ своихъ героевъ по своему личному образцу, болѣе всего отра-

¹⁾ Н. Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго. Томъ III. Спб. 1858, стр. 605.

зилось на Шодерло де Лакло, и его считали за человекa двусмысленнаго, безпокойнаго, хотя и съ большими способностями, но испорченными крупными пороками. Его интимный врагъ, г-жа Жавлисъ, отзывалась о немъ, «какъ о человекѣ порочномъ», а г-жа Роланъ говорила, «что онъ умный человекъ, и природа создала его для великихъ соображеній, пороки же заставили его посвятить всѣ свои способности интригамъ». Такого же мнѣнія придерживались вообще всѣ его современники. Мало того, самъ Лакло, прислушиваясь къ этому мнѣнію, кончилъ тѣмъ, что сталъ считать себя за развратника, обладающаго способностями мрачнаго генія, и сталъ мечтать о карьерѣ пскателя приключеній. Онъ былъ слишкомъ честенъ, да къ тому же не молодъ, чтобы броситься въ водоворотъ любовныхъ похожденій, а потому избралъ политическія. Долго державшееся мнѣніе о немъ, какъ о развратномъ и во всѣхъ отношеніяхъ безвравственномъ человекѣ, теперь должно измѣниться, благодаря появленію въ печати его писемъ¹⁾ къ женѣ и дѣтямъ, написаннымъ изъ тюрьмы Пикпю, а затѣмъ изъ итальянской и рейнской арміи, и книги²⁾ Эмиля Дара, написанной по неизвѣстнымъ еще документамъ. Письма къ женѣ предоставилъ издателю правнукъ Лакло, Луи де Шовиньи; они отличаются безыскусственностью и рисуютъ личность «развратнаго Лакло», какимъ его сдѣлало общественное мнѣніе, самыми симпатичными красками, какъ нѣжнаго мужа, любящаго отца, семьянина, чуткаго, скромнаго человекa, безъ всякихъ честолюбивыхъ притязаній. Дѣйствительно, читая его романъ «Liaisons dangereuses», трудно не раздѣлять общественнаго мнѣнія. Въ двухъ цѣлыхъ томахъ онъ говоритъ о развратникѣ и распутницѣ, прекрасно рисуя, изъ чего состоятъ душа такихъ людей, и хотя онъ объяснилъ фразой: «я видѣлъ нравы моего вѣка и написалъ эту книгу», но все-таки общественное мнѣніе никакъ не могло примириться съ тѣмъ, что онъ обладаетъ такой тонкой наблюдательностью. Дѣйствительно его книга служить снимкомъ съ нравовъ пресыщенныхъ развратомъ людей конца XVIII вѣка, какъ, наиримѣръ, типъ Вальмона, который во всю свою карьеру баловня женщинъ и профессиональнаго оболытателя «наслаждался не любовью, не удовольствіями, которыя ему уже пріѣлись, а злостью». «Не знаю, почему,—говоритъ этотъ герой,—но мнѣ нравится лишь все странное». Онъ добивается любви религіозной г-жи Турвель только потому, что знаетъ, какая произойдетъ въ ней жестокая борьба, и какъ она будетъ страдать отъ угрызений совѣсти; онъ соблазняетъ молодую дѣвушку, предвкушая заравѣе удовольствіе отъ того горя, какое испытаютъ она—отъ своего безчестія, мать—отъ ея позора, женихъ—отъ отчаянія. Зрѣлище несчастія и зла для пресыщеннаго развратника—наслажденіе, тѣмъ болѣе, что авторъ его—онъ самъ. Женскіе типы, представленныя Лакло, не уступаютъ мужскому, какъ, наиримѣръ, лицемѣрная, двуличная г-жа Мертейль, героиня романа, которую забавляетъ главнымъ образомъ играть роль и обманывать, дѣлаться повѣренной того лица, которому она худшій врагъ, и совѣтницей ребенка, Сесилии Волянжъ,

¹⁾ Lettres inédites de Choderlos de Laclos, publiées par Louis de Chauvigny. Paris. 1905.

²⁾ Le général Choderlos de Laclos, auteur des «Liaisons dangereuses», par Emile Dard. Paris. 1905.

которую она старается воспитать на ея гибель. «При моемъ пробужденіи,— говоритъ она,— я нашла двѣ записки, одну отъ матери, другую отъ дочери, и не могла удержаться отъ смѣха, найдя въ обѣихъ буквально одну и ту же фразу: «Отъ васъ одной я ожидаю утѣшенія». Не забавно ли, дѣйствительно, утѣшать за и противъ и быть единственнымъ агентомъ двухъ совершенно противоположныхъ интересовъ?» Когда она убѣдилась, что изъ Сесиліи Волянжъ нельзя сдѣлать интриганки по своему подобію, она перестала ея заниматься, говоря: «Пока мы занимаемся образованіемъ изъ этой дѣвочки интриганки, мы только дѣлаемъ изъ нея легкомысленную женщину. Я не знаю ничего пошлѣе той легкости, съ которой дѣлаютъ глупости, не зная ни почему, ни для чего». Лакло выводилъ въ этихъ герояхъ тишу бездѣльниковъ конца XVIII вѣка, развратничавшихъ отъ скуки, происходившей отъ бездѣлья. «Я до смерти скучаю!» — восклицаетъ г-жа Мертейль. Этими словами объясняется ея развратъ. Жизнь самого автора, по словамъ Дара, была романомъ честолюбца. Артиллерійскимъ капитаномъ Лакло любилъ чувствительные стишки и Новую Элоизу». Въ гренобльскомъ гарнизонѣ онъ былъ нетерпѣливъ, наблюдателенъ и возбужденъ противъ господствующихъ нравовъ. Наканунѣ революціи провинція негодовала противъ высшей аристократіи, и армія раздѣляла это чувство, потому Лакло выпустилъ свой памфлетъ въ формѣ любовнаго романа. Когда вспыхнула революція Лакло сдѣлался заговорщикомъ и дипломатомъ на службѣ герцога Орлеанскаго, будущаго Филиппа Эгалитѣ. Ему тогда было сорокъ восемь лѣтъ, и онъ думалъ, что наконецъ наступилъ моментъ дѣйствовать. Лакло поселяется въ Палл-Роялѣ и становится казначеемъ революціонеровъ; золото принца Орлеанскаго и интриги Лакло играютъ большую роль въ великихъ дняхъ. Затѣмъ послѣ Варенна онъ становится якобинцемъ и старается сдѣлать герцога Орлеанскаго регентомъ, противъ его воли; но Лакло это не удается, и онъ продолжаетъ свою карьеру на полѣ сраженія. Въ 1793 г. онъ становится для правительства подозрителенъ, и его заключаютъ въ тюрьму, гдѣ онъ проводитъ время въ перепискѣ съ женою и дѣтьми, въ разработкѣ грамматики и преподаваніи своимъ современникамъ счетоводства и арифметики. Когда наконецъ его освободили въ 1794 г., онъ былъ бѣденъ и разочарованъ, какъ никогда, но также честолюбивъ. По мнѣнію Дара, свою книгу Лакло написалъ подъ вліяніемъ «честолюбиваго злопамятства» и пользуясь глубокою наблюдательностью. Онъ написалъ ее въ трудные годы для честолюбцевъ,—въ сорокъ лѣтъ. Живя въ Греноблѣ, Лакло питалъ страшную ненависть къ двору, куда доступъ ему былъ закрытъ, и вслѣдствіе своего происхожденія онъ не могъ рассчитывать на желаемое имъ быстрое повышеніе. Оставалось одно средство, чтобы выбраться изъ своего невиднаго положенія,—это сдѣлаться писателемъ. «Утомясь изучать ремесло,—говоритъ Даръ,— которое не вело ни къ высокому положенію, ни къ большому значенію, Лакло, артиллерійскій капитанъ, рѣшился написать книгу, которая, выходя изъ ряда обыкновенныхъ, надѣлала бы шуму, гремѣвшему бы на землѣ даже послѣ того, какъ прошелъ». Если книга Лакло, по словамъ Дара, сохранила репутацію жестоко безнравственной, то потому, что онъ напалъ на человеческое сердце безъ пощады, безъ исключенія, оскорбляя всѣхъ мужчинъ и женщинъ, даже любовь. Она представляетъ превосходную

карту нравственной анатомии, и, может быть, это — образцовое произведение аналитического романа, как выразился Поль Буржэ. Пока Лакло сидѣлъ въ тюрьмѣ, его жена, отличавшаяся добродѣтелями и любовью къ мужу, бѣгала по министерскимъ прихотямъ террористовъ и вымаливала для мужа пропускной листъ, чтобы онъ могъ заняться опытами надъ изобрѣтенными имъ особаго рода ядрами. Наконецъ она добилась; ему выдали требуемый листъ, и онъ произвелъ опыты, имѣвшіе большой успѣхъ. Его выпустили изъ тюрьмы и осыпали почестями. Лакло снова сталъ проситься въ армию и принялъ видное участіе въ сраженіи при Вальми. Его произвели въ генералы, и онъ окончательно перешелъ на сторону Бонапарта. Желая служить подъ начальствомъ великаго полководца, Лакло отправляется въ Рейнскую армию, затѣмъ въ Италию. Но счастье явилось слишкомъ поздно, хотя душа Лакло осталась желѣзная, а честолюбіе прежнее, но здоровье уже было разбито. Онъ сдѣлался печаленъ, и жгучее солнце Италии вмѣстѣ съ прекрасными итальянками не утѣшило этого «развратника» отъ разлуки съ женою и обожаемыми имъ дѣтьми. Наконецъ, по возвращеніи въ Парижъ, онъ сталъ просить отставки, на которую имѣлъ полное право, какъ по совершеннымъ походамъ, такъ по лѣтамъ и оказаннымъ услугамъ. Однако, благодаря ненавистничеству министерскихъ чиновниковъ, а также тѣхъ, кого онъ осыпалъ деньгами герцога Орлеанскаго, ненавидѣвшихъ его за то, что онъ зналъ слишкомъ много, его назначили командовать артиллеріей Италійскаго полуострова. Онъ отправился на мѣсто назначенія, но схватилъ тамъ лихорадку и умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Вся его бѣда была въ томъ, что онъ родился въ концѣ стараго режима, когда самыя блестящія его качества не могли служить помощью этому нравственно сложному неудачнику, крайне чуткому и призванному къ высшему предназначенію. Лакло былъ незначительнымъ генераломъ, но изъ честолюбія сдѣлавшимся сразу большимъ писателемъ.

— Продолженіе воспоминаній графини Потоцкой. Семь лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ вышли воспоминанія польской аристократки, графини Потоцкой, урожденной Анны Тышкевичъ, переводъ которыхъ былъ помѣщенъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Эти записки, окончившіяся 1820 годомъ, относились между прочимъ до Наполеона и его двора; въ нихъ остроумно, мѣтко и живо она обрисовываетъ его и приближенныхъ. Въ концѣ своихъ воспоминаній она говорила: «Впредь, если я буду еще писать, то безъ порядка и единственно лишь для того, чтобы отмѣтить замѣчательные факты. Безпрестанныя, все возрастающія несчастія моей страны и мои личныя огорченія отняли у меня не только желаніе, но даже способность заниматься моими воспоминаніями». Эта рѣшимость тѣмъ болѣе огорчила ея поклонниковъ, что они ожидали ея отзыва о Наполеонѣ III. Теперь Казимиру Стриенскому удалось получить отъ родныхъ графини Потоцкой, умершей въ 1867 г., ея ненапечатанную переписку¹⁾. Прежде всего она касается Наполеона III, какъ президента республики въ 1850 г., когда онъ возвратился изъ Страсбурга послѣ знаменитаго путешествія, во время котораго крики «vivat» исходили изъ

¹⁾ La comtesse Potocka et le second empire, par Casimir Stryiński. «Revue Bleu», 1 Avril 1905.

устъ наемниковъ. «Поговоримъ немного о Парижѣ, который мы оба такъ любимъ,—писала она графинѣ Софіи Воджицкой.—Единственное замѣчательное событіе, случившееся послѣ вашего отъѣзда,—это въѣздъ Александра въ Вавилонъ. Никогда императоръ послѣ самыхъ блестящихъ побѣдъ не былъ такъ требователенъ. Вооруженныя войска, гремѣвшія пушки, бѣгущіе зрители, звонъ колоколовъ,—все было не достаточно для празднованія «возвращенія изъ Страсбурга»; нужно было еще появленіе на ступеняхъ св. Магдалены духовенства, чтобы окадить ладаномъ путешественника, небрежно сидѣвшаго въ своемъ экипажѣ. Вамъ доставило бы удовольствіе видѣть, съ какимъ почтеніемъ былъ принятъ архіепископъ на всемъ пути. Предъ нимъ бесконечно обнажались головы болѣе, чѣмъ предъ президентомъ; говорятъ даже, что въ предмѣстьяхъ блузники кричали: «Да здравствуетъ архіепископъ!». Вы достаточно знаете французовъ и угадаете, что торжество президента повлекло за собою насмѣшки, а это представляетъ значительную неудачу, въ особенности въ стравѣ, гдѣ смѣются надо всѣмъ, еще болѣе надъ тѣмъ, что достойно смѣха». Нѣсколько дней спустя, 5-го августа 1850 года, графиня Потоцкая вновь взялась за перо: «Совершенно спокойно, безъ нетерпѣнія и съ любопытствомъ ожидаютъ праздника 15-го августа; уже столько видѣли всего, что изсякли средства занимать парижскій народъ. Говорятъ о бракѣ, объ имперіи, и ничего не говорятъ объ остальномъ». Нѣсколько недѣль спустя, свѣдѣнія становятся подробнѣе: «Президентъ снова уѣдетъ, чтобы посѣтить свои владѣнія, послѣ чего—имперія! Только съ бракомъ не ладится. Однѣхъ онъ не хочетъ, другія—его не желаютъ; желанія согласуются съ трудомъ. Инфанта очень некрасива, а это смѣшно подъ императорской короной. Двоюродная сестра Баденская, какъ говорятъ, очень милая, находится подъ влияніемъ паны Ваза (Густавъ принцъ Ваза 1799—1877 г., женатый на Луизѣ, принцессѣ Баденской, 1811—1854), который подчиняетъ Австріи. Вотъ вамъ свѣтъ и жизнь! Ничего нѣтъ совершеннаго. Только глупость часто не оставляетъ ничего желать лучшаго»... Польское общество, по словамъ автора, очень внимательно относилось къ браку будущаго Наполеона III. Многія аристократки были включены въ ряды невѣстъ. Скорѣе изъ любви къ родинѣ, чѣмъ изъ расположенія, онѣ возобновили такимъ образомъ жертву, какую принесла въ 1807 г. красавица Марія Валевская въ Финкенштейнскомъ лагерѣ, отдаваясь императору въ надеждѣ спасти Польшу.. Въ числѣ кандидатокъ находились дочери графа Враницкаго и въ особенности княжна Изабелла Чарторійская (1830—1900), сдѣлавшаяся въ 1857 г. графиней Дзіялинской, подходившая своей царственной вѣнностью къ положенію императрицы. Но всѣ эти брачныя планы, какъ извѣстно, не удались». При первыхъ слухахъ о войнѣ 1853 г., когда предвидѣлся франко-англійскій союзъ противъ Россіи, графиня отзывается о Наполеонѣ III, уже сдѣлавшемся императоромъ: «Но какая гроза гремитъ надъ нашими головами? Думаете ли вы иногда, что при первомъ пушечномъ ударѣ, раскатъ котораго будетъ услышанъ на Востокѣ, повергнетъ насъ въ нескончаемую войну? Намъ, полякамъ, нечего терять, но мы многое можемъ выиграть. Невозможно думать обо всемъ этомъ безъ чувства ужаса. Сколько жертвъ, сколько крови! Это будетъ

война имперіи, но безъ великаго человѣка». Въ 1853 г. принцъ Наполеонъ былъ посланъ въ Варшаву, и графиня писала: «Вы читали въ газетахъ подробности относительно «скачки съ препятствіями», совершенной принцемъ Наполеономъ до Варшавы. Онъ возвратился очарованный, но очень удивленный, что видѣлъ въ Парижѣ болѣе поляковъ, чѣмъ въ Варшавѣ. Вотъ объясненіе: онъ былъ такъ осаждаемъ русской полиціей, что къ нему никого не допускали. Кажется, что цѣлью этого посѣщенія было намѣреніе составить коалицію противъ Австріи; самое тяжелое, повидимому, увлечь Англію, или, по крайней мѣрѣ, заставить ее рѣшиться оставаться нейтральной». 13-го августа 1854 г. графиня возвращается къ 1807 г., когда она видѣла Наполеона въ Варшавѣ и флиртовала съ графомъ Флао, самымъ изящнымъ офицеромъ французской арміи, отцомъ герцога Морни. Въ письмѣ къ г-жѣ Воджицкой на приглашеніе пріѣхать на обычное празднество съ бенгальскими огнями и ракетами, устраиваемое въ день рожденія императора, графиня отвѣчаетъ: «Жара и толпа — двѣ вещи, совершенно противныя мнѣ. Вы видѣли тѣни, я же присутствовала при дѣйствительности и этимъ очень довольна. Наполеонъ — единственный человѣкъ, который, можетъ быть, заставилъ бы меня согрѣшнить! Я устояла противъ всѣхъ его заигрываній, такъ какъ мое сердце не было свободно». Графиня, хотя и была поклонница Наполеона, но не теряла случая бросить камешекъ въ огородъ его племянника. Такъ, говоря объ одной его страсти, она пишетъ: «Злые языки утверждаютъ, что г-жѣ Кастильонъ требуются Пломбьерскія воды, что касается меня, то я въ этомъ сомнѣваюсь, такъ какъ мнѣ кажется, что соблазнитель не такъ обольстителенъ». Наступила итальянская война (1859), и графиня Потоцкая забыла, благодаря успѣхамъ французской арміи, о своей враждѣ. «Если бы мнѣ пришлось, — говоритъ она, — снова начать эту тяжелую задачу, которую называютъ жизнью, то я хотѣла бы возродиться французенкой. Нѣтъ, я не хую мою родину, храни меня небо, но если бы пришлось дѣлать выборъ, прежде чѣмъ начать жизнь, развѣ не позволено улучшить свою судьбу, чтобы избѣгнуть столькихъ обманутыхъ надеждъ и столькихъ непоправимыхъ несчастій». Услышавъ о побѣдѣ при Мажентѣ, графиня захопала въ ладоши. При извѣстіи о Сольферино она еще болѣе ликовала: «По истинѣ путаются мысли, и не знаешь болѣе, на чемъ остановиться, — пишетъ она. — Но Богъ будетъ справедливъ, такъ какъ, кажется, наступилъ моментъ, когда онъ возьметъ въ руки вѣсы; и мы тоже можемъ надѣяться рано или поздно увидѣть конецъ нашимъ страданіямъ и униженіямъ. Жить лишь столько, сколько надо для того, чтобы увидѣть въ Варшавѣ день, похожій на Миланскій, а затѣмъ умереть отъ радости»... Свиданіе Наполеона и Франца-Иосифа въ Виллафранкѣ и быстрое прекращеніе войны привело графиню въ непріятное изумленіе: «Вотъ второй томъ Севастопольскаго мира! — писала она. — Надо признаться, что нашъ Макиавели (Наполеонъ III) блестящъ!.. — Никто не ожидалъ подобнаго результата; болѣе того утверждаютъ, что онъ обольстилъ своего врага (Франца-Иосифа) любезнымъ обращеніемъ. Не думаете ли вы, дорогая, что злая фея, присутствовавшая при рожденіи Наполеона III, позавидовала дарамъ, даннымъ будущему императору? Непроницаемый взглядъ, безпримѣрное безмолвіе, же-

лѣзная воля въ стальномъ тѣлѣ—все это было уничтожено, ибо фея сказала: «Онъ будетъ имѣть успѣхъ во всемъ, что предприметъ, но онъ никогда ничего не окончитъ. Имъ будутъ овладѣвать внезапное отвращеніе и непреодолимая слабость». И вотъ вамъ объясненіе Крымскаго мира въ тотъ моментъ, когда царь просилъ пощады; миръ съ Италіей и торжество Австріи имѣютъ источникъ въ томъ же нравственномъ недугѣ. Злая фея руководила этими двумя чертами: бѣдные итальянцы будутъ изъ-за этого жертвами и перегрызутся между собою»... Когда въ 1861 г. вспыхнуло польское возстаніе, графиня Потоцкая, ничего не ожидая отъ Наполеона III, все-таки надѣялась, что героическое вмѣшательство рѣшитъ судьбу Польши, но, по словамъ автора статьи, «Франція не забыла своихъ прежнихъ симпатій, но дѣйствія были единичныя, и правительство будто не слышало всѣхъ воплей домогающихся поляковъ. Другъ по Варшавѣ, Флао написалъ графинѣ письмо, полное платонической симпатіи, и только. До своей смерти въ Парижѣ въ 1867 г. Потоцкая сохранила свои либеральныя мнѣнія, основанныя на здоровомъ смыслѣ, сердцѣ и любви къ Польшѣ.

— Эрцъ-герцогъ Іоаннъ-Сальваторъ и принцъ Кобургскій. Бывшій редакторъ одной изъ ежедневныхъ политическихъ газетъ Вѣны, Генрихъ Поллакъ, скрывавшійся подъ псевдонимомъ Генриха, напечаталъ характеристику ¹⁾ эрцъ-герцога Іоанна-Сальватора, въ которой едва ли не большее мѣсто отведено болгарскому князю, Фердинанду Саксъ-Кобургъ-Готскому. Авторъ, благодаря своему положенію представителя печати, имѣлъ возможность основательно познакомиться съ крупными и мелкими событиями, происшедшими за послѣднія двадцать лѣтъ въ Австріи и странахъ, такъ или иначе подчиненныхъ вліянію Габсбургской династіи. Предъ нимъ отворялись всѣ двери, а потому не удивительно, что ему удалось проникнуть во многія политическія и дипломатическія тайны, скрытыя отъ обыкновеннаго смертнаго. Въ этой брошюрѣ Поллакъ немало говоритъ о своемъ пребываніи въ Софіи, гдѣ, по его словамъ, онъ былъ гостемъ князя Фердинанда; меньшая же часть его повѣствованія посвящена сообщеніямъ эрцъ-герцога Іоанна: источники, какъ видно, основательные для выясненія, какъ удалось принцу Фердинанду занять мѣсто несчастнаго Александра Баттенбергскаго. По словамъ автора, главное и рѣшающее вліяніе на судьбу Фердинанда Кобургскаго въ вопросѣ занятія болгарскаго престола было со стороны эрцъ-герцога Іоанна, сына великаго герцога Тосканскаго и брата впоследствии правительницы Испаніи. Какъ извѣстно этотъ человекъ обладалъ блестящимъ, но поверхностнымъ умомъ, а главное живымъ, и былъ тщеславный, раздражительный диллетантъ, типъ принцевъ австрійскаго дома, которые за послѣднюю четверть вѣка занимали общественное любопытство забавными или трагическими выходками, причиняя жестокія огорченія главѣ австрійскаго императорскаго дома. Въ то время, какъ Болгарія привялась подыскивать себѣ новаго государя, желая замѣнить переставшаго ей правиться Баттенберга, Іоаннъ Сальваторъ, будучи въ опалѣ, находился въ Верхней Австріи,

¹⁾ Erzherzog Johann, ein Characterbild von P. Heinrich. Wien. 1906.

въ Линцѣ, гдѣ командоваль второстепеннымъ корпусомъ. Своими безконечными проектами реформъ, предназначенными перевернуть всю австро-венгерскую армію, а больше всего какъ кутила, дѣлавшій громадные долги, онъ наконецъ надѣль Францу-Іосифу; къ тому же его враги постарались ему въ этомъ услужить. Попавъ въ немилость, эрцъ-герцогъ нисколько не измѣнилъ своего нрава, и, командуя въ Линцѣ, онъ попрежнему жаждалъ легкой славы, а въ особенности извѣстности. Страшно скучая въ столицѣ Верхней Австріи, онъ, какъ только могъ, часто ѣздилъ въ Вѣну и, къ великому огорченію своего дяди-императора, продолжалъ прежнюю жизнь въ сомнительномъ обществѣ, среди танцовщицъ оперы и репортеровъ мелкихъ журналовъ. Самъ онъ былъ убѣжденъ въ своихъ личныхъ достоинствахъ и рассчитывалъ играть большую роль на своей родинѣ или въ другомъ государствѣ. Въ такомъ расположеніи ума его застала болгарская миссія, явившаяся для выбора себѣ князя. Эрцъ-герцогъ страстно жаждалъ этой короны и все пустилъ бы въ ходъ, чтобы ея добиться, но онъ все-таки былъ настолько предусмотрителенъ, что предвидѣлъ всѣ затрудненія для осуществленія своихъ честолюбивыхъ желаній; поэтому онъ скрылъ свое намѣреніе и рѣшилъ перехитрить, сдѣлавшись на время честнымъ маклеромъ одного изъ искателей болгарской короны. Этимъ искателемъ былъ Фердинандъ Кобургскій. По словамъ Поллака, первый предложилъ Фердинанда въ болгарскіе князья Іоаннъ Сальваторъ; между тѣмъ авторъ статьи, посвященной этой книгѣ въ «Carnet», Мартэнъ-Фуртъ, утверждаетъ, что первый предложилъ Фердинанда Кобургскаго баронъ Гиршъ. Когда одинъ изъ членовъ делегаціи, Константинъ Стоиловъ, впоследствии глава министерства, подготовившаго и осуществившаго примиреніе съ Россіей, находился по своимъ дѣламъ въ Парижѣ, то баронъ Гиршъ горячо предлагалъ принца Фердинанда въ князья Болгаріи, указывая на его блестящія качества. Это вмѣшательство барона Гирша было мало кому извѣстно, но оно имѣло слѣдующее основаніе. Онъ былъ кредиторомъ болгарскаго правительства на значительныя суммы, не уплаченныя начальникомъ передвиженія войскъ по линіямъ его желѣзнодорожнаго общества во время сербско-болгарской войны, и потому онъ не могъ не интересоваться оборотомъ дѣлъ страны, предвидя выгоды, если какія нибудь узы благодарности будутъ связывать новаго государя съ главою общества турецкихъ желѣзныхъ дорогъ. Стоиловъ принялъ съ нескрываемымъ интересомъ предложеніе Гирша и отправился въ Софію, чтобы переговорить съ членами регентства. Такимъ образомъ первымъ предложилъ принца Кобургскаго не Іоаннъ Сальваторъ, а Гиршъ, хотя самымъ настойчивымъ ходатаемъ былъ дѣйствительно эрцъ-герцогъ. Онъ настаивалъ тѣмъ болѣе со рвеніемъ, что ему выгодно было втянуть молодого Кобурга въ болгарскія интриги, въ виду сомнительности, по его мнѣнію, успѣха этого кандидата. Такимъ образомъ онъ указалъ на другого кандидата, а не лично на себя, съ твердымъ намѣреніемъ замѣнить его въ послѣдній моментъ его неуспѣха. Однако для подобнаго плана надо было подготовить общественное мнѣніе, и для этого онъ пустилъ въ ходъ печать съ помощью одного отставнаго артиллерійскаго командира, фонъ-Лаабе, превратившагося впоследствии изъ близкаго совѣтника эрцъ-герцога въ не менѣе близкаго се-

кретаря Фердинанда. Для этой цѣли Іоаннъ Сальваторъ выбралъ газету, во главѣ которой находился Поллакъ. Явившись къ нему, Лаабе переговорилъ съ нимъ и отвелъ его къ эрцъ-герцогу, который подъ строгимъ инкогнито скрывался въ маленькой гостиницѣ на Рингѣ. Здѣсь эрцъ-герцогъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Вы видите передъ собою разочарованнаго солдата, которому довольно этого глупаго ремесла и хочется хоть разъ попробовать силы въ высшей политикѣ. Вы знаете, что происходитъ въ Болгаріи, вы знаете, что эти господа, болгарская миссія—въ Вѣнѣ. Теперь предстоитъ случай болѣе, чѣмъ когда либо, нанести большой ударъ и вывести Австрію изъ оцѣпенѣнія; вы увидите, что нашъ братъ, несчастный австріецъ, еще будетъ играть глупую роль въ фарсѣ. Ну, такъ вотъ я не хочу, чтобы это такъ шло, я желаю пустить въ ходъ Австрію, несмотря на Кальюки и другихъ трусовъ, я хочу устроить дѣла моей страны противъ ея желанія». На вопросъ Поллака, какого рода дѣла Австріи хочетъ устроить эрцъ-герцогъ, онъ отвѣтилъ: «Имѣтъ на болгарскомъ престолѣ почти австрійскаго принца и связаннаго съ нашей страной тысячами узъ по воспитанію, сродству и въ особенности какъ офицера нашей арміи. Этотъ принцъ—мой другъ, Фердинандъ Саксенъ-Кобургскій, онъ знаетъ все и вполне раздѣляетъ мнѣніе со мной во всемъ. Впрочемъ, онъ вамъ это скажетъ самъ, такъ какъ очень желаетъ васъ видѣть и переговорить; я общалъ ему назавтра ваше посѣщеніе. Но все это останется между нами, такъ какъ кандидатура Кобурга будетъ дѣломъ моимъ и печати. Не надо вмѣшивать министровъ и берегитесь Hofraethe, которые все напортятъ. Мы выставимъ принца Кобургскаго правителемъ». На другой день состоялось свиданіе Поллака съ принцемъ Кобургскимъ въ его дворцѣ. Въ разговорѣ съ Поллакомъ, когда онъ замѣтилъ, что Болгарія можетъ снова впасть въ войну съ Турціей или Сербіей, которая недовольна своей неудачей, и что въ этомъ случаѣ молодой принцъ Кобургскій можетъ быть недостаточно опытенъ въ военномъ отношеніи, чтобы вести дѣло, Іоаннъ Сальваторъ быстро отвѣтилъ: «Это не бѣда! Развѣ я не тутъ? Фердинандъ меня вызоветъ, я буду генералиссимусомъ болгарской арміи и приведу ее къ побѣдѣ!». Черезъ два года принцъ Фердинандъ долженъ былъ припомнить эти слова, когда эрцъ-герцогъ, окончательно пошавшій въ опалу, просилъ у него какой нибудь военный постъ. Самъ принцъ Кобургскій обратился къ Поллаку съ слѣдующей рѣчью, которую онъ произнесъ медленно въ носъ, какъ говорятъ всѣ Кобурги: «Мой другъ, эрцъ-герцогъ Іоаннъ, предупредилъ меня о вашемъ посѣщеніи. Васъ познакомили съ этимъ важнымъ дѣломъ. Я только опасаюсь, не слишкомъ ли вамъ много сказали. Эрцъ-герцогъ—большой энтузіастъ и увѣренъ въ побѣдѣ. Я—менѣе. Я еще ни на что не рѣшился; въ такомъ щекотливомъ вопросѣ требуется большая осторожность. Къ тому же я—австрійскій офицеръ и въ зависимости отъ моего вышшаго начальства, которымъ состоитъ мой государь. Я никогда не сдѣлаю ничего, что могло бы огорчить его». На отвѣтъ Поллака, что согласно словамъ эрцъ-герцога принятіе кандидатуры дѣло рѣшенное, Кобургъ сказалъ: «Ну, вѣтъ, Іоаннъ вамъ сказалъ черезчуръ, ничего не сдѣлано, безусловно ничего. Въ данный моментъ я еще не знаю, что думаетъ о моей кандидатурѣ его величество. Мнѣ известно только, что графъ

Кальноки не поддержитъ ея, потому что онъ не можетъ ее поддерживать, развѣ только съ предварительнаго согласія державъ. А вы понимаете, что это согласіе никогда не состоится ни относительно моего имени, ни относительно какого либо другого. Вы видите, что эрцъ герцогъ былъ не правъ, выдавая мое согласіе за положительное». И Кобургъ противоположно Іоанну Сальватору просилъ Поллака приложить все стараніе, чтобы печать молчала объ этомъ планѣ, и навелъ справки въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ о положеніи болгарскаго вопроса, которое, какъ онъ утверждалъ, было ему мало извѣстно. Поллакъ отиравился на Ballplatz, гдѣ одинъ сановникъ отнесся къ кандидатурѣ Кобурга недоброжелательно, говоря, что министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кальноки, заявилъ Стоплову, что «ради соблюденія Берлинскаго трактата» государства не вмѣшиваются во внутреннія дѣла Болгаріи. Вообще, по мнѣнію Кальноки, «лучше бы теперь не приступать къ выборамъ князя болгарскаго; подобные выборы будутъ не въ согласіи съ этимъ дипломатическимъ орудіемъ, до котораго не хотятъ касаться». На просьбу Стоплова объяснить эти загадочныя слова министръ отвѣтилъ, что разрѣшеніе болгарской путаницы должно быть предпринято Турціей, какъ страной сквозящей. Она не предложитъ ни принца Кобурга, ни кого другого, заранѣе не убѣдившись въ dignus intrare государствъ, что не осуществимо въ данное время. Если Болгарія переступитъ границы, т.-е. обойдется безъ Турціи, то это послужитъ знакомъ къ началу безчисленныхъ затрудненій и къ открытію эры самыхъ опасныхъ осложненій. Что касается принца Фердинанда, то болгары благоразумно сдѣлаютъ, не думая о немъ: вѣнское правительство смотритъ на этотъ выборъ, какъ на самый плохой, какой только могутъ сдѣлать правители. Впрочемъ, этого молодого принца предупредили самымъ выразительнымъ образомъ о тщетности его надеждъ. Поллакъ умалчиваетъ, что у Австріи были, вѣроятно, другія причины помимо Берлинскаго трактата; очевидно, вѣнское правительство имѣло своего кандидата; благодаря кознямъ Австріи и Венгріи, Болгарія едва не сдѣлала своимъ главою Карла Румынскаго. Ему была предложена болгарская корона вначалѣ, когда утвердились правители, подъ сѣнью которыхъ Стамбуловъ игралъ роль диктатора. Король Карлъ началъ съ того, что отказался, но когда узналъ о кандидатурѣ Кобурга, то увѣдомилъ правителей о своемъ согласіи принять корону подъ формой personal-union съ румынской. Правители испугались и послали въ Вѣну вернувшуюся въ Софію болгарскую делегацію, съ цѣлью убѣдить Кобурга, чтобы имѣть возможность противопоставить его согласіе австро-румынскимъ кознямъ Грековъ и Стойловъ, главные представители делегаціи, благопріятно относившіеся къ дѣлу принца Фердинанда, имѣли еще другія предписанія: прійти къ соглашенію съ Россіей. Однако, они не могли и думать отправиться прямо въ Россію вслѣдствіе мѣръ, объявленныхъ Александромъ III, не желавшимъ признавать правителей, поставленныхъ принцемъ Баттенбергомъ и руководимыхъ Стамбуловымъ. Делегаты въ ожиданіи рѣшили отправиться къ русскому посланнику въ Вѣнѣ, князю Лобанову, человѣку, извѣстному своей благосклонностью и умѣренностью, который благопріятно относился къ идеѣ примиренія освободителя съ освобожденными, еще недостаточно раскаявшимися.

Точно также они надѣялись, благодаря вліянію Лобанова, побѣдить колебанія Кобурга. Ихъ просьба о прощениі царя не увѣнчалась успѣхомъ, но что касается вопроса о выборѣ Кобурга, то Лобановъ отзывался о принцѣ очень благоприятно, и съ этихъ поръ молодой принцъ нашелъ въ немъ «просвѣщеннаго друга и осторожнаго, дѣятельнаго совѣтника». Ободренные «добрыми и благородными словами» князя Лобанова, делегаты снова отправились на Ballplatz и встрѣтили тамъ Кальноки въ прежнемъ настроеніи. Напрасно Стоиловъ и Грековъ увѣряли, что Кобургъ не будетъ такъ непріятель Россіи, гдѣ онъ былъ извѣстенъ въ качествѣ представителя царствующаго герцога Эрнста Саксъ-Кобургъ-Готскаго и благосклонно принять на торжествѣ коронаціи Александра III; еще менѣе онъ непріятель Австріи, какъ племянникъ австрійскаго императора. На это графъ Кальноки съ гнѣвомъ отвѣтилъ, что эрцгерцогъ дѣйствовалъ «безъ полномочія и безсознательно»; къ тому же принцъ Кобургскій не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, оставаясь на австрійской военной службѣ. Делегация, утомленная безплодными хлопотами, просила «объ ея окончательномъ отозваніи въ Софію, съ тѣмъ, однако, чтобы оставить въ Вѣнѣ Стоилова. Наконецъ принцъ Кобургскій рѣшился открыто выставить свою кандидатуру. «Богатый, умный, образованный и чрезвычайно очаровательная личность, болѣе всѣхъ находящійся въ родственной связи съ царствующими европейскими домами, внукъ Луи-Филиппа по матери, привнесетъ Клементинѣ, Фердинандъ Кобургъ,—говоритъ авторъ,—не могъ принять иначе, какъ съ радостью, миссію, позволявшую ему исполнить назначеніе, дѣйствительно достойное его и его предковъ». 7 іюля 1887 г. онъ былъ избранъ княземъ Болгаріи, и 14 августа совершился его въѣздъ въ Болгарское княжество, среди восторженныхъ криковъ молодого народа. Ему было въ это время двадцать шесть лѣтъ. При этой смѣлой выходкѣ Европа «съ сомнѣніемъ покачала головой». Вспоминались слова Бисмарка, сказанныя Баттенбергу на его вопросъ, принять ли ему болгарскую корону: «Примите, ваше высочество, во всякомъ случаѣ, вамъ останется интересное воспоминаніе о молодости». «Судьба Фердинанда,—говоритъ авторъ статьи,—была лучше, чѣмъ воспоминаніе молодости: онъ сумѣлъ сберечь свою судьбу. Годы молодости отлетѣли, наступили зрѣлые годы, и принцъ царствуетъ въ Болгаріи болѣе семнадцати лѣтъ и прекрасно ужился въ своей новой странѣ, несмотря на многочисленныя затрудненія, съ которыми ему пришлось бороться изо дня въ день. Онъ научился своему ремеслу государя и примѣняетъ его со всей своей силой воли и тонкимъ, провицательнымъ умомъ. Онъ основалъ династію, которую болгары единогласно приняли, какъ національную. Послѣ отца корона перейдетъ къ сыну, родившемуся въ странѣ и воспитанному въ національной религіи, которая давно служить единственнымъ символомъ и покровомъ жизни народа». Австрійское правительство дѣлало всевозможныя непріятности новому болгарскому князю. Кальноки разослалъ всѣмъ заграничнымъ представителямъ Австріи циркуляры, въ которыхъ избраніе Кобурга называлъ «тайнымъ шагомъ» и «дѣломъ авантюриста», заявляя, что правительство его безусловно порицаетъ. Черезъ три дня по прибытіи Фердинанда въ Софію, въ «Abendpost» появилась враждебная статья, которая оказалась работой личнаго врага князя, дирек-

тера печати въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Досци. Гявъ вѣнскаго кабинета, конечно, обратился и на Іоанна Сальватора, настоящаго автора этихъ выборовъ. Онъ написалъ Поллаку изъ Линца, куда императорскимъ приказомъ онъ былъ снова водворенъ: «Я радъ, что болгарское дѣло окончилось съ быстротою, удивившей насъ всѣхъ. Принцъ Фердинандъ выказалъ волю и смѣлость, но онъ не выказалъ большой сердечности, и только одни мои враги не забыли, что мнѣ одному Кобургъ обязанъ своей короной. Теперь на меня клеветуютъ и приписываютъ мнѣ всякаго рода темные и эгоистичные планы, которые никогда не были моими. Меня всего болѣе огорчаетъ, что мои клеветники нашли благосклонные уши въ высшемъ кругѣ. Мой милостивый царственный глава очень возбужденъ противъ меня. Но я знаю, что мнѣ остается дѣлать. Въ тотъ день, когда окончательно я лишился бы благосклонности и довѣрія его величества, въ тотъ день я уйду, я исчезну». Черезъ недѣлю послѣ этого письма его внезапно окончательно лишили командованія корпусомъ. Эта полная опала возбудила его противъ князя болгарскаго и совершенно измѣнила его отношенія къ Кобургу. Поллакъ былъ пораженъ немилостью Іоанна Сальватора; онъ объяснилъ его переменѣ къ Фердинанду тѣмъ, что «въ Вѣнѣ во всѣхъ министерствахъ и при дворѣ придерживаются того, что вмѣшательство эрцъ-герцога въ пользу Кобурга было лишь «bluff», предназначенный прикрыть собственные виды. Іоаннъ Сальваторъ желалъ болгарской короны и хотѣлъ воспользоваться своимъ другомъ, какъ передовымъ развѣдчикомъ. Неудача этой кандидатуры была для него несомнѣнною, но случилось обратное: принцъ Фердинандъ оказался хитрымъ и счастливымъ своего импрессарио. Онъ слишкомъ былъ обманутъ, чтобы принять спокойно роль невольнаго Варвика, которую принцъ заставилъ его играть. Эпитафией этимъ честолюбивымъ планамъ послужило отреченіе Іоанна Сальватора отъ всѣхъ титуловъ и преимуществъ члена императорской семьи и послѣдовавшее затѣмъ исчезновеніе этого неудачника изъ неудачниковъ Габсбургскаго дома. Едва прошелъ годъ послѣ этихъ событій, Поллаку быть поданъ съ почты пакетъ изъ Цюриха. Въ немъ находилась слѣдующая записка, написанная измѣненнымъ почеркомъ, въ которомъ, однако, Поллакъ легко узналъ почеркъ Іоанна Сальватора. Въ запискѣ говорилось, что эрцъ-герцогъ Іоаннъ рѣшился отказаться отъ своего титула и выйти изъ рядовъ принцевъ императорскаго дома; онъ просилъ у императора разрѣшеніе взять себѣ простое имя, подъ которымъ онъ примется зарабатывать себѣ хлѣбъ, такъ какъ «покидаетъ безъ средствъ вершину, куда рожденіе помѣстило его». Теперь онъ учится, чтобы получить свидѣтельство на капитана дальняго плаванія. Онъ ничего болѣе не надѣялся получить отъ своей родины, которой хотѣлъ бы служить. Не имѣя возможности, однако, согласиться на праздную, бесполезную жизнь, какую его враги сдѣлали ему, онъ предпочитаетъ пожертвовать всѣмъ, чтобы найти въ скромномъ, безвѣстномъ существованіи примѣненіе своимъ умственнымъ способностямъ и независимость свободнаго человѣка, который никому ничѣмъ не обязанъ, кромѣ себя. Онъ написалъ императору: «Чтобы сдѣлаться человѣкомъ, я хочу перестать быть принцемъ; чтобы не ѣсть денегъ народа, я хочу работать своими руками; во всякомъ случаѣ, я всегда буду вѣрнымъ сыномъ австрійскаго отечества и всегда буду радъ пролить ради него

свою кровь». Иоаннъ Сальваторъ имѣлъ мать 76 лѣтъ, которую нѣжно любилъ; онъ оставилъ ей доходы съ удѣльнаго помѣстья, равняющіеся двумъ милліонамъ, и самъ остался безъ всякихъ средствъ.

— Весенніе литературные юбилеи. Просвѣщенный міръ отпраздновалъ въ апрѣлѣ и маѣ нынѣшняго года два столѣтнихъ юбилея: датскаго сказочника Андерсена и гениальнаго Шиллера, а также трехсотлѣтіе не менѣе великаго Сервантеса. Каждое изъ празднуемыхъ событій по своему существу различно: такъ, вспоминали рожденіе Андерсена, смерть Шиллера и выходъ въ свѣтъ «Донъ-Кихота», знаменитаго творенія Сервантеса. Прежде всего пришлось юбилей великаго друга дѣтей, Ганса-Христіана Андерсена, родившагося 2-го апрѣля 1805 года въ Ольдензѣ, на островѣ Фіоніи. Это столѣтіе отпраздновалось повсюду на его родинѣ торжественными театральными представленіями, публичными чтеніями и т. д. Въ Копенгагенѣ на сценѣ королевскаго театра давали фантастическую драму Андерсена: «Ole Lukóje», а въ Ольдензѣ устроили большое празднество, на которомъ присутствовалъ германскій представитель, по приказанію императора. Кромѣ того, конечно, въ скандинавскихъ странахъ вышло въ честь юбиляра большое количество книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей. Всего замѣчательнѣе очеркъ знаменитаго датскаго профессора, Георга Брандеса, напечатанный въ майской книжкѣ англійскаго журнала «Contemporary Review»; этюдъ Карла Мортенсена, подъ названіемъ: «Романъ жизни Андерсена», помѣщенный въ апрѣльскомъ номерѣ копенгагенскаго журнала «Dansk Tidsskrift», и статья С. Михаэлиса «Юбилей Андерсена» въ апрѣльской книжкѣ стокгольмскаго обозрѣнія «Ord och Bild». Великій сказочникъ происходилъ изъ самаго бѣднаго семейства; его дѣдъ былъ сумасшедшій, его отецъ скромный сапожникъ, умершій, когда его сыну было одиннадцать лѣтъ, и его мать—щрачка, сомнительнаго прошлаго, но отличающаяся любовью къ своему ребенку. Идеаломъ маленькаго Андерсена было сдѣлаться портнымъ или конторщикомъ. Въ дѣтствѣ, въ свободное отъ работы время, онъ обучался грамотѣ и жадно читалъ всякую книгу, какая ему попадалась подъ руки. Рано онъ остался круглымъ сиротой, такъ какъ его мать умерла, и четырнадцать лѣтъ онъ отправился въ Копенгагенъ съ нѣсколькими талерами въ карманѣ, которые ему дали добрые люди. Три года онъ пробивался кое-какъ, страдая отъ голода. Въ это время онъ особенно пристрастился къ театру, но его не приняли ни въ пѣвцы, такъ какъ у него не было голоса, ни въ танцоры—за неумѣніемъ танцевать, ни въ актеры,—за слишкомъ исхудалый видъ. Неожиданно у него оказался необыкновенный поэтическій талантъ, и нѣкоторые датскіе писатели обратили на него вниманіе; даже извѣстный датскій поэтъ Эйленшлегеръ заинтересовался имъ. Благодаря такимъ неожиданнымъ покровителямъ, Андерсенъ попалъ въ школу; ему было тогда семнадцать лѣтъ, и онъ пробылъ въ ней пять лѣтъ, такъ какъ ему пришлось учиться съ азавъ. Въ одномъ изъ сохранившихся писемъ, относящихся до его юности, онъ писалъ къ первому своему покровителю, Уонасу Коллену, что «онъ всего больше нуждается въ парѣ башмаковъ, такъ какъ его обувь протекаетъ, въ новой курткѣ и въ книгахъ, необходимыхъ для ученія». Онъ учился очень хорошо, съ успѣхомъ кончилъ гимназію и двадцати трехъ лѣтъ поступилъ въ Копенгагенскій университетъ

Еще будучи студентомъ, онъ издалъ свою первую книгу стихотвореній, подъ названіемъ «Умирающее дитя», и не только имѣлъ большой успѣхъ, но, окончивъ курсъ наукъ въ университетѣ, получилъ казенную стипендію и поѣхалъ въ Германію, гдѣ вступилъ въ дружбу съ главными писателями романтической школы: Тикомъ и Шампссо. Свое путешествіе по чужимъ краямъ Андерсенъ довелъ до Итали и нѣсколько времени жилъ въ Римѣ, подъ классическими впечатлѣніями котораго онъ написалъ свой романъ «Импровизаторъ». Возвратясь на родину, онъ пристрастился къ театру и поставилъ на сцену романтическую драму «Мулатъ», которая имѣла большой успѣхъ въ 1840 г. Кромѣ того, онъ писалъ много романовъ, повѣстей, рассказовъ, драмъ, комедій и водевилей, но нельзя сказать, чтобы они отличались особеннымъ талантомъ, хотя онъ самъ считалъ себя гениальнымъ романистомъ и особенно первостепеннымъ драматургомъ. Ему, однако, сдѣлали славу безсмертныя сказки, которыхъ сначала онъ вовсе не цѣнилъ. Онъ находилъ эти сказки незначительнымъ проявленіемъ литературной способности, хотя съ самаго начала скандинавскій критикъ Гейбергъ считалъ ихъ сливками его произведеній. «Я убѣждена, — писала ему г-жа Ингеманъ, — что ваши маленькіе Эльфы укажутъ вамъ истинный путь въ свѣтломъ, голубомъ небѣ». Дѣйствительно, эти сказки, разросшіяся впоследствии до трехъ томовъ, сдѣлались популярными во всемъ свѣтѣ и переведены на всѣ языки. «Первая художественная жемчужина между волшебными сказками Андерсена, — говоритъ знаменитый критикъ Брандесъ, — всегда останется «Уродливый утенокъ». Въ ней всего нѣсколько страницъ, и онъ написалъ ее, когда ему было около сорока лѣтъ. Въ этой сказкѣ онъ живо представилъ и преобразилъ свою собственную жизнь. Андерсенъ съ самаго дѣтства и до смерти былъ бѣднымъ, страдающимъ и вѣчно униженнымъ созданіемъ; всю свою юность онъ пробивался въ люди, благодаря покровителямъ и благодѣтелямъ. Даже сдѣлавшись извѣстнымъ во всемъ свѣтѣ и особенно обожаемымъ за границей, онъ не могъ привыкнуть вести себя, какъ слѣдуетъ великому человѣку. «Уродливый утенокъ», конечно, представляетъ существо самого автора, который, несмотря на основную черту своего характера — самолюбіе, — отличался меланхоліей, душевной скромностью, даромъ наблюденія, веселымъ темпераментомъ и торжествующимъ юморомъ, которымъ онъ мстилъ людямъ за ихъ тупую глухость, недоброжелательство и неумѣніе оцѣнить его гевій. Андерсенъ былъ странно, даже велѣно чувствителенъ къ оцѣнкѣ другихъ людей. Одно изъ несчастій его юности было то, что деканъ мѣстнаго прихода грубо обращался съ нимъ и ставилъ его, какъ нищаго, позади всѣхъ. Въ то время, когда онъ достигъ славы, этотъ пасторъ находился на островѣ Форъ, и Андерсенъ повпросилъ у короля одолжить ему придворную, блестящую карету съ ливрейными лакеями для посѣщенія своего бывшаго преслѣдователя. Король съ улыбкой согласился, и Андерсенъ поѣхалъ къ пастору въ придворномъ экипажѣ: это было его местию. Миѣ кажется, что Андерсенъ съ его романтическимъ стремленіемъ, воспомнаніемъ о старыхъ униженіяхъ и полудѣтской любовью къ чести весь выражается въ этой маленькой исторіи». Его сказки оттого такъ нравятся дѣтямъ, что онѣ не отличаются страшной и потрясающей фантазіей; напротивъ ихъ фантазія спокойная и мирная, а философія вседневная, поэтическая. Его дѣйствующія лица —

не волшебные герои, не чудовища, а обычные предметы повседневной жизни. Однажды знаменитый датский скульптор Торвальдсенъ сказалъ ему: «Ну, напиши-ка намъ новую комическую сказку. Сумѣлъ ли бы ты, напримѣръ, написать что нибудь на штопальную иголку». Отвѣтомъ Андерсена была всѣмъ извѣстная сказка о «Штопальной иглѣ». Съ 1842 года по 1851 годъ Андерсенъ много путешествовалъ и былъ даже въ Греціи, Испаніи, Африкѣ, Америкѣ. Возвратясь изъ своихъ странствій, онъ окончательно поселился на родинѣ и въ числѣ новыхъ своихъ произведеній написалъ второй и третій томъ сказокъ, свою автобіографію, исключительно касающуюся его дѣтства и юности, — нѣсколько книгъ путешествій, драму «Агасееръ», романъ «Двѣ баронессы» и т. д. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ страдалъ серіозной болѣзнью и умеръ въ 1873 г. въ Роллигхэди. Очерчивая литературную характеристику скандинавскаго юбиляра, шведскій писатель Михаэлисъ замѣчаетъ, что Андерсенъ былъ величайшимъ изъ импровизаторовъ и отличался тремя лучшими достоинствами поэта: воображеніемъ, умомъ и чувствомъ. Прибавимъ еще нѣсколько строкъ о томъ, какъ Андерсенъ мало дѣялся на своей родинѣ и, напротивъ, какъ высоко онъ стоялъ во мнѣніи чужестранцевъ. «Здѣсь, — писалъ Андерсенъ изъ Англіи, — меня считаютъ за датскаго Вальтеръ-Скотта, а въ Даніи меня унижаютъ до третьекласснаго автора, гораздо ниже классическаго Герца и непогрѣшимаго Гейбурга». Однажды въ разговорѣ съ Диккенсомъ онъ упомянулъ, что получилъ за свой романъ «Импровизаторъ» всего 19 фунтовъ стерлинговъ, но великій романистъ не хотѣлъ этому вѣрить. — «Мы другъ друга не понимаемъ, — воскликнулъ онъ, — вы хотите сказать, что получили 19 фунтовъ стерлинговъ за листъ?» — «Нѣтъ, за все», — отвѣчалъ Андерсенъ. — «Я этому не повѣрилъ бы, если бъ услыхалъ не отъ васъ», — возразилъ Диккенсъ.

Черезъ мѣсяць, 7-го мая, минуло 300 лѣтъ появленію на свѣтъ «Донъ-Кихота», знаменитаго произведенія испанскаго великаго писателя Сервантеса. Испанія первая придумала праздновать этотъ литературный юбилей, и Мадридъ справлялъ три дня великія поминки. Наканунѣ открыта была блестящая сервантесовская выставка всего, что сохраняетъ память о славномъ творцѣ «Донъ-Кихота». Въ первый день былъ народный праздникъ, на которомъ присутствовали, кромѣ всѣхъ видныхъ испанскихъ писателей, официальные делегаты отъ Франціи, Россіи, Германіи, Англіи, Италіи и различныхъ государствъ испанской Америкки. Конечно, король ознаменовалъ своимъ присутствіемъ это торжество, какъ и всѣ остальные. На второй день было засѣданіе академіи и парадное шествіе мимо статуи Сервантеса, новый памятникъ которому будетъ вскорѣ поставленъ по повелѣнію короля. Въ третій день въ память Сервантеса состоялись заупокойная служба и засѣданіе въ медицинскои академіи, на которомъ нѣсколько ученыхъ и литераторовъ произнесли хвалебныя рѣчи. Въ Парижѣ отразился отголосокъ этихъ празднествъ, и въ Сорбоннѣ было торжественное засѣданіе, подѣ председательствомъ Думэра и въ присутствіи испанскаго посланника, маркиза Дель Муни, произнесшаго по-французски двѣ краснорѣчивыя рѣчи. Испанскій авторъ Кристоаль Потелла продекламировалъ выразительную и мелодичную рѣчь по-испански, а знаменитый актеръ Муни-Сюлли мастерски прочиталъ талантливо-написанный очеркъ

Жюля Кларети о значеніи «Донъ-Кихота». Естественно, что популярность гениальнаго испанца долго переживетъ трехсотлѣтній юбилей, такъ какъ онъ своимъ безсмертнымъ романомъ не только поднялъ на смѣхъ выжившее тогда рыцарство, но отразилъ вѣчную борьбу между духомъ и матеріей, идеализмомъ и дѣйствительностью. По справедливому замѣчанію французскаго критика, Эмиля Жебара, въ «Journal des Débats», гдѣ онъ помѣстилъ блестящую статью «Всемирная популярность Донъ-Кихота», — «Донъ-Кихотъ» не только остроумная сатира, но символъ энтузіазма, доведеннаго до безумія въ честь благородныхъ идей и героическихъ дѣйствій. Никогда онъ не испортилъ софизмомъ, ироніей или ложью честнаго слова, никогда не оправдалъ ложнымъ доводомъ подлаго поступка. Онъ всегда былъ честенъ, благороденъ, мужественъ, добръ и мягокъ. Его совѣсть была всегда пряма, и его слово такъ же вѣрно, какъ его испанскій мечъ. Если его что и погубило, такъ лишь излишекъ энтузіазма и увлеченіе благородной страстью. Миръ твоей памяти, «Рыцарь печальнаго образа», ты былъ побѣжденъ, но такова судьба великихъ душъ и великихъ дѣлъ. Ты насъ такъ развлекалъ, такъ ободрялъ, такъ утѣшалъ, что мы будемъ вѣчно тебя любить и прославлять». Подобныя общечеловѣческія воспоминанія возбуждаютъ память о великомъ Сервантесѣ, а не біографическія данныя его жизни, черты его военной карьеры, прославленной его долгодѣтнимъ рабствомъ у алжирскихъ пиратовъ, или подробностями о его несчастномъ, полунищенскомъ, литературномъ существованіи. Только «Донъ-Кихотъ», выпущенный имъ сначала не въ полномъ видѣ и оконченный имъ, лишь десять лѣтъ спустя, блеститъ, какъ лучезарный свѣточъ на мрачномъ горизонтѣ его плачевнаго существованія. Не лишне сказать, что съ 1605 года по настоящее время вышло въ теченіе трехсотъ лѣтъ болѣе четырехсотъ пятидесяти изданій этой книги. Что касается до ея переводовъ, то они появились почти на всѣхъ языкахъ: на французскомъ вышло 168, на англійскомъ—200, на итальянскомъ—96, на португальскомъ—80, на нѣмецкомъ—70, на русскомъ только 10 и на латинскомъ—1. Кромѣ того, во всѣхъ этихъ странахъ существуетъ безчисленное множество передѣлокъ «Донъ-Кихота» въ видѣ драмъ, оперъ и балетовъ. Еще чаще встрѣчаются у всѣхъ образованныхъ народовъ выраженія и фразы, заимствованныя изъ «Донъ-Кихота», а типъ Донъ-Кихота и слово «донъ-кихотство» вошли во всеобщее употребленіе. Насколько народенъ Сервантесъ на его родинѣ, доказываетъ тотъ фактъ, что его юбилей праздновался не только въ Мадридѣ, но во всѣхъ большихъ, малыхъ городахъ и даже селеніяхъ. Всюду и вездѣ устраивались театральныя представленія, литературныя засѣданія, торжественныя процессіи и т. д. Отъ всеобщаго празднованія «Донъ-Кихота» не отстали люди ученые, люди знающіе: по этому случаю вышла цѣлая бібліотека сочиненій Сервантеса въ новомъ изданіи и всякаго рода сочиненія о «Донъ-Кихотѣ» и другихъ произведеніяхъ его творца. По справедливымъ словамъ испанскаго литератора Волера, «Донъ-Кихотъ» для испанцевъ «ни сатира, ни насмѣшка, ни художественное безуміе, а идеаль рыцарства, такъ же, какъ Санхо—идеаль народа».

На третій день испанскихъ ликованій пришлось столѣтіе кончины Шиллера, величайшаго драматурга Германіи и, по словамъ Бѣлинскаго, «адвоката

человѣчества». Тотъ же Бѣлинскій говоритъ о Шиллерѣ, какъ о «поэтѣ гуманности, жрецѣ свободы духа, поборникѣ чистаго разума, чье сердце вѣчно исходитъ самой живой, пламенной и благородной кровью любви къ чловѣку и чловѣчеству, ненавистью къ фанатизму религіозному и національному, къ предрасудкамъ, кострамъ и бичамъ, которые раздѣляютъ людей и заставляютъ ихъ забывать, что они—братья другъ другу». До конца XIX столѣтія Шиллеръ обожался всѣми нѣмцами, и его имя вмѣстѣ съ именемъ Гёте было самымъ популярнымъ въ Германіи. Въ сущности, онъ былъ популярнѣе самого Гёте, который всегда оставался поэтомъ исключительно немногихъ, кумиромъ избранныхъ лицъ, литературныхъ и знающихъ, а Шиллеръ былъ въ полномъ смыслѣ слова національнымъ поэтомъ. Только со времени Бисмарка и Ницше началось развѣнчаніе Шиллера, и напротивъ съ каждымъ днемъ все больше и больше возвеличивается Гёте. По словамъ Ницше, «если что нибудь дѣлаетъ честь теперешнимъ нѣмцамъ, то невозможность болѣе переносить мишурно-высокопарной рѣчи Шиллера». Его соотечественники раздѣлились на публику и «утонченныхъ». Одни продолжали наполнять театральные залы, когда на сценѣ ставились «Разбойники» и «Вильгельмъ Телль», а другіе почтительно скучали въ «Эгмонтѣ» и «Торквато Тассо». Въ настоящее время это подраздѣленіе еще существуетъ, и вышедшіе по случаю Шиллеровскаго юбилея спеціальныя нумера «Literarische Echo», «Deutsche Rundschau» и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ журналовъ, посвященные собранію мнѣній о Шиллерѣ извѣстныхъ германскихъ и европейскихъ современниковъ, — полны самыхъ разнообразныхъ противорѣчій. Почти всѣ художники, живописцы и музыканты восторгаются гениемъ Шиллера, но профессора и литераторы отзываются о немъ съ большимъ или меньшимъ презрѣніемъ. Послѣдніе съ легкой руки Ницше упрекаютъ великаго драматурга не столько въ недостатокъ драматическаго таланта и въ художественныхъ промахахъ, какъ въ «излишней нравственности и христіанскомъ направленіи». Всего безристрастнѣе и справедливѣе оказывается отзывъ англійскаго романиста Джорджа Мередита: «Послѣ юности Шиллера, — говоритъ онъ, — послѣ такъ называемаго литературнаго періода «бури и натиска», наступила эпоха благороднаго равновѣсія, и онъ далъ свѣту безсмертныя произведенія, стоящія гораздо выше «Разбойниковъ». Эги творенія, конечно, будутъ вѣчно вліять на всеобщую литературу; наиримѣръ, какое ни было бы мнѣніе о трагедіи «Донъ Карлосъ», разумныя рѣчи маркиза Позы всегда останутся свѣжими и увлекательными. Имена Шиллера и Гёте, несмотря на ихъ рѣзкія противорѣчія, тѣсно соединены между собою братской дружбой. Съ моей точки зрѣнія Шиллеръ могучій, чистый, ключевой источникъ, а Гёте величавыя Альпы, покрытыя снѣгомъ и цвѣтущими долинами: одинъ—поэтъ и герой, другой—поэтъ и мудрецъ. Счастлива Германія, что она обладаетъ двумя подобными гениями, возбуждающими и руководящими юношествомъ». Но молодая поколѣнія Германіи все еще не одобряютъ Шиллера, и его юбилейная литература не отличается замѣчательными произведеніями. Только хранитель Шиллеровскаго музея въ его родномъ городѣ Марбахѣ, Эрнстъ Мюллеръ, написалъ интересный, популярный этюдъ о великомъ поэтѣ, а Карлъ Бергеръ издалъ первый томъ основательной, добросовѣстной его біографіи. Самымъ же

драгоценнымъ трудомъ по поводу столѣтїа великаго поэта должно признать новое изданіе его переписки съ Гёте, съ предисловіемъ М. Чамберлена. Если даже вѣрить нѣмецкимъ присяжнымъ критикамъ, что вскорѣ совсѣмъ исчезнутъ всѣ поэтическія и драматическія произведенія Шиллера, то переписка его съ Гёте останется навсегда доказательствомъ, что это былъ въ полномъ смыслѣ человѣчный гений. Если, безъ всякаго сомнѣнія, Гёте и въ своихъ письмахъ выказываетъ болѣе глубокой и проникающей умъ, то Шиллеръ часто разсуждаетъ шире и человѣчнѣе его. Они впервые встрѣтились въ Веймарѣ 7-го сентября 1788 г., и потомъ ихъ дружба все болѣе и болѣе увеличивалась. Они наконецъ сдѣлались неразлучными, искренно преданными друзьями: Гёте былъ для Шиллера, по словамъ Чамберлена, «волшебнымъ зеркаломъ, и всѣ лучшія произведенія послѣдняго написаны подъ его вліяніемъ». Но, съ другой стороны, тотъ же Чамберленъ признаетъ, что лишь подъ вліяніемъ Шиллера «Гёте вполне развилъ свое самосознаніе, и если Гёте былъ для Шиллера зеркаломъ, то Шиллеръ былъ для Гёте свѣточемъ; до Шиллера у Гёте были связаны крылья». Самъ Гёте писалъ послѣ смерти Шиллера, что онъ «ничего не могъ коснуться, не облагораживая его». Надо только сожалѣть, что обоюдное вліяніе этихъ двухъ гениевъ продолжалось недолго, такъ какъ Шиллеръ умеръ въ расцвѣтѣ своего таланта, только что написавъ драму «Вильгельмъ Телль» и начавъ свою неоконченную трагедію «Димитрій» изъ исторіи Самозванца. Его короткая сорокашестилѣтняя жизнь была переполнена всевозможной работой: онъ былъ докторомъ, хотя и плохимъ, ученымъ историкомъ, между прочимъ написавшимъ замѣчательную «Исторію тридцатилѣтней войны», издателемъ газеты «Allgemeine Zeitung», авторомъ безчисленныхъ поэтическихъ произведеній и творцомъ замѣчательнѣйшихъ послѣ Шекспира драматическихъ произведеній, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ Валленштейнская трилогія, «Орлеанская Дѣва» и «Вильгельмъ Телль». Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Шиллеръ создавалъ идеалы нравственнаго достоинства человѣка и общественной свободы, поэтому, несмотря на всѣ ухищренія пристрастныхъ нѣмецкихъ критиковъ, онъ вѣчно останется великимъ національнымъ нѣмецкимъ поэтомъ-драматургомъ и всемірнымъ человѣчнымъ гениемъ.

— Смерть Штроссмайера и Лабулэ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ весь славянской міръ былъ опечаленъ кончиной апостола славянства, Юсіфа-Георга Штроссмайера, епископа діаконскаго. Онъ родился въ 1815 г. въ небольшомъ хорватскомъ городкѣ Осикѣ и воспитывался въ католической семинаріи Діаковара, гдѣ въ то время обученіе производилось на латинскомъ языкѣ. Сдѣлавшись паторомъ, онъ занялся богословіемъ въ вѣнскомъ Августинеумѣ, а потомъ былъ профессоромъ въ діаконскомъ лицей, но ему отказали въ догматической кафедрѣ тамъ же, на основаніи того, что онъ не зналъ венгерскаго языка. Богословскія занятія и назначеніе его директоромъ вѣнскаго Августинеума не мѣшали ему принять участіе въ политическомъ и литературномъ движеніи, проявившемся у хорватовъ и южныхъ славянъ въ сороковыхъ годахъ, когда онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ баномъ Іелачичемъ, извѣстнымъ противникомъ венгерцевъ. Въ 1849 г. открылась ваканція діаконскаго епископа, и молодой, блестящій богословъ былъ назначенъ на это мѣсто, которое онъ занималъ пятьдесятъ четыре года. Діако-

варь, небольшой городъ въ Хорватіи, былъ въ то время замѣчательнѣе только своимъ епископствомъ, которое тогда было не только центромъ Хорватіи, но Сербіи и Босніи. Штроссмайеру принадлежали значительные доходы, которые онъ увеличилъ благоразумной администраціей, пользуясь ими исключительно для славянскихъ цѣлей. Онъ выстроилъ въ Діаковарѣ соборъ, издалъ много книгъ, создалъ школы, поддерживалъ различныя ученые общества и посылалъ мѣстныхъ ученыхъ для занятій въ заграничныя библіотеки. Благодарные южные славяне прозвали его «первымъ сыномъ отечества», а императоръ Францъ-Иосифъ, предпринявъ возстановленіе своей имперіи, призвалъ Штроссмайера въ вѣнскій рейхсратъ, гдѣ онъ упорно отстаивалъ федеративную систему и всевозможнымъ образомъ боролся съ венгерскимъ вліяніемъ. Съ этого времени до 1868 года онъ былъ настоящимъ главою хорватской партіи и занималъ видную роль въ Загребскомъ сеймѣ. Онъ заботился не только о политическомъ успѣханіи своихъ соотечественниковъ, но и объ ихъ культурномъ развитіи, такъ что, благодаря ему, Загребъ сдѣлался нравственной столицей южныхъ славянъ, и въ немъ возникли университетъ и академія. Со времени подчиненія славянской Хорватіи Венгріи Штроссмайеръ покинулъ политическую дѣятельность и сосредоточился въ своемъ Діаковарѣ. Въ 1869 г. онъ, однако, выступилъ на болѣе обширномъ поприщѣ и разыгралъ значительную роль во время Ватиканскаго собора 1869 г. Онъ былъ краснорѣчивѣйшимъ противникомъ догмата о непогрѣшимости папы, хотя впоследствии былъ принужденъ подчиниться папской власти, что побудило національныя партіи Хорватіи временно обвинять его въ двуличной политикѣ. Черезъ нѣкоторое время, однако, между ними состоялось полное примиреніе, и Штроссмайеръ попрежнему остался апостоломъ славянства. Когда австрійскій императоръ обвинялъ его въ измѣнѣ государству и вѣрѣ, то онъ гордо сказалъ: «моя совѣсть, государь, спокойна». По словамъ знатока славянства, французскаго ученаго Лежэ, въ лицѣ этомъ пламеннаго патріота ушла въ могилу «одна изъ самыхъ благородныхъ фигуръ XIX столѣтія».

Почти въ одно время съ Штроссмайеромъ скончался въ Парижѣ Поль Лабулэ, извѣстный дипломатъ и бывшій французскій посланникъ въ Петербургѣ, положившій начало пресловутому русско-французскому союзу. Онъ былъ сыномъ знаменитаго писателя, профессора и юриста Эдуарда Лабулэ, родился въ 1833 г., воспитывался въ Парижскомъ университетѣ и съ самаго начала своей карьеры посвятилъ себя дипломатіи. Въ 1870 г. онъ былъ посланъ первымъ секретаремъ въ Константинополь, а затѣмъ въ Брюссель и Петербургъ. Черезъ пять лѣтъ его назначили посланникомъ въ Лиссабонъ, оттуда онъ перешелъ въ Мадридъ, а въ 1886 г. замѣстилъ генерала Апперта въ качествѣ посла въ Петербургѣ. Онъ оставался на этомъ мѣстѣ до 1891 г. и былъ *persona gratissima* при петербургскомъ дворѣ. Особенное значеніе онъ имѣлъ во время посѣщенія Кронштадта французской эскадрой адмирала Жервэ и положилъ основу братскаго единства обѣихъ странъ. На подготовленной имъ почвѣ гораздо легче было дѣйствовать его преемнику, Монтебелло. Что же касается до самого Лабулэ, то онъ почилъ на своихъ лаврахъ и вышелъ въ отставку. Съ тѣхъ поръ онъ занимался дѣятельностью публициста и преимущественно писалъ въ «*Revue historique du droit français et étranger*».

С М Ъ С Ъ.

ВШЕСТВО любителей россійской словесности. 12-го марта въ старой библиотечной залѣ Московскаго университета подъ председательствомъ В. А. Гольцева состоялось закрытое (съ гостями) засѣданіе общества любителей россійской словесности, посвященное памяти академика А. Н. Пыпина. Засѣданіе открылъ А. Н. Веселовскій своими воспоминаніями о почившемъ ученомъ. Докладчика связывали съ покойнымъ почти 30-лѣтнія близкія отношенія. Это былъ человекъ широкаго литературнаго образованія, съ рѣдкою работоспособностью, скромный, съ «тихимъ упорствомъ» и необыкновенною послѣдовательностью проводившій свои общественные взгляды въ своихъ ученыхъ и литературныхъ трудахъ. У него былъ огромный литературный опытъ. Продолжительная жизнь сдѣлала его связующимъ звеномъ между лите-

ратурными традиціями 40-хъ, 60-хъ годовъ и явленіями современной научно-литературной жизни. Въ кругъ его научныхъ интересовъ входили вся русская литература и народная поэзія, литература славянскихъ народовъ и многія явленія литературъ западныхъ. Искренняя любовь къ народу соединялась у него съ послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ европеизмомъ. П. Н. Сакулинъ прочелъ докладъ: «Научныя заслуги и общественные взгляды А. Н. Пыпина». Въ лицѣ А. Н. Пыпина Россія потеряла рѣдкій у насъ типъ ученаго. Онъ не былъ ни дилетантомъ, ни «буддистомъ науки». Высоко цѣняя интересы чистой науки, покойный академикъ сознательно не хотѣлъ ограждать свой рабочій кабинетъ отъ вторженія жизни и своими научными работами стремился внести свѣтъ въ потемки нашей общественной мысли. Пыпинъ всю свою жизнь работалъ въ журналѣ, но журналистъ не убилъ въ немъ ученаго. Результаты научной дѣятельности Пыпина столь велики, что безъ его сочиненія не можетъ обойтись ни одинъ ученый, ни одинъ образованный человекъ, серьезно инте-

ресуюційся культурной исторіей Россіи. Особенное значеніе для русскаго общества имѣють работы Пыпина по XIX вѣку, изъ которыхъ впервые намъ сталъ ясенъ весь историческій процессъ созданія нашихъ общественно-политическихъ идеаловъ. Въ исторіи нашихъ общественныхъ направленій первенствующее значеніе имѣла идея народности, и одною изъ крупныхъ заслугъ Пыпина является объективно-историческое уясненіе этого понятія, точное опредѣленіе его удѣльнаго вѣса. Пыпинъ съ научными данными въ рукахъ не переставалъ доказывать, что «народность» эволюціонируетъ въ своемъ внутреннемъ содержаніи, и было бы ошибочно мѣркой національнаго характера считать черты нашей жизни XVI—XVII вѣковъ. Европейское просвѣщеніе и европейскія формы жизни не находятся ни въ какомъ противорѣчій съ нашими «национальными» устоями. Этимъ взглядомъ Пыпинъ руководился при оцѣнкѣ всѣхъ общественныхъ теченій XIX вѣка. Высказываясь нѣсколько разъ по вопросу о культурныхъ отношеніяхъ Россіи къ Западу и славянству, Пыпинъ неизмѣнно проводилъ мысль, что въ основу нашей политики и нашей культурной программы должно лечь уваженіе къ правамъ другихъ народностей и созданіе условий, которыя обезпечили бы нашему отечеству возможность свободнаго развитія. Въ члены редакціоннаго комитета вмѣсто отказавшагося В. Е. Якушкина избранъ Ю. Н. Айхенвальдъ.

С.-Петербургское археологическое общество. На состоявшемся подъ предѣлательствомъ профессора М. И. Ростовцева засѣданіи классическаго отдѣленія общества Я. И. Смирновъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о загадочной до сихъ поръ, часто встрѣчающейся въ древне-христіанскихъ надписяхъ, формулѣ: ХМГ. Вторымъ референтомъ выступилъ С. О. Цибульскій, сообщившій о новомъ появившемся въ свѣтъ капитальномъ трудѣ Францисса «Римскіе памятники Баваріи». Памятники изслѣдованы весьма тщательно, не забыты даже маленькія деревушки. На основаніи изслѣдованныхъ памятниковъ, референтъ вноситъ много новыхъ данныхъ, относящихся къ эпохѣ римскаго владычества въ Баваріи II—III вѣковъ христіанской эры. Такъ, имъ сообщаются подробныя данныя объ организаціи войскъ въ Баваріи подъ руководствомъ римскихъ офицеровъ, о формахъ гражданскаго управленія, о состояніи путей сообщенія и другихъ сторонъ внутренней жизни Баваріи.

Географическое общество. 22-го февраля въ засѣданіи отдѣленія географіи математической и физической П. В. Оленинъ сдѣлалъ сообщеніе («О всемогательной экспедиціи 1903 года на Ново-Сибирскіе острова для розысковъ партіи барона Э. В. Толля»). Во главѣ этой экспедиціи стоялъ лейтенантъ Колчакъ, сейчасъ же послѣ экспедиціи отправившійся на войну въ Портъ-Артуръ и находящійся теперь въ плѣну у японцевъ. П. В. Оленинъ руководилъ отдѣльной партіей экспедиціи, цѣль которой была доставить съ судна «Заря» въ селеніе Казачье вельботъ, для дальнѣйшей отправки его на островъ Котельный, откуда лейтенантъ Колчакъ долженъ былъ совершить плаваніе на островъ Беннетъ. Задача перевозки вельбота оказалась крайне тяжелой, главнымъ образомъ благодаря полному неулову рыбы въ сибирскихъ рѣкахъ въ 1903 году, слѣдствіемъ чего явилось страшное вздорожаніе оленины, а главное почти полнѣйшее отсутствіе собакъ. Приходилось покушать прямо живые собачьи

скелеты и откармливать ихъ олениною, при чемъ операція эта обходилась 90 рублей въ день. Мѣстные промышленники пользовались случаемъ и подымали страшно на все цѣны. Какъ бы то ни было, съ большими затратами и физическими трудностями, такъ какъ зачастую приходилось тащить нарты лямкой, вельботъ былъ въ 20-хъ числахъ мая доставленъ на островъ Котельный въ Михайловъ станъ, откуда 18-го іюля лейтенантъ Колчакъ отплылъ на островъ Беннетъ. Партія же В. П. Оленина предприняла экскурсію вглубь острова Котельнаго для его научнаго изслѣдованія и занялась энергично охотой на оленей и пыжей, а также рыбной ловлей, дабы обезпечить провіантомъ экспедицію, заключающую въ себѣ къ тому времени 13 человекъ и 80 собакъ, на осень и обратный путь. При этомъ было сдѣлано важное открытіе, что во всѣхъ южныхъ рѣчкахъ острова до половины іюля ловится рыба (кета, величиной въ 1 аршинъ, имѣющая вкусъ семги), а не только въ одной рѣкѣ Бальста, какъ думали это до сихъ поръ ошибочно промышленники. Во время экспедиціи вглубь острова собраны коллекціи: зоологическая и геологическая, найдены нѣсколько череповъ и частей остововъ крупныхъ лошадей, современниковъ, вѣроятно, мамонтовъ. 26-го августа вернулся лейтенантъ Колчакъ съ печальнымъ заключеніемъ о несомнѣнной гибели партіи барона Толля. На островѣ Бенетъ онъ нашелъ въ оставленной поварнѣ нѣкоторыя коллекціи и документы, изъ которыхъ видно, что партія барона Толля покинула островъ 26-го октября 1902 года, имѣя провіанта на 14—20 дней. Въ этомъ же засѣданіи председателемъ отдѣленія географіи математической на мѣсто отказавшагося по болѣзни В. В. Витковского избранъ Н. Я. Цингеръ.

Отъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. Въ виду пересмотра губернскими совѣщаніями законодательства о крестьянахъ, Московскій Публичный и Румянцовскій музеи считаютъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія заинтересованныхъ учрежденій и лицъ о поступленіи въ ихъ распоряженіе изданія А. И. Скребицкаго: «Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра Второго». Сочиненіе это, удостоенное преміи императорской академіи наукъ, представляя собою обстоятельный историческій комментарий на каждую статью Положеній 19-го февраля 1861 года, состоитъ изъ четырехъ томовъ (въ пяти книгахъ), заключающихъ въ себѣ 5382 страницы. Проценты съ капитала, вырученнаго отъ продажи этого изданія, предназначены А. И. Скребицкимъ на пополненіе подаренной имъ музеямъ бібліотеки новыми сочиненіями. Желающіе приобрѣсти это изданіе обращаются въ Москву, въ канцелярію музеевъ. Въ виду небольшого количества оставшихся экземпляровъ, цѣна этого сочиненія нынѣ объявлена 25 рублей. Пересылка бесплатная, наложеннымъ платежомъ изданіе не высылается. Книгопродавцамъ скидка 20⁰/о.

НЕКРОЛОГИ.

ЛЕКСЕВЪ, Я. Г. † 26-го февраля скончался въ Каннѣ, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, инженеръ путей сообщенія Яковъ Гавриловичъ Алексѣевъ, 52-хъ лѣтъ отъ роду. Уроженецъ Петербурга, онъ получилъ образованіе въ 3-й гимназіи, а въ 1876 году окончилъ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Покойный былъ человѣкъ выдающихся способностей, самоотверженного труда, полного безкорыстія и самой сердечной отзывчивости на всякую частную и общественную нужду и горе. Служба его, начавшаяся въ управленіи по сооруженію Петербургскаго морскаго канала, продолжалась затѣмъ исключительно по желѣзнымъ дорогамъ, по постройкѣ и эксплуатаціи Донецкой желѣзной дороги, изысканіямъ многихъ дорогъ, постройкѣ Новороссійской вѣтви. Покойный много послужилъ дѣлу эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, сперва какъ начальникъ эксплуатационнаго отдѣла бывшаго временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, затѣмъ на активной должности помощника начальника дороги, начальника движенія и коммерческой службы Балтійской и Псково-Рижской дорогъ, а затѣмъ исполнялъ обязанности члена управленія казенныхъ дорогъ. Скончался Я. Г. директоромъ правленія Китайской Восточной желѣзной дороги, куда былъ приглашенъ съ самаго открытія общества. Кромѣ ближайшаго руководства техническимъ отдѣломъ правленія, ему много приходилось работать по многомилліоннымъ заказамъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, по организаціи транспортовъ, по организаціи военной охраны дороги съ вербовкою офицеровъ и нижнихъ чиновъ до заказа орудій и всякаго военного снаряженія включительно, по организаціи флота, по организаціи каменноугольныхъ копей дороги, по финансовымъ вопросамъ, по организаціи эксплуатаціи и проч. и проч. Нерѣдко онъ оставался единственною рабочею силою въ правленіи. Его служба была вездѣ соиздательная: какъ человѣкъ громадной трудоспособности, энергіи, инициативы, уваженія къ человѣческой личности, полный сознанія долга, высокой честности, онъ всюду вносилъ живое отношеніе и любовь къ дѣлу, сбереженіе расходовъ казны, умѣнье и въ подчиненныхъ развитъ интересъ къ дѣлу. Благодаря этимъ качествамъ, онъ многого достигалъ, но уходилъ

себя. Онъ умеръ отъ нефрита на почвѣ неврастеніи, обусловленной переутро-мленіемъ. Насколько покойный былъ скроменъ въ оцѣнкѣ своихъ трудовъ, можно судить потому, что онъ умеръ, состоя въ трехмѣсячномъ отпуску, по болѣзни, безъ содержанія. Какъ человѣку, никогда не откладывавшему на завтра то, что можно сдѣлать сегодня, у него на все хватало времени. Еще совершенно молодымъ человѣкомъ, двадцать пять лѣтъ назадъ, онъ принялъ живѣйшее участіе въ учрежденіи начальныхъ школъ для дѣтей служащихъ Донецкой дороги, много способствовалъ открытію тамъ же технического желѣзнодорожнаго училища съ общежитіемъ при немъ, едва ли не первымъ въ Россіи. Такое же участіе проявилъ онъ въ учрежденіи въ Луганскѣ пріюта для сиротъ въ память Царя-Освободителя. Послѣднія 12 лѣтъ онъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ комитета высочайше утвержденнаго общества дешевыхъ квартиръ и другихъ пособій бѣднымъ жителямъ города Петербурга, завѣдуя обмундировальною мастерскою общества, обороты коей, по рабочей платѣ, достигаютъ 60 тысячъ рублей въ годъ. Онъ же принималъ участіе въ сооруженіи новаго дома общества, стоимостью въ сто тысячъ рублей, и въ постройкѣ школьной дачи общества въ Дудергофѣ. Въ обществѣ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія онъ былъ дѣятельнымъ членомъ совѣта и комиссіи, завѣдующей дѣтьми. Онъ состоялъ членомъ императорскаго технического общества и петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ судосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Всякая нужда общественная, какъ голодъ, эпидемія, народное образованіе и т. п. нужда отдѣльныхъ лицъ, встрѣчала щедрый откликъ изъ его сравнительно небольшихъ средствъ и безграничное содѣйствіе трудомъ, совѣтомъ, нравственною поддержкою. Вездѣ и всюду онъ вносилъ свое любящее сердце. (Некрологъ его: «Вѣстникъ министерства путей сообщенія», 1905 г., № 12).

† **Баранецкій, І. В.** 6-го апрѣля въ Кіевѣ внезапно скончался ординарный профессоръ университета св. Владимира по кафедрѣ ботаники, Іосифъ Васильевичъ Баранецкій. Покойный родился въ 1843 году въ Гродненской губерніи. По окончаніи курса въ бѣлостокской гимназій съ серебряною медалью О. А. поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, но въ слѣдующемъ же (1861) году избралъ иную область науки и перешелъ на физико-математическій факультетъ Петербургскаго университета. Въ 1866 году онъ окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ, затѣмъ съ 1867 по 1869 годъ состоялъ консерваторомъ ботаническаго кабинета при Петербургскомъ университетѣ, а съ 1868 г. по 1870 годъ былъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію. Защитивъ въ 1870 году диссертацию: «Исслѣдованія надъ діосмозомъ по отношенію его къ растеніямъ», и получивъ степень магистра, покойный былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія на два года за границу. По возвращеніи защитилъ докторскую диссертацию: «*Untersuchungen über die Periodicität des Blutens der krautartigen Pflanzen und deren Ursachen*» (Галле, 1873, на рускомъ языкѣ въ «Трудахъ сиб. общества естествоиспытателей», т. VI, 1878 г.), послѣ чего назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ университетѣ св. Владимира по кафедрѣ ботаники, а въ 1877 году утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Его научныя изслѣдованія, которыя печатались въ «*Bot. Zei-*

ting» (1871, 1872, 1880 г.), въ «Извѣстіяхъ» императорской академіи наукъ и другихъ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ, посвящены преимущественно анатоміи и физиологіи растений. (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1905 г., № 98; «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 99; «Слово», 1905 г., № 120; «Правительств. Вѣстн.», 1905 г., № 80, и «Новое Время», 1905 г., № 10452).

† **Висковатовъ, П. А.** 16-го апрѣля въ Петербургѣ скончался заслуженный профессоръ, педагогъ, писатель, Павелъ Александровичъ Висковатовъ. Сынъ извѣстнаго военнаго историка А. В. Висковатова, онъ родился 24-го ноября 1842 года. По окончаніи курса въ ларинской гимназіи, П. А. отправился во Францію и Германію, слушалъ лекціи въ Страсбургской академіи; въ 1860 году поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, а въ 1862 году отправился вновь за границу, и продолжалъ образованіе въ Берлинскомъ, Боннскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ, гдѣ занимался преимущественно всеобщей исторіей подъ руководствомъ Моммсена, Ранке, Гизо и другихъ. Въ Лейпцигскомъ университетѣ онъ пріобрѣлъ степень доктора философіи, защитивъ диссертацию: «Jacob Wimpfeling. Ein Beitrag zur Geschichte der Humanisten» (Berlin, 1867); кромѣ того, онъ имѣлъ уже степенни магистра исторіи и доктора всеобщей литературы. Въ 1867 году, еще въ бытность въ Берлинѣ, покойный поступилъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій къ князю А. И. Вяртинскому, но уже въ 1870 году перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія и вскорѣ былъ отправленъ съ ученой цѣлью за границу, гдѣ, между прочимъ, по порученію министра графа Д. А. Толстого, знакомился съ устройствомъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Пруссіи. Съ 25-го января 1874 года онъ началъ чтеніе лекцій въ Дерптскомъ университетѣ, въ качествѣ доцента русскаго языка и литературы; въ томъ же году былъ утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1885 году—ординарнымъ профессоромъ; въ 1895 году оставилъ службу въ Дерптскомъ университетѣ и, переселившись въ Петербургъ, сталъ читать лекціи, въ качествѣ доцента, въ С.-Петербургскомъ университетѣ; кромѣ того, въ званіи чиновника особыхъ порученій министерства путей сообщенія, ревизовалъ учебныя заведенія этого вѣдомства, состоялъ цензоромъ въ комитетѣ цензуры иностранной, а съ 1896 года принялъ на себя руководство частной гимназіей Видемана, директоромъ которой состоялъ до послѣднихъ дней. Помимо профессорской и педагогической дѣятельности П. А., слѣдуетъ отмѣтить и его публицистическую дѣятельность, въ качествѣ редактора газеты «Русскій Миръ» (1873 г.) и сотрудника «Руси» И. С. Аксакова, «Голоса», «Московскихъ Вѣдомостей», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Новаго Времени», «Вѣстника Европы», «Русской Старины», «Русской Мысли» и другихъ.

Перу покойнаго принадлежитъ длинный рядъ трудовъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, главнымъ образомъ, по исторіи русской и нѣмецкой литературы. Кромѣ указанной диссертации, отмѣтимъ его лекціи о «Фаустѣ» (1871), этюды: «О «Фаустѣ» Гете» (1896), «Эд. Губеръ и Фасслеръ», «Эпоха гуманизма въ Германіи» (1872), «Ueber Typen und Charactere in der russischen Volks- und Kunstdliteratur» (1875), «Geschichte der russischen Literatur in gedrängter Uebersicht» (1881 и 1886; есть и на русскомъ языкѣ, 1892 г.). Предметомъ особенно тщательнаго изученія П. А. были поэты Жуковскій и

Лермонтовъ, которымъ онъ посвятилъ рядъ этюдовъ, а для біографіи послѣдняго собиралъ матеріалы въ теченіе 10 лѣтъ; его капитальный трудъ—«Полное собраніе сочиненій Лермонтова», вышедшее въ шести томахъ (1891), при чемъ послѣдній томъ составляетъ обширную біографію поэта, составленную Висковатовымъ. Кромѣ трудовъ историко-литературныхъ, П. А. принадлежитъ нѣсколько беллетристическихъ произведеній, каковы, напримѣръ, повѣсти: «Головка съ натуры», «Недоразумѣніе», «Мальчикъ съ пальчикъ» и другіе. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что покойный былъ замѣтнымъ дѣятелемъ славянскаго благотворительнаго комитета; между прочимъ, въ 1876 г. онъ организовалъ санитарный отрядъ и, по порученію Краснаго Креста, вывелъ три отряда въ Сербію, гдѣ былъ и въ слѣдующемъ году въ званіи главноуполномоченнаго. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 108; «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 89, и «Южный Край», 1905 г., № 8431).

† Дубенскій, П. Н. 25-го апрѣля, скоростипжно скончался въ Петербургѣ одинъ изъ сотрудниковъ «Новаго Времени», Петръ Николаевичъ Дубенскій, болѣе извѣстный подъ своимъ псевдонимомъ «П. Вожинъ», которымъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подписывалъ свои политическія корреспонденціи и статьи. Покойный родился въ 1864 году и происходилъ изъ дворянъ Рязанской губерніи. Образование получилъ сначала въ классической гимназіи Л. И. Поливанова въ Москвѣ, откуда перешелъ въ Аракчеевскую военную гимназію, затѣмъ въ Михайловское артиллерійское училище и, наконецъ, въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, откуда вышелъ однимъ изъ первыхъ и поступилъ на службу въ штабъ московскаго округа. Оттуда П. Н. былъ переведенъ въ штабъ одесскаго округа, затѣмъ вышелъ въ отставку и занялся исключительно литературой. Начавъ работать въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», онъ перешелъ впослѣдствіи въ «Новое Время». Съ 1899 года онъ жилъ въ Парижѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ парижскимъ корреспондентомъ «Новаго Времени». Его живые очерки впослѣдствіи были изданы отдѣльной книгой подъ названіемъ «Очерковъ парижской жизни» (Сиб., 1904 г.). Съ 1902 г. П. Н. Дубенскій жилъ въ Константинополѣ и писалъ въ «Новое Время» о политическихъ событіяхъ ближняго Востока, на которомъ въ это время разгоралась кровавая заря греко-славянской борьбы. Покойный ѣздилъ внутрь Македоніи и былъ очевидцемъ и лѣтописцемъ македонской рѣзни и убійствъ, жертвами которой пали русскіе консулы Щербина и Ростковскій. П. Н. Дубенскій основательно изучилъ бытъ Турціи, его слабыя стороны, и въ своихъ интересныхъ письмахъ давалъ живую картину падающаго Востока, который мирнымъ образомъ дѣлятъ между собой иностранцы. Покойный тяжело чувствовалъ себя въ обстановкѣ турецкой столицы въ постоянномъ отдаленіи отъ родины, а неблагоприятный константинопольскій климатъ, непроглядные зимніе туманы вредно отражались на его слабомъ здоровьѣ. Въ 1904 году П. Н. переѣхалъ въ Петербургъ. Не поддававшійся лѣченію недугъ неумолимо приводилъ его къ грустной развязкѣ. Онъ умеръ въ расцвѣтѣ силъ, 42-хъ лѣтъ, не покидая до послѣдняго дня литературной работы. Кромѣ «Новаго Времени», онъ работалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» редакціи покойнаго В. Л. Величко и въ изданіяхъ своего брата полковника Дубенскаго «Лѣтопись Японской войны» и «Русское Чтеніе». Въ «Словѣ» покойный писалъ передовыя статьи по поли-

тикъ ближняго Востока, отличавшіяся не только замѣчательною подробностью и точностью, но и тою ясностью взглядовъ, которую даетъ только большое знаніе и политической исторіи Европы и современной ея жизни. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10469, и «Слово», 1905 г., № 134).

† **Заварыкинъ, Ѳ. Н.** 17-го апрѣля, въ своей усадьбѣ Тарасково, Тверской губерніи, скончался скоропостижно заслуженный профессоръ военно-медицинской академіи и академикъ, тайный совѣтникъ Ѳедоръ Николаевичъ Заварыкинъ. Въ медико-хирургической академіи онъ читалъ нормальную гистологию и въ этой области составилъ себѣ извѣстность своими работами по гистологіи почекъ, отличающимися въ особенности полной безукоризненностью въ техническомъ отношеніи. Имъ также открытъ способъ опредѣленія массы кровяныхъ шариковъ въ крови и напечатанъ рядъ изслѣдованій, изъ которыхъ болѣе или менѣе извѣстны въ медицинской литературѣ слѣдующія: «Поглощеніе дыхательныхъ газовъ молокомъ», «О ходѣ млечныхъ путей въ тонкой кишкѣ», «Корни лимфатическихъ сосудовъ въ почкахъ млекопитающихъ», «О кровяной опухоли уха у помѣшанныхъ», «Къ анализу крови», «Къ ученію о строеніи почекъ», «Анатомія первяныхъ лимфатическихъ ходовъ», «Историческій ходъ ученія о строеніи лимфатической системы», «О всасываніи жира въ тонкихъ кишкахъ», «Лимфатическія клѣтки подъ эпителиальной тканью» и другія. Кромѣ того, онъ принималъ, какъ соредакторъ, дѣятельное участіе въ «Журналѣ нормальной и патологической питологии, фармакологіи и клинической медицины» (1870 — 1874 гг.). Онъ былъ рѣдкимъ преподавателемъ, и ему первому принадлежитъ честь постановки у насъ на должную высоту кафедръ гистологіи, — науки, которой онъ придавалъ огромное значеніе. Это былъ живой человекъ и энергичный дѣятель, всегда заботившійся о поднятій общаго образованія студентовъ. Съ этой цѣлью, вмѣстѣ съ профессорами И. М. Сорокинымъ и П. А. Хлѣбниковымъ, ходатайствовалъ передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ усиленіи преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и о расширеніи программы преподаванія физики въ медико-хирургической академіи. Въ академіи, вмѣстѣ съ тѣми же профессорами, а также съ Боткинымъ, Забѣлинымъ, Богдановскимъ и другими, Заварыкинъ — одинъ изъ энергичныхъ и твердыхъ представителей русской партіи — горячо отстаивалъ независимость этого учрежденія отъ вторгавшихся въ него чуждыхъ элементовъ. До самыхъ послѣднихъ дней не переставалъ онъ интересоваться явленіями общественными и литературными, всѣмъ тѣмъ, что занимаетъ каждаго истинно-культурнаго человека. Скончался онъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Сынъ воронежскаго мѣщанина, Ѳ. Н. Заварыкинъ родился въ 1835 году и воспитывался въ воронежской гимназій, курсъ которой окончилъ съ золотой медалью. Въ 1854 г. онъ поступилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію и по окончаніи курса въ ней былъ оставленъ при академіи для приготовленія къ профессурѣ съ назначеніемъ ординаторомъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя. Одновременно работалъ онъ и въ лабораторіи проф. И. М. Съченова. Защитивъ въ маѣ 1862 г. докторскую диссертацию, Ѳ. Н. былъ отправленъ на казенный счетъ за границу, гдѣ работалъ подъ руководствомъ Бунзена, Гельмгольца, Людвига и другихъ, занимаясь анатоміей, физиологіей и гистологіей животныхъ. Вернувшись изъ командни-

ровки, онъ въ 1866 г. читалъ лекціи въ ветеринарномъ отдѣленіи академіи, а въ 1869 г. занялъ кафедру гистологіи и эмбриологіи въ академіи, на которой съ честью и оставался до выхода въ отставку, въ 1895 году. Въ 1897 г. онъ перѣхалъ въ свое имѣніе, гдѣ жилъ на покой, оказывая перѣдко даровую медицинскую помощь своимъ сосѣдямъ крестьянамъ. (Некрологъ его: «Слово», 1905 г., № 134).

† **Иноземцевъ, И. Г.** 24-го апрѣля въ городской Новознаменской больницѣ послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни скончался одинъ изъ сотрудниковъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», Иванъ Григорьевичъ Иноземцевъ. Покойный умеръ всего 33 лѣтъ отъ роду. На литературное поприще И. Г. выступилъ очень рано и работалъ съ удивительнымъ рвеніемъ, не щадя себя, почти не давая себѣ отдыха, не заботясь о своемъ здоровьѣ. Силы его надломились, онъ палъ жертвой переутомленія. Уроженецъ города Батурина Черниговской губерніи, И. Г. по окончаніи гимназіи поступилъ сначала на естественный факультетъ въ Кіевскомъ университетѣ, затѣмъ перешелъ въ С.-Петербургскій на юридическій факультетъ. Еще студентомъ онъ началъ работать въ газетахъ, занимался переводами. Между прочимъ, ему принадлежитъ капитальный трудъ—переводъ «Исторіи новой философіи» Фалькенберга. Въ цѣломъ рядѣ газетъ и журналовъ помѣщалъ И. Г. свои работы: фельетоны, статьи на злобы дня, компіляции, историческія изслѣдованія, корреспонденціи и такъ далѣе. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» онъ долгіе годы исполнялъ многотрудныя обязанности секретаря и помощника редактора, завѣдуя иллюстрированнымъ приложеніемъ. Немало поработалъ онъ въ «Сынѣ Отечества», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Всемирной Иллюстраціи», «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», въ «Театрѣ и Искусствѣ» помѣстивъ рядъ статей о народномъ театрѣ. Народный театръ особенно интересовалъ его, равно какъ и театральное дѣло вообще, на которое онъ смотрѣлъ очень серьезно, придавая сценѣ огромное значеніе въ воспитаніи общества. Неустанный трудъ, бессонныя ночи, проводимыя за корректурами, вѣчная матеріальная необеспеченность, явились почвой для развитія тяжкаго душевнаго недуга. Милый, сердечный, въ высшей степени деликатный и довѣрчивый человѣкъ, И. Г. оставилъ по себѣ самую добрую память. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8791; «Петербургскій Листокъ», 1905 г., № 104; «Слово», 1905 г., № 136, и «Театръ и Искусство», 1905 г., № 18).

† **Куликовъ, П. П.** Недавно скончался въ Сумахъ, Харьковской губерніи, бывший председатель сумскаго окружнаго суда и писатель Павелъ Петровичъ Куликовъ. Истинный «шестидесятникъ» и по убѣжденіямъ, и по всей дѣятельности, онъ былъ горячимъ и стойкимъ защитникомъ суда присяжныхъ и служилъ ему вѣрою и правдою. Боязнь оставить служеніе этому дорогому для него институту заставляла его постоянно отказываться отъ дальнѣйшихъ повышеній по службѣ. Онъ обладалъ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ, краснорѣчивымъ доказательствомъ чего служатъ его рассказы, особенно изъ охотничьей жизни, которые одинъ изъ критиковъ сравнилъ съ очерками Бретъ-Гарта, настолько они по общему характеру приближались къ произведеніямъ американскаго писателя. Рассказы П. П. печатались въ «Природѣ и Охотѣ», «Новомъ Времени» и другихъ изданіяхъ. «За глухаремъ», «Старый лось»,

«Съ разныхъ концовъ», «Первое знакомство съ медвѣдемъ», «По бѣлымъ куронаткамъ», «Послѣ облавы», «На островахъ», «Въ уѣздѣ», «На Капрерѣ» — всѣ эти рассказы, подписанные псевдонимомъ Псковича, вошли въ составъ сборника «Охота и охотники» (Спб., 1889, изданіе А. С. Суворина), выдержавшаго два изданія; другіе рассказы собраны въ книжкѣ подъ заглавіемъ «На разныхъ дорогахъ». Нѣсколько статей по правовѣдѣнію и разнымъ вопросамъ онъ напечаталъ въ юридическихъ изданіяхъ. Въ его произведеніяхъ и во всей дѣятельности виденъ человекъ, всю жизнь посвятившій служенію идеямъ эпохи великихъ реформъ. П. П. Куликовъ родился въ 1838 году во Псковѣ и воспитаніе получилъ въ мѣстной гимназіи, а затѣмъ на юридическомъ факультетѣ Харьковскаго университета, курсъ котораго онъ окончилъ въ 1859 году. Вскорѣ онъ былъ выбранъ въ Петербургѣ въ мировые судьи «перваго призыва», а затѣмъ былъ членомъ харьковскаго окружнаго суда, членомъ харьковской судебной палаты и, наконецъ, предсѣдателемъ сумскаго окружнаго суда. Въ 1904 году онъ вышелъ въ отставку, прослуживъ суду присяжныхъ пѣлыхъ тридцать шесть лѣтъ. (Некрологъ его: «Слово», 1905 г., № 141).

† Лессаръ, П. М. 6-го апрѣля скончался въ Пекинѣ російскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, тайный совѣтникъ Павелъ Михайловичъ Лессаръ. Покойный, по образованію инженеръ путей сообщенія, вступилъ на дипломатическое поприще около двадцати лѣтъ тому назадъ, когда былъ прикомандированъ къ русскому посольству для опредѣленія пограничной линіи Туркестана съ Афганистаномъ. Впослѣдствіи онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занималъ должность русскаго политическаго агента въ Бухарѣ, затѣмъ былъ старшимъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ, послѣ чего въ 1901 году назначенъ посланникомъ въ Пекинъ. Занявъ послѣдній постъ послѣ еще неокончившихся волненій боксерскаго возстанія, П. М. проявилъ дарованія выдающагося, энергичнаго дипломата и весьма много способствовалъ восстановленію добрыхъ отношеній между Россіей и Китаемъ. П. М. Лессаръ родился въ 1851 году; окончивъ курсъ института инженеровъ путей сообщенія, онъ принималъ участіе въ сооруженіи Потійскаго порта; во время русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ построилъ желѣзнодорожный мостъ черезъ Прутъ; позже производилъ изысканія въ Средней Азій отъ Асхабада до Серахса, въ Туркменіи и въ пограничныхъ съ нею странахъ, отъ Михайловскаго залива до Кизиль-Арвата. Въ 1884 году П. М. сопровождалъ генерала А. В. Комарова при занятіи Мерва. Результаты его изслѣдованій напечатаны въ «Извѣстіяхъ императорскаго русскаго географическаго общества» (1882—1884 г.г.) и въ книгѣ «Военныя желѣзнодорожныя постройки русской арміи въ кампанію 1877—1878 годовъ» (Спб., 1879 г., съ атласомъ). Покойный принадлежалъ къ числу лучшихъ знатоковъ Средней Азій. Описаніе одного изъ его путешествій было переведено на англійскій языкъ и помѣщено въ одной изъ дипломатическихъ «Синихъ книгъ». (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 100; «Кіевлянинъ», 1905 г., № 104; «Новое Время», 1905 г., № 10451, и «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 81).

† Мещерскій, А. С. 15-го апрѣля въ Москвѣ скончался на 56 году жизни безызывѣстный московскій любитель рыбъ, авторъ цѣнныхъ трудовъ по х-

тіологіи, Андрей Сергѣевичъ Мещерскій. Получивъ домашнее воспитаніе, А. С. Мещерскій мечталъ о серьезныхъ занятіяхъ по зоологіи, мечталъ быть ученымъ, но судьба рѣшила иное. Умеръ отецъ, оставивъ семью безъ средствъ, опорой семьи являлся сынъ, будущій ихтіологъ. При такихъ печальныхъ условіяхъ нечего было и думать о карьерѣ ученаго; предстояли заботы о пропитаніи семьи. А. С. разстается съ наукою и поступаетъ на службу — приказчикомъ въ магазинъ. Дѣла поправились, и черезъ нѣсколько лѣтъ А. С. уже завѣдывалъ однимъ крупнымъ торговымъ домомъ. Хорошее матеріальное положеніе позволяло вновь предаться любимому дѣлу по изученію жизни рыбъ. Но время для карьеры ученаго было потеряно; наукой пришлось уже заниматься въ роли любителя. Но и на такомъ, повидимому, скромномъ поприщѣ покойный привнесъ наукѣ много пользы новизною цѣнныхъ наблюденій и опытовъ. Въ 1867 году комиссіонеръ торговой фирмы, которою завѣдывалъ А. С., привезъ ему съ парижской выставки пару макроподовъ. Эти рыбки послужили для покойнаго объектомъ интересныхъ новыхъ біологическихъ наблюденій, которыя все расширялись съ увеличеніемъ его коллекціи подводныхъ обитателей акваріумовъ. Бывая ежегодно по дѣламъ фирмы за границей, А. С. не упускалъ случая знакомиться съ коллекціями экзотическихъ рыбъ, покупалъ иногда по страшно дорогимъ цѣнамъ (у знаменитаго парижскаго рыбозаводчика Пьера Карбонье) интересные экземпляры ихъ и культивировалъ въ своихъ акваріумахъ въ Москвѣ. Такимъ путемъ онъ составилъ богатѣйшее собраніе рѣдкихъ экзотическихъ рыбъ, большинство которыхъ приносило даже приплодъ, въ томъ числѣ и рыбы - кошки (*Amiurus catus*), размножившіяся только у Пьера Карбонье. Изъ европейскихъ любителей рыбъ только А. С. Мещерскій и Карбонье владѣли нѣкоторыми цѣнными экземплярами. Интересныя наблюденія покойнаго частью описаны имъ самимъ (въ первомъ томѣ «Трудовъ отдѣла ихтіологіи императорскаго общества акклиматизаціи»), частью Н. Ѳ. Золотницкимъ (въ книгѣ «Акваріумъ любителя», Москва, 1890 г.). Кроме того, перу А. С. принадлежитъ еще вереница статей относительно размноженія рѣдкихъ рыбъ и устройства акваріумовъ, которыя помѣщались въ «Извѣстіяхъ императорскаго общества естествознанія». За свои продолжительные труды по рыбоводству покойный удостоился нѣсколькихъ цѣнныхъ наградъ и, между прочимъ, былъ избранъ членомъ Парижскаго общества акклиматизаціи. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 107, и «Новое Время», 1905 г., № 10468).

† **Симоненко, Г. Ѳ.** 28-го марта скончался на 68-мъ году жизни заслуженный профессоръ императорскаго Варшавскаго университета и главный редакторъ варшавскаго статистическаго комитета, Григорій Ѳеодоровичъ Симоненко. Покойный родился въ 1838 году. Получивъ первоначальное воспитаніе въ одной изъ кавказскихъ гимназій, онъ окончилъ курсъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета, а затѣмъ всецѣло посвятилъ себя изученію наукъ юридическихъ, а въ особенности политической экономіи и статистики. Въ 1870 году онъ защитилъ магистерскую диссертацию «Государство, общество и право съ точки зрѣнія законовъ народнаго хозяйства», а въ 1872 году — докторскую «Объ отношеніи теоріи полицейскаго государ-

ства къ закону раздѣленія труда и о разгромѣ Франціи, какъ результатѣ ихъ примѣненія». Когда былъ открытъ Варшавскій университетъ, въ первомъ же учебномъ году Г. Ө. былъ назначенъ профессоромъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики, и съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 35 лѣтъ, посвящая всѣ свои научныя силы Варшавскому университету, свято храня въ то же время завѣты воспитавшаго его университета Московскаго. Въ 1889 году онъ былъ, кромѣ того, назначенъ главнымъ редакторомъ открытаго тогда варшавскаго статистическаго комитета, гдѣ онъ также плодотворно проработалъ болѣе пятнадцати лѣтъ, выпустивъ подъ своей редакціей XX томовъ трудовъ комитета и цѣлый рядъ собственныхъ статистическихъ работъ и докладовъ. Живой и отзывчивый по своему темпераменту, профессоръ Симоненко всегда горячо откликался на интересовавшіе въ свое время общество вопросы дня и многочисленными учеными сочиненіями, и публичными лекціями, и т. п. Еще въ дни великой освободительной реформы, въ 1861 г., онъ напечаталъ большой очеркъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», подъ заглавіемъ «Аболиціонизмъ и аболиціонисты», опровергавшій теорію Молинали и другихъ экономистовъ, доказывавшихъ, что уничтоженіе рабства въ Вестъ-Индіи имѣло гибельное вліяніе на ея колоніи въ экономическомъ отношеніи. Другимъ его трудомъ, обратившимъ на себя вниманіе, была «Сравнительная статистика царства Польскаго и другихъ европейскихъ странъ» (1878 г.), гдѣ сдѣлана попытка подвести итоги реформъ, произведенныхъ въ 1864 г. въ Привислинскомъ краѣ. Къ этому вопросу Г. Ө. вернулся въ своихъ публичныхъ лекціяхъ «О царствѣ Польскомъ сравнительно съ Познанью и Галиціей», читанныхъ въ Варшавѣ въ 1878 г., въ которыхъ, сдѣлавъ общій выводъ, онъ на основаніи строгихъ статистическихъ данныхъ доказалъ замѣчательный ростъ русской Польши послѣ аграрныхъ преобразованій 1864 г., сравнительно съ прогрессомъ въ Польшѣ австрійской и прусской послѣ реформъ 1848 и 1850 гг. Эти лекціи встрѣчены были въ заграничной польской печати неистовымъ негодованіемъ, а въ мѣстной администраціи доставили Г. Ө. большія неурядности. Изъ другихъ работъ его слѣдуетъ отмѣтить «О движеніи населенія за послѣдній 27-лѣтній періодъ въ губерніяхъ царства Польскаго» (1895), «Сравнительная статистика заработковъ и продовольствія въ десяти губерніяхъ царства Польскаго» (1897), «Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ» (1900). Въ «Руси» И. С. Аксакова онъ помѣстилъ большую статью «Наши анархисты». Какъ редакторъ «Трудовъ варшавскаго статистическаго комитета» (съ 1888 г.), Г. Ө. принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе и цѣлый выпускъ (V-й) посвятилъ опредѣленію размѣровъ и выясненію истинныхъ причинъ усиленной эмиграціи изъ губерній царства Польскаго, начавшейся съ 1889 года. Ему принадлежатъ подписанныя псевдонимомъ «Экономистъ» статьи: «Вывозныя преміи и нормировка сахарнаго производства» (1887), «Винувата ли наука въ ошибкахъ нашей финансовой практики и значеніе періодической печати для предупрежденія ихъ» (1888) и проч. Много статей Г. Ө. разбѣяно въ «Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ», «Кіевлянинѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ изданіяхъ. Во всѣхъ своихъ работахъ, какъ и въ жизни, Г. Ө. всегда оставался глубоко вѣ-

рующимъ христіаниномъ и высокимъ идеалистомъ. Но Г. О. не былъ только кабинетнымъ ученымъ-экономистомъ или статистикомъ. Онъ былъ и серьезнымъ общественнымъ дѣятелемъ и крупною силою въ той средѣ, въ которой онъ дѣйствовалъ. (Некрологи его: «Варшавскій Дневникъ», 1905 г., № 88; «Слово», 1905 г., № 117; «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 92, и «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 73).

† **Чебышевъ, В. Л.** 9-го мая скончался 73 лѣтъ отъ роду заслуженный ординарный профессоръ Михайловской артиллерійской академіи, отставной генералъ отъ артиллеріи Владимиръ Львовичъ Чебышевъ. Получивъ военное образованіе въ артиллерійскомъ (Михайловскомъ) училищѣ, артиллерійской академіи и Николаевской академіи генеральнаго штаба, В. Л. принималъ въ теченіе своей многолѣтней службы дѣятельное участіе въ различныхъ комитетахъ и комиссіяхъ по артиллерійскому дѣлу и былъ неоднократно командиромъ со спеціальными цѣлями, относящимися къ вопросамъ артиллеріи. Съ прикомандированіемъ въ 1862 году къ Михайловской артиллерійской академіи на должность преподавателя технической администраціи началась военно-учебная и военно-учебная дѣятельность его по артиллерійской части. Въ 1868 году В. Л. былъ утвержденъ адъюнктомъ-профессоромъ Михайловской артиллерійской академіи, въ 1871 году — въ званіи профессора, а въ 1881 году — въ званіи заслуженнаго профессора. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ императорскомъ Тульскомъ заводѣ были испытаны и изготовлялись въ его присутствіи ствольныя мортиры, проектированныя покойнымъ. Не чуждъ былъ В. Л. и общественной дѣятельности: именно въ 1885 году калужскій губернский комитетъ назначилъ его гласнымъ земской управы Боровскаго уѣзда на три года. Въ 1892 году В. Л. Чебышевъ былъ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи съ увольненіемъ отъ службы. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10484).

† **Чериновъ, М. П.** 11-го апрѣля, послѣ продолжительной болѣзни, скончался извѣстный терапевтъ, заслуженный профессоръ Московскаго университета (по кафедрѣ врачебной діагностики и пропедевтической клиники), дѣятельный статскій совѣтникъ Михаилъ Петровичъ Чериновъ. Русскій медицинскій міръ утратилъ одного изъ своихъ видныхъ представителей. Покойный родился въ 1838 году. По окончаніи медицинскаго факультета Московскаго университета со степенью лѣкаря съ отличіемъ М. П. двадцатичетырехлѣтнимъ юношей былъ командированъ за границу для подготовленія къ профессорской дѣятельности. Въ теченіе четырехъ лѣтъ Чериновъ занимался въ Австріи и Германіи подъ руководствомъ знаменитыхъ ученыхъ и главнымъ образомъ въ Вѣнѣ у извѣстнаго ученаго Брюкке. По возвращеніи на родину, М. П. съ успѣхомъ защитилъ свою докторскую диссертацию («По поводу ученія о сахарномъ мочеизнуреніи», Москва, 1867 г., 112 страницъ), послѣ чего получилъ приглашеніе стать преподавателемъ частной патологіи и терапіи въ родномъ ему Московскомъ университетѣ. Въ 1869 году покойный былъ назначенъ приват-доцентомъ на кафедрѣ врачебной діагностики и пропедевтической клиники, а потомъ послѣдовательно избирался въ экстраординарные, ординарные, наконецъ, заслуженные профессора. Долгое время (1876—1892 гг.) онъ состоялъ также гласнымъ городской думы и предсѣдателемъ санитарнаго отдѣла комис-

сія по канализаціи Москвы. Перу М. П. принадлежит длинная вереница ученых статей, которыя главнымъ образомъ помѣщались въ протоколахъ физико-медицинскаго общества, «Извѣстіяхъ Московскаго университета» и «Военно-Медицинскомъ журналѣ». Кромѣ того, имъ были еще составлены: цѣнное руководство «О причинахъ заразныхъ болѣзней» (Москва, 1881 г.), предисловіе къ книгѣ Шаховскаго «Критика бактеріанцевъ» (Москва, 1886 г.) и актовая рѣчь «О самозащитѣ организмовъ» (см. Отчетъ Московскаго университета за 1894 г.). (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 102; «Слово», 1905 г., № 124; «Новое Время», 1905 г., № 10457, и «Правительственный Вѣстникъ», 1905 года, № 85).

† **Штукенбергъ, А. А.** 31-го марта, въ Казани, скончался заслуженный профессоръ мѣстнаго университета, нашъ извѣстный геологъ и палеонтологъ, Александръ Антоновичъ Штукенбергъ. Еще будучи въ университетѣ, онъ изучалъ усердно литературу изслѣдованій Крыма въ геологическомъ отношеніи и, какъ только окончилъ свое образованіе, выступилъ съ небольшими замѣтками по этому вопросу. Его первое изслѣдованіе: «Геологическій очеркъ Крыма» (1873), явилось результатомъ командировки въ эту мѣстность молодого тогда ученаго на средства минералогическаго общества и внесло совершенно новыя данныя по изслѣдованію Крыма. А. А. изслѣдовалъ специально формаціи и напластованіе. По его мнѣнію, нуммулитовыя пласты Крыма нужно считать эоценовыми, а не мѣловыми; кристаллическія его породы принадлежать къ трахиту и андезиту. Что касается известковаго яруса девонской формаціи Россіи, то его, какъ утверждалъ А. А., нельзя раздѣлять на типы, предложенныя Гревникомъ, а вертикальное распредѣленіе животныхъ по формаціямъ приходится считать еще далеко не изслѣдованнымъ. Подобнаго рода новыя данныя заключаются и въ послѣдующихъ работахъ А. А., напримѣръ: «Геологическое путешествіе въ Тиманскую тундру и Печорскій край» (1875), «Девонскій бассейнъ Европейской Россіи» (1879) и другія. Имъ составлена прекрасная «Общая геологическая карта Россіи» (1890—1898). Изъ палеонтологическихъ трудовъ его наиболѣе извѣстны изслѣдованія о кораллахъ и мшанкахъ среднерусскаго каменноугольнаго известняка и каменноугольныхъ отложеній Урала и Тимана. А. А. написано до 70 работъ, посвященныхъ, главнымъ образомъ, Уралу и Поволжью и палеозойскимъ образованіямъ восточной Россіи въ ихъ палеонтологическихъ остаткахъ. А. А. происходитъ изъ фамиліи, обитавшей въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ и давшей цѣлый рядъ замѣчательныхъ дѣятелей науки. Покойный родился въ сентябрѣ 1844 г. и высшее образованіе получилъ на физико-математическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета (1864—1867), окончивъ курсъ со степенью кандидата. Въ 1871 г. онъ защитилъ свое разсужденіе «Геологическій очеркъ Крыма», а, спустя два года, былъ приглашенъ въ Казанскій университетъ доцентомъ. Затѣмъ съ 1876 г. онъ состоялъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ геологіи и палеонтологіи, а съ 1880 г. — президентомъ общества естествоиспытателей въ Казани. Многія ученые общества, русскія и иностранныя, считали его въ числѣ своихъ членовъ. А. А. не создалъ школы, но имѣлъ много послѣдователей среди многочисленныхъ учениковъ своихъ, ставшихъ или профессорами, или препо-

давателями геологii и минералогii. (Некрологи его: «Слово»; 1905 г., № 115; «Моск. Вѣдом.», 1905 г., № 94, и «Казанскій Телегр.», 1905 г., № 3679).

† Шульцъ, П. А. 4-го апрѣля скончался одинъ изъ видныхъ дѣятелей по крестьянскому вопросу, сенаторъ Павелъ Антоновичъ Шульцъ. П. А. родился въ 1831 году; по окончанii курса въ императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ началась его работа по крестьянскому дѣлу. Онъ былъ назначенъ старшимъ редакторомъ земскаго отдѣла, въ которомъ приступлено было къ первоначальной разработкѣ предположенiй объ освобожденiи крестьянъ съ надѣлами земель. Въ то же время участвовалъ по назначенiю министра внутреннихъ дѣлъ въ разныхъ комиссiяхъ по крестьянскому дѣлу. Въ 1862 году назначенъ членомъ въ комиссiю по пересмотру правилъ объ оцѣнкѣ земель государственныхъ крестьянъ. Присутствовалъ также въ комиссiи для составленiя законоположенiй о преобразованiи судебной части. Въ 1865 году былъ назначенъ директоромъ 2-го департамента министерства государственныхъ имуществъ и принялъ участiе въ преобразованiи управленiя государственныхъ крестьянъ. Въ 1867 году переименованъ управляющимъ временнымъ отдѣломъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ. Черезъ его руки прошли всѣ предположенiя и затѣмъ всѣ исполнительныя распоряженiя по преобразованiю поземельнаго устройства сельскихъ обывателей, бывшихъ въ вѣдѣнiи министерства государственныхъ имуществъ. Въ 1874 году П. А. назначенъ членомъ совѣта министра государственныхъ имуществъ и нѣкоторое время исполнялъ обязанности товарища министра. Въ 1882 году былъ назначенъ присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ по второму департаменту. П. А. участвовалъ въ разработкѣ положенiя объ остзейскихъ крестьянахъ. Это былъ необыкновенно энергичный, трудолюбивый дѣятель и прекрасный человекъ. Обладая большими матеріалами и знанiями по крестьянскому вопросу, П. А. написалъ цѣлый рядъ статей въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», «Сѣверной Почтѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и другихъ изданiяхъ: «Извлеченiя изъ законоположенiй о крестьянахъ остзейскихъ губернiй» (вышли отдѣльно въ 1858 году), «Лифляндскіе крестьяне», «О выкупѣ крестьянами арендныхъ участковъ въ Эстляндской губернiи», «О курляндскихъ крестьянахъ». Своихъ статей П. А., большею частью, не подписывалъ. (Некрологи его: «Моск. Вѣдом.», 1905 г., № 98; «Кіевлянинъ», 1905 г., № 99; «Слово», 1905 г., № 118, и «Новое Время», 1905 г., № 10448).

† Якушкинъ, Е. И. 27-го апрѣля скончался въ Ярославлѣ извѣстный литераторъ и критикъ Евгенiй Ивановичъ Якушкинъ. Покойный, сынъ декабриста И. Д. Якушкина, родился 22-го января 1826 года. По окончанiи курса въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету онъ отправился за границу для усовершенствованiя своихъ знанiй. Затѣмъ поступилъ на службу въ межевое вѣдомство и два раза по службѣ ѣздилъ въ Сибирь. Въ Ялutorовскѣ онъ впервые встрѣтился со своимъ отцомъ и познакомился со многими декабристами. Въ Сибири Е. И. собралъ интересный матеріалъ, опубликованный имъ впоследствии подъ заглавiемъ «Записки Басаргина», «Записки Пуштина о Пушкинѣ», «Записки И. Д. Якушкина». Послѣ непродолжительнаго

преподаванія законовѣдѣнія въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ Е. И. былъ назначенъ въ 1859 году управляющимъ государственными имуществами въ Ярославской губерніи. Съ этого времени дѣятельность его сосредоточилась въ Ярославлѣ. До 1884 года онъ былъ управляющимъ ярославской казенной палатой. Ему пришлось принять близкое участіе въ проведеніи крестьянской реформы 19-го февраля 1861 года. Дѣятельность эта сблизила его съ мѣстнымъ крестьянствомъ. Онъ занялся изученіемъ крестьянскаго быта и подробно изслѣдовалъ вопросъ о крестьянской общинѣ, волостныхъ судахъ, артеляхъ и проч. Его изслѣдованія въ этой области дали ему возможность собрать богатѣйшій матеріалъ, которымъ онъ воспользовался для изданія своего капитальнаго труда: «Обычное право», изданнаго въ трехъ выпускахъ (четвертый выпускъ остался не законченнымъ). Кроме того, онъ издалъ «Матеріалы для словаря народнаго языка въ Ярославской губерніи» и напечаталъ цѣлый рядъ статей по крестьянскому вопросу въ «Вѣстникѣ Ярославскаго земства» и въ другихъ изданіяхъ. Это—одна сторона его дѣятельности. Другая—болѣе литературная и критическая въ связи съ библиографіей. Скажемъ только, что онъ занимался биографіей Радищева, написалъ множество замѣтокъ о литературныхъ явленіяхъ, первый изучилъ съ необыкновенной добросовѣстностью рукописи Пушкина и прочее. Умеръ онъ на 80-мъ году жизни, сохранивъ до послѣдняго времени свою работоспособность и интересъ къ литературѣ и общественнымъ явленіямъ. Какъ характеръ, это былъ человѣкъ благородной независимости, всѣми любимый и уважаемый. Послѣднимъ его дѣломъ было изданіе «Записокъ» его отца, которыя явились на этихъ дняхъ, почти безъ всякихъ пропусковъ, и которыя составляютъ цѣнный матеріалъ для эпохи декабристовъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10473).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

О «Надписи на мой портретъ».

Въ 1884 году въ «Русской Старинѣ» (мартъ, стр. 664) была напечатана приписанная Пушкину эпиграмма «Надпись на мой портретъ», которая съ тѣхъ поръ перепечатывается во всѣхъ изданіяхъ произведеній поэта. Сообщившій ее Я. К. Гротъ говоритъ (I. с.), что это «четверостишіе Пушкина въ «Лицейской антологіи» переписано рукою Матюшкина (Ф. Ф., адмирала, товарища Пушкина, † въ 1872 году). Между тѣмъ, Л. Н. Майковъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ этой эпиграммѣ («Сочиненія Пушкина», изд. 2-е, императорской академіи наукъ, примѣчанія, 342), очевидно, по ошибкѣ говоритъ, что бывшій въ рукахъ Я. К. Грота подлинникъ—«автографъ» поэта. Исправляя эту ошибку покойнаго редактора академическаго изданія, я влѣсть съ

тѣмъ склоненъ считать эпиграмму не принадлежащей Пушкину. На такой выводъ наводятъ слѣдующія соображенія. «Мой портретъ», конечно, не портретъ Пушкина, еще не появившійся въ 1816 году, къ которому относится эпиграмма. Конечно, въ поэзи «я» не всегда означаетъ самого пишущаго: «я жрецъ Изиды свѣтлокудрой», пишетъ поэтъ нашихъ дней, и изъ этого нельзя заключить, что онъ считаетъ себя египетскимъ герофантомъ временъ фараоновъ. Но если вспомнить глубокую субъективность Пушкина, если обратить вниманіе на то, что всѣ его эпиграммы, въ которыхъ онъ говоритъ о себѣ самомъ и о другихъ, тѣсно связаны съ его личной жизнью и современной ему литературной исторіей, то предположеніе, что пушкинское «я» отнесено Пушкинымъ къ кому нибудь другому (а къ себѣ самому онъ, какъ сказано, отнести его не могъ, такъ какъ въ 1816 году никакого портрета И. П. Глазуновъ не издавалъ), покажется намъ нѣкоторой натяжкой, и у насъ невольно возникаетъ легче объяснимое, имѣющее полное вѣроятіе предположеніе, что авторъ этого четверостишія—вовсе не Пушкинъ. Къ тому же Я. К. Гротъ могъ быть введенъ въ заблужденіе Ѳ. Ѳ. Матюшкинымъ, который, передавая ему написанную много лѣтъ назадъ «Лицейскую антологию», могъ забыть, кто написалъ эпиграмму; впрочемъ, Гротъ не ссылается ни на какое показаніе Матюшкина, и ошибку нужно оставить на совѣсти самого Грота. Итакъ, мы не имѣемъ ни автографа Пушкина, ни достовѣрнаго показанія современника, которое приписывало бы Пушкину эпиграмму, ни сколько нибудь достаточнаго подтвержденія въ биографіи Пушкина, что эпиграмма сорвалась съ его пера или языка. Чтобы не засорять изданій твореній Пушкина такими стихами, въ принадлежности которыхъ Пушкину приходится сомнѣваться (да и поэтическое достоинство этой эпиграммы не очень высоко), «Надпись на мой портретъ» не слѣдуетъ печатать въ будущихъ изданіяхъ Пушкина.

Въ разсмотрѣнномъ случаѣ до насъ не дошелъ автографъ самого Пушкина. Но даже если бы таковой и былъ, онъ не могъ бы явиться доказательствомъ его авторства. Вообще, издателямъ и комментаторамъ Пушкина слѣдовало бы задать себѣ, правда, нелегкій для разрѣшенія, но неизбѣжный вопросъ: всегда ли автографъ служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что писавшій дошедшій до насъ автографъ и авторъ—одно лицо? Въ черновыхъ бумагахъ Пушкина, хранящихся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, мы находимъ французскіе стихи (тетрадь 2364, л. 41, об.; см. «Русская Старина», 1884 г., мартъ, 648):

Je t'aime tant,
Je t'aime tant,
Je ne puis assez te le dire,
Je le répète cependant
A chaque instant que je respire.

Пушкинъ ли авторъ этихъ стиховъ? Трудно признать ихъ принадлежащими ему, хотя они записаны несомнѣнно имъ. Отъ нихъ пахнетъ чувствами конфетнаго билетика; можетъ быть, Пушкинъ записалъ, балуясь перомъ, эти стихи, слышанные имъ въ комической оперѣ или заимствованные изъ какого нибудь водевиля или моднаго романа.

Н. Лернеръ

II.

Къ статьѣ «Могила Карагеоргіевича».

Г. Хребтовъ въ статьѣ своей «Могила Карагеоргіевича» («Историческій Вѣстникъ», май) спуталъ двѣ существующія нынѣ линіи фамиліи Карагеоргіевичей.

Онъ считаетъ князя Арсенія, сражающагося въ рядахъ нашей арміи на Дальнемъ Востокѣ, роднымъ братомъ Божидача, внукомъ Алексѣя, забытую могилу котораго онъ описываетъ.

Между тѣмъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1903 г., въ книгѣ VII, въ статьѣ Серба «Карагеоргіевичи и Обреновичи» помѣщены достовѣрныя генеалогическія данныя обоихъ родовъ.

Припомнимъ ихъ для будущихъ изслѣдователей.

У «верховнаго вождя Сербій» Георгія Чернаго, убитаго въ 1817 году, кромѣ 4 дочерей, было два сына: Алексѣй и Александръ, родившіяся въ 1806 году, † 3-го мая 1885 года.

Алексѣй умеръ въ Кишиневѣ въ 1830 году, оставивъ только одного сына Георгія (р. 1827, † 1884), женатаго на Саррѣ Анастасіевичѣ. У нихъ было два сына: Алексѣй, родившіяся въ 1859 г., живущій нынѣ въ Вѣнѣ, и Божидаръ, родившіяся въ 1861 г., проживающій въ Парижѣ и занимающійся музыкою и живописью. Это — старшая линія, не бывшая никогда на престолѣ Сербіи, по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Съ 1817 года по 1842 годъ княжествомъ Сербскимъ управляли Обреновичи, сперва Милошъ и потомъ его сыновья, Миланъ и Михайлъ. Въ 1842 году послѣдній былъ удаленъ изъ Сербіи. Рѣшено было призвать Карагеоргіевичей.

Въ то время ихъ было двое: Георгій, которому было 15 лѣтъ отъ роду, и дядя его, Александръ, 36 лѣтъ отъ роду.

Такъ какъ верховный вождь Георгій никогда въ княжескомъ достоинствѣ никѣмъ утвержденъ не былъ, то сербскому народу, при выборѣ между двумя кандидатами, не было надобности придерживаться принципа первородства. Выборъ его былъ вполне свободный и законный. Для того, чтобы избѣжать регентства и сопряженныхъ съ нимъ неудобствъ и раздоровъ, сербы провозгласили Александра, втораго сына Георгія Чернаго, княземъ, помимо старшаго въ родѣ; онъ правилъ въ Сербіи по 1858 годъ, признанный Портою и всѣми державами въ этомъ званіи.

Отъ брака съ Персидою Ненадовичъ у него было 4 дочери и 6 сыновей:

Алексѣй, род. 1836 г., † 1841 г.

Свѣтозаръ, род. 1842 г., † 1847 г.

Петръ, род. 1844 г., вынѣшній король сербскій.

Андрей, род. 1848 г., † 1864 г.

Георгій, род. 1857 г., † 1888 г., поручикъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка.

Арсеній, род. 1859 г., сражающійся на Дальнемъ Востокѣ, въ одномъ изъ казацкихъ полковъ.

Изъ дочерей три уже умерли.

Въ статьѣ Серба, между прочимъ, говорится, что потомки старшаго сына Кара-Георгія утверждаютъ, что они имѣютъ болѣе правъ на сербскій престолъ, чѣмъ представители младшей линіи.

Утвержденіе это, однако, совершенно неосновательно. Впрочемъ, если Алексѣй и Божидаръ и заявляютъ какія либо претензіи, то только частнымъ образомъ. Торжественныхъ протестовъ и заявленій о своихъ правахъ они не дѣлали. Если бы таковыя появились, то были бы «оставлены безъ послѣдствій».

К. Г—овъ.

III.

Къ курьезамъ крѣпостного времени.

Въ № 4 «Историческаго Вѣстника» (апрѣль, 1905 г.) напечатана статья П. Н. Мочульскаго «Курьезы крѣпостного времени». Тамъ есть разсказъ «Ночной мировой посредникъ», въ которомъ, подъ буквой «К.», выведенъ мой двоюродный дядя, дѣйствительно имѣвшій привычку спать днемъ, бодрствовать ночью и бывшій мировымъ посредникомъ перваго призыва.

Совершенно вѣрно, что исключительный образъ жизни К., сталкиваясь съ общепринятыми обычаями и его служебнымъ положеніемъ, порождалъ множество болѣе или менѣе забавныхъ случаевъ, тѣмъ болѣе, что К. былъ оригиналенъ не только въ томъ, что могъ быть названъ «ночнымъ мировымъ посредникомъ», но и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Но г. Мочульскій невѣрно освѣщаетъ мотивы странныхъ поступковъ К., приписывая ихъ страху передъ приближавшимся освобожденіемъ крестьянъ, и я считаю долгомъ вступить за К., который самъ давно уже въ могилѣ.

Начну съ того, что у насъ, въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, насколько мнѣ извѣстно, никто не боялся безпорядковъ послѣ освобожденія крестьянъ до такой степени, чтобы строить дома-крѣпости; что же касается до К., то я сильно сомнѣваюсь, чтобы ему было знакомо чувство страха передъ кѣмъ нибудь или передъ чѣмъ нибудь. К. былъ человекъ очень умный, вполне просвѣщенный, безукоризненно честный и высоко гуманный, котораго его служащіе, и при крѣпостномъ правѣ, и послѣ реформы, немилосердно обкрадывали и обманывали, такъ что ему рѣшительно не было основанія бояться мщенія.

Строить свой домъ, насколько я помню, онъ началъ послѣ освобожденія крестьянъ, когда уже вполне стало ясно, что бунта нечего опасаться. Домъ былъ построенъ по плану дѣйствительно оригинальному, съ башней, но на крѣпость былъ вовсе не похожъ. Со двора въ сѣни, изъ сѣней въ переднюю, изъ передней въ залъ, а изъ зала въ гостиную вели двери; изъ кабинета (онъ же и гостиная) въ спальню, помѣщавшуюся во второмъ этажѣ, вела внутренняя, вовсе не веревочная, а деревянная лѣстница со ступеньками, какія обыкновенно бывають во всѣхъ помѣщичьихъ домахъ. Въ комнату третьяго этажа можно было попасть только съ крыши кабинета, но самъ К. никогда

не пользовался этой комнатою, какъ жилымъ помѣщеніемъ, и хранилось ли что нибудь въ той комнатѣ, я не знаю, такъ какъ я никогда въ ней не былъ.

Окна въ домѣ, особенно въ комнатахъ нижняго этажа, были высокія и широкія, а залъ, который предназначался для картинной галлерей, былъ даже въ два свѣта, такъ что никакого сходства съ амбразурами или крѣпостными бойницами не могло быть.

Домъ былъ выстроенъ по герардовской системѣ, которая вовсе не соответствовала прочности крѣпостныхъ стѣнъ. Эта система состояла въ томъ, что, вмѣсто сплошной стѣны въ аршинъ толщины, возводились на очень небольшомъ разстояніи другъ отъ друга двѣ тонкія параллельныя стѣны, промежутокъ между которыми засыпался золой. Изобрѣтатель этой системы предполагалъ между кирпичной кладкой дѣлать изъ кирпича же поперечныя скрѣпы, но наши мѣстные строители ихъ упразднили. Такія постройки скоро ветшали, и домъ К. въ настоящее время сломанъ до основанія наслѣдниками К., не просуществовавъ, кажется, и тридцати лѣтъ.

Я вовсе не думаю обвинять г. Мочульскаго въ намѣренномъ искаженіи фактовъ. Г. Мочульскій, конечно, добросовѣстно передалъ то, что ему рассказали другіе. Но могло случиться, что онъ слышалъ о К. отъ лицъ, жившихъ въ сѣверной части нашего уѣзда, гдѣ нибудь на границѣ съ Мценскимъ уѣздомъ Орловской же губерніи или съ Новосильскимъ уѣздомъ Тульской губерніи, тогда какъ К. жилъ на противоположномъ концѣ уѣзда по сосѣдству съ Щигровскимъ уѣздомъ Курской губерніи. Александръ Потуловъ.

IV.

Отъ Редакціи.

Въ концѣ марта въ редакцію «Историческаго Вѣстника» былъ присланъ некрологъ находившагося въ то время за границей для излѣченія болѣзни астраханскаго губернатора Б. Л. Гронбчевскаго, съ указаніемъ, что некрологъ заимствованъ изъ № 181 «Астраханскаго Вѣстника». Такъ какъ въ некрологѣ заключались лишь фактическія данныя о службѣ генерала Гронбчевскаго, то онъ и былъ напечатанъ въ апрѣльской книжкѣ. Оказывается, что генералъ Гронбчевскій живъ, и некролога его не было въ «Астраханскомъ Вѣстникѣ». Для редакціи «Историческаго Вѣстника» остается непонятнымъ, кому и съ какой цѣлью повнадобилось сообщить это ложное извѣстіе, и потому она извиняется и передъ генераломъ Гронбчевскимъ и передъ «Астраханскимъ Вѣстникомъ» въ невольной ошибкѣ, въ которую она была вовлечена.

видѣніе изъ другого міра. Гдѣ я узналъ бы такую женщину, какъ вы? Наши султанши — красивыя и покорныя, сладострастныя и неподвижныя рабыни, предметы удовольствія и отброса, которыми глаза гнушаются, когда чувственность удовлетворена... Но вы—восхитительная европейка, вы—сама грація, умъ, красота, веселость, разумъ, подобіе небесныхъ гурій. Ваши взгляды сражаютъ и покоряютъ сердца, какъ стрѣлы молніи, разбивающія самыя старыя дубы въ лѣсахъ Ала-Гезы, и если вы уѣдете, моя жизнь будетъ пуста и нелѣпа, какъ поле, опустошенное симуномъ. Вы—солнце, которое грѣетъ мои окоченѣвшіе члены; если васъ болѣе не будетъ здѣсь, я почувствую себя охваченнымъ сырымъ холодомъ Грузіи, отъ котораго сабли въ ножахъ покрываются ржавчиной, и ослабляется тетива лука; но въ вашемъ присутствіи я пропитываюсь нѣжнымъ и благотворнымъ тепломъ странъ Иракъ Аджеми, гдѣ достаточно положить цвѣтокъ на горлышко кувшина, чтобы предохранить вино отъ соприкосновенія съ воздухомъ.

— Мой знатный другъ,—отвѣтила Марі:—я очень тронута вашимъ расположеніемъ, и, повѣрьте, оно мнѣ дѣлаетъ честь. Но можно ли говорить о сердечныхъ дѣлахъ на другой день смерти любимаго существа, которое было моею жизнью? Могу ли я вамъ дать большее доказательство моей дружбы, какъ оставаясь слушать васъ, когда должна бы разсердиться и уйти?

— Это, моя красавица, приемы и чувства, неизвѣстныя намъ въ Персіи, и въ которыхъ я ни капли не понимаю, но они дѣлаютъ васъ еще болѣе загадочной, непроницаемой и еще болѣе желанной.

— Это—удобный случай доказать мнѣ свою любовь. Вы знаете, какъ важно для меня и для выгоды моего короля, чтобы Великій Софн принялъ изъ рукъ моего сына подарки и письма, которые мы веземъ. Эта блестящая честь вызываетъ зависть не у одного соперника: французскій посланникъ въ Константинополь употребилъ самую безчестную уловку, чтобы насъ задержать, и не оставилъ предъ преступленіемъ; съ другой стороны, партія іезуитовъ порождаетъ всевозможныя затрудненія и соперничества. Если вы меня любите, вы мнѣ легко это докажете; вручите тотчасъ же моему сыну его паспортъ и остерегитесь освободить того, котораго Мишель, проклятый агентъ Феріоля, и отецъ Монье безпрестанно просятъ васъ освободить.

Ханъ съ неудовольствіемъ улыбнулся.

— Но, позвольте, это будетъ дурная услуга дѣлу моей любви, если я дамъ вамъ средства какъ можно быстрѣе удалиться отъ меня.

— Жертвовать—одно изъ наслажденій любви,—отвѣтила Марі.

— Не на востокъ, моя божественная.

Марі, вся вздрогнувъ, встала.

«истор. вѣстн.», июнь, 1905 г., т. с.

— Такъ вы мнѣ отказываете? Хорошо. Вашъ господинъ узнаетъ, какъ вы дорожите посланникомъ, отправленнымъ могущественнымъ и дружественнымъ королемъ.

Ханъ побоялся далеко зайти. Онъ хотѣлъ удержать Маріи и велѣлъ драгоману передать ей тысячи увѣреній въ преданности, объяснить, что его безуміе было дочерью любви, что онъ желаетъ быть ей во всемъ пріятнымъ, и что онъ охотно всадитъ кинжалъ въ свое сердце, чтобы избавить его отъ печали; но требованіе Маріи дать ей средства, какъ можно скорѣе уѣхать, было для него пыткой.

Маріи прикинулась высокоумной, ничего не хотѣла слышать и вышла отъ него на глазахъ рабовъ, испуганныхъ досадою и гнѣвомъ своего господина. Она опять присоединилась къ своему отряду тѣлохранителей и достигла дома, гдѣ ее помѣстилъ ханъ.

Тамъ она застала Флориву, лежавшую на софѣ въ тѣни.

— Ну, когда же мы отправимся?—спросила она.—Старый ханъ далъ тебѣ паспортъ?

— Нѣтъ еще,—отвѣчала Маріи:—но я думаю, что крѣпко держу его въ рукахъ. Я прикинулась жестокой; онъ долженъ теперь отчаиваться, что разсердился; онъ придетъ съ извиненіями. Мужчины—дѣти предъ женщинами: достаточно намъ уйти, чтобы они побѣжали по нашимъ слѣдамъ.

— Да,—сказала Флориза:—у меня въ Парижѣ висѣла въ спальнѣ картина, изображавшая то, что ты говоришь: убѣгающую Галатею и гнавшагося за нею пастуха съ яблокомъ.

Это неожиданное напоминаніе о Парижѣ опечалило Маріи. Теперь ничто ея туда не вызывало; она могла провести остатки своихъ дней здѣсь съ мусульманами, окружавшими ее почетомъ и любовью. Остальной міръ былъ для нея пустъ; она могла посвятить все свое время, всѣ заботы, всѣ свои средства персидской миссіи. Затрудненія, которыя ей предстояло поборотъ и предусмотрѣть, безчисленныя занятія по приготовленію къ ближнему отъѣзду, охраненію драгоцѣнной кладѣ, устройству путешествія — всѣ эти заботы живо ослабили первую печаль, вызванную смертью ея друга. Ея энергичная, дѣятельная природа тотчасъ же взяла верхъ, а страсть побѣждать препятствія ослабила горечь ея сожалѣній. Разсѣяніе—сильное лѣкарство противъ печали, и горе поддается развлеченію, какое бы оно ни было.

Между тѣмъ дни проходили, и ханъ, слишкомъ влюбленный въ Маріи, не рѣшался выдать ей паспортъ.

Желая польстить народу, Маріи усвоила нравы и одежду мусульманъ. Она надѣвала широкія шаровары, юбку или оиму, короткую шелковую рубашку, шаль, скрѣпленную подъ подбородкомъ и обрамляющую ея лицо, синій плащъ и тонкіе золоченые башмаки. Волосы она стала носить распущенными до пятъ, вплетая въ косы шелковыя нити, скрѣпленные на концахъ узломъ изъ

драгоценныхъ камней; ея шею украшало золотое ожерелье съ привѣшенными на немъ гроздьями колець съ драгоценными камнями; на лбу она нарисовала себѣ синій ромбъ. На ея вискахъ красовалась вышитая повязка, а на рукахъ блестѣли золотыя запястья; ящичекъ съ тонкими благовоніями, привѣшенный на ожерельѣ, спускался на ея грудь.

Марі повела восточную жизнь, и даже всѣ думали, что она перемѣнила религію. Большинство ея свиты составляли персы, исключая нѣсколькихъ армянъ, которые, находясь по своей національности подъ покровительствомъ Франціи, считали, что лучше быть на службѣ у французской дамы.

Особенно двое изъ ея слугъ выказывали необычайное рвеніе: одинъ изъ нихъ назывался Кадуль, а другой Корнулу. Подъ бронзовыми чертами лица, окаймленного красивой черной бородой, никто не узналъ бы Сюфера, вѣчнаго помощника Мишеля, прочно основавшагося въ домѣ, чтобы тайно наблюдать за Марі и доносить обо всемъ Мишелю, который остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда, въ мѣстечкѣ, называемомъ «Три армянскія церкви». Онъ ежевечерне отправлялъ послѣдному извѣстія съ тайными гонцами, которые отыскивали его посланія въ стѣнной впадинѣ условнаго мѣста.

Мишель сильно досадовалъ на оборотъ, который приняло дѣло. Онъ зналъ о страсти Эриванскаго хана къ Марі и о томъ, насколько было бы бесполезно представляться ему, чтобы просить паспорта, пока эта женщина будетъ тамъ. Она находилась подъ слишкомъ высокимъ покровительствомъ, чтобы возможно было мечтать отъ нея отдѣлаться, и онъ не могъ положиться на силу своихъ вѣрительныхъ грамотъ къ хану, который былъ предупрежденъ въ пользу маленькаго Фабра.

Ему казалось, что единственнымъ вѣроятнымъ средствомъ было довести Марі до опозоренія себя настолько, чтобы ханъ не могъ болѣе продолжать своего покровительства, не оскорбляя Великаго Софи, своего главы.

Съ помощью тайныхъ соучастниковъ онъ распространялъ на всѣхъ перекресткахъ, площадяхъ и у брадобреевъ самыя неприличные слухи о французенкѣ и ея окружающихъ, ради возбужденія чувства неприязни въ народѣ. Рассказывали, что много разъ ее видѣли выходящей ночью изъ дома насхера, сынъ котораго былъ будто бы ея любовникомъ, и настоящая ея обязанность заключалась въ мытьѣ бѣлья и починкѣ вещей господина Фабра, при которомъ она находилась лишь, какъ служанка, что плохо уполномочивало ее требовать по наслѣдству это посольство, и что ея подруга, Флориза, была падшей женщиной, кутившей съ дворцовыми офицерами. Впечатлѣніе, произведенное этими слухами, недолго заставило себя ожидать. Въ монастыряхъ и окрестныхъ мис-

сіяхъ ее отлучили отъ церкви. Однажды, когда она переходила Эриванскую площадь, одинъ армянинъ-католикъ плюнулъ ей на платье, выражая отвращеніе: за это она приказала подвергнуть его палочнымъ ударамъ по ступнямъ; онъ долго хворалъ, и этотъ случай раздражилъ его соотечественниковъ.

Необходимо было нанести рѣшительный ударъ, и Сюферъ взялся за это. Онъ воспользовался услугами своего товарища по службѣ, слишкомъ наивнаго Корнулу, сдѣлавшагося безсознательной жертвой заговора.

Этотъ Корнулу, принадлежавшій къ слугамъ, предоставленнымъ въ распоряженіе Маріи Пёті, былъ толстый, розовый армянинъ-католикъ, набожно воспитанный іезуитами въ религіи и въ презрѣніи къ беззаконіямъ. Въ дѣтствѣ онъ ускользнулъ отъ избіенія, обagrившаго кровью его деревню, и выросъ въ страхѣ Бога и мусульманъ. Сначала онъ былъ пѣвчимъ въ церковномъ хорѣ, потомъ церковнымъ слугою, въ Эривань же его занесло теченіемъ перипетій бродячей жизни въ качествѣ носильщика, садовника и слуги. Онъ обладалъ слишкомъ ограниченнымъ умомъ, чтобы когда нибудь возвыситься надъ своимъ крайне низкимъ положеніемъ человѣка, обреченнаго на рабство. У него была одна изъ тѣхъ бездѣятельныхъ, обреченныхъ на слѣпое повиновеніе и подчиненіе всѣмъ вліяніямъ натуръ, которыя обращаются въ орудіе сильныхъ волей, умѣющихъ ихъ убѣждать. Сюферъ легко угадалъ въ немъ послушное орудіе для исполненія его плановъ и сумѣлъ наигрывать на его слабыхъ струнахъ вѣры и дремавшаго фанатизма, хорошо зная, что самый мягкій человѣкъ дѣлается самымъ отважнымъ, если удастся его раздражить и превратить въ бѣшеннаго агнца.

Онъ возбуждалъ его ежедневно противъ хозяйки, о которой онъ рассказывалъ ему тысячи ужасныхъ клеветъ, и внушилъ ему такое къ ней отвращеніе, что этотъ честный человѣкъ готовъ былъ покинуть службу у такой ужасной женщины. Но это не входило въ расчеты ложнаго Кадула. Они уговорились покинуть этотъ пагубный домъ вмѣстѣ, сдѣлавъ огласку, чтобы заявить отъ имени оскорбленной религіи негодованіе противъ этой великой преступницы, которая даетъ странѣ лишь безнравственные примѣры и отвратительные уроки. Корнулу было легко уговорить, и онъ сталъ служить неисправно и небрежно, а на замѣчаніе своей хозяйки отвѣчалъ наглостью, удивившей ее, привычную видѣть его всегда исправнымъ и покорнымъ.

На другой день въ часъ завтрака гости по обыкновенію заняли свои мѣста за ея столомъ. Рабы разостлали на коврѣ полотнище красивой шелковой матеріи въ нѣсколько аршинъ длины. Затѣмъ они поднесли всѣмъ гостямъ воду въ кувшинѣ изъ чекавной мѣди. Вмѣсто хлѣба и тарелокъ, они поставили предъ каждымъ гостемъ

широкіе и тонкіе пироги, вареный рисъ, подали напитокъ изъ лимоннаго и чесночнаго сока, сыръ съ укропомъ, сохранявшійся въ козьей кожѣ, и выжимки изъ розъ. Стольники подавали кушанья на большихъ серебряныхъ и полированной стали блюдахъ.

Принесли гермекъ, и такъ какъ Мари отказалась отъ него, то сынъ насхера, который былъ также приглашенъ, позволилъ себѣ возразить:

— Хвала Богу! Милосердный Богъ! Ваша свѣжая, какъ фіалка, красота презираетъ то, что есть самаго лучшаго. Можетъ быть, вы не знаете, что это такое. Не опасаетесь ли вы, что это пусть, одурманивающая голову и который даютъ приговореннымъ предъ казнью, чтобы они были менѣе чувствительны? Нѣтъ, совершенство нашей души, роза нашихъ садовъ, возьмите, это дыня-гермекъ, самое здоровое кушанье. Однажды два врача проѣзжали чрезъ одну деревню и увидѣли, какъ жители ѣли гермекъ. Одинъ изъ врачей сказалъ другому: «Братъ, уѣдемъ отсюда, намъ здѣсь нечего дѣлать; у этихъ людей имѣется средство противъ всѣхъ болѣзней: у нихъ есть гермекъ».

Корнулу, прислуживавшій у стола, услышавъ эту рѣчь, принялся нахально смѣяться и выронилъ изъ рукъ груды серебряныхъ блюдъ, которыя съ грохотомъ повалились. Мари вспылила:

— Можно подумать, что онъ нарочно это сдѣлалъ. Въ эти два дня онъ просто невыносимъ. Я тебя выгоню, болванъ!

Корнулу подготовилъ случай, воспользовавшись которымъ, хотѣлъ уйти съ мѣста. Узнавъ, что его выгнали, и онъ свободенъ, Корнулу выпрямился во весь ростъ, сложилъ на груди руки и, съ презрѣніемъ взглянувъ на Мари Пѣти, произнесъ:

— Потаскушка!

Не успѣлъ онъ окончить слово, какъ Марі, схвативъ апельсинъ, изо всей силы бросила въ него; она разможила щеку безразсуднаго, который тотчасъ же наклонился, взявъ ножъ и бросился на свою госпожу. Но Жакъ, Альвейръ, Робанъ и всѣ персидскіе слуги, окруживъ, схватили его и связали. Вдругъ поднялись крики: это была дюжина армянъ и французовъ, во главѣ съ Сюферомъ, которые вошли въ залъ, чтобы освободить Корнулу. Женщины съ криками бросились бѣжать. Сумятица становилась все безпорядочнѣе; лилась кровь, вопли перемѣшивались съ проклятіями, летали всякаго рода снаряды. Въ мигъ появился рысью эскадронъ дворцовой стражи: предупрежденный ханъ послалъ его для покровительства Марі. При видѣ охраны бунтовщикамъ удалось ускользнуть; успѣли удержать пятерыхъ или шестерыхъ, изъ которыхъ много было раненыхъ, и въ числѣ ихъ находились Сюферъ и Корнулу. Ихъ отправили подъ сильной стражей въ тюрьму, въ главную баню Абаса.

Мишель не безъ тайной радости узналъ послѣдствія своего заговора. Онъ распустилъ слухъ въ окрестностяхъ, что раавратница велѣла заковать шестерыхъ французовъ. Мятежъ поддерживался; благодаря подстрекательству агентовъ Мишеля, пятьдесятъ вооруженныхъ мятежниковъ направились къ тюрьмѣ.

Быль полуденный часъ. Тюремный привратникъ стоялъ предъ своимъ помѣщеніемъ, когда услышалъ надвигавшійся шумъ. Онъ хотѣлъ запереть на засовъ дверь, но не имѣлъ времени. Подъ своды ворвалась волна людей съ дикими криками, ударяя прикладами ружей по стѣнамъ и плитамъ. Это была настоящая озлобленная орда и среди шумнаго вихря смѣшивались вылинявшіе цвѣта грязныхъ турбановъ и отвратительныхъ одеждъ. Услышавъ эту суматоху, Сюферъ и Корнулу принялись вопить въ своихъ казематахъ, чтобы указать друзьямъ, въ какую сторону направляться. Между тѣмъ вышелъ отрядъ стражниковъ и принялся ударами сабель отгонять осаждающихъ, но солдатъ было недостаточное количество; они были окружены и оттѣснены, а потому не могли удержать осаждающихъ, которые ломились въ двери многихъ казематовъ. Освобожденные узники присоединялись къ остальнымъ мятежникамъ; вмѣсто знамени они прикрѣпили къ длинному шести фуляръ, и освобожденные узники торжественно отправились по направленію къ дому французскаго ордена, предъ которымъ протащили бомбарду, желая въ знакъ своей радости дать изъ нея залпъ.

Вся эта суматоха не обошлась безъ того, чтобы взволновать мѣстное войско. До дворца достигъ слухъ, что французы вырвали изъ королевской тюрьмы шестерыхъ изъ своихъ соотечественниковъ. Подобное преступленіе требовало немедленнаго возмездія. Къ дому французскаго ордена было тотчасъ же отправлено два батальона, чтобы схватить бѣглецовъ. Въ городѣ поднялась неопишуемая сумятица. Завязалось настоящее сраженіе, начавшееся съ правильной осады. Французы взобрались на плоскую крышу своего жилища, посылая навѣсные выстрѣлы въ осаждающихъ, которые вышибали тонкую дверь. Солдаты, цѣпляясь за окна, вскарабкивались вдоль бѣлыхъ стѣнъ; пули свистѣли вокругъ маленькой кучки людей, руководившей осадой крыши. Въ это мгновеніе на другомъ концѣ площади раздался барабанный бой, и позади бѣлаго знамени всѣ увидѣли приближавшагося наиба, или французскаго милостынераздавателя. Предъ этой почтенной личностью смолкнулъ огонь. Во время этого перемирія солдаты хана окружили зданіе и вошли въ него. Они живо связали наиболѣе упорныхъ, которыхъ преслѣдовали по коридорамъ и узкимъ лѣстницамъ. Солдаты окружили цѣпью всю ограду, чтобы воспрепятствовать ихъ попыткѣ къ бѣгству. Всѣ осажденные были захвачены, какъ въ ловушку, и ихъ жалкая толпа съ ядрами на ногахъ плачевно слѣдовала по улицамъ къ тюрьмѣ, гдѣ ихъ заключили, заковавъ въ цѣпи.

Во время этих шумных перипетий на полѣ битвы осталось два перса, кромѣ большого количества армянъ и французовъ. Ханъ тотчасъ же потребовалъ удовлетворенія за эти двѣ смерти, и, подстрекаемый Марі Пёті, онъ выбралъ искупительной жертвой среди узниковъ Сюфера и его несчастнаго сообщника Корнулу.

Ихъ повели со связанными позади спины руками, съ голыми ногами и въ рубашкахъ предъ громаднымъ стеченіемъ любопытныхъ. Помощникъ палача поставилъ ихъ на колѣни, а самъ палачъ, взмахнувъ въ воздухъ сверкавшимъ лезвіемъ, отрубилъ имъ головы съ искусствомъ, которое достигло совершенства въ этой странѣ.

Обѣ головы были воткнуты на острія длинныхъ бамбуковыхъ палокъ, которыя рабъ вбилъ въ землю по дорогѣ къ дому французскаго ордена.

Вечеромъ прилетѣли вороны и выклевали глаза Сюферу, тѣни Мишеля.

XIV.

По ту сторону вершинъ Эльбурса и Камша, у подножія страшной громады Демавендской остроконечности, проѣхавъ гавань Косъ-Шанье на рѣкѣ Кызыль-Узенъ, прятались развалины, всѣ утонувъ въ зелени. Послѣ длиннаго пути по долинамъ, оживленной нѣжно-зелеными кустарниками, по которымъ скатывались капли росы, на поворотѣ вѣтвистой рощи вдругъ открывается величественное зрѣлище стараго храма, появившагося внезапно, какъ видѣніе или декорачія. Это—древній храмъ отдаленныхъ мифологическихъ временъ какой-то ассирійской богини, которая открывала источники и покровительствовала имъ.

Со времени мидянъ эти великолѣпныя развалины потонули въ роскошной зелени, которая совершенно овладѣла ими; эхо, когда-то пробуждаемое звуками длинныхъ, загнутыхъ трубъ, теперь нарушалось заунывнымъ крикомъ орлановъ и воронъ, а запыленные камни, какъ мертвыя кости, спали въ глубокомъ молчаніи этого одиночества. Прежній городъ исчезъ, поглощенный нѣдрами земли, куда онъ погрузился, какъ корабль, давшій течь. На его мѣстѣ возникли другіе города и въ свою очередь исчезли, увлекая за собою вновь появившіеся города въ глубину нѣдръ, неизвѣстно по какому-то закону притяженія, который, повидимому, неизбѣжно возвращаетъ все къ центру земного шара. Все возвращается къ началу, и это стремленіе въ землю исчезнувшихъ городовъ, которые какъ будто толкаютъ другъ друга, заставляетъ думать о похоронныхъ склепахъ, гдѣ гробы осѣдаютъ одинъ на другой, давая первымъ погребенныхъ и погружаясь въ нихъ.

Въ этотъ день одинъ отрядъ сдѣлалъ привалъ среди развалинъ. Это была охрана Мишеля, сообщника Ферриоля. Со дня смерти

Сюфера, Мишель былъ смущенъ и нерѣшителенъ. Событія складывались дурно. Половину программы, которую опредѣлили Ферриоль, ему удалось исполнить успѣшно, потому что Жанъ Фабръ умеръ; но до сихъ поръ онъ работалъ только для другого; онъ посѣялъ дурное сѣмя, и осталось самое существенное: кто соберетъ въ свою очередь плоды? Совершеннымъ преступленіемъ онъ избавилъ своего начальника отъ соперника и непріятеля; что касается его самого, то онъ отъ этого не получитъ ни болѣе чести, ни болѣе радости. Жанъ Фабръ ему былъ безразличенъ: смертоубійство въ Казаръ-Абадѣ было необходимо, чтобы подготовить будущее; онъ убилъ по расчету, безъ ненависти, изъ надежды блестящихъ выгодъ, которыя, ему казалось, не достаточно скоро придутъ. Наслѣдіе Фабра не такъ-то легко получить, какъ бы онъ желалъ. Онъ потерялъ много времени, прежде чѣмъ добился отъ эриванскаго хана необходимаго для него паспорта. Ханъ все отказывалъ по просьбѣ Марі, желанія которой были для него приказаніями. Положеніе Мишеля при ханскомъ дворѣ было нсважно, и онъ ничего не могъ сдѣлать или добиться, тогда какъ его соперница находилась въ господствующемъ положеніи. Теперь вооруженный до зубовъ, въ сапогахъ со шпорами, усталый и съ очень скуднымъ отрядомъ, онъ сидѣлъ на подножии памятника, предъ своей скромной палаткой, среди развалинъ, которыя наполнялись грубымъ шумомъ лошадей, верблюдовъ и людей. Одинокое сиди въ своемъ уединеніи и раздумывая, онъ вспоминалъ въ своемъ умѣ о приключеніяхъ во время путешествія и составлялъ дурной балансъ своего положенія.

— «Въ хорошее же положеніе попалъ ты, мой бѣдный Мишель!— говорилъ онъ себѣ.—Какъ-то ты выйдешь изъ этихъ дѣлъ? Какъ неуловимъ и скоротеченъ капризъ событій! Какъ обрадовался я, когда увидѣлъ стараго хана влюбленнымъ въ эту женщину, такъ какъ мнѣ казалось, что эта любовь была обезпеченіемъ моего спокойствія. Ханъ, думалъ я, не долженъ вручить паспорта и благопріятствовать отъѣзду женщины, которую обожаетъ. Но посмотрите, насколько женщины вѣроломны. Хотя Марі обманываетъ своего обожателя съ сыномъ насхера и съ многими другими, она, однако, добивается отъ него всего, чего захочетъ, и такъ его обольстила, что добилась разрѣшенія на отъѣздъ. Я тотчасъ же воспользовался этимъ и сообщилъ старому хану, что плутовка играть имъ, измѣняетъ его любви, взявъ новымъ любовникомъ племянника предшествующаго любовника, и что она женщина, столь же недостойная довѣрія, какъ и способная на всѣ низости. Марі перешла въ исламъ, чтобы облегчить свой путь къ цѣли и внушить къ себѣ довѣріе. Я обнаружилъ постыдное плутовство этой комедіантки и сумѣлъ произвести достаточный переворотъ въ умѣ хана, чтобы, не будучи болѣе подъ вліяніемъ прекрасныхъ глазъ,

негодяйки, онъ сталъ ее подозрѣвать и ненавидѣть. Онъ мнѣ вручилъ мой паспортъ и пожелалъ успѣха, увѣряя, что онъ приметъ участіе въ моемъ успѣхѣ, благодаря своей любовной досадѣ. Ахъ, правда, говорятъ, что влюбленные тѣмъ болѣе безумны, чѣмъ они старше. Этотъ старикъ обѣщалъ мнѣ помощь и опору у всѣхъ губернаторовъ, области которыхъ будутъ находиться на моемъ пути. Онъ долженъ воспользоваться возвращеніемъ гонца къ Великому Софи, чтобы распространить обо мнѣ благоприятные отзывы на пути, гдѣ я буду слѣдовать; но, какъ только я уѣхалъ, мои добрые совѣты были забыты: старикъ вернулся къ своей любви, и гонецъ Великаго Софи, предшествовавшій мнѣ повсюду, ничего не сдѣлалъ. И все это, благодаря воспоминанію о той же Мари, которая даже на разстояніи, вполне измѣняя ему, одержала верхъ надо мною въ его ослабленномъ умѣ. Въ Тегеранѣ я не зналъ, гдѣ помѣститься, тогда какъ Маріи и ея смала (дворъ) занимали комнаты французскаго ордена. Но эта нанесенная мнѣ обида будетъ ей стоить дорого. Я убилъ любовника; я убью и любовницу. Ихъ отрядъ пройдетъ чрезъ это болото, чтобы достичь Кашана. Клянусь всѣми святыми, что имъ не удастся добраться до Кума»...

Такъ раздумывалъ Мишель, сидя на камнѣ; его сабля упала на землю и лежала поперекъ ружья; надъ нимъ летали ласточки и куропатки съ одной расщелины стѣны, покрытой зеленью, на другую. Въ развалинахъ стояли лагеремъ солдаты, — тѣ же самые, что стрѣляли въ Араратскомъ ущельѣ. Пасущіяся лошади сдвигали ногами камни, перебѣгая отъ кустарниковъ къ кустарникамъ, растущимъ у колоннъ и разрушившихся стѣнъ. Верблюды пережевывали пищу: одни — лежа, другіе — стоя, со сложенной надвое и связанной одной ногой. Красная сбруя, наборной работы ружейные приклады, мѣдные кобуры, одѣяла и бурнусы — все это представляло безпорядочную кучу, отливавшую разными красками на темномъ фонѣ влажныхъ плитъ. Солдаты развели огонь между большими булыжниками и котлами, висѣвшими подъ козлами изъ толстыхъ палокъ, соединенныхъ наверху. На четырехъ главныхъ углахъ Мишель поставилъ часовыхъ верхами, для предупрежденія при каждомъ приближеніи, и съ той стороны, гдѣ видъ не былъ закрытъ никакими возвышенностями, можно было замѣтить на горизонтѣ неподвижный силуэтъ одного изъ наѣздниковъ.

Наступилъ вечеръ. Слуга принесъ Мишелю его ужинъ: миску съ щипкомъ, въ которой кусочки мяса плавали въ рисовомъ соусѣ. Мишель къ нему не прикоснулся и ударомъ сапога опрокинулъ миску на траву. Послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья онъ всталъ и направился къ биваку. Тамъ, вокругъ огня сидѣло около двадцати человѣкъ, истреблявшихъ съ беззаботнымъ смѣхомъ содержимое въ ихъ громадной суповой чашкѣ.

Мишель подалъ свистокъ, чтобы они замолчали. Ему надо было сообщить имъ нѣсколько распоряженій.

— Вотъ и ночь,—сказалъ онъ:—надо хорошо слѣдить. Не вѣроятно, чтобы отрядъ Маріи Пѣтй путешествовалъ въ темнотѣ, но съ наступленіемъ зари наблюдайте за окрестностями. Добыча будетъ хороша для всѣхъ. Такъ какъ у этой распутницы есть развѣдчики, то останавливайте всѣхъ, кто бы ни проѣзжалъ, и проводите въ мою главную квартиру.

Онъ удалился; всѣ принялись за трапезу и опять развеселились.

Мишель мрачный и скучный блуждалъ среди развалинъ. Позади отдаленныхъ горъ поднялась луна, и фіолетовый паръ покрылъ угрюмую равнину. Серебристый отблескъ сіялъ на углахъ старыхъ камней, покрытыхъ мхомъ, въ развалившихся аркахъ и раскрытыхъ портикахъ. Воровской шорохъ ящерицъ и крысъ заставлялъ дрожать сухіе листья. Мишель сеяшалъ, какъ подъ его ногами хрустѣли камни, размельчавшіеся отъ времени, которые звучно ударялись съ побѣлѣвшими отъ времени костями.

Солдаты закутались въ свои сѣрые одѣяла и растянулись предъ огнемъ, пламя котораго отбрасывало на разрушившіяся стѣны красный отблескъ пожара. Иногда на крикъ совы отвѣчало лошадиное ржаніе и наполняло этотъ угрюмый пейзажъ продолжительнымъ стономъ, который разносился эхомъ въ соседнихъ лѣсахъ.

Внезапно со стороны, гдѣ сторожилъ одинъ изъ часовыхъ, раздался выстрѣлъ. Грохотъ раскатился, какъ громъ. Тотчасъ же всѣ часовые были на ногахъ съ ружьями въ рукахъ. Мишель прибѣжалъ на бивакъ.

— Что такое?—воскликнулъ онъ осторожнымъ голосомъ.

Можно было ожидать всякихъ неожиданностей. Одни хотѣли бѣжать къ сторожевому посту, чтобы разузнать, другіе считали болѣе осторожнымъ окружить себя баррикадами и занять позицію позади развалинъ, чтобы находиться въ болѣе выгодномъ положеніи на случай нападенія.

— Подождите,—приказалъ Мишель,—пусть каждый возьметъ свои заряды.

Нѣсколько солдатъ вышли на передовой постъ, чтобы изслѣдовать горизонтъ. Вскорѣ были слышны ихъ смѣхъ и пѣсни, какъ будто они совершенно успокоились. Они почти тотчасъ же вернулись въ сопровожденіи часовыхъ, видя одѣтаго въ черную рясу іезуита, со связанными руками; позади старый солдатъ велъ подлѣ уздцы осѣдланное животное плѣнника, раненное въ лопатку.

— Это монахъ! Это монахъ!

И посыпались шутки.

— Что ты дѣлаешь здѣсь въ такой часъ?

— Онъ шель служить обѣдную лягушкамъ,—говорили одни.

— Онъ искалъ Виелеемскую звѣзду,—говорили другіе.
 — Онъ идетъ собирать подаянія у колдуній развалинъ.
 — Надѣнь ему на голову его капюшонъ, а то онъ зачихаетъ.
 Отецъ Монье,—такъ какъ это былъ онъ,—не сморгнулъ глазомъ. Его блѣдное лицо было спокойно, а скрещенныя руки онъ спряталъ въ широкихъ рукавахъ.

Мишель привелъ монаха къ своей палаткѣ и принялся его разсматривать при свѣтѣ дымившихся факеловъ, которые держали солдаты воткнутыми на остріяхъ своихъ штыковъ. Онъ приказалъ:

— Обезоружьте его; это—какой нибудь шпионъ.

Солдаты принялись за свою обязанность обыскивать плѣннаго. Они у него ничего не нашли, кромѣ четокъ, нѣсколькихъ медалей, бумагъ и немного денегъ.

— Онъ бросилъ свое оружіе въ тотъ моментъ, когда его хотѣли захватить,—сказалъ Мишель.—Дайте эти бумаги.

И, принимаясь за допросъ, онъ прибавилъ, обращаясь къ заключенному.

— Безполезно притворяться долѣе. Это тщетное переодѣваніе не обманетъ насъ. Откуда ты ѣдешь, и что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я ѣду изъ монастыря на озерѣ Урми,—отвѣтилъ степенно св. отецъ,—и отправляюсь въ Испагань.

— По какому дѣлу?

— Чтобы служить на пользу моему Богу и моему королю.

— Объяснись.

— До сихъ поръ моя миссія — тайна, и я могу ей повредить, обнаруживъ ее.

— Славное извиненіе! Эй, вы свяжите-ка мнѣ хорошенько этого человѣка, пока я буду просматривать эти негодныя бумажки.

При свѣтѣ факеловъ Мишель перелисталъ бумаги. Это были рекомендательныя письма ко всѣмъ общинамъ, находящимся на его пути, посланія вавилонскаго епископа и путеводитель до сосѣдняго города, Али-Абада, гдѣ находилась въ тотъ моментъ Марі съ своей охраной.

— Ахъ!—сказалъ Мишель съ недоброй улыбкой,—вотъ что обнаруживается. Такъ ты слѣдуешь изъ Али-Абада и, по всей вѣроятности, такъ спѣшишь темной ночью, чтобы полюбоваться природой. Не служить ли данное тебѣ порученіе скорѣе для развѣдки пути, чтобы проводить путешественниковъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, ты оставилъ позади?

— Я никого не знаю въ Али-Абадѣ, исключая преподобнаго настоятеля капуциновъ.

— Твое переодѣваніе заставляетъ тебя такъ отвѣчать. Полно, довольно ломаться. Я все угадываю. Ты только что покинулъ Марі Пѣті и предшествуешь ей.

— Мой братъ, вы говорите истину.

— А! ты признаешься въ этомъ и насмѣхаешься? Ты разсчитываешь навѣрняка, любезный.

Онъ велѣлъ раздвинуться окружавшимъ плѣнника стражникамъ, желая поговорить съ этимъ человѣкомъ, котораго, быть можетъ, ему удастся обольстить, и надѣясь вывѣдать у него кое-какія полезныя свѣдѣнія.

— Эй, вы удалитесь и наблюдайте за выходами. Нашъ малый основательно связанъ; я хочу поговорить съ нимъ наединѣ.

Огонь потухалъ предъ палаткой, освѣщенной смутнымъ краснымъ отблескомъ. Звѣзды испещряли небесный сводъ, будто дорожка изъ драгоценныхъ камней, рассыпавшихся на темномъ бархатномъ коврѣ. Луна, какъ бы отдѣлившись отъ фона, будто качалась въ пространствѣ. Сквозь темную зубчатую преграду развалинъ проникнувшій пучекъ лучей отбрасывалъ стальной отблескъ, освѣтившій блѣдное лицо св. отца, походившаго при этой романтической обстановкѣ на привидѣніе Франциска Ассизскаго.

Св. отецъ, неподвижный и безстрастный, остался стоять передъ Мишелемъ, который допрашивалъ его.

— У тебя есть простой способъ спасти себя, если ты этого хочешь, мой дворянчикъ: дай мнѣ необходимыя свѣдѣнія о Маріи Петіи, и, можетъ быть, намъ заблагоразсудится помиловать тебя.

— Я вполне готовъ, мой братъ, и не сдѣлаю для этого никакихъ затрудненій.

— Въ добрый часъ! Скажи мнѣ, какъ великъ составъ ея охраны, и, въ особенности, когда она разсчитываетъ проѣхать здѣсь?

— Я этого не знаю, мой братъ.

Мишель пондился, покраснѣвъ отъ гнѣва, и отвѣтилъ:

— Я тебѣ не братъ, а ты не монахъ; итакъ, оставь твои шутки: не время для нихъ. Ты знаешь, о чемъ я тебя спрашиваю, потому что ты развѣдываешь путь.

Отецъ Моше простеръ къ небу обѣ руки, закованныя въ кандалы, что произвело стукъ желѣза и произнесъ:

— Клянусь небомъ, что не знаю того, о чемъ вы меня спрашиваете, и вы—мой братъ во Христѣ, служба которому занимаетъ каждую минуту моей жизни.

— Довольно, лицемеръ! Ты лжешь, и я тебѣ всажу пулю въ лобъ.

Онъ вытащилъ изъ-за пояса пистолетъ. Иезуитъ не шевельнулся, и Мишеля поразила эта дерзость. Впрочемъ, онъ не имѣлъ желанія уничтожить человѣка, отъ котораго надѣялся добыть драгоценныя свѣдѣнія. Онъ смягчился.

— Полно, не бахвалясь! Это—безполезная храбрость. Въ этой пустынѣ ты—въ моей власти, и у тебя нѣтъ другого исхода, какъ повиноваться мнѣ и говорить. Въ которомъ часу пройдетъ отрядъ Маріи Петіи?

— Я не знаю.

— Неужели! Можетъ быть, ты также намѣреваешься утверждать, что ты не имѣешь никакого отношенія къ ней, и если путешествуешь ночью по полямъ, то для своего удовольствія.

— Перестаньте насмѣхаться, мой братъ. Я—не шпіонъ. Я—воинъ на службѣ Христа и сражаюсь ради него; я не служу Марі Пёті и не ненавижу ея; интересы Бога требуютъ, чтобы это несчастное, потерянное созданіе не довело до добраго конца миссіи, которую она захватила въ свои руки, и я ей предшествоую.

Мишель разразился хохотомъ.

— А! ей-Богу, это забавно, мой дворянинъ! Такъ, насъ трое въ игрѣ, какъ видно?

— Я васъ не понимаю.

— Однако это ясно! Марі Пёті намѣреваеться пробраться посланницей къ Великому Софи, ты говоришь, что опередишь ее, а я утверждаю, что ни тотъ ни другой изъ васъ обоихъ не достигнетъ этого, такъ какъ это посольство не касается никого другого, кромѣ меня. Такъ, значитъ, полная игра; это—скачка съ препятствіями, и три соискателя принадлежатъ къ тремъ различнымъ орденамъ: религіозному, женскому и гражданскому.

— Вы не довѣренное ли лицо, какъ я предполагаю, его превосходительства французскаго посланника въ Константинополь?

— А, такъ о насъ говорятъ у васъ въ монастыряхъ? Боже мой! да, я также соискатель, и, клянусь тебѣ, не ничтожный. Признайся, что тебѣ не везетъ счастье, такъ какъ ты попалъ въ когти именно твоего соперника. Вотъ твоя миссія и окончена; считай себя счастливымъ, что я помиловалъ тебѣ жизнь.

— Моя душа предвидѣла всѣ опасности, и, отправляясь, я сказалъ, какъ древній поэтъ: *omnia praeseri atque animo mesum ante peregi*. Мнѣ казалось, Богъ не хотѣлъ, чтобы этотъ случай возвеличить Его имя и Францію на востокѣ находилъ въ недо стойныхъ рукахъ. Ему же угодно иначе. Да будетъ воля Его. Пусть появятся предъ Великимъ Софи отъ имени французскаго короля распутная женщина или убійца: въ томъ или другомъ выборѣ Богъ имѣетъ свои тайныя предназначенія и обернетъ во зло, что было посѣяно во злѣ.

Мишель, блѣдный и обезумѣвшій отъ гнѣва, всталъ съ обнаженной саблей въ рукѣ.

— Наглець, ты заплатишься.

Св. отецъ отвѣтилъ, не смущаясь:

— Ударьте, это новое убійство не загладитъ перваго, ибо кровь не смывается кровью. Убійца Фабра, вы можете умножить ваши преступленія; всѣ они будутъ также бесполезны и отягчатъ безъ выгоды вашу совѣсть, когда вы явитесь на высшій судъ въ иномъ мірѣ. Вы можете меня убить, но моя смерть не поможетъ осуще-

ствить вашего плана, если Богъ опредѣлитъ, что вы не попадете въ Испаганъ. Убейте эту несчастную, падшую женщину, пробѣдъ которой вы подстерегаете, и вамъ останется совершить еще другія жертвы, прежде чѣмъ вы будете имѣть возможность подвинуться впередъ; вы можете себѣ проложить путь только по грудѣ труповъ. Вы перешагнули чрезъ трупъ Фабра,—упокой Богъ его душу,—но смотрите, предъ вами цѣлая гряда, которую вы приготовляете: надо заколоть кинжаломъ его любовницу, затѣмъ ея сына, потомъ племянника, и когда всѣ эти мертвецы окружаютъ васъ, то будете ли вы увѣрены, что ихъ друзья и спутники предоставятъ вамъ свободный путь. Плоды гнили у дерева, корни котораго погружены въ навозъ. Вы вступили на путь преступленій, вамъ надо его держать и погрязнуть въ нихъ.

Мишель былъ пораженъ этой непредвидѣнною и очень мѣткою проповѣдью. Его шпата упала на землю, онъ устремилъ на св. отца безмысленный и удивленный взглядъ. Іезуитъ продолжалъ:

— Вы заслуживаете столько же сожалѣнія, сколько порицанія, мой братъ. Другіе убиваютъ и совершаютъ преступления ради тщетной и обманчивой надежды на корысть; такіе прибавляютъ разочарованіе къ ужасному возмездію, которое ихъ ожидаетъ. Но вы, вы вступили въ грѣхъ по безумной гордости, не имѣя даже извиненія, что работаете ради вашихъ выгодъ. Да, вы достойны сожалѣнія, вы, ловкій и способный повѣренный, орудіе смертоубійствъ, одураченный своимъ главою. Онъ также отвѣтитъ за ваши преступления; если вы—рука, то онъ—голова, и вы вмѣстѣ искупите вашу жизнь, полную позора и безчестія.

Мишель медленно сѣлъ, съ виду изнеможенный, поникнувъ головою и опершись на колѣно рукою. Казалось, онъ больше ничего не слышалъ и бормоталъ:

— Одураченный! вѣрно сказано: я одураченъ! Я убилъ для другого, надо, чтобы я еще убилъ! Убить монаха, убить падшую женщину, убить сына! все убійство и повсюду кровь! И какая выгода для тебя, безумецъ? Тотъ держитъ тебя, какъ въ желѣзныхъ объятіяхъ; у него мое признаніе, свидѣтельствующее, что я убійца Фабра. Онъ можетъ меня обезглавить, если захочетъ, и когда ему заблагоразсудится. Моя голова болѣе не принадлежитъ мнѣ, она—этого человѣка, который меня пугаетъ на разстояніи, издали.

Онъ съ жестомъ возмущенія всталъ и выпрямился, издѣваясь надъ собою.

— А затѣмъ? Тропинка узка и ограничена, и нѣтъ выбора пути. Если я поверну назадъ, это будетъ смерть. Надо, чтобы я двигался впередъ, и мнѣ нечего совѣщаться. Если я двинусь впередъ, я убью; если я подамся назадъ, меня убьютъ. Полно, довольно тебѣ обдумывать то, что тебѣ запрещено обдумывать; дѣло идетъ не о томъ, чтобы знать, куда идти: ты—въ колеѣ; дорога

закрывается позади тебя по мѣрѣ того, какъ ты идешь; иди впередъ!

— Мой братъ, есть Богъ!

Мишель не слышалъ этого, поглощенный неотступной мыслью.

— Какъ идти дѣла! Зачѣмъ нужно было, чтобы Ферриоль держалъ меня теперь, какъ ребенокъ муху? У меня ужасное ощущеніе, какъ будто жизнь не мнѣ принадлежитъ. Въ предпринятомъ посольствѣ у меня нѣтъ другого выбора, кромѣ успѣха или позорной смерти. Будущее мрачно, а моя миссія—тюрьма, изъ которой я не выберусь живымъ. Ферриоль грубъ, запальчивъ; если онъ меня снова увидитъ,—я пропалъ. Лучше сдѣлаться сейчасъ же мусульманиномъ и поселиться въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ, чтобы спрятать мою совѣсть и голову подъ кровомъ скромной хижины.

Мишель стиснулъ лобъ ладонями и сталъ говорить самъ съ собою, забывая, что онъ не одинъ; онъ съ печальной снисходительностью началъ переворачивать всю грязь прошедшаго. Св. отецъ приблизился къ нему и сказалъ мягкимъ голосомъ:

— Бѣдный грѣшникъ! Значитъ, Богъ сжалился надъ тобою, потому что открылъ тебѣ глаза и разоблачилъ предъ тобою всю гнусность твоей жизни. Это Богъ внушилъ тебѣ и привелъ меня къ тебѣ: не отталкивай и слушайся Его голоса.

— Я не понимаю тебя.

— Братъ, ты не долженъ посвятить себя исламу и ложнымъ богамъ, оставайся христіаниномъ и пробудись. Богъ милосерденъ и оказываетъ помощь. Свѣтская жизнь болѣе не имѣетъ для тебя ни очарованія, ни безопасности. Надо уйти отъ свѣта и требовать отъ уединенія покоя и угрызенія совѣсти, какъ нравственнаго возстановленія.

Мишель подскочилъ.

— Ты насмѣхаешься, скверный сычъ? Такъ ты раскрываешь предо мною двери монастыря, когда я тебѣ открываю дверь каземата! Ты хочешь оказать мнѣ учтивость! Идея забавна, проникательный умъ.

— Братъ, я тебѣ говорю истину, что раскаяніе начало свою возстановительную работу въ твоемъ сердцѣ, и что ты противъ этого не устоишь, если Богъ предписалъ тебя исправить и сдѣлать Его избранникомъ.

— Проклятый шпионъ, я вижу ясно твою грубую хитрость. Мое присутствіе стѣсняетъ распутную женщину, и твоя миссія—уничтожить меня. Это—шутовство! Мишель въ монастырѣ! Навѣрно, я не буду помѣхой, когда за мною запрется тяжелая дверь. Плаги гениаленъ, но слишкомъ наивенъ. Не думаешь ли ты меня обойти этой чепухой? Твое подлое лицемѣріе получитъ возмездіе, слыи Эскобара.

— Оскорбляй меня, мой братъ, и да простить тебѣ Богъ! Нѣтъ, я не имѣю тѣхъ черныхъ плановъ, какіе ты предполагаешь, и съ почтеніемъ восторгаюсь дѣлами Провидѣнія. Богъ не пожелалъ, чтобы я имѣлъ успѣхъ въ дѣлѣ посольства, которое духовенство востока хотѣло отнять у Маріи Петі, потому, что Онъ приберегъ меня для другой болѣе высокой задачи—спаси грѣшника, выкупить душу и вырвать одного вѣрующаго изъ адскаго пламени. Онъ меня сюда послалъ, и я лучше послужу Его дѣлу; если приведу къ Нему раскаявшагося грѣшника, чѣмъ добьюсь отъ Великаго Софїи новыхъ выгодъ для монастырей и его слугъ.

— Монастырь! Вѣчный миръ! Спокойствіе и тишина! Почетное тюремное заключеніе! Нравственное самоубійство!

— Нѣтъ, мой братъ, это—молитва, возстановленіе нравственнаго человѣка, прощеніе и забвеніе прошедшаго позора.

Мишель былъ взволнованъ и потрясенъ. Онъ закрылъ лицо руками, и слезы полились изъ его глазъ. Монахъ, видя, что преступникъ ослабѣлъ, сталъ настаивать.

— Повѣрьте мнѣ, братъ, Богъ милосерденъ, и ваши ошибки исправимы. Что мнѣ теперь за дѣло до цѣли моего путешествія? Я отъ нея охотно откажусь и безропотно перенесу необходимость ничего въ ней не предпринимать, потому что я спасъ душу.

Мишель недоувѣрчиво и зло смотрѣлъ на него, какъ хищный звѣрь, который сопротивляется укротителю.

— Довольно надо мною издѣваться, монахъ,—сказалъ онъ,—прекрати твои пустяки и не считай меня столь легковѣрнымъ, чтобы слушать тебя и слѣдовать за тобою, когда я знаю, что черезъ часъ ты подошлешь твоихъ сообщниковъ захватить меня.

— Отгони недоувѣріе изъ своего сердца, братъ. Мой монастырь въ двадцати миляхъ отсюда на мысѣ Шаби, на берегу озера Урмин. Оставь мои руки скованными, а ноги запутанными, сохрани при себѣ всѣхъ твоихъ слугъ, окружи себя всѣми предосторожностями, разошли во всѣ стороны твоихъ развѣдчиковъ, только дай привести тебя въ часовню монастыря, къ подножію креста, который утѣшаетъ и прощаетъ.

Первые проблески зари пожелтели гребни развалинъ, тонувшихъ въ оранжевой и фіалковой атмосферѣ; золотая кайма извѣщала о появленіи солнца на горизонтѣ, окруженномъ какъ бы блестящимъ кольцомъ; всѣ цвѣта отъ опаловаго до сине-топазоваго громоздились другъ надъ другомъ вдоль небснаго свода. Звѣзды блѣбли и исчезали одна за другою, а деревья трепетали, пробуждаясь при первомъ прикосновеніи утренняго вѣтерка.

Силы Мишеля истощились. Безъ надежды, безъ помощи, безъ опоры, чувствуя отвращеніе къ жизни и къ самому себѣ, онъ слушалъ св. отца, который своей колкой проповѣдью подкапывался подъ его сопротивленіе, какъ металлическій таранъ выбиваетъ дверь,

крѣпости. Внезапно, какъ будто онъ ясно видѣлъ будущее, или какъ бы пораженный какой нибудь сверхчеловѣческой властью, онъ рѣшился и, казалось, посвятилъ себя искупленію и отреченію съ той же вѣрой и пылкостью, какую онъ вносилъ и въ преступленія. Монахъ стоялъ, протянувъ руки съ цѣпями, свѣшивавшимся съ кистей его рукъ, и шепталъ молитвы за успѣхъ своего дѣла.

— Монахъ,—сказалъ Мишель,—если ты меня обманываешь, и если твои увѣщанія—ловушка, мои солдаты получаютъ распоряженіе тебя зарѣзать при первомъ призывѣ. Если же тебя посылаетъ Богъ, пусть Онъ искупитъ мою душу, если Ему это угодно: твой монастырь будетъ моимъ пристанищемъ, и я откажусь отъ моего предшлагаго.

Онъ позвалъ стражу.

— Поручикъ, бейте утреннюю зорю. Эй, вы складывайте вещи! Мы отправляемся чрезъ часъ и будемъ сопровождать монаха до монастыря,—моего послѣдняго жилища,—прибавилъ онъ вполголоса.

— Аминь,—сказалъ монахъ, крестясь закованной рукой.

XV.

Прошло три мѣсяца послѣ ночной сцены въ развалинахъ Демавенда.

Великій Софи держалъ совѣтъ въ обширномъ залѣ испаганскаго дворца, прозваннаго Чехель-Сютупъ, т.-е. Сорокъ Столбовъ. Онъ представлялъ чудо искусства и богатства. Искусно отдѣланный, прорѣзанный сквозными куполами потолокъ, съ котораго свѣшивались, какъ сталактиты, острые пучки золоченныхъ гроздей, поддерживался стройными, раскрашенными колоннами въ тридцать футовъ вышины. Широкія мозаичныя пластины украшали сводъ; стѣны были покрыты бѣлымъ мраморомъ, плитусы которыхъ украшены фрпзомъ изъ арабесокъ. Надъ ними разверзались широкіе пролеты съ оконницами изъ хрустала всевозможныхъ цвѣтовъ, которыя, пропуская свѣтъ, испещряли пологія циновки радужными цвѣтами разнообразныхъ оттѣнковъ. Посрединѣ шумѣлъ фонтанъ въ алебастровомъ водоемѣ, надъ которымъ пирамидой громоздились два меньшіе водоема. Стѣна въ глубинѣ залы была украшена живописью, представлявшей сраженіе Великаго Абасса. На потолокъ, какъ и на стѣнахъ, не было ни одного обнаженнаго уголка; украшеніе состояло изъ арабесокъ, фаянсовыхъ плитокъ, позолоты и тонкихъ орнаментовъ на лазоревомъ фонѣ. Со свода ниспадалъ изъ тонкой нитяной ткани занавѣсъ, подбитый золотой парчею съ цвѣтами и спускавшійся лишь на восемь футовъ отъ земли.

Но самое рѣдкое чудо искусства представлялъ тронъ. Это было монументальное возвышеніе съ широкой площадкой изъ порфира, поддерживаемой разноцвѣтными колоннами. Столбы, на которыхъ лежали края площадки, были покрыты различными фигурами, въ человѣческой ростъ, изображавшими пажей въ вышитыхъ блузахъ, хорошенькихъ черкешенокъ съ распущенными волосами въ коротенькихъ юбкахъ съ обнаженными туловищами и руками, въ ожерельяхъ и запястьяхъ. Подъ трономъ могъ спокойно пройти человекъ во весь ростъ. На тронъ вели ступени, рѣзные бока которыхъ изображали гидру среди цвѣтовъ, обвивавшуюся вокругъ самой себя. У подножія этой лѣстницы по обѣимъ сторонамъ находились два деревянные льва, которые лежали предъ фантастическимъ охотникомъ, сжимавшимъ одной рукой горло дракона, а другой размахивавшимъ топоромъ съ выраженіемъ изступленія на энергичномъ лицѣ, красоту котораго увеличивало ожерелье изъ рѣдкихъ жемчуговъ. Площадка возвышенія была окружена искусно сработанными толстыми перилами, надъ которыми возвышался цѣлый рядъ маленькихъ изъ чистой бронзы статуетокъ, изображавшихъ хорошенькихъ женщинъ въ покрывалахъ. Посреди площадки билъ фонтанъ въ звѣздообразномъ водоемѣ, поддерживая пріятную прохладу предъ августѣйшимъ величествомъ. Шахъ сидѣлъ въ глубинѣ на толстыхъ, богато вышитыхъ подушкахъ, впереди высокаго, закругленнаго и съ вычурными рисунками щита, покрытаго эмалью съ позолотой и пронизаннаго всякаго оттѣнка стеклами, обрамлявшими солнце изъ настоящихъ алмазовъ. Полъ площадки былъ покрытъ кашемирскимъ ковромъ, изъ богатой и тонкой ткани, по какой ступала Атосса, царица мидянъ; тронъ же былъ убранъ шелковой матеріей, вышитой жемчугами. Свѣтъ, проникавшій чрезъ стекла, отливался на тысячахъ драгоценныхъ камней.

На этомъ тронѣ возсѣдалъ шахъ въ бѣлой шелковой одеждѣ, вышитой драгоценными камнями. Его станъ обвивало въ два ряда ожерелье изъ крупныхъ, какъ маслины, жемчуговъ, запястья были украшены драгоценными камнями, рѣдкими по величинѣ и цѣнѣ; черную барашковую шапку украшалъ султанчикъ изъ алмазовъ, дрожавшихъ среди трехъ перьевъ цапли. Португезя, широкая сабля и кинжалъ были также украшены драгоценными камнями.

Это изобиліе драгоценностей—отличительная черта жизни востока, гдѣ неустойчивость состоянія и безсовѣстная алчность людей побуждаютъ cadaго складывать свои богатства въ небольшого объема ларцѣ или глиняномъ кувшинѣ. Отсюда столько восточныхъ исторій о зарытыхъ и найденныхъ сокровищахъ, какъ, на примѣръ, о торговцѣ старой обувию.

Однажды жена какого-то торговца старой обувию полоскала бѣлье въ ручьѣ и увидѣла, что теченіе было чѣмъ-то загромо-

ждено. Ея мужъ спустился въ воду, чтобы очистить со дна землю и освободить ложе ручья. Но онъ замѣтилъ, что препятствіемъ послужили два большіе кувшина, наполненные золотыми монетами и тамъ застрявшіе. Супруги съ тѣхъ поръ разбогатѣли. Но деньги не влекутъ за собою счастья, и эта чета безпрестанно оспаривала другъ у друга право на обладаніе ими. Жена настаивала, что сокровище принадлежало ей, такъ какъ она первая увидѣла его, мужъ же не хотѣлъ объ этомъ и слышать; тогда она рѣшилась ему отмстить и съ этой цѣлью отправилась жаловаться судѣ. Мужу отрубили саблей голову за то, что онъ похитилъ добро государя, такъ какъ право наследовать имущество неизвѣстнаго хозяина принадлежало Великому Софи.

Эта сказка доказываетъ, что богатство не есть счастье.

Шахъ былъ страшно богатъ, и убранство троннаго зала было достойно его.

Шахъ Гуссейнъ появился въ такомъ ослѣпительномъ блескѣ, какъ его нарисовалъ Корнелій Лебрѣнъ во время своего проѣзда чрезъ Испань: одна его рука упиралась въ бедро, въ другой онъ держалъ скипетръ; его талія была стянута широкимъ кашемировымъ поясомъ съ бахромою, богатая кривая сабля висѣла на португелъ изъ кожи, украшенной наборной работой изъ драгоценныхъ камней; просторная шуба, подбитая горностаемъ, распаивалась на одеждѣ изъ шелковой ткани съ разводами; широкій тюрбанъ украшалъ его голову; на его лицѣ выражался умъ и мягкость; его лобъ былъ открытый, борода черная, курчавая, короткая и подрѣзанная четырехугольникомъ; носъ прямой, нѣсколько толстый внизу, губы чувствительныя, а глава блестящія.

Какъ богъ въ античной трагедіи среди облаковъ, нарисованныхъ на каменной стѣнѣ *céraucoscopéion*, Гуссейнъ казался величественнымъ и внушительнымъ въ родѣ изображенія божества на землѣ. Его тѣло выступало изъ подушекъ и тканей среди священнаго сіянія и пестраго ореола; это было волшебное видѣніе, предъ которымъ каждый палъ бы ницъ въ почтительномъ ужасѣ.

Курильницы съ благовоніями вносили въ свѣтлый, бѣлый залъ теплую и томную атмосферу. Предъ ступенями трона стояли главные вельможи въ пестрыхъ одеждахъ съ широкими рукавами, въ богатыхъ шелковыхъ поясахъ, въ парчевыхъ плащахъ, отороченныхъ соболями. Судьи и совѣтники короля, призванные на торжественное засѣданіе, сидѣли въ самыхъ богатыхъ одеждахъ; всѣ государственные сановники были размѣщены по чинамъ на трехъ возвышеніяхъ. Надъ трономъ разстилался бархатный балдахинъ; двѣ переднія стойки, поддерживающія его, оканчивались золотыми шарами. Августѣйшую особу шаха охраняли двѣнадцать молодыхъ, бѣлыхъ евнуховъ, самыхъ красивыхъ во дворцѣ.

Въ это утро шахъ присутствовалъ при совершеніи правосудія надъ турецкимъ узникомъ, закованнымъ въ цѣпи. Въ грязной юбкѣ его туловище было обнажено, цвѣтъ кожи желтый, волосы обриты, взоръ испуганъ; онъ трясся всѣмъ тѣломъ, и отъ страха дряблые мускулы его рукъ и груди подпрыгивали.

Въ этотъ моментъ церемоніймейстеръ, преклоняя колѣни и падая ницъ, вскарабкался на возвышеніе трона, простираясь по полу.

— Что такое?—спросилъ шахъ.

Государственный сановникъ, прикасаясь лбомъ къ полу, объяснилъ, что управитель дворцомъ привелъ къ двери молодого француза, которому поручено извѣстить о прибытіи французскаго посольства и попросить аудіенціи у шаха. Шаху было извѣстно, что должно прибыть посольство, и онъ приказалъ допустить просителя. Позади вводителю появился Жакъ, племянникъ покойнаго Фабра, въ блестящемъ мундирѣ французскаго дворянина, въ шляпѣ съ перьями, въ вышитыхъ чулкахъ, въ лакированныхъ башмакахъ на красныхъ каблукахъ, въ васильковаго цвѣта кафтанѣ, съ бантомъ изъ лентъ цвѣта увядшихъ листьевъ на чашкѣ тонкой шпаги. Онъ продѣлалъ предъ трономъ обычныя привѣтствія и объяснилъ чрезъ переводчика цѣль своего прихода, которая состояла въ просьбѣ попросить аудіенціи для сына посланника французскаго короля, Пьера Фабра, и посланницы французскихъ принцессъ Марі Пёті. Онъ кратко объяснилъ о многочисленныхъ опасностяхъ и всякаго рода препятствіяхъ, которыя задерживали ихъ движеніе въ продолженіе цѣлаго года, съ тѣхъ поръ какъ они покинули Константинополь, и поздравлялъ себя, что наконецъ могъ достигнуть подножія трона наимогущественнѣйшаго изъ восточныхъ монарховъ, съ которымъ Франція будетъ счастлива заключить союзъ.

Шахъ отвѣтилъ дружеской улыбкой и подаль Жаку знакъ сѣсть. За отсутствіемъ стульевъ, онъ былъ принужденъ сѣсть, какъ другіе, на корточки; это было для Жака тѣмъ болѣе неудобно, что ему были извѣстны персидскія приличія, а согласно имъ неприлично выставлять кончики ногъ и показывать послѣднія; надо садиться такъ, чтобы ихъ скрыть: этого требовалъ этикетъ.

Между тѣмъ шахъ, не думая болѣе о Жакѣ, принялся за свое дѣло и приказалъ объяснить себѣ обстоятельства, при которыхъ захватили этого турка въ Персидскомъ государствѣ.

Все это время Жакъ съ любопытствомъ смотрѣлъ вокругъ себя и восхищался чужеземной роскошью, счастливый, что наконецъ добился желательнаго успѣха, столько разъ подвергавшагося опасности. Отъ Эривани все шло согласно ихъ желанію, и Жакъ во время правосудія надъ туркомъ уместенно продѣлалъ вторично это пріятное путешествіе по Персіи; грознаго и недоступнаго государя которой онъ видѣлъ теперь предъ собою.

Путь отъ Эривани до Испагани былъ длинный, но они встрѣтили повсюду наилучшій пріемъ, и теперь, впрочемъ, со времени обращенія на путь святости Мишеля и его удаленія вмѣстѣ съ отцомъ Монье, безопасность, благодаря которой они отдыхали, сократила имъ путь послѣ столькихъ опасностей и насильственныхъ отлагательствъ.

Они смѣло проѣзжали чрезъ посады и деревни, и незначительнаго приключенія въ пути имъ было достаточно для препровожденія времени. Робэнъ записывалъ любопытныя замѣчанія относительно нравовъ этой необычайной страны—цвѣтника, красныя оттѣнки котораго напоминали иногда кровавыя пятна. Однажды вечеромъ на границѣ одного города онъ увидѣлъ своихъ персидскихъ собратьевъ за работой, позабавившей его. Они съ криками носили вокругъ одного дома большую чашу, наполненную плодами и цвѣтами.

— Что это означаетъ?—спросилъ онъ у переводчика.

— Они вызываютъ болѣзнь изъ жилища,—отвѣтилъ переводчикъ.—Въ домѣ есть бслъной, и, чтобы отвлечь болѣзнь, надо ее оболстить, предложивъ ей плодовъ; тогда она покинетъ жертву и, какъ муха, устремится на эту чашу, которая ее очаровываетъ и задерживаетъ.

— Вотъ такъ новая медицина,—сказалъ Робэнъ, качая головою:—можетъ быть, она такъ же благоразумна, какъ и моя, и даже здоровѣе, чѣмъ моя? Не надо, чтобы докторъ Гекэ услышалъ меня.

И онъ продолжалъ путь, покачивая головою.

Пока великій шахъ съ гнѣвнымъ взоромъ слушалъ докладъ судьи относительно турецкаго узника, Жакъ думалъ о перипетіяхъ въ ихъ пути и переживалъ ихъ. Жакъ съ виду казался внимательнымъ, но продолжалъ обзорѣніе своихъ воспоминаній: о переходахъ подъ открытымъ небомъ, объ остановкахъ въ развалинахъ и о ночахъ, наводненныхъ москитами. Когда они куда нибудь пріѣзжали, то слуги, прежде чѣмъ войти, стояли на порогѣ, смотрѣли на небо, бормоча молитву и хлопая три раза въ ладоши.

— Что ты тамъ дѣлаешь?—спросилъ однажды Альвейръ у своего переводчика, котораго онъ засталъ въ такомъ положеніи.

— Господинъ, теперь ты можешь войти и спать подъ этой крышей; я произнесъ молитву противъ ужаленія и скорпіоновъ.

Пока Жакъ думалъ обо всемъ этомъ, послѣдовавшая суета напомнила ему о настоящемъ положеніи. Въ большомъ тронномъ залѣ докладъ былъ оконченъ, и шахъ подалъ знакъ. Двое придворныхъ слугъ поднесли ему два мѣдныхъ чеканныя блюда; на каждомъ изъ нихъ лежалъ широкій ятаганъ; ихъ рукоятка и ножны были покрыты золотой отдѣлкой. Шахъ всталъ, взялъ саблю одну послѣ другой, вытащилъ оружіе изъ ноженъ, попробовалъ пальцемъ остріе и, выбравъ одно изъ нихъ, медленно направился съ

спокойнымъ олимпійскимъ величіемъ къ узнику, отъ страха упавшему на колѣни. Онъ приказалъ ему встать, и въ то время, когда несчастный съ трудомъ выпрямилъ свое туловище, шпага описала кругъ и опустилась на плечо турка; его отрубленная голова отлетѣла на колѣни сановника, сидѣвшаго недалеко оттуда. Жакъ поблѣднѣлъ отъ ужаса. Это зрѣлище было страшно. Сановникъ взялъ за волосы окровавленную голову; ея глаза и губы еще дѣлали рефлексивныя движенія. Онъ поставилъ ее предъ собою, какъ бюстъ, и кровь, вытекавшая изъ венъ, окрасила коверъ, тогда какъ тѣло откинулось къ одному изъ столбовъ трона. Рабы тотчасъ же убрали эти ужасные останки. Шахъ безстрастно вытеръ объ одинъ изъ отворотовъ своей шубы покраснѣвшее острие клинка; распространился острый запахъ крови и мертваго тѣла; благоносоцы подали новыя курильницы. Шахъ направился къ слугѣ, принесшему второй ятаганъ; дрожь безпокойства и тревоги пробѣжала по присутствующимъ.

Когда персидскій шахъ дѣлалъ движеніе, никто не могъ быть увѣреннымъ, что его головѣ и жизни не угрожаетъ опасность.

Жестокость персидскихъ государей была легендарна. Казалось, что въ ихъ венахъ еще текла кровь Камбизовъ, о которыхъ Геродотъ привелъ такой необычайный разсказъ:

Камбизъ сказалъ одному льстецу:

— Скажи мнѣ безъ лести, что думаетъ обо мнѣ народъ.

— Что вы лучшій изъ государей,—отвѣтилъ тотъ:—онъ находитъ только, что вы слишкомъ много пьете.

— Онъ правъ,—отвѣтилъ шахъ.

Въ это время вдали проѣзжалъ верхомъ сынъ этого царедворца.

— Дай твой лукъ,—сказалъ шахъ.

Онъ подперъ его плечомъ и произнесъ:

— Я прицѣлюсь въ сердце.

Молодой человекъ упалъ сраженный. Шахъ приказалъ принести трупъ и вскрыть его въ присутствіи отца.

Сердце было пронзено стрѣлою.

— Что ты скажешь,—спросилъ онъ у царедворца:—для пьяницы это вѣрный ударъ?

Несчастный отецъ чувствовалъ, что онъ пропалъ, если только сплочуетъ. У него явилось чудовищное мужество остаться безстрастнымъ, и онъ медленно отвѣтилъ:

— Это правда: ваше величество—лучшій стрѣлокъ въ своемъ государствѣ.

Эта традиціонная жестокость длилась долгіе вѣка, и Жакъ имѣлъ свидѣтельство ея на своихъ глазахъ. Видя шаха, ходившаго съ ятаганомъ въ рукѣ, всѣ дрожали, зная, что ихъ существованіе держится на тонкой ниточкѣ, на прихоти.

Однажды шахъ приказалъ умертвить предъ своимъ трономъ шестерыхъ провинившихся царедворцевъ. При каждомъ нанесенномъ ударѣ глава астрологовъ опускалъ глаза. Шахъ это замѣтилъ и закричалъ губернатору одной провинціи, сидѣвшему рядомъ съ этимъ трусливымъ зрителемъ:

— Вырвите глаза у этой собаки, сидящей возлѣ васъ, они ему причиняютъ боль; онъ не сумѣлъ бы ими пользоваться.

Губернаторъ, принужденный повиноваться, повернулся и большимъ пальцемъ ослѣпилъ своего собесѣда, который весь окровавленный съ воплемъ бросился изъ зала.

Другой разъ была охота столь удачная, что одинъ архитекторъ во время завтрака шаха воздвигнулъ башню, названную Башней Роговъ,— изъ роговъ убитыхъ животныхъ. Не зная, чѣмъ бы увѣнчать вершину этой внезапно сложенной башни, онъ отправился къ шаху, сидѣвшему за своимъ завтракомъ, и сказалъ:

— Надо помѣстить на вершинѣ башни голову крупнаго животного.

— Ты правъ, — отвѣтилъ государь, раздосадованный, что его побеспокоили; — и я не знаю животнаго крупнѣе тебя. Помѣсти туда свою голову.

Сказано—сдѣлано, несчастнаго архитектора обезглавили, и его голова украсила вершину башни.

При такого рода обычаяхъ было отъ чего ужасаться каждаго движенія государя. Увидя подымающагося султана, всѣ растерявшіеся сановники, ожидая своей смерти, спрашивали себя, для кого послужитъ эта сабля. Они вздохнули свободнѣе, когда увидѣли, что султанъ направляется къ иностранцу. Человѣческая природа такъ слаба, что умерщвленіе неизвѣстнаго, которому даже завидовать нѣтъ никакой причины, дѣлается предметомъ радости, когда смерть, всѣхъ пугавшая, оборачивается къ нему.

Жакъ былъ менѣе спокоенъ, и ему пришлось обратиться ко всѣмъ своимъ умственнымъ способностямъ, чтобы убѣдиться въ несовершеніи имъ никакого проступка; кромѣ того, онъ находился подъ покровительствомъ своей страны. Онъ уже подумывалъ обнажить свою шпагу и подороже продать жизнь. Но этого было не нужно. Прекрасная дамасская сабля предлагалась ему шахомъ, какъ залогъ дружбы. Онъ сказалъ ему чрезъ переводчика:

— Такъ надо наказывать турокъ.

Онъ обѣщалъ дать аудіенцію посольству и пригласилъ Жака присутствовать на празднествахъ, которыя шахъ давалъ въ честь одного изъ своихъ шатировъ, или государственныхъ гонцевъ.

Жакъ удалился подъ впечатлѣніемъ великолѣпія и могущества Софи.

Послѣдній поручилъ своему вводителю, или мехмандарбаши, пышно помѣстить Марі и ея свиту въ одномъ изъ его ста трид-

даги семи дворцовъ, принадлежавшихъ ему чрезъ отобраніе ихъ въ казну и служившихъ помѣщеніемъ для посланниковъ.

Жакъ и Альвейръ легко добились разрѣшенія посѣтить королевскій дворецъ, самое великолѣпное чудо въ Испаніи.

Пока дамъ принимали въ гаремѣ, куда приближаться мужчинамъ считалось преступленіемъ, остальные спутники назначили свиданіе предъ главными воротами дворца; они должны были встрѣтиться тамъ въ два часа, послѣ прогулки по городу.

Робэнъ и Лизонъ, оба раскраснѣвшіеся отъ удовольствія быть вмѣстѣ, явились первые. Площадь была оживлена; солнечные лучи озаряли персидскихъ зѣвакъ. Въ одномъ углу солдаты упражнялись, размахивая шпагами.

Жакъ и Альвейръ заставили себя ожидать.

— Они опоздали, — сказала Лизонъ, состроивъ рожицу: — для мужчинъ это не особенно учтиво.

— Вотъ ужъ я никогда не совершилъ бы такого неприличія съ красавицей моей души, — отвѣтилъ слапаво Робэнъ. — Все равно, войдемъ, мы подождемъ ихъ подъ лимонными деревьями; ихъ веселую листву я вижу отсюда.

И они пошли впередъ, чтобы войти въ караульню. Едва они занесли ноги на порогъ, какъ раздались вопли, и вооруженные солдаты окружили попятившагося Робэна, внезапно сдѣлавшагося менѣе отважнымъ.

— Скорѣй уйдемъ отсюда, — закричала растерявшаяся Лизонъ: — это дикари!

Но Робэна тотчасъ же схватили, связали и потащали въ соседнее полицейское управленіе. Лизонъ послѣдовала за нимъ, и среди угрожающихъ криковъ солдатъ раздавались ея рыданія и жалобы. Она опасалась за своего возлюбленнаго, у котораго отъ волненія съѣхалъ парикъ на сторону и колыхались полы коричневаго кафтана. Разгорячившійся врачъ былъ бы закованъ въ цѣпи, самъ не зная за что, если бы внезапно не появились Жакъ и Альвейръ съ переводчикомъ. Лизонъ съ криками бросилась къ нимъ.

— Караулъ! они запрячутъ нашего врача въ тюрьму.

Послѣдовало объясненіе.

Преступленіе Робэна заключалось въ томъ, что онъ едва не осквернилъ своими ногами священнаго и неприкосновеннаго порога дворца. Согласно закону надо перешагнуть его, не прикасаясь къ нему. Помилованные шахомъ персы падаютъ ницъ предъ нимъ и цѣлуютъ его, но ни одна человѣческая нога не оскверняла его. Самъ шахъ слѣзаетъ съ лошади, чтобы переступить его, не прикасаясь къ нему.

Право гостепріимства связано съ этимъ входомъ, за которымъ находятся два сада: одинъ для мужчинъ, другой для женщинъ — убѣжище уголовныхъ преступниковъ, гдѣ они находятся въ полной безопасности.

— Но это настоящее поощрительное вознагражденіе за убійство, — сказалъ Жакъ, пока наши четыре европейца, вышедшіе изъ полицейскаго управленія, обзрѣвали въ сопровожденіи проводника это убѣжище.

— Чѣмъ они живутъ?—спросилъ Робэнъ.

Проводникъ объяснилъ, что шахъ, покровительствуя имъ, кормитъ ихъ. Онъ посылаетъ заключеннымъ котель съ кушаньемъ.

— Но,—замѣтилъ Жакъ,—всѣ ли смертоубійства достойны помилованія, и нѣтъ ли среди нихъ столь тяжелыхъ, которыя не могутъ заслужить прощенія, не оскорбляя правъ неба?

— Какъ же,—отвѣтилъ проводникъ,—поэтому съ такими употребляютъ уловки. Когда убійца заслуживаетъ смерти, государь уважаетъ въ немъ личность и не отказываетъ ему въ убѣжищѣ; онъ можетъ спастись въ этихъ садахъ, занять одинъ изъ этихъ домиковъ и поселиться тамъ, но ему не принесутъ ѣды, и онъ окончитъ жизнь голодною смертію.

— Какой ужасъ! — сказалъ Ливонъ, дѣлая рожицу и нѣжно глядя на толстаго Робэна, багровое лицо котораго сейчасъ же отогнало мрачныя мысли объ истощеніи.

Они прошли въ увеселительные сады, усаженные толстыми чинарами и освѣщенные душистыми чащами всевозможныхъ цвѣтовъ. Персія—страна благовоній; раскрытые лепестки жасминовъ, тюльпановъ, кровавыхъ анемоновъ или ранункуловъ сверкали среди чащи листьевъ и гибкихъ стеблей съ перламутровымъ отблескомъ. Они прошли въ этомъ дворцѣ, занимавшемъ мило пространство, чрезъ золоченыя бесѣдки, роскошные залы, стѣны которыхъ украшены бѣлымъ мраморомъ съ орнаентами изъ цвѣтнаго хрустала, а сквозной потолокъ поддерживался деревянными раскрашенными и золочеными колоннами. Оконицы были украшены тонкими индѣйскими занавѣсами, ниспадавшими на нѣсколько футовъ отъ земли, чтобы не закрывать вида.

Въ концѣ одной дорожки воздвигнуто красное кирпичное зданіе.

— Что тамъ дѣлается?—спросилъ Робэнъ.

— Это былъ рабочій домъ шаха: мастерскія, склады и библиотека, довольно скудная.

— Какъ,—сказалъ Робэнъ, входя въ залъ,—это—библіотека? Но здѣсь книги отсутствуютъ.

Дѣйствительно тамъ не было ни полокъ и никакого признака библиофильства. Проводникъ улыбнулся и приподнял занавѣсъ: за нимъ обнаружилось углубленіе въ стѣнѣ, гдѣ было въ безпорядкѣ сложено большими кучами множество старыхъ книжонокъ; ихъ названія красовались на обрѣзахъ, и всѣ онѣ были очень запылены.

Робэнъ подумалъ:

— Мало же читають эти люди!

Лизонъ было не весело; она оживилась только, когда проходила чрезъ отдѣлъ предметовъ, вполне соответствовавшихъ ея хозяйственнымъ инстинктамъ; это былъ складъ сала, жира, трубокъ и бутылокъ. Въ богато убранныхъ складахъ, освѣжаемыхъ водоемами, выбрасывавшими струи благовонныхъ водъ, главные управляющіе занимались перечисленіемъ различныхъ предметовъ. Углубленія въ стѣнѣ и полъ, покрытый ковромъ изъ золотыхъ и шелковыхъ шпегей, были переполнены флягами различныхъ формъ и цвѣтовъ: здѣсь были длинныя и узкія амфоры съ едва вздутымъ закругленіемъ, стройнымъ горлышкомъ, ручками, соединенными со станомъ; тамъ—золоченнаго хрустала горшки, коренастые и короткіе, какъ брюхатые дѣдушки, съ руками, согнутыми дугою на животѣ, и шей, прятанной въ плечахъ; затѣмъ—легкіе кувшины, похожіе на дѣвицъ прошедшаго вѣка, съ ихъ тонкими, гибкими таліями, выдѣлявшими округленность фіжмъ, тогда какъ ихъ тонкія ручки расходились, какъ тощія руки молодой дѣвушки, разучивающей менуэтъ. Всѣ эти фляги были разукрашены, разрисованы, гранены, и солнце заставляло блестѣть ихъ грань. Однѣ были пусты, другія—хранили запасъ придворнаго вина.

— Это хорошія вина?—небрежно спросилъ Робэнъ, проводя языкомъ по углу своихъ толстыхъ губъ.

По мѣрѣ того, какъ проводникъ называлъ ихъ, врача глаза сверкали, и онъ сжималъ руку Лизонъ, какъ бы находясь подъ вліяніемъ ихъ совмѣстнаго общаго желанія. Въ кувшинахъ дремали золотое Караминійское, рубиновое Ширазское или Грузинское вина; одни были закупорены только нѣсколькими лепестками розъ, другіе—квадратомъ изъ красной тафты, съ которой свѣшивалась прикрѣпленная на шелковомъ шнуркѣ восковая печать управляющаго складами. Подъ стекляннымъ шаромъ стоялъ въ богатой золотой оправѣ рогъ носорога, на золотой ножкѣ: это былъ кубокъ шаха, который обыкновенно пилъ изъ рога носорога, по причинѣ отвращенія этого вещества къ яду. На потолкѣ и стѣнахъ были начертаны изреченія. Робэнъ успокаивалъ свое желаніе тѣмъ, что заставлялъ объяснять ихъ себѣ. Онъ записалъ одно изъ нихъ въ своей памятной книжкѣ: «Удовольствіе, полученное отъ вина, проходитъ, а головная боль остается». Въ саду они встрѣтились съ Марі и Флоризой, сопровождаемыми въ гаремъ почетнымъ карауломъ. Онѣ позвали съ собою Лизонъ, съ восторгомъ согласившуюся сопровождать ихъ.

— Вы намъ расскажите все!—говорилъ толстый Робэнъ.

По возвращеніи оттуда три женщины ничего не могли сообщить особеннаго, какъ только прибавить нѣкоторыя новыя подробности къ описаніямъ гарема, уже столько разъ дѣланымъ: стѣны гарема очень высокія, дверь скрыта позади мраморной башни, сады обширны, прекрасные дворцы позолочены, какъ богатыя клѣтки;

онѣ видѣли залы, отведенныя для принцессъ императорской крови, и гдѣ шахъ осматриваетъ предлагаемыхъ ему новыхъ женщинъ, озеро, низкій островокъ, весь въ зелени, окруженный золотой рѣшеткой, стаи водяныхъ птицъ и лодки, убранныя алой тканью. Иностранки посѣтили уборныя и залы отдохновенія, гдѣ на матрасахъ, сдѣланныхъ изъ листовой ваты, лежали беззаботныя красавицы, разодѣтыя въ прозрачный газъ, улыбаясь лазоревой листвѣ, нарисованной на стѣнахъ. Главный залъ былъ великолѣпенъ своими мозаиками, внутренними галереями, украшенными наборной работой изъ душистаго дерева, укромными уголками, въ которыхъ коверъ представлялъ обширное ложе съ широкимъ одѣяломъ изъ куницы, зеркалами въ стѣнахъ и на потолкѣ, рѣшетками изъ яшмы, деревянными столбами, покрытыми позолотой, хрустальными оконницами въ серебряныхъ рамахъ, гранеными зеркалами въ черепаховыхъ рамахъ, душистыми маленькими водопадами и соответствующими надписями. На одной вазѣ можно было прочесть: «Тюльпанъ—моя эмблема; мое лицо горитъ, а сердце обуглилось».

Надъ дверью находилась другая надпись: «Если ты меня спрашиваешь, какое зло причиняешь ты муравью, наступая на него, я отвѣчу, спросивъ тебя: какое зло сдѣлаетъ тебѣ слонъ, пройдя по тебѣ?»

Странный народъ, философствующій на лонѣ сладострастія, дѣлающій умозаключенія среди восточнаго растлѣнія нравовъ, обращающій удовольствія въ назиданіе и безнравственность въ нравоученіе!

Стѣны украшала пріятная для глазъ живопись, изображавшая сцены, въ которыхъ участвовавшіе были всѣ одноглазыми. Марі спросила причину этого общаго одноглазія. Ей объяснили, что персы не должны молиться тамъ, гдѣ есть изображенія. Изображенная лишь только съ однимъ глазомъ личность перестаетъ представлять собою человѣка и становится простой фантазіей художника, а потому ея присутствіе не вредитъ молитвѣ. Этотъ пріемъ и такого рода объясненіе доказываютъ, что восточные люди отличаются самой изворотливой казуистикой.

Картина, находившаяся предъ Марі, представляла очень пространное въ Персіи содержаніе: вѣроотступничество шейха Нессауна, допустившаго развратить себя христіанъ, съ которыми онъ ѣлъ ихъ кушанье и пилъ ихъ вино. Дервишъ представленъ сидящимъ предъ блюдомъ свинины со стаканомъ вина въ рукѣ, окруженный христіанками, разодѣтыми въ подходящія къ развратному пиру наряды; внизу находится надпись: «У меня нѣтъ болѣе на лицѣ ни одной черты правовѣрнаго, христіанская собака менѣе противна, чѣмъ я».

Утомленная Марі отказалась осмотрѣть сто восемьдесятъ комнатъ, занятыхъ султанами, и отведенныя всѣмъ дѣтямъ зданія,

а также помѣщенія, гдѣ живутъ состарившіяся женщины, отвергнутыя жены и вдовы покойныхъ шаховъ. Она вышла оттуда съ чувствомъ омерзѣнія, какъ отъ приторнаго запаха духовъ, такъ и отъ отвращенія къ этимъ женщинамъ, униженнымъ до степени животныхъ, безъ собственнаго почина, безъ воли; ей казалось, что онѣ принадлежатъ къ другому разряду, чѣмъ она, и съ своей энергичной, отважной, рѣшительной, смѣлой натурой смотрѣла на нихъ, какъ на жителей другой планеты.

Наступилъ вечеръ, когда онѣ достигли своего дворца, проходя по городу, гдѣ оживленіе уже прекратилось. Лавочники запирали лавки; домовладѣльцы обходили жильцовъ, собирая свои дневные доходы, такъ какъ въ этой странѣ, для большей безопасности, за наемъ жилища уплачивалось ежедневно; а мясники посыпали крупной солью доски, на которыхъ разрубали говядину, чтобы ночью нечестивыя, бродячія собаки, привлеченныя запахомъ крови, не осквернили ихъ.

Марі была озабочена. Она не обѣдала подѣ предлогомъ, что посѣщеніе гарема ее утомило, и отправилась въ свои комнаты. Въ сущности Марі переживала нравственный переворотъ: она боролась со склонностью, которую питала къ Жаку. Ей казалось, что эта зародившаяся любовь была оскорбленіемъ памяти Жана, со смерти котораго прошло уже восемь мѣсяцевъ. Разстроенная этимъ положеніемъ натянутости и сопротивленія, она сдѣлалась нервной, раздражительной. Она избѣгала Жака и ненавидѣла необходимость, заставлявшую ее жить съ нимъ вмѣстѣ. Последній замѣтилъ эту враждебность и очень печалился; по молодости онъ не зналъ, что женщина избѣгающая—побѣжденная женщина.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Марі оставалась у себя, отговариваясь болѣзнью. Она болѣе не показывалась за столомъ, ссылаясь на свое горе, трауръ и заботы, какъ на причину нездоровья. Жакъ просилъ ее повидаться. Она отказалась его принять. Это положеніе было тревожно, особенно въ моментъ, близкій къ достиженію цѣли. Если оно продолжится, то будетъ угрожать успѣху предпріятія и выгодамъ посольства. Жакъ рѣшился объяснить все Альвейру во время прогулки по городу.

Утромъ, на зарѣ они вышли съ переводчикомъ Али осматривать предмѣстья, тогда какъ Флориза, въ сопровожденіи Робэна отправилась верхомъ въ окрестные лѣса.

Въ городѣ дѣятельность была уже въ разгарѣ; купцы и обычные покупатели оживляли базаръ, раздѣленный по роду мѣстныхъ товаровъ, а также по національностямъ.

Съ Сазара жестяниковъ, гдѣ они оставались недолго, и гдѣ очень оглушительнъ былъ шумъ, они прошли мимо одного жилища съ фасадомъ, покрытымъ изреченіями.

— Это домъ великаго первосвященника,—сказалъ Али, обнаживъ голову.

— Что же говорится въ этихъ надписяхъ?

— Это—нравоучительныя правила: то, что возлѣ окна, гласитъ: «Угрызеніемъ совѣсти спасешься отъ рукъ Бога, но не отъ человѣческихъ языковъ». Другое, вдоль двери, гласитъ: «Когда мнѣ было пора жениться, женатые люди были нѣмы; теперь, когда я женатъ, женатые—глухи».

— А!—сказалъ смѣясь Альвейръ:—какъ чудесно это подходитъ и ободрительно дѣйствуетъ на тѣхъ, кто наканунѣ свадьбы.

— Они счастливы,—отвѣтилъ Жакъ, вздыхая.

— Полно, другъ, не дѣлайте глазъ, какъ у издыхающаго карпа. Я не считаю васъ, однако, столь достойнымъ сожалѣнія, счастливый плугъ.

— Не шутите, Альвейръ, мои дѣла приняли дурной оборотъ.

— Не вижу этого,—сказалъ Альвейръ.—Вы любите Марі,—женитесь на ней это—отважная женщина, и вы лучшаго не можете сдѣлать.

Жакъ, казалось: просіялъ отъ этой поддержки. Онъ объяснилъ свою страсть порывисто, какъ человѣкъ, сердце котораго переполнено. Его дядя уже былъ женатъ и потому не могъ жениться на Марі, но онъ свободенъ и можетъ располагать своимъ именемъ. Марі назовется г-жа Фабръ, и это будетъ для нея запоздалымъ удовлетвореніемъ, вознагражденіемъ за ея долгую преданность; у маленькаго Пьера будетъ еще отецъ, а его, Жака, любовь облагородится отъ добраго дѣла.

— Вы меня считаете еще слишкомъ ребенкомъ,—прибавилъ онъ,—потому что я такъ безразсудно говорю о любимой женщинѣ съ человѣкомъ, съ которымъ я дрался на поединкѣ изъ-за нея; но я такъ довѣряю вашей честности, что полагаюсь на васъ.

— Вы правы, Жакъ. Со времени нашего нелѣпаго поединка на «Трезубцѣ» событія очень измѣнились. Путешествіе насъ образумило, и я уже давно питаю къ Марі преданную дружбу, всегда готовую къ ея услугамъ. Мое сердце отдано другой. Въ теченіе этихъ долгихъ мѣсяцевъ я лучше узналъ и оцѣнилъ Флоризу. Это восхитительная женщина, столь же живая и веселая, какъ любящая и надежная. Пережитыя нами испытанія были для нея, какъ бы крещеніемъ, воспитавшимъ и возвысившимъ ея душу; я сдѣлаю ее моею женою, и мы должны повѣнчаться въ первомъ же монастырѣ, тотчасъ послѣ пріемныхъ празднествъ во дворцѣ.

— Какъ я радъ, любезный другъ,—отвѣтилъ Жакъ:—и какъ мнѣ теперь легче просить у васъ совѣта. Марі такъ жестока ко мнѣ, что я сомнѣваюсь, согласится ли она когда нибудь.

— Марі васъ очень уважаетъ, и мы скоро узнаемъ, любить ли она васъ; я за это берусь.

Жакъ поблагодарилъ его съ сердечными изліяніями, и къ концу прогулки онъ сдѣлался веселѣе. Они продолжали изслѣдованія

этого любопытнаго города и посѣтили кафе-диваны, гдѣ прислуживаютъ полненькіе мальчики, и гдѣ посѣтителі истребляютъ маковые шарики, возбуждающіе смѣхъ, любовь и мечту.

Вдоль стѣнъ помѣстилась вся странствующая промышленность: лудильщикъ съ своимъ мѣшкомъ угольевъ, раздувальными мѣхами и амміачной солью въ бычьемъ рогѣ; далѣе—серебряникъ съ переноснымъ горномъ, кожанымъ мѣшкомъ, формой для отливанія слитковъ и волочительней; онъ работалъ на колѣняхъ, стянутыми полотняной повязкой.

Предъ лавочкой торговца благовопіями одинъ покупатель былъ очень занятъ треніемъ о чеснокъ нитки, которую затѣмъ онъ пропускать съ иглой въ пузырь съ мускусомъ. Такъ какъ запахъ чеснока не совершенно исчезъ, то онъ гнѣвно замѣтилъ:

— Твой мускусъ ничего не стоитъ, воръ ротозѣвъ!

И, треснувъ по маленькому пузырю, который лопнулъ, онъ вытащилъ свинцовый шарикъ, положенный торговцемъ вмѣстѣ съ кровью для увеличенія вѣса. Торговецъ громко закричалъ; поднялась борьба, отъ которой наши путешественники удалились, не имѣя свободнаго времени для вмѣшательства.

Они попали въ своеобразный кварталъ Гебровъ, огнепоклонниковъ; тамъ, въ переулочкахъ, смѣившихся между низкими лачугами, всегда зажжены два огня, которые поддерживаются въ честь солнца.

Они проходили мимо монастыря, и Жака удивило это сосѣдство, неожиданно соединявшее еретиковъ и монаховъ.

— Это іезуиты отца Ригурди,—сказалъ Али.—Они не добились разрѣшенія жить, какъ другіе, въ городѣ, потому что пріѣхали безъ подарковъ. Тщетно они старались замѣнить ихъ тысячею прекрасныхъ предложеній, какъ, напримѣръ, походомъ противъ турокъ, бракомъ его величества, персидскаго шаха, съ герцогиней Монпансье и прибытіемъ въ Ормузъ французскаго флота подъ командою Кондэ, но ничего не выиграли. Впрочемъ, въ принципѣ христіанамъ запрещено жить въ городѣ; исключенія дѣлаются лишь для миссіонеровъ и служащихъ въ европейскихъ товариществахъ.

— Почему такой остракизмъ?—спросилъ Альвейръ.

— Потому что хотятъ воспрепятствовать мусульманскимъ женщинамъ позволять себя соблазнять. Когда одна изъ нихъ попадетъ въ этомъ, ее приговорятъ къ смерти, если ея любовникъ не перейдетъ тотчасъ же въ магометанскую религію. Другая опасность состояла въ томъ, что когда христіане были сосѣдями, то персы ходили къ нимъ пить вино. Для избѣжанія этого неудобства христіане удалены въ предмѣстье, по ту сторону рѣки.

— Въ городѣ много католическихъ орденовъ?

— Они не многочисленны и не имѣютъ очень большого вліянія. Папа Климентъ XIII много послалъ ихъ; шахъ нашелъ, что онъ—ихъ

естественный союзникъ по общей ненависти къ туркамъ. Онъ покровительствуетъ монахамъ, посредствомъ которыхъ достигаетъ расположенія со стороны христіанскихъ государей, своихъ сосѣдей, напримѣръ, грузинскаго. Но эти миссіи мало пріобрѣтаютъ новообращенныхъ. Персы переходятъ въ христіанскую религію изъ выгодъ, когда имъ требуется покровительство посланника или главы крупнаго товарищества, а то и потому, что образование ихъ дѣтей тогда становится даровымъ. Монахи здѣсь не распространены и не пользуются народнымъ расположеніемъ. Народъ принимаетъ ихъ за врачей вслѣдствіе ихъ длиннаго одѣянія. Являясь союзникомъ государей Европы, шахъ требуетъ, чтобы они не покидали своего одѣянія и не носили бурнусовъ для увеличенія своего вліянія въ глазахъ другихъ восточныхъ народовъ. Софты и капуцины въ достаточно хорошихъ отношеніяхъ, и наши марабуты считаются довольно уживчивыми, если судить по предложенію, сдѣланному однимъ изъ нихъ вашему капуцину. «Бросимся съ вышины крыши, держась за руки,—сказалъ онъ:— и тотъ, кто сильнѣе ушибется, будетъ принадлежать къ религіи другого».

— Нельзя быть примирительнѣе,—сказалъ Жакъ.

Мимо нихъ прошелъ черный монахъ въ странномъ одѣяніи.

— Это еще что за монахъ?—спросилъ Жакъ.

— Это—португальскій августинецъ. Ихъ только четверо въ Испаганѣ съ восемью слугами, ихъ прозвали «христіанами говяжьяго супа», ихъ любимаго блюда.

Въ это время изъ раскрашенныхъ въ различные цвѣта воротъ городского вала показались всадникъ и амазонка; это были Флориза и Робэнъ, прогуливавшіеся по внѣшнимъ бульварамъ.

— Вотъ и пришлось встрѣтиться!—сказала Флориза, смѣясь.— Ну, что же? красивъ городъ?

Они продолжали прогулку вмѣстѣ, тѣмъ болѣе охотно, что отправились осматривать внутренность дома богатаго банкира, крупнаго собирателя предметовъ искусства; его другомъ былъ сынъ Эриванскаго хана, состоявшій при испаганскомъ дворѣ.

Онъ служилъ имъ проводникомъ.

Дома всѣхъ персіянъ состояли изъ двухъ отдѣленій, разъединенныхъ дворами или садами: эндерума, т.-е. внутренняго жилья, которое расположено, какъ можно далѣе отъ улицъ, и не имѣетъ ни оконъ, ни выходовъ,—и бируна, т.-е. внѣшняго помѣщенія мужчинъ, куда попадаешь чрезъ входную дверь. Здѣсь хозяинъ дома занимается дѣлами и принимаетъ друзей; здѣсь же онъ спасается, избѣгая туфель жены. Въ этомъ неприкосновенномъ убѣжищѣ его не можетъ преслѣдовать разъяренная супруга, и онъ располагается тамъ, пока ея гнѣвъ успокоится.

Они прошли дворъ, благоухающій розами и освѣженный водоемами, выбрасывающими струи воды, залы, переполненные позоло-

той, и особенно заинтересовались стѣнною живописью. Тамъ была богатая коллекція, представившая ихъ глазамъ самыя прекрасныя образцы персидскаго искусства. Какъ обольстительны эти странныя картины съ ихъ свѣтлымъ фономъ и разноцвѣтными горами, какъ будто склеенными изъ леденцовъ, розъ и винной гущи. За ними, какъ позади оплота, скрываются осторожныя персы, чтобы присутствовать при опасномъ зрѣлищѣ. Изъ-за горъ видѣются верхняя часть ихъ туловища и отчасти ихъ лошади; они со вниманіемъ слѣдятъ за борьбою въ долинѣ, покрытой въ геометрическомъ порядкѣ золотистыми цвѣтами на густой ярко-зеленой травѣ. Здѣсь представленъ красный всадникъ, убившій дракона въ десять разъ больше его и пронзающій саблей въ глазъ и мозгъ львицу, тогда какъ лань, величиною съ кролика, убѣгаетъ въ ужасѣ отъ такой ловкости. Въ другомъ мѣстѣ голубой король держитъ за шею двухъ тигровъ, по одному въ каждой рукѣ, а его лошадь съ любопытствомъ смотритъ на него; изъ-за вершины горы на него глядятъ воины, выражая свой восторгъ поднятіемъ рукъ. Въ центрѣ поляны на балдахинѣ лежитъ приготовленная для него корона. Потомъ изображенъ движущійся рысью эскадронъ съ блестящими трубами, съ позолоченными знаменами; всадники воспламенены; они очень любопытны въ своихъ круглыхъ шлемахъ и въ одеждахъ изъ грубой матеріи, усѣянной пучками хлопка. Сами лошади въ бронѣ, проколоты мечами; а когда всадникъ бросается въ атаку, все загорается — человекъ и лошадь: это головной уборъ, огненный вихрь, сѣявшій ужасъ и пожаръ.

Въ сосѣднемъ залѣ находились самыя вѣжныя и плѣнительныя картины. Ихъ тонъ живой, но безъ особеннаго блеска, мягкій, но безъ вялости, гармонично сливался. Иногда колоритъ становится блестящимъ, какъ на картинѣ, изображавшей прогулку шаха.

Они вышли изъ галлерей богатаго банкира совершенно очарованные и продолжали свое обозрѣніе города.

По ту сторону Уксусной башни они вошли въ еврейскій кварталъ, грязный и тѣсный. Когда они приблизились къ башнѣ съ основаніемъ изъ мѣди, то увидѣли ѣдущую верхомъ женщину, которая держала въ своемъ покрывалѣ очищенные орѣхи. Она остановилась и, ничего не говоря, предложила Жаку и Альвейру орѣховъ и винограда. Когда они изъ недовѣрчивости отказались, то проводникъ быстро сказалъ:

— Возьмите, вы приведете въ отчаяніе эту бѣдную женщину.

Когда наѣздница удалилась, улыбаясь, что помѣстила свои плоды, Жакъ спросилъ у проводника объясненія.

— Безплодныя женщины, — сказалъ послѣдній, — приходятъ къ этой башнѣ съ основаніемъ изъ мѣди. Онѣ приносятъ новую метлу, горшокъ и орѣховъ. Чтобы избавиться отъ своего недуга,

имъ достаточно разбить эти орѣхи о ступени башни, подмести шелуху, вложить ее въ горшокъ и все это отнести, какъ даръ, въ мечеть. Возвращаясь оттуда, онѣ дополняютъ свое лѣченіе, предлагая всѣмъ поцѣпившимся навстрѣчу мужчинамъ свои очищенные орѣхи. Чѣмъ болѣе онѣ будутъ имѣть въ этомъ успѣхъ, тѣмъ болѣе родится у нихъ дѣтей.

Пока проводникъ рассказывалъ, Альвейръ, обернувшись къ Флоризѣ, говорилъ съ ней о Жакѣ.

— Дружокъ, бѣдный Жакъ въ отчаяніи; надо, чтобы Марі рѣшила; поговори съ нею.

— Да, большой простофиля,—отвѣтила Флориза, мило смѣясь,—развѣ ты не видишь, что она сгораетъ отъ желанія, и у насъ будетъ двойная свадьба.

— Не хватаетъ свадьбы Робэна и Лизонъ, чтобы была троица.

— Чортъ возьми! есть что-то похожее,—отвѣтила Флориза,—но помолчимъ, вотъ докторъ.

Робэнъ сказалъ имъ, что воспользуется рассказанными исторіями проводника, которыя находятъ очень забавными.

— Вотъ, видите этотъ красивый домъ, запертый желѣзной дверью. Повидимому, онъ знаменитъ: это—домъ Двѣнадцати Томановъ.

— Что означаетъ это названіе? —спросила Флориза проводника.

— Вамъ извѣстно, что одинъ томанъ представляетъ около сорока франковъ на ваши деньги. Двѣнадцать Томановъ была красивая женщина, которая жила еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ и взяла, какъ прозвище, свой тарифъ.

— Изобрѣтательность въ такого рода свѣдѣніяхъ ни отъ кого не ускользнула бы,—замѣтилъ Альвейръ.

— Однажды щеголи хотѣли вломиться къ ней въ домъ, и такъ какъ она всегда держала дверь запертой, то они подложили огонь и могли проникнуть чрезъ ея дымившіеся остатки. На другой день послѣ этого нескромнаго пожара красавица замѣнила свою деревянную дверь желѣзной.

— Гдѣ не гнѣздится добродѣтель!—сказалъ Жакъ.

— Это вы можете сказать. Ее погубила добродѣтель! —прибавилъ проводникъ.

— Вотъ это забавно!

— Когда она состарилась, то перестала работать сама и сдѣлалась содержательницей веселаго дома. У нея было шесть хорошенькихъ дѣвушекъ, которыхъ посѣщала золотая молодежь Испани. Однажды вечеромъ подгулявшая молодежь потребовала не ея воспитанницъ, а ее. Добродѣтельная личность воспротивилась. Уже одинъ сатиръ едва не оправдалъ своихъ усилій, какъ вдругъ она выхватила изъ-за пояса кинжалъ и убила его.

— Новая Лукреція!—сказалъ докторъ.

— Друзья убитого тотчас же отметили злополучной Двѣнадцатъ Томановъ.

— А теперь ея домъ—не храмъ ли, посвященный ея памяти?—спросила Флориза.

— Нѣтъ, это—увеселительный домъ, какъ всѣ другіе на этой улицѣ. У насъ здѣсь двѣнадцать тысячъ дѣвушскъ.

— Поздравляемъ васъ,—сказалъ Альвейръ.

Они пришли въ европейскій кварталъ. На площади одинъ старый чинаръ былъ весь унизанъ гвоздями, которые втыкали деревши, чтобы вѣшать свое тряпье. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда на обвитой желѣзными обручами мачтѣ еще сохранились обрывки почернѣвшаго и сморщившагося на солнцѣ человѣческаго мяса.

— Это—мѣсто казни одного губернатора, обворовавшаго казну. Онъ былъ привязанъ къ мачтѣ и пронзенъ стрѣлами, а тѣло его оставлено на ней. Ужасная огласка этихъ казней доказываетъ законнѣлую хищность безстыдныхъ чиновниковъ. Шахъ отъ времени до времени дѣлаетъ это для примѣра другимъ.

Флориза покинула своихъ спутниковъ. Она направилась къ дворцу, гдѣ опечаленная Марі ожидала возвращенія своихъ друзей въ прохладномъ и тѣнистоомъ патіо, укѣашенномъ диванами.

Она вошла смѣющаяся и сіяющая, съ цвѣтами на груди и съ хлыстомъ въ рукѣ. Она съ мѣста начала разговоръ.

— Восхитительная прогулка и какая прекрасная погода, чтобы пробѣжаться по полямъ. Тебѣ надо бы пройтись, Марі: свѣжій воздухъ былъ бы для тебя полезенъ.

— Я была немного утомлена.

— Не говори глупостей, я тебя слишкомъ хорошо знаю. Жакъ любить тебя, а ты—его, и ты не знаешь, на что рѣшиться,—вотъ въ чемъ все дѣло.

— Ахъ, мой Богъ, да, разъ ты знаешь мои сердечныя дѣла. Видишь ли, мы не такія женщины, какъ другія; мы до сихъ поръ жили свободно отъ общества, такъ же честно, какъ другія, безъ сомнѣнія, честно, чѣмъ нѣкоторыя честныя женщины, чистота которыхъ состоитъ въ прикрываніи своей нечистоты подъ ложной внѣшностью чистоты. Развѣ любовь—не добродѣтель, придающая душѣ благородство и чуткость лучше, чѣмъ это дѣлаютъ законы и социальныя условія? Я страдаю отъ своего колебанія и не знаю, на что мнѣ рѣшиться. Я всю жизнь буду носить трауръ по моему бѣдному Жанѣ, и если когда нибудь мое сердце должно имѣть какое нибудь расположеніе къ другому, тотъ другой будетъ не кто иной, какъ его племянникъ, который напоминаетъ мнѣ его, и въ которомъ, мнѣ кажется, онъ снова оживаетъ. Одна мысль о комъ нибудь постороннемъ была бы преступленіемъ; я оправдываю себя, когда думаю о Жакѣ,—добромъ, великодушномъ, сдержанномъ, который такъ похожъ на моего Жана.

— Полно,—сказала нѣжно Флориза, опускаясь предъ нею на корточки и обнимая ее:—ты хорошо видишь, что любишь его. Тогда зачѣмъ же дѣлать его несчастнымъ?

Марі подняла глаза къ небу, пожимая плечами, и сказала:

— Кто знаетъ?

Въ это время всѣ вернулись. Завтракъ былъ довольно веселъ. Говорили о большомъ праздникѣ шатира, назначенномъ на другой день, и на который ихъ пригласили въ императорскую ложу.

Выйдя изъ-за стола, Марі удалилась одна съ маленькимъ Пьеромъ подышать чистымъ воздухомъ въ паркѣ. Она принялась читать, растянувшись въ длинномъ креслѣ предъ зеленой, цвѣтущей роцицей, освѣжаемой водоемомъ съ падающими струями воды. Жакъ зналъ, что Флориза должна была съ нею говорить. Онъ тотчасъ же догналъ ее, и Марі, улыбаясь, сказала:

— Полно, большой ребенокъ, садитесь.

— Какъ вы себя чувствуете? Вамъ, повидимому, лучше, значитъ, вы больше не больны, потому что любезны; вы снова естественны.

— Благодарю.

— Полноте, не шутите со мною, какъ съ ничего незначащимъ вздыхателемъ, которымъ играютъ. Вы мнѣ даете досадную роль.

— Образумьтесь, мой другъ, — сказала Марі строже и кладя свою руку на его:—я придаю вашему расположенію важность, какой оно заслуживаетъ, и я была бы истинно и глубоко огорчена, если бы я его лишилась.

— Предположеніе немислимое, по крайней мѣрѣ, пока я живъ. Я васъ такъ люблю...

Онъ покрылъ поцѣлуями руку Марі; она не отнимала ее.

— Что же вы ничего не отвѣчаете?—спросилъ онъ.

— Что же мнѣ сказать вамъ?

— Вотъ какъ! когда объясняешься съ людьми, которыхъ любишь, такъ желательно знать, не сердитъ ли ихъ.

— Объясненія всегда льстятъ женщинамъ; вы меня не разсердили.

— Вотъ и все? Полно, мы не понимаемъ другъ друга. Я васъ безумно люблю, до потери смысла, и вижу васъ всегда спокойной, улыбающейся; вы отвѣчаете вѣжливымъ расположеніемъ на мое жгучее пламя; у васъ голова и сердце одинаково свободны, и голова господствуетъ надъ сердцемъ.

— Такъ теперь вы со мною спорите? Вы—оригиналь.

— А вы—безчувственная, жестокая!

— Что же вамъ надо, требовательный другъ?

— Я вамъ сказалъ, какъ я васъ люблю,—отвѣтилъ онъ, приближаясь къ ней:—но не могу ли я узнать въ свою очередь ваши чувства относительно меня?

Марі не отвѣтила, но она не сопротивлялась, когда Жакъ схватилъ рукою ея станъ и страстно поцѣловаль ея въ губы. Тогда она поднялась улыбающаяся, смотря на Жака влажными отъ радости и счастья глазами, и мило сказала ему:

— Вы теперь убѣдились?

Жакъ стоялъ предъ нею на колѣняхъ.

— О, еще не уходите, обожаемая Марі, дайте мнѣ опьяниться вашимъ голосомъ и видомъ и излѣчить этой минутой опьяненія мои страданія въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ.

Мари улыбалась и пожала ему съ любовью руку.

Они отправились разыскивать маленькаго Пьера, игравшаго позади кустовъ. Жакъ взялъ его на руки и расцѣловаль. Онъ распростился, и Марі, сказала ему, посылая потихоньку поцѣлуй:

— Возвращайтесь скорѣе.

Она была счастлива. Играя съ мальчикомъ, она спросила его:

— Ты очень любишь твоего двоюроднаго брата Жака?

— О, да, онъ милый.

Она была рада этой общности любви и сказала:

— Былъ бы ты доволенъ, имѣя его отцомъ?

Маленькій подпрыгнулъ, потирая руки, сказалъ:

— Двоюродный братъ Жакъ насъ больше не покинетъ? Какое счастье, мамочка!

Эта радость принесла облегченіе Марі, видѣвшей въ дѣтскомъ изліяніи самое непорочное одобреніе принятому ею рѣшенію.

Послѣдующее затѣмъ время было какъ бы брачною поговоркой, въ честь которой шахомъ были безсознательно предложены празднества. Марі, становившаяся все красивѣе и въ хорошемъ настроеніи, весело вела дѣла посольства. Теперь она вложила въ эту задачу все свое сердце и, благодаря этому, замедлила посвятить себя любви, чтобы окончить съ политикой.

Такимъ образомъ посольство его величества Людовика XIV должно было окончиться одновременно торговымъ трактатомъ и тройной свадьбой: Жака, Альвейра и доктора Робэна. Свадьбы были назначены на другой день торжественной аудіенціи, и настоятель монастыря капуциновъ имѣлъ честь все приготовить для нихъ. Рабочіе начали украшать церковь.

На другой день, когда Жакъ и Мари рѣшили свой бракъ, было назначено празднество въ честь шатира, на которое они были приглашены. Даваемое шахомъ такого рода празднество представляло большое торжество. Шатиръ былъ придворный слуга, въ одно и то же время гонецъ и танцоръ. Въ Персіи танцуютъ только слуги и распутныя женщины, поэтому одинъ персіянинъ, увидѣвъ въ Версаль танцующаго Людовика XIV, сказалъ: «это—хорошій шатиръ».

Тяжкого рода люди, согласно своему положению, хорошие бѣгуны. И когда одинъ изъ нихъ чувствуетъ себя достаточно подготовленнымъ, то можетъ добиться случая участвовать на королевскихъ бѣгахъ. Если онъ выиграетъ призъ, то получаетъ значительные подарки и почетныя милости. Игра состоитъ въ томъ, что надо сдѣлать тридцать шесть миль въ двѣнадцать часовъ отъ заката до восхода солнца. Тотъ, кто одержитъ побѣду, дѣлается главою своей касты.

Въ это утро весь городъ былъ оживленъ. Предъ большими воротами дворца воздвигли палатку, длиною восемьдесятъ футовъ и покрытую алой тканью, натянутой и приподнятой на золоченныхъ столбахъ, оканчивающихся золотыми шарами, откуда свѣшивались лошадиные хвосты. Толстые ковры покрывали полъ возвышенія, украшенный парчевыми подушками. На мачтахъ висѣли гроздьями пояса съ погремушками, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ скороходы. Подальше устроенъ былъ буфетъ, переполненный цѣнными вазами и предметами, украшенными драгоценными камнями. Около двадцати золотыхъ чашъ вмѣщали въ себѣ марцепаны, сухое и жидкое варенье и цвѣты.

По краямъ стояли придверники и отрядъ тѣлохранителей; палатку отдѣляли отъ толпы бѣлые слоны, поставленные, какъ ограда. Эти слоны были разукрашены золотыми цѣпами и сбруей изъ чистаго серебра. Принадлежавшій шаху слонъ былъ совершенно приготовленъ для поѣздки. На его спинѣ находились столь обширныя носилки, что можно было въ нихъ растянуться во весь ростъ.

Среди животныхъ, находившихся вокругъ возвышенія шаха, были также охотничьи звѣри: львы, ящеры, пантеры, за которыми слѣдила вооруженная стража въ парадной одеждѣ. Эта ограда была усилена низкими телѣжками, запряженными бѣлыми волами, стадомъ бѣлыхъ буйволовъ въ сбруѣ, быками, баранами и прочими животными съ амулетами на шеѣ.

Стѣны, выходящія на улицы, по которымъ слѣдовалъ шатиръ, были также разукрашены свѣтлою тканью и оружіемъ; земля была опрыскана благовоніями и усыпана цвѣтами; на всемъ пути виднѣлись мачты и флаги. Вдоль дороги на возвышенныхъ мѣстахъ зрители были распределены по отдѣламъ: здѣсь—индѣйцы, тамъ—армяне въ прекрасныхъ нарядахъ, далѣе—гебры и отдѣльно—евреи.

При оглушительныхъ барабанныхъ звукахъ Великій Софи вышелъ изъ дворца, сверкая драгоценными камнями и сопровождаемый всѣмъ дворомъ. Онъ спустился съ возвышенія, чтобы оказать честь Маріи Пётъ и принять ее; предложивъ ей руку, онъ посадилъ ее съ правой стороны отъ себя. Сидѣнья второго ряда были приготовлены для ея свиты: племянника, Альвейра и другихъ. Маленькому Пьеру была приготовлена подушка у ногъ самого шаха.

Вокругъ французской миссіи заняли мѣста всѣ высшіе сановники и приглашенные, представители всѣхъ христіанскихъ миссій и управители крупныхъ европейскихъ товариществъ.

Шатиръ, которому предстояло бѣжать въ честь Марі Пёті, былъ красивый двадцатилѣтній мужчина, кавказецъ, по имени Сиди-Баль.

Раздались звуки цимбаловъ. Было четыре часа утра. Воздухъ былъ чистый, согрѣтый лучами солнца, еще стоявшаго низко.

Устроитель бѣговъ велѣлъ разступиться толпѣ, и шатиръ подошелъ, чтобы согласно обычаю привѣтствовать своего повелителя.

Послѣдовалъ взмахъ платка, и улыбаясь бѣгунъ пустился, припрыгивая, чтобы перевести духъ.

Шатиръ остался побѣдителемъ, и шахъ сказалъ ему громко:

— Я тебя дѣлаю главою шатировъ и даю калаатъ.

Калаатомъ называется подарокъ и равняется пятидесяти тысячамъ франковъ. Народъ радостно восклицалъ и восхвалялъ шаха.

Шатиръ получилъ подарки отъ всѣхъ сановниковъ, которымъ это великодушіе предписывала благосклонность шаха къ нему.

Среди любезностей, которыми обмѣнивались посредствомъ переводчика шахъ и Марі относительно великолѣпнаго праздника, французская посланница по временамъ забывала о своей миссіи и кидала на Жака долгіе взгляды.

На другой день была назначена торжественная аудіенція у шаха.

Съ девяти часовъ утра многочисленная толпа переполнила мѣстность, прилегавшую къ дворцу, гдѣ жила Марі. Всѣ увидѣли, какъ къ нему подѣхалъ церемоніймейстеръ, въ сопровожденіи тридцати гвардейцевъ его величества и многочисленныхъ скороходовъ, слугъ и прочихъ дворцовыхъ чиновъ двора. Онъ явился за посланницей и ея свитой. Гвардейцы были въ свободныхъ красныхъ мантияхъ съ такими же тюрбанами; на нѣкоторыхъ были черныя барашковыя шапки, украшенныя бѣлыми перьями, алмазными султанами и серебряными бляхами. Кромѣ того, шахъ оказалъ честь Марі Пёті, пославъ ей изъ своихъ конюшенъ превосходнаго иноходца, въ богатой сбруѣ изъ красной кожи, вышитой золотомъ.

Марі Пёті заняла почетное мѣсто, отведенное ей въ этомъ торжественномъ шествіи. Ее окружали друзья верхами; позади нея слѣдовали повозки съ подарками персидскому шаху отъ короля Франціи.

Она вѣхала во дворецъ чрезъ Посланническія ворота, открывшіяся въ великолѣпный садъ, по которому вела широкая дорожка, засаженная направо и налево чинарами. Согласно обычаю, всѣ лошади государственной конюшни были приведены и привязаны золотыми цѣпями къ богатымъ яслямъ. Онѣ были въ роскошной упряжи, а на сѣдлахъ красовались арабски набойной работы

изъ драгоцѣнныхъ камней. Блестящія ряды самыхъ красивыхъ лошадей въ свѣтѣ, украшенныхъ самыми рѣдкими чудесами, представляли пріятное зрѣлище. Вокругъ нихъ конюхи не преминули, какъ это всегда дѣлалось, разложить на толстыхъ коврахъ всю конюшенную утварь изъ чистаго золота, считая и гвозди съ молотками.

Шахъ, окруженный всѣми придворными, ожидалъ посольство въ большомъ залѣ своей сокровищницы, находившейся въ концѣ дорожки. Залъ съ куполомъ заключалъ ослѣпительныя богатства, полученныя королемъ въ подарокъ отъ другихъ государей. Повсюду—на стѣнахъ, въ углубленіяхъ стѣнъ и на коврахъ, было изобиліе художественныхъ произведеній, въ странномъ безпорядкѣ, напоминавшемъ базаръ. Тамъ были богатое оружіе, лезвія дамасской стали, ружья, украшенныя драгоцѣнными камнями, сложные часы, столы, мебель, фарфоръ, предметы всякаго происхожденія—изъ Германіи, Италіи, Китая,—драгоцѣнное собраніе рубиновъ, бирюзы, ножны изъ коралловъ, кубки изъ сердолика, хрусталя, агата, яшмы, зеркала въ золотыхъ рамахъ, ящики, полные запястій и драгоцѣнностей, ларцы съ золотыми вещами, съ эмалью и кожами рѣдкихъ животныхъ: это былъ самый странный и чудный музей.

Мари приблизилась одна и привѣтствовала шаха по-французски. Ея друзья сдѣлали то же. Шахъ чрезъ переводчика сказалъ ей любезность относительно успѣха ея продолжительнаго предпріятія и очарованія французскихъ женщинъ, о которыхъ онъ судилъ по ней. Мари мило отвѣтила на эти лестныя любезности. Шахъ долго разспрашивалъ ее о ея родинѣ, королѣ, формѣ правленія, положеніи Франціи въ Европѣ и разстояніи, отдѣлявшемъ ее отъ Персіи. Онъ думалъ, какъ и всѣ восточные люди его времени, что Еврoпа маленькій островъ на Черномъ морѣ, откуда приѣзжаютъ къ нимъ за всѣмъ, что есть самое прекрасное. Онъ, казалось, удивился, узнавъ, что англичане не первый народъ запада, и былъ счастливъ, что ихъ побѣдныя сношенія, распространенныя по Азіи, были нерѣдко чистымъ воображеніемъ. Онъ выразилъ желаніе войти въ сношенія съ такимъ блестящимъ королемъ, какъ Людовикъ Великій.

Мари велѣла переводчику отвѣтить, что это желаніе и ея короля, а, какъ залогъ дружбы, она привезла подарки. Повидимому, они очень понравились его величеству, который долго ихъ разсматривалъ со всѣми признаками живого удовольствія.

Тогда посланица вручила чрезъ маленькаго Фабра пергаментъ, заключавшій въ себѣ статьи торговаго договора, предложеннаго Людовикомъ XIV, чтобы добиться льготъ для французскихъ купцовъ, которые съ своими товарами явятся въ Персію для основанія тамъ своихъ торговыхъ домовъ. Шахъ, благосклонно улы-

баясь, выслушалъ его содержаніе и объявилъ, что это ему совершенно подходит, но что, однако, онъ рассмотреть его подробнѣе въ совѣтѣ своихъ министровъ, прежде чѣмъ имѣть возможность передать ей чрезъ короткое время официальное утвержденіе для врученія его двоюродному брату, королю Франціи. Разговаривая, онъ съ улыбкой посматривалъ на толстаго врача Робэна, который съ безконечнымъ трудомъ старался придать себѣ приличную осанку, т.-е. сидѣть на пяткахъ, не показывая кончика своихъ ногъ, какъ должно дѣлать въ хорошемъ обществѣ. Онъ смѣялся, видя, какъ врачъ запыхался и вздыхалъ, и объявилъ, что разрѣшаетъ ему не стѣсняться и сѣсть, какъ ему удобно; это было знакомъ большой благосклонности.

Шахъ бесѣдовалъ съ Марі и ея спутниками болѣе получаса, обращаясь къ каждому съ любезнымъ словомъ и спрашивая у Пьера, любитъ ли онъ охоту; онъ подарилъ ему свой ножъ, украшенный драгоценными камнями; онъ также спросилъ Жака и Альвейра, нравится ли имъ Персія, и расспрашивалъ о вооруженіи французскихъ солдатъ; Флоризъ онъ сказалъ, что своей свѣжестью она превосходитъ скипидарное дерево его парка, и своей любезностью показалъ всѣмъ, что союзъ съ Франціей ему вполне подходит.

Когда аудіенція была окончена, то онъ предложилъ прогуляться по садамъ, и весь дворъ былъ пораженъ такимъ рѣдкимъ поступкомъ шаха и его необычайной привѣтливостью. Шахъ и его свита такимъ образомъ сопровождали Марі до бесѣдки Тамерлана, гдѣ самые красивые изъ юныхъ грузинъ дворца подавали, подъ звуки таинственной, невидимой музыки, сласти, варенье, кофе, чай и трубки.

Шахъ втянулъ въ себя клубы табачнаго дыма и предложилъ свой кальянъ Марі; большей чести онъ не могъ оказать ей. Она вдохнула изъ кальяна голубоватый дымокъ, и ей казалось, что въ его легкихъ облачкахъ она на секунду увидѣла свое прошлое: игорный домъ въ улицѣ Мазарини, Константинополь, ловушку Арарата, блѣдное лицо Фабра,—все опасности и драматическія перипетіи своего путешествія. Но воспоминанія обо всемъ внезапно исчезли, какъ и самъ дымъ, въ лучезарной радости этого прекраснаго дня, въ свѣтлой надеждѣ будущаго, озареннаго любовью, въ восхитительномъ ожиданіи того свѣтлаго завтра, которое ее отдастъ дорогому Жаку,—во всемъ этомъ ослѣпительномъ апоэозѣ, приготовленномъ для нея, какъ ореоль ея торжества.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Авторъ настоящаго романа Л. Кларети, сынъ извѣстнаго французскаго академика и директора театра Французской комедіи, уже давно написалъ историко-литературный очеркъ, подъ названіемъ «Lesage romancier», за который французская академія выдала ему премію. Въ этой книгѣ такъ же, какъ и въ своей докторской диссертациі о томъ же Лесажѣ, Кларети говоритъ довольно подробно о Марі Пёті, о которой Лесажъ хотѣлъ писать цѣлое сочиненіе. Эта Марі Пёті была извѣстная авантюристка и играла въ исторіи французской дипломатіи довольно видную роль. Поэтому о ней писали нѣкоторые историки, а авторъ настоящаго романа, упомянувъ о Марі Пёті въ своихъ прежнихъ сочиненіяхъ, рѣшился написать романъ, «обращаясь свободно съ исторіей и находя, что дѣйствующія лица не такъ важны, чтобы церемониться съ ними»; впрочемъ, главнымъ изъ нихъ онъ сохранилъ историческія черты. Во всякомъ случаѣ здѣсь кстати вспомнить эти черты, тѣмъ болѣе, что историческое событіе, послужившее канвой романа, случилось ровно 200 лѣтъ тому назадъ.

Марі Пёті родилась въ Муленѣ въ 1665 году и была дочерью адвоката и прачки; она отличалась красотою и живымъ умомъ. Въ Парижѣ она содержала блестящій игорный домъ въ улицѣ Мазарини, гдѣ близко сошлась съ марсельскимъ купцомъ, Жаномъ Фабромъ, которому въ 1705 году французское правительство поручило посольство въ Персію. вмѣстѣ съ собою онъ захватилъ красавицу Марі Пёті, но на дорогѣ встрѣтилъ большія препятствія со стороны тогдашняго французскаго посланника въ Константинополь, Ферриоля, когда-то отбившаго у него жену. Онъ рѣшился во что бы то ни стало передать персидское посольство своему секретарю Мишелю и поручилъ ему такъ или иначе извести настоящаго французскаго посланника, Фабра. Послѣ многихъ пе-

рипетій Жанъ Фабръ добрался сначала до Константинополя, а затѣмъ до Эривани вмѣстѣ съ Марі Пёті, переодѣтой въ мужское платье, но тутъ Мишелю удалось его отравить. Однако счастье ему не повезло далѣе, а напротивъ Марі Петі продолжала свои драматическія странствія до самой Испагани; персидскій шахъ Гусейнъ торжественно принялъ ее, какъ французскую посланницу, и осыпалъ богатыми подарками, но на возвратномъ пути она была арестована въ Марселѣ въ 1709 году, по приказанію Ферріоля, обвиняемая въ принятіи мусульманства, въ наименованіи себя ложнымъ именемъ, въ воровствѣ и развратѣ. Процессъ длился долго, но послѣ отставки Ферріоля, въ 1711 году Марі Пёті была освобождена, и въ свое оправданіе написала мемуары, которые, однако, были запрещены французскимъ правительствомъ. О послѣдующей ея жизни ничего неизвѣстно, и она умерла въ 1720 году.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеупомянутыя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАѢ 1905 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

I. Богословіе.

Свѣтловъ, П. Я., прот. Курсъ апологетическаго богословія. Изд. 2-е, доп. Спб. 1904. Ц. 2 р.
Хитрово, В. И. Русскіе паломники Святой Земли. Спб. 1905. Ц. 75 к.

II. Философія, психологія, логика.

Вейсманъ, А. Лекціи по эволюціонной теоріи. Часть I. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 2 р. 40 к.
Мюрхецъ, Д. Х., проф. Основныя начала морали. Перев. съ англ. Одесса. 1904. Ц. 75 к.

III. Ботаника, зоологія, минералогія, геологія, физика, химія.

Асколи, Марсель. Новый родъ лучей «N-лучи». Способы полученія, методы, наблюденія и свойства N-лучей. Перев. съ франц. Съ 24 рис. Спб. 1905. Ц. 50 к.
Бернцъ, П. Рѣчной ракъ. Съ 45 рис. въ текствѣ. (Практическая зоотомія, выш. II). Спб. 1905. Ц. 30 к.
Брейтенбахъ, д-ръ. Біологія къ началу XX вѣка. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 10 к.
Бремъ, А. Тундра, ея растительный и животный міръ. Перев. съ нѣм. Е. Елачина. Одесса. 1905. Ц. 50 к.
Спб. 1905. Ц. 15 к.

Вейсбахъ, А., проф. Таблицы для опредѣленія минераловъ по внѣшнимъ признакамъ. Перев. съ нѣм. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Елачищъ, Евгений. Какъ животныя защищаются отъ своихъ враговъ. Спб. 1905. Ц. 20 к.

— На чемъ основано раздѣленіе животнаго міра на отдѣлы. (Основы систематики). Спб. 1905. Ц. 15 к.

*Эльпе. Душа животныхъ и растений. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Клебсъ, Георгъ. Произвольное измѣненіе

растительныхъ формъ. Матеріалы для будущей физиологической развитія. Съ 28 рис. въ текстѣ. Перев. съ предисл. и примѣч. проф. К. Тимирязева. Съ прил. статьи К. Тимирязева. Факторы органической эволюціи. М. 1905. Ц. 1 р.

Климантовичъ, А. А. Переселенія животныхъ. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Оствальдъ, В., проф. Школа химіи. Общедоступное введеніе въ изученіе химіи. Ч. II. Химія важнѣйшихъ элементовъ и соединеній. Съ 32 рис. Перев. съ нѣм. Одесса. 1905. Ц. 1 р.

IV. Математика, астрономія и метеорологія.

Ньюкомъ, С., проф. Астрономія для всѣхъ. Перев. съ англ. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Португаловъ, А. В. Алгебра для экстерновъ, желающихъ экзаменоваться изъ курса гимназій, реальнаго и коммерческихъ учи-

лицъ, на аптекарскаго ученика, вольноопредѣляющагося и учителя математики городского и уезднаго училища. Вып. II. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р.

V. Словесность.

Алинъ, Н. Разказы. Ревель. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Аничковъ, Евгений. Литературные образы и мѣтныя 1903 г. Спб. 1904. Ц. 1 р.

*Апуктинъ, А. Н. Сочиненія. Изд. 5-е. Съ портретомъ, факсимиле и биографич. очеркомъ. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Арзель, Арнольдъ. Мракъ, Драматическая грима въ 5 дѣйств. М. 1905. Ц. 1 р.

Арцыбашевъ, М. Разказы. Томъ I. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Бѣлевичъ, В. Наши чтенія. Устройство литературныхъ вечеровъ въ учебныхъ заведенияхъ, основные приемы правильнаго и художественнаго чтенія и сборникъ стихотвореній для декламации въ школахъ и семьяхъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Буславскій, Всеволодъ (В. И. Лавскій). Провѣтъ. Драматическія сцены въ 5 д. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Веселозскій, Юрій. Армянскій поэтъ Смбагъ Шахъ-Авиль. I. Критическій этюдъ. II. Избранныя сочиненія поэта въ переводѣ. Изд. II. доп. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Въ защиту слова. Сборникъ. I. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Вороновъ, А. А. «Волны». Стихотворенія. Петроаводскъ. 1905. Ц. 75 к.

Врадій, В. П. Сибирскіе музеи и ихъ оружейный отдѣлъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ по Азін). Спб. 1905. Ц. 40 к.

*«Ганрабъ». Шахматная поэма. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Гауптманъ, Гергартъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ III. Вѣдный Генрихъ. Красный пѣтухъ. Флоріанъ Вейеръ. Роза Бернсъ. Элза. Перев. съ нѣм. под. ред. К. Бальмонта. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Герштейнеръ, Фр. Заря новой жизни. Романъ въ 3 ч. Изд. II. Спб. 1905. Ц. 1 рубль 50 к.

*Грибоѣдовъ, А. С. «Горе отъ ума». Комедія въ 4 д., въ стихахъ. Изд. 16-е. («Дешовая Выбл.», Суворина, № 1). Спб. 1905. Ц. 10 к.

Гринченко, Б. Пысанія. Томъ II. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Денисова, Л. Дневникъ молодой дѣвушки. «Лѣто» и разказы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Дорошевичъ, В. М. Собраніе сочиненій. Томъ I. Семья и школа. М. 1905. Ц. 1 р.

Достоевскій, Ф. М. Полное собраніе сочиненій. Изд. 6-е. Томъ IV. Записки изъ мертваго дома. Спб. 1905. Ц. по подл. на 14 том. 25 р.

— Записки изъ мертваго дома. Изд. 17-е. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Дымовъ, О. Солнцеворотъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Ермоловъ, А. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Книга IV. Народное погодовѣдѣніе. Спб. 1905. 2 р. 50 к.

Ждановъ, Л. Въ борьбѣ. (Профессоръ Смоленскъ). Спб. 1905. Ц. 50 к.

И—овъ, Мее. Россіада или школа русской жизни. Литературный сборникъ для самообразования. М. 1905. Ц. 3 р.

Кое-что, чтобы занять и развеселить скучающее общество. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Кордовскій, И. Очерки и разказы. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Кравченко, Н. Смерть еврея. Мать. Кошмаръ. Отчего умерла тетя Оля. Воспоминанія. (Иллюстрированныя разказы художника). Спб. 1905. Ц. 1 р.

Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Съ портретомъ и биограф. очеркомъ Н. Денисюка. Вып. I. (1856—1863 гг.). М. 1905. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. В. Четвероногіе разбойники. Разказы для дѣтей школьнаго возраста. М. 1905. Ц. 25 к.

— Хитрый звѣрь. Разказы для дѣтей школьнаго возраста. М. 1905. Ц. 20 к.

*Крыловъ. Васни. Полное собраніе, съ биографіей и примѣчаніями. Изд. 4-е. Спб. 1905. Ц. 65 к.

Левичій, М. Наставница. Повѣсть. Харьковъ. 1905. Ц. 35 к.

Лысковъ, И. П. А. П. Чеховъ въ пониманіи критики. Матеріалы для характеристики его творчества. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Львовъ, А. Часть I. На подвигъ! Часть II. На кровавой нивѣ. Одесса. 1905. Ц. 1 р.

Мая. Двадцать три разсказа и очерка. Св.-Троицкая Серг. Лавра. 1905. Ц. 1 р.

Мановскій, С. Собраніе стиховъ. Книга I. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Малиновскій, I. Университетъ въ сочиненіяхъ А. П. Чехова. Томскъ. 1904. Ц. 25 к.

Марновъ, А. М. Русская нумизматика. Конспектъ лекцій. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Мережновскій, Д. С. Петръ и Алексѣй (Антакристъ, т. III). Спб. 1905. Ц. 3 р.

Метерлинкъ, М. Сокровище смиренныхъ. Мудрость и судьба. М. 1905. Ц. 1 р.

— Монна Ванна. Пьеса въ 3 д. Перев. Анс. Чеботаревской. Спб. 1905. Ц. 10 к.

— Стылые, пьеса. Тамъ внутри, пьеса. Спб. 1905. Ц. 10 к.

— Сокровенный храмъ. Правосудіе. Эволюція тайны. Царство матеріи. Прошлое. Счастье. Вудущее. Жизнь пчелъ. (Полное собраніе сочиненій, томъ IV). М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Михаль, іером. «Передъ стѣной». «Передъ тайной». М. 1905. Ц. 40 к.

Михайловскій, Н. К. Послѣдніи сочиненія. Т. I. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Мордовцевъ, Д. Л. Любимый Соколъ Грознаго. Историческій разсказъ. Спб. 1905. Ц. 15 к.

— Новыя историческія повѣсти и разсказы. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

— Поездка въ пирамиды. Чудеса въ странѣ фараоновъ. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Мошинъ, А. О писателяхъ. Разсказы очевидцевъ объ А. С. Пушкинѣ, М. Ю. Лермонтовѣ, Н. В. Гоголѣ и друг. Спб. 1905. Ц. 20 к.

На сибирскія темы. Сборникъ въ пользу Томскихъ воскресныхъ школъ и Гоголевскаго народнаго дома. Подъ ред. М. Н. Соболева. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Нелединскій, В. М. «Вспышки». Стихотворенія. Черновъ. 1905. Ц. 1 р.

Нордау, м. Гейнъ и талантъ. Перев. съ нѣм. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Одна изъ многихъ. Г.—на *.*. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Пазухинъ, А. Красавецъ изъ Пассажа. Романъ. М. 1904. Ц. 1 р.

Піацци, Адриана. Затонувшій корабль. Перев. съ итал. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Платневъ, А. Упитанные и отлѣвшіеся (преступность денегъ). Очерки. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Подъячевъ, С. Миларства. I. Московскій работный домъ. 2. По этапу. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Покровский, Н. И. С. Тургеневъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. Изъ статей и книгъ о Тургеневѣ. М. 1905. Ц. 75 к.

«Просвѣты» и настроенія. № 2: 1) Мечты и дѣло; 2) Храмы; 3) Обращеніе къ матерямъ русскихъ воиновъ на Дальнемъ Востоку. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Пишибышевскій, Станиславъ. Сочиненія. Томъ II. De profundis. Pro domo mea. Аметисты и друг. Перев. съ польскаго. М. 1905. Ц. 2 р. 40 к.

Розовъ-Цветковъ, В. По ту сторону «Пояса міра». Этнографическіе очерки и разсказы. М. 1904. Ц. 1 р.

Стеверные цветы ассирійскіе. Альманахъ IV, книгоиздательства «Скорпионъ». М. 1905. Ц. 6 р.

Стеверцевъ-Полмловъ, Г. Т. Подъ шпранелью и ядрами... Разсказы изъ русско-японской войны. Съ иллюстраціями. М. 1905. Ц. 50 к.

Семеновъ, Леонидъ. Собраніе стихотвореній. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Смартацини, I. Данте. Перев. О. А. Введенской. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

Славинъ, И. Я. Разсказы и путевые наброски. Саратовъ. 1905. Ц. 1 р.

Стихотворенія, А. К. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Сумцовъ, Н. Ѳ. Замѣтки о народной словесности. (По поводу «Введенія въ исторію русской словесности» проф. П. В. Владимірова). Варшава. 1905. Ц. 30 к.

Трэмэнъ-Трэмольеръ, д-ръ. Городъ любви въ Японіи. Переводъ съ франц. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Турме-Турманская (де), Евгенія. Разсказы и очерки. Смоленскъ. 1905. Ц. 75 к.

— Саможизнь. Очеркъ. М. 1905. Ц. 7 к.

Тюленевъ, П. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для письменнаго и устнаго изложенія. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Уайльдъ, Оскаръ. De profundis. Зиниски и письма изъ рѣдинской тюрьмы. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Уэльсъ, Г. Д. Сказка каменнаго вѣка. М. 1905. Ц. 50 к.

Франко, Иванъ. Збирникъ творивъ. Т. III. Къивъ. Ц. 65 к.

Чириковъ, Е. М. Иванъ Миронычъ. Пьеса въ 3 д. М. 1905. Ц. 1 р.

*Шиллеръ, Фридрихъ. Разобинки. Трагедія. Перев. съ нѣм. В. Алексѣева. Изд. 2-е. (Дешевая библиотека Суворина, № 190). Спб. 1905. Ц. 25 к.

Юрьянъ, Павелъ. Пѣсни для среднихъ учебныхъ заведеній. Рига. 1903. Ц. въ пер. 50 к.

Яворскій, Ю. А. Очерки по исторіи русской народнаго словесности. I. Легенда о панцинѣ. Львовъ. 1901. Ц. 50 к.

— Тоже. II. Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ. Кіевъ. 1905. Ц. 50 к.

VI. Исторія.

Аштрумовъ, Д. Д. Изъ жонкъ воспомина-
нія (1844—1854). Сочиненіе тѣль В. И.
Соловья. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Врадій, В. П. О весеннихъ явленіяхъ ми-
нупнаго (1904) года въ Манчжуріи. Спб.
1905. Ц. 20 к.

- Герихъ (фонъ), П. Завоеваніе Финляндіи. Исторія русско-шведской войны 1808—1809. Вып. II. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Грантъ, А. Д. Греція въ вѣкъ Перикла. Перев. П. Н. Шаманина. Съ рис. М. 1905. Ц. въ пер. 1 р. 60 к.
- Грушевскій, Михайло. Исторія України-Руси. Томъ I. До початку XI в. Томъ II. XI—XIII вѣкъ. Изд. 2-е. Томъ III. До року 1840. Львовъ. 1900. Ц. I и II, по 3 р. 60 к.; III—2 р. 40 к.
- Довнаръ-Запольскій, М. Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкъ. Кіевъ. 1905. Ц. 3 р. 50 к.
- Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи. Статьи. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Ефименко, Александра. Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Томъ II. Спб. 1905. Ц. 2 р.
- Ианъ, Рэминьяль. Изъ вражескаго стола. Изъ „Дневника военнаго корреспондента“ при японской арміи. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 40 к.
- Наръ, Александръ. Бригъ „Эммануиль“. Русскій на французскомъ кораблѣ. Дневникъ. Изд. 2-е, испр. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 20 к.
- Наръевъ, Н. Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и социальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Корниловъ, А. А. Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. Спб. 1905. Ц. 2 р.
- Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Вып. I. 1905 г. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.
- Мельгуновъ, П. П. Очерки по исторіи русско-торговли IX—XVIII вв. съ картою. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Памяти Д. И. Каченовскаго. Характеристики и воспоминанія: В. А. Ястрембскаго, Максима Ковалевскаго, А. Н. Фатѣева, Н. Ф. Сушцова, Л. Л. Гиршмана, А. П. Шичкова. Харьковъ. 1905. Ц. 1 р.
- Паулсенъ, Фридрихъ. Иммануиль Кантъ, его жизнь и ученіе. Перев. съ нѣм. Изд. 2-е, испр. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Татищевъ, Ю. В. Дѣятели смутнаго времени. Историко-родословное общество въ Москвѣ. Извлечено изъ 1-го выпуска Лѣтописи. М. 1905. Ц. 1 р.
- Трусовичъ, Янъ, д-ръ мед. Сводъ съ азбукъ и образцовъ кириллицы изъ снимковъ рукописей X—XVIII вѣвовъ русско-и юго-славянскихъ. Посobie къ методикѣ опредѣленія времени написанія древнихъ рукописей. Спб. 1905. Ц. 3 р. 50 к.
- Черновико-историческій очеркъ основанія въ Херсонесѣ визаріата и его жизнедѣятельности (по поводу его 50-лѣтія). 1853—1903. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
- Шахматовъ, А. А. Сказаніе о призваніи варяговъ. Посвящается памяти А. Н. Пыпина. Спб. 1904. Ц. 60 к.
- Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ. Варшава. 1903. Ц. 40 к.
- О такъ называемой Ростовской лѣтописи. М. 1904. Ц. 80 к.
- Шустеръ, Георгъ. Тайныя общества, союзы и ордена. Томъ I. Спб. 1905. Ц. 3 р.
- Юбилейная Памятка Цажевскаго Его Императорскаго Величества корпуса, 1802—1902 г. Спб. 1905. Ц. 50 к.

VII. Географія.

- Атласъ Мариса. Подъ ред. проф. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальскаго. Спб. 1905 г. Ц. 12 р.
- Олановъ, Ми. Сибирь и ея экономическая будущность. Перев. съ франц. Спб. 1903. Ц. 2 р.
- Павловъ, Н. Д. Вычисленія долготъ изъ хронометрическихъ экспедицій по соединеннымъ формуламъ интерполяціи и экстраполяціи. Привѣненіе формулъ къ вычисленію долготъ изъ Алтайской хронометрической экспедиціи 1904 г. Спб. 1905. Ц. 75 к.
- По Азіатской и Европейской Турціи. Изъ книгъ Gugo Grothe: „Auf türkischer Erde“. Переводъ О. Романовой. М. 1904. Ц. 1 р.
- * Путникъ (Н. Лендеръ). Константинополь, Аволя, Македонія и уголки Россіи. Очерки и картины. Съ рисунк. худож. А. В. Ганзена. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Ренлю, Элизе. Италия. Перев. съ французск. Д. А. Корочевскаго. Съ 48 иллюстр. Спб. 1905. Ц. 1 р. 80 к.
- Чернуновъ, Н. Общій сравнительный обзоръ Росс. имперіи. Курскъ старш. класс. ср.-уч. заведеній. Кіевъ. 1905. Ц. 60 к.
- Чирниковъ, А. В. Рѣки Амурскаго бассейна (Шилка, Амуръ и Сунгари) въ санитарномъ отношеніи. Отчетъ по командировкѣ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

VIII. Сельское хозяйство.

- Гесдерферъ, М. Комнатное садоводство. Изд. 2-е, доп. Спб. 1905. Ц. 4 р. 50 к.
- Каменоградскій, П. И. Дачный садъ, какъ его устроить и засадить декоративными деревьями, кустами и цвѣтами. Популярное руководство по воздушному декоративному садоводству. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Масловъ, Н. И. Кондитеръ. Съ 118 рис. Изд. II, доп. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.
- Полная Энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Томъ IX. Спб. 1905. Ц. 7 р. 50 к., въ пер. 8 р. 50 к.
- Современныя вопросы русскаго сельскаго хозяйства. Къ 50-лѣтнему юбилею И. А. Стебута. Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

IX. Технологія.

Арцишъ, В., инж. Компаундъ-паровозы. Изд. 3-е, испр. и доп. Пенза. 1905. Ц. 1 р.
 — Тормаза ручные и Вестингауза. Пенза. 1905. Ц. 75 к.
 Бемъ, А. К. Руководство службы паровознаго машиниста. Изд. 6-е, испр. и доп. Съ 327 рис. и 14 табл. черт. Спб. 1905. Ц. 2 р. 80 к.
 Гельферъ, А. Системы ремонта пробѣжей части шоссеиныхъ дорогъ. Руководство для округовъ путей сообщения и для земствъ. Съ 27 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 1 р.
 Гроссъ, П. И. Предохраненіе дерева отгниенія и сгорания. Спб. 1905. Ц. 20 к.
 Гюльдиеръ, Гуго. Газовые, нефтяные и проч. двигатели внутренняго сгорания, ихъ конструкция и работа; ихъ проектирование. Перев. съ нѣм. Вып. I. М. 1904. Ц. по подп. 6 р.
 Нампредонъ, Л. И. Г. Опредѣленіе золота и серебра въ ихъ рудахъ сухимъ путемъ. Перев. съ франц. А. А. Нимвицкаго. Съ 30 рис. Спб. 1905. Ц. 70 к.
 Критскій, напнт. Оптическая сигнализация (телеграфія). Примѣнительно къ курсу офицерскаго класса Военно-Электрической школы. Спб. 1905. Ц. 1 р. 10 к.
 — Телефонное дѣло. Пособіе для телефонистовъ, надсмотрщиковъ, механиковъ и техниковъ телефоннаго дѣла. Спб. 1905. Ц. 95 к.
 — Телеграфное дѣло. Пособіе для телеграфныхъ чиновниковъ, надсмотрщиковъ, механиковъ и техниковъ телеграфнаго дѣла. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
 Лебедевъ, А. А., горн. инж. Современное

положеніе вопроса о тонкой очисткѣ колошниковыхъ газовъ. Спб. 1905. Ц. 75 к.
 Погодинъ, А. Термодинамика съ приложеніями къ газамъ, парамъ и тепловымъ машинамъ. Изд. 2-е, доп. Спб. 1905. Ц. 3 р.
 Романовскій, С. С. Современные землечерпательные снаряды, и детали ихъ устройства. Краткое описаніе нѣкоторыхъ снарядовъ примѣняемыхъ для производства землечерпательныхъ работъ. Съ 131 черт. Спб. 1905. Ц. 10 р.
 Рунтешель (фонъ), В. Р., инженер. М. Герсевановъ и воздушные замки въ области гидротехники. Спб. 1905. Ц. 40 к.
 Слаби, А., проф. Работы по беспроволочной телеграфіи. (Отправительныя станціи и ихъ настройка). Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 1 р.
 Ступинъ, А. Я. Приборы для искусственной циркуляціи воды въ паровыхъ котлахъ. Эмульсоръ Дюбю и циркуляторъ Кнаппика. Кіевъ. 1905. Ц. 2 р.
 Фогель, Вольфгангъ. Велосипедъ съ двигателемъ или двухколесный моторъ. Какъ онъ устроенъ, какъ съ нимъ обращаться и чѣмъ руководствоваться при выборѣ его. М. 1905. Цѣна 1 р.
 Фрейтагъ, Ф., проф. Детали машинъ. Вып. V. Шоршни, сальники, кривошипы, колѣнчатые валы, эксцентрики и ихъ тяги, шатуны. Части для направленія прямолинейнаго движенія. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 40 к.
 — То же. Вып. VI. Маховыя колеса для двигателей и центробѣжные результаты. Спб. 1905. Ц. 40 к.

X. Правовѣдѣніе.

Аленсъвъ, Я. Жизненный вопросъ рабочихъ союзовъ. Спб. 1905 г. Ц. 6 к.
 Боголѣповъ, Л. П. Больные корни современной русской жизни. М. 1905. Ц. 1 р.
 Брунъ, Японская конституція. Пер. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 10 к.
 Вильсонъ, В. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. Съ предисловіемъ М. Ковалевскаго. М. 1905. Ц. 8 р. 75 к.
 Гаммершмидтъ, Р. Б. Къ рабочему вопросу. Докладъ въ собраніи петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, 7 апрѣля 1905 г. Спб. 1905. Ц. 30 к.
 Головинъ, Н. Ф. Вън партій. Опытъ политической психологіи. Спб. 1905. Ц. 2 р.
 Евреиновъ, Г. А. Самобытность или отсталость? Спб. 1905. Ц. 80 к.
 Евреиновъ, Г. А. Реформа высшихъ государственныхъ учреждений Россіи и народное представительство. Изд. II. Спб. 1905. Ц. 60 к.
 Энгельсъ, Фридрихъ. Къ критикѣ политической экономіи. Перев. съ нѣм. Одесса. 1905. Ц. 10 к.
 Житновъ, С. М. Когда Россія побѣдитъ Японию? Спб. 1905. Ц. 1 р.

Зомбартъ, В., проф. О значеніи политической экономіи для каждаго. Кіевъ. 1905. Ц. 15 к.
 Карловъ, Ф. И. Инспекція труда (фабричная инспекція) и охрана рабочихъ на Западѣ. Часть I— фактическая. Спб. 1905. Ц. 70 к.
 Кечеджи-Шапалова, М. В. Политическій строй Англии, Германи, Австро-Венгрии, Итали и друг. государствъ. Изд. II. Спб. 1905. Ц. 30 к.
 Ковалевскій, Максимъ. Современные соціологи. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
 Крестьянство, какъ свободное сословіе. М. 1905. Ц. 25 к.
 Лазаревскій, И. Отвѣтственность за убытки, причиненные должностными лицами. Догматическое изслѣдованіе. Спб. 1905. Ц. 4 р. 50 к.
 Олстонъ, Л., проф. Краткій очеркъ современныхъ конституцій. Введеніе въ изученіе политической науки. Перев. съ англ. М. 1905. Ц. 40 к.
 Открытое письмо харьковскимъ профессорамъ „забастовщикамъ“. Харьковъ. 1905. Ц. 15 к.
 Паніеръ, К. Конституція Германской имперіи. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Пергаментъ, О. Я. Спорные вопросы Вессарабскаго права. Опытъ комментарія законовъ Арменопула и Доница. Одесса. 1905. Ц. 75 к.

Пестрмеций, Д. О преподаваніи узаконеній о крестьянахъ. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Планъ государственнаго преобразованія графа М. М. Сперанскаго. (Введеніе въ употребленіе государственныхъ законовъ 1809 г.). М. 1905. Ц. 1 р.

Савичъ, Г. Г. Русское горное законодательство съ разъясненіями. Часть I. Уставъ горный (Сводъ Зак. т. VII) съ продолженіемъ 1902 г., новѣйшими узаконеніями, инструкціями, распоряженіями министерствъ и опредѣленіями правительствующаго сената. Спб. 1905. Ц. 7 р.

Самоуправленіе крестьянскаго сельскаго и волостнаго общества. М. 1905. Ц. 25 к.

Сборникъ узаконеній и циркуляровъ по та-

моженной часи за 1904 г. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Снариминскій, Л. Б. Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по губерніямъ царства Польскаго. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества, томъ XVI, вып. I. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Тексты конституцій. Сборникъ первый. Основные законы Англій. Французскія конституціи 1791, 1814 и 1830 гг. Вельгійская конституція. М. 1905. Ц. 40 к.

Чернышевскій, Н. Г. Статьи по крестьянскому вопросу („Современникъ“ 1857 — 1859 гг.). Спб. 1905. Ц. 2 р.

Шершеневичъ, Г. Ф., проф. Земскій соборъ. Казань. 1905. Ц. 50 к.

— Исторія философіи права. Вып. III. Казань. 1905. Ц. 1 р.

Шидловскій, С. И. Общій обзоръ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

XI. Медицина.

Волковъ, М. М., проф. Въ виду предстоящей холеры. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Гориневскій, В. В. О холерѣ. Народное чтеніе. 1905. Ц. 5 к.

Кравковъ, Н. П. Основы фармакологіи. Часть II, изд. 1-е. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Луницъ, В. Л., д-ръ мед. Какъ поступать при холерѣ? Спб. 1905. Ц. 20 к.

Массажъ лица, какъ сохранитель молодости и красоты. М. А. М...вой. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Наставленіе о способахъ предупрежденія и ограниченія развитія холеры въ войскахъ. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Недригайловъ, В., д-ръ. Азіатская холера. Харьковъ. 1905. Ц. 20 к.

О холерѣ. Сост. по брошюрѣ д-ра С. И. Сычугова. М. 1904. Ц. 1 к.

Поповъ, И. В. О холерѣ и мѣрахъ preservacіи отъ нея. Съ 8 рис. М. 1905. Ц. 5 к.

Фридендеръ, Г. О., д-ръ. Берегите грудныхъ дѣтей. Наставленія матерямъ въ правильному вскармливанію грудныхъ дѣтей. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Чалевскій, Е. Краткое руководство по дезинфекціи. Сост. на основаніи правилъ дезинфекціонной камеры въ городѣ Кельнѣ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Черепининъ, М. П. Весѣда о холерѣ. Мѣропріятія по ограниченію ея и врачеванію. Изд. II. Спб. 1905. Ц. 12 к.

XII. Искусство.

Galerie. Serge von Derwies. Спб. 1904. Ц. на голландск. бумагѣ 70 р.; на японской—120 р.

Картины современныхъ художниковъ въ краскахъ. Вып. 8-й. М. 1904. Ц. по подп. на 12 вып. 12 р.

Kravtchenko, N. Les oeuvres. (Рисунки). Спб. 1904. Ц. 6 р.

Портреты русскихъ писателей въ геліографіяхъ по оригиналамъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Вып. 7-й. М. 1905. Ц. по подп. за кажд. вып. 2 р.

Реслеръ, Францъ. Школа быстро рисованія. Какъ ребенку научиться самому ри-

совать и самостоятельно владѣть карандашомъ. М. 1905. Ц. 1 р.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ I. Вып. 2-й. Спб. 1905. Ц. по подп. на I томъ въ 5 вып. 50 р.

Сборникъ классныхъ работъ учениковъ Центральнаго училища технического рисованія барона Штиглица за 1901 г. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Филевскій, Іоаннъ, свящ. По поводу картины И. Е. Рѣпина «Иди за мною, сатано», на XXXII передвижной выставкѣ. Спб. 1904. Ц. 10 к.

XIII. Военное и морское дѣло.

Потоцкій, Н. Современное ручное оружіе, его свойство, устройство и употребленіе. Руководство, приспособленное къ программѣ военныхъ училищъ. Изд. 5-е, перераб. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Реймерсъ (фонъ), В. А. Русско-японскій военный сухопутный и морской словарь.

Сост. по японскимъ руководствамъ. Спб. 1905. Ц. въ пер. 90 к.

Селивачевъ, В. И. Японо-русская война. Петровцы на Путяловской сопкѣ. Воспоминанія баталіоннаго командира. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Шеченовъ, Г. А. Чего намъ недостаетъ для побѣды надъ японцами? М. 1905. Ц. 20 к.

Дозволено цензурѣю 27-го мал 1905 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 18.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

